БОЛЬШЕВИК

№ 1—(17)

15 ЯНВАРЯ

1 9 2 5

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Bol'shevik

БОЛЬШЕВИК

№ 15 ЯНВАРЯ 1 (17)

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1 9 2 5
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
ПРАВДА

Главлит № 30601 Москва. Тираж 46.000
Типогр. из-ва „Правда“ и „Беднота“. Яузский м., Серебряническая наб. д. 23а.

И. Сталин.

Октябрьская революция и тактика русских коммунистов.

(Предисловие к книге И. Сталина „На путях к Октябрю“).

Внешняя и внутренняя обстановка Октябрьской революции.

Три обстоятельства внешнего порядка определили ту сравнительную легкость, с какой удалось пролетарской революции в России разбить цепи империализма и свергнуть, таким образом, власть буржуазии.

Во-первых, то обстоятельство, что Октябрьская революция началась в период отчаянной борьбы двух основных империалистических групп, англо-французской и австро-германской, когда эти группы, будучи заняты смертельной борьбой между собой, не имели ни времени, ни средств уделить серьезное внимание борьбе с Октябрьской революцией. Это обстоятельство имело громадное значение для Октябрьской революции, ибо оно дало ей возможность использовать жестокие столкновения внутри империализма для укрепления и организации своих сил.

Во-вторых, то обстоятельство, что Октябрьская революция началась в ходе империалистской войны, когда измученные войной и жаждавшие мира трудящиеся массы самой логикой вещей были подведены к пролетарской революции, как единственному выходу из войны. Это обстоятельство имело серьезнейшее значение для Октябрьской революции, ибо оно дало ей в руки мощное оружие мира, облегчило ей возможность соединения советского переворота с окончанием ненавистной войны и создало ей, ввиду этого, массовое сочувствие как на Западе, среди рабочих, так и на Востоке, среди угнетенных народов.

В-третьих, наличие мощного рабочего движения в Европе и факт назревания революционного кризиса на Западе и Востоке, созданного продолжительной империалистической войной. Это обстоятельство имело для революции в России неоценимое значение, ибо оно обеспечило ей верных союзников вне России в ее борьбе с мировым империализмом.

Но кроме обстоятельств внешнего порядка Октябрьская революция имела еще целый ряд внутренних благоприятных условий, облегчивших ей победу.

Главным из этих условий нужно считать следующие:

Во-первых, Октябрьская революция имела за собой активнейшую поддержку громадного большинства рабочего класса России.

Во-вторых, она имела несомненную поддержку у крестьянской бедноты и большинства солдат, жаждавших мира и земли.

В-третьих, она имела во главе, в качестве руководящей силы, такую испытанную партию, как партия большевиков, сильную не только своим опытом и годами выработанной дисциплиной, но и огромными связями с трудящимися массами.

В-четвертых, Октябрьская революция имела перед собой таких сравнительно легко преодолимых врагов, как более или менее слабую русскую буржуазию, окончательно деморализованный крестьянскими «бунтами» класс помещиков и совершенно обанкротившиеся в ходе войны соглашательские партии (партии меньшевиков и эсеров).

В-пятых, она имела в своем распоряжении огромные пространства молодого государства, где она могла свободно маневрировать, отступать, когда этого требовала обстановка, передохнуть, собраться с силами и пр.

В-шестых, Октябрьская революция могла рассчитывать в своей борьбе с контр-революцией на наличие достаточного количества продовольственных, топливных и сырьевых рессурсов внутри страны.

Сочетание этих внешних и внутренних обстоятельств создало ту своеобразную обстановку, которая определила сравнительную легкость победы Октябрьской революции.

Это не значит, конечно, что Октябрьская революция не имела своих минусов в смысле внешней и внутренней обстановки. Чего стоит, например, такой минус, как известная одинокость Октябрьской революции, отсутствие возле нее и по соседству с ней советской страны, на которую она могла бы опереться? Несомненно, что будущая революция, например, в Германии оказалась бы в этом отношении в более выгодном положении, ибо она имеет по соседству такую серьезную по своей силе советскую страну, как наш Советский Союз. Я уже не говорю о таком минусе Октябрьской революции, как отсутствие пролетарского большинства в стране. Но эти минусы лишь подчеркивают громадное значение того своеобразия внутренних и внешних условий Октябрьской революции, о которых говорилось выше.

Об этом своеобразии нельзя забывать ни на одну минуту. О нем особенно следует помнить при анализе германских событий осенью 1923 г. О нем прежде всего должен помнить тов. Троцкий, огульно проводящий аналогию между Октябрьской революцией и революцией в Германии и безудержно бичующий германскую компартию за ее действительные и мнимые ошибки.

«России,—говорит Ленин,—в конкретной, исторически чрезвычайно оригинальной ситуации 1917 года было легко н а ч а т ь социалистическую революцию, тогда как п р о д о л ж а т ь ее и довести ее до конца России будет труднее, чем европейским странам. Мне еще в начале 1918 года пришлось указывать на это обстоятельство, и двухлетний опыт после того вполне подтвердил правильность такого соображения. Таких специфических условий, как: 1) возможность соединить советский переворот с окончанием, благодаря ему, империалистической войны, невероятно измучившей рабочих и крестьян; 2) возможность использовать на известное время смертельную борьбу двух всемирно-могущественных групп империалистских хищников, каковые группы не могли соединиться против советского врага; 3) возможность выдержать сравнительно долгую гражданскую войну, отчасти благодаря гигантским размерам страны и худым средствам сообщения; 4) наличность такого глубокого буржуазно-демократического революционного движения в крестьянстве, что партия пролетариата взяла революционные требования у партии крестьян (с.-р. партии, резко враждебной, в большинстве своем, большевизму и сразу осуществила их благодаря завоеванию

политической власти пролетариатом;—таких специфических условий в Западной Европе теперь нет и повторение таких или подобных условий не слишком легко. Вот почему, между прочим,—помимо ряда других причин,—н а ч а т ь социалистическую революцию Западной Европе труднее, чем нам“ (см. „Детскую болезнь“, том XVII, стр. 153).

Этих слов Ленина забывать нельзя.

О двух особенностях Октябрьской революции, или Октябрь и теория перманентной революции т. Троцкого.

Существуют две особенности Октябрьской революции, уяснение которых необходимо прежде всего для того, чтобы понять внутренний смысл и историческое значение этой революции. Что это за особенности? Это, во-первых, тот факт, что диктатура пролетариата родилась у нас, как власть, возникшая на основе союза пролетариата и трудящихся масс крестьянства при руководстве последними со стороны пролетариата. Это, во-вторых, тот факт, что диктатура пролетариата утвердилась у нас, как результат победы социализма в одной стране, капиталистически мало развитой, при сохранении капитализма в других странах, капиталистически более развитых. Это не значит, конечно, что у Октябрьской революции нет других особенностей. Но для нас важны теперь именно эти две особенности не только потому, что они отчетливо выражают сущность Октябрьской революции, но и потому, что они великолепно вскрывают оппортунистическую природу теории «перманентной революции».

Рассмотрим вкратце эти особенности.

Вопрос о трудящихся массах мелкой буржуазии, городской и сельской, вопрос о завоевании этих масс на сторону пролетариата является важнейшим вопросом пролетарской революции. Кого поддержит в борьбе за власть трудовой люд города и деревни, буржуазию или пролетариат, чьим резервом станет он, резервом буржуазии или резервом пролетариата,—от этого зависит судьба революции и прочность диктатуры пролетариата. Революции 48 и 71 года во Франции погибли, главным образом, потому, что крестьянские резервы оказались на стороне буржуазии. Октябрьская революция победила потому, что она сумела отобрать у буржуазии ее крестьянские резервы, что она сумела завоевать эти резервы на сторону пролетариата, что пролетариат оказался в этой революции единственной руководящей силой миллионных масс трудового люда города и деревни.

Кто не понял этого, тот никогда не поймет ни характера Октябрьской революции, ни природы диктатуры пролетариата, ни своеобразия внутренней политики нашей пролетарской власти.

Диктатура пролетариата не есть простая правительственная верхушка, «умело» «отобранная» заботливой рукой «опытного стратега», и «разумно опирающаяся» на те или иные слои населения. Диктатура пролетариата есть классовый союз пролетариата и трудящихся масс крестьянства для свержения капитала, для окончательной победы социализма, при условии, что руководящей силой этого союза является пролетариат.

Речь идет здесь, таким образом, не о том, чтобы «немножечко» недооценить, или «немножечко» переоценить революционные возможности крестьянского движения, как любят теперь вы-

ражаться некоторые дипломатические защитники «перманентной революции». Речь идет о природе нового пролетарского государства, возникшего в результате Октябрьской революции. Речь идет о характере пролетарской власти, об основах самой диктатуры пролетариата.

„Диктатура пролетариата, — говорит Ленин, — есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.), или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма" (см. т. XVI, стр. 241).

И далее:

„Диктатура пролетариата, если перевести это латинское, научное, историко-философское выражение на более простой язык, означает вот что: только определенный класс, именно городские и вообще фабрично-заводские промышленные рабочие, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплоатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле создания нового, социалистического общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов" (см. т. XVI стр. 248).

Такова теория диктатуры пролетариата, данная Лениным.

Одна из особенностей Октябрьской революции состоит в том, что эта революция является классическим проведением ленинской теории диктатуры пролетариата.

Некоторые товарищи полагают, что эта теория является чисто «русской» теорией, имеющей отношение лишь к российской действительности. Это неверно. Это совершенно неверно. Говоря о трудящихся массах непролетарских классов, руководимых пролетариатом, Ленин имеет в виду не только русских крестьян, но и трудящиеся элементы окраин Советского Союза, недавно еще представлявших колонии России. Ленин неустанно твердил, что без союза с этими инонациональными массами пролетариат России не сможет победить. В своих статьях по национальному вопросу и в речах на конгрессах Коминтерна Ленин неоднократно говорил, что победа мировой революции невозможна без революционного союза, без революционного блока пролетариата передовых стран с угнетенными народами порабощенных колоний. Но что такое колонии, как не те же угнетенные трудовые массы, и прежде всего трудовые массы крестьянства? Кому не известно, что вопрос об освобождении колоний является по сути дела вопросом об освобождении трудовых масс непролетарских классов от гнета и эксплоатации финансового капитала?

Но из этого следует, что ленинская теория диктатуры пролетариата есть не чисто «русская» теория, а теория, обязательная для всех стран. Большевизм не есть только русское явление. «Большевизм»,—говорит Ленин,—есть «образец тактики для всех» (см. «Пролетарская революция», стр. 89).

Таковы характерные черты первой особенности Октябрьской революции.

Как обстоит дело с теорией «перманентной революции» тов. Троцкого с точки зрения этой особенности Октябрьской революции?

Не будем распространяться о позиции т. Троцкого в 1905 году, когда он «просто» забыл о крестьянстве, как революционной силе, выдвигая лозунг «без царя, а правительство рабочее», т.-е. лозунг о революции без крестьянства. Даже тов. Радек, этот дипломатический защитник «перманентной революции», вынужден теперь признать, что «перманентная революция» в 1905 г. означала «прыжок в воздух» от действительности (см. «Правда» от 14 декабря 1924 г.). Теперь, видимо, все признают, что с этим «прыжком в воздух» не стоит больше возиться.

Не будем также распространяться о позиции т. Троцкого в период войны, скажем, в 1915 г., когда он в своей статье «Борьба за власть», исходя из того, что «мы живем в эпоху империализма», что империализм «противопоставляет не буржуазную нацию старому режиму, а пролетариат—буржуазной нации», пришел к выводу о том, что революционная роль крестьянства должна убывать, что лозунг о конфискации земли не имеет уже того значения, какое он имел раньше (см. «1905 год», стр. 289—292). Известно, что Ленин, разбирая эту статью т. Троцкого, обвинял его тогда в «отрицании» «роли крестьянства», говоря, что «Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под «отрицанием» роли крестьянства понимают *нежелание* поднимать крестьян на революцию!» (см. «Против течения», стр. 307—308).

Перейдем лучше к более поздним трудам т. Троцкого по этому вопросу, к трудам того периода, когда пролетарская диктатура успела уже утвердиться, и когда т. Троцкий имел возможность проверить свою теорию «перманентной революции» на деле и исправить свои ошибки. Возьмем «Предисловие» т. Троцкого к книге «1905 год», писанное в 1922 году. Вот что говорит тов. Троцкий в этом «Предисловии» о «перманентной революции»:

«Именно в промежуток между 9 января и октябрьской стачкой 1905 года сложились у автора те взгляды на характер революционного развития России, которые получили название теории „перманентной революции". Мудреное название это выражало ту мысль, что русская революция, перед которой непосредственно стоят буржуазные цели, не сможет, однако, на них остановиться. Революция не сможет разрешить свои ближайшие буржуазные задачи иначе, как поставив у власти пролетариат. А этот последний, взявши в руки власть, не сможет ограничивать себя буржуазными рамками в революции. Наоборот, именно для обеспечения своей победы пролетарскому авангарду придется на первых же порах своего господства совершать глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. При этом он придет во *враждебные столкновения* не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с *широкими массами крестьянства*, при содействии которых он пришел к власти. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение *только* в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата» (см. упомянутое выше „Предисловие" к книге т. Троцкого „1905 год") *).

Так говорит тов. Троцкий о своей «перманентной революции».

Стоит только сличить эту цитату с вышеприведенными цитатами из сочинений Ленина о диктатуре пролетариата, чтобы понять всю пропасть, отделяющую ленинскую теорию диктату-

*) Курсив мой. И. Ст.

ры пролетариата от теории т. Троцкого о «перманентной революции».

Ленин говорит о *союзе* пролетариата и трудящихся слоев крестьянства, как основе диктатуры пролетариата. У Троцкого же получаются «*враждебные столкновения*» «пролетарского авангарда» с «широкими массами крестьянства».

Ленин говорит о *руководстве* трудящихся и эксплоатируемых масс со стороны пролетариата. У Троцкого же получаются «*противоречия* в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения».

По Ленину революция черпает свои силы прежде всего среди рабочих и крестьян самой России. У Троцкого же получается, что необходимые силы можно черпать *лишь* «на арене мировой революции пролетариата».

А как быть, если международной революции суждено притти с опозданием? Есть ли какой-либо просвет для нашей революции? Тов. Троцкий не дает никакого просвета, ибо «противоречия в положении рабочего правительства... смогут найти свое разрешение *только*... на арене мировой революции пролетариата». По этому плану для нашей революции остается лишь одна перспектива: прозябать в своих собственных противоречиях и гнить на корню в ожидании мировой революции.

Что такое диктатура пролетариата по Ленину?

Диктатура пролетариата есть власть, опирающаяся на союз пролетариата и трудящихся масс крестьянства для «полного свержения капитала», для «окончательного создания и упрочения социализма».

Что такое диктатура пролетариата по Троцкому?

Диктатура пролетариата есть власть, вступающая «во враждебные столкновения» с «широкими массами крестьянства» и ищущая разрешения «противоречий» *лишь* «на арене мировой революции пролетариата».

Чем отличается эта «теория перманентной революции» от известной теории меньшевизма об отрицании идеи диктатуры пролетариата?

По сути дела ничем.

Сомнения невозможны. «Перманентная революция» не есть простая недооценка революционных возможностей крестьянского движения. «Перманентная революция» есть такая недооценка крестьянского движения, которая ведет к *отрицанию* ленинской теории диктатуры пролетариата.

«Перманентная революция» т. Троцкого есть разновидность меньшевизма.

Так обстоит дело с первой особенностью Октябрьской революции.

Каковы характерные черты второй особенности Октябрьской революции?

Изучая империализм, особенно в период войны, Ленин пришел к закону о неравномерности, скачкообразности экономического и политического развития капиталистических стран. По смыслу этого закона, развитие отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности и отдельных стран происходит не равномерно, не в порядке установившейся очереди, не так, чтобы один трест, одна отрасль промышленности или одна страна шла

все время впереди, а другие тресты или страны отставали последовательно одна за другой,—а скачкообразно, с перерывами в развитии одних стран и со скачками вперед в развитии других стран. При этом «вполне законное» стремление отстающих стран сохранить старые позиции и столь же «законное» стремление заскочивших вперед стран захватить новые позиции ведут к тому, что военные столкновения империалистских стран являются неминуемой необходимостью. Так было, например, с Германией, которая полвека назад представляла, в сравнении с Францией и Англией, отсталую страну. То же самое нужно сказать об Японии, по сравнению с Россией. Известно, однако, что уже в начале XX столетия Германия и Япония скакнули так далеко, что первая успела обогнать Францию и стала теснить Англию на мировом рынке, а вторая—Россию. Из этих противоречий и возникла, как известно, недавняя империалистическая война.

Закон этот исходит из того, что:

1) «Капитализм перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстью «передовых» стран гигантского большинства земли» (см. предисловие к французскому изданию «Империализма» Ленина);

2) «Дележ этой «добычи» происходит между 2—3 всемирно могущественными, вооруженными с ног до головы хищниками (Америка, Англия, Япония), которые втягивают в *свою* войну, из-за дележа *своей* добычи всю землю» (см. там же);

3) «Рост противоречий внутри мировой системы финансового угнетения и неизбежность военных столкновений ведут к тому, что мировой фронт империализма становится легко уязвимым со стороны революции, а прорыв этого фронта со стороны отдельных стран—вероятным»;

4) «Этот прорыв вероятнее всего может произойти в тех пунктах и в тех странах, где цепь империалистского фронта слабее, т.-е. где империализм менее всего подкован, а революции легче всего развернуться»;

5) «В виду этого победа социализма в одной стране, если даже эта страна является менее развитой капиталистически, при сохранении капитализма в других странах, если даже эти страны являются более развитыми капиталистически,—вполне возможна и вероятна».

Таковы в двух словах основы ленинской теории пролетарской революции.

В чем состоит вторая особенность Октябрьской революции?

Вторая особенность Октябрьской революции состоит в том, что эта революция является образцом применения на практике ленинской теории пролетарской революции.

Кто не понял этой особенности Октябрьской революции, тот никогда не поймет ни интернациональной природы этой революции, ни ее колоссальной международной мощи, ни ее своеобразной внешней политики.

«Неравномерность экономического и политического развития,—говорит Ленин,—есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы *против* остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, под-

нимая в них восстание против капиталистов, выступая, в случае необходимости, даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств"...Ибо „невозможно свободное об'единение наций в социализме без более или менее долгой, упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами" (см. „Против течения", стр. 130).

Оппортунисты всех стран утверждают, что пролетарская революция может начаться—если вообще она должна где-либо начаться по их теории—лишь в промышленно развитых странах, что чем развитее в промышленном отношении эти страны, тем больше шансов на победу социализма, при чем возможность победы социализма в одной стране, да еще капиталистически мало развитой, исключается у них, как нечто совершенно невероятное. Ленин еще во время войны, опираясь на закон неравномерного развития империалистических государств, противопоставляет оппортунистам свою теорию пролетарской революции о победе социализма в одной стране, если даже эта страна является капиталистически менее развитой.

Известно, что Октябрьская революция целиком подтвердила правильность ленинской теории пролетарской революции.

Как обстоит дело с «перманентной революцией» т. Троцкого с точки зрения ленинской теории пролетарской революции?

Возьмем брошюру т. Троцкого «Наша революция» (1906 г.). Тов. Троцкий пишет:

„Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни минуты" (см. „Наша революция", стр. 278).

О чем говорит эта цитата? Да о том, что победа социализма в одной стране, в данном случае в России, невозможна «без прямой государственной поддержки европейского пролетариата», т. е. до завоевания власти европейским пролетариатом.

Что общего между этой «теорией» и положением Ленина о возможности победы социализма «в одной, отдельно взятой, капиталистической стране»?

Ясно, что тут нет ничего общего.

Но допустим, что эта брошюра т. Троцкого, изданная в 1906 году, когда трудно было определить характер нашей революции, содержит невольные ошибки и не вполне соответствует взглядам т. Троцкого в более поздний период. Рассмотрим другую брошюру т. Троцкого, его «Программу мира», появившуюся в свет перед Октябрьской революцией 1917 г. и переизданную теперь (в 1924 г.) в книге «1917». В этой брошюре т. Троцкий критикует ленинскую теорию пролетарской революции о победе социализма в одной стране и противопоставляет ей лозунг Соединенных Штатов Европы. Он утверждает, что победа социализма в одной стране невозможна, что победа социализма возможна лишь как победа нескольких основных стран Европы (Англии, России, Германии), об'единяющихся в Соединенные Штаты Европы, либо она вовсе невозможна. Он прямо говорит, что «победоносная революция в России или Англии немыслима без революции в Германии и наоборот». (см. «1917», т. III сочинений тов. Троцкого ч. 1, стр. 89).

„Единственное сколько-нибудь конкретное историческое соображение,—говорит т. Троцкий,—против лозунга Соединенных Штатов было формулировано в швейцарском „Социал-Демократе" (тогдашний центральный орган большевиков. И. Ст.) в следующей фразе: „Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма". Отсюда „Социал-Демократ" делал тот вывод, что возможна победа социализма в одной стране, и что незачем поэтому диктатуру пролетариата в каждом отдельном государстве обуславливать созданием Соединенных Штатов Европы. Что капиталистическое развитие разных стран неравномерно, это совершенно бесспорное соображение. Но самая эта неравномерность весьма неравномерна. Капиталистический уровень Англии, Австрии, Германии или Франции не одинаков. Но по сравнению с Африкой и Азией все эти страны представляют собою капиталистическую „Европу", созревшую для социальной революции. Что ни одна страна не должна „дожидаться" других в своей борьбе, это элементарная мысль, которую полезно и необходимо повторять, дабы идея параллельного интернационального действия не подменялась идеей выжидательного интернационального бездействия. Не дожидаясь других, мы начинаем и продолжаем борьбу на национальной почве в полной уверенности, что наша инициатива даст толчок борьбе в других странах; а если бы этого не произошло, то безнадежно думать—так свидетельствуют и опыт истории, и теоретические соображения,—что, например, революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы, или социалистическая Германия могла бы остаться изолированной в капиталистическом мире" (см. том. III соч. т. Троцкаго, часть I стр. 89—90).

Как видите, перед нами та же теория одновременной победы социализма в основных странах Европы, как правило, исключающее ленинскую теорию революции о победе социализма в одной стране.

Слов нет, что для полной победы социализма, для полной гарантии от восстановления старых порядков необходимы совместные усилия пролетариев нескольких стран. Слов нет, что без поддержки нашей революции со стороны пролетариата Европы пролетариат России не мог бы устоять против общего напора, точно так же, как без поддержки революционного движения на Западе со стороны революции в России не могло бы это движение развиваться тем темпом, каким оно стало развиваться после пролетарской диктатуры в России. Слов нет, что нам нужна поддержка. Но что такое поддержка нашей революции со стороны западно-европейского пролетариата? Сочувствие европейских рабочих к нашей революции, их готовность расстроить планы империалистов насчет интервенции,—есть ли все это поддержка, серьезная помощь? Безусловно, да. Без такой поддержки, без такой помощи не только со стороны европейских рабочих, но и со стороны колониальных и зависимых стран пролетарской диктатуре в России пришлось бы туго. Хватало ли до сих пор этого сочувствия и этой помощи, соединенной с мощью нашей Красной армии и с готовностью рабочих и крестьян России грудью отстоять социалистическое отечество, хватало ли всего этого для того, чтобы отбить атаки империалистов и завоевать себе необходимую обстановку для серьезной строительной работы? Да, хватало. Растет ли это сочувствие или убывает? Безусловно, растет. Есть ли у нас, таким образом, благоприятные условия не только для того, чтобы двинуть вперед дело организации социалистического хозяйства, но и для того, чтобы в свою очередь оказать поддержку как западно-европейским рабочим, так и угнетенным народам Востока? Да, есть. Об этом красноречиво говорит семилетняя история пролетарской диктатуры в России. Можно ли отрицать, что могучий трудовой под'ем уже начался у нас? Нет, нельзя отрицать.

Какое значение может иметь после всего этого заявление тов. Троцкого о том, что революционная Россия не могла бы устоять перед лицом консервативной Европы?

Оно может иметь лишь одно значение: во-первых, т. Троцкий не чувствует внутренней мощи нашей революции; во-вторых, тов. Троцкий не понимает неоценимого значения той моральной поддержки, которую оказывают нашей революции рабочие Запада и крестьяне Востока; в-третьих, т. Троцкий не улавливает той внутренней немощи, которая раз'едает ныне империализм.

Увлекшись критикой ленинской теории пролетарской революции, т. Троцкий нечаянно разбил себя на голову в своей брошюре «Программа мира», вышедшей в 1917 г. и переизданной в 1924 г.

Но, может быть, устарела и эта брошюра т. Троцкого, перестав почему-либо соответствовать нынешним его взглядам? Возьмем позднейшие труды тов. Троцкого, написанные после победы пролетарской революции в **одной стране**, в России. Возьмем, например, «Послесловие» тов. Троцкого к новому изданию брошюры «Программа мира», написанное в 1922 г. Вот что он пишет в этом «Послесловии»:

„Несколько раз повторяющееся в „Программе мира" утверждение, что пролетарская революция не может победоносно завершиться в национальных рамках, покажется, пожалуй, некоторым читателям опровергнутым почти пятилетним опытом нашей Советской Республики. Но такое заключение было бы неосновательно. Тот факт, что рабочее государство удержалось против всего мира в одной стране, и притом отсталой, свидетельствует о колоссальной мощи пролетариата, которая в других, более передовых, более цивилизованных странах способна будет совершать поистине чудеса. Но, отстояв себя в политическом и военном смысле, как государство, мы к созданию социалистического общества не пришли и даже не подошли... До тех пор, пока в остальных европейских государствах у власти стоит буржуазия, мы вынуждены, в борьбе с экономической изолированностью, искать соглашения с капиталистическим миром; в то же время можно с уверенностью сказать, что эти соглашения, в лучшем случае, могут помочь нам залечить те или другие экономические раны, сделать тот или иной шаг вперед, но что подлинный под'ем социалистического хозяйства в России станет возможным **только после победы***) пролетариата в важнейших странах Европы" (см. том III соч. т. Троцкого, часть I, стр. 92—93).

Так говорит тов. Троцкий, явно греша против действительности и упорно стараясь спасти «перманентную революцию» от окончательного крушения.

Выходит, что, как ни вертись, а к созданию социалистического общества не только «не пришли», но даже «не подошли». Была, оказывается, кое у кого надежда на «соглашения с капиталистическим миром», но из этих соглашений тоже, оказывается, ничего не выходит, ибо, как ни вертись, а «подлинного под'ема социалистического хозяйства» не получишь, пока не победит пролетариат «в важнейших странах Европы».

Ну, а так как победы нет еще на Западе, то остается для революции в России «выбор»: либо сгнить на корню, либо переродиться в буржуазное государство.

Недаром тов. Троцкий говорит вот уже два года о «перерождении» нашей партии.

*) Курсив мой. И. Ст.

Недаром тов. Троцкий пророчил в прошлом году «гибель» нашей страны.

Как согласовать эту странную «теорию» с теорией Ленина о «победе социализма в одной стране»?

Как согласовать эту странную «перспективу» с перспективой Ленина о том, что новая экономическая политика даст нам возможность «построить фундамент социалистической экономики»?

Как согласовать эту «перманентную» безнадежность, например, со следующими словами Ленина:

„Социализм уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего или какой-нибудь отвлеченной картины, или какой-нибудь иконы. Насчет икон мы остались мнения старого, весьма плохого. Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться. Вот что составляет задачу нашего дня, вот что составляет задачу нашей эпохи. Позвольте мне закончить выражением уверенности, что как эта задача ни трудна, как она ни нова по сравнению с прежней нашей задачей, и как много трудностей она нам ни причиняет,—все мы вместе, и не завтра, а в несколько лет, все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая" (см. том XVIII, часть 2, стр. 108).

Как согласовать эту «перманентную» беспросветность, например, со следующими словами Ленина:

„В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.,—разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения" (см. „О кооперации", стр. 5).

Ясно, что тут нет, да и не может быть никакого согласования. «Перманентная революция» т. Троцкого есть отрицание ленинской теории пролетарской революции, и наоборот—ленинская теория пролетарской революции есть отрицание теории «перманентной революции».

Неверие в силы и способности нашей революции, неверие в силы и способности российского пролетариата,—такова подпочва теории «перманентной революции».

До сего времени отмечали обычно **одну** сторону теории «перманентной революции»,—неверие в революционные возможности крестьянского движения. Теперь, для справедливости, эту сторону необходимо дополнить **другой** стороной,—неверием в силы и способности пролетариата России.

Чем отличается теория тов. Троцкого от обычной теории меньшевизма о том, что победа социализма в одной стране, да еще в отсталой, невозможна без предварительной победы пролетарской революции «в основных странах Западной Европы»?

По сути дела—ничем.

Сомнения невозможны. Теория «перманентной революции» тов. Троцкого есть разновидность меньшевизма.

В последнее время в нашей печати развелись гнилые дипломаты, старающиеся протащить теорию «перманентной революции», как нечто совместимое с ленинизмом. Конечно, говорят они, эта

теория оказалась непригодной в 1905 г. Но ошибка тов. Троцкого состоит в том, что он забежал тогда вперед, попытавшись применить к обстановке 1905 г. то, чего нельзя было тогда применить. Но впоследствии, говорят они, например, в октябре 1917 года, когда революция успела назреть полностью, теория тов. Троцкого оказалась-де вполне на месте. Нетрудно догадаться, что самым главным из этих дипломатов является тов. Радек. Не угодно ли послушать:

„Война вырыла пропасть между крестьянством, стремящимся к завоеванию земли и к миру, и мелкобуржуазными партиями; война отдала крестьянство под руководство рабочего класса и его авангарда— партии большевиков. Стала возможна не диктатура рабочего класса и крестьянства, а диктатура рабочего класса, опирающегося на крестьянство. То, что Роза Люксембург и Троцкий в 1905 г. выдвигали против Ленина (т.-е. „перманентную революцию". И. Ст.), оказалось на деле вторым этапом исторического развития". (см. „Правду" от 21 февраля 1924 г. № 42).

Тут что ни слово, то передержка.

Неверно, что во время войны «стала возможна не диктатура рабочего класса и крестьянства, а диктатура рабочего класса, опирающегося на крестьянство». На самом деле Февральская революция 1917 г. была осуществлением диктатуры пролетариата и крестьянства в своеобразном переплете с диктатурой буржуазии.

Неверно, что теорию «перманентной революции», о которой т. Радек стыдливо умалчивает, выдвинули в 1905 г. Роза Люксембург и Троцкий. На самом деле теория эта была выдвинута Парвусом и Троцким. Теперь, спустя десять месяцев, т. Радек поправляется, считая нужным ругнуть Парвуса за «перманентную революцию» (см. его статью о Парвусе в «Правде»). Но справедливость требует от тов. Радека, чтобы был обруган и компаньон Парвуса—тов. Троцкий.

Неверно, что «перманентная революция», отброшенная революцией 1905 года, оказалась правильной на «втором этапе исторического развития», т.-е. во время Октябрьской революции. Весь ход Октябрьской революции, все ее развитие показали и доказали полную несостоятельность теории «перманентной революции», полную ее несовместимость с основами ленинизма.

Сладенькими речами да гнилой дипломатией не прикрыть зияющей пропасти, лежащей между теорией «перманентной революции» и ленинизмом.

О некоторых особенностях тактики большевиков в период подготовки Октября.

Для того, чтобы понять тактику большевиков за период подготовки Октября, необходимо уяснить себе, по крайней мере, некоторые особо важные особенности этой тактики. Это тем более необходимо, что в многочисленных брошюрах о тактике большевиков нередко обходятся именно эти особенности.

Что это за особенности?

Первая особенность. Послушать тов. Троцкого, можно подумать, что в истории подготовки Октября существуют всего два периода, период разведки и период восстания, а что сверх

того, то от лукавого. Что такое апрельская манифестация 1917 года? «Апрельская манифестация, взявшая «левей», чем полагалось, была разведывательной вылазкой для проверки настроения масс и взаимоотношения между ними и советским большинством» (см. т. III, ч. 1-я, соч. т. Троцкого, стр. XXVII). А что такое июльская демонстрация 1917 года? По мнению тов. Троцкого, «по существу дело и на этот раз свелось к новой более широкой разведке на новом более высоком этапе движения» (см. там же, стр. XXXII). Нечего и говорить, что июльская демонстрация 1917 года, устроенная по требованию нашей партии, тем более должна быть названа по представлению тов. Троцкого «разведкой».

Выходит, таким образом, что у большевиков уже в марте 1917 года имелась готовая политическая армия из рабочих и крестьян, и если они не пускали ее в ход для восстания ни в апреле, ни в июне, ни в июле, а занимались лишь «разведкой», то это потому, и только потому, что «данные разведки» не давали тогда благоприятных «показаний».

Нечего и говорить, что это упрощенное представление о политической тактике нашей партии является ничем иным, как смешением обычной военной тактики с революционной тактикой большевиков.

На самом деле все эти демонстрации являлись, прежде всего, результатом стихийного напора масс, результатом рвущегося на улицу возмущения масс против войны.

На самом деле роль партии состояла тут в оформлении и руководстве стихийно возникавших выступлений масс по линии революционных лозунгов большевиков.

На самом деле у большевиков не было, да и не могло быть в марте 1917 года готовой политической армии. Большевики лишь создавали такую армию (и создали ее, наконец, к Октябрю 1917 года) в ходе борьбы и столкновений классов с апреля по октябрь 1917 года, создавали ее и через апрельскую манифестацию, и через июньскую и июльскую демонстрации, и через выборы в районные и общегородские думы, и через борьбу с корниловщиной, и через завоевание советов. Политическая армия не то, что армия военная. Если военное командование приступает к войне, имея в руках уже готовую армию, то партии приходится создавать свою армию в ходе самой борьбы, в ходе столкновений классов, по мере того, как сами массы убеждаются на собственном опыте в правильности лозунгов партии, в правильности ее политики.

Конечно, каждая такая демонстрация давала вместе с тем известное освещение скрытых от глаз соотношений сил, известную разведку, но разведка являлась здесь не мотивом демонстрации, а ее естественным результатом.

Анализируя события перед восстанием в Октябре и сравнивая их с событиями апреля-июня, Ленин говорит:

„Дело стоит именно не так, как перед 20—21 апреля, 9 июня, 3 июля, ибо тогда было стихийное возбуждение, которое мы, как партия, или не улавливали (20 апреля), или сдерживали и оформливали в мирную демонстрацию (9 июня и 3 июля). Ибо мы хорошо знали тогда, что Советы еще не наши, что крестьяне еще верят пути либердановско-черновскому, а не пути большевистскому (восстанию), что, следовательно, за нами большинства народа быть не может, что, следовательно восстание преждевременно" (см. т. XIV, ч. 2-я, стр. 284).

Ясно, что на одной лишь «разведке» далеко не уедешь.

Дело, очевидно, не в «разведке», а в том, что:

1) партия за весь период подготовки Октября неуклонно опиралась в своей борьбе на стихийный под'ем массового революционного движения;

2) опираясь на стихийный под'ем, она сохраняла за собой безраздельное руководство движением;

3) такое руководство движением облегчало ей дело формирования массовой политической армии для октябрьского восстания;

4) такая политика не могла не привести к тому, что вся подготовка Октября прошла под руководством одной партии, партии большевиков;

5) такая подготовка Октября в свою очередь привела к тому, что в результате октябрьского восстания власть оказалась в руках одной партии, партии большевиков.

Итак, безраздельное руководство одной партии, партии коммунистов, как основной момент подготовки Октября,—такова характерная черта Октябрьской революции, такова первая особенность тактики большевиков в период подготовки Октября.

Едва ли нужно доказывать, что без этой особенности тактики большевиков победа диктатуры пролетариата в обстановке империализма была бы невозможна.

Этим выгодно отличается Октябрьская революция от революции 1871 года во Франции, где руководство революцией делили между собой две партии, из коих ни одна не может быть названа коммунистической партией.

Вторая особенность. Подготовка Октября проходила, таким образом, под руководством одной партии, партии большевиков. Но как велось партией это руководство, по какой линии оно проходило? Руководство это проходило по линии изоляции соглашательских партий, как наиболее опасных группировок в период развязки революции, по линии изоляции эсеров и меньшевиков.

В чем состоит основное стратегическое правило ленинизма? Оно состоит в признании того, что:

1) наиболее опасной социальной опорой врагов революции в период приближающейся революционной развязки являются соглашательские партии;

2) свергнуть врага (царизм или буржуазию) невозможно без изоляции этих партий;

3) главные стрелы в период подготовки революции должны быть, ввиду этого, направлены на изоляцию этих партий, на отрыв от них широких масс трудящихся.

В период борьбы с царизмом, в период подготовки буржуазно-демократической революции (1905—1916) наиболее опасной социальной опорой царизма являлась либерально-монархическая партия, партия кадетов. Почему? Потому, что она была партией соглашательской, партией соглашения между царизмом и большинством народа, т.-е. крестьянством в целом. Естественно, что партия направляла тогда главные удары против кадетов, ибо, не изолировав кадетов, нельзя было рассчитывать на разрыв крестьянства с царизмом, не обеспечив же этого разрыва, нельзя было рассчитывать на победу революции. Многие не понимали тогда этой особенности большевистской стратегии и обвиняли большевиков в излишнем «кадетоедстве», утверждая, что борьба с кадетами «заслоняет» у большевиков борьбу с главным врагом—с царизмом. Но обвинения эти, будучи лишены почвы, изобличали прямое непонимание большевистской стратегии, требующей изоляции соглашательской партии для того, чтобы облегчить, приблизить победу над главным врагом.

Едва ли нужно доказывать, что без такой стратегии гегемония пролетариата в буржуазно-демократической революции была бы невозможна.

В период подготовки Октября центр тяжести борющихся сил переместился на новую плоскость. Не стало царя. Партия кадетов из силы соглашательской превратилась в силу правящую, в господствующую силу империализма. Борьба шла уже не между царизмом и народом, а между буржуазией и пролетариатом. В этот период наиболее опасной социальной опорой империализма являлись мелко-буржуазные демократические партии, партии эсеров и меньшевиков. Почему? Потому, что эти партии были тогда партиями соглашательскими, партиями соглашения между империализмом и трудящимися массами. Естественно, что главные удары большевиков направлялись тогда против этих партий, ибо без изоляции этих партий нельзя было рассчитывать на разрыв трудящихся масс с империализмом, без обеспечения же этого разрыва нельзя было рассчитывать на победу советской революции. Многие не понимали тогда этой особенности большевистской тактики, обвиняя большевиков в «излишней ненависти» к эсерам и меньшевикам и в «забвении» ими главной цели. Но весь период подготовки Октября красноречиво говорит о том, что только такой тактикой могли обеспечить большевики победу Октябрьской революции.

Характерной чертой этого периода является дальнейшее революционизирование трудящихся масс крестьянства, их разочарование в эсерах и меньшевиках, их отход от этих партий, их поворот в сторону прямого сплочения вокруг пролетариата, как единственной, до конца революционной силы, способной привести страну к миру. История этого периода есть история борьбы эсеров и меньшевиков, с одной стороны, и большевиков, с другой стороны, за трудящиеся массы крестьянства, за овладение этими массами. Судьбу этой борьбы решили коалиционный период, период керенщины, отказ эсеров и меньшевиков от конфискации помещичьей земли, борьба эсеров и меньшевиков за продолжение войны, июньское наступление на фронте, смертная казнь для солдат, корниловское восстание. И решили они эту судьбу исключительно в пользу большевистской стратегии. Ибо без изоляции эсеров и меньшевиков невозможно было свергнуть правительство империалистов, без свержения же этого правительства невозможно было вырваться из войны. Политика изоляции эсеров и меньшевиков оказалась единственно правильной политикой.

Итак, изоляция партий меньшевиков и эсеров, как основная линия руководства делом подготовки Октября,—такова вторая особенность тактики большевиков.

Едва ли нужно доказывать, что без этой особенности тактики большевиков союз рабочего класса и трудящихся масс крестьянства повис бы в воздухе.

Характерно, что об этой особенности большевистской тактики т. Троцкий ничего, или почти ничего, не говорит в своих «Уроках Октября».

Третья особенность. Руководство партии делом подготовки Октября проходило, таким образом, по линии изоляции партий эсеров и меньшевиков, по линии отрыва от них широких масс рабочих и крестьян. Но как осуществлялась партией эта изоляция конкретно, в какой форме, под каким лозунгом? Она осуществлялась в форме революционного движения масс за власть советов, под лозунгом «вся власть советам», путем борьбы за превращение советов из органов мобилизации масс в органы восстания, в органы власти, в аппарат новой пролетарской государственности.

Почему большевики ухватились именно за советы, как за основной организационный рычаг, могущий облегчить дело изоляции меньшевиков и эсеров, способный двинуть вперед дело пролетарской революции и призванный подвести миллионные массы трудящихся к победе диктатуры пролетариата?

Что такое советы?

„Советы, — говорил Ленин еще в сентябре 1917 г., — суть новый государственный аппарат, дающий, во-первых, вооруженную силу рабочих и крестьян, причем эта сила не оторвана от народа, как сила старой постоянной армии, а теснейшим образом с ним связана; в военном отношении эта сила несравненно более могучая, чем прежняя; в революционном отношении она незаменима ничем другим. Во-вторых, этот аппарат дает связь с массами, с большинством народа настолько тесную, неразрывную, легко проверяемую и возобновляемую, что ничего подобного в прежнем государственном аппарате нет и в помине. В-третьих, этот аппарат в силу выборности и сменяемости его состава по воле народа, без бюрократических формальностей, является гораздо более демократическим, чем прежние аппараты. В-четвертых, он дает крепкую связь с самыми различными профессиями, облегчая тем различнейшие реформы самого глубокого характера без бюрократии. В-пятых, он дает форму организации авангарда, т.-е. самой сознательной, самой энергичной передовой части угнетенных классов, рабочих и крестьян, являясь таким образом аппаратом, посредством которого авангард угнетенных классов может поднимать, воспитать, обучать и вести за собой всю гигантскую массу этих классов, до сих пор стоявшую совершенно вне политической жизни, вне истории. В-шестых, он дает возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т.-е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию и исполнение законов. По сравнению с буржуазным парламентаризмом это такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение. Если бы народное творчество революционных классов не создало Советов, то пролетарская революция была бы в России делом безнадежным, ибо со старым аппаратом пролетариат несомненно удержать власть не мог бы, а нового аппарата сразу создать нельзя“ (см. „Удержат ли власть большевики“ т. XIV, ч. 2, стр. 228—230).

Вот почему ухватились большевики за советы, как за основное организационное звено, могущее облегчить организацию Октябрьской революции и создание нового могучего аппарата пролетарской государственности.

Лозунг «вся власть советам» с точки зрения его внутреннего развития прошел две стадии, первую (до июльского поражения большевиков, во время двоевластия) и вторую (после поражения корниловского восстания).

На первой стадии этот лозунг означал разрыв блока меньшевиков и эсеров с кадетами, образование советского правительства из меньшевиков и эсеров (ибо советы были тогда эсеро-меньшевистскими), право свободной агитации для оппозиции (т.-е. для большевиков) и свободную борьбу партий внутри советов в расчете, что путем такой борьбы удастся большевикам завоевать советы и изменить состав советского правительства в порядке мирного развития революции. Этот план не означал, конечно, диктатуры пролетариата. Но он несомненно облегчал подготовку условий, необходимых для обеспечения диктатуры, ибо он, ставя у власти меньшевиков и эсеров и вынуждая их провести на деле свою антиреволюционную платформу, ускорял разоблачение подлинной природы этих партий, ускорял их изоляцию, их отрыв от масс. Июльское поражение большевиков прервало, однако, это развитие, дав перевес генеральско-кадетской контр-революции и отбросив эсеро-меньшевиков в об'ятия последней. Это обстоятельство вынудило партию снять временно с очереди лозунг «вся власть советам» с тем, чтобы вновь выставить его в условиях нового под'ема революции.

Поражение корниловского восстания открыло вторую стадию. Лозунг «вся власть советам» вновь стал на очереди. Но теперь этот лозунг означал уже не то, что на первой стадии. Его содержание изменилось коренным образом. Теперь этот лозунг означал полный разрыв с империализмом и переход власти к большевикам, ибо советы в своем большинстве были уже большевистскими. Теперь этот лозунг означал прямой подход революции к диктатуре пролетариата путем восстания. Более того, теперь этот лозунг означал организацию и государственное оформление диктатуры пролетариата.

Неоценимое значение тактики превращения советов в органы государственной власти состояло в том, что она отрывала миллионные массы трудящихся от империализма, развенчивала партии меньшевиков и эсеров, как орудие империализма, и подводила эти массы, так сказать, прямым сообщением к диктатуре пролетариата.

Итак, политика превращения советов в органы государственной власти, как важнейшее условие изоляции соглашательских партий и победы диктатуры пролетариата,—такова третья особенность тактики большевиков в период подготовки Октября.

Четвертая особенность. Картина была бы неполная, если бы мы не занялись вопросом о том, как и почему удавалось большевикам превратить свои партийные лозунги в лозунги для миллионных масс, двигающие вперед революцию, как и почему удавалось им убедить в правильности своей политики не только авангард и не только большинство рабочего класса, но и большинство народа.

Дело в том, что для победы революции, если эта революция является действительно народной, захватывающей миллионные массы,—недостаточно одной лишь правильности партийных лозунгов. Для победы революции требуется еще одно необходимое условие, а именно: чтобы сами массы убедились на собственном опыте в правильности этих лозунгов. Только тогда лозунги партии становятся лозунгами самих масс. Только тогда становится революция действительно народной революцией. Одна из особенностей тактики большевиков в период подготовки Октября состоит в том, что она умела правильно определить те пути и повороты, которые естественно подводят массы к лозунгам партии, к самому, так сказать, порогу революции, облегчая им, таким образом, ощутить, проверить, распознать на своем собственном опыте правильность этих лозунгов. Иначе говоря, одна из особенностей тактики большевиков состоит в том, что она не смешивает руководство партией с руководством массами, что она ясно видит разницу между руководством первого рода и руководством

второго рода, что она является, таким образом, наукой не только о руководстве партией, но и о руководстве миллионными массами трудящихся.

Наглядным примером проявления этой особенности большевистской тактики является опыт с созывом и разгоном Учредительного Собрания.

Известно, что большевики выдвинули лозунг Республики Советов еще в апреле 1917 года. Известно, что Учредительное Собрание является буржуазным парламентом, в корне противоречащим основам Республики Советов. Как могло случиться, что большевики, идя к Республике Советов, требовали вместе с тем от Временного Правительства немедленного созыва Учредительного Собрания? Как могло случиться, что большевики не только приняли участие в выборах, но и созвали сами Учредительное Собрание? Как могло случиться, что большевики допускали за месяц до восстания, при переходе от старого к новому, возможность временной комбинации Республики Советов и Учредительного Собрания?

А «случилось» это потому, что:

1) идея Учредительного Собрания была одной из самых популярных идей среди широких масс населения;

2) лозунг немедленного созыва Учредительного Собрания облегчал разоблачение контр-революционной природы Временного Правительства;

3) чтобы развенчать в глазах народных масс идею Учредительного Собрания, необходимо было подвести эти массы к стенам Учредительного Собрания с их требованиями о земле, о мире, о власти советов, столкнув их, таким образом, с действительным и живым Учредительным Собранием;

4) только таким образом можно было облегчить массам убедиться на своем собственном опыте в контр-революционности Учредительного Собрания и в необходимости его разгона;

5) все это естественно предполагало возможность допущения временной комбинации Республики Советов и Учредительного Собрания, как одного из средств изживания Учредительного Собрания;

6) такая комбинация, если бы она осуществилась, при условии перехода всей власти к советам, могла означать лишь подчинение Учредительного Собрания советам, превращение его в придаток советов, его безболезненное отмирание.

Едва ли нужно доказывать, что без такой политики большевиков разгон Учредительного Собрания не прошел бы так гладко, а дальнейшие выступления эсеров и меньшевиков под лозунгом «вся власть Учредительному Собранию» не провалились бы с таким треском.

„Мы участвовали, — говорит Ленин, — в выборах в российский буржуазный парламент, в Учредительное Собрание, в сентябре—ноябре 1917 года. Верна была наша политика или нет?... Не имели ли мы, русские большевики, в сентябре—ноябре 1917 года, больше, чем какие угодно западные коммунисты, права считать, что в России парламентаризм политически изжит? Конечно имели, ибо не в том ведь, дело, давно или недавно существуют буржуазные парламенты, а в том, насколько готовы (идейно, политически, практически) широкие массы трудящихся принять советский строй и разогнать или допустить разгон буржуазно-демократического парламента. Что в России в сентябре—ноябре 1917 года рабочий класс городов, солдаты и крестьяне были, в силу ряда специальных условий, на редкость подготовлены к принятию советского строя и к разгону самого демократического буржуазного парламента, это совершенно бесспорный и вполне установленный исторический факт. И тем не менее большевики не бойкотировали Учредительного Собрания, а участвовали в выборах и до и после завоевания пролетариатом политической власти (см. „Детская болезнь“ т. XVII, стр. 148—149).

Почему же они не бойкотировали Учредительное Собрание? Потому, говорит Ленин, что:

„Даже за несколько недель до победы Советской Республики, даже после такой победы, участие в буржуазно-демократическом парламенте не только не вредит революционному пролетариату, а облегчает ему возможность доказать отсталым массам, почему такие парламенты заслуживают разгона, облегчает успех их разгона, облегчает „политическое изживание“ буржуазного парламентаризма“ (см. там же).

Характерно, что т. Троцкий не понимает этой особенности большевистской тактики, фыркая на «теорию» сочетания Учредительного Собрания с советами, как на гильфердинговщину.

Он не понимает, что допущение такого сочетания при лозунге восстания и вероятной победе советов, связанное с созывом Учредительного Собрания, есть единственно революционная тактика, не имеющая ничего общего с гильфердинговской тактикой превращения советов в придаток Учредительного Собрания, что ошибка некоторых товарищей в этом вопросе не дает ему основания хулить совершенно правильную позицию Ленина и партии о «комбинированной государственности» при известных условиях (сравни т. XIV, ч. 2, стр. 275).

Он не понимает, что без своеобразной политики большевиков, взятой в связи с Учредительным Собранием, им не удалось бы завоевать на свою сторону миллионные массы народа, не завоевав же этих масс, они не смогли бы превратить октябрьское восстание в глубокую народную революцию.

Интересно, что т. Троцкий фыркает даже на слово «народ», «революционная демократия» и т. п., встречающиеся в статьях большевиков, считая их неприличными для марксиста.

Тов. Троцкий, очевидно, забывает, что Ленин, этот несомненный марксист, даже в сентябре 1917 года, за месяц до победы диктатуры, писал о «необходимости немедленного перехода всей власти в руки революционной демократии, возглавляемой революционным пролетариатом» (см. т. XIV, ч. 2-я, стр. 139).

Тов. Троцкий, очевидно, забывает, что Ленин, этот несомненный марксист, цитируя известное письмо Маркса к Кугельману (апреля 1871 года) о том, что слом бюрократически-военного государственного аппарата является предварительным условием всякой действительной народной революции на континенте, пишет черным по белому следующие строки:

„Особенного внимания заслуживает чрезвычайно глубокое замечание Маркса, что разрушение бюрократически-военной государственной машины является „предварительным условием всякой действительной народной революции“. Это понятие „народной“ революции кажется странным в устах Маркса, и русские плехановцы и меньшевики, эти последователи Струве, желающие считаться марксистами, могли бы, пожалуй, об'явить такое выражение у Маркса „обмолвкой“. Они свели марксизм к такому убого-либеральному извращению, что кроме противоположения буржуазной и пролетарской революции, для них ничего не существует, да и это противоположение понимается ими до-нельзя мертвенно. В Европе 1871 года на континенте ни в одной стране пролетариат не составлял большинства народа. „Народная“ революция, втягивающая в движение действительно большинство, могла быть таковою, лишь охватывая и пролетариат и крестьянство. Оба класса и составляли тогда „народ“. Оба класса об'единены тем, что „бюрократически-военная государственная машина“ гнетет, давит, эксплоатирует их. Разбить эту машину, сломать ее—таков действительный интерес „народа“—большинства его, рабочих и большинства крестьян, таково

„предварительное условие“ свободного союза беднейших крестьян с пролетариями, а без такого союза непрочна демократия и невозможно социалистическое преобразование“ (см. „Государство и революция“ т. XIV, ч. 2-я, стр. 327—328).

Этих слов Ленина забывать нельзя.

Итак, уменье убеждать массы на своем собственном опыте в правильности партийных лозунгов путем подвода этих масс к революционным позициям, как важнейшее условие завоевания на сторону партии миллионов трудящихся,—такова четвертая особенность тактики большевиков в период подготовки Октября.

Я думаю, что сказанного вполне достаточно для того, чтобы уяснить себе характерные черты этой тактики.

Октябрьская революция, как начало и предпосылка мировой революции.

Несомненно, что универсальная теория одновременной победы революции в основных странах Европы, теория невозможности победы социализма в одной стране,—оказалась искусственной, нежизнеспособной теорией. Семилетняя история пролетарской революции в России говорит не за, а против этой теории. Теория эта неприемлема не только как схема развития мировой революции, ибо она противоречит очевидным фактам. Она еще более неприемлема, как лозунг, ибо она связывает, а не развязывает инициативу отдельных стран, получающих возможность в силу известных исторических условий, к самостоятельному прорыву фронта капитала, ибо она дает стимул не к активному натиску на капитал со стороны отдельных стран, а к пассивному выжиданию момента «всеобщей развязки», ибо она культивирует среди пролетариев отдельных стран не дух революционной решимости, а дух гамлетовских сомнений насчет того, что «а вдруг другие не поддержат». Ленин совершенно прав, говоря, что победа пролетариата в одной стране является «типичным случаем», что «одновременная революция в ряде стран» может быть лишь «редким исключением» (см. «Пролетарская революция и ренегат Каутский», 1918 г., стр. 38).

Но ленинская теория революции не ограничивается, как известно, одной лишь этой стороной дела. Она есть вместе с тем теория развития мировой революции [1]). Победа социализма в одной стране не есть самодовлеющая задача. Революция победившей страны должна рассматривать себя не как самодовлеющую величину, а как подспорье, как средство для ускорения победы пролетариата во всех странах. Ибо победа революции в одной стране, в данном случае в России, есть не только продукт неравномерного развития и прогрессирующего распада империализма. Она есть вместе с тем начало и предпосылка мировой революции.

Несомненно, что пути развития мировой революции не так просты, как это могло бы показаться раньше, до победы революции в одной стране, до появления развитого империализма, являющегося «кануном социалистической революции». Ибо появился такой новый фактор, как действующий в условиях развитого империализма закон неравномерного развития капиталистических стран, говорящий о неизбежности военных столкновений, об общем ослаблении мирового фронта капитала и возможности победы социализма в отдельных странах. Ибо появился

[1]) См. мою брошюру «О Ленине и ленинизме» И. Ст.

такой новый фактор, как огромная советская страна, лежащая между Западом и Востоком, между центром финансовой эксплоатации мира и ареной колониального гнета, которая одним своим существованием революционизирует весь мир.

Все это такие факторы (я не говорю о других, менее важных факторах), которые не могут быть не учтены при изучении путей мировой революции.

Раньше думали обычно, что революция будет развиваться путем равномерного «вызревания» элементов социализма, прежде всего в более развитых, в «передовых» странах. Теперь это представление нуждается в существенных изменениях.

„Система международных отношений,—говорит Ленин,—сложилась теперь такая, что в Европе одно из государств порабощено государствами-поработителями, это—Германия. Затем, ряд государств, и притом самых старых государств Запада, оказались в силу победы в условиях, когда они могут пользоваться этой победой для ряда неважных уступок своим угнетенным классам,—уступок, которые все же оттягивают революционное движение в них и создают некоторое подобие „социального мира“.

„В то же время целый ряд стран: Восток, Индия, Китай и т. п. в силу именно последней империалистической войны оказались окончательно выбитыми из своей колеи. Их развитие направилось окончательно по общеевропейскому капиталистическому масштабу. В них началось общеевропейское брожение. И для всего мира ясно теперь, что они втянулись в такое развитие, которое не может не привести к кризису всего всемирного капитализма“.

„В виду этого и в связи с этим „западно-европейские капиталистические страны завершают свое развитие к социализму... не так, как мы ожидали раньше. Они завершают его не равномерным «вызреванием» в них социализма, а путем эксплоатации одних государств другими, путем эксплоатации первого из побежденных во время империалистической войны государства, соединенной с эксплоатацией всего Востока. А Восток, с другой стороны, пришел окончательно в революционное движение именно в силу этой первой империалистической войны и окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения“ (см „Лучше меньше, да лучше“, 1924 г. стр. 33—34).

Если к этому добавить тот факт, что не только побежденные страны и колонии эксплоатируются победившими странами, но и часть победивших стран попадает в орбиту финансовой эксплоатации наиболее могущественных стран-победительниц, Америки и Англии; что противоречия между всеми этими странами являются важнейшим фактором разложения мирового империализма; что кроме этих противоречий существуют еще и развиваются глубочайшие противоречия внутри каждой из этих стран; что все эти противоречия углубляются и обостряются фактом существования рядом с этими странами великой Республики Советов,—если все это принять во внимание, то картина своеобразия международного положения станет более или менее полной.

Вероятнее всего, что мировая революция будет развиваться путем революционного отпадения ряда новых стран от системы империалистических государств при поддержке пролетариев этих стран со стороны пролетариата империалистических государств. Мы видим, что первая отпавшая страна, первая победившая страна уже поддерживается рабочими и трудящимися массами вообще других стран. Без этой поддержки она не смогла бы продержаться. Несомненно, что поддержка эта будет усиливаться и нарастать. Но несомненно также и то, что самое развитие мировой революции, самый процесс отпадения от империализма ряда новых стран будет происходить тем скорее и основательнее, чем основательнее будет укрепляться социализм в первой победившей стране, чем скорее будет превращаться эта страна в базу

дальнейшего развертывания мировой революции, в рычаг дальнейшего разложения империализма.

Если верно положение, что окончательная победа социализма в первой освободившейся стране невозможна без общих усилий пролетариев нескольких стран, то столь же верно и то, что мировая революция будет развертываться тем скорее и основательнее, чем действительнее будет помощь первой социалистической страны рабочим и трудящимся массам всех остальных стран.

В чем должна выражаться эта помощь?

Она должна выражаться, во-первых, в том, чтобы победившая страна «проводила максимум осуществимого в одной стране для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах» (см. «Пролетарская революция и ренегат Каутский», 1918 г., стр. 88).

Она должна выражаться, во-вторых, в том, чтобы «победивший пролетариат» одной страны, «экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал... против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая, в случае необходимости, даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств» (см. «Против течения», стр. 130).

Характерная особенность этой помощи со стороны победившей страны состоит не только в том, что она ускоряет победу пролетариев других стран, но также и в том, что, облегчая эту победу, она тем самым обеспечивает окончательную победу социализма в первой победившей стране.

Вероятнее всего, что в ходе развития мировой революции, на ряду с очагами империализма в отдельных капиталистических странах и с системой этих стран во всем мире, создадутся очаги социализма в отдельных советских странах и система этих очагов во всем мире, при чем борьба между этими двумя системами будет наполнять историю развертывания мировой революции.

„Ибо,—говорит Ленин, -невозможно свободное об'единение наций в социализме без более или менее долгой, упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами" (см. „Против течения", стр. 130).

Мировое значение Октябрьской революции состоит не только в том, что она является великим почином одной страны в деле прорыва системы империализма и первым очагом социализма в океане империалистических стран, но также и в том, что она составляет первый этап мировой революции и могучую базу ее дальнейшего развертывания.

Не правы, поэтому, не только те, которые, забывая о международном характере Октябрьской революции, об'являют победу революции в одной стране чисто национальным и только национальным явлением. Не правы также и те, которые, помня о международном характере Октябрьской революции, склонны рассматривать эту революцию, как нечто пассивное, призванное лишь принять поддержку извне. На самом деле, не только Октябрьская революция нуждается в поддержке со стороны революции других стран, но и революция этих стран нуждается в поддержке со стороны Октябрьской революции для того, чтобы ускорить и двинуть вперед дело свержения мирового империализма.

17/XII

Н. Бухарин.

К критике экономической платформы оппозиции.

(Уроки октября 1923 г.).

В настоящее время нам представляется далеко не лишней попытка критически подытожить прошлогоднюю экономическую дискуссию. «Подытожить», т.-е. проанализировать экономическую платформу оппозиции с точки зрения общих ошибок оппозиционных товарищей, общих ошибок, которые вскрыты нами в предыдущих статьях. Это тем более необходимо, что ряд вопросов частного характера, поставленных прошлым годом, еще не решен. С другой стороны, как-будто для всех более или менее ясно, что критики ЦК ошибались. В самом деле, вспомним хорошенько, что они писали, говорили, пропагандировали.

В известной записке 46-ти утверждалось, например, следующее:

«Чрезвычайная серьезность положения заставляет нас... сказать вам открыто, что продолжение политики большинства Политбюро грозит тяжкими бедами для всей партии. Начавшийся с конца июля этого года хозяйственный и финансовый кризис, со всеми вытекающими из него политическими, в том числе и внутрипартийными, последствиями, безжалостно вскрыл неудовлетворительность руководства партией, как в области хозяйства, так и особенно в области внутрипартийных отношений.

Случайность, необдуманность, бессистемность решений ЦК, не сводящего концов с концами в области хозяйства, привели к тому, что мы при наличии несомненных крупных успехов в области промышленности, сельского хозяйства, финансов и транспорта, успехов, достигнутых хозяйством страны стихийно, не благодаря, а несмотря на неудовлетворительное руководство, или, вернее, на отсутствие всякого руководства, не только стоим перед перспективой приостановки этих успехов, но и перед тяжелым обще-экономическим кризисом.

Если не будут немедленно приняты широкие, продуманные, планомерные и энергичные меры, если нынешнее отсутствие руководства будет продолжаться, мы стоим перед возможностью необычайно острого хозяйственного потрясения, неизбежно связанного с внутренними осложнениями и с полным параличом нашей внешней активности и дееспособности».

Никаких «полных параличей» «нашей активности и дееспособности», как известно, не получилось. Вышло «все наоборот»: и в хозяйстве, и в партии, и во внешней политике. В хозяйстве, как и в других областях, успехи были достигнуты отнюдь не на основе той линии, которая предлагалась оппозицией. Но все же из этих ошибок ряда людей, которые, по-своему искренно, хотели «спасать» нашу партию от страшных ужасов гибели, нужно вывести кое-какие уроки. Уроки октября 1923 года тоже подлежат критическому анализу. Этот анализ мы и предлагаем вниманию наших читателей.

1. Диктатура пролетариата и классы.

(Основная стратегическая линия пролетариата).

В статье о «перманентной революции» тов. Троцкого мы, между прочим, показали, как конкретно в действительности изменялось соотношение между классами в ходе нашей революции, и как, в конце-концов, стала на ноги диктатура пролетариата. Формально осуществилось то, чего хотел и тов. Троцкий (но к чему он не умел и не мог вести, ибо не видел промежуточных ступеней процесса). По существу это все же «Федот, да не тот», ибо тов. Троцкий совсем неправильно понимает соотношение между рабочим классом и крестьянством и в период пролетарской диктатуры (теория «гибели» и проч.).

Мы попытаемся здесь в положительной форме дать, вернее, наметить общее решение вопроса о классах в переходный период, так как вопрос этот вовсе не так ясен, как это представляется с первого взгляда.

> «...В нашей Советской Республике,—писал тов. Ленин,—социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому (т.-е. сотрудничеству. Н. Б.), теперь допущены на известных условиях и «нэпманы», т.-е. буржуазия. Если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами, тогда раскол будет неизбежен; но в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания такого раскола.......
>
> ...в последнем счете судьба нашей Республики будет зависеть от того, пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «нэпманам», т.-е. новой буржуазии, раз'единить себя с рабочими, расколоть себя с ними. Чем яснее мы будем видеть перед собой этот двоякий исход, чем яснее будут понимать его все наши рабочие и крестьяне, тем больше шансов на то, что нам удастся избегнуть раскола, который был бы губителен для Советской Республики» («Как нам реорганизовать Рабкрин». Собр. соч. 1923 г., т. XVIII, часть 2, стр. 124).

В этой коротенькой выписке дана вся сущность постановки вопроса. Но эту сущность нужно расшифровать до конца или, по крайней мере, в ее основных линиях.

Прежде всего, свалившегося из капиталистического мира марксиста поразили бы в этом рассуждении слова о сотрудничестве классов; еще больше его поразили бы, вероятно, слова о том, что к этому сотрудничеству допущена и буржуазия. Мы имеем, следовательно (о, ужас!—о, позор!) «даже» сотрудничество с буржуазией. Как это понять? И как же быть с классовой борьбой? И как все это увязать с нашими общими взглядами? Что означает, в самом деле, этот спорный «переход» от теории классовой борьбы к теории (буржуазной) классового сотрудничества? Не есть ли уже это начало нашего «перерождения».

Рассуждающий так, не понимал бы основного: того, что у нас уже произошло завоевание власти пролетариатом, уже налицо пролетарская диктатура, а потому целый ряд вопросов не может стоять так, как он стоит для пролетариата в буржуазном обществе.

Генеральная линия пролетариата при капитализме, это—линия на взрыв общественного целого, на раскол общества, на разрушение государства.

Генеральная линия пролетариата при его диктатуре, это—линия на укрепление общественного целого, линия против раскола общества, линия за упрочнение государства (до той фазы, когда начнется «отмирание» его).

При капитализме пролетариат за революцию против данного порядка вещей.

При пролетарской диктатуре рабочий класс за эволюционное движение к коммунизму, ибо государство пролетариата не разрушается, а «отмирает».

При капитализме пролетариат стоит за гражданскую войну внутри общества.

При своей собственной диктатуре, при ее укреплении он—за гражданский мир. Он карает за нарушение этого гражданского мира.

Но если диктатура пролетариата служит оболочкой для известного «сотрудничества классов», которое выражает единство общественного целого, то это вовсе не значит, что прекращается классовая борьба. Она принимает, однако, иную форму; она, с другой стороны, имеет совершенно иную тенденцию развития, чем при капитализме (ибо при капитализме она обостряется, пока все общество не расколется и не распадется, при успешном продвижении к социализму с известного пункта она начинает «отмирать»).

Диктатура пролетариата, т.-е. пролетарский класс, организованный, как государственная власть, имеет совершенно неодинаковое отношение к классам, живущим под этой «политической надстройкой».

Обычно всеми нашими учителями государственная власть пролетариата рассматривалась почти исключительно, как инструмент подавления классового противника, как «карающий меч революции», если говорить высоким стилем. Это и понятно. Ибо нельзя было заглянуть за историческую завесу дальше, чем это сделали творцы научного коммунизма и их великий русский продолжатель. Однако, Ленин, формулируя свое положение о сотрудничестве, тем самым уже поставил дальнейший вопрос о всей сложности функций пролетарского государства в период, если так можно выразиться, «пролетарского гражданского мира». Поставив этот вопрос, мы увидим без труда все различие в отношении к классам. В самом деле.

По отношению к белогвардейским, буржуазно-помещичьим, мятежным слоям и их остаткам функция диктатуры состоит в подавлении и только в подавлении.

Иным является отношение пролетариата и его государственной власти к новой буржуазии, которая, при данном соотношении общественных сил является общественно-необходимым слоем, выполняющим—в известной мере, в известных пределах, в известном отрезке времени общественно-полезную функцию; по отношению к ней дело отнюдь не ограничивается одним подавлением. Тут есть и сотрудничество пролетариата, и в этом сотрудничестве—классовая борьба. Общая линия у рабочего класса—какая? Использование этой буржуазии, с определенного пункта—преодоление ее. Преодоление, главным образом, путем ее экономического вытеснения с параллельной заменой стоящих за нею людей и аппаратов своими людьми, учреждениями, аппаратами и т. д. Частный капитал не конфискуется однократным актом, не отрубается механически одним взмахом революционного меча. Он именно преодолевается в процессе хозяйственной борьбы на основе роста наших госучреждений и кооперации; он вытесняется ими, хозяйственно (и с помощью госуд. давления, постольку и где это целесообразно) выдавливается из своих позиций, уступая место более совершенным видам хозяйства. Здесь есть и подавление—но не в нем центр тяжести. Здесь есть и сотрудничество. Здесь есть и классовая борьба. Здесь эта классовая борьба приводит (при успехе социализма) к преодолению на основе вытеснения, уничтожения классового противника и хозяйственной формы, носителем коей он является. Мы, в конце концов, выживаем «нэпманов».

Диктатура пролетариата, т.-е. государственная власть, опосредствует все эти типы отношений. Но, если она делает возможным сотрудничество с нэпманами, в обществе это совсем не значит, что государственная власть есть не пролетарская, а пролетарско-нэпманская. Всякое относительно-устойчивое общество (за исключением коммунистического) есть «единство противоположностей», единство разных классов. Но это не значит, что государственная власть во всяком обществе есть блоковая, общенародная власть, в коей принимают участие все классы населения. На этом элементарном смешении покоятся рассуждения г.г. Отто Бауэров и К°.

Иное отношение при диктатуре пролетариата складывается между рабочим классом и крестьянством. Есть здесь элемент подавления? Есть, но в гораздо меньшей мере (в скобках заметим, что принуждение может быть и по отношению к пролетариату, ибо иногда авангард давит на свой же арьергард). Есть здесь сотрудничество? Есть, но в неизмеримо большей мере, при меньшей мере классовых разногласий и классовых трений. Общая тенденция развития здесь (при успехе социализма) тоже преодоление и хозяйственных форм, и социально-классового типа. Но это «преодоление» не означает здесь вытеснения или уничтожения. «Преодоление» заключается здесь в медленной переработке и индивидуального хозяйства и индивидуалистического социального типа.

Государственная власть пролетариата опосредствует и этот тип сотрудничества. Но и здесь она не перестает быть пролетарской властью, которая опирается на крестьянство и руководит им.

Итак, мы имеем разные отношения:

1) подавление;

2) сотрудничество и борьба; преодоление через вытеснение;

3) гораздо большее сотрудничество и гораздо меньшая борьба; преодоление через переработку в противоположность вытеснению.

Разумеется, вышеприведенные рассуждения схематичны и с этой точки зрения в известной мере условны. Так, они предполагают развитие к социализму. Если этого не будет (а этот вопрос решит конкретная практика, конкретная борьба, конкретная линия партии и рабочего класса), тогда раскол между рабочим классом и крестьянством приведет к руководству буржуазии над крестьянством против пролетариата. «Сотрудничество» под гегемонией пролетариата лопнет, и диктатура пролетариата будет опрокинута. Может быть и так, что блок рабочего класса и крестьянства будет по временам подвергаться большой опасности, но все же общая линия будет выравниваться и, в общем и целом, этот блок будет укрепляться, а буржуазия будет отступать. Но, во всяком случае, та линия, за которую мы должны бороться, которую мы должны защищать, это—линия рабоче-крестьянского блока под гегемонией рабочего класса, как руководящей, ведущей силы этого блока. Эта борьба, в конце концов, решит, каков будет действительный исход, какая из половинок ленинского «двоякого исхода» будет реализована в действительности.

Поставим теперь вопрос о соотношении между рабочим классом и крестьянством с другой стороны.

В капиталистическом строе руководящим классом являлась буржуазия. До определенного времени (т.-е. поскольку она играла исторически-прогрессивную роль) буржуазия была «представительницей нации». Когда буржуазная социология, исследуя «социальный порядок» капиталистического общества, выставляет буржуазию как руководящую силу всего общества, то в этом утверждении есть известная доля истины. Ошибка, ложь, апологетика начинается там, где ученые капитала скрывают классовый характер «иерархии», когда они лгут, будто «всякий рабочий» может стать капиталистом, когда они прячут основной факт, что в пределах капитализма рабочий класс, как целое, осужден на положение наемного раба и не может подняться, не сломав всей капиталистической системы.

Иное соотношение при диктатуре пролетариата. Рабочий класс и крестьянство—два разные класса. Рабочий класс ведет общество в целом. Но рабочий класс так руководит крестьянством, что стремится на деле, перерабатывая его по-своему, поднять его до себя. Крестьянство отнюдь не обречено на свое «крестьянское» существование. Наоборот, оно постоянно будет (если мы будем итти вперед) «вывариваться в кооперативном котле» и, таким образом, сходить с своей индивидуалистической «кучи навозу». Соотношение между господствующей буржуазией и пролетариатом постоянно обостряется—такова основная тенденция капитализма. Соотношение между руководящим пролетариатом и руководимым крестьянством, вопреки теории тов. Троцкого, меняется в противоположном смысле.

Противопоставление пролетариата и крестьянства, как классов, с известного пункта уже не будет оправдываться: крестьянство все более будет становиться периферией, отстающим слоем,

арьергардом работников социалистического общества, арьергардом трудящихся «вообще».

Разумеется, было бы глупейшей маниловщиной и сантиментальным отрицанием марксизма, если бы мы это будущее целиком перенесли в настоящее, и проглядели бы классовую борьбу теперь, различные формы классовых трений между рабочими и крестьянами, дифференциацию внутри крестьянства и проч. Но точно так же было бы отрицанием марксизма и ленинизма, если бы мы упустили из виду свою основную генеральную перспективу. Задача сложна и трудна, ибо конкретное развитие крайне противоречиво. Однако, нужно уметь и зацепиться каждый раз за конкретную действительность, и вести свою линию, которая определяется общей постановкой вопроса, общим стратегическим планом господствующей пролетарской партии. Вот почему Ленин говорил, определяя в апреле 1922 года нашу общую линию:

> «Весь гвоздь в том, чтобы двигаться теперь вперед несравненно более широкой и мощной массой, не иначе, как вместе с крестьянством, доказывая ему делом, практикой, опытом, что мы учимся и научимся ему помогать, его вести вперед.
>
> Если найдутся в нашей партии голоса, которые будут против этого архимедленного и архиосторожного движения,—эти голоса будут одиноки» (Заключ. слово на XI с'езде. Собр. соч. т. XVIII, ч. 2, стр. 70).

2. Проблема хозяйственной смычки и общая постановка вопроса оппозицией. Т. н. „диктатура промышленности“.

«Политика есть концентрированное выражение экономики». То, что мы проанализировали выше с точки зрения классовых соотношений, относится поэтому и к соответствующим хозяйственным формам, которые и определяют социально-классовые типы с их специфическими особенностями.

Нужно раз навсегда понять, что у нас сейчас некое, об'ективно существующее, экономическое «целое», т.-н. «народное хозяйство». Его части противоречивы; здесь есть много антагонизмов. Эти антагонизмы идут по тем же линиям, что и антагонизмы трех классовых сил, соотношение между которыми мы рассматривали выше. Но в то же время есть и взаимозависимость этих частей, их «сотрудничество». Другими словами, они суть функции общественного целого, хотя и находятся во взаимной борьбе. Классовая борьба, классовое сотрудничество и классовые блокировки как раз и проходят теперь в виде борьбы разных хозяйственных форм, живыми носителями которых выступают определеные общественные группировки. Удельный вес крестьянского хозяйства в общей экономике страны находит свое выражение в социальном весе крестьянства, но не «прямо пропорционально», ибо опять-таки в силу хозяйственной структуры крестьянство раздроблено по деревенским дворам. Пролетарская промышленность может добиться руководящей хозяйственной роли, лишь опираясь на крестьянский рынок. Накопление в социалистической промышленности длительно не может происходить без накопления в крестьянском хозяйстве. Одно зависит от другого. И основной проблемой нашей экономики как раз и является проблема наиболее быстрого взаимного оплодотворения обеих решающих половинок нашего народного хозяйства. Поэтому заранее обречены на неудачу все попытки решить тот или иной крупный хозяйственный вопрос, если при этом исходят из одного круга хозяйства. Ибо важнейшие проблемы экономики неизбежно выводят за пределы промышленности. Точно так же, как основные, кардинальные, решающие вопросы нашей политики решаются пролетариатом, но не состоят в вопросах, так сказать, «внутрипролетарского характера», так и решающие проблемы экономики лежат в соотношении между экономикой города и экономикой деревни. Именно поэтому проблема рабоче-крестьянского блока вполне соответствует проблеме экономической смычки между социалистической госпромышленностью и миллионами крестьянских хозяйств.

> «Надо помнить, что основная, решающая, все себе подчиняющая задача новой экономической политики: это— установление смычки, между той новой экономикой, которую мы начали строить... и крестьянской экономикой, которой живут миллионы и миллионы крестьян. Смычки этой не было и ее нам надо прежде всего создать. Этому соображению надо все подчинить». (Том XVIII, ч. 2, стр. 28).

Так говорил Ленин на XI с'езде партии. Нужно доказать крестьянину, что мы сумеем ему помочь.

> «Либо мы это докажем, либо он нас пошлет ко всем чертям. Это совершенно неминуемо... Это надо знать и, получивши кредит (от крестьянина. Н. Б.) все-таки поторапливаться. Надо знать, что приближается момент, когда крестьянская страна нам дальнейшего кредита не окажет, когда она, если можно употребить коммерческий термин, спросит наличными» (ibid., стр. 29).

Отсюда шли лозунги: «учитесь торговать». Ибо через торговлю и идет «смычка», взаимодействие между новой экономикой города и крестьянским хозяйством. И когда осенью 1923 года у нас остановился товарооборот между городом и деревней, то это было кризисом смычки.

Как же подходили к вопросу товарищи из оппозиции? Как хотели они решать мучительную проблему дня? Куда, в какую сторону они тогда глядели? Где искали ответа?

Вот как отвечает на этот вопрос резолюция, предложенная оппозиционными экономистами на собрании московского партийного актива:

> «Необходимо не только ставить вопрос об основном и решающем значении смычки национализированной промышленности и крестьянского хозяйства, но и раз'яснить, почему эта смычка не наладилась за истекший период и почему смычка деревни с кустарной частной промышленностью и торговым частным капиталом развивалась успешнее. Основными причинами являются: отсутствие плана, об'единяющего работу всех отраслей государственного хозяйства» и т. д. («Правда», 1 января).

Тов. Пятаков на XIII партконференции, раз'яснив, что речь идет о плане по отношению только к госхозяйству, говорил о том, что в центре стоят два вопроса: «как мы будем управлять нашим госхозяйством» и «как нужно проводить план».

> «Если мы,—продолжал он,—не выпятим со всей силой, со все энергией, именно эти два вопроса, то мы не решим проблемы смычки». (XIII конф. РКП (б). «Кр. Н.» 24 г. стр. 23).

Тов. Троцкий в своем первом письме членам ЦК и ЦКК (от 8 октября, 1923 г.) определял «реальное экономическое содержание» лозунга смычки так:

«Плановое хозяйство, жесткая концентрация промышленности; жесткое снижение накладных расходов промышленности и торговли».

Перед XII с'ездом партии, где докладчиком по вопросу о промышленности выступал тов. Троцкий, была упорная борьба за вставку о значении крестьянского хозяйства. Тов. Троцкий возражал, указывая, что этой, самой по себе правильной, вставке не место в резолюции по промышленности. После долгих переговоров вставка была сделана по настоянию большинства членов ЦК.

О чем говорят эти выписки и эти факты? Все товарищи на словах признают значение крестьянского хозяйства. Но на деле они этого вопроса не продумывают до конца, и именно здесь лежит корень большинства ошибок бывшей оппозиции.

В самом деле, разве не ясно, что оппоненты ЦК искали решения вопроса, не выходя за пределы государственного хозяйства?

Разве все их формулировки не показывают, что они проблему смычки «решали» «изнутри» госхозяйства, а иногда даже «изнутри» одной промышленности?

Разве не видно, что они эту промышленность брали изолированно, отрывая ее от крестьянского хозяйства?

Разве не видно, что «реально-экономическое содержание» лозунга смычки у них шло мимо действительного «реально-экономического содержания» этого лозунга?

В чем заключалась «размычка» между городом и деревней? Высокие цены на продукты промышленности; противоречие между ними и емкостью внутреннего (крестьянского) рынка; падающая валюта при росте товарных отношений, крах денежной связи, которая есть условие товарооборота вообще, товарооборота между городом и деревней в частности; вместе с тем невозможность или крайняя затруднительность накопления в крестьянском хозяйстве (невозможность продажи и покупки, накопления в денежной форме)—полная размычка.

При таких условиях искать решения проблемы смычки в рамках госхозяйства или—еще хлеще—в рамках промышленности, это значит обнаруживать полное непонимание сути вопроса.

Разницу между позицией Центрального Комитета партии и «позицией оппозиции» можно, примерно, формулировать следующим образом:

Позиция ЦК: болезнь—в соотношении между госпромышленностью и сельским хозяйством, т.-е., главным образом, в сфере обращения (невозможные цены, агония совзнака). Здесь гвоздь вопроса. Только сдвинув с места процесс обращения, мы сможем как следует, лечить и госпроизводство (заставить снизить себестоимость, рационализировать производство и т. д.), что, в свою очередь, усилит «обмен веществ» («смычку») между городом и деревней.

Позиция оппозиции: болезнь—в отсутствии плана, это, так сказать, госплановая болезнь. Она, следовательно, заложена в кругу хозяйства, а то и в кругу госпромышленности. Здесь—суть вопроса. Вылечив промышленность через «Госплан», затем, само-собой, решим и задачу смычки.

ЦК шел, таким образом, от обращения (деньги, цены, торговля) к производству, оппозиция (как это «по-марксистски» звучит) от производства (рациональный план) к обращению.

Конечно, это разграничение не нужно понимать в плоском, абсолютном смысле слова. Речь идет лишь о центре тяжести всей проблемы в ее целом. С этой оговоркой, мы думаем, наша постановка вопроса является единственно правильной.

Если это так, а это безусловно так, то увидят и своеобразную логику «оппозиционных ошибок»: она коренится все в той же «недооценке крестьянства», от которой (на словах) так открещиваются товарищи-критики.

Этот основной порок имеется и в концепции «диктатуры промышленности», которую защищал тов. Троцкий.

«...внутри государственного комбината,—писал т. Троцкий,—«диктатура» должна принадлежать не финансам, а промышленности. Разумеется, слово «диктатура»—как я пояснял—имеет здесь очень ограниченный и условный характер,—в противовес той «диктатуре», на которую претендовали финансы. Другими словами, не только внешняя торговля, но и работа по восстановлению устойчивой валюты должна быть строго соподчинена интересам государственной промышленности. Само собой разумеется,—продолжал тов. Троцкий, отвечая на удары критики,—что это нимало не направлено против смычки, т.-е. правильных взаимоотношений всего государственного «комбината» и крестьянского хозяйства. Наоборот, только при такой постановке дела «смычка» из области парадной фразеологии может быть переведена постепенно в область хозяйственной действительности». (Троцкий, «Новый курс», стр. 71—72).

Тов. Троцкий ссылается далее на факт, что он отнюдь не стоял за форсированный рост промышленного накопления. Факт этот верен: сам тов. Троцкий за этот форсаж не стоял—другие стояли. Но эти «другие» лучше, как нам кажется, связывали концы с концами. Ибо из «диктатуры промышленности», даже в том виде, как тов. Троцкий излагает ее в «Новом курсе», вытекают не те выводы, которые делает тов. Троцкий.

В самом деле, посмотрите, как определяет тов. Троцкий отношение между Наркомфином и госпромышленностью. Он стоит за диктатуру промышленности над Наркомфином. Расшифруем, что это значит.

Прежде всего, одно небольшое замечание. Наш Наркомфин нельзя считать тем же самым учреждением, что министерство финансов буржуазных государств. Строение нашего государственного бюджета в корне и принципиально отличается от строения буржуазного бюджета, ибо наше «государственное хозяйство» принципиально отличается от «государственного хозяйства» классической «финансовой науки» любого из буржуазных университетов. Оно включает всю крупную промышленность, весь транспорт, госторговлю, советские хозяйства и т. д., т.-е. изрядную долю «народного хозяйства». Поэтому такого противоречия между

«интересами народного хозяйства» и «интересами фиска» у нас быть не может (мы не говорим уже о классовой характеристике бюджета, что само собою разумеется).

Итак, что же означает утверждение тов. Троцкого?

Во-первых, тов. Троцкий совершенно напрасно думает, что Наркомфин такая же часть «госкомбината», как транспорт и т. д. (см. «Новый курс», 71).

Во-вторых, тов. Троцкий упускает из виду, что Наркомфин обнимает своею деятельностью не только всю госпромышленность, не только весь сектор госхозяйства, но и всю сферу частного хозяйства (хотя и «по-другому»).

В-третьих, тов. Троцкий не учитывает, что распределение финансовых средств для разных отраслей народного хозяйства (бюджет), а равно (косвенно, через Госбанк) вопросы кредитования, идут через Наркомфин, т.-е. здесь и происходит в значительной мере основной капитал страны. Количество готовых хлоп- между различными сферами народного хозяйства (а не только промышленности).

В-четвертых, тов. Троцкий недооценивает тот факт, что непосредственно в связи с Наркомфином стоит денежная система, эта элементарная предпосылка всей совокупности товарного хозяйства, которая имеет значение для всех звеньев народного хозяйства, а равно система кредита и банки.

Если говорить, что должна существовать диктатура промышленности над Наркомфином, это и значит не понимать реальных связей между этой промышленностью и внегосударственным хозяйственным кругом, т.-е. в первую очередь крестьянским хозяйством.

Как рационалистически, обще, абстрактно ставит вопрос тов. Троцкий, видно из его рассуждений насчет валюты (это в самый «разгар» денежной проблемы!)

Разумеется, «в конечном счете» все «соподчинено» проблеме развития крупной промышленности, ибо она есть база социализма, ведущее начало и т. д. и т. п. Опять-таки, не в этом дело, не в этих политико-экономических «азах». А дело в том, что в определенное, конкретное время при определенных, конкретных условиях, вопросы денежной системы могут стать «звеном». И тогда этой проблеме должно быть «соподчинено» все. Но это уже другая тема, которой нам придется коснуться ниже.

Итак, мы видим здесь основную ошибку («методологическую» ошибку) оппозиционных теоретиков-экономистов: они брали промышленность изолированно, «гвоздя» проблемы они не видели. Поэтому на основе своей постановки вопроса они и не в состоянии были предложить систему правильных мероприятий: они смотрели не туда, куда нужно было смотреть.

Интереснее всего то, что эта ошибка по типу буквально повторяла профсоюзную ошибку Троцкого, Бухарина и прочих. В самом деле, как тогда рассуждали.

«Нэп», раскрепощение хозяйства и т. д.—очень хорошо. Все это приемлем. Но какое это отношение имеет к профсоюзам? И какое это отношение имеет к госпромышленности? Это—«особый вопрос» (как у Троцкого перед XII с'ездом «особенность вопроса» о промышленности была аргументом против абзаца о роли крестьянского хозяйства).

Так рассуждали тогда и рассуждали, действительно, как эклектики, которые не видели общей связи крупных проблем, ставших на очередь дня.

Та же ошибка в виде изолированного анализа промышленности, ее, так-сказать, лабораторно-уединенного лечения, повторилась и в прошлом году. Нетрудно понять, что—отрицают или не отрицают это сами авторы ошибки—она связана с непониманием роли крестьянского хозяйства. Это подтвердится еще более в последующем изложении.

3. Вопрос о „плане“.

Вопрос о плане, как мы видели, играл в дискуссии совершенно исключительную роль. Оппозиция видела в «плане», «плановом начале», «маневренном плане» и т. д., универсальное средство от всех экономических, а следовательно, и всяких иных, зол.

Само собою разумеется, что никто и не спорил против планового хозяйства и плана вообще. Мы уже в прошлом году настолько далеко ушли вперед от такой детски-примитивной постановки вопроса, что нелепо было тащить партию назад, к рассуждениям о «пользе стекла». Не в этом был вопрос. А вопрос был в том, как реально подойти хоть немножечко поближе к тому «плановому хозяйству», имя которому—социализм.

Нужно еще раз вспомнить, как обстояло дело, какова была конкретная «хозяйственная кон'юнктура» в широком смысле этого слова.

Основной факт—почти полная размычка промышленности с крестьянским хозяйством. Невозможность и бесперспективность товарооборота между городом и деревней. Крестьянин не может развивать свое хозяйство, так как он заинтересован в росте его товарности; цены на продукты крестьянского хозяйства страшно низки, и ему невыгодно продавать; цены на продукты промышленности очень высоки, и ему невозможно покупать. Запродажи со стороны крестьянского хозяйства для покупок тоже, следовательно, перестают иметь смысл. Этакое положение невероятно обостряется катастрофически-падающей валютой, совзнаком, который становится положительно опасно держать у себя: он падает по своей покупательной способности не только со дня на день, но чуть ли не с часу на час. Денежное «накопление» становится исключенным, а следовательно, застопоривается и реальное накопление вместе с ростом помех к расширению товарного хозяйства вообще. Становится невозможным даже ограниченный индивидуальный «план» крестьянского хозяйства, ибо нельзя даже элементарно рассчитать и подсчитать хозяйственные элементы, не говоря уже о налогах и т. д.

Так в общем, в самых грубых очертаниях, обстояло дело с крестьянским хозяйством.

А с промышленностью? Прежде всего, возможность сбыта. Промышленность уперлась в тупик, она натолкнулась на крупнейшее препятствие, а именно на слабость внутреннего крестьянского рынка. Процесс реализации застопорился. Застопорилось, следовательно, и воспроизводство и накопление. Падающая валюта, бесконечное количество «индексов», судорожные попытки решить задачу квадратуры круга, т.-е. найти точные измерители при всеобщей неустойчивости хозяйственных элементов, делали и

здесь невозможным точный расчет, калькуляцию, исчисление себестоимости, балансов и т. д. Элементарнейшая основа элементарнейшего плана отсутствовала даже для отдельного предприятия, треста или для любой еще более низовой производственной единицы.

Таким образом, по основной линии смычки между двумя громаднейшими частями народного хозяйства получилось полное и категорическое расхождение. А в любой из производственных ячеек и на стороне крестьянина, и на стороне госпромышленности—отсутствовала элементарная возможность «плана» в условиях товарного хозяйства, ибо бился в агонии многострадальный советский знак.

Как же в таких условиях предлагали итти к плановому хозяйству оппозиционные товарищи?

В своем докладе на XIII партконференции тов. Пятаков говорил:

«Если подходить к вопросу о плановом хозяйстве так, как подошел т. Рыков, т.-е. к созданию плана всего народного хозяйства Союза Республик, включая и крестьянское, то, разумеется, мы должны сказать: такого плана создать в настоящий момент, при наличии колоссальнейшего по размерам крестьянского хозяйства, нельзя...

Когда мы говорим о плане и управлении хозяйством, то в первую очередь и в первую голову (а во «вторую»? Н. Б.) встает вопрос об управлении государственным хозяйством, о внесении сознательности и систематичности, т.-е. планомерности, в это управление» (Протоколы, стр. 20).

«Второй вопрос состоит в том, что, если мы построим такую систему управления государственным хозяйством (подчеркиваю: всем государственным хозяйством, не крестьянским, не частным, а именно той частью народного хозяйства, которая находится в собственности у пролетарского государства), то совершенно ясно, что мы должны подойти к этому нашему хозяйству с каким-то планом работы» (Ibid., стр. 22).

К этим, невинным на первый взгляд, формулировкам стоит присмотреться. В самом деле, казалось бы, что в них—вся бездна марксистской премудрости насчет плана. А вот при ближайшем рассмотрении мы увидим, насколько они односторонни, недиалектичны, мертвы, жизненно-«подозрительны».

Тов. Пятаков издевается над планом всего народного хозяйства теперь. Но эта издевка годится лишь в том случае, если «план» понимать в соответствующем его «чистой» идее виде. Но такой идеальный план исключен и для госпромышленности, взятой даже только «в себе и для себя», т.-е. вне всякой связи с частно-хозяйственным кругом народного хозяйства. Мы и здесь имеем лишь известную степень рационализации (внесения сознательности) хозяйственного процесса. Лежит ли вне этой тенденции вопрос о соотношении между крестьянским хозяйством и госхозяйством? Стоит только поставить этот вопрос, чтобы увидеть, что и этот вопрос включается в вопрос о «плане», включается уже теперь. Возьмем дело конкретнее. Можно ли строить хозяйственный план, не учитывая налогов? Нет. Можно ли учитывать налоги, не учитывая вероятного урожая (хотя бы вчерне)? Нет. Можно ли строить планы в промышленности, не учитывая емкости крестьянского рынка? Нет. Можно ли ставить вопрос о емкости рынка вне вопроса о ценах? Нет. И так далее и тому подобное.

В отличие от тов. Пятакова, тов. Троцкий в одном месте почти подошел к верной постановке вопроса, но тотчас от нее отскочил. В «Новом курсе» он писал:

«Разумеется, предварительный учет крестьянского рынка... ни в каком случае не может быть точным. Здесь неизбежны серьезные просчеты уже хотя бы в виду колебания урожая и пр. Просчеты эти будут обнаруживаться через рынок же, в виде частичных и даже общих нехваток, заминок, кризисов. Однако же, совершенно ясно, что кризисы эти будут тем менее острыми и длительными, чем серьезнее плановое руководство проникает во все отрасли государственного хозяйства, сочетая их непрерывно между собой» (стр. 70).

Тов. Троцкий поставил проблему «просчетов»—в области (тоже «планового», поймите же, товарищи!) учета в соотношении между городом и деревней, но тотчас же убежал к рассуждениям об отраслях государственного хозяйства, взятого «само по себе»!

Вся эта постановка вопроса смазывает главнейшую проблему нашей экономики и нашего планового (не в абсолютном, не в идеальном, а в конкретно-практическом значении этого слова) руководства. Разверните формулу нашего «плана» даже только в отношении к госпромышленности. Что есть план? План состоит по Троцкому в «непрерывном сочетании» производственных отраслей между собою. На языке политической экономии это есть «уничтожение диспропорциональности», или «анархии». Но только Туган-Барановский и его сторонники не понимали, что в понятие пропорциональности входит и «сочетание» с потреблением, т.-е. в данном случае с совокупностью крестьянского рынка. По Троцкому выходит примерно так: ну, просчеты в отношении к крестьянскому рынку будут, но центр-то тяжести заключается в соотношении частей «госхозяйства». А реально? А реально дело обстоит так, что само это соотношение («сочетание») внутри госпромышленности определяется соотношением с крестьянским рынком. Тот «план», который бьет мимо этого соотношения, не есть план, ибо это соотношение и есть база всего плана. Вот что нужно продумать до конца, понять и усвоить раз навсегда.

Никакое самое «расправильное» «сочетание» между отраслями нашей промышленности не освободит от крупнейших потрясений, если будут ошибки в учете основного соотношения, т.-е. соотношения между госпромышленностью и крестьянским хозяйством.

В своей книжке «Хозяйство и цена» известный буржуазный идеолог П. Б. Струве говорил об «основном дуализме» хозяйства, т.-е. о том, что во всяком хозяйстве обязательны два «начала»: начало стихийности и начало сознательности («плана», «рационализации»). Он считал исключенным общую рационализацию хозяйства, т.-е. социализм. Мы этого отнюдь не считаем. Но в то же время мы видим, что рационализация есть процесс, что «плановое начало» растет. В известном смысле всякое наше государственное вмешательство в стихийной ход экономической жизни есть внесение этого рационального начала, этого «плана». Но нужно практически уметь делать здесь такие шаги, которые реально способствовали бы росту рациональных элементов обще-

ственного хозяйства. Тут есть разные типы: регулирование дробного крестьянского хозяйства (очень слабое, ибо только такое и возможно теперь)—это один тип; учет на основании статистики вероятной суммы урожая, как основы для построения суммы налога—это, скажем, другой тип; более или менее точные производственные программы госпромышленности — это третий тип «увязки» и т. д. У нас дело с «планом» обстоит как раз очень сложно. Но при всей сложности построения плана, все же, нам кажется, ясно, что вопрос учета крестьянского рынка есть одна из основных работ по построению плана.

Если это так, то да позволено будет спросить: ну, а может быть такая обстановка в экономике страны, чтобы этот вопрос, вопрос о соотношении между городом и деревней, точнее вопрос о процессе обращения и условиях этого процесса, всплыл как решающий, как ленинское «звено», как проблема, которая (в относительном смысле слова, конечно) покрывает собой все остальные вопросы, проблемы, задачи? Может это быть или нет?

Конечно, может. И такую обстановку мы и имели осенью 1923 года. Именно здесь был заколочен «гвоздь» нашей народнохозяйственной жизни, и именно сюда нужно было смотреть, чтобы увидеть правильный подход к лечению болезни.

Как иногда смутное сознание этого появлялось и у оппозиционных теоретиков, показывает, например, такое место в их резолюции («Правда», № от 1 янв. 1924 г.):

> «Если развитие государственной промышленности совершается стихийно, не уравновешенно с развитием сельского хозяйства, то это является результатом отсутствия плана и руководства».

Это чересчур сильно сказано: «отсутствием». Но что просчет здесь был—кто же это отрицает? Что были крупнейшие недостатки—кто же против этого спорит? Но где: «здесь»? Где «это «здесь»—вот в чем гвоздь вопроса.

На это нельзя было ответить с кондачка. И если оппозиция говорила: план, план, еще раз план и еще раз Госплан, то большинство партии утверждало: основа в неправильной политике цен и в отсутствии твердой валюты—сюда смотри, здесь чини, исправляй и улучшай, таким образом, смычку. Это и будет реальным продвижением к плану.

Эти вопросы мы рассмотрим более конкретно ниже. А тут мы приведем еще одно место из резолюции оппозиционных экономистов, которое социалистическую добродетель видело не в усилиях ошибку.

> «Резолюция (имеется в виду резолюция, предложенная политбюро ЦК Н. Б.) связывает возможность планового руководства с введением устойчивой валюты и, таким образом, отсрочку выполнения решений XII с'езда (!! Н. Б.) об'ясняет необходимостью предварительно провести денежную реформу. Такая постановка неправильна и опасна, ибо вне общего и непрерывного согласования финансов с другими элементами государственного и народного хозяйства немыслимо обеспечить действительно устойчивое денежное обращение».

Как странно выглядят все представления о «плановом руководстве». Сперва—его полное отсутствие. Потом, как deus ex machina,

его полное наличие. Никаких ступеней. Все абсолютно, категорично, «жестко». Но, ведь, теории проверяются жизнью. Не так ли? Что же мы видим под этим углом зрения?

«Плановые» предложения оппозиции не были приняты. Был принят другой «план». И что же? У нас улучшилось положение дел и вообще в народном хозяйстве, у нас укрепилась и твердая валюта, т.-е. «действительно устойчивое денежное обращение».

Позвольте, но ведь оно было «немыслимо»?

Да, оно было бы «немыслимым», если бы была «мыслимой» предпосылка о правильности взглядов оппозиции.

«Устойчивое денежное обращение» делает, таким образом, абсолютно-неустойчивой экономическую платформу оппозиции и опрокидывает ее без всякого труда «на обе лопатки».

Таким образом, ко всем оппозиционным рассуждениям о плане можно было бы поставить эпиграфом следующее место из Ленина:

> «Суть дела в том, что у нас не умеют ставить вопроса и живую работу заменяют интеллигентским и бюрократическим прожектерством. У нас были и есть текущие продовольственные и топливные планы. Мы сделали явную ошибку и в тех и в других. Насчет этого не может быть двух мнений. Дельный экономист вместо пустяковых тезисов, засядет за изучение отчетов, цифр, данных, проанализирует наш собственный практический опыт и скажет: ошибка там-то, исправлять ее надо так-то. Дельный администратор на основании подобного изучения предложит или сам проведет перемещение лиц, изменение отчетности, перестройку аппарата и т. п. Ни того, ни другого делового и дельного подхода к единому хозяйственному плану у нас не видишь». (Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 86—87).

А в другом месте (в письме тов. Кржижановскому) тов. Ленин писал:

> «О плане М. пишет вздор. Самая большая опасность (слушайте! Н. Б.), это—забюрократизировать дело с планом государственного хозяйства. Это опасность великая. Ее не видит М. Очень боюсь, что, иначе подходя к делу, и вы не видите ее... Целый, цельный настоящий план для нас теперь «бюрократическая утопия». Не гоняйтесь за ней». (Г. М. Кржижановский. «Товарообмен и плановая работа» М. 1924. Изд. Госплана, стр. 16).

Эти слова нужно будет помнить еще долгое время, чтобы избежать той «великой опасности», о которой говорил тов. Ленин.

4. Политика цен.

Выше мы видели, что промышленность натолкнулась на слабость внутреннего, т.-е. в первую голову крестьянского, рынка. (Другой вопрос, а именно, о ценах на продукты крестьянского хозяйства и экспорта хлеба, как методе «леченья», ясен и без дальнейшего анализа). Следовательно, нужно было «в первую голову» посмотреть, в каком отношении стоят фактические цены к действительным нуждам промышленного развития. В дискуссии не раз, при обсуждении вопроса о характере кризиса, некоторые товарищи с возмущением протестовали против «кризиса перепроизводства». Какой, мол, кризис перепроизводства, когда крестьянин до зарезу

нуждается в таких-то и таких-то товарах, но не может их *купить*!?! В резолюции «четырех евангелистов» кризис был охарактеризован, как кризис, который «в значительной мере является кризисом несогласованности и непредусмотрительности». Точно *не всякий* кризис является кризисом несогласованности! Точно, если бы была полная «согласованность» (т.-е. полная рационализация и всесторонний план), то можно было бы говорить о кризисах!

Эти протесты против «перепроизводства» основываются на весьма наивном представлении обо всем механизме рыночного хозяйства. Этак, ведь, нельзя было бы говорить и о кризисах перепроизводства во времена классического капитализма, ибо никогда насыщение продуктового спроса не являлось реальностью, и капитализм в этом смысле всегда *недопроизводил*. Когда речь идет о перепроизводстве, то всегда речь идет о *платежеспособном* спросе, всегда речь идет об *определенных ценах*. Только так и можно ставить вопрос. Но это, однако, не решает еще *другого* вопроса, а именно вопроса о *строении цен* в условиях монопольного хозяйства, о высоте картельной сверхприбыли, о возможности отказаться от части этой сверхприбыли или от всей сверхприбыли для того, чтобы ускорить товарооборот, расширить рынок и *с этого конца* вести политику промышленного под'ема.

Этот вопрос в его общей формулировке был поставлен и проанализирован нами в статье, направленной против «основного закона социалистического накопления» т. Е. А. Преображенского.

Поэтому повторять здесь всю аргументацию мы отнюдь не собираемся. Посмотрим лишь, как «подводили базу» экономические лидеры оппозиции против рекомендовавшейся ЦК политики снижения цен.

Вот, напр., теоретическая предпосылка т. *Преображенского*:

> «Мы не должны, товарищи,—усовещевал партию тов. Преображенский,—принижать теорию в нашей партии, и поэтому мы, вступившие в эпоху строительства социализма, должны осмыслить все тенденции в нашем хозяйстве, которые перед нами проходят... Уже теперь, на опыте нашего советского хозяйства, мы можем констатировать различие между законами социалистического накопления и законами капиталистического накопления. Сущность капиталистического накопления заключалось в том, что *каждое отдельное предприятие*, более крупное, технически более высокое, в *конкурентной борьбе* побивало ремесло и кустарную промышленность. И *потребитель-покупатель решал судьбы того и другого способа производства, покупая более дешевые товары*. Это происходило в обстановке чаще всего манчестерского отношения государства к этому процессу, хотя оно и поддерживало в других формах промышленность.
>
> У нас, товарищи, *другое положение*. Наши отдельные предприятия, даже отдельные тресты, в обстановке чисто-конкурентной борьбы могут подвергаться всем опасностям постепенного их перерождения и рассасывания в предприятия капиталистической формы. И их сила не в том заключается,

> что они *таким путем* (т.-е. путем конкуренции и дешевых цен, очевидно. Н. Б.) могут одержать победу, а в том, что все государственное хозяйство, весь его комплекс будет выступать, как единое целое. И весь в целом окажется сильней нэп'а». (Протоколы XIII конф., стр. 34, все курсивы наши. Н. Б.).

Как тут все «ядовито»! Даже «манчестерское отношение государства» припущено для тех, кто не согласен с точкой зрения тов. Преображенского.

В чем чудовищность его положений? Да в том, что он *противопоставляет* «плановость», т.-е. относительное единство нашего государственно-хозяйственного комплекса, политике дешевых цен. Вот что странно, вот что действительно чудовищно.

Вместо того, чтобы рассуждать:

> *Так как* наша социалистическая промышленность имеет преимущество перед капиталистической, ибо она выступает или может выступать относительно сжатым единым кулаком, то нам нужно *использовать* это обстоятельство для всемерного *удешевления* товаров, чтобы *этой дешевизной* бить частного промышленника, торговца и т. д.—

вместо этого т. Преображенский разводит такую «теорию»:

> *так как* частный капиталист действовал в раздробь, конкурировал, бил конкурента, завоевывая покупателя *дешевой ценой*;
>
> *и так как у* нас не должно быть индивидуализма, манчестерства и проч., то... давайте продавать *не* дешево,—это, ведь, капиталистический метод.

Ну и логика! Ну и «метод»! Ну и понимание задач социалистического пролетариата!

Оппозиция не только не видела того, что нужно было видеть: она *упиралась*, когда ее толкали на правильный путь. Суверенное презрение к крестьянскому хозяйству приводило к тому, что люди не могли «заметить» такого реального «слона» экономической политики, как возможность и необходимость *снижения цен*, без которого нельзя было приступить к оздоровлению промышленности по настоящему.

Любопытна дальнейшая аргументация тов. Преображенского. На той же тринадцатой конференции он говорил:

> «Мы получаем ценности извне путем прямых налогов или путем определенной политики цен. Каждый, конечно, скажет, что путь прямых налогов—путь наиболее опасный, который ведет к размычке с крестьянством. Возьмем конкретный пример: если крестьянство дает возможность накопить 300 милл. путем налогов и, допустим, 200 милл. путем получения прибыли от госпромышленности, то мы, таким образом, накопляем 500 милл.
>
> А не ясно ли, что раз мы имеем эту сумму, как *определенно данную сумму*, не выгодней ли политически сделать так, чтобы крестьянство... дало 200 милл. путем налогов и 300 миллионов путем определенной политики цен» (Стр. 35 Протоколов).

Эта, на первый взгляд, убедительная арифметическая выкладка страдает, однако, тем «маленьким» недостатком, что она предполагает какие-то раз навсегда данные величины.

А не слышал ли тов. Преображенский, что можно выиграть на быстроте оборота?

А не слышал ли тов. Преображенский, что можно выиграть ценах, но большей массе продаваемых товаров (т.-е. при расширении рынка) можно получить большую сумму прибыли?

И где у тов. Преображенского хоть тень доказательства того, что быстрота оборота не может быть увеличена (что она «дана»), что количество сбываемых товаров останется тем же?

При такой простоте рассуждений, какая есть у тов. Преображенского, дело безвыходно. Но счастье в том, что одно дело—сознание оппозиционных экономистов, а другое—реальное бытие советской экономики. Тов. Преображенский находится в плену монополистских предрассудков,—вот в чем его беда.

А между тем даже некоторые буржуазные экономисты видят в чем суть проблемы. Так, например, в октябрьском № «Journal des Économistes» помещена статья Ива Гюйо (Yves Guyot: L'Augmentation du pouvoir d'achat par la baisse des prix на тему об «увеличении покупательной силы путем низких цен», где этот либеральный автор выставляет положение (терминология не-марксова, разумеется), что «снижение (réduction) цены единиц (продукта) увеличивает их общую ценность (la faleur totale), потому что оно вызывает спрос» (144). В этом г. Гюйо видит настоящее завоевание рынков. Не скажет ли тов. Преображенский, что г. Гюйо стремится подкузмить французских капиталистов?

Ускорение оборота, расширение рынка, на этой базе расширение производства, отсюда—возможность дальнейшего снижения цен, дальнейшего расширения рынка и т. д. Вот путь нашего производства. Эта политика для нас обязательна, ибо мы во что бы то ни стало должны осуществлять смычку с крестьянством. Эта политика для нас возможна именно потому, что мы имеем преимущество в относительной плановости нашего государственного хозяйства.

Тов. Пятаков, на той же XIII конференции говорил:

«Вопрос о смычке есть в значительной мере, вопрос о соотношении цен (Слава те господи! Н. Б.)... И вот как мы подходим к вопросу о регулировании цен? Это чрезвычайно показательный пример того, как не нужно вести наше государственное хозяйство. Мы думали (и в резолюции это сказано), что просто соответствующим распоряжением мы цены понизим, заставим тресты снизить накладные расходы, снизить прибыль, улучшить производство, и цены падут. Я утверждаю, что так дело не выйдет, потому что дело не только в этом, а и в количестве товаров, поступающих на рынок»... (стр. 25).

Указывая на то, что частный торговец продает по дорогим розничным ценам, даже если отпускные цены трестов низки, тов. Пятаков делал такой вывод:

«Мы таким регулированием цен добьемся не смычки крестьянства с нашей промышленностью, а добьемся накопления частного капитала и смычки частного предпринимателя с крестьянством» (там же).

Если тов. Пятаков жаловался на малое количество товаров, то тов. В. М. Смирнов в свою очередь гневался на то, что к осени

«резко зажали кредит и заставили наши торговые органы выбросить на рынок всю массу товара, которая скопилась за лето, выбросить как раз в тот момент, когда крестьянин сдавал максимальное количество сельскохозяйственного налога» (Протоколы, стр. 70).

Итак, прежде всего вопрос о «количестве товаров» и еще раз вопрос о характере кризиса.

Если говорить о потребностях крестьянского хозяйства, было резкое недопроизводство.

Если говорить с точки зрения платежеспособного спроса, то было перепроизводство.

Но как же кризис сбыта, так сказать, сам не повлек снижения цен?

А очень просто: в силу стопроцентной монополии в промышленности, которая имела до тех пор гарантированный государственный кредит и поэтому не имела достаточных стимулов к завоеванию рынка путем более дешевых цен.

Это привилегированное положение, уже породившее явления монополистского загнивания и застоя, и нашло своих апологетов в лице оппозиционных товарищей. Чтобы ликвидировать этот застой, нужно было разбить партийную оппозицию с ее цеховой и узкой точкой зрения, мешавшей заглянуть за пределы госхозяйства и, следовательно, вредной и для этого самого госхозяйства.

Довод о наживе частного капитала явился уж поистине жалким софизмом, придуманным для того, чтобы не снижать цен. Ибо именно, исходя из того, что разницу может класть в карман частный «посредник», и нужно было расширять кооперативную агитацию и пропаганду, срывая маску с частного посредника, как с грабителя, хозяйственно его разоблачая и строя свою торговлю, укрепляя кооперативную и т. д. Только так и можно итти вперед. А бояться этой борьбы, значит «волков бояться, в лес не ходить».

Ряд товарищей из оппозиции говорили, что из признания «перепроизводства» вытекает свертывание промышленности. Так было бы, если бы перепроизводство это не было бы связано с безумными ценами. Эту связь они упускали. Наоборот, совершенно правильная точка зрения ЦК, заставлявшая госпромышленность не жить на готовенькое, а зашевелиться и поискать рынка, привела к безусловному успеху. Сломлено было монополистское чванство, которое чрезвычайно наглядно и выпукло обнаруживает их по улучшению смычки с крестьянином, а в административных прерогативах, позволяющих брать что угодно, как угодно, а в случае затора и торгового главзапора итти в госкассу и получать кредиты за заслуги перед социалистическим отечеством.

Практика всецело оправдала политику снижения цен. Товарооборот увеличился, промышленность сдвинулась с места, началась гораздо более быстрая мобилизация хозяйственных факторов, более интенсивное использование капитала, то-есть создались условия для дальнейшего развертывания производства. Насколько можно было с пользой для промышленности снизить цены, показывает следующая сравнительная табличка.

1. Снижение отпускных цен с 1/X—23 г. по 1/XI—24 г.—30—35%

Отрасли производства.	Цены в % к довоенным.		
	1/X—23 г.	1/X—24 г.	Снижен. в %
Кожевенная	322	218	33
Пищевая	325	211	35
Селик.-строит	304	208	32
Металлическая	207	177	15 [1]
Текстильная	271	177	35
Топливная	210	173	18
Электрическая	176	160	9
Бумажная	179	141	21
Химическая	175	124	29
Нефтяная	117	101	28
Вся промышленность	247	177	29

Интересно отметить снижение цен на некоторые отдельные товары. Так, например, цена на гвозди была снижена на 47%, подошву на 48, краски—52, сукно тонкое—61, махорку—71, продукты шерстяной промышленности—46,5.

Погибла при таком снижении цен наша промышленность? Ничего подобного. Она впервые стала быстро развертываться. Конечно, было бы нелепо приписывать это *только* снижению цен. Но эта политика безусловно дала толчок к *быстроте оборота*, устранила застойно-гнетущий момент монополистского *извращения* экономической политики нашей государственной промышленности, помогла справиться с «кризисом сбыта». Уже после первых ударов по высоким ценам и провинциальные и московские биржи отметили оживление товарооборота. А к осени 1924 года предложение отставало от спроса.

[1] Или 30—35%, если учесть снижение цен в октябре и ноябре.

Развертывание товарооборота видно из следующей таблицы (по материалам ВСНХ).

Обороты синдикатов по продаже 1923—24 г.

(В тысячах рублей).

Наименование синдикатов.	I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал	Всего
В. Т. С.	28.755,2	50.768,0	74 528,6	99.927,7	253.979,5
в процентах	100	176	259	347	—
В. К. С.	9.166,9	9.941,0	11.014,0	14.407,9	44.529,8
в процентах	100	108	120	158	—
Сольсиндикат	7.885,2	9.177,7	11.082,0	8.850,0	36.994,9
в процентах	100	116	140	112	—
Нефтесиндикат (керосин)	7.562,6	6.873,4	3.218,8	9.293,8	26.948,6
в процентах	100	90	42	123	—
Продасиликат	3.156,8	3.351,1	3.954,4	4 972,6	15.434,9
в процентах	100	106	125	157	—
Металосиндикат	1.654,4	3.294,9	5.393,5	7.749,5	18.092,0
в процентах	100	193	326	468	—
Сельмаш	281,4	2.690,3	964,1	776,6	4.712,4
в процентах	100	960	344	276	—
Ремаслосиндикат	861,7	280,0	618,5	1.205,3	2.965,5
в процентах	100	32	71	140	—
Махорочный	397,7	855,5	1.597,4	1.975,2	4.822,8
в процентах	100	217	405	501	—
Спичечный	855,9	52,4	—	—	908,3
в процентах	100	6	—	—	—
Жировой	121,3	426,4	377,0	664,0	1.588,7
в процентах	100	352	311	548	—
Крахмалпатбюро	44,1	26,7	—	—	70,8
в процентах	100	60	—	—	—
Консервбюро	31,4	—	—	—	31,4
в процентах	100	—	—	—	—
Уралмет	11.061,5	11.895,7	18.106,7	17.590,1	58.654,0
в процентах	100	108	164	159	—
Итого	71.832,8	99.633,1	130.855,0	167.412,7	469.732,6
в %%	100	138	182	233	—

При снижении цен на 30% продукция промышленности увеличилась с 1.191 миллионов довоенных рублей до 1.548 милл., т.-е. уже на 30%. При этом сдвинулась не только легкая промышленность, но стала подниматься и тяжелая, производящая в значительной мере (по директивам СТО и т. д.) реальная увязка хлопчато-бумажных тканей (счет в продукте) увеличилось на 43,8%, железной руды—на 109,5%, чугуна—на 121,5%, стали—на 69,7%, прокат—на 51,9% [1]).

Это было сделано не «вопреки ЦК», а вопреки (в условном смысле) оппозиции т.-е. при поддержке ЦК. Ибо его руководящее большинство видело проблему там, где ее нужно было видеть.

Теперь запоздало признается, кажется, почти всеми, что политика снижения цен дала сильнейший толчок и к реальному снижению себестоимости. В качестве иллюстрации этого процесса могут служить следующие цифры, взятые из области текстильной промышленности, где снижение цен было особенно значительно (разумеется, дело здесь не только в снижении цен, но никто не может оспаривать очень значительного влияния этого фактора):

Снижение себестоимости (за год) [2]).

	%
Хлопчато-бумажн. промышлен.	49
Грубо-шерстян „	40
Тонко-суконн. „	70
Камвольная „	53
Льняная „	50

Этот процесс, в свою очередь, будет облегчать дальнейшее снижение цен и тем самым наиболее прочное завоевание рынка, в том числе и в первую очередь, рынка крестьянского. Используя все преимущества единства нашего государственного хозяйства, используя все возможности того (не абсолютного, не «цельного», не совершенного) плана, который у нас имеется, мы должны и на этой основе удешевить себестоимость и понижать цены, все мощнее и мощнее ускоряя товарооборот, все интенсивнее используя единицу капитала, все ускоряя темп хозяйственного взаимодействия между городом и деревней и тем самым укрепляя во много раз «смычку» между рабочим классом и крестьянством, а равно и развертывание нашей госпромышленности.

Нужно понять, что наши «казенные» фабрики и заводы не должны ни в коей мере страдать ни бюрократизмом «казенных заводов» буржуазного государства, ни иметь ограничивающие рост производительных сил тенденции, что есть у монополистического капитализма. Ибо наша задача—максимум развития производительных сил, покрытие потребностей широких масс, неустанное стремление к развертыванию производства. В условиях рынка метод дешевых цен можно в такой же степени считать «буржуазным», как метод гражданской войны в условиях пролетарской революции.

---

[1]) Предварительные итоги работы госпромышленности за 1923/24 операционный год. (Доп. к ежем. стат. бюлл. Ц. О. С. В. С. Н. Х. № 9).

[2]) Цифры взяты из докладной записки ЦУГПРОМ'а председателю ВСНХ тов. Дзержинскому.

5. Денежная реформа.

Выше мы видели, как обстояло дело у оппозиционных элементов с денежной реформой. Они, по сути дела, отвергали денежную реформу, как необходимую предпосылку нарастания «плановости» хозяйства.

Таковой она у них не являлась.

Если вдуматься в это обстоятельство и найти здесь самую глубокую причину такого отношения к делу, то и здесь обнаружится основной порок оппозиционной платформы: непонимание связи госпромышленности с крестьянским хозяйством. В самом деле, тут перед нами два момента:

Во-первых, недооценка рынка, типа рыночной связи и твердой валюты, как непременного условия здорового рыночного товарооборота resp. товарного производства.

Во-вторых, желание, чтобы и дальше нас «спасал» совзнак. Это желание стоит, в свою очередь, в связи со всей теорией «социалистического накопления», развитой тов. Преображенским. Бумажно-денежная эмиссия есть, ведь, скрытый вид налогового обложения (кстати, совершенно напрасно т. Преображенский в «Вестнике Комм. Академии» утверждает, что эту истину он впервые открыл). А так как социалистическое накопление должно в значительной мере (и это есть, по Преображенскому, основа политики) итти именно таким путем, а уж никак не через буржуазные дешевые цены, то появляется велий соблазн удержать этот милый, добрый совзнак.

Можно сказать, что оба эти пункта стоят в связи с некоторыми пережитками военного коммунизма, с непониманием специфических методов нашей политики в условиях товарного хозяйства, где быстрота оборота должна быть величиной, пренебрегать которой может только провинциальный скряга и скупердяй, а не расчетливый «хозяин».

Вся премудрость сводится здесь, следовательно, к такой вырисовывающейся «линии»: следует с денежной реформой потерпеть: государственное хозяйство вылезет на плане, ибо можно здесь прибегать к безденежному расчету, а с другой стороны, к расчету в червонцах; накопление же будет происходить за счет «третьих лиц»: 1) путем эмиссионного налога (для чего нужно сохранение совзнака), 2) путем политики высоких цен. Логика—правда, своеобразная—вскрывается, таким образом, и тут. И тут происходит «увязка» между общими взглядами на основы хозяйственной политики—с одной стороны, и частной проблемой, в данном случае проблемой денежной реформы,—с другой. Если принять во внимание, что падение советского знака ударяло в первую очередь по крестьянскому хозяйству и благодаря своему общему воздействию (ибо советский знак гулял в деревне, а для крупных сделок уже был червонец), то картина становится еще более ясной и еще более яркой.

Таким образом, об'ективное положение и политика рабоче-крестьянского блока делали настоятельно необходимой денежную реформу, смелую попытку упорядочения денежного хозяйства. А в это время «плановая» логика оппозиционных товарищей тормозила проведение этой реформы и предрекала всяческие ужасы и напасти, если мы эту денежную реформу быстро и решительно стали бы проводить.

Следует вспомнить, как оценивал тов. Ленин вообще вопрос о стабилизации рубля. На IV конгрессе Коминтерна (предпоследняя публичная речь Владимира Ильича) он говорил:

> «Что действительно важно, это вопрос стабилизации рубля. Над этим вопросом работают лучшие наши силы, и этой задаче мы приписываем решающее экономическое значение. Удастся нам на продолжительный срок, а впоследствии навсегда стабилизировать этот рубль, значит, мы выиграли». (Собр. соч. т. XVIII, ч. 2, стр. 91).

Вл. Ильич говорил здесь о стабилизации соврубля. Вышло по-другому. Но это ни капли не опровергает ленинского утверждения. Для того, чтобы провести денежную реформу, требовалась, конечно, известная смелость: нужно было отгрызаться от «диктатуры промышленности», нужно было апеллировать к рабочим массам с призывом временно потерпеть, принести новую жертву, пока будет проходить наиболее острый период реформы. Если задача навязывалась всем ходом событий, то ее нужно было решить, и этой задаче, ее решению нужно было соподчинить все остальное. А наши оппоненты не только не понимали всей важности задачи, не только протестовали против подчинения ее решению, решение других задач и проблем, но и идейно саботировали реформу, пугая партию и гибелью страны, и гибелью червонца, тогда еще маленького и ходившего «под столом».

Уже на сессии союзного ЦИК, при обсуждении доклада Наркомфина во фракции, тов. В. Смирнов говорил:

> «Когда, при таком тяжелом финансовом положении... наше денежное обращение стараются поставить на основу червонца, который нельзя эмитировать произвольно... то это вызывает величайшее опасение... Когда осеннее оживление закончится... когда наступит обычное сжатие оборота, то оно прорвет тонкую оболочку советских знаков. Это будет критическим моментом для червонца». (Доклад т. Кржижановского от Госплана о проблеме «ножниц» и прения по докладам Госплана, Наркомфина и ВСНХ на заседания фракции РКП (б) III сессии ЦИК Союза ССР, стр. 33).

11 сентября 1923 года тов. Смирнов в записке, поданной в политбюро, анализируя создавшееся положение, приходил к такому выводу:

> «Мы должны при таких обстоятельствах уже сейчас иметь в виду неизбежность ликвидации советского рубля и превращение банкноты в падающую валюту со всеми вытекающими отсюда последствиями».

В другой записке тот же товарищ говорит о катастрофической обстановке

> «в ближайшее же время для нашего советского рубля, а в дальнейшем и для самой банкноты», что—как об этом говорится в другом месте той же записки—«обозначало бы, конечно, величайшую катастрофу как для народного хозяйства вообще, так и для государственного бюджета, в частности».

То же—в третьей записке тов. Смирнова. Словом, по всему фронту—«положение катастрофическое».

Основное соображение, которое выдвигалось, как деловой аргумент, товарищами из оппозиции, заключалось в том, что при бюджетном дефиците неизбежно придется прибегнуть к «ненормальной» эмиссии червонца и таким образом превратить его в новую падающую валюту, так сказать, «другой манеры». Это соображение, конечно, имело довольно крупный логический вес. Однако, оно имело сверхсильный логический вес только при некоторых оппозиционных предпосылках.

А именно: если справедливы были протесты против «диктатуры Наркомфина», т.-е., если справедливы были те, кто защищал «диктатуру промышленности» против «самодовлеющего», как это называл тов. Троцкий в своем первом письме членам ЦК и ЦКК, «характера нашей финансовой политики», тогда, конечно, денежная реформа потерпела бы неизбежный крах.

Здесь нужно было, конечно, выбирать. Проведение денежной реформы предполагало «жесткий финансовый план», беспощадное «зарезывание» по отдельным сметам, сокращение до минимальнейшего минимума всех расходов и т. д. Против этого, естественно, поднимались протесты, как против финансового самоуправства. Но это «самоуправство» предполагалось, поскольку нужно было брать всерьез всю денежную реформу. Ибо, иначе, действительно, осуществилась бы та самая перспектива, которую предрекал тов. Смирнов, а равно и товарищи Преображенский, Пятаков и другие. (В связи с этим стоит и производный вопрос об активном балансе, который мы здесь отдельно не рассматриваем; достаточно указать, что протесты против активного баланса в известной степени были связаны со взглядами на денежную реформу).

И здесь практика показала, что товарищи из оппозиции вульгарно выражаясь, «сели в калошу».

Уже на XIII конференции, где оппозиция вообще давала отбой (стоит вспомнить, что тов. Пятаков говорил здесь в общем о «правильной» экономической политике ЦК, тогда как в записке 46 эта политика выглядела «совсем наоборот»), тов. Преображенский поспешно отступал.

> «Мы в дискуссии,—говорил тов. Преображенский,—не выступали против финансовой реформы, ибо мы стихийно (!) подошли к необходимости ее проведения». (Протоколы, 37).

Не выступали против. А за выступали? А неизбежного провала не предрекали? А эти пророчества как можно было оценить? «Ни за, ни против»? Конечно, товарищи, об'ективно были против реформы.

> «Еще летом,—продолжает тов. Преображенский,—ЦК был предупрежден целым рядом товарищей, относительно того... что существование двух валют несовместимо, что червонец будет выпирать совзнаки, и мы можем стихийно (!) оказаться перед необходимостью перейти на твердую валюту тогда, когда у нас имеется бюджетный дефицит, что ставит под известный (!!) риск проведение реформы» (там же).

Дело, как видели читатели, шло тогда не об «известном риске», а о «величайшей катастрофе». А по существу: как же можно было в тогдашних условиях добиться бездефицитного бюджета без жесткой финансовой политики, без преодоления кризиса, без начала оздоровления нашей промышленности и торговли. И как же можно было установить «нормальный» без-

дефицитный бюджет без проведения денежной реформы? «Дать» тогда, когда мы подошли вплотную к полной размычке между городом и деревней,—это действительно означало бы *загубить* дело нашего хозяйственного возрождения *наверняка*.

Но тов. Преображенский еще на конференции все же не сдавался окончательно. Он еще утешал себя:

«Может случиться, что события на нашем хозяйственном фронте развернутся таким образом, что мы выйдем из этого затруднения, и мы избегнем всех подводных камней. В основном (!) же риск перехода на твердую валюту при дефиците в бюджете остается». (37).

И—уже конечно!—

«самый метод проведения денежной реформы показывает всю стихийность, бесплановость в нашем хозяйстве» (там же).

Теперь-то не осталось уж никакого утешения. Да не то что утешения, самого малюсенького *утешеньица* не осталось. Даже Уркарты, даже злейшие враги, «всё отрицая», не могут отрицать *успеха денежной реформы в нашем Союзе*.

Это теперь есть непререкаемый факт. Выходит так: «стихийная» политика Цека привела к твердой валюте на *деле*, а «плановые» предсказания о катастрофе банкнот оказались настолько же верными, как и «плановые» предсказания о всеобщей гибели при поддержке «не сводящего концов с концами» Центрального Комитета нашей партии.

В самом деле. Коротенькая цифровая справка скажет нам довольно много.

На апрель месяц 1922 г. золотая ценность всех советских денег равнялась всего-на-всего 40 миллионам рублей. На 1 января 1924 г. было в обращении денег на 302 милл. руб., на 1 октября—622 милл. руб. [1]). На 11 декабря 1924 года эта сумма уже составляла 725 слишком миллионов» [2]).

Рост денежной массы в связи с ростом товарооборота указывает на резко выраженный процесс хозяйственного оздоровления. Покупательная сила рубля не падает, отношение его к доллару и золоту стабилизовано, червонец является «нормальной» валютой и «нормально» котируется на иностранных биржах и т. д и т. п.

Расширение товарооборота, в свою очередь, дает возможность расширять эмиссию без подрыва «твердости» валюты. Вместе с тем происходит изменение во всех порах хозяйственной жизни. В сфере *промышленности* появляется возможность калькуляции, вычисления себестоимости, прибыли, подведения балансов предприятия—смет, производственных программ и т. д.; исчезают потери на курсе, делается возможной действительная ориентация на хозяйственном поле; упорядочивается выплата зарплаты и уничтожаются потери на курсе со стороны рабочих. В *крестьянском* производстве становится возможным точно так же учет всех факторов, дается стимул к расширению производства, ибо делается возможной дальнейшая «товаризация» крестьянского полунатурального хозяйства; крестьянство избавляется от эмиссионного налога. В сфере *обращения*, перекидывается мост между городом и деревней. Впервые создается возможность нормального *кредита* всех видов и сортов; становится возможной деятельность *банков* и даже использование частно-капиталистических вкладчиков; подводится основа под будущие вклады

1) См. Сокольников: Бюджет и валюта: Изд. „Эк. Жизни" 1924, стр. 52
2) Конъюкт. Бюлл. Совета С'ездов, № 9.

со стороны крестьянства и форсирование процесса накопления под руководством пролетарского государства. Наконец, упорядочивается наш *государственный бюджет*.

В другой связи, при обсуждении вопроса о «плане», мы указывали уже на громаднейшую роль нормализации нашего *государственного бюджета*; именно потому, что у нас особое строение государственного бюджета, он и представляет своего рода центральную бухгалтерию народного хозяйства. *До* того времени, пока мы не имели упорядоченного госбюджета (а мы его не могли иметь без проведения денежной реформы), нечего было и думать о действительном плане даже в том условном смысле, в каком мы его принимаем. Ибо какие бы производственные программы не принимались, как бы ни «увязывались» друг с другом, они неизбежно должны были «лететь», ибо их опрокидывал стихийный развал денежной системы.

Так мы, вопреки оппозиции, *устанавливая смычку с крестьянством, тем самым сделали и дальнейший шаг к плановому хозяйству*.

6. Социалистическое накопление и борьба с частным капиталом.

При рассмотрении споров о политике цен мы уже касались отчасти и разногласий по вопросу о социалистическом накоплении. С другой стороны, этой же проблемы мы касались в статье, направленной против «основного закона социалистического накопления» тов. Е. А. Преображенского. Этот вопрос *теперь* практически стоит не только в связи с политикой цен, но и в связи с проблемой *основного капитала*. Не трудно видеть, что все эти проблемы связаны одна с другой, и их решение будет различно, если будут различны общие исходные взгляды на соотношение между государственным хозяйством и хозяйством индивидуально-крестьянским. Не подлежит сомнению, что в известной мере промышленность должна быть поддержана общегосударственной казной. Но даже если отвлечься от того, *в какой мере* это должно происходить, есть здесь основной спор о *стержне нашей промышленной политики*. Перед нами *два метода* социалистического накопления: оппозиционный и ортодоксальный. Здесь нам, прежде всего, и хочется дать их характеристику, ибо эти «методы» и выражают собой две *политические линии*. Можно сказать, что:

1) оппозиция, в общем, ориентировалась на высокую прибыль на единицу товара;

ЦК, наоборот, ориентировался на минимальную прибыль на единицу товара, что—при расширении рынка—дает большую *сумму* прибыли в целом;

2) то же можно выразить и так: оппозиция ставила свою ставку на картельную сверхприбыль, тогда как ЦК заботился о низкой цене и расширении емкости крестьянского рынка;

3) то же самое можно формулировать еще иначе; а именно: можно сказать, что оппозиционная политика есть политика, переносящая центр тяжести на монополистско-государственную поддержку *вместо* мобилизации всех хозяйственных факторов, технических улучшений, развития производительных сил, тогда как позиция ЦК смотрела в первую голову именно сюда;

4) в области финансирования у оппозиции центр тяжести в государственных дотациях, у ЦК в переходе на банковый кредит;

5) у оппозиции ставка на возможность немедленно заполучить куш для промышленности на основе высоких цен, у ЦК—ставка на мобилизацию хозяйственных факторов, на быстроту оборота, на интенсивность использования капитала.

В этом разница двух «промышленных политик», которые боролись в прошлогодней дискуссии. Часто определяли, что оппозиция стояла за высокую прибыль и за быстрый темп социалистического накопления, тогда как ЦК был за минимальную прибыль и за медленный темп социалистического накопления. Эти ходячие формулировки страдали тем недостатком, что они были и верны, и неверны: они были вульгарны, ибо не выражали сути дела, оставаясь лишь на поверхности явлений и рассматривая лишь то, что находится непосредственно под самым носом. ЦК стоял не вообще за минимальную прибыль, а за минимальную прибыль на единицу товара. ЦК стоял не вообще за медленный темп накопления, а за то, чтобы не отрываться от крестьянского хозяйства и в конечном счете получить более быстрый, максимально быстрый темп накопления.

Люди часто не отдают себе отчета в том, что задача стоит отнюдь не под углом зрения одного оборота капитала, а о ряде лет и целой цепи капитальных оборотов, где один оборот общественного капитала или совокупного капитала госпромышленности есть лишь звено этой цепи. Люди не понимают часто и того, что время оборота капитала, которое есть сумма «времени производства» и «времени обращения», не есть какая то определенная, заранее данная, навек установленная величина. А из непонимания этих обстоятельств вытекает совершенно неправильное представление о мероприятиях, обеспечивающих, так сказать, оптимум социалистического накопления. Если мы набираем высокую прибыль за счет высоких картельных цен и в то же время сокращаем емкость внутреннего рынка или тормозим его развитие; если мы тем самым тормозим ускорение оборота капитала или даже замедляем этот оборот (скажем, удлиняем время обращения, когда товар дольше чем нужно, лежит на складах, ждет покупателя, увеличивает «издержки хранения» и т. д.); если мы опять-таки тем самым уменьшаем энергию, направленную на техническое улучшение и на поиски разнообразных методов снижения себестоимости,—то в конечном счете, как много ни загребли бы в начальную фазу наших экономических выступлений, мы бы проиграли, ибо темп накопления неизбежно бы замедлился. Наоборот: если мы берем на единицу товара меньше, но зато расширяем из года в год емкость крестьянского рынка, обратно влияющего на производство; если мы, беря меньше, в то же время всемерно ускоряем оборот капитала, сокращая и «время производства» и «время обращения»; если мы ускоряем таким путем взаимное влияние города и деревни, госпромышленности и сельского хозяйства, социалистической индустрии и крестьянского хозяйства, то, идя вначале медленнее, мы с лихвой догоняем, перегоняем и оставляем далеко позади тот темп накопления, который предполагается первым («оппозиционным») вариантом нашей экономической политики. Но для того, чтобы увидеть это, нужно смотреть дальше своего носа, что не всякий, ведь, может. И нужно при этом выйти из своей «промышленной» скорлупы и видеть элементы всего народного хозяйства и в их связи и взаимозависимости, и в их взаимно обусловленном движении.

Эту мысль в иной форме выражал Ленин, когда на XI с'езде нашей партии говорил:

«Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем. Это, по-моему, первый основной политический урок новой экономической политики» (т. XVIII, ч. II, стр. 29—30).

Разве это не есть политическое выражение тех экономических положений, которые защищал по сути дела ЦК в прошлогодней дискуссии?

Так обстоит дело с «темпом накопления». В связи с этим вопросом стоит и вопрос о воспроизводстве основного капитала. И здесь прошлогодние споры уже прямо и непосредственно смыкаются с вопросами очередной практики текущего дня.

Но любопытно, что и тут мысль товарищей из оппозиции часто сбивается, путается, спотыкается «на эфтом самом месте».

Тов. Пятаков, напр., так формулирует общие рамки процесса восстановления основного капитала:

«Скажу заранее—совершенно гладкое решение этого вопроса мы едва ли найдем, или, вернее вполне гладкое решение его лежит в другой плоскости, в плоскости включения СССР в социалистическое хозяйство всего мира. При условии господства капитализма в других странах, для нас остается только весьма тяжелое, трудное, полное внутренних противоречий решение поставленной проблемы своими средствами, своими силами» (Ю. Пятаков «К вопросу о воспроизводстве основного капитала». Проблема основного капитала, сборник статей. Изд. ВСНХ, стр. 5).

Что у нас решение проблемы будет трудным и далеко не гладким, это верно. Но замечательная мысль, что при включении в социалистическую систему всего (обязательно сразу всего!) мира дело будет совсем, совсем гладко,—эта мысль вполне соответственна теории перманентной революции т. Троцкого, который решает, что «в мировом масштабе» противоречия между рабочим классом и крестьянством сразу исчезают (см. нашу статью о теории перманентной революции).

Что либо одно из двух: или речь идет об укрепившейся социалистической «системе» «всего мира»,—тогда самая проблема исчезает, ибо само «укрепление» предполагает, что эта проблема в общем уже решена; или речь идет о периоде, близком к захвату власти, т.-е. о периоде «молодой» диктатуры. Но тогда (т.-е., когда проблема действительно еще возможна) нужно было бы задуматься и о самой «загранице». А там для нее, этот вопрос не будет стоять? А там не произошло разрушения основного капитала? А там не будет еще добавочного разрушения в периоде гражданской войны?

Как тов. Троцкий по социально-классовой линии не додумывал вопроса до конца, так и тов. Пятаков откладывает

вопрос, а но решает его, ибо всякому, ведь, ясно, что смешно говорить о «гладком», да еще «вполне» решении вопроса, как только упоминаешь о «мировом масштабе».

«Провал» в процессе воспроизводства основного капитала был и у нас и в меньшей мере—за границей. И «загранице» этот вопрос приходится решать. Упускать это—значит, действительно, витать в эмпиреях и прибегать к абстракциям от таких вещей, от которых никак не «абстрагируешься».

А все-таки социалистическая «заграница» нам помогла бы, это не подлежит никакому сомнению. В чем основа этой помощи? В чем основа перспективы ускоренного роста социалистического европейско-азиатского (а, может быть и мирового) хозяйства? В том, что будет более тесная смычка между теми об'ективно дополняющими друг друга хозяйственными частями, которые были разделены, разгорожены буржуазным способом производства и его государственными организациями. Ускорение, облегчение обмена веществ, возможность ускорения экономического оборота,—вот на этом мы догоним старое, и перегоним его, и пойдем все быстрее и быстрее к мощному развитию производительных сил. Этому будут в высокой мере помогать элементы планового хозяйства, и в свою очередь это будет помогать росту плана и рациональных элементов хозяйственного процесса.

Но—увы!—до самого последнего времени оппозиционные товарищи не понимали именно этой стороны дела.

Характерно, что тов. Пятаков берет всю проблему чисто статически. У него есть четыре «мыслимых источника пополнения недостающей (ибо не производившийся основной капитал, как известно, «проедался» в годы войны и революции Н. Б.) ценности»:

1) Накопление амортизационных фондов на основе отчислений, не переходящих уровня обычной амортизации основного капитала.

2) Усиление производства и накопление прибавочной стоимости рабочего.

3) Присвоение добавочной стоимости крестьянина.

4) Иностранный заем» (ibid. 7).

Другой оппозиционный хозяйственник, т. И. Бык, присоединяясь к этим «четырем источникам», присовокупляет тут же:

> «Но совершенно прав тов. Преображенский, что у нас эти источники могут быть меньше всего на производственной основе (автор, очевидно, хочет сказать: «на производственной основе госуд. промышленности» Н. Б.) и больше всего (курсивы автора. Н. Б.) «вне комплекса производственного процесса» (опять та же чудовищная терминология, за которую мы, разумеется, не отвечаем. Н. Б.) (тот же сборник: И. Бык: «Контроль над фондом амортизации»).

Ни слова о быстроте оборота! Ни слова о более интенсивном использовании единицы капитала! Ни слова о самой важной, исключительно важной, проблеме! Даже то, что социалистическая промышленность получает и будет получать со стороны, должно употребляться под углом зрения интенсификации использования капитала. Но авторы даже не замечают этой центральной проблемы!

Еще бы им заметить, раз у них—царство статики и изолированной промышленности. Они, черпая из «другого источника», и не подумают о том, что и этот «источник» нужно оживлять, что речь идет о взаимооплодотворении, и при том нарастающем, а не о простом дележе. Их точка зрения, практически вредная, целиком вытекает из их общей позиции. Удивительно, как до сих пор они этого не видят!

Ради справедливости, а также ради некоторого теоретического «профита», мы должны все же с радостью отметить, что наш друг Пятаков все же начал как будто, наконец, подходить к проблеме, которая для него сняла, по крайней мере, свою «шапку невидимку».

Перед нами—стенограмма доклада тов. Пятакова на пленуме президиумов ВСНХ республик и областных промбюро. И вы знаете, читатель, к какому «основному выводу» приходит тов. Пятаков «на основании почти годового анализа»?

Этот «основной вывод» (основной—не оставьте этого без внимания!) состоит в том, что у нас еще «очень и очень много» «скрытых резервов».

> «Первый резерв—это так называемые неликвидные средства наших госпредприятий и второй резерв—это есть недостаточная скорость оборота нашего капитала».

Вот уж поистине «лучше поздно, чем никогда».

Тов. Пятаков приводит следующие иллюстрационные данные по поводу неликвидных оборотных средств:

По угольной промышлен.	общая сумма оборотн. средств	29 млн. р.,	жив. 17
„ нефтяной	„ „ „ „	157 „ „	„ 82;
„ электротехн.	„ „ „ „	64 „ „	„ 21;
„ лесной	„ „ „ „	43 „ „	„ 16;
„ бумажной	„ „ „ „	18 „ „	„ 16;
„ резиновой	„ „ „ „	52 „ „	„ 32;
			и т. д.
По всей промышленности		1.012 млн. р.,	жив. 737 р.

Теперь посмотрите, что говорит тов. Пятаков о быстроте оборота. Посмотрим и послушаем:

> «Второй момент, на который наши хозяйственники (гм! гм! опять-таки: лучше поздно, чем никогда! Н. Б.) почти не обращают внимания... Это вопрос скорости оборотов нашего капитала... Я имею в виду не бумажный оборот капитала, а материальное движение самих ценностей, превращение ценностей из денег в средства производства, в рабочую силу, в готовые товары и превращение обратно в деньги. Этот период и скорость превращения денег обратно в деньги у нас недостаточно учитывается...».
>
> «Какого мы достигли успеха за этот год? (Это вместо гибели-то! Н. Б.). В прошлом мы имели скорость по всему хлопчато-бум. тресту 1,53, т.-е., капитал треста обращается в год 1,53 раза. В этом году мы достигли скорости оборота 1,85. Кажется—успех ничтожный: повышение скорости с 1,53 до 1,85. Какие это дает результаты?... Я произвел соответствующий подсчет, который дал мне следующее: благодаря увеличению скорости оборота с 1,53 до 1,85 мы получаем прирост продукции... на 113 милл. рублей... т.-е. мы фактически выиграли оборотный капитал в 75 милл. руб.».

Все это как нельзя более справедливо. Все это действительно—важнейший вопрос. Все это, разумеется, ближайшим образом относится и к проблеме восстановления основного капитала.

Но... Но все это блестящим образом бьет по основам «позиции оппозиции». Все это подтверждает правильность политики ЦК, «не сводящего концов с концами». Ибо на самом деле, кто не сводит концов с концами, так это именно тов. Пятаков.

Плод годичных размышлений Пятакова—что быстрота оборота имеет решающее значение. Но вот оказывается, что до сих пор на этот основной вопрос «наши хозяйственники не обращают внимания»?

Почему «не обращают внимания»?

Почему сам тов. Пятаков еще совсем недавно, в своей статье «К вопросу о воспроизводстве основного капитала», статье так сказать, теоретическо-программной, тоже даже не заикнулся об этом результате «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет»?

Где корень такой слепоты многих «хозяйственников»?

Ну-тка, поразмыслите, дорогие товарищи!

После всего нашего (не годового, впрочем) анализа нетрудно формулировать, где оный корень обретается: он в цеховой, узкопромышленной ориентации, которая мешает своим носителям выглянуть за промышленную околицу и которая делает для них непонятной как раз ту самую проблему смычки, о которой сейчас распинаются все, кому не лень.

Потому многие хозяйственники, «не обращая внимания», что они не понимают соотношения между промышленностью и крестьянским хозяйством, полагаются излишне на казну и на свою монополию. Только разрыв с цеховой и ограниченной идеологией позволит им понять кое-что другое. Но прошлогодний кризис, связанный со стараниями «по части цен» все же «вдалбливает диалектику» и в головы «некоторых хозяйственников»....

Общий подъем нашего народного хозяйства и нашего государственно-социалистического промышленного ядра дали возможность продвинуть, в свою очередь, и нашу торговлю, и кооперацию Этим самым в значительной мере определилась и борьба с частным капиталом, который как известно, является в главнейшей своей массе капиталом торговым.

В оборотах моск. тов. биржи по продаже роль частного капитала упала с 12,2% от общего оборота (октябрь 1923 г.) до 5,5% (август 1924 г.). По покупке соответствующие цифры будут: для октября—20%, для августа 1924 г.—10,7%.

По 70 провинциальным биржам:

по продажам роль частного капитала за тот же промежуток времени упала с 13,5% до 7,1%;

по покупкам—с 17,2% до 10,1% [1]).

Ту же картину вытеснения частного капитала рисуют и данные о кредитовании.

---

[1]) „Внутр. торг. СССР в 1922-23 и 1923-24 опер. годах." Сб. стат. мат. к докл. о внутр. торг. на 2 сессии ЦИК СССР. Изд. Наркомвнуторг 1924 г. (стр. 27, 28, 30.

Распределение задолженности по основным группам заемщиков по 4-м банкам (Госбанк, Промбанк, Роскомбанк и Мосгорбанк) *).

	1 октября 1923 г.			1 сентября 1924 г.		
	В тыс. руб.	В % к итогу.	В % к сумме на 1 окт.	В тыс. руб.	В % к итогу.	В % к сумме на 1 окт.
Госпромышленность	155.565	46,6	100	391.995	54	252
Госторговля	36.753	11	100	75.860	10,4	206,4
Прочие госорганы	14.531	4,3	100	32.380	4,5	222,8
Кооперация	58.853	17,6	100	112.197	15,5	190,6
Кредитн. учрежд.	21.766	6,5	100	56.269	7,7	258,5
Частные лица	26.963	8,1	100	10.373	1,4	38,5
Не распр. по видам клиентуры	19.704	5,9	100	47.259	6,5	239,9
Итого	334.135	100	100	726.333	100	217,4

Подчеркнутые цифры о «частных лицах» говорят сами за себя.

Вряд ли найдется сейчас товарищ, который всерьез может утверждать, что частный капитал занял, по сравнению с прошлым годом относительно более твердую позицию. И тут пророчества оппозиции оказались столь же удачными, как и во всех прочих областях. Практика истекшего года говорит скорее о том, что кое-где был перегиб в сторону излишнего «ущемления» частного капитала, когда от этого «излишества» получалась брешь, не заполняемая нашей госторговлей и кооперацией, а частный капитал частично перешел в области чисто-спекулятивного характера и бросился на хлебные и сырьевые заготовки. Но это указывает уже на проблему совсем иного порядка. Основной урок и здесь говорит о необходимости сократить административное усердие и центр тяжести перенести в область экономического воздействия.

* * *

Мы подошли к концу нашего разбора экономической платформы оппозиции. Как видим, отдельные моменты этой платформы вовсе не являются и не являлись более или менее «случайными» поправками, которые вызываются теми или иными конкретными ошибками, сделанными руководящими партийными инстанциями. Ибо во всех «поправках» оппозиции звучит одна и та же нота, видна одна и та же линия. Вскрыть эту линию, обнаружить ее, показать ее всем читателям и было основной задачей этой статьи. Но мы старались не только показать эту линию, но и доказать как неправильность этой линии вообще, так и тех выводов, которые из нее делаются.

Из всего вышесказанного вытекает с неизбежностью, что оппозиция и здесь обнаруживала непонимание самой основной проблемы нашего строительства, проблемы рабоче-крестьянского блока. А это и есть основной порок всего троцкизма.

---

*) Совет Госпромышленности и Торговли в 1924 г., Отчетный сборник к пленуму Совета 10 дек. 1924 г., стр. 146—147.

С. Гусев.

Наши разногласия в военном деле *).

(*Окончание*).

II. Политическое воспитание Красной армии.

(Коммунизм и политическая пропаганда).

На совещании военных делегатов XI Се'зда РКП (б) были приняты по докладу тов. Рабичева «тезисы о военной пропаганде». Тезисы эти были формулированы тов. Троцким на основе происходившей на совещании дискуссии и, в частности, на основе предложений тов. Рабичева («Политработник» 1922 г. № 4—5). Таким образом, у нас есть все основания считать, что эти тезисы совпадают со взглядами тов. Троцкого, что подтверждается многочисленными его выступлениями как до, так и после появления тезисов.

По поводу этих тезисов необходимо, прежде всего, подчеркнуть, что вот уже более 3-х лет, как они являются отправным пунктом всей политработы в Красной армии: о них написано много статей, их часто цитируют, на них ссылаются, их подтверждают (в частности, 3-е Всесоюзное совещание военных политработников вновь подтвердило их). Таким образом, пред нами основной документ, определявший еще совсем недавно направление политработы в Красной армии. Вот почему необходим его тщательный анализ.

Начинаются тезисы с определения того, что такое военная пропаганда.

«Задача военной пропаганды,—говорится в тезисах,—пробудить в молодом красноармейце интерес к военному делу и стремление стать хорошим бойцом не за страх, а за совесть». Мы предпочли бы другое более краткое и более точное определение: «Задача военной пропаганды в Красной армии—распространение среди красноармейцев военных знаний». Но по существу дела разницы здесь нет.

«Для этого—говорится в тезисах непосредственно вслед за определением военной пропаганды—нужно, чтобы он (красноармеец), прежде всего знал, почему и зачем его мобилизовали. Об'яснять это надо, исходя не из теории борьбы классов, а из конкретной политической обстановки сегодняшнего дня: кто нам угрожает, откуда и почему».

Странная постановка вопроса! Как можно противопоставлять теорию классовой борьбы конкретной политической обстановке сегодняшнего дня («исходя не из теории борьбы классов, а ...)? Как может политработник (коммунист-марксист, знающий теорию

*) См. Большевик № 15—16.

классовой борьбы) не «исходить» из теории борьбы классов при об'яснении конкретной политической обстановки, безразлично сегодняшнего или завтрашнего дня или «дня», который был год—два—пять—десять лет назад? Из чего другого, как не из теории классовой борьбы может «исходить» коммунист в об'яснении политических явлений и событий? Разве можно об'яснить молодому красноармейцу, почему и зачем его мобилизовали, какие враги нам угрожают, откуда и почему,—не говоря ему о польских панах, о французских капиталистах, о румынских боярах, об их ненависти к рабоче-крестьянскому СССР, об их стремлении восстановить власть русских помещиков и буржуев и т. д.? Да тут что ни слово, то класс, классовая борьба, теория и практика классовой борьбы.

Из чего же иного исходить? Не говорить ли красноармейцу, что «поляк», «румын», «француз» хотят против нас воевать? Есть и такое об'яснение, но с коммунизмом оно ничего общего не имеет. Может быть, такое об'яснение пробудило бы у красноармейца-крестьянина, не избавившегося еще от привитого крестьянину при царизме национализма и шовинизма, больший интерес к военному делу и большее стремление стать хорошим бойцом не за страх, а за совесть. (Это вероятно, это возможно). Но мы, коммунисты, марксисты, ленинцы, большевики так вопроса ставить не можем. Никаких иных войн, кроме классовых, русский пролетариат не вел и не будет вести. Теория классовой борьбы дает ключ к об'яснению войн и династических, и торговых, и национальных, и империалистических, в конечном счете, через промежуточные факторы, сводя все войны к классовому строению общества. В классовых же войнах никаких таких промежуточных факторов между теорией классовой борьбы и одним из видов классовой борьбы (классовыми войнами) нет. Поэтому при об'яснении классовых войн без теории классовой борьбы шагу не ступишь.

Может быть, это оговорка, описка? Может быть хотели попросту сказать, что не следует начинать политработу с теоретических лекций по марксизму и, в частности, по теории классовой борьбы? Тогда так именно и следовало сказать, а не пугать, не мудрствовать, не углублять.

Но если даже это—оговорка (намек на это имеется в п. 4 тезисов), то во всяком случае для марксиста-ленинца такая оговорка абсолютно недопустима. Это, во-первых. А во-вторых, оговорка эта—не случайная. В п. 4 тезисов, который мы только что упоминали, говорится: «Красноармеец—не слушатель курсов о классовой борьбе (бедный Христофор Колумб, у тебя отбивают хлеб), а молодой гражданин, который собирается воевать». (За кого воевать? За какой класс? За какие политические цели? И можно ли противопоставлять политические цели войны теории классовой борьбы?) Опять странное противопоставление теории классовой борьбы, но уже не «текущему моменту», а боевой подготовке красноармейца, противопоставление политической пропаганды военной пропаганде. Это противопоставление уже не случайное. Это, можно сказать, лейтмотив всей «музыки», носящей название «тезисов о военной пропаганде». В п. 6 тезисов это противопоставление политики технике (политической пропаганды военно-технической) повторено в новой форме. Там говорится: «не разбрасываться политически и теоретически,

не зарываться, не залетать ввысь, а (опять!) готовить сплоченное, сознательное (?) (позднее будет видно, почему здесь стоит вопросительный знак) отделение, взвод, роту, батальон, полк». Хотят как будто сказать политработнику: говори ясно и просто, бери материал из того, что поближе красноармейцу, но сами-то эту мысль просто выразить никак не могут. Хотят одного, а получается нечто совсем, совсем иное. Получается противопоставление политики технике, для нас не неожиданное после ознакомления с неудачным плаванием тов. Троцкого по морям теории.

Злоключения политической пропаганды (политработы) на этом далеко еще не кончаются. В п. 7 она оказывается противопоставленной уже не только военной пропаганде, но и культурно-просветительной работе. Так как этот пункт—центральный пункт всех тезисов, то приводим его полностью.

«Главный недочет нашей пропаганды состоит в том, что мы видим в красноармейце только об'ект для пропаганды, забывая о том, что молодой крестьянин и рабочий месяцами и годами живет в своей части, в казарме, которая охватила его со всех сторон. Такой подход есть остаток прошлого, когда нам приходилось вести свою революционную работу во вражеской казарме или на капиталистической фабрике. Тогда вся задача сводилась к тому, чтобы дать рабочему или солдату революционное обобщение, т.-е. ответы на те основные вопросы, которые замалчивались и подавлялись обществом и государством. Мы все еще не научились понимать, что теперь мы должны дать красноармейцу ответ и на другие его потребности и запросы, если не хотим, чтобы он искал ответ у наших врагов. У красноармейца есть потребность пошутить и посмеяться, поиграть фантазией, поупражнять дух соревнования, получить эстетические впечатления, хотя бы и самые простые. Он не просто об'ект для пропаганды, а живое молодое существо с разнообразными, хотя и простейшими, духовными потребностями. Мы очень разбрасываемся политически и теоретически и в то же время игнорируем красноармейца психологически».

Опять та же история: «Мы очень разбрасываемся политически и теоретически и (это «и» стоит хорошего «а») в то же время игнорируем красноармейца психологически», т.-е. не даем ему в достаточной мере культурно-просветительных развлечений. Куда ни кинь—все клин. Несчастная политработа! Как бедная родственница, она всюду мешает, ей нигде нет места.

Пункт 9 тезисов является новым этапом на многострадальном пути политработы в Красной армии: «Политработа в Красной армии—гласит этот пункт—вырастает из военной пропаганды». Чем дальше в лес, тем больше... путаницы. И тем хуже становится положение политработы. Из бедной родственницы она в п. 9 уже превратилась в батрачку, находящуюся на услужении у военной пропаганды. Субординация и дисциплина в армии тяжелые и потому мы нисколько не удивимся, что, после соответствующей военной обработки, политработа в п. 17 уже держит себя тише воды, ниже травы. «Военная пропаганда—вещает этот пункт—ведет к слиянию чисто политической работы с чисто военной».

После всего, что мы видели и слышали на протяжении тезисов, мы без труда догадаемся, что такое слияние равносильно

поглощению почти без остатка [1]). Политработа оттеснена на задний план и подчинена задачам военной пропаганды и культурно-просветительной работы.

Что именно таков смысл этих тезисов, что именно в эту сторону они гнули, видно из тех откликов, которые они нашли в военно-политической печати и на совещаниях военных политработников. Идеи, положенные в их основу, носились в воздухе еще до совещания военных делегатов.

В течение 1921 г. армия демобилизовывалась, сокращалась, перестраивалась и в силу этого находилась в неустановившемся беспорядочном состоянии. При этом обнаружились бесчисленные, мелкие и мельчайшие дефекты, которые, казалось, не трудно было устранить и которые поэтому были особенно досадными. Пока воевали, этих прорех не замечали, думали и заботились о главном, о победе. А когда война кончилась, да огляделись и увидали, сколько всяких неустройств кругом, то встосковались по порядку и бросились чинить в первую очередь наиболее досадные и раздражающие, мелкие прорехи. «Внимание мелочам»—таков был лозунг дня. Этими мелочами так увлеклись, что возникла своеобразная «теория малых дел», заслонившая большие дела и нашедшая свое отражение в «тезисах о военной пропаганде».

Основателем этого течения с полным правом может считаться тов. Троцкий. Летом 1921 г. он выбросил лозунг: «Смазывай сапоги» и этим заложил первый камень под тезисы и содержащуюся в них теорию.

Лозунг «смазывай сапоги» был, как и полагается, «углублен» и «обобщен» в приказе № 254 (5 авг. 1921 г.), где на счет смазки сапог говорилось так: «Политическое воспитание красноармейца должно начинаться с правильной смазки сапог и заканчиваться самыми высокими вопросами Коммунистического Интернационала».

Вы видите, что в приказе № 254 уже содержится зародыш основной формулы будущих тезисов: «Политработа в Красной армии вырастает из военной пропаганды».

20-го октября 1921 г. на с'езде политпросветов т. Троцкий провозглашает, что «устав есть важнейшая часть политико-просветительной работы» (политическая пропаганда вырастает из военной пропаганды).

Тов. Лузгин, по многим данным, еще до появления тезисов, но уже в 1922 г., пишет в журнале «Революция и Война»: «У нас существует весьма сильная тенденция считать политпросветработу в Красной армии самодовлеющей (курсив тов. Лузгина), а отнюдь не подчиненной» (курсив мой).

«Политика» (т.-е. участие Красной армии в политической жизни, обрывающееся в случае войны),—продолжает т. Лузгин,—подчинена войне. Следует пересмотреть всю политпросветработу с точки зрения ее военного эффекта, иными словами сделать ее более близкой к задачам военного воспитания—подчи-

[1]) Авторы тезисов хотят сказать, что слияние военной и политической пропаганды произойдет путем слияния командира и комиссара. Но им этого недостаточно. Надо же «углубить» вопрос и «подпустить» обобщение. А от такого углубления и обобщения у них получаются теории, которые фатально противоречат марксизму. В этом фатализме нет ничего удивительного: он заложен, он предопределен отрывом военной науки от марксизма, военной техники от политики.

нить (курсив мой) ее этим задачам на практике... элемент политического служит целям военного». И наконец—«тройственность воспитательной работы в рядах армии (политическая, просветительная и военная), превратившись предварительно в двойственность (политпросветительная и военная), приходит, таким образом, к столь давно требуемому жизнью единству» (читай «поглощению политработы военной пропагандой»).

На XI с'езде РКП т. Троцкий в своем докладе заявляет: «Надо в казарме исходить из того, что крестьянин стал солдатом». (А при царе в казарме не исходили из того, что крестьянин стал солдатом? А во Франции, Италии, Германии из этого не исходят?) «Зачем? Почему?—спрашивал т. Троцкий.—Это—основной факт, это—новая эпоха в его жизни, и с этого надо начать, а не с того, чтобы стремиться 19—20 летнего крестьянина превратить в идеального коммуниста (!) (У нас был только один идеальный коммунист—Ленин. С. Г.) по отвлеченной идеальной программе». «Отвлеченная идеальная программа», «идеальный коммунист», «из 19—20-летнего крестьянина»,—все та же музыка на мотив: «не теория классовой борьбы, а...». (Кстати как нам быть с комсомолом, где сейчас собраны сотни тысяч еще более молодых крестьян? Там-то разрешается молодого крестьянина обучать коммунизму?).

Тов. Рафес жаловался на совещании военных делегатов XI с'езда РКП (апрель 1922 г.) на то, что «пытаются красноармейца превратить в об'ект, в который будут вдалбливать систематизированную теорию классовой борьбы, коммунистическую словесность» [1]), а в сентябре того же года на Всероссийском совещании по агитпропработе в Красной армии и флоте предрекал, что «вся политработа будет военной пропагандой» («военная пропаганда ведет к слиянию чисто политической работы с чисто военной»).

В результате всего этого похода на «коммунистическую словесность», вопрос о целях и задачах политработы в армии неслыханно запутался и увяз в схоластической трясине.

Лучше всех, ярче всех, короче всех выразил эту схоластическую неразбериху тот же т. Рафес. «Кого должны мы воспитывать»—в отчаянии спрашивал он на Всероссийском совещании по агитпрабсте в Красной армии и флоте,—«воина или гражданина, воина-гражданина, или гражданина-воина?».

С тех пор, как т. Рафес поставил этот мудреный, «заковыристый» вопрос, т.-е. с сентября 1922 г., т.-е. вот уже более двух

---

[1]) Это очень нехорошо, что «вдалбливают», но по случаю плохих методов направлять удары на содержание политработы нельзя. Лучше вдалбливать коммунистическую словесность, чем не—коммунистическую. Кстати, по поводу таких же жалоб на счет политпропаганды в парт'ячейках т. Ланда дал следующую отповедь, распространяющую свою силу и на политработу среди беспартийных («Политработник» 1922 № 3):

«В Красной армии широкие беспартийные массы интересуются всей окружающей жизнью, всеми вопросами текущей экономики и политики. Разумеется, не схоластикой, теоретическим умствованием и чтением «Азбуки Коммунизма» «обязательно подряд» главу за главой должна заниматься ячейка (я был свидетелем, как некоторые политруки голосом отпевающего дьячка читали коммунистическое «евангелие»). Принципы конкретности и самодеятельности должны гармонически сочетаться с необходимостью ознакомления всей массы членов ячейки с основами марксизма. Методом от конкретного к теоретическому мы эту задачу решим. У каждого члена ячейки будет и повседневная ориентировка и теоретическое понимание, а главное умение дать ответ той массе, которая обслуживается данной ячейкой.

лет, военные политработники так и не могут от него отвязаться, топчутся на месте вокруг него и диспутируют его на разные лады.

Тот же вопрос о политработе—об отношении между политчасом и политпросветчасом [1])—стал предметом дискуссии также в начале 1924 г. в разных округах. Спор шел по вопросу о том, нужно ли сливать политчас и политпросветчас. Несколько голосов раздавалось за слияние, т.-е. растворение политработы в культпросветработе. Впрочем и те, кто высказывался против слияния, приводили такие аргументы, которые показывали, что разница между политчасом и политпросветчасом на практике совершенно стирается, понятно, в ущерб политвоспитанию.

Так, совещание политпросветработников артиллерии 15 дивизии заявило, что «как политчас, так и политпросветчас, как политрук, так и школьный работник, делают одно дело, дело повышения культурного, а, следовательно, и политического уровня красноармейцев» («Красная Рота» 1924 г. № 35). Это «следовательно» поистине великолепно. Точно под'ем культурного уровня не может быть базой и кулацкой, и пролетарской политики.

Тов. Пермский («Пути политчаса», «Красная Рота» 1924 г. № 36) подтверждает факт растворения политработы в культпросветработе: «Политпросветработа,—говорит он,— превращается, несмотря на энергичное противодействие всех политработников, в аполитическое культурничанье (урок, основанный на политическом материале—это еще не значит: урок с соответствующими политическими выводами)».

Это очень хорошо сказано: весь вопрос именно в том, каковы «политические выводы» из «политического материала». Из одного и того же «политического материала» можно сделать выводы коммунистические и некоммунистические. (Меньшевики из Маркса делали контр-революционные выводы). Можно вести один и тот же политпросветчас (и политчас) так, что он будет итти на пользу пролетариату, а можно (пользуясь тем же политпросветительным материалом) и так, что это будет на пользу кулаку.

Можно было бы значительно увеличить число таких выдержек, но и этих достаточно, чтобы видеть, что перед нами оформленное течение, поставившее себе задачей «подчинение», «подгонку» политработы (т.-е. политической пропаганды и агитации) в Красной армии задачам военной подготовки и культурного просвещения красноармейца. Течение это правильно прозвали «военизаторско-культурническим».

Началось это течение под лозунгом «мажь сапоги», высшего развития достигло и стабилизировалось под лозунгом: «не теория классовой борьбы, а...». «Смазка сапог выше теории классовой борьбы», «сапоги выше Маркса»—такова краткая, «конкретная» формула этого течения. «Сапоги выше Маркса», т.-е. военно-культурная подготовка красноармейца выше политической, военная пропаганда выше политической пропаганды. «Сапоги выше Маркса», т.-е. из военной пропаганды вырастает политическая пропаганда.

«Политработа в Красной армии вырастает из военной пропа-

---

[1]) Для непосвященных поясним, что на «политчасе» преподают политграмоту, а на «политпросветчасе»—чтение, письмо, арифметику, географию и естественные науки. Прибавка к этому «просветчасу» слова «полит» обозначает только то, что для обучения грамоте, арифметике и пр. берут «политический» материал (биографию Ленина, отрывки из его сочинений и пр.).

ганды». Это—самая общая формула новой теории политработы в армии, попытка философского обобщения «смазки сапог» [1]), попытка углубления понятия политической пропаганды в армии.

Вот уж поистине «кажинный раз на эфтом самом месте». 20 лет назад тов. Мартынов попытался углубить Плеханова по вопросу о пропаганде и агитации и за это пострадал от Ленина («Что делать»), а теперь находятся охотники повторить еще раз такую же безнадежную попытку углубления понятия политпропаганды по отношению к армии.

«Политработа в Красной армии вырастает из военной пропаганды».

Теоретически эта формула никуда не годится, не марксистская она, а антимарксистская. Не политика есть продолжение войны, а наоборот, война есть продолжение политики. Не война ставит политические (классовые) цели политике, а политика—войне. Не политическая пропаганда «вырастает» из военной пропаганды, а, наоборот, военная пропаганда «вырастает» из политической пропаганды. Военная пропаганда в Красной армии принципиального отличия от военной пропаганды в буржуазных армиях не имеет. Она преследует те же цели распространения военных знаний. А политическая пропаганда в Красной армии коренным образом отличается от политической пропаганды в буржуазных армиях: политическая пропаганда в Красной армии ставит в качестве основной политической цели защиту пролетарской диктатуры, а в буржуазных армиях—защиту буржуазной диктатуры. Если бы политическая пропаганда вырастала из военной пропаганды, то непонятно, как из нее могли бы вырасти две принципиально противоположные политические цели. Не задачи и цели военной пропаганды подчиняют себе задачи и цели политической пропаганды, а наоборот. Армия служит политике, а не политика армии. Не политработа для красноармейца, а красноармеец для политработы. Не воспитание хорошего бойца «вообще», а воспитание хорошего бойца, служащего пролетарской диктатуре.

Со стороны теоретической и политической формула «политработа в Красной армии вырастает из военной пропаганды» представляет полное извращение марксизма.

Подойдем к этой формуле со стороны практической. Возьмем хотя бы ту же самую смазку сапог, которая является одним из элементов военной пропаганды. Сапоги несомненно смазывать следует. Молодой красноармеец это знает, ибо при всей нашей бедности он до своего призыва в армию, хоть две пары сапог износил и дегтем или «шмальцем» их усердно смазывал (а может быть, даже гуталином). Когда он приходит в армию, ему дают казенные сапоги (большею частью, пребезобразно сшитые). Раз казенное добро—значит, жалеть его нечего. Эта традиция крепко сидит в голове русского крестьянина. Чего там жалеть, да еще смазывать? Казенные! Как же подойти к красноармейцу с точки зрения военной пропаганды, чтобы доказать, что сапоги нужно смазывать? Уверять его, что ежели смазывать, то сапоги дольше проносятся? Да он и сам это хорошо знает по опыту.

Нужен другой подход. Нужно об'яснить ему, почему эти казенные сапоги «принципиально» отличаются от казенных сапог, которые давал царь. Казна казне рознь. Раньше была казна царская, а теперь казна рабоче-крестьянская. Царскую казну нечего было жалеть, а рабоче-крестьянскую беречь надо всячески. Армия содержится на налоги, которые взимаются с крестьян. Чем дольше сапог прослужит, благодаря смазке, тем дешевле будет стоить армия, тем меньше казна будет взимать налогов, тем лучше будет житься крестьянину и т. д. Вот тогда красноармеец, может быть, и не только может быть, а если толково и просто об'яснить, то и наверняка необходимость смазки поймет, сапоги мазать станет.

Чтобы обосновать смазку сапог нам пришлось, таким образом, нашему красноармейцу «дать кусочек политической пропаганды» (как говорили в старину бундовцы), в частности поговорить о классах и о классовой борьбе.

Выходит так, что мы начали со смазки сапог (военная пропаганда), а добрались до классовой борьбы (политическая пропаганда). Уж и впрямь не «вырастает» ли политическая пропаганда в армии из военной пропаганды. Конечно, «вырастает», если методом пропаганды подменить содержание и задачи пропаганды. Именно такой подмен авторы тезисов и совершают, забывая, что политическая пропаганда, ее цели и задачи, ее содержание не только в армии, но и в селе, и в парламенте, и в совдепе, и на митинге, и в школе, и в церкви «вырастают» из классовых интересов господствующего класса.

Начинать политпропаганду в армии можно и с сапога, и с налета польской банды на близлежащее местечко, и с письма из дома, содержащего жалобу на продналог, и с годовщины Октябрьской революции и т. д. Политпропаганда в армии может «вырастать» из разных корней. Лучше начинать не с военных, а с крестьянских вопросов—в целях «раскрестьянивания» (не сочиняя, однако, по случаю такого подхода теорию, что политическая пропаганда вырастает из крестьянской пропаганды). «Профессиональное» сужение политической пропаганды (начинай с военной пропаганды), как две капли воды, похоже на сужение политической пропаганды «экономистами». «Экономисты» тоже предлагали «начинать» политпропаганду исключительно с экономической пропаганды, с условий труда рабочего, с его профессионально-цеховых интересов, а получалась у них теория, что политпропаганда в рабочем классе «вырастает» из экономической пропаганды. А от этой формулы они быстро докатились до подчинения «политики» «экономике». (См. об этом «Что делать» Ленина). Формула тезисов «политработа в Красной армии вырастает из военной пропаганды»—только «военный слепок» с формулы «экономистов». И подобно формуле экономистов, она ведет к профессиональному сужению политработы в Красной армии, к ее подчинению «профессиональным интересам» красноармейца, т. е. его боевой и культурной подготовке, а не классовым интересам господствующего класса, пролетариата [2]). Подменили задачи политработы методом (как, откуда начинать), а получился

[1]) Тов. Троцкий—большой любитель „обобщать". Поэтому с ним частенько случается, что он „переобобщает".

[2]) Для такого принижения политработы в Красной армии характерным является то обстоятельство, что в первом издании написанной тов. Троцким «Красной памятки для воинов Рабоче-Крестьянской Красной армии и флота об основных вопросах военного дела» нет ни звука о политработе и о политорганах, а для просвещения, развлечений и игр местечко нашлось.

отрыв политработы в Красной армии от интересов пролетарской диктатуры.

Мы подошли к политической, к классовой оценке «военнизаторско-культурнического» течения, тезисы которого мы изучаем. Мы подошли к вопросу, кому, какому классу это «военнизаторско-культурническое» течение выгодно, какому невыгодно [1]).

Посмотрим, как на этот счет обстоит дело в тезисах, что говорят они об этой стороне вопроса. Вот основной тезис (4-й), который затрагивает классовые отношения внутри армии:

«Лишенный классового критерия, красноармеец - крестьянин склонен подходить к оценке вопросов с бесформенным нравственным критерием. Необходимо на это опереться, чтобы продвинуть его далее. Необходимо давать ему изо дня в день свежий, фактический, конкретно изложенный материал, характеризующий козни, происки и замыслы наших врагов. Относиться самому к этим фактам не как к простым и случайным иллюстрациям на тему о борьбе классов, а как к важным явлениям сегодняшнего дня, от которых зависит быть или не быть войне. Ибо красноармеец—не слушатель курсов о классовой борьбе, а молодой гражданин, который готовится воевать. Так, сознательно переживая один факт за другим, проникаясь враждой и ненавистью к нашим военным врагам, которые всегда в то же время и наши классовые враги, красноармеец постепенно от бесформенной нравственной оценки перейдет к оценке классовой».

Здесь, как и всюду в тезисах, политические задачи пропаганды спутаны с методом. Сначала идет классовая оценка красноармейца-крестьянина, затем скачок к методу. «Необходимо делать ему изо-дня в день и т. д.»), а затем опять скачок к политике («Красноармеец постепенно от бесформенной нравственной оценки» и т. д.). Отметим только эту путаницу [2]) и перейдем к анализу политического содержания этого тезиса.

«Лишенный классового критерия, красноармеец-крестьянин подходит к оценке вопросов с бесформенным нравственным критерием». Вопрос о красноармейце-крестьянине и его «критерии»— коренной вопрос всей политработы в Красной армии. Верно ли, что красноармеец-крестьянин лишен классового критерия и довольствуется каким-то бесформенным, внеклассовым, надклассовым, межклассовым критерием?

Что красноармеец-крестьянин принадлежит к классу мелкой буржуазии и потому осужден на колебания между пролетарием и кулаком—общеизвестно. Что именно сейчас красноармеец-крестьянин колеблется между возродившимся и народившимся в годы нэпа кулачеством и пролетариатом — об этом можно ежедневно читать в наших газетах. Но всего этого еще совершенно недостаточно, чтобы считать, что у красноармейца-крестьянина еще нет или уже нет классового критерия, т.-е. что он абсолютно нейтрален в распре между пролетариатом и кулачеством. Этого нет и этого не может еще в данное время быть.

Красноармейцы-крестьяне, приходящие теперь в армию, вовсе не воск, из которого методами военной пропаганды можно лепить культурных солдатиков в смазанных гуталином сапогах, которые послушно будут выполнять все приказы даже без особой на то политической подготовки. Этот «воск» уже побывал в руках кулака, который обмял его по-своему, и потому теперь задача политработы—«перемять воск» на пролетарский лад.

Не «бесформенный» (ни кулацкий, ни пролетарский) нравственный критерий, а уже достаточно оформившийся кулацкий классовый критерий. Так обстоит дело. И иначе оно обстоять не может. Молодой крестьянин-красноармеец вырастает в шагающей к капитализму деревне, в «переходный период» нэпа, когда городской социализм, несмотря на свой более быстрый, чем капитализм, рост не успел идеологически перевесить старого идеологического «капитала» кулака, который к старому добру за три года нэпа присоединил новое.

Оценка красноармейца у тов. Троцкого неправильная [1]). И эта оценка не случайная. В 1923 году в брошюре «Перспективы и задачи военного строительства» он в другой форме («монолитная» Красная армия) повторяет ту же оценку. Недавно он еще раз повторил эту оценку, в упомянутом уже нами предисловии к статьям Энгельса о войне 1870—71 гг. «У нас,—говорит там тов. Троцкий,—на случай военных столкновений с капиталистическими государствами имеется одно преимущество, совсем маленькое, но такое, что оно может стоить нашим возможным врагам головы. Это преимущество состоит в том, что нам чужд антагонизм между правящим классом и тем, из которого вербуется масса солдат. Мы—рабоче-крестьянское государство и рабоче-крестьянская армия». (Не рановато ли говорить так?).

Вот когда мы хозяйственную смычку пролетариата с крестьянством до конца проведем, все население кооперируем и государственную промышленность поднимем на значительную высоту,—тогда это «маленькое преимущество» проявит себя полностью.

А пока, хотя антагонизма (размычки) у нас «между правящим классом и тем, из которого вербуется масса солдат» (т.-е. крестьянством), нет, но и смычка еще недостаточно сильно отразилась на крестьянской идеологии. Элементы смычки и размычки (антагонизма) растут одновременно и между ними нарастает борьба,– борьба между пролетариатом и кулачеством за крестьянство, а следовательно и за армию (где до 90 процентов крестьян)—

[1]) Опыт полугодичной работы с призывом родившихся в 1902 г. подтверждает, что культурное развитие красноармейца быстро обгоняет его политическое развитие. Между первым и вторым образуются «ножницы». Значительная часть красноармейцев,—пишут из одного округа,—получили знания, но их убеждения и мировоззрение не изменились в результате политработы.

[2]) Недаром тов. Ленин еще во время профдискуссии говорил, что у тов. Троцкого и на профсоюзы и на армию—«аппаратная» точка зрения: хороший аппарат и хороший метод могут заменить политику. На XI С'езде РКП тов. Ленин по поводу трений в Донбассе заметил: «Они (т. е. часть одной из боровшихся там групп) попали в положение людей, которые «переадминистрировали». И дальше он добавил: „Не отрывать политики от администрирования, вот в чем задача. Ибо наша политика и администрирование держатся на том, чтобы весь авангард был связан со всей пролетарской массой, со всей крестьянской массой. Если кто-нибудь забудет про эти колесики, если он увлечется одним администрированием, то будет беда». (XVIII том, ч. 2 стр. 51). «Переадминистрирование» и «аппаратная точка зрения»—это одно и то же.

[1]) На 3-м совещании политработников армии и флота т. Троцкий сказал: «у Маркса один уровень сознательности, у пензенского крестьянина—другой» (цитата взята из статьи т. Москвина «Несколько вопросов строительства Красной армии», «Краснознаменец» 1923 г., № 11). Странная постановка вопроса: как можно одним аршином („уровень“) мерять пролетарскую сознательность Маркса и мелкобуржуазную сознательность пензенского крестьянина.

борьба за армию, особенно обостряемая переходом на милиционную систему.

Сложный процесс одновременного роста смычки и размычки находит свое концентрированное выражение именно в армии, где собирается большое количество крестьян. Здесь они получают много знаний, здесь они легче могут разобраться в своих «крестьянских» вопросах и сформулировать свои требования. Здесь идет процесс кристаллизации «крестьянской» идеологии. С этой точки зрения армия становится незаменимым аппаратом для прощупывания крестьянских настроений и стремлений.

Борьба между пролетарской и кулацкой идеологией внутри Красной армии «уплотняется», как нигде. Эта борьба есть борьба за Красную армию. Борьба эта уже началась. Правда, знамена еще не развернуты, лозунги еще не провозглашены, но их нетрудно предугадать [1]).

Кулацкий Кронштадт дал лозунг «честных советов без коммунистов». В применении к Красной армии, «военным слепком» этого лозунга будет лозунг: «Доблестная Красная армия без коммунистов», «Культурный гражданин-боец без коммунизма». Кулак вовсе не против культуры, он даже за политическую грамотность, но без коммунизма. Ибо он знает, что *такую* политграмотность можно повернуть и против коммунизма.

Сменовеховцы (а таковые есть и в армии) восхищаются Красной армией, хвалят ее, но хотели бы только одного—освободить ее от «коммунистической словесности». Военная пропаганда — прекрасно,—говорят они,—культурная и просветительная работа—превосходно, политграмота—великолепно, но выбросьте коммунистическое доктринерство и всяческие там теории классовой борьбы. Красная армия—не коммунистическая академия, красноармеец—не слушатель курсов по теории классовой борьбы. Не следует теоретически и политически разбрасываться, боевая подготовка—главное, надо готовить не ком'ячейку, а сознательное (*сменовеховски*-сознательное) отделение, роту, батальон, полк.

Мы видим, *кому* на руку словечки о коммунистической словесности и о коммунистическом доктринерстве. Кулак, сменовеховец, меньшевик, эсер,—все они подхватят эти словечки, подправят их на свой лад, усилят, прикрасят и пошлют гулять по белу свету и по Красной армии. Все они за то, чтобы подчинить политработу задачам военной и культурной обработки красноармейца, все они за то, чтобы политработа в Красной армии «вырастала» из военной пропаганды. Все они за «акоммунистическое» (не за аполитическое, что вы, что вы!) воспитание Красной армии.

Пролетарская идеология против кулацкой,—так стоит вопрос, так он поставлен существующим соотношением классов и их развитием, определяемым развитием капитализма в деревне, социализма в городе. Так он уже ставится в армии.

---

[1]) Совершенно ту же ошибку, что и тов. Троцкий, делает тов. Городнев «Очерки Красной армии» 1924 г., стр. 66), когда утверждает, что «мы в нашей политической работе приходим к красноармейцу... с *рабоче-крестьянской правдой*, которая ему близка и которую он понимает и усваивает с полуслова». Так ли, тов. Городнев? Действительно ли с полуслова?

Материалы, поступившие за последнее время из округов, проявление кулацкой идеологии в армии уже сигнализируют.

«Непонимание сущности союза рабочих и крестьян,—пишут из одного округа,—заявления, что рабочий класс имеет больше выгод от революции, чем крестьянство. Взгляд на крестьянство, как на единый класс, и недовольство политикой расслоения, заявления, что она де только мутит деревню (*врагов*, т.-е. *кулаков* в деревне нет). Взгляд на бедноту, как на лодырей, советская власть поддерживает лодырей. Заявление, что советская власть восстанавливает промышленность за счет крестьянства».

Таковы основные кулацкие мотивы, которые в различных вариациях можно встретить по всем округам. Подобные заявления единичны и в большинстве случаев идут от кулацких элементов. Но тенденция к их наростанию имеется.

После двадцати лет длительной и трудной борьбы за влияние на крестьянство против всех партий и всех классов, большевики в 1917 году отбили (казалось, навсегда) крестьянство у эсеров. Но теперь ясно, что борьба еще не кончена. Предстоит еще действительно «последний и решительный бой» за крестьянство против кулака и этот бой начинается уже внутри армии. Наше оружие—политическая пропаганда, твердо и неуклонно направленная к тому, чтобы преодолеть кулацкую идеологию и привлечь красноармейца-крестьянина на сторону пролетариата. В этом—основная задача и цель всей политработы в Красной армии в теперешний период. И эту задачу надо ставить сегодня же.

Обстановка изменилась. Об этом изменении говорят: 1) три года нэп'а, 2) два года милиционной системы, 3) приход в армию (впервые) молодняка, уже прошедшего школу нэп'а.

Обстановка изменилась. В течение 3-х лет можно «терпеть военизаторско-культурнические» тезисы о военной пропаганде, с их стремлением оторвать политработу от коммунизма. А теперь, мелкобуржуазный «военизаторско-культурнический» уклон политработы становится вредным: культурно-просветительный под'ем красноармейца, *который безусловно необходим*, своим политическим концом обращается не в ту сторону.

Задача политработы—повернуть и культпросветработу против кулака. Не затемнять этой задачи политработы попыткой слить ее с военной пропагандой, не жертвовать ею ради культурно-просветительной работы, а подчинить военную пропаганду и культпросветработу политработе и ее задачам, «нацелить» всю работу на одну точку, «не разбрасываясь» культурнически,—словом, сделать политработу в Красной армии в полном смысле этого слова коммунистической. А это значит проводить ее на основе классовой пролетарской идеологии.

«Да ведь это самое отвлеченное коммунистическое доктринерство»,—отвечает на это тов. Троцкий («Основная военная задача момента», стр. 13), цитируя из тезисов Фрунзе п. 4-й, который заканчивается именно этими словами о политической работе «на основе классовой пролетарской идеологии». «Да ведь это самое отвлеченное коммунистическое доктринерство»,—восклицает тов. Троцкий [1]).

---

[1]) Пункт 4-й т. Фрунзе гласит: „Факт глубокого принципиального противоречия между строем пролетарской государственности, с одной стороны, и окружающим буржуазно-капиталистическим миром—с другой, делает неизбеж-

«Вы идеалистически переоцениваете силу идеологического воспитания»,—подхватывает тов Лузгин.—(«Революция и война» 1922 г. № 14—15).

«Вы хотите превратить красноармейца в о б'е к т для коммунистической пропаганды»,—в ужасе восклицают вслед за авторами тезисов о военной пропаганде их последователи.

Конечно, хотим. Именно в об'ект и именно для коммунистической пропаганды. А как же иначе? Каждый господствующий класс воспитывает армию в духе своей классовой идеологии. Так было, так будет, иначе не может быть. Буржуазия воспитывает свою армию, составленную из рабочих и крестьян, в духе своей буржуазной классовой идеологии. А пролетариат свою, армию—в духе коммунизма, который и есть классовая идеология пролетариата. Кричать по э т о м у поводу о коммунистическом доктринерстве, как это делает тов. Троцкий, или об «идеалистической переоценке силы идеологического воспитания» (Лузгинский перевод формулы Троцкого)—это и значит обнаруживать тенденцию к отрыву политработы в Красной армии от коммунизма [1]).

Красная армия вступила в новый период своего существования. Изменились классы, изменились их отношения, изменилась политика, не может не измениться политическое воспитание красноармейца.

Не растворять политическую работу в Красной армии в «аполитичной» (без теории классовой борьбы) военной пропаганде и «беспартийной» (без коммунизма) культпросветработе, не допускать отрывка политработы от коммунизма, а направить ее на «пролетаризацию» крестьянских голов против кулацкой идеологии—такова очередная задача.

Отрыву политработы от коммунизма, вырастающему на отрыве военного дела от марксизма, пора положить конец.

ными и столкновения и борьбу этих двух враждебных миров. В соответствии с этим задачей политического воспитания Красной армии является поддержание и укрепление ее постоянной готовности выступить на борьбу с мировым капиталом. Это боевое настроение должно закрепляться планомерной политической работой, проводимой на основе классовой пролетарской идеологии в живых «общедоступных формах».

Приведя этот тезис, тов. Троцкий продолжает:

«Здесь подход заведомо не (?) политический абстрактный, по существу неверный и опасный. Борьба между пролетариатом и буржуазией идет во всем мире. В этой борьбе либо на нас будут нападать, либо мы будем нападать. Необходимо армию держать в готовности, воспитывая ее на основе классовой пролетарской идеологии в живых и общедоступных формах. Да ведь это самое отвлеченное коммунистическое доктринерство, против которого мы все возражали на прошлом заседании, когда говорили о военной пропаганде».

[1]) Тов. Троцкий говорит далее о 100% коммунистов. Откуда он взял эту цифру, мы не знаем. Называлась на основании опыта гражданской войны цифра 15—20%, как цифра, вполне обеспечивающая устойчивость части.

В. Кнорин.

Партия и рабочая демократия.

Минувший год характеризуется колоссальным ростом политической активности всего рабочего класса и началом роста политической активности широких крестьянских масс. На этой основе чрезвычайно усложнилась и расширилась наша внутрипартийная работа, получившая новый толчок в активности масс и неисчерпаемый источник сил в приливающих в партию сотнях тысяч новых членов, ищущих практического приложения своих сил. Этот богатый и плодотворный для партии год начался известной резолюцией Политбюро ЦК и Президиума ЦКК о рабочей демократии, в которой впервые были поставлены вопросы о вербовке в партию рабочих от станка, о всемерном улучшении качественного состава деревенских ячеек, направлении их по руслу культурной и политической деятельности и о повороте к широкому применению на деле принципов рабочей демократии. Все эти положения, вместе взятые, наметили годовой путь организационной работы партии и явились как-бы черновым наброском принятых ЦК РКП (б) в дальнейшем постановлений о ленинском призыве, организационном оживлении ячеек, поднятии партийно-воспитательной работы и более широком вовлечении крестьян в партию. Но основа основ резолюции 5 декабря заключалась в констатировании того факта, что «отрицательные явления последних месяцев (т.-е. сентября—ноября 1923 года) как в жизни рабочего класса в целом, так и внутри партии, как в смысле успешной борьбы с нэповскими влияниями, так и в смысле повышения ее боеспособности во всех областях работы т р е б у ю т с е р ь е з н о г о и з м е н е н и я п а р т и й н о г о к у р с а в с м ы с л е д е й с т в и т е л ь н о г о и с и с т е м а т и ч е с к о г о п р о в е д е н и я п р и н ц и п о в р а б о ч е й д е м о к р а т и и».

В силу этого решения партия сделала решительный поворот всею своею массою под руководством своих комитетов и еще раз доказала, как организационными поворотами, передаваемыми по централизованному, проникнутому одною мыслью аппарату, партия способна одерживать победы в крупнейших и сложнейших вопросах.

Наши комитеты—наш партийный аппарат—во время прошлогодней дискуссии подвергались жестокой и несправедливой критике со стороны оппозиции. Партия не сказала, что в нашем аппарате все в идеальнейшем порядке, но на нападки ответила дальнейшим улучшением этого аппарата методами и путями, указанными в резолюции 5 декабря. Это улучшение проводилось и проводится: 1) путем приближения низового руководящего органа к рабочему от станка и, тем самым, ко всей заводской рабочей массе; 2) путем количественного увеличения состава бюро ячеек, коллективов и комитетов, преимущественно за счет рабо-

чих от станка и партработников низших звеньев; путем абсолютного и относительного увеличения в комитетах рабочего ядра (в крестьянских районах также и крестьянского) за счет служащих и интеллигентов и 4) путем усиления периодического обновления (по частям) как состава бюро ячеек, так и состава райкомов, укомов и губкомов и выдвижения новых партийных руководителей из рабочей среды.

Ленинский призыв, по которому в партию вошло почти 200.000 рабочих, и дальнейший все еще продолжающийся прилив в партию рабочих, сблизил партию со всею рабочею массою и ее насущными заводскими интересами. Для учета новых задач и проведения партийной линии в этой новой партийной среде и в близких к ней рабочих массах, нужен был новый, более широкий, близкий к цеху, аппарат. В связи с этим, был поставлен вопрос об организации цеховых ячеек. Все это подняло к партийной руководящей работе на низовых звеньях новые широкие массы рабочих. В цифрах это дает следующую картину:

Название ячейки.	Число чл. бюро в 1923 г.	Число чл. бюро в 1924 г.	Цех. яч. образ. в 1924 г.	Общее число чл. цех. яч.	Общее число „комитетчиков" на заводе.
Красный Путиловец (Ленинград)	5	15	16	97	112
Балтвод (Ленинград)	5	13	13	78	91
Прохоровская М-ра (Москва)	7	13	7	35	48
Завод „Дукс" (Москва)	7	8	5	15	23
Хим. зав. „Свобода" (Москва)	5	11	3	11	22
Большая Ив.-Возн. М-ра	7	13	6	18	31
Главные ж.-д. мастерские (Москва)	7	11	2	10	21

Общее число комитетчиков в 1923 г. 43
" " " " 1924 " 348

Следовательно, только всего на 7 заводах на руководящую работу в низовых звеньях партаппарата было выдвинуто всего за один год 305 новых товарищей, если даже предположить, что все старые остались на месте и избранные за год не сменялись, чего на самом деле не могло быть и не было. Если, примерно, взять завод «Дукс», где 284 членов и 81 кандидат партии и 23 «комитетчика», то выходит, что из каждых 12 членов (или 16 членов и кандидатов) один «комитетчик»; по заводу «Свобода», где 101 член и 43 кандидата и 22 «комитетчика», выходит на каждых 4,5 членов (или 6,5 членов и кандидатов) по одному «комитетчику»; по Прохоровской мануфактуре на каждых 10 членов (или 15 членов и кандидатов) один «комитетчик». Эти немногие данные говорят, что мы на низу имеем, собственно говоря, не бюро, а «массовый» аппарат политических и организационных руководителей ячеек и партийной работы в беспартийной рабочей массе,

не имеющий ни малейшей возможности «оторваться от массы (1:4,5 или 1:10) или стать над нею. Если принять во внимание, что на этих заводах члены партии, в среднем, составляют около 15—20% всей рабочей массы, то будет доказана и теснейшая связь наших бюро ячеек с беспартийной рабочей массой (1:50 или, в худшем случае, 1:100).

Для характеристики положения можно взять Зарченский район Тульской ор-ции, который состоит из 30 производственных ячеек, 3 военных и одной советской ячейки. В конце 1923 года общее количество членов бюро этих 34 ячеек было 123 чел. В результате летних перевыборов, к настоящему времени мы в их составе имеем 215 чел., т.-е. увеличение почти на половину. Из этих 215 товарищей в прежнем составе бюро ячеек состояли лишь 75, т.-е. $^1/_3$, а $^2/_3$ избраны в бюро ячеек впервые. Конечно, в связи с таким резким обновлением состава бюро ячеек, приходится отметить значительное омоложение как по партийному стажу, так и по возрасту. Если средний партийный стаж в прошлом составе равнялся 4,3 года, то теперь только 3,1 года (до 17 г.—1 ч., с 1917 г.—14 чел., с 1918 г.—18 чел., с 1919 г.—26 чел., с 1920 г.—34 ч., с 1921 г.—23 чел., с 1922 г.—12 чел., с 1923 г.—33 чел., и с 1924 г.—54 чел. и кандидатов—14 чел.).

Было бы излишне доказывать, что такой аппарат в полной мере отражает нашу партийную массу со всеми ее положительными и отрицательными чертами, является на 95—99% рабочим (в общем, в бюро ячеек % рабочих больше, чем, в общем, в районе), и не может быть создан иначе, как на основе самой полной рабочей демократии.

Теперь перейдем к промышленным райкомам и укомам. Для наглядности возьмем следующую таблицу:

Название райкома или укома.	Членов бюро в 1923 г.	Членов бюро в 1924 г.	Рабочих.		Крестьян.		Служащих.	
			1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.
			в процентах.					
Красно-Пресненский (Москва)	41	61	83	82	—	6,5	17	11,4
Баумановский (Москва)	37	50	67,6	76	5,4	8	16,2	16
Зареченский (Тула)	—	31	90	94	—	—	—	—
Фабричный (Тверь)	11	25	63,6	84	18,2	8	18,2	8
Сталинский (Донбасс)	26	41	73,1	80	—	5	26,9	15
Привокзальный (Одесса)	14	28	85,7	88,9	—	—	14,3	11
Коломенский уком (Московск. губ.)	19	27	78,9	91,7	5,3	—	15,8	8,3
	148	263	—	—	—	—	—	—

Эти цифры говорят, что 7 типичных для наших рабочих организаций райкомов и укомов увеличились численно на 80% и дали почти такому же количеству активных партторарищей,

какое раньше было выдвинуто на политически руководящую работу в райкомах, вновь в эту работу втянуться, на деле готовясь к продвижению на более высокие звенья политического руководства. Если принять, что из старых членов райкомов осталось через год не больше одной трети, то этот процесс покажется в еще более ярком виде. Партия не имеет определившегося кадра «комитетчиков» и на второй ступени, а опирается на весь актив, из которого черпает на каждых выборах все новые и новые силы.

Несколько менее значительные успехи в крестьянских уездах, хотя и здесь отмечается расширение состава укомов и значительное вовлечение $^0/_0$ крестьян за счет служащих. Для иллюстрации приводим следующие данные:

Название укома.	Членов укома в 1923 г.	Членов укома в 1924 г.	Рабочих.		Крестьян.		Служащих.	
			1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.
			в процентах.					
Касимовский (Рязанск. губ.)	7	11	42,8	27,3	—	63,6	57,2	9,1
Воскресенский (Моск. г.).	9	11	77,8	54,5	11,1	9,1	11,1	36,4
Тобольск. округ (Урал).	14	17	64,3	70,5	7,1	11,8	28,6	17,7
Петропавл. у. (Сибирь).	7	11	28,6	18,2	14,2	45,5	57,2	36,3
Житомирский (Украина).	16	25	31,3	36	37	32	31,2	32

Эта таблица показывает, что в чисто крестьянских уездах (Касимовский, Петропавловский) наметился определенный процесс к вовлечению крестьян-коммунистов в руководящую уездную работу. Для партии не составляет ничего недопустимого то обстоятельство, что в некоторой части этот процесс идет за счет уменьшения относительного веса в укомах рабочих. Иначе и не может быть в таких районах, где рабочих почти нет. Но в смешанных уездах истекший год еще не дал достаточно определенных результатов. И почти недоразумением нужно считать такие факты, когда за счет рабочих и крестьян увеличивается количество служащих (Воскресенский) или когда в почти исключительно крестьянском уезде (Житомир) увеличение почти равномерно распределяется между всеми группами, но в ущерб крестьянской.

Подходим к третьему звену нашей аппаратной цепи—губкому. И здесь мы замечаем изменение того же порядка,—увеличение общего числа губкомщиков за год, приблизительно, на $80^0/_0$ и обновление на каждых очередных выборах состава губкома, в среднем, на $^1/_3$. Конечно, основное ядро губкома, состоящее из наиболее видных партийных, профессиональных и советских работников губернии и подобранное с особой тщательностью, переходит из одного состава в другой, но удельный вес ее в составе губкома понизился и оно опирается на меняющийся состав всего губкома, включающий в себе уже значительный $^0/_0$ рабочих от станка.

Но больше всего устойчивости, как предполагается, должен проявить состав секретарей губкомов. Поскольку секретарь губкома играет особенно большую роль в нашей партийной работе, вопрос об изменениях в его составе может нас особенно интересовать. Факты говорят следующее: из 32 губернских комитетов центральных губерний за год секретари сменились в 13-ти. При выдвижении новых секретарей в 8-ми случаях были выдвинуты местные работники, по происхождению преимущественно из рабочих, в 3-х случаях были выдвинуты посланные центральным комитетом для ответственной работы в губернии товарищи, окончившие курсы марксизма при Соц. Академии, в одном случае—кандидат в члены ЦК РКП (б), после выборов откомандированный в губернию, в одном случае—прибывший в губернию ответственный работник соседней губернии и в одном случае—ответственный инструктор ЦК, посланный на место. При этом только в 5 случаях избранные на секретарскую работу товарищи раньше были секретарями, а в остальных 8-ми, случаях, были впервые выдвинуты на секретарскую работу. Из этого следует, что за год секретарский состав в губкомах изменился на $40^0/_0$, и на $25^0/_0$ на секретарскую работу были выдвинуты совершенно новые люди.

Подводим итоги беглому обзору нашего партийного аппарата во всех его звеньях.

Значительное расширение, демократизация и обновление состава организаторов и руководителей нашей партийной жизни на всех ступенях, сознание необходимости постепенного и периодического освежения состава всех партийных комитетов за счет работников, кровно связанных с широкими партийными массами рабочих (а также крестьян) вошло в плоть и кровь организации. Наши бюро ячеек, райкомы, укомы и губкомы втягивают в свой состав настолько значительную часть всей партии, что не может быть никакой речи о подмене партийного мнения организаторами руководителями, «комитетчиками». Дальнейшей задачей нашей партии является укрепление связи между отдельными звеньями нашей партийно-организационной сети и завершение начатого процесса.

* * *

«В целях борьбы с извращением партийной линии, для действительного проведения рабочей демократии и обеспечения за всей массой членов партии возможности систематически влиять на направление всей партийной политики» ЦК считает необходимым, в первую очередь, «следить за строгим проведением выборности должностных лиц с теми ограничениями, которые указаны партийным уставом и постановлениями с'ездов, считать недопустимым навязывание этих лиц организации, в частности, ЦК считает необходимым внимательно следить за проведением выборности секретарей ячеек».

Партия в этом вопросе сделала вперед большой шаг, но про окончательный успех и выполнение повсеместно и полностью этого постановления еще преждевременно говорить. В исключение из общего правила, мы иногда слышим еще такие постановления райкомов: «Мартеновского цеха уполномоченного сменить и выдвинуть Ан-ва», «листопрокаточного уполномоченного Сп-ва сменить и выдвинуть Б-на», «охраны завода уполномоченного Ш-ва сменить и выдвинуть Кир-ну». На Урале один из райкомов постановляет: «поручить орготделу подыскать соответствующую кандидатуру на должность секретаря Сильвенской ячейки», один из ленинградских райкомов постановляет «рекомендовать т. В. в качестве организатора коллектива. Можно было бы еще

значительно продолжить этот список записанных «нарушений» рабочей демократии в партии. Еще больше и уже в более высоких звеньях таких фактов остается незаписанных и «скрывающихся». Ибо те времена, когда партийное приличие позволяло говорить во весь голос про назначение и рекомендацию секретарей ячеек и райкомов и даже состава бюро ячеек и райкомов прошло и, вероятнее всего, прошло навсегда. Те пережитки прошлого, которые еще есть, скрываются, как неприличная секретная болезнь, от которой пока не нашли средств избавиться, но которую нужно лечить, а пока не вылечена, тщательно скрывать от постороннего взгляда.

Но если «болезнь» еще не изжита, то это не столько по злой воле или из-за нерадения или пренебрежительного отношения к принципу рабочей демократии и основе основ его—выборности партийных должностных лиц, сколько по бедности, малокультурности, партийной молодости отдельной ячейки, которой нужно прийти на помощь, пока она не стала еще на твердые ноги. В таких случаях «болезнь» уже не есть болезнь. Когда секретарь губкома уходит и на его место выбирается новый, обыкновенно в губкоме поднимаются разногласия на счет кандидатур. Часто руководящая группа не может, по причинам личного характера, выдвинуть из своей среды никого, кто бы пользовался достаточным авторитетом всех. Тогда начинаются предложения обратиться в ЦК РКП с просьбою о присылке в распоряжение губкома ответственного партработника, который мог бы быть впоследствии секретарем. Часто такие предложения заставляют группу, желающую непременно иметь секретаря из местных работников, пойти на соглашение и об'единиться вокруг кого-либо из местных кандидатур. Так это за истекший год было неоднократно. Но и выборы на секретарскую работу внегубернского работника ни в коем случае нельзя считать нарушением партийной демократии, также, как нельзя считать нарушением буржуазной демократии то, что Манчестер избирает своим представителем Асквита или Шотландия—Макдональда, несмотря на то, что оба они живут в Лондоне. Значительная часть партии уже в достаточной мере знакома между собою, чтобы иметь возможность подбирать себе работников и вне пределов губернии.

То же самое можно отнести и к немногим, имеющим место, случаям выборов рекомендованных свыше работников в райкомах и ячейках.

Наша выборность должна была сочетаться с подбором работников более опытных и выдержанных и с выдвижением новых—из среды рабочих масс. И это условие, как показывают вышеприведенные данные, в нашей практике находило широкое применение. Желать большего, означает желать не органических и эволюционных изменений, а серьезных нарушений нормального прогрессивного хода работы. Рабочая демократия и выборность, как одна из составных частей ее, стали практическим жизненным правилом нашей партии, так что прошлогоднюю резолюцию и прошлогодние разговоры по этому вопросу можно уже передать истории.

Но вопрос о рабочей демократии не есть только вопрос об аппарате и выборности.

«Обязательно ставить все существенные вопросы партийной политики, поскольку этому не препятствуют какие-либо исключительные обстоятельства, на обсуждение ячеек и партийной массы в целом», «ввести в практику обязательную отчетность перед выбирающими их коллективами и перед широкою партийною массою», «усилить информацию членов партии путем печати и об'ездов мест со стороны членов ЦК, ЦКК, областных и губкомитетов» и т. д. Так было сказано в резолюции 5 декабря.

И что же?—За этот год наша партийная работа стала если не вполне гласной, то, во всяком случае, полугласной. Пленумы Центрального Комитета и Центральной Контрольной Комиссии проходят на глазах у всех, про них печатаются обширные стенографические отчеты, о них делаются доклады на районных собраниях и ячейках. Этим самым ряд основных вопросов партийной политики перешел на широкое обсуждение. Партийно-организационные проекты разрабатываются на широких комиссиях ЦК с участием работников с мест. Еще в совсем недавнем прошлом всего этого не было. Губкомы равняются по ЦК: если оглашают-ся речи, прения и решения на пленумах ЦК, то Областкомы и Губкомы приступают к тому же; если члены ЦК и ЦКК присутствуют на губконференциях и отчитываются о работе ЦК и ЦКК, то члены ГК и ГКК делают то же самое на уездных конференциях; если генеральный секретарь ЦК информирует партию о важнейших политических задачах ее, то секретарь Губкома стремится, по мере своих сил и возможности, делать то же самое в пределах своей организации. Таким образом, создается простая цепь, связывающая ячейку с ЦК, по которой сверху вниз и снизу вверх передается политическая мысль партии и текущие лозунги партийно-организационной и политической работы.

Но эти методы демократизации партийной работы еще не установились и не определились, партия ощупью к ним только подходит, отыскивая за что ухватиться и как втянуть массы в деловое обсуждение отдельных практических вопросов. А разрешение этой задачи создаст условия, при которых все новые и новые слои партии будут втягиваться в активную, руководящую работу.

* * *

История постановления ЦК о рабочей демократии чрезвычайно поучительна. Оно было встречено прошлогодней оппозицией, недоверчиво. Тем более недоверчиво были встречены этой оппозицией методы ее проведения, внедрения ее в нашу партийную практику постепенно, ничего не разрушая и не разбивая. Отдельными этапами ее проведения являлись: ленинский призыв, усиление партийно-воспитательной работы, выдвижение новых слоев членов партии на активную работу, оживление работы производственных ячеек, потом—особое внимание к партработе в деревне. И было бы хорошо, если бы эту годовую историю большевистского партийно-организационного строительства в борьбе с лозунгами недоверия партии, ее традициям и ее аппарату серьезно изучили бы в наших партийных школах в ее исторической последовательности и законности. Это было бы не менее полезно, чем изучение истории 2-й с'езда. Не путем широких деклараций партия приступила к осуществлению рабочей демократии, а превратив ее из лозунга в практическую рабочую методу, сделав ее вспомогательным орудием для разрешения основных очередных политических задач партии.

Дм. Бухарцев.

Сотрудничество и противоречия англо-американского капитализма в плане Дауэса.

Проект Дауэса «реконструкции Европы» и установления планового начала в германском хозяйстве под эгидой американского капитала уже дал свои первые результаты. Эти результаты надо искать не в «оздоровлении» германского или какого-либо другого хозяйства, даже не в итогах выборных кампаний в Англии и Германии, а в том «великом смятении в умах», вызванном одним принятием проекта Дауэса. Это «смятение» наблюдается не только в толщах рабочего класса Германии, Англии и др. стран, но и в рядах коммунистических партий Запада, не только в низах, но иногда и в руководящих верхушках. Тов. Радек в своей статье «Устойчивость капитализма или неустойчивые коммунисты» («Правда» от 7/XI) пишет:

«Ряд коммунистов, смертельно испуганных планом Дауэса, начали под шум, произведенный этим планом, пересматривать свой идейный багаж, приспособляться к мнимому концу эры социалистической революции. Двое из них—Ньюбольд и Филипп Прайс—сделали даже политические выводы из своих размышлений, уйдя из коммунистической партии Англии».

Этот факт чрезвычайно характерен, он показывает, что по части диалектического анализа и умения разобраться в любой запутанной ситуации у наших братских компартий Запада дело обстоит не совсем благополучно. Вместо холодного, здравого анализа люди впадают в панику, в худшем случае дезертируют, в лучшем случае топчутся на месте, проявляя «энергию бездействия» или посылая приветственные телеграммы Макдональду. Возникает вопрос. достаточно ли ясен нам, российским коммунистам, весь гордиев узел дауэсовского сплетения? Кажется, что и мы, быть может потому, что все это происходит где-то там, за географическими пределами нашего Союза, не отдаем себе полного отчета в том, что представляет собой план Дауэса, это крупнейшее событие современности, имеющее непосредственное отношение и к СССР. «Смятение в умах» в верхушках компартий Запада, дышащих, так сказать, атмосферой дауэсовского плана, соответствующим образом рефлектируется и в сознании некоторых наших товарищей.

Основной проблемой, связанной с планом Дауэса и являющейся стержнем этого вопроса, является: англо-американ. сотрудничество или англо-американская коллизия. Кроме своего непосредственного мирового значения эта проблема имеет

колоссальное значение для всей нашей внешней политики и экономики. Основными козырями в нашей внешней политике являлись и являются: внутреннее хозяйственное и политическое укрепление Союза, сочувствие к СССР со стороны трудящихся всего мира и, наконец, противоречие интересов отдельных капиталистических групп. Этот третий элемент нашей внешней политики нередко приходил на помощь Советской Республике, как в первые месяцы ее существования, так и в тяжелые годы интервенции. Он имеет крупное значение и в наше время. Поэтому вопрос—является ли план Дауэса, рассчитанный на осуществление в течение ближайшего десятилетия и больше, базисом, на котором происходит примирение англо-американских противоречий или, наоборот, стимулом для углубления старых и появления новых противоречий, — представляется нам далеко не академическим.

По этому вопросу имеются различные мнения. Тов. Радек считает, что «англо-американское сотрудничество только начинается. Оно тоже кончится, сорванное противоречиями капитализма в Англии и Америке, но начала этого конца еще не видно». («Правда» 7/XI—24 г.).

Этим самым тов. Радек хочет сказать, что мы вступаем в длительный период англо-американского сотрудничества, при чем даже начала конца этой трогательной дружбы двух акул мирового империализма и не видно.

Если сделать из этого дальнейшие логические выводы, то даже при самом безнадежном оптимизме нельзя будет найти ничего утешительного ни для перспектив мировой социальной революции, ни для перспектив укрепления нашего Союза.

Две самые крупные империалистические державы, обладающие большею частью всего мирового флота, вооружения, сырья и промышленности заключили союз, закрепленный такой крупной сделкой, как план Дауэса, союз, который, по словам тов. Радека, только начинается. Не какое-нибудь непродолжительное блокирование, а союз—«начало, конца которого еще и не видно». Это пахнет для Европы не только «сиденьем на пайке», но и целым рядом более серьезных последствий [1]).

Что же является самым существенным в плане Дауэса? По нашему мнению центр тяжести всей проблемы надлежит перенести не на об'ект—Германию, а на важнейший суб'ект этого плана: на Северо-Американские Соединенные Штаты.

Соединенные Штаты выступают активно на мировом, именно на мировом, а не только на европейском и тем паче германском рынке. Это самое важное в генезисе плана Дауэса. Перманентный сельско-хозяйственный кризис, промышленная депрессия, как следствие значительного сужения внутреннего рынка и на ряду с этим ломящиеся от избытка золота кладовые банков «федерал-резерва» — вот причины, толкающие С.-А. С. Ш. на так называемое вмешательство в европейские дела.

---

[1]) Известная неувязка в постановке этого вопроса чувствуется и у тов. Тальгеймера („Спутник Коммуниста", № 8, „Международное положение"). С одной стороны, Тальгеймер указывает на то, что проведение плана Дауэса является „продуктом англо-американского сотрудничества", с другой стороны, он признает, что превращение „Германии в американскую колонию делает страну яблоком раздора между Англией и Америкой".

Что ищут Соединенные Штаты в Европе? Ответить на этот вопрос не так легко, как это кажется на первый взгляд. Тут имеет место взаимодействие самых противоположных тенденций и сил, действующих в различных направлениях.

Проблема послевоенных взаимоотношений Европы и Америки является осью мировой экономики и политики. Мировая империалистическая война, изменила в корне соотношение сил Америки и Европы. С.-А. С. Ш. из должника Европы превратились в ее кредитора. Хладнокровно смотрела буржуазия Соединенных Штатов, как народы Европы истекали кровью в мировой бойне. Она снабжала их пшеницей, оружием и воскресными проповедями мистера Вильсона; последние, впрочем, больше предназначались «для внутреннего употребления»; С.-А. С. Ш. выжидали удобного момента, когда начнется агония одной из борющихся сторон, чтобы ввязаться в войну и незначительным усилием затянуть мертвую петлю на шее противника. Это ей удалось довольно успешно проделать.

Соединенные Штаты перекачали к себе золото из Европы и занялись своим собственным внутренним рынком, казавшимся в то время неограниченным потребителем всего того, что производила разросшаяся за время войны индустрия. Началась знаменитая эпоха невмешательства в европейские дела. Американский аллигатор, переваривая военную добычу, спокойно наблюдал как корчится в голодных муках истощенная разрушенная Европа, подкармливая ее пшеничной мукой и конденсированным молоком. Но Европа не могла обойтись без Америки, являющейся монополистом целого ряда сырьевых продуктов, без которых не может существовать европейская промышленность. Европа импортировала американское сырье, увеличивая и без того распухшие запасы американского золота. Избыток золота не спас, однако. С.-А. С. Ш. от общей участи мирового капиталистического хозяйства: кризиса внутреннего сбыта, американской промышленности пришлось подумать об интенсификации экспорта. Анализируя тенденции развития внешней торговли Соединенных Штатов Северной Америки, мы приходим к заключению, что доля Европы в общей внешней торговле Соединенных Штатов медленно, но верно понижается. С 62,3% довоенных, доля Европы падает до 54,8% в 1921—22 г., 51,4% в 1922—23 г. и 51,1% в 1924 г. Почти все государства Европы уменьшили в 1923—24 гг. свою долю участия в экспорте Соединенных Штатов в сравнении с довоенным периодом. Особенно резко это уменьшение наблюдается в отношении Германии (с 14% довоенных, доля Германии в экспорте Соединенных Штатов упала до 8,8%). В отношении Германии наблюдается уменьшение и в абсолютных цифрах. До войны Германия ввозила из С.-А. С. Ш. на сумму около 304 милл. дол., в 1923—24 гг. она ввезла из С.-А. С. Ш. на 378,3 милл. дол.; увеличение в ценностных выражениях произошло приблизительно на 24%, повышение же цен за этот период произошло на 60%, таким образом и абсолютно импорт Германии из С. Ш. уменьшился. Если сопоставить процентное увеличение экспорта Соединенных Штатов в Германию или в прочие европейские государства, которые в этом отношении не на много отличаются от Германии, с увеличением за тот же период экспорта во внеевропейские государства, получится наглядное представление о падении значения европейских государств в экспорте С.-А. С. Ш.

В 1923—24 гг. увеличили в сравнении с довоенным свой импорт из С.-А. С. Ш:

Япония	на 541%
Китай	„ 477%
Колумбия	„ 295%
Австралия	„ 232%
Куба	„ 205%

Однако, несмотря на уменьшение доли Европы, она все же потребляет половину всего экспорта С.-А. С. Ш. Это обстоятельство об'ясняется характером американского экспорта в Европу. Анализ экспорта С.-А. С. Ш. по видам товаров позволяет нам сделать интересные выводы. *Европа является рынком для сбыта не готовых фабрикатов, а сырья и пищевых продуктов С. Ш. С.-А.* Подавляющую часть американского экспорта в Европу составляют сырьевые и пищевые продукты. Готовые фабрикаты составляют 18,4% всего американского экспорта в Европу. Если сопоставить это положение с общей тенденцией индустриализации американского экспорта (готовые товары составляют свыше половины всего американского экспорта), должно быть ясным, что не для непосредственной товарной экспансии идет американский капитал в Европу, создавая планы Дауэса для Германии, Герли для Франции и т. д.

Мощно разросшееся капиталистическое хозяйство С.-А. С. Ш. ищет внешних рынков для сбыта своих товаров. Они с каждым днем укрепляются в Азии и Южной Америке, пробиваются в Африку; Европа же, несмотря на то, что она потребляет 50% всего вывоза С.-А. С. Ш., начинает играть все меньшую и меньшую роль во внешней торговле С.-А. С. Ш.

Отношение деловых кругов С.-А. С. Ш. к Европе можно охарактеризовать следующим образом: *Европа является удобным рынком для инвестиции американских капиталов, но не имеет никаких перспектив стать рынком для сбыта американских товаров.*

Этим положением руководствуется современная «Гуверская» торговая политика С.-А. С. Ш., об этом пишут крупнейшие органы печати, это заявляют руководители крупнейших трестов.

План Дауэса, явившийся первой практикой американского вмешательства в европейские дела, подтверждает указанное положение. Чего добивается Америка осуществлением плана Дауэса? В первую очередь, план Дауэса представляет возможность американскому *финансовому капиталу инвестировать на хищнических условиях капитал в европейскую промышленность, осуществляя свой контроль над тем, как этот капитал расходуется.* Это уже частично осуществляется. Германская и американская пресса пестрит сообщениями о предоставлении нью-йоркскими банкирами кредита различным германским фирмам. По исчислениям «Бергверкс-цейтунг» этот кредит за 8 месяцев равнялся 160 милл. дол.

Значение плана Дауэса для внешней торговли С.-А. С. Ш. рассматривается с двух сторон—инвестиция американских капиталов «оздоровит» европейскую промышленность, увеличит ее спрос на американское сырье. С другой стороны—усиленный спрос на сырье отразится не только на вывозе С.-А. С. Ш., но и на вывозе различных азиатских и южно-американских стран. Это

в свою очередь вызовет в этих странах спрос на американские фабрикаты.

Начальник Европейского Отдела Американского «Департмен оф Коммерс» об'ясняет это следующим образом: «Если бразильское кофе, например, будет экспортироваться в Европу в довоенном размере, увеличится продажа американских автомобилей, машин и текстилей в Бразилию. Если Европа сумеет увеличить потребление чилийской селитры, американские промышленники и экспортеры увеличат свою долю в чилийской торговле, благодаря увеличению ее покупательной способности». («Экономист» 30/VIII—24 г.).

Еще более резко ставит вопрос о значении плана Дауэса для американской внешней торговли «Ивнинг пост», от 19/VIII—24 г. В статье, посвященной перспективам плана Дауэса, между прочим сказано: «Некоторые здоровые знатоки положения считают, что в толках о благотворном влиянии репарационных соглашений на американскую индустрию имеется не малая доля нелепостей. Эти наблюдатели признают, что восстановление экономического мира в Европе улучшит рынок для некоторых из наших сырых материалов, напрм., для хлопка и меди. Они готовы допустить, что и для некоторых полуфабрикатов последствия будут благотворны. Но совершенно сомнительно, как они утверждают, чтобы «улучшился рынок для наших готовых фабрикатов».

Характерно, однако, что в Америке начинают скептически относиться к Европе и как к рынку для сбыта сырья.

Американский Институт Экономики недавно опубликовал труд об «Американском сельском хозяйстве и европейском рынке». Автор проводит мысль, что, в связи с беспрерывным процессом восстановления сельского хозяйства в Европе, будет падать доля ввоза сельско-хозяйственных продуктов из Америки. Кроме того, автор считает, что Аргентина, Уругвай, Канада, Австралия, Южная Африка сумеют с большим успехом снабжать Европу сырьем в силу своей сравнительной дешевизны. Автор делает заключение: Америке надо искать новых рынков, помимо Европы, для сбыта своего сырья. Не пускаясь в анализ выдвинутых автором этой работы положений, надо все же признать, что мысли, высказанные им, являются симптоматичными для отношения С.-А. С. Ш. к Европе, как к рынку сбыта своих продуктов.

Значительно большую роль играет Европа в экспорте Англии, в особенности в ее реэкспорте. Британский экспорт в Европу в 1913 году составлял 34,65% общего экспорта, а реэкспорт в Европу 56,18% всего реэкспорта. В фискальном году, кончая 30 июля 1914 года, экспорт в Европу составлял 34,02%, а реэкспорт—69%.

Английский экспортер оценивает европейский рынок иначе, чем это делает американский. Европейские рынки являлись и являются существеннейшими рынками для английской экспортирующей промышленности. В плане Дауэса, поскольку он должен восстановить покупательную силу Германии. Англия заинтересована, но поскольку этот план может интенсифицировать германский экспорт, она против него.

Весь характер плана Дауэса, все отдельные пункты контроля над промышленностью, над железными дорогами и над бюджетными поступлениями говорят об одном: С.-А. С. Ш. намерены создать в Германии своеобразный «Гинтерланд». Если раньше под

«Гинтерландом» мы подразумевали колонию, являющуюся рынком сбыта готовых фабрикатов метрополии, то теперь мы имеем более утонченную форму колониальной политики: колонизацию промышленных стран. Германия становится не потребляющим, а производящим «Гинтерландом». Надо вдуматься в то, что представляет собой Германия и тогда станет ясно, почему туда так тянет американский промышленный и финансовый капитал. Германия представляет собой в настоящее время технически наиболее развитую страну Европы с большим кадром высококвалифицированных рабочих со сравнительно с другими странами низкой оплатой труда [1]). Самое характерное для германской промышленности это то, что она имеет сравнительно новый основной капитал. Во время инфляции, падения германской марки, шел лихорадочный процесс роста органического строения германского капитала. Вводились новые технические усовершенствования, открывались новые цехи и мастерские, которые или совсем не нагружались или нагружались в незначительных размерах. Германский капиталист стремился инвестировать имеющиеся у него марки в машины и постройки, дабы обезопасить себя от последствий ее обесценения, т. н. «Flucht in Sachwerte» — бегством в вещные ценности. Понятно, что этот процесс отразился на сужении оборотного капитала. Таким образом, мы имеем в Германии огромную фабрику, построенную по последнему слову техники с совершенно новыми машинами. Эта фабрика не может производить, так как у нее не хватает оборотных средств для закупки сырья и не может сбывать, т. к. у нее не хватает средств для предоставления кредита своим покупателям.

Американская промышленность, как мы уже указывали выше, тоже подошла вплотную к проблеме товарного экспорта. Правда менее остро, чем в Германии, но и для нее экспорт является существенным вопросом (The key to prosperity, ключ к благоденствию, как называют в Америке внешнюю торговлю). У Америки нет недохватки в оборотных средствах, наоборот мы имеем там непрерывное падение учетного процента, избыток денег, но серьезным препятствием для экспорта американских фабрикатов является их сравнительная дороговизна, которая при сопоставлении с высокой валютой превышает цены конкурентов Америки. Все эти обстоятельства, как германские, так и американские, толкнули Соединенные Штаты на путь колонизации Германии. Тем более, что колонизация промышленной страны при дан-

[1]) По данным Mitteleuropäische Wirtschaft (статья проф. Вольфа от 17/X—24 г. сравнительная высота заработной платы по отдельным странам следующая:

	Строит. раб.	Машиностроит. раб.	Печатн.	Среднее.
Англия	100	100	100	100
Германия	52	44	43	53
Бельгия	58—63	71	56	62
Америка	263—197	203	181	196
Чехо-Словакия	69—76	111	—	87
Австрия	47—49	49	36	45

Мы видим, что заработная плата германского рабочего значительно ниже и американского и английского. Германский рабочий уже теперь получает в 4 раза меньше американского.

ной об'ективной политической ситуации в Европе куда проще, чем колонизация какой-нибудь отсталой страны. Американскому капиталу нет надобности ни посылать вооруженные отряды, ни проделывать целый ряд предварительных работ для того, чтобы сделать возможным промышленную инвестицию капитала, постройку фабрик и т. п. Тут дело обстоит значительно проще: скупается большинство акций необходимых предприятий, берется под контроль бюджет и внешняя торговля, общая хозяйственная жизнь страны регулируется комиссаром железных дорог и дело в шляпе, можно приступать к осуществлению *«организованного капитализма» по Гильфердингу издания 1924 г.*

Если к этому помахать еще пальмовой веткой пацифизма, произнести несколько трогательных «спичей» по поводу восстановления Европы, мобилизовать десяток-другой социал-демократов для соответствующего «пацифизирования» рабочих, можно считать исчерпанными все подготовительные работы и приступить к реализации намеченного плана.

В чем заключается этот план? По нашему мнению он сводится к следующему: американский капитал, захватывая в свои руки командные высоты германской индустрии, несомненно введет тут своеобразную плановость. Он заставит германскую индустрию производить то, что нужно Америке для экспорта в азиатские и южно-американские страны. *Это будет своеобразный «домпинг» дешевых германских товаров, разбавленных с американскими товарами* [1]) *и направленных к тому, чтобы закрепить гегемонию С.-А.С.Ш. на целом ряде азиатских и других рынков.*

За чей счет произойдет укрепление Соединенных Штатов на азиатских, австралийских, южно-американских и прочих рынках? Тут нужно опять вернуться к внешней торговле Соединенных Штатов Северной Америки.

При своем появлении на мировом рынке молодая индустрия Соединенных Штатов Северной Америки столкнулась в первую очередь с «владычицей морей»—Англией. Поскольку до войны внешняя торговля занимала в общем торговом обороте Соединенных Штатов незначительное место, соперничество между ними и Англией не могло принять каких-либо серьезных размеров. Англия имела более крупного врага—Германию. После войны, когда германский экспорт был почти скинут со счетов мирового рынка, на первый план выдвигается конкуренция между английскими и американскими товарами. Англии угрожает опасность оказаться вытесненной не только из сфер своего товарного влияния, но и из ее собственных доминионов, благодаря усиленной финансовой и, главным образом, товарной экспансии С.-А. С. Ш. Во время войны, когда английская метрополия была занята производством на оборону, целый ряд колониальных и полуколониальных стран, снабжавшихся ранее Англией, частью перешли на «самоснабжение», проделав стремительный процесс индустриализации, частью перешли под опеку американского торгового капитала. С.-А. С. Ш. наводнили своими товарами почти все рынки земного шара. Процесс товарной интервенции С. Ш. шел «кресчендо» до 1920 г. Этот год тяжелого внутреннего экономического

1) Приблизительно по тому же методу, как предлагали наши сторонники товарной интервенции во время дискуссии.

кризиса, повернувшего руль политики С.-А. С. Ш., в сторону внутреннего рынка и известного пренебрежения к внешней торговле, дал возможность Англии в последующие 1921—22 г.г. частично отвоевать назад уступленные позиции, без особого сопротивления со стороны С.-А. С. Ш. Но вот начинают ощущаться подземные толчки грядущей депрессии 1924 г. Все мысли американской промышленности снова обращаются к спасительной внешней торговле. Начинается новая эра «Гуверской» торговой политики, наступления американских товаров в Азию, Африку, Австралию и Южную Америку, рынки, где Англия еще до сих пор не сумела восстановить своего довоенного могущества. Открывается новая эпоха конкурентной борьбы между Англией и Америкой, которая ощущается почти на всех рынках земного шара. Отсутствие места не разрешает дать здесь полную картину этой борьбы. Все же некоторые наиболее яркие цифры можно привести. Начнем с Латинской Америки, где С.-А. С.Ш. являются как-будто неограниченным хозяином рынка. Если это положение отчасти верно в отношении Центральной Америки и северных государств Южной Америки, то в отношении таких стран, как например, Аргентина, Бразилия, Чили, этого сказать нельзя. В этих странах идет отчаянная борьба между Англией и С.-А. С. Ш. за преобладание на рынке. Возьмем к примеру Бразилию, где, между прочим, 60% всего инвестированного капитала приходится на долю Англии. До войны Великобритания ввозила в Бразилию 24,5%, а С.-А. С. Ш. 15,7%. После войны преобладающее значение получили С.-А. С. Ш. В 1922 году Англия снова занимает первое место ввоза—23% всего импорта, а С.-А. С. Ш.—19,8%. В 1923-м году Англия ввозит 24%, а С.-А.С.Ш. 20%. Итак, в сравнении с довоенным импортом, доля Англии уменьшилась, а доля С.-А. С. Ш. увеличилась. Англия принимает все меры к отвоеванию рынка. На Дальнем Востоке соотношение сил в настоящем склоняется в пользу Англии, но сопоставление современных данных с довоенными говорит за то, что С.-А. С. Ш. постепенно вытесняют Англию из крупнейших рынков сбыта. Возьмем к примеру Китай: до войны Англия ввозила с Гонконгом 56% всего импорта Китая, а С.-А. С. Ш. 6%, в 1923 году Англия ввозила лишь 13%, Гонконг 26%, а С.-А. С. Ш. 16,5.

Данные об импорте в Шанхай за первую четверть 1924-го года дают весьма интересную картину: весь импорт в Шанхай оценивался в 3 050 тыс. таэлей, из которых 27% падало на С.-А. С. Ш., 25% на Великобританию, 22,5% на Германию и 14% на Японию.

Та же картина наблюдается и в Японии: в 1913-м году Великобритания и Британская Индия ввезли 42,3% всего японского импорта, а С.-А. С. Ш. 16,8%. В 1923 году Британская Индия ввезла 15,4%, Великобритания—12%, а С.-А. С. Ш.—23,8%. В первые шесть месяцев 24 года в связи с восстановленными работами Японии доля С.-А. С. Ш. в японском импорте дошла до 30%.

Австралия немногим отличается от приведенных выше стран: Доля С.-А.С.Ш. в импорте Австралии поднялась с 13,7% довоенных до 24% в первые три месяца 24 года, в то время, как доля Англии уменьшилась с 52% довоенных до 45% в первые три месяца 24 года. В Новой Зеландии доля экспорта С.-А. С. Ш. увеличилась с 9% в 1913-м году до 23% в 22-м году. В отношении импорта автомобилей соотношение сил в пользу С.-А. С. Ш. В 1923 году С.-А. С. Ш. ввезли 35% всего импорта автомобилей в Новую Зеландию, Англия—4%.

Из немногих данных, приведенных здесь, создается уже некоторое представление о конкуренции между Англией и Америкой.

Критерием исхода этой борьбы является дешевизна и стандарт товаров. Чьи товары будут дешевле и больше удовлетворять запросы рынка, тот окажется его хозяином. Одного политического влияния тут мало, да и оно само уменьшилось [1]). Доминионы стали достаточно самостоятельными, хотя бы в отношении выбора продавцов товара. Это факт, с которым приходится считаться экспортирующим метрополиям. Не следует, однако, делать отсюда выводы, что здесь имеются «фритредерские» уклоны. Наоборот—после войны мы наблюдаем расцвет протекционизма, правда в новой «нео-меркантилистической» форме. Коррективы, внесенные после-военной экономикой в старую меркантилистическую политику относятся, главным образом, к колониям.

Старые методы метрополии, запрещавшие колониям вести торговлю с чужими странами не могли применяться после того стремительного процесса индустриализации, который был проделан колониями во время и после войны. Колонии, главным образом английские, перешли к собственной таможенной системе, имеющей «воспитательное» значение для их молодой промышленности. Эти «воспитательные» пошлины больно ударяют, как по английскому, так и по американскому экспорту, и быть может по английскому больше, чем по американскому, несмотря на систему предпочтительных для Англии пошлин, существующих в ряде доминионов. Это об'ясняется тем, что в колониях развились как раз те отрасли индустрии, чьи товары составляют конкуренцию английским товарам. Туземная прядильная промышленность Индии и Австралии боится конкуренции Ланкашира в первую очередь.

Таким образом, борьба в мировом экспорте ведется между тремя серьезными элементами: английским экспортом, экспортом С.-А. С. Ш. и протекционистической политикой индустриализованных колониальных стран. В тех колониях, где нет политического превалирования Англии, последняя и Соединенные Штаты находятся в одинаковых таможенных условиях и вопрос решается соотношением цен и стандарта товаров [2]). В тех колониях, где Англия сумела добиться некоторых таможенных льгот для своих товаров, вопрос о дешевизне товаров приобретает для С.-А. С. Ш. еще более важное значение. Необходимо заполучить массу товаров настолько дешевых, чтобы даже при льготной для Англии разнице они смогли бы создать серьезную конкуренцию для английских товаров.

Одной из характернейших особенностей американского экспорта является его узкая «типовая стандартизация», заключающаяся в том, что вместо разнообразнейших видов одного и того же товара, производится всего лишь несколько типов. Наиболее ярким примером являются фордовские автомобили. Эта «типовая стандартизация» имеет свою положительную и отрицательную сторону. Положительная сторона заключается в том, что, благодаря «стандартизации», проводимой на основе полной механизации и машинизированного разделения труда, достигается значительное удешевление товаров. Отрицательная сторона заключается в том, что, как правильно указывает Леви [3]): «американцы неспособны к конкуренции там, где их стандартизированным товарам противостоит дифференцированный своеобразный спрос, требующий продуктов определенного качества». Наиболее серьезным конкурентом Америки в этой области является Англия, обращающая главное внимание на качество своих товаров.

---

[1]) Ллойд-Джорж уже в 1921 году констатировал этот факт, сказав: „До войны Доунинг-Стрит (улица, где помещается Английский Миниидел) надзирал за доминионами, теперь доминионы надзирают за Доунинг-Стритом.

[2]) Конечно, значительную роль играют и инвестированные капиталы, но данном случае этот момент для нас не имеет существенного значения.

У американской промышленности как-будто нет исхода. Экспортировать товары необходимо, на это толкает сужение емкости внутреннего рынка. Необходимое расширение экспорта может произойти лишь за счет вытеснения Англии. В этой борьбе и надо суметь применить какой-нибудь таран, если нельзя столкнуться грудь с грудью. Роль этого тарана сыграет «домпинг» германских товаров не только дешевых, но и приспособленных к борьбе с английскими товарами.

Серьезным дефектом во всем этом плане является недостаток сырьевых запасов Германии, отторгнутых Версальским договором и находящихся в распоряжении Франции и ее вассала Польши. Однако, и с этим злом справляются хитроумные янки. В первую очередь германская промышленность будет снабжена необходимым американским сырьем (хлопком, медью и т. п.). Таким образом, будет в известной степени решен вопрос экспорта американского сырья.

С другой стороны, проект Герли говорит за то, что будет произведена соответствующая операция с Францией. Почему бы и Францию не подчинить своему влиянию? Тем более, что это вовсе не так трудно. Если Германия является политическим вассалом Антанты, то Франция является вассалом Моргана, он может ее обесценить, не прибегая к таким жестоким мерам, как требование немедленной уплаты долгов, а просто выпустить в оборот те запасы французских франков, которые хранятся в его кладовых. Францию, следовательно, можно заставить войти в синдикат производителей товаров для С.-А. С. Ш. Соединение германского угля и французской стали,—первый шаг на пути к осуществлению этого плана. Вполне прав т. Сталин, когда он пишет:

> «Американский капитал заинтересован в финансировании франко-германской промышленности, в наиболее рациональном ее использовании, например, в духе комбинации французской металлургии с германской угольной промышленностью. Едва ли можно сомневаться в том, что американский капитал использует свои преимущества в этом именно наиболее выгодном для него направлении. Но думать, что Англия помирится с таким положением—значит не знать Англию, не знать того, до чего дорожит Англия интересами своей металлургической промышленности» (Большевик № 11. «К международному положению»).

Ведь не даром вокруг создания международного стального треста развивается такая оживленная дискуссия в заграничной прессе. «Комите де Форж» и американские стальные тресты в лице Герн, представителя «Юнайтед Стейтс Стиль» и Шваба, председателя «Бетлегем Стиль» отрицают факт переговоров. Все дело ве-

---

[3]) Герман Леви. „Основы мирового хозяйства". Московск. Рабочий 1924, стр. 125.

дется в строжайшем секрете, при чем в прессе защищаются различные версии. Мы лично присоединяемся к той версии, которая говорит об американо-германо-французском об'единении для борьбы с английской стальной промышленностью. Америка набрасывает уже основные пункты соответствующих организационных форм проведения в жизнь ее плана. Америка продолжает снабжать займами французскую и польскую промышленность. А верховный плановый орган всего дела: синдикат для финансирования предприятий Европейского континента «Американ энд Континенталь Корпорейшен», в который входят, по сообщению «Франкфуртер Цайтунг», такие фирмы, как: «Интернейшенел Акцептенс Бенк», «Кун Леб и К°» «Дилон Рид энд К°». «Фармерс ЛООН энд Трест Компани», «Ньюиорк Трест», «Маршал Фильд Компани» и «Норд Американ Компани» постепенно втягивает в сферу своего регулирования необходимые отрасли промышленности.

Утвердившись в германской промышленности, американский капитал приступит к ее регулированию и планированию в соответствии с интересами отдельных отраслей промышленности С.-А. С. Ш. Имея в своих руках железные дороги и большинство акций важнейших предприятий, не трудно будет влиять на судьбы всей германской промышленности. Развитие целого ряда отраслей промышленности будет поощряться, другие отрасли сокращаться и даже закрываться в зависимости от того, где для американского капитала будет выгоднее производить тот или иной продукт: в Америке или в Европе. Мы имеем уже такие прецеденты в отношении политики американских трестов, хотя бы в Южной Америке. Знаменитый трест «Анаконда Майнинг Компани», владеющий целым рядом медных рудников в Чили и Перу, предпочитает закрывать свои медные рудники в Северной Америке с тем, чтобы интенсифицировать более доходную добычу меди в указанных странах [1]).

За этим процессом «плановой» организации германской промышленности надлежит наблюдать внимательнейшим образом. Трудно, конечно, предсказать, на какие отрасли промышленности падет Дамоклов меч сжатия и сокращения, и, наоборот, развитие каких отраслей будет интенсифицироваться. Некоторые гипотезы в этой области все же можно наметить. Нам представляется, что в первую очередь унификация германо-американского экспорта произойдет в тех отраслях промышленности, где происходит наиболее ожесточенная конкуренция между Англией и Америкой. Таковыми мы считаем: стальную, железную, текстильную и машиностроительную промышленность. Затем известный блок будет заключен между молодой, возникшей в военные годы, американской промышленностью, как например, химической, оптической и научно-инструментальной и соответствующими отраслями германской промышленности. Такие отрасли германского хозяйства, как производство автомобилей, паровозов и вагонов, вряд ли будут субсидироваться американским капиталом.

Теперь попробуем проанализировать основной вопрос, который нас интересует в данной работе. Где и каким образом осуще-

[1]) В Канаде также наблюдается скупка старых и возникновение новых предприятий, проводимое американским капиталом для того, чтобы воспользоваться „Бритиш преференшл Акт", предоставляющего в некоторых колониях преимущества товарам, произведенным в Великобритании.

ствляется сотрудничество между Англией и Америкой, которому рядом товарищей придается такое большое значение?

Мы указывали уже выше, что Англия заинтересована в восстановлении Европы, как одного из крупных рынков сбыта английской индустрии. Но восстановить Европу, в частности Германию, можно лишь за счет усиленного товарного экспорта из Германии... Если даже откинуть в сторону наши гипотезы об унификации германского и американского экспорта, а считаться лишь с самостоятельным выходом Германии на внешний рынок, без которого она не может платить репарации, то и тут создается угроза английскому экспорту. [1]). Ясно, что появление на мировом рынке массы германских товаров, могущих конкурировать с другими товарами, благодаря предоставленным Америкой оборотным средствам, в первую очередь ударит по народному хозяйству Англии, ибо для нее экспорт играет, пожалуй, не меньшее значение, чем для Германии (английская экспортная промышленность особенно ощутительно испытывает безработицу—60% общего числа безработных падает на экспортирующую промышленность).

Итак назревает вопрос: является ли план Дауэса стимулом сотрудничества англо-американского капитала, или наоборот, он в своем зародыше таит семена нарастающей коллизии между этими двумя титанами?

Попробуем присмотреться к внутренним силам Англии и их роли в плане Дауэса. Для схематичности разделим эти силы на 2 части: на банковский и промышленный капитал. Мы имеем на это право, поскольку в Англии процесс «сращивания» банковского и промышленного капитала гораздо слабее, чем в других странах, в частности в С.-А. С. Ш.

Кто принимал участие в Лондонской конференции, принявшей план Дауэса? Представителями Англии явились агенты «Биг-Файф», пяти крупнейших английских банков во главе с Робертом Киндерлеем—директором «Бенк оф Ингленд» и Мак-Кенна. Интересы Англии, таким образом, защищались представителями чисто банковского капитала. Представителями же С.-А. С. Ш. были агенты крупнейших промышленных трестов, а также банковских организаций. Единение, которое было достигнуто на Лондонской конференции между Англией и Америкой под давлением личного присутствия Пирпонта Моргана и Юза, сводилось к предоставлению английским банкам некоторой посреднической роли в финансировании германской промышленности. Дело в том, что до войны С.-А. С. Ш. никогда не занимались экспортом капитала в крупных суммах за границу, а тем паче в Европу. Не делали они этого и во время войны. Лишь в самое последнее время начинается финансовая экспансия за границу. С.-А.С.Ш. не имеют для этого ни соответствующего живого и мертвого аппарата, ни соответствующей сноровки. Американский финансист осторожен, почти труслив. Он очень дорожит легко нажитыми капиталами и предпочитает вместо того, чтобы самому лезть «не спросясь броду» в различные комбинации, пользоваться посредническими услугами опытного в этих делах английского банковского капитала. В этом техническом сотрудничестве и состоит та

[1]) Тов. Варга считает: „обязательным условием успеха трансферта (перевод реализованных сумм в счет германских репараций) активное сальдо германского торгового баланса в размере более 6 миллиардов золотых марок в год.

эра англо-американского единения, о котором так трубят. Вполне понятно, что эти ингрессивные связки чрезвычайно слабы и как только американский финансист-промышленник почувствует под собой твердую почву, он откажется от любезных услуг англичан. Здесь необходимо также подчеркнуть один очень характерный момент. В то время, когда в С.-А. С. Ш. мы наблюдаем полную гармонию мысли и действия в отношении плана Дауэса промышленной и финансовой буржуазии, добиться которой в Америке нетрудно, благодаря значительной роли банков в промышленности и персональной унии, которая имеет место в этих важнейших отраслях народного хозяйства, в Англии мы наблюдаем совсем другое. Если верхушка финансовой олигархии втянута в сферу влияния американского капитала, то промышленность, в особенности экспортирующая, далеко не согласна с планом Дауэса по причинам вышеуказанным. Целый ряд английских промышленников, как например, представитель английской стальной и железной промышленности, Ларке, указывают на то, что план Дауэса есть «начало новой обостренной экономической борьбы и конкуренции [1]).

Если сопоставить все эти факты с конкурентной борьбой между Англией и Америкой, о которой говорилось выше, с тенденцией американизирования английских доминионов, с борьбой нефтяных трестов Англии и Америки, станет ясным, что об англо-американском сотрудничестве говорить трудно.

План Дауэса не только не затушевывает этих противоречий, но, наоборот, обостряет их.

> «Конференция в Лондоне не разрешила ни одного из старых противоречий в Европе, но зато дополнила их новыми противоречиями, противоречиями между Америкой и Англией» (Сталин. К Международному положению).

За развитием этих противоречий надлежит следить с неусыпным вниманием, ибо они имеют существеннейшее значение как для нашей внешней политики, так и для перспектив социальной революции.

Необходимо остановиться в нескольких словах на непосредственном влиянии плана Дауэса на революционное рабочее движение. Тут мы опять встречаемся со сплетением сил, действующих в отдельных странах в различных направлениях. Наметим вкратце перспективы, как они нам мыслятся в каждой отдельной стране. В первую очередь реализация плана Дауэса придавит всей своей тяжестью германский рабочий класс. Соединенный германо-американский капитал поведет самое неприкрытое наступление с целью превращения его в колониального кули. Первым делом будет сделано поползновение увеличить рабочий день и снизить и без того мизерную рабочую плату. Иллюзии, создавшиеся было в германском рабочем классе, рассеются при непосредственном соприкосновении с «демократическо-пацифистской» действительностью эксплоатации американской метрополии. Быть может медленно, но с железной необходимостью рабочий класс Германии начнет приходить к убеждению, что ожесточенная борьба со своими германскими и американскими хозяевами неизбежна.

---

[1]) Против плана Дауэса высказалась и такая крупная организация, как „Бритиш Форин энд Колониал Корпорейшн Лмтд“ в лице своего представителя Сарваси.

Для американского революционного движения реализация плана Дауэса явится значительным тормозом в его и без того медленном темпе. Из колоссальной сверхприбыли, которая будет получаться американскими капиталистами как в Германии, так и колониях, отвоеванных Америкой у Англии, кой-какие подачки будут перепадать и квалифицированной верхушке рабочего класса, подкупая ее на сторону капиталистов. С другой стороны, система выпуска дешевых акций в частности в сфере заграничных инвестиций должна будет тоже соответствующим образом охлаждать революционный темперамент трудящихся Америки.

Более быстрым темпом пойдет революционизирование рабочих масс Англии, которая будет вынуждена в результате плана Дауэса сократить свой экспорт, должна будет снова почувствовать неудобство растущей безработицы. Английская промышленность будет вынуждена за отсутствием рынка сбыта и переполнения мирового рынка дешевыми германо-американскими товарами сократить размеры производства, и удешевить оставшееся производство за счет снижения заработной платы. Понятно, что все это послужит лишь на пользу изживания реформистских иллюзий, живых еще сегодня в английском рабочем классе.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

Ив. Теодорович.

Тов. Марецкий выручает тов. Берзтыса.

> Вобла оказалась зубаста: затвердила „наоборот“—и баста!
>
> *Демьян Бедный.*

Многие из читателей наверно позабыли мою статью против т. Берзтыса, а потому т. Марецкий, ретиво впрягшийся в колымагу т. Берзтыса, с некоторым успехом может утверждать, будто моя заметка написана в состоянии «гнева» и «острого неудовольствия». Беру небеса во свидетели, что это—неправда. Когда я следил, как тов. Берзтыс, пробирающий партию за «небрежное отношение к аграрной теории», важничал в качестве аграрного теоретика,—меня не покидало самое веселое состояние духа. И мне сперва даже не приходило в голову, что ему нужно ответить.

Но—выдам авторскую тайну—меня пристыдил тов. Бухарин. В том же 7—8 номере «Большевика» я прочитал такие строки: «Мы массу теряем от того, что какой-нибудь «коммальчишка» об'являет себя всезнайкой, когда он ничего не знает» (стр. 24). Так и быть,—сказал я себе,—придется взяться за перо и терпеливо «раз'яснить дело» тов. Берзтысу и читателю. В меру своего умения я и выполнил работу.

При этом—грешен—позволил себе посмеяться, правда, в очень немногих местах своей статьи. Тов. Марецкий статистически подсчитал, что таких мест всего 6 в «длиннущей статье». (Он очень обязателен, этот тов. Марецкий!) Но насмешка—она действует! Еще Герцен говорил: «Заставить улыбнуться над богом Аписом это значит расстричь его из священного сана в простые быки. Превращение—пренеприятное! Немудрено поэтому, что тов. Марецкий решил вышибить клин клином и попытался подтрунить надо мной. (Он очень сообразителен, этот тов. Марецкий!). Но присмотримся к стилю его подтрунивания. Вот вам пример. Я назвал свою статью: «Много шуму из ничего». Т. Марецкий тотчас же чрезвычайно «находчиво» парирует: «Еще больше шуму». (О, он за словом в карман не полезет, этот тов. Марецкий!). Но он не только находчив,—он и пунктуален. Не Берзтыс, а вы, тов. Теодорович, поднимайте шум,—так примерно говорит мой оппонент,—ибо в статье Б. всего 5 страничек, а у вас—14. Я подавлен этим доводом, но осмелюсь все же заявить: даже на пяти страницах можно так напутать, что потом не распутаешь и на четырнадцати. Это раз. А, во-вторых, дело всего только одной минуты «тяпнуть» по стеклам, как «тяпнул» Б., а вставить потом их и убрать осколки—штука длинная. Но, думается, справедливые люди признают, что шум-то произвел «тяпнувший», а не «починявший».

В таком же духе «язвит» тов. Марецкий и далее. Он корит меня за выдержки из «художественно-сатирической литературы» и вслед за мной занимается тем же и много усерднее. Честь и место! Кстати сказанное острое слово—вещь превосходная. Только нужно, чтоб это острое слово было свежим и непотрепанным. Но т. Марецкий вытаскивает из своего бутафорского склада такие номера, как «фонтан красноречия», «Марию, бедную Марию», «Перерепенку», «прутковские камешки», т.-е. то, что слонялось и слоняется по миллиардам журнальных и газетных статей третьего сорта на протяжении доброго полустолетия. Правда, подает он «горячо», но от этого «старушки» не выигрывают. И именно поэтому, когда я читал его строки, мне вспоминались слова Осиповича-Новодворского: «Он говорил так красиво, так умно, так благородно, что в голову неотступно лезла мысль: почему это так долго не подают чаю».

Да, он не торопится «с чаем», т.-е. с сутью дела, этот тов. Марецкий, и тем задерживает и нас с читателем. Он продолжает рыться в своем бутафорском старом хламе. В известном актерском анекдоте режиссер орет на декораторов: «Что вы, чорт вас побери, подсовываете мне лунную ночь и дубовую рощу! Давайте гром! Куда девали гром?».

У тов. Марецкого тоже нашелся «гром» и даже с «молнией», осветившей «темную проделку» пишущего эти строки. Жаль терять время на пересказ его разоблачения. Пусть читатель не поленится перечитать стр. 107 и 108 его статьи. «Почему,—восклицает тов. Марецкий,—для посрамления Берзтыса, критикующего Кондратьева, т. Теодорович цитирует «критикуемую им (т. Берзтысом) книгу», т.-е. другого автора из этой же книги—Огановского. Это-де «ноздревский» поступок. Сердито, но до последней степени несправедливо. Во-первых, сам Б. (стр. 108 № 7—8 «Большевика») говорит о «книге», о «рассматриваемом труде» (а не об одной статье Кондратьева). Кончив свой разбор факторов, Б. заключает: «Таким образом, авторы ограничились и т. д.» (стр. 111) (NB: не Кондратьев ограничился, а авторы). Во-вторых, в моем ответе Берзтысу я пишу черным по белому в самом начале, что «статьи Кондратьева и Огановского не являются их индивидуальным творчеством, что основные положения статей разработаны и обсуждены полным составом Земплана». Одно из двух: или Земплан не свел концов с концами, и два автора, пишущие в его «трудах», противоречат друг другу, или работа является цельной, т. к. авторы выражают единое мнение Земплана. Но Б. ни звуком не заикнулся о противоречии между авторами, да такого противоречия и нет. Поэтому в ответ на мрачную иронию тов. Б. о «плодитесь и размножайтесь», как относящуюся к мнимому прогнозу будущего Земпланом, я процитировал книгу Земплана в том месте, где говорилось о ближайшем будущем, об опасности аграрного перенаселения. Не сомневаюсь, что тов. Марецкий слышал кое-что о том, как «количество переходит в качество», и даст себе труд понять, что рост населения из «стимула прогресса» при известных условиях превращается в его тормоз. Может быть, теперь тов. Марецкий поймет, почему забывший про диалектику Берзтыс подсунул Земплану (ибо—повторяю—единственным автором книги является

Земплан) вывод, против которого нужно было протестовать. Нельзя было позволить Берзтысу доискиваться в сердце и уме Кондратьева о том, о чем Земплан ясно сказал в статье Огановского. Да,—гремит в свой страшный бубен тов. Марецкий,—но вы не назвали имени Огановского.—Простите, но я точно указал страницы книги.—Да, но вы рассчитывали на забывчивость и незнание читателя.—Простите, но я имел в виду не такого читателя, который читает «ковыряя в носу», а интересующегося сутью полемики.

Извиняюсь, что мне пришлось так долго убирать со стола соль, просыпанную тов. Марецким при его упражнении с «громом» и «молнией». Ведь упражнялся-то он на целых двух страницах. Даже представил дело «полуалгебраически». Он чрезвычайно обстоятелен, этот тов. Марецкий! Ведь недаром же—чорт возьми—Кант говорил: «В каждом знании лишь столько науки, сколько в нем математики». Впрочем, справедливость обязывает все-таки сказать, что он ограничился только алгеброй, до геометрии не дошел, диаграмм и графиков не представил. Почему он остановился на полпути,—положительно не знаю.

После всей этой бутафории тов. Марецкий, наконец, подает и «чай», т.-е. переходит к сущности спора. Последуем за ним и мы.

Когда я читал тов. Марецкого, мне все время казалось, что он, как чеховский «Моисей Моисеевич,—точно его тело разломалось на три части,—усиленно балансировал и всячески старался не рассыпаться».

Но—шутки в сторону! Совершенно серьезно посмотрим, «рассыпался» или «не рассыпался» мой оппонент.

Читатель помнит, что, разобравши возражения т. Берзтыса, я нашел, что они неправильны, ибо продиктованы упрощенным, вульгаризованным марксизмом. Дело было не в защите «Трудов Земплана» во что бы то ни стало, а в отражении несостоятельных нападок. Я сказал ясно: «такая критика—плохой помощник» (стр. 104, № 14). Разумную критику всякий приветствует, а критика недоброкачественная действительно мешает делу. Теперь на сцену выступает тов. Марецкий. И вот хочется спросить: что же во всем ли он солидаризируется с Б.? Повидимому, во всем, ибо по адресу т. Б. он не сделал ни единого замечания. Мне это облегчает задачу.

Тов. Марецкий считает, что вопрос о народонаселении был «центральным предметом спора» между мною и Б. Это неверно: дело было сложнее. Разобрав «Труды Земплана», Б. указал два момента: 1) Земплан неправильно считает самым главным фактором с.-х. эволюции фактор народонаселения и 2) основным фактором является не плотность, а «нечто совсем другое». Словом, как пошутил бы Герцен, Земплан утверждал, будто «ведьмы из Нежина», тогда как он, Берзтыс, отрицает это и думает, что «ведьмы из Киева». Я возразил Берзтысу так, во-первых, Земплан вовсе не считает фактор народонаселения основным, а во-вторых, и берзтысовское «нечто другое» тоже не основной фактор, и что вообще—«ведьм не бывает». Тут-то тов. Марецкий и потерял душевное равновесие. Но давайте разберемся по пунктам.

Пункт первый. Отвергнув земплановскую «ведьму» народонаселения (продолжаю утверждать—мнимую, Земплану навязанную), Берзтыс свою «ведьму» описал в таких словах: «основным фактором, определяющим общее направление развития сельского хозяйства, является крупное промышленное производство, в системе которого сельское хозяйство составляет лишь отдельную отрасль, подчиняющуюся общим законам развития капиталистической промышленности» (стр. 112). Вот центральный пункт берзтысовской постановки вопроса. Я назвал этот пункт «совершенно неприличной карикатурой на марксистское учение» [1]). Прав я или не прав, т. Марецкий? Вы молчите, вы хотите увильнуть от ответа, шмыгнуть в подворотню. Нет, это вам не удастся! Простите за грубое выражение, но я буду держать вас за шиворот,—без всякого «гнева», но достаточно крепко. Итак, говорите или во всяком случае выслушайте такого свидетеля, как тов. Бухарин. В том же 14 № «Большевика», где я журил т. Б., Бухарин пишет: «Развитие промышленности есть функция всего народного хозяйства, и обе части народного хозяйства (сельское хозяйство и промышленность. Ив. Т.) находятся во взаимодействии и взаимно оплодотворяют друг друга» (стр. 32). А на стр. 28 он еще раз говорит «о взаимозависимости и взаимной обусловленности» с.-х. и индустрии. Очевидно, что формула Бухарина на-голову разбивает формулу Берзтыса. Выводить последнюю из первой было бы так же глупо, как если бы кто-нибудь другой вывел из бухаринской тезы примерно такое положение: «Основным фактором, определяющим направление развития крупного промышленного производства, является сельское хозяйство, в системе которого крупная промышленность составляет лишь отдельную отрасль, подчиняющуюся общим законам развития сельского хозяйства».

Как дым, растаял этот берзтысовский «основной фактор».

Небезынтересно сообщить, по какому поводу выставил Бухарин свою формулу. Он громит тех, кто «нашу политику величает «народнической» (любопытный штришок: Берзтыс указывал на засилье народнических аграрников в НКЗ—совпадение довольно-таки подозрительное! И. Т.), кто держится «нелепой, узкой, цеховой, промышленной точки зрения». Бухарин утверждает, что ошибки таких коммунистов как раз и «опираются на непонимание того факта», который он констатирует в своем вышеприведенном тезисе. Я спрошу теперь, понимает ли т. Б. этот факт? Из его центрального положения явствует с несомненностью, что не понимает, и что мы имеем достаточное основание зачислить и самого Б. к числу сторонников «нелепой, узкой, промышленной» точки зрения. Что это, по всей вероятности, так,—будет еще яснее из дальнейшего. Поэтому довольно курьезно звучал у Б. совет Земплану оказать гостеприимство его «киевским ведьмам».

[1]) Нет дыма без огня. Сведущий читатель заметит, что застилающий глаза „дым“ Берзтыса идет от „огня“ одной формулы из черновой тетради Маркса, а именно из „Введения к критике политической экономии“ (См. стр. 32 сборника „Основные проблемы полит. экономии“). Не говоря уже о том, что Б. безбожно извратил эту формулу, он очевидно ничего не знает о тех уточнениях, которые даны были впоследствии как самим Марксом (см. хотя бы „Капитал“, т. I, стр. 772 и т. III,—стр. 154—155), так главным образом, работами Ленина и Каутского.

Пункт второй.—Берзтыс писал: «Исходя (NB) из перспектив развития нашей промышленности... мы могли бы дать нужное теоретическое обоснование своим представлениям о желательном развитии с. х.» (стр. 112). Я назвал это положение «чистейшим вздором». Я привел цитату из резолюции ЦК о том, что надо исходить не из развития промышленности, а из развития с. х. Кто же прав, т. Марецкий, я или Берзтыс? Вы согласны с ним? В таком случае можно констатировать, что наши Аяксы ближе к тов. Преображенскому, чем к Бухарину (см. его «Новое откровение о советской экономике») [1].

Пункт третий.—Опорачивая ставку Земплана: 1) на «кооперирование крестьянских масс», 2) на «развитие самодеятельности и хоз. инициативы населения» и 3) на «обеспечение условий накопления материальных ценностей в с.-х.», тов. Берзтыс—не моргнув глазом—выпалил: «к диктатуре... эти основные положения не подходят» (стр. 112). Не больше, не меньше.

Вопроса о «кооперировании масс» я коснусь ниже, в четвертом пункте, в связи с «социалистическим оазисом» т. Берзтыса. Теперь остановлюсь на втором и третьем положении Земплана. Насчет «развития самодеятельности населения» заслушаем мнение все того же тов. Бухарина: «Методы управления «ревкомами» или «партячейками» были пригодны в военный период. Теперь на этом далеко не уедешь. Нужна и внизу такая форма управления, которая... способствовала бы вовлечению наиболее активных элементов в советскую работу, перекладывала бы на них частицу ответственности за управление государством, воспитывала бы их на опыте местных дел и местных нужд к роли управления государством и втягивала бы их в обсуждение все более широких проблем хозяйственного и политического строительства» (курсив мой. «Большевик», № 14, стр. 34—35). Немного страшно за Бухарина: ведь мрачный Берзтыс утверждает, что все это «к диктатуре не подходит». Но спросим его друга—жизнерадостного тов. Марецкого: что вы скажете по этому поводу? И, наконец,—о «накоплении в с.-х.». В «Новом откровении о советской экономике» («Правда» № 284) Бухарин пишет: «Преображенский не понимает, что накопление в социалистической промышленности при большом удельном весе крестьянских хозяйств есть функция накопления в крестьянском хозяйстве». Не понимает этого и тов. Берзтыс: к диктатуре, дескать, это не подходит. Что скажет на этот счет тов. Марецкий? Почему он молчит?

Пункт четвертый.—Диктатура,—говорит Берзтыс,—должна все усилия (NB: все усилия!!! И. Т.) направить на расширение социалистического оазиса в производстве» (стр. 112),—очевидно в производстве сельскохозяйственном. По этому поводу я сказал: «Здесь мы можем констатировать полнейшую потерю перспективы» и сослался на Ленина с его ставкой на кооперацию (стр. 102, № 14 «Большевика»).

Тов. Марецкий, как и во всех предыдущих пунктах, сохраняет гробовое молчание по вопросу, прав ли был я в этом очень и очень важном случае. Вызовем еще раз тов. Бухарина в качестве свидетеля. Вот, что он утверждает в «Новом откровении»: «К социалистическому производству на земле мы придем... путем вовлечения крестьянства в кооперацию, связанную с нами и зависимую экономически от государства и его институтов; мы придем к социализму здесь через процесс обращения, а не непосредственно через процесс производства; мы придем сюда через кооперацию» и дальше: «Вместо (как у Берзтыса: «взамен» положений Земплана. Ив. Т.) этого тов. Преображенский выставил второстепенные по своему значению и непосредственно производственные с.-х. коммуны («Социалистический оазис» Берзтыса. И. Т.). Слона т. Преображенский не приметил». Я выразился почти так же о Берзтысе: «Гвоздя» совершенно не видит т. Берзтыс» (стр. 102). Что скажет тов. Марецкий по тому поводу, что его alter ego советовал «все усилия» диктатуры направить на «второстепенное» дело? Неужели он не признает, что его друг—плохой, очень плохой советчик? И не находит ли тов. Марецкий, что Берзтыс обнаруживает все более и более подозрительное сходство с... тов. Преображенским.

Пункт пятый.—«Диктатура... держится на союзе пролетариата и беднейшего крестьянства»—твердит Берзтыс. Я раз'яснил ему ошибочность его позиции. Дело сейчас не в «беднейшем крестьянстве», а в блоке с основной массой крестьянства, как становым хребтом советского сельского хозяйства. Для нас, партийных земельных работников, этот вопрос давно уяснен. И с чувством живейшего удовлетворения мы прочли как «Новое откровение», так и «Хозяйственный рост и проблема рабоче-крестьянского блока» тов. Бухарина. Что скажет тов. Берзтыс по тому поводу, что т. Бухарин ни в той, ни в другой своей работе и не ставит даже вопроса о «беднейшем» крестьянстве? Не попал ли т. Бухарин под влияние «народнических аграрников»? И не выручит ли Берзтыса из беды его тень, тов. Марецкий?

Пункт шестой.—О «факторе населения». До сих пор, как мы видели, т. Марецкий упорно молчал—в ущерб истине, которую нам нужно найти. Теперь же он становится особенно говорливым и—тоже... в ущерб истине.

На стр. 110, т. Марецкий провозглашает: «Что фактор народонаселения важную роль играет, на эту святую истину никто не покушался». Гм... Гм... Вряд ли Берзтыс поблагодарит своего «выручателя» за такое признание. Если читатель помнит, Берзтыс рассуждал о роли фактора народонаселения примерно так, как чеховский Мелитон—о роли «птицы» в грядущей погибели мира: «Может и правда, что скоро конец света, а только нельзя по птице судя. Это навряд, чтобы птица могла обозначать». Теперь оказывается—«обозначает»! Но если фактор народонаселения играет важную роль в развитии сельского хозяйства, то это значит, что нельзя об'яснить это последнее, если не принять во внимание упомянутый фактор. А между тем т. Берзтыс утверждал: «рост населения совершенно не пригоден для

[1]) Небезынтересно мнение тов. Сокольникова. Вот что он пишет в „Правде" № 297—1924 г.: „В прошлогодней дискуссии тов. Троцкий и его сторонники противопоставляли свой план организации планового руководства денежной реформе, которую выдвинул Ц. К. На самом же деле именно денежная реформа обеспечила возможность правильного планирования в государственном хозяйстве, а вместе с тем и планирования в крестьянском хозяйстве... Они (т. Троцкий и его сторонники. И. Т.) исходили (как предлагает нам „исходить" т. Берзтыс. Ив. Т.) только из узких интересов государственного хозяйства, не понимая его хозяйственной и политической связи с крестьянским хозяйством».

объяснения под'ема с.-х-ва или его регресса» (стр. 110). Возьму какой-нибудь конкретный пример, чтоб т. М. схватил, в чем тут дело. По Марксу, абсолютная рента создается двумя условиями: 1) низким строением земледельческого капитала и 2) монополией частной собственности на землю. Представим себе, что строение с.-х. капитала поднялось до соотношения, существующего в промышленности. Тогда, — говорит Маркс, — абсолютная рента исчезнет, хотя бы частная собственность осталась. («Письма», стр. 134, пер. Адоратского). Если б какой-нибудь мудрец воскликнул по этому поводу: «Значит, низкое строение есть «основной» фактор образования абс. ренты»,—он жестоко ошибся бы, так как, напр., в кирпичном производстве есть низкое строение капитала, но нет ренты, ибо нет монополии частной собственности. Тогда наш мудрец непременно сказал бы: «Значит, монополия частной собственности есть истинный «основной» фактор—но увы!—и это было бы неверно. Если бы на помощь нашему мудрецу пришел т. Кондратьев и сказал бы: «Напрасно вы ищете какой-то основной фактор, т. ч. существование ренты вызывается одновременно и низким строением и монополией, т.-е. «совокупностью органически связанных между собой условий»,— наш мудрец—предполагаю—язвительно заметил бы: «не подсовывайте мне «демократии факторов», убирайтесь к чорту с вашими «равноправными членами единой семейки!» Но он был бы неправ: «основного» фактора он здесь все-таки не отыщет.

Теперь предположим, что кто-нибудь, скажем, т. М., заявил бы: «Да, строение земледельческого капитала в вопросе о ренте играет важную роль», а другой бы, скажем, т. Б., заметил: «Фактор строения капитала совершенно непригоден для об'яснения ренты», то было ли бы между ними согласие? Разумеется, решительно никакого. Как же осмелился бойкий т. М. утверждать, что никто не покушался на святую истину о важной роли фактора народонаселения, если Б. заявил категорически о «совершенной непригодности» его в деле об'яснения развития сельского хозяйства. Как видим, наш «Моисей Моисеевич» балансирует с большой опасностью для своей жизни. Но идем дальше. Для об'яснения развития с.-х. Земплан выдвинул такие факторы: народонаселение, разделение труда между городом и деревней, диференциация районов, улучшение техники с. х., рынок, индустрия. Берзтыс, исходя из убеждения, что «демократическая республика факторов»—это дьявольское наваждение, подчеркнул, что надо избрать «основной фактор». Отвергнув кандидатуру на этот пост «фактора народонаселения» (повторяю еще раз—никем из Земплана не выдвигавшуюся; я ниже к этому еще вернусь), он поддержал кандидатуру «крупного промышленного производства». Но случилась беда. Сперва я при помощи цитат из Ленина и Каутского, а затем т. Бухарин (покорнейше прошу читателя припомнить мой «пункт первый» в настоящей статье) решительно отвели эту кандидатуру и она провалилась. Я положительно уверен, что тов. Марецкий не решится пойти против т. Бухарина и поддержать «избирательный вкус» своего друга. Так как все остальные факторы скромно воздержались от избирательной борьбы, то мы с т. Марецким очутились перед фактом, самым печальным, самым ужасным: Междуцарствие!!! Нет «основного» фактора!!! Неужели и теперь, как в примере с абсолютной рентой, прав т. Кондратьев, предостерегавший от поисков основного фактора[1])? Но здесь т. Марецкий уж окончательно выходит из себя: «марксизм есть принципиально с ног до головы монистическая концепция», а вы подсовываете «старинную, давным-давно марксизмом осмеянную буржуазную «теорию факторов» (стр. 111). «В самую центру шельмец метит»,— говорили в таких случаях на Растеряевой улице Гл. Успенского. Не теряйте равновесия т. Марецкий! Балансируйте поаккуратней! Дело раз'яснится. «Юнкер Шмидт! Честное слово—лето возвратится».

Да, марксизм действительно с ног до головы монистическая концепция. Но вы не понимаете, в чем заключается его монизм. Вы не знаете, что такое старинная «теория факторов».

Прежде всего отмечу, что, благодаря неустановившейся терминологии, часто слово «фактор» употребляется в различных смыслах. Энгельс говорит: «Имеются бесчисленные взаимноскрещивающиеся силы, бесконечная группа параллелограммов сил». И вот «фактором» мы одинаково называем и единичную первичную силу, и диагональ самого нижнего параллелограмма и диагонали высших параллелограммов, составленных из диагоналей низших и т. д. Поэтому мы говорим, например, экономический, политический и т. д. фактор и это же слово употребляем, например, так: монополия частной собственности есть фактор существования ренты. В этом употреблении слова «фактор» в двояком смысле т. Марецкий совершенно не отдает себе отчета. Когда говорят о «теории факторов», это слово употребляется в первом «социально-историческом», как выражается Плеханов, смысле. Кондратьев же говорил о «факторе» во втором смысле.

Что же заявляет марксизм о «факторах» в первом значении? Он утверждает, что на базисе—«состояние производительных сил»,— воздвигаются факторы: экономический, политический, правовой (вырастающие на данной экономической основе), психический и идеологический[2]). Будучи «следствием» базиса, эти «факторы» сами становятся причиной и в этом качестве оказывают крайне важное промежуточное действие и друг на друга, и на базис. (Тов. Марецкий приставал ко мне с вопросом, как я понимаю промежуточное действие, в частности фактора народонаселения. В предыдущей фразе дан ему исчерпывающий ответ). В чем ошибки «теории факторов»? Не в том, как думает т. М., что любой фактор, согласно этой теории, взаимодействует с любым из других факторов (слово «взаимодействует» тов. М. произносит с особой язвительностью). Факт взаимодействия и взаимозависимости есть непреложнейший факт[3]). Ошибки этой теории в другом: во-первых, она не подозревает, что «факт взаимодействия факторов (курсив Плеханова)... еще вовсе не решает вопроса об их происхождении» (Ic. 68); во-вторых, в том, что

[1]) Я категорически прошу т. Марецкого указать, ввиду такого печального оборота событий, что же является наконец основным фактором развития сельского хозяйства. А так же прошу ответить прямо, является ли „монистической" или „плюралистической" приведенная мной в прошлой статье формула Ленина: „стимулом прогресса капиталистического земледелия является рост населения, рост конкурренции, рост индустрии"?

[2]) См. Плеханов. „Основные вопросы марксизма", стр. 63.

[3]) В своей „Теории исторического материализма" т. Бухарин пишет: В каждое данное время общественные явления связаны друг с другом... Эта связанность, взаимная обусловленность самых различных общ. явлений бросается в глаза", (Стр. 144).

ей приходится допускать «предустановленную гармонию» в развитии факторов,—а это абсурдно; в-третьих, в том, что она—логически—должна доискиваться, какой из факторов (эконом., полит., психологич. и т. д.) является «господствующим»—а это нелепо[1]: «Самый вопрос о том, какой фактор господствует в общественной жизни, кажется им (марксистам) неосновательным вопросом», ибо они пришли к «замене теории факторов... синтетическим взглядом на общественную жизнь» (Плеханов т. VIII, стр. 241 245». Итак, даже здесь при трактовании «фактора» в социально-историческом смысле поиски господствующего, «основного» фактора марксизм считает нелепостью[2]). Что вы скажете по этому поводу т. Марецкий?

Для Земплана, не академического, а только научно-практического учреждения, вопросы, затронутые в предисловии к Zur Kritik, стояли, разумеется, в стороне. Для него уровень развития производительных сил есть данность, общество—тоже данность. Ему нужно было конкретно об'яснить факт эволюции с. х. СССР в конкретной обстановке. В этой работе сталкиваешься вплотную именно с «базисом», который берешь, как данность, и с обусловленными им «экономическими отношениями» (надстройка первого порядка). Внутри этого «экономического фактора» изучаешь энгельсовские «взаимноскрещивающиеся силы» и ищешь диагонали «параллелограмма сил». Здесь еще более необходимо то, что Плеханов называл «синтетическим взглядом».

Нисколько не боясь возможного с вашей стороны обвинения в том, что Лениным я прикрываю Кондратьева (т.-е. Земплан) я все же утверждаю, что мы не разошлись с указаниями учителя. Вот, например, что он говорит: «Диалектика требует всестороннего-(NB) учета соотношений (NB) в их конкретном (NB) развитии» (т. XVIII, 1 ч., стр. 57). И далее: «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все (NB) его стороны, все (NB) связи и «опосредствования» (NB). Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности (NB) предостережет нас от ошибок и от омертвения» I. с. 60). Если не задаваться целью во что бы то ни стало искать «английскую интригу», то нужно признать, что Кондратьевская «совокупность органически[3]) (NB) связанных между собою условий» и хотела сказать только то, что Ленин называл: «все стороны, все связи и «опосредствования» (т.-е.—«промежуточное действие» И. Т.), а также то, что Плеханов назвал «синтетическим взглядом».

---

[1]) Тов. Б. и М. тоже усиленно доискиваются „господствующего фактора". Не принадлежат ли они,—сами того не сознавая,—к той разновидности сторонников теории факторов, которые пытаются спасти ее, отыскав „основной фактор?

[2]) У меня нет больше времени останавливаться на этом. Отсылаю читателя к „Основным вопросам марксизма", „О материал. понимании истории", „В защиту экономического материализма"—Плеханова.

[3]) Что этого слова „органически" совсем не понял тов. Марецкий—заключаю из его иронических кавычек. Но оно ясно указывает не на „самостоятельность" отдельных факторов, а „на родство" их, а родство дается общностью происхождения от единого „предка", т.-е. состояния производительных сил. И вообще эта формула: „совокупность органически связанных между собою условий"—доводит т. М. до белого каления „ортодоксальности". Что он скажет по поводу следующей формулы: „Понимание того, что совокупность процессов природы (и общества И. Т.) находится в систематической связи, побуждает науку повсюду, как в частностях, так и в целом, раскрывать эту связь»? Знает ли т. М. кому принадлежит эта формула?

Чтоб закончить с нашим шестым пунктом, остается только отбить еще одну атаку т. М. на Земплан: дело в том, что, несмотря на неудачу т. Б., Марецкий продолжает утверждать, будто Земплан считает-таки фактор народонаселения самым главным. Забраковав, очевидно, те цитаты из Кондратьева, которые делал Б., М. выискал новую, не назвав, впрочем, страницы. Я помогу читателю: это 15 стр. «Трудов Земплана». Нельзя утаить печального факта, что и М. не побрезговал приемом т. Б.: исказил цитату тем, что оборвал ее на самом интересном месте. Он не перепечатал следующих слов: «Однако наш анализ причин был бы неполон и неверен, если бы мы особенно (NB. NB.) не подчеркнули значения факта восстановления рынка (стр. 15). Человек придирчивый стал бы, прочитав эти слова, упрекать Кондратьева в том, что основным фактором он считает... скорее рынок, а вовсе не «народонаселение». А т. М., не поморщившись, восклицает: «На долю фактора народонаселения у проф. Кондратьева приходится довольно таки жирный кусочек»[1]). Почему же—все-таки спрошу я—вы злорадствуете по этому поводу? Ведь вы же признаете святую истину о важной роли народонаселения? Ну, какая же это будет важная роль без «жирного кусочка»? Большой затейник, этот тов. Марецкий! Но и жирного «кусочка» ему показалось мало. Через пять строчек наш «кусочек» вырос в целый кусок («повидимому самый главный фактор»), а затем даже в огромный кусище («имеет тенденцию быть главнейшим фактором с.-х. динамики») (стр. 112). Наблюдая, как «бутылки и преболыпие» превращались в «ведра сороковые», я вспоминал слова пастуха все у того же Чехова: «Эвона... там при отце моем речка текла, а теперя, погляди, куда ее нечистые занесли. Меняет русло и гляди, доменяется до той поры, покеда совсем обсохнет».

Пункт седьмой. Т. Марецкий спрашивает меня: «Возможно ли дать правильную оценку... перспектив развития с. х. СССР, не касаясь процессов внутрикрестьянского расслоения? И возможно ли наметить верно «систему гос. мероприятий», не опираясь на предварительный анализ подобных процессов? И разве неизвестно, тов. Т., что здесь, именно здесь (в вопросе о дифференциации) лежала та грань, которая разделяла аграрников-марксистов от аграрников иного толка?» (113). Тот же вопрос ставил и т. Б. Заявляю, что не ответил я в свое время т. Берзтысу исключительно из-за спешки, потому что ответить было бы мне очень легко. Делаю это теперь. В июне месяце вышел 5 выпуск «Трудов Земплана» за месяц до статьи Берзтыса и за 6—до статьи М.,—так что, как увидит читатель, наши критики не имеют права считать себя «спасителями отечества»[2]). Что же мы там находим? На стр. 12 чи-

---

[1]) Разумеется, тов. М. ни гу-гу, о том, что Земплан оценивал роль фактора народонаселения совершенно так, как Каутский, См. цитаты из него в первой моей статье.

[2]) Выпуск называется „Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства". Весь текст выпуска писан Кондратьевым от первой до последней буквы. А имени его нет, и предисловие подписано: „Земплан". Почему это так? Я расскажу. Когда появился первый выпуск с именами Кондратьева и Огановского, до меня дошли нарекания сотрудников Земплана насчет того, что коллективная работа подписана индивидуальными именами. Эти нарекания были совершенно справедливы, и я тогда же распорядился впредь выпускать книги за коллективной подписью. Из этого факта, между прочим, еще раз можно увидеть, как несправедливы были нападки Б. и М. именно на Кондратьева, как неуместно и некорректно было чтение его задних мыслей.

тием: до сих пор говорилось о тенденциях развития сельского и крестьянского хозяйства, как чего-то целого. Но в действительности крестьянское хозяйство было далеко неоднородно. Оно было дифференцировано и т. д.»(отсылаю читателя к книге). Итак, «грань» между марксистами и Кондратьевым в этом вопросе исчезла.

Наконец, М. подчеркивает, что Ленин ориентировал весь процесс кооперирования по социалистической линии, а Кондратьев этого будто бы не делает. Берем стр. 35 и читаем: «Задача развития производительных сил сельского хозяйства требует реформы самого строя индивидуалистического хозяйства в направлении к его коллективизации. Первым реальным массовым методом в этом направлении необходимо признать прежде всего кооперирование процессов производства и сбыта крест. х-ва». Неужели, тов. М., вы будете после этого отрицать, что К. совершенно следует линии Ленина? Какой пассаж! Б. и М. скажут: мы не читали пятого выпуска. Примем это во внимание, но заметим, что так как Кондратьев не мог измениться с февраля месяца (время написания 1-го выпуска) к маю (дата 5 выпуска), то ясно, что все заподазривания по адресу Кондратьева были просто ребячьими придирками, что наши критики слишком поспешили со своими выводами, хотя еще в первом выпуске К. дважды (стр. 23 и 35) предупреждал, что построение системы мероприятий есть задача дальнейшей проработки вопроса.

Словом, с предвзятой мыслью подошли к этому очень талантливому и очень добросовестно служащему соввласти ученому, который еще не пришел, но неуклонно идет к марксизму, что может подтвердить всякий, ближе его знающий. Вот почему особенно безвкусной и глубоко несправедливой является выходка Марецкого о «Змие» и о «Марии». Разве только ради «молодого задора» можно простить ее. Вот почему в ответ на развязное предложение мне: «Будьте начеку и лучше следите за «внутренней инерцией» буржуазных профессоров»—я приведу слова Ленина: «Задача коммунистов... подходить к специалистам науки и техники... чрезвычайно осторожно и умело, учась у них и помогая им расширять свой кругозор... Коммунист, не доказавший своего уменья об'единять и скромно направлять работу специалистов, входя в суть дела, изучая его детально, такой коммунист часто вреден. Таких коммунистов у нас много, и я бы их отдал дюжинами за одного добросовестного, изучающего свое дело и знающего буржуазного спеца» (XVIII, 88).

И я недоумеваю, зачем понадобилось т.т. Берзтысу и Марецкому добровольно зачислиться в «эти дюжины».

Да, марксизм, как вольтеровский бог, предпочитает тех, кто колеблется его признать, тем, кто его компрометирует.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

А. Бубнов.

Ревизия роли Ленина в истории русского марксизма.

(По поводу книги т. Ваганьяна).

Мы переживаем такое время, когда на сцену снова вышло слово «ревизия». Правда, те, кто работает под знаком «ревизии», представляют из себя генералов без армии, но все же партия не может пройти мимо этих попыток. Тов. Ваганьян в своей только что выпущенной книге о Г. В. Плеханове, находится под сильнейшим влиянием этого «духа» времени. Поэтому мне представляется необходимым подвергнуть разбору книгу тов. Ваганьяна именно с этой стороны.

Считаю нужным оговориться, что поднимаемое в настоящее время из архивных ящиков литературное наследство Ленина раскрывает перед нами ряд новых сторон в жизни, работе и борьбе основоположника ленинизма. А одновременно с этим тов. Ваганьян приступает к ревизии роли Ленина в истории русского марксизма, которая неизбежно приводит к неправильному истолкованию различных моментов в истории выработки Лениным основ своего мировоззрения.

Книга Ваганьяна посвящена Плеханову, но попутно автор касается и деятельности Ленина,—именно там, где она протекала совместно с Плехановым. И в этих пунктах от книги В. Ваганьяна нередко отдает самым бесцеремонным и легкомысленным искажением позиций В. И. Ленина. Я остановлюсь на следующих трех моментах, имевших не малое значение в истории русского марксизма: 1) на борьбе Плеханова и Ленина с так называемым «легальным марксизмом» и его представителями (П. Струве и К-о), 2) на борьбе Плеханова и Ленина с «экономизмом» и 3) на разногласиях между Плехановым и Лениным при выработке проекта программы нашей партии.

Тов. Ваганьян в своей книге пишет: «Долгое время Плеханов не обращал внимание на Струве и на иных легальных марксистов. Даже позже, в эпоху «Искры», на неоднократные предложения Ленина ответить Струве—он отвечал отказом, ссылаясь на то, что он ничего нового по сравнению с тем, что говорили до того разного толка ревизионисты, не говорит».

«Но взяться за ответ все-таки пришлось, ибо критические упражнения Струве стали совершенно неприкрытым походом против идей революции, против диктатуры пролетариата. В этих блестящих статьях, уничтожающе критикующих «наших критиков», дано много чрезвычайно ценных теоретических страниц» [1]). Из-

[1]) В. Ваганьян, Г. В. Плеханов ГИЗ. 1924 г. стр. 308—9.

вестно, что против Струве выступал с резкой критикой никто иной, как Ленин. Тов. Воровский в своей брошюре «К истории марксизма в России» так характеризовал роли Плеханова и Ленина в борьбе с легальным марксизмом,—«с определенной и резкой критикой струвизма выступил К. Тулин (Н. Ленин) в статье «Экономическое содержание народничества и критика его в книге господина Струве». И далее он писал—«менее определенную позицию занял другой представитель революционного крыла марксистов—Н. Бельтов» (Г. В. Плеханов)[1]).

О том же самом писал в свое время и тов. Зиновьев. В книжке «Из истории нашей партии» он так характеризовал выступление Плеханова и Ленина против «легальных марксистов»: «И величайшая заслуга, отчасти Плеханова, но гораздо большая заслуга Ленина заключается в том, что уже тогда, в конце 90-х годов, они стали выступать на борьбу против «легального марксизма»[2]). На ряду с этим тов. Зиновьев в таких выражениях характеризовал «оттенки» выступления Плеханова и Ленина против Струве: «Плеханов тоже полемизировал со Струве, но полемизировал академически. Плеханов вообще был академик и теоретик. Он брал книгу, как книгу. Как чистый литератор, он вел преимущественно словесный спор. Он говорил автору: у тебя вот тут-то и там-то промахи, но он не умел нащупать живой нерв, как нащупал его у Струве Ленин. Ленин первый почувствовал, что этот самый Струве завтра будет сторонником буржуазии, что завтра он будет превозносить уже не прогрессивные стороны капитализма, а станет прямо прославлять капиталистов, что завтра он просто продастся капиталистам. Ленин первый подчеркнул это, первый резко отмежевал подлинный революционный марксизм от «легального марксизма»[3]). И едва ли какие-либо новые документы заставят нас пересматривать эту характеристику «оттенков» в выступлениях Ленина и Плеханова против Струве и его единомышленников. Тов. Ваганьян думает, очевидно, иначе, ибо он в своей книге подвергает коренному пересмотру вышеуказанную точку зрения. Он изображает дело таким образом, что наиболее последовательную, наиболее ортодоксальную и наиболее непримиримую позицию по отношению к струвизму занимал не Ленин, а Плеханов.

Рассматривая вопрос о струвизме, тов. Ваганьян пишет: «Все это (т.-е. то, что наиболее опасным врагом рабочего класса были либеральные критики революционного марксизма. А. Б.) Плеханову было хорошо известно задолго до того, как он выступил публично против Струве, и решение о необходимости провести точное размежевание с новым либерализмом созрело в нем еще в конце 90-х годов, о чем свидетельствует В. И. Ленин».

В записи «О том, как чуть не потухла Искра» он рассказывает, что одним из основных принципиальных вопросов, по которым наметились расхождения между ним и Плехановым, был вопрос о том, пригласить или нет Струве и Туган-Барановского в качестве сотрудников предпринимаемого журнала[4]).

«Итак,—добавляет т. Ваганьян,—Ленин и Потресов полагали, что Струве «идет к нам». А что оказалось на деле? На деле,

1) См. Орловский. К истории марксизма в России. Изд. 1919 г. (стр. 30-31)
2) Г. Зиновьев. К истории нашей партии, издан. 1919 г. (стр. 11).
3) Там же, стр. 12.
4) Ваганьян, Г. В. Плеханов, № 2, стр. 229—30.

Струве оказался человеком, уже «осознавшим» себя, чувствующим представителем определенного политического течения, который хотел равноправного участия в журнале. С точки зрения Струве единственно приличным modus vivendi оказалось именно такое равноправие, что, разумеется, ни в какой мере не входило в расчеты Ленина».

«Такой исход переговоров нужно было предвидеть, он был заложен в характере того критического похода, который предпринял Струве против Маркса. Но Ленину нужен был еще предметный урок, и он его получил»[1]).

Вот как изображает дело тов. Ваганьян. И здесь уже становится ясным, куда намерен направить тов. Ваганьян свой «ревизионистский» пыл. Здесь уже начинаешь понимать, что им владеет некая предвзятая «теория», которая делает его совершенно глухим к голосу действительных исторических фактов. Оставим пока тов. Ваганьяна наедине с его «теорией». Обратимся лицом к историческим фактам.

Известно, что в самом конце 90-х и в начале 900 годов громадное значение для строительства нашей партии Ленин придавал созданию общерусской политической газеты. В имеющих появиться в III номере «Ленинского сборника» статьях Ленина, написанных им в Сибири в 1899 году, еще более отчетливо выясняется то значение, которое Ленин придавал созданию такой газеты. В статье «Наша ближайшая задача» Ленин выдвигает задачу единой «централистической партии», которая покончила бы с «кустарничеством», с «узкой местной раздробленностью» и с «узкой кружковщиной». В этих целях Ленин и выдвигал план организации «правильно выходящего и тесно связанного со всеми местными группами органа». «Организация революционных сил, — писал Ленин,—дисциплинирование их и развитие революционной техники невозможны без обсуждения всех этих вопросов в центральном органе, без коллективной выработки известных форм и правил ведения дела, без установления через посредство центрального органа ответственности каждого члена партии перед всей партией».

Выдвигая эту идею, Ленин придавал ей исключительное значение. Он утверждал, что на осуществление этой насущнейшей задачи необходимо «сосредоточить все силы партии—все литературные силы, все организаторские способности, все материальные средства и проч.». При этом Ленин подчеркивал, что все формы деятельности партии, все формы революционной борьбы, как-то «местная агитация, манифестации, бойкот, травля шпионов, травля отдельных представителей буржуазии и правительства, демонстративные стачки и проч.», теряют «девять десятых своего значения, ежели они не об'единяются в центральном органе всей партии. Ленин прямо утверждал, что «без революционной газеты у нас невозможна никакая широкая организация всего рабочего движения». Тов. Ленин представлял себе, что такая газета должна быть общерусской, должна быть политической и в то же время должна быть, как он выражался, «в то же время и передовым демократическим органом». Отсюда понятно, какое значение придавал Ленин снабжению такой газеты различным политическим материалом, характеризующим полити-

1) Ваганьян Г. В. Плеханов, стр. 231.

ческую жизнь всей страны, всех ее классов, групп и политических образований. В статье «Наша программа» Ленин писал: «Русская социал-демократия встанет во главе всех борцов за права народа, всех борцов за демократию и тогда она станет непобедимой». Исходя из этого, он говорил, что «социал-демократия видит одну из важнейших задач политики в том, чтобы пользоваться содействием прогрессивных классов против реакционных». Общерусская политическая газета и была нужна Ленину, между прочим, и потому, что при отсутствии такой газеты эта задача, как он говорил, «почти не исполняется».

«Только общий орган партии,—утверждал Ленин,—последовательно проводящий принципы политической борьбы и высоко держащий знамя демократизма, будет в состоянии привлечь на свою сторону все боевые демократические элементы и использовать все прогрессивные силы России в борьбе за политическую свободу. Только тогда глухую ненависть рабочих к полиции и к властям удастся превратить в сознательную ненависть к самодержавному правительству и в решимость вести отчаянную борьбу за права рабочего класса и всего русского народа. А построенная на такой почве и строго организованная революционная партия будет представлять из себя в современной России, крупнейшую политическую силу».

Приехав в 1900 году из ссылки за границу, Ленин главнейшей своей задачей ставил создание именно такой общерусской газеты, которая смогла бы выполнить насущную задачу момента, выдвигаемую Лениным в то время перед местными партийными организациями. Подготовку к созданию такой газеты—«Искры» Ленин начал в России и с исключительной энергией и напряжением продолжал и за границей. Создание такой газеты Ленин не мыслил без участия группы «Освобождения Труда», Плеханова в первую очередь. При этом Ленин, придавая громадное значение для газеты политического материала, стремился привечь к сотрудничеству П. Струве и М. И. Туган-Барановского.

На совещаниях, которые происходили за границей в связи с организацией «Искры», этот последний вопрос являлся спорным. В «записи» Владимира Ильича, озаглавленной им «Как чуть не потухла «Искра», он, между прочим, в таких словах касается этого вопроса: «Были «трения» и по вопросам тактики журнала: Г. В. (Плеханов) проявлял всегда абсолютную нетерпимость, неспособность и нежелание вникать в чужие аргументы и притом неискренность, именно неискренность. Наши заявления, что мы обязаны быть *елико возможно* снисходительны к Стр(уве), ибо *мы сами* не без вины в его эволюции: мы сами и Г. В. (*Плеханов*) в т(ом) ч(исле) не восстали тогда, к(ог)да надо было восстать (1895, 1897). Г. В. (Плеханов) абсолютно не хотел признать своей, хотя бы малейшей, вины, отделываясь явно негодными аргументами, *отстраняющими*, а не раз'ясняющими вопрос. В товарищеской беседе между будущими соредакторами эта . . . . дипломатичность поражала крайне неприятно: зачем обманывать себя, говоря, ч(то) в 1895 г. ему, Г. В. (Плеханову), будто бы было «приказано» (??) «не стрелять» (в Струве), а он привык делать, что приказано (похоже на то!). Зачем обманывать себя, уверяя, ч(то) в 1897 г. (когда Стр(уве) писал в «Нов(ом) Сл(ове)» о своей цели опровергнуть одно из основных положений марксизма, он, Г. В. (Плеханов), не выступал против, ибо абсолютно не понимает (и никогда не поймет) полемики в одном журнале между сотрудниками. Эта неискренность страшно раздражала тем более, что Г. В. (Плеханов) старался в спорах представить его так, будто мы не хотим беспощадной войны со Стр(уве), будто мы хотим «все примирить» и проч.». [1]). Вот как обстояло дело. А увлеченный своей, неизвестно из каких источников, подчеркнутой схемой, тов. Ваганьян развязно утверждает, что Ленин в роде того, что не совсем еще раскусил в то время господина Струве и что ему нужен был в этом деле еще «предметный урок». Это весьма неумное умозаключение т. Ваганьяна основано на явном непонимании им причин расхождения между Плехановым и Лениным по вопросу о Струве. В записи Ленина от 29/XII—1900 г. по этому поводу читаем следующее:

«По первоначальной передаче дела Арс(еньев)ым (Потресовым) я понимал так, что бл. (Струве) идет к нам и хочет делать шаги с своей стороны—оказалось к(а)к раз наоборот. Произошла эта странная ошибка оттого, вероятно, ч(то) Арс(енье)ву (Потресову) очень уже хотелось того, чем «манил» бл. (Струве), именно политического материала корр(еспонденции) etc, а чего хочется, тому верится» и Арс. (Потресов) верил в возможность того, чем манил бл. (Струве), хотел верить в искренность бл(изне)ца (Струве) в возможность приличного modus vivendi с ним». Прочитав внимательно эту «запись» диву даешься, каким это образом тов. Ваганьян мог сделать из этого эпизода выводы, которые он сделал в своей книге, исказив позицию Ленина самым непозволительным образом.

Вот что значит находиться во власти предвзятой схемы. В угоду ей тов. Ваганьян замалчивает все факты. Да и зачем они ему, когда у него есть столь милая его ревизионистскому умонастроению «теория». Спрашивается только—откуда он ее выкопал, кто это ему ее насвистел в уши.

Но обратимся снова к фактам.

Ленин разглядел в Струве подлинного либерала еще в 1895 году; тогда уже он выступил против него со всей резкостью и решительностью.

И последующие годы могли служить для Ленина лишь подтверждением правильности занятой им по отношению к Струве позиции. Ленин в этом вопросе ни в каких «предметных уроках» не нуждался. Все разговоры о том, что Плеханову кто-то в 1895 году приказывал «не стрелять» в Струве, являются, говоря прямо сказками. «Стрелял» в Струве в 1895 году не кто иной, как Ленин, а Плеханов в это время взял Струве под свою защиту.

Пусть т. Ваганьян возьмет еще раз в руки книгу Н. Бельтова «К монистическому взгляду на историю», изд. 1906 г., и развернет стр. 248—9, 277 и 281. В деле непримиримости принципиальной позиции Ленину 90-х и 900-х годов нечему было учиться у Плеханова, ибо прав тов. Зиновьев в своем утверждении, что Ленин первый резко отмежевал подлинный «революционный марксизм» от «легального марксизма». И весьма странным являются то, что т. Ваганьян не заметил в цитированной выше «записи» фразы, что Плеханов «старался в спорах представить его так, будто мы не хотим беспощадной войны со Струве». Ведь

[1]) См. „Лен. Сборник“ № 1, стр. 72.

здесь Ленин очень резко подчеркивает, что он стоял на точке зрения «беспощадной войны со Струве». А по Ваганьяну получается, что в 1900 году Ленин думал, что Струве «идет к нам», ошибался в этом, и получил «предметный урок». Все это было бы лишь вздорными пустяками, если не было бы легкомысленнейшим извращением позиции Ленина.

В той же «записи», которую я уже цитировал выше (от 2/IX—1900 г.) Ленин пишет: «Ставится вопрос об отношении к Бобо (Струве) и Мих. Ив. (Туган-Барановскому). Мы стоим за условное приглашение (нас неизбежно толкала на это резкость Г. В. (Плеханова): мы хотели этим доказать, ч(то) желаем иного отношения». И, далее, Ленин рассказывает, как после целого ряда переговоров и окончательного выяснения отношений Плеханова к этому вопросу он решил уступить,—в записи читаем следующее: «Видя это мы оба с Арс. (Потресовым) решили уступить и с самого начала вечернего заседания заявили, что «по настоянию Г. В. (Плеханова) «отказываемся» [1]. И опять-таки весь этот эпизод обнаруживает совсем не то, что Ленину нужен был «предметный урок», а то, что Ваганьян до последней степени исказил, не понял сущности отношения к этому вопросу Плеханова, с одной стороны, и Ленина, с другой. Разница в отношениях этих двух людей к Струве была, но эта разница заключалась совсем не в том, в чем видит ее тов. Ваганьян. В позиции Плеханова чувствуется не практик, а теоретик, и от резкой постановки вопроса о Струве веет на нас прежде всего некоторой отвлеченностью и теоретичностью. Ленин же подходил к этому вопросу, как практик, теснейшим образом связанный со всеми нуждами рабочего движения и строительства партии. Ленин глубоко понимал практику революционного дела, был теснейшим образом связан с ним и одновременно стоял на высоте самой передовой, самой революционной теории нашего времени, которая давала ему возможность безошибочно определять свою позицию по отношению к врагам марксизма и рабочего класса. Плеханов, будучи оторван от практической работы, значительно менее остро, чем Ленин, понимал ее насущные задачи. Поэтому нередко Плеханов только внешне казался якобы «ортодоксальнее» Ленина, на самом же деле настоящая ортодоксия была на стороне Ленина. Так было и в разбираемом случае. Тов. Ваганьян обнаруживает здесь уже не только пренебрежение к фактам, а явное непонимание самой сути, «духа» ленинской линии,—глубочайшей, непрерывной, все собой проникающей, теснейшей связи теории и практики движения. Чувствуя себя стоящим непоколебимо на основе самой передовой теории современности, Ленин мог в интересах практики дела вступить в те или иные временные комбинации и политические соглашения. Недаром он говорил, что бояться временных союзов хотя бы и с ненадежными людьми может только тот, кто сам на себя не надеется [2]). И впоследствии Ленин неоднократно возвращался к оценке своего «союза» с «легальными марксистами» (см. т. V, стр. 128—9 и т. VIII, стр. 473—476), и, между прочим, неоднократно предостерегал от точки зрения людей, чересчур прямолинейно смотрящих на дело [3]). Ленин, когда был убежден в полезности данного соглашения для

[1]) См. „Ленинский Сборник“ т. I стр. 36.
[2]) Ленин. Собр. соч., т. У, стр. 128.
[3]) Там же. 129.

практики революционного дела, не боялся итти на целый ряд «уступок», ибо он чувствовал себя на крепкой теоретической позиции и ясно видел все возможные опасности того или иного соглашения. И одной из характернейших особенностей ленинской тактики была величайшая гибкость, уменье сочетать теоретическую непримиримость со способностью ни на одну секунду не отрываться от практических требований данного момента.

У Плеханова не было этого ленинского качества. В разобранном мною эпизоде все это и сказалось в полной мере. Тов. Ваганьян обнаружил такое безграничное непонимание всего этого эпизода и так извратил роль Ленина в нем, что приходится прийти к выводу, что не просящий «пощады» у критики исследователь Плеханова поверил здесь больше некоторым критикам Ленина, чем самому Ленину, «записи» которого («Как чуть не потухла «Искра»), кстати сказать, он обвиняет в «чрезмерном суб'ективизме» (см. стр. 128).

Дальнейшие события этого же порядка, связанные уже с работой «Искры», дают лишь подтверждение именно нашей оценке.

Между Струве и «Искрой» (в 1900—1 г.) шли переговоры об издании специального журнальчика «Современное Обозрение», который явился бы приложением к журналу «Заря». В связи с этим естественно разрешался и вопрос об использовании для «Искры» политического материала, приходящего в «Современное Обозрение». В письме Ленина к Плеханову от 30 января 1901 года по этому поводу мы читаем следующее: «Насчет «демократической оппозиции» Иуда не спорил: он не романтик и его словами не запугаешь. А вот насчет «7-го пункта» (утилизация материала для «Искры», материала, приходящего в «Современное Обозрение») он ловко обошел наших, которые все, и П. Б. Аксельрод ycompris встали за него против меня». Далее Ленин поясняет: «Он требует, чтобы утилизация материала для «Искры» была возможна только по соглашению с представителем «Совр(еменного) Об(озрения»)... И добавляет—«Выпускать он хотел бы ежемесячно по пяти листов сиречь около 200 тысяч, как раз столько, сколько в двух листах «Искры». Из этого Ленин делает такой вывод: «дело ясное: конкуренция направляется не столько против «Зари», сколько против «Искры»: то же преобладание пол(итического) материала, тот же газетный характер—обозрение текущих событий, коротенькие статьи (Иуда (Струве) с очень верным тактом придает громадное значение частому выходу тоненьких книжек с маленькими статьями). Нас будут заваливать материалом сего рода, мы будем бегать по исполнению поручений Иуды (Струве), который своим хозяйничанием в «Совр(еменном) Об(озрении)» (дело очевидное, что хозяин и хозяин полный будет там он, ибо у него деньги и 99% материалов—мы разве изредка мало-мало что в состоянии будем дать туда), сделает великолепную «либеральную карьеру и попытку оттереть не только тяжеловесную «Зарю», но и «Искру».

«Спрашивается,—продолжает Ленин,—неужели пресловутая «гегемония» соц(иал)-демократии не окажется при этом пустым Cant'om. В чем она выразится кроме словечка: приложение к соц(иал)-д(емократическому журналу)»? Что материалом он нас задавит,—это несомненно, ибо мы и для «Зари»-то с Искрой» не успеваем писать. В заключение Ленин пишет следующее: «Если нам суждено и возможно добиться действительной гегемонии,

то исключительно при помощи политической газеты (подкрепленной научным органом), и когда нам с возмутительной наглостью заявляют, что политический отдел нашей газеты не должен конкурировать с политическим предприятием гг. либералов, то наша жалкая роль ясна, как божий день». И как практический вывод, Ленин приглашает Плеханова тоже поднять знамя восстания. Лучше разрыв,—добавляет он,—чем это фактическое подчинение программе credo на ряду с громкими фразами против cred' низма». Это письмо целиком подтверждает нашу точку зрения и целиком опровергает тов. Ваганьяна. Здесь Ленин, придававший большое значение «политическому материалу» для «Искры», хотел использовать П. Струве и К°.... но в то же время он ни на одну иоту не собирался поступаться «гегемонией социал-демократии». И когда обнаружилась в этом пункте опасность(«он ловко обошел наших, которые все и П. Б. Аксельрод у compris встали за него против меня»), то Ленин немедленно же бьет в набат и приглашает Плеханова «тоже поднять знамя восстания». Плеханов в ответ, повидимому, на это письмо Ленина пишет следующее (см. письмо Плеханова к Ленину, суббота, февраль 1901 г.): Необходимо согласиться, поторговавшись, однако, насчет материала для «Искры». Обстоятельства таковы, что разрыв теперь погубит нас: а после мы посмотрим». И это письмо опять-таки направляется против точки зрения тов. Ваганьяна. Ибо в этом письме Плеханов занимает примирительную позицию. Это не значит, конечно, что здесь Плеханов отошел от ортодоксальной точки зрения, это значит лишь, что безысходно запутался тов. Ваганьян, когда он в предыдущем эпизоде практическую гибкость Ленина понимал, как некоторую уступку, направленную чуть ли не против ортодоксии.

В практике «Искры» был еще один эпизод, который еще раз обнаружил точки зрения всех членов редакции «Искры» в вопросе о либералах. Этот эпизод связан со статьей Ленина—«Гонители земства и Аннибалы либерализма», направленной против Струве.

В настоящее время мы имеем переписку между всеми редакторами «Искры» по поводу этой статьи Ленина. Эта переписка будет целиком напечатана в III номере «Ленинского сборника».

В письме от 9-го июля Ленин пишет Аксельроду:

«Я написал статейку по поводу записки Витте и предисловия к ней, разругал, конечно, г. Н.Р.С. (Струве)—Вел-(ика) Дм(итриева)—(Засулич) очень недовольна, и придется посылать статью Г. В. (Плеханову) и т. д.: больной пункт этот господин Н. Р. С. (Струве)».

Статья была послана Плеханову. И вот что мы читаем по поводу этой статьи в письме Плеханова к Ленину от 14-го июля:

«Статью Вашу я прочитал с величайшим вниманием и скажу вот что; отзывы Ваши о г. Р. Н. С. (Струве) вполне определенны, но... и тут кое-что надо смягчить. И вот почему. В Ваших отзывах слышно весьма понятное нам раздражение. Но читателю Ваше раздражение может быть непонятно».

И далее, переходя к существу вопроса, Плеханов формулирует свою точку зрения таким образом:

«Не следует теперь ругать либерала вообще. Это нетактично, надо от плохого либерала апеллировать к хорошему, хотя бы существование такового и было для нас сомнительно».

Плеханов еще раз подчеркивает эту свою мысль в таких выражениях:

«Следует несколько раз оговорить, что те, которых Вы презрительно аттестуете, собственно говоря, недостойны называться либералами, что плохи так называемые либералы, а либерализм сам по себе может заслуживать большего уважения. Мы ведь должны относиться к либералам, как к возможным союзникам, а тон у Вас, надо сознаться, совсем не союзнический. Смягчите его, голубчики; статья сама по себе прекрасная, и было бы жалко, если бы производимое ею впечатление было отчасти испорчено некоторыми слишком резкими выражениями по адресу либерализма. Вы говорите как враг, а надо говорить как союзник (хотя бы только в возможности)».

А в конце своего письма Плеханов еще раз советует Ленину:

«Итак, смягчайте, голубчик, либерализм не надо гладить теперь против шерсти. Это большая ошибка».

Здесь перед нами несомненно выступают два «оттенка» в отношении к либералам и либерализму. И не оставляет никакого сомнения то, что Ленин не нуждался ни в каких предметных уроках для того, чтобы раскусить русского либерала; наоборот, Плеханов обнаруживал некоторые, выражаясь современным термином, «уклоны». В архиве Института Ленина имеется письмо Мартова к Ленину (от 17/IV 1902 года), в котором тот передает свой разговор с Плехановым и формулировку последнего, что имеются две точки зрения на либерализм—«бельтовская» и «тулинская». А различие между Бельтовым и Тулиным, т. е. различие между Плехановым и Лениным в отношении к либерализму 1895 г., мы уже видели: Ленин звал «стрелять» и «стрелял» уже по Струве, а Плеханов предпочитал защищать его.

И после этого Ваганьян считает возможным утверждать в своей книге, что:

«Письма Плеханова внесут не мало коррективов в наше представление о влиянии Плеханова на кристаллизацию линии «Искры» по отношению к либералам»[1]).

Дальнейшее разъяснение этого утверждения не оставляет сомнения в том, что тов. Ваганьян представляет себе дело таким образом, что именно Плеханов являлся наиболее последовательным в борьбе с «критиками» из либерального лагеря. На самом деле положение было, несомненно, совсем обратное. И если кто в действительности самым решительнейшим образом влиял на кристаллизацию линии старой «Искры» по отношению к либералам, то несомненно этим был не кто иной, как Ленин. Вновь публикуемые материалы из литературного наследства Ленина с особенной ясностью обнаруживают, что именно с начала 900-х годов Ленин твердо занимает пост настоящего вождя революционной социал-демократии.

По вопросу о помещении статьи Ленина Аксельрод занял примирительную колеблющуюся позицию. В своем письме к Мюнхенской части редакции (без даты) он пишет следующее:

«Я должен сознаться, что если бы статья прислана была посторонним сотрудником, то я стал бы за ее помещение в ее настоящем виде, по той причине, что революционный дух ее очень подкупает и освежающим, бодрящим образом действует».

[1]) Ваганьян. Т. В. Плеханов стр. 231.

В том же письме Аксельрод отмечает:

«Если Р. Н. С. (Струве) грешит сбивчивостью и колебаниями вправо, то наш автор грешит теми же недостатками—под влиянием радикальных симпатий. Поэтому-то он впадает в обличительно-полемический тон, который, говорю откровенно, и мне местами казался nicht am platze, по крайней мере, настолько не мотивированным, что я опасался, что он «непонятен будет читателю».

В письме от 19-го июля Аксельрод заявляет:

«Еще раз: я не вотирую против печатания статьи».

Статья тов. Ленина, как известно, была помещена. Что же отвечал сам Ленин на те возражения, которые были сделаны против его статьи. В письме Аксельроду от 21 июля он пишет:

«Г. В. (Плеханов) написал уже мне довольно подробно, в чем он видит желательные изменения, и я, конечно, постараюсь сделать все эти изменения (только относительно перемены тона... не знаю уже, удастся ли. Вряд ли смогу в дипломатическом тоне писать о господине, вызывающем во мне бурные чувства. И вряд ли вполне прав Г. В. (Плеханов), что моя ненависть непонятна будет читателю: сошлюсь для примера на Parvus'а, который, не зная автора, вынес из чтения предисловия тоже вражду к этому «тетереву», как он выразился, но это в скобках)».

В письме к Плеханову от 5 июля по тому же поводу Ленин пишет:

«Я получил свою статью от П. Б. (Аксельрода) с его письмом. П. Б. (Аксельрод) тоже стоит за смягчение. И я, разумеется, внес все, конкретно указанные Вами и П. Б. (Аксельродом) смягчения».

И, добавлял он:—«Если бы у меня не было «раздражения» против автора, я бы и не писал так. А раз есть «раздражение» (понятное не только нам, но и всякому социал-демократическому читателю предисловия), то мне уже его не скрыть и тут уже не схитрить. Постараюсь еще и еще смягчить и еще и еще оговорить: м(ожет) б(ыть) кое-что и удастся».

Таким образом, Ленин шел на смягчение своей статьи под напором Плеханова, Аксельрода и Засулич, отбрасывая при этом все основное в мотивировке соредакторов. Отвечая на упреки в «упорстве», он писал Аксельроду в письме от 26 июля:

«Напрасно только Вы думаете, что я черезчур («порядком») «упорен». Все Ваши указания на смягчение определенных мест, как и все указания Г. В. (Плеханова), я принял во внимание, т.-е. везде смягчил».

А в дальнейшем он дает такое раз'яснение направлению своего упорства: «Вообще,—пишет Ленин»,—я вовсе не так уже упорен насчет смягчений частных, но принципиально не могу только отказаться от мысли о нашем праве (и нашей обязанности) разнести Р. Н. С. (Струве) за его политическое жонглерство».

Вся эта переписка, между прочим, свидетельствует о том, что те «бурные чувства», которые «чувствуются» в «тоне» статьи Ленина против Струве являются в известной степени отражением последних «встреч» со Струве. В письме к Аксельроду от 26 июля Ленин так и пишет: «В свою критику я внес все, что дали нам последние месяцы (т.-е. Verhandlungen с «теленком» (Струве), попытки договора etc), так сказать, душу отводил, сводя счеты с этим суб'ектом». Таким образом и этот эпизод в выработке «Искрой» своего отношения к либералам свидетельствует лишний

раз о непонимании т. Ваганьяном роли Ленина в данный период развития нашей партии. Тов. Ваганьян буквально, как гимназист, «очарован» Плехановым. Это мешает ему видеть действительное положение вещей. Это толкает его к извращению роли Ленина.

Буквально то же самое обнаруживается и в вопросе об «экономизме». Тов. Ваганьян опять-таки изображает дело так, будто бы только Плеханов стоял на точке зрения беспощадной борьбы с «экономистами», и будто бы Ленин обнаруживал в этом вопросе примиренчество и колебания.

Тов. Ваганьян пишет: «Плеханов не мог выносить не только прямых примиренческих половинчатостей, но и простых упоминаний о возможной мягкости по отношению к экономистам, в то время как Ленин и Потресов были настроены более мирно, во всяком случае не столь резко». Об'ясняет «это» тов. Ваганьян следующим образом: «Плеханов вел борьбу уже четвертый год, ему был совершенно ясен оппортунизм экономистов, и чем меньше были шансы на возможность скорой организации партии революционной с.-д., способной отвергнуть решительно экономический оппортунизм, тем решительней и непримиримей были его отношения ко всяким, хотя и малым, хотя бы кажущимся уклонениям от ортодоксии, незначительным послаблениям ревизионистам всяких толков. Это было неизбежно, это было разумно и необходимо».

«Мы не хотим оправдать тон разговоров Плеханова: он был недопустимо запальчив, мы хотим только подчеркнуть законность занятой им позиции: она была безупречна» [1]).

«Плеханов,—пишет Ваганьян,—вел борьбу уже четвертый год». А Ленин, спрашиваю я, сколько лет он вел эту же борьбу? «Ему, т.-е. Плеханову,—продолжает Ваганьян,—был совершенно ясен оппортунизм экономистов». А Ленину, позвольте узнать, разве был менее ясен этот оппортунизм? Если никто иной, как Ленин, первым начал «стрелять» по Струве, то никто иной, как тот же Ленин первым разгромил идеологию сгед'изма. «Позиция Плеханова, отмечает тов. Ваганьян, была безупречна». Это может быть, и так. Но зачем же заниматься намеками на то, что Ленин яко-бы повинен в «уклонениях от ортодоксии» и в «послаблениях ревизионистам всяких толков». А ведь этим с большой настойчивостью и развязностью занимается тов. Ваганьян, хотя он и делает это в уклончивой форме. Но, как бы он ни осторожничал в формулировках, для всякого внимательного читателя совершенно ясно, что тов. Ваганьян и здесь снова стремится изобразить Ленина чуть ли не примиренцем и колеблющимся.

А Плеханова, наоборот, он стремился самым тщательнейшим образом «защитить» от всех и всяческих упреков. Плеханов не нуждается в защите. Прекрасно известно, что на целом ряде книг Плеханова учились целые поколения революционных марксистов.

Зачем же, спрашивается, понадобилось тов. Ваганьяну пускаться в такие «предположения» о Плеханове, какими он счел нужным заняться на странице 322 своей книги. Он пишет там: «Разумеется, если бы Плеханов был в России и мог наблюдать текущую работу ячеек и отдельных организаций, процесс возникновения «экономического» течения был бы ему виден и, быть может (вернее—наверное), он на много ранее 1898 года открыл бы

1) См. В. Ваганьян. Там же, стр. 129.

борьбу против экономизма, как вероятно, он начал бы борьбу с нео-народничеством и либерализмом уже со второй половины 90-х годов. Он бы, вероятно, имел возможность гораздо ранее того, как новое течение оформилось, разоблачить оппортунистические тенденции его».

Однако, промедление было лишь промедлением темпа, отнюдь не запозданием критики. Неужели Ваганьян думает, что «обставив» Плеханова бесконечным числом «если», «бы», «быть может», «вероятно» и т. д., тем самым он поднимает значение Плеханова в борьбе с экономизмом и бернштейнианством. Для всякого ясно, что этим самым тов. Ваганьян сбивает с толку в первую голову самого себя и обнаруживает наглядно свою полную неспособность не только по заслугам оценить Плеханова, но и понять Ленина. Не дано сие В. Ваганьяну. Ленин тоже не нуждается в защите. Но ведь свою книгу Ваганьян писал, полагаю, не для архивных мышей, а для людей. И книгу он написал «солидную» и «фундаментальную». А мы живем в такое время, когда на сцену снова вышло слово «ревизия», а тов. Ваганьян еще в прошлом году обнаруживал свои антиленинские наклонности. Поэтому, придется и в данном случае заняться некоторыми разъяснениями и опровержениями, дабы облегчить тем людям, которые будут читать книгу тов. Ваганьяна, быстрейшее понимание ошибок и извращений, которые в ней содержатся. В письме к Якубовой от октября 1900 г. тов. Ленин писал следующее: «Неужели вы думаете, что возможно обойтись без такого определения, без прямой и открытой расчистки поднятой «кредистами» и бернштейнианцами мути». И далее, он продолжает: «Начинающие борьбу в настоящее время отнюдь не разрушают единства. Единства уже нет, оно уже разрушено по всей линии. Русский марксизм и русская социал-демократия—рассыпанные храмины и прямая борьба против «критиков» бернштейнианцев и против «экономистов» (вы глубоко заблуждаетесь, если не видите, что те и другие—родные братья) одно из необходимых условий восстановления единства». В «Ленинском сборнике» № 1 имеется письмо Владимира Ильича, адресованное Х-у, в котором Ленин спустя несколько дней после событий, описанных в записи «Как чуть не потухла «Искра», определяет свое отношение к «Союзу русских социал-демократов», находившемуся тогда в руках экономистов. В этом письме читаем: «Перейдем к делу по существу. Слияние невозможно. Федерация тоже невозможна, если понимать это слово в его настоящем смысле, т.-е. известное соглашение, договор, взаимные обязательства и т. п.». В этом же письме он решительнейшим образом возражает против утверждения, что между группой «Освобождение труда» и «Союзом русских социал-демократов» нет «принципиальных разногласий». Он пишет так: «Вы пишете, ч(то) принц(ипиальных) раз(ногласий) нет и ч(то) С(ою)з готов на деле доказать свою решимость вести б(орь)бу с экон(омическим) напр(авлением). Мы убеждены, что по обоим этим пунктам Вы ошибаетесь». «И, добавляет он, мы намерены литературно же выступить с опровержением мнения об отсутствии принц(ипиальных) разногласий (так что нек(ото)рые отношения к С(ою)зу у нас будут: отношения между полемизирующими». Эти документы совершенно опрокидывают все умозаключения тов. Ваганьяна, о каком-либо даже намеке на возможность того, что Ленин по отношению к экономистам был настроен «более мирно», чем Пле-

ханов. Если тов. Ваганьян вздумал утверждать такие вещи то приходится особо подчеркнуть, что именно никто иной как Ленин является застрельщиком в борьбе с Credo (протест 17-ти).

Ленин сразу занял к нему непримиримую позицию и никогда с этой позиции не сходил. И будучи чрезвычайно близок к практике рабочего движения, превосходно понимая все насущные нужды именно этой практики, он, как никто другой, умел брать «быка за рога», выступая не только как теоретик, но и как доподлинный политический вождь. Вот этого-то и не в состоянии понять тов. Ваганьян. Вот именно это-то он и искажает в своей книге. Это же непонимание обнаруживается им и при анализе тех споров, которые в 1902 году велись внутри редакции «Искры» между Лениным и Плехановым. Это один из интереснейших вопросов, какие можно только встретить на протяжении всей замечательной истории нашей партии и революционного марксизма в России.

И хотя тов. Ваганьян не рассматривает «вопрос о программе в целом», что, несомненно, является уже ошибочным, но все же неоднократно в своей книге он подходит к оценке программных вопросов и даже касается наиважнейших вопросов, которые являлись предметами спора при выработке программы 1903 года. Так, на странице 245 он указывает на разногласия между Плехановым и Лениным по такому «крайне важному вопросу», как вопрос об отношении пролетариата к мелкой буржуазии, а на странице 343 и следующих он подробно уже разбирает вопрос о программе в связи с вопросом о конечных целях. При чем он полагает, что именно решение этого вопроса являлось «показателем степени выдержанной революционной последовательности». Повторяю, то, что тов. Ваганьян счел возможным не рассматривать вопроса о программе в целом, безусловно являлось ошибкой, ибо это привело его сразу же к тому, что он оторвал вопрос о диктатуре пролетариата от тех споров, которые имели место внутри редакции «Искры» при выработке партийной программы по вопросу о взаимоотношениях пролетариата и «мелких производителей». А для всякого ясно, что решение этого вопроса в постановке, сделанной Лениным, имело теснейшее отношение к вопросу о гегемонии пролетариата, т.-е. к вопросу о диктатуре. Основная характеристика позиции Плеханова и Ленина в программных спорах 1902 года дана тов. Ваганьяном в такой формулировке: «Как всякое коллективное произведение, наша программа была результатом компромисса. В занимающем нас вопросе Плеханов представлял левое, наиболее резкое, так сказать, якобинское крыло, в то время как все остальные члены редакции занимали позицию европейской ортодоксии, представляемой Каутским. Мы потому так долго и задержались над историей этого вопроса, что полагали чрезвычайно важным это его положение не только для характеристики личности, но и для правильного понимания мировоззрения его» [1]. Таким образом, по Ваганьяну выходит, что в программных спорах 1902 года Плеханов представлял «якобинское крыло», а Ленин стоял на точке зрения «европейской ортодоксии».

Вот до каких умозаключений со ступеньки на ступеньку докатился тов. Ваганьян.

[1] В. Ваганьян. Г. В. Плеханов, стр. 361.

Свои обширные замечания на «второй проект» Плеханова Ленин заключает следующим резюме: «Резюмируя все вышеприведенные замечания, я нахожу в проекте четыре основных недостатка, делающие, по-моему, этот проект неприемлемым:

1) крайняя абстрактность многих формулировок, как будто бы они предназначались не для боевой партии, а для курса лекций;

2) отстранение и затемнение вопроса о специально-русском капитализме—особенно важный недостаток, ибо программа должна дать свод и руководство для агитации против русского капитализма. Мы должны выступить с прямой оценкой его и с прямым об'явлением войны именно русскому капитализму;

3) совершенно одностороннее и неправильное изображение отношения пролетариата к мелким производителям, отнимающее у нас базис в войне и с «критиками», и с мн(огими) др(угими);

4) стремление постоянно дать в программе об'яснение процесса. Об'яснения дать все равно не удастся, а изложение становится растянутым, встречается масса повторений, программа постоянно сбивается на комментарий» [1]).

Таким образом, Ленин требовал от партийной программы, чтобы она—во-первых, была программой «боевой партии»; во-вторых, была «прямым об'явлением войны именно русскому капитализму» и в-третьих, содержала бы такое «изображение отношения пролетариата к мелким производителям, которое давало бы «базис в войне и с «критиками» и с мн(огими др)угими». Таким образом Ленин напал на проект Плеханова не с точки зрения «европейской ортодоксии», а с точки зрения революционной марксистской теории, опирающейся на практику периода, непосредственно примыкающего к первой российской революции. И если бы тов. Ваганьян дал бы читателю своей книги в руки приведенную мною ленинскую оценку плехановского проекта, то тем самым он дал бы такую путеводную нить, которая без сомнения давала бы возможность разобраться читателю во всех тех искажениях, которые допускает тов. Ваганьян при оценке позиций Плеханова и Ленина в программных спорах 1902 года. Но он здесь предпочел умолчать об этой замечательной ленинской оценке плехановского проекта. Ошибки, искажения и извращения тов. Ваганьяна станут особенно ясными, если мы от общей оценки перейдем к рассмотрению отдельных пунктов проекта программы 1902 года. Тов. Ваганьян неоднократно отмечает, указывает и подчеркивает, что «Ленин и Мартов находились под сильнейшим влиянием Каутского» [2]). Приведя замечания Ленина на VIII параграф первого проекта Плеханова (о диктатуре пролетариата) [3]), тов. Ваганьян пишет: «Его (т. е. Ленина) коробят ясные и слишком определенные слова Плеханова на счет того, каковы будут средства завоевания этих средств». И далее он продолжает так: «Со всех точек зрения приведенные замечания характерны и еще раз и особенно убедительно показывают, что В. И. Ленин находился под сильным влиянием немецких теоретиков, в частности Каутского, чья программа и служит все время образцом для сравнения. Именно немецкая манера была к тому времени избегать говорить слишком определенно о диктатуре и о переходной эпохе борьбы за конечные цели, как раз Каутский к началу столетия вел свою «каучуковую» тактику, которая и диктовала ему необходимость стирать наиболее острые углы, чтобы не дразнить бернштейнианцев, чтобы не создавать повода к резкой внутрипартийной борьбе» [1]).

Разберем этот пункт внимательно. В своих замечаниях к параграфу VIII первого плехановского проекта Ленин наставил немало вопросительных знаков, но разве из этого можно сделать те выводы, которые мы читаем в книге Ваганьяна. Безусловно нет, ибо надо взять не только эту стадию спора, но и весь его в целом. А беря его весь в целом, мы увидим, что в ленинском проекте программы, составленном после плехановского проекта (после совещания редакции «Искры» от 21-го января 1921 года), имеется параграф IX, который сформулирован следующим образом: «Чтобы совершить эту социальную революцию, пролетариат должен завоевать политическую власть, к(ото)рая сделает его господином положения и позволит ему устранить все препятствия, стоящие на пути к его великой цели. В этом смысле дикт(а)т(у)ра прол(етариата) составляет необходимое политическое условие социальной революции». А тов. Ваганьян этой формулировки Ленина не выделил, не подчеркнул.

Приведя все пять §§-ов, относящихся к вопросу о конечной цели, он счел возможным сопроводить их таким замечанием,—«сравнивая эти параграфы с проектом Плеханова, нетрудно заметить, что В. И. Ленин действительно вытравил из них все, что могло хотя сколько-нибудь показаться несдержанным и резким» (стр. 357).

Бесподобно сказано! Хорош «исследователь»! О Каутском поговорил, на «каучуковую» тактику самым недвусмысленным образом намекнул, а мимо ленинского § IX, формулирующего ясно и точно «диктатуру пролетариата», прошел, фактически его замолчал.

Таким образом формулировка вопроса о диктатуре в IX параграфе ленинского проекта ничем не отличается от плехановской. Пойдем дальше. В то время как Ленин в своем проекте, написанном после первого плехановского проекта, вставляет специальный пункт о диктатуре пролетариата, Плеханов во втором своем проекте вместо этого пункта дает весьма расплывчатую формулировку. Ленин в своих замечаниях на этот второй проект указывает на это упущение. Там мы читаем: «Кстати. В проекте упущено указание на диктатуру пролетариата, бывшее первоначально» [2]). И тут же Ленин указывает: «Признание необходимости диктатуры пролетариата самым тесным и неразрывным образом связано с положением Ком(мунистического) Ман(ифеста), что пролетариат один только есть действительно революционный класс» [3]). Плеханов согласился на вставку «диктатуры пролетариата». (См. письмо Плеханова к Засулич от 19-го марта 1902 года) [4]). Рассмотрев всю эту историю с пунктом о диктатуре,

1) См. Ленинский сборник, вып. 2-й, стр. 86—7.
2) См. В. Ваганьян, там же, стр. 354.
3) К параграфу VIII (абзац о диктатуре) Ленин сделал такое замечание: „Г/осподи/н полож/ения“, „беспощ/адно/ раздав/ить“, „дикт/ат/ура“. (Довольно с нас социальной революции). См. Ленинский сборник, II, стр. 28.

1) В. Ваганьян, там же, стр. 354—5.
2) См. „Ленинский Сборник“, II, стр. 80.
3) Там же, стр. 80—81.
4) См. там же, стр. 95.

тов. Ваганьян не может удержаться, чтобы не взять здесь под свою защиту Плеханова против Ленина, ибо иначе никак нельзя понять следующего вывода, который имеется на странице 359 его книги: «Таким образом, подчеркивает тов. Ваганьян, смягчение явилось результатом уступок Плеханова Ленину» [1]). Далее, Ленин не ограничивается только этим, но он и в дальнейшем самым внимательнейшим образом следит за формулировкой пункта о социальной революции и диктатуры пролетариата. В комиссионном проекте партийной программы в пункте VIII содержалась такая формулировка: «В то же время усовершенствование техники, обобществляя процесс труда внутри мастерской и концентрируя производство, создает возможность такой социальной революции, которая составляет» [2]). Ленин в своих замечаниях уже на этот комиссионный проект программы предлагает в этом пункте прибавить («И *необходимость*» (социальной революции) [3]). И когда тов. Ваганьян хочет изобразить дело таким образом, что именно этот вопрос был «главным боевым вопросом» [4]), и что в этом вопросе Плеханов занимал левую позицию, то здесь он не только безбожно путает, но и доказывает, что он ничего не понимает в программных спорах 1902 года. Конечно, вопрос о диктатуре пролетариата является важнейшим вопросом, но в программных спорах между Плехановым и Лениным он, как таковой, не был ни «главным», ни «боевым вопросом», ибо здесь-то как раз между ними не было разногласий. И совсем уже незачем изображать дело так, как будто бы Ленин по этому вопросу выступал защитником «каучуковой тактики». Это вздор и явное искажение. Ленин связывал вопрос о диктатуре пролетариата с вопросом о взаимоотношении пролетариата и мелкой буржуазии. А в этом последнем, и действительно важнейшем пункте разногласий, Ленин не только обнаружил последовательнейшую ортодоксальность (против Плеханова), но и дал такое понимание этого вопроса, которое имеет исключительно важное значение для уяснения всей позиции Ленина в вопросе об отношении пролетариата и мелкой буржуазии, пролетариата и крестьянства. И следует особо подчеркнуть, что именно в этом пункте тов. Ленин сугубо «напирает» на протяжении всех споров вокруг программы партии. Я возьму лишь наиболее отчетливые окончательные формулировки, данные по этому вопросу. В комиссионном проекте параграф VIII был формулирован следующим образом: «Но по мере того, как растут и развиваются все эти противоречия, свойственные капиталистическому способу производства, растет также и недовольство трудящейся и эксплоатируемой массы существующим порядком вещей и обостряется борьба ее передового представителя пролетариата с защитниками этого порядка» [5]). В своих замечаниях Ленин самым решительнейшим образом протестует против мысли, выраженной в последней части этого параграфа (о «передовом представителе»). Ленин пишет: «Параграф VIII показывает *упорное нежелание* комиссии соблюсти точное и недвусмысленное условие, поставленное ей при самом ее «рождении». На *основании этого условия* должна быть сделана встав-

1) См. В. Ваганьян, там же, стр. 359.
2) См. Ленинск. сб. II, стр. 125.
3) См. там же, стр. 125.
4) См. Ленинский сбоорник, II, стр. 123.
5) См. Ленинский сборник, II, стр. 123–4.

ка к(ото)рую комиссия и сделала в § 10, при чем до вставки речь должна итти только о классовой борьбе одного пролетариата. Последнего требования, ясно выраженного в примирительном договоре, комиссия не *исполнила*, и я считаю себя в праве настаивать на его исполнении» [1]). И тут же он добавляет: «Чтобы иметь право говорить о движении пролетариата, о классовой его борьбе и даже о *классовой диктатуре*,—обязательно сначала выделить этот один класс, а потом уж сделать добавление о его роли представителя» [2]). Повторяю, Ленин придавал этому вопросу исключительное значение и в программных спорах 1902 года он постоянно его выделяет, им тщательно занимается и на него «напирает». Исключительное внимание Ленина к этому вопросу проходит красной нитью через все программные споры 1902 года. Ленин знал на что и когда надо нажимать. И в начале 900-х годов, непосредственно перед первой российской революцией, он указывал и настаивал на необходимости самого резкого выделения классовой борьбы пролетариата, обязательного выделения «одного» этого класса, и делал он это в интересах именно того, чтобы пролетариат в дальнейшем смог повести за собой массы эксплоатируемой капитализмом мелкой буржуазии, т.-е. в интересах того рабоче-крестьянского блока, который является альфой и омегой всей нашей нынешней политики. В своих дополнительных замечаниях на комиссионный проект программы, Ленин в *специальном* «добавлении к вопросу о классовой борьбе» пишет: «Желательно привлечь всех мелких производителей,—конечно. Но мы знаем, что это—особый класс, хотя и связанный с пролетариатом тысячей нитей и переходных ступеней, но все же особый класс».

«Обязательно *сначала отгородить* себя от всех, выделить один только, *единственно и исключительно*, пролетариат, а *потом* уже заявлять, что пролетариат всех освободит, всех зовет, всех приглашает».

«Я согласен на это «потом», но я требую раньше этого «сначала».

«У нас в России дьявольские муки «трудящейся и эксплоатируемой массы» не вызывали никакого *народного* движения, пока «горстка» фабрично-заводских рабочих не начала борьбу, классовую борьбу. И *только* эта «горстка» гарантирует ее ведение, продолжение, *расширение*. Именно в России, где и критики (Булгаков) обвиняют с(оциал)-д(емократов) в «крестьянофобстве», и с(оциалисты)-рев(олюционеры) кричат о необходимости заменить понятие классовой борьбы понятием «борьбы *всех* труд(ящихся) и эксплоатируемых» (В(естник) Р(усской) Р(еволюции) № 2),—именно в России мы должны *сначала* самым резким определением одной только классовой борьбы одного только пролетариата *отгородить* себя от всей этой швали,—а потом уже заявлять, что мы *всех зовем*, все возьмем, все сделаем и все расширим».

«А комиссия «расширяет», позабывши отгородить... И обвиняют меня в узости за то, что я требую *предпослать* расширению эту «отгородку»... Ведь это—подтасовка, господа». В этой последней цитате Ленин с особенной силой, отчетливостью и ясностью сформулировал свою точку зрения. Эта цитата ярким

1) Там же стр. 124.
2) См. там же, стр. 124.

светом освещает нам не только позицию Ленина «искровского» периода, но и весь его гениальный подход к вопросу об отношении пролетариата и крестьянина, который является одним из краеугольных камней ленинизма. И диву даешься, каким образом ухитрился тов. Ваганьян обойти эту постановку Ленина, каким образом, имея в руках весь текст программных споров 1902 года, нашел он смелость, мягко выражаясь, наговорить в своей книге таких небылиц о позиции Ленина при выработке программы 2-го съезда. Я не говорю уже о том, что, исказив позицию Ленина, тов. Ваганьян тем самым неправильно представляет и позицию Плеханова. Он не понимает того, что в программных спорах 1902 года Ленин выступает как политический вождь, который ведет свою линию в полнейшем соответствии с требованиями эпохи. Новое, что вскрыли перед нами опубликованные в «Ленинском сборнике» программные споры внутри редакции «Искры», заключается именно в том, что с опубликованием этих материалов перед нами в полный рост встала гигантская фигура Ленина, который не только в вопросах политики и практики, но и в вопросах программы уже тогда фактически стоял во главе, и шел и в программных вопросах впереди Плеханова. Тов. Ваганьян весьма подчеркивает, что «Ленин унаследовал от Плеханова основные элементы своей грядущей аграрной политики», но он совершенно проходит мимо того, что Ленин дал такую постановку аграрной проблеме в России, до которой не поднялся, да и не мог подняться Плеханов. Еще в 1899 году в своей статье «Проект программы нашей партии» Ленин отмечал, что в нашей программе должна найти полное выражение та «особенность России», которая выражается «особой постановкой крестьянского вопроса» [1]). И характеризуя особенности постановки крестьянского вопроса в России в отличие от Запада, тов. Ленин, между прочим, подчеркивает, что на Западе «промышленный пролетариат давно и резко отделился от деревни», а в России он «связан еще с деревней» [2]). В той же статье Ленин пишет: «В нашей пропаганде и агитации мы постоянно натыкаемся на р а б о ч и х - к р е с т ь я н, т.-е. фабричных и заводских рабочих, которые сохраняют связи с деревней, имеют там родню, ездят туда. Вопрос о выкупных платежах, о круговой поруке, об арендной плате—живо интересует сплошь и рядом даже столичного рабочего (мы не говорим уже об уральских, например, рабочих, в среду которых тоже начала проникать с.-д. пропаганда и агитация). Мы не исполнили бы своего долга, если бы не позаботились о том, чтобы дать точное руководство для с.-д-тов и сознательных рабочих, попадающих в деревню» [3]). Одновременно с этим Ленин отмечал также и особенности в положении крестьянства в России и писал так: «Рабочая партия не может, не нарушая основных заветов марксизма и не совершая громадной политической ошибки, п р о й т и м и м о тех революционных элементов, которые есть и в крестьянстве, не оказать поддержки этим элементам. Сумеют ли эти революционные элементы русского крестьянства проявить себя хоть так, как проявили себя западно-европейские крестьяне при низвержении абсолютизма,—это вопрос, на который история еще не дала ответа. Если не сумеют,—социал-демократия нимало не потеряет от этого в своем добром имени и в своем движении, ибо не ее вина, что крестьянство не ответило (м. б. не в силах было ответить) на ее революционный призыв. Рабочее движение идет и пойдет своим путем, несмотря ни на какие измены крупной или мелкой буржуазии. Если сумеют,—то социал-демократия, которая не оказала бы при этом поддержки крестьянству, навсегда потеряла бы свое доброе имя и право считаться передовым борцом за демократию» [1]). Особо Ленин отмечал, что «мы должны выделить революционное содержание народничества» [2]). Сопоставьте все это с тем, что мы знаем теперь о позиции Ленина при обсуждении проекта партийной программы, и станет отчетливо ясным то новое, в точке зрения Ленина, что поднимало его над всей редакцией «Искры». И какими курьезными, смешными, ничтожными, после этого кажутся попытки тов. Ваганьяна превратить Ленина в какого-то подражателя «каучуковой» тактики Каутского. Тов. Ваганьян вполне доказал своим изложением позиции Ленина, что он ничего не понял в ленинизме, что он «глух» и «слеп» к ленинизму. Он доказал также, что для изложения Ленина мало обладать «смелостью» и элементарным умением изложения чужих мыслей. Надо еще уметь понимать их. «С м е л о с т ь» в соединении с н е п о н и м а н и е м превращаются в легкомысленную развязность, ведущую к грубейшему извращению основного в рассматриваемом вопросе. И так как тов. Ваганьян полагает, что Ленин находился под сильным влиянием «немецких теоретиков» и Эрфуртской программы, то придется остановиться и на этом вопросе. И чтобы не отягощать читателя изобилием цитат, придется прежде всего лишь указать на то, что Ленин в своей, уже цитированной мною, статье «Проект программы нашей партии» подчеркивал, что проект программы русских социал-демократов, изданный группой «Освобождение труда», не потерял своего значения и для настоящего момента и «стоит вполне на уровне современной социал-демократической теории» [3]). И на странице 379 Ленин в небольшом абзаце дает исчерпывающую мотивировку того, почему он считает правильным такую оценку программы группы «Освобождение труда». В этой характеристике затронуты буквально все вопросы, в том числе и вопрос о диктатуре пролетариата, а как известно в программе группы «Освобождение труда» 1887—8 года этот вопрос сформулирован совсем не плохо, и не только для того времени, но и вообще для революционно-марксистской постановки этого вопроса. Далее, в той же статье тов. Ленин в таких выражениях определяет свое отношение к Эрфуртской программе: «Мы нисколько не боимся сказать, что мы хотим подражать Эрфуртской программе: в подражании тому, что хорошо, нет ничего дурного и именно теперь, когда так часто слышишь оппортунистическую и половинчатую критику этой программы, мы считаем своим долгом открыто высказаться за нее. Но подражание ни в каком случае не должно быть простым списыванием. Подражание и заимствование вполне законны постольку, поскольку и в России мы видим те же о с н о в н ы е процессы развития капитализма, те же о с н о в н ы е задачи социал-

1) См. Ленин. Собрание сочинений, том V, стр. 382.
2) Там же, стр. 387.
3) Там же, стр. 396.

1) Там же, стр. 389.
2) Там же, стр. 395.
3) Там же, стр. 379.

демократов и рабочего класса, но они ни в каком случае не должны вести к забвению особенностей России, которые должны найти полное выражение в особенностях нашей программы». Для всех и каждого ясно, что здесь тов. Ленин намерен подражать «хорошему» в Эрфуртской программе и в то же время ни в коей мере не собирается заниматься простым «списыванием» с нее. Зачем же тов. Ваганьяну понадобилось изображать дело так, что Ленин находится чуть ли не в плену именно у «каучуковой» стороны программы Каутского.

Подчеркивая необходимость отражения в программе нашей партии особенностей России, Ленин в программных спорах 1902 года с особенной настойчивостью выдвигал вопрос «о специально-русском капитализме», настаивая на том, что мы должны выступить «с прямым об'явлением войны именно русскому капитализму». Одновременно с этим, Ленин тоже с исключительной настойчивостью отстаивал конкретность основных формулировок тенденций капиталистического развития, т.-е. требовал наибольшей резкости характеристик основных тенденций капитализма, об'ективно подготовляющих социалистическую революцию.

И если тов. Ленин был намерен подражать некоторым «немецким теоретикам», именно в этом направлении, а это было именно так, то это лишний раз подчеркивает правильность позиции тов. Ленина и выбивает у тов. Ваганьяна всякую почву для защиты его столь легкомысленных умозаключений. Ленин еще в 1899 году имел намерение, при разборе программы группы «Освобождение труда», особо выделить и «очертить основную тенденцию капитализма», в таком понимании этой тенденции, какое изложено было им и в программных спорах 1902 года (см. стр. 380—81, том V, соч. Ленина). Но тов. Ваганьян не удовлетворяется теми искажениями, которые были допущены им при характеристике точки зрения тов. Ленина в разобранных мною выше вопросах.

В своей книге он пишет: «И Ленин, и Мартов находили проект абстрактным, слишком отвлеченно-теоретическим и, что важнее всего, они обвиняли Плеханова в том, что он уделяет слишком много внимания полемике с Бернштейном» [1]). Прочитав это, прямо руками разводишь перед той... бесшабашной лихостью, которую обнаруживает здесь тов. Ваганьян.

Ленин первым начал «стрелять» в Струве. Ленин из Сибири поднял знамя борьбы против cred'изма. Ленин в своих статьях из сибирской ссылки в 1899 году неоднократно подчеркивал важность и необходимость борьбы с бернштейнианцами, подчеркивая правильность тактики Плеханова, подвергавшего «беспощадной критике новейшую» критику «Бернштейна». Ленин в переписке, относящейся к 1900—1 гг., которую я выше цитировал, неоднократно и весьма определенно высказывался по этому вопросу. И, наконец, в программных спорах 1902 года Ленин стремится к такой формулировке нашей программы, чтобы она дала «базис в войне и с «критиками», и с мн(огими) др(угими)». И тут же он неоднократно, весьма конкретно, совершенно определенно и резко формулирует свою точку зрения в этом вопросе (см. стр. 72, 78, 86-87 и 132-33).

И после этого приходит Ваганьян и, ничтоже сумняшеся, с видом весьма развязным, заявляет,—а ведь Ленин, как оказывается, в 1902 году обвинял Плеханова в том, что тот слишком энергично борется с Бернштейном. В своей книге о Плеханове тов. Ваганьян в полной мере показал, что он не понял и до сих пор не понимает Ленина. Тов. Ваганьян, очевидно, в дни своей юности встал на колени перед Плехановым, и его книга показывает, что и до сих пор он не изменил этой позы. Коленопреклоненный перед Плехановым, тов. Ваганьян, не в состоянии правильно оценить Плеханова. Одновременно он лишен возможности понять и Ленина. Для того, чтобы написать хорошую, большевистскую книгу о Георгие Валентиновиче Плеханове, надо было тов. Ваганьяну не заниматься неумеренным подчеркиванием плехановского «учительства» в отношении Ленина. Это факт общеизвестный. Ленин начинал не на пустом месте, он имел предшественников, в числе их несомненно стоит и Плеханов. Это, повторяю общеизвестно. Тов. Ваганьяну именно для изучения Плеханова, раз уж он взялся писать о нем книгу, надо было тщательно, со всем вниманием, добросовестно изучить и, главное, понять (а Вам этого-то и не дано, тов. Ваганьян), понять самостоятельную ленинскую линию еще в «доискровский» и «искровский» период развития нашей партии и революционного марксизма в России. И надо было показать, какие плехановские «уклончики» привели Плеханова—«искровца» к Плеханову—меньшевику. Архивы уже сейчас дают нам материал для такого изучения. Надо было этим воспользоваться и дать партийной молодежи такую книгу, по которой она сумела бы, как следует, по-большевистски, понять и Плеханова и научиться понимать ленинизм. Коленопреклоненный перед Плехановым, Ваганьян не дал и не мог дать такой книги. Он дал такую книгу, в которой исказил роль Ленина в важнейший период в истории русского марксизма. Тов. Ваганьян не понимает того, что Ленин приехал из сибирской ссылки за границу, имея все данные политического вождя. В 1900—1901 гг. заграницей он прошел через такой опыт, который сделал его вождем. И надо понять, что с этого момента во главе революционной пролетарской партии и революционного марксизма в России стоит уже не Плеханов, а Владимир Ильич Ленин. Он идет во главе партии, он, то кропотливо и настойчиво, то громадными шагами двигает вперед передовую революционную теорию нашей эпохи. Кто не поймет этого, тот ничего не поймет в истории русского марксизма и нашей партии с начала XX столетия.

Книга В. Ваганьяна дает образец такого непонимания. Она, безусловно, возникла под знаком «ревизионистского» отношения к Ленину и ленинизму, и в полной мере несет на себе этот отпечаток.

[1]) См. В. Ваганьян, там же, стр. 363—353,

В. В. Носановский. Конспект курса политической экономии. Изд. «Советская Мысль». В. Устюг. 1924 г., стр. 83.

За последнее время нашими центральными издательствами было выпущено довольно большое количество всякого рода «очерков», «курсов» и «учебников» по обществоведению и политэкономии, к сожалению, далеко не всегда удовлетворяющих требованиям элементарной марксистской выдержанности и грамотности. Об'яснение этому заключалось в первую очередь в нашей бедности марксистскими силами. Совершенно очевидно, что на

изданиях наших губернских издательств, в несравненно большей степени страдающих отсутствием грамотных марксистов, это обстоятельство не могло не сказаться.

«Конспект» В. В. Носановского, как рекомендует его сам автор, рассчитан не на массового читателя, это «не учебник и руководство для первоначального ознакомления с марксистской политэкономией», а «пособие для лекторов, руководителей марксистских кружков, слушателей рабфака и совпартшколы».

Посмотрим, однако, что же представляет из себя это «пособие для лекторов». В каком виде это пособие преподносит основные категории политической экономии.

Вот образец мудрости автора «конспекта»:

6. «Трудовой стоимостью (ценностью) продукта называется количество труда, затрачиваемое на изготовление данного продукта».

4. «Труд, затрачиваемый на изготовление общественно-необходимого (!) продукта, называется общественно-необходимым трудом, а время, затрачиваемое на изготовление этого продукта, называется общественно-необходимым временем».

3. «...Капиталист уплачивает рабочему за его труд в виде заработной платы только (!) стоимость общественно-необходимого продукта, присваивая себе стоимость всего продукта, произведенного рабочим, в том числе (!) и стоимость прибавочного продукта».

9. «Рабочий день включает в себя общественно-необходимое рабочее время (т.-е. общественно-необходимый труд по терминологии самого же автора. К. Р.)... и прибавочное время», (т.-е. прибавочный труд. К. Р.) и, наконец:

7. «Общественно-необходимой стоимостью называется количество труда, затрачиваемое на изготовление общественно-необходимого продукта». (Везде курсив автора. К. Р.).

Не знаешь собственно с какого конца начать распутывать эту невероятнейшую путаницу.

Начнем с того, что автор неверно определяет трудовую стоимость (3). Стоимость по Марксу определяется количеством общественно-необходимого труда, а не труда вообще, как пишет Носановский; запомнив это, попробуем разобраться в глубокомысленных определениях автора «конспекта».

«Капиталист уплачивает рабочему за его труд в виде заработной платы только (!) стоимость общественно-необходимого продукта (что, между прочим, означает этот термин «общественно-необходимого продукта»—неизвестно). «Труд, затрачиваемый на изготовление общественно-необходимого продукта, называется общественно-необходимым трудом», а «общественно-необходимой стоимостью (что означает здесь понятие «общественно-необходимая»—тоже неизвестно), называется количество труда, затрачиваемого на изготовление общественно-необходимого продукта».

Таким образом, по «конспекту» Носановского получается, что рабочие, с одной стороны, создавая стоимость (известное количество общественно-необходимого труда), в то же время получают от капиталиста эту же стоимость целиком обратно в виде «общественно-необходимого продукта», представляющего из себя «общественно-необходимую стоимость».

Автор «конспекта» попадает в порочный круг, из которого он не в состоянии выбраться в об'яснении, откуда же капиталист получает прибавочную стоимость, если он оплачивает рабочему только (!) стоимость общественно-необходимого труда.

Надо, впрочем, отдать справедливость автору, что и выпутывается-то из неловкого положения он весьма неловко.

«Рабочий день включает в себя общественно-необходимое рабочее время... и прибавочное время». Автор забывает, что он сам на этой же странице пишет, что общественно-необходимым временем или трудом называется время или количество труда, затрачиваемое на изготовление «общественно-необходимого продукта», а количество труда, затрачиваемое на «общественно-необходимый продукт» называется «общественно-необходимой стоимостью». Таким образом, либо «общественно-необходимое» время (Маркс, в отличие от автора «конспекта», называет это время просто «необходимым») совпадает со стоимостью, как это утверждает автор, и тогда прибавочное время будет составлять какую-то сверхстоимость, какую-то надбавку к «общественно-необходимой стоимости» (одни определения чего стоят!), либо стоимость покрывает как «общественно необходимое», так и «прибавочное» время, но в таком случае стоимость превращается в «количество труда», затрачиваемого на изготовление «общественно-необходимого продукта», а «общественно-необходимый» продукт принимает вид заработной платы и «прибавочный продукт» исчезает на глазах удивленного читателя «конспекта».

«Доказав», таким образом, помимо (мы не сомневаемся) своей воли отсутствие эксплоатации в капиталистическом обществе, автор совершенно неожиданно заявляет: «Обычная (!) норма эксплоатации в капиталистическом обществе 100—150 процентов»(!).

Откуда автор «пособия для лекторов» взял эту цифру «обычной» нормой эксплоатации—известно, вероятно, только одному автору. И, наконец, заканчивая этот раздел главы о распределении, автор пишет:

«При исчезновении эксплоатации... прибавочный продукт сольется с общественно-необходимым продуктом, прибавочный продукт (уже слитый? К. Р.) станет могучим стимулом непрерывного развития общества». «При коммунизме исчезнет даже различие между прибавочным и «общественно-необходимым продуктом», как и различие между продуктами производства и продуктами потребления (!)».

«В коммунистическом обществе не будет существенной разницы между продуктами производства и продуктами потребления (!!), так как не будет паразитических классов, все будут производители, а продукты потребления производителей могут быть рассматриваемы, как продукты производства».

Любопытны рассуждения автора о налогах.

«К числу нетрудовых доходов в капиталистическом обществе относятся налоги. Источником этого вида нетрудового дохода, как и всех нетрудовых доходов, является прибавочная стоимость (курсив наш. К. Р.).

И дальше автор поясняет:

«Обложение при косвенных налогах продуктов потребления создает кажущуюся (курсив наш. К. Р.) видимость

обложения зарплаты. В действительности источником косвенных налогов является прибавочный продукт, так как повышение цен на товары, обложенные акцизом и пошлиной, увеличивает стоимость рабочей силы»...

На фоне вульгарно-примитивного «закона» увеличения зарплаты утверждение автора, что налоги идут исключительно за счет нетрудового дохода, за счет прибавочной стоимости, за счет нетрудовых классов,—принимает характер совершенно очевидной глупости. Класс капиталистов пользуется налогами, как орудием всеэкономической эксплоатации, и кто этого не понимает, тому не следовало бы браться за писание «конспектов»—«пособий для лекторов».

Приведем, наконец, наиболее достойные образцы мудрости автора «конспекта»:

«Ловкость является одним из главных факторов производительности труда. Для достижения наибольшей ловкости труда применяется так называемая система Тэйлора.

«Сущность разделения труда и заключается в том, что при нем в деле производства продуктов выделяются распорядители и исполнители».

«Средства или продукты производства (это «или» превосходно!) отличается от продуктов потребления тем, что заключенный в них сконцентрированный труд возобновляется во вновь произведенных продуктах, их трудовая стоимость переходит в стоимость вновь созданных продуктов; продукты же потребления тратятся (расходуются) безвозвратно».

Мы готовы держать пари, что кроме автора (в лучшем случае) никто не поймет сокровенного смысла этой фразы.

Автор безоговорочно принимает лассалевский «железный закон» заработной платы и в этой же главе так определяет сущность профсоюзов:

«Профсоюзом называется экономическое об'единение рабочих с целью защиты своих экономических интересов».

Это, определение не профсоюзов, а тред-юнионов, но автор удовлетворяется, очевидно, своим об'яснением и никаких дополнительных пояснений не делает.

Нам думается, что читатель уже получил впечатление о научной ценности «пособия для лекторов», поэтому ограничимся наиболее характерными деталями.

«Трудовое хозяйственное предприятие преследует цель получения наибольшего «валового дохода», а «капиталистическое предприятие»—«чистого дохода».

Или:

«потребительная стоимость рабочей силы, способность к труду, создает надбавку к трудовым стоимостям постоянного капитала».

Или, наконец, чего стоит утверждение автора, что «заработная плата при баснословно растущих прибылях капиталиста во время промышленных кризисов, уменьшается на 50 и 90%, увеличивается в период под'ема промышленности в общем не более, чем на 3%».

«Историческая номинальная заработная плата повышается, реальная же заработная плата стремится к понижению и, если увеличилась, то в общей сложности не больше, чем на три процента».

Откуда в голову нашего высокоученого автора попали эти совершенно вздорные ни с чем не сообразные цифры? Нельзя же в самом деле предполагать, что квалифицированному читателю, на которого рассчитан конспект, не бросятся в глаза такие очевидные глупости, как твердо установленные проценты уменьшения и повышения зарплаты в периоды кризисов и под'емов промышленности.

Подводя итоги разбора «конспекта» В. В. Носановского, мы пришли, в основных положениях, к таким выводам:

1) смешав понятия необходимого и общественно-необходимого труда и приняв необходимый труд, как выражение стоимости, заставив капиталиста уплачивать рабочему не стоимость его рабочей силы, а стоимость «общественно-необходимого труда», автор «конспекта» уничтожил эксплоататорский характер капиталистического производства, превратив прибавочную стоимость в безобидную «надбавку» к «общественно-необходимой стоимости»;

2) автор произвел «революцию» в представлениях о налоге, превратив налог из способа эксплоатации трудящихся масс, из способа выжимания из заработной платы добавочного дохода класса капиталистов в лице капиталистического государства,—в благотворительное самообложение капиталистов «на государственные общеклассовые издержки».

Таким образом, вместо того, чтобы вскрыть существо и механику капиталистической эксплоатации, как экономической (в производстве), так и вне-экономической (налогами), автор «конспекта» приходит к отрицанию эксплоататорского характера капитализма вообще. Если к этому прибавить, наконец, еще явно меньшевистское понимание роли и значения профсоюзов, то «конспект» теряет вид безобидного творчества полуграмотного «теоретика» политической экономии и превращается в очевидно недопустимую и вредную книжку, которая ни в какой мере не может и не должна служить пособием для лекторов совпартшколы и рабфаковцев.

К. Розенталь.

Бенедикт Каутский. Экономические проблемы современности. С предисловием проф. В. В. Святловского. Перев. В. В. Салитан. Изд. Т-во «Книга» 1924. Стр. 118.

Об «экономических проблемах современности» в этой книжке говорится очень немного, собственно только на последних 18 страницах, где дается очень поверхностное об'яснение причин мирового кризиса 20—21 года на основе общей теории кризисов. Здесь читатель не найдет ни новых (да и вообще никаких), цифровых данных, ни яркого описания хода кризиса, зато найдет в изобилии убогую оппортунистическую мораль, слегка подслащенную фразами о классовой борьбе в духе 2½-ного Интернационала. Книжку Б. Ка-

утского можно рассматривать только, как популярный очерк основ марксистской экономической теории. Мы бы не стали подробно рассматривать ее с этой стороны, если бы не та рекомендация, которая дается книжке в предисловии, написанном проф. В. Б. Святловским. И само по себе это предисловие заслуживает некоторого внимания.

«Бенедикт Каутский,—читаем мы в этом предисловии,—марксист, и притом, как некоторые глубоко и основательно изучившие сочинения Карла Маркса,—марксист хороший и солидный. Поэтому все общие теоретические суждения Бенедикта Каутского, особенно его суждения о стоимости, об органическом составе капитала... о норме прибыли и норме прибавочной стоимости и проч., изложены точно, правильно, вполне ортодоксально. В подходах ко всему теоретическому конструированию общих главнейших проблем ясно чувствуется твердая, кристально-ясная мысль писателя, проникшегося острою и отточенною методологиею Маркса... Главное его кушание, основное, теоретическое, изготовлено хорошо. Но тем обиднее, тем досаднее экскурсии этого автора в область прикладной экономики, в сферу современной экономической политики и его детские суждения из области живой житейской действительности. Тут перед нами не марксист, а жалкий обыватель, притом начиненный ходячими предрассудками социал-демократизма. «Подливка» при кушании неудачная» (стр. 8, курсив наш).

Эта аппетитная характеристика совершенно неверна. Неопытный читатель, скушав «солидное» теоретическое блюдо, рискует отравиться социал-демократической фальсификацией марксизма, проникающей книжку почти во всех его частях, а там, где ее нет, он просто ничего не получит.

Теорию стоимости Б. Каутский излагает крайне «упрощенно». Вот пример теоретической «солидности» этой части книжки. «Прежде всего он (Маркс—Д. Л.) впервые дал полное и согласующееся с остальной экономической теорией об'яснение денег и их замечательных явлений. Он говорит, что деньги в сущности ничем (!) не отличается от других товаров». (Стр. 26, курсив автора). Но «отточенная методология» нашего автора выступает во всей красе в главе V («Изменения нормы прибыли и их причины»). В разделе этой главы, носящем название: «Возрастание эксплоатации», анализируются методы увеличения абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Здесь мы находим следующее утверждение: «Реальная заработная плата и эксплоатация могут, следовательно, возрастать одновременно (курсив автора), это при господстве капиталистической системы является для обеих сторон самым выгодным положением»... (стр. 60, курсив наш—Д. Л.). Как видит читатель, из теории относительной прибавочной стоимости делается вывод, диаметрально-противоположный выводу Маркса: классовые противоречия не обостряются, а притупляются к выгоде «обеих сторон». Значение этого вывода, не умаляемое следующими за ним оговорками, вывода, сделанного после десятка комплиментов Марксу, не нуждается в особых комментариях.

Теория империализма излагается под заголовком «Внешняя торговля» (!). Империализм Б. Каутский определяет, как «политику капиталистического завоевания неразвитых стран» (стр. 66). Какую роль он придает империализму, лучше всего можно видеть из следующих замечательных строк: «Мы пришли к выводу, что шовинистическая колониальная и военная политика правительства, защищавшего интересы картелей, тяжелой индустрии и банков, создала роковое настроение, благодаря которому могла возникнуть мировая война» (стр. 85, курсив наш). «Речь шла в этой войне отнюдь не об империалистических только спорах, как утверждают люди, которые представляют себе и толкуют политические и экономические явления чисто схематически. Проблемы демократии, национальный вопрос, милитаризм и абсолютизм,—все те вопросы, которыми в течение столетия занята европейская политика, и которые столь же долго ждут своего разрешения, играли здесь роль»... (стр. 68). Итак, империализм создает «настроение» (в другом месте, на стр. 67 сказано—«злосчастную атмосферу»), но война возникла все же из-за «проблемы демократии» и т. д. Очень чувствительная теория империализма!

Можно было бы привести еще несколько примеров «солидарности» и прочих достоинств преподносимого нам «теоретического кушания». Но и сказанного достаточно для характеристики книжки Б. Каутского. Теперь несколько слов о предисловии проф. В. Святловского. Преисполненный самой пламенной симпатией к коммунизму и столь же сильным презрением к социал-демократизму сей профессор, однако, как оказывается, вовсе не случайно восхищается «теоретическим кушаньем» Б. Каутского.

«Попытаемся, — пишет В. Святловский,—точнее определить разницу между социал-демократизмом,—в его наиболее распространенной (?) форме—германском социал-демократизме и его рабской русской копии меньшевизма и коммунизмом или, как он еще точнее определяется, современным ленинизмом». (Стр. 6, курсив автора).

Вот как он определяет эту разницу.

«Следовательно вопрос сводится не к «программам» и «теориям», в которых социалисты и коммунисты кладут в основу своей теории нечто весьма сходное друг с другом, во многом совершенно тождественное, а в стремлении к действию, в той программе, в той практике и в той политике дел, которые их глубоко раз'единяют» (стр. 6).

«Таким образом, перед нами, при общей сходной, даже иногда вполне тождественной теоретической конструкции и теоретических предпосылках, логически строго выведенных из теории Карла Маркса,—глубокое различие в практической программе, т. е. в практике и поведении руководимого ими (?) пролетариата» (стр. 7, курсив наш).

Итак, у социал-демократизма и ленинизма теория одна и та же! Разница только в практике. Это пишет в 1924 г. профессор—«марксист», историк социализма и рабочего движения? Пишет в то время, как тысячи рабочих кружков и школ политграмоты изучают теорию ленинизма, как марксизма новой империалистической эпохи. Пишет после того, как два последних конгресса Коминтерна дебатировали теоретический вопрос о программе Коминтерна... Возможно ли себе представить более медвежью услугу сотням тысяч рабочих, занятых ленин-

ской учебой, чем «предисловие» проф. Святловского? И удивительно ли, что он в книжке Б. Каутского увидел «солидную», «методологически—отточенную» теорию?

Резюмируем. Книжка Б. Каутского удостоилась перевода на русский язык по недоразумению. Сама по себе, она частью бесполезна, частью вредна. С предисловием же В. Святловского она становится прямо вредной, способной внести в голову читателя-учащегося настоящую кашу.

Дав. Лурье.

Редакция: В. Астров, Н. Бухарин, Л. Каменев, А. Слепков, Е. Ярославский.

СОДЕРЖАНИЕ.

БОЛЬШЕВИК

№ 2—(18)

31 ЯНВАРЯ

1 9 2 5

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА"

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 31 ЯНВАРЯ 2 (18)

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1 9 2 5

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

ПРАВДА

Главлит № 32202. Москва. Тираж 50.000.
Типогр. из-ва „Правда" и „Беднота". Яузский м., Серебряническая наб., д. 23а.

Г. Крумин.

Без Ленина...

Ленина всего не об'ять, особенно нам, его современникам.

Ленин—философ... Многим ли это известно? Между тем, Ленин—один из яснейших, глубоких мыслителей XX века. Его труд «Материализм и эмпириокритицизм»—могущий даже и по количеству страниц быть признанным трудом!—является, можно сказать, единственным философским произведением XX века, в котором делается попытка действительно научно об'единить последние завоевания науки—физики, химии, биологии и т. д. Однако, его замалчивают как буржуазные философы, так и мировая социал-демократия. В их об'емистых «трудах» мы не найдем никаких ссылок на это сочинение Ильича...

Ленин—величайший экономист XX века...

Его кардинальная работа «Развитие капитализма в России», несомненно, обозначила эпоху в познании экономики России. Но много ли ссылок на Ленина в буржуазных и социал-демократических «трудах»? Идеи же Ленина «гуляют», используются в этих «трудах», с ссылкой в лучшем случае на их автора в конце «труда» по самому незначительному поводу...

Ленин—глубочайший знаток аграрного вопроса. Он, как никто, сумел даже в брошюрках, книжечках в 50—75—100 страниц, выпукло вырешать «самые последние», самые новые проблемы с.-х. экономики (на примере, напр., Соед. Штатов Америки). Там, где буржуазные архи-ученые люди запутывались немилосердно, Ленин вносил ясность. Ленин продвинул вперед теорию аграрного вопроса. Однако и здесь мы встречаемся с тем же маневром замалчивания со стороны буржуазных и социал-демократических писателей.

Ленин—величайший тактик, стратег, полководец, имеющий дело с миллионными массами. Однако «общество» говорило о «великих» людях XX века—разных премьер-министрах: Мильеране, Бриане, Ллойд-Джордже и многих других, о Ленине же—исключительно как о сектанте, узком фракционере. Партия большевиков представлялась как группка «ленинских молодцов»; Ленин—как способный только вариться в котле эмигрантских дрязг. Наиболее ярко такое отношение к Ленину выразил Троцкий, когда он был еще очень далек от нашей партии (не даром же дается талант публициста и блестящий стиль!): «Каким-то бессмыс-

ленным наваждением кажется дрянная склока, которую систематически разжигает сих дел мастер Ленин, этот профессиональный эксплоататор всякой отсталости в русском рабочем движении. Ни один умственно неповрежденный европейский социалист не поверит, что возможен раскол из-за тех маргариновых разногласий, которые фабрикуются Лениным в Кракове»... «Сейчас могут быть две политики: идейное и организационное разрушение переживших себя фракционных перегородок, а значит и разрушение самих основ ленинизма, который несовместим с партийно-политической организацией рабочих, но зато великолепно расцветает на навозе фракционных межеваний» и т. д. (см. письмо Троцкого Н. С. Чхеидзе от 1/IV 1913 г.). Стиль блестящий, что и говорить. Но нужно сказать, что автору в этом письме удалось об'единить все то, что в «обществе» говорилось про Ленина.

Такова характеристика человека, который вел счет на миллионы, который двигал и руководил массами.

Ленин—планетарный, как выразился Горький. Именно планетарный.

Ленин—вождь переходного периода, периода заката, гибели капитализма, периода кануна социальной революции, периода разрушения и периода нового собирания элементов, но уже в социалистической связи, периода «малых дел» и периода, открывающего широчайшие перспективы измученному, но освобождающемуся человечеству. В этой великолепной мозговой коробке сочетались поэтому качества, нужные именно для такого периода.

Величайший напор в разрушении капиталистической действительности, напор в положительном строительстве, вникание в детали, мелочи,—ибо в них в значительной мере центр тяжести первого периода социалистического строительства, и широчайшие обобщения, незабвение ни на секунду в ежедневной практической «мелочной» работе этих широчайших перспектив. Ставка на массы, вера в них.

Партия и советская власть лишилась человека, именно созданного для руководства «прыжком из царства необходимости в царство свободы». Но этот человек, руководивший миллионами, делавший ставку на творчество миллионов, не мог не оставить партии, закаленной и способной справиться с гигантскими затруднениями переходного периода. Движение вперед, может быть, будет более медленное, с бо̀льшими ошибками, но оно безостановочно будет продолжаться.

Проследим грубо работу партии без Ильича по двум линиям: уменью руководить положительным строительством, уменью комбинировать, связывать мельчайшие элементы в новую социалистическую систему, и уменью сочетать эти «малые дела» с широчайшими перспективами, открываемыми социалистической революцией.

В конце 1919 г. в «проекте циркулярного письма Цека», опубликованном впервые в нынешнем году в «Эконом. Жизни» (21 января), Владимир Ильич резко поставил вопрос о причинах наших побед внутри страны. Он писал: «причины наших побед: прямое обращение нашей партии и советской власти к трудящимся массам, с указанием на всякую очередную трудность и очередную задачу; уменье об'яснить массам, почему надо налечь изо всех сил то на одну, то на другую сторону советской работы в этот или иной момент; уменье поднять энергию, героизм, энтузиазм масс, сосредоточивая революционно напряженные усилия на важнейшей очередной задаче».

Итак, во-первых, ставка на широчайшие массы трудящихся с раз'яснением—совершенно открытым, до конца полным—действительного положения вещей; ставка на растущую сознательность широчайших масс народа. Во-вторых, уменье выделить очередное звено в цепи советского строительства, от которого в каждый данный момент зависит прочность всей советской цепи. В-третьих, мобилизация вокруг и за это очередное звено трудящихся масс.

Работая так, Владимир Ильич провел страну не только через период «военного коммунизма» и период тяжелейшего отступления от «военного коммунизма» к нэпу, но и через период приостановки отступления и начала восстановительных, наступательных процессов в хозяйстве.

Сумела ли партия без Ильича нащупать правильное звено? Сумела ли мобилизовать, поднять «энергию, героизм, энтузиазм масс» в борьбе за это звено? Несомненно, сумела. Очередным звеном являлась денежная реформа и его-то партия и укрепила.

Нет нужды подробнее на этом останавливаться — слишком хорошо это известно—нужно только еще и еще раз дать себе отчет, почему очередным звеном являлась именно валюта. Рабоче-крестьянский блок—вот основное содержание нашей политики. Укреплению этого блока должны быть подчинены отдельные стороны нашей работы. Но политике рабоче-крестьянского блока должна соответствовать определенная политика в области хозяйства. Соответствующая хозяйственная политика является составной частью общей политики рабоче-крестьянского блока. Совершенно очевидно, что основным содержанием такой хозяйственной политики должно было являться создание твердой валюты. Начинать нужно было именно с этого.

В борьбе за это очередное звено, подымая «энергию, героизм, энтузиазм масс», партии пришлось посчитаться с троцкизмом, **не могущим понять и принять подобной хозяйственной политики. Жизнь свой приговор уже вынесла: на основе такой хозяйствен-**

ной политики партия добилась роста производительных сил в сельском хозяйстве и промышленности, роста и укрепления социалистических элементов в хозяйстве.

В первый же день Октябрьской революции Ленин, как великий вождь, совершенно открыто поставил перед восставшими вопрос: мы вот берем власть, но умеем ли мы управлять государством, умеем ли руководить хозяйством? Нет, не умеем, но научимся. Сейчас мы можем смело сказать, что научились, что создали некоторое новое равновесие, что заложили основы новой экономики.

Перейдем к рассмотрению второй линии—уменью сочетать «малые дела», текущую работу с широчайшими перспективами строительства.

Основные трудности строительства лежат, несомненно, в деревне. Здесь предстоит, во-первых, побороть процессы дифференциации, неизбежно возникающие в условиях товарно-денежного хозяйства, и, во-вторых, поднять всю крестьянскую м а с с у, как таковую, все больше направляя ее к социалистическим берегам, все больше приобщая ее к преимуществам крупного производства. Два главнейших препятствия, две гигантских задачи встают на этом пути: уничтожение неграмотности и проблема реконструкции всего хозяйства.

Безграмотность... На IV Конгрессе Коминтерна Владимир Ильич поставил вопрос: «почему мы делаем глупости?» Его ответ гласил: «это понятно: во-первых, мы—отсталая страна, во-вторых, о б р а з о в а н и е в н а ш е й с т р а н е м и н и м а л ь н о е, в-третьих, мы не получаем помощи извне... в-четвертых, по вине нашего государственного аппарата». «Минимальное образование» все резче и резче сказывается как фактор, тормозящий дальнейший хозяйственный под'ем. Ошибки и промахи в кооперативном строительстве об'ясняются именно на этой почве.

И как раз в годовщину смерти Владимира Ильича партия может отметить значительный перелом на фронте безграмотности, некультурности. Мы говорим о Всесоюзном учительском с'езде. Гигантский с'езд почти с полутора тысячами участников, при преобладающей массе беспартийных, поставил себя и все учительство на сознательную службу советской общественности, взял на себя функцию проводника советской грамоты в миллионные массы неграмотных. Партия начинает пожинать плоды семи лет невиданно тяжелой, невиданно мучительной строительной работы.

Второе препятствие—необходимость реконструкции всего хозяйства, воссоздания его на принципиально новых основах. Совершенно очевидно, что только при этом условии может быть вырешена проблема деревни, может быть углублена смычка ее с городом, могут быть уничтожены «нормальные ножницы»—наш враг будущего, может быть построено коммунистическое обще-

ство. Но здесь мы вплотную подходим к перспективным планам вообще, к плану электрификации в первую очередь.

Как ставил вопрос Владимир Ильич?

«Гвоздь» заключался для него в том, чтобы с о ч е т а т ь текущую действительность и работу с широчайшими перспективами, планами, открываемыми фактом завоевания власти. Еще в конце «военного коммунизма» Ленин учил—н е б о я т ь с я широких перспективных планов. «Б е з н и х х о з я й с т в е н н о г о в о з р о ж д е н и я н е п о с т р о и т ь». В частности, не в том ошибка, что был построен перспективный план возрождения транспорта—знаменитый приказ 1042. Беда в его осуществлении, бюрократически прямолинейном, в нежелании и неумении учитывать ход жизни и приспосабливать к нему план.

В самые тяжелые годы существования советской власти, в годину невиданных транспортных, продовольственных, топливных и иных кризисов, Ленин глубоко задумывается над реконструкцией всего хозяйства и кладет первые камни этой реконструкции. В чрезвычайно интересной статье т. Кржижановского «Ленин и техника», помещенной в «Экономической Жизни» (№№ 17 и 18 от 1925 г.) и вышедшей также отдельной брошюрой, приведены новые письма и записки Владимира Ильича. В одной из них, написанной в начале 1920 года, Владимир Ильич предлагает выступить в печати со статьей, в которой доказать или иллюстрировать, что «е с л и в о с с т а н о в и т ь п р о м ы ш л е н н о с т ь п о - с т а р о м у, н у ж н о з а т р а т и т ь б о л ь ш е, ч е м д л я в о с с т а н о в л е н и я н а б а з е э л е к т р и ф и к а ц и и». Владимир Ильич мечтал об электрифицированной России, об «обновленной земле». План электрификации, составленный с величайшим напряжением в 1920 году, можно сказать, под непосредственным контролем Ильича, является, по его же словам, «второй программой партии». И Владимир Ильич нажимает на то, чтобы эту «вторую программу партии» тщательно преподавать молодому поколению.

Но уже в то время вопрос не ставился исключительно в плоскость теоретических расчетов преподавания. Нет, под руководством Владимира Ильича страна, мобилизуя все силы на преодоление очередного звена, очередного бедствия, выделяет некоторую толику средств н а о с у щ е с т в л е н и е плана электрификации. И если на восьмом году существования Советского Союза страна уже получает первые электрические станции, работа которых достаточно ощутительно скажется на хозяйстве данной округи, района, то это благодаря Ильичу, благодаря его уменью сочетать текущую злобу дня с широчайшими перспективами, открываемыми октябрем.

Партия без Ильича, так же как и при нем, будет блюсти эту свою «вторую программу». На основе смычки она будет вносить все больше реконструкционных моментов в строительство.

Партия будет укреплять в себе качества строителя, необходимые в нашу великую эпоху: уменье сочетать «мелкую работу» с широчайшими горизонтами, впервые открываемыми перед человечеством завоеванием власти трудящимися. И нет сомнений, что она превратится в могучую ленинскую партию, все больше обнимающую собой рабочий класс, все больше связывающуюся с широкими трудовыми массами, и приведет человечество к новым берегам, подведет его к началу действительной, сознательной истории человечества.

В. Астров.

К вопросу о роли ленинской теории.

1. О некоторых формулировках.

Ленинизм есть теория революционного действия пролетариата. Называть эту теорию марксизмом столь же верно и правильно. Это учение Маркса и Ленина. Тов. Зиновьев однажды назвал это учение неуклюже, но верно: «марксо-ленинизм». Ленинизм есть современный марксизм, марксизм эпохи империализма и пролетарских революций. В лице Ленина марксизм развился до ленинизма, стал ленинизмом.

Современный марксизм, естественно, полнее, развитее марксизма начального, марксизма эпохи Маркса. Современный марксизм включает в себя марксизм начальный, как свою исходную часть, фундамент, основу, корень. Если марксизм и ленинизм брать, как различные ступени развития одной и той же теории революционного действия, то никоим образом нельзя сказать, что марксизм «шире» ленинизма, что марксизм включает в себя ленинизм, как часть, или как ответвление. Сказать так, значило бы дать повод считать марксистами не-ленинцев. Между тем, всякий не-ленинец в нашу эпоху не марксист, а ревизионист, извратитель учения Маркса. Поэтому всякий намек на лозунг возврата «от Ленина к Марксу в теории» в настоящих условиях не может быть ничем иным, как ревизией или шагом к ревизии Маркса.

Так, нам кажется, в основном, стоит вопрос об отношении марксизма к ленинизму. Между тем, за год, который мы прожили без Ленина, в партийной литературе, посвященной Ленину, появились формулировки и определения ленинизма, вносящие полный сумбур и путаницу в этот вопрос. Подчас выдумываются такие отличия между марксизмом и ленинизмом, которых на деле и в помине нет.

Наиболее ходким из подобных определений является определение: «ленинизм есть марксизм в действии». На ошибочность его уже не один раз указывалось в нашей печати. В видоизмененной форме оно выступает, когда выражаются в роде того, что «марксизм в теории,—ленинизм в тактике», или: «ленинизм есть претворенный в жизнь марксизм».

Почему неверно сказать «марксизм в теории, ленинизм в тактике?». Потому, что ленинизм не просто «взял» в готовом виде теорию, выработанную Марксом, а развил ее (в частности и в особенности разработал теорию стратегии и тактики,—но не только теорию стратегии и тактики). С другой стороны, тактика ленинизма есть развитие тактики Маркса. Таким образом, ни в теории, ни

в тактике между Марксом и Лениным никакой «китайской стены» нет, точно так же, как нет такой стены между теорией и тактикой в их учении. Признать справедливость приведенной формулировки означало бы оторвать Маркса от Ленина, а теорию их от их тактики—разорвать ленинизм, так сказать, крест—на крест, не понять его, как единую теорию действия.

Почему неверно выражение, что «ленинизм есть марксизм в действии»? Потому что это порождает самые нелепые, но логически неизбежные, выводы.

Когда подчеркивают, что ленинизм есть «марксизм в действии», то, очевидно, что марксизм в теории мыслится, как нечто иное, отличное от ленинизма, т.-е., ленинская теория не рассматривается, как подлинная марксистская теория, или же признается не-марксистским то новое, что Ленин внес в теорию марксизма. Словом, практика Ленина принимается без его теории. Вот почему подобное определие есть лазейка ревизионизму.

Можно принять это определение также в том случае, если отрицать за ленинской теорией какой бы то ни было шаг вперед по сравнению с марксизмом эпохи Маркса. Однако, на такой позиции может стоять только невежда.

Таким образом, разбираемаемая формула одним своим концом бьет по Ленину. Другим концом она наносит удар Марксу.

В самом деле. Если «марксизм в действии» есть ленинизм, то это значит, что до ленинизма не было «марксизма в действии», т.-е. что марксизм существовал, как теория, которую Маркс и Энгельс к действию не применяли, не «претворяли в жизнь», Маркс и Энгельс выступают перед нами не величайшими пролетарскими революционерами и политиками своего времени, а исключительно теоретиками, учеными академиками, «книжниками».

Нам кажется, что по вопросу о соотношении теории и практики в марксизме и ленинизме существует только одна общая формулировка, безусловно и одинаково верно схватывающая суть, как марксизма, так и ленинизма: «теория революционного действия». Сочинять другие общие формулировки о каком бы то ни было принципиальном, коренном отличии марксизма от ленинизма в вопросе о соотношении теории и практики в них, нам кажется ошибкой, абсолютно излишним и вредным занятием.

Конечно, на первом году после смерти Ильича появление непродуманных определений ленинизма до некоторой степени было неизбежно. Они представляют из себя тот литературный шлак, который партия быстро отметет, выбрав из черновых набросков о ленинизме, (издаваемых авторами, вследствие назревшей потребности в теоретической разработке огромного количества вопросов, наспех), только наиболее ценное и безусловно правильное.

Но в высшей степени важно немедленно разоблачить ошибочность подобных выкрутасов, потому что будучи продуктом, может быть, добросовестного заблуждения, они в то же время имеют тенденцию к превращению в орудие настоящих ревизионистских попыток.

На иллюстрации к последнему утверждению мы и остановимся в этой статье.

2. О некоторых заявлениях тов. Троцкого.

Говоря о ленинизме, тов. Троцкий в ряде напечатанных им статей и речей проявил стремление умалить теоретические заслуги Ленина, свести ленинизм к «марксизму в действии». Приведем некоторые принадлежащие т. Троцкому заявления подобного рода. Если каждое из них в отдельности может показаться обмолвкой или пустой красивой фразой, с которой не полагается спрашивать какой бы то ни было самостоятельной мысли, то в совокупности они толкают к определенному выводу и выражают, бесспорно, определенную неверную мысль.

В книге «О Ленине» т. Троцкий написал:

«Маркс весь (курсив наш, В. А.) в «Коммунистическом Манифесте», в предисловии к своей «Критике», в «Капитале». Если бы он даже не был основателем I Интернационала, он навсегда оставался бы тем, чем является сейчас. Наоборот, Ленин весь в революционном действии. Если бы он не опубликовал в прошлом ни одной книги, он навсегда вошел бы в историю таким, каким входит теперь (курсив наш, В. А.): вождем пролетарской революции, основателем Третьего Интернационала».

Пренебрежение к «книгам» Ленина крайне характерно для тов. Троцкого и оно его выдает. Он не понял роли и значения этих «книг» в деле пролетарской революции, в деле строительства нашей партии и III Интернационала. Иначе он не писал бы, что Ленин «вошел бы в историю таким же», «если бы он не опубликовал в прошлом ни одной книги». В том-то и дело, что без «опубликования» книг, по которым учились целые поколения большевиков, Ленин не создал бы партии и Коммунистического Интернационала, не провел бы пролетарской революции с тем успехом, с каким он ее провел.

«Коммунистический Манифест» и «Критика» сыграли и играют гигантскую роль в деле организации коммунистической революции во всем мире. Но в нынешнюю эпоху для революционного действия пролетариата они безусловно недостаточны, без дополнения их книгами: «Что делать?», «Шаг вперед, два назад» (книга, с которой так ожесточенно боролся Троцкий в бытность меньшевиком), «Две тактики» (книга, которую т. Троцкий вычеркивает из своего «ленинизма», говоря, что его писания о перманентной революции были «несравненно ближе к действительной сущности ленинизма»,—см. «Новый курс», стр. 50), «Империализм», «Государство и революция», «Детская болезнь», бесчисленные и бесценные для нас статьи и речи, в частности те из них, которые (в большом количестве) направлены специально против троцкизма.

Все это—неот'емлемый, основной идейный инвентарь пролетарского движения. Без этого инвентаря оно не было бы настоящим, осознавшим себя до конца, революционным движением пролетариата. Без своих «книг», о которых так пренебрежительно отзывается Троцкий, Ленин не был бы настоящим вождем пролетарской революции.

Разумеется, Маркс тоже не «весь» в своих книгах. И здесь тов. Троцкий переборщил. К этому мотиву он возвращался также в своей речи о «Перспективах и задачах на Востоке», про-

произнесенной весной 1924 года на собрании слушателей Комуниверситета Трудящихся Востока. Так как здесь та же самая мысль выражена более обстоятельно, и вместе с тем более осторожно, приведем довольно пространную цитату из этой речи (см. «Запад и Восток», стр. 35—37):

«Я читал в вашей газете, которую мне так любезно с отметками прислало бюро вашей ячейки, горячую полемику о Марксе и Ленине. Полемизируете вы друг с другом очень круто; говорю вам это, впрочем, не в укор. Там вопрос ставился так, что, мол, *по мнению одних, Маркс был будто бы только теоретиком, — так изображала эту позицию противная сторона*, и она же возражала: «*нет, Маркс был революционным политиком, как и Ленин, и у Маркса, и у Ленина теория и практика шли рука об руку*». В такой *общей отвлеченной* формулировке это безусловно верно и неоспоримо; *но есть же разница* между этими двумя историческими фигурами, — *глубокая* разница, которая выросла *не только из различия индивидуальностей, но и из различия эпох*. Марксизм, разумеется, не есть академическое учение, а рычаг революционного действия; не даром же Маркс сказал: «философы достаточно истолковывали мир, а надо его переделать». *Но при жизни Маркса, в эпоху I Интернационала, затем во время II Интернационала, была ли возможность использования марксизма движением рабочего класса полностью и до конца? Нашел ли тогда марксизм подлинное воплощение в действии? Нет, не нашел.* Имел ли Маркс возможность и счастье руководить применением своей революционной теории в решающем историческом действии: завоевание власти пролетариатом? Нет, не имел. Учение свое Маркс создал, конечно, не как академик; он сам ведь вырос целиком из революции, из оценки и критики крушения буржуазной демократии; он написал свой «Манифест» в 47 году; он проделал на левом фланге буржуазной демократии революцию 48 года, оценивая по-марксистски или по-марксовски все ее события; он в Лондоне написал «Капитал»; он был в то же время творцом I Интернационала, вдохновителем политики передовых групп рабочего класса всех стран, но он не стоял во главе партии, которая решала судьбы мира или хотя бы одной страны. Когда мы хотим коротко ответить на вопрос: кто такой Маркс, мы говорим: «*Маркс — автор «Капитала»*. А когда мы себя спросим, кто такой Ленин, мы скажем: «*Ленин — автор Октябрьского переворота*» [1]) (аплодисменты). Ленин больше, чем кто бы то ни было другой, подчеркивал, что не собирается ревизовать, переделывать, пересматривать учение Маркса. *Ленин пришел*, говоря старыми евангельскими словами, *не для того, чтобы изменять марксов закон, а для того, чтобы исполнить его*. Он сам больше, чем кто бы то ни было, подчеркивал это, но ему в то же время понадобилось высвободить Маркса из-под наслоений тех поколений, которые отделяли Ленина от Маркса — из-под наслоений каутскианства, макдональдовщины, консерватизма рабочих верхов, реформистской и националистической бюрократии, и оружие подлинного марксизма, очищенное от наслоений, примесей и фальсификации, применить в величайшем историческом действии *полностью и целиком*. И вот ваше, как молодого поколения, величайшее преимущество в том, что вы в этой работе прямо или косвенно участвовали, что вы ее наблюдали, что вы живете в политическом и идейном окружении ленинизма, что *вы эту совпадающую с практикой теорию впитываете в себя* в Университете Трудящихся Востока. Это есть огромное и неоценимое ваше преимущество, и вы должны его понять. Если сам Маркс в теории своей мог обнять ход развития десятилетий и столетий, то учение его затем разменивалось на отдельные элементы в повседневной борьбе, впитывалось по частям и искаженно. Ленин пришел, собрал марксизм заново и в новых условиях, и показал это учение в действии величайшего исторического масштаба». (Курсив наш. В. А.).

Тов. Троцкий высказывается здесь по поводу полемики в студенческой газете, где спорили две стороны.

---

[1]) Курсив в этой фразе и в предыдущей принадлежит т. Троцкому.

Если судить по тому пересказу спора, который делается Троцким, то права, безусловно, та сторона, которая говорила: *Маркс был революционным политиком, как и Ленин, и у Маркса, и у Ленина теория и практика шли рука об руку*». Это целиком и полностью верно, и тов. Троцкий, если он правильно понимает соотношение теории и практики в марксизме-ленинизме, должен был присоединиться к этой точке зрения *без всяких оговорок*. Между тем, он, сказав, что «в такой общей отвлеченной формулировке это безусловно верно и неоспоримо», сейчас же пускается в оговорки («но есть же разница между этими двумя историческими фигурами» и т. д.), и дает не менее «отвлеченные» формулировки, неправильно толкующие ту, которую он признал правильной. Но прежде чем обратиться к этим формулировкам т. Троцкого, остановимся на позиции «другой стороны». Как ее передает сам тов. Троцкий?

«По мнению одних, — говорит он, — Маркс был будто бы только теоретиком, — *так изображала эту позицию противная сторона*». Остается вопрос: *верно ли*, с точки зрения т. Троцкого, «изображала эту позицию противная сторона»? Или эта позиция передана «противной стороной» в искаженном виде?

Посмотрим, что на самом деле защищала в газете КУТВ-а «сторона» «одних». Этой «стороной» выступал тов. А. Бегеулов, слушатель КУТВ-а. Он выставил такое центральное положение:

«Полагаю, что тов. Войтинский (оппонент Бегеулова. В. А.) согласится с тем, что *марксизм есть пролетарская научно-революционная теория, а ленинизм — это тактика, стратегия революционно классовой борьбы пролетариата, основанная на марксистской теории*» (см. «Под знаменем Ильича», орг. бюро ячейки РКП и правления университета, № 5 (8), 22 марта, 1924 г. Статья т. Бегеулова: «О теории Маркса и практике Ленина»).

И там же было сказано:

«*Маркс явился крупным теоретиком, но не участником и руководителем классовых битв*».

Спрашивается, *верно ли*, что «по мнению одних, Маркс был будто бы только теоретиком»? Очевидно, что, именно, таково мнение этих «одних». Тогда зачем же понадобилась тов. Троцкому оговорка: «так изображала эту позицию противная сторона»? Эта оговорка никакого другого смысла иметь не может, кроме как смысла косвенного *прикрытия* вопиюще-неверных положений.

Начав с этого прикрытия и ограничившись признанием правоты противников в «общей отвлеченной формулировке», тов. Троцкий в дальнейшей аргументации, по сути дела, воспроизводит прикрываемые им неверные утверждения в смягченной форме.

Неопытный КУТВ-овец, не заглянув в святцы, бухает во все колокола:

— «Маркс, — говорит он, — являлся крупным теоретиком, но не участником и руководителем классовых битв».

А когда, в ответных статьях, ему указывают на его круглое... незнание предмета, то он обижается и выгораживает себя так:

«*Восстания западно-европейских пролетариев и мелкой буржуазии XIX века не есть массовые явления* (?!?) *и совершенно не типичны* (?) *для миро-*

вой (!) классовой борьбы» (№ 6—9, 5 апр. 1924 г. Статья «Кавалерийский наскок». Ответ тов. Ташкарову).

Тов. Троцкий, будучи несравненно более искушен в «святцах» истории XIX века, выражает ту же самую мысль, но в более «приличном» виде:

«Имел ли Маркс возможность и счастье руководить применением своей революционной теории в решающем историческом действии: завоевании власти пролетариатом? Нет, не имел. Учение свое Маркс создал, конечно, не как академик» и т. д., «но он не стоял во главе партии, которая решала судьбы мира или хотя бы одной страны». И далее: «Маркс—автор «Капитала», «Ленин—автор Октябрьского переворота».

Строго говоря, и здесь не все верно (точнее и верно, и не верно), потому что это историческое сравнение Маркса и Ленина проникнуто определенной политической тенденцией. С таким же правом можно сказать: «Ленин—автор диктатуры пролетариата в России», «Ленин — автор Коминтерна», или «автор РКП» и т. д., но т. Троцкому политически нужно было раздувать значение, именно, определенного момента в истории революции.

Но мы пройдем мимо этого. Разница эпох, в которые жили и действовали Маркс и Ленин, разумеется есть. Разница исторических фигур—тоже. Суть не в этой аргументации и не в ее форме, а в тех *выводах*, для которых эта аргументация нужна. У т. Бегеулова вывод тот, что Маркс исключительно теоретик, а Ленин — тактик. А у тов. Троцкого? По сути тоже, но с соответствующей маскировкой и смягчением.

Наивный КУТВ-овец прямо пишет:

«Не случайно, что *теория Маркса* в его *эпоху* не *претворялась в жизнь*».

А тов. Троцкий ему вторит более осторожно:

«Но при жизни Маркса, в эпоху I Интернационала, затем во время II Интернационала была ли возможность использования марксизма движением рабочего класса *полностью и до конца*? *Нашел ли тогда марксизм подлинное воплощение в действии? Нет, не нашел*».

Итак, тов. Троцкий «в отвлеченной формулировке» согласен с тем, что у Маркса теория и практика шли «рука об руку». Но он имеет свое «но» для защиты Бегеулова. «Воплощение в действии» марксизма самим Марксом было, оказывается, *не* «*подлинным*». Маркс *не* «использовал марксизма» «*полностью и до конца*».

К чему эти новые «выкрутасы», которые только запутывают вопрос в головах слушателей и читателей речей т. Троцкого?

Для проверки «подлинности» или «неподлинности» марксистского действия существует, на наш взгляд, один единственный правильный и точный критерий: соответствие этого действия интересам пролетариата.

Марксизм есть теория *подлинно-пролетарского революционного* действия во *всякой* обстановке, *независимо от масштаба и от условий*, в которые это действие заключено историческими рамками эпохи или страны, независимо от тех форм борьбы, которые приходится применять. Теорию марксизма-ленинизма применяют к действию коммунисты, «определяют ли они судьбы страны» или мира, или руководят подпольными груп-

пами—в Европе, Америке или Индии, выступают ли в парламенте, или совершают пролетарский переворот. Действия коммунистов всегда есть подлинное воплощение теории Маркса и Ленина в жизнь,—конечно, если коммунисты не делают ошибок.

Тов. Бегеулов безбожно спутал два различных вопроса: частный вопрос о масштабе и формах революционного действия пролетариата и общий вопрос о соотношении теории и практики в марксизме и ленинизме. Вместо того, чтобы распутать эту путаницу, тов. Троцкий сам в ней завяз, сочинив теорию о «подлинном» и «неподлинном» «воплощении марксизма в действии». Неподлинное «воплощение» есть ошибка или оппортунизм. Вне этого значения слова о «подлинности» марксистского действия не имеют никакого марксистского смысла, оставаясь пустой фразой.

Точно такой же «выкрутас» представляет собой выражение об «использовании марксизма *полностью и до конца*».

Почему в пролетарском перевороте, в этом «решающем историческом действии», марксизм используется «полностью и до конца», а до переворота (или после него) нет?! Может быть тов. Троцкий хотел выразить мысль о *более* полном, чем при Марксе, овладении теорией со стороны рабочих масс в наше время? Но тогда при чем тут «до конца»,—разве в нашу эпоху уже не осталось рабочих, не овладевших теорией Маркса? Ничего, кроме фразы, которой т. Троцкий прикрывает неверные положения других, здесь нет. Сказать «полностью и до конца» тем более было неуместно, что мы привыкли все, что использовано «полностью и до конца», выбрасывать вон, как вещь устаревшую и не годную. Вряд ли тов. Троцкий *хотел* так сказать, но ведь *так* у него *вышло*.

Не вытекает ли из всего сказанного т. Троцким, что вся история большевизма до Октября 1917 года является также не «подлинным воплощением марксизма в действии»? Такой вывод заставляет делать *логика*, ибо до Октября, ведь, Ленин не был «автором Октябрьского переворота», партия большевиков еще не правила страной, а Коминтерн не «решал судеб» мира. Значит ли это, что партия не использовала марксизма «полностью и до конца» вплоть до того момента, когда в нее вступил т. Троцкий? Теоретические выкрутасы тов. Троцкого попадают аккуратно «в паз» его политическим выступлениям. Теория у него весьма «честно» служит практике...

В конце приведенной нами выше цитаты из речи т. Троцкого оратор дает режущую слух, явно неверную формулировку, определяя ленинизм, как «*теорию*, *совпадающую с практикой*»:

«Вы живете в политическом и идейном окружении ленинизма»... «вы *эту совпадающую с практикой теорию* впитываете в себя в Университете Трудящихся Востока».

Тов. Троцкий высказывается не где-нибудь, а перед студентами комуниверситета, «грызущими гранит науки», высказывается по поводу статей о теории и практике в ленинизме, которые ему были специально посланы ячейкой, со специальными отметками, иначе говоря, с просьбой высказаться именно по данному вопросу. *Случайна ли*, в таких условиях, обмолвка тов. Троцкого? Вряд ли она случайна!..

Теория и практика в ленинизме находятся в диалектическом единстве, которое так удачно схвачено в определении ленинизма, как «теории революционного действия». *Но единство не есть*

тождество, не есть «совпадение». Теория ленинизма ни в каком случае не «совпадает» с практикой, отнюдь не растворяется в ней.

Кстати, это выражение выдает тов. Троцкого и с такой стороны: согласится ли он его распространить и на марксизм? Если нет, то, очевидно, для тов. Троцкого марксизм и ленинизм по существу не одно и то же. Если да, то ему придется пересмотреть то его утверждение, что марксизм при Марксе, якобы, не находил «подлинного воплощения в действии», ибо теория Маркса окажется «совпадавшей» с «действием» Маркса.

В общем контексте всего разобранного нами, в сопоставлении с отзывом т. Троцкого о «книгах» Ленина и пр., фальшью звучат и слова т. Троцкого, что «Ленин пришел» «не для того, чтобы изменять марксов закон, а для того, чтобы исполнить его». Тов. Троцкий здесь говорит, что Ленин не искажал «марксова закона», и в этом т. Троцкий прав. Но исполняя марксов закон, Ленин ведь «собирал» его «заново и в новых условиях», а это значило, что он развивал «марксов закон» и в этом условном смысле «изменял». Когда же «исполнение» и «изменение» закона противопоставляются одно другому («не»,—«а»), то,—повторяем, в общем контексте всей речи,—приходится и эту формулировку признать неудовлетворительной. Выступая перед комвузовцами и касаясь, по их предложению, вопроса о теории и практике в ленинизме надо было говорить не так и не то.

Подведем краткий итог. Тов. Троцкий умаляет значение книг Ленина. Теорию Ленина он об'являет «совпадающей с практикой», говорит, что Ленин «весь в революционном действии», что он только «исполнял» заветы Маркса. В этой части аргументация т. Троцкого бьет по Ленину.

Тов. Троцкий противопоставляет Ленина Марксу, об'являя практику Маркса не «подлинным» воплощением марксизма в действии, говоря о неиспользовании им своего учения «полностью и до конца». В этой части аргументы тов. Троцкого бьют по Марксу. Это есть, по сути дела, аргументация, которая обосновывает понимание ленинизма, как «марксизма в действии».

Убедительным доказательством в пользу этого служит тот факт, что тов. Троцкий на собрании слушателей КУТВ-а выступил по этому вопросу, прикрывая и смягчая то неверное положение, высказанное в газете КУТВ-а, будто бы марксизм есть теория, а ленинизм—тактика и стратегия.

3. Маркс и учение Ленина о демократической диктатуре.

До сих пор мы почти не задевали политических споров с Троцким, которые только что вела партия. Сейчас мы из области этих политических споров приведем пример, который покажет конкретную «смычку» с политикой того неверного понимания ленинизма, которое обнаруживает тов. Троцкий.

Как раз в теоретической постановке вопроса о демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, вопроса, который стоял в центре споров о «перманентной революции», Ленин сделал шаг вперед по сравнению с тем, что сказал

Маркс. Товарищ же Троцкий, выступая против Ленина, делает попытку прикрыться именем Маркса.

В брошюре «Новый курс» он пишет:

«Что касается теории «перманентной революции», то я решительно не вижу оснований отрекаться от того, что я писал по этому поводу в 1904—5—6 годах и позже. Я и сейчас считаю, что основной ход мыслей, развивавшихся мною тогда, несравненно ближе к действительной сущности ленинизма, чем многое и многое из того, что писалось рядом большевиков того времени. Термин перманентная революция есть марксов термин, которым он пользовался по отношению к революции 48 года. В марксистской литературе, разумеется, не в ревизионистской, а в революционной, термин этот всегда располагал правами гражданства» (стр. 51).

Маркс в марте 1850 года, действительно, говорил, что задача пролетариата в европейской революции состоит в том, чтобы сделать революцию «непрерывной». Перечисляя требования демократических мелких буржуа (уменьшение расходов на бюрократию, перераспределение налогов, облегчение для мелкого капитала, законы против ростовщичества, полное устранение феодализма в деревне, ограничение права наследования, демократический государственный строй и проч.), Маркс писал:

«Но эти требования никак не могут удовлетворить партию пролетариата. В то время, как демократические мелкие буржуа хотят с проведением возможно большого числа вышеуказанных требований наиболее быстро закончить революцию, наши интересы и наша задача заключается в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти, пока ассоциации пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьются настолько, что конкуренция прекратится, и пока, по крайней мере, решающие производительные силы не будут сконцентрированы в руках пролетариев».

Мысль о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, в той общей форме, в какой она выражена здесь Марксом, была у него взята Лениным целиком и полностью. Но эта мысль была Лениным не просто взята, как нечто «застывшее» у Маркса, но и развита. То новое, что внес Ленин в развитие мысли Маркса о перерастании одной революции в другую, есть учение о демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Этого учения, в том, виде, как оно имеется у Ленина, у Маркса мы еще не находим. Что Ленин здесь сделал несомненный шаг вперед, конечно, по пути Маркса, на это указывал сам Ленин. Так, в 1905 году, в статье «О временном революционном правительстве» («Статья первая». Соч. т. VI, стр. 214—215), споря с меньшевиком Плехановым, защищая учение Маркса от меньшевистских извращений, Ленин писал:

«Маркс и Энгельс в 1850 году не различали демократической и социалистической диктатуры, или, вернее, вовсе не говорили о первой, ибо капитализм казался им дряблым, а социализм близким. Они не различали поэтому в то время и программы минимум от программы максимум. Если же делать это различение (как делаем все мы, марксисты, теперь, воюя из-за непонимания его с буржуазно-демократическим революционаризмом «социали-

стов-революционеров»), то надо особо разобрать вопрос о социалистической и демократической диктатуре. Не делая этого, Плеханов поступает непоследовательно»...

«Маркс и Энгельс в 1850 году считали социализм близким и потому не дооценивали демократических завоеваний, которые казались им вполне прочными в виду несомненной победы мелкобуржуазной демократической партии. 25 лет спустя, в 1875 г., Маркс указывал на недемократический строй Германии—«абсолютизм обшитый парламентскими формами». 35 лет спустя, в 1885 году, Энгельс предсказывал переход власти в Германии к мелко-буржуазной демократии при грядущем европейском столкновении»... «Если бы Маркс и Энгельс понимали неизбежность сравнительно продолжительного демократического строя, то они тем больше значения придавали бы демократической диктатуре пролетариата и крестьянства (курсив наш, двойной курсив—Ленина. В. А.) в целях упрочения республики, полного уничтожения всех следов абсолютизма и полной расчистки арены для битвы за социализм».

В подтверждение слов Ленина об ошибке, которую в оценке европейских революционных перспектив допустили Маркс и Энгельс в 1848—50 г.г., приведем признание самого Энгельса. Во «Введении», которое Энгельс в 1895 году написал к историческим работам Маркса, сказано следующее:

«Когда разразилась февральская революция, все мы в своих представлениях об условиях и ходе революционных движений находились под властью прежнего исторического опыта, особенно опыта Франции. Как раз она господствовала над всей европейской историей с 1789 года, из нее же и теперь исходил сигнал к общему перевороту. Само собой понятно и неизбежно, что наши представления о природе и ходе «социальной» революции, провозглашенной в Париже в феврале 1848 года,—революции пролетариата,—были сильно окрашены воспоминаниями о ее прототипах 1789—1830 годов. А когда парижское восстание нашло себе отклик в победоносных восстаниях Вены, Милана, Берлина, когда вся Европа, вплоть до русской границы, была вовлечена в движение, когда, затем, в июне произошла в Париже первая большая битва за господство между пролетариатом и буржуазией; когда самая победа буржуазного класса настолько поколебала положение буржуазии во всех странах, что она снова бросилась в об'ятия только что свергнутой монархическо-феодальной реакции,—тогда, принимая во внимание обстоятельства того времени, для нас не могло оставаться места сомнениям на тот счет, что началась великая решительная борьба, которая составит один длинный и богатый переменами революционный период, но которая завершится лишь окончательной победой пролетариата».

И далее:

«В третьей статье Маркса показано, как развитие буржуазной республики, возникшей из «социальной» революции 1848 года, сосредоточило весной 1850 года действительное господство в руках буржуазии, вдобавок, монархически настроенной. Все другие классы общества, крестьяне и мелкие буржуа, сгруппировались вокруг пролетариата, так что в случае общей победы не они, а умудренный опытом пролетариат должен был сыграть роль решающего фактора. Неужели всего этого было мало, чтобы питать полную надежду на поворот от революции меньшинства к революции большинства»?

«История показала, что мы и все мыслившие подобно нам были неправы. Она ясно показала, что тогдашний уровень экономического развития на континенте далеко еще не достаточен для того, чтобы устранить капиталистический способ производства» (курсив наш. В. А.).

Говоря далее, что могучая социалистическая интернациональная армия пролетариата возникла лишь на основе последующего развития европейского капитализма, Энгельс заключает:

«И если даже эта мощная армия пролетариата все еще не достигла своей цели, если она, далекая от того, чтобы добиться победы одним (курсив Энгельса) сильным ударом, принуждена медленно пробиваться вперед, суровой, упорной борьбой отставая позицию за позицией, то отсюда, с полной несомненностью, вытекает, до какой степени невозможно было в 1848 году достигнуть социального преобразования просто посредством внезапного падения» (М. и Э. Соч., т. III, стр. 2 и 12).

К вопросу о «незрелости пролетарских стремлений того времени» Энгельс возвращается и в последующем изложении своего «Введения». На примере Парижской Коммуны 1871 года, между прочим, говорит он,—«выяснилось, до какой степени и тогда, двадцать лет спустя после времени, изображенного в издаваемой работе, невозможно было господство рабочего класса».

Подведем итоги. Творцы научного социализма открыто признали свою ошибку, сделанную ими в 1848—50 годах. Ошибка состояла в недооценке тех сил и способностей к расширению, какими тогда еще обладал европейский капитализм. Отсюда их «недооценка демократических завоеваний», как выражается Ленин, отсюда не различение ими программы-минимум от программы-максимум. Отсюда и не различение ими социалистической диктатуры пролетариата и демократической диктатуры.

Для Ленина, который брал учение Маркса не как застывшую догму, а как теорию революционного действия, было ясно, куда должна была «расти» эта теория: из признания за капитализмом исторического будущего неизбежно вытекало и различение двух программ, и различение двух диктатур. Это Ленин и выполнил, следуя целиком и полностью духу и сути учения Маркса, развивая это учение.

Для Троцкого эти дух и суть учения Маркса остались чуждыми. Мы оставляем сейчас совершенно в стороне то обстоятельство, что тов. Троцкий самую мысль Маркса о непрерывном развитии революции исказил и применил к движущим силам русской революции неправильно,—на это уже указывалось в дискуссии. Здесь мы подчеркнем лишь, что т. Троцкий, помимо этого, общим фронтом со всеми меньшевиками, отвергает учение Ленина о демократической диктатуре. Маркс этой диктатуры не выдвигал, у Маркса об этом не было сказано,—этого достаточно для меньшевиков, чтобы отвергать большевистское учение о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства.

Тов. Троцкий упрекал учеников Ленина в якобы «догматическом» отношении к ленинизму и его традициям. Однако, в действительности, в самом коренном вопросе своих тактических воз-

зрений он сам показал действительно (а не—«якобы») догматическое отношение к Марксу.

Ленинизм развил учение Маркса, а не просто «взял» его в застывшем виде. Вот почему вносят вредную путаницу всякие попытки изобразить ленинизм, как простое «применение к действию» учения Маркса.

4. Теория партийного единства без единства партийной теории.

В умалении т. Троцким теоретических заслуг и значения «книг» Ленина имеется политическая цель: облегчить подстановку своей, троцкистской, оценки движущих сил революции на место оценки ленинской, большевистской. Но, кроме того, в умалении роли ленинской теории сказывается и глубокая старая ошибка тов. Троцкого, заключающаяся в принижении роли теории в рабочем движении.

До 1917 года тов. Троцкий был открытым противником ленинизма. Но, защищая свою особую линию поведения, считая себя доподлинным марксистом, он органически не был в состоянии правильно поставить и разрешить общий вопрос о роли марксистской теории в движении рабочего класса. Это проверялось, в первую очередь, на отношении Троцкого к партии, как к носителю теории в рабочем движении и инструменту революционного действия пролетариата. Питаясь эклектизмом, сочетая в своей линии обрывки меньшевизма и большевизма, внутренне не связанные между собой, не владея марксизмом, как единой и целостной теорией революционного действия, Троцкий не был в состоянии не только создать свою партию, но даже сплотить вокруг себя сколько нибудь значительную и устойчивую группу единомышленников. Не понимая действительных причин своих шатаний и одиночества, заключавшихся в неверных и эклектических теоретических воззрениях, Троцкий в оправдание своих шатаний создал целую философию партийного единства без единства партийной теории. Это и есть троцкистский взгляд на партию, как на сумму идейных течений, уживающихся в общих организациях («живи, и жить давай другим»,—по меткому определению В. И. Ленина).

Эта философия очень ярко сформулирована тов. Троцким в его выступлении на Лондонском (V) с'езде партии по вопросу о порядке дня. Большевики спорили с меньшевиками о том, нужны ли в повестке с'езда «принципиальные вопросы»—о текущем моменте, характеристика данной полосы в развитии революции и пр. Меньшевики и с ними т. Троцкий были против «принципиальных» теоретических дебатов на партийном с'езде, большевики—за. Тов. Троцкий приводил тогда следующие доводы:

«Единство политических действий, вопреки мнению Алексинского, (тогда большевика. В. А.) возможно при разнообразии идей. Да и как же иначе? Ведь в противном случае политическая деятельность стала бы вообще немыслимой».

Речь идет, разумеется, о политической деятельности в рамках одной партии, а не о блоках и компромиссах с другими партиями. Троцкий защищает «разнообразие идей» внутри организационно-единой партии.

«В основе нашего единства действий,—продолжает он,—лежит единство об'ективных отношений и прежде всего единство классовой борьбы. Вся мудрость наша на с'езде должна состоять в том, чтобы суметь от этого об'ективного единства фактов через разнообразие суб'ективных воззрений притти к единству политического действия».

Троцкий здесь не понимает, что единство пролетарской классовой борьбы выражается и выковывается именно через посредство единой теории, никак не иначе, никак не «через разнообразие суб'ективных воззрений». В последнем случае классовая борьба теряет свое единство, переставая быть подлинной классовой борьбой пролетариата.

«Вы боитесь,—спорил дальше Троцкий с большевиками,—что не сумеете на политических вопросах развернуть ваши разногласия. А я говорю: это лучшее для них испытание. Если ваши разногласия имеют какую-либо цену, они должны сказаться в обсуждении того, как и что партия должна делать».

То-есть, помалкивайте об общей теории, обсуждайте от случая к случаю практические политические вопросы, ждите, пока ваши принципиальные разногласия не скажутся непосредственно на практике. Это есть философия «деляческого» оппортунизма.

«Вы боитесь и иные из вас это прямо говорят, что на вопросах политики не сможете об'яснить массам, почему собственно вы существуете, как две фракции, неустанно терзающие партию. Но если вы этого не об'ясните на вопросах политики, то массы вас никогда не поймут».

Читая последние слова, неожиданно и невольно как бы врезаешься в недавнюю обстановку. Немногочисленные защитники Троцкого в протекшей теоретической дискуссии (преимущественно одиночки из вузов) аргументировали как раз так: «зачем вы идете в массу с отвлеченными теоретическими разногласиями, масса вас не поймет»! Пока эти принципиальные разногласия не «сказались в обсуждении того, как и что партия должна делать», этим разногласиям—де грош цена.

Но послушаем дальше речь т. Троцкого в 1907 году:

«Пока события не пред'явят спроса на ваши разногласия, они сохранят бумажно-литературное, в лучшем случае марксистско-педагогическое значение. Ждите событий, если верите в жизненность ваших фракций».

Положительно, недавние защитники Троцкого говорили точь в точь то же самое: разногласия ваши «бумажно-литературные», споры ваши имеют «марксистско-педагогическое значение», а значит они и не могут привести к решительным политическим и организационным выводам,—подождите, пока Троцкий сделает новые практически-политические ошибки, тогда и выступайте перед партией с обличениями Троцкого и пр., и т. п. Ошибок, которые тов. Троцкий уже делал столько раз после Октября, им было недостаточно.

Тов. Троцкий представляет особое идейное течение в партии, из ошибочной теории которого вытекают с неизбежностью и практические ошибки. «Ждите событий»,—на прак-

тике это означает—не разоблачайте перед партией вредную теорию, дайте возможность внутри партии идейно (а значит и организационно, это неразрывно) оформиться мелко-буржуазному уклону, закройте глаза на формирование кадров идеологов мелкой буржуазии внутри партии, до тех пор, пока они не переносят своей борьбы в плоскость практической политики дня. Ведь мы сейчас сильны,—чего же нам бояться пропаганды какого-то чуждого течения в партии, пока оно не проявляет себя в практике, пока оно «отмалчивается» по практическим запросам дня?..

Но ведь потому это течение и отмалчивается, что мы сейчас сильны, а заговорит оно по практическим вопросам в том случае, если мы будем слабы, если на каком-либо историческом повороте в момент кризиса (а кризисы, по всей вероятности, впереди будут еще не раз) перед партией встанут опасности,—в первую очередь опасность быть захлестнутой мелко-буржуазной стихией. Таково свойство мелко-буржуазных идеологов—отражать колебания мелкой буржуазии.

Вот почему мы не можем в подобных вопросах «ждать событий». Партия должна была решительно выступить против чуждого течения в его идейных основах, взять его с теоретических корней и выдернуть из обихода внутри-партийного общественного мнения.

И партийная масса великолепно разобралась и поняла самое основное в теоретической дискуссии, ни на иоту не оправдав тех, кто по троцкистским прописям 1907 года (и по-хвостистски) ссылался на неспособность массы понять «сухой» и «отвлеченный», якобы «схоластический» теоретический спор. Масса, может быть, разобралась не во всех тонкостях, но она глубоко поняла практическое, жизненное значение спора о таких «тонких» вещах, как перманентная революция.

В итоге дискуссии, глубоко в массу проникла мысль о единстве партии на основе ленинской, и никакой другой, теории. Новые большие пласты партийцев-середняков поднялись к овладению основами ленинской теории. В этом вернейший залог единства партии.

Партия с «разнообразием идей» превратилась бы в рассыпанную храмину при первом же серьезном испытании, на первом же историческом перевале. Никакая формальная дисциплина не смогла бы спасти такую партию. Но партия с единой ленинской теорией—есть партия, имеющая свой становой хребет, и единство действий во всякой сложной обстановке для нее обеспечено в максимально-возможной степени.

5. О практических следствиях эклектической теории.

Эклектизм, отсутствие монизма (внутреннего единства) в воззрениях тов. Троцкого обрекают его на особую, специфическую роль в истории нашей партии. Будучи неспособным создать устойчивое массовое течение или партию, тов. Троцкий в высшей степени пригоден в роли прикрытия для самых разнородных оппортунистических и полуоппортунистических элементов, которые «при разнообразии идей», тем не менее, вполне способны на кратковременное об'единение, на блок с целью какого-либо непосредственного практически-политического действия. Достаточно привести, в подтверждение этого, исторические примеры: в августе 1912 г. тов. Троцкий прикрывал ликвидаторов; в 1923—24 годах выступил во главе разношерстной оппозиции против ЦК партии, состоявшей из остатков «левого коммунизма» «демократического централизма», «рабочей оппозиции» и т. д.; то же, примерно, было и в дискуссии 1921 года.

В этой особой способности т. Троцкого прикрывать собой разнородные (на первый взгляд, а на деле однородные по своей мелко-буржуазности) элементы скрыта специфическая опасность ошибок т. Троцкого для нашей партии. Политический деятель,—недаром эти слова Ленин говорил в 1921 году в дискуссии с Троцким!—отвечает не только за свои действия, но и за поступки руководимых им. Тов. Троцкого, именно вследствие его взглядов на партийное единство, игнорирующих роль единой теории, можно об'ективно правильно оценить с точки зрения партии только в том случае, если не ограничиваться в своем суждении вопросом о том, что предлагал тогда-то и тогда-то сам Троцкий, а включая в свою оценку и те последствия, которыми его выступления сопровождались, те «круги», которые разбегались каждый раз вокруг т. Троцкого, словом,—взяв тов. Троцкого в известной идейной «компании». Только тогда мы поймем настоящие размеры вреда, который тов. Троцкий наносил и может нанести партии в случае его новых ошибок.

Мелко-буржуазные элементы нашей страны в их колебаниях, когда эти колебания бывают направлены против диктатуры пролетариата и идут в сторону интересов буржуазии, в конечном счете ни на что иное не способны, кроме как на то, чтобы быть ступенькой, мостками к победе буржуазной контр-революции. Мелко-буржуазная стихия способна разрушать, а не строить,—для последнего необходимо руководство и главенство в стране либо буржуазии, либо пролетариата.

В деле разрушения пролетарской диктатуры могут сомкнуться на короткий срок для определенных «практических задач» самые разношерстные мелко-буржуазные элементы и в стране, и внутри партии с тем, чтобы этот «блок» распался в дальнейшем ходе классовой борьбы. В предвидении полной возможности мелко-буржуазных колебаний в будущем, мы, поэтому, заранее должны обеспечивать партию от различных «переходных мостков» в ее среду из мелко-буржуазного и мещанского болота.

В мелко-крестьянской стране, в условиях внешнего капиталистического окружения диктатура пролетариата может существовать и побеждать только при условии полной идейной однородности, полного единомыслия по основным вопросам в партии пролетариата и в ее руководящем штабе. Понять эту практическую, на опыте ясную истину значит подойти правильно и к такому коренному в ленинизме вопросу, как вопрос о соотношении теории и практики в нем.

Д. Марецкий.

Идейные блуждания социал-предательства.

(Теория конструктивного социализма).

Если военную и послевоенную эпоху развернуть в большой исторической перспективе, то даже для невооруженного специальными познаниями глаза окажется заметным, что эпоха эта обладает рядом особых характеризующих признаков. Не перебирая эти характеризующие моменты, подчеркнем лишь, что империалистический капитализм новейшей формации осуществляет свой исторический поступательный ход в совершенно исключительной обстановке. Своеобразный «дух времени» витает в истории нынешнего дня, в современной экономике, в современной социальной жизни, политике, идеологии. Всякий чувствует, что эпоха носит какой-то «поворотный» характер, что происходят какие-то сдвиги, что исторический процесс выливается из своего нормального «органического» русла, что он становится особенно бурливым, нервозным. Вся общественная жизнь приобретает лихорадочный темп, все социальные процессы небывало ускоряют свой ритм, всякие перемены проходят резче, круче, чаще и вся эта, бешеным хороводом мчащаяся, социальная система пронизывается несомненными и все усиливающимися тенденциями распада. Идеологически это выражается в острой потребности непрерывно «переоценивать ценности», по-новому располагать исторические «вехи» [1]), измышлять новые перспективы, наспех составлять всевозможные планы «спасения» и «оздоровления». На сцену выступают теоретические «толковники», которые фиксируют происходящие сдвиги; как грибы появляются всякого рода прожектеры валютных дел кудесники, составители грандиознейших рецептов, вытаскиваются на свет 14 пунктов Вильсона, планы Дауэса, а на мистических задворках где-то колдуют волхвы-прорицатели типа Шпенглера, узревшие звезду Вифлиемскую на берегах Ян-Цзы-Цзяна.

В эту эпоху не дремлет и величайшая производительная сила современного человечества—не дремлет международный рабочий класс. В толщах международного пролетариата происходят

[1]) В самое недавнее время известный немецкий профессор Шульце-Геверниц в одной из своих статей, посвященных вопросу о передвижении „центра тяжести“ в мировом хозяйстве сделал такую прокладку „вех“ в экономической истории: 1) эпоха античная—до битвы при Марафоне; 2) эпоха европейская—от Марафонского сражения до Версаля и 3) американская, современная, когда значение Европы становится все более „антикварным“. Впрочем, практическая тенденция такого „вехостроительства“ почтенного профессора состояла в том, чтобы от творцов „эпохи“ из Уолл-Стрита получить максимум послаблений для бедной „антикварной“ Германии.

огромнейшие массовые сдвиги. Массы смотрят на происходящее уже по иному, не так, как смотрели до войны: их психика реорганизуется, они выступают с новыми требованиями, на их знаменах—новые лозунги, они становятся активнее, более дерзновенными, более «требовательными». В разной степени, с разной силой, но эти сдвиги массовых настроений налицо во всех странах. Повышенная активность рабочих масс проявляется в двух направлениях.

Во-первых, становятся в порядок дня, актуализируются социалистические проблемы. Вопросы социализма из области далекого идеала переносятся в область повседневной борьбы и практического осуществления.

Во-вторых, в ряде стран мы наблюдаем резкое изменение отношения рабочего класса к вопросам политики. В особенности это касается таких руководящих государств, как Англия и Соединенные Штаты. И в британском и в американском рабочем движении, в силу своеобразного сплетения экономических и социально-исторических условий, десятилетиями держались настроения стихийного «экономизма», замкнутого цехового трэд-юнионизма, аполитичного профессионализма, принципы «нейтральности» и равнодушия к проблеме политической власти. Благодаря таким принципам «невмешательства», политика целиком находилась в руках господствующих классов. Так называемая «двухпартийная» система в течение весьма длительного исторического периода заполняла все содержание политической жизни обоих стран. Вопрос ставится так: кто станет у «кормила правления»: виги или тори, позднее либералы или консерваторы в Англии; республиканцы или демократы в Америке; другими словами, те или иные группы эксплоатирующих классов —иных дилемм долго не знали английские и американские избиратели. И здесь поворотное десятилетие провело глубокую борозду. «Двухпартийная» система отживает свое время и уступает место «трехпартийной». Стихийный напор масс выталкивает «рабочие партии» на широкую политическую арену, рабочий класс понемногу освобождается от своих буржуазных гувернанток, начинает, плохо ли, хорошо ли, играть роль «самостоятельного» фактора, вопрос о «своей» власти становится обыденной темой политических разговоров. В столь спесивой своими «двухпартийными» традициями Англии рабочий класс в течение 8 месяцев уже вкушал,—без особого аппетита, впрочем,—лакомства «своей» власти, а в Соединенных Штатах переход к «двухпартийной» системе ожидался уже перед последними выборами, исход которых наглядно показал лишь, что еще ждать придется не особенно долго. «Социалистические партии у власти» факт, который, конечно, нельзя переоценивать, делать «перлом создания» и видеть в нем начало «врастания в социализм», как это силятся представлять гг. Каутские и Гильфердинги—опыт подтвердил уже прогноз революционного марксизма, что, так назыв., «рабочее правительство» может превосходнейшим образом функционировать на правах «Исполнительного Комитета» класса капиталистов,—но с другой стороны, нельзя недооценивать этот факт как исторический симптом. Так или иначе, получая свое первое политическое крещение на реформистских иллюзиях,—но пролетариат Англии и Америки начинает «конституироваться в класс», осознавать себя как носителя социалистического способа производства и замет-

но пробуждаться от вековой политической спячки. Тема для социологических трактатов предвоенного периода: «Почему нет социализма в Соед. Штатах», или почему так слаб социализм в Англии?—теперь благополучно может быть выброшена в сорную корзину и очистить место для вопроса: почему там еще так силен соглашательский социализм и так еще относительно слаб революционный коммунизм? И «социализм» и «политическая борьба» уже входят в плоть и кровь рабочего движения даже в обоих великих англосаксонских странах—о других мы уже не говорим. Бывшее дотоле отсталым, рабочее движение передвигается на целую историческую ступень выше, и переживает новый неизбежный этап на путях к своему «коммунистическому вызреванию». И, конечно, заправилы Второго Интернационала, вожди и «идеологи» не могли остаться и не остались безучастными зрителями описанных процессов. Чтобы сохранить за собой «руководство» пролетариатом, а только при этом условии они могут успешно выполнять свою социальную миссию: быть проводниками буржуазного влияния на рабочий класс—они должны были приспособиться к стихийным передвижкам в массах, активно вмешаться и дать этим передвижкам «надлежащее» оформление. Идя «навстречу» требованиям масс, социал-реформисты должны были поневоле пересмотреть свои былые программные, политические и теоретические доспехи, их максимально «осовременить» и только в таком старательном подновленном виде снова пустить в ход. Созерцательно-негодующая критика капитализма, лубочные картинки социализма, далекого, как небеса, беллетристические «вести ниоткуда» грозили превратиться в залежалый товар. Нужным стало подойти к проблемам социализма и власти вплотную, поставить их практически, дать назойливой массе нечто более осязательное, в pendant эпохе «перевооружиться» или сделать вид, что «перевооружаешься». И вот соглашатели начали спешно «перевооружаться». И Каутский и Бауэр, и дюжина других великих и и малых теоретиков пишут программы «переходного периода», в которых детально раз'ясняют, комментируют, развивают линию экономического и политического поведения пролетариата, берущего власть и приступающего к реализации социализма, попутно напрягая все усилия, разумеется, чтобы отвести внимание масс от манящего призрака большевизма. Производящая в настоящее время, кое-какую шумиху «теория конструктивного социализма» также представляет собой один из образчиков фабрикации самоновейших «социалистических систем». С этой теорией связаны два очень известные всем имени. Первое имя—господин Рамзей Макдональд, второе—Виктор Чернов, старый эсер, испытанный ниспровергатель Маркса, злополучный министр земледелия при Керенском и ныне скромный пражский отшельник. Вникнуть в содержание произведенного обоими «политическими фигурами» крика моды и составит задачу настоящей статьи. Обе теории «конструктивного социализма» разберем в порядке их ниспадающей политической важности: вначале возьмем г. Макдональда, а затем перейдем к г. Чернову.

* * *

Свои социалистические взгляды Макдональд подробно излагает в двух работах: «Социализм: критический и конструктивный (Socialism: critical and coustructive, London, 1921)[1]) и «Наша политика» (нем. перевод «Unsere Politik», Berlin. 1924.). Вторая работа, находящаяся в полном идейном контакте с первой, трактует вопросы практической политики, ее лейтмотив—доказательство возможности правительства рабочей партии, она специально ориентируется на непосредственную злобу дня. Напротив, первая книга содержит в себе систему «конструктивного социализма» в развернутом виде, со всеми соответствующими теоретическими и историческими экскурсами. В ней вы встретите и анализ прогресса, и определенное понимание общества, и краткую историю социализма, и исследование капиталистического и социалистического способов производства и распределения, и схему «политической конструкции», и «конструкцию» общества будущего в его завершенном виде. Нельзя сказать, к сожалению, чтобы четкость мысли и теоретическая глубина принадлежали к заслугам Макдональда. Поэтому мы находим у него массу недоговоренностей, неясностей, «открытых вопросов», на ряду с беспочвенными морализированными, обилием театральных жестов, ничего не говорящего по существу ораторского пафоса. Если отвлечься, однако, от ораторского начала, в творениях Макдональда, если несколько упорядочить его разбросанные по разным местам мысли, систематизировать его довольно бессистемную «систему»—то нам придется сосредоточиться вокруг трех основных разделов.

Всякая социалистическая доктрина должна покоиться на определенной концепции общества, логически вырастать из такой концепции. Выяснить позицию Макдональда в этом вопросе, очертить сущность его социологических представлений—составит нашу первую задачу.

Всякая социалистическая доктрина, далее, вытекает из определенной критики капиталистического хозяйства. Выявить существо критики капитализма под «конструктивным» углом зрения, сопоставив ее попутно с критикой марксистской—такова наша вторая задача.

Наконец, всякая социалистическая доктрина достойная такой репутации, обязана обладать определенной программой действия, надлежащим позитивным планом, к претворению которого в жизнь она стремится. Поэтому, в последней части нашей статьи попробуем разобрать тот «конструктивный план социализма», который Макдональдом выдвигается.

1. Социология господина Макдональда.

Что представляет собой общество согласно конструктивной теории Макдональда? И выступает ли, вообще говоря, Макдональд с каким-нибудь своим особым понятием общества? Нет, социологом-новатором господин Макдональд не является. Социологические основы для теории конструктивного социализма, оказывается, давным давно были заложены в творениях Герберта Спэнсера. В чем же заключаются эти элементы спэнсеревской социологии, в готовом виде позаимствованные «конструктивным социализмом»?

---

[1]) „Конструктивный“ значит „созидательный“. „Конструктивный социализм“ употребляется, очевидно, как противоположность „деструктивному“, разрушительному, социализму, под которым разумеется обычно наш грешный коммунизм.

Спэнсер известен, как один из основоположников органической школы в социологии. С его точки зрения общество есть определенное единство, определенное органическое целое. Это органическое целое существует как система расчлененных, дифференцированных, взаимно дополняющих, координированных между собой функций. Каждый индивидуум, каждая группа людей, каждый общественный класс выполняют определенную адэкватную их позиции общественную роль. Этот момент—общество, как дифференцированное функциональное единство—дополняется у Спэнсера другой отличительной чертой: идеей так наз. эволюционного развития. Сущность этой эволюционной идеи,—возведенной Спэнсером в ранг универсального закона бытия,—состоит в том, что общественный организм развивается от элементарного, простейшего состояния к более сложному, дифференцированному. Прогресс общественной дифференциации выражается одновременно и в процессе интеграции, непрерывным сочетанием, об'единением в общее целое дифференцирующихся функций. В постоянном развертывании единства этих обоих процессов дифференциации и интеграции и заключается вся «формула» социального прогресса. Постулат общественного функционального единства у Макдональда находит свое моральное выражение в применяемом им повсюду критерии «всеобщего благосостояния» (Communal well-being) а принцип социальной эволюции служит ему средством для изобретения так называемого «Социалистического интеллектуального метода» («Socialist intellectual method»). В следующих словах формулирует сам Макдональд этот, столь громко аттестуемый им «метод». «Социалист», говорит он, «берет исторические факты так, как он их находит, но рассматривает их не как окончательные положения, но как условия, которые не являются неподвижными, потому что они заключают в себе импульсы, непрерывно модифицирующие эти условия, придающие им более законченное осуществление»[1]) и дальше... «он изучает ныне действующие тенденции и руководствуясь интересами всего общества он создает свои *конструктивные предложения*, основанные не на каких-либо абстрактных утопиях, принадлежащих к области свободного воображения, но *на эволюции функций и учреждений своего собственного времени*[2]). И «в этом духе», об'являет Макдональд, «пишу я»... Беря общественное производство в «экономическом аспекте» — кроме «экономического аспекта» Макдональдом в лошадиных порциях принимается и «моральный аспект»—он набрасывает такую схему экономической эволюции. На заре человеческого развития, как полагается, выступает фигура «дикаря». В его хозяйстве отдельные факторы производства—физический труд, разум, капитал—еще не дифференцированы, равно как не дифференцированы такие моменты, как производство, распределение и потребление. Дикарь употребляет еще собственный *капитал*, состоящий из лука и стрел—читатель видит, как знаменитая тень полковника Торренса вдруг за-

[1]) The Socialist takes historical facts as he finds them, but regards them not as final states but as condi ions that are unstable because they contain impulses that are constantly modifying them by giving them a more complete fulfilment". Macd Socialism, 134.

[2]) Там же 135. „...he studies the tendincies now in operation and with the interest of the whole community as bis guide, he makes his constructive proposals founded not on any abstract Utopias which belong to the free imagination, but „on he evolution of functions and instatutions in his own time".

шмыгала в новейшем конструктивном облачении—дикарь сам для себя и рабочий, и управляющий, и капиталист, и сам для себя служит «рынком». В дальнейшем в силу «закона экономии усилий», происходит «дифференциация»: экономические функции разделяются, факторы распадаются, труд отделяется от капитала и от управления. Возникает вопрос, какому из разделившихся факторов впасть в «субординацию»,—который решается тем, что в «субординацию» впадает «слабейший» из факторов, т.-е. труд. От труда отделяются средства производства: феодализм производит безземельных работников, капитализм—лишенных собственности пролетариев. Капитал надолго становится господствующей общественной силой. Но нет ничего вечного под солнцем; старый крот эволюции продолжает славно рыть дальше и «социалистический интеллектуальный метод» постигает новые тенденции и новые «импульсы», направленные к изменению существующих условий. Труд перестает быть «слабейшим» фактором, усиливается культурно и морально, необычайно развивает свою организационную мощь, об'единяется с «фактором», выполняющим функцию «управления» (management), привлекает на свою сторону интеллигенцию. Наоборот, экономические функции капитала суживаются, он уже не способен гарантировать «всеобщее благосостояние» и совершенствовать производство и без всякого революционного переворота он отмирает, вынужденный уступить место новой общественной системе. Совершенно понятно, конечно, что Макдональд будучи эволюционистом «отрицает» катастрофы и является противником теории классовой борьбы. Эту последнюю, равно как и материалистическую философию, он считает «континентальным» навождением[1]). Принцип классовой борьбы идет вразрез с принципом «всеобщего благосостояния»; поэтому разжигание классовых страстей социально опасно и нездорово, тем более, что благосклонная история сама мирно катит свои воды на мельницу конструктивного социализма.

Эволюционная социология Спэнсера—Макдональда настолько знакома марксистской критике, что останавливаться на ней подробно не имеет смысла. Напомним лишь про ее наиболее «вопиющие» дыры. Конечно, общество есть нечто цельное, определенная система. Но общественное единство, за которое цепляется спэнсеревская социология есть только половина правды. Другая половина истины—и более существенная—заключена в самом характере, в типе этого единства. Тип единства неодинаков для различ-

[1]) „В то время как континентальный социализм есть продукт догматического материализма с его руководящей идеей классовой борьбы, у нас лейтмотивом социалистической мысли, которая была направлена на благо общего, было общечеловеческое". (Während der kontinentale Sozialismus ein Produkt des dogmatischen Materialismus mit seiner Leitidee des Klassenkampfes ist, war bei uns das algemein Meuschliche das Leitmotiv des sozialistischen Gedankens, der auf das Wohl der Gesamtheit gerichtet war. Unsere Politik. S. 51). Выступая открыто против марксизма, материализма и теории классовой борьбы Макдональд ведет себя в тысячу раз честнее тех фарисеев „континентальной" социал-демократии, которые на деле, расставив повсюду „предательские" точки, продолжают еще ханжески цепляться за „марксистские" запятые. Что этому ханжеству грош цена, простодушно выбалтывает, между прочим, социал-демократический издатель макдональдовской книжки, который в предисловии к ней говорит, что от формулы Макдональда, берущей „политические конфликты" как внутриобщественную борьбу „между вечным ростом и отмирающими останками прошлого", к теории классовой борьбы легко перекинуть соответствующий „мост". Недурный „мост" нечего сказать!

ных социальных систем. В одних обществах, будь то великая Коммуна будущего, будь то «ойкос» Родбертуса или фаланстер Шарля Фурье—мы имеем единство организованное. Другие общества—буржуазное в первую голову—представляют собой единство анархическое, «единство противоречий», единство, воспроизводящееся стихийно, несмотря на эти противоречия. Капитализм, например, есть единство противоречивых, ведущих между собой борьбу классов буржуазии и пролетариата, как бы ни выступал против теории классовой борьбы Макдональд. Что же касается пресловутой революционной формулы дифференциации и интеграции, то, во-первых, она в своей бесплотной универсальности и абстрактности бессодержательна [1]), а во-вторых, она неверна и фактически, поскольку односторонне берет случай «прогресса» и не учитывает тысячи и миллионы случаев и явлений, когда происходят процессы, обратные дифференциации и интеграции. Наконец, вздорна и нелепа эволюционная идея, что общество будто бы «не делает скачков» и что «катастроф» не существует. Легионы фактов, вся история человечества, беспрерывная цепь войн и революций звучат убийственной насмешкой над «антикатастрофальным» эволюционизмом. Мы еще увидим к каким беспросветным злоключениям приводит Макдональда его морально-эволюционное «отрицание» насилия и переворотов, а сейчас от Макдональда—социолога перейдем к Макдональду, как критику марксизма и как критику капитализма.

2. Критика марксизма и критика капитализма.

Как ясно уже из предыдущего,—Макдональд не зачисляет себя в «служители церкви Маркса». С марксизмом ему не по дороге. Единственно приемлемой для себя марксистской «цитатой», цитатой, которой он придает, не без юмора, колоссальнейшее значение, это известное выражение Маркса: «благодаря богу, я не марксист» (Thank God, Jam no marxist»). Но если поистине «благодаря богу, Макдональд не марксист», то это не мешает ему на восьми страницах «критически» обосновать свое несогласие с марксизмом. Он это и делает, правда с большим конфузом для себя, ибо об об'екте своей критики у него оказываются отчаянно смутные представления. О «блеске» его эрудиции в области марксизма, пусть судит сам читатель по некоторым его собственным «высказываниям».

Маркс очень известная в мире персона, не меньше чем Христос и Магомет, признает Макдональд. (В устах христианнейшего Макдональда это должно звучать, конечно, как необыкновенно высокий комплемент).

Значение Маркса заключается однако не больше и не меньше как в том, что он «скомбинировал идеализм Годвина с горьким опытом Чарльсхолла и при помощи амальгамы того и другого вызвал историческое движение. Но это не было новым евангелием [2]). (He combined the idealism of Godwin and the bitter expe-

[1]) Известно, как издевался над этой формулой В. И. Ленин.

[2]) Пусть не удивляется читатель особенностям „терминологии“. Как на парламентской трибуне, так и в своих „научных“ работах Макдональд неизменно перебирает имена всех известных ему пророков, а словечко „пилигрим“ он произносит даже с каким-то особым сладострастием.

rience of Charles Hall and by'an amalgamation of the one and the other he produced a historical movement. Socialism, 49).

Неужто в этой дикой «амальгаме» значение Маркса? Куда же девался «Капитал», предисловие «К критике» и т. д., спросим мы Макдональда. На это Макдональд категорически ответствует: «Ценность его (т.-е. Маркса Д. М.) экономических теорий более чем сомнительна, в том же самом положении его историческая философия» (The validity of his economic theories is more than doubtful; his historical philosophy is in the same position, Soc. 48).

Хотя Макдональд не дает себе труда, впрочем, как нибудь подкрепить свои «сомнения» в «ценности» марксизма,—по ряду косвенных признаков легко очень умозаключить об их основательности. Например, он того мнения, что Маркс вообще «плагиировал» английских экономистов—мнение, свидетельствовавшее о том, что он «вообще» не понимает ни Маркса, ни английских экономистов. В частности, он считает, что Маркс заимствовал у Адама Смита тезис о труде, как «источнике всякого богатства»,—взгляд наивно приписывающий Марксу суеверия, разоблаченные уже Виллиямом Петти с его формулой: труд—отец богатства, земля его мать. Категорию «прибавочной ценности» (surplus value) он опять-таки считает сомнительным сокровищем, похищенным у Томпсона, т.-е. верит в бесцветную басню, пущенную в оборот Менгером. Макдональд свободен поэтому от подозрений, что он знает о существовании «Теорий прибавочной ценности» и ему невдомек, конечно, что «открыть» прибавочную ценность и не уметь с ее помощью об'яснить законов прибыли—и было тем, на чем застряла вся классическая экономия в противоположность Карлу Марксу. Не вникая в такие гигантские «детали», не мудрено, разумеется, что он отважно грешит и утверждениями в роде того, что Маркс был сторонником «Iron Law Wages»—железного закона заработной платы и т. п. Но не будем дальше тревожить Макдональда справками на счет действительных начал марксистской политической экономии. Поинтересуемся лучше его собственными «сооружениями» на месте «свергнутого кумира». Чем он заменяет «сомнительную историческую формулу Маркса «экономический детерминизм» нам уже известно. Не менее плачевно обстоит дело с его экономической критикой капитализма. Исторический переходящий характер категории капитала лежит за пределами его сознания: капитал для него существует как и при капитализме», так и в античном мире—мы не упоминаем здесь вновь о его подозрительном сообщеничестве с полковником Торренсом. Касаясь капитализма «настоящего», в его реальном социально-историческом существе, критика Макдональда, там где она правильна—ничего нового не прибавляет к поруганной им критике марксистской. Капитализм несет с собой стачки, безработицу, всякое расточение общественной энергии и производительных сил, промышленные кризисы, которые Макдональд выводит прямо из анархичности хозяйства и из спекулятивных замашек крупных буржуа, преступно не внемлящих гласу «всеобщего благополучия». Капиталистический аппарат конкуренции не в силах гарантировать всеобщего благополучия и если он в новейшее время заменяется или вернее ограничивается аппаратом «комбинаций», монополий, синдикатов и трестов—капитализм есть не конкуренция, а комбинация, горделиво повторяет чужие слова Макдональд—даже новейшие капиталистические «комбинации» не

способствует общему благу поскольку руководство ими целиком находится в руках капитала, антисоциально взвинчивающего, при каждом удобном случае, цены на товары на страх массовому «потребителю». Крайне мало «эффективен» капиталистический способ распределения. Этот способ распределения Макдональд понимает в двояком смысле. Во-первых, как распределения богатства земли и капитала между классами, распределение «несправедливо» отдающее непроизводительным паразитическим элементам все большую часть, вопреки убывающему значению их социальной «функции». Во-вторых, неэффективен и расточителен способ распределения благ (goods) между людьми через механизм рынка. Несовершенство и «расточительность» стихийного рыночного распределения он поясняет на целом ряде иллюстраций. Необыкновенно трогательно рассказывает он, как глядя «в окно» на одну из шумных улиц огромного Лондона, он поражается непродуктивной растратой времени и энергии продавцов молока (milkmen) целой вереницей снующих по городу. При этом он не замечает, как в лице бедных молочников он «бичует» не капитализм, но лишь допотопное ремесло.

Капиталистическая система производства также давно отжила свой век перед лицом императива «высшего блага». В главе «Капитализм и производство» Макдональд следующим образом демонстрирует смертный грех капиталистической системы. Он сопоставляет две цифры: число работающего населения Англии—с одной стороны и сумму ее национального дохода с другой. Доля общественного дохода—несмотря на стремительный рост техники, которым характеризовались последние десятилетия—доля, приходящаяся в среднем на душу населения в результате оказывается чрезвычайно низкой. Причину этого Макдональд усматривает с одной стороны, в большом распространении паразитического потребления господствующих классов, а с другой, в большой массе непроизводительного труда, растрачиваемого капитализмом.

Мы извиняемся если возьмем здесь несколько пространный, но весьма красочный и характерный для теоретической физиономии Макдональда, приводимый им пример. Представим себе, рассуждает Макдональд, плотника, выполняющего двоякого рода работу: одну—на соседа—кузнеца, другую на лэндлорда, живущего исключительно на ренту. Изготовляя предметы потребления для кузнеца, как плотник производит богатство, которое в свою очередь производит богатство. Совершенствуя методы своей работы он не только удешевляет изготовляемые им столы и стулья, но и косвенным путем снижает и цены на подковы, являющиеся плодом усердия кузнеца. Наоборот, доставляя точно такие же столы и стулья лэндлорду, он не только ни на иоту не вносит в сферу эффективного богатства страны, но и сам становится паразитом в общественном производстве. Развивая технику своей работы он способствует лишь, тому, что получатель ренты имеет возможность распоряжения большей массой чужого труда, отвлекаемого из производительных областей и, таким образом, косвенно он еще более увеличивает общее количество работников-паразитов. И Макдональд со всем своим пылом обрушивается не только на присвоителей ренты, но на услаждающих последних работников в роде: судомоек, лесничих, чистильщиков платья, охотников за кроликами, всевозможных слуг, играющих такую огромную роль в нынешнем обществе. Всех тех, кто производит предметы потребления «паразитов», Макдональд самих считает «паразитами» и безжалостно вычеркивает их из списка производительного населения. Напротив, за поэтами и певцами Макдональд заботливо сохраняет все добродетели производительного труда, вносящего свой соответствующий пай в общий итог «эффективного богатства страны».

Излишне распутывать здесь великую путаницу Макдональда. Всякий, кому не лень, легко это проделает сам. Пусть обратит только читатель внимание на то, кого Макдональд собрал в одной очаровательной компании: здесь и трудолюбивый кузнец, торгующий подковами, здесь и двуликий—производительный и непроизводительный—плотник, и несчастные судомойки, и бессовестные охотники за кроликами, и всепожирающее чрево лэндлорда; но здесь нет тех, кому надлежало бы быть первыми гостями—нет ни фабрики, ни капиталиста, ни наемного рабочего. Изумительная критическая меткость г-на Макдональда заключается в том, что развенчивая капиталистическую систему распределения, он фактически «развенчивает»—как мы видели—лишь ее ремесленные анахронизмы («молочниц»), а под видом атаки на капиталистическую систему производства, он ведет «атаку» на пережитки феодального паразитизма.

Насколько решителен Макдональд в борьбе против действительного буржуазного паразитизма, «рентьерства»—являющегося не детищем докапиталистических отношений, но вытекающего из специфической современной акционерной формы капитала—и насколько глубоко простирается его радикализм в борьбе против земельной собственности, это можно узнать, лишь обратившись к предлагаемым им «конструктивным» мероприятиям.

3. Конструктивные противоречия г-на Макдональда.

«Социализм не ссорится с историей», говорит Макдональд. Великую задачу «конструирования» новой социальной системы можно поэтому выполнить лишь избегая малейшей «ссоры» с «существующими функциями и учреждениями». Камни для социалистической постройки должны быть найдены внутри самого капитализма.

В каком направлении следует «реконструировать» капиталистическую систему распределения благ? Успехи кооперации и муниципального хозяйства подсказывают ответ. И организация кооперативов, и общественное хозяйство городов должны быть максимально усилены, форсированы. Кооперации должны быть приданы более гибкие, эластичные формы, должна возникнуть разветвленная система кооперативов, с сильными центрами и более мелкими и свободными в своем движении участковыми филиалами. Между кооперацией и коммунальным хозяйством должно существовать известное экономическое сотрудничество, определенное разделение труда. Доставку дешевых продуктов потребителям должны, например, взять на себя кооперативы; электричество, газы, трамвай, должны остаться коммунальными услугами. Укрепить позицию кооперации, развить ее нельзя, однако, ни «государственным эдиктом», ни «революционным актом» разгона частных лавок. Поэтому конструктивный социализм рекомендует, на очень значительный исторический промежуток, «комбинацию» между кооперацией и универсальными магазинами, нахо-

дящимися в частных руках, рядом с «комбинацией» между кооперацией и коммунхозами. Пока что, как всякий видит, социализм Макдональда действительно не «ссорится» ни с «историей», ни, по меньшей мере, с капитализмом. Но Макдональд и не думает возлагать особенных надежд на кооперацию. Кооперация есть лишь одно из звеньев конструктивной цепи, и звено притом отнюдь не определяющее. Макдональд самым решительным образом выступает против ошибок однобокого кооперативизма: само «развитие кооперации» по Макдональду, «доказывает лишь, что изменить систему распределения нельзя вне «отношения к производству и транспорту», что «эти функции должны быть организованы гармонически»[1]).

Как же предлагает Макдональд реорганизовать систему производства, которую лишь «гармонически» дополнять призвана кооперативная система распределения? Одним из наиболее мощных рычагов преобразования капиталистического производства Макдональд считает «рабочий контроль» (worshop control). Право на контроль со стороны рабочих и служащих Макдональд подпирает, разумеется, соответствующим «моральным» фундаментом. Социальная функция рабочего класса, заинтересованность его в «благополучии» целого, достаточно очевидны для того, чтобы рабочие представители в предприятиях могли «кооперировать» с заводоуправлениями. Но как далеко могут простираться функции контроля,—распространяются ли они, например, на нормировку прибыли или на регулирование процесса накопления капитала—вопрос этот Макдональд, вообще довольно-таки вольготно лавирующий между всякими деликатными, чреватыми опасными «ссорами», проблемами—не считает нужным непосредственно освещать.

Историческая миссия настоящего рабочего контроля,—а не импотентного придатка к капиталистической колеснице — быть этапом на пути к национализации производства пролетарским государством, как это и было эмпирически подтверждено историей русской революции. Кому, какому, или каким классам принадлежит основная масса средств производства—это решающий, определяющий момент во всей проблеме социализма. И конструированный социализм не может избежать ответа на этот центральный вопрос; волей-неволей, но и сам Макдональд вынужден столкнуться с ним в очной ставке. Но, как и следует ожидать, как раз в этом пункте дилемма «ссоры»—либо с капитализмом, либо с социализмом, развертывается перед нами во всей ее неумолимой ясности.

Начнем с малого—запросим Макдональда о судьбе крупной собственности на землю, о судьбе «паразитического» par exellence класса ландлордов. Требует ли Макдональд хотя бы национализации земли, хотя бы проведения в жизнь той буржуазной по существу меры, которую предлагал Генри Джордж в своей книге «Progress and Poverty»? Нет, не требует. Претензия Макдональда даже на это не распространяется. Он предлагает лишь... налог на земельную ренту. «Полная конфискация земли была одним из первых результатов революции в Великобритании: но революция

[1]) „The Cooperative mouvement... is a proof, that distrubution cannot be dealt with except in relation to production and transport, — that these functions must be organized in harmony (Socialism, 193).

невероятна и даже «не желательна»[1]). Лишь посредством длительного налогового нажима конструированный социализм гарантирует нам исчезновение «мертвящей руки земельных монополий». Что этот нажим не будет слишком грозным, видно из того, что Макдональд растягивает его даже не на ряд лет, а на целый ряд... поколений. Таким образом, даже в деле, являющемся «долгом чести» для последовательного буржуазного радикализма—национализация земли—конструктивный социализм сулит нам только «журавлей» эфемерного будущего. Миролюбивый Макдональд не желает «ссориться» даже с «паразитическим» феодализмом.

А буржуазная собственность, капиталы, классовая монополия на средства производства,—какой реконструкции подвергает их конструктивный социализм? Макдональд выступает за «огосударствление» целых отраслей производства, наиболее подготовленных к этому, транспорт и горное дело в первую голову. Но есть «огосударствление» и «огосударствление». Макдональд дипломатически утаивает от нас те условия, на которых должна «совершиться» национализация. Он только против экспроприации капитала,—большевистская безвозмездная конфискация до корней волос чужда его тихой эволюционной морали. Он предлагает «конституционно», экономически выживать частный капитал из системы общественного производства и думает даже, что дает нам самые надежные пути такого мирного завоевания производства рабочим классом. Какие это пути?

Во-первых, это налог на наследства, который предохранит капитал от рантьерского разводнения, подрежет его паразитический характер. Макдональд предостерегает нас однако от чересчур решительных мер в этой области: налоги на наследства должны быть умеренными. Система наследственной связи, наследственной передачи капитала не может быть насильственно разрушена, ибо и наследство выполняет социально-полезную функцию в той части его, которую капиталист не проматывает лично, но использует для дальнейшего накопления, следовательно, для увеличения производства. Но так как рост общественного богатства и механизм капиталистической конкуренции заставляет капиталистов все большую и большую долю извлекаемой ими прибыли накоплять, так как относительно доля прибавочной ценности, потребляемая классом капиталистов непрерывно падает и должно падать, то, естественно, отсюда, что посредством налога на ненакопляемое наследство основная масса «капиталов» не сможет перейти в распоряжение рабочего класса. Командующие высоты остаются попрежнему во власти буржуазии.

Вторая мера Макдональда — обложение «несправедливых» сверхприбылей. Государство должно зафиксировать «справедливую» норму прибыли, а остальное должно подвергнуть самому суровому обложению. Но что такое «справедливая» прибыль, мы так и не узнаем от Макдональда, благодаря чему она также мало «ссорит» его с капитализмом, как и только что упомянутая буржуазная мера обложения наследства.

Ни обложения наследства, ни налоги на прибыль Макдональд не ставит все-таки во главу угла. Он указывает как на самый

[1]) If there were to be a revolution in Great Britian, one of the first of its results in Great Britian would be the wholesale confiscation of the land. But a revolution is not likely, and still less it is desirable. (Socialism, 171).

важный, «эффективный»,—на третий способ, обеспечивающий рабочему **классу экономически доминирующую роль в производстве.** Этот **способ—организация Национального Банка рабочим** правительством, **являющегося центральным государственным** банком, банком, пользующимся **монопольным правом** выпуска денег, стоящим во главе всех прочих местных банков, стягивающим в свои резервуары огромные богатства со всей страны. Располагая столь могучим рычагом экономической жизни, каким является Национальный Банк, государство окажется в силах взять на себя функцию снабжения производства капиталами (provision of capitals). Процесс накопления, процесс расширения общественного производства станет независимым от частных капиталистов, роль последних в деле снабжения производства капитала начнет резко сокращаться и средства производства, таким экономически легальным путем, сами собой перейдут во «владение» рабочих и служащих.

Верно ли, однако, такое «конструктивное» положение, верно ли, что макдональдовский банк сможет стать реальным якорем спасения для пролетариата, действительно «эмансипирует» его от капитала? Стоит только поставить этот вопрос, чтобы ответить на него отрицательно. Пусть Макдональд «снабжает» промышленность капиталами, сосредоточивающимися в Государственном банке. Но откуда могут взяться эти огромные банковские ресурсы. Если не из заоблачного царства, то единственно из карманов самих буржуа, помещающих в банке свои капиталы. Макдональд вытесняет, следовательно, капиталистов из производства, мобилизуя для этой цели банковские средства, тому же самому классу капиталистов, принадлежащие. Но классу капиталистов едва ли свойственны навязываемые ему Макдональдом причуды унтерофицерской жены: он ни за что не станет сечь себя «своею собственной рукой»: его историческим «экзекутором» может быть только рабочий класс. Одно из двух:

Или рабочее правительство об'являет богатства банков своей собственностью, декретирует национализацию банков, т.-е. вступает на большевистскую дорогу «экспроприации экспроприаторов». Но тогда в ответ на национализацию «банков» буржуазия неминуемо ответит саботажем в «промышленности»—тем более, что в эпоху финансового капитала промышленность и банки представляют собой de facto одно неразрывное целое. Рабочее правительство должно будет проделать другой шаг—национализировать промышленный капитал. Другими словами, «конструктивному социализму» логически и исторически должен будет предшествовать социализм «деструктивный»—большевизм.

Или же, как это имеется у Макдональда, фактическим собственником и руководителем банков останется буржуазия. Тогда последняя отыщет меры, чтобы обеспечить свое господство в промышленности, так же как и в банках, и не только не подпадет под «контроль» рабочего правительства, но само это рабочее правительство превратит в свой «подконтрольный» инструмент. Капиталистическая «система» будет превосходнейшим образом воспроизводиться, как капиталистическая, все останется «на своих местах», а конструктивный социализм окажется ничем иным, как «конструктивным капитализмом».

То, что социализма не построишь финансовыми манипуляциями, с этим в ряде мест своей работы соглашается, впрочем, и

сам **Макдональд. Он не отрицает колоссальной роли** high finance, **крупной финансовой буржуазии. Контр-революция финансовая,** говорит он, **была бы еще более опасной, нежели контр-революция** военная. И фактический контроль за high finance, признает Макдональд, немыслим до тех пор, пока сама промышленность не будет организована по «социалистической модели»[1]). Мы получаем в результате два следующих, исключающих друг друга, положения «конструктивного социализма».

Национализация производства, организация его по «социалистической модели» невозможна без освобождения процесса накопления от зависимости от частных предпринимателей в области снабжения необходимыми капиталами (посредством государственного кредита). Построить социализм в производстве можно лишь при условии предварительного господства в области финансов.

Но господство в финансовой сфере уже предполагает господство социализма в промышленности.

Социализм нельзя вводить в производство, пока не установлен контроль над финансами, но последний нельзя установить, пока не социализировано производство. Т.-е. конструктивный социализм вращается в прочном кругу, запутывается в тенетах, им самим созданных противоречий. Мы убеждаемся воочию, как конструктивный социализм начинает «ссориться» не только с историей, но и с логикой. Вывод один: конструктивный с о ц и а л и з м вообще невозможен.

Оппортунистическая система, выдвинутая Макдональдом под конструктивным ярлыком, особенно ярко обнаруживает свой внутренний порок, если не сопоставить с основными тенденциями капиталистического развития последнего времени—с одной стороны, и с системой «классического» ревизионизма Эд. Бернштейна—с другой. Бернштейн строил свои перспективы мирного органического «преодоления» капитализма, опираясь на ошибочные наблюдения за, якобы, смягчавшейся экономической противоположностью между капиталом и трудом, на пресловутую гипотезу «демократизации» капитала и т. п. Опираясь на вымышленные факты, ревизионизм логически приходил к отрицанию неизбежности революционного краха. Конструктивный социализм Макдональда не имеет даже такого сомнительного утешения: переживаемая эпоха властно запрещает ему увлекаться иллюзиями смягчения социально-экономических противоречий. Классовая дифференциация теперь идет семимильными шагами, процесс экономической «поляризации» капитала и труда достигает теперь такой небывалой остроты, что даже Макдональд вынужден признать его как эмпирическую закономерность. Сам Макдональд приводит ряд цифровых иллюстраций поразительного роста экономической дифференциации за последние годы как в Англии, так и в Соединенных Штатах Америки. По вычислениям экономиста сэра Leo Chiozza Money (автора книги: «Триумф национализации»—The Triumph of Nationalisatien) одна с е м и д е с я т а я часть населения Соединенного Королевства владеет **д в у м я т р е т я м и**

[1]) **But finance cannot be controlled cannot be absorbed into the functionig organization of the community, until industry has been organized on Socialist models (Socialism, 207). В качестве предпосылок для контроля над финансами Макдональд указывает конкретно на три момента: „национализацию угольной промышленности и железных дорог", обложение анормальных прибылей и контроль над производством. Там же 202.**

всего накопленного богатства страны! Мировая война, по утверждению самого Макдональда, еще более углубила процессы дифференциации: из войны капитализм вышел экономически и организационно гораздо более «эксплоататорским», чем он был раньше. А если это так, если это признает сам Макдональд, если таковы фактические тенденции новейшего капитализма,—то перед лицом этих тенденций не является вся его лжесоциалистическая концепция, вся его борьба против «молочных» и против ветряных феодальных мельниц, все его жалкие «конструктивные» паллиативы,—не является ли все это опереточной стрельбой в слона горохом, лишь неопрятно прикрывающей теоретическое убожество и практическую измену?

Мы уже не будем здесь приводить соображения Макдональда, касающиеся «политической конструкции» и международных отношений. Его взгляды в этой области общеизвестны из газет. Возьмите его рассуждения о роли и политике «рабочего правительства», его лозунг «единства» Британской империи и, значит, сохранения эксплоатации колоний, его пацифистское требование «разоружения», его пошлая этическая формула войны, как «кризис, которым кончается плохая политика» (сопоставьте с ней «циническую» формулу Клаузенвица, по справедливости, имевшую огромный успех в марксистской среде: война есть продолжение политики иными средствами),—и вы получите только дополнительные штрихи к картине, на которой Рамзэй Макдональд с «Конструктивным социализмом» подмышкой, наподобие некоего страшного зверя «трагически» блуждает в капиталистической мышеловке.

«Разум может заниматься идеальными вещами, но ноги никогда не смогут сойти с почвы реальности», стыдливо оправдывает Макдональд свой «идеально» ограниченный буржуазными рамками «разум» и свои столь основательно прикованные к капиталистической «реальности» ноги.

* * *

Конструктивный «социализм» Макдональда является своеобразным идеологическим рефлексом отсутствия теоретического самосознания у британского пролетариата. Ряд исторических причин, вскрывать которые здесь не место, обусловил идейную незрелость английского рабочего класса, в продолжение целой эпохи упорно рассматривавшего «муниципализацию газа и воды, как первый акт драмы, которая должна завершиться национализацией всего индустриального капитала страны и триумфом социализма» (Socialism, 68). Каковы же те вероятные перспективы, которые в будущем сложатся для макдональдовщины, каковы судьбы «Конструктивного социализма» и т. п. политических документов, идеи которых так или иначе, но еще гнездятся в мозгах английских пролетариев? Ответ в основном предопределен нашей обычной оценкой судеб английского капитализма и английского рабочего движения. Неизбежный процесс предстоящего и уже начинающегося «выветривания» конструктивного и пр. оппортунизма гарантирован отпадением тех самых специфических условий, которые в прошлом укрепляли позиции аналогичных политических течений. Решающим, пожалуй, является послевоенный факт потери «дифференциальной прибыли» английского капитала

на мировом рынке. Состояние «экономического полнокровия» заменяется хроническим состоянием хозяйственного худосочия, состоянием посредственных и низких кон'юнктур и непрекращающейся безработицы. Сюда присоединяется исключительный рост противоположности между буржуазией и пролетариатом, констатированный самим Макдональдом. Это уже сказалось стимулом для резкого поворота английского рабочего класса к «политике», к захвату власти, о чем мы говорили в начале статьи. Исторически небывалое полевение английского пролетариата—«консервативные» британские профсоюзы на левом фланге Амстердама,—полевение непрекращающееся, ползучее, еле сдерживаемое «вождями», то и дело проскакивающее в частных вспышках—в настоящее время уже не «прогноз», а зарегистрированный всей международной прессой факт. Знаменательный «уклон» значительной части английского рабочего класса к большевизму не оспаривается Макдональдом: он сам, сгущая сильно краски, называет левых «лабуристов» и «профессионалистов» большевиками[1]). И характерно, что обе работы Макдональда—и более ранний «Конструктивный социализм» и недавняя «Наша политика»—обращены «лицом», отнюдь не смягчающим, впрочем к большевизму. Старательному разоблачению большевистских методов в них отведено самое почетное место. Вот слова, которыми Макдональд резюмирует стихийные настроения «классового антагонизма», обострившегося после войны. «Капиталистам рабочие представляются большевиками; для рабочих капиталисты являются белогвардейцами. В обоих лагерях жирондисты вытеснены демагогами[2]).

Очень ценное признание, предвещающее тот недалекий исторический час, когда застоявшаяся английская Жиронда, отступит перед славной большевистской Горой и когда в английском рабочем движении вместо затхлого духа Спэнсера-Макдональда, восторжествует боевой революционный дух Маркса и Ленина.

(Продолжение следует).

---

[1]) Unsere Politik, S. 68.

[2]) „To capitalism, labour is Bolshewik; to labour, Capitalism is White Guard, the Girondins on both sides are being wiped out by the demagogues on both sides". (Socialism, 105).

Л. Крицман.

Союз пролетариата и большинства крестьянства в СССР после победы революции [1]).

«Союз пролетариата и крестьянства под руководством пролетариата»—каково содержание этого лозунга в наши дни?

Прежде всего в наши дни этот лозунг неточен. Он берет крестьянство, как целое. Но крестьянство, как целое, есть класс-сословие феодального (крепостнического) общества. Лозунг «Союз пролетариата и крестьянства» предполагает поэтому наличие существенных, играющих, в известном отношении, господствующую роль остатков крепостничества, борьбу за их уничтожение. Это лозунг-продукт эпохи царизма и революционной борьбы против него, против политического господства помещичьего землевладения, и против самого помещичьего землевладения. Пока шла эта борьба, лозунг «Союз пролетариата и крестьянства» был точной строго-научной формулой.

В деле революционной борьбы с крепостничеством и его искоренения пролетариату было по дороге со всем крестьянством как целым: не только с безземельным, работающим на кабальных условиях батраком, не только с бедняком и с середняком, но и с зажиточным и с кулаком. Лозунг «Союз пролетариата и крестьянства» не заключал в себе указания на классовое расслоение крестьянства, на расслоение его на классы капиталистического общества—на буржуазию и пролетариат. Не потому, что это расслоение не принималось в расчет или отрицалось [2]), а потому, что союз против крепостничества был союзом с крестьянством как целым.

Союз пролетариата и крестьянства был союзом не только против крепостничества, но и против крупного капитала. Но не потому, что крестьянство, как целое, стало на точку зрения пролетариата, а потому, что, в силу диалектики истории, крупный капитал русский и иностранный, т.-е. мировой капитал выступал, как сила, поддерживающая царизм, т.-е. господство полукрепостнического помещика. Крестьянство, как целое, оставалось революционной силой по отношению к крепостничеству; капитал, которому в эпоху кануна крушения капитализма было страшно всякое социальное потрясение, перестал быть революционным по отношению к крепостничеству. Отсюда противоречия между крестьянством и капиталом. И т. к. крестьянство нуждается в

[1]) Статья дискуссионная.

[2]) Напротив, вопрос расслоения крестьянства был, как известно, предметом горячих схваток между марксистами и народниками, т. к. в зависимости от его решения решался вопрос о том, кого признать руководителем революции—пролетариат или „сознательную“ „внеклассовую“ интеллигенцию, т. е. идеологов буржуазии (тогда еще искренно не понимавших, что они идеологи буржуазии), и следовательно, буржуазию.

организаторе своей революции, и примыкая к другому революционному классу, превращает его в своего организатора, то отсюда и об'ективно необходимая руководящая роль пролетариата в его союзе с крестьянством.

Но теперь борьба с помещиками в СССР закончена. Закончена, тем самым, и крестьянская революция. Крестьянства, как класса-сословия, больше не существует.

В наши дни в СССР происходит уже не преодоление остатков крепостничества, а преодоление остатков капитализма. Здесь пролетариату не по пути с капиталистической частью крестьянства. Поэтому лозунг «Союз пролетариата и крестьянства» теперь не точен. В современных условиях его точное выражение — это «союз пролетариата с большинством крестьянства», притом с подавляющим большинством крестьянства.

Капиталистическая (и полукапиталистическая) часть крестьянства теперь численно ничтожна—это 2—3%, во всяком случае не больше 5% крестьянства. Слой зажиточных, крепких хозяев, кандидатов в крестьянские капиталисты, едва ли превышает 7—10% крестьянских хозяйств. По данным ЦСУ крестьянские хозяйства с более чем 2 головами рабочего скота составляли в 25 губерниях РСФСР в прошлом 1924 году только 4% всех крестьянских хозяйств, с 2-мя головами 10½% [1]). Между тем уже хозяйства с одной головой рабочего скота (их оказалось 53%, без рабочего скота 32½%) являются в большинстве случаев маломощными, бедняцкими хозяйствами. Еще Владимир Ильич приводил данные, согласно которым жизненный уровень однолошадного крестьянина оказывался ниже жизненного уровня сельско-хозяйственного батрака.

Не является ли поэтому педантизмом утверждать, что из за этих нескольких процентов лозунг «союз пролетариата и крестьянства» теперь не точен? Ведь, союз пролетариата с подавляющим большинством крестьянства является безусловно осью всей нашей политики. И союз этот ни в какой мере не является результатом отказа от пролетарской революции, он является выражением не крушения пролетарской революции, а напротив того, крушения капитализма. Он означает, что основная масса крестьянства вступает на путь к социализму под руководством пролетариата. Путь к социализму становится путем развития всего общества, вот о чем говорит этот союз.

Итак, стоит ли принимать в расчет какие-то несколько %%? Но было бы неправильно так ставить вопрос. Капиталистическая часть крестьянства ничтожна численно, но не социально. А суть дела не в численности, а в социальной мощи данной группы. Ведь, и капиталистическая буржуазия составляет численно ничтожную группу.

Следовательно, то обстоятельство, что численность капиталистической части крестьянства не велика, дела не меняет. Раз крестьянская противопомещичья революция закончена, крестьянство, как целое, как класс-сословие крепостнического общества, исчезло, и исчез, следовательно, и союз с крестьянством, как с целым.

[1]) По сводке, любезно предоставленной нам зав. ЦСУ П. И. Поповым. Сводка охватывает свыше 125.000 расположенных гнездами хозяйств в 25 губ. потребляющей и производящей полосы, Юго-Востока и Сибири.

В деле борьбы с помещиком и в деле его уничтожения классовое расслоение крестьянства на классы капиталистического общества отступало на задний план (основным было в крестьянстве общее, его об'единение против помещика). После уничтожения помещика это классовое расслоение и есть основное для крестьянства

После того, как помещик выкорчеван, встает вопрос—куда? к капитализму или к социализму?

Лозунг «союз пролетариата и большинства крестьянства под руководством пролетариата», поскольку он означает не просто благочестивое положение, а выражает об'ективную тенденцию действительности, может обозначать теперь только одно — союз пролетариата и большинства крестьянства в деле совместного продвижения—пусть как угодно медленного и трудного—по пути к социализму, и следовательно, союз против меньшинства крестьянства, которое идет по пути к капитализму, выражая другую тенденцию нашей диалектической действительности. Или, иными словами союз на почве движения к социализму против движения к капиталисту.

Можно, конечно, сказать, что теперь в нашу эпоху лозунг «союз пролетариата с крестьянством» как раз и означает союз с некапиталистическим крестьянством, ибо под крестьянством следует понимать всех, кто составляет население деревни, кроме кулаков, как во время французской революции народ—это были все, кроме аристократов. Но это, разумеется, была бы лишь словесная увертка.

Итак теперь точная формулировка нашего лозунга это—союз пролетариата с большинством крестьянства под руководством пролетариата. Каково же его содержание?

Уже в старом лозунге «союз пролетариата и крестьянства» под руководством пролетариата звучал похоронный звон капиталистическому миру. Это был лозунг борьбы с помещиком, борьбы, в которой принимала участие и капиталистическая часть крестьянства, как часть того целого, каким все еще было крестьянство в его противоположности помещикам. Речь шла еще только о буржуазной революции. Попытка обойти необходимость буржуазной революции означала об'ективно лишь закрывание глаз на буржуазный ее характер, превращение пролетариата из руководителя крестьянства в этой буржуазной революции в один из руководимых капиталом классов, в слепое орудие буржуазной революции.

Но руководящая роль пролетариата означала настолько далеко зашедшее развитие капитализма (мирового капитализма), что пролетариат уже мог, а капиталистическая буржуазия уже не могла выступить руководителем крестьянства в его борьбе против остатков до-капиталистических отношений. Она означала, что смести препятствие развитию производительных сил общества даже там, где этим препятствием были не капиталистические, а до-капиталистические отношения—стало невозможно под руководством капитала, что смести их было возможно уже только под руководством пролетариата.

Поэтому лозунг «союз пролетариата и крестьянства под руководством пролетариата» есть лозунг кануна мировой пролетарской революции.

Союз пролетариата и большинства крестьянства под руководством пролетариата означает большее. Этот лозунг самой мировой пролетарской революции.

После уничтожения помещиков союз пролетариата и большинства крестьянства под руководством пролетариата, может означать только союз в деле совместного движения по пути от капитализма к социализму.

Он означает, следовательно, эпоху мировой пролетарской революции. Основное при этом не в том, как развертывается мировая пролетарская революция, быстро или медленно, с перебоями или без перебоев. Основное в том, живем ли уже в эпоху мировой пролетарской революции или нет. Здесь, в оценке этого, никогда не сойдутся капитал и пролетариат. Диалектическая противоречивость общества всегда находит себе выражение в противоречивых оценках действительности разными классами. Противоречия жизни—в противоречии мнений.

Мировая война, назревающие послевоенные конфликты капиталистических держав и их коалиций, победоносная русская революция и неудачные восстания пролетариата в Западной Европе, революционные движения колониальных народов, валютный кризис, аграрный кризис, мировая безработица, создание пролетарского коммунистического и крестьянского Интернационалов, все это для пролетариата прорывы и подземные толчки мировой пролетарской революции, для капитала и его идеологов всех мастей от Муссолини и Пуанкаре до Макдональда, Каутского и Дана, все, что угодно, но не проявления и не предвестники мировой пролетарской революции.

Как и все теоретические споры, и этот спор может быть решен и будет решен практикой.

Эпоха мировой пролетарской революции означает—независимо от того, продлится ли она 5 или 50 лет—что там, где победил пролетариат (а пока он победил только в СССР), он в состоянии в общем и целом осуществлять пролетарскую политику, т.-е. политику продвижения к социализму. Происходит ли это продвижение быстро или медленно, с перебоями или без них, это необычайно важно, но основное не в этом, а в том, что продвижение происходит. Оно выражается прежде всего в том, что идет под'ем производительных сил руководимого пролетариатом общества, и что при этом возрастает удельный вес и организующее влияние пролетариата.

На протяжении 4-х лет после окончания гражданской войны перед глазами всего мира развертывается неожиданная для идеологов капитала,—в том числе для Каутского и Дана, — картина хозяйственного под'ема, казалось, в конец разрушенной страны Советов. И темп под'ема крупной промышленности превосходит темп под'ема мелкого сельского хозяйства и мелкой промышленности взятых вместе. В этом залог того, что процесс индустриализации громадной крестьянской (по составу населения) страны, без которого невозможно развитие ее производительных сил, будет итти под руководством пролетариата еще успешнее, чем он шел под руководством капитала. Этот процесс индустриализации, идущий под руководством пролетариата, означает растущее экономическое и социальное значение пролетариата, усиление его руководящей роли в его союзе с большинством крестьянства.

Идеологи капитала полагают, что такого рода под'ем всего народного хозяйства, при котором особенно силен под'ем круп-

ной промышленности, дело временное, что без притока средств **со стороны, средств иностранного капитала, которые, как** они **надеются, могут быть получены только ценой капитуляции** **пролетариата,** этот под'ем натолкнется на неопреодолимый для него предел.

Они, словом, полагают, что мы живем не в эпоху крушения мирового капитализма, а в эпоху крушения попытки пролетарской революции, победившей, повидимому, в силу «несчастного случая».

И этот спор может быть разрешен только практикой, и, по нашему разумению, успешно разрешается ею в нашу пользу.

Но союз пролетариата и большинства крестьянства под руководством пролетариата означает в наши дни не только то, что пролетариат там, где он господствует, в общем и целом в состоянии осуществлять пролетарскую политику, т.-е. политику продвижения к социализму путем усиленного развития базы социалистического хозяйства, современной крупной промышленности. И не только то, что эта находящаяся теперь под командой не капитала, а пролетариата, крупная промышленность становится в руках пролетариата силой, определяющей отношения внутри всего народного хозяйства, следовательно, и с массой мелких хозяев, в такой же или даже в еще большей мере, в какой она определяла отношения внутри всего нашего народного хозяйства, когда находилась в руках крупного капитала. Что пролетариат, следовательно, опираясь на нее, в состоянии не хуже, чем капитал, при помощи политики цен, железнодорожных тарифов, таможенных пошлин, кредита и пр., словом, через сферу обращения, руководить всем народным хозяйством. Что в частности и в особенности пролетариат не в меньшей степени, чем капитал, в состоянии определить характер об'единения мелких хозяев для торговых целей (сбыта, закупок, кредита): что если при господстве капитала кооперация мелких хозяеев носит капиталистический характер, включается в систему капитализма, то при господстве пролетариата она принимает характер социалистический, т.-е. включается в общую систему руководимого пролетариатом хозяйства, переходящего к социализму [1]).

Но союз пролетариата и большинства крестьянства означает не только усиленное развитие находящейся в руках пролетариата крупной промышленности и не только рост ее влияния на все народное хозяйство. Он означает и то, что для мелкого хозяйства *открывается путь его некапиталистического превращения в крупное*.

Там, где господствует капитал, там под'ем производительных сил может быть только *капиталистическим*. Там и под'ем производительных сил мелкого хозяйства неизбежно означает превращение его не только из мелкого в крупное, но и *из мелкобуржуазного в капиталистическое*.

[1]) Именно это включение в систему руководимого пролетариатом хозяйства, переходящего к социализму, превращает об'единенения мелких хозяйств (как кооперативы по сбыту, кредитные и другие, так и их производственные об'единения) в об'единения социалистического типа. Товарищеское об'единение мелких хозяев может стать переходным моментом на пути к социализму, но может стать переходным моментом и на пути к капитализму (превращение в паевое товарищество мелких капиталистов); станет ли оно тем или другим, зависит прежде всего от того, частью какой хозяйственной системы оно становится.

Борьба с частным торговым капиталом и есть борьба за установление вместо капиталистической, т.-е. стремящейся вести к капитализму, смычки мелких хозяев и крупной руководимой пролетариатом промышленности их социалистической, т.-е. стремящейся вести к социализму, смычкой.

Под'ем производительных сил мелкого хозяйства, рост его производительных сил означает в одно и то же время и рост технического вооружения работника и необходимость кооперации работников (в смысле их совместного труда). Иными словами, что мелкий хозяин уже не может работать один, а должен работать совместно с другими, что увеличившиеся производительные силы требуют работы не одного работника, а нескольких.

Раз'единенные условиями труда мелкие хозяева при господстве капитала, когда товарищеское об'единение на каждом шагу натыкается на бесчисленные в их совокупности непреодолимые материальные и идеологические препятствия, не могут пойти по пути товарищеского об'единения. Такие попытки в массе своей неизбежно терпят крушения. Поэтому при господстве капитала *этот* путь под'ема мелких хозяев закрыт для них. Поэтому масса их в условиях конкуренции с крупным хозяйством опускается все ниже, пытаясь удержаться путем сверхчеловеческого напряжения своих сил. А те, кто подымается над общим уровнем, переходят от работы в одиночку к требуемой выросшими производительными силами совместной работе, путем *капиталистическим*, т.-е. путем найма батраков.

Но эта неизбежность превращения мелкого хозяйства в крупное капиталистическим путем отпадает, когда господство капитала сменяется господством пролетариата. Пролетариат не только устраняет в значительной части те препятствия, на которые натыкается товарищеское об'единение мелких хозяев при господстве капитала, но и дает мелким хозяевам то, что им не достает, *организующую волю*, и одновременно ставит товарищеские об'единения мелких хозяев, товарищеский переход от мелкого хозяйства к крупному, в *привелигированное* положение по отношению к капиталистическому переходу от мелкого хозяйства к крупному.

Определяющее влияние пролетариата во всем народном хозяйстве изменяет сначала по преимуществу характер об'единения мелких хозяев в *сфере обращения*, превращая его из капиталистического в социалистическое, а затем чем далее, тем в большем об'еме ведет к об'единению мелких хозяев в *сфере производства*.

Таким образом, союз пролетариата и большинства крестьянства под руководством пролетариата означает не только социалистическую линию развития крупного хозяйства, но и *социалистическую линию развития мелкого хозяйства*, выдвинутую Владимиром Ильичем в его «Страничках из дневника».

Здесь лежит экономический корень длительного—на целую историческую эпоху—союза пролетариата с громадным большинством крестьянства и в интересах этого громадного большинства. Благодаря господству пролетариата перед громадным большинством крестьянства открывается возможность перепрыгнуть бывший до того неизбежным капиталистический этап развития, который как раз для большинства крестьянства означает процесс его мучительной пролетаризации.

Но эта возможность открывается не на основе народнического отрицания пролетарского руководства, а на основе его *признания*.

В противоположность эпохе до победы революции, когда основой экономического союза пролетариата и крестьянства был их

политический союз, в наши дни основой политического союза пролетариата и большинства крестьянства становится их союз экономический. И в основе этого союза лежит гениально схваченное Владимиром Ильичем обусловленное новым направлением развития всего народного хозяйства новое направление развития мелкого хозяйства. Развития по пути не капиталистического, а социалистического перехода его в крупное хозяйство, словом, по пути не капиталистической, а социалистической концентрации и централизации хозяйства—через об'единения мелких хозяев в кооперативы и коллективы.

Конечно, в условиях господства пролетариата переход мелких хозяев к крупному хозяйству мог бы происходить и иным путем: не путем создания крупного хозяйства изнутри, из среды мелких хозяйств, а путем насаждения его в известном смысле извне. Создание на свободных землях крупного сельского хозяйства со значительно более высокой производительностью труда, чем та, которая возможна в мелком хозяйстве, означала бы, с одной стороны, понижение цен продуктов сельского хозяйства, а с другой стороны—настолько более высокий жизненный уровень рабочих в этом крупном сельском хозяйстве по сравнению с жизненным уровнем мелких хозяев, что неизбежным стал бы массовый отказ мелких хозяев от собственного хозяйства и переход их в крупное в качестве рабочих. Словом, бегство мелких хозяев от своих хозяйств в крупное сельское хозяйство, подобное бегству их из деревень в города в эпоху капитализма.

Но такое создание крупного сельского хозяйства путем насаждения его в известном смысле извне предполагает, во-первых, наличие громадных свободных материальных рессурсов и громадных кадров организаторов, во-вторых, что и то и другое целесообразнее применить в сельском хозяйстве, чем в промышленности.

Для СССР, в его нынешних условиях, это—возможность чисто теоретическая. У нас переход к крупному сельскому хозяйству возможен теперь в основном только путем об'единения мелких хозяев.

Однако содержание лозунга «союз пролетариата и большинства крестьянства под руководством пролетариата» ни в коей мере не исчерпывается вышесказанным. Происходящее, в связи с переходом от господства капитала к господству пролетариата изменение в направлении развития мелкого хозяйства создает новую почву для союза пролетариата и большинства крестьянства после победы над помещиком. Мелкое хозяйство, взятое в его развитии, т.-е. в его неизбежном переходе в крупное хозяйство, вступает на социалистический путь развития, т.-е. на общий путь с пролетариатом. Но видеть только это, значит, отрицать сложный характер нашей революции, значит забывать, что она для большинства населения, для массы мелких хозяев, является прежде всего противопомещичьей революцией, значит перескакивать через исторически неизбежный период развития мелкого хозяйства непосредственно после уничтожения помещиков. Верно, что мелкое хозяйство уступает крупному, но это не устраняет другого факта, что мелкое хозяйство мелкобуржуазного крестьянина превосходит мелкое хозяйство крестьянина, явно или неявно закрепощенного.

Победа над помещиками, уничтожение крепостнических отношений, душивших мелкое хозяйство, означает завоевание известного простора для развития мелкого хозяйства. Мелкое хозяйство не могло, опутанное крепостническими отношениями, развернуть полностью свои производительные силы. Теперь оно эту возможность получило.

И прежде, чем оно в массе своей превратится в крупное хозяйство, оно полностью развернет свои производительные силы, ибо ни одна форма хозяйства, как указал Маркс, не исчезает раньше, чем она исчерпала все заключающиеся в ней возможности для развития производительных сил.

Этот под'ем мелкого хозяйства, взятый изолированно, не содержит в себе ни грана социализма. Он представляет собой развитие не социалистической, а мелкобуржуазной экономики. Однако это развитие, пока оно совершается в рамках мелкого хозяйства, не исключает само по себе ни социалистической, ни, конечно, тем более капиталистической линии развития, а напротив того содержит в себе и ту и другую, как возможности, как свои собственные тенденции.

Хотя предоставленное самому себе (а тем более в условиях господства капитала) развивающееся мелкое хозяйство неизбежно превращается в капиталистическое, ибо капитализм есть не что иное, как развитие общественного хозяйства в формах частного хозяйства, т.-е. в формах, вырастающих из форм хозяйства мелких хозяев, однако мелкое хозяйство несет в себе и другую тенденцию развития и потому не исключает и социалистической линии развития.

И поскольку в условиях господства пролетариата, эта другая тенденция получает перевес, работа мелких хозяев над под'емом своего хозяйства означает об'ективно в основной своей массе —подготовку почвы для их будущего товарищеского об'единения и перехода к социалистическому хозяйству.

Но и помимо этого под'ем мелкого хозяйства не стоит ни в каком противоречии с переходом к социализму. В исторических данных условиях он является напротив того одной из предпосылок этого периода. Под'ем народного хозяйства невозможен без под'ема сельского хозяйства, которое является для промышленности и рынком сырья (и продовольствия) и рынком сбыта.

Под'ем же сельского хозяйства в условиях исключительного разрушения промышленности, в результате империалистской и гражданской войны возможен только за счет самого сельского хозяйства, следовательно, за счет рессурсов самих мелких хозяев. А первое время после победы революции даже рост крупной промышленности происходит частично (хотя чем дальше, тем все в меньшей части) за счет ресурсов сельского хозяйства.

Под'ем мелкого сельского хозяйства в результате уничтожения душивших его крепостнических отношений становится, таким образом, одним из условий под'ема всего народного хозяйства, руководимого пролетариатом; становится, следовательно, одним из условий перехода к социализму. Препятствия этому под'ему означают поэтому и препятствия переходу к социализму. Одно из величайших достижений пролетариата, доказывающих его способность быть руководителем всего общества в его переходе к социализму, состоит в том, что пролетариат создает такие переходные формы хозяйства, которые открывают возможность и

для под'ема мелкого хозяйства, под'ема, который исторически ограничен довольно узкими пределами, но и в этих пределах исторически необходим.

Эти пределы определяются размерами превосходства мелкобуржуазного хозяйства под крепостническим и полукрепостническим. Всеми мерами способствовать использованию мелким хозяйством возможности своего под'ема (существующей в этих пределах) —одна из задач пролетариата; вне этого условия невозможен союз пролетариата с большинством крестьянства.

Однако соблюдение одного этого условия недостаточно для того, чтобы был возможен союз с большинством крестьянства на длительный период.

Вполне реальная для части крестьянства (весьма значительной быть может, для большей половины его) возможность известного под'ема мелкого хозяйства создает иллюзии возможности такого под'ема и в остальной части крестьянства.

Энтузиазм мелкого хозяина, который, наконец, дорвался до земли, избавился от крепостнических помех в своей работе, охватывает на некоторое время все крестьянство.

По отношению к значительной части (быть может большей половине) мелких хозяев (и по отношению к еще более значительной части сельского хозяйства) на некоторое время под'ем их хозяйства еще не переходящего в крупное, происходит в основном, как развитие мелкобуржуазной экономики.

А огромное большинство остальных мелких хозяев надрывается в попытках итти тем же путем.

В этих условиях, специфичность которых лежит в сложном характере нашей революции, во время которой произошла экспроприация не только крупного капитала пролетариатом, но и крепостнического и полукрепостнического землевладения крестьянством, союз пролетариата и большинства крестьянства под руководством пролетариата означает не только то, что в основном пролетариат в состоянии осуществлять пролетарскую политику продвижения к социализму, но и то, что в известных областях и на известные—иногда длительные—периоды пролетариат осуществляет политику, соответствующую стремлениям мелкой буржуазии, представляющую собой уступку пролетариата этим стремлениям мелкой буржуазии и потому скрепляющую ее союз с пролетариатом.

Так как основная масса мелких хозяев сосредоточена в сельском хозяйстве, то основная область, в которой пролетариат осуществляет в известные периоды такую политику это—сельское хозяйство.

И в этом, вообще говоря, нет ни самообмана для пролетариата, ни обмана для крестьянства, хотя есть самообман для части его.

Наша аграрная революция прошла, как известно, в основном два этапа: экспроприация всем крестьянством, как низшим классом—сословием крепостнического общества, помещиков и частичная экспроприация пролетарской и полупролетарской частью крестьянства (беднотой) капиталистической и полукапиталистической части крестьянства (зажиточных).

При этом, поскольку крестьянская революция была антикапиталистической революцией, она происходила не как пролетарская, а как мелкобуржуазная революция: ее результатом было не обобществление крупного хозяйства, а его раздел.

Политика пролетариата по отношению к капиталу оказалась при этом прямо противоположной в зависимости от того, о каком капитале шла речь: о капитале, вложенном в промышленность, транспорт и т. п. или о капитале, вложенном в сельское хозяйство. Разумеется, корень этой противоположности лежал не в противоположности земли и семян с одной стороны и железа и тканей с другой, не в причинах естественного, а в причинах общественного порядка.

В одном случае политика пролетариата была направлена к пролетарской, в другом к мелкобуржуазной экспроприации капитала потому, что в одной области (город) мелкая буржуазия играла ничтожную, в другой (деревня)—главную роль.

В этом не было самообмана для пролетариата, ибо с точки зрения пролетарской революции осуществление пролетариатом в известных областях и на известное время политики, соответствующей стремлениям мелкой буржуазии (уступающей этим стремлениям), входит в неизбежные издержки пролетарской революции.

Революция неизбежно связана с известными издержками, с известным разрушением производительных сил. В число этих издержек входят для каждого из революционных классов—и для пролетариата и для крестьянской мелкой буржуазии—необходимые уступки своему союзнику, без которых невозможен их союз, а значит и победа революции. Поэтому пролетариат пошел на то, чтобы крупное сельское хозяйство было не обобществлено, а разделено; поэтому большинство мелкобуржуазного крестьянства дралось в конце концов в красной, а не в белой, армии, несмотря на неуклонно осуществлявшееся пролетариатом запрещение торговли. Без этих обоюдных экономических уступок ни пролетариат, ни мелкая буржуазия не могли достигнуть своей политической цели—низвержения власти прежде господствовавших классов. Как для пролетариата, так и для мелкой буржуазии их уступки союзнику являлись ценой их революционной победы, входили в неизбежные издержки собственной революции.

Таким образом, осуществляя в известной области политику, соответствующую стремлениям мелкой буржуазии, пролетариат не только не изменял своему делу, но, наоборот, служил ему самым действительным образом. Но в этом не было, разумеется, и обмана со стороны пролетариата, осуществлявшего в области сельского хозяйства политику, соответствующую страстным стремлениям огромного большинства крестьянства.

И в настоящее время после победы революции имеет место в корне различная политика пролетариата по отношению к капиталу в зависимости от сферы его вложения.

В самом деле, поскольку речь идет о взаимоотношениях хозяев, капиталист может сейчас (юридически, т.-е. имеет право) арендовать у кого угодно и что угодно, но не землю у мелких хозяев. Любой хозяин, если он располагает деньгами, может (юридически, т.-е. имеет право) нанять рабочего, но не сельский хозяин; этот последний лишь в том случае, если он заболел, или служит в Красной армии, словом, не работает по независящим от него причинам и временно нуждается в заменяющем его работнике. Сельское хозяйство сейчас юридически табу (запретная вещь) для капиталиста в то время, как разнообразные отрасли промышленности юридически открыты для него.

Значит и сейчас по отношению к сельскому хозяйству пролетариат осуществляет политику, соответствующую стремлениям мелкой буржуазии, и являющуюся уступкой этим стремлениям, ибо ясно, что дело тут не в пролетариате самом по себе, а в его союзе с мелкобуржуазным большинством крестьянства.

Необычно характерно здесь следующее обстоятельство.

Пока шла гражданская война, пролетариат искоренял капитал всеми доступными ему средствами: экономическая деятельность капитала не допускалась, насколько это только удавалось, при помощи соответственных мероприятий органов пролетарского государства; следовательно, при помощи, внеэкономического насилия, при помощи, юридических запрещений и административных мер.

Победа пролетариата была для него одновременно и познанием границ этой победы при данных условиях. Пролетариат вынужден был к частичному отступлению, он признал за капиталом право на существование, хотя и обусловленное подчинением капитала установленному пролетариатом советскому строю. Это не абстрактное и, следовательно, не вечное право; но с другой стороны и не простое признание факта существования, а легализация капитала: так сказать, признание не только де-факто, но и де-юре. Пролетариат перешел от безусловного отрицания капитала к его условному признанию, т.-е. признанию в известных пределах; перешел от прежней борьбы с капиталом путем юридических запрещений и административных мер к борьбе экономической, к конкуренции с капиталом на почве советского хозяйственного и общественного строя.

Но это, поскольку речь идет о борьбе капитала и пролетариата.

Поскольку же речь идет о борьбе капитала и мелкой буржуазии в сельском хозяйстве, борьба эта попрежнему ведется путем юридических запрещений и административных мер. Здесь и до сих пор продолжается безусловное отрицание капитала.

Пролетариат проводит эту политику допущения деятельности в промышленности и запрещения деятельности капитала в сельском хозяйстве не потому, что пролетариат не приемлет как раз сельскохозяйственного капитала [1], а потому, что этого запрещения требует союз пролетариата с большинством крестьянства, пока это большинство стремится к такому запрещению.

Экспроприация (частичная) капиталистических и полукапиталистических слоев крестьянства беднотой во время второго этапа аграрной революции и низвержение значительной части этих слоев в ряды мелких хозяев, еще не переходящих в крупное, численное усиление таким образом той части крестьянства, которая может в течение известного времени поднимать свое хозяйство, как мелкое хозяйство, с одной стороны, и иллюзии другой части мелких хозяев, с другой стороны, обеспечивали до сих пор этой политике поддержку большинства крестьянства.

Однако для значительной части крестьянства эта политика есть иллюзорная политика, политика самообмана. Эта часть крестьянства не в состоянии поднять своего хозяйства, оставаясь

[1]) Ибо силой, могущей организовать вокруг себя мелких хозяев, является в деревне и торговый капитал; а на него юридическое запрещение не распространяется.

мелкими хозяевами. Для того, чтобы стать и быть действительным мелким хозяином, недостаточно получить землю, надо располагать и соответствующими средствами производства.

Мелкобуржуазная антикапиталистическая крестьянская революция оказалась бессильной осуществить это условие путем экспроприации капиталистической и полукапиталистической части крестьянства. Об этом говорят данные о проценте хозяйств без рабочего скота, который по РСФСР составлял [1]):

	%%
в 1917 г.	27,0
в 1920 г.	27,1

В дальнейшем, после завершения антикапиталистической крестьянской революции та часть крестьянства, которая не располагает минимальными средствами производства не только не уменьшилась, а значительно увеличилась (в первую очередь под влиянием исключительного неурожая 1921 года). Так процент хозяйства без рабочего скота по РСФРС [2]):

	%%
в 1920 г.	27,1
в 1922 г.	37,5

Под'ем сельского хозяйства начался с 1923 г., но и до сих пор положение дел не изменилось существенно. По другим данным ЦСУ [3]), охватывающим св. 120 тыс. хозяйств в 25 губерниях РСФСР, процент хозяйств без рабочего скота составлял:

	%%
в 1922 г.	33,7
в 1923 г.	33,6
в 1924 г.	32,4

Следовательно, число хозяйств без рабочего скота изменилось незначительно и остается значительно большим и чем в 1917 и чем в 1920 году.

Как сильны иллюзии значительной части крестьянства о возможности стать настоящими мелкими хозяевами, показывает тот факт, что эти надежды питали (в значительной мере и сейчас питают) не только широкие полупролетарские, но и пролетарские слои крестьянства: огромное большинство сельско-хозяйственных рабочих перешли, как известно, не к товарищескому, а к единоличному хозяйству (хотя, несомненно, среди них в значительной части вербуются члены наших крестьянских коллективов и было бы весьма интересно выяснить, какую часть участников коллективов и в частности их организаторов составляют большинство сельско-хозяйственных рабочих).

Живучесть этих иллюзий коренится в том, что после революции наступает эпоха под'ема мелкого хозяйства, как такового (хотя и исторически ограниченного довольно узкими пределами): правда, не всех мелких хозяйств, а лишь тех, которые располагают достаточными средствами производства. Но именно это

[1]) См. „Сборник стат. сведений по СССР" Москва, 1924, стр. 107.

[2]) См. там же. На Украине в 1923 г. хозяйства без рабочего скота составили 52,7% (см. А. Хрящева „Группы и классы в крестьянстве", Москва, 1924 г. стр. 51); в 1920 г. по данным „Сборника" (стр. 107) 34,3%, в 1917 г. 42,2%.

[3]) См. сноску первую.

сознание предстоящего под'ема и делало такими жгучими иллюзии остальной части мелких хозяев, не располагающих средствами для ведения своего единоличного хозяйства.

Живучесть этих иллюзий, имеет, следовательно, не иллюзорную почву. Но рано или поздно эти иллюзии значительной части крестьянства рассеются, будут осознаны им, как иллюзии. Чем дальше, тем сильнее будет расти число тех, кто разочаровался в возможности создать общественное мелкое хозяйство.

В результате империалистской и гражданской войны значительная часть (быть может около половины) мелких хозяев разорена настолько, что возможность под'ема на основе мелкого единоличного хозяйства для нее, как для массы, закрыта.

У этой части мелких хозяев только два выхода—отрыв от земли, отказ от своего хозяйства, переход в ряды городского или сельского пролетариата, или об'единение для товарищеского хозяйства.

Часть—в особенности не до конца разорившиеся—пойдет по последнему пути. Тенденция к товарищескому об'единению имела место у таких крестьян всегда. Например, супряга, т.-е. совместная обработка земли (под которой иногда, а в настоящее время довольно часто скрывается эксплоатация зажиточным маломощного), была весьма распространена и до революции. Так в конце 19 века в Екатеринославской губернии обрабатывали вспашку супрягой [1]).

					%%
Из безземельных хозяйств					19
Из имеющих	до	1		дес.	53
"	"	"	1—3	"	8
"	"	"	3—5	"	49
"	"	"	5—10	"	59
"	"	"	10—15	"	46
"	"	"	15—20	"	34
"	"	"	20—25	"	14
"	"	свыше	25	"	4

Наиболее слабо, как видно из этих данных, супряга была распространена у совершенно разорившихся (безземельных) и в высших (по землевладению) группах крестьянства, сильнее всего у малоземельных, где она в известной, и, вероятно, значительной части являлась зародышем товарищеского об'единения мелких крестьян, погибавшим однако прежде, чем такое об'единение достаточно укреплялось. Теперь эти зародыши погибают много реже, а очень часто укрепляются и развиваются.

Но этот частичный выход в течение долгого времени не сможет ликвидировать тот коренной факт, что значительная часть крестьянства не располагает достаточными средствами производства, что основное, чем оно располагает это его рабочая сила.

Об'единение в коллективы, т.-е. переход к более крупному хозяйству повышает, конечно, продукцию об'единившихся крестьянских хозяйств, а тем самым и жизненный уровень вошедших в об'единение крестьян, но оно не увеличивает возможность применения для их рабочей силы настолько, чтобы поглотить избыток не находящей целесообразного применения рабочей силы. Ибо хотя при переходе к коллективному хозяйству размеры продукции хозяйства растут, но растет одновременно и производительность труда в нем, а потому потребность его в рабочей силе падает относительно (а иногда абсолютно).

[1]) См. Б. И. Книпович „К вопросу о диференциации русского хозяйства" С. Петербург, 1912 г. стр. 32.

Поэтому улучшая условия существования, а потому и требовательность крестьян в смысле оплаты рабочей силы, об'единение маломощных хозяйств не уничтожает их заинтересованности в возможности применения рабочей силы вне их коллективного хозяйства.

К тому же по пути товарищеского об'единения пошла пока лишь небольшая часть крестьян, которые не в состоянии вести собственного хозяйства.

Поэтому неуклонно растет их предложение рабочей силы.

В течение последних лет одновременно с ростом числа городских рабочих росло и число городских безработных, т.-е. число ищущих работы в городе, что возможно только при условии притока в города безработных извне, т.-е. из деревни.

Нет сомнения, что аналогичное явление должно иметь место и в деревне. Косвенно об этом говорит значительный рост за последний год аренды, т.-е. отказа части крестьянства от ведения собственного хозяйства, и значит и рост необходимости жить продажей своей рабочей силы.

Но в деревне, в силу юридического запрещения крупного частного хозяйства, применение наемного труда осуществляется в разнообразных скрытых формах, неудобных для крестьянина—капиталиста и особенно тяжелых для фактического батрака.

По мере того, как будут изживаться иллюзии разоренной вами, по мере их об'единения в коллективы и перехода другой части крестьянства о возможности стать единоличными хозяевами части на положение, рабочих политика юридического запрещения сельскохозяйственного наемного труда и сельскохозяйственного капитализма будет терять поддержку этой части крестьянства (около половины его).

Но она будет терять поддержку и с другой стороны. Развитие мелкого хозяйства означает его развитие в сторону крупного хозяйства. По мере под'ема той части мелких хозяйств, которые располагают необходимыми для ведения хозяйства средствами производства будет расти (и растет) число зажиточных хозяйств, т.-е. таких, которые стремятся расширить свое хозяйство за пределы, ограничиваемые их собственной рабочей силой.

Беднота—это потенциальные (возможные) пролетарии потому, что их средства производства недостаточны, чтобы они могли полностью и рационально применить свою рабочую силу в собственном хозяйстве.

Зажиточные это—потенциальные (возможные) капиталисты, потому что их рабочая сила недостаточна, чтобы полностью и рационально использовать их собственные средства производства, потому что для этого необходима добавочная чужая рабочая сила.

Именно поэтому различия в состоятельности становятся исходной точкой для образования противоположных классов, количественные различия—исходной точкой для качественных.

Преуспевающий мелкий буржуа не может остаться мелким буржуа, а превращается, поскольку он остается частным собственником, в капиталиста. Применение наемной рабочей силы таким преуспевающим мелким буржуа является, конечно, вовсе не его прихотью, а необходимостью для его преуспевающего хозяйства. Но как раз то, что применение наемного труда стано-

вится для него необходимостью и означает необходимое превращение его в капиталиста (разумеется, протекающее как процесс) [1].

И каждый мелкий хозяин, которого развитие его собственного хозяйства подводит к этой черте, естественно перестает быть сторонником политики юридического запрещения крупного сельского хозяйства. Число ее защитников должно поэтому таять с обоих концов.

С того момента, как утопическая попытка юридически запретить капитализм в сельском хозяйстве потеряет—по разным мотивам у разных слоев крестьянства—поддержку большинства крестьянства, отпадет и у пролетариата основание для особой политики по отношению к капиталу в сельском хозяйстве.

Пролетариат сам по себе не заинтересован в том, чтобы ставить капитал в сельском хозяйстве в иные условия, чем в промышленности, не заинтересован в том, чтобы поощрять вложение капитала в торговлю и ростовщичество за счет вложения его в сельскохозяйственное производство; поощрять скрытые формы капитала, связанные с особенно суровой эксплоатацией работника, за счет открытых.

«Союз пролетариата с *большинством* крестьянства» означает поэтому не только политику содействия под'ему мелкого хозяйства в рамках мелкого хозяйства, но и политику облегчения и улучшения условий реализации рабочей силы для той части мелких хозяев, которые не в состоянии вести своего собственного хозяйства, политику, к которой необходимо перейти с того момента, когда иллюзии этой части мелких хозяев о возможности стать настоящими мелкими хозяевами исчезнут.

Но не означает ли это ставку на капиталистическое развитие мелкого хозяйства?

Нет. Думать, что уничтожение юридического запрещения сельскохозяйственного капитализма означает превращение сельского хозяйства в капиталистическое, это значило бы считать, что именно это юридическое запрещение и мешает сельскому хозяйству стать капиталистическим. Это значило бы переоценивать одновременно и значение юридических запрещений и потенциальные (скрытые) возможности развития капитализма. Конечно, крупное хозяйство побивает и будет побивать мелкое. Конечно, в борьбе между мелким (мелкобуржуазным) хозяйством и капиталистическим будет побеждать последнее, по мере того, как будет развертываться их конкуренция. Но это не значит, что сельское хозяйство будет становиться капиталистическим.

В условиях господства пролетариата развитие сельского хозяйства будет итти *не так*, как оно идет в условиях господства капитала. Под давлением конкуренции вообще (и в частности конкуренции капиталистического сельского хозяйства) мелкие хозяева будут толкаться в сторону все более широкого об'единения в *коллективы*.

Это с одной стороны будет означать усиление конкуренции крупного хозяйства с мелким, ибо к конкуренции крупных капиталистических хозяйств прибавится конкуренция крупных коллективных хозяйств. И это усиление конкуренции будет дополни-

[1]) Попытки доказать, что те, кто нуждается в применении наемного труда в своем хозяйстве, не повинны в этом и потому не имеют ничего общего с капиталистами, подменяют экономический подход моральным, здесь совершенно неуместны. См. напр. статью т. Эр. Квиринг в № 15 „Правды“ от 18 января.

тельным побуждением к товарищескому об'единению мелких хозяев в коллективы.

А с другой стороны это будет означать *возникновение и развитие конкуренции между капиталистическими и между коллективными хозяйствами*, т.-е. конкуренции *между крупным и крупным* хозяйством. Поэтому, экономическая политика пролетариата даже и при уничтожении юридического запрещения сельскохозяйственного капитализма означает ставку на крупное хозяйство, но не капиталистическое, а коллективное, т.-е. переходное к социалистическому, означает ставку на *трудового* крестьянина, но не отсталого, держащегося за собственное мелкое хозяйство, а передового, идущего на товарищеское об'единение с другими.

То большинство крестьянства, которое является союзником пролетариата, неоднородно. В нем господствуют еще мелкобуржуазные иллюзии о возможности процветающего мелкобуржуазного хозяйства, где каждый сам себе хозяин, и где нет ни капиталистов, ни пролетариев.

Действительность одновременно и поддерживает пока эти иллюзии, поскольку значительная часть мелких хозяев подымается, как мелкие хозяева, и разрушает их, поскольку одни, отчаявшись в попытке поднять свое хозяйство, или забрасывают его или об'единяются с другими, создавая товарищеские хозяйства—коллективы, а другие, подняв свое хозяйство до крайних пределов использования своей рабочей силы, тянутся применять чужую.

Союз пролетариата и большинства крестьянства под руководством пролетариата означает в этих условиях необходимость такой политики пролетариата, при которой были бы обеспечены:

беспрепятственное развитие, более того посильная помощь под'ему мелкого хозяйства, пока оно остается мелким хозяйством;

особая помощь как организационная, так и материальная (кредит) товарищескому об'единению мелких хозяев в коллективы, в которых работают только их члены, и государственному крупному сельскому хозяйству (совхозам);

организация и защита интересов сельскохозяйственных пролетариев-батраков и вообще всех тех крестьян, которые выступают как продавцы своей рабочей силы, там, где они выступают в качестве таковых;

экономическая борьба с сельскохозяйственными капиталистами государственного и товарищеского (коллективного) крупного сельского хозяйства;

наряду с внеэкономической, пока за нее стоит большинство крестьянства, т.-е. пока она является условием союза с ним, и с отказом от последней, когда за нею не будет больше *большинства* крестьянства.

М. Покровский.

Политические итоги учительского с'езда.

Пишущему эти строки живо припоминаются унылые вечер зимы 1919—20 года. Приходилось ему выступать на собраниях учителей, организовывавшихся союзом «Работников просвещения и социалистической культуры», как он тогда назывался.

Какова бы ни была тема доклада, записки всегда поступали одинаковые. Будут ли выдавать учительский паек и когда начнут? Будет ли отапливаться школа и кто даст дрова? А как насчет жалованья?

Было бы наивностью думать, что присутствовавшие не имели другого источника информации по всем этим вопросам, кроме докладчика о 9 января или о февральской революции. Многое, конечно, могли спросить просто у соседей, тут же в аудитории,— и получить более точный ответ. Но надо было спросить что-нибудь заведомо неприятное для выступавшего перед собранием коммуниста. «Ты вот о революциях распеваешь, а нам голодно, холодно. Ты бы лучше, чем о революциях-то растабарывать, сказал «своим», чтобы они школы топили!» Изредка, у людей посмелее, настроение прорывалось отчетливей, и получалась записочка, написанная бисерным женским почерком: «Вы вот сказали, что Николай II расстрелян,—а я знаю, что он жив и живет за границей».

Но всего ужаснее на этих собраниях был Интернационал. Этого Интернационала я до гроба не забуду. Пела одна ячейка, человек 10—15 на аудиторию в 500 человек. Остальные молчали и стояли со скучающим видом людей, слушающих в церкви малую ектенью.

И вот, если бы я попал две недели назад в «Экспериментальный» театр после доклада тов. Зиновьева, не зная, что в театре происходит, я, на вопрос о звуках, доносящихся из зала, без колебаний ответил бы: «свердловцы или рабфаковцы». Кто же у нас дружнее поет Интернационал?

А это пел учительский с'езд. Пел по собственной инициативе и безо всякого предварительного сговора. Просто, само собою вырвалось.

Конечно, с'езд был левее учительской массы. Все учительские с'езды, с 1905 года начиная, были левее учительской массы—по той простой причине, что «середняка» на с'езд не пошлют. На с'езд едет всегда «головка». Получить иной с'езд можно было бы, только назначив делегатов по жребию. В данном случае левизна с'езда подчеркивалась тем, что на нем было почти 80% членов партии, тогда как среди учительства вообще коммунистов менее 5% (4,6). Но, ведь, и те собрания, с печального

воспоминания о которых я начал, организовывал союз—и там были только учителя, по тогдашнему крылатому слову, стоявшие «на советской площадке». Те, которые и на этой площадке не стояли, ни на какие собрания не ходили и сидели дома, терпеливо ожидая, пока их «освободят», на худой конец, хоть поляки. Надежды этого рода были очень распространены среди московского интеллигентного мещанства весною 1920 г., когда началась война с Польшей.

А теперь, с такой же настойчивостью, как на с'ездах 1905 г. «долой самодержавие!», на с'езде 1925 года звучало: «хотим в коммунистическую партию!» Сколько раз это было повторено на с'езде? Любители статистики подочтут по стенограммам. Я в таком количестве этого желания не слыхал еще нигде. И после речей тов. Фрунзе и тов. Луначарского (посвятившего военным возможностям около получаса) определенно чувствовалось: если бы теперь Польша об'явила нам войну, народный учитель был бы в первых рядах призывающих к защите социалистического отечества.

Ничем, может быть, резче не оттенилось это настроение с'езда, чем речью Н. А. Рожкова. Он пришел призывать беспартийных учителей поддерживать коммунистическую партию во имя общекультурных интересов: а перед ним были люди, которые сейчас же взяли бы партийные билеты, если бы их раздавали попросту, без церемоний. Не мудрено, что с'езд не заинтересовался этой речью. А в 1920 году как радикально она прозвучала бы!

Надо сказать откровенно: такого сдвига учительской массы никто из нас, старых просвещенцев, ожидать не мог. Наибольшей оптимисткой в этом вопросе у нас всегда была т. Н. К. Крупская (спорившая постоянно со мною и по поводу моих впечатлений 1920 года), но, я думаю, с'езд обогнал даже ее ожидания. Было бы, конечно, наивностью думать, что мы имеем уже учителя-коммуниста: желать вступить в партию и быть выдержанным ленинцем, это две вещи разные. И винить за это учителя нельзя, ибо где у нас марксистская литература, для него доступная и к его нуждам приноровленная? Но что у нас есть советский учитель, и что этот советский учитель играет руководящую роль в учительской массе, на этот счет никаких сомнений быть не может.

Что было причиной этого сдвига? Первая мысль, которая приходит в голову, это об'яснить его упрочением советской власти. Убедившись, что новый порядок практически, в пределах предвидения одного человеческого поколения, несокрушим, что с ним надо как-то уживаться, люди отказались от своей «критики» и берут то, что есть, как оно есть.

Против этого об'яснения можно, прежде всего, возразить, что, ведь, в 1920 году мы тоже не были уже в положении случайных «захватчиков». Острый и опасный для нас период гражданской войны был уже назади, Юденич был уже отбит от Питера и отброшен за Нарову, Деникин стремительно откатывался к Новороссийску, Колчак был в плену у красных. О знаменитых «трех неделях» не заикались уже самые беспардонные белогвардейские Хлестаковы. Отдельные интеллигентские группы уже готовились «сменять вехи»,—но учитель в массе к нам не шел. Это, во-первых. А во-вторых, на с'езде чувствовалось не пассивное подчинение неизбежному, а настроения определенно активные,

желание работать и притом работать политически, рука об руку с РКП. Пришлось бы заподозрить учительскую массу в чудовищном лицемерии—об'яснение по отношению к массе совершенно немарксистское, а в данном случае, не имеющее под собою и никакой фактической почвы. Просто до учительства дошла, наконец, Октябрьская революция. Поздновато, но дошла. Лучше поздно, чем никогда.

В другом месте (см. «На путях к новой школе», № 1, 1925 г.) я наметил три препятствия, которые лежали перед учительством на этом пути: социальный состав учительской массы, эсеровское воспитание, материальная зависимость от сельской буржуазии.

Что касается первого, в своей характеристике я имел в виду учительскую массу перед 1905 годом—основные кадры старого земского учительства. Что поповичи среди него преобладали, не подлежит сомнению. Но уже в конце этого периода заметно было пополнение этих кадров новым социальным элементом—крестьянскими детьми, прошедшими через земскую школу. Шесть лет после первой революции, в 1911 году, крестьян-учителей было уже более $^1/_3$ (36,2%): больше, чем поповичей и поповен, которые давали лишь одну пятую (20,2%). По данным тов. Я. Яковлева, «из обследованных в 1924 г. 24 волостей РСФСР—399 учителей—60% оказываются крестьянами и 12% рабочими». В Саратовской губ. крестьяне составляют 55%. Данные эти крайне неполны, но тем не менее говорить о поповиче, как о типе сельского учителя, давно уже не приходится. Этот тип или сбежал к белым или, в дни голода, ушел в советские учреждения. Нет худа без добра: жестокая голодовка учителя в годы военного коммунизма, о которой мне пришлось говорить в моей статье, очистила учительские кадры, во-первых, от шкурнических, во-вторых, от пришлых элементов. Удержались те, кто был предан своей профессии и не шел в советскую канцелярию, хотя она и обеспечивала ежедневную вяленую воблу и ежедневный фунт черного хлеба, да еще удержались местные люди, которым около своего хозяйства легче было прокормиться.

Среди последних не мало было связанных и с местными кулацкими элементами, и сама по себе их наличность еще не была признаком улучшения социального состава учительства. Но тут подошли на помощь политические моменты. Первым из них, по времени, была массовая работа учительства в Красной армии. Влияние Красной армии на работавших в ней просвещенцев не было еще, сколько я знаю, предметом обследования,—но по отдельным случаям, какие приходилось встречать, влияние это было огромным. Красноармейская атмосфера преображала учителя, особенно молодняк. Один старый буржуазный мыслитель говорил, что огромной важности вещь—быть связанным с каким-нибудь крупным делом: после этого житейским мелочам уже гораздо труднее засосать человека. Участие в гражданской войне и было таким крупным делом для нового, вышедшего из деревенской массы, учительства. Не для всего, конечно, но для весьма значительной его части.

Другим политическим моментом был разгром партии эсеров. Надо знать, как ревниво эта партия, пока была в силе, «оберегала» учительство от всякого постороннего влияния—до какой степени влияние эсеровщины было здесь поистине монопольным. На пути к сближению с коммунистами это влияние было главным препятствием: вот отчего учитель «не сдавался» ни в 1920, ни в 1921 году—годах наибольших упований эсеров на успешную контр-революцию. Теперь эта партия стала заграничной по преимуществу—внутри СССР сколько-нибудь серьезных эсеровских организаций более нет. Процесс 1922 года, в особенности связанные с ним разоблачения, должны были нанести сильный удар эсеровской идеологии в учительской среде. Многим учителям, из стариков, теперь просто напросто стыдно, что они когда-то шли за эсерами. И они робко спрашивают нашего брата-коммуниста: «Простили ли» их теперь? С первого взгляда даже не поймешь—за что простили, в чем он был виноват? А разговоришься, и увидишь, что имеешь дело с бывшим эсером или эсерствующим, стыдящимся своего политического прошлого.

Это отпадение учителя от эсеров нашло себе очень интересное отражение в эсерствующей литературе. Чрезвычайно ласковая к учителю, пока он оказывал «геройское» сопротивление коммунистам, эта эсерствующая литература, с 1923 года, примерно, просто перестала его замечать в деревне. Нет, говорит, его вовсе, учителя, в деревне. Есть люди, которые притворно возятся около школы (ради очень больших доходов, должно быть!)—но какие же это учителя? Разве такие учителя в наше, эсеровское, время были? На удочку одной из таких эсерствующих книжонок попалась тов. П. Виноградская, об'явившая, на основании «наблюдений» эсерствующих студентов, что в деревне «что касается учительства-шкрабов, то они почти отсутствуют, их роль в деревне пока сводится к нулю» [1]). Не верьте этим «наблюдателям», тов. Виноградская: это роль эсеров сводится в деревне к нулю, а так как учитель представлялся эсерам (и еще так недавно—всего в 1921 году!) присяжным агитатором и пропагандистом их партии, то теперь на его счет и собираются, под видом «этнографических исследований», всякие деревенские сплетни. А когда попадает в деревню коммунист, то глаза его видят, представьте себе, совсем другое. Обследование целого ряда губерний—Московской, Харьковской, Владимирской, Воронежской, Екатеринославской—свидетельствует об огромном под'еме общественных интересов среди учительства [2]). Его общественная работа так разрослась уже теперь, что начинает серьезно мешать его педагогической работе, и уже теперь приходится ставить вопрос, как эти работы увязать, чтобы учитель, став общественником, не «разучителился». Этнография—общественная наука, и классовая позиция этнографа так же важна, как и классовая позиция историка. Почитайте-ка эсеровские истории октябрьской революции.

Превращение учителя из эсеровского агитатора и пропагандиста в пропагандиста и агитатора на службе Советской власти и РКП и представляет собою тот процесс, который совершается на наших глазах, и одним из проявлений которого был только что прошедший всесоюзный учительский с'езд. Наша насущнейшая задача—всячески облегчить и ускорить этот процесс, идущий, пока что, больше самотеком. Избавление учителя от материальной зависимости перед сельской буржуазией—одна из само собою разумеющихся об'ективных предпосылок этого процесса:

---

[1]) „Печать и революция" 1924, кн. VI, стр. 97.

[2]) См. цитир. статью Я. Яковлева в сборнике „Учитель и Революция" стр. 64 и сл.

вот почему увеличение учительского содержания и декрет об учительских пенсиях были отнюдь не случайными спутниками с'езда. Другим об'ективным моментом является организация учительства на местах.

Организация эта и сейчас гораздо выше того, что мы себе представляем. Мне пришлось говорить на с'езде с учительством как раз из тех северных губерний, где, по эсерствующим «этнографам», учительство—пустое место. С удивлением я узнавал, что учителя глухих лесных мест регулярно собираются по каждым 5—10 школам, читаются педагогические доклады, обмениваются своим школьным опытом. А от ближайшего города 40 верст, и никакой железной дорогой и не пахнет. После этого узнать, что в московской губернии только 20% учителей не втянуты в общественную работу, было уже неудивительно. Наркомпросовские инструктора, посещавшие уездные учительские конференции, единогласно свидетельствуют, что по уровню общественной сознательности эти конференции недалеки от хороших рабочих собраний, а раздававшиеся на них речи были таковы, что инструктор иной раз впадал в сомнение—не на партийную ли конференцию он попал. А это говорили беспартийные—правда, как мы видели, очень желающие войти в партию.

Словом, никогда еще не было более благоприятного момента, чтобы превратить народного учителя (противное слово «шкраб», которого не выносил Владимир Ильич, умерло тихой смертью на всесоюзном с'езде и, надо надеяться, не возродится; хорошо бы воспретить его, в официальном словоупотреблении, формально)—чтобы превратить народного учителя в того советского агитатора и пропагандиста в деревне, каким хотел его видеть Ленин[1]). На пути к этому стоит еще, однако, ряд препятствий.

Прежде всего, надо твердо помнить, что если даже работника физического труда приходится заинтересовывать в его работе индивидуально, чтобы труд был действительно производителен, то по отношению к работнику труда умственного это условие категорическое. Учитель, который не интересуется своей работой, выполняет ее из под палки—не учитель; его нужно гнать из школы. Учителей, живо интересующихся своим делом, у нас достаточно—в процентном отношении, как мне уже пришлось упоминать, их, вероятно, больше, чем было до революции. И этим лучшим как раз учителям очень туго приходится, когда они на местах сталкиваются с «властью», весьма мелкой по калибру на нашу оценку, но там, на месте, располагающей громадными полномочиями. Методы военного коммунизма, методы действия исключительно с в е р х у, давно изжитые и осужденные в центре, на местах до сих пор являются аксиомой. Один из образчиков применения таких методов к школе и учителю был опубликован «Учительской Газетой» в самый день открытия с'езда (статья «Ложка дегтю»). Я приведу, по письму одной провинциальной учительницы, другие—менее яркие, но относящиеся непосредственно к п е д а г о г и ч е с к о й работе и потому еще более убедительные в данном случае. «На конференции осенью наш инспектор определенно произнес такую фразу: «нам нет дела до индивидуальных наклонностей ваших учеников и вам не должно быть до них дела: вы должны воспитывать нам только социальных единиц». На переподготовке программы ГУС'а разрабатываются п о д н я м, весь материал строго определен и рассчитан, и в таком виде преподносится и «пропускается» через учителей... Теперь в нашей секции мы разрабатываем подробнейшую программу, чуть ли не по дням, для станичных учителей, которые с'ехались сюда на конференцию и получат ее от нас в готовом виде для применения на местах...»

В Красной армии все это очень хорошо—и очень плохо было бы, если бы каждый красноармеец по своему вздумал маршировать, стрелять и т. д. Это была бы партизанщина, а не армия. Но уже в генштабе никто не попробует сочинять готовые рецепты на всевозможные случаи войны—а пробовавшие это делать во время войн французской революции австрийцы поплатились за это под Маренго и Аустерлицем. Всякому учителю приходится, хотя и в маленьком масштабе, т в о р и т ь—приспособляясь к имеющемуся вокруг его учеников материалу и к индивидуальности этих учеников. И предписать всем учителям во всех школах со всеми учениками в один и тот же день проходить одно и то же—это идеал французской школьной бюрократии, а никак не советской педагогики. Пока мы не изживем этих французско-бюрократических приемов, учитель у нас, пожалуй, действительно останется тем несчастным «шкрабом», который своим забитым видом доставляет злорадное удовольствие эсерам, потерявшим всякую надежду обратить его в свою веру.

Другим недостатком, который надо изживать, является отсутствие живого и компетентного руководства на местах. Ведь тот инспектор, речь которого выше цитировалась, ничего больше единицы (не «социальной», а обыкновенной) по педагогике получить не может. Квалифицированные коммунисты у нас не в избытке и в центре. На местах их очень часто вовсе нет, а есть более или менее усердные просвещенские чиновники. Но, вопреки известному старорежимному афоризму, «усердие» далеко не «все превозмогает». Прежде всего, одного усердия мало, чтобы стать марксистом. А нужно определенное марксистское руководство. И тут приходит на память мысль, возникшая когда-то на лекторской группе свердловского университета: сформирование особых «лекторских бригад», куда входили бы и лучшие педагоги-спецы и хорошие руководители-коммунисты, и которые проводили бы ряд учительских курсов на местах. Такие курсы в свое время сыграли роль в эсеровском воспитании учительской массы. Где удавалось прорваться сквозь эсеровское заграждение, пользовались этими курсами и мы, большевики (мне, например, пришлось читать на таких курсах в Вологде, в июне 1906 г.; немедленно после моего от'езда эсеры направили туда «Непобедимого»—Фундаминского—дабы сгладить впечатление...).

В третьей линии (не по значению, конечно, третьей) необходима специальная л и т е р а т у р а для учителей. Вопрос этот уже поставлен на очередь и в Госиздате и в Научно-Педагогической секции ГУС'а, но о нем как-то мало говорят, а нужно кричать с крыш. Учителю не в покуп и не в под'ем толстые книги—а между тем учитель в деревне это ходячая энциклопедия. Именно для своей агитаторской и пропагандистской работы он должен все знать, на все уметь дать ответ. И отдельные номера учительской библиотечки должны быть, если не написаны,

[1]) См. его речь на совещании по работе в деревне, в июне 1920 г. (Соч. XVII, стр. 219).

то проредактированы, фактически и очень тщательно, нашими лучшими авторами. Американцы в этих случаях прибегают к сотрудничеству целого ряда лиц: один подбирает материал, другой политически (у американцев с точки зрения империализма, разумеется) его редактирует, третий облекает все это в литературную форму. Мы должны отнестись к своей учительской литературе не менее тщательно.

Всесоюзный учительский с'езд задал нам огромные задачи. Но над ними стоит трудиться. До сих пор смычка с деревней мыслилась у нас только по одной линии—через связанного с деревней рабочего. Эта линия остается и до сего дня главной. Но теперь у нас есть и другой привод—через народного учителя. Если прибавить сюда привод третий—через организуемую комсомолом деревенскую молодежь, получится передача такой силы, какой мы еще никогда не имели—о какой мы недавно еще и не мечтали. Наша политическая позиция в деревне сейчас неизмеримо сильнее позиции наших противников—и было бы настоящим чудом,—чудом нашей неумелости—если бы, сидя на таких командных высотах, мы не сумели бы стать политически в деревне так же прочно, как мы стоим в городе.

Б. Семенов.

События в Китае.

Силы, действующие в Китае.

Иностранный капитал и его структура.

Для того, чтобы более или менее правильно оценить положение в Китае и сделать из этого соответствующие выводы, необходимо выяснить те силы, которые в открытом ли или в скрытом виде действуют как во всем Китае, так и в соответствующих его территориях и районах.

Для правильного учета обстановки необходимо посмотреть и на историю развития этих сил, притом историю не только сегодняшнего дня, а и осветить некоторые моменты более отдаленные.

Прежде всего совершенно бесспорным является иностранное влияние в Китае. Но это иностранное влияние в продолжение известных периодов не было одинаково, и положение иностранного капитала, непосредственно после империалистической войны, в Китае , например, совершенно не похоже на его положение до нее, а положение непосредственно после империалистической войны не похоже на теперешнее его положение.

До империалистической войны в Китае действовали иностранные капиталы (мы берем конечно наиболее крупные и влиятельные капиталы) английский, германский, французский, русский и японский. Американский капитал в то время еще значительного участия в промышленной и, вообще, хозяйственной жизни Китая не принимал.

Т. к. очевидно, что политика и взаимоотношения капиталов зависят, главным образом, от их внутренней структуры, в каковой они проникают в полуколонию, то постараемся в общих чертах наметить основные особенности их.

Прежде всего, капитал английский. У английского капитала было определенное преимущество уже в том, что из всех своих основных конкурентов он пришел в Китай раньше всех.

Основной особенностью этого капитала было то, что он был капиталом очень старым, имевшим очень большое предварительное накопление, был капиталом очень полнокровным, у которого соотношение между этим накоплением и капиталом занятым в основной промышленности, в метрополии, было достаточно велико, чтобы выдержать небольшой по сравнению с промышленными прибылями процент при условии приложения его как капитала ссудного. Кроме того, чрезвычайно развитая промышленность в метрополии заставляла искать рынка сбыта этих товаров и т. к. основной тенденцией к распространению своих товаров в это время было уже предложение ссудного капитала с обязательным условием этих займов—приобретение соответствующих товаров, то эта тенденция в соединении с низким уровнем

процента заставляла английский капитал выступать в Китае, как капитал ссудный. Но вместе с тем необходимость получения сырья заставляла переносить в Китай и капитал промышленный, который доставлял бы сырые материалы для отечественной промышленности, производил бы именно сырые материалы для нужд отечественной промышленности.

Таким образом, английский капитал в Китае до империалистической войны выступал в Китае в двояком виде: как капитал ссудный и капитал промышленный—в одинаковой мере.

Германский капитал, который был гораздо менее полнокровен, чем капитал английский, и который сверх того имел сравнительно с английским, гораздо меньшую хозяйственную территорию, развивался относительно быстрее английского капитала, и действовал в Китае как капитал в первую очередь промышленный, ибо в силу своей меньшей полнокровности не мог бы вынести конкуренцию с английским капиталом, как капитал ссудный.

Русский и японский капиталы, почти одинаковой мощности и структуры, действовали в Китае почти исключительно как капиталы промышленные, притом с некоторыми особыми способами проведения своего влияния и работы. Это были капиталы маломощные, но вместе с тем и благодаря этому очень активные, особенно японский. Т. к. японский капитал вышел на мировую арену тогда, когда лучшие места под солнцем уже были захвачены его более старыми и счастливыми соперниками, то японский капитал в первую очередь был капиталом чрезвычайно активным.

Но в силу своей экономической слабости оба эти капитала—японский и русский—не могли выдержать свободной экономической конкуренции с своими соперниками. Для своего существования на иностранной территории они нуждались в своего рода оранжерейной обстановке, в подкреплении своего экономического влияния помощью вооруженной силы, чтобы под покровительством своего штыка не допускать своих соперников до захваченной территории.

Французский капитал действовал, как капитал ссудный, что вытекало из его структуры в метрополии.

Американский капитал, в Китае до империалистической войны почти не действовал, т. к. он еще не смог насытить своего континента и потому еще не выходил в такой мере на мировой рынок.

Таким образом, до империалистической войны на территории Китая подвизались следующие основные соперники: Англия—капитал промышленный и ссудный, Германия—капитал, главным образом, промышленный, Франция—капитал ссудный, Россия и Япония—капиталы промышленные. И т. к. разнородные капиталы допускают известную степень сотрудничества, а однородные имеют достаточно поводов для конфликтов, ибо в самой их однородности кроется первая причина постоянных конфликтов и противоречий между ними, то английский капитал, в силу своей двойственности, был одновременно и чужд и родственен другим своим соперникам и потому Англия до войны шла особняком в Китае, враждуя со своими соперниками и одновременно координируя с ними свои действия с каждым в той мере, в какой английский капитал был однороден или разнороден со своим соперником.

Французский капитал, будучи единственным чисто ссудным капиталом, мирно уживался почти со всеми своими соперниками, кроме Англии, по некоторым вопросам.

Русский и японский капиталы, будучи совершенно однородны, действуя, притом, совершенно одинаковыми методами, все время проводили в глубокой вражде и соперничестве, тем более, что им приходилось действовать на общей территории.

Положение иностранного капитала в Китае во время и после империалистической войны.

Но вот наступила «великая» империалистическая война. Китай хотя и принимал участие в войне, но больше, так сказать, принципиально. Самая война на Китае непосредственно, почти не отразилась. Но в самой структуре, действовавших до сего времени на территории Китая иностранных капиталов, произошли за время этой войны глубокие изменения, изменения, обусловившие и новую политику отдельных иностранных капиталов.

Во-первых, в виду возникновения в странах Антанты военной промышленности и колоссального ее развития во время этой войны, начался отлив иностранного капитала из Китая. Военные прибыли были настолько выше всяких прибылей, которые иностранный капитал мог получить в Китае, что капиталы из Китая пересилились в метрополию, где пошли на создание громадной военной промышленности. В первую очередь отлили те капиталы, которые фигурировали в Китае в качестве капитала ссудного, что вполне понятно, т. к. промышленный капитал был гораздо прочнее закреплен в предприятиях.

В частности германский капитал, по обстоятельствам военного времени, был в Китае совершенно ликвидирован и его место заняли другие. Русский капитал тоже отлил к себе на родину, где и занялся приготовлением в больших размерах военного снаряжения и ружей. К концу же войны, с наступлением нашей революции, он вообще сошел со сцены.

Японский капитал во время войны развил, с одной стороны, громадную военную промышленность, а с другой, пользуясь уходом с китайской арены большей части своих соперников, занял их место. Кроме того, он в результате войны, занимаясь военными поставками, сделался очень полнокровным и тем самым получил преимущество перед своими соперниками, которые, наоборот, втянули массу своих капиталов в военную промышленность и потому сделались менее полнокровными.

Таким образом обстановка за время войны совершенно переменилась, т. к. переменилась структура самих иностранных капиталов. Английский капитал, действующий во время войны в Китае, потерял свой двойственный характер, ибо отсутствие свободных денежных капиталов лишило его свойства ссудного капитала и он остался и начал действовать в Китае после войны лишь как капитал промышленный.

Французский капитал, отлив в метрополию, назад в Китай фактически не возвратился, т. к. он слишком много потерял на войне, с одной стороны, а с другой—потерял все вложенные в России деньги, кроме того, национальная военная промышленность всосала слишком много средств.

Германский капитал был ликвидирован, равно как и русский. Но тут выступил еще один конкурент, который в скором времени занял доминирующее положение — это Соединенные Штаты Северной Америки.

Америка—всемирный банкир, во время империалистической войны, поставщик оружия и военного снаряжения, накопила за время войны слишком много золота, от которого задыхалась. А т. к. Китай, как рынок, постоянно нуждался в деньгах, а Америке их девать было некуда и процент Китай давал, ввиду отсутствия конкуренции в предложении денег со стороны других соперников, очень большой, то Америка устремилась в Китай, как капитал ссудный, тем более, что предложение денег со стороны Америки всегда было обусловлено требованием покупать именно те товары, которых в это время было много в Америке.

Выступая до последнего времени как капитал ссудный, Америка, в силу разнородности стрктуры своего капитала, может в Китае сотрудничать с английским капиталом, с которым основных противоречий, возникающих из однородности структуры, у него нет. И из этой разнородности и вытекает в настоящее время такой трогательный альянс американского капитала с английским, альянс, доходящий до того, что капитан английской канонерки расстреливает китайских лодочников за убийство американца.

Японский капитал ту небольшую часть ссудного капитала, которую он имел до осени прошлого года, потерял после колоссального землетрясения в сентябре 1923 года, т. к. громадные восстановительные работы разрушенной промышленности, не считая уже необходимости пополнения убытков этой промышленности, вызвали значительный отлив японского ссудного капитала из Китая в метрополию. Оставшись только в виде промышленного капитала в Китае, притом в силу экономической слабости своей действующего особыми методами (охрана своими штыками и пр.), не дающими никакому другому капиталу работать совместно с японским, этот последний встал перед соединенной англо-американской коалицией как глубоко враждебная сила.

Местные китайские силы.

Но кроме влияния иностранного капитала, в Китае существуют и свои местные силы, которые в конечном счете, оказывают тоже свое серьезное влияние на происходящие события и на соотношение сил. Прежде всего в Китае уже имеется национальный китайский капитал. В результате быстрого процесса капитализации страны должен был естественно народиться национальный китайский капитал. Но до империалистической войны этот национальный капитал рос не так быстро, а империалистическая война, вызвав громадный спрос на продукты, которыми Китай был чрезвычайно богат, кроме того, вызвав и отлив иностранного капитала из Китая и, тем самым, оставив пробелы в его хозяйстве, дала толчок к скорейшему росту китайского национального капитала. Этот капитал начал развиваться, конечно, не с тех форм, с которых в свое время развивался, напр., английский капитал. Китайский национальный капитал сразу же усвоил себе все совершенные формы иностранного капитала и начал развиваться, как капитал финансовый. Две особенности обстановки толкали китайский национальный капитал к развитию именно в чистых национальных формах. Во-первых, в самом начале своего промышленного развития Китай уже не имел сильной государственной власти, которая могла бы путем протекционизма ограждать свою национальную промышленность от конкуренции иностранного капитала и, наоборот, рядом грабительских договоров было закреплено привиллегированное положение иностранного капитала в Китае. В силу этого обстоятельства, иностранный капитал в Китае не ассимилировался, не смешивался с китайским, и последний в большинстве случаев существовал самостоятельно. Это обстоятельство, конечно, имело отрицательное значение на количественный рост китайского капитала, но зато обеспечивало его сохранение в чистом виде. Второе обстоятельство,—это особенности условий китайского быта и жизни. В силу того, что обстановка, в которой приходилось действовать иностранному капиталу, была для него совершенно незнакома, незнакома и в настоящее время в значительной степени, вследствие крайней трудности китайского языка и своеобразия быта, то иностранный капитал должен был в своей работе прибегать к помощи исключительно китайцев. Создается институт «компрадоров». Эти компрадоры, действуя первоначально в качестве приказчиков иностранного капитала, постепенно обращаются в самостоятельных капиталистов. И т. к. иностранный капитал действует через этих компрадоров, то, таким образом, китайский рынок, как бы изолируется от действия иностранного капитала этой стеной компрадоров, и в нем свободно развивается китайский национальный капитал.

Китайский национальный капитал необычайно вырос за последнее время и продолжает расти с такой же быстротой. Напр., из 19 миллионов тонн каменного угля, выработанного в Китае в 1922 году, почти половина выработана на копях, принадлежащих китайскому капиталу, а из 97 миллионов долларов, вложенных в каменноугольные копи всего Китая, 50 миллионов принадлежат китайскому капиталу. В одном только Шанхае в 1924 г. из всех 49 хлопчатобумажных фабрик, работающих в этом городе, китайскому национальному капиталу принадлежат 24, почти вся мукомольная промышленность Китая сосредоточена в руках китайцев.

Т. к. иностранный капитал мало смешивается с китайским, а также вследствие того, что иностранный капитал, благодаря невыгодным для Китая торговым и другим договорам, находится в определенно привиллегированном положении по сравнению с китайским, последний, конечно, не может питать хороших чувств к своим соперникам. Такое привиллегированное положение иностранцев вызывает резкий отпор китайской крупной буржуазии, т. к. их преимущественное положение задерживает ее собственный рост, а существование различных местных таможенных обложений, падающих главным образом на китайскую промышленность и торговлю, т. к. иностранцы сумели от этих местных налогов отделаться, налогов, идущих на нужды милитаризма, поддерживаемого иностранцами в своих собственных интересах, вызывает такое же резкое недовольство китайской крупной буржуазии и китайским милитаризмом.

Одновременно быстрый процесс капитализации страны приводит к обезземеливанию мелких собственников.

Если возьмем цифры только за два года—1917 и 1918, то увидим следующую картину:

Категория	количество земли у одного собственн. в му (му—1/18 дес.).	количество 1917 год	владельцев 1918 г.
1	100 му и более . . .	2.835.464	2.278.365
2	50 » » до 100 му .	5.348.315	4.137.136
3	30 » » » 50 му .	10.122.214	6.712.366
4	10 » » » 30 му .	13.248.474	11 303.570
5	Менее 10 му	17.353.386	17.914.331
	Итого	48.907.853	42.345.668

Таким образом, если сравним только эти два года, то замечаем следующую картину. В 1917 году в процентном отношении первая категория составляла 6% всего числа владельцев, вторая—11%, 3-я—21%, 4-я—26%, и 5-я—36 проц. В 1918 году 1-я категория составляет 6%, 2-я—11%, 3-я—14%, 4-я — 27% и 5-я — 42%. Все категории количественно уменьшаются, кроме последней, которая увеличивается на 600.000 владельцев. Средние категории, владеющие землей от 10 и до 100-му, уменьшаются больше всего—на 6 слишком миллионов, иначе говоря, резервная армия труда только за один год получила новых шесть миллионов членов (в действительности больше, т. к. здесь приводятся цифры только владельцев, не считая их семей).

Т. к. площадь обрабатываемой земли, равная в 1917 году 75 миллионам дес., или 1.350.000.000-му, в 1918 году не уменьшилась, то, очевидно, что, наряду с обезземеливанием мелких собственников происходит и некоторое укрупнение количества земель в руках первой категории, которая численно уменьшилась.

Местные налоги, которые взимают за землю отдельные дудзюни, налоги, с развитием китайского милитаризма все более и более увеличивающиеся, вызывают со стороны обезземеливаемого крестьянства ненависть против милитаризма и питающего его империализма, а постоянные войны, которые ведутся между отдельными дудзюнями и разоряющие крестьянские хозяйства, отнюдь не уменьшают этой ненависти.

Крайне многочисленные китайские ремесленники и кустари, не могущие конкурировать с привозимыми из-за границы товарами гораздо лучшего качества и более дешевыми, вытесняемые и разоряемые ускоренным процессом капитализации страны, также не могут питать особой приязни к иностранному капиталу.

Наконец нарождающийся китайский пролетариат. Численность всей рабочей массы в Китае приблизительно определяется в 5 миллионов человек. Из этого количества 2 миллиона заняты в современной капиталистической промышленности. По отраслям производства эти рабочие распределяются следующим образом: горнорабочих—420.000, металлистов—200.000, текстильщиков и рабочих шелкового производства—300.000, железнодорожников — 100.000, рабочих электрической промышленности — 100.000, табачной и спичечной—200.000, печатников — 80.000, строительных рабочих—600.000, бумажников—100.000 и т. д.

В профсоюзы организовано 300.000, при чем на долю крупной промышленности падает 215.000 членов. Т. к. наиболее крупная

промышленность в Китае принадлежит все же иностранцам, то естественно, что ненависть рабочих в первую очередь и главным образом направлена в сторону иностранцев, а жестокие расправы, которыми по требованию иностранцев китайские милитаристы пытаются задушить рабочее движение в Китае (стачка на Пекин-Ханькоуской ж. д. и пр.) вызывают ненависть и против милитаристов и милитаризма, как системы.

На основе этого роста ненависти китайского народа к иностранному империализму и китайскому милитаризму и пробуждения национального самосознания, возникает большое национально-освободительное движение в Китае, руководимое партией Гоминдан и ее вождем Сун-ят-сеном. Наибольшее проявление это движение имеет на юге Китая, где у партии Гоминдан имеется территориальная база и государственный аппарат. Во всех остальных частях Китая это движение под давлением своего мощного противника—иностранного империализма существует в скрытом виде, вырастая с годами и созревая.

На февральском конгрессе Гоминдана в 1924 году была принята вновь выработанная программа партии, предусматривающая три основных принципа: принцип национальный, принцип демократизма и социализма. Национальный момент новой программы партии определяется, как борьба против иностранного империализма и собственного китайского милитаризма и борьба за равноправие всех национальностей, населяющих Китай. Социалистический принцип—равномерное распределение всех земель—определяется партией, как борьба за ограничение роста частного капитала. Партия Гоминдан требует разрешения аграрного вопроса путем предоставления малоземельным крестьянам и арендаторам земли и средств для аренды. В вопросе о промышленности программа Гоминдан предусматривает национализацию предприятий, носящих монопольный характер, а также национализацию крупных предприятий, как иностранных, так и китайских, находящихся в частных руках (напр., железнодорожных и банковских).

Партия Гоминдан создала почти во всех городах и странах, где имеются китайцы, свои отделения. До 1919 года количество зарегистрированных членов не доходило до 100.000 человек, в 1920 году уже превышало 100.000. К декабрю 1922 года членов партии было уже 238,000 человек. В 1923 году количество членов в Китае увеличилось еще на 23.000 и в колониях—на 4.600. Работа Гоминдана проходит при непосредственном и деятельном участии киткомпартии.

Все эти силы направлены против иностранного империализма своим острием. В известных случаях эти силы, как направленные против одного общего врага, контактируют свою работу. Но эти же силы, до тех пор, пока соответствующий иностранный капитал или об'единенная группа иностранных капиталов работает безраздельно в соответствующей сфере влияния, придавлены и доминирующим политическим влиянием в этой территории пользуется иностранный капитал.

Очевидно, что в случае, если бы это влияние иностранного капитала в силу каких-либо причин было аннулировано или ослаблено, немедленно же эти китайские силы начали бы действовать и оказывать свое влияние на складывающуюся политическую обстановку.

Последние события в Китае.

Что же произошло в Северном Китае и какова обстановка в результате окончания этих событий (это прекращение, конечно, только временное, как мы увидим ниже)?

Прежде всего, конечно, ни для кого не секрет, что главной движущей силой, вызвавшей эти события, было соперничество двух противников—англо-американского капитала, с одной стороны,—и японского, с другой. Эти две иностранные силы являются вместе с тем и главными иностранными капиталами, действующими в Китае, так как остальные, как мы видели выше, или же были ликвидированы в результате войны, или же отлили к себе в метрополию.

Чем же об'ясняется такое яркое проявление противоречий иностранных капиталов в Китае? Ведь мы знаем, что до империалистической войны иностранные империалисты почти всегда столковывались между собой, не доводя до столкновений своих ставленников в Китае.

Почти во всех вопросах иностранцы выступали единым фронтом, маневрируя, в случае, если интересы отдельных иностранных капиталов сталкивались в каком-либо вопросе.

Совсем не то наблюдается после империалистической войны. Столкновения противоречий иностранных империалистов в Китае начинает разрешаться уже не единым фронтом, а вооруженной борьбой, которую ведут, конечно, не сами империалисты, а китайские милитаристы соответствующей ориентации. Об'ясняется это тем, что если до империалистической войны Китай представлял из себя такую арену для работы иностранных империалистов, которая позволяла им маневрировать, то в настоящее время обстановка совершенно изменилась. Китай уже не представляет из себя такой арены, где можно было бы в случае столкновения таких интересов найти компромисс, удовлетворяющий обе заинтересованные стороны. Произошло это по двум причинам. С одной стороны, интересы империалистов определились и утончились в большей степени, чем это было до империалистической войны, эти интересы выросли, в то время как арена приложения осталась прежней. Кроме того, сужению способствует и рост китайского национального капитала, который заполнил уже довольно значительные пробелы в хозяйственной жизни Китая, существовавшие до империалистической войны. Поэтому, лишенные в значительной степени свободы маневрирования, подталкиваемые ростом своих интересов в Китае, империалисты все чаще и чаще начинают прибегать к вооруженному (через посредство пока китайских милитаристов) разрешению своих противоречий. В результате роста противоречий между англо-американским и японским капиталами и возникла эта последняя гражданская война в Китае. Конечно, кроме этих основных причин действовали и причины местного характера, мотивы личного и иного характера, но, в конце концов, эта основная причина—столкновение двух иностранных капиталов—является основной и она определяет как самое развитие событий, так и их конечный исход.

Ход событий.

Посмотрим, как развивались китайские события.

В конце августа было первое сообщение о начавшихся военных приготовлениях в провинциях Чже-цзян и Цзян-су. Вопрос шел пока что только о военных приготовлениях, но это не помешало Америке ухватиться за это обстоятельство. 30 августа (на другой день после появления первых известий о военных приготовлениях), в Вашингтоне уже состоялось заседание кабинета под председательством Кулиджа, на котором Юз доложил, что в Китае вспыхнула гражданская война и что «интересам американских подданных угрожает опасность». Но еще за сутки ранее Америка предупредила китайское правительство о неизбежности вмешательства иностранных держав, в случае возникновения гражданской войны в Китае. 31 августа английский консул в Кантоне пред'являет Сун-ят-сену ультиматум, в котором уже упоминает о неизбежности вмешательства английских вооруженных сил в конфликт.

Если бы дело ограничилось только таким быстрым реагированием на события, которые еще только намечаются, то можно было бы, пожалуй, только удивиться предвидению Юза и таким быстрым мерам, которые он принимает по отношению к защите интересов американских граждан в Китае. Но вопрос принимает уже поистине удивительные формы, если просмотреть японскую прессу, посвященную началу китайских событий. Конечно, японская пресса совершенно не брала на себя обязанности скрывать каких-либо махинаций Юза и она разоблачает его не за страх, а за совесть. По этим сообщениям «проект разделения Китая на зоны влияния был рассмотрен во время пребывания Юза в Лондоне. Группой Моргана было оказано давление на Юза перед его от'ездом в Лондон. В Лондоне Юз согласился на интервенцию на основе формулы, подтверждающей договор о «праве держав защищать жизнь и имущество иностранцев, не останавливаясь в случае необходимости перед активным выступлением, как, например, в том случае, если падение нынешнего китайского правительства приведет к всеобщему хаосу».

Как видим, г. Юз очень и очень дальновиден. Он знает, что в случае поражения его ставленников в Китае, неминуемо установление правительства, которое полезно Японии. Поэтому он за полгода до китайских событий обеспечивает себе базис для вооруженного вмешательства, «в случае, если падение правительства приведет к всеобщему хаосу».

Первые столкновения начались около Шанхая. И так как почти сразу определился ход событий и особенно их исход около Шанхая, то англо-американская коалиция успокоилась за судьбу своего влияния. Лу-юн-сян будет разбит, а так как по учете всех сил у У-пей-фу их оказывалось больше, чем у Чжан-цзолина, то можно было совершенно спокойно ждать развертывания событий. И этот период, отмечаясь в японской прессе, как период критический для Японии, вместе с тем знаменуется и доминированием точки зрения японского военного министерства о необходимости вмешательства в дела Китая, так как «интересам иностранцев в Китае угрожает опасность». Но зато этот же период англо-американской прессой отмечен как не представляющий опасности для «интересов иностранцев в Китае».

Агентство Рейтер от 24 сентября п. г. сообщает, что великие державы высказались против вмешательства в китайские дела... Рейтер, конечно, имеет здесь в виду вооруженное вмешательство, так как с его точки зрения только голый штык имеет название вмешательства в чужие дела.

Одновременно с этим английская пресса публикует такое сообщение: «в официальных кругах считают неосновательными опасения, высказываемые в японских кругах, относительно слухов об англо-американском плане интервенции в Китае, плане, который, по слухам, имеет британское происхождение. Никаких шагов не было предпринято британским правительством по отношению к интервенции в Китае по той причине, что подобная интервенция не имеет практического значения в настоящее время. Если настанет момент, когда будет случай для международного действия, британское правительство будет весьма осторожным и посоветуется со всеми заинтересованными державами, включая Японию и Францию, и никакие меры не будут предприняты без согласия этих держав».

Таким образом, раз Японию и Францию (особенно первую) спросят, когда придет время для международного вмешательства, и раз момент сейчас определенно неподходящ для такового, то, очевидно, он неподходящ не только для Америки и Англии, а и для самой Японии. Поэтому, полагая, что У-пей-фу сильнее Чжан-цзо-лина (а так, оно, пожалуй, и было бы, если бы Фын-ю-сян в критический момент не изменил У-пей-фу), Англия и Америка могли заявлять о своем невмешательстве в дела Китая, налагая тем самым такое же обязательство и на Японию и лишая ее единственной возможности помочь своему ставленнику в критический момент своей вооруженной силой.

К чему же Юзу и Макдональду в то время было будоражить свое общественное мнение интервенцией в Китае, раз с их точки зрения победа и без того была обеспечена, так как многими мелкими услугами своему ставленнику У-пей-фу они, казались бы, уже обеспечили победу? Поэтому английская официальная пресса заявляет, что «интервенция не имеет практического значения в настоящее время».

Переворот 23 октября и политика нового китайского правительства.

Но события развернулись несколько не так, как предполагали это англо-американские империалисты. Генерал Фын-ю-сян, начальник одиннадцатой дивизии войск У-пей-фу—«христианский генерал», в самый критический момент отошел от У-пей-фу и, обнажив левый фланг У-пей-фу, тем самым способствовал его поражению. Но Фын-ю-сян не только обнажил левый фланг У-пей-фу. Он занял Пекин и произвел там государственный переворот. Полетел ряд министров, вместо них появились новые, но кроме этого, события, происходящие в Пекине после переворота 23 октября с. г., принимают несколько необычайный характер.

Вскоре после переворота было организовано новое правительство, составленное из сторонников Фын-ю-сяна и Чжан-цзо-лина с некоторой примесью «лойяльных» чжилийцев. Но как только это правительство приступило к управлению, причем министры чжан-цзо-линовцы еще не успели прибыть в Пекин, как оно уже «порадовало» империалистов некоторыми необычными действиями и заявлениями.

Прежде всего б. император, спокойно живший в своем дворце, окруженный свитой и получая большую пенсию, был под конвоем выведен из своего дворца, пенсия его с 4 миллионов в год была сбавлена до 400 тысяч долларов, он был лишен императорского титула, который со времени китайской революции 1911 года продолжал носить, его гвардия и свита были распущены.

В таком «дерзком» обращении со столь высокой особой послы их величества короля Англии и императора Японии естественно усмотрели некое потрясение основ и немедленно же заявили протест. Но факт остался фактом—последние остатки формальной монархии в Китае были ликвидированы. Такой «дерзкий» поступок уже несколько взволновал империалистов, и Япония, в предвидении будущих осложнений, на всякий случай на неопределенное время удлиняет срок службы в своих войсках, расположенных в Маньчжурии и других частях Китая, а американская пресса начинает муссировать слухи о якобы готовящихся вооруженных выступлениях СССР в Китае, о переброске 50-тысячной армии и выезде тов. Троцкого с Кавказа к границам Китая, подготовляя тем самым свою «общественность» к будущим своим мероприятиям в Китае.

Конечно, один только факт изгнания императора из дворца и лишение его остатков императорских прерогатив не мог в такой сильной степени встревожить империалистов, чтобы они уже на основании только одного этого факта начали принимать конкретные решения по отношению Китая. Но они предполагали (и совершенно верно), что за этой первой ласточкой должны последовать дополнительные решения китайского правительства.

И действительно, дальше начинаются вещи, которые, говоря «высоким штилем», наполняют сердца империалистов глубокой тревогой. Китайский министр иностранных дел Ван-чен-тин в самый день празднования Октябрьской революции публикует заявление, в котором говорит о предстоящем пересмотре договоров с иностранными державами, отзываясь весьма нелестно о самих договорах. А в ответ на призыв тов. Карахана к уничтожению грабительских договоров с империалистами, премьер Ван-фу, не оставляя уже никакого места сомнениям, которые могли бы возникнуть на этот счет у империалистов, выражает надежду, «что Советское правительство поможет Китаю советами».

Ни для Ван-фу, ни для империалистов, конечно, не секрет, что первый совет, который в настоящее время может дать СССР угнетенному Китаю—это разорвать те грабительские договоры, которые навязаны Китаю иностранными империалистами.

И если аннулирование императорской фикции, будучи первой ласточкой, не понравилось империалистам, то такое заявление, сделанное ответственным представителем нового китайского правительства, конечно, только еще более усилило тревогу империалистов, ибо если в первом случае дело идет только о монархической фикции, вещи, так сказать, «на любителя», то во втором—пахнет совершенно не фиктивными карманами.

Новое правительство поднимает вопрос о национальной конференции с непременным участием Сун-ят-сена, как главы Гоминдана и руководителя национально-освободительного движения в Китае. Сун-ят-сен перед своим от'ездом из Кантона публикует

манифест, в котором говорит о своей программе переустройства государства.

«Если мы хотим завершить дело революции, которая заключается в национальном развитии Китая, то прежде всего мы должны уничтожить двойное зло: милитаризм и империализм».

На первое время Сун-ят-сен готов ограничиться и программой минимум, в которой главным пунктом стоит «аннулирование неравных договоров, навязанных Китаю империалистическими державами, а также несправедливых условий, которые позволяют державам держать Китай в экономической зависимости от них».

Одновременно Сун-ят-сен выдвигает необходимость созыва национального собрания, «главной задачей которого явится об'единение и восстановление Китая». В Шанхае, куда Сун-ят-сен прибыл по дороге на север, он дает хорошую отповедь английской печати, которая настаивала на недопущении его в Шанхай.

Все эти мероприятия правительства и особенно появление на авансцене Сун-ят-сена, чрезвычайно обеспокоили империалистов и они, каждый по своему и на свой лад, поднимают трогательный в своем единодушии вой.

Три правительственные партии японского парламента требуют от своего правительства немедленных мероприятий, а принц-регент, обсудив положение в Китае с военным министром Угаки и начальником генерального штаба Каваи, дает им полномочие принять все меры к «защите интересов японских граждан в Китае». По японским сообщениям, «решения, принятые Японией, Англией и Америкой, несомненно очень важные и, по сообщению чиновников министерства иностранных дел, державы намерены предложить Китаю немедленно прекратить гражданскую войну».

Получив распоряжение принца-регента, японский военный министр, будучи крайне исполнительным человеком, в тот же день передал ему план японского вмешательства в гражданскую войну в Китае. Японский кабинет в тот же день план военного министра одобрил. Если бы речь шла не «о защите интересов японских граждан», то эта быстрота принятия решений могла бы прямо навести на подозрения, что план уже давно был готов. Но военный министр Японии не только исполнителен. Он вместе с тем и решителен и даже героичен. «Япония,—заявляет он,—должна защищать интересы своих граждан даже в том случае, если бы ей в связи с этим угрожали экономические потери».

Или, как говорили некогда наши патриоты: «Либо грудь в крестах, либо голова в кустах».

В тот же день, как план был утвержден (все в тот же день!) высаживается в Тяньцзине дополнительный японский досант, а два истребителя идут один в Циндао, другой в Тяньцзин. Японское посольство в Пекине заявляет пекинскому правительству:

«Японские войска, прибывшие на истребителях и других судах в китайские порты, не будет вмешиваться в гражданскую войну до тех пор, пока обе воюющие стороны не затронут жизнь или имущество иностранцев и пока не будет нарушено регулярное железнодорожное сообщение между разными торговыми центрами китайской республики. До сих пор в Китае, помимо Южноманьчжурской ж. д. находилось всего 590 солдат, из них одна рота в Пекине, одна в Тяньцзине и одна в Шанхай-гуане. Этих войск совершенно недостаточно для воспрепятствования возможного нападения на мирных жителей-иностранцев. В случае, если прибывших вчера из Японии войск окажется еще недостаточно, японское правительство распорядится о немедленной присылке военных частей из Кореи».

Пекинское правительство пыталось было намекнуть японцам, что их войск даже черезчур много, но очевидно его доводы не были признаны достаточно убедительными и основательными.

В это же время за океаном американские держатели иностранных займов требуют от Юза немедленного воздействия на китайское правительство, чтобы последнее приняло меры к выполнению своих обязательств.

Английская пресса тоже встревожена до крайности и, возмущаясь поведением Китая, требует принятия экстренных мер.

«Дейли Телеграф» заявляет, что «Англия должна вернуться к своей старой роли застрельщика Запада и настоять на почтительном отношении к своим договорным правам».

«Таймс» заявляет, что Англия имеет свои способы, как подойти к взбудораженному Китаю.

И если вспомнить опиумную войну Англии с Китаем в 1842 году, вторую войну в 1860 г., то «способы» подхода к взбудораженному Китаю, которые советует применить «Таймс», становятся ясными, тем более, что Англия достаточно хорошо усвоила свою старую роль «застрельщика» в Китае, и «Таймс» об этом хорошо помнит. И идя навстречу желаниям почтенных органов печати, Болдуин на банкете у лорда-мэра Лондона делает на этот счет совершенно недвусмысленные заявления.

Юз, правда, в этот период «угрозы иностранным интересам в Китае» по большей части молчал, но, во-первых, Юз знает, что английские подходы к «боязливой и смятенной душе Китая» идут через карманы и горло того же Китая, а, во-вторых, достижения Англии в Китае будут одновременно и достижениями г. Юза.

Временная нейтрализация иностранного влияния в Северном Китае.

Что же произошло в Северном Китае в результате разгрома У-пей-фу? Почему китайское правительство предыдущего состава (Ван-фу, Ван-чен-тин и др.), будучи не особенно большими сторонниками национально-освободительногоо движения, вынуждены были говорить о таких страшных для империалистов вещах и призывать Сун-ят-сена к участию в конференции?

Несомненно, что с поражением северной армии У-пей-фу политическое влияние англо-американского капитала в Северном Китае претерпело значительный ущерб, а с победой Чжан-цзо-лина политическое влияние Японии увеличилось. Таким образом, оба эти влияния в известной степени уравновесились и, будучи направлены одно против другого, взаимно уничтожались. Выше уже мы говорили, что национально-освободительное движение неминуемо должно выявиться тогда, когда политическое давление иностранного империалиста в какой-либо сфере его влияния ослабнет или аннулируется. Это могло, конечно, произойти или путем изгнания этого империалиста из определенного района Китая или же вследствие нейтрализации его влияния другим иностранным влиянием. Это и произошло в Северном Китае, и в ре-

зультате такой нейтрализации иностранного влияния в Китае появились заявления бывшего пекинского правительства и призыв к Сун-ят-сену принять участие в конференции по переустройству Китая.

Временный перевес Японии в Сев. Китае.

Но события развивались далее. По инерции японское политическое влияние продолжало усиливаться, в то время, как англо-американское влияние восстанавливалось с меньшей скоростью. Высадка японских войск в Тяньцзине, прибытие в Пекин Чжан-цзо-лина с войсками придавали все больший вес Японии и равновесие нарушалось на короткий срок в сторону Японии. Раз появилось опять доминирующее влияние одного иностранного империалиста, национально-освободительное движение в этом районе Китая должно было постепенно параллельно росту этого нового иностранного влияния замирать. И действительно новое правительство Дуа-ци-чжуя почти не упоминает об аннулировании договоров и хотя оно встречает Сун-ят-сено с великим почетом, но под самым этим почетом видна уже некоторая боязнь влияния и авторитета Сун-ят-сена. Япония же старается закрепиться на занятых позициях. Так, последние сообщения говорят о назначении Лу-юн-сян, разбитого в начале гражданской войны губернатора провинции Чже-цзянь, губернатором провинции Чжили.

Но сможет ли Япония надолго закрепить за собой завоеванные позиции. Мы смело можем утверждать, что такое усиление политического влияния Японии в Северном Китае является только временным (некоторым подтверждением этого служит отъезд Чжан-цзо-лина и увод им своих войск из Пекина). Англо-американский капитал находится в этой сложной обстановке в определенно выигрышном положении, так как вся экономика Северного Китая после империалистической войны тесно связана с ним. Кроме того, только ради прекрасных глаз Японии Дуан-ци-Чжуй не будет на стороне Японии. Очевидно, в скором времени новому китайскому правительству понадобятся деньги для залечивания ран, нанесенных гражданской войной и на самое содержание государственного аппарата. Япония вряд ли может предложить новому правительству заем, так как она сама не особенно давно делала заем у Америки. Кроме того, англо-американский капитал, как гораздо более могущественный, имеет, конечно, в своем распоряжении массу возможностей, чтобы заставить проводить свою политику новое пекинское правительство. И если новое пекинское правительство не будет проводить мероприятий, направленных в пользу англо-американского капитала, то, очевидно, оно в скором времени кончит свое существование.

Но в ходе событий, в процессе возвращения англо-американским капиталом своего утраченного влияния, события в Северном Китае должны пройти еще раз через некоторый период равновесия, когда вновь проявятся национально-освободительные тенденции.

Роль и задачи Гоминдана в этом этапе.

Для национально-освободительного движения в Китае переживаемый сейчас период является единственным в своем роде.

Конечно, не нужно питать больших иллюзий по поводу реальных возможностей полной ликвидации иностранного влияния в Китае. Этот период равновесия, сменяющийся японским влиянием и долженствующий смениться перед окончательным утверждением англо-американского влияния, еще одним периодом равновесия, вызвавши на открытую сцену национально-освободительное движение в Китае, является, конечно, только временным. Когда восстановится англо-американское влияние, пекинское правительство этого или иного состава, заговорит, конечно, совсем иным языком, но все же этот неопределенный период равновесия будет продолжаться известный срок и этот период Гоминдан, как руководящий центр национально-освободительного движения, должен использовать в полной мере. Гоминдан должен не упустить этого момента, так как этот момент знаменует собой выход национально-освободительного движения на всекитайскую арену.

Кроме того, Гоминдан, поставив совершенно ясно и точно задачи на ближайший период, выраженные в манифесте Сун-ят-сена, может и должен явиться естественным центром национально-освободительного движения во всем Китае.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, под редакцией Рязанова. Книга первая.

Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. ГИЗ. Москва, 1924 г., тираж 500 экз.

Научное издание и подлинно-научная разработка литературного наследства Маркса и Энгельса становится возможной только при диктатуре пролетариата. Поэтому, сейчас она возможна только в Советской России.

В других странах она невозможна: революционные (коммунистические) партии пролетариата других стран не могут это делать не только благодаря непрерывным преследованиям их со стороны буржуазных государств и партий, но и потому, что они не имеют для выполнения этого необходимых денежных и технических средств; социал-демократические партии, в частности германская, хотя и имеют возможность и средства эту задачу выполнить (известно, что значительная часть архива Маркса и Энгельса хранится у немецкой социал-демократии), но выполнять ее по своей оппортунистической, предательской природе не хотят и неспособны. В самом деле, чего ждать в отношении научного опубликования и научной разработки марксова и энгельсова литературного наследства от тех, которые даже в лучшие, розовые дни своего существования замалчивали ряд работ основоположников марксизма, выхолащивали из марксистского учения его революционную методологию, занимались подправкой, подчисткой, подлогом марксовых и энгельсовых работ. Чего ждать для разработки великого учения Маркса от тех, которые, называя себя ближайшими учениками его и Энгельса, забыли даже тропу к скромной могиле великого учителя!

Нет, ни в одном буржуазном государстве выполнение этой задачи немыслимо, невозможно. Только диктатура пролетариата открывает для этого широкие двери, представляет все средства,—начиная от людей, кончая зданиями.

И, действительно, только в Советской России, где власть находится в руках партии рабочего класса, последний имеет возможность создать и поставить на подлинно научную ногу изучение теории и опыта борьбы, оставленных пролетариату в наследство его учителями—Марксом и Энгельсом. Только в Советской России имеется специально для этого созданный (и так превосходно поставленный) научный **Институт Маркса и**

Энгельса[1]). Только в Советской стране возможно то научное и **полное** издание работ Маркса и Энгельса и та разработка их, которые предпринял этот Институт.

* * *

Одним из важнейших изданий Института К. Маркса и Ф. Энгельса является периодический журнал—Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, издаваемый под редакцией директора Института—т. Рязанова. В редакционной статье первого номера (вышел несколько месяцев назад) тов. Рязанов следующим образом характеризует задачи журнала: «задачи журнала... определяются задачами самого Института. Генезис, развитие, распространение идей научного социализма, иными словами *история* марксизма, его теории и практики—вот круг этих задач». При этом «Архив» «является по преимуществу *историческим* журналом», охватывающим генезис и развитие рабочего и революционного движения марксизма и всех вопросов, которые это учение затрагивает, вплоть до «истории человеческой идеологии». Как видит читатель, задачи журнала намечены *чрезвычайно* широко. Единственными границами их служат: во-первых, изучение этих вопросов по 1914 г., т.-е. по дату краха II Интернационала; во-вторых,—отказ от изучения истории русского рабочего и революционного движения.

Возникают невольно вопросы: 1) не слишком ли широко намечены задачи журнала; 2) почему дата краха II Интернационала выбрана конечной *гранью* для изучения истории Марксизма и рабочего движения и 3) почему вопросы развития в России рабочего движения, марксизма и большевизма исключены из журнала? С точки зрения задач журнала, как их определяет его редакция, это *непоследовательно*, как по формальной, так и по диалектической логике.

Вообще же желательно, чтобы журнал наметил себе более определенные и менее широкие рамки.

Первый номер журнала Институтом посвящен «памяти В. И. Ленина—*исполнителя* заветов К. Маркса и Ф. Энгельса, гениального *мастера* классовой борьбы, великого *теоретика пролетарского государства*» (курсив везде мой. П. С.). Почему редакция журнала посвящает номер Ленину только как «*исполнителю* заветов», «*мастеру* классовой борьбы» и почему она в посвящении берет Ленина-теоретика только, как теоретика пролетарского государства? Разве ленинизм, как марксизм эпохи гниения и крушения капитализма, войн, пролетарских и национально-колониальных революций и диктатуры пролетариата исчерпывается только вопросами теории пролетарского государства? И разве роль Ленина—это только роль «исполнителя заветов» и «мастера классовой борьбы»? Впрочем, эти вопросы—мимоходом...

* * *

Первый отдел журнала озаглавлен—«Статьи и исследования». В рецензируемом номере в этом отделе помещены три весьма интересных статьи, так или иначе относящиеся к истории воз-

---

[1]) В деле создания и постановки Института, а также в деле издания и разработки трудов Маркса и Энгельса огромная роль и заслуга падает на руководителя Института тов. Д. Б. Рязанова.

никновения теории и практики марксизма. Вначале идет прекрасная статья т. А. М. Деборина—первая из серии статей «Очерки по истории диалектики». Эта статья—очерк первый—рассматривает диалектику у Канта.

Ленин в своей замечательной по краткости, популярности и глубине содержания статье—«Три источника и три составных части марксизма» (1912 г.)—указывает, что марксизм одним из своих источников имеет немецкую классическую философию. В частности, известно какую колоссальную роль в развитии методологии Маркса и Энгельса играла диалектическая логика и философия истории и права Гегеля[1]). Маркс открыто признал себя учеником Гегеля и указал, что он «даже кокетничал с гегелевской диалектикой». Марксовский диалектический метод—есть диалектический метод Гегеля, поставленный с идеалистической головы на материалистическое основание и переработанный с точки зрения последовательного материализма.

Но диалектика сама имеет свою историю; в частности диалектика Гегеля не родилась, как deus ex machina—из ничего. Предшественниками Гегеля в этой области в новой истории были Кант, Фихте, Шеллинг.

Кант известен нам больше всего, как идеалист-эклектик, метафизик, один из тех, кто питает своим учением современные резко враждебные марксизму и ленинизму идеалистическо-поповские философские бредни. Не даром в борьбе с кантианством разоблачению его реакционности в настоящее время и неверности по существу его философии посвятили некоторые свои работы лучшие марксисты—у нас, Ленин, Плеханов, Деборин, Аксельрод.

Но в философии Канта, за эклектически-идеалистическими извращающими покровами, несомненно, имеется некоторое рациональное зерно, отражающее так или иначе реальные категории бытия и имеющее известное положительное значение в истории развития научной методологии. Эту сторону кантовской философии обнаружил и указал еще Гегель в своих: «Наука логики», «Феноменология духа», «История философии» и др. Об этой стороне кантианства говорили Маркс и Энгельс. Ее подчеркивал Плеханов.

Работа тов. Деборина исходит из этих данных и ставит своей задачей обстоятельно и детально выяснить роль Канта в развитии диалектики.

«Можно сказать даже,—говорит тов. Деборин,—что он (т.-е. Кант, П. С.) является ее основателем, ибо он выдвигает проблему диалектики, при чем дважды: один раз в «до-критический» и второй раз в «критический период своей деятельности» (стр. 15).

В т. н. «до-критический период Кант стоит в общем на материалистической позиции. Исходя из учения Ньютона, Кант пытается примирить с ним философию. Он рассматривает «историю космоса... как вечный процесс изменения материи», в основе которого лежит «борьба противоположных сил». (См. ст. 17 и 18). С этой же точки зрения Кант смотрел тогда и на историю человеческого рода.

---

[1]) По этому вопросу смотри превосходные статьи тов. Деборина—„Маркс и Гегель" в журнале „Под знаменем марксизма" за 1924 г.

Тогдашние жалкие условия существования немецкой буржуазии заставили этого первого ее критического мыслителя позернуть с материалистической почвы в выспренние выси трансцендентального идеализма[1]). Но и в этот т. н. критический период своей философии Кант много дает для диалектики, больше даже, чем в первый период.

Чувствуя в духе времени необходимость нового метода, видя недостаточность формальной или абстрактной логики, Кант стремился заменить ее новой логикой. Но немецкая действительность цепко держала его в своих импотентных об'ятиях, и Кант мог достичь только того, что оторвал сознание от бытия, форму от материи, вещь от свойств и т. д. И все противоречия реальной жизни перенес из нее в суб'ект в разум. «Кант в своих антиномиях открыл диалектическую природу разума, но со своей точки зрения не мог доказать необходимость противоречия в самых вещах. Противоречия были перенесены из действительности, где их якобы нет и не может быть, в человеческий разум, в суб'ект» (стр. 28). Да и самые диалектические моменты разума, его противоположности по Канту последовательно сменяются, но не существуют одновременно, они еще чисто метафизически «отделены друг от друга абсолютной пропастью» (стр. 45). Переход от абстрактного к конкретному невозможен. «Мир абсолютный противостоит нашему человеческому миру, как нечто безусловно нам чуждое» (стр. 48). Истина поэтому недоступна познающему разуму.

«Кант не справился со всеми трудностями, связанными с преодолением формальной логики и с утверждением диалектики» (стр. 45).—Но положительная заслуга Канта заключается в том, что он проблему диалектики поставил; и хотя он дал только отрицательную диалектику, однако, своим анализом подготовил почву для дальнейшего развития положительной диалектики. В последнем его отрицательная заслуга.

В заключение тов. Деборин показывает диалектические моменты во взглядах Канта на историю человечества и на устройство гражданского общества и правового государства, которое, по мнению Канта, должно установиться в обществе. В работах критического периода на эти темы Кант еще более, чем в своих «Критиках» выступает как теоретик тогдашней германской буржуазии, развивающей, по выражению Маркса, «немецкую теорию французской революции».

Прекрасная статья тов. Деборина есть ценный вклад в марксистскую историю диалектики.

---

[1]) „Трансцендентальный" (термин Канта, значит—„относящийся к познанию". По учению Канта мы не познаем и не можем никогда познать мира как он есть сам по себе. Этот мир есть непознаваемая, недоступная для нас „вещь в себе". Мы можем познавать только мир явлений данный нашими чувствами. Но этот мир явлений познается нами потому, что a priori, прежде всякого опыта мы обладаем категориальными формами познания и сверхопытным единством самосознания (трансцендентальная апперцепция), благодаря которым весь хаотический материал явлений систематизируется и получает закономерный характер. Но эта закономерность т. о. есть закономерность суб'ективная. Недаром Кант говорит, что „разсудок диктует природе ее законы".

Т. о. в философии Канта эмпиризм примирен (эклектически) с идеализмом, при чем первый подчинен последнему.

За недостатком места мы, к сожалению, лишены возможности остановиться на двух других интересных статьях первого отдела: т. Цобеля—«К истории союза коммунистов» (разбирающей вопрос о кельнской общине «союза коммунистов» до мартовской революции 1848 г.) и т. Д. Б. Рязанова «Об условиях, причинах и процессе возникновения Международного Товарищества Рабочих I Интернационала».

* * *

Второй отдел «Архива» озаглавлен—«Из неопубликованных рукописей Маркса и Энгельса». Он представляет колоссальную ценность и интерес и является самым основным отделом сборника. В нем помещены часть «Немецкой идеологии»—именно о Фейербахе—и сообщение тов. Рязанова об искажении (в свое время) ЦК-том германской с.-д. партии «Введение» Энгельса к марксовой «Классовой борьбе во Франции».

Опубликованная рукопись о Фейербахе одна из частей утерянной якобы ранней работы Маркса и Энгельса о «Немецкой идеологии», относящейся к 1845 году. Оказывается, что рукопись попросту валялась среди архива Бернштейна. И только чутье, глаз и настойчивость т. Рязанова сумели ее отыскать и приобрести для архива Института. Таким образом, только спустя почти 80 лет эта работа увидела свет и стала доступна читателям.

«Напечатанная рукопись, как правильно подчеркивает в предисловии к ней т. Рязанов, дает теперь возможность точно установить, «что материалистическое понимание истории, как оно было изложено в «Нищете философии» и «Коммунистическом манифесте», формулировано Марксом и Энгельсом не позже осени 1845 года» (стр. 195). Значительная доля в этой работе,—устанавливает дальше тов. Рязанов,—принадлежит Марксу, который «увлек за собою Энгельса» (стр. 199). Перед работой о Фейербахе тов. Рязанов поместил в «Архиве» сделанный с оригинала точный перевод тезисов Маркса о Фейербахе и их оригинальный текст.

Дело в том, что Энгельс в свое время не совсем точно воспроизвел тезисы; Плеханов же, переводивший их с опубликованного Энгельсом текста на русский язык, не везде сделал точный перевод смысла этого текста.

Так, например, в конце 4-го тезиса у Маркса стояло: «Also nachdem z. B. die irdische Familie als das Geheimniss der heiligen Familie entdeckt ist muss nun erstere selbst theoretisch und praktisch vernichtet werden» («Следовательно, после того как, например, земная семья раскрыта, как тайна святого семейства, первая должна быть теоретически и практически разрушена»[1]).

Энгельс передал последнюю часть фразы словами: «...theoretisch und praktisch umgewälzt werden» («теоретически раскритикована и практически подвергнута коренному перевороту»). Плеханов же перевел эту часть фразы следующим образом: «подвергнута теоретической критике и практическому преобразованию». Т. о. Маркс говорит о необходимости уничтожить земную семью, которая служит светской основой «святого семейства». Энгельс заменяет слово «vernichtet», словом «umgewälzt», изменяя несколько этим положение Маркса. Плеханов передал это уже совсем «мирными» словами и преобразовании такой семьи.

[1] Нам думается, что точному смыслу слова „vernichten" соответствует не „разрушать", а „уничтожать". Поэтому, пожалуй, лучше было бы сказать не „разрушена", а „уничтожена". В переводе здесь также почему то не переведено слово „selbst"—„сама".

Помещенная после тезисов работа о Фейербахе—неоцененный вклад не только в историю взглядов Маркса и Энгельса, но и в теорию исторического материализма. В частности она чрезвычайно важна для понимания механизма, создания идеологий. В краткой рецензии нет никакой возможности даже в малой степени исчерпать богатство этого опубликованного документа. Поэтому выделим только некоторые наиболее обращающие внимание мысли.

Задача «Немецкой идеологии»—разоблачение младогегельянской философии, авторы которой «только облекают в философский жаргон представления немецких бюргеров» (стр. 211).

...«Ни одному из этих философов не пришло в голову задать себе вопрос о связи немецкой философии с немецкой действительностью» (стр. 214). Фейербах «сделал шаг вперед, но недостаточный». «У Фейербаха то огромное преимущество..., что он понимает, что и человек есть «чувственный предмет», но «он... не добирается до реально существующих, деятельных людей, а остается при абстракции «человек»... Т. о. он никогда не в состоянии рассматривать чувственный мир, как совокупную, живую чувственную деятельность, составляющих его индивидуумов». (стр. 218). «Он смотрит на человека, таким образом, сознательно, а не действительно, не практически; между тем, «для практического материалиста, т.-е. для коммуниста (подчеркивают Маркс и Энгельс) дело идет о том, чтобы революционизировать существующий мир, чтобы практически обратиться против вещей, как он застает их и изменить их» (стр. 217).

«Поскольку,—продолжают авторы,—Фейербах является материалистом, он не имеет дела с историей, поскольку он занимается историей, он вовсе не материалист. Материализм и история идут у него совершенно различными путями» (стр. 219).

Между тем,—говорят авторы,—«мы знаем только единственную науку — науку истории», которую можно делить (не отделяя. П. С.) на историю природы и историю людей» (стр. 214).

Переходя к истории людей, авторы говорят: «В полной противоположности к немецкой философии, спускающейся с неба на землю, мы здесь собираемся подниматься с земли на небо», таким образом... «мы будем исходить из реально деятельных людей, пытаясь вывести из их реального жизненного процесса также и развитие идеологических рефлексов и отражений этого жизненного процесса»...

«Сознание (Bewusstsein) никогда не может быть чем-то иным, как только сознанным бытием (bewusstes Sein), а бытие людей—это реальный процесс их жизни»... Мораль, религия, метафизика и проч. виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают, поэтому, «свою видимость самостоятельности. У них нет вовсе истории, у них нет развития: только люди, развивающие свое материальное производство и свои материальные сношения изменяют в этой своей деятельности также свое мышление и продукты своего мышления. Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» (216 стр.).

«Первым и историческим делом является... производство материальной жизни»... «Оно является в качестве естественного, а с другой, в качестве общественного отношения». Оно ведет к порождению новых потребностей, к воспроизведению людей, к созданию и изменению форм общежития и форм сознания. «На «духе» заранее тяготеет проклятие, отягощение его материей», которое выступает здесь... в виде языка. «Язык так же древен, как сознание, язык—это практически существующее для других людей, а значит существующее для меня самого реальное сознание, и язык, подобно сознанию, возникает из потребности сношений с другими людьми» (стр. 220)[1]).

Противопоставление сознания бытию зарождается с разделением труда, с появлением которого начинает развиваться частная собственность, классы, государство и т. д. Все эти процессы делают сознание классовым сознанием, отрывают его от материальной основы, дают возможность казаться ему чем-то самодовлеющим и главным в истории. «Господствующие мысли представляют не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений, т.-е. отношений, которые делают какой-нибудь класс господствующим». Т. о. «мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями», т.-е. представляют мысли его господства» (стр. 230). Поэтому они высказываются идеологами господствующего класса (задача которых вырабатывать иллюзии и мысли этого класса о самом себе и других), как вечные истины, господствующие над течением реальной жизни и управляющие им. «Так, например, в какой-нибудь стране в эпоху, когда королевская власть, аристократия и буржуазия борются за господство, когда, следовательно, господство разделено, в качестве господствующей мысли выступает учение о разделении властей, высказываемое в качестве «вечного закона». Вообще, фокус идеологов, «имеющий целью доказать в истории господство духа... сводится к следующим трем штукам: № 1. Нужно отделить мысли людей господствующих по эмпирическим основаниям, при эмпирических условиях и в качестве материальных индивидов от этих самых господствующих людей, и, таким образом, признать господство мыслей или иллюзий в истории».

«№ 2. Нужно ввести в это господство мыслей некоторый порядок, показать некоторую мистическую связь между следующими друг за другом господствующими мыслями; это достигается тем, что их рассматривают, как «самоопределение понятия» (это возможно потому, что эти мысли действительно связаны друг с другом при посредстве своей эмпирической основы, и потому, что, рассматриваемые, как простые мысли, они становятся саморазличениями, различениями, . устанавливаемыми мыслями)».

«№ 3. Чтобы устранить мистический характер этого, «само себя определяющего понятия», его превращают в некоторое лицо—«самосознание», или же, чтобы иметь совершенно материалистический вид, в ряд лиц, представляющих в истории «понятие»,—в «мыслящих» философов, в идеологов, которых рассматривают опять-таки, как фабрикантов истории, как «совет стражей», как господствующих. Таким путем удается устранить все материалистические моменты из истории, после чего можно, опустив поводья, дать волю своему спекулятивному коню» (стр. 232—233).

[1]) Сравни с этим то место из „Феноменологии духа" Гегеля (глава „Отчужденный от себя дух.—Образование"), где Гегель говорит о языке.

Таков механизм возникновения всякой идеологии, т.-е. извращенного мышления, и форм его сознания, которые ставят все на голову. Уничтожение этого типа мышления возможно только с коммунистической революцией, устраняющей господство всех классов (стр. 226). «Революция необходима не только потому, что нельзя никаким иным способом свергнуть господствующий класс, но и потому, что свергающий класс может только в революции очиститься от всей грязи старого общества» (в том числе и от форм и типа его мышления) «и стать способным создать новое общество» (стр 227).

После разоблачения «мистической» тайны спекулятивной философии, и всяческой идеологии вообще, Маркс и Энгельс переходят к изображению этапов истории, показывают диалектику различных общественно-классовых форм, появляющихся с развитием в обществе производительных сил и разделения труда.

Мы не будем останавливаться на этом. Здесь невозможно сколько-нибудь полно передать этого поразительного документа по теории исторического материализма. Его нужно скорее издать отдельно и каждый сознательный коммунист должен его изучать и изучать... Читателю же, вероятно, стало уже отчетливо ясно, каким чрезвычайно важным вкладом в сокровищницу пролетарской мысли является опубликование этой, прежде забытой, рукописи.

Следующим документом «Архива» является заметка тов. Рязанова, которая показывает, на основании рукописи, отысканной им в архиве... немецкой социал-демократии, как в свое время Центральный Комитет последней урезал и извратил «Введение» Энгельса к «Классовой борьбе» Маркса. Именно, на это «Введение» любили и любят ссылаться ревизионисты и оппортунисты всех стран, доказывая, что в нем под конец своей жизни «один из основоположников «самого революционного учения», какое только знало XIX столетие», отрекался от своего революционного прошлого и завещал своим ученикам всеми силами избегать сделанных им и Марксом ошибок» (стр. 257). Но уже в свое время ортодоксальные марксисты показали, что такое толкование есть полное извращение мыслей и взглядов Энгельса. Он сам в письме к Каутскому от 1895 г. это подчеркнул: «К моему величайшему изумлению, я нахожу сегодня в «Vorwärts» извлечение из моего введения, напечатанное без моего ведома и, таким образом, скомпанованное, что я превращаюсь в мирного поклонника законности quand même. Тем более, хотел бы я, чтобы все введение целиком появилось в «Neue Zeit» и это позорное впечатление стерлось. Я очень определенно выскажу свое мнение на этот счет Либкнехту, а также и тем, которые—кто бы они ни были—дали ему повод исказить мое мнение».

Таким образом, ради приспособления и легальности (все это происходило во время подготовления второго закона о социалистах) руководители немецкой с.-д. подстригли Энгельса под мирного поклонника буржуазной законности!

Отысканный тов. Рязановым оригинал «Введения» с поправками редакторов показывает теперь со всей документальной очевидностью, что это действительно так. Вычеркнуты все места об уличной борьбе, все места, которые говорят о необходимости рево-

люционной борьбы и свержения буржуазии. Так, например, выкинуто следующее место: разобрав усиление неблагоприятных условий для уличной борьбы, Энгельс пишет,—«значит ли это, что в будущем уличная борьба не будет уже играть никакой роли? Нисколько. Это значит только, что условия с 1848 г. стали более неблагоприятными для гражданских инсургентов... Всякая будущая уличная борьба может таким образом победить только в том случае, если и этот минус ситуации будет компенсирован другими моментами... Она... должна будет вестись при помощи более значительных сил. Но последние предпочтут тогда, как и во время всей великой французской революции или 4 сентября и 31 октября в Париже—открытое наступление—пассивной баррикадной тактике» (стр. 259).

Правильно замечает тов. Рязанов, что этими словами «Энгельс как бы предвидел опыт октябрьской революции!».

Выкинут еще ряд очень важных мест. Таким способом Энгельса превратили в оппортуниста, чтобы оправдывать затем **этим** исковерканным документом позорную, предательскую тактику оппортунистической немецкой социал-демократии.

Действительно, это «игра краплеными картами»!

* * *

Отдел третий журнала озаглавлен: «Из переписки Маркса и Энгельса». В первой книге помещена переписка между Засулич и Марксом по вопросу о судьбах русской общины и письма Энгельса к Бернштейну.

Ряд черновиков (впервые опубликовываются) и окончательный текст письма Маркса и Засулич в ответ на ее запрос чрезвычайно важен для взглядов Маркса на конкретное своеобразие исторического процесса, для вопроса оценки им эволюции общинной формы землепользования и для его точки зрения на судьбы русской «сельской общины». К сожалению недостаток места не позволяет останавливаться на этих документах подробнее.

Письма Ф. Энгельса к Э. Бернштейну охватывают период со 2-го февраля 1881 года по 4 июля 1895 года. Это было время, когда в немецкой социал-демократии под действием «бичей и скорпионов закона против социалистов» наметился поворот «под сень легализма» ценой отказа от революционных взглядов и революционной деятельности. Маркс и Энгельс повели против этого бешеную борьбу и содействовали известному успеху «подпольников» и тому, что «партия решилась... поставить в Швейцарии нелегальный орган «Социал-Демократ». Спустя некоторое время редактировать его стал Э. Бернштейн, который тогда (после некоторых колебаний) занял позицию революционную. Приглядевшись к его линии, Энгельс начинает с ним переписку. В письмах Энгельс направляет линию газеты, инструктирует Бернштейна, развивает ему свою оценку конкретной политической ситуации почти во всех странах и партиях. В особенности много внимания уделяется Англии, Франции и Германии и социалистическим партиям этих стран. Письма затрагивают ряд вопросов (национальный, колониальный и т. д.). Энгельс учит Бернштейна, что «мы должны работать над освобождением западно-европейского пролетариата и этой цели должны подчинить все остальное». (стр. 307). Энгельс клеймит, как левую фразу—«ррреволюционную фразеологию и декламацию»,—так и оппортунистическое направление в социал-демократических партиях Германии и Франции и в рабочем движении Англии.

Вот, что например, пишет Энгельс о французской партии малонистов ...«они представляют в зародыше то, во что вполне развились здешние (т.-е. английские. П. С.) рабочие: **хвост буржуазно-радикальной партии** (курсив везде Энгельса. П. С.). Единственно, что их об'единяет, это буржуазный радикализм, так как рабочей программы у них нет никакой. И те рабочие вожди, которые занимаются фабрикацией такого рабочего «голосующего стада» для радикалов, в моих глазах являются **настоящими предателями**» (стр. 334).

Пусть повнимательнее вчитаются в эти строки меньшевистские предатели всех стран. Энгельс еще в 1882 г. дал им заранее прекрасную характеристику и оценку, которую продолжал затем развивать Ленин.

Для большевистской ленинской партии чрезвычайно важны и следующие строки Энгельса, целиком совпадающие со взглядами Ленина и подтверждающие важность требований последнего от революционной пролетарской партии—непримиримой борьбы, вплоть до разрыва, с оппортунистами в рабочем движении. В письме от 20 октября 1882 года Энгельс пишет: «**всякая** рабочая партия большой страны может развиваться только во внутренней борьбе, в полном соответствии с законами диалектического развития». При наличии опасных вредных оппортунистических течений в партии, которые «хотят принести в жертву своим социальным целям классовый характер движения»... «желать проповедывать единство при таких условиях было бы чистейшей глупостью. Моральными проповедями нельзя предупредить детских болезней, которыми при современных условиях надо переболеть» (стр. 325).

И далее—1-го марта 1883 г. Энгельс пишет: «Мы (т.-е. он и Маркс. П. С.) всегда сильно боролись против мелко-буржуазного мещанского и филистерского мировоззрения внутри партии» (стр. 341).

Партия должна быть крепкой организационно и сплоченной идейно. Программа чрезвычайно важна поэтому для партии: «Когда организуют партию без программы, в которой каждый может участвовать, то это уже вовсе не партия».

Письма затрагивают также ряд других чрезвычайно важных вопросов: политической тактики партии, взглядов на государство и т. д.

Обстоятельства места не позволяют, однако, долее задержаться на этих документах, которые каждый сознательный партиец и рабочий должен прочитать (их необходимо поэтому издать отдельно).

* * *

Последний, четвертый отдел «Архива» посвящен критике и рецензиям. Статья тов. Ф. Ротштейна «Новая литература о чартизме» (разбирает 3 американских и 2 английских книги) проливает некоторый новый свет на вопросы истории чартизма. Статья А. Неусыхина «Новый опыт построения систематической истории хозяйства» (посвященная вышедшей в 1923 г. в Мюнхене и Лейпциге новой книге Макса Вебера «История хозяйства». Очерк всеобщей социальной и экономической истории») интересна, но, на мой взгляд, дает недостаточную критику построениям и категориям,

выдвигаемым М. Вебером и слишком преувеличивает их ценность для нас.

Что касается статьи тов. А. Удальцова «К теории классов у Маркса и Энгельса», написанной им по поводу книги Солнцева «Общественные классы», то она интересна и в своей критической части правильна. Но трактовка теории классов Маркса и Энгельса, данная тов. Удальцовым, на мой взгляд, представляется не совсем удачной. Тов. Удальцов совершенно справедливо считает, что формулировка Солнцева (который говорит, что по Марксу общественные классы определяются... производственными отношениями), недостаточна, смазана, поверхностна.

Но удовлетворителен ли ответ самого тов. Удальцова на вопрос, что лежит в основе образования и существования классов? Нет. Он говорит, что по Марксу «действительной основой классового деления общества»... является ...«распределение средств производства, основанное на монополизации их частью общества» (стр. 408) или иначе ...«раз'единение средств производства (по крайней мере основных) и непосредственных производителей ...и монополизация этих средств производства в руках меньшинства населения» (стр. 412). Но разве такая формулировка достаточна? Разве она об'ясняет нам основную причину образования и существования классов? Чем вызвано именно такое распределение средств производства, которое ведет к монополизации их в руках меньшинства? Чувствуя, что этот вопрос законен, тов. Удальцов говорит, что оно связано с появлением в обществе прибавочного продукта и возможности эксплоатации (стр. 412). Связано, это верно. Но что же создает возможность неравномерного накопления и распределения не только продукта, но и средств производства? Тов. Удальцов на это ответа не дает, и не может дать именно потому, что он выбросил, так сказать, вон энгельсову и марксову теорию об общественном разделении труда, как основе классового деления общества. Тов. Удальцов считает, что эта точка зрения свойственна (иногда) только Энгельсу, но не Марксу, а затем хочет представить дело так, что разделение труда и для Энгельса не является решающей основой классового разделения.

«Ясно, что и разделение труда,—пишет т. Удальцов,— в смысле выделения в обществе «руководителей» и «исполнителей» также не выдвигается Энгельсом, как первоначальная (подчеркнуто автором. П. С.) основа классового образования... Равным образом и разделение труда в смысле выделения в обществе различных профессий (в связи с дифференциацией производства на скотоводство, земледелие,, ремесло и т. д.), также не является для Энгельса основой классов» (стр. 420). Ergo—Энгельс не придерживается, как кажется на первый взгляд, «утверждения, что в основе классового образования лежит разделение труда». Так разделывается тов. Удальцов с этой неправящейся ему точкой зрения на образование и существование классов.

Суб'ективно можно понять и оправдать тов. Удальцова—он сражается с богдановской теорией классов, которая считает, что в основе классового деления лежит разделение в обществе различных функций «общественной службы». И правильно делает, что сражается. Эта теория (хотя она и напоминает внешне теорию Маркса—Энгельса) неверна и вредна. (Мы надеемся подробнее разобрать этот вопрос в особой статье).

Но об'ективно тов. Удальцов неправ. Он, борясь против Богданова, приписывает Энгельсу не то, чему тот учит вместе с Марксом и за Марксом о разделении труда, как основе классового общества. А проделав это, тов. Удальцов выплескивает из ванны марксизма и самого ребенка—эту теорию.

Конечно, Энгельс не считал, что деление на руководителей и исполнителей или выделение различных профессий лежит в основе образования классов. Первое для него является следствием разделения труда в процессе производства и вытекающего из него определенного распределения средств производства. Выделение же профессий для него отнюдь не тождественно с разделением труда.

Ошибка тов. Удальцова—коренная ошибка по этому вопросу— заключается в том, что он разделение труда берет только с технической стороны, тогда как кроме этого оно также является и определенным общественным отношением. Общественное и техническое разделение труда связаны, но не тождественны. Общественное разделение труда появляется на определенной ступени развития производительных сил и технического разделения труда и на определенной другой ступени должно исчезнуть. Общественное разделение труда по Марксу и Энгельсу есть категория, связанная с меновым хозяйством, с классовым обществом. Именно появление общественного разделения труда по Марксу и Энгельсу и ведет к неравномерному распределению в обществе средств и продуктов производства, создает частную собственность, эксплоатацию, монополию и т. о. лежит в основе образования классов.

Этой точки зрения придерживался не только Энгельс, но и Маркс. Именно она составляет, так сказать, суть их учения о классах.

Чтобы не быть голословным, приведу несколько справок.

Во-первых, (чтобы недалеко ходить),, возьмем ту работу о Фейербахе, которая опубликована в этой же книжке «Архива» и которая написана Марксом и Энгельсом совместно, причем, по мнению тов. Рязанова, львиная доля в ней падает на Маркса.

Вот что мы читаем на стр. 222: «Вместе с разделением труда, в котором даны все эти (общественные. П. С.) противоречия... дано и распределение (курсив авторов. П. С.)—притом как количественно, так и качественно, неравное распределение труда и его продуктов, т.-е. собственность. Впрочем, разделение труда и частная собственность представляют собой тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же, что в другом случае говорится по отношению к продукту деятельности» (стр. 222).

«Различные ступени разделения труда являются в то же время «различными формами собственности» (стр. 254).

Наконец,—«самым крупным разделением материального и духовного труда является отделение города от деревни... Здесь впервые сказалось разделение населения на два больших класса, основывающиеся прямо на разделении труда и на орудиях производства (курсив мой. П. С.) ...Противоположность между городом и деревней может существовать только в рамках частной собственности. ...Уничтожение противоречия между городом и деревней является одним из первых условий коллективности»... и т. д. (стр. 234).

Как видим, здесь Маркс и Энгельс совместно пишут то, что Энгельс подчас буквально повторяет в «Анти-Дюринге», в «От

утопии к науке», в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», т.-е. в тех работах Энгельса, которым т. Удальцов не склонен придавать большого значения (см. стр. 415 и 416) в вопросе о теории классов.

Но если этих примеров тов. Удальцову недостаточно, мы можем взять, например, «Нищету философии». Вот что пишет Маркс в § 2 главы 2-й:

«впервые ...сколько-нибудь значительное разделение труда было именно разделение между городом и деревней» (стр. 115). И далее:

«под режимом патриархальным, под режимом кастового строя, феодальной и цеховой системы существовало разделение труда в целом обществе» (стр. 124). («Нищета философии» СПБ. 1905 г., «Библиотека просвещения»).

Что касается некоторого противопоставления Энгельса Марксу и оспаривания значения для этого вопроса, например, «Анти-Дюринга», то т. Удальцову следует вспомнить, что «Анти-Дюринг» был Энгельсом прочитан Марксу и выпущен с полного одобрения последнего. Впрочем, по вопросу о роли разделения труда тов. Удальцов может найти немало страниц в «Капитале». Некоторые цитаты кстати он приводит и сам.

Таким образом, мы считаем, что в своей статье тов. Удальцов не совсем верно пытался очертить суть учения Маркса и Энгельса об образовании классов.

Что касается рецензий, помещенных в «Архиве», то их (за исключением некоторых мест в рецензии т. Луппола и рецензии т. Карева—на наш взгляд беглой, неглубокой и содержащей ряд ошибочных положений) можно считать хорошими и удачно подобранными.

* * *

Читатель, нам думается достаточно видит, какое громадное значение и какую великую ценность для нашей партии и для всего пролетариата имеет работа Института К. Маркса и Ф. Энгельса—и тот журнал Института, разбором коего мы только что занимались.

П. Сапожников.

О героической поэме тов. Крицмана.

Свою речь о новой экономической политике на Московской губпартконференции осенью 1921 года Ленин начал сравнением двух наших подходов к осуществлению социализма с тактикой японцев при взятии Порт-Артура. Ген. Ноги пытался захватить сначала Порт-Артур непосредственно, ожесточенными общими штурмами крепости. Убедившись на опыте, что таким путем крепости не возьмешь или, во всяком случае, такой метод овладения крепостью потребует колоссальных жертв, японцы перешли к другому методу—к медленной систематической осаде Порт-Артура и систематическому, шаг за шагом, овладению одного укрепленного пункта за другим.

Первый период нашей революции—период «военного коммунизма»—характеризуется таким подходом к социалистическому строительству и такими методами этого строительства, которые ставили себе целью непосредственный, кратчайшим путем, переход к социалистической организации хозяйства. На опыте мы убедились, что такими методами и таким путем построить социализм в нашей отсталой крестьянской стране нельзя. Мы перешли после окончания гражданской войны к новой экономической политике, которая ставит своей задачей постепенное приспособление старой, товарно-капиталистической экономики крестьянского хозяйства новой социалистической, систематическое расширение и развертывание социалистических отношений и систематическое овладение одной за другой остающихся областей товарно-капиталистического хозяйства.

Опыт первого периода сыграл свою роль. Он позволил нам выяснить и наметить правильные, соответствующие обстановке формы и линии перехода к социалистическому строю, на опыте изучить и наметить основные принципы «экономики переходного периода». Решающие стратегические узлы хозяйства, захваченные в течение этого первого, «штурмового» периода, удержаны в наших руках и являются теперь исходными для развертывания наступления на остающиеся участки товарно-капиталистической системы. В основном удержан и созданный в эпоху военного коммунизма остов пролетарского управления хозяйством. Именно, поэтому, анализ этого опыта, его изучение, представляет не только величайшее теоретическое но и не меньшее практическое значение и для нас самих и для коммунистических партий других стран.

В этом отношении чрезвычайный интерес представляет книга тов. Крицмана: «Героический период Великой Русской Революции (опыт анализа так наз. «военного коммунизма»). Госиздат 1925 г.

Здесь мы имеем впервые законченный анализ эпохи коммунистического «Sturm und Drang'a» (бури и натиска), принадлежащий перу одного из образованнейших наших экономистов. Как по своей теме, так и по обстоятельности анализа, книга тов. Крицмана является наиболее выдающейся из экономической литературы последних лет, посвященной проблемам нашей экономики.

Она тем более ценна, что мы до сих пор еще очень бедны исследованиями, которые ставят своей задачей изучение нашей экономики и опыта нашего хозяйственного строительства. А между тем именно здесь, в этой области лежат теперь задачи марксистской политической экономии. Именно здесь можно дать нечто новое в теоретическом отношении и вместе с тем имеющее практическое значение для нашей работы над строительством социализма, для нашей политики и для политики коммунистических партий других стран.

С рядом принципиальных положений, развиваемых тов. Крицманом в его книге, нельзя, однако, согласиться. Очень плохо на «опыте» тов. Крицмана отразилось его пристрастие к схематическим построениям, к которым он приспособляет, с большим или меньшим успехом, живую действительность революции, те процессы, которые в действительности переплетаются между собой, находятся в диалектическом взаимодействии, автор стремится выделить и заключить в строго ограниченные обособлен-

ные схемы, стоящие в резком противоречии с действительным ходом революции.

В этой книге автор снова развивает свою теорию ф а з р е в о л ю ц и и («фазеологию революции»), изложенную им впервые в 1918 году. По схеме тов. Крицмана пролетарская революция проходит следующие пять стадий: стадию идеологической революции, политической, экономической, распадающейся на две фазы—центр тяжести первой—«в разрушении старой и создании новой командной власти в экономике», центр тяжести второй «в организации нового экономического строя», в создании планомерного социалистического хозяйства, и, наконец, стадию технической революции.

Все эти фазы резко отделены одна от другой. Следующая фаза начинается только после того, как в основном заканчивается предыдущая. «Политическая революция становится возможной только после того, как произошла революция идеологическая, а эта последняя только тогда закреплена, когда она действительно привела к революции политической. Но пока какая-нибудь фаза революции еще не завершена, в остальных областях еще необходимо, сохраняются в основном старые отношения. В частности, переворот в технических отношениях невозможен, пока в основном не завершены все предшествующие фазы революции» (стр. 26).

Нечего и говорить, тов. Крицману приходится много изощряться над тем, чтобы вложить живую действительность революции, все ее многообразие и сложность в Прокрустово ложе своей жесткой схемы. И вместе с тем, так как на деле, в ходе революции мы имеем такое переплетение процессов и экономических и политических, которое никак в эти схемы уложить нельзя,—тов. Крицману приходится во многом искажать действительность для того, чтобы выдержать стройность своих построений. Это неизбежный результат н е д и а л е к т и ч е с к о г о п о д х о д а к анализу революционного процесса.

Нам кажется, прежде всего, крайне неудачным термин—идеологическая революция, и еще более неудачным и абсолютно неверным утверждение, что эта идеологическая революция предшествует политической. Область идеологии необ'ятно широка: сюда входит масса вещей, на ряду с политическими взглядами—религия и нравственность, и философия, и художественное творчество. Все эти элементы, в той или другой форме и степени, составляют необходимую часть, точно так же и идеология масс: рабочие и крестьяне не представляют в этом отношении исключения. Система политических взглядов составляет лишь небольшую часть «идеологии». Утверждать, что до политической революции происходит идеологическая—это значит чудовищно извращать действительность, т. к. совершенно очевидно, что в основном идеология масс может подвергнуться переработке и измениться лишь в п р о ц е с с е и п о с л е совершения революции, после разрушения машины буржуазного просвещения, ликвидации буржуазной печати и всех других средств, при помощи которых буржуазия обрабатывала пролетариат и крестьянство в нужном ей направлении; а вместе с тем после того, как для масс будет создана действительная в о з м о ж н о с т ь просвещения. И тогда этот процесс «идеологического переворота» требует многих и многих лет, в этом мы **убеждаемся каждый день на деле. Совершенно непонятно поэтому, как тов. Крицман, «рассудку вопреки и наперекор стихиям», воспользовался таким ненадежным термином—«идеологическая революция», да еще в такой постановке.**

Но если даже понимать идеологию, как политическую идеологию, как политическое сознание масс, то и тогда дело обстоит далеко не так просто, как это выходит у тов. Крицмана. Он говорит следующее: «Революция прежде всего завоевывает людей (разумеется определенного класса) и именно то, что отличает их от вещей, их головы (!). Такова первая фаза революции в течение которой центр тяжести лежит в области идеологии (!), а основной задачей революционной партии является агитация за политический переворот» (стр. 21).

Если даже здесь речь идет о политическом сознании масс, то и тогда это положение неверно. М а с с ы у ч а т с я н а о п ы т е б о р ь б ы и в п р о ц е с с е б о р ь б ы. Процесс революционизирования сознания масс нельзя рассматривать обособленно от процесса классовой борьбы, отрывать первый от последнего. Точно так же нельзя противопоставлять агитацию политическому действию, так как в действительности завоевание революционной партией «голов» происходит на опыте борьбы и агитация революционной партии переплетается и д о л ж н а п е р е п л е т а т ь с я с п о л и т и ч е с к и м д е й с т в и е м и р а б о т о й н а д о р г а н и з а ц и е й м а с с. В построении т. Крицмана—сначала агитация, «идеологический переворот», затем политический переворот—выпадает вся сложность задач коммунистических партий, которые шаг за шагом должны развертывать борьбу, выставлять лозунги, соответствующие данной ступени борьбы, втягивать в нее массы трудящихся организовывать и просвещать их на опыте и в процессе борьбы.

То же самое мы должны сказать и о взаимоотношении политической и экономической революции. Неправильно, недиалектично и здесь обособлять, разграничивать эти процессы так жестко, как это делает тов. Крицман, так как и здесь мы имеем в действительности п е р е п л е т е н и е этих процессов. На ряду с подготовкой к политической революции в 1917 г. и мобилизацией масс вокруг советов, шла подготовка к экономической революции—подготовка экспроприации крупного капитала под лозунгом «рабочего контроля над производством» и сплочение масс вокруг фабрично-заводских комитетов. Развертывание политической революции сопровождалось развертыванием экономической: сначала все большим вмешательством фабрично-заводских комитетов в руководство предприятиями, а затем и захват этими комитетами предприятий, экспроприация финансового капитала, транспорта, торгового капитала и пр. Пролетарская революция развивалась и по линии «политики» и одновременно по линии «экономики». «Политическая» и «экономическая» революция являются, таким образом, лишь д в у м я с т о р о н а м и о д н о г о и т о г о ж е п р о ц е с с а п р о л е т а р с к о й р е в о л ю ц и и, и это именно, такая у в я з к а политики и экономики составляет основной признак последней.

Совершенно непонятными представляются поэтому следующие утверждения тов. Крицмана: «Однако между октябрьским переворотом и экспроприацией крупного промышленного капитала, вернее, провозглашением ее (декрет от 28-го июня 1918 года о национализации крупнейших предприятий) лежит промежуток времени о к о л о в о с ь м и м е с я ц е в, т.-е. такой же, как между **февральской и октябрьской революциями. И если бы не внешние**

факторы, экспроприация капитала не была бы произведена и в июне 1918 г. Рассматриваемая не на фоне прежнего безмятежного существования капитализма, при сравнении этого ее периода с последующим (1918 до апреля 1921 г.) и с одновременной ей аграрной революцией, русская пролетарская революция в этот первый период ее развития, не может быть охарактеризована иначе, как революция, длительно задерживающаяся на своей второй фазе и не переходящая в следующую (в фазу экономической революции)» (стр. 38).

Даже если стать на юридическую, декретную точку зрения, которая, конечно, для периода революционной бури не выдерживает никакой-критики, то и тогда натяжка, производимая тов. Крицманом в угоду своим схемам, очевидна. Стоит только напомнить основные декреты экспроприация землевладения—декрет от 26 октября 1917 г.[1]).

Экспроприация финансового капитала—декрет от 14 декабря 1917 г.

Экспроприация транспортного капитала—декрет от 26 января 1918 г.

Экспроприация ссудного капитала—декрет об аннулир. займов—26 января 1918 г.

Экспроприация торгового капитала—декрет о национализации внешней торговли от 23 апреля 1918 г.

На самом деле в этот период происходила и фактическая, хотя и не санкционированная декретами, экспроприация крупного промышленного капитала местными органами. Ко времени издания декрета о национализации крупной промышленности, фактически, большая часть крупных промышленных предприятий была уже экспроприирована и находилась в руках органов рабочего управления. Декрет 28 июня 1918 г., таким образом, лишь санкционировал и юридически оформил то, что уже было в значительной степени осуществлено рабочими организациями. И здесь схемы тов. Крицмана служат ему плохую службу[2]).

* * *

Тов. Крицман громит «комфилистеров» и «коммещан», пренебрежительно относящихся к «военному коммунизму». Свою задачу он видит, повидимому, не столько в том, чтобы критически исследовать строй военного коммунизма, как «реабилитировать» его, покончить с представлениями о том, что военный коммунизм был организацией войны и доказать, что он был организацией социализма, предвосхищением будущего социалистического строя.

Мы дальше разберем, насколько правомерна такая — снова нужно сказать—недиалектическая постановка и насколько выдерживает ее сам тов. Крицман. Отметим лишь, что увлечение задачей подобной «реабилитацей» вызывает у тов. Крицмана другой, не менее вредный, чем комфилистерский, уклон в сторону некоторой идеализации военного коммунизма. Его изложение часто заставляет забывать, что читаешь историко-экономическое исследование, а не героическую поэму. Спокойный ход этого изложения прерывается патетическими отступлениями, вроде следующего: «Напротив того, пролетарская организация хозяйства в том виде, какой она приняла в эпоху гражданской войны, является лишь первым грубым наброском — орудием еще непригодным и потому требующим переделки. Но она появилась. То, что до сих пор существовало только в царстве возможного, появилось в царстве действительного. Скрытая тенденция материализировалась. Брешь в царство будущего пробита. Пусть тенденции развития осуществились в первый раз в извращенном виде. Но они осуществились!».

[1]) Экспроприацию землевладения в условиях нашей революции никак нельзя отнести исключительно к феодальной революции. Эта мера—особенно в форме национализации—бьет по капиталистической частной собственности.

[2]) Тов. Бухарин в „Экономике переходного периода“ принимает—с некоторыми изменениями теорию фаз тов. Крицмана. Однако он **подчеркивает** переплетение фаз и процессов революции.

Несуществующее стало существующим. Остается несовершенное сделать совершенным. Как ни велика эта задача истории—она меньше разрешенной (стр. 125). Таким образом тов. Крицман претендует одновременно не только на лавры историка, но и певца эпохи военного коммунизма.

Свою оценку военно-коммунистического строя тов. Крицман формулирует следующим образом: «В действительности так называемый «военный коммунизм», это—первый грандиозный опыт пролетарско-натурального хозяйства, опыт первых шагов перехода к социализму. Он в основе своей отнюдь не является заблуждением лиц или класса; это—хотя и не в чистом виде, а с известными извращениями — предвосхищение будущего, прорыв этого будущего в настоящее (теперь уже прошлое), ставший возможным благодаря, изложенным выше, специфическим условиям развития русской пролетарской революции» (стр. 75).

Что касается этих специфических условий русской революции, то здесь автором на первый план выдвигается одно основное, которое в дальнейшем формулируется автором так, что оно теряет свой специфически русский характер. Условие это—острота классовой борьбы и ожесточенное сопротивление свергнутых господствующих классов, заставляющие пролетариат в своей политике, выходить за пределы экономически-целесообразного и вторгаться в такие области хозяйства, которые еще не подготовлены для обобществления. Это условие по всей вероятности, будет налицо и в других странах, во время социалистической революции и именно в такой общей форме—а отнюдь не специфической—формулирует его тов. Крицман. «Чем напряженнее эта борьба за политическую власть, чем отчаяннее сопротивление низвергнутых и лишенных господства классов, чем свирепее гражданская война, чем грознее опасность контр-революции, с тем большей принудительностью выступает политическая необходимость экономического подавления контр-революции, революционная необходимость углубления экономической революции, т.-е. усиленного использования политической власти как орудия разрушения старых экономических отношений, являющихся источниками силы (экономической и политической) низвергнутых революцией господствующих классов. Обессиление контр-революции, подрыв ее экономической базы, становится революционной необходимостью и чем сильнее сопротивление контр-революционных сил, тем в большей мере экономическая политика революции переходит за пределы экономически не-

посредственно целесообразного». (Экономически нецелесообразное становится революционной необходимостью) (стр. 56).

«Удлинение и обострение гражданской войны неизбежно приводят, поэтому, во-первых, не только к решительному ускорению экспроприации капитала, но и двойному расширению процесса экспроприации имущих, к расширению круга экспроприируемых, с захватом среднего и мелкого капитала, незаметными переходами сливающегося с крепкими, самостоятельными товаро-производителями и верхами нового третьего сословия (технической интеллигенции) и к распространению процесса экспроприации на нефункционирующие, как капитал, богатства, как на возможный (потенциальный) капитал, а, во-вторых, к уничтожению возможности функционирования капитала, к насильственному удушению рынка и к подавлению товарно-денежных отношений, так как именно они являются тем местом, куда укрывается капитал в качестве торгового капитала и где он оказывается наиболее трудно достягаемым» (стр. 59).

Эта концепция подкупает своей монистичностью и стройностью. Как видим, она связывает также «военный коммунизм» с гражданской войной, однако, иначе чем обычно. Военный коммунизм оказывается особой организацией хозяйства в пролетарском государстве, порожденной обострением классовой борьбы, заставляющей пролетариат, в силу внутренней логики борьбы и для самозащиты, итти на полную ликвидацию товарно-капиталистических отношений и созданию пролетарского натурального хозяйства.

Эта концепция стройна и монистична, но по нашему мнению основных, наиболее характерных черт военного коммунизма она не об'ясняет.

Бесспорно, что обострение классовой борьбы и логика этой борьбы, прежде всего заставили нас выйти за пределы экономически-целесообразного, национализировать среднюю и мелкую промышленность, эспроприировать денежный и торговый капитал во всех его видах. Ленин чрезвычайно отчетливо и наглядно раз'яснил эти обстоятельства борьбы и ее последствия, на московской губпартконференции в октябре 1921 года.

Но из этой концепции никак нельзя об'яснить нашей тогдашней экономической политики по отношению к крестьянскому хозяйству, по отношению к нашему союзнику крестьянству,—политики, которая, прежде всего, является одним из основных и главнейших признаков «военного» коммунизма». Эта концепция не может об'яснить продразверстки и полного запрещения торговли товарооборота для крестьянского хозяйства.

Как может тов. Крицман, исходя концепции из этой своей только об'яснить, почему нам потребовалась ликвидация даже местного товарооборота и местной торговли, почему мы принуждены были перейти к продразверстке, которая и придала всему хозяйству резко выраженный натуральный характер, а не установить хотя бы продналог, дополняемый товарообменом?

То соображение, что в порах этого товарооборота мог укрыться и работать против нас средний и мелкий капиталист, не выдерживает критики. Опасности, которые несли с собой продразверстка и полное запрещение товарооборота, находившиеся в полном противоречии с интересами мелкого крестьянского хозяйства,

были в сто раз больше для пролетарской диктатуры, чем те, какие могли возникнуть от допущения этого товарооборота. В этом мы имели случай убедиться на целом ряде крестьянских восстаний, проходивших под лозунгом «долой продразверстку» и с требованием свободной торговли.

С другой стороны, концепция тов. Крицмана не дает об'яснения и тому, почему вся организация нашего хозяйства была построена на началах такой строгой централизации, почему учет выдвигался тогда на первый план, почему такое непомерное развитие получила главинская система. Ведь если бы основное значение имело условие, выдвинутое тов. Крицманом, возможна была бы более децентрализованная система хозяйства, предоставлявшая больше инициативы и самостоятельности местным органам и производственным об'единениям. Зачем нам понадобилось строить именно такую жесткую систему?

Таким образом концепция тов. Крицмана не дает, нам кажется, об'яснения основных моментов военного коммунизма нашей политики по отношению к крестьянскому хозяйству: продразверстка, полное запрещение товарооборота, что придало всей системе резко очерченный облик натурального хозяйства; крайней централизации всего хозяйства.

Об'яснения этих моментов нужно искать в других условиях, из которых одни совсем обходятся тов. Крицманом, другие отодвигаются им на задний план.

Ленин не раз говорил, что военный коммунизм был вызван «крайней нуждой, разорением и войной». Действительно, именно эти три фактора обусловили в основном наиболее своеобразные черты военно-коммунистической организации хозяйства: особый тип отношений государственного хозяйства с крестьянским, натуральный характер хозяйства и централизацию.

По нашему мнению, т. Крицман напрасно нападает так ожесточенно на тех, кто сравнивает наше положение в 1918—20 г. с положением осажденной крепости (между прочим,—этим сравнением часто пользовался Владимир Ильич). В общем оно правильно и все те аргументы, которые тов. Крицман выдвигает против него (что в осажденной крепости не существует добывающей и обрабатывающей промышленности и поэтому в ней не может быть организации производства и воспроизводства) доказывают лишь, что это сравнение, как и все, не совсем точно и имеет свою меру. Тов. Крицману необходимо разделаться с этим сравнением для того, чтобы выдержать стройность своей схемы.

Вспомним, однако, наше положение в 1918—20 г. Советская Россия была опоясана в это время сплошным кольцом фронтов. Какие-либо торговые сношения с заграницей были невозможны. Вместе с тем «уже Брестский мир, навязанный новорожденной и потому, в военном отношении, еще беспомощной Советской России германским империализмом, и им же созданное усиление казачьей и добровольческой контр-революции, привели к тому, что хозяйственный организм Советской России, периода гражданской войны, был изуродован до невозможности. Россия была разорвана на две части и в Советской России осталось около $^2/_5$ населения, большая часть металлообрабатывающей промышленности, $^3/_4$ текстильной, но только 45% производства пшеницы, 37% производства ячменя, 8% производства сахара, 10% добычи угля, 23% выплавки чугуна, 88% производства металлических про-

дуктов [1]). Потеря Баку и Грозного лишила Советскую Россию нефти. Мятеж чехо-словацких отрядов отрезал Советскую Россию от Поволжья, Урала, Сибири, Туркестана, лишил ее, следовательно, остатков металлургии, всего хлопка, сибирского коровьего масла, наконец, важнейших оставшихся хлебных районов, бывших и районами сельско-хозяйственного сырья» (стр. 50). Ко всему этому необходимо добавить разорения, причиненные империалистической войной и первыми шквалами революции.

Именно отсюда и только отсюда, «войной, нуждой и разорением» можно об'яснить тип отношений пролетарского государственного хозяйства с крестьянским хозяйством, который так характерен для эпохи военного коммунизма—можно об'яснить продразверстку. При таком положении, когда хлебородные губернии были отрезаны от нас и нам приходилось базироваться, главным образом, на потребляющих, когда нужно было почти исключительно за счет недостаточных хлебных рессурсов крестьянства этих губерний кормить голодающее население городов, рабочих и многочисленную армию, не было другого выхода, как брать все хлебные излишки крестьянского хозяйства, ничего или почти ничего не давая взамен, так как промышленность едва могла обслужить потребности армии. Вместе с тем приходилось итти на крайние меры по проведению жестокой хлебной монополии и ликвидации какой бы то ни было торговли хлебом, так как при крайне напряженном положении со снабжением хлебом малейшее нарушение системы распределения грозило бедствиями для населения городов и для армии.

С другой стороны, «разорение и нужда» обуславливали в значительной степени и ту крайнюю централизацию, которая так характерна для организации хозяйства в эпоху военного коммунизма. Районы топлива и сырья были отрезаны от нас. Производство в ряде отраслей шло исключительно за счет старых запасов хлопка, металла, шерсти, нефти и проч., а эти запасы далеко не были велики. Возможности обеспечения повышенным пайком рабочих, занятых в производстве, были тоже весьма ограничены. При таких условиях не было другого выхода, как путем строгого учета, жесткой экономии и централизации обеспечить ход тех производств, которые имели наиболее жизненное значение для страны и для ее обороны.

В том же направлении усиления централизации действовало и подчинение нашего хозяйства задачам обороны, которые выдвигались тогда на первый план. Какое значение для нашего хозяйства имело снабжение армии, показывают следующие цифры: на долю Красной армии, по планам распределения, приходилось в 1920 г. муки—25%, крупы—50%, зерна-фуража—40%, табаку—100%, хлопчато-бумажных тканей от 70% до 100% и обуви—90% (стр. 168). Это накладывало, разумеется, очень сильный отпечаток на хозяйство и определяло его организационную структуру, вело к его централизации. «Над всей организацией народного хозяйства стоял орган военной диктатуры—Совет Обороны и его органы: Чрезвычайный Уполномоченный

[1]) Эти цифры тов. Крицмана относятся к весне 1918 г. В дальнейшем развертывании гражданской войны территория Советской России сократилась значительно больше и, следовательно, хозяйственное положение было значительно острее.

Совета Обороны по снабжению Красной армии (персонально эту должность занимал председатель ВСНХ)—являвшийся диктатором в деле выполнения всех назначений, которые касались снабжения армии и военной промышленности всем, что было им необходимо, кроме предметов продовольствия, и Главное Управление продовольственным снабжением Красной армии...» (стр. 169).

И тов. Крицман, начавший с ожесточенных нападок на «быстроумных людей», выдвигающих, как определяющий момент нашей тогдашней хозяйственной структуры подчинение хозяйства задачам обороны, вынужден сам признать этот момент и включить его—через несколько глав—в свою схему, предварительно проделав однако с ним, чтобы он не нарушил стройности схемы, диалектический фокус: «Структура народно-хозяйственной организации в эпоху гражданской войны определялась таким образом двумя моментами—крайним обострением и углублением революции, т.-е. классовой борьбой и тем, что борьба эта приняла форму войны... Однако основные принципы, проникавшие и характеризовавшие эту организацию (хозяйства), были порождением не войны, как формы, которую приняла революция, а самой революции, по отношению к которой война была лишь формой ее проявления». (Курсив наш) (стр. 169).

Таковы об'ективные условия, породившие у нас, при диктатуре пролетариата, в период 1918—20 гг., своеобразную систему «военного коммунизма».

Однако, наряду с этими об'ективными условиями действовал в том же направлении и суб'ективный фактор, который однако тов. Крицман обходит полным молчанием, может быть потому, что сам он (как и все мы) не был безгрешен в отношении этого суб'ективного фактора. Именно, имея в виду этот фактор Ленин и говорил о нашей политике в период 1918—20 гг. как об ошибке. Речь идет о господствовавшем тогда в партии убеждении, что именно таким непосредственным, прямым путем, без предварительного приспособления старой экономики к новой социалистической, мы осуществим переход в нашей отсталой стране к социалистическому строю. Что такое представление господствовало у нас свидетельствуют писания той эпохи. Что оно, помимо всех об'ективных условий, определяло тогда нашу политику, тоже не подлежит сомнению. Напрасно поэтому тов. Крицман пытается отмахнуться от анализа этого фактора и его роли утверждением, что военный коммунизм «в основе своей не является заблуждением лиц или класса».

Разумеется, если бы даже мы руководствовались теперешним представлением о формах перехода к социализму в условиях нашей страны, то и тогда мы должны были бы, силою обстоятельств, придти в основе к—«военно-коммунистической организации хозяйства». Но вопрос заключается в мере, в широте захвата и в соответствии изменявшейся с конца 1919 г. в нашу пользу обстановке. То, что каждая баба с крынкой молока считалась спекулянткой, что жестоко ликвидировалась, помимо торговли хлебом и мясом, местная торговля и всеми другими продуктами крестьянского хозяйства, что уже после окончания гражданской войны и накануне перехода к новой экономической политике

закрывалась Сухаревка, был взят курс на ликвидацию денег, организовались посевкомы, которые должны были подчинить крестьянское хозяйство прямому государственному регулированию, все это, по нашему мнению, не вызывалось ни военными, ни политическими условиями, а скорее неверным представлением о формах перехода к социализму.

Задачей критического анализа эпохи военного коммунизма является, помимо всего, и выяснение той роли, которую сыграли эти представления в определении нашей тогдашней политики, чего, к сожалению, не делает тов. Крицман.

* * *

Книга тов. Крицмана наносит сокрушительный удар пошлой меньшевистской легенде о военном коммунизме. Творцы этой легенды—Мартов и А. Богданов—утверждают, что «военный коммунизм» был выражением «солдатского мятежа», что на всем военно-коммунистическом строе лежит печать «солдатчины» и что солдатско-крестьянская стихия придала этому строю резко очертер[1]). Тов. Крицман разрушает этот меньшевистский поклеп на ченный потребительский и уравнительный харак-нашу революцию.

Военно-коммунистическая организация хозяйства была в известном смысле военной, но она была пролетарской организацией, а не солдатско-крестьянской. Пролетариат был творцом этой системы и его печать лежит на всей гигантской организации хозяйства, созданной в эту, действительно героическую, эпоху, на организации власти и на всех мероприятиях этой эпохи, направленных своим острием против капитализма—к созданию нового социалистического строя.

А. Стецкий.

Письмо в редакцию.

Карл Радек.

Про англо-американское сотрудничество и прегрешение против диалектики [2]).

«Взял и ухватил, потому, сударь, что в этом деле главное—ухватить; даже ума не требуется».

(Щедрин: «Господа ташкентцы»).

В январском номере «Большевика» тов. Дм. Бухарцев помещает статью под заглавием «Сотрудничество и противоречия англо-американского капитализма в плане Дауэса». Тов. Бухарцев, сидя в пресс-бюро Главконцескома, имеет возможность следить за международной прессой и поэтому статья его, хотя не содержит никаких открытий Америки, однако, дает целый ряд интересных фактов об англо-американской конкуренции, дополняющих, например, то обозрение англо-американской борьбы на мировом рынке, которое дает М. Бэр в своей новой работе об Англии. Но не будучи сам, повидимому, приверженцем безазбучного просветительства, тов. Бухарцев считает, что он не сможет для своих азбучных истин найти читателя, если не добавить к ним немножко соли и перцу. Я ему в этом вполне сочувствую, но нельзя солить статей вымыслами, которые читатель с легкостью может проверить.

Тов. Бухарцев заявляет, что «План Дауэса представляет собою крупнейшее событие современности». Я не знаю, с какого времени тов. Бухарцев считает современность и поэтому думаю, что он очень преувеличивает значение плана Дауэса. Крупнейшим событием современности план Дауэса, наверное, не является, но представляет собою одну из крупных попыток послевоенной буржуазии стабилизировать капиталистическое хозяйство. Поэтому разногласия в оценке плана Дауэса имеют политическое значение; такие разногласия тов. Бухарцев пытается сконструировать, противопоставляя моему взгляду на англо-американскую кооперацию, как источнику плана Дауэса, утверждение, что эта кооперация попросту мною выдумана—на самом же деле существует только англо-американская конкуренция.

Я не могу ответить тов. Бухарцеву комплиментом, что он изобрел порох. В докладе своем на 4-м конгрессе Коминтерна, опубликованном ИККИ под заглавием «Ликвидация Версальского договора», я писал следующее:

«В экономическом отношении Соединенные Штаты Северной Америки сделались решающей мировой силой. В лице их Англия имеет более опасного противника, чем когда-либо могла стать Германия. Кардинальный вопрос состоит в том,—будет ли эта экономическая конкуренция и дальше обостряться или же будет достигнуто сотрудничество англо-саксонских держав. От того или иного решения этого вопроса зависит дальнейшее развитие мировой политики. В данный момент еще невозможно ответить на этот вопрос. Все находится еще в начальной стадии и никто не сумел бы сказать, что из этого выйдет. В английских капиталистических кругах ясно понимают, сколь опасно конкурировать с Америкой, и стремятся к сотрудничеству с ней. Но, с другой стороны, это сотрудничество может быть достигнуто лишь на почве отступления английского капитала перед американским, который, ни с чем не считаясь, выдвигает свои интересы на первый план. Английская дипломатия постоянно говорит о необходимости такого сотрудничества, но вместе с тем, она убеждена в своем превосходстве над американской и думает, что в ее руках крупные козыри, которые дадут ей возможность одурачить Америку. Таким образом, происходит борьба тенденций сближения и конкуренции, которые в конечном счете могут привести к англо-американскому соперничеству в мировом масштабе. Приобретенный нами в истории опыт говорит, что два крупные промышленные государства, обладающие значительными морскими силами, обычно вступают в борьбу друг с другом, а не приходят к соглашению». («Пять лет Коминтерна», т. II, стр. 235—36. Изд. «Красная Новь», 1924).

---

[1]) Совершенно непонятно, почему на выпусках „курса политической экономии“, где содержится этот меньшевистский поклеп на нашу революцию, красуется до сих пор „А. Богданов и И. Степанов“.

[2]) **От редакции.** Признавая, что на страницах „Правды“ тов. Радек проблемам как англо-американского блока, так и англо-американской конкуренции давал в общем правильную трактовку, редакция считает, что это ни капли не умаляет ценности статьи тов. Бухарцева. Конкретное освещение перспектив союзничества Англии с С.-А. С. Ш., данное тов. Бухарцевым, было особенно необходимым, поскольку в оценке англо-американских отношений существовал несомненный перегиб в сторону „сотрудничества“.

Перед лицом лондонской конференции мне пришлось установить, что английское сотрудничество, которое началось в Вашингтоне, за счет дальне-восточных дел, достигло второго этапа в Лондоне за счет дел европейских. Но считал ли я, «что мы вступаем в длительный период англо-американского сотрудничества, причем не видно даже начала конца этой трогательной дружбы двух акул мирового империализма». Длительный период и трогательная дружба—это уже беллетристика, принадлежащая перу тов. Бухарцева, а не моему, что конца англо-американского сотрудничества еще не видно,—это я утверждал и готов от этого утверждения отказаться, только в том случае, если тов. Бухарцев приведет факты, указывающие, что англо-американская конкуренция привела к началу разрыва англо-американского сотрудничества на Дальнем Востоке или в Европе. Редакция «Правды» в номере от 13-го, в статье, посвященной уходу Юза, высказывает убеждение, что этот уход приведет к углублению англо-американского сотрудничества; автором этой статьи является редактор «Большевика», тов. Бухарин, который, видно, тоже не заметил начала конца этого сотрудничества, так хорошо видного зоркому глазу тов. Бухарцева.

Но может быть, я считаю, что англо-американское сотрудничество противоречит англо-американской конкуренции, что я, вообще отрицаю существование этой последней? Ведь тов. Бухарцев утверждает, что я говорил не «о каком-нибудь непродолжительном блокировании, а о союзе». Тов. Бухарцев даже считает необходимым поучать меня на счет того, что доклад Дауэса не только не затушевывает противоречий между Англией и Америкой, но его обостряет; для подкрепления этого утверждения тов. Бухарцев даже выдвигает тяжелое орудие: цитату из статьи тов. Сталина. Не знаю, для каких целей понадобилось ему эта стальная броня, ибо летом прошлого года в моих статьях в «Правде», посвященных докладу Дауэса, я писал следующее:

«Таким образом, ближайшие перспективы проведения в жизнь лондонского договора сулят не мир, а целый ряд новых конфликтов между Англией и Францией, с одной стороны, Францией и Германией—с другой. Но мало того, лондонское соглашение создаст новые противоречия между странами, вывозящими капитал в Германию и заинтересованными поэтому в увеличении германского вывоза и странами, которые будут бояться этого увеличения. Раздел между интересами финансового капитала и тяжелой промышленности, который пройдет через все страны, найдет свое олицетворение, в первую очередь, в обострении англо-американских отношений». (Карл Радек «Империалистический разбой под флагом демократии и пацифизма, стр. 62—63, «Красная Новь», 1924).

Это утверждение является у меня не голословным предсказанием или выводом из общего и мне небезызвестного положения о противоречиях капитализма, а является результатом конкретного анализа международного положения.

В этом конкретном положении конкуренция не является противоречием политического сотрудничества, и если тов. Бухарцев «чувствует» неувязку в постановке вопроса тов. Тальгеймера, который, с одной стороны, в своей статье о международном положении в № 8 «Спутника Коммуниста» говорит об англо-американском сотрудничестве, а с другой стороны, о том, что Германия сделается яблоком раздора между Англией и Америкой, то разногласия между тт. Тальгеймером и Бухарцевым являются результатом того факта, что тов. Бухарцев—собиратель вырезок из торговых отделов буржуазных газет, а тов. Тальгеймер—марксист диалектик. Понятно, нельзя без знакомства с фактами понимать международное положение даже будучи диалектиком, ибо диалектика есть только метод исследования действительности, но отсутствие диалектического мышления не позволяет привести в порядок самые факты. Уже Парвус, будучи еще марксистом, должен был об'яснять реформисту Кальверу, изучающему очень тщательно биржевую цедулку и товарные индексы, что они являются недостаточным источником марксистского понимания истории.

Вся история капитализма, есть история конкуренции. Она не прекращается в период империализма, этого монополистического капитализма, но на почве конкуренции двух империалистических стран возможно и временное их сотрудничество, и союзы, и такое обострение отношений, которое приводит к войне. Международное положение послевоенных лет определяется тем, что все капиталистические страны конкурируют друг с другом на мировом рынке, но отношения между ними не влились еще окончательно в определенное русло, не кристаллизировались окончательно в систему союзов. Так же выглядело международное положение на грани XIX и XX столетия. Главными промышленными конкурентами уже были Германия и Англия, но англо-германский антагонизм не сделался еще стержнем мировой политики. Теперь дальновидные круги английского и американского капитализма понимают, что им сулит обострение их конкуренции, и также, как четверть века тому назад Чемберлен и лорд Ландедоун пытались добиться соглашения с Германией, чтобы избежать столкновения с ней и использовать ее против русской империи, точно так же теперь американский империализм пытается вовлечь в свой фарватер Англию, для того, во-первых, чтобы избежать с ней конфликта, в во-вторых, чтобы использовать ее против Японии. Американский империализм экономически сильнее английского, но он не имеет военных баз на всех океанах и отлично понимает, что при стратегическом положении на Тихом океане попытки его побороть Японию без помощи Англии—безнадежны. Мало того, если основным вопросом для мирового империализма является теперь расширение рынков сбыта путем открытия русского рынка и завоевания Китая, то достаточно указать на громадные размеры этой задачи, чтобы понять почему сильнейшая из мировых держав Америка стремится сохранить сотрудничество с Англией. Со стороны Англии необходимость этого сотрудничества еще более очевидна, Англия экономически слабее Соединенных Штатов, и, как правильно заметил лондонский «Экономист» накануне Вашингтонской конференции: достаточно ей решиться соперничать в морских вооружениях с Америкой, чтобы быть разбитой.

Почему все это нужно понять, почему все это нужно говорить в нашей печати? — по той простой причине, что это—факт, определяющий теперь мировое положение. Тов. Бухарцев правильно повторяет азбуку, что одним из элементов нашей внешней политики является противоречие интересов отдельных капиталистических групп. Но если эти интересы в данный момент

приводят к сотрудничеству двух руководящих капиталистических держав, то это надо знать, чтобы не набить себе шишек на голове. «Но,—говорит тов. Бухарцев,—если сделать логические выводы из такой оценки международного положения, то нельзя будет найти ничего утешительного ни для перспектив мировой социальной революции, ни для перспектив укрепления нашего Союза». Если тов. Бухарцев считает необходимым находить утешение в отрицании фактов, то это его дело, но тов. Чичерин наверное поблагодарил бы его за совет утешаться таким дешевым образом. Советую тов. Бухарцеву прочесть мою работу «об эре демократического пацифизма», напечатанную в октябрьском-ноябрьском номере «Красной Нови», и статьи в «Правде»—«На пути к Новой Антанте», может быть, он найдет там действительный, не придуманный материал, на котором я строю перспективы дальнейшего развития социальной революции и укрепления СССР. Эти перспективы основываются на том факте, что даже англо-американскому сотрудничеству не удастся устранить конфликтов с другими, хотя бы более слабыми, капиталистическими державами; что растет отпор восточных народов и, наконец, что и англо-американское сотрудничество не будет вечно продолжаться. «Эта кооперация разобьется в тот момент, когда выступят наружу различия интересов обоих конкурентов (контрагентов) при дележе добычи, или когда неудачи англо-американской кооперации сделают более прибыльными для каждого из контрагентов попытаться на собственный счет сговариваться с колониальными народами или капиталистическими странами, представляющими теперь об'ект англо-американской политики». («Красная Новь», октябрь-ноябрь 1924, стр. 261). Если вместо того, чтобы находить точки опоры в действительной жизни, утверждать, как это делает тов. Бухарцев, что «в техническом сотрудничестве» англо-американских банков состоит все англо-американское сотрудничество, то этим можно утешить... мир, но не помочь русским рабочим ориентироваться в сложном международном положении.

Тов. Бухарцев «ухватил», но он очутился в положении городового Глеба Успенского, который жаловался, что хотел схватить злоумышленника за шиворот, но, увы, шиворота у того не оказалось. Мы не будем говорить о вреде таких упражнений и для хватающих и для партии, ни об источниках любви к «беспредметному движению», о котором говорит Щедрин: «налетел, нагрянул, ушиб,—а что ушиб, он даже не интересуется и узнавать об этом».

Редакция: В. Астров, Н. Бухарин, Л. Каменев, А. Слепков, Е. Ярославский.

...айтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 3–4 (19–20)

ФЕВРАЛЯ 25

1 9 2 5

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА"

приводят к сотрудничеству двух руководящих капиталистических держав, то это надо знать, чтобы не *набить себе шишек на голове*. «Но,—говорит тов. Бухарцев,—если сделать логические выводы из такой оценки международного положения, то нельзя будет найти *ничего утешительного* ни для перспектив мировой социальной революции, ни для перспектив укрепления нашего Союза». Если тов. Бухарцев считает необходимым находить утешение в отрицании фактов, то это его дело, но тов. Чичерин наверное поблагодарил бы его за совет утешаться таким дешевым образом. Советую тов. Бухарцеву прочесть мою работу «об эре демократического пацифизма», напечатанную в октябрьском-ноябрьском номере «Красной Нови», и статьи в «Правде»—«На пути к Новой Антанте», может быть, он найдет там *действительный, не придуманный материал, на котором я строю перспективы дальнейшего развития социальной революции и укрепления* СССР. Эти перспективы основываются на том факте, что даже англо-американскому сотрудничеству не удастся устранить конфликтов с другими, хотя бы более слабыми, капиталистическими державами; что растет отпор восточных народов и, наконец, что и англо-американское сотрудничество не будет вечно продолжаться. «Эта кооперация разобьется в тот момент, когда выступят наружу различия интересов обоих конкурентов (контрагентов) при дележе добычи, или когда неудачи англо-американской кооперации сделают более прибыльными для каждого из контрагентов попытаться на собственный счет сговариваться с колониальными народами или капиталистическими странами, представляющими теперь об'ект англо-американской политики». («Красная Новь», октябрь-ноябрь 1924, стр. 261). Если вместо того, чтобы находить точки опоры в действительной жизни, утверждать, как это делает тов. Бухарцев, что «в техническом сотрудничестве» англо-американских банков состоит все англо-американское сотрудничество, то этим можно утешить... мир, но не помочь русским рабочим ориентироваться в сложном международном положении.

Тов. Бухарцев «ухватил», но он очутился в положении городового Глеба Успенского, который жаловался, что хотел схватить злоумышленника за шиворот, но, увы, шиворота у того не оказалось. Мы не будем говорить о вреде таких упражнений и для хватающих и для партии, ни об источниках любви к «беспредметному движению», о котором говорит Щедрин: «налетел, нагрянул, ушиб,—а что ушиб, он даже не интересуется и узнавать об этом».

Редакция: В. Астров, Н. Бухарин, Л. Каменев, А. Слепков, Е. Ярославский.

…йтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 3–4 (19–20)

ФЕВРАЛЯ 25

1 9 2 5

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 25 ФЕВРАЛЯ 3—4 (19—20)

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1 9 2 5
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
ПРАВДА

Главлит № 33896. Москва. Тираж 50.000 экз.
Типогр. изд. „Правда" и „Беднота". Яузск. мост, Серебрянич. наб., д. 23а.

Н. Бухарин.

Значение аграрно-крестьянской проблемы.

В наши дни аграрный и крестьянский вопросы, очень тесно связанные друг с другом, приобрели вновь крайне острый интерес. Если в СССР эта проблема стоит в центре и теоретической дискуссии и практических мероприятий, то, с известными оговорками, то же самое можно сказать и о капиталистических странах, и о странах полуфеодальных. Это, конечно, отнюдь не случайно. Здесь проявляется известная строгая историческая закономерность, закономерность совершенно об'ективного порядка. До войны мы имели такую тесную взаимозависимость между странами, что стало уже смешным оспаривать наличие мирового хозяйства. Война, с ее разрушительными влияниями, неизбежно вызвала в разных странах ряд аналогичных последствий: упадок производительных сил, дезорганизацию «нормальных» экономических отношений, передвижку экономических соотношений между городом и деревней, между индустриальными метрополиями и аграрными колониями; передвижку—вслед за экономикой—социальных силовых соотношений между городом и деревней и различными классами капиталистического общества и т. д. Под знак вопроса поставлено самосуществование капиталистического общества, которое складывалось в течение столетий; под знак вопроса поставлено бытие того «правопорядка», который считался «естественным», «нормальным», «его же не прейдеши». Пролетариат впервые в ряде могущественнейших выступлений властно заявил претензию на общественную власть и руководство, и в России победоносно прорвал всемирную цепь капиталистической армии. При такой громадной неустойчивости общественных соотношений совершенно неизбежно, что и господствующая буржуазия, и претендующий на господство пролетариат, ставят перед собой вопрос о союзниках. Поэтому борьба за влияние на крестьянство является одной из характернейших черт современной исторической эпохи.

Общая оценка крестьянства со стороны буржуазии известна. Приведем несколько примеров этой оценки.

Проф. И. Конрад пишет о крестьянине:

«В политическом отношении он (крестьянин) является, благодаря своей оседлости и привязанности к земле, основой здо-

рового сельского быта и имеет в крупных округах значение, как промежуточное звено между крупным землевладельцем и простым рабочим. Крестьянское сословие было во все времена самым консервативным элементом в государстве; оно привязано крепкой традицией к старине и выступает в ее защиту с величайшей энергией. Оценка собственности, любовь к родине делает его естественным врагом городских революционных идей и крепчайшей плотиной против социал-демократических стремлений (это было написано до падения герм. соц.-демократии. Н. Б.). Поэтому его не без основания обозначали, как надежнейший столп всякого здорового государства» [1]).

Проф. Август Скальвейт в недавно вышедшей работе выражает ту же самую мысль:

«Социальная структура (Der soziale Aufbau) государственного организма, в котором сельское хозяйство занимает значительное место, обладает особой силой... Подымающееся до классовой ненависти недовольство... не имеет благоприятной почвы в деревне. Историк культуры Риль (Riehl) назвал крестьянина и поземельное дворянство силами социальной инерции (des sozialen Beharrens), в противоположность к городским буржуа и пролетариям, которых он обозначил, как силы социального движения (der sozialen Bewegung). Земледельцем легко управлять (Der Landmann lässt sich leicht regieren). Он придает внутренней политике государства устойчивость и постоянство. Городские государства подпадают слишком легко радикализму, господству черни (Pöbelherrschaft или тирании» [2]).

Этот цицероновский язык достаточно показателен. Однако, данная оценка крестьянства, прекрасно выражающая намерение, цели, и—если хотите—идеалы господствующих буржуазно-помещичьих кругов, далека от об'ективной истины. Она переоценивает свойства определенных слоев крестьянства и, главное, она переносит на все времена черты определенной исторической эпохи. В этом сказывается ограниченность исторического кругозора буржуазии, которая легко позабывает отдаленное прошлое и которая не особенно далеко заглядывает в будущее.

А между тем, старик Энгельс писал в своей работе о «Крестьянской войне в Германии»:

«Есть революционные традиции и у немецкого народа. Было время, когда и в Германии появились люди, которых можно поставить рядом с лучшими мужами революций других стран; когда немецкий народ обнаружил стойкость и энергию, которые у нации более централизованной могли бы дать самые блестящие результаты; когда немецкие крестьяне и плебеи носились с идеями и планами, не раз приводившими в содрогание их потомков» [1]).

[1]) *J. Conrad:* Bauerngut und Bauernstand (statistisch). Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 2. Band, 3. Auflage, s. 635.

[2]) *August Skalweit:* Agrarpolitik Berl. und Lpz., 1923, s. 17 (Handbuch der Wirtschafts-und Sozialwissenschaften, Band. 17.)

Здесь не место подробно говорить о революционных крестьянских движениях и в Англии, и в континентальной Европе, и в России («смутное время», Разин, Пугачев, 1905 год, 1917 г.), и в Азии и т. д. Но указать на эти факты необходимо, чтобы сразу стала очевидной мелкая тупость буржуазных идеологов, которые самодовольно успокаивают себя надеждой на извечный, от бога данный, консерватизм крестьянина.

Что крестьянство в определенной исторической полосе, в особенности в некоторых своих общественных прослойках, играло консервативную роль, не подлежит никакому сомнению. Различие между западно-европейским и русским крестьянством об'яснялось, напр., тем кардинальной важности фактом, что полоса буржуазных революций в Европе в общем и целом закончилась, и в этом процессе революций был нанесен громадный удар феодально-землевладельческим отношениям. В России же феодальная поземельная собственность продолжала существовать; поэтому аграрный (а вместе с этим и крестьянский) вопрос был «национальной особенностью» очередной революции. «Запоздание» буржуазно-демократической революции в России привело, в свою очередь, к возможности ее перехода в революцию социалистическую и к тому сочетанию «пролетарской революции и крестьянской войны», которое (для Германии) расценивалось К. Марксом, как наиболее благоприятное сочетание с точки зрения пролетарской победы.

Протекающий на наших глазах общий затяжной кризис капитализма раскрывает перед нами картину, в высшей степени пеструю и многоцветную. С одной стороны, и в самих капиталистических странах произошли крупнейшие изменения; с другой—выступили на сцену проблемы так наз. «отсталых» и «колониальных» народов. Страны с феодальным и полуфеодальным режимом, позолоченным золотом финансового капитала метрополий, поднимают довольно громко свой голос. «Крестьянская война» в этих странах переплетается с борьбой против империализма, оказываясь, таким образом, частью всемирно-революционного процесса.

Таким образом, новая историческая полоса делает с точки зрения чисто об'ективной, необходимым и для буржуазии радикальную переоценку крестьянства или, точнее, его довольно широких слоев, а вместе с этой новой оценкой вызывает необходимость и новых практических мероприятий.

Небесполезно дать себе отчет в том, какую, приблизительно, массу человечества включает крестьянство.

[1]) *Ф. Энгельс:* Крестьянская война в Германии, пер. Г. Котляра, под ред. Финна-Енотаевского. СПБ. 1905.

Население земли распределяется по странам следующим образом[1]):

	Поверхность в 1000 кв. килом.	Число жителей в тысячах.
Европа	10.000	463.000
Америка	43.000	212.000
Азия	44.000	900.000
Африка	30.000	136 000
Австралия	9.000	8.900
Итого	136.000	1.719.900

Таким образом, половина населения земного шара падает на Азию (900.000 из 1.719.000). Из этой цифры на долю Китая приходится 436.095.000[2]), т.-е. почти столько приходится на всю Европу с ее развитой промышленностью, ее городами и т. д. Фабричных рабочих насчитывается примерно 550 тысяч[3]), больше—железнодорожников, портовых рабочих и т. д. Совершенно ясно, что громаднейшая масса населения, около 400 миллионов, приходится на долю крестьян.

Вторым огромным человеческим резервуаром является Индия. Общее количество населения в Индии по цензу 1921 г. составляло 319.075.000[4]).

По расчетам тов. Роя, опирающегося на ценз 1911 г., из общего населения в 315 милл. 280 миллионов жило в деревнях и поселках (менее 5.000 жителей); из них земледелием и скотоводством занимались 224 миллиона; из этих последних на ренту жили $8^1/_2$ милл.; если еще вычесть 7 милл. скотоводов, то остается около 167 миллионов одних крестьян земледельцев[5]).

В Союзе ССР, в стране европейско-азиатской, общее количество населения—133.504.000; из них городского населения—21.880.000, сельского (т.-е. почти исключительно крестьянского) —111.624.000[6]).

В Соединенных Штатах С. А., по последнему цензу (1920 г.), все население измерялось цифрой 105.710.620; из них на долю города приходилось 54.304.603, на долю деревни — 51.406.017 (48,6%)[7]). «Взрослого» (свыше 10 лет) населения, занятого в земледелии, лесоводстве и скотоводстве в 1920 г., насчитывалось 10.953.158 (26,3% всего «работающего» населения); из них

1) *Jahrbuch für Wirtschaft. Politik und Arbeiterbewegung 1923—1924*, s. 235. Арктическая область (11 милл. кв кил.) не включена в подсчет.

2) *The China Year-book 1924—5*. p. 30.

3) *China*. Wirtschaft und Wirtschaftsgrundlagen, hg. von Dr. *Joseph Hellauer*, s 25

4) *The Indian Year-book 1924*. ed by Stanley Reed London.

5) *Manabendra Nath Roy*, India in transition Jenève. 1922. pp. 42—43; 51—52.

6) *Народное хозяйство СССР в цифрах*. Изд. ЦСУ. Москва. 1924, стр. 6—7.

7) *Fourteeth census of the United States taken in the year 192°*, Volume III. Population, p. 15.

молочных фермеров, фермеров и скотоводов (dairy farmers, farmers, and stock raisers) насчитывалось 6.201.261, тогда как рабочих здесь же (dairy farm, farm, and stock farm laborers), насчитывалось 4.041.627 (остальное падает на более дробные специальности)[1]).

По всей Европе (за исключением Англии) сельское население составляет около 50%. При этом, однако, нужно постоянно иметь в виду, что хозяйственные организмы империалистских государств непосредственно связаны с их колониями. Если Франция, напр., имеет в 1921 г. (90 департаментов) 18.206.000 городских и 21.004.000 сельских жителей, то не нужно забывать, что она имеет 57 миллионов жителей в колониях, и здесь подавляющее большинство этих жителей приходится на крестьян[2]). И т. д.

Из этих бегло указанных цифр видно, какую громадную роль играет еще крестьянство, как определенная социальная сила. Тот конкретный капитализм, который «нам» приходится свергать, а «им» приходится защищать, это не абстрактный капитализм чистой теории; это—капитализм, где подавляющее большинство населения состоит еще из самостоятельных земледельцев, из крестьян, которые—в незначительной своей части—вырастают, как эксплоатирующая сила, в своей основной массе становятся—в разнообразнейших формах—об'ектами капиталистической эксплоатации. Число этих «третьих лиц» поистине огромно. И тем не менее, капитализм уже теперь вступил в эпоху своего крушения под тяжестью своих внутренних противоречий, демонстрируя тем самым, что его «тенденции развития» революционнее, чем революционное их отражение даже в такой голове, как голова тов. Розы Люксембург.

Если мы вступили в полосу ожесточенных конфликтов (а мы в нее безусловно вступили), то вполне понятна борьба обоих общественных полюсов (буржуазии и пролетариата) за «третьих лиц», за использование различных классовых прослоек внутри этих «третьих лиц» и т. д. Для революционного пролетариата эта задача была—в международном масштабе—поставлена тов. Лениным еще на II Конгрессе Коминтерна. В резолюции по аграрному вопросу говорится:

> «...промышленные рабочие не могут выполнить своей всемирно-исторической миссии освобождения человечества от гнета капитала и от войн, если эти рабочие будут замыкаться в узко-цеховые, узко-профессиональные интересы и самодовольно ограничиваться хлопотами об улучшении своего, иногда сносно-мещанского, положения. ...Действительно революционным, действительно социалистически действующим

1) *Abstract of occupation statistics*. Washington 1923, pp. 482—483.

2) *Annuaire général de la France et de l'étranger* 1924, p. 83.

классом пролетариат является лишь при условии, что он выступает и наступает, как авангард всех трудящихся и эксплоатируемых, как вождь их в борьбе за свержение эксплоататоров» [1]).

Нужно отчетливо представлять себе, что речь идет здесь не только о том, чтобы «использовать» крестьянство, как тяжелую пехоту, в непосредственных боях против буржуазного государства. Вопрос стоит гораздо глубже, если рассматривать его, как одну из проблем международной революции. Крестьянство (точнее, его определенные слои), этот огромный массив человечества, не перестает существовать и после победы пролетариата, даже после его мировой победы. Пролетариат—класс, преобразующий все общество, является сам по себе еще меньшинством населения земли. Этого не нужно забывать. Поэтому проблема сочетания хозяйственных форм, проблема сожительства с крестьянским хозяйством, проблема его перестройки и т. д. является и будет являться крупнейшей проблемой переходного периода, т.-е. целого ряда десятилетий. Социально-политический «союз» между рабочим классом и крестьянством, «гегемония» рабочего класса, не могут быть оторванными от определенных соотношений в экономической области. А, с другой стороны, общая проблема средств существования будет в нашу эпоху, до окончательного упрочения нового режима, давить гораздо больше, чем в довоенное время. Таким образом, никак нельзя отмахнуться от того факта, что эпоха крушения мирового капитализма застает пролетариат, как меньшинство населения, меньшинство, которое является большинством лишь в исключительно развитых отдельных странах, взятых притом без их колониальных «хозяйственных дополнений». Отсюда—по всем линиям экономики и политики—специфические трудности, которые нужно суметь преодолевать, но от которых, повторяем, нельзя отмахнуться.

Mutatis mutandis те же проблемы стоят и перед международной буржуазией, только здесь все соподчинено главной цели: упрочению капиталистического общества.

Прежде всего, перед буржуазией стоит, как и перед победоносным пролетариатом в СССР, проблема производства:

«Теперь боятся уже не изобилия, а нужды» [2]).

«Весь мир согласен прокламировать, что производить должно быть нашим наиболее общим лозунгом. И именно со стороны сельского хозяйства нужно сделать наше первое и главнейшее усилие» [3]).

[1]) *Резолюции и устав Комм. Интернационала*, принятые II Конгр. К. И. (19-го июля—7-го августа 1920 г.) Изд. К. И. Петроград, стр. 103—104.

[2]) *Henri Hitier et Joseph Hitier:* Les problèmes actuels de l'agriculture. Payot. Paris 1923. p. 8: «C'est n'est plus l'abondance qu'on redoute, c'est la disette».

[3]) *Ibidem*, p. 9.

Но эта проблема сельскохозяйственного производства рассматривается сейчас буржуазно-помещичьими кругами отнюдь не как «чисто»-производственная проблема,—настолько тесно переплетены различные (экономические, политические, внешнеполитические, военные, социальные и т. д.) моменты.

Эти поиски определенной ориентации, где различные тенденции внутри господствующего класса соответствуют его промышленному и аграрному крылу, выражаются, прежде всего, в проблеме: «индустриальное государство или аграрно-индустриальное»?

«Аграрное» течение протестует против излишней индустриализации стран, требует специальных мер по охране сельского хозяйства (и, конечно, ренты), стоит за систему таможенных пошлин на хлеб (аграрный протекционизм) и т. д. «Промышленное» (в условном смысле) не склонно сдерживать развитие индустрии.

Основные моменты—в изложении сторонников аграрного «уклона»—здесь таковы:

1. Общая экономическая перспектива. Быстрая индустриализация сделает индустриальные страны «данниками» аграрных стран, данниками Соединенных Штатов, Аргентины, России.

2. Военно-стратегический момент. Хозяйственная независимость, «самодостаточность», «автаркия» является предпосылкой военных успехов. Без этого страна не может выдержать современной войны.

3. Социально-классовый момент. Быстрая индустриализация ведет также к росту классовых противоположностей, к ослаблению консервативно-настроенного «сельского хозяина», крестьянина, деревни вообще, что особенно ужасно для теперешнего времени.

Неустойчивость капиталистического режима в целом отражается на том, что все эти вопросы буржуазные идеологи должны рассматривать теперь с точки зрения социальной опасности. Эта болезнь за господство в обществе лишь подчеркивает снова и снова необходимость, во что бы то ни стало, удержать за собой крестьянскую массу. Возьмем несколько примеров.

Крики о «возвращении к земле» явно опираются не только на интересы ренты в узком смысле слова, но и на болезнь города, как революционного очага. Отсюда лозунги «реагризации» и даже «цереализации» («Cerealisierung», от «cerealia» — зерновой хлеб, хлебные злаки) хозяйства. Адольф Вагнер, напр., в первую очередь обосновывает свои требования тем, что необходимо смягчить «классовые противоположности», что необходимо «замедлить» процесс роста «экстремистско-социалистических идей»; Генрих Дитцель, возражая Вагнеру, указывает, со своей стороны, на опасность роста поземельной ренты в связи с аграрным протек-

ционизмом: это де создаст почву для «аграрного коммунизма», «который был бы таким же опасным species (видом), как и марксизм» [1]). Во Франции, где сельскохозяйственная продукция особенно потерпела от войны, появилось среди буржуазии течение за форсированный рост крупного сельскохозяйственного производства. Вот как рисовалось будущее сельского хозяйства некоторым сторонникам этого «земельно-возрожденческого» движения:

«Создадутся поземельные общества (des sociétés foncières), которые будут обладать обширными участками земли, организуют огромные, прекрасно оборудованные, именья и решительно пойдут по пути (se lanceront dans) культуры крупного производства»... [2]). Целый ряд авторов, однако, решительно возражает против такой постановки вопроса, хотя все они горячо стоят за «retour á la terre» («возвращение к земле»—боевой лозунг этих кругов и заглавие книги Méline'a). При этом любопытно, что в борьбе против «новой формулы крупных анонимных предприятий» («La culture par grande entreprise anonyme c'est une formule nouvelle») [3]), эти авторы (Méline, Hitier и др.) выдвигают следующее соображение:

«Эта трансформация, будучи обобщенной, вызвала бы в сельскохозяйственном мире (dans le monde rural) отделение труда от капитала (la séparation entre le capital et le travail), результат, которому ученики Маркса могли бы только аплодировать (!), как факту, подтверждающему теории учителя, но который мы считаем несчастием и который нужно избежать в интересах общества (dans l'interêt social)» [4]). Отсюда лозунги: «все для земли и через землю» («pour terre et par la terre»), «земля—крестьянской семье» и прочие вещи, которыми наиболее понятливые буржуа хотят укрепить свое влияние на крестьянство.

Вышеприведенные примеры говорят о том, что буржуазия *не может* ставить теперь вопрос с точки зрения одной технико-производственной и экономической рациональности. Неустойчивость отношений диктует ей в первую очередь заботу об удержании *власти* над крестьянством, для того, чтобы *направить это последнее против пролетариата.*

Это с полной откровенностью и с поистине классической ясностью формулируют... американские финансово-капиталистические круги.

В Hutchinson News (Канзас, С.-А. С. Ш.) мы находим следующие положения:

1) *Heinrich Dietzel:* Agrar-Industriestaat oder Industriestaat. Handwörterbuch der Staatswissenchaften. 4. Aufl., B. I

2) *Caziot:* Expertises rurales et forestières.

3) *Hitier*, l. c., p. 28.

4) *Ibidem*, p. 26. См. также *Wygodzinsky:* Agrarpolitik в Hndw. d. st., 4. Aufl., B. I, s. 80.

«Демагоги утверждали..., что фермеры должны об'единиться с рабочими или социалистами, или с налогоплательщиками, или с какой-либо другой группой избирателей, интересы которых отнюдь не идут по линии фермерских интересов (not at all in line with those of the farmers).

Если фермер будет заключать политический союз, он должен заключать его с крупным капиталом (he should do so with the big interests). *Он должен заключать союз* (tie up) *с банками, железными дорогами, промышленниками* (manufacturers) *и Волл-Стритом.* Они являются действительными друзьями фермера, потому что это люди (the people), которые желают ему процветания, и собственное процветание (prosperity) которых основывается на процветании фермера» [1]).

Таким образом, мы видим здесь точную формулу тактики *единого фронта* против пролетариата. Лозунг «*смычки*» или «*лицом к деревне*» диктуется не только господствующему пролетариату, но и господствующей буржуазии: даже американские трестовики, разорившие во время последнего «аграрного кризиса» чуть ли не треть фермеров, провозглашают этих последних основным устоем американского общества! В дополнение картины стоит также упомянуть о «крестьянской» ориентации российских белогвардейцев, начиная от монархистов, понявших в известной своей части, что земли уж не вернешь, и кончая меньшевиками и эсерами, которые все надежды возлагают на разрыв крестьянства с пролетариатом и на «восстановление сношений» этого крестьянства с «действительными друзьями» в роде Путиловых, Коноваловых и других героев «здорового капитализма».

«Сходство проблем» (в условном смысле, конечно), которое бросается в глаза при сравнении капиталистических стран и между собою и со странами Союза, об'ясняется тем обстоятельством, что до войны мы имели налицо факт *мирового хозяйства*, разодранного впоследствии войной.

Поэтому мы наблюдаем, прежде всего, так называемый *мировой аграрный кризис*, явление величайшей важности. «Этот кризис—как совершенно справедливо пишет в своей отличной аналитической работе тов. Н. *Осинский*;...лишь выявил действующие силы того основного, глубокого, конституционального

1) «The demagogues have been saying for years that the farmers should join with the laborers or with the socialists or with the single taxers or with some other group of voters whose interests are not at all in line with those of the farmers.
If the farmer makes a political alliance he should do so with the big interests. He should tie up with the banks the railroads, the manufacturers and Wall street. They are the real friends of the farmer because they are the people who wish him prosperity and whose own prosperity is based on that of the farmer». Цит по *The Bache Reviem* a summary of the general financial and business situation published every week by J. S. Bache & C°, № от 6 декабря 1924 г.

кризиса, который переживает с 1919 г. все мировое капиталистическое хозяйство. Такими действующими силами... являются: 1) диспропорция совокупного производства в мировом масштабе (между странами); 2) диспропорция между городом и деревней (в масштабе мировом и внутринациональном)...; 3) диспропорция в производстве средств производства и средств потребления, или разрыв связи между ними внутри отдельных стран; 4) диспропорция между производством средств потребления и реальным доходом рабочего класса» [1]). Характерно то, что и такое явление, связанное с кризисом, как «ножницы», стало, в известный период, явлением мировым; сходство обнаруживается (несмотря на различие социальных структур), и в производных, хотя крайне существенных, вопросах: например, политика цен наших советских хозяйственных организаций (до осени 1923 г.), с одной стороны, и монополистических об'единений на Западе и в особенности в Америке—с другой. Лишь решительный нажим со стороны рационализирующей силы в наших странах—нашей партии—уничтожил это сходство. Само собою разумеется, что под этими аналогичными тенденциями скрываются аналогии в положении и, следовательно, в сфере ближайших задач. Нарушенное равновесие между городом и деревней является причиной основных вопросов политики повсюду. Потребность восстановить это равновесие, потребность усиленного накопления, чтобы наверстать потерянное за время войны, задача удержать крупную индустрию от разрыва с сельскохозяйственным рынком и, следовательно, вопрос о емкости внутреннего сельскохозяйственного рынка; проблема налогов; проблема сокращения непроизводительных расходов и т. д., и т. п.; наконец—last but not least—задача удержания под своей гегемонией мелкого сельскохозяйственного производителя,—весь этот круг вопросов в своей позитивной форме стоит и для господствующей буржуазии, и для господствующего пролетариата.

В высокой степени интересно отметить, что нередко формально одинаковыми являются и известные методы решения этих проблем. Мы уже отмечали главный метод—тактику единого фронта. Она идет, так сказать, по всей линии: и по линии политики, и по линии экономики. Чрезвычайно характерно, например, что вопрос о кооперации стал одним из центральных вопросов экономической политики буржуазии. Американские капиталисты нередко прямо финансируют эти организации, чтобы взять на повод фермеров, которых они, с другого конца, безбожно разоряют. В ряде стран, в связи с аграрно-крестьянским движением, проведены—весьма куцые—земельные реформы, и часть помещичьей земли должна была быть

---

[1]) *Н. Н. Осинский.* Мировой кризис сельского хозяйства. Новая деревня. Москва, 1924 г., стр. 135—136.

принесенной в жертву для укрепления власти над крестьянством. Политика аграрных пошлин точно так же усиленно используется для об'единения крупных аграриев и крестьян под флагом одного и того же требования относительно цен на продукты сельского хозяйства (эта же задача относительно повышения хлебных цен стояла одно время и у нас, но решалась иначе).

В последнем издании своей книги о социализме проф. Вернер Зомбарт [1]), анализируя крах («Zerfall») социалистического довоенного движения и отдавая должное большевизму, как продолжателю старой революционной, марксистской традиции, представляет себе дело так, будто факты разрушают марксистское движение и социалистические иллюзии, а мы снова и снова, на манер добродетельной Пенелопы, ткем свою старую ткань и запеваем старые песни.

Нет ничего более неверного, чем такое изображение хода событий. И только неуменье буржуазных идеологов мыслить в широких исторических масштабах и пропорциях об'ясняет нам эту странную научную аберрацию.

Мировой капитализм бурно развивался в конце XIX и начале XX века. И одновременно с этим он—на основе сверхприбыли от колоний—подчинял своему влиянию и часть рабочего класса, иногда очень значительную. Среди рабочего класса, внутри совокупного мирового пролетариата, образовались деления классообразного порядка. Антагонизм между «буржуазным пролетариатом» (Энгельс об английском рабочем классе) и «пролетарским пролетариатом», между рабочей аристократией и рабочей «чернью», между верхушкой квалифицированного и широкими массами менее квалифицированного и неквалифицированного труда, между пролетарской верхушкой крупнейших империалистских государств и широкими массами рабочего класса других стран; коротко говоря, антагонизм между пролетарскими соучастниками буржуазии в получении прибавочной ценности и, так сказать, «чистыми» об'ектами эксплоатации, возрос в недрах рабочего класса до крупнейшего противоречия. Это противоречие было, с одной стороны, причиной краха прежнего социалистического движения и—несколько позднее—главной причиной того, что удержался еще до сих пор капиталистический режим.

Часть рабочего класса врастала в механизм капиталистического государства и идейно врастала в царство буржуазных взглядов, буржуазной идеологии и т. д.

Если так обстояло дело с пролетариатом, то нетрудно понять, насколько дальше должно было уйти всасывание крестьянства в сферу буржуазно-капиталистических интересов. Европейское крестьянство давно уже пережило эпоху буржуазных

---

[1]) *Werner Sombart:* Der proletarische Sozialismus. 2 Bände.

революций; американское фермерство росло с самого начала в условиях, при которых элементы феодализма были минимальны; иначе обстояло дело с русским крестьянством, но и здесь частная собственность пустила мощные и глубокие корни. Головокружительные успехи капиталистического хозяйства привели к быстрой диференциации прежнего «крестьянского сословия»: оно распалось не на «классообразные» категории, оно распалось на классы, хотя и соединенные между собой целым рядом промежуточных ступеней. «Grossbauer», капиталистический крестьянский фермер, нанимающий рабочих, «кулак»—это уже такая классовая категория, которая полярно противоположна батраку или крестьянину, возмещающему недостаточность «дохода» своего хозяйства работой по найму. Как ни старались замазать эти факты исследователи патриархально-консервативного или народнического направления, однако, они, эти факты, были реальностью. Совершенно естественным является поэтому и то, что своей богатой «головкой» крестьянство врастало, таким образом, чрезвычайно основательно, крепко и прочно в организацию господствующих классов. Понятно также, что и середняцкое «трудовое» европейское крестьянство, т.-е. крестьянство, либо совсем не имеющее рабочих, либо имеющее ничтожное их количество, обладая возможностью (не в целом, а для отдельных своих составных единиц) подняться выше, не прочь было, равным образом, тянуться за верхним слоем. Наличность многочисленных переходных ступеней, при ярко выраженных, классово-противоположных флангах, обеспечивало своеобразную механику врастания крестьянства в сферу буржуазно-помещичьих интересов. «Interessengemeinschaft» («общность интересов»), которая сложилась между буржуазией и верхушками пролетариата, в возведенном в степень масштабе, создалась между господствующими классами (в особенности их аграрным крылом) и очень значительной частью крестьянских масс.

В Европе, как упомянуто, исключение представляла Россия, где необычайно резко были выражены остатки феодально-кабальных отношений на земле и где кулачество не могло вырасти в такую силу, как, напр., немецкий Grossbauer. С другой стороны, иначе дело обстояло и на колониальной периферии, где диференциация крестьянства была замедленной, где нередко основным процессом был процесс общей массовой пауперизации, с хроническими голодовками и своеобразным «равенством в нищете», где сохранились, с другой стороны, феодальные отношения, осложненные всеми прелестями беспощадной эксплоатации со стороны иностранного капитала.

Военное потрясение мирового хозяйства знаменовало собой начало обратного процесса; процесса «разбуржуазивания» масс.

У пролетариата этот процесс начинается с выступлений его наименее коррумпированных слоев, но по мере того, как утрачивается экономическая основа привилегированного положения у квалифицированных рабочих, по мере того, как растет угроза потери колониальных сверхприбылей и колониальной «сверхплаты», начинается «полевение» и этих слоев. Лучшей иллюстрацией этого могут служить процессы, происходящие внутри английского рабочего класса.

Иначе, но все же аналогично, идет тот же процесс и в крестьянстве. Оно потерпело большие потери людьми; крестьянское хозяйство, несмотря на высокие хлебные цены и относительное усиление позиции деревни, было сильно подорвано общей разрухой; аграрный кризис довольно резко ударил по нему. Для иллюстрации мы приведем лишь данные о положении американских фермеров. В результате специального обследования, произведенного весной 1923 г. Departament of Agriculture по 15 штатам, производящим пшеницу, мы имеем такие данные [1]):

	I. Собственники (owners.)	II. Фермеры арендаторы (tenant farmers):
Потеряли свои фермы в результате банкротства (through foreclosure or bankruptcy)	4%	7,2
Покинули фермы, не заявляя о банкротстве (without legal proceedings)	4,5%	7,8
Избегли объявления о своем банкротстве только из за «снисхождения кредиторов» (only because of the leniency of their creditors)	свыше 15%	21,3
	Итого . 23,5%	Итого . 36,3%

Эти цифры говорят сами за себя.

Прежняя устойчивость сменилась неустойчивостью. Само собою разумеется, что и здесь в общем и целом, конечно,—раньше других приходит в движение наименее зажиточная часть крестьянства, в первую очередь крестьянская беднота. Колониальное крестьянство, почувствовавшее ослабление сил империализма, мелкое парцельное крестьянство, а затем и некоторая часть середняков стремится итти самостоятельным путем. Русская аграрная революция, ряд крупных восстаний и волнений на Балканах, в Румынии, в Польше и т. д.; колониальные движения; движение в Индии и Китае; тяга к выделению из общеаграрных рядов со стороны мелкого и части среднего крестьянства в Польше, Чехо-Словакии, Германии, Франции; наконец — движение американских фермеров,—все это явления того общего процесса, о котором мы говорили выше.

[1]) *Agriculture Yearbook* 1923 Washington. 1924, p 121. (The whead situation. A report to the president by the secretary of Agriculture).

Буржуазия пытается парализовать эти усилия и комбинированными методами усмирения—с одной стороны, тактики единого фронта—с другой, свести на нет этот великий процесс.

Однако, логика фактов неизбежно окажется сильнее всех пожеланий. Не подлежит теперь никакому сомнению общее направление «развития». Капитализм все быстрее воспроизводит свои противоречия. Уже первый бурный взрыв этих противоречий в их мировом масштабе—мы говорим о всемирной войне 1914—1918 годов—вызвал к жизни громадное пролетарское государство, сменившее великую царскую империю и расшатал устои капитализма повсеместно. Но, не излечив своих ран, капитализм со стихийной силой идет к новым катастрофам, до крайности обостряя внутренние противоречия своей системы. Только безнадежным тупицам реформированного социализма и социалистического реформаторства маячит сейчас свет мирного хода вещей. Действительность говорит другое. Поэтому жалким недомыслием является сейчас для капиталистических стран теория «конструктивного социализма», долженствующая заменить марксизм. Впрочем, с капиталистической точки зрения г-да Черновы, Макдональды, Бернштейны, Каутские и Ко служат прекрасными инструментами. Они «к о н с т р у к т и в н ы» по отношению к капиталистическим странам; они «д е с т р у к т и в н ы» по отношению к странам пролетарским.

Но по мере того, как все больше и больше идет процесс «разбуржуазивания» широких народных масс, и пролетарский коммунизм становится все более руководящей силой, теряется почва и под «социалистическим» оппортунизмом, а городской рабочий класс все чаще превращается в вождя широких трудящихся масс вообще.

Завоевание этих масс, прежде всего, масс крестьянской бедноты, под руководство пролетариата, есть одна из важнейших предпосылок победы пролетариата. И для решения «деструктивной» задачи, задачи разгрома, разрушения капиталистического режима, и для решения «конструктивной» задачи, организации «смычки» между городом и деревней — эта предпосылка неизбежна.

М а р к с в одном месте говорит, что движение противоположности между городом и деревней определяет собой целые исторические эпохи. Империализм и его войны доводят эту противоположность до наивысшей точки, несмотря на все усилия преодолеть это противоречие. Но в то же время, великая социальная катастрофа создает предпосылки для н о в о г о отношения между мировым городом и мировой деревней: э т и предпосылки выковываются в совместной борьбе рабочего класса и идущих за ним **слоев крестьянства, в метрополиях и в колониях. И это есть начало выхода из противоречий капитализма вообще, начало**

выхода из истребительных войн, начало всемирно-исторической реорганизации человечества.

Так массовая сила раздробленных мелких производителей может стать—и с т а н е т—под руководством пролетариата великой освободительной силой нашего времени. Пролетарская всемирная революция сочетается с «крестьянской войной».

Этот процесс идет разным темпом, в разных формах, иногда глубоко отличных друг от друга. Учесть конкретные особенности его—непременная обязанность коммунистической партии. Они выполнят свою задачу, если отдадут себе ясный отчет во всей громадной важности аграрно-крестьянской проблемы.

Д. Марецкий.

Идейные блуждания социал-предательства.

(Окончание).

„Конструктивный социализм" Виктора Чернова.

После того, как и русский рабочий класс и русское крестьянство недвусмысленно вручили г. Чернову желтый билет политического банкрота, его естественным «историческим» уделом оказалось неустанное творчество «нового» социалистического «миросозерцания». «Знамение времени» капиталистического распада, специфическая жажда «переоценки ценностей» не только не осталась чуждой, но целиком завладела мыслями В. М. Чернова. И вот из-под пера его выходит большущая книга, носящая горделивый заголовок: «Конструктивный социализм», том I», а в самом непродолжительном будущем обещает появиться и второй том его произведения.

Отваживаясь на столь грандиозное литературное предприятие, г. Чернов, само собой разумеется, придает ему совершенно исключительное значение, влагает в него смысл прямо-таки «коперникианского деяния». «...Торжество демократического и конструктивного социализма», провозглашает Чернов, необходимо для всего будущего мировой культуры, международного мира и подлинного о ч е л о в е ч е н и я ч е л о в е ч е с т в а [1]).

Если, таким образом, от успехов «конструктивного социализма» зависит не более не менее, как затеваемое Черновым «очеловечение» всего «человечества» и «будущее» всей культуры и социализма, то отсюда логически вытекает, что и настоящее социализма, переживаемое западно-европейским социализмом состояние кризиса определяется опять-таки недостатком или отсутствием «конструктивизма». Ссылки на «измену вождей» г. Чернов об'являет вздорной и нелепой экстремистской «демагогией». «Все н а ш е изложение,—говорит он,—имеет целью показать, что причина (кризиса социализма. *Д. М.*) гораздо проще: незавершенность, однобокость прежнего довоенного социализма» [2]).

А в чем секрет распространения большевизма? И тут ларчик открывается, по Чернову, чрезвычайно просто: «Ибо только полное отсутствие конструктивной системы социализма и могло породить безумную готовность большевизма экспериментировать над судьбами страны и жизнью народов» [3]).

[1]) Конструктивный социализм, стр. 401, курсив Чернова.
[2]) Там же, 72 стр.
[3]) Конструктивный социализм, стр. 66.

После такой широковещательной рекламы, которую дает г. Чернов своему «учению», позволительно было бы, конечно, ожидать, что главным делом г. Чернова окажется добросовестная и подробная расшифровка того великого конструктивного рецепта, с помощью которого он намеревается «очеловечить человечество». Однако это не так: приемы нашего новоявленного конструктивного Заратустры оказываются довольно-таки «деструктивными». В главу угла своей работы г. Чернов ставит критическое изложение и низложение всевозможных «деструктивных», однобоких, разрушительных социалистических систем, которые до сего времени с громадным убытком для «мировой культуры» господствовали в международном рабочем движении. Понятно, что в качестве типичнейшей, от'явленно «деструктивной» системы Чернов берет современный коммунизм. Добрая половина его книги и посвящена критике большевизма. Посмотрим раньше всего вкратце, в чем эта критика заключается, насколько она «деструктивна», уничтожающа.

Выступая с критикой большевизма, нельзя сказать, чтобы Чернов вел себя «ganz modern», по современному. Теперь, в 1925 г., «жало» его критики направлено целиком на эпоху военного коммунизма: годы нэпа оказываются за полем его зрения, их он касается лишь мельком. Но что же мы узнаем от Чернова по поводу большевизма «героического периода русской революции», как назвал эпоху военного коммунизма т. Крицман? (Мы извиняемся за развертываемую нами в статье панораму выдержек из Чернова, но таким путем, думается, читателю легче будет постигнуть всю премудрость черновской «системы»).

Во-первых, мы узнаем от Чернова, что большевизм с момента захвата власти прошел три «фазы»: начальную, когда господствовал «анархо-советизм», «власть на местах» и красногвардейские налеты на банки; вторую фазу «главкизма», когда «все захваченное порознь» собиралось в одну кучу и «бюрократизировалось советская экономика»; и третью фазу—военного коммунизма [1]). Такая «фазеология» Чернова означает, что он попросту не понимает, что такое военный коммунизм, не понимает, что «главизм» и военный коммунизм не различные «фазы», но что «главизм» и «бюрократизация» и были формами проявления военного коммунизма.

Во-вторых, в главе об «отправной позиции и методе большевизма» мы узнаем от Чернова, что большевизм есть «социализм, императивный по форме», социализм, «действующий «повелительными наклонениями», декретами» («социал-декретинизм», острит Чернов), а по существу большевизм есть социализм деструктивный. Ниже мы разберем, в чем заключается большевистский «деструктивизм».

В-третьих, историческим аналогом большевизма неожиданно оказывается поросшая мохом древности «Спарта», которую лишь «заново открыли Колумбы большевизма», т.-е. кроме всего прочего Черновым глубокомысленно смазывается вся «маленькая» разница между диктатурой пролетариата и господством аристократии, которое имело место в Спарте.

В-четвертых, большевизм выступает как историческое продолжение... махаевщины (?!), ибо травит (??!) интеллигенцию.

[1]) Конструктивный социализм, стр. 379.

В-пятых, по Чернову выходит, что гражданская война эпохи военного коммунизма была «братоубийственной войной, раздиравшей ряды самого рабочего класса» (!) и что хозяйственный «развал» был обязан, с одной стороны, «большевистской хозяйственной политике» непосредственно, а с другой—происходил от большевистской политики косвенно, «посредством вызванной ею многолетней гражданской войны, расщепившей и бросившей друг против друга ряды самого рабочего класса (!?!). Намек на социальное распознание процессов времен военного коммунизма здесь прямо-таки прекрасен: война с Юденичем, Колчаком, Деникиным, Врангелем изображается как война с отрядами «рабочего класса». И такая «конструктивная» пошлость еще шныряет на литературном рынке в 1925 году!

В-шестых, Чернов совершенно серьезно пытается уверить своих читателей, что «взгляды Ленина» на социализм и революцию «сравнительно» с взглядами «Герцена» представляют собой огромный и решительный (!?) регресс (!??) [1]).

Пожалуй, приведенных мест хватит. Читатель по ним сам может судить о силе разрушительного действия черновской «конструктивной» пушки. Обратимся теперь к обстрелу марксизма, учиняемому Черновым на ряду с обстрелом коммунизма.

По отношению к отцам научного социализма, г. Чернов ведет себя внешне меньшим Собакевичем, старается соблюсти известную критическую деликатность. Более того, он даже согласен на то, чтобы сделать свой конструктивный социализм законным историческим детищем научного социализма. Для того, чтобы определить место конструктивного социализма в общей истории социалистических идей, Чернов «тоже» не прочь «пококетничать с гегелевской диалектикой»; он строит цепочку из трех звеньев—положения, отрицания и отрицания отрицания. И процесс развития социалистической мысли развертывается по следующей «триаде» Чернова. Первое звено, «тезис», по Чернову—это социализм утопический, второе—«антитезис», социализм научный, учение Маркса и Энгельса и, наконец, заключительный аккорд — «синтез»: конструктивный социализм Чернова. «С тем же правом,— сообщает Чернов,—с каким прошлое социализма характеризовалось, как перерождение его из утопического в научный,—его настоящее и будущее может быть характеризовано, как перерождение его из научного в к о н с т р у к т и в н ы й или о р г а н и з а ц и о н н ы й... Организационный социализм является лишним наглядным свидетельством того, что утопический и научный социализм с некоторой точки зрения перестают быть противоположностями, не исключают более друг друга, но примиряются в высшем синтезе» [2]).

---

[1]) Констр. соц., стр. 194. А вот еще один из перлов Черновской «критической» язвительности, перл, достойный распространения в отхожих местах всей белогвардейской прессы. Большевики, рассказывает Чернов, задумали «ввести» единообразную «мужскую форму» и «женскую форму» одеяния и головного убора. Но женские причуды и вкусы оказались еще сильнее, чем все императивы большевистской государственной экономии и «спартанцы» центротекстиля и главодежды в бессилии остановились перед решительным штурмом этого векового бастиона, который может быть воздвигал свои твердыни и у каждого из них по дому (стр. 301). Стиль-то какой: «бастион» воздвигающий «твердыни»(!).

[2]) Стр. 12—13. Свою замечательную «триаду» Чернов развивает и в социал-демократическом «Die Gesellschaft»—в юбилейном номере, посвященном Каутскому.

Приятно, конечно, сознавать себя самым почетным, третьим членом триады, быть «высшим синтезом» утопического и научного социализма, на что скромно претендует Виктор Чернов, но одно такое желание, хотя бы оно и подкреплялось выдумыванием соответствующей случаю «триады», далеко недостаточно. Нужны какие-то осязательные об'ективные основания. Вместо таковых, мы находим у Чернова, кроме триады самой по себе, лишь два соображения. Первое—это то, что утопический и научный социализм не так уж друг другу противоречат, что в недрах утопического социализма мы находим массу элементов социализма научного, так что последний лишь продолжал дело первого. Опираясь на мнения такой малопочтенной плеяды ученых «знатоков марксизма» как Пауль Барт, Петр Струве, Н. Черкезов, Михаил Барановский и др., Чернов старательно перечисляет и раздувает «научные» моменты в произведениях Томпсона, Годвина, Пеккера, Фурье, Консидерана и других утопистов. Но, конечно, наличие различных «эмбрионов» научного социализма, поскольку они действительно были у утопистов (постольку о них говорили сами Маркс и Энгельс), ничуть не меняет того факта, что «эмбрионы» оставались «эмбрионами», а также и того, что утопистов и Маркса-Энгельса разделяло о с н о в н о е, самый характер, тип и метод их учений, которые исключают всякую возможность добродетельного черновского «синтеза».

Второе соображение, выдвигаемое Черновым—это то, что «утопический и научный социализм» лишь «сосредоточивали свое внимание на двух р а з н ы х сторонах социальной проблемы». Утопический ориентировался лишь на идеал общества будущего, был отвлеченным плодом кабинетной мысли. Наоборот, марксизм однобоко увлекся изучением об'ективной логики событий, впал «в сверхисторический об'ективизм», в «фатализм»—так что и тут как нельзя более кстати об'единяющая черновская конструктивная гармония.

По поводу этого соображения, заметим, что «однобокость», которую Чернов приписывает марксизму—продукт явного смешения понятий. Верно, что учение Маркса чуждо утопического «идеализма». Но нелепо и вульгарно ставить знак равенства между марксизмом и «фатализмом». Известно, что Маркс всегда, с неоставляющей никакого сомнения ясностью подчеркивал действительный революционный момент своего учения, что он исключительно высоко ценил «историческую инициативу масс», «штурмующих небо». Лишь г.г. Штаммлерам, Зомбартам, нашим «легальным марксистам» и теоретикам социал-демократии периода упадка угодно было опошлить марксизм, исказить его существо, изуродовать его в фаталистический об'ективизм. Подлинный революционный марксизм всегда был и остается заклятым врагом фатализма, и он, разумеется, ни капли не нуждается ни в каких добавочных, «преодолевающих» фатализм конструктивных подпорках г. Чернова и ни в каком его «синтезе».

Поскольку же в «триаде» Чернова содержится мысль дополнить марксизм утопическим прожекторством «обществ будущего», «операционными планами» для «следующего» дня после социальной революции, поскольку эти последние планы высасываются Черновым из пальца, а не из учета реальных тенденций развития, не из анализа опыта настоящих революций, постольку «триада», конечно, не только не двигает нас ни на шаг «вперед», но реши-

тельно тащит нас назад к утопическому социализму или, в лучшем случае, назад к Баллоду—Атлантикусу [1]).

Оставим однако в покое столь соблазнительную для самого Чернова, магическую и ничего по существу не говорящую его «триаду» и запросим все-таки о «конструктивном плане», как таковом. Мы узнаем очень немногое. Если конструктивный социализм есть прежде всего, в общем, большой синтез утопического и научного социализма, то этот большой синтез распадается на ряд «синтезов» второго порядка.

Конструктивный социализм должен быть «высшим синтезом» государственности, кооператизма и синдикализма. «Отрешаясь от однобоких концепций государственного социализма, синдикализма и кооперативизма (принципы плана социализации. *Д. М.*) представляют собой *высший синтез* этих концепций. В этом синтезе—душа *социализации* в отличие от проектов «национализации», «огосударствления» и т. п. *Синтетичность* вообще является основною чертою, душою конструктивного социализма» [2]).

«Синтетичность» здесь заключается в том, что между государственностью, синдикализмом и кооперативизмом должна существовать «согласованность», координированность, известное разделение труда (синдикализм действует «дифференцирующим» методом, овладевает порознь целыми ветвями производства; кооперативизм действует методом «интегрирующим», разрастается во все стороны из единого центра, государственность «в ходе развития должна отмирать» и т. п.). Эти общие, ни к чему не обязывающие положения, Чернов поясняет конкретно тем, что переписывает некоторые немецкие «проекты» социализации, делает им наклейку «конструктивный» и таким бесхитростным манером «очеловечивает человечество».

В ранг высшей «синтетичности», составляющей «душу конструктивного социализма» возводится между прочим аграрная программа социалистов-революционеров, со всеми ее обветшалыми принадлежностями («трудовым миросозерцанием», уравнительностью, отрыжками из ревизионистского учения Эдуарда Давида, старушкой поземельной общиной, тоже фигурирующей в роли «очага» конструктивного социализма и т. п. Характерно, что Чернов не обмолвливается ни об одной черточке различия, существующей между старой аграрной программой и «новой» конструктивной. Последняя оказывается попросту старой эсеровской погудкой на новый «конструктивный» лад).

Следующий «синтез», который несет на своих знаменах конструктивный социализм, есть синтез между городским однобоко-индустриальным социализмом и социализмом деревни. Дух «урбанизма», дух города, господствующий в современном социализме, должен «смягчиться» элементом здорового «рурализма», духом деревни, равным образом движения «передовых» стран Нового и Старого Света, стран полнокровного капитализма, должны синтезироваться с движениями народов Востока.

Единственная партия, которая не на словах, а на деле осуществляла и осуществляет «синтез» урбанизма и рурализма, т.-е. переводя на человеческий язык, союз пролетариата с крестьянством и соответственно антиимпериалистический союз «народов Запада» с «народами Востока»—это партия коммунистов, в международном масштабе Коминтерн. Компартии осуществляют этот союз, под знаком революционной *гегемонии* передового класса, пролетариата. Но Чернов против Коминтерна, против его «деструктивно-демагогической линии». Идейно-политические симпатии Чернова полностью на стороне II Интернационала, сила исторических позиций которого, в значительной мере, и обусловлена империалистическим гнетом «цивилизованных» стран над колониальными народами. Примыкать ко II Интернационалу и одновременно выбрасывать лозунг синтеза «урбанизма» и «рурализма», это как раз и значит делать этот «синтез» бессмысленным платоническим пожеланием. Но мы и раньше уже успели убедиться, что «конструктивные» формулы г. Чернова не блещут сколько-нибудь ощутимым содержанием.

Для разрешения всех многочисленных необозримых «конструктивных» и «организационных» задач социализма В. Чернов считает нужным привлечь на свою сторону ту общественную группу, функция которой в социальном целом специфически «организаторская», конструктивная, — группу интеллигенции. «Серп» и «молот»,—заявляет Чернов,—должны третьим равноценным собратом иметь «книгу» [1]). «Труд и наука» опять-таки должны примириться между собой в «высшем синтезе». «Социализм доселе организовал лишь работников *физического* труда, был теоретическим осознанием их исторической миссии и осмысливал для них жизненный путь. Аналогичной роли для работников *умственного* труда, для трудовой интеллигенции, он не играл. Но он должен эту роль сыграть, если хочет оказаться на высоте своих *конструктивных* задач» [2]). Сейчас нам станет ясным к какому новому «синтезу» приведет этот «синтез» г. Чернова. До сих пор, раскрывает нам свои карты Чернов, «социализм, занимаясь проблемами физического труда, обострял *материализм* своей социальной философии». В настоящее время «конструктивный социализм» должен реабилитировать поруганные права идеалистической надстройки. «*Идеалистическая* сторона социализма, его содержание, как новой культурной философии, как новой высшей ступени в области морали,—та сторона, которой со времен Герцена, Михайловского и Лаврова, так много занималась, так называемая, русская социологическая школа, должна получить свое развитие, превратив, таким образом, социализм из односторонне материалистического в синтетический и интегральный». (Стр. 24).

Теперь перед нами таинственное третье «конструктивное» звено черновской триады вырисовывается с исчерпывающей рельефностью.

Теперь нам понятно, в чем заключается черновское «развитие», проталкивание «вперед» научного социализма.

Теперь мы видим, что это лишь заурядннейшая идеалистическая ревизия марксизма.

Теперь мы видим, что это прикрытая стыдливыми «конструктивными» словечками реставрация суб'ективной социологии Ми-

[1]) Недаром этому самому Баллоду, «государство будущего» которого на ряду с государственной властью и презервативами увековечивает и армию и попов, Чернов подчеркнуто расточает свои комплименты.

[2]) Констр. соц., стр. 310.

[1]) Стр. 26. В своей гипертрованной ставке на интеллигентских «организаторов» конструктивный социализм.

[2]) Стр. 23. В. Чернов логически и социально примыкает к «организационному» социализму А. Богданова.

хайловского, той самой, на критическом «сечении» которой в давно прошедшие времена упражнялось все подрастающее поколение русских марксистов [1]).

Теперь мы отчетливо слышим жалобный вопль Чернова «назад к Лаврову», назад к его «критически мыслящим личностям», вопль, раздающийся в унисон и с криками «назад к Атлантикусу!», «назад к Фурье!»

Теперь мы воочию распознаем и тот сокровенный «мотив» (протащить «идеалистический момент» в социалистическое движение), который побудил Виктора Чернова глубокомысленно прокламировать его дикий «тезис» относительно «регресса» Ленина «сравнительно» с Герценом.

«Стратегический» смысл конструктивного социализма, со всеми его аттрибутами: «очеловечением человечества», мошеннической «триадой» и громогласными «синтезами»—сводится единственно лишь к тому, чтобы, прикрывшись новыми словесами и новыми «формулировками», во что бы то ни стало протащить тот заезженный оппортунистическо-идеалистический хлам, над которым давным-давно уже раздавался погребальный звон истории, но который от этого нисколько не перестал быть об'ектом щемящей тоски для Виктора Чернова.

* * *

Есть одна большая «проблема», которая действительно во весь свой гигантский рост стоит сейчас перед интернациональным рабочим движением, и которую пока мы оставляли в стороне, несмотря на то, что «попытку» решения ее сделал и Чернов. Эта проблема—выраженная в модных терминах Чернова-Макдональда—есть проблема соотношения между «конструктивным» и «деструктивным» моментами в современном социализме и коммунизме, соотношения между «разрушительскими» и «строительскими» сторонами в деятельности пролетарских партий.

Очень легко понять, что проблема эта в свою очередь прямиком упирается в вопросы о социальной сущности государства и о захвате власти.

В самом деле, в зависимости от того, как определяются нами задачи госвласти, как нами проблема власти решается, находится и оценка условий применения «конструктивных» или «деструктивных» методов.

Если мы проблему государственной власти решаем по-марксовски и по-ленински, если мы принимаем, что буржуазная власть есть концентрирующий в себе экономическую мощь всего буржуазного класса специфический аппарат воспроизводства на постоянно расширяющейся основе самих капиталистических производственных отношений, то тем самым мы считаем отрезанной, исключенной всякую возможность социалистической созидательной, «конструктивной» работы до тех пор, пока эксплоататорская власть еще не взорвана, поскольку она еще продолжает сковывать в своих стальных тисках все социальное целое. Путь к конструктивной социалистической работе лежит через труп

[1]) Здесь не трудно нащупать и некоторый идейный стык между Черновым и Макдональдом по «социологической» линии: Чернов черпает свою социологическую мудрость из Михайловского, Макдональд из Спенсера, но Михайловский сам был «эпигоном» Спенсера.

Сообщим, кстати, что как это ни странно Чернов ни словом не упоминает о «конструктивном социализме» Макдональда — возможно из понятной «скромности», возможно из-за вполне обычной для Чернова—неосведомленности.

капиталистической власти. Социальное поле должно быть предварительно основательнейшим образом «деструктивно» расчищено, прежде, чем общество превратится в гигантскую лабораторию социалистического строительства. Деструктивный социализм, следовательно, является логическим преддверием к конструктивному. «Конструирование» же социализма в рамках буржуазного государства, «конструирование» социализма до экспроприации экспроприаторов, с этой точки зрения есть либо оппортунистический обман, либо оппортунистический самообман.

Другое дело, если мы будем питаться иллюзиями относительно «вне»-, «между»- или «над»-классового характера государства, если политическую власть мы будем трактовать, как в принципе «нейтральный» для всех «сосуществующих» классов «социальный обруч». Тогда роль конструктивных и деструктивных методов предстанет перед нами в существенно ином освещении. Сфера влияния деструктивного момента резко сузится, конструктивное «начало» будет всегда играть первую скрипку. Социалистическое строительство станет возможным до политической революции, сама революция будет поставлена под знак вопроса. «Die Sozialisferung marchiert», «дело социализации продвигается» и может продвигаться еще задолго до социалистического переворота и там, где это возможно, даже предшествовать ему [1]).

Чернов, который вообще говоря постоянно обходит вопрос о власти, склоняется, разумеется, ко второму оппортунистическому разрешению вопроса. Безобразнее всего однако то, что он пытается в своих взглядах сделать повинным самого Маркса. Вот как он «излагает» Маркса:

«Чтобы... междуусобная борьба (классов. *Д. М.*) не разорвала общества на части, не разрушила самого бытия общественного коллектива, необходима какая-то высящаяся над классами государственная власть, железными обручами сбивающая стремящиеся расколоться, распасться части нации. И этим отдельным частям приходится ко всем прочим видам своей урегулированной внешними юридическими нормами борьбы прибавить лишь борьбу за меру влияния на эту государственную власть, принципиально занимающую надклассовое положение, в качестве выразительницы «интересов целого» [2]). Эту идиллическую «надклассовую» галиматью г. Чернов, ни секунды не смущаясь своего невежества, имеет наглость назвать «оценкой исторической роли государственности Марксом и Энгельсом».

И бесцеремонно превратив величайших революционеров XIX столетия в невиннейших «надклассовых» херувимчиков Чернов находит соответствующее решение проблемы сочетания «конструктивного» и «деструктивного».

«Предрассудок, ...будто бы в работе социализма разрушение неизбежно предшествует созиданию»... «нельзя себе предста-

[1]) Иллюзия конструктивной социалистической работы в пределах буржуазной системы является внутренним пороком теоретических представлений и Каутского, Бауэра, Гильфердинга и К°. Оппортунисты 2-го «антидеструктивного» Интернационала слепы (или притворяются слепыми) к тому, что конструктивизм в рамках капиталистического государства может быть лишь подсобным социал-демократическим конструированием самого капитализма. «Конструктивный социализм» есть в действительности буквально всего только «уконструктивный капитализм» и не больше.

[2]) Констр. соц., стр. 32. Курсив наш.

вить ничего худшего... для партии будущего, чем роковое отставание созидательной работы от разрушительной... созидание должно не следовать за разрушением, тем самым неизбежно перманентно отставая от него, но везде, где это возможно, даже предшествовать ему» [1]).

Такая «отправная» точка зрения Чернова по общему вопросу о соотношении конструктивного и деструктивного методов, неизбежно влечет за собой и ряд его других частных оппортунистических положений.

Раз деструктивное, и логически, и исторически, и даже хронологически подчинено конструктивному, раз последнему навсегда запрещено отставать от деструктивного, то отсюда неминуемо вытекает и фактическое отрицание революции. Правда, Чернов называет свой конструктивный социализм «революционным», правда, на словах он еще «за революцию». Но по существу он против революции, ибо невозможно же представить себе такого рода волшебный революционный переворот, в котором созидание «не отставало» бы от «разрушения». Цену своей «революционности» В. Чернов лучше всех определил сам, назвав «настоящим конструктивным революционером» реформиста Жуо, душой и телом продавшегося французской буржуазии.

Разоблачая «деструктивную демагогию», отрицая определяющую роль проблемы власти, Чернов полон самых радужных надежд на конструктивное вызревание социализма в «порах» старого общества. Капиталистическое государство, согласно Чернову, необозримый плацдарм для его конструктивизма. «Синтетическая» работа в «кооперативах», «синдикатах» и отстаивание надлежащей «меры влияния» в государстве открывают «труду» в союзе с «книгой» самые блестящие конструктивные перспективы. Дело здесь, разумеется, не в том, чтобы разрушать буржуазное государство, как то предлагают нафантазированные «гипнозом власти» коммунисты, а чтобы в рамках, во всех порах этой власти конструктивно подготовлять, развертывать социализм.

В качестве самого веского аргумента в пользу законности такого конструктивного барахтанья в «порах» капитализма, Чернов мобилизует «исторические прецеденты предшествующих революций». Последние, уверяет Чернов, говорят именно за его «великую заповедь».

«Ошибочно было бы думать, что величайшее из социальных потрясений прошлого—Великая Французская Революция, сначала уничтожила феодализм, а затем начала создавать основы буржуазного капиталистического уклада жизни. Этот новый уклад уж был налицо, совершенно готовым, он гнездился, так сказать, в порах старого режима» [2]).

К несчастью, для г. Чернова это историческое сопоставление буржуазной и пролетарской революций, убийственно оборачивается против его собственного конструктивного социализма. Действительное своеобразие новой пролетарской революции по сравнению с революцией старой буржуазной заключается как раз в том, что накануне пролетарской революции пролетариат в «порах» буржуазного общества не может «вызреть» в экономически, материально господствующий класс, как это могла сделать буржуазия в «порах» феодальной системы. Экономическая сила, материальные богатства, средства производства могут в основном сосредоточиться и сосредоточивались в руках буржуазии еще в рамках феодального государства до буржуазной революции. Но никому еще до сих пор не приходила в голову дикая идея пролетарской революции, которая совершается после того, как до нее пролетариат экономически «вызреет», завладеет общественными средствами производства в буржуазном государстве. Буржуазное государство, в котором средствами производства распоряжается пролетариат—это уже геркулесовы столпы сверхконструктивного вздора.

Подобно тому, как, вопреки Чернову, материальное, экономическое «вызревание» пролетариата в порах буржуазного общества немыслимо, подобно этому, тем более немыслимо и его социалистическое культурное «вызревание» в старых «порах». Материально, экономически и социально подавляемый и угнетаемый класс не может переродиться культурно до своего социально-экономического освобождения. В условиях господства капитала, самым механизмом этого господства, рабочий класс «вызревает» не по части «быта, культуры, учреждений и накопления организационных навыков управления», как это ему предписывает конструктивное шарлатанство, но вызревает в смысле классовой солидарности и растущей «воле к власти». А такое «вызревание», прямыми путями ведет к «деструктивной» большевистской демагогии, которой пуще огня боится Чернов.

Но довольно с нас господина Чернова. Мы убедились, что представляет собой этот политический «ученый» паяц, неожиданно вздумавший вдруг «очеловечить человечество». «Конструктивные искания» Чернова, политически направленные лишь к тому, чтобы отвлечь пролетариат от его центральной задачи—задачи захвата власти—оказываются покушением с негодными средствами. Передовой пролетариат знает, где лежит «проблема проблем» настоящего, а не черновского строительства социализма.

Могучая революционная встряска, встряска, неминуемо «деструктивная», в пламени которой вызревает и закаляется великая диктатура пролетариата, грядет по лицу всего мира, как бы ни противоречила она «конструктивным» вкусам г.г. Черновых.

---

1) Констр. соц., стр. 211—212.

2) К. с., стр. 212.

Ем. Ярославский.

Религия на службе капитала.

Кто изучал историю первоначального накопления, тот знает какую огромную роль в нем играли церкви и монастыри. Вернер Зомбарт в «Современном капитализме», описывая накопление капитала путем перехода состояний, приводит чрезвычайно интересные данные о роли церковных и монастырских организаций. На вопрос, «куда же стекались в средние века в докапиталистическое время деньги, в большом количестве сосредоточивавшиеся в руках единообразной располагающей ими власти», Зомбарт указывает одно такое место из числа самых значительных—это Camera apostolica (апостольская копилка). Эта «апостольская копилка» называлась в свое время матерью денег (mater pecuniarum). С IX века доходы со всех христианских стран начинают приливать в Рим в виде лепты св. Петру, и в XII веке поповские финансы устраиваются по новой, имеющей большое значение системе, с которой мы знакомы по позднейшему времени. С этого времени сборы принимают денежный характер, далеко оставляя за собою вотчинные доходы в смысле выгоды для кассы, и в исходе средних веков развивается та система универсального церковного фиска, которая приводит в конце-концов к реголюции [1]).

Попы провели повсюду обязательство присылать сборы только в виде монеты золотой и серебряной, и по некоторым записям прежнего времени можно судить о том, каково было экономическое могущество католической церкви. Один доход только от крестовой десятины, то-есть сбор, который периодически производился свыше XII века на крестовые походы, но «употреблялся обыкновенно для надобностей далеко не соответствующих их первоначальному назначению», оценивался в 800.000 турнейских ливров, то-есть около 20 миллионов рублей золотом. Но еще больше были доходы церковных орденов. Один только доход госпитальеров, у которых было 19.000 обителей, откуда каждый рыцарь мог получать вооружение и продовольствие, равнялся 36 миллионам франков золотом.

Известно, какое огромное состояние накоплено было русскими монастырями. Правда, вместе с падением феодализма значение монастырских организаций значительно падает всюду. В особенности падают всюду размеры монастырского землевладения, и стало быть, и того дарового крестьянского труда, который служил одним из серьезных источников обогащения церквей и монастырей. Но еще в начале этого столетия, когда во Франции началась борьба с конгрегациями, во Франции насчитывалось (в 1901 году) 152 мужских ордена и конгрегаций с 30.000 членов и 1.511 женских с 184.000 членов.

[1]) Вернер Зомбарт „Современный капитализм, издание Д. С. Горшкова, Москва, 1903 год. I том, первый выпуск, страница 248.

Развитие капитализма, образование в городах значительных кадров промышленного пролетариата, конечно, значительно подорвало влияние церкви именно в этих слоях. Церковники жалуются: «Нельзя отрицать, что в Англии, как и в Германии, рабочий класс совершенно равнодушен не только к англиканской церкви, но и ко всем религиозным организациям; точно так же опять, как и в Германии, высоко образованные и высоко стоящие интеллектуально люди не могут считаться регулярными посетителями религиозных собраний». Это в Англии. Но и «в Германии в XIX веке церковь достигла крупных успехов; но она потеряла широкие круги населения, которые, хотя внешне принадлежат к ней, но или чужды ей, или враждебно настроены. В XIX веке церковь пришла в сильное противоречие с общественной духовной жизнью, и это в Германии сильнее, чем в Англии и в Америке. Против церкви и против религии вообще, особенно в середине XIX века, поднялась нарастающая волна материализма, которая в виду огромного роста естествознания, колоссального роста техники и промышленной жизни и в особенности с 1871 года, на почве религиозного индифферентизма особенно сильно распространялась. При помощи марксизма и социал-демократии это мировоззрение захватило низшие слои нашего народа» [1]).

Исторический опыт показал нам, что религия является наиболее консервативной надстройкой, что она переживает надолго социально-экономическую действительность, которая ее породила. Но этот же исторический опыт говорит нам о необычайной приспособляемости религиозной идеологии, умении церкви находить нового хозяина, который выгодно оплачивал бы ее услуги. Верой и правдой служила церковь феодализму. Она отстаивала феодализм всеми мерами. Самые жесточайшие пытки, костры, массовое истребление еретиков,—все это отмечает роль церкви в защите самых реакционных форм хозяйства. Но когда дальнейшее развитие производства потребовало перехода к новым формам, капиталистическим,—церковь и здесь была не последней в деле укрепления буржуазного могущества, оставаясь и при капитализме наиболее реакционной силой, наиболее тяготеющей к отсталым формам эксплоатации, к поддержке всех пережитков феодального строя, монархии, политического и экономического неравенства. Она должна была, однако, и организационно перестроиться. В Америке, например, где в руках отдельных трестов сосредоточены колоссальнейшие средства, тресты должны иметь на своем содержании, к своим услугам не только газеты, журналы, повседневную прессу; отдельные тресты держат у себя на содержании не только университеты, поэтов, художников, ученых и журналистов, которые в речах, в стихах, статьях и научных трудах с университетских кафедр, перед школьниками восхваляют благодетельное влияние такого-то треста; но хозяева этого треста должны иметь у себя в стране собственные храмы и церковно-служителей, которых трест воспитывает, обучает в

[1]) Из церковной энциклопедии за 1910—1913 г. „Die Religion in Gechichte und Gegenowart".

построенных на средства треста колледжах. И эти сотни и тысячи проповедников потом будут восхвалять благодетельное влияние треста с церковной кафедры и новым светом новейшей капиталистической веры осветят все прошлое небесное учение. И в самом деле, разве банановый трест или тресты, возглавляемые Рокфеллером, Морганом, Карнеджи, Фордом,—разве они не заслуживают божьего благословения, разве не являются величайшим оправданием надежд всех верующих, разве не насаждают эти магнаты капитала царство божие на земле?

Владимир Ильич Ленин придавал огромное значение изучению этих капиталистических религиозных организаций: в статье «О значении воинствующего материализма» (журнал «Под Знаменем Марксизма» № 3, 1922 г.) он писал, «что особенно важно использование тех книг и брошюр, которые содержат много конкретных фактов и сопоставлений, показывающих связь классовых интересов и классовых организаций современной буржуазии с организациями религиозных учений и организацией религиозных проповедей». «Чрезвычайно важно,—писал он,—перевести все материалы, относящиеся к Соединенным Штатам Северной Америки, в которой менее проявляется официальная, государственная, казенная связь религии и капитала. Но за то ясно становится, что так называемая «западно-европейская демократия, (перед которой так неразумно разбивают свои лбы меньшевики и эсеры и отчасти анархисты и т. п.) представляет из себя ничто иное, как свободу проповедывать то, что буржуазии выгодно проповедывать, а выгодно ей проповедывать самые реакционные идеи, религию, мракобесие, защиту эксплоататоров и т. п.».

Да, американские капиталисты, миллиардеры знают цену религии и они не скупятся на содержание служителей церкви. По данным Статистического Ежегодника за 1922 г. (Statistical abstract of the U. S. 1922, Washington 1923, стр. 69—71), в Соединенных Штатах в 1916 году было 197.807 религиозных организаций, с церковным имуществом на сумму 1.676.600.582 доллара и 65.272 пастората, которые оценивают свое имущество в 218.846.096 долларов. Не все эти организации дали сведения о своих доходах, но годовой расход 203.859 организаций, которые сообщили данные, составляет 328.809.999 долларов.

В 1921 году в Американских Соединенных Штатах было зарегистрировано 233.999 церквей, в них 199.331 священнослужителей и более 46 миллионов прихожан; воскресных школ (приходских), куда входят и так называемые Bible classes, т.-е. библейские классы было 199.154. Доходы этих церквей в 1921 г. показаны, приблизительно, около полмиллиарда долларов. Удивительно ли после того, что американский капитал может содержать такую мощную организацию, как «Joung Men Christian Association — «I. M. C. A.»—Общество христианских молодых людей и Young Women Christian Association—Y. W. C. A. —Общество христианских молодых женщин. Эти организации имеют свои отделения и свои агентуры решительно во всем мире, и особенно стараются американские капиталисты ее насаждать в тех странах, которые в перспективе американский капитал надеется подчинить себе целиком, или в значительной степени превратить их, по крайней мере, в свою колонию. Так, мы имеем очень значительное разветвление этой организации в Китае, в Корее, в Японии. Картина, когда вслед за миссионером с библией

появляется купец с товарами, а затем солдат с винтовкой,— картина, которая вселяла ненависть всем к империалистам «цветным народам» Африки, Азии и Австралии и Америки,—эта картина соответствует и сейчас действительности. Но без помощи такой религиозной организации американский капитал будет, конечно, чувствовать себя не так спокойно.

Конечно, Общество Христианских Молодых Людей и Женщин приходит не только с библией; оно имеет в своем распоряжении богатейшие средства для привлечения молодежи, литературу, кино, спорт, хороших лекторов, а главное — денежные средства, на которые не скупятся их богатые хозяева. В Китае действует не только Общество Христианских Молодых Людей и Общество Христианских Молодых Женщин; стоит обратить внимание на название другой религиозной организации, несомненно, существующей на средства американских и английских капиталистов—Applied Christianity — Прикладное Христианство. Здесь уже речь идет не об отвлеченных христианских истинах, а о практическом привлечении на сторону американского и английского капитала возможно большего числа сторонников. Правда, американцы всячески стараются прикрыть эту организацию китайским флагом. Китайский публицист M. T. Z. Tyay в книге «China awakened» (Пробужденный Китай) (New Jork, 1922 г., стр. 37) уверяет, что с 1912 года «движение это стало определенно китайским, Китаем финансируется и Китаем руководится». Но тут же выдает себя. «Иностранные секретари, пишет он,—главным образом из Америки, но некоторые из Канады, Великобритании, Дании, Норвегии, Швеции ассоциации находятся под контролем национального комитета, во главе которого стоит мистер Дэвид, окончивший Гарвардский университет». В конце 1919 года это общество имело 170 студенческих организаций в разных учреждениях и миссионерских школах во всей стране с 14.200 членов, с 30 городских ассоциаций в главных городах, с 32.330 членов. Кассовый доход этих организаций составлял 575.197 долларов, другими словами, больше миллиона рублей. Одна эта сумма показывает, что не китайские источники, где господствует конфуцианская религия и буддизм, субсидировали эти учреждения. В течение одного только 1919 года издательством этого союза «Прикладное христианство» издано было до 4.000.000 страниц литературы, издано за этот год было 221 руководство по изучению библии и т. д.

Чтобы еще больше оттенить, зачем нужны американским и другим капиталистам подобного рода организации, стоит отметить, что 22 китайских секретаря этого общества «работали с китайскими рабочими батальонами во Франции во время войны».

В мае 1924 года в Китае состоялась конференция, в которой приняли участие представители 7½ тысяч христианских миссионеров, живущих в Китае. Интересен порядок дня этой конференции.

1) Ответственность церкви за 300.000.000 христианского населения Китая.

2) Отношение N. C. C. (National Christian Counseil)—Национального Христианского Совета—к общественным делам в Китае.

3) Положение с опиумом в Китае, и что может сделать N. C. C.

4) Отношение церкви к перемене промышленного положения в Китае [1]) (to the changing of industrial conditions in China).

Как видите, совсем не небесные вопросы, а самое настоящее прикладное христианство, которое старается приспособиться к изменяющемуся положению промышленности. Стоит только вдуматься в этот порядок дня, и ясно станет, что он продиктован американскими и английскими хозяевами, которые, конечно, по своему «заботятся» и об опиуме, и о христианском населении и о китайской промышленности, и об общественных делах Китая.

Кроме трех указанных организаций, находящихся на службе у капитала, в Китае существует еще организация, чрезвычайно соблазнительная по названию — «Китай для Христа» (China for Christ). Китай для Христа в сущности означает: Китай для американцев, Китай для англичан. Это понимает всякий, кто придает значение не словам, а тому, что скрывается за этими словами. Однако, религиозный журнал «На страже» («Auf die Warte») жалуется, «что все возрастающему религиозному движению среди учащихся высших учебных заведений препятствует основанная в 1922 году антирелигиозная группа, неофициальное название которой «Антихристианской студенческий кружок». «За короткое время—сообщает религиозный журнал—этот кружок уже во всех высших учебных заведениях основывает свои отделы с девизом вести борьбу против всякого религиозного суеверия, к каковому кружок причисляет и христианство».

«Существует мнение,—догадывается орган капиталистов,—что за этой антирелигиозной группой и через нее работают большевики, так как члены этого кружка обвиняют христианство в том, что его поддерживают капиталисты и империалисты». Пожалуй, истина заключается здесь в том, что христианская молодежь начинает видеть по настоящему, что скрывается за лозунгами Китай для Христа, а так как она ищет путь для борьбы с этим обманом, то приходит к большевистским взглядам.

Газета «Друг России», орган отдела помощи русских верующих в Америке для евангелизации России, жалуется на то, что большинство китайских студентов, учащихся в европейских университетах выходят оттуда, пропитанными материализмом и антирелигиозными учениями [2]). Чтоб иметь представление об этом «Друге России», приведу здесь два четырехстишия, помещенных в № 5 сентябрь 1924 г.:

«Там на руинах господских
Тяжкое горе несет,
Как на реках вавилонских
Плачет наш русский народ.
«Жутко во тьме эмиграции,
Глухо дробятся шаги,
Мы лишь обломочки нации
Нам, друг, о нам, помоги!»

* * *

[1]) The China Jllustrated Revien Mai 24—1923.

[2]) Annuare général de la Hance et de l'étranges. Paris, Société d'études et d'information économiques.

Кажется ясно, что за «Друг России».

Не следует слишком на веру принимать жалобы на падение религиозности. Падение религиозности, конечно, несомненный факт среди пролетариата, среди некоторой части крестьянства, но также несомненный факт, что за последние годы церковь напрягает, решительно, все силы для того, чтобы приспособиться к новым условиям, приспособить свое учение. Чего стоит, напр., выступление известного американского епископа Бр[illegible], которого называют большевиком среди епископов в Америке за его молитвы, в которых он обращается к пролетариату. Нельзя сказать, чтобы плохи были дела религии в капиталистических странах. Несмотря на растущее безбожие пролетарских масс, мы имеем, например, следующие цифры укрепления церковных организаций по разным странам. В Англии было:

	Причастников	Учителей воскр. школ	Учеников воскр. школ включая библейные кассы	Священников	Местн. проповедников	Членов
1915	2.136.782	402.132	3.219.633	9.364	50.787	1.995.278
1919	—	399.624	3.161.791	10.863	54.449	—
1920	—	—	—	—	—	—
1922	—	652.500	5.283.700	11.285	48.271	4.224.000

Не безынтересно также сопоставить данные об английской «Армии Спасения», которая является полурелигиозной, полувоенной, а теперь становится местами полуфашистской организацией. Эта «Армия Спасения» насчитывала:

	Декабрь 1918	Декабрь 1919	Декабрь 1921
Офицеров	23.700	24.500	27.400
Взводных (Corpsandutposts) .	10.950	11.170	13.000
Местн. офицер. (Lokal oficers)	68.700	71.400	80.000

Добровольные пожертвования для английской церкви в 1918 году составляли все еще 8.853.000 фунтов стерлингов, т.-е., около 90.000.000 рублей. Понятно, что эти добровольные пожертвования шли, главным образом, из банкирских касс. Сюда не входит Шотландия, где общий доход церкви составляет около 410.000 фунтов стерлингов в год (больше 4.000.000 руб. золотом) и Ирландии, в которой сумма церковного дохода составляет 481.000 фунтов, кроме налога (contribution), который составлял 381.000 фунтов, другими словами, Ирландия собирала для церкви более 8.000.000 руб. зол. (Statesman's year Book).

Хотя во Франции велась за последние годы довольно значительная борьба против монастырских конгрегаций, однако, дела французских клерикалов вовсе не так плохи. На 39 миллионов — сведения за 1921—1922 год—во Франции было 31.500 церковнослужителей (кюрэ), из них 70 в Париже и 9.000 викариев, из них 650 в Париже, да в 5 университетах и католических институтах обучалось 4.000 балбесов, специально для подготовки на должности священнослужителей.

Однако, как мы уже сказали, прежняя форма церковной организации, которая в гораздо большей степени соответствовала фео-

дальному строю и пережиткам этого феодального строя вызывает в настоящее время, усложнившееся задачами капиталистического господства, мысли о большем приспособлении церковной организации к трестированному, синдицированному капиталу. В Америке мы имеем настоящий трест церкви, который содержится за счет данного об'единенного единого треста предоставляющего церковному тресту помещения, средства, оплачивающего содержание священнослужителей, а также и тех институтов и колледжей, которые подготовляют этих священнослужителей. О такого рода тресте сообщает орган революционных фабзавкомов в Германии [1]) в статье «Стинезированный бог. Запоздавшие рождественские вести для верующих рабочих Рейнской, Вестфальской областей и Верхней Силезии». Читатель наш, незнакомый с тем, что делается в этой области, не посетует за длинную выдержку из этой статьи.

«В настоящее время верхи немецкой промышленности (через союз работодателей) ведут переговоры с церковными вождями о заключении формального делового союза—«церковь—капитал».

«Пастор доктор Будрио говорит о «Работодателе», что «при современных условиях церковь желает итти в ногу с работодателями по вопросу о рабочем дне и в обсуждении других завоеваний революции», и что им следует заключать «взаимный союз и идеальное содружество».

«Единственное условие, которое ставится церковью раньше, нежели она преобразуется в религию концерна, состоит в том, чтобы ей, по крайней мере внешне, «была оставлена свобода действий и мнений, для того, чтобы извне не было заметно превращение церкви как бы в орган хозяйственной партии». Придирчивый, мелочной контроль может принести только вред, но тем более великодушные работодатели должны оказывать церкви всяческое содействие!

«Предприниматели и князья церкви заключают друг с другом следующий договор: церковь берет на себя систематическое воспитание рабочих овечек в духе властвующей промышленной политики; «если современная немецкая промышленность хочет снова сделаться великой, свободной и руководящей», рабочий должен быть обработан соответственным образом, что уже является «делом мужей церкви». В этом состоит главная цель всего дела.

Что требует за это церковь? Во-первых — «материальной поддержки церкви». Это значит, что Стиннес должен просто окупить всю священную механизацию, как он покупает газеты, театр и прочие культурные ценности. Во-вторых,—«предоставление помещений для церковных нужд»—следовательно—церкви трестов по американскому образцу. В-третьих, промышленные вожди не должны быть так скупы по отношению к каждому отдельному священнику: «если священник должен понимать промышленника и работать вместе с ним, то нельзя раз в год приглашать его на рюмку вина». Нет, этот номер не пройдет! Все стало дорого. Требования растут. Одной рюмкой вина церковь уже не удовлетворяется. Ей нужно их несколько!

[1]) Arbeiter Ratorgan der Revolutionen Betriebsräte.

«Теперь следует главное: существует целый организационный план присоединения церкви к немецкой промышленности через государственный союз. Предпринимается реформа церкви по всем правилам. Воспитывается особое сословие спецов «промышленных священников». Следует заполнить священнические вакансии в промышленных общинах «настоящими, подходящими для этого людьми», чтобы «установить разумное сотрудничество представителей церкви и промышленности».

«Это новое промышленно-капиталистическое сословие священнослужителей должно получиться в результате специального обучения, которое уже начинается с богословского факультета. Сейчас думают только о Рейнско-Вестфальской области—все кандидаты на место священника, которые должны быть назначены или выбраны в промышленных общинах, должны пред'явить «свидетельства о службе в промышленности в течение года», вместо прежнего «года военной службы». Вместе с церковным ведомством промышленные союзы должны заботиться о том, чтобы молодые богословы проходили курс работы и хозяйства—или, как рабочие, или, как купцы», курс который значительно расширит их кругозор и сделает их особенно способными «практическими помощниками работодателей».

«Это значит: каждый будущий поп в рабочем районе идет на год в обучение к промышленникам. Капиталист практически приучает его к будущей агитационной деятельности среди своих рабочих, как он обучает будущих вояжеров—раз'езных агентов. Вояжеры прославляют качество его товара. Попы должны будут восхвалять доброту его сердца и справедливость его действий. Капиталистическая пропаганда религии делается частью производственной науки.

«Если богослов, который слишком много вычитал в евангелиях о фарисеях, вздумает ворчать—его просто выбрасывают вон, так как, говорит досточтимый отец Будрио, «и промышленность должна от этого выиграть». Таким образом, можно было бы узнать своих людей, рекомендовать подходящих для будущих выборов и замещений. Неподходящим же, без вреда для них самих, указать на то, что вопросы церкви и социальных противоречий—не дело всякого.

«Всякий может быть превосходным Иудой,—думает досточтимый отец,—но таковым и делать нечего в религии! Когда такой обученный священник приступит к своему служению, он должен все время поддерживать связь с работодателями своей общины—«нужно серьезно инструктировать и просвещать его насчет задач промышленности, особенно, конечно, местной,—для того, чтобы священник всегда говорил то, что как раз и нужно Стиннесу в этот момент.

«Священнику, наверное, придется каждую субботу заходить в контору предпринимателя и получать от него инструкции о воскресной проповеди и о текущих задачах недели.. Сегодня нужно проповедывать против повышения заработной платы, завтра проклинать забастовку, послезавтра приводить свидетельства пророков за удлинение рабочего дня, потом отлучать от церкви коммунистов—все так, как это требуется обстоятельствами производства. Тогда, конечно, не будет недостатка и в нескольких рюмках вина! Праведные будут вознаграждены!

«Что это такое? Это, во-первых, переход от кустарничества к научной промышленной организации религии, технический шаг вперед социальной роли церкви. Во-вторых, это действие изменения земельного капитала в капитал тяжелой промышленности нового времени: прежде священник служил помещику, теперь он держит нос по ветру—правит на нового господина, на крупную промышленность».

Чтобы закончить этот беглый обзор наиболее интересных фактов, рисующих религию на службе у капитала, необходимо ознакомиться с созывом в августе месяце в Стокгольме «всемирной конференции практического христианства», со всемирным попобским христианским с'ездом. В обращении ко всем верующим и ко всем христианским церквам, секретариат по созыву этой конференции об'ясняет, почему они созывают эту конференцию. «В настоящее время,—говорится в воззвании,—в христианстве царит беспокойство, страх, ужас и разделение. Существует только один выход из этого положения—это, чтоб святой дух пробудил в сердцах священное пламя христианской любви, любви к богу и ближнему».

О чем же будут беседовать там батюшки?—Об этом красноречиво говорит порядок дня конференции:

1) Намерения бога, его отношения к человечеству и долг, который вытекает из них для церкви.
2) Церковь и экономические промышленные проблемы.
3) Церковь и нравственные социальные проблемы.
4) Церковь и международные отношения.
5) Церковь и христианская община.
6) Изучение методов церковного об'единения.

Интересна молитва, которая сочинена группой епископов и рассылается теперь уже, чтобы ее изучили и повсюду возносили ее к господу богу для того, чтобы обеспечить дело: «Всемогущий бог, наш небесный отец, бог мира и любви! Мы благословляем тебя и мы воздаем тебе благодарение за то, что ты послал твоего Христа, нашего спасителя, чтобы принести нам мир, чтобы примирить нас между собою и сделать из нас, благодаря Христу одно тело...

Мы просим тебя внушить всем христианам веру настойчиво работать для прихода твоего царствия на землю».

В особом воззвании рассказывается о том, что король и правительство Швеции чрезвычайно благосклонно относятся к этому с'езду. Для нас не новость, что социал-демократы, совместно с королями в коронах и королями денежного сундука, в союзе с попами стараются об'егорить трудящиеся массы. Социал-демократическая совесть Брантинга ни в какой степени не страдает от таких заявлений, но и слепому ясно, о чем заботится всемирный христианский с'езд. Экономические и социальные проблемы, приспособление христианства к новым экономическим отношениям, вот главные задачи, которые стоят перед всякой религиозной организацией. Конечно, на таком христианском с'езде будут приняты всякие, ни к чему не обязывающие, пацифистские резолюции. Воззвание специально оговаривает, что, конечно, эти резолюции не будут обязательными. Само собою разумеется, что резолюции, которые будут приняты, ни в какой степени не будут обязательны для христианских общин, представленных на конференции, если только они не будут утверждены капиталистами каждой данной страны, если они будут в противоречии с интересами этих капиталистов.

Конечно, при том антагонизме интересов различных капиталистических групп, какой мы имеем в настоящее время, трудно представить себе полное единодушие среди различных направлений христианской церкви, трудно представить себе такое централизованное всемирное об'единение христианской церкви, однако, такие попытки об'единить под своим влиянием хотя бы значительную часть религиозных организаций несомненно существуют в настоящее время. Так американский миллиардер Рокфеллер является главой баптистской организации и тратит довольно значительные средства на эту организацию. Значительные религиозные центры созданы в Лондоне. (Всемирный союз евангельских христиан баптистов, Центр Армии Спасения, Центр секты квакеров и другие). Но не менее сильные об'единения создаются за последнее время особенно в Америке. Англия и Америка соперничают друг с другом в деле создания таких об'единений, в деле привлечения на свою сторону, на свою службу значительного числа миссионеров; соперничают друг с другом в деле издания на различных языках религиозных произведений и распространения их среди грешных язычников. Конечно, они остаются по отношению к этим массам, еще не окончательно завоеванных ими нехристианских народов, эксплоататарами первой марки. Цитированный нами уже журнал «Друг России», теперь он выходит уже просто под заглавием «Друг» (декабрь 1924 г.) рассказывает о том, как некто мистер Штейнер, возвратившись из Индии, перечисляет семь великих препятствий, которые всякому миссионеру приходится преодолевать:

1) Индусы так далеки уже от бога, что без помощи дороги к нему не найдут.
2) Крайняя темнота и невежество.
3) Языческая религия индусов.
4) Касты.
5) Верование в переселение душ.
6) Воровство.
7) Неимоверная лживость.

Заметьте, что эта характеристика дается огромному многомиллионному народу. Сколько в этой характеристике чисто американского расового презрения к людям, которые не желают, чтобы к их религиозным воззрениям прибавляли еще христианское верование, нежелающим на себя надевать узду западно-европейского и американского капитала.

В. И. Ленин отмечал в своих статьях о религии, что главная наша задача—вскрыть социальные корни религии. Мы хотели этой статьей помочь нашим товарищам в этой работе, которую необходимо проделать в сознании самых широких масс рабочих и крестьян не только в нашей стране, но и во всем мире.

А. Гольцман.

Перспективы электрификации [1]).

I. Расширение электрификации в капиталистическом хозяйстве.

1) Электричество в промышленности и транспорте.

Плановая электрификация стала в течение последних лет девизом почти всех капиталистических стран и проводится в жизнь с большим или меньшим темпом, в зависимости от индустриальной мощи страны.

Всем известны факты об отсталости СССР в области применения механической силы. Ниже будут приведены лишь основные сведения, показывающие расстояние, отделяющее нашу страну от западно-европейских стран и Америки в отношении электрификации. Это сопоставление, быть может, покажет, как велико то напряжение, которое должно быть нами приложено для того, чтобы догнать враждебные нам капиталистические государства или, по крайней мере, замедлить темп отставания.

К концу 1923 года на территории СССР действовало 4.891 электрических станций, из которых лишь 690 было станциями общественного пользования, а остальные специально обслуживали фабрично-заводские предприятия и транспорт. Общая установленная мощность [2]) всех этих станций составляла 1.495.121 киловатт [3]), а средняя мощность 306 киловатт (квт). По плану электрификации ГОЭЛРО предположена постройка новых 30 электрических станций с общей мощностью около 1.750.000 киловатт. Общая мощность станций общественного пользования — около 450.000 квт.

Таким образом, полное выполнение всего плана ГОЭЛРО означает лишь удвоение мощности электрического хозяйства Советской Республики.

Отпуск электрической энергии со станций общественного пользования на душу населения составлял за год по всему СССР 8 киловатт-часов [4]), при чем, если учитывать также и энергию, отпущенную станциями промышленными и транспортными, то эта цифра повышается до 19,5 квт.-ч. По столицам цифры эти

[1]) Настоящая статья представляет собою переработанный доклад, прочитанный в Президиуме ВСНХ СССР 23 января с. г. Желающим ознакомиться более подробно с фактическим положением электрификационных работ в СССР можно рекомендовать статьи А. А. Горева, помещенные в «Правде» № 3 и 4 за 5 и 6 января 1924 г. и в журнале «Электричество» № 11 за 1924 г.

[2]) Установленной мощностью называется мощность, на которую рассчитаны машины станции независимо от того, используется ли на практике эта мощность полностью или частично.

[3]) Киловатт—электрическая единица работы равна, примерно, 4/3 лошад. силы.

[4]) Мощность в 1 квт., функционирующая в течение 1 часа, называется 1 квт—ч.

значительно выше: по Москве—230 квт-ч. и по Ленинграду—208 квт-ч. Впереди всех идет, однако, Баку с 350 квт-ч.

Теперь приведем для характеристики некоторые новейшие сведения об электрификации в капиталистических странах. Эти сведения заимствованы из докладов, представленных на имевшей место летом 1924 года Всемирной Энергетической конференции в Лондоне.

В Соединенных Штатах Северной Америки в 1919 г. общая мощность силовых установок, обслуживающих промышленность, была 21.600.000 киловатт. Из них около 12.000.000 киловатт падало на электрические станции.

Выше было упомянуто, что среднее число киловатт-час на душу населения в СССР составляет 19,5. Приведем для сопоставления сведения об отпуске энергии на одного жителя в год по нескольким странам (в киловатт-часах).

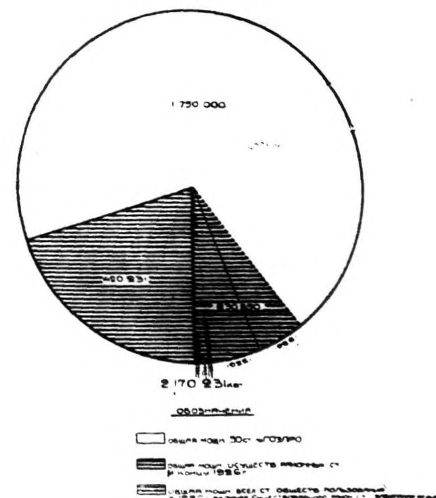


Рис. 1.

Швейцария	700
Канада	612
Норвегия	493
С. А. С. Ш.	472
Швеция	364
Франция	147
Англия	139

Среднее возрастание годового потребления электрической энергии на одного жителя составляет в С. Ш. С. А. за последние 12 лет—25 квт-ч., т.-е. превышает годовой отпуск энергии на

человека по всему СССР. Максимальная нагрузка электрических станций в Нью-Йорке составляла к 1924 году около 400.000 киловатт, что превышает почти **вдвое** установленную мощность всех электрических станций Московского района, включая уже Каширскую и новую Шатурскую электрические станции.

Электричество проникает не только в промышленность, но и в железные дороги, а также и в домашнее хозяйство капиталистических стран. Из докладов, читанных на той же Энергетической конференции видно, что значительные успехи в электрификации железных дорог достигнуты в первую очередь Америкой, а затем Англией. Потребление энергии северо-америк. железными дорогами составляет 700 миллионов киловатт-час. в год, при чем

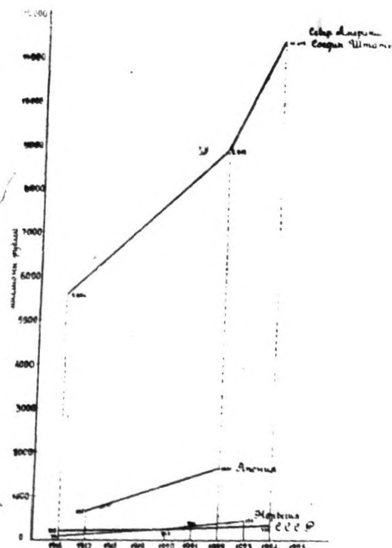


Рис. 2.

в эту цифру не входит трамвай и пригородные железные дороги, которые особо потребляют до 9 миллиардов квт-ч. В Англии в 1923 году электрифицировано около 1.350 километров железных дорог, из которых 80 километров магистральных линий. Для транспорта отпущено в этом году свыше 486.000.000 квт-ч. В Германии проводится план электрификации государственных железных дорог. Немецкий автор подсчитывает, что правительство может получить от 6 до 14% на вложенный в электрификацию железных дорог капитал.

В докладе об электрификации Италии подчеркнуто, что в этой стране об'единены сети почти всех электрических станций. Вообще, об'единение сетей (так наз. кольцевание), проводящееся и почти законченное по плану ГОЭЛРО в Московском районе, Донбассе, Брянском районе и на Урале, не является монополией российской электрификации. Докладчики различных стран указывали, что кольцевание проводится у них довольно энергично.

В частности, это отмечали докладчики Швейцарии, Южной Африки, Голландии и даже Голландской Индии.

Представитель Новой Зеландии указал, что вся гидравлическая сила этой страны сосредоточена в руках государства, которое использует эту энергию для превращения ее в электрическую энергию. Предполагается, что в течение ближайших 10 лет все жилища Новой Зеландии будут электрифицированы.

2) Усовершенствования в производстве орудий производства электрической энергии.

Проникновение электричества во все отрасли народного хозяйства и в домашний быт влечет за собой значительные изменения в самой технике выработки электричества. В этой области прогресс техники движется гигантскими шагами. Еще в 1903 году вертикальная турбина с мощностью в 5000 квт считалась большою редкостью. В настоящее время изготовляются турбины в 30—45 тыс. квт, при чем соответственно возрастающей мощности увеличивается также и коэффициент полезного действия, уменьшается потребляемое ими количество топлива, растет нормальное давление температуры пара. В таблице № 1 характеризуется технический прогресс турбостроения в С.-А. С. Ш.

Таблица № 1.

Усовершенствования в производстве паровых турбин.

Год.	Тип единицы.	Норм. давлен. в атм.	Температура пара.	Условного топлива в килограмм.	Термич. коэфиц полезн. действ.	
					Турбоген	Всей установки.
					В процентах	
1903	5.000 квт. верт. турбин	12	192	1,34	14,5	9,2
1914	20.000 „ гориз. „	13,5	310	0,795	23,6	15,5
1923	От 30.000 до 35.000 квт. гор. турб. Средн. результаты из практики	16	330	0,72	25,6	17,[illegible]
1923	30.000 до 45.000 квт. .	16—17	330—344	0,65	27,2	19,0
1924	От 30.000 до 50.000 с от'емом пара для подогрева питат. воды . .	25,5	372	0,57	30,5	21,7
1924	Проектируется турбина от 35 000 до 60 000 квт. с подогревом пара между ступенями . . .	37,5	385	5,52	33,4	23,[illegible]

На Шатурской электрической станции, которая является одной из наиболее современных не только на российский, но и на европейский масштаб, ставятся 2 турбины по 16.000 квт. В германском докладе на Энергетической конференции докладчик дал расчет паровой электрической станции на 200.000 квт, каковую

мощность он считает нормальной для современных об'единений электрических станций. Автор считает, что такая станция оборудуется 4 турбогенераторами по 50.000 квт. каждая. Благодаря установке таких мощных электрических единиц, представляется возможным трансформировать (преобразовывать) энергию на высокое напряжение, необходимое для передачи ее на дальние расстояния. В России, в царское время, не практиковалась передача энергии на расстояние, превышающее 20—30 верст. Станция «Электропередача» строилась на расстоянии 70 верст от Москвы но, как известно, полностью не была закончена. Лишь в советское время были построены первые электрические станции, передающие энергию в Москву от источников, отстоящих свыше, чем на 100 верст (Шатура и Кашира). Соответственно расстоянию и напряжение энергии составляет—100—110 тыс. вольт. Технический прогресс в производстве электрических машин позволяет американцам доводить напряжение до 200.000 и выше вольт, благодаря чему они могут передавать энергию на более далекие расстояния, чем мы.

Все эти, а также многочисленные другие примеры, приведенные на конференции, показывают, что электричество проникает в хозяйство капиталистических стран с значительной быстротой. Применение пара все больше и больше оттесняется на задний план, уступая место электричеству. Буржуазия как бы стремится опровергнуть ходячее представление о том, будто бы век капитализма связан с применением пара, а век социализма—с применением электричества. На данной ступени развития капитализм интенсивнее, чем мы, использует преимущества электричества и подводит на основе электрификации новую техническую базу под руководимое им народное хозяйство.

Но из этого можно сделать лишь один вывод, что мы тем более энергично должны приняться за проведение электрификации народного хозяйства нашей страны.

II. Электрификация в народном хозяйстве СССР.

1) Фактический рост электрификации промышленности.

Успехи капиталистических стран в области электрификации не должны нас смущать. Они должны, напротив того, служить нам примером для нашей работы, тем более, что в условиях государственной собственности на основные средства производства и диктатуры пролетариата мы имеем на своей стороне целый ряд преимуществ.

С другой стороны, экономически и технически перед народным хозяйством нашего Союза раскрыты все перспективы электрификации. Хотя производства и установка мощных машин, упомянутых выше, и явились следствием высокой ступени развития капиталистических предприятий, обслуживать которые эти машины призваны,—тем не менее, эта зависимость не имеет обратной силы. Коль скоро такие машины существуют, они приносят с собою колоссальный под'ем производительности труда везде, где их установят. Это значит, что даже технически отсталые предприятия нашей страны могут извлечь все выгоды электрификации в такой же мере, как наиболее современные предприятия Западной Европы и Америки.

Развитие электрификации в наиболее крупных районах Республики: в Московском и Ленинградском, показывает, что промышленность уже теперь учитывает все технические выгоды, предоставляемые переходом от двигателей внутреннего сгорания и паровых машин к применению электрической движущей силы.

Таблица № 2.

Распределение электрической энергии, потребляемой Москвой и Ленинградом, по основным категориям потребителей.

	1913 г.		22—23 г.		23—24 г.		24—25 г.		25—26 г.		26—27 г.	
							Предположительное					
	Милл. квтч.	%	Милл. квтч.	%	Милл. квтч.	%	Милл. квтч.	%	Милл. квтч.	%	Милл. квтч.	%
МОСКВА И МОСКОВСКИЙ РАЙОН.												
1 Освещен.	25	18	63,9	34,0	66,5	31,7	70	29	75	27	80	25
2 Промышл.	51	36	88,6	47,5	100,0	48,0	115	48	140	50	165	52
3 Трамвай	65	46	34,0	18,5	43,3	21,3	55	23	65	28	75	23
Всего	141	100	186,5	100	219,8	100	240	100	280	100	320	100
ЛЕНИНГРАД И ЛЕНИНГРАДСКИЙ РАЙОН.												
1. Освещение	44	36,5	50,0	36,9	50,0	39,0	55	37	60	29	65	25
2. Промышл.	43	35,0	65,3	48,8	57,8	45,0	68	46	118	56,5	150	60
3 Трамвай	34	28,5	19,1	14,3	20,6	16,0	25	17	30	14,5	35	14
Всего	121	100	134,4	100	128,4	100	148	100	208	100	250	100

Из таблицы № 2 видно, что рост промышленной нагрузки даже в процентном отношении, перевалил уже теперь через довоенную норму. Дальнейшее расширение электрификации промышленности предполагается в связи с пуском в ход районных электрических станций. Указанные три основные потребителя: освещение, промышленность и трамвай, показательны в том отношении, что осветительная и трамвайная нагрузка как-будто бы растет в течение первых лет революции относительно быстрее, чем нагрузка промышленная. Этот более быстрый рост об'ясняется лишь усиленным ростом улучшений в передвижении и в быте жителей столиц. Спустя некоторое время, рост внешнего благосостояния города должен будет относительно несколько замедлиться и уступить место возрастанию производительности предприятий и связанной с этим промышленной нагрузке электрических станций.

Большую роль в электрификации промышленности играет отпускная цена на электрическую энергию. В этом отношении наша страна не отстает от заграницы, используя, вместе с тем, преимущества государственного регулирования цен. Средний осветительный тариф в важнейших городах Запада, по данным Энергетической конференции, выражается в следующих цифрах за 1 квт-час:

Лондон	20	коп. золотом
Стокгольм	18	» »
Чикаго	12	» »
Нью-Иорк	8—14	» »
Амстердам	12,5	» »
Буэнос-Айрес	12	» »

Эти цены являются на наш русский масштаб высокими ценами. Тариф на электрическую энергию в Ленинграде достигает в среднем 12 коп., а на освещение—20 коп. и считается сравнительно высоким. В Москве средний тариф составляет 9 коп (на освещение—15 коп.). До войны осветительный тариф:

В Ленинграде	35	коп. золотом
» Москве	20	» »

Конечно, эти цены колеблются в зависимости от характера потребителя и нагрузки. С пуском в ход районных электрических станций предстоит дальнейшее значительное снижение тарифа на электрическую энергию. По подсчетам проф. Горева пуск в ход Волховской гидро-электрической станции даст возможность понизить в Ленинграде тариф на электрическую энергию для промышленности до 3,5 коп., а в среднем не свыше 6 коп. за квт-час. Вступающая в действие летом нынешнего года Шатурская электрическая станция понижает средний тариф по Москве с 9 коп. до 6 коп. за квт-час, при чем еще более понизится отпускная цена на электрическую энергию специально для промышленности.

Практические результаты электрификации сказались также благодаря кольцеванию сетей электрических станций Донецкого бассейна. Эта работа, выразившаяся в проведении свыше 110 клм. линий электропередач и сооружений 14-ти электрических подстанций, соединяющих между собою различные рудничные станции, дала возможность понизить отпускную цену на электрическую энергию в некоторых случаях в 2 — 3 и даже более раз. Так, например, фактическая отпускная цена за 1 квт-час в Алмазно-Марьевском районе составляет в настоящий момент 5 к., в то время как себестоимость квт-часа до кольцевания доходила до 10 коп. (на Артемовском руднике). Аналогичных примеров можно было бы привести довольно много.

Подвод электрической энергии к предприятию мы должны рассматривать лишь как первый вступительный шаг к действительной электрификации предприятия. Последняя означает не только замену «собственной» электрической станции предприятия питанием более дешевым током со стороны, но, главным образом, переход от употребления паровых машин и двигателей иного рода к употреблению электрической энергии. Кроме того, электрическая энергия должна заменять собою не только паровые и дизельные установки, но и животную, в том числе, человеческую силу. Весь этот процесс перехода от животной силы и от силы паровой машины к энергии, доставляемой электрической станцией, есть основной процесс реконструкции производства, требующий неослабного внимания партии и самого большого напряжения сил и средств. Именно осуществление этого процесса Владимир Ильич назвал «второй программой» нашей партии.

Проведение электрификации в промышленности встречает, конечно, некоторое сопротивление со стороны соответствующих хозяйственных органов, которым предстоит перейти от применения «собственного», т.-е. расположенного на территории предприятия источника движущей силы к движущей силе, передаваемой им по проводам от районной или, вообще, отдаленной электрической станции. Это сопротивление почти всегда оправдывается соображениями о том, будто доставляемая электрическая энергия обойдется дороже, нежели энергия со «своей» электрической станции, или же чем стоимость движущей силы, доставляемая дизельной или паровой установкой. До настоящего момента, не было, однако, ни одного случая, когда бы эти подсчеты фактически подтвердились и когда бы оказалось, что электрическая энергия, доставляемая сооруженной на стороне станцией или группой об'единенных (скольцованных) станций, была бы дороже, чем движущая сила электрифицируемого предприятия. Сопротивление отдельных хозяйственных организаций показывает, что электрификация отсталой страны не может быть построена на чисто добровольных началах, а должна быть в известных случаях внедрена сверху волею государственной власти. Конечно, такие случаи внедрения электрификации сверху должны быть всегда основаны на здоровом экономическом расчете предоставления данному предприятию более дешевой энергии, нежели движущая сила, которой оно располагает.

2. Электрификации сельского хозяйства. Специфические трудности проблемы.

Громадным рынком для сбыта электрической энергии является сельское хозяйство. Не охватывая здесь этого специального вопроса в целом, мы отметим лишь те трудности, которые обнаружила в нашей стране практика электрификации в этой отрасли народного труда.

Из деятельности Акционерного Общества «Электрокредит» известно, что едва ли не большинство сельско-хозяйственных единиц, поставивших себе задачу электрификации, не смогли довести дела до конца, а в некоторых случаях даже доведя до конца, вынуждены были потом отказаться от эксплоатации построенных станций.

Общая постановка вопроса сводится к тому, что электрическая станция, построенная исключительно или почти исключительно для осветительной цели, не может себя экономически оправдать. Она требует дополнительной промышленной нагрузки. Последняя вообще является наиболее выгодной в общей сумме энергии, отпускаемой станцией, так как требует большее, чем прочие потребители, количество энергии при большем и равно-

мерном числе часов потребления. Однако, даже промышленная нагрузка в нашем сельском хозяйстве имеет свои трудности.

Небольшие, карликовые наделы земли; разбросанные на громадных расстояниях друг от друга деревни, дают ничтожную нагрузку для электрических станций, но требуют больших затрат капитала.

Показателем этих затрат является рост количества проводов (а, следовательно, и работ по проводке, установке и пр.), в зависимости от населенности электрифицируемой местности. Здесь наблюдается обратная пропорциональность.

В городах, с населением свыше 300 тыс. жителей, на один установленный киловатт требуется 0,2 километра провода; в местностях с населением до 10 т. жителей на 1 квт. приходится 1,3 км., т.-е. в шесть с половиной раз больше.

Данные Энергетической Конференции показывают, что трудности электрификации сельского хозяйства встречаются не только у нас, но и в более индустриализованных странах. Эти трудности об'ясняются все тем же распылением и отдаленностью друг от друга отдельных сельско-хозяйственных единиц и невыгодностью проведения больших работ по доставке к потребителю электрической энергии. Несмотря на то, что американское сельское хозяйство чрезвычайно мало напоминает сельское хозяйство нашего Союза и в гораздо большей мере индустриализировано, нижеследующая таблица показывает, как мало внедрилась электрификация в фермерское хозяйство С.-А. Соед. Штатов. Источники энергии на американских фермах распределяются следующим образом:

Таблица № 3.

Распространенность различных форм энергии в американском земледелии.

	%
Двигатели внутреннего сгорания	55
Люди (ручной труд)	20
Паровые машины	8
Лошади	5
Электромоторы	4
Механические приводы с применением животной силы	3
Ветер	2
Моторные повозки	2
Вода	1
	100

Конечно, громадная разница между американскими фермами и русским сельским хозяйством заключается, преимущественно, в том, что животная сила не превышает там 28%, в то время как у нас она неизмеримо выше. Однако, электричество, как и у нас, чрезвычайно слабо распространено. Правда, необходимо учитывать, что в американском сельском хозяйстве электричеству приходится бороться с внедрившимися до него двигателями внутреннего сгорания. У нас этого конкурента электрификации в с.-х. промысле почти нет.

Тем не менее, мы не можем отказаться от электрификации сельского хозяйства. Она должна принять разумные, т.-е. экономически целесообразные формы. Прежде всего, сельско-хозяйственная электрификация не может опираться исключительно или даже преимущественно на осветительную нагрузку. Электрическая станция должна искать себе промышленную нагрузку и, следовательно, территориально электрификация будет группироваться вокруг тех сельско-хозяйственных районов, в которых на ряду с чистым земледелием имеют место также некоторые обрабатывающие промысла.

Иначе говоря, экономической базой сельско - хозяйственной электрификации являются полуиндустриализованные деревни, т.-е. в наших условиях,—села и деревни, где привились кустарные и другие промыслы. На юге страны будут играть в этом отношении, повидимому, значительную роль сахарные заводы. На севере—электрификации придется искать связи с кустарными промыслами в Павловском, Богородском и других районах. Кроме того, могут быть использованы также кооперативные промысловые товарищества. Все это показывает, что электрификация, внедряясь в деревню, стремится ее индустриализировать, привить ей промышленный облик. Это тоже своеобразная и едва ли не наиболее глубокая «реконструкция» нашего хозяйства, связанная с упорным, хотя и сравнительно медленным процессом внедрения культуры в самые отсталые низины народно-хозяйственной жизни Союза. Здесь есть над чем поработать партии!

Очевидно, электрификация деревни связана с требующей продуманности экономической политикой, с насаждением и покровительством промыслам. Само собою разумеется, тут надо хорошенько выяснить, какие социальные элементы села мы обслуживаем, когда внедряемся с электрификацией через его промысловую часть. Не работаем ли мы здесь на кулака, выступающего часто в замаскированном виде промыслового, кооперативного и кредитного товарищества? Все эти вопросы требуют специального обследования.

Наконец, особую роль могут и должны сыграть совхозы. Чем крупнее совхоз, чем больше применяет он механическую силу, тем более благоприятным об'ектом является он для сельско-хозяйственной электрификации. Нам неизвестны в точности условия существования совхозов в настоящее время, но с точки зрения индустриализации деревни и, в частности, проведения в деревне электрификации, совхозы могут явиться наиболее показательными для всего прочего сельского хозяйства оазисами.

3. Необходимость усиления наших работ по электрификации.

Проведение электрификации в масштабе, как было упомянуто выше, постепенное достижение тех успехов в этой области, какие имеются в других, более развитых индустриальных странах, требует громадного напряжения сил и, в первую голову, денег. Эти средства вкладываются, в настоящий момент в стране, в дело

электрификации в слишком ничтожном количестве. При этом темпе работ нам еще долгое время не удастся обогнать более развитые и быстро электрифицирующиеся страны.

На диаграмме относительного прироста мощности электрических станций мы видим, что наша страна все время шествует на самом последнем месте.

Несмотря на то, что С. Ш. С. А. как будто также не располагают широким размахом в электрификации и идут по диаграмме следом за Россией, эта близость двух стран является только кажущейся и в самом деле обнаруживает противоположность насыщения той и другой стороны в деле электрификации. Замедленный темп относительного прироста электрификации С. Ш. указывает лишь на известную ступень насыщенности электрификацией этой страны. Между тем, проходящая рядом с ней кривая для нашей страны указывает на прямо противоположное явление, необычайную скудость электрификации; она показывает, что мы находимся лишь у исходного пункта электрификации, в то время, как Америка находится на пути к завершению этого процесса.

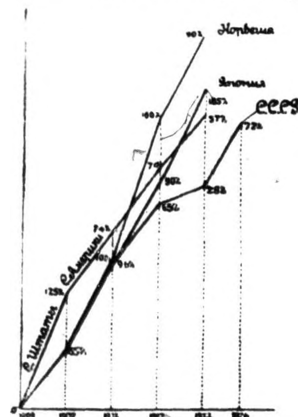


Рис .3.

Проведение дела электрификации в стране требует прежде всего денег, при чем эти деньги не могут быть добыты путем эксплоатации выстроенных электрических станций, хотя и от этого способа нам нет нужды отказываться. Электрическое хозяйство республики слишком мало развито, чтобы эксплоатация его могла явиться единственной или, даже сколько-нибудь, значительной базой для дальнейшего роста электрификации, нам волей-неволей нужно прибегнуть к значительной мобилизации средств из прочих отраслей народного хозяйства для расходования их на усиление нашего хозяйства электрического.

Проведение дела электрификации в стране, требует прежде всего денег, при чем эти деньги не могут быть добыты путем эксплоатации выстроенных электрических станций, хотя и от этого способа нам нет нужды отказываться. Электрическое хозяйство республики слишком мало развито, чтобы эксплоатация его могла явиться единственной или даже сколько-нибудь значительной базой для дальнейшего роста электрификации. Стало-быть, если мы хотим усилить темп электрификации, нам, волей-неволей, нужно прибегнуть к значительной мобилизации средств из прочих отраслей народного хозяйства для расходования их на усиление нашего хозяйства электрического.

Надо тут же ответить на вопрос о соответствии темпа строительства электрических станций с темпом развития производительных сил в стране, т.-е. иными словами, выяснить, находят ли себе строящиеся электрические станции потребителя. Этот

вопрос был специально обследован по поручению ЦКК, Госпланом и ВСНХ осенью 1924 года. При этом выяснилось, что **рост потребности в электрической энергии все время обгоняет темп электростроительства.** Несмотря на то, что электрическое хозяйство обеих столиц восстановлено в полном об'еме и даже превышает по обоим городам довоенную мощность, все же потребность в электричестве столь велика, что осенью 1924 г. в Москве имели место несколько раз перерывы в отпуске энергии из-за превышения максимума нагрузки. Станции в столицах работают на пределе.

Поэтому Ленинград вполне резонно ставит вопрос о дальнейшем расширении электрификации Ленинградского района. Заканчивающаяся осенью постройкой Штеровская электрическая станция в Донбассе уже теперь обеспечена потребителями.

В этом отношении нам опасность не угрожает. Каждая выстроенная электрическая станция рождает потребителя, вернее, вызывает его к жизни, освобождая его от применения животной и механической силы. Но для того, чтобы этот процесс имел место, нужно предварительное авансирование значительного капитала, которое в силу нашей бедности, до настоящего момента, производится в недостаточном количестве.

Е. Терлецкий.

К вопросу о коллективизации сельского хозяйства.

I.

В начале революции, в 1917 году, наша земельная политика в основном исчерпывалась ликвидацией помещичьего землевладения и уравнительным распределением земли. Вопрос об отношении к коллективам в актуальной постановке в это время не стоял. Он был поставлен с конца 1918 года вместе с широким развитием национализации промышленности и торговли, в период определенных попыток социалистического строительства: в эти годы, поэтому, вопросы обобществления сельского хозяйства не могли не явиться существенным элементом советской политики. Мы выдвигали в первую очередь всяческую поддержку коммун и артелей, полагая, что таким путем мы быстро перейдем к крупному социалистическому земледелию. «Крупные советские хозяйства, коммуны, общественная обработка земли и другие виды товарищеского землепользования» Положением о социалистическом землеустройстве (февраль 1919 года) признавались наилучшим средством «организации сельского хозяйства на основах социализма», и поэтому именно этим формам, а не единоличным крестьянским хозяйствам, органы советской власти должны были оказывать исключительную поддержку. «В основу землеустройства должно быть положено стремление создать единое производственное хозяйство, снабжающее Советскую Республику наибольшим количеством хозяйственных благ при наименьшей затрате народного труда». Поэтому же «земельный фонд используется, в первую очередь, для нужд советских хозяйств и коммун, во вторую очередь—для нужд трудовых артелей и товариществ (и только) в третью—для добывания средств к существованию единоличных землепользователей». Такую руководящую линию земельной политики выдвигало «Положение о социалистическом землеустройстве». Коллективизация в годы военного коммунизма являлась определенной попыткой, одной из форм перехода к немедленной организации крупного социалистического хозяйства. В такой именно трактовке наше отношение к коммунам и артелям нашло свое выражение не только в «Положении о социалистическом землеустройстве», но отчасти и в принятой в марте 1919 г. на VIII с'езде программе РКП.

Проходила коллективизация в условиях революционного, массового под'ема и сочувствия бедняческой части крестьянства, поддерживающей классовую политику пролетарской власти, но по отношению к основной середняцкой массе она проходила большей частью под определенным давлением, при помощи соответ-

ствующих административных мероприятий и пр. Фактически на деле, в условиях экономической разрухи и общего упадка сельского хозяйства,—сельско-хозяйственные коммуны получили в общем чрезвычайно малое распространение. «Если кто-либо из коммунистов мечтал, что в три года можно переделать экономическую базу, экономические корни мелкого земледелия, то он, конечно, был фантазером и, нечего греха таить, таких фантазеров в нашей среде было не мало»,—такую дает оценку прошедшего т. Ленин, на X с'езде партии. В условиях гражданской войны это увлечение попыткой перехода к непосредственному обобществлению не столько выразилось в виде действительного строительства «крупных социалистических хозяйств», сколько явилось методом расслоения крестьянства и, поэтому, вылилось в одну из форм классовой организации бедначества и его организованной поддержки Советской власти. Именно этим последним определяется роль и значение коллективов в период гражданской войны.

Со времени нэп'а и «свободы оборота» для «частного мелкого хозяина», внимание партии в основном сосредоточено на мероприятиях, ведущих к общему поднятию производительных сил в сельском хозяйстве. Внимание партии сосредоточено на улучшении состояния единоличных крестьянских хозяйств, на повышении товарности частного крестьянского хозяйства и вовлечении его в общий рыночный оборот. Эта задача после годов разрухи и сильного упадка сел. хоз., естественно, должна была вначале отодвинуть на второй план все вопросы коллективизации и обобществления крестьянских хозяйств.

Новые условия хозяйственного существования и почти полное отсутствие организованного руководства коллективным строительством, имели своим практическим результатом то, что годы эти оказались для коллективов, возникших до нэп'а, испытанием их жизненности, своего рода «естественным отбором», в результате чего, все более или менее искусственное и возникшее на неустойчивой базе, должно было отмереть. Это мы наглядно видим из следующей сводки НКЗ и Сельскосоюза по РСФСР (без Украины).

Годы, состояло на	Общ. колич. коллектив.
Июль 1918 г.	912
Сентябрь 1919 г.	6.186
Февраль 1920 г.	10.500
Конец 1921 г.	15.819
1922 г.	12.700

Сводка указывает, с одной стороны, на рост коллективов за время с 1918 по 1921 год, с другой—на ликвидацию так назыв. лжеколлективов, если таким названием допустимо «окрестить» все то, что не выдержало хозяйственного испытания в первый же год нэп'а. Около трех тысяч коллективов из 15 тыс. оказалось ликвидированными за первый же год.

Но после первых лет нэп'а наблюдается новое образование коллективов. Возникают они прежде всего, как совершенно добровольные сб'единения отдельных крестьян,—но возникают совершенно стихийно, без учета экономических особенностей района, без надлежащего агрономического руководства и вообще без надо-

го-либо систематического руководства со стороны советских органов. Такой стихийный рост коллективов, естественно, также не мог не иметь своим результатом известный процент распада, но, вместе с тем, оставшаяся, выжившая часть коллективов получила зато своего рода «закал». Картину такого общего роста коллективных хозяйств можем видеть из следующих сводок по РСФСР и по УССР.

По РСФСР:

1922 год	12.700
1923 „	12.938
1924 (сведения не до конца года)	14.057

По УССР:

В 1922 году	3.778
„ 1923 „	4.620
„ 1924 „ (на 1 июля)	5.300

Общее количество коллективов по СССР составляет свыше 20 тыс.

Общее состояние коллективных хозяйств в данный момент можно характеризовать следующим образом: по землеобеспеченности коллективы являются крупными хозяйствами, раз в 12—15 превышающие среднее крестьянское хозяйство своего района. И вот в этом одно из главных или самое главное их преимущество. Не везде площадь землеобеспеченности коллективов количественно одинакова, она раза в два больше в многоземельных районах, чем в малоземельных; в этом отношении она соответствует основному типу хозяйств района. Но эта площадь под коллективами до сих пор еще не землеустроена: всего землеустроено не больше 60% всего количества колхозов. Ясно, что отсутствие землеустройства является большим тормозом организации хозяйства.

Как общее явление, коллективы нуждаются в инвентаре, мертвом и живом, имеют его в общем почти в два раза меньше, чем крестьянские хозяйства, но, с другой стороны, по сравнению с крестьянским хозяйством, имеют более прогрессивную и целесообразную организацию инвентаря, более рентабельное и полное использование его.

Что касается соотношения культур и организации посевной площади—коллективы идут, как общее явление, по верному пути установления наиболее рациональных севооборотов, и в этом отношении они повсюду, обычно, являются выше крестьянских хозяйств.

Точно так же коллективы имеют более высокий урожай, по приблизительным подсчетам, в большинстве случаев превышающий урожайность крестьянских хозяйств на 25—30%, а в значительной части колхозов в два раза. В степи Украины, где во многих индивидуальных хозяйствах хлеб сгорел, коллективы, по сообщению земельных органов, имели, благодаря лучшей обработке земли, средний урожай. В связи с этим, как общее явление, коллективы имеют и общую доходность хозяйства выше доходности среднего крестьянского хозяйства, оплату (или чистую выручку на единицу) рабочей силы имеют выше и затрату рабочих дней на 1 десятину посева меньше, чем в крестьянском хозяйстве.

Но весьма слабо обстоит с обслуживанием коллективов агрономической помощью и общим инструктированием, — отсутствие правильного производственного плана, так необходимого для крупного хозяйства. Отсутствие элементарного счетоводства не только

тормозит работу, но для части коллективов является даже губительным.

В систему кооперации, до сих пор, вовлечена только половина всего количества коллективов. При слабом общем руководстве и обслуживании со стороны органов кооперации коллективы страдают неналаженностью организации сбыта, снабжения и пр. Нужно определенно отметить, что очень слабое внимание органов кооперации к коллективам, недооценка последних и неумение, неприспособленность кооперации к руководству коллективным строительством слишком тяжело сказываются на развитии коллективов.

В чрезвычайно малой степени коллективы пользовались кредитом, хотя нужду, особенно в долгосрочном кредите на пополнение основного капитала (на орудия производства и особенно на хозяйственные постройки) все коллективы имеют громадную. Если в систему общей кооперации вошла до сих пор только половина всех колхозов, то при далеко неналаженной системе и скудности средств кредитовалось менее четверти всех коллективов.

Наконец, по сведениям, полученным Сельскосоюзом по 2.544 коллективам по РСФСР у этого количества имеется 730 промышленных и подсобных предприятий (мельницы, крупорушки, маслодельни, сыроварни, ремонт. мастерские и пр.). Организация этих предприятий шла самотеком, без какого-либо руководства или помощи кооперации. Характерно, что об остальной значительной части коллективов даже сведений не имеется.

Останавливаясь на анализе широкого роста коллективов, необходимо констатировать, что причиной этого роста является общий под'ем сельского хозяйства. Вновь возникают и укрепляются коллективы именно в процессе восстановления сельского хозяйства, поэтому, в зависимости и со всеми теми экономическими особенностями, которые типичны для каждого данного района. Брать для исследования обобщенные данные по СССР не приходится, исчерпывающие же данные по отдельным районам не всегда имеются, но в общем в районах улучшенного экстенсивного хозяйства или интенсивных культур этот процесс протекает и по характеру и по темпу развития иначе, чем в районах отсталого зернового хозяйства, или чем в районах с пастбищной или переложной системами. Далее, и в районах улучшенного экстенсивного хозяйства иначе, чем в районах интенсивного хозяйства.

Наконец, в одинаковых по типу районах процесс восстановления идет различно в зависимости и от иных причин, например, от того, насколько сильно поражен данный район был голодом в 1921 году и неурожаем последнего 1924 г. Нас в данном случае интересуют для характеристики районы с более высокой системой хозяйства. В зависимости от различных обстоятельств, по тем данным, которые имеются, например, по Украине рост сельского хозяйства в районах товарного экстенсивного хозяйства, в южной степной полосе Украины [1]) (Южн. горнопр. обл.) идет более усиленным темпом, с относительно-быстрым развитием товарных отношений. В районах малоземелья и интенсивного хозяйства по

[1]) Степная часть Украины губ.: Одесская, Екатеринославская, Донецкая; лесостепная часть Украины—Киевская, Подольская, Волынская, Черниговская, Харьковская, Полтавская.

лесостепи (Юго-Зап. область),—процесс роста происходит медленнее, с более ровным развитием товарных отношений.

Так как в массе своей сельско-хозяйственное производство состоит из частных крестьянских хозяйств, по природе своей хозяйств мелко-буржуазных, то и развитие товарных отношений происходит с наличностью всех тех противоречий, которые свойственны товарному хозяйству, т.-е. с несомненным процессом дифференциации крестьянства. Статистические данные, имеющиеся за последние 23—24 г.г. по отдельным районам, например, по Украине, свидетельствуют, именно, о таком процессе расслоения. В районах многоземелья и улучшенного экстенсивного хозяйства Украины вместе с относительно быстрым развитием товарных отношений наблюдается более ярко выраженный процесс расслоения. Наоборот, в районах малоземелья и трудоемких культур вместе с более замедленным процессом роста и более ровным развитием товарных отношений—процесс расслоения менее сильно выражен.

Всем известно, что с аграрной революцией крестьянское хозяйство поравнялось, что, поэтому, сравнение дореволюционного положения с нынешним состоянием без соответствующего поправочного коэффициента на поравнение вообще невозможно. Далее, за годы войны и революции и особенно после неурожая 1921 г., поразившего именно степные районы, крестьянские хозяйства в массе своей значительно сократили посевную площадь и вообще обеднели. Но, поэтому, естественно также, что картина повсеместного и сильного сокращения посевов неизбежно должна была в первый же период под'ема и восстановления сельского хозяйства получить обратное выражение, в виде «всеобщего» повышения посевных площадей, т.-е. повышения во всех группах хозяйств как в высших, так и в низших. И данные НКЗема Украины показывают, что рост посевной площади и раб. скота в высшей группе, чрезвычайно быстрый и далеко превосходящий увеличение посевов в низших группах, указывает на происходящие социальные изменения. Одновременное, по совершенно неодинаковое улучшение различных групп после годов разрухи, поравнения и голода, указывает на определенную, хотя и скрытую, характерную для данного периода, форму, развивающихся противоречий в деревне. Мы приводим данные о росте и характере посевных площадей и увеличении рабочего скота по степным районам Украины, напр., по Екатеринославской губ. Все крестьянские хозяйства разбиты на пять групп, в порядке возрастания (от 0,1 дес., 2 дес., до 15 и более) посевной площади на двор так, чтобы было по 20% хозяйств в каждой группе.

Группы.	Посев. площ.		Пшеница.		Кукуруза.		Раб. лошади.		Свиньи.	
	1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.
I	3,6	3,9	1,8	2,7	8,0	2,6	2,4	2,8	2,1	7,4
II	10,9	1 ,7	8,0	8,8	10,2	8,9	7,9	8,0	6,0	11,4
III	18,6	1 ,8	16,4	15,5	17,8	15,7	17,3	1 ,9	12,7	16,7
IV	26,3	24,5	26,6	24,0	26,6	25,2	28,0	26,6	22,5	23,3
V	40,2	44,1	47,2	49,0	42,4	47,6	44,4	46,2	65,7	4 ,2
	100		100		100		100		100	

Первые группы дают незначительное увеличение—на 1 хозяйство от $^1/_4$ до $^3/_4$ десятин посева и на 25 хозяйств прибавку одной лошади. Средние группы—увеличение посевов, примерно, на 0,7 десятины посева и прибавку 1 лошади на 15—20 хозяйств. В последней же группе (высшей) прирост посева на 1 хозяйство составляет 2,8 десятины и 1 лошадь на каждые 4 хозяйства. Другими словами, колоссальное наростание в последней высшей группе, несмотря на некоторое сравнительное возрастание в низших группах, устанавливает известную социальную группировку крестьянства, и наглядно подтверждает об усиливающейся дифференциации крестьянства.

Мы взяли наиболее ярко выраженный степной район. По той же Украине в районах трудоемких культур и лесостепи (Юго-Зап. обл.) расслоение крестьянства выражено не так резко. Посевная площадь в последней группе уменьшилась, рабочий скот увеличился, но в такой же степени увеличился и в средних группах; в низших группах посевная площадь осталась в общем та же, рабочий скот относительно уменьшился, зато трудоемкие культуры (напр., свекла) в районе лесостепи Украины значительно возросли в средних группах, частью в низших, но в высшей группе относительный процент уменьшился. В общем процесс расслоения здесь менее выражен.

Итак, усиливающийся рост коллективов происходит в процессе общего восстановления сельского хозяйства на почве развивающихся товарных отношений и в у с л о в и я х п р о и с х о д я щ е г о р а с с л о е н и я к р е с т ь я н с т в а. Рост производительных сил толкает на образование производственных об'единений те крестьянские хозяйства, которые в процессе этого роста не могут самостоятельно, за счет собственных накоплений подняться до уровня сильных прогрессивных хозяйств, которым на фоне возникающих противоречий стихийно угрожает перспектива — постепенное обеднение и превращение в батрака.

Но процесс расслоения крестьянства и влияние последнего на развитие коллективизации характерны в советских условиях для первоначальной стадии революции, в период пока еще с т и х и й н о развивающихся товарных отношений. Пути развития сельского хозяйства, состоящего из многомиллионной массы мелких и мельчайших хозяйств, в условиях диктатуры пролетариата и общественной собственности на основные средства производства лежат не в плоскости наростания капиталистических фермерских хозяйств—на одной стороне, с пролетаризацией подавляющей части крестьянства—на другой. Росту крупных кулацких хозяйств и процессу расслоения крестьянства в самом росте производительных сил поставлен социалистической революцией известный предел. Этот предел лежит на пути охвата крестьянства кооперацией и коллективизацией и увязки его через кооперацию с социалистической промышленностью. Мелкие и мельчайшие в массе своей отсталые крестьянские хозяйства, в условиях общего восстановления народного хозяйства и развивающихся товарных отношений в деревне, не могут не искать выхода в форме различного вида коллективно-производственных об'единений. Вопросы обобществления для этих хозяйств являются основными вопросами их дальнейшего существования. Например, по сведениям НКЗема Украины, более половины хозяйств по всей Украине являются такими, в которых лошадь не рентабельна,

а если некоторые из них и имеют лошадь, то она является убыточной для хозяйства. Следовательно, эти хозяйства могут повышать доходность только при условии обобществления, коллективизации производства. Организация производства в той или иной форме на коллективных началах, создание из мелких разрозненных хозяйств более или менее крупных коллективов — именно это позволяет подводить под сельско-хозяйственное производство тот технический базис, на котором оно только и может экономически развиваться. Вот почему в развивающемся коллективном строительстве мы наблюдаем тенденции, которые определенно устанавливают факт постепенно-расширяющегося вовлечения не только малоземельных, но и середняцких хозяйств. Эти тенденции обнаруживаются, во-первых, в том, что абсолютно и относительно увеличиваются коллективы наиболее простого типа — товарищества по общественной обработке земли и артели, тогда как, с другой стороны, коммуны и полные артели растут в меньшей степени. Таблица роста коллективов по РСФСР нам показывает это с наглядностью *):

	Конец 1921 г.	Отношен. к общ. числу.	1922 г.	Отношен. к общ. числу.	1923 г.	Отношен. к общ. числу	1924 г.	Отношен. к общ. числу.
Коммуны	3.120	19,7	—	—	1.804	13,9	1.683	11,9
С.-х. артели	10.165	64,4	—	—	7.291	56,3	7.842	51,8
Т-ва	2.514	15,9	—	—	3.841	29,8	4.532	31,3
Итого	15.819	100	12.700	100	12.938	100	14.057	100

Со времени НЭП'а кривая идет вверх больше всего по товариществам, затем артелям, тогда как общее количество коммун даже убывает. По УССР данных более или менее определенных не имеется, но если сравнить общее количество артелей и товариществ с числом коммун, то по сравнению с 20—21 г.г. последних осталось в общем почти то же количество, тогда как число артелей и товариществ значительно увеличилось: в 1924 г. (июль месяц)—артелей и товариществ—4.950, коммун—353.

Во-вторых, необходимо констатировать изменения в самом социальном составе коллективов: на ряду с вовлечением маломощных бедняцких хозяйств мы замечаем постепенный, хотя и медленный, охват также середняка. Данных в республиканском масштабе за последние годы не имеется пока, но сводки по отдельным губерниям РСФСР и УССР это подтверждают.

Итак, констатируя общие тенденции в развитии коллективов, необходимо признать, что в общем рост их в ближайшее время будет определяться характером и быстротой процесса восстановления сельского хозяйства в условиях НЭП'а. С одной стороны

*) Прим.: Мы опускаем совершенно кочевые и отсталые экстенсивные районы, где с коллективами так же, как и с кооперацией, обстоит очень слабо.

условием, вызывающим тягу в коллективы, является процесс дифференциации крестьянства, неизбежно происходящий в условиях товарного хозяйства, особенно в первый период стихийно-протекающих товарных отношений. Но, с другой стороны, вовлечение в коллективы не только маломощных, но и середняцких элементов целиком вытекает из общих экономических условий социалистического строительства и из всего существа аграрной проблемы, в общей постановке разрешенной для советского Союза социалистической революцией.

Наблюдающийся усиленный рост коллективов в условиях диктатуры пролетариата и общественной собственности на средства производства, составляет, таким образом, один из путей, ведущих к полной переорганизации крестьянского хозяйства. По времени колхозы как бы забегают вперед в самой организации крупного производства, но по существу они являются, в определенном смысле, частью той же кооперации, рост которой, по словам тов. Ленина, тождественен с ростом социализма. «В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.,—разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при НЭП'е так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества?» (Ленин. Статья о кооперации). Путь в это общество лежит через вовлечение в кооперацию большинства крестьянских хозяйств, через медленное, но определенное «вмешательство» кооперации в самый процесс с.-х. производства и реорганизации слагаемых этого производства—мелких и отсталых крестьянских хозяйств. Но само вовлечение крестьянства в кооперацию в условиях НЭП'а происходит только в меру развивающегося товарного обращения, вместе с превращением натуральных и полу-товарных крестьянских хозяйств в товарные и дальнейшим усилением товарности этих хозяйств. С другой стороны, этот путь составляют возникающие уже сейчас, до «кардинального и всеобщего вмешательства» кооперации, в массовом виде вырастающие в условиях еще неохваченного кооперацией товарного обращения—производственные об'единения. Отношение колхозов к кооперации определяется именно этим процессом создания в условиях НЭП'а необходимых предпосылок социалистического общества. Нарастание колхозов в период НЭП'а происходит только в процессе товарных отношений. И само образование коллективов в условиях роста сельского хозяйства и выживание их с обнаружением всех преимуществ крупных хозяйств происходит в процессе товарного обращения. Колхозы в любой, даже (—и особенно) в высшей своей форме, как коммуны, чтобы доказать свои преимущества, не могут не являться лучшими товарными хозяйствами [1]).

Но с другой стороны, основная масса крестьянских хозяйств состоит не только из мало-товарных, но в известной части еще из «замкнутых» натуральных хозяйств. Наиболее простой, и в этом

[1]) Совершенно иную оценку с этой точки зрения, поэтому, получает образование коммун и артелей в период военного коммунизма.

смысле всеобщей, формой организации является сбытово-снабженческая кооперация. Именно таковой кооперация является в данный момент в первоначальный период экономического строительства социалистического общества. Но эта же кооперация по мере своего роста должна стать величайшим стимулом коллективизации и обобществления производства, так как об'единение моментов сбыта и снабжения необходимо влечет за собой внутреннюю реорганизацию с.-х. производства. Например, организация кооперативного сбыта молока—ведет к переработке, переработка к организации контроля, последний к кормовому клину, общественному стаду и реорганизации всего хозяйства в целом; точно также снабжение усовершенствованными машинами ведет к машинным товариществам,—товариществам по общественной обработке земли, организации подобных предприятий и пр.; или сбыт семян клевера вызывает соответ. организацию посевной площади и т. д. Этот процесс мы и видим сейчас в районах наибольшего развития кооперации.

Наконец, осуществление определенной экономической политики через кооперацию со стороны органов власти, например, определенная квалификация внутреннего и внешнего рынка для стандартных продуктов, наиболее ценных и доходных (зерно, мясо, с.-х. сырье, продукты переработки и пр.) осуществление ее мерами содействия кооперации (кредит, машины, плановые заказы, премии, бонификации и пр.),—неизбежно отразится на массовом росте коллективизации определенных моментов производства или даже хозяйства в целом. Итак, рост кооперирования крестьянства неизбежно ведет в наших условиях, в той или иной форме, к коллективно-производственной организации крестьянского хозяйства.

Таким образом, если образование производственных коллективов является в данный момент по существу более высокой формой приближения к социализму, то, с другой стороны, образование колхозов, происходящее в данный момент частью параллельно и независимо от кооперации, в конце концов, не может не пройти в процессе обращения через поток всеобщего кооперирования, и рост коллективов в дальнейшем не может не являться органической частью роста кооперации в широком смысле этого слова.

Мы имеем своеобразный диалектический процесс: развитие товарных отношений, вместе с ним развитие свойственных товарному хозяйству противоречий (того, что называем расслоением крестьянства) и разрешение этих противоречий в социалистическом государстве в процессе того же товарного обращения через кооперацию и коллективизацию. Часть крестьянства уходит и будет уходить в промышленность, но весь процесс реорганизации мелкого крестьянского хозяйства и превращения в крупное лежит именно на этом пути кооперирования и коллективизации. Именно потому, что путь поголовной кооператизации всей массы крестьянства является сложным и длительным процессом врастания в социализм, именно потому, что переход к новым формам сельско-хозяйственного производства на новой технической базе современного крупного производства в мелко-крестьянской отсталой стране является сложным и новым, мы не должны упускать из виду тех особенностей и трудностей этого перехода, какие ставит жизнь в данный момент. Своеобразие же широкого колхозного движения на данной стадии развития и заключается в том, что лежащая в его существе реорганизация крестьянского хозяйства проходит в условиях, развивающихся товарных отношений и их противоречий, с одной стороны, и при слабости, при плохом состоянии сел.-хоз. кооперации, с другой стороны [1]).

Охват крестьянских хозяйств коллективизацией по отношению к общей массе крестьянства еще совсем незначителен, и так же, как и роль кооперации—этой более простой формы об'единения, еще очень и очень слаб. Процент коллективизированных по отношению ко всей массе хозяйств равен от 1 до 2%, точно так же, как процент кооперированных вместе с коллективами, входящими в кооперацию, равен 8—12% общего количества хозяйств. Современные коллективы являются еще каплей в море двадцатимиллионной массы крестьянских хозяйств. На пути развития кооперации и коллективизации мы натыкаемся на целый ряд затруднений, проистекающих от нашей бедности, отсталости, малокультурности. Мы не преуменьшаем этих трудностей: преодоление их составляет, по словам т. Ленина, целую историческую эпоху. Но именно поэтому, мы должны ставить вопросы коллективизации и кооперации в порядок общественного внимания, обсуждения, выяснения ошибок, и в порядок своей низовой практической работы.

II.

На основании общей оценки состояния и определения места коллективов в системе сельско-хозяйственного производства, попытаемся определить очередные задачи наши в отношении колхозов.

Прежде всего, учитывая основные тенденции в развитии коллективов, в целях наибольшего расширения коллективизации, необходимо обратить внимание на об'единения отдельных, наиболее доступных об'единению технических моментов и отдельных отраслей сельского хозяйства, т.-е. на разработку и организацию простейших видов коллективов. Мы должны втянуть в процесс обобществления не только самые передовые, но и широкие, хотя и отсталые, крестьянские массы. Успех в этом отношении будем иметь тогда, когда поставим задачи более простые—организации товариществ для общественной запашки товариществ для совместного использования машин, и т. д. Нужно коллективизацию сделать понятной, доступной широким слоям крестьянства, т. к. будущее сельского хозяйства заключается не в тех коллективах, которые уже существуют и возникли на бывших помещичьих землях, а в тех, которые возникают из крестьянской массы. И в системе правильных общественных севооборотов и правильной организации земельных обществ, крестьянство, сравнительно легко, может об'единяться в различные простейшие формы коллективов. Эти простейшие формы при дальнейшем развитии получат необходимые экономические предпосылки, чтобы из первичных видов превратиться потом в высший тип укрупненного коллектива. С другой стороны, поскольку высшие формы—коммуны и полные артели массового распространения не имеют,—лучшие из существующих должны учитываться со стороны их показательности

[1]) Причину слабости кооперации, разумеется, тоже нужно искать в нищете, отсталости, в слабой товарности того же крестьянского хозяйства.

или, как опорные пункты для воспитательной и агрикультурной работы, и в качестве таковых эти виды колхозов должны иметь поддержку. Но создаваться они должны там, где имеются действительно необходимые предпосылки. Образованию такого коллектива должно предшествовать составление плана его землеустройства, плана организации хозяйства, в связи с экономическими условиями района, и пр.

На пути к коллективизации коренным препятствием является неорганизованность сельско-хозяйственной площади, и в задачи земельных органов, прежде всего, должно войти производство землеустройства. Нужно определенно отметить, что без осуществления широкого землеустройства не может быть и широкого роста коллективов. Рациональное землеустройство и переустройство системы хозяйства создадут и об'ективные возможности и об'ективную потребность, прежде всего, в самых простейших формах обобществления и привлекут к ним всю толщу сельского населения. Так, землеустройство в земельных обществах с установленным общественным севооборотом создаст возможность наибольшего распространения таких об'единений, как товарищества по общественной обработке земли и пр.

С точки зрения распространения простейших видов коллективов заслуживает внимательного обсуждения выдвигаемое отдельными товарищами предложения—отвода колхозам клиньев при землеустройстве в каждом поле данного земельного общества (а не отвода всей земли в один кусок), но при условии выработанного и установившегося в данном обществе рационального севооборота. Нередко наблюдаются случаи, что после проведенного землеустройства вновь образовываются коллективы и снова выделяются, ломая установленный севооборот. Вышеуказанный способ не только устраняет возможность постоянных переделов и ломки, но также наиболее легко захватывает примером хозяев соседних участков.

Поскольку колхозы и в настоящее время уже являются заметной величиной в массе индивидуальных хозяйств, а в ближайший период необходимо ожидать их более быстрого роста,—обслуживание этого движения агрономической помощью следует поставить на очередь, как самостоятельную работу земорганов. Принимая во внимание, что по мере роста сельско-хозяйственной кооперации и колхозов—агрикультурная миссия будет сосредоточиваться в руках самого об'единяющегося производителя,—необходимо готовить кадры работников всех степеней, могущих обслуживать колхозы. В настоящее же время необходимо создать институт районных агрономов-инструкторов по коллективизации или при земорганах, или на средства самих колхозов, об'единенных в союзах кооперации и при общем руководстве земорганов. Необходимо организовывать на местах курсы агрономических знаний, из состава и среды самих коллективов.

Поскольку в системе кооперации, до сих пор, находится только часть коллективов—в общем немного больше половины—постольку в задачи органов кооперации должно, прежде всего, войти вовлечение в ближайшее же время всех существующих коллективов. В деле укрепления коллективных хозяйств с.-х. кооперация, прежде всего, должна ставить себе задачу: **а) об'единения коллективов на почве простейших товарных операций—по сбыту снабжению и пр. и б) углубления этих операций в смысле большего влияния на рациональную организацию производственной работы коллективов.** Поэтому система определенных хозяйственных мероприятий по отношению к колхозам, в целях закрепления и увязки сбыта и снабжения с рационально-построенным общественным производством, должна быть в порядке ближайшей работы с.-х. кооперации.

В задачи кооперации должно входить, далее, всяческое содействие развитию коллективизации специальных отраслей хозяйства, особенно в районах, где уже развита с.-х. промышленность. Эти формы коллективизации несколько более сложные, чем простые товарищества по общественной обработке земли. В известной мере, поэтому, мы и наблюдаем сравнительно слабое развитие их, так же как и кооперации в этих районах. Но развитие их значительно облегчается определенным подходом к кооперативной увязке со стороны самой промышленности (например, в районах свекловичных, табачных и пр.). И формы такой кооперативной увязки уже получают развитие, напр., в Киевск., Подольск. губ. и т. д.

Кооперация должна обратить особое внимание на индустриализацию, на организацию предприятий для переработки с.-х. продуктов в лучших коллективах. Организация индустриальных с.-х. предприятий при колхозах (кукурузные мельницы, хладобойни, плодосушки и консервные предприятия, крахмально-паточное производство и сушка картофеля и т. п.), увязанная с общим планом стимулирования экспортных и внутри-рыночных сельско-хозяйственных продуктов, с самого начала может захватить местное окружающее население. Индустриальные предприятия неизбежно явятся для окружающего крестьянства центрами их кооперирования. Поэтому инициативу колхозов, создавших уже значительное количество предприятий помимо непосредственного участия самой кооперации,—нужно не только приветствовать, но нужно овладеть ею, для того, чтобы еще более развить и направить по правильному руслу кооперативной плановой индустриализации сельского хозяйства.

Органы кооперации должны проявить несравненно большую инициативу и ввести определенную систему также в деле механизации колхозов, снабжения их тракторами и различными другими усовершенствованными машинами, обучения пользованию последними и пр. Нужно поддержать наблюдающийся со второй половины минувшего года колоссальный спрос на трактора, придать известную ясность формам их товарищеского использования.

Наконец, со стороны кооперации необходимо обратить внимание на правильную постановку счетоводства и отчетности в колхозах—элементарных условий всякого более или менее крупного хозяйства, но до сих пор отсутствующих у значительной части коллективов.

Правильная организация кредита возможна только с развитием и укреплением широкой сети низовой кредитной кооперации, куда на ряду с вовлечением хозяйственного мужика, мы должны всячески вовлечь и наши хозяйственно-усиливающиеся колхозы. Этим не только усилится влияние в кредитных товариществах хозяйственно-об'единившихся маломощных и середняцких крестьянских хозяйств, но также создастся новый стимул к обобществлению.

Наблюдавшееся до сих пор в практике кредитования сельского хозяйства применение методов механически-шаблонной старой банковской работы, неизбежно имело своим результатом поддержку наиболее сильного с банковской точки зрения, кредитоспособного, индивидуального хозяйства, или, наоборот, в отношении беднейшего хозяйства оказывалось простой собезовской помощью. Необходимо нашим кредитным органам найти те реальные пути кредитования кооперации и коллективов, которые бы увязывались с системой реорганизации крестьянского хозяйства и при осуществлении которых коллективы в системе советского строительства действительно приобретали бы с помощью кредита широкое массовое распространение.

Так как подавляющая часть коллективов нуждается в первую очередь в долгосрочном кредите на приобретение инвентаря, оборудование подсобных предприятий и для постройки хозяйственных и жилищных помещений, и так как вообще необходимо больше внимания со стороны кредитных учреждений производственной части хозяйства,—то необходимо выделение—во всяком случае на первый период специального фонда долгосрочного кредита для кредитования коллективов.

Необходимо создавать общественное мнение вокруг вопросов обобществления и коллективизации крестьянских хозяйств, необходимо таким деловым путем пропагандировать крестьянству доступные способы кооперирования и коллективизации. Для этого нужно заинтересовать, вовлечь деревенский актив, состоящий и из бедняков и из середняков (на Украине актив бедняков представляет сильная организация комнезамов). Методы административного воздействия на образование «коммунии» уже ушли в прошлое и в известной степени забыты. Мужик имеет для непосредственного интереса к вопросам обобществления достаточную базу в постепенно-восстанавливающемся хозяйстве своем и начинает понимать все преимущества крупного хозяйства или крупной машины, которую в товариществе, в супряге с другими он всесторонне может использовать. Мы не знаем еще как следует, каковы результаты и успехи законченного уже в известных районах землеустройства в новых земельных обществах, но полагаем, что новая система общественных севооборотов и общая рациональная организация хозяйства, очищенного от всех остатков крепостничества, создаст и новые стимулы и видимо новые, более широкие формы общественного коллективного производства. Рост производительных сил в условиях рационально организованной земельной площади не может не вызвать еще большей активности и интересов мужика к формам общественного производства. Нужно воспользоваться этим интересом и нужно помочь ему перейти на новые рельсы экономического строительства.

Квиринг.

Землеустройство и землепользование.

Основа нашей земельной политики заключается прежде всего в развитии производительных сил сельского хозяйства и каждый раз, когда мы подходим к этому вопросу, мы сталкиваемся с необходимостью земельно-хозяйственного устройства крестьянства.

Революция передала в руки крестьян огромные земельные территории из бывших помещичьих, частно-владельческих, государственных, церковных и др. земель, благодаря чему сложившиеся до революции земельно-хозяйственные отношения разрушены и вся огромная территория Союза Республик требует нового земельного устройства. Разрешение этой задачи представляет колоссальные трудности и, несомненно, в течение еще целого ряда лет она будет основной в нашей работе над восстановлением крестьянского хозяйства. Теми техническими силами, которыми мы располагаем, может быть ежегодно землеустроено около 12—15 миллионов десятин (без Сибири, Туркестана и Кавказа), между тем площадь, подлежащих землеустройству земель на территории бывш. Европейской России превышает 220 миллионов десятин и, таким образом, только в течение 15 лет может быть охвачена вся территория. Если к этому прибавить огромное пространство Сибири и Туркестана, то можно себе представить, насколько действительно широкий размах должен быть придан этому делу.

Отсюда совершенно естественно вытекает то обстоятельство, что в течение еще целого ряда лет вопросы землеустройства будут стоять перед нашей партией и требовать самого внимательного к себе отношения.

Происходивший смотр сельячеек и материалы обследования деревни показывают, что хотя вопросы землеустройства стали действительно самыми актуальными для деревни, наши работники на местах еще далеко не в достаточной степени подошли к их практическому разрешению. Еще по инерции со времен периода до нэпа, а равно и первых 2-х лет после него, когда крестьянство мало интересовалось земельными вопросами, вследствие общего упадка крестьянского хозяйства, ячейки продолжают уделять этому делу чрезвычайно ничтожное внимание. Вопросы земельные как-то остались вне поле зрения деревенских партийцев и сельсоветов, вследствие чего нередко наблюдаются случаи, когда сходы для разрешения своих общественных земельных дел выбирают вне связи с общей работой сельсовета своих особых уполномоченных, которые нередко обществом оплачиваются и совершенно самостоятельно ведут свои дела.

В бытность мою в Александровском сельсовете Донского округа я наблюдал, что такой уполномоченный по земельным

делам (между прочим, бывш. атаман) распоряжался всеми земельными делами по распределению сенокосов, пастбищ и т. п. и все это вне всякой связи с работой сельсоветов (в общем и целом недурного), который, однако, по уши ушел в работу по взысканию с крестьян налогов, изыскания новых доходных источников для местного бюджета, а что касается мирских земельных дел, то они его мало интересовали. Такие же факты отмечаются т. Алыповым в отношении Вятской губ. и целым рядом других товарищей.

Я думаю, что такому явлению можно найти два основных об'яснения, если не считать общего вопроса слабости работы низового советского аппарата.

Прежде всего, как уже выше было сказано, наши товарищи на местах прозевали то обстоятельство, что в связи с восстановлением общего благополучия сельского хозяйства, вопросы земли стали самыми животрепещущими в деревне, при чем одинаково для всех слоев крестьянства. Если еще недавно бедняк мало интересовался землей (в особенности на юге и юго-востоке), поскольку его хозяйственные возможности были крайне ничтожны, то теперь, с уже весьма широко развившейся арендой земли и обострением земельной нужды у зажиточных слоев, он великолепно понимает значение для него этого вопроса и за каждый лишний аршин земли дерется, что называется, «до последней возможности». С другой стороны, большим фактором инертности в деле землеустройства со стороны местных товарищей заключается в том, что земельный кодекс резко подчеркивает необходимость предоставления самому крестьянству выбора любых форм землепользования.

Отсюда делается неправильный вывод, сводящийся к тому, будто предоставление выбора форм землепользования самому крестьянству обозначает нейтральность в этом деле со стороны нашей партии. В своих выступлениях тов. Ленин не раз указывал на необходимость предоставления максимальной самодеятельности в разрешении своих земельно-хозяйственных вопросов крестьянству, но каждый раз отмечал, что мы, как партия, должны принять в этом деле живейшее участие. В резолюции, принятой на VIII с'езде партии об отношении к среднему крестьянству, как известно, написанной Вл. Ильичем, говорится: «Поощряя товарищества всякого рода, а равно сельско-хозяйственные коммуны средних крестьян, представители советской власти не должны допускать ни малейшего принуждения при создании таковых. Лишь те об'единения ценны, которые проведены самими крестьянами по их свободному почину и выгоды коих ими проверены на практике».

Здесь товарищ Ленин резко подчеркивает необходимость поощрять всякого рода коллективистические начинания в вопросе слагающихся земельно-хозяйственных отношений. Однако, предупреждал в излишней торопливости и административном нажиме, могущем только привести к отрицательным результатам. Мы должны совершенно твердо усвоить, что в переходе к социализму в земледелии вопросы землепользования, конечно, не будут иметь решающего значения. Этот переход, несомненно, прежде всего зависит от развития крупной промышленности и электрификации. Однако, формы землепользования могут затруднить или облегчить переход к коллективизации сельского хозяйства и, с другой стороны, несомненно, способствуют или затрудняют переход к интенсификации и рационализации сельского хозяйства.

Поскольку оба эти вопроса требуют от нас в настоящее время своего настоятельного разрешения, мы должны общими усилиями совместно с огромным большинством крестьянской массы найти такие формы землепользования, которые отвечали бы этим двум основным требованиям, т.-е., во-первых, облегчили бы переход к коллективизации и, во-вторых, способствовали бы развитию интенсификации сельского хозяйства.

Прежде чем приступить к рассмотрению вопроса о намечении наиболее целесообразных форм землепользования, рассмотрим, как эти формы слагались в периоде до и после революции.

Как наиболее распространенные формы землепользования для всей территории Союза, нужно считать общинную, которая характеризуется тем, что земельная территория, находящаяся в пользовании отдельного хозяйства, раздроблена на более или менее значительное число мелких полос—черезполосица, непосредственно всегда сопровождающаяся дальноземельем, длинноземельем и экстенсивным использованием угодий общего нераздельного пользования (выгон, лес, луга и т. п.). При чем в отношении дробности земельной территории всю Россию легко разделить на 3 основных района, непосредственно связанные с размером и скученностью поселенных пунктов.

С е в е р и с е в е р о-з а п а д н ы е г у б е р н и и со средним составом до 25 дворов на поселенный пункт: Архангельская — 18,9 дворов, Вологодская—21 двор, Ярославская—23 двора, Псковская—18 дворов.

С р е д н и й п о я с, где на поселенный пункт приходится от 25 до 100 дворов: Могилевская—26,7 дв., Калужская—45 дв., Московская—47 дв., Владимирская—47 дв., Тульская—67 дв., Орловская—72 дв.

Ю ж н ы й п о я с со средним составом свыше 100 дворов на поселенный пункт: Донская—103 дв., Екатеринославская—148 дв., Тверская—184 дв., Киевская—237 дв., Самарская—295 дв., Ставропольская—329 дв.

Таким образом, мы имеем совершенно определенную картину, когда с Севера на Юг и Юго-Восток размер селений все больше увеличивается. Это обстоятельство неизбежно влечет за собою увеличение, удаление раздробленных полос полевой земли от усадебного центра, т. н. дальноземелье.

В нашем распоряжении не имеется достаточно материала, характеризующего современное положение этого вопроса, и я вынужден пользоваться дореволюционными цифрами, однако, едва-ли здесь произошли какие-либо существенные изменения. Наоборот, некоторая прирезка к бывшим общинным землям частновладельческих, без расселения селений, только могли усугубить это положение и еще более увеличить размер дальноземелья.

По данным проф. П е р ш и н а для различных районов, дальноземелье характеризуется в следующем виде:

Эти цифры чрезвычайно показательны. На Северо-Западе дальноземелье почти никогда не распространяется больше чем на 3 версты от усадебного места, на Юге и Юго-Востоке 75,8% всех крестьянских хозяйств имеют дальноземелье свыше 5 верст (из них 37,1% свыше 10 верст) и Орловская губ. (Центральный

% хозяйств, имеющих отдаленные полосы на расстоянии [1]).

Расстояние.	Юг и Юго-Вост.	Северо-Зап.	Орлов. г. и Орл. уезд.
До 1 версты	5,3	54,0	9,9
От 1,1— 3 вер. . . .	7,4	42,0	46,6
» 3,1— 5 » . . .	11,5	1,9	18,3
» 5,1—10 » . . .	38,7	1,2	24,0
Свыше 10 » . . .	37,1	0,1	1,2

пояс) занимает среднее положение между ними (от 3-х до 5 верст).

Чем об'яснить такое явление?

Несомненно, одной из основных причин является то, что на Юге и Юго-Востоке мы имеем дело с чрезвычайной бедностью естественных водных источников и глубоким залеганием грунтовых вод. Отсюда необходимость образования крупных поселений, располагающихся на берегу рек, при чем, вследствие трудности их расселения, получается вытянутость земель по обе стороны реки, вызывающая дальноземелье. Кроме того, на Юго-Востоке, где для ведения сельского хозяйства не требуется навозного удобрения, невзгоды дальноземелья гораздо легче преодолеть, чем на Севере, при обязательном навозном удобрении.

Но если бичем для сельского хозяйства Юго-Востока и Юга является дальноземелье, то еще гораздо большим бичем для Северо-Запада является чрезвычайная черезполосица. Это подтверждается следующими данными:

Процент хозяйств с количеством полос на двор [2]).

Число полос.	Юг и Юго-Вост.	Сев.-Зап.	Могил. уезд. Яросл. губ.	Орлов. уезд Орлов. губ.
До 5 полос	27,6	1,7	—	13,1
От 6—10 полос	49,3	2,0	—	13,8
» 11—20 »	16,7	10,5	1,4	27,3
» 21—40 »	4,1	32,9	24,3	33,9
» 41—60 »	0,2	25,6	56,7	8,0
» 61—100 »	0,0	19,6	17,5	5,9
Свыше 100 »	0,1	7,7	0,7	1,0

Такая раздробленность находится в зависимости от разнообразия почвенного покрова и рельефа местности.

[1]) Першин. Формы землепользования.
[2]) Першин. Формы землепользования.

Для Северо-Запада характерны: значительная неровность характера почвы, холмистая поверхность, пересечения поля лесами, болотами, разбросанность лугов и т. д., тогда как на Юге мы имеем ровную степную поверхность с более или менее однообразной почвой. Приведенные данные, которые несомненно имеют полную силу и для настоящего времени, с полной ясностью показывают, что при таком дальноземелье и чрезполосице, когда полоски находятся в 45—50 местах, при таком положении ни о каком поднятии сельского хозяйства нельзя и говорить. Без разрешения этих двух основных недостатков землепользования — дальноземелья и чрезполосицы, ни о каком быстром росте агрикультуры нельзя и мечтать.

Первый клин старой крепостнической общинной форме землепользования был вбит т. н. «Столыпинским землеустройством».

С политической стороны эта реформа характеризуется следующими словами тов. Ленина: «Ломать старое надо и поскорее и порешительнее, говорят деятели Столыпинского «землеустройства», поломать так, чтобы вся тяжесть ломки падала на большинство крестьян, наиболее разоренных, наиболее обездоленных. Помещики не должны потерять при этом. Если неизбежно им потерять, часть своих земель, то они должны быть отчуждены исключительно по добровольному согласию помещиков и по «справедливой», с точки зрения помещиков, оценке. Крестьяне зажиточные должны получить поддержку и перед разорением массы «слабых» останавливаться нечего».

Столыпин понимал, что после 1905 года ему надо найти новых союзников, чтобы удержать или хотя бы отсрочить падение царизма. Этих своих союзников в деревне он надеялся создать путем насаждения новых «мелких помещиков», хотя бы это шло за счет разорения и разграбления большинства крестьянской массы. И с этой точки зрения она несомненно была вредна и привела к дальнейшему разорению многомиллионного крестьянства. Но, с другой стороны, в условиях буржуазного общества, в экономическом смысле это искусственное насаждение хуторов было явлением прогрессивным. Вся суть заключается только в том, что Столыпин насаждал собственность в пользу защиты интересов буржуазного строя, мы же должны подходить по этому вопросу исключительно с точки зрения и в интересах развития производительных сил.

Тов. Ленин в 1907 году писал: «Знаменитое аграрное законодательство Столыпина, по 87 статье, насквозь проникнуто чисто буржуазным духом. Оно, вне всякого сомнения, идет по линии капиталистической эволюции, облегчает, толкает вперед эту эволюцию, ускоряет эксплоатацию крестьянства, распадения общины, создание крестьянской буржуазии. Это законодательство, несомненно, прогрессивно в научно-экономическом смысле. Значит ли это, что с.-д. должны поддерживать его. Нет. Во имя интересов развития производительных сил (этого высшего критерия общественного прогресса) мы должны поддерживать не буржуазную эволюцию помещичьего типа, а буржуазную эволюцию крестьянского типа».

Поддержать в «в экономическом смысле прогрессивную» Столыпинскую реформу, это обозначало бы поддержать буржуазию, т.-е. сохранения кабалы и крепостничества, угнетения и эксплоатаций широких масс крестьянства, а вместе с ним и пролетариата.

Поэтому никакой поддержки такая реформа не могла получить. Для искусственного насаждения хуторов, Столыпин приложил все старания, и, однако, за 10 лет своего существования эта реформа охватила только около 10% всех крестьянских хозяйств и около 7% всей земли.

Наиболее широкое распространение Столыпинская реформа получила на Северо-Западе и на Юго-Востоке, т.-е. в тех районах, где наиболее рельефно выделились две основные отрицательные стороны общины—дальноземелье и чрезполосица. Если считать, что в среднем участковая форма землепользования получила распространение в размере 10% всех крестьянских хозяйств, то в таких губерниях Северо-Западного края, как Ленинградская, участковая форма землепользования (отруба и хутора) занимала 28,7%, Псковская—17,6%, Витебская—28%; южных и юго-восточных губерниях, Харьковская—22,5%, Херсонская—22,6%, Самарская—19%, Ставропольская—24,9%. Характерно еще другое явление, что на Северо-Западе главным образом образовывались хутора, т.-е. вынесение усадьбы на свою земельную территорию, а на Юге и Юго-Востоке образовывались отруба, т.-е. отвод земельной территории к одному—двум местам с оставлением усадьбы в селе.

Что же произошло в результате революции?

Все сложившиеся формы землепользования разрушились. В руки крестьян перешли новые огромные земельные территории и на основе закона о социализации земли, земля была уравнена между всеми землепользователями. По данным выборочного обследования Ц. С. У., в 1922 году землепользование складывалось следующим образом.

Распределение земли между различными категориями землепользователей.

РАЙОНЫ.	Из 100 десятин земли находится в пользовании.						
	Сельских общин.	Товариществ.	Комхозов.		Отрубов.	Хуторов.	Совхозов
			Коммун.	Артел.			
I. Северн. и Сев.-Западн. губ.	87,0	3,7	0,1	0,3	4,9	3,4	0,6
В т. ч. Новгородская	71,5	4,3	—	0,6	8,4	14,3	0,9
II. Средний пояс	94,3	0,6	0,1	0,5	0,4	0,7	3,4
В т. ч. Владимирская	98,4	—	0,2	0,1	0,6	0,2	0,5
Курская	95,5	—	0,1	0,1	0,1	0,1	4,1
III. Южный пояс	95,4	0,2	0,3	0,3	0,4	1,7	1,7
В т. ч. Киевская	96,3	—	0,1	0,2	0,8	0,6	2,0
Донская	96,7	1,0	0,0	0,8	0,6	—	0,9

Эти данные прежде всего подтверждают выше высказанную мысль, что хуторные формы землепользования почти сведены на нет, а община целиком и полностью властвует. Однако все же на Северо-Западе хуторская форма землепользования оказалась более жизненной, чем на Юге и Юго-Востоке.

Мимо этого обстоятельства мы не можем пройти в дальнейшем при разработке вопроса о наиболее целесообразных формах землепользования для настоящего времени. Если революционный порыв и коренная реформа не могли сломить сложившейся формы землепользования, то повидимому она имеет за собой глубокую хозяйственную почву.

Таким образом, в результате «Столыпинской реформы» и революции, мы имеем такое положение на селе, когда общинная форма землепользования является господствующей и сохранила в себе целиком и полностью все отрицательные стороны старой общины—чрезполосицу, дальноземелье и, плюс ко всему этому, еще один бич—частые переделы.

При таком положении, совершенно естественно, требуется колоссальное усилие всех передовых сил деревни и в первую очередь деревенских коммунистов, чтобы вывести деревню из этой беды.

В каком же направлении должна быть проведена работа?

Здесь нам прежде всего необходимо остановиться на вопросе об общине вообще.

Тов. Ленин в аграрном вопросе в русской революции (...II т. IX, стр. 313—14) пишет: «Более того: общину, как демократическую организацию местного управления, как товарищеский или соседский союз, мы, безусловно, будем защищать от всякого посягательства бюрократов, посягательства, столь излюбленного врагами общины из лагеря «Моск. Ведомостей». Никому и никогда не будем мы помогать «разрушить общину», но отмены всех учреждений, противоречащих демократизму, мы будем добиваться безусловно, *какое бы влияние эта отмена ни оказала на коренные и частные переделы земли и т. п.*: в этом наше коренное отличие от явных и тайных, последовательных и непоследовательных, робких и смелых народников, которые, с одной стороны, являются, «конечно», демократами, а с другой стороны, боятся определить решительно и недвусмысленно свое отношение к таким элементарно-демократическим требованиям, как *полная* свобода передвижения, *полное* уничтожение сословности крестьянской общины, а *следовательно*, и полная отмена круговой поруки, отмена всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей.

Нам возразят: именно последняя мера, освящающая индивидуальную волю каждого отдельного крестьянина, и разрушает общину не только как систему переделов и т. п., а, прямо даже, как товарищеский соседский союз. Каждый отдельный крестьянин, вопреки воле большинства, в праве будет потребовать выдела его земли в особый участок. Не противоречит ли это общей тенденции всех социалистов содействовать расширению, а не сужению прав коллективности по отношению к индивидууму.

Такое возражение было бы неосновательно. Наши требования не разрушают товарищеского союза, а, напротив, создают на место архаической (полукрепостной) власти общины над мужиком — власть *современного* товарищеского союза над свободно всту-

пающими в него членами. Отмена круговой поруки должна превратить всех наличных членов крестьянской общины в свободных совладельцев известного участка земли, а там, как уже будут распоряжаться этим участком,—это их дело, это будет зависеть от общих гражданских законов и от их специальных договоров между собою. Что же касается до расширения прав коллективности по отношению к индивидиуму, то социалисты защищают его только тогда, когда это расширение лежит в интересах технического и социального прогресса. В такой форме, разумеется, и мы защищали бы всякий соответствующий закон, лишь бы он относился не к одним только мелким собственникам, не к одним только крестьянам, а ко всем землевладельцам вообще».

Все эти выдвинутые еще тогда Влад. Ильичем положения в общем и целом сохраняют свою силу. В начале настоящей статьи я приводил выдержку из резолюции о середняке, где т. Ленин пишет: «Лишь те об'единения ценны, которые проведены самими крестьянами по их свободному почину и выгоды коих проверены ими на практике».

Следовательно, в нашей работе мы должны по возможности сохранить «товарищеский или соседский союз» крестьян, но такой, который сложился бы «самими крестьянами по их свободному почину», «свободно вступившими в него членами».

Итти по линии создания обособленных индивидуальных крестьянских хуторов это значило бы дать полный простор индивидуалистическим мелко-собственническим крестьянским инстинктам. Мы должны констатировать, что, как массовое явление, это стремление не имело места даже в самом горячем периоде столыпинских реформ, когда хуторянам оказывались всяческие поддержки, и тогда огромное большинство крестьянства высказалось против них.

Поэтому наша задача заключается в том, чтобы дать максимальную инициативу передовой части крестьянства путем об'единения ее в небольшие земельные общества и создания из них небольших поселков и выселков. Сохраняя таким образом «товарищеский союз», конечно основанный на добровольных началах, мы разрушаем отрицательные стороны современной общины и создаем поселок, внутри которого само крестьянство намечает себе форму землепользования, но такую, при которой не может иметь место чрезполосица и дальноземелье.

Расселение крупных поселений на ряд мелких общинных или отрубных поселков и выселков требует своего настоятельного разрешения на Юге и Юго-Востоке, без чего не может быть организован правильный севооборот в центральной черноземной части, где уже давно назрела необходимость полной перестройки отстало-экстенсивного и безнавозного полеводства и перехода к навозному удобрению; это неотложно для Северо-Запада, где чрезмерная чрезполосица полностью сковала крестьянскую инициативу.

Через инициативу передовой части крестьянства толкать остальную, менее сознательную часть, к применению улучшаемых способов ведения хозяйства—вот лозунг, который должен стоять перед каждым работником на селе, и этот лозунг может осуществиться, когда пойдет по линии разделения современной общины на небольшие поселки.

Создают ли эти поселки условия для развития коллективизации и рациональной организации сельского хозяйства? Нам кажется, что несомненно благоприятные условия они должны создавать. Поскольку усовершенствованные крупные с.-х. машины и орудия будут проникать в толщу крестьянства и поскольку они являются не под силу отдельному хозяйчику, они толкают к об'единению мелких индивидуальных крестьянских хозяйств на началах совместной обработки. Само собой понятно, что группа крестьянских хозяйств (поселок), об'единенных общей земельной территорией, гораздо скорее придет к необходимости и целесообразности совместного применения сложных с.-х. машин (трактор), чем раздробленные или разбросанные отд. хоз. хуторян или общинники, связанные косностью таковой. Особенно благоприятные условия для агрикультурной работы создает такой небольшой поселок. Договориться с небольшой группой крестьянских хозяйств о целесообразности применения агрикультурных приемов ведения сельского хозяйства гораздо легче, чем привести к такому об'единению целое село, насчитывающее несколько десятков, а иногда и сотен крестьянских хозяйств или отдельно разбросанных хуторских крестьянских хозяйств. Таким образом, мы приходим к выводу, что создание мелких общинных и отрубных поселков отвечает тем основным требованиям, которые мы выставили в начале настоящей статьи, а следовательно, и центр внимания во всей нашей землеустроительной политике должен быть направлен к образованию их.

Отвечает ли эта политика стремлению самого крестьянства? Нам кажется, что, безусловно, да. Для подтверждения этой мысли посмотрим, как шла землеустроительная работа до настоящего времени, когда она, как я в начале статьи указывал, находилась в исключительной зависимости от самого крестьянства, когда партработники на местах держали себя нейтрально.

В № 1 «Планового Хозяйства» тов. Каменев приводит следующие данные:

	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Отвод земли выселкам, поселкам и частям селений . . .	39.188	270.284	1.513.312	1.950.429	3.669.978
Выдел земли коллективам . .	247.291	535.676	303.976	232.148	113.855
Выдел земли хуторам и отрубам	—	—	890.926	884.353	776.264

Из этой таблицы видно, что отвод земли выселкам и поселкам из года в год растет и в 1924 г. занимает уже около 75% всех работ, при чем мы имеем дело с несомненно быстрым ростом этого вида землеустроительных работ в дальнейшем. В ней еще характерно отметить и работы по выделу земли хуторам и отрубам, получившие в начале издания земельного кодекса довольно широкий размах и постепенно сокращающиеся, что составляло в 1924 году только 17%.

Однако, мимо этого последнего фактора пройти в дальнейшем мы не можем. Совершенное игнорирование стремления крестьян к

выходу на хутора может привести только к отрицательным результатам. Общинная косность часто так сильна, что она невольно приводит отдельных передовых хозяев к необходимости выхода на хутор, чтобы правильно организовать свое хозяйство. Запретить эти отдельные случаи мы не можем и не должны. Там, где община душит агрикультурную инициативу отдельных передовых хозяев, где преодолеть эту косность чрезвычайно трудно, где нет подходящих условий на создание поселка, было бы ошибочно мерами административного прижима связывать эту инициативу. При этом характерно отметить, что тяга к хуторской форме землепользования проявляется главным образом на Севере и Северо-Западе, т.-е. в районе большой черезполосицы и обязательного применения навозного удобрения. Крестьянин этих районов настолько болезненно чувствует на своем хозяйстве все отрицательные стороны старой общины, что готов итти на значительные хозяйственные расходы, лишь бы избавиться от вреднейшего общ. трехполья. Правда, часто еще тянет на хутор кулак, чтобы освободиться от глаза общины, в надежде укрыть от советской власти свои живодерские проделки, но, конечно, было-бы ошибочно, если бы мы такой размах землеустроительной тяги на хутора, как указано в вышеприведенных данных, приписывали бы исключительно кулачеству. Нет, есть несомненно часть рядового крестьянства, которое не может культурно построить свое хозяйство в рамках совместной общины и спасение свое видит в хуторах. Было бы ошибочно, если бы мы вздумали мерами административного запрета задерживать такое прогрессивное желание крестьянина. Надо найти формы об'единить этих крестьян и вывести их из косности общины не путем создания хуторов, а об'единения в «соседский союз» и создания поселка.

Таким образом, задача заключается в том, чтобы наша партия всемерно способствовала уже назревшей инициативе крестьянства в создании таких форм землепользования, которые способствовали бы скорейшему поднятию сельского хозяйства и облегчили бы возможность в будущем перехода к коллективным формам хозяйства. Такой формой является создание общинного или отрубного поселка, отвечающего по своим размерам хозяйственным потребностям данного района. Во всей совокупности мер содействия в развитии этой формы землепользования мы должны строго наблюдать за тем, чтобы воздействие на население в этом отношении ни в коем случае не приобретало бы характера административного принуждения или запрета в выборе иных форм землепользования. Однако, работая над созданием выселков, мы будем наталкиваться на ряд трудностей. Во-первых, такой выселок потребует значительных хозяйственных затрат в отношении перенесения построек и хозяйственного устройства в новом месте (устройство колодцев, запруд, лесонасаждения и т. п.), вследствие чего затрудняется этот переход для бедняцких и, отчасти, середняцких слоев деревни, поэтому чрезвычайно важно наблюдать за тем, чтобы земли, более удобно и близко расположенные к селениям, а также более легкие для обработки и лучше обеспеченные необходимыми угодиями, водой и дорогами, отводились по преимуществу менее обеспеченным слоям деревни.

Поскольку образование выселка связано со значительными расходами, которые не под силу крестьянину при современном состоянии его хозяйства и в целях поощрения поселковой формы

землепользования, необходимо частичное или полное освобождение переходящих на поселки бедняцких и середняцких слоев деревни от единого сельско-хозяйственного налога на первое время, после расселения в зависимости от трудности условий расселения и усвоения новых земель. Ныне существующие в этом отношении льготы по единому сельскохозяйственному налогу должны быть расширены, и несомненный под'ем сельского хозяйства, который будет итти параллельно с ростом поселков, во много раз покроет те потери, которые государство понесет в отношении предоставления льгот.

Для внесения во все дело землеустройства большей планомерности и начал государственного регулирования необходимо расширение кредитования землеустроительных работ за счет государственного ссудного кредита. В частности для бедняцких и середняцких слоев деревни этот кредит должен быть обязательно долгосрочный и по возможности льготный, чтобы не надорвать с самого начала хозяйственные начинания выселившегося крестьянина.

Само собой понятно, что кредит должен быть построен таким образом, чтобы он отпускался в том случае, если совершается переход к более высоким агрикультурным формам ведения хозяйства.

Я уже выше указывал, что мы не должны убаюкивать себя надеждами, что этот сложный процесс земельно-хозяйственного переустройства всего Союза Республик может совершиться в течение ближайшего времени, на это требуется весьма продолжительный срок, поэтому наша партия должна заниматься систематическим по-районным изучением происходящих в деревне землеустроительных процессов и своевременно учесть социально-экономический результат этой работы.

М. Хатаевич.

О состоянии и работе партийной ячейки в деревне.

Из 26 тысяч с лишним ячеек, из которых состоит наша партия,—больше половины (13.558)—это ячейки крестьянские, находящиеся в деревне. В этой половине ячеек числятся всего не более $1/_5$ (20%) общего числа членов и кандидатов РКП. В среднем на одну партийную ячейку в деревне приходится 11 членов и кандидатов партии, в то время как на одну партийную ячейку в городе приходится более сорока. На каждую укрупненную (среднюю) волость по всему СССР у нас приходится немногим более полутора партийных ячеек; одна ячейка приходится на $5^1/_2$ сельсоветов (а каждый сельсовет охватывает до 2-х десятков и более селений).

Более половины наших партийных ячеек в деревне насчитывают не более 5—8 членов. Очень нередко бывает, когда и эти 5—8 чел. живут не в одном селе, а рассыпаны по одному, по два в нескольких селениях.

Эта чрезвычайная малочисленность сельских ячеек по отношению ко всей деревне и массе крестьянского населения, является главной причиной имеющихся многих недостатков в состоянии партийной работы в деревне и отсутствия должного охвата крестьянства.

Состав парт. ячеек деревни.

По своему составу деревенские ячейки в подавляющем большинстве состоят из товарищей, занятых постоянно административной и иной работой в сельских и волостных органах. Данные недавно проведенного на страницах «Правды» смотра сельских ячеек и ряда обследований деревни, проведенных за последние месяцы, выявляют это особенно ярко. В среднем, в каждой сельской ячейке от 70 до 90% ее состава являются должностными лицами (выборными и невыборными) деревни и волости. Из этих товарищей, выполняющих организаторские функции в деревне, только меньшая часть совмещает административную и общественную работу с работой в своем хозяйстве. Большая часть—это элемент для данной волости и села пришлый, переброшенный из других волостей и из города. До последнего времени переброска членов партии, работающих в волостях, практиковалась партийными комитетами очень часто, чаще чем один раз в год. Эти переброски считались одним из наиболее действующих средств против «порчи» находящихся на руководящей деревенской работе коммунистов, против хозобрастания, подпадения под влияние окружающей обстановки и т. д. По имеющимся отдельным данным, можно заключить, что владеющие своих хозяйством и участвующие непосредственно в советской, кооперативной и др. общественной работе не составляют и одной трети общего числа членов и кандидатов партии в деревне, включая в эту треть и коммунистов, входящих в коммуны и коллективы и работающих в совхозах. Членов партии—крестьян, ведущих индивидуальное хозяйство, не совмещая его ни с какой другой работой, во всех деревенских ячейках не наберется, очевидно, и 10% к общему числу их состава.

За последние 6 месяцев во всех парторганизациях увеличилась работа по вовлечению в партию новых членов партии из беспартийных крестьян. По последним данным, количество уже принятых в партию новых кандидатов в деревне достигает 20.000.

Эта работа по вовлечению в партию лучших элементов деревни сейчас во всех организациях продолжается, и к XIV с'езду партии это число, несомненно, значительно увеличится. В результате этого, в составе деревенских ячеек уже произошли изменения в сторону увеличения среди членов местных людей, более связанных с данным селом и связанных непосредственно с крестьянским хозяйством. Но эти изменения покуда-что не весьма велики и не меняют в большей степени прежнего положения, ибо среди принятых в партию новых кандидатов-крестьян преобладают уже втянутые в общественную и советскую работу, а число крестьян, занятых непосредственно сельским хозяйством среди них, не достигает и 30%.

До XIII с'езда партии в течение двух-трех лет освежение состава сельских ячеек путем притока новых членов из среды крестьян почти не происходило. Тогда партия не выдвигала перед собою задачи пополнения состава ячеек из самой деревни. Имело место, наоборот, все большее уменьшение количественного состава ячеек в результате ухода части коммунистов из деревенских ячеек в город на работу и на учебу и в результате происходившей все время убыли из сельских ячеек, путем исключений и выбытия из партии.

Имеется множество ячеек, насчитывавших в 1920 г. несколько десятков членов, а сейчас не более 5—7 человек. Еще в 1924 г., в ряде организаций (Пенза, Архангельск и др.), несмотря на увеличившийся прием новых членов партии в деревне, общее число членов партии в деревне не только относительно, но и абсолютно продолжало уменьшаться.

Имевшая место, в столь большом количестве, утечка из партии деревенских коммунистов является результатом того весьма тяжелого положения, в сравнении со всеми другими группами членов партии, в котором они находились. Будучи распылены по одиночке и небольшими группами в массе беспартийного крестьянства, не имея денежной помощи и обслуживания из города, не имея должного постоянного общения между собой, путем совместного обсуждения всех партийных вопросов, они, естественно, быстрее поддавались влиянию окружающей обстановки, теряли коммунистическую устойчивость и представляли наибольший материал для разбирательства в контрольных комиссиях.

За 1924 г. количественный состав сельских партийных ячеек пополнился также за счет нескольких тысяч работников, посланных парткомами в деревню специально для укрепления ее партийными силами. Всего к началу декабря 1924 г. было по всему СССР направлено в деревню 6.000 человек, из которых

вернулось (и возвращается) обратно в город до 40%, а 3.000 с лишним, очевидно, осядет на деревенской работе.

Столь малое число членов партии в деревне и распыленность их на руководящих должностях, главным образом, по отдельным селениям, в значительной степени об'ясняют ту пестроту, отсутствие четкости и единообразия в организационном построении сельских ячеек и всей парторганизации в деревне, какие имели у нас место до последнего времени.

Построение парторганизации в деревне.

Только в последние полгода ряд губкомов пришли к заключению о необходимости создания волостных парткомитетов в тех волостях, где имеется достаточное для этого числа членов партии и ячеек. До этого в большинстве губернии волкомов не было, а существовали всяческие, самые разнообразные системы организационной связи и руководства. В ряде мест существовала система уполномоченных укома—постоянных инструкторов, которые, находясь в одном пункте, должны были об'единять работу партячеек нескольких волостей, не имея никаких точно очерченных прав и функций.

Широко применялась и применяется по сие время система «базовых» ячеек, заключающаяся в том, что к одной ячейке «прикрепляют», для наблюдения и обслуживания, еще несколько ячеек (несколько волостей или селений), вне какой бы то ни было связи с существующим административно-территориальным делением. Никаких точно оговоренных прав, в смысле об'единения работы и руководства, такие «базовые» ячейки не имели и, согласно нашему партийному уставу, иметь не могут: никакого фактического обслуживания с их стороны приданных им ячеек и района тоже не могло быть, ибо большинство наших ячеек в деревне настолько слабое, что не могут обслуживать полностью того села или района, где они непосредственно находятся, не говоря уже об охвате соседних волостей. От такой «базовой» системы построения парторганизации вред получается вдвойне: создается иллюзия, что слабые в партийном отношении волости и районы будто бы кем-то обслуживаются, когда в самом деле этого нет и получается неувязка с руководством по административно-хозяйственной линии.

Кроме того была широко распространена и продолжает существовать сейчас система «волячейки». Для тех волостей, где имеется всего одна ячейка и где их имеется даже две, но число действительных членов партии не превышает 7—9 человек (вследствие чего волком не может быть организован) это вполне правильное название и форма организации. В этих случаях находящаяся в волостном центре ячейка должна иметь постоянную связь с ВИК'ом и обслуживать всю работу в своей волости. Но бывало, да и сейчас еще во многих местах есть, когда в волости есть несколько ячеек, а находящаяся в центральном селе ячейка носит название волячейка и выполняет некоторые функции волостного комитета.

Во всех вышеперечисленных случаях укомы сохраняли непосредственную связь со всеми сельскими ячейками уезда и осуществляли непосредственное ими руководство.

Во многих местах, где волкомы формально организованы, связь укомов с сельскими ячейками, которые он об'единяет, осуществляется не столько через него, сколько непосредственно. В очень многих местах до сих пор не усвоена разница между волкомом и волячейкой; бывает, что при наличии в волости нескольких ячеек, они—оформляются в волостную парторганизацию и выделяют из себя выборный орган, который продолжают называть волячейкой; бывает и наоборот, что бюро ячейки волостного села называет себя волкомом.

До сих пор в партии еще нет точно установленного положения, при каких условиях, наличие какого числа членов партии и ячеек требуется, чтобы они могли оформиться в волостную парторганизацию. В ЦК разработаны по вопросам—о формах партийной организации в деревне—подробные предложения, которые, очевидно, будут обсуждены на предстоящей Всесоюзной партконференции, после чего будут утверждены ЦК и даны местам для руководства. Во всяком случае, потребность в скорейшем разрешении этих вопросов назрела чрезвычайно; без внесения наибольшей ясности и четкости в построение низовой парторганизации деревни и порядок организационного ею руководства и обслуживания ее из города, навряд ли возможно будет добиться существенных успехов в деле поднятия и укрепления всей работы сельских партийных ячеек.

Весьма распространенное в деревне по сию пору явление—это, т.-наз., «районные» сельячейки. Одна ячейка при таком положении охватывает район в 15—20 верст, создается путем слияния нескольких существующих в этом районе более мелких ячеек, очевидно, с целью вместо 2—3 слабых и малочисленных ячеек, создать одну более многочисленную и более крепкую. Но цель эта совершенно не достигается, ибо одна ячейка на район в 20 верст является фикцией, члены ее, живя далеко друг от друга и не имея постоянного общения, оторваны друг от друга и от самой ячейки, собрания ее из-за дальности расстояния происходят редко и нерегулярно и т. д. и т. д. Необходимо в ближайшее время совершенно прекратить подобное экспериментирование сверху, из уезда с сельскими партячейками и твердо установить, что везде, в каждом селе или группе селений, одно от другого расположенных в непосредственной близости (не далее 3—5 верст), при наличии достаточного числа членов партии, ячейка должна существовать.

Очень нередко создание таких «районных» сельячеек обуславливается тем, что коммунисты в ряде селений распылены по одному, по два, что их ни в одном селении нет в числе, достаточном для организации самостоятельной ячейки. Такая распыленность партийных сил деревни, встречающаяся весьма часто, в значительной степени создавалась самими же вышестоящими парткомами, стремившимися обязательно в каждое село послать на руководящую должность членов партии, перебрасывая их для этого из других волостей и районов и из города. До опубликования последних партийных решений о работе в деревне, это практиковалось сплошь и рядом очень многими парткомами и давало вдвойне отрицательные результаты: затрудняло возможность выдвижения на руководящие должности в деревне беспартийных крестьян и распыляло партийные силы в деревне. Сейчас не приходится, понятно, говорить об устранении этой распыленности, путем механических передвижек деревенских коммунистов из селений и волостей, где они находятся по оди-

ночке, в более важные и крупные селения и волости, где необходимо наличие крепкой и многочисленной партийной организации. Но должно быть, за исключением отдельных случаев крайней необходимости, решительно прекращено дальнейшее распыление партийных сил деревни, путем посылки отдельных членов партии в районы и селения, где нет ячеек. При посылке из города партийцев для укрепления деревни, необходимо также их в первую очередь направлять на места, где уже имеются партийные ячейки в более крупных и важных селениях, где для партии является особо необходимым создание своего крепкого опорного пункта, в лице жизнеспособной и крепкой парторганизации.

В наиболее тяжелом положении из всех групп членов партии находятся эти коммунисты-одиночки, разбросанные по одному, по два в деревнях, а иногда в целых волостях. Эти товарищи, будучи со всех сторон плотно окружены беспартийной крестьянской массой, меньше всего участвуют в общей жизни партии и имеют общение с другими членами партии, наиболее быстро поддаются влиянию окружающей среды. Но существование таких одиночек-коммунистов, живущих по одному, по два в деревне, очевидно, в течение значительного периода будет неизбежно и поневоле приходится допускать организацию одной ячейки на район в 10—12 верст, при условии, если вблизи на этом же расстоянии нет ни одной ячейки, куда бы эти товарищи могли бы влиться и если они имеются в достаточном числе для организации ячейки.

Очень велико среди общего числа членов деревенских ячеек количество кандидатов. По данным партстатистики, из числа 153 тыс. коммунистов, насчитывающихся в деревенских партячейках к 1/IX—24 г. кандидатов было около $53\frac{1}{2}$ тыс. После принятия в партию новых 20.000 кандидатов это число увеличилось. В материалах смотра сельских ячеек есть очень много данных о ячейках, число кандидатов, в которых превышает число членов, так что приходится даже сомневаться в правильности вышеприведенных данных официальной партстатистики. Из числа этих кандидатов, значительное большинство является таковыми 3—4 года и даже больше. Перевод кандидатов в действительные члены партии в деревне совершается чрезвычайно медленно. Причины этому: недостаток товарищей, могущих давать рекомендации, халатность к этому вопросу в самих ячейках и со стороны самих кандидатов и волокита в уезде и губернии с утверждением, длящаяся в отдельных случаях год и более.

Благодаря наличию большого числа кандидатов при общей малочисленности партсостава в деревнях представляет собою весьма распространенное явление, так называемая, кандидатская ячейка, состоящая из большинства кандидатов и одного, двух членов партии, или исключительно из одних кандидатов. В одной только Екатеринославской губ. таких ячеек около 80, в Забайкальской более 50 шт., много их в Киргизии, Сибири и других окраинах. Следуя точному указанию партустава, нельзя было бы допустить существование таких ячеек, ибо, согласно этим указаниям, ячейка может быть создана при наличии в ней не менее 3-х действительных членов партии. Но вышеприведенные обстоятельства заставляют допускать их существование при отсутствии в непосредственной близости ячейки, куда бы они могли влиться,

с тем, чтобы они не имели «уставных» прав, т.-е. права приема в партию и выборов на партийные конференции и чтобы вышестоящие парткомы имели постоянно в виду необходимость оформления этих ячеек, путем укрепления их партийцами и своевременного перевода кандидатов в члены партии.

Сложность обстановки работы партячеек в деревне.

При своей малочисленности и распыленности деревенских коммунистов и при более низком качественном уровне работников, деревенской ячейке приходится вести свою работу в значительно более сложной обстановке, чем ячейке на предприятии, или в учреждении. Функции сельской партийной ячейки шире, чем функции ячеек в городах. В то время, как заводская ячейка не должна осуществлять руководства деятельностью заводоуправления, или директора завода, ячейка в волости и деревне должна, через работающих там коммунистов, осуществлять постоянное руководство деятельностью ВИК'а, сельсовета и других органов деревни. В то время, как ячейка в городах имеет тут же под боком вышестоящий партком, к которому она в особый момент может обратиться за разрешением более сложных вопросов, ячейка и волком в деревне имеют от себя вышестоящий партком на расстоянии нескольких десятков, а иногда и сотен верст и должны за свой страх и риск зачастую разрешать самые сложные вопросы.

Положение коммуниста в деревне значительно более сложное, чем коммуниста в городе. Партиец в деревне не имеет к своим услугам той системы политического воспитания, которая хотя кое-где и хромает, но все-таки имеется в городах. Он не имеет возможности часто бывать на партсобраниях, иметь общение и получать раз'яснения по основным вопросам от кадра лучших работников, руководителей партийной и советской работы, сосредоточенных в городах и очень редко бывающих в деревне.

Но даже при всех этих тяжелых условиях работа сельских ячеек могла бы быть поставлена успешнее при более чутком и внимательном подходе сверху из уездного центра. До самых последних месяцев в большинстве случаев имела место слишком большая загрузка ячеек и волкомов сверху кампаниями и заданиями, оставляющими для деревенских работников очень мало времени и места для проявления инициативы, для выдвижения своих местных вопросов. Связь и руководство из уезда были преимущественно циркулярные, не живые, не учитывающие в должной степени особенностей каждой ячейки и волости. В большинстве уездов и округов, еще по сию пору, имеет место преимущественно руководство путем дачи общих, по всему уезду, директив и указаний, а нет содействия и помощи каждой в отдельности взятой сельячейке и волкому.

Основные недостатки в работе деревенских ячеек.

В последнее время, в нашей партийной прессе достаточно много писалось об основных недостатках в работе наших низовых ячеек деревни в области связи с крестьянскими массами и участия в работе по поднятию сельского хозяйства. Особенно много в этом отношении дает данных и материалов недавно проведенный смотр сельских ячеек. Основное во всех этих данных сводится к тому, что в большинстве случаев связь ячейки и деревенских

коммунистов явно недостаточная, что в их работе, до последнего времени, имела место некоторая оторванность от насущных вопросов крестьянской жизни, волнующих и занимающих деревню, что они не принимают должного участия в работе по поднятию и укреплению крестьянского хозяйства, не являются в проведении этой работы инициаторами и действительными руководителями деревни. В подходе к крестьянским массам преобладал, до последнего времени, административный подход, глубокой повседневной работы по привлечению к себе симпатии, по сплочению вокруг себя лучших слоев деревни в большинстве ячеек не было и она не считалась как-то основной и важнейшей. Есть отдельные волостные парторганизации и сельячейки, а за последнее время число их растет, где эти недостатки не имеют места, где ячейка тесно связана с лучшими слоями деревни, где она сумела своей работой завоевать себе авторитет бедняцкой и середняцкой части и уважение деревни, но таких меньшинство. В очень многих местах есть активно работающие отдельные члены партии, действительно проявляющие инициативу, являющиеся вожаками и организаторами деревни, но ячейки как-то стоят на отлете от этой их деятельности, и деревня знает этого отдельного работника, не связывая его с ячейкой. Беспартийная крестьянская масса почти всегда отделяет в своих представлениях и симпатиях партию в целом от местной ячейки. В то время, как авторитет партии в целом бывает очень высок, к ячейке относятся равнодушно, скептически, а иногда и враждебно.

Значительная часть коммунистов деревни, особенно тех, кто работает в своем хозяйстве, ориентируется в вопросах политического и хозяйственного положения всей нашей страны не больше, чем вся остальная крестьянская масса и хуже многих из активистов беспартийных, число которых в деревне все увеличивается. В вопросах состояния крестьянского хозяйства, условий и перспектив его развития, рядовой деревенский коммунист, как правило, ориентируется хуже, чем беспартийный крестьянин, ибо, в течение ряда лет, мысли его направлялись не в эту сторону.

В большинстве случаев ячейка в деревне бывает оторвана от основных вопросов, интересующих и волнующих партию в тот или иной период, она мало знает о работе своего укома и губкома и состоянии всей губернской и уездной парторганизации. Общие вопросы, если и ставятся, то преимущественно в порядке всяческих годовщин и юбилеев и очередных кампаний. Тогда такие вопросы ставятся в порядке докладов, принимаемых большей частью без прений к сведению.

Деревенские коммунисты до последнего времени чрезвычайно плохо информировались сверху об основных мероприятиях, намечаемых и проводимых партией, и в гораздо меньшей степени, чем находящиеся в городе, принимают участие в выявлении и создании общепартийного мнения по важнейшим вопросам, разрешаемым партией.

Но при этой недостаточной постановке общепартийных вопросов, в большинстве низовых парторганизаций деревни отсутствует также в должной степени постановка вопросов местной волостной и сельской жизни и строительства. Такие вопросы, как о землеустройстве и его перспективах в данной волости, как состояние волостного бюджета, о мерах к улучшению состояния школ и изб-читален в пределах волости и т. д., до последнего времени редко стояли в порядке дня ячеек и волкомов. При заслушании докладов волкома и секретаря ячейки о его работе, доклада о работе ВИК'а и т. д. прений или совершенно не бывало, или все обсуждение доклада проходило как-то формально, без должной активности и живого участия присутствующих.

Еще по сию пору для большинства сельских ячеек остается верным, что ряд важнейших вопросов общепартийной жизни и местного строительства проходит мимо их. Отчасти это приходится об'яснить и редкостью и нерегулярностью во многих случаях партийных собраний в деревне. Из-за распыленности и разбросанности деревенских коммунистов и по общей причине слабости работы, партдень в сельских ячейках происходит значительно реже, чем в городе. В период полевых работ ячейки иногда не собираются по полтора и два месяца. Но и зимой только меньшая часть ячеек собирается регулярно раз в неделю. Большей частью они собираются раз в две недели, а во многих случаях и реже. Если в городе коммунист помимо партдня всяческими другими путями и на других заседаниях и собраниях участвует в разрешении вопросов общественной жизни и строительства, то в деревне почти единственное место, где в партийной среде можно совместно выяснять для себя и разрешать назревшие вопросы — это ячейковое собрание, ибо при малочисленности ячейки никаких комиссий, секций и кружков из нее не выделишь и поэтому в деревне является особенно необходимым регулярное соблюдение партдня.

В порядке проведения ячейковых собраний, в деревне преобладают два неправильных подхода: или ячейка совершенно отгораживается от беспартийных, устраивая сплошь и рядом закрытые собрания; или постоянно проводимые открытые собрания устраиваются таким образом, что стирается грань между партийными и беспартийными. Партийное собрание превращается в созываемое ячейкой собрание вообще, где вопрос в партийной постановке обсуждается мало и нередко даже бывает, что голосуют на таких собраниях зараз все присутствующие. Беспартийные крестьяне охотно посещают собрания ячеек, но при этом не всегда из сочувствия и близости к коммунистам, а из любопытства.

Помимо секретаря и состава бюро сельских ячеек, остальные их члены, если вовлечены к активному участию в работе и строительстве, то только как находящиеся на советской, кооперативной и др. работе, но не через ячейку и не как члены ее. Те же из деревенских коммунистов, кто не находится ни на каких выборных и служебных должностях, в большинстве случаев, совершенно не втянуты в активную работу. Среди той части деревенских коммунистов, работающих в своем хозяйстве без совмещения с другой работой, чаще всего имеют место факты пассивности и отрыва от партжизни, выражающиеся в непосещении партсобраний, неуплате членских взносов и т. д. и являющиеся, главным образом, результатом недостаточного к ним внимания и обслуживания их со стороны ячеек и партии в целом.

Уровень развития и постановка воспитательной работы.

Уровень общих знаний и политразвития большинства деревенских коммунистов очень низок. На 75—80% они политически

О коммунистах, владеющих хозяйством.

Коммунисты-крестьяне, владеющие хозяйством, в своем громадном большинстве по имущественному положению относятся к маломощным, полубатракам и к середнякам. Только в Сибири, в Южной Украине и на Юго-Востоке можно встретить коммунистов крепких хозяев. Кроме Украины, почти нигде в парторганизациях не ставился даже вопрос о намечении мер, которые обеспечили бы постепенный органический переход этих коммунистов-единоличников на коллективные формы и методы хозяйствования, начиная с простейших форм кооперирования, имея членов партии, как основное ядро для кооперирования вокруг них беспартийных. Харьковская губ., кажется, единственная, имеющая до 800 членов и кандидатов партии в коммунах и с.-х. коллективах. В громадном же большинстве губерний, количество членов партии крестьян, перешедших на коллективные формы хозяйствования, не достигает и пяти десятков в каждой. Но на Украине кое-где имела место принудительная и механическая коллективизация сверху, путем вынесения партийного решения, что совершенно нельзя признать правильным.

Из общего числа исключенных и выбывших из рядов РКП (членов и кандидатов) за 1-ю половину 1924 г. в 10.266 чел., крестьян по социальному положению имеется более половины, из них 80%—это коммунисты, живущие в деревне, состоящие в сельских партийных ячейках. По отношению ко всему числу членов и кандидатов партии в деревне, это составит не более 3%, что показывает, что сама по себе эта утечка не особенно велика, но в сравнении с процессами отсеивания и утечки среди всех других групп членов партии, она в $2\frac{1}{2}$ раза выше. Отсеиваются, в порядке выбытия, а не исключения, из деревенских партячеек больше всего крестьяне-одиночки, работающие в своем хозяйстве, не совмещая ни с какой должностью. Они отрываются от партжизни, будучи плохо обслуживаемы ячейкой и вовлекаемы в работу, и мотивируют свой уход из партии желанием уделять более внимания и времени своему хозяйству.

Руководство работой низовых органов деревни.

В руководстве со стороны ячеек работой советских и всех других органов деревни, в большинстве случаев, имеют место следующие основные неправильности. Руководство осуществляется формально, отдаются официальные распоряжения, вне зависимости, сидят ли в этом органе коммунисты и беспартийные. При этом влияние и направление работы этих органов по основным и важнейшим вопросам совершенно недостаточны, а есть вмешательство в практическую работу этих органов, есть замена собой этих органов и взятие ячейками на себя совершенно непринадлежащих им административных прав. Почти везде до последнего времени как сами члены ячейки, так и беспартийные крестьяне, считали бы вполне нормальным, если бы секретарь ячейки, не состоящий ни на какой официальной должности и не имея никаких официальных полномочий, произвел обыск, выемку, арест в любом учреждении деревни и у любого крестьянина. Отсутствовал, до последних месяцев, подход к низовым органам деревни, как к организациям, которые организуют крестьянство, которые должны постоянно отвечать перед своими избирателями-крестьянами, которые должны быть в своей работе самостоятельны, чтобы крестьяне видели, что это действительно избранный ими орган власти, а не придаток к ячейке, к уездному аппарату и к чему бы то ни было. Не было должного понимания необходимости постоянно добиваться влияния в советах и других органах деревни, путем упорной работы и отстаивания своей линии среди крестьянства. Выборность, как об этом писалось много за последнее время, при формировании этих органов почти не осуществлялась. При намечении и выдвижении своих кандидатур, ячейки мало считались с тем, как отнесется к той или иной из них избиратель-крестьянин.

Избранные, в те или иные органы, коммунисты работали, в большинстве случаев, сами по себе, имея приказания свыше из уезда и т. д., но не имея должного руководства от своей парторганизации по основным и важнейшим вопросам хозяйственного и культурного строительства в деревне.

Последние директивы партии о большем вовлечении беспартийных крестьян во все волостные и сельские органы, об осуществлении действительной выборности и отчетности этих органов перед крестьянским населением, до сих пор встречают со стороны деревенских работников (и уездных нередко) непонимание и некоторое пассивное сопротивление. Этот консерватизм вполне об'ясним: в течение ряда лет эти работники воспитывались на административном подходе к деревне и в течение нескольких месяцев добиться сразу перелома и полного изжития этого подхода невозможно.

Из всего, что было выше сказано о слабости политуровня и пассивности состава сельских ячеек, не следует понимать, что ячейка не влияет на ход жизни в деревне и что жизнь эта течет совершенно мимо нее. Конечно, бывает и это, но редко. Активный слой ячеек, так наз. деревенский партийный актив, составляющий 20—25% всего их состава, является основной направляющей группой в деревне, влияющей на весь ход ее жизни. Среди этого актива есть разложившиеся элементы, но их небольшое меньшинство. В своем большинстве это прекрасные партийцы и работники, заезженные работой, которые при должной помощи и умелом руководстве из города, принесут еще много пользы для деревенской работы. Есть среди этого актива много работающих не покладая рук, не щадя сил и здоровья, заслуживших себе своей работой большую симпатию и доверие крестьянства.

О подборе и оплате партработников деревни.

Одной из причин слабости партийной работы в деревне, является недостаток в ней подготовленных, умелых и выдержанных партийных работников. Важнейшей задачей является подготовка таких работников из самой деревни. Но на ряду с этим, для того чтобы обеспечить успех этой задаче, необходимо, несомненно, в течение ближайшего периода, укреплять деревню партийными силами извне, из города. Это укрепление парткомы должны проводить самым тщательным образом, не в порядке ударных кампаний и мобилизаций, не давая в деревню только тех работников, кого легко снять с городской работы, а направляя туда только вполне подходящих, крепких и знающих деревню работников, которые могли бы там действительно принести всю пользу.

«Америка сделалась, в известном смысле, воспитательницей всего мира. Ее быстро развивающиеся университеты и другие научные учреждения, ее выдающиеся ученые и специалисты привлекают к ней жаждущие знания народы как Южной Америки, так и Дальнего Востока. Европа, обедневшая и раздираемая войнами уступает свое место Америке, роль которой, как лидера в области наук и искусств, а главное в теории и практике воспитания становится все более и более значительной. Миллионы китайского народа, представляющего собою четверть всего человечества, с надеждой ждут от нее вдохновения и руководства».

Повторяем, еще несколько лет тому назад, такие и еще более хвалебные оды «великой Америке» слагались повсеместно в Китае. Но по нынешним временам несколько лет уже не малый срок особенно, если принять во внимание, что в чрезвычайно интенсивной духовной эволюции передового Китая чуть не каждое полугодие составляет целую эпоху. Теперь даже самые ярые американофилы вряд ли посмеют публично выступить с подобными диффирамбами, ибо теперь утверждать, что миллионы китайского народа ждут от капиталистической Америки какого-то вдохновения и руководства, означало бы сознательно и добровольно ставить себя под град насмешек.

До диффирамбов ли тут, когда со всех сторон из Пекина, Кантона, Шанхая, Ченту, Тяньцзина, Чанша все громче и громче звучат требования уничтожить грабительские договоры, насильственно навязанные Китаю, и когда та же самая Америка, Америка Вильсона, Гардинга и благочестивого Кулиджа, Америка христианская, Америка призванная «вдохновлять и руководить», живописуется передовым Китаем в виде империалистического чудища, ежедневно пригвождается к позорному столбу. Колоссальные суммы, расходуемые на культуртрегерскую работу в Китае, тысячи американских школ, целая армия «самоотверженных и бескорыстных миссионеров»—все грозит пойти на смарку, погибнуть прахом перед лицом неумолимого, внедрившегося влияния Советского Союза, нашедшего магический ключ к сердцу китайской общественности.

Можно сказать без самообольщения: идейная конкуренция Советского Союза, вызвавшая такое стремительное падение американского престижа, воспринимается Вашингтоном не менее чувствительно, чем все недавние успехи Японии, пытающейся, при помощи мукденской и аньфуистской клик, продвинуть и закрепить свои позиции во внутренних провинциях Китая. Относительно Японии Америка уверена, что торжество ее—временное, победа ее—непрочная, что при наличии соответствующего давления англо-американского блока, новых позиций ей, все равно, не удержать и что волей или неволей, а придется ей пойти в Каноссу, т.-е. на новую вашингтонскую конференцию, имея на этот раз за плечами тяжелое наследие сентябрьской катастрофы. Но, что делать с безудержно растущим престижем Советского Союза, как помешать созданию единого фронта «от Ленинграда до Кантона», какую плотину воздвигнуть, чтобы предотвратить слияние великого крестьянского океана Восточной Азии с рабоче-крестьянским морем Советского Союза, как воспрепятствовать Китаю бросить тяжесть своих сотен миллионов на чашку весов мировой революции?

Америка, выдвинутая стремительным ростом своего экономического и финансового могущества в лидеры всего капиталистического мира, Америка становящаяся арбитром Европы и быстро идущая к гегемонии в Тихом Океане, а значит, в Восточной Азии, т.-е. прежде всего в Китае, не может, конечно, не видеть в Советском Союзе наиболее грозную препону, стоящую на пути к завершению ее грандиозных планов. Вот почему, при более внимательном изучении дальневосточной кон'юнктуры, приходится констатировать, что из трех основных назревших здесь конфликтов: конфликта англо-американского империализма с японским и отчасти французским, конфликта внутри самого англо-саксонского блока и, наконец, конфликта советско-китайского блока с Соединенными Штатами Америки, как лидером империализма—последний конфликт есть самый глубокий, самый грозный, без разрешения которого не может быть полностью разрешена и китайская проблема. Более того, утверждать определенно, который из этих конфликтов назревает более стремительно, а потому и должен разрешиться в первую очередь—довольно рискованно. Несмотря на всю серьезность японо-американских отношений, серьезность, усугубленную недавней победой японофильских группировок в Китае, говорить о неизбежности в ближайшем же будущем японо-американской войны преждевременно. Америка не меньше Японии боится этой войны, ибо, даже в случае победы, она вряд ли выиграет. По крайней мере Великобритания сделает все от нее зависящее, чтобы ничего подобного не случилось. Вашингтон прекрасно отдает себе отчет в этом, и потому, вряд ли, поддастся английской провокации. Соединенные Штаты занимают в настоящее время столь исключительно благоприятное положение, столь уверенно идут к мировой гегемонии, что без толку торопиться, сгоряча пускаться на рискованные авантюры им никакого расчета нет. Можно поэтому ожидать, что если даже вооруженное столкновение между ними и Японией неизбежно, то нападающей стороной придется быть Японии. Трудно, однако, полагать, чтобы японские миллитаристы легко решились на подобный шаг.

Посмотрим теперь, как обстоит дело с двумя другими конфликтами: англо-американским и конфликтом между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Нет, конечно, ничего удивительного в том, если Англия Болдуина страстно желает, чтобы Америка возглавила на Дальнем Востоке крестовый поход всего империалистического блока против Советского Союза. Не отказывалась сотрудничать с Великобританией в анти-большевистской кампании и даже в течение последних двух-трех лет, являясь в Пекине душою заговора, направленного против русско-китайского сближения. Америка, однако, не выказывает большой склонности marcher jusqu'au bout, а тем более жертвовать из-за своего антибольшевизма своими непосредственными интересами. Ибо не надо забывать: если оставить в стороне неизбежное, как и непримиримое соперничество за влияние между миром социализма, олицетворяемым Союзом Советских Республик, и миром империализма, наиболее ярко представляемым в настоящее время, Соединенными Штатами Америки и временно стать на точку зрения «реальной политики», на точку зрения «грубых материальных интересов» сегодняшнего дня, то, собственно говоря, ни о каком грозном конфликте между русскими и американскими интересами говорить не приходиться. Как ни парадоксально это должно звучать

ному воображению иностранных журналистов и дипломатов всерьез уже рисуется картина того, как Ху Тин-и, забрав Хупэй, соединится с «гоминдановской армией» Тан Ен-кайя, продвигающейся к северу и т. об. Гуандун «цитадель китайского большевизма» через провинции Киански, Хупэй, Хонан, Чжили, Чахар, Суйюань и Внешнюю Монголию, войдет в непосредственный контакт с Советским Союзом. За чем неизбежно, мол, последует выступление Фэн Ю-сиана и падение Туановского правительства. Перспектива настолько катастрофическая, что иностранные резиденты Тьяньцзина, Шанхая, Ханькоу и др. открытых портов поднимают знамя восстания против—дипломатического корпуса и, прежде всего, против американской и английской дипломатии, ничего, якобы, не предпринимающей, чтобы предотвратить надвигающуюся катастрофу.

«Согласно всем сообщениям, идущим из Северного Китая, как и согласно местным слухам, читаем мы в «North China Daily News», положение в Пекине таково, что все говорит за образование в скором времени правительства Фэн Ю сиана—Сун Ят-сена с решительными анти-договорными, если только не совершенно большевистскими тенденциями. На этом основании Шанхай весьма склоняется к тому, чтобы, вопреки условностям и приличиям, потребовать отчет у дипломатического корпуса в том, что он думает предпринять».

Приходится ли удивляться, если «взоры всех иностранных колоний» с надеждой и тоской обращаются к спешно возвращающемуся из Вашингтона доктору Шурману. Неужели и перед лицом столь грозных событий Америка будет продолжать «миндальничать», «разводить сантименты» и «заниматься демагогией», отгораживаясь от «трезвой политики Великобритании». Так рассуждали накануне приезда американского посланника не только англичане и французы, но и американские business men. «Вновь увидеть в Пекине д-ра Шурмана, писала американская «China Weekly Review», ободряющим образом действует на всех американцев и на весьма многих китайцев... Великие державы попали в положение, когда они вынуждены занять определенную позицию, поддержать и усилить в Китае консервативные и мыслящие элементы, или же им придется стушеваться и позволить радикалам, тайно поддерживаемым Москвою, свести на нет договоры и пинком ноги выставить из Китая Великие Державы со всеми их интересами». Как видите, даже для американского органа, вопрос прежде всего идет не о поддержании чжилийцев против аньфуистов и чжан-зо-линов'цев, а о поддержании «консервативных и мыслящих элементов», не о том, как сократить Японию, но о том, как пресечь «зловредное влияние Москвы». Таким образом, если судить по настроениям местных империалистов и их прессы, то на очереди дня стоит как-будто не японо-американский конфликт, еще менее разрыв англо-американского блока, но крестовый поход всех Великих Держав, возглавляемых Америкой против Советского Союза и «китайских радикалов».

«У нас снова единый фронт в Пекине, и если общей политике, которая, без сомнения, рассматривалась в различных Foreign offices, дать шефство и руководство, то можно будет произвести некую созидательную работу»...

Но вот, однако, и долгожданный доктор Шурман со своей декларативной речью, но такой, что уже цитированный нами солиднейший британский орган даже отказывается в первый день комментировать ее, боясь выдать свое волнение и негодование. Подумайте! Вместо решительного окрика или, по крайней мере, суровой нотации с точным указанием тех кар, которые ожидают Китай в случае, если он не образумится, не порвет с большевизмом, не прекратит «бессмысленной агитации» за уничтожение священных договоров,—полились сладкие речи о том, что американский народ поражен обширностью китайской территории, обилием ее естественных богатств, количеством китайского населения, поражен благородством и древностью китайской цивилизации, поражен успехами Китая в агрикультуре и коммерции, как и его прошлым рекордом в области государственного управления и т. д. и т. п. Но это еще с пол-беды. Чорт с ним. Почему бы и не снять шляпы перед прошлым Китаем, если дело идет о противопоставлении его Китаю современному. Китаю сегодняшнего дня, заслуживающему лишь бичей и скорпионов. Но тогда, спрашивается, зачем американскому посланнику вести столь церемонную и утонченно вежливую полемику с Сун Ят-Сеном, зачем стараться отгородиться, во что бы то ни стало, от «империалистических держав», зачем доказывать, что и Америка не меньше «иных прочих» желает освобождения Китая из-под иностранной опеки, стоит за уничтожение всех неравноправных договоров с тою, мол, лишь разницей, что тогда как те же самые «иные прочие» чересчур спешат и потому рекомендуют революционный метод, Америка стоит за «эволюционный метод», и, наконец, зачем подливать масло в огонь, заявляя:

«Америка надеется, что как только китайское правительство почувствует под собою прочную основу и об'единит всю страну, оно возьмет на себя выполнение всех тех правительственных функций, которые согласно договорам лежат в настоящее время на иностранцах».

В то время, как, благодаря непрекращающейся «гражданской войне», железнодорожное сообщение совершенно парализовано, когда наиболее важные торговые порты оказываются изолированы от всей страны, и иностранная торговля несет колоссальные убытки, заверять в такое время китайцев, что «мы не должны удивляться, если в такой краткий срок как 12 лет, Китай не успел произвести фундаментальной перестройки правительственной системы»—не значит ли поощрять их на «дальнейшую анархию, на дальнейшую блокаду иностранцев и на окончательный подрыв иностранной торговли». Вообще вся речь американского посланника есть, по мнению иностранных business men'ов, ни что иное, как капитуляция Америки перед большевистским Китаем.

«В Китае наблюдается резкое революционное настроение, сказывающееся как в китайской прессе, так и в публичных выступлениях китайских лидеров. Мы, державы, должны считаться с этим настроением и пойти на уступки, иначе мы рискуем потерять все, что имеем». Так был резюмирован смысл речи Шурмана местными иностранными кругами, в том числе и английскими, чьи расчеты «спекульнуть» на большевистской опасности и заставить Соединенные Штаты солидаризироваться с китайской политикой Великобритании, политикой

жией достигнуто соглашение относительно общей политики в Китае. Всем также известно, что недавний визит генерал-губернатора Индокитая г. Мерлина в Японию открыл новую эру в наших экономических сношениях с французской Кохинхиной. Кокинхина же граничит с Юннанем, а Юннань вместе с прилегающими к нему Куэйчжоу и Сычуанем содержат колоссальное количество сырья. Если Франция использует свое право на постройку жел. дорог в этих провинциях, громадные ресурсы последних будут открыты для цивилизованного мира, при чем, проектируемая линия весьма близко подойдет к границе провинции Шанси... Все вышесказанное еще не означает, что мы во что бы то ни стало требуем союза с Францией или же предлагаем последней вместе с Японией повести наступление против Англии и Америки. Мы желаем лишь обратить внимание общественного мнения на экономическую ценность южного Китая и на тот факт, что национальная политика Франции диктует ей сотрудничество с Японией».

Насколько эти претенциозные планы осуществимы—другой вопрос, во всяком случае, самый факт существования их указывает на желание Японии и впредь саботировать решения Вашингтонской конференции и продолжать следовать своей традиционной политике, политике «сфер влияния» и «специальных интересов».

Если для британского империализма осуществление американских планов «об'единения и умиротворения» Китая еще не смерть, то во всяком случае такой серьезный удар, который бесповоротно сведет Mistress of Asja на второстепенные роли. Вот почему фактически и Великобритания не менее Японии делает все от нее зависящее, чтобы превратить, так наз., Договор Девяти Держав, являющийся, как бы отправным пунктом, в борьбе Америки за гегемонию в Восточной Азии, в пустую громкую декларацию, по существу, ни к чему ее не обязывающую.

Как относится Вашингтон к этому упорному саботажу его дальневосточной политики, можно отчасти судить по декларативной речи Шурмана, а еще лучше по недавнему выступлению адмирала Фелпса Of. U. S. Havy, чьи прямолинейные заявления служат лучшим раз'яснением и дополнением к словам американского посланника.

«Будет плачевно,—заявил адмирал,—если Договор Девяти Держав не увидит ратификации. Это покажет, что терпеливые усилия Америки достигнуть единодушия в Дальневосточной проблеме путем соглашательства и сотрудничества оказались тщетными. Нельзя поэтому порицать Америку, если она самостоятельно придет на помощь Китаю. Порицать придется те державы, которые в настоящий момент так горячо стоят за Лигу Наций. Последнее обстоятельство лишь доказывает, что, по существу, действия Лиги Наций рассчитаны лишь на то, чтобы еще более усилить и обогатить крупные державы на счет слабых народов... Сотрудничество в дальневосточных делах ведет к продолжительному миру, отказ в этом сотрудничестве, отказ от ратификации Договора Девяти Держав неизбежно ведет к войне».

Резюмируя все вышесказанное, приходится констатировать, что поскольку о создавшейся ситуации на Дальнем Востоке можно судить из Пекина, наиболее примечательной чертой ее является стремительно выросшее влияние Союза Советских Республик. Самим об'ективным ходом вещей рост этого влияния непосредственно сказывается на усилении и оформлении китайского национального движения, что, разумеется, volens nolens ставит союз в острый конфликт со всем империалистическим миром. В то же самое время рост китайского национального движения, заставляя все империалистические державы выступать более откровенно, резко выявляет противоречия их интересов и, таким образом, заметно ведет к обострению их взаимоотношений. На ряду с конфликтом Советского Союза с миром империализма, конфликтом, ставящим решение китайской проблемы в зависимость от решения проблемы общемировой, нарастают, таким образом, другие конфликты, из которых наиболее примечательным, если не говорить о японо-американском соперничестве, является столкновение наиболее передовой, наиболее могущественной капиталистической страны, Америки, с более отсталыми представителями капиталистического мира, продолжающими цепляться за старые «некультурные формы империализма». Возможность дальнейшего обострения этого столкновения придает особый интерес тому, как в ближайшем будущем сложатся взаимоотношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки. Если «внезапный уход» Юза еще не позволяет решительно утверждать о перемене курса американской политики к Союзу, все же дает некоторые основания предполагать, что такая перемена вероятна, особенно, если советско-японский договор сделается на-днях совершившимся фактом.

М. Т.

Брешь в Англо-Американском блоке.

Обострение борьбы за Канаду.

Англо-американский блок, без сомнения, является в настоящее время крупнейшим фактором международной политики. Согласованные выступления Англии и Америки замечаются и в Европе, и на Дальнем Востоке, и в политике по отношению к СССР и т. д.

Но все же этот блок сцементирован далеко не прочно. Фундамент его подтачивается внутренними противоречиями, которые быть может, в настоящий момент не выступают достаточно рельефно, но которые действуют беспрерывно, упорно и в прогрессирующей степени.

Для ознакомления с этой обратной стороной англо-американской медали особый интерес представляет обострившаяся англо-американская борьба за Канаду, которой теперь уделяется особое место в печати этих заинтересованных стран.

Несколько неизвестных среднему советскому читателю выдержек из печати, которые красноречиво свидетельствуют об остроте вопроса.

В «Таймсе» от 31 января с. г. мы находим сообщение из Монтреаля (центр. Восточной Канады) о приеме в честь, так наз., «делегации доброго согласия» (bonne entente delegation) из Онтарио, преследующей цель установления смычки между канадцами английского и французского происхождения. На этом приеме губернатор Кокшет заявил буквально следующее:

«В настоящий момент опасность нам угрожает не со стороны вооруженных полчищ, но со стороны того предательского неустанного идеологического наступления, ведущегося американской печатью. Она не только влияет на наши взгляды и вкусы, но постоянно напоминает нам о предметах роскоши и привлекательных сторонах нашего цветущего соседа... К тому же мы всюду имеем американские фильмы и соблазн широко распространенного радио. Мы постоянно видим по всей нашей стране вширь и вкось чужой флаг, который почти также хорошо знаком канадскому мальчику и девочке, как Юнион Джек» (британский флаг).

Но еще более откровенен на счет этой американской опасности виднейший финансист Монтреаля Меррей Вильямс. В лондонском «Сондей Экспресс» (25 янв. с. г.) он пишет:

«Все видные финансисты и деловые люди Монтреаля сходятся в том, что будущее чревато серьезной возможностью об'единения Канады с Соединенными Штатами... Всюду от одного конца страны

до другого можно слышать эти разговоры об об'единении. Огромное число известных канадцев, которые 3 месяца назад ужасались при мысли об аннексии Канады Соединенными Штатами, теперь спокойно рассматривают такую возможность».

Таковы настроения в Канаде. Неудивительно после этого, что английская печать с большой тревогой следит за развитием событий в этой составной части империи, каждодневно прощупывая эти опасные настроения, которые все острее выявляются в области дипломатических взаимоотношений между метрополией и этим беспокойным доминионом. Так, например, канадский премьер Макензи Кинг открыто саботировал созыв общеимперской конференции для улучшения связей между метрополией и колониями, предложенной Макдональдом. Далее, он дал понять, что поддерживает ирландского премьера Косгрейва в его споре с Лондоном, по поводу регистрации англо-ирландского договора в Лиге Наций. (В отличие от ирландского правительства, английское правительство высказывается против регистрации, считая, что договор заключен не между двумя равноправными сторонами, а является внутренним делом Англии).

Наблюдаются также трения между Лондоном и Оттавой по вопросу о женевском протоколе и параграфах устава Лиги Наций на счет международных конфликтов, которые эвентуально (возможно) могут повлечь за собой вмешательство Канады. В этих вопросах Канада отстаивает политику обхода таких обязательств, которые заставили бы ее выступить на стороне Англии в случае вооруженного конфликта.

Все эти трения—не случайные явления, и консервативная «Морнинг Пост» (22 янв.) совершенно права, когда она напоминает канадскому премьеру длинный список его прегрешений перед идеей неделимости империи. Она напоминает, что в 1922 г. Кинг стал вести сепаратные переговоры с Вашингтоном относительно обороны района Великих Озер (на границе Канады и С. Штатов), что принадлежит компетенции британского посла, и это дало повод «Нью-Иорк Трибюн» писать:

«Канада в ее отношениях с нашей страной (Соед. Штатами) будет практически независима и займет место, как сестра-республика».

«Морнинг Пост» напоминает далее инцидент с так наз. Халибутским договором между Соед. Штатами и Канадой о рыбной ловле (март 1923 г.), когда Канада настаивала на праве (и отстояла это право) выступать отдельно от империи. Орган «твердокаменных» консерваторов (die-hards) открыто квалифицирует такую политику, как «сепаратизм».

Но за две недели, истекшие после того, как было брошено это обвинение Канаде, положение еще более осложнилось. Следуя примеру Ирландии, Канада, совершенно не считаясь с тем, что в Лондоне уже весьма раздражены одним фактом сепаратного Халибутского договора, внесла его, в начале февраля, в Лигу Наций для регистрации не через представителя Англии, а через своего собственного. Таким образом, Канада продолжает свою политику сепаратизма, которая особенно рельефно выступила в требовании особого дипломатического представительства в Вашингтоне и, в частности, во время англо-турецкого конфликта в

1922—23 г., завершившегося Лозаннским договором. В сентябре 1922 г., когда турки угрожали силой вытеснить англичан из Константинополя и Дарданелл, явно обнаружилось, что британский империализм вовсе не может питать уверенности, что в случае военного осложнения для «страны-матушки» (mother country), дочь Канада поспешит ей на помощь... Великий миротворец Ллойд-Джордж тогда страстно желал войны с Турцией, чтобы поддержать престиж Великобритании, которому так дерзко угрожали турецкие националисты. Но загребущие руки британского империализма на этот раз оказались коротки... Доминионы—Канада в частности—не пожелали еще раз проливать кровь во славу далекого острова у берегов Европы...

Когда же дело дошло до подписания Лозаннского договора канадский премьер в телеграмме в Лондон от 24 марта 1924 г. открыто заявил:

«В виду того, что правительство Канады не было приглашено послать представителей на Лозаннскую конференцию и не участвовало в ней... мои министры не видят возможности рекомендовать парламенту одобрение мирного договора с Турцией».

Правда, Канада потом пошла на уступки, признав Лозаннский договор, но самый факт первоначального отказа весьма показателен для той «сердечности» взаимоотношений между метрополией и Канадой. (А Канада в этом смысле не составляет исключения среди доминионов).

Какова же основная причина отрыва Канады от империи и ее тяготения к Сед. Штатам? На это упомянутый Вильямс отвечает:

«На целых 4.000 миль (англ.) тянется граница Канады рядом с Соед. Штатами. Соед. Штаты процветают, Канада же, несущая ярмо тяжких налогов, печальна и подавлена. Если Канада смотрит на страну восходящего солнца и надежд (Соед. Штаты) взглядами голодной жадности, то это связано с вопросами хлеба и масла. Проще говоря: дела в Соед. Штатах хороши... а в Канаде—плохи... Страна с тяжкими налогами и дороговизной не может прочно существовать рядом со страной с низкими налогами и дешевизной. Вот где скрыта угроза аннексии Соед. Штатами».

О том же пишет английский «Экономист», посвящающий целую серию обстоятельных статей канадскому вопросу; (значит, неблагополучно в об'единенном королевстве и его заморских владениях...).

«За после-военным кризисом в Канаде не последовало такого заметного оздоровления, как в Соед. Штатах, и ее экономическая жизнь в значительной степени осталась в тени, заслоненная быстрым ростом и колоссальной торговлей ее великого соседа. Соединенные Штаты—непреодолимый соблазн для предприимчивой части канадской молодежи, потому что там они находят значительно больше возможностей, чем в своей стране... Из тех, кто имеет возможность отправиться на юг (т.-е. в Соед. Штаты), никто не остается. Стоимость жизни в Соед. Штатах не выше, чем в Канаде, а заработная плата ощутительно выше» («Экономист» 13/XII). Заметим кстати, что профессиональное рабочее движение Соед. Штатов в лице Американской федерации труда организационно связано с канадскими профсоюзами).

Об этой силе американского влияния, не менее красноречиво говорят следующие данные о торговле Канады за последние годы:

Экспорт Канады в миллионах доллар.

(Цифры округлены).

	1921	1922	1923	1924
В Соед. Штаты	561,7	304,1	380,3	441,6
В Англию	314,2	300,3	379,9	361,2

Импорт в Канаду

(в миллионах доллар.).

Из Соед. Шт.	856,1	515 9	540,9	601,2
Из Англии	213,9	117,1	141,3	153,6

Таким образом мы видим, что если канадский экспорт в Соед. Штаты не особенно значительно превышает экспорт в Англию, то американский экспорт в Канаду за последние 4 года больше, чем в 4 раза превышает английский экспорт в свой доминион. (В довоенном 1913 г. общая торговля Канады с Соед. Штатами составляла 622,4 милл доллар., а с Англией 361,7 милл. долл.).

Не менее красноречивы официальные цифры, дающие процент участия Англии в импорте Канады, на основании официальных данных. («Комюнист Ревью», февр. 25 г.).

1875 г.	1900 г.	1913 г.	1919—20 г.
49	24	20	12

Тенденция развития, точнее говоря, быстрота падения для английского империализма—прямо-таки катастрофическая. С другой стороны, американский капитал завоевывает в Канаде одну позицию за другой. Согласно официальным американским данным, внедрение американского капитала в Канаду определяется следующими цифрами:

На 1 января 1924 г. в руках американских граждан находилось канадских промышленных и др. акций 1.750 милл. долларов (больше половины стоимости всех акций), а государственных канадских облигаций—на 750 миллионов, итого $2^1/_2$ миллиарда долларов, т.-е. больше половины всех иностранных инвестиций (вкладов). Согласно данным канадского официального статистического бюро, в 1915 г. английские инвестиции составляли 1.860 миллионов долларов, а американские всего лишь—420 миллионов долларов. За 1923 г. соответствующие данные будут—для Англии—1.890 милл. долларов, а для Соед. Штатов 2.425 милл. долл. [1]).

Таким образом за восемь лет английский капитал в 1915 г., приблизительно в $4^1/_2$ раза больший американского, почти не успел захватить новых позиций, между тем, американский капитал, значительно обогнав английский, увеличился, приблизительно, в 6 раз!

[1]) The World Almanac 1925 г.

Неудивительно после этого, что «Американский Экономист» говорит об «экономическом завоевании» Канады Соед. Штатами и что английская печать бьет тревогу.

Положение с точки зрения английских интересов ухудшается еще тем, что Соед. Штаты как мощный насос выкачивают из Канады ее живую рабочую силу. Английский «Экономист» (13 дек. 1924 г.), не скрывая, что «в некоторых кругах (Канады) господствуют настроения, которые нельзя назвать иначе, как пессимизмом», приводит утверждение «Монтреал Газетт», что Канада в последние года даже не в состоянии удержать у себя всего прироста населения и теряет вследствие эмиграции в Соед. Штаты больше, чем получает от иммиграции. (Статистические данные в этой области не дают правильной картины, так как канадцы, в отличие от других иммигрантов, при в'езде в Соед. Штаты не подвергаются контролю. К тому же почти невозможен контроль на почти неохраняемой границе в 5.000 километров).

Не менее характерен для этого своеобразного переплета англо-канадско-американских отношений следующий факт: Соед. Штаты выкачивают из Канады не только ее живую силу, но и механическую гидро-электрическую энергию, играющую огромную роль в развитии Канады.

«До сих пор,—жалуется канадский корреспондент «Манчестер Гардиен» (Manch. Guardian Weekly 2/I—25), развитие водяных сил Канады было в виде исключения свободно от американского или иного внешнего влияния... Больше 700 миллионов долларов было вложено канадцами в дело развития водяных сил. Но деятельность американского капитала, заинтересованного в развитии водяных сил за последний год-два указывает на возможность изменения положения». И далее корреспондент сообщает, что американский «табачный король» Джон Б. Дюк ведет переговоры с канадскими властями об использовании для своих фабрик в Соед. Штатах водяной энергии реки Севеней и водопадов Карийлон на р. Оттаве. По этому поводу, «Монтреал Стар» поднимает тревогу: «это послужит прецендентом для подобных концессий в других важных и имеющих стратегическое значение районах... и через несколько лет мы можем увидеть огромные станции на реках Онтарио и Квебек, доставляющих энергию на пользу и для развития американской индустрии и во вред Канады».

Располагает ли Канада в достаточной степени внутренними силами, чтобы устоять против силы «гигантского магнита с юга», как выражается «Таймс» (4/II—25) в одной из серий статей, посвященной центробежным силам в Великобританской империи? На этот вопрос приходится ответить отрицательно. После 1918 г., года промышленного под'ема в Канаде, когда экспорт составлял 1.586 миллионов долларов, сумма экспорта в общем не дает прогресса; (цифры округлены; в миллионах долл.).

1919 г.	20 г.	21 г.	22 г.	23 г.	24 г.
1.268	1.286	1.210	753	931	1 058,5

Правда, каждая из этих сумм значительно превышает довоенный экспорт (1912 г.—307 миллионов долл., 1913 г.—377 милл. долл.), но удержать завоеванные во время войны позиции, Канаде вряд ли удается. Это тем более ясно, если мы вспомним, что немалая часть этих сумм попадает в карманы американских капиталистов, с целью избежания пошлин открывших уже около 2.000 отделений своих фабрик в Канаде. К тому же, перспективы канадского экспорта не особенно розовы, так как львиная доля его (в 1923 г.—407 милл. долларов из 931 милл. долл.) падает на хлеб и с.-хозяйственные продукты, для которых все труднее приходится найти рынки сбыта. «Экономисту» (17/I—25) приходится утешаться тем, что при большевиках «восстановление российского сельского хозяйства даже до довоенного уровня пойдет очень медленно и, может быть, отодвинуто на бесконечно долгое время», а это-де улучшает положение Канады. Солидные экономисты британского капитализма действительно попали пальцем в небо. Ведь, начиная с 1922 г. наша посевная площадь быстро восстанавливается и увеличившись, по сравнению с этим годом, на 30%, уже достигла 88% довоенного уровня. И если атмосферные условия будут нормальны, то мы скоро завоюем важные позиции на мировом хлебном рынке, на которой мы вышли уже в 1923 г.

Финансовое положение Канады тоже не особенно благоприятно. Бремя последствий войны сильно дает себя чувствовать. Давят налоги и, в частности, огромный дефицит огромной железнодорожной системы, соответствующей мировым экономически-стратегическим интересам английского империализма, но не внутренним интересам Канады.

Если ко всему этому еще прибавить национальные трения между канадцами французского происхождения (2,4 миллиона) и английского (2,5 миллиона), весьма острую борьбу между фермерским Западом и индустриальным Востоком, то мы убедимся, что перспективы англо-американской борьбы крайне неблагоприятны для английского империализма. Правда, последний может тешить себя тем, что и между Канадой и Соед. Штатами имеются кое-какие трения по вопросам о пошлинах на хлеба и лес. Но как раз эти трения способны усилить агрессивность Соед. Штатов, до сих пор ограничивающихся мирным проникновением в Канаду, а от такого оборота английский империализм наверно не выиграет.

Как же смотрит английская дипломатия на будущее взаимоотношений между метрополией и Канадой? Она ясно видит грозную опасность потери Канады. Она не зарывает голову в песок, считая более целесообразным смотреть опасности прямо в глаза и мобилизовать силы для борьбы с ней. Во всяком случае о ней говорят довольно открыто. Так, напр., в конце истекшего года Окланд Геддс, б. английский посол в Вашингтоне на торжественном собрании English-Speaking Union (Союз говорящих по-английски, т.-е. Союз англо-американской дружбы), под председательством лорда Бальфура, заявил:

«Влияние Америки сильно в Лондоне, но оно бесконечно сильнее в Торонто... (Канада). Доминионы смотрят на вашингтонское правительство, как на родственное... Некоторые доминионы, в частности же, те, которые расположены у Тихого океана, чувствуют, что в Вашингтоне как-то инстинктивно понимают те трудности, которые им приходится с трудом раз'яснять в Лондоне... Часто случается, что наши доминионы, обращая свои взоры к нам, не получают сочувственного ответа и тогда они

переводят свои взоры в сторону Вашингтона, а Вашингтон не лишен глаз и тоже отвечает им взглядом» [1]).

Но при чем тут, спросит читатель—союз англо-американской дружбы, «Союз, говорящих по-английски», когда тут политически говорят на разных языках, когда перед нами не дружба, а вражда, непримиримое противоречие жизненных интересов? Пусть английские империалисты вынуждены признать, что «в случае конфликта между Великобританией и Соед. Штатами, положение Канады было бы прямо невозможным (unterly impossible. «Таймс» 4/II—25), проще говоря, чреватым огромными опасностями для Англии. Но ведь английский империализм вовсе не из тех, чтобы уступать без борьбы. Так при чем же здесь союз и дружба? Но такова уже лицемерная природа империалистической конкуренции, лицемерие, окрашивающее все нынешнее англо-американское сотрудничество. Все же смешно было бы закрывать глаза на целый ряд важнейших, веских, реальных причин этого нынешнего сотрудничества (мирный дележ добычи, необходимость взаимных уступок, общая борьба с «большевистской опасностью и с национально-освободительным движением на Востоке и т. д.). Только в данной статье мы взяли тему, относящуюся к другой стороне вопроса. И достаточно нам было поднять завесу над одним только «деликатным» вопросом в области взаимоотношений между этими крупнейшими хищниками мирового империализма, и мы увидели перед собой зияющую брешь в англо-саксонском блоке. А ведь это только одна из брешей. Ведь помимо борьбы за Канаду есть борьба между фунтом и долларом, борьба за новые рынки, борьба за мировые морские пути, за военное первенство на море—словом, борьба за мировую гегемонию, к чему стремится и тот и другой империализм.

Охватить весь сложный комплекс англо-американских отношений и, поскольку это возможно, уяснить себе их будущие перспективы можно только путем об'ективного и тщательно изучения всех составных элементов этой запутанной проблемы. Не должно быть никакого предвзятого подхода. Ни переоценка, ни недооценка, а правильная, детальнейшая калькуляция, правильная международно-политическая цена нынешнего англо-американского сотрудничества.

P. S. Считаем целесообразным дополнить статью небольшой выдержкой из последнего номера «Manchester Guardian Commercial» (15. II.), полученного уж после того, как статья была написана. Уж один заголовок статьи в таком солидном экономическом органе, как «M. G. C.», ярко освещает затрагиваемые в нашей статье вопросы: «Нашествие Соединенных Штатов на Канаду». (U. S. invasion of Canada).

«Накладывают руку на крупную промышленность».

Автор статьи сэр Чарльз Пирс, цитируя официальное торговое обозрение американского министерства торговли от конца ист. года, делает вывод, что оно «должно, наконец, убедить сомневающихся в том, что есть основания для беспокойства».

Пирса особенно волнует следующий абзац в американском официальном документе: «В экономическом и общественном отношении Канада должна быть рассматриваема, как северное про-

[1]) Цитирую по „Communist Review, февр. 1925 г. М. Т.

должение Соед. Штатов, и наша торговля с Канадой, во многих отношениях, скорее представляет собою внутреннюю торговлю, а не внешнюю торговлю с другими странами».

И действительно, причина для беспокойства вполне основательная: американский империализм уже прямо третирует Канаду, как свою колонию. Но дело не в задетых патриотических сантиментах, а в упрямых фактах действительности. Сэр Пирс вынужден отметить следующие факты: «80% акций канадских автомобильных компаний находятся в руках Соед. Штатов. Захват лесной и хлопчато-бумажной промышленности принял такие размеры, что в Британской Колумбии (Зап. Канада) все крупные фабрики находятся в руках американцев. 98% продукции всей лесной промышленности экспортировано в Соед. Штаты, и лишь остаток в Великобританию... То же самое влияние Америки наблюдается во всякой отрасли канадской промышленности. Наши минеральные ресурсы потеряны для Канады и Британской империи, так как американские доллары захватили наши наиболее важные шахты. Американизация нашей индустрии имеет далеко идущее губительное влияние для отечественной торговли Канады».

И указывая на уже отмеченные в нашей статье данные о соотношении американских и английских инвестиций в Канаде и на тот факт, что «британские фунты вытесняют американские доллары сэр Пирс восклицает: That is startling!» («Это ужасно!»).

Ужасного, впрочем, тут нет ничего—обычная империалистическая конкуренция. Но зато в условиях англо-американской «дружбы» все это весьма любопытно...

М. Т.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

ЗА ЛЕНИНИЗМ. (Сборник статей. Государственное издательство. Москва. Ленинград. 1925 г. 488 страниц).

Никогда изучение ленинизма не поднималось на такую высоту, как в этот год, пережитый после смерти Ленина. Говорят, что человек не чувствует своего здоровья, когда он совершенно здоров и только потеряв его, начинает сознавать огромную его ценность. До некоторой степени это применимо к нашим отношениям к ленинизму. Пока жив был Владимир Ильич, многие не особенно заботились об изучении его литературных трудов. Знали, что нет и не будет такого серьезного общественного вопроса, на который Ленин не откликнулся бы живым словом, новой яркой мыслью, отчетливой, определенной точкой зрения. Знали, что никто так быстро и так близко не откликнется на текущие вопросы борьбы, как это сделал Ленин. И только в тот момент, когда Ленина среди нас не стало, многие очень остро почувствовали, что им не хватает знания ленинизма, что если они и теперь не узнают учения Ленина, не усвоят его, тогда ошибки почти неизбежны.

При этом надо иметь в виду, что на ряду с довольно еще сильным, сохранившимся ядром старой гвардии, на ряду с подпольщиками, прошедшими вместе с Лениным почти все стадии, все этапы борьбы за большевизм, за коммунистическую партию против всех видов оппортунизма и меньшевизма, в нашу партию, начиная с 1917 года, влились довольно значительные слои товарищей, которые истории этой борьбы не знают, сами ее не пережили, для которых теоретическое усвоение ленинизма является необходимейшим условием возможности работать с пользой для дела революции. Для многих из них годы гражданской войны, годы военного коммунизма были годами практического усвоения ленинизма, но многое для них осталось неясным, история прошлой борьбы во многом для них непонятна. То же самое следует сказать, даже еще в большей степени, о той молодежи, которая вошла и входит в наши ряды только теперь. Не следует также забывать, что в нашей партии имеется не один десяток тысяч выходцев из других партий, для которых втечение многих лет основой мышления был не ленинизм, а теории, враждебные ленинизму, которые втечение многих и многих лет вели активную борьбу с большевизмом. Если они «пришли с боями» к РКП., к ленинской партии, то не всегда можно сказать с уверенностью, что они пришли к нам, целиком отказавшись от своей прежней точки зрения.

Как бы ни было сильно влияние ленинизма в нашей партии, мы не можем, поэтому, быть уверенным в том, что в нашей собственной среде отдельные товарищи под влиянием трудных моментов нашей борьбы не сделают каких-либо серьезных отклонений от путей ленинизма, не поведут с ним борьбы; и именно потому, что мы убеждены глубочайше в том, что только на основе ленинизма мы можем выполнить стоящие перед нами задачи, законна и необходима с нашей стороны величайшая страстность в борьбе со всякой попыткой ревизии

ленинизма, подменой его какой-либо другой теорией и другой практикой. Вот почему такой страстный отпор получила и в нашей литературе и в жизни последняя попытка тов. Троцкого и отдельных троцкистов произвести такую ревизию ленинизма. Однако и теперь, после той дискуссии, которую мы имели в конце 1923 и в начале 1924 года и затем нового ее взрыва в конце 1924 года в связи с появлением книги тов. Троцкого «Уроки Октября», далеко не всем в нашей партии осталось неясным значение выступления тов. Троцкого с книгой, «которую все ждали» по выражению немецкого социал-демократического «Форвертса», органа социал-барматовцев.

Некоторым товарищам еще и теперь, кажется, что в этой дискуссии было много шума из-за пустяков. На заседании январского пленума 1925 г. ЦК РКП (б) и ЦКК РКП (б) тов. Троцкий заявляет, что он «мог бы привести в дискуссии достаточно веские, принципиальные и фактические возражения против выдвинутого обвинения именно в том, что «он преследует «цели «ревизии ленинизма», «умаления роли Ленина». И дальше: «я никоим образом не могу, однако, принять обвинения проведения мною особой линии («Троцкизма») и в стремлении «ревизовать ленинизм».

Что же это такое, однако? Выходит книга члена Политбюро ЦК «Уроки Октября». По словам тов. Троцкого в ней нет ничего из того, что ему приписывается: ни ревизии ленинизма, ни умаления Ленина, ни троцкизма, ни защиты в настоящем теории перманентной революции, ни неверного освещения роли Коминтерна и РКП в вопросах международной пролетарской революции; а вся партия, за исключением только отдельных товарищей, обрушивается на тов. Троцкого и на троцкизм, созываются всюду собрания, ведется горячее обсуждение в печати, выносятся резолюции, созывается экстренный, об'единенный пленум ЦК и ЦКК. На этом пленуме, за исключением только двух товарищей, об'единенный пленум ЦК и ЦКК выносит резкое осуждение линии тов. Троцкого и его выступления, осуждая это выступление именно как ревизию ленинизма. А тов. Троцкий со смиренным видом заявляет, что ничего такого не было и что если он «отказался, однако, от об'яснения на данной почве», то это он «сделал не только по болезни, но и потому, что «в условиях нынешней дискуссии всякое мое выступление на эти темы, независимо от содержания, характера и тона, послужило бы только толчком к углублению полемики, к превращению ее в двухстороннюю из односторонней, к приданию ей еще более острого характера». Мы считаем, поэтому, необходимым привести здесь эту краткую формулировку оценки выступления тов. Троцкого, которая сделана была январским пленумом ЦК и ЦКК на заседании 17/I—25 г.

„Т. Троцкий 1) полностью отрицает все то учение о движущих силах русской революции, которое давал Ленинизм, начиная с 1904 года, и на котором основана вся тактика большевизма в трех русских революциях; 2) выдвигает против большевистской оценки движущих сил русской революции и против ленинского учения о мировой революции свою старую теорию «перманентной революции»—теорию, которая полностью обанкротилась в трех русских революциях (а также в Польше и Германии) и которую т. Ленин не раз характеризовал, как эклектическую путаную попытку соединить мелкобуржуазный меньшевистский оппортунизм с «левой» фразой и как стремление перескочить через крестьянство; 3) пытается убедить партию, что большевизму, раньше чем стать на путь диктатуры пролетариата, пришлось «идейно перевооружиться», т. е., якобы, пришлось отказаться от ленинизма и стать на путь троцкизма; 4) проповедует теорию «рассечения» большевизма на две части:

а) большевизм до октябрьской революции 1917 г., имеющий, якобы второстепенное значение и б) большевизм с октября 1917 г., которому (большевизму), якобы, пришлось перерасти в Троцкизм, дабы выполнить свою историческую миссию; 5) самую историю октября «излагает» так, что исчезает роль большевистской партии и выдвигается на первый план роль личности самого т. Троцкого по формуле «герои и толпа», при чем версия о «мирном восстании», происшедшем будто бы еще 10 октября 1917 г., ничего общего с большевистскими взглядами на вооруженное восстание не имеет; 6) роль т. Ленина в октябрьской революции рисует крайне двусмысленно; дело изображено так, будто т. Ленин проповедывал взятие власти заговорщическим путем, за спиною Советов, и будто практические предложения т. Ленина вытекали из непонимания т. Лениным обстановки; 7) взаимоотношения т. Ленина с ЦК партии искажает в корне, изображая их, как непрерывную войну двух «держав»; т. Троцкий пытается заставить читателя поверить в эту «версию» путем опубликования (без разрешения ЦК) отрывок отдельных документов, преподносимых в ложном освещении и в искажающей правду связи; 8) рисует роль всего ЦК партии, руководящего восстанием, в таком свете, чтобы посеять глубочайшее недоверие к основному ядру партийного штаба теперь; 9) искажает важнейшие эпизоды революции с февраля по октябрь 1917 г. (апрельская и июньская демонстрация, июльские дни, предпарламент и т. п.); 10) искажает тактику Исполкома Коминтерна, пытаясь возложить ответственность на ядро его за неудачи в Германии, Болгарии, и т. п.—сея тем недоверие и к ЦК РКП и ИККИ".

* * *

Сборник «За ленинизм», в котором содержатся статьи т.т. Рыкова, Бухарина, Зиновьева, Сокольникова, Каменева, Сталина, Крупской, Бубнова, Андреева, Квиринга, Лебедева, Степанова, Куусинена, Каларова, Гусева, Мельничанского и к которому приложена статья т. Троцкого «Уроки Октября» и письмо тов. Троцкого тов. Ольминскому от 6 декабря 1921 г., является серьезным теоретическим и практическим обоснованием резолюции, принятой пленумом ЦК и ЦКК. И никому не удастся после аргументации, приведенной в статьях названных товарищей в нашей коммунистической среде защищать книгу, «которую ждали все» социал-предатели. Ни один серьезный коммунист не поверит, ознакомившись с этим сборником, заявлению т. Троцкого пленуму ЦК и ЦКК, ибо нужно было предположить, что вся партия с ума сошла и что все, начиная с ЦК и губкомов и кончая широкой партийной массой, ничего не понимают и не правы, а прав тов. Троцкий с его небольшой группой единомышленников. Тот, кто стал бы на такую точку зрения, должен был бы сделать и другой вывод: стало быть, может быть, правы и те, кто расхваливает книгу тов. Троцкого, как «книгу, которую все ждали»; стало быть, правы социал-барматовцы, расхваливая выступление тов. Троцкого. Ведь не зря же это сочувствие, ведь не маневр это только! Стоит прочесть отзывы об этой книге, об этом выступлении враждебной нам социал-демократической и буржуазной печати, чтобы понять все это. Конечно, кое-что в этих похвалах тов. Троцкого этой буржуазной печатью есть из того, что Ленин охарактеризовал «пролезанием в щель» разногласий, возникающих в нашей партии, но есть несомненно кое-что, что защищается этой буржуазной и социал-демократической печатью вполне добросовестно. Именно эта защита врагами позиции тов. Троцкого должна заставить всех сторонников РКП и большевизма особенно внимательно отнестись к мыслям, изложенным в сборнике «За ленинизм», изучить этот сборник.

* * *

Особое место в этом сборнике занимает статья тов. Крупской «К вопросу об уроках Октября»,—особое потому, что в некоторых кругах нашей партии распространялись слухи, что т. Крупская держится особого от партии мнения по вопросу о троцкизме. Когда появилась ее статья в «Правде», можно было наблюдать большую растерянность среди открытых и скрытых троцкистов, потому что статья тов. Крупской не оставляет никакого сомнения в том, что она с партией против троцкизма. При всей мягкости, с какой написана статья, она каждой строкой бьет троцкизм. Некоторые жалостливые троцкисты вначале плакались, что очень резко нападают на тов. Троцкого. Тов. Н. К. Крупская пишет по этому поводу:

„Жаловаться на это т. Троцкому не приходится. Он не первый год живет на свете, и знает, что написанная в таких тонах статья, как «Уроки Октября», должна была вызвать и соответствующий тон полемики... Не в этом дело. Дело в том, что, призывая изучать «Уроки Октября», т. Троцкий предлагает изучать их не так, как нужно. Он предлагает изучать тех или иных лиц в Октябре, роль того или другого оттенка в ЦК и т. п. А изучать надо не это.

Изучать надо прежде всего то международное положение, которое было в октябре, соотношение тогдашних классовых сил в России.

Зовет ли к этому тов Троцкий? Нет. А без глубочайшего анализа исторического момента, без учета реальных сил, их соотношения победа была бы невозможна".

«Через этот вопрос как-то перескакивает тов. Троцкий», отмечает тов. Крупская и добавляет, «марксистский анализ не являлся никогда сильной стороной тов. Троцкого. Отсюда и недооценка у него и роли крестьянства». На этом вопросе недооценки роли крестьянства тов Крупская не останавливается только потому, что об этом уже «много писалось». Как могут видеть из этого замечания товарищи, и тов. Крупская считает это обвинение против тов. Троцкого правильным.

Второе обвинение, которое выдвигает тов. Крупская, заключается в том, что «тов. Троцкий много говорит о партии, но партию-то он сводит к руководящему штабу, руководящему персоналу». Характеристика прямо убийственная для товарища, который претендует на исключительную роль защитника партийной демократии. И именно потому, что он партию сводит к руководящему штабу, именно потому «роль партии в целом, роль партийной спайки по всей линии как-раз и не понимает тов. Троцкий». «Для него партия равнозвучаща штабу. Возьмем пример: «Что такое большевизация коммунистических партий?—пишет он в «Уроках Октября».—Это—такое их воспитание, такой в них подбор руководящего персонала, чтобы они не сдрейфили в момент Октября». Эта чисто «административная» точка зрения крайне поверхностна», правильно замечает тов. Крупская.

Третий, не менее серьезный, упрек заключается в том, что «т. Троцкий не учел, и не учитывает правильно роль и значение масс». «В «Уроках Октября«,—замечает по этому поводу т. Крупская,—мы не находим призыва к изучению этой стороны Октябрьской революции. Напротив при оценке германских событий тов. Троцкий недооценивает пассивности масс».

Особенно ценно для нас то, что тов. Крупская останавливается на книжке Джона Рида. Мы знаем, что во время дискуссии на этой книжке кое-кто пытался спекульнуть. Появились довольно аляповато изданные «популярные изложения» этой книжки, в которых роль Центрального Комитета нашей партии была представлена совершенно карикатурно. Тов. Крупская поэтому об'ясняет, что «по Риду нельзя изучать исто-

дрейфят при подымающемся восстании. Ещё хуже, если дрейфят при тяжелых испытаниях революции, после взятия власти. Удержание власти на другой день революции не менее важно, чем взятие власти. Если т. Троцкий сдрейфил в период Бреста, в период тяжелых испытаний нашей революции, когда дело чуть было не дошло до сдачи власти, то он должен понять, что октябрьские ошибки Каменева и Зиновьева тут совершенно не причем".

В особенности мы обращаем внимание на оценку теории перманентной революции в статьях т.т. Сталина и Бухарина. Тов. Сталин своевременно подчеркивает, что:

„до сих пор отмечали обычно одну сторону теории перманентной революции—неверие в революционные возможности крестьянского движения, теперь для справедливости эту сторону необходимо дополнить другой стороной—неверием в силу и способности пролетариата России".

„Чем отличается—спрашивает т. Сталин—теория т. Троцкого от обычной теории меньшевизма о том, что победа социализма в одной стране, да еще в отсталой, невозможна без предварительной победы пролетарской революции в основных странах Западной Европы.

По существу дела—ничем. Сомнения невозможны—теория перманентной революции т. Троцкого есть разновидность меньшевизма".

В статье тов. Каменева «Партия и Троцкизм» товарищи найдут также достаточно яркую картину того, как тов. Троцкий «пытается убедить партию, что большевизму раньше, чем стать на путь диктатуры пролетариата, пришлось «идейно вооружиться», т.-е. якобы пришлось отказаться от ленинизма и стать на путь троцкизма». (Резолюция о выступлении тов. Троцкого. Пленум ЦК и ЦИК 17 января 1925 г.).

В статье тов. Молотова «Об уроках троцкизма», в которой тов. Молотов дает особенно яркую оценку книге тов. Троцкого «о Ленине», товарищи найдут не мало доказательств того, как и какими путями тов. Троцкий выпячивает свою собственную фигуру, заслоняя Ленина, умаляя его. Тов. Молотов анализирует картину, созданную тов. Троцким, отбрасывает кое-какие украшения и получается сопоставление, которое в очень многих из нас, читавших книгу тов. Троцкого, вызывало чувства глубокой обиды за тов. Ленина.

„После всего этого стоит взглянуть через такие очки Троцкого на вождя Октябрьской революции. Перед нами стоит не Ленин, не наш Ильич, а совершенно жалкий образ запутавшегося в событиях человека. Троцкий снисходительно, конечно, находит оправдания для Ленина: Ленин-де переоценивал догадливость врага, Ленин не имел возможности из своего подполья оценить перелома, происшедшего к этому времени в ходе революционных событий и настроений. Да к тому же, ведь, Ленин вечером 25-го октября (Троцкий прибавляет: «только теперь, вечером 25-го октября»!..) понял (понял!) «путь, каким пошли события»! Но после такого оправдания, приписанных Ленину чудовищных ошибок (конспиративное заговорщичество, захват власти партией за спиной Советов и т. п.) Ленину уже не подняться в настоящие вожди октябрьского переворота. Если судить по Троцкому—не подняться! Троцкий приготовил для него совсем другое место.

Теперь посмотрим, как по сравнению с этим Троцкий изображает свою роль в октябрьских событиях. В книге «О Ленине» об этом говорится не так ясно, как в знаменитых «Уроках Октября». В этих последних Троцкий изображает себя организатором «тихого», почти «легального», или, как он еще говорит, «сухого», вооруженного восстания 9-го октября, к которому «восстание 25-го октября имело только дополнительный характер». Оказывается, когда «мы Петроградский Совет опротестовали приказ Керенского о выводе $^2/_3$ гарнизона на фронт, мы уже вступили, фактически, в состояние вооруженного восстания. Ленин, находившийся вне Петрограда, не оценил этот факт во всем его значении, а между тем исход восстания 25-го октября был уже на $^3/_4$, если не более, предопределен в тот момент». Дальше, по Троцкому, оказывается, что мы еще за две с лишним недели до съезда Советов на $^3/_4$, если не на $^9/_{10}$ совершили октябрьский переворот.

Вот теперь перед нами полная картина, на которой нарисованы Ленин и Троцкий в октябрьские дни: один—Ленин—жалким заговорщиком, другой—Троцкий, который «на $^9/_{10}$» провел это восстание. Перед нами Ленин—неудачник «конспиративного заговора» и рядом Л. Троцкий—герой «тихого» восстания.

Легко сравнить, не трудно выбрать не только партии, но и широким беспартийным кругам!"

Какие открытия делают «Уроки Октября» тов. Троцкого?

1) Что партия наша имела в себе правое крыло. Тов. Троцкий изображает дело так: что одна часть нашей партии, по существу дела, все время вела не большевистскую, а социал-демократическую политику. В марте 1917 года тов. Троцкий писал, что «когда разразилась революция 1917 года, большевистская партия определила после небольшой внутренней борьбы свою тактику в сторону социалистической диктатуры рабочего класса». В «Уроках Октября» тов. Троцкий рисует дело совершенно не так. Выходит, что внутренняя борьба была жесточайшая, что партия не была едина. Этот вопрос достаточно широко освещен в статьях тов. Сталина «Троцкизм или ленинизм», Зиновьева «Большевизм или троцкизм», Сокольникова «Как подходить к истории Октября», Бубнова «Уроки Октября», Квиринга «Ленин, заговорщичество, Октябрь» и Бухарина «Как не нужно писать историю Октября». Мы отсылаем товарищей к этим статьям, так как они восстановляют действительную картину тех отношений, какие существовали между Лениным и Центральным Комитетом нашей партии и всей партии. Прав тов. Зиновьев, который утверждает, что, несмотря на разногласия, бывшие в нашей партии, порою чрезвычайно серьезные, у нас не было и быть не могло правого крыла. Тов. Сталин приводит дословные выдержки из протоколов заседаний Центрального Комитета от 10 и 16 октября 1917 года, которые целиком разрушают легенды, выдвинутые тов. Троцким по поводу отношений Центрального Комитета нашей партии к лозунгам восстания.

Из «Уроков Октября» мы узнаем далее, что Ленин проповедывал заговорщическую тактику и от последствий этой гибельной заговорщической тактики спас нас тов. Троцкий. Эти моменты очень хорошо освещены в статьях т.т. Каменева, Сталина, Зиновьева и Квиринга. Вся фальшь этого утверждения заключается в том, что по существу дела тов. Троцкий пытается нам подсунуть меньшевистскую теорию восстания.

В «Уроках Октября» мы находим, наконец, резкое выступление против Коминтерна, тактики Исполкома Коминтерна. Тов. Троцкий пытается возложить ответственность на ядро Исполкома Коминтерна за неудачи в Германии и в Болгарии и т. п., сея тем недоверие и к ЦК РКП и к ИККИ. По этому вопросу товарищи найдут в сборнике две исчерпывающие статьи т.т. Куусинена и Коларова. Стоит только сопоставить две цитаты, поставленные эпиграфом в статье тов. Куусинена «Неудавшееся изображение немецкого Октября», чтобы понять всю вздорность обвинений, выдвинутых тов. Троцким. По поводу этих двух разных изображений «германского Октября», данных тов. Троцким, на протяжении незначительного перерыва, тов. Куусинен задает законный вопрос: «Какое же из двух его изображений германского Октября соответствует подлинному положению вещей?» и отвечает: «полагаю ни одно из них не было правильно».

Весь сборник проникнут глубоким внутренним единством, несмотря на различный подход к теме. Сборник начинается статьей тов. Рыкова

«Новая дискуссия», в которой тов. Рыков отмечает, что «мы присутствуем при странной попытке тов. Троцкого навязать нашей партии его прошлую политическую программу. Эта попытка идет со стороны политического деятеля, который до вхождения в коммунистическую партию никогда не являлся лидером какой-нибудь массовой партийной организации». Тов. Рыков указывает на попытку небольшой группы в нашей партии произвести перегруппировку партийных сил. В 1923 году эту перегруппировку партийных сил товарищи мотивировали тем, что

„мы стоим перед близящимся потрясением червонной валюты, которая стихийно превратилась в основную валюту до ликвидации бюджетного дефицита, перед кредитным кризисом, когда Госбанк без риска тяжкого потрясения более не может финансировать не только промышленность и торговлю промышленными товарами, но и закупку хлеба для экспорта." (Записки 46-ти).

Теперь каждому ясно, к чему привела бы такая перегруппировка партийных сил, каковы были бы гибельные последствия такой перегруппировки. На этот вопрос отвечает тов. Зиновьев (стр. 143—149). Тов. Рыков, конечно, выражает мнение подавляющего большинства нашей партии, не допуская и мысли о том, чтобы «после Октября 1917 г., когда партия большевиков пришла к политической победе, и влияние ее стало международным, чтобы именно в этот период партия оказалась как-раз той организацией, которую можно наполнить терпевшим поражение во всей истории рабочего движения троцкизмом».

Особо стоит статья тов. Мельничанского. Молодым товарищам, не знающим истории вступления тов. Троцкого в нашу партию, верящим на слово заявлениям, будто бы февральская революция окончательно ликвидировала разногласия тов. Троцкого с партией большевиков, необходимо прочесть эту статью. Тов. Мельничанский рассказывает в ней, как он, приехавший из эмиграции, вскоре же связался с Центральным Комитетом нашей партии и редакцией «Правды». Еще в мае месяце 1917 года тов. Троцкий упрекал его за то, что он поспешил связаться с Центральным Комитетом. «Вы,—говорил он тов. Мельничанскому,—не знаете режима Ильича. Ильич не терпит инако мыслящих». К сожалению и до сих пор т. Троцкий остался таким инако мыслящим в нашей партии.

Наконец, необходимо обратить внимание на статью тов. Гусева «Как вооружалась революция (РКП и Красная армия)». И по этому вопросу существует достаточно много легенд, связанных с именем т. Троцкого. И в этом вопросе роль партии совершенно искажена, роль т. Ленина совершенно затушевана. Следует, поэтому, приветствовать попытку тов. Гусева осветить хотя бы отдельные моменты этой истории. Иначе получается действительно несоответствующая всей нашей марксистской линии теория об исключительном значении одного из многочисленных работников нашей партии в деле создания Красной армии, в деле обороны революции.

Следует пожелать, чтобы второе издание этой книги было бы тщательно просмотрено и лучше издано. Книга должна стать настольным руководством для всех, кто хочет изучить историю нашей партии в ее взаимоотношениях с троцкизмом. Ее следует горячо рекомендовать в особенности нашим молодым товарищам, недавно вступившим в партию. Она предостережет многих от возможных уклонов. И мы надеемся, что она поможет и тов. Троцкому не поддаваться той «неведомой силе», которая вновь и вновь влечет его «к грустным берегам» дискуссионных потоков» (из статьи тов. Сокольникова).

Ем. Ярославский.

В. АДОРАТСКИЙ. О теории и практике ленинизма (революционного марксизма) «Красная Новь» Москва 1924 г. Стр. 141.

Диалектическое единство теории и практики есть одно из основных положений методологии Маркса и Ленина.

Рождаясь из практики, являясь осмысливанием, обобщением, об'яснением ее опыта, теория стремится к «познанию истины, т.-е. познанию действительности, как она существует об'ективно», реально, практически. Теория ставит себе задачу открыть закономерность изменяющейся действительности, отыскать ее всеобщие законы и тенденции, проследить затем особенные, своеобразные формы проявления этой всеобщности на всех этапах ее развития и в каждом данном времени и месте, при всех (по крайней мере приближенно) данных связях, опосредствованиях и «возмущающих влияниях». Так практика возводится в степень познанной, переходит в научную теорию, только затем, чтобы теория могла служить практике, делать практику сознательней, уверенней, революционней. Выходя из практики, осмысливая практику, переходя в практику, теория поэтому находит, в конечном счете, свой основной критерий, свое испытание и подтверждение или опровержение именно в практике. Практика проверяет обобщения, выводы и предсказания теории, отметая все то, что не верно, извращенно отображает и об'ясняет действительность. Но зато теоретические законы и положения, выдержавшие испытание «огнем и мечом» практики, входят в ее наиболее ценный инвентарь и подымают практику на высоту сознательной и целесообразной революционной деятельности.

Недаром Ленин—величайший революционер всех эпох—говорил, что «без революционной теории не может быть революционного движения», недаром он провозгласил, что «роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией», недаром на всем протяжении своей работы он требовал изучения марксизма и большевизма и был в наше время самым передовым борцом за революционную теорию Маркса против всех и всяческих попыток замазать, исказить, опошлить ее революционный метод и содержание. Недаром, наконец, Ленин сам является величайшим и глубочайшим теоретиком нашей эпохи, развивавшим марксизм сообразно новым условиям и задачам борьбы, поднявшим его на новую современную ступень—на ступень ленинизма. Но именно Ленин еще в 1894 г. писал: «подчеркиванием необходимости важности и громадности теоретической работы социал-демократов (так тогда называлась наша партия.—*П. С.*) я вовсе не хочу сказать, чтобы эта работа ставилась на первое место перед практической (курсив Ленина.—*П. С.*)... Задача социалистов сводится к тому, чтобы быть идейными руководителями пролетариата в его действительной борьбе против действительных, настоящих врагов, стоящих на действительном пути данного общественно-экономического развития. При этом условии теоретическая и практическая работа сливаются вместе, в одну работу (курсив мой.—*П. С.*),которую так метко охарактеризовал ветеран германской социал-демократии Либкнехт словами: «Studieren, Propagandieren, Organisieren» [1]).

Итак — проверенная и проверяемая практикой передовая теория является в свою очередь необходимым неот'емлемым фактором революционной практики партии передового борющегося класса.

[1]) «Изучать, пропагандировать, организовать». Цитата взята из брошюры «Что такое друзья народа...»; собр. соч. т. I; стр. 208.

В другом месте Ленин, говоря о марксизме, выражает эту мысль следующими словами: «эта теория прямо ставит своей задачей вскрыть все формы антагонизма и эксплоатации в современном обществе, проследить их эволюцию, доказать их преходящий характер, неизбежность превращения их в другую форму и послужить, таким образом, пролетариату для того, чтобы он, как можно скорее и как можно легче, покончил со всякой эксплоатацией» (Курсив Ленина.—*П. С.*). «Следовательно,—подчеркивает Ленин,—прямая задача науки, по Марксу, это—дать истинный лозунг борьбы» [1]). (Курсив мой,—*П. С.*).

Эти слова Ильича, как и слова Маркса-Энгельса: «наша теория не догма, а руководство для действия», превосходно показывают необходимость диалектического единства теории и практики, их взаимного оплодотворения, взаимного развития. Задача теории, науки,—«дать истинный лозунг борьбы»... Но ведь освещать дорогу текущей и грядущей борьбы лучом теории, это значит прилагать эту теорию к изучению возникновения и движения новых условий, форм и особенностей, в которых общая тенденция развития в каждом данном месте и времени своеобразно проявляется и развивается. А такое изучение новых, своеобразных форм развития общего процесса и означает обогащение, развитие, новое продвижение теории, завоевание ею новых позиций. Отсюда ясно, что чем теснее теория, наука связана с революционной практикой, чем более она ей служит, тем больше практика служит теории обогащает и углубляет достижения науки.

Так стоит вопрос о единстве теории и практики у Маркса, Энгельса, Ленина. Наша партия и сильна именно тем, что она зорко блюдет единство теории и практики. И горе тому, кто в наших рядах увлекаясь «теорией» отрывает ее от революционной практики или тому, кто предается узкому делячеству и забывает высокую важность и ценность теории.

Я позволил себе несколько остановиться на вопросе о теории и практике именно потому, что на мой взгляд т. Адоратский уделяет ему недостаточно внимания в своей книжке «О теории и практике ленинизма (революционного марксизма)» [2]).

Второй вопрос, который мне хотелось бы здесь поднять и который у тов. Адоратского почти совсем не развит—это вопрос о характеристике диалектики у Вл. Ил. Ленина.

Автор в предисловии указывает, что одной из целей брошюры явилось... «дать краткую характеристику диалектики Владимира Ильича. Но ведь дать такую характеристику—это значит указать и своеобразие сферы приложения диалектики у Владимира Ильича, своеобразие, которое вызвано новой эпохой, иными условиями борьбы и т. д. Между тем, этого у автора мы как раз и не находим. Я сказал: «своеобразие

---

[1]) Собр. Сочинений т. I, стр. 238.

[2]) Кстати:—т. Адоратский написал: „. . . ленинизма (революционного марксизма)“, поставив т. о. знак равенства между этими понятиями. Это и верно и не верно. Это верно, поскольку ленинизм есть, во-первых, возврат к учению Маркса-Энгельса во всем его революционном содержании, которое эпигоны из II Интернационала замазали, извратили, одели в оппортунистическое платье. Это верно, во-вторых, поскольку Ленин целиком и полностью усвоил методологию Маркса и Энгельса и превосходно умел ею воспользоваться. Это неверно, поскольку ленинизм есть революционный марксизм новой эпохи—эпохи империализма, войн, революций и пролетарской диктатуры, и стало быть является (как это уже указывалось т.т. Бухариным, Сталиным и др.) продолжением учения Маркса-Энгельса, применением его к изучению новых условий, развитием в нем ряда новых сторон. Поэтому следовало бы сказать ленинизм—революционный марксизм эпохи краха капитализма и пролетарской диктатуры.

сферы приложения диалектики у Вл. Ил. Ленина». Не значит ли это противопоставлять диалектику Ленина диалектике Маркса, как нечто иное, противоположное? Отнюдь и ни в коем случае не значит: диалектический метод Ленина есть диалектический метод Маркса, очищенный от метафизической шелухи и грязи, которыми постарались его залепить теоретики II Интернационала, восстановленный в его марксовом, революционном понимании и примененный к теории и практике передовой партии борющегося за власть пролетариата в эпоху империализма, войн, пролетарских революций, т. е. в новую, иную эпоху, чем та, в которую работал и боролся Маркс и Энгельс.

Но именно то, что он применялся Лениным в новую эпоху, к новым, иным условиям борьбы для разрешения новых задач и т. д., именно это, наложило свою печать на приложение диалектического материализма у Ленина.

Какие же особые условия отличают эпоху и пролетарскую борьбу периода Маркса и периода Ленина? Говоря кратко—эпоха Маркса была эпоха революционного подготовления пролетариата, как класса для себя и первых его революционных самостоятельных шагов на арене исторической борьбы. Эта эпоха выковала диалектический метод Маркса и Энгельса, как единственный последовательно-революционный метод пролетарского мышления и она же перенесла центр тяжести его приложения, главным образом, на осмысливание и открытие общих законов капиталистической, т. е. исторически особенной формы общества, классовой борьбы в ней, общих условий завоевания диктатуры пролетариата и, наконец,—общих форм самостоятельной боевой организации пролетарского класса.

Чем отличается эпоха Ленина и задачи борьбы этого периода от марксовых? Во-первых, тем, что это эпоха, когда размах социальных потрясений и переворотов шире, глубже и быстрее по темпу, чем в эпоху Маркса. Во-вторых, тем, что она есть эпоха не развивающегося, как во времена Маркса, а загнивающего, распадающегося капитализма. Поэтому, в-третьих, она отличается от эпохи Маркса тем, что ставит в порядок текущего дня завоевание и укрепление диктатуры пролетариата в огне величайшей и жесточайшей и сложнейшей классовой борьбы. Таковы особенности эпохи Ленина.

Коротко говоря, эпоха Ленина есть эпоха, продолжающая революционную пролетарскую теорию, традицию и борьбу эпохи Маркса в новых, чрезвычайно сложных, исторических условиях и в иных формах.

Являясь вождем революционной партии пролетариата эпохи империализма, войн, восстаний и пролетарской диктатуры, Ленин должен был теоретически и практически руководить пролетариатом, который борется за власть, ведя за собой остальную массу угнетенных в чрезвычайно сложной обстановке, при чрезвычайно быстро меняющихся исторической ситуации и соотношении классовых сил.

Очевидно, что это все должно было неизбежно направить внимание Ленина, во-первых,—на очищение революционной теории и метода Маркса от филистерской пошлости и мещанской грязи «теории» II Интернационала, во-вторых, на умение применять метод и теорию Маркса к условиям борьбы в новую эпоху, к вопросам теории и практики борьбы пролетариата за власть.

Отсюда—разоблачение Лениным природы империализма, как разлагающегося капитализма, природу которого с.-д. так замазывали и прикрывали. Отсюда разработка вопросов о формах боевого союза пролетариата с крестьянством, об освобождении угнетенных наций, о дикта-

туре пролетариата, о Советской ее форме, о соотношении класса и партии, о боевом характере программы, тактики и организации пролетарской партии и т. д. Отсюда же у Ленина и величайшее умение пользоваться диалектикой Маркса, применяя ее к сложнейшей обстановке и задачам классовой борьбы и гражданской войны.

Важно понять, писал Ленин, что «в революционные времена об'ективная ситуация меняется так же быстро и круто, как быстро вообще течет жизнь. А мы должны суметь приспособить свою тактику и свои ближайшие задачи к особенностям каждой данной ситуации»[1]).

Нужно понять, что именно в нашу эпоху для вождя партии, борющегося за власть пролетариата, требуется величайшее умение видеть не только общие задачи, но и особенности задач каждого момента борьбы, уменье, не теряя перспективы, ориентироваться в своеобразии сложного переплета борьбы каждого данного времени и места и не просмотреть подвижных граней его, во-время ухватить, понять «главную задачу дня», чтобы лучше сманеврировать, чтобы вернее итти к цели. В такую эпоху для революционной партии передового класса «надо уметь найти в каждый данный момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену, при чем, порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты и не так глупы, как в обыкновенной, кузнецом сделанной, цепи»[2]).

«Лозунг борьбы,—говорил Ленин,—нельзя дать, не изучая со всей подробностью каждую отдельную форму этой борьбы, не следя за каждым шагом ее при переходе из одной формы в другую, чтобы в каждый данный момент определить положение, не упуская из вида общего характера борьбы, общей цели ее»[3]).

Вот почему Ленин в методе диалектического материализма особенно ценил и подчеркивал положение о конкретности истины, т.-е. о том, что истина есть закон всегда определенной, всегда особенной формы, своеобразно-общего процесса. Чтобы уметь верно осмыслить действительность, да еще так быстро и круто изменяющуюся, как в нашу эпоху, вождю партии борющегося за власть пролетариата, нужно было с величайшей силой уметь пользоваться этим положением, видя всегда общее в особенном и находя своеобразное, характерное лицо данного момента общего процесса жизни. И не даром Ленин любил повторять: «самая суть, живая душа марксизма в конкретном анализе конкретной ситуации».

В отчетливой выпуклой постановке и умении Ленина применять диалектический метод Маркса, в частности положение о конкретности истины к теории и тактике революционной партии борющегося за власть пролетариата в эпоху империализма, войн и пролетарской диктатуры заключается своеобразие применения Лениным марксовой методологии.

Я позволил себе задержаться также и на этом вопросе, ибо он в таком разрезе не затрагивается в книжке тов. Адоратского. А

[1]) «Ленинский сборник» II. «Письма издалека». Письмо III, стр. 354.
[2]) «Очередные задачи советской власти», Т. XV, стр. 223.
[3]) Т. I. Стр. 238.

между тем, нам думается, этот вопрос требовал бы внимательного изучения со стороны тов., которые занимаются вопросами ленинизма.

Что касается книжки тов. Адоратского, то она (кроме указанных крупных других упущений) в общем дает простой, наглядный, достаточный для средняка - партийца ответ на вопрос о теории и практике ленинизма. Пропуски отдельных частных вопросов, неточные выражения, скорее относящиеся к неудачным стилистическим оборотам и редакционному недосмотру и, наконец, кое - какие пропуски в библиографии важнейших произведений Ленина (напр., пропущены: «Рабочая партия и крестьянство»—«Искра» № 3, апрель 1902 г., «Аграрная программа русской с.-д.»—«Заря» № 4, август 1902 г., «Шаг вперед—два назад», Аграрная программа в русской революции 1905—1907 г. и некоторые другие) мало влияют на только что данную основную оценку книжки.

П. Сапожников.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

БОЛЬШЕВИК

№ 5–6 (21–22)

МАРТА 30

1 9 2 3

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА"

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

БОЛЬШЕВИК

25 МАРТА 5—6 (21—22)

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1 9 2 5
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
ПРАВДА

Главлит № 34352 Москва. Тираж 50.000 экз.

Типогр. изд. „Правда" и „Беднота". Кузск. мост, Серебрянич. нас., д. 23а.

К сессии расширенного Исполкома Коминтерна.

Отсутствие революционной ситуации в центре Европы, полевение английского пролетариата, обострение колониальных движений и движений национально-революционных — таковы три основные факта международной жизни.

Приток американского капитала в Германию, укрепление валюты, «оздоровление» экономической жизни вообще—есть факт, не подлежащий сомнению. Отсюда известная «стабилизация» и в области политических соотношений, т.-е. известное укрепление буржуазного режима. Правда, никакой мирной идиллии, во вкусе Гильфердинга—Каутского, не наступило. Правда, основные противоречия между великими державами нисколько не сгладились, а, наоборот, выросли. Правда, эти державы лихорадочно вооружаются, а пресловутая «Лига Наций»—венец творения капиталистического мира—превратилась уже в настоящее посмешище и жалкую декорацию «единства интересов», «единства», в которое никто не верит, за исключением симулянтов марксизма. Но в то же время безусловно верно, что «текущий момент» характеризуется известным упрочением буржуазных отношений в центре Европы.

Эта об'ективная обстановка находит свое выражение и в области соотношений **между различными общественными силами**. Революционная ситуация сопровождается обострением классовых противоположностей, усилением общественных флангов (крайней правой и крайней левой), ослаблением общественной «серединки». Так было, например, в той же Германии осенью 1923 года, когда, с одной стороны, рос фашизм, а с другой, крайне усиливалось влияние коммунистов, при одновременном падении удельного веса социал-демократии. Теперешняя обстановка «оживляет» как раз серединные партии и создает основу для «стабилизации» социал-демократического влияния внутри рабочего класса.

Это охлаждение революционной атмосферы в Европе не могло не вызвать болезненных явлений внутри Коммунистического Интернационала. За последнее время мы пережили раскол в норвежской партии, откол в шведской, небольшой откол во фран-

цузской партии, кризис в германской, очень тяжелый кризис в чехословацкой партии, дискуссию в РКП (б) и так далее. Далеко не все эти «кризисы» сопровождались уменьшением наших сил: стоит только привести пример с французской партией, которая выросла, возмужала, впервые стала чувствовать и осознавать себя, как настоящая боевая партия революционного пролетариата. Сейчас нам необходимо отметить факт болезней, критических, переломных моментов в развитии наших братских организаций.

Эти явления более чем понятны. Могучий рост коммунистического движения в предыдущие годы увлек многих в наши ряды, в том числе и многих колеблющихся: все покрывал собою шум революционного прибоя. А теперешний отлив революционной волны неизбежно вызывает ряд колебаний, «критических» настроений, у некоторых—оттенок политического разочарования. Такие «уклоны», такие пессимистические нотки слышатся у неустойчивых флангов движения. Отсюда—так называемые—«кризисы» внутри коммунистических партий.

Понять обстановку, понять, что теперь нужна особо упорная борьба за массы; понять, что теперь необходимо руководство «марксистского центра» в борьбе и против левой фразы (напр., группа Шумахера в Германии, отрицающая работу в реакционных профсоюзах) и против остатков социал-демократизма (правые в Германии, Чехо-Словакии, Франции и т. д., и т. п.); понять, что необходима умелая, выдержанная внутрипартийная линия, завоевывающая партийные массы под влияние настоящего большевизма; понять, что необходимо самое внимательное отношение к повседневной борьбе рабочего класса и увязка этой борьбы с революционными целями коммунизма,—все это является задачей компартий. Отсюда то громадное значение, которое принимает лозунг большевизации партий Коминтерна. Наша собственная, «российская» партийная дискуссия, показала, как много нужно сделать, даже нашей партии, в деле ее большевистского воспитания. Еще больше значение большевизации для иностранных компартий. Они возникли и начинали работать под общим руководством Ленина, который закладывал фундамент Коммунистического Интернационала. Но они не могли иметь такой большевистской закалки, какая необходима. Ведь, только очень немногие, сравнительно, работы В. И. переведены. А по настоящей большевистской проработке всего опыта последних лет сделано очень немного. Теперь нужно это сделать. В ряде стран мы потерпели поражение. Но разбитые армии хорошо учатся. Практика и теория большевизма, как осознанные задачи компартий, становятся теперь во весь свой рост.

Большой стратегическо-тактической задачей, прямо и непосредственно вытекающей из особенностей текущего момента, является кампания за единство международного профессионального движения—второй вопрос, который подлежит обсуждению пленума Исполкома. Эта кампания еще далеко не закончена; с известной точки зрения можно сказать скорее, что она только лишь началась. Но теперь уже ясны некоторые результаты этой кампании, теперь уже неоспорима ее величайшая революционная целесообразность. Всего несколько месяцев тому назад приходилось самым энергичным образом бороться за правильность такой тактики. А теперь она является общепризнанной в наших рядах, ибо несомненны ее крупнейшие успехи. Какие бы колебания в левеющих верхушках английских трэд-юнионов ни нашли себе место (а такие колебания отнюдь не исключены)—полевение масс британского пролетариата неоспоримо и неотвратимо. Если довольно резкое понижение революционной температуры в центре Европы не подлежит сомнению, то компенсацией, с точки зрения революции, является успешная борьба за влияние на массы островного британского пролетариата. Тем самым создаются и более прочные предпосылки для успехов в этой области на европейском континенте.

Упорная работа необходима и среди крестьян. Весь текущей период, может быть, с известной точки зрения, охарактеризован, как период бешеной борьбы за влияние на крестьянство. Роль этого последнего повсеместно выросла. Аграрный кризис потряс и взбудоражил его. Оживление здесь несомненно. Нечего уж и говорить о неслыханно важном, прямо громадном, значении колониально-крестьянских движений и движений в полуколониях, в роде Китая. Бесконечно нелепо было бы пройти мимо этого вопроса, когда на него обращает такое исключительное внимание вся буржуазия. Тут Исполком должен сказать свое решающее слово. Само собою понятно, что никакая большевизации партий не будет возможна, если компартии не будут брать всерьез этого вопроса.

Исполкому придется коснуться и нашей внутрипартийной дискуссии. В значительной мере этот вопрос уже стал интернациональным. Не только потому, что РКП является крупнейшей партией всего Коминтерна. И не только потому, что все партии уже, так или иначе, высказались по этому вопросу. И, наконец, не только потому, что правые группировки в Коминтерне всячески старались опереться на нашу оппозицию. Вопрос стоит гораздо глубже. Ибо внутри компартий имеются уклоны от большевизма, уклоны своего собственного происхождения, и тем не менее, родственные троцкизму. Большевизация партий должна состоять в идейном преодолении этих уклонов.

В развитии мировой революции произошло смещение центров: Германия несколько отходит назад, поднимается—но куда более

осторожно—Англия, развязываются события на Востоке, крепнет СССР.

Из этого нужно исходить при определении нашей тактики. Мы, ученики Ленина, знаем, что революционер не тот, кто умеет вести себя революционно только тогда, когда ярко полыхает пламя революции. Революционер тот, кто мужественно и спокойно **готовит** революцию, когда свирепствует реакция. Укрепление партий и борьба за массы, упорнейшая работа—вот наши лозунги дня. Ответить на запросы этого дня, является задачей расширенного пленума, и нет никакого сомнения в том, что на все вопросы он даст точные и недвусмысленные ответы.

А. Слепков.

Аграрно-крестьянская проблема в эпоху борьбы пролетариата за власть.

1. Социал - демократия и крестьянский вопрос в эпоху пролетарской революции.

Когда российский пролетариат, в сравнительно отсталой, аграрной стране, взял в свои руки власть, дряхлеющий идеолог международного оппортунизма Карл Каутский выступил **против** первой в мире пролетарской республики.

По мере того, как Советская власть в России укреплялась, он все более откровенно отмежевывался от социалистической революции, все более энергично старался доказать рабочим Западной Европы неприемлемость революционных методов для пролетарского движения передовых—в экономическом и культурном отношениях—стран.

Он, этот попик от лже-марксизма, договорился до того, что об'явил диктатуру пролетариата в России, как и Парижскую Коммуну, историческими аномалиями, событиями, подобных которым больше нигде и никогда быть не может [1]).

В то время как Маркс и особенно Энгельс, а с ними и все революционные марксисты, видели в Парижской Комуне прототип диктатуры пролетариата, Карл Каутский видит и в Коммуне и в Советской власти случайные исторические эпизоды. Тем хуже для Каутского и иже с ним. Тем яснее их разрыв с марксизмом. Но Каутский прошел марксистскую школу. Он пытается поэтому облечь свои положения о неприемлемости для Западной Европы методов российской революции марксистской фразеологией.

«В ряде индустриальных стран уже налицо,—пишет Каутский,—материальные и идейные предпосылки социализма в значительной степени... Но Россия не принадлежит к числу этих руководящих индустриальных стран.

То, что там теперь разыгрывается, по сути дела, является последней из буржуазных революций, а не первой из социалистических» [2]).

Основание для такого утверждения, Каутский видит в том факте, что Россия—страна мелкого производства, что большинство населения России составляет мелко-буржуазное крестьянство. Ход его рассуждений необычайно примитивен и формален.

Социализма не построишь, если большинство населения не предрасположено к социализму, если оно не имеет социалистического самосознания.

А это последнее может появиться только у пролетариев, в условиях крупного капиталистического производства.

---

[1]) «Die Diktatur des Proletariats». Wien, 1918, s. 42—43.
[2]) Там же. S. 12

Вывод из этих плоских положений совершенно ясен: социализм осуществим только в стране, большинство населения которой составляет пролетариат.

Каутский, правда, не утверждает этого категорически. Говоря об условиях зрелости страны для социализма, Каутский пишет: «Нельзя достаточно определенно сказать, будет ли это тогда, когда пролетариат образует большинство народа и как большинство провозгласит свою волю к социализму...»

Но из всех его положений этот вывод, о необходимости пролетерского большинства, следует с совершенной категоричностью.

Здесь перед нами образчик формально-логического мышления.

Диалектик-марксист обязан был бы перенести центр тяжести анализа в соотношение классовых сил, учет расположения этих сил, рассмотрение системы факторов политических позиций разных классов и социальных групп.

А Каутский занимается арифметикой. Поэтому он ничего не может понять в социальной современности.

Поэтому для Каутского пролетарская революция в стране с крестьянским большинством, в определенных условиях, при определенных сочетаниях классовых сил,—является исторической аномалией.

Если принять всерьез арифметическую методологию Каутского, то нельзя толком разобраться не только в условиях пролетарской, но и буржуазной революции.

На самом деле. Каутский твердит об об'ективных предпосылках, наличие которых должно предшествовать революции. Но о каких предпосылках?

Можно ли утверждать, что предпосылкой буржуазной революции является господство промышленно-капиталистического производства в экономической жизни страны? Если понимать это господство в формально-арифметическом смысле,—то его не было.

Если мы вспомним Великую Французскую Революцию, то мы должны определенно констатировать, что когда буржуазия стала у власти после революции,—даже тогда промышленная буржуазия не играла решающей роли в народно-хозяйственном бюджете страны. Но в реальном процессе движения, развития, промышленно-капиталистическое производство, представляющее передовую социально-экономическую систему, к которой тяготели до-капиталистические хозяйственные единицы,—несомненно определяло собою основной тип отношений.

Великая Французская Революция обеспечила условия для быстрого роста промышленного капитала.

Пролетарская революция, как это уже отмечалось т. Бухариным, принципиально отличается от буржуазной.

Буржуазные отношения вызревают внутри феодальной системы, они реально существуют и расширяются еще до буржуазной революции. Отношения социалистического типа тоже, конечно, подготовляются капитализмом, но они появляются только после социалистической революции, они реально существуют и расширяются только после установления диктатуры пролетариата. Однако, несмотря на это кардинальнейшее различие от буржуазной революции, социалистическая революция имеет с последней, между прочим, одно весьма существенное сходство.

В исходном пункте социалистического строительства, во время диктатуры пролетариата, социалистическое производство (и в применении к отдельным странам и в мировом масштабе)—с точки зрения формально-арифметической, не является господствующим, но неизбежно является таковым с точки зрения системы в движении.

Пролетарская социалистическая диктатура может существовать и укрепляться в условиях, когда ¾ и даже ⅘ населения страны составляет мелкое крестьянство, но когда решающие экономические факторы—крупная промышленность, транспорт и т. д.—находятся в руках социалистического пролетариата, когда социалистическая система шаг за шагом подчиняет себе отсталые формы хозяйства, переделывая их и включая их в себя.

Таким образом, если подходить к вопросу об об'ективных предпосылках пролетарской революции не с формально-арифметическим, а с марксистско-диалектическим методом,—то наличие значительного досоциалистического мелко-буржуазного окружения, безусловно, не исключает практической постановки вопроса о захвате пролетариатом власти.

Каутский совершенно не понимает действенного характера марксизма.

«Можно с определенностью принять, что народ дотоле не созрел для социализма, доколе большинство народных масс противостоит враждебным социализму» [1]). Революционный марксист должен ставить вопрос не так.

Дело не в том, чтобы до пролетарской революции склонить непролетарские трудящиеся массы, раньше всего крестьянство, на сторону социализма. Задача заключается в том, чтобы мобилизовать эти массы против капитала, или, по крайней мере, нейтрализовать их к моменту пролетарской революции.

Крестьянство не имеет и не может иметь социалистической идеологии, но оно в своей массе эксплоатируется капиталом и потому может поддержать — при правильной политике компартии—пролетариат, совершающий революцию против капитала.

С методологией Каутского нельзя никак понять того бесспорного об'ективного факта, что колониально-крестьянское движение в наши дни является мощным фактором антикапиталистической пролетарской мировой революции.

Каутский, вообще, не ставит перед собой проблему крестьянства: при его постановке вопроса об условиях пролетарской революции эта проблема просто отметается.

В стране, население которой насчитывает значительные массы крестьянства, пролетарская революция невозможна—вот вывод из теоретических положений Каутского.

Но обратимся к другому видному идеологу социал-демократии Отто Бауэру [2]).

---

[1]) Там же, S. 12.

[2]) Строго говоря, Бауэр не имеет определенной точки зрения на данный вопрос. Его последние писания дают понять, что Бауэр уже сдает некоторые свои прежние позиции

Однако, разбираемый нами круг идей Отто Бауэра является попыткой наиболее аргументированной и логически-выдержанной социал демократической критики пролетарской революции, именно с крестьянского конца, почему мы и считаем необходимым остановиться, именно, на излагаемой далее концепции Отто Бауэра.

Нужно отдать должное Отто Бауэру: он подвижнее, смелее,—менее Каутского склонен закрывать глаза на факты,—хотя, конечно, тоже необычайно далек от марксизма.

Свое отношение к большевизму и революции российского пролетариата он выявил в работе: «Bolschewismus oder Socialdemokratie» [1]).

Значительно позже он затронул эту же тему в других работах, в частности в своей брошюре: «Der Kampf um die Macht» [2]).

В последней он склонен еще больше, чем в первой работе, к отмежеванию от обычной меньшевистской интерпретации Советской власти, как диктатуры кучки захватчиков, не представляющих пролетариата.

«Гегемония пролетариата над крестьянством означает в России диктатуру небольшой активной пролетарской партии над громадной политически индиферентной массой трудящихся» [3]).

Говоря в этой же самой брошюре о необходимости блока с трудящимся крестьянством, он обнаруживает, в приводимой нами цитате, полнейшее непонимание тех отношений союза между пролетариатом и крестьянством, на почве которых произошла, утвердилась и укрепляется пролетарская диктатура в России.

Но в отличие от Каутского и других социал-демократов он утверждает, что при Советской власти осуществляется диктатура «пролетарской партии», т.-е. партии, представляющей интересы пролетариата.

Это уже много для социал-демократа. Но как же это могло случиться, что «диктатура пролетарской партии» осуществилась в отсталой стране с большинством крестьянского населения? По Каутскому это вещь невозможная.

Отто Бауэр пытается, с видимыми потугами остаться на почве марксизма, об'яснить это в указанной нами работе «Bolschewismus oder Socialdemokratie?».

«Российский пролетариат мог установить свое господство в России,—пишет Бауэр,—потому что русский крестьянин только при содействии пролетариата мог получить помещичью землю.

Пролетарская революция могла и должна была победить в России, потому что только она могла полностью осуществить то, что в Западной и Средней Европе уже осуществила буржуазная революция: разрушение феодальной системы; установление буржуазного собственнического порядка в области земледелия» [4]).

Бауэр пытается даже вскрыть историческую закономерность этого явления.

«Буржуазная революция находит крестьянство, которое мятежничает против феодализма. Она может поставить себе на службу элементарную силу этого крестьянства и посредством ее сломать старый режим. Но буржуазная революция находит это крестьянство на обусловленном феодализмом культурном уровне, т.-е. в состоянии варварства. Поэтому крестьянство, хотя оно и составляет подавляющее большинство населения, неспособно само выступить наследником старого режима.

---

[1]) «Bolschevismus oder Socialdemokratie?» Von Otto Bauer. Dritte Auflage, Wien, 1921.

[2]) Der Kampf um die Macht v. Otto Bauer. Wien, 1924.

[3]) Der Kampf um die Macht, s. 22.

[4]) «Bolschevismus oder Socialdemokratie». S. 30.

Поэтому буржуазная революция может привести к диктатуре города, т.-е. диктатуре многочисленнейших и революционнейших классов города. Она (эта диктатура) является пролетарской, если буржуазная революция впервые протекает в условиях, когда многочисленнейшим и революционнейшим городским классом является пролетариат крупной индустрии» [1]).

Всякий, кто внимательно прочитает это утверждение, сразу заметит, что Бауэр—схематик и метафизик.

Во-первых, для развития и исхода революции совершенно не безразлично, **какой** из городских классов возглавляет крестьянскую революцию.

Совершенно ясно, что если мелкая буржуазия городов эпохи Великой Французской Революции, не являющаяся носителем нового передового способа производства, не могла удержаться у власти,—то пролетариат крупной индустрии, борющийся за социализм, представляющий **передовой** способ производства в наших исторических условиях,—эту власть удержать может и удерживает, используя ее, как орудие социалистического строительства.

С другой стороны, нельзя рассматривать крестьянство так метафизически, как это делает Бауэр. Всякий понимает, что в эпоху «крупной индустрии» крестьянство уже не может находиться в том состоянии «варварства», которое было типично, скажем, для французского крестьянства конца XVIII века.

Всякий понимает, что крестьянство, пережившее полосу укрепления финансового капитала, эпоху империалистических войн, играющих крупнейшую роль в революционном воспитании трудящихся масс, эпоху классовых битв пролетариата с буржуазией,—по своему культурно-политическому облику не может быть приравнено к крестьянству конца XVIII века.

Бауэр говорит здесь о крестьянстве тех стран, в которых налицо еще гнетущее господство феодала над крестьянином. Но именно в этих странах крестьянство, втянутое в империалистическую войну, видело в последней **только** источник бедствий: оно не могло здесь даже использовать благоприятную рыночную кон'юнктуру в отношении продуктов сельско-хозяйственного производства, созданную войной,—ее использовал только помещик.

Отсюда вполне понятным является тот факт, что это крестьянство видело своего врага не только в феодале, но и в империалистической буржуазии. А эти два факта: гегемония социалистического пролетариата в революции и наличие антикапиталистических тенденций в крестьянстве—радикально меняют обстановку и перспективы революции: они создают предпосылки перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Не понимая всего, Бауэр нечаянно почти понял кое-что. Он понял, что крестьянская революция, об'ективно буржуазная сама по себе, может явиться мощным фактором победы пролетариата в борьбе за власть.

Бауэр полагает даже, что революция российского типа может иметь место в целом ряде других стран Европы: «В Италии, Румынии, в балтийских государствах, в Словакии, Боснии, воз-

---

[1]) Там же. S. 65.

можно также в Польше и Венгрии существуют теперь еще возможности такого развития» [1]).

Это замечание стыдливо снесено Бауэром в примечание. Еще бы! Какая смелость! [2]).

Правда, эта «смелость» была простой констатацией факта, потому что почти во всех странах, на которые указывает здесь Бауэр, революционное движение уже обнаружило, ко времени написания Бауэром книги, свои весьма обещающие потенции, при чем в этом движении пролетариат проявил склонность к методам и формам, похожим на таковые в российской революции. Однако, в перечислении этих стран у Бауэра мы не встречаем, напр., Германии, пережившей несколько мощных революционных встрясок.

Но здесь Бауэру окончательно изменяет его смелость.

Он еще может уступить большевикам, сравнительно, небольшие, преимущественно земледельческие страны, но зато вместе с Каутским считает непроницаемыми для коммунизма крупные капиталистические страны Западной Европы.

Ибо здесь—утверждает Бауэр—*другое* крестьянство, ибо это крестьянство решительнейшим образом настроено *против* пролетариата.

Было время, когда крестьянство являлось крупнейшей революционной *антифеодальной* силой.

В XIX веке наступает *антикапиталистическая* фаза крестьянской политики.

«Крестьянин видит теперь своего врага не столько в феодале, сколько в торговом, ростовщическом гипотечном и биржевом капитале» [3])...

Однако, эти антикапиталистические тенденции в крестьянстве использует не пролетариат, а помещик.

С половины XIX века проявляются новые тенденции развития. Начинается полоса интенсификации крестьянского хозяйства.

«Интенсификации крестьянского хозяйства,—пишет Бауэр,—содействует происшедшее во второй половине XIX века повы-

[1]) Там же. S. 76. Нам припоминается, по ассоциации сходства, как вождь российской империалистической буржуазии, Милюков, выступавший также и в роли историка России, дал военно-оборонческую «внеклассовую» теорию государства, образующего классы, но сделал оговорку, что в Западной Европе, пожалуй, государство возникло как продукт классовой борьбы. Он писал это, рассчитывая, что каждая страна найдет своего Милюкова, доказывающего, что в *его* стране все «не по-марксистски».

[2]) Карл Каутский, давший весьма лестный отзыв о книге Бауэра, счел необходимым отгородиться от последнего в этом вопросе. Он об'являет спорным это положение Бауэра. «Большевизм представляется мне,—пишет Каутский,—не продуктом особых экономических условий, которые типичны вообще для аграрного государства, в котором борющийся индустриальный пролетариат действует вместе с революционным крестьянством, а... продуктом тех исключительных условий, которые сложились *только* в России после мировой войны» («Der Kampf», Wien, juli 1920, Heft 7. Karl Kautsky. Eine Schrift über den Bolschevismus)

Следует, впрочем, отметить, что и сам Бауэр торопится заявить, что диктатура пролетариата, вынесенная на гребне крестьянской революции, не может быть прочной: она проявляет тенденции социального перерождения.

Однако, уже в 1924 г. Бауэру приходится отметить, что, вопреки его предсказанию, у власти стоит «активная... пролетарская партия». («Der Kampf um die Macht»).

[3]) Там же. S. 77.

шение мировых цен на хлеб, а также под'ем цен на скот, молоко, овощи, связанный с ростом городов и индустриальных областей.

Антикапиталистическое настроение крестьянства исчезло... Совершенно другие вопросы волнуют теперь крестьянство. Оно стремится, прежде всего, сохранить высокой цену сельско-хозяйственных продуктов посредством защитительных пошлин.

В борьбе за пошлины оно стоит рука об руку не только с крупным землевладением, но также и с нуждающейся в защитительных пошлинах крупной индустрией против городского пролетариата...

Антипролетарская фаза развития крестьянской политики отчеканивается все яснее» [1]).

Противоречия между пролетариатом и крестьянством особенно углубились за время войны, когда деревня значительно побогатела, благодаря дальнейшему повышению цен на продукты сельскохозяйственного производства.

Отто Бауэр приходит к выводу, что крестьянство является в Западной Европе силой, определенно антипролетарской, почему большевистский тип революционной борьбы—в этих странах—привиться не может. Обнаружив минутный проблеск мысли в первой части своей работы, Бауэр решительно рвет с диалектическим марксизмом, когда подводит такую теоретическую базу под предательскую социал-демократическую политику в Западной Европе.

Во-первых, он без достаточного основания разделяет так категорически антифеодальные, антикапиталистические и антипролетарские тенденции в крестьянстве на различные исторические фазы, разрывает их в историческом времени.

Поскольку в современном капиталистическом обществе имеются одновременно, сосуществуют и крупное землевладение феодального и нео-феодального типа, и буржуазия и пролетариат, и крестьянство,—постольку вопрос об об'ективной роли в классовой борьбе и о политических потенциях того или иного из этих социальных образований,—может быть разрешен только после *изучения отношений между всеми этими силами в их реально-историческом переплетении, динамики этих отношений, только после анализа всего комплекса взаимных противоречий и степени напряженности этих последних.*

А такой—единственно правильной, с марксистской точки зрения—подход разрушает всю теоретическую постройку Бауэра, сразу же опрокидывает всю его «теорию фаз».

Ибо только слепой может не видеть того факта, что крестьянин не изжил антифеодальной фазы своего развития, поскольку ему еще приходится в ряде стран (не только земледельческих, но и крупных индустриально-капиталистических—Германия, Франция, даже Англия, платить ренту помещику, в виде высокой арендной платы, платы за землю и т. д. [2]).

Ибо только идеолог социал-демократии, являющейся левым флангом на буржуазном фронте, может утверждать, что у крестьянства *уже в прошлом* его антикапиталистические тенденции.

[1]) Там же, S 77—78.

[2]) Относительно роли крупного землевладения в сельском хозяйстве различных стран—смотри данные, приведенные в «Очерках по аграрному вопросу» под ред. Варги.

Бауэр кончил писать свою книгу, когда упрямая история подарила нас явлением мировых ножниц, одним из факторов которых, несомненно, являются капиталистические тресты и синдикаты [1]).

И что весьма характерно,—коммунистические пролетарские партии выступают за снижение цен на продукты промышленности и против эксплоататорской политики индустриального капитала в отношении крестьянства [2]).

Пролетариат отнюдь не заинтересован вообще, и в эпоху пролетарских революций в частности, и в особенности—в росте капиталистических прибылей за счет деревни.

Пролетариат будет бороться за повышение своей заработной платы не за счет крестьянства, а за счет снижения прибылей капитала.

При такой политике пролетарской партии—крестьянство все больше будет выступать не антагонистом городских классов вообще, а врагом буржуазии и союзником пролетариата.

В систему этих положений следует внести еще весьма значительный корректив.

Бауэр все время говорит о крестьянстве, как о целом. Это его вторая грубейшая ошибка. Нужно не только понимать, что политические потенции крестьянства и методы идейного завоевания крестьянства пролетарской партией на свою сторону—могут быть правильно определены только при анализе взаимоотношений всех крупных классов данного общества.

Если учесть при этом и те различия в социально-экономическом положении различных слоев крестьянства, которые значительно модифицируют, только что намеченную нами, общую расстановку классовых сил, и нашу политику среди крестьянства по отношению к еще сохранившемуся крупному землевладению, то напряженность этих противоречий будет различна в отношении различных групп крестьянства.

Крупное крестьянство, применяющее наемную рабочую силу, но работающее в хозяйстве само, как правило, не нуждающееся в земле, относится враждебно и к помещику паразитарного типа и к помещику крупно-капиталистического типа. Но по мере укрепления своего экономического положения—оно все больше склонно к политическому союзу с помещиком.

Среднее крестьянство больше страдает от рантьера-помещика (и в аренде и в покупке земли) и более склонно к борьбе против последнего.

Наконец, крестьянская беднота, по вполне понятным причинам, настроена наиболее агрессивно против крупного землевладения.

Если речь идет о противоречиях с капиталом города, скажем, в вопросе о ценах, то эти противоречия имеются у всего крестьянства, потребляющего продукты промышленности.

Но если все крестьянство заинтересовано в понижении цен на продукты промышленности, то не все заинтересовано в повышении цен на продукты сельского хозяйства, ибо значительная часть бедного крестьянства вынуждена прикупать продукты питания.

С другой стороны—капиталистическая собственность об'единяет буржуазные верхи деревни и индустриальный капитал города, в то время, как деревенская беднота, эксплоатируемая сельской буржуазией, об'ективно сближается с пролетариатом.

Таким образом, отношения крестьянства к разным классам современного капиталистического общества—весьма сложны и требуют всестороннего освещения, которое может быть дано только на основе диалектического метода, а не формалистики и метафизики Бауэров.

Пролетариат должен суметь, пользуясь противоречиями между крестьянином и помещиком, между крестьянином и индустриальным капиталом города, между крестьянской беднотой и сельским эксплоататором—втянуть массы трудового крестьянства в революционную борьбу за свержение эксплоататоров, обеспечивая себе, если не прямую поддержку крестьянства, то—в худшем случае—его дружественный нейтралитет.

Но если даже отвергать возможность привлечения крестьянства на сторону пролетарской революции, то уж совсем невозможно отрицать роль сельско-хозяйственного пролетариата, как союзника индустриального рабочего класса в социалистической революции.

По мере того, как происходит капитализация сельского хозяйства, армия с.-хозяйственного пролетариата, несомненно менее сознательного и организованного, чем индустриальный пролетариат, но все более решительно выступающего против сельско-хозяйственного производства—растет и крепнет.

Даже социал-демократу трудно оспаривать этот факт.

Но Отто Бауэр предусмотрителен. Он подкован и на эту ногу. Он закрыл и этот последний путь проникновения идей революционного социализма в деревню.

«Наоборот, — пишет Бауэр, — в областях, где преобладает крупное сельскохозяйственное предприятие, которое ставит себе на службу многочисленный сельский пролетариат или крупное крестьянское производство, которое находит рабочую силу в многочисленном слое малоземельных крестьян,—индустриальный пролетариат может об'единиться в товарищество в имениях и на селе. Но здесь вырастают перед пролетарской революцией другие трудные проблемы» [1]).

---

[1]) Особенно сильно пострадали от ножниц американские фермеры. Daily Worker (I. X. 24) подсчитывает на основе официальных данных, что в течение одного года, более чем миллион разоренных фермеров, вынуждены были покинуть свои фермы и искать других занятий. За последние два года 23% фермеров из пшеничного и маисового районов—оказались банкротами.

Но пострадал, конечно, не только американский фермер. Цены на продукты сельского хозяйства упали не только по сравнению с военным, но и с довоенным временем, что не могло не отразиться на положении крестьян.

Так prof. Beckmann приводит в своей книге «Die wirtschaftlichen Beziehungen der deutschen Landwirtschaft und ihre wirtschaftliche Lage (1919—24 г.)» следующие характерные данные о покупательной силе рогатого скота в отношении к машинам:

1913		100
1923	I	64
»	VI	83
»	X	37
»	XI	92
»	XII	68
1924	I	62
»	II	63

См. также данные, приведенные в докладе тов. Бухарина о международном положении на XIII с'езде партии.

[2]) См. об этом протоколы IV конгресса Коминтерна по аграрному вопросу.

[1]) Там же, S. 80.

И Бауэр начинает распространительно об'яснять, что сельскохозяйственный пролетариат не может вступить в культурных странах на большевистский путь разрушительных действий российского пролетариата.

Он утверждает, во-первых, что революция, сопровождающаяся преодолением крупного капиталистического с.-х. предприятия, приведет к небывало резкому падению производства продуктов питания, ибо, если русское помещичье хозяйство было сравнительно отстало, то крупное сельскохозяйственное производство культурных западных стран—высокопроизводительно, и его разрушение, хотя бы временное, открывает перспективу голода.

Во-вторых, он подчеркивает более тесную связь западных культурных стран с мировым хозяйством, чем связь с последним России, которая является страной полунатурального хозяйства; революция в культурной западной стране—в силу этого обстоятельства—означает полнейшую дезорганизацию ее народного хозяйства, обусловленную потерей прежних экономических связей с другими капиталистическими странами, выпадением из системы мирового общественного разделения труда, прекращением нормальной циркуляции капитала, потерей кредитоспособности на мировом капиталистическом рынке и т. д., и т. п.

Долженствующий быть испуганным читатель должен окончательно растеряться перед последним аргументом Бауэра: разрыв мировых экономических связей означает блокаду, а это для западных культурных стран—всегда импортирующих из земледельческих стран продукты питания—убийственно: революция—это голодная смерть. Что касается рассуждений Бауэра о дезорганизации хозяйства, нарушении нормального хода капиталистического производства, то Бауэр кое в чем прав.

Революция, действительно, означает неминуемый распад системы капиталистических отношений, ибо она выражается, обязательно, в ломке последней.

Этот распад сопровождается неминуемо, более или менее кратковременным, падением производства. Но это факт sine qua non революции. Ибо даже буржуазная революция (достаточно вспомнить Великую Французскую Революцию), нарушившая на время нормальное воспроизводство дореволюционных экономических отношений, сопровождалась «издержками революции», т.-е. временным падением производства.

Но только безнадежный оппортунист, только заведомый социал-идиотик может на этом основании отвергать революцию.

Если ты стоишь на точке зрения воспроизводства капиталистических отношений, если ты стремишься укрепить капиталистический режим, если ты апологет буржуазного общества—то для тебя нормальна и естественна антиреволюционная позиция оберегания капиталистического производства, защита последнего от революционных «дезорганизаторов» его.

Но если хоть сколько-нибудь серьезно говорить о революции, то следует раз'яснять, убеждать, доказывать и твердить, что только революционная дезорганизация капиталистической системы отношений—может привести к победе социализма.

И пролетариат Западной Европы, наблюдая рост экономической силы Советского Союза, улучшение материального положения пролетариата в России, начинает понимать и поймет до конца, что предпосылкой этого социалистического под'ема является революционное нарушение «нормального» воспроизводства капиталистических дореволюционных отношений.

Чрезвычайно характерно для Бауэра и отрицание мирового характера пролетарской революции. Революция уже победила на $^1/_6$ земного шара. Победа пролетариата в одной из крупных капиталистических стран Запада—будет мощным толчком для революции в ряде других стран. Той блокады, которую испытала Советская Россия, уже не будет испытывать ни одна страна. И если Бауэр всерьез говорил о наибольшем вероятии диктатуры пролетариата в земледельческих странах, то перспективы голода при международной солидарности пролетариата—уже не могут иметь места.

Бауэр вертится, как угорь, но пролетарская революция от этого не теряет под собой об'ективной почвы: она неизбежно будет об'единять—и об'единит—вокруг себя широкие массы трудящихся.

Мы видим, таким образом, как другими логическими путями, но тою же ценою, что и Каутский,—т.-е. ценою отказа от диалектического метода Маркса—Бауэр приходит к выводу о невозможности пролетарской революции в культурных странах Запада, в которых имеются еще значительные массы крестьянства.

Социал-демократия предпочитает вести пролетариат к политической и экономической смычке с буржуазией, а не с крестьянством, в котором Каутский предлагает видеть социалистическому пролетариату «своего опаснейшего противника» [1]).

---

[1]) «Чем скорее и успешнее будет проникать социализм в область сельского хозяйства, тем легче обезоружит он своего опаснейшего противника—крестьянство». Karl Kautsky. Die proletarische Revolution und ihr Programm. 1922, Berlin. S. 305.

А. Хрящева.

Условия под'ема деревни и диференциация крестьянства.

Рост производительных сил в сельском хозяйстве продолжает итти вперед, не останавливаясь, и вступает в 4 годовщину существования. Так как рост этот происходит в условиях мелкого индивидуалистического хозяйства, то он не может не сопровождаться увеличением неравенства в экономическом положении различных слоев крестьянства. Поэтому важно оттенить, с одной стороны, те достижения, какие мы имеем в области сельского хозяйства за последние годы, когда и промышленность начинает усиливать свою производительность. Вместе с этим в развитии деревни должна наметиться новая струя—отлива избыточного населения в промышленность, что не могло иметь места в предыдущие годы. С развитием промышленности, под'ем сельского хозяйства вступает в новую фазу воздействия нэпа; с одной стороны, в самые ближайшие годы (1926—для районов, не пострадавших от голода 1921 года, и 1927—28—для пострадавших) будут исчерпаны все недосевы и хозяйство пойдет вширь только там, где возможны новые распашки (сенокосов и других угодий), а, главным образом, должно будет пойти по пути интенсификации; с другой стороны, пролетаризированное крестьянство получит возможность не держаться, во что бы то ни стало, за землю, а найдет выход в промыслах. Это, в свою очередь, повлечет развитие арендных отношений в деревне и усиление концентрации не только средств производства, но и земли. Разумеется, что все эти процессы разовьются не сразу, а по мере роста соответствующих условий.

Из статьи «Экономический под'ем деревни» в № 255 «Правды» мы видели, насколько хозяйственное оживление деревни подвинулось вперед к 1924 году. И не только количественно, по и в смысле улучшения системы полеводства, введением в севооборот и расширением площадей посева технических культур.

Как отражается этот под'ем сельского хозяйства на отношениях внутри деревни, как складываются отношения экономических групп между собою,—эту сторону вопроса мы и попробуем осветить, хотя бы в общих чертах и по отношению к наиболее уловимым характеристикам.

Прежде всего, выпукло стоит вопрос об **экономической неоднородности крестьянских хозяйств** (**диференциации**), **порождаемой отношениями рынка**. В процессе товаризации хозяйства эта неоднородность усиливается: одни хозяйства продают продукты их производства, другие продают рабочую силу; одни покупают продукты сельского хозяйства,—другие покупают рабочую силу. Эти функции различных групп крестьянства, в значительной мере, обусловливаются **размером производства**, размером хозяйства, будет ли этот размер измеряться полеводством или скотоводством—все равно. Им (размером) определяется не только характер хозяйства в тот или другой момент, но и характер самой эволюции хозяйства.

Конечно, кроме этого, характер эволюции определяется и общими условиями, например, при депрессии хозяйства (голод, война и др.), эволюция групп будет иная, чем при под'еме хозяйства или при нормальном течении производства. Это различие эволюции мы наблюдаем и сейчас между районами, пострадавшими от голода 1921 года и непострадавшими.

Как изменились группы 1920 года к 1924 году—какие хозяйства 1920 года подверглись распаду, как измельчали и какие укрупнились? Предоставим дать ответ цифрам [1]).

Группы 1920.	Непострадавшие в 1921 г. губернии (15 губ.). Число исследуемых наличных хозяйств.	Из них к 1924 году в %%. Выселились и ликвидировались	Соединились.	Разделились.	Остались без органич. изменений.	В том числе Увеличили посев.	Уменьшили посев.	С тем же посевом	Пострадавшие в 1921 г. губернии (6 губ.). Число исследуемых наличных хозяйств.	Из них к 1924 году в %%. Выселились и ликвидировались.	Соединились.	Разделились.	Остались без органич. изменений.	В том числе Увеличили посев.	Уменьшили посев.	С тем же посевом.
Без посева	3403	31,8	4,9	1,5	61,8	31,4	—	30,4	3335	53.0	5,1	1,3	40,6	25.8	—	14,8
Мелкие .	34609	5,3	2,4	6,2	86.1	60,4	16,3	9,4	15381	18,3	4,9	4,7	72,1	36,6	30,0	5,5
Средние .	25125	1,8	1,6	13,3	83,3	55,2	23,5	4,6	13876	11,9	4,0	10,5	73,6	24,8	46,6	2,2
Зажиточн.	1686	1,5	1,7	35 5	61,3	35,1	24,1	2,1	5749	12,1	4,1	16,9	66,9	9,6	56,8	0,5
Крупные .	95	—	1,1	60,0	38,9	24,2	13.6	1,1	1276	7,3	4,1	27,1	61.5	3,7	57,7	0,1
Итого . .	64918	5,4	2,2	9,5	82.9	56,2	18,4	8,3	39617	17,7	4,4	8,9	69,0	26,6	38,2	4,2

Разница в эволюции хозяйств районов заключается в том, что из голодавших губерний почти $^1/_5$ хозяйств **эмигрировала**, или **прекратила существование**, тогда как в благополучных губерниях, выселившиеся и ликвидировавшиеся составляют только 5,4 проц.; затем, в пострадавших губерниях слабее шло **дробление** хозяйств (разделы) и, наконец, здесь только 26,6 проц. хозяйств **увеличили посев** по сравнению с 1920 годом, тогда как в непострадавших губерниях соответствующая величина равняется 56,2 проц.; наоборот, уменьшили посев в пострадавшем районе 38,2 процента, в непострадавшем только

[1]) В непострадавших губ. мелкими считались хозяйства, сеющие до 2 дес. средними от 2,1 до 6 дес., зажиточными—6,1—10 дес. и крупными—свыше 10 дес. В губ. пострадавших мелкими считались сеющие до 4 дес., средними—от 4,1 до 10 дес., зажиточными от 10,1 до 25 дес. и крупными—свыше 25 дес.

18,4 проц. Это влияние голода на эволюцию хозяйства к 1924 г. уже значительно сгладилось; наиболее выпукло оно должно было сказаться в 1922 году.

Характер отличия эволюции групп хозяйств (классов)—одинаково в обоих районах, только в пострадавшем отрицательные процессы выражены сильнее, а положительные—слабее, чем в районе непострадавшем.

В нормальных условиях (непострадавший район) из беспосевщиков выселяются и ликвидируются 31,8 проц.; 1/3 из них за 4 года обзавелась посевом и меньше 1/3 осталось беспосевными. Мелкопосевщики, в большинстве случаев, увеличили посев — 60,4 проц.; только 16,3 проц. из них уменьшили посев, т.-е. стали еще мельче или совсем беспосевными. Разделы в этих двух группах практикуются в ничтожных размерах.

В таком же, примерно, положении находились и средние хозяйства непострадавших губерний, только число разделившихся хозяйств заметно возрасло,—13,3 процента.

Зажиточные и крупные хозяйства дробятся сильнее,—35,5 проц. зажиточных и 60 проц.—богатых (крупных). Остальные хозяйства этих групп увеличили посев или уменьшили, большая часть увеличила, меньшая—сократила посевы. В пострадавшем районе, наоборот, эти две группы, в большинстве случаев, сократили посев или разделились, и только очень немногие—увеличили посев.

Поскольку под'ем хозяйства выразился в увеличении посевов и скота, интересно выяснить роль различных групп, степень их участия в этом под'еме.

Взяв непострадавшие губернии, хозяйство которых развивалось в более нормальных условиях, измерим это участие в цифрах.

Группы 1920 года.	% прироста в группе.		% прироста к итогу (к общей сумме прироста).		% хозяйст в группе.
	Посева.	Рабочего скота.	Посева.	Рабочего скота.	
Беспосевные	+100	+94	3,0	15,2	3,0
Мелкие	+49,3	+4,1	38,0	78,0	50,8
Средние	+27,8	—1,2	52,8	—	42,9
Зажиточные и богатые	+19,2	+2,6	6,2	6,8	3,3
Итого	+33,0	+1,6	100	100	100

Из общей суммы прироста посева—37,387 десятин—93,8 проц. падает на первые 3 группы, главным образом, на среднюю; 78 проц. прироста рабочего скота дали мелкие хозяйства и 15,2—беспосевные. Следовательно, в под'еме хозяйства энергию развивали, главным образом, мелкие и средние хозяйства. Каждое из них или большая часть их увеличили посевы в той или иной мере, и так как именно эти группы составляли в 1920 году главную массу хозяйств—свыше 90 проц.—то вполне понятно, что они и сыграли в под'еме главную роль.

На зажиточных и богатых—3,3 проц. хозяйств—падает только 6,2 проц. общего прироста посева и 6,8 проц. прироста рабочего скота.

При определении значения той или другой группы в под'еме хозяйства не забудем, что исходным пунктом мы берем 1920 год, т.-е. год, когда натурализация, уравнивающая (нивелирующая) все хозяйства, достигла максимального выражения; хозяйства, получившие в пользование много пашен (многосемейные), засевали только потребительскую норму; именно у них накапливались недосевы за период до новой экономполитики; поэтому в группу мелких (по размеру посева) могли попасть такие хозяйства, где все другие ресурсы стояли на высшем уровне и давали возможность, при первом случае, расширить производство; другими словами, в группу мелких в 1920 году, могли попасть условно мелкие, а не абсолютно маломощные.

Только с введением новой экономполитики, потенциальная мощь этих условно мелких хозяйств могла проявиться и проявилась. Это обстоятельство сыграло большую роль в под'еме производства именно мелких хозяйств, хотя и воля к действию, и энергия к производству у них напряглась до высшего предела за период нэпа.

Усилили экономическую мощь те хозяйства, где имелись к этому средства и силы и где с расширением посева лишь пришли в равновесие все другие средства производства. Но на ряду с ними имелись и другие, где не было или было мало возможностей развить и двинуть вперед производство. Поэтому при общем под'еме хозяйства, имеется всегда известная часть хозяйств маломощных или совсем не занимающихся земледелием (беспосевных).

В результате анализированных выше процессов, сдвигов и изменений, мы имеем следующую группировку хозяйств по посеву (взяты волости непострадавших от голода губерний).

ГОДЫ.	% хозяйств.							
	Без посева.	С посевом.					Свыше 16 дес.	Итого.
		До 2 дес.	2—4 дес.	4—6 дес.	6—10 дес.	10—16 дес.		
1920	5,2	53,3	30,2	8,5	2,7	0,1	—	100
1924	3,1	45,5	32,9	12,2	5,5	0,7	0,1	100

Относительно возросли группы средних и крупных хозяйств при одновременном уменьшении беспосевных и мелкопосевных. В 1920 году мелкие хозяйства составляли более половины—53,3 проц.; теперь они составляют только 45,5 проц.; зато увеличились сильно следующие 3 группы и появились крупнопосевщики, которых в 1920 году почти не было.

Разумеется, это вовсе не значит, что вся масса хозяйств подвинулась вверх; такое соотношение групп явилось не в результате простой «подвижки вверх», а в результате ряда сложных отношений и процессов: одни выселились или ликвидировались, другие перешли в высшие группы, третьи—в низшие, а многие хозяйства раздробились и стали еще более мелкими. Но в виду того, что мы переживаем период под'ема, большинство

хозяйств все же увеличило посев, а так как выселение и ликвидация унесли хозяйства, главным образом, из беспосевных и малопосевных групп, то эти две группы стали в 1924 году значительно меньше; они были бы еще меньше, если бы сюда не перешла часть хозяйств из высших групп.

По массовым данным текущей с.-х. статистики ЦСУ, относящимся почти ко всем губерниям европейской части РСФСР, группировка хозяйств по посеву в 1924 году, по сравнению с 1923 г., имеет такой вид:

ГОДЫ.	Без посева	С посевом до 2 дес.	2.1—4	4.1—6	6.1—8	8.1—10	10.1—16	Свыше 16 дес.	Итого.
1923	5,2	45,2	29,1	11,3	4,6	2,0	1,8	0,8	100
1924	4,0	39,9	33,6	13,0	4,9	2,1	1,7	0,8	100

Даже период времени в 1 год делает разницу в группировке в 1924 году группы беспосевных и мелкопосевных относительно уменьшились, а группы средне-посевщиков—увеличились; группы самых крупных посевщиков (свыше 8 дес.) остались без перемены. Картина одна и та же: рост посевов происходит по всему фронту, исключая лишь те хозяйства, кои понижают свой экономический тип, несмотря на отношение новой экономполитики. Приводимая нами первая таблица (стр. 19), в отношении волостей 21 губернии, указывает, что такого рода хозяйств за 4 года (1920—24) получилось 18,4 проц. в непострадавшем и 38,2 проц. в пострадавшем районе. За 1 год эта величина должна быть меньше, примерно, в 4 раза, но все же она есть и будет, ибо в условиях мелкого индивидуального хозяйства слишком велико разнообразие ситуаций, сопутствующих восприятию новой экономики.

Дореволюционная эпоха давала нам увеличение числа беспосевщиков; эпоха революции сразу уменьшила их число, которое убывает и сейчас из года в год.

В этом сказалась разница условий довоенного и нашего времени, диференциации довоенной и современной. Если раньше капитализация верхов сопровождалась обнищанием низов, то теперь не имеет и не может иметь прежнего размаха ни капитализация верхов, ни обнищание низов.

Наоборот, мы имеем уменьшение из года в год групп беспосевных и мелкопосевных хозяйств, при одновременном возрастании верхушки. И это нельзя отнести целиком на эмиграцию из деревни пролетаризированного населения, так как состояние городской промышленности 1922—23 года и наличие кадра безработных в городах не допускали этого. Коллективизация же и хуторское хозяйство имела не столь широкое развитие, чтобы повлиять на эмиграцию хозяйства в целом. Да и показатели эмиграции за эти годы были не выше довоенных, а даже несколько ниже. Разницу в положении и соотношении классов в современной деревне надо отнести исключительно на условия, созданные Октябрьской революцией и дальнейшими ее завоеваниями в области земельных, политических и общественных отношений. Этому мало придают, обычно, значения, забывая, что старые условия изжиты и никогда не вернутся. Очень многие товарищи ожидали, что с введением новой экономполитики «мелкобуржуазная стихия» заживет прежней жизнью и воскресит все старые условия и отношения. Они забывают, что довоенная мощь кулацких элементов росла под знаком их экономического и политического господства в соответствии со всем режимом царской власти; беднядкие же и пролетарские слои являлись олицетворением не только полной экономической беспомощности и политического бесправия, но и политического угнетения.

Аналогии прошлого с настоящим быть не может потому, что нет старых условий. Почва для экономической диференциации сужена, и самый процесс проявляется в других формах, приводит к другим результатам. Во всяком случае маломощные слои теперь могут не являться пассивным об'ектом эксплоатации. До революции они не могли не быть этим об'ектом. Если их толкает к зависимости от богатых экономическая необходимость и теперь, то им надо помнить о других выходах, существующих теперь для маломощных—сельскохозяйственный кредит, кооперация, земледельческие коммуны, товарищества и другие формы осуществления прав бедноты.

С под'емом обрабатывающей промышленности, как мы уже указали выше, открывается новая фаза в развитии отношений новой экономполитики. Она знаменуется тем, что избыточное сельское население будет отвлекаться в промыслы. Явные симптомы этого обнаружились и в 1924 году, как видно из следующих цифр:

Районы.	% хозяйств. с промыслами.				% работников в промыслах.			
	1920 г	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1920 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Потребляющий 10 губ.	26,7	18,4	20,9	48,1	21,0	15,0	20,7	41,4
Центральн. земледельч. район (5 г.)	16,6	11,7	12,0	22,5	12,4	9,2	9,8	17,8
Пострадавшие 6 губерн.	14,8	9,1	10,6	35,5	11,2	6,8	8,3	27,8

Поворот в сторону увеличения промысловости сельского населения наметился в 1923 году, но еще очень слабо. 1924 год дает громадный рост промыслов; увеличилось и число хозяйств с промыслами и число работников, занятых в промыслах [1]).

Правда, мы еще не можем сказать наверное, какие промыслы увеличиваются,—местные или отхожие; однако, имея в виду под'ем отраслей городской промышленности, надо предположить увеличение, именно, отхожих промыслов, хотя и местные могут развиваться. В данном случае, нам интересно отметить пока факт индустриализации населения, увеличение сферы извлечения доходов в крестьянском хозяйстве из промыслов, чем, так сказать, суживается (относительно) доход от сельского хозяйства для тех

[1]) Даже допустив пропуски в регистрации промыслов за предыдущие 3 года и повсеместное улучшение этой регистрации в 1924 году, — мы все же должны признать крупное продвижение вперед промысловости крестьянства для 1924 года.

групп населения, которые извлекают доход от промыслов в большей мере, чем другие слои. Какие группы и в какой мере являются промысловыми?

Группы.	% хозяйств. с промыслами		% работников в промыслах	
	в 1920 г.	в 1924 г.	в 1920 г.	в 1923 г.
Без посева	38,2	60,0	41,5	66,3
С посевом до 2 дес. . . .	25.8	48,1	22,8	47,2
С посевом 4–6 дес . . .	21,7	28,7	15,0	21,6
С посевом свыше 10 дес. .	28,0	26,0	17,6	13,[illegible]

Совершенно аналогичные группы различно характеризуются со стороны промыслов в 1924 году и в 1920 г. Отношение промыслов к размеру хозяйства приобрело в 1924 году уже обычный свой характер: чем маломощнее земледельческое хозяйство, тем больше оно отвлекается в промыслы. В 1920 году, когда размер хозяйства не отражал всей потенциальной мощи хозяйства, промыслы по группам были не так диференцированы, как это мы видим в 1924 г. Теперь мы видим, что промысловость особенно сильно развилась в первых двух группах; в средней это развитие меньше, а высшая группа стала даже менее промысловой, чем в 1920 году.

Такое изменение отношений между промыслами и размером хозяйства весьма показательно. Оно свидетельствует об отвлечении в промыслы, именно, полупролетарских и пролетарских слоев в то время, как в высших группах хозяйственный центр тяжести еще больше перемещается в земледелие.

Таким образом, в 1924 году мы имеем не только продолжающийся под'ем сельского хозяйства в его количественном и качественном выражении, но имеем отклики со стороны сельского населения на под'ем городской промышленности. Это обстоятельство будет иметь очень важное значение для процесса диференциации, ибо поскольку маломощное население будет уходить из деревни, постольку будет иметь место сдача им земли в аренду, а следовательно, и концентрация земли в руках зажиточного крестьянства путем аренды. Эта своеобразная форма связи земледелия с промышленностью неизбежна, пока первое остается в руках мелкого индивидуального производителя. Природа же мелкого товаропроизводителя такова, что она вечно толкает его вперед по пути к увеличению производимого продукта—товара.

С этим приходится считаться именно потому, что под'ем сельского хозяйства происходит в условиях мелко-индивидуального производства, где главным, если не единственным, стимулом является получение возможно большего дохода для своего хозяйства, и его развитие выливается в стремлении мелкого хозяйства стать средним, среднего—зажиточным. Но далеко не всякое зажиточное и даже богатое крестьянское хозяйство является кулацким; современному кулаку далеко до прежнего своего собрата, как современному частному городскому торговцу далеко до прежнего «свободного» торговца. И как последнего бьет налог, так надо, чтобы и деревенского кулака бил налог. Но, разумеется, при этом необходимо разбираться в каждом отдельном случае и выяснять характер хозяйства, наличие и степень его кулацких

операций, а не выдавать за кулацкое всякое зажиточное хозяйство. Развивающее и улучшающее производство хозяйство должно стать зажиточным; противостоять этому, значит отнять стимул к под'ему миллионов хозяйств.

Поэтому совершенно прав был М. И. Калинин, сказав о политике по отношению к богатому крестьянству: «Мы должны стремиться к тому, чтобы использовать эти выросшие крестьянские хозяйства и увеличить тяжесть государственных повинностей более обеспеченных крестьянских хозяйств»... «Это увеличение тяжести, которое мы возлагаем на выросшие крестьянские дворы, не должно быть таким, чтобы оно парализовало, уменьшало стимул у середняка вырваться из середняцкого положения и сделаться более состоятельным».

Кулачество, как специфическая категория собственников-эксплоататоров на почве кредита (ростовщиков) и на почве отработочных испольных аренд, не может в наших условиях расцвести махровым цветом. Для этого нет в полной мере экономической почвы (землю имеет и может иметь всякий, а не только кулак), а главное—совсем нет почвы политической. Если бы экономика и давала возможность развития функций крупно-эксплоататорских хозяйств, то коррективы со стороны пролетарского государства отбивают к этому охоту. Не надо забывать разницы в ситуации: раньше власть была на стороне кулаков, теперь она у противоположного класса. Но тот факт, что земледелие находится в руках мелких производителей, собственников средств производства, порождает в порядке развития производительных сил неравенство этих производителей, неравенство как в земледелии, так и на почве торгового капитала. Поскольку торговлю возьмет в свои руки кооперация,—на этой почве окулачивания широкой части крестьянства не должно быть. С другой стороны, если государство берет в свои руки снабжение крестьянства кредитом и инвентарем, выбивается у кулачества и другое орудие их—эксплоатация на почве кредита и сдача в аренду инвентаря. Не приходится говорить в настоящих условиях и «о кабальных» отношениях в прежних размерах и формах. Аренда среди крестьянства существует и будет существовать, ибо она порождается не только неравенством в средствах производства и труда, но и развитием производительных сил, не позволяющим земле лежать пустующей. Но кабальных форм в прежних размерах аренда принять не может и не примет, ибо подлинные кабальные формы аренд существовали и раньше не между крестьянством и кулаками, а главным образом, между крестьянством и помещиками. По этому поводу Владимир Ильич говорил в 1899 году: «В действительности настоящими господами современной деревни являются зачастую не представители крестьянской буржуазии, а сельские ростовщики и соседние землевладельцы» (стр. 127 старого издания «Развитие капитализма»).

Условия нашего переходного хозяйства отличаются от буржуазного, между прочим, тем, что здесь плановое начало все больше и больше оттесняет анархическое, частно-предпринимательское начало. В этом гарантия того, что современное крестьянство избавляется от кабальных форм, а не идет к ним. Поскольку же и в настоящем будет иметь место отрыжка прежних отношений, постольку пролетарское государство имеет возможность всегда воздействовать на них в известном смысле и направлении.

М. Кантор.

Строительство социализма в деревне и аппарат с.-х. кооперации.

I.

Вопрос о значении аппарата с.-х. кооперации должен быть специально продуман каждым партийцем, так как в действительности он гораздо важнее и сложнее, чем кажется на первый взгляд.

Сделаем небольшое пояснение.

После предсмертной (и бессмертной) статьи Ленина о кооперации ни у кого из нас нет сомнений, что единственный и вернейший путь к социализму в деревне идет через кооперацию. Но вот, каким именно образом кооперация способна совершить это исторически грандиозное дело преобразования распыленного, отсталого крестьянского хозяйства на коллективных началах?

Некоторые товарищи, даже из числа таких, которые совсем неплохо разбираются в нашей хозяйственной политике, представляют себе дело, приблизительно, так:

Крестьяне, под влиянием нужды и слабости своего мелкого ручного производства (материальный признак) и при содействии пролетарского государства, национализированной промышленности (смычка), а также партии (идеологическая часть), переходят к кооперированию, вводят с.-х. машины и, таким образом, перестраивают весь уклад своей жизни.

В таком об'яснении есть несколько серьезных упущений здесь слишком большое место отводится идейным процессам— воздействию партии и крестьянской восприимчивости к нововведениям и оставляется совершенно без ответа основной поставленный вопрос, чисто конкретный: каким же, именно, путем, в условиях новой экономической политики, в условиях рынка, товарного обращения, может происходить обобществление крестьянского хозяйства.

Такое об'яснение грешит и против постановки вопроса, данной Лениным. В упомянутой нами статье, несколько раз повторяется следующая мысль о характере перехода деревни к социализму:

«нэп... представляет из себя в том отношении прогресс, что он приноравливается к уровню самого обыкновенного крестьянина, что он не требует от него ничего высшего»,

в другом месте:

«какое значение имеет эта кооперация... со стороны перехода к новым порядкам путем возможно более **простым, легким и доступным для крестьянина**» (подчеркнуто Лениным) и т. д.

Нетрудно заметить, что самое большое беспокойство овладевало нашим покойным вождем, когда он думал о возможных «мудрствованиях» и выкрутасах, по отношению к крестьянству, на почве перехода «к новым порядкам». Сквозь всю статью Ленина проходит красной нитью такое представление о переходе, при котором от крестьянина не требуется «ничего высшего», когда переход совершается естественнейшим порядком, приноровленным «к уровню самого обыкновенного крестьянина».

К сожалению, статья тов. Ленина слишком кратка и, естественно, в ней не исчерпаны многие кооперативные вопросы. Но в ней с большой отчетливостью дан основной подход ко всей кооперативной задаче в целом. И наше дело заключается в том, чтобы продолжить анализ кооперативного строительства, вскрывая в нем отмеченные Лениным «простые, легкие и доступные для крестьянина» пути.

В годовом обзоре работы сельскохозяйственной кооперации, данном в статье А. А. Минина («Вестник с.-х. кооперации» № 1—1925 г.), «общие линии развития» изображены следующим образом:

«И третий основной вывод (первые два вывода констатировали самое наличие эволюции и ее темп. М. К.) вытекает из фактов эволюции сельского хозяйства: особо энергичное развитие продукции и товарности технических, интенсивных культур и животноводства должно было дать почву для особо быстрого роста тех видов кооперативных организаций, которые занимаются переработкой и сбытом продуктов этих отраслей сельского хозяйства; в частности, по мере роста низовых специальных кооперативов, должны были развиваться специальные местные союзы и центры с.-х. кооперации. Действительно, если начальный период восстановительной работы с.-х. кооперации характеризуется быстрым размножением с.-х. т-в универсального типа, то в дальнейшем начинают стремительно расти различного вида специальные с.-х. кооперативы, концентрирующие свое внимание на какой-либо одной отрасли или одном продукте крестьянского хозяйства: молочные, маслодельно-сыроваренные, картофеле-терочные, семенные, животноводческие, машинные, мелиоративные, свекло-сахарные и т. д. и т. д. И в то время, как число универсальных с.-х. т-в (без кредитных функций) становится почти неподвижным, специальные кооперативы за первое, например, полугодие 1924 года показывают рост более, чем на 20%. Вполне естественно, что этот рост вызывает к жизни ряд местных специальных союзов— молочных, маслодельных, картофеле-терочных, семенных, свеклосевов, табаководов и т. д.; на 1 октября 1924 г. их насчитывалось не менее 40. Организуются, наконец, и специальные центры, которые уже достаточно известны».

Для всякого, кто знаком с основными фактами развития нашего сельского хозяйства, характер процессов, происходящих в с.-х. кооперации, не представляет решительно ничего неожиданного. В таком, именно, разрезе взята тема и А. А. Мининым, который в той же статье, несколько ранее, дает таблицу соотношения различных отраслей с.-х. продукции и сопровождает ее следующими замечаниями:

«В таблице, далее, совершенно явственно выражено значительное падение роли зерновых хлебов в общей массе с.-х. продукции (с 50,8% в 22 г. до 39,1% в 24 г.), наряду с ростом роли

технических и интенсивных растений (с 12,4 до 14%), продуктов скотоводства и птицеводства (с 27 до 33,5%) и продуктов садоводства, виноградарства и бахчеводства (с 9,8 до 13,4%). Таким образом, доля валового дохода от незерновых продуктов в 1924 году достигает 61%».

Нам кажется, что в указанных процессах, представляющих одновременно и костяк и основной фон жизни нашего сельского хозяйства и с.-х. кооперации, заключено и то важнейшее звено, за которое нам следует, в данный момент, ухватиться в своей кооперативной политике.

Мы можем теперь уже с большой определенностью утверждать, что влияние оказываемое нэпом на сельское хозяйство, заключается в том, что крестьянин вынужден постепенно увеличивать товарную часть своего хозяйства, т.-е. работу на рынок, и, соответственно этому, постепенно приспособлять свое производство к требованиям рынка. Например, к запросам нашей внутренней промышленности, требующей сырья определенных видов, или к условиям экспорта, т.-е. требованиям и вкусам иностранных потребителей наших сельских товаров. При чем мелкое хозяйство, предоставленное только своим собственным силам, как это подтверждается практикой, не в состоянии удовлетворить все требования рынка, ни со стороны качества продукта, ни в отношении себестоимости производства, и выход из положения отыскивается самим крестьянством в укрупнении производства и в применении машин.

Последнее обстоятельство имеет для нас исключительно важное значение и на нем следует несколько долее остановиться.

В капиталистических государствах переход к более совершенному производству совершается, главным образом, путем образования крупных единоличных (или акционерных, т.-е. тоже частнособственнических) сельскохозяйственных экономий, вытесняющих мелкое производство и только в небольшой части, посредством об'единения мелких хозяев в сельскохозяйственные, кредитные и прочие кооперативные товарищества. В наших советских условиях процесс укрупнения производства точно так же совершенно неизбежен, но мы стремимся направить его по второму, кооперативному, пути. Опорой для нас является национализация земли (препятствующая сосредоточению земли в частном владении), национализация промышленности (исключающая применение накопленного деревенского капитала в городском производстве) и диктатура пролетариата (вообще не симпатизирующая частному капиталу и находящая много налоговых и всяких иных способов влияния) и, что также крайне важно, чувство самосохранения мелких и средних хозяев, составляющих огромное большинство сельского населения.

Таким образом, проникновение социализма в нашу деревню может произойти не в результате того, что городские организации помогут деревне навешать электрические провода (эта помощь носит исключительно подсобный характер) и применить к мелкому производству последнее слово техники, а в результате постепенного приспособления к рынку отдельных отраслей крестьянского хозяйства. С этой точки зрения, образование специальных сельскохозяйственных товариществ и организация коллективных предприятий по обработке масла, льна, картофеля и т. п. имеет гигантское значение.

Переработка продуктов подвергается в первую очередь кооперированию под влиянием товарного обращения. Крестьянство легко идет на организацию какого-либо предприятия по обработке льна, масла, картофеля, потому что в данном случае еще не задевается его святая святых—единоличный труд и единоличное производство. Но каждый следующий шаг на пути технического прогресса, неизбежно связанный с введением машин, заставляет постепенно укрупнять, т.-е. в наших условиях кооперировать, и все остальные отрасли крестьянского хозяйства.

Теперь о понимании смычки. Когда мы говорили о работе кооперации на рынок, то здесь, собственно, и заключалась в значительной степени сущность смычки. Вернее в той степени, в какой государственная промышленность является потребителем с.-х. сырья и с.-х. продуктов и продавцом средств производства и предметов потребления. То-есть, в экономическом смысле слова, смычка рабочего класса с крестьянством в наших условиях это—процесс товарного обращения и вместе с тем об'ективный процесс преобразования крестьянского хозяйства.

Значит, дело не в «содействии», а в деловом взаимодействии. Содействие это чрезвычайно важное, но не основное обстоятельство, решающее вопрос о строительстве социализма в деревне.

Как ни просты эти выводы на первый взгляд, но они еще далеко не основательно продуманы всеми партийцами. Недостаточное понимание того, что мы в нэпе развязали об'ективные силы, действующие в желательном для нас направлении, заставляет перегибать палку, в вопросах регулирования торговли, создавать мелочную регламентацию смычки.

Поэтому для нас чрезвычайно важна популяризация политико-экономических знаний, в первую очередь в отношении процессов обращения. За время нэпа мы издали колоссальное количество литературы, писали о чем угодно, но не об этом основном звене, за которое мы должны, во что бы то ни стало, ухватиться.

Рядовой партиец, не говоря уже о широких массах рабочих и передовых крестьян, еще не вполне ясно представляет себе, каким именно образом организованной промышленности и организованного кредита постепенно подчиняет себе неорганизованное или менее организованное сельское хозяйство.

Рабочий, партиец отдают себе отчет в преимуществах нашей организации промышленности, по сравнению с буржуазной анархией производства. Но мы должны растолковать им, почему национализация, т.-е. государственная организация промышленности и кредита, позволяет нам, при правильной постановке дела, в несравненно большей степени, чем в буржуазном строе, во-первых, расширять смычку, увеличивать процесс обмена между промышленностью и сельским хозяйством; во-вторых, укреплять смычку, направлять этот процесс в сторону, выгодную также для большинства крестьянского населения, т.-е. в сторону кооперирования, коллективизации одна за другой всех отраслей крестьянского хозяйства.

Именно таким путем преобразования одной за другой различных отраслей крестьянского хозяйства, до тех пор, пока оно не будет реорганизовано целиком, и пойдет развитие социалистических предпосылок в деревне.

Только в свете такого об'яснения может быть понята мысль Ленина о кооперации в условиях нэпа: «Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения».

При известных условиях, мы можем получить в недрах сельскохозяйственной кооперации такой же об'ективный материальный процесс подготовки социализма, какой мы имеем в городе, на заводе или фабрике. Но с одной существенной разницей: на фабрике рабочий непосредственно воспитывается (партия помогает только выявлению и оформлению его убеждений) социалистом, в деревне крестьянин в массе и при кооперации остается собственником, приобретая только некоторые общественные навыки.

II.

Этот важнейший пробел, зияющий в процессе подготовки социалистических предпосылок в деревне, может нам восполнить, возместить только соответствующий рабочий аппарат кооперации. Если бы имели в разветвленной сети с.-х. кооперации достаточное количество технически подготовленных работников-коммунистов (если не по партийной принадлежности, то по своим взглядам), тогда, на ряду с усилением процесса коллективизации сельского хозяйства, мы получили бы также и направление накопленных крестьянством общественных навыков в нужную сторону.

Следующую важную услугу, которую нам может оказать аппарат сельскохозяйственной кооперации, это содействие расширению и укреплению смычки в том смысле, в каком мы этот вопрос только что излагали. Вот где содействие может быть проведено наиболее безболезненно, в соответствии с интересами крестьянства и вернее всего.

Предвосхищая образование крупных с.-х. кооперативных центров, следовательно повышение хозяйственной организованности крестьянства, тов. Крицман, в статье, помещенной во втором номере «Большевика», говорит, что в политику пролетариата должна быть включена, в качестве одной из мер,—«экономическая борьба с сельскохозяйственными капиталистами государственного и товарищеского (коллективного) крупного сельского хозяйства».

Нам кажется, что именно в условиях пролетарской власти, опирающейся на союз с крестьянством, в такой голой форме противопоставлять классовые интересы нельзя. Не только в политике, но и в экономике, и не только практически, но и, следовательно, теоретически.

Во всяком случае, если что-либо можно сделать (а по нашему безусловно можно) в смысле выбора путей, в которых были бы заинтересованы обе стороны, то в проведении политики по выбранным путям ничем незаменимую роль может сыграть аппарат сельскохозяйственной кооперации.

Насколько велико значение аппарата в кооперации, мы видели на опыте своей собственной схватки с ним после Октябрьской революции. Нам не осталось тогда ничего другого, как разогнать реакционную массу, так называемых, «старых кооператоров» и вместе с тем лишить себя возможности использования кооперации, как общественно-хозяйственной силы.

Сейчас трудно делать догадки, в каком направлении пошло бы использование сельской кооперации при доброжелательном отношении аппарата. Судя по практике отдельных губерний, в которых кооперация вела активную заготовительную работу еще в 1920 году, ее значение было бы и тогда огромно. От некоторых товарищей приходилось слушать даже такие утверждения, что, при благожелательном отношении кооперативного аппарата, вся история нашей экономической политики имела бы другой вид и другие перспективы.

Несомненно, здесь допускаются преувеличения, но в известной доле правоты отказать нельзя. В выступлениях наших вождей не раз указывалось, что углубление методов военного коммунизма происходило в результате и в меру сопротивления буржуазии. Сюда следует, очевидно, отнести и сопротивление кооперативного аппарата.

При чем, в одном отношении последствия от сопротивления кооператоров были для нас более тяжки, чем от сопротивления буржуазии. Прогнав фабриканта, мы, с помощью рабочих этого предприятия, овладевали фабрикой и производством. Ряд других обстоятельств (гражданская война, наступление германской армии, разруха, которая была до революции и вызвала ее) помешал надлежащим образом использовать отобранные фабрики. Но в кооперации тогда была исключена возможность самого овладевания производством, потому что крестьянин не склонен пустить в свое святая святых людей, недостаточно ему знакомых в качестве организаторов.

Крестьянство точно так же, как и отражающий его настроения кооперативный аппарат, проявляет в этом отношении колоссальную инерцию. Примеры могут быть лучше всего прослежены в Западной Европе. Там, сплошь и рядом, во главе крестьянской кооперации стоят от'явленные реакционеры, отнюдь не всегда выражающие политические взгляды кооперированных. Больше того. Иногда члены кооператива резко отмежевываются в политическом отношении от своих кооперативных вождей и тем не менее сохраняют их во главе организации. Даже рабочей кооперации за границей свойствен в этом отношении большой консерватизм.

Оговариваемся, что под аппаратом мы понимаем как выборные органы, так и технических работников.

III.

Сведениями о составе аппарата нашей с.-х. кооперации мы располагаем только на 1 января 1924 г. по СССР без Украины. К тому моменту вся сеть насчитывала 301 союзное об'единение и несколько менее 30.000 первичных кооперативов с числом членов до двух миллионов человек.

В союзах, на 1.581 выборное лицо, коммунистов было 765, т.-е. 48,4%. В первичной сети, на 9.072 чел. выборных, коммунистов было 824 или 9,1%.

Данные о соотношении между коммунистами и беспартийными взяты не по всем организациям, а на выборку, только по тем, которые заполнили соответствующие графы в анкетах. Но в общем и целом отражение получается правильное и «участие членов РКП в органах управления кооперативов 1-й степени колеблется от 8,3 до 10,5%» (Хозяйственная работа с.-х. кооперации. Издание Сельского союза—1924 г.).

По всему аппарату, распространяя имеющиеся средние цифры на всю сеть, мы имеем армию почти в 200.000 чел., распределяющуюся следующим образом:

	Выборных работников.	Наемных работников.	Всего.
По союзам	1.260	19.500	20.760
По коопер. 1-й ст.	80.000	94.000	174.000
	81.260	113 500	194.760

В союзах из 19.500 чел., приблизительно, одну треть следует отнести на рабочих и две трети на служащих. По первичным кооперативам из 94.000 на рабочих приходилось около 51.000 и на служащих—43.000.

Наибольшей кооперативной обработке, в смысле технической подготовленности и понимания советских задач, естественно, должны подвергнуться выборный состав и служащие, т.-е. та масса, которая фактически творит политику и практику в кооперативных организациях.

Здесь перед кооперацией встают такие трудности, которые собственными силами ей никак не разрешить. Допустим, что из 60.000 служащих 30.000 счетоводов и что продолжительность кооперативной жизни каждого счетовода равняется в среднем десяти годам. Тогда, значит, нам нужны ежегодно 3.000 новых подготовленных счетоводов.

Но, ведь, и члены правления не рождаются в своих должностях и также нуждаются в знаниях по счетоводству. Следовательно, количество потребных лиц с подготовкой в отношении счетоводства нужно считать, по крайней мере, до 5.000.

Но и это не все. Сейчас с.-х. кооперация об'единяет только до 15% крестьянских хозяйств. При нормальном же охвате количество нужных счетоводов должно повышаться в 2—3—4 и т. д. раз, вплоть до ежегодной цифры в 30.000 чел. Если же сюда присоединить увеличение количества счетоводов вследствие развертывания самой хозяйственной работы, в пределах существующих кооперативов, то цифры могут увеличиваться в неопределенной степени.

Все это не догадки досужей фантазии, а реальная нужда, больно ощущаемая на местах.

При чем, следует иметь в виду, что не всякий счетовод, хотя бы он и был технически подготовлен, представляет ценное приобретение для деревни, где счетовод, в большинстве случаев, и руководитель всей технической, а иногда и не только технической жизни сельскохозяйственного товарищества. Кооперативная грамотность здесь совершенно необходима.

Разумеется, работа должна итти одновременно в двух направлениях: подготовки нового персонала, т.-е. соответствующего обучения подрастающего поколения, и переподготовки наличного состава. Вторая часть еще может быть кое-как проделана средствами с.-х. кооперации. Первая же прямо относится к ведению органов Наркомпроса.

Нами сделан только черновой набросок программы в отношении счетоводов. Но совершенно очевидно, что должна быть разработана большая программа, предусматривающая все категории необходимых работников.

В отношении высоко-квалифицированной силы: агрономов, инструкторов, ревизоров и т. п.—также может быть сделана разбивка функций между Наркомпросом и союзами с.-х. кооперации. Приобщение агрономов к кооперативным знаниям должно производиться Наркомпросом путем соответствующей переработки важнейших дисциплин, читаемых в высших агрономических учебных заведениях. Подготовка же инструкторов и ревизоров может быть проделана союзными центрами с.-х. кооперации, располагающими теми практическими работниками, которые совершенно необходимы для правильной подготовки дела обучения, т.-е. придания ему специального практического уклона.

IV.

В аппарате с.-х. кооперации в ближайшие же годы примут участие большие массы крестьянства. Поэтому для нас чрезвычайно важно проанализировать ту среду, которая будет выделять своих представителей в аппарат.

Некоторые общие законы движения классового состава с.-х. кооперации можно вывести при сопоставлении дореволюционной практики с нынешней. В изданном Сельскосоюзом в 1924 г. сборнике «Сельскохозяйственная кооперация в системе государственного капитализма», в статье под заглавием «Социальный состав крестьянских кооперативов», приведен ряд таблиц, на основании которых сделаны следующие выводы относительно дореволюционного состава:

1) в состав крестьянских кооперативов почти на ¾ входили бедняцкие и середняцкие хозяйства;

2) в начальный период организации кооперативов коэффициент участия в них различных слоев крестьянства возрастает с ростом хозяйственной обеспеченности;

3) с течением времени и укреплением кооперации зажиточные слои отходят постепенно на второй план и растет кооперированность прочих групп.

В настоящее время классовый состав с.-х. кооперации характеризуется преобладанием середняков, сильным участием бедняцкого элемента и крайней незначительностью участия зажиточных групп. В той же статье, на которую мы только что ссылались, приведена следующая таблица, составленная по данным обследования трех губерний:

В процентах.

РАЙОНЫ.	Самарская губ.			Пермская губ.			Козловский уезд.		
	Члены товарищ.	Все население.	Коэффиц. участ.	Члены товарищ.	Все население.	Коэффиц. участ.	Члены товарищ.	Все население.	Коэффиц. участ.
Безлошадных	49,5	57,5	0 86	23,1	31,1	0,74	40	50,5	0.79
С 1 лошадью	36.7	31,1	1,18	73,4	62,1	1.18	50	47,4	1.06
С 2 лошадьми	11,7	9,1	1,25	3,3	6,4	0,52	8	2.2	4.00
С 3 лош. и более.	2,4	2 3	1,04	0 2	0,4	0,50	2	0,1	2.00
	100	100	—	100	100	—	100	100	—

«Эта таблица с полной определенностью устанавливает связь динамики социального состава общей массы крестьянских кооперативов с динамикой крестьянского хозяйства вообще. По сравнению с дореволюционным временем чрезвычайно сильно вырос % безлошадных хозяйств среди членов кооперативов, колеблясь от 23,1 до 49,5%. Высшие группы крестьянских хозяйств представлены в кооперативах чрезвычайно слабо: от 0,2 до 2,4%. На первом месте среди членов стоит группа середняков, затем идет, немного уступая ей, группа бедняцких хозяйств; обе вместе составляют не менее 97% всех членов. Зажиточный крестьянин и кулак в качестве членов кооперативов отодвинуты революцией на задний план.

Что касается коэффициента участия в кооперативах разных групп, то и здесь следует отметить весьма существенную трансформацию. Он не возрастает упорно от низших групп к высшим, а делает по Пермской и Самарской губерниям сначала восходящую, а затем падающую кривую: повышаясь для однолошадных (Самар. губ.) и двухлошадных (Пермск. губ.), для группы с 3 и более лошадьми он дает снижение. Однако, Козловский уезд резко нарушает эту картину: здесь мы видим стремительный рост коэффициента участия от низших групп к высшим, во много раз превосходящий довоенный».

При рассмотрении вопроса по специальным видам с.-х. кооперации получается та же картина. Так, классовый состав картофелетерочных товариществ Костромской губ. ярко вскрывает преобладание середняцких и бедняцких элементов:

	Члены товарищ.	Все население.
Безлошадных	24,3	31,7
С 1 лошадью	73,4	67,1
С 2 лошадьми	2,2	1,3
С 3 и более	0,1	—

По маслодельной кооперации процент участия бедноты в обследованных местах несколько ниже, но участие тех элементов, которые можно было бы причислить к кулацким, также незначительно. На вопрос, какие группы пока наиболее охотно идут в маслодельную кооперацию, дает ответ нижеследующая таблица, в которой приведен коэффициент участия разных групп населения:

Категории хоз.	РАЙОНЫ.					
	Ярославский.	Смоленский.	Старорусский.	Валдайский.	Краснохолмск.	Татарский
Бескоровные	0,10	0,05	0,21	—	0,32	0,14
С 1 коровой	0,37	0,34	0,61	1,13	0,11	0,32
„ 2 „	3,85	1,73	1,13	1,04	2,06	0,79
„ 3 „	19,50	4,89	2,07	1,23	1,14	1,80
„ 4 „ и более	20,00	7,00	1,91	1,52	1,00	6,47

Здесь картина несколько иная.

Автор цитированной статьи дает такое об'яснение этому обстоятельству:

«Активные участники артелей должны обладать определенным абсолютным минимумом коров, гарантирующим достаточную товарность молока, чтобы быть жизненно заинтересованными в их организации и работе. Вследствие этого общее понижение уровня коровности всего населения повышает коэффициент участия в артели средних и зажиточных групп: будучи сами весьма сильно понижены по своей абсолютной численности, они по степени кооперированности чрезвычайно резко «выпячиваются» на общем фоне бескоровных и малокоровных».

Нам это об'яснение представляется правильным. Дальнейшие обследования ряда губерний: Ново-Николаевской, Московской, Курской и др. подтвердили правильность приведенных выводов.

В общем можно сказать, что, хотя уровень обеспеченности кооперированного населения выше, чем некооперированного (в кооперацию идут наиболее активные в хозяйственном отношении элементы деревни), процент участия и даже коэффициент участия зажиточных слоев не грозит кулацким засильем. В сущности говоря речь может итти пока о недостаточном вовлечении кулака в кооперацию, а не о его засилии. Это, конечно, не исключает случаев индивидуального засилья кулака. Но здесь должен притти на помощь политический курс на середняка и бедняка, который позволил бы нейтрализовать влияние крупно зажиточных групп (устранять их из кооперации, если их деятельность не носит злостный характер, как известно, не предполагается). Особо важную роль в поддержке слабых элементов кооперации может сыграть производственное кредитование, которое в наших руках, вообще, может явиться могучим средством оздоровления кооперативной среды и вовлечения в с.-х. кооперацию широких масс крестьянства.

Поскольку с.-х. кооперация широко открывает двери для всех слоев населения, можно считать, что она способствует, в известной степени, сохранению однородности крестьянского хозяйства. *Участие середняка, повидимому, в ней и останется преобладающим и, очевидно, именно с середняцкой психологией нам и придется больше всего считаться при построении аппарата с.-х. кооперации.*

V.

Процент участия коммунистов в с.-х. кооперации, как мы это видели из цифр (к 1925 году процент, вероятно, несколько повысился), нельзя признать достаточным. В союзных об'единениях он держится на уровне паритета, хотя, именно, в союзах увеличение коммунистического состава может быть произведено наиболее целесообразно и безболезненно. Что же касается низовых организаций, то в них процент коммунистов определенно мал.

К первичным кооперативам следует подходить с большой осторожностью при усилении коммунистического состава. Но осторожность должна быть соблюдена, главным образом, в методах проведения коммунистов на выборные и технические должности

и в подборе товарищей из числа достаточно подготовленных и пользующихся доверием местного населения.

Из числа других групп, которые должны быть привлечены к построению аппарата, мы уже называли середняцкие слои и представителей беднейшего населения, разумеется, в меру участия каждой группы в средствах и работе товарищества. Этим наиболее заинтересованным представителям крестьянского хозяйства должно быть в максимальной степени обеспечено действительное участие в органах управления и контроля.

Затем идет беспартийная сельская интеллигенция, от которой можно требовать некоторой технической подготовленности и безусловной лойяльности, как политической, так и кооперативной. В отношении учительства нам следует широко использовать организуемые повсеместно летние курсы по переподготовке и поставить на курсах, главным образом, практическое ознакомление с интересующими местное население отраслями кооперативной работы. Об участии агрономов мы уже упоминали. Оно имеет исключительно важное значение при кооперировании производственных процессов, в широком смысле этого слова, т.-е. включая сюда семенные, случные пункты и т. п.

Наконец, в аппарате с.-х. кооперации работает довольно большое число беспартийных кооператоров, ведущих свой стаж от дореволюционных времен. Часть этих «старых кооператоров» настолько сработалась с нами, настолько ориентировалась в новых условиях, что пора окружить и их той атмосферой доверия, которую мы считаем необходимым создавать вокруг преданных специалистов. Теперешнее положение нельзя признать нормальным. Вследствие прежних трений со «старыми кооператорами» в период военного коммунизма, когда они, частью вольно, частью невольно, остались не у дел (кооперативных), по отношению к ним остался осадок недоверия. На деле это сказывается во взаимной отчужденности, особенно вредной, когда эти раобтники занимают выборные посты.

Отсюда не вытекает вывод, что у них следует учиться идеологии. Большинство работников старой кооперации—представители земской, либеральной или народнической интеллигенции, т.-е. люди со сложившимися общественными убеждениями, которые перенесены ими в кооперацию, как общественное дело.

Но в отношении идеологии мы, пожалуй, отдали бы предпочтение им перед некоторыми бывшими работниками кооперации—коммунистами, ушибленными старыми кооперативными идеями. К счастью, таких коммунистов незначительное число.

Всю эту огромную разношерстную массу аппарата нужно спаять общими идеями, вдохнуть в нее веру в творчество, энтузиазм, ибо никакое большое общественное дело не может быть сделано без, так называемого, под'ема духа. Старая кооперация умела это делать. Она развила колоссальную культурную работу, в которой принимали участие квалифицированнейшие инструктора, раз'езжавшие по всей стране. Выпускались специальные популярные журналы для разных категорий читателей, создавались библиотечки, работала теоретическая мысль. Все в одну точку...

Между тем, у нас, еще по сей день, спорят о том, должны ли кооперативные организации вести культурно-просветительную работу, не будет ли здесь, упаси боже, дублирования с издательскими и всякими другими органами, претендующими на монопольное удовлетворение всех культурных потребностей нашей, еще совершенно необслуженной, некультурной страны.

Конечно, новая идеология не должна иметь ничего общего со старой, провозгласившей кооперацию пупом земли, самодовлеющей величиной, ведущей к социализму независимо от общих хозяйственных и политических условий. Поскольку в кругах старых кооператоров такая идеология еще сохранилась, мы должны об'явить ей идейную войну, разоблачая фантазерство и оппортунизм.

Наша кооперативная идея должна быть построена исключительно на той роли, которая обеспечена кооперации в системе государственного капитализма и советской власти.

В пределах этой роли мы должны выявить и углубить стоящие перед кооперацией социалистические задачи, как реально осуществимые и осуществляющиеся, в отличие от прежних фантастических и ложных. Здесь открывается громадное поле для агитации, пропаганды, для самых разнообразных форм воздействия.

На ряду с этим должна заработать теоретическая мысль, как в среде наличных теоретиков партии, так и в высших учебных заведениях. Часть, так называемых, «старых кооператоров» приспособилась к новой обстановке и создает уже новые теории приспособленчества, нечто вроде кооперативного «сменовеховства». От всех этих теорий отдает крепчайшим запахом ревизионизма и они тем опаснее, что играют на струнках нашей середняцкой политики, избегая, конечно, глубокого экономического анализа.

Наши молодые кооперативные кадры пока самостоятельно пытаются преодолеть новое теоретическое наваждение. Но нужна авторитетная помощь партии.

Вот в каком грандиозном масштабе встает задача технической подготовки и идейной спайки аппарата с.-х. кооперации. Нам благоприятствует и самое течение процесса коллективизации и классовый состав большинства кооперируемых. Остановка за работой.

Найдутся, вероятно, умники, которые скажут: что за шум об аппарате, когда еще не разрешены хозяйственные задачи кооперации, когда еще так слаба активность крестьянства.

Все это будет болтовня. Никакие задачи и не будут разрешены без аппарата. Здесь вполне уместно сравнение с партией, в которой мы сумели с достаточной исторической наглядностью проверить значение аппарата. Создание и укрепление кооперативных штабов, больших и маленьких, должно итти, не отставая ни на шаг, параллельно с основной хозяйственной работой кооперации.

Постановления XIII с'езда и последовавшие затем мобилизации на кооперативную работу свидетельствуют о том, что партия отдала себе отчет в значении кооперативного аппарата и, нам кажется, что одним из способов исполнения принятых решений должно явиться углубление имеющихся представлений.

Е. Полюдов.

Волостной бюджет и советское строительство в деревне.

XIII партийный с'езд указал на всю хозяйственно-политическую важность скорейшего проведения в жизнь волостного (районного) бюджета. Местами проделан еще только первый опыт этой работы. Между тем, жизнь не только оправдала, но и опередила уже закон о волостном бюджете 1923 года. Узкими оказались рамки этого закона и совсем недостаточным тощий перечень доходов и расходов, передаваемый в непосредственное распоряжение волисполкомов. Неясны еще фин.-хозяйственные взаимоотношения между уездом и волостью. А, между тем, в двери волостного бюджета стучится уже село—сам «мужик»...

В обоих случаях нужна более четкая разграничительная линия в рамках местного бюджета в целом. И этот вопрос, действительно, приобретает не только финансово-хозяйственное, но и важнейшее политическое значение. Правильным построением волостного бюджета мы сможем содействовать ослаблению «элементов разобщения между городом и деревней» и уже совсем не сможем без этого самого—на первый взгляд «не стоющего внимания»—волостного бюджета оздоровить политической обстановки в деревне и оживить деятельность низового советского аппарата.

Волостной бюджет на 1924/25 год составляет около 20% местного бюджета в целом по РСФСР и около 25% по УССР.

Тогда как в 1923/24 году по РСФСР он не достигал и 10%. Между тем, местный бюджет по СССР вырос за этот год почти на 40%, достигнув (с субвенционным фондом в 42 м. руб.) 870 милл. рублей, т.-е. удельный вес и об'ем волостного бюджета вырос до 170—175 м. рубл. Это дает около полутора, а где и двух рублей на душу сельского населения, вместо 45 коп. в 1923—24 г. (по РСФСР).

По всему местному бюджету средний расход на душу населения по РСФСР (без Москвы и Ленинграда) достигает почти 5 р. (4 рубл. 92 коп.). Между тем, если подразделить по местному бюджету расходы на город и село, то средний расход с 5 руб. повышается для города до 15 рублей на 1 городского жителя и падает почти до 3-х рублей на одного сельского жителя. Эти немногие цифры красноречиво говорят, насколько нам действительно еще предстоит по настоящему повернуться «лицом к деревне».

Мы не проводим таких же подсчетов по государственному бюджету, ибо они не вносят никаких колебаний в наши выводы.

15 рублей на городского жителя в среднем, конечно, совсем еще не роскошь, если принять во внимание, что на ленинградского жителя приходится 50, а на московского и 70 рублей.

Но 3 рубля на сельского жителя совсем уже никуда не годится, тем более, что из этих 3-х рублей сама-то волость распоряжается только одним рублем и тот на 85% тратится на зарплату. 80—85% всех средств по волбюджету затрачивается на содержание административного аппарата и только 10—15% идет на удовлетворение культурно-хозяйственных нужд и благоустройство села...

Невольно возникает вопрос о необходимости передвижки средств в сторону повышения уровня удовлетворения культурно-хозяйственных нужд деревни за счет города. И это сделать обязательно надо—передвинуть хотя бы еще один рубль в местном бюджете из города в деревню.

Мечтать пока о большем в этом случае не позволяет самая простая арифметика и слабая налоговая платежеспособность самого крестьянства.

Несмотря на оживившийся рост неналоговых доходов, удельный вес их все же еще не велик. Таким образом, в «передвижке средств» мы очень ограничены. И потому вопрос об удовлетворении нужд деревни надо, главным образом, решать в плоскости предоставления большей финансово-хозяйственной самостоятельности волости.

От методов централистического обслуживания всех нужд волости и села из отдаленного уездного и губернского центра надо перейти к приближению самого администрирования волостных расходов и доходов к самой волости, к волисполкому и сельсовету. Надо решительно перейти к оформлению волости, как финансово-хозяйственной единицы, к созданию материальной базы, опираясь на которую, волисполкомы и сельсоветы непосредственно смогут распоряжаться и строить волостное хозяйство.

За уездом (если он не отомрет в ближайшие 2—3 года) и губернией сохранится в этом отношении лишь регулирующее влияние, а не непосредственное управление волостью и селом.

Все неналоговые доходы местного значения на территории данной волости, местные налоги, отчисления и надбавки к государственным налогам должны быть непосредственно включены в доходную часть волостного бюджета.

В этом отношении постановление сессии ЦИК в Тифлисе о передаче 100 милл. руб., т.-е. ⅓ части сельхозналога на волостные нужды надо только приветствовать.

Остается по партийной и советской линии серьезно и решительно нажать на Губисполкомы и Уисполкомы, чтобы был проведен в жизнь закон о распределении государственных имуществ местного значения (земли, рыболовные угодия, мельницы, крупорушки, мелкие заводы и мастерские) между диференцированными единицами местного бюджета—губернией, городом, уездом и волостью.

Опыт уже доказал наиболее хозяйственную постановку эксплоатации этих имуществ волисполкомами, чем это удается земотделам и другим уездным органам. Волисполкомы и многие уже сельсоветы смогут лучше извлечь и использовать немалое количество средств, утекающих по частно-капиталистическому руслу.

Только при таком условии мы сможем действительно заинтересовать низовой советский аппарат в этой работе, развязать его

инициативу и самодеятельность и чему-нибудь научить и воспитать на этой практической работе. Это освободит многие уездные и губернские организации от мелочной опеки, суеты и «приходской заскорузлости». И только тогда они смогут заняться действительной помощью и регулированием деятельности всего низового советского аппарата, который еще долго и долго будет нуждаться в этом.

Такая—не только «количественная», но и «качественная»,—если можно так выразиться—передвижка средств из губернского и уездного центра в волостной бюджет, построением и исполнением которого, под руководством губ. и уисполкомов, займутся сами волисполкомы и сельсоветы, будет способствовать действительному оживлению низового советского аппарата и советской общественности в деревне. Надо передать, в связи с укреплением доходной части, на волбюджет и расходы по содержанию тех школ, больниц и агрономических участков, которые обслуживают данную (одну) волость. Сюда же отнести и дорожное строительство местного значения, на которое у нас никогда не хватит средств, если мы не проведем натуральной дорожной повинности, с предоставлением отдельным крестьянам и обществам права замены таковой денежным обложением. Местный и государственный бюджет не смогут выделить требуемых сотен миллионов рублей на это дело. А исправление мостов и дорог приобретает уже в ряде районов не только экономическое, но и политическое значение. Выборочное анкетное обследование почти по 40 губерниям показывает, что наравне с другим «самообложением» дорожная повинность беспорядочно вводится почти везде.

Дополнительная передача всех этих расходов на волостной бюджет разгрузит, упростит и удешевит уездный и губернский аппарат. Интересы рабочих в губернских городах, конечно, не пострадают от этого, а некоторое снижение уровня расходов на уездные обывательские центры и «умаление» их значения не повредят ни рабочему классу, ни крестьянству.

Волисполкомы же и сельсоветы через волостной бюджет смогут, путем несомненно более экономного использования средств, чем это мы наблюдаем теперь, повысить уровень удовлетворения неотложных культурно-хозяйственных нужд деревни. Конечно, и в волостном бюджете нужно предусмотреть некоторый минимум финансово-хозяйственной самостоятельности отдельных сел и недопустимость возможного «пожирания» административно разбухшим аппаратом «укрупненной» волости. Таким образом, в области бюджетных финансово-хозяйственных прав, должны быть проведены более четкие разграничительные линии между волостью и уездом и волостью и селом.

За губернским и уездным бюджетом должно быть сохранено лишь регулирующее значение и непосредственное обслуживание мероприятий общегубернского и общеуездного значения.

Такая децентрализация управления волостью и селом не является ни в малейшей мере, «раздроблением власти», как это хотят представить некоторые товарищи. Такие же «соображения» мы слышали и при выделении местного бюджета из общегосударственного. Никакой тут аналогии с «земством» сколько-нибудь серьезно нельзя допустить, если не забывать, что «земский бюджет» по существу не был составной частью государственного довоенного бюджета, а у кормила государственной (царской) власти и земской «власти» стояли различные боровшиеся между собой группировки, по своему претендовавшие на выражение «воли народа». Серьезнейшей и единственной гарантией против «раздробления» и подобных противопоставлений центральной и местной власти является то, «чтобы один и тот же класс имел политическую власть и в центре и на местах, чтобы там и здесь была вполне последовательно проведена совершенно одинаковая степень демократизма», писал тов. Ленин в своей полемике былых времен с «муниципалистами». «Все остальные гарантии» (против реставрации сверху) «сплошная глупость» (Ленин — «Агр. прогр.», гл. IV). В нашей обстановке, когда рабочий класс тем более имеет в своих руках все командные высоты, нам кажется столь же уместным обратить эти слова против тех, кто опасается той или иной «реставрации» снизу, со стороны «мужика», если последний приблизится к «непосредственному управлению государством» чрез волисполкомы и волбюджет. Местный бюджет в целом у нас является частью государственного бюджета, имущественные и бюджетные права местных исполкомов играют служебную—подчиненную роль. Вместо земских и городских «органов самоуправления» мы имеем, в лице исполкомов, местные органы центральной единой государственной власти рабочих и крестьян.

У нас, действительно, не может итти речь (как правильно сказал на осенней сессии 1923 г. т. Сокольников) о «раздроблении власти», а речь идет лишь о разделении «задач управления».

Такое разделение задач управления и есть не что иное, как оформление волости, как финансово-хозяйственной единицы. Это укрепит волостной центр, даст новое содержание работы низовому советскому аппарату и создаст реальный стимул к действительному вовлечению в работу ВИК'ов и сельсоветов миллионов крестьян и крестьянок.

Именно на этом участке работы мы сможем перейти к «превращению функций государственной службы в такие простые операции контроля и учета, которые доступны, подсильны громадному большинству населения, а затем и всему населению поголовно» (Ленин—«Государство и революция», глава IV, стр. 74).

На вопросах строительства городского и волостного хозяйства и бюджета мы можем сделать в этом направлении чрезвычайно много. На это мы обращали слишком мало внимания до последних дней. Теперь к этому есть уже и финансово-хозяйственные предпосылки.

Нельзя эти вопросы предоставлять только кабинетному чиновническому решению. Массы рабочих и крестьян должны быть широко вовлечены в это дело.

Именно на этих участках финансово-хозяйственного фронта мы сможем осуществить один из заветов тов. Ленина: «Развитие демократии до конца, изыскание форм такого развития, испытание их практикой и т. д.—все это есть одна из составных задач борьбы за социальную революцию. Отдельно взятый, никакой демократизм не даст социализма, но в жизни демократизм никогда не будет «взят отдельно», а будет «взят вместе», оказывать свое влияние и на экономику, подталкивать ее преобразование, подвергаться влиянию экономического развития и т. д. (курсив наш. *Е. П.*). Такова диалек-

тика живой истории». (Ленин—«Государство и революция», 74—75 стр.).

При всей нашей «нищете», мы чрезвычайно все же богаты возможностями выявления значительных средств даже в волостном хозяйстве.

Крестьянство, вовлеченное в эту работу, безусловно сосредоточит максимум средств волбюджета на школе, больнице и агрономическом участке. Это «подтолкнет экономику» деревни и улучшит общественный и культурный быт крестьянства.

Именно культурно-хозяйственные нужды мужика надо обеспечить волостным бюджетом. И ко всяким решительным партийным и законодательным директивам надо поставить на службу наиболее гибко-построенную субвенционную систему государственного финансирования (регулирования) важнейших отраслей местного и, в первую очередь, волостного хозяйства. Субвенционный фонд в 42 м. р. (в этом бюджетном году) пошел на 90% по линии зарплаты работников низового советского аппарата. В результате материальное обеспечение этих работников улучшилось в несколько раз, субвенция привлекла на эту же цель новые десятки миллионов рублей местных средств.

В дальнейшем надо перейти к субвенционированию школьного больничного, дорожного и агрономического строительства—в одних случаях по линии восстановления разрушенной сети этих учреждений и в других случаях по линии расширения этой сети, особенно в автономных областях и окраинах. Это можно и должно сделать без мелочной опеки и вмешательства в самодеятельность местных исполкомов. Но регулирующее влияние здесь должно быть сохранено за республиканскими и общесоюзным центрами. Такой централизм не только не вреден, но является неизбежным и полезным. Наше социалистическое государство рождается из капиталистического государства, а это последнее «централизовано не по произволу бюрократии, а в силу непреоборимых требований экономического развития». «Местное самоуправление» «не осуществимо без завоевания политической власти во всем государстве революционными классами»... «этими классами в России могут быть пролетарии и крестьянство» («Ленин—«Агр. прогр.», глава IV).

Только через «общегосударственное», централизованное движение можно бороться с «приходской заскорузлостью», говорит там же тов. Ленин.

Не с теми целями мы выдвигаем централизованное регулирование строительства местного хозяйства, как это делают некоторые товарищи, предлагающие сосредоточить весь субвенционный фонд на полной оплате жалованья, примерно, всех учителей, чтобы тем самым их подчинить влиянию центра, а не «мужика», который, «овладев» волостным бюджетом, заставит учителей преподавать «закон божий». Такие образцы «мудрости» и «методов», регулирования центральной власти царских времен для нас не нужны при наличии нашей партии, кующей «сознательность и организованность масс пролетариата и крестьянства», и при существовании «единой государственной власти» в центре и на местах—власти, которая держит в своих руках все командные высоты государственной экономики. Такая «субвенция» нам не нужна. Наш учитель, милиционер и т. д. именно должен непосредственно подчиняться даже «мужику», если он

сидит в волисполкоме или сельсовете (а он должен сидеть там), т. е. такая «субвенция», ни в какой мере не способствовала бы превращению должностных лиц в «слуг общества», она была бы направлена против тех «уроков борющегося пролетариата», которые сделал Энгельс, спустя 20 лет после Парижской Коммуны, что, приняв целиком и полностью, т. Ленин так блестяще комментировал в «Государстве и революции». Нет, субвенционная система менее всего должна преследовать цели такого «политического» влияния. Субвенция из центра должна оказать влияние на сосредоточение местных средств и сил на важнейших участках общественно-хозяйственного строительства волости и села. Эти цели имеют и большой политический вес во взаимоотношениях рабочего класса с крестьянством. Построенный самими волисполкомами волостной бюджет, при участии широких кругов крестьянства и сельской интеллигенции, будет действительной гарантией к превращению волости в живой и самодеятельный центр. Децентрализация и разделение «задач управления», при сохранении регулирующего влияния центра, будет серьезным шагом к оживлению деятельности советов, вовлечению миллионов рабоче-крестьянских масс в «непосредственное управление государством». Только при такой системе мы сможем, «взяв поменьше, дать мужику побольше». Повысив, тем самым, культурный и общественный уровень крестьянства, мы направим растущую активность крестьянства в здоровое советское русло и скорее изживем наиболее заостренные «элементы разобщения между городом и деревней».

Только через такой волостной бюджет мы сможем дать крестьянству гуманный и чуткий к нуждам крестьянства низовой советский аппарат. На этом пути наибольшие возможности к оздоровлению политической обстановки в деревне.

Г. Войтинский.

Сун-Ят-Сен и освободительное движение в Китае.

Дать исчерпывающую оценку роли и значения недавно скончавшегося вождя Гоминдана, Сун-Ят-Сена, для рев. движения в Китае в небольшой журнальной статье совершенно не представляется возможным. Придется поэтому остановиться лишь на нескольких наиболее характерных моментах и фактах освободительного движения Китая и выявить в них значение Сун-Ят-Сена — его роль в борьбе китайского народа за свое раскрепощение от цепей империализма и милитаризма.

Собственно, тем, кем Сун-Ят-Сен стал для народных масс Китая и для трудящихся всего Востока, сделала его великая Октябрьская революция. Это не следует понимать, однако, так, что Сун-Ят-Сен немедленно после победы русского пролетариата и после создания советской власти стал сторонником классовой борьбы, сторонником такого революционного движения, которое опиралось бы на трудящиеся слои населения и исходило бы из интересов рабочих и крестьян в своем стремлении к национальной независимости и к демократизации государственного строя.

Старый революционер, начавший собирать силы для свержения монархии в Китае еще с 1895 года, Сун-Ят-Сен имел свое мировоззрение, свои взгляды и принципы, с которыми подходил к вопросу о том, каким образом провести в жизнь поставленную перед собой цель — каким образом освободить китайский народ от династии Маньчжу и от империалистов, начавших в 90-х гг. прошлого столетия наступление на Китай в северо-восточной части страны.

К моменту нашей Октябрьской революции Сун-Ят-Сен уже вел вооруженную борьбу с генералами северного Китая в продолжение почти 6-ти лет. Столько же лет существовала и его партия Гоминдан. Эту партию он образовал из революционных групп, ставивших себе до революции 1911 г. главной задачей подготовку восстаний, с целью свержения существовавшего в то время монархического правительства.

Характер этих групп целиком был перенесен и на вновь образованную народную партию, Гоминдан. Поэтому, деятельность этой партии выражалась, главным образом, в том, что, как глава ее, Сун-Ят-Сен, так и наиболее видные ее члены, горячие поклонники Сун-Ят-Сена, строили беспрестанные комбинации, блоки, союзы из стратегических соображений с военными группами, возглавляемыми генералами, не желавшими подчиняться власти северного правительства, опиравшегося тогда на военную партию генерала реставратора Юань-Ши-Кая.

Сун-Ят-Сен и Гоминдан не стремились в то время сделать свою партию действительно народной, отвечающей ее названию. В том, что Сун-Ят-Сен страстно хотел принести освобождение народным массам уже тогда, в этом нет сомненья, но он верил, что может это сделать без участия самого народа; что народ еще недостаточно зрел для того, чтобы непосредственно принимать участие в своем раскрепощении. Сун-Ят-Сен и его последователи считали, что их исторической миссией является борьба с китайскими милитаристами и иностранным империализмом и что, победив эти враждебные Китаю силы, Гоминдан вернет народу принадлежащую ему по праву врожденности свободу и независимость.

Революция 1911 года, повидимому, не внесла более или менее значительных изменений ни в философию, ни во взгляды на способы борьбы Сун-Ят-Сена и его партии.

Таково было положение Гоминдана и в то время, когда совершилась Октябрьская революция 1917 года. Не может быть сомненья в том, что Сун-Ят-Сен с самого же начала был настроен дружественно к нашей революции; не может быть также сомненья в том, что он чувствовал ее значение как силы, направленной против империализма и потому союзной революционному движению в Китае. Однако, вряд ли и Сун-Ят-Сен и его партия Гоминдан понимали тогда основной характер нашей революции и ее движущую и организующую силу—РКП; вряд ли они понимали то огромное значение беспримерной в истории революционных движений агитации в массах и вовлечения их в борьбу путем понятных и близких им лозунгов, какую развила РКП.

Сун-Ят-Сен, в первые годы нашей революции, так сказать, присматривался к нам дружественными глазами, желая нашей победы, но отнюдь не будучи в ней уверен.

Да это и было понятно. Та часть СССР, которой мы граничим с Китаем, была дольше всего под штыком вооруженной интервенции империалистов. Русский Дальний Восток с 1918 г. был фактически захвачен союзной интервенцией из японцев, американцев, англичан, совместно с остатками белогвардейщины. И лишь осенью 1921 года с Д. Востока окончательно убрались японские империалисты, остававшиеся позже всех на нашей территории. Разумеется, что длительная интервенция на русской территории оставляла глубокое впечатление на Сун-Ят-Сена и на Гоминдан.

Однако, Сун-Ят-Сен искал с нами связи еще в 1920 году. Его внимание, главным образом, привлекало тогда не столько внутреннее положение Советской России, сколько то, каким образом мы все же на западе и на юге могли отбиться от нападений многочисленных врагов. В то время Сун-Ят-Сен искал связи с Советской Россией не с целью борьбы против империалистов в Китае, а с целью облегчения ему борьбы против северных милитаристов. Сун-Ят-Сен тогда еще не представлял себе всего огромного значения Новой России, в первую очередь, как союзника Китая именно в борьбе против мирового империализма, закабаляющего колонии. Сун-Ят-Сен полагал тогда, что он может получить помощь не только от нас, но и от демократической Америки, считая, что последняя способна относиться дружественно к Китаю.

Вообще надо сказать, что в тот период Сун-Ят-Сен придавал куда большее значение возможностям использовать противоречия между империалистами в самом Китае, нежели подниманию народных масс Китая против империалистов, не понимая, повидимому, что само использование противоречий между империалистами возможно лишь при наличии революционной партии, опирающейся на народные массы.

Я отнюдь не желаю здесь умалить хотя бы в малейшей степени ни значения партии Гоминдан, ни тем более значения Сун-Ят-Сена, как вождя народных масс Китая. Но именно для того, чтобы нашим читателям было понятно то огромное значение, какое играет в жизни Китая в настоящее время Гоминдан, чтобы понять, какой сдвиг в сторону интересов народных масс Китая в последние годы сделал Сун-Ят-Сен, дав содержание и боевое направление партии Гоминдан, необходимо указать на то, какова эта партия была раньше и какой она стала теперь.

Без понимания того, чем была партия Гоминдан до ее реорганизации, т.-е. фактически до конца 1923 года, не будут также понятны причины, кроющиеся в социальных перегруппировках в стране и ведущие в настоящее время к отколу от Гоминдана социально-враждебных трудовому населению Китая элементов.

Чтобы покончить с общей беглой характеристикой Гоминдана до реорганизации, следует указать еще, пожалуй, на два факта. Весной 1919 года, когда в связи с Версальской конференцией не оправдались надежды китайской интеллигенции, городской мелкой буржуазии и вообще народных масс, вспыхнуло движение бойкота против Японии во всем Китае. Гоминдан в этом движении не принимал участия. Народная партия не считала важным развернуть анти-японское движение в анти-империалистическое движение вообще. Сочувствуя бойкотистскому движению, очень энергично проводимому преимущественно студенчеством, Сун-Ят-Сен, однако, не выступил с разоблачениями как Версальской конференции, так и империалистов. Это отнюдь не делалось потому, что Сун-Ят-Сен и его партия были на стороне «версальцев». Сун и его последователи не придавали тогда достаточного значения широкой политической агитации и не понимали, что этим путем они могут расширить базу своей партии.

Точно так же в 1920 году, во время анти-христианского движения в Китае, направленного главным образом против английского и американского правительств, Гоминдан не принимал в этом движении участия и не пытался его развить в движение анти-империалистическое.

Я полагаю, что этих двух фактов достаточно, чтобы понять характер Гоминдана еще в 1920 году.

Но уже весной 1922 года, во время первой большой забастовки рабочих в Китае, в Гонконге, правительство Сун-Ят-Сена поддерживает рабочих и тем самым фактически выступает против британских империалистов в Китае. С этого времени отношение империалистов к Сун-Ят-Сену и к Гоминдану начинает принимать все более и более враждебный характер.

Поддерживая морально и материально забастовщиков, Сун-Ят-Сен в то время не ставил себе, однако, еще задачи воспользоваться под'емом в рабочем движении для закрепления партии Гоминдан, для приближения ее к трудящимся массам вообще. С крестьянством партия Гоминдан в то время не имела связи, не имела аграрной программы, несмотря на то, что база Гоминдана, Квантунгская провинция, далеко не является одной из промышленных провинций вообще аграрного Китая.

Гоминдан помимо всего этого в то время была еще партией локальной, охватывающей своей деятельностью собственно лишь одну провинцию и имеющей приверженцев в некоторых местах центрального и северного Китая, но лишь приверженцев, а не членов партии, составляющих организации, имеющих комитет и т. д.

В политической жизни страны вообще партия принимала участие, поскольку она пыталась устанавливать связи с борющимися военными группами, стремясь подчинить своему влиянию того или другого генерала и использовать противоречие между милитаристическими кликами.

Разумеется, что эта деятельность Гоминдана вытекала из всей социально-политической обстановки Китая, продолжавшего переживать период децентрализации, как результат свержения династии Маньчжу и не завершенной буржуазной революции 1911 года. Но ограничиваться лишь этой деятельностью, особенно после мировой войны, когда Китай действительно стал на путь капиталистического развития, когда рабочее движение вполне приняло характер классово-экономической борьбы и когда интеллигенция и мелкая буржуазия организовывались в анти-империалистическое движение, конечно, было анахронизмом со стороны Гоминдана.

Недостаточное участие Гоминдана в политической жизни всей страны и, в частности, недостаточная поддержка Гоминданом рабочего движения в северной и центральной части Китая, как например, известной Пекин-Ханькоуской забастовки в 1923 г., не вытекали из того, что Гоминдан, как партия, была враждебна рабочему классу, что некоторые социальные элементы в Гоминдане, принадлежавшие буржуазии, настолько осознали свои классовые интересы, что тянули партию от рабочего движения; нет, причина заключалась в том, что Сун-Ят-Сен и Гоминдан недостаточно придавали значения массовым движениям, направленным против империалистов. Здесь не было предательства со стороны Гоминдана по отношению к народным массам, как это делали и делают реформистские партии на западе, а лишь недостаточная вера в массы, *недостаточная оценка огромных возможностей для Гоминдана и для революционного движения в стране при приближении Гоминдана к народным массам.*

* * *

Шаг за шагом, под влиянием молодой коммунистической партии Китая, откликавшейся на все более или менее важные события политической жизни страны, постоянно поддерживавшей как рабочее движение, так и все формы анти-империалистического движения, благодаря все большему сближению Советской России с Китаем и все большему проникновению в Китай нашей информации, Гоминдан, под непосредственным руководством Сун-Ят-Сена, начинает эволюционировать в сторону преобразования в настоящую народную массовую партию.

Уже с половины 1923 года Сун-Ят-Сен использовывает конфликт между гоминдановским правительством в Кантоне и британским колонизаторским аппаратом в Гонконге, по вопросу о таможенных сверх-доходах, чтобы обратиться к народным массам южного Китая. По вопросу о Линчженском инциденте[1]) Сун-Ят-Сен выпускает обращение к империалистам, предупреждая о том, что китайский народ не будет платить налагаемых ими штрафов за случившееся. Осенью 1923 г. Сун-Ят-Сен решает впервые созвать с'езд гоминдановцев, как находившихся на территории Китая, так и зарубежных, проживающих на Малайском Архипелаге, в Сингапуре, в Америке, на Гавайских островах. С'езд был созван в январе 1924 года.

Это, без сомнения, было крупнейшим событием в истории революционного движения в Китае. Впервые с'ехались несколько сот делегатов гоминдановцев, чтобы принять программную платформу и тактику для осуществления задачи раскрепощения китайского народа. Душой и направляющим центром с'езда был старый испытанный революционер Сун-Ят-Сен. Можно уверенно сказать, что с'езд был не только поворотным пунктом в истории Гоминдана, но и поворотным пунктом в политической биографии Сун-Ят-Сена. На с'езде основные принципы Сун-Ят-Сена—национализм, демократизм, социализм, лежавшие в основе всей деятельности Гоминдана, но имевшие до этого времени абстрактный характер, лишь отражавшие идеализм самого Сун-Ят-Сена и чаяния широких масс к освобождению, получили конкретное содержание.

Впервые, с помощью китайских коммунистов, эти принципы были интерпретированы в интересах трудовых масс Китая, в интересах тех элементов, которые составляют социальную базу анти-империалистического движения в Китае. И первым из всех гоминдановцев, кто, несмотря на долгую традицию старого Гоминдана орудовать этими принципами абстрактно, идеалистически, решился стать на конкретную почву интересов определенных слоев китайского народа, был вождь старого Гоминдана, Сун-Ят-Сен. Национализм, как принцип реорганизованного Гоминдана, был изложен в смысле не только стремления к национальной независимости Китая, но и как право на самоопределение угнетенных народностей, населяющих Китай и угнетенных существующим на севере центральным правительством. Добиться такого толкования принципа национализма в Гоминдане, партии, в которой имеется не малое представительство от молодой буржуазии, партии в стране исторически находящейся на перевале от феодализма к капитализму, разумеется, было делом нелегким. Тем более выявляется в данном случае во всю свою величину личность Сун-Ят-Сена, страстного борца за освобождение своего народа, ненавидящего все формы угнетения.

Принцип демократизма в программе Гоминдана был истолкован на с'езде, как право на все свободы и на гражданство для всех тех, кто идет вместе с народом против империалистов и милитаристов. Этими правами не могут пользоваться, согласно нового толкования демократизма, элементы, идущие против народа, связывающие свои интересы с интересами империалистов. Демократизм в смысле врожденного права человека, был изобличен как мешающий в настоящее время освободительному движению лозунг.

[1]) Летом 1923 г. китайские партизаны остановили поезд в Линчжане, идущий с севера в центральный Китай (Пекин—Нанкин), и захватили в плен пару десятков иностранцев, которых впоследствии выпустили за выкуп.

В принцип «социализм» было вложено конкретное содержание, заключающееся в конфискации в пользу китайского народа иностранного, в Китае, капитала и крупного китайского капитала, а также проведение коренной аграрной реформы, уничтожающей систему посредников и снимающей с крестьянства все непосильные налоги.

Уже на самом с'езде стало ясно, что многие делегаты Гоминдана подчинялись большинству, не откололись немедленно от партии только благодаря непоколебимому авторитету Сун-Ят-Сена. Однако, Сун-Ят-Сену пришлось выдержать немалый отпор со стороны некоторых старых его соратников.

Устав и конституция партии закрепляли организационно содержание программы и закладывали основы партийного аппарата, через который Гоминдан мог бы становиться массовой политической партией. Тут ломались традиции старого Гоминдана работать без организации. Впервые выбирался, а не назначался Сун-Ят-Сеном Исполнительный Комитет. Впервые начали организовываться местные комитеты в губерниях и областные бюро для нескольких губерний. Впервые, словом, Гоминдан перестает быть группой или группами последователей Сун-Ят-Сена, а становится организацией, как таковой.

Разумеется, что этот переход не делался в продолжение месяца и не происходил гладко, без трений и даже кризисов в Гоминдане. И в данном вопросе, как и в вопросе о программе, Сун-Ят-Сен шел впереди, ломал старое и закладывал основы для нового. Вокруг Сун-Ят-Сена сплотились лучшие элементы Гоминдана. Их, разумеется, поддерживали коммунисты и Гоминдан постепенно, шаг за шагом, стал выходить на дорогу анти-империалистического движения, на дорогу завершения революции 1911 года.

* * *

Особенно велика становится роль Сун-Ят-Сена в освободительном движении Китая за последние 6—7 месяцев его жизни. Этот коротенький период конца жизни Суна как бы подводит итоги всему пройденному пути борьбы за освобождение народных масс, определяет и дает наглядное представление о путях и способах дальнейшей борьбы с империализмом.

В конце лета и в начале осени прошлого года Сун-Ят-Сен, стоявший во главе юного правительства в Кантоне, выступает против британских империалистов и против организуемого ими контр-революционного купечества. Впервые в истории освободительного движения в Китае (за исключением прямых восстаний) открыто и подготовленно, в смысле вовлечения и поддержки широких народных масс, была поведена борьба против колонизаторов империалистов и против внутренней контр-революции.

Нашему читателю памятны недели в сентябре прошлого года, когда по всему СССР были организованы комитеты общества «Руки прочь от Китая». В это время Кантону действительно угрожала смертельная опасность. Английские и американские крейсера стояли в водах Кантона, в то время, как внутри этого

города готовилось вооруженное выступление отрядов купеческой милиции «тигров».

Тогдашние события на юге Китая давали яркую картину того, как глубоко связаны силы внутренней контр-революции в Китае с иностранным империализмом.

И поэтому столь огромное, поистине спасающее революционное движение в стране, значение имели проявленное Сун-Ят-Сеном мужество, решительность и уменье быстро повернуть политику правительства в сторону интересов городских трудовых слоев и крестьянства.

Ничего этого, разумеется, не удалось бы достигнуть Гоминдану, если бы не была реорганизована партия, если бы внутри этой партии не было коммунистов. В эти недели Сун-Ят-Сен и ближайшие соратники левого крыла партии сами впервые глубоко ощутили значение масс и значение массовой агитации. Эти несколько недель покончили со множеством предрассудков и традиций Гоминдана, накопившихся впродолжение многих лет и не дававших ему стать массовой народной партией.

Роль Сун-Ят-Сена, в эти критические дни, для Гоминдана и для революционного движения во всем Китае (поражение на юге означало бы, без сомнения, наступление реакции во всей стране) была решающей.

Сун понял, что дело освобождения страны от империализма и внутренних реакционных сил невозможно достигнуть без участия самих масс и что вовлечь массы в борьбу можно только в том случае, если массы видят, что защищаются их интересы. Сун-Ят-Сен осенью прошлого года решил принять бой с неравным врагом, зная, что нет иного выхода, если желать оставаться верным революционному движению в стране, если быть на стороне огромного большинства трудящихся слоев китайского народа. В этом решении Суна сыграла, без сомнения, большую роль волна сочувствия южному правительству в его борьбе с империализмом, шедшая со стороны народов СССР, через общество «Руки прочь от Китая» и со стороны пролетариата Запада.

Победа Гоминдана над контр-революционным купечеством и отпор английским империалистам в октябре прошлого года являются исходным пунктом для дальнейшего развития освободительного движения в Китае в небывалых до этого времени размерах.

Почти одновременный разгром самой сильной милитаристической клики во главе с генералом У-Пей-фу, вызвал под'ем в революционном движении и на севере. Это создало обстановку, которая не только сделала возможным для Сун-Ят-Сена впервые за 13 лет (со времени революции 1911 года) прибыть в Пекин, но вновь сделала его центральной фигурой всего Китая, олицетворением борьбы Китая с мировым империализмом и отечественными милитаристами.

Этот период деятельности Сун-Ят-Сена самый богатый в его жизни и самый значительный для китайского народа.

Сун-Ят-Сен становится, в истинном смысле слова, народным трибуном 400 миллионного Китая. Он выпускает манифест к народу, разоблачая империалистов с убедительностью, способной поднять массы и вызвать смертельную ненависть к нему со стороны всего империалистического мира.

Его путешествие с юга на север превратилось в грандиозную демонстрацию китайского народа против иностранных угнетателей. Наглое выступление против Суна английской прессы в Шанхае, требовавшей, чтобы ему не дали высадиться в этом городе, вызвала ответ Суна, имевший огромное политическое значение, разоблачивший смысл экстерриториальности в Китае.

Прибытие Сун-Ят-Сена в Тяньцзин, а затем в Пекин, становится огромным политическим событием, все больше и больше разворачивающимся в прямой вызов империализму и клике милитаристов во главе с Чжан-Цзо-лином.

Роковая болезнь сваливает Суна, он не может непосредственно выступать перед массами, но через ЦК Гоминдана он направляет всю анти-империалистическую кампанию и борьбу за установление народной власти. В ответ на все старания китайских милитаристов и теперешнего временного президента Китая Дуань-Ци-Чжуя привлечь Суна на свою сторону, умерить его «беспокойную» деятельность, окружить его с этой целью всеми видами почестей, вплоть до инспирирования прессы о ближайшей возможности выбора Суна в президенты Китая,—Сун-Ят-Сен выставляет требование о созыве Всекитайского Народного Собрания, призывает к бойкоту «потешной» конференции из назначенцев в генералов, созванной Дуань-Ци-Чфуем. Сун требует, помимо того, уничтожения неравных договоров, навязанных Китаю империалистами вооруженной силой при преступном содействии китайских милитаристов.

Вокруг этих лозунгов Сун-Ят-Сена, до последних дней его жизни, собираются все большие и большие массы китайского народа. И хотя эти же требования выставляла компартия Китая три года тому назад, но в то время они не получили такого резонанса в стране—тогда характер и деятельность Гоминдана не были такими, как теперь.

Как видно по последним телеграммам из Пекина, похороны Сун-Ят-Сена превратились в грандиозную революционную демонстрацию китайских масс против империалистов. Эта демонстрация является лучшим венком китайского народа на свежей могиле борца за независимость страны, лучшей памятью о заветах народного вождя.

Роль и значение Сун-Ят-Сена в освободительном движении Китая и Востока не были бы здесь даны даже и в той неполной форме, о которой я говорил вначале, если не сказать о влиянии Сун-Ят-Сена в колониях Америки, Голландии, Японии и Англии на Тихом Океане.

События в Кантоне за последнее полугодие получили несомненно широкий отклик на Филиппинах, в Голландской и Британской Индии, в Сингапуре и в Корее. Конференция представителей транспортников Т. Океана в Кантоне летом прошлого года, посещение делегациями Сун-Ят-Сена, доклад представителя ЦК Гоминдана и китайской компартии, участие на с'езде представителя Профинтерна—все это оставило глубокое впечатление на делегатов конференции и было разнесено по соответствующим островам и странам южной части Тихого Океана. Ибо впервые летом прошлого года на территории Сун-Ят-Сеновского правительства рабочие колонии получили возможность собраться легально на с'езд и создать ядро будущего об'единения Тихоокеанских транспортников. Политический смысл этого начинания дей-

ствительно велик. Сун-Ят-Сен это понимал, он знал, что конференция рабочих угнетенных стран дает зарождение новой силе против империализма, и он с радостью предоставил возможность для ее созыва.

Сун-Ят-Сен умер. Что будет с Гоминданом, что будет с революционным движением в Китае?

Этот вопрос с тревогой задают друзья китайского народа. Этот вопрос злорадно обсуждают его враги.

Не успел Сун-Ят-Сен умереть, как правые элементы Гоминдана образовали под названием «Клуб - Гоминдан» анти-гоминдановскую организацию. В эту организацию входят, вокруг нее собираются элементы, которые скорее способны итти на компромисс с мировым империализмом, составить союз с китайскими милитаристами, нежели дать возможность дальше развиваться освободительному движению в стране на основе последних манифестов и обращений Сун-Ят-Сена. Это элементы китайской буржуазии, уже осознавшие свои классовые интересы.

Образование буржуазной партии в Китае в настоящее время неизбежно. Но правым элементам Гоминдана не удастся эту партию организовать под знаменем Гоминдана. Им не удастся расколоть реорганизованный Гоминдан путем запугивания массы мелкой буржуазии и городской бедноты большевистской опасностью. Им никогда не удастся сделать мертвого Сун-Ят-Сена своим и его именем организовать партию, которой историей суждено итти на компромиссы с теми, против кого вел борьбу всю свою жизнь Сун-Ят-Сен.

23 марта 1925 г.

С. Тимов.

Противоречия империализма и национальный вопрос на Балканах.

Балканский полуостров населяют: албанцы, болгары, греки, македонцы, румыны, сербы, хорваты, турки, черногорцы и многие другие, но над всеми этими народностями господствуют четыре националистических клики: болгарской, греческой, сербской и румынской буржуазии. Так как балканские страны—земледельческие, экономически отсталые, то их буржуазия, не располагающая средствами усовершенствованной эксплоатации и экономического подчинения, какими располагает буржуазия передовых стран, видит залог своего благополучия в непосредственном владении бо́льшей территорией и бо́льшим количеством душ-подданных, которые служили бы ей об'ектом непосредственной и грубой экономической и внеэкономической эксплоатации. Поэтому каждая из господствующих буржуазных клик имеет свой национальный идеал: «Великой Сербии», «Великой Румынии» и т. д., который и старается осуществить, а по осуществлении—вновь территориально расширить.

Географически Балканы служат ключом к Малой Азии, сухопутным звеном между Западом и Востоком. В системе мирового хозяйства они являются поставщиком сырья и рынком сбыта для западно-европейской промышленности. Царская Россия, стремившаяся к захвату Константинополя и проливов, видела в политической гегемонии над балканскими странами одно из средств для достижения своих целей. Для австро-венгерского империализма Балканы также не были лишены значения. Предполагавшийся в свое время путь Берлин-Багдад должен был пересечь Балканы, следовательно, и германский империализм был в них кровно заинтересован. Послевоенный революционный шквал смел все эти империалистические колоссы, но от этого полуостров не потерял, конечно, своего значения и он стал, главным образом, об'ектом притяжения для французского, английского, итальянского и американского капиталов. Они заинтересованы в балканских странах не только как в рынке для своей промышленности. Эти страны обладают неизмеримо большими подземными и надземными богатствами, разработка которых не под силу одной туземной буржуазии и поэтому могут служить и **рынком для размещения капиталов**. **Экономически завладеть и политически себе подчинить**—вот цель, которую стремится осуществить каждая из конкурирующих на Балканах великих держав. Поэтому интересы великих держав на Балканах не тождественны, а интересы туземной и иностранной буржуазии

также, в конечном счете, не совпадают. Все эти факторы и определяют поэтому три ряда противоречий империализма на Балканах: 1) между господствующими националистическими кликами балканской буржуазии; 2) между великими империалистическими державами, заинтересованными на Балканах и 3) между буржуазией балканских стран и западно-европейским империализмом.

1. Противоречия между националистическими кликами балканской буржуазии.

В настоящее время состояние противоречий между балканскими странами рисуется в следующем виде. Из всех балканских стран Болгария, как государство побежденное в последней войне, находится в самом плачевном состоянии. Нейский мирный договор возложил на нее столько обязательств, что сколько бы болгарская буржуазия не выжимала пота из рабоче-крестьянских масс этой страны, ей не справиться со своими обязательствами перед победителями. По данным болгарской статистики, Болгария выплатила межсоюзной комиссии под видом репараций, реституций и пр. только по 1922 год 110 милл. золотых франков и передала той же комиссии государственного имущества на сумму 175 милл. зол. фр. Размеры болгарской армии строго ограничены, но Болгария имеет такого сильного внутреннего врага, как коммунистическая партия, поэтому она и добивается усиления своих вооруженных сил для того, чтобы быть в силах справиться с рабочим движением. Она для этой цели спекулирует на «большевистской опасности» в Болгарии и пугает буржуазное общественное мнение Западной Европы всякими измышлениями о «кознях» советов на Балканах и пр. Домогательства Болгарии в этом направлении вызывают опасения политики реванша со стороны болгарской буржуазии. Эти опасения тем более не лишены основания, что жизненные интересы Болгарии толкают ее на нарушение положения вещей, созданного мирными договорами. Она прежде всего настаивает на уменьшении размеров репараций, а также не оставила мечты о выходе через Эгейское море и поныне направляет свои взоры на Каваллу и Салоники. Болгарский министр иностранных дел Калфов в свое время об'езжал европейские столицы, где каялся и выпрашивал снисходительного обращения к своей родине. Подобные поползновения встречают, однако, отрицательное отношение со стороны Греции и Юго-Славии, для которых усиление Болгарии представляет определенную опасность. Юго-Славия и Греция владеют частями Македонии, на которую претендует Болгария и всякое послабление этой последней означало бы увеличение угрозы их собственному господству.

Только одна Румыния не слишком враждебно встречает домогательства Болгарии. Это обязано тому обстоятельству, что между Румынией и Юго-Славией существует резкий антагонизм, почему она и склонна ориентироваться на любое государство, которое бы ее поддержало. После войны оба эти государства значительно увеличились и заняли господствующее положение на Балканах. Это их, однако, не удовлетворяет и каждое из этих двух государств стремится к монопольному господству на полуострове, стараясь с этой целью друг друга ослабить. Этот антагонизм увеличился еще благодаря разграничению Баната, венгерской промышленной провинции, между Юго-Славией и Румынией, которым обе стороны остались недовольными. Несмотря на то, что оба государства состоят в договорных отношениях и в Малой Антанте, Юго-Славия совершенно не скрывает своего враждебного отношения к своей союзнице. И когда происходила венская конференция между СССР и Румынией, то юго-славская печать не поддержала румынской точки зрения на бессарабский вопрос. Враждебно настроены к Румынии не только официальные правительственные круги, но и политические партии страны. Например, Радич, вождь Хорватской крестьянской партии, заявил в свое время, когда шла речь о его вступлении в состав правительства, одной пражской газете: «Румыния не зиждется на национальном принципе, и я не допущу, чтобы юго-славский народ расплачивался кровью за экспансивный аппетит Румынии. Юго-Славия не должна бороться за Бессарабию на стороне Румынии. В правительстве я создам фронт против Румынии. Малая Антанта, если она станет на точку зрения Румынии, не найдет во мне поддержки».

Сложная сеть противоречий не исчерпывается приведенными нами фактами. Для полноты картины мы должны здесь коснуться национального вопроса на Балканах, используемого националистскими кликами буржуазии в качестве орудия своего империализма и значительно усложняющий положение вещей в этом заколдованном кругу.

2. Национальный вопрос и национально-освободительное движение.

Источниками национально-освободительного движения и национальных антагонизмов служат в настоящее время: Македония, расщепленная между Болгарией, Юго-Славией и Грецией; Фракия, разделенная между Турцией, Болгарией и Грецией; Хорватия, Словения и Черногория, поглощенные бывшей Сербией, с которой образовали нынешнюю Юго-Славию, и, наконец, Бессарабия, Буковина, Добруджа и Трансильвания, захваченные Румынией. Над всеми этими провинциями господствует какая-нибудь великодержавная буржуазия, не признающая никаких прав за национальными меньшинствами и ведущая, по отношению к ним, беспощадную политику денационализации. Правда, иногда мы видим обратное явление, когда на правах взаимности устанавливается «защита» национальных меньшинств. Так, был заключен договор (правда, потом не ратифицированный греческим парламентом) между Болгарией и Лигой Наций, с одной стороны, и Лигой Наций и Грецией, с другой, о покровительстве над болгарским и греческим меньшинствами в этих двух странах. Чем об'ясняется подобная политика? Да тем, что каждая буржуазия старается оторвать от другой какой-нибудь лакомый кусок и для этой цели стремится избавить «свое» национальное меньшинство от денационализации чужой буржуазии. Каждая провинция, населенная чужой национальностью, сохраняющей свой язык и культуру, дает повод претендовать на нее соседней господствующей буржуазии данной национальности. Балканская буржуазия думает друг друга перехитрить, надеясь на свою силу и слабость противника. Национальный вопрос на Балканах каждая буржузия старается превратить в

орудие своего империализма, захватнической политики.

Поэтому наши компартии на Балканах и ставят своей целью извлечение национально-освободительного движения угнетенных масс из-под влияния своей буржуазии. Шовинистическим лозунгам «Великая Сербия», «Великая Румыния» и лицемерному требованию буржуазии о покровительстве нацменьшинств они противопоставляют лозунги: «Единая Македония», «Единая Фракия» и «Балканская Коммунистическая Федерация».

Последняя империалистическая война, ведшаяся каждой буржуазией под лозунгом национального об'единения, ни в какой степени не разрешила национального вопроса на Балканах. Мало того, она только расширила количество источников национальных антагонизмов и увеличила угнетение нацменьшинств. Новый раздел Фракии и Македонии, которым не осталось довольной ни одна страна, служит источником конфликтов между Грецией, Болгарией, Турцией и Юго-Славией. Бывшую «самостоятельную» Черногорию просто на-просто преподнесли в удовлетворение великодержавных аппетитов сербской буржуазии. У Венгрии отняли промышленные провинции Трансильванию и Банат и наделили ими Юго-Славию и Румынию. Бессарабия и Буковина также оказались в пределах «Великой Румынии» и все это во имя и под предлогом «самоопределения народов». Ясно, таким образом, что любой клочок земли на Балканах должен, рано или поздно, явиться источником войны и вооруженных конфликтов.

Национальный вопрос на Балканах приобретает для нас, коммунистов, тем большее значение, что этот вопрос является одновременно и крестьянским вопросом. Подавляющее большинство населения полуострова—крестьянское и большинство нацменьшинств, поэтому, также приходится на крестьянство. А оно испытывает не только тяжести национального, но и социального угнетения. Следовательно, Балканы могут явиться,—и явятся,—не только источником войн на почве национальных антагонизмов, но и революционных потрясений, в которых крестьянству будет принадлежать не последняя роль. Вот почему в резолюциях последней конференции Балканской Коммунистической Федерации и обращается внимание наших компартий на необходимость расширения и укрепления нашего влияния на крестьянские массы. Наше сближение с крестьянскими массами тем более возможно, что в крестьянских партиях балканских стран сейчас намечается определенный процесс диференциации, выражающийся в образовании левых крыльев в этих партиях. Крестьянских масс не удовлетворяет политика официальных вождей. Известна политика Стамбулийского, диктовавшего, в конечном счете, волю сельского кулачества и городской мелкой буржуазии. Вожди Хорватской крестьянской партии также «революционны» на словах и консервативны на деле. Партия эта называется республиканской, но когда к власти в Юго-Славии пришло «пацифистское» правительство Давидовича, которое Радич поддерживал, то он, в беседе с корреспондентом газеты чешских националистов «Рьен», в конце сентября заявил следующее: «Республиканской идеей я только оперировал, чтобы, таким образом, парализовать габсбургскую идею, которая глубоко укоренилась в хорватском народе. Я—не республиканец и никогда им не был. Необходимо теперь примирить хорватский народ с его национальной династией. Монархия является символом нашего национального существа...» и т. д. Но монархия, ведь, является воплощением господства великодержавной крупной сербской буржуазии над остальными народами. Следовательно Радич призывал хорватское крестьянство не более и не менее, как примириться со своим классовым врагом и со своим положением угнетенной нации. В другой беседе (через несколько дней позже) с сотрудником сербской газеты «Словенски Денник», тот же Радич заявил дословно: «В вопросе о форме государственного правления, хотя я являюсь убежденным республиканцем (?!), я стою за монархию, считая ее для нас самой лучшей формой государственного правления. Король не должен допускать вмешательства камарильи в решение политических вопросов, он должен управлять вместе с народом и парламентом. И я не поколеблюсь создать компромисс между республиканизмом и монархизмом». Македонский вопрос является, по мнению Радича, чисто внутренним сербским вопросом, который сами сербы должны разрешить. Так Радич, поддавшись, благодаря тактическому приему сербской буржуазии, допустившей на очень короткий срок к власти либеральные элементы страны, пацифистским иллюзиям, сдал все свои идейные позиции.

Если мы обратимся к Румынии, то мы увидим то же. Там существует царанистская партия (крестьянская), признающая классовую борьбу и... монархический образ правления. В национальном вопросе она хотя и за мягкое отношение к нацменьшинствам, но стоит за сохранение «Великой Румынии» в нынешних пределах и против отделения Бессарабии и др. провинций. Недавно верхушки этой партии сделали попытку соединиться с Национальной партией, представляющей самую реакционную партию в Румынии и имеющую в своих рядах остатки бывшей помещичьей партии Таке-Ионеску. Слияние состоялось, но потом под давлением масс было уничтожено.

Вожди крестьянского движения на Балканах являются далеко нередко не только выходцами из чужих классов, но и перебежчиками из враждебных пролетариату и крестьянству политических партий. Они прибегают к радикальной фразеологии, как к средству запугивания господствующего класса, у которого пытаются вынудить частичные уступки в целях спасения от крушения капиталистической системы в целом. Этой же радикальной фразеологией они берут на буксир крестьянские массы для того, чтобы совлечь их с пути открытой национально революционной и классовой борьбы и направить крестьянское движение в русло буржуазной легальности. Такова об'ективная роль лидеров национально-освободительного и крестьянского движения на Балканах, которые об'ективно же являются не чем иным, как агентами националистической буржуазии в ее враждебном лагере.

Но это, конечно, ни в какой степени не означает, что приведенные в движение крестьянские массы не выйдут за пределы поставленных им целей. Наоборот, крестьянские восстания в Румынии и раскол македонского движения на две части, одна из которых ориентируется не на буржуазию, а на пролетариат, сви-

детельствует о том, что национально-освободительное крестьянское движение перерастает за свои ограниченные рамки, поставленные его официальными руководителями. Также не умаляются и социальный состав и массовый характер этих самых партий. Именно это обстоятельство и служит причиной того, что наши партии на Балканах стремятся—и далеко не неудачно—создать единый фронт с крестьянскими организациями для борьбы за рабоче-крестьянское правительство. Разрешение национального вопроса наши компартии связывают с разрешением аграрной проблемы, и наш контакт с крестьянскими организациями, при полном сохранении нашей идеологической и организационной независимости, не может не привести к еще большему полевению крестьянских масс, означающему постепенное высвобождение их из-под влияния буржуазии.

В заключение нельзя не упомянуть о том, что национальная политика СССР, как и позиция в данном вопросе Коминтерна в целом, является одним из самых могущественных факторов в деле расширения, углубления и обострения национально-освободительного движения и классовой борьбы на Балканах. В заявлениях разных балканских министров мы неоднократно встречаем горькие жалобы на резолюцию Коминтерна по данному вопросу. Резолюция V Конгресса Коминтерна по национальному вопросу в Средней Европе и на Балканах, декларация т. Раковского на лондонской конференции по бессарабскому, галицийскому и буковинскому вопросам, требование СССР плебесцита в Бессарабии, образование Молдавской ССР—все это вызвало столь же сочувственное отношение к ним национально-угнетенных народов, сколько и припадок бешенства у балканской буржуазии. Наша национальная политика ущемляет ее в самом больном месте и она в бессилии и злобе обрушивается за это на наши компартии.

Разрешение национального вопроса наталкивается, однако, не только на противодействие националистической буржуазии, но и мирового империализма, ибо политическая карта полуострова всегда выкраивалась, прежде всего, соответственно стратегическим и экономическим интересам великих империалистических держав. Поэтому мы теперь и обратимся к характеристике противоречий интересов этих последних.

3. Итальянская экспансия и крах французского империализма на Балканах.

В положении великих держав на Балканах происходит перегруппировка сил. Эта перегруппировка вызвана авантюристской политикой Франции, проводившейся ею против СССР и Германии и ставшей тягостной малым державам, опасавшимся новых осложнений в Европе, которые грозили бы их «национальному единству», и активной политикой Италии на Балканах.

Империализм Италии кроется в факте развития итальянской промышленности, лишенной, однако, угля и нефти. Ей нужны поэтому, одновременно новые рынки сбыта и минеральное топливо. Но Италия—государство замкнутое в берегах Средиземного моря, над которым безраздельно господствуют Англия и Франция. Получать от них уголь—означает лишиться всякой видимости государственной независимости; в своей колониальной политике она наталкивается на препятствия со стороны той же Англии и Франции. Ей ничего не остается, как стремиться к расширению на Восток. «Дорога для мирного распространения Италии лежит на Восток, ибо на Западе находятся могущественные государственные образования, куда Италия может доставлять только рабочие руки».—так заявил Муссолини на заседании своего совета министров в феврале истекшего года. В начале того же года итальянский коммерческий банк предоставил Польше крупный заем и этим открыл пути Италии к польскому углю. Балканы нужны поэтому Италии, как транзитный путь для польского угля, так же, как и для русского на тот случай, если западно-европейский империализм запрет Дарданеллы для СССР или Италии. Удачным маневром в Болгарии, где Муссолини способствовал установлению фашистского режима, ему удалось запугать сербскую буржуазию возможной политикой реванша Цанкова и вынудить у нее уступки Фиуме, важного порта на Адриатическом море.

Заключение соглашения с Италией было со стороны Юго-Славии первым независимым от Франции шагом во внешней политике и означало ослабление французского влияния на Балканах. Вторым ударом по Франции было последовавшее затем соглашение Италии с Чехо-Словакией о соблюдении существующих мирных договоров, поддержке «порядка» в Центральной Европе, взаимной помощи на случай будущих конфликтов и пр. (в этом отношении соглашение аналогично соглашению с Юго-Славией). Наступление итальянского империализма означало начало краха французского империализма.

4. Разложение Малой Антанты и усиление английского влияния.

Это наступление Италии на Балканы стоит в противоречии с интересами Англии и Франции. Вовлечением Юго-Славии в орбиту своих интересов, а потом заключением соглашения с Чехо-Словакией о соблюдении status quo в Центральной Европе, Италия поставила под знак вопроса существование Малой Антанты, созданной, как инструмент Франции против Германии и СССР. Малая Антанта, в состав которой входят Юго-Славия, Румыния и Чехо-Словакия, фактически заменена сейчас итало-юго-славо-чешским блоком. Малой Антанты сейчас больше нет, как политически-единой единицы, она сохраняет видимость своего существования только благодаря тому, что она умудрилась исключить из своей программы вопросы, в которых сталкиваются их интересы. Малой Антанте грозил открытый раскол в вопросе об отношении к СССР. Чехо-Словакия, как промышленная страна, всегда была заинтересована в СССР и находится на пути к признанию нашего Союза. Юго-Славия не имеет непосредственных точек соприкосновения с СССР, и поэтому она относится более или менее индиферентно к данному вопросу. Зато Румыния, находящаяся в конфликте с СССР из-за Бессарабии, не только враждебно настроена к признанию нашей Республики, но настаивает на поддержке со стороны своих союзников ее претензий на Бессарабию. Мало того, как Франция, так и Румыния все время добивались приема Польши в состав Малой Антанты. Румынии это выгодно потому, что она заключила с Польшей военный дого-

вор о взаимной гарантии неприкосновенности восточных границ, т.-е. направленный против СССР. Но принятие Польши в свое об'единение обязало бы Юго-Славию и Чехо-Словакию также гарантировать восточные границы, т.-е. выразить готовность расплачиваться кровью в случае конфликта между Польшей, Румынией и СССР. На это оба государства не соглашаются, они исключали и исключают из своих конференций русский вопрос, оставляя Румынию в положении блестящего одиночества.

Поражение Румынии в Малой Антанте завершило крах Франции; оба они, до признания де-юре нас последней, мечтали о создании блока между Балтийским и Эгейским морями против СССР. Румыния и сейчас не оставила этой мысли и вновь делает попытку втянуть в Малую Антанту Польшу и... Болгарию. Лишне, однако, говорить, что она и сейчас не увенчается успехом.

Поражение Франции знаменует, однако, усиление Англии. Румыния, например, определенно ориентируется сейчас на Лондон: она пытается получить у английских капиталистов заем, она сдала заказы на вооружение Англии и предоставляет последней свои порты на побережье Черного моря для морских баз. Так что будет не преувеличением сказать, что сейчас на Балканах встречаются лицом к лицу два противника: Италия и Англия.

5. Англо-итальянское соперничество, революция и контрреволюция в Албании и реакция на Балканах.

Противоречие интересов между Италией и Англией не исключает, однако, того, что они, не будучи сейчас в силах разрешить эти противоречия вооруженным путем из опасения восстания народных масс, вступили во временное сотрудничество в том или ином вопросе. Примером тому может служить последняя авантюра в Албании.

Албания—это одна из самых отсталых балканских стран. До настоящего времени там сохранились феодальные земельные отношения, служащие препятствием к проникновению в страну иностранного капитала. Географическая близость этой страны к Италии и Юго-Славии неизбежно привлекает внимание капиталистов этих стран. В частности для Италии Албания представляла интерес, потому что она расположена на берегу Адриатического моря, в котором Италия непосредственно заинтересована. В середине прошлого года в Албании произошла **буржуазная революция**, свергнувшая власть феодалов. Новое правительство, возглавлявшееся Фан-Ноли, стремилось подготовить почву для создания буржуазно-капиталистических отношений в стране. Вот некоторые пункты из «декларации программы» этого правительства ...5. Радикальное разрешение аграрного вопроса, **разрушение феодализма** и введение демократических начал в жизнь Албании. ...7. Создание честной администрации из патриотических чиновников. ...8. Определение прав и обязанностей чиновников. ...11. Введение новой системы налогов. ...12. Улучшение положения крестьянства и организация помощи для его экономического раскрепощения. ...13. Облегчение доступа иностранному капиталу и т. д.

Новое правительство не соответствовало, однако, видам иностранного капитала. В то время, как глава прежнего, свергнутого, правительства, Ахмед бей Зогу, был игрушкой в руках иностранного, в частности, сербского капитала, новое правительство стремилось к сотрудничеству с иностранным капиталом, но на основе национальной независимости страны. Выражением этой тенденции нового буржуазного правительства явилось немедленное признание им СССР.

Признание Албанией СССР явилось как бы олицетворением союза угнетенных и стремящихся к своей независимости народов с СССР и свидетельствовало о решимости народившейся власти действительно вступить на путь более или менее самостоятельной, в интересах нации, политики. Этот шаг Фан-Ноли вызвал возмущение не только балканских реакционных правительств, но и беспокойство великих империалистических держав. Эти последние кровно заинтересованы в Албании. Несчастье этой страны заключается в том, что она имеет большие минеральные залежи и источники нефти. Италия пытается завладеть железнодорожным строительством в стране, а Юго-Славия надеется превратить ее в рынок для своей промышленности. Курс же на национальную политику и ориентация на СССР ни в какой степени не соответствовали интересам иностранного капитала.

Что иностранные державы готовят интервенцию в Албанию было для нас более, чем ясно. Тревожные сведения, которые балканская печать распространяла о положении в этой стране, свидетельствовали о том, что заинтересованные правительства подготовляют к тому общественное мнение и выжидают только благоприятного момента. Таким моментом и явился приезд нашего полпреда в Тирану.

Интервенция империалистических держав в Албанию приняла, однако, форму не непосредственного внешнего вмешательства. Для этого империализм достаточно хитер, чтобы **не** загребать жар чужими руками. Они прибегли к услугам свергнутого Ахмед Зогу, которого вооружили и при помощи его банд свергли правительство Фан-Ноли. При этом они сочли нужным заранее скомпрометировать этого последнего, потребовав устранения нашего полпреда, влияния на события которого они серьезно опасались.

Было бы, однако, ошибочно рассматривать албанские события изолированно. Они составляют только звено в ряде мероприятий, разработанных, по всей видимости, под завесой одной из сессий Лиги Наций, во время слета европейских министров в Риме. Как мы увидим ниже, английский империализм, за которым и в данном случае стоит американский, пытается создать новую комбинацию из малых государств, подчиненную своему контролю. Этого Англия может достигнуть при условии изгнания итальянского влияния из Балкан. Для этой цели она старается взять на борт Италию для того, чтобы, втянув и создав с ее помощью новые комбинации, в то же время в процессе этого временного сотрудничества окончательно подчинить себе или парализовать ее влияние. Англо-американское сотрудничество в албанской контр-революции, которым Англии удалось спровоцировать Италию против СССР—первые шаги в этом направлении. Но для того, чтобы вообще иметь возможность маневрировать, нужно обеспечить себя от возможности революции. Отсюда и вытекает бешеная травля коммунистических и крестьянских партий, развиваемая за последнее время на Балка-

нах. Позиция наших компартий в национальном вопросе, требующих самоопределения, вплоть до отделения наций, как и полевение крестьянских масс, нашедшее свое выражение в присоединении Хорватской крестьянской партии к Крестинтерну, внушает сильные опасения буржуазии и она предприняла крестовый поход против коммунизма. В настоящее время компартии поставлены вне закона во всех балканских странах. Распространяя небылицы про коммунистическую опасность и про «связь» крестьянских партий «с Москвой», правящая олигархия подготовляет общественное мнение к применению тех же мер против крестьянского движения. Поход на политически организованный пролетариат и крестьянство означает поэтому создание таких условий, которые, гарантируя от всяких возможностей со стороны революционного национально-освободительного, крестьянского и коммунистического движения, обеспечили бы туземной буржуазии и иностранному капиталу спокойную и усиленную эксплоатацию масс, а мировому империализму—вовлечение этих стран в новые авантюры.

Однако, более отчетливо планы Англии выступают в другой затее.

6. Проект Дунайской конфедерации и интересы СССР.

В некоторых кругах Малой Антанты начал обсуждаться, за последнее время, вопрос о создании Дунайской конфедерации. Цель последней—тесное экономическое сотрудничество между государствами, унаследовавшими земли бывшей Австро-Венгрии. Сама по себе эта идея имеет под собой вполне здоровую экономическую почву. Государства юго-восточной Европы расположены в бассейне Дуная, одной из важнейших водных артерий, омывающей поля Южной Германии, Австрии, Венгрии, Юго-Славии, Болгарии и Румынии и впадающей в Черное море, соприкасаясь в устье с нашей Бессарабией. Все перечисленные только что государства кровно заинтересованы в этой реке, связующей их с Черным морем, но рациональное использование ее тормозится государственными границами и таможенными перегородками. Рассечение Австро-Венгрии привело к уничтожению экономического значения ее железно-дорожной сети. Эти обстоятельства не могли не оказать пагубного влияния на послевоенную экономику этих стран. Великие империалистические державы, заинтересованные в «оздоровлении» юго-восточных стран и подали на одной из сессий Лиги Наций их представителям идею конфедерации, на основе тесного экономического сотрудничества. Центром последней должна была стать, по проекту Бенеша, Прага. По сообщению нашего «Роста», инициатива создания этого об'единения исходит из англо-американских кругов, желающих с помощью нового «плана Дауэса» изгнать из юго-восточной Европы влияние Италии и Франции, уничтожить Малую Антанту и прибрать к своим рукам придунайские государства.

В самом деле. Юго-Славия и Румыния, в результате последней войны получили от бывшей Австро-Венгрии некоторые промышленно развитые провинции. Разными искусственными мерами они взращивают свою собственную индустрию. В значительной степени это касается и Венгрии. Румыния осмелилась даже «национализировать» подземные богатства и поставить довольно чувствительные ограничения иностранному капиталу. Всего этого западно-европейский капитал не может стерпеть, ибо промышленное развитие земледельческих стран, означает сужение рынка сбыта для его промышленности, с одной стороны, и опасность его политическому господству над ними, с другой. В то же время, он должен получить с них свои долги, достигающие грандиозных цифр. Юго-восточные страны могут стать исправными кредиторами только при условии хозяйственного под'ема. Но они не могут этого добиться без помощи западно-европейских финансистов. Отсюда и необходимось создания такой группировки государств, которая, уничтожив в своих рядах таможенные границы, с денежной помощью Запада, на основе общих путей сообщения (жел. дороги, Дунай), создала бы предпосылки для своего экономического возрождения и развития, но не в направлении индустриализации, а интенсификации земледелия и связанных с ним отраслей народного хозяйства. Подобная комбинация обеспечила бы англо-американскому капиталу: 1) рынок сырья и сбыта; 2) размещение своих капиталов и 3) политическое господство над юго-восточными странами, что одновременно усилило бы их позиции против Италии и СССР.

Весть о проекте создания Дунайской конфедерации вызвала сильное беспокойство в придунайских странах. Румынская и сербская печать встретили эту идею определенно враждебно, так же отрицательно отозвался о ней и быв. австрийский канцлер Зейпель. В настоящее время разговоры о конфедерации заменены разговорами о таможенном союзе и пр., но не подлежит сомнениям, что всякая идея об'единения этих стран, в силу противоречий их буржуазии, заранее обречена на неудачу. Эта идея не лишена для нас интереса, однако, потому, что выявляет замыслы империалистов против нашего союза. Одна видная бухарестская газета писала: «Вена не останется на Востоке, если на месте нынешнего беспорядка не родится новый порядок, который свяжет дунайские страны, имеющие одинаковые экономические интересы на Дунае и одинаковые политические интересы на Днестре». На Днестре! Эта обмолвка газеты не случайная и она имеет особый интерес для нас. Устье Дуная—омывает границы Бессарабии, а последнюю узурпировала у нас Румыния. Для того, чтобы удержать за собой владение этой провинцией, она выражает готовность предоставить пользование другим государствам устьем Дуная и его портами, при условии гарантии владения Бессарабией за Румынией. Поэтому всякая комбинация, под руководством англо-американского капитала, может превратиться в непосредственную угрозу СССР.

7. Наступление англо-американского империализма и обострение антагонизмов на Балканах.

Способно ли наступление англо-американского капитала хоть в какой-нибудь степени смягчить противоречия на Балканах? Вне всяких сомнений, что нет.

Наступление англо-американского капитала означает в данном случае попытку: 1) экономического и политического закабаления всех придунайских государств; 2) уничтожения всех завоеваний, сделанных за последнее время Италией на Балканах

и 8) окончательного изгнания французского влияния. Италия добивается сближения с придунайскими странами, между прочим, с той целью, чтобы превратить их в hinterland для своих портов (Фиумэ и Триест) на Адриатическом море, через которые направлялись бы экспорт и импорт этих стран. Но конфедерация под сенью англо-американского капитала преследует совершенно противоположные цели. Поэтому попытка ее создания должна повести к антагонизму между Италией и Англией, т.-е. наступление англо-американского капитала означает обострение отношений между великими империалистическими державами в Дунайском бассейне.

Но если, так или иначе, иностранному капиталу удается, даже вопреки их интересам, подчинить себе правительства балканских стран, то как рабочее, так и национально-освободительное движение на Балканах остаются вне его досягаемости. Наступление англо-американского капитала несет с собой еще большее усиление реакции против рабочего, коммунистического и национально-революционного движений, т.-е. обострение классовых противоречий и национальных антагонизмов. Поэтому лозунг наших партий о рабоче-крестьянском правительстве, так же, как и лозунг Балканской Коммунистической Федерации, т.-е. об'единение всех балканских народов в союз против балканской буржуазии и против мирового империализма, приобретают сейчас наиболее актуальное значение.

А. Слепков.

„Не согласны!“

(Ответ т. Покровскому).

«Приятно быть предметом критики. Во-первых, чувствуешь, что тебя замечают: уже это лестно. Во-вторых, можешь отвечать—завести разговор. Перестаешь быть гласом вопиющего в пустыне. А то стоишь, как статуя Мемнона из учебника Иловайского и «вещаешь». А вокруг тебя «гулкая тишина»... и вот тишину разрезает звонкий и ясный голос: «не согласны!» С кем не согласны? «Со всем вообще, все не так!»

Так красочно изображает тов. М. Н. Покровский наше критическое выступление по поводу его книги «Очерки по истории революционного движения в России XIX—XX в.в.» [1]).

В нашей рецензии мы, действительно, выразили несогласие с рядом весьма существенных положений автора.

Познакомившись с ответом тов. Покровского, мы вынуждены вторично нарушить «гулкую тишину».

Не из любви к «разговору» вообще, а «для ради» практических целей: книга тов. Покровского, вопреки его скромному утверждению, разумеется, не оставалась незамеченной, и по ней учится наша партийная и комсомольская молодежь.

Именно поэтому неверное в основных положениях автора должно быть отмечено, выявлено, критически преодолено.

Ответ тов. Покровского ни капли нас не убедил.

Мы утверждали в нашей рецензии, что тов. Покровский неправ, определяя самодержавие, как «политически-организованный торговый капитализм», ибо это определение смазывает динамику социального содержания самодержавия и, тем самым, ведет к неисторической постановке вопроса о социальной базе царизма. Тов. М. Н. Покровский решил разоблачить нас, уличив, прежде всего, в непоследовательности.

«Это, видите ли, неправда, будто «самодержавие—политически организованный торговый капитализм».

«Положим, когда я спорил на этот счет с тов. Троцким, я был прав,—соглашается и тов. Слепков: но, повидимому, правота моя заключалась именно в том, что я спорил с тов. Троцким».

Нет, мы более высокого мнения о той критике, которой т. Покровский подверг тов. Троцкого.

Тов. Троцкий пытался в своем анализе самодержавного государства оторвать последнее от его классовой базы, доказать,

[1]) Рецензия помещена в № 14 „Большевика“, 1924 г., а ответ т. Покровского в журнале „Под Знаменем Марксизма“ № 12, 1924 г.

что это государство являлось «самодовлеющей», «надклассовой» силой.

Это было неверно и не совсем случайно для т. Троцкого.

Переоценка роли государственного начала, придание государственной власти «самодовлеющего» характера, — несомненно, было скрытой теоретической посылкой целого ряда политических выступлений тов. Троцкого уже после установления Советской власти (в профсоюзной дискуссии—огосударствление профсоюзов; в дискуссии о плановости хозяйства).

Тов. Покровский разоблачил методологическую ошибку тов. Троцкого: он показал, что самодержавие имеет классовые корни в российском обществе; что оно возникло как аппарат купеческого капитала и торгового дворянства [1]).

Эту заслугу тов. Покровского мы признавали и признаем сейчас. Однако, вытекает ли с неизбежностью из этого признания правильности положения т. Покровского о происхождении самодержавия—признание правильности его формулы: «самодержавие—политически организованный капитализм»? Отнюдь нет. Можно ли сказать, что самодержавие, возникшее как аппарат купеческого капитала и торгового дворянства, выступало в революциях XX века аппаратом этих же социальных групп?

Ни в какой мере.

Возникновение самодержавия тов. Покровский рисует правильно, но развития самодержавия, динамики его социального самодержавия автор «Очерков» не отражает.

---

[1]) Мы указывали, однако, что уже в эту эпоху противоречия между помещиком и купцом давали себя знать. Весьма забавно возражение нам со стороны тов. Рубинштейна (см. № 12 „Под Знаменем Марксизма", 1924 г., стр. 322—323).

„Тов. Слепков,—пишет т. Рубинштейн,—возражает против определения тов. Покровским самодержавия, как „политически организованного торгового капитализма", указывая на то, что в „истории имели место случаи борьбы торгового капитала с помещиками".

„С этим утверждением нельзя согласиться,—продолжает т. Рубинштейн.— В том-то и дело, что и помещик и купец выкачивали свои доходы из одного резервуара,—из мелкого производителя, т.-е., главным образом, из крестьянина. Значит по основной линии была общность их интересов, а не „некоторые общие интересы", как это думает тов. Слепков"

Едва ли стоит останавливаться подробно на этом возражении.

Марксисты до сих пор полагали, что конститутивным признаком класса является определенное место в производстве и распределении, а т. Рубинштейн находит, что помещики и купцы—образуют один класс торгового капитала, потому что у них общий об'ект эксплоатации. (Строго говоря, это тоже неверно, ибо купец эксплуатирует и городского ремесленника). Воображаем, до каких умных вещей договорится т. Рубинштейн, если с этакой методологией начнет анализировать современность.

Помещик и купец—в целом ряде европейских стран—борются между собою за прибавочный продукт крестьянина. По этой линии у них общий об'ект эксплоатации, но только тов. Рубинштейн может сделать из этого факта вывод, что помещики и капиталисты один класс.

Больше всего забавно то, что тов. Рубинштейн говорит об этом в самом серьезном тоне:

„Помимо фактической неверности в возражениях т. Слепкова кроется некоторая методологическая опасность (слушайте! слушайте! А. С.) Приняв резкое отграничение купцов и помещиков, мы лишаем себя возможности правильно об'яснить всю государственную политику самодержавия с XVI века до 1917 года".

Серьезное лицо т. Рубинштейна выражает непоколебимую уверенность, ибо над ним реет „Знамя марксизма".

Забавная картина!

Таким образом следует признать аргумент т. Покровского от «противоречий»—неосновательным.

Но как же возражает тов. Покровский против нашей критики по существу?

Мы отвергли формулу «самодержавие—политически организованный капитализм», потому что она не исторична, и предполагает неизменность социального содержания царизма, что не правильно и методологически и фактически.

Тов. Покровский не согласен, что «во 2-й половине XIX века происходит социальное перерождение» самодержавия. «Правда—пишет он—и после раз'яснения тов. Слепкова я не совсем схватываю, в чем это «перерождение».

Правда, тов. Покровский не пожелал обратиться к разбираемой нами конкретной проблеме о динамике российского самодержавия.

Он предпочел поговорить о самодержавии вообще.

Это уже подмена проблемы. Ибо стоит ли об'яснять нашим читателям, что не во всякой стране самодержавие существует в условиях финансового капиталистического развития.

Но даже если признать закономерной эту подмену,—что доказывает цитата из Гильфердинга?

Гильфердинг пишет, что «капитализм создает для него (крупного землевладения) большой внутренний рынок и открывает возможность развития таких сельско-хозяйственных отраслей промышленности, как винокурение, пивоварение, фабрикация крахмала и сахара и т. д.».

На основе этой капитализации помещичьего хозяйства, между прочим, вырастает меркантилистическая политика абсолютизма.

Может быть, т. Покровский попытается доказать, что превращение помещика из простого получателя ренты, кроме того, и в капиталистического предпринимателя (винокурение, пивоварение и т. д.) не является «социальным перерождением»?

Едва ли эта попытка будет продуктивной.

Она тем менее вероятна со стороны т. Покровского, что ему хорошо известно исследование т. Ленина о капитализации помещичьего хозяйства (мы имеем в виду «Развитие капитализма в России»), что и сам т. Покровский в других случаях жизни отмечал этот процесс, указывая на социальное перерождение помещичьего государства. Не угодно ли, например, познакомиться со следующей цитатой:

«Трудно найти лучший образчик исторической диалектики: помещичьи именья вызывают к жизни железную дорогу, чтобы добраться до наиболее выгодного широкого европейского рынка; железная дорога родит металлургию, металлургия создает наиболее революционный отряд пролетариата, хоронящий прадеда всей системы—помещичьи имения» («Правда» от 12/III—24 г. Статья т. Покровского, 12-го марта 1917 г.).

Это писал тов. Покровский. Нижеследующее писали мы: «Во второй половине XIX века происходит социальное перерождение и помещика и помещичьего самодержавия. Под влиянием мировых экономических связей и роста вывоза хлеба, помещик капитализирует свое хозяйство. Помещичье государство строит железные дороги, являющиеся крупными капиталистическими пред-

приятиями, и поощряет развитие индустрии, связанное с желдорстроительством».

Тов. Покровский ехидно отвечает, что и т. Троцкий признает факт капитализации государственного хозяйства самодержавия (желдороги и т. д.); как видит читатель из приведенной цитаты т. Покровского, последний здесь тоже согласен с т. Троцким. Впрочем мы не делаем из этого никакого вывода, кроме того, что наряду с многим неверным теоретически и политически т. Троцкий высказывал и многое верное.

Тов. Покровский пытается доказать, что самодержавие и периода Грозного и периода Николая II—«политически организованный торговый капитализм». Мы опровергаем это, подчеркивая момент социального перерождения государства, стоящего в тесной связи с социальным перерождением помещика, подчеркивая неизбежность «капитализации помещичьего государства в мировом капиталистическом окружении». Выяснению существа вопроса очень поможет следующая цитата из тов. Ленина, характеризующая временное правительство Львова—Гучкова—Милюкова.

«Это правительство не случайное сборище лиц. Это представители нового класса, поднявшегося к политической власти в России, класса капиталистических помещиков и буржуазии, который давно правит нашей страной экономически и который, как за время революции 1905—1907 г., так и за время контр-революции, за время 1907—1914 г., как, наконец, и притом с особенной быстротой, за время войны 1914—1917 г. чрезвычайно быстро организовался политически, забирая в свои руки и местное самоуправление, и народное образование, и с'езды разных видов, и думу, и военно-промышленный комитет и т. д. Этот новый класс почти совсем был уже у власти к 1917 г. (Ленин: Собр. Сочинен. т. 14, часть 1-я «Первый этап первой революции» стр. 9—10).

Трудно более убедительно высказаться против универсальной формулы: «самодержавие—политически организованный торговый капитализм». Империалистическая партия финансового капитала частично была носителем политической власти уже при самодержавии, была суб'ектом власти в политической системе самодержавного государства. Неправда ли, европейский банкир XX в. не совсем то же, что «гость» эпохи Ивана Грозного?

* * *

Тов. Покровский в своих итогах заявляет: «Тов. Слепков правильно подметил неточность некоторых формулировок, данных в «Очерках». Особенно правильным является его замечание о моей характеристике империализма...А затем, в моем скромном лице, попробовал сразиться с т. Лениным по вопросу об исторической роли крестьянства»[1]).

[1]) Тов. Рубинштейн пишет в унисон т. Покровскому: „Присоединяясь к той части (наших замечаний. А. С.) которая касается трактовки империализма, мы должны указать на то, что тов. Слепков несправедливо обвиняет тов. Покровского в „сплошной“ постановке вопроса о социальном характере „крестьянского движения“...

Итак, об империализме мы почти правы. Правда, т. Покровский пытается нам доказать, что мы не правы в утверждении, что до Ленина Гильфердинг дал наиболее правильную теорию финансового капитализма, с которой т. Ленин в общем и целом согласен.

Общеизвестно, что Ленин был несогласен с Гильфердингом, как автором «Финансового капитала» по вопросам теории денег и загнивания капитализма (здесь Гильфердинг был явным оппортунистом). За этим исключением т. Ленин солидаризируется с Гильфердингом, констатируя, что «это сочинение представляет собой в высшей степени ценный теоретический анализ новейшей фазы в развитии капитализма»...

Поскольку у нас с т. Покровским не было спора ни по теории денег, ни по вопросу о загнивании капитализма,—разногласия между т. Лениным и Гильфердингом—в нашей дискуссии не при чем.

Теперь посмотрим, как это мы сразились «в скромном лице т. Покровского с т. Лениным по вопросу об исторической роли крестьянства».

Тов. Покровский, ознакомившись с нашей критикой, торопится наклеить нам пугающие ярлычки.

«Если в первой части рецензии попытка ревизии обще-марксистского учения о государственном абсолютизме привела т. Слепкова очень близко к Троцкому, то в третьей части начинают звучать почти народнические нотки».

Тов. Покровский уловил в наших писаниях по части троцкизма те же нотки, которые звучат и в его писаниях и тем самым без достаточного основания наклеил ярлычек и на себя.

Но, может быть, т. Покровский, как полемист, счастливее в критике третьей части нашей рецензии?

Посмотрим. Для установления истинного хода нашей аргументации мы вынуждены привести цитату из нашей рецензии.

Итак, в чем же наше «народничество» тов. Покровский?

«Тов. Слепкову чрезвычайно не нравится, что крестьянин собственник и имеет соответствующую идеологию[1]). Нехотя признав факт этих собственнических черт крестьянина для революции 1905 г., т. Слепков стремится, по крайней мере, хронологически ограничить это зло, отрицая с одной стороны крестьянскую собственность Московской Руси, а с другой стороны, изображая современное нам крестьянство, как уже чуть-чуть не социалистическое».

Т. Слепкову приписывается, таким образом, три вины:

1) Он «нехотя» признает факт собственнических черт крестьянина для революции 1905 года.

2) Он «отрицает крестьянскую собственность Московской Руси».

3) Он, наконец, «изображает современное нам крестьянство, как уже чуть-чуть не социалистическое»-.

Мы очень уважаем т. Покровского, но допустимость его полемических приемов вынуждены поставить под знак вопроса.

На самом деле.

[1]) Мы не позволяли себе переносить анализ в плоскость „нравится“ или „не нравится“. Если же действительно перенести обсуждение вопроса в эту плоскость, то едва-ли сей факт „нравится“ и тов. Покровскому.

1) О крестьянстве в революции 1905—1907 г. мы писали:

«Крестьянское движение 1905 года было, несмотря на дифференциацию среди крестьянства, в общем и целом общекрестьянским фронтом против помещика за буржуазно-демократический переворот, за американский фермерский путь развития».

Где же это «нехотя»?—Если бы мы хоть описались или оговорились, то т. Покровский, мог бы, руководствуясь теорией ошибочных действий Фрейда,—вытянуть из нашего «подсознательного» это «нехотя»,—и заявить, что мы пишем не то, что думаем. Но, к сожалению, для т. Покровского этого формального повода даже для фрейдистского обоснования своего положения ему не дал ни я, ни наборщик. «Нехотя» вынуждены мы констатировать, что т. Покровский здесь приписал нам лишнее.

2) Об отрицании крестьянской собственности Московской Руси.

Мы писали:

„Тов. Покровский, желая показать, что крестьянская революция имеет глубокие исторические корни, допускает еще раз перегиб палки". На самом деле, как доказал еще Рожков, лет, примерно, 20 назад, наше крупное и среднее помещичье землевладение XVI века возникло на развалинах мелкой свободной крестьянской земельной собственности, следов которой в тогдашних писцовых книгах мы найдем сколько угодно, найдем уже в состоянии вымирания, но не совсем естественной смертью" (8—9 стр.).

Здесь вновь неосторожная формулировка. До сих пор мы полагали, что земельная собственность развивалась из феодального землевладения, что первым собственником был феодал, раньше крестьянской массы захваченной товарным обращением.

Если это, с точки зрения тов. Покровского, неверно, то тогда следовало бы не ограничиваться вскользь брошенным замечанием, и развить свое положение; если же это и, по мнению автора книги, верно, то тогда нужна большая ясность и точность.

Однако, у тов. Покровского, в цепи этих цитат заковано одно положение, логика которого подчиняет себе частность.

«1905 год напомнил, что инстинкты мелкого производителя глубоко сидят в крестьянине».

Тов. Покровский в своем ответе не стал доказывать, что крестьянское личное землевладение появилось раньше помещичьего. Очень хорошо сделал, что не стал. Но зачем же, приписывать нам, что мы отрицаем «крестьянскую собственность Московской Руси»?

Мы ее не отрицаем, но полагаем, что она появилась после помещичьей.

Это мы считали и считаем необходимым утверждать, поскольку у тов. Покровского проскальзывают нотки о биологически-«инстинктивном» характере крестьянской собственности.

3) О «чуть-чуть не социалистическом» характере современного крестьянства. Что мы писали по этому вопросу?

В 1917 году мы видим более сложную картину. Масса бедного и среднего крестьянства разносит помещика и кулака под руководством пролетариата, держащего в своих руках государственную власть.

Тот ли это «мужицкий капитализм», что в 1905 году?

Крестьянское хозяйство осталось частно-собственническим и товарным, но, во-первых, кулак сделался об'ектом революционного движения, а не суб'ектом. Во-вторых, и это самое важное, победа крестьянского движения была обусловлена в революции 1917 года победой социалистического пролетариата в его борьбе за власть.

Мелко-буржуазные устремления крестьянства могли быть осуществлены в нашей революции только в том случае, если социалистический пролетариат установит и укрепит свою диктатуру.

В силу этого крестьянское движение приобрело совершенно иной смысл.

Здесь нельзя сказать просто «мужицкий капитализм». Если бы дело обстояло так, то наши перспективы были бы безнадежны.

С одной стороны, развитие товарных отношений имеет своим следствием развитие в крестьянстве капиталистических отношений и рост буржуазии. Но с другой стороны, масса среднего крестьянства является нашей опорой в борьбе против капитала.

Наша задача заключается не в том, чтобы «третировать мужицкий капитализм», а бороться за социалистическое кооперирование крестьянства.

«Нехотя» мы вынуждены заявить, что и здесь тов. Покровский высосал «народничество» из пальца.

В «Очерках» тов. Покровского, действительно, не учтена диалектика крестьянского движения.

Мы были целиком правы, когда писали:

«Современное революционное крестьянское движение, разумеется, имеет известную историческую преемственность с прежним революционным движением крестьян. Однако, функциональный исторический смысл крестьянского движения в различные эпохи различен, как различен и социальный облик крестьянства».

Может ли т. Покровский отрицать, что в борьбе с империализмом мы опирались на крестьянство?—Конечно, нет.

Может ли он отрицать, что, несмотря на мелко-буржуазный характер крестьянского движения,—мы вступили в полосу «социалистического кооперирования» крестьянства?—Конечно, нет.

Напрасно т. Покровский стремится приписать нам тенденцию тащить крестьянина в коммуну.

О «социалистическом кооперировании», которое мы имеем в виду, писал именно т. Ленин в своих статьях о кооперации:

«В чем состоит фантастичность планов старых кооператоров, начиная с Роберта Оуэна?

В том, что они мечтали о мирном преобразовании социализмом современного общества, без учета такого основного вопроса, как вопрос о классовой борьбе, о завоевании политической власти рабочим классом, о свержении господства класса эксплоататоров.

И поэтому мы правы, находя в этом «кооперативном» социализме сплошь фантастику, нечто романтическое, даже пошлое в мечтаниях о том, как простым кооперированием населения можно превратить классовых врагов в классовых сотрудников и классовую войну в классовый мир (т. наз. гражданский мир)...

Но посмотрите, как изменилось дело теперь, раз государственная власть уже в руках рабочего класса, раз политически власть эксплоататоров свергнута и т. д.

Теперь мы в праве сказать, что простой рост кооперации для нас тождественен (с указанным выше «небольшим» исключением) с ростом социализма...».

Вся суть дела в том, что т. Покровский выяснял роль крестьянского движения без учета влияния на него всего контекста классовой борьбы; вся суть дела в том, что роль крестьянского движения изменяется в зависимости от соотношения сил всех классов в данный исторический момент.

Исходя из анализа этого соотношения сил в России, т. Ленин наметил перспективу «социалистического кооперирования» крестьянства.

Многие партийные товарищи не принимают всерьез тех мыслей, которые развил Ильич в своих статьях о кооперации. Пример тому—статьи т. Преображенского (в «Вестнике Комакадемии») и Гольцмана в «Большевике» (См. дискуссионный отдел № 5—6).

Они склонны кивать на народничество, когда говорят о «социалистическом кооперировании» крестьянства.

Тов. Покровский вместе с ними не принимает всерьез теорию «социалистического кооперирования».

Но он чувствует некоторую неловкость, и в своем ответе на нашу рецензию пишет, что «смешно бояться того факта, что в русской деревне кулак не только существует после 1917 года, но и сидит кое-где в этой деревне на командующих высотах».

Мы не отрицаем факта существования кулака, но мы «боимся», когда он «занимает в деревне командующие высоты».

Мы допускаем даже, что нам придется, быть может, легализовать в деревне аренду и наем рабочей силы для крепкого мужика,—но это будет не опасным только тогда, когда будет расти и крепнуть «социалистическое кооперирование» крестьянства.

Тов. Покровский может многому научить, многому научил, и еще поучит, учащееся партийное поколение (в том числе и нас), но в критикуемых нами положениях он безусловно не прав.

И это должен иметь в виду каждый, пользующийся весьма интересной, весьма ценной книжкой, каковой являются «Очерки» т. Покровского.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

А. Гольцман.

Наши задачи в деревне [1]).

(По поводу ст. тов. Крицмана „Союз Пролетариата и большинства крестьянства").

I. Новые веяния в наших аграрных воззрениях.

В № 2 (18) «Большевик» тов. Крицман открывает совершенно новые перспективы для дальнейшего развития революции. Речь идет о статье «Союз пролетариата и большинства крестьянства в СССР после победы революции».

Истины, открытые тов. Крицманом, мы изложим здесь читателю в кратком виде, отсылая его за подробностями к оригиналу этой поучительной статьи.

Истина № 1. Оказывается, что нам пора пересмотреть девиз «союз рабочего класса и крестьянства». «Прежде всего в наши дни этот лозунг не точен» [2]).

«Лозунг «союз пролетариата и крестьянства» не заключает в себе указания на классовое расслоение крестьянства—на буржуазию и пролетариат. Не потому, что это расслоение не принималось в расчет или отрицалось, а потому, что союз против крепостничества был союзом с крестьянством, как целым».

«...Лозунг «союз пролетариата и крестьянства под руководством пролетариата»—есть лозунг кануна мировой пролетарской революции».

Союз пролетариата и большинства крестьянства под руководством пролетариата означает большее—это лозунг самой мировой пролетарской революции. После уничтожения помещиков союз большинства крестьянства под руководством пролетариата может означать только союз в деле совместного движения по пути от капитализма к социализму».

Итак, весь глубокий смысл первого откровения тов. Крицмана заключается в том, что до победы октябрьской революции пролетариат действовал в союзе против царизма с крестьянством, как целым. Что это значит? Надо полагать, что это означает, что, если не поголовно все крестьянство стояло на стороне пролетариата в его многолетней борьбе против самодержавия, то,

---

[1]) **От редакции**. Редакция *радикально* расходится с основными положениями автора. Она считает их и *теоретически и политически ошибочными*, требующими критического преодоления.

Однако 1) поскольку проблема представляет исключительный интерес, 2) поскольку круг идей автора *типичен* для мышления *определенной категории* партийных товарищей,—редакция помещает настоящую статью в порядке дискуссии, считая необходимым в последующих №№ дать место критическому разбору системы положений автора.

[2]) Курсив везде тов. Крицмана, если противное не оговорено.

во всяком случае, все элементы крестьянской массы, все составляющие эту массу слои стояли на стороне пролетариата, хотя, конечно, отдельные лица из каждого слоя могли быть и против рабочего класса. Но суть не в отдельных лицах. И в самом рабочем классе были отдельные лица, состоявшие членами союза «Истинно русских людей» или «Михаила-Архангела» или прямо на службе в охранке. Но рабочий класс, как целое, вел борьбу с самодержавием. Так и здесь по смыслу этого первого поставленного тезиса нашего автора, крестьянство, как целое, вело борьбу с рабочим классом против самодержавия.

Но так было до октябрьского переворота? После этого начинает (по нашему автору) сказываться расслоение крестьянства. Часть крестьянства идет с пролетариатом, другая часть против пролетариата. Во всяком случае нужно понимать нашего автора так, что после октября пролетариат имеет на своей стороне уже не сплошную дружескую массу, а встречает в деревне и противников. Вследствие этого теперь наступает время провозгласить выдвинутый тов. Крицманом новый лозунг—лозунг союза пролетариата и большинства крестьянства под руководством пролетариата. «В наши дни в СССР происходит уже не преодоление остатков крепостничества, а преодоление остатков капитализма (где: в деревне? А. Г.). Здесь пролетариату не по пути с капиталистической частью крестьянства. Поэтому лозунг «союз пролетариата и крестьянства» теперь неточен. В современных условиях его точное выражение—это «союз пролетариата с большинством крестьянства», притом, с подавляющим «большинством крестьянства». При этом тов. Крицман подсчитывает: каково именно то большинство, с которым пролетариат связывает союз после октябрьского переворота. И он находит, что «слой зажиточных крепких хозяев, кандидатов в крестьянские капиталисты, едва-ли превышает 7—10% крестьянских хозяйств». Итак, рабочий класс имеет на своей стороне от 90 до 93% крестьянских хозяев в деревне. В этих условиях, однако, все же тов. Крицман считает, что нужно обязательно «из-за этих нескольких %» переменить лозунг, ибо, видите ли, тут дело не в процентах, а дело в принципе, а принцип таков, что до октября вся крестьянская масса была с пролетариатом, а после октября только 90—93%.

Истина № 2. Из этой первой истины вытекает другая, не менее оглушительная истина. Оказывается, что союз пролетариата с большинством крестьянства направлен не только к тому, чтобы защитить страну советской диктатуры против окружающих ее капиталистических противников и не только к тому, чтобы насаждать в стране новые социалистические, а в дальнейшем и коммунистические формы хозяйства, но и сверх этого к тому, чтобы с помощью диктатуры пролетариата укреплять мелкое крестьянское хозяйство. Таким образом, политический и экономический союз рабочих и крестьян превращается уму непостижимым образом в поддержку пролетариатом той технической базы (т.-е. мелкого производства), которая, в свою очередь, явилась экономической базой для союза рабочих и беднейшего крестьянства. Как сказано, эта истина № 2 вытекает непосредственно из истины № 1. Автор довольно убедительно доказывает (что, впрочем, многим известно), что союз пролетариата и «большинства крестьянства» под руководством пролетариата означает не только то, что пролетариат может проводить систему государственного капитализма, т.-е. систему развертывания капиталистических элементов при политической диктатуре рабочего класса, но также и то,—и вот тут-то и заключается самое главное,—что «если при господстве капитала кооперация мелких хозяев носит капиталистический характер и включается в систему капитализма, то при господстве пролетариата она принимает характер социалистический, т.-е. включается в общую систему руководимого пролетариатом хозяйства, переходящего к социализму». Тут-то и зарыта собака.

Кооперация мелких буржуа не становится социалистической от того, что она имеет природу кооперации *). 10 мелких буржуа не составят вместе одного пролетария. Если же вы сомневаетесь, то есть об'яснение: это происходит потому, что эти десять мелких буржуа включаются в «общую систему руководимого пролетариатом хозяйства, переходящего к социализму». Хорошо, однако, когда у нас есть десять мелких буржуа и сто пролетариев. Тогда, конечно, и мы можем пренебречь несколькими процентами. 10% мелких буржуа, при всей своей закоренелости, могут все-таки когда-нибудь приобрести «характер социалистический», но вопрос несколько осложняется, когда на 100 миллионов населения «мелких буржуа» имеется 30 с небольшим миллионов—городского населения, при чем далеко не все они представляют собою почетных пролетариев.

Истина № 3. Эта истина, согласно применяемого тов. Крицманом метода «оглушения», еще более интересна. Тут выясняется, каким образом хозяйство мелкого буржуа может принять социалистический характер. Тов. Крицман раскрывает перед нами экономическую механику всего этого дела и нужно отдать ему полную справедливость, он формулирует свои законы с достаточной ясностью, если и не с достаточной убедительностью. Этот закон 4-й говорит о том, что «союз пролетариата и большинства крестьянства»—означает не только усиленное развитие находящейся в руках пролетариата крупной промышленности и не только рост влияния ее на все ее народное хозяйство. Он означает и то, что для мелкого хозяйства открывается путь его некапиталистического превращения в крупное».

Итак, сперва мы имеем кооперацию мелких буржуа—эта кооперация мелких буржуа, сидящих, разумеется, на частно-собственнических владениях, и должна приобрести социалистический характер. Для этого мелкое хозяйство кооперации мелких буржуа должно превратиться в крупное хозяйство. Но в этом еще нет никакого чуда. Вся история капитализма есть показательный процесс превращения части мелких хозяйств в крупнейшие концерны и, связанной с этим превращением, гибели сотен и сотен тысяч других мелких хозяйств. Чудо заключается в том, что это мелко-буржуазное хозяйство превращается в крупное хозяйство некапиталистическим путем. Нужно эту истину очистить от всей словесной шелухи, чтобы она предстала перед нами в своем натуральном виде. Раз имеется мелко-буржуазное хозяйство, то этим самым дано в зародыше капиталистиче-

*) Здесь, как и у тов. Крицмана, слово «кооперация» употребляется в общем смысле «сотрудничества», как увидим дальше, тов. Крицман имеет в виду преимущественно производственные об'единения крестьян.

ское хозяйство. Это—позиция № 1. Дальше, это мелко-буржуазное хозяйство нужно превратить в крупное хозяйство—позиция № 2. Однако, не капиталистическим путем! Значит, в процессе метаморфозы наше мелко-буржуазное хозяйство должно преодолеть свою буржуазную природу, извергнуть из последней капиталистические элементы и привить себе социалистическую сыворотку.

Есть, правда, один путь превращения капиталистического хозяйства в некапиталистическое. Этот путь указан К. Марксом. «По Марксу» капиталистическое хозяйство может превратиться в некапиталистическое, только разорвав окружающую его оболочку имущественных взаимоотношений. Этот разрыв будет сопровождаться «экспроприацией экспроприаторов», при чем она будет иметь насильственный характер. Конечно, тут возможна оговорка, что при господстве пролетариата на одном из полюсов народного хозяйства—в промышленности,—такая экспроприация экспроприаторов может произойти более медленным и, вследствие этого, более болезненным путем. Но от этого она не теряет своей сути **имущественного переворота**.

Но тов. Крицман нашел новый путь, который гораздо более выгоден и приятен. Этот путь он указывает в

Истине № 4. Здесь открывается, что уже в утробе капитализма существуют элементы социализма, т.-е., проще сказать, уже в современном сельском хозяйстве и именно на территории СССР имеются те элементы, которые развиваясь дадут нам социалистическое хозяйство и притом не капиталистическим путем. Эти элементы—суть сельско-хозяйственные общества, промысловые кооперативы, артели и пр. и пр.

Тов. Крицман заявляет следующее: «Хотя предоставленное самому себе (а тем более в условиях господства капитала) развивающееся мелкое хозяйство неизбежно превращается в капиталистическое, ибо капитализм есть ни что иное, как развитие общественного хозяйства в формах частного хозяйства, т.-е. в формах вырастающих из форм хозяйств мелких хозяев, однако, мелкое хозяйство несет в себе и другую тенденцию развития и потому не исключает и социалистической линии развития». Хотя здесь терминология и туговата, но дело не в терминологии, тут есть кое-что и покрепче, а покрепче тут говорится следующее: «И поскольку в условиях господства пролетариата эта другая тенденция получает перевес,—работа мелких хозяев над под'емом своего хозяйства означает об'ективно, в основной своей массе, подготовку почвы для их будущего товарищеского об'единения и перехода к социалистическому хозяйству».

Дальше идут некоторые «туманности». Тов. Крицман заводит речь о части крестьянства, которую разорила империалистическая и гражданская война. Он указывает на то, что земельные наделы этой части крестьянства являются абсолютно недостаточными для содержания их владельцев. Вследствие этого мелким хозяевам (но надо полагать,—не всем?) ничего не остается, как об'единиться друг с другом и создать крупное хозяйство. «У этой части мелких хозяев только два выхода: отрыв от земли, отказ от своего хозяйства, переход в ряды городского или сельского пролетариата или об'единение для товарищеского хозяйства». Вот эти-то товарищества, повидимому, призваны сыграть

большую роль и тов. Крицман обращает наше сугубое внимание на них.

Но он в достаточной мере скромен и отказывается от авторских прав. Он указывает на то, что среди крестьянства уже давно живы элементы товарищеской работы. Так, например, говорит он: «еще в конце XIX века в Екатеринославской губернии обрабатывали вспашку супрягой» и он приводит таблицу, из которой явствует, что дело именно так и было, и супряга, действительно, имела место. Для нас, впрочем, непонятно, чего хочет тов. Крицман от этой супряги XIX столетия?

Разумеется эти супряги, помочи и прочие формы совместной запашки [1]) имеют примерно такое же отношение к социалистическим элементам в мелком хозяйстве, как русская община или сербская задруга к коммунистическому строю. Сообщения о родстве этих двух полярных форм есть уже подлинно старые перепевы.

Из всего этого тов. Крицман делает выводы, которые сводятся к тому, что для того, чтобы мелкое хозяйство превратить некапиталистическим путем в крупное хозяйство, мы должны оказывать «посильную помощь под'ему мелкого хозяйства, пока оно остается мелким хозяйством». Мы должны организовать особую помощь «товарищескому об'единению мелких хозяйств в коллективы, в которых работают только их члены». Должны организовать защиту сельско-хозяйственных пролетариев, батраков и проч.

Рассмотрим теперь несколько подробнее основные положения тов. Крицмана.

II. О союзе с крестьянством, как целым.

Первое утверждение тов. Крицмана, сводится к тому, что теперь наступила пора замены союза рабочего класса с крестьянством союзом пролетариата с большинством крестьянства под руководством пролетариата. Крестьянская революция завершила, по его мнению, первую стадию своего развития, именно, стадию борьбы с крепостническим и помещичьим строем. «То обстоятельство—говорит он—что численность капиталистической части крестьянства невелика, дела не меняет. Раз крестьянская противопомещичья революция закончена, крестьянство, как целое, как класс—сословие крепостнического общества исчезло и исчез, следовательно, и союз с крестьянством, как с целым». В этом утверждении имеются, по крайней мере, две ошибки.

1. Крестьянство, как класс, никогда раньше не существовало. Такое выражение как «класс-сословие» может быть было терпимо во времена Лассаля, когда великий агитатор развивал свои соображения «об идее рабочего сословия», но, ведь, и лассалевская формулировка может быть только об'яснена, но не может быть

---

[1]) Во время войны 1914—17 г. совместная запашка вспыхнула с новой силой. Община помогала семьям первых мобилизованных обрабатывать свою землю. Когда капитализм и связанная с ним пауперизация крестьянской массы врываются в жизнь общины, последняя вынуждена волей неволей нести первое время на себе *в целом* тяготы поддержки нищенствующих, которых за обилием резервной армии не принимает и город. Старый быт цепляется за жизнь и помогает первым жертвам капитализма однако, только до тех пор, пока он сам еще не разложен. Впоследствии, когда разрушительное действие войны коснулось масс, супряга снова исчезла с поверхности.

защищена. Тем более странно слушать такую формулировку в устах марксиста.

2. Мы категорически утверждаем, что большевики никогда не проповедовали союза рабочего класса с крестьянством, как с целым, независимо от того, является ли это целое классом, сословием, или «классом-сословием». Идея союза рабочего класса с крестьянством как с целым—это народническая, более того, Бакунинская идея. Разница между народниками, бакунистами и Крицманом заключается лишь в том, что первые и даже такие из них, как, например, Желябов, мыслили себе «народную революцию», как восстание всей громадной народной массы под руководством крестьянства, в то время, как тов. Крицман признает возможным предоставить руководство в революционной борьбе рабочему классу. Что же касается большевиков, то с первого дня своего существования эта партия провозгласила союз рабочего класса с беднейшим и, отчасти, с середняцким крестьянством. Еще 30 лет тому назад, когда Ленин только задумывал свою книгу «Развитие капитализма в России», он уже знал, что в революционной борьбе рабочий класс будет опираться не на все крестьянство в целом, а лишь на часть крестьянства, хотя эта часть и будет подавляющим большинством. Ленин дал тогда тщательный экономический анализ сельского хозяйства, в котором показал, что крестьянская масса разлагается на три части, как он их тогда назвал: «бедные, средние и богатые крестьяне». Он указал, что от основной крестьянской толщи все время откалываются в одну сторону бедняцкие элементы, образовывая собою резервуар для сельского, а потом и для промышленного пролетариата и, с другой стороны, капиталистическая крестьянская буржуазия. «Разложение крестьянства, говорил Ленин, развивая на счет среднего крестьянства его крайние группы, создает два новых типа сельского населения. Общий признак обоих типов—товарный, денежный характер хозяйства» [1]).

Первый новый тип—это сельская буржуазия, мелкие аграрии, как их называл Ленин. Это либо настоящие кулаки, либо кандидаты в кулаки. Второй тип—это пролетаризованные уже или находящиеся в активном процессе пролетаризации—мелкое крестьянство, обладающее недостаточными наделами для того, что бы своим натуральным хозяйством поддерживать свое пропитание. Между ними находится громадная масса крестьянской середины. «Оно отличается наименьшим развитием товарного хозяйства... В большинстве случаев средний крестьянин не может свести концов с концами без того, чтобы не прибегать к займам под отработки и т. п., без того, чтобы не искать «подсобных» сторонних заработков, состоящих тоже отчасти из продажи рабочей силы и т. д.» [2]).

Как относится рабочий класс к этому факту разделения крестьянства на три социальные группы? Он рассчитывает на активную поддержку со стороны мелкого, т.-е. бедняцкого крестьянства. Он ведет прямую борьбу с высшей группой, с группой «аграриев», которые уже крепко осели в деревне и ведут торгово-капиталистическое хозяйство, хотя капиталистические формы этого хозяйства вовсе не всегда связаны с производством предметов на рынок и с наймом рабочей силы. Что касается среднего крестьянства, то какова должна быть его роль, по мнению Ленина в будущей революции? Ленин отвечает совершенно недвусмысленно: «по своим общественным отношениям эта группа (т.-е. середняцкая. *А. Г.*), колеблется между высшей, к которой она тяготеет и в которую удается попасть лишь небольшому числу счастливцев, и между низшей, в которую ее сталкивает весь ход общественной эволюции» [1]).

Рабочий класс не заключал союза с крестьянством, как с целым, т.-е. поголовно со всей крестьянской массой ни до, ни после октябрьского переворота. Уже указанные цитаты из Ленина показывают, что даже в борьбе с самодержавием, пролетариат мог рассчитывать только на одну (в лучшем случае, на две части) крестьянской массы. Отсюда и произошел известный тактический маневр в нашей партии, направленный не только к тому, чтобы п р и в л е ч ь на свою сторону с и м п а т и и крестьянской массы, но и к тому, чтобы н е й т р а л и з о в а т ь эту крестьянскую массу в том случае, если ее симпатии не могут быть привлечены. Что эта двойная формула обозначает? Симпатии могут быть привлечены со стороны б е д н е й ш е й части крестьянства, уже пролетаризованной или, во всяком случае, достаточно сильно «столкнутой» из мелко-буржуазной формы хозяйства в сферу влияния рабочего класса. Н е й т р а л и з а ц и я ж е относится к середняцкой массе крестьянства постоянно колеблющейся между высшими, явно контр-революционными элементами и низшими. Что касается кулаков, действительных «мелких аграриев», то они представляли собой в деревне базу самодержавия и никогда не выступали в качестве, даже временных, союзников пролетариата. Если бы это было не так, мы бы не имели знакомства с ноябрьским Столыпинским законом 1907 г. «об отрубах». Ведь цель этого закона всем ясна—легализовать и усилить положение капиталистической крестьянской буржуазии, ибо эта последняя являлась в политическом отношении оплотом самодержавия против растущего революционного недовольства промышленных и сельских пролетариев. Далее, когда победила октябрьская революция и начался земельный переворот, то разве этот переворот был направлен только против помещиков, разве передел земли не коснулся также кулаков? Если бы это было не так, то нужно ли было бы создавать «комбеды, комнезамы» и др. организации маломощного крестьянства? Разве эти организации, и по сию пору существующие в некоторых местах СССР, (как, напр., на Украине) имеют своей целью ликвидацию помещичье-крепостнической системы, а не борьбу с кулацким хозяйством? Откуда же при таких условиях взялась мысль о том, будто бы до сих пор, дескать, пролетариат шел в союзе с о в с е й крестьянской массой, а теперь, видите ли, борьба против помещичьего землевладения кончилась и наступает новая фаза ограничения сферы распространения рабоче-крестьянского союза? Такой эклектической жижы как союз с крестьянством, никто никогда в рядах коммунистической партии не проповедовал. Теперь, посмотрим, на этот вопрос еще и с другой стороны. Мы видели, что тов. Крицман подсчитывал, как велико количество крестьянской буржуазии и пришел к заключению, что она составляет от 7 до 10% всех кре-

[1]) Соч. т. III, стр. 132.
[2]) Там же, стр. 136.

[1]) Соч. т. III, стр. 136.

отьянских хозяйств. Он делает из этого вывод, что капиталистическая буржуазия в деревне количественно ничтожна. Мы не хотим понимать этого утверждения абсолютно и считаем необходимым произвести некоторое сравнение: что это значит—«количественно ничтожна». По сравнению с каким периодом? Надо полагать, что она претерпела этот процесс «количественного изничтожения» в процессе революции. Так ли это? Имеются ли для этого достаточные данные и приведены ли они в статье тов. Крицмана?

Нет, они не приведены. Но зато мы имеем таблицу, данную Лениным в его автореферате об аграрном вопросе. Этот автореферат был напечатан в польском «Голосе Социал-Демократа», кажется, в 1908 году и появился на-днях в № 1 «Воинств. Материалиста». Вот таблица, данная Лениным.

Землевладение в Европейской России [1]).

(Данные относятся к 1905 г.).

	Число владений. в миллионах.	Число десятин	Десятин на 1 влад. в среднем.
а) Разоренное крестьянство, задавленное крепостнич. эксплоатацией	10,5	75,0	7,0
б) Среднее крестьянство	1,0	15,0	15,0
в) Крестьянская буржуазия и капитал. землевлад.	1,5	70,0	46,7
г) Крепостнические латифундии	0,03	70.0	2333,0
Всего:	13,03	230,0	17,6
Не распределено по владениям	—	50,0	—
Итого:	13,03	280 0	21,4

Эта таблица показывает, что среднее крестьянство составляло, по расчетам Ленина, в 1905 году около полутора миллиона владений, т.-е. хозяйств, в то время, как всего было хозяйств 13,03 миллиона, т.-е. здесь имеем именно те 7—8%, о которых говорит тов. Крицман. Если полагать, что у тов. Крицмана верные цифры, а мы не имеем основания ему не доверять, и если предположить, кроме того, что и у тов. Ленина верные цифры (а тем менее мы имеем основание подозревать здесь ошибку), то должны придти к заключению, что количественно «уничтожения» капиталистической крестьянской буржуазии на деле не имело места [2]).

[1]) См «Воинствен. Материалист» № 1, стр. 126.

[2]) Конечно, только относительно количество кулацких хозяйств осталось неизменным. Но в связи с общим процессом обмельчания крестьянского хозяйства и хозяйственные единицы крестьянской буржуазии подверглись уменьшению в своих абсолютных размерах.

III. О поддержке мелкого хозяйства.

Должны ли мы поддерживать, исходя из экономических соображений, мелкое хозяйство? Для тов. Крицмана это—решенный вопрос, притом в положительном смысле. Для него несомненен переход мелкого хозяйства в крупное (как мы видели, некапиталистическим путем). Кроме того, он полагает, что растущее мелкое хозяйство есть внутренний рынок для промышленности.

«Под'ем производительных сил мелкого хозяйства, рост его производительных сил означает в одно и то же время и рост технического вооружения работника и необходимость кооперации работников (в смысле их совместного труда). Иными словами, что мелкий хозяин уже не может работать один, а должен работать совместно с другими, что увеличившиеся производительные силы требуют работы не одного работника, а нескольких».

«...под'ем мелкого хозяйства не стоит ни в каком противоречии с переходом к социализму.

В исторических данных условиях он является, напротив того, одной из предпосылок этого перехода. Под'ем народного хозяйства невозможен без под'ема сельского хозяйства, которое является для промышленности и рынком сырья (и продовольствия), и рынком сбыта».

Разберем оба эти довода. Мелкое сельское хозяйство отличается от мелкого хозяйства городского (напр., ремесленнического) прежде всего своим натуральным характером. Городской мелкий хозяйчик продает продукты своего труда, вынося их на рынок. Он находится в полной зависимости от рынка, при чем каждое колебание этого рынка может привести его в положение продавца уже не продуктов своего труда, а своей рабочей силы. Укрепление мелкого городского хозяйства влечет за собою усиление его товарности, увеличение оборота его маленького капитала. На всем протяжении своего существования мелкий городской хозяйчик остается в пределах капиталистического обращения, хотя до своего превращения в фабриканта он не применяет капиталистических методов в производстве.

Происходит ли то же самое с мелким сельским хозяином? Можно согласиться с тем, что под'ем мелкого хозяйства означает, в известной мере, «техническое вооружение работника». Но неизвестно и далеко не доказана «необходимость кооперации». Здесь нет ни технической, ни экономической необходимости.

По этому вопросу партия должна иметь определенную точку зрения, так как здесь ось всего «аграрного вопроса» современности. «Техническое вооружение работника» в мелком хозяйстве до тех пор, пока последнее остается таковым, есть, в первую голову, рабочий скот. Мелкий земельный надел, небольшая площадь посева делают невыгодным применение другой механической движущей силы, приобретение тракторов и пр. Самообольщение на счет беспрерывного технического вооружения не имеет под собой никакой экономической почвы. Как только мелкое хозяйство становится на ноги, оно теряет связь с рынком. Оно оформляется как замкнутое натуральное хозяйство, довольствующееся тем малым, что оно приносит. Владельца такого замкнутого натурального хозяйства не вгонишь никакими силами ни в кооператив, ни в с.-х. товарищество, ни в какую-либо

иную организацию. У него не будет для этого никаких побудительных стимулов. Стало быть укрепление мелкого хозяйства, а тем более «пока оно остается мелким хозяйством», не только не открывает пути к превращению его в крупное, но, наоборот, в особенности, при наших условиях, неблагоприятствующих капиталистическому превращению мелкого хозяйства в крупное—эти пути закрывает.

«Из крестьян—сообщает т. Карпинский—идут в колхозы преимущественно маломощные бедняки, безземельные, малоземельные»[1]). Это понятно. Не владельцы окрепшего мелкого хозяйства, т.-е. справляющиеся уже сами с землей, а те, которые не могут с ней справиться, у которых нет скота, нет инвентаря, нет семян. Фактический сельский пролетарий, имеющий, благодаря разделу земли, небольшой надел и свою рабочую силу, но сверх этого—ничего, такой пролетарий вместо того, чтобы оторваться от земли и итти в город, организует коммуну, колхоз, товарищество. Поэтому т. Карпинский и приводит в той же статье данные, по которым 62% товариществ, 55% артелей и 44% коммун организованы на надельных землях.

И вместе с тем 41% колхозов не землеустроены; продуктивным и рабочим скотом обеспечены меньше, чем единоличные крестьянские хозяйства[2]). Это сопоставление кое о чем говорит. Оно подтверждает заявление тов. Карпинского о том, что в колхозы идут действительные бедняки. Вместе с тем приводимые в той же статье данные об обеспечении машинами показывают, что именно колхозы, т.-е. земледельческие об'единения безземельных и малоземельных крестьян, а не «окрепшего» мелкого крестьянства идут по пути «технического вооружения работников».

Миф о превращении мелкого хозяйства в крупное путем усиления мелкого хозяйства упускает из виду замкнутый натуральный характер этого хозяйства. Из этой ошибки непосредственно вытекает другая ошибка, будто под'ем мелкого хозяйства расширяет внутренний рынок. Это народническая «теория реализации» только навыворот. Внутренний рынок для индустрии, к сожалению, расширяется не благодаря росту мелкого хозяйства, а благодаря расширению и укреплению хозяйства так называемого «крепкого крестьянина». Мы говорим о том расширении, которое фактически имело место до настоящего времени. Но, расширение спроса со стороны крепкого крестьянина имеет свои пределы. Эти пределы даны рабочей силой крестьянской семьи крепкого мужика и величиною надела. Поскольку наем рабочей силы представляется невыгодным, постольку приобретение средств производства, расширение «постоянного капитала» встречает предел. Между тем именно расширенное из года в год применение орудий производства в земледелии является базой внутреннего рынка. Крепкий крестьянин—не кулак и поэтому лишен возможности найма рабочей силы и расширения спроса на промышленные изделия в значительном размере, но он—кандидат в кулаки и именно тем, что использует на последнем пределе рабочую силу своей семьи и инвентарь, который можно применить на своем наделе. Оба эти положения признает и т. А. Смирнов в своей

[1]) «Правда» № 277 за 5/XII—24 г.

[2]) На 100 едоков приходится у единоличников 23,2 коровы и 18 лошадей, а в колхозах 15,5 коров и 10,8 лошадей.

статье «О трудовом крепком крестьянстве»[1]). Указывая на то, что «возможность той или иной эксплоатации маломощных со стороны этого слоя конечно есть», т. Смирнов далее подчеркивает: «Вместе с тем в трудовом крепком крестьянстве владение инвентарем даст возможность использовать до пределов труд своей семьи и тем самым получить более высокую его оплату... Таким образом большее благосостояние крестьянского хозяйства будет результатом не только наличия капитала, но и больших затрат труда».

Крепкий крестьянин это полное опровержение теории т. Крицмана. Он (этот крепкий крестьянин) есть окрепший мелкий хозяйчик. Однако он не обнаруживает никакой тенденции к «некапиталистическому превращению» своего мелкого хозяйства в крупное и вместе с тем очень быстро доходит до предела в своем расширении рынка для сбыта промышленных товаров.

Конечно, на известной стадии революции не исключена возможность и прямой поддержки пролетариатом единоличного мелкого хозяйства. Такую стадию в частности сейчас переживает революция в связи с массовым обеднением крестьянства, обусловленным голодом и недородами 1921—24 г.г. Такая поддержка мелкого сельского хозяйства есть необходимый политический маневр пролетариата, направленный к закреплению за собою симпатии своего колеблющегося союзника. Неправильно, однако, было бы видеть в этом политическом маневре «естественный» экономический закон развития народного хозяйства на пути к социализму. Хотя вопросы политической стратегии ежеминутно перекрещиваются со стремлением пролетариата к конечной цели, тем не менее исследование должно разделять оба эти элемента.

Указанный маневр поддержки единоличного мелкого хозяйства есть уступка со стороны пролетариата крестьянству. Как таковая, она, с чисто-экономической точки зрения, отдаляет нас от конечной цели, т.-е. от момента внедрения социалистического строя в сельское хозяйство. Конечно, будучи противной коммунизму с точки зрения экономической, эта уступка является необходимой с политической точки зрения, закрепляя союз победившего социалистического пролетариата с мелко-буржуазным крестьянством в единственной в мире стране диктатуры рабочего класса, окруженной враждебными и достаточно еще сильными капиталистическими странами.

Но на эту уступку мы и должны смотреть как на уступку, а не изображать дело (как это делает т. Крицман) так, как будто эта поддержка мелкого единоличного сельского хозяйства «не противоречит социализму» и представляет собою один из этапов последовательного и прямолинейного развития социалистической экономики. На деле, как мы видели, в ней выражается противоречивое положение пролетариата, строящего социализм в мелкобуржуазной крестьянской стране.

Но этот маневр, как всякий маневр, в котором отражаются противоречивые элементы действительности, имеет и свою вторую сторону. Закрепляя связь обширной крестьянской массы с пролетариатом, она позволяет последнему усиливать свою деятельность по укреплению коллективных, связанных с социалистическим государством сельских хозяйств. Таким образом поддержка

[1]) «Правда» № 27 3/II—25 г.

мелкого хозяйства несет в себе свое собственное ограничение, поскольку она проводится сознательно, как политика уступок. Этой стороны вопроса мы коснемся в дальнейшем.

IV. О некапиталистическом превращении мелкого хозяйства в крупное.

Отчасти этот вопрос был уже затронут выше. Мы видели, что окрепшее сельское мелкое хозяйство имеет непосредственно перед собою перспективу превращения в крепкое, зажиточное хозяйство. Здесь не видно никакого «социалистического характера». Разговоры об «особенной стати» периода пролетарской диктатуры, когда дело якобы меняется в сторону, противоположную тому, что было при капитализме, не имеют в данном случае никакого значения. Мы не знаем как долго могут держаться юридические затруднения для крепких мужиков, существующие ныне и препятствующие втягиванию их в усиленный товарооборот. Несомненно, однако, что эта форма землепользования самостоятельно не имеет никакой тенденции к превращению в социалистическую.

В самом деле, при каких условиях возможно превращение капиталистического или мелкого буржуазного землепользования в социалистическое? Для этого нужно прежде всего, чтобы произошел имущественный переворот в землепользовании, чтобы от частной собственности на средства производства перейти к общественной собственности. Частная собственность на землю отменена, но она существует применительно к средствам производства. Откажется ли добровольно крепкий крестьянин, т.-е. крестьянин, восстановивший свое мелкое хозяйство, от собственности на средства производства для того, чтобы уступить их сельско-хозяйственному товариществу или колхозу?— Нет, не откажется. Впрочем, это понимает и сам т. Крицман, так как он заявляет, что около половины мелких хозяев «разорены настолько, что возможность под'ема на основе мелкого единоличного хозяйства для нее, как для массы, закрыта». «У этой части мелких хозяев,—говорит он дальше,—только два выхода—отрыв от земли, отказ от своего хозяйства, переход в ряды городского или сельского пролетариата или об'единение для товарищеского хозяйства». Этим он как будто намекает на то, что другая половина не подвержена этой коллективистской тенденции.

Все это верно. Но как отсюда делается вывод о том, что коллективное хозяйство образуется вследствие роста, под'ема мелкого единоличного хозяйства—одному аллаху известно.

В только что приведенной цитате правильно указан путь «некапиталистического» превращения мелкого хозяйства в крупное. Это—путь ликвидации, уничтожения единоличного хозяйства, ставшего уже слишком невыгодным, чтобы его обрабатывать; фактическая полупролетаризация его владельца. Следовательно, не рост, не под'ем мелкого хозяйства. На этом последнем пути нет органического превращения в «социалистический характер» даже в эпоху пролетарской диктатуры.

Связь с «общей системой хозяйства, руководимой пролетариатом», здесь тоже не при чем. От того, что мелкобуржуазное земледелие связано с социалистической промышленностью, оно не перестает быть мелкобуржуазным. Родовой быт восточных скотоводов остается родовым бытом, несмотря на то, что они втянуты в общую систему хозяйства и пр. Конечно, они играют в этой системе подсобную роль; конечно, благодаря такой подсобной роли, эти отсталые формы скорее ликвидируются, погибнут, уступив свое место более высоким формам. Мелкобуржуазное земледелие играет в народном хозяйстве страны гораздо большую роль, чем родовой быт скотоводов Зауралья. Оно не мало влияет и на развитие социалистической промышленности. Поэтому здесь еще труднее процесс ликвидации старых отсталых форм землепользования и, во всяком случае, переход от одних имущественных отношений к другим.

«Крепкий» мужик будет «крепко» держаться за свою частную собственность. Поскольку это будет возможно, он будет вступать в сферу товарооборота, усиливая тем самым частно-собственнический характер своего хозяйства. Нэп питает эти частно-собственнические тенденции мелкого хозяйства и с своей стороны ими питается. Конечно, можно сказать, что в известном смысле и нэп служит цели социалистического строительства, но от этого ее экономика не теряет своей буржуазной природы. При системе нэп нет никаких перспектив на некапиталистическое превращение хозяйства крепкого мужика в крупное. Оно будет себе жить и развиваться, как живут и развиваются в советских условиях, например, концессионные предприятия. Как последние не имеют никаких видов на превращение в социалистические «мирным» путем, так равно и окрепшие мелкие хозяйства при своем дальнейшем укреплении усиливают свою буржуазную природу не «сращиваясь» и не «врастая» в социализм, а приходя с ним во все большие и большие противоречия.

V. О сельско-хозяйственных обществах, кооперативах и пр.

Но,—скажут нам—не сыграют ли тут некоторой роли всякого рода сельско-хозяйственные организации. Может быть они помогут этому некапиталистическому превращению мелких хозяйств в крупные?

Для ясности мы снова хотим этот вопрос поставить в его имущественном разрезе. Являются ли сельские кооперативы, сельско-хозяйственные общества, сельско-хозяйственные товарищества, кредитные организации и т. п. ячейками социализма? Как известно, т. Ленин придавал громадное значение кооперированию сельского населения. Послушаем, что он говорит об упомянутых организациях.

«При частном капитализме предприятия кооперативные отличаются от предприятий капиталистических, как предприятия коллективные от предприятий частных. При государственном капитализме предприятия кооперативные отличаются от государственно-капиталистических, как предприятия частные, во-первых, и коллективные, во-вторых. При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частно-капиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле при средствах производства, принадлежащих государству, т.-е. рабочему классу».[1] (курсив мой. *А. Г.*).

Как видно, В. И. совершенно не обольщался насчет сельско-хозяйственных организаций. Он требовал перехода собственности

[1]) Соч., том XVIII, часть II, стр. 143. «О кооперации».

на средства производства в руки государства. Конечно, мы очень далеки от того, чтобы начать немедленно выполнение этого требования. Но в приведенной цитате указан путь и из статьи В. И. вытекают определенные практические выводы.

Что же собою представляют эти общества? В справочнике ЦСУ находим некоторые элементарные данные.

Число кооперативов в 1913—14 г.г. и в 1923 г. [1]).

	1913—14 гг.	1923 г.
Кредитных кооперации	10.785	1.436
Сельско-хозяйственных товариществ	2.546	30.515
Сельско-хозяйственных обществ	2.713	
Промысловых кооперативов	—	7.362
Потребительских кооперативов	8.052	17.154
Прочих	367	1.154
	34.463	57.611

Бросаются в глаза три факта. Громадное уменьшение кредитной кооперации (почти в 8 раз); увеличение количества сельско-хозяйственных обществ и товариществ (почти в 6 раз) и удвоение числа потребительских кооперативов. Уменьшение кредитной кооперации легко об'ясняется политическим разгромом кулацких и тяготеющих к ним элементов деревни, составлявших, как известно, до революции, основную массу этого вида кооперированного населения [2]). Увеличение потребительской кооперации может быть об'яснено общим об'единением крестьянской массы, разрушением натурального строя хозяйства, вызванного голодом, падежом и ликвидацией скота и вызвавшего, в свою очередь, рост покупки продовольствия и др. предметов личного потребления за деньги. Наконец, рост сельско-хозяйственных обществ и товариществ так же об'ясним об'единением крестьянской массы, уменьшением рабочего и молочного скота, трудностью индивидуального возделывания земли. Таким образом, указанные цифры обличают современные трудности сельско-хозяйственного промысла.

Можем ли мы, однако, на основании этих общих соображений утверждать, что в эти организации идет преимущественно беднейшее крестьянство, лишенное скота и инвентаря, вполне—или полупролетаризированное? К сожалению, данные отнюдь не позволяют утверждать это категорически. Поскольку имеет место общее обеднение деревни, значительное уменьшение отдельных хозяйств (обмельчание), затрудняющее промысел, рост сельско-хозяйственного пролетариата, живущего продажей своей рабочей силы (отхожие промысла и т. п.), поскольку наиболее устойчивым ядром кооперации может легко оказаться как раз не беднейшее крестьянство, стоящее на грани пролетаризации, а более зажиточные слои середняков и «крепышей». Так, например, А. Хрящева приводит следующую характеристику кооперированного населения по 28 губерниям [1]).

ГРУППЫ ПО ПОСЕВУ.	На 100 хоз. нанимающ. рабоч. кооперировано.	На 100 хоз. отпускающ. батраков в чуж. хоз. кооперировано.	На 100 хоз. без своих работников кооперировано.
С посевом до 2-х дес. земли	21,7	14,8	8,5
С посевом:			
2,1—4 дес.	27,1	13,8	6,9
4,1—6 дес.	37,4	13,9	5,5
6,1—10 дес.	35,6	24,5	8,5
Св. 10 дес.	42,0	22,0	14,5
Всего	30,1	14,6	7,4

На основании этих данных автор приходит к выводу, «что и по типу хозяйств и по размеру их, кооперируются более зажиточные хозяйства». Быть может, этот вывод нуждается в более подробных статистических подкреплениях [2]), но приведенные цифры обращают на себя внимание. Если выводы т. А. Хрящевой подтвердятся, то наша задача ставится в такой плоскости: каким образом направить деятельность кооперативных организаций в такое русло, чтобы они пришли к обобществлению инвентаря и рабочего скота? Совершенно очевидно, что голая формула т. Крицмана: «социалистический характер, так как втягиваются в руководимое пролетариатом хозяйство» (истинно, ибо верую) абсолютно не подходит. Корень вопроса находится гораздо глубже. Конечно, нам вряд ли угрожает опасность нарождения крупной буржуазии из этих кооперативных об'единений, но, несомненно, что если партия не определит своего отношения к этим организациям, то они могут оказаться поставщиками оппозиционной мелкой буржуазии, достаточно зажиточной, чтобы стремиться в кулаки и ограничиваемой в этом стремлении советскими законами. Тут нужны экономические мероприятия, которые дали бы государству преобладающее влияние или контроль в этих организациях. Такое влияние может дать в частности умелая кредитная политика.

Разумеется, легче провести эту линию по отношению к колхозам, в которые идет, если подтвердятся данные т. Карпинского, крестьянская беднота. Здесь уже в более практической и злободневной форме встают вопросы участия государства в обработке земли и достижения его преобладающего влияния в коллективных хозяйствах.

---

[1]) Упомянутое, стр. 221 и 222.

[2]) Вот как характеризовал дореволюционную с.-х. кредитную кооперацию один из кооператоров, которого нельзя причислить к противникам этого вида кооперации: «Если же мы вспомним, что в кредитные товарищества вообще входят крестьянские хозяйства более состоятельные, и, во всяком случае, за бортом их остаются крестьяне наименее обеспеченные вообще и землею в частности, и, следовательно, более нуждающиеся в ней, то окажется, что товарищества эти обслуживают, главным образом, если не всецело, хозяйства не ниже среднего по зажиточности», см. ст. Зюрюкина в «Вестнике Кооперации» № 1 за 1915 год.

[1]) «Экономическая Жизнь», № 41. 19/II — 25 г.

[2]) В № 1 «Сельско-хозяйств. Кредит». за октябрь 1924 г. проведены некоторые данные, из которых видно, что бедняки также принимают участие в кооперативах (по крайней мере в некоторых районах).

VI. Выводы.

Мы подвергли рассмотрению основные вопросы, возбужденные т. Крицманом в его статье. Из вышеуказанного напрашиваются следующие выводы:

1) Лозунг—«Союз пролетариата и большинства крестьянства». Этот лозунг поставлен чисто формально. Он не имеет никакой практической ценности и не прибавляет ничего нового к той тактике, которая проводилась пролетариатом по отношению к крестьянству до сих пор. Пролетариат всегда опирался в деревне на союз с большинством крестьянства, а не со всеми элементами крестьянской массы. Если союз пролетариата с большинством крестьянства формулировался как «союз рабочего класса и крестьянства», то это об'ясняется только желанием сделать этот лозунг наиболее понятным и ясным для подавляющего большинства трудового крестьянства, ибо он действительно в общем и целом отвечал своему содержанию. С математической точки зрения он, конечно, был не точен. Точно так же можно, однако, сказать, что формула Ньютона о взаимодействии масс (обратно пропорционально квадрату расстояния между ними) не точна, потому что, как известно, на деле размер расстояния должен быть возведен в степень—$2^1/_{16}$. Однако, эта 16-я часть отбрасывается, ибо только благодаря такому упрощению, Ньютоновская формула становится понятной не только для специалистов, но и для громадной массы обучающихся.

2) О мелком хозяйстве. Ни об'яснения, ни практические предложения тов. Крицмана не могут быть приняты. Восстанавливающееся мелкое хозяйство, поскольку оно остается индивидуальным, приобретает замкнутый натуральный характер, а отнюдь не социалистический; уходит из сферы товарооборота и этим ослабляет базу для городской индустрии. Второй ступенью развития мелкого хозяйства при дальнейшем его укреплении становится возврат в сферу товарооборота. Однако, на этой стадии укрепленное мелкое хозяйство входит в сферу товарооборота уже как зажиточное крепкое хозяйство, стоящее на последней грани между трудовым землепользованием и кулацким хозяйством. Укрепляющееся мелкое хозяйство обнаруживает тем меньше склонности к отказу от индивидуального землепользования и к переходу к общественной собственности на инвентарь и рабочий скот, чем более интенсивно оно переживает процесс своего укрепления.

3) О кооперативах. В настоящее время трудно сказать, какие социальные элементы составляют основную массу кооперированного крестьянского населения. Однако, есть достаточно оснований предполагать, что зажиточное крестьянство играет далеко не последнюю роль в этих организациях. Политика государства по отношению к кооперации, в особенности производственной, должна быть направлена к усилению государственного контроля, а там, где это возможно, даже и участие в имуществе кооперативов, с тем, чтобы постепенно сделать эти организации экономически зависимыми от рабочего государства. Одной из мер в этом направлении является—умелая и гибкая политика сельско-хозяйственного кредита, проводимая органами государственной власти.

4) Колхозы. Поскольку позволяют судить имеющиеся данные, эти организации привлекают в большей мере бедняцкие и середняцкие полупролетаризированные элементы деревни. Здесь в особенности налицо благоприятные условия для внедрения государственной власти в имущественные взаимоотношения между членами колхозов. Снабжение инвентарем, семенами, рабочим скотом и проч. могут здесь привести, при более развитых формах, к прямому участию государства в качестве главного руководителя и собственника средств производства. Поэтому эта форма является наиболее подходящей для проведения такого кооперирования населения, при котором в дальнейшем будет иметь место обобществление средств производства в руках государственной власти.

5) Предложение о поддержке сельско-хозяйственных обществ и товариществ до тех пор, пока они не пользуются чужим трудом, как это предлагает т. Крицман, подлежит коренному пересмотру. Как раз наоборот, именно расширение применения живой человеческой силы, которое обусловливается усиленным применением сельско-хозяйственных машин, является наиболее желательной формой с точки зрения создания внутреннего рынка для городской промышленности. Однако, такое привлечение наемной рабочей силы в различного рода сельско-хозяйственные общества, товарищества, колхозы, кооперативы и проч., должно быть связано с политикой внедрения государства, в качестве одного из участников, в экономическую деятельность этих организаций.

Батырев.

По поводу статьи тов. Крицмана.

1. Кое-что о «необходимом превращении в капиталиста».

Основным вопросом при исследовании аграрных отношений в СССР является установление—неизбежно ли и в какой мере в современной деревне преобладание тенденции к расслоению над прочими возможными тенденциями. Т. Крицман по сему вопросу дает самые общие ответы, в роде того, что «Развитие мелкого хозяйства означает его развитие в сторону крупного хозяйства. По мере под'ема той части мелких хозяев, которые располагают необходимыми для ведения хозяйства средствами производства, будет расти и растет число зажиточных хозяйств, т.-е. таких, которые стремятся расширить свое хозяйство за пределы, ограничиваемые их собственной рабочей силой»... «Беднота—это потенциальные, возможные пролетарии... Зажиточные—это потенциальные, возможные капиталисты; преуспевающий мелкий буржуа не может остаться мелким буржуа, а превращается, поскольку он остается собственником, в капиталиста... Применение наемного труда является для него необходимостью и означает необходимое превращение его в капиталиста».

Действие происходит в межпланетном пространстве, в условиях «идеального» капитализма. Но ведь для т. Крицмана не секрет, что описанный им процесс, процесс капиталистического развития сельского хозяйства протекает чрезвычайно своеобразно, видоизменяясь под влиянием целого ряда условий, привносимых из внешней среды: под влиянием условий мобилизации земельной собственности, ипотечной задолженности, хлебных цен, фискального нажима, наконец, такого внутреннего фактора (хотя, конечно, такое деление чрезвычайно условно), как семейные разделы! Именно поэтому, говоря о расслоении деревни в связи с накоплением, нельзя брать абстрактной формулы процесса, надо рассматривать явление в определенной конкретной обстановке. И темп и самая форма расслоения при накоплении в условиях неограниченного земельного простора значительно разнятся от темпа и формы расслоения в условиях парцеллярного земледелия или в условиях неизжитых крепостнических отношений, при низких хлебных ценах и хищнической «экстенсивной» фискальной политике. Правда, т. Крицман считает, что две аграрных революции расчистили почву в нашей деревне, сметя все пережитки крепостничества и устранив влияние крупного капитала. На этом т. Крицман и строит неизбежность накопления в идеально-капиталистических тонах («преуспевающий мелкий буржуа не может остаться мелким буржуа», т.-е. накопляя, он

превращается в капиталиста), но тем самым он и допускает недопустимую абстракцию, при чем «абстрагируется» от такого «пустяка», как диктатура пролетариата и социалистическое хозяйствование в промышленности. Является ли в такой конкретной обстановке неизбежным превращение «преуспевающего мелкого буржуа» в капиталиста или под влиянием окружающей социальной среды, в условиях охвата деревни социалистическим хозяйством города, возможны иные пути накопления—этого вопроса т. Крицман не пытается даже поставить. Его основной аргумент в том, что накопление толкает крепкого крестьянина на капиталистический путь. Разве лучше будет, спрашивает т. Крицман, если капитал, стремящийся в сельское хозяйство, натолкнувшись на рогатки законодательства, направится в сферу торговли и ростовщичества? Но позвольте, а если накопляемый в сельхозяйстве капитал будет вовлечен в кооперативную систему торговли и кредита—в потребительскую, сельскохозяйственную или кредитную кооперацию? У нас вклады населения в низовую кооперацию не превышают 2—3 милл. руб. против довоенных 450 мил. руб. Это значит, что кредитная и с.-х. кооперация работают почти исключительно на средства государства, превращаясь из организации взаимного кредита в аппарат распределения гос. помощи нуждающимся хозяйствам. Конечно, в настоящее время нельзя создать кооперативного аппарата без солидной государственной поддержки, но задача привлечения средств населения вполне осознана кооперативными работниками, как основная. Подобное же положение мы имеем и в потребительской кооперации, работавшей до сих пор увязанными в торговый оборот средствами промышленности; теперь же, по мере оттягивания этих средств, мы стоим перед настоятельной необходимостью вовлечения средств населения. Рассчитывать при этом, что те 160 милл. р., в которых приблизительно выражается накопление крестьянского хозяйства, могут создать опасность капиталистического перерождения деревни—не значит ли это слишком недооценивать наши организационные возможности, если учесть, что у нас до 15% хозяйств уже вовлечены в аппарат сельскохозяйственной кооперации, и задача заключается лишь в том, чтобы превратить эту, в известной мере механическую, формальную связь в связь органическую, при которой развивающееся крестьянство врастало бы в кооперативную систему, отдавая ему излишки накопления и получая реальную поддержку в постановке рационального хозяйства «трудового» (мелкобуржуазного, т. Крицман, но врастающего в социалистическую систему) типа. Нам представляется, с «преуспевающим мелким буржуа» дело обстоит вовсе не так плохо. За хороший процент, вполне реальные льготы и поддержку в рационализации он будет иметь возможность вложить в кооперацию часть средств от своего «преуспевающего» хозяйства. Другое дело—захочет ли. Но тут уж вопрос организационных возможностей, вопрос умения направить процесс по желательному руслу, законопатив покрепче русла нежелательные, т.-е. прямопротивоположное тому, что предлагает тов. Крицман.

Посмотрим теперь, как обстоит с «потенциальными пролетариями»—с безлошадной частью крестьянства. Тов. Крицман определяет количество безлошадных хозяйств для 1924 г. в 32,6% всего количества хозяйств, т.-е. по сравнению с количеством без-

лошадных в 1922—33,7% и 1923—33,6%, оставшихся почти без изменений. Отождествляя безлошадные хозяйства с такими, которые из-за отсутствия средств производства не могут хозяйствовать, т. Крицман отсюда выводит необходимость открыть для этой категории возможность работать по найму. Но правильно ли это отождествление? Возьмем данные о действительном хозяйствовании, данные о группах по величине посева. Цифры эти, приводимые А. Хрящевой [1]), охватывают 1920, 1922 и 1923 г.г., но для нашей цели они достаточны, так как за 1924 год, год твердой валюты и относительного сжатия ножниц, восстановительные процессы, несмотря на неурожай, в общем и целом продолжались. Мы разбиваем данные на 4 группы (у т. Хрящевой разбивка несколько другая)—беспосевные, приблизительно то, чем для тов. Штерна являются безлошадные, т.-е. действительно не могущие приложить рук в своем хозяйстве, до двух десятин—беднота, «потенциальные пролетарии», от двух до шести—середняки с перевесом зажиточной части, и свыше шести—«крепкие хозяйства». Таблица такова (в %%).

	Год.	Беспосев.	С посевами дес.			
			До 2.	От 2 до 6.	Свыше 6	
6 потреб. губ.	1920	8,3	66,5	24,5	0,7	100
	1922	6,3	65,0	27,6	1,1	100
	1923	5,4	62,0	31,2	1,4	100
3 производ. губ. не пострадавш. от неурожая.	1920	2,6	35,9	55,3	6,2	100
	1922	2,4	34,8	53,9	8,9	100
	1923	1,0	25,8	61,4	11,8	100
4 производств. губ. пострадавш. от неурожая.	1920	4,6	25,5	55,9	14,0	100
	1922	5,2	50,1	40,5	4,2	100
	1923	5,1	36,7	49,7	8,5	100
Юго-Восток (1 область).	1920	31,4	17,7	23,6	27,3	100
	1922	17,3	27,5	33,8	21,4	100
	1923	18,6	19,9	34,6	26,9	100

Не касаясь пока Юго-Востока, что мы видим в остальных районах? По сравнению с 1920 г., годом максимальной нивеллировки, осереднячения крестьянства—количество беспосевных хозяйств падает в районах, непострадавших от неурожая 21 г., и незначительно (увеличение про-

[1]) «Экономическое Обозрение» № 9—10.

цента на 0,5) растет в районе пострадавшем; абсолютно беспосевные в 1923 г. составляют от 1,0 до 5,4% хозяйств. Число хозяйств с посевами до двух десятин почти без изменения в потребляющей полосе, значительно уменьшается в производящей, не пострадавшей от неурожая, и опять-таки растет в полосе пострадавшей. Хозяйства от 2-х до 6-ти десятин и свыше 6-ти дес. посева дают рост процента в двух непострадавших районах и падение в пострадавшем, при чем удельный вес последней (свыше 6 дес., т.-е. зажиточной) категории измеряется всего от 1,4 (в потребл. полосе) до 11,8 (в производ. не пострадавшей) процента.

Следовательно, там, где не внесено временного перемещения неурожаем 1921 г. мы видим относительное уменьшение числа не только беспосевных, но и малопосевных хозяйств, и рост хозяйств устойчивых середняцкого и выше середняцкого типа (при чем в полосе потребляющей преобладают первые — 67%, а в районах производящих вторые — 72,2%). Во всяком случае, эта картина значительно отличается от типичного для процесса расслоения роста двух крайних групп при уменьшении групп средних. Повидимому, наряду с этой последней тенденцией действуют какие-то другие моменты, уравнивающие ее влияние. Известный сдвиг вниз мы находим в районе, пострадавшем в 1921 г., но и тут наряду с ростом беспосевных и малопосевных падает процент середняцких и зажиточных хозяйств, что опять-таки ничего общего не имеет с преобладанием тенденции к расслоению, при чем и тут, если сравнивать 1923 г. не с 1920, а с 1922 г., т.-е. взять только восстановительный процесс, движение цифр идет в направлении, характерном для непострадавших губерний—падение % без-и малопосевных, при росте высших групп.

Совершенно особняком по абсолютным цифрам стоит Юго-Восток, типичный район капиталистического земледелия до войны, во многом сохранивший свои характерные черты, район с 18,6% беспосевных и 26,9% свыше шести дес. посева; но исключение только подтвердит правило, если мы от статики перейдем к динамике, к движению отдельных групп за те же годы. При падении крайних групп—значительном для беспосевных и почти незаметном для зажиточной группы—процент средних хозяйств растет, при чем особенно заметен рост в сравнительно «самостоятельной» группе от 2-х до 6-ти десятин. Следовательно, и тут общая передвижка вверх получает преобладание над силами расслоения.

Особенно характерны для того же процесса другие данные, приводимые т. Хрящевой для 1.523 хозяйств в Тульской губернии, где при общем для данных хозяйств проценте расширения посева с 20 по 23 г. в 20%—наибольшее расширение—50% прежнего засева дали хозяйства, имевшие в 20 г. до двух десятин, на втором месте—21% дали хозяйства от 2-х до 4-х дес. посева, хозяйства же, сеявшие в 20 г. свыше 6-ти дес.—эти потенциально капиталистические хозяйства, увеличили посев только на 17%. И эта черта в конце концов характерна вовсе не только для советской экономики. Даже при самых благоприятных капиталистических условиях создание капиталистического земледельческого хозяйства тормозится целым рядом факторов — разделами, уходом капиталов в торговлю, в ростовщичество, в города

и т. д. Для современного положения характерны два основных условия. Во-первых, что эти процессы протекают на фоне общего народно-хозяйственного под'ема, когда, с одной стороны, по десяткам русел в крестьянское хозяйство притекают добавочные средства (отхожие промыслы всякого рода), с другой стороны, даже безлошадное хозяйство, пользуясь в порядке отработок чужим инвентарем, может, благодаря сравнительно благоприятной рыночной кон'юнктуре, не только поддерживать, но и расширять запашки. Вторым характерным моментом является определенное государственное воздействие со стороны пролетарской диктатуры.

Вот, не угодно ли кое-что из этой области.

Процент безлошадных в захваченных кооперацией хозяйствах по губерниям: Самарская—40,1%, Козловский уезд Тамбовской губ.—40,0%, Уфимская—30,7%, Пермская—23,1% и т. д. Правда, наряду с этим существует, напр., Курская губ. (при не меньшем среднего общем проценте безлошадных), дающая 5,6% из об'единенных в с.-х. кооперацию по отношению ко всем кооперативным хозяйствам; правда, даже 25—30% безлошадных из 15% кооперативных хозяйств вообще, т.-е. процента 4 всех хозяйств страны совсем не много по сравнению с долей безлошадных по республике—33—34%,—но разве это не дает картины возможного перераспределения накапливающихся в сельском хозяйстве средств, если учесть при этом ставку на вовлечение в систему кооперации средств населения.

Экономическое расслоение в деревне далеко не всегда проявлялось в форме выделения на одном полюсе наемного рабочего, на другом — предпринимателя - капиталиста. Гораздо чаще деревня выделяла на одном полюсе ростовщика, «поддерживающего» посредством кредита (или денежного или натурального) падающее мелкое хозяйство, на другом—«пролетария с наделом», ведущего только по видимости «самостоятельное» хозяйство. Очень характерен в этом отношении период низких хлебных цен мирового рынка, т.-е. 80-е, начало 90 г.г., у нас в России, когда в силу ряда условий (хлебные цены, налоговой пресс, крепостнические пережитки) капиталистическое хозяйствование являлось экономически невозможным, накопление же, хотя и чрезвычайно затрудненно, все же происходило; накапливающиеся средства, ища приложения, как капитал, шли именно в ростовщичество, тормозя, таким образом, пролетаризацию крестьянства (наряду с юридическими моментами) и давая юридически-прикрепленному к наделу падающему крестьянину экономическую возможность кое-как существовать на наделе, т.-е. вести потребительское хозяйство. Этот исторический пример может послужить для уяснения современного положения. Вложение капитала в с.-х. производство выше определенной трудовой нормы сейчас невозможно юридически. Пустив в ход более жесткие меры против всевозможных форм ростовщичества и вовлекая одновременно крепкие слои в сельско-хозяйственную и кредитную кооперацию, мы безусловно сумеем и накопление этих слоев, стремящееся по руслу кредита ростовщического, вовлечь в русло кредита кооперативного, после чего возможно и перераспределение этих средств, вложение их (конечно, не в порядке собезовском) в беднейшие, но способные подняться при наличии поддержки извне, хозяйства. Известное сходство с описанными процессами прошлого века в том, что и тут и там затруднено

вложение капитала непосредственно в с.-х. производство, невозможно капиталистическое хозяйствование, но возможна передача этого, если угодно, «капитала» (капитала для передающего, а не для применяющего в хозяйстве) в нуждающиеся в чужих средствах хозяйства трудового типа. Коренное же отличие в том, что, во-первых, эта передача в прошлом веке происходила в обстановке упадка сельского хозяйства под гнетом рыночных и фискальных условий; теперь же перераспределение средств происходит на фоне общего под'ема, кредит является производительным и служит к выпрямлению падающего хозяйства, к превращению его в самостоятельную товаропроизводящую единицу. Во-вторых, отличие в том, что кредит оказывает не ростовщик, а кооперативная организация, входящая в экономическую систему диктатуры пролетариата, т.-е. вместо кабального подчинения кулаку имеет место увязка как кредитующего состоятельного хозяина, так и кредитующегося бедняка в одно целое со всей системой социалистического хозяйства.

2. «Экономический базис» и «политическая надстройка» тов. Крицмана.

Таково конкретное содержание, которое нам представляется необходимым внести в абстрактные формулы тов. Крицмана. В об'ективной обстановке, следовательно, на ряду с тенденциями к расслоению действуют известные факторы, которые приводят к обратному рассасыванию отслаивающихся групп, к осередняичиванию на фоне общего под'ема, при чем имеется об'ективная возможность социалистического охвата этих процессов через кооперативный аппарат. Не разглядеть этой стороны вопроса, говоря об экономической политике в деревне, не значит ли проявлять величайшее легкомыслие.

Но, конечно, одной возможности социалистического охвата недостаточно. Это именно только возможность, для реализации коей надо и немного понимания дела, и организационной энергии, и уменья подойти к деревне. Конечно, то, что выдвигает т. Крицман, есть линия наименьшего сопротивления. Потому-то для защиты этой линии он и утверждает предварительно, что собственно наша с.-хоз. политика есть не более, как уступка мелкобуржуазным уравнительным иллюзиям крестьянства, что с под'емом сельского хозяйства эти иллюзии изживаются, что «пролетариат сам по себе не заинтересован, чтобы ставить капитал в сельском хозяйстве в иные условия, чем в промышленности». Если т. Крицман прав и для нас действительно безразлично, будет ли деревня деревней «просвещенных кооператоров» или деревней не менее «просвещенных» капиталистов, тогда действительно—к чему «огород городить»? Не проще ли покончить со всевозможными «утопиями» и «пойти на выучку»... т.-е., виноват, это из другой оперы... пойти по линии наименьшего сопротивления т. Крицмана?

Немного совестно писать на эту тему. Поневоле приходится изрекать «с ученым видом знатока» ставшие самоочевидными истины. Неужели не ясно, что в промышленности социалистическим государством заняты совершенно иные и политические и экономические позиции, с которыми не могут пойти ни в какое сравнение позиции государства в земледелии.

Неужели не ясно, что если в промышленности частный капитал незначительно дополняет национализированные предприятия, главным образом, в обслуживании местного рынка, то в деревне выдвигаемая т. Крицманом «конкуренция между крупным капиталистическим и крупным коллективистическим хозяйством» является опаснейшим явлением. Нам нужна как в сельском хозяйстве, так и в промышленном производстве не «свобода конкуренции», а захват рынка в основной, решающей части; что в промышленности, имея эту решающую часть в руках, мы такую роскошь, как конкуренцию частного капиталиста, допустить можем, а в сельском хозяйстве, не имея такой решающей части, мы этой роскоши допустить не можем. И еще более безнадежной фразой является такое с позволения сказать «построение» т. Крицмана. На ряду с конкуренцией между «крупным и крупным» хозяйствами будет, изволите ли видеть, происходить конкуренция «крупных хозяйств с мелкими», т.-е., проще говоря, колхозов и частных капиталистов с крестьянином-середняком, и эта конкуренция «будет побуждением к товарищескому об'единению мелких хозяев в коллективы». Позвольте, когда, на какой стадии конкурентной борьбы «будет побуждением»? Для поднимающихся мелких хозяйств с перспективой капиталистического накопления не «будет побуждением». А для побитых в конкуренции, на ¾ экспроприированных, ограбленных этим же самым «крупным хозяйством» одного «побуждения» мало, надо еще и финансовую поддержку. На внутри сельско-хозяйственное накопление, очевидно, рассчитывать нечего, оно при таком обороте дела будет целиком итти в свое хозяйство, карабкающееся кверху, по дорожке капитализма. Значит, опять за сокольниковскую дойную коровку приниматься? Конечно, без государственной финансовой поддержки и сельско-хозяйственную (кредитную, потребительскую тоже) кооперацию не наладишь. Но одно дело кредитная поддержка; другое дело организация чуть ли не всего середняцкого хозяйства «на казенный счет» в колхозы! Ведь «ежели бы нам да такую сумму»... тогда, спрашивается, зачем вообще переход через НЭП? Прямо бы из «героического периода» и занялись бы «прыжками в царство свободы!» А если т. Крицман невиновен в данном случае в «недооценке НЭП'а» (роковым образом превращающейся в «переоценку»), если он предполагает обойтись без помощи с Ильинки (НКФ)—тогда совсем странно. Хорош «конкурент» будет вырастать у «преуспевающего» сельско-хозяйственного капиталиста—конкурент, об'единяющийся в крупное коллективное хозяйство, после того как его высосал, разорил, закрыл всякую возможность индивидуального существования этот же самый капиталист. Какую бы экономию ни давало коллективное ведение хозяйства, по старой, излюбленной еще Бельтовым, пословице—«для того, чтобы сделать рагу из зайца, надо иметь зайца». Чтобы конкурировать, надо иметь с чем конкурировать. В начале статьи мы сказали, что рассуждения о колхозах являются у т. Крицмана соусом, под которым преподносится основное содержание. Как видим, соус достаточно безвкусен, ибо все рассуждение совершенно нереально.

Итак, т. Крицман не ограничивается вопросом о наемном труде, для него разрешение сельско-хозяйственного найма имеет значение только на фоне общей его ориентировки в вопросах с.-х. политики. Посмотрим, как мыслится им дальнейшее развитие общественных отношений в деревне: «В условиях господства пролетариата развитие сельского хозяйства будет итти не так, как оно идет в условиях господства капитала». После такой фразы т. Крицмана можно ожидать действительного анализа особенностей развития и указания наших конкретных задач в направлении поголовного кооперирования, как подступа к социализму. Именно анализа особенностей в статье т. Крицмана и не оказалось, наши же конкретные задачи выступают в следующей форме: «Под давлением конкуренции вообще (и в частности конкуренции капиталистического сельского хозяйства) мелкие хозяйства будут толкаться в сторону все более широкого об'единения в коллективы». Посему и рекомендуется: поддержка советским государством образующихся коллективов, организация с.-х. батраков, наконец, посильная экономическая поддержка мелкого хозяйства, при чем эта последняя, поскольку основное направление процесса идет по линии расслоения роста батрачества, колхозов и капиталистов-предпринимателей, явится повидимому мерой полусобезовского порядка, хотя и в кооперативной форме.

Имеет ли такая перспектива развития что-нибудь общее с теми задачами, которые выдвинул т. Ленин, когда указывал на необходимость «сомкнуться с крестьянской массой и начать двигаться вперед неизмеримо бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами», когда он говорил, что «максимальное кооперирование населения», в настоящих условиях, «есть все необходимое для построения социализма» или может быть «максимальное» «поголовное» кооперирование в понимании Вл. Ил. это и есть колхозы т. Крицмана? Сомнительно, ибо говорить о поголовном кооперировании и исходить при этом из перспективы расслоения, перспективы легализации с.-х. капитализма—значит говорить одно, а думать другое. И т. Крицман так и делает: отдав в начале статьи должное кооперированию через «обращение», он потом просто забывает о нем, выдвигая свою панацею всех зол—колхозы. Почему т. Ленин считал кооперирование подступом к социализму? Потому, что кооперация открывала возможность «перехода к новым порядкам путем возможно более простым, легким и доступным для крестьянина». Является ли об'единение в колхозы простым, легким и доступным для крестьянина? Очевидно, что нет. Т. Крицман сам считает, что к колхозам крестьянин придет только выварившись предварительно в котле капиталистической конкуренции. Ясно, что и в понимании пути дальнейшего развития деревни и в понимании наших задач т. Крицман весьма далеко отошел от статей В. И. на сию тему.

Наша экономическая политика в деревне, по мнению т. Крицмана, есть «утопическая попытка юридически запретить капитализм в сельском хозяйстве». Ну, а если мы, тов. Крицман, основываясь на известных об'ективных тенденциях развития, подведем под «юридическую попытку» экономический базис—кооперирование населения, именно, как мелких производителей, именно в процессе обращения—и не таких, как это мыслите себе вы—не как поддержку разлагающегося крестьянства и средство овладения им, пока оно не разложилось, а как противовес процессам социального расслоения деревни, как средство социалистической увязки!

Разве в Октябре мы не сделали подобной же попытки, которую многие ученые «марксисты» именовали «утопической попыткой юридически запретить капитализм». И, однако, мы оказались большими реалистами, чем эти умники, потому что мы знали, что пролетариат сумеет под «юридическую» «попытку запретить» подвести вполне реальный базис социалистической экономики. Перед такой же задачей по отношению к деревне мы стоим в настоящее время, и всякому не совсем беззаботному насчет ленинизма должно быть известно, что В. И. в своих последних статьях выдвигал именно эту задачу. Считать такую перспективу развития (приблизительно ее механику мы попытались представить выше), перспективу, *увязывающую крепкого*, стоящего на грани капитализма, но не переходящего ее под давлением системы юридических и экономических мероприятий хозяина, *увязывающую его с бедняком и середняком*, получающим кооперативный кредит и на фоне общего с.-х. под'ема поднимающимся как товаропроизводитель; *увязывающую их в кооперативную систему*, входящую как часть в общую систему социалистического хозяйства,—считать такую перспективу утопией при общем народно-хозяйственном росте, собирании пролетариата, росте партии за счет ее рабочей части—является неверием в наши творческие силы, является, по существу, *ликвидаторским настроением*.

«Утопическая попытка» не это. Утопическая попытка—«легализовав» «капитализм в сельском хозяйстве», сохранить: 1) экономическое преобладание на с.-х. рынке, а, следовательно, и возможность регулирования всего хозяйства, 2) политическое влияние на всю массу крестьянства, а, следовательно, и политическое преобладание вообще. Экономическую сторону вопроса мы уже рассматривали. Перейдем к вопросу о *политической ориентации*, вопросу, поставленному т. Крицманом в начале его статьи.

Союз пролетариата и крестьянства,—говорит тов. Крицман, нужен и законен в борьбе с крепостничеством и крупным капиталом. В борьбе за преодоление остатков капитализма пролетариату не по пути с капиталистическим крестьянством. Кажется, все гладко; посмотрим, однако, где ищет т. Крицман этих зловредных крестьян-капиталистов.—«Капиталистическая и полукапиталистическая часть крестьянства теперь численно ничтожна это 2—3%... слой зажиточных, крепких крестьян, кандидатов в крестьянские капиталисты едва ли превышает 7—10% крестьянских хозяйств. По данным ЦСУ, крестьянские хозяйства с более чем двумя головами рабочего скота составляли по 25 губ. РСФСР за 1924 г. только 4% всех крестьянских хозяйств, с 2 головами—10%».—Теперь ясно, кого исключает т. Крицман из той «части» крестьянства, союз с которой возможен для пролетариата на пути к социализму. Это—трех—четырехлошадные «капиталисты» и двухлошадные «кандидаты в капиталисты». Одним словом, признаком, отделяющим капиталиста от мелкого производителя, является для т. Крицмана лошадность, т.-е. *фактор, лежащий в сфере с.-х. производства*. Но ведь у нас пока еще не отказались от «мелкобуржуазных утопий» и «юридически запрещают» капитализм в сельском хозяйстве! Что такое наши многолошадные? Это *по большей части* многосемейные, потому что аренда земли и наем рабочей силы—условия многолошад-

ности малосемейного не могут получить у нас широкого развития уже в силу того, что проще и выгоднее вложить избыток капитала (пока мы не сумели охватить крестьянство кооперативной системой) в торгово-ростовщические операции. Тов. Крицман ищет капиталиста не там, где надо. Действительное накопление *капитала* возможно при настоящих условиях, как массовое явление—в сфере обращения и кредита в форме роста ростовщичества и торгового капитала. Но ростовщика мы не назовем крестьянином, хотя бы он и вел свое крестьянское хозяйство; это «кулак» и как таковой он выключен из нашей политической системы. Разница же тут не в том, что такой тип капиталиста при правильной кооперативной, налоговой и т. д. политике *будет исчезать*, а потому и не приходится говорить о том, чтобы на весь период изживания капитализма отмежевываться от какой-то «части крестьянства». Мифический же, как массовое явление, «крестьянин-капиталист» т. Крицмана по его схеме *будет расти* по своему удельному весу; поэтому-то т. Крицман и приходит к совершенно ошибочному заключению о необходимости *политической изоляции* (ибо говорить о замене лозунга союза пролетариата и крестьянства лозунгом союза пролетариата и части крестьянства, если это не одна голая фразеология, значит говорить о политической изоляции той части, которую мы не включаем в союз) *всей «крепкой» части крестьянства*. В то время как мы, исходя из той мысли В. И. Ленина и что только после победы революции крестьянство в своей массе может выступить как действительный союзник пролетариата,—при условии правильной политики со стороны последнего,—надо сказать с известными трудностями поворачиваемся «лицом к деревне», т.-е. именно *к союзу со всей массой крестьянства*, при чем на преодоление «внутренней инерции» затрачиваем столько, что т. Сталин прямо заявляет (может быть, несколько перегибая палку), что от того поймут товарищи на местах нашу политику или не поймут, зависит существование Советской власти, в это время т. Крицман находит капиталиста по признаку лошадности в мало-мало состоятельном крестьянстве и, не найдя, изгоняет его из «союза».

С самого начала тов. Крицман выделяет из сравнительно однородной, в массе некапиталистической деревни 5—10% *потенциальных, возможных* капиталистов и, открывая им капиталистический путь развития, в то же время изолирует их политически. Но не очевидно ли, что *дав возможность капиталистического накопления, мы, тем самым, создаем экономическую базу для политического влияния этой, якобы, изолированной части на самые широкие слои «трудового» крестьянства*, потому что это есть мелкобуржуазное крестьянство и когда ему приоткрывают дверь к капитализму, оно тоже тянется к капиталистическому типу развития и авансом принимает капиталистическую идеологию до тех пор, когда оно на практике убедиться в «иллюзорности» своих надежд и с'организуется в колхозы по рецепту т. Крицмана. Не ясно ли, что «изолируя» «капиталистическое крестьянство», т. Крицман на деле изолирует пролетариат, отдавая деревню и политически и экономически во владение частного капитала, «изолируя» капиталистическое крестьянство, вместо того, чтобы растворить его и экономически и политически, ставит пролетариат

в деревне в положение одной из конкурирующей, притом слабейшей стороны, вместо роли гегемона, которая должна принадлежать пролетариату на путях к социализму.

В период военного коммунизма, будучи вынуждены к порядочному экономическому нажиму на крестьянство, все мы—кто в большей, кто в меньшей степени «из нужды сделали добродетель», подсчитав, что в вопросах экономического строительства социализма в сельском хозяйстве наилучший путь ведет через головы или, в лучшем случае, в обход крестьянской массы, через всевозможные «коммуны», артели, совхозы и т. д. В общем и целом для того момента это выражало некоторое хозяйственное расхождение с массой крестьянства, расхождение, отнюдь не означавшее отхода от ленинизма, ибо тогда центр тяжести лежал в политическом союзе, хозяйство обслуживало войну, экономика обслуживала политику. Но взятые изолированно от конкретной политической обстановки методы военно-коммунистического хозяйствования, равно как и элементы военно-коммунистической психологии, являются несомненным уклоном от ленинизма, уклоном в сторону перепрыгивания через крестьянство в сторону подхода к нему со старыми городскими схемами, недооценки его конкретных особенностей. Именно поэтому переоценка отдельных сторон военного коммунизма в современных условиях может связываться, как ни парадоксально это звучит, с переоценкой элементов капитализма и с недооценкой сил пролетариата.

Пример сему—статья тов. Крицмана. Но это уже тема особая.

ЛЕНИН и ЛЕНИНИЗМ.

Н. Ленин.

К вопросу о диалектике*).

Раздвоение единого и познание противоречивых частей его (см[отри] цитату из Филона о Гераклите в начале III части (о „познании“) Лассалевского Гераклита) есть суть (одна из „сущностей“, одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики. Так именно ставит вопрос и Гегель (Аристотель в своей „Метафизике“ постоянно бьется около этого и борется с Гераклитом resp.[1]) с Гераклитовскими идеями).

Правильность этой стороны содержания диалектики д[олжна] б[ыть] проверена историей науки. На эту сторону диалектики обычно (напр. у Плех[ано]ва) обращают недостаточно внимания: тождество противоположностей берется, как сумма примеров [„напр. зерно“, „напр. первоб. коммунизм“ тоже у Энгельса. Но это для популярности...], а не как закон познания (и закон объективного мира).

В математике + и —. Дифф[еренциал] и интегр[ал].

„ механике действие и противодействие.

---

*) Печатаемая рукопись Ленина о диалектике любезно предоставлена редакции Ленинским Институтом. Эти странички входят в состав одной из философских тетрадей Ильича. На обложке этой тетради рукой Ленина написано: „Философия“, а дальше под чертой: „Разное“, а содержанием же ее являются заметки и выписки из разных книг по вопросам естествознания и философии. Рукопись воспроизводится совершенно точно, пропуски допущены (соответствующие места текста оговорены в примечаниях) лишь по отношению к двум неразобранным словам; кроме того, опущен по техническим соображениям, греческий текст цитаты из Аристотеля, приведенный Лениным и по-гречески и по-немецки. Ограничиваясь на этот раз лишь самым необходимым поясняющим текст материалом, редакция в следующем, или одном из ближайших, номеров поместит специальную статью, посвященную этим рукописям.

Редакция.

[1]) Одновременно, вместе с тем.

В физике полож[ительное] и отриц[ательное] элво [электричество].
„ химии соединение и диссоциация атомов.
„ общв. [общественной] науке кл[ас]с[овая] б[орь]ба.

Тождество противоположностей („единство“ их, м. б. вернее сказать? хотя различие терминов „тождество“ и „единство“ здесь не особ[енно] существенно. В изве[стном] смысле оба верны) есть признание (открытие) противоречивых, взаимоисключающих, противоположных тенденций во всех явлениях и процессах природы (и духа и общества в т.[ом] ч.[исле]). Условие познания всех процессов мира в их „самодвижении“, в их спонтанейном развитии, в их живой жизни есть познание их, как единства противоположностей. Развитие есть „борьба“ противоположностей. Две основные (или две возможные? или две в истории наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции) суть: развитие, к[а]к уменьшение и увеличение, как повторение. И развитие, как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними).

Первая концепция мертва, бедна, суха. Вторая—жизненна. Только вторая дает ключ к „самодвижению“ всего сущего; только она дает ключ к „скачкам“, к „перерыву постепенности“, к „превращению в противоположность“, к уничтожению старого и возникновению нового.

Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение.

NB: отличие суб'ективизма (скептицизма и софистики etc[2]) от диалектики, м[ежду] пр[очим] то, что в (об'ективной) диалектике относительно (релятивно) и различие между релятивным и абсолютным. Для об'ективной диалектики и в релятивном есть абсолютное. Для суб'ективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное.

При первой концепции движения остается в тени самодвижение, его двиг[ательная] сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится во вне — бог, суб'ект, etc[2]). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание источника „само“-движения.

У Маркса в „Капитале“ сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, отношение бурж[уазного] тов[арного]) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой „клеточке“ б[у]рж[уазного] об[ще]ства) все противоречия (resp [1] зародыши всех противоречий) совр[еменного] об[щест]ва. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост и движение) этих противоречий и этого общества, в Σ[3]) его основных частей, от его начала до его конца.

Таков же д[олжен] б[ыть] метод изложения (resp[1] изучения) диал[екти]ки вообще (ибо диал[екти]ка... (слово не разобрано)... у Мх [Маркса] есть лишь частный случай диал[екти]ки).. Начать с самого простого, обычного, массовидного etc[2]) с предложения любого: листья дерева зелены; Иван есть человек; Жучка есть собака и т. п. Уже здесь (как гениально заметил Гегель) есть диал[ектика]: отдельное есть общее. Ср[авни] Aristoteles, Metaphysik[4]) пер. Швеглера Bd II. 8. 40, 3 Buch 4 Capitel 8—9[5]): „denn natürlich kann man nicht der Meinung seyn, dass es ein Haus — дом вообще — gebe ausser den sichtbaren Häusern[6])“.

Значит противоположности (отдельное противоположно общему) тождественны: отдельное не существует иначе как в той связи, к[ото]рая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д.. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д. Уже здесь есть элементы, зачатки, понятия необходимости, об'ект[ивной] связи природы etc[2]. Случайное и необходимое, явление и сущность имеются уж здесь, ибо говоря: Иван есть ч[елове]к, Жучка есть собака, это есть лист дерева и т. д., мы отбрасываем ряд признаков, к[а]к случайные, мы отделяем существенное от являющегося и противополагаем одно другому.

Так[им] обр[азом] в любом предложении можно (и должно), как в „ячейке“ „клеточке“ вскрыть зачатки всех эл[ементов] диал[екти]ки, показав так[им] обр[азом], что всему познанию ч[елове]ка вообще свойственна диал[екти]ка. А ест[ество]знание

---

[2]) И так далее.

[3]) Греческая буква „сигма“, употребляемая в математике для обозначения суммы.

[4]) Аристотель. Метафизика.

[5]) Т. II, стр. 40, 3-я книга, гл. 4.

[6]) Ибо, очевидно, невозможно думать, будто какой-то дом вообще существует вне (помимо) видимых домов.

показывает нам (и опять таки это надо показать на любом, простейшем примере) об'ективную природу в тех же ее качествах, превращение отдельного в общее, случайного в необходимое, переходы, переливы, взаимную связь противоположностей. Диал[екти]ка и есть теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую сторону дела (это не „сторона" дела, а суть дела) не обратил внимания Плех[ано]в, не говоря уже о других марксистах.

* * *

Познание в виде ряда кругов представляет и Гегель (см. Логику) и соврем. „гносеолог" естествознания, эклектик, враг гегелевщины (коей он не понял) Paul Volkmann (см. его Er. theor. Grundzüge... 5)[7]).

[Обязательна ли хронология? Нет!]

„Круги" в философии:

Античная:	от Демокр[ита] до Платона и диал[ектики] Гераклита.
Возрожд:	Декарт v[ersu]s [8]) Gassendi (Spinoza?)
Новая:	Гольбах—Гегель через Беркли, Юм, Кант Ге[гель]—Фе[йе]рб[а]х—Мх [Маркс].

Диал[екти]ка как живое, многостороннее (при вечно увеличивающемся числе сторон) познание с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действ[ительно]сти (с фф. [философской] системой, растущей в целое из каждого оттенка —вот неизмеримое богатое содержание по сравн. с „метафизическим" материализмом, основная беда коего есть неумение применить диал[екти]ки к Bildertheorie[9]) к процессу и развитию познания.

Ф[илосо]ф[ский] ид[еали]зм есть т[оль]ко чепуха с т[очки] зре[ния] материализма грубого, [не разобрано] метафизичного. Наоборот, с то[чки] зре[ния] диал[ектическо]го м[а]т[ериа]ли]зма] ф[илосо]ф[ский] ид[еали]зм есть одностороннее, преувеличенное, überschwnglichec[10] (Dietzgen) развитие (раздувание, распухивание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют, оторванный от материи, от пр[иро]ды, обожествленной. Ид[еали]зм есть поповщина. Верно. Но ид[еали]зм ф[илосо]ф[ский] есть („вернее" и „кроме того") дорога к поповщине через один из оттенков бесконечно сложного познания (диалектического) человека.

NB. сей афоризм.

Познание человека не есть (resp.[1] не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую (линию, которая если за деревьями не видеть леса, ведет тогда в болото, в поповщину (где ее закрепляет классовый интерес господствующих классов). Прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость, суб'ективизм и суб'ективная слепота voila[11]) гносеологические корни идеализма. А у поповщины (= ф[илосо]ф[ского] ид[еали]зма), конечно, есть гносеол[огические] корни, она не беспочвенна, она есть пустоцвет, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве живого плодотворного истинного, могучего, всесильного об'ективного, абсолютного человеческого познания.

---

[7]) В русском издании книга Фолькман, П., называется: „Теория познания естественных наук".

[8]) Против.

[9]) Теория развития.

[10]) Чрезмерный, беспредельный.

[11]) Вот.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

БУХАРИН. К вопросу о троцкизме. Госиздат, 1925 г., 192 стр.

В книге тов. Бухарина собран ряд его статей, посвященных чрезвычайно жгучим вопросам, всплывшим перед партией во время последних дискуссий. Представляя собой развернутый критический анализ, блестящий по форме, сокрушительный по своему содержанию, той «системы взглядов», какой является троцкизм,—сборник статей Н. И. Бухарина по своему значению для широкой массы членов нашей партии дает еще больше, чем указано в его заголовке. Эта работа — ценный вклад не только «к вопросу о троцкизме», но она представляет собой и превосходное критическое руководство «к вопросу о ленинизме». Сейчас нам «необходимо особенно усиленно оттачивать свою общую линию», говорит автор. И если «пропаганда ленинизма является одной из настоятельнейших задач времени», то «на критике уклонов от ленинизма очень хорошо выяснить и особенность этого учения, последователями которого мы себя признаем».

«Учение о рабоче-крестьянском блоке есть существеннейшая оригинальная черта ленинизма» (стр. 100). И понятно, что выяснение основ этого учения, теоретическая разработка общих и частных проблем рабоче-крестьянского блока лежит в центре внимания автора. И «троцкизм» и «ленинизм», и «проблемы рабоче-крестьянского блока» —это—три основные группы вопросов, сплетенные друг с другом теснейшими логическими узами и по этим трем направлениям идет работа мысли Н. И. Бухарина.

Пожалуй, одним из самых выдающихся достоинств сборника является то, что в нем автору действительно удалось собрать в одно логически законченное целое, увязать воедино, синтетически охватить целую массу различных, во время последних дискуссий циркулировавших порою совершенно разрозненно, вопросов. Необходимость все об'единяющей синтетической увязки множества отдельных проблем сам тов. Бухарин непрестанно подчеркивает на протяжении всего сборника... «Отдельные проблемы и отдельные разногласия увязываются сейчас в основные «теоретические узлы», в целые системы мыслей, в более или менее стройные «теории». То, что в прошлую дискуссию было разбросано по клочкам: денежная реформа и вопрос о поколениях в партии, вопрос о ценах и об «аппаратчиках», вопрос о «ножницах» и «внутрипартийной демократии», вопрос о «плане» и о «товарной интервенции»,—все это теперь сводится к некоторым основным линиям, упирается в такие общие проблемы, как теория перманентной революции, оценка движущих сил нашей революции, общая оценка ее перспектив и т. д. А осью, около которой вертятся все эти, сами по себе крупнейшие вопросы, является проблема рабоче-крестьянского блока» (стр. 64).

Дать читателю не механическую сумму разногласий, существующих между партией и т. Троцким, но представить и развить их, как определенную систему, выстроить эти разногласия в единую

«шеренгу»—с этой стороной дела тов. Бухарин в полной мере справился.

После статьи «Долой фракционность»—единственной в сборнике, написанной еще во время первой дискуссии,—и после статьи «Как ненужно писать историю Октября», представляющую собой первую отповедь центрального органа нашей партии геростратовски знаменитым «Урокам Октября» т. Троцкого—Н. И. Бухарин переходит к «вопросу об экономическом обосновании троцкизма», к разбору попытки начертать «Основной закон социалистического накопления», которую сделал тов. Е. А. Преображенский в известной статье в «Вестнике Ком. Академии». Яркими штрихами тов. Бухарин беспощадно вскрывает теоретическую фальшь, ограниченно цеховую тенденцию и политическую опасность этой попытки. Сбитие с толку своеобразным «тредюнионистским» подходом некоторые товарищи в целях форсирования процесса накопления нашей социалистической промышленности предлагали пойти по линии наименьшего сопротивления. Перед ними замаячила идея «накоплять» за счет мужика без надлежащей меры, развивать социалистическую госпромышленность посредством социально-экономической «эксплоатации» крестьянства, стать на путь «пожирания мелкобуржуазного хозяйства, на путь превращения его в хозяйственную «колонию» для «социалистической метрополии». Но двинуться по такой заманчивой дорожке—означало бы «погубить рабоче-крестьянский блок», на котором зиждутся всемирно-исторические успехи нашей партии. Это доказывает тов. Бухарин.—Не «царство пролетариата», а коммунизм, не «пожирание крестьянского хозяйства», а его «переделка»; не классовое порабощение крестьянства, а «союз» с ним, классовое руководство им; не «монополистический паразитизм» госпромышленности, но «социалистическое продвижение вперед»,—таковы те контрположения, такова та смертоносная батарея антитез, выдвинутая тов. Бухариным против «Основного Закона» т. Преображенского.

Статья о «теории перманентной революции» представляет для читателя исключительный интерес. «Вопрос о перманентной революции есть вопрос об общей оценке хода нашей революции, вопрос о ее движущих силах, «вопрос о соотношении между основными классами нашего общества»... Немудрено, что в учении о перманентной революции все отдельные частные ошибки т. Троцкого завязаны как бы в один общий узел. Но именно поэтому на теории перманентной революции лучше всего, удобнее всего продемонстрировать «основной порок всего троцкизма»,—влитанную в плоть и кровь его недооценку крестьянства. «Теория перманентной революции» Маркса с такой же теорией Троцкого ничего общего, кроме чисто терминологического созвучия, не имеет. Ни в 1905 г., ни даже в 1917 году троцкистская трактовка «движущих сил» не была и не могла быть занесена на знамена большевистской ленинской партии. Не могла потому, что она насквозь отравлена ядом скепсиса по отношению к основному классовому союзнику и помощнику пролетариата—к крестьянству. Без «государственной поддержки» пролетариата передовых стран русский рабочий класс, ставший у власти, должен фатально попасть под топор крестьянской Вандеи; так зловеще пророчила теория перманентной революции тов. Троцкого. Эта несимметрическая теория уже оказалась битой практикой, семилетней историей диктатуры пролетариата в Советской России. Вместо антипролетарской мужицкой Вандеи мы имеем не рушимый рабоче-крестьянский блок. Установив крах теории перманентной революции на государственной арене СССР, тов. Бухарин доказывает неизбежность и неотвратимость ее краха и на арене международной.

Самым неожиданным критическим парадоксом данной работы Н. И. Бухарина является то положение, что, если последовательно и твердо стоять на позиции «перм. революц.», даже в случае «государственной поддержки» иностранного пролетариата пролетарская революция обречена на поражение, как бы не утверждал о противном сам тов. Троцкий. Ибо, «если конфликт между пролетариатом и крестьянством неизбежен, неотвратим и проч., то он неизбежен и неотвратим даже при мировой победе пролетариата. Крестьян—огромнейшее большинство на нашей планете. Если у пролетариата нет средств вести это большинство за собой, то или международная революция тоже обречена на крах, или ее нужно откладывать (по Кунову) до того времени, когда образуется пролетарское большинство». «Нельзя же думать», с полным логическим правом иронизирует тов. Бухарин, «что придется взрывать «земные границы» и ждать помощи чисто пролетарских небесных сил, да при том еще в «государственной форме»! (стр. 120).

В заключительной статье сборника «К критике экономической платформы оппозиции», носящей ехидный подзаголовок «Уроки Октября 1923 г.», тов. Бухарин критически подытоживает прошлогоднюю экономическую дискуссию. Начав с вводной общей социологической главы о «диктатуре пролетариата и классах», автор в дальнейшем развертывает свою критику от общего к частному, от абстрактных проблем постепенно спускаясь по логической лестнице все ниже и ниже к вопросам более конкретного порядка. От проблемы хозяйственной смычки тов. Бухарин переходит к вопросам «диктатуры промышленности» и «плана», затем к анализу нашей «политики цен» и денежной реформы. В заключение дается опять обобщающая глава к постановке вопроса о «социалистическом накоплении» на фоне борьбы с частным капиталом. Этот опыт критического обобщения прошлой экономической дискуссии сам по себе чрезвычайно важный, в данном случае интересен еще и тем, что в нем тов. Бухарин разделывается и с некоторыми неверными «ходячими формулировками», фиксировавшими «разницу двух промышленных политик», которые боролись во время дискуссии. Неверным и вульгарным об'являет Бухарин тот взгляд, будто «оппозиция стояла за высокую прибыль и за быстрый темп социалистического накопления, тогда как ЦК был за минимальную прибыль и за медленный темп социалистического накопления...» ЦК стоял не вообще за минимальную прибыль, а за минимальную прибыль на единицу товара. ЦК стоял не вообще за медленный темп накопления, а за то, чтобы не отрываться от крестьянского хозяйства и в конечном счете получить более быстрый, максимально быстрый темп накопления» (стр. 182).

«Оптимум» (т.-е. такой темп, который, как раз и нужен) «социалистического накопления» соответствовал линии ЦК, а не линии оппозиции. Метод высоких прибылей и высоких картельных цен, на который ориентировались «оппозиционные» экономисты, не только не ускорял, но об'ективно тормозил процесс накопления. Процесс накопления невозможен вне процесса реализации. Реализация осуществляется в сфере обращения, сфере товарооборота. Высокие цены замедляют процесс товарооборота, замедляют товарную реализацию и, следовательно, замедляют самый темп накопления». «Время оборота капитала... есть сумма времени производства» и «времени обращения» (182). Забыв эту истину второго тома «Капитала», которая теперь вдруг засверкала огнем актуальнейших политических споров—оппозиция захотела осуществить невозможное: ускорить обороты капитала социалистической промышленности замедляя «время обращения» этого капитала. И тов. Бухарин детально прослеживает, как оппозиция запутывалась все больше и больше в сетях этого противоречия.

В заключение обратим внимание читателя-партийца на два места в сборнике. Оба они чрезвычайно существенны для понимания теоретических основ ленинизма. В первом из них тов. Бухарин, опираясь на знаменитое положение В. И. Ленина о «звене», аналитически расшифровывает особенности ленинской диалектики. «Можно было бы, сказать, что у тов. Ленина, на ряду с гениальным проведением великих исторических перспектив, были три черты, которые являются выражением... мастерского овладения марксистской диалектики со стороны Ленина: это, во-первых, величайшее умение в первую очередь находить своеобразное в каждой отдельной обстановке, видеть оригинальное, отдельное, неповторяемое в каждой исторической полосе, в каждом историческом моменте; во-вторых, умение видеть переходы от одного положения к другому, видеть, как одна историческая полоса переходит в другую историческую полосу, как одна ситуация, одна кон'юнктура переходит в другую; наконец, в-третьих, что вытекает из этих двух основных черт,—величайшее умение выделить на каждой исторической полосе (в «текущем моменте», как мы говорим на своем политическом жаргоне), то основное звено, за которое нужно ухватиться (стр. 100—101). Эти, так сказать, «три кита» ленинской логики тов. Бухарин наглядно иллюстрирует на примерах с Брестом и «планом».

Второе—на что мы хотели обратить внимание, это уже упомянутая нами первая глава из «эк. платформы»: «диктатура пролетариата и классы». В ней тов. Бухарин проводит имеющее огромное значение методологическое разграниченье между «сотрудничеством классов в обществе» и сотрудничеством их «в государстве», в сфере «политической надстройки». На перепутывании этих, кардинально отличающихся друг от друга, постановок вопроса основаны как некоторые недоразумения и теоретические заблуждения в нашей собственной среде, так и некоторые злопыхательства заграничных социал-демократов вроде Отто Бауэра. Сотрудничеству классов в обществе (т. Ленин писал, что «социальный строй советской республики основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и «нэпманы», т.-е., «буржуазия»), сотрудничеству классов в обществе вовсе не обязательно должно соответствовать сотрудничество их в «политической оболочке» этого общества, у руля государственной власти. Наш политический строй—диктатура пролетариата (а не диктатура пролетариата и крестьянства, как наивно умозаключают некоторые напуганные нашим «крестьянофильством» т.т.) социально—наш строй состоит из разных классов, сотрудничающих друг с другом под руководством класса-гегемона, т.-е. пролетариата.

Подробному теоретическому выяснению условий этого «сотрудничества классов», о котором говорил т. Ленин, посвящен чрезвычайно содержательный анализ автора. Характер, тип сотрудничества неодинаков для различных классов. «Основная стратегическая линия пролетариата» по отношению к новой буржуазии состоит в том, чтобы, сотрудничая с нею, использовать ее, «с определенного пункта преодолевать ее, главным образом, путем ее экономического вытеснения...»; по отношению к крестьянству наша линия состоит в том, чтобы иметь «гораздо большее сотрудничество и гораздо меньшую борьбу; преодоление через переработку, в противоположность вытеснению (стр. 143).

Немыслимо, конечно, здесь передать всего богатства содержания этого сборника. От статей тов. Бухарина, в которых блеск изложения счастливо соревнует лишь с неотразимостью критической аргументации, трудно оторваться при чтении. Мимо них не должен пройти ни

один из тех партийных товарищей, которые желают как серьезно разобраться в антибольшевистском уклоне тов. Троцкого, так и отдать часть своего досуга на изучение ленинизма «этого самого гибкого познавательного инструмента нашего времени» (стр. 141).

Д. Марецкий.

А. КАКТЫНЬ. Борьба за производительность труда (к постановке и организации кампании по поднятию производительности труда). ГИЗ. Москва—Ленинград. 1925 г. 77 стр.

Для истории нашего хозяйственного строительства 1924 год приобретает то особое значение, что в этом году перед народным хозяйством практически поставлена проблема производительности труда—проблема р а з в и т и я, к а ч е с т в е н н о г о[1]) его улучшения. А в этом—«сущность всего социалистического строительства».

Достигнутые успехи во всех областях нашего хозяйства по его восстановлению, «ряд несомненных успехов в сельском хозяйстве, торговле, особенно же в промышленности и на транспорте, обеспечили р е а л ь н у ю в о з м о ж н о с т ь подойти к разрешению настоящей проблемы».

За годы революции нами не раз ставится эта задача, но необходимость организации сил для обороны революции каждый раз отрывает нас от этой творческой работы.

А Кактынь указывает несколько этапов борьбы за производительность труда: борьба за рабочий контроль над производством (?), «великий почин»—субботники, всеобщая трудовая повинность и трудовые армии «это высшее выражение главкизма»—и, наконец, производственная пропаганда в 1921 г.

С переходом на нэп острота вопроса не теряется, но только от его практического решения наше внимание отвлекается другими задачами. Однако, и на XI и XII С'ездах партии и на XIII партконференции и XIII партс'езде ставятся вопросы укрепления смычки города с деревней—улучшения продукции, снижения себестоимости, а это «лишь видоизмененная задача поднятия производительности труда».

Неудачно к этой «истории вопроса» т. Кактынь относит борьбу за рабочий контроль, как первый этап борьбы за производительность труда. Тов. Ленин в «Правде» от 3 июля 1917 г., резюмируя принятую конференцией фабрично-заводских комитетов, резолюцию по вопросу об экономических мерах борьбы с разрухой—говорит: «принятая рабочими резолюция выдвигает на первый план г л а в н о е: 1) Как сделать так, чтобы на деле «не охранять» прибыли капиталистов;—2) чтобы сорвать покровы с коммерческой тайны;—3) чтобы рабочим дать большинство в контролирующих учреждениях;—4) чтобы организация (контроля и производства), будучи организацией «в обще-государственном масштабе» направлялась Советами Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, а н е к а п и т а л и с т а м и»[2]). К чему же сводились эти условия «д е й с т в и т е л ь н о г о контроля за капиталистами, за производством[3])?—К п о д р ы в у экономической власти буржуазии, к п о д р ы в у буржуазной экономики. В этом непосредственном значении борьбы за рабочий контроль над производством, как конкретного этапа революции. Это тот же вопрос о разрушении буржуазного аппарата власти, который неоднократно ставился Лениным, как предпосылка завоевания власти пролетариатом.

Постановка этого вопроса у тов. Кактыня черезчур абстрактна.

---

[1]) Курсив здесь как и в дальнейшем всюду автора.

[2]) Н. Ленин. Собрание соч. т. XIV, ч. I, стр. 236.

[3]) Там же, стр. 235—6. Курсив везде т. Ленина.

Проблема производительности труда имеет первостепенное значение как политическое, так и экономическое: 1) для укрепления и развития рабоче-крестьянского блока, 2) социалистического накопления и 3) в деле реконструкции всего народного хозяйства.

Развитие производительности труда и тем самым снижение стоимости товара—всецело в интересах крестьянства. Это же, с другой стороны, увеличивает товарность крестьянского хозяйства и тем самым расширяет базу для промышленного развития. Но, кроме того, на наши успехи в области поднятия производительности труда, как правильно указывает тов. Кактынь, смотрит не только наше крестьянство, но и крестьянство восточных и южных колоний империализма. «Их может убедить только н а г л я д н ы й м а т е р и а л ь н ы й, к о м м е р ч е с к и й э ф ф е к т». Высшая производительность труда не только ц е л ь, но «одновременно и у с л о в и е нашей окончательной победы», что «это вместе с тем м е т о д б о р ь б ы на экономическом фронте», центральный пункт с о р е в н о в а н и я д в у х х о з я й с т в е н н ы х с и с т е м—капиталистической и социалистической.

Можно сказать, что производительность труда является основным элементом социалистического накопления. При этом вполне правильно тов. Кактынь указывает, что необходимо «чтобы р а з в е р т ы в а н и е п р о м ы ш л е н н о с т и и н а к о п л е н и е с р е д с т в д л я э т о й ц е л и ш л и в п о л н о м с о о т в е т с т в и и с э к о н о м и ч е с к и м и т е х н и ч е с к и м р а з в и т и е м с е л ь с к о г о х о з я й с т в а..., так как «дальнейший прогресс промышленности возможен лишь при одновременном прогрессе сельского хозяйства, его механизации и коллективизации». Эти рассуждения тов. Кактыня вполне правильно выявляют роль поднятия производительности труда в накоплении.

В условиях нашего хозяйственного строительства—после победы первой, и пока только в одной стране, пролетарской революции и крайней экономической отсталости и бедности—характер развития производительности труда двоякий. Для поднятия производительности труда нам много еще приходится проделывать того, что пролетариат передовых капиталистических стран, после своей победы, будет иметь в готовом виде—в смысле развитой техники, организации производства и т. д. Этот путь развития будет происходить без внесения принципиальных изменений в нашем производстве. Другая сторона проблемы—качественная, которая выражается в реконструкции всего народного хозяйства. Эта сторона вопроса тов. Кактынем, к сожалению, недостаточно подчеркнута, между тем как она имеет крупнейшее значение для достижения коммунизма.

Самый большой грех книжки тов. Кактыня—в неправильной трактовке понятия производительности труда. Так, анализируя это понятие, тов. Кактынь говорит, что производительность труда—это «величина собирательного типа», об'единяющая в себе или суммирующая (?) две частные величины — п р о и з в о д и т е л ь н у ю с и л у и и н т е н с и в н о с т ь т р у д а» (стр. 13).

Для того, чтобы разобрать понятие производительности труда тов. Кактыня, приведем еще его рассуждение о влиянии интенсификации труда на изменение стоимости единицы товара. «Если,—говорит он,—повышается интенсивность труда при данной величине рабочего дня и неизменной производительной силе труда, то стоимость единицы продукта (товара. Н. С.) остается прежней, так как количество труда, затраченное на нее, не изменяется. Но зато возрастает общее количество продукции, производимой за данный промежуток времени и общая стоимость ее, тогда как в первом случае (при повышении производительной силы труда Н. С.) эта стоимость остается неизменной» (с. 12). Если бы дело обстояло так, как это представляется тов. Кактыню, то лишилась

бы смысла одна из основных задач кампании по поднятию производительности труда—уплотнение 8-часового рабочего дня, борьба за увеличение интенсивности. Наше внимание направлено на максимально возможное снижение стоимости товара для того, чтобы этот товар стал доступен крестьянину. В этом крупнейшее политическое значение кампании, как неоднократно это указывает и тов. Кактынь. Но, если увеличение интенсивности не понижает стоимости товара, как думает тов. Кактынь, то, хотя это и дает большее количество товаров их общей стоимости, крестьянин купить их все-таки не сможет.

Ошибочность рассуждений тов. Кактыня очевидна. Здесь тов. Кактынь «забыл», что стоимость товара складывается из перенесенной стоимости потребленных средств производства и вновь создаваемой стоимости, в процессе производства товара; это происходит благодаря двоякому характеру труда товарного хозяйства. При увеличенной интенсивности, предполагая остальные условия производства постоянными [1]), величина вновь создаваемой стоимости при производстве товара остается неизменной. Но только эта часть стоимости, а не вся стоимость товара, как предполагает тов. Кактынь. Что же произойдет при увеличении интенсивности с той частью стоимости товара—стоимостью потребленных средств производства, которую рабочий в процессе труда переносит на товар. Увеличение интенсивности приводит к более экономному использованию средств производства (экономию на топливо, освещение, вспомогательные материалы и др.) и поэтому переносимая часть стоимости на единицу товара меньше. Таким образом, в результате увеличенной интенсивности не только «возрастает общее количество продукции, производимой за данный промежуток времени» и ее общая ценность, но и стоимость единицы товара понижается. В наших условиях производства это имеет огромное практическое значение.

Из вышеизложенного вытекает и то, что интенсивность не является самостоятельной величиной на ряду с производительной силой труда, как думает тов. Кактынь, а является лишь ее элементом (особый характер интенсивности, как элемента производства здесь ничуть не умаляется). Изменение стоимости происходит от изменения производительной силы труда, а это последнее в каждом отдельном случае может изменяться и от механической силы труда (термин Маркса) и от организации производства, а также тогда, когда пробуждается соперничество отдельных лиц и напрягается их animal spirit (жизненная энергия [2]).

Далее тов. Кактынь утверждает, что производительная сила в отдельных случаях Марксом «называется просто производительностью труда» (с. П). Так ли это. Кроме прямых указаний Маркса по этому поводу [3]), это неверно и методологически. Производительная сила труда по Марксу—это качество труда (в смысле эффективности), которое количественно выражается, с одной стороны, в величине общественно-необходимого труда, с другой—в определенном количестве потребительных стоимостей.

В трактовке понятия производительности труда у тов. Кактыня имеется и ряд других неправильных утверждений и формулировок, но менее существенных. Ограничимся поэтому только этими замечаниями по существу затронутого вопроса.

[1]) Здесь не имеется в виду влияние интенсивности на изменение технических условий и организационных моментов производства.

[2]) См. „Капитал" т. I, стр. 317 Тил. 1920 г.

[3]) Там же, стр. 302.

Но, несмотря на указанные недостатки, книжка тов. Кактыня, несомненно, займет подобающее место в нашей литературе по вопросу о производительности труда; здесь сжато изложено все то, что можно сказать по этому вопросу в общей популярной литературе. Книжка тов. Кактыня рассчитана на более подготовленного читателя, и, несомненно, принесет пользу нашим пропагандистам и слушателям совпартшкол, как пособие по этому вопросу.

Н. Саргин.

«Деревенский Коммунист». Орган Ц. К. Р. К. П. (б). Выходит два раза в месяц, с 1 декабря 1924 г., №№ 1—6.

Едва ли нужно доказывать, сколь своевременно и политически необходимо издание журнала для деревенского коммуниста.

«Надо прямо признать, что мы еще очень мало сделали для деревни, в особенности мало для дела политического руководства деревней»...—совершенно правильно отмечает в передовой статье № 1 «Наши задачи» тов. Молотов.

«В то время, как наша политическая и вся практическая работа в деревне ведется далеко неудовлетворительно, экономическое развитие деревни заметно двинулось вперед... В связи с этим наши задачи в деревне также должны расти».

Это действительно так. Экономическое развитие деревни шагнуло и шагает вперед, отношения усложнились, а мы еще очень мало сделали «для политического руководства деревней».

Журнал ставит своей задачей содействие политическому воспитанию деревенского партийца.

«Сейчас задача заключается в том, чтобы подчеркнуть, что и из самой деревни, из самого крестьянства нужно поднять новые слои работников партии в деревне.

Нам необходимо воспитывать этих новых работников, взятых из крестьянской гущи сотнями, тысячами и десятками тысяч.

«Деревенский Коммунист» ставит своей задачей быть помощником в политическом росте наших активных работников в деревне и в том, чтобы ряды этих активных работников коммунистов в деревне пополнялись, увеличивались, крепли. Мы считаем, что перед нами очень большая и трудная задача. Если хоть частично мы поможем решению этой задачи,—мы будем считать наше дело сделанным»...

Такова задача журнала. Это—задача редкая по трудности и громадности значения.

Журнал только начинает свою работу. Он существует менее 4 месяцев. За это короткое время трудно стать крепко на ноги. Это состояние первоначального роста несомненно наложило печать на журнал. Он еще суховат, не всегда реагирует на деревенскую злобу дня, немного официален.

Но он имеет будущее. И потому внимание партии должно быть приковано к этому маленькому по размеру, но далеко не маловажному по политическому значению журналу.

Мы считаем здесь необходимым не столько критиковать журнал, сколько остановить на нем внимание партийца.

Такой журнал может быть хорошо поставлен только тогда, когда местные партийные силы будут живо реагировать на выход каждого № журнала, когда они будут внимательно присматриваться к его содержанию, принимать участие в разборе и постановке проблем, обработке материала, обобщении местного опыта.

На самом деле. Деревня сейчас переживает полосу оживления самодеятельности крестьянских масс, обновления советской работы. Нашло ли это отражение в журнале? В обще-политической постановке—да (смотри № 3—4, 5). Но в специальном журнале для деревенского коммуниста дело не может ограничиться общей постановкой вопроса, характерной для других более общих журналов. Здесь необходима более конкретная постановка вопроса—как и что должен делать активный деревенский коммунист для оживления сельсовета? Как необходимо ставить секционную работу в сельском совете? и т. д. и т. п. Требуется не столько общая формула, сколько ее конкретное расшифрование для деревенского работника.

Но это расшифровывание можно сделать только на основе учета конкретных форм работы, путем обобщения местного опыта. Местный партиец должен помочь этому делу.

Или возьмем вопрос об аграрном перенаселении, кстати сказать, острейший вопрос, освещение и посильное разрешение которого крайне необходимо.

Реагировал ли журнал на эту проблему? Нет. Доля вины, бесспорно, лежит на журнале. Но для разрешения этого вопроса нужны не только—весьма сомнительные по точности—суммарные цифровые данные, но и живая картина отношений в деревне, реалистически освещаемая с различных сторон; надо уловить настроение крестьянских масс, их мнение, их практические предложения по этому вопросу; нужно иметь постоянное отражение взглядов на этот вопрос местного деревенского коммуниста.

Журнал должен привлечь внимание всей партии. Необходимо обеспечить интимную связь журнала с массой низовых деревенских ячеек; необходимо наладить систематическое обслуживание журнала материалом с мест.

В настоящее время—все коммунисты, побывавшие на деревенской работе, отмечают, что крестьянин политически очень вырос—к нему уже нельзя подойти с прежними масштабами.

Многие из наших развитых городских пропагандистов—оказывались часто бессильными должным образом ответить на весьма разнообразные вопросы крестьян.

Постановка вопросов на собраниях крестьян весьма дифференцированная, круг интересующих проблем расширился невероятно, запросы к пропагандисту весьма значительные.

Можно же себе представить, насколько тяжелее по сравнению с этим развитым городским пропагандистом положение низового сельского работника-коммуниста.

Журнал должен уловить, учесть запросы современной деревни, помочь деревенскому коммунисту ответить на них политически-правильно. Весьма важно было бы, чтобы местные работники доставляли в журнал списки вопросов, задаваемых крестьянами, описывали характер прений, фиксировали различные постановки вопроса.

Журнал может почерпнуть очень многое из такой информации деревенских коммунистов. Он сумеет тогда дать ответы на положительные запросы деревни, помочь деревенскому коммунисту справиться с отрицательными настроениями.

Только с установлением этой интимной связи с местами журнал справится с громадной задачей, стоящей перед ним.

Больше внимания «Деревенскому Коммунисту»!

А. С.

М. ГОЛЬМАН Сменовеховские иллюзии. (По поводу. «Основ хозяйственного раойнирования СССР, проф. И. Г. Александрова»).

> «Люди всегда были и будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обращениями—разыскивать интересы тех или других классов».
>
> (ЛЕНИН—Три источника и три составных части марксизма).

I.

Новая экономическая политика вызвала в свое время у попутчиков пролетарской революции необычайное оживление реставрационных упований на шаблонное восстановление «того, что было». Наиболее активные из «малых сих», г.г. сменовеховцы, имеющие большое и общеизвестное историческое прошлое, даже выступали в печати («Накануне», «Россия») с определенными на этот счет теоретическими претензиями. Сущность последних сводилась к тому, что вслед за диктатурой пролетариата должна наступить «эпоха трудового государства» (т.-е. по-просту говоря, буржуазной демократии), в сторону которого советская власть начала, якобы, эволюционировать, спускаясь «на тормозах» новой экономической политики к «здоровому» капитализму [1]).

Опыт 2—3 лет эконом. политики положил конец подобным упованиям: ожидаемой г.г. сменовеховцами такого рода эволюции диктатуры пролетариата не произошло и не произойдет. Но зато на наших глазах происходит совершенно иного порядка эволюция новейшего сменовеховства, пытающегося на своих глиняных ногах совершить отважное путешествие по всем отраслям советского хозяйства, «пройтись» по вопросам национальной политики советской власти, ее конституции и государственной системы в целом. Документом этих попыток является классический образец новейшего сменовеховства:—«Основы хозяйственного районирования СССР» проф. И. Г. Александрова, изд. «Экономическая Жизнь» 1924 г. под общ. ред. проф. Фалькнера. В своей книжке, посвященной, будто бы, только вопросам районирования, этой одной из важнейших проблем на пути нашего продвижения к социализму, этот почтенный профессор, в достаточной мере известный своей горячей апологией районирования СССР, несколько подновляет старую теорию сменовеховства на современный лад.

Вся книжка состоит из 9-ти глав: 1) история вопроса о районировании России, 2) изменения в территориальной структуре России в революционный период, 3) производительная структура России в революционный период и ее видоизменения, 4) форма обмена, 5) местное хозяйство, 6) производственный метод экономического районирования, 7) национальный вопрос и районирование, 8) организационные формы, 9) план народного и государственного хозяйства.

---

[1]) См. речь тов. Ленина по этому вопросу на 11 с'езде (т. XVIII, ч. II, стр. 41).

II.

Великодержавный шовинизм и „саморазвитие“ идеи районирования.

Уже по заголовкам отдельных глав можно судить, на сколько всеоб'емлющи и универсальны задачи районирования в изображении профессора Александрова.

Дав в первой главе мистико-метафизические об'яснения «саморазвития идеи» районирования, как «познавательного и действенного метода», в головах Петра I, Екатерины II и в черепах многоголовой, но невежественной знати той эпохи, автор доводит превращение «идеи в действительность» до XX века, открыв ее в... «среде промышленных организаций, стремящихся монополизировать в своих руках комбинированное производство в какой-либо отрасли промышленности в том или ином районе России». «Таковыми были об'единения горнопромышленников юга России, Урала, текстильных фабрикантов Московского района, нефтепромышленников в Баку и Грозном» (стр. 10 «Осн. хоз. район.»). Таким образом, выяснилось, что не голый классовый интерес магнатов капитализма, не законы конкуренции, концентрации и централизации капиталов, а «идея районирования» способствовала об'единению г.г. капиталистов так же и на столько, как и на сколько эта же идея помогает проф. Александрову понимать реальную действительность в прошлом, настоящем и будущем. Остается добавить, что если бы идеи развивались «по Гегелю», а идея районирования по проф. Александрову, то возможно, что последний был бы уже не проф. Александровым, а профессором черной и белой магии, халдейским чародеем или даже незаурядным фокусником-шпагоглотателем.

Показав таким образом, как, стало быть, «идеи правят миром», автор во II главе доказывает нам, как идея районирования начинает управлять самим проф. Александровым, особенно, когда этот последний хочет ввести неосведомленного читателя в понимание движущих пружин изменений в территориальной структуре России в революционный период» (так называется II глава). «С 1917 года сложившаяся довольно прочно территориальная структура России подверглась значительной переделке под влиянием разнообразных течений (?), возникших на местах» (стр. 11 там же). Что это были за течения, мы знаем: например, течение Колчака, Деникина, грузинских меньшевиков, Дутова, Украинской и Кубанской Рады и проч. течения. Все эти течения, как всем известно (надо полагать в том числе и проф. Александрову, стыдливо притворяющемуся неосведомленным в истории гражданской войны 1918—1921 г.г.), «текли» с помощью попутных антантовских империалистических ветров. По проф. Александрову выходит «совсем даже наоборот»: «мир с Германией и гражданская война наложили на эти сдвиги (?) свой отпечаток, который выражался в физическом отрыве той или иной части от основного ядра». «Г р а ж д а н с к а я в о й н а и п о с л е д о в а в ш и й з а н е й п е р и о д п р и с о е д и н е н и й с о з д а л э п о х у с о б и р а н и я р а з р о з н е н н ы х и и з р а н е н н ы х к у с к о в п р е ж н е й и м п е р и и» (стр. 11, курсив наш. *М. Г.*). Но дело еще в том, что эти «куски» (напр., «кусок» Деникина, «кусок» Колчака) «з а в р е м я с в о е г о о т р ы в а н е п е р е с т а в а л и ж и т ь, а п о т о м у в ы н у ж д е н ы б ы л и о ф о р м л я т ь с в о е с у щ е с т в о в а н и е в новых формах (стр. 11; курсив наш. *М. Г.*).

Оказывается далее, что районирование «великой и неделимой», не удавшееся из «кусков» к «центру», вышло из красного центра к «кускам,», причем в этом последнем случае вся эта штука чрезвычайно похожа на то, как великорусский торговый капитал в XVI веке «железом и кровью» собирал «во единую великую Московскую Русь», т.-е., по-просту говоря, закрепощал крестьян, закабалял целые племена и народы. Таким образом, большевики оказались просто-на-просто продолжателями славных традиций московских царей. Однако, предоставим слово самому автору. «С тех пор, как окно в Европу оказалось заколоченным, а все государство было окружено врагами и раздиралось изнутри, Москва вновь в з я л а н а с е б я р о л ь с о б и р а т е л ь н и ц ы, к а к з а 400 л е т д о п е р е ж и в а е м о г о п е р и о д а, и с ы г р а л а с в о ю р о л ь з н а ч и т е л ь н о б ы с т р е е, ч е м э т о у д а л о с ь с д е л а т ь в XVI с т о л е т и и»(стр. 11; курсив наш. *М. Г.*).

Это—перл. Ведь подумайте только: все изменения за 400-летний исторический период оказались вовсе неощутительными для наблюдательных профессорских глаз, отделенных от действительности роговыми очками районирования. Для автора продолжает существовать старая Россия, «израненная империя», бывшая вековым палачем угнетенных национальностей. А между тем автор «слона-то и не приметил»: только благодаря тому, ч т о н е т э т о й с а м о й Р о с с и и, н е т е е, н а с а м о м д е л е с у щ е с т в у е т С о ю з С о в е т с к и х С о ц и а л и с т и ч е с к и х Р е с п у б л и к.

Впрочем, и проф. Александров склонен признать, что «некоторые изменения» все-таки произошли, но только «в смысле запросов жизни» и некоторого обновления «руководителей России». И действительно: «однако Россия собиралась не старая, а изменившаяся... в з н а ч и т е л ь н о й с т е п е н и с н о в ы м и л ю д ь м и в о г л а в е». Только всего? Мы думали, грешным делом, что проф. Александров хоть здесь признает, что не только старых людей во главе не стало совсем, но и старых господствующих классов давно уже нет и в помине. Теперь для нас не подлежит никакому сомнению, что хочет сказать проф. Александров, на что он «намекивает». Еще Кузьма Прутков сказал: «пояснительные выражения поясняют темные мысли».

«Темные мысли» Александрова стали достаточно ясны после этих выражений, чтобы нуждаться в наших комментариях.

Н е и д е я р а й о н и р о в а н и я, а и д е я в е л и к о д е р ж а в н о г о в е л и к о р у с с к о г о ш о в и н и з м а г л я д и т и з в с е й э т о й п о л и т и ч е с к о й п а ч к о т н и п р о ф. А л е к с а н д р о в а.

Таков 1-й отрывок из не столь новой сменовеховской платформы.

Но чем же это не отрывок из доброй старо-веховской платформы с «собиранием земли славян под эгидой первопрестольной Москвы», с ее «божьим делом» и ее другими провиденциальными миссиями? Правда, здесь есть нечто новое, вроде идейки о районировании. Идейка районирования—это только лишь научно-техническое прикрытие, форма, достаточно эластичная для того, чтобы скрыть и замаскировать грубые черты реакционного шовинизма. Проф. Александров уже продемонстрировал нам универсальность и всемогущество этой идеи на протяжении вековой истории прежней России и на опыте гражданской войны, но он еще докажет, что эта идея призвана сыграть роль всеспасающей панацеи от всех бед и зол советского режима.

III.

Всеобщее избирательное право и Советская национальная политика.

Показав на опыте Северо-Западной, Уральской и Юго-Восточной области, как «идея крупного деления искала стихийно себе выхода в разных формах», автор спешит нас уверить в том, что «идея новой волости имеет под собой другую почву» (другую в смысле отличной от идеи области. *М. Г.*). Оказывается, что эта другая почва есть не укрупнение волости с целью приближения советского аппарата к крестьянским массам, удешевления и улучшения его и оживления деятельности советов, а не более или не менее, как «идея всесословной волости, или, как когда-то любили выражаться,—мелкая земская единица» (стр. 14) (курсив мой. *М. Г.*). «Сущность идеи,—захлебываясь от восторга, раз'ясняет автор,—заключалась в том, что избирателями волости должны были стать все граждане» (стр. 14, курсив мой. *М. Г.*).

Проф. Александров на практике советской работы хочет показать пути к тому, что было намечено в теории проф. Устряловым два года тому назад, как ближайшая цель «трудового государства», в сторону которого должна будто бы эволюционировать диктатура пролетариата. «Здоровая в корне идея, однако, не могла получить своего завершения в дореволюционной структуре русского общества»,—с горечью сожалеет автор.

Если только послушать речи украинских кулаков и местечковых торговцев во время советских избирательных кампаний, то можно представить, как «разбудившаяся» новая буржуазия начинает требовать себе избирательных прав и полной независимости волостных и сельских советов от пролетарского влияния уездного и областного города. При чем эта деревенская буржуазия не прибегает к методам убеждения посредством самодовлеющей идеи районирования.

Деревенский Тит Титыч сменяет оружие критики, с которым выступает проф. Александров в печати, на критику оружием: «здоровую в корне» идею районирования он сменяет на «обрез», как на более испытанный способ классовой борьбы против пролетарской диктатуры. Тем не мнее: «и здесь тревога дня заслоняла основные сдвиги в сторону организации новой социальной структуры» (стр. 14). Т.-е. выражаясь не столь высоким штилем—в сторону всеобщего избирательного права и буржуазной демократии, в пределах хотя бы районной волости. Таков первый пункт практической части сменовеховской программы, выражающий классовые домогания кулацко-нэпмановской буржуазии, замаскированные в одежды популярнейшей идеи районирования. Попробуем, однако, проф. Александрову помочь понять эти же выводы по его методу: профессорская идея районирования «саморазвивается» в голове ее автора и превращается в действительность—в идею буржуазной реставрации.

«Еще большие трудности представлял и представляет в настоящее время национальный вопрос»,—пишет проф. Александров (стр. 14).

«С одной стороны, каждая национальность стремится выявить свое лицо и выделиться в территориально отграниченную организацию»... «а с другой, все эти автономные области и республики почувствовали тесную связанность всего государственного организма» (стр. 15). Так комментирует «с одной и другой стороны» национальную политику советской власти Александров, которого мы вовсе не хотим обидеть подозрением в том, что он не познакомился с ленинской национальной политикой, ну, хотя бы, по программе РКП. «Практически,—вздыхает Александров,—однако, на этом пути при стихийном развитии форм получился ряд нерациональных группировок такого рода, которые придают национальному вопросу кинетический (гм! гм!) характер». «Постоянно происходит образование новых национальных территорий, изменение их границ, преобразование конституционных форм»... Но здесь идея районирования, дает некоторую крупицу утешения ее носителю: «Идея районирования дает тот необходимый экономический фундамент, при наличии которого отпадают все опасения за нежизненность предоставления национальностям России права самоопределения» (стр. 16; курсив наш. *М. Г.*). Но этого утешения хватает не надолго. «Но,—многозначительно поднимает палец кверху наш меланхолический друг,—все же до сих пор национальный вопрос еще не нашел практически своего разрешения». Вот-те на! Здесь-то, повидимому, и оказывается, что большевики нарушили все традиции «славного прошлого», что «израненные куски империи» построены и собраны большевистской Москвой вовсе не так, как этого хотелось бы проф. Александрову. «В особенности,—поясняет автор,—страдает правовая конструкция» (стр. 16), «и только авторитет Москвы сглаживает противоречия и устраняет недоразумения, возникающие на почве такой неопределенности». Значит, национальный вопрос так-таки и не разрешен советской властью! При чем страдает от этого не только проф. Александров, но и «правовая конструкция», т.-е. Конституция СССР. «В дальнейшем ходе нашего развития,—хмурит брови профессор,—все эти стихийные сдвиги донельзя затрудняют всякое дело, замедляют хозяйственный оборот, порождают огромные массы бюрократии и, в конечном счете, тяжелым бременем ложатся на трудовое население». Профессор тут же торопится подчеркнуть свои собственные заслуги в деле «исправления» этой политики. «В своих работах я к тому неоднократно пытался добиться признания основных форм решения на базе экономического районирования»,—заявляет автор, прячась опять за спасительные тени идеи районирования. Мы не сомневались и не сомневаемся в том, что профессор Александров не только неоднократно пытался добиться признания своих идей, но и данной брошюрой безнадежно пытается этого добиться еще раз. Однако, довольно.

В чем же классовая сущность заявления проф. Александрова о необходимости изменить национальную политику советской власти, устранить «страдания правовой конструкции» и «тяжелое бремя бюрократизма на плечах трудового населения». Классовые интересы старой великодержавной русской буржуазии нам хорошо знакомы, и г.г. веховцы самым добросовестным образом представляли их. Новая русская нэпмановская буржуазия, мечтающая о реставрации, по новому не менее националистична, чем старая. Она, прежде всего,—торговая буржуазия, имеющая еще старые хозяйственные связи и эксплоататорские навыки в деле ограбления крестьянских масс угнетенных национальностей старой России. Теперь же в эпоху нэпа, когда экономическая роль торговой буржуазии в отсталых национальных республиках достаточно значительна, вполне естественно, что выросший за этот период новый русский Тит Титыч негодует против национальной политики советской власти. Русские скупщики шерсти,

мехов, рыбы и разных видов сырья у киргизов, у туркмен и других национальных крестьян—эти господа имеют все основания выражать свое недовольство советской национальной политикой, замедляющей их «оборот» при помощи «тяжелого (не спорим: тяжелого) бюрократического бремени»... налогов. Это же «бремя» дается в руки трудящихся национальных республик, как орудие подавления буржуазии, срезывания ее прибылей и укрощения ее эксплоататорского «нрава». В сущности же говоря, и всеобщее избирательное право в волости, и «исправление и дополнение» национальной политики—в программе г.г сменовеховцев—это только лишь две стороны одного и того же вопроса: отношения и взаимоотношения пролетариата к основной массе трудящихся крестьянства, которую новая руская нэпмановская буржуазия делает попытки оторвать от рабочего класса и его руководства. Она сама хотела бы взять крестьянство под свою тяжелую руку в волости, а в дополнение к этому намеревалась бы заполучить «свободу действий» с крестьянами не русских национальностей, и монополию на их эксплоатацию, что избавило бы «правовую конструкцию» от страданий, замеченных проф. Александровым и устранило бы «тяготы бюрократизма» национальной политики.

IV.

Промышленное районирование и вторая форма нэпа.

На стр. 26-й автор исходит из идеи районирования, на протяжении двух—трех десятков строк доказывает ненужность трестовой системы, как системы, изжившей себя в деле управления промышленностью. Заметив глухо еще раньше на стр. 18, что при нэпе «можно серьезно говорить о восстановлении нашего хозяйства, хотя, быть может, далеко не в той форме, как это было бы нам желательно (курсив мой. *М. Г.*) автор хочет показать, что тресты были необходимы, как первая форма нэпа» (стр. 26). В чем состоит или должна состоять, по мысли автора, вторая форма нэпа? Наш реформатор вскрывает ее сущность в центральной мысли своей оценки советской организации промышленности. «Наконец, основным бичем является вся система управления промышленностью, тяжелая и бюрократическая, которая уже одной своей неподвижностью мертвит дело и чрезвычайно задерживает оборот» (стр. 28. Курсив мой. *М. Г.*). «Все это создает положение, которое в несколько утрированной форме, можно назвать анархической монополией» (там же). И как было бы хорошо, если бы устранить эту анархическую монополию! Даже идея районирования не могла в этом случае прикрыть всей наготы ликвидаторских устремлений сменовеховского экономиста.

Итак, мы уже знаем одну из особенностей отыскиваемой нами и скрываемой автором второй формы нэпа. Эта особенность состоит в том, что развитием производительных сил промышленности ни тресты, ни ВСНХ руководить не могут, и подлежат упразднению, или замене той организацией, секрет изобретения которой остается пока, увы, в руках у сменовеховского счастливца. И только на стр. 54 оказывается, что все то же ненаглядное районирование производства разрешит целиком и без остатка проблему форм развития производительных сил и внесет «организующий момент» в анархическую монополию, установленную пролетарской диктатурой и проводимую ее органом ВСНХ. «Надо строить,—изрекает профессорская умная голова,—на ближайший исторический период, не предрешая форм дальнейшего экономического движения жизни» (стр. 54; курсив мой. *М. Г.*).

Районирование, как видно, в качестве лекарства от всех бед советской анархии и бюрократизма пригодилось и на этот раз. В бюрократическом извращении проф. Александрова производственное районирование это совсем не то, что мыслит себе советская власть под этой реформой [1]). В тезисах по методологии экономического районирования, представленных Госпланом III Сессии ВЦИК и в тезисах, выработанных Комиссией ВЦИК по вопросу об экономическом районировании СССР, определенно указывалось на то, что производственное районирование, или, вернее, экономическое районирование, имеет в своем принципе дать экономическую законченность определенным территориям страны, которые, благодаря комбинациям природных особенностей, культурных накоплений прошлого времени с установившимся разделением труда представляли бы собою одно из звеньев общей цепи народного хозяйства. «Этот принцип экономической законченности дает возможность построить далее на хорошо подобранном комплексе местных рессурсов, капитальных ценностей, принесенных со стороны новой техники и общегосударственного плана народного хозяйства проект хозяйственного развития района на базе наилучшего использования всех возможностей при наименьших затратах» (Доклад Госплана III Сессии ВЦИК—«Эк. Районирование России», изд. ВЦИК, стр. 55). И далее: «В согласии с нашей конституцией и с общими началами нашей национальной политики, экономический принцип районирования должен быть выявлен в такой форме, чтобы он содействовал материальному и духовному развитию всех национальностей и племен РСФСР».

Районирование поможет установить территориальное разделение труда по признакам энергетических рессурсов района, что особенно важно для электрификации СССР. Кроме того, районирование («территориально-административное в особенности») улучшит и удешевит советский аппарат, приблизит его к деревне, к крестьянским массам, оживит этим самым деятельность местных советов и обеспечит более прочное пролетарское руководство в области, округе и районе, содействуя укреплению этим самым союза рабочих и крестьян.

В этом смысле представляет значительный интерес опыт административно-экономического районирования УССР (см. протоколы Совещ. по Сов. строит. при ВЦИК). И напрасно некто профессор Понтович («Вестник Финансов» № 12), отрицает успешные результаты районирования, проведенного в некоторых местах СССР. Вопреки профессору Александрову, профессор Понтович аргументирует неудачу районирования ссылками на несоответствие его историческому прошлому России.

[1]) Следует отметить, что основы экономического районирования СССР изложены печатно проф. И. Г. Александровым не впервые. Но если в своих статьях по этому поводу в 1921 г. проф. Александров наметил вообще правильно только основные «вехи» районирования, то значительно позднее, как мы видим, он раз'яснил их «по-сменовеховски».

[2]) Между прочим в скобках будет сказано, что самое «историческое прошлое» выступает одновременно у обоих профессоров в двух совершенно противоположенных ролях.

Итак, экономическое районирование СССР в нашем понимании есть естественное продолжение нашей экономической политики в вопросах наиболее целесообразного сочетания производительных сил (на основе их энергетической реконструкции) и наиболее верной гарантии их обобществленной формы развития по пути нашего продвижения к социализму совместно с основной массой трудящегося крестьянства.

Такова общая постановка вопроса о задачах экономического районирования СССР.

Для профессора Александрова районирование есть та организационная форма, через которую новый капитализм, поджидаемый господами сменовеховцами, будет развиваться без «бюрократического» влияния ВСНХ и других «изживших себя» органов управления, планирования, регулирования.

Впрочем, чтобы успокоить читателя, впавшего в сомнение по поводу такой открытой проф. Александровым общезначимости идеи районирования, проф. Александров спешит заверить, что именно так, как он мыслит себе, создался проект производственного районирования России, который «был разработан под моим руководством в Госплане и утвержден, как основание Комиссией ВЦИК под председательством тов. Калинина». Читатель, не имея под рукой указанного мною выше издания ВЦИК «Экономическое районирование России» и проникнутый уважением к высокой профессорской особе, вотирует автору доверие. Но вряд ли есть необходимость говорить, чтобы доклад Госплана III Сессии ВЦИК и Комиссия под председательством тов. Калинина могли когда-либо взять за основу ту политическую галиматью и жонглирование теорией районирования, которые проф. Александров довольно недобросовестно навязывает законодательной деятельности ВЦИК. Для подлинного сличения проекта ВЦИК и сменовеховских фантазий проф. Александрова мы отсылаем читателя к указанной книге.

Теперь нам известно, что вторая форма нэпа, открытая проф. Александровым, есть своего рода манчестерская теория невмешательства пролетарского государства в развитие производительных сил. Все это достаточно ясно обнаруживает существо этой второй формы нэпа: это ликвидация новой экономической политики вместе с ликвидацией органов пролетарской диктатуры.

Следует остановиться в заключение на двух интересных местах брошюры, где автор говорит о плане.

«Логика жизни и организованная воля—вот два элемента всякого плана хозяйства страны»,—повествует с эпическим спокойствием знакомый нам автор. На протяжении всей последней главы о плане автор не удосужился, однако, сказать хотя бы одно слово о том, что наш перспективный план—есть план продвижения к социализму на основе энергетической реконструкции производства и его обобществления там, где оно является частным, а также обобществления обращения при условии неразрываемой хоз. смычки пролетариата с крестьянским массивом даже в ущерб темпу движения. Зато вполне понятно вместо постановки проблемы о плане в таком аспекте социалистического хозяйства мы имеем в этой знаменательной главе сухие ученые рассуждения о логике жизни, «которая исправит недочеты», о единстве воли и прочих благоглупостях.

Вся эта брошюра, содержа в себе целый ряд бесспорных и общеизвестных вещей о районировании, по всему ходу мыслей автора и по свойственной ему значительной осторожности—является все же одной из попыток изложить сменовеховскую платформу по конкретным вопросам экономической политики, плана и советской политики в целом. Что эта платформа незакончена—это ясно, да и сам автор этого не отрицает. Посвящая заключение своей книжки читателю экономисту, автор сознается, что он «счел возможным не останавливаться на столь важных частях реформы, как администрация, школьное дело, охрана народного здравия и т. д.».

Можно, однако, безошибочно предположить, что все эти обещанные профессором проекты реформ находились бы в полном соответствии с экономическими особенностями открытой автором второй формы нэпа.

Заключение.

Произведенный анализ брошюры «Основы экономического районирования СССР» неизбежно приводит к мысли о том, что как буржуазная, так и мелко-буржуазная стихия, вырастающая на почве товарно-денежного обращения, будет неоднократно стучаться в двери советского руководства экономическим строительством, вплетая в него свои реставрационные вожделения. Однако, для влияния буржуазной и мелко-буржуазной стихии в советских аппаратах пролетарских центров нет налицо достаточных шансов, тем более, что специалисты и техническая интеллигенция в советском аппарате довольно искренне и охотно подчиняются руководству коммунистической партии. В этом смысле характерен, между прочим, последний Всесоюзный с'езд инженеров, заявивший, что в их среде не может быть места несоветской идеологии. Все же идеология сменовеховцев (не только не советская, но даже и антисоветская), отражая по сути дела классовые интересы новой нэпманской буржуазии, оказывает, некоторое влияние среди той части служащих, которые являются прямыми участниками новой экономической политики. Вот что писал по этому поводу Ильич: «Сменовеховцы выражают настроение тысяч и десятков тысяч всяких буржуев или советских служащих, участников нашей новой экономической политики. Это основная и действительная опасность. И поэтому на этот вопрос надо обратить главное внимание: действительно, чья возьмет» (Ленин, XVIII том, часть 2, стр. 42). Вот именно! Мы «будем посмотреть» чья возьмет.

Но для того, чтобы уяснить этот поставленный в заключение вопрос, следует подвести некоторый итог особенностям рассмотренных нами положений сменовеховцев. Вот они: 1) исправление советской национальной политики в сторону великодержавности, 2) всесословная (всеклассовая) волость, т.-е. всеобщее избирательное право, 3) уничтожение ВСНХ, трестов и других форм анархической монополии, ненужной для второй формы нэпа, 4) районирование,—которое внесет организующий момент и не будет предрешать форм экономического развития.

Нам остается только подчеркнуть ту особенную форму, в которую новая нэпманская буржуазия вынуждена вкладывать эти свои классовые требования. Эта форма вообще характерна для буржуазной и мелко-буржуазной стихии в период диктатуры пролетариата. Выражением этой формы является внешнее приспособление под краски «лойяльного советизма». Современное сменовеховство на примере проф. Александрова приспособляется, маскируется. На этом примере мы имеем типичную маскировку реакционных требований буржуазии

или левыми оппозиционными политическими фразами о советском бюрократизме, о тяготах, лежащих на «трудовом населении», или выпячиванием организационной и технически-хозяйственной стороны экономического строительства, как самодовлеющей цели. При этом отбрасывается или игнорируется ее социальное выражение. Отсюда техницизм, теория развития производительных сил какой угодно ценой «без предрешения формы этого развития, отсюда сверхуниверсальность идеи районирования, как могущественной организационной формы несовместимой с существованием трестов, как негодной устарелой формации. Под такого рода невинной деловой фразой и лево-политическим ребячеством скрывается и маскируется реакционная сущность классовых требований буржуазии. Иначе, без подобной маскировки, проникнуть в головы лучшей части интеллигенции с оголенными неприкрытыми буржуазными претензиями было бы трудно. Но, ведь, новая буржуазия встречается в своей борьбе за влияние на советскую трудовую интеллигенцию с противодействием испытанного пролетарского авангарда, организующего вокруг себя отсталые слои трудящихся.

Таким образом силы нэпмановской буржуазии в борьбе не равны нашим силам. Кроме того пролетариат не вернет ей ни свободы собраний, ни союзов, ни организаций. Она не владеет ни одним сколько-нибудь серьезным печатным органом. Поэтому-то сменовеховство, как и вообще мелко-буржуазные и буржуазные политические течения обрекаются соотношением сил в ходе классовой борьбы (в период после победы пролетарсрой революции) в конечном счете на участь литературных течений, т.-е. на общественную изоляцию, изоляцию от масс [1]). Задача состоит в том, чтобы обречь и в дальнейшем этих господ сменовеховских реформаторов на общественную изоляцию, главным образом, от интеллигенции и специалистов.

Вот почему следует: 1) разоблачать на страницах советской печати все эти буржуазно-реставрационнные уклоны и бюрократические извращения в новой экономической политике на глазах всех передовых специалистов, конкретно раз'ясняя буржуазную сущность сменовеховских иллюзий 2) еще настойчивее продолжать привлечение специалистов к работе под умелым коммунистическим руководством, с одной стороны, всячески создавая благоприятную для их работы обстановку,—с другой, предохраняя их от уклонов в сторону техницизма; 3) ознакомлять широкие массы трудящихся с основными вопросами планового социалистического хозяйства, и, в частности, с задачами и в особенности опытом районирования; 4) следить за тем, чтобы литературное течение сменовеховцев не перерастало своих литературных рамок. В заключение следует еще прибавить пожелание, чтобы это течение печатало свои произведения на свои собственные средства, а не на средства советских издательств, да еще без редакционных примечаний или об'яснений со стороны самих советских издательств. Что же касается «добросовестно заблуждающихся» сменовеховцев среди трудящейся интеллигенции, до сих пор плохо уяснивших себе основы ленинской национальной политики и задачи советской экономической политики в целом, то им следовало бы иметь в виду, кроме цитаты из

[1]) **Такова участь и других попутчиков пролетарской революции солидаризующихся с нами не по программе и тактике, а по отдельным частным моментам историч. борьбы.**

Ленина в эпиграфе к этой статье, еще и следующие слова Маркса: «Один простак однажды вообразил себе, что люди тонут в воде только потому, что над ними властвует мысль о тяжести. Если бы они вышибли это представление из своей головы, об'явив его суеверным, религиозным, то они избавились бы навсегда от риска потонуть. Всю жизнь свою боролся он против иллюзии о тяжести, о вредных следствиях которой ему всякая статистика приносила все новые и многочисленные доказательства. Этот бравый человек являет собою тип нового немецкого революционного философа» (К. Маркс, Проект предисловия в «Немецкой идеологии», Арх. Маркса и Энгельса, кн. I, стр. 211).

Если этих простаков, тонущих в бурных водах двух взаимно борющихся потоков в современной экономике—социалистического и капиталистического,—преследует навязчивая идея районирования, как универсального средства для восстановления хозяйства СССР, если они не могут познать истинный смысл ее прикладного применения сменовеховцами, то пусть они отбросят эту суеверную мысль совсем и, под руководством коммунистической партии, сумеют постигнуть истинную сущность планового социалистического хозяйства, его реальных организационных форм и отдельных задач во всем их едином многообразии. Только выбросив из своей головы все остатки и хлам сменовеховского суеверия, эти простаки преодолеют свою косность и сумеют действительно выполнить знаменательную резолюцию с'езда инженеров, что в «их среде, т.-е. в среде трудовой интеллигенции, не может быть места несоветской идеологии».

Условия приема в Институт Красной Профессуры

на 1925/26 уч. г.

В текущем году прием будет производиться на следующие отделения: 1) экономическое, 2) философское, 3) историческое, 4) правовое, 5) естественное и 6) на подготовительные курсы.

Условия приема на основные отделения.

1. На все отделения принимаются лишь члены РКП, обладающие 5-ти годичным партийным стажем.

Примечание. Для рабочих в отдельных случаях возможно исключение в виде понижения стажа.

2. Товарищи, желающие поступить в Институт Красной Профессуры, должны представить в Правление Института (Остоженка, 53) не позднее 1 мая 1925 г.: 1) рекомендацию Центрального Комитета РКП, ЦК Нацреспублик, Обкомов (Оббюро) или Губкомов РКП, 2) заявление с указанием адреса, 3) краткую автобиографию, 4) засвидетельствованный партстаж и 5) печатные работы (если последние имеются). В заявлении должна быть указана желательная для данного товарища тема пробной вступительной работы и отделение, на которое товарищ желает поступить.

Примечание. От поступающих на естественное отделение, ставящее себе своей задачей дать товарищам с законченным естественно-историческим образованием подготовку по ист. естествознания, техники и философии, представление письменной работы не требуется, но требуется представления свидетельства об окончании соответствующего В. У. З. или свидетельство о завершении всей программы В. У. З. за исключением специальной (дипломной) работы.

3. Заявления рассматриваются Мандатной Комиссией при участии представителей Ц. К. РКП (б) и затем поступают в Правление Института. В случае удовлетворительного решения вопроса, Правление допускает соискателя к представлению письменной работы. Тема работы устанавливается по соглашению с Приемочной Комиссией Института, производящей устный коллоквиум. Предельным сроком представления письменных работ устанавливается 1-е июля 1925 г.

4. Все соискатели, пробные письменные работы которых будут признаны удовлетворительными, допускаются к устному коллоквиуму в промежуток между 1 и 16 сентября, после чего Правление имеет окончательное суждение о кандидате.

5. От поступающих требуется основательное знакомство со следующими проблемами по теоретической экономии в об'еме нижеследующей литературы:

I. Проблемы по теоретической экономии.

1. Предмет и метод политической экономии. Основные направления в экономической науке. Важнейшие особенности экономической системы марксизма.
2. Теория ценности. Общее понятие об об'ективных и суб'ективных теориях ценности и о „полит. экономии без ценности". Теория товарного фетишизма. Учение о форме ценности. Абстрактный труд. Общественно-необходимый труд. Проблемы „редукции". Производительный труд. Развитие форм ценности.
3. Деньги. Методологическая постановка проблемы. Функции денег. Металлические деньги. Монометаллизм и биометаллизм. Бумажные деньги и их виды. Их роль в государственном хозяйстве и в экономике. Денежная система С.С.С.Р. и важнейших капиталистических государств. Инфляция и связанные с ней проблемы. Кредитные деньги.
4. Теория прибавочной ценности. Учение о ценности рабочей силы. Масса и норма прибавочной ценности. Абсолютная и относительная прибавочная ценность. Борьба за рабочий

день. Этапы фабричного законодательства и его современное состояние.
5. Относительная прибавочная ценность. Кооперация, мануфактура, машина. Проблема сверхприбыли (технической ренты). Производительность и интенсивность труда.
6. Общая характеристика простого и расширенного воспроизводства. Концентрация и централизация капитала.
7. Всеобщий закон капиталистического накопления. Органический состав капитала и его изменение. Абсолютное и относительное перенаселение. „Железный закон" заработной платы. Резервная армия. Форма относительного перенаселения. „Теория обнищания".
8. Заработная плата и ее формы. Экономическая роль профессиональных союзов и предпринимательских организаций.
9. „Первоначальное накопление". Промышленный переворот. Основные этапы в развитии капитализма в России.
10. Кругооборот капитала. Основной и оборотный капитал. Воспроизводство и обращение общественного капитала в целом. Проблема реализации прибавочной ценности. Теория рынка. Теория кризисов. Народники и марксисты по вопросу о реализации прибавочного продукта. Теория Р. Люксембург. Теория Туган-Барановского.
11. Учение о прибыли. Цена производства и издержки производства. Отклонения цен производства от ценности. Закон тенденции нормы прибыли к понижению.
12. Торговая прибыль. Ссудный процент. Банковая прибыль. Роль и формы кредита. Основные функции банков. Акционерные общества. Дивиденд. Цена акций. Фондовая биржа и фиктивный капитал. Учредительская прибыль. Финансовый капитал.
13. Вертикальные, горизонтальные и „крестообразные об'единения" в промышленности. Синдикат, трест, концерн, фузия. Роль тяжелой индустрии. Экономическая политика финансового капитала.
14. Мировое хозяйство. Экспорт товаров и экспорт капиталов. Торговый и платежный баланс. Вексельные курсы. Империализм как последний этап капитализма.
15. Теория ренты. Дифференциальная рента (1 и 2) и абсолютная рента.

Та же программа обязательна для поступающих на экономическое, философское, историческое и правовое отделения.

По 10-му пункту для лиц, поступающих на три последних отделения, достаточно общего знакомства с постановкой проблемы воспроизводства общественного капитала, а по 14-му для них необязательно знание теории вексельного курса.

Для поступающих на естественное отделение по п. 3 достаточно общего знакомства с основными функциями денег и их видами. По п. 10-му знакомство с проблемой в об'еме, указанном для философского отделения. По п. 12 только общее понятие о финансовом капитале. Акционерн. о-ва. Роли банков. По п. 14-му. Учение о балансе и вексельных курсах необязательно.

Литература по теоретической экономии: а) основательное знакомство с экономическим учением Маркса по главным произведениям последнего: 1) „Нищета философии", 2) „К критике политической экономии"[1]), 3) „Капитал" (I, II и III т. т.), II том обязателен только для экономистов. б) Знание марксистской литературы, посвященной новейшему развитию капитализма: 1) Гильфердинг — „Финансовый капитал"[2]), 2) Ленин: „Империализм", 3) Бухарин: „Империализм и мировое хозяйство", 4) Бухарин: „Политическая экономия рантье"[3]), в) Знакомство с курсом какого-нибудь буржуазного экономиста (Туган-Барановского, Железнова и др.), а также основательное знакомство с экономической географией[4]).

2. По философии.

Проблемы (обязательные для всех отделений):
1. Основные школы древне-греческой философии. (Особое внимание обратить на Демокрита и Эпикура).
2. Номинализм и реализм средневековой философии
3. Бэкон, как родоначальник материализма нового времени.
4. Декарт—противоречия его системы.
5. Гоббс.
6. Гассенди.
7. Сенсуализм Локка.
8. Спиноза и его учение о реальности.
9. Беркли и проблема реальности.
10. Учение о причинности у Юма.
11. Лейбниц.

---

[1]) Для философов, историков, правовиков и естественников обязательно только введение и предисловие.

[2]) Для естественников не обязателен.

[3]) Для правовиков и естественников не обязателен.

[4]) Пункт под буквой „в" для естественников не обязателен.

12. Французский материализм XVIII-го ст., его исторические корни и его особенности.
13. Ламетри.
14. Дидро.
15. Гельвеций.
16. Гольбах.
17. Кант.
18. Немецкий классический идеализм после Канта (до Гегеля).
19. Гегель.
20. Фейербах.
21. Марксизм, его исторические корни и основные этапы:
а) Диалектический материализм.
б) Теория познания марксизма.
в) Учение об обществе.
г) Теория общественных классов.
д) Учение о классовой борьбе.
е) Теория диктатуры пролетариата.
ж) Учение о государстве.
з) Учение о партии.
и) Идеология.
22. Борьба философских школ в марксизме.

Литература по философии: Энгельс: 1) „Л. Фейербах", 2) „Анти Дюринг", 3) „Диалектика в природе (только для естественников); Плеханова: 4) „Основные вопросы марксизма", 5) „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю", 6) „Очерки по истории материализма", 7) Ленина „Материализм и эмпириокритицизм", 8) Аксельрод- „Философские очерки"[1]), 9) Деборин—„Введение в философию диалектического материализма" (с дополнением статей о философских воззрениях Л. Фейербаха в № 7—8, 9—10, 11—12, „Под Знаменем Марксизма")[2]), 10) Ланге: „История материализма"[3]) (т. I), 11) Геффдинг: „История новейшей философии"—от Канта) (обязательно только для философов и естественников), 12) Гомперц: „Греческие мыслители", (обязательно только для философов), 13) Вундт: „Введение в философию"[4]) 14) Бухарин: „Теория исторического материализма").

3. По истории.

(Для всех отделений, кроме естественного).

а) Проблемы и литература по русской истории:

1. Торговый капитализм в России и крепостное хозяйство.

(Покровский „Очерк истории русской культуры", 1, ч. 1, гл. 3 ья и 4 ая).

2. Спор с Троцким о происхождении русского самодержавия.

(Троцкий, 1905, введение и прилагаемая, начиная со 2-го изд., статья против Покровского).

(Покровский, „Классовая борьба и русская историческая литература" (приложение) и статьи в „Вестнике Соц. Академии", №№ 1, 2 и 4).

3. Внешняя политика эпохи крепостного хозяйства.

(Покровский, „Русская история", т. IV, стр. 30—44; его же „Дипломатия и войны царской России XIX в.", статьи: „Русский империализм" и „Крымская война"; последняя может быть заменена ст. „Крымская война" в словаре Граната).

4. Декабристы.

(Покровский. „Русская история", т. III, гл. XIII).

5. Крестьянская реформа.

(„Очерк" Покровского, ч. 1, гл. 5-ая первого отд.; его же „Крестьянская реформа" в „Истории России XIX в.", изд. Граната).

6. Аграрный вопрос в России после реформы.

(Ленин, „Сочинения", т. IX, ч. 2).

7. Промышленное развитие пореформенной России.

(Ленин, „Сочин.", т. III, гл. V—VIII).

8. 1905 год.

(Ленин. „Сочинения" т. т. VI и VII; для фактической стороны, как минимум—Покровский—„Русская история в самом сжатом очерке", ч. III).

9. Столыпинщина и война.

(Покровский. „Очерки по истории революционного движения XIX и XX в.в", лекции 7—10; его же—„Как началась война 1914 года". „Пролетарская революция" № 7 (30), 1921 г; его же—„Как русский империализм готовился к войне", „Большевик", 1924 г., № 9).

10. Февральская революция.

(Троцкий, „Октябрьск революция", Ленин—т. т. IV. XV. Н. Бухарин, „От империализма к диктатуре пролетариата". „За ленинизм"—Сборник статей).

Кроме того, для общего знакомства с русским историческим процессом предполагается знание „Русской истории в самом сжатом очерке", всех 3-х частей.

б) По всеобщей истории (проблемы)

Знакомство с общим ходом исторического процесса на конкретном материале истории важнейших стран Западной Европы.

Кроме того, необходимо основательное знание следующих вопросов:

1. Происхождение современного капитализма.

[1]) Не обязательны для правовиков и естественников.

[2]) Не обязательны для правовиков и естественников.

[3]) Не обязательны для естественников.

[4]) Не обязательны для правовиков и естественников.

2. Классические примеры буржуазных революций.
3. Первые шаги рабочего движения.
4. Основные направления в утопическом социализме.
5. I Интернационал.
6. Парижская Коммуна.
7. Основные типы рабочего движения и развитие социализма в последней четверти XIX и первом десятилетии XX века.
8. II Интернационал.
6. Колониальная политика империалистических государств.
10. Кризис международного социализма и зарождение Коминтерна.

Для специалистов историков кроме названных проблем необходимо знакомство со следующими вопросами:

1. Теории экономического развития древнего мира.
2. История аграрных отношений в древней Греции и Риме.
3. Происхождение христианства.
4. Происхождение и сущность феодализма.
5. Городской строй и гор. движения в средних веках.
6. Крестьянск. войны (XIV-XVI в. в.).
7. Сословная монархия.
8. Конституционное развитие Англии.

Литература по всеобщей истории: 1) „Предшественники новейшего социализма", под редакцией Каутского, 2) Ф. Олар (краткое издание). „Великая Французская революция", 3) Кунов, „Борьба классов во Французской революции", 4) Исторические работы Маркса и Энгельса („Борьба классов во Франции", „18 брюмера", „Революция и контр-революция в Германии", „Гражданская война во Франции"), 5) Стеклов: „Интернационал", 6) Рязанов: „Маркс и Энгельс", 7) Волгин: „Очерки по истории социализма", 8) Лукин: „Новейшая история Зап. Европы", 9) его же „Парижская Коммуна" (для правовиков может быть заменена Степановым), 10) его же „История Германии, 11) историческая часть книги Туган-Барановского: „Промышленные кризисы" по последнему изданию, отд. 1 и 3, 12) кроме того, общее знакомство с историей экономического развития (по книге Кулишера: „Лекции по истории экономического быта Зап. Европы") и знание фактической истории в об'еме работ Виппера, 13) Греции („История Греции в классическую эпоху"), 14) Рима („Очерки по истории Римской империи") и новой истории („Новая история").

Для правовиков необязательны из данного списка книги под №№ 3, 5, 6, 7, 10, 11.

Для специалистов по истории, кроме того, требуется: 1) Петрушевский: „Очерки по истории средневекового общества и государства", 2) Кропоткин: „История Великой Французской революции", или Олар: „Великая Французская революция", 3) Сеньобос: „Политическая история Западной Европы" или Кареев: „История Западной Европы в XX в.", т. VII, 4) Энгельс, „Крестьянская война в Германии", 5) Бутми, „История общественного строя Англии", 6) Конради, „История революции", т. I, 7) Зиновьев: „Война и кризис социализма".

в) От поступающих на естественное отделение требуется:

Знание фактической истории в об'еме следующих работ: а) Виппер, Учебник древней истории и средних веков, б) Лукин, „Западная история", в) Покровский: 1) «Русская история», 2) «Как возникла мировая война», г) Ленин: „Развитие капитализма в России".

4. По теории права и государства.

От поступающих на правовое отделение требуется знакомство со следующими проблемами по теории права и государства в об'еме нижеуказанной литературы:

а) Право: (общая часть).

1. Право и классовое общество. Право, как форма господства. Право, как форма, порождаемая разделением труда и обменом.
2. Обычай и право. Зачатки права у первобытных народов. Возникновение и эволюция института частной собственности.
3. Право и экономика. Базис и правовая надстройка. Право, как отношение, право, как норма и право, как идеология.
4. Основные подразделения права (право в суб'ективном смысле и право в об'ективном смысле, право публичное и право частное и т. д.). Смысл этих подразделений и их критика с марксисткой точки зрения.
5. Основные воззрения на право. Теория естественного права. Историческая школа. Теория Иеринга. Юридико-догматический позитивизм. Психологическая школа права. Классовая теория права.
6. Источники права в техническом смысле: обычай, закон, прецедент. Применение права. Истолкование норм права. Роль юриспруденции.

(Специальная часть).

7. Государственное право РСФСР. Декларация прав трудящихся. Организация центральной власти. Система выборов. Союз Советских Республик и его органы.
8. Уголовное право и классовое общество. Советское государство и

его уголовная политика. Наказание и меры социальной защиты. Отличительные черты нашего уголовного кодекса.

9. Гражданское право. Основные политические черты нашего Г. К. Ограничение „частно-правовой автономии". Защита интересов трудящихся и советского государства. Основные начала вещного, обязательственного и наследственного права по Г. К.

10. Трудовое право. Кодекс законов о труде. Порядок найма и привлечения к труду. Коллективные договоры. Профессиональные союзы и их роль. Социальное страхование.

11. Земельное право. Источники земельного права. Порядок землепользования. Суб'екты землепользования. Двор.

12. Судоустройство и процесс. Система судебных учреждений. Подсудность. Порядок обжалования. Основные начала нашего уголовного и гражданского процессуальных кодексов.

Государство.

1. Происхождение государства. Распад родового общества. Государство и классы.

2. Государство, как организация господствующего класса.

3. Типы государства: античное государство, феодальное государство, сословная монархия, буржуазное государство.

4. Формы правления: абсолютизм, конституционная монархия, республика. Дуалистические и парламентарные государства.

5. Причины развития и упадка парламентаризма. Буржуазное государство в эпоху империализма.

6. Учение Маркса и Ленина о диктатуре пролетариата. Задачи пролетарской революции по отношению к буржуазному государству. Государство пролетариата. Теория анархистов.

7. Отмирание государства.

Литература по теории права и государства. Ленин, „Государство и революция", т XVIII, ч. 2, Энгельс, „Происхождение семьи, частной собственности и государства", Стучка, „Революционная роль права и государства", Гурвич, „Основы Советской Конституции", Карнер, „Социальные функции правовых институтов", Гойхбарг: „Хозяйственное право", т. I, Гражданский кодекс; Пашуканис: „Общая теория права". Марксизм. Кроме того, требуется основательное знакомство с конституцией СССР и РСФСР и основными кодексами, а также знакомство с курсом какого-нибудь из буржуазных государствоведов (напр., Гумплович, Дюги, Ориу, Острогорский) и с политическим строем западно-европейских государств (Англия, Франция, Германия, С.-А. С. Ш. и т. д.).

Примечание. Для всех поступающих на все отделения, кроме подготовительного, желательно знание одного из новых языков.

Все принятые в институт товарищи, согласно постановления СТО от 30 марта 1921 г., снимаются с своей прежней работы и переводятся в Институт.

Слушатели обеспечиваются денежным довольствием и по возможности общежитием.

Правление Института Красной Профессуры.

СОДЕРЖАНИЕ.

...рии все...

БОЛЬШЕВИК

№ 7 № 7

АПРЕЛЯ 15

1 9 2 5

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА"

СОДЕРЖАНИЕ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 7 15 АПРЕЛЯ

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

Опечатки.

	Напечатано:	Следует читать:
Стр. 31 стр. 7 сверху:	«ственности. Определенного типа»	«ственности определенного типа»
» 43 » 4 снизу:	«мы, поддержав мелкого производителя»	«мы поддержали мелкого производителя»
» 92 » 1 сверху:	«им закон жизни»	«им: «закон жизни»
» » » 3 снизу:	«порченном»	«порченом».
» 93 » 9 сверху:	«сейчас после»	«сейчас же после»
» » » 16 »	«история тотчас»	«история, тотчас»
» » » 9 снизу:	«с благословением»	«с благоговением».
» 94 » 22 сверху:	«без него же выстроена»	«без него же встречена»
» » » 15 снизу:	«этаких традиций не переживает»	«этаких трагедий не переживает».
» 96 » 5 сверху:	Но—переходит...	«Но—переходит...
» » » 13 и 17 сн.:	(35 стрн.)	(53 стрн.)

МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
ПРАВДА

СОДЕРЖАНИЕ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 7 15 АПРЕЛЯ

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1 9 2 5
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
ПРАВДА

Главлит № 36260. Москва. Тираж 50000.
Тип. „Правда“ и „Беднота“. Москва, Яузский м., Серебрянич. наб., д. 23/а.

Г. Зиновьев.

Из первых боев за ленинизм[1].

Мелко-буржуазная критика большевизма „слева“.

Долгое время (а отчасти еще и сейчас) было распространено мнение, будто теория «перманентной» революции критиковала большевизм, якобы, слева. Такое ошибочное мнение является причиной некоторых симпатий, которые часть молодежи продолжает еще дарить троцкизму. В самом деле, говорят себе эти люди, троцкизм, как ни толкуй, указывал на социалистический характер русской революции тогда, как большевизм, хотя и возглавляемый Лениным, считал еще, что революция будет буржуазно-демократической. Значит, троцкизм критиковал большевизм слева, значит, троцкисты видели дальше, были более пролетарскими революционерами, яснее отдавали себе отчет в удельном весе пролетариата.

Необходимо несколько остановиться на этой аргументации. Тот же тов. Троцкий в книге «1905 г.» писал, что большевики, исходя из голой абстракции—«демократическая, а не социалистическая диктатура», приходят к идее «буржуазно-демократического самоограничения пролетариата»[2]). Мы просим запомнить это слово «самоограничение». Главное обвинение против большевизма сводилось к тому, что-де Ленин пытается навязать пролетариату какое-то «самоограничение», а именно—буржуазно-демократическое самоограничение. В другом месте той же книги тов. Троцкий выразился так: «Политическое самоограничение пролетариата большевики предлагают дополнить об'ективной анти-социалистической гарантией в виде сотрудника мужика»[3]). В ряде других мест той же книги Троцкий говорит о классовом «аскетизме» Ленина, о том, что Ленин проповедует рабочему классу аскетизм[4]), самоограничение, призывая его не итти дальше определенных буржуазно-демократических целей. Это сказано в различных формулировках, пестро и по-разному, но смысл повсюду ясен: ты (Ленин) хочешь навязать буржуазно-демократическое самоограничение основному революционному классу—пролетариа-

---

[1]) Глава из готовящейся к печати книги: «Ленинизм, как учение о движущих силах революции».

[2]) Л. Троцкий «1905 г.». Госиздат, стр. 285.

[3]) Там же, стр. 284.

[4]) Там же, стр. 283.

ту, ты проповедуешь «постную революцию», ты проповедуешь «классовый аскетизм», ты не решаешься поставить вопрос о пролетарской революции во весь его рост. Вот она критика «слева», звучащая так горделиво и так заманчиво для тех, кто не уясняет себе ее истинный смысл!

Да, большевизм и меньшевизм долгие годы (примерно, с 1903 г. по 1907 г.) спорили о *характере* русской революции. Спор шел о том, будет ли наша русская революция буржуазной и в каком смысле буржуазной, или она будет своеобразной, переходной к социализму и в какой степени; какую роль сыграет в революции пролетариат; какую—другие классы; каково будет социальное содержание революции.

С 1907 по 1917 г.г.—целое десятилетие—большевизм спорил с меньшевизмом уже *не* по вопросу о характере, *а* по вопросу о том, *быть или не быть революции* вообще. С 1907 по 1917 г. позиция меньшевиков заключалась в том, что они были не только против диктатуры пролетариата и крестьянства в революции, но против всякой второй революции вообще. Меньшевики говорили: буржуазная революция завершилась, были 1905—1906 г.г., революция «сверху» произошла, теперь дело идет уже только о продвижении по пути реформ—по «прусскому» пути. Суть меньшевизма в те годы состояла в том, что он был *против новой революции вообще*. Большевизму пришлось в ту пору спорить с меньшевизмом уже *не* о характере революции, *а* о том, готовиться ли к революции вообще. Правда, отдельные статьи на тему о характере революции изредка еще появлялись в споре с меньшевиками, но меньшевизм в то время был уже и против буржуазной революции [1]).

[1]) Укажем, хотя бы, на эпизодический спор между Мартовым и Лениным в 1909 г. по вопросу о толковании резолюции о текущем моменте на декабрьской общепартийной конференции 1908 г. (ст. Мартова «За что бороться» 3-й номер «Социал-Демократа от 9/22 марта 1909 г. и ст. Ленина «Цель борьбы пролетариата в нашей революции». Ленин. Собр. соч. том XI, часть I стр. 217—234).

Мартов, ссылаясь на тот пункт резолюции, где говорится, что «целью... попрежнему является свержение царизма, завоевание политической власти пролетариатом, опирающимся на революционное крестьянство и совершающим буржуазно-демократический переворот», указывал, что передовая центрального органа во втором номере «Социал демократа» неправильно трактует это место, как «завоевание политической власти пролетариатом *и* революционным крестьянством».

Мартов подчеркивал, что коренное различие между двумя формулами уже давно с полной ясностью показал тов. Троцкий (см., напр., в его книге «Наша революция», стр. 253). «Из всего сказанного ясно, как мы смотрим на идею «диктатуры пролетариата и крестьянства». Суть не в том, считаем ли мы ее принципиально допустимой, «хотим» ли мы или «не хотим» такой формы политической кооперации. Но мы считаем ее неосуществимой, по крайней мере, в прямом и непосредственном смысле. В самом деле. Такого рода коалиция предполагает, что либо одна из существующих буржуазных партий овладевает крестьянством, либо—что крестьянство создает самостоятельную могучую партию. Ни то, ни другое, как мы старались показать, невозможно». И далее (стр. 250): «весь вопрос в том, кто даст содержание правительственной политике, *кто сплотит в ней однородное большинство*»? Одно дело, когда в рабочем, по составу своего большинства, правительстве участвуют представители демократического населения,—другое—когда в опре-

В это решающее десятилетие где были парвусисты и троцкисты? Как раз вкупе с меньшевизмом. В это время спор с Троцким о *характере* революции лишь изредка мелькал в форме полемики литературного значения. А в действительности спор шел о том, быть ли революции вообще. Спор шел об отношении к меньшевизму, который снимал всякую революцию с очереди. Этот факт, как светом бенгальского огня, озаряет все спорные проблемы.

Является ли парвусизм и троцкизм критикой *слева*? На это отвечают факты: на решающее десятилетие троцкизм *слился* с тем лагерем, который *вообще снял вторую революцию с очереди*.

Во всей тогдашней политической борьбе шпаги перекрещивались между большевиками, с одной стороны, и меньшевиками и троцкистами, с другой. Мнение *всего* антибольшевистского лагеря (троцкисты в том числе) заключалось в том, что новой революции вообще не будет, что она уже совершилась, а теперь-де надо, как все «европейские» с.-д. партии, готовиться через соответствующее количество десятилетий к «конечной цели» (в более или менее бернштейнианском понимании), т.-е. к тому «отдаленному, но счастливому времени, когда наступит царство социализма». Весь антибольшевистский лагерь смотрел на «конечную

деленном буржуазно-демократическом правительстве участвуют, в качестве более или менее почетных заложников, представители пролетариата».

Для того, чтобы пролетариат овладел властью, *опираясь* на крестьянское движение, нужны совсем иные политические предпосылки, чем для того, чтобы он овладел ею *совместно* с крестьянством. Троцкий справедливо говорит (там же, стр. 253): «пусть даже оно (крестьянство) сделает это («присоединится к режиму рабочей демократии») не с большей сознательностью, чем оно обычно присоединяется к буржуазному режиму». Для того же, чтобы крестьянство совместно с пролетариатом захватило власть *в борьбе со всеми буржуазными классами*, оно должно обладать очень значительной степенью сознательности, должно подняться до сознательного антагонизма с буржуазией в целом».

И, наконец, по Мартову, отвержение формулы «диктатуры пролетариата и крестьянства» представляет важный шаг по пути освобождения русской социал-демократической мысли из *народнического пленения*. Потратив не мало усилий на критику этой формулы, мы и впрямь можем считать, что получили от конференции нечто вроде векселя на ее *устранение из партийного обихода*. И мы надеемся, что у товарищей, принадлежащих ко *всем* течениям партийной мысли, найдется достаточно уважения к теоретической истине, чтобы они отвергли всякую попытку свести борьбу идей к спору о словах, всякую попытку прикрыть эволюцию мировоззрения крючкотворским толкованием формул».

Ленин, возражая Мартову, подошел к этому спору исторически и убедительными аргументами (анализ резолюций III с'езда, проекты резолюций перед Стокгольмским и Лондонским с'ездами) доказал, что «сами большевики *ни одного раза* не вставляли ни в свои проекты резолюций, ни в свои резолюции выражения или «формулы»: диктатура пролетариата и крестьянства. И тем не менее, *ни одному человеку* не приходило до сих пор в голову отрицать, что все большевистские проекты и резолюции 1905—07 гг. *всецело* построены на идее диктатуры пролетариата и крестьянства..., ибо «формула»-пролетариат, опирающийся на крестьянство—*остается всецело в пределах* той же самой диктатуры пролетариата и крестьянства».

Отвечая Мартову, аргументировавшему доводами Троцкого свое несогласие с формулой «диктатура пролетариата и крестьянства», тов. Ленин указывает, что основная ошибка Троцкого—игнорирование буржуазного характера революции, отсутствие ясной мысли по вопросу о переходе этой рево-

цель», как на некую «икону» (совсем «по-европейски»), которой нужно поклониться, но которая все же остается только иконой.

Кто хочет понять, является ли троцкизм и парвусизм критикой большевизма слева, тот должен отдать себе отчет в том, что в 1903—07 г.г. спор действительно шел о характере революции, а с 1907 по 1917 г. спор шел по вопросу о революции вообще, т.-е., быть или не быть второй русской революции против царизма, работать на нее или не работать. Отсюда вытекали все тогдашние тактические выводы.

Еще раз:

Основной факт, который надо запомнить: в то решающее десятилетие, когда меньшевизм спорил не о характере революции, а о самой революции,—в это время составной частью меньшевизма был парвусизм и троцкизм.

Для того, чтобы окончательно понять этот спор, нужно остановиться на следующем моменте.

Спросим себя:

Было ли время, когда заведомо мелко-буржуазное социалистическое течение, скажем, народническое, эсеровское, пыталось бы критиковать большевизм «слева»? Было ли такое время? Да! Было время, когда «Революционная Россия», центральный орган эсеров, вел ожесточенную кампанию против старой «Искры», душой которой был тов. Ленин, именно по такой линии. Эсеры, возглавляемые Черновым, критиковали тогдашний ленинизм «слева». Они выступали против «Искры» как раз по вопросу о характере русской революции. Всякому, кто знаком с литературой этого периода, известно, что и «Революционная Россия», и «Вестник русской революции», редактировавшийся тогда правым эс-эром Русановым, в годы 1902—05, строили свою платформу против «искровцев» и против Ленина в значительной мере на том, что критиковали ленинизм якобы «слева» [1]). Одну из этих программных статей мы процитируем, это крайне важно. («Из дневника читателя» «Революционная Россия», 1905 г., № 70, стр. 10). Дело идет о статье, написанной в 1905 г. после 9 января, когда революция уже стучалась в дверь. Статья без подписи, но, бесспорно, принадлежит Чернову. Он разбирает различные направления в русской социал-демократии и говорит так:

> «Для социал-демократов всех оттенков и направлений стало уже догмой, что предстоящий в России переворот будет чисто буржуазным. Они расходятся между собой только в подробностях. Одни, следуя за г. Лениным, доводят свое логическое и политическое бесстрашие до того, что готовы собственными руками строить дворец для будущего властелина—буржуазии (подчеркнуто нами.—*Г. З.*). Они готовы принять участие в будущем временном правительстве, но не для того, чтобы заставить своих компаньонов по власти дорого заплатить за помощь, какую сумеет оказать буржуазии восставший рабочий класс,—нет, они хотят своим участием только лишь упрочить политический переворот, обезопасить его от контр-революции или от реакционных поползновений самой буржуазии, испуганной грядущей новой революцией пролетариата, что же сверх того—то от лукавого. Это самоограничение (подчеркнуто

люции к революции социалистической. Из этой основной ошибки вытекают те частные ошибки, которые Мартов повторяет, приводя пару цитат с сочувствием и одобрением».

Анализируя ошибки Троцкого о невозможности «коалиции» пролетариата и крестьянства в революционном движении и об условиях допустимости участия социал-демократов в том или ином революционном правительстве, тов. Ленин особо подчеркивает, как неверное положение Троцкого, кажущееся Мартову «справедливым», о том, что «пусть даже оно (крестьянство) сделает это («присоединится к режиму рабочей демократии») не с большей сознательностью, чем оно обычно присоединяется к буржуазному режиму». Пролетариат не может ни рассчитывать на несознательность и предрассудки крестьянства, как рассчитывают на них и опираются на них владыки буржуазного режима,—ни предполагать сохранение в революционный период хотя бы обычной несознательности и пассивности крестьянства.

И, наконец, «мысль о том, что революционная диктатура пролетариата и крестьянства есть народническое пленение социал-демократов (кстати заметим, что и сейчас даже в рядах своей партии в связи с лозунгом: «лицом к деревне» мы слышим кое-от-кого этот ветхенький меньшевистский мотив—Г. З.), вызывает лишь улыбку. В народническом пленении рассуждающие так quasi марксисты должны были бы обвинить в первую голову Каутского, Маркса и Энгельса. Во всех великих буржуазных революциях решающую победу мог одержать только пролетариат (более или менее развитой) в союзе с крестьянством, и таково же условие победы буржуазной революции в России. Опыт 1905—07 гг. каждым крупным поворотом событий давал практическое подтверждение этой истины, ибо на деле все решительные выступления и «боевые» и парламентские были именно «совместными действиями» пролетариата и крестьянства.

Наша партия твердо стоит на той точке зрения, что роль пролетариата есть роль вождя в буржуазно-демократической революции, что для доведения ее до конца необходимы совместные действия пролетариата и крестьянства, что без завоевания политической власти революционными классами не может быть победы».

Об этом споре с Мартовым и превосходном ответе Ленина нам не следует забывать и поныне.

---

[1]) Для тех тов., которые заинтересуются этим вопросом и пожелали бы предпринять специальную работу на эту тему—а это было бы весьма полезно—мы можем рекомендовать следующий литературный материал: в «Революционной России» и в «Вестнике русской революции», за 1902—05 гг. был напечатан ряд статей — (почти все без подписи), отражающих взгляд эсеров на неизбежность социалистического характера будущей революции даже в первом фазисе переворота. Чаще всего эта мысль приводилась в аграрных теориях эсеров и вопрос рассматривался под прикрытием точки зрения «социализации земли». В таком духе написаны статьи: 1) «Крестьянское движение» (1902, № 8, стр. 3); 2) «По поводу одной годовщины» (1902, № 14, стр. 3); 3) «Социал-демократы и социалисты-революционеры» (1903, № 16, стр. 5); 4) «Основные вопросы русской революционной программы» (1903, № 32, стр. 5; № 33, стр. 7); 5) «Аграрные программы русской социал-демократии» (1903, № 38, стр. 2; 1904, № 40, стр. 9); 6) «Задачи грядущего» (1904, стр. 2, № 40); 7) «Боевой момент» (1905, № 59, стр. 4). На эту же тему написаны статьи: «К крестьянскому вопросу» («Вестник русской революции», 1903, № 3, стр. 214). «Из дневника читателя» («Революционная Россия, 1905, № 70, стр. 10, без подписи) и статья «Новые события и старые опросы» («Революционная Россия» 1905, № 74, стр. 1, без подписи).

Особенно многозначительны и ценны последние две статьи

нами.—*Г. З.*) характерно для людей, щеголяющих ежеминутной верностью социализму.

Другие социал-демократы, во главе которых стоит г. Мартынов [1]) и «Искра», более верны талмудическому принципу несмешения с «нечистыми», и участие во временном правительстве, имеющем целью уничтожить путы, наложенные на рабочий народ, рассматривают так же, как участие в министерстве буржуазного правительства, имеющем целью продолжать господство над рабочим народом. Они поэтому не останавливаются на частичном ограничении поля деятельности временного правительства, а приходят вообще к идее воздержания от участия в нем. Здесь, как видите, самооскопление максимальное».

Чернов полагает, что «корень ошибки у тех и у других заключается в одном и том же»; доказывается это следующим образом:

«Поверив без надлежащего критического рассмотрения в то положение, что грядущий переворот будет чисто буржуазным и руководясь правилом—«сумеем мы чувства тому покорить, что ум неизбежным признает», они естественно стали в крайне ложное для социалистической партии положение: осуществилось то, что предсказывал когда-то Н. К. Михайловский и за что его марксисты так упрекали в «клевете». Покойный социолог предсказывал им, что они, будучи последовательными, должны будут превратиться в невольных слуг буржуазии—конечно, не ради нее, а ради ее «положительной исторической миссии»,—но факт остается фактом. Чем же действительно можно больше услужить теперь буржуазии, как не выставлением такой политической платформы, которая во всем существенном совпадает с буржуазными программами и не заключает ни одного пункта, в корне подрывающего позиции буржуазного общества? И вот получилась самая соблазнительная близость между теми, кто считает себя хозяином сегодняшнего дня и теми, кто считает себя непримиримым противником этих хозяев. Чтобы выйти из этого двусмысленного положения, социал-демократы отводят душу и берут чисто показной внешний реванш над буржуазными либералами, прибегая то к усиленной ругани против них, то к революционной демагогии, то, наконец, к тому и другому вместе».

Приведя цитаты из некоторых номеров большевистского «Пролетария», которые должны подчеркнуть «ругань» или «демагогию», Чернов пытается дальше осветить цели «демагогии»:

[1]) Тов. Мартынов—ныне член РКП—тогда был виднейшим вождем меньшевиков.

«Эта демагогия и эта ругань, долженствующие прикрыть всю наготу фактического отодвигания социальных задач и духовное родство в постановке ближайших задач с буржуазными партиями, особенно выразительно проявились в нападках на нашу партию по поводу Парижской конференции».

По мнению автора, эсеры оказались виновными только в том, что:

«Руководясь истинным интересом всего рабочего класса, а не части его, мы сразу выставили программу, принципиально и строго отграничивающую задачу социалистов от задач буржуазии, а потому ставящую на надлежащую почву и вопрос о временном согласовании натиска на самодержавие».

Чернов полагает, что рабочие недовольны таким «кунктаторством» социал-демократии:

«Все в том согласны, что когда наступит момент нового народного восстания, они не повторят старых историй вынимания каштанов для буржуазии (может быть, только очень заядлые бернштейнианцы хотели бы ограничить задачу возможного восстания исключительно защитой чисто политической свободы)».

Статья заканчивается подчеркиванием преимуществ аграрной программы эсеров перед социал-демократической.

Вот прекрасная тема для диссертации ленинского красного профессора, или комакадемика (не того, конечно, который повторил, что он «не меньшевик, не большевик, а просто марксист») чтобы исследовать и осветить, как эсеры критиковали большевиков «слева», как партия с.-р. устами Чернова доказывала, что «господин Ленин» хочет «самоограничивать» пролетариат и «построить дворец для буржуазии»!

Слово «самоограничение»—главное обвинение, которое «обрушивают» на голову ленинцев парвусисты и троцкисты, и оно употреблено, как видите, у Чернова буквально. Обратите внимание на статью в большевистском «Невском Сборнике», издававшемся в 1905 г. под редакцией тов. Ленина. Там было употреблено выражение: «когда нас обвиняют в самоограничении, это есть «эсерство наизнанку» [1]). Это может показаться резким, но когда прочтешь Чернова, то видишь, что это совершенно правильно. В каком смысле? Эсеры говорили: крестьянство—все, а пролетариат—ничто. Троцкий и Парвус говорили: пролетариат—все, а крестьянство—ничто. И те и другие, и эсеры и Троцкий с Парвусом приходили к одному и тому же выводу п р о т и в

[1]) «Невский Сборник» выпуск I. СПБ. 1906 г. ст. Ю. Каменева «К вопросу о роли пролетариата в русской революции», стр. 45.

тов. Ленина: ты самоограничиваешь пролетариат и хочешь своими руками построить дворец для буржуазии! И прав был Михайловский,—прибавляет Чернов,—который говорил, что марксисты сами будут насаждать капитализм и строить кабаки.

Кто хочет понять спор с парвусизмом и троцкизмом, тот не должен пройти прежде всего мимо основного факта, заключающегося в том, что самая типичная мелко-буржуазная или буржуазно-демократическая партия, какую мы знаем,—эсеры—так же пытались критиковать большевизм «слева». Мы, живущие в 1924 г., хорошо уже знаем, кто такие эсеры. Эсеры—мелко-буржуазная партия, которая хотела политического переворота против царя и ожесточенно выступила против пролетариата, когда этот последний пошел дальше, против буржуазии. Мы отлично знаем, что в решающую полосу партия эсеров не только выступила против пролетариата, но и крестьянство держала за фалды: подожди учредилки, а «пока» мы посадим в тюрьму земельные комитеты и будем расстреливать солдат за нежелание наступать по указке английских империалистов. Эсеры—типичная партия мелкой буржуазии.

Более того, мы теперь знаем, кто такие «левые» эсеры. Мы знаем, что в политической идеологии часто приходится наблюдать игру китайских теней: то или иное политическое течение частенько говорит о себе совсем не то, чем оно действительно является, а то, чем оно хочет казаться. Так было и с «левыми» эсерами. Теперь-то мы их расшифровали, мы сняли вуаль с прекрасных черт и этой когда-то политической незнакомки. Несмотря на их «революционную» фразеологию, «левые» эсеры на деле оказались только радикальной разновидностью той же мелкой буржуазии, взбесившимися мелкими буржуа. А до падения царского самодержавия в 1905 г. и позже, когда все было придавлено могильной плитой царского самодержавия, когда политические расхождения не обозначались так ясно, когда классовые оттенки недостаточно еще дифференцировались,—тогда мы наблюдали странный исторический маскарад: партия мелкой буржуазии, партия эсеров обвиняла партию революционного пролетариата, партию большевиков, как раз в том, в чем повинна была она сама.

Эсеры обвиняли большевиков и «господина Ленина» в том, что он хочет, видите ли, «самоограничивать» пролетариат, в то время, когда нужно-де социалистическую революцию довести до конца. Когда же эта революция пришла, когда нужна была не игра китайских теней, а подлинная проба, испытание огнем революции, тут мы увидели партию с.-р. не такой, какой ей хотелось одно время казаться, а такой, какова она была в действительности. Все раскусили тогда эту партию мелкой буржуазии с определенной политической идеологией кулачества, партию,

стремившуюся «ограничить» не только пролетариат, но и крестьянство; партию, которая на деле стремилась только к завоеванию политической свободы для буржуазной «демократии», а от «социальных экспериментов», как она называла революцию, всеми силами удерживала массы. Кто не понимает значения этого факта, тот сам себя лишает возможности понять суть нынешних споров.

Критика „слева“ Плеханова Львом Тихомировым.

Идя дальше, вглубь времен, можно сказать, что спор Плеханова и «Группы Освобождения Труда» в первые годы ее существования с народничеством иногда шел по этой же линии. Разве Плеханов и «Группа Освобождения Труда» не видели смысла своего существования в том, чтобы доказать, что рабочий класс в России рождается, что мы—партия рабочего класса—должны пройти через политическую борьбу и т. д. А их противники, лидеры народничества, вплоть до Тихомирова, направляя шпагу против Плеханова, говорили: Вы видите—Плеханов стоит за политическую борьбу, он не хочет бороться за социализм; мы—социалисты, мы—левые, а он—правый.

Таково было разделение ролей.

Плеханов был в то время последовательным революционным марксистом. Он правильно воевал против народников. Пока дело шло о доказательстве элементарных истин, что Россия проходит через капитализм, что рабочий класс выступает на общественную арену, как самостоятельная политическая сила,—Плеханов был силен. До тех пор, пока нужно было доказывать эту азбуку против народничества (а тогда это не было азбукой, но ключом ко всей позиции), Плеханов был велик, как предтеча Ленина. Когда же через 20 лет вопрос встал уже практически, когда «азбуки» было уже недостаточно, когда пришло время вести в бой революционный пролетариат, тут Плеханов «сдал» и стал переходить на сторону меньшевиков. Если мы хотим понять что-нибудь в теперешних спорах, если мы хотим уяснить себе, действительно ли парвусизм и троцкизм был идеологией более левой, чем большевизм, мы должны вспомнить, что было время, когда постановка вопроса Троцким и Парвусом о «самоограничении» пролетариата была вполне созвучна позиции народников в борьбе с группой «Освобождения Труда» (80-е годы) и эсеров в борьбе с ленинской социал-демократией (1903—05 г.г.).

Но нас могут спросить: почему же всему народничеству понадобилось рядиться в эту тогу? Что за странный исторический маскарад? Почему мелкая буржуазия накануне первой волны буржуазно-демократической революции выступает в ярко социалистическом облачении?

Лучше всего ответить на этот вопрос следующей выдержкой из Ленина. Мы имеем в виду его труд «Аграрная программа с.-д. в первую русскую революцию». В этой замечательной книге Ленин пытается поставить диагноз народничеству и меньшевизму. Он говорит следующее:

«Ошибка всех народников состоит в том, что, ограничиваясь узким кругозором мелкого хозяина, они не видят буржуазности тех общественных отношений, в которые вступает крестьянин из оков крепостничества. Они превращают «трудовое начало» мелкобуржуазного земледелия и уравнительность, как лозунг разгрома крепостнических латифундий, в нечто абсолютное, самодовлеющее, означающее особый, не буржуазный строй.

Ошибка некоторых марксистов состоит в том, что, критикуя партию народников, они просматривают ее исторически реальное и исторически правомерное содержание в борьбе с крепостничеством. Критикуют и справедливо критикуют «трудовое начало» и «уравнительность», как отсталый, реакционный, мелкобуржуазный социализм, и забывают, что эти теории выражают передовой революционный мелкобуржуазный демократизм (подчеркнуто нами.—*Г. З.*), что эти теории служат знаменем решительной борьбы против старой, крепостнической России» [1]).

Здесь ключ к пониманию всей позиции народничества. Вы, господа народники,—говорит т. Ленин,—мелкобуржуазные «социалисты». Постольку—вы реакционны, в сравнении с революционным социализмом, с марксизмом, с большевизмом. Вы принимаете буржуазно-демократическую революцию за социализм, стремление крестьян к земле вы называете уравнительностью, социализацией, трудовым началом и т. д.

А обращаясь к меньшевистскому лагерю, Ленин говорит: Верно, что уравнительность и социализация у народников сомнительного характера. Верно, что мы имеем перед собой мелкобуржуазных социалистов. Но вы, меньшевики, будучи «марксистами» только на словах, видите лишь мелкобуржуазный социализм народников и проглядываете тот основной факт, что они выражают стремление громадной глыбы крестьянства добраться до горла помещика, добраться до земли, о которой мечтает крестьянство целыми поколениями.

Тут, повторяем, ключ ко всему ленинскому пониманию вещей.

Возьмите лозунг социализации земли, о котором так много спорил с эсерами т. Ленин. Т. Ленин доказывал совершенно правильно, что социализация земли не есть социализм. Он взял

[1]) Н. Ленин. Собрание сочинений, том IX, стр. 458.

земельную программу у эсеров (вернее, у крестьян, поверивших эсерам) в октябре 1917 г. для того, чтобы лучше осуществить смычку с крестьянами, заранее зная, что жизнь внесет соответствующие поправки. Мы имеем теперь опыт социализации земли при диктатуре пролетариата, при власти рабочего класса. И все-таки это не есть еще социализм. Действительный социализм в деревне в гораздо большей мере вырастает с другой стороны: через кооперацию, через смычку крупной промышленности с деревней. Земельная революция была необходима для того, чтобы расчистить путь. Аграрная революция проведена нами при наиболее благоприятных условиях—при диктатуре пролетариата. Но представимте себе, что дело пошло бы по-эсеровски. Мы имели бы тогда буржуазно-демократическую диктатуру, мы имели бы республиканско-буржуазное правительство. Что представляла бы аграрная революция при такой обстановке? С точки зрения приближения к социализму она дала бы тогда во сто раз меньше, чем при диктатуре пролетариата, потому что тогда кулак имел бы больший удельный вес и фактически превратился бы в нового помещика. Наша земельная политика и сейчас не есть социализм, а тогда она еще меньше походила бы на него. Это большевизм видел ясно. Но в то же время он видел, что мелкобуржуазное народничество отражает (на определенной стадии развития) стремление крестьян к земле, имевшее тогда глубоко революционное значение.

На приведенных примерах мы яснее ясного видим, как складывались группировки перед революцией, как тогда еще неясно понимали, «где левая, где правая сторона», как этого не понимали ни меньшевики, ни парвусисты-троцкисты.

Они не понимали значения крестьянства. И именно поэтому они не понимали, что мелкобуржуазный социалист неизбежно должен был в 1905 г. рядиться против нас в тогу «крайне левого». Это вытекало из всего переплета политических отношений того времени. Против нас выступали тогда «ррреволюционеры», считавшие себя ужасно «левыми» социалистами, а на деле это часто были только «либералы с бомбой». Мелкобуржуазность этих «крайних» революционеров тов. Ленин видел как бы через увеличительное стекло уже в то время, когда она проявлялась еще только в зародышевом состоянии.

Отсюда вытекает и оценка террора. Часто учащаяся молодежь того времени считала, что эсеры «левее» нас, потому что они практикуют индивидуальный террор. Когда-то в Петрограде, на курсах, при выборах старост устраивали политическую дискуссию, выливавшуюся в состязание на «левизну». Выходили эс-деки и эсеры и спорили перед курсистками, кто левее. Результат этого спора решал вопрос о том, сколько старост будет иметь каждая из партий, а главное, чья партия получит большее число комнат для нелегальных собраний. Я помню, как перед курсистками

Лесгафта мы, в числе других ораторов от большевиков, выдерживали с эсерами бои на тему о том, кто левее. И, увы, курсистки часто отдавали предпочтение эсерам, программа которых выглядела «левее». Это кусок быта, который позволяет нам видеть, как складывалась в то время идеология разных групп, как многое было тогда еще неясно, и как своеобразно это преломлялось в особенности в головах «революционной» интеллигенции.

Итак, словами т. Ленина, мы дали в основе ответ на вопрос о том, почему мелкая буржуазия накануне буржуазно-демократической революции рядилась в тогу социалистов и чувствовала себя «левее», чем истинный вождь пролетарской революции Ленин. Это надо запомнить, чтобы понять основные споры и того времени и наших дней,—в частности, чтобы понять некоторые политические эпитеты, которые бросались около 1905 года и позже Троцким и Парвусом по адресу Ленина. Теперь сказать «господин Ленин» не повернется язык даже у вождей II Интернационала. Теперь слишком ясно, что это имя знаменует собой пролетарскую революцию, пролетарскую партию, что это символ освобождающегося пролетариата. А тогда наши противники решались называть т. Ленина «господином», тогда и Троцкий называл Ленина «неряшливым адвокатом» и обвинял тов. Ленина в политике «самоограничения пролетариата» и во многих других смертных грехах.

*
* *

Чтобы освежить в памяти, что такое мелкобуржуазный социализм по Марксу, мы попробуем поставить вопрос еще так: хорошо, накануне р у с с к о й буржуазно-демократической революции мы видели, как типичные мелкобуржуазные революционеры критиковали пролетарских революционеров «слева». Ну, а было ли раньше в истории революций, в истории международного движения что-либо подобное? Бывало ли когда-либо раньше, чтобы марксисты попадали в такое положение, когда мелкая буржуазия критиковала их якобы «слева»?

Бывало!

Это бывало ни больше, ни меньше, как с самими Марксом и Энгельсом.

Оговорюсь с самого начала: полной аналогии здесь нет. Это только параллель, пригодная лишь для того, чтобы яснее представить себе дело.

В 1847—48 гг. Маркс и Энгельс, подготовляя «Коммунистический Манифест», т.-е. заведомую программу п р о л е т а р с к о й революции, вместе с тем говорили себе: однако, в Германии дело складывается так, что на время придется нам быть как бы только крайним левым крылом буржуазно-демократических революционеров. Маркс и Энгельс даже входили в такие организации, продолжая в то же время работать над «Коммунистическим Манифестом», работая над созданием союза коммунистов и тем самым исторически подготовляя первый Интернационал. Такое время—это был весьма короткий, мимолетный исторический эпизод—переживали Маркс и Энгельс.

Почему здесь нет полной аналогии с положением Ленина в эпоху 1903—05 гг.? Потому, что слишком различна обстановка. Ленин в России в 1903—05 гг. опирался уже на могучий российский пролетариат, имел за спиною опыт «Парижской Коммуны», Первого Интернационала, знал «Капитал» Маркса, видел начало империалистической эпохи. Понятно, что в 1847—48 гг. почти все было иначе. Рабочий класс в Германии был еще крайне слаб, общественные отношения не были дифференцированы, международное рабочее движение было только в зародыше. Обстановка была другая. Но есть и черты некоторого сходства. Оно заключается в том, что в 1847—48 гг. перед Марксом и Энгельсом стояла во многом та же задача, правда, не в таком громадном масштабе, как перед Лениным в начале XX столетия. Маркс и Энгельс разрешали задачу так: мы войдем на короткое время, как крайнее левое крыло, в буржуазно-демократическую революционную организацию и в то же время мы будем готовить первые ячейки п р о л е т а р с к о й партии и формулировать программу п р о л е т а р с к о й революции. Все это длилось очень недолго. Уже в 1850 г. мы видим другое положение. К этому времени относится известное обращение Маркса к союзу коммунистов, то самое знаменитое обращение, в котором он, между прочим, говорит о «непрерывной» революции [1]). Но был короткий миг, когда Маркс и Энгельс считали необходимым не только поддерживать, как в свое время В. И., но и прямо войти в организации демократической буржуазии, как ее крайнее левое крыло.

В. И. говорил в начале 900 годов, что нужно «подталкивать» русскую либеральную буржуазию влево. Петрункевич, Родичев и прочие представители либерального дворянства хотят выступить против царя, но они—«бедные, им негде напечатать нелегальной листовки», а мы, рабочая партия—богаты, мы возьмем и напечатаем их листовки, мы поможем им, ибо это нужно для

[1]) В то время, как демократические мелкие буржуа хотят с проведением возможно большего числа вышеуказанных требований наиболее быстро закончить революцию, наши интересы и наша задача заключается в том, чтобы с д е л а т ь р е в о л ю ц и ю н е п р е р ы в н о й до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти, пока ассоциации пролетариев, не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьются настолько, что конкуренция между пролетариями этих стран прекратится, и пока по крайней мере решающие производительные силы не будут сконцентрированы в руках пролетариев. Для нас дело идет не об изменении частной собственности, а об ее уничтожении, не о затушевывании классовых противоречий, а об уничтожении классов, не об улучшении существующего общества, а об основании нового общества (стр. 501 из «Обращен. Цент. К-та к Союзу». 1850 г. К. Маркс и Ф. Энгельс «Исторические работы». ГИЗ).

дела рабочих. Так приходилось действовать т. Ленину. Маркс и Энгельс действовали в другой обстановке в том же направлении. Они не могли обещать германским «Петрункевичам и Родичевым» напечатать их листовки, ибо рабочей партии в Германии еще не было, но Маркс и Энгельс входили в организацию демократической буржуазии, в ее боевые отряды (напр., Энгельс). Энгельс шел простым солдатом, Вильгельм Либкнехт шел простым добровольцем, под лозунгом: «умереть за Республику». И в то же время Маркс и Энгельс уже вынашивали «Коммунистический Манифест», вынашивали идею международной организации пролетариата.

Есть ли в этом примере хоть кое-что, напоминающее позицию пролетарских революционеров в России в 1905 г. и позже?

Да, есть.

Повторяем, только к о е - ч т о. Нельзя до конца доводить эту аналогию. Но кое-что в этом примере дает нам возможность легче понять положение Ленина накануне первой русской революции и уяснить себе, почему же это вокруг Ленина тогда увивались такие маски, как Чернов, и кричали, что Ленин «самоограничивает пролетариат».

Загляните в «Коммунистический Манифест», перелистайте те места, где Маркс и Энгельс говорят о мелко-буржуазном мещанском социализме. Разве не видим мы, как мелкобуржуазные социалисты «критикуют» таких гигантов, как Маркс и Энгельс, «слева», уверяя, будто Маркс и Энгельс не настоящие, не «истинные» социалисты.

Маркс брал Францию, как образец страны, где крестьянство составляет половину населения, и говорил:

> «В таких странах, как Франция, где крестьянство составляет гораздо более половины всего населения, естественно, что писатели, выступившие в защиту пролетариата против буржуазии, прикладывали к буржуазному режиму мелкобуржуазную и мелко-крестьянскую мерку и защищали дело рабочих с мелкобуржуазной точки зрения [1]). Так возник мелкобуржуазный социализм. Сисмонди стоит во главе этого рода литературы не только во Франции, но также и в Англии...
>
> ...По своему положительному содержанию этот социализм стремится или восстановить старые средства производства и сношения, а вместе с ними и старые имущественные отношения и старое общество; или же он старается насильно удержать новейшие средства производства и сношения в рамках старых имущественных отношений, которые они уже разбили и необходимо должны были разбить. В обоих случаях он является одновременно реакционным и утопическим...
>
> Сотканный из умозрительной паутины, расшитый причудливыми цветами краснословия, смоченный слезами чувствительного умиления покров, в который немецкие социалисты облекали свои две-три костлявые «вечные» истины, только содействовал сбыту их товаров среди этой публики. (Как эта характеристика исчерпывающе рисует нашего Чернова. *Г. З.*).
>
> С своей стороны немецкий социализм все более сознавал, что его призвание—быть высокопарным защитником этого мещанства...
>
> ...Он сделал лишь последний вывод, когда он выступил непосредственно против «грубо-разрушительного» направления коммунизма и провозгласил, что в своем партийном беспристрастии он витает выше всякой борьбы классов. За весьма немногими исключениями, все циркулирующие в Германии, так называемые, социалистические и коммунистические писания принадлежат к этой грязной расслабляющей литературе [1]).

Итак, еще раз: когда Маркс и Энгельс писали «Коммунистический Манифест»—этот основной документ международного пролетарского социализма,—они в это же время считали возможным входить, как крайнее левое крыло, в организацию революционно-демократической буржуазии. И в это же время они литературно отбивались от немецких Черновых, от мелкобуржуазных и «истинных» социалистов, которые критиковали их якобы «слева». Между тем надвигался 1848 год. Почуяв первое дыхание революции, Маркс с Энгельсом отправились в Германию и взяли в свои руки «Новую Рейнскую Газету». История Маркса и Энгельса за 1848—1849 гг. есть история названной газеты, а история последней есть история 1848 года. В эту пору Энгельс, так же, как и Маркс, ярче, чем когда бы то ни было показал, что он не только теоретик научного социализма, но умеет соединить теорию с практикой. В мае 1849 года «Новая Рейнская Газета» была закрыта. В мае же начались попытки к восстанию в горнопромышленном районе Эльберфельда, Дюссельдорфа, Золингена и др. Энгельс поспешил на место действия, но приехал уже тогда, когда реакция восторжествовала, и был немедленно выпровожен перетрусившими бюргерами из альберфельдского комитета общественной безопасности, которые уверяли, что присутствие Энгельса сильно беспокоит буржуазию: она-де боится, как бы он не провозгласил красной республики. Скоро вспыхнуло восстание в Бадене и

[1]) Тем более это «естественно» для такой страны, как дореволюционная Россия.—Г. З.

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс. «Коммунистический манифест». С введ. и примеч. Д. Рязанова. ГИЗ. 1923 г. 3-е изд., стр. 101—104—105.

Пфальце, шедшее под флагом «имперской конституции». Энгельс поспешил туда в качестве революционного солдата от «Новой Рейнской Газеты» и поступил ад'ютантом в добровольческий отряд Виллиха. Здесь он пробыл до самого конца восстания и одним из последних перешел границу Швейцарии, когда восстание оказалось разбитым [1]). В письме к жене Маркса от 25 июня 1849 г. (оно существует и в русской печати) Энгельс писал так:

> «Но когда пруссаки пришли, я не мог отказать себе в удовольствии принять участие в войне. Виллих был единственный на что-нибудь годный офицер, и я отправился к нему и принял должность его ад'ютанта. Я участвовал в четырех сражениях, из которых два довольно значительных, особенно при Раштатте. И я нашел, что прославленное военное мужество есть самое ординарное качество человека. Свист пуль ничего особенного не представляет; в течение всего боя я, несмотря на всю встреченную трусость, не видел и десятка человек, которые в *сражении* держали бы себя трусливо. За то многие проявляли «храбрую глупость». Я в конце-концов остался благополучен. Думаю—это очень хорошо, что в кампании участвовал хоть один представитель «Новой Рейнской Газеты»; а то в Бадене и в Пфальце были в сборе все демократические отбросы и теперь похваляются несовершенными подвигами. Иначе опять стали бы болтать: господа из «Новой Рейнской Газеты» слишком, мол, трусливы, чтобы драться. Но из числа всех господ демократов на деле никто не дрался, кроме меня и Кинкеля. Последний поступил мушкетером в наш отряд и держался вполне хорошо: в первом же сражении, в котором он участвовал, он был ранен в голову и взят в плен» [2]).

Итак, в 1849 г. Энгельс, один из авторов «Коммунистического Манифеста», в котором, как известно, Маркс и Энгельс вовсе не «самоограничивали пролетариат»,—Энгельс идет в отряд с жалкими демократами, о которых он сам говорит, что это отбросы, идет под лозунгом «имперской конституции», под лозунгом «умереть за Республику», отнюдь не социалистическую, идет, не веря в победу демократической республики, ибо считает, что этого требуют интересы дела.

Вот как бывало в живой действительности с настоящими пролетарскими революционерами, когда перед ними стояла проблема о соотношении между революционно-демократической буржуазной революцией и пролетарской революцией, о борьбе за буржуазную свободу и—за социализм. Вот как бывало, когда

[1]) См. об этом подробнее в нашей статье «Маркс и Энгельс» в сборнике «К 25-летию смерти К. Маркса». 1908 г.

[2]) Г. Зиновьев. Собр. соч., том XVI—«Основоположники и вожди комнизма» стр. 65.

эта проблема стояла не в книге, а в жизни, когда предстояла задача свергнуть феодализм и тем расчистить дорогу для социализма. Кто знает марксистскую литературу, тот помнит, как Марксу не раз приходилось отбиваться от своих мелкобуржуазных критиков «слева», какую он вел ожесточенную борьбу с Прудоном, как приходилось ему отбиваться от пресных и скучных Грюнов с их «истинным» социализмом и т. п.

Теперь, после 75-ти лет, конечно, легко быть «умным» и видеть, куда шло действительное развитие; теперь, когда, кроме Маркса, мы имеем Ленина, который громадным факелом осветил пролетариату весь исторический путь; теперь, когда мы имеем в прошлом три русских революции, когда мы видим, что мелкобуржуазный социализм сгнил окончательно,—теперь нетрудно дать анализ всего этого. Но семьдесят пять лет тому назад эта задача была очень трудна, и нужно было обладать гениальной прозорливостью Маркса и Энгельса, чтобы с нею справиться.

Этих примеров прошлого нам не следует забывать, если мы хотим уяснить себе значение споров Ленина и большевиков с мелкобуржуазными «социалистами». Теперь каждый видит, что означала «левая» критика Чернова по адресу Ленина. Теперь каждый видит, какая цена «левой» критики по адресу Ленина, которого обвиняли в «самоограничении пролетариата».

Да, большевики до самого 1917 года считали, что революция в России будет своеобразной буржуазно-демократической революцией, которая лишь при благоприятных условиях сможет быстро перерасти в социалистическую. Да, это так. И большевики оказались правы. Их тактика была единственно пролетарской тактикой. А вся критика, исходившая будто бы «слева», несмотря на свою внешнюю «революционность», на самом деле отдавала обильную дань мелкобуржуазному мещанскому социализму. В том числе и мнимо-«левая» позиция сторонников «перманентной» революции.

2*

И. Сталин.

К национальному вопросу в Юго-Славии.

(Речь в Югославской комиссии ИККИ).

Товарищи! Я думаю, что тов. Семич не вполне уяснил себе основную суть постановки национального вопроса у большевиков. Большевики никогда не отрывали национального вопроса от общего вопроса о революции, ни до Октября, ни после Октября. Основная суть большевистского подхода к национальному вопросу состоит в том, что большевики всегда рассматривали национальный вопрос в неразрывной связи с революционной перспективой.

Тов. Семич цитировал Ленина, говоря, что Ленин стоял за закрепление известного решения национального вопроса в конституции. Этим он, тов. Семич, очевидно хотел сказать, что Ленин будто бы считал национальный вопрос вопросом конституционным, т.-е. не вопросом революции, а вопросом реформы. Это совершенно неверно. Никогда Ленин не страдал и не мог страдать конституционными иллюзиями. Стоит просмотреть его сочинения, чтобы убедиться в этом. Если Ленин говорил о конституции, то он имел в виду не конституционный путь разрешения национального вопроса, а путь революционный, т.-е. он рассматривал конституцию, как результат победы революции. У нас в СССР тоже имеется конституция и она отражает известное разрешение национального вопроса. Однако, эта конституция пришла в свет не в результате сделки с буржуазией, а в результате победоносной революции.

Тов. Семич ссылается далее на известную брошюру Сталина по национальному вопросу, писанную в 1912 г., стараясь найти там хотя бы косвенное подтверждение своей правоты. Но ссылка эта оказалась безрезультатной, ибо он не нашел и не может найти не только цитаты, но и отдаленного намека, сколько-нибудь оправдывающего его «конституционный» подход к национальному вопросу. В подтверждение этого я мог бы напомнить тов. Семичу известное место из брошюры Сталина, где австрийский метод разрешения национального вопроса (конституционный) противопоставляется методу русских марксистов (революционному). Вот оно:

> «Австрийцы думают осуществить «свободу национальностей» путем мелких реформ, медленным шагом. Предлагая национальную автономию, как практическую меру, они вовсе не рассчитывают на коренное изменение, на демократическо-освободительное движение, которого у них не имеется в перспективе. Между тем, русские марксисты связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократическо-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы. А это существенно меняет дело в смысле вероятной судьбы наций в России».
>
> Кажется ясно.

И это не личная точка зрения Сталина, а общая точка зрения русских марксистов, рассматривающих и рассматривавших национальный вопрос в неразрывной связи с общим вопросом о революции.

Можно без натяжки сказать, что постановка национального вопроса в истории русского марксизма имела две стадии, первую, т.-е. до-октябрьскую, и вторую, т.-е. октябрьскую. В первой стадии национальный вопрос рассматривался, как часть общего вопроса о буржуазно-демократической революции, т.-е. как часть вопроса о диктатуре пролетариата и крестьянства. Во второй стадии, когда национальный вопрос расширился и превратился в вопрос о колониях, когда национальный вопрос из вопроса внутри-государственного превратился в вопрос мировой,—национальный вопрос рассматривался уже как часть общего вопроса о пролетарской революции, как часть вопроса о диктатуре пролетариата. И там и здесь подход был, как видите, строго революционный.

Я думаю, что всего этого тов. Семич не вполне еще уяснил себе. Отсюда его попытка низвести национальный вопрос на почву конституционную, т.-е. рассматривать его как вопрос реформы.

Из этой ошибки вытекает другая его ошибка, состоящая в том, что он не хочет рассматривать национальный вопрос как вопрос по сути дела крестьянский. Не аграрный, а крестьянский, ибо это две вещи разные. Совершенно верно, что национальный вопрос нельзя отождествлять с крестьянским, ибо кроме вопросов крестьянских, национальный вопрос включает в себя еще вопросы национальной культуры, национальной государственности и пр. Но несомненно также и то, что основу национального вопроса, его внутреннюю суть все же составляет вопрос крестьянский. Этим именно и об'ясняется, что крестьянство представляет основную армию национального движения, что без крестьянской армии не бывает и не может быть мощного национального движения. Это именно и имеют в виду, когда говорят, что национальный вопрос есть п о с у т и д е л а вопрос крестьянский. Я думаю, что в нежелании тов. Семича принять эту формулу кроется недооценка внутренней мощи национального движения и непонимание глубоко народного, глубоко революционного характера национального движения. Это непонимание и эта недооценка представляют большую опасность, ибо они означают на практике недооценку внутренней потенциальной силы, кроющейся в движении, скажем, хорватов за национальную свободу, недооценку, чреватую серьезными осложнениями для всей Юго-Славской компартии.

В этом вторая ошибка тов. Семича.

Несомненно ошибочной следует считать также попытку тов. Семича трактовать национальный вопрос в Юго-Славии вне связи с международной обстановкой и с вероятными перспективами в Европе. Тов. Семич, исходя из того, что в данный момент не имеется серьезного народного движения за независимость среди

хорватов и словенцев, приходит к тому выводу, что вопрос о праве наций на отделение является академическим, во всяком случае не актуальным. Это, конечно, неверно. Если даже согласиться, что этот вопрос является в данный момент не актуальным, то он может стать вполне актуальным, если начнется война, или когда начнется война, если разыграется в Европе революция, или когда она разыграется. А что война неизбежно начнется, и что **они** там обязательно передерутся, в этом не может быть сомнения, если иметь в виду природу и развитие империализма.

В 1912 г., когда мы, русские марксисты, набрасывали первый проект национальной программы, мы не имели еще ни на одной окраине Российской империи серьезного движения за независимость. Однако, мы сочли необходимым включить в свою программу пункт о праве наций на самоопределение, т.-е. о праве каждой национальности на отделение и самостоятельное государственное существование. Почему? Потому, что мы исходили не только из того, что имелось тогда налицо, но и из того, что развивалось и надвигалось в общей системе международных отношений, т.-е. мы считались тогда не только с настоящим, но и с будущим. И мы знали, что если какая-нибудь национальность потребует отделения, то русские марксисты будут бороться за то, чтобы право на отделение было обеспечено за каждой такой национальностью. Тов. Семич неоднократно ссылался в своей речи на брошюру Сталина о национальном вопросе. Но вот что говорится в этой брошюре Сталина насчет самоопределения и независимости:

> «Рост империализма в Европе—не случайность. В Европе капиталу становится тесно и он рвется в чужие страны, ища новых рынков, дешевых рабочих, новых точек приложения. Но это ведет к внешним осложнениям и войне. Вполне возможно такое сочетание внутренних и внешних кон'юнктур, при котором та или иная национальность в России найдет нужным поставить и решить вопрос о своей независимости. И, конечно, не дело марксистов ставить в таких случаях преграды».

Это писалось еще в 1912 году. Вы знаете, что это положение целиком подтвердилось впоследствии, как во время войны, так и после войны, особенно после победы диктатуры пролетариата в России.

Тем с большим основанием должны быть учтены такие возможности в Европе вообще и в Юго-Славии в особенности, особенно теперь после углубления национально-революционного движения в угнетенных странах и после победы революции в России. Следует также принять во внимание то обстоятельство, что Юго-Славия является страной не вполне независимой, что она связана с известными империалистскими группировками, и что следовательно, она не может уйти от той большой игры сил, которая ведется вне Юго-Славии. И если вы строите национальную программу для Юго-Славской партии,—а речь идет в данном случае именно об этом,—то следует вспомнить, что программа должна исходить не только из того, что есть в данный момент, но и из того, что развивается и будет неизбежно иметь место в силу международных отношений. Вот почему я думаю, что вопрос о праве наций на самоопределение нужно считать вопросом актуальным, животрепещущим.

Теперь о национальной программе. Исходным пунктом национальной программы должно быть положение о советской революции в Юго-Славии, положение о том, что без свержения буржуазии и победы революции национальный вопрос не может быть разрешен сколько-нибудь удовлетворительно. Конечно, возможны исключения. Было, например, такое исключение до войны при отделении Норвегии от Швеции, о чем подробно говорит в одной из своих статей Ленин. Но это было до войны и при исключительном стечении благоприятных обстоятельств. После войны и, особенно, после победы советской революции в России, едва-ли такие случаи могут быть возможны. Во всяком случае шансов в пользу таких возможностей осталось теперь до того мало, что их можно приравнять к нулю. Но если это так, то ясно, что мы не можем строить программу на величинах с нулевым значением. Вот почему положение о революции должно быть исходным пунктом национальной программы.

Дальше. Обязательно должен быть введен в национальную программу специальный пункт о праве наций на самоопределение вплоть до государственного отделения. Я уже говорил выше, почему нельзя обойтись без такого пункта при нынешних внутренних и международных условиях.

Наконец, в программе должен быть также специальный пункт о национально-территоральной автономии для тех национальностей Юго-Славии, которые не найдут нужным отделиться от Юго-Славии. Не правы те, которые думают, что такая комбинация должна быть исключена. Это неверно. При известных условиях, в результате победы советской революции в Юго-Славии вполне возможно, что некоторые национальности не захотят выделиться аналогично тому, как это имело место у нас в России. Понятно, что для такого случая необходимо иметь в программе пункт об автономии, имея в виду преобразование Юго-Славского государства в федерацию автономных национальных государств на основе советского строя.

Итак, право на отделение для тех национальностей, которые захотят отделиться, и право на автономию для тех национальностей, которые предпочтут остаться в рамках Юго-Славского государства.

Во избежание недоразумений должен сказать, что **право** на отделение не следует понимать, как **обязанность**, повинность отделиться. Национальность может использовать это право в смысле отделения, но она может и не использовать его, и если она этого не захочет,—это ее дело, и с этим нельзя не считаться. Некоторые товарищи право на отделение превращают в обязанность, требуя, например, от хорватов отделения **во что бы то ни стало**. Эта позиция неверна и она должна быть отброшена. Нельзя смешивать право с обязанностью.

И. Смилга.

Сельско-хозяйственный кредит[1]).

Вопрос о дальнейших направлениях с.-х. кредита должен решаться с обязательным учетом экономической и политической обстановки современной деревни. Будучи самым мощным орудием в условиях товарно-денежного хозяйства для проведения соответствующей экономической политики в деревне, с.-х. кредит должен строиться с таким расчетом, чтобы он на ряду с обслуживанием потребностей крестьянских хозяйств в кредите содействовал переустройству современных аграрных отношений в сторону социалистических.

Говоря о с.-х. кредите мы приходим к выводу, что все остальные виды кооперативного воздействия на сельско-хозяйственную экономику, как-то: кооперирование сбыта крестьянской продукции, снабжение крестьян семенами и машинами, организация коллективных хозяйств, артелей, устройство случных пунктов и т. д., при всем их громадном значении, успешно разовьются только на базе широко поставленного мелкого кредита. Опыт кооперативного строительства в деревне говорит об этом со всей определенностью.

Рост производительных сил в деревне в условиях товарного хозяйства означает в то же время рост ее расслоения.

Начавшаяся после перехода к новой экономической политике дифференциация деревни приняла в настоящее время уже значительные размеры, и мероприятия экономической политики в деревне должны считаться с этим фактом. Этим процессам сопутствует политическое оживление деревни, которое выражается в усилении внимания крестьянского населения к советскому аппарату в деревне и к кооперативным и общественным организациям. Для марксиста в факте расслоения деревни в условиях НЭП'а ничего загадочного не заключается. Механика обмена производит это расслоение автоматически. Экономическая политика государства может влиять серьезнейшим образом на темп этих процессов, но приостановить их она не в состоянии. Не вдаваясь в анализ причин, приведших к этому, ограничимся утверждением, что кризис хлебных цен в 1923 году был одним из основных причин относительно быстрого расслоения деревни в настоящее время. Недород прошлого года будет иметь аналогичные последствия.

Несмотря на сказанное в деревне наблюдается усиленный хозяйственный под'ем. Из года в год увеличивается товарность сельского хозяйства. Растет потребность деревни в средствах производства. На этой основе оживает политическая жизнь деревни. Инспекторские обследования кредитных товариществ в один голос говорят о чрезвычайном интересе крестьян к делам товарищества. Этот повышенный интерес ярче всего сказывается при выборе правления, состав членов которого за последнее время резко улучшился.

[1]) В порядке постановки вопроса.

Выделение в деревне зажиточных слоев, с одной стороны, и пролетаризация ее бедняцких элементов—с другой, будучи неизбежными последствиями восстановительного процесса сельского хозяйства, требуют исключительно вдумчивого и серьезного отношения к себе со стороны РКП и советской власти. Основные задачи экономической политики в деревне заключаются, во-первых, в создании условий, обеспечивающих производительное применение значительной массы избыточных рабочих рук в самой деревне и, во-вторых, в содействии росту в деревне производственных образований, ведущих работу на основах крупного хозяйства. В противном случае города могут оказаться перед фактом растущей безработицы из-за пришельцев, в деревне же хозяйственное и политическое руководство может перейти к ее верхушечным слоям. Мы, очевидно, находимся накануне серьезных реформ в области арендной политики в деревне. Несмотря на чрезвычайно быстрый рост городской промышленности, она явно не в состоянии поглотить все количество избыточных рабочих рук, вынужденных покинуть деревню. Придется размещать их в самой деревне. Это обстоятельство с железной неумолимостью диктует необходимость реформы землепользования в сторону легализации некоторой концентрации земель. В нашу задачу не входит подробно анализировать аграрные отношения. Это дело особой статьи. Мы поэтому ограничиваемся сказанным. Из него логически вытекает ряд вопросов, связанных с трудом, условиями найма и т. д. Если вышеуказанные мероприятия идут по пути развертывания НЭП'а в деревне, если можно так выразиться, то другая группа мероприятий должна обеспечить строительство в деревне таких хозяйственных форм, которые были бы организованной экономической основой Советской власти в деревне. Только при этом условии Советская власть останется властью большинства деревенского населения.

В этих условиях сельскохозяйственному кредиту суждено играть исключительно важную роль. В дореволюционной России кредитная кооперация об'единяла около 12 милл. крестьянских хозяйств, что является неопровержимым доказательством массового ее характера. Цифра об'единенных хозяйств также дает ответ и на вопрос о социальном составе членов кредитной кооперации. Значительные средства, сконцентрированные в кредитной кооперации в дореволюционное время, говорят как о жизненности, так и значительных возможностях в смысле рационального использования и перераспределения средств деревни. Сводный баланс по 16,000 кредитных товариществ на первое июля 1916 года равнялся 915 милл. рублей. Из этой суммы на долю вкладов приходится 582,5 милл. рублей. Эти цифры говорят о двух вещах. Во-первых, о чрезвычайно внушительном размере этого сводного баланса кредитной кооперации в дореволюционное время и о серьезной роли крестьянских вкладов,—с другой. Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют утверждать. что пассивы кредитных товариществ были вполне устойчивыми. Более того, ряд товариществ буквально задыхались от вкладов, не имея возможности их размещать в активные операции. Это обстоятельство говорит также о значительных возмож-

ностях перераспределения средств между кооперированным населением.

Советская власть, опирающаяся в деревне на ее середняцкие и бедняцкие слои и держащая в своих руках руководство с.-х. кредитом, имеет полную возможность влиять орудием кредита на сельское хозяйство в желательном для нее направлении. То, что кооперации слабо удавалось при капиталистическом строе в условиях царской России, в настоящее время имеет все шансы на успех.

Сельскохозяйственный кредит в СССР начал организовываться в условиях полунатурального хозяйства в деревне и в обстановке падающей валюты. Система с.-х. кредита до сих пор носит резкий отпечаток этого периода. Резче всего эти черты сказываются в первом звене системы—первичной кредитной ячейке. Основным типом этой ячейки, как бы она ни называлась, является так называемый «универсал» (слегка видоизмененный интеграл), который торгует потребительскими товарами, занимается сбытом и снабжением сел.-хоз. продуктов и кредитует, заводит производственные предприятия и т. д. Только в отдельных районах (Северо-западный, Северный Кавказ) организованы кредитные товарищества, деятельность которых соответствует их названию. Начало восстановления мелкого кредита в СССР относится к началу 1923 года. В этом году организовалось большинство обществ сельскохозяйственного кредита и Украинский С.-Х. Банк. Как известно, весной этого года Союз перешел только к смешанной форме взимания единого налога. Товарность деревни только начинала складываться. В кооперативных кругах еще была очень сильна идеология интеграла. Валюта стремительно падала. В этих условиях не могло быть речи об организации нормальной кредитной низовой ячейки. Пришлось приступить к работе, опираясь на то, что имелось налицо.

Деятельность о-в. с.-х. кредита и ЦСХБ в этот период выражалась в черновой организации первичной кредитной сети и раздаче крестьянскому населению в кредит отпускаемых советским государством средств. Привлеченные вклады населения до сих пор никакой роли не играли. Способ же привлечения средств путем принудительного размещения крестьянских паев является по меньшей мере спорным. В настоящее время вся система с.-х. кредита рисуется в следующем виде. На территории Союза имеется центральный сельскохозяйственный банк, три республиканских банка, 56 обществ с.-х. кредита («Сельбанк») и около семи с половиною тысяч вовлеченных в орбиту с.-х. кредита низовых кооперативов.

Сводный баланс 95% низовой сети на 1 октября 1924 года равнялся кругло 86 млн. рублей. Сводный баланс всей системы на 1 декабря того же года 133 млн. рублей. Привлеченные вклады составляют менее одного процента к балансу.

Переход к твердой валюте и дальнейший рост товарности сельского хозяйства коренным образом меняют дело. Основной задачей, стоящей в настоящее время перед системой с.-х. кредита, является организация вкладной операции. Под этим углом зрения необходимо, во-первых, критически пересмотреть весь имеющийся положительный и отрицательный опыт и, во-вторых, наметить дальнейшую линию поведения; от успешного решения этого вопроса будет зависеть все дальнейшее строительство мелкого сел.-хоз. кредита. Вторая половина истекшего хозяйственного года и первая половина текущего года прошли под зодиаком голода на целый ряд промышленных товаров. Спрос устойчиво превышал предложение. Это свидетельствует о том, что в крестьянском хозяйстве начали появляться свободные средства. Если урожай этого года будет удовлетворительным, можно смело сказать, что экономическая база для крестьянского вклада будет создана. Следовательно, надо немедленно приступить к созданию таких организационных форм, которые были бы пригодны для привлечения крестьянского вклада.

Система с.-х. кредита является системой кооперативного с.-х. кредита, организуемой государством. Это обстоятельство нашло свое отражение в организационной системе с.-х. кредита, в которой первое звено—кредитное т-во—кооперативное, второе и третье звено—общества с.-х. кредита и с.-х. банки—акционерное с преобладанием государственного капитала. Это преобладание меньше в обществах, больше—в банках. Исторической ролью обществ с.-х. кредита является создание настоящей первичной кредитной сети. На эту сторону должно быть обращено особое внимание. В обществах из месяца в месяц должно расти влияние обслуживаемых ими кредитных товариществ. Представители государственных акций должны с величайшим вниманием прислушиваться к голосу остальных акционеров. Иначе общества станут перед опасностью бюрократизирования, отрыва от периферии.

Основным типом первичного кредитного звена должно являться кредитное т-во с посредническими функциями. Основной деятельностью этих т-в должна являться кредитная. Торгово-посреднические операции могут т-вами вестись только по поручению своих членов. За свой счет могут вестись торговые операции только при наличии специальных капиталов. Только такое т-во способно организовать вкладную операцию без риска для вкладчика. Другие типы первичной ячейки терпимы только для переходного периода.

В настоящее время существуют два основных типа первичной кредитной ячейки: кредитное товарищество с посредническими функциями и сельскохозяйственное товарищество с кредитными функциями. Уставная разница между ними чрезвычайно невелика. Кредитное товарищество находится в ведении Наркомфина, сельскохозяйственное в ведении Наркомзема. Оба товарищества имеют право вести торговые операции за свой счет. Жизнь хотя и влила несколько различное содержание в эти товарищества (кредитные несколько выделяются вкладами), однако, надо сказать, что в настоящее время ни то, ни другое товарищество не годится для вкладной операции. Кредитное товарищество, способное привлечь вклад, должно быть еще создано. Только недавно отдельные районы приступили к этой работе. До тех пор, пока товарищества будут торговать за свой счет и тем самым рисковать вверенными им вкладами, мужик туда денег не понесет. Кредитная работа должна стать основной работой товарищества, торговые операции должны отойти на задний план и вестись только по поручению или за счет специальных капиталов. Только при этом условии можно будет серьезно говорить о вкладе.

Работа первичного звена—кредитного т-ва—должна вестись на началах самодеятельности своих членов и подлинной выборности его административных органов. Только при этом условии т-во завоюет доверие населения, без чего его успешная работа **немыслима**. Те деревенские коммунисты, которые не видят происшедшего в крестьянской психологии сдвига, страдают слепотой. Особенно надо считаться с доверием населения в кредитном деле, где очень многое покоится на доверии.

Вопрос о втором звене должен решаться исключительно под углом зрения деловых интересов с.-х. кредита. После успешного решения низовым звеном проблемы привлечения крестьянских вкладов, после того, как т-во начнет испытывать затруднения с **размещением** средств, может возникнуть вопрос о необходимости союзов кредитных т-в. В этом случае они могут образовываться как на ряду с существующими о-вами с.-х. кредита, так и взамен их. Это будет зависеть целиком от условий места и времени. В настоящей стадии единственным руководящим и финансовым центром кредитной кооперации должны являться о-ва с.-х. кредита. Было бы непростительной и **непоправимой** ошибкой использовать в качестве союзных кредитных т-в теперешние союзы с.-х. кооперации. Это было бы грубым применением к строящейся кредитной кооперации тех бюрократических методов строительства кооперативной системы сверху, которые осуждены жизнью и которые в частности привели с.-х. кооперацию в состояние тяжкого кризиса. Для уяснения этого вопроса надо вкратце остановиться на процессе образования союзов кредитных товариществ в дореволюционное время. Вполне учитывая то обстоятельство, что царское правительство долгое время не разрешало образование кредитных союзов, мы все же придем к выводу о том, что союзы организуются гораздо позже товариществ. С 1895 по 1904 год было открыто 1095 т-в. В 1901 г. образовался 1 союз, в 1903 г. 1 союз, в 1904 г. 1 союз. Только в 1905 г. темп союзного строительства усиливается. Перед самой революцией их было около сотни. В настоящее время при одном проценте вкладов и при наличии обществ с.-х. кредита, рано говорить о союзах кредитных товариществ. Со временем можно будет организовать эти союзы, взяв за основу лучшие с.-х. кооперации и лучшие общества с.-х. кредита.

В нынешней стадии развития первичные кредитные т-ва не должны нести никакой ответственности за операции того союза с.-х. кооперации, членом которого они являются. Кратная ответственность против пая и отсутствие достаточно ясных представлений о вексельном праве в деревне приводят к гибели массу товариществ в связи с банкротством союзов сельско-хозяйственной кооперации. Кредитные т-ва должны твердо помнить, что основной задачей их является кредитование крестьянского хозяйства, а не санирование союзов с.-х. кооперации. Вся ответственность за вверенные т-ву паевые взносы и государственные средства лежит на правлении т-ва. В последнее время в целом ряде мест был опротестован ряд товариществ по обязательствам обанкротившихся союзов с.-х. кооперации и из-за выданных товариществами союзам «дружеских» векселей. Такое положение абсолютно нетерпимо, так как помимо материальных потерь имеется подрыв доверия населения к товариществу. Вопрос о вхождении или невхождении в союз должен решаться товариществом без всякого нажима.

Третьим звеном с.-х. кредита является ЦСХБ и банки союзных республик. Возглавление кооперативной системы мелкого кредита государственными учреждениями является совершенно нормальным. Это соответствует как существу работы кредитной кооперации (аналогично организовано дело в Германии), так и существу советской власти. В дореволюционное время кредитная кооперация возглавлялась управлением по делам мелкого кредита и соответствующими отделами земств. Но интереснее всего то обстоятельство, что в 1922 году в Штутгарте на всегерманском конгрессе кредитной кооперации было признано после борьбы целых десятилетий, что руководящим центром кредитной кооперации признается прусская Центральная кооперативная касса. Надо ли говорить о том, что в СССР такой порядок диктуется буквально всей совокупностью обстоятельств. Кто держит в своих руках кредит, тот руководит крестьянством.

Огромная задача организации с.-х. кредита может быть успешно выполнена только при условии решительной поддержки учреждений с.-х. кредита со стороны всех партийных и советских организаций. Партийные организации должны направить для работы по с.-х. кредиту лучшие силы; государство по мере улучшения его финансов должно увеличивать ассигнования системе с.-х. кредита.

Организация системы с.-х. кредита началась в Союзе позже других видов кооперативного строительства. Это обстоятельство накладывает сугубую ответственность на ее деятелей. Необходимо в полной мере учесть отрицательный и положительный опыт строительства других видов кооперации. В частности, дальнейшее увеличение первичной кредитной сети должно быть теснейшим образом связано с возможным отпуском средств в основные капиталы товариществ. Лучше иметь меньше числом, но здоровых единиц, нежели большое количество экономически нездоровых карликов.

А. Слепков.

Аграрно-крестьянская проблема в эпоху борьбы пролетариата за власть.

II. Проблема крупного и мелкого сельско-хозяйственного производства.

1. Общая постановка вопроса.

Совершенно бесспорно, что социализм является более передовой, более высокой, обеспечивающей более быстрый, беспрепятственный рост производительных сил, чем капитализм, экономической системой.

Совершенно бесспорно, что социализм предполагает более высокую ступень технической и экономической организации, чем капитализм. Совершенно бесспорно, что сложившаяся социалистическая система есть система крупного обобществленного производства. Все это так—и никто из марксистов этого никогда не думал отрицать.

Но тогда как же—вопрошают социал-демократы—можно говорить о раздроблении помещичьих имений среди крестьян? Разве постановка этого вопроса не является отказом от бесспорного положения марксизма о превосходстве крупного производства над мелким; о социализме, как более передовой и более высоко технически организованной системе, чем капитализм?

Каутский предваряет свою критику опыта российской революции в аграрно-крестьянском вопросе следующим утверждением:

«В области социализации сельско-хозяйственных предприятий начинаются наибольшие трудности для социалистического режима. В этой области капиталистическим развитием сделано так мало предварительной работы, что есть социалисты, отчаивающиеся вообще в возможности сельско-хозяйственной социализации. Область социализма они хотят ограничить только промышленностью.

При этом им, однако, приходится признать, что дальнейшее существование прежних отношений собственности в деревне несовместимо с социалистическим производством. Мы уже указывали, каким способом пытаются они положить конец эксплоатации наемного труда в сельском хозяйстве: раздроблением всех более крупных хозяйств,—не только крупных, в собственном смысле слова, но и средних хозяйств—и сведением всего сельско-хозяйственного производства до уровня семейных хозяйств.

Если бы, действительно, удалось связать эту экономическую реакцию в деревне с социальной революцией в городе, то последствия были бы катастрофические. Ибо карликовое хозяйство не

в состоянии производить избыточного продукта в достаточной мере, если только вообще производит избыток» [1].

Здесь следует прежде всего уговориться, о чем идет речь. Одно дело, когда речь идет о сравнении мелкого и крупного производства в узком смысле этого слова; другое дело—когда речь идет о сравнении крупной и мелкой земельной собственности. Определенного типа и в определенных условиях. Следует иметь в виду, что помещик очень часто ведет крупно-капиталистическое хозяйство лишь на сравнительно небольшом участке своей земли, большинство которой обрабатывалось при помощи крестьянского инвентаря.

Когда при таких условиях, мы вычисляем производительность на единицу земельной площади,—то мелкое крестьянское производство на его собственной земле сплошь и рядом оказывалось более производительным.

Достаточно указать, например, что в России конца XIX века по статистическим данным,—десятина крестьянской земли давала большую продукцию, чем десятина земли крупного помещика, обрабатывающего большую часть своей земли посредством полуфеодального использования крестьянского труда и инвентаря в условиях так называемой обработочной системы [2].

Поскольку в крупном помещичьем хозяйстве современности налицо значительные пережитки феодализма, поскольку помещик выступает в ряде стран больше землевладельцем, чем предпринимателем,—постольку революционное движение крестьянства против помещика—полуфеодала является прогрессивным движением. Интенсивное мелкое крестьянское хозяйство, укрепляющееся на основе революционного захвата помещичьих земель, служивших средством полуфеодальной эксплоатации крестьян, более прогрессивно, чем феодально-помещичье хозяйство.

Тов. Ленин развивал это с изумительной силой и убедительностью в период первой российской революции 1905—07 годов и Каутский тогда этого положения не оспаривал.

Но—возразят социал-демократы,—помещик XX века уже не феодал XV—XVIII веков: он ведет на известной—большей или меньшей части своей земли капиталистически-предпринимательское производство. Как же можно дробить помещичье хозяйство, если оно имеет рациональное крупно-производственное ядро?

Во-первых, коммунисты отнюдь не высказываются за уничтожение крупных культурно-производственных единиц: они считают, что раздав крестьянам большинство помещичьей земли, следует сохранить как государственные культурные центры—с.-х. предприятия капиталистического типа.

Во-вторых, мы не можем на этом основании выступать против революционного захвата крестьянами помещичьих земель.

На II с'езде партии Р. С.-Д. Р. П. была принята, так называемая, аграрная программа с «отрезками».

«Эта попытка (разрешения аграрного вопроса),—пишет Ленин,—в главном пункте программы: об «отрезках»—основывалась на примерном отделении земель, служащих для крепостнически-

---

[1]) K. Kaytsky. Die proletarische Revolution und ihr Programm 1922. Berlin.

[2]) См. у Ленина «Аграрный вопрос в России к концу XIX века».

кабальной эксплоатации («отрезанные у крестьян в 1881 году»), и земель, эксплоатируемых капиталистически.

Такое применение ошибочно, ибо на практике движение крестьянских масс не могло направляться против особых разрядов помещичьих земель, а только против помещичьего землевладения вообще»[1]).

В западно-европейских странах, конечно, в помещичьем хозяйстве больше передовых производственно-капиталистических моментов, чем в царской России, но и здесь крестьянские трудящиеся массы будут выступать против «помещичьего землевладения вообще».

Чем более высоко организационным является помещичье хозяйство, тем большее падение производства принесет с собой аграрная революция с разделом помещичьих земель, с раздроблением крупного помещичьего, да и крупного крестьянско-капиталистического производства.

Но здесь выступает на сцену новый момент.

Социализм—есть крупное обобществление производства. Это верно.

Но переход к социализму возможен только при диктатуре пролетариата, которая обеспечивает для рабочего класса командные высоты в решающих хозяйственных узлах (национализация крупных и средних капиталистических предприятий, транспорта, банков).

Но удержать и укрепить за собой господство на этих решающих позициях, которые являются исходным пунктом для социализации всего народного хозяйства,—для развития крупного социалистического производства пролетариат может только опираясь на широкие массы трудящихся, в частности, на трудовое крестьянство, составляющее значительную часть населения. Но это крестьянство в ряде стран терпит земельный голод и стремится к овладению землей крупных землевладельцев.

Отдавая крестьянам помещичью землю (за исключением небольшой ее части, непосредственно прилегающей к имению, которое национализируется), пролетарская революция обеспечивает себе поддержку трудового крестьянства или в худшем случае его дружественный нейтралитет.

Таким образом, раздробляя помещичье землевладение и способствуя усилению мелкого крестьянского производства, мы тем самым обеспечиваем укрепление пролетарской диктатуры, которая, в свою очередь, при правильной политике обеспечивает рост и укрепление крупного социалистического хозяйства.

И Каутский, и Бауэр пишут о том, что раздел помещичьих земель приведет неизбежно к падению производительных сил в сельском хозяйстве. Это правда. Временное падение производительных сил здесь будет. Но оно является условием укрепления такого способа производства, в котором небывалое развитие производительных сил не будет встречать никаких препятствий в социальном строе.

---

[1]) Ленин. Собр. соч. т. IX, «Агр. программа с.-д. в первой русской рев. 1905—7 гг.».

Настоящий воин революции должен приветствовать такое небольшое отступление, которое обеспечивает успех крупного решающего наступления.

Эта логика непонятна Каутским, ибо вместо живых социальных сил, переплетающихся в революции, они видят только схемы, основным мотивом которых является сохранение капиталистического господства.

2. Опыт неудавшихся революций.

Характерный образец неправильной тактики коммунистов в отношении крестьянства дает неудавшаяся пролетарская революция в Венгрии.

Мы меньше всего склонны порочить борцов пролетарской революции в Венгрии; мы полагаем, напротив, что венгерские коммунисты представляют из себя лучшее, революционнейшее, мужественнейшее, что мог дать пролетариат Венгрии в период его борьбы за власть.

Мы понимаем, далее, что писать о революции легче, чем ее делать.

Но вместе с тем совершенно очевидно и бесспорно, что только глядя бесстрашно в глаза правде, только сознавая свои ошибки,— революционная партия пролетариата может рассчитывать на победу.

С этой точки зрения можно только пожалеть, что опыт венгерской революции еще не обобщен, что уроки ее еще не учтены, что ошибки ее еще не указаны и не освещены пролетариям, которые от тщательного изучения уроков революции только выиграют в своем политическом росте.

Мы не намереваемся здесь вскрывать все ошибки венгерской революции; одной из основных ошибок компартии в Венгрии— является ее слияние с социал-демократией. Последняя, благодаря своей многочисленности, в результате слияния партии, попросту проглотила коммунистов, благодаря чему в Венгрии, по сути дела, большевики не были организованно представлены в советах,—а в таких условиях, конечно, и не могло быть последовательно и до конца проводимого революционного переворота во всех областях экономической и социально-политической жизни страны.

Мы берем сейчас только одну сторону политики венгерской компартии во время революции—ее отношение к аграрно-крестьянской проблеме.

Для правильного представления об условиях венгерской революции, нужно привести некоторые данные, характеризующие роль аграрно-крестьянской проблемы в Венгрии.

Один из участников венгерской революции, отнюдь не страдавший переоценкой значения феодальных пережитков в историческом развитии Венгрии, тов. Акузиус Хевеши, опираясь на материал официальной статистики, дает следующие итоговые данные по довоенной Венгрии.

Сельское население составляло около 60% всего населения: стало быть, Венгрия—страна земледельческая, и аграрный вопрос неизбежно должен был играть в революции крупнейшую роль. 32% всей частновладельческой площади находится в руках 0,16% землевладельцев, имеющих каждый свыше 500 десятин.

72% землевладельцев вынуждены обрабатывать лишь 15% всей земельной площади, имея каждый не более 5 десятин [1]).

Преобладание крупно-помещичьего землевладения этими данными иллюстрируется достаточно ярко. Этому экономическому господству соответствовала — да и сейчас еще соответствует — политическая власть помещика. «Единственным хозяином политической жизни страны и по сю пору», — пишет тов. Хевеши, — «является крупный помещик» [2]).

Венгерский помещик уже, конечно, не является чистым феодалом. Он значительно капитализировал свое хозяйство, он имел и имеет сельско-хозяйственных рабочих, перед которыми он выступает, как буржуазный предприниматель и эксплоататор наемного труда.

Тем не менее, перед массами бедного крестьянства он выступает еще, преимущественно, как феодал, — и этого пролетарская партия забывать не может.

Как же разрешался венгерской революцией аграрный вопрос?

«Землевладение, превосходящее по размерам участок, обрабатываемый крестьянином и его семьей, было отнято у владельцев без какого-либо вознаграждения и передано для обработки безземельным сельским рабочим. Земля является государственной собственностью, рабочие, об'единенные в товарищества, являются наемными рабочими государства. Обработка больших имений производится под надзором и руководством опытных государственных агрономов: раздел земли вообще не имеет места. Все дома, не приобретенные и не построенные пролетариями, так же перешли в собственность государства без всякого вознаграждения домовладельцев» [3]).

Таким образом, венгерские крестьяне не получили помещичьей земли.

Естественно, что это породило недовольство крестьян пролетарской революцией.

«Ничего удивительного нет в том, что венгерские крестьяне, одна треть которых принадлежит к мелким земельным собственникам, не понимали сущности социализации, и эта часть крестьян и слышать не хотела ни о коммунах, ни о государственных хозяйствах. Напрасно советское правительство призывало их к поддержке рабоче-крестьянской власти, они отказывались давать хлеб городским рабочим. Венгрия, земледельческая страна, оказалась без хлеба» [4]).

Пролетарская революция не сумела связаться с крестьянским движением; крестьяне не получили земли, они уже не ждали от советской власти реальной и ощутимой помощи; наоборот, наблюдая за ее аграрной политикой, крестьянство «постоянно видело висящую над его головой — опасность социализации их владений» [5]).

[1]) См. ст. т. Хевеши «Проблема венгерского крестьянства» в № 1 (1924 г. «Крестьянского Интернационала».
[2]) Там же.
[3]) См. ст. Е. Варга «Коммунистическая Венгрия» в № 2 «Коммунистический Интернационал» за 1919 г.
[4]) См. «Доклад о падении Советской власти в Венгрии» М. Габор, «Коммунистический Интернационал» № 7—8, 1919 г.
[5]) «Klassenkämpfe und die Diktatur des Proletariats in Ungarn. Von Béla Szántó. Wien, 1920, s. 83.

Вполне понятно, что в такой обстановке буржуазия смогла опереться на крестьянство в борьбе против пролетарской диктатуры.

Отмечая, что, рабоче-крестьянский блок фактически не осуществился в венгерской революции Szanto утверждает, что в это же время «осуществлялся и укреплялся союз городской буржуазии с крестьянством»...

«Контр-революция подстрекала крестьянство к противодействию; она совершенно открыто убеждала: диктатура хочет только использовать крестьянство, она добивается того, чтобы крестьянство помогло этот год продуктами питания, дабы укрепить себя с тем, чтобы через год провести социализацию и отнять у крестьянства землю» [1]).

Настроенное, таким образом, крестьянство не только не поддерживало диктатуру в ее тяжелые дни, но выступало, как сила контр-революционная.

Аграрно-крестьянская политика венгерской советской власти — была одной из причин гибели последней. В этом отношении не может быть никаких сомнений. Но как же аргументировали венгерские товарищи необходимость именно той политики, которую они вели?

Венгерские коммунисты высказывались против раздела земель. В своей декларации по аграрному вопросу, имевшей место на заседании Совета Рабочих Депутатов 13 декабря 1918 г., — они утверждали:

«Такое решение аграрного вопроса, который не только не преодолевает, но даже еще укрепляет частную собственность, ставит новые препятствия для осуществления союза между индустриальным и сельско-хозяйственным пролетариатом и тем самым ослабляет силы пролетарской революции.

К тому же такое решение в данных хозяйственных условиях ведет еще к обострению противоречий между населением города и деревней и делает невозможным обеспечение городского пролетариата предметами питания» [2]).

Второй мотив детализирован тов. Варгой в его брошюре — «Die Agrarfrage in der ungarischen proletarischen Revolution»:

«В России, — пишет он, — 4 сельско-хозяйственных рабочих приходится на одного городского жителя. В Венгрии же приходится только двум сельско-хозяйственным рабочим обслуживать предметами питания одного работающего вне сельского хозяйства, т.-е. одного человека живущего в городе и занятого в индустрии.

Вследствие этого ухудшение сельско-хозяйственного производства в Венгрии оказало свое действие на снабжение городов более внезапно и сильно, чем в России.

Исключительно богатая землей Россия могла поставить снабжение сравнительно незначительного количества городского населения даже при очень экстенсивном хозяйстве.

Маленькая же Венгрия должна была снабжать относительно большое количество городских жителей — около 8 милл. Живут в Будапеште и в пригородах больше чем миллион людей, — и снаб-

[1]) Там же, s. 83.
[2]) Там же, s. 80.

жение их возможно было только в том случае, если бы остались нетронутыми, хорошо производящие крупные предприятия» [1]).

Во всех этих рассуждениях больше книжной формалистики, чем диалектической гибкости марксиста.

Во-первых, никуда негодны эти соображения о вреде укрепления «собственности» вообще. Революционер-марксист должен уметь отличать феодальную земельную собственность от собственности бедного и мелкого крестьянина трудового типа, крупно-капиталистическую собственность от собственности мелкого буржуа. Во-вторых, как мы уже указывали, нужно учитывать историческую перспективу: если сохранение и даже укрепление мелкой собственности обеспечивает утверждение диктатуру пролетариата, а это последнее в своей успешной политике обеспечивает преодоление крупно-капиталистического производства,—то коммунисты обязаны высказаться за такое укрепление мелкой собственности. Некоторые партийные товарищи еще склонны относиться к нашим лозунгам формально, в то время как каждое наше политическое требование, каждый лозунг—должны рассматриваться с учетом той специфической, исторической обстановки, в которой они выдвигаются. Необходимо учесть в таких случаях соотношение классовых сил и связь данного лозунга с другими, выдвигаемыми партией.

Если бы мы подходили к лозунгам поверхностно-формально, то мы никогда не могли бы наметить и проводить в жизнь правильную политическую линию.

Достаточно вспомнить, например, обстановку в России перед захватом власти пролетариатом. Народнические партии (эсеры) усердно твердили в эту пору о возможности некапиталистической эволюции сельского хозяйства путем кооперирования; пролетарская партия, учитывая громадную роль крестьянства в надвигающейся революции, высказывается за сохранение и даже подкрепление мелкой крестьянской собственности путем фактического раздела крупных помещичьих имений (лозунг революционного захвата помещичьих земель и организации крестьянских революционных комитетов). На первый взгляд эсеры—против капитализма; большевики—за его укрепление, ибо они за «собственность».

А на деле, эсеры, которые говорили о возможности некапиталистической эволюции в условиях капиталистического господства—вредили пролетарской революции и делу социализма, ибо такая позиция только содействует укреплению буржуазного влияния, ибо за кооперативной формой процесса, они не видели его капиталистического содержания.

Большевики же, поддержав стремление мелких крестьян подкрепить свое хозяйство за счет помещиков, тем самым обеспечили победу социалистического пролетариата и установление рабочей диктатуры.

Таким образом, эсеры, твердившие о некапиталистической эволюции—на деле были за капитализм, а прямо и открыто говорившие о поддержке мелко-собственнического крестьянского хозяйства большевики на деле содействовали успеху социалистической революции.

[1]) Die Agrarfrage in der ungarischen Revolution, v. Eugen Varga. Wien, 1919 s. 11.

Но венгерские товарищи возражают против раздела помещичьих земель не только потому, что они против собственности «вообще»; они пытаются доказать, что своеобразие обстановки, в которой протекала венгерская революция, требовало именно такой позиции.

Тов. Варга говорит, что на городского жителя в Венгрии приходится вдвое меньше сельских жителей, чем в России. Но к чему обязывает трезвого пролетарского политика этот факт? Он обязывает к сугубому вниманию пролетарской партии в отношении крестьянства, от политической позиции которого так зависят судьбы пролетарской революции.

А тов. Варга делает обратный вывод.

Ход его рассуждения таков.

Пролетарская революция не может победить, если пролетариат будет вымирать с голоду; аграрная реформа должна быть проведена так, чтобы были сохранены крупные сельско-хозяйственные имения, производящие значительные массы хлеба; поэтому нужно выступить против раздела помещичьих земель.

Это рассуждение неверно и с точки зрения экономической и с точки зрения политической. С экономической оно неверно потому, что переоценивает роль помещичьих имений, как высоко производительных хозяйственных единиц.

Один из отменно махровых и зловредных, но весьма неглупых буржуазных радикалов Oskar Jászi, книга которого о венгерской революции снабжена предисловием Эдуарда Бернштейна, вполне резонно возражает венгерским коммунистам, что в «большинстве крупных имений велось столь экстенсивное хозяйство, что с ним могло конкурировать даже отсталое крестьянское крупное хозяйство» [1]).

С политической—оно неверно потому, что, отказываясь от установления союза с крестьянством, обрекало диктатуру пролетариата на поражение.

Правильный ход рассуждений должен бы быть следующим.

Пролетарская диктатура и с точки зрения экономической и с точки зрения политической не может быть крепкой без установления союза с крестьянством; последний обусловлен поддержкой со стороны пролетариата и его партии требования крестьян о разделе помещичьих имений; поэтому нужно бы сохранить в руках государства только небольшое количество экономически-культурных, сельско-хозяйственных центров, раздав большую часть помещичьей земли крестьянам.

Тогда, даже в случае падения диктатуры, крестьянство было бы тесными узами связано с пролетариатом, борющимся за власть.

Опасней всего то обстоятельство, что некоторые венгерские товарищи и до настоящего времени не освободились от некоторых вредных иллюзий.

Так, уже в 1924 г. тов. Акузиус Хевеши пишет:

> «При диктатуре осуществленная нами форма производственных товариществ сделалась общей нормой земельной политики и даже название производственных товариществ было сохранено. Но отпала существеннейшая черта

[1]) Oskar Jászi. Magyariens Schuld. Ungarns Sühne. Mit einem Geleitwort v. Eduard Bernstein. 1923. München, s. 88.

нашего выступления до диктатуры: соглашение с крестьянством».

Констатировав сей печальный факт, тов. Хевеши, однако заключает.

«Почему? Просто ли в силу наивного догматизма из-за приверженности к плохопонятому марксизму, как то утверждают на нашей стороне и на стороне противника, в особенности под влиянием земельной политики российской диктатуры?

Отнюдь нет. Это случилось потому, что уже заранее надо было рассчитывать на нападение окружающих Венгрию капиталистических государств, что и последовало, и в результате чего Советская Венгрия сделалась осажденной крепостью. Но уроки войны доказали, что гораздо легче захватить запасы продовольствия в крупных хозяйствах, нежели в мелко-крестьянских хозяйствах, где они легко поддаются сокрытию...

Наша ошибка заключалась лишь в том, что мы не приложили всех усилий к тому, чтобы внедрить этот взгляд в общественное сознание, в особенности же, в сознание крестьянства» [1]).

Итак, крестьянству можно и нужно было земли не давать, следовало только «внедрить в его сознание», что это так и должно быть. Левый революционаризм всегда таков: на словах он прекрасно учитывает мелко-буржуазность крестьянства, а на деле о ней забывает.

Тов. Хевеши должен в заключение констатировать, что венгерский крестьянин мало понимал эту философию, вернее не приходил от нее в восторг.

Но об'яснение готово и здесь.

«Существеннейшая разница... в активности русского крестьянства, стремившегося к самостоятельному разрешению земельного вопроса, в активности, которую использовала совласть в своих постановлениях по земельному вопросу; активности, которой нет среди венгерского крестьянства» [2]).

Это уже совсем замечательно. Большевистская партия не приспособляется к готовой активности,—она эту активность вызывает [3]). А вызвать ее можно, только зацепив крестьянина за его нутро, только заинтересовав и возбудив его революционными лозунгами, осуществлению которых улучшает положение крестьянства.

Этим лозунгом является лозунг раздела помещичьих земель,—отвергнутый венгерскими коммунистами.

Мы подробно остановились на анализе аграрно-крестьянской политики Венгерской Советской республики, потому что венгерская революция дает наиболее яркую картину неправильного подхода к крестьянству в момент борьбы пролетариата за власть.

Но, конечно, подобного рода ошибки были и в революционной борьбе пролетариата других стран.

---

[1]) «Крестьянский Интернационал» № 1, 1924, ст. А. Хевеши. «Проблема венгерского крестьянства».

[2]) Там же.

[3]) Как на это совершенно правильно указывает в примечании редакция «Крестьянский Интернационал».

Совершенно несомненно, например, что в Италии пролетариат в борьбе 1920 года не уделял достаточного внимания крестьянскому вопросу. Это было признано в свое время самими итальянскими коммунистами.

Так, Бордига в своем выступлении о фашизме на IV конгрессе говорил следующее:

«В значительной части Италии, наиболее важной с аграрной точки зрения,—долине По, положение напоминает в местном масштабе диктатуру пролетариата или земледельческих слоев его. В конце 1920 г. некоторые коммуны были завоеваны социалистической партией и проводили политику местных налогов на земельную и среднюю буржуазию... Дело дошло до того, что земельная буржуазия не могла больше оставаться в своих поместьях и была вынуждена перебраться в города.

Итальянскими социалистами были допущены ошибки, особенно в вопросе о захвате земель...

Реформистские организации ставили... мелких фермеров в несколько рабское подчинение движению сельского пролетариата, что создало благоприятную почву для фашистского движения» [1]).

Это, бесспорно, правильно, с тою лишь оговоркою, что «в рабское подчинение движению сельского пролетариата» крестьяне и фермерство ставились не только явными реформистами, но и левыми товарищами, будущими коммунистами.

Учитывая опыт революционного движения, итальянские коммунисты выработали в 1922 году аграрную программу, обнаруживающую продвижение вперед в понимании аграрно-крестьянской проблемы [2]). Недостаточно остро ставился вопрос о крестьянстве и в польской революции.

Западно-европейские партии должны понять, что без привлечения на свою сторону широких слоев бедного парцельного и среднего крестьянства, — диктатура пролетариата не может упрочиться.

Уроки неудавшихся революций должны быть учтены.

3. Опыт победившей революции.

Российская большевистская партия смогла достигнуть успехов в борьбе за диктатуру пролетариата, потому что, ведя выдержанно-классовую политику, она поняла значение крестьянства в революции. Конечно, и она не свободна от ошибок.

Как мы уже указывали, за два года до первой революции, на II с'езде Р. С. Д. Р. П., в 1903 году, она приняла аграрную программу, согласно которой пролетарская партия считала своею обязанностью бороться лишь за возвращение крестьянам «отрезков», т.-е. тех земель, которые помещики отрезали у крестьян во время проведения реформы 1861 года (эти «отрезки» составляли около 20% земель, находящихся в пользовании крестьянства до реформы).

Ход рассуждений у большевиков был, примерно, следующий:

---

[1]) Бюллетень № 12—IV конгресса Коминтерна; речь Бордига о фашизме.

[2]) См. «Очерки по аграрному вопросу» под ред. Варги, т. I, вып. 5 ст. Д. Аквила.

Пролетарская партия заинтересована на данной стадии исторического развития в возможно более быстром развитии капитализма и в промышленности и в сельском хозяйстве.

Чем быстрее будет происходить процесс капитализации производства, тем скорее будут подготовлены об'ективные экономические и социально-политические предпосылки социалистического переворота.

В области сельского хозяйства капиталистическое крупное производство свивает себе гнездо, главным образом, в крупных помещичьих имениях: хлебная фабрика возникает и развивается в первую голову у крупного землевладельца, а не у крестьянства, которое, впрочем, тоже начинает выделять прослойку капиталистических предпринимателей.

Поскольку именно крупное помещичье хозяйство представлялось большевикам технической и экономической базой будущего крупного социалистического производства, постольку они считали себя не в праве выступать за всеобщий раздел помещичьих земель среди крестьян, ибо такое разрешение аграрного вопроса повлекло бы за собой, несомненно, уничтожение крупного сельско-хозяйственного производства помещиков.

Но вместе с тем пролетарская партия считала, что в ее интересах следовало поддержать крестьянское движение против феодала—помещика.

Поэтому большевики высказались за отобрание у помещика именно тех земель («отрезков»), которые, как правило, служили землевладельцу средством полукрепостнической кабальной эксплоатации крестьянства.

Это было, конечно, полу-мерой. Крестьянство хотело всей помещичьей земли. Помещик сдавал, если не большую часть своей земли, то добрую ее половину, в аренду. Он выступал перед крестьянином именно как феодал. Да и по сути дела он был больше феодалом, чем капиталистическим предпринимателем, что и оценила в должной мере наша партия.

Крестьянское же движение предреволюционного периода против помещика обнаружило большую напряженность и громадные революцинные потенции.

Большевики начали нащупывать правильную линию в аграрном вопросе именно с политического конца.

Свержение помещичьего—в основном—царизма было обязательным и необходимым этапом в исторической борьбе пролетариата за власть.

Но крестьянство, составляющее 4/5 населения России, почти целиком может выступить в грядущей революции против помещика, а стало быть и против политического господства помещика.

Именно это обстоятельство заставило большевиков задуматься над вопросом об экономической сущности крестьянской революции против помещика.

В революции 1905 года большевики уже с совершенной определенностью высказывались за необходимость конфискации помещичьей земли и распределение ее в пользование среди крестьян (при этом большевики, исходя из учета спецефических российских условий, считали необходимым высказаться за национализацию земли, но принципиально допускали и раздел ее в собственность крестьян [1]).

Тов. Ленин доказывал, что к революциям XX века нельзя подходить со старым шаблоном.

«Устранение крепостничества в буржуазной стране—писал т. Ленин—возможно двояким путем.

Возможно устранение крепостничества путем медленного перерастания крепостнически-помещичьих хозяйств в юнкерски-буржуазные хозяйства, превращения массы крестьян в бобылей и кнехтов, насильственного удержания нищенского уровня жизни массы, выделение небольших горсток гроссбауэров, буржуазных крупных крестьян, создаваемых неминуемо капитализмом в крестьянской среде...

Другой путь развития мы назвали американским путем развития капитализма, в отличие от первого, прусского.

Он требует «насильственной ломки старого землевладения» [2]).

Большевистская партия боролась в революции 1905—1907 года именно за этот второй путь исторического развития.

Тов. Ленин дал исключительно интересную характеристику этой буржуазной революции нового типа.

Всякая крестьянская революция, направленная против средневековья при капиталистическом характере всего общественного хозяйства, есть буржуазная революция. Но не всякая буржуазная революция есть крестьянская революция. Если бы в стране с земледелием, организованным вполне капиталистически, капиталисты-земледельцы при помощи наемных рабочих совершили аграрную революцию, уничтожив, к примеру скажем, частную собственность на землю, то эта была бы буржуазная революция, но вовсе не крестьянская революция. Если бы в стране, аграрный строй которой настолько сросся уже с капиталистическим хозяйством вообще, что уничтожить этот строй было бы невозможно без уничтожения капитализма, произошла революция, ставящая, скажем, у власти промышленную буржуазию на место самодержавной бюрократии, то это была бы буржуазная революция, но вовсе не крестьянская революция. Другими словами: возможна буржуазная революция в подобной стране без крестьянства.

Возможна буржуазная революция в стране с значительным крестьянским населением и, однако, такая революция, которая отнюдь не является крестьянской революцией, т.-е. такая, которая не революционизирует специально касающихся крестьянства поземельных отношений и не выдвигает крестьянства в числе сколько-нибудь активных общественных сил, творящих революцию. Следовательно, общее марксистское понятие: «буржуазная революция», содержит известные положения, обязательно применимые ко всякой крестьянской революции в стране развивающегося капитализма, но это общее понятие ровно ничего еще не говорит о том, должна ли (в смысле об'ективной необходимости) буржуаз-

[1]) Так, на Стокгольском IV об'единительном с'езде российской социал-демократии в 1906 г., большевики голосовали после выяснившегося провала проекта о национализации земли, за раздел последней.

[2]) Ленин. Собр. соч., т. IX. Аграрная программа с.-демократии в первой русской революции 1905—7 г. См. «Заключение».

ная революция данной страны стать крестьянской революцией, чтобы одержать полную победу, или не должна.

Основной источник неверности всей теоретической линии Плеханова и шедших за ним меньшевиков в первый период русской революции (т.-е. в 1905—1907 годах) состоит в том, что они совершенно не поняли этого соотношения между буржуазной революцией вообще и крестьянской буржуазной революцией.

Наоборот, большевики с самого начала революции... ясно указали источник наших тактических разногласий, выделив понятие крестьянской революции, как одного из видов буржуазной революции, и определив ее победу: «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» (554—556 стр.).

Тов. Ленин и вся большевистская партия прекрасно понимали, что революция 1905—1907 года при условии, если она будет развиваться в условиях мировой социалистической революции, может перерасти в социалистическую. Но на этом пути она будет иметь успех только постольку, поскольку пролетариат представляет в революции интересы не одного пролетариата, но и интересы широких трудящихся непролетарских масс, в первую очередь, крестьянства.

Таким образом, в первой революции 1905—1907 годов большевистская партия считала возможным даже при перспективах социалистической революции поддержать буржуазно-демократическое движение крестьянства, стремящегося отнять у помещика землю и взять ее в свое пользование.

Большевистская партия не останавливалась даже перед разделом помещичьих земель в полную собственность мелкого производителя крестьянина.

Революция 1917 года протекала в условиях, когда об'ективная обстановка и соотношение классовых сил делали возможным пролетарский социалистический переворот.

Но этот переворот мог быть прочным только в том случае, если бы пролетариат смог возглавить движение широких трудящихся масс против эксплоататоров.

Поскольку аграрный вопрос был не разрешен и крестьянство попрежнему стремилось к ликвидации крупного землевладения, пролетариат под руководством большевиков возглавил движение крестьян против помещиков. На этот путь большевики вступили несмотря на тот факт, что за 10-летний период между двумя революциями помещичье хозяйство прошло значительный путь в смысле усиления технической рационализации на капиталистической основе. Получилось то сочетание пролетарской революции с крестьянской войной, о котором Маркс говорил как о «счастливом» с точки зрения укрепления пролетарского господства.

В эпоху борьбы пролетариата за власть—большевистская партия в России пошла на фактический раздел конфискованной помещичьей земли между крестьянами.

Больше того. Российское крестьянство—в своей массе—находилось под влиянием эсеров. Эсеры твердили крестьянам о возможности «уравнительного», трудового хозяйства в условиях буржуазной демократии.

Насчет буржуазной демократии мы ни в коем случае не могли пойти ни на какое соглашение; но поскольку волею российского пролетариата в октябре было установлено рабочее государство, постольку мы считали возможным пойти на принятие эсеровской земельной программы с «уравнительно-трудовыми» мотивами.

На III Конгрессе Коминтерна тов. Ленин говорил:

«Во многих странах мы не научились даже тому, как овладеть руководством. Мы победили в России потому, что на нашей стороне было не только бесспорное большинство рабочего класса (во время выборов в 1917 году с нами было подавляющее большинство рабочих против меньшевиков), но и половина армии, непосредственно после захвата нами власти, и $^9/_{10}$ крестьянской массы в течение нескольких недель держали нашу сторону, потому что мы применяли аграрную программу не нашу, а эсеровскую, и осуществили ее на практике. Наша победа и заключалась, в том, что мы осуществили эсеровскую программу, потому-то эта победа была так легка» [1]).

В результате переворота произошел «черный передел»: статистические данные 1919 г. по 32 губерниям обнаруживают, что около 86% земли, принадлежавшей раньше нетрудовым слоям населения, перешло непосредственно к крестьянству, 12%—совхозам и 2%—коллективам [2]).

Российские коммунисты вели во время пролетарского переворота политику, укрепившую мелкое производство в деревне.

Но эта политика обеспечила пролетариату поддержку широких масс крестьянства в его борьбе за свержение капитала.

Поддержав мелкого буржуа-крестьянина, пролетарская партия обеспечила свержение власти крупного капитала.

Последний был тесно связан—и связан в настоящее время во всех капиталистических странах—с помещичьим классом.

Это подчеркивалось т. Лениным в революционной борьбе многократно.

«Не подлежит сомнению, что помещичье хозяйство тысячами нитей связано не только с бюрократией, но и с буржуазией. Конфискация подрывает массу интересов крупной буржуазии, а крестьянская революция ведет, как справедливо указывал Каутский, и к банкротству государства, т.-е. к нарушению интересов не одной русской, а и всей международной буржуазии» [3]).

В силу этих связей буржуазия не поддержала революционного крестьянства против помещика.

Разоблачая перед крестьянством контр-революционность буржуазии, коммунистическая партия могла обрести в лице крестьянства союзника в борьбе против капитала в решающих боях. Буржуазия не хотела содействовать укреплению мелкого крестьянского производства за счет помещичьего, мы на это пошли.

Буржуазия сломала себе на этом голову: мы, поддержав мелкого производителя—крестьянина, опираясь на которого начинаем строить и будем строить с возрастающим успехом крупное социалистическое производство.

---

[1]) Собр. соч. Ленина т. XVII, ч. I, Защита тактики Коминтерна, стр. 308.
[2]) Сб. «О земле». Изд. НКЗ., 1921 г., выпуск I-й, стр. 23—24.
[3]) Собр. соч., т. IX, 550 стр.

М. Кантор.

Выпрямление линии.

(К постановке вопроса об эволюции крестьянского хозяйства).

1.

В 1893 году в германском рейхстаге разгорелись чрезвычайно интересные прения между небольшой группой социал-демократов, среди которых были Бебель и старик Либкнехт, с одной стороны, и буржуазными парламентариями, с другой, по вопросу о государстве будущего. Один из буржуазных депутатов д-р Бахем тогда горько пожаловался собранию: «г. коллега Бебель на мой вопрос, каково будет социал-демократическое государство, отвечал двумя встречными вопросами. Сначала он меня спросил: как вы представляете себе воскресение мертвых»...

Между нашим и тем временем, несмотря на то, что прошло только тридцать с лишним лет, очень маленький исторический срок, лежит колоссальное поле пройденного революционного развития. Если для Бебеля социалистический строй, в наступлении которого он никогда не сомневался, был делом отдаленного будущего, то для нас это конкретный вопрос текущего строительства. Даже самые выражения, которые мы сейчас походя употребляем—«социалистическое накопление» или «некапиталистическая эволюция», свидетельствуют об актуальности социалистических задач. Как бы ни были отсталы формы хозяйственной и общественной жизни широких масс нашего населения, как бы велик и извилист ни был предстоящий путь, факты пролетарской власти и национализации важнейших средств производства с об'ективной необходимостью выдвигают конкретные социалистические задачи. И, собственно, наиважнейший наш вопрос, крестьянский, целиком находится в плоскости приобщения сельского хозяйства к социалистическому строительству города.

Ответ Бебеля для нашего времени безнадежно устарел и совершенно не подходит. Мы вынуждены с сугубой тщательностью взвешивать ответы, раз'яснения по важнейшим вопросам теории и практики социализма, памятуя, что каждое наше раз'яснение представляет собой повод к совершенно конкретной практической политике.

К сожалению, мы еще чрезвычайно далеки от такой ответственной постановки вопросов.

Возьмем наудачу несколько примеров, хотя их можно умножить на любое число.

Один из наших лучших экономистов, тов. Милютин, издал курс своих «лекций по экономике переходного периода». В этой книге, предназначенной для студенчества, нашего подрастающего поколения, и вообще для читающей публики, т. Милютин, как

и следовало ожидать, задается целью доказать превращение нэпа в социализм. Упущена им малость... крестьянская кооперация.

Если читатель, в поисках разрешения сомнений, кинется к другим трудам Милютина, его ждет еще горшая участь. Так, например, в «Вестнике Коммунистической Академии» (№ 8 за 1924 г.) напечатана статья Милютина «Деревня переходного периода». Уж где, как не здесь, встретить правильное отражение жизни. Напрасно.

Говоря о современной деревне, автор всю кооперативную проблему уложил в колхозы. Он дал подробное описание колхозов и ни одной строчки не посвятил крестьянской кооперации, т.-е. сельско-хозяйственным и кредитным кооперативам. Получается полнейшее искривление не только того, что существует, но и перспективы.

Той же болезнью страдает и тов. Крицман. Его статья «Союз пролетариата и большинства крестьянства в СССР после победы революции» («Большевик» № 2/18—1925 г.), интересная по глубине и оригинальности анализа, отличается полнейшей неясностью, как дело касается кооперации. Самое слово «кооператив» у него встречается, кажется, только один раз. Обычно он употреблял выражение «коллектив», хотя в нашем разговорном обиходе под этим подразумевается именно колхоз.

В употребляемое им понятие «коллектив» далеко не всегда, даже при добром желании читателя, можно уложить кооперативное содержание. Иногда автор играет с читателем, ставя знак равенства только между коллективом и колхозом, а то и, без всякого, переносит кооперацию в противоположную экономическую категорию.

Так, в конце статьи, при перечислении важнейших моментов политики пролетариата, Крицман разделяет:

«Особая помощь как организационная, так и материальная (кредит) товарищескому об'единению мелких хозяев в коллективы, в которых р а б о т а ю т т о л ь к о и х ч л е н ы (курсив мой. *М. К.*), и государственному крупному сельскому хозяйству (совхозам)»;

«экономическая борьба с сельскохозяйственными капиталистами государственного и товарищеского (коллективного) крупного хозяйства».

Развитие мелкого хозяйства в крупное, насколько можно судить по крайне спутанным определениям, автор представляет себе преимущественно как постепенное упорядочение колхозов. Посвящая несколько прочувствованных строк супряге, как простейшей форме коллектива, Крицман сейчас же вслед за этим делает вывод, что «об'единение в коллективы, т.-е. переход к более крупному хозяйству» и т. д.

На стр. 45, в обосновании важнейших теоретических положений, содержится такое определение:

«Под'ем производительных сил мелкого хозяйства, рост его производительных сил означает в одно и то же время и рост технического вооружения работника и необходимость кооперации работников (в смысле их совместного труда). Иными словами, что мелкий хозяин уже не может работать один, а должен работать совместно с другими»... И далее:

«Раз'единенные условиями труда мелкие хозяева при господстве капитала, когда товарищеское об'единение на каждом

шагу натыкается на бесчисленные в их совокупности непреодолимые материальные и идеологические препятствия, не могут пойти по пути товарищеского об'единения. Такие попытки в массе своей неизбежно терпят крушения. Поэтому **при господстве капитала этот путь под'ема мелких хозяев закрыт для них** (курсив мой. *М. К.*).

Здесь уже совершенно несомненно дана теория только колхозов, ибо про крестьянскую кооперацию ни в каком случае нельзя было бы сказать, что «при господстве капитала... этот путь... закрыт»...

После такого подхода к вопросу теряет уже всякое значение признание, сделанное на той же 45-й странице, что «определяющее влияние пролетариата во всем народном хозяйстве изменяет сначала по преимуществу характер об'единения мелких хозяев в сфере обращения»...

Если под этими последними об'единениями понимать уже кооперативы (нужно иметь в виду, что и для коллективов обязательно прохождение через «сферу обращения»), то они представлены автором мимоходом, не как основной путь развития крестьянского хозяйства в наших условиях.

Достаточно сопоставить взгляды Милютина и Крицмана с точкой зрения Бухарина, чтобы убедиться в основательности наших возражений. На Всесоюзном Совещании колхозов тов. Бухарин в следующих образных и ясных словах отметил роль с.-х. кооперативов [1]):

«В капиталистических странах руководство кооперацией находится в руках сторонников буржуазии, банки находятся в руках буржуазии, промышленность находится в руках буржуазии и т. п. И когда кооперация растет, она, как на санях, в'езжает в систему буржуазно-капиталистического государства. А у нас кооперация будет в'езжать в социалистическую систему. Мы не можем начать коллективизацию с производственного угла, надо начать с другого. Столбовая дорога пойдет по кооперативной линии. Главный путь—это организация социализма через кооперацию сельскохозяйственную».

В этом духе и была принята совещанием резолюция.

К настоящему моменту мы уже имеем документ мирового значения, полностью подтверждающий линию на кооперацию. Это проект тезисов т. Бухарина по крестьянскому вопросу, внесенный на пленум Исполкома Коминтерна, с одобрения делегации РКП. В этом проекте имеется упоминание и о коллективах и о кооперативах, но в пункте 24-м дается совершенно ясное представление, что после завоевания пролетариатом власти «эти новые условия делают возможной некапиталистическую эволюцию крестьянского хозяйства. Его развитие, хотя и в противоречивых формах, может теперь итти через кооперацию к социализму».

Вот этот путь некапиталистической эволюции **кооперативов** Милютин и Крицман никак не хотят прямо признать. Героическое прошлое колхозов заставляет их преувеличивать значение коллектива для **данного** момента. Что касается нас, то мы на все 100% разделяем их симпатии к «героическому периоду» русской революции, но, вместе с тем, полагаем, что из за этого нельзя хотя бы на 5% поступиться правильностью линии.

[1]) Примечание. Оговариваемся, что мы всюду берем за одну скобку как сельско-хозяйственные, так и кредитные кооперативы, не вдаваясь в идущий теперь спор об их взаимоотношениях.

Мы взяли Милютина и Крицмана, как наших присяжных теоретиков-экономистов, интересующихся вопросами сельского хозяйства. Если же просто гоняться за неправильностями, искажениями, то курьезов не оберешься.

Но большинство спотыкается именно на двух моментах: на выпячивании тех видов кооперирования, которые не являются для данного момента основными, и на игнорировании роли крестьянской кооперации в деле преобразования мелкого крестьянского хозяйства в крупное.

У Милютина, например, в курсе лекций имеется специальный раздел о потребительской кооперации и, как мы уже упоминали, нет ничего о сельско-хозяйственной. Поэтому и самая проблема движения деревни к социализму выявляется им только в плоскости осуществления кооперацией снабженческих функций, проведения товаров госпромышленности.

Как ни важна эта отрасль кооперативной работы, но она представляет собой только часть процесса и не дает представления о назревании материальных предпосылок социализма в недрах самого крестьянского хозяйства.

Так как мы все время говорили о смычке именно в смысле проведения госпродукции, то описанный путь толкования вообще оказывается очень скользким.

Например, тов. Куйбышев поместил в «Правде» от 25-го марта статью «О некоторых задачах в области кооперации». Практическую часть статьи мы не собираемся критиковать, она представляет собой ценнейшие предложения, в которых заинтересована кровным образом вся кооперация, без различия видов. Но начало статьи не совсем увязано с дальнейшим содержанием.

Тов. Куйбышев начинает:

«Теперь уже совершенно очевидно, что «кооперативный социализм», провозглашенный Владимиром Ильичем, является не только методом перестройки нашей деревни на новых социалистических началах, сознательно поставленных перед собой пролетарским государством, но и определенным обязательным законом развития сельского хозяйства в условиях диктатуры пролетариата».

После столь определенного констатирования «обязательного закона развития сельского хозяйства» следовало ожидать и развития темы в смысле подтверждения жизненности «обязательного закона» или практических выводов из него. Однако, автор не идет навстречу нашим ожиданям и сейчас же вслед за введением приступает к искусственному суживанию рамок вопроса.

Первый этап автора на этом пути:

«Узловым вопросом сегодняшнего дня, где интересы развития всего народного хозяйства вплотную совпадают с интересами кооперации, является поставленный за последнее время жизнью во весь рост вопрос о товаропроводящей сети, вопрос о торговом капитале».

Законы сельского хозяйства, как равно и «кооперативный социализм» уже сведены к товаропроводящей сети, а последния к торговому капиталу.

Второй этап:

«Основной вывод, который должен быть сделан уже для настоящего времени, это признание того, что кооперация должна являться основным проводником продукции нашей гос. промышленности».

После нового метаморфоза сама товаропроводящая сеть сократилась вдвое; из нее выпали сбытовые операции и остались одни снабженческие.

Как мы уже успели убедиться, это ни в какой мере не случайность. Это законное отставание идеологии от бытия. Снабженческие функции, в лице потребительской кооперации, успели раньше появиться на свет, и привычная мысль идет по проторенному пути.

Быть может, с нашей стороны проявлена некоторая придирчивость к тов. Куйбышеву, но на одном мы склонны настаивать, а именно, что слова «теперь уже совершенно очевидно», во всяком случае, преждевременны.

Для вящшего подтверждения уместности нашей настойчивости сошлемся на характеристику сельско-хозяйственной кооперации, данную в официальном издании в 1925 году. Приводим полностью весь раздел:

Сельско-хозяйственная кооперация.

Сельско-хозяйственная кооперация открывает крестьянству действительно легкий, простой и доступный путь к поднятию и развитию сельского хозяйства. К примеру, общественная обработка земли, общественные покос и уборка, общественная осушка болот, общественное улучшение лугов, организация семенного клеверного товарищества и др. не требуют затрат, а только, кооперируя труд крестьян, дают значительное повышение доходности хозяйства. Далее, организация контрольного товарищества по животноводству, бычьего и коневодческого товарищества, организация общественной очистки и сортирования семян, приобретение общественного трактора и другие начинания, не требуя непосильных затрат даже со стороны бедняка, создают для членов кооперации все преимущества крупных культурных хозяйств.

Колхозы и совхозы, близко соприкасающиеся с сельско-хозяйственной кооперацией, должны быть превращены в рассадники племенного животноводства, чистосортного семенного материала, в базу случных пунктов, молочных товариществ и проч.».

Об'яснение взято из книги «Агитация и пропаганда в деревне—пособие для деревенских ячеек РКП и РЛКСМ, изб-читален и шефских коллективов». Вместо автора на обложке сверху красуется Агитпроп ЦК РКП (б), издательство «Прибой», 1925 г.

Центр тяжести с.-х. кооперирования положен здесь на обобществление труда, как на «действительно легкий, простой и доступный путь»... Кооперирование труда приписано полностью кооперативам, а на долю колхозов остались... молочные товарищества. В заключение, к величайшему изумлению кооператоров, совхозы тоже помещены в главе о с.-х. кооперации, как близко соприкасающиеся».

II.

Перед нами неотложная задача выпрямления линии. В трактовке такого исключительной важности вопроса не должно быть произвольных допущений, пропусков и неточностей, искажающих политику партии.

Можно полагать, что в ближайшее время и в наши партийные постановления будет внесена конкретизация переходного периода в земледелии. Если говорить о земельных органах, то фактически они уже держат курс на крестьянскую кооперацию. В этом же духе высказалась и последняя сессия ЦИК'а. Таким образом практическая политика уже становится на этот путь, как на наиболее правильный и целесообразный.

Но необходимо, чтобы этот курс стал достоянием и обязанностью всей партии и всех наших организаций, чтобы, на ряду с очередными задачами практической политики, была начерчена и перспектива. Без подведения теоретического фундамента это, конечно, сделать невозможно.

В проекте тезисов Бухарина основная теоретическая наметка дана. Остается конкретизировать, для нас, IV раздел о постановке вопроса после завоевания власти.

Наибольшим препятствием, пожалуй, может быть недостаточное выявление и недостаточная оценка присходящих в деревне процессов. Над заполнением этих брешей и должна работать теоретическая мысль.

В дополнение к своей статье, данной в предыдущем номере «Большевика», мы попытаемся здесь наметить основные вехи течения марксистской мысли в этом вопросе.

У Каутского в «Аграрном вопросе» о крестьянской кооперации написаны следующие строки:

«Сельско-хозяйственные производительные товарищества, благодаря немедленным выгодам, которые они обещают сельским хозяевам, являются могущественным средством, содействующим индустриализации сельского хозяйства; но вместе с тем они являются также могущественным средством, пролагающим капиталу дорогу к власти над ними»... (стр. 234, изд. 1900 г.).

Сравните эту цитату с п. 24 тезисов Бухарина, представленную ИККИ: «ибо кооперативные об'единения крестьянских хозяйств, об'единения, которые, поскольку они оказываются жизнеспособными, в условиях капитализма, неизбежно сами превращаются в капиталистические предприятия»...

25 лет тому назад Каутский правильно и метко определил эволюцию кооперативных организаций при капиталистическом строе. Позднейшая история, когда собственно и началось значительное кооперативное движение, подтвердила первоначальный марксистский прогноз. Но в одном Каутский все же дал маху.

Желая подчеркнуть шаткость мелкого хозяйства, Каутский приписал кооперирование преимущественно крупному крестьянству. Сначала он подробно развивает эту мысль в отношении кредитных товариществ, потом мелиоративных, а затем снабженческих и сбытовых:

«Точно так же как ипотечные, так и мелиоративные товарищества, это учреждения, свойственные вовсе не мелкому хозяйству; то же самое можно сказать о товариществах для закупки и продажи сельско-хозяйственных продуктов» (стр. 103).

Под сомнение бралась Каутским и самая возможность массового кооперирования: «Основать товарищество и руководить им—дело для обыкновенных крестьян далеко не легкое. Может ли крестьянская масса, без особенного риска, широко пользоваться выгодами кредитных товариществ—это еще вопрос». Далее «Торговля, борьба с конкуренцией на рынке, собирание сведений для того, чтобы воспользоваться благоприятными условиями минуты—все это товариществами выполняется не лучше, чем отдельными лицами» (стр. 103).

Таким образом, оказывалось, что кооперация доступнее крупному хозяйству, но крупное не особенно нуждается в ней, следовательно, распространение кооперации может происходить в очень узких пределах.

Заметим, что речь идет о немецком крестьянине, к которому наши типовые представления о бедняке и середняке неприложимы.

Естественно, что на такой почве германской социал-демократии было более чем трудно создать положительную аграрную программу. Огромному большинству крестьянства социал-демократия могла предложить лишь «освобождение из ада, в котором его в настоящее время держит частная собственность» (заключительные слова цитированной книги Каутского).

По поводу «освобождения из ада» Эдуард Давид иронизировал: «Конечно, помещик может более дешево прокормить своих батраков... Кто может отрицать это подавляющее преимущество крупного имения? Конечно, самостоятельный мелкий хозяин лишен этого преимущества. К его же счастью!»

Следует признать, что для крестьянина общий котел у помещика был весьма слабым утешением. Оппортунистической части тогдашней германской социал-демократии было поэтому весьма легко стать в позу крестьянских защитников. В частности, труд Давида «Социализм и сельское хозяйство» стал настольной книгой и российских социал-революционеров.

Попытки Давида и его сторонников, как известно, заключались в том, чтобы доказать, что на деревню вообще нельзя распространить общие законы капиталистического развития. То-есть, в сельском хозяйстве, якобы, не происходит концентрация производства, мелкое хозяйство оказывается более устойчивым, нежели крупное, мелкому хозяйству, частью непосредственно, частью благодаря кооперации, доступно применение технических усовершенствований и, следовательно, мелкий сельский товаропроизводитель непосредственно, как таковой, придет к социализму.

Давид сам о себе заявлял: «мы сходимся в этом взгляде с заведомыми буржуазными экономистами. Хотя мы знаем, что это плохая рекомендация в глазах тех, которые вне рядов социал-демократии видят одних лишь «вульгарных экономистов» и т. д.

Действительно, та же теория развивается еще по сие время буржуазными экономистами. Крестьянину внушается идея, что ему, как поставщику пушечного мяса, как защитнику буржуазной родины от внутренних врагов, нет оснований итти против капитала, что последний не вытесняет его мелкое хозяйство, а, наоборот, сохраняет таким, какое оно есть, и в готовом виде доставит, вместе с правом частной собственности, прямо в царство небесное.

В России наилучшую отповедь аграрные оппортунисты получили от Ленина, в книге «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии». Непосредственно ответ касался Гиммера, сделавшего ряд неправильных выводов из анализа североамериканского сельского хозяйства. Почему-то этот труд Ленина недостаточно распространен. Между тем, он должен быть обязательно прочитан каждым, изучающим теорию, партийцем.

Однако, нет худа без добра.

Ревизионисты заставили с.-д. более серьезно задуматься над отношениями с крестьянством, они предостерегли от слишком упрощенного подхода к хозяйственным процессам деревни (это упрощенство несомненно было), они выявили роль крестьянской кооперации и впервые сделали теоретическую попытку увязать кооперативную проблему с общегосударственной, как ее часть.

Послушаем Давида:

«Товарищества крестьянских производителей еще не представляют собой социалистической формации. Они далеки от этого. Но еще в меньшей степени «сельско-хозяйственные производительные товарищества этого рода являются переходной стадией к капитализму», как то утверждает Каутский. Таким утверждением с самого начала загромождают путь к правильному познанию того, что здесь происходит. Это есть преобразование отсталого, изолированного, мелкого производства в рациональное, организованное, мелкое производство. Мы должны видеть в этом движении могучие зачатки процесса социализации в сельском хозяйстве.

Развитие товарищества крестьянских производителей есть первое условие непосредственного экономического союза между мелким крестьянином и промышленным рабочим. Вторым условием является товарищеская организация последнего, как потребителя. И эта организация находится в процессе могучего, многообещающего развития. Здесь наводится широкий мост, через который в будущем потянутся массы трудящегося народа города и деревни, подавая друг другу руки для прочного освободительного союза».

Как вам нравится эта тирада! Если бы из нее из'ять полемическую часть и отвлечься от того, что она имеет в виду капитализм, а не диктатуру пролетариата, то ее можно было бы поместить в любом нашем журнале, как образец правильного толкования смычки.

А вот проблема рабоче-крестьянской (так и сказано в русском издании 1908 года) потребительской кооперации:

«В местном товарищеском рабоче-крестьянском потребительном союзе мы имеем клеточку той организационной системы, которая равномерно охватывает сельского хозяина, как потребителя и как производителя, и которая, рационально организуя отношения купли-продажи, может развиться в стройную национальную и интернациональную экономическую систему».

Ленин назвал теорию «некапиталистической эволюции земледелия в капиталистическом обществе... иллюзией, мечтой, самообманом всего буржуазного общества» (стр. 7 книги «Новые данные», изд. 1918 г.). Среди ревизионистов были весьма толковые головы и серьезные исследователи. Но их основной грех, как идеологов мелкой буржуазии, заключался в том, что они искали

исцеления от всех социальных болячек в реформах буржуазного общества. Об'ективно они становились предателями, так как отвлекали массы от революционной борьбы. Суб'ективно, за вычетом парламентских пройдох, они были мелкобуржуазными фантазерами. Их труды и носят отпечаток вечной раздвоенности между наблюдением и пожеланием.

Характерно, что через восемь лет после написания цитированной работы о законах развития земледелия Ленин почти в тех же выражениях отозвался о фантазиях старых кооператоров, что и о ревизионистах. Обе эти категории, конечно, сродни друг другу. Да и вряд ли Ленин решал вопросы деревенской кооперации без учета общих тенденций развития сельского хозяйства. Этого никак нельзя допустить.

Скорее следует предположить, что диалектическая перестановка кооперативной проблемы—до и после завоевания власти—совпадала с перестановкой вопроса о характере эволюции крестьянского хозяйства. До завоевания власти—капиталистическая эволюция, после победы пролетариата начинается эпоха некапиталистического развития через кооперацию.

В статье Ленина о кооперации нет прямых указаний на формы эволюции крестьянского хозяйства к социализму, но самая мысль о тождественности развития кооперации с осуществлением социализма так выпукло и настойчиво проведена, что, конечно, именно в кооперации следует видеть искомую возможность превращения мелкого хозяйства в крупное.

Когда наши экономисты говорят о смычке, о товаропроводящем канале, то они, если пользоваться определениями Бухарина по историческому материализму, дают истолкование среды, в лучшем случае пытаются установить взаимоотношения среды с системой. Но самая система-то у них отсутствует. А система—это кооперативная организация крестьянского хозяйства.

Ленин написал свою последнюю статью о кооперации, когда собственно крестьянские организации, с.-х. и кредитные кооперативы, были еще в зародышевом состоянии, а о колхозах вовсе не говорилось, так как в начале нэпа они были несправедливо преданы забвению. Но когда экономисты, пишущие сегодня, односторонне берут вопрос или вовсе его игнорируют, то уместно предложить им более определенно высказаться о путях развития мелкого крестьянского хозяйства.

Как мы уже указывали, в суждениях о смычке у нас обычно отсутствует истолкование системы. То-есть, что получается? Получается, что социализм в деревне может быть построен не крестьянскими руками. Это величайшее доктринерское заблуждение, которое несет в себе опаснейшие последствия.

Наоборот, если мы нашли необходимую форму эволюции крестьянского хозяйства, то, при содействии со стороны «среды», у нас действительно получится об'ективный процесс подготовки материальных предпосылок социализма в деревне.

Если мы подмениваем кооператив обычным типом колхоза, мы опять-таки впадаем в непростительное легкомыслие.

Примитивные формы колхоза, вроде «супряги», представляют для нас большой интерес, пока, при слабом развитии промышленности, это единственная возможность прокормиться для избыточной рабочей силы деревни. Охотно допускаем, что многие такие организации, при нашем содействии, выживут. Но отсюда

делать выводы общего характера, для большинства крестьянских хозяйств или хотя бы для значительной части их, как будто мало серьезно.

Если обратиться к высшим формам колхозов, коммунам и развитым артелям, то в данное время, на ближайший ряд лет, это путь наибольшего сопротивления. Именно в «страничках из дневника», которые упоминаются и Крицманом, Ленин говорит:

«Нет. Начать следует с того, чтобы установить общение между городом и деревней, отнюдь не задаваясь предвзятой целью внедрить в деревню коммунизм. Такая цель не может быть сейчас достигнута. Такая цель несвоевременная. Постановка такой цели принесет вред делу вместо пользы».

Почему именно кооперативы должны быть выдвинуты на первый план при разрешении вопроса о формах эволюции крестьянского хозяйства? Потому, что только они способны охватить, на почве материальной заинтересованности, основную массу устойчивых, т.-е. поддающихся эволюции хозяйств. Практика наша и заграничная вполне подтверждает, что формы крестьянских кооперативов достаточно разнообразны и гибки, чтобы охватить самые различные нужды сельского хозяйства и создать постепенный переход к высшим, более об'емлющим формам, без ослабления основной пружины—хозяйственного интереса.

Что касается колхозов, то низшие формы их об'единяют неустойчивые в хозяйственном отношении слои деревни, а высшие формы не дают достаточной зацепки (выражение Бухарина) за хозяйственный интерес. Может быть, в процессе развития, колхозы выдвинут какой-нибудь интересный комбинированный тип. Те, которые сейчас выделяются в смысле умелого подхода к заинтересованности, немногим отличаются от кооперативного товарищества и вызывают по отношению к себе настороженное отношение со стороны колхозников.

Таким образом, мы вовсе не представляем себе эволюцию крестьянского хозяйства как упрощенный переход сразу, всех и вся в кооперацию. Путь кооперации—это основной путь для большинства и в качестве такового он должен быть воспринят.

Г. Войтинский.

Углубление классовых противоречий в Японии и борьба с абсолютизмом.

Япония в настоящее время является большим исключением среди империалистических стран мира в смысле развития экономического и политического кризисов, которые за последние 1½—2 года неуклонно углубляются.

Если можно говорить об относительной стабилизации капитализма в Англии, Франции, Америке и даже отчасти в Германии, то по отношению к Японии даже самые правые элементы в мировом коммунистическом движении не смогли бы найти малейшего доказательства своей теории стабилизации.

Возьмем два основных внешних признака послевоенных кризисов в капиталистических странах—валюту и экспорт. За последний год японская иена (в довоенное время равнялась 94, 96 копейкам) продолжала падать неуклонно, несмотря на то, что уже в прошлом году она была значительно ниже паритета. В настоящее время 100 иен равняются 38 америк. долларам вместо паритетных 48. Что же касается вывоза, то прошлый год был рекордным в отношении пассивного баланса, который равнялся 650 миллионам иен. Текущий год не предвещает быть лучшим: январь—февраль показывают пассивный баланс в 210 милл. иен.

Об'яснение этих явлений в Японии следует искать как во внутреннем, так и во внешнем положении страны. Из факторов внутреннего положения Японии главную роль в ухудшении экономического состояния страны сыграло землетрясение в сентябре 1923 года со всеми вытекающими из него последствиями для промышленности и торговли страны и неурожай в 1924 году.

Эти последствия выразились в разрушении огромного количества сырья, полуфабрикатов, текстильной и шелковой промышленности, в разрушении большой части электрической промышленности и в больших потерях в военном призводстве и в готовых снаряжениях,—всего, примерно, на сумму в 10 миллиардов иен. Сравнительно ничтожный заем, сделанный японским правительством в Америке и Англии (около 550 милл. иен) был использован правящей кликой отчасти в интересах монополистов, отчасти на военные авантюры в Китае. Сделанный правительством внутренний заем, выпуск банкнот и облигаций, всего вместе на сумму около 2 миллиардов иен, не только не оживили экономического состояния страны, но непосредственно отразились на понижении иены. И лишь вывоз золота за последнее время из Японии на несколько сот миллионов иен замедлил темп падения иены, но не приостановил самого понижения.

Неурожай, или, вернее, два неурожая риса в прошлом году нанесли также большой ущерб экономическому состоянию страны—пришлось ввозить в Японию около четырех миллионов коку, т.-е. 20 миллионов бушелей. И здесь правительство встречается с большими трудностями: скачут цены на японский хлеб (рис) при общем понижении стоимости денег и при общем сокращении покупательной способности разоряющегося крестьянства.

Эти обстоятельства, при существующем в Японии правительстве из представителей бюрократии и слуг монопольного капитала, привели к усугублению экономического хаоса в стране, так как правительство фактически способствовало ажиотажу и спекуляции со стороны крупных капиталистов на самих последствиях землетрясения.

Что же касается факторов внешнего положения страны, непосредственно отразившихся на углублении экономического кризиса в Японии, то главным из них являются следующие: факт вынужденного ухода с территории русского Дальнего Востока в конце 1922 и в начале 1923 года, факт, умаливший значение японских империалистов на Дальнем Востоке вообще; вынужденное свертывание японского влияния в побережной части Китая под давлением Америки и в результате вашингтонской конференции; и, наконец, некоторая политическая победа японского влияния в северном Китае в конце прошлого года, приведшая к обострению ее отношений с Америкой и Англией.

Все перечисленные факторы не только не ослабевают, но имеют тенденцию усиливаться.

Краткое изложение теперешнего положения в Японии это ясно покажет. Но предварительно следует сказать пару слов о внешних силах, заставляющих японскую правящую клику тянуться изо всех сил, чтобы лихорадочно готовиться к зреющим конфликтам между Японией и Америкой на Дальнем Востоке. Непосредственно после прихода к власти консерваторов в Англии, в палате общин снова был принят план постройки Сингапурской базы. Разумеется, что это для теперешней Японии означает непосредственную угрозу и ей приходится поэтому не только спешить с выполнением своего строительства военных судов, но и с созданием воздушной флотилии. При сравнительно слабой промышленности и большом пассивном балансе Япония пытается, однако, к 1928—29 гг. (не взирая на постановления вашингтонской конференции в соотношениях военных флотов Англии, Америки и Японии, выражаемых в 5:5:3) догнать американский флот. Летом текущего года Соединенные Штаты Америки устраивают маневры Тихоокеанского флота с явным намерением демонстрировать свои силы на Дальнем Востоке. Это создает, конечно, в Японии соответствующее настроение, которое отразится на военном бюджете правительства.

Не подлежит сомнению, что увеличение военных расходов, занимающих и так около 40% всего бюджета [1]), будет содействовать углублению экономического кризиса, так как это лишит правительство возможности содействовать средней и мелкой буржуазии в той мере, в какой оно это делало и вынуждено делать за последнее время.

---

[1]) Весь японский бюджет на 1924—25 г.г. равняется 1.581.900 иен, и на военные расходы, помимо официальных, будет тратиться около 600 милл. иен

Перераспределение бюджета даже в Японии, где не требуется утверждения парламента для проведения государственных расходов и доходов все же может в настоящих условиях создать политический кризис для правительства.

Таким образом, развивающийся антагонизм основных империалистических стран на Дальнем Востоке уже при настоящих условиях чрезвычайно чувствительно отражается непосредственно на всем внутреннем положении Японии, углубляя и экономический и политический кризис в стране.

Положение трудящихся масс Японии.

Результатом такого состояния Японии является общее ухудшение положения крестьянских и рабочих масс. Но не только их, а также миллионов средней буржуазии и интеллигенции.

Характернейшим признаком разорения крестьянских масс является небывалая в Японии за последний год тяга крестьян на поиски работы в города. Безработица в городах, однако, не дает возможности молодым крестьянам рассосаться в промышленности и, согласно сведениям японских торговых палат, в настоящее время всего безработных по всей стране насчитывается около 3-х миллионов человек.

Забастовочное движение в Японии за 1924 год также считается рекордным со времени мировой войны. По неточным сведениям японского правительства за 1924 год в Японии произошло 700 с лишним забастовок, в которых принимало участие более 100.000 человек, в то время, как в 1919 г., когда впервые в Японии раскатилась волна забастовок после войны, их было 497, а участников 64.000. В последующие годы 1920-21-22-23 забастовочное движение захватило значительно меньшее количество рабочих.

Безработица среди лиц интеллигентного труда в настоящее время в Японии действительно велика, хотя нет точных данных о количестве безработных. Но, судя по тому, какое значение этому вопросу придает японская пресса и какие серьезные опасения это явление вызывает у японского правительства, можно сказать, что это довольно значительный фактор из политической жизни страны.

Экономический кризис в стране создал политическую обстановку, при которой правящая клика лихорадочно бросается от одного мероприятия к другому, пытаясь спасти положение.

Кабинет японского правительства, во главе с известным лидером буржуазно-аграрной партии «Кенсекай» виконта Като, состоит из коалиции трех партий: Сейюкай, Кенсекай и Какушин-Курабу. Коалиционное правительство, составленное в мае прошлого года, как результат политического кризиса после раскола самой крупной в Японии партии Сейюкай, отражающей интересы финансовой олигархии, придворной бюрократии и крупных аграриев, переживает перманентный кризис. Отколовшаяся часть Сейюхонто, социально крепко связанная с перечисленными группами, представляет теперь оппозицию правительству справа.

И хотя организованной оппозиции слева в парламенте и не существует, но сама по себе коалиция чревата развалами, так как, с одной стороны, политика правительства идет в разрез с интересами средней и мелкой буржуазии, не говоря уже, конечно, об остром антагонизме к нему со стороны арендаторов и рабочих, а с другой—оно вызывает все большее раздражение со стороны крупно-монопольного капитала, аграрной аристократии, чиновной бюрократии и милитаристов.

Таким образом, существующее в настоящее время в Японии правительство постоянно колеблется между этими двумя основными социальными группами, пытаясь делать уступки и тем и другим и все больше и больше вызывая агрессивное отношение к себе и со стороны верхушечной части буржуазии и аграриев и со стороны массы средней и мелкой буржуазии.

Со времени землетрясения в Японии, т.-е. за полтора года, сменились четыре правительства, которые (кабинеты: адмирала Като, Ямамото и Киура) взрывались чрезвычайно назревшими противоречиями и между финансовой олигархией и правящей бюрократией, с одной стороны, и социальными группами остальной буржуазии—с другой.

Приход к власти коалиционного правительства Като рассматривался в Японии и в других капиталистических странах, как некая эра либерализма в стране, как средство сглаживания антагонизмов среди монопольной буржуазии с остальными социальными слоями буржуазных классов и как средство снижения революционных настроений среди крестьянства, рабочих и мелкой буржуазии.

Кабинет правительства—с одной стороны, применял и применяет жестокие репрессии по отношению к рабочему движению, движению фермеров и все более революционизирующейся интеллигенции, а с другой—вынужден расширить избирательное право, создать институт аграрных инспекторов для улаживания постоянных конфликтов между арендаторами и землевладельцами и предложить систему арбитража для рабочих, формально не легализуя, однако, профессиональных союзов.

Однако, как видно по последним событиям в Японии, эти меры дали результаты, противоположные тем, какие ожидало правительство. Недавно закончившийся с'езд арендаторов и крестьян постановил бойкотировать институт аграрных инспекторов, а демонстрации и митинги рабочих, протестовавших против обязательного арбитража и требовавших рабочего законодательства и отмены специального закона «опасных идей», указывают на правильность нашего утверждения. Демонстрации и стычки массовых студенческих митингов с полицией, в результате мероприятий правительства милитаризовать высшие школы, вызвали негодование против правительства почти во всех слоях общества.

Глухую затаенную злобу против правительства среди рабочих масс и революционной интеллигенции вызвала недавняя казнь юноши-революционера Намба, покушавшегося на кронпринца.

Основной фон политической борьбы в Японии в настоящее время, как и непосредственно после мировой войны, создается глубочайшими противоречиями между финансовой олигархией, тесно сросшейся с правящей бюрократией и средней и мелкой буржуазией, экономически раздавливаемой правительственной экономической политикой в интересах этой олигархии.

Неравномерность развития капитализма в Японии, исторически обусловленная высокой хозяйственной зрелостью феодализма в стране к моменту революции 1868 г., революции, после

которой у власти стали милитаристические клики, развивавшие промышленность, главным образом, на основе военного производства (особенно после японо-китайской войны в 1895 г. и русско-японской 1905 г.)—является в настоящее время основной причиной общего нарастания революционных тенденций в стране.

Но особенно сказался характер такого развития капитализма в Японии после землетрясения, когда монополистическому капиталу и правящей бюрократии (не кабинету министров) представился небывалый в истории случай «рационализировать» промышленность страны. Процесс поглощения крупными банками мелких, банкротство многих средних торгово-промышленных фирм и банков и одновременное увеличение и расширение громадных концернов Мицуи и Мицубиши—характернейшая особенность в теперешней экономической жизни Японии.

Разумеется, что при общем сравнительно невысоком капиталистическом развитии производства в Японии, чем сильнее тенденции концернов финансовой олигархии к «рационализации» промышленности, тем большие противоречия вызываются между ним и всей массой средней и мелкой буржуазии.

Антагонизм между финансовой олигархией и мелкой и средней буржуазией получает яркое отражение во всех областях политической жизни страны и чрезвычайно заостряет все вопросы государственной политики как внешней, так и внутренней.

Особенно это сказалось на вопросах сокращения государственных расходов в следующем смысле:

Монопольный капитал в Японии, те же фирмы Мицуи и Мицубиши и проч. стремятся лишить правительство возможности патронизировать средней буржуазии и самостоятельно производить работы, как напр., на правительственных сталелитейных заводах Явато. Такое «сокращение» правительственных расходов должно затронуть жизненные интересы большой массы средних и мелких производителей, и катастрофически отразится на больших массах рабочих.

В глазах народных масс в Японии существующая правящая клика и монархия все больше становятся ответственными за невыносимое политическое положение, за свое политическое бесправие.

Введение общего избирательного права для мужчин несколько недель тому назад было вынужденной уступкой со стороны правительства перед лицом все более возрастающей ненависти народных масс и довольно быстро зреющих сил для борьбы с абсолютизмом и именно для того, чтобы даже этим урезанным (могут выбирать лица не моложе 25 лет, а избираться не моложе 30 л., при чем избиратели должны иметь не менее 2000 иен) выборным правом не смогли воспользоваться рабочие массы и революционные организации—одновременно вводится закон против «опасных идей», карающий 10-летней каторгой за принадлежность к нелегальным организациям.

Однако, нет сомнения, что даже это избирательное право послужит собиранию в стране сил против существующей правящей клики и против самой монархии. Среди тех новых 10—11 миллионов избирателей, которые после вновь принятого законопроекта примут участие в избирательных кампаниях в парламент, будет значительное число арендаторов бедных крестьян и рабочих, это без сомнения будет ускорять, стимулировать процесс создания

рабочей или рабоче-крестьянской партии, который начался еще год тому назад. Но здесь следует указать на один очень существенный вопрос в развитии этого движения. Капиталистических и мелкобуржуазных партий в Японии до сих пор нет.

Радикальная интеллигенция—наиболее активный политический деятель в стране, наиболее отражающая чаяния буржуазии к демократизации страны, т. е. к уничтожению существующего режима милитаристов и монополистического капитала, начинает все больше проникать в профессиональное движение, в союзы арендаторов с целью захватить там идейное влияние. Идея организации рабочей или рабоче-крестьянской партии, впервые выдвинутая год тому назад коммунистами, теперь подхвачена этими элементами и существует опасность слишком большой роли их в организации рабочей партии. Однако, рабочие союзы, как и союзы арендаторов, высказываются за коллективное членство в будущей рабоче-крестьянской партии, что не дает возможности мелкобуржуазной интеллигенции в более или менее значительном количестве влезть в эту партию.

Задачей коммунистов, разумеется, является итти в эту партию с целью решительной борьбы против мелкобуржуазной идеологии «интеллектуалов» типа Кагава и др., стремящихся превратить эту партию в парламентскую партию демократии.

Трудно теперь сказать, какую форму примет в ближайшее время стремление японского организованного пролетариата и арендаторов вести непосредственно борьбу против существующего государственного порядка в Японии, но о собирании и организации революционных сил в стране за последнее время можно судить по следующим фактам.

Рабочие массы за последний год организовались в профсоюзы, превышающие численностью разгромленные после землетрясения. Организован, напр., впервые в этот год союз судостроительных рабочих в 42.000 членов (Кайкун Ренмей), также союз трамвайных рабочих и т. д.

Во всем организованном рабочем движении создалось значительное революционное меньшинство, которое в таких городах, как Токио, Кобе, Киото, в центрах металлической промышленности, представляет подавляющее большинство. Во всех более или менее крупных городах страны замечается тенденция рабочих союзов к централизации и об'единению. Идея образования своей рабочей партии становится все более и более популярной среди рабочих масс.

Одновременно все больше организовываются арендаторы и бедное крестьянство. Всеяпонский Крестьянский Союз уже теперь имеет организационные связи с федерацией труда, не говоря уже об идейной связи. Организация радикальной интеллигенции идет по руслу фабьянских обществ, кружков и лиг, ставящих себе целью демократизацию страны.

И хотя японская правящая клика сделала все возможное, чтобы раздавить, выкорчевать молодое коммунистическое движение в Японии, для этой цели прибегая к способам физического истребления отдельных коммунистов и революционных рабочих, но нет сомнения, что начавшийся под'ем в рабочем движении в стране выдвинет новых революционеров и молодая коммунистическая партия сумеет проникнуть в толщу рабочего класса и поведет его на борьбу с абсолютизмом.

Вл. Черный.

Вопросы партийного руководства.

Руководящая роль нашей партии и ее местных организаций всеми видами государственного и общественного строительства является общепризнанной ролью. Делу руководства, его правильной постановки и постоянного улучшения и совершенствования партия всегда и особенно после завоевания власти уделяла серьезное внимание. Ибо от того, насколько идейно и организационно обеспечено и правильно поставлено партийное руководство, зависит направление, характер и темп работы советских, хозяйственных, профессиональных, кооперативных и иных организаций, об'единяющих и организующих различные слои трудящихся масс, соответствие этой работы с основными задачами партии.

Не останавливаясь на проблеме идейной гегемонии и руководства партии, мы имеем в виду просмотреть основные вопросы организационно-партийного руководства, состояние этой работы в наших организациях и тех задач, которые вытекают из нынешней обстановки.

Почти на всех своих с'ездах, начиная с VIII, партия останавливается на задачах установления правильных взаимоотношений между партийными органами, с одной стороны, и советами, профсоюзами, кооперацией,—с другой. И каждый последующий с'езд, подтверждая основные указания предыдущих, все более корректировал и уточнял задачи, методы и формы партийного руководства. В основном директивы с'ездов сводятся к тому, чтобы, сохраняя в руках партии основные нити руководства, обеспечивающие полный охват и влияние партии на все организации и всякую работу, предоставить этим организациям необходимую для дела самостоятельность, инициативу и возложить на них полную ответственность за их работу.

Наши теперешние условия значительно отличаются от прежних. Отличительный оттенок на всю работу накладывает нынешняя политика партии в деревне. В результате ее громадные изменения вносятся в советское строительство, в кооперативную работу. Партия поставила своей задачей ближе подойти к многомиллионному крестьянству, теснее связаться с ним через все имеющиеся в руках партии «приводные ремни», поднять новые пласты беспартийных трудовых масс на общественную работу, вовлечь их в советы, кооперацию и другие организации, выполняющие социалистические задачи.

Разве в этих условиях, перед лицом новых задач и вытекающих из них новых методов, форм, приемов работы можно не поставить, обойти вопросы партийного руководства?

Уже теперь работают, а в дальнейшем все более в различных наших организациях, в руководящих органах волостей, уездов, округов, губерний и т. д. будут работать беспартийные

крестьяне и рабочие. Можно ли перед их лицом осуществлять партийное руководство в прежних (в значительной мере механических) формах? Ясное дело, что нет. У партии нет и тени мысли отказаться от руководства, упустить его из рук в новых условиях. Напротив, оно должно стать—крепче, но гораздо совершеннее, гибче, тактичнее, оно должно стать именно руководством, политическим, партийным руководством, оно должно быть поднято на новую, высшую ступень.

Вот почему вопросы партийного руководства вновь злободневны, актуальны. Вот почему своевременно поставить их теперь.

И именно поэтому они входят одним из составных, существенных элементов в партийно-организационные вопросы, которые будут обсуждаться на предстоящей XIV Всесоюзной партийной конференции.

Формы руководства.

Изучая состояние партийного руководства в наших партийных организациях к настоящему времени, можно указать следующие обычно практикуемые формы его:

1) Формирование советских, хоз., проф., кооп. и иных органов и намечение их руководителей.

2) Заслушивание докладов руководителей и фракций этих органов в бюро, секретариатах и пленумах парткомов.

3) Дача им директив и руководящих указаний по общим их докладам и по отдельным возникающим в процессе текущей работы вопросам, а также в отдельных случаях оценки деятельности их.

4) Создание специальных комиссий для обследования состояния и деятельности того или иного органа или организаций перед докладом их в парткоме или независимо от доклада.

5) Вхождение в пленумы парткомов руководящих работников важнейших отраслей работы (предисполкомы, пред. межсоюзных об'единений, завземотделом, пред. союзов кооперации, и в бюро парткомов,—руководителей советской, професс. работы (ГИК, УИК, ГСПС).

6) Вхождение в большинстве мест секретарей парткомов (ГК, УК) в президиумы исполкомов.

7) Об'единение в кооперативных совещаниях при парткомах различных видов кооперации и направление через коопер. совещания их деятельности (во главе кооперат. совещаний стоит обычно секретарь или заворготделом парткома).

8) Представление в ГК,—если говорить о технике связи—всех протоколов ГИК'ов и их фракций и передача в ГИК постановлений губкомов, касающихся советской работы.

Важнейшие достижения в деле руководства.

В настоящее время можно отметить некоторые успехи, достижения в большинстве организаций, идущие по линии выполнения с'ездовских партийных директив и заключающиеся:

1. В значительной разгрузке партийных органов от решения непартийных вопросов. В ряде организаций, особенно губернских, партийные вопросы в повестках дня бюро и секретариатов ГК

преобладают. Количество советских вопросов понизилось и разбивается приблизительно поровну на собственно-советские и хозяйственные. Процент кооперативных и профессиональных вопросов повысился в сравнении с прошлым, при чем преобладают кооперативные вопросы.

2. В обсуждении и разрешении в партийных органах, как правило, важнейших и принципиальных вопросов сов., проф., хоз. и кооп. работы. Особенно полно это проявляется в отношении пленумов губкомов, обкомов, укомов, где обсуждаются такие вопросы, как бюджет на 1924—25 г., торговая политика, регулирование зарплаты, районирование кооперативных организаций, разграничение функций между отдельными видами кооперации, перевыборы советов и проч.

Плановое партийное руководство на местах (в губерниях) основными отраслями строительства осуществляется, главным образом, путем дачи указаний фракциям и отдельным партийным руководителям того или иного органа по отдельным, возникающим в процессе работы вопросам, заслушивания время от времени их докладов о состоянии всей работы и дачи после этого оценки прежней работы и указаний о порядке ее постановки в дальнейшем.

Слабые стороны.

Но на ряду с этими достижениями, в практике парторганизаций наблюдается целый ряд существеннейших недостатков, главная часть которых относится к области форм, методов и техники партийного руководства. Так, заслушивание докладов фракций и отдельных руководителей нередко носит несколько случайный характер. Бывает, что некоторые основные фракции и работники, возглавляющие важнейшие отрасли работы, не отчитываются полностью за свою работу от одной конференции до другой. Особенно характерно это для ГИК'ов, фракции которых либо отчитываются крайне редко и нерегулярно, либо не отчитываются вовсе.

С другой стороны, размежевание советской работы от партийной в полной мере не проведено, и загрузка парткомов мелочными текущими практическими, советскими вопросами продолжает иметь место (например, один ГК выносит решение: «предложить такому-то сдать магазин лицу, назначенному таким-то органом; один окружком решает вопрос о передаче больницы хозучреждению; один крайком решает вопрос об увеличении спецфонда промбюро на 658 руб., другой губком дает поручение ГОМХ, учитывая мощность электростанции, устроить в городе фонари на улицах по типу московских и проч.»), а также имеются факты прямо неправильного вмешательства парткомов в советскую работу и опеки их над соворганами (например, губком дает губсуду «директиву», какой приговор следует вынести подсудимым, кому и какие сроки заключения нужно дать, на кого и какие взыскания возложить).

Иногда вынесение решений практического характера партийной инстанцией по вопросам текущей работы советских органов бывает необходимым в связи с какими-либо особенными обстоятельствами. Но практика местных организаций показывает, что большей частью такие обстоятельства, делающие необходимой постановку вопроса в парткоме, отсутствуют, и загрузка партийных органов частностями практической советской работы происходит от недостаточного внимания местных парторганов к задаче разграничения функций и разделения труда между партийным и советским аппаратами. Стремясь обеспечить более полное руководство со стороны партии, некоторые организации идут по линии расширения количества хозяйственных вопросов, переносимых на разрешение парторганов не только в порядке дачи основных директив и направления работы, но и в более узко-практически-деловой постановке их.

Ответственность за работу.

При этом продолжают иметь место также, как было установлено XI с'ездом партии, факты отсутствия должной ответственности отдельных руководителей советской, хоз. и т. д. работы, а иногда и целых органов, насыщенных партийным составом, за порученную им партией работу. Так, даже в некоторых губернских центрах со стороны руководящих работников продолжает проявляться тенденция к перенесению в партийные комитеты более сложных вопросов практической работы, хотя по ним вовсе не требуется вынесения партийных решений. Это бывает не только в результате захвата парткомом советской работы, но и вследствие стремления некоторых работников снять с себя ответственность за принятые решения по тем или иным сложным вопросам, спрятаться за партийный орган и прикрыться его решением.

Практика в спорных вопросах.

Кроме того, наблюдаются факты, что на партийное обсуждение ставятся только те важнейшие вопросы советского и хозяйственного строительства, по которым есть несогласие и споры между отдельными советскими и хозяйственными органами и работниками. Те же вопросы, по которым нет разногласий, но которые иногда являются важнейшими в жизни губернии, уезда, нередко разрешаются без партийных директив и должного влияния парткома на данную область работы.

Затем почти везде очень часто практикуется, что деловые хозяйственные, административные и иные вопросы, по которым могут возникнуть разногласия с тем или иным центральным ведомством, или по которым такие споры с центральными ведомствами уже существуют, для большего авторитета и солидности ставятся на разрешение в парткомах, которые, разрешив их в духе местных советских решений, в свою очередь ставят перед центральным комитетом партии сравнительно небольшие, не имеющие политического значения, чисто хозяйственные и узко-практические вопросы. Чтобы провести в жизнь то или иное мероприятие, вопреки мнению или указанию того или иного наркомата, решения по этим вопросам принимаются только в парт. инстанциях. Тем самым вопрос из практического, хозяйственного превращается как бы в партийный и приобретает политический оттенок. Возникающий на этой почве между центральными ведомствами и местными органами спор поступает не на разрешение в высшие хозяйственные, советские инстанции (Совнаркомы, ВЦИК, ЦИК СССР, СТО, ЭКОСО, РСФСР), как это должно

было бы быть, а попадает в аппарат ЦК, после чего передается для разрешения в советском или ином порядке.

Необходимо в ближайшее время изменить эту установившуюся практику таким образом, чтобы решения по спорным с центральными ведомствами местным, хозяйственным, советским и иным практическим вопросам, не имеющим особо принудительного или ярко выраженного политического характера, принимались на местах на заседаниях исполкомов, а не парткомов, с тем, чтобы потом эти спорные вопросы находили свое нормальное разрешение в высших советских инстанциях. Необходимо также, чтобы местные парткомы, даже принимая решения по тем или иным подобным спорным вопросам, не апеллировали бы, как правило, в ЦК партии, а ставили их перед фракциями, превращая их таким образом в действ. работающие фракции и перед их партийными руководителями. Отступления от этого порядка и постановка местных сов., хоз. и иных подобных вопросов перед ЦК тогда можно было бы делать только для особо важных и действительно принципиальных вопросов.

Эти меры необходимы в целях как разгрузки ЦК и парткомов от практических сов. и хоз. вопросов, так и поднятия роли, значения, самостоятельности и ответственности центральных советских органов и правильной установки работы и взаимоотношений во всем соваппарате в целом сверху до низу.

Аналогичную в основном линию необходимо проводить и в отношении профессионального и кооперативного строительства.

Важнейший недостаток.

Эта перегруженность некоторых партийных комитетов практическими советскими и хозяйственными вопросами неизбежно порождает в ряде мест недостаточный охват со стороны парткома работы всех советско-хозяйственных и общественных организаций во всем ее об'еме, благодаря чему некоторые важнейшие отрасли советской, хозяйственной и друг. работы остаются вне должного систематического воздействия и руководства парторганизации, а иногда совершенно выпадают из внимания парторганов.

Меры к улучшению.

Исходя из всего этого, вытекает задача вновь напомнить парторганизациям о более полном проведении в жизнь постановлений VIII, IX и др. с'ездов партии, гласящих, что «партия старается руководить деятельностью советов, но не заменять их», что «парторганизации разрешают вопросы в тех случаях и в той части, когда вопрос действительно требует принципиального решения партии». Необходимо поставить перед всеми парторганизациями и всей партией в целом, в качестве актуальной, задачу по усилению планомерного партийного руководства основными отраслями хозяйственной, советской и всякой иной работы, изживанию элементов опеки и вмешательства в работу соворганов, разгрузке себя от деталей и мелочей и от решения чисто практических и технических вопросов, не имеющих политического значения. Необходимо в полной мере наладить систематическое партийное влияние на постановку и направление всей советской, хоз., проф. и кооп. работы и партийно-политическое руководство основными звеньями местной работы, с возложением полной ответственности на выдвинутых партией руководителей советской, хоз. и др. работы и на фракции соответствующих органов за порученную им партией работу.

Работа по выполнению этой задачи должна быть продолжена и на ней необходимо на ближайший период сосредоточить внимание всех парторганизаций.

В партийных инстанциях должны разрешаться только важные и крупные вопросы хозяйственной, профессиональной и административной работы, имеющие принципиальное и политическое значение, должна даваться через определенные периоды оценка работы фракций и отдельных работников, а также основные директивы для их дальнейшей работы, с тем, чтобы в пределах их общих директив фракции и отдельные партийные руководители тех или иных органов сами ориентировались, пользовались бы всей необходимой самостоятельностью в работе, могли бы проявлять полную инициативу и нести за работу всю ответственность.

Плановость и правильность партийного руководства должны быть регламентированы следующим образом. Доклады руководителей и отчеты фракций советских и иных государственных и общественных организаций необходимо сделать регулярными, установив сроки и последовательность их заслушивания в парткоме в соответствии с повышением значения работы того или иного органа в то или иное время года (земельные вопросы актуальны осенью и перед началом весны, работа финотдела в особенности важна до и в период сбора сельхозналога, вопросы ОНО важны перед началом школьных занятий и в конце учебного года и т. д.), надо установить, примерно, что фракции губернских и окружных руководящих органов отчитываются перед парткомами не реже двух-трех раз в год.

К постановке таких докладов, к постановке работы бюро и пленумов парткомов должна быть полностью приспособлена работа партийного аппарата над предварительной проработкой и подготовкой вопросов, стоящих на обсуждении. В частности, предварительная проработка важнейших плановых вопросов, подлежащих обсуждению в комитетах, может осуществляться в случае особой надобности через специально-создаваемые для этой цели партийные комиссии. Постановку отчетов фракций или руководящих коммунистов советских или хозяйственных учреждений целесообразно соединять с докладами соответствующих профессиональных и местных партийных организаций (напр., одновременно с отчетом директора завода ставить доклад завкома и парт'ячейки, на ряду с отчетом управления треста, ставить доклады соответствующих профорганов и партийных органов, и т. д.).

Кроме этого, целесообразно отчеты хозорганов сопровождать содокладами ГКК-РКИ, обследовавших данные хозорганы, для чего необходимо увязывать и согласовывать планы обследовательской работы ГКК-РКИ с планами работы парткомов. При заслушивании отчетов необходимо проверять степень выполнения данных во время предыдущего отчета или в промежутке между отчетами директив и заданий, добиваясь всячески осуществления постоянного контроля над выполнением принятых партийным комитетом постановлений в отношении того или иного органа. Во-

обще задача проверки выполнения партийных постановлений как самим партаппаратом, так и соответствующими фракциями должна быть выдвинута на одно из первых мест.

Решения и директивы по докладам и отчетам фракций и партийных руководителей должны, как сказано, тщательно подготовляться заранее партийным комитетом и его аппаратом с тем, чтобы эти решения давали полную оценку работы соответствующих учреждений и охватывали действительно важнейшие стороны и принципиальные вопросы отчетов фракции. При заслушивании докладов основных фракций (ГИК'а, ГСПС и т. д.), парткомы должны не распылять своего внимания на всей их работе, а сосредотачиваться на основных узловых моментах работы, давая по ним свои директивы и указания. Практикуемое во многих местах создание парткомами специальных комиссий для предварительного о б с л е д о в а н и я состояния и работы отдельных советских и иных организаций, в связи с постановкой отчета фракций последних в парткомитетах, не может быть рекомендовано, как правило, и должно применяться лишь в особых случаях, по отношению к важнейшим отраслям работы, когда того требуют какие-либо особые обстоятельства, затрудняющие комитету возможность нормальным путем ознакомиться с положением дел в данном органе. Также нельзя признать положительным и выделение партийными комитетами специальных инструкторов по отдельным видам советской, профессиональной и иной работы. Наличие инструкторского аппарата в советских, профессиональных и др. органах, преобладание коммунистов в составе этого инструкторского аппарата, как и во всей руководящей части этих органов, должны давать парткому возможность нормального руководства и достаточного ознакомления с состоянием соответствующей непартийной организации через посредство постоянно работающих в ней товарищей.

О коммунистических фракциях.

Не имея достаточных данных для исчерпывающего суждения о состоянии, характере и содержании работы фракций в непартийных органах, в особенности в соворганах, тем не менее уже теперь можно констатировать неблагополучное состояние их. Тот факт, что руководящая часть сов., проф., хоз., кооп. органов в большой мере насыщена партийным составом или полностью состоит из коммунистов, что недостаточно четко разграничение советской работы от партийной и недостаточна самостоятельность советских органов—является основной причиной формального отношения как парторганов, так и коммунистической части непартийных органов к вопросу о комфракциях. Если комфракции кое-как оформлены и работают в кооперативных и профессиональных организациях (далеко не везде и далеко не удовлетворительно), то они либо совершенно отсутствуют, либо номинально числятся в советских и хозяйственных органах (ГИК, УИК, правления хозорганов). Парткомы дают те или иные задания фракциям исполкомов, но на деле часто они проходят непосредственно через исполкомы.

Некоторые партийные организации и отдельные партийные руководители уже начинают учитывать это. Например, секретарь Черниговского ГК пишет: «Необходимо отметить недостаточное понимание и внимание к форме и существу фракций Окр. ИК'ов. Чувствуется непонимание самих задач фракции. Товарищи задают недоуменный вопрос, зачем создавать фракции. Во-первых, в исполкомах почти все коммунисты, а, во-вторых, это одни и те же, в большинстве, лица, которые являются членами того или иного комитета. Мне кажется, что это явление не только в Черниговской губ., но что оно носит в той или иной степени общий характер. Следовало бы в центральном органе на сей предмет дать определенные указания, раз'ясняющие суть и значение фракций».

Совершенно верно. И из ряда других мест (Свердловский округ, Вологда), слышатся аналогичные голоса. Это подтверждает своевременность и актуальность постановки и разрешения этого вопроса.

Неоформленность фракций в советских органах, их номинальное существование и неработоспособность, непонимание их роли и значения, привычка считать их излишней формальной инстанцией, становятся совершенно недопустимыми и весьма опасными явлениями в настоящий период, когда к участию в высшие (от волости до республики) советские и иные органы вовлекаются беспартийные крестьяне и рабочие, которые, при нынешнем состоянии фракций, их неработоспособности и недостаточно правильном построении работы, будут поставлены перед фактами м е х а н и ч е с к о г о проведения партийных директив в советском и ином порядке. А это приведет к естественным осложнениям.

При постановке теперь задачи обязательного создания работающих фракций необходимо предвидеть возможность неправильного уклона в их работе в том отношении, что проведенные через фракции и проработанные в них партийные директивы могут м е х а н и ч е с к и ш т а м п о в а т ь с я на заседаниях исполкомов, президиумов, правлений и проч., без обсуждения вопросов п о с у щ е с т в у п р и у ч а с т и и б е с п а р т и й н ы х. Этим подавлялась бы активность и инициатива беспартийной части руководящих сов., хоз., проф. и кооп. органов в крае, губернии, уезде, волости. Возможность этого неправильного уклона и извращения идеи привлечения беспартийных рабочих и крестьян к ответственной работе необходимо учесть теперь же и принять против этого необходимые меры, ибо кое-где уже дающие себя чувствовать факты подобного рода превращают беспартийных крестьян и рабочих, привлеченных в соответствующие органы, в декоративные фигуры, лишенные всякой роли и значения.

Задача теперь состоит не только в том, чтобы привлечь в наши органы беспартийных крестьян и рабочих, но и н а д е л е п р и о б щ и т ь и х к р а б о т е, заинтересовать их, вызвать активность и инициативу. А осуществление этого зависит от наших фракций, определяется их поведением, постановкой их работы.

Добиваясь регулярной работы фракций и увязки их работы с парткомами, необходимо, чтобы парткомы, в качестве одной из важнейших мер для оживления работы фракций, обратили особое внимание н а с о д е р ж а н и е и х р а б о т ы, стремясь к тому, чтобы фракции, не предрешая в с е х вопросов, стоящих на заседаниях сов., проф., кооп. органов обсуждали важнейшие политические и принципиальные вопросы и партийные директивы, намечали пути, способы и формы их проведения в советском, проф. и кооп. порядке. Отмечая факты иногда полного непонимания задач фракции в некоторых местах (когда, например, как это

имело место в Твери, фракции профорганов обсуждают вопросы приема в члены партии), необходимо принять меры к раз'яснению задач, инструктированию фракций парткомами и устранению всяких иных недостатков в их работе.

Руководство в низовых органах.

Качество партийного руководства, чем ниже органы (уезд, волость, село), тем менее удовлетворительно. Сейчас оно неудовлетворительно или почти отсутствует в большинстве сельских и волостных органов и остается весьма неудовлетворительным в значительной части уездов. Постановка правильного и планомерного руководства в низовых, особенно соприкасающихся с крестьянством и обслуживающих его, органах—огромная, сложная и трудная при слабости наших партийных, особенно сельских, организаций, задача, но к ней должно быть привлечено внимание партийных организаций. Ибо именно здесь наибольшая политическая ответственность и трудность постановки правильного руководства партии и здесь наибольшая неудовлетворительность положения.

Не ставя себе сейчас задачей полное налаживание правильного партийного руководства советской и др. работой через фракции в селах и деревнях (ибо такая задача была бы нереальной, ввиду того, что в партии имеется только 13.500 ячеек в селах, из которых 8.500 находятся в волостных центрах, при наличии 75.000 сельсоветов), необходимо тем не менее принять решительные меры к улучшению партийного влияния на деревенскую советскую, кооперативную и др. работу. До сих пор сплошь и рядом сельские ячейки, не осуществляя правильного руководства советскими органами, вмешиваются в их работу по самым ничтожным поводам, заменяют их собою и теми или иными путями об'ективно способствуют дискредитированию или умалению авторитета советов в глазах крестьянства. Не руководя советской работой по существу, ограничиваясь формальной стороной (заслушивание докладов и принятие к сведению), очень часто ячейки и волкомы допускают громадные нарушения и упущения в области формы и техники руководства. А эта «техника» имеет в деревне иногда решающее значение.

Поэтому в селах и деревнях партийное руководство необходимо улучшить немедленно. Оно также, как и в высших партинстанциях, должно выражаться в периодическом заслушивании отчетов, выдвинутых парторганизацией руководителей или членов советов и даче им важнейших директив. Но эту форму необходимо ячейкам переварить, понять, уяснить ее назначение. До сих пор часто бывает, что руководство осуществляется не ячейкой в собственном смысле, а ее секретарем единолично, при пассивности и безмолвии ее рядовых членов.

Принятием решительных мер необходимо изжить вмешательство парт'ячеек и отдельных сельских коммунистов в работу деревенских советских административных органов, как милиция, земорганы, кооперация и проч. Что касается волостей, то здесь необходимо поставить категорическую задачу создания фракций в каждом волисполкоме, где есть три коммуниста, и установления правильных отношений коммунистов, работающих в волисполкоме, если их число недостаточно для создания фракций, с ячейкой и надлежащего руководства со стороны последней, путем опять-таки делового заслушивания отчетов о работе фракции или отдельных руководителей при ее отсутствии и обсуждения важнейших вопросов жизни волости.

Во многих местах отмечаются случаи нажима ячеек или их руководителей на советские, кооперативные органы, в целях замены их беспартийных работников, часто весьма дельных, преданных делу и авторитетных в глазах крестьян, безработными коммунистами. Эти, и подобные меры, при недостаточно умелом и тактичном подходе, приводят к противопоставлению ячейке иных деревенских организаций, как это имело место в одном сельском кооперативе в Харьковской губ., в котором не было партийного влияния и правление которого обсуждало вопрос «о взаимоотношениях с ячейкой и о вредности вмешательства ячейки». Все это необходимо учесть и сделать как политические, так и организационные выводы.

Необходимо далее, чтобы партийная линия в советских и других волостных органах осуществлялась фракцией или при ее отсутствии отдельными коммунистами не путем командования ВИК'ом или советом, а деловитым, весьма тактичным и дисциплинированным руководством ВИК'ами и советом изнутри их, с тем, чтобы партийные работники советских и иных органов опирались на активные передовые элементы крестьянства, вовлеченные в совет и ВИК.

Еще менее удовлетворительно, чем руководство низовыми советскими органами, обстоит дело с руководством низовыми профессиональными и кооперативными органами. Волостные, сельские и фабрично-заводские ячейки сплошь и рядом не только не принимают мер к установлению правильного планового систематического руководства, но продолжают до сих пор вмешиваться в их работу по самым мелочным поводам, командовать ими, несмотря на то, что иногда они имеют возможность свои решения провести в соответствующем органе, особенно в фабзавкомах нормальным путем, т.-е. через фракции и опираясь на фракции. До сих пор имеют место факты изменения состава в выборных партийных или в непартийных органах, путем отзыва одних и замены их другими, даже без постановки этих вопросов на разрешение в фабзавкоме или правлении кооператива. Необходимо, чтобы в этой области было установлено особо чуткое и бережное отношение к непартийным органам и правильные формы организационного влияния парторганизации на непартийный орган, в особенности путем улучшения техники партийного руководства.

О «сращивании».

Сохраняя увязку сов., хоз., проф., кооп. органов между собой и с профорганами, в частности, путем участия в заседаниях, введения путем выборов руководителей одних органов в другие, необходимо формальное представительство свести к минимуму, ставя его на деловую почву и учитывая персональную полезность и подготовленность выдвигаемых для связи и представительства действительно руководящих работников. В деле комплектования президиумов ГИК'ов и УИК'ов нужно исходить из необходимости создать действительно авторитетные и работоспособные органы, все члены которых активно участвовали бы в работе, с таким расчетом, чтобы был обеспечен персональный подбор в президиумы работников, не столько по принципу пред-

ставительства, сколько по признаку персональной надобности и полезности данных работников в этих органах.

Что касается вхождения секретарей парткомов в президиумы исполкомов, то этот весьма важный вид связи и руководства со стороны партии советской работой все-таки не следует рассматривать как основной, целиком гарантирующий действительно партийное руководство. Полезность и необходимость вхождения секретарей парткомов в президиумы исполкомов, не устраняет возможность проявления отрицательных моментов, которые могут выражаться в том, что:

а) Участие секретаря паркома в разрешении сов. вопросов в исполкоме иногда невольно связывает его и как партийного руководителя в этих вопросах при рассмотрении их в парторгане.

б) Вхождение секретаря парткома в исполком может ослаблять плановый контроль над фракцией исполкома и над всей советской работой.

в) Вхождение секретаря парткома в исполком, как форма связи и руководства парткома, фактически иногда вырождается в замену настоящего руководства парткома фракцией исполкома.

Эти возможные и кое-где наблюдающиеся недостатки нужно учитывать и преодолевать. Но, разумеется, их не следует рассматривать, как предпосылку для отрицательного решения этого вопроса. Персональное «сращивание» партийных и советских руководителей в советских органах (президиумах исполкомов) имеет целый ряд положительных последствий и должно повсеместно практиковаться, особенно в нынешних политических условиях.

Увязка с ГКК—РКИ.

Нередко бывает, что при заслушании доклада о работе того или иного органа в парткоме и даче ему директив материалы КК—РКИ совершенно не используются, или используются в недостаточной степени. Обследовательская работа КК—РКИ не бывает в должной степени увязана с планом работы (по заслушиванию докладов об основных отраслях сов., хоз. работы) парткома. Сплошь и рядом решения, принимаемые о работе того или иного органа в парткоме и в КК, не бывают между собою согласованы. Необходимо, несомненно, внести тут большую увязку. Необходимо, чтобы парткомы в дальнейшем более полно привлекали бы к своей работе по руководству сов., хоз. работой КК РКИ и использовывали бы их опыт. Дача оценок состояния работы в том или ином органе и директив о дальнейшей работе должна производиться по возможности с учетом данных предварительных обследований, проводимых КК—РКИ.

Руководство распределением работников.

Вопросы назначения и распределения партработников занимают слишком большое место в работе парторганизаций. Слишком велико число должностей, назначение на которые того или иного лица требует прохождения через ЦК. На ряду с сокращением этой номенклатуры, необходимо, предоставив местным парторганизациям и основным центральным фракциям и руководителям центральных ведомств больше самостоятельности в подборе и выдвижении работников, оставив за ЦК распределение и назначение только действительно важнейших категорий и групп работников

и общее руководство распред. работой местных парторганов и центральных учреждений.

В губкомах также необходимо взять курс на назначение только квалифицированных работников, стремясь внести в распредработу больше элементов согласования с соответствующими органами. В нацорганизациях, где вокруг вопросов назначения работников ведется обычно наибольшая борьба и происходят трения, круг должностей и работников, назначение которых требует санкции парткомов должен быть несколько шире обычного. Там, более чем где-либо, необходимо разрешение вопросов назначения в партийном порядке при большей согласованности отдельных назначений. Необходимо, кроме того, решительно воспретить в нац. организациях, где это наиболее распространено, бесконтрольное смещение отдельными выезжающими на места губ. и уезд. работниками выборных низовых (волостных, кишлачных и аульных) работников (пред. виков, пред. сельсоветов, секретарей волкомов и ячеек), причиной для которого в большинстве случаев являются не столько деловые, сколько родовые и групповые интересы и соображения.

Связь по фракционной линии.

В отдельных местах, особенно в национальных организациях, наблюдаются случаи полного нарушения организационных взаимоотношений и форм связи между фракциями соворганов различных ступеней, которые приводят к тому, что фракция волисполкома отчитывается перед фракцией УИК'а и инструктируется последней, в то время, как волком совершенно изолируется от влияния на волисполком. Необходимо принять меры к выяснению перед всеми, особенно отсталыми нацорганизациями, организационных принципов, форм построения и работы фракции, а также форм связи между парткомами и непартийными органами.

Помимо того, даже в центре, не говоря уж о местах, сплошь и рядом отмечаются случаи связи по фракционной линии между профсоюзами и межсоюзными органами, и даже руководства фракций межсоюзных об'единений фракциями союзов.

Подобные явления наблюдаются и в кооперации.

В большинстве случаев эти факты являются результатом незнания организационных форм взаимоотношений внутри партии между различными органами партии. Систематическим руководством и инструктированием фракций со стороны парткомов подобные явления будут вытеснены из нашей практики.

Профсоюзы, кооперация и особенно советы,—это мощные орудия делового, практического руководства массами. Проводя работу по оживлению деятельности советов, улучшению работы кооперации и т. д., партии необходимо поставить на высоту руководство всеми своими «приводными ремнями».

В результате внимательного учета, указанных нами недостатков в характере и способах партийного руководства и осуществления перечисленных мероприятий, партийное руководство станет более всеоб'емлющим, гибким, эластичным, не сверху, а изнутри самих руководимых партией организаций в центре и на местах.

ЛЕНИН и ЛЕНИНИЗМ.

В. И. Ленин.

План и конспекты брошюры „О продовольственном налоге. Значение новой политики и ее условия“ [1]).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Печатаемые ниже четыре рукописи составляют план и конспекты отдельных частей брошюры Владимира Ильича «О продовольственном налоге». Рукописи обозначены нумерами I, II, III и IV.

I рукопись является самым первоначальным, черновым наброском плана брошюры «О продовольственном налоге». Этот набросок сделан Владимиром Ильичем в конце марта (25—26) и положен им в основу второго, более детально разработанного плана, составленного, повидимому, вскоре же после первого (рукопись II).

Как видно из этого второго плана, Владимир Ильич не сразу подыскал вполне соответствующее заглавие для своей брошюры, которую он впоследствии назвал «О продовольственном налоге. Значение новой политики и ее условия». Рядом с одним из четырех вариантов заглавия (в левом верхнем углу) стоит сделанная Владимиром Ильичем пометка «тяжело», выражающая его неудовлетворение построением фразы. Все четыре варианта заглавия затем, при окончательном написании брошюры, были Владимиром Ильичем отброшены.

Брошюра «О продовольственном налоге» написана Владимиром Ильичем в середине апреля (закончена 21 апреля). План ее несколько отличается от первоначального. Так, в самой брошюре особо выдвинут и подробно разработан вопрос о государственном капитализме, тогда как в плане имеется только упоминание о нем и совсем отсутствует ссылка на брошюру 5 мая 1918 года. Конспект той части брошюры, которая относится к вопросу о государственном капитализме, был набросан Владимиром Ильичем отдельно (см. рукопись III), равно как и заключительной части «Политические итоги и выводы» (см. рукопись IV).

С другой стороны, некоторые части первого, основного плана в брошюру не вошли совсем (см., например, стр. 4—о международном положении и др.).

Архивная справка. Рукопись I написана черными чернилами, на маленьком плотном листочке из записной книжки, на оборотной стороне которого имеется секретарская запись приема Владимира Ильича на 24/III 21 г. Первое слово: «Etwa» и первые фразы от цифровых обозначений пунктов, выражающие основную мысль пункта, написаны красными чернилами, за исключением пунктов 7, 9 и 10. Последние пункты переставлены и на полях чернильным карандашем вписана пометка: 7+8 9+10. Каждый пункт заключен в квадратные скобки.

Рукопись II (основного плана) написана черными чернилами на листе (=2 арх. листам) плотной писчей бумаги с водяными знаками. Лишь одно место вписано черным карандашем. Листы перегнуты пополам и текст рукописи написан в столбик. Расположение материала сохранено в копии. Помарок нет.

Рукопись III написана черными чернилами на узком обрывке косо разлинованной бумаги из ученической тетради, на обеих сторонах. Несколько слов вписано химическим карандашем.

IV рукопись—на маленьком тонком листке из блок-нота с водяными знаками, на обеих сторонах.

Все рукописи написаны рукою Владимира Ильича, мелким почерком. Зачеркнутые места печатаются петитом

[1]) **От редакции.** Печатаемая рукопись В. И. Ленина предоставлена редакции Институтом В. И. Ленина и взята из IV «Ленинского Сборника». Рукопись подготовлена к печати тов. Гляссер. Особенно интересны неразвитые в брошюре о продналоге пункты, напр., о борьбе с Деникиным и о социальном значении этой борьбы по сравнению с экономической смычкой; о диктатуре (двусмысленность понятия «соглашения», диктатура, как руководство; о «смягчении» диктатуры и т. д.); о непризнании «буржуазной партийности»; о внутренней механике партийного кризиса и общего кризиса; об истрепанности старой гвардии и т. д. и т. п. Редакция намерена вернуться к этим темам в специальной статье.

I.

Etwa [1])

1. Общее значение налога.
Назад? Вперед? (к товаро-обмену).
„Брест“ ли?
Переход от разверстки (взимания излишков к товаро-обмену.
„Военный“ коммунизм versus [2]) правильные хозяйственные отношения.
2. Налог и свободная торговля.
Налог и свободная торговля.

Свобода торговли versus экономическая база („местный оборот“) мелкого хозяйства.
" versus государственная власть пролетариата.
" versus концессии.

[1]) Etwa—примерно, около.
[2]) Versus—против, по отношению.

Мера и условия свободной торговли.
3. Середняк. (Нивеллировка).
Ставка на кулака?
или **середняк**.
Нивеллировка.
Старательный крестьянин.
Увеличение продуктов.
4. Пути перехода к социалистическому земледелию.
мелкий крестьянин
колхозы
электрификация.
5. Кооперация.
6. Борьба с бюрократизмом
(ее экономические основы).
7. **Международное положение и внутренние отношения**.
8. Партийный и политический кризисы (1920—1921).
Меньшевики + социалисты-революционеры + анархисты (Кронштадт).
9. „**Соглашение**" с крестьянством? или **диктатура**?
ad 9 10. Беспартийные конференции.

II.

План брошюры:

О замене разверстки налогом и о соглашении с крестьянством

(или о задачах рабочего правительства в крестьянской стране и о задачах рабочего класса по отношению к крестьянству).

тя-же-ло!

Точнее бы передавало содержание:
О замене разверстки налогом в связи с общими задачами и условиями данного политического момента.

Замена разверстки налогом в связи с особыми условиями данного политического момента.

Замена разверстки налогом, ее принципиальное значение: от „военного" коммунизма к **правильному** социалистическому фундаменту.

Ни разверстки ни налога, а обмен продуктов крупной („социализированной") промышленности на крестьянские продукты, такова экономическая **суть** социализма, его база.

Разверстка не „идеал", а горькая и печальная необходимость. Обратный взгляд — опасная ошибка.

Разверстка и „аппарат". Без „аппарата" мы бы давно погибли. Без систематической и упорной борьбы за улучшение аппарата мы погибнем до создания базы социализма.

Союз рабочих с крестьянством = α и ω [1]) советской власти. „Необходимое и достаточное" условие ее прочности.

Союз этот против Деникина & [2]) К°. **не то**, что союз (этот же) в **экономическом** строительстве. Первый = буржуазная революция. Второй = социалистическая революция.

Переход от войны к строительству
IX с'езд 1920 (ср. IV. 1918) versus X с'езд (III. 1921) [3])
Переход от разверстки к правильному товарообмену.

Налог в принципе согласим, совместим с свободной торговлей хлебом и другими продуктами.

Формальный демократизм versus реальность классовых отношений в вопросе о налоге и других вопросах подобного рода.

Принуждение + убеждение (в разверстке) — в налоге — в „товарообмене".

В какой мере „свобода торговли"? **После** уплаты налога.

Простор опытам, практике. Мелкая торговля.....

Задача местных работников.

Задача местной власти *).

Тип экономических отношений или экономической системы **до** пролетарской революции в ряде крупных стран — концентрация вверху
свобода крестьянской торговли внизу.....
своего рода **государственный** капитализм (ср. IV. 1918).

„Ставка" на середняка? на кулака? Восстановление буржуазных отношений?

Нивеллировка деревни
„беднотe" { дали уравнительный передел
„ помещичью землю
„ взять от кулака
„ экстраординарную помощь государства.

---

[1]) α и ω — альфа и омега — первая и последняя буквы греческого алфавита; в переносном смысле — «суть», «все».

[2]) & — и.

[3]) IX С'езд РКП состоялся 29 марта — 4 апреля 1920 г. Основным вопросом с'езда был переход к мирному хозяйственному строительству.
IV. 1918 — В. И. ссылается на свою брошюру и речь во ВЦИК 29/IX—18. «Об очередных задачах Советской власти» — см. Собр. соч., т. XV, стр. 194.
На X с'езде РКП (III/1921 г.) был решен вопрос о замене разверстки продналогом (см. дальше, стр. 5, со слов: «и в IV/1918 и в IV/1920».

*) В рукописи этот абзац вписан чернильным карандашом. Ред.

Теперь **гвоздем, оселком** становится (стало) увеличение продуктов (ср. программа РКП). Inde [1]): „ставка" на середняка в земледелии.

Старательный крестьянин как „центральная фигура" нашего хозяйственного под'ема.

Индивидуальный товарообмен.

Роль колхозов: много наглупили. Под суд за неисполнение закона и **за неумелость** (три года).

Страшен ли социализму „индивидуализм" крестьянина? его „свободная торговля"? Нет.

Электрификация: мерило. Отдаленный план, но **план** и (ergo [2]) критерий. Всякий план есть мерило, критерий, маяк, веха etc [3]).

Если электрификация через 10—20 лет, ни капли не страшен индивидуализм мелкого земледельца и свободная торговля **его** в местном обороте. **Если не** электрификация, **все равно** неизбежен возврат к капитализму.

Международное положение сложилось благоприятно: новое равновесие.

Их распад наше сплочение		
	Антанта versus Германия	
	Америка versus Япония (и Англия).	
	Америка versus Европа.	
	Империалистский мир versus	„Азия".
	(1/7)	(4/7)
	(0.250 × 7 = 1.75)	(1.000 миллиард из 1.750) [4])

10—20 лет правильных соотношений с крестьянством и обеспеченная победа в всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут), иначе 20—40 лет мучений белогвардейского террора.

Aut-aut. Tertium non datur [5]). NB:

„Соглашение" с крестьянством? Учредилка (прямо и прикрыто) голосование, изменение конституции социалисты-революционеры и меньшевики + анархисты.	**Кооперация.** Ее экономическая и политическая (меньшевики и социалисты-революционеры) сторона.	Двусмысленность понятия „соглашения" особенно versus „диктатура"

[1]) Inde—отсюда, вследствие этого.

[2]) Ergo—итак, следовательно.

[3]) Etc—et cetera—и так далее.

[4]) Из 1.750.000.000 всего населения земного шара 1/7, или 250.000.000, составляет население империалистских стран и 4/7, или один миллиард,—колоний («Азия»).

[5]) Aut-aut. Tertium non datur—или—или. Третьего не дано.

Опыт и урок Кронштадта (новое в политической истории совласти). Quid est „politica"? [1])	Непримиримая борьба против меньшевиков, социалистов-революционеров, анархистов.

(1) авангард пролетариата к **его массе**.
(2) пролетариат к **крестьянству**.
(3) пролетариат (и крестьянство) к **буржуазии**.

Усталость, изнеможение, отчаяние.. Нет сил... „Передышка"... бюрократизм (Gegenstück [2]) крестьянства).	и в рабочем классе и в крестьянстве.	NB Истрепанность „верхов" и выдвигание новых людей из „низов" = (α) молодежи; (β) беспартийных.

NB NB

Анархизм и „марксистская" борьба с ним. „Отчаяние"?

Не тот темп (военного и мирного строительства).

И в IV. 1918 и в IV. 1920 мы себе представляли переход от войны к мирному строительству как простой переход на тех же рельсах **политики**.

Переход сложный: иные отношения к крестьянству, иной темп, иная обстановка.

Демобилизация армии.

Бандитизм. (Разорение. 7-летняя война).

Либо белогвардейский террор либо руководство (все > [более] мягкое) пролетариата, его **диктатура**.

Страшное в слове „диктатура"? Беспартийный крестьянин, как мерило, как показатель, как советчик—и как политический лозунг (= социалисты — революционеры и меньшевики). Голосовать? Свергать власть? Или искать соглашения с **ней**? Обычный прием обычной буржуазной партийности и буржуазного парламентаризма: на уступках „**ловим**".	NB: Беспартийные конференции **не** абсолютное политическое орудие меньшевиков и социалистов-революционеров + анархистов. Caveant-consules! [3])

[1]) Quid est politica?—что такое политика?

[2]) Gegenstück - «противоположность», другой полюс того же отношения. «У нас другой корень бюрократизма: раздробленность, распыленность мелкого производителя, его нищета, некультурность, бездорожье, неграмотность, отсутствие **оборота** между земледелием и промышленностью, отсутствие связи и взаимодействия между ними». (См. «О продов. налоге»—Собр. соч., т. XVIII, ч. I стр. 222—223).

[3]) Caveant consules—пусть будут бдительны консулы (из речи Цицерона).

Но мы не признаем самой почвы буржуазного парламентаризма, „обычной (буржуазной) партийности“!; |NB|

NB: NB:

„Экономические основы отмирания государства“ („Государство и революция“): здесь также „экономические основы“ отмирания бюрократизма, отмирания верхов и низов, отмирания неравенства (ср. „Первые шаги от капитализма к коммунизму“). Еще нет хозяйственной базы социализма. В чем она? В товарообмене с крестьянством“. NB | К борьбе с бюрократизмом. |NB|

NB

+ Примечание. Значение весеннего (II—III) политического кризиса 1921 („переходы“) и парткризиса (XI или IX, 1920—III. 1921) [1]). Приспособить верхи партии к ее массе или vice versa [2]) ? Партию к массе (пролетариата + затем крестьянства) или vice versa.

III*).

Государственный капитализм не страшен, а желателен.
Примеры:

Учиться у государственного капитализма.

1) Концессии.
2) Кооперация.
3) Комиссионеры.
4) Аренда.

4) неорганизованный капитализм
Все в меру и на известных условиях
Какова эта мера?
Опыт покажет.
1/4 etwa.

„Стихия“ c'est le mot [3]) 1794 versus 1921

[1]) Под «весенним (II—III) политическим кризисом 1921» В. И подразумевает Кронштадтский мятеж 1—17 марта 1921 г., а под парткризисом 1920—21 г.г.—дискуссию о роли и задачах профсоюзов, возникшую в ноябре 1920 года и закончившуюся на X с'езде партии в марте 1921 г.
[2]) Vice versa—наоборот.
*) Весь текст этой рукописи до слов «Политическая сторона» зачеркнут по частям Владимиром Ильичем, повидимому, по мере написания соответственных частей брошюры.
[3]) C'est le mot—вот слово.

{ „Оборот“
главным образом и в 1-ю голову продналог и оборот.

борьба с спекуляцией
Quid est? [1])
директивы продовольственникам:
100 + 100 = 200%
{ 100 + 25
60 + 60 [2])

Эти (3 и 4) [3]) виды слабы, ибо мы слабы и глупы ср. бюрократизм . . . .

Свобода торговли α) для развития производительных сил крестьянского хозяйства. β) для развития мелкой промышленности. γ) для борьбы с бюрократизмом.
Мера? Условия?
Практика должна показать.
Продовольственник: собери 100%.

Etwa { 100 + 100 = 200
100 + 25 = 125
60 + 60 = 120 }

Борьба с спекуляцией? Quid est?
Политическая сторона:
Скинет *) мелкобуржуазная стихия (5/V. 1918) [4]).
„Образец“ французская революция, сравни 10. XI. 1918. Anti Kautsky [5]).
Пессимизм или оптимизм?
Учет сил. Трезвость и бешеная страстность.

IV**).

Заключение Etwa.

Переход к политике ***).
Экономика весны 1921 превратилась в политику: „Кронштадт“.
Роль социалистов-революционеров + меньшевиков (Дан, Рожков и К°, Мартов и К°). „Небольшая передвижка“ все равно вправо или влево.

[1]) Quid est?—что это такое.
[2]) См. «О продовольственном налоге»—Собр. соч., т. XVIII ч. I стр. 224.
[3]) Т.-е. комиссионеры и аренда.
*) В тексте «скинут».
[4]) См. «О продовольственном налоге»—Собр. соч., т. XVIII ч. I стр. 231 и «О левом ребячестве и о мелкобуржуазности» — Собр. соч. , т. XV стр. 255.
[5]) «Пролетарская революция и ренегат Каутский»—Собр. соч., т. XV, стр. 446.
**) Весь текст до «Итогов» зачеркнут Владимиром Ильичем двумя линиями.
***) В тексте «политики».

Милюков умнее Чернова и Мартова: нетрудно быть умнее этих самовлюбленных дурачков, героев фразы, рыцарей мелкобуржуазной доктрины (1789—1848—1920) [1]).
Место им в тюрьме, а не на беспартийной конференции 1794 versus 1921)
Колебания „стихии“.
(Quid est стихия)
и твердость.
Выбор и выдвигание людей.
Пессимизм или оптимизм? Трезвейшая оценка зла и трудности.
Беззаветность в борьбе.

Итоги:
1) „Оборот“ Quid est?
2) Мелкая промышленность. Где сырье?
3) Обмен.
4) Капитализм.
5) Государственный капитализм.
6) Инициатива мест.
7) Меньшевики и социалисты-революционеры + беспартийные.

[1]) «В 1789 году мелкие буржуа могли еще быть великими революционерами; в 1848 году они были смешны и жалки; в 1917—1921 годах они—отвратительные пособники реакции, прямые лакеи ее по их действительной роли, все равно, зовут ли их Черновыми или Мартовыми или Каутскими, Макдональдами и т. д. и т. п. («О продовольственном налоге»—Собр. соч., т. XVIII ч. I, стр. 230).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Руководство шефским движением.

Не было ни гроша, да вдруг—алтын! Не было ни одного официального руководящего издания по шефству, да вдруг—два! Один сборник выпущен агитпропом ЦК РКП: «Культурное шефство над деревней». Сборник статей под редакцией С. И. Сырцова. ГИЗ. Москва. 1925. Стр. 158. Цена 65 коп. Другой сборник выпущен Главполитпросветом: «Культурное шефство и политико-просветительная работа в деревне». Изд «Долой неграмотность». Москва. 1925. Стр. 70. Цена 30 коп.

Царящая еще до сих пор неорганизованность, путаница, неразбериха в шефском движении и в руководстве им нашли себе наиболее яркое выражение в этом факте одновременного издания в центре двумя центральными агитпропами двух—и притом разных!—сборников по шефству.

Вот почему мы считаем необходимым уделить особое внимание обоим сборникам.

Ненужное издание.

Начнем с издания Главполитпросвета. Сборник составлен отделом изб-читален. Составители в предисловии пытаются стать в вопросах шефства на точку зрения известного циркуляра ЦК РКП от 23 ноября 1924 г. Но нужно признать, что это им не удалось ни в смысле содержания сборника, ни в смысле его направления. Сборник затрагивает вопросы одной только политико-просветительной работы шефов в деревне и написан в духе старых, устарелых, путанных идей о шефстве, которым, казалось бы, никак не должно быть места в руководящем издании.

Приведем отдельные примеры. Тов. В. Н. Мещеряков пишет: «Главная, основная, чуть ли не единственная работа это политико-просветительная» (стр. 12). Если шеф—чего доброго!—имеет дело, напр., с крестьянским комитетом взаимопомощи, то по мнению тов. В. Н. Мещерякова «это совершенно неправильно» (стр. 12). С такой точкой зрения, конечно, нельзя претендовать на руководство шефством и выпрямление линии на единственно-правильную (указанную ЦК РКП): обязательное сочетание в работе всего шефа двух начал: культурно-просветительной и организационно-хозяйственной помощи деревне.

А вот как т. Хоменко раз'ясняет основной вопрос о том, кто является шефом и как создается шефствующая организация: «...на открытом собрании избирается шефская комиссия ячейки и шефство регистрируется в соответствующем парткоме. В состав шефкомиссии входят представители ячейки РКП, РЛКСМ, фабзавкома (месткома), организатор работниц и т. д. Кроме того, по желанию общего собрания в комиссию могут войти некоторые рабочие или служащие персонально» (стр. 52, курсив мой. В. К.).

Так «раз'ясняется» в сборнике совершенно ясный недвусмысленный пункт 3-й циркуляра ЦКРКП о том, что шефом должен быть кол-

лектив рабочих и служащих (а не ячейка); что шефская комиссия должна быть у этого коллектива рабочих и служащих (а не у ячейки); что ячейки выдвигают лишь кандидатов, партийных и беспартийных вместе, а выбирать комиссию должно общее собрание рабочих и служащих, перед которым комиссия ответственна. (Циркуляр напечатан тут же, в приложении к сборнику, и на него же ссылается предисловие!).

Поскольку в сборнике цитируется Ленин, надо заметить, что в корне неправильно (хотя целиком в духе сборника!) понимание ленинской идеи о культурной работе, о «культурничестве», о «культурной революции»—в узко-ограниченном виде одной только культурно-просветительной работы (стр. 14, статья т. Витолина). Ленин разумел под «культурной революцией» не только искоренение тьмы и невежества, но прежде всего коренной переворот в хозяйстве, в производственных, в общественных отношениях, во всем строе жизни и быта.

Из всего сборника выделяется прекрасная, деловая и совершенно правильная статья т. В. Моировой: «Шефы и работа среди крестьянок». (Читатель найдет эту статью целиком в сборнике агитпропа ЦК КРП).

В общем сборник Главполитпросвета надо признать совершенно неудачным (кстати: в приложенном списке литературы не указано ни одной книги по шефству, точно их и нет совсем!). Непонятно, зачем понадобилось издавать устаревший, путаный материал, идущий вразрез с линией ЦК РКП?

Где истина?

Сборник агитпропа ЦК вышел гораздо удачнее. Но, к сожалению, он носит все следы спешной, недостаточно продуманной работы по составлению и редактированию материала. Сборник должен бы служить, по ожиданию всех, авторитетным, систематическим раз'яснением, толкованием, дополнением единственного пока и очень краткого руководящего документа-циркуляра ЦК РКП о шефстве. Эту задачу сборник выполняет лишь отчасти и не совсем удовлетворительно. Приведем отдельные примеры.

Начнем с «мелочи». Во вступительной статье т. С. Сырцов смотрит на шефство крайне мрачно. Ленинград, Москва и пара-другая губернских городов—вот и все шефство. «Результаты никчемны» (стр. 12—13). Какое впечатление должна произвести эта суровая и крайне несправедливая оценка на рабочих-шефов? Два с лишним года трудились, помогали деревне по мере сил—и ничего не добились. Даром, попусту затратили силы и средства.

Но пусть не огорчается слишком читатель и не спешит захлопнуть книгу, а пусть заглянет хотя бы в статью т. Н. Мальцева «Некоторые итоги культшефской работы». Оказывается, что шефство «за два года своего существования получило довольно широкое распространение. В настоящее время уже все крупные города и рабочие центры в разных формах и с разным успехом реализуют великую идею Владимира Ильича»... «Культшефская работа, несмотря на ее большой размах и громадную важность»... и т. д. (стр. 81).

Где же истина? Для ответа на этот вопрос читатель не найдет в сборнике почти никаких об'ективных данных.

Но в сборнике есть руководящие статьи по вопросам шефской работы. Возьмем пример отсюда. Вот один из основных вопросов: допустима ли материальная помощь со стороны шефа или он должен ограничиться одним идейным воздействием на деревню? Цитата из тов. С. Сырцова: «Было бы совершенно неправильно отсутствие или слабость организации крестьянства заменять попытками из города оказывать им материальную помощь» (стр. 18). Итак, материальная помощь здесь отвергается. Но заглянем в статью т. Н. Мальцева. Он высказывается против материальной помощи, если она оказывается в виде подарков, благотворительности и т. п. (стр. 88—89). Но в каких же именно случаях, на каких условиях материальная помощь допустима? На это т. Мальцев не дает прямого ответа. Он ограничивается лишь одобрением резолюции ленинградцев, которая в неопределенной форме говорит о «содействии» землеустройству, организации прокатных пунктов, с.-х. товариществ и т. п (стр. 92). Итак, т. Н. Мальцев не отвергает материальной помощи, но и не рекомендует ее прямо. Обратимся еще к одной статье —т. Я. Рудого. Он пишет по данному вопросу: «вот здесь для шефа непочатый край работы. Здесь нужна инициатива шефа. Организационно-хозяйственная помощь и должна выражаться не только в том, что шеф дает деньги на обзаведение инвентарем, а именно в том, чтобы двинуть дело организации культурных начинаний, чтобы научить крестьянство связываться с хозяйственными организациями города. Если при этом шефу и придется затрачивать какие-нибудь средства на это, они должны лечь первым камнем в этой новой постройке (курсив мой. В. К.). Шеф должен стать пионером в области хозяйственного строительства деревни (курсив автора). Здесь не жалко затратить кое-какие средства. Они пойдут на удовлетворение основных нужд деревни, приучат крестьянство к коллективным начинаниям» (стр. 100; курсив мой). Наконец, в циркуляре ЦК РКП (см. приложение к тому же сборнику) мы читаем со всей определенностью: «Непосредственная материальная помощь может оказываться...»

За кем же должен итти шеф? Мы советуем смело следовать за циркуляром, который в данном случае совершенно правильно толкуется тов. Я. Рудым. Никакое шефство, ни один вид его немыслимы без материальной помощи деревне. Но никакая материальная помощь не может служить для шефа самоцелью, а должна быть для него лишь средством поставить деревню на собственные ноги. А чтобы достигнуть этого возможно скорее, помощь каждого шефа деревне должна одновременно итти по двум линиям,—должна быть и помощью по просвещению и помощью по хозяйству.

Не отбить от подписки!

Но тот же тов. Я. Рудый не сумел справиться с другими вопросами. Снабжением подшефа литературой. Он пишет: «Дело не только в том, чтобы шеф на свои средства выписывал литературу для избы-читальни, а в том, что шеф, благодаря своим связям в городе, может наладить это снабжение регулярно и дешевле» (стр. 98).

Совсем не в этом дело. Суть вопроса, поставленного теперь шефской практикой, в том, чтобы шеф доставкой литературы за свой счет, способствовал выписке крестьянами газет, журналов и книг за их собственные деньги, а не приучал деревню к даровому снабжению. И в этом случае, как всегда и всюду, материальная помощь должна быть лишь первым камнем, побуждающим началом. Наиболее богато снабжение литературой деревни поставили ленинградцы. Но посмотрите, к

какому выводу они пришли: «В настоящий момент необходимо придерживаться той тактики, чтобы не отбить крестьянина от самостоятельной подписки, а наоборот приучить к ней. (Из отчета т. Маторина, представленного в конце 1924 г. на одно из заседаний шефской комиссии при ЦК РКП. Жаль, что этот поучительный отчет не использован должным образом в сборнике ЦК РКП).

«Не отбить крестьянина от самостоятельной подписки!»—вот какую оригинальную задачу должны были поставить себе ленинградцы в результате неправильного метода в деле помощи просвещению деревни. Только посредством такого метода (приучить крестьянина к самостоятельной подписке) шефство может постепенно охватить все деревни. А то что же мы видим? Крупнейший, прекрасно организованный, богатейший шеф Ленинград (250.000 рублей годовой бюджет) за два года работы успел охватить своим влиянием лишь... 117 волостей!

Разнос землячеств.

Перейдем к вопросу о землячествах. Циркуляр ЦК РКП разрешает организацию землячеств на добровольных началах, из рабочих и служащих промышленных предприятий. Это безусловно правильно. Среди рабочих, сохранивших наиболее тесную связь с деревней и всегда помогавших индивидуально оставшимся там родным, теперь наблюдается стихийная тяга к созданию землячеств, к организованной помощи своей деревне. К этому движению партия должна отнестись с тем большим вниманием, с той большей вдумчивостью, что затронутые им рабочие представляют собою наиболее отсталые слои пролетариата. Между тем в сборнике землячества подверглись самому резкому разносу и крепкому зажиму (см. особенно статью т. Н. Мальцева, стр. 87—88, т. Я. Рудого, стр 103, т. Г. Лебедева, стр. 108 и 111). Землячествам ставится в укор «полное извращение основных идей культшефства», незначительность в них партийного и даже пролетарского (цифр не приведено) состава и, наконец, самое «увлечение материальной помощью деревне». Землячества допускаются не иначе, как в виде секций шефского общества или шефской комиссии. Но почему же так уж преступно увлекаться материальной помощью деревне? Почему землячество, как секция шефского общества, не может специализироваться именно на материальной помощи деревне? Ведь смысл секций и состоит как раз в разделении шефской работы на специальности для достижения наибольшей широты и полноты в общей согласованной работе. Тут у авторов сборника большая неувязка.

И уже безусловно нельзя так, сбухты-барахты, решать вопрос о землячествах, как тт. Я. Рудой и Г. Лебедев: будь секцией шефской комиссии или не существуй!

Переборщили, товарищи! В результате такого отношения нам грозит опасность оттолкнуть от себя, потерять, не использовать очень ценное для шефства течение в беспартийной рабочей массе. Циркуляр ЦК РКП отнюдь не рекомендует такого отношения к землячествам. Он говорит лишь о руководстве шефских комиссий землячествами и о согласовании их работы с работой других организаций. Это совсем иное дело. Это безусловно правильно. Говорит еще циркуляр о вхождении землячеств на правах секции в рабочие шефские общества (но отнюдь не в шефские комиссии). Это опять-таки совершенно правильно.

Однобокая агропропаганда.

Еще один вопрос: агропропаганда. О ней говорится в статьях тт. Я. Рудого и Г. Лебедева. Оба автора, особенно второй (целая статья), расписывают важность, полезность, разнообразные формы пропаганды среди крестьянской массы простейших общедоступных приемов улучшенного ведения сельского хозяйства через посредство передовых крестьян-единоличников, на примере их единоличных хозяйств. Против этого решительно ничего нельзя возразить. Это очень полезно. Такая пропаганда с большим успехом ведется в капиталистических странах, напр., в Америке. Но что же отличит нашего пролетарского социалистического пропагандиста в этом деле от пропагандиста капиталистического? Об этом наши авторы, повидимому, совсем не подумали. Они оба (как по уговору!) «забыли» про существование у нас, рядом с единоличными мелкими хозяйствами, колхозов и совхозов. А ведь именно пропаганда идей коллективного земледелия на примере колхозов и совхозов (которые есть всюду, иногда по нескольку на волость) и должна бы отличать нашего агропропагандиста и даже вообще агропропагандиста-общественника от индивидуалиста. Оговоримся на всякий случай: времена насаждения коммун определенным порядком миновали безвозвратно. Не о навязывании коллективного хозяйства здесь идет речь, а о поддержке шефом существующих, стихийно-растущих коллективных хозяйств и о пропаганде шефом идей коллективного земледелия на живых примерах. Чудён и плох был бы наш пролетарский агропропагандист-общественник, который «забыл» бы указать, наряду с простейшими и доступными каждому единоличнику мерами некоторого повышения его хозяйственного благополучия,—указать, помочь, осуществить меры и способы общественные, коллективные, которые одни только могут в корне разрешить вопрос об улучшении крестьянского хозяйства. Ведь единоличными усилиями отдельный крестьянин не в состоянии даже купить машины, даже выбраться из проклятой трехполки!

Организационный вопрос.

Мы не можем останавливаться подробнее на всех статьях сборника, хотя это необходимо было бы: ведь по сборнику будут выравнивать свою работу все шефские организации. Отметим все же очень существенный промах в статье тов. Г. Лебедева по важнейшему сейчас организационному вопросу. Шефская комиссия избирается у него на общем собрании рабочих и служащих. Это правильно. Но кандидатов намечает только ячейка партии, без участия ячейки РЛКСМ и без участия фабзавкома. И притом намечаются только партийцы. Впоследствии шефкомиссия каким-то образом (кооптация, что ли?) «пополняет свой состав свежими работниками» (стр. 104 и 105). Так нельзя писать директивных раз'яснений к циркуляру ЦК РКП. Циркуляр требует, чтобы кандидаты в шефскую комиссию намечались тремя организациями вместе: 1) ячейка РКП, 2) ячейка РЛКСМ, 3) фабзавком (местком), при чем как из партийных, так и из беспартийных рабочих. Это существенно важно для всего нового курса в шефском движении, который характеризуется как переход от шефства парт'ячейками к шефству массовыми беспартийными коллективами. Просмотреть это—непростительная ошибка, которой, надеемся, не повторят местные работники.

Отметим еще богатую фактическим материалом статью тов. Н. Маторина. Из нее можно почерпнуть много полезного. Но пусть чита-

тель отнесется критически к этому материалу, исходя из той точки зрения, что самая богатая помощь деревне не достигает и половины желаемых результатов, если при этом нет заботы прежде всего о пробуждении самодеятельности, самопомощи деревни, о привлечении крестьянских сил и средств, если шеф все делает сам и на свои средства. А об этом-то и нет ничего в статье Н. Маторина.

Наконец—о статье тов. В. Косименко «Шефская работа Комсомола». Комсомол не должен шефствовать обособленно, а вместе с организациями взрослых рабочих. Правильно. Но шефство комсомола нельзя понимать только как шефство городских ячеек над деревенскими ячейками, только в области комсомольских интересов (как выходит у тов. Касименко).

Заключение.

В общем, с указанными поправками, сборник принесет большую пользу для выравнивания линии шефской практики. Но приходится выразить сожаление, что в сборнике не нашли себе освещения многие из самых жизнетрепещущих вопросов: о переходе на шефские общества, о самостоятельном шефстве вузов, о правильном районировании подшефных территорий и целесообразном распределении шефских сил, об организационных и агитпроп. задачах шефов в городе, о группах содействия шефству в деревнях, о задачах шефства в области кооперирования деревни и т. д. Нет цельных исчерпывающих статей о содержании шефской работы (тут много еще не ликвидированных споров), о методах (тоже много споров). Нет общей теоретической статьи-комментария к ленинской страничке о шефстве, которая поставила бы во весь рост «эту гигантскую, всемирно-историческую культурную задачу»—«шефство рабочих городских поселений над жителями деревень». (Кстати сказать: эти места из ленинских «страничек» почему-то (?) выпущены в извлечении, напечатанном в сборнике). Нет, конечно, и очерков наиболее удачной шефской работы, нет никакой библиографии.

Впрочем, предъявлять такие требования к отдельному сборнику пожалуй и нельзя: их может выполнить только особое периодическое издание, журнал по шефству, ведущийся работниками-специалистами, которых шефская практика выдвинула уже достаточно. Такого журнала у нас, к сожалению, пока еще нет.

Практический вывод, вытекающий из опыта издания двух шефских сборников таков: шефство, как всякое широкое общественное движение, непременно должно иметь свой печатный орган, который обеспечил бы систематическую разработку вопросов шефства, правильный учет и обмен шефского опыта, планомерное и широкое развитие шефского движения.

В. Карпинский.

ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК III. Под редакцией Л. Б. Каменева (586 стр. Ц. 4 руб.).

Из материалов третьего «Ленинского сборника» наибольшее актуальное значение имеют наброски Ленина о диктатуре пролетариата, сделанные им в конце 1919 и в начале 1920 года (V отдел сборника). Имея намерение написать брошюру о диктатуре пролетариата, В. И. составил несколько предварительных конспектов-планов (из 5-ти опубликованных здесь рукописей одна носит название «План брошюры о дикт. пр-та», другая начинается со слов: «Для разработки в брошюре»... и т. д.).

Наиболее законченный вид имеет четвертая рукопись («О диктатуре пролетариата»).

Задуманной брошюры В. И. выполнить не удалось. Тем большее внимание партия должна уделить изучению этих первоначальных набросков. В сжатом, сконцентрированном виде и в ярких формулировках здесь дана самая суть учения Ленина о диктатуре и поставлены основные вехи для дальнейшей теоретической разработки этого вопроса ленинцами.

Определяющим моментом в Ленинском подходе к диктатуре пролетариата является ее определение, как новых форм классовой борьбы:

«Основной источник непонимания диктатуры пролетариата «социалистами», это недоведение ими до конца идеи классовой борьбы (сравни Marx 1852). Диктатура пролетариата есть *продолжение* классовой борьбы пролетариата, в *новых* формах. В этом гвоздь, этого не понимают. Пролетариат, как *особый* класс, один *продолжает* вести свою классовую борьбу»... «Государство лишь=*орудие* пролетариата в его классовой борьбе. Особая дубинка, rien de plus!» («ничего более!») (4-я рукопись; стр. 500, 512).

Приступая к анализу новых задач и форм классовой борьбы пролетариата при его диктатуре, Ленин насчитывает пять таких новых (главнейших) задач и форм: 1) подавление сопротивления эксплоататоров, 2) гражданская война, 3) «нейтрализация» мелкой буржуазии, особенно крестьянства, 4) «использование» буржуазии («спецы»), 5) воспитание новой дисциплины.

Наибольший интерес и значение имеют положения и мысли, высказанные здесь Лениным об отношении пролетариата к крестьянству в период диктатуры пролетариата.

«Один [1]) класс ведет, при капитализме, классовую борьбу с капиталом. Idem (так же) при ее продолжении в форме диктатуры пролетариата. Мелкая буржуазия—«постольку-поскольку» (сравни коммунистический манифест). (Рукопись 3, стр. 496).

Однако, этот класс, господствуя «один», ведет за собой всех трудящихся:

«Диктатура пролетариата есть обучение *одним* классом, пролетариатом, всех трудящихся, idem (так же) руководство. *Вести. Господствующий класс=пролетариат, один.* Господство исключает свободу и равенство» (та же рукопись; стр. 497).

Ленин видит задачу диктатуры пролетариата в

«систематическом руководящем *воздействии* (то же=борьба, но особого рода, преодоление известного, правда, совсем иного сопротивления и совсем иного рода преодоление) на *всех* трудящихся, кроме пролетариев» (рукоп. 2, стр. 494).

«Нейтрализация» (средних элементов мелкой буржуазии, крестьянства), говорит Ленин,—«складывается из убеждения, примера, обучения опытом, пресечения насилием и т. п.» (рук. 3, стр. 495).

Под рубрикой «Нейтрализация на практике» в 4-ой рукописи Ленин пишет:

«пресечение насилием (Энгельс. 1895)».
«пример».
«убеждение etc. etc» (и т. д.).
«привлечение+пресечение, «постольку-поскольку». (Стр. 513).
«Крестьянство, как трудящиеся=союзник; как собственники и спекулянты=враг» (рук. 3, стр. 497).

---

[1]) Курсив во всех цитатах принадлежит Ленину. *В. А.*

В «Плане брошюры» особой главой у Ленина стоит:

«Главный «внутренний» враг=мелкая буржуазия». (Стр. 508).

Итак, по вопросу об отношении диктатуры пролетариата к крестьянству мы видим у Ленина ряд необыкновенно резко подчеркнутых теоретических положений.

Во-первых,—«господствует» «один» пролетариат (слово «один» подчеркивается Лениным неоднократно). Безотносительно к тому, в какой стране (крестьянской, или нет) осуществляется диктатура пролетариата, ее классовое содержание остается одним. Она по существу своему международна, как международен пролетариат. Для коммунистов в крестьянской стране особо важно уяснить себе это ленинское положение. Союз рабочих и крестьян в советах еще не означает, что диктатура пролетариата, есть «раздел» власти с крестьянством. Советы, как государственные органы, есть «орудие» в руках одного пролетариата («дубинка», по образному выражению Ленина).

Во-вторых, пролетариат «ведет» крестьянство к социализму, пользуясь своей диктатурой, («обучает», «увлекает и направляет», «руководит», «воздействует» и т. п.). Здесь диктатура пролетариата выступает, как орудие гегемонии (руководства) пролетариата по отношению ко всем трудящимся, в частности—крестьянству. Организация общих с крестьянством органов власти—советов—служит одним из средств проведения этого пролетарского руководства.

Наконец, в-третьих, Ленин сугубо подчеркивает двойственную природу крестьянства («труженик» и «спекулянт», «собственник»), в силу чего формы воздействия носят особый характер и сочетают «убеждение» с «насилием».

Конечно, мы не исчерпали всего богатства мыслей, которое вложено, можно сказать, «втиснуто» автором в короткие и отрывочные строки рукописей по данному вопросу. Отметим еще, что тов. Ленин предполагал, видимо, дать сравнительный анализ условий осуществления диктатуры пролетариата в разных странах, отличающихся, прежде всего, долей пролетариата и мелкой буржуазии в населении 51% пр-та, 40% средних, 9% капиталистов и 20% пр-та, 75% мелкой буржуазии 5% капиталистов (см. рукоп. I, стр. 493).

«51% (dd) пролетариата,—пишет он,—меньше, чем 20% (BB) пролетариата, если в dd больше империалистского заражения и сопротивления мелкой буржуазии» (рук. 3, стр. 498).

Кроме вопроса о новых формах классовой борьбы, Ленин предполагал в брошюре осветить вопрос еще по трем основным направлениям: 2) «диктатура пролетариата, как разрушение буржуазной и создание пролетарской демократии», 3) «диктатура пролетариата и особенности империализма», 4) «диктатура пролетариата и советская власть» (см. рук. 4-ю). Конспект этих отделов читатель также найдет в опубликованных рукописях.

* * *

На втором месте по вызываемому интересу в сборнике III стоит отдел II: «Из эпохи «Искры» и «Зари», и в нем—споры, в среде членов редакции по поводу статьи Ленина: «Аграрная программа русской социал-демократии» [1]).

В статье «Аграрная программа русских с.-д.» Ленин писал:

«Это требование (речь идет о национализации земли. *В. А.*) (если его понимать в буржуазном, а не в социалистическом смысле) действительно «идет дальше» требования вернуть отрезки, и в принципе мы вполне разделяем это требование»... При этом,—«требование национализации земли является принципиально правильным требованием с.-д. программы лишь в качестве буржуазной меры, а не социалистической, ибо в социалистическом смысле мы требуем национализации всех средств производства. Оставаясь же на базисе буржуазного общества, мы можем требовать только передачи государству поземельной ренты,—передачи, которая сама по себе не только не задержала, а напротив, даже ускорила бы капиталистическую эволюцию земледелия. Поэтому социал-демократ, поддерживая буржуазную национализацию земли, должен был бы, во-первых, отнюдь не исключать крестьянские земли»... и т. д. (Стр. 353).

Здесь, как мы видим, вся суть той принципиальной аргументации за требование национализации земли, которую Ленин развернул впоследствии на Стокгольмском с'езде и в книге «Агр. прогр. с.-д. в первой русской революции» (1907). А вопрос о национализации крестьянских земель стал одним из основных пунктов отличия большевистской программы от «муниципализации земли» меньшевиков.

Выдвигая в 1902 году «отрезки», Ленин аргументировал так:

«Теперешнюю свою программу мы составляем не только и даже не столько для эпохи революционного восстания, сколько для эпохи политического рабства, для эпохи, предшествующей политической свободе. А в такую эпоху требование национализации земли гораздо слабее выражает непосредственные задачи демократического движения в смысле борьбы с крепостничеством. Требование учредить крестьянские комитеты и вернуть отрезки непосредственно разжигает классовую борьбу в деревне и потому оно не может подать повода ни к какому эксперименту в духе государственного социализма. Наоборот, требование национализации земли отвлекает до известной степени внимание от самых рельефных проявлений и самых сильных переживаний крепостничества»... (Стр. 352).

Эти страницы в статье Ленина вызвали наиболее ожесточенные нападки будущих меньшевиков. Собрание редакции «Искры»—«Зари», состоявшееся в Цюрихе (в отсутствии Ленина) формулировало свое возражение след. образом:

«Национализацию земли, как требование, не предшествующее непосредственно социализации всех средств производства, социал-демократия не может признать, а потому все относящиеся сюда страницы выкинуть и оставить (и усилить) характеристику этой меры, как реакционной в данный момент и как излишней в качестве выделенной части социалистического переворота». (Стр. 362).

В этом духе высказались и отдельные члены редакции в репликах на статье и в письмах (стр. 384, 385, 387 и др.), подчеркивая «реакционность» национализации земли, Плеханов же в № 4 «Зари» [1]) в статье о проекте программы уделил специальное место полемике против национализации земли, которая, по его словам, «была бы колоссальным выигрышем для бюрократии и столь же колоссальным проигрышем для всех друзей политической свободы» (сопоставить с этим его речи в 1906 году о муниципализации земли, как о «гарантии от реставрации»).

Все место о национализации было выброшено Лениным из статьи: поправки вносить он отказался.

---

[1]) Статья в сборнике воспроизведена по первоначальной рукописи Ленина. В т. IX сочинений Ленина она взята в том виде, в каком появилась, после редакционных исправлений, в № 4 „Зари" (авг. 1902).

[1]) В этом же № пошла исправленная статья Ленина.

Из других разногласий наиболее существенным явился пункт об отрезках, по которому В. И. уступил без особого сопротивления. Вначале он выдвинул положение, что те «отрезки», на которых заведено рациональное хозяйство, возврату не подлежат. По предложению редакции, он снял это ограничение. Легко видеть, припомнив спор о национализации земли, что этот пункт для В. И. не являлся определяющим его позицию [1].

Особенную резкость и придирчивость в нападках на Ленина по поводу его аграрной статьи проявил Плеханов. Дело дошло до временного разрыва личных отношений между ними (см. письмо Ленина от 14 мая 1902 г., стр. 422, затем письмо Плеханова от 20 июня, стр 429 и Ленина от 23 июня, стр. 433). Споры об этой статье, конечно, тесно связаны со спорами о проекте программы, где вопрос об отношении пролетариата к мелким производителям играл большую роль (см. Лен. сб. II). Кроме того, несогласие между Лениным и Плехановым возникло так же в связи со статьей Ленина «Гонители земства и аннибалы либерализма», когда Плеханов потребовал «смягчения тона» по отношению к либерализму, который «не надо гладить теперь против шерсти», ибо «либерализм сам по себе заслуживает большого уважения», «надо от плохого либерала апеллировать к хорошему» (см. письмо Плеханова Ленину от 14 июля 1901 г., стр. 203—4. О том же в письмах других членов редакции—стр. 208, 213, 219, 222).

Плеханов уже в апреле 1902 г., противясь переводу «Искры» в Лондон, говорит, что «мы выражаем «разные оттенки» одного и того же направления», и бросает обвинения редакторам «Искры», что они ведут ее «как орган не социал-демократический, а политически радикальный» (письмо Мартова Ленину от 17 апреля 1902 г., стр. 399—400). Плеханов и не замечает, как он уже здесь становится на дорожку «экономиста» Акимова, называвшего «Искру» «либеральной газетой» (см. о том в письме Плеханова к мюнхенской части редакции).

«Различие оттенков миросозерцания» Плеханов даже определяет, как различие между Бельтовым и Тулиным (под этими псевдонимами выступали Плеханов и Ленин в середине 90-х годов). Плеханов заявляет, что он не может отвечать за «Что делать» Ленина [2].

Плеханов предлагает «поделить редакторство», отдав «Зарю» ему и Аксельроду (письмо Мартова Ленину от 20 апр. 1902 г.).

Таким образом, материалы «Ленинского сборника» дают возможность проследить в зародыше последующие расхождения меньшевиков и большевиков.

Огромную ценность помещенные здесь письма, а также воспоминания тов. Н. К. Крупской имеют с точки зрения характеристики условий и обстановки работы того периода. Особо интересны характеристики, которые Н. К. Крупская дает отдельным членам редакции «Искры»—«Зари», в частности Плеханову, из-за долгих лет эмиграции «потерявшему непосредственное ощущение России». (Стр. 40).

* * *

[1] Между прочим (для русских историков) из переписки по поводу статьи мы узнаем что Ленин и Плеханов расходились по вопросу о русском феодализме. Редакция сборников, видимо, права, когда в словах Плеханова о товарище, который в 1895 году „старался убедить меня в том, что в России был такой же феодализм, как и на Западе" (письмо к Засулич, сб. II, стр. 93 и 96), видит намек на Ленина (в сб. III см. стр. 331 и 369).

[2] Разногласие Потресова с Лениным по вопросу о стихийности и сознательности см. в письме Потресова Ленину о „Что делать" (стр. 286, март 1902 г.).

I отдел сборника занимают статьи и письма В. И., написанные для редакции «Рабочей газеты» в 1899 г.

В III отделе—письма Ленина Розе Люксембург, Лео Тышко и Ю. Карскому (Мархлевскому (1909—11 гг.). В период борьбы с ликвидаторством польские товарищи, несмотря на отдельные разногласия, поддерживали большевизм. Одно из писем посвящено статье тов. Карского (Мархлевского), которую он готовил для «Neue Zeit» в ответ Мартову (Мартов и т. Троцкий выступили в «Neue Zeit» со статьями, содержание которых Ленин в письме характеризует весьма резкими словами). Ленин дает Мархлевскому перечень вопросов, которые желательно затронуть в статье.

Отдел IV—«К национальному вопросу». Здесь помещены тезисы Ленина к сентябрьскому совещанию 1913 года, несколько писем к кавказским товарищам Шаумяну и Кикнадзе и воспроизведена история выработки пункта программы РКП по национальному вопросу. Окончательный текст, написанный Бухариным и исправленный Лениным, воспроизведен фотографически. Для сравнения рядом приведены формулировки Бухарина и Ленина по спорному вопросу (т. Бухарин предлагал заменить лозунг самоопределения наций лозунгом самоопределения трудящихся по отношению к тем нациям, которые «хозяйственно и политически развиты», правота Ленина впоследствии была им признана).

VI отдел содержит письма Ленина к Горькому 1911—1916 годов, не вошедшие в предыдущие сборники, VII («Разное»)—«10 вопросов референту» о махизме (т. Луначарскому), написанные для устного выступления последнего и посвящение брошюры «Детская болезнь левизны»—«мистеру Ллойд-Джорджу» за «почти марксистскую речь» (стр. 534). Дальше идут материалы для иностранной библиографии о Ленине и хроника Института. Нужно пожелать, чтоб Институт провел, между прочим, и постановление об удешевлении сборников, дающих такой ценный материал для каждого партийца, в особенности для актива и изучающей историю партии молодежи.

В. Астров.

ГОЛЬЦМАН, А. Реорганизация человека. Из серии «Современные проблемы», издание Ленгиз'а. Ленинград, 1925 г., 56 стр. Тираж 5.000.

Брошюра, название которой я только что привел, представляет собою беглые заметки по вопросу о новой культуре, приходящей на смену культуре буржуазного общества. К сожалению, эти заметки настолько мало обработаны автором и так мало свидетельствуют об обстоятельности, которой заслуживает взятая им тема, что интерес к ним может быть оправдан лишь с точки зрения желательности использования и опыта неудач и промахов. Это почувствовал сам автор, и в своем напутственном «от автора» совершенно отказался от претензии считать свои заметки «научным исследованием затронутых... вопросов». По его словам, хотя и не совсем вразумительным, брошюра представляет собою «скорее предвосхищение мыслей, нежели последовательно разработанные идеи» (3 стр.). Можно думать, что такие заявления ему продиктовала не одна авторская скромность: ведь всетаки он собирается дать ни мало, ни много, как «описание контуров нового мира» (4 стр.).

Последую за автором в этом описании.

Оно открывается зарисовкой «контура», повидимому, имеющего с точки зрения автора главенствующее значение; этот «контур» назван

им «закон жизни». Сей закон «описан» автором в достаточно высоком штиле следующим образом:

«Жизнь дана для того, чтобы жить».

«Вот единственный неоспоримый, властный закон жизни. Аксиома познания, теоретического и практического разума. Основная директива судьбы, заповедь жизни, палящая, как зной, непреоборимая, полная собственной радостной мудрости».

«Жизнь для жизни» (5 стр.).

Выражения, как видит читатель, не только дубово-крепки, но и сильно-образны: тут и судьба, дающая основные директивы, здесь и непреоборимая заповедь, палящая как зной, и аксиомы познания и аксиомы разумов разных,—все собрано в одно место; и, разумеется, собрано не спроста: тов. Гольцман сгрудил все это для того, что все остальное отменить. «Все, что сверх этого («Жизнь для жизни!», *А. Т.*), то от лукавого» (5 стр.). Понятно, что при такой оказии без тяжелой аргументации и некоторой поэтической вольности не обойдешься.

Но ведь известно, что вольности поэтические, как и вольности дворянские, в жизни даром не проходят. Тов. Гольцман, установившему единственный, непреоборимый и т. д. «закон жизни» и записавшему все остальное по ведомству «лукавого», сейчас же, несколькими строками ниже пришлось состряпать очень лукавую философию истории.

Вот какой вид имеет эта зело мрачная (можно не без основания добавить: и темная) философия истории.

Все покрывающий «закон жизни» столь силен, что в одном абзаце у тов. Гольцман, он заставляет смолкнуть «все мудрые философии». Но, как явствует из следующего абзаца той же 5-й стр., идеалистическая философия сильно противилась ему и отвлекала от него человеческий ум к тысячам кумиров, «сделанных из камня или дерева. На худой конец— из туманного, мистического материала мысли» (5 стр.)—отвлекала «к потустороннему миру Беркли»,—«к трансцендентальному сознанию Канта»,—ну, и к другим кумирам. Но написано еще в следующем абзаце, против этого всегда шел протест из глубины души: «Безумцы! Не рвитесь вдаль от жизни! Помните простую мысль: где нет жизни, там нет жизни (5 стр.).

В строках, следующих за только что приведенными, «закон жизни» передается в качестве «молчаливого укора» материалистам от Демокрита до Маркса через Эпикура Лукреция, Бэкона и французских просветителей. Очевидно, попав дальше, к тов. Гольцман, «закон жизни» прервал молчание, ибо на след. 6-й стр., все, имеющие глаза, приглашаются «воззриться», а обладатели ушей—«услышать». Услышать предлагается, приблизительно, следующее. Человек вышел из мира животных; благодаря обществу, являющемуся самым высшим образованием животного мира, он покорил стихию природы. Но сам сделался жертвой «стихии общественной жизни». «Он диктует волю ветру и воде, но не располагает своими мышцами» (6 стр.). Благодаря этому, «он потерял самого себя» (6 стр.). Значение такого «урона» само собой понятно; жертвы же его, разумеется, трудно подсчитать, но во всяком случае известно (если кому и не было известно—«воззрись»—увидишь! *А. Тр.*), что «человечество сделало все возможное, чтобы погубить себя. Все средства были применены» (6 стр.), и только поистине не человеческая, а кошачья живучесть спасла человека, правда, в порченном виде: человек заплесневел. Так потеря возможности располагать своими мышцами, привела человечество, хотя и могущественное, но состоящие из заплесневелых людей, на край гибели. «Еще несколько

столетий, и, быть может, страшный круг замкнулся бы. Человечество бы погибло» (7 стр.).

«Человечество бы» беспременно погибло бы, если бы... если бы русский язык не предоставлял в распоряжение авторов лукавых философий словечко «но», про которое покойный Ленин говорил, что оно походит на французское «mais», когда последнее, сызнова переведенное на российский лад, означает: «уши выше головы не растут». Только таким «но» и спасает тов. Гольцман свое «человечество бы»: «Но», пишет он, сейчас после того, как человечество совсем было сгинуло, «новый, юный класс открывает новую страницу. Он сбрасывает старых фетишей. Он святотатец» (7 стр.). Разумеется, сейчас же «новая культура ушатами (язык-то какой,—что ни строка, то художество, *А. Тр.*) вливается в жизнь» (7 стр.). Эта, ушатами вливающаяся «новая культура», как только она смоет с заплесневелого человека плесень, которой он наградил себя сам, а также «грязь и мусор», которыми «обсыпала его история» тотчас же «щупает его мышцы»; затем «справляется о желудке; бережно рассматривает его отбросы и сокрушительно качает головой» (7 стр.). Потом «щупает голову» и тут уже «не только качает головой, а прямо охает: здесь, оказывается, знахари и шаманы, богословы и философы всех времен и народов «воздвигли себе нерукотворный памятник».

Сначала они все вместе «доказали воочию, что жизни нет»: потом, как известно, наука разнесла знахарей, шаманов и богословов. «Тогда, — повествует дальше автор,— выступил философский колпак. Бытие и небытие. Существует то, что не существует. Реально то, чего никто не осязал. Бытие заключается в небытии. И наоборот. Все, что существует—не реально. Небытие у всех перед глазами. Собственно глаз и ушей не бывает. Есть только представление о глазах и ушах».

«Все это доказала воочию философия. Она набила человеческую голову такими обручами (если в приведенном месте нет опечатки, а имеется грамматическая вольность, то прошу читателя меня за оную не винить: я точнейшим образом цитирую автора, *А. Тр.*), что только класс клепальщиков и молотобойцев может их сбить» (7 стр.).

Разве можно после этого сомневаться в праве тов. Гольцман зачислить философию по ведомству «лукавого»? Совершенно невозможно: философия самое патентованное исчадие ада, «бич человечества хуже войны и мора»! (8 стр.). Должно не даром рыцарский орден российского невежества, монашество, так ревниво охранял души наших предков от тлетворных бесед «с мудрыми философами»: «не подобает верным прельщатися чрез философию и суетную прелесть».

Ох, лукавая эта штука философия!

Но юный святотатец, новый класс,—явившийся, очевидно, в силу формулы: «святотатство всегда было лозунгом жизни» (7 стр.), стало быть, раз человечество у тов. Гольцман не погибло, так подавай класс святотатцев,—уже «открыл новую страницу». Переверну, только уж я без святотатства и с благословением,—неравнодушен, потому, по части философии,—и я страничку, посоветовав читателю помнить, что новая культура» еще на переворачиваемой страничке успела провозгласить лозунг «реорганизация человека», и иметь в виду, что лукавая философия не оставляет тов. Гольцман и в следующей главе о «трудовой культуре».

Здесь страшных вещей не меньше. «Старый мир в муках умирает. Творения тысячелетий, нагроможденные друг на друга, погибают». Ясно, что такое дело не обходится без борьбы. «Техникой и наукой, богосло-

вием и философией защищает он (старый мир, *А. Тр.*) свои последние часы». Понятное дело, что при таких условиях новый мир, хотя он и не может народиться, покуда старый не погиб, обязательно должен «взорвать» старый. «Лишь взорвав тысячелетия, рождается новая эпоха»... Вот, видите, читатель, на 9 стр. у тов. Гольцман очень пахнет «философским колпаком»,—«небытие у всех перед глазами»; и не родился новый мир, а взрывает—и даже целые тысячелетия! Совсем по «философскому колпаку» вышло: «существует то, что не существует». Ох, погубит доброго Гольцман эта лукавая философия!

Однако, превозмогу страх и последую за автором дальше. Он сам собирается следовать «за его (человека, *А. Тр.*) шествием по тысячелетиям» и перед походом разрешает вопрос: «в чем суть культуры трудовых масс?».

«Прежде всего это сам труд», отвечает он. «Культура, создающих ценности, не может выдумываться. Она не может быть продуктом ума. Массы не работают умом: они работают руками. Их культура это—их руки» (10 стр.).

Запасшись этими истинами (без лукавой философии, видно, и здесь не обошлось), тов. Гольцман, в сопровождении К. Бюхера, пускается в свое шествие по тысячелетиям. Без содействия Бюхера сделано открытие, что человек, «применяя мотыгу, лук и сети, меняет методы воздействия на природу» (11 стр.), без него же выстроена Вавилонская башня, а потом опять... философия. Оказывается, новое преступление должно быть записано за ней: она, философия мерзкая, подговорила науку и богословие об'единиться с ней, «чтобы принизить труд, расхитить его. Сущность эксплоатации ведь заключается в расхищении, распылении труда, в систематическом его уничтожении» (13).

Ну, вот, а чудак Маркс советовал трудящимся заняться экспроприацией эксплоататоров, а другой чудак, Ленин, так тот даже самого тов. Гольцман учил, что социализм нужно строить из добра, оставленного систематической эксплоатацией. Это у них не иначе, как помутилось от любви к философии.

Ох, лукавая эта философия. Чего доброго, взорвет она и «новую культуру» тов. Гольцман.

Есть основания опасаться,—уж очень сильна она, бестия. Вы подумайте: стоило ей только помочь эксплоатации труда, сейчас же оказалось в этом «величайшее зло судьбы человечества, его фатум, залог крушения и гибели. Человечество направилось, хотя и по необходимому, но по ложному пути». (13 стр.).

Человечество опять у «последней черты», но... ведь всех спасающее «но» этаких традиций не переживает, оно вновь с полным сознанием своего значения выползает не на сцену, а на странички нашего автора и спасает гибнущее человечество (конечно, не забывается и тов. Гольцман).

«Но», вещает тов. Гольцман,—как только труд побеждает, он мобилизует человеческий ум для упрочения и развития своей победы» (13 стр.). Это как будто малость противоречит утверждениям одной из предшествовавших страниц (10-й), относительно того, как работают трудовые массы, но этим смущаться не след: где-то дальше тов. Гольцман заявит, что социальная жизнь людей идет по рельсам парадоксов, а так как он-то не вне этой самой жизни, то, стало быть, с этим путем необходимо считаться. К тому же через десяток—другой срок он опять вернется к «массе, которая работает руками», а голову имеет, очевидно, для украшения. Эти руки, работающие без ума, он сделает «культом» для масс и в заключение провозгласит господство мышц.

«Мышцы становятся (это после взрыва тысячелетий, *А. Тр.*) господами мира и провозглашают культуру мышц, культуру работающего тела» (14 стр.).

Бедная голова! Кто-кто, а уж ты, безусловно, на краю гибели, коли дело дошло до провозглашения новых эпох и культур одними мышцами!

Итак, ум, философия—все это сзади. Впереди—«новая культура». Помимо того, что она есть культура мышц и проч., она же является культурой своеобразных прививок (по-другому, это называется «переломы в культуре»).

В качестве предтечи (тов. Гольцман питает слабость к божественным аналогиям, поэтому он не прочь сравнить себя с Иоанном Крестителем) новой культуры автор обращается с проповедью, прежде всего, к мужику. Уличив еинного мужика в смертном грехе сожительства с природой,—а «природа это—мистика», изрек на 17 стр. тов. Гольцман,—он расписывает ему прелести «вполне осязательного» «категорического императива» фабричного гудка и предлагает совершить «скачок из царства одной культуры труда в другую», предупреждая, что оный должен быть совершен достаточно быстро, хотя бы он давался и не легко. В утешение мужик поучается. «Девять месяцев зачатия трудно сжать во времени. Не легко сжать в рамки 2—3 лет и процессы, имеющие исторические периоды» (19 стр.). Поощренный столь вразумительной тирадой—для большей убедительности тов. Гольцман еще прибавил мужичку: «Эволюция, сжатая во времени, есть скачок» (20 стр.)—мужик бросил «мистику» и согласился на «хирургическую прививку» нового трудового «бытия» (20 стр.).

После такой хирургической «прививки» («хирургия»-то здесь, должно, по Чехову) идет «нарастание культуры». Здесь—новая прививка—«прививка темпа» (22 стр.), затем еще «прививка времени» (26 стр.). Благодаря этому, получается «новый человек», решающий встающие перед ним задачи, почему-то «сжатые во времени», «рефлекторным путем». «Тут некогда применять ум» (26 стр.). Дальше рассказывается, как нужно выбирать профессию, при чем заявляется, что тот, кто не может решить «задачу № 1»—«поддержка элементарной чистоты и порядка без посторонней помощи»,—тот обречен на неизбежный пессимизм: «мир вещей его квартиры будет для него источником отчаяния» (30 стр.).

Что и говорить, картина грустная и, по-моему, достойная внимания апостолов культуры без ума...

Затем, установив, что человек «новой эпохи» решает инстинктом то, что люди предыдущих эпох обдумывали, тов. Гольцман красочно и подробно описывает «тэйлоризм в потреблении». Здесь изображено, как «в питание и в отдых врывается поэзия машинистов», как «наступает в наиболее изощренной форме та механизация жизни, которую творил и против которой протестовал В. Ратенау» (34 стр.). Кроме того, рекомендуется тщательное изучение содержимого ночных горшков (36 стр.), поощряется умение делать Лукулловы обеды из пустяков (36 стр.), а заодно «взрывается» и кухня: это штука едва ли уступает по злобности философии. Она—«сифилис семьи» (34 стр.).

Бедная кухня! И ее взорвала лукавая философия!

Саперно-хирургические работы «новой культуры» и ее пророка закончены. Но не думаете, что здесь все пойдет по ветхому завету, и тов. Гольцман почиет от дел своих. На очереди новая работа. Предусмотрительная «новая культура», оказывается, «тащит с собой гигантский вентилятор в тысячи лошадиных сил для продувания идей» (8 стр.). И тов. Гольцман дует—продувает.

Несчастная наука, загубленная на предыдущих страницах философией, здесь обвиняется по новой статье: ей вменяется в вину неподчинение «тэйлоризму». Есть смягчающие вину обстоятельства: тов. Гольцман, великодушно забывая о своих прежних разносах науки, соглашается, что она изрядно помогла человеку. Но—переходит он на стезю прокурора,—как она сама развивалась? Строилась ли она по заранее продуманному плану? На протяжении истории развертывалась ли она, как математическая теорема? Подчинена ли она закону равномерного движения?» (40 стр.). Вы только подумайте: ребят, в мозги которых наука укладывается, обоими концами, сначала учат по старику Эвклиду, а потому вдруг Эвклида развенчивают и тычут в нос Риманом, Лобачевским! Как после этого не сказать, хотя «это будет звучать парадоксально: чем точнее наука, тем она приближеннее». Да и какой же это парадокс, когда «в геологических переворотах земли никто не сомневается, хотя их размеры и сроки указаны лишь весьма приблизительно. Дарвинизм попирает всякую точность. Но точнее любой из них (надо думать наук, *А. Тр.*), он оправдан жизнью. Но, хотя арифметика с абсолютной точностью и утверждает, что нуль—это—«ничего» (бедное «ничего» и тебя лукавый не оставляет в покое! *А. Тр.*), тем не менее, трудно поверить этому утверждению. Как бы ни выкачивать воздух из сосуда, в нем еще остается некоторое количество его. Исследования опровергают существование нуля. Можно говорить лишь о практически ничтожных величинах, о величинах, приближающихся к «нулю» (42 стр.). Но это еще не все, весь ужас дальше: физика-то, «физика покрыта авторитетом философии! (43 стр.).

Ох, лукавая философия, ведь покроешь ты своим авторитетом нашего пророка безголовой культуры!

Все это «продувает» старательный тов. Гольцман для того, чтобы получить, вместо действительности милый сердцу его «мир приближенных величин» (45 стр.). В этом «мире приближенных величин» и разовьется, очевидно, «культура мышц». У «нового человека» даже «мышцы жаждут ощутить бесконечно малые величины» (53 стр.). В этом мире нервы человека «заряжены на всю жизнь и каждую секунду готовят его к скачку» (35 стр.). Человек этого мира, вечно готовый скакать,—таким тов. Гольцман представляется пролетарий,—в ответ на вопросы будет выпаливать «новыми реакциями»—формулами. Спросите его, «что такое покой? Без дальнейшей философии, основываясь на жизненном опыте, он ответит формулой равновесия сил...» (35 стр.). В конце-концов, такой человек не выдерживает вечной готовности к скачкам и «перескакивает через самого себя» (54 стр.). Слов нет, не всякому это под силу,—но ведь для этого-то и надо сделаться «новым человеком», «стать человеком-мячом», «акробатом», ну, а уж ежели назвался «новым человеком», перескакивай через самого себя.

Вот с этим лозунгом: «стать человеком-мячом! акробатом!» и выступает «новая культура» последней моды. Ее пророк-предтеча стоит и, запасшись «громкоговорителями» благочестивого Ленгиз'а, вещает пролетариату всего мира: «Пролетарии всех стран, делайтесь акробатами, становитесь людьми-мячами!».

Вы правы, тов. Гольцман: философия не иначе, как от лукавого: иная так подшутит...

А. Троицкий.

БОЛЬШЕВИК

№ 8 № 8

30 АПРЕЛЯ

1925

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 30 АПРЕЛЯ 8

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1 9 2 5
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
ПРАВДА

Главлит 36088. Москва. Тираж 50.000.
Типография изд-ва „Правда“ и „Беднота“, Серебряническая наб., д. № 23а.

Н. Бухарин.

О новой экономической политике и наших задачах[1]).

В настоящее время наша партия и советская власть особенно внимательно рассматривают вопрос о соотношении между рабочим классом и крестьянством, о соотношении между нашей государственной промышленностью и крестьянским хозяйством. Этот вопрос становится ныне опять с очень большой остротой в порядок дня.

Все мы ощущаем сейчас **рост** нашего хозяйства, при чем темп этого роста в настоящее время никак не может быть назван медленным. Но, учитывая этот факт, необходимо иметь в виду и другое новое обстоятельство, которое ни в коем случае нельзя недооценивать.

Мы имеем в виду здесь тот процесс, который называется теперь ходовым именем «стабилизации» капитализма в Западной Европе. То, что капитализм в Западной Европе, в первую очередь в центральной Европе, сейчас вырастает и поправляет свое расшатанное войной здоровье, едва ли может подлежать сомнению. Подлежит большому сомнению только то, насколько прочен этот восстановительный процесс. Но совершенно бесспорно, что в данный отрезок времени, т.-е. в текущий год, в текущие месяцы, этот процесс обозначился со всей решительностью; его оспаривать нельзя, он является очевидным.

Правда, когда мы оцениваем общую мировую кон'юнктуру, общее международное положение, мы видим и другие тенденции, свидетельствующие о наличии большой революционной лихорадки. В данном случае обычно говорят о Китае, о колониальных движениях и проч. Это все совершенно верно, это тоже не подлежит никакому сомнению. Но—повторяем и подчеркиваем еще раз — в наиболее близких к нам географически капиталистических странах сейчас восстанавливается **буржуазное** хозяйство; это обстоятельство до известной степени влияет и на постановку вопроса о **нашем внутреннем** экономическом положении.

Мы живем между капиталистическими странами, мы окружены врагами. Если некоторое время тому назад мы могли говорить совершенно определенно, что параллельно с нашим ростом буржуазные страны экономически и политически падают и идут кни-

[1]) Настоящая статья представляет собою первую часть доклада т. Бухарина на собрании актива московской организации 17 апреля 1925 года.

зу, то теперь этого мы сказать не можем. Мы растем, и *они* растут, вот это есть нечто новое в той всемирно-исторической картине, которая развертывается сейчас перед нами. Этого *не было* в сравнительно недавнее время тому назад, это *есть* теперь.

Отсюда сразу же необходимо сделать один вывод, который напрашивается сам собой: при таком положении вещей, когда мы растем одновременно с близлежащими капиталистическими нашими противниками, вопрос о *темпе* развития, т.-е. вопрос о быстроте нашего развития приобретает исключительное значение. Если раньше он такого значения не имел, потому что наши капиталтистические враги шли книзу, а мы шли, хотя медленно, но кверху, то совершенно очевидно, что в условиях одновременного под'ема и у нас и у нашего противника, вопрос о *скорости* под'ема приобретает первостепенное значение. Вот почему наша партия, которая видит не только частности, мелочи, второстепенные конкретные детали, но которая должна и приучилась видеть за частностями и *общую* картину, должна отметить это новое в мировой обстановке.

Наша партия должна иметь в виду эту генеральную перестановку сил и сделать отсюда все необходимые выводы. Первое положение, которое отсюда вытекает, это положение о необычайной важности для нас *темпа развития нашего крестьянского хозяйства*.

Исходя из этой постановки вопроса, мы прежде всего должны притти к такого рода заключению: нам важно сейчас дозарезу все время *ускорять быстроту хозяйственного оборота*, и это ускорение быстроты хозяйственного оборота надо понимать как ту основную задачу, тот общий вопрос экономической политики, в который мы упираемся сейчас больше, чем в какую бы то ни было другую проблему.

Мы говорим, что мы должны расти хозяйственно быстрее. Это значит, что мы должны добиваться возможно более скорого накопления во всем народном хозяйстве в целом, в нашей государственной промышленности в особенности, потому что она является базой растущего социализма. Мы знаем, что сейчас от иностранного капитала едва ли можно ожидать многого. Следовательно, быстрота *нашего* хозяйственного оборота и оборота *нашего* капитала играет огромнейшую роль. Если мы ускорим движение хозяйственных соков во всем нашем хозяйстве, если мы ускорим оборот капитала, мы получим гораздо более быстрый темп нашего накопления, гораздо больший хозяйственный рост.

Это истина азбучная. Но на ней надо остановиться потому, что в эту проблему как раз и упираются все остальные вопросы хозяйственной политики.

В сущности говоря, если не считать самых первых шагов нашего хозяйственного развития [illegible] прошли три периода нашей

хозяйственной политики, при чем средняя из ее форм не представляла собой периода в настоящем смысле этого слова. Это была однодневка, которая, просуществовав некоторое время, быстро умерла.

Первая форма—*система военного коммунизма*; вторая это как раз и есть та однодневка, о которой мы упомянули, *система свободной торговли в местном обороте*, т.-е. первый шаг, который мы сделали, обнаружив, что система военного коммунизма совершенно не соответствует реальности; наконец, третья форма, к которой мы перешли с 21 года и которую мы имеем до сего времени, необычайно живучая в своем названии и вечно молодящаяся, несмотря на свой почтенный возраст, *новая экономическая политика*.

Как уже было указано, промежуточная фаза—местного торгового оборота—оказалась по сути дела лишь экономической однодневкой. Это был первый шажок по пути к настоящей, правильной экономической политике пролетариата. Местный оборот отнюдь не удержался в своем местном масштабе; он был сорван, товарооборот вышел из берегов, которые ставили ему первоначальные законодательные предначертания советской власти, выработанные нашей партией, и мы получили товарооборот, распространившийся более или менее по всей стране, поскольку этому не мешали дезорганизация рынка, плохие пути сообщения и целый ряд явлений экономического разлада.

Ленин в своей брошюре «О продналоге», которую нужно читать и перечитывать,—потому что каждый раз ее читаешь под новым углом зрения и каждый раз открываешь в ней то, что раньше оставалось незаметным,—замечательно определяет систему военного коммунизма, как систему «*запертого*» оборота. С этой точки зрения вполне естественно обозначить новую экономическую политику, как систему «*отпертого*» оборота.

Система военного коммунизма выполнила свою историческую роль, роль такой хозяйственной формы, которая должна была более или менее правильно распределить уже имеющиеся запасы, когда характерным являлось не столько развитие хозяйства и под'ем производительных сил, сколько потребление уже имеющихся запасов. Система военного коммунизма определялась не тем, что промышленность оживляла сельское хозяйство и обратно; дело было не в том, чтобы внутри промышленности оживлять различные отрасли, чтобы установить условия, в которых хозяйственные факторы взаимно оплодотворяли бы друг друга. Военно-коммунистическая политика имела своим содержанием раньше всего рациональную организацию потребления, при чем в первую очередь это потребление должно было охватить армию и остатки рабочего класса в городах. Эту историческую роль система военного коммунизма выполнила. Но совершенно ясно, что

когда нужно было восстанавливать хозяйство, система военного коммунизма не могла дольше существовать. В нашем партийном сознании это отражалось таким образом, что мы начали сознавать необходимость «отпереть», освободить от связывавших его пут, товарооборот.

Мы его сперва отперли на полоборота ключа; мы сказали: местный товарооборот. Но оказалось, что потребности развивающегося хозяйства или хозяйства, которое делало первые шаги к тому, чтобы развиваться, в сознании разных классов,—и, что особенно важно—в сознании рабочего класса отражались, как властная потребность раздвижения рамок этого хозяйственного оборота. Отсюда мы пришли к тому, что мы должны были сделать еще полуоборот ключа, отпереть то, что было заперто в эпоху военного коммунизма. Мы это сделали и получили новую экономическую политику.

В чем смысл новой экономической политики? У целого ряда наших партийных товарищей смысл новой экономической политики сводится только к одному: крестьянин на нас наступил, мелкобуржуазная стихия взбунтовалась, мы отступили и больше ничего—и только к этому, якобы, сводится все дело. Но дело, конечно, не только в этом, вернее н е с т о л ь к о в этом. Смысл новой экономической политики, которую Ленин еще в брошюре о продналоге назвал правильной экономической политикой (в противоположность военному коммунизму, который он там же в этой брошюре охарактеризовал как «печальную необходимость», навязанную нам развернутым фронтом гражданской войны),—в том, что целый ряд хозяйственных факторов, которые раньше не могли оплодотворять друг друга, потому что они были заперты на ключ военного коммунизма, оказались теперь в состоянии оплодотворять друг друга и тем самым способствовать хозяйственному росту.

При системе военного коммунизма крестьянин не был заинтересован в том, чтобы больше производить. Все излишки у него отбирались, легально продавать он не мог, его л и ч н ы й стимул хозяйствования был подрезан. Поэтому была полная х о з я й с т в е н н а я «размычка». Товарооборот был заперт на ключ. Следовательно, неизбежно должна была стоять и наша промышленность. Но и внутри самой крупной промышленности мы имели явления отрицательного порядка, вытекавшие из недоучета личной заинтересованности. Если у нас не было сдельщины и т. п., мы тем самым заперли частный индивидуалистический стимул, и тот, который есть даже в рабочем классе. Когда мы перешли к сдельщине и к другим формам оплаты, мы этим ключом открыли и фактор личной заинтересованности даже членов рабочего класса заставили содействовать развитию хозяйства.

Что значит с обще-хозяйственной точки зрения установление торговой связи города и деревни? Это значит, что мы сделали для города возможным хозяйственно оплодотворять деревню, а для деревни сделали возможным хозяйственно оплодотворять город. Другими словами, самый глубокий смысл новой экономической политики заключается в том, что мы впервые открыли возможность взаимного оплодотворения разных хозяйственных сил, различных хозяйственных факторов, а только на основе этого и получается хозяйственный рост. Только из этой связи и из взаимного воздействия этих хозяйственных факторов и получается этот хозяйственный рост, т.-е. рост производительных сил и под'ем хозяйства.

Вы можете иметь сколько вам угодно самой лучшей, самой квалифицированной рабочей силы; вы можете иметь довольно хороший инвентарь в крестьянском хозяйстве, даже не разоренном; вы можете иметь очень цветущих, здоровых «пейзан» вместо полуголодных крестьян; но если вы не дадите возможность различным хозяйственным факторам экономически воздействовать друг на друга,—у вас будут стоять фабрики, у вас будут стоять заводы, у вас будут падать крестьянские хозяйства: у вас будет общее попятное движение.

Нужно было эти различные хозяйственные группы, эти различные хозяйственные факторы сцепить таким образом, чтобы обеспечить их взаимное экономическое оплодотворение. Исходя отсюда, мы вырабатывали наши лозунги при переходе к новой экономической политике; поэтому совершенно не случайно мы пошли п о л и н и и т о р г о в л и в п е р в у ю о ч е р е д ь, потому что торговля-то и означает как раз ту связь, которая позволяет воздействовать одному хозяйственному фактору на другой, в первую очередь, городу на деревню и обратно.

Это есть основа новой экономической политики, и если мы под этим углом зрения посмотрим на различные хозяйственные этапы, которые мы прошли, то наше движение можно определить, как движение от «запертого» ко все более «отомкнутому» хозяйственному обороту.

Но этот опыт экономического движения нам показал, насколько неправильны были наши старые представления о достижениях социализма уже после завоевания государственной власти пролетариатом.

Грубо говоря, раньше мы представляли себе дело так: мы завоевываем власть, почти все захватываем в свои руки, сразу заводим плановое хозяйство, какие-то там пустячки, которые топорщаться, мы частью берем на цугундер, частью преодолеваем, и на этом дело кончается. Теперь мы совершенно ясно видим, что дело пойдет совсем не так.

Среди громадного количества нелепостей и глупостей буржуазные критики политики пролетарской диктатуры в России сказали кое-что неглупое и относительно верное. Один из самых умных критиков коммунизма, австрийский профессор Мизес, написавший в 1921—22 г.г. книгу о социализме, развертывает следующий ряд положений. Мы, говорит он, согласны с марксистскими социалистами, что нужно бросить всякую сентиментальную ерунду и ставить вопрос так, что лучшим является тот хозяйственный порядок, который лучше развивает производительные силы. Но так называемый «деструктивный» социализм коммунистов ведет не к развитию производительных сил, а к их падению. Это происходит прежде всего потому, что коммунисты забывают о крупнейшей роли частно-индивидуалистического стимула, частной инициативы. Капитализм страдает пороками—это верно. Но капиталистическая конкуренция ведет к развитию производительных сил, которые гонятся капиталистическим развитием вперед и в результате роста производительных сил общества больше приходится и на долю рабочего класса. Поскольку коммунисты хотят установить производство по приказу, из-под палки, постольку их политика потерпит и уже терпит неминуемый крах.

В системе военного коммунизма, рассматриваемой с точки зрения ее экономической сущности, несомненно, есть кое-что похожее на эту карикатуру на социализм, гибель которой предрекали все ученые экономисты буржуазии. И поэтому, когда мы от этой системы стали отказываться и когда перешли к рациональной экономической политике, буржуазные идеологи заголосили: здесь начинается отступление от коммунистических идей: сдали свои позиции, проиграли свою игру и теперь возвращаются к почтенному капитализму. Они так ставят вопрос, но проиграли-то в сущности не мы, а они.

Мы были поставлены в определенное положение, при котором мы действовали так, как нужно и можно было действовать. Но потом мы сообразили, как нужно итти дальше, и теперь можно сказать, что наши противники в этом споре проиграли. Мы отстояли в борьбе самое важное, что нужно было отстоять: диктатуру пролетариата.

Когда же мы перешли к нэп'у, мы этим самым практически стали преодолевать изложенную выше буржуазную аргументацию, выставленную против социализма. Почему? Потому что смысл нэп'а заключается в том, что мы, используя хозяйственную инициативу крестьян, мелких производителей и даже буржуа, допуская, таким образом, частное накопление,—мы вместе с тем, в известном смысле, ставим их об'ективно на службу социалистической госпромышленности и всего хозяйства в целом. Развязав товарооборот, мы тем самым дали возможность выявиться заинтересованности мелких частных производителей, стимулировали расширение производства, поставили на службу социализму индивидуалистические стимулы отсталых слоев рабочих, которыми движут некоммунистические идеи, а частные интересы, путем введения формально прежней системы оплаты—сдельщины и пр.; заставили так работать, что, исходя из своих *частных* интересов, пролетарии способствуют под'ему общего производства.

Наши прежние представления заключались в том, что мы считали возможным почти сразу достигнуть планового хозяйства.

Наши теперешние представления иные. Мы захватываем главные командные высоты, ставим *главное*; а затем наше государственное хозяйство разными путями, даже иногда конкурируя с остатками частного капитала через рыночные отношения, постепенно все больше и больше увеличивает свою экономическую мощь, все больше увеличивает свое могущество и постепенно втягивает отсталые экономические единицы разными методами в свою собственную организацию, при чем проделывается это, как правило, *через рынок*.

Каким образом мы вытесняем прямых противников, частных капиталистов? Конкуренцией, экономической борьбой. Если они будут продавать дешевле, мы должны добиться положения, при котором мы продавали бы еще более дешево. В этом, между прочим, заключается наша *классовая борьба* в современной обстановке.

Таким образом, мы придем к плановому хозяйству в результате многолетней, многотрудной экономической борьбы с остатками частного капитала и проч., благодаря усилению нашей хозяйственной мощи. Это будет долгий процесс. Мы развязываем в течение некоторого времени хозяйственные силы, которые есть в стране, не только у нас, но даже у наших противников; мы должны их поставить в такое положение, что они, волей неволей, будут одновременно обслуживать и наше дело.

Можно, следовательно, сказать, что если наше прежнее представление о развитии социалистического строя заключалось в том, что немедленно после диктатуры пролетариата мы уничтожаем рынок и тем самым *сразу* уничтожается капиталистическое хозяйство и *сразу* проводится плановое хозяйство—то тут мы ошиблись. Не сразу, а в процессе *вытеснения, преодоления и переработки целого ряда промежуточных форм*. В этом процессе рыночные отношения, деньги, биржа, банки и проч. играют очень крупную роль.

Теперь вся коммунистическая партия без исключения признает, что именно таков будет ход развития. Это теперь зафиксировано в проекте программы, принятой Коммунистическим Интернационалом на последнем конгрессе.

Настоящую хозяйственную политику победоносного пролетариата, т.-е. такую политику, которая использует все хозяй-

ственные силы и которая действительно повышает производительные силы страны, мы можем вести только при таких условиях и тем успешнее, чем у нас будет более развернут хозяйственный оборот, т.-е. если мы будем вести хозяйство, не на «запоре», а путем дальнейшего раздвижения рамок военного коммунизма.

Но здесь возникает целый ряд новых проблем, которые значительно осложняют вопрос. Само собой разумеется, что нам важно добиться не просто развития производительных сил, и не просто хозяйственного под'ема. Если бы мы сейчас взяли и за бесценок отдали бы всю нашу страну американскому капиталу, то возможно, что он, влив весь свой излишний капитал, мог бы двинуть экономически нашу страну, на первых порах, быстрее, чем мы (если, конечно, отвлечься от перспективы ожесточенной классовой борьбы, которую российский пролетариат привык вести против капитала в течение ряда десятилетий).

Нам нужно такое развитие производительных сил нашей страны и такой хозяйственный под'ем, которые сопровождались бы ростом *социалистических форм* и постоянным вытеснением и ослаблением форм капиталистических, враждебных социализму. Нам нужно достигнуть такого развития производительных сил, которое вело бы нас к социализму, а не такого, которое вело бы нас к возрождающемуся целиком, так называемому, «здоровому» капитализму.

Нам кажется, что когда мы переходили к новой экономической политике, у тов. Ленина был при разрешении этой проблемы один стратегический план, а когда он писал свою статью о кооперации, т.-е. оставлял нам последнее завещание, в смысле основ экономической политики, у него был другой стратегический план. Эти оба плана не есть абсолютная противоположность, они, конечно, связаны друг с другом.

В чем основной мотив рассуждений Ленина в брошюре «О продналоге»? Он говорил, что в движении к социализму прежде всего необходимо преодолеть распыленную мелко-буржуазную стихию. Мелко-буржуазная стихия, мелкий хозяйчик, с точки зрения экономической—наш главный враг, и для того, чтобы эту стихию и распыленность преодолеть, нужно иметь смелость использовать крупный капитал, главным образом концессионный, как посредника. Пролетариат—социалистический элемент хозяйства, плюс крупный капитал, в известном смысле, образуют экономический блок, который связывает разными нитями распыленную мелко-буржуазную стихию, являющуюся нашим главным врагом.

> «Не государственный капитализм борется здесь с социализмом,—пишет т. Ленин,—а мелкая буржуазия плюс частно-хозяйственный капитализм борются вместе, заодно и против государственного капитализма, и против социализма»... (Ленин. «О продналоге». Собр. соч., т. XVIII, ч. I, 204 стр.).

Вот каков был первый стратегический план.

Обратите внимание на то, что в этой связи товарищем Лениным написано по поводу кооперации буквально следующее:

> «Кооперация мелких товаропроизводителей (о ней, а не о рабочей кооперации идет здесь речь, как о преобладающем, о типичном в мелко-крестьянской стране) неизбежно порождает мелко-буржуазные капиталистические отношения, содействует их развитию, выдвигает на первый план капиталистиков, им дает наибольшую выгоду. Это не может быть иначе, раз есть налицо преобладание мелких хозяйчиков и возможность, а равно необходимость обмена. Свобода и права кооперации, при данных условиях России, означают свободу и права капитализму. Закрывать глаза на эту очевидную истину было бы глупостью или преступлением». (Ленин. «О продналоге», Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 219).

Этот первый стратегический план совершенно ясен. Нам нужно достигнуть социализма, т.-е. планового хозяйства,—это есть наш идеал. Нам нужно сделать целый ряд уступок крестьянскому хозяйству, потому что крестьянин на нас напирает. Но мелко-буржуазная стихия—наш главный враг, мы должны ее преодолеть в союзе с крупным капиталистическим союзником—концессионным капиталом, государственным капитализмом против мелко-буржуазной стихии. Кооперация в этом плане определяется, как важнейшее звено государственного капитализма, потому что кооперация это есть такое звено, которое в первую очередь помогает капиталистическим элементам, кулацким элементам деревни. Но это не страшно. Мы припаяем эти элементы посредством кооперации к системе нашего государственного капитализма, регулируемого диктатурой пролетариата и, таким образом, в состоянии будем, держа блок с этими капиталистическими элементами, преодолевать многочисленные миллионные атомы мелко-буржуазной стихии. Таков был этот план.

Если мы сравним теперь только что изложенное с тем, что было написано в последней статье Владимира Ильича о кооперации, то мы увидим совершенно другой план. В первых строках этой статьи дается ряд пояснений о государственном капитализме. На счет кооперации там уже не говорится, что это звено государственного капитализма.

> «При государственном капитализме предприятия кооперативные отличаются от государственно-капиталистических, как предприятия частные, во-первых, и коллективные, во-вторых. При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частно-капиталистических, как предприятия коллективные, но *не отличаются от предприятий социалистических*, если они осно-

ваны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т.-е. рабочему классу».

Или ниже:

«Теперь мы вправе сказать, что простой рост кооперации для нас тождественен (с указанным выше «небольшим» исключением) с ростом социализма»... (Ленин. «О кооперации». Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 143—144).

В соответствии с этим вся стратегическая обстановка там не такая, как в брошюре «О продналоге», а существенно иная. Основная линия плана; это—блок с крестьянством, который организуется в кооперацию, против крупного капитала и против остатков частного капитала вообще.

Таковы два плана, которые были выдвинуты самым крупным умом и самым крупным теоретиком и гениальным вождем рабочего класса. Наличие этих двух планов, конечно, нельзя об'яснять так, что Владимир Ильич думал раньше так, а потом радикально иначе. Эти планы не находятся в коренном противоречии. Но за это время, от первого варианта тов. Ленина до второго варианта, до письма о кооперации, произошли громадные сдвиги. Произошел ряд событий, который раскрыл перед т. Лениным известные новые перспективы.

Мы уже отметили, что нам нужен не рост производительных сил сам по себе, а такой рост производительных сил, который бы обеспечивал победу социалистических элементов. С другой стороны, мы указали, что рост производительных сил возможен только при самом быстром обороте. Но теперь представьте себе, что, имея магазины, в которых были почти одни только вывески с надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и где не было бы ни куска товара; имея фабрики, на которых висели бы красные знамена, на которых тоже было написано—«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», и в которых тоже ничего не было и которые не были на ходу; имея банки, т.-е. банковские помещения, на которых тоже было написано—«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», но в которых не было почти ломанного гроша; имея очень большое количество советских знаков, в которых можно было потонуть на рынке, и на которых тоже было написано «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», и которые имели тот небольшой недостаток, что они не имели никакой ценности; если бы, имея все это, в таких условиях мы распустили абсолютно все шлюзы, весь тот оборот, о котором мы подробно рассказали, что бы тогда было? Тогда мы бы имели очень большой риск потерять и нашу экономику и даже наши головы.

Это могло бы случиться потому, что у нас не было в настоящем смысле этих слов экономических командных высот; в таких условиях мелко-буржуазная стихия плюс выделяющийся постоянно из этой стихии мелкий капиталист, который становится с каждым оборотом все более и более крупным, могли бы нас захлестнуть. Обеспечивая социалистический рост производительных сил, обеспечивая главную столбовую дорогу для поступательного движения социализма, мы должны были распускать вожжи для всего этого оборота в той мере, в какой это не угрожает нам; обеспечить условия, в которых мы были бы достаточно конкурентно способными, чтобы в процессе развертывающейся экономической борьбы, а не зажима, побеждать своего конкурента. Когда мы только что вступили в теперешний товарооборот и делали робкие шаги в этом направлении, мы отлично сознавали то громаднейшее значение, которое имеют командные экономические высоты. Но когда мы эти высоты взяли, это были почти пустышки. У нас были железные дороги, но они не ходили; банки с обесцененными деньгами и т. д., и т. п. Значит, здесь надо было быть в величайшей степени осторожным, и нам представляется, что именно поэтому у Владимира Ильича был тот план, который назван нами первым вариантом, первым его стратегическим планом. Надо было, прежде всего, как-нибудь укрепить свои командные высоты. Из чего? Единственный источник, который предполагался, это был иностранный капитал, концессии. Им предполагалось подпереть командные верхушки, чтобы себя укрепить—в результате этого приобрести известную маневроспособность.

Что произошло за время от первого варианта до второго? К этому времени выяснилось, во-первых, что иностранный капитал не очень склонен помещать себя в пределах нашего Союза. Мы сейчас имеем чрезвычайно мало концессионных договоров, но тогда их было еще меньше (в скобках замечу,—иностранный капитал начнет к нам приливать в значительных размерах только тогда, когда мы сами окрепнем). Второй факт заключается в том, что мы сами оказались в состоянии развивать наши внутренние силы так, как не рассчитывали даже очень большие оптимисты из нашей среды. Из смрада, из гнили, из голода и холода мы вылезаем довольно быстро, без посторонней помощи и без уплаты процента за оную помощь. Это стало уже ясно к тому времени, когда тов. Ленин еще был жив.

Наконец, третье, что стоит в связи с этим: оказалось, что командные высоты на почве хозяйственного роста укрепились в достаточной мере. Мы имеем командные высоты по-настоящему, как командные высоты, т.-е. у нас железные дороги стали ходить, наша индустрия стала работать, мы начали организовывать банки, мы стали подбираться к оздоровлению нашей государственной финансовой системы.

Поскольку мы реально получили командные высоты, постольку, совершенно естественно, произошло перемещение классовых сил. Если у нас нет банков, а создается мелко-буржуазная ко-

операция, то она нас давит. А если у нас есть банки, то она от нас зависит; мы ее кредитуем; если мы ходим голенькими, то кулак нас побеждает экономически, а если он является вкладчиком наших банков, он нас не победит. Мы ему оказываем помощь, но и он нам. В конце концов, может быть, и внук кулака скажет нам спасибо, что мы с ним так обошлись.

Совершенно естественно, что в этой новой обстановке нужно было принять новый вариант. Получилось новое соотношение сил и новое сочетание экономических отношений. С той поры, как мы получили в свои руки живую, обросшую мясом, плотью и всем прочим, чем полагается, промышленность, должна была измениться наша политика: меньше зажима, больше свободы оборота, потому что эта свобода нам менее опасна. Меньше административного воздействия, больше экономической борьбы, больше развитие хозяйственного оборота. Бороться с частным торговцем не тем, что топать на него и закрывать его лавку, а стараться производить самому и продавать дешевле, лучше и доброкачественнее его.

Если мы сами сильны, если в наших руках сосредоточена действительная экономическая мощь, если мы владеем действительными могущественными экономическими, хозяйственными высотами, то развязывание экономического оборота нам не страшно. Мы сами растем.

Вот новая обстановка, в которой совершенно естественно у т. Ленина, мог зародиться план, гениально предвосхищавший ход событий и служащий нам путеводной нитью и на будущее. Сейчас дело идет о том, чтобы развитие мелкобуржуазных хозяйственных стимулов поставить в такие условия, чтобы оно вместе с частным накоплением все в возрастающей степени обеспечивало укрепление нашего хозяйства. Раньше шло разрушение нашего пролетарского хозяйства; тогда мелкое производство было выгоднее крупного, и в голом факте обладания крупными заводами мы по сути дела еще не имели решающего преимущества; но когда начинается хозяйственный под'ем, мы с каждой минутой, с каждым часом будем ощущать все большую силу. Чем больше будет загрузка наших заводов, тем более массовым будет наше производство, тем больше город будет вести деревню; рабочий класс тем мягче и в то же время прочнее будет вести крестьянство к социализму.

Когда идет разруха по всему фронту, тогда деревня усиливается в противоположность городу, мелкое производство получает преимущество перед крупным; когда начинается под'ем, руководящая роль города становится непреодолимой, и так как мы уже в эту полосу вступили, то есть все основания полагать, что, усиливаясь во всеувеличивающейся прогрессии, мы достигнем очень быстрого темпа развития.

Тальгеймер.

О формальном и материальном отношении социалистического хозяйства в начальной стадии к докапиталистическим хозяйственным формам [1].

Вопросы, выдвинутые тов. Бухариным в статье: «Хозяйственный рост и рабоче-крестьянский блок» («Большевик», № 14), как и в полемике с Преображенским, имеют общее значение.

В споре с Преображенским Бухарин принципиально прав.

Эти вопросы имеют общее значение, ибо

1) дальнейшие этапы мировой революции не только не приводят к исчезновению проблему русского крестьянства, но подводят под эту проблему более широкую базу, поскольку неизбежно связывают Советскую Россию с ближайшей или ближайшими на очереди западными республиками советов. Было бы, конечно, неправильно рассматривать, например, как изолированный вопрос, условия развития пролетарской революции в Германии до завоевания власти, но еще неправильнее было бы рассматривать ее так после победы германского пролетариата. На другой день после этой победы мы будем иметь не две независимые друг от друга политические и хозяйственные системы, но одну комбинированную систему (при чем формы этой комбинации будут, разумеется, исторически развиваться: начальный пункт—государственная федерация, соответствующая Союзу ССР, но при соблюдении с самого начала строгой партийной централизации и т. д.; конечный пункт—централизация, слияние, что не исключает, конечно, учета всех отдельных национальных и культурных особенностей.

Однако, эта комбинация изменяет проблему отношения социалистического хозяйства к крестьянскому не принципиально, а только количественно. Комбинированная социалистическая система промышленности, транспорта, денежного обращения и т. д. вступает в определенное отношение к крестьянству всего союза.

Обозначим высоту социалистической промышленности в России через $Р_с$ (за меру высоты можно взять ценность годовой продукции, в свою очередь представляющую некоторое отношение между постоянным и переменным капиталом), высоту социалистической промышленности в Германии—через $Г_с$. Ту же величину для крестьянского хозяйства (простого товарного производства) в России и Германии обозначим соответственно через $Р_п$ и $Г_п$.

Мы получим тогда после пролетарской революции в Германии не $\frac{Г_с}{Г_п} + \frac{Р_с}{Р_п}$, но $\frac{Г_с + Р_с}{Г_п + Р_п}$.

---

[1]) **От редакции.** Помещая статью т. Тальгеймера, редакция оговаривает, что она считает ряд выдвинутых автором теоретических положений дискуссионными.

Поясним это на числовом примере (числа означают миллионы золотых марок).

Пусть

$$Г_с = 20.000, \qquad Г_с = 4.000.$$
$$Р_с = 1.500. \qquad Р_с = 2.000.$$

Мы будем тогда иметь *не*

$$\frac{Г_с}{Г_п} = \frac{20.000}{4.000} = 5:1; \frac{Р_с}{Р_п} = \frac{1.500}{2.000} = 3:4$$

но

$$\frac{Г_с + Р_с}{Г_п + Р_п} = \frac{20.000 + 1.500}{4.000 + 2.000} = \frac{21.000}{6.000} = 43:12,$$

или, в процентных отношениях,

$$\frac{Г_с}{Г_п} = 83,3:16,7; \qquad \frac{Р_с}{Р_п} = 42,9:57,1. \qquad \frac{П_с + Р_с}{Г_п + Р_п} = 76,3:23,7$$

т.-е. отношение промышленности к сельскому хозяйству, ведущемуся на индивидуалистических началах, для территории всего союза будет выше, чем то же отношение в отсталой стране, и ниже, чем в более развитой. $Г_с$ относительно убывает, $Р_с$ относительно растет.

(Числа взяты произвольно).

2) Во всех капиталистических странах Запада большее или меньшее количество крестьянских хозяйств переходит к началам социалистического хозяйствования (из крупных государств сравнительно больше всего во Франции и Италии, сравнительно меньше всего в Англии).

3) Революции в ряде нынешних колониальных крестьянских стран приведут, раньше или позже, огромные массы крестьян к социалистическому строю (Индия, Китай, Персия, Турция и т. д.).

Если брать мировую революцию *в целом* и *в момент ее завершения*, то вопрос об отношении социалистического хозяйства к крестьянскому получает для этого целого *общее* значение.

I.

Принципиальная противоположность между отношением социалистического хозяйства к простому товарному производству и отношением капиталистического хозяйства к нему же.

1. Исходный пункт: *капиталистическое хозяйство.*

В понятие простого товарного производства входит не только крестьянское хозяйство (мелкое и среднее), но и мелкое промышленное производство.

Признаки мелкого товарного производства следующие:

а) товаропроизводитель владеет *средствами производства*, эти средства еще не отделены от рабочей силы;

б) общественное разделение труда: простой товаропроизводитель производит на *рынок*. Что касается до крестьянина, то его продукт частью выбрасывается на рынок, частью же идет на непосредственное удовлетворение его собственных потребностей.

в) деньги, как средство обращения.

Простое товарное производство является *исторически* (а также логически) исходным пунктом капиталистического производства. Но это процесс не однократный, раз навсегда завершившийся, а постоянно возобновляющийся. Превращение товара в деньги, а денег в капитал в руках товаропроизводителя совершается постоянно. Т-Д-Т: процесс простого товарооборота: Д-Т-Д'': процесс образования капитала.

Следующие процессы характерны повсюду:

1. Отделение простого товаропроизводителя от средств производства, его пролетаризация; на различных ступенях капиталистического развития происходит при помощи различных средств.

А. *На ранней стадии капитализма.*

Тут действуют прежде всего два средства:

α) сильное налоговое обложение, войны, разорение крестьян;

β) торговое и денежное (ростовщический капитал) закабаление крестьянина, с последующей его экспроприацией.

Б. *В классический период капитализма:*

α) еще раз налоговое обложение;

β) конкуренция ремесла и фабрики, уничтожающая ремесленника и превращающая его в наемного рабочего. *В деревне* она уничтожает крестьянское домашнее хозяйство, превращая его из *преимущественно* замкнутого в преимущественно рыночное и специализируя крестьянина на производстве жизненных средств в непереработанном виде (производство зерна, скотоводство и т. д.). Она ставит его, таким образом, во все большую *зависимость* от рынка и присваивает себе часть произведенной им прибавочной ценности. Номинально крестьянин сохраняет самостоятельность, но попадает в ипотечную кабалу, становится арендатором, или же, в конце концов, сельско-хозяйственным или промышленным наемным рабочим. Переходная ступень: «полупролетарий», мелкое сельско-хозяйственное имущество, дополняемое работой по найму.

В. *На высшей ступени капитализма:*

α) опять-таки налоговое обложение;

β) тресты и т. д. присваивают себе часть крестьянского прибавочного продукта

1) путем монополизирования *транспортных средств*, установления железнодорожных тарифов и т. д.;

2) монополизируя хлебную и т. д. торговлю, а также *переработку* сельско-хозяйственных продуктов;

3) посредством монопольных цен на *промышленные товары*, отнимающих у крестьянина часть его прибавочного продукта.

2. Превращение части крестьянского прибавочного продукта *в капитал.*

Здесь нужно различать две *полярно-противоположные* формы.

Лишь в исключительных случаях простой товаропроизводитель сам превращается в мелкого *капиталиста*. Обыкновенно, в области *обращения*, путем торговых или денежных прибылей (или тех и других). Появляется крестьянский *торговец*, являющийся в то же время деревенским *ростовщиком* (тип кулака), мясником, прасолом, мельником, торговцем землями, лесом и т. д. Разнообразные комбинации этих типов. Иногда переход к капиталистическому производству на этой почве (мельница, лесопильня, пивоварня, молочная, изготовление водки, колбасы, овощных консервов и т. д.).

Впрочем, и это возможно лишь так, что один крестьянин приводит в зависимость от себя многих других, пролетаризует и пожирает их. Но, как правило, прибавочный продукт крестьянина превращается в капитал лишь в руках уже существующих капиталистов.

а) Налоги концентрируются в государственной кассе, предоставляются в виде кредитов промышленным капиталистам (большей частью при посредстве банков) и становятся таким образом капиталом.

б) Крестьянский прибавочный продукт попадает путем обращения товаров, в форме денег, в руки торгового промышленного и банковского капитала, которым и обращается посредственно или непосредственно—в капитал.

3. Артели при капиталистических условиях (производственная артель, закупочная и распределительная артель) превращают крестьянина в члена капиталистической организации, ставят его под контроль. Если он деревенский богатей, он таким путем непосредственно получает в свое распоряжение часть продукта труда бедного крестьянина. Если он бедный крестьянин или середняк, он фактически становится наемным рабочим артельного капитала (еще владеет средствами производства, но уже с ограниченными правами). Артель играет в отношении к нему роль посредника.

Общая тенденция, следовательно, такова: превращение простого товаропроизводителя в пролетария или полупролетария—на одном полюсе, превращение крестьянского прибавочного продукта в капитал в руках другого, капиталистического, класса—на противоположном. В результате—уничтожение простого товарного производства или его подчинение капиталистическому.

Есть четыре канала, по которым крестьянин втягивается в капиталистическую систему, подчиняется ей.

1) Товарный рынок, при чем здесь идут параллельно два процесса: во-первых, уничтожение крестьянского домашнего хозяйства конкуренцией дешевого фабричного продукта, и, во-вторых, истощение крестьянина высокими (монопольными) ценами на продукты промышленности, с одной стороны, и давлением на цены его собственных товаров—с другой.

2) Денежный рынок: кредиты и ссуды крестьянину ослабляют, разоряют и закабаляют его. Передача крестьянских сбережений (излишков), при посредстве банков, ссудных касс и т. д., в руки промышленного и торгового капитала.

3) Часть налоговых поступлений попадает через банки к торговым и промышленным капиталистам.

4) Транспортные средства, запасы, склады и т. д. сосредоточиваются в руках коллективного капиталиста (государства) или отдельных капиталистических монополистов.

II.

Изменение описанных процессов в условиях социалистического хозяйства.

В руках рабочего государства находятся:

Крупная промышленность,

Транспорт (железные дороги, судоходство и т. д.),

Денежный и банковский аппарат,

Монополия внешней торговли.

Что остается без изменений?

1) Прибавочный продукт крестьянина (и не только он, но и растущая доля его годового продукта вообще) выступает как товар, превращается в деньги, попадает на рынок.

2) Крестьянин приобретает все большую часть нужных ему предметов на рынке, в форме товаров.

3) Крестьянин превращается в коллективного производителя.

Что принципиально изменяется?

1) При капиталистических условиях вовлечение крестьянина в капиталистические хозяйственные отношения совершается в антагонистической форме. Его собственный прибавочный продукт превращается в капитал не для него, а для класса капиталистов; он сам превращается в коллективного работника через посредствующую стадию пролетаризации или полупролетаризации, через уничтожение его существования как простого товаропроизводителя.

В условиях социалистического хозяйства ему формально противостоит рабочее государство, как капиталистический монополист. Но количество и тут превращается в качество. Сущность отношения становится принципиально иной. Обобществленный капитал в руках рабочего класса теряет антагонистический классовый характер. Порядок эксплоатации прекращается. Простой товаропроизводитель превращается в коллективного работника. Но дело идет о создании не капиталистического, а социалистического производства в деревне, т.-е. о создании непосредственных коллективных форм производства.

Так как целью является теперь уже не антагонистический классовый порядок, то и путь уже не может быть антагонистическим. И, следовательно, не пролетаризация крестьянина, не присвоение его средств производства капиталом, но

1) непосредственная кооперация крестьян,

2) превращение крестьянского прибавочного продукта, через посредство денег, в коллективное средство труда рабочего государства (в государственной промышленности и т. д.).

Получается следующее положение:

Социалистическое хозяйство не может экспроприировать крестьянина путем высоких монопольных цен на продукты промышленности, высоких тарифов, высокого обложения и т. д., и не может этого делать по экономическим соображениям в такой же мере, как и по политическим.

В самом деле:

1) Социалистическое хозяйство не может создавать одни цены для крестьян, а другие для рабочих. Основной закон социалистического производства может заключаться только в повышении производительности, общественного прибавочного продукта, в росте как индивидуального потребления рабочего, так и общественного потребления всех видов.

Формально это должно выразиться в повышении заработной платы при одновременном падении товарных цен.

Рабочий класс не может сам стремиться к снижению своего жизненного уровня,—социалистическое производство, которое по своей тенденции было бы направлено к ухудшению положения рабочего,—есть нечто внутренне противоречивое и практически несостоятельное. (Разумеется, временное сокращение индиви-

дуального потребления ради социалистического накопления всегда возможно).

Но социалистическое хозяйство не может иметь две противоположные тенденции—одну для рабочего класса, другую—для крестьян. Впрочем, здесь достаточно указать, что с экономической точки зрения товарный рынок терпит только одну рыночную цену.

Итак, с тенденцией к удешевлению товарных цен, вытекающей из самой сущности социалистического производства, необходимо связана такая же тенденция и по отношению к крестьянству.

Для крестьян получаются следующие результаты:

1) Вытеснение примитивного натурального хозяйства (крестьянской домашней промышленности), специализация крестьян на производстве жизненных припасов в форме сырых продуктов.

2) Повышение крестьянского прибавочного продукта (путем удешевления средств производства и потребления, не им индивидуально произведенных).

Этот крестьянский прибавочный продукт принимает сначала форму товара, поступает на рынок и возвращается обратно к крестьянину.

Одна его часть идет на воспроизводство его инвентаря, или на (растущее) индивидуальное потребление.

В этом принципиальное отличие от капиталистического хозяйства. Последнее заключает в себе тенденцию к оскудевающему воспроизводству (и в конце-концов уничтожению) крестьянского хозяйства и к понижению его индивидуального потребления.

Растущее притязание русского крестьянина на улучшение условий своей жизни, на поднятие их до уровня жизни рабочего, есть вполне здоровое, нормальное, естественное явление в условиях социалистического хозяйства и находится не в противоречии, а в согласии с необходимой тенденцией труда.

Но не ждет ли нас на этом пути постоянное воспроизводство индивидуального крестьянского хозяйства, его закрепление или даже превращение крестьян в мелких капиталистов и противников социалистического хозяйства? Не сохранится ли тенденция к превращению простого товарного производства в капиталистическое? Откуда возьмутся импульсы и каковы будут пути для перехода крестьян к коллективному производству?

Тут мы подошли ко второй части крестьянского прибавочного продукта.

Эта вторая часть и является основой для превращения простого товарного хозяйства в коллективное хозяйство. Другой основы нет и не может быть.

(Непосредственный переход сельско-хозяйственных рабочих или полупролетариев к коллективному хозяйству нас в данной связи не интересует. На Западе он будет, конечно, играть большую, но не единственную роль).

Вторая часть крестьянского прибавочного продукта попадает:

1) в форме налогов непосредственно в руки социалистического государства, где она служит расширению социалистической промышленности и т. д., но в то же время образует фонд для сельско-хозяйственных кредитов;

2) непосредственно же в руки государственной промышленности, и служит расширению социалистического хозяйства;

3) переходит в Государственный банк;

4) переходит в артельную кассу;

5) превращается в частно-торговый и частно-промышленный капитал;

6) от простого накопления в кубышке крестьянина, которое бесспорно тоже играет большую роль, мы здесь отвлекаемся.

Итак, вот в чем заключается принципиальное различие:

Крестьянский прибавочный продукт не становится исходным пунктом для образования капитала, не попадает в руки класса-антагониста, а притекает—частью прямо, частью косвенно—к социалистическому хозяйству, или же остается в руках крестьянства, которое может его использовать только артельным способом.

Тут намечаются следующие этапы: артельная закупка и продажа, приобретение орудий для коллективного труда, устройство общих складов, связь с различными отраслями обрабатывающей промышленности (сначала при сохранении индивидуальных начал в сельском хозяйстве), и, наконец,—коллективное ведение сельского хозяйства, связанное с коллективной промышленностью.

Потребительская артель создает фонды, которые делают возможным постепенный переход к коллективному производству (а также кредиты и т. д. для более бедных крестьян). В то же время государство приходит крестьянству на помощь кооперативными банками и т. п.

Это то, что физик называет «идеальным процессом»,—принципиальная сторона дела.

В действительности процесс гораздо сложнее.

Он включает в себя борьбу государственной промышленности, Государственного банка, государственной торговли, кооперативов с частной промышленностью—частной торговлей—ростовщичеством.

Он включает в себя, далее, государственную и кооперативную поддержку беднейших крестьян, т.-е. фонды для равномерного поднятия крестьянства.

Есть ли опасность, что частный капитал одержит верх над социалистическим хозяйством? Разумеется, да—именно в том случае, если социалистическое хозяйство будет отставать в производительности от частного; а для этого достаточно, чтобы его производительность возрастала менее быстро.

Но принципиально нет ничего невозможного в том, чтобы «изолированное» социалистическое государство привело крестьянство к коллективному производству.

При большой территории социалистического хозяйства (несколько государств) и благоприятном соотношении между социалистическим и индивидуальным крестьянским хозяйством, положение изменяется количественно, но не принципиально: ускоряется темп перехода от крестьянского к коллективному сельскому хозяйству, сокращаются отдельные переходные стадии.

Разумеется, для судьбы того или другого отдельного советского государства этот вопрос темпа может стать решающим.

К социалистическому государству крестьянина привязывает не только передача ему земли. Как только сохранение земли обеспечено за ним, что вполне совместимо с буржуазной реставрацией

(вспомним Францию после реставрации Бурбонов), так крестьянская собственность вполне может стать источником контр-революционных поползновений. Но при развивающемся социалистическом хозяйстве вместо этой связи—через передачу земли—появляется новая, революционная связь между крестьянством и пролетариатом, а именно: принципиальная перемена в отношении к промышленности и т. д. после ее перехода из рук частного капитала в руки рабочего класса,—замена эксплоатации помощью в развитии крестьянского хозяйства, сначала индивидуального, а затем и коллективного.

Но эта революционная связь по самой своей природе длительна.

Трения и конфликты возможны и даже неизбежны в рамках этих новых отношений, но они качественно отличаются от тех, которые имели место внутри капиталистического строя. Они действуют как импульсы к развитию социалистического хозяйства и должны поэтому в своем выявлении стремиться к сглаживанию противоречий.

Вообще не следует думать, что раз социалистическое хозяйство представляет собою гармоническую систему, то оно свободно от всякого противоречия, от реальных противоположностей. Если бы это было так, то оно не было бы развивающейся системой. Но тогда как противоречия капиталистического строя имеют тенденцию уничтожить самый строй, при социалистическом строе они имеют обратную тенденцию, стремясь к его развитию, укреплению, внешнему расширению и внутреннему усовершенствованию.

Ошибочные выводы (напр., у Преображенского, но также и у теоретиков социал-демократии и буржуазии) проистекают от того, что по своей внешней форме отношение между простым товарным производством и капиталистическим хозяйством на первый взгляд такое же, как между ним и социалистическим хозяйством (денежная форма, рыночные отношения). Но денежная форма прикрывает во втором случае социалистическое содержание; теперь, когда на другом полюсе находится социалистическое хозяйство, деньги служат диаметрально противоположной цели.

Это можно представить в следующем виде.

Формула простого товарного обращения, которую можно рассматривать как формулу постоянного воспроизводства, сохранения простого товарного хозяйства, такова:

(I) Т—D—Т.

Товар превращается в деньги, деньги в товар, или в виде периодического ряда:

Переход от простого товарного хозяйства к капиталистическому изображается следующей формулой:

(II) D—TD″.

Деньги, возникшие из первого акта обращения в (I), превращаются в товар (средства производства и рабочая сила), а затем (после завершения процесса производства) дают D + d (деньги + приращение) = D′.

или в развернутом виде:

IIa D — T $\left(\frac{\text{Сп}}{\text{Р}}\right)$ · · · П · · · T′ — D′

Сп=средства производства

Р=рабочая сила,

где П означает производственный процесс. Сп—средства производства, Р — рабочую силу.

Но из (I) можно и прямо, без перехода через (II), вывести процесс социалистического хозяйства.

Как и в (II), исходным пунктом является первый акт обращения из формулы (I), превращение товара в деньги. Но далее наступает различие. Деньги превращаются теперь в элементы не капиталистического, а социалистического хозяйства, в непосредственно общественные средства производства, сырые материалы и т. д., и из процесса производства продукт выходит не как товар, а как «благо» (Б).

Итак,

(III) D—П ..... Б.

или в развернутом виде:

IIIa D—Сп · · · П · · · К

К=потребительная стоимость.

(Сп—средства производства, сырье, П—производство).

Характерно тут следующее:

1) Первый акт обращения, D—П, не остается в пределах товарного рынка, но происходит между товарным рынком и социалистическим производством.

2) Отсутствует купля рабочих сил (в этом характерный экономический признак социалистического производства).

3) Продукт не превращается в товар, а остается непосредственно общественным «благом». Поскольку он остается внутри сферы социалистического производства, он хоть и входит в обращение при посредстве расчетных знаков или настоящих денег, но от этого все-таки не становится товаром в строгом смысле слова.

Действительным товаром он становится тогда, когда вступает в обмен с простым товарным производством (с крестьянским рынком), или с капиталистическими хозяйствами заграницы.

Здесь ясно обнаруживается, что денежная форма внутри социалистического хозяйства обусловлена обменом веществ между ним и простым товарным производством, с одной стороны, между ним и капиталистическим хозяйством—с другой. Отсюда следует, что она может исчезнуть лишь тогда, когда социалистическое хозяйство установится решительно повсюду, т.-е. на очень отдаленной от сегодняшнего дня ступени развития. Переходом к исчезновению денег могут служить расчетные знаки.

Денежная форма является таким образом неизбежным соединительным каналом между простым товарным, капиталистическим и социалистическим производством in statu nascendi или fiendi (в стадии его зарождения).

Денежная форма есть внутри социалистического хозяйства нечто внешнее, под чем скрывается существенно новое содержание. Эта внешняя надслойка и является источником всех буржуазных заблуждений относительно своеобразия этого социалистического хозяйства, развивающегося в окружении простого товарного и капиталистического хозяйства.

Теоретически денежная форма внутри социалистического хозяйства может, конечно, привести к двум противоположным результатам:

к поглощению простого товарного производства социалистическим хозяйством, или к разложению социалистического хозяйства простым товарным производством и его возврату к капиталистической хозяйственной форме.

Если теоретически (I) может перейти в (II) или (III), а (II) в (III), то и (III) в свою очередь может перейти обратно в (II).

Денежная форма, как то общее, что одинаково присутствует в (I), (II), (III), служа в них посредником обмена, теоретически допускает все названные переходы. Практически вопрос решается развитием производительных сил в каждой из этих форм, находящим свое экономическое выражение в борьбе конкурентов на товарном рынке, в которой соприкасаются различные формы хозяйства и которая выливается в самые разнообразные политические формы.

В исторической перспективе победа формы (III), как высшей, неизбежна.

В заключение отметим еще один пункт, имеющий значение во всемирном масштабе.

Соприкасаясь с различными формами натурального хозяйства, капиталистическая система имеет тенденцию превратить его в простое товарное хозяйство (и тем самым уничтожить).

Социалистическое хозяйство в этом не нуждается, оно может и при наличии простого натурального хозяйства выявить свой характер развернутого непосредственно общественного хозяйства и осуществлять обмен веществ в форме непосредственного обмена, без промежуточного звена в виде денег.

Это имеет большое значение для многочисленных народов, у которых до сих пор сохраняются различные формы натурального хозяйства и по отношению к которым политика социалистических государств означает принципиальный поворот не только в собственно политическом, но и в экономическом смысле.

Лишь приведя в связь зарождающееся социалистическое хозяйство не только с простым товарным производством и с капиталистическим хозяйством, но и с примитивным натуральным хозяйством, мы сумеем теоретически уразуметь до конца все его своеобразие.

Анишев.

О советской главе нашей истории [1]).

(Ответ М. Н. Покровскому).

В № 14 «Большевика» напечатана статья М. Н. Покровского о советской главе нашей истории. Несмотря на то, что Покровский предупреждает, что это есть просто припоминание фактов в их хронологической последовательности, мимо этой статьи нельзя пройти, во-первых, потому что это статья М. Н. Покровского, во-вторых, потому что Покровский намечает методы построения всей истории нашего семилетия, и, в-третьих, потому что он дает периоды, которые, несмотря на все замечания Покровского, имеют далеко не только педагогическое значение.

Покровский пишет: «Нельзя отрицать, что, будучи научно весьма слабым приемом, периодизация весьма полезна педагогически. Если не фетишизировать вех, нами самими расставленных на пути истории, а пользоваться ими,—как и полагается пользоваться вехами,—лишь для ориентировки, начинающему они помогут понять особенности важнейших этапов прошлого».

В другом месте («7 лет пролетарской диктатуры») Покровский раз'ясняет это положение: он опровергает ссылку на авторитет Ленина, который любил периодизацию тем, что Ленину легко было периодизировать, так как он периодизировал только историю партии.

О том, что Ленин всегда намечал периоды, из которых выводил определенные лозунги, это совершенно верно, но неверно то, что Ленин давал только периоды истории партии. Ленин писал: «каждый отдельный лозунг должен быть выведен из всей совокупности особенностей определенного политического положения». Это достаточно ясно говорит, во-первых, о том, что значение схемы не только педагогическое, и, во-вторых, что Ленину для того, чтобы давать периоды партии, нужно было периодизировать всю совокупность особенностей определенного политического положения, т.-е. давать периоды истории.

Покровский считает, что попытка делить историю на определенные периоды—это особенность до-диалектического периода нашей исторической литературы, и всякую попытку периодизации считает «рожковщиной». Что схемы Рожкова вряд ли могут кем-нибудь признаваться диалектическими, в этом сомневаться не приходится, но отсюда далеко еще до вывода о том, что всякая схема нужна только как педагогический прием, при чем, очевидно, прием не вполне диалектический.

Редакция «Большевика» сделала примечание, оговаривающее несогласие с Покровским в этом пункте. Отмечены в примечании редакции и другие моменты, с которыми редакция несогласна. Мне кажется, над этой статьей и над основными моментами перио-

[1]) Вполне соглашаясь с критической частью статьи, редакция считает положительную часть дискуссионной.

дизации следует остановиться значительно больше, так как эта статья может оказать очень скверную помощь и начинающим историкам и пропагандистам.

Как т. Покровский предлагает строить схему?—Он говорит: «Так как у схемы должен быть какой-нибудь основной принцип, то я беру лишь одну сторону исторического процесса, которая мне представляется важнейшей». В этом положении кроется по моему мнению, вся основа ошибок Покровского в его периодизации. Это положение противоречит основному принципу диалектики: «Диалектика требует всестороннего учета соотношений в их конкретном развитии, а не выдергивание кусочка одного, кусочка другого» (Ленин).

Определение той стороны, которая предоставляется Покровскому важнейшей, не является как будто выдергиванием какого-нибудь случайного кусочка. Он предлагает положить в основу «положение пролетарской диктатуры в его отношении к непролетарским элементам как внутри, так и во внешнем мире, за границей». С этим, мне кажется, можно согласиться, если только понимать под этим взаимоотношения пролетарской диктатуры и непролетарских элементов, т.-е. соотношение и борьбу классов.

Но дело все в том, что Покровский берет в основу даже не односторонние отношения пролетариата к непролетарским элементам, а иллюзии (часто мнимые), не говоря даже о том, что это были иллюзии—Ленина и партии, или широких масс пролетариата. В период нэпа к пролетарским иллюзиям прибавляются иллюзии буржуазии и все это дает «напластование периодов».

Из этого вытекает, например, такое своеобразное положение, когда первый период Покровский называет периодом «пацифистских иллюзий», совершенно ничего не говоря о той обстановке, в которой эти «пацифистские иллюзии» процветали (я покажу потом, что их и не было).

Полная демобилизация армии, отвлеченно говоря, должна быть оценена как проявление пацифистских иллюзий. А между тем, мы переживали период, когда наиболее пацифистское явление—демобилизация армии была единственным методом создания вооруженных сил.

Не учитывать того противника, с которым нам приходилось иметь дело, и те силы, которые в нашем распоряжении в это время были, взять просто настроение руководящей партии и определить ее, как проявление пацифистских иллюзий, это и значит «выдергивание кусочка одного, кусочка другого».

Характерно далее, что Покровский период нэпа делит на две части опять-таки по признаку иллюзий, уже не только с нашей стороны, но и со стороны буржуазии, и только случайно и мельком устанавливает связь между изменением этих иллюзий и изменением экономического положения Советской России. Не твердый рубль является у него переломным моментом в развитии нэпа, а поездка американского профессора Гольдера, который в 1922 году «видел в России величайшее коммерческое оживление, в 1923 году перед ним расстилалась пустыня, на которую смотрели заколоченные окна магазинов и среди которой блуждали остатки голодающего населения».

Прежде чем рассматривать те выводы, к которым приходит Покровский, исследуя иллюзии наши и наших противников,

нельзя пройти мимо и другого методологического вопроса первостепенной важности, вопроса о взаимоотношениях экономики и политики в истории.

Намечая принцип своей схемы, Покровский отвечает на возможное возражение, «что исходной точкой тут является не экономика, не развитие производительных сил, но политика. Я думаю, однако, пишет Покровский, что для данного периода это совершенно правильно. Поскольку Россия 1914 года была уже определенно империалистической страной, экономика, определявшая ее судьбы, была не местная, а мировая: из этой мировой экономики можно об'яснить империалистическую войну (политический факт), разрушившую хозяйство царской России и тем вызвавшую революцию 1917 года; из туземных же экономических условий об'яснить участие России в империалистической войне нельзя».

Это положение вызывает недоумение с двух сторон. Во-первых, совершенно непонятно, каким образом сочетается у Покровского вся теория Ленина о смычке пролетариата с крестьянством и об особенностях нашей революции—пролетарской революции в крестьянской стране—с отрицанием местной экономики? Куда делись ленинские 5 элементов и его сравнение России с Германией? Если нужно и можно говорить о связи нашей экономики с экономикой мировой, то разве можно забывать значение и влияние нашей местной отсталой экономики крестьянской страны. Это первое.

Другое, что самая постановка вопроса «экономика и политика» дана совершенно неправильно. В конечном счете определяющим фактором всегда является экономика. От этого никогда и ни при каких условиях мы отказаться не можем. Историк должен учесть, в каждый данный момент в какой степени экономическое изменение является решающим, в какой степени политические изменения развиваются на основе экономического положения, соответствующего предыдущему периоду истории и т. д. Но не следовать за Каутским, держать схемы яко слепой стены, это совсем не значит, что нужно стать на голову. Особенно, если мы говорим не только о 1918, 1919 годах, но и о нэпе, когда основным политическим фактором стал рубль и рынок.

Одним словом, надо не определять раз навсегда, что для данного периода (а период этот не имеет еще конца, так как Покровский доходит до сегодня и до завтра) совершенно правильно, что исходной точкой является не экономика, но политика, но учитывать в каждый данный момент своеобразие влияния и взаимодействия между политикой и экономикой.

Мы должны помнить, что «революция это чисто стихийное явление, которое управляется больше физическими законами, чем правилами, определяющими в обычное время развитие общества» (Энгельс). Но мы должны помнить в то же время, что «чем длиннее изучаемый период, чем больше изучаемая область, тем больше приближается эта ось к оси экономического развития, тем параллельней ей она идет» (Энгельс). Мы должны помнить о том, что политическая диктатура есть факт, который не является бессильным экономически, что целый период нашей истории «нам ничего не оставалось и в области экономической, кроме как действовать по военному».

Но мы обязаны учесть изменения взаимодействий экономики и политики в 1923 году по сравнению с 1919—20 годом; если в 1919 году политическая диктатура пролетариата и ее перенесение в деревню являлась наиболее крупным и политическим, и экономическим фактором, то в 1923 году никакие политические действия пролетариата не могли иметь такого исторического значения, как установление твердой валюты.

После этих беглых замечаний можно перейти к рассмотрению тех периодов советской главы нашей истории, которые намечает Покровский.

Прежде всего приходится остановиться на «периоде пацифистских иллюзий». Положение о пацифизме Покровский обосновывает тем, что мы собирались разбазаривать военные склады, что мы отпускали комитет кадетской партии, что мы позволяли эсерам заключать договор с французской миссией и т. д.

Но, во-первых, если говорить о тех фактах, что целый ряд контр-революционных организаций спокойно продолжали работать в Советской России, то нельзя забывать о том, что немедленно после октября вооруженные отряды Красной гвардии понесли советскую власть в те районы, где местными силами советская власть установлена быть не могла, что мы имели вооруженную борьбу на Дону, на Кубани, на Урале; что мы, наконец, воевали в этот период не только с внутренней контр-революцией, но и с Румынией, которая потерпела довольно серьезное поражение под Рыбницей именно в период, который Покровский называет периодом пацифистских иллюзий.

Нельзя же назвать периодом пацифистских иллюзий тот момент, когда мы вели победоносную вооруженную борьбу на всех окраинах, где советская власть встретила препятствие для своего распространения. Пролетариат не вел вооруженной борьбы в этот момент в более широком масштабе, потому, что «никаких масс, способных воевать и победить советы» (Ленин), в данный момент не было.

Октябрьское восстание пролетариата опиралось на сочувствие всего крестьянства. Этот союз пролетариата и крестьянства (в целом) совершенно разбил и дезорганизовал буржуазию, и все попытки оказать сопротивление распространению советской власти в этот период носят настолько жалкий характер (Комитет Спасения, 5 января и т. д.), что говорить о какой бы то ни было вооруженной борьбе более крупных размеров, чем это было в самом деле, совершенно не приходится.

Мы должны помнить, что ни одна попытка русской контр-революции создать серьезное сопротивление советской власти без помощи иностранного капитала не давала никаких результатов в течение не только этого периода, но и всего семилетия советской истории. В этом же периоде и международный капитал занимал выжидательную позицию. Мы имеем факты предложения нам помощи со стороны антантовского империализма, и, даже, как пишет Набоков, обсуждение вопроса о признании советской власти.

Наиболее ярким пацифистским экспериментом можно было бы считать (и так и считает Покровский) Брестский мир. Он пишет: «это не был ни прочный, ни, главное, настоящий мир. И вот, это последнее обстоятельство, что мир был не настоящий, был худым миром, который лучше только доброй ссоры, это обстоятельство в 1917 году, несомненно, ускользало от внимания наших широких кругов».

Здесь неверно ни то, что этот мир не был миром настоящим, поскольку можно вообще говорить о настоящем мире между пролетарским и капиталистическими государствами, это—во-первых. А во-вторых, неверно и то, что мы этот мир считали настоящим.

Ленин говорил: «Этот зверь прыгает хорошо. Он это показал и он прыгает еще раз. В этом нет ни тени сомнения. Поэтому надо быть готовым, надо уметь, не фанфаронить, а брать даже один день передышки». Дальше: «мир есть передышка для войны. Война есть способ получить хоть сколько-нибудь лучший мир». И, наконец: «Я облегчаю вывоз из Питера тех материалов, пороха, ружей и проч., которые нужны для меня, потому что я оборонец, потому что я стою за подготовку армии, пусть в самом дальнем тылу, где можно лечить демобилизовавшуюся больную армию».

Если это можно считать иллюзией настоящего мира, то, конечно, и весь Брестский мир представится в виде «колоссального пацифистского эксперимента», но эти выдержки из Ленина с достаточной ясностью показывают, что Ленин, а с ним и вся партия, не считали этот мир ни прочным, ни сколько-нибудь хорошим. В то же время нельзя не учесть того, что германский империализм, как это признает и Покровский, в этот момент был вполне реально заинтересован в мире с Советской Россией. Следовательно, основной момент, который давал нам возможность тогда этот мир принять, заинтересованность обеих сторон, была налицо, и поэтому этот мир рассматривать как худой мир и только, будет неверно.

Ленин неоднократно указывал, что первый год мы прожили и просуществовали благодаря тому, что мы были прикрыты противоречиями между империалистическими странами. Это было вполне реальной оценкой соотношений сил в данный момент и никаких иллюзий в этом отношении не было. От международного империализма нас прикрывали империалистические противоречия, внутренняя контр-революция была дезорганизована и направляла все свое внимание на окраины, куда и мы направляли достаточное количество вооруженных сил, чтобы сломить их сопротивление.

Ленин давал характеристику периоду от октября 1917 года до февраля 1918 года, как периоду триумфального шествия революции.

И это определение можно подтвердить целым рядом фактов и о развале всех контр-революционных организаций и о нашем победоносном распространении по всей стране.

Март месяц является переломным моментом в том отношении, что от задач убеждения народа и ликвидации сопротивления буржуазии мы переходим к организационным задачам, во-первых, и, во-вторых, изменяется наше международное положение с заключения Брестского мира и с оккупацией германскими войсками Украины.

Германская оккупация была первой помощью международного империализма русской контр-революции, что выразилось в под'еме новой волны казацкой и кулацкой контр-революции на Урале и на Дону. В то же время союзный империализм от тактики выжидания и от обсуждения признания советской власти переходит к организации кадров контр-революции и к подготовке интервенции.

Но и в этом периоде мы имеем, как основной факт, лишь сопротивление мелкобуржуазной стихии организационным мероприятиям пролетариата, которое не выливалось еще в формы политической и вооруженной борьбы.

Наша тактика в этот период—это тактика «лавирования, выжидания и отступления», это тактика Бреста и апрельских речей Ленина, намечающих основы той политики, которая в 1923 году получила название новой экономической политики. Нашей задачей здесь было «перепахивание почвы», чтобы на ней не могла расти новая буржуазия. И с точки зрения нашей подготовки к будущей вооруженной борьбе, это было единственным методом, который мог дать какие-нибудь результаты.

Во время Брестского мира Ленину говорили, что нужно было не демобилизовать армию, и Ленин отвечал на это, что эти товарищи не понимают, что демобилизация армия есть единственный метод строительства новой армии, что до тех пор, пока мы не возвратим крестьянина в деревню и не дадим ему возможность пощупать собственными руками полученную землю, ни о каком сопротивлении натиску союзного или германского империализма говорить не приходится.

Нужно отметить еще одно: Ленин говорил в апреле 1918 года, что гражданская война в основном и целом закончена, в июле 1918 года Ленин говорил: «Мы снова попали в войну». Это сопоставление апрельских и июльских речей Ленина может как-будто бы явиться подтверждением положения Покровского о пацифистских иллюзиях.

На самом деле это не так. В июле 1918 года Ленин говорил не о той войне, о которой он говорил в апреле. Он подчеркивал, что теперь перед нами уже не только русская буржуазия, но и английский, французский и американский капитал, и тот факт, что мы в июле попали в новую войну, нисколько не является отрицанием того, что гражданская война в апреле 1918 года была закончена вполне реально, а не только в умах партийных руководителей, в том числе и Ленина.

Переломным моментом от передышки к новой войне является не август 1918 года, как это выходит у Покровского, а чехословацкое восстание, которое происходит в конце мая 1918 года и совпадает с начинающимся кризисом в деревне, этим кризисом, т.-е. отходом от пролетариата части крестьянства поддерживается и этот кризис углубляет.

Август 1918 года не может быть указан как переломный момент даже с точки зрения иллюзии, хотя бы потому, что в августе наша Красная армия восточного фронта уже переходит в наступление и начинает ликвидацию чехо-словацкого восстания. Понятно, что от мнимого перелома от пацифистских иллюзий к пониманию необходимости вооруженной борьбы и до отражения этого перелома на фронте должно было пройти известное время.

Основные факты, которые должны быть учтены, как моменты, определившие перелом от мира к войне, это—продовольственная диктатура пролетариата (декрет 14 мая), ускорившая процесс расслоения деревни и внесшая в него новую струю и новые силы в виде продовольственных отрядов; это чехо-словацкое восстание которое дало возможность кулачеству перейти от пассивного сопротивления к активной вооруженной борьбе, что вылилось в целом ряде кулацких восстаний; и это, наконец, начало организации в деревне комбедов в противовес поднявшемуся кулаку. Все это Ленин назвал июльским кризисом.

Восстание левых эсеров было характерным моментом для оценки положения пролетарской диктатуры в этот период, так как оно чрезвычайно ярко показало, что крестьянства в целом больше не существует. Партия левых эсеров, появившаяся на основе отхода всего крестьянства от буржуазии, поднимая восстание, не шла еще на союз с буржуазией, и поэтому за ней не могло пойти кулачество; она отошла уже от пролетариата, и поэтому за ней не могла пойти деревенская беднота. Она пыталась опереться на все крестьянство, которого реально теперь уже не существовало—крестьянство раскололось, и первый акт выступления партии левых эсеров привел эту партию к полной ее ликвидации.

Покровский считает август 1918 года началом гражданской войны в тесном смысле этого слова. Концом гражданской войны он считает весну 1920 года, т.-е. в один период он относит и борьбу с 19-ю контр-революционными правительствами, существовавшими в августе, и борьбу с Колчаком, Деникиным, Юденичем, когда мы имели против нас ярко выраженную военную диктатуру буржуазно-помещичьего блока.

Уже самое количество контр-революционных организаций в августе говорит об их мелкобуржуазном характере, и, следовательно, за период гражданской войны мы имеем изменение противника, с которым приходилось иметь дело. Мелкобуржуазная эсеровская контр-революция, конечно, была ничем иным, как форпостом контр-революции буржуазно-помещичьего блока, но она опиралась на отход крестьянства и даже отсталых слоев рабочего класса от пролетариата, в то время как диктатура Колчака появилась на основе начинавшегося поворота среднего крестьянства к пролетариату.

Кроме изменения сущности контр-революционных организаций, с которыми нам приходилось иметь дело, изменилось и положение пролетарской диктатуры в ее отношении к крестьянству. Июль—август 1918 года мы имеем союз с бедняками—политика комбедов, в то время как в 1919—20 годы мы завоевываем середняка и отказываемся от политики комбедов.

Переломный момент здесь намечается совершенно определенно. Это ноябрь 1918 года, германская революция, которая изменила не только наше международное положение, но и наше внутреннее положение. Не учесть такого перелома, как германская революция, уничтожившая Брестский мир и германский империализм и освободившая антантовский империализм от основного, что мешало ему начать большую интервенцию, совершенно невозможно.

До германской революции мы имеем борьбу пролетариата в союзе с беднейшим крестьянством против демократической контрреволюции. После ноября 1918 года и до весны 1920 года мы имеем борьбу пролетариата в союзе с средним крестьянством против буржуазно-помещичьей контр-революции. До ноября 1918 года мы находимся между двумя империализмами, занятыми войной. После ноября 1918 года мы стоим лицом к лицу с антантовским империализмом, и нас прикрывают уже только противоречия внутри Антанты.

В смысле изменения наших отношений с крестьянством у нас принято считать переломным моментом март 1919 года, реше-

ния VIII с'езда партии о ставке на середняка. На самом деле отказ от политики комбедов и союз с середняком ведет свое начало именно от ноября 1918 года, и первые речи Ленина о середняке относятся именно к этому периоду. Это его статья «О ценном признании Петирима Сорокина» и его речь о мелкобуржуазных партиях.

К ноябрю относится и ликвидация комбедов. К этому моменту относятся и такие факты, как организация, в значительном своем составе крестьянской, армии на Украине, и известное решение меньшевиков, почуявших перелом в настроении масс, чуть ли не о признании советской власти и Октябрьской революции.

Я думаю, что гражданскую войну нужно делить на три периода: первые два указаны выше, третий—война с Польшей и Врангелем.

Есть ли какие-нибудь основания для того, чтобы 1920 год выделить в особый период?

Покровский считает, что только 1920 год и является периодом военного коммунизма. Все экономические преобразования, произведенные нами до 1920 года, он считает совершенно нормальными и говорит, что ничего военного в этих мероприятиях не было.

С этим положением согласиться совершенно нельзя. Достаточно вспомнить слова Ленина, сказанные им 29 июля 1918 года о том, что «весь вопрос российской революции свелся к вопросу военному». На X с'езде партии Ленин еще отчетливее говорил об этом. Он говорил: «Ничего, кроме как действия по-военному, нам не оставалось и в области экономической».

Ссылка Покровского на «Грозящую катастрофу», в которой намечалась экономическая программа пролетарской диктатуры, не выдерживает никакой критики, так как экономические мероприятия 1919 года далеко не сходятся с этой программой.

В «Грозящей катастрофе», говоря о национализации банков, Ленин писал: «Кто владел 15 руб. по сберегательной книжке, тот останется владельцем 15 руб. и после национализации банков, а кто имел 15 милл. руб., у того и после национализации банков останется 15 милл. рублей в виде акций, облигаций, вексельных товарных свидетельств и т. п.».

В мае 1919 года мы имеем слияние банка с казначейством, т.-е. уничтожение кредита. В резолюции VIII с'езда партии мы имеем такое место: «Налог переживает себя в силу широко проведенной экспроприации имущих классов».

Уже это говорит о том, что экономическая политика 1919 года далеко не совпадала с экономической программой, намеченной Лениным в «Грозящей катастрофе».

Но основным отличием военного коммунизма от мероприятий, намечаемых Лениным, в 1917 году, тех, о которых он говорил, что шагом к социализму они неизбежно являются,—была наша политика в отношении мелкой промышленности, и мелкого товарного хозяйства.

В «Грозящей катастрофе» Ленин писал о мероприятиях, не затрагивающих собственности мелкого хозяйчика, крестьянина и кустаря. Между тем, декрет 14 мая (о проддиктатуре) говорит уже об отобрании всех излишков хлеба независимо от того, сможет ли советское правительство дать крестьянину эквивалентное количество товаров.

В мае 1919 года на с'езде внешкольников Ленин уже говорит о том, что мы берем у крестьянина хлеб в ссуду, т.-е. отнимаем его собственность.

Покровский недостаточно полно останавливается на этом вопросе, но весьма интересно было бы знать, считает ли он, что в разверстке также ничего военного не было?

Отличие 1920 года от 1919 иное. К 1920 году мы имеем прорыв блокады, уничтожение буржуазно-помещичьего блока (в основном) и нивеллировку крестьянских хозяйств.

Постановление Верховного Совета о снятии блокады было принято в январе 1920 г. Это не было только резолюцией, так как мы действительно начинаем торговать с Англией. Заключение мира с Эстонией тоже нельзя рассматривать как случайный эпизод хотя бы потому, что переговоры с Эстонией были начаты через английского профессора Гуд'а.

Войну с Польшей Ленин называл обломками старого империалистического плана и она является скорей попыткой занять выгодную позицию при мирных отношениях с Советской Россией.

«Теперь, говорил Ленин в начале 1920 года, международный капитал идет с определенным намерением, с рассчитанным планом, чтобы при снятии блокады международное мешечничество, международную свободную торговлю соединить, сплотить с нашим внутренним мешечничеством, и приготовить на почве этого мешечничества нам новую войну».

В отношении с крестьянством 1920 год также является иным, чем 1919, так как, во-первых, данные 1920 года уже показывают почти завершенный процесс нивеллировки крестьянских хозяйств, и, во-вторых, от буржуазии и помещиков осталась только «дробь»—Врангель, т.-е. крестьянство в значительной мере осталось уже лицом к лицу с пролетариатом.

Мы имеем уже в 1920 году весной зарождение тамбовщины и оживление партии с.-р., выпустившей письмо об организации приговорного движения и крестьянского союза.

Т.-е. мы в 1920 году имеем почти полностью ту обстановку, которая в 1921 году привела к нэпу. И в этом отношении я совершенно согласен с Покровским, когда он выделяет экономическую политику 1920 года. Я только назвал бы ее не военным коммунизмом, а форсированным продолжением военной политики в условиях, отличных от тех, которым эта политика соответствовала. Здесь нужно только не забывать о войне с Польшей и Врангелем.

На фракции VIII с'езда Советов Ленин говорил: «анализируя текущий политический момент, мы могли бы сказать, что переживаем переходный период в переходном периоде». Я думаю, что таким переходным периодом в переходном периоде нужно считать весь 1920 год. Это—переход от блокады к капиталистическому окружению и от военного союза пролетариата с крестьянством (возобновленному на время Польской войны) к смычке.

Подводя итоги намеченной выше периодизации мы получим следующую схему:

1. Октябрь 1917—февраль 1918 г. — Распространение октябрьского восстания. «Триумфальное шествие революции».
2. Март—май 1918 г.—Передышка.

3. Июнь—ноябрь 1918 г. Между двумя империализмами. Борьба пролетариата в союзе с бедняком против демократической контр-революции.

4. Ноябрь 1918—весна 1920 г.—Лицом к лицу с Антантой. Борьба пролетариата в союзе с середняком против буржуазно-помещичьей контр-революции.

5. 1920 год. — «Переходный период в переходном периоде» от войны к нэпу.

Я не претендую нисколько на правильность этой схемы. Эту схему я беру как ориентировочную для работы над материалами по Советской главе истории и легко допускаю, что в результате дальнейшей работы эта схема совершенно изменится.

Я считаю основным недостатком этой схемы то, что она охватывает только очень ограниченные стороны исторического процесса. Задачей историка является охват по возможности всех его сторон, что, однако, отнюдь не является отрицанием схемы вообще.

Эта задача является отрицанием только такой схемы, где «я беру один принцип» и где вместо реального соотношения классовых сил берутся «иллюзии».

Я думаю, что пришла пора взяться не только за намечение ориентировочных схем, вех для работы (а не для целей педагогических), но и за работу над Советской главой истории полностью.

И нужно всячески приветствовать статью Покровского как толчек к этой работе.

А. Горлов.

К проблеме партийного руководства комсомолом.

Разрешение и осуществление проблемы, которая стоит перед рабочим классом в России: укрепление диктатуры пролетариата в стране с крестьянским большинством, является возможным только потому, что во главе его стоит революционная, закаленная в боях ленинская РКП.

Без этой партии, без этого передового отряда, идущего во главе пролетариата и руководимого им крестьянства, и без целого ряда сложнейших каналов, которые связывают эту партию с массами рабочих и крестьян,—осуществление стоящих перед пролетариатом задач было бы немыслимо.

Только благодаря руководству партии и только благодаря ее связям с массами трудящихся, с массами рабочих и крестьян, пролетарская революция в России оказалась революцией победоносной.

Правильная ленинская политика нашей партии в деле осуществления и укрепления союза рабочих и крестьян; в деле осуществления дикатуры пролетариата, в стране с большинством крестьянства, имеет место только благодаря тому, что она, партия, осуществляет эту связь и это руководство, главным образом, через посредство целой системы массовых организаций, связывающих ее с массами трудящихся.

Профсоюзы связывают партию с массами рабочего класса; через советы партия связывается с крестьянством; через комсомол с молодежью; ряд других беспартийных и общественных организаций также связывают ее с массами рабочих и крестьян (рабкоры и селькоры, комитеты крестьянской взаимопомощи, кооперация и т. д., т. п.).

В зависимости от характера той или иной организации, в зависимости от состава организации, наша партия соответствующим образом осуществляет и свой подход к ним и свое руководство. В этом отношении ее главная задача состоит в том, чтобы все эти различные, и, на первый взгляд, не связанные друг с другом организации, ввести в общее русло, которое должно превратить ручейки этих различных организаций в могучий революционный поток, сметающий на своем пути все преграды делу освобождения рабочих и крестьян.

К числу этих «ручейков», слившихся в общий поток, относится и комсомол.

Комсомол является для партии, в особенности в данное время, весьма и весьма серьезным помощником. В условиях все более развертывающейся активности масс рабочих и крестьян, при условии, когда партия идет навстречу этому, когда партия пробуждает

эту активность, когда она способствует оживлению работы советов и кооперации—в этих условиях вопрос о связи партии с массами рабочих и крестьян приобретает наиболее серьезное значение. Но партия может осуществлять роль передового отряда рабочего класса только в том случае, если она будет монолитной, однородной по своему составу.

В силу этого партия вынуждена особенно сдержанно относиться к приему новых членов, в особенности же вышедших не из рядов рабочего класса. Но это же ставит ей преграды и уменьшает возможности ее тесных связей с массами, в особенности, с крестьянством, а также и влияния на них.

Комсомол должен оказаться как раз тем приводным ремнем, через посредство которого должна происходить связь с массами молодых рабочих и крестьян.

Именно поэтому комсомол должен расти. Его рост за счет рабочей, в особенности, за счет крестьянской молодежи должен вести и ведет к тому, что весь этот поток попадает в сферу непосредственного влияния нашей партии и в то же время уже не представляет из себя той «стихии», которая грозила бы снести своим напором устои партии.

Благодаря комсомолу, этот поток не остается без действия и используется, как определенная организованная сила.

Наряду с этой ролью шлюза, комсомол играет еще и другую, не менее, если не сказать более, важную роль.

Тот факт, что союз является массовой организацией, то, что он своими корнями сидит непосредственно в деревне и на заводе, все это превращает его в могущественное орудие ленинского воспитания молодого поколения,—с одной стороны, и орудие политического влияния на всю остальную массу молодых, а в определенной мере и взрослых рабочих и крестьян,—с другой.

Комсомольцы в деревне, на фабрике, в школе,—везде являются тем активом, теми дрожжами, которые способствуют еще большему брожению, еще большей активности масс рабочих и крестьян.

Но именно это-то и должно заставить партию с особенной тщательностью и особенной внимательностью относиться ко всему тому, что происходит в комсомоле.

Нужно сказать, что здесь в политике партии имеются еще значительные пробелы. Можно еще очень часто заметить отсутствие постоянного систематического, повседневного руководства работой комсомола со стороны партии. А, если таковое и имеется, то, за редкими исключениями, оно осуществляется в очень слабой мере и в весьма узком масштабе. У нас очень часто партийное руководство подменяется формальным представительством в органы комсомола, очень и очень часто руководство состоит в том, что партийцы являются стороной разрешающей те или иные споры и склоки, возникающие в комсомоле. Вопросы не экстра-важные, вопросы общие и повседневные, затрагиваются партией только в ее незначительной части, и то это относится, главным образом, к верхушке партии, к ее ЦК и некоторым местным организациям.

А потребность в таком повседневном руководстве, безусловно, имеется. То положение, что комсомол растет и должен расти за счет, в особенности, крестьянской молодежи, а также и то, что комсомольцы втянуты довольно сильно в общественно-политическую деятельность страны, наряду с положительными имеет

и отрицательные стороны. Этого никогда нельзя забывать, об этом нужно беспрерывно помнить и иметь это в виду.

Молодежь является наиболее хрупким и наиболее чувствительным материалом. Она раньше и скорее, чем взрослые может оказаться в плену у враждебной нам стихии, в плену различного рода сомнений и настроений, которые может ей навеять окружающая ее обстановка.

А что касается до обстановки, то она в настоящий момент столь противоречива, стоящие перед партией и союзом задачи столь сложны, что массе комсомола, при условиях преобладания в союзе не пролетарских элементов, а крестьянских, угрожают большие опасности.

Само собой разумеется, этих опасностей не надо преувеличивать, но нельзя на них и закрывать глаз, нельзя проходить мимо них.

Спрашивается, на чем же могут споткнуться отдельные, возможно, довольно значительные слои комсомола?

Необходимо прямо сказать, что вопросов, которые при неправильном их толковании могут явиться прямой угрозой единству партии и комсомолу по основным вопросам партийной политики, имеется довольно-таки изрядное количество.

В связи с некоторой затяжкой, с некоторой отсрочкой непосредственно-революционной развязки на Западе, вполне возможно и неизбежно возникновение в определенных слоях комсомола, в особенности, в его непролетарской части упадочных настроений, пессимизма, неверия в силы пролетариата и его партии, утеря революционной перспективы и неспособность, благодаря этому, понять политику нашей партии на данное время.

Такое отсутствие правильного подхода к основным, к общим вопросам, безусловно, может способствовать еще большей путанице и еще большим отклонениям от правильной ориентации и в современной обстановке, и в политике нашей партии.

Несомненно, что в таком щекотливом вопросе, как крестьянский, могут возникнуть уклоны, может оказаться налицо непонимание комсомольцами политики партии по этому вопросу и т. д., и т. п.

Вопросы работы комсомола в деревне в настоящий момент, само собой разумеется, приобретают огромнейшее значение, и для партии вовсе не безразлично—будет ли комсомол в деревне правильно проводить ее политику, или нет.

Нужно сказать, что значительная доля комсомольцев уже усвоила политику партии в деревне по этому вопросу и ведет весьма крупную работу по осуществлению современной партийной линии. Но и не менее значительная часть проводит ее весьма коряво и довольно «первобытными приемами».

В качестве иллюстрации того, как иногда комсомольцы могут и осуществляют политику партии в деревне, служит нижеследующий факт.

Подающий заявление о вступлении в комсомол — молодой крестьянин пишет:

«Прошу меня принять в ячейку — «наган имею». Этот факт показывает, как еще многими понимаются задачи комсомола в деревне. Отсюда ясно, что такой части комсомола весьма трудно переходить на «новый курс» работы в деревне.

Уже сейчас мы можем наблюдать случаи, когда, в виду того, что во время перевыборов крестьяне, по вполне понятным причинам, «проваливали» комсомольцев, у последних проявляется некоторый осадок, некоторое недовольство партийной линией, некоторая боязнь за свой «авторитет».

Все это создает угрозу возможных отклонений от правильной партийной позиции в этом вопросе.

Можно наблюдать ряд жалоб от комсомольцев о том, что РКП держит курс на кулака, что кулаку сдаются завоевания пролетариата и деревенской бедноты.

Эта же группа (а ей подобные есть и в партии) на практике дело сводит к тому, что срывает нашу политику в деревне, наклеивая на всякого более или менее культурного середняка ярлык кулака и т. п.

Правда, еще и теперь можно наблюдать, как некоторые комсомольцы впадают в другую крайность, когда действительного кулака не замечают, обходят, замалчивают. Но это—менее значительная часть. Более серьезное значение имеет первое, если можно сказать, «левое» направление.

Есть часть и городских комсомольцев, кои нет-нет, да и пожалуются на то, что, мол, рабочих отодвигают на задний план, что партия склоняет свои симпатии в сторону крестьянства.

По существу и то, и другое есть выражение «цеховой ограниченности» в этом вопросе. Здесь отсутствует перспектива, понимание вопроса во всей его широте и историческом развитии. И деревенская и городская «левизна» в этом вопросе одинаково опасна и вредна.

В особенности, она опасна для комсомола. Различное отношение партии и комсомола к вопросу о вовлечении и допущении в свои ряды крестьян и крестьянской молодежи обусловливается различием их задач.

Партия в этом отношении значительно отличается от комсомола, так как на ней лежит ответственность за осуществление правильного руководства.

Комсомол же призван сыграть совсем иную роль. Он не может претендовать на руководство рабочим классом и страной, он может только помогать партии осуществлять ее руководящую роль; но на него ложится новая, не менее значительная задача, которой не может взять на себя ни одна другая организация—это задача переделки нового поколения, задача подготовки этого нового поколения к вступлению в социалистическое общество.

Проблема переделки следующего поколения целиком ложится на комсомол. Отсюда вытекает и тот круг вопросов, из коих необходимо исходить в работе комсомола.

Нужно прямо сказать, что задача комсомола заключается чем дальше, тем больше не в том, чтобы «инициативно» разжигать классовые противоречия в нашей стране, а, наоборот, способствовать их смягчению, их отмиранию[1]).

1) Пока, что дело имеет другой оборот. Имеются случаи, когда в деревенской ячейке комсомола происходят споры—сколько человек *середняков* и сколько *бедняков вводить в бюро ячейки!*

Считать сие явление нормальным вряд ли приходится.

Очень может быть, что некоторыми это будет представляться, как попытка смешать «пролетарскую добродетель» с «мелко-буржуазной грязью». Но это и будет показывать, что такие товарищи не способны рассматривать явления диалектически, в их развитии.

Современный переплет классовых взаимоотношений значительно отличается от того, который мы имели до пролетарской революции в нашей стране. С момента пролетарской революции пролетариат меняет свое отношение к вопросу о классовых противоречиях в стране.

Поскольку пролетариат завоевал власть, поскольку перед ним выплывают новые задачи—задачи перестроить современное, полное классовых противоречий, общество, в общество коммунистическое, в общество бесклассовое,—постольку он заинтересован в том, чтобы эти противоречия сводить к минимуму, для того, чтобы затем свести их совершенно на нет.

Поэтому, если с точки зрения завоевания власти, с точки зрения руководства страной, с точки зрения состава нашей партии крестьянство неизбежно приходится рассматривать, как представителя мелко-буржуазной экономики и политики, то с точки зрения врастания в будущее общество, в общество бесклассовое, мы обязаны и пролетариат, и крестьянство рассматривать, как два смежных потока, кои в определенный момент должны слиться в один общий, смешав свои воды и превратившись во что-то новое, т.-е. в бесклассовое общество.

Если таким образом рассматривать вопрос, то становится вполне ясным, что перед комсомолом необходимо особо резко поставить задачу переделки поколения, задачу вовлечь в эту переделку не только рабочую, но и крестьянскую молодежь, главным образом. Эта миссия для комсомола обязательна и неизбежна, ибо он шире и глубже, чем современное партийное поколение, всей своей массой вклинивается в будущее бесклассовое общество.

Поэтому комсомол, в первую голову, из этого должен исходить в своем отношении к крестьянству и к вопросу о переделке молодого поколения крестьянства.

Для комсомольцев не понять этого, значит, не понять главного.

Здесь, кстати, уместно будет отметить, что необходимо особенно зорко следить за культурной и политической обработкой молодого поколения. И партия, и комсомол должны особенно зорко следить за тем, чтобы не позволить совлечь комсомольцев на путь буржуазного культурничания.

Тот факт, что наше учительство сейчас пришло под знамена компартии, и что оно хочет и будет работать совместно с комсомолом—это, безусловно, является отрадным фактом. Но при этом все же необходимо помнить, что современное учительство, прошло школу буржуазной культуры. Это имеет ту опасную сторону, что определенные группы учительства, вполне искренне перешедшие на нашу, пролетарскую точку зрения, все же могут нас тянуть по инерции к культуре буржуазной, а вернее говоря, к «культурке».

Учительство должно и будет итти в ногу с комсомолом по обработке нового поколения. Но комсомолу при этом необходимо держаться крепко и не позволять, если к этому будут тенденции со стороны учительства, совлечь себя с пути борьбы за новую, социалистическую культуру.

«Драм-муз-изо-хор»—кружок не должен являться целью, а только средством революционного воспитания и обработки нового поколения в коммунистическом духе. Партия обязана следить за тем, чтобы не позволить комсомолу и учительству свернуть на путь «культуры вообще». Нужно бороться за политическое, революционное воспитание—эту высшую форму культуры для современной эпохи.

Не менее значительным кажется нам и указываемое ниже отклонение от партийности, которое в дальнейшем может принять весьма опасные формы. Кратко его можно формулировать, как синдикалистский уклон, как «детскую болезнь левизны» в комсомоле.

Опасность заключается в том, что в рядах комсомола находят себе поддержку мысли о том, что молодежь, в силу ее возрастных особенностей, свойственно быть революционнее взрослых. Комсомол поэтому должен быть «революционнее» партии.

Следует кстати заметить, что подобные рассуждения нашли себе приют даже в нашей официальной комсомольской печати.

Так, например, в одном из комсомольских журналов, в рецензии на ряд книг о троцкизме мы можем встретить весьма характерное место.

Разбирая ряд книг о троцкизме, автор рецензии заявляет: «Результаты сказались—если еще в начале 1924 г. Троцкий сделал ставку на молодежь, считая ее «барометром политической погоды», т о о н б ы л п р а в лишь в том отношении, что т а к о в ы м «б а р о м е т р о м» о к а з а л а с ь н е в у з о в с к а я м о л о д е ж ь 1923 г.—надежда Троцкого, а к о м с о м о л, н а и б о л е е р е з к о и э н е р г и ч н о о т в е т и в ш и й на выступление его.

«Мы видим,—заявляет дальше рецензент,—что к о м с о м о л п о в с ю д у и в е з д е является н а и б о л е е большевистски-настроенной организацией» [1]). (Курсив наш. *А. Г.*).

Итак, «барометром политической погоды» является никто иной, как комсомол. О партии ни слова. Комсомол «п о в с ю д у и в е з д е» (стиль-то какой) является «н а и б о л е е» революционной организацией.

Интересно также и то, что подобные рассуждения можно услышать не только от молодых, но иногда и от вполне взрослых товарищей, которые столь далеко заходят в проявлении своих «симпатий» к комсомольцам, что скатываются иногда к обывательским приемам постановки и об'яснения комсомольских вопросов.

Несмотря на неоформленность подобных рассуждений, мы все же мимо них молча пройти не можем, а именно поэтому-то и должны разбить подобный, в корне неверный обывательский подход к вопросам о роли организации революционной молодежи.

По существу, подобные рассуждения необходимо рассматривать как специфическую, правда, еще не оформившуюся, но все же приспособленную к «российским» условиям, известную всем теорию об авангардной роли организаций молодежи.

И если на Западе была осуждена подобная тенденция, имевшая своей целью оттереть молодых партийцев от руководства, то тем более она должна быть осуждена у нас, где имеется наиболее сильная из всего Коминтерна партия. Поэтому ина-

[1]) Журнал „Юный Пролетарий" № 1 1925 г. — орган Ленинградского губкома РЛКСМ.

че, кроме как антипартийными, подобные рассуждения расценивать нельзя.

При этом нужно отметить, что обстановка, в которой в данный момент приходится работать и соприкасаться комсомолу и партии, в особенности в деревне, такова, что благоприятствует развитию подобных антипартийных настроений.

Общие рассуждения о том, что комсомол должен быть революционнее партии, о которых мы говорили выше, подчас находят в процессе работы и свое практическое выражение. Неоднократно приходилось наблюдать такие факты, когда комсомольцы, главным образом деревенские, особо-подчеркнуто жаловались на то, что партячейки слабы, что они неспособны руководить не только ими, комсомольцами, но и деревней, что, мол, мы не хуже, если не лучше партийцев справились бы с руководством в деревне и т. д.

Все это, конечно, находит свое об'яснение в том, что многие партячейки в деревне, действительно, слабы, что комсомольцы очень часто, действительно, являются деловыми ребятами, но все это в то же время должно заставить партию понять, что если дело будет продолжаться и дальше так, то мы можем впоследствии столкнуться с очень нежелательными фактами.

Для того, чтобы иллюстрировать, как иногда комсомольцами преломляется на практике руководящая роль партячеек по отношению к комсомолу, мы приводим следующий случай. В одной из волостей ячейка комсомола, пребывая в особо почтительном настроении по отношению к руководству комсомолом со стороны партийной ячейки, на одном из своих очередных собраний вынесла весьма скромное постановление: «Секретаря ячейки РКП от работы отстранить» [1]).

Хотя и странно, но факт.

Комсомольцы, играя в деревне немаловажную роль, не всегда могут правильно понимать директивы и политику нашей партии, и очень часто (как это уже имело место) могут стараться подменять собой партию и ее местные органы.

Все это требует от партии серьезной работы в комсомоле.

Наконец, последний, четвертый, не менее важный вопрос об организационных принципах комсомола должен в данный момент также заинтересовать нашу партию, ибо он затрагивает весьма крупные и сложные проблемы взаимоотношений партии и комсомола.

Само собой разумеется, что партия резко отличается от комсомола и не только тем, что она «более взрослая организация», но и тем, что комсомол для партии является могучим инструментом, могучим рычагом, благодаря которому партия может приводить в движение миллионные массы молодых рабочих и крестьян.

Поэтому комсомол, как и всякая другая организация, должен иметь свои организационные принципы. Необходимо также, чтобы эти принципы являлись большевистскими принципами. Всякое отклонение от большевистского толкования организационных вопросов комсомола, всякое нарушение основ этих принципов союза, необходимо рассматривать именно как подрыв, как попытку осла-

[1]) „Работа Комсомола в деревне"—стенографич. отчет совещ. ячеек Изд. „Новой Москвы" 1925 г.

бить комсомол, а тем самым и влияние партии на широкие беспартийные массы рабочей и крестьянской молодежи.

Но большевистский подход к организационным принципам в комсомоле вовсе не должен означать, что все то, что имеет партия, необходимо механически перенести и на комсомол. Как раз наоборот. Комсомол, как массовая беспартийная организация рабочей и крестьянской молодежи должен, безусловно, выработать свою систему и свои принципы организации. Но при этом должно быть учтено, что комсомол, в отличие от партии, является организацией не правящей, не руководящей всей общественно-политической жизнью страны, и потому вынужденной ограничивать себя рядом особо строгих правил, особо строгих рамок, за пределы коих выходить не допускается. Комсомол в первую голову является *организацией воспитательной*, организацией *беспартийной, массовой*, по своему составу *менее однородной*, с большим, относительно, *удельным весом крестьянской массы*, чем в партии, и т. д., и т. п.

Все это коренным образом должно отличать организационные принципы комсомола от принципов партии.

Это, конечно, не должно означать, что молодые партийцы, работающие в комсомоле, также освобождаются от более твердых организационных норм партии. Поскольку они являются членами партии, постольку на них, безусловно, распространяются все те нормы, кои существуют и для всех остальных членов партии, но это также не должно означать и того, что эти молодые партийцы, работающие в комсомоле, должны у партии перенимать и практиковать в комсомоле все методы ее организации.

Подобной «большевизации» в комсомоле—места не должно быть. В комсомоле должны существовать определенные нормы, правила и традиции, но они не обязательно должны быть во всем схожи с партийными. Не в этом заключается изюминка большевистского подхода к организационным вопросам в союзе.

Большевизация организационных принципов в комсомоле означает, что союз должен иметь такую систему отношений, при которой между партийным ядром комсомола и всей партией взаимоотношения регулируются *имеющимися в партии* нормами и методами. Иными словами, у этого парт'ядра не может быть каких-то особых, отличных от партии способов поддерживать свою внутреннюю спаянность и единство с общей партийной линией. Но в то же время большевистскими принципами *в комсомоле* нужно считать только такие организационные принципы, которые позволяют с наибольшим эффектом проводить политическое образование и ленинское воспитание *беспартийных масс молодых рабочих и крестьян*.

Несмотря на ограниченность затронутого нами круга вопросов, несмотря на их односторонность (речь идет главным образом о недостатках и возможных опасностях), необходимо теперь же заметить, что вопрос о партийном руководстве комсомолом на данной стадии его развития приобретает для партии сугубо-важное значение.

В условиях, когда наша партия решительно встала на путь развязывания самодеятельности масс, наиболее важная и наиболее серьезная задача для партии заключается в том, чтобы суметь укрепить свое влияние как раз в тех узловых пунктах и в тех организациях, кои ее связывают с этими массами.

Сущность вопроса о партийном руководстве в комсомоле, вообще-то говоря, сводится к одному: *партия должна суметь* добиться того, чтобы у комсомола с ней было *единство по основным политическим вопросам, по основной политической линии*.

Поэтому различные виды партруководства имеют значение только в том случае, *если они способствуют укреплению этого единства между партией и комсомолом*.

Именно потому, что комсомол стал крупной силой, крупной единицей во всей той сложной системе классовых и политических организаций, которые в данное время имеют место, именно поэтому всякое отклонение комсомольцев (в особенности членов РКП) от основной политической линии партии—должно рассматриваться, как выступление против партии, как выступление, подрывающее партийную мощь и ее влияние на массы рабочих и крестьян.

Осуществлять постоянное повседневное руководство комсомолом партия в целом сумеет только в том случае, *если все ее члены* осознают важность работы в комсомоле.

Необходимо решительно бороться с попытками подменить партийное руководство суррогатами этого руководства. Надо об'явить решительную борьбу с нездоровыми видами этого руководства, когда непосредственное руководство подменяется руководством, специально созданными при комитетах и ячейках «комиссиями по молодежи».

Все те явления, о которых мы говорили выше, могут оказаться весьма большой угрозой партруководству в комсомоле, угрозой единству партии и комсомола по основным вопросам политики нашей партии.

Единственной гарантией, могущей задержать дальнейшее развитие этих пока еще *потенциальных уклонов в комсомоле, является всемерное укрепление партруководства в союзе*.

Нужно всей партии осознать, что комсомольский вопрос больше, чем когда бы то ни было, не является вопросом только молодежинским. Миллионная массовая организация с не менее, как стотысячным слоем актива, с громаднейшими связями в крестьянстве,—это не мелочь, это колоссальнейшее и могучее орудие в деле осуществления политики партии, в деле укрепления союза рабочих и крестьян.

Основным рычагом партийного руководства в комсомоле является та группа молодых партийцев, которая работает непосредственно в комсомоле. Это партядро в комсомоле является тем костяком, на котором, главным образом, и держится комсомол. И поэтому то партия и должна свое главное внимание обратить в первую очередь на эту группу комсомольцев-партийцев. Партии необходимо провести большую работу в смысле укрепления парт'ядра в комсомоле.

Той группы партийцев, которая работает в комсомоле в условиях, когда союз продолжает непрерывно расти, становится недостаточно, и поэтому нужно решительно приступить к увеличению парт'ядра в комсомоле.

Ведь нельзя же считать нормальным такое положение, когда на весь комсомол, насчитывающий свыше миллиона членов и кандидатов партии, приходится только 83.000 человек.

Не менее значительным является и вопрос о политическом воспитании актива комсомола.

Партия сумеет обеспечить правильное политическое руководство комсомолом только в том случае, если его актив в первую очередь будет политически грамотен. Пока что—у нас здесь есть довольно значительные пробелы. Массы нашего актива еще политически безграмотны. Очень значительный слой нашего актива занимается «прожектерством», «организаторством», ухитряясь при этом сочетать свою роль активистов с полнейшей политической неграмотностью.

Если это единица, это не страшно, но если это значительный слой, а это так и есть, то это опасно. Мы приводим интересный случай, который показывает, как некоторые наши активисты осуществляют ленинское образование и воспитание в союзе.

«Секретарь Судодишинского райкома, делая на заседании райпропколлектива доклад об основах ленинизма, сказал: «Отношение крестьянства и Октябрьской революции есть этап четырех дум, во время которого крестьяне повлияли на кадетов и проч., отчасти не понимали задач большевиков и пролетариат начинает группироваться, беря в свои руки производство». Дальше: «Национальный вопрос должен быть отстранен и должно быть образование нации в интернациональном духе». На вопрос, какое влияние интернационализма на колонии, секретарь райкомола отвечает: «Колонии—базис интернационала, значит, это есть тесные и враждебные гиганты». На вопрос: «Сколько раз рубль вращался в течение года» — ответил — «Рубль вращался весь оборотный год»[1]).

Надо полагать, подобный пример является достаточно ярким, чтобы показать, каково положение у нас с политической грамотностью актива.

Партия обязана, в первую голову, помочь комсомольскому активу вылезти из болота политической безграмотности. Без этого нет гарантии в том, что мы сумеем весь комсомол и все поколение молодежи переварить и перевоспитать.

Значительную роль в этом деле должна сыграть всесоюзная комсомольская газета, через посредство которой партия получает возможность проводить колоссальнейшую работу по политическому воспитанию не только актива комсомола, но и передовых слоев масс молодежи вообще. Добиться того, чтобы эта газета была действительно передовым органом молодежи, органом, ставящим и выдвигающим комсомольские проблемы,—добиться хотя бы одного этого, и то много значит.

К числу необходимых организационных форм партруководства в комсомоле необходимо также отнести следующие.

Необходимо добиться того, чтобы партруководство ячейками комсомола со стороны партячеек осуществлялось нормально и всесторонне, чтобы представители партии в комсомоле были действительно способными осуществлять партруководство, а не подрывать его, как это часто имеет место.

Нужно приблизить ячейки комсомола к партии. Партячейки должны всемерно стремиться к тому, чтобы вовлечь лучших комсомольцев в более широкий, чем в комсомоле, круг партийных и политических вопросов, и т. д., и т. п.

[1]) Из инф. сводки ЦК РЛКСМ.

Не менее важным является вопрос о включении в систему непосредственного партруководства тех ячеек комсомола в деревне, рядом с коими нет партячеек и которые поэтому превращаются в единственных проводников партийной политики в деревне.

Необходимо наладить связь комитетов партии с подобными ячейками союза, осуществляя ее, главным образом, через комитеты комсомола и совместно с ними. Ни в коем случае нельзя недооценивать роли подобных ячеек комсомола в деревне. На них нужно обратить сугубое внимание парторганизации.

Наконец, последнее, на чем необходимо остановиться — это вопрос о политическом воспитании всего комсомола. Необходимо (через печать, через посредство системы политобразования и т. п.) всячески раз'яснять комсомольцам политику нашей партии, основную ее линию в крестьянском вопросе.

Нужно особенно ясно и четко поставить раз'яснение комсомольцам сущности и значения пролетарской диктатуры в стране с крестьянским большинством; раз'яснять методы, коими действует наша партия в этих вопросах. Особо серьезно нужно поставить раз'яснение руководящей роли партии по отношению, как ко всему рабочему классу и крестьянству, так и к молодежи и комсомолу в частности.

Комсомольцы должны твердо усвоить, что диктатура пролетариата и союз рабочих и большинства крестьян — являются основными звеньями политики нашей партии.

Каждый комсомолец должен понять, что пролетарское руководство в союзе осуществляется не только его рабочим составом, а, в первую голову, и главным образом, руководством партии. Необходимо также раз'яснить всей массе комсомольцев, в особенности, городской ее части, что комсомол по существу своему— организация не преимущественно пролетарская, как наша партия, а организация в массе своей крестьянская и должна таковой являться. Не плохой, а хорошей стороной комсомола нужно считать то, что в нем большинство крестьянской молодежи. В условиях нашей страны это единственно правильное положение.

Являясь суб'ективно, по своему составу, в массе своей организацией непролетарской, комсомол об'ективно, по своему значению является организацией, рост и укрепление которой обеспечивает успешное продвижение пролетариата вперед к социализму.

Тем, что так резко подчеркивается значение и необходимость вовлечения в комсомол крестьянской молодежи и работы с ней — вовсе не говорится, что рабочая молодежь играет в комсомоле меньше значение, чем в партии. Наоборот, она в этих условиях приобретает особенно важное значение. Рабочая молодежь в комсомоле должна оказаться наиболее активной, наиболее политически грамотной и устойчивой, способной занять первое место в борьбе за осуществление стоящих перед комсомолом задач.

Но при этом опять-таки необходимо помнить, что свою роль резерва и инструмента для партии комсомол сумеет выполнить только при условии укрепления партруководства в комсомоле, только при условии максимального внимания к вопросам комсомола.

Партия должна гарантировать свое руководство комсомолу. В этом ее прямая и непосредственная обязанность.

Не менее значительным является и вопрос о политическом воспитании актива комсомола.

Партия сумеет обеспечить правильное политическое руководство комсомолом только в том случае, если его актив в первую очередь будет политически грамотен. Пока что—у нас здесь есть довольно значительные пробелы. Массы нашего актива еще политически безграмотны. Очень значительный слой нашего актива занимается «прожектерством», «организаторством», ухитряясь при этом сочетать свою роль активистов с полнейшей политической неграмотностью.

Если это единица, это не страшно, но если это значительный слой, а это так и есть, то это опасно. Мы приводим интересный случай, который показывает, как некоторые наши активисты осуществляют ленинское образование и воспитание в союзе.

«Секретарь Судодишинского райкома, делая на заседании райпропколлектива доклад об основах ленинизма, сказал: «Отношение крестьянства и Октябрьской революции есть этап четырех дум, во время которого крестьяне повлияли на кадетов и проч., отчасти не понимали задач большевиков и пролетариат начинает группироваться, беря в свои руки производство». Дальше: «Национальный вопрос должен быть отстранен и должно быть образование нации в интернациональном духе». На вопрос, какое влияние интернационализма на колонии, секретарь райкомола отвечает: «Колонии—базис интернационала, значит, это есть тесные и враждебные гиганты». На вопрос: «Сколько раз рубль вращался в течение года» — ответил — «Рубль вращался весь оборотный год» [1]).

Надо полагать, подобный пример является достаточно ярким, чтобы показать, каково положение у нас с политической грамотностью актива.

Партия обязана, в первую голову, помочь комсомольскому активу вылезти из болота политической безграмотности. Без этого нет гарантии в том, что мы сумеем весь комсомол и все поколение молодежи переварить и перевоспитать.

Значительную роль в этом деле должна сыграть всесоюзная комсомольская газета, через посредство которой партия получает возможность проводить колоссальнейшую работу по политическому воспитанию не только актива комсомола, но и передовых слоев масс молодежи вообще. Добиться того, чтобы эта газета была действительно передовым органом молодежи, органом, ставящим и выдвигающим комсомольские проблемы,—добиться хотя бы одного этого, и то много значит.

К числу необходимых организационных форм партруководства в комсомоле необходимо также отнести следующие.

Необходимо добиться того, чтобы партруководство ячейками комсомола со стороны партячеек осуществлялось нормально и всесторонне, чтобы представители партии в комсомоле были действительно способными осуществлять партруководство, а не подрывать его, как это часто имеет место.

Нужно приблизить ячейки комсомола к партии. Партячейки должны всемерно стремиться к тому, чтобы вовлечь лучших комсомольцев в более широкий, чем в комсомоле, круг партийных и политических вопросов, и т. д., и т. п.

[1]) Из инф. сводки ЦК РЛКСМ.

Не менее важным является вопрос о включении в систему непосредственного партруководства тех ячеек комсомола в деревне, рядом с коими нет партячеек и которые поэтому превращаются в единственных проводников партийной политики в деревне.

Необходимо наладить связь комитетов партии с подобными ячейками союза, осуществляя ее, главным образом, через комитеты комсомола и совместно с ними. Ни в коем случае нельзя недооценивать роли подобных ячеек комсомола в деревне. На них нужно обратить сугубое внимание парторганизации.

Наконец, последнее, на чем необходимо остановиться — это вопрос о политическом воспитании всего комсомола. Необходимо (через печать, через посредство системы политобразования и т. п.) всячески раз'яснять комсомольцам политику нашей партии, основную ее линию в крестьянском вопросе.

Нужно особенно ясно и четко поставить раз'яснение комсомольцам сущности и значения пролетарской диктатуры в стране с крестьянским большинством; раз'яснять методы, коими действует наша партия в этих вопросах. Особо серьезно нужно поставить раз'яснение руководящей роли партии по отношению, как ко всему рабочему классу и крестьянству, так и к молодежи и комсомолу в частности.

Комсомольцы должны твердо усвоить, что диктатура пролетариата и союз рабочих и большинства крестьян — являются основными звеньями политики нашей партии.

Каждый комсомолец должен понять, что пролетарское руководство в союзе осуществляется не только его рабочим составом, а, в первую голову, и главным образом, руководством партии. Необходимо также раз'яснить всей массе комсомольцев, в особенности, городской ее части, что комсомол по существу своему—организация не преимущественно пролетарская, как наша партия, а организация в массе своей крестьянская и должна таковой являться. Не плохой, а хорошей стороной комсомола нужно считать то, что в нем большинство крестьянской молодежи. В условиях нашей страны это единственно правильное положение.

Являясь суб'ективно, по своему составу, в массе своей организацией непролетарской, комсомол об'ективно, по своему значению является организацией, рост и укрепление которой обеспечивает успешное продвижение пролетариата вперед к социализму.

Тем, что так резко подчеркивается значение и необходимость вовлечения в комсомол крестьянской молодежи и работы с ней — вовсе не говорится, что рабочая молодежь играет в комсомоле меньше значение, чем в партии. Наоборот, она в этих условиях приобретает особенно важное значение. Рабочая молодежь в комсомоле должна оказаться наиболее активной, наиболее политически грамотной и устойчивой, способной занять первое место в борьбе за осуществление стоящих перед комсомолом задач.

Но при этом опять-таки необходимо помнить, что свою роль резерва и инструмента для партии комсомол сумеет выполнить только при условии укрепления партруководства в комсомоле, только при условии максимального внимания к вопросам комсомола.

Партия должна гарантировать свое руководство комсомолу. В этом ее прямая и непосредственная обязанность.

М. Иоэльсон.

Итоги и задачи нашей концессионной политики.

„Все, что можно сделать для улучшения крестьянского хозяйства, для развития местного аппарата, в то же время рассчитывая общегосударственное хозяйство так, чтобы крупная социалистическая промышленность восстанавливалась быстрее, чем до сих пор, все это, при помощи концессий, мы сделаем раньше, чем без концессий". (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 199).

До самого последнего времени вопросам концессионной политики в нашей печати уделялось наименьшее внимание из всех проблем, возникших в связи с переходом к НЭП'у.

Между тем, декрет о концессиях, опубликованный 23 ноября 1920 года, явился первым предвестником изменения нашей политики военного коммунизма. Издание декрета было вызвано теми же причинами, которые повели, затем, к замене продразверстки продналогом, реорганизации государственной промышленности, разрешению частного рынка и свободы торговли, словом, к установлению новой экономической политики.

В новой экономической системе, по мысли тов. Ленина, концессиям отводилась очень значительная роль. «Вопрос о концессиях является одним из крупнейших в нашей экономической политике», так писал Ленин в конце 1920 года (т. XVII, стр. 408). И далее, ставя вопрос: «Что такое концессия с точки зрения экономических отношений», тов. Ленин отвечает: «Это есть—государственный капитализм» (т. XVIII, ч. I, стр. 198).

Основная мысль тов. Ленина сводилась к тому, что концессии явятся одним из средств скорейшего восстановления народного хозяйства, разрушенного за период империалистической и гражданской войн. «Прежде всего,—говорил Ленин на VIII С'езде Советов,—надо восстановить хозяйство, надо прочно поставить его на ноги. Без оборудования его, без машин из капиталистических стран сделать его скоро нельзя. Не жалко при этом лишней прибыли для капиталистов, лишь бы добиться этого восстановления» (Ленин, «О концессиях», изд. Уралкниги, 1924 г., стр. 30).

Огромное значение, которое придавалось тогда нашей концессионной политике—вполне понятно. В 1920—21 г. падение производительных сил достигло у нас наивысшей глубины. Нужен был колоссальный приток новых средств даже для того, чтобы остановить процесс регресса.

Необходимо признать, что первые шаги нашей концессионной практики не оправдали возложенных на нее надежд. В силу вполне понятных причин иностранный капитал не про-

явил особого желания прийти на помощь нашему хозяйству на приемлемых для нас условиях. Начавшийся с конца 1921 года под'ем народного хозяйства, рост и укрепление промышленности и сельского хозяйства показали, что мы сами справимся с развитием производительных сил в стране.

Вместе с тем, отсутствие ощутительных результатов в нашей концессионной практике привело к чрезвычайно сдержанному отношению к концессиям вплоть до полного отрицания отдельными товарищами, какого-либо значения концессий для развития народного хозяйства. Распространению такого взгляда способствовала и скудная информация, как о результатах нашей концессионной практики, так и о работе существующих концессионных предприятий. Определение правильной политики предполагает учет почти пятилетнего опыта концессионной политики СССР.

Декрет от 23/XI—20 г. вызвал к себе крупный интерес со стороны иностранных капиталистов. Количество поступивших предложений по отдельным годам видно из следующей таблицы:

Годы.	1922	1923	1924	1925 (первые 3 мес.).	Итого.
Число предложений	338	607	311	30	1.286

Бросается в глаза резкое уменьшение числа предложений в 1924 году, а также в первые месяцы 1925 года. Причины этого лежат в политических и экономических моментах. С одной стороны, германско-советский конфликт вызвал полное прекращение поступлений предложений из Германии летом 1924 г., с другой—полоса признаний породила у бывших собственников национализованных предприятий надежду на получение возмещения за понесенные убытки, что вело к воздержанию от попыток заключить индивидуальные соглашения с правительством СССР путем концессионных договоров.

Но более существенным является то обстоятельство, что в последние полтора года изменилось качество концессионных предложений: они сделались более реальными.

Чем более крепла и росла политическая и хозяйственная мощь Союза, чем больше иностранцы убеждались, что спекулятивные и несовместимые с основными законами СССР предложения встречают твердый отказ, тем реальнее делались концессионные предложения, и тем скорее концессионеры шли на принятие основных условий наших концессионных договоров. Сказанное вполне подтверждается при сравнении числа поступивших предложений с числом заключенных договоров.

Годы.	1921—1922	1923	1924	1925 по 1/IV.	Итого.
Число поступивших предложений	338	607	311	30	1.286
Число заключенных договоров.	18	44	26	3	91
в %/%	5,4	7,3	8,3	10,0	7,1

Интересно остановиться еще на вопросе о том, капиталисты каких стран выступали соискателями концессий. Последнее видно из нижеследующей таблицы на I/IV 1925 г.

Страны, капиталисты коих выступали соискателями.	Поступило предложен	В %% к итогу.	Заключено конц. догов.	В %% к итогу.
Германия	445	34,60	22	24,2
Англия	153	11,91	16	17,5
С.-А. С. Ш.	128	9,95	11	12,1
Франция	104	8,10	1	1,1
Италия	37	2,99	4	4,3
Норвегия	30	2,32	5	5,4
Голландия	34	2,65	1	1,1
Австрия	31	2,40	2	2,1
Польша	27	2,09	3	3,2
Остальные	297	23,99	26	29,0
Итого	1.286	100	91	100

Первое место все время занимает Германия. С одной стороны, германские капиталисты лучше других знакомы с условиями работы в СССР, с другой—Раппальский договор, заключенный уже в 1922 году, положил начало более тесным хозяйственным связям между обоими государствами.

В общем, на 4 государства (Германию, Англию, США и Францию) падает 64,55% всех поступивших предложений и 54,9% всех заключенных концессионных договоров.

До сих пор речь шла исключительно о суммарных данных итогов концессионной практики. Между тем, концессионная политика предоставляла возможность участия иностранного капитала в различных отраслях народного хозяйства; промышленность, сельское хозяйство, транспорт, внешняя торговля и т. п. Не все эти отрасли в одинаковой степени привлекают к себе внимание. Распределение числа поступивших предложений по отдельным отраслям народного хозяйства, а также числа заключенных концессий на 1-е апреля 1925 года—видно из следующей таблицы:

Об'екты концессий.	Число поступ. предл.	В %% к итогу.	Число заключ. догов.	В %% к итогу.
Промышлен.				
а) обрабат.	268	20,7	16	17,5
б) горная	192	14,8	12	13,2
в) лесная	79	6,5	6	6,6
Итого	539	42,0	34	37,3
Торговля	324	25,1	29	31,9
Сельск.-хоз.	195	14,1	14	15,4
Транспорт и связь	115	9,0	11	12,1
Прочие	113	8,8	3	3,3
Общий итог	1.281	100	91	100

Таким образом, по числу поступивших предложений первое место занимает промышленность, но, с другой стороны, число заключенных концессий в процентном отношении к числу поступивших предложений выше всего у концессий в области внешней торговли. Здесь, концессионер готов итти на большие уступки, чем в других отраслях, т. к. внешняя торговля с его точки зрения более прибыльна, и, кроме того, требует меньшей увязки капитала на долгий срок в СССР, чего особенно опасались иностранные капиталисты.

Нужно отметить, что из 91 заключенных в разное время концессионных договоров, 13 в настоящее время прекратили свое действие, с одной стороны—в виду истечения срока концессии, с другой—вследствие неисполнения концессионером взятых на себя обязательств (например, концессия Синклера). Прекращенные 13 концессионных договоров разделяются на 7 торговых, 4 промышленных, 2 сельско-хозяйственных. По принадлежности к странам суб'ектов концессионных договоров прекращенные концессии относятся к 5-ти английским, 3-м САСШ, 2-м германским и 2-м итальянским.

После ознакомления с общими итогами концессионной практики необходимо остановиться более подробно на результатах деятельности работающих концессионных предприятий в СССР.

Вообще, в формальном смысле, концессиями называются все договора, утверждаемые Главным Концессионным Комитетом. Таким образом, в число концессий часто попадают и общества с исключительно государственным капиталом, уставы которых, как имеющие из'ятие из действующих законов, должны проходить через Главный Концессионный Комитет.

Приведенные выше данные о числе заключенных концессий составлены были исходя из формального признака понятия концессионного договора.

Поскольку в концессиях нас интересует исключительно выяснение роли иностранного капитала в народном хозяйстве СССР, мы в дальнейшем к концессионным договорам причисляем только те, в которых в той или иной мере носителем прав на концессию выступает иностранный капиталист.

Таких утвержденных и действующих на 1 апреля 1925 года концессионных договоров числится 70, которые по отдельным отраслям распределяются следующим образом:

Распределение действующих концессий по об'ектам:

Промышленность	31
Внешняя торговля	23
Транспорт и связь	8
Сельское хозяйство	7
Строительн. концес.	1
Итого	70

Сам термин концессионного договора, поскольку он обозначает лишь предоставление права иностранцу заниматься хозяйственной деятельностью, ничего не говорит о форме участия иностранного капитала в хозяйственном строительстве в СССР.

Концессионная практика выработала до настоящего времени следующие формы:

а) чистые концессии,

б) смешанные общества,

в) вхождение иностран. капитала пайщиком в госпредприятия,

г) техническое содействие.

Первоначальная форма участия иностранного капитала сводилась исключительно к чистой концессии, под которой подразумевается, что иностранная фирма является единственным суб'ектом концессии. И в настоящее время наиболее распространенными являются чистые концессии, поскольку иностранные капиталы питают некоторый скептицизм в отношении возможности совместной работы с нашими госорганами.

Только во внешней торговле широкое применение получили смешанные общества, в которых на-ряду с иностранными фирмами принимает участие и наш капитал.

Организация смешанных обществ стала возможной после издания постановления ВЦИК'а от 13/III—22 г., гласящего: «Наркомвнешторг организует с утверждения СТО смешанные акционерные предприятия, имеющие целью привлечения иностранных капиталов для заготовки экспортных товаров внутри страны, сбыта их заграницей и для ввоза в страну предметов, необходимых для восстановления народного хозяйства и внутреннего товарообмена. Подобные акционерные общества могут быть утверждаемы и другими хозяйственными государственными органами».

В других отраслях народного хозяйства смешанные общества, как мы увидим ниже, привились еще очень слабо.

Структура смешанных обществ чрезвычайно разнообразна. В большинстве случаев правительство сохраняет за собой 51% акций смешанного общества и имеет большинство в составе правления, или смешанное общество организуется на паритетных началах.

В смешанных обществах по внешней торговле иностранная группа почти всегда обязуется оплатить половину акций, причитающихся на долю правительства, а остальную часть своих акций правительство покрывает постепенно из прибылей общества.

При участии иностранного капитала пайщиком госпредприятий ему гарантируется определенный процент прибыли и право истребовать свой вклад обратно, но зато предоставляется меньше прав в управлении предприятием, чем это имеет место в смешанных обществах.

Техническое содействие—сравнительно новая форма соглашения с иностранными промышленниками, сводящаяся к предоставлению последними нашим предприятиям патентов, чертежей, постановки новых производств и т. д. Фактически инвестирование иностранного капитала при договоре технического содействия не происходит, но зато увеличивается производительность предприятия.

По отдельным формам концессионные договора распределяются:

Об'екты концессий.	Чистые концессии.	Смешан. о-ва.	Вхожд. п.	Технич. содейств.	Итого.
Промышленность:					
а) лесная	2	4	—	—	6
б) горная	7	1	—	—	8
в) обрабатывающая	9	2	1	2	14
г) зверобойная	3	—	—	—	3
Итого	21	7	1	2	30
Внешняя торговля	2	21	—	—	23
Транспорт и связь	8	—	—	—	8
Сельское хозяйство	7	—	—	—	7
Строительство	1	—	—	—	1
Всего	39	28	1	2	70

Наиболее многочисленными являются промышленные концессии. Хотя наибольшее число промышленных концессий падает на горные и обрабатывающие, по удельному весу и размерам, самыми значительными являются лесопромышленные концессии. Лесная промышленность является единственной отраслью промышленности, в которой иностранный капитал в настоящее время играет видную роль. Причины интенсивного участия иностранного капитала в лесной промышленности лежат в экономическом, а отчасти и политическом моменте.

Лесная промышленность в России всегда была крупнейшей отраслью промышленности, работавшей на экспорт. В то время как организация другого какого-либо промышленого предприятия, могущего работать на экспорт, представляла бы в первые годы НЭП'а огромные затруднения, в лесной промышленности вопрос этот разрешался чрезвычайно легко. Для иностранного капиталиста, который в годы падающего совзнака питал известное недоверие к возможности выгодной реализации продукции концессионного предприятия на внутреннем рынке, лесная промышленность являлась наиболее заманчивой сферой приложения капитала. Особенно в связи с благоприятной кон'юнктурой, имевшей в свое время место на мировом лесном рынке.

С своей стороны, русская лесная промышленность была более, чем другая отрасль нашей промышленности, заинтересована в привлечении иностранного капитала. Лес был основным экспортным товаром, с которым мы выступили после окончания блокады на мировой рынок. При существовавших тогда экономических и политических взаимоотношениях с Западной Европой— наши лесоэкспортные организации стояли перед угрозой не только бойкота русского леса, состоявшего вначале большей частью из национализированных запасов частных лесопромышленников, но и даже наложения на него ареста. Вследствие этого, когда мы

в 1921 году впервые начали экспортировать лес, нам необходимо было добиться соглашения с крупными иностранными лесопромышленными фирмами. Этим мы, с одной стороны, разбивали единый фронт заграничных импортеров, с другой—обеспечивали беспрепятственную реализацию наших лесных материалов.

Формой соглашения явились смешанные лесопромышленные общества, при организации которых нам пришлось отступить от общих положений нашей концессионной политики. Основная уступка заключалась в том, что акционерный капитал обществ покрывался не новыми взносами со стороны иностранных групп, а суммами, полученными от реализации национализированных в свое время лесных запасов. Здесь имела место, следовательно, скрытая реституция, правда, только в половинном размере. Таким образом, были организованы три смешанных акционерных общества: Руссанглолес, Руссголландолес и Русснорвеголес, в акционерных капиталах которых в размере 50% участвует Северолес. Из остальных трех лесных концессий, две заключены в форме чистых, а одна представляет собой смешанное общество.

Работу всех лесных концессионных предприятий необходимо признать вполне удачной. В их распоряжении находится лесная площадь в 5.500.000 десятин. Заготовки с каждым годом увеличивались, превышая в настоящее время обязательный минимум, обусловленный в концессионных договорах. Концессионными предприятиями инвестировано более 3.000.000 рублей в деревообрабатывающей промышленности. Экспортные операции с каждым годом расширяются. В 1923—24 году на долю концессионных предприятий падало до 19,5 милл. пуд. экспортного леса, что, принимая во внимание общий вывоз из СССР в 1923—24 г. в 112.000.000 пуд., дает участие концессионных предприятий в 18% общего вывоза. Для отдельных районов удельный вес концессионных предприятий еще выше, составляя, например, для Северо-Беломорского—24%.

Для производства таких широких операций собственный капитал концессионных предприятий, конечно, был мал. Недостающие суммы были пополнены путем получения заграничных кредитов и авансов. В 1923—24 г. общая сумма полученного кредита составляла не менее 700.000 фун. стерл., что по сравнению с кредитами (заграничными), полученными нашими государственными лесоэкспортными организациями — представляет весьма крупную сумму. На 1924—25 г. концессионные предприятия обеспечены уже кредитом еще в больших размерах.

Доходы государства от лесных концессий сравнительно значительны, составив в 1923—24 г. не менее 3,5 милл. руб., из которых 3 милл. руб. падает на попенную плату.

Из 14-ти концессий в области обрабатывающей промышленности—8 являются мелкими предприятиями, действующими на основе чистой концессии в различных отраслях промышленности.

Работу развернули только 6. В виду того, что они принадлежат к числу мелких предприятий, даже в случае полной их деятельности—общая сумма инвестированного капитала вряд ли достигнет свыше 1—2 милл. руб.

Два смешанных общества представляют собой сравнительно крупные организации, имеющие для нас весьма важное значение. Вхождение пайщиком иностранного капитала имеет место

в Швейном Синдикате, в котором в размере 2 милл. руб., из коих пока внесено 500.000 руб., участвует американский капитал.

Из двух договоров технического содействия пока приступлено к исполнению только в договоре с Французской Генеральной Компанией Беспроволочного Телеграфа. Результаты соглашения имеют весьма положительное значение для нашей молодой радиопромышленности.

В горной промышленности из 8 концессий—1 смешанное общество для разработки угольных копей на Шпицбергене. Общество имеет акционерный капитал в 150.000 фунт. стерл.

7 чистых концессий распадаются на 2 нефтяных, 1—серебряно-свинцовую, 3—золотопромышленных и 1—асбестовую. Деятельность этих предприятий, в большинстве случаев, в стадии разведок или подготовительных работ. В будущем, при развертывании предприятий полностью, они потребуют сложения сравнительно крупных капиталов.

Наконец, в области зверобойной и рыболовной промышленности мы имеем три концессии, которые являются предоставлением права иностранным фирмам заниматься вышеуказанным промыслом в водах Белого моря и Северного Ледовитого Океана.

Уплачиваемое за это долевое отчисление достигло в 1923—24 г. около 500.000 руб.

Таким образом, общая сумма инвестированных в промышленность капиталов достигает в настоящее время не более 5.000.000 руб., а при выполнении договоров полностью—достигнет 20—22.000.000 руб. Сумма акционерных капиталов смешанных обществ составляет не менее 9.000.000 рублей, и, кроме того, 2 милл. руб.—паевой взнос в Швейный Синдикат.

Число рабочих и служащих, занятых в концессионных промышленных предприятиях, достигает 14—15 тысяч человек (считая сезонных рабочих на лесных разработках).

Доходы правительства в 1923—24 г. от промышленных концессий составляли около 4—5 милл. руб.

В области внешней торговли—из 23 концессионных предприятий 5 представляют собой смешанные общества по торговле с Персией, которые в виду своеобразного характера их деятельности, будут рассмотрены нами отдельно.

Деятельность большинства торговых концессионных предприятий сводится к ввозу и вывозу различных товаров из СССР и заграницу. Только 3 смешанных общества специализировались на вывозе отдельных товаров из СССР.

Обороты концессионных предприятий в 1923—24 г. достигли крупных размеров, что видно из следующей таблицы:

Обороты 12 действовавших в 1923/24 г. концессионных предприятий.

Экспорт	20.784.886 р.
Импорт	19.905.103 »
Общий оборот	40.689.989 р.

Таким образом, в целом, торговая деятельность концессионных предприятий показывает активный баланс в 789.783 руб. Однако, превышение вывоза над ввозом обязано исключительно деятельности специальных экспортных концессионных предприятий: те же общества, которым разрешается, на-ряду с вывозом

импортировать в СССР заграничные товары, имеют ясно выраженный пассивный баланс.

Но нужно отметить, что по сравнению с 1922—23 г., характер операций концессионных предприятий по внешней торговле улучшился, при чем, одновременно с этим, концессионные предприятия сильно расширили свои операции. Так, в 1922—23 г. 5 самых крупных концессионных предприятий имели оборот в 12,6 милл. руб., а в 1923—24 году—25 милл. руб., при чем, пассивность по операциям представляла в 1922—23 году 29,5%, а в 1923—24 г.—21,6%.

Проводимая в настоящее время жесткая политика по отношению к концессионным предприятиям в области внешней торговли—имела своим последствием изменение характера деятельности этих предприятий в сторону увеличения экспорта наших продуктов, и уменьшения импорта. Так, за первые пять месяцев 1924—25 г. мы имеем для главнейших концессионных предприятий экспорт в 8.729.000 руб., а импорт—всего 5.138.000 руб., следовательно, активный баланс в 3.691.000 руб.

Что же ввозили и вывозили смешанные общества и концессионные предприятия?

В области экспорта их деятельность носила чрезвычайно универсальный характер, охватывая 33 номенклатуры товаров. В 1923—24 г. на первом месте стоит пушнина, занимая 62% всего экспорта. Затем, следует масло, яйца, хлеб и фураж. В меньших размерах вывозилось—щетина, кишки, жмыхи, рыбья чешуя, лесные материалы, железная руда, железный лом и т. д.

В отношении импорта—на первом месте стоит ввоз промышленного оборудования и сельско-хозяйственных машин, занимая более 25% всего ввоза, затем, следует промышленное сырье и фабрикаты, анилиновые краски, медицинские зубоврачебные инструменты и т. д.

По отношению к общему обороту внешней торговли СССР роль торговых смешанных обществ и концессионных предприятий пока незначительна. В 1922—23 г. обороты их составляли 3,8%, и в 1923—24 г.—4,2% общего оборота внешней торговли СССР. По экспорту и импорту значение смешанных обществ и торговых концессионных предприятий может быть иллюстрировано следующими данными:

Годы.	Общий экспорт СССР.	Экспорт смеш. обществ.	Общий импорт СССР.	Импорт смеш. обществ.
1922/23 г.	100%	3,3%	100%	4,6%
1923/24 г.	100%	4,0%	100%	4,5%

Для отдельных видов экспорта доля концессионных предприятий, однако, гораздо выше.

Положительная роль концессионных предприятий в области внешней торговли заключается, главным образом, в привлечении кредитов. В 1923—24 г. ими было получено оборотного кредита не менее 15 милл. руб. Кроме того, для государства торговые концессионные предприятия являются крупной статьей дохода. В 1923—24 г. общий доход исчисляется от них в 9—10 милл. руб., не считая дивидендов по акциям.

Для развития нашей торговли с Персией были организованы в 1923—24 г. 5 смешанных акционерных обществ с общей суммой капиталов в 4.380.000 руб. Этим обществам, без сомнения, принадлежит огромное будущее в деле усиления экономической связи с Персией. В 1924—25 г. ими предполагается экспортировать на сумму не менее 13 милл. руб., а импортировать—на 7 милл. руб., таким образом, обороты их достигнут крупной суммы в 20 милл. руб.

В области сельского хозяйства 7-ми концессионным предприятиям отведено до 145.000 десятин, однако, в обработке находится лишь пока около 50.000 десятин. Деятельность предприятий только начинает развиваться, так что инвестированные суммы и доходы пока незначительны.

Наши транспортные концессии сводятся почти исключительно к предоставлению заграничным предприятиям права эксплоатации воздушных и морских путей сообщения, а также телеграфных линий.

Отчисления от существующих концессий невелики, но положительная роль их сводится к развитию и улучшению наших сношений с заграницей. Имеющаяся одна железнодорожная концессия связана с лесной концессией, составляя с ней одно целое.

Доход правительства от транспортных концессий составил в 1923—24 году, в общей сложности, не более 1 милл. рублей.

Подводя итоги нашей концессионной практики, мы должны констатировать, что несмотря на короткий срок деятельности концессионных предприятий, их положительная роль в народном хозяйстве СССР выступает довольно четко.

Основное значение концессионных предприятий сводится к тому, что они способствуют развитию производительных сил нашего народного хозяйства.

Это достигается следующим:

1. Существующие концессии привлекли крайне нужные нам, правда, еще не очень значительные капиталы в наше народное хозяйство. При осуществлении полностью всех концессионных договоров, инвестированный капитал превысит 50.000.000 руб., но кроме того, иностранные капиталы участвуют в смешанных обществах, усиливая оборотные средства промышленности и торговли. Общая сумма акционерных капиталов смешанных обществ составляет не менее 17.000.000 руб. Одновременно с тем, концессионные предприятия способствуют приливу новых капиталов в виде кредитов. В 1923—24 году общая сумма кредитов составила, примерно, 23.000.000 руб., в 1924—25 г. кредиты, без сомнения, будут расширены. При этом, концессионные предприятия имеют возможность привлечь иностранные кредиты на более выгодных условиях, чем наши государственные организации. Смешанные лесные общества, например, в 1924 году получили заграничный кредит, обошедшийся им в 3—4 раза дешевле, чем нашим экспортным трестам.

2. Организация новых предприятий повела к увеличению количества товаров, выбрасываемых на рынок. Обороты концессионных предприятий достигают, в общей сложности, десятков миллионов рублей. Увеличение товарооборота ведет к укреплению

нашей денежной системы, поскольку расширяется спрос на деньги.

3. Концессионные предприятия, благодаря более рациональной технической и коммерческой постановке дела, продают зачастую дешевле наших госпредприятий, что оказывает подтягивающее влияние на наши госорганизации.

4. Концессионные предприятия способствуют улучшению баланса нашей внешней торговли: с одной стороны—увеличением экспорта, с другой—уменьшением импорта.

В отношении вывоза организация концессионных предприятий повела не только к количественному увеличению экспортных товаров, но и к повышению их ценности. В общей сложности все концессионные предприятия (торговые, лесные и др.) вывезли на сумму не менее 31 милл. руб., но не нужно забывать, что ряд экспортных товаров подвергся переработке на концессионных предприятиях, чего мы не могли бы сделать собственными силами. Так, смешанные лесопромышленные общества распилили и вывезли на своих заводах более 50.000 стандартов, которые, в лучшем случае, наши госпредприятия могли бы экспортировать лишь в необработанном виде.

Дальнейшее привлечение иностранного капитала для развития экспорта СССР открывает для последнего широкие перспективы. Наши экспортные возможности огромны. Недостаток собственных капиталов не даст нам в ближайшие годы возможность, хотя бы в минимальной доле, использовать наши естественные богатства. Областью, в которую особенно желательно привлечение иностранного капитала, является переработка сельско-хозяйственных продуктов, с целью скорейшей индустриализации нашего сельско-хозяйственного экспорта.

В отношении уменьшения импорта мы своей концессионной политикой уже теперь достигли возможности отказа от ввоза ряда товаров из-за границы, поскольку налажено производство этих изделий в СССР. Конечно, пока речь идет лишь о незначительном количестве товаров, в виду небольшого числа концессионных предприятий в обрабатывающей промышленности.

Положение с нашим импортом еще далеко не нормально. Мы ввозим огромное количество заграничных товаров, производство которых с небольшими затратами мы могли бы поставить у нас. Классическим примером в этом отношении является импорт буковой клепки для экспорта масла, которую мы ввозим из-за границы, несмотря на наличие пропадающих у нас буковых насаждений.

Но кроме легального ввоза, к нам проникают товары контрабандным путем. Контрабандный ввоз составляет в среднем ежегодно 60.000.000 руб., из которых более 50% падает на галантерею и мануфактуру, 12%—на кожевенные изделия и т. д. Все это можно было бы свободно изготовлять в СССР.

Наша концессионная политика должна в дальнейшем стремиться к совершенному исключению необходимости ввоза тех изделий, производство которых можно наладить в СССР.

5. Концессии улучшают наш расчетный баланс, кроме активизации нашей внешней торговли еще тем, что ежегодный приток иностранных капиталов, в виде сумм, подлежащих инвестированию, усиления оборотных капиталов концессионных предприятий, кредитов создает повышение наших требований в отношении

заграницы, что, в свою очередь, вызывает усиленный спрос на наш червонец за границей.

6. Концессии способствуют уменьшению безработицы. В существующих предприятиях, по приблизительным подсчетам, занято до 18.000 человек, но, кроме того, благодаря кредитам, предоставляемым, например, экспортными смешанными обществами нашим госорганам, последние получают возможность расширить свои заготовки и, таким образом, пред'являют добавочный спрос на рабочие руки.

Поскольку в ближайшем будущем мы не можем рассчитывать полностью изжить имеющуюся у нас явную и скрытую безработицу—концессии должны явиться одним из путей изживания безработицы. Это обстоятельство должно иметь важное значение для суждения о положительной стороне концессий, и с этой точки зрения мы должны подходить к каждой новой заключаемой концессии.

7. Концессии дают сравнительно крупный доход государственной казне. В 1923—24 году, по приблизительным подсчетам, минимальная сумма, полученная государством от концессионных предприятий по различным статьям, составила 14.000.000 руб., не считая дивидендов по акциям, которые причитаются нашим госорганам—участникам смешанных обществ.

Мы далеко не исчерпали всех сторон положительной деятельности концессионных предприятий, но сказанного достаточно чтобы утверждать, что заключение новых концессий в дальнейшем желательно.

Однако, концессии мы будем заключать только в том случае, если иностранные капиталисты пойдут к нам на приемлемых для нас условиях. Возникает вопрос—согласится ли на это иностранный капитал.

Чем характеризуется современное положение мирового хозяйства?

Во-первых: увеличением экспорта капитала,
во-вторых: усилением спроса на сырье,
в-третьих: обострением борьбы за рынки сбыта.

1. Экспорт капиталов увеличился, в первую очередь, из Соединенных Штатов Северной Америки. Капитал, ищущий применения заграницей, согласен пойти на более низкий процент прибыли лишь бы последний превышал уровень прибыли экспортирующей страны. Если капитал будет уверен в получении у нас 15—20% прибыли, прибыль, которая в наших условиях не является высокой,—это будет, при прочих равных условиях, достаточным стимулом для его притока в СССР.

2. Спрос на сырье, с расширением промышленности в капиталистических государствах, возрастает. СССР обладает неисчерпаемыми запасами всех видов сырья, из которых многие занимают монопольное положение в мировом хозяйстве (марганец, целлюлозный лес и т. д.). Необходимое дешевое высококачественное сырье капиталисты, скорее всего, могут получить из СССР только путем инвестирования, в той или другой форме, крупных капиталов в наше народное хозяйство. Если в 1920—23 гг. капиталистическая промышленность, находясь в периоде упадка, сокращения производства могла покрывать уменьшившуюся потребность в сырье получением такового в странах, заменивших Россию на мировом рынке, и поэтому не проявляла особого инте-

реса к нашим источникам сырья,—то теперь, с достижением хотя бы производства, отсутствие нашего сырья довоенного уровня ставит промышленность капиталистических государств под угрозу возможности дальнейшего развития. Волей-неволей, даже, если прибыль от работы в СССР для капиталистов будет невелика, они пойдут на концессии в СССР с целью обеспечить себя сырьем и топливом.

3. Индустриализация колоний, падение покупательной способности широких масс населения во всех странах и наряду с тем, чрезвычайно увеличившийся за время войны производственный аппарат промышленности, делают для последней открытие новых рынков наиболее актуальнейшей проблемой. СССР с ее 132 милл. населением является рынком с огромными потенциальными возможностями. Капиталисты всех стран безусловно приложат все усилия, чтобы проникнуть со своими товарами в СССР. Для восстановления основного капитала промышленности и транспорта, для усиления нашего строительства, нам необходимо будет в течение ближайших лет ввести значительное количество машин и орудий производства и т. д. из-за границы.

Учитывая ограниченность наших средств, мы не сумеем, однако, удовлетворить наши потребности полностью. Концессии в этом случае явятся обоюдно выгодными, для нас: поскольку откроется возможность дальнейшего восстановления основного и оборотного капитала страны; для капиталистов: поскольку таким образом явится возможным сбыть в СССР добавочное количество оборудования и материалы со своих фабрик и заводов.

К вышеотмеченным факторам заинтересованности иностранных капиталистов в наших концессиях нужно добавить еще ряд изменившихся моментов уже на стороне СССР.

Это, во-первых, твердая валюта, которая всегда способствует увеличению импорта капиталов, во-вторых, усиление покупательной способности населения, что обеспечивает концессионным предприятиям сбыт их изделий. В-третьих, рост политического могущества СССР, всеобщее признание его капиталистическими державами, вследствие чего концессионеры соглашаются безоговорочно на подчинение нашему законодательству и не выставляют уже требований о предоставлении им исключительных прав и привилегий, причина, которая часто вела к разрыву концессионных переговоров.

На основе всего сказанного, перед нами ясно вырисовываются конкретные задачи, стоящие перед нами в области концессионной политики.

В ближайшее время соискателями концессий выступят три группы капиталистов:

1. Крупные финансовые и промышленные организации.
2. Мелкие промышленные и торговые фирмы.
3. Бывшие собственники национализированных предприятий.

К первой группе относятся те финансовые и промышленные концерны, которые ищут в СССР рынков приложения капиталов, сбыта изделий и источников сырья. Эти соискатели не останавливаются перед необходимостью инвестирования крупнейших капиталов на продолжительный срок в СССР. С экономической стороны подобные концессии являются наиболее выгодными. Но, вместе с тем, указанные концессионеры требовали для себя раньше ряд неприемлемых привилегий: монопольных прав, освобождения от налогов, послабления рабочего законодательства и т. д. До сих пор мы имеем только одну концессию подобного вида, заключенную, однако, на основе нашего типового обычного концессионного договора.

Как мы указывали выше, в ближайшее время мы должны ожидать усиления внимания к нашим концессионным об'ектам именно со стороны этих групп.

Учитывая выгоды, получаемые от заключения каждой такой концессии, мы можем по отношению к таким соискателям итти на ряд льгот, как, например, разрешение на беспошлинный ввоз нового оборудования, приравнение концессионера в отношении уплаты налогов к государственным предприятиям, даже лимитирование налогов, удлинение срока концессии и т. д., сохраняя, конечно, незыблемо наши основные декреты.

2. Мелкий промышленный и торговый капитал, переживая в настоящее время в Западной Европе кризис, стремится найти применение в СССР, поскольку условия здесь для него гораздо благоприятнее. Крупных выгод от него ждать **нельзя**, но, как мы уже отмечали выше, нам приходится еще ежегодно ввозить целый ряд изделий, которые могли бы быть свободно производимы в СССР. Каждый в отдельности такой концессионер не имеет значения для нашего народного хозяйства, но в совокупности мелкая концессионная промышленность принесет нам большую пользу.

Опыт показывает, что мелкие соискатели не требуют для себя особых льгот, соглашаются на полное приравнение к нашим частным промышленникам,—сговориться с ними вообще легче.

Единственно, что отпугивает мелкого соискателя—это сравнительно долгий срок ведений концессионных переговоров. Для такого концессионера само пребывание в СССР в течение многих месяцев, вынужденное бездействие—является уже чрезвычайно обременительным. Поэтому, в отношении к таким концессионерам нам необходимо максимально упростить порядок сдачи концессий вплоть до предоставления права заниматься промышленной деятельностью не на основе концессионного договора, а простой аренды.

3. Соискатели третьей группы, на которую в первый период нашей концессионной практики падало наибольшее число предложений, обычно заинтересованы лишь в получении, в той или иной форме, своих бывших предприятий. Заключая концессии, они обычно стремятся не к вложению новых капиталов, а к скорейшей амортизации полученного предприятия, с целью покрытия понесенных ими убытков. Сговориться с ними бывает сравнительно легко, но реальной пользы от них для развития производительных сил нашего хозяйства немного. В ближайшем будущем, пока не разрешен еще вопрос о ликвидации взаимных расчетов с Англией и Францией, на которых падает наибольший процент участия своими капиталами в довоенной промышленности, можно ожидать некоторой пассивности со стороны этих групп.

Для нас бывшие собственники, как соискатели концессий, интересны, главным образом, постольку, поскольку они имеют опыт прежней работы в России. В отношении к ним, однако, необходимо ставить жесткие требования инвестировать новые капиталы, расширить и улучшить передаваемые им их бывшие предприятия.

реса к нашим источникам сырья,—то теперь, с достижением хотя бы производства, отсутствие нашего сырья довоенного уровня ставит промышленность капиталистических государств под угрозу возможности дальнейшего развития. Волей-неволей, даже, если прибыль от работы в СССР для капиталистов будет невелика, они пойдут на концессии в СССР с целью обеспечить себя сырьем и топливом.

3. Индустриализация колоний, падение покупательной способности широких масс населения во всех странах и наряду с тем, чрезвычайно увеличившийся за время войны производственный аппарат промышленности, делают для последней открытие новых рынков наиболее актуальнейшей проблемой. СССР с ее 132 милл. населением является рынком с огромными потенциальными возможностями. Капиталисты всех стран безусловно приложат все усилия, чтобы проникнуть со своими товарами в СССР. Для восстановления основного капитала промышленности и транспорта, для усиления нашего строительства, нам необходимо будет в течение ближайших лет ввести значительное количество машин и орудий производства и т. д. из-за границы.

Учитывая ограниченность наших средств, мы не сумеем, однако, удовлетворить наши потребности полностью. Концессии в этом случае явятся обоюдно выгодными, для нас: поскольку откроется возможность дальнейшего восстановления основного и оборотного капитала страны; для капиталистов: поскольку таким образом явится возможным сбыть в СССР добавочное количество оборудования и материалы со своих фабрик и заводов.

К вышеотмеченным факторам заинтересованности иностранных капиталистов в наших концессиях нужно добавить еще ряд изменившихся моментов уже на стороне СССР.

Это, во-первых, твердая валюта, которая всегда способствует увеличению импорта капиталов, во-вторых, усиление покупательной способности населения, что обеспечивает концессионным предприятиям сбыт их изделий. В-третьих, рост политического могущества СССР, всеобщее признание его капиталистическими державами, вследствие чего концессионеры соглашаются безоговорочно на подчинение нашему законодательству и не выставляют уже требований о предоставлении им исключительных прав и привилегий, причина, которая часто вела к разрыву концессионных переговоров.

На основе всего сказанного, перед нами ясно вырисовываются конкретные задачи, стоящие перед нами в области концессионной политики.

В ближайшее время соискателями концессий выступят три группы капиталистов:

1. Крупные финансовые и промышленные организации.
2. Мелкие промышленные и торговые фирмы.
3. Бывшие собственники национализированных предприятий.

К первой группе относятся те финансовые и промышленные концерны, которые ищут в СССР рынков приложения капиталов, сбыта изделий и источников сырья. Эти соискатели не останавливаются перед необходимостью инвестирования крупнейших капиталов на продолжительный срок в СССР. С экономической стороны подобные концессии являются наиболее выгодными. Но, вместе с тем, указанные концессионеры требовали для себя раньше ряд неприемлемых привилегий: монопольных прав, освобождения от налогов, послабления рабочего законодательства и т. д. До сих пор мы имеем только одну концессию подобного вида, заключенную, однако, на основе нашего типового обычного концессионного договора.

Как мы указывали выше, в ближайшее время мы должны ожидать усиления внимания к нашим концессионным об'ектам именно со стороны этих групп.

Учитывая выгоды, получаемые от заключения каждой такой концессии, мы можем по отношению к таким соискателям итти на ряд льгот, как, например, разрешение на беспошлинный ввоз нового оборудования, приравнение концессионера в отношении уплаты налогов к государственным предприятиям, даже лимитирование налогов, удлинение срока концессии и т. д., сохраняя, конечно, незыблемо наши основные декреты.

2. Мелкий промышленный и торговый капитал, переживая в настоящее время в Западной Европе кризис, стремится найти применение в СССР, поскольку условия здесь для него гораздо благоприятнее. Крупных выгод от него ждать **нельзя**, но, как мы уже отмечали выше, нам приходится еще ежегодно ввозить целый ряд изделий, которые могли бы быть свободно производимы в СССР. Каждый в отдельности такой концессионер не имеет значения для нашего народного хозяйства, но в совокупности мелкая концессионная промышленность принесет нам большую пользу.

Опыт показывает, что мелкие соискатели не требуют для себя особых льгот, соглашаются на полное приравнение к нашим частным промышленникам,—сговориться с ними вообще легче.

Единственно, что отпугивает мелкого соискателя—это сравнительно долгий срок ведений концессионных переговоров. Для такого концессионера само пребывание в СССР в течение многих месяцев, вынужденное бездействие—является уже чрезвычайно обременительным. Поэтому, в отношении к таким концессионерам нам необходимо максимально упростить порядок сдачи концессий вплоть до предоставления права заниматься промышленной деятельностью не на основе концессионного договора, а простой аренды.

3. Соискатели третьей группы, на которую в первый период нашей концессионной практики падало наибольшее число предложений, обычно заинтересованы лишь в получении, в той или иной форме, своих бывших предприятий. Заключая концессии, они обычно стремятся не к вложению новых капиталов, а к скорейшей амортизации полученного предприятия, с целью покрытия понесенных ими убытков. Сговориться с ними бывает сравнительно легко, но реальной пользы от них для развития производительных сил нашего хозяйства немного. В ближайшем будущем, пока не разрешен еще вопрос о ликвидации взаимных расчетов с Англией и Францией, на которых падает наибольший процент участия своими капиталами в довоенной промышленности, можно ожидать некоторой пассивности со стороны этих групп.

Для нас бывшие собственники, как соискатели концессий, интересны, главным образом, постольку, поскольку они имеют опыт прежней работы в России. В отношении к ним, однако, необходимо ставить жесткие требования инвестировать новые капиталы, расширить и улучшить передаваемые им их бывшие предприятия.

Основываясь на всем вышесказанном, мы в настоящее время можем считать, что перед нами открывается полоса оживления в нашей концессионной практике. Невольно может возникнуть вопрос—не составит ли большое число заключенных концессий угрозы нашему государственному хозяйственному строительству.

Уже в 1921 году Владимир Ильич, слыша подобные опасения, неоднократно подчеркивал:

«Концессии не страшны, пока мы держим в руках все государственные предприятия и взвешиваем точно и строго какие и на каких условиях мы можем отдать в концессии и в каких размерах. Капитализм, который растет, находится под контролем, учетом, а государственная власть остается в руках рабочего класса и рабочего государства» (т. XVIII, ч. I, стр. 199).

Теперь, когда наши «командные высоты» значительно окрепли, занимая действительно командное положение в народном хозяйстве, когда мы не боимся посвободней развязать мелкого товаропроизводителя,—опасаться концессий, за которыми, по меткому выражению тов. Ленина,—«уследить» гораздо легче, чем за мелким товаропроизводителем, еще меньше оснований, чем несколько лет тому назад.

Нашим лозунгом дня становится развитие хозяйственного оборота, нашей задачей попрежнему остается упрочение союза рабочих и крестьян, для этого мы должны использовать все имеющиеся у нас возможности: правильная концессионная политика явится не последним фактором проведения этих задач в жизнь.

С. Калантаров.

Работа производственных ячеек среди беспартийных.

Нередко производственные ячейки всю задачу свою по отношению к беспартийным крайне упрощают, сводя ее непосредственно к вербовке возможно большего количества беспартийных в партию и считая единственным критерием успеха своей работы с беспартийными цифру вступивших.

Задача ячейки значительно сложнее. Заключается она не только в вовлечении рабочих в партию (это—часть задачи, игравшая и кое-где продолжающая играть первостепенное значение в связи с необходимостью укрепить рабочее ядро партии), по и—что не менее важно—в завоевании ячейкой полного доверия к себе со стороны всей массы беспартийных рабочих, и, больше того, в абсолютном политическом, идейном овладении всею беспартийной массой. Добиться же этого не так просто. Между тем именно это доверие, именно тяга беспартийных к тесному сотрудничеству с партией, к помощи ей, именно широкий беспартийный рабочий актив вокруг партии, как продукт этой тяги, этого доверия, и должны служить критерием успешности.

Возрастающий приток рабочих в партию есть беспорный показатель усиления партии, роста ее влияния на рабочие массы, роста доверия рабочих к партии, но—партии в целом, а отнюдь не обязательно данной ячейки. Факты вступления в партию рабочих несмотря, подчас, на неумелую, неправильную линию той или иной ячейки в отношении беспартийных или на отсутствие какой бы то ни было линии, отнюдь не единичны.

Работу производственных ячеек среди беспартийных, с точки зрения подхода, методов и форм работы, мы и разберем в настоящей статье. Но предварительно несколько слов о состоянии рабочих масс.

1. Процессы в рабочем классе.

Развертывание промышленности сопровождается увеличением и сплачиванием рабочего класса. В Ленинграде, напр., в октябре 1923 года насчитывалось 106.000 рабочих, а в декабре 1924 года свыше 156.000; в Москве, в октябре 1923 года, в 335 предприятиях работало 213.057 рабочих, а в октябре 1924 года—в 330 предприятиях — 267.945 рабочих, при чем среднее количество рабочих на одном предприятии в октябре 1923 года было 307 человек, а в октябре 1924 г. около 400 человек. Аналогично положение и в других промышленных районах.

Отражаясь положительно на уровне материальной обеспеченности рабочего, восстановление промышленности сопутствуется производственным под'емом в рабочем классе. Производительность индивидуального труда рабочего значительно возросла, иногда перевалив за довоенную.

С производственным под'емом связана и наблюдающаяся широкая тяга рабочих к поднятию своей квалификации (на Тульском оружейном заводе, напр., «работает 12 кружков по поднятию квалификации», то же в Баку и в др. промышленных центрах).

Подымая свою производительность, рабочий сильнее заинтересовывается в хозяйственном ведении промышленности, в технической рационализации ее. Производственные совещания в этом смысле явились практическим выражением сознательного участия рабочих в производстве. Было бы преждевременно заключать о большом развитии в рядовых рабочих массах «чувства хозяина» промышленности, но проходить мимо этого процесса, еще зачаточного, но неуклонно развивающегося в рабочем классе нельзя.

Одновременно с производственным под'емом на базе роста производительной обеспеченности рабочих идет культурный под'ем рабочего класса. О нем говорят материалы с мест. В «Спутнике Партработника» Донбасса мы читаем о «повышенном стремлении к знанию не только среди членов партии, но и среди беспартийных». Бакинский Комитет констатирует то же в отношении окраин: «Спрос, который сейчас имеется на книгу среди тюркских рабочих,—пишет, он,—говорит о возросшей культурной потребности рабочих-тюрок». Вот несколько цифр, иллюстрирующих культурный рост: в 1923 г. по Республике насчитывалось до 2.000 клубов; 1/XI г. 1924 г. их уже имелось 2500, при чем закрыто много слабых клубов. Если полтора-два года тому назад членами клуба состояло 5—6% проф. организованных рабочих, то теперь имеем 10—12%. Число читателей библиотек (по данным ВЦСПС) после чистки таковых возросло за короткий срок в три раза. На одном только Тульском оружейном заводе при клубе организовано «19 разных кружков (культпросветительного характера) с числом участников в них 1.047 чел. По мастерской имеется 17 библиотек-передвижек и 18 красных уголков». «Клубы перегружены »,—пишет информотдел екатеринославского губкома; и т. д. и т. п.

Культурный рост неизменно сопровождается ростом политической сознательности и общественной активности рабочих. Это видно хотя бы на росте роли газеты в жизни рабочего. Об этом говорят сами рабочие в беседах при обследовании («раньше газеты месяцами не видел, а теперь как день не почитаю газету, чего-то не хватает». Ярославль, Ковров).

О том же говорят цифры растущего тиража рабочих газет и растущая подписка на них. «За год «Ниж. Коммуна» увеличила свой тираж с 20.000 до 28.000, т.-е. на 40%. Газета сумела связаться с самой гущей рабочего класса. Есть цеха, где почти каждым рабочим выписывается «Ниж. Коммуна». (Отчет Нижегородского губкома за 1924—январь—25 г.). То же сообщают Сталинградский и др. губкомы.

Вокруг газеты растет широкое рабкоровское движение. Сталинградская «Борьба» имеет свыше 250 рабкоров. Донбасс говорит о «росте рабкоровского движения». В Нижнем с сентября 1924 г. по январь 1925 г. количество рабкоров увеличилось с 250 до 1000. В московских районах «организовано 134 рабкоровских кружка и 8 курсов для квалифицированных рабкоров». «Буквально нет газеты и массового журнала,—пишет ленинградский губком,—которые не имели бы рабкоров». В Баку «рабкоров имеется в декабре 250 чел., тогда как имели в мае только 80 чел.». Всего по Республике уже насчитывается до 70 тысяч рабкоров.

Крупным общественным фактором на предприятиях становится стенная газета. В Донбассе чуть ли не каждое предприятие, каждая школа, каждый клуб имеют свою стенную газету, а иногда даже и две и несколько различных типов. «Стенная газета на предприятиях безусловно играет огромную роль», — пишет Донбасс.

Газета, обычно завоевывая интерес рабочих к себе освещением рабочего быта, экономических и производственных вопросов рабочей жизни, постепенно расширяет кругозор и завоевывает внимание рабочего к вопросам общегосударственным, международным и партийным. Тому же способствует партия. Беспартийный рабочий, даже мало активный, будучи меньше загружен общественной работой, чем партиец, бывает нередко полнее в курсе событий, действий власти и проч., чем загруженный партиец. «Беспартийные,—пишет Курский губком, лучше партийных осведомлены о международном и внутреннем положении Республики, так как все читают газеты, а партийцы нет, в силу занятости в школах и другими работами». Крупнейшим стимулом к повышенном интересу беспартийных рабочих к государственной и партийной жизни является тесная связь рабочих с деревней. Для краткости приведем одно лишь наиболее характерное сообщение, взятое из сводки Тульского губкома: «Среди рабочих наблюдаются следующие явления: рабочие, имеющие связь с деревней, в момент работы в мастерских чувствуют себя крестьянами, они расспрашивают ячейку о налогах, об обложении земли, скота. Но когда они бывают в деревне, там они себя чувствуют рабочими. Когда говорят о налогах, то эти рабочие возражают, защищают политику сов. власти теми раз'яснениями, кои говорились против них на собраниях в мастерских. Приведенное, сплошь и рядом затруднительное положение такого рабочего подымает его в общем на уровень классовой сознательности, а с ним вместе и окружающих его рабочих, хотя бы и не связанных непосредственно с деревней. Известен, наконец, тот повышенный интерес беспартийных рабочих к партийной жизни (особенно к дискуссиям), который неизменно проявлялся беспартийными рабочими и который в немалой степени уходит корнями в ту же деревню.

Бесспорным достижением являются рабочие «общества» — свидетели растущей самодеятельности рабочих. Конечно, астрономические цифры о количестве членов этих обществ отнюдь не показательны. Интересно другое, о чем говорят материалы с мест, именно—непрерывный рост рабочего актива в «обществах». Так в Москве, на заводе «Серп и Молот» в практическую работу по добровольным обществам втянуто 40 беспартийных рабочих. На другом предприятии из членов общества «Долой неграмотность» выделяется активная группа рабочих и работниц—ликвидаторов неграмотности. Не следует, конечно, переоценивать и этих фактов. Это только начатки. Но они имеют свою, и притом большую, будущность.

Наконец, крупнейшим показателем роста общественно-политической активности беспартийных рабочих является их сильная тяга к политучебе и тяга в партию. Сведения из ленин-

градских ячеек говорят о «возросшем посещении беспартийными занятий в школах и кружках». На заводе «Большевик» «из числа 225 посещающих партшколы—70 человек беспартийных и приходилось отказывать многим». В Туле «в цехах на групповых беседах участвует свыше 40% беспартийных цеха». Уже в прошлом году,—пишет Самарский губком в январе 1925 года—сказывалось в широкой беспартийной массе стремление к общественно-политическому знанию. К началу текущего учебного года оно сказалось еще с большей силой».

Приток в партию после ленинского призыва не только не уменьшился по сравнению с предыдущими годами, но значительно превышает их. Наиболее красочным фактом является второй массовый приток в ленинские дни (I/25 г.) по Москве, когда за три недели в партию вступило около 20.000 рабочих, т.-е. немногим менее числа вошедших в партию по Москве за три месяца 1924 года.

Через газету, через партийную организацию и пропаганду на будничных вопросах строительства, рабочие массы систематически впитывают в себя основы классовых задач, основы большевистской политики. Процесс консолидации рабочего класса дополняется и бетонируется ростом классовой сознательности рабочих. Основы ленинизма проникают в глубины рабочего класса.

Общественный классовый рост сопровождается ломкой быта. «С богом давно покончили»,—говорят рабочие. Иконостасы либо пошли в печь, либо совмещаются пока с портретами вождей революции и с «Безбожником». Старухи упорствуют и даже Октябрьскую годовщину ходят праздновать в церковь. Пионеры и комсомольцы беспощадно добивают в семье остатки предрассудков. Октябрины стали массовым явлением. Клуб и газета становятся необходимостью не только для рабочего, но и для работницы. Впрочем последняя, будучи семейной, сильно связана семьей. Характерно, что рост материальной обеспеченности рабочей семьи, отзываясь благоприятно на росте общественной активности рабочего, ложится пока в большинстве своем еще большей тяжестью на семейную работницу, ибо появляются лишние «припасы, которые нужно спечь и сварить», увеличиваются материальные запросы семьи. Общественное питание, воспитание и проч. еще недостаточно сильны, чтобы помочь ощутительно работнице-матери.

На фоне этих основных процессов развития рабочего класса имеют место и временные явления и настроения отрицательного порядка. Питаются они разными источниками—трудностями восстановления промышленности, трудностями в деревне, неумелым подходом к беспартийным местных парторганизаций и хозяйственников, выражающемся, подчас, в чрезмерной партопеке, в администрировании, в нечутком подходе. Эти явления и настроения захватывают обычно неустойчивые, подверженные классово-чуждым влияниям, прослойки рабочих. Анти-советские элементы всеми силами использовывают малейшие заминки, ошибки или кажущиеся ошибки местных работников для раздувания взаимного непонимания между партией и рабочими, путем скрытой агитации, индивидуальной «обработки». В результате, на фоне общего классового роста рабочих масс, время от времени, кое-где, имеют место классово-чуждые настроения в отдельных группах рабочих.

Трэд'юнионистские настроения. Их обычное выражение—непонимание политики рабочего класса, руководимого большевистской партией, как политики государственного класса; «ревность» к деревне, упреки в крестьянском уклоне партии и т. п. Такие настроения захватывают легче всего квалифицированную рабочую верхушку, порвавшую давно с деревней и подверженную меньшевистским шатаниям, а также самую отсталую часть рабочих.

В противоположность тред'юнионистским наблюдаются им обратные—крестьянские настроения. Тесные связи с деревней, слабая выварка в «фабричном котле», политическая отсталость части рабочего класса создают предпосылки для зарождения в сознании отдельных рабочих и групп рабочих классово-чуждых крестьянских настроений, питающихся обычно вестями из дому (из деревни) о недовольстве теми или иными мероприятиями власти, о слабости и недостатках низовых деревенских звеньев партии, комсомола, соваппарата и других организаций. Эти элементы рабочего класса с трудом усваивают общую линию партии, вместо положительной роли в деле укрепления смычки играют роль отрицательную, являясь проводниками мелкобуржуазных шатаний и влияний в рабочую среду, труднее поддаются организаторской работе партии и друг. рабочих организаций, труднее поддаются дисциплине организованного класса.

В тесной связи с этими настроениями находится явление, не сильно распространенное, но тем не менее встречающееся подчас в среде беспартийных рабочих, это—непонимание роли партии, как вождя беспартийных масс рабочих, недооценка роли партии в строительстве, в государственной жизни, в борьбе рабочих за улучшение своего материального положения и проч. В Ярославле, например, на «Красном Перекопе» довольно распространенным было мнение в беспартийной рабочей среде, что партия есть «накладной расход» на шее рабочего класса; «сами говорите—подымай производительность, сокращай расходы, а наплодили теперь цехячеек—вот вам и накладной расход». Неправильному пониманию роли партии способствуют нередко и сами партийцы, руководители парт'организаций (ячеек) своим явным непониманием того же основного вопроса—взаимоотношений партии и класса.

В значительной мере вопрос о работе среди беспартийных есть вопрос о подходе партии к беспартийным, о таком подходе, который обеспечивал бы ей основанное на полном доверии класса руководство последними. Этого-то подхода подчас нет на местах. Наоборот, отдельные факты говорят о близоруком, нетактичном, неумелом обхождении отдельных руководящих работников производства (ячейки хозяйственников) с беспартийными рабочими массами. Тут следует оттенить два обычных момента недоговоренности: 1) между рабочими и ячейкой и 2) между рабочими и хозяйственниками. Первый момент имеет место отчасти в силу указанного выше непонимания некоторыми рабочими роли партии, но отчасти и в силу неправильной линии ячейки в отношении беспартийных, недоверия к беспартийным, «боязни масс», вытекающей отсюда опеки над беспартийными, излишнего нажима тогда, когда это вовсе не требуется ника-

кими соображениями. Практически это сказывается обычно на собраниях рабочих во время обсуждения тех или иных вопросов, во время принятия резолюций по ним («протаскивание», «навязывание»), во время тех или иных выборов в деле выдвижения работников и проч. и т. п. При этом настроение беспартийного рядовика-рабочего вполне характеризуется такого рода фразами: «без нас там коммунисты выберут, список уже готов», «выборы в Горсовет проводятся лишь для видимости». «Не выбирают, а назначают», «нам партия не доверяет».

Иногда даже некоторые члены и кандидаты партии подпадали под эти настроения и плелись в хвосте. Один из товарищей в докладе о поездке по некоторым губерниям приводит случай, когда молчавшие по докладу его рабочие, обступили его после собрания с распросами. На вопрос—почему же они не выступали на собрании, ответ был—боимся, сократят. Сокращение «за бузотерство» имело однажды место на деле. Результатом этаких головотяпств является страшное падение общественной активности рабочих. На-ряду с этим созревает недовольство ячейкой, недоверие, взаимная недоговоренность. Ясно, что на такой основе всякие разговоры о втягивании беспартийных рабочих в практическое строительство, о партийном влиянии и руководстве беспартийной массой лишь пустые фразы.

Второй момент—трения между рабочими и хозяйственниками—имеет место чаще первого и является продуктом с одной стороны непонимания отдельными рабочими и группами рабочих хозяйственных задач рабочего класса в целом, но с другой—нередко—продуктом ошибок хозяйственников и, подчас, необдуманных мероприятий. Бывали случаи, когда повышение норм выработки, изменение расценок и проч. проводились хозяйственниками без какой бы то ни было попытки подготовить рабочих к намеченному мероприятию, дотолковаться с ними до конца, добиться полного взаимного понимания и т. д. В отдельных случаях имело место игнорирование хозяйственниками даже проф. органов. Ясно, что подобные методы администрирования отнюдь не способствуют сближению рабочих с хозяйственниками, а на этой почве, подчас,—рабочих с партией. С подобного рода явлениями необходимо решительно бороться.

К числу отрицательных настроений среди рабочих следует отнести и настроения недовольства «по мелочам». Недовольство этого типа отнюдь само по себе не является мелочью. Нередко именно «мелочи», «пустяковые недостатки» в производстве создают весьма напряженную атмосферу в цехах па предприятии. Об этих-то «мелочах» и говорят в большинстве своем рабочие на производственных совещаниях. Известно, что устранение этих «мелких недочетов» приводило предприятие к большим материальным эффектам (экономия сырья и проч.), а в рабочей среде разряжало атмосферу раздраженности.

Нельзя пройти и мимо так называемого спецеедства. Партийная линия в отношении специалистов усвоена в основном всею партией, а с нею и широкими рабочими массами. Однако, в отдельных промышленных районах (Донбасс, Урал), в силу отрицательных черт спецовского состава данного района (нерадение к производству, высокомерие к рабочим и т. п.), а подчас в силу злоупотреблений спецов материальными привилегиями (высокие ставки, жилищные излишества и проч.) выросли настроения антиспецовские, спецеедство среди рабочих. Впрочем, явление это, благодаря принимаемым партией и хозяйственниками мерам, в настоящее время идет на убыль.

Ощутительным явлением в быту становится пьянство (Самара и др.). Однако, пьянство столкнулось с сильным процессом культурного роста рабочего класса. Инициативой самих рабочих в ряде городов (Ярославль, например, и др.), в районах фабрик и заводов закрываются пивные и проч.

Совокупность основных—положительных—процессов и частных—отрицательных—в рабочем классе, определяет собой оценку тех методов и форм работы среди беспартийных, которые практикуются местами и которые наилучшим образом обеспечивали бы партии ее связь с рабочими массами и руководство ими.

II. Задача создания слоя беспартийного актива и как она решается местами.

Ленинский набор и задача его переварки заняли на протяжении ряда месяцев все внимание производственных ячеек. Работа среди беспартийных, казалось, отошла далеко на задний план. Однако, возросшая активность в рабочем классе не позволила партии, там где она «забыла» о работе в массах, долго проходить мимо этой задачи. «Сдвиг в беспартийной массе,—пишет один из работников Донбасса,—в сторону массового обольшевичивания ее, получивший определенное свое выражение и живой размах в ленинском наборе, есть момент перерождения беспартийной клеточки в партийную. Следует его всемерно развивать, что, помимо других условий, требует перехода и усиления плановой работы среди беспартийной массы, ее лучшего обслуживания, чем мы делали это до сих пор». «Значительное пополнение партии за счет беспартийных,—говорится в резолюции Украины,—вызвало неизбежное уменьшение актива беспартийных рабочих, вовлеченных в профессиональную, советскую и др. работу». В результате большинство организаций занялось вплотную работой в массах. Этот практический сдвиг зафиксирован и в резолюции внутреннего совещания Орграспреда МК, констатирующей, что «в последнее время (1924 г. XII.) работа ячеек значительно оживилась по линии развертывания работы среди беспартийных».

Однако, подход к вопросу, методы создания беспартийного актива из рабочих не одинаковы у местных парторганизаций, у производственных ячеек. Обследование нескольких организаций дало нам примеры, значительно друг от друга разнящиеся. В основном вырисовываются два подхода: первый—сознательный курс на максимум взаимного политического понимания, взаимного доверия ячейки и беспартийной рабочей массы. Практически он выражается во втягивании беспартийных рабочих на деловое сотрудничество с партией, в настойчивом оживлении всех видов и форм общественной самодеятельности масс, в обеспечении рабочим организациям и массам на деле возможности активной самодеятельности под партийным руководством; второй— механическое сколачивание, учет «слоя беспартийного актива», недооценка политического значения приобщения беспартийного к практической работе, к строительству, вдохновляемому партией, подчас беззаботность в отношении остальных широких слоев рабочей массы. Практически он (подход) выражается в бумажном уче-

те «сочувствующих и содействующих» партии, как одиночками, так и группами, в слабом привлечении беспартийных рабочих к содействию партии на деле в рабочих организациях. Моменты администрирования ячеек над беспартийными при этом фигурируют тем чаще, чем развитее этот подход, этот метод работы. Конечно, эти два подхода для краткости и четкости взяты здесь в их наиболее чистом виде. На деле имеют место отклонения в ту и другую сторону. Чаще эти отклонения наблюдаются во втором случае, ибо партийные директивы не раз отвергали упомянутый метод работы в массах и указывали на его политическую невыдержанность, вредность для партии. В виду живучести этого метода остановимся на нем подробнее.

Так называемые сочувствующие, будучи отвергнуты партией, не возрождались вновь формально. По существу же, только под иным соусом, институт этот возрождался и доныне фактически не изжит полностью. Сочувствующих заменили «содействующие», в начале в форме «ячеек и групп», а после циркуляра ЦК (XI—1922 г) в форме содействующих—одиночек. Разница между группами и одиночками лишь формальная. По сути дела это—одно и то же. Опыт Москвы, Коломны и ряда др. организаций показал, что одиночки неизбежно соскальзывают на путь группового оформления. О группе «содействующих», в защиту ее, еще недавно (март 1925) помещена статья партработника «Красной Пресни», тов. Гурды в «Правде». О «содействующих» издавались специальные «положения» (Владимирский губком). «Содействующие» вербовались, подчас исключались и проч. Работа с «содействующими» в силу количественного роста этого института (в одной Москве их насчитывалось свыше 15.000), ограничивалась в преобладающей части, а подчас и полностью, одним лишь бумажным учетом. Создалась категория «кандидатов второго порядка» около партии, чего не отрицает и что оправдывает тот же практик тов. Гурда (см. «Правду» № 60). Для иллюстрации работы с содействующими приведем одно об'явление ячейки на московском заводе, характеризующее до некоторой степени обычную постановку этой работы. Перед той или иной кампанией ячейка об'являет: «Все товарищи, записавшиеся (!) в группу (!) содействующих РКП(б), должны (!) прибыть на собрание (день, час, место). Явка для всех содействующих обязательна (!). Секретарь ячейки РКП(б) (подпись)». Можно было бы привести десятки фактов более ярких, но достаточно и этого, наиболее распространенного факта.

Родственной «содействующим» формой являются так назыв. «политкружки», практикуемые кутаисской организацией Грузии. Вот что пишет сам уком: «до сих пор прием в политкружок был трудный, вступающему в политкружок пред'являлись те же условия, что и вступающему в партию, хотя с 1922 года нами в политкружок было принято незначительно количество. В политкружках нами велись систематические занятия. В будущем следует увеличить число политкружков, вовлечь в них возможно большее количество рабочих и крестьян и ввести чисто-пропагандистскую работу. Родственное тут то, что члены «политкружка», как и «содействующие», находятся в известных формальных отношениях к партии, они принимаются и исключаются партией, они оформлены определенными нормами. Преимуществом перед «содействующими» является то, что количество членов «политкружков» ограничено и партия целиком справляется с задачей их индивидуальной обработки. Существенным своеобразием этой формы является то, что с беспартийными этого типа ведется чисто пропагандистская работа, без попытки вовлечения в практическую работу. Общей характерной чертой всех перечисленных родственных друг другу форм является то, что они практически становятся универсальной формой «работы» ячеек по созданию слоя беспартийного актива, отвлекая тем самым внимание партии от упорного оживления рабочих организаций, профсоюзов, советов и др. Не требует особых доказательств тот факт, что сколачиваемый такими путями слой беспартийного актива ни в малейшей мере не связывает партию с беспартийными рабочими массами тою связью сотрудничества, договоренности и взаимного доверия, которые должны быть достигнуты в первую очередь через беспартийный актив.

Большинство организаций на путь «содействующих и т. п. не стало. Сведения о вовлечении беспартийных рабочих в практическую работу тем не менее крайне скудны: ряд крупных отчетов губкомов, пестря всевозможными цифрами, не дают, однако, цифры о беспартийном активе, ограничиваясь лишь общей оценкой по этому вопросу. Это говорит о недостаточных пока достижениях мест в этой области. Имеющиеся данные таковы:

ЛЕНИНГРАД.	Членов и кандид. РКП (б).	Членов РЛКСМ.	Беспартийных.	Всего.
Советская работа	3.442	406	6.121	14.969
Професс. „	10.789	1.996	14.303	27.088
Кооперат. „	2.355	179	968	3.502
Хозяйств. „	241	—	34	275
В разных организациях . .	15.151	4.484	10.108	29.743
Всего . . .	36.978	7.065	31.534	75.577

Тула. Средний процент вовлеченных в работу беспартийных рабочих по отношению к общему числу беспартийных на предприятиях равен около 8%.

По отдельным видам работ имеем такие цифры:

Профработа: состав фабзавместкомов. По Москве всего, включая профуполномоченных,—беспартийных 51%; отдельно в Замоскворецком районе, в 58 ячейках—34,5%. В Твери до перевыборов—53% беспартийных, после—46%. В Ленинграде в 5-ти индустриальных союзах 26%. В Баку—до перевыборов 59%, после 35,9%, там же профуполномоченных—до перевыборов 89,4%, после—68%.

Состав комиссий при фабзавкомах (РКК, Охрана Труда, культкомиссия, ревизионная комиссия). В Москве по разным заводам колеблется от 20 до 70%. В Баку—до перевыборов

колебалось от 60 до 72%, после перевыборов—от 44 до 61% беспартийных.

Состав профделегатов, членов профколлектива, сборщиков взносов. В Москве, в Зам. районе—76% беспартийных, в Ленинграде—64%, в Баку до перевыборов—78,5%, после—60%, в Туле—членов профколлективов на разных заводах (Оруж. завод, патрон. завод и др.) колеблется от 15 до 85%, сборщиков взносов—колеблется от 33 до 53% беспартийных, в Ярославле (в одной из ячеек—на 44 профделегата лишь 4 беспартийных, т.-е. около 9%).

«Спутник» Донбасса пишет: «Партией и профсоюзами втянут новый кадр беспартийных рабочих в активную низовую профработу».

Первое, что следует отметить по поводу приведенных цифр—это чрезмерная пестрота картины, свидетельствующая о неодинаковом подходе и размахе в деле вовлечения беспартийных в низовую профработу. Второе—довольно распространенное снижение процента (и абсолютного числа) вовлеченных в низовую профработу беспартийных. При этом—что наиболее характерно—некоторые парторганизации ставят это себе в заслугу (один из губкомов, пишет, например: «Надлежит отметить, что процент коммунистов в профорганизациях (речь идет о низовых руководящих профорганах. С. К.) почти в два раза превышает процент их в профорганизациях Москвы»), другие же рассматривают низкий процент беспартийных вполне правильно, как крупный пробел в работе ячейки (Тула, например, и др.).

Интерес рабочих к выборам в низовые профорганы небывало возрос. «Из всех выборов,—говорили в один голос рабочие и партийцы Коврова, Ярославля и др.,—рабочий больше всего интересуется профессиональными выборами, потому что профсоюзы ему близкая и понятная организация». Но тут следует остановиться на процессе выборов. Самое выделение беспартийного актива в низовые профорганы в подавляющем большинстве случаев производится партией и ставится лишь на утверждение общего собрания рабочих. Такой массовый институт, как профделегаты, сборщики взносов, подбирается обычно ячейками через коммунистов, работающих в цехах, в первую очередь через цехоргов. На вопрос—хорош ли бывает подбор, удовлетворяет ли он беспартийную массу—партработники отвечают: «Список принимается обычно без существенных изменений». Однако, беседа с беспартийными рабочими выявляет оборотную сторону этого благополучия. Так, в Твери, на «Пролетарке» ряд беспартийных рабочих заявлял, что «мы не знаем, кого выбираем; по две недели ищем по залу—кто же у нас делегат, и не находим, потому что списком было принято на огромном собрании. Зачитали—всех не запомнили». Ясно, что так выделенный беспартийный актив отнюдь не служит связующим звеном между партией и широкой беспартийной массой. Доверием рабочих обычно пользуется тот, кто «покрепче»—сумеет отстоять интересы рабочих перед заводоуправлением без различия партийности. В Коврове был случай, когда согласованный профессионально-партийный список в 30, примерно, человек с 9-ю коммунистами, был раскромсан собранием рабочих, при чем выбранными оказались, в результате персонального подбора на собрании, 21 коммунист, в число которых вошла

и значительная часть (но не все) первоначальных 9-ти коммунистов. Отведены были многие беспартийные кандидатуры.

Беспартийный актив должен выделяться активным участием беспартийной рабочей массы под руководством партии в деле создания рабочих организаций, критики их работы. И только тогда он ценен для партии, иначе он—пустое место.

Производственная работа. В производственную работу, интерес к которой в рабочей массе чрезвычайно велик и неуклонно возрастает, втягивается все большее количество беспартийных. Состав производственных комиссий (коллективов, бюро), примерно, таков: Москва, Хамовнический район—из 194 членов комиссий, 83 беспартийных, т.-е. около 43%. Ленинград—из 1969 членов комиссий—1468 беспартийных, т.-е. около 70%. Тула на двух предприятиях—29% и 42% беспартийных. Состав самих совещаний обычно таков: цеховые совещания посещаются подавляющим большинством рабочих цеха, а иногда и рабочими других цехов. Общие совещания посещаются слабее, в тесной зависимости от вопросов и докладчиков на совещании. Некоторые цифры по Москве таковы: завод «АМО»—из 50 присутствующих—34 беспартийных, завод «ДИНАМО»—из 133 присутств.—102 беспарт., завод «РУСКАБЕЛЬ»—из 103 присут.—63 беспс Главные вагонные мастерские—из 95 присут.—80 беспарт., т.-е. в среднем 60—70% беспартийных (и более) из общего числа участников совещания.

Кроме производственных совещаний на предприятиях работают различные кружки НОТ и т. п., насчитывающие в своем составе значительное, подчас преобладающее, количество беспартийных активных рабочих.

Многие местные организации не сумели еще достаточно правильно поставить работу производственных совещаний с точки зрения выявления и воспитания слоя беспартийного актива. Так, при обследовании Ярославского «Красного Перекопа» (текстиль) в конце XII—24 г. было установлено, что идея производ. совещания недостаточно популяризирована партией в рабочей среде, задача совещания не ясна большинству рабочих. Во многих организациях не научились еще ставить на обсуждение такие вопросы и в такой постановке, чтобы наибольшим образом заинтересовать рабочих. Существенный момент, играющий решающую роль в создании авторитета совещанию—проведение в жизнь результатов совещания (исправление отмеч. дефектов и проч.)—не занимает сплошь и рядом должного внимания руководящих органов, что расхолаживает рабочих к совещаниям.

Опасным симптомом является также стремление некоторых низовых проф. и парторганов замкнуть производственные совещания в узком кругу технического персонала и небольшого актива. Тут сказывается, безусловно, влияние спецов, а отчасти—непонимание общественно-воспитательной (помимо производственной) роли совещаний самими парт. и профработниками, или же сознательное нежелание их «разводить демократию по всякому поводу». Этот уклон, ведущий к захирению производственных совещаний, а с ним и к потере их, как школы массовой самодеятельности рабочих, необходимо пресечь в самом зародыше.

Кооперативная работа. Кооперация завоевывает все решительнее бюджет рабочего и тем самым все сильнее заинтересовывает в себе широкие рабочие массы. Вслед за профсоюзными

выборами, рабочих больше всего интересуют выборы кооперативные (анкетные данные ковровских предприятий и др.). Таким путем кооперация становится школой самодеятельности и общественной инициативы. Цифровые данные о вовлеченных в общественно-кооперативную работу беспартийных рабочих таковы: Ленинград—в правления кооперативов входят 11,1% беспарт.: в лавочные наблюд. комиссии, в тройки содействия и в уполномоченные входят 60% беспартийных. Москва—на 1/I—24 г. в правл. кооперат. входило 55,9% беспарт., на 1/X—24 г. в правл. входило 30,8% беспартийных (снижение). Тула—Патронный завод—уполномоченных ЦРК—20% беспарт.. Тверь, «ПРОЛЕТАРКА», механический цех—уполномоченных ЦРК, ни одного беспартийного, все 12—коммунисты. Все органы общественного надзора, содействия и проч. кооперации переживают еще стадию оформления и нащупывания почвы, накопление первичного опыта. Поэтому наблюдаются неизбежные ошибки в работе этих органов (чрезмерная опека, администрирование, выполнение технических подсобных функций в коопер. магазинах и проч.), а также некоторая организационная нагроможденность и параллелизм (лавочные комиссии, тройки содействия, кооператив. комиссии, уполномоченные, ревизион. комисс. и проч.). Делать определенные организационные выводы пока преждевременно, в виду недостатка опыта. Цифры по вовлечению беспартийных, а также не цифровые сведения с мест говорят о недостаточном еще вовлечении рабочих в активную работу в кооперации. С другой стороны, здесь, так же, как и в профсоюзных выборах моменты партийной опеки в деле выделения кооперативного беспартийного актива (в выборах, в выдвижении) чрезвычайно часты.

Работа в Советах. Кампания по оживлению деятельности советов вскрыла почти повсеместное захирение советов, как органов масс, как школы массовой самодеятельности. Большая пассивность, безразличие рабочих во время выборов в советы, резко бросаются в глаза на фоне растущей активности масс. Этому имеется ряд причин, изучение которых—дело особое. Здесь отметим лишь несколько моментов, относящихся к теме.

Процент избираемых в советы беспартийных крайне низок. Так, в Туле (инструментальная мастерская) на 10 коммунистов избрано 2 беспарт., в Твери («Прол.», механический цех) на 10 коммунистов—1 беспарт., в Коврове—на 67 депутатов—13 беспартийных (19,5%). Общеизвестны случаи, когда местные работники козыряют тем, что у них в совет избрано чуть ли не 100% коммунистов. Характерно и по линии советов явление снижения количества беспартийных по сравнению с предыдущими годами. (Ковров, например: 1923—1924 г. на 68 депутатов избрано 25 беспарт., в 1924—25 г. на 67 депутатов—13 беспартийных), об'ясняемое местными работниками общей причиной—втягиванием ленинцев. Очень часто и этот низкий процент беспартийных вербуется из тех рабочих-активистов, которые и так загружены другой общественной работой на предприятии. Обычная, до настоящего времени бездеятельность пленумов и секций советов делает их весьма скверной школой, где рос бы беспартийный рабочий актив. Крайне слабо привлечение в работу секций неденутатов совета, рабочих и работниц. Опыт Москвы дает все основания рекомендовать эту систему обрастания советов рабочим активом и другим городам в соответственных размерах.

Другие виды общественной самодеятельности масс. Добровольные общества начинают выращивать внутри себя свой актив, в который, однако, далеко не всегда втянут достаточный процент беспартийных рабочих. Так, в Твери на 25 членов президиумов обществ («Пролетарка»—механический цех) нет ни одного беспартийного. Такая же картина имеет место в механических мастерских тульского патронного завода. Есть и случаи широкого вовлечения беспартийных рабочих в действительную работу в «Обществе» (завод «Серп и Молот»—40 беспарт. рабочих, активных работников обществ).

Культработа, шефство и т. п. страдают общим недостатком—слабостью втягивания беспартийных рабочих-активистов в практическое участие в руководящих органах. Сплошь и рядом встречаются правления клубов, шефские комиссии и проч., где нет ни одного беспартийного рабочего. Вот что констатировал расширенный пленум фабрайкома РКП(б) (Тверь) по отчету районной шефкомиссии: «мы вовлекли партийцев, но не беспартийных. И если спросить беспартийного рабочего над кем и как он шефствует, он вам на это не ответит. Выходит, что ячейка шефствует над ячейкой».

Институт нарзаседателей, являясь отличной общественной школой для рабочих, крайне слабо обслуживается беспартийными. Есть случаи, когда процент беспартийных равен нулю или не превышает 5—10%; в г. Твери («Пролетарка») процент этот доходит до 17%. В Туле процент беспартийных нарзаседателей относительно высок (43%).

Таковы основные рабочие организации и институты с точки зрения вовлечения беспартийных. Следует отметить 3 существенных момента в деле создания вокруг партии слоя беспартийного рабочего актива: 1) слой беспартийного рабочего актива должен расти на основе сотрудничества рабочих масс с партией (с ячейкой) во всех отраслях строительства, на основе вовлечения беспартийных рабочих в практич. работу. 2) Процент втягиваемых в практическую работу беспартийных рабочих, имеющий тенденцию кое-где сокращаться, должен быть наоборот всемерно расширяем. 3) Существеннейшей стороной выделения слоя беспартийного актива является участие в этом выделении, под руководством партии, самих широких рабочих масс. В этом смысле процесс выборов, тактичное руководство ими без администрирования и нажима, когда в этом нет особо острой необходимости, играет первостепенную роль.

Особо стоит вопрос о взаимоотношениях партии (ячеек) с беспартийными рабочими организациями. Этот вопрос здесь нас интересует с точки зрения обеспечения нормального роста беспартийного актива на работе при сохранении партийного руководства всеми организациями рабочей самодеятельности. Мы имеем под рукой десятки случаев фактической замены беспартийных рабочих организаций партийными ячейками. Особенно резко это наблюдается в профсоюзах, в «Обществах», в шефской работе. Случаи эти констатированы обследованием отдельных ячеек Твери, Ярославля, Москвы и др. Ячейки в большинстве своем не научились еще руководить, не затирая и не опекая. Местными руководящими парторганами уже поставлен вопрос перед ячейками о внесении большей ясности и четкости во взаимоотношения ячеек с беспарт. организациями. В Москве стоит практический

вопрос об окончательном оформлении и оживлении фракций фабзавкомов. Директива ЦК говорит об организации фракций в «Обществах». Местные работники подчас рассматривают эти намечания как игру в формальность. В этом «возражении» корень всех ненормальностей во взаимоотношениях ячеек с беспарт. организациями. В практике низовой работы особенно сильно распространено также затирание низовыми партработниками (членами бюро ячейки цехорганизаторами) низовых партработников (профделегатов). Эти явления следует упорно изживать на местах, квалифицируя работу ячейки как слабую в том случае, когда ячейка и партработники заменяют собой беспарт. организации и беспарт. актив.

III. Идеологическая обработка беспартийных рабочих.

Идеологическая обработка беспартийных, борьба с классово-чуждыми влияниями, все еще проникающими в рабочий класс из окружающей среды, в переживаемый период играет важнейшую роль в системе отношений партии с беспартийными. Обычным является комбинирование массовой формы обработки с индивидуальной, выборочной.

Массовая обработка имеет целью приобщить широкие рабочие массы к пониманию основ большевистской политики. В условиях общего под'ема в рабочем классе (культурного и общественно-политического) массовая обработка приобретает исключительное значение. Осуществляется она обычно через стенгазеты, культработу (клубы, уголки, библиотеки-читальни, лекции и проч.), через широкие собрания и конференции рабочих, через открытые партийные собрания (общие и цеховые) и т. п.

Общим дефектом в постановке перечисленных форм массовой работы является погоня за количеством в ущерб качеству проводимой работы. Это в наибольшей степени справедливо в отношении собраний—общих и открытых партийных. Как правило, отсутствует какая бы то ни было подготовка собрания (порядка дня, подходящих докладчиков и проч.). Злоупотребление частыми собраниями лишь расхолаживает рабочих. В результате, посещаемость падает, за исключением тех случаев, когда стоит животрепещущий производственный, материальный вопрос. Особенно заметен в некоторых организациях низкий процент посещения беспартийными открытых партсобраний, что наводит некоторых партработников на мысль о пассивности рабочих. Дело же здесь—в неумении заинтересовать рабочего собранием. В Твери, например, в одной из ячеек «Пролетарки» за год было устроено лишь одно закрытое собрание, все же остальные—открытые—проводились без какой-либо специальной подготовки под углом зрения привлечения внимания беспартийных рабочих. Естественно, что в этой ячейке, на 4—5 тысяч рабочих и работниц на партсобрание приходило 10—15 человек, иногда и меньше. В некоторых организациях, в результате большего внимания к подготовке собраний, получается обратный, весьма положительный результат (Нижний, Самара). В смысле приближения партячеек к широким массам рабочих большим шагом вперед являются цехячейки, привлекающие на свои заседания, подчас, 70—80% беспартийных рабочих цеха.

Крупное воспитательное значение приобретают стенгазеты. Однако, и тут имеют место нередко серьезные промахи, недосмотры, сильно вредящие делу воспитания масс. В «Спутнике» Донбасса приводятся факты, когда стенные газеты играли явно отрицательную роль в производстве, разжигая спецеедство, махаевщину и проч., вводя рабочих в заблуждение искажением политических и исторических фактов, и проч.

Укоренившиеся в партийной практике старые навыки массовой работы, ориентировавшиеся, главным образом, на большое количество примитивной идеологической пищи, отвечавшей младенческому политическому возрасту рабочих масс, в нынешних условиях относительной их зрелости — неподходящи. Необходимо всемерно повышать качество преподносимой пищи.

Работа среди беспартийных выборочным путем имеет целью пополнение рядов партии за счет наиболее подходящего элемента (главным образом, из беспартийного актива), а также пополнение слоя беспартийного актива за счет свежих сил из рядовых рабочих. Такого рода обработка применяется через индивидуальную связь партийцев с беспартийными, в работе среди женщин (институт делегаток), в профработе (профделегатские собрания), через втягивание беспартийных рабочих в кружки политграмоты, в школы и проч. Правильность этого метода осуществления партийного влияния на передовой беспартийный рабочий слой подтверждается результатами этой работы. Практика ленинского призыва показывает, что наименьший процент отсеявшихся падает на тех ленинцев, которые до вступления в партию, работая на практической работе, находились в систематическом общении с членами партии. Опыт Ярославля, напр., где на метод индивидуальной обработки было обращено достаточное внимание, таков: по 3-му району в партию, в результате индивидуальной обработки вошло 123 товарища, при чем процент отсеявшихся из них оказался равным 5%, в то время, как средний процент всех отсеявшихся равен был 10—12%. Данные о ленпризыве говорят также, что большой процент вступивших ленинцев падает на беспартийных профделегатов и сборщиков. Общеизвестны также данные о подчас 100%-ном вступлении женщин—делегаток в партию. И т. д. и т. п.

Результаты выборочной обработки сказываются не только в тяге в партию, но также в расширении самого слоя беспартийного актива.

Практика показывает, что индивидуальный метод наиболее успешен тогда, когда он связан с работой в казармах, общежитиях и проч., с работой в быту. Красные уголки в рабочих общежитиях являются отличной базой, на которую успешно опирается работа индивидуальным методом. Необходимость такой увязки усугубляется тем, что в связи с курсом на поднятие производительности труда, на производстве, как говорят партийцы, нет времени вести беседу с беспартийными. «А как работа кончается,—говорила в Твери работница, старый член партии тов. Гончарова,—бегут все домой, особенно семейные работницы. В казармах же и самая многосемейная работница находит время для беседы. Нужно, конечно, суметь подойти соответственно, а этого мы не делаем, не умеем. Вместо нас приходят какие-то подозрительные личности и часами ведут разговоры в темных углах коридоров».

Спорным в постановке индивидуальной связи и обработки является вопрос о специальном кадре индивидуалов. В Ярославле, в Твери, во Владимире и т. д. существует такой институт. Однако, некоторые работники считают этот институт ненужным, мотивируя тем, что все члены партии должны вести индивидуальную обработку беспартийных. Эта точка зрения была бы абсолютно приемлема, если бы не то своеобразие обстановки, которое характеризует данный период партработы: с одной стороны—партийная незрелость еще весьма широких слоев партмолодняка (все пополняющихся неослабным притоком в партию), с другой стороны—возросшая требовательность беспартийной массы к члену партии при росте антисоветских влияний. В этой обстановке не всякому члену партии под силу дело индивидуальной обработки беспартийного. (Общеизвестны случаи так называемого «хвостизма» среди новых кадров партии, а также индивидуальной «обработки»—наизнанку). Индивидуальную обработку беспартийных следует возлагать на опытных, выдержанных партийцев. Однако, это не значит в то же время, что допустимо то формальное персональное прикрепление партийца к беспартийному, которое подчас практикуется и дает обратные результаты—раздражение беспартийного, противодействие обработке. В одном из предприятий был случай, когда доведенный до белого каления слишком добросовестным индивидуалом беспартийный рабочий пришел в бюро ячейки и стал просить освободить его от этакого испытания, «даже в уборной покоя не дает». Естественно, что не так должна вестись обработка. Индивидуальная обработка нужна, вести ее должны по поручению ячейки выдержанные опытные партийцы, но установление связи с беспартийными должно быть делом личным партийца и беспартийного и отнюдь не должно осуществляться путем формального прикрепления.

IV. Работа среди беспартийных и дальнейший количественный рост партии.

Быстрый количественный рост партии за счет рабочих от станка, имевший место за последний год, отодвинув на первое время задачу работы среди беспартийных, одновременно ослабил ту связь между задачей количественного роста партии и работой партии в беспартийной массе, которая (связь) является условием нормального роста партии. Многие работники мест при этом забывают, что тот массовый приток в партию рабочих от станка, который мы имели, является бесспорным продуктом всей предшествовавшей работы партии среди беспартийных. Все возрастающая тяга рабочих в партию, отмеченная выше, ставит со всею серьезностью вопрос о большем регулировании притока самою партией, при чем регулирование это должно итти не по пути цифровых разверсток, а по пути качественного отбора. Последний же возможен только на основе вовлечения беспартийных рабочих в практическую работу при одновременной идеологической обработке их партией.

Соотношение количества коммунистов и беспартийных в производствах в настоящее время таково, что оно дает партии все основания не форсировать далее количественного роста, а поставить эту задачу в тесную связь с работой в массах, с успехами этой работы. Средний процент коммунистов в промышленности по республике на 1-е января 1925 г. выражается в 10,3%, в Ленинграде он доходит до 23,0%, в Туле до 21,0%, то же примерно и по Москве. Цифры говорят сами за себя.

Основные выводы из всего сказанного можно сформулировать так:

вопросы работы партии среди беспартийных рабочих не только не потеряли своей остроты, но, наоборот, приобрели более актуальное значение, чем когда бы то ни было, в виду все возрастающей общественно-политической активности рабочих масс;

обеспечить себе полное идейно-политическое господство в беспартийной рабочей среде—такова основная задача парт'ячеек в производстве;

добиться этого ячейка может как широкой, систематической массовой и индивидуальной обработкой беспартийных партией, так и—что не менее важно—созданием вокруг себя непрерывно растущего широкого слоя беспартийного рабочего актива;

непрерывный рост слоя беспартийного рабочего актива возможен лишь на базе вовлечения рабочих в практическое строительство в сотрудничестве с партией и отнюдь не должен осуществляться формально-механическими путями («содействующие» и им подобные);

беспартийный рабочий актив должен пользоваться одинаковым доверием партии и широких слоев рабочих,—только при этом условии он будет прочно связывать партию с рабочей массой. Это в свою очередь обязывает партийные организации максимально чутко касаться моментов самодеятельности рабочей массы и в первую очередь—выборов. Администрирование и нажимы в выборах, на собраниях и проч., кроме случаев явного уклонения групп рабочих от обще-классовой линии, должны быть решительно изжиты;

количество вовлекаемых в практическую работу беспартийных рабочих необходимо поднять, обеспечив в то же время полностью партруководство всеми видами рабочих организаций;

в деле руководства непартийными организациями необходимо бороться с тенденциями замены их ячейкой, бюро ячейки, необходимо всемерно обеспечивать беспартийным членам этих органов и организаций развитие полной самодеятельности под руководством ячейки; необходимо окончательно оформить фракции непартийных органов, борясь в то же время как с опасностью их формального существования, так и с другой опасностью—их монопольной работы, замены ими самого непартийного органа (организации);

в деле идеологической обработки беспартийных необходимо всемерно подымать качество работы, не злоупотребляя количеством (собраний, докладов, лекций и пр.);

особое внимание необходимо уделить всестороннему освещению перед рабочими вопросов деревни, политики партии в отношении крестьянства, дабы не только парализовать возможность отрицательных влияний деревни на рабочих, но усилить, наоборот, классовое влияние рабочих на крестьянство.

И. Лобов.

Выдвижение рабочих на руководящую работу.

(*Итоги и выводы*).

Наша партия за последние годы неоднократно подчеркивала важность вопроса привлечения к делу управления государственным аппаратом широких слоев рабочих масс и выдвижения более активных и преданных товарищей на работу руководящего характера.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные о работе местных парторганизаций по выдвижению рабочих на руководящую работу, позволяют нам уже подвести некоторые итоги тому, насколько успешно подошли места к разрешению этой задачи, какой опыт наметился в этом отношении, а также какие пробелы и отрицательные явления имели место до сих пор в этой работе на местах.

Прежде всего необходимо отметить, что за последний период в ряде организаций имеются уже числовые итоги проделанной работы по выдвижению. Так, Уралобком выдвинул в общей сложности на различную работу 334 работника, Донецкий—около 200, Бакинский—228, Москва—не меньше 350 и т. д. Определенно чувствуется уже, что в ряде организаций, наблюдавшаяся ранее некоторая боязнь, а иногда и сопротивление выдвижению рабочих со стороны отдельных товарищей и учреждений, за последний период окончательно изжита. Во многих организациях вопросы выдвижения были поставлены во всей полноте и уделялось им весьма большое внимание .

Однако, нужно все же здесь отметить, что в ряде организаций пока еще имеется много пробелов во всей работе по выдвижению. Отсутствует необходимая четкость в работе, вся работа по выдвижению недостаточно полно увязывается со всей партийной работой и не приобрела систематического планомерного характера, недостаточно связывается с задачей наибольшего втягивания в руководящую государственную работу рабочих от станка. Лишь в некоторых организациях (Ярославская, Киевская, Московская и др.) вопросу выдвижения новых работников на ответственную работу из числа рабочих от станка уделялось большое внимание, в большинстве же случаев (не говоря уже о выдвижении беспартийных рабочих) выдвижение партийцев—рабочих от станка проводилось в весьма незначительных размерах. Как видно, большинство парторганизаций заостряло свое внимание на выдвижении по линии повышения работников разных учреждений с меньшей работой на более ответственную работу. Так, например, среди выдвинутых Уралобкомом 334 человек имеется рабочих

от станка—74 чел. Среди выдвинутых Нижегородским ГК—95 чел. имеется рабочих от станка лишь 7 чел.

В тех губерниях, где парторганы сосредоточивали свое внимание на выдвижении рабочих от станка, мы видим, общая цифра выдвинутых значительно меньше по сравнению с теми губерниями, где это выдвижение идет преимущественно по линии повышения работников с одной работы на другую. Очевидно, и в этих организациях, где выдвижение рабочих от станка проводилось, косность и боязнь перед выдвижением рабочих от станка окончательно не изжиты.

Еще меньше уделялось внимания местами вопросу выдвижения беспартийных рабочих. Так, по Бакинской, Донецкой и др. организациям, среди общего числа выдвиженцев беспартийных не имеется совершенно, а в тех организациях, где это выдвижение беспартийных рабочих проводилось, эти цифры весьма незначительны. В Харькове из общего числа 138 выдвиженцев беспартийных рабочих имеется всего лишь 4 человека и т. п.

В самой работе по выдвижению товарищей на руководящую работу на местах, как правило, практиковались два основных метода: метод выдвижения в плановом порядке, носящий массовый ударный характер в виде особых кампаний, и метод выдвижения планомерного, систематического—точнее, в порядке текущей работы. Так, Харьковский Губком говорит, что у них выдвижение было, главным образом, массовое, на которое падает около 104 чел. В остальных случаях проводилось выдвижение индивидуальное. Донецкий Губком сообщает, что проводимое ими прежде и в данное время выдвижение работников приняло также вид массового выдвижения. Такой же массовый характер носило и выдвижение «300» в московской организации. Из числа провинциальных организаций, например, Полтавский ГК также сообщает, что планового систематического выдвижения в их организации не проводится. Лишь за последнее время приступлено к разработке плана и установлены методы этой работы.

О переходе на плановый метод выдвижения сообщает и Донецкий Губком. «В своем плане постановки выдвижения работников Губком дал определенный ориентировочный наряд к выдвижению работников на определенные должности по разным отраслям работы, партийную, советскую, хозяйственную, профессиональную» и т. д.

Как правило, в большинстве организаций выдвижение проводится по инициативе руководящих парторганов (Нижний, Баку и др.). Весьма характерно, что вся предварительная работа по выявлению и учету выдвиженцев в некоторых организациях также носила характер кампании (Баку и др.). «В первой стадии этой работы принимали участие партийные и профессиональные ячейки и хозяйственники-коммунисты, возглавляющие отдельные предприятия. Во второй стадии—райкомы, районные об'единения профсоюзов и хозяйственники-коммунисты районного масштаба». (Баку).

Кандидаты для выдвижения обычно, как правило, намечались ячейками совместно с представителями райкома, фракцией завкома и хозяйственником-коммунистом данного предприятия. Список намечаемых к выдвижению товарищей затем ставился на обсуждение ячейки и уже после этого все материалы направля-

лись в райком, где они затем рассматривались на особом совещании из секретарей, зав. орг. отдел. и др. (Баку).

Можно установить, что ячейки в большинстве парторганизаций принимали весьма активное участие в работе по выдвижению, оказывая тем самым значительную помощь парторганам. Большинство парторганизаций отмечает, что отношение всех ячеек к этому вопросу и ко всей кампании носило весьма серьезный и деловой характер. В отдельных ячейках (Курск, Смоленск и др.) для проведения работы по выдвижению иногда создавались специальные комиссии на предмет пересмотра состава ячейки, предварительного намечания кандидатур для выдвижения и определения возможности выдвижения товарищей из данной ячейки в целом.

Такие выдвиженческие комиссии иногда создавались и при парткомах (Киев, Баку и др.).

Одновременно с подготовкой кандидатур для выдвижения парторганами проводился более или менее планомерный учет должностей, подлежащих замещению выдвиженцами, через созыв специальных совещаний хозяйственников и профессионалистов при парткомах. Бакинский комитет в связи с выдвижением поставил перед хозяйственниками задачу создания необходимых для работы выдвиженцев условий, создания для выдвиженцев товарищеской обстановки и устранения бюрократического к ним отношения; задачу всемерного содействия выдвиженцам для преодоления трудностей на первых шагах их работы в новой области и т. д.

Партийные комитеты должны поставить во главу угла всей работы по выдвижению вопрос о большей плановости и систематичности этой работы, увязывая ее со всей остальной партработой, добиваясь при этом наибольшей четкости.

Во многих организациях весьма охотно взялись за организацию подготовки рабочих от станка для их выдвижения, путем создания специальных курсов и практиканства, и надо думать, что это дело в дальнейшем будет расширяться. Заккрайком указывает, что им проведено выделение кадра практикантов из ленинского призыва, с тем, чтобы в течение шести месяцев подготовить и выдвинуть их на ответственную работу. Харьковский губком также отмечает, что им весьма широко применяется форма практиканства и стажерства в учреждениях. Из общего количества выдвиженцев в качестве практикантов им было направлено 48 товарищей. Последних в учреждениях обучали технической грамоте и другим знаниям, как бухгалтерия и др. Наряду с обучением они практически изучали работу учреждения. По Тульской организации имеется указание на то, что в целях большего вовлечения в работу женщин-работниц и крестьянок и выдвижения их на руководящую работу, весьма широко применяется практиканство. Донецким Губкомом за последнее время также выделено 20 товарищей в качестве практикантов в сельхозбанк, которые в настоящий момент стажируются.

Наряду с применением института практиканства, в ряде организаций проводится подготовка к выдвижению через организацию специальных курсов. Так, Харьковский Губком указывает, что им практикуется организация ведомственных краткосрочных курсов. Такие курсы у них созданы при госбанке и при наркомфине. Такие же данные имеются и по другим организациям. Смоленский Губком говорит, что этот метод дает положительные результаты. Так, с июня 1924 г. ими было организовано и проведено 4 курса. В Баку обучается на кооперативных курсах 98 человек и подлежит обучению на таковых 100 человек (из них не менее 50% членов партии и 40 человек рабочих от станка). В общем и целом, надо думать, что этот опыт в дальнейшем на местах будет практиковаться весьма широко.

Необходимо будет здесь лишь больше обратить внимания на тщательную подготовку самого состава практикантов с тем, чтобы не пришлось тех товарищей, которые окажутся недостаточно способными и активными, возвращать снова на работу в свое предприятие. С другой стороны, очевидно, необходимо будет больше уделить внимания этим практикантам со стороны руководящих работников тех учреждений, в которые они направляются в качестве практикантов.

Самое выдвижение рабочих на руководящую работу происходит по двум направлениям: выдвижение рабочих на руководящую работу внутри предприятия и выдвижение на работу за пределы предприятия.

Что касается выдвижения рабочих внутри предприятий, то таковое наиболее широко проводится по профессиональной линии. Вот некоторые данные, свидетельствующие о том, что выдвижение по профессиональной линии проводилось на местах в значительной мере еще до XIII партс'езда. Так по данным на 1-е июля 1924 года по 19-ти губерниям в составе 713 фабзавкомов было членов, вновь выдвинутых до 61,9%, а в составе постоянных руководящих работников (освобожденных от участия в производстве) до 41,5% (см. «Вестник Труда» № 2 за 1925 год).

Во многих организациях проводится достаточное выдвижение рабочих на административно-хозяйственную работу внутри предприятия, как-то: в качестве заведующих хозяйством, заведующими цехами, мастерами и т. п.

О том, на какую работу направляются выдвиженцы за пределы предприятия можно судить по следующим данным.

В харьковской организации (краснозаводский райпартком) из общего числа выдвинутых товарищей до октября 1924 года на руководящую работу за пределы предприятия было послано:

На хозработу	27 чел.
» профработу	5 »
» администр.	9 »
» финансовую	5 »
» кооперативную	5 »
» партработу	5 »
Всего . . .	56 чел.

В тверской организации всего было выдвинуто на руководящую работу—212 человек, из них рабочих от станка—77 чел. Посланные на руководящую работу выдвиженцы от станка распределяются следующим образом:

На партработу	 19	чел.
» совработу	 19	»
» профработу	 20	»
» хозпромработу	 11	»
» торговую раб.	 1	»
» кооперативную	 7	»
Всего	. . 77	чел.

А вот данные по смоленской организации. Всего в Смоленской губернии, помимо намеченной плановой работы по выдвижению, в процессе текущей работы было выдвинуто—96 человек, из коих на уездную работу—39 чел. и на волостную—57 человек. По отдельным отраслям выдвижение рисуется в следующем виде:

На совработу	послано	. . 42	чел.
» партработу	»	. . 24	»
» профработу	»	. . 15	»
» кооперативную	»	. . 9	»
» промыш. произв.	»	. . 6	»
» финансовокред.	»	. . 2	»
» торговую	»	. . 1	»
Всего		. . . 96	чел.

Из приведенных данных видно, что выдвижение рабочих на руководящую работу за пределы предприятия проводится главным образом по партийной, хозяйственной, профессиональной и советско-административной линиям работы. Надо полагать, что, в отношении выдвижения по партийной линии, наибольшее число падает на тех товарищей, которые передвигаются с менее ответственной на более ответственную работу. Выдвижение по линии советской работы (в особенности в непромышленных организациях) проходит, главным образом, под знаком посылки выдвиженцев на волостную советскую работу в деревню для укрепления местных советов.

Обращает на себя внимание факт недостаточного выдвижения работ по кооперативной, финансово-кредитной и торговой отраслям работы, в то время, как, казалось бы, задача укрепления и орабочения торгово-кооперативного аппарата необходимо было бы уделить наибольшее внимание.

В своей массе выдвиженцы чаще всего являются квалифицированными рабочими, вполне грамотными и пользующимися авторитетом среди рабочих и его предприятия.

«За исключением единичных случаев, все выдвиженцы,—сообщает бакинский комитет,—шли на новую работу с полным сознанием цели их выдвижения. На совещание выдвиженцев, созываемых парторганами, выдвиженцы выявляли большую активность и инициативу, выражая полное удовлетворение и своей новой работой, и лишь отдельные товарищи указывали на свою перегруженность работой».

«В первое время,—говорит один из выдвиженцев (краснопресненская трехгорная мануфактура—Москва),—выдвиженцам, рабочим от станка бывает трудно, бывают ошибки, но в дальнейшем, когда входят в курс дела, тогда работа протекает нормально».

По данным видно, что в результате пополнения советских ячеек выдвиженцами (а эти цифры, надо заметить, весьма мизерны) наметилось значительное их оживление.

Что касается самого использования выдвиженцев учреждениями, в которые они посылались, то в этом отношении по всем данным можно установить, что это использование в общем и целом проходит вполне нормально.

В основном взаимоотношения выдвиженцев с руководящим составом учреждений создаются вполне нормальные, резких явлений недовольства со стороны выдвиженцев не наблюдается. Лишь в редких случаях проявляются факты недостаточного внимания к выдвиженцам и неправильного их использования. Так один из выдвиженцев краснопресненской мануфактуры (Москва) говорит, что иногда столкновение на новой работе бывает с некоторыми спецами. Последние, игнорируя выдвиженцев, не желают иногда давать своих знаний выдвиженцам, рабочим от станка.

Большую помощь,—говорит бакинский комитет,—в выяснении нецелесообразного использования выдвиженцев, оказывают сами выдвиженцы, сообщающие в Уч. п/отделы парткомов о их неправильном использовании.

В некоторых организациях (Харьков) целесообразность использования выдвиженцев проверялось специальной комиссией парткома.

В своей массе, выдвиженцы на новой работе вполне справляются со своими обязанностями. Правда, техническая неграмотность, непривычная обстановка, отсутствие перспектив в работе на первых порах порождали у некоторых выдвиженцев стремление к немедленному возвращению обратно на производства (Харьков). Но по мере вхождения в курс работы такие настроения изживались. Смоленский губком указывает, что, по проделанному им подсчету результатов выдвижения, до настоящего времени было выявлено лишь 7 случаев неудачного выдвижения.

Харьковский Губком сообщает, что 30% всех выдвиженцев вполне справились с порученной им работой и дали успешные результаты, 30%—средние, и остальные выдвиженцы нуждаются в более длительной подготовке.

В подавляющем большинстве парторганизаций выдвиженцы в продолжении определенного периода поддерживали связь с ячейками, их выдвинувшими, и отчитывались перед ними. Как правило, выдвиженцы информировали свою ячейку, главным образом секретаря, о ходе и успехах своей работы и своего использования.

Кроме того, во многих организациях проводилась достаточно полная работа с выдвиженцами, руководящими парторганами. Выдвиженцы периодически созывались парткомами на особые совещания выдвиженцев, на которых выяснялись недочеты работы по выдвижению, факты неправильного использования выдвиженцев учреждениями и т. п. В то же время, некоторые парторганы проводили даже обследование выдвиженцев непосредственно на местах работы (Харьков) и др.

В заключение нельзя не остановиться на некоторых отрицательных явлениях, имевших место до сих пор во всей работе «по выдвижению» на местах.

В ряде организаций имели место все же факты некоторого формально бюрократического отношения к выдвиженцам. Со стороны некоторых хозяйственников не уделялось выдвиженцам должного внимания, в частности не было достаточно полного руководства работой выдвиженцев. Имели место случаи, создавания для выдвиженцев фиктивных должностей, лишенных реального содержания, наблюдалась частая смена работ для выдвиженцев, не вызываемая об'ективной необходимостью, а иногда имели место даже случаи подведения выдвиженцев под сокращение штатов без предварительного согласования с парткомами.

Соответствующие советские ячейки, куда посылались выдвиженцы, не всегда активно реагировали на эти явления и не всегда оказывали выдвиженцам необходимый товарищеский прием. С другой стороны имели место факты нездоровых явлений и среди самих выдвиженцев, как-то: попытка противопоставления себя, как выдвиженца, советской ячейке в целом и т. п. Некоторые выдвиженцы переоценивали иногда свои силы и знания, считая, что они должны быть использованы на более ответственной руководящей работе, нежели на той, куда они посланы.

Из остальных недостатков в работе по выдвижению необходимо отметить слабое участие профсоюзов в работе по выдвижению, хотя профессиональная работа может и должна являться одной из наиболее легких работ для начинающих рабочих. Недостаточно также до сих пор обращалось внимание на выдвижение женщин-работниц.

Не менее существенным пробелом в работе по выдвижению является также недостаточно полный учет и выявление товарищей, подлежащих выдвижению, как равно и самой работы, на которую они должны посылаться.

Все эти, имевшие до сих пор место, пробелы в работе по выдвижению в дальнейшем должны быть решительно изжиты. Необходимо неуклонно в дальнейшем добиваться еще большей увязки всей работы по выдвижению со всей работой партии по укреплению государственного аппарата. «Ближайшие перспективы нашей партийной работы несомненно благоприятны для развертывания всей работы по привлечению широких рабочих кадров к активной работе и укреплению командных высот свежими пролетарскими силами. Необходимо только, чтобы все парторганизации на местах, начиная от вышестоящих руководящих парторганов (Губкомов, Райкомов) до низовых парт'ячеек, учли всю обстановку работы, важность задачи выдвижения на руководящую работу свежих сил и расширения за этот счет имеющегося основного партийного актива, и тогда эта вся работа на местах приобретет вполне нормальный, планомерный и систематический характер, став одной из основных отраслей во всей системе организационно-партийной работы.

Д. Марецкий.

Как т. Теодорович сеял драконов, а пожал блох[1]).

(Памяти злосчастных „Перспектив").

Да не посетует на меня т. Теодорович за мое продолжительное молчание по поводу его статьи в № 1 (17) «Большевика»!

Читатели помнят, конечно, новогоднюю статью тов. Теодоровича под заголовком: «Тов. Марецкий выручает тов. Берзтыса», в которой автор с энергией, достойной поистине лучшего применения, вновь обосновывал «марксистскую» и «ленинскую» непорочность авторов «Перспектив развития сельского хозяйства СССР Вып. I», профессоров Кондратьева и Огановского. Читатели помнят конечно и героические, дюжим перцем посыпанные, потуги т. Теодоровича изобразить тов. Кондратьева чуть ли не борцом за «рабоче-крестьянский блок» и даже выставить его спасительным тараном против... троцкизма. Я порешил уже оставить эту новогоднюю шутку т. Теодоровича без ответа, как вдруг произошли события, пролившие новый и притом необычайно ослепительный свет на «Труды Земплана». Об этих событиях должны узнать между прочим и читатели «Большевика».

Habeant sua fata libelli, книги имеют свою судьбу. И «Трудам Земплана» была уготована своя особая и притом незавидная участь. Оказалось, что «труды» эти представляют собой не больше, не меньше, как огромную, мало слыханную в истории официальных изданий, статистическую и арифметическую п а н а м у. Оказалось, что читателям «Трудов» в самых безобразных, совершенно недопустимых дозах подсовывались непроверенные, фальшивые данные и грубо ошибочные процентные и прочие вычисления. Оказалось, что земплановские профессора не сочли нужным проявить со своей стороны самых элементарных правил научно-исследовательской добропорядочности при выполнении возложенной на них такой высокоответственной работы, как официальные «Перспективы развития сельского хозяйства СССР». Мы настоятельно рекомендуем всем интересующимся вопросом товарищам обратиться к новому журналу «На аграрном фронте» (№№ 1, 2, 3), где т. Крицман, к заслугам которого принадлежит раскрытие вышеупомянутой земплановской панамы, подробно разделывается со «статистикой» и «арифметикой» «Перспектив» и с тем тощим лепетом, который могли из себя выжать профессора Кондратьев и Огановский в качестве «оправдания». Мы гарантируем, что чтение статей т. Крицмана и обоих профессоров в интересном журнале «На аграрном фронте» доставит немало веселых минут, каким бы возмутительным ни было самое «событие».

---

[1]) **От редакции.** Статьей тов. Марецкого редакция считает дискуссию законченной.

Тов. Теодорович, будучи «редактором» «Перспектив» во всей этой «необыкновенной истории», конечно, только печальная жертва. Его не вина, а скорее беда, в том, что он не был достаточно на-чеку, что он слишком доверился «статистической» и «арифметической» добросовестности земплановских ученых. И ему можно, конечно, только по-человечески посочувствовать. Однако, вместо того, чтобы принять предметный урок т. Крицмана целиком к сведению, т. Теодорович разразился прелюбопытным «письмом в редакцию» журнала «На аграрном фронте», письмом, которое главным образом и побудило нас написать настоящую заметку. В этом «письме» т. Теодоровича одно место особенно обратило на себя наше внимание. «Правда» в рецензии т. Ив. К—ва на журнал «На аграрном фронте» отметила, что «Земплан и т. Теодорович, конечно, могут не брать на себя ответственности за все мировоззрение профессоров Кондратьева и Огановского, но использовать их как спецов, т. е. заставить их проверять свои цифры и внимательнее относиться к вычислениям—непосредственная задача и того, и другого. «По вопросу об «ответственности за мировоззрение» проф. Кондратьева и Огановского т. Теодорович в «письме» пишет: «Разумеется, за индивидуальное мировоззрение—чье бы то ни было, никто не возьмет на себя ответственности, но я полностью и целиком считаю своей обязанностью следить, чтобы работы Земплана не расходились с директивами Коллегии, ответственной за проведение в жизнь нашей сельско-хозяйственной политики. Смею думать, что в этом отношении я не сделал каких-либо крупных упущений». («На аграрном фронте», № 3, стр. 199). По поводу этих слов. т. Теодоровича, мы должны заметить следующее:

В рецензии «Правды» речь шла, конечно, не вообще о «мировоззрении профессоров» Кондратьева и Огановского, а о «мировоззрении» их, как оно было ими представлено в «Перспективах». Должен ли быть ответственным т. Теодорович за «мировоззрение» проф. Кондратьева и проф. Огановского, развитое ими в «Перспективах»—или не должен? Мы, с своей стороны считали, что не должен—такая стопроцентная ответственность за «мировоззрение» спецов обстоятельствами дела вовсе не вызывается. Но дело все в том, что сам т. Теодорович в добровольном порядке, обоими руками «полностью и целиком» в двух статьях в «Большевике» (№№ 14 и 17) расписался в своей ответственности за взгляды Огановского и Кондратьева, изложенные в «Трудах Земплана», вып. I [1]). Более того, тов. Теодорович в № 17 «Большевика» (стр. 101) сообщает буквально следующее: «Когда появился первый выпуск с именами Кондратьева и Огановского, до меня дошли нарекания сотрудников Земплана насчет того, что коллективная работа подписана индивидуальными именами. Эти нарекания были совершенно справедливы и я тогда же распорядился впредь выпускать книги за коллективной подписью». («Большевик, № 1 (17), стр. 101). Если эти слова тов. Теодоровича были написаны им всерьез, а не так себе, для «блезиру», то они черным по белому означают, что «Перспективы»—коллективная работа Земплана, что наличность индивидуальных подписей Кондратьева и Огановского сам т. Теодорович считал ошибкой, а что поэтому не только за все принципиальные положения, «мировоззрение» «Перспектив», но и за все содержимое последних—вплоть до статистических данных и числовых вычислений—ответственность должен нести сам Земплан и его председатель в первую голову. «Смеем думать», что т. Теодорович теперь сам предает анафеме свои неосторожные слова. И поистине легендарное счастье висевшего на волоске т. Теодоровича, что «справедливые нарекания» на профессорские подписи «дошли» до него слишком поздно. Внемли он «нареканиям» чуточку пораньше, сними профессорские подписи с «Трудов», убийственные разоблачения т. Крицмана пали бы на весь «коллектив», на Земплан и на самого т. Теодоровича.

Из «письма» в редакцию «На аграрном фронте» № 3 явствует, что т. Теодорович до сих пор отнюдь не склонен в какой бы то ни было мере отгораживаться от взглядов, представленных проф. Кондратьевым и Огановским в «Перспективах». Тем самым он до сих пор, очевидно, полагает, что защита проф. Кондратьева и Огановского, воспроизведенная им в статье «Тов. Марецкий выручает тов. Берзтыса», оказалась в достаточной мере убедительной и что он в конце-концов выиграл профессорский процесс. Правда, сами-то профессора проиграли свой процесс по другой линии, но зато адвокат их т. Теодорович еще продолжает тешить себя мыслью, что он все-таки отстоял «принципы» и «директивы». Посмотрим же как обстоит здесь дело, как т. Теодорович отпарировал выставленные нами авторам «Перспектив» обвинения.

Напомним читателям раньше всего внешнюю разрисовку, так сказать, полемический антураж статьи т. Теодоровича. Она, эта статья, имеет свою «позу» и до чрезвычайности пропитана благороднейшим «пафосом расстояния» по отношению к противнику. Пишущий эти строки изображается т. Теодоровичем в самом неприглядном виде. Он, «этот т. М.», фигурирует попеременно, либо в образе «зубастой воблы», либо в образе Юнкера Шмидта, либо «балансирует» на манер чеховского «Моисея Моисеевича» и каждую минуту рассыпается на части, либо наконец попросту занимается нечестивой эксплоатацией «старушек», в разряд которых суровый т. Теодорович относит даже «красу черкасских дочерей», пушкинскую «Марию». Если «этот т. М.» попытается «сострить», то все его «остроты» суть «третьестепенные» и слонялись уже «по миллиардам» журнальников. Наоборот, приведенные остроты самого т. Теодоровича суть «свежи и непотрепаны» и непременно, как видим, «первой степени». Распалив свою пылкую фантазию градусов до тысячи, т. Теодорович в дальнейшем не знает никакого удержа и доходит даже до того, что хватает «этого т. М.» «за шиворот», сие проделывая, как т. Теодорович специально оговаривает, «без всякого гнева» и даже в самом «веселом расположении духа».

Перед читателем статьи т. Теодоровича развертывается, примерно, такая картина. На вершине Земплана стоит т. Теодорович (в чрезвычайно «веселом расположении духа»). Несколько позади расположены профессора Кондратьев и Огановский: от обоих исходит сияние марксизма и ленинизма. Одесную тов. Теодоровича—легион цитат из Маркса и Ленина; ошую—шедевры мировой литературы, от которых на сотни километров кругом так и

[1]) «...повторяю — единственным автором книги является Земплан» (5, № 17, стр. 93—94) (курсив наш Д. М.), категорически заявил тов. Теодорович.

разит обаятельной «свежестью». Внизу, у подножья горы «этот товарищ Марецкий», «ретиво впрягшийся в колымагу т. Берзтыса», твердит все «наоборот» и почему-то возится в кампании со «старушками».

Видение, достойное, пожалуй, самого царя Навуходоносора!

Так чуден тов. Теодорович, когда дозором ходит он вокруг «Трудов Земплана»! Горит и дышет он несравненной полемической страстью и горе смельчаку, посягающему на оберегаемых т. Теодоровичем профессоров Кондратьева и Огановского!

Однако, что же скрывается за этой «заставой богатырской», сооруженной т. Теодоровичем? И не является ли вся она, эта застава, каким-нибудь всамделешным «бутафорским хламом»?

Так как т. Теодоровичу очень нравятся «пункты», то и мы по «пунктам» рассмотрим защитительные доводы, выдвинутые в ответ на наши критические замечания, сделанные им в статье «Большевика» № 15—16.

Пункт первый. О роли «фактора народонаселения» в статье проф. Кондратьева. Мы осмелились утверждать, что в анализе факторов сельско-хозяйственного процесса у проф. Кондратьева на долю «фактора народонаселения» выпала совершенно неподобающая ему роль, что проф. Кондратьев не в меру раздул значение этого фактора, неправильно поставил его во главу угла, навязал ему доминирующее положение в среде прочих «факторов». В качестве документального подтверждения нашего взгляда мы привели показание самого профессора Кондратьева, взяли цитату из его статьи. Оказалось, что из шести причин под'ема сельского хозяйства целых три сводятся к фактору народонаселения. Оказалось, что «рост населения и рост организации и рационализации труда, которые «выразились», «сказались» и «обнаружились» в росте разделения труда, в процессе дифференциации районов и в дифференциации между деревней и городом»[1]). Оказалось, иными словами, что в статье проф. Кондратьева значение фактора народонаселения явно господствующее.

Как же попытался отразить удар т. Теодорович, как же он «выручил» из беды проф. или, по его выражению, «т.» Кондратьева? Он проделал это методом чрезвычайно своеобразным. Не вымолвив ни единого словечка про то, что половина факторов сельско-хозяйственного прогресса сводятся у проф. Кондратьева к моменту населения, т. Теодорович в непонятном припадке торжества стал... цитировать «шестой» фактор проф. Кондратьева: «наш анализ причин был бы неполон и неверен, если бы мы особенно (NB, NB. Курсив и обе закорючки принадлежат т. Теодоровичу, Д. М.) не подчеркнули значение факта восстановления рынка».

Однако, что же из того следует, что проф. Кондратьев «особенно» (хотя бы снабженное «миллиардом» нотабен т. Теодоровича) «подчеркнул» «факт восстановления рынка»? Следует ли из этого, что проф. Кондратьев развенчивает роль фактора народонаселения? Конечно, вовсе не следует. Из слов проф. Кондратьева вытекает только то, что, во-первых, за рынком признается стимулирующее с.-х. прогресс значение и, во-вторых, то, что доминирующая позиция фактора народонаселения сохраняется за ним в условиях «восстановленного» рынка... «Факт восстановления рынка» имел место при переходе от военно-коммунистического хозяйства к нэп'у, когда отпали «возмущающие», сдерживающие рынок скрепы. Раз и поскольку эти скрепы отпали, поскольку рынок был восстановлен, в свои права вступила «внутренняя инерция» сельско-хозяйственной динамики, и фактор народонаселения стал играть роль, предназначенную ему проф. Кондратьевым, т.-е. стал суверенно определять собой рост организации национализации и разделения труда, дифференциацию районов и даже дифференциацию города и деревни. Можно ли после этого отрицать, что «народонаселение» проф. Кондратьева имеет незаконную «тенденцию быть главнейшим фактором сельско-хозяйственной динамики»? Разумеется, нельзя, если не вступать в опасный конфликт с логикой.

[1]) «Большевик» № 15—16, стр. 109.

Однако, тов. Теодорович хочет во что бы то ни стало ослабить об'ективное впечатление, производимое не в меру длинноухим кондратьевским «фактором» народонаселения? И он выкидывает для этой цели такого рода коленце. Что вы, чорт бы вас побрал, привязываетесь к фактору народонаселения, восклицает тов. Теодорович? Разве можно сомневаться в отменно скромном поведении этого фактора? «Для об'яснения развития сельского хозяйства Земплан выдвинул такие факторы: народонаселение, разделение труда между городом и деревней, дифференциация между городом и деревней, дифференциация районов, улучшение техники с. х., рынок, индустрия» («Б.» № 17, стр. 98). Возможно, конечно, что «Земплан» где-нибудь и когда-нибудь это «выдвинуж». Но поскольку Земплан глаголил устами проф. Кондратьева, всякий может легко убедиться из приведенной в примечании в статье № 15—16 «Б-ка» выдержки, что первые пять из семи только что перечисленных факторов сельско-хозяйственного прогресса сводятся к одному, все тому же фактору народонаселения». Пять из семи факторов под'ема, сельско-хозяйственного под'ема, сводятся к народонаселению. Не правда ли, «жирненький кусочек» выпал на долю населения, спрашивали мы т. Теодоровича? Но вечно неунывающий т. Теодорович решился однако в этот момент пуститься в пляс и изловить нас на «противоречии», для чего прибег к того рода «первоклассной остроте». Вы, сообщает т. Т., говорите вначале о «жирном кусочке», т.-е. всего только о «кусочке», а потом «не поморщившись» утверждаете, что народонаселение не «кусочек», но «имеет тенденцию быть главнейшим фактором», т.-е. целый «кусище»! «Кусочек» вы мошеннически превращаете в «кусище»! И у вас поэтому «бутылки и пребольшие» превращаются в «ведра сороковые»! Очень приятно, т. Теодорович! Очень приятно! Могу вам сказать на это единственно следующее: «кусочек» проф. Кондратьева (пять факторов из семи) по величине по самой скромной оценке с «коровий носочек»,—это, во-первых, а, во-вторых, я совершенно обезоружен вашим чудесным преосуществлением кондратьевской «бочки» в «наперсток». И я век буду помнить о чуде святого И. Теодоровича![1]).

[1]) Мы разбирали «фактор народонаселения» у проф. Кондратьева с его теоретической, «принципиальной» стороны. Если перейти от «философии» этого фактора к его конкретному, статистически выраженному движению, то оказывается, что он проделывает те же самые нецензурные трюки, которые вообще, как показал тов. Крицман, свойственны цифровым данным и вычислениям

Пункт второй. О «теории факторов». В предыдущем мы убедились, что все старания т. Теодоровича преуменьшить значение фактора народонаселения у проф. Кондратьева—пропали даром. Однако, *если даже* роль этого фактора и сократить до тех размеров, которые предлагает задним числом тов. Теодорович, все равно это положения не поправит. В наших возражениях тов. Теодоровичу мы утверждали, что *если бы даже* в докладе проф. Кондратьева и была последовательно проведена та версия, согласно которой момент населения играет равноценную с моментами экономическими роль, то и это было бы методологически скользким и, во всяком случае, немарксистским взглядом.

Тов. Теодорович, которого мы вынуждены были в результате поздравить с подменой марксизма буржуазной теорией факторов, решил остаться при своем. Никакой «теории факторов», ни у себя, ни у проф. Кондратьева он счел за лучшее чистосердечно не заметить. Верный самому себе и своим «принципам» он вместо этого затеял лишь очередную кадриль из цитат и великих авторитетов, сообщил про существование «Цур Критик» и тряхнул Плехановым и Энгельсом, из коих, как из волшебной скатерти-самобранки, посыпались точь-в-точь кондратьевское «взаимодействие», причины и следствие, обратное влияние, факторы в «социально-историческом смысле слова» и даже «параллелограм сил».

Однако, коловращение цитат и «параллелограмов» не могло спасти тов. Теодоровича от ответа на прямо и ясно поставленный вопрос. Вопрос о теории факторов стоял таким образом. Равноправны, равноценны факторы: народонаселение и экономика—или неравноценны? Существует ли между ними только «взаимодействие», или существует причинная связь, причинная обусловленность одного фактора другим? Если налицо имеется только «равноправие», «взаимодействие», прелестная «демократия» факторов—то это и есть буржуазная теория факторов, какой бы Вавилон цитат ни нагромождал, чтобы ни говорил т. Теодорович. Стать на такую «демократическую» точку зрения—это и значит фатально обречь себя на отказ от марксизма, который ведь как раз и утверждает детерминирующий, в причинном порядке определяю-

---

авторов «Перспектив». Проф. Кондратьев пишет: «Анализ *фактического движения населения* показывает, что темп *ежегодного прироста* сельского населения определяется приблизительно, в 1,6%. *Следовательно*, мы можем полагать, что через 5 лет, т. е. к 1928 г., сельское население возрастет с 103,4 милл. до 111,7 милл., или приблизительно на 8% («Перспективы», стр 24). Эти статистические арифметические выкладки проф. Кондратьева по меньшей мере... странны Проф. Кондратьев заставляет «народонаселение» нашей страны ежегодно возрастать согласно какой то метафизической норме на одну и ту же величину, на 1,66 милл. человек (1,6% от 103,4 милл.). Однако, если «фактическое движение населения» позволяет нам умозаключать о «*ежегодном* приросте» населения на 1,6%, т. е об одном и том же ежегодном *процентном, относительном* возрастании, то *абсолютный* прирост населения должен быть с каждым годом все большим. Если «народонаселение» ежегодно будет возрастать на 1,6%, то к 1928 году оно возрастет не на 8% а гораздо больше и общий итог населения будет, конечно, выше, чем 111,7 милл Проф. Кондратьев совершенно неосновательно побрезговал в данном случае методом сложных процентов И потому с его «фактором» народонаселения произошло то же, что и с «посевными площадями» (см. ст. тов Крицмана «На аграрном фронте»). Сильно сомневаюсь, чтобы тов Теодорович мог бы здесь привести какие-нибудь «цитаты» в оправдание профессора Кондратьева.

щий характер «экономического» момента по отношению к «народонаселению». Тов. Теодорович чувствует и сам, что особенно полагаться на «демократию» нельзя и поэтому невольно проговаривается о вещах, которые ничего общего с кондратьевскими положениями не имеют. Он нехотя вынужден вспомнить, что фактор народонаселения есть момент производный по отношению к данному «состоянию производительных сил» (точнее было бы, конечно, сказать, что фактор народонаселения производный от экономики, т. е. от данной системы производственных отношений. Но и на том, в чем сознался т. Теодорович, спасибо). Однако, и в этом гвоздь в «труде» проф. Кондратьева никакой «принципиальной» зависимости момента народонаселения от «состояния производительных сил» днем с огнем не сыщешь. Наоборот, весьма и весьма много в статье пр. Кондратьева сказано и непропорционально раздутой «зависимости» самих «производительных сил» сельского хозяйства от движения народонаселения.

* * *

Можно, разумеется, сказать, что вопрос о «принципиальной» роли факторов, поднятый в споре с тов. Теодоровичем, есть вопрос сугубо «академический» и потому ошибка в нем проф. Кондратьева вещь сравнительно второстепенная. Это, конечно, верно, тем более, что проф. Кондратьеву теперь не до жиру в области «принципов», поскольку ему приходится защищаться от упреков гораздо менее деликатного свойства. Но поскольку тов. Теодорович настаивает на непременно «марксистском» и непременно «ленинском» теоретическом фундаменте кондратьевской работы—volens nobens мы должны ему доказывать обратное.

Проф. Кондратьев предпослал к своей работе ряд «методологических» замечаний, в которых мы находим, между прочим, следующие заколдованные слова: «теоретическая экономика и в частности теоретическая часть сельскохозяйственной экономики, как она сложилась, по преимуществу вращается в плоскости исследования статических отношений различных элементов. Проблемы динамики освещаются теоретической экономией, но в гораздо меньшей степени и с меньшим успехом. Господствующий тон современной экономики—есть тон статической «экономики». (Труды, вып. I, стр. 2).

Бьемся об заклад, что сам тов. Теодорович не сможет разглядеть в этих словах ленинского «кредо»! О какой «теоретической экономике» здесь идет речь? О марксистской, буржуазной, народнической? Или здесь говорится о теоретической экономии «вообще», хотя боимся, что таковой «в частности» и «вообще» вовсе не существует на белом свете? Где и как «теоретическая экономика», о которой говорит проф. Кондратьев, «сложилась» и в какой «плоскости» сам этот ученый «вращается», какая и где теоретическая экономика—«господствующая»—на все эти неотвязчивые невольно вызываемые «методологическим замечанием» проф. Кондратьева трудно подыскать подходящего ответа. Во всяком случае, это «методологическое замечание» должно было бы служить для тов. Теодоровича предостерегающим, вызвать в нем хоть малую толику критического отношения к тому, что за этим «методологическим замечанием» следует.

Проф. Кондратьев подавал и другие более прозрачные сигналы, предупреждавшие тов. Теодоровича, чтобы он не очень-

то торопился с «марксистским» аттестатом для проф. К. В прошлой статье мы отмечали, что по проф. Кондратьеву, «неуклонно» на всех парах мчащемуся к марксизму, между средствами производства и «капиталом» разницы нет: и то, и другое для него синонимы. Не знаем, «в спешке» ли или в силу каких-либо менее уважительных причин, но тов. Теодорович прошел мимо нашего замечания. А между тем для характеристики идейно-теоретической физиономии проф. Кондратьева и для выяснения истинной степени близости его к марксизму, отождествление средств производства с капиталом, показание далеко не маловажное [1]).

Пункт третий. К вопросу об отсутствии анализа дифференциации крестьянства в «Перспективах». Мы утверждали, что доклад проф. Кодратьева построен и целиком *основан* на недопустимой, с нашей точки зрения, абстракции от протекающих в деревне процессов социально-классового порядка, неминуемо сопровождающих общее поступательное движение сельского хозяйства. И мы спрашивали т. Теодоровича: «возможно ли дать правильную оценку хотя бы самых общих «перспектив развития сельского хозяйства в СССР», не касаясь процессов внутри крестьянского расслоения? («Б.» №№ 15—16, стр. 112). Ответ, который мы получили от тов. Теодоровича, поразил нас необычайно. Тов. Теодоровича спрашивали: можно ли было в «Перспективах» отвлекаться от анализа процессов, дифференциации?—а он ответил на это: «в «Перспективах» анализа дифференциации, правда, нет и в помине, но зато в другой книге, в выпуске 5 «Трудов Земплана», на стр. 12 и дальше «говорится» о «процессе социальной дифференциации» и т. д. Пусть извинит меня т. Теодорович, если «логика», проявленная в таком его «ответе» напоминала мне «логику», выраженную в такой «третьестепенной» прибаутке:

«Едет чижик в лодочке
В генеральском чине;
Не выпить ли водочки
По этой причине».

[1]) Тов. Теодорович, вместо того, чтобы попристальнее разобраться в «мировоззрении» своего собственного подзащитного, предпочел итти по другому пути. Он занялся тем, что начал рыться и притом без всякой «спешки» в разногласиях между мной и тов. Берзстысом. По поводу каждой фразы последнего он немедленно ставил мне вопрос: согласен ли я с П. Б. или нет? И даже выдумал специальные «пункты», в которых пространно развивал наши с т. Б. разногласия. Замечу здесь тов. Теодоровичу, воспользуясь его собственной манерой выражаться, только вот что: поскольку он, очевидно, относит самого себя к числу читателей, «в носу» не «ковыряющих», но «интересующихся» «самой сутью» полемики, он легко может увидеть из моей статьи, в чем я с тов. Б. согласен. Даже, если бы какие-нибудь частные разногласия, в формулировках и т. п., между рецензией тов. Б. и нами существуют—не в них «общественный интерес», который связан с появлением «Перспектив». Этот «общественный интерес» заключается вовсе не в том, что «тов. Марецкий выручает тов. Берзтыса» и даже не в том, что тов. Теодорович, преисполненный отваги, хватает тов. М. «за шиворот», но он заключается в том, единственно в том, что тов Теодорович изо всех сил старается напялить на проф. Кондратьева «марксистские» штаны, которые, однако, на этого ученого не налезают и то и дело по швам лопаются, предательски обнаруживая элементы чуждого «мировоззрения».

Мало ли что в «выпуске пятом говорится» о дифференциации! [1]). Совсем не в этом суть. А суть в том, что *именно* в «Перспективах» должен был быть хотя бы в самых общих чертах затронут вопрос о дифференциации. «Спасать отечество» нужно было именно в «Перспективах», а не в других книгах. Мы вынуждены напомнить т. Теодоровичу, что не где-нибудь «в выпуске пятом», а в самом предисловии к «Перспективам» авторитетно раз'яснено, что доклады профессоров Кондратьева и Огановского «освещают лишь некоторые, правда, *важнейшие* вопросы перспектив развития сельского хозяйства. (Курсив наш). Хотя не все вообще, но зато «*важнейшие*» вопросы развития сельского хозяйства получили свое «освещение» в «Перспективах»— так заявил автор предисловия.

Относится или не относится вопрос о «дифференциации» к числу «важнейших» вопросов развития сельского хозяйства? По нашему мнению, относится. Мы даже считаем этот вопрос «важнейшим из важнейших» вопросов. Но в «Перспективах» анализ крестьянской дифференциации к числу «важнейших» вопросов, не отнесен, поскольку авторы сочли себя в праве от такого анализа «абстрагироваться». *Мы считаем отвлечение от процессов дифференциации нашего сельского хозяйства, абстракцию от социально-классового момента сельско-хозяйственной динамики «важнейшим» пробелом, кардинальным недосмотром при издании «Перспектив». И как раз именно благодаря такому пробелу «Перспективы развития сельского хозяйства СССР» приняли такой вид, что подо всеми «принципиальными» положениями их авторов может смело подписаться любой из сменовеховских аграрников* без всякого риска быть уличенным в преступном пристрастии к «марксизму», либо к «ленинизму».

И мы категорически утверждаем, что ни тов. Теодорович, ни кто-либо иной не будет в состоянии доказать противоположное.

Пункт четвертый. О выполнении земплановскими профессорами функций «спецов». Наше предложение тов. Теодоровичу «быть на-чеку» и получше следить за «внутренней жизнью» буржуазных профессоров показалось тов. Теодоровичу «развязным», а сравнение проф. Кондратьева с «Змием» невкусным. Для нашего вящшего посрамления, т. Теодорович, следуя своей испытанной методе, немедленно раскрыл XVIII том Ленина и процитировал оттуда место о значении «специалистов науки и техники» и о необходимости осторожного и умелого к ним подхода. Однако, тов. Теодорович не нашел ни в XVIII, ни в другом томе ни одной фразы, в которой бы Ленин требовал, чтобы на ученых специалистов понапрасну наклеивали «марксистские» ярлыки.

Теперь, после того, как проф. Кондратьев и Огановский были разоблачены как герои печального образа земплановской панамы, как-то неловко читать статью т. Теодоровича, где он прославляет их «спецовские» добродетели. Тем более, что сам т.

[1]) Сообщением о том, что пятый выпуск «писан Кондратьевым от первой до последней буквы» тов. Теодорович буквально утопил проф. Кондратьева. В пятом выпуске тов. Крицманом обнаружены еще целые горы статистико-арифметического безобразия.

Теодорович решил принести проф. Огановского в жертву, как нерадивого «спеца». В письме в редакцию журнала «На аграрном фронте» т. Теодорович честно признает факт «вопиющего отношения к делу» и последующего «заметания следов», но... только со стороны одного проф. Огановского. Тов. Теодорович пишет: «В заключение чувство простой справедливости заставляет меня протестовать против смешения в одну кучу проф. Кондратьева и Огановского. О последнем я дал свое показание; что же касается первого, то он стоит вне каких-либо упреков в недобросовестном отношении к делу. («На аграрном фронте» № 3, стр. 199).

Последняя фраза непонятна. Только что перед самым письмом тов. Теодоровича, помещена статья тов. Крицмана, в которой «недобросовестное отношение к делу» проф. Кондратьева показано, как на ладони, в которой продемонстрирована какая-то «безбрежность небрежности» проф. Кондратьева. А тов. Теодорович сейчас же после такого капитального разноса, без всяких доказательств, любезно освобождает проф. Кондратева от всяких «упреков». Что должны подумать по этому поводу читатели «На аграрном фронте», одним из редакторов которого состоит, между прочим, и т. Теодорович, мы не знаем. С своей стороны, признаемся, что «внутренняя инерция» проф. Кондратьева оказалась в тысячу раз хуже, чем мы, грешные, предполагали. Кондратьевские цифры перещеголяли его «марксизм». За сим, т. Теодорович, всего хорошего! Желаю вам и впредь «веселого расположения духа».

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

Дм. Бухарцев.

О „пафосе“ восстановления мирового хозяйства[1].

1924 г. и его значение в мировом хозяйстве оценивается целым рядом наших товарищей, главным образом, политиков, как год известного перелома в развитии мирового хозяйства в сторону его стабилизации и даже полной ликвидации послевоенного кризиса мирового хозяйства.

Не приходится, понятно, много говорить о том, какое существеннейшее значение имеет для СССР, для Коминтерна в целом, и отдельных компартий в частности, правильная об'ективная оценка современного мирового хозяйства и хотя бы некоторых ближайших перспектив его развития.

Чрезвычайно трудно сохранить на пути этого анализа об'ективное равновесие, не уклоняясь ни в сторону «желания, рождающего мысль», ни в сторону того, что наши военные партийцы называют «демобилизационным настроением». Но насколько опасен анализ в стиле «Гром победы раздавайся, веселися храбрый Росс», настолько же опасен уклон и в сторону переоценки тех событий, больших и малых, которые происходят ныне в мировом хозяйстве.

Размеры настоящей статьи не позволяют нам дать детальный анализ современного положения мирового хозяйства. Мы вынуждены поэтому перенести главное внимание на критику существующих концепций «восстановления мирового хозяйства».

Основной работой в этой области следует считать вышедшую недавно в издательстве Госплана брошюру т. Лапинского «Новая фаза империализма и ее экономические источники». Эта работа является первой и самой серьезной попыткой обосновать новый прогноз мирового хозяйства, за которой последовали либо перепевы ее, либо утверждения, идущие значительно дальше, чем это делает сам т. Лапинский.

В своей работе тов. Лапинский ставит вопрос: «Можно ли утверждать, что за последний год—два произошли или по крайней мере наметились некоторые основные (курсив наш. *Дм. Б.*), в положении послевоенного капитализма, перемены, которые можно зачислить в целую отдельную, крупную экономическую категорию? Тов. Лапинский отвечает: «По нашему мнению, без сомнения, да». При чем эта крупная экономическая категория означает «некоторую историческую грань».

---

[1]) Статья дискуссионная.

Попытаемся вкратце передать основные мысли т. Лапинского и методы доказательства его априорного суждения и разобрать их, поскольку это позволяют размеры настоящей статьи.

Расстройство нормальных функций международного капитализма в течение пятилетия после войны т. Лапинский сводит к четырем основным фактам:

1. Политический и социальный хаос, который «убивал в корне у капиталистических кругов всякую уверенность в будущем и тем самым ослаблял, устранял у них основные психологические предпосылки всякой нормальной деятельности, предприимчивости и доверия».

2. Распад валют, приводивший «весь социальный и хозяйственный механизм капиталистического общества в состояние какого-то неустанного сотрясения и движения всех составляющих его молекул и атомов».

3. Распад международного кредита.

4. Утрата прежнего довоенного единства мирового капиталистического целого, сводящегося к установлению и применению протекционистских тарифов, исчезновению правильного разделения труда и т. п.

Мы позволим себе вкратце остановиться на приводимых т. Лапинским «явлениях расстройства основных внутренних функций капиталистического механизма».

Нам представляется, что сам анализ причин кризиса мирового хозяйства носит у тов. Лапинского «надстроечный» характер.

Тов. Лапинский не останавливается на «базе» послевоенного кризиса капитализма, а все свое внимание направляет исключительно на явления, носящие характер производных функций, хотя, правда, «более всего, бросающиеся в глаза». Тов. Лапинский упускает из виду, что основной причиной современного кризиса является колоссальный рост во время войны производительных сил, главным образом, в сфере производства средств производства, при значительном падении покупательной способности широких масс населения. Мировые «ножницы» подорвали благосостояние крестьянского населения; инфляция—средних слоев; падение реальной заработной платы и, наконец, чисто материальные разрушения, причиненные войной и отразившиеся на степени благосостояния населения целого ряда областей европейских государств. Это является основной «базой» послевоенного кризиса мирового хозяйства, на которой вырастают надстройки различных функциональных нехваток.

Мы ограничимся покуда этим общим замечанием и продолжим изложение самого т. Лапинского. Тов. Лапинский во второй главе своей работы, доказывая «сдвиг всей проблемы послевоенного капитализма», идет по тем же вехам, намеченным им в первой главе.

Тов. Лапинский утверждает, что за последний 1924 год пробивает себе «дорогу вполне определившаяся и сильная тенденция к улучшению».

Это доказывается следующими обстоятельствами:

1. В области политической — количественное уменьшение, ослабление всеевропейской неурядицы. «Капиталистическая Европа обрела, наконец, относительно прочно, основной закон своего равновесия, свою хартию в виде англо-саксонской гегемонии, гегемонии Англии и Америки». При чем непосредственной задачей политики англо-саксонских стран является упорядочение и воссоздание капиталистического механизма—оборота и обмена» и восстановление, хотя бы самое частичное, катастрофически нарушенного единства капиталистического мира (путем урегулирования прежде всего репарационного вопроса).

2. В области распада валют—в 1924 году денежной инфляции в целом ряде стран был положен предел, правда, ценою крупных хозяйственных потрясений и беспощадного нажима па массы.

В этой области наиболее крупными фактами являются: стабилизация германской валюты и продвижение к золотому паритету всемирной обменной единицы—английского фунта. Вопрос о международном золотом стандарте ближе к осуществлению, чем когда-либо раньше со времен перемирия.

3. Международный кредит—кризис последних лет был в значительной степени кризисом кредита, кризисом так называемого «доверия». Целый ряд внешних выражений этой «осторожности» международного капитала как колоссальная процентная норма, дороговизна кредита покуда, признает т. Лапинский, не изменился или изменился немного. Изменилось зато положение в отношении размеров международного кредита и его географического направления, главным образом, благодаря плану Дауэса.

4. Восстановление единства мирового хозяйства—Европа выходит из состояния хаоса, благодаря заключенным торговым договорам, восстановлению мировых цен и попыткам международного картелирования.

Все эти моменты, собственно говоря, и составляют ту новую «крупную экономическую категорию», которая знаменует перелом в мировом хозяйстве и «новую фазу империализма».

Приглядимся к этим моментам поближе, являются ли они достаточно вескими аргументами для того, чтобы прокламировать новую эру в мировом капитализме?

Тов. Лапинский начинает с анализа политического умиротворения Европы. (На вопросе об англо-американском сотрудничестве мы останавливаться здесь не будем. Нашу точку зрения по этому вопросу мы уже изложили в январской книжке «Большевика»).

Нам представляется, что концепция т. Лапинского, выдвигающая на первый план элементы сотрудничества современного капитализма и лишь вскользь упоминающая об имеющихся противоречиях, имеет, выражаясь довольно распространенным ныне словом, уклон в сторону своеобразной идеологии «Фимменизма».

Теория «Фимменизма» (Эддо Фиммена) наряду с целым рядом lapsus'ов в области теории государства, которые в данном контексте нас не интересуют, защищает абсурдную гипотезу о том, что понятие «национальный капитал» и «национальная промышленность» исчезает все больше и больше и уже рисуется возможность того, что прекрасная мечта о «Соединенных Штатах Европы» на долгое время найдет свое осуществление—осуществление жестокое—в виде «Акционерного Общества Европы» (см. Эддо Фиммен «Пролетарская и буржуазная Европа»).

«Она (буржуазия. *Дм. Б.*) отказывается от расширения за счет других капиталистических групп. Она отказывается от своих прежних империалистических целей, направленных на то, чтобы

подняться выше других частей буржуазии и других народов. Мечта о подчинении всего мира капиталистических интересов капиталистической группе одной единственной страны, о владычестве одной единственной столицы над всеми землями и морями—эта мечта окончательно изжита».

«Международное переплетение капитала так связало друг с другом международных промышленников, что они должны вместе процветать или вместе гибнуть. Общность интересов стала более тесной, взаимная зависимость гораздо значительнее».

Приведенные цитаты, к которым можно прибавить еще столько же, являются ничем иным, как иллюстрацией к логически развитым до конца мыслям о сотрудничестве мировой буржуазии, охваченной по Радеку [1]), желанием «вырвать Центральную Европу из когтей революции, рождающейся из недр экономического хаоса».

Характерным для Фиммена, как и для ряда наших товарищей, является нежелание видеть, отыскать те противоречия, которые не могут дать осуществиться ни Фимменовским «Соединенным Штатам Европы», ни серьезному прочному «равновесию капиталистической Европы на базе англо-саксонской гегемонии».

Искать противоречия в мировом капитализме, даже если они и не видны на поверхности, был метод анализа мирового капитализма у т. Ленина.

Это относится к политическому анализу т. Лапинского.

Экономические симптомы перелома в мировом хозяйстве у т. Лапинского можно свести к двум основным: первое,—стабилизация валют на основе восстановления золотого обращения и, второе,—восстановление мирового хозяйства, благодаря международным кредитам.

Остановимся на первом из них.

Мы полагаем, что говорить о стабилизации европейских валют в настоящее время, когда мы имеем падение франка; когда понижаются валютные курсы нейтральных стран—Голландии и Швейцарии, которые котировались выше золотого паритета; когда происходит падение лиры, входящей в период сильных курсовых колебаний; когда проблема стабилизации валюты еще не разрешена даже в Чехо-Словакии, стране, первой вступившей на путь стабилизации валюты; когда в Австрии, где денежная реформа проводилась Лигой Наций, сам Генеральный Комиссар Лиги Наций вынужден признать, что дело валютной реформы не сделало никаких успехов, когда нервность, столь характерная для послевоенного валютного рынка, еще не изжита и т. д., при всех этих обстоятельствах излишний оптимизм к стабилизации валют немного рискован.

Остаются, правда, еще Германия и Англия. После головокружительных скачков, проделанных германской маркой, теперь наступило временное спокойствие. Сомнительно однако полагать, что при колоссальной дефицитности торгового баланса, имеющего место в Германии как в 1924 году, так и в первых месяцах текущего года, при полном отсутствии «невидимого экспорта» Германии удастся удержать стабильной свою валюту. Если принять еще во внимание весьма серьезные возражения, выдвигаемые значительными хозяйственными кругами против иностранного кредита, толкающего Рейхсбанк на новые инфляции, картина получится далеко не в таких розовых тонах, какой она рисуется нашим апологетам восстановления мирового хозяйства. Теперь остается еще вопрос об английском фунте и его переходе на золотую валюту. По этому вопросу достаточно убедительным оппонентом тов. Лапинскому и иже с ним является никто иной, как достаточно известный английский экономист Кейнс, являющийся сторонником возвращения Англии к золотой валюте.

[1]) См. февр. номер Ком Интернационала и статью Д. Пеппера в мартовском номере Ком. Интернационала.

В своей статье «Возвращение к золоту», помещенной в Nation, а затем и в «Виртшафтдинсте» (нами цитируется по Wirtschaftdienst от 27/II—25 г.), Кейнс высказывает свои соображения о перспективах перехода Англии на золотую валюту и ее взаимоотношениях в этом вопросе с С.-А. С. Ш.

«С июля 1924 года,—пишет Кейнс,—в С.-А. С. Ш. началось повышательное движение, которое, по всей вероятности, будет продолжаться. Это повышение американских цен за последние полгода сопровождалось повышением курса фунта стерлинга, которое обратило на себя общественное внимание. Это движение сопровождалось некоторыми ненормальными факторами. Улучшение курса стерлинга нельзя всецело отнести за счет британской денежной политики. Правда, что учетный % для краткосрочных кредитов в Лондоне держался фактически на 0,5% выше, чем в Нью-Йорке и что британские цены поднялись несколько меньше американских. Но все признают, что эти факторы действовали недостаточно сильно. По отчетам Board of Crade видно, что в минувшем году из Нью-Иорка в Лондон было перенесено около 100 милл. ф. стерл. Это об'ясняется возвращением вкладов, ранее находившихся в Лондоне, а также инвестициями американского капитала в Европе, вызванного ростом доверия к Европе и вследствие принятия плана Дауэса, и в связи с повышением ценных бумаг на Уолл-Стрит, и, наконец, спекулятивными закупками стерлинга в ожидании его повышения по сравнению с долларом. Это не имевшее прецедента движение вносит в положение некоторую неуверенность. Ситуация может измениться в любой момент. Англия нуждается в передышке для того, чтобы заново привести в порядок свои обязательства или путем сравнительного увеличения экспорта по сравнению с импортом или путем повышения учетного % для долгосрочных займов, достаточным для того, чтобы удержать чрезмерный в данное время поток капитала, инвестируемого заграницей. В настоящее время Англии угрожает опасность отдавать в долгосрочный кредит (напр., Австралии) то, что она взяла в краткосрочный кредит в Нью-Иорке. Следует соблюдать величайшую осторожность, Federal Reserve может решить, что под'ем цен в С. Штатах принял опасные размеры и может вмешаться, как это случилось два года тому назад. Англии пришлось бы тогда решиться или на сравнительно стабильные стерлинговые цены при долларовом курсе ниже паритета, либо на жесткие условия для того, чтобы во что бы ни стало удержать валюту на паритете.

Преждевременное снятие запрета на вывоз золота заставило бы пойти именно по второму пути, как того желают фанатики. Но, при британской безработице, это было бы неблагоразумно.

Но возможно также, что Federal Reserve предоставит ход дел естественному течению и не будет предпринимать ничего для понижения цен. В таком случае Англии не придется напрягаться для удержания фунта на довоенном паритете. Однако отсюда не следует, что тогда можно будет снять запрещение на вывоз золота. Связывать цену фунта с долларом в момент столь высокой кон'юнктуры было бы очень опасно, так как, в случае краха этой кон'юнктуры в Америке, Англия испытает тогда и на себе всю тяжесть этого события. Связать курс фунта с долларом можно будет безопасно лишь тогда, когда средний уровень доллара стабилизуется на несколько более «высокой ступени, чем теперь».

«Возможно, что в предстоящем году С. Штатам придется перенести финансовые и промышленные бури, но последние не потрясут страны; Англия же, наоборот, погибнет, если эти бури коснутся и ее».

«Кроме того, до войны Англия дала миру огромные краткосрочные займы; помещаемые в Америке капиталы делали Англию кредитором С. Штатов; она имела больший, чем какая-либо другая страна, излишек капитала для помещения за границей; американские банки были очень слабы без Federal Reserve System. Англия была первенствующим членом в золотом валютном союзе. Но только слепые глупцы могут думать, что возвращение к золотой валюте вернет Англии это положение. Теперь она—должник С. Штатов, имеющих в шесть раз больше золота, чем она. Движение золота или краткосрочных кредитов в том или другом направлении между Лондоном и Нью-Йорком явится рябью на воде для Америки и Атлантической волной для Англии. Перемена отношения американских банков и капиталистов к иностранным займам могла бы потрясти Англию. С. Штатам удобно, что Англия перешла на золотую валюту, и они будут готовы вначале помогать ей. Но было бы заблуждением думать, что они всегда будут вести свои дела в желательном для Англии направлении».

Заканчивая свою статью, Кейнс заявляет:

«Индивидуалистический капитализм в Англии достиг точки, когда он не может более покоиться на простой экспансии; он должен взять на себя научную задачу, исправить строение своей хозяйственной машины».

Приведенные мысли Кейнса с достаточной убедительностью рисуют нам степень «солидности» стабилизации английской валюты, этого одного из «китов», на которые опирается концепция т. Лапинского.

Обратимся теперь к вопросу о международном кредите, второму «киту» концепции тов. Лапинского.

Вся проблема международного кредита ставится тов. Лапинским неверно. По мнению тов. Лапинского, «кризис последних лет был в значительной степени кризисом кредита, кризисом так называемого доверия».

Но вопрос заключается не столько в доверии, сколько в норме прибыли, в том, насколько соотношение между производительными силами каждой страны и ее внутренним рынком стимулировал ввоз или вывоз капитала. Расширение внутреннего рынка С.-А. С. Ш., происшедшее после кризиса 1920 г., сразу сократило количество вывозимого капитала с 368.200.000 долларов в 1919 и 322.100.000 долларов в 1920 г. до 23.900.000 долларов в 1921 г.

Сужение емкости внутреннего рынка, имевшее своим последствием кризис С.-А. С. Ш. в 1924 г., толкнуло С.-А. С. Ш. на капиталистическую экспансию в форме капиталов в Европу и в форме товаров на рынке Востока, Южной Америки и т. д.

О широких возможностях экспорта капиталов из Англии приходится немного говорить. В вышеупомянутой статье Кейнс указывает, что для возвращения фунта стерлингов к паритету следует повысить учетный % и прекратить эмиссии иностранных займов в Англии.

Экспорт капитала из Англии, происходящий в настоящее время, направляется в колонии и лишь отчасти в некоторые европейские государства, главным образом, в новообразовавшиеся государства. Самое характерное, однако, то, что значительная часть экспорта капитала из Англии является по существу реэкспортом американских кредитов.

С другой стороны, новейшая тактика американских банков сводится к вытеснению Лондона, как международного финансирующего центра с тем, чтобы занять его место. Это им удастся, благодаря той финансовой мощи, которой обладают американские банки [1]).

Таким образом, проблема «международного» кредита сводится, собственно говоря, к кредитованию американским монополистическим капиталом при временном техническом сотрудничестве с английскими банками европейского хозяйства. Проблема, таким образом, сводится к плану Дауэса—новейшей форме экспорта капитала.

Это есть действительно «новая, но не фаза», а форма империализма, которая, во всяком случае, не означает перелома в мировом хозяйстве и еще меньше—восстанавливает «единство» мирового капитализма.

Экспорт американского капитала в Европу для ее колонизации не решает основной проблемы мирового хозяйства, проблемы рынков, а создает лишь новое обострение старых противоречий.

Проблеме рынков т. Лапинский посвящает вторую часть своей работы. Тов. Лапинский пишет:

«Что означает по своим последствиям относительное упорядочение простейших функций капиталистического механизма? Оно означает то, что только теперь (курсив наш. *Дм. Б.*) с возрастающей остротой перед капитализмом в целом будет вставать другая проблема, проблема сбыта, задача расширения возможностей сбыта, проблема рынков».

Тов. Лапинский считает, что «первая послевоенная фаза капитализма была периодом в особенности в первые годы—борьба за голый факт существования за восстановление нормальных простейших функций и относительного единства самого механизма международного оборота и обмена».

---

[1]) Наглядный пример: достаточно было американскому «Федерал Резерв банку» поднять учетную ставку на полпроцента, как произошел массовый отлив капиталов из Лондона в Нью-Йорк, и только соответствующее повышение учетного процента в Лондоне приостановило этот процесс.

Эта «рабочая» гипотеза т. Лапинского в корне неверна, уже потому одному, что вопрос о рынках, это альфа и омега послевоенного капитализма, никогда не сходил с порядка дня мирового хозяйства.

Проблема рынков в настоящее время еще более обостряется. План Дауэса, непосредственно связанный с экспансией германских или, вернее, германо-американских товаров, вносит лишь новые еще более резкие нюансы в уже определенно наметившиеся элементы англо-американского соперничества.

Другой ошибкой тов. Лапинского является то, что он не увязывает проблему экспорта капитала с проблемой рынков.

Тов. Лапинский пишет: «До некоторой степени параллельно с этой борьбою за рынки будет все более развиваться состязание за овладение громаднейшими участками мирового хозяйства при помощи финансового капитала, обревшего свою метрополию в англо-саксонских странах, прежде всего в С. Штатах, и только теперь пробившего себе более широкий доступ во внешний мир. Завоевание старого материка при помощи вывоза капитала подвигается теперь быстро вперед».

По вопросу о связи экспорта капитала с проблемой рынков т. Лапинский ограничивается лишь указанием на то, что «вывозимый в европейские промышленные страны капитал будет ради обеспечения себе прибыли неизбежно толкать эти страны на завоевание себе соответствующих возможностей сбыта». Между тем в этом вопросе заключается вся проблема плана Дауэса, как важной формы экспорта капитала. Проблема международного кредита, главным образом, сводится, как мы уже указывали выше, к кредитованию американским монополистическим капиталом европейского хозяйства.

Невозможность применения внутри Америки толкает американский капитал на экспансию в Европу. Дело однако не ограничивается тем, что доллары, благополучно переплыв океан, переместились из кладовых Federal Reserve в кладовые Deutsche Bank Круппа или Тиссена. Остается еще одна «мелочь»: необходимо, чтобы эти доллары превратились в товар, а этот товар снова в деньги. Без этого не имеет никакого смысла путешествие долларов. А для того, чтобы товар превратился в деньги, надо иметь покупателя, которого в европейской природе имеется весьма ограниченное количество, а в остальных частях света имеются: английские, американские, французские и собственные туземные товары.

В этом заключается тупик, в который попадает «международное» кредитование, а с ним и сам «план Дауэса».

Характер современного положения мирового хозяйства получает довольно конкретные очертания, если остановиться хотя бы на нескольких наиболее важных фактах в развитии мирового хозяйства в 1924 году.

Важнейшим событием в 1924 году, как по своему абсолютному значению, так и по своим последствиям явился кризис промышленности Северо-Американских Соединенных Штатов, начавшийся отчасти уже в конце 1923 года и достигший своего апогея в первой половине 1924 года.

Остановимся сначала на самом кризисе, а затем перейдем к анализу последствий, которые он за собой повлек.

1923 год был годом значительного расцвета хозяйственной жизни Северной Америки, но уже к концу этого года стали ощущаться грозные предвестия наступающего кризиса.

Наступивший кризис раньше всего отразился на текстильной промышленности в известной связи с общемировым текстильным кризисом [1]). Американская текстильная индустрия стала испытывать серьезные затруднения уже с последней четверти 1923 г. Так за этот период в Фаль-Ривер-Дистрикте из 4 милл. веретен работала только половина, в Лоренсе и Массачузете закрылась почти половина всех текстильных фабрик. Текстильная индустрия Нью-Ингленда работала лишь на 65%.

В 1924 году кризис текстильной индустрии еще более обострился. Около 50% американских прядилен было вынуждено сократить производство. В некоторых предприятиях производство сократилось на 25%. В конце марта 1923 года в С.-А. С. Ш. находилось в действии 35.498.000 веретен. В феврале 1924 года действовало лишь 32.683.000 веретен, в марте—32.392.000, в апреле—31.872.000 и в мае—30.493.000 веретен.

Следующей отраслью промышленности, по которой больно ударил кризис, была металлургия: производство стали в мае сократилось по сравнению с апрелем на 24%, производство железа на 21%. В конце мая 1923 г. заказы на сталь были равны 6.928.089 тонн, в конце февраля 1924 года—4.878.089, в конце апреля—4.208.447 и в конце мая 3.628.089 тонн.

Немного позже ударил кризис по автомобильной индустрии. До марта 1924 года производство автомобилей росло. Так: легковых автомобилей было произведено в январе 1924 года 287,2 тыс., в феврале 336,2 тыс. и в марте—348,2 тыс.; грузовых: в январе—28,2 тыс., в феврале—30,3 тыс. и в марте—33,0 тыс.

Ярким симптомом кризиса является уменьшение доходности железных дорог.

Чистый доход железных дорог равнялся в апреле 1923 года—83.515.300 долларов, в марте 1924 года—80.239.884 долларов и в апреле—61.821.900 долларов. Доходность уменьшилась за год приблизительно на 26%.

Весьма показательным фактором экономического положения страны является положение рынка капиталов. Анализируя состояние рынка капиталов в период депрессии, мы наталкиваемся на два характерных явления: 1) в период депрессии публика, устрашенная ухудшением кон'юнктуры, предпочитает вкладывать свои средства в облигации с гарантированным определенным процентом прибыли, а не покупать промышленные акции, 2) промышленный застой благоприятствует реализации государственных и городских займов.

Оба эти явления имели место в С.-А. С. Ш. Приведем таблицу, характеризующую эмиссию промышленных и железнодорожных

---

[1]) Более подробно об этом в нашей статье «Мировой хлопковый рынок и кризис текстильной индустрии». «Торгово-Промышленная Газета» от 16 мая 1924 года.

ценных бумаг в С.-А. С. Ш. за первую четверть 1923 г. и первую четверть 1924 года.

	1-я четверть 1923 г.	1-я четверть 1924 г.
	в долларах.	
Промышлен. облигации	575.517.000	455.610.500
" обязательства	53.270.000	24.550.000
" акции	351.704.100	95.459.200
Жел.-дор. облигации	119.546.000	143.845.000
" обязательства	82.032.000	43.659.000
" акции	2.250.000	—
	1.184.319.700	763.123.700

Анализируя эту таблицу, мы видим, что по сравнению с 1-й четвертью 1923 года 1 четверть текущего года сократилась почти вдвое, главным образом, за счет акций промышленных и железнодорожных, что касается облигаций, то эмиссия части—железнодорожных—увеличилась даже, а уменьшение промышленных облигаций сравнительно в %% незначительно.

Чрезвычайно характерно для положения С.-А. С. Ш. в 1924 году—это положение денежного рынка.

Уже в мае 1924 г. «Федерал. Резерв. Банк» в Нью-Иорке был вынужден снизить учетный процент с 4½ до 4-х. 12 июня не только Нью-Иоркский, но и Бостонский снизили учетный % до 3½. Это самый низкий % за все время существования «Федерал. Резерв». За этими 2-мя банками последовал целый ряд других и из 12 федеральных банков 9 снизило учетн. % до 3½. Частный % еще ниже. Об'ясняется это следующим положением. С 1920 г. начинает усиливаться количество вкладов в банки:

Год.	Количество вкладов.	Индекс.
1920	5.437 м. д.	100
1921	5.777 "	106
1922	6.010 "	111
1923	6.593 "	121
1924 январь	6.878 "	126
1924 февраль	6.939 "	128
1924 март	6.990 "	129

(Виртшафтдинст от 4/VII 1924 года).

Кредитные операции банков за этот период все уменьшались. В то время как в 1919 году было дисконтировано на 4½ миллиардов долл. векселей, это количество уменьшилось к марту 1924 г. до 2,4 миллиард. долларов. Что означает все это? Оно означает уменьшение оборота внутри страны и кризис банков, не производящих кредитных операций, но вынужденных выплачивать проценты за громадные вклады.

Приведенные данные с достаточной наглядностью характеризуют размеры и характер кризиса С.-А. С. Ш.

Промышленный кризис С.-А. С. Ш. в первой половине 1921 г. имел чрезвычайно важное значение для дальнейшего развития мирового хозяйства. Нам представляется, что любая из основных проблем современного мирового хозяйства имеет свой генезис в последнем американском кризисе.

С.-А. С. Ш. пережили после войны два серьезных кризиса: кризис 1920 года и 1924 года. Эти два кризиса отличаются друг от друга не только по своим размерам, но и по своим последствиям. В то время, как кризис 1920 года, будучи изжит расширенным потреблением внутреннего рынка, явился толчком к политике автаркии Соед. Штатов, к игнорированию внешних рынков, кризис 1924 года доказал американской промышленности иллюзорность представления, имевшего достаточное число приверженцев, о Соед. Штатах как о Weltwirtschaftlicher Weltteil (часть света в мировом хозяйстве), по выражению Германа Леви, усилив внимание в сторону внешней торговли. Этот поворот в сторону внешней торговли, так называемая эра «гуверской» торговой политики, начинается уже с 1923 года, года невиданного расцвета американской промышленности и, на ряду с этим, ощущаемых уже на внутреннем рынке симптомов грядущей депрессии.

Кривая товарного экспорта Соед. Штатов Сев. Америки по отдельным циклам рисуется следующим образом; усиленный экспорт товаров во время мировой империалистической войны в Европу и в колонии, которые не снабжаются своими старыми метрополиями усиленный экспорт непосредственно после войны, падение экспорта после кризиса 1920 года с новым под'емом с конца 1923 года.

Одним из характерных особенностей американского экспорта является все усиливающаяся тенденция его индустриализации. В 1923—24 году готовые фабрикаты составили свыше половины всего экспорта. Таблица увеличения экспорта из С.-А. С. Ш. в отношении 1910—1914 года, составленная на основании материалов Statistical Researlch Division of Commerce Departement дает интересную картину.

Процент увеличения американского экспорта в отношении 1910—1914 г.

Группы товаров	1910—1914	1921—1922	1922—1923	1923—1924
Сырье для обработки	100	131	144	185
Пищевые продукты, сырье и животные продукты	100	411	312	161
Переработанные пищевые продукты	100	211	198	191
Полуфабрикаты	100	121	143	174
Фабрикаты	100	185	215	238
Разные	100	96	87	76
	100	174	182	198

Из этой таблицы мы видим, что наибольшее увеличение относится к фабрикатам и полуфабрикатам. Этот стремительный рост индустриализации экспорта С.-А. С. Ш. Шульце-Геверниц в одной из своих статей в «Frankfurter Zeitung» считает: «Индустриальной революцией, напоминающей Англию в начале XIX века».

Эта тенденция индустриализации экспорта, кроме всего прочего, имеет большое значение в отношении определения направления экспорта. Преобладающее значение как рынки сбыта американских фабрикатов получают внеевропейские страны, а не Европа, задыхающаяся от избытка собственных фабрикатов. Выступая же на азиатских, австралийских и даже на южно-американских рынках С.-А. С. Ш. неизбежно сталкиваются с конкуренцией европейских, главным образом, английских товаров.

Совершенно неправ тов. Радек, когда он в своей статье «На путях к новой Антанте» пытается ad majorem gloriam англо-американского сотрудничества провести между ними разделение труда: Америка займется вывозом капитала, а Англия вывозом товаров. Американская промышленность, быть может, не так остро, как Англия, но в весьма значительной степени заинтересована в интенсификации своего товарного экспорта. Достаточно только присмотреться к той организационной деятельности, которую под руководством Гувера развивает Commerce Departement. А раз С.-А. С. Ш. вынуждены экспортировать и товары, они, при современном сужении покупательной способности мировых рынков, индустриализации колоний и т. д., неизбежно должны столкнуться с мировым экспортером—Англией.

Это одно из важнейших последствий американского кризиса 1924 года.

Другим последствием кризиса С.-А. С. Ш. в 1924 году явился усиленный экспорт капиталов из Америки и его инвестиции на мировом рынке.

За время войны С.-А. С. Ш. сумели не только расплатиться со своими государственными долгами, но и превратиться в кредитора целого ряда государств. Задолженность иностранных государств С.-А. С. Ш. на 15 марта 1922 года равнялась почти 11,5 миллиардов долларов.

В Америке скопился колоссальный запас золота (свыше половины мирового запаса), равняющийся 5½ миллиардам долларов. Между тем в силу разразившегося кризиса этот капитал лежал мертвым грузом, не имея возможности быть примененным.

Перед С.-А. С. Ш. остро стал вопрос о необходимости экспорта капитала. 1924 год явился годом активнейшей денежной экспансии С.-А. С. Ш. на внешнем рынке, главным образом, на европейском.

Изменения на американском рынке капиталов видны из следующей таблицы:

Из общей суммы займов пришлось на долю (в милл. долларов)

	1912	1921	1922	1923	1924
Государственных внутренних	435	1348	1463	1358	2000
„ внешних	—	405	515	213	828
Частных эмиссий внутренних	2353	1809	2253	2708	3367
„ „ внешних	—	15	82	243	279

В то время, как до войны иностранные займы совершенно отсутствуют, в 1921 г. они составляют около 12%, а в 1924 году достигают 20% общей суммы эмиссии.

Общая сумма иностранных займов по официальным данным в 1924 г. составила 1.268 милл. долларов против 538 милл. долларов в 1923 и 841 в 1922 г. Действительная сумма иностранных инвестиций американского капитала за границей, повидимому, еще больше.

Из общей суммы заграничных эмиссий С.-А. С. Ш. около половины (568 милл. долларов) ушло в Европу, из них Германия получила 110 миллионов долларов, Франция 100 милл. дол., Бельгия 50 милл. долларов, Голландия 40 милл. дол., Швеция—30 милл. дол., Швейцария—30 милл. дол. и т. д.

Кроме Европы, крупные займы получили Канада—244 милл. дол., Япония—187 милл. дол., Аргентина—75 и т. д.

Усиленный экспорт капитала из Америки явился вторым следствием кризиса промышленности в С.-А. С. Ш.

Таким образом, кризис промышленности в С.-А. С. Ш.—крупнейшее событие в мировом хозяйстве в 1924 г.—явился первопричиной тех изменений, которые произошли в европейском хозяйстве.

Это придает своеобразный колорит пресловутому процессу «восстановления» мирового хозяйства.

Какие выводы можно сделать из всего вышесказанного? Можно ли согласиться с наличием «новой фазы империализма», означающей перелом в развитии мирового хозяйства?

Отнюдь нет.

О каком-либо серьезном переломе в мировом хозяйстве, о ликвидации послевоенного кризиса говорить нельзя.

Дело не в том, увеличилась ли на несколько тысяч тонн добыча железа в сравнении с предыдущим годом [1]), стабилизовалась ли временно германская марка, вывезено ли из Америки больше или меньше долларов, все эти обстоятельства как в настоящем, так и в видимой перспективе «не делают еще весны ликвидации кризиса».

Органический кризис капиталистической системы после войны, характеризуемый отсутствием устойчивого равновесия, несмотря на некоторые временные улучшения, еще не изжит. Нельзя сказать, что буржуазия не пытается что-либо предпринять на этом пути, но это ей не удастся не только в интернациональном, но и в национальном масштабе.

Мы имеем грандиозные попытки планирования хозяйства на базе электрификации в Америке, в Англии и отчасти в других странах. Однако, при капиталистической системе производства и распределения, идея плановости остается либо абстрактной идеей, либо новым стимулом для обострения внутренних противоречий. Тем менее осуществимо какое-либо серьезное регулирование в интернациональном масштабе. Тов. Лапинский значительную роль в восстановлении мирового хозяйства уделяет международному картелированию. Не говоря уже о том, что современное интернациональное картелирование представляет собой лишь жалкую пародию довоенных интернациональных картелей, поскольку эти картели образуются, они не организуют капитализм,

[1]) Кстати сказать, мировое производство железа, стали и чугуна показывает в 1924 г. уменьшение в сравнении с предыдущим годом.

а обостряют имеющиеся противоречия. Нагляднейший пример: стальной трест, направленный, главным образом, против английской железо и сталепромышленности. Проблема современного капитализма это проблема рынков. Покуда не найден ключ к этой проблеме, нельзя восстановить равновесия капитализма.

P. S. Настоящая статья была написана накануне расширенного пленума ИККИ. Нам представляется, что в настоящее время вопрос о „стабилизации" мирового хозяйства в значительной степени потерял свою остроту. Падение Эррио, сломавшего себе голову на инфляции, депрессия в целом ряде отраслей мирового хозяйства (металлы, шерсть, хлопок, текстили), неустойчивость Северо-Американского boom'а, понижение курсов германских займов, размещенных на Нью-Иоркской бирже, и целый ряд других симптомов, ощущаемых в последние месяцы, иллюстрируют достаточно показательно высказанные нами выше положения. С другой стороны, пленум ИККИ сумел дать достойный отпор правым элементам, питавшим свои корни иллюзиями «стабилизации» капитализма. Наконец, после последней статьи тов. Радека, в которой он пишет: «Капиталистическая Европа переживает теперь попытки стабилизации (курсив тов. Радека»), спорить как будто больше не о чем. «Попытки стабилизации» еще нигде не увенчались успехом. Даже в тех случаях, где они наиболее сильны, как, например, в Германии, испытание стабилизации еще впереди. Франция подходит к преддверию крупного кризиса, который должен привести только к попытке «стабилизации». Однако, в этом нет никакой новой «фазы». Буржуазия всегда «пыталась» стабилизовать капиталистическое хозяйство. Вопрос лишь в том, насколько эти попытки оказались и окажутся удачными.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Литература о плане Дауэса.

Э. ГОЛЬДЕНБЕРГ.—«Германское хозяйство и репарации». (Социалистическое хозяйство. Кн. 5).

Проф. ФАЛЬКНЕР.—«Экономические основы плана Дауэса». (Плановое хозяйство за 1925 г., кн. 1).

Дм. БУХАРЦЕВ.—«План Дауэса (популярный очерк)». Издат. Госплана СССР, 1925 г.

Г. Г. СОЛОВЕЙ.—«План Дауэса в популярном изложении». Финансовое издательство НКФ СССР. Москва, 1925 г.

План Дауэса—интереснейшая проблема современного капитализма—продолжает привлекать к себе внимание экономистов СССР. Рассмотрим несколько из позднейших работ на эту тему.

Наиболее своеобразной является, несомненно, статья Гольденберга в «Соц. Хозяйстве». Эта статья распадается на две части.—В первой части Гольденберг старается доказать, что в Германии за четырехлетний период 1919—1923 г. до оккупации Рура накопление не имело места. Положение почти бесспорное. Ведь в 1919 г. Германия потеряла около 12 миллиардов загранич. капиталов своих, потеряла много миллиардов железнодорожного имущества и морской флот. Доказывать, что в результате этих четырех лет Германия не богатела, а беднела—значит ломиться в открытую дверь. Однако, тов. Гольденберг пытается доказать и другое положение. Он авторитетно заявляет, что нельзя отделить трехлетний период (1920—1922) от 1919 г. с его вивисекцией германского народного хозяйства, так как, по мнению Г., «ни один платеж не может быть рассмотрен, как однократная вивисекция», платежи одного года оказывали влияние на последующие годы, например, Германия, лишившись загранич. капиталов, этим самым лишилась возможности покрывать дефицит своего торгового баланса. Непонятно только, почему Г. считает необходимым раскладывать платежи 1919 г. на следующие 3 года, а не на 30 или на 300 лет? Вопрос, ведь, именно и стоит таким образом. Имело ли в Германии за 3-летний период 1920, 1921, 1922 г.г. место накопление капитала, несмотря на вивисекцию 1919 г., которая это накопление, несомненно, затрудняла. И если оказывается, что национальное достоинство Германии за этот 3-летний период возросло больше, чем ее задолженность за этот же период, тогда факт накопления налицо, несмотря на вивисекцию. Так и сделал тов. Мендельсон в своей работе.

Для опровержения утверждения тов. Мендельсона надо было доказать, что его данные неверны. Абстрактными, хотя крайне «авторитетными» рассуждениями, этого делать нельзя.

Во второй части своей статьи тов. Гольденберг пытается доказать, что союзники планом Дауэса хотят аграризировать Германию. Заранее зная, что план Дауэса неосуществим, они ей его навязали, чтобы добиться второй оккупации Рура и окончательной гибели германской промышленности. Доказательства этой мысли в статье Гольденберга более чем странны и противоречат всем нашим представлениям

о капитализме и империализме. Гольденберг утверждает, что, так как Германия, как промышленная страна, не может иметь такого активного торгового баланса, чтобы активом покрывать репарац. платежи, то осуществление плана Дауэса должно привести к дезиндустриализации Германии. Он не допускает мысли о возможности импорта иностранных капиталов в Германию и платежа репараций этими капиталами. Между тем, такая возможность, несомненно, существует, хотя она чревата большими трудностями. Иностранный капитал будет в таком случае все больше внедряться в германскую промышленность. Германия будет платить репарации не товарами (активом торг. бал.), а основным капиталом—фабриками, жел. дорогами и т. д. Ведь пассивный торговый баланс отнюдь не означает, что Германия больше потребляет, чем производит. Он только означает, что она больше ввозит, чем вывозит. Внутри страны может итти накопление новых богатств. Иностранные капиталы будут иммигрировать в Германию ради прибыли и ради процентов. Дают же прибыль германские фабрики и при пассивном торговом балансе. Прямо непонятны слова Гольденберга «Германия, как промышленный филиал, С. Штатам не нужна. Разделение труда между американской и германской промышленностью это бессмысленная мелкобуржуазная утопия. Утопия потому, что современный капитализм империалистический, воюющий за монополию, стремящийся к безграничной экономии, не договаривающийся со своими конкурентами, добивающий их до конца». Эти слова, действительно, звучат, как мелкобуржуазное представление об империализме. Разве для империализма не характерен как раз вывоз капиталов и индустриализация этим самым самых отсталых стран? Империалистический капитализм стремится к монополии, но не так, как стремились английские фабриканты начала XIX в., которые запрещали своим колониям иметь свою промышленность; он прибирает к рукам разные отрасли промышленности во всем мире и устанавливает свою монополию. Ведь, это же азбучные истины, десятки раз доказанные Лениным (см. особенно его речь на II конгрессе Коминтерна и предисловие к немец. изданию «Империализма» (7. XVII).

До сих пор (до мировой войны) империалисты экспортом капиталов эксплоатировали, главным образом, пролетариат и крестьянство отсталых стран, и борьба шла из-за раздела этих стран. Теперь империалисты этих стран победительниц хотят участвовать в грабеже пролетариата, а также крестьянства промышленных стран (Австрия и Германия). В этом весь смысл плана Дауэса.

Вообще в статье Гольденберга удивительная путаница и неясность в представлении об империализме. Так, на стр. 214 читаем: «Метрополия по отношению к колонии является страной, экспортирующей капитал, а не товары, как это в кричащем противоречии с фактами утверждает Р. Люксембург». (Это, конечно, сущая ерунда. Метрополия экспортирует в колонии и т о в а р ы и к а п и т а л ы, как известно всякому. Колониальная политика империалистских держав определяется, однако, интересами вывоза капитала, а не товаров. Это доказал Ленин в «Империализме». Люксембург этого не видела. В этом одна из ее ошибок). Итак, Гольденберг стоит на точке зрения Ленина. Так и запишем. На стр. 216, однако, читаем: «Борьба между Англией, Германией и Соед. Штатами шла за то, кому стать мировой фабрикой и весь остальной мир превратить в свое аграрное дополнение». Но раз вывоз капитала, а не товаров играют главную роль, то борьба, значит, шла из-за того, кому быть мировым б а н к и р о м, а не мировой фабрикой? Ведь, по Ленину империализм есть загнивание капитализма, когда благодаря экспорту

капиталов, несколько стран превращаются все больше в рантье, а весь остальной мир заставляют работать на себя??? Но, ведь, теория аграрного дополнения Каутского давно опровергнута Лениным??? Но, ведь, Гольденберг только что об'яснился в верности теории Ленина???

Или чего стоит такой перл: «Вся история капитализма говорит о том, что лучше оплачиваемый рабочий выгоднее хуже оплачиваемого, так как производительность его труда выше». Поистине классический пример путаницы и смешения причины со следствием. Маркс в I т. «Капитала» в XX гл. говорит, что английский рабочий выгоднее русского, хотя первый дороже, так как в то время, как на 1 русского рабочего приходится 28 веретен, на 1 английского рабочего приходится 74. Но нигде, никогда ни Маркс, ни кто-либо другой не договорился до такой благоглупости, что дорого оплачиваемый английский рабочий выгоднее капиталисту, чем тот же рабочий, только дешевле оплачиваемый. А, ведь, у Г. речь идет о квалифицированном (в некоторых отношениях превосходящем американский раб. класс, как сам Г., должно быть, знает) германском пролетариате. Вся история капитализма (и не только капитализма) говорит о другом. Она говорит о непрекращающейся борьбе классов из-за прибавочного продукта, из-за норм эксплоатации, из-за уровня заработной платы. Рабочие борются за высокую заработную плату, предприниматели стараются ее понижать. Правда падение заработной платы нередко вызывает падение и производительности труда. Но в том-то и состоит наступление капитала (а план Дауэса—один из его этапов), что разными ухищрениями, потогонной системой капиталисты стараются понижать заработную плату, не понижая производительности труда. И это им, как всем известно, пока удается. Или капиталисты не понимают своих интересов???

Или как назвать такое утверждение Гольденберга? (стр. 215) «Англия имела пассивный торговый баланс по отношению к о в с е м б е з и с к л ю ч е н и я с т р а н а м м и р а». Сказано сильно, а забыта... 300-миллионная аграрная Индия, первая в мире потребительница английских товаров, занимавшая первое место в английском экспорте, по отношению к которой Англия всегда почти имела активный торговый баланс. Но satis; статья Г. с ее неправильными, неточными (хоть и «авторитетными») формулировками, ошибками и путаницей может служить только образцом того, как н е следует писать о плане Дауэса.

Не особенно большим вкладом в литературу о плане Дауэса, а совсем даже наоборот, является и книжка Бухарцева, которая представляет собою сочетание популярного изложения плана Дауэса с весьма спорными (нередко грубо ошибочными) положениями, высказанными тоже в весьма авторитетном тоне.

Из книжки (стр. 24) мы узнаем, что Америка вмешалась в войну, чтобы добить умирающую Германию. До сих пор все авторитеты (и военные и дипломатические) Антанты и Германии, однако, считали непреложной истиной неизбежную победу Германии, если бы Америка не вмешалась в войну. И именно боязнь победы Германии и заставила С. Шт. после крушения русского фронта принимать активное участие в мировой бойне.

Оказывается (стр. 21), что оккупация Рура разорила германское народное хозяйство, так как лишила его 80% всего производства стали. А, ведь, на самом деле, отсутствие рурского у г л я больнее в с е г о ударило по германской промышленности.

На стр. 75 автор утверждает, что реальная заработная плата в Германии не достигает и половины довоенной, а на стр. 55 читаем: «эту сумму (200 золотых марок) получает ежемесячно в среднем боль-

шее количество квалифицированных рабочих и служащих в Германии». Одно из двух: либо германские рабочие получают гораздо больше половины довоенной заработной платы; либо большинство («большее количество») квалифицированных рабочих получает гораздо меньше 200 золотых марок в месяц. Мы тут не будем разбирать, какая из этих двух цифр ближе к истине, и вообще ли близка одна из них к истине. Укажем только, что квалифицированные рабочие берлинской подземки получают в среднем 130—160 марок в месяц. И это в Берлине!

Не можем мы согласиться и с основным тезисом Бухарцева: «тщетно пытается мировая буржуазия выбраться из безысходного тупика, в который ее вогнала история» (стр. 5). Уже на II конгрессе Коминтерна Ленин всей силой своей аргументации доказал, что безвыходных положений для капитализма нет; и что подобные «безысходные» теории только вредны пролетариату. Неверна и первая часть этого тезиса. На XIII московской губконференции т. Сталин сказал: «Дело обстоит так, что мировой капитал после войны, пережив несколько кризисов, стал оправляться. Это надо признать. Основные страны-победительницы—Англия и Америка—возымели теперь такую силу, что получили материальную возможность не только у себя дома поставить дело капитала более или менее сносно, но и влить кровь во Францию, Германия и другие капиталистические страны». При таких условиях авторитетно заявлять «тщетно» по крайней мере слишком смело. Конечно, капитализм оправился только временно. В конце-концов он погибнуть должен. Но временно он все-таки оправился, отрицать это было бы смешно.

На стр. 35 Бухарцев пишет: «Наряду с промышленным и сельскохозяйственным кризисом, потребность в вывозе капитала заставила Америку вмешаться в решение репарационного вопроса». А на стр. 60, автор, в противоречие со всем предыдущим, заявляет: «Европа, которая имеет в глазах американцев небольшое значение, как рынок товаров, является, однако, весьма удобным рынком для вывоза туда и привлечения там американского капитала». Неверно, конечно, что Европа уже теперь имеет в глазах американцев небольшое значение, как рынок товаров. Верно то, что план Дауэса продиктован, главным образом (а не «наряду») интересами экспорта капитала, так как в эпоху империализма, как доказал Ленин, эти интересы господствуют над интересами вывоза товаров. Кто этого не понимает, тот ничего не понимает в плане Дауэса.

Более серьезную работу представляет собой, несомненно, статья проф. Фалькнера, но и со многими ее положениями трудно согласиться. Проф. Ф. старается доказать, что экономически план Дауэса осуществим, так как Германия с ее национальным доходом в 49,42 миллиарда марок (по вычислениям Ф.) в состоянии платить союзникам 2,5 миллиарда в год. Иначе смотрит Ф. на политические последствия этого плана; его выполнение чревато обострением противоречий между союзниками; весьма вероятно по мнению Ф. снижение платежей, но не ликвидация плана.

В статье Ф. по нашему нет достаточной оценки роли С. Ш. Америки и плана Дауэса, роли их свободных капиталов, стремящихся к эмиграции. Тут не столь важна формальная сторона (нейтралитет С. Штатов), как фактическая их роль на Лондонской конференции и до нее и крайнее давление на Францию, всецело зависящую от их кредитов из-за падения франка.

Весьма сомнительны также официальные данные о заработной плате рабочих и служащих в Германии, на которые опирается Ф. По этим данным реальная заработная плата почти равна довоенной. Мы знаем,

как обыкновенно получается такое благополучие со статистикой заработной платы, особенно в Германии. Для этого размеры дороговизны чуть-чуть понижаются; вместо розничных цен берутся оптовые; уровень современной денежной заработной платы чуть-чуть повышается, а довоенный уровень чуть-чуть понижается, и получается превратная картина. Неверно также, что подобные данные нигде не оспаривались. В коммунистической прессе Германии их подвергали резкой критике, они оспаривались и в с.-д. прессе и кажется даже в «Vorwäts'e». Неверно также утверждение Ф., что американцы, привыкшие к высокому процентированию своих капиталов, навряд ли пойдут в Европу и особенно в Германию. Высокий процент в Америке принадлежит прошлому, когда она была страной импорта капиталов. Сейчас она—страна экспорта капиталов с учебным процентом, иногда опускающимся до Г. Американские капиталы бурно устремляются в Европу (за 1924 г.—1,2 миллиарда долларов) и в Германию в частности. Германия тем выгоднее для импорта американских капиталов, так как контроль почти всего ее народного хозяйства в руках иностранцев, читай американцев.

В разборе политических последствий плана Дауэса у Ф. неправильно, по нашему, освещены будущие взаимоотношения держав Антанты. Совершенно умалчивается о неизбежной конкуренции между Англией и Америкой (два экспортера капитала). Ни слова не говорится и о позиции пролетариата других стран, особенно Англии.

И, наконец, мы никак не можем согласиться с Ф., что высота репарационных платежей—это второстепенный элемент плана Д., первостепенным же элементом является только контроль германского хозяйства. По нашему мнению, контроль и высота платежей—это две стороны одной медали. Без платежей или при очень низком уровне платежей контроль теряет свой смысл. Без контроля, в свою очередь, нет уверенности в платежах. Чем выше платежи, тем строже, тем чувствительнее контроль. Если бы союзники требовали от Германии допущения одного только контроля (для чего; ведь, военный контроль уже существует все равно?) ее хозяйства—это было бы ей неприятно, но было бы несомненно осуществимо. Другое дело, когда они требуют репараций (и даже Америка требует). Тогда план Дауэса становится во всяком случае трудно осуществимым. И эта трудность возрастает с высотой платежей и исчезает по мере их понижения. Разделить эти два явления на первостепенные и второстепенные никак нельзя.

Четвертая работа—«План Дауэса» т. Соловья состоит из двух частей: из предисловия т. Рейнгольда и из изложения плана Дауэса т. Соловьем. Книжка т. Соловья представляет собою довольно популярное и более или менее правильное изложение доклада комиссии экспертов, без всякой отсебятины со стороны автора, как «авторитетной», так и неавторитетной.

Недостаток этой работы заключается в отсутствии дополнительных данных о решениях Лондонской конференции. Лондонская конференция состоялась летом 1924 года, она конкретизировала доклад комиссии экспертов и внесла в него некоторые (правда, весьма незначительные) изменения. Следовало бы в работах, издаваемых у нас в 1925 г. ознакомить читателя и с решениями этой конференции, т. е. с теми конкретными мероприятиями, которые намечены для осуществления этого плана.

Предисловие т. Рейнгольда дает краткую историю репарационной проблемы и об'яснение линии разных держав в этом вопросе, а также краткое изложение причин и возможных последствий плана Дауэса. Оно, однако, не свободно от некоторых ошибок. Нет ясного представле-

ния конкретных причин доклада экспертов, не выяснена достаточно ясно роль экспансии американского капитала в этом вопросе. В некоторых местах имеются неправильные утверждения. Так, на стр. 10, например, т. Рейнгольд заявляет: «хотя вывоз в промышленной жизни Америки не играет такой огромной роли, как в Европе (где он составляет от $1/4$ производства до $1/2$ и даже до $2/3$)». Нам неизвестен ни один пример европейской страны, где вывоз (до и после войны) составлял бы $1/2$ или даже $2/3$ всего ее производства. Даже в английской шерстяной промышленности экспорт не превышает 5%, а позже даже только 3% внутреннгео потребления (Данные Брэдфордской торговой палаты. См. «Мировое хозяйство». Москва 1922 г., стр. 15).

Если бы не было отмеченных дефектов, работу т. Соловья можно было бы смело рекомендовать читателю, желающему получить общее представление о плане Дауэса.

Но и сейчас при некоторых своих недостатках книжка т. Соловья не является одной из худших работ по плану Дауэса и с некоторыми оговорками может быть рекомендована вниманию читателя.

И. Литвинов.

Н. Бухарин. Империализм и накопление капитала—Госиздат, 135 стр.

В одной из своих старых работ (Каутский—«Теории кризисов», изд. Моск. Раб., 1923 г.), посвященной борьбе с ревизионизмом во главе с Бернштейном и с русской разновидностью ревизионизма и ее представителем—«легальным марксистом» Туган-Барановским, в работе, которая пророчески предсказала, что ревизионизм превратит германскую социал-демократию из партии пролетарской классовой борьбы в демократическую партию, или левое крыло демократической партии социалистических реформ, немецкий теоретик социал-демократии Каутский высказал несколько интересных мыслей о связи теории с практикой, которые мы считаем нелишним здесь привести. Предвидя по поводу своей теории кризисов и своей критики Тугана и Бернштейна упрек со стороны «практиков» в излишнем академизме, Каутский заявлял тогда: «На самом деле этот вопрос (о кризисах—Л. Э.) имеет большое практическое значение и именно для понимания тактических разногласий, которые дебатируются теперь у нас в партии. Это не случайность, что ревизионисты особенно жестоко нападают на марксову теорию кризисов... Теория и практика находятся в самом тесном взаимодействии друг с другом; нельзя изменять одной без того, чтобы не быть вынужденным соответствующим образом изменить и другую» (67). Последующие события показали, что Каутский оказался прав во всех отношениях с той только поправкой, что в своих «пророчествах» старик забыл о себе, но давно ведь сказано, что «несть пророка в собственной стране».

В настоящее время, в иной исторической обстановке, приходится снова иметь дело с ревизией Маркса (в который раз?—*Л. Э.*), но уже с другой стороны, с ревизией «слева», которая выступает под привлекательным флагом люксембургианства. И на этот раз всякий понимает, что речь здесь идет не о «чистой» теории или об академических препирательствах, что за сухими формулами Маркса о воспроизводстве общественного капитала, к которым несколько пренебрежительно относится их позднейший критик Р. Люксембург, стоят животрепещущие, злободневные проблемы мировой пролетарской борьбы. Проблема «третьих лиц», выдвигаемая Р. Люксембург, связана с вопросом о возможных союзниках пролетариата в классовой войне против буржуазии. От нее же радиусами расходятся не менее существенные вопросы, как национальный, колониальный, крестьянский, отношение к профсоюзам и пр.

Подобно тому, справедливо замечает т. Бухарин, как «подход к теоретическому доказательству, цепь аргументов (Розы Люксембург — *Л. Э.*), ведущая к подкреплению тезиса о необходимости империализма и его крушения, неправильна в целом ряде своих звеньев, так неправилен и ряд тактических лозунгов, долженствующих вести к практическому «доказательству» т.-е. к превращению оружия критики в критику оружием» (Бухарин — «Империализм и накопление капитала», 134).

Первая аванпостная стычка с люксембургианством произошла на V конгрессе Коминтерна по вопросу о программе. Естественное развитие мировой пролетарской борьбы должно было, ходом вещей, рано или поздно поставить вопрос о преодолении ошибок основоположника «Спартак» и его последователей в целом, что и было сделано на последнем пленуме Исполкома Коминтерна. Этому должно было предшествовать преодоление теоретических положений Розы Люксембург, каковая задача и выполнена тов. Бухариным в его последней работе «Империализм и накопление капитала».

Основной вопрос, который «мучил» Розу Люксембург, это—вопрос о реализации или капитализации прибавочной ценности, короче, проблема накопления капитала. Кто реализует постоянно возрастающую ценность? Что делают капиталисты со своей все возрастающей прибавочной ценностью?—вот проблема, беспокоившая Розу Люксембург. В предисловии к «Накоплению капитала» (Госиздат, 1923) она подробно рассказывает об этом: «При популяризации экономического учения Маркса я натолкнулась на неожиданное затруднение. Мне не удавалось представить с достаточной ясностью совокупный процесс капиталистичекого производства; в его конкретных отношениях, а также его об'ективные исторические границы». Итак, только потому, что автору «Накопления капитала» неясна была проблема, что в ее разрешении он натолкнулся на «неожиданное затруднение», которого он не мог теоретически преодолеть и т. д., выяснилась необходимость ревизии Маркса и выросли «противоречия» Капитала. Нечего сказать, хороша аргументация!

Неосведомленный читатель цитированного предисловия может подумать, что «сомнения» Р. Люксембург зародились в ней впервые, на самом же деле это будет грубым заблуждением. Стоит только перелистать дискуссию, развернувшуюся в 90-х годах по тем же вопросам в русской легальной марксистской прессе, чтобы убедиться, что еще задолго до Р. Люксембург оказалось немало экономистов и, в первую очередь, среди народников, которые тоже натолкнулись на «неожиданное затруднение» в вопросе о совокупном процессе капиталистического производства, при чем на их стороне, по сравнению с Р. Люксембург, в смысле безошибочности теоретического прогноза, не было преимущества, так как они принадлежали к стране, стоявшей у порога капиталистического развития, когда только такой несравненный мастер марксистского метода, как Ленин, с такой ясностью предвидел будущие «судьбы капитализма» в России.

Вчитываясь в эту дискуссию, мы видим, что ее участники так же, как и Р. Люксембург, аргументируют третьим томом Капитала против второго (напр., Ратнер), что вместе с Розой они приходят к выводу о необходимости «третьих лиц» (внешних рынков) для возможности развития капитализма в России. Особенно близка оказывается позиция Струве, в этом вопросе приблизившегося к народникам, к защищаемым Р. Л. заключениям, несмотря на огромную пропасть между социально-поли-

тическими воззрениями обоих. В этом отношении интересны следующие выводы будущего автора «Великой России». «Самодовлеющего капиталистического общества, утверждал Струве, существовать не может, так как в нем прибавочная ценность перестанет капитализироваться, другими словами, расширенное производство будет невозможно... Развивающееся капиталистическое общество всегда нуждается во внешних рынках в смысле группы, стоящих вне данной капиталистической системы, производителей (П. Струве—Заметка к вопросу о теории рынков «Науч. Обозрение», 1899 г., № 1)». К этому, собственно, сводится и «теория» Р. Л., если абстрагироваться от связываемых с ней (теорией) политических тенденций.

Критика этой теории, которой посвящен «теоретический этюд» тов. Бухарина, ведется последним, по его собственному выражению, в двух направлениях: по магистрали рассуждений Р. Люксембург и по отдельным ветвям этих рассуждений. В первых главах речь идет по преимуществу о вскрытии отдельных невязок в аргументации Р. Л., чтобы в последующих главах увязать их в решающий узел. В соответствии со стратегией автора «Накопления капитала», который ведет атаку против Маркса разомкнутым строем, тов. Бухарин шаг за шагом отмечает все логические вывихи в его характеристике процесса капиталистического производства и воспроизводства, смешение им различных форм, которые в своем движении принимает капитал, и высмеивает нелепую постановку вопроса о «целях капиталистического производства». В краткой заметке мы, конечно, лишены возможности звено за звеном проводить всю блестящую и острую аргументацию, которую тов. Бухарин развивает в связи с рассуждениями Р. Л. Скажем только, что уже первоначальные замечания тов. Бухарина беспощадно разоблачают теоретическую непоследовательность Р. Л. и убедительно показывают, что, несмотря на внешнюю революционность этой позиции, выводы и перспективы, из нее вытекающие, ни в коем случае не являются революционными. Чтобы читателю сразу ясна стала основная ошибка учения Р. Л., остановимся на методических указаниях тов. Бухарина, так как они, действительно, вскрывают все уязвимые места люксембургианства.

Методологический корень ошибки Р. Л., метко замечает тов Бухарин, состоит в том, что он не видит в капиталистическом общественно-производственном организме «единства противоположностей». Апологеты не видят в нем лишь момент единства (94) «Апологетика, писал Маркс, состоит... в фальсификации простейших экономических отношений и специально в том, чтобы держаться за момент единства против момента противоположности» (Теория прибавочной ценности II—2, приведено у тов. Бухарина, 95). Ошибку апологетов, прибавляет тов. Бухарин, отлично видит Р. Л. Но есть и другая ошибка. Ибо нужно видеть не только противоположности, но и единство. В кризисах со стихийной силой это единство и утверждает себя, тогда как по Розе Люксембург это единство вообще невозможно. Другими словами, Р. Л. ищет в капитализме плоских, формально логических противоречий, которые не динамичны, не разрешаются, не являются элементами противоречивого единства, наголо отрицают это единство. В действительности же перед нами диалектические противоречия, которые суть противоречия целого, которые периодически разрешаются, постоянно воспроизводятся и только лишь на определенной ступени развития взрывают всю капиталистическую систему, как таковую, т. е. уничтожают вместе с самими собой и прежний тип «единства» (96, курсив тов. Бухарина). В этом методическом грехопадении—ахиллесова пята люксембургианства по всей линии его теоретических конструкций, а не только в проблеме кризисов, что как будто явствует из контекста. С другой стороны, непонимание противоречивого характера капиталистического целого, отрицание капиталистических противоречий есть теоретическая база русского апологета—Тугана. Несмотря на различие исходных пунктов, оба теоретика—и Роза Люксембург и Туган—приходят к конструированию нового противоречия у Маркса—противоречия между 2 и 3 т. «Капитала». На самом же деле, «критики» обнаруживают, что не усвоили Марксова метода в целом и его применения в «Капитале» в частности.

Маркс различает материально-технический процесс производства и социальную форму, которую этот процесс принимает. «Процесс труда..., пишет он, есть целесообразная деятельность для создания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, общее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он независим от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам» (Капитал 1 т., 160). Но, вместе с тем, Маркс указывает на двойственный характер процесса производства. «Двойственность производственного процесса, подчеркивает он, состоит в том, что, с одной стороны, он есть общественный процесс труда, имеющий целью изготовление продукта, с другой стороны—процесс самовозрастания капиталистической стоимости» (1 т., 320). Таким образом, Маркс видит в каждом экономическом явлении сложное взаимодействие, меж тем, как, обычно, экономисты фиксируют внимание на одной стороне явления, благодаря чему получают искаженное представление об экономическом процессе. Рекорд в этом отношении побил Туган. Смешение потребительной и меновой ценности, отождествление продажи и покупки, неправильное представление о связи между производством и потреблением вытекают из неумения русского экономиста различать между общественной формой и материальным содержанием и, с другой стороны, облегчают ему теоретическую возможность представить капиталистическое общество, как вполне гармонический строй. Специфически-историческая особенность капиталистической системы, как системы производства, выпячивается в первую очередь, чтобы затушевать действие внутри этой системы законов природы, которые существуют независимо от исторической формы, общественной организации, но проявление которых при капиталистическом способе производства осуществляется в противоречивой форме, разрешаясь от времени до времени в виде кризисов. Наличность в капиталистическом обществе конфликтов, антагонизмов и воспроизводство все расширяющихся противоречий не уничтожает того обстоятельства, что и буржуазный строй худо ли, хорошо ли служит, в конечном счете, для удовлетворения потребностей общественного целого, иначе общественная система не могла бы существовать.

Этого, в свою очередь, не замечает Р. Люксембург, которая в этом месте не удерживается на широком фундаменте Марксова метода. В противовес Тугану ее внимание сосредоточено на противоречии между производством и потребителем. Он видит только конфликт между ними, но не понимает связи, существующей при капитализме между производством и потребителем. Попытка Розы Люксембург призвать на помощь «третьих лиц» ни в коем случае не может служить разрешением поставленной ею «проблемы». Обмен с некапиталистической сферой, если даже он совершается на основе эквивалентности (на самом деле, всегда с выгодой в пользу капиталистической стороны), не устраняет затруднения. Ведь насколько видно из контекста «Накопления капи-

тала», главная трудность проблемы, с точки зрения самой Р. Л., не в размещении натуральных элементов общественного воспроизводства, а в дальнейшем употреблении ценностных величин. В этом случае, т.-е. при обмене с некапиталистической средой, вопрос о «карусели», выдвигаемый Р. Л., несмотря на всю свою никчемность, приобретает именно для нее особенную остроту, тем более, что правильно понятая система взглядов автора «Накопления капитала», как это доказывает тов. Бухарин, по существу предполагает не исчезновение некапиталистической сферы, а ее увековечение.

В связи с этим, между прочим, обнаруживается, что яркая историко-описательная часть «Накопления капитала», с одной стороны, и его теоретическая часть не совсем живут в ладу, как не в ладу революционный темперамент Р. Л. и ее теоретическая последовательность в этой книге. В самом деле, из теории Р. Л. ни в какой мере не вытекают насилия и гнет, которым подвергаются со стороны империалистов колониальные народы. Реализация в последнем случае должна еще более затрудняться, так как к накоплению капиталистическому присоединяется накопление от колониального грабежа. Сторонникам Р. Л., для спасения своей теории реализации, не остается ничего другого, как присоединиться к тем, что изображает колониальные захваты метод распространения капиталистической «цивилизации». Таков парадоксальный вывод из неправильно понятой теории накопления капитала. «Теория Р. Л., которая хочет быть ультра-революционной и которая дает действительно великолепное, рукою гениального мастера сделанное описание колониальной эксплоатации,—эта теория по существу дела, т.-е. в самом теоретическом ядре, смазывает и затушевывает капиталистическую деятельность» (107, курсив тов. Бухарина). Естественно, что такая теория оказывается несостоятельной, когда встает вопрос о вскрытии экономических корней империализма, как определенной фазы капитализма. Здесь-то и обнаруживается, что не Маркс абстрагировался от исторического процесса, как победоносно провозгласила Р. Л., а «совсем наоборот». Именно автор «Накопления капитала» впал в бесплотный универсализм со своей тощей теорией реализации, позабыв самое существенное,—что экспансия капитала тесно связана с реализацией сверхприбыли и что теперешняя экспансия капитала... расширенно воспроизводит новый исторический тип производственных отношений, а именно отношений финансового капитала. (120, курс. тов. Бухарина).

В последней главе тов. Бухарин показывает, что неправильная теория накопления связана у Р. Л. с неправильной теорией капиталистического крушения. Уже из предыдущего выяснилось, что последовательное применение теории реализации Р. Л. предполагает вполне добрососедские отношения между капиталистической и некапиталистической средой. Следовательно, вопрос о революции «принципиально» затушевывается. Наличность в современных мировых условиях миллионных кадров некапиталистической периферии, даже при условии революционной ситуации, отодвигает освобождение человечества до... «охлаждения солнца». Ясно, что эта картина списана не с нашей действительности. «Сейчас мы уже можем судить о процессе крушения капитализма не только на основе абстрактных построений и теоретических предвидений. Крах капитализма начался: октябрьская революция есть тому живое и самое убедительное доказательство» (131, курс. тов. Бухарина). Капиталистический мир накопил слишком много противоречий, которые с железной необходимостью ищут разрешения и не могут не проявиться в политических и экономических кризисах.

Мы далеко не исчерпали обильного теоретического материала, которым буквально насыщено произведение тов. Бухарина. Помимо глубокой критики теории Р. Люксембург, для чего привлечен свежий, мало использованный материал из Маркса, «побочным продуктом» этой работы является, кроме того, убийственная теоретическая характеристика своего рода curriculum vitae (биография) «научных» заслуг неудачного критика Маркса—Туган-Барановского. В своем резюме «теоретических деяний» профессора тов. Бухарин убедительно показывает, что в смысле апологетических устремлений и «научного» оправдания капитализма Туган, пожалуй, не уступит своим европейским собратьям, которым в последние годы приходилось по части марксоедства немало заимствовать у русского экономиста, хотя последний не всегда торговал чисто русским товаром.

В предисловии к своей книге тов. Бухарин рассказывает, между прочим, о «конспиративных» условиях, при каких она писалась. Недурная, однако вышла «нелегальщина», побольше таких. Вместе с тем, нельзя не отметить, что результатом, очевидно, этих условий явилась некоторая незаконченность и непропорциональность отдельных частей. Так, почти «тезисный» характер носят политические выводы автора, «тактические разногласия» намечены совсем бегло. Надо думать, что эти недостатки, вытекающие из спешности самой работы, будут устранены при последующих изданиях, которые, вероятно, не заставят себя долго ждать.

Л. Эвентов.

ОТ РЕДАКЦИИ: Статья тов. Слепкова „Не согласны!“ (в № 5—6 „Большевика“) шла в дискуссионном порядке.

Редакция: В. Астров, Н. Бухарин, Л. Каменев, А. Слепков, Е. Ярославский.

СОДЕРЖАНИЕ.

№ 9—10 № 9—10

1 июня

1 9 2 5

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 1 ИЮНЯ 9—10

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1 9 2 5
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
ПРАВДА

Главлит № 38473. Москва. Тираж 40.000.

Типогр. издат. «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. набер., д. 23а

Н. Бухарин.

О новой экономической политике и наших задачах [1]).

Среди рабочего класса и в нашей партии встречаются такие товарищи, которые настроены в отношении крестьянства цеховым образом: какое, мол, дело нам до деревни! Эту манеру рассуждений нужно оставить потому, что ничто сейчас так не вредно, как непонимание того, что наша промышленность зависит от крестьянского рынка.

Социалистическая промышленность зависит от количественных и качественных изменений в крестьянском спросе. Но что значит спрос со стороны крестьянского хозяйства? Спрос со стороны крестьянского хозяйства существует двоякий: спрос потребительский, т.-е. спрос на мануфактуру, ситец и т. д., и спрос производительный, т.-е. спрос на с.-х. орудия, на средства производства всякого рода.

От чего зависит потребительский спрос сельского хозяйства, т.-е. от чего зависит, скажем, количество мануфактуры, которое спрашивает крестьянство? Оно зависит от состояния и темпа развития крестьянского хозяйства.

Платежеспособный спрос крестьянства определяется, прежде всего, состоянием крестьянского хозяйства, его высотой, развитием производительных сил этого хозяйства. Этот спрос будет развиваться в меру того, как будет развиваться и спрос **производительный**, т.-е. постольку, поскольку крестьянство будет улучшать свое хозяйство, двигать его вперед, вводя все большее количество лучших орудий, повышая хозяйственную технику, методы обработки и т. д. и т. д. Отсюда совершенно ясна необходимость процесса **накопления** в крестьянском хозяйстве, чтобы не все проедалось и растрачивалось, а чтобы часть средств шла на покупку сельско-хозяйственных орудий и т. п.

У нас еще до сих пор сохранились известные остатки военно-коммунистических отношений, которые мешают нашему дальней-

---

[1]) Настоящая стать[illegible] вторую часть доклада, прочитанного 17 апреля на собрании а[illegible]изации.

шему росту. В связи с этим стоит тот факт, что зажиточная верхушка крестьянства и середняк, который стремится тоже стать зажиточным, *боятся сейчас накоплять*. Создается положение, при котором крестьянин боится поставить себе железную крышу, потому что опасается, что его об'явят кулаком; если он покупает машину, то так, чтобы коммунисты этого не увидели. Высшая техника становится конспиративной. Таким образом зажиточный крестьянин недоволен тем, что мы ему мешаем накоплять, нанимать работников; с другой стороны, деревенская беднота, которая страдает от перенаселения, в свою очередь, ворчит на нас иногда за то, что мы мешаем ей наниматься к этому самому крепкому крестьянину.

Излишняя боязнь наемного труда, боязнь накопления, боязнь прослойки капиталистического крестьянства и т. п. может привести нас к неправильной экономической стратегии в деревне. Мы излишне усердно наступаем на ногу зажиточному крестьянину. Но из-за этого середняк боится улучшать свое хозяйство, подвергаться сильному административному нажиму; а бедняк ворчит на то, что мы мешаем ему применять рабочую силу у богатого крестьянина и т. д.

Мы также ведем очень нажимистую политику в отношении мелкой буржуазии другого порядка—кустарей и ремесленников. Мы берем с них почти половину их продукции, в виде налогового обложения. Когда наша промышленность была слишком слаба, то существовала боязнь, что мелкий производитель подточит крупное социалистическое производство. Характерным моментом современного положения в деревне является то, что в деревне мы имеем массу крестьян, которые фактически нигде не работают, но есть должны; такое же избыточное перенаселение имеется среди кустарей, и вот это избыточное (скрытое и открытое) перенаселение страшно давит на город, усиливая безработицу. Совершенно естественно поэтому, что центр тяжести проблемы безработицы лежит не столько в городах, сколько в *аграрном* перенаселении.

Ничего смертельного в этих явлениях, конечно, сейчас нет, но это есть огромная гиря на наших ногах, которая мешает нам итти более быстрым темпом вперед. Мы пойдем более быстрым темпом вперед, если внесем целый ряд исправлений в ту систему экономических отношений, которые складываются под влиянием нашей политики.

У нас есть нэп в городе, у нас есть нэп в отношениях между городом и деревней, но у нас почти нет нэпа в самой деревне и в области кустарной промышленности.

Здесь еще в значительной мере процветает политика административного нажима, вместо [illegible]*венной* борьбы. Чем дальше, тем больше мы буд[illegible] представляет[illegible]ся в экономической

[illegible]ктива моск. орган

борьбе не уздой административного нажима, а нашей растущей хозяйственной мощью. Одно дело подойти к частному купцу и закрыть судебным порядком его лавку; другое дело,—если вы его вытесните в хозяйственной борьбе.

Настроение наших товарищей, работающих в деревне, которые воспитывались на системе военного коммунизма, таково, что они самой лучшей хозяйственной политикой считают именно *политику* снятия крыш за неуплату налога; если появился лавочник,—не выстраивай против него кооператив, не вытесняй в хозяйственной борьбе, а нажми на него, «припечатай» и т. д.

Такие способы и такая система были полезны, когда нужно было прямо хватать за горло и душить кулака, который шел против нас с пулеметом; сейчас же эти методы тормозят хозяйственное развитие. Нам необходимо теперь итти к тому, чтобы уничтожить целый ряд ограничений для зажиточного крестьянства, с одной стороны, и для батраков, которые продают свою рабочую силу, с другой стороны. А борьбу с кулацким хозяйством нужно вести *другими* путями, *другими* методами, на *других* дорожках; *новыми* методами надо ее вести, и вести энергично, чтобы в результате поворота не получилась, так сказать, ставка на кулака.

В общем и целом всему крестьянству, всем его слоям нужно сказать: обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство. Только идиоты могут говорить, что у нас *всегда* должна быть беднота; мы должны теперь вести такую политику, в результате которой у нас беднота исчезла бы.

Что получим мы в результате накопления в крестьянском хозяйстве? Накопление в сельском хозяйстве означает растущий спрос на продукцию нашей промышленности. В свою очередь, это вызовет могучий рост нашей промышленности, который окажет благотворное обратное воздействие нашей промышленности на сельское хозяйство.

Совершенно несомненно, что, ведя такую политику, мы должны проявить максимум осторожности. Внутри нашей партии есть такие теченьица, которые имеют несколько кулацкий уклон; люди совершенно правильно ставят проблему, когда говорят, что нужно развязать накопление даже и в зажиточном крестьянском хозяйстве; но они не видят другой стороны этой проблемы, а именно: как же, при таком положении вещей, компенсировать рост капиталистических элементов для нашего середняцкого крестьянства, бедняков и батрачества. Правильное разрешение проблемы должно быть мотивировано следующим образом: и *зажиточное хозяйство нужно развивать для того, чтобы помогать бедноте и середняку*. Как же это? Поясним это на примере нашей финансовой политики. Налоговые

поступления с мелкой буржуазии, со средней буржуазии и частного капитала возрастают. Получаемые таким образом средства мы распределяем на государственные нужды: на нужды нашей промышленности, на нужды нашего культурного строительства, на нужды нашего советского аппарата и т. д. Мы даем торговать частному капиталисту в известных пределах, беря с него путем налога известную часть экономических рессурсов, которые он получает, и эту часть мы даем на нужды социалистического строительства через наш государственный бюджет, через наш банковский кредит и через те каналы, которые имеются в многочисленных количествах в нашем распоряжении. Можно, конечно, запечатать лавку частного капиталиста и, запечатав эту лавку, самим не справляться с теми задачами, которые ложатся на нашу долю, и сказать: частному капиталу мы об'явили войну. Мы можем сказать, что не в состоянии пока все делать сами, поэтому допускаем частный капитал, снимаем с его прибыли сливки, даем их опять рабочему классу и крестьянству. Что правильней? Конечно, правильней второй путь. Правильней и потому, что мы усиливаем мощь экономики в целом. Это с классовой точки зрения правильней потому, что мы непосредственно получаем добавочные экономические ценности и от обложения буржуазии (и от роста всего народного хозяйства в целом) и обращаем их на наше дело.

Примерно так же обстоит дело и с зажиточным крестьянским хозяйством. Могут появиться чудаки, которые предложили бы об'явить крестьянской буржуазии «варфоломеевскую ночь», и они могли бы доказывать, что это вполне соответствует классовой линии и вполне осуществимо. Но одна беда: это было бы глупо в высшей степени. Нам этого совершенно не нужно делать. Мы бы от этого ровно ничего не выиграли, а проиграли бы очень многое. Мы предпочитаем разрешить буржуазному крестьянину развивать его хозяйство, но брать с него будем гораздо больше, чем берем с середняка. Получаемые от него средства мы будем давать в форме кредитования середняцким организациям или в какой-нибудь другой форме бедноте и батракам. Мы получаем от богатого крестьянина добавочные ценности, которыми мы действительно помогаем хозяйству массы бедного и среднего крестьянства, а не вколачиваем гвоздь в этого самого кулака, теряя экономически в этом случае сами; мы стремимся к тому, чтобы сумма нашего национального дохода возрасла; чтобы движение нашего хозяйственного оборота было быстрее и быстрее; и только тогда именно, при таких условиях, мы не на словах, а на деле, будем помогать середняцким, бедняцким и батрацким элементам. Кто не понимает этого смысла нашего положительного отношения к накоплению в деревне, а усваивает в этой политике только «развязывание кулака», тот страдает кулацким уклоном.

Из этого, конечно, не следует, что нам сейчас нужно скрывать, замазывать и бояться известного развития капиталистических отношений. Нам не нужно преодолевать их голым административным нажимом, а нужно использовать это положение для оказания хозяйственной помощи бедняцкому и середняцкому крестьянству. Кто этой проблемы не видит, тот имеет кулацкий уклон.

Есть еще другой уклон, который проскальзывает сейчас у нас в печати и который сводится к следующему:

Некоторые товарищи, давая правильную оценку кое-каким явлениям в деревне, делают такой вывод: кулака взять административным нажимом нельзя, нужно иметь такую перспективу, что в результате дифференциации у нас будут выделяться капиталисты и батраки; классовые отношения будут все более и более обостряться, и совершенно неизбежно дело дойдет до того, что мы должны будем произвести вторую революцию, т. е. насильственное экспроприирование кулака. Такая система взглядов имеет уже литературное выражение. Капитализм развивается, классовые противоречия капитализма в деревне обостряются, мы должны разжигать классовую войну в деревне и вести ее до тех пор, пока не обессилим и не экспроприируем кулака. Я считаю, что это теоретически неправильно, а практически бессмысленно. Если мы будем проповедывать в деревне накопление и одновременно пообещаем и устроим через два года вооруженное восстание, то накоплять будут бояться; это не верно теоретически, потому что рассуждающие так товарищи забывают одну небольшую мелочь, а именно: пролетарскую диктатуру.

Что характерно для пролетарской диктатуры? В таких условиях, о которых я здесь говорил, эта диктатура по своему назначению не сводится только к аппарату государственного принуждения. У нас диктатура пролетариата представляет из себя мощь комбинированной политической силы и экономическо-хозяйственной силы рабочего класса. У нас в число государственных органов входит и ВСНХ, у нас в государственный бюджет входит вся наша промышленность, все железные дороги, рудники и пр. Структура нашей государственной власти и под этим углом зрения отличается от структуры государственной власти буржуазного типа. Само собой разумеется, что те перемены, которые получаются во всем общественном целом после захвата власти рабочим классом, сводятся, помимо всего прочего, также к тому, что вообще сила государственной власти колоссально увеличилась, ибо к экономическому моменту присоединяется вся мощь государственной экономики, которая

вместе с государственной властью является на исторических весах гирькой немалого веса.

Поэтому важно не только то обстоятельство, что рабочий класс захватил власть. Важно и то, что увеличиваются возможности в смысле того прироста силы и энергии, который получается после завоевания рабочим классом государственной власти. Поэтому совершенно естественно, что факт рабочей диктатуры в числе прочих общественных факторов, в числе прочих сил, определяющих общественное развитие, представляет собой гигантскую величину.

Очень часто говорят: экономика определяет политику. Это верно, это марксистская истина; но имейте в виду, что в нашу политику уже входит в значительной части экономика, ибо в структуре нашей государственной власти уже заключаются важнейшие экономические факторы, в том числе и те командные высоты, о которых я говорил в первой части своего реферата. Этот факт кладет грань между развитием человеческого общества до пролетарской диктатуры и развитием человеческого общества после установления пролетарской диктатуры. В самом деле, возможно ли, что в деревне все идет так же и в том случае, если есть пролетарская диктатура с ее политическим и хозяйственным аппаратом, и в том случае, если ее нет? Конечно, невозможно.

Само собой разумеется, что факт пролетарской диктатуры неизбежно должен внести какие-то глубокие изменения. Какие? Если бы дело заключалось только в одной политической государственной оболочке, а все остальное оставалось бы таким же, как и при капиталистическом режиме, т.-е. если бы существовало такое положение, что пролетариат имеет государственную власть чисто политического типа, а промышленность находится в руках капиталистов, то ясно, что в деревне отношения складывались бы по прежнему типу. Разница была бы только та, что мы административно нажимали бы изо всей силы, но результатом этого нажима был бы неизбежный крах пролетарской диктатуры.

Если бы мы не экспроприировали крупный капитал, а только маневрировали бы в области чистой политики, то, безусловно, мы потерпели бы крах. Наша сила заключается не только в том, что мы имеем политическую власть. Наша сила заключается в том, что мы эту политическую власть во-время стали делать рычагом экономической перестройки, и сейчас наша судьба определяется уже таким соотношением сил, когда мы имеем за собой экономические командные высоты, представляющие собою составную часть нашего государственного аппарата.

И вот, товарищи, если это так (а это безусловно так), если пролетарская диктатура с ростом нашего хозяйства все больше и больше будет представлять собою руководящую хозяйственную силу, — то, само собой разумеется, из этого неизбежно вытекает, что в деревенское развитие вливается такой поток, который самым существенным образом изменяет это развитие по сравнению с предшествующим историческим периодом.

В этой связи перед нами выступает вопрос, который был поставлен с такой гениальной яркостью и с такой силой Лениным в «Страничках из дневника», в его статье «О кооперации», мимо которой мы не можем пройти, ибо это есть самое существенное, что было сказано о нашей политике в отношении крестьянства. Те дополнения к положениям Ленина, которые необходимо сделать теперь, благодаря накопившемуся опыту, ни на одну йоту не зачеркивают гениального стратегического плана, развернутого в этом втором варианте товарища Ленина.

Всем известно, что между нами и народниками велся очень крупный спор. Многие из русских народников, а также и иностранных, развили в своем роде довольно стройную теорию так называемого некапиталистического развития крестьянского хозяйства. Они создали теорию так называемой «некапиталистической» эволюции сельского хозяйства, при чем в народническом лагере было одно превалирующее течение, которое считало, что мелкое хозяйство в земледелии вообще выгоднее крупного, что машины в земледелии не могут быть так выгодны и т. п.; но было и течение, правда, очень маленькое, среди русских народников или полународников, которые соглашались с марксистами, что применение машин—это есть спасение для сельского хозяйства; которое считало, что крупное хозяйство гораздо лучше мелкого, выгоднее его, рациональнее, но которое утверждало, что в рамках капитализма сельское хозяйство крестьянина идет к крупному хозяйству совершенно особым путем—некапиталистическим, и в качестве этого пути оно выставляло как раз кооперацию.

Одним из довольно крупных русских теоретиков этого направления, которое признавало все преимущества крупного хозяйства, или почти все, — являлся Суханов, который в своей книге, произведшей в свое время большой шум, выставляет со своей стороны довольно стройную сеть аргументов. Марксисты правы,—говорил он,—когда утверждают, что крупное производство в сельском хозяйстве имеет преимущества перед мелким, но крестьянство идет к крупному производству совершенно особым путем: через кооперацию. Эта кооперация, кооперация трудовых крестьян, есть особое явление. Мало-по-малу она вырастает в большую силу, являющуюся базой для социализма. Марксисты-социал-демократы ошибаются,—утверждал Суханов,—что сельское хозяйство идет по линии капитализма. Наоборот, характерна его «декапитализация». Оно имеет свой

особый путь *не*-капиталистического развития. Этот путь есть кооперация.

Целый ряд теоретиков так называемого «аграрно-кооперативного социализма» в Западной Европе в разных вариантах развивали такую же концепцию, такую же систему взглядов. Это, конечно, совершенно неправильная система взглядов. Нужно прежде всего посмотреть, что нам дает в этом отношении интересного и поучительного капиталистический строй; как действительно обстоит там дело, каким образом буржуазия держит крестьянство в своем хозяйственном подчинении. Тут не нужно обольщаться. Мы видим, как в Западной Европе (речь идет не о колониях, а о таких странах как Франция, Германия и пр.) подавляющее большинство крестьянства идет за помещиками и буржуазией. В этих странах буржуазно-аграрные революции против крепостничества уже давно канули в прошлое. Но каким же образом буржуазия и помещики держат крестьянство полностью или почти полностью в своих руках?

Одним из важнейших средств, а сейчас важнейшим средством влияния на крестьянство является у буржуазии кооперация. Если мы берем такую страну, как Германия, страну, которая наиболее пострадала от войны, и где, следовательно, классовый антагонизм выражен наиболее резко, и попытаемся анализировать социальные отношения в деревне, то мы натолкнемся здесь на поразительные факты.

Самой крупной организацией, об'единяющей сельско-хозяйственное население, является Reichslandbund, который насчитывает больше 2.000.000 членов. Но характерна социальная структура этой организации; характерно, из каких слоев она состоит. Половина всего сельско-хозяйственного пролетариата Германии входит в этот союз, командующую верхушку которого составляют крупные помещики, графы, князья, бароны и т. д.; половина сел.-хоз. пролетариата в такой передовой стране, как Германия, входит в организацию, руководимую баронами, князьями, помещиками! Этот союз представляет собою колоссальной величины машину, которая имеет гигантский аппарат, при чем чиновниками его являются, главным образом, офицеры армии, имеющие свои организации, свои централизованные правления, которые опираются на целую громадную сеть кооперативов, которые имеют в своих руках целый ряд банков, сросшихся с индустрией.

Во Франции такое же положение: 7 крупных организаций, в которых крестьяне руководятся помещиками, и одна, маленькая,—наша, которая, по сути дела, представляет почти нуль по своей числовой величине. Крупные генералы, империалисты, стоят во главе ряда крупнейших кооперативных учреждений. В Америке недавно был гигантский сельско-хозяйственный кризис. В этой стране, благодаря сел.-хоз. кризису, обостренному высокими ценами на изделия промышленности, так наз. «ножницами», усиленно раздвигаемыми американскими трестами, разорилось около 30% фермеров. Банковики сумели целым рядом кредитных учреждений взять в свои руки фермерские кооперативные организации и целиком держать их в своих руках.

В Финляндии довольно мощная крестьянская кооперативная организация целиком находится в руках двух частных банков. Каким образом это достигается? Очень ловкой кредитной политикой, очень умной политикой регулирования отношений. Получилось так, что даже в том случае, если на-лицо были организации не эксплоататорского типа, а об'единения трудового крестьянства—они постепенно превращались в организации, руководимые помещиками и буржуазией, в конце концов влезавшие всеми своими частями в общий буржуазно-помещичий аппарат. В рамках капиталистического режима иначе и быть не может.

Возьмем, к примеру, кредитную кооперацию. Кредитная кооперация, поскольку она работает и развивается, должна иметь какие-нибудь сношения с другими институтами, банками в первую очередь, ибо у нее откладывается лишний капитал, который она не может пустить непосредственно в оборот. Хочет ли кооперация п о м е с т и т ь на время за проценты свой капитал, желает ли она и м е т ь к р е д и т прямо или косвенно, она вынуждена обращаться к б у р ж у а з н о м у банку, т. к. другого в капиталистических странах нет.

Если банк дает кредит целому ряду кооперативных организаций, он, конечно, заинтересован в их процветании; они, в свою очередь, заинтересованы в том, чтобы об'единиться друг с другом и так постепенно они втягиваются в капиталистическую финансовую систему.

То же самое происходит со сбыто-закупочной и другими видами кооперации в условиях господства капитала.

Если помещики и буржуа могли в условиях капиталистического господства путем умной политики построить союз с крестьянами против рабочих и добиться таких отношений, когда с бароном, князем и графом сотрудничает половина сельско-хозяйственного пролетариата, то мы будем круглыми дураками, если не сумеем установить союз с крестьянством, к которому мы стоим неизмеримо ближе, чем бароны. И если крестьянин вползал через кооперативные организации в систему промышленного и банковского капитала, то при нашей диктатуре, при соотношениях нашей государственной власти с сельско-хозяйственными учреждениями, в условиях национализации земли, чего нет ни в одной стране мира, он может постепенно врастать в систему социалистических отношений ч е р е з к о о п е р а ц и ю.

Однако, надо себе представлять, что это движение крестьянства к социализму будет протекать в противоречивых формах. В этой области мы пережили ряд иллюзий, мешавших правильной политической работе. Кое-что от этих иллюзий осталось еще и теперь.

Многие товарищи и посейчас склонны по военно-коммунистическому переоценивать роль коллективных производственных об'единений в деле приобщения крестьянства к социализму. Что мы должны всячески пропагандировать среди крестьянства об'единения в коллективные хозяйства, это—верно, но неверно, когда утверждают, что это есть столбовая дорога для продвижения массы крестьянства по пути социализма. Как же мы должны втягивать в нашу социалистическую организацию крестьянство? Только путем хозяйственного заинтересовывания крестьянства. Кооперация должна привлекать крестьянина тем, что она дает ему непосредственные выгоды. Если это кооперация кредитная, то он должен получать дешевый кредит; если это кооперация по сбыту, то он должен более выгодно продавать свой продукт и быть от этого в выигрыше. Если он хочет закупить что-нибудь, то он должен это делать через свою кооперацию, он должен получать через кооперацию более добротный и более дешевый товар и таким путем строить кооперацию дальше.

Таким образом, мы заинтересовываем его, как мелкого собственника, как мелкого хозяйчика. Это ни капли не страшно, потому что, в конце концов, на этом самом своем хозяйственном росте крестьянин будет продвигаться по пути превращения самого себя и своего хозяйства в частицу нашей общегосударственной социалистической системы, так же, как в капиталистическом режиме он врастает в систему капиталистических отношений. Предположим, мы имеем дело со сберегательными кассами и какой-нибудь кредитной кооперацией. Предположим, перед нами зажиточный крестьянин, имеющий лишнюю деньгу, желающий накоплять. Куда он вносит эти деньги?—В сберегательную кассу, связанную с нашими государственными банками. Крестьянин заинтересован, таким образом, в прочности нашего банка, в прочности нашего государственного режима. Заинтересован очень прочно. А если этот банк дает ему через его кредитную организацию более дешевый кредит, чем бывало при царе, то заинтересованность растет все больше. Берем пример наименее для нас выгодный. Кулак, который эксплоатирует своих батраков, накопляет, получает прибавочную ценность, вносит вклады. Куда он вносит вклады? В конечном счете, в наши банки. Получаем ли мы в этом случае какую-нибудь пользу? Получаем, потому что тем самым имеем добавочные рессурсы, рост которых дает нам возможность кредитовать середняцкую кооперацию и тянуть всю массу крестьянства к хозяйственному под'ему. Вклад кулака мы используем для того, чтобы поддержать другие слои крестьянства.

Мы привели пример кредитной кооперации, но то же самое происходит и с закупочно-сбытовой кооперацией. Здесь тоже налицо связь ее с банками пролетарского государства, регулирующая роль последних, накопление в этих банках, в особенности, в условиях растущего экспорта.

Таким образом, крестьянская кооперация будет срастаться с экономическими организациями пролетарской диктатуры, будет постепенно вдвигаться в систему социалистических тношений. Совершенно не нужно смущаться тем, что дело начинается не с производства, а с обращения. Логика вещей обязательно приведет к тому, что вслед за кооперированием в области обращения неизбежно будет итти разными путями и кооперирование производственное.

Само сельское хозяйство неизбежно будет индустриализироваться. Так, наша маслобойная кооперация связана с маслобойными заводами или наша кооперация, охватывающая районы с производством картофеля, связывается со всевозможными заводами, занимающимися переработкой этого картофеля. Кооперативные об'единения начинают иметь и будут иметь заводы по выделке консервов, по сушке овощей, маринованию и т. д.

Снабжение тракторами и расширение электрификационной сети дадут возможность перейти от кооперирования в процессе обращения к процессу производства. Гладко ли будет протекать этот процесс? Нет, не просто и не гладко, потому что развитие будет итти в противоречивых формах. Крестьянство у нас неоднородно. Классовая борьба в деревне сразу не отомрет. Этого никто не будет отрицать, думать это было бы бессмысленной маниловщиной. Наоборот, в ближайшее время она будет расти. Но делать из этого выводы о «второй» революции нелепо и неправильно.

Ясное дело, что в некоторых кооперативных об'единениях будут преобладать бедняки, в других—середняки, в третьих—кулаки. Совершенно естественно, что в колхозах будет прежде всего бедняк, что в кредитной кооперации в целом ряде пунктов будет брать верх в первое время кулак, что мы будем с ним на выборах правлений вести ожесточенную борьбу. Это все верно, но если мы будем вести правильную политику, то нам не придется проделывать снова революции. Наша политика должна заключаться в том, чтобы из всех предстоящих выгод положения, от ускоренного хозяйственного оборота, роста национального дохода, который получается от общего роста товарооборота, от роста госхозяйства и частного хозяйства,—мы могли получить средства для помощи массе среднего и бедного крестьянства.

Можно ли и нужно ли сейчас проповедывать обострение классовой борьбы в деревне? Нет, у нас сейчас другое положение. Мы должны действовать хозяйственными путями, чтобы путем хозяйственных мероприятий, в первую очередь через кооперацию, двигать вперед основную массу крестьянского населения.

В заключение мы считаем необходимым сказать несколько слов об этом вопросе в связи с теорией классов.

Классом крестьянство в собственном смысле слова является лишь в феодальном обществе, и притом там оно является основным классом. В капиталистическом обществе крестьянство не класс в собственном смысле этого слова, потому что оно разлагается и выделяет сел.-хоз. буржуазию и сел.-хоз. пролетариат. Но капиталистическое общество сохраняет в себе еще значительное количество феодальных элементов. Чем больше феодальных пережитков в обществе, тем более крестьянство является классом. Вот почему в октябрьскую революцию мы шли вместе со всем крестьянством вплоть до кулаков. Это было потому, что у нас страшно сильны были остатки не только капитализма, но и феодализма. Поскольку у нас были сильные феодальные отношения, крестьянство было классом как целое. Поскольку у нас был развит капитализм, постольку крестьянство не было классом.

Поскольку у нас в момент свержения капитализма капиталистические отношения в деревне не были развиты,—постольку оставалась большая серединка этого крестьянства—крестьянин середняк. А поскольку мы произвели уравнительную дележку, этот середняк вырос в большую силу.

Поскольку мы будем хозяйственно расти и через кооперацию, налоговую систему и проч. уже не на основе грабительской дележки, выражаясь вульгарно, а на основе хозяйственного под'ема, поскольку середняка и бедняка мы будем хозяйственно поднимать,—постольку мы все больше будем приближаться к тому, что уровень жизни середняка и бедняка будет приближаться к уровню более зажиточного хозяйства; а затем на основе этого под'ема мы достигнем еще более высокой ступени, когда крестьянство будет исчезать и по отношению к пролетариату, как особый класс.

Вот что нужно иметь в виду, как определенную перспективу, которая еще очень далека, но уже стоит перед нами.

У нас—рабочая диктатура, но эта рабочая диктатура имеет союзника в лице крестьянства и чем больше она хозяйственно и культурно помогает крестьянству, тем больше крестьянство будет втягиваться в нашу общую систему через кооперативные организации, тем больше крестьянство будет приобщаться к общей культуре, тем больше будет стираться разница между пролетариатом и крестьянством. Мы вообще идем к тому состоянию, когда деление между рабочими и крестьянами превратится в деление на передовой слой трудящихся и его отсталые слои.

Сейчас этого еще нет, но основная роль рабочего по отношению к крестьянству заключается в функции руководства.

У нас диктатура рабочего класса, но отношение диктатуры рабочего класса к буржуазии это одно, а отношение ее к мелкой городской буржуазии—другое, а отношение к крестьянству это—третье. Это нужно помнить. С крестьянством наша диктатура находится в союзе, она должна руководить крестьянством в борьбе за бесклассовое коммунистическое общество.

И. Литвинов.

Некоторые заметки о союзе пролетариата с крестьянством.

(*К проблеме „Ленинизм и марксизм"*).

Маленькое введение.

Марксисты считают наиболее революционным классом общества—пролетариат. Это учение позаимствовали у марксистов и реакционеры. Многие реакционные партии с ужасом смотрели на рост пролетариата и старались принимать всякие меры, чтобы задержать этот рост. Бюлов—бывший канцлер Германской империи при Вильгельме—выразил когда-то надежду, что антиколлективистический череп крестьянина убьет социализм пролетария. В Англии консерваторы принимали всякие меры для увеличения числа крестьян. То же было до войны в Германии. Но действительность как будто обманула все наши надежды и доказала беспочвенность страхов реакционеров. Пролетариат—самый революционный класс общества, но все-таки трудно назвать такую страну Европы, где социальный строй (капитализм) был бы так устойчив, как в той стране, где пролетариат составляет наиболее значительную часть населения, т.-е. Англии.

Правда, на это могут быть многие возражения. Главное из них следующее: Англия владеет колониями; ее пролетариат поэтому наиболее обеспеченный в Европе. Этим до известной степени об'ясняется и его слабая революционность. Но уже это одно возражение как будто говорит за то, что наше утверждение о революционности пролетариата не всегда верно, что оно как будто нуждается в весьма сильной поправке.

Вторая после Англии страна с наибольшим процентом пролетариата—Бельгия. И все-таки кажется, что не будет грехом против истины, если мы социальный строй Бельгии будем считать наиболее устойчивым после Англии. Опять скажут—бельгийский пролетариат тоже получает крохи со стола буржуазии. Бельгия особенно много колоний не имеет. Конго ей особенно значительных доходов пока не доставляет, но бельгийская буржуазия имеет (во всяком случае имела до войны) сравнительно много капиталов за границей. С этих капиталов она получала проценты. Бельгийская буржуазия была богата и поэтому тоже была в состоянии делиться крохами со своего стола с рабочим классом.

Что означают все эти возражения? Они означают вот что. Богатая буржуазия подкупает пролетариат, или точнее некоторые слои пролетариата, частью своих доходов. Следовательно, в

стране с богатой буржуазией пролетариат не особенно революционен. Но спрашивается, может ли где-нибудь **при нормальном ходе вещей** большинство или даже только значительная часть населения превратиться в промышленный пролетариат без того, чтобы буржуазия разбогатела? Ведь для развития промышленности необходимо чрезвычайное накопление богатств. Промышленность—не земледелие. В промышленности постоянный капитал, в особенности основной, составляет значительную часть всего капитала. С развитием промышленности органический состав капитала повышается. Промышленность требует много богатств. Нельзя указать в довоенной истории ни на один пример, где пролетариат какой-нибудь страны составлял бы 30—40% населения, а буржуазия этой страны была бы бедна. Если же это так, то это значит, что там, где пролетариат составляет половину, или еще бо́льшую часть, населения, там он не особенно революционен, там ему есть что терять (крохи со стола буржуазии).

Первая пролетарская революция в мире произошла в крестьянской России, где промышленный пролетариат составлял не больше 8—10% всего населения. Тому было много причин. Но все-таки, как бы то ни было, нельзя упустить из виду след. обстоятельства. В России революция возникла во время войны. Россия тогда не только не была покинута своими союзниками, Соединенные Штаты как раз тогда начали войну. Дела на русском фронте были не плохи. Последние военные поражения были нанесены России в 1915 году. 1916 год и начало 1917 года были годами сравнительно благополучными для русского фронта. Значительная часть Галиции была отвоевана обратно. В Азиатской Турции Россия разгромила турок и заняла всю Армению. А революция все-таки произошла и завершилась диктатурой пролетариата.

Совсем другую картину мы видим в Германии. Германия, в которой пролетариат составляет большинство населения, потерпела на войне небывалый крах. Мировая история до сих пор не знает примера подобного поражения. В результате одной проигранной войны, Германия низвергнута была с вершин славы в бездну нужды, разрухи и национального унижения; лишилась всех своих колоний, многих цветущих областей самой Германии, всего своего флота; самые промышленные ее области оккупированы чужестранцами, средние слои населения разорены, валюта (старая) обесценена хуже советского рубля, кучка спекулянтов захватила все богатства страны, пролетариат эксплоатируется, как нигде в Западной Европе. Фактически Германия лишилась даже своей самостоятельности. Худшего банкротства господствующего класса и господствующей системы нельзя себе и представить даже мысленно. А пролетарской революции... нет.

Не только особой революционности нет пока у большинства пролетариата германского, но есть пассивность и склонность к компромиссам, если при всех подобных потрясениях нет победоносной пролетарской революции...

Самый неустойчивый социальный строй сейчас на Балканах и в Италии. То-есть в странах, где крестьянство составляет большинство населения, где пролетариат молод, немногочисленен, но зато энергичен и где на-ряду с пролетарским движением имеется и революционное крестьянское движение. В Англии—самый устойчивый капиталистический строй в Европе; в Бол-

гарии—самый неустойчивый. В России—советская власть; в Германии—капитализм и демократический (т.-е. буржуазно-спекулянтский) парламентаризм...

Все эти факты требуют своего об'яснения и об'яснения марксистского. Не станем же мы повторять лепет некоторых нео-народников и реакционеров о мещанстве пролетариата и бунтарском характере крестьянства.

Пролетариат в индустриализуемых аграрных странах.

Маркс писал свой «Капитал» в 60-х годах XIX столетия. В его «Капитале» мужик как бы совсем отсутствует. В письмах и других произведениях Маркса имеются указания на возможную революционную роль крестьянства, но в его главной схеме, в «Капитале», революционного крестьянина[1]) (если не считать ирландца) нет. Сейчас мы живем в 3 десятке XX века. Главные законы марксизма себя прекрасно оправдали. Ленин в одном месте в «Империализме» замечает, что то опровержение марксизма, которое не может опровергать основы этого учения—как, например, концентрацию и централизацию капитала—не есть опровержение. Некоторые законы марксизма стали более ясными. Другие—более точными. Как же обстоит дело с революционностью пролетариата—этого могильщика капитализма по Марксу?

Прежде, чем ответить на предыдущие вопросы, мы должны отдать себе отчет в пролетариате времен Маркса. Кто знаком с историей 30-тилетнего периода рабочего движения в Западной Европе, начиная с сороковых и кончая шестидесятыми годами прошлого века, тот не может не согласиться с тем, что это был крайне революционный период в пролетарском движении Запада. В сороковых годах в Англии был чартизм—единственное до сих пор настоящее пролетарское революционное движение Англии; в Германии среди пролетариата тогда господствовал коммунизм. Страх германских капиталистов перед коммунизмом своих рабочих превосходил всякие пределы. Во Франции тогда работал Бланки. В 40-х годах Маркс и Энгельс с полным правом писали о призраке коммунизма, который бродит по Европе. В июньские дни 1848 года парижский пролетариат на баррикадах боролся за свои права. В 60-х годах возник Первый Интернационал. Во время франко-прусской войны социалисты и в Германии и во Франции не изменили Интернационалу. Закончился этот революционный период славной Парижской Коммуной и распадом I Интернационала.

В этот период 1830—1871 г.г. пролетариат Запада действительно был наиболее революционным классом общества. Ему терять было нечего, кроме своих цепей. Потом времена как будто изменились. Пролетариат первого периода повсюду составлял (в начале этого периода отчасти даже в Англии) меньшинство населения. Он тонул в море мелких товаропроизводителей. Крестьяне и ремесленники были гораздо многочисленнее пролетариата. Пролетариат тогда даже в Англии не порвал еще окончательно с землей, и еще чартисты выдвигали, среди остальных своих требований, и требования аграрного характера.

Но крестьянство тогда было весьма реакционно по существу. Оно было весьма отсталое, всецело находилось под влиянием духовенства, и о союзе между пролетариатом и крестьянством и мечтать нельзя было. Один класс—молодой, немногочисленный, но все растущий, энергичный, недовольный, но все свои надежды возлагающий на будущее; другой—старый, темный, неподвижный, многочисленный еще, но уже быстро тающий и как будто осужденный на полное исчезновение, тоже недовольный, но все свои взоры направляющий на прошлое. Между этими двумя классами тогда не могло быть никакого союза, немыслим был никакой блок. Времена крестьянских войн, казалось тогда, канули в вечность.

Положение пролетариата во всех тех странах, где он весьма революционен и сейчас во многом, если не во всем, напоминает положение рабочего класса 30—40-х, 50-х и 60-х г.г. в Западной Европе. Таково было положение пролетариата в России до 1917 года. Таково оно сейчас в Италии, на Балканах и отчасти на Востоке. Крестьянство составляет во всех этих странах большинство населения. Оно разлагается и выделяет пролетариат. Пролетариат молод, энергичен, буен. С ним нередко идет в ногу и крестьянство, передовая часть крестьянства. Это—потому, что изменилось все общество, изменился капитализм, изменилось и крестьянство. Империализм революционизирует и этот наиболее косный, как будто, класс населения.

В химии мы знаем такие примеры. Водород один не взрывает. Кислород один тоже не опасен. Смесь водорода с кислородом образует гремучий газ. В обществе получается как будто подобная картина. Там, где население состоит из одних крестьян, оно неспособно на решительные революционные действия: там, где оно преимущественно состоит из рабочих, оно при нормальных условиях также не особенно революционно. Смесь же крестьянства с рабочим классом образует революционную массу. Когда крестьянство разлагается и выплевывает безработных в города, когда рабочий класс молод и не порвал еще всех связей с землею, тогда ситуация наиболее революционна, тогда она наиболее опасна для существующего капиталистического строя. Такова как будто действительность.

Можно ли, однако, об'яснить эти факты? Нам кажется, что да. Уже давно при изучении положения рабочего класса в царской России пишущему эти строки приходилось наталкиваться на то печальное явление, что во многих отраслях промышленности заработная плата была так низка, что рабочие вынуждены были вести холостой образ жизни. Это явление как будто противоречит закону трудовой стоимости. Ведь согласно этого закона рабочая сила должна оплачиваться так, чтобы рабочий мог обзавестись семьей. Однако, после некоторых размышлений, автор пришел к выводу, что в России тогда этот закон как бы не действовал. Рабочая сила должна была продаваться ниже стоимости. Капиталисту нечего было заботиться о потомстве рабочих. Новая рабочая сила доставлялась деревней. Разлагающееся крестьянство забрасывало рынок труда выходцами из деревень. Эти безработные давили на заработную плату и понижали ее нередко даже ниже жизненного минимума для холостых рабочих. Это

---

[1]) Речь идет исключительно о революционной роли крестьянина, мелкого самостоятельного товаропроизводителя, в пролетарском перевороте и при строительстве социализма. Сельское хозяйство же занимает большое место в «Капитале» Маркса, особенно в III томе. Именно Маркс, а не кто-нибудь другой, раскрыл законы развития сельского хозяйства и тенденции процессов, происходящих при внедрении капитализма в сельское хозяйство.

явление повторяется во всех капиталистических странах на заре их капиталистического развития. Так, в Англии подобные условия труда рисует Энгельс в своей книге «Положение рабочего класса в Англии», относящейся к сороковым годам прошлого века. Такие же страшные условия жизни рабочих существовали и в Германии и Франции в 40-х и 50-х, частично еще в 60-х и даже в 70-х г.г. прошлого века. Их рисует, между прочим, и Гауптман в своих «Ткачах». Этими обстоятельствами были вызваны постоянные восстания пролетариата во Франции в 30-х и 40-х г.г. прошлого века. Причина повсюду одна и та же. На заре капиталистического развития, рабочий для капиталиста является приблизительно тем, чем был негр—раб—для плантаторов фермеров юга С. Штатов Северной Америки. Вся задача капиталиста сводится к тому, чтобы поскорее и побольше извлекать из рабочего прибавочной стоимости. Пониже заработная плата, подольше рабочее время—таков лозунг капиталистов. Умрет рабочий, что за беда—его место займет десяток других, вытолкнутых из деревень. Для чего капиталисту заботиться о размножении рабочего класса и оплачивать это размножение, когда, без всяких расходов на то со стороны капиталиста, размножается крестьянство. Для чего капиталисту заботиться о рабочих подростках, об охране материнства и младенчества пролетариата? Жалеть рабочего нечего. Он еще не усвоил навыков труда. Он еще не квалифицировался. Место рабочего может занять любой парень из деревни. В этот период раннего капитализма рабочему классу терять, действительно, нечего, кроме своих цепей. В этот период пролетариат действительно—непримиримый враг существующего капиталистического строя.

В этой экономической особенности положения рабочего класса и оплаты труда на заре капиталистического развития кроется первая и наиболее важная причина революционности молодого пролетариата. Но есть еще одна причина. О ней говорит Маркс в своей главе о первоначальном накоплении. Эта причина—психологическая.

Никто не настроен так революционно, никто так не недоволен существующим строем и господуствующими порядками, как обездоленный, мелкий товаропроизводитель, потерявший свою самостоятельность и вынужденный продавать свою рабочую силу. Маркс говорит по этому поводу, что то, что современному рабочему Англии, кажется, вполне законным и естественным, это их предкам—обезземеленным крестьянам—казалось чудовищным преступлением; лишь виселицами, батогами и суровыми законами о бродягах и бедных английским пролетариям вколачивали в головы естественность и нормальность состояния пролетариата. Таким образом, по этим двум причинам переходный период, эпоха разложения крестьянства, эпоха первоначального накопления—это наиболее болезненный и опасный для капитализма и революционный для пролетариата период. Особенно опасен этот период для капитализма, если он совпадает с сильно развитым капитализмом в других странах.

И одной из причин Октябрьской революции в России является то обстоятельство, что методы первоначального накопления (столыпинское законодательство о хуторном крестьянстве, переселенческом движении и выходе из общины) применялись в этой стране в эпоху уже весьма развитого капитализма и даже империализма во всем мире. Крестьянство в России разлагалось тогда, когда в городах уже существовали новейшие фабрики, мощные паровые и электрические двигатели и господствовал финансовый капитал.

В этом кроется также одна из причин страстного стремления капиталов развитых промышленных стран к эмиграции в молодые индустриализуемые аграрные страны. Одной из причин этой эмиграции являются весьма выгодные для капиталистов условия эксплоатации рабочей силы в молодых капиталистических странах с разлагающимся крестьянством. В этих странах капиталист еле оплачивает прожиточный минимум самого рабочего. О его семье, о потомстве рабочего, о воспроизводстве рабочей силы путем естественного размножения пролетариата капиталист не заботится и заботиться не должен. Новая рабочая сила воспроизводится крестьянством в деревнях, без всяких расходов и трат на то со стороны капиталистов-предпринимателей. И в этом кроется одна из причин, почему капитал в Англии приносит в среднем от 7% до 10% дохода, а английские капиталы в Индии—30%, 40%, нередко даже больше.

Положение пролетариата в капиталистических странах в эпоху органического развития капитализма.

Когда крестьянство исчезает, как в Англии, или когда оно более или менее стабилизуется, как в Германии и отчасти и во Франции до войны[1]), и выходцы из деревень перестают затоплять рынок труда—лишь тогда вступает в силу закон трудовой стоимости относительно оплаты покупаемой рабочей силы. Тогда капиталист начинает быть заинтересованным в сохранении рабочей силы рабочего класса. Капиталистический строй начинает заботиться о воспроизводстве существующим рабочим классом рабочей силы, и заработная плата повышается.

Тогда на некоторое время наступает как бы некоторая солидарность интересов между некоторыми слоями рабочего класса и капиталистами. Появляется потомственный, городской промышленный пролетариат. Он квалифицируется, развивается, приспособляется все больше к машине. Производительность труда пролетариата растет[2]). Капиталисты все более становятся заинтересованными в сохранении этого рабочего класса. Они даже начинают делиться с ним крохами со своего стола.

Если согласимся со всем этим, тогда перед нами в совершенно новом свете встанут причины социального законодательства в капиталистических странах.

На социальное законодательство в капиталистических странах буржуазные ученые и соглашатели указывают с особым смаком. Ссылаясь на это законодательство, они доказывают возможность для рабочего добиться своих прав и при господстве капи-

[1]) После войны разложение крестьянства и во Франции и в Германии идет довольно быстрым темпом.

[2]) Накануне войны Англия занимала первое место в Европе по производительности труда своих рабочих. Россия занимала одно из последних мест. Еще ниже стояли балканские страны.

тализма, возможность эволюционного развития общества и даже мирного врастания в социализм. На самом же деле почти не подлежит сомнению, что пролетариат при капиталистическом строе в общем не в силах заставить капиталистов отказаться от своих эксплоататорских интересов. Когда буржуазии это необходимо, она не только не боится заставлять рабочих работать десять и больше часов в сутки,—она не отказывается и от того, чтобы посылать в ад кромешный миллионы и десятки миллионов людей на изуродование и смерть. Если буржуазии была невыгодна охрана труда—она бы мобилизовала всех своих лизоблюдов: попов и журналистов, ученых и политиков, учителей и полицейских, офицеров и сыщиков, кооператоров и соглашательских профработников, докторов и философов; и все они доказывали бы, что охрана труда вредна для легких и для кармана, для пролетариев и для капиталистов, для человеческого рода и для Северного полюса, для души и для рая, для крыльев ангелов и для девственности святой богородицы. И все это доказывалось бы цитатами из Библии и Евангелия, из Апокалипсиса и Корана, из Спинозы и Мальтуса, из Дарвина и Гете, из Канта и Ньютона; изречениями римского папы и турецкого султана, Далай-Ламы и Хутухты, Жанны д'Арк и Екатерины Медичи. И буржуазия настояла бы на своем.

Что же мы видим на самом деле? Совсем обратную картину. *В Англии охрана труда вводится консерваторами и либералами, в Германии прусскими юнкерами и Бисмарком. Капиталисты сами ее вводят. Конечно, не из-за христианского человеколюбия, а главным образом потому, что этого отчасти требуют их—капиталистов—интересы* [1].

Охрана труда становится необходимой тогда, когда положение крестьянства достигает известной стабилизации; деревня перестает затоплять города своими выходцами. Охрана существующего рабочего класса требуется тогда уже и во имя интересов предпринимателей. Нельзя больше так беспощадно пускать в расход силы рабочего класса. Тогда начинается расцвет социального законодательства. *И чем дольше продолжается этот исторический процесс, чем больше стабилизуется или исчезает крестьянство, чем больше звание «пролетарий» становится потомственным, чем больше трудовых навыков накопляется в пролетариате, тем больше заинтересованной становится буржуазия в охране существующего рабо-*

[1] Из этого, конечно, отнюдь не следует, что рабочие в капиталистических странах не должны бороться за развитие социального законодательства. Наоборот, от паршивой собаки хоть шерсти клок. Маркс считал великой победой рабочего класса в Англии установление более короткого рабочего дня.

Речь идет исключительно о том, что, несмотря на социальное законодательство, природа буржуазии и капиталистического общества отнюдь не меняется. Социальное законодательство в капиталистическом обществе вводится буржуазией, когда это ей выгодно или, во всяком случае, не очень вредит ее интересам. При ухудшающейся обстановке буржуазия в первую очередь отменяет почти все законы об охране труда. Настоящее развитие прочного социального законодательства возможно лишь при диктатуре пролетариата. Надежда через социальное законодательство при капитализме притти к социализму эволюционным путем—вреднейшая и глупейшая утопия.

чего класса и в его воспроизводстве, даже расширенном воспроизводстве.

В то же время буржуазия развитых капиталистических стран приступает к экспорту капиталов в малоразвитые страны. Экспортом капиталов капиталисты передовых стран превращают в своих данников рабочих и крестьян отсталых стран. Крохами от громадных процентов с этих капиталов капиталисты делятся и со своими рабочими.

Таким образом, наступает такое состояние, когда буржуазия заинтересована в охране и воспроизводстве пролетариата; пролетариат же, в свою очередь, становится как бы заинтересованным в грабеже колониальных и полуколониальных стран, в получении процентов с экспортируемых капиталов. Такой пролетариат проникается мелкобуржуазно-соглашательскими тенденциями [1].

Из этого отнюдь не следует, что **постоянным** интересам пролетариата богатых империалистских стран противоречит социалистическая революция в этих странах, или революция в колониях. Речь идет исключительно о временных интересах пролетариата этих стран. Постоянные же классовые интересы пролетариата всегда и при всех обстоятельствах (в эпоху империализма) требуют социализма социалистической революции и союза с крестьянством и колониальными народами.

Сознательность каждого класса, между прочим, определяется и его умением жертвовать временными своими интересами ради постоянных.

К временным интересам рабочего класса относятся и цеховые интересы разных его частей.

Крохи со стола буржуазии затемняют сознание пролетариата, так как обостряют противоречия между временными и постоянными интересами рабочего класса.

Защищать свои постоянные интересы пролетариат лучше всего научается в процессе социалистической революции, так как господствовать прочно и долго может только класс, умеющий жертвовать временными своими интересами ради постоянных. В этом—весь секрет и все искусство управления. Поэтому ничто так не содействует росту и прояснению классового самосознания пролетариата, как непосредственное участие в социалистической революции.

В жертвовании постоянными интересами рабочего класса ради временных его интересов—«продажа первородства за чечевичную похлебку»—на-ряду со сплошным предательством всех и всяких интересов пролетариата один из главных признаков оппортунистической тактики. Наоборот, в **умелом** жертвовании временными интересами пролетариата ради постоянных классовых его интересов и в правильном сочетании защиты тех и других интересов—в этом суть большевизма.

В СССР постоянные интересы пролетариата требуют извест-

[1] «Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что кажется, что дело идет к тому, что самая буржуазная из всех наций будет в конце концов иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат на-ряду с буржуазией. У нации, эксплоатирующей весь мир, это до известной степени можно допустить».—Энгельс в письме к Марксу от 7 октября 1858 г.

ных уступок, и экономических и политических, с его стороны ради сохранения и укрепления союза с крестьянством (снижение цен на продукты промышленности, оживление сельских советов и т. д.), без чего немыслимо строительство социализма.

Позиция некоторых «архи-левых» (ох, ты мое горе!), выступающих во имя «стопроцентных» «пролетарских» интересов против уступок крестьянству (напр., против кампании за повышение производительности труда и т. д.), есть на самом деле меньшевизм наизнанку, меньшевизм в условиях диктатуры пролетариата.

Иммиграция рабочей силы [1]).

На заработную плату и вообще на положение рабочего класса влияют не только выходцы из деревень собственной страны, но и иммиграция. Иммиграция, т.-е. приток рабочей силы извне, из-за пределов данного государства, понижает заработную плату всего пролетариата, так как она также в значительной степени освобождает класс капиталистов от забот и расходов по воспроизводству рабочей силы. Поэтому соглашательские рабочие организации высоко-развитых капиталистических стран, борющиеся не за социализм, а за крохи со стола буржуазии, обыкновенно настроены весьма враждебно к иммиграции и требуют ее ограничения или даже полного воспрещения.

Однако относительно иммиграции следует сказать следующее. Иммиграция не в силах в такой сильной степени влиять на уровень заработной платы, как выходцы из деревень своего собственного государства. Причины следующие:

Когда страна становится способной к поглощению промышленной иммиграции, она уже в значительной степени исчерпала свои собственные резервы рабочей силы. Она уже не имеет быстро разлагающегося крестьянства. Она уже имеет развитую промышленность с квалифицированным пролетариатом. Иммигранты, чаще всего не имеющие почти никакой квалификации, являющиеся, главным образом, выходцами из деревень разлагающихся в процессе капитализма аграрных стран, эти иммигранты не могут в такой сильной степени конкурировать с местным пролетариатом и представляют собой менее ценный материал для предпринимателей [2]). Совсем иное бывает с выходцами из местных деревень на заре капитализма. Тогда и промышленный пролетариат страны обладает еще очень слабой квалификацией, ничтожными навыками для промышленного труда. Заменить пролетария может тогда очень легко любой парень из деревни.

Второе отличие состоит в том, что обыкновенно, когда какая-нибудь промышленная страна становится способной к поглощению притока извне рабочей силы, тогда в ней уже существует собственное рабочее движение с профсоюзами, кооперативами, рабочим представительством в парламенте и т. д., и понижение заработной платы представляет собой уже довольно трудный процесс, чреватый большими осложнениями.

[1]) Речь идет исключительно об иммиграции рабочих для промышленности, но отнюдь не о колонизаторской иммиграции.

[2]) В Соед. Штатах Сев. Америки почти весь квалифицированный пролетариат состоит из янки. Иммигранты заполняют собою обыкновенно кадры неквалифицированного пролетариата. Это явление повторяется почти во всех промышленных странах, где бывает приток рабочих из-за границы, — напр. в послевоенной Франции.

Третье отличие заключается в следующем. Выходцами из деревень в период разложения крестьянства являются обыкновенно экономически наиболее слабые и наиболее бедные элементы деревни. Хозяйственные, крепкие мужики или разлагаются в последнюю очередь, или же становятся фермерами-капиталистами. Разоренные и неспособные к экономической борьбе элементы являются весьма удобным об'ектом для бесчеловечной эксплоатации капиталистов. Лишь на фабриках и заводах эти вчерашние крестьяне научаются приемам революционной классовой борьбы и становятся угрозой для существующего строя. Совсем не то — иммигранты. Свою родную страну покидают, в поисках лучшего будущего, главным образом, наиболее энергичные, наиболее гибкие и предприимчивые элементы, обладающие к тому же некоторыми средствами (ведь без средств эмигрировать нельзя: необходимы, по крайней мере, расходы, иногда весьма значительные, на дорогу). Поэтому иммигранты не всегда являются таким удобным элементом для эксплоатации, как свои собственные обездоленные крестьяне.

Четвертое отличие: рабочие-иммигранты не только не обладают высокой квалификацией (иногда они не обладают никакой квалификацией). Они еще нередко не знают даже языка страны, совершенно незнакомы с ее обычаями, законами и образом жизни. Понятно, что они представляют собой не особенно ценный материал и не могут особенно успешно конкурировать с туземным пролетариатом.

Наконец, пятое и, пожалуй, самое важное отличие. Выходцы из деревень, взятые на фабрику, не увеличивают собой числа пролетариев в стране. Обездоленные крестьяне, будут ли они работать на фабрике или нет, все равно существуют. Тем, что им дают работу на фабрике, их положение только облегчается. Если же наступит кризис, увеличится безработица, тогда значительная часть этих выходцев из деревень сможет вернуться в деревню. Сохранились же почти у всех из них связи и нередко весьма живые и крепкие связи с земледельческим крестьянством. Совсем не то рабочие-иммигранты. Иммиграция рабочей силы — это палка о двух концах для капиталистического общества. С одной стороны, она, правда, содействует понижению заработной платы пролетариата и удешевляет цену рабочей силы. Зато, с другой стороны, в период кризиса и депрессии иммигранты увеличивают собой число безработных в стране и, представляя собой весьма энергичный элемент, они образовывают громадную опасность для существующего строя. Из безработных иммигрантов часто вербуются кадры преступников против частной собственности; из иммигрантов вербуются и члены революционных организаций (коммунистическая партия Соединенных Штатов насчитывает 20.000 членов. Из них 3.000—янки, а 17.000—иммигранты). Будучи совершенно чужими в стране и не имея никакой связи с ее деревней, безработные иммигранты оказываются в совершенно безвыходном положении и готовы на любые крайности; капиталистическое общество волей неволей обязано их кое-как поддерживать. Поэтому капиталисты сами также нередко выступают против иммиграции. Несмотря, однако, на все эти отличия, иммиграция рабочих, несомненно, ухудшает экономическое положение туземного пролетариата и если не всегда понижает уровень заработной платы, то

во всяком случае задерживает повышение этого уровня и мешает дальнейшему развитию социального законодательства.

Эмиграция влияет обратно иммиграции, и поэтому совершенно прав т. Покровский[1]), указывая на то, что высокий уровень заработной платы в Англии об'ясняется эмиграцией лишней рабочей силы из Англии в колонии, но это, конечно, только одна из причин привилегированного положения английского пролетариата. Одной эмиграцией этого об'яснить никак нельзя. Накануне войны самая сильная эмиграция шла из Италии, потом из балканских стран и некоторых областей Австро-Венгерской империи. Однако положение пролетариата во всех этих странах было весьма незавидное[2]).

Положение пролетариата при империализме.

Все на свете изменяется, все течет. С изменением экономического базиса изменяется и соотношение классов и их идеология. С наступлением эпохи монополистического капитализма, со вступлением капитализма в фазу империализма постепенно изменяется и положение пролетариата, и его миросозерцание.

---

[1]) «Очерки по истории рев. движений в России».

[2]) Как раз в эпоху империализма замечается более высокая заработная плата в странах, куда направляется эмиграция и весьма низкая в странах, откуда она идет. Исключение составляет, главным образом, Англия.

Вот что говорит Ленин:

«К числу особенностей империализма, которые связаны с описываемым кругом явлений, относится уменьшение эмиграции из империалистских стран и увеличение иммиграции в эти страны из более отсталых стран с более низкой заработной платой» (Ленин, Империализм, глава 7).

Количество эмигрантов в Соед. Штаты Сев. Америки (в тысячах).

		1904	1906	1908	1910	1913	1914
	Всего	812	1.000	782	1.041	1.200	1.218
Из них:	Итальянцев	196	286	135	223	274	296
	Ирландцев	37	41	36	38	37	34
	Поляков	67	96	68	128	174	122
	Словаков	28	38	16	32	27	26
	Кроатов	21	44	20	39	42	37
	Венгерцев	24	44	24	27	30	44
	Литовцев	12	14	13	22	24	21
	Скандинавцев . . .	61	58	32	52	38	36
	Японцев	14	14	16	2,7	8	9
	Русин	4	6	17	17	30	37
	Балканцев (греки, болгары, сербы, турки, румыны, босняки и т. д.).	25	42	52	65	68	93

(«Statistical Abstract of the United States» за соответствующие годы).

Наибольшее число эмигрантов приходится на отсталые аграрные страны с крестьянством, разлагаемым молодым капитализмом. Заработная плата в этих странах весьма низка.

То же самое мы видим в Германии накануне войны. Из Германии ежегодно эмигрировало не больше 20—30 тыс. человек, несмотря на ежегодный естественный прирост ее населения в 800—900 тысяч человек. Зато в Германию ежегодно направлялись сотни тысяч рабочих из соседних стран. Было в Германии рабочих иностранцев:

В 1911/12	729 т. Из них русских 308 т.,	австрийцев 263 т.,	итальянцев 52 т.
» 1912/13	767 » » 317 »	» 218 »	» 68 »

(«Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich» 1914).

В эпоху империализма, как известно, вывоз капиталов из богатых стран в отсталые страны начинает играть главенствующую роль, и интересы этого вывоза определяют собой всю политику капиталистических держав[1]). Крупные капиталистические державы увеличивают экспорт своих капиталов до небывалых размеров. Так несколько лет накануне мировой войны, Англия и Франция имели за границей до $1/_6$ своего национального богатства, а Германия—до $1/_{15}$. Капиталы устремляются, главным образом, в индустриализуемые аграрные страны, где доход с капиталов гораздо выше, чем в старых промышленных странах. Империалистические державы превращаются постепенно в своего рода рантье, живущих с доходов с отсталых стран, а все остальные страны мира превращаются постепенно в данников нескольких богатых государств. Буржуазия богатых стран частью своих громадных доходов (крохами со своего стола) делится и со своим пролетариатом, точнее, некоторыми слоями пролетариата, наиболее квалифицированными и организованными его слоями. Благодаря этому, в первый период империализма продолжается дальнейшее размагничивание революционной энергии рабочего класса богатых промышленных стран, продолжается и усиливается процесс развития в его среде соглашательских течений и тенденций[2]).

В то же время усиленный экспорт капиталов из империалистических стран еще более задерживает процесс пролетаризации крестьянства этих стран. Свободные капиталы утекают в колонии и полуколонии. В колониях идет, благодаря этому, бурный процесс развития капитализма, в них пролетаризуются миллионы и десятки миллионов мелких самостоятельных производителей-ремесленников и особенно крестьян. Мелкое землевладение же в капиталистических странах обнаруживает замечательную живучесть, что дает повод соглашателям ревизовать учение Маркса по аграрному вопросу. Соглашатели не видят и не хотят видеть[3]),

---

[1]) Резолюция конференции большевиков в марте 1915 г. (написана, кажется, Лениным): «Известные слои рабочего класса (бюрократия в рабочем движении и рабочая аристократия, которой перепадала частица от эксплоатации колоний и от привилегированного положения их «отечества» на мировом рынке, а также мелкобурж. попутчики внутри социалистич. партий и явились главной социальной опорой этих тенденций (социал-патриотических. *И. Л.*) и проводниками влияния буржуазии на пролетариат».

[2]) Более подробно о роли, значении и размерах экспорта капиталов накануне войны в ст. автора в «Вестнике Ком. Академии» № 11 за 1925г.: «О теории империализма Ленина и теории накопления Розы Люксембург».

[3]) Удивительное дело, насколько близоруки в своей критике основ марксизма буржуазные ученые и оппортунисты. Мыслить углубленно они не умеют. Глубокого анализа явлений они боятся, как чорт ладана. Особенно слабым местом у них является об'яснение империализма. Никто почти из них не понимает великого значения экспорта капиталов и всех его последствий, на что десятки раз указывал Ленин. Считаем необходимым привести здесь одно место из произведения Ленина, написанного им еще в конце XIX в.: «Развитие капитализма в глубь в старой, издавна населенной территории задерживается вследствие колонизации окраин. Разрешение свойственных капитализму и им порожденных противоречий временно отсрочивается вследствие того, что капитализм легко может развиваться вширь. Например, одновременное существование самых передовых форм земледелия представляет собою, несомненно, противоречие. Если бы русскому капитализму некуда было расширяться за пределы территории, занятой уже в начале пореформенного периода, то это противоречие между крупной индустрией и архаическими учреждениями в сельской жизни (прикрепление крестьян к земле и пр.) должно было бы быстро привести к отмене этих учреждений, к полному расчищению пути для земледельческого капитализма в России. Но возможность искать и находить рынок в колони-

что миллионы немецких и французских крестьян сохранили свою самостоятельность, как мелкие производители (видимо сохранили, на самом деле и они находились в кабале у капиталистов, и их владения покрыты были ипотечными долгами) лишь благодаря тому, что в то же время были превращены в пролетариев и полупролетариев десятки, если не сотни, миллионов землевладельцев в Индии и Китае, в Египте и Южн. Америке, на Востоке и в России.

Таким образом в этот первый период империализма социальные отношения в старых богатых промышленных странах достигают некоторой стабилизации (временной). Соглашательские тенденции пролетариата усиливаются, гражданский мир укрепляется, устойчивым продолжает оставаться и положение крестьянства.

Совсем другой процесс происходит в отсталых индустриализуемых аграрных странах. Там в это время возникает и с бешеной быстротой развивается капитализм и происходит бурная ломка старых устоев. Старые общественные группировки отмирают, новые вырастают. Все это, главным образом, благодаря беспрерывному притоку золота из богатых материнских стран в эти колонии и полуколонии.

Но этот мирный (сравнительно мирный, конечно), первый период империализма продолжается недолго. Монополистический капитализм все развивается, тресты и синдикаты становятся международными. Они разделяют между собой мир, борьба за источники сырья становится все ожесточеннее, конкуренция экспортируемых капиталов становится все острее. Каждая новая концессия вызывает все большие трения и международные конфликты. Молодые империалистические страны (Германия), не имеющие колоний, требуют нового передела мира[1]). Капиталы безопаснее всего экспортировать в свои собственные колонии или полуколонии. Экспорт капиталов в чужие независимые страны

зуемых окраинах (для фабрикантов), возможность уйти на новые земли (для крестьянина) ослабляет остроту этого противоречия и замедляет его разрешение. Само собою разумеется, что такое замедление роста капитализма равносильно подготовке еще большего и более широкого роста его в ближайшем будущем» (Ленин, Развитие капитализма в России, глава VIII, § V). В этих кратких, но бесконечно содержательных словах—ключ к пониманию всего, как будто своеобразного, хода русской истории XIX и начала XX в.в., и притом ключ марксистский, без примеси «мессианства», «славянофильства» и т. п. мистификации исторической науки, а также разных «марксистских» (в кавычках) отсебятин. Эти слова содержат также ключ к пониманию процесса развития капиталистических стран в связи с их колониальной политикой, особенно в эпоху империализма, то есть в эпоху усиленного экспорта капиталов из промышленных стран в аграрные государства (до войны). Сколько буржуазных ученых, а также ревизионистов проглядели этот процесс! Недалеко от этих ревизионистов-оппортунистов ушли и ревизионисты-коммунисты (Варга и др.). Ревизионизм первых об'ясняется и злым умыслом и путаницей в сочетании с невежеством. Ревизионизм последних, однако,—исключительно путаницей и невежеством, нередко переходящим в комчванство. В этом главное и единственное отличие первых (ревизионистов социал-предателей) от последних (ревизионистов-коммунистов).

[1]) «Неравномерность экономического и капиталистического развития есть безусловный закон капитализма». (Ленин). «Этот закон состоит в том, что развитие отдельных предприятий трестов, отраслей промышленности и отдельных стран происходит неравномерно, не в порядке установившейся очереди, а скачкообразно, с перерывами в развитии одних стран, и со скачками вперед в развитии других» (Сталин).

связан, ведь, с большим риском. Вложенные капиталы можно национализировать, можно конфисковать, построенные фабрики можно разрушать, мосты взорвать и т. д. Для завоевания новых колоний и для защиты старых необходима сильная армия, и в особенности сильный флот. Сильная вооруженная сила необходима и для получения концессий. Она же необходима и после получения концессий для защиты интересов капиталистов-концессионеров. Страна, экспортирующая капиталы, должна быть поэтому сильно вооружена. Экспорт капиталов неизбежно влечет за собой агрессивную внешнюю политику и крайнее усиление милитаризма и маринизма. В конце концов становится неизбежным вооруженное столкновение разных империалистических групп и коалиций; неминуемой становится империалистическая война, и тогда начинается второй период империализма.

Чем характеризуется этот второй период? Нам кажется, что не будет большой ошибкой, если мы примем за главный признак этой второй эпохи империализма—превращение промышленных стран в колонии. Одни аграрные страны уже недостаточны для помещения свободных капиталов. Необходимы новые колонии. Откуда их взять? Весь мир, ведь, уже разделен. И вот на наших глазах совершается своеобразная «колонизация» [1]) Австрии и особенно Германии (план Дауэса). В результате империалистической войны одна группа империалистских держав оказывается разбитой, буржуазия этих стран не только лишается всех своих колоний и почти всех своих заграничных капиталов, она насильственно принуждается еще платить дань державам победительницам. В таком положении оказываются не только державы, разбитые на войне, но даже державы победительницы, разбитые экономически (Франция победила на войне, но она экономически разбита, и многое говорит за то, что и ее ожидает новый план Дауэса, хотя, конечно, в более мягкой форме). Не имея чем платить, эти разбитые капиталистические страны вынуждены прибегать к заграничным займам на неслыханно тяжелых для развитых промышленных стран условиях. Так, Германия и даже Франция платят теперь свыше 8% по своим иностранным займам. Иными словами, капиталистические державы, ранее сами вывозившие капиталы, теперь становятся странами импорта капиталов, начинают играть роль колоний для более богатых стран.

Буржуазия этих стран, лишившись своих заграничных источников обогащения, тем самым лишается возможности делиться сверхприбылью со своим пролетариатом. Для своего обогащения она вынуждена усилить эксплоатацию собственного рабочего класса. Пролетариату разбитых империалистских стран приходится, кроме того, платить дань иностранным капиталистам, импортирующим капитал в эти страны. Для того, чтобы уплачивать эту дань, для того, чтобы платить контрибуцию, промышленной колонии приходится, если не иметь активный торговый баланс, то во всяком случае усилить свой экспорт. Для усиления экспорта буржуазия промышленных колоний имеет всего два

---

[1]) «Война, путем Версальского договора, навязала им (побежденным странам. *И. Л*) такие условия, что передовые народы оказались в положении **колониальной зависимости**, нищеты, голода, разорения и бесправности, ибо на многие поколения договором связаны и поставлены в такие условия, в которых ни один цивилизованный народ не жил» (Ленин, Доклад на III конгрессе Коминтерна. Курсив наш. *И. Л.*).

способа: увеличение вывоза своих товаров (промышленных) и уменьшение ввоза чужих товаров (земледельческих). Уменьшение ввоза сырья—пищи промышленности—немыслимо, так как это неминуемо вызывает уменьшение продукции, а следовательно, и вывоза. Остается только уменьшение ввоза продуктов питания широких трудящихся масс. Для увеличения вывоза необходимо удешевление продукции, что опять может быть достигнуто только понижением заработной платы. Таким образом буржуазия разбитых империалистских стран (промышленных колоний) по многим причинам вынуждена усилить эксплоатацию своего пролетариата и довести ее до крайних пределов во всех отношениях. Буржуазии этих стран не до охраны рабочего класса, не до социального законодательства. Ей не до жиру, лишь быть бы живу. Она доводит эксплоатацию пролетариата до невероятных размеров и стремится к максимальному сокращению расходов по воспроизводству рабочей силы.

Подкуп верхушек всего рабочего класса заменяется буквальным подкупом вождей соглашательских партий рабочего класса (Барматовщина в Германии).

В то же время буржуазия этих стран приступает к экспроприации средней и мелкой буржуазии как городской, так и деревенской. Лишившись возможности грабить крестьян Турции и Африки, немецкая и не только немецкая—это происходит во всех капитал. странах с инфляцией—буржуазия пускается на грабеж своих собственных крестьян, ремесленников и мелких торгашей. Ведь, «нужда не знает законов» (знаменитые слова Бетмана-Гольвега, немецкого рейхсканцлера, 4 августа 1914 г.). Она отнимает у них их мелкие сбережения, она лишает их плодов их долголетних трудов. Инфляцией, налогами, спекуляцией и грабежом казны крупная буржуазия общипывает, как липку, мелкую буржуазию. Закон обнищания Маркса, столько раз опровергнутый буржуазными учеными и ревизионистами, вдруг вновь выступает во всей своей голой грозной силе.

Таким образом мы видим, как изменяются классовые взаимоотношения во время империализма во время катастрофического существования капитализма. Пролетариат передовых промышленных стран возвращается опять как бы к своему исходному положению. Ему опять терять нечего, кроме своих цепей. Он лишается многих своих завоеваний, добытых им в результате долголетней мирной классовой борьбы. И тогда пролетариат постепенно вступает на путь решительной революционной классовой борьбы. Соглашательские иллюзии все больше и больше теряют свою силу, пролетариат постепенно начинает сознавать, что ему для сохранения своего существования ничего не остается, как взять на себя роль решительного могильщика капитализма. Но это совершается не сразу. Это—процесс длительный, болезненный, полный зигзагов. Старое соглашательское наследие продолжает еще долго тяготеть над пролетариатом. Соглашательским партиям всячески помогает и буржуазия, она им содействует в их усердной работе по задержанию революционного развития пролетариата. Но этот процесс в конце концов неминуемо должен завершиться отказом большинства пролетариата от соглашательских иллюзий и лжи и завоеванием этого большинства коммунистической партией.

Было бы грубейшей ошибкой думать, что изменяется положение пролетариата только побежденных стран. Положение рабочего класса ухудшается в большинстве капиталистических стран. Усиление эксплоатации пролетариата в одних промышленных странах неминуемо вызывает ухудшение его положения и в других странах. Мы это видим на наших глазах. Положение рабочих в Германии уже сейчас вызывает ухудшение положения рабочих в Англии. Если план Дауэса будет проведен, то мировой рынок будет затоплен дешевыми германскими продуктами, и наступление капитала на пролетариат Англии будет все время усиливаться. «Сегодня» германского рабочего —это «завтра» английского, и это начинают понимать наиболее дальновидные английские пролетарии. Страх перед планом Дауэса и его последствиями—одна из причин полевения английского пролетариата.

Во второй период империализма изменяется в сильнейшей степени и положение крестьянства, особенно в побежденных промышленных странах. Это уже ясно из всего вышеизложенного. Крестьянство капиталистических стран истекает кровью на войне и разоряется после войны (во время войны крестьянство как будто богатеет, благодаря растущей дороговизне на продукты питания. Но это только кажущееся обогащение. После войны накопленные богатства вылетают в трубу, благодаря инфляции и т. д. В настоящее время положение широких слоев крестьянства во Франции, Германии, на Балканах и других странах весьма тяжелое. Идет быстрая пролетаризация земледельческого населения. Только крайне незначительные слои крестьянства благоденствуют). Империализм революционизирует, таким образом, и крестьянство капиталистических стран. Правда, этот процесс еще более зигзагообразный, чем процесс революционизирования пролетариата. Крестьянин—мелкий собственник с узким кругозором. Недовольство крестьянина нередко бросает его в об'ятия самой черной реакции. Он начинает мечтать о реставрации давнего прошлого. Но в конце концов при умелом подходе к крестьянству со стороны пролетариата и его авангарда недовольство земледельческого населения результатами империалистской политики должно выливаться и уже сейчас начинает выливаться в стремление к низвержению капитализма и к установлению власти трудящихся.

В колониальных странах второй период империализма сопровождается бурным процессом индустриализации со всеми его последствиями. Крестьянство разоряется, пролетаризуется, лишается своей самостоятельности, оно охватывается все более глубоким недовольством существующей эксплоатацией, в первую очередь, конечно, иностранной эксплоатацией (события в Индии, Китае, Турции, Египте и других странах). Вместе с тем, возникает молодой класс—пролетариат. Он растет не по дням, а по часам, и его развитие идет по тому пути, который свойственен вообще пролетариату в индустриализуемых аграрных странах на заре их капиталистического развития (см. выше).

Пробуждается Восток и выдвигает свои требования. Повсюду таким образом подготовляется почва для союза пролетариата с крестьянством, для союза, который должен иметь своей конечной целью низвержение капитализма и установление власти трудящихся для перехода к социализму.

Первые прорывы империалистского фронта и союз пролетариата с крестьянством.

Где же могут происходить первые прорывы империалистского фронта? Конечно, «прорыв фронта империализма вероятнее всего может произойти в тех странах, где цепь империализма слабее, т.-е. где империализм менее всего подкован, а революции легче всего развернуться» (Сталин).

Где же это? На этот вопрос могут быть два ответа. Слабее всего позиции империалистов, во-первых, в побежденных промышленных странах, во-вторых, в странах аграрных, быстро и бурно индустриализуемых. В побежденных империалистских странах имеется на-лицо банкротство отечественной буржуазии, имеется и крайняя эксплоатация пролетариата и разоряемая мелкая буржуазия. Но в этих странах над пролетариатом тяготеет наследие соглашательского прошлого, мертвый хватает живого, идеология, выработанная в эпоху органического развития капитализма и первого периода империализма, тяжелым кошмаром давит на мозг рабочего класса. Необходимо время, и продолжительное время, пока пролетариат сбросит со своих плеч обузу прошлого. Кроме того, эти страны находятся в крайней зависимости от мирового рынка. Им не хватает своего собственного хлеба, они нуждаются в привозных продуктах питания. В случае победоносной пролетарской революции в какой-нибудь из таких стран (если нет еще диктатуры пролетариата в крупной аграрной стране) ей может угрожать голодная смерть от блокады (германские и австрийские соглашатели в 1918 г. все время играли на этом призраке голода. В своих записках и Адлер и Бернштейн и другие соглашатели признают, что не будь угрозы прекращения подвоза американского хлеба, соглашателям навряд ли удалось бы удержать пролетариат от провозглашения советской власти. Россия тогда была еще слишком слаба. Сама голодала и не могла служить в достаточной степени источником питания для пролетариев Запада). Этих двух препятствий нет в индустриализуемых аграрных странах. В них пролетариат революционен. Соглашательские тенденции не особенно вкоренились в его среде. Для этого не было экономических предпосылок. Мозг пролетариата еще не отравлен оппортунистическим ядом. Крестьянство этих стран, разоряемое, пролетаризуемое и к тому еще страдающее нередко от остатков феодализма [1], также полно недовольства и ищет выхода из тупика. Пролетарской революции в этих странах не так угрожает и призрак голода. В таких аграрных странах своего хлеба обыкновенно много, его даже вывозят. Блокада не так страшна для таких стран.

Проблема союза пролетариата с крестьянством становится, таким образом, важнейшей проблемой социалистической революции, ибо без правильного разрешения этой проблемы социалистическая революция становится не только трудной, но и невозможной. Если наиболее революционным пролетариатом является пролетариат индустриализуемых молодых капиталистических стран, пролетариат стран с разлагающимся крестьянством, если в этих странах только и мыслимы первые прорывы фронта эксплоататорского строя, то что получается? Ведь, пролетариат в таких молодых капиталистических странах находится в меньшинстве, нередко в незначительном меньшинстве. Вырвать власть из рук господствующего класса не может класс угнетенный, находящийся к тому же в меньшинстве. Для победы и для удержания плодов победы такому классу необходимы союзники. Союзниками же пролетариата в таких странах могут быть только трудящиеся крестьяне. Рабочий класс в таких странах весьма связан с крестьянством, ибо крестьянство это—«вчера» пролетариата. Крестьянство в свою очередь весьма связано с пролетариатом, ибо пролетариат это—«завтра» крестьянства. У многих рабочих родители в деревнях. У некоторых пролетариев даже жены и дети. У многих крестьян—дети в городе на фабриках, а подрастающее поколение сел и деревень готовится уходить на заводы. В таких странах крестьянству, кроме того, приходится страдать, как мы уже говорили, и от пут остатков феодализма. Эксплоатация же иностранного капитала неизбежна во всех таких государствах. Поэтому в таких государствах и наиболее возможен, точнее неминуем, союз крестьянства с пролетариатом. Но при этом пролетариат, как класс наиболее передовой, наиболее организованный, наиболее сплоченный и наиболее эсплоатируемый, должен оставаться гегемоном революции. Лишь при диктатуре пролетариата мыслима победа не только пролетариата, но и трудового крестьянства. Крестьянство молодых капиталистических стран (точно так же как и крестьянство побежденных старых капиталистических стран) нуждается в диктатуре пролетариата не менее, чем сам пролетариат, как странно это ни звучит.

Революция же в молодых капиталистических странах отнимает лучшую опору и значительное поле деятельности и у капиталистов старых империалистских государств. Она же становится союзником пролетариата империалистских стран. Тем самым революция в молодых капиталистических странах толкает на путь к социализму и пролетариат старых богатых империалистских государств. Другого пути для мировой пролетарской революции нет и быть не может (см. произвед. Ленина, его доклады на конгрессах Коминтерна и особенно его статью «Лучше меньше, да лучше»). Только через союз молодого революционного, хотя и немногочисленного пролетариата юных капиталистических стран с огромным многомиллионным, разоряемым, разлагающимся, а потому крайне недовольным и революционно настроенным крестьянством этих же стран может восторжествовать пролетарская революция.

События в Германии, ее поражение, обнищание и разорение показывают нам, как медленно, хотя неуклонно продвигается процесс революционизирования пролетариата в странах, где капитализм преобладает, где пролетариат, хотя составляет большинство населения, но долгое время был в плену у соглашателей (потому что некоторые его слои были экономически связаны с буржуазией). И когда, в результате продолжительного применения плана Дауэса, пролетариат Германии, превращенной фактически в капиталистическую колонию, решительно встанет на путь коммунистической революции, тогда эта революция может

[1] Чем позже капитализм проникает в какую-нибудь страну, тем он, при прочих равных условиях, менее устойчив; ибо тем реакционнее местная буржуазия, тем слабее борется она, напуганная опытом классовой борьбы пролетариата в других странах, с остатками феодализма, тем скорее она заключает союз с дворянством против рабочих и крестьян.

восторжествовать и восторжествует, как результат союза пролетариата германо-российского с многомиллионным крестьянством народов СССР.

Но эта проблема (союза пролетариата с крестьянством) приобретает еще большее значение, если на нее посмотреть с точки зрения всемирной революции. Настоящее положение мирового хозяйства в целом весьма похоже на положение индустриализуемой аграрной страны на заре капитализма. Промышленных пролетариев на всем земном шаре едва ли больше 150—180 миллионов, если не меньше. Крестьян же едва ли меньше 1.100—1.200 миллионов (включая и деревенских полупролетариев). Но крестьянство разлагается, капитализм проникает повсюду и повсюду разрушает старые устои. Это—уже не обыкновенный капитализм, это—монополистический капитализм, капитализм мировых трестов и банков, капитализм катастрофический. Дальнейшее органическое (мирное) развитие капитализма немыслимо. Перед человечеством сейчас уже стоит и будет стоять до победы пролетариата хотя бы в нескольких крупных странах, дилемма: либо диктатура пролетариата, советская власть и переход к социализму; либо дальнейшее существование капитализма и тогда гибель культуры и вырождение человечества от империализма и его войн. Сам от себя капитализм автоматически погибнуть не может. Нет абсолютно безвыходных положений для господ капиталистов (слова Ленина на 2 конгрессе Коминтерна). Если пролетариат будет бездействовать, капиталисты всегда найдут выход из любого положения, выход за счет жизни десятков миллионов людей и здоровья сотен миллионов. Значит, сидеть, сложа руки, и ждать дальнейшего развития капитализма, ждать превращения большинства населения земного шара в пролетариев, как это советуют некоторые оппортунисты, пролетариат не может. Эпоха социалистической революции наступила, и пролетариат для своего собственного спасения от гибели и для избавления всего человечества от вырождения должен действовать, должен сейчас же начать борьбу за свою диктатуру. Социалистическая революция стоит в порядке дня. Но как действовать пролетариату? Ведь он—меньшинство. Одному ему не свергнуть мирового капитализма, одному ему не удержать власти и после свержения капитализма. Для победы пролетариату необходим союзник, и союзником его может быть только крестьянство. И не только крестьянство Европы, но, главным образом, крестьянство колониальных и полуколониальных стран, крестьянство Востока и Африки. И если в ближайшие годы или ближайшие десятилетия социалистическая революция восторжествует во всемирном масштабе, то торжество этой революции будет достигнуто исключительно, как результат союза 150—180 миллионов пролетариев всего мира с 1.100—1.200 милл. крестьян колониальных и полуколониальных стран.

Идеология пролетариата.

Все вышеизложенное об'ясняет нам многое и в идеологии пролетариата. Соглашатели, социал-оппортунисты нередко издеваются над нашими большевистскими взглядами на пролетарскую идеологию. Они называют эти взгляды мистическими и из кожи лезут вон, чтобы доказать, что эти взгляды далеки от марксизма. «Почему,—спрашивают они,—пролетарская идеология свойственна

рабочим Владимира, Иваново-Вознесенска, Краснококшайска, в то время, как потомственные пролетарии Англии, Франции, Америки проникнуты мелкобуржуазными взглядами? Промышленным пролетариям Запада и Америки большевистская пролетарская идеология,—говорят соглашатели,—недоступна и непонятна, как китайская грамота за 7 печатями; для полурабочих же, полукрестьян России или Болгарии эта идеология является как бы врожденным шестым чувством Разве это марксизм?» Конечно, дело не в мистике. Ларчик просто открывается. Причина этого явления—в экономике.

Верхушке рабочих Запада и Америки долгое время было что терять (крохи со стола буржуазии), поэтому ей и чужда была та идеология пролетариата, о которой говорит Маркс, т.-е. идеология пролетариата, которому терять нечего, кроме своих цепей. Рабочим молодых капиталистических стран с разлагающимся крестьянством терять, действительно, нечего[1]). Капиталисты стараются поскорее и побольше извлекать из этих пролетариев прибавочной стоимости. Никакой солидарности интересов между пролетариатом и капиталистами нет и о ней не может быть никакой речи. Не только крох со стола буржуазии пролетариат не получает; он еще вынужден продавать свою рабочую силу гораздо ниже ее стоимости. Поэтому, когда пролетариат

---

[1]) «Тут мы должны поставить вопрос, чем об'ясняется прочность таких направлений (соглашательских. *И. Л.*) в Европе и почему этот оппортунизм в Западной Европе сильнее, чем у нас. Да потому, что передовые страны создали и создают свою культуру возможностью жить за счет миллиарда угнетенных людей. Потому, что капиталисты этих стран получают много сверх того, что они могли бы получить, как прибыль от грабежа рабочих своей страны. До войны считали, что три богатейших страны: Англия, Франция и Германия, от одного только вывоза капитала за границу, не считая других доходов, имеют в год 8—10 миллиардов франков дохода. Понятно, что из этой милой суммы можно бросить хотя бы полмиллиарда на подачку рабочим вождям, рабочей аристократии, на всякого рода подкупы. Все дело сводится именно к подкупу. Это делается тысячами разнообразных путей: повышением культуры в наиболее крупных центрах, созданием образовательных учреждений, созданием тысячи местечек для вождей кооперативов, для вождей тред-юнионов, парламентских вождей. Но это делается везде, где есть современные цивилизованные капиталистические отношения. Эти миллиарды сверхприбыли есть экономическая основа, на которой держится оппортунизм в рабочем движении» (Ленин, Доклад на II конгрессе Коминтерна).

«В чем же экономическая основа этого всемирно-исторического явления (раскола II и III Интернационалов, *И. Л.*)? Именно в паразитизме и загнивании капитализма, которые свойственны его высшей исторической стадии, т.-е. империализму. Как доказано в настоящей книжке, капитализм выделил теперь горстку (менее одной десятой доли населения земли, при самом «щедром» и преувеличенном расчете менее одной пятой) особенно богатых и могущественных государств, которые грабят простой «стрижкой купонов» весь мир. Вывоз капитала дает доход 8—10 миллиардов франков в год, по довоенным ценам и довоенной буржуазной статистике. Теперь, конечно, много больше. Понятно, что из такой гигантской сверхприбыли (ибо она получается сверх той прибыли, которую капиталисты выжимают из рабочих «своей» страны) можно подкупать рабочих вождей и верхнюю прослойку рабочей аристократии. Ее и подкупают капиталисты «передовых» стран—подкупают тысячами способов, прямых и косвенных, открытых и прикрытых. Этот слой обуржуазившихся рабочих или «рабочей аристократии», вполне мещанских по образу жизни, по размерам заработков, по всему своему миросозерцанию, есть главная опора II Интернационала, а в наши дни главная социальная (не военная) опора буржуазии. Ибо это—настоящие агенты буржуазии в рабочем движении, рабочие приказчики класса капиталистов, настоящие проводники реформизма и шовинизма» (Ленин, Предисловие к немецкому и французскому изданию книги «Империализм»,— XVII, изд. 1923 г., стр. 248. Курсив везде оригинала).

индустриализуемых аграрных стран освобождается от идеологии господствующих классов и приступает к созданию своей собственной идеологии, он создает идеологию революционную, насквозь проникнутую ненавистью к эсплоататорскому строю.

Конечно, пролетариям молодых капиталистических стран в этом процессе создания своей собственной классовой идеологии помогает и прошлое рабочего движения. Накопленный опыт пролетариев других стран облегчает работу пролетариям более молодых промышленных государств. Тот факт, что русский пролетариат, в отличие от английского и германского, уже у колыбели своего классового движения имел «Капитал» Маркса и теорию исторического материализма, конечно, весьма содействовал революционизированию российского рабочего движения и крайне способствовал развитию классового самосознания российского пролетариата, его превращению из класса в себе в класс для себя. Но корни все-таки кроются в экономике.

Конечно, это не значит, что пролетариям империалистских государств не может быть доступна пролетарская идеология в марксистском и ленинском смысле этого слова. На наших глазах миллионы потомственных квалифицированных пролетариев Германии все больше и больше проникаются настоящей большевистской идеологией. Этот процесс начинается уже и в других капиталистических странах, даже в Англии. Речь идет только о том, почему эта идеология легче всего усваивается пролетариями молодых стран, у которых нет проклятого наследия соглашательского прошлого.

Ленинизм и марксизм.

Таким образом, мы видим, как из экономических законов, установленных Марксом, в частности из закона трудовой стоимости, вытекает разрешение проблемы союза пролетариата с крестьянством в эпоху империализма, представляющее собою одну из основ ленинизма. Мы видим, таким образом, что ленинизм органически вытекает из марксизма, что ленинизм есть марксизм эпохи империализма и крушения капитализма. Этим самым ленинизм отличается от всякого оппортунизма как ревизионистского толка (типа Бернштейна, Реннера и К°), так и «ортодоксального» (типа Каутского, Мартова и К°). Оппортунисты, соглашатели II Интернационала распадались на две группы. Представители одной группы (Каутский, Мартов и К°) были как бы верны букве Маркса. По каждому поводу и без всякого повода у них была готовая цитата из Маркса. С живой изменившейся обстановкой они мало считались. Это—одна группа. Другая группа состояла из ревизионистов, которые только тем и занимались, что доказывали непригодность учения Маркса в изменившейся мировой ситуации. «Маркс устарел, Маркс нуждается в поправках, надо критиковать Маркса»,—постоянно твердили эти молодчики. Таким образом социал-соглашатели, поскольку они были ортодоксами (т.-е. придерживались цитат из Маркса), они не были диалектиками (не подходили к решению проблем с точки зрения живой, постоянно меняющейся действительности); поскольку же соглашатели были «диалектиками» (горе-диалектиками—пробовали изучать действительность, да заблудились в трех соснах), они не были ортодоксами (отрекались от учения Маркса). Поэтому на деле и те и другие не были ни ортодоксами, ни диалектиками[1]).

«Учение Маркса есть освещенное глубоким философским миросозерцанием и богатым знанием истории подытоживание опыта». «Оно не догма, а руководство к действию» (Ленин). Ленинизм есть дальнейшее подытоживание опыта, есть руководство к действию в эпоху социалистической революции. Ленинизм сочетает верность марксизму на-ряду с самым серьезным изучением конкретной действительности. Ленинизм есть поэтому настоящий, диалектический марксизм. Вне ленинизма нет марксизма в эпоху империализма.

Маркс в свое время не мог конкретно решить проблемы союза пролетариата с крестьянством. Обстоятельства для этого не созрели еще тогда, во времена Маркса. Но своим гениальным умом Маркс предвидел важность этого пролетарского союза с крестьянством, и в своем письме к Энгельсу писал, что второе издание крестьянской войны в Германии во многом облегчило бы задачи рабочего класса в его революции.

В эпоху империализма этот союз стал вопросом жизни и смерти как для пролетариата, так и для трудящегося крестьянства. Ленин, который в своих экономических трудах занимался изучением экономических связей и взаимоотношений пролетариата с крестьянством в аграрной стране с молодой промышленностью («Развитие капитализма в России») и экономическим об'яснением империализма; Ленин, доказавший, что в эпоху империализма дальнейшее органическое развитие капитализма немыслимо, что противоречия капитализма настолько остры, что дальнейшее существование капитализма должно постепенно переходить в его загнивание и вместе с тем в вырождение человечества;—Ленин первый и дал правильное разрешение проблемы союза трудящихся городских заводов с трудящимися деревенских полей.

Роза Люксембург была хорошая революционерка, но она ошиблась в своей теории накопления. Она видела главнейшие затруднения капитализма в невозможности, по ее мнению, накопления в чистом капиталистическом обществе, состоящем из одних капиталистов и пролетариев. Исходя из неразрешимых, по ее теории, противоречий чистого капитализма, где отсутствует крестьянство, а не, как Ленин, из конкретных противоречий монополистического капитализма, Роза пыталась об'яснить современную захватническую политику империализма. Согласно ее теории, абсолютное неизбежное загнивание капитализма наступает только при полном исчезновении крестьянства. Пока же дают себя чувствовать тенденции этого развития, которые тоже достаточны для гибели всей капиталистической системы (Анти-критика, стр. 34). Поэтому она пытается об'яснить империализм, абстрагируясь совершенно от главной действительной причины этого явления, от существования мировых трестов, синдикатов и банков. Существование же крестьянства, согласно теории Розы Люксембург, является об'ективной помехой для победы пролетариата,

[1]) В последнее время, после войны и российской революции, произошло слияние этих двух групп соглашателей. Каутский отрекся от диктатуры пролетариата, являющейся, по словам самого Маркса, главной основой марксизма. Таким образом произошло «врастание» Каутского в Бернштейна (по удачному выражению Д. Марецкого).

ибо облегчает существование капитализма. Поэтому Роза не видела и не могла видеть возможной революционной роли крестьянства сейчас; в настоящее время, когда противоречия капитализма, несмотря на существование больше миллиарда крестьян, уже приближаются к своему максимуму и требуют разрешения в виде пролетарской революции, так как мировые тресты и синдикаты достигли почти высшей точки своего возможного развития. Поэтому она и занимала неправильную позицию в крестьянском и национальном вопросах, поэтому она и не понимала правильности тактики большевиков после Октября 1917 г. (чит. ее книгу, написанную в тюрьме в 1918 г. и выпущенную ренегатом Паулем Леви); поэтому она ошибалась и в 1905 г.

А. Панкратова.

Левое крыло Амстердамского Интернационала и борьба за единство.

«Проблема единства профдвижения—это вопрос жизни или смерти рабочего класса».
(Из речи т. Зиновьева на VI с'езде профсоюзов СССР).

«А так как английский рабочий имеет безусловно решающее значение на чашке весов социального освобождения вообще, то важно именно в Англии найти точку опоры».
(Из письма Маркса Кугельману, «Письма Маркса и Энгельса», стр. 177).

Исторические корни раскола в мировом рабочем движении.

Общая картина раздробленности и расщепления послевоенного мирового профдвижения достаточно известна.

В основном это расщепление рабочего движения во всем мире идет по линии тех основных тактических разногласий, которые раскалывали рабочий класс еще до войны, и которые, в общем, сводились к отступлению от господствующей в рабочем движении марксистской теории и марксистской тактики.

Ревизионизм (оппортунизм, реформизм), с одной стороны, анархизм (анархо-синдикализм, анархо-социализм), с другой,—таковы были два основных отклонения от марксистского, социал-демократического пути, по которому шла и развивалась борьба рабочего класса как политическая (партии), так и экономическая (профсоюзы). Коренная причина, постоянно порождающая эти отступления от марксизма, лежала в самом экономическом строе и в характере развития всех капиталистических стран.

Эта же причина вызвала и те типичные особенности массовых рабочих экономических организаций, которые в результате дали различные не только по структуре, но и по тактическим и принципиальным положениям основные типы довоенного профессионального движения: тред-юнионы (Англия), синдикаты (Франция), геверкшафты или социал-демократические союзы (Германия).

Капитализм в различных странах и в разных областях народного хозяйства развивается не одинаково как по темпу, так и по качественным признакам. Самый процесс его развития диалектичен, идет в противоречиях и путем противоречий. Капитализм прогрессивен, поскольку он уничтожает старые способы производства, поскольку он развивает производительные силы, поскольку он создает, развивает, организует, дисциплинирует новый

прогрессивный общественный класс—пролетариат. Капитализм регрессивен, когда он на известной ступени своего развития задерживает рост производительных сил, когда он не в состоянии перейти на новую технически более целесообразную, высшую основу, когда он ведет к вырождению, закабалению и уничтожению рабочий класс.

Марксизм учит массы понимать эту диалектичность капиталистического процесса развития и в соответствии с этим строить свою тактику, имея в виду всегда прогрессивные задачи общественного развития в целом, интересы и исторические задачи рабочего класса в целом.

Но марксизм полно и прочно усваивается рабочим классом и его идеологами не везде и не всегда одинаково. В то время, как передовые элементы рабочего класса, живущего и развивающегося в условиях наибольшего развития крупного производства, усваивают теорию и тактику марксизма полностью, другие рабочие, особенно живущие в условиях отсталых или отстающих экономических отношений, усваивают только некоторые стороны марксизма, только отдельные его лозунги и требования, преувеличивая и возводя в одностороннюю систему теории или тактики то одну, то другую черту капиталистического развития. С другой стороны, причиной, усиливающей эти происходящие в рабочем классе разногласия, является и сама тактика буржуазии. Отстаивая свое господство, буржуазия вырабатывала два метода борьбы за свои интересы: метод насилия и прямого отказа от уступок рабочему движению и метод «либерализма», постепенных и малых реформ, частичных уступок. В разных странах, в зависимости от характера и темпа капиталистического развития, буржуазия применяет то одну, то другую свою тактику, то комбинируя обе, в зависимости от реального соотношения сил. Иногда в течение довольно длительного периода буржуазия применяет одну и ту же тактику, способствуя тем самым выработке соответствующей однообразной тактики пролетариата. Так, в Англии «либеральная» буржуазная политика и тактика по отношению к рабочему классу помогла оформиться консервативному типу тред-юнионистской политики и тактики рабочего класса. В Германии поворот буржуазии к уступкам в 90-х годах вызвал поворот от тенденций анархо-синдикализма 80-х г.г. к оппортунизму в рабочем движении, как отражению буржуазного реформаторства. Империализм оформил и укрепил оппортунизм в рабочем классе, создав экономическую возможность за счет монопольно-высоких прибылей и эксплоатации колоний, подкупа буржуазией верхних прослоек пролетариата.

Таким образом эпоха империализма должна была создать еще более серьезные тенденции к расколу рабочего класса, выделяя привилегированные группы рабочих (так называемую рабочую аристократию), откалывая их от широкой массы пролетариата, привлекая на сторону буржуазии данной страны и заинтересовывая их в ее поддержке и процветании сравнительно с другими.

Наконец, разногласия внутри рабочего движения порождаются и тесным соприкосновением и родственными связями рабочего класса с различными слоями мелкой буржуазии, в частности, крестьянства. Переход разоряющихся отдельных групп и слоев мелкой буржуазии к пролетариату, количественный рост пролетариата, пополняемого все новыми и новыми, классово не обработанными, политически еще не воспитанными элементами, вносит некоторые отклонения и задержки в развитие массового рабочего движения. Отсюда — неизбежный рост шатаний и колебаний, временный возврат к устарелым взглядам, методам, тактическим приемам. Буржуазии выгодно поддерживать эти разногласия в рабочем классе. Она ими пользуется, отрывая и вовлекая в орбиту своего влияния, подкупая и деморализуя отдельные части, отдельные группы рабочего класса, затемняя его классовое сознание либеральными и радикальными фразами и посулами, обманывая его мелкими реформами и частичными уступками, сводя классовые противоречия к несущественным различиям, легко будто бы устраняемым в условиях «политической» и «производственной» демократии.

«Введение в заблуждение рабочих, внесение раскола в их среду, превращение их политики в бессильный придаток бессильного и эфемерного реформаторства», — говорит справедливо голландский марксист Паннекук («Тактические разногласия в рабочем движении»),—такова позитивная, реальная цель либеральной политики буржуазии.

Эта буржуазная тактика питает и усиливает ревизионизм в рабочем движении, доводя разногласия внутри него до прямого раскола.

Война и, особенно, послевоенное время, когда усилились и осложнились тактические зигзаги буржуазии по отношению к рабочему классу, усилили и усложнили и разногласия внутри рабочего класса и рабочего движения.

Борьба двух основных тенденций в рабочем классе—реформистского и революционного—в современном рабочем движении превратилась в острое столкновение враждующих друг с другом группировок в мировом профессиональном движении. Профсоюзы всего мира раскололись на целый ряд различных, иногда резко враждебных, группировок. Первое место занимают реформистские союзы, воспринявшие идеологию реформизма, отказавшиеся от классовой борьбы и провозгласившие принцип сотрудничества с буржуазией. Центром реформистского рабочего движения является Амстердамский Интернационал [1]). Он лишен активного боевого духа, давно порвал с революционной марксистской идеологией и, по существу, является лишь подсобной организацией буржуазии, орудием в ее руках, с целью подчинения и закабаления рабочих масс.

Численно вся реформистская группа профсоюзов, об'единяемая Амстердамским Интернационалом (из них наиболее значительными являются германские социал-демократические союзы и английские тред-юнионы), достигает едва ли 10 миллионов. По подсчету самого Амстердама еще года два назад, он об'единял 24 милл. членов, а в отчете МФПС (Международной Федерации Профессиональных союзов—она же «Амстердамский Интернационал»), составленном к Венскому Конгрессу, в конце 1923 г. насчи-

[1]) «Амстердамский Интернационал» — международная федерация профессиональных союзов (МФПС) — образовался в 1913 г. из Международного Центрального Бюро (позднее Международный Секретариат), существовавшего с 1903 г. Во время войны МФПС распалась. В 1919 г. восстановлена центр МФПС в Амстердаме, почему и называется иногда «Амстердамом», в отличие от Московского, т.-е. Красного Интернационала Профсоюзов (Профинтерн).

тывалось в рядах Амстердама 22 национальных организации с общим числом членов 16.528.072. Из об'единяемых Амстердамом национальных организаций только три (Канада, Палестина и Южная Африка) принадлежат к вне-европейским об'единениям. Америка и Восток, развивающееся движение рабочих в колониальных и полуколониальных странах Амстердамом совсем не организовано. Таким образом Амстердамский Интернационал нельзя даже назвать всемирной организацией. Он является фактически только европейским об'единением профсоюзов.

К этой же группе реформистских профсоюзов можно отнести союзы, об'единяемые американской федерацией труда, правым своим крылом сросшиеся с либеральной буржуазией, по идеологии и, особенно, по практике, примыкающие к желтым предпринимательским союзам.

К реформистской группе примыкают соглашательские синдикалистские организации Франции, либеральные (Гирш-Дункеровские) союзы Германии и др. Всей этой группе реформистских организаций противостоит группа революционных организаций, примыкающих к Красному Интернационалу Профсоюзов, об'единяющему под своим знаменем революционной классовой борьбы союзы, меньшинства и группы 49 стран, из них такие, как Индия, Ирландия, Корея, Турция, Китай, т.-е. те молодые революционные организации рабочего класса в колониях и полуколониях, которые только сейчас вовлекаются в активно-борющиеся с капиталом ряды международного пролетариата.

Самое возникновение Профинтерна явилось результатом той в основе своей раскольнической политики, какой отличается вся деятельность реформистов. «Профинтерн возник для того, чтобы собрать все революционные силы международного профессионального движения в целях борьбы против подчинения рабочих организаций империалистической Лиге Наций»,—так об'ясняет отчет Профинтерна III Конгрессу происхождение Профинтерна, но за пределами этих двух основных групп мы видим еще и другие, несколько особняком стоящие, группы профессиональных союзов, как национальные и фашистские (особенно в Италии, Германии и Польше), как союзы религиозные (католические—в Германии, Италии и др.; протестантские—в Голландии и др.). Но как открыто-буржуазные, контр-революционные фашистские союзы, так и только прикрывающиеся религиозным облачением, но также желтые буржуазные католические и протестантские союзы являются только переходной ступенькой к союзам пятой группы—желтым, откровенно содержащимся на предпринимательские средства профсоюзным об'единениям, из среды которых вербуются отряды штрейкбрехеров и дезорганизаторов рабочего движения.

Наконец, последняя группа, об'единяющая профсоюзы на революционной, но анархистской платформе, является группа анархо-синдикалистских организаций Испании, Португалии, Скандинавии, Америки (Индустриальные работники мира). Анархо-синдикалистские группы, частично, входят в незначительный по своему значению берлинский анархо-синдикалистский Интернационал. Но раскол в мировом рабочем движении этими основными группами не исчерпывается. Мы имеем в настоящее время не только три международные организации (Профинтерн, Амстердамский и Берлинский Интернационалы), не только существование многих параллельных профессиональных организаций внутри каждой из стран. Силы рабочего класса раздробляются и по линии неизжитых, а, наоборот, поддерживаемых буржуазией антагонизмов национальных и расовых. Бойкот белыми рабочими желтого и черного труда (особенно борьба против допущения в союзы китайцев и негров) привел к созданию чисто-негрских и т. п. особых союзов...

Американские союзы, напр., закрывают свои двери для европейских рабочих иммигрантов. В ряде европейских стран, как Польша, где отдельно существуют польские и еврейские союзы, или Чехо-Словакия, имеющая самостоятельные чешские и немецкие союзы, национальный антагонизм также раскалывает рабочие ряды.

Маленькая Чехо-Словакия является особенно характерным примером той величайшей раздробленности, какая характеризует современное мировое профдвижение. Там существует шесть профессиональных центров и несколько независимых союзов и об'единений. В столь же небольшой Голландии мы имеем семь общепрофессиональных центров. Нет ни одной страны, за исключением СССР, где профессиональное движение было бы не только идейно, но хотя бы организационно едино. Таким образом раскол в современном рабочем движении представляет собой, с одной стороны, картину распада и внутреннего разложения реформистских рабочих организаций, прочно «врастающих» в капиталистический строй, а с другой стороны—является результатом быстрого революционизирования широких рабочих масс в послевоенное время.

Реформизм является главной и единственной опорой буржуазии в эпоху распада капитализма, является, следовательно, главным и единственным источником раскола.

Борьба против раскола есть борьба против капитализма и против реформизма. Борьба за единство есть борьба за победу рабочего класса над империалистической буржуазией. Но с такой расколотой армией рабочий класс не может победить в неравном бою с государственно-организованной буржуазией. Более того, в таком состоянии рабочий класс даже не в состоянии удержать своих позиций, своих основных завоеваний, как 8-часовой рабочий день, фабричное законодательство, рабочие организации и т. п.

Наоборот, чем дальше, тем меньше у него остается надежд и иллюзий относительно возможности самых элементарных улучшений своего положения.

Особенно это ясно видно теперь, при современной международной обстановке, характеризующейся временной стабилизацией капитализма. Временное улучшение кон'юнктуры в отдельных странах и ряд поражений рабочих революций в период послевоенной борьбы пролетариата с империалистической буржуазией дали возможность буржуазии к переходу в активное наступление на рабочий класс, а буржуазным апологетам—некоторый повод к возвеличению временного укрепления империализма в фазу «нормального капитализма», способствующего «автоматической подготовке социализма современной концентрацией капитала».

Процесс интернационализации капитала, правда, осложняемый внутренними противоречиями и колебаниями, все же дает некоторую (и не малую) возможность к давлению на рабочий

класс. Положение рабочего класса при капиталистической «стабилизации» становится еще более критическим и трудным. План Дауэса, повернувшись временно своей лицевой стороной к германским рабочим, уже показывает свою сущность рабочим Англии, Франции, Италии и другим, требуя «поравнения» по более низкому жизненному уровню и ухудшенным условиям труда германских рабочих. Всюду в Европе и даже в Америке заработная плата падает. Безработица попрежнему давит миллионными цифрами и безысходностью тупика, в каком очутились рабочие, потерявшие работу вследствие капиталистической «перепланировки» хозяйства. Проблема расширения рынков, борьба за рынки становится очередной жгучей проблемой в каждой капиталистической стране. Такова об'ективная обстановка, в которой развернулась историческая борьба рабочего класса за единство.

И на фоне этой обстановки соглашательская политика и тактика Амстердамского Интернационала, мобилизовавшего свои силы против единства, хотя открыто еще не решаясь выступить против него, должна получить совершенно четкое отражение.

Но борьба за единство вскрыла не только, в сущности, давно уже знакомую картину буржуазной политики и тактики Амстердама. Она вскрыла, вместе с тем, и всю силу его внутреннего разложения и распада, основным и наиболее ярким выражением которого явилось быстро оформляющееся левое крыло Амстердамского Интернационала.

Кризис Амстердама и оформление левого крыла.

В чем сущность переживаемого и теперь уже для всех очевидного кризиса Амстердамского Интернационала?

Фактически это только новое и еще более наглядное подтверждение разложения, упадка, гибели реформизма. В характерной полемике между редакцией «Minority Movement» (орган профессионального английского национального движения меньшинства) и секретарем Амстердамского Интернационала Удегестом в январе 1925 г. последний, возражая редакции английской газеты, сам сделал следующее характерное заявление: «Неверно, будто борьба между правым и левым крылом в Амстердамском Интернационале началась только сейчас. Эта борьба началась в начале 1922 года, продолжалась до середины 1924 г. и нашла временное завершение на Венском конгрессе».

Таким образом хронологические рамки выкристаллизовывания левого крыла в Амстердамском Интернационале определил сам секретарь его—Удегест.

Попытаемся вкратце проследить, по какой линии, по каким основным вопросам нарастало оппозиционное настроение, оформившееся в фактическое левое крыло в Амстердаме.

Наиболее характерной чертой для реставрированного по окончании войны соглашательского Интернационала Профсоюзов является факт перенесения его ориентации на английские профсоюзы. Самое рождение Амстердамского Интернационала, прошедшее в больших муках, едва не кончилось отколом от Амстердама германских союзов, если бы не признание последними, в лице правого немецкого оппортуниста Зассенбаха, вины Германии в мировой войне. Амстердамский Интернационал, сложившийся с гегемонией профсоюзов Антанты, естественно, должен был опереться на наиболее сильные из них—профсоюзы Англии, при

чем во главе Бюро Интернационала, вместо немца Легина, стал Эппельтон, смененный на Лондонском с'езде руководителем английских железнодорожников—Томасом. Эта гегемония английского профдвижения в Амстердамском Интернационале базировалась на трех основных моментах: 1) на политическом и экономическом преобладании Англии после войны в числе других европейских стран-победительниц; 2) на соответственно возраставшем влиянии английского рабочего класса, давшем победу рабочей партии и породившем в рабочем классе демократически-пацифистские иллюзии; 3) на финансовом значении английских тред-юнионов в общем бюджете Амстердама. Но и доминирующее значение английских тред-юнионов не внесло единства в тактику и политику Амстердама. Наоборот, несмотря на полное подчинение общему курсу со стороны германских и, вообще, менее влиятельных профсоюзов, гегемонии профсоюзов Антанты установить в Амстердамском Интернационале не удалось. Официальный отчет Амстердама, представленный им Римскому конгрессу в апреле 1922 г., с достаточной откровенностью констатирует разногласия внутри Амстердама с момента его зарождения. «Хотя и удалось установить единство между представителями профессиональных союзов разных стран, еще недавно враждовавших друг с другом, все же конгресс (речь идет о первом Амстердамском конгрессе. *А. П.*) не дал полного удовлетворения. При обсуждении почти каждого пункта получались противоречия, которые в течение долгих лет во время войны искусственно вспыхивали, и эти противоречия очень остро выступили наружу. Почти каждый день конгресса приводил к новым столкновениям, прежде чем удалось достигнуть единого голосования». Противоречия, отмеченные на первом конгрессе, несколько затушеванные принужденно-революционными фразами о социализации, 8-час. раб. дне и т. п., в связи с общим под'емом массового движения в 1920 году, на втором (Лондонском) конгрессе, вновь обострились ко времени третьего конгресса, состоявшегося в Риме (20—22 апреля 1922 года). Но теперь развитие внутренних противоречий в Амстердаме пошло по другой линии, определяясь новой экономической и политической обстановкой, характеризующейся наступлением капитала и новой угрозой войны.

Профинтерн и примыкающие к нему организации перед лицом наступающего капитала забили тревогу, предлагая всем рабочим организациям—профсоюзам и партиям—установить единый фронт пролетарской борьбы.

Под давлением общего стремления масс к созданию единого фронта, 15—16 ноября 1921 г. была созвана Амстердамом совместная конференция представителей международных секретариатов транспортников, горнорабочих и металлистов, принявшая резолюцию, призывающую рабочих и их организации «вести пропаганду против реакции и милитаризма с напряжением всех своих сил и пустить в ход всю свою хозяйственную мощь в целях воспрепятствования повторению человеческой бойни в мире».

Хотя эта конференция и ее резолюции не имели никаких реальных результатов для рабочего класса, все же она не оставалась без влияния на углубление разногласий внутри Амстердама.

Борьба развернулась вокруг вопроса о создании тройственного союза для борьбы против войны. Фиммен, инициатор и ор-

ганизатор совещания, один из представителей нынешнего левого крыла, защищал создание особого комитета по борьбе против реакции и милитаризма. Ходжес, выступавший во главе правого течения против такого комитета заявлял откровенно, почему комитет не нужен: «Я знаю по опыту, что такого рода коалиция не даст результатов, которых вы ожидаете».

Дальнейшая борьба внутри Амстердама развернулась уже на самом конгрессе. Осудив «морально» реакцию, конгресс снова призвал вести «устную и письменную пропаганду и энергичную, беспощадную кампанию против милитаризма и так подготовить рабочих к борьбе против милитаризма, чтобы они были согласны и готовы следовать всякому призыву солидарности рабочего класса и чтобы, в случае необходимости, по приглашению международного об'единения профсоюзов могли немедленно прекратить работу при наличии действительной угрозы войны».

Нет ничего удивительного, что, в результате таких «радикальных» предложений, даже в среде самих амстердамцев должно было возникнуть глубокое разочарование политикой и тактикой большинства в Амстердаме. Об этом свидетельствуют слова одного из участников конгресса, руководителя норвежских союзов Оле Лиана:

«Я даже сам не предполагал, что римский конгресс окажется таким чисто реформистским и совершенно отрицательным по своим результатам. Никаких конкретных указаний и планов борьбы рабочих в настоящих условиях он не дал...».

Оценивая значение произведенных выборов, Оле Лиан в своем отчете дальше пишет: «Конгресс окончательно и бесповоротно убедил меня в том, что реформировать Амстердамский Интернационал невозможно. Выборы, произведенные конгрессом, являются чрезвычайно показательными. Хотя всем было ясно, что иметь своим председателем Джона Томаса—сущий позор, все же Томас и другие члены бюро были торжественно избраны... По моему мнению, делегаты этого конгресса были скорее представителями своих стран, чем представителями рабочего класса. На конгрессе в Амстердаме в 1919 году можно было заметить некоторое подобие боевого настроения. В Риме не было видно ни следа воли к борьбе»...

Не вдаваясь в оценку личности и политики самого Оле Лиана, все же следует признать весьма показательной его характеристику конгресса. Однако внутренние разногласия в Амстердамском Интернационале оформились не столько на этой принципиальной оценке основных тактических и програмных выступлений Амстердама, сколько по двум, как будто, менее важным вопросам: 1) по вопросу о включении в производственные интернационалы революционных союзов, примыкающих к Профинтерну, и 2) по вопросу об отношении к ВЦСПС.

В сущности, это был один и самый принципиальный вопрос: об отношении Амстердама к революции, ибо, конечно, спор, по существу, шел и идет еще и сейчас вовсе не о пределах организационной автономии производственных интернационалов и даже не о включении ВЦСПС на основе статутов Амстердама в его состав, как на этом настаивают реформисты. Спор шел и идет по кардинальнейшему вопросу, от решения которого зависит судьба рабочего класса: держать ли курс по-прежнему на сотрудничество и поддержку буржуазии или повернуть курс решительно и смело навстречу социалистической революции.

Но само собой разумеется, что нельзя считать такого рода положение—оформленной платформой левого крыла. Такой платформы, такого определенного политически и идеологически выраженного лица левое крыло еще не имеет. Венский конгресс (в июне 1924 г.), в котором Удегест в цитированной полемике с журналом английского движения профсоюзного меньшинства видел уже «завершение» спора между правым и «левым» крылом в Амстердамском Интернационале, на самом деле, только положил основы и углубил внутренние разногласия в Амстердаме, как об этом свидетельствуют дальнейшие события.

Левое крыло, в лице Фиммена и английской делегации, дало бой на Венском конгрессе по «русскому вопросу». Бой внешне, формально как будто окончился победой правых. Резолюция, принятая конгрессом, гласит довольно определенно, при каких условиях ВЦСПС может войти в Амстердам: «Конгресс предлагает Бюро Амстердамского Интернационала принять, по мере возможности, меры к вовлечению в международное профессиональное движение советских профсоюзов без ущерба, во всяком случае, для авторитета Амстердамского Интернационала, неизменно придерживаясь основных статутов и постановлений Амстердамского Интернационала».

Представители левого крыла, хотя и уклончиво, согласились с такой резолюцией. Фиммен даже выразил свою радость по поводу «достижений» конгресса по «русскому» вопросу: «хотя,—заявил он,—сторонники сближения настаивали на более определенных и широких решениях, все же нужно радоваться, что удалось добиться хотя бы таких результатов». Однако постепенная эволюция английских тред-юнионов влево, явившаяся, как увидим ниже, в результате ослабления метрополии, индустриализации ее колоний, потери Англией большинства рынков, невозможности для нее соперничества с усилившейся Америкой, с одной стороны, и в результате крушения демократических иллюзий, с другой,—внесла полное замешательство в ряды Амстердама.

Положение неустойчивого равновесия в Амстердамском Интернационале сказалось и на результатах выборов в Бюро: председателем его был избран Персель—председатель Генерального Совета английских тред-юнионов и наиболее решительный и последовательный сторонник единства. Пока его поставили в компанию правых вождей Амстердама—трех вице-председателей: Жуо, Мертенса и Лейпарта, секретарей—Удегеста и Зассенбаха, при чем самый состав Бюро гарантировал не только полную неприкосновенность старой политики Амстердама, но и полную безопасность последнего от всяких «неожиданностей» со стороны Перселя.

Но «гарантии» не помогли. На Амстердамском корабле была пробита брешь. Единство мирового профдвижения оказалось тем гвоздем, который пронзил его, как будто, непроницаемую реформистскую броню. И поскольку силою обстоятельств опора Амстердама—английские тред-юнионы—стали на сторону союзов СССР и вместе с последними на борьбу за единство, постольку Амстердам, стоя перед угрозой лишиться опоры и повиснуть в воздухе, должен был—в тех или иных формах и выражениях—словесно признать и союзы СССР и единство, а фактически встретить то и другое ожесточеннейшей кампанией вражды и клеветы, широко развернувшейся при помощи всей реформистской и буржуазной прессы.

Полевение английского рабочего движения и борьба за единство.

В чем заключается об'ективный смысл основного требования, расколовшего Амстердам на «правое» и «левое» крыло,—признания и об'единения с союзами СССР? Почему это требование тем настойчивее и решительнее, чем сильнее наступление капитала и чем слабее отпор наступающему капиталу со стороны Амстердама?

Развернувшаяся и все более обостряющаяся классовая борьба требует от рабочего класса организации соответствующей силы и степени противодействия капиталу. Амстердамский Интернационал лишен этой способности активного противодействия, хотя бы в силу своего качественного состава, в силу своей реформистской, соглашательской, пассивной политики и тактики.

Единственно, что могло бы оживить, поднять, возродить Амстердам, как рабочую, классово-самостоятельную, боевую организацию—это его перестройка. Она могла бы произойти двумя путями: 1) путем внутренней реорганизации, путем уничтожения цеховщины и переконструирования всего об'единяемого Амстердамом профдвижения по производственному принципу, и 2) путем одновременного вливания в Амстердам новых, живых сил движения, следовательно, прежде всего тех профсоюзов, которые составляют базу революционного движения во всем мире,—именно профсоюзов СССР, а также и всех остальных революционных профсоюзных меньшинств.

Без осуществления этих двух условий Амстердам, как таковой, должен быть скинут со счетов истории рабочего класса. Без превращения в боеспособную международную рабочую организацию, умеющую и желающую стоять на почве классовых интересов и экономических требований пролетариата, он ему не нужен. И чем бессильнее окажется он помочь пролетариату в его революционной борьбе с капиталом, тем скорее уйдут от него массы.

Но без масс, которые Амстердам помогал подчинять буржуазии, он перестает быть нужным и самой буржуазии. В том и другом случае Амстердаму предстоит разложение и гибель.

Против этой перспективы должно было встать так наз. левое крыло Амстердамского Интернационала, как это видно из следующих характерных слов Фиммена на международном конгрессе транспортников: «Считая Амстердам единственным Интернационалом,—заявил Фиммен,—я хотел бы, чтоб в его ряды проник московский дух». Но «московский дух»—это не только существенно-отличная организационная структура профессионального движения, «московский дух»—это, прежде всего, отказ от политики подчинения буржуазии, это—непримиримая классовая борьба против капитализма и курс на мировую социалистическую революцию. И если Амстердамские организации не на словах, а на деле пожелают проникнуться таким «духом», нам не только будет с ними по пути, но мы всемерно и целиком поддержим проникнутое стремлением реорганизовать Амстердам в «московском духе» его левое крыло.

Эту об'ективную, историческую задачу выполняет ныне английское профессиональное движение своей борьбой за сближение с русскими профсоюзами, тем самым делая первые шаги по пути к мировому единству, а следовательно, осуществляя постепенно возможность проникновения в затхлую атмосферу обуржуазившегося Амстердама свежего революционного «московского духа».

Но выступление английского профсоюзного движения на борьбу за единство в блоке с профсоюзами СССР, конечно, происходит не с такими открыто выраженными революционными целями. У него есть достаточно и своих оснований для полевения. И хотя процесс происходит медленно, все же он происходит с чисто английской постепенностью и неуклонностью. Еще Энгельс в одном из писем к Зорге (в 1892 г.) писал, что англо-саксонская раса «тяжело ворочает мозгами», что ее «европейская и американская история (экономический прогресс и преобладающее мирное развитие в политическом отношении) еще более способствовала этому качеству», и что «здесь помочь могут только великие события». Слова относились к перспективе революционизирования американского движения, но они целиком могут быть отнесены и к проблеме революционизирования английского движения.

В Англии мы сейчас несомненно видим начало новой исторической по своему значению главы рабочего движения. Еще Ленин не раз отмечал столетиями выработанную консервативность английского рабочего движения, вследствие исключительного монопольного положения английской промышленности, делавшей Англию «фабричной мастерской» всего мира, дававшей буржуазии за счет колониальных прибылей подкупать рабочий класс собственно Англии, создавая сравнительно сносные условия для обученной, хорошо оплачиваемой части так называемой рабочей аристократии. Но уже перед войной, в связи с возраставшей конкуренцией в лице германского капитала, и особенно теперь, после нескольких лет войн и революций в Европе, когда Англией были потеряны многие из ее прежних рынков сбыта,—Англия все более утрачивает свое монопольное положение на мировом рынке и одновременно все более ослабевает ее былая колониальная мощь. А эти обстоятельства («великие события», по словам Энгельса) не могут не сказаться и уже сильнейшим образом сказываются на всем экономическом и политическом положении в Англии. Привилегированное положение рабочей аристократии уменьшается. Растет безработица. Ухудшаются условия труда. Нищает рабочая масса. Все это обостряет классовую борьбу, заставляет рабочий класс искать выхода, искать какой-нибудь точки опоры в своем неустойчивом положении, искать новых путей воздействия на буржуазию. Такой точкой опоры для него является сближение с СССР, политическое сближение с которым могло бы открыть рынок СССР для английских товаров, уменьшить безработицу в Англии, а ввоз хлеба в Англию из СССР мог бы удешевить предметы первой необходимости. Именно эти экономические причины заставили английский рабочий класс не только впервые усумниться в правильности и целесообразности своей старой тред-юнионистской тактики, но и отказаться от былых методов борьбы рабочей партии. Первое особенно наглядно выражено в создавшемся и все возрастающем движении революционного меньшинства английских профсоюзов, проводящего всю свою работу под знаменем борьбы за единство. Это революционное меньшинство наиболее полно и целостно отражает сдвиг в массах. Отражением последнего является и то

полевение в руководящих кругах английских профсоюзов, которое ныне определяет физиономию левого крыла в Амстердамском Интернационале. Сомнение в целесообразности старой тред-юнионистской тактики Персель, глава этого левого крыла, прекрасно выразил в своем журнале: «Единство мирового профдвижения» («International trade-union unity» № 1): «Я все больше и больше чувствую,—пишет он в редакционной передовице,—что единство является самым жгучим вопросом тред-юнионизма. Я чувствую так же остро, во время стачки или другой угрожающей рабочим опасности, всю необходимость скорейшего разрешения этого вопроса». А в заключение он высказывается еще более решительно: «Почему мы за единство? Почему единство сделалось жгучим вопросом всего мира? Не из сентиментальных или филантропических побуждений. Нет. Мы за единство, потому что единство—значит сила. И когда единство будет достигнуто, ближайшей задачей рабочего класса будет использование этой силы для своего освобождения, для освобождения угнетенных народов и для уничтожения капитализма со всеми его спутниками: нищетой, страданиями, варварством».

Но крах старой тред-юнионистской тактики, выразившейся в признании необходимости и неизбежности революционной классовой борьбы, идет сейчас параллельно с крахом всей системы реформизма, поскольку она выражена в старых, ныне негодных политических методах рабочей партии. Недолгий и печальный опыт макдональдовского рабочего правительства только подтвердил спаянность рабочей партии с буржуазией и отсутствие у нее самостоятельной рабочей политики. Естественно выросшее отсюда недовольство в английском рабочем классе должно было привести к разногласиям и конфликту между левой частью английских тред-юнионов и правым крылом рабочей партии. Любопытным эпизодом этого все углубляющегося конфликта является дискуссия о роли тред-юнионов и рабочей партии, происшедшая между Джоном Уитли, бывшим министром «рабочего» правительства и секретарем генерального Совета Фредом Брамли. В связи с кампанией английских тред-юнионов за единство профдвижения, все более увлекающей их на путь классовой борьбы и таким образом все более отрывающей массы от реформистского влияния рабочей партии, лидеры последней подняли травлю против нынешней линии генерального совета тред-юнионов. Возражая Уитли, будто «тред-юнионы не в состоянии вести переговоры и бороться», ибо они бессильны и являются «лишь тенью того, чем они были некогда», Брамли, в энергичных выражениях, критикует всю политическую ориентацию рабочей партии: «Если верно, что политическое движение одержало большие успехи, а тред-юнионы отстали, то причины не трудно открыть. До тех пор, пока лучшие люди тред-юнионистского движения будут стремиться лишь к тому, чтобы попасть в парламент, а затем в правительство, и будут считать это своей конечной и важнейшей целью, положение не изменится. Тред-юнионы раздроблены, дезорганизованы и ослаблены потому, что те, кто наиболее способен был бы развивать их работу, превращают их в политический трамплин для себя».

И уже прямой угрозой звучат его заключительные слова: «Что же случится с политическим движением, если тред-юнионы совершенно от него отделятся? Главным источником силы политического движения, ведь, является финансовая и моральная поддержка тред-юнионов»...

Еще, пожалуй, лучше, чем сами тред-юнионы и рабочая партия, понимает смысл сдвига в английском рабочем движении и значение борьбы за создание единства мирового профдвижения, сама буржуазия.

Вся буржуазная пресса и, в особенности, английская полна тревожными комментариями происходящих событий.

Интересно, что все они сходятся на одной оценке кампании за единство: осуществление единства профессионального движения есть путь к революции и шаг к коммунизму.

Английская либеральная буржуазная газета: «Манчестер Гардиан» так прямо и пишет, что отныне профсоюзы становятся дверями, через которые коммунизм входит в английское и мировое рабочее движение. Все конкретные шаги, которые были сделаны в направлении достижения единства профдвижения, начиная с Гулльского конгресса и пребывания в Англии русской делегации профсоюзов,—поездка на VI с'езд профсоюзов СССР английской профсоюзной делегации и положительный отчет ее о России, образование Англо-Русского комитета единства, созванная в результате Лондонская англо-советская профсоюзная конференция и, особенно, совместная декларация русских и английских делегаций, инициатива англичан в деле созыва предварительной конференции ВЦСПС с Амстердамом—все эти шаги встречаются небывалыми атаками из реформистского и буржуазного лагеря. Но пока эти атаки достигают лишь одного: они заставляют еще решительнее действовать, еще определеннее отмежевываться, еще быстрее оформляться левое крыло Амстердамского Интернационала. Оно еще не имеет ни определенной программы, ни четко выраженных принципиальных тактических подходов ко многим основным вопросам рабочей борьбы.

Но общий подход, общее знамя борьбы, естественно и неизбежно революционизирующее и определяющее дальнейшую политику и тактику левого крыла, у него имеется: это—борьба за осуществление мирового единства профдвижения.

Ленин, оценивая в 1913 году революционизирующее значение стачки углекопов в 1912 г., показавшей «новый дух» британских рабочих, указывая, что после стачки углекопов английские рабочие научились бороться и увидели тот путь, который приведет их к победе,—писал:

«Профессиональные союзы Англии медленно, но неуклонно поворачивают к социализму,—вопреки многим членам парламента из рабочих, упорно отстаивающих старинку либеральной рабочей политики. Но этим последним могиканам не удержать старинки!»

С еще большим основанием мы можем перенести эти слова к современному положению в Англии и во всем мире.

Да, профсоюзы Англии и всего мира идут и придут к коммунизму. И никаким последним могиканам из Амстердама «не удержать старинки». Залогом и свидетельством этого является выходящее из его недр и медленно зреющее революционное ядро профсоюзов, именуемое пока «левым крылом» реформистского, уходящего в архив истории, Амстердамского Интернационала.

Рут Фишер.

Выборы фабзавкомов в Германии.

I.

Происходящие в этом году в Германии выборы фабзавкомов заслуживают особого внимания:

1. Они имеют большее значение, чем выборы в буржуазный парламент, так как даже после политического кастрирования их знаменитым законом о фабзавкомах 1920 года, ограничившим их задачи повышением «производительности предприятий», они при наличии коммунистического влияния являются сильными боевыми пролетарскими оплотами; в коммунистических руках они становятся видными органами пролетарской борьбы за власть и могут значительно способствовать усилению коммунистического влияния в свободных профсоюзах.

2. Начиная с марта 1924 года, когда происходили выборы в фабзавкомы в прошлом году, частично еще в обстановке нелегального существования партии, руководство партией взяли в свои руки левые, приступившие к организации производственных ком'ячеек, развернувшие кампанию в пользу профсоюзного единства и на январском пленуме ЦК сугубо подчеркнувшие необходимость мобилизации предприятий для борьбы за частичные требования (повышение заработной платы, 8-часовой рабочий день), как уже раньше это было намечено Франкфуртским партс'ездом. Таким образом нынешние выборы в фавзавкомы будут до некоторой степени генеральным критерием для проверки правильности линии партии, определения влияния и силы ком'ячеек и успехов, достигнутых в кампании за профсоюзное единство.

3. Выборы в фабзавкомы в 1925 году происходили в марте и апреле—в тот же период года, когда происходили впервые в истории Германии выборы германского президента.

II.

В этом году партии приходилось при выборах фабзавкомов преодолевать неимоверные трудности. Прежде всего выборную кампанию надо было строить так, чтобы она была в то же время кампанией в пользу профсоюзного единства, чтобы она не только не ослабила влияния коммунистов в свободных профсоюзах, но и способствовала его усилению, с другой же стороны, недопустимо было итти на сделки с СПГ на предприятиях, наоборот, именно здесь, на предприятии, надо было сосредоточить ударную силу в борьбе с СПГ и разоблачать самым беспощадным образом их предательскую роль, для отрыва от них массы. Сочетать то и другое очень трудно; для этого требуется тонкая маневренная, но строго преследующая определенную цель тактика, при чем в каждом округе и даже в каждом предприятии обстановка своеобразна.

В чем же состоят чудовищные трудности положения? Официальный орган Всегерманского Об'единения Профсоюзов «Геверкшафтсцейтунг» поместил в № 1 за 1925 г. статью под названием «Выборы в фабзавкомы в 1925 г. и коммунистические махинации». В этой статье в первую голову устанавливается, что при выборах фабзавкомов профсоюзы должны держаться решений, вынесенных Лейпцигским профсоюзным с'ездом в 1922 году. В пункте 4 этой резолюции говорится: «Поскольку на том или ином предприятии выдвигается профсоюзный список, на основе этих положений (положения эти излагаются в п. 3: «При намечении кандидата решающее значение имеет не политическое течение, а его профессиональный стаж, общая активность и профсоюзный опыт». *Р. Ф.*), ни один из членов профсоюзов, входящих во Всегерманское Об'единение, не может фигурировать в качестве кандидата в другом выдвигаемом на выборах списке». К этому статья прибавляет: «Так говорит профсоюзное право, это—закон, которого должен держаться каждый член профсоюза. С несоблюдающими его надлежит поступать так, как поступают коммунисты обычно с, теми, кто не соблюдает их решений.

В том же духе высказались и официальные органы отдельных профсоюзов. А Диссман, «левый» деятель СПГ и председатель крупнейшего профсоюза во Всегерманском Об'единении—германского союза металлистов,—вынес даже на конференции Всегерманского Наблюдательного Совета фабзавкомов металлопромышленности в Штуттгарте резолюцию, в которой говорится, что при выборах фабзавкомов должен выдвигаться лишь единый список кандидатов свободных профсоюзов. Сепаратные списки недопустимы: кто нарушит это постановление, подлежит исключению из союза.

Такое поведение реформистской профсоюзной бюрократии вынудило партию отказаться от выдвигания оппозиционных профсоюзных или партийных списков, не то—пришлось бы считаться с новыми массовыми исключениями коммунистов из профсоюзов,—а кандидаты, выдвигаемые при выборах в фабзавкомы, не принадлежат обычно к числу наихудших работников партии. Итак, это грозило бы чрезвычайным ослаблением влияния коммунистов в профсоюзах и низвело бы профсоюзную работу партии на уровень состояния ее до Франкфуртского партс'езда.

Эти факты имели решающее значение при выработке КПГ тактики при выборах в фабзавкомы.

Наметить единую общую для всех предприятий тактику было почти невозможно, так как, как мы уже упоминали, на различных предприятиях, при том зачастую в одной и той же местности, обстановка различна: на одном предприятии влияние КПГ и СПГ взаимно уравновешиваются и думать здесь приходилось лишь о выдвигании общего списка свободных профсоюзов, на другом предприятии можно было держаться старой традиции и выдвигать партийные списки, не боясь последствий для кандидатов. Опять же на одном предприятии на стороне партии большинство профорганизованных рабочих, а на другом большинство профсоюзных функционеров против нас, большинство же рабочего состава нам сочувствует. Последнее случается довольно часто; но это чревато новыми трудностями, так как гер-

манский закон о фабзавкомах требует, чтобы списки кандидатов намечались на общем собрании рабочих предприятия, а резолюция Лейпцигского профсоюзного с'езда—чтобы кандидаты намечались на собрании профорганизованных рабочих или профсоюзных функционеров.

В начале в партии существовали разногласия по вопросу о тактике, которой надлежит держаться при выборах, но вслед за тем вопрос был разрешен единогласно принятой резолюцией на январском заседании пленума ЦК.

Согласно резолюции пленума ЦК, тактика партии при выборах фабзавкомов должна преследовать следующие цели:

1. Активного руководства рабочей массой со стороны партии.

2. Внушения этой массе доверия к революционному руководительству.

3. Усиления влияния коммунистов в свободных профсоюзах организационным путем—посредством массового вступления в них сочувствующих партии.

4. Завоевания партией боевых пролетарских позиций и

5. Взятия партией в свои руки органов пролетарской борьбы.

Резолюция пленума ЦК считает, что первоочередной задачей для достижения этой цели является заполнение списка кандидатов свободных профсоюзов коммунистами и на-ряду с обработкой массы на этом надо сосредоточить все усилия. Там, где заполнить список свободного профсоюза коммунистами на общем собрании рабочих предприятия не удается, надо изо всех сил добиваться этого на последующем собрании профорганизованных рабочих предприятия. Это должно одновременно служить поводом к массовой вербовке сочувствующих партии в свободные профсоюзы.

На-ряду с этим резолюция намечает конкретно путь, которым надлежит итти в том или ином случае, типичном для многих районов, подчеркивая однако настойчиво необходимость борьбы с целью овладения списком свободных профсоюзов при всех обстоятельствах. Она заранее отвергает возможность каких бы то ни было сделок с СПГ, как при неустойчивом большинстве, так и при наихудшем положении партии на данном предприятии. Даже в самых безнадежных случаях фракциям рекомендуется, при выдвигании списков кандидатов, отстаивать права меньшинства на профсоюзных собраниях.

Лишь по исчерпании всех средств и в особых случаях с согласия окружного комитета партии разрешается выдвигать списки профсоюзной оппозиции, при чем включать в них надлежит лишь таких товарищей, которым не грозит уже исключение из профсоюза.

Самостоятельным революционным профсоюзам, входящим в Красный Профинтерн, рекомендовалось проводить избирательную кампанию под углом зрения профсоюзного единства и ни в коем случае не выдвигать собственных списков, поскольку удается заполнять список кандидатов свободного профсоюза коммунистами.

III.

Кампании, проводимые партией при выборах фабзавкомов, проходили очень планомерно. Это свидетельствует о происшедшей консолидации партии под руководством левого ЦК и ее постепенной большевизации. Кампании эти начались непосредственно вслед за выборами в рейхстаг 7 декабря. Итоги и уроки этих выборов были использованы для предстоящих выборов в фабзавком. Партийная печать единодушно писала, что выборы фабзавкомов гораздо важнее для коммунистов, чем выборы в парламент. А потому вся наша партия должна изо всех сил работать по подготовке выборов в фабзавкомы.

После состоявшегося 10—11 февраля пленума Центрального Комитета развернулась планомерная кампания. Она началась с проработки ее партийной организацией. Все партийные органы, вплоть до производственной ком'ячейки, на основании специального циркуляра ЦК партии и резолюции пленума Центрального Комитета, уделили большое внимание выборам в фабзавкомы и выработали план развертывания этой кампании в рамках, указанных окружными комитетами.

Одновременно с этим была поведена соответствующая кампания в партийной печати. Момент этот был использован для более широкого развертывания редакционной рубрики «С предприятий». Относительно многих провинциальных партийных газет можно определенно констатировать, что в течение этой кампании они шире развернули свою рабкоровскую сеть.

Благоприятными поводами для развертывания ком'ячейками кампании против социал-демократов послужили магдебургский процесс Эберта и мюнхенский—Ауэра. Они использованы были шире, чем можно судить по крупной партийной печати. Доказательством тому—усиленный выпуск нелегальных коммунистических ячейковых газет в период этой избирательной кампании.

Во время этой кампании работа велась по строго выработанному плану. Началась кампания по предприятиям с рабочих собраний. Им сопутствовали соответствующие рабочие корреспонденции в ежедневных органах коммунистической печати. Судя по отчетам в печати, на рабочих собраниях устанавливалось отношение к готским требованиям, по предложению коммунистов выдвигались особые заводские требования, звучало требование расширения прав фабзавкомов. Товарищи, освещали политику бывших социал-демократических фабзавкомов и вообще политику СПГ. Одновременно с этим коммунистические фракции в парламентах повторно выдвигали требования 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы государственным рабочим и содержания чиновникам, расширения прав фабзавкомов и проч.

Особый характер стали носить эти рабочие собрания с конца февраля в Рурской области после Дортмундовской катастрофы и всюду в Германии в связи с предстоящей стачкой железнодорожников и нависшей угрозой дружной борьбы горнорабочих, металлистов и железнодорожников.

Дальнейшему развертыванию кампании служили конференции фабзавкомов и заводских делегатов, носившие в большинстве окружный характер. Так, в конце февраля в Берлине состоялся Берлин-Бранденбургский с'езд фабзавкомов и заводских делегатов, в котором принимали участие 234 коммуниста, 4 социал-демократа, 4 независимца, 1 синдикалист и 116 беспартийных. 22 февраля состоялся с'езд берлинской рабочей молодежи, обратившийся к берлинским фабзавкомам с требованиями рабочей молодежи. На Тюрингенском с'езде фабзавкомов—в составе тоже нескольких сотен участников—выступил в пользу профсоюзного единства представитель английского меньшинства.

Главными лозунгами партии во всей этой кампании были: «Ни единого предприятия без фабзавкомов!», «Избирайте революционные фабзавкомы!». При этом, разумеется, выдвигались 10 пунктов боевой программы. Берлинский с'езд фабзавкомов выпустил воззвание «К Берлин-Бранденбургскому пролетариату», содержащее в себе нижеследующие общие положения: «Рабочие могут добиться 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы и освобождения из тюрем классовых товарищей лишь путем дружной сплоченной борьбы рука об руку с революционными фабзавкомами, высвобождения профсоюзов из-под влияния реформистских вождей и надлежащего отпора словесной демагогии». Конечно, и противники развернули энергичную избирательную кампанию. СПГ пустила в ход свой профсоюзный аппарат. Профсоюзная бюрократия и вся профсоюзная печать, тираж которой достигает 6 миллионов, повела кампанию в пользу СПГ.

Рабочие союзы, руководимые германскими националистами (желтые), устроили в конце февраля так наз. Всегерманский с'езд фабзавкомов, который оказался очень малолюдным и где кроме германского националиста-депутата рейхстага не выступал ни единый доподлинный член фабзавкома.

IV.

Итоги происходивших на этот раз выборов в фабзавкомы еще не могут быть подведены окончательно, но существенных изменений против того, что есть, уже быть не может, а наблюдаемые результаты свидетельствуют о значительном приросте голосов у коммунистов, а следовательно о получении коммунистами большего количества мест в фабзавкомах по сравнению с 1924 годом. Так, в Рурской области на 131 горнопромышленном предприятии подано в общей сложности 76.610 голосов за Унион (входящий в Красный Профинтерн), 61.675 за союз горнорабочих, 48.751 за христианский союз и 10.757 за прочие иные (синдикалистов, гиршдункеровцев, желтых и т. д.). Места распределяются следующим образом: на долю Униона приходится 603, союза горнорабочих—475, христианского союза—360, прочих—31. При этом надлежит принять во внимание, что в числе 61.000 голосов, поданных за союз горнорабочих, значительное количество голосов подано за коммунистов, потому что, как это уже было указано выше, Унион отказывался от выдвигания собственных списков там, где удавалось заполнить амстердамский список коммунистами. Так, на шахте в Вестфале все 12 членов фабзавкома, прошедших по списку Амстердамского союза горнорабочих,—коммунисты. Так же обстоит дело и в рурской металлопромышленности. На 28 золингенских заводах прошли: 108 коммунистов, 38 беспартийных (большинство из них сочувствует КПГ), 9 социал-демократов и 13 христиан. В прежнее время почти половина мест принадлежала социал-демократам. Социал-демократы потерпели здесь значительное поражение. Такова картина и в Центральной Германии. На Леновском предприятии, например, прошло 13 коммунистов, 6 социал-демократов и 3 желтых. Всюду в мансфельдском районе наблюдается значительный прирост голосов у коммунистов и убыль их у социал-демократов. На крупных лейпцигских полифононовских заводах прошло 6 коммунистов, 3 социал-демократа, тогда как в прошлом году соотношение было обратное: 2 и 7. В Хемнице прошло 52 коммуниста, 32 социал-демократа и 10 беспартийных (большинство их сочувствует коммунистам). На 17 предприятиях Лимбаховского промышленного района не прошло ни одного социал-демократа. В числе 81 члена фабзавкома имеется 72 коммуниста и 9 сочувствующих КПГ. Та же картина в Берлине, Южной и Северной Германии, в Шифбеке, боевом оплоте гамбургского восстания в 1923 году, где все члены партии или сидят по тюрьмам, или скрываются, на джутовском прядильном заводе прошло 10 коммунистов и 1 социал-демократ, тогда как старый фабзавком состоял из 7 коммунистов и 4 социал-демократов. На кожевенном заводе Шмидта в Гамбурге в составе прежнего фабзавкома было 7 социал-демократов и ни одного коммуниста. В теперешнем фабзавкоме 5 коммунистов, 5 сочувствующих и ни единого социал-демократа.

Все это—наугад выхваченные примеры. Но они прекрасно отражают общую картину нынешних выборов, при чем рост количества коммунистов членов фабзавкомов свидетельствует о растущем доверии заводских рабочих к коммунистической партии. Затем по результатам видно, как постепенно лишаются доверия и утрачивают влияние на рабочих социал-демократы, всюду, где рабочие в шахтах, у верстаков, токарных станков и машин работают 10—12 часов за скудную заработную плату.

Выборы в фабзавкомы служат подтверждением правильности проводимой партией линии, подчеркивающей необходимость борьбы за частичные требования, а это сугубо важно для партии. На-ряду с этим выборы в фабзавкомы показали, что производственные ком'ячейки в общем и целом настолько организованы, что способны успешно справляться с трудными задачами, связанными с выборами в фабзавкомы. Они столь успешно проводили тактическую линию, намеченную расширенным пленумом ЦК, что в целом ряде случаев социал-демократы были вынуждены выдвинуть собственные партийные списки, вопреки решениям Лейпцигского профсоюзного с'езда. Приведу два типичных примера: собранием профорганизованных рабочих крупного Осрамовского завода в Берлине был принят список, выдвинутый коммунистами. Недовольные социал-демократы выдвинули другой список—сочувствующих СПГ. В ответ на это сочувствующие КПГ выдвинули третий список. В результате список свободных профсоюзов (заполненный кандидатами КПГ) получил 1.673 голоса, список сочувствующих КПГ—413, а сочувствующих СПГ лишь—143. Второй случай таков: на крупной текстильной фабрике Дириг в Оберлангенвилау в Силезии собрание профорганизованных рабочих приняло список КПГ. На-ряду с ним фигурировал другой список—христианский. Тогда социал-демократы заявили: сторонники СПГ не должны участвовать в выборах, подавайте чистые листы. После этого результат голосования оказался таков: 1.300 голосов было подано за профсоюзный список, 500 за христианский и около 700 незаполненных бюллетеней, принадлежавших сторонникам СПГ. В другом случае социал-демократы, чтобы дать отпор коммунистам, овладевшим профсоюзным списком, составили общий список с христианами и желтыми.

Все эти примеры свидетельствуют о том, что выборы в фабзавкомы являются новым шагом вперед по пути к профсоюзному единству. Всюду наблюдалось массовое вступление в свободные

профсоюзы. Таким образом выборы в фабзавкомы значительно содействовали укреплению коммунистического влияния в свободных профсоюзах.

V.

Выборы в фабзавкомы совпали в этом году с выборами президента. Любопытно поэтому сопоставить те и другие. Как известно, при первом голосовании на выборах президента КПГ лишалась 800.000 голосов по сравнению с количеством голосов, поданных за нее на выборах в рейхстаг 7 декабря 1924 г. Социал-демократам же удалось об'единить вокруг себя огромное количество в 8 миллионов голосов. Они по сравнению с прошлыми выборами ничего не потеряли. Что же касается выборов в фабзавкомы, здесь заметна значительная убыль голосов у социал-демократов и сильный прирост их у коммунистов. Чем это об'ясняется? Нельзя же допустить, чтобы широкая масса пролетариата на предприятии голосовала за коммунистов и в то же самое время на выборах президента за социал-демократов. Действительно вряд ли хотя бы единый рабочий, голосовавший на предприятии за коммунистов и подавший 7 декабря бюллетень тоже за коммунистов, голосовал на выборах президента за кандидата социал-демократов—Брауна. Видно это хотя бы из того, что на выборах президента общее количество голосовавших на 3 миллиона меньше, чем 7 декабря. Социал-демократам удалось получить 8 миллионов голосов лишь благодаря тому, что за них голосовал кое-кто из буржуазного лагеря.

Убыль голосов у коммунистов свидетельствует о наличии в широких массах германского пролетариата иллюзий. Для всех было ясно, что кандидатура Тельмана может иметь значение лишь революционной демонстрации, широкая же масса еще не понимает необходимости революционной демонстрации при выборах президента. Когда же они голосуют за коммунистов при выборах в рейхстаг или провинциальные парламенты, они знают, что им удастся провести хотя бы одного коммуниста.

Выборы президента не могут или могут служить лишь плохим критерием влияния партии в массах. Что же касается выборов в фабзавкомы, происходящих на самих предприятиях, на месте производства, там, где происходит сплочение пролетарских масс, эти выборы ярко показали, за кем готовы следовать широкие пролетарские массы: они уже отворачиваются от черно-красно-золотых барматовских социалистов и готовы следовать за красным знаменем, поднятым коммунистической партией. На нынешних выборах фабзавкомов КПГ завоевала на предприятиях новые боевые позиции. Задача ее в ближайшее время—укрепить эти позиции в промежутке между двумя валами революции, их расширить и завоевать новые—первым делом в свободных профсоюзах.

В. Богушевский.

О деревенском кулаке или о роли традиции в терминологии.

Наша политика по отношению к крестьянству знает несколько этапов после Октябрьской революции. Первый этап, последовавший сейчас же после разгрома помещика, представляет собою этап резкой классовой борьбы внутри деревни. Это—эпоха комитетов бедноты, эпоха экспроприации кулаков и зажиточного крестьянства, эпоха всеобщего поравнения, когда безземельный и безлошадный получил необходимые ему для ведения хозяйства минимальные средства производства.

Следующий этап—это когда, в результате упомянутого поравнения, все крестьянство стало середняцким. Этот период, кроме того, в силу известных обстоятельств, привел к всеобщему понижению уровня крестьянского хозяйства, т.-е. само середняцкое хозяйство стало ниже середняцкого хозяйства дореволюционного времени.

Само собой разумеется, что в условиях военного коммунизма не могло существовать ни кулацкого, ни вообще капиталистически-предпринимательского хозяйства. Если в то время мы говорили об особом отношении к среднему крестьянству, противопоставляя его отношению к кулаку, то речь, таким образом, могла итти только о б ы в ш е м кулаке. При этом особое отношение к нему вполне оправдывалось тем, что, как бывший кулак и эксплоатагор, он был, конечно, настроен контр-революционно, не принимал революции, стремился к свержению советской власти, вел антисоветскую агитацию среди крестьянства, не подчинялся постановлениям правительства и всячески, чем мог, содействовал его врагам. Таким образом «звание» кулака в эпоху военного коммунизма было уже, повидимому, э к о н о м и ч е с к и м анахронизмом, хотя его п о л и т и ч е с к и й смысл сохранился в полной мере.

Наша победа на всех фронтах контр-революции, конечно, сама по себе еще не означает исчезновения контр-революционных сил и поползновений, тем не менее для всякого очевидно, что с потерей надежд на свержение советской власти при помощи бело-генеральской контр-революции или антантовской интервенции, эти поползновения совершенно перестали находить какой бы то ни было резонанс в сколько-нибудь широких общественных кругах, а в особенности в деревне. Уже одно это поставило под знак вопроса и политический смысл «звания» кулака еще до наступления новой экономической политики.

Новая экономическая политика и дальнейшее развитие ее начал по-разному должны были на первый взгляд повлиять на наше отношение к вопросу о наличии в деревне кулачества.

С одной стороны, замена продразверстки продналогом, допущение свободы торговли и прочее без сомнения примирили с советской властью значительную часть тех крестьян, которые все еще были настроены контр-революционно, которые были активными участниками бандитизма или подрывали наше хозяйство, отказываясь засевать поля. Таким образом «политический» кулак, т.-е. активный враг советской власти, стал постепенно все более и более исчезать. С другой стороны, однако, самое развитие принципов новой экономической политики, означающее рост товарно-денежных отношений, открыло возможность появления снова, впервые после революции, капиталистического предпринимательского крестьянского хозяйства в деревне. Призрак кулака уже не «бывшего», уже не «политического» кулака эпохи гражданской войны, снова явился перед нами. Понятно, что нет сейчас более жгучего, более захватывающего всех вопроса, чем вопрос о кулаке в деревне и, следовательно, вопрос о путях и возможных последствиях расслоения крестьянства.

Первое, что необходимо делать для того, чтобы разобраться в вопросе о деревенском кулаке, это—перенести его на чисто экономическую почву. Мы видели, что это требование вполне законно сейчас, поскольку разгром контр-революции и введение новой экономической политики, если, может быть, и не совсем, то во всяком случае почти совсем, уничтожило тип политического кулака. Мы не хотим, конечно, сказать этим, что в деревне царят одни только советские или коммунистические настроения, но мы вправе утверждать, что настроения деревни стали более однородными в том смысле, что индивидуальные антисоветские настроения (почти исключительно партийно-эсеровские), во-первых, остаются чисто индивидуальными, а, во-вторых, не находят себе обычно об'яснения ни в нынешнем, ни в прежнем социально-экономическом положении данного суб'екта (более всего об'ясняясь, как сказано, партийной принадлежностью). С другой стороны, все претензии крестьянства к советской власти почти полностью укладываются в рамках чисто экономических требований.

Вот почему мы считаем, что вопрос о кулаке может, а следовательно, и должен быть перенесен полностью на экономическую почву.

Итак, после этого предварительного замечания постараемся установить, имеем ли мы право говорить о наличии у нас в деревне экономического типа кулака, есть ли предпосылки в нашем хозяйственном строе для развития этого типа. Чтобы не отыскивать в старой литературе определений этого экономического типа, мы воспользуемся лишь двумя выписками из двух современных статей т.т. А. Смирнова и М. Калинина. И т. Смирнов и т. Калинин особенно внимательно в последнее время анализировали тип кулака, сопоставляя его с типом хотя и крепкого, но трудового крестьянина.

Тов. Смирнов дал в «Правде» ряд статей о «крепком трудовом крестьянстве». В одной из них («Правда» от 7 апреля) мы находим следующее определение, вернее, характеристику кулака, как определенного, резко отличного от трудового крестьянина типа:

«Что же такое кулак в деревне? Мы должны прямо сказать, что это—прежде всего ростовщик, занимающийся эксплоатацией маломощного соседа не только путем эксплоатации его труда, а главным образом путем всякого рода кабальных сделок, путем деревенской мелкой торговли, посредничества, «дружеского» кредита с «божескими процентами»—одним словом, это—хозяйство, которое ведению своего хозяйства на земле уделяет самое ничтожное внимание, а свои силы и средства направляет главным образом для использования бедственного положения своих маломощных соседей в целях их закабаления»[1].

Если не придавать этой характеристике значения точного определения, то легко признать, что сложившееся у нас представление о кулаке на самом деле обладает теми чертами, которые приписаны кулацкому хозяйству тов. Смирновым. Ростовщичество, кабальные сделки, торговля, связанная с ростовщическими операциями, закабаление маломощных хозяйств—вот эти вполне определенные черты.

Тов. Калинин, в своей статье «Теория и практика борьбы» («Известия» от 22 марта) рисует облик кулака почти теми же красками:

«... всякому кулаческому хозяйству, как большому, так и маленькому, присуще увеличивать свою мощь эксплоатацией маломощных. Конечно, и это мое толкование слишком расширительно. Под это определение подходит всякое частное хозяйство, хоть в какой-либо степени пользующееся наемным трудом (иными словами не всякое хозяйство, пользующееся наемным трудом, является кулацким. *В. Б.*)... В литературе, да и в обыденной жизни, под кулачеством подразумевается закабаление окружающего населения такими условиями работ или такими хозяйственными сделками, которые являлись бы для одной стороны убыточнее средних сделок в этом роде. Примерно, крестьянин наймет работника и за уплату вперед заработной платы понижает ее ниже средней в данной местности. Второй случай: кулак покупает у бедняка хлеб на корню за плату ниже нормальной. Третий случай: дает пользоваться инвентарем за цену значительно выше себестоимости. Четвертый случай—продает свой продукт бедноте в долг или просто монопольно по повышенным ценам. Одним словом, кулак всегда стремится на исключительной бедности, на трудных моментах клиента нажиться, разоряя его».

У тов. Калинина, как видим, особенно резко подчеркнуто, что не самая сделка (торговая, кредитная, наем рабочей силы), а особенный ее характер, сплошь и рядом чисто количественное отличие ее от других подобных же, является признаком кулацких отношений. И здесь перед нами те же самые черты: кабала и ростовщичество.

Заметим мимоходом, что т. Калинин для портрета кулака прибегает к краскам прошлого, пережитого («в литературе, да и в обыденной жизни»). Ни он, ни т. Смирнов не дают примеров и не говорят о наблюдениях, сделанных ими в современности. Что это значит, мы сейчас увидим.

Кто же такой в конце концов кулак и откуда он берется в деревне?

На этот вопрос нет двух ответов. Кулак есть продукт разложения крестьянства, это—сельско-хозяйственный капиталист, но не всякий с.-х. капиталист, а обладающий особыми чертами. Что кулак есть продукт расслоения деревни —это совершенно бесспорно, и лишь народническое стремление

[1]) Курсив автора.

доказать, что крестьянская община не разлагается, могло породить представление о кулаке, как о чем-то чуждом, инородном по отношению к крестьянству. Кулак, конечно, вышел из того же самого средняцкого крестьянского теста, из которого па другом полюсе вылепился батрак. Кулак вышел из средняка, превратившегося сначала в зажиточного или крепкого трудового крестьянина, а затем—в обыкновенного предпринимателя и эксплоататора; об этом никто не спорит. Вопрос заключается в другом.

Является ли неизбежной эволюция зажиточного крестьянина (безразличио, трудового или предпринимателя-капиталиста) в кулака и, если нет, то каковы те условия, при наличии которых складывается этот совершенно специфический экономический тип? [1]).

Для присвоения сельской буржуазией кулачеських черт необходимы совершенно особенные условия, а именно условия, характеризующиеся двумя словами: остатки крепостничества. Известно, что именно остатки крепостничества, как в области земельных отношений (отказ от отработки, община), так и в области отношений сословных (замкнутость крестьянского сословия), а также политических, именно это, вместе с отсталостью экономического развития вообще, являлось в дореволюционной России питательной средой для черт, характеризующих кулачество. Вместе с тем необходимо отметить, что уже тогда «роль капитала не исчерпывается кабалой и ростовщичеством, что капитал обращается также и на производство», «что зажиточное крестьянство вкладывает деньги не только в торговые заведения и предприятия, но и в улучшение хозяйства, в покупку и аренду земли, в улучшение инвентаря, наем рабочих и т. д.» [2]). Иначе говоря, на-ряду с кулацкими проявлениями мы наблюдаем и нормальное капиталистическое развитие растущего крестьянского хозяйства. Капиталистически развивающееся крестьянское хозяйство приобретает, таким образом, черты кулацкого хозяйства лишь в известных, строго определенных условиях. Совершенно правильно при этом и т. Смирнов и т. Калинин говорят о реакционном характере чисто кулацкого хозяйства, следуя в этом за Лениным, который установил, что «самостоятельное развитие торгового и ростовщического капитала в нашей деревне задерживает разложение крестьянства» [3]). Но особенно важно для нас указание Ленина на те факторы, которые препятствуют или устраняют кулацкий характер деревенского капитализма. Это—развитие торговли, сближающее деревню с городом, вытесняющее «примитивные сельские базары» и подрывающее «монопольное положение деревенского лавочника», и развитие «европейски-правильных форм кредита», вытесняющее деревенского ростовщика. «Капитал зажиточных крестьян, вытесняемый из мелкой торговли и ро-

[1]) Мы совершенно не касаемся в данной статье вопроса о том, в какой мере процесс кооперирования крестьянства открывает сейчас возможность некапиталистического вообще развития крестьянского хозяйства, что не означает, разумеется, чтобы мы игнорировали или тем более отрицали эту возможность. Просто, это—другой вопрос.

[2]) Ленин. Развитие капитализма в России, глава II, стр. 114—115, изд. «Московский Рабочий», 1923 г.

[3]) Там же, стр. 115.

стовщичества обратится в более широких размерах на производство, на которое он начинает обращаться уже теперь» [1]).

Если мы с этими предпосылками подойдем к современному положению, то получим следующую картину. Новая экономическая политика принесла с собой разложение крестьянства; оно приводит к образованию предпринимательских, капиталистических крестьянских хозяйств (через предварительное превращение средняцких в крепкие, трудовые, зажиточные хозяйства). Возможно, что первые шаги развития товарного и капиталистического товарного хозяйства у нас, содействовали кулацкому перерождению этих хозяйств, так как, вообще говоря, именно низкий уровень развития капиталистических отношений содействует росту ростовщичества и т. п., но зато полное, радикальное уничтожение остатков крепостничества должно было сильнейшим образом подорвать самую возможность такого перерождения. Кроме того, у нас сейчас энергичнейшим образом при активнейшем содействии государства происходят именно те процессы, о которых, как мы только что видели, говорил Ленин, как об уничтожающих развитие кулачества: во-первых, развитие торговли и—что особенно важно—кооперативной и государственной, т.-е. несравненно более могущественной, чем торговля деревенского лавочника; и, во-вторых, развитие «европейски-правильного кредита» и—что опять-таки важно—кредита кооперативного. Мы не говорим уже о целом ряде административных мер, принимаемых государством с целью борьбы с кабальными сделками и прочее.

Возможно ли, спрашивается, в таких условиях развитие специфического типа кулака? Конечно, нет! Оно невозможно и сейчас при сравнительной слабости кооперации (потребительской, кредитной, производственной и пр.). Оно тем более невозможно будет в дальнейшем, чем скорее и внушительнее будет рост кооперации. Кулак, как определенный экономический тип, доживает свои последние дни. Говорить о кулаках, как об общественном слое сейчас можно только в том случае, если считать, что всякий сельско-хозяйственный предприниматель есть кулак или же если вообще по инерции от эпохи военного коммунизма всякого исправного крестьянина считать кулаком.

Кулак—это тип дореволюционной России, переносить эту терминологию в наши условия, сохраняя то же самое содержание понятия, совершенно неправильно. Возможности нарождения кулака в наших условиях крайне ограничены, наоборот, на-лицо явится тенденция к вымиранию его. Кулак—это жупел, это—призрак старого мира. Во всяком случае, это—не общественный слой, даже не группа, даже не кучка! Это—вымирающие уже единицы.

Вот почему, как нам кажется, и т. Калинин и т. Смирнов фактически не находят современных красок для портрета кулака и заимствуют их из деревни прошлого. Вот почему, мы полагаем, слишком много чести делают они кулаку, разражаясь против него грозными филиппиками.

И вот почему вместе с тем их точка зрения остается об'ективно абсолютно правильной, поскольку они требуют бережного отношения к крепкому зажиточному крестьянину, т.-е. к

[1]) Там же, стр. 115.

середняку, переросшему свое середняцкое существо и вступившему на путь накопления: смешивать его с кулаком, конечно, не правильно.

Немаловажным свидетельством в пользу того, что кулака в самом деле в деревне почти не существует уже и сейчас, является то действительное, непритворное затруднение, которое представляет и для самих крестьян и для непосредственных наблюдателей деревни вопрос о том, кого из данных граждан данного селения признать кулаком. Рассказов об этом подчас сильно юмористических, а подчас и грустных было уже приведено в газетах достаточное количество. Повторять их мы не будем.

Итак, ни на минуту не отрицая процесса расслоения деревни со всеми вытекающими отсюда последствиями, мы, однако, решаемся утверждать, что только терминологической инерцией, с позволения сказать, можно об'яснить выпячивание в ряде статей значения в нашей деревне фигуры кулака.

Впрочем, одну оговорочку надо сделать. Есть и у нас сейчас те моменты в общественно-экономических отношениях в деревне, которые сильно напоминают кулаческие, есть эти элементы «особо невыгодных для одной стороны сделок», о которых говорит тов. Калинин. Особенно ярко сказывается это в наших современных арендных отношениях. С другой стороны, есть и элементы ростовщичества, те самые «дружеские» услуги за «божеские» проценты, против которых основательно негодует т. Смирнов. Но и тут мы не вправе говорить о кулаке, так как ни в коем случае нельзя утверждать наличия тенденции к обособлению какого-либо слоя или группы в крестьянстве, монополизирующих проистекающие из этого особые выгоды. С одной стороны, «божеские» проценты берет решительно всякое крестьянское хозяйство настолько хотя бы зажиточное, что ему есть что одолжить (и само в свою очередь платит те же «божеские» проценты, так как и ему приходится одалживаться), с другой стороны, относительно аренды можно сказать, что в накладе иной раз остается именно исправное, более или менее зажиточное крестьянское хозяйство, так как сплошь и рядом в аренду сдают сейчас полукрестьяне-полурабочие, отказывающиеся от обработки земли, так как они окончательно осели в промышленности, а берут в аренду более или менее крепкие крестьяне. Кто кого тут эксплоатирует разобрать нелегко!

Наконец, нельзя отрицать, конечно, и случаев кулацкой эксплоатации наемного труда. Примеров тому достаточно.

Если поставить вопрос, на какой основе вырастают эти элементы нео-кулачества (элементы кулачества, а не кулаки!), то мы должны, кажется, признать, что почву для них создает недостаточное еще развитие товарности крестьянского хозяйства, с одной стороны, и те стеснения арендных отношений и найма рабочей силы, которые имеются в нашем земельном кодексе—с другой.

Начавшийся уж пересмотр некоторых положений земельного кодекса и настойчивая работа по кооперированию крестьянства должны сделать появление кулацких элементов в экономических отношениях деревни совершенно невозможным и окончательно уничтожить традиционный тип кулака.

С. Тимов.

Под знаком войны.

(Итоги бухарестской конференции Малой Антанты).

Малая Антанта—это образование, сложившееся в 1920—21 г. из стран-победительниц: Чехо-Словакии, Юго-Славии и Румынии в целях охраны статус-кво, т.-е. границ, установленных мирными договорами, в юго-восточной Европе. Заключив между собою, в течение 1920 и 1921 г.г., ряд военных соглашений, указанные три страны решили, что их министры иностранных дел будут собираться по мере необходимости для того, чтобы установить общую линию поведения в деле защиты своих интересов.

Нужно заметить, что в самом начале образования Антанты выяснилось, что между членами последней существуют определенные противоречия. Точка зрения на русский, например, вопрос была не у всех одинакова. В то время, как Румыния была настроена определенно враждебно к СССР и настаивала на помощи ей в бессарабском вопросе, Чехо-Словакия, заинтересованная в торговле с нами, не склонна была становиться на точку зрения румынского правительства, а Юго-Славия, не имеющая непосредственных точек соприкосновения с нашей Республикой, тем более не хотела брать на себя обязательств по отношению к охране восточных границ Румынии. Вопрос об отношении к СССР был, поэтому, из официальной программы Малой Антанты исключен, хотя к нему неоднократно возвращались.

В дальнейшем развитие внутренних отношений между странами Малой Антанты шло в двух направлениях: 1) по линии сужения круга вопросов, в которых союзные страны были взаимно заинтересованы вообще и 2) по линии роста противоречий в некоторых других вопросах. Высшее свое развитие обе эти тенденции получили за последний год—полтора, так что Малая Антанта за последнее время, как едино-политический фактор, представляла полуживой труп, и даже многие буржуазные публицисты не отрицали того, что она находится накануне краха.

Однако, последние события в Западной Европе и на Балканах толкнули страны Мал. Антанты вновь на сплочение. Провал гарантийного договора, события в Болгарии, избрание Гинденбурга президентом и воинственные речи в венгерском парламенте навели на буржуазию малых стран-победительниц смертельный страх и заставили их призадуматься над судьбами границ своих владений. Чехо-Словакия первой сделала отсюда практический вывод и пошла на сближение с Польшей. Еще не так давно

Прага и Варшава находились в натянутых отношениях, но теперь Бенеш, чехо-словацкий министр иностранных дел, удостоил своим приездом польскую столицу и там подписал (23 апреля) арбитражный договор, обязующий Польшу и Чехо-Словакию передавать на разрешение перманентной комиссии из 5 человек некоторые спорные, возникающие между ними вопросы. Не говоря уже о том, что этот договор, имеющий 25 статей, перечисляет больше вопросы, которые не подлежат решению арбитражным путем, нет сомнения, что не только для заключения арбитражного договора приезжал г. Бенеш в Варшаву: на банкете, устроенном в его честь, польский мининдел Скржинский, между прочим, сказал: «Наши страны одновременно увидели восход свободы, и их национальная организация зиждется на одинаковой основе неприкосновенных мирных договоров. Наши страны, которые вместе страдали, должны быть и в будущем об'единены в общем усилии и совместном сотрудничестве, вытекающем из логики истории и угроз будущего». Если переведем эти пышные слова на общечеловеческий язык, то станет ясным, что речь идет о создании гарантии соблюдения мирных договоров и, в частности, установленных польско-немецких границ, к исправлению которых Германия стремится. Отвечая на речь своего коллеги, Бенеш, солидаризуясь с ним, в то же время сказал: «После того, как мы завоевали политическую свободу, мы должны добиться экономической эмансипации. Наши народы имеют жизненные интересы, для претворения в жизнь которых мы должны друг-другу помогать и друг друга дополнять. В этих целях нам предстоит выработать систему экономической солидарности, способной стать базой новой нашей свободы». Это означает, что Чехо-Словакия опасается германской конкуренции, которая будет представлять для нее тем большую угрозу, если осуществится намерение Австрии, встречающее, конечно, полное сочувствие в Германии, присоединиться к последней. Поэтому и Польша и Чехо-Словакия нуждаются теперь больше, чем когда бы то ни было, друг в друге для того, чтобы противопоставить себя поползновениям Германии и Австрии. Для выработки конкретных мер именно в этом направлении и приезжал чешский мининдел в Польшу.

В некоторых кругах Мал. Антанты чехо-польское сближение рассматривалось, как вступление Польши в состав этой Антанты. Бухарестский «Адеверул» писал, что «Румыния не может не радоваться по поводу этого сближения, как важного события, касающегося и нашей страны». Однако, радость румынской буржуазии преждевременна потому, что подобное вступление Польши означало бы обязательство со стороны и Чехо-Словакии и Юго-Славии гарантировать Польше и Румынии их границы с СССР. Подобная же возможность исключается всей историей развития отношений в среде Мал. Антанты. И действительно, хотя на последней конференции и обсуждались чехо-польские отношения, но состав Мал. Антанты остался прежним. Следовательно, дело ограничилось, повидимому, секретными обязательствами Чехо-Словакии и Польши только относительно Германии и Австрии. Несмотря на все это, чехо-польское сближение означает косвенное усиление Мал. Антанты.

Совершенно в духе варшавских речей бухарестская конференция приняла постановления относительно Австрии и Венгрии.

Невыносимое положение первой заставляет ее искать спасения в об'единении с Германией. Мал. Антанта по этому поводу постановила: «соблюдение в целом всех статей мирных договоров— прежде всего». Что касается ее финансового оздоровления, то оно и в дальнейшем должно происходить под покровительством Лиги Наций, а пока что Бенеш ей посоветовал: «терпения и труда». «Речь не идет,—сказал он,—о том, чтобы помогать Австрии, а о тесном и дружеском сотрудничестве для устранения отрицательных последствий ее расчленения». Это нужно Бенешу, конечно, не для оздоровления Австрии, а потому «что по мере устранения трудностей, прекратится и тенденция к присоединению к Германии». Но и это сотрудничество ни в какой степени не означает конфедерации, сущность которой мы выяснили еще в мартовской книжке нашего журнала. «Что касается проекта Дунайской конфедерации,—заявил тот же Бенеш представителям печати,—то ее никто не желает, а поэтому она неосуществима; что допустимо, так это экономическое сотрудничество с соблюдением экономического и политического суверенитета наследственных стран. Это сотрудничество не может превратиться в таможенный союз и не может допустить свободного обмена, но зато может допустить пониженные тарифы и заключение преференционных конвенций». Таким образом, проект создания Дунайской конфедерации провалился, и англо-американские круги, добивавшиеся его осуществления, потерпели поражение.

Еще более решительную позицию заняла бухарестская конференция по отношению к Венгрии. По утверждению румынской печати, депутат Баросс произнес в начале мая в венгерском Национальном Собрании речь, в которой требовал от правительства активной политики с целью пересмотра Трианонского договора. Бетлен, венгерский премьер, говорил о том же на одном собрании парламентского большинства. Он заявил будто бы, что изменение мирного договора является постоянной целью всех сознательных венгров, однако для того, чтобы этого добиться нужно выждать благоприятного момента. Эти заявления произвели ошеломляющее впечатление. Одна видная румынская газета писала по этому поводу: «Правда, что граф Бетлен говорит о мирном пересмотре договора, но как мы можем себе представить, чтобы он и другие руководители Венгрии были настолько наивны, чтобы полагать, что победители добровольно согласятся на уничтожение мирных договоров?.. Они не могут не сознавать того, что изменения договоров во вред победителям в нынешних условиях нельзя добиться иначе, как только силою, т.-е. войною»... Официальное сообщение о работах конференции гласит, что поведение Венгрии, в частности в деле своего разоружения, не удовлетворяет правительства Мал. Антанты и не может «вызвать отношения доверия, необходимого для укрепления мира в центральной Европе. Эти отношения доверия становятся под угрозу заявлениями о необходимости изменения положения, созданного мирными договорами. Страны Мал. Антанты вынуждены принять их к сведению и сделать соответствующие выводы». Все это, по заявлению Бенеша, «принципы», что касается их осуществления, то это «находится в связи с нашей тактикой, а об этом мы не можем говорить открыто». Коротко, но вразумительно: отношения

между странами Мал. Антанты и Венгрией становятся натянутыми и могут привести к самым неожиданным сюрпризам.

Наконец, болгарский вопрос. Нужно сказать, что многое из того, что происходило в Болгарии, а также в связи с болгарскими событиями прошло незамеченным для общественного мнения нашей страны. Разыгравшиеся там события чуть было не поставили под угрозу мир на Балканах, и если войны удалось на этот раз избежать, то возможность ее в ближайшем будущем по поводу того или иного события совершенно не исключена.

Когда в церкви «Св. Недели» в Софии произошел взрыв, то для всех стало ясно, что правительство Цанкова, раздув это событие в «большевистскую» опасность, попытается «спекульнуть» на нем в целях увеличения армии и уменьшения бремени, наложенного на Болгарию Нейским договором. И в самом деле, в номере от 22 апреля правительственный официоз и орган правящей партии Болгарии «Демократически Сговор» в передовой дословно писал: «Вместе с увеличением численности армии, нам необходимо уменьшить непосильные финансовые тяготы, наложенные Нейским договором. Тяжкие репарационные обязательства ухудшают экономическую жизнь страны и создают условия для большевистской пропаганды. Помимо этих тяжелых финансовых обязательств, наше финансовое положение ухудшается благодаря системе добровольческой армии. Поэтому нам необходимо добровольческую систему заменить обязательным военным набором». Совет послов разрешил Болгарии увеличить количество добровольцев на 10.000 чел. до 31 мая. Заинтересованные страны этому воспротивились, но под давлением великих держав вынуждены были молчаливо проглотить эту пилюлю. Для нас не подлежит, однако, сомнению, что Румыния и Юго-Славия увидели в попытке Цанкова свалить с себя обязательства мирного договора и уничтожить коммунистические и радикальные элементы страны—предпосылку для политики реванша Болгарии. Поэтому они, особенно Юго-Славия, не прочь были сделать попытку интервенции. События складывались именно в этом направлении 21 апреля Цанков произнес речь в Народном Собрании, в которой сказал: «Верно, что Болгария опирается на свою, хоть и небольшую, но храбрую армию. Наша армия не агрессивна... но мы можем сказать, что кто посягнет на Болгарию, тот натолкнется на грудь болгарского войска и болгарского народа. (Бурные рукоплескания «сговористов»). Все расчеты на разрушение и уничтожение Болгарии ошибочны, и кто играет с огнем, тот от огня и погибнет» («Дем. Сгов». от 22 апр.). Ген. Волков, военный министр, был еще более откровенен и заявил журналистам: «Пограничные силы были сконцентрированы (на юго-славской границе) еще до взрыва из опасения налета бандитов (?!). Болгарский народ и весь мир должен знать, что, что бы ни произошло, болгарская армия будет знать, как поддержать порядок и защищать Болгарию против всякой интервенции, откуда бы она ни происходила».

Совершенно откровенно раскрыл нам карты «Адеверул», видная румынская газета. В передовой от 24 апреля она писала вот что: ...«В день, когда внутреннее положение маленького королевства станет опасным для спокойствия мира, в особенности ее соседей, могут произойти очень тяжелые международные события».

«Из всех соседей Юго-Славия—самая беспокойная. Она не может стерпеть, чтобы революция стала хозяином положения в Болгарии, ни допустить увеличения военных сил. Отсюда вытекает очень тяжелое положение, ибо болгарское правительство заявляет, что не может без достаточной армии поддержать порядок».

«Какова будет развязка трагедии, разыгрывающейся по ту сторону Дуная?»—спрашивает газета и приходит к заключению, что «положение на Балканах неясно» не только в силу внутренних событий, «но и в силу реакции, которая наступит изнутри, и позиции соседних стран». Почему интервенция не произошла? Да потому, что Юго-Славия не была обеспечена с тыла, а Румыния определенно опасалась, что красные войска перейдут Днестр, чтобы занять в этот момент Бессарабию. «Для Румынии эта опасность была бы еще большей, чем вмешательство в дела по ту сторону Дуная» («Адев.»).

«Но могут наступить обстоятельства, когда и положение пассивного наблюдателя не будет лишено опасности». Какие это такие обстоятельства? В случае, если в Болгарии вспыхнет революция, «ни в коем случае Румыния не может оставаться стиснутой между двумя большевистскими странами, которые бы ее задушили в соответствующий момент» («Адев.» от 24 апреля). Таким образом, интервенция в Болгарию не произошла не по воле правительств Белграда и Бухареста, а в силу опасения Румынии и Юго-Славии, что подобный шаг может привести к их собственному краху.

Как же отнеслась конференция Мал. Антанты к Болгарии? Она ей обещала моральную помощь в борьбе с большевизмом и потребовала роспуска вновь избранных добровольцев к 1 июня текущего года. Непроходимая пропасть лежит между Болгарией и Мал. Антантой, и никакие выдумки про «большевистскую» опасность ей не помогут. Цанкову остается или покориться ярму мирных договоров или открыто повести политику реванша.

Если верить буржуазной печати, все эти вопросы были решены единодушно. Это вполне возможно, но это единодушие в данном случае обязано противоречию интересов, существующему между странами Мал. Антанты: в венгерском вопросе они все одинаково заинтересованы, в австрийском же—Чехо-Словакия больше заинтересована, чем Юго-Славия и Румыния, а этих последних события в Болгарии касаются больше, чем Чехо-Словакии; отсюда взаимные уступки, на которые министры вынуждены были пойти для того, чтобы сохранить общее дело, созданное системой послевоенных договоров. Призрак ревизии мирных договоров реял над конференцией Мал. Антанты и заставил буржуазию трех союзных стран теснее сплотиться: элементы взаимной заинтересованности временно взяли верх над моментами антагонизма. Это обстоятельство, по моему, ничуть не должно нас смущать потому, что консолидация сил Мал. Антанты свидетельствует не о силе буржуазии в юго-восточной Европе, а о слабости ее и на Западе и на Юго-Востоке. Укрепление отношений между странами Мал. Антанты об'ясняется тем фактом, что положение в Западной Европе в высшей степени неопределенное, что, выражаясь нашим

злободневным языком, политическая стабилизация капитализма находится под большим вопросительным знаком и может быть сорвана в любой момент каким-нибудь непредвиденным событием. Усилия Мал. Антанты сейчас направлены на создание гарантийного договора. В настоящее время между странами Мал. Антанты существуют следующие договора: конвенция между Юго-Славией и Чехо-Словакией от 14 августа 1920 г., подкрепленная военной конвенцией 2 июля 1921 г. и возобновленная на 5 лет в 1922 г., и румыно-чешская конвенция от 23 апреля 1921 г., обе направленные против Венгрии, и румыно-юго-славское соглашение от 8 июня 1921 г., направленное против Болгарии, дополненное военной конвенцией 23 января 1922 г. Но с провалом женевского проекта гарантийного договора они стараются расширить эту базу. Для этой цели Юго-Славия ведет переговоры с Грецией; Румыния—с Грецией же и, как мы видели, Чехо-Словакия—с Польшей. Этим путем они хотят расширить круг союзников в определенных вопросах и обойти те именно вопросы, в которых интересы сталкиваются и которые неизбежно возникли бы при приеме Греции и Польши в состав Малой Антанты.

К чему должно неизбежно привести подобное «обрастание» Мал. Антанты. По нашему мнению, к росту опасности войны и окружению Советского Союза. Когда читаешь балканскую печать, то так и чувствуешь, что атмосфера насыщена опасностью конфликтов и что она готовит общественное мнение к будущим столкновениям. «Враги, которые не дают себя устранить», так озаглавил свою статью накануне открытия конференции «Адеверул» и в ней в черных красках рисовал все козни Болгарии, Австрии, Венгрии и Германии к пересмотру мирных договоров. Еще раньше «Самоуправа», белградский официоз, поместил вызывающую статью, свидетельствующую о том, что малые страны-победительницы прекрасно отдают себе отчет в том, что нарушение в каком-нибудь уголке Европы границ может привести к краху всего статус-кво в Европе. Статья озаглавлена: «Фронт на Висле». В ней, между прочим, говорится: «Теперь становится ясным, что Германия подготовляет угрожающее наступление на Висле... Будущая война начнется на Висленском фронте. Если этот фронт будет прорван, то это повлечет за собою крах западного фронта. В прочности висленского фронта заинтересованы все страны и народы, которые стоят за соблюдение территориального разграничения после войны... Фронт на Висле—это наш фронт... Ни одна запятая не должна быть изменена в тексте договоров. Речь не идет о споре между немцами и поляками, а о споре, затрагивающем интересы всех подписавших договоры стран».

Бенешу, видимо, удается взять на борт Юго-Славию и Румынию и заинтересовать их в походе против Германии, пытающейся исправить свои восточные границы и присоединить к себе Австрию. Положение вещей в юго-восточной Европе складывается под знаком войны, и вся работа бухарестской конференции имела целью подготовку союзов на случай будущих столкновений.

Что касается отношения всех этих событий к судьбам нашего Союза, то тут представляется интересным привести отзывы прежде всего французской печати. «Пти Паризьен» по поводу поездки Бенеша в Варшаву писал, что польско-чешское соглашение является дополнением к польско-румынскому соглашению (Польша и Румыния находятся в оборонительном союзе против СССР, заключенном 4 марта 1921 г.); а «Тан» в передовой от 24 апреля писал так: ...«польско-чешское сближение значительно усиливает Малую Антанту и связывает последнюю с группировкой балтийских государств, которая образована в том же духе совместной защиты, что будет не безразлично в тот момент, когда придется позаботиться о сохранении европейского мира и от немецкой опасности и от угроз (?) русского большевизма». Еще более откровенна была, как мы видели, юго-славская печать. Не держит языка за зубами и румынская. В статье: «Вопрос о греко-румынском союзе. Что нам рекомендуется и что нам не советуется» «Адеверул» (от 17 апреля) проводил ту точку зрения, что СССР будто бы стремится захватить Бессарабию, а потом перешагнуть и к проливам. Если, мол, для Ангоры, это сейчас не ясно, и она «кокетничает» с Москвой, то в один прекрасный день она в этом убедится и придет к заключению, что между Турцией и Румынией существует взаимная заинтересованность и окажется, поэтому, с ней в союзе против СССР. Поэтому с Турцией сейчас ссориться не следует, а следовательно, не надо и союза с Грецией, который неизбежно будет направлен против Ангоры. «Оборонительный фронт против агрессивных действий со стороны России может быть действительным только в том случае, если он будет проходить от Балтийского моря не только до Константинополя, но и по ту сторону проливов на протяжении южного берега Черного моря до того пункта, где Россия приходит в соприкосновение с Зап. Азией».

Все эти цитаты, думаем, не нуждаются в комментариях; смысл их слишком ясен. Даже если бы у окружающих нас буржуазных стран не было злого умысла против нас, то на то существуют великие державы, которые их направят в качестве своего орудия против нас. Малая Антанта и слагающиеся вокруг нее новые союзы будут направлены английским империализмом против СССР, против экспансии Италии на Балканы и против революционной Турции. Со своей стороны, Франция, несомненно, попытается направить их и против СССР, и против Германии, и против Англии для того, чтобы вынудить у последней уступки в вопросе о гарантии безопасности. Поэтому новые комбинации на Балканах и, вообще, в Юго-восточной Европе означают не что иное, как выражение обострения отношений между великими империалистическими державами: Англией, Францией и Италией.

Каковы дальнейшие перспективы развития Мал. Антанты? Братание мининделов на бухарестской конференции ни в коем случае не означает устранение существующих между ними противоречий. В русском вопросе интересы стран Мал. Антанты продолжают оставаться различными. Бенеш по выходе с конференции заявил, что он готов признать Советы, но выжидает подходящего момента. Румынии же и Юго-Славии придется ждать пока мы их признаем, а сделаем мы это тогда, когда они вынуждены будут согласиться на урегулирование спорных вопросов соответственно интересам нашей страны и Бессарабии.

Антагонизм между Румынией и Юго-Славией в вопросе о Банате и нацменьшинствах продолжает оставаться во всей своей силе. Характерно отметить, что Иорга, националист, профессор (кстати сказать, идеальный образец буржуазно-профессорского невежества и тупоумия), кумир румынского общества, счел нужным именно накануне открытия конференции выступить в палате депутатов с критикой политики правительства в данном вопросе. «Банат,—сказал он,—представляет экономически одно целое и через соглашение с сербами, на основе взаимных экономических выгод, мы можем заключить договор о восстановлении экономического единства через политические границы». Это предложение было встречено аплодисментами, а общество македонцев-студентов румынских университетов подало на самую конференцию меморий, в котором, перечисляя все грехи сербского правительства, не соблюдающего статей мирных договоров относительно защиты нацменьшинств, просит заступничества против денационализаторской политики румынского меньшинства в сербской Македонии. Все это достаточно иллюстрирует «дружеские» отношения между союзниками.

Та же Румыния окончательно не определила своего отношения к Болгарии. К последней она определенно тяготеет, но когда разрешили Болгарии увеличить армию, то запротестовала. В некоторых румынских кругах считают, что более выгодно отказаться от предполагающегося греко-румынского союза, который восстановит против себя Болгарию, и ориентироваться на последнюю, чтобы иметь ее союзником в случае столкновения с СССР. Наконец и Юго-Славия несколько находится на распутье. Если Греция откроет сербской промышленности свои рынки и даст ей свободный выход через Салоники в Эгейское море, то Юго-Славия пойдет с ней на союз, в противном случае, она вновь обратится в об'ятия Италии, чтобы противопоставить ее Греции в спорных территориальных вопросах.

В силу всех этих обстоятельств у нас нет никаких оснований предполагать, что малейшее изменение положения в центральной и юго-восточной Европе, которое может там произойти, не вызовет к жизни антагонизмов, которые теперь как-будто отступили на второй план. Наоборот, борьба великих империалистических держав, которая вновь с удвоенной энергией начнется с момента образования новых союзов на Балканах вокруг Мал. Антанты, которая теперь как-будто ушла в себя вследствие политической и экономической слабости Франции и враждебности Англии к гарантийному договору, неизбежно приведет к обособлению балканских держав и вовлечению их в те или иные сферы влияния. А это и приведет Малую Антанту к ее естественному концу, который сейчас пытаются отсрочить, — к краху.

Ал. Ширямов.

По поводу одной анкеты.

Мы довольно много писали о ленинском призыве и приблизительно знаем эту среду, ее запросы, настроения... Я хочу коснуться настроений и запросов не только этой, но и другой низовой партийной среды, уже поработавшей в партии, поскольку эти настроения могли выявиться в проведенной мною анкете в одной из школ политграмоты. До заполнения анкеты я уже поработал со школой в течение двух месяцев. Установившийся при этом со стороны курсантов интерес к занятиям, дружная совместная работа, основанная на большой самодеятельности курсантов, позволили провести анкету при полном интересе к ней со стороны курсантов и обеспечили ее успех. Участвовало в анкете 32 курсанта, подано анкет 30. Из этих 30-ти ленинского призыва 15 человек, остальные вступили в партию ранее. В большинстве своем слушатели школы являются рабочими, уже поработавшими в партии, или на различных советских постах.

В момент вступления их в партию учиться было некогда, острая нужда в работниках заставляла партию немедленно использовать их на работе. Но вот гражданская война закончилась, настали условия иной, более мирной работы по строительству новой государственности; работы, потребовавшей, кроме преданности интересам пролетариата, еще тех или иных знаний, в партии наступила полоса проверок и чистки. У многих знания оказались недостаточными и это привело их самостоятельно или по постановлению поверочных комиссий в школу политграмоты.

Лучше всего состав школы будет виден из следующих цифр. Из 32 человек вступили в партию в 1917 г. 2 чел., в период между 1918 и 1920 годами—6 чел., с 1921 г. по 1923 г.—6 чел., в 1924 г.—15 чел.

По возрасту: до 20 лет—1 чел., от 20 до 30 лет — 17 чел., свыше 30 лет—13 чел.

Все грамотные, все читают газеты, книги, многие уже побывали в кружках, двое учатся на рабфаке. По образованию: малограмотных—1, со средним образованием (кончивших школу II ступени)—4 чел., остальные имеют низшее образование.

10 человек служили в царской армии и участвовали в мировой войне, 16—в гражданской войне, 19 чел. работали на заводах более года, 7—крестьяне, 18—жили в деревне.

Им была предложена для заполнения следующая анкета:

1. Считаете ли вы ту жизнь, которую сейчас ведете, интересной, полной.

2. Что вас интересует в жизни.

3. Удовлетворяет ли вас та работа, которую вы сейчас выполняете и какую работу хотели бы выполнять.

4. К какой деятельности вы себя готовите.
5. Кем бы хотели быть.
6. Какие науки и знания вы хотели бы приобрести.

Для того, чтобы ответы могли быть вполне независимыми, я поставил в классе вопрос о том, не сделать ли эту анкету анонимной. Это предложение вызвало оживленный обмен мнений и анонимность была принята единогласно, были сделаны даже дополнительные предложения подавать анкеты в конвертах, опускать их в ящик и т. д. Дополнения эти были отвергнуты.

Для полноты характеристики состава школы упомяну еще, что большинство курсантов занимают разные должности от курьеров до зав. фин. отделом в одном из крупнейших хозяйственных об'единений СССР; меньшинство—рабочие на складах.

Из числа курсантов женщин—9, среди комсомольцев—2 девушки.

Через неделю я собрал и суммировал ответы. Когда я проводил анкету, мною руководило прежде всего желание выявить полностью лицо аудитории, полученные же ответы затронули ряд таких вопросов, которые представляют и широкий партийно-общественный интерес. Поэтому я решил поделиться с товарищами результатами этой анкеты.

По первому вопросу из 30 ответивших вполне удовлетворены жизнью девять товарищей, ибо как пишет один из них:

«...только и можно жить при Советской власти».[1]

Другой товарищ добавляет:

«...жизнь всегда интересна, но полнота жизни чувствуется особенно теперь, когда строится пролетарское государство и приходится участвовать в строительстве его, хотя и в малом размере».

9 товарищей считают жизнь интересной, но не полной:

«...интересной да, а полной нет...».

Здесь идет уже некоторое раздвоение. Общественная жизнь, конечно, интересна, такой еще не было в мире; но некоторые личные запросы товарищей не удовлетворяются. Почему? Один «потерял здоровье в классовой борьбе», другой много перенес: «пришлось видеть очень многое, но хорошего очень мало».

Одна из курсанток отвечает:

«цели, которые я себе поставила, мною еще не достигнуты, а достичь их в условиях, в которых я живу, очень трудно. Если хватит здоровья, то лет через 5—6 я их достигну».

Три товарища связаны тяжелыми семейными условиями; так хочется учиться, принимать участие в общественной жизни, посещать собрания, но... семья приковывает к месту.

Некоторых жизнь не удовлетворяет. Ряд товарищей кратким «нет» отгораживается вообще от разговоров на эту тему. Для других основной причиной недовольства является еще неналаженность жизни вообще:

«...жизнь еще не налажена, чтобы считать ее полной...». «Чем она скрашивается, так это—вполне ясным и отчетливым сознанием того, что сейчас идет подготовка и развертывание лучших перспектив жизни для будущих поколений».

В большинстве недовольные жизнью товарищи недовольны и той работой, которую им приходится выполнять.

Неудовлетворенность работой, естественно, не может не отражаться на оценке партийцами своей жизни. Трое из них загружены на работе не в том об'еме, в котором они могли бы выполнять работу и выполняли ее до революции. Есть жалобы на отсутствие необходимых знаний, на то, что работа, в особенности перегрузка, мешает приобретать эти знания. Товарищ, стремящийся к чисто партийной работе, принужден заносить входящие и исходящие. Он не жалуется, он отмечает, что неудовлетворен работой, но подчиняется партии:

«... так как на ней (на этой работе) нужен партиец, то приходится выполнять».

Но здесь в струю естественного недовольства своим положением вливается уже и другая нотка. Удовлетворения работой «...нет, а желание, где работать (говорит одна анкета), отпадает, так как члены партии посылаются туда, где это является необходимым по мнению партии».

В ответах на третий вопрос попалась только одна такая анкета, но в ответах на пятый—их уже четыре:

«стоит ли чего-либо желать, если партия все равно пошлет тебя не туда, куда ты хочешь»...

«Это зависит от партии, которая посылает на ту или иную работу».

На третий вопрос 16 анкет дают удовлетворительный ответ. Из 30 партийцев 16 стоят на работе, которая их вполне удовлетворяет. Это не так уже плохо.

Необходимость специализироваться на какой-либо работе здесь еще не достаточно осознана. Чем больше партиец будет оставаться без специальности, тем естественно чаще партия будет бросать его на случайные и неудовлетворяющие его работы. Ячейки, от которых в первую очередь зависит выявлять способность партийца, могут и должны более активно стремиться «поставить надлежащего человека на надлежащее место» и изживать эту ненормальность в использовании партийцев не по специальности.

Что интересует партийца в жизни?

Только две анкеты дают, помимо общественных устремлений, сведения о личных желаниях заполнявших их:

«...лично для себя,—говорит одна,—интересуюсь поездкой за границу».

Другой любит охоту. В этом направлении анкета не выявила личных устремлений партийцев, просто потому, что товарищи не считали интересным давать эти сведения. Общий тон ответов—это стремление приобрести как можно больше знаний.

Необходимость знания усвоена вполне. Чтобы быть строителем нового общества, чтобы, состоя в партии, вести за собой массы, нужно знание, нужно упорное и систематическое изучение способов и путей достижения коммунизма.

Типичным ответом на этот вопрос является следующий:

«Принимать активное участие в общественной и политической жизни, стремясь всеми своими силами приблизить эру социализма и дожить до нее. Посмотреть на тот общественный строй, за который мучительно борется рабочий класс, к которому принадлежу и я. И иметь среднее материальное существование для своей семьи».

Этот товарищ на первый и третий вопросы анкеты ответил коротким «да».

В той или иной форме этот ответ варьируется во всех анкетах.

«Меня интересует в жизни,—пишет один едва разбираемым почерком,—развиться хорошо в политическом отношении, а также получить какое-либо специальное образование».

Он же на первый вопрос ответил, что его жизнь не удовлетворяет:

«потому что сейчас еще не так хорошо все налажено у нас, чтобы считать жизнь полной».

«Интересует меня будущность человечества всего земного шара»,—отвечает другой.

«Меня интересует в жизни общество, в котором нет богатых и бедных».

«...ход революционного движения».

«...развертывание революции и ее ближайшая цель—мировая революция».

«Хочу быть полезным членом трудовому народу».

«Хочу быть честным человеком и тем самым иметь спокойную совесть».

Особо конкретную цель поставил себе один товарищ:

«чтобы как можно скорее разбить польскую шляхту, которая свирепо расправляется с рабочими и крестьянами».

Он до конца остается верен этой «идее» и по четвертому вопросу хотел бы готовить себя «разбить Польшу и соединиться с германским пролетариатом, где бы можно было похоронить буржуазию мировую». А быть он хотел бы «агитатором деревни».

На четвертый вопрос анкеты—«к какой деятельности вы себя готовите?»—пять товарищей заявили, что не готовятся ни к какой. Двое из них об'ясняют это кратким: «года ушли», двое предоставляют решение партии—«какую поручит партия»—и пятый говорит:

«не готовился и не готовлюсь, так как моя деятельность должна всецело зависеть от назначения парторганов, которые назначают, а к чему готовиться—трудно предугадать».

Верно ли это? Конечно, нет. В конце статьи мне еще придется вернуться к этому ответу в связи с другим подобным же ответом.

Из остальных ответивших пять готовят себя определенно к хозяйственной деятельности: по одному — к профессиональной, культурно-клубной, журналистике, партработе. Остальные еще точно не определили своих наклонностей—вообще к общественной работе, или вообще к накоплению знаний и политическому развитию».

Пятый вопрос анкеты почти повторяет собою четвертый, и я хотел исключить его из анкеты, но когда я его огласил, класс запротестовал, указывая на то, что готовить себя в данное время человек может к одному, а его действительное влечение может быть к совершенно иной области работы или знания. Вопрос решено было оставить в анкете, практика же показала, что по существу ответы на него одинаковы отчасти с четвертым, отчасти с шестым, поэтому я их здесь выпускаю.

По шестому вопросу желания партийцев разделились. Девять товарищей желают хорошо изучить марксизм, стать широко развитыми людьми нового строя, одновременно высказывая желание изучить конкретно ту или иную науку или приобрести знания, напр., по механике, по технике и т. д. Десять товарищей хотят получить политико-экономическое знание, т.-е. для коммуниста—тот же марксизм; пять—получить техническое образование; по одному—быть агрономом, журналистом, техником в деревне, изучить языки, пение.

Таковы данные анкеты.

Приведу еще типичные для различных групп курсантов ответы по всей анкете. Вопросы выпускаю:

«Конечно, как рабочему в настоящее время жизнь не так хороша и интересна, раз жизнь не налажена, идет борьба с иностранным капиталом (1). Только усердная работа и чтение политических книг (2). Пока работа меня удовлетворяет (3). Быть хорошо политически развитым (4). По своей неподготовленности в настоящее время каким-нибудь начальником быть не могу, а если это будет нужно, то могу выполнить более легкую (5). По техническому (6)».

Вот вторая анкета рабочего:

«Сейчас жизнь для меня не является интересной, потому что я не могу еще рассматривать более существенные вопросы моей жизни (1). Меня интересуют в жизни больше всего вопросы общественного характера (2). Работа меня не удовлетворяет, которую я сейчас веду, потому что мне она не нравится, а хотел бы вести более живую (3). Готовлюсь к более для меня подходящей работе и к общественной (4). Я хотел бы быть рабочим, знающим все политические и общественные вопросы (5). Хотел бы быть развитым человеком политически и получить техническое образование (6)».

Характерна анкета «протестанта»:

«Свою жизнь считаю интересной, но не полной, в связи с утерянным здоровьем в классовой борьбе (1). Интересуют меня знания вообще (2). Работа, которую веду сейчас, не удовлетворяет, а желание где работать отпадает, так как члены партии посылаются туда, где это является необходимым по мнению партии (3). Ни к какой деятельности не готовился и не готовлюсь, так как моя деятельность и т. д. (см. выше) (4). Буду тем, кем найдет нужным партийный орган (5). Желал бы получить техническую подготовку (6)».

Приведу еще одну анкету, тоже типичную для ответов женщин-курсанток:

«Жизнь, которую веду сейчас, считаю интересной, но не полной, потому что цели, которые я себе поставила, мною еще не достигнуты, а достичь их в условиях, в которых я живу, очень трудно; если хватит здоровья, то через 5—6 лет их достигну (1). Интересует меня в жизни очень многое, хочется учиться и учиться (2). Вся работа, которую я сейчас веду (канцелярская), меня вполне удовлетворяет, так как надо начинать с того, что сможешь хорошо выполнить, а там, выучившись на маленьких делах, и большую работу сможешь вести (3). Готовлю себя к культурно-клубной работе (4). Хотела бы быть самым полезным человеком, выучить себя для ответственной работы, так как кто не надеется на свои силы, то пусть и плетется куриным шагом, а люди, которые смогут работать, то они, зная себя, как способного человека, должны не заглушать в себе жажду знания, а развивать, так как способные и энергичные люди нам нужны».

«Еще хотела бы не тратить зря время на службу (без которой нечем существовать), а это драгоценное время затратить на учебу и партработу. В настоящее время это самое большое желание (5). Хотела бы иметь знания для литературно-газетной работы, для этого, если бы не мешала служба, я поступила бы в институт советских журналистов и литераторов (6)».

Жизнь интересна, но она усложняется с каждым днем. Не было еще в мире эпохи, подобной переживаемой. Но чтобы строить новую жизнь, коммунистическое хозяйство, нужны знания, надо учиться и учиться. Эта мысль, это стремление едино для всех. Не беда, что то место, которое я хочу занять в этой жизни, в этом строительстве, еще далеко от меня, что нужно пять-шесть лет упорного труда, чтобы достигнуть его, не беда, лишь бы было здоровье. Разве это не та основная, здоровая черта, которая определяет новые силы, рвущиеся к работе, новый класс, крепкий, упорный в достижении поставленных целей, подвигающийся к творчеству новой жизни.

Ему ничего не страшно, он ни от каких временных неудач, еще неналаженности жизни, не приходит в уныние.

И начинать надо, говорит последняя анкета, с маленького, учиться надо на простой по силе работе... «с того, что сможешь хорошо выполнить.

А научился—шагай дальше.

Именно, начинай с того, что хорошо выполнишь.

Да ведь именно Ильич и говорил нам, что самый большой грех для коммуниста думать, что он все знает и все может. Именно Ильич предупреждал партию, те новые кадры, на которые ляжет вся тяжесть строительства коммунистического хозяйства, что надо учиться и учиться, что тот, кто думает через два года жить в этом коммунистическом обществе, или авантюрист, или не развитый совершенно человек, что нужны годы и годы упорного труда и нужно знание, как его, это хозяйство, строить.

Мысль учителя воплощается в дело и новые кадры борцов за коммунизм стоят на верной дороге.

После этого общего бодрого тона всех поданных анкет голосом из другого мира будет звучать для нас заявление еще одной анкеты, еще одного «партийца».

Он отвечает на первый вопрос.

«Нет, потому что в настоящее время чувствуется сильная реакция в партийной жизни, нет свежей мысли, отсутствует товарищеская спайка, нет революционного смеха, оказалось много подсиживателей и подглядывателей...»

«Интересовала меня общественная деятельность, но благодаря причинам, изложенным в пункте 1, я остаюсь только зрителем или работаю, что дадут, впредь до изменения методов работы руководителей...»

Хорошо отвечает этому «зрителю» приведенная выше анкета...— «кто не надеется на свои силы, то пусть и плетется куриным шагом, а люди, которые могут работать, то они, зная себя, как способного человека, должны не заглушать в себе жажду знания, а развивать...»

Какие изменения методов работы ждет этот товарищ, он с полной ясностью выявляет в ответе на четвертый вопрос:

«...члены партии не располагают своим «я» и своим временем. Можно ли готовить себя к чему-либо при наличии таких бесконечных фактов, как постановления партии «отправить на какую-то работу»—иди. Знаешь ты эту работу или нет, для партии как бы безразлично—«приказываю и баста»... Нет качественного учета, нет добровольного выявления своих познаний, желаний и наклонности к работе—есть только принуждение, именуемое «партдисциплиной»...

Вот они «изменения методов работы»-то. Партдисциплина мешает. Нужно ли искать другой более яркий и совершенный облик меньшевика, пробравшегося в партию. Здесь налицо все главные организационные принципы меньшевизма.

Дисциплина не дает выявиться личности человека, его «Я».

Разве не этот «принцип» ярко сказался сейчас в «Уроках Октября», по которым весь октябрьский переворот проделан отдельными личностями. Те, кто видит в т. Троцком организующий оппозицию центр, направляют свои удары по самому основанию партии—ее единству, ее дисциплине.

Для них партия—учреждение, смысл существования которого исчерпывается устройством их собственной жизни, как они ее желают и мыслят; жизнь партии, задачи партии для них стоят на втором плане.

Партия должна обеспечить их по их желанию службой, которая доставляла бы им удовольствие, «революционный смех»; участвовать в борьбе, т.-е. нести те или иные обязанности в партии, они будут по влечению своего сердца, а отнюдь не по «принуждению».

Партия не смеет им «приказывать», она может их лишь просить и лишь с их согласия давать им ту или иную работу.

Желают—работают, не желают—не работают.

Не жизнь, а малина.

Черная обыденная работа революции, незаметная, но необходимая, подчас основная, на которой не ведомые никому гибнут и сгорают раньше времени сотни и тысячи членов партии,—эта работа не для их эстетических натур.

Что должна, напр., делать партия, если ей надо бросить в деревню сотню или тысячу просто хороших коммунистов, ибо науки строить хозяйственную жизнь по-коммунистически до сих пор не существовало и научиться ей было не от кого,—это не их дело.

Партия как хочет и они тоже.

Разумеется, чем нормальнее будет становиться жизнь и крепче существование нового строя, тем меньше должно быть и будет использование членов партии не по специальности; но еще долго партия принуждена будет бросать партийцев, обладающих разными знаниями, на такую работу, единственной специальностью которой является ее необходимость для революции, для сохранения диктатуры пролетариата. Ведь в том и трудность строительства коммунизма, что это для всех нас новая «специальность».

Только люди, желающие использовать партию для устроения своей собственной жизни, т.-е. в своих собственных целях, люди чуждые партии и большевизму, могут восставать против «принуждения, именуемого партдисциплиной», и в ожидании развала партии оставаться «зрителями».

В партию их привела только личная выгода, и именно поэтому они не уходят из нее.

Это про них сказал Ильич:

«Всякий оппортунист отличается приспособляемостью, и меньшевики, как оппортунисты, приспособляются, так сказать, «из принципа» к господствующему среди рабочих течению, перекрашиваются в защитный цвет, как заяц становится белым зимою. Эту способность меньшевиков надо знать и надо ее учесть. А учесть ее, это значит очистить партию,—примерно, до девяноста девяти сотых всего числа меньшевиков, примкнувших к РКП после 1918 г.».

Заканчивая обзор анкеты, я считаю, что по своим результатам она вполне достигла поставленных целей. Аудитория школы вполне выяснилась, ясно и направление, в котором должна развиваться наша учеба. Анкета выявила ряд интересных и в узко-партийном и в общественном смысле вопросов, которые следует тщательно проработать с курсантами. Разве не интересен, напр., вопрос о том, надо ли коммунисту готовить себя к какой-либо определенной работе помимо общей готовности итти туда, куда потребуют задачи революции, или он может без руля и без ветрил носиться в революционной стихии, не зная и не желая иметь своего места в строительстве новой жизни. Или, напр., может ли член партии, оставаясь в ее рядах, занять «ответственный» пост «зрителя». И не только в рядах партии, а вообще в пределах СССР.

Для зрителей победившая революция отвела просторный «амфитеатр»... за границей.

Мы гоним со службы спецов, если они обнаруживают склонность работать лишь «постольку, поскольку» они подчиняются принуждению,—можем ли мы терпеть в своих рядах (членов партии) меньшевиков, равняющихся по спецам и загранице.

Все эти вопросы имеется возможность выявить и обсудить в классе не в порядке дискуссии, которая не всегда уместна в школе, а «не затрагивая личностей», как обсуждение основных вопросов жизни партии и ее организационных принципов.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

П. Попов.

Перенаселение деревни.

Главная и непрерывная причина бедности мало или вовсе не зависит от образа правления, или от неравномерного распределения имуществ; богатые не в силах, доставить бедным работу и пропитание; поэтому бедные, по самой сущности вещей, не имеют права требовать от них работы и пропитания: вот какие важные истины вытекают из закона народонаселения...

Если эти истины всюду распространятся, на что, со временем, мы можем надеяться, то низшие классы народа, взятые во всей их совокупности, станут более миролюбивы и послушны; они не так легко готовы будут на возмущение в случае недостатка хлеба.

Мальтус.

Капиталистическое накопление постоянно создает, пропорционально своей энергии и своим размерам, относительно, т.-е. для потребностей капитала в самовозрастании, излишнее или добавочное рабочее население.

Рабочее население, вместе с производимым им же самим накоплением капитала, создает, следовательно, в возрастающих размерах средства, делающие часть его избыточною.

Маркс.

Буржуазные экономисты, особенно, если они профессора, с особой любовью фиксируют внимание читателей и слушателей на двух пунктах—перенаселении деревни и законе убывающего плодородия почвы. Проф. Бруцкус—яркий, даже махровый представитель буржуазной науки—цинично-откровенно писал: «аграрная революция (октябрьская) сама по себе не могла решить аграрного вопроса, как проблемы перенаселения; с экономической точки зрения земельный переворот (октябрьский) не мог дать крестьянству ничего существенного»[1]).

Профессор Лубны-Герцык сообщает: «Русская революция разрешила эту задачу (дополнительное наделение по терминологии автора) одним великим стихийным порывом. Ныне вся удобная для сельского хозяйства земельная площадь находится в руках трудового крестьянства... Всеобщий уравнительный передел стал действительностью. Однако земельной нужды русского крестьянства он не устранил... (курсив наш. *П. П.*). Аграрное перенаселение России после нивелирующего воздействия русской революции выяснилось грозно и не двусмысленно»[2]).

[1]) Б. Бруцкус, Аграрное перенаселение и аграрный строй,—«Сельское и лесное хозяйство», № 7—8, 1922 г., стр. 30.

[2]) Л.-Герцык, Об аграрном перенаселении России, стр. 9,—отдельные оттиски из журнала «Сельское и лесное хозяйство», № 10, 1923 г.

Итак, оба буржуазные экономиста, величайшие достижения социальной революции Октября сводят на-нет.

Первому из них—проф. Бруцкусу—это понадобилось для того, чтобы «научно» доказать ту, по его мнению, истину, что аграрный строй, чтобы он... «мог обеспечить нормальное развитие народного хозяйства... должен создать известную свободу мобилизационным процессам»[1]), и, во-вторых, что «национализация земли генерализирует и обостряет тот принцип иммобильности земли, который привел уже русское общинное крестьянство к величайшему кризису»[2]). Выход из этого положения проф. Бруцкус видит в денационализации, в восстановлении частной земельной собственности.

«Аграрный строй должен быть таков, чтобы он с полной определенностью ставил перед населением проблему народонаселения и содействовал ее разрешению. Этому условию удовлетворяет институт частной земельной собственности, и ему не удовлетворяет общинное землевладение.

«Для собственника совершенно ясны те задачи, которые на него возлагает увеличение семьи. Учитывая возможное интенсифицирование хозяйства, он может точно определить, сколько его детей сумеют прокормиться на его участке... Проблема ясна, она в сильнейшей мере стимулирует энергию, трудоспособность населения; делаются сбережения, глава семьи страхует свою жизнь, имея в виду трудный момент дележа наследства, приобретаются профессиональные навыки. Сознание предстоящих к преодолению трудностей не остается без влияния через брачность на темп размножения населения. Наконец, к моменту дележа наследства залог земли дает остающимся средства для выдела сонаследников»[2]).

Тут все договорено, все ясно, нет ни капли завуалирования, ни в постановке вопроса, ни в проектах разрешения.

Что касается второго автора, то этот развивает уже чисто мальтузианские взгляды и разрешение аграрного кризиса, собственно, видит в применении непосредственных мер ограничения рождаемости со стороны самого населения. Так, он об'являет: «для меня нет сомнения в том, что интенсификация нашего сельского хозяйства не является выходом из кризиса аграрной населенности», как не является для него выходом переселение, которое не в силах поглотить всего естественного прироста населения, так же, как не является выходом и развитие промышленности, темп которой благодаря революции сократился[3]).

Так ставят вопрос о перенаселении и так его разрешают представители буржуазной науки. Но как же должен быть поставлен вопрос нами, марксистами?

Прежде всего, самым категорическим образом мы должны отмежеваться от каких бы то ни было абсолютных законов размножения населения; есть только закон роста населения определенных эпох, соответствующих определенным системам производства этих эпох, как это с ясностью и точностью установил Маркс.

[1]) Бруцкус, Аграрное перенаселение и аграрный строй,—«Сельское и лесное хозяйство», № 7—8, стр. 33 и 35.

[2]) Ibid., стр. 20.

[3]) Лубны-Герцык, Об аграрном перенаселении России, стр. 22, и отдельный оттиск журнала «Сельское и лесное хозяйство», № 10, 1923 г.

Определенным производственным отношениям всегда свойственен свой закон народонаселения, и рост населения нормируется в каждую эпоху присущими ей общественными отношениями. Например, закон размножения крепостного населения был иной, чем закон размножения государственных крестьян. Так по Тройницкому числилось крепостного населения

по 8 ревизии 1836 г. . . . . . 22.778.000 об. п.
» 9 » 1851 » . . . . . 22.368.000 » »
» 10 » 1858 » . . . . . 22.563.000 » »

За 22 года—с 1836 по 1858 год—количество крепостных уменьшилось на 1,0%, тогда как общее количество населения возросло на 16,8% и в этом числе государственных крестьян—на 12%.

Таким образом помещичий строй сельского хозяйства конца крепостной эпохи определенным образом разрешал проблему размножения крепостного населения. Опираясь на эксплоатацию крепостного труда и организацию крепостного хозяйства, помещики нормировали определенным образом размножение принадлежащего им населения.

Совсем другим темпом начало расти население после падения крепостного права. За 9 лет—с 1858 по 1867 год—бывшее крепостное сельское население увеличилось на 2,4 миллиона, т.-е. на 10%.

Капитализму, как и другим формам производства, свойственен свой закон возрастания населения, при чем этот закон возрастания модифицируется суммой конкретных условий каждой данной страны, степенью и формой капиталистических отношений как в городах, так и сельских местностях, взаимоотношениями сельского хозяйства и промышленности, продолжительностью периода развития капиталистических отношений, взаимоотношениями с другими странами и другими конкретными историческими данными условиями жизни каждой страны определенной эпохи на определенной стадии ее исторического развития.

Приводим статистическую справку о движении населения 4-х стран[1]):

	1480 г.	1580 г.	1680 г.	1780 г.	1880 г.
Европейская Россия	2,1	4,3	12,6	26,8	84,5
	100,0	204,8	600,0	1.276,2	4.023,8
Англия	3,7	4,6	5,5	9,6	35,0
	100,0	124,3	148,6	259,5	945,9
Франция	12,6	14,3	18,8	25,1	37,4
	100,0	113,5	149,2	199,2	296,8
Испания	8,8	8,2	9,2	10,0	16,3
	100,0	93,2	104,5	113,6	185,2

Таким образом мы видим, что каждая из указанных стран имела свой темп возрастания населения.

[1]) В. Покровский, Население,—«Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон», т. XX.

Эти статистические справки показывают, как велика разница темпа движения населения в отдельных странах, в которых господствуют определенные формы производственных отношений, и вместе с тем показывают, как бесполезны и бесплодны всякие рассуждения о законах размножения вне конкретных условий времени и пространства, разработка проблемы абсолютного закона народонаселения.

Не знает абсолютного перенаселения и капитализм, т.-е. абсолютного недостатка для определенных групп, классов, стран средств существования, хотя ему и свойственны законы избыточного сельского и городского населения. Маркс писал: «Если избыточное рабочее население есть необходимый продукт накопления или развития богатства на капиталистической основе, то это избыточное население, в свою очередь, становится рычагом капиталистического накопления, и даже прямо условием существования капиталистического способа производства. Оно образует готовую к услугам промышленную резервную армию, которая так же абсолютно принадлежит капиталу, как если бы он вырастил ее на собственный счет»[1] (курсив наш. *П. П.*).

Тов. Ленин, констатируя 3 формы относительного перенаселения—1) перенаселение текущее, 2) перенаселение скрытое (к этой категории он относит сельское население, теряющее свое хозяйство с развитием капитализма, а не находящее неземледельческие занятия), 3) перенаселение застойное, говорит:

«Совокупность всех этих слоев населения и составляет относительно избыточное население, или резервную армию»[2]).

«Избыточное население... составляет необходимую принадлежность капиталистического хозяйства, без которого оно не могло бы ни существовать, ни развиваться»[3]).

Но и в недрах самого капиталистического общества закон народонаселения подвергается известной модификации.

Страны с сильно развивавшимся капитализмом—как Германия и Англия без Ирландии—знают избыточное население городов, являющихся резервным фондом рабочей силы для развития ее капитализма; в странах же, где капитализм в зачаточном состоянии, или где он слабо развит, или где он, хотя и получил большее развитие, но где сельское хозяйство еще является господствующей формой хозяйства—там, как общее правило, резервный фонд избыточного населения, нужного капитализму, образуется в деревне, а не в городах.

Россия относилась к числу этих последних стран. Она именно имела до войны сгущенность населения в некоторых районах, избыточное население которых и являлось резервным фондом. При чистом капитализме это избыточное население является фондом для капитализма, а при государственном капитализме—мы это прямо должны сказать—оно явится фондом для государственного капитализма. Отрицать аграрное перенаселение было бы наивно, и весь вопрос сводится к ясному пониманию природы аграрного перенаселения. Тактика страуса не к лицу рабоче-крестьянскому правительству и коммунистической партии. Но есть ли что-либо здесь опасное, а если есть, то в чем заключается эта опасность и как она велика, какие методы и какие средства для ее устранения надо применить?

[1]) К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 531.
[2]) Н. Ленин, Собр. сочин., т. II, изд. 1923 г., стр. 201—202.
[3]) Ibid., стр. 202.

Когда говорят о перенаселении, то исходят из некоторого критерия или показателя. Большинство говорящих о перенаселении обычно ограничивается констатированием сокращения площади сельско-хозяйственных угодий, приходящейся на 1 душу населения после определенного периода времени—10, 20, 30 и т. д. лет... и делают отсюда выводы о перенаселении. С определенностью мы должны заявить, что не найдено, да и не может быть найдено об'ективного критерия для определения перенаселения.

Нахождение критерия специально для сельского хозяйства, исходя только из обеспеченности населения землей и не учитывая вместе с тем общей системы народного хозяйства, промысловости населения, общего размера с.-х. производства, форм и характера использования рабочей силы вне своего хозяйства, связи сельского хозяйства с народным хозяйством, функции которого оно выполняет,—является больше чем неудачным.

Таким методом нельзя ни определить нормальной населенности, ни определить степень перенаселенности какой-либо страны или ее отдельных районов[1]).

Размер хозяйства в каждом данном районе стоит в самой тесной связи со всеми производственными и естественно-историческими условиями районов. Поэтому измерять перенаселение абстрактными нормами и исходить из критериев, не связанных с экономикой данного района, его историей, всей суммой условий, которыми определяется направление народного хозяйства как в этом районе, так и вообще всего хозяйства, значит или обнаружить полное непонимание вещей, или, наоборот, сознательно стремиться к раздуванию проблемы перенаселения.

В зависимости от того, какой критерий мы возьмем, при оценке перенаселенности, мы получим ту или другую степень этой перенаселенности (см. таблицу на стр. 86).

Итак, если бы мы подобно Баллоду установили размер хозяйства, исходя из технических предпосылок (оптимальной, как говорят наши неонародники, Чаянов и др.) и отвлеклись бы от истории и экономики страны, то мы в категорию избыточного населения отнесли бы огромный % всего сельского населения—не менее, как видели выше, 60%.

Если бы мы, подобно Постникову (см. Южно-Русское хозяйство), исходили из размеров хозяйства многоземельного Юго-Востока, определяемого трудовыми рессурсами крупных семей (норму хозяйств у колонистов) в 60 дес. пашни на хозяйство, то это означало бы, что 67% всего населения должно бы оказаться за пределами земледелия.

Если бы мы вздумали измерять перенаселенность методом известной комиссии 1901 г. и исходили бы из критерия ею установленного 5,3 дес. посева или 7,9 пашни на рабочую силу, то в избыточное население должно бы отнести 54% всего населения.

[1]) См., напр., Лубны-Герцык, Об аграрном перенаселении России, и отдельный оттиск журнала «Сельское и лесное хозяйство»; Нефедов, Закон народонаселения и Россия.

Степень населенности.

1916	Число хозяйств в тыс.	Милл. десятин.		Норма.		Приход. населения в тыс. Всего обоего пола.	Избытки сел. насел. (+) и т. д.	В % к существ. насел.	Недостатки сел. населен. (—) и т. д.	В % к существ. насел.
		Удобн. (без леса).	Пашни.	На 1 хозяйство приходится.	Какого угодья.					
Европейская часть СССР. По статист. материал.	16.672	255,6	140,2	На хозяйство. 15,3[1]) 8,4 4,2	удобной пашни посева	84.887	—	—	—	—
По методу определ. оптимальн. размеров. хоз.	312	—	—	450[2])	пашни	33.696	+51.193	60	—	—
По методу Постникова	2.337	—	—	60[3])	пашни	28.044	+56.845	75	—	—
По методу б. Министерств. Земледелия	17.040	—	—	15[4])	удобн.	102.238	—	—	—17.349	20
По методу Комис. 1901 г.	—	—	—	на работ. обоего пола 5,3 7,9	посева пашни	39.050	+45.839	50	—	—
Конструктив.-эмпирич. метод установлен. на основе материал. Тульск. губ.: а) хоз. без промысл.	—	—	—	На рабоч. силу обоего пола 3,74	пашни	80.978	+3.911	5	—	—
б) хоз. с пром., не отрыв. от землед.	—	—	—	2,81	пашни	107.780	—	—	-22.891	27
в) хоз. с пром., отрывающ. от землед.	—	—	—	2,41	пашни	125.670	—	—	—40.781	48

Если за критерий взять 15 десятин удобной, как это делало Министерство Земледелия в своей работе о вольнонаемном труде, то мы получим в итоге *не перенаселенность*, а, наоборот, ненормальную разреженность населения. При этой норме необходимо было бы *вселить* еще 20% населения.

Если же для измерения перенаселенности мы взяли бы критерием размер хозяйства малоземельного района, то перенаселение мы нашли бы только в ультра-малоземельном районе, в других же районах, тоже малоземельных, но не ультра-малоземельных, не говоря уже о среднеземельных и многоземельных, где оказалась бы резко выраженная разреженность населения.

[1]) На 1 хозяйство 5,1 душ обоего пола.
[2]) На 1 хозяйство. 108 душ обоего пола.
[3]) На 1 хозяйство 12 душ обоего пола.
[4]) На 1 хозяйство 6 душ обоего пола.

Итак, оттого, какой критерий мы возьмем, зависит и определение степени перенаселенности;—от определения излишка населения—в 75%, до недостачи—в 20%. Отсюда можно и должно сделать только один вывод, что перенаселение надо измерять не площадью земли на 1 душу, а суммой *всех* ресурсов, которые население получает от *всех* видов заработка—и от земледелия, и от промыслов.

Необходимо, при разрешении вопросов о перенаселенности, отбросить мертвые схемы и брать в каждом районе исторически созданные типы хозяйств, изучать эти типы как со стороны их организационного плана, охватывающего и производство и потребление (крестьянское хозяйство имеет эти планы, хотя и не записанные в книге, хотя и не одобренные агрономами), так и того места, той роли, которую данный тип играет в общем хозяйстве района и народном хозяйстве в целом.

Вот, повторяем, почему к вопросу о перенаселении надо подходить реально и исторически.

Проблема заключается не в том, чтобы искать подобно буржуазным экономистам теоретические нормы «нормальные», «истинные», «справедливые», соответствующие трудовым силам хозяйства, и по ним строить земельные отношения и политику—разреживать население в одних районах и уплотнять его в других. В лучшем случае это — экономическая маниловщина; если она и имеет смысл, то только в программе с.-р. («никаких политиков»), но ни в какой мере она не может быть признана руководящей идеей советского государства.

В России, при сравнительно слабом развити капиталистических отношений, т.-е. при ничтожном накоплении капитала и слабом заселении окраин, рост сельского населения являлся для целой эпохи исторического развития фактором развития производительных сил, *ибо единственным рессурсом производительных сил, рессурсом, которым располагало хозяйство этой эпохи, была живая рабочая сила*. Только благодаря именно тому, что растущее население не поглощалось и не могло поглощаться городом и промышленностью, было возможно развитие производительных сил на окраинах (заселение, колонизация окраин); это—с одной стороны; с другой, если бы весь приток населения в ту эпоху поглощался бы городом или выбрасывался за пределы государства, то мы, несомненно, имели бы застой не только сельского хозяйства, но и всего народного хозяйства.

Страна слабо заселенная, т.-е. страна, бедная орудиями и средствами производства, где рабочие руки являются единственным орудием развития производительных сил,—такая страна только в порядке интенсивного роста своего населения *могла разрешить* проблему развития производительных сил. Только так, а не иначе могли развиваться производительные силы страны. То обстоятельство, что сельско-хозяйственное население росло и не поглощалось городом—и не могло поглощаться им—было, собственно говоря, предпосылкой для развития народного хозяйства, а не фактором его разрушения. Этот избыток населения являлся предпосылкой *для развития промышленности*, так, как города не могли образовать у себя из собственных рессур-

сов резервного фонда рабочей силы для снабжения развивающейся промышленности и других отраслей.

Только буржуазные писатели выдают этот рост населения за «гнилостный» процесс (Бруцкус), который в ближайшем будущем принесет все ужасы перенаселения.

О значении перенаселения Владимир Ильич говорит: «Могли бы быть построены железные дороги, если бы не образовывалось постоянно избыточное население? Известно ведь, что спрос на такого рода труд сильно колеблется по годам. Могла ли развиться промышленность без этого условия? (В периоды горячки она требует массы строительных рабочих для вновь воздвигаемых фабрик, зданий, складов и т. п. и всякого рода вспомогательной поденной работы, занимающей большую часть так называемых отхожих неземледельческих промыслов). Могло ли без этого условия создаться капиталистическое земледелие наших окраин, требующее сотен тысяч и миллионов поденщиков, при чем колебания спроса на этот труд, как известно, непомерно велики? Могло ли бы иметь место без образования избыточного населения феноменально быстрое сведение лесов предпринимателями-лесопромышленниками на нужды фабрик? (Лесные работы принадлежат тоже к числу наихудше оплачиваемых и наихудше обставляемых, как и другие формы труда сельских жителей на предпринимателей.) Могла ли без этого условия развиться система раздачи работы на дома в городах и деревнях купцами, фабрикантами, магазинами, составляющая столь распространенное явление в так называемых кустарных промыслах? Во всех этих отраслях труда (развившихся, главным образом, после реформы) колебания спроса на наемный труд крайне велики. А ведь размер колебаний такого спроса определяет размер избыточного населения, требуемого капитализмом» [1]).

Итак, по В. И. Ленину перенаселение играло огромную роль при капитализме и являлось предпосылкой его развития, так как избыточное население составляет необходимую принадлежность капиталистического хозяйства, без которой оно не могло бы ни существовать, ни развиваться [2]).

Но, если капитализм не мог существовать без относительного избыточного населения в определенных районах, то может ли существовать без него государственный капитализм. С определенной категоричностью мы должны сказать: нет, не может. В известной степени сгущенность населения в определенных районах должна быть, чтобы развивалась государственная промышленность и другие отрасли народного хозяйства, так как городское население не может в порядке прироста своего населения покрыть все потребности народного хозяйства в человеческом материале. Даже такие страны, как, например, Германия, имеющая около 60% всего населения в городах, поглощает не только весь прирост городского населения, но впитывает в себя и часть коренного населения, уменьшая абсолютно количество сельского населения. То же мы видим и в Англии, и во Франции.

Государственный капитализм должен и будет исходить из дифференцированности населения, не одинаковой насыщенности

[1]) Н. Ленин (В. Ульянов), Собр. сочин., изд. 1923 г., т. II, стр. 202—203.
[2]) Ibid., стр. 402.

их территории, и при развертывании промышленности и других отраслей народного хозяйства необходимо опираться на избыточное население в некоторых районах.

При данном развитии производительных сил страны известная степень сгущенности населения, известная степень перенаселения некоторых районов является условием развития производительных сил страны, развития промышленности и интенсификации сельского хозяйства.

Мы не Маниловы и не сантиментальные мелкие буржуа, чтобы пугаться фактов. Мы фактов не пугаемся. Мы их изучаем.

Но, признавая и учитывая перенаселенность, мы тем самым не хотим сказать, что ничего не нужно делать. Мы не хотим сказать, что пусть идет так, как идет. Как раз наоборот. Мы, констатируя перенаселенность в некоторых районах, и познав ее природу и значение для развития производительных сил, должны принять меры к ее устранению, но... только в порядке развития промышленности, в порядке развития торговли, в порядке развития других отраслей народного хозяйства, на основе государственного капитализма, в порядке проведения мероприятий по переселению, колонизации, мелиорации, сочетающейся с планом развития госпромышленности, т.-е. в порядке проведения мер, имеющих целью развитие производительных сил. Само собою разумеется, что уродливые формы перенаселения должны быть ликвидированы мерами государственной политики, мерами государственных мероприятий. Перенаселенность мы будем и должны лечить не в порядке пропаганды абортов или других «милых» мальтузианских средств, а в порядке роста промышленности, развития сельского хозяйства, мелиорирования окраин, их заселения, т.-е. в порядке развития государственного капитализма.

Буржуазные экономисты с особым удовольствием заявляют, что до войны сельское хозяйство развивалось и, следовательно, перед войной была разрешена проблема населенности в порядке капиталистических отношений.

Так Бруцкус писал: «после революции 1905 г., накануне войны, русское народное хозяйство стало развиваться настолько благоприятно, что аграрный кризис определенно шел к своему разрешению» [1]).

Теперь же, по мнению Бруцкуса, «после уничтожения частной собственности, мы вновь стоим перед грозной проблемой перенаселения». Так ли это?

Прежде всего, это утверждение совершенно не верно, если иметь в виду разрешение аграрного перенаселения в порядке Столыпинских законов.

Хуторализация и закрепление наделов, в порядке сокращения общего земельного фонда (выделы на хутора производились по повышенным нормам), скучивали все большую и большую массу населения на меньших земельных площадях сельско-хозяйственных угодий, т.-е. создавали как раз то, что подходит

[1]) Бруцкус, Аграрное перенаселение и аграрный строй,—«Сельское и лесное хозяйство», № 7—8, стр. 14.

под категорию избыточного населения, и если это не особенно ощущалось, то только потому, что этот момент совпал с усиленным развитием капитализма, а не стоял в связи с расширением частной собственности.

Только близорукостью и жаждою во что бы то ни стало ничего не видеть, кроме института частной собственности, можно об'яснить непонимание того, что Столыпин, создавая перенаселение, не мог не революционизировать 100-миллионную массу населения, которая оставалась в селениях после выхода на хутора и отруба незначительной, сравнительно с остающейся массой, группы населения. По моим расчетам, если бы Столыпин мог провести повсеместную хуторизацию, то до 20 милл. населения должны были бы лишиться всяких средств существования и должны были бы быть выброшены из деревни. Поэтому хуторизация и укрепление наделов, как общая государственная система, как система частной единоличной собственности для всех, не могла при том развитии народного хозяйства, которое имело место при самодержавии, разрешить проблемы перенаселения, и, наоборот, она могла лишь обострить эту проблему.

Столыпин оказался, хотя и поневоле, недурным источником революции. Так зло смеется история как над теми самодержавцами, которые предполагают, что они направляют корабль народного хозяйства, так и над теми их идеологами, которые думают, что они понимают законы исторического процесса.

Когда Бруцкус, Огановский и им подобные с выражением Щедринского Иудушки говорят, что революция дала ничтожную прибавку к земле, не превышающую в общем 0,4—0,5 на душу, то они лицемерно умалчивают помимо всего прочего о том, что благодаря социальной революции сельское население ежегодно, начиная с конца 1917 г., не уплачивает и никогда не будет уплачивать землевладельцам (арендные платы), банкам (платежи) до 300—350 милл. рублей золотом. Таким образом только один этот факт показывает, что революция создала предпосылки для максимального приложения капитала к земле в самой производительной его форме—производственной (орудия, скот, постройки), уничтожив раз навсегда завязку капитала в покупку земель, которую крестьянское население производило, чтобы бороться с малоземельем, и дало возможность всю ренту, которую крестьяне отдавали помещикам,—да и не только ренту, но и часть его заработной платы при голодных продовольственных арендах,—обращать на потребности своих хозяйств. Кроме того, уничтожение политического гнета (самодержавие) экономического (эксплоатация помещиками, банками, торгово-ростовщическим капиталом) создали действительно условия для развития производительных сил в деревне.

Таким образом революция создала предпосылки для развития производительных сил в сельском хозяйстве. Правда, что не все достижения революции сразу, вот сейчас, могут быть использованы. Но это дело только времени, ибо важна здесь не задержка в использовании достижений, а сами достижения. Народное хозяйство социалистического союза республик будет строиться не для 2—3 лет, не для 1—2 десятилетий. Ему принадлежит будущее целых веков.

Имеем ли мы какие-либо данные тревожиться, что в настоящее время в какой-либо степени существует опасность перенаселения?

За период 1858 и 1907 г. г., т.-е. за 49 лет население с 76,3 м. возросло до 155,4 милл., т.-е. удвоилось. При чем по отдельным районам население было, разумеется, неравномерным. Так, по подсчетам Огановского [1]), население увеличилось.

Прежде всего дадим справку о темпе роста населения по районам.

Население обоего пола.—По 44 губ. на 1916 г. в %% к 1858 г.

Районы 1916 г.	Городское.	Сельское.	ИТОГО.
Центрально-Промышлен.	378,0	158,2	182,8
Средне-Волжский	280,1	184,1	191,6
Центр.-Земледельческий	248,6	189,9	193,9
Северный	284,9	189,2	194,1
Приуральский	344,3	198,4	203,2
Нижне-Волжский	430,9	196,3	207,4
Малороссийский	335,1	217,3	227,7
Приозерный	410,9	197,8	250,0
Юго-Западный	429,6	253,6	267,7
Белорусский	404,5	256,3	268,2
Новороссийский	573,8	376,6	401,9
Всего по 44 губ. Европейской России (без Прибалтийского района)	376,5	212,1	226,6
в т. ч.			
По производящей полосе	366,4	219,3	230,1
По потребляющей полосе	391,5	192,7	217,5

В каждом районе определенные общественные отношения производства определяли рост населения в этих районах и в результате двух процессов,—естественного и механического движения населения,—в одних районах происходил рост населения более быстрым темпом, а других—более медленным. При чем темп прироста в районах стоял в связи с определенными нормами земельной обеспеченности, как это видно из следующих данных. Прирост крестьянского населения с 1858 г. по 1877 г. в 46 губерниях России [2]).

			%%
В общинах с наделом до	1 дес.	увеличился на	16,3
"	1—2 дес.	"	17,3
"	2—3 "	"	19,0
"	3—4 "	"	21,2
"	4—5 "	"	27,6
" свыше	6 "	"	30,2

Разумеется, что, кроме земельной обеспеченности, действовали и другие факторы и в результате за 50 лет 1858—1907 г.г. мы имели [3]).

---

[1]) Н. Огановский, очерк по истории земельных отношений, стр. 401.
[2]) Проф. В. Ден,—Очерки по экономич. географии, 1908 г., стр. 95.
[3]) Н. Огановский,—Очерк по истории земельных отношений, стр. 410.

	% населения проживавшего в 1858 г.	% населения проживавшего в 1907 г.	На сколько миллионов увеличилось или уменьшилось население сравнит. со средн. приростом (+ или —).
В районе старин. центра (московск., северо-западн., северн.)	23,4	19,7	— 3,8
Первого пояса колонизации (централ. - землед., средневолжск., восточн.-малоросс., северо-восточн.)	47,0	41,3	— 6,1
Второго пояса (Заволжья, Новороссии)	15,8	21,7	+ 6,2
Третьего пояса (Северн. Кавказ, Сибири, Средн. Азии) .	13,8	17,3	+ 3,7

Области промышленного и земледельческого центра потеряли приблизительно до 10 милл. душ обоего пола населения, которое было всосано Югом, Востоком и Сибирью.

Размножение населения России после крепостной эпохи идет весьма ускоренным темпом и особенно это ускорение наблюдалось в эпоху интенсивного развития капиталистических отношений. Показателем быстрого роста может служить возрастание всего населения (и городского и сельского) по бывшей царской России за период 1905—1915 г. г., по данным ЦСК.

Года.	Население в % % к 1905 г.
1905	100,0
1906	101,7
1907	103,5
1908	105,9
1909	109,1
1910	111,6
1911	113,8
1912	116,6
1913	118,7
1914	121,6
1915	124,5

Что же произошло за период 1914—1924 г.г. Прежде всего, мы должны сказать, что, благодаря империалистической и гражданской войне, сельское и городское население сравнительно с 1914 г. резко сократилось в 1920 г., как показывают нижеследующие данные:

	1907 г.	1914 г.	1920 г.	1924 г.
	в тысячах душ обоего пола.			
Население РСФСР, Белоруссии, и Украины (без Киргизии, Туркестана, ДВО).				
Городское	12.535	17.415	16.898	18.918
в процентах	100	138,9 100	134,8 97,0	150,9 108,6
Сельское	92.262	103.768	94.146	98.245
в процентах	100	112,5 100	102 90,7	106,5 94,7

Итак, города в 1920 г. сократили свое население с 17.415 до 16.898 душ обоего пола, но затем к 1924 г. они увеличили его до 18.918, т.-е. превысило население 1914 г.

Сокращение сельского населения с 103.768 душ обоего пола до 91.146 душ еще в 1924 г. не было ликвидировано.

Интересно изменение сельского населения по районам.

Население СССР (по предварительному исчислению) в 1907—1924 г. г.

РАЙОНЫ.	В абсолютн. цифрах. Сельское.				В относительных. Сельское.			
	1907	1914	1920	1924	1907	1914	1920	1924
1. Северный	9.845	10.754	9.868	10.887	100,0	109,2 100	100,2 91,8	110,6 101,2
2. Подмосковный . . .	16.376	18.438	16.171	17.935	100,0	112,6 100	98,7 87,7	109,5 97,3
3. Средне-Черноземн. .	11.388	12.374	11.057	11.395	100,0	108,7 100	97,1 89,4	100,1 92,1
4. Поволжский	12.097	13.202	12.053	11.363	100,0	109,1 100	99,6 91,3	93,9 86,1
5. Уральский	8.716	9.568	9.614	9.517	100,0	109,8 100	110,3 100,5	109,2 99,5
6. Украина (с Крымом) .	22.927	24.932	21.280	22.837	100,0	108,7 100	92,8 85,4	99,6 91,6
7. Юго-Восток	5.870	7.214	6.307	6.321	100,0	122,9 100	107,4 87,4	107,7 87,6
8. Сибирь	5.043	7.286	7.796	7.990	100,0	144,5 100	154,6 107,0	158,4 109,7
Итого . .	92.262	103.768	94.146	98.245	100,0	112,5 100	102,0 90,7	106,5 94,7

Примечание. Киргизия, Туркестан и Дальний Восток, за отсутствием надежных данных в 1920 и 1924 г.г. в эту таблицу не включены.

За 7 лет, с 1907 до 1914 года сельское население увеличилось на 12%. В 1920 г. оно упало сравнительно с 1914 г. на 9,3%, и в 1924 г., хотя и возросло, но не настолько значительно, чтобы дойти до 1914 года.

Это падение населения к 1920 году имеет место во всех районах, за исключением Урала и Сибири, где население в 1920 г. больше, чем в 1914 г.

Во всех районах, за исключением Урала и Поволжья (голод), население в 1924 г. возросло сравнительно с 1920 г., но превысило население 1914 г. лишь в Северном районе и Сибири. Но никому в голову не придет назвать Сибирь перенаселенным районом и никому поэтому не придет в голову тревожиться от того, что население Сибири растет,—наоборот, это есть показатель развития производительных сил, ибо в районе слабо населенном, бедном капиталом, только в порядке роста населения хозяйства создают огромной ценности продукт—рабочую силу, и только буржуазные экономисты создание этого продукта, который при данном состоянии народного хозяйства является источником дру-

гих ценностей, могут об'яснить источником гнилостного состояния народного хозяйства.

Особой тревоги не вызывает и не может вызывать и Северный район, который за 10 лет увеличил население лишь на 1,4%. Но с этими губерниями не связывают понятия перенаселения, наоборот, это—район колонизации. В остальных районах в особенности в Поволжьи, Юго-Востоке, т.-е. там, где не было избыточности населения и до войны, также нет места никаким тревогам, наоборот, здесь нужно стремиться к тому, чтобы население возрастало, ибо это необходимо, чтобы ликвидировать последствия голода.

Рост населения на Украине не достиг уровня 1907 г. В черноземной полосе население не достигло уровня 1914 г. Следовательно, и здесь не место каким-либо опасениям.

Население даже подмосковного района, о котором любят говорить, как о перенаселенном районе, еще не достигло размеров 1914 года.

Таким образом современное состояние численности сельского населения не вызывает и не может вызывать тревог, даже если исходить из абсолютного количества населения; если же прибавить сюда то, что получилось в результате социальной революции, т.-е. что население всех районов получило до 40 милл. помещичьей земли, в том числе до 10 милл. посевной площади, которая находилась раньше в исключительной эксплоатации частновладельческих хозяйств, что население не выплачивает 300—350 милл. руб. золотом ежегодно, то острота земельных отношений в центре и некоторых районах Украины, и отчасти черноземной промышленной области, снята с очереди на ближайшее время.

Но, говоря все это, мы не хотим сказать, что нет в некоторых районах и особенно некоторых губерниях в известной мере избыточного населения. Мы только утверждаем, что нет той остроты в данное время, которую нам навязывают буржуазные писатели.

Мы не хотим сказать, что перед государством не стоят задачи колонизации, задачи интенсификации, мелиорации, задачи вытекающие из роста населения. Нет, эти проблемы стоят, и остро стоят, и требуют своего разрешения, но мы утверждаем, что наивно было бы стремиться к развитию государственного капитализма, не исходя из наличности известного резервного фонда человеческого материала в сельских местностях. Наивно было бы думать, что, не развивая проблемы развития промышленности, можно разрешить проблему разрежения одних и заселения других районов. Наивно было бы думать, что можно проводить широкие мелиоративные работы, не расширяя промышленности, торговли и, вообще, не развивая народного хозяйства в целом.

Поэтому разрешение проблемы перенаселения там, где оно есть, надо искать не в методах, которые рекомендуются мальтузианцами, не в насаждении частной собственности (Бруцкус), а в развитии государственного капитализма, того капитализма, который по квалификации Владимира Ильича является предпоследней ступенью к коммунизму и миссия которого—мощное развитие промышленности и создание огромного рынка для продуктов сельского хозяйства.

В. Бендеровский.

Печальные фантазии.

(По поводу статьи А. Гольцмана «Наши задачи в деревне»).

Прежде всего оговорка: я не собираюсь защищать т. Крицмана.

Необходимо обладать все-таки значительными способностями, чтобы уметь так подобрать «мысли» и «соображения», как это ухитрился проделать т. Гольцман... Каторжный, должно быть, «труд»? Если только круг таких «идей» (как это утверждает в примечании к статье Гольцмана редакция «Большевика») «типичен для мышления определенной категории партийных товарищей», то это еще полбеды, ибо это—круг идей безусловно неправильных и потому мало заразительных для массы членов РКП.

Я остановлюсь лишь на «основных положениях» «автора», изложенных в главе II Гольцмановского «труда», озаглавленной «О союзе с крестьянством, как целым», оставляя другим товарищам рассортировать, куда следует, богатство «откровений», изобилующих в других местах рассматриваемых «задач в деревне».

«Лозунг «Союз пролетариата и большинства крестьянства»... поставлен чисто формально. Он не имеет никакой практической ценности и не прибавляет ничего нового к той тактике, которая проводилась пролетариатом по отношению к крестьянству до сих пор», —так резюмирует свои «выводы» т. Гольцман.

Только ли это хотел сказать т. Гольцман? Если только это, то к чему такая страстность на трех с половиною страницах по поводу поставленного «чисто формально» и лишенного всякой «практической ценности» лозунга?

Верно ли, что лозунг «союз пролетариата с большинством крестьянства» не имеет теперь «никакого практического значения»? Не верно! И не верно именно потому, что мы еще далеко не по всему партийному и советскому фронту полностью и практически поставили давно разрешенный теоретический вопрос о середняке и об определении понятия «кулак», к которому часто относим еще здорового середняка; именно потому, что мы еще не всюду и не на 100% (иногда даже далеко не на 100%) склонили бедняка (незаможника) к союзу с середняком против кулака.

Но перейдем к разбору фантазий т. Гольцмана.

Фантазия № 1. Тов. Гольцман возмущен до глубины души лассальянством т. Крицмана: «Крестьянство, как класс, никогда раньше не существовало. Такое выражение, как «класс-

сословие», может быть терпимо во времена Лассаля.., но, ведь, и лассалевская формулировка может быть об'яснена, но не может быть защищена. Тем более странно слушать такую формулировку в устах марксиста»...

Если лассальянская формулировка не может быть защищена, то она может быть по крайней мере хоть об'ясненной. А вот «формулировку» т. Гольцмана и об'яснить трудно. И зачем тов. Гольцману вздумалось брать под свою защиту марксистов? Лучше бы тов. Гольцман научился правильно читать Ленина, у которого он нашел бы следующее поучительное место[1]): «Мы ставим в кавычки слово крестьянство, чтобы отметить наличность в этом случае не подлежащего никакому сомнению противоречия: в современном обществе крестьянство, конечно, не является уже единым классом. Но кто смущается этим противоречием, тот забывает, что это—противоречие не изложения, не доктрины, а противоречие самой русской жизни. Это—не сочинение, а живое диалектическое противоречие. Поскольку (курсив мой. *В. Б.*) в нашей деревне крепостное общество вытесняется «современным» (буржуазным) обществом, поскольку крестьянство перестает быть классом, распадаясь на сельский пролетариат и сельскую буржуазию (крупную, среднюю, мелкую и мельчайшую); поскольку сохраняются еще крепостные отношения, постольку «крестьянство» продолжает еще быть классом, т.-е., повторяем, классом не буржуазного, а крепостного общества. Это «поскольку—постольку» существует в действительности в виде крайне сложного сплетения крепостнических и буржуазных отношений в современной (1902 года. *В. Б.*) русской деревне».

Вот тебе и «крестьянство, как класс, никогда раньше не существовало»!

Тов. Гольцману не свойственно ясное понимание диалектики крестьянского развития от крепостного мужика до советского селянина, не понятна та истина, что наше крестьянство еще даже и в октябре 1917 года выступало как единый класс «не буржуазного, а крепостного общества», поскольку оно выступало против остатков крепостничества, несмотря на имевшееся уже внутри его классовое расслоение. Это неумение т. Гольцмана понять крестьянство, обусловило следующую его фантазию по вопросу о союзе рабочего класса с крестьянством, как целым.

Тов. Гольцман, как «ортодоксальнейший марксист» не может, конечно, обойтись без того, чтобы не утереть нос всяким там «народникам» из РКП термином «расслоение». Очень хорошо. Но т. Гольцман и в применении к советскому селу 1925 года никак не может с'ехать с «расслоения» эпохи русского села до революции 1917 года. Тов. Гольцман не хочет (и очевидно не может) поставить перед собой и разрешить такой вопрос: не отличается ли качественно (и весьма существенно) расслоение нашей, современной деревни от расслоения деревни дореволюционной?

Тов. Гольцман этого не сделал и случилось так, что из-за тождества лозунгов «расслоения» он легко проглядел различие

[1]) Ленин, Из истории социал-демократической аграрной программы, 1902 год.

экономических отношений дореволюционного и нынешнего села подобно тому, как, по меткому выражению тов. Ленина, Плеханов на Стокгольмском с'езде Р. С.-Д. Р. П. «просмотрел» различие таких отношений из-за тождества слова «национализация» в условиях Руси XVIII и XX веков. А, проглядев сие, тов. Гольцман проглядел и то, что нынешнее расслоение крестьянства, определяемое совершенно иными экономическими отношениями, чем те, которыми оно, это расслоение, определялось до октября 1917 г., приводит диалектически крестьянство, как прежний крепостнический класс-сословие, на новую высшую ступень развития, на ступень класса мелкой буржуазии, которая, разлагаясь на кулаков и пролетаризирующееся крестьянство, с экономической неизбежностью все в большей и большей мере идет к постепенному превращению «мелкого, единоличного крестьянского хозяйства в общественное, товарищеское или артельное»[1]), к постепенному переходу в «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией[2]), т.-е. к постепенному переходу к социализму.

У т. Гольцмана я могу, конечно, заслужить только название «народника». Но назвать «народником» еще не означает изобличить в народничестве.

Для меня, конечно, не составляет никакого сомнения то положение, что и современная деревня в силу условий НЭП'а идет по мелко-буржуазным тропам со многими присущими этим тропам (но не всеми) чертами капитализма. Я также собираюсь восхвалять так называемую «уравнительность» в деревне, понимая, что такое стремление было бы экономическим шагом назад. Но ведь весь вопрос в том, какую основную тенденцию развития расслоения выявляет современное крестьянство под влиянием общегосударственной советской экономики?

Мне могут указать на XIII с'езд РКП, где тов. Каменев говорил о ленинской табличке из книги «Развитие капитализма в России», как об основном масштабе в нашей ориентировке на селе[3]). Но, конечно же, тов. Каменев и не думал отождествлять сущность расслоения крестьянства периода таблички Ленина с сущностью этого расслоения теперь. Далее, я ведь тоже могу сослаться на специальный доклад по работе в деревне тов. Калинина и привести из этого доклада весьма правильную характеристику существа вопроса. Вот она[4]).

«В связи с увеличением благосостояния крестьянства произошли и другие изменения. Это благосостояние увеличилось, главным образом, среди середняцкого и зажиточного крестьянства. Это не значит, что целый ряд крестьян на другом полюсе обеднел больше, чем в первые годы, т.-е. до НЭП'а. Это—неверная позиция, что у нас увеличилось количество бедноты, как бедноты в крестьянстве. У нас не количество бедноты увеличилось в крестьянстве, но у нас увеличилась разница между беднотой и между середняком и кулаком... В настоящее вре-

[1]) Ленин, том XVI, речь на 1 с'езде коммун. и сел.-хоз. артелей.
[2]) Ленин, т. XVIII, ч. 2, О кооперации.
[3]) Стенограф. отчет о XIII с'езде, стр. 409.
[4]) Там же, стр. 461.

мя увеличивается общее благосостояние крестьянства, в том числе и бедноты». И далее [1]): «Но на-ряду с этим процессом имеются и другие процессы. Мы видим, параллельно с увеличением кулацких слоев населения, параллельно с расслоением крестьянства заметно еще и кооперирование крестьянства... крестьянская беднота... она организуется в коммуны, она кооперируется во всевозможные артели, чтобы увеличить свою экономическую мощь». И, наконец, как синтез положения [2]): «Капиталистический мир накладывает на крестьянина отпечаток буржуазности. Наше советское государство наложит отпечаток советской государственности. И уже нет никакого сомнения, что государство через свои торговые органы будет иметь могучий рычаг влияния на крестьян-производителей».

Вот в чем гвоздь! Вот чего не понял т. Гольцман, которому так хочется чуть ли не все середняцкое крестьянство подвести под «нейтрализацию» «кандидатов в капиталисты», а маломощных крестьян «спасти» от поддержки рабочего класса, так как последняя (поддержка), видите ли, «противоречит социализму» и приведет маломощного крестьянина к «замкнутому натуральному хозяйству», так как, видите ли, «такая поддержка мелкого сельского хозяйства есть необходимый политический маневр пролетариата» и ничего больше.

Тов. Гольцман не понял, что расслоение нашего крестьянства, **ограниченное** при условиях нашей экономики как с конца окулачивания, так и с конца пролетаризации, что это расслоение, при условии кооперации и господства пролетариата над основными высотами средств и орудий производства нашей страны, с неизбежностью синтезируется во все большей и большей экономической однородности почти всего крестьянства, не уравнительности, повторяю, «замыкающейся в рамки натурального хозяйства», а именно однородности качественной (с неизбежными, конечно, количественными расслоениями), нивелирующей и толкающей под наложение «отпечатка советской государственности», к социализму. В этом именно и есть диалектика развития в современном селе. И это дает нам **право говорить и в применении к современным условиям о союзе пролетариата, стоящего уже прочно у власти, с крестьянством, как с целым, конечно, без ничтожной группки кулачества, а значит и о крестьянстве, как классе,** все больше и больше теряющем характер «переходного класса» капиталистического общества, а, наоборот, все больше и больше становящемся переходным классом периода диктатуры пролетариата с особой экономической тенденцией постепенного перехода к обобществлению средств и орудий производства и постепенного врастания в систему государственного капитализма советского государства.

К укреплению этой особой экономической тенденции и направлена, по моему мнению, вся аграрная тактика РКП после завершения крестьянской революции и октябрьского переворота на селе, а это, т. Гольцман, уже далеко от той аграрной тактики, которую большевики правильно применяли в условиях дореволюционной России и которая в основном сводилась к поддержке

[1]) Там же, стр. 462.
[2]) Там же, стр. 465.

крестьянства «в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне», как это значилось в аграрной программе нашей социал-демократии (большевиков) в 1903 году.

Фантазия № 2. «Мы категорически утверждаем, что большевики никогда не проповедывали союза рабочего класса с крестьянством, как целым, независимо от того, является ли это целое классом, сословием или «классом-сословием». Идея союза рабочего класса с крестьянством, как с целым,—это народническая, более того, Бакунинская идея».

Далее: «Что же касается большевиков, то с первого дня своего существования (а когда по вашему был этот «первый день», т. Гольцман?) эта партия провозгласила союз рабочего класса с беднейшим и, отчасти, с середняцким крестьянством».

И еще далее: «Рабочий класс не заключал союза с крестьянством, как с целым, т.-е. поголовно со всей крестьянской массой ни до, ни после октябрьского переворота».

Так понял т. Гольцман всю глубину ленинского анализа крестьянского вопроса, всю остроту борьбы т. Ленина и направо с эсерами и проч., и налево с «квази-ортодоксами»—меньшевиками и троцкистами!

Поистине т. Гольцман бредит и в бреду доходит даже до возможности опираться на т. Ленина. И здесь опять-таки не столько важна ошибка т. Гольцмана в трактовке истории вопроса, сколько прет наружу все та же тенденция т. Гольцмана, тенденция какой-то необ'яснимой тошноты от малейшего намека на «такую эклектическую жижу, как союз с крестьянством», жижу, которой «никто никогда в рядах коммунистической партии не проповедывал» (?!).

Тов. Гольцман не хочет понять малого: разницы между буржуазно-демократической и социальной революциями и разницы участия в них разных слоев крестьянства. А именно за необходимость ясного понимания этого вопроса так основательно бился т. Ленин со всеми и со всякими «социалистами». Больше того, т. Гольцман не в состоянии понять «двух тактик социал-демократии в демократической революции».

Тов. Гольцман слыхал звон о какой-то «нейтрализации», но откуда звон—толком не расспросил и проповедует, вернее, фантазирует, об «известном тактическом маневре» в нашей партии, направленном «не только к тому, чтобы привлечь на свою сторону симпатии крестьянской массы, но и к тому, чтобы нейтрализовать эту крестьянскую массу в том случае, если ее симпатии не могут быть привлечены». При этом т. Гольцман уверяет, что «симпатии могут быть привлечены со стороны **беднейшей** части крестьянства (подчеркнуто т. Гольцманом. *В. Б.*)... **Нейтрализация** же относится (подчеркнуто тоже Гольцманом. *В. Б.*) к середняцкой массе крестьянства постоянно колеблющейся между высшими, явно контр-революционными элементами и низшими».

Маневр-то большевистской нейтрализации хорош, да беда в том, что т. Гольцман не понял, что к чему. Вся штука-то в том, что к «нейтрализации» приходится прибегать не в том случае, **если** симпатии крестьянской массы не могут быть привлечены, а в том случае, **когда** эти симпатии не могут быть привлечены. Вся штука в **различном характере** отноше-

ния **различных частей крестьянства в различных революциях!** Когда пролетариат совершает завершение буржуазно-демократической революции, тогда, вопреки Гольцману, **вся** крестьянская масса на стороне пролетариата. Это доказала Октябрьская революция. Когда же пролетариат совершает пролетарскую революцию, тогда он может рассчитывать только на пролетарские и полупролетарские элементы села. Это тоже доказано в Октябрьском перевороте.

Тов. Гольцман, очевидно, слыхал о знаменитой формуле т. Ленина, которая гласит следующее [1]): «Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии».

Мало, т. Гольцман, слыхать о Ленине, надо его понимать! А приведенная цитата как раз вами и не понята, ибо она именно говорит о двух революциях и о том, когда именно нужно «нейтрализивать» крестьянство и какую именно часть его, и о том, что во время совершения демократического переворота пролетариат должен привлекать на свою сторону **всю массу** крестьянства.

А что именно всю массу, а не только часть ее, и что т. Гольцман совершенно не знает Ленина, об этом свидетельствует нижеследующее. Я приведу лишь некоторые цитаты:

1) Посылая свой горячий привет происходившему тогда (1905 год) в Москве с'езду крестьянского союза, т. Ленин писал [2]): «Вот почему социал-демократы говорят, что они борются вместе со всем крестьянством против помещиков и чиновников, а, кроме того, они, городские пролетарии, вместе с сельскими пролетариями борются против капитала. Борьба за землю и за волю есть демократическая борьба. Борьба за уничтожение господства капитала есть социалистическая борьба».

2) На VIII с'езде партии в речи о работе в деревне т. Ленин говорил [3]): «В октябре 1917 года мы брали власть **вместе с крестьянством в целом** (подчеркнуто Лениным, т. Гольцман!). Это была революция буржуазная, поскольку классовая борьба в деревне еще не развернулась. Как я уже говорил, только летом 1918 года началась настоящая пролетарская революция в деревне. Если бы мы не сумели поднять эту революцию в деревне, если бы мы не сумели поднять эту революцию, работа наша была бы негодна. Первым этапом было взятие власти в городе, установление советской формы правления. Вторым этапом было то, что для всех социалистов является основным, без чего социалисты—не социалисты: выделение в деревне пролетарских и полупролетарских элементов, сплочение их с городским пролетариатом для борьбы против буржуазии в деревне».

Я думаю достаточно, т. Гольцман? Но как все-таки, т. Гольцман, вы можете так «**категорически**» утверждать?

---

[1]) Ленин, т. VI, Госиздат, 1922 г., стр. 371.
[2]) Ленин, т. VII, ч. 1 стр. 20, указ. издание.
[3]) Ленин, т. XVI, стр. 143, изд. 1923 г.

Впрочем, достаточно. Хочется отметить еще лишь следующее. Что большевиков за их лозунг «союз пролетариата со всем крестьянством» кое-кто с удовольствием величал «народниками», в этом нет ничего особенного. Но вот характерно то, что называли большевиков «народниками» и «эсерами» именно те «левые ортодоксальные марксисты», которые, подобно Гольцману, докатывались до чистейшей перманентщины, до перепрыгивания через неизбежность и выгодность для пролетариата буржуазно-демократического переворота в России, а ныне в своей фантазии докатываются, подобно Гольцману же, до явного желания «нейтрализовать» (не от советского ли влияния?!) середняцкие массы крестьянства.

ЛЕНИН и ЛЕНИНИЗМ.

Письма В. И. Ленина о работе в деревне *).

(Предисловие).

Первое из публикуемых здесь писем Владимира Ильича—«О тезисах тов. Преображенского»—написано им в Горках, в период подготовки к XI партийному с'езду, 16 марта 1922 г. Тезисы тов. Преображенского, как известно, с'ездом не обсуждались, так как на самом с'езде была выделена, как это предлагал Владимир Ильич в своем письме, особая комиссия, разработавшая проект резолюции с'езда. В основу этой, утвержденной XI с'ездом, резолюции по работе в деревне [1]) положен целиком, с небольшими редакционными изменениями и добавлением нескольких пунктов, проект Владимира Ильича из его второго письма к т. Осинскому, написанного им 1 апреля, уже в Москве, под конец работ с'езда, и его же предложение о создании постоянной комиссии по собиранию и изучению практического опыта по работе в деревне (см. письмо к т. Молотову о тезисах тов. Преображенского).

Мы даем в примечаниях соответствующие выдержки из разбираемых Владимиром Ильичем тезисов т. Преображенского.

Тов. Молотову для членов Политбюро.

О тезисах тов. Преображенского.

1. Заглавие не годится. Это не «основные принципы» [2]), кои установлены уже программой, а «О постановке работы РКП в деревне при условиях переживаемого момента».

Предлагаю: поручить автору сократить и частично видоизменить тезисы применительно к этой перемене темы. В частности, сократить общепринципиальные повторения (им место будет в листовке, поясняющей и комментирующей будущее решение с'езда) и развить детальнее практические, особенно организационные выводы.

*) Рукопись подготовлена к печати тов. Гляссер.

[1]) См. стенографический отчет XI с'езда РКП (б), М., 1922 г., стр. 500.

[2]) Заглавие тезисов тов. Преображенского: «Основные принципы политики РКП в современной деревне».

2. В заголовке § I: «Социальные отношения» вместо единственного числа. (Переписка неряшлива: «об'единения» вместо «обеднения», «безплощадных» вместо «безлошадных») [3]).

3. В § I особенно много длиннот: многое надо перенести в брошюрку [4]).

4. О «кооперировании» и в § I и в других §§ говорится голо и абстрактно [5]). Это уже говорено тьму раз и надоело. Надо изложить совершенно иначе, не повторяя голого лозунга: «кооперируйтесь!», а указывая конкретно, в чем **практический опыт** кооперирования и **как** ему помочь. Если этого материала у автора нет, то надо внести в решение с'езда требование этот материал собирать и разрабатывать не академически, а практически. (Все тезисы тов. Преображенского архи-и пере-академичны; интеллигенщина, кружковщина, литературщина, а не практическая гос-и хоз-работа).

5. «За исключением хозяйств коллективных» не развитие, а «тенденция к падению» [6]) (у бедноты). Не годится. Во-1-х, не доказано, что у «коллективов» вообще лучше. Не след дразнить крестьян лживым комсамохвальством. Во-2-х, не «тенденция к падению», а задержка развития везде; падение—часто.

6. Что «хозяйственное крестьянство» «**увлекается**» «задачей улучшения сельско-хозяйственной культуры» [7]), это выражение неловко и, к сожалению, тоже «комхвастовство». Надо сказать: «начинает, хотя и медленно» (§ I).

7. «Крестьянское (?) равенство рассасывается» (?) [8]). Так нельзя сказать.

Конец 1-го §-фа совсем негоден: статья, а не тезисы; предположения, без данных.

8. В § II начало архинепопулярно. И по сути ни к чему это в тезисах. Не из той оперы [9]).

[3]) Экземпляр тезисов, который имел Владимир Ильич, изобиловал опечатками, что и вызвало замечание в пункте втором.

[4]) В § 1 тезисов даются общие положения на тему о развитии производительных сил и социальных отношениях в современной деревне.

[5]) О «кооперировании» в § 1 говорится: «Большая... часть (середняцких хозяйств) может подняться на высшую ступень лишь в процессе своего кооперирования при поддержке советского государства...».

[6]) «Что касается беднейших слоев деревень, то за исключением хозяйств коллективных, здесь намечается тенденция не к развитию, а к падению производительных сил, сокращению посевных площадей» и т. д. (§ 1).

[7]) «Но еще быстрее и заметнее выделяется из рядов середняцкой массы прослойка крепкого хозяйственного крестьянства, увлекшегося задачею улучшения с.-х. культуры и поднятием урожайности земли на основе индивидуального интенсивного хозяйства» (§ 1).

[8]) «Таким образом, крестьянское равенство деревни, характерное для периода гражданской войны, теперь рассасывается с двух полюсов единовременно (§ 1).

[9]) § II—Об отношении к кулачеству и зажиточному крестьянству.

9. Вторая фраза II-го параграфа (против «комбедовских способов») вредна и неверна, ибо война, например, может принудить к комбедовским способам [10]).

Об этом сказать надо совсем иначе: например, так: в виду преобладающей важности под'ема сельского хозяйства и увеличения его продуктов, в данный момент политика пролетариата по отношению к кулачеству и зажиточному крестьянству должна быть направлена главным образом на *ограничение* его эксплуататорских стремлений и т. д.

Как ограничивать эти стремления, как защищать бедноту должно и может наше государство, в этом вся суть. Это надо изучать и заставить изучать практически, а общие фразы *пусты*.

10. Последние слова II-го параграфа верны, но непопулярны и не развиты. Подработать надо [11]).

11. В § III фраза: «Отрыв» и т. д. совсем искажена.

12. По сути всего § III преобладают общие места. Это ни к чему. Повторять их так голо—вредно; вызовет тошноту, скуку, злобу против жвачки [12]).

Вместо этого лучше хоть один *уезд* взять и показать *деловым* анализом, как надо помогать «кооперированию», а не злить крестьян *глупокоммунистической игрой в кооперацию*;—как и в чем именно мы *на деле* помогли агрономическим улучшениям и пр. и должны помогать и т. д.

Не тот подход к теме. Вредный подход. Тошнит всех от общих фраз. Они плодят бюрократизм и поощряют его.

13. Начало § IV особенно неудачно. Это непопулярная статья, а не тезисы к с'езду.

Далее. «Директивы в декретном порядке», вот что предлагает автор. Это в корне неверно. Бюрократизм потому нас и душит, что мы все еще играем в «директивы в декретном порядке». Хуже и вреднее этого автор ничего не мог бы придумать [13]).

Далее. Говорить на с'езде РКП, что «надо осуществить решение 9-го С'езда Советов», это архискандал. Для этого писать тезисы!!

---

[10]) «Политика неприятия этого (кулачества и зажиточного крестьянства) слоя и грубого внеэкономического подавления его комбедовскими способами 1918 года была бы вреднейшей ошибкой» (§ 2).

[11]) В конце второго параграфа говорится о необходимости использовать начавшийся процесс капиталистического накопления в деревне, не подрывая хозяйства кулачества и зажиточного крестьянства для накопления социалистического.

[12]) § III тезисов—об отношении к среднему крестьянству.

[13]) § IV—об отношении к маломощным крестьянам. В начале этого параграфа говорится о причинах разрастания слоя маломощных крестьян, об их эксплуатации зажиточными группами, о необходимости для них кооперирования и государственной помощи. Для осуществления последней предлагается в декретном порядке дать директивы всем комиссариатам и хозорганам.

Весь параграф не годится. Общие места. Фразы. Пожелания, всем надоевшие. Это и есть *современный* «комбюрократизм».

Вместо этого лучше взять данные *практического опыта*, хотя бы даже по одному уезду,—хотя бы даже по одной волости,—и разработать их не академически, а *практически*: учитесь, любезные комбюрократы, *вот того-то не делать* (конкретно, с примерами и наименованием мест, с точным указанием фактов), а *вот то-то* делать (так же конкретно).

По отношению к «кооперации» этот недостаток тезисов здесь, в § IV, особо велик и особо вреден.

14. В § V «кадрами сельскохозяйственного пролетариата» об'являются «рабочие совхозов». Это неверно. Это «комчванство». Гораздо чаще это **не** пролетариат, а и «пауперы» и мелкие буржуа и все, что хотите. Не надо обольщать себя неправдой. Это вредно. Это—главный источник нашего бюрократизма. И это *зря* дразнит крестьян, обижает их. О «кадрах сельско-хозяйственного пролетариата» в наших совхозах пока умнее помолчать будет.

Правильно говорится дальше, что организация этого «пролетариата» («весьма разнородного и пестрого»: правильно! и потому больше похожего на... нечто неприличное, но не «кадры») «очень трудна».

Верно! И поэтому не надо говорить таких вещей, как «состав совхозов должен быть очищен от мелкособственнических элементов», ибо это вызовет *смех*, и законный (вроде очистки крестьянских изб от дурного воздуха).

Лучше помолчать [14]).

15. В § VI (только!) начинается подход к практическим задачам. Но и этот подход так слаб, так мало обоснован практическим опытом, что приходится сделать вывод (во изменение предложения, намеченного выше в пункте I-м):

признать тезисы не подходящими;

поручить автору+Осинскому+Теодоровичу+Яковенке организовать на с'езде совещание делегатов, работающих в деревне;

темой совещания сделать отнюдь не «принципы» и т. п., а исключительно **изучение и оценку практического опыта**:

как кооперировать?

как бороться с плохими совхозами? с плохими кооперативами и коллективами?

как усилить Всеработземлес? (вставить туда автора на *длительную* работу).

Поставить от Цека задачей этого совещания—отнюдь не впадать в повторение общих мест, а исключительно изучать детально

---

[14]) § V—об отношении к сельско-хозяйственному пролетариату и полупролетариату.

местный (уездный, волостной, сельский) практический опыт; если его мало (вероятно, мало, ибо никто не потрудился собирать; несобранного же опыта очень много), то лучше выбрать с'ездом

(а) комиссию по изучению сего практического опыта;

(б) подчинить ее Центральному Комитету,

(в) включить в нее т. Преображенского,

(г) » в Всеработземлес его же...

(д) Комиссии поручить собрать опыт, подработать, выработать (после ряда статей) письмо Цека (нового) о постановке работы в деревне с обязательным конкретнейшим указанием, как кооперировать, как «ограничивать» кулаков, не приостанавливая роста производсил, как вести дело Всеработземлесу, как его усилить и т. д. и т. д.

Резолюцию С'езда от Цека подготовить такую (примерно):

Факты показывают, и специальная комиссия с'езда подтверждает, что главный недостаток партии в области работы в деревне—неизучение практического опыта. Это корень всех бед и всего бюрократизма. С'езд поручает Цека с этим в первую голову бороться. Между прочим, при помощи комиссии такой-то, из коей 1 (или 2, 3) в Всеработземлес на постоянную работу.

Комиссия должна печатать листовки, брошюрки, изучая опыт систематично, чтобы советовать и приказывать, как именно вести работу, как не вести.

Ленин.

16/III—22 г.

Письмо тов. Осинскому.

Товарищ Осинский,

Обдумывая нашу беседу с Вами по поводу работы сельско-хозяйственной секции Партс'езда, я пришел к выводу, что всего насущнее теперь такая задача:

не связать себе (ни партии, ни совласти) рук какими-либо предписаниями, директивами или правилами, пока мы недостаточно собрали фактов хозжизни на местах, пока мы недостаточно изучили действительных условий и потребностей теперешнего крестьянского хозяйства;

не допустить ни в коем случае того, что было бы наиболее опасно и вредно в настоящее время и на что могут легко сбиться власти на местах, именно: излишней и неудачной, скороспелой, не проверенной опытом регламентации.

Последний С'езд Советов дал линию. Задача Партс'езда, по-моему, в сельско-хоз. секции обсудить ее применение с точки зрения практики и опыта мест; приказать и Центральному Комитету РКП и Наркомзему (Совласти вообще) тщательнее и полнее собирать проверочные факты; предписать, или вернее дать директиву Комфракции ближайшей Сессии ВЦИК при детализации решения С'езда Советов, т.-е. при превращении этого решения в новые и более подробные законы, быть как можно осторожнее, дабы неумелым вмешательством не затруднять успешного развития с.-х. производства.

Больше всего на свете надо теперь бояться, по-моему, именно неумелого вмешательства, пока еще мы не изучили основательно действительных потребностей местной с.-х. жизни и действительных способностей нашего местного аппарата власти (способностей не причинять зла во имя благочестивого желания делать добро).

Поэтому я бы представлял себе желательную резолюцию Партс'езда на основании работ с.-х. Секции, примерно, в таком виде:

1) Партс'езд, заслушав сообщение о работе с.-х. Секции, принимает его к сведению; констатирует недостаточность собранного материала об опыте работы на местах и ставит первоочередной задачей как партии, так и Комфракций во всех совучреждениях тщательный сбор и внимательнейшее изучение местного практического опыта.

2) С'езд считает ошибочными меры разгона (или поспешной переделки) учреждений с.-х. кооперации, рекомендует наибольшую осторожность в этом отношении.

3) По вопросу об условиях применения наемного труда в сельском хозяйстве и аренды земли Партс'езд рекомендует всем работникам в данной области не стеснять излишними формальностями ни того, ни другого явления и ограничиться проведением решения последнего С'езда Советов, а также изучением того, какими именно практическими мерами было бы целесообразно ограничивать крайности и вредные преувеличения в указанных отношениях.

4) Первоочередной и главнейшей целью всей партработы в крестьянстве С'езд признает практическую помощь делу немедленного расширения засевов, увеличению запашки, увеличению количества с.-х. продуктов, уменьшению тяжелой нужды крестьянства; при этом надо всеми силами и средствами поддержать и поощрить помощь беднейшей части крестьянства, добиваясь упорным трудом выработки мер, которые на практике показывают себя пригодными в этом отношении даже при современных трудных условиях.

С коммунистическим приветом (Ленин).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Профессор в поповской рясе.

(Новейшая эволюция В. Зомбарта).

«Что позолочено, то трется»...

В январском номере 1925 г. «Архива мирового хозяйства» (Weltwirtschaftliches Archiv) напечатана статья Вернера Зомбарта «Идея классовой борьбы», представляющая стенограмму доклада, прочитанного на собрании «Союза социальной политики» в Штутгарте в сентябре 1924 года.

Статья эта представляет значительный интерес, т. к. демонстрирует постановку столь актуальной проблемы в одном из авторитетнейших ученых обществ Германии.

По мнению Зомбарта, проблему классовой борьбы можно ставить двояко: практически и теоретически. Понятно, Зомбарт ставит ее в теоретическую плоскость.

Он приступает к расчленению идеи классовой борьбы на ее составные части, составные идеи. Такими частными идеями, конструирующими идею классовой борьбы по Зомбарту, являются: идея интереса (Interessenprinzip), идея класса (Klassenprinzip) и идея силы (Machtprinzip).

Идея интереса является, очевидно, особо важной. Поэтому на ней стоит несколько остановиться с тем, чтобы понять, что собственно Зомбарт под ней понимает.

Желая определить сущность этой идеи, Зомбарт противопоставляет воззрения Мандевиля воззрениям Шефтсбюри. Оба названных английских философа жили в конце XVII—начале XVIII века и были по существу английскими просветителями. Мандевиль приобрел известность своей «Басней о пчелах», в которой высказал взгляд, что пороки являются совершенно необходимым дополнением человеческих добродетелей и что человеческая культура без пороков вообще немыслима. По мнению Виндельбанда, «единственная мысль, проповедуемая «Басней о пчелах», заключалась в следующем: если вы стремитесь к культуре, то не должны открещиваться от эгоизма, без которого она немыслима... он (т.-е. Мандевиль) обращает наше внимание на то, что мы не становимся счастливыми путем добродетели и что в огромной машине общественной жизни двигательной силой являются не добродетели, а эгоизм». (История нов. философии, т. I, стр. 223). Таким образом принцип интереса в понимании Зомбарта тождественен или, по меньшей мере, вытекает из принципа эгоизма.

Шефтсбюри, много потрудившись над греческими философами, усвоил взгляд на тождество добродетели и красоты, в чем видно влияние Эпикура.

Зомбарт противопоставляет учение Мандевиля учению Шефтсбюри. Однако, он не замечает, что основным пунктом этики Шефтсбюри

является учение о гармоническом развитии личности. Суб'ектом этики Шефтсбюри служит личность, а не общество. Поэтому установить особую принципиальную разницу между Мандевилем и Шефтсбюри—нельзя и далеко неверно изображать их антиподами. И тот и другой были идеологами буржуазии, написавшей на своих философских знаменах слово «личность».

Как бы то ни было, но принцип интереса в понимании Зомбарта стоит не так-то далеко от принципа эгоизма.

Классовый принцип, идея класса была обоснована Сен-Симоном, провозгласившим самостоятельную миссию «индустриального» класса, а классики политической экономии пытались обосновать эту идею учением о ренте, проценте на капитал и заработной плате.

Наконец, принцип силы понимается Зомбартом, как учение о силе в качестве определяющего момента в строении и развитии общества. Не трудно заметить, что здесь Зомбарт примыкает к Гумпловичу.

Эти три идеи конституируют идею классовой борьбы. Но сама идея классовой борьбы не есть конечная идея. «Как мы должны понимать подобную теорию?—спрашивает Зомбарт,—мне думается, что следует попытаться ее включить в более широкую концепцию. Такую широкую концепцию, к которой принадлежит теория классовой борьбы, я называю социальным натурализмом».

Термин «социальный натурализм» достаточно путан. Правда, еще Каутский указывал, что «связующим звеном между дарвинизмом и марксизмом служит этика первого» (К. Каутский. «Этика»), но нам кажется, что термин «социальный натурализм» если и можно употреблять, то только к первым ступеням развития человечества, но никак не к развитому капитализму.

На этом, собственно, часть реферата, представляющая научный интерес, кончается. Вторая половина реферата Зомбарта в значительной мере определяется ненавистью к сторонникам теории классовой борьбы. Иначе ее трудно понять.

Как-то трудно верится, что человек, написавший: «то, что жизненно по своему духу, не может быть разрушено никакой критикой, даже самой озлобленной» (Совр. капит. 1 полутом первого тома, стр. X.),—мог написать страницы, пропитанные такой бешеной злобой.

По мнению Зомбарта, революционная теория классовой борьбы отличается специфическими особенностями и потому ее следует рассматривать особо.

Суб'ектом классовой борьбы, по мнению Зомбарта, является пролетариат. Прочие классы, очевидно, существуют в воображении сторонников теории классовой борьбы только для того, чтобы доказать необходимость классовой борьбы со стороны пролетариата.

Но сторонники этой теории не просто проповедуют ее, нет,—они снабжают ее идеологическим украшением (Ausschmückung), которое называется социализмом. Таким образом, социализм оказывается в глазах Зомбарта не больше, как идеологическим украшением, нужным для прикрытия эгоистической наготы зловредной теории.

Но не только социализм выступает в роли сего украшения. Для этого у сторонников теории классовой борьбы существуют еще некоторые приемы. Они превращают классовую борьбу в политический принцип («Politisierung der Klassenkampftheorie»). В этом грехе в первую очередь повинны чартисты, поставившие вопрос о власти. Классовой борьбе придается абсолютное значение («Verabsolutierung»), так как ее считают доминирующим явлением в общественной жизни. Классовая борьба превращается у сторонников этой теории в этический принцип

(«Ethisierung»). Это уж совсем ошибочно, ибо «этизация» классовой борьбы коренится в ложном представлении, будто буржуазия грабит, эксплоатирует рабочих.

Наконец, классовая борьба «мифологируется», ибо ее изображают всеспасающим от капиталистического режима средством.

Классовая борьба, по признанию самого Зомбарта, пропитывает все поры общественной жизни. Тем необходимее подвергнуть критике эту теорию.

Критиковать теорию классовой борьбы можно, по мнению Зомбарта, с трех точек зрения: эмпирической, философской и этической.

Критиковать с эмпирической точки зрения—значит сопоставить эту теорию с фактами исторической действительности. Здесь Зомбарт указывает на «восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», как на произведение, в котором сам Маркс запутался со своей теорией классовой борьбы.

По мнению Зомбарта, об'яснить с точки зрения теории классовой борьбы приход к власти Наполеона III невозможно. Ведь Наполеон III не принадлежал к классу буржуазии. Значит, или надо допустить, что бюрократия, армия, чиновничество есть класс, самостоятельно идущий к власти, либо буржуазия доверила власть указанному слою населения. В обоих случаях у власти оказывается не экономически господствующий класс. А отсюда вывод: так как теория классовой борьбы говорит, что власть находится в руках экономически сильного, то эта теория очевидно неверна.

Это—единственный исторический пример, которым оперирует Зомбарт. Но он для него достаточно убедителен, чтобы разделаться с теорией классовой борьбы.

Критикуя эту теорию с философской точки зрения, Зомбарт противопоставляет ее «основным достижениям человеческого духа» и понятно убеждается, что первая находится в непримиримом противоречии со вторыми.

Приступая к критике с этической точки зрения, профессор спрашивает себя: как может теория, проникнутая ненавистью, привести к строю, основанному на братстве и любви людей друг к другу?—и отвечает: конечно не может. Поэтому и с этической точки зрения теория классовой борьбы не выдерживает никакой критики.

Однако факты—упрямая вещь, и сам Зомбарт понимает, что классовый интерес «коренится в хозяйственных отношениях и поэтому пропитывает собою всю общественную жизнь. «Но не верно, что этот классовый интерес достаточно крепок и определенен, чтобы обосновать политическую программу, а тем более мировоззрение».

Итак, с теорией классовой борьбы надо бороться. Но одними научными аргументами тут многого не достигнешь. Идея классовой борьбы стала религией и, по мнению Зомбарта, клин надо вышибать клином. Профессорам нужно обратиться в попов и об'явить священную войну опасной теории.

«Мы должны одному верованию,—пишет Зомбарт,—противопоставить другое, или, если угодно, противопоставить суеверию истинную веру. Я не вижу другого выхода, как только вера в Бога». Крестовый поход будет нелегок. Однако, по мнению Зомбарта, «борьба не будет безуспешной». Но откуда же будут черпать силы новые крестоносцы? Оказывается, что в немецком народе есть «старый фонд религиозности», который окажется небесполезным в священной войне.

Зомбарт обещает выпустить в скором времени книгу, посвященную полемике с марксизмом, где мысли, набросанные в изложенном выше докладе, будут подробно развиты.

Вероятно, эта книжка, подобно штутгартскому докладу, будет проявлением старческого маразма, охватившего крупнейшего ученика.

Когда в 1903 г. Степанов перевел «Современный капитализм» на русский язык, в прекрасном предисловии, предпосланном переводу, он писал: «Ближе познакомившись с «Совр. Капит.», читатель увидит, что Зомбарт примыкает к Марксу не только в методологическом отношении, но и в постановке многих общих вопросов, а нередко и в частных выводах. Общее впечатление от книги Зомбарта, по сравнению с работами Бернштейна за последние годы, можно резюмировать словами: «назад, к Марксу», или что будет полнее: «вперед с Марксом». (Предисловие ст. XIII.).

По мнению Степанова, историк Ганс Дембрюк, полемизируя с Зомбартом, «не без основания считает его сторонником материалистического понимания истории» (ст. XIV).

Впрочем, «это не значит, что Зомбарт—«марксист», но он хорошо знаком с работами Маркса, усвоил их метод, а во многих случаях и отдельные положения».

С такой оценкой в общем можно согласиться, хотя нельзя не отметить, что Степанов не дооценивал влияния исторической школы на Зомбарта: как бы то ни было, но Зомбарт многому поучился у Маркса.

В первом издании «Совр. Капитализма» он и сам не думал этого отрицать. Характеризуя свой метод Зомбарт писал: «...я думаю, что мой почтенный и глубокоуважаемый мною учитель Шмоллер... без дальнейших рассуждений выкинул бы меня из храма, если бы я вздумал мой способ исследования выдавать за «исторический метод» в его смысле. Отличает меня от него и его единомышленников конструктивный момент в упорядочении материала, радикальный постулат об'яснения из последних причин, сведение всех исторических явлений в единую социальную систему, одним словом, все то, в чем на мой взгляд заключается специфический характер теории, как таковой. Я мог бы также сказать: меня отделят от Шмоллера Карл Маркс». (Т. I, стр.17.).

Правда, в последующих изданиях «Соврем. Капитал.» мы не находим столь решительных заявлений, да и «конструктивный момент» сильно ослаблен.

Строгие критики, конечно, смогут выловить в работах Зомбарта некоторое количество цитат, откуда будет видно, что в Зомбарте всегда сказывалась поповская закваска. В частности смогут это усмотреть в Зомбартовском критицизме, в коем есть много «от Канта».

Но нам думается, что из работ Зомбарта в целом этого усмотреть никак нельзя. Поэтому мы рассматриваем последнее выступление Зомбарта, как резкий поворот в сторону поповства. Является ли данный поворот симптоматическим для всей буржуазной экономической науки в Германии?—И да, и нет.

Целый ряд экономистов (напр., Бекерат, Лирман) отнюдь не апеллируют к «фонду религиозности» германского народа; в целях смягчения классовой борьбы—они предлагают для этой цели рецепты (насколько они действительны—другой вопрос) вполне земного свойства. Поэтому было бы ошибочно утверждать, что вся буржуазная экономическая наука ударилась в поповство.

Но тот факт, что собрание авторитетнейших представителей буржуазной экономической науки слушало без смеха совершенно нелепый доклад Зомбарта,—все же знаменателен.

Дм. Вержбловский.

ВЛ. СОРИН. Партия и оппозиция. Ч. I. С предисловием Н. Бухарина. Стр. 184. «Московский Рабочий». 1925 г. Тираж 10 тыс.

История партии у нас разрабатывается пока очень недостаточно и кустарно.

Научной ее разработки почти не ведется. В большинстве выпускаемых брошюр, книг и книжиц гораздо больше чувствуется работа ножниц[1]), чем работа авторской мысли.

При таких условиях книга тов. Сорина—это оазис в пустыне. Это—серьезная, продуманная, оригинальная работа, фабрикат. Автор поставил себе задачей дать анализ внутрипартийного течения, носящего у нас наименование «левого коммунизма» и сложившегося в период заключения Брестского мира.

Книга открывается предисловием тов. Бухарина, отмечающего родство левого коммунизма с современными оппозиционными внутрипартийными течениями и предисловием тов. Сорина.

Последний пишет в своем предисловии:

«Левый коммунизм представлял глубоко ошибочное течение, чрезвычайно опасный уклон в партии. Нужно, однако, сказать, что, когда левые увидели ошибочность своих взглядов, они поступили так, как обязаны поступать в подобных случаях члены нашей партии: они сумели не поддаться чувству мелкого самолюбия и не стали прибегать к жалким уверткам и софизмам, но прямо, открыто, недвусмысленно признали свою ошибку. Так поступил (тогда же летом 1918 года) Бухарин, виднейший представитель левых; Радек, Ярославский, Сафаров и др.. Автор, принадлежащий к руководящей группе левых коммунистов, сделал не только это: он изучил левый коммунизм и дал его анализ и критику для воспитания широких слоев нашей партии, при чем проделал это с исключительной серьезностью и добросовестностью.

В первой главе тов. Сорин намечает исторические рамки разбираемой партийной борьбы, восстанавливая в памяти читателя перипетии схваток вокруг Брестского мира. Затем он доказывает, что ленинцы и левые давали различные оценки перспектив международной революции; различие в этих оценках—обусловило различие тактик, сравнительный разбор которых дается в трех последующих главах, при чем в этом сравнении диалектический метод мышления ленинцев противопоставляется формальной логике «левых».

Далее следуют главы:

VI. Левые и крестьянство.
VII. Внешняя политика левых после партийного с'езда.
VIII. Позиция Троцкого.
IX. О перерождении партии.
X. Строительство социализма.
XI и XII. Внутрипартийные отношения.
XIII. Итоги.

В последней итоговой главе тов. Сорин весьма интересно развертывает историческую аналогию между фракцией Виллиха-Шаппера (1850—1852 г.г.) и левыми коммунистами,—с одной стороны, и Марксом—Энгельсом и Лениным—с другой.

Построение книги встречает некоторые возражения; логическое расщепление темы нарушается, перебивается историческими главами: сначала «Левые и крестьянство» (логический разрез), затем—«Внешняя политика левых после партийного с'езда» (исторический разрез), затем опять темы в логическом разрезе.

[1]) Возьмите, к примеру, „Историю партии“ Шелавина: на три четверти она состоит из цитат, на четверть из формальных скреп между цитатами.

Однако в пределах этого плана тов. Сорин рассмотрел все основные проблемы, связанные с левым коммунизмом.

Критика различных концепций левых коммунистов дана очень недурная—и с точки зрения логической и методологической. Критикуя «левых», тов. Сорин, однако, не достаточно ярко выявил позицию Ленина, диалектику ленинской тактики.

В высшей степени интересен был бы анализ следующих положений Ленина в этот период:

1. Хочешь вести успешную революционную войну—заключай похабный мир.

3. Желаешь расширения сферы господства Советской власти—уступай часть территории германскому империализму.

2. Желаешь создать армию—проводи демобилизацию.

Как-то вскользь говорит тов. Сорин и о социальном характере методологии левых коммунистов, при чем из ряда беглых замечаний можно понять, что он считает левый коммунизм проявлением непосредственного крестьянского влияния на пролетариат.

«Партия осуществляла блок с левыми эсерами и крестьянством вообще. Она не была отгорожена от мелко-буржуазных партий и мелко-буржуазных элементов китайской стеной. В известной своей части она поддалась влиянию патриотически настроенных «верхов» мелкой буржуазии (кулаков, например), интеллигентских групп (эсеров, например) (180 стр.).

«Воинственность» левых коммунистов стояла в тесной связи с их оценкой перспектив революции. В этой оценке они не думали о пролетарйате, как вожде трудящихся вообще. В этой оценке не было места крестьянству, не было места проблеме гегемонии пролетариата.

Левый коммунизм был не мелко-буржуазным уклоном крестьянского толка, а мелко-буржуазным уклоном с «цеховой» идеологией, которая позже питала «рабочую оппозицию» и «рабочую группу». Эта цеховость, в известном смысле, является продуктом мелко-буржуазного влияния, но тип связи здесь более сложный, чем это представляется товарищу Сорину.

«Цеховщина» в политике приводит фактически к отказу от борьбы за коммунизм, ибо последний может быть достигнут только при условии гегемонии пролетариата в движении трудящихся против эксплоататоров, а «цеховщина» ведет к замыканию рабочего класса внутри себя.

Круг идей «цехового» характера включал в эту пору у левых коммунистов необходимость революционной войны, даже если крестьянство не хочет воевать.

«Только тонкий слой рабочих рвался в бой»,—пишет тов. Сорин на 81 стр.

Крестьянство же воевать не хотело.

«Наша священная обязанность заключается в том, чтобы давить на массы, втягивать их в борьбу»,—цитирует тов. Сорин левых коммунистов и заключает: «т.-е. принуждать к войне нежелающее воевать крестьянство. «Считаться» с крестьянством, это, значит, «давить» на него,—таков смысл политики левых» (83 стр.). Было бы неправильным утверждать, что и буржуазное крестьянство в этот период хотело воевать.

Об'яснить «воинственность» левых коммунистов нужно не голой ссылкой на патриотизм кулака, а более серьезным анализом всей «цеховой» идеологии левых. Выяснению этого вопроса весьма не помешало бы сравнение левого коммунизма в РКП с западно-европейскими левыми течениями, питающимися той же «цеховой» идеологией.

Каждый читающий партиец должен познакомиться с интересной книгой тов. Сорина, изучающие историю партии найдут в ней полезное руководство, а пишущие историю ряд интересных проблем для дальнейшей разработки.

А. Слепков.

Н. АНГАРСКИЙ. Легальный марксизм. Вып. I (1876—1897). Изд. «Недра». 1925. 140 стр. Ц. 1 р.

«Ни для кого не тайна,—писал Ленин в 1903 году о периоде легального марксизма, — что кратковременное процветание марксизма (в 1894—1897 г.г. *В. А.*) было вызвано союзом людей крайних с людьми весьма умеренными. В сущности, эти последние были буржуазными демократами и этот вывод напрашивался кое перед кем еще во времена целости союза»... «Соединение с легальными марксистами было в своем роде первым действительно политическим союзом русской социал-демократии. Благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризованном виде)» («Что делать?»).

Таким образом свой первый политический союз российская революционная социал-демократия заключила с буржуазными демократами (будущими либералами) против народников (тоже буржуазных демократов, но выразителей крестьянского крыла буржуазной демократии).

Этот первый политический союз революционной социал-демократии остался в ее истории единственным в своем роде и в XX веке он уже повторен не был. С самого начала XX века и в обеих революциях большевики ведут пролетариат во главе крестьянства против буржуазии, и если им случалось заключать политические союзы («левый блок» на выборах в Гос. Думу, коалиция с левыми эсерами в первом советском правительстве), то это были союзы с народниками против либералов.

И только оппортунистическое меньшевистское крыло социал-демократии поступало наоборот, идя за буржуазией, по-либеральному третируя народников и крестьянство. Не значит ли это, что меньшевизм, а не большевизм явился продолжателем и преемником ортодоксии 90-х годов? Не был ли стратегический поворот, проделанный большевизмом в начале XX века, изменой ортодоксальному марксизму? Или,—наоборот,—не следует ли признать ошибочной политическую стратегию 90-х годов, когда будущие большевики заключили союз с либералами против народников?

Разумеется,—ни то, ни другое, ни третье. Был необходим именно такой союз, а не иной,—ошибки сделано не было. Отказавшись от этого союза через несколько лет, большевики поступили именно так, как диктовал им революционный марксизм. Изменили же последнему меньшевики, механически перенеся на новую общественную ситуацию устаревшую политическую стратегию.

В чем же заключалось изменение в соотношении классовых сил в России, происшедшее на рубеже XIX и XX веков в России? В чем заключались неповторяемые условия 90-х годов, вызвавшие союз революционных марксистов с либералами против народников?

Именно этот вопрос стоит перед исследователем эпохи легального марксизма, как вопрос основной. Только определенный ответ на него может правильно осветить историю легального марксизма.

В первом выпуске своей книги тов. Н. Ангарский пока совсем не затронул этого вопроса и даже к нему не подошел. Конечно, дать на него сколько-нибудь обстоятельный ответ в рецензии мы не собираемся. Но общие контуры этого ответа, нам кажется, более или менее ясны.

Народничество 90-х годов не было революционным народничеством. Это были годы его мещанского оппортунистического вырождения. Либерализм же, в лице легального марксизма, наоборот, переживает апогей своей «революционности», точнее оппозиционности самодержавию и крепостничеству.

На рубеже XX века оба течения переживают эволюцию в диаметрально противоположных направлениях. Появляется революционное народничество, либерализм выказывает явное подхалимство перед помещиками.

Таковы тенденции развития политических идеологий, учесть которые для политических выводов было обязанностью марксистов. В основе эволюции обоих крыльев буржуазного демократизма лежали происходившие изменения в соотношении классовых сил. В 900-х годах широкой волной разлилось политическое движение рабочих, отбросившее либералов вправо. Их надежды на использование рабочего класса исключительно в интересах развития в стране капитализма, которые они питали в период экономического движения рабочих, крахнули.

В 900-е же годы из-под почвы выбились и первые ключи крестьянской революции—это вспрыснуло жизнь революционному народничеству, отсутствовавшему на исторической сцене со времен «Народной Воли».

И если в теоретических спорах с народниками для революционного марксизма на первый план становилась задача борьбы с реакционными сторонами народнической идеологии, то в годы массового крестьянского движения «двуликий Янус» повернулся преимущественно своей прогрессивной стороной: перед революционно-демократическим значением этого движения отошла на второй план реакционно-утопическая его окраска в программах народничества.

После этих предварительных замечаний по существу вопроса о легальном марксизме перейдем к книжке т. Н. Ангарского.

Часто жалуются на отсутствие у нас хорошей сводной работы по истории партии, которая была бы не беглым очерком (каким является книга т. Зиновьева, удовлетворяющая до сих пор потребность в «одной» книге по данному предмету), а исчерпывающим систематическим изложением, своего рода «курсом». Жалобы эти глубоко основательны. Но редко задумываются над причинами отсутствия такой книги. В большинстве случаев ругают агитпроп ЦК за то, что он до сих пор не «засадил» кого нужно за писание. Но в том-то и дело, что товарищей «засаживали», и сроки проходили большие, а книги все нет: написать ее оказалось труднее, чем могло казаться с первого взгляда. Автор, будь он самым старым по стажу литератором-партийцем, лично пережившим историю партии, не может полагаться в таком деле на свою память,—он должен, если он хочет безукоризненно справиться с делом, «перерыть» огромное количество «сырого» литературного (а то и архивного) материала. В «первобытный хаос» этого материала внести некоторый порядок могут только внимательные исследования

отдельных этапов партийной истории, работы-монографии по отдельным периодам.

К такого рода работам, которые до сих пор у нас, к сожалению, немногочисленны, относится книга т. Ангарского.

Автор дает в ней очень полный обзор статей и подчас даже незначительных заметок марксистского содержания, проникавших в русскую легальную печать. При этом автор берет в поле своего внимания не только легальный марксизм в собственном смысле слова (ревизионизм), но и легальную печать революционных марксистов того периода. Читатель выясняет себе общую физиономию и значение таких изданий, как «Самарский Вестник» и «Новое Слово», а также и «пред-историю» легального марксизма в России, начиная с произведений Зибера 70-х и 80-х годов.

Автор сознательно пошел на полу-сырой характер работы, сказав в предисловии: «В книге много цитат, это—ее недостаток, но, с другой стороны, далеко не всякому доступны источники, давно уже ставшие библиографической редкостью; к тому же я главным образом имел лишь в виду сгруппировать и расположить в исторической последовательности материал для изучения вопроса». Это превратило книжку в полезный библиографический обзор.

Погоня за количеством материала в некоторых случаях привела автора к упущениям в самом изложении предмета. Так, например, книга Струве («Критические заметки»), составившая эпоху легального марксизма, недостаточно выделена из груды более мелкого материала. Ошибки Струве систематически не изложены,—например, читатель только из брошенного мимоходом замечания (в другой главе книжки) узнает, что Струве в «Критических заметках» заявил, что «государство есть, прежде всего, организация порядка, и что даже родовой быт знал государство, которое останется и при уничтожении классов» (стр. 64). Сплошной цитаты на стр. 54—55 и нескольких цитат из статьи Ленина («Эконом. содерж. нар-ва и критика его в трудах Струве»), приведенных без комментариев, нам кажется, недостаточно, чтобы уяснить читателю значение такого «исторического документа», как «Критические заметки».

Замечания самого автора, относящиеся к существу легального марксизма, как течения, не всегда достаточно продуманы. Так, например, совершенно правильно отмечая у Тугана и Струве отсутствие должной критики темных сторон капитализма и говоря, что они «просто защищают одну форму капитализма перед другой», «в этом отношении ничем не отличаясь от идеологов и практиков либеральной буржуазии», тов. Ангарский заключает, что «для рабочего класса капитализм всегда зло», а потому «уже совсем нельзя было защищать одну форму капитализма перед другой, ибо это уже ни в какой мере не могло входить в задачи марксиста» (стр. 117—118).

Здесь наш критик легального марксизма сам вульгаризирует марксизм. Марксист сплошь и рядом бывает обязан «защищать одну форму капитализма перед другой». Революционные марксисты в России тоже «защищали» передовой капитализм по сравнению с азиатским,—тоже, но не так же, как это делали Струве и Туган. Последние «просто защищали», по выражению самого Н. Ангарского, а первые вскрывали противоречия капитализма, развитие которых ведет к его краху, и ради скорейшего торжества социализма отдавали предпочтение передовым формам капитализма перед отсталыми.

Большевики боролись за завоевание условий для развития в России капитализма на американский образец, предпочитая его образцу прусскому. В практике экономической политики советской власти большевики по разному относятся к разным формам капитализма. В полемике с левыми коммунистами Ленин специально опровергал то абстрактное положение, будто бы «капитализм—всегда зло», выясняя его обусловленность. Между революционными и «легальными» марксистами 90-х годов разница была в точках зрения, с какой те и другие защищали капиталистический прогресс,—в точках зрения пролетарской и буржуазной. Критика воззрений легальных марксистов в таком центральном пункте их воззрений, как апология капитализма, могла быть более отшлифованной и выдержанной, чем она есть у тов. Ангарского.

В главе «Нужен ли был союз революционных социал-демократов с легальными марксистами?» автор книги «Легальный марксизм» справедливо отмечает, что последние стремились придать этому союзу иной характер, чем тот, какой он носил в действительности. Они хотели союза «без критики непоследовательных, нерешительных, половинчатых требований демократии, которая (критика) «ослабит», де, общий натиск на самодержавие», — словом, как и весь будущий либерализм, они хотели такого союза с представителями пролетариата, который оставлял бы гегемонию в руках либералов. Автор выясняет, что борьбу за гегемонию революционной социал-демократии в этом союзе вел, главным образом, Ленин; Потресов же, Плеханов и Аксельрод, будущие меньшевики, показали себя «мягкими» по отношению к струвизму.

Автор книжки приводит из «Переписки Аксельрода с Плехановым» заявление, которое Плеханов сделал Ленину в 1895 году при свидании в Женеве: «Вы поворачиваетесь к либералам спиной, а мы—лицом». В этих словах, как в капле воды, будущее большевизма и меньшевизма. Ленин написал целую отповедь Струве, а Плеханов ограничился по поводу «Критических заметок» весьма «мягким» замечанием в приложении к «Монистическому взгляду на историю»:

«Струве все-таки очень неосторожно выразился (писал здесь «Бельтов» о фразе: «пойдем на выучку к капитализму» *В. А.*). Но и Белинский сделал подобный промах, написав однажды, что «культурное будущее России обеспечит только буржуазия». У Белинского эта неловкость была вызвана благородным увлечением западника. Таким же увлечением причинена, уверены мы, и неловкость г. Струве».

«Шуметь» по этому поводу Плеханов не считал нужным. Между тем, в книге Струве была вовсе не одна эта «неловкость». Он, между прочим, отгородился от «философского обоснования марксизма». Можно себе представить, в какое комическое положение был поставлен автор «Монистического взгляда», когда Михайловский в «Русском Богатстве» написал (берем в передаче Ангарского):

«Это он (Струве) очень неосторожно выразился», говорит Бельтов...

«Вот Бельтов гораздо осторожнее, до такой степени осторожнее, что даже не упоминает о другой неосторожности г. Струве. Вы помните, что Струве признал философскую необоснованность и фактическую непроверенность теории экономического материализма. Бельтов умалчивает об этой неосторожности»... «А ведь это пункт основной»...

Плеханов в 1902 году упоминал о различиях в оттенках, существовавших между «Бельтовым и Тулиным» (т.-е. им и Лениным в 90-х годах). Этот вопрос, безусловно, заслуживает внимания историка. Между прочим, при сравнении произведений Ленина и Плеханова, направленных против народничества в тот период, бросается в глаза то резкое отличие, что в основе всей ленинской критики лежит вскрытие

классовых корней народничества, чего у Плеханова мы не видим. Ленин с самого начала (в «Друзьях народа» и в статье против Струве, 1893 и 1895 годы) определяет народничество, как течение, представляющее точку зрения и интересы мелкого производителя, в первую голову крестьянина. Насколько это отличало Ленина от его близких сотрудников 90-х годов (не говоря уже о Струве), можно видеть по позднейшим выступлениям Потресова-Старовера, который пытался «высмеивать» Тулина задним числом именно за эту характеристику народничества. Тулин, де, «подставил» кустаря и крестьянина на место интеллигента (см. статьи С т а р о в е р а в «Этюдах о русской интеллигенции»). Не нужно долго доказывать, что в тулинской характеристике «интеллигентского» народничества сразу проявился тот правильный учет роли крестьянства, которым отличается ленинизм. Н. Ангарский поступил правильно, когда дал читателю ленинские цитаты о социальной природе народничества,—они важны (параллели с Плехановым он, впрочем, не провел).

Говоря об Н. Зибере, автор полемизирует с П. Орловским (Воровским), который в своей брошюре «К истории марксизма в России» пишет: «Зибер, подобно большинству его современников, был эволюционистом, он не понял критической и революционной стороны учения Маркса»... «И диалектика была ему понятна лишь поскольку она совпадала с эволюцией».

Пытаясь оспорить эту оценку, тов. Ангарский ведет себя, не в обиду ему будь сказано, несколько легкомысленно. Так, он утверждает, что Зибер знал и разделял философию основателей научного социализма—«это бесспорно», а страницей ниже пишет:

«Зибер,—говорит Плеханов,—был «восторженным последователем и нередко вполне верным истолкователем Маркса, но, конечно, не социал-демократом». Это бесспорно: н и с о ц и а л - д е м о к р а т о м, н и **д и а л е к т и ч е с к и м** м а т е р и а л и с т о м в начале 80-х г о д о в **З и б е р н е б ы л, д а и н е м о г б ы т ь**».

Остается неясным, как Зибер, который на стр. 15 книжки г. Ангарского «бесспорно» не был и не мог быть «диалектическим материалистом», на стр. 13 — мог «разделять философию основателей научного социализма», да еще «совершенно бесспорно»?

На самом деле, цитаты, которые приводятся тов. Ангарским из Зибера, не опровергают Орловского.

Ни одной цитаты, свидетельствующей о признании Зибером революционной борьбы пролетариата (хотя бы в «эзоповском» стиле легальных изданий) Ангарский не привел, а без этого факт принятия «революционно-критической стороны учения Маркса» Зибером остался недоказанным.

У тов. Ангарского можно найти еще несколько неясных мест или просто промахов при попытках самостоятельно подойти к теоретическому освещению вопросов. Из них укажем, как пример, оценку Михайловского.

«Мы думаем, пишет автор, давая свой отзыв об одной из статей в «Самарском Вестнике»,—что рассматривать работы Михайловского конца 70-х годов с точки зрения пореформенных в экономическом отношении (здесь, видимо, опечатка: «пореформенных экономических отношений». *В. А.*) значит слишком упрощать марксизм» (стр. 108). Неизвестно, как же считает необходимым автор подходить к работам писателя, жившего в пореформенный период, если не с точки зрения экономических отношений данного периода?

Дальше из изложения не ясно, передает ли Н. Ангарский мысль автора статьи и только, или он ее разделяет, когда пишет: «Михайловский остался представителем внеклассовой (?) интеллигенции, для которой он создавал особые «формулы прогресса». Эти, хотя и мало обоснованные мысли... можно было бы с большим успехом иллюстрировать некоторыми штрихами из литературно-общественной деятельности Михайловского 90-х годов»... И идут иллюстрации, приводимые Н. Ангарским, видимо, уже самим. Если мысль неверная, ее незачем «иллюстрировать»; иллюстрируют только то, что хотят «обосновать».

В общем, недостатки книжки идут по линии недостаточной теоретической отшлифовки; с указанием же на них книжка может быть рекомендована, как пособие по изучению истории партии.

В. Астров.

М. ТОМСКИЙ. П р и н ц и п ы о р г а н и з а ц и о н н о г о с т р о и т е л ь с т в а п р о ф с о ю з о в. С предисловием Б. Козелева. 4-е изд. Стр. 102.

Из всех литературных работ тов. Томского настоящая заслуживает исключительного внимания, так как в ней мы находим подытоживание работы профессионального движения России в области организационной практики за шесть лет революции.

Книга представляет собою ценную работу, не встречающую возражения в своих основных положениях, если не брать введения, в котором есть один существенный спорный момент о задачах профессиональных организаций до 1905 года.

По этому вопросу тов. Томский говорит следующее:

«Первая профессиональная организация до-революционной России (до 1905 года) не могла ставить себе широких организационных задач, но вынуждена была скрывать и прятать свое истинное лицо, затушевывать цели и задачи. Эти слабые ростки будущих классовых организаций, независимо от преследуемых ими «легальных» целей, самым фактом своего существования имели для того времени столь громадное воспитательное значение, что самосохранение являлось для них основной задачей и на это уходила вся их энергия. Наиболее развитой обычный тип организаций касса взаимопомощи».

Вот все, что сказано о профдвижении в России до 1905 года.

Мы согласны с тов. Томским, что 1905 год являлся толчком для возникновения широкого профдвижения, но ни в коем случае нельзя согласиться, что самым развитым видом будущих классовых организаций до 1905 года является касса взаимопомощи. Прежде всего, мы должны установить, что такое профессиональный союз даже в его зачаточном виде. Маркс говорит по этому поводу: «Стремление поддержать заработную плату на данном уровне, стремление, представляющее общий интерес работников, соединяет их на почве единой общей мысли о сопротивлении, на почве коалиции. Поэтому коалиция всегда имела двоякую цель: уничтожение конкуренции между работниками, дабы они могли сообща конкурировать с капиталистами. Если первоначальной целью оппозиции было лишь сохранение данного уровня заработной платы, то коалиция вначале изолированная об'единяется в такой же мере, в какой капиталисты, в свою очередь, об'единяются в видах репрессии. А перед лицом всего об'единенного капитала сохранение ассоциации для рабочих становится делом более важным, чем сохранение заработной платы. В такой борьбе, воистину гражданской войне, об'еди-

няются и развиваются все элементы для предстоящего генерального сражения. Но раз коалиции дошли до этого, они принимают характер политический».

Были ли все эти моменты в кассах взаимопомощи? И что последние, как таковые, представляли из себя в России?

Все историки сходятся на одном, что до 1905 г. кассами взаимопомощи фабрично-заводские рабочие были охвачены слабо. В центральных губерниях они почти отсутствовали, имели распространение в Польше и Прибалтийском крае. О-ва же взаимопомощи имели еще менее значительное распространение. Согласно уставам, заведывание кассами возлагалось на фабрично-заводскую администрацию. Средства кассы составлялись из процентных отчислений заработка рабочих, к этому прибавлялись штрафные суммы и добровольные взносы фабрикантов. В расходовании средств мы не находим рубрики—пособий безработным, дорожных пособий и т. п. Здесь имеются выдачи больным рабочим, беременным работницам, семьям умерших членов кассы на погребение, единовременные пособия в несчастных случаях.

«Недостатком касс,—говорит Прокопович,—являлось то обстоятельство, что с расторжением договора найма прекращалось участие в кассе. Чем больше выгод приносила касса, тем больше дорожил ею рабочий тем предупредительнее должен относиться он ко всем требованиям предпринимателя из боязни расчета, тем затруднительнее стачка, так как в случае стачки все средства кассы поступают в собственность фабриканта».

Кассы горнозаводских и горных рабочих получили широкое распространение на Урале и Польше. На Урале законом 1861 года 8 марта были освобождены уральские горнорабочие от крепостной зависимости, и установлено, что «с целью упрочения связи между заводами и горнорабочими» должны быть организованы горнозаводские товарищества. Средства кассы составлялись из 2—3 процентов отчислений из жалования членов, из средств заводоуправления, из пожертвований, штрафных сумм. Членство обязательное, пока рабочие работают на заводе, или в руднике. С уходом с предприятия членство теряется и взносы выдаче не подлежат.

«Причины широкого распространения касс в Польше,—говорит Святловский,—следующие: действующим законом Царства Польского был кодекс Наполеона, который устанавливал серьезную ответственность предпринимателей за увечье рабочих, вследствие чего предприниматели должны были в кассах взаимопомощи видеть удобный способ облегчить эту ответственность. Предприниматели, делая в эти кассы сравнительно незначительные взносы, совершенно самостоятельно управляли кассами, иногда допуская к участию в управлении ими рабочих... Кассы, в сущности, были выгодным делом для капиталиста».

Участие в кассах рабочих было обязательным, пока рабочий работал на предприятии и вычеты не подлежали возврату, так что и среди касс Польши мы не находим независимых от предпринимателя организаций.

Общества взаимопомощи приказчиков.

«В большинстве случаев,—пишет о них Непряхин, —инициатива организации обществ исходила от купечества и состоятельных верхов торговых служащих, составляющих администрацию торговых предприятий».

Например. Томское общество имело в своем составе до 38% членов, занимающих высшие административные должности, Саратовское—около половины членов хозяев и лиц высшего административного состава. В Воронежском обществе из 500 членов только 100 торговые служащие и т. д.

До 1905 года общества взаимопомощи приказчиков были благотворительной организацией, которая имела отдаленное сходство с задачами профсоюза своими разговорами об урегулировании вопроса с заработной платой и рабочим делом, но активных действий за осуществление своих требований, скорее просьб, мы почти не находим в истории обществ.

Кассы взаимопомощи и общества взаимопомощи имелись у печатников. В докладе конференции печатников о кассах говорится следующее: «состав касс далеко не пролетарский, в большинстве в них участвуют управляющие, а в некоторых и хозяева». Общества же по своему характеру работы мало отличались от обществ приказчиков. Когда в Питере в 1905 году организовался союз печатников, он бойкотировал имеющуюся в Питере кассу печатников.

Таким образом из приведенного здесь обзора можно сделать следующие выводы: 1) кассы взаимопомощи, как правило, не имели никаких признаков профессионального союза. Созданы они не для общей борьбы рабочих с капиталистами из-за заработной платы и улучшения положения об'единяемых работников, а по указу сверху, под руководством капиталистов и в интересах капиталистов, закрепощая, привязывая освободившихся от крепостной зависимости рабочих к предприятию. Создаются они, в первую очередь, в тех местностях, где ощущается большой недостаток в рабочих руках.

2) Некоторые признаки профсоюза мы находим в обществах взаимопомощи приказчиков и печатников, некоторых обществах ремесленников, особенно на Украине, но и то больше с формальной стороны, чем по существу. Кроме того, общества не имели широкого распространения среди рабочих.

3) При первых попытках данных организаций перестраиваться по профессиональным признакам они разваливались или становились в оппозицию ко всем классовым требованиям. Воспитывать об'единяемых работников и служащих, подготовлять их к действительной классовой борьбе они не могли, имея во главе лиц высшего административного состава и даже предпринимателей.

4) Специфических потребностей своих членов, как продавцов рабочей силы, кассы взаимопомощи не обслуживали, они вели курс не на обострение классовых противоречий, а на примирение их, не на поднятие уровня классового самосознания, а на затушевывание своих особых задач. И если бы революция 1905 года не смела их, как самодовлеющую организацию и не поставила бы в зависимое положение от действительно революционно классовых организаций, то, пройдя по пути организации касс взаимопомощи в таком виде, какой они имели, наше рабочее движение могло бы иметь худший вид тред-юнионизма.

Но все-таки, какие организации являлись ростками профессиональных союзов до 1905 года? Маркс говорит, что вначале коалиции рабочих имеют частную форму, затем в процессе борьбы они укрепляются, принимают форму длительных организаций. Не могло же русское профдвижение перепрыгнуть через эти законы развития к массовым длительным организациям 1905 года. И этими ростками будущих классовых организаций, по нашему мнению, являлись стачечные кассы, кассы борьбы, кассы сопротивления и т. п. рабочие организации, ставящие целью ведение активной борьбы за улучшение положения об'единяемой группы работников.

Кассы эти вначале возникают, как временные, «частные» коалиция, затем принимают форму длительных организаций. Любопытнее всего, что вокруг этих касс мы сразу же наблюдаем дискуссию по вопросу о принципе построений—по предприятию или по профессии, и в некоторых местах мы находим решение, что они должны строиться, как фабрично-заводские кассы, а не профессиональные.

Таким образом ростками нашего профдвижения до 1905 года можно считать эти организации и стачечные комитеты, а ни в коем случае не кассы взаимопомощи.

Последующий период, после того, как рабочее движение в 1905 году встало на ноги, мы часто видим, что под легальными формами касс и обществ взаимопомощи вырастали нелегальные организации — профсоюзы. Но такое использование данных организаций профсоюзами могло происходить только в том случае, когда последний сильнее, и не могли подвергнуться разлагающему влиянию «попечителей», «благотворителей» и т. п. неот'емлемых частей касс и обществ взаимопомощи.

Вот это один спорный момент, в остальном же книга тов. Томского представляет из себя интересную и ценную работу по разбору всех решений с'ездов, конференций и пленумов, начиная с 1917 года до 192? включительно.

На 100 стр. небольшой брошюры тов. Томскому удалось дать теоретическое обоснование принципов организационного строительства профессиональных союзов, для этого этапы развития профдвижения он разбивает на три стадии: 1) пролетариат не сконструировался, как класс, промышленность мелкая, раздробленная, основой всей производства является ремесленный труд. Организация профсоюзов строится по профессиональному принципу: союз механиков, котельщиков, кузнецов, ткачей, прядильщиков и т. д.; 2) растет машинное производство, вытесняется ремесленный труд, появляется организация капиталистов, рабочие вынуждены организовываться, вовлекая всех рабочих, занятых над выработкой данного продукта. Здесь мы имеем союз рабочих по металлу, деревообделочников и т. п., независимо от того, в каких отраслях они работают, и 3) капиталы концентрируются в отдельных руках или руках группы капиталистов целыми отраслями производства. Союзы вынуждены строиться так же по отраслям производства, переходя к принципу «одно предприятие, один союз».

Но производственный принцип построения профсоюза, как более совершенная форма организации рабочего класса, говорит тов. Томский, может быть проведен полностью только при диктатуре пролетариата.

И если на основе анализа тов. Томского проследить историю мирового профдвижения, то мы увидим, как оно от цеховых профессиональных союзов постепенно переходит к союзам, приближающимся к принципу построения по производству, образцом чего может служить Англия.

Но темп изменения форм профдвижения отстает от темпа изменения хозяйственных форм. Причина этому—консерватизм, привычка к старым формам, методам работы, сопротивление со стороны вождей профдвижения и буржуазии, которой легче парализовать и приспособлять к себе раздробленное по цехам, профессиональное движение.

После внимательного чтения книги, можно сказать, что фраза тов. Томского: «формы определяют содержание, а содержание формы» есть не пустой звук, а глубоко продуманное определение того, что из себя представляет организационное строительство. Недаром основным стержнем своей книги тов. Томский взял организационный вопрос.

Помимо теоретического обоснования организационного вопроса, мы имеем в книге ответы на практические вопросы сегодняшнего дня: как разрешался, разрешается и будет разрешаться тот или иной вопрос организационного строительства, как производится размежевание, каковы функции каждого союзного органа, межсоюзных об'единений, вопросы членства союза, дисциплины и т. д. Хорошо разработан переход от военного коммунизма к новому курсу в профдвижении.

Каждому принципиальному вопросу, вызвавшему разногласия на с'ездах, тов. Томский уделяет особое внимание.

В общем, книга тов. Томского может служить основным пособием по организационному строительству профсоюзов для каждого профработника, она должна стать настольной книгой, как говорит автор предисловия Б. Козелев, и не только для профработника, но и для партийного работника, интересующегося принципами организационного строительства массовых пролетарских организаций.

А. Геласимова.

Маленькое дополнение.

Тов. Покровский пытается доказать в своих статьях о моей рецензии на „Очерки по истории революционного движения", что в вопросе об эволюции самодержавия он занимает ортодоксально-Ленинскую позицию, а мы—антиленинскую.

По этому поводу мы считаем необходимым, в дополнение к уже сказанному, привести только одну цитату из Ленина:

„*Развитие русского* **государственного строя** *за последние три века показывает нам, что он* **изменил свой классовый характер** *в одном определенном направлении. Монархия XVII века с боярской думой* **не похожа** *на чиновничье-дворянскую монархию XVIII века.*

„*Монархия первой половины XIX века*—**не то**, *что монархия 1861—1904 годов. В 1908—10 г.г. явственно обрисовалась новая полоса, знаменующая еще один шаг в том же направлении, которое можно назвать направлением к буржуазной монархии.*

„*В тесной связи с этим шагом стоит и III Дума и наша современная аграрная политика. Новая полоса, таким образом, не случайность, а своеобразная ступень в капиталистической эволюции страны*" (*Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. 2, стр. 239*).

Насколько это положение диалектика Ленина совместимо с метафизической оценкой самодержавия как «аппарата торгового капитализма»,—пусть судит читатель.

Слепков.

ОТ РЕДАКЦИИ:

По желанию многих наших читателей, в ближайших №№ „Большевика" открывается „Отдел вопросов и ответов".

В этом отделе будут даваться раз'яснения на партийно-теоретические вопросы коллективных и индивидуальных читателей „Большевика".

Редакция: В. Астров, Н. Бухарин, Л. Каменев, А. Слепков, Е. Ярославский.

СОДЕРЖАНИЕ.

БОЛЬШЕВИК

№ 11—12

№ 11—12

30 ИЮНЯ

1925

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

СОДЕРЖАНИЕ.

БОЛЬШЕВИК

№ 11—12 № 11—12

30 ИЮНЯ

1925

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА"

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 30 ИЮНЯ 11—12

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1 9 2 5
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
ПРАВДА

Главлит № 40181. Москва. Тираж 40.000.
Типогр. издат. «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. набер., д. 23а.

О некоторых задачах момента.

Оживление Советов нельзя рассматривать как кратковременно-эпизодический момент в нашей политике.

Мы вступили в полосу массовой перестройки отсталых форм хозяйства; впервые перед нами так широко и конкретно встали задачи переустройства деревни.

Совершенно ясно, что продвижение к социализму в деревне, подготовка в ней элементарных предпосылок для социалистического строительства — невозможны без вовлечения массы крестьянства в общественно-строительную работу, без широкого захвата крестьянства в Советы.

Дело социалистического строительства в деревне становится на твердую почву, поскольку передовые элементы деревни будут выступать не только об'ектом, но и суб'ектом этого строительства,—поскольку сам крестьянин будет проявлять живейший интерес к работе Советов, будет стремиться к практической увязке своего хозяйства с советскими организациями.

Полоса оживления Советов знаменует пробуждение широких пластов крестьянства к активному участию в политической жизни страны.

Нет никакого сомнения в том, что этот рост политической активности заключает в себе различные тенденции.

В общем и целом, это здоровый рост, необходимый для успешного строительства социализма.

Но, конечно, в обстановке этого общего политического оживления будут обнаруживаться и тенденции враждебного нам характера.

Общеизвестно, что наша партия отнеслась с достаточным вниманием к тому перелому в отношении Советской власти, который проявился среди интеллигенции.

В общем и целом, и здесь на-лицо перелом положительного характера, оживление политической активности со знаком плюс.

Однако, в обстановке общего оживления политической активности интеллигенции в желательном для нас направлении,—для современного момента характерны и явления роста политической активности, направленной против нас, хотя это имеет место лишь среди сравнительно незначительной части интеллигенции.

Усиливается участие массы учительства и агрономов в советской работе, но одновременно с этим смелее и энергичнее начинают выступать и те из учителей и агрономов, которые имеют, по сути дела, эсеровскую и меньшевистскую идеологии, выступать против нас, используя и сход, и кооперацию, и лекцию, и частную беседу.

Наличие этих различных тенденций в общем росте политической активности, конечно, характерно не только для интеллигенции: это имеет место и в крестьянстве. Чем крепче будет пролетарское государство, чем значительнее будут наши хозяйственные успехи, чем плодотворнее будет наше участие в поднятии культурного уровня деревни,—тем сильнее будут развиваться тенденции положительного характера и тем менее оснований будет для успехов противопролетарских настроений и течений.

Но одно совершенно ясно: переживаемая нами полоса оживления политической активности в деревне требует не ослабления пролетарского руководства страною, а его усиления.

Решительный отказ от методов военного коммунизма, конечно, не означает ослабление пролетарского руководства. Новыми «смягченными» методами, но с усилением во много крат инициативы и энергии со стороны руководителя революции и носителя государственной власти, пролетариата,—будет строиться социализм, несмотря на все препятствия и затруднения.

Совершенно очевидно, однако, что вопрос об организации и укреплении пролетарских рядов должен волновать нас не меньше, а больше, чем в прежние периоды исторического развития.

Верно, что пролетариат должен переделать широкие непролетарские слои трудящихся.

Верно, что пролетариат должен подготовлять бесклассовое общество.

Но так же верно, что это будет выполнено им только тогда, когда под руководством партии он будет выполнять свою роль гегемона, руководителя, организатора масс.

В этот исходный период движения к бесклассовому обществу, в стране с громадным большинством крестьянского населения, пролетариат, и, прежде всего, его партия, должен идеологически и организационно усиливать свое классовое влияние на широкие массы трудящихся, а не ослаблять его.

* * *

Тов. Ленин назвал профсоюзы «школой коммунизма» для пролетариата. Такое определение было дано не случайно.

Профсоюзы, действительно, должны играть все возрастающую роль в политическом воспитании рабочего класса.

Поэтому, когда мы говорим об организации пролетариата, укреплении его рядов,—мы непременно должны поставить вопрос о профсоюзном движении, его состоянии, тенденциях, недостатках.

Было бы излишне оптимистичным утверждать, что в этой области, как и в ряде других областей, у нас все обстоит благополучно.

Положение профсоюзов очень сложное и трудное.

С одной стороны, профсоюзы должны защищать экономические интересы рабочих, об'единенных в союзные организации. Они должны содействовать действительному повышению материального уровня жизни рабочего, в условиях общего хозяйственного под'ема. С этой точки зрения, они обязаны противостоять таким устремлениям хозяйственников, в которых соображения народно-хозяйственной целесообразности уступают место ведомственной нажимистости.

С другой стороны, профсоюзы должны помогать скорейшему росту производства, накопления в промышленности, ибо без роста промышленности невозможен и нормальный рост заработной платы и общее повышение материального уровня жизни рабочего.

С этой точки зрения, профсоюзы обязаны противодействовать цехово-групповым устремлениям рабочих отдельных предприятий.

Профсоюзы именно потому и являются школой коммунизма, что рабочий на конкретных моментах профсоюзной работы приучается сочетать свои индивидуально-групповые интересы с общегосударственными, общепролетарскими.

Профсоюз «жмут» с двух сторон: с одной стороны—хозяйственники, с другой—рабочие массы. Именно, руководимый партией профсоюз должен найти среднюю, правильную линию. В нем должны быть разрешены противоречия, в условиях которых протекает наше хозяйственное развитие.

Об'ективную трудность этого положения отрицать нельзя. Понятны в таких условиях и различные уклонения профсоюзов в различные моменты.

В первые годы нэпа профсоюзы, вполне учитывая стремление истощенных в период военного коммунизма рабочих, занимались преимущественно вопросами материального положения рабочих предприятия; в общехозяйственную жизнь завода профсоюз вмешивался мало.

В начале кампании по поднятию производительности труда кое-где профсоюзы не сразу раскачались.

Однако за последний год профсоюзы сделали в этом отношении большой шаг вперед. Производственные комиссии и совещания, широкое освещение производственных вопросов на рабочих собраниях, преодоление узко-групповых запросов,—все это проводилось партией через профсоюзы.

Тем не менее, за последнее время можно отметить в профсоюзном движении отрицательные явления противоположного порядка.

В целом ряде случаев, профсоюзы оказываются в хвосте у излишне ретивых и напористых хозяйственников; профорганы зачастую идут на такие требования отдельных хозяйственников, которые совершенно не диктуются необходимостью.

Совершенно неизбежное в таких условиях недовольство рабочих переваливает через головы профсоюзов. Конфликты, имевшие место за последнее время в госпредприятиях, в большинстве своем прошли мимо профсоюзов.

Само собою разумеется, что это явления ненормальные и опасные. Профсоюзы уже обратили внимание на это уклонение.

Партия должна всемерно помогать профсоюзам выпрямить линию там, где она искривлена. Необходимо осуществить оживление профсоюзов, приближение их к массам. Профсоюзы—это важнейший участок партийной работы.

Без хорошо организованных, тесно связанных с рабочими массами профсоюзов гегемонию пролетариата не обеспечишь.

Партия об этом не забывает и потому будет внимательнейшим образом следить за профдвижением и всемерно помогать ему дать рабочему классу воспитание в «школе коммунизма».

* * *

Оживление политической активности деревни проявляется, в первую голову, в необычайно интенсивном росте сельских ячеек комсомола.

Новое, молодое поколение крестьянства оказывается наименее консервативно, более живо и положительно реагирующим на наши первые успехи в деле социалистического строительства. Значение комсомола в наших условиях необычайно велико.

Союз превратился в воспитательную организацию крупнейшего политического значения.

Почти полтора миллиона лучших представителей второго поколения вступили в действительную «школу коммунизма», каковой является комсомол.

Эти полтора миллиона подымают, в свою очередь, почти такую же армию из третьего поколения, при чем пионерская армия наверняка, через год-другой, значительно перегонит своим ростом комсомол.

Характерно, что с каждым годом крестьянская часть этих организаций сильно увеличивается.

Такое явление совершенно естественно и нормально, если мы всерьез говорим о переделке поколений и о подготовке социалистического общества.

Но и здесь развитие, как и в профсоюзах, протекает в противоречиях.

Комсомол становится по своему социальному составу все более крестьянской организацией, хотя руководящая роль в нем принадлежит рабочему ядру.

Но задачей комсомола является коммунистическое воспитание, перевод широких масс крестьянской молодежи на пролетарские позиции. Конечно, в этом противоречии заложены возможности отрицательного характера.

По мере увеличения политического значения комсомола; по мере того, как комсомол, особенно в деревне, все больше выступает в роли организатора Советской общественности, иногда заменяя отсутствующую здесь парторганизацию,—по мере этого всякие явления отрицательного характера внутри комсомола будут иметь важнейшее общеполитическое значение.

Если в комсомоле будут, паче чаяния, происходить процессы разложения, то это будет иметь вреднейшие последствия и для партии.

А опасность с этой стороны сейчас, быть может, большая, чем с других сторон. Партия более едина по социальному составу: в ней гораздо значительнее пролетарское ядро. Партия имеет сильный актив, с большим политическим опытом и теоретическим развитием. Партия имеет славные исторические традиции.

Во всех этих отношениях в комсомоле дело обстоит хуже: именно поэтому здесь и больше опасности. Партия должна принять все меры к обеспечению коммунистического руководства комсомолом.

Сейчас нельзя смотреть на комсомол прежними глазами: об'ективная роль комсомола значительно увеличилась.

Каждая партячейка, каждый партком не могут теперь относиться к вопросу руководства комсомолом формально и, так сказать, с точки зрения контроля.

Дело не только в контроле, вернее не столько в контроле, сколько в налаживании систематически проводимого руководства комсомолом со стороны партии.

* * *

И деревенская партячейка, и профсоюз, и комсомол—требуют, по сути дела, дополнительных партийных сил. Их, однако, у нас уж не столь много. Необычайное оживление советской

общественности пред'являет к партии новые требования на партработников.

Совершенно ясно, что удовлетворить эти требования полностью и целиком нет возможности.

Это обстоятельство ставит перед нами три задачи. Во-первых, необходимо рационализировать работу по распределению партсил. Надо более внимательно присматриваться к товарищам и целесообразнее распределять имеющиеся кадры работников.

Во-вторых, следует придать большое значение работе по организации беспартийного актива вокруг партии.

И, в-третьих, исключительную роль в обеспечении партийного руководства советской общественностью — суждено сыграть печати.

Поскольку не хватает живых партруководителей, надо шире поставить дело систематического снабжения трудящихся соответствующего типа газетами, брошюрами, книгами.

В этом отношении надлежит сделать очень многое.

Мы еще не вышли из кризиса сбыта, который характерен для состояния книжного дела в последнее время. Потребление сократилось, ряд партийных издательств лопнул.

Основная причина этого явления лежит в том, что мы еще не сумели приспособиться к массовому потребителю книги; что мы в самой малой мере поставляем на рынок массовую популярную литературу.

Совершенно ясно, что здесь перед нами лежит неотложная задача приспособиться к массовому потребителю.

Это диктуется, таким образом, и соображениями политического, и соображениями экономического характера.

Таковы некоторые из стоящих сейчас перед нами задач.

О диалектике культурного развития и Вардинском переложении А. Богданова.[1])

1 февраля 1925 г. в «Правде» была опубликована в информационном порядке резолюция первой Всесоюзной конференции пролетарских писателей (по докладу тов. Вардина). Для характеристики и оценки нынешних разногласий в области художественной литературы эта резолюция является важнейшим документом, поскольку, во-первых, она принята столь авторитетным в области пролетарской литературы собранием, во-вторых, принята по докладу одного из виднейших руководителей напостовской группы литераторов, и, в-третьих, дает наиболее принципиальную и наиболее последовательную формулировку сути напостовских взглядов на вопросы не только пролетарской литературы, но и пролетарской культуры в целом.

Эта резолюция тем более заслуживает внимания, что она завершает период довольно длительных споров в вопросах художественной литературы, представляя собой нечто вроде платформы конференции пролетарских писателей.

Согласно этой резолюции «господство пролетариата несовместимо с господством непролетарской идеологии, а следовательно, непролетарской литературы» (тезис 1). Резолюция рекомендует «путь захвата власти пролетариатом в области искусства» (тезис 7). Резолюция утверждает: «без своей самостоятельной классовой культуры, без своей литературы пролетариат не сохранит гегемонии над крестьянством» (тезис 8).

Предпосылкой этих утверждений является понимание тов. Вардиным того, что «при современных условиях художественная литература является одной из последних арен, на которой происходит непримиримая классовая борьба между пролетариатом и буржуазией за гегемонию над промежуточными элементами» (тезис 3).

Итак, создание самостоятельной классовой культуры, господство пролетарской идеологии, устанавливаемое путем захвата власти пролетариатом, как средство сохранения господства пролетариата, как средство сохранения гегемонии пролетариата над крестьянством!

Этой теории соответствует и понимание тов. Вардиным того, что именно на полях художественной литературы происходит один из последних решительных боев за власть между пролетариатом и буржуазией. Здесь имеется полное совпадение взглядов резолюции первой Всесоюзной конференции пролетарских писателей со взглядами А. А. Богданова, неоднократно со всей решительностью отвергнутыми партией и Лениным.

---

[1]) Соглашаясь в основном со статьей т. Яковлева, редакция оговаривает свое несогласие с отдельными положениями автора.

Богданов видел в пролеткультовском движении одну из основных форм рабочего движения, действительные достижения в области которого являются одним из важнейших условий победы пролетариата.

Вардин исходит из той же богдановской схемы, из той же оценки пролетарской культуры, превращая победу пролетарской культуры в основное условие сохранения пролетарской власти («без своей самостоятельной классовой культуры... пролетариат не сохранит гегемонию над крестьянством»).

Для Богданова отсутствие соответствующих побед на пролеткультовском фронте служило до революции достаточным основанием для об'яснения невозможности захвата власти пролетариатом, а во время революции служило основой для неверия в творческие силы захватившего власть рабочего класса.

Вардин делает первый шаг по тому же пути неверия в творческие силы захватившего власть рабочего класса, когда декларирует несовместимость господства пролетариата с господством непролетарской идеологии. Если путь захвата власти в области культуры не приведет достаточно быстро к торжеству пролетарской культуры, то тем самым наступит предрекаемая Вардиным несовместимость господства пролетариата с господством непролетарской культуры...

Отсюда, очевидно, принципиальное единство точек зрения Богданова и Вардина.

Заявить по Богданову, что отсутствие пролетарской культуры является причиной невозможности пролетарской победы, или заявить по Вардину, что без своей самостоятельной классовой культуры пролетариат не сохранит власти,—это, конечно, одно и то же по существу.

А разница лишь в том, что в конечном счете у Богданова дело сводилось к очевидной меньшевистской схеме ожидания для социалистической революции тех времен, когда весь пролетариат будет грамотнее, культурнее, сознательнее и прочее, и тому подобное.

У Вардина же, конечно, этой меньшевистской основы нет, но есть зато на-лицо некритическое, непродуманное восприятие богдановских идей. О ком, как не о Вардине и о подобных Вардину, пишет издательство «Книга» в своем предисловии к изданному им собранию статей Богданова «О пролетарской культуре»: «Его (Богданова) взгляды на культуру тесно связаны со всеми прочими, это очень ясно и наглядно выступит для читателя в предлагаемой книге»...

«Получился такой результат, что и теперь многие совершенно не сочувствующие А. А. Богданову, как теоретику вообще, даже относящиеся к нему прямо отрицательно, сами того не зная, повторяют иные его мысли, при чем считают их просто марксистскими и ортодоксальными...» [1]).

[1]) А. Богданов, О пролетарской культуре, стр. 8.

Примечание. О какой связи здесь идет речь, см., с одной стороны, систему философских взглядов Богданова, с другой—его заключительную статью в сборнике «Законы новой совести», написанную им в 1924 г. и представляющую собой пламенный протест против коренных основ большевизма (все это, конечно, под видом благочестивых протестов против стадности, рабства, суб'ективизма, готтентотства и фарисейских разговоров о чистоте цели).

Богдановской (в вардинском изложении) точке зрения противостоит ленинский взгляд на вопрос о том, что является основным условием сохранения и укрепления пролетарской власти.

Ленин беспощадно расправляется со всеми теми меньшевиками, которые полагают необходимым ждать определенного уровня цивилизованности и культуры для совершения пролетарской революции.

Ленин, революционер и марксист, не знает препятствий к тому, чтобы «начать с начала, с завоеваний революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя двинуться догонять другие народы...» [1]).

Но именно из этого вытекает, что отсутствие необходимого уровня культуры является важнейшим препятствием к тому, чтобы уже после захвата власти двигаться к социализму с той быстротой, с которой это хотелось рабочему революционеру: «нам... не хватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму, хотя мы и имеем для этого политические предпосылки...» [2]).

В статьях о государственном аппарате Ленин раз'яснял, что рабочим, строящим советский аппарат, недостает именно элементов знания, просвещения, обучения, недостает той культуры, которая так необходима.

В статье о кооперации он же раз'яснял, что и задача переделки нашего аппарата и задача кооперирования («при условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве») требуют целой культурной революции: «Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)» [3]).

Среди вопросов, разрабатывавшихся Лениным в последние месяцы его жизни, этот вопрос о величайшей культурной революции, которую нам остается проделать для того, чтобы перейти непосредственно к социализму, был одним из самых основных вопросов...

И нужно иметь величайшую степень бесцеремонности для того, чтобы пытаться именем Ленина прикрыть пролетваповские рассуждения о захвате власти пролетариатом в области искусства, о самостоятельной классовой культуре, как основном условии сохранения гегемонии пролетариата... И не меньшую степень бесцеремонности надо иметь, чтобы об'являть политическим ликвидаторством всякое отрицательное отношении к пролетарской культуре, вопреки тому, что наиболее отрицательно к ней относился Владимир Ильич.

Глубоко неправильно было бы думать, что только в последний год с такой ясностью выявилось ленинское отношение к проблеме культуры. Да, именно в последний год он писал с горечью: «...В то время, как мы болтали о пролетарской куль-

[1]) Ленин, т. XVIII, часть 2, стр. 119.
[2]) Ленин, т. XVIII, часть 2, стр. 137 и 138.
[3]) Ленин, т. XVIII, часть 2, стр. 145.

туре и о соотношении ее с буржуазной культурой, факты преподносят нам цифры, показывающие, что даже и с буржуазной культурой дела обстоят у нас очень слабо. Это служит грозным предостережением и упреком по адресу тех, кто витал и витает в эмпиреях «пролетарской культуры». Это показывает, сколько еще настоятельной черновой работы предстоит нам сделать, чтобы достигнуть уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы». «Это показывает далее, какая уйма работы предстоит нам теперь для того, чтобы на почве наших пролетарских завоеваний достигнуть действительно сколько-нибудь культурного уровня»[1]).

По существу же тот же подход к проблеме культуры мы видим у Ленина на протяжении, по меньшей мере, двух десятков лет (см. его книгу против Богданова, особенно заключительную главу).

Ленин к вопросу о пролетарской культуре подходил всегда, как диалектик. И поэтому культурную революцию в условиях диктатуры пролетариата он сводил прежде всего к тому, чтобы господствующий класс, т.-е. рабочий класс, овладел буржуазной культурой... Овладеть буржуазной культурой в условиях советской власти на деле — все, что нужно для победы социализма.

«Теперь... все чудеса техники, все завоевания культуры, станут общенародным достоянием...»,—говорил Ленин в заключительной речи на III Всероссийском С'езде Советов на заседании 18 января 1918 г.[2]).

«Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем. А эта наука, техника, искусство—в руках специалистов и в их головах»[2]).

«Чтобы победа была полная и окончательная, надо еще взять все то, что есть в капитализме ценного, взять себе всю науку и культуру»[3]). «Задача... соединить победоносную пролетарскую революцию с буржуазной культурой, с буржуазной наукой и техникой...»[4]),—говорил Ленин через год, 13 марта 1919 г. на митинге в Ленинграде.

Нужно добиваться того, чтобы «...плоды тысячелетнего развития цивилизации не доставались кучке людей, пользующихся этим для того, чтобы выделяться и обогащаться, а доставались поголовно всем трудящимся»[5]).

Еще через год в речи на Всероссийском совещании политпросветов 3 ноября 1920 г. Ленин говорил о том, что строить социализм можно, только «овладев всей суммой знаний, которую наследовали учителя от буржуазии. Все технические завоевания коммунизма были бы без этого невозможны и была бы пуста всякая мечта об этом»[6]).

Тогда же, в 1920 году, обращаясь к комсомольцам на III Всероссийском с'езде комсомола, Ленин учил их тому, что забыл

[1]) Ленин, т. XVIII, часть 2, стр. 113.
[2]) Ленин, т. XVI, стр. 72.
[3]) Ленин, т. XVI, стр. 75.
[4]) Ленин, т. XVI, стр. 76.
[5]) Ленин, т. XVI, стр. 74.
[6]) Ленин, Социалист. революция и задачи просвещения, стр. 41.

подменивший Ленина Богдановым Вардин: «В стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя...»[1]). К тому же «скоро превратить Россию из темной, безграмотной страны в грамотную нельзя...»[2]).

И отсюда его призыв усвоить ту сумму знаний, наследием которых является коммунизм, отсюда пример Маркса, понявшего неизбежность движения к коммунизму при помощи усвоения того, что дала прежняя наука, отсюда призыв поставить себе задачу взять себе всю сумму человеческих знаний, отсюда призыв овладеть всеми современными знаниями... Овладеть, взять, усвоить, знать—вот ленинский лексикон. И дальше, «без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру—без такого понимания нам этой задачи не разрешить. Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием всех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества»[3]).

Тов. Вардин в п. 9 своих тезисов скрыл от читателей первую часть этой цитаты, приведя только ее вторую часть, начиная со слов «пролетарская культура...», он хотел этим скрыть от читателя ленинскую оценку вардинских специалистов по пролетарской культуре. Это удалось ему тем менее, чем яснее нам смысл первой части этой цитаты, после того, как ее Вардин пытался скрыть. Этот факт тем более характерен и любопытен, что вторая часть цитаты, которую Вардин привел, о закономерном развитии имеющихся запасов знаний, едва ли может быть сочетаема с вардинской теорией захвата власти пролетариатом в области искусства, или с его признанием невозможности сохранить власть без самостоятельной классовой культуры. Конечно, если не поставить себе специальной целью соединить Богданова с Лениным в едином Вардине. Товарищи вапповцы не дали даже себе труда задуматься над тем, почему и зачем Ленин противопоставляет «закономерное развитие» выдумке специалистов по пролетарской культуре.

Основную ленинскую мысль о необходимости взять всю буржуазную культуру, взять ее себе для того, чтобы победить окончательно,—мне пришлось почти в тех же словах слышать несколько раз от Владимира Ильича в октябре 1922 г., когда мы беседовали по поводу статьи Плетнева и выступления тов. Бухарина.

И об этом, наконец, в предсмертных статьях Ленин сформулировал с наибольшей точностью: «...Нам бы для начала достаточно настоящей буржуазной культуры, нам бы для начала обойтись без особенно махровых типов культур добуржуазного порядка, т.-е. культур чиновничьей или крепостнической и т. п.

[1]) Ленин, т. XVII, стр. 326.
[2]) Ленин, т. XVII, стр. 327.
[3]) Ленин, т. XVII, стр. 317.

В вопросах культуры торопливость и размашистость вреднее всего. Это многим из наших юных литераторов и коммунистов следовало бы намотать хорошенечко на ус» [1]).

Для людей, чуждых диалектики, непонятен этот ленинский путь рождения пролетарской культуры. Им нужно, как заявляют вапповские тезисы в п. 8, обязательно «сказать новое слово, опереться на еще невиданные новые достижения». У них вся сущность в хлестких заявлениях о захвате власти пролетариатом, или в области культуры о том, что «в области идеологии, в области литературы действуют законы классовой борьбы так же, как они действуют в других областях общественной жизни...».

А о том, что говорит Ленин в течение всех годов революции, о том, как взять старую буржуазную культуру, созданную старыми общественными отношениями, они не дают себе труда подумать.

Тов. Вардину поясним сие по возможности популярно.

Сотни тысяч людей овладевают буржуазной культурой в условиях буржуазно-капиталистических стран, но еще ни в какой мере не имеется победы социализма в этих государствах.

У нас, в условиях советской власти, одного повышения грамотности, роста культурности, цивилизации миллионов людей достаточно для установления социализма.

Понятна ли вам разница, тов. Вардин и товарищи вапповцы? Если не понятна, то поясним еще немного.

У нас, когда сотни тысяч и миллионы людей станут грамотными, когда сотням тысяч станут доступными величайшие завоевания буржуазной науки и культуры, у нас, когда каждый шаг по пути роста культурности есть одновременно шаг к вовлечению новых сотен тысяч в управление государством, в дело непосредственного строительства социализма, из этого рождается и родится та пролетарская культура, с которой пролеткультовские и вапповско-вардинские измышления не имеют ничего общего.

Каждый рабочий или крестьянин-рабфаковец, который овладеет достижениями буржуазной науки, в области инженерного или архитектурного или медицинского искусства, а после применит их для строительства социалистического, а не буржуазного общества, каждый рабочий или крестьянин, который изученную им грамоту или хотя бы начатки естествознания приложит к делу общественной и культурной работы, к делу сознательного участия в строительстве советского государства, есть подлиннейший элемент новой пролетарской культуры. И именно отсюда, из усвоения миллионами лучших завоеваний буржуазной науки и культуры придет столь чаемная Вардиным «гегемония» пролетарской культуры (правда, при этом приходится сильно умерить высокомерие различного рода мелко-буржуазным интеллигентам, ныне особо гордо пред'являющим свое право на монополию в деле пролетарской культуры, но надо думать, что потеря от сего для пролетарской культуры будет не слишком большой). Для всей постановки вопроса о пролетарской культуре тов. Вардиным это отсутствие понимания истинного характера ленинской культурной революции, т.-е. диалектического характера культурного развития, особенно характерно.

Наконец, если и теперь еще тов. Вардин не понимает, поясним эту же мысль еще по-иному.

Когда десятки литераторов пишут стихи (тут есть плохие и хорошие литераторы, больше плохих, чем хороших, больше рассуждающих о стихах, чем умеющих написать действительно понятное массам революционное стихотворение), они остаются литераторами и только литераторами, и каждого мы оцениваем по заслугам, а не по происхождению и не потому— принадлежит ли он к вапповцам или к какой-либо другой литературной группировке. Когда же миллионы людей в условиях советской власти берут буржуазную культуру, то это и есть рождение действительно пролетарской культуры. А товарищам, видящим основу революционности в заявлении о том, что в области литературы действуют те же законы классовой борьбы и проч., придется еще подумать о следующем: заменить плуг трактором, при наличии соответствующих материальных возможностей и некоторых культурных предпосылок, и можно и нужно, и опыт наш показал, что можно. А «буржуазную» физику и химию так не заменишь, здесь нужно брать, усваивать, овладевать сотням тысяч, миллионам!

Наконец, понятно, тов. Вардин?

Но, конечно, Вардину и тут море по колена. Ведь он же в п. 8 предусмотрительно признал возможность сохранения пролетарской власти только при условии, если рабочий класс «произведет такую революцию в области культурной, какую произвел он в области экономической и политической».

В области политической мы свергли власть буржуазии путем вооруженного восстания, в области экономической мы конфисковали основную массу средств производства буржуазии и передали их в руки рабочего государства, а можно ли конфисковать физику, захватить власть над Шекспиром и похож ли, наконец, ленинский призыв овладевать и усваивать буржуазную культуру на Тарасконские походы Ваппа, собиравшегося зажечь море.

На этих особенностях культурной революции, на диалектическом характере культурного развития пришлось остановиться так подробно потому, что в этом вопросе нужна полная ясность. Партии нужно знать, о какой культурной революции идет речь: о ленинской ли культурной революции, где миллионы строят социалистическое общество, или о вардинском захвате власти пролетариатом в области искусства, где несколько захолустных литераторов кричат громче всех, а довольно много талантливых пролетариев портятся в парниковых условиях пролеткультов, Ваппов и Маппов. Против того, чтобы в этих парниках «сплошь и рядом самое новейшее кривляние выдавалось за нечто новое и под видом чисто пролетарского искусства и пролетарской культуры преподносилось нечто сверхестественное и несуразное» [1]), Владимир Ильич боролся всегда с величайшей страстностью. Кривлянию выдумщиков пролетар-

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 125.

[1]) Ленин, Приветственная речь на 1 Всероссийском с'езде по внешкольному образованию, т. XVI, стр. 190.

В вопросах культуры торопливость и размашистость вреднее всего. Это многим из наших юных литераторов и коммунистов следовало бы намотать хорошенечко на ус»[1]).

Для людей, чуждых диалектики, непонятен этот ленинский путь рождения пролетарской культуры. Им нужно, как заявляют вапповские тезисы в п. 8, обязательно «сказать новое слово, опереться на еще невиданные новые достижения». У них вся сущность в хлестких заявлениях о захвате власти пролетариатом, или в области культуры о том, что «в области идеологии, в области литературы действуют законы классовой борьбы так же, как они действуют в других областях общественной жизни...».

А о том, что говорит Ленин в течение всех годов революции, о том, как взять старую буржуазную культуру, созданную старыми общественными отношениями, они не дают себе труда подумать.

Тов. Вардину поясним сие по возможности популярно.

Сотни тысяч людей овладевают буржуазной культурой в условиях буржуазно-капиталистических стран, но еще ни в какой мере не имеется победы социализма в этих государствах.

У нас, в условиях советской власти, одного повышения грамотности, роста культурности, цивилизации миллионов людей достаточно для установления социализма.

Понятна ли вам разница, тов. Вардин и товарищи вапповцы? Если не понятна, то поясним еще немного.

У нас, когда сотни тысяч и миллионы людей станут грамотными, когда сотням тысяч станут доступными величайшие завоевания буржуазной науки и культуры, у нас, когда каждый шаг по пути роста культурности есть одновременно шаг к вовлечению новых сотен тысяч в управление государством, в дело непосредственного строительства социализма, из этого рождается и родится та пролетарская культура, с которой пролеткультовские и вапповско-вардинские измышления не имеют ничего общего.

Каждый рабочий или крестьянин-рабфаковец, который овладеет достижениями буржуазной науки, в области инженерного или архитектурного или медицинского искусства, а после применит их для строительства социалистического, а не буржуазного общества, каждый рабочий или крестьянин, который изученную им грамоту или хотя бы начатки естествознания приложит к делу общественной и культурной работы, к делу сознательного участия в строительстве советского государства, есть подлиннейший элемент новой пролетарской культуры. И именно отсюда, из усвоения миллионами лучших завоеваний буржуазной науки и культуры придет столь чаемная Вардиным «гегемония» пролетарской культуры (правда, при этом приходится сильно умерить высокомерие различного рода мелко-буржуазным интеллигентам, ныне особо гордо пред'являющим свое право на монополию в деле пролетарской культуры, но надо думать, что потеря от сего для пролетарской культуры будет не слишком большой). Для всей постановки вопроса о пролетарской культуре тов. Вардиным это отсутствие понимания истинного характера ленинской культурной революции, т.-е. диалектического характера культурного развития, особенно характерно.

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 125.

Наконец, если и теперь еще тов. Вардин не понимает, поясним эту же мысль еще по-иному.

Когда десятки литераторов пишут стихи (тут есть плохие и хорошие литераторы, больше плохих, чем хороших, больше рассуждающих о стихах, чем умеющих написать действительно понятное массам революционное стихотворение), они остаются литераторами и только литераторами, и каждого мы оцениваем по заслугам, а не по происхождению и не потому— принадлежит ли он к вапповцам или к какой-либо другой литературной группировке. Когда же миллионы людей в условиях советской власти берут буржуазную культуру, то это и есть рождение действительно пролетарской культуры. А товарищам, видящим основу революционности в заявлении о том, что в области литературы действуют те же законы классовой борьбы и проч., придется еще подумать о следующем: заменить плуг трактором, при наличии соответствующих материальных возможностей и некоторых культурных предпосылок, и можно и нужно, и опыт наш показал, что можно. А «буржуазную» физику и химию так не заменишь, здесь нужно брать, усваивать, овладевать сотням тысяч, миллионам!

Наконец, понятно, тов. Вардин?

Но, конечно, Вардину и тут море по колена. Ведь он же в п. 8 предусмотрительно признал возможность сохранения пролетарской власти только при условии, если рабочий класс «произведет такую революцию в области культурной, какую произвел он в области экономической и политической».

В области политической мы свергли власть буржуазии путем вооруженного восстания, в области экономической мы конфисковали основную массу средств производства буржуазии и передали их в руки рабочего государства, а можно ли конфисковать физику, захватить власть над Шекспиром и похож ли, наконец, ленинский призыв овладевать и усваивать буржуазную культуру на Тарасконские походы Ваппа, собиравшегося зажечь море.

На этих особенностях культурной революции, на диалектическом характере культурного развития пришлось остановиться так подробно потому, что в этом вопросе нужна полная ясность. Партии нужно знать, о какой культурной революции идет речь: о ленинской ли культурной революции, где миллионы строят социалистическое общество, или о вардинском захвате власти пролетариатом в области искусства, где несколько захолустных литераторов кричат громче всех, а довольно много талантливых пролетариев портятся в парниковых условиях пролеткультов, Ваппов и Маппов. Против того, чтобы в этих парниках «сплошь и рядом самое новейшее кривляние выдавалось за нечто новое и под видом чисто пролетарского искусства и пролетарской культуры преподносилось нечто сверхестественное и несуразное»[1]), Владимир Ильич боролся всегда с величайшей страстностью. Кривлянию выдумщиков пролетар-

[1]) Ленин, Приветственная речь на 1 Всероссийском с'езде по внешкольному образованию, т. XVI, стр. 190.

свой культуры он противопоставлял всегда закономерное развитие запасов знаний, накопленных человечеством. Он ненавидел всегда игрушки наполовину барского типа и боролся с ними. И делал он это не столько потому, что была вредна сама по себе такого рода игрушка, а потому, что такие игрушки и парники отвлекали и отвлекают часто прекрасных пролетариев в мелкие боковые улицы и переулочки, в сторону от основного потока революционного рабочего движения. Так было с богдановской школой на Капри... Чудесными методами единой организационной науки из школы на Капри и из Пролеткульта должна была родиться подлинная пролетарская культура. По Вардину же это рождение всеспасающей пролетарской культуры, вне которой несть спасения для рабочего класса, вне которой невозможно сохранение рабочей гегемонии над крестьянством, происходит в его собственном закуточке, именуемом на этот раз «Всесоюзной Ассоциацией Пролетарских Писателей». Вместо реторты, где алхимики пролетарской культуры изготовляли средства спасения пролетариата на острове Капри, другая реторта, на этот раз именуемая иначе, но по существу представляющая собой старую песню, и даже не на новый, а на тот же самый богдановский лад.

Не даром ведь вокруг вопроса предоставления Вапну реальной власти в культурных делах, разворачивается практическая борьба вапповцев, требующих признания «принципа гегемонии пролетарской культуры» (мы здесь не говорим уже о том, что смех разбирает при чтении таких формулировочек; надо же выдумать: гегемония пролетарской культуры! захват власти пролетариатом в области искусства!).

По существу же пролетарская культура снова сводится к данной кучке захудалых литераторов, как у Богданова она сводилась к данной кучке пролеткультовских «ученых» и «писателей». Данная кучка литераторов требует признания за ней гегемонии в области культуры! Мало того, она считает эту гегемонию условием, вне которого невозможно сохранение и укрепление пролетарской власти!

Столь отличное от ленинского отношение Всесоюзной конференции пролетарских писателей к вопросам пролетарской культуры определяется в значительной мере различными исходными оценками существующего положения. Оценка настоящего положения в области культуры Вапповской конференцией стоит не на почве действительности, а на почве фантастической выдумки, чудовищной переоценки имеющихся достижений. Резолюция эта признает бесспорный факт существования пролетарской культуры и литературы в современном обществе! (пункт 4). В пункте 3 эта пролетарская культура и литература превращается даже в пролетарскую «крепость». В пункте 12, покончив с буржуазной культурой девятью хлесткими строчками, торжественно об'является о том, что «пролетарская литература Советского Союза сложилась в единое организованное целое...» и т. д., и т. п.

Насколько антиленинским является это непринятое у большевиков хвастовство уже сложившейся якобы пролетарской культурой, читателю скажут несколько справок о том, как оценивал сложившееся положение в области культуры наш учитель:

«...мы спотыкаемся о недостаточную культурность масс...»[1]), «...некультурность принижает советскую власть и воссоздает бюрократию...»[2]), «...девять десятых трудящихся масс поняли, что знание является орудием в их борьбе за освобождение, что их неудачи об'ясняются недостатком образования и что теперь от них самих зависит сделать просвещение действительно доступным всем...»[3]), «...мы должны помнить, что... при нашей некультурности мы не можем решить лобовой атакой гибель капитализма. Если бы народ наш был грамотный, то тогда все было бы иначе»[4]). «Вы должны помнить, что победить народом безграмотным, что победить народом некультурным нельзя»[5]). «Нужно еще строить советское хозяйство, а при этом на одной грамотности далеко не уедешь. Нам нужно громадное повышение культуры»[6]). «...в связи с новой экономической политикой надо неустанно выдвигать мысль, что политическое просвещение требует основных элементарных зачатков культуры. Надо добиться, чтобы уменье читать и писать служило к повышению культуры, чтобы крестьянин получил возможность применять это умение читать и писать к улучшению своего хозяйства и своего государства»[7]).

Задачи не только осуществления социализма, но даже простой борьбы со взяткой и варварством «... без общего под'ема культуры, без того, чтобы сделать рабоче-крестьянскую массу более культурной, чем наша теперешняя, не решить»[8]).

Такую болячку, как волокита и взятка, «...нельзя вылечить военными победами и политическими преобразованиями, а можно вылечить только одним под'емом культуры»[9]).

И, наконец, «на войне можно победить в несколько месяцев, а культурно победить в такой срок нельзя, по самому существу дела тут нужен срок более длинный, и надо к этому более длинному сроку приспособиться, рассчитывая свою работу, проявляя наибольшее упорство, настойчивость и систематичность»[10]).

Сопоставьте вардинское бахвальство о том, что якобы теперь уже «обязательно признание принципа гегемонии» пролетарской литературы или его щегольство «бесспорным» фактом существования пролетарской культуры с этими простыми ленинскими словами, которые исходят из оценки действительности, как она есть, и вы поймете, где лежат корни ошибок конференции. Вместо признания собственной некультурности и вытекаю-

---

[1]) и [2]) Из речи о партийной программе на VIII с'езде РКП: «Революция и культура», стр. 18—19.

[3]) Ленин, «Социалистическая революция и задачи просвещения», речь на I Всероссийском с'езде по просвещению, стр. 11.

[4]) Ленин, речь на II Всероссийском с'езде политпросветов, т. XVIII, часть I, стр. 380.

[5]) Ленин, «Социалистическая революция и задачи просвещения», речь на II Всероссийском с'езде политпросветов, стр. 58.

[6]) Ленин, речь на II-м Всероссийском с'езде политпросветов, т. XVIII, часть I, стр. 382.

[7]) Ленин, речь на II Всероссийском с'езде политпросветов, т. XVIII, часть I, стр. 382.

[8]) Ленин, речь на II Всероссийском с'езде политпросветов, т. XVIII, часть I, стр. 384.

[9]) Ленин, речь на II Всероссийском с'езде политпросветов, т. XVIII, часть I, стр. 383.

[10]) Ленин, речь на II Всероссийском с'езде политпросветов, т. XVIII, часть I, стр. 385.

щего отсюда призыва работать над ее преодолением, Вардин являет пример того коммунистического чванства, которое в действительности мешает тысячам желающих учиться талантливых рабочих расти и участвовать в деле культурной революции (ибо никакое потакание Воронского попутчикам не может принести столько вреда таким талантливым людям, как Безыменский, как вардинско-родовская идеология пролетарской культуры, уже взятой приступом пролетвапповских налетчиков, идеология уже якобы захваченной пролетариатом власти в области искусства, идеология уже якобы построенных железо-бетонных крепостей пролетарской культуры, мешающая видеть действительный недостаток элементарной культурности).

Еще одно последнее замечание. Чувствуя, очевидно, неловкость и политическую ошибочность своей позиции, пролетарские писатели в своей резолюции сочли необходимым упомянуть о крестьянстве в том пункте, где победа пролетарской культуры ими превращается в основное условие сохранения гегемонии пролетариата. При этом они не дали себе труда продумать действительное соотношение классов в нашей революции, соотношение рабочего класса и крестьянства при рабочей власти, то своеобразие пролетарской диктатуры, которое определяется тем, что эта диктатура опирается на союз рабочего класса и крестьянства и, более того, представляет собой особую форму такого союза под руководством рабочего класса.

И недаром в своем приветствии президиуму 1 Всесоюзной конференции пролетарских культурно-просветительных организаций тов. Ленин счел необходимым напомнить о том, что господство пролетариата, являющегося авангардом всех трудящихся и эксплоатируемых, необходимо для об'единения всей массы трудящихся вокруг городских рабочих, в союзе с городскими рабочими.

Простым рекламированием гегемонии пролетариата и в особенности подменой этой гегемонии гегемонией пролетарской культуры мы не делаем ни одного шага вперед по пути разрешения вопроса о соотношении рабочих и крестьян в ленинской культурной революции. Трудность культурной революции совсем не в том, что трудно сделать культурным, сознательным, грамотным и цивилизованным весь рабочий класс, трудность и вместе с тем ее основная задача в том, чтобы сумму накапливаемых рабочим классом в его борьбе за социализм знаний, навыков и идей сделать орудием воспитания не только самого рабочего класса, но и крестьян. Принципиальная негодность богдановско-вардинской точки зрения при анализе отношений классов к нашей революции определяется и тем, что роль рабочего класса, как руководителя и воспитателя миллионов крестьянских масс, затушевывается, смазывается, подменяется фантастикой пролетарской культуры, а роль авангарда, ведущего за собой все трудящиеся массы, подменяется превращением движения авангарда в самоцель, тем самым предопределяется разрыв авангарда и массы в таком решающем для судеб революции деле, как под'ем культурности масс. Великолепным примером конкретной постановки культурной проблемы является речь Ленина о задачах союзов молодежи, произнесенная им 4 октября 1920 года.

Мы не раз уже цитировали из нее отдельные части, но вся в целом, в своей генеральной мысли эта речь представляет собой образец наиболее четкой ленинской постановки вопроса. Ленин в этой речи призвал молодежь к тому, чтобы усваивать и овладевать, чтобы брать себе всю сумму человеческих знаний. А конкретно для того, чтобы страну неграмотную превратить в грамотную, нищую и убогую—в богатую, он призвал каждого парня и девушку, желающих быть коммунистами, к тому, чтобы в любой деревне, в любом городе они решали практически ту или иную задачу общего труда. По существу можно было бы ограничиться противопоставлением этой речи всем ухищрениям как Богданова, так и его последователей и опошлителей вроде Вардина.

Ибо уже здесь в основном даны два принципиально разных подхода: один—сознающий всю меру нашей некультурности, всю роль этой некультурности в задержке нашего движения к социализму, призывающий усвоить, взять всю сумму буржуазных знаний и буржуазной культуры, в полной уверенности, что именно таким путем придет рождение социалистического общества, и другой путь—полубарских игрушек гордого интеллигентского высокомерия, подменяющего задачи невиданной еще в истории человечества культурной революции кривлянием «в пролеткультах» и «ваппах».

Между этими двумя путями должен выбирать каждый пролетарий, желающий по-ленински решать культурную проблему. И ленинский лозунг 1905 года, обращенный против тогдашних мудрящих литераторов, не желавших и не умевших провести партийной линии в литературе «долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела...», обращается теперь против новых пролетвапповских сверхчеловеков, в какие бы пролетарские одежды они себя ни одевали.

Пост-скриптум. Вапповские идеологи возрожденной Богдановщины не прочь скрыться за широкую спину массы рабочих и крестьянских корреспондентов.

Для полной ясности мы должны здесь отметить следующее: рабкоровское и селькоровское движение является одним из чудеснейших подтверждений ленинского плана культурной революции. В рабкоре, и в особенности в селькоре, мы имеем прежде всего активного строителя советского государства, борца за советскую справедливость, за законность против извращений советского аппарата. Селькор и рабкор—журналисты постольку, поскольку они борются за интересы трудящихся масс пером. Также и в ленинской идее культурной революции общее повышение культурности ни на одну минуту не отрывается от задачи повышения участия рабочих и крестьян в строительстве советов. С этой точки зрения движение рабкоров и селькоров и является лучшим выражением ленинской культурной революции. И уже, во всяком случае, это движение наиболее чуждо выдумкам «пролетвапповских» алхимиков.

К национальному вопросу в Юго-Славии[1]).

(По поводу речи тов. Сталина, напечатанной в „Большевике" № 7).

1. Тов. Сталин говорил о моем понимании национального вопроса лишь на основании одной моей неполностью переведенной речи в Югославской комиссии. Поэтому вся полемика т. Сталина против моего понимания национального вопроса основана на ряде недоразумений, которые я хотел бы рассеять тем же путем.

2. В полном соответствии с духом ленинизма я рассматривал национальный вопрос вообще и в частности в конкретной исторической ситуации, в которой он возник в Юго-Славии, исключительно под углом зрения интересов пролетарской революции. Выступая против неправильной теоретической постановки вопроса Розой Люксембург, утверждавшей, что национальный вопрос в рамках капитализма вообще разрешать «невозможно», я на основании исторического опыта развивал мысль, что лишь пролетарская революция будет в состоянии, как это показывает живой пример Советской России, создать фундамент для полного и прочного решения национального вопроса. В то же время я подчеркивал необходимость для коммунистической партии активно поддерживать все национально-революционные движения, направленные против империализма, в целях ускорения пролетарской революции.

В этом, как известно, заключается сущность революционно-марксистского, ленинского понимания национального вопроса.

3. Что касается вопроса о праве на самоопределение вплоть до отделения, я никогда не утверждал, что это—вопрос академический или что он не имеет актуального значения; еще менее я ставил этот вопрос в связь с тем, требуют ли или не требуют существующие национальные течения этого права. Как раз наоборот. Я всегда всячески подчеркивал, что, безусловно, признание права на самоопределение вплоть до отделения должно быть основным принципом нашей политики в национальном вопросе. Утверждая, что кроатское и словенское национальное движение в данный момент не стремится к отделению, я к этому присовокуплял, что, в случае осложнений во внутреннем или внешнем положении, вполне возможно, что кроаты и словены иначе поставят вопрос о своем самоопределении. Поэтому коммунистическая партия и в данный момент должна безусловно и безоговорочно выступать в пользу самоопределения вплоть до отделения.

[1]) См. «Большевик» № 7, стр. 20.

Всегда защищая борьбу за право самоопределения вплоть до отделения, я в наших конкретных условиях высказывался против лозунга «Отделение во что бы то ни стало». Против этого лозунга высказывался и тов. Сталин.

4. Мой «конституционный» подход к национальному вопросу в Юго-Славии не имеет ничего общего с реформистским пониманием конституционного разрешения национального вопроса. Прежде всего я, как все марксисты, понимаю конституционную борьбу не в реформистском смысле, как борьбу в парламенте или в рамках данной конституции, а как часть общей революционной классовой борьбы пролетариата, как составную часть борьбы за завоевание власти. Поэтому антитеза тов. Зиновьева: «Национальная проблема есть вопрос революции, а не конституции» («Правда» № 83) неправильна постольку, поскольку вопрос о конституции, как я подчеркивал в своей речи в юго-славской комиссии, тоже есть вопрос революции. Когда я ссылался на то, что и Ленин требовал, чтобы право на самоопределение вплоть до отделения было гарантировано конституцией, то совершенно ясно, что я не хотел этим сказать, что Ленин понимал национальный вопрос по реформистски или страдал «конституционными иллюзиями»,—я лишь хотел предотвратить упрек, что вышеупомянутое требование вообще является реформистским. А между тем, это требование, если ставить его в ленинском духе,—как я его и поставил,—не имеет ничего общего с реформизмом.

Русские марксисты во времена царизма не посвящали особого внимания конституционному вопросу, так как этот вопрос в России не имел актуального характера. Совершенно иначе обстоит дело в Юго-Славии. Юго-Славия уже в течение 7 лет живет под знаком конституционной борьбы. В Юго-Славии конституционный вопрос стоит в центре политической жизни. Конституционная борьба потрясает основы государства. Но центральный вопрос, осложняющий вопрос конституционный и делающий невозможным его решение, есть вопрос национальный. Таким образом, национальный вопрос в конкретной обстановке Юго-Славии связан с конституционным вопросом.

Какую позицию я занял по отношению к этому положению вещей? Я подчеркивал, во-первых, что национальный и конституционный вопросы по существу являются двумя различными вопросами, дабы категорически отмежеваться от реформистских взглядов, соответственно которым национальный вопрос всегда должен быть решен в рамках «неприкосновенных» границ данного государства, и, во-вторых, что признание и обеспечение права самоопределения вплоть до отделения является предпосылкой решения конституционного вопроса в таком государстве с пестрым национальным составом, как Юго-Славия.

В этом заключается мой «конституционный» подход к национальному вопросу. Отсюда видно, что ни мое общее понимание национального вопроса, ни мой «конституционный» подход к национальному вопросу не имеют ничего общего с реформизмом.

Еще одно важное замечание: конституционная борьба в Сербии, живущей почти 100 лет при конституции, имеет революционную традицию. Во время конституционной борьбы, часто принимавшей формы открытой гражданской войны, в особенности во вторую половину истекшего столетия, были свергнуты три короля и была уничтожена вся династия Обренович. Поэтому теперешняя

конституционная борьба является чрезвычайно благоприятной отправной точкой для нашей дальнейшей революционной борьбы.

5. Большевистская теория нации, яснее и лучше всего изложенная в известной статье Сталина «Марксизм и национальный вопрос», была мною применена к конкретной ситуации в Юго-Славии. Опыт Юго-Славии всецело подтверждает правильность этой теории.

Что крестьянские массы являются носителями национального движения в Юго-Славии, что крестьянские массы сообщают этим национальным движениям их боевую мощность,—несомненный факт. В этом смысле национальный вопрос—как говорит Сталин—по сути дела есть вопрос крестьянский. В этом нет никакого сомнения. Я лишь утверждал и еще утверждаю, что национальные движения в Юго-Славии не носят аграрного характера. Я показал, что экономическая основа национальных движений в Юго-Славии связана с конкуренцией между господствующей сербской буржуазией, ведущей политику сербского капитала, и буржуазией кроатской и словенской, оттесняемой монополистической сербской государственной политикой.

Но тот факт, что крестьянские массы поставляют главную армию национальных движений, отчетливо выявляет всю важность национального вопроса для коммунистической партии, так как при отсутствии правильной позиции в национальном вопросе крестьянские массы не могут быть отвлечены от идеологического влияния национальной буржуазии, стоящей во главе национальных движений и использовывающей последние в своих классовых интересах.

Я привел также следующую цитату Сталина. Сталин говорит, подводя итог анализу национальных движений: «Из всего сказанного ясно, что национальная борьба является борьбой буржуазных классов между собой. Иногда буржуазии удается вовлечь в национальное движение и пролетариат; тогда национальная борьба по внешности принимает «общенациональный» характер, но это только по внешности. По существу своему она всегда остается буржуазной, выгодной и удобной, главным образом, для буржуазии».

Само собой разумеется, это марксистское положение не означает, что коммунистическая партия должна занять «нейтралитет» в борьбе между различными национальными буржуазиями. Напротив, коммунистическая партия должна:

а) делать ясное различие между угнетенной и угнетающей нацией, б) она должна решительно становиться на сторону угнетенной нации в ее борьбе против всех форм национального угнетения, в) она будет стремиться использовать все конфликты на этой почве в целях ускорения пролетарской революции.

6. Я с удовлетворением констатирую, что тов. Сталин в положительной части своей речи в качестве основных пунктов нашей программы в национальном вопросе формулировал именно те требования, которые я выставлял уже раньше. Как формулировка, так и мотивировка т. Сталина вполне соответствуют моей точке зрения, которая, разумеется, в легальной юго-славской прессе не могла быть ясно и до конца выражена, что дало повод к некоторым неправильным толкованиям.

И. Сталин.

Еще раз к национальному вопросу.

(По поводу статьи тов. Семича).

Можно лишь приветствовать, что тов. Семич теперь, после проделанной дискуссии в юго-славской комиссии, присоединяется в своей статье целиком и полностью к позиции делегации РКП Коминтерна. Но было бы неверно думать на этом основании, что между делегацией РКП, с одной стороны, и тов. Семичем,—с другой, не было разногласий до дискуссии или во время дискуссии в юго-славской комиссии. Тов. Семич склонен, повидимому, так именно думать о разногласиях по национальному вопросу, стараясь свести их к недоразумениям. Но он, к сожалению, глубоко ошибается. Он утверждает в своей статье, что полемика с ним основана на «ряде недоразумений», вызванных «одной, не полностью переведенной», его речью в юго-славской комиссии. Иначе говоря, выходит, что виноват тут стрелочник, почему-то переведший речь тов. Семича неполностью. Я вынужден заявить в интересах истины, что это утверждение тов. Семича совершенно не соответствует действительности. Было бы, конечно, лучше, если бы тов. Семич подкрепил это свое заявление цитатами из своей речи в юго-славской комиссии, хранящейся в архиве Коминтерна. Но он этого не сделал почему-то. Ввиду этого я вынужден проделать за тов. Семича эту, не очень приятную, но совершенно необходимую процедуру.

Это тем более необходимо, что неясностей в нынешней позиции тов. Семича даже теперь, когда он целиком солидаризуется с позицией делегации РКП, осталось все-таки немало.

Я говорил в своей речи на юго-славской комиссии (см. «Большевик» № 7) о разногласиях по трем вопросам: 1) по вопросу о путях разрешения национального вопроса, 2) по вопросу о внутреннем социальном содержании национального движения в данную историческую эпоху и 3) по вопросу о роли международного момента в национальном вопросе.

По первому вопросу я утверждал, что тов. Семич не «вполне уяснил себе основную суть постановки национального вопроса у большевиков», что он отрывает национальный вопрос от общего вопроса о революции, что он становится, таким образом, на путь, сводящий национальный вопрос к вопросу конституционному.

Верно ли все это?

Читайте следующие места из речи тов. Семича в юго-славской комиссии (30 марта 1925 г.) и судите сами:

«Можно ли сводить национальный вопрос к конституционному? Раньше всего, одна теоретическая постановка. Скажем, в одном государстве X живут три нации—А, В и С. Эти три нации из'являют желание, что они хотят жить в одном государстве. О чем же, в таком случае, идет речь? Конечно, о регулировании внутренних отношений внутри этого государства. Значит, вопрос конституционного порядка. В этом теоретическом случае, национальный вопрос сводится к конституционному... Если мы в таком теоретическом случае сводим национальный вопрос к конституционному, тогда нужно сказать, и это я постоянно подчеркивал, что самоопределение народов, вплоть до отделения, является условием разрешения конституционного вопроса. И только в такой плоскости я ставлю конституционный вопрос».

Я думаю, что эти места из речи тов. Семича не нуждаются в дальнейших комментариях. Ясно, что тот, кто рассматривает национальный вопрос, как составную часть общего вопроса о пролетарской революции, не может его сводить к вопросу конституционному. И наоборот: только тот, кто отрывает национальный вопрос от общего вопроса о пролетарской революции, только тот может сводить его к вопросу конституционному.

В речи тов. Семича имеется указание на то, что право национального самоопределения не может быть завоевано без революционной борьбы. Тов. Семич говорит: «Понятно, что такие права можно завоевать только революционной борьбой. Они не могут быть завоеваны парламентским путем, а только могут быть вызваны массовыми революционными действиями». Но что значит «революционная борьба» и «революционные действия»? Можно ли отождествлять «революционную борьбу» и «революционные действия» с низвержением господствующего класса, с захватом власти, с победой революции, как условием разрешений национального вопроса? Конечно, нельзя. Одно дело, когда говоришь о победе революции, как об основном условии разрешения национального вопроса, и совершенно другое дело, когда условием разрешения национального вопроса ставишь «революционные действия» и «революционную борьбу». Необходимо отметить, что путь реформ, путь конституционный вовсе не исключает «революционных действий» и «революционной борьбы». Решающими при определении революционного и реформистского характера той или иной партии нужно считать не «революционные действия» сами по себе, а те политические цели и задачи, во имя которых они предпринимаются и используются партией. Русские меньшевики в 1906 году, после разгона первой Думы, предлагали, как известно, организовать «всеобщую забастовку» и даже «вооруженное восстание». Но это нисколько не мешало им оставаться меньшевиками. Ибо для чего они предлагали тогда все это? Конечно, не для разгрома царизма и организации полной победы революции, а для того, чтобы «произвести давление» на царское правительство в целях завоевания реформы, в целях расширения «конституции», в целях созыва «улучшенной» Думы. «Революционные действия» для реформирования старых порядков при сохранении власти в руках господствующего класса,—это одно, это путь конституционный. «Революционные действия» для слома старых порядков, для низвержения господствующего класса, — это другое, это путь революционный, это путь полной победы революции. Разница тут коренная.

Вот почему я думаю, что ссылка тов. Семича на «революционную борьбу» при сведении национального вопроса к вопросу конституционному, не опровергает, а лишь подтверждает мое заявление о том, что тов. Семич **«не вполне уяснил себе основную** суть постановки национального вопроса у большевиков», ибо он не понял, что национальный вопрос следует рассматривать не изолированно, а в неразрывной связи с вопросом о победе революции, как часть общего вопроса о революции.

Настаивая на этом, я вовсе не думаю сказать, что я высказал что-либо новое об ошибке тов. Семича по этому вопросу. Ничуть не бывало. Об этой ошибке тов. Семича говорил тов. Мануильский еще на 5 конгрессе Коминтерна, заявив, что:

«В своей брошюре «Национальный вопрос в свете марксизма» и в ряде статей, опубликованных в органе юго-славской коммунистической партии «Радник», тов. Семич в качестве практического лозунга для компартии выдвигает борьбу за пересмотр конституции, т.-е. фактически сводит весь вопрос о самоопределении наций исключительно на конституционную почву» (см. стенограмму 5 конгресса, стр. 596).

Об этой же ошибке говорил тов. Зиновьев в юго-славской комиссии, заявив, что:

«В перспективе тов. Семича, оказывается, не хватает малого— революции», что национальный вопрос является проблемой «революционной, а не конституционной» (см. «Правда» № 83).

Не может быть, чтобы все эти замечания представителей РКП в Коминтерне об ошибке тов. Семича были случайными, лишенными основания. Дыма без огня не бывает.

Так обстоит дело с первой, основной ошибкой тов. Семича.

Остальные его ошибки непосредственно вытекают из этой основной ошибки.

По второму вопросу я утверждал в своей речи (см. «Большевик» № 7), что тов. Семич «не хочет рассматривать национальный вопрос, как вопрос по сути дела крестьянский».

Верно ли это?

Прочтите следующее место из речи тов. Семича в юго-славской комиссии и судите сами:

«В чем заключается,—спрашивает тов. Семич,—социальный смысл национального движения в Юго-Славии?» И отвечает там же: «Это социальное содержание состоит в конкурентной борьбе между сербским капиталом, с одной стороны, и кроатским и словенским—с другой» (см. речь тов. Семича в юго-славской комиссии).

Что конкурентная борьба словенской и кроатской буржуазии с сербской буржуазией не может не играть тут известной роли,— в этом, конечно, не может быть сомнения. Но столь же несомненно и то, что человек, усматривающий социальный смысл национального движения в конкурентной борьбе буржуазии разных национальностей, не может рассматривать национальный вопрос, как вопрос по сути дела крестьянский. В чем состоит суть национального вопроса теперь, когда национальный вопрос из вопроса местного и внутри-государственного превратился в вопрос мировой, вопрос о борьбе колоний и зависимых национальностей против империализма? Суть национального вопроса состоит теперь в борьбе народных масс колоний и зависимых национальностей против финансовой эксплоатации, против политического порабощения и культурного обезличения этих колоний и этих национальностей со стороны империалистической буржуазии господствующей национальности. Какое значение может иметь при такой постановке национального вопроса конкурентная борьба буржуазии разных национальностей между собой? Безусловно не решающее, а в некоторых случаях, даже не важное. Совершенно очевидно, что речь идет здесь, главным образом, не о том, что буржуазия одной национальности побивает, или может побить в конкурентной борьбе буржуазию другой национальности, а о том, что империалистская группа господствующей национальности эксплоатирует и угнетает основные массы, и, прежде всего, крестьянские массы колоний и зависимых национальностей, а угнетая и эксплоатируя их, она тем самым вовлекает их в борьбу с империализмом, делает их союзниками пролетарской революции. Нельзя рассматривать национальный вопрос, как вопрос по сути дела крестьянский, если социальный смысл национального движения сводится к конкурентной борьбе буржуазии разных национальностей. И наоборот: нельзя усматривать социальный смысл национального движения в конкурентной борьбе буржуазии разных национальностей, если рассматриваешь национальный вопрос, как вопрос по сути дела крестьянский. Провести знак равенства между этими двумя формулами нет никакой возможности.

Тов. Семич ссылается на одно место в брошюре Сталина «Марксизм и национальный вопрос», написанной в конце 1912 г. Там сказано, что «национальная борьба является борьбой буржуазных классов между собою». Этим он, видимо, пытается намекнуть на правильность своей формулы определения социального смысла национального движения в данных исторических условиях. Но брошюра Сталина писана до империалистской войны, когда национальный вопрос не являлся еще в представлении марксистов вопросом общемирового значения, когда основное требование марксистов о праве самоопределения расценивалось не как часть пролетарской революции, а как часть буржуазно-демократической революции. Смешно было бы не видеть, что с тех пор международная обстановка изменилась в корне, что война, с одной стороны, и октябрьская революция в России, с другой стороны, превратили национальный вопрос из частицы буржуазно-демократической революции в частицу пролетарско-социалистической революции. Еще в октябре 1916 г. в своей статье об «Итогах дискуссии» Ленин говорил, что основной пункт национального вопроса о праве на самоопределение перестал составлять часть обще-демократического движения, что он уже превратился в составную часть обще-пролетарской, социалистической революции. Я уже не говорю о дальнейших трудах по национальному вопросу как Ленина, так и других представителей русского коммунизма. Какое значение может иметь после всего этого ссылка т. Семича на известное место в брошюре Сталина, писанной в период буржуазно-демократической революции в России, теперь, когда мы вступили в силу новой исторической обстановки в новую эпоху, в эпоху мировой пролетарской революции? Она может иметь лишь то значение, что тов. Семич цитирует вне пространства и времени, вне зависимости от живой исторической обстановки, нарушая тем самым элементарные требования диалектики и не считаясь с тем, что правильное в одной исторической обстановке может оказаться неправильным в другой исторической обстановке. Я уже говорил в своей речи в юго-славской комиссии, что в постановке национального вопроса у русских большевиков надо различать две стадии: стадию дооктябрьскую, когда речь шла о буржуазно-демократической революции, а национальный вопрос рассматривался, как часть обще-демократического движения, и стадию октябрьскую, когда речь шла уже о революции пролетарской, а национальный вопрос превратился в составную часть пролетарской революции. Едва ли нужно доказывать, что это различение имеет решающее значение. Боюсь, что тов. Семич все еще не уяснил себе смысла и значения этого различия между двумя стадиями в постановке национального вопроса.

Вот почему я думаю, что в попытке тов. Семича рассматривать национальное движение не как вопрос по сути дела крестьянский, а как вопрос о конкуренции буржуазии разных национальностей,—«кроется недооценка мощи национального движения и непонимание его глубоко народного, глубоко революционного характера» (см. «Большевик» № 7).

Так обстоит дело со второй ошибкой тов. Семича.

Характерно, что то же самое говорит об этой ошибке тов. Семича тов. Зиновьев в своей речи в юго-славской комиссии, заявляя:

«Неправильно утверждение тов. Семича, что в Юго-Славии крестьянское движение возглавляется-де буржуазией и поэтому оно не революционно» (см. «Правда» № 83).

Случайно ли это совпадение? Конечно, нет!

Опять-таки: дыма без огня не бывает.

Наконец, по третьему вопросу я утверждал, что тов. Семич делает «попытку трактовать национальный вопрос в Юго-Славии вне связи с международной обстановкой и с вероятными перспективами в Европе».

Верно ли это?

Да, верно. Ибо в своей речи тов. Семич не сделал даже отдаленного намека на то, что международная обстановка в современных условиях особенно в отношении Юго-Славии является важнейшим фактором в деле разрешения национального вопроса. Тот факт, что само юго-славское государство сложилось в результате свалки двух основных империалистических коалиций, что Юго-Славия не может выскочить из той большой игры сил, которая происходит ныне в окружающих государствах империализма, —все это осталось вне поля зрения тов. Семича. Ссылка тов. Семича на то, что он вполне мыслит известные изменения в международной обстановке, в силу которых вопрос о самоопределении может стать вопросом актуально-практическим,—эта ссылка должна быть признана теперь, в данной международной обстановке, уже недостаточной. Дело теперь вовсе не в том, чтобы признать при известных изменениях в международной обстановке возможного и далекого будущего актуальность вопроса о праве наций на самоопределение,—это могли бы перспективно признать теперь, в случае нужды, даже буржуазные демократы. Дело теперь не в этом, а в том, чтобы не превращать нынешние, сложившиеся в результате войн и насилий, границы юго-славского государства в исходный пункт и законную базу разрешения национального вопроса. Одно из двух: либо вопрос о национальном самоопределении, т.-е. о коренном изменении границ Юго-Славии, является **привеской** к национальной программе, бледно вырисовывающейся из далекого будущего, либо он является **основой** национальной программы. Ясно, во всяком случае, что пункт о праве на самоопределение не может быть одновременно *и* привеской, *и* основой национальной программы юго-славской компартии. Боюсь, что тов. Семич все еще продолжает рассматривать право на самоопределение, как перспективную привеску к национальной программе.

Вот почему я думаю, что тов. Семич отрывает национальный вопрос от вопроса об общей международной обстановке, ввиду чего у него вопрос о самоопределении, т.-е. об изменении границ Юго-Славии, является по сути дела вопросом не актуальным, а академическим.

Так обстоит дело с третьей ошибкой тов. Семича.

Характерно, что то же самое говорит тов. Мануильский об этой ошибке тов. Семича в своем докладе на 5 конгрессе Коминтерна:

«Основной предпосылкой всей постановки национального вопроса тов. Семичем является мысль о том, что пролетариат должен брать буржуазное государство **в тех границах, какие созданы в нем рядом войн и насилий**» (курсив мой. *И. Ст.*) (см. стенограмму 5 конгресса Коминтерна, стр. 597).

Можно ли считать это совпадение случайным совпадением? Конечно, нельзя!

Еще раз: дыма без огня не бывает.

А. Гольцман.

Электрификация и электропромышленность.

«...Это — вторая программа нашей партии».

Н. Ленин. Речь на VIII С'езде Советов.

«...Нащупали ли вы уже электрификацией мужика».

Н. Ленин в беседе с Гольцманом.

«...С электрификацией пора уже покончить».

Замечание «ответственного» работника.

I.

Минувший 1923—24 хозяйственный год был переломным для дела электрификации нашей страны. Еще 2—3 года назад вместо слова «электрификация» очень и очень многие ответственные товарищи произносили, несколько греша против правил словообразования, «электрофикция». Всего 3/4 года назад мне лично приходилось слышать от некоторых ответственных товарищей, что с «электрофикцией» нужно покончить. Это говорилось как раз в то время, когда электрификация переживала свой переломный момент, своеобразный кризис роста, завершающийся на наших глазах полным триумфом, признанием «де-юре» и «де-факто» идеи электрификации. Как раз 1923—24 год показал, что наши успехи в области электрификации столь серьезны, что уже сейчас самые заядлые скептики перестали думать не только о возможности покончить с «электрофикцией», но и об уменьшении масштаба работ.

Чем это об'ясняется?

Отчасти и преимущественно—общим сдвигом в промышленности страны, имевшим место в 1923—24 году. Известно, что первые два года нэпа, 1921 и 1922 г.г., были подготовительными годами для решительного сдвига промышленности, наступившего в 1923—24 операционном году. С другой стороны, перелом обусловливался специально еще тем обстоятельством, что как раз в 1925 г. вступает в действие первая группа районных электростанций, заложенных три и четыре года назад. До настоящего времени имел место неизбежный при всяких крупных строительных работах односторонний процесс предварительного расходования средств и лишь в нынешнем году мы получаем первый эффект произведенной работы—электрическую энергию с больших районных станций.

Вступившие до сего времени в действие районные станции, Каширская и Кизеловская, не могли сыграть решающей роли в балансе электрохозяйства своих районов, так как они являются стан-

циями как раз наименьшей мощности из всей группы строящихся правительством станций. Кашира обладает установленной мощностью в 12 тысяч киловатт, что при суммарной мощности станций, обслуживающих Московский район (станции МОГЭС'а) в 100.000 квт., конечно, не имеет крупного значения. То же приходится пока сказать и о Кизеловской станции, хотя, как будет упомянуто в дальнейшем, ей предстоит сыграть в самое ближайшее время довольно большую роль. Ее установленная мощность равна 6.000 квт.

В противоположность этим небольшим станциям в конце 1925 г. и в начале 1926 г. начинают функционировать следующие станции общественного значения:

Название.	Район.	Установл. мощн.
Волховская	Ленинград	56.000 квт.
Шатура	Москва	48.000 » [1])
Балахна	Н.-Новгород	20.000 »
Штеговская	Донбасс	20.000 »
Земо-Авчалы	Тифлис	12.000 »

Всего 156.000 киловатт.

Кроме того расширяются добавочными машинами:

„Красный Октябрь" (Ленинградский район) . . . . на 10.000 квт.

„Электропередача (Московский район) . . . . » 16.000 »

Всего . . . . . на 26.000 квт.

Итак, одни только станции, имеющие районный характер, т.-е. общегосударственное значение, дают приход энергии в 182.000 квт. Как велико значение этого факта, читатель сможет понять, если вспомнит, что установленная мощность всех станций общественного пользования [2]) до начала электрификационных работ равнялась всего 475.000 киловатт. Вступающие в нынешнем году станции дают, следовательно, прирост, примерно, в 38,3% к наличному резерву электрической энергии. Такой прирост вносит уже переворот в энергетическое хозяйство обслуживаемых районов. Вступление Волхова или Шатуры, несомненно, имеет революционизирующее значение для электроснабжения Ленинграда и Москвы, тем более, что их энергия значительно дешевле электрической энергии действующих станций.

Однако этим не ограничивается прирост источников энергии, выпадающий на нынешний год. До сих пор речь шла только о станциях, строящихся полностью или частично за счет правитель-

[1]) Из них 32 т. квт. нынешним летом и 16 т. к весне 1926 г.

[2]) Станциями общественного пользования называются электр. станции, отпускающие энергию на рынок, т.-е. фабрикам, заводам, трамваю, в жилые помещения и пр. Им противостоят станции ф.-заводские и транспортные, имеющие специальную цель—обслуживания данного пре приятия. По мере проникновения социалистических начал в промышленное строительство деление станций на ст. обществ. пользования и специальные должно отпасть, так как обе категории должны взаимно обслуживать своим резервом потребителя по распределению, заранее разрабатываемому плановыми органами. Само это подразделение носит на себе печать капиталистического происхождения.

ственных ассигнований и имеющих значение для целого района. Помимо этих станций, имеющих общегосударственное значение, имеем также ряд сооружений, так сказать, местного значения (хотя должны тут же оговориться, что деление станций на «общегосударственные» и «местные» имеет чисто условный характер). Станции этого рода сооружаются коммунальными органами, исполкомами, союзными республиками или крупными предприятиями. Стремление этих «местных» органов к электрификации обнаруживает особенную силу именно в 1924 году. Причина ясна. Она лежит в общем хозяйственном под'еме страны, в оздоровлении местного бюджета, вообще в переживаемом страной периоде первоначального социалистического накопления, позволяющего «инвестировать» средства в новостройки и др. капитальные работы. Между тем, можно сказать с уверенностью в группе новостроек электростанции почти всегда отдается предпочтение.

К сожалению, мы не располагаем точными сведениями о происходящих сооружениях этого рода и вынуждены дать здесь читателю справку лишь о важнейших работах. Имеем следующие основные строительства:

Название станций.	Район.	Установл. мощн.
Ляпинская	Ярославль	10.000 квт.
Свердловская	Свердловск	6.000 „
Ново-Николаевск.	Зап. Сибирь	1.000 „
Кондопожская	Карелия	4.000 „
Эриванская	Армения	3.850 „
Ленинаканская	„	1.470 „
		26.320 квт.

Кроме того, упомянем основные расширяющиеся станции в Баку, Грозном, Ростове н/Д. и на Урале, всего 37.200 квт. Перечень этот далеко не полон. Однако и он дает прирост в 63,5 т. квт., а вместе с районными станциями—230,3 т. квт., или около 50% к действующим станциям общественного пользования.

Очевидно, что электрификация промышленности и коммунального хозяйства в 1924 и теперь в 1925 г.г. начинает свои юные дни и в своей деятельности проявляет поистине комсомольскую энергию, и это вполне понятно, ибо электрическая энергия проталкивала еще до войны путь в промышленность бойкими и решительными шагами, а теперь она завоевывает свое место с большей энергией, силой и быстрым темпом, нежели всякая иная механизация, если угодно сравнивать эти две отрасли механизации.

Как правило (не имеющее, к счастью, пока исключений), каждая новая станция дает энергию по значительно более дешевой цене, чем действующие. Этим создается стимул для промышленных, коммунальных и пр. предприятий к электрификации своего производства. Так, например, вступление Волховской станции дает решительный сдвиг в средней цене энергии по Ленинграду. При предварительных подсчетах приняты во внимание удорожающие влияния действующих электростанций и выплата %% на затраченный капитал. При всем том стоимость киловатт-часа энергии для промышленных предприятий Ленинграда должна уменьшиться, благодаря вступления Волхова, с 9 к. до 3,5 к. Подсчитано, что экономия на электроэнергии должна составить по Ленинграду около 13 м. р. за год. Шатура понижает среднюю цену энергии по Москве на 18%. Штеровская станция дает рудникам и заводам ток по цене не менее, как в два раза дешевле вырабатываемой ими на собственных станциях. То же самое нужно сказать об остальных станциях.

Такое удешевление электрической энергии вызывает громадный прирост спроса на нее. Здесь нужно отметить поразительное совпадение момента решительного перелома в развитии нашего хозяйственного под'ема с моментом окончания крупнейших электрических сооружений. Рост хозяйственного восстановления в 1925 году должен быть признан еще более бурным, чем в 1924 г. Темп возрождения страны, восстановления и расширения предприятий приобретает американский размах. Повидимому, нынешний операционный год даст увеличение продукции по сравнению с 1923—24 годом не менее, чем на 60%. Такие скачки не наблюдаются ни в одной стране. Бурный темп восстановления (и мы в праве сказать—расширения) промышленности в нынешнем году сразу рассеял все сомнения в том, найдут ли строящиеся электростанции потребителей. Такие сомнения имели место летом 1924 г. Теперь уже, однако, очевидно, что темп возрастания спроса на электроэнергию опередил и оставил позади себя наши строительные возможности. Не успели закончиться постройкой станции, как приходится ставить вопрос об их расширении. Станции вызывают к жизни новые промышленные предприятия. Всего рельефнее это видно на примере Нижегородской и Кизеловской станций, около которых начинают строиться новые заводы, правильно рассчитывающие на получение дешевой энергии в обильном количестве. Такая станция, как Кизеловская, является в этом смысле пионером промышленного возрождения в своем районе, ибо этот район позднее других оправляется от разрушений империалистической и гражданской войн.

II.

Одной из важнейших составных частей электрификации СССР является электрификация сельского хозяйства. Новый свет на роль сельской электрификации проливает опубликованный в № 7 «Большевика» конспект В. И. Ленина его брошюры о продналоге. Касаясь вопроса развития мелкого индивидуального крестьянского хозяйства и связанных с этим опасностей для укрепления социалистического строя, В. И. пишет: «Страшен ли социализму «индивидуализм» крестьянина? Его свободная торговля? Нет».

Почему не страшен? Не считает ли В. И. безопасным этот индивидуализм при всяких условиях, безотносительно к экономической политике советского государства? Можно ли считать, что индивидуализм изживается сам по себе, в силу «имманентных» законов экономики рабоче-крестьянской страны? Если бы мы придерживались такого взгляда, мы пришли бы к фатализму. Тогда нам, кроме чисто политических мер, направленных к усилению советского аппарата, не нужно было бы ни о чем печалиться. Однако В. И. понимает дело не так. Индивидуализм сельского

хозяйства для него «страшен». Он не обольщается фразами и иллюзиями охвата крестьянского хозяйства «советской системой». Ища выхода принципам социалистического строительства в стране мелкобуржуазного сельского хозяйства, В. И. приходит к выводу, что условием, обеспечивающим социальное перерождение земледелия, **является электрификация**. Он пишет следующее: «**Электрификация: мерило. Отдаленный план, но план и (ergo) критерий. Всякий план есть мерило, критерий, маяк, веха. Если электрификация (произойдет. *А. Г.*) через 10—20 лет, ни капли не страшен индивидуализм мелкого земледельца и свободная торговля его в местном обороте. Если не (произойдет. *А. Г.*) электрификация, все равно неизбежен возврат к капитализму**». Так пишет Владимир Ильич. А несколькими строками ниже, обобщая свои мысли, он еще более крепко их подчеркивает: «Aut—aut. Tertium non datur» (Или—или. Третьего не дано).

Эти несколько мыслей В. И. о сельской электрификации нужно зарубить себе на носу как нашим доморощенным пессимистам, произносящим вместо «электрификация» «электрофикция», так и ура-оптимистам, надеющимся, что «социализм сам вывезет» и «неизбежно разовьется» по Эрфуртской программе. Теперь становится понятным, почему В. И. назвал план электрификации второй программой нашей партии, почему он считал его решающим моментом в развитии нашей страны на пути к коммунизму.

Тяга крестьянского населения к электрификации достаточно велика. Однако это стремление электрифицироваться до сих пор не приняло в достаточной мере организованных форм. Можно сказать без натяжки, что электрификация сельского хозяйства есть наиболее слабое место в общей системе нашей электрификации и даже более того, в противовес всем прочим областям электрификации, эта область до сих пор не сдвинута с мертвой точки. В первый год после октябрьского переворота, в особенности после 8 С'езда Советов, когда вопросы электрификации были со всей остротой поставлены в порядок дня авторитетом Владимира Ильича, сельская электрификация обнаруживает довольно значительный рост. Однако это усиление сельско-хозяйственной электрификации в период военного коммунизма об'ясняется в значительной мере возможностью бесплатного получения кое-какого электрического оборудования с фабрично-заводских и иных станций, останавливавшихся и закрывавшихся вследствие разрухи того времени.

Приводимая на стр. 35 таблица дает характеристику движения сельской электрификации по годам, начиная с 1917 года, по 1924 год.

Таблица подтверждает указанное влияние периода военного коммунизма и вместе с тем показывает, что с об'явлением новой экономической политики, когда иссякла возможность бесплатного получения электрического оборудования, число строящихся станций для сельской электрификации обнаруживает падение. Первые 2 года новой экономической политики были не совсем удачны для народного хозяйства. Однако, уже начиная с 1923 года, обнаруживается дальнейший рост сельской электрификации, при чем характерным является также отражающееся в таблице повышение средней мощности строящихся сельских станций. Оче-

Таблица № 1.

Рост числа и мощности сельских электростанций общественного пользования за 1917—1924 г.г.

I. №№ по порядку	II. Наименование данных	III. Состояло к началу 1917 года	IV. Было построено в течение: 1917 г. Абс.	1917 г. % к числу графы III	1918 г. Абс.	1918 г. %	1919 г. Абс.	1919 г. %	1920 г. Абс.	1920 г. %	1921 г. Абс.	1921 г. %	1922 г. Абс.	1922 г. %	1923 г. Абс.	1923 г. %	1924 г. Абс.	1924 г. %	V. Итого прирост за 1917—1924 г.г. Абс.	V. %	VI. Состояло на 1 января 1925 г.
1	Число станций . . .	103	5	4,8	9	8,7	20	19,4	97	94	78	75,3	9	8,7	25	24,3	36	35	279	270	382
2	Общая мощность квт.	3.833	80	2,1	136	3,5	413	10,8	1.359	35	995	26	129	3,4	1.183	30,8	1.775	46,3	6.070	158	9.903
3	Средняя мощность станц. квт. . . .	36	16	—	15	—	21	—	14	—	13	—	14	—	47	—	49	—	22	—	26

видно, что в области сельской электрификации мы несомненно превзошли как по абсолютным величинам, так и по темпу развития то, что мы имели при царизме. Количество станций увеличилось более чем в 3½ раза, их мощность возросла в 2½ раза.

Начиная с 1923 года, стремление к электрификации сельского хозяйства обнаруживается с новой силой; одновременно с этим начинаются первые попытки помощи сельскому населению для целей электрификации. В Москве организуется ряд обществ, имеющих целью сельскую электрификацию, при чем с первых же дней организации этих обществ к ним начинают поступать заявления и ходатайства со стороны сельского населения.

Таблица № 2 дает характеристику заявок на электрификацию и их удовлетворение за 1½ года, с середины 1923 года по 1924 г.

Таблица № 2.

Заявки на сельскую электрификацию и их удовлетворение за период 1923 и 1924 г.г.

Учрежден., получивш. заявки.	Количество заявок.	Из них принят. к выполн.	% удовлет.
Электрокредит	600	51	8,5
Э. Т. Ц. Р.	400	36	9,0
Электроэксплоатац.	400	24	6,0
Электросельстрой	200	24	12,0
Элмаштрест	100	18	18,0
	1.700	153	9,0

Как видно из таблицы, удовлетворение заявок центральными организациями равняется ничтожной величине: в то время как заявок поступило около 1.700 (в таблице цифры приведены с округлением)—удовлетворено только 153 заявки.

Что показывают эти цифры?

1) Очевидно, громадная масса заявлений местных сельских организаций не имеет под собой твердой экономической почвы. Помимо одного желания электрифицироваться для проведения электрификации в жизнь требуется еще и накопление достаточных рессурсов, с помощью которых работа может быть доведена до конца. Между тем, на деле во многих случаях первый порыв электрификации обрывается вследствие различных, подчас случайных, трудностей. Вместо того, чтобы предварительно собрать солидные средства, обеспечивающие доведение строительства до конца, многие крестьянские общества и кооперативы по электрификации, возбуждают ходатайства перед центром об электрификации в надежде на то, что стоит только начать работу, а там «как-нибудь» дойдет до конца. Мы имели один из наиболее печальных примеров такого легкого отношения к делу на опыте с Рузаевской электростанцией. Станция не была доведена до конца вследствие неправильного подхода местных властей, не сумевших организовать в достаточной мере крестьянское население для проведения электрификации. Если к этому неправильному подходу местных властей присовокупить также в корне неправильный прием, примененный одной из центральных организаций, работавших в Рузаевском деле, то станет ясным, почему станцию, имевшую, казалось бы, блестящие экономические перспективы, пришлось продавать с молотка.

2) Ничтожное, прямо нищенское состояние касс центральных электрифицирующих организаций. Поскольку вся страна переживает только первоначальный период социалистического накопления, постольку в еще более зачаточном состоянии находится накопление капиталов, могущих быть употребленными на сельскую электрификацию. Электростроительные работы требуют предварительного авансирования довольно крупных капиталов, амортизирующихся в течение долгого периода лет. Таких капиталов страна не накопила; в частности, таким капиталом не располагают и центральные организации, работающие в области электрификации.

Упомянутые в таблице № 2 организации располагают до смешного ничтожными капиталами. Не касаясь двух промышленных трестов—Э. Т. Ц. Р. и Элмаштрест,—бьющихся как и большинство государственных трестов в тисках недостатка оборотных средств, остальные организации располагают следующими основными капиталами:

Электросельстрой . . . . 2.000.000 рубл.
Электроэксплоатация . . . . 2.000.000 рубл.

Электрокредит, ныне преобразованный в Электробанк, располагал к середине 1924 г. капиталом в 2.000.000 руб., а теперь имеет фактически собранного капитала 7.000.000 рубл.

Ясно, что этими капиталами, при отсутствии сколько-нибудь значительных вкладов со стороны населения, дело электрификации не может быть значительно продвинуто вперед. Этим об'ясняется заявление Электробанка, что до 40% поданных ему заявок на сельскую электрификацию являются экономически обоснованными, но не могут быть им удовлетворены за недостатком средств.

Все сказанное заставляет относиться с чрезвычайной осторожностью и продуманностью к попыткам сельской электрификации. До сих пор имело место слишком много случаев неудачных попыток, приводивших в конечном счете к дискредитации идеи электрификации. Не вдаваясь здесь в детальный анализ причин имевших место неудач, укажем только некоторые основные положения.

Первое: электрификация с осветительными целями до сих пор нигде себя не оправдала. С точки зрения экономического ведения дела станций осветительная нагрузка не является выгодной. Это вполне понятно, так как отпуск энергии для осветительной цели производится исключительно в вечерние часы, вследствие чего расходы на постройку и оборудование станций не могут себя своевременно оправдать. Этот факт нерентабельности станций, предназначенных для осветительных целей, должен служить важным предостережением для всех товарищей, стремящихся к проведению электрификации на селе.

Второе: электрификация чисто земледельческих работ в тесном смысле слова так же нерентабельна. Причина лежит в нерегулярном и непостоянном отпуске энергии. Условием рентабельности станции является максимальная нагрузка ее потребителями электроэнергии. Нагрузка не должна падать ниже известного % использования установленной мощности станции, при чем обычно

этот % не так уже велик. Считая, что обычный год содержит 365×24=8.760 часов, принимают, что число часов полной нагрузки оборудования станции должно достигать 25—30%, т.-е. должно доходить до 2.900 часов. Такая нагрузка станции считается приличной. Однако земледельческие работы в собственном смысле не могут дать такой нагрузки. Весь зимний период проходит без использования станции или со столь незначительным использованием, что теряет выгодность ее сооружения. Далее, необходимо учесть также и то обстоятельство, что такие работы, как, например, электропахота, по неизбежности ограничены в территориальном отношении, так как электроплуг не может быть оторван от электрического провода, соединяющего его со станцией. Такое территориальное ограничение уменьшает его конкурентоспособность по сравнению, например, с трактором, который может обслуживать бо́льшую группу селений.

Третье: при указанных выше обстоятельствах сельской станции нужно искать себе постоянного потребителя, функционирующего круглый год. Такой потребитель может быть только промышленным предприятием, т.-е. либо кустарным промыслом, либо кооперативом по переработке земледельческих продуктов, либо даже частным (например, кулацким) промысловым предприятием. Таких предприятий в нашей деревне теперь уже довольно много. К началу 1925 г. в Республике насчитывалось около 40.000 первичных кооперативов с числом членов свыше 3.000.000 человек. Минин в «Вестнике С.-Х. Кооперации» № 11—12 за 1924 г. приводит следующее распределение важнейших кооперативов, могущих представлять для нас интерес с точки зрения электрификации.

Таблица № 3.

Основные промысловые кооперативы на 1/I 1924 г.

Наименование товариществ.	Число.	Число фиг. лиц.	Наименование. товариществ.	Число.	Число фиг. лиц.
Молочные	188	15.544	Маслод. и сыровар.	645	62.000
Льноводные	16	768	Картофелед.	62	21.339
Свекло-сахарн.	36	4.010	Винодельческ.	9	1.500
Табак. и хлопк.	92	92.558	Кустарн.-промысл.	631	25.276

Территориальное распределение этих кооперативов, равно как и иных промышленных предприятий, тяготеющих к деревне, неравномерно. Следовательно, неравномерным будет также распространение сельской электрификации. В одних районах Республики она будет прививаться и наслаиваться более или менее густо, в то время как в других она будет задерживаться соответственно общему темпу хозяйственного возрождения и индустриализации села.

Разумеется, деревни, располагающие так наз. промышленной нагрузкой для электростанции, могут без ущерба и, наоборот, с полным экономическим расчетом проводить и осветительные работы, равно как электропахоту и др. виды земледельческой электрификации. Если «осветительная» и земледельческая электрификации невыгодны сами по себе, то в комбинации с промышленным потребителем они являются особо выгодными, так как увеличивают степень использования станции, при чем именно в такие часы и в такие периоды года, когда промысла переживают обычное затишье.

Но помимо этих соображений из приведенных фактов с очевидностью вытекает и тот вывод, что только с помощью государственной финансовой поддержки можно сдвинуть с мертвой точки дело электрификации села. Ясно, что с капиталами вроде приведенных выше дело не пойдет значительно вперед. Не только впрочем в СССР. Оказывается, что буржуазные правительства давно уже осознали необходимость финансовой поддержки сельской электрификации—конечно, у себя дома. Так, например, во Франции образован в 1923 г. фонд сельской электрификации в 600.000.000 франков. Из него выдано в 1923 г. 40 м. фр., что при современной французской валюте составляет около 14 м. рублей. В Швеции правительство выдает долгосрочные ссуды для сельской электрификации из 35%. Срок ссуды доходит до 40 лет и выше. За пятилетие 1918—1923 г.г. выдано 31.500.000 крон. В Италии установлен фонд для субсидирования сельской электрификации в 400.000.000 лир. В 1923 г. выдано 65 милл. лир. Аналогичные данные можно привести из практики большинства западно-европейских государств.

В СССР специально на сельскую электрификацию средства до сих пор не ассигновывались. Было бы, однако, неправильно продолжать эту «практику» впредь. Теперь государство должно выступить с сильной финансовой поддержкой растущей инициативы сельского населения. Оно может опираться в своей работе на группу обществ, возникших по почину различных организаций; кроме того, на местах опорой государственной деятельности в области электрификации являются кооперативы по электрификации, возникающие в довольно большом количестве. В центре движения связующим звеном между государством и населением должен быть Электробанк.

III.

Усиленный рост электрификации, выраженный в изложенном выше расширении станций общественного пользования сельской электрификации, а также в постройке новых трамваев, усилении и улучшении средств связи (вспомним хотя бы радио) означает усиление спроса на электротехнические изделия. Электротресты считают, что каждый устанавливаемый заново киловатт-энергии вызывает дополнительные расходы на производство принимающих ток моторов, на распределительное устройство и проводку в среднем до 200 рублей. Исходя из приведенного выше расчета прироста устанавливаемой мощности получаем следующую (безусловно примерную, отнюдь не точную) цифру емкости рынка на изделия сильного тока:

$$230.000 \times 200 = 46 \text{ милл. рублей (довоенн.)}.$$

На деле емкость рынка значительно выше, ибо в цифру 230 т. не вошла, как помнит читатель, сельская электрификация, расширение трамвайной сети, восстановление фабрично-заводских

станций и пр. Общая емкость электротехнического рынка исчисляется на 1924—25 операц. год в 90,2 милл. довоенных рублей.

Имеем ли мы, однако, собственную электротехническую промышленность, и если имеем, то в какой мере? «Русская электропромышленность,—говорит Н. Ванаг[1],—беря свое начало в первое десятилетие XX века, еще в пеленках попадает в об'ятия банкового капитала».

Этот капитал был, однако, нерусского происхождения и тесно связан с электротехническими иностранными фирмами: А. Е. Г. и Сименс-Шуккерт в Германии, Эриксон в Швеции, различными электропромышленными фирмами Франции и т. п.

В таблице № 4 даны заимствованные у П. В. Оля сведения о роли заграничного капитала в организации российской электропромышленности.

Таблица № 4.

Участие иностранного капитала в Российской электропромышленности.

№№ попор.	ФИРМА.	Какой иностранн. капитал.	Сколько было вложено капитала. Акц. капит. (в тыс. р.).	Облигац.
1	Сименс-Шуккерт	Германский	12.000	—
2	Сименс-Гальске	»	6.500	—
3	Сев. Кабельн. зав.	»	4.800	—
4	Всеобщ. К° Электричества	»	10.800	1.473
5	«Тюдор» Акк. З.	»	2.000	—
6	Сименс-Шуккерт	Австрийский	1.000	—
7	Дюфлон и Констант.	Французский	1.200	—
8	Русск. О-во беспр. телеф. и телегр.	Английский	2.000	—
9	То же	Итальянский	500	—
10	Эриксон	Шведский	3.600	—
			44.400	1.473
		Всего	45.873 тыс. руб.	

Приведенные цифры не совсем полны, но достаточны для характеристики степени заинтересованности иностранцев в нашей электропромышленности. Выражаясь грубо, можно сказать, что весь капитал, вложенный до революции в «русскую» электропромышленность, был нерусского происхождения.

Нас здесь не интересует, господствовал ли финансовый капитал над промышленными фирмами или наоборот. Важно, что заводы, расположенные на территории России, не только в финансовом, но и в техническом отношении находились в полной зависимости от своих иностранных патронов. Так как иностранные фирмы были заинтересованы в большей мере в ввозе в Россию изделий своего производства, чем в постановке туземного производства, то они, естественно, стремились использовать русские заводы для сборки частей, привозимых из-за границы, или, во всяком случае, для производства наиболее упрощенных изделий, оставляя в своих руках «секреты производства». Так создалась не только финансовая и организационная, но и техническая русская зависимость российской электропромышленности от иностранной, преимущественно немецкой и шведской.

[1] „Финанс. капитал в России накануне войны", стр. 149. Там же Н. Ванаг ошибочно причисляет фирмы Сименс-Шуккерт и кабельн. завод. к подчиненным концерну А. Е. Г.

Возрождение электропромышленности на новых началах, постепенное высвобождение ее от иностранной зависимости началось уже при Советской власти.

Мы не можем здесь вдаваться в подробное описание технических завоеваний, достигнутых заводами и лабораториями в области электротехники. Читатель, конечно, представляет себе, что электричество является одной из наиболее интересных отраслей физики, переживающей на наших глазах глубочайшие перевороты. Поразительные открытия последних десятилетий не остаются, как известно, без влияния на прикладные знания человечества. Наоборот, никогда еще наука не шла так нога в ногу с промышленной практикой, как в наше время. Каждое новое достижение теоретической мысли подхватывается работниками заводов чуть ли не в тот же день, когда ученый оповещает о своем открытии. Более того, теперь уже трудно провести грань между «чисто-теоретическими» работами и экспериментальными исследованиями промышленных лабораторий. Наука как бы растворяется все больше в житейской боевой обстановке, спускается, как выразился, кажется, Анри Пуанкаре, с своего Парнасса.

Если все это верно по отношению к физике вообще, то в частности в электротехнике сто крат подтверждается тесная связь современной науки и практики. Ученые и техники СССР, занятые в области электротехники не являются печальным из'ятием из общего правила. Работы их в области расчетов и производства наиболее ответственных современных машин, в конструировании разнообразных аппаратов и приспособлений обнаруживают живой дух и бодрость вдохновляющего их класса, стоящего у власти. При той значительной технической отсталости русской электропромышленности, которая обусловливала ее зависимость от заграничных властителей, достижения техников, рабочих и ученых становятся еще более интересными.

Нужно упомянуть здесь об одном обстоятельстве, которое сыграло немалую побуждающую роль в быстром развертывании лабораторных и иных технических изысканий. В начале нэпа электропромышленность имела сравнительно ничтожную нагрузку, не превышавшую 25% ее довоенного выпуска. Стремление к загрузке предприятий вынуждало электротресты бороться против импорта решительнее, чем многие другие отрасли производства, которые имели в прежнее время меньше печального опыта зависимости от заграничной техники. Импорт электроизделий является до сих пор для наших трестов самым опасным врагом, ибо с ним, в качестве его носителя, приходит и заграничная техника, не удовлетворяющаяся отводимой ей частью русского рынка и стремящаяся восстановить свое монопольное господство. Таким образом руководители советской электропромышленности не без основания смотрели на импорт, как на угрозу даже той слабой загрузке предприятий, которая имела место в те времена.

Но для того, чтобы успешно бороться с стремлением импортировать заграничные товары, нужно было противопоставить им собственные достижения, суметь изготовить в надлежащий срок требуемый товар и притом качества, не уступающего заграничному. Между тем, очень многие из этих изделий в России, вообще, никогда не вырабатывались. Отсюда на ряду с отрицанием импорта идет упорная и в высшей степени спешная и напряженная изыскательская работа на предприятиях и в лабораториях. Как уже было упомянуто, эта работа дала блестящие результаты. Благодаря ей мы имеем ряд новых производств в электротехнической области—производств, которые при царе нам вообще не были знакомы. Этой постановкой новых производств электропромышленность приближается к выполнению основного своего задания—быть технической базой для электрификации СССР.

Начиная с 1922 г., электропромышленность обнаруживает бурный рост производства. Надо отметить, что эта отрасль производства и в довоенное время развивалась быстрее других произв. орудий производства. Это вполне понятно, ибо в XX столетии все отрасли народного хозяйства спешно перестраиваются «на электрическую ногу», т.-е. быстро переходят к применению электричества в качестве движущей силы. Индустриализация нашей страны, естественно, тоже находит отражение в усиленном спросе на электроизделия. Мы видели уже выше, что заграничные хозяева хотели запереть этот растущий спрос в рамки колониальной зависимости страны от ввоза из-за границы. Рост спроса на электротехнические изделия виден из следующих цифр:

Динамика емкости довоенного электротехнического рынка России.

	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
В милл. рублей	57	72	87	132
Прирост в % к предыдущему году	—	26	20	51

Во время войны произошло общее со многими др. отраслями промышленности искусственное разбухание производства, не характерное для развития этой отрасли. Дальнейшее восстановление началось, как упомянуто, в 1922 г. и привело к настоящему времени к достижению довоенного выпуска в ценностном выражении. Однако переоборудования и расширения, произведенные за время Советской власти, подняли технически возможный выпуск заводов %% на 15—20 сверх довоенного.

В особенности 1924 г. был переломным годом для электротехнических заводов. Поступление заказов превзошло все ожидания и поставило в затруднительное положение руководителей предприятий. Они не успевали приспособиться ко все повышающейся кон'юнктуре. На происходившем в апреле с. г. совещании отделений Электротехнического Треста Центрального Района это опережающее развитие спроса по сравнению с производством красочно описал технический директор самого крупного в СССР электротехнического завода «Электросила» (б. ВЭК) в Харькове. В июне 1924 г.,—сообщил он,—когда завод был в состоянии выпускать изделия на 200 т. р. в месяц, поступило заказов на 400 т. «Тогда,—заявил докладчик,—мы подтянулись, отремонтировали оборудование и пр. и в августе достигли выпуска в 400 т. Но заказов поступило в этот месяц на 600 т.». К октябрю завод еще более «подтянулся» и выпустил на 600 т., но портфель заказов показал цифру в 900 т. р.

Такая картина наблюдается по всему фронту электропромышленности.

В частности радиопромышленность шагает еще более сильными семимильными шагами. В 1923 г. мы выпустили радиоизделий на 300 т. довоенн. рублей. В 1924 г.—на 1.800 т. р. А к апрелю 1925 г. Трест слабых токов (изготовляющий предметы радио) имел заказов на 3,5 м. р.

Эта погоня рекордов ставит перед электропромышленностью новые серьезные задачи, без разрешения которых она не сможет удовлетворить нужды электрификации. Вместе с тем, расширение этих задач не может быть частным делом электротрестов. Электрификация вообще есть политическая задача экономической перестройки нашей страны. Поэтому важнейшие звенья, узлы этой задачи тоже могут быть развязаны только с политической точки зрения. Затруднения, встающие перед электрификацией, должны привлекать внимание партии и ею разрешаться. Партия декларировала проблему металла, как классовую политическую проблему победившего пролетариата в условиях замедленного темпа мировой революции. Тем более важна постановка вопроса об электрификации на тех же началах.

Прогноз развития рынка и спроса на электроизделия на ближайшее пятилетие,—поскольку такой прогноз возможен,—показывает еще большее отставание наших производительных возможностей. Расчет емкости рынка основан на найденных опытным путем, следовательно, приблизительных данных о росте потребления электроэнергии и электроизделий с учетом дальнейшего выполнения плана электрификации СССР. Вот какие получаются цифры[1]):

Таблица № 5.

Движение емкости электротехнического рынка и внутр. производства на ближайшее пятилетие.

Годы:	1924—25	1925—26	1926—27	1927—28	1928—29	1929—30
Емкость рынка в милл. довоенн. рубл.	90,2	112,0	140,0	175	230	300
Требуется внутренн. производств.	69,3	92,3	119,5	149,7	198,2	258,9

Вся эта таблица станет сразу понятной, а серьезность задач, стоящих перед электропромышленностью, станет сразу ясной, если к этому прибавить, что производительная мощь всех действующих в СССР электропредприятий при условии частичного перехода

[1]) В дальнейшем пользуюсь цифрами, разработанными инж. Фридманом.

на двух и трехсменную работу (там, где это возможно) составляет всего 108 милл. довоенн. рублей в год.

Итак, уже в 1926—27 г., т.-е. меньше, чем через два года, мы очутимся лицом к лицу с недостатком «основного капитала», т.-е. с необходимостью иметь налицо новые заводы. Между тем, всякий знает, что постройка большого нового завода, изготовление и установка усовершенствованного оборудования являются в наших условиях делом минимум 2—3 лет. Иначе говоря, нам уже теперь, немедля, нужно приступить к расширению электротехнических «владений», к постройке новых предприятий.

Реорганизация электропромышленности есть одна из важнейших экономических проблем, стоящих перед властью и партией. Только разрешение этой задачи позволит нам выполнить план электрификации «собственной рукой», ибо мы должны помнить, что в отношении электропромышленности у нас вопрос стоит альтернативно: либо мы будем иметь собственное вполне развитое, поставленное на американский лад, производство, либо мы его вовсе не будем иметь.

М. Альский.

Наша политика государственного кредита.

Декретом от 21 января 1918 г. Октябрьская революция аннулировала все государственные долги, оставшиеся Советской власти в наследство от царского и буржуазно-демократического правительства Милюкова-Керенского. В условиях гражданской войны, блокады и интервенции, когда революция, ведя борьбу за власть, отбивалась от многочисленных врагов внутри и вне страны, когда государство, превратившись как бы в осажденную со всех сторон крепость, вынуждено было отвлечь с хозяйственного и культурного строительства все силы страны и бросить их на фронты гражданской войны—на Юге и на Севере, на Востоке и на Западе; когда, наконец, страна очутилась в «костлявых руках» голода, холода, нищеты и смерти, не могло, конечно, быть и речи о строительстве у нас в стране государственного кредита. Никто из держателей свободных денежных и материальных средств, в указанных выше условиях гражданской войны, разрухи и «военных», быстро обесценивающихся совдензнаков, не стал бы, конечно, доверять их Правительству, которое еще борется за удержание и закрепление власти или которое оспаривает и желает еще вырвать эту власть. С другой стороны, в период так называемого «военного коммунизма», когда государство, запретив частный торгово-промышленный оборот, об'единило в своих руках и производство и распределение, когда всему этому сопутствовала широко проводимая политика всеобщей экспроприации экспроприаторов—каждый, кто только имел свободные денежные и материальные средства, дрожал над ними и за свой завтрашний день старался всеми доступными ему способами сокрыть их от всякого постороннего глаза и, в особенности, от органов власти, которые могли так или иначе посягнуть на них.

Вопросы государственного кредита могли встать лишь с момента окончания гражданской войны и утверждения в стране власти, они, в особенности, могли встать после отказа власти от чрезвычайных методов управления и после перехода всей страны к непосредственному хозяйственному строительству под руководством этой власти, т.-е. с момента провозглашения Советской властью новой экономической политики—нэпа.

В области строительства государственного кредита Советская власть имела возможность использовать технику и, в известной мере, методы и опыт других государств, да и самой дореволюционной России. Но и здесь Советской власти пришлось прокладывать свои особые пути и применять свои особые методы применительно к условиям первой в мире пролетарской Республики Советов.

В условиях товарно-денежного хозяйства громадные средства находятся нередко вне оборота, в распыленном состоянии и обременяют, вследствие этого, хозяйство страны, в частности денежное хозяйство. При помощи государственного кредита можно, при известных условиях, использовать эти средства таким образом, чтобы сразу поднять и двинуть вперед развитие производительных сил и накопление богатства в стране.

Государственный кредит является в этом отношении одним из могучих факторов развития современного народного и государственного хозяйства в стране. Мобилизуя, при помощи государственных кредитных операций, свободные сбережения и капиталы, накопившиеся и неиспользованные в производительных целях, или капиталы, ищущие применения в стране, государство, обращая их на производительные нужды страны, вносит таким образом новые и могучие элементы в процесс развития всего народного и государственного хозяйства и нередко в той как раз области, где частная инициатива или вовсе была бы невозможна, или если и была возможна, то в самом ограниченном размере.

Опыт некоторых стран определенно показал, что при помощи хорошей политики государственного кредита можно собрать колоссальные средства в распоряжение государства, обратить их в общегосударственных и общехозяйственных интересах и тем достигать тех целей, которые государство себе наметило. В условиях социалистического строительства первого в мире пролетарского государства, находящегося в буржуазном окружении, в особенности же в условиях строительства, после ужасной империалистической и гражданской войны, мобилизация при помощи государственного кредита свободных и распыленных средств и образование из них крупных фондов,—имеют особое значение и составляют первостепенный государственный интерес. В нормальных условиях обыкновенные бюджетные расходы покрываются обыкновенными же государственными доходами: налогами, таможенными и иными сборами, доходами от государственных имуществ и предприятий и т. п. Но у государства кроме обыкновенных бывают еще и чрезвычайные расходы, т.-е. такие, которые выходят за рамки нормального государственного строительства, управления и обороны—реформирование и перевооружение армии и флота, железнодорожное строительство и т. д., а в наших условиях—электрификация страны, сооружение торгового флота, создание новой технической базы для нашей промышленности, сельского хозяйства, транспорта и т. п., — которые требуют единовременных капитальных затрат. Таких затрат нельзя, конечно, производить за счет нормальных источников бюджетных доходов; этого нельзя, во-первых, потому, что эти доходы не столь уж велики, чтобы дать достаточные резервы для такого рода строительства, а, во-вторых, потому, что в интересах нормального развития страны и хозяйства нельзя прибегать к чрезмерному обложению,—к переобложению населения. Бывают такие случаи, когда и нормальные доходы государства не обеспечивают полного покрытия намеченных к производству расходов, тогда явственно образуется бюджетный дефицит; бывают также случаи, когда доходы эти достаточны для покрытия всех бюджетных расходов, но поступление их не совпадает со временем производства расходов,—тогда образуется кассовый дефицит у государственного казначейства, который, как и бюджетный дефицит, нужно откуда-нибудь покрыть.

Все такого рода расходы и все такого рода дефициты покрываются обыкновенно за счет чрезвычайных источников доходов, или эмиссии бумажно-денежных знаков, или из источников государственного кредита.

Жизненный опыт нашей страны и финансовая литература периода нэпа с достаточной полнотой выяснили все тяжелые последствия бумажно-денежной эмиссии для народного и государственного хозяйства в условиях товарно-денежного хозяйства. На этом вопросе не стоит поэтому здесь останавливаться.

Таким образом остаются государственные кредитные операции, при помощи которых можно, при известных условиях, извлечь из населения свободные средства, составить из них большие фонды для капитальных государственных затрат, а, с другой стороны, возврат их без ущерба для хозяйства производить по частям, в течение ряда лет.

Государственные кредитные операции производятся обыкновенно на внутреннем или на внешнем—иностранных—рынках денежных капиталов. В первом случае государство мобилизует имеющиеся в распыленном состоянии у населения внутри страны денежные сбережения или свободные капиталы, ищущие применения,—в этом случае расходы, связанные с государственными кредитными операциями, как-то: проценты на капитал, комиссия по реализации займов и другие, остаются внутри страны; во втором случае, капиталы мобилизуются на иностранных денежных рынках и приливают в страну извне в виде добавочного капитала, за который государство должно из года в год платить известные суммы, в виде процентов на капитал, которые вывозятся вон из страны.

Внешние, как впрочем и внутренние, займы, в виде наличного капитала или даже в виде ввезенных из-за границы орудий труда: машин, станков, оборудования, транспортных средств и др., использованные для производительных надобностей страны—для развития уже существующих отраслей хозяйства или для организации новых в областях, которые были до сих пор нетронутыми или мало развитыми,—могут дать мощный толчок для развития всех смежных с ним отраслей хозяйства.

В этом случае проценты на капитал и ежегодные доли его погашения будут создаваться самим капиталом, безразлично его происхождения,—ввёзен ли он из-за границы или мобилизован внутри страны—в процессе его обращения. В случае заключения внешних займов, иностранный капитал в больших, обыкновенно, размерах ввозится единовременно в страну и вывозится затем обратно в течение многих лет, в известных долях, в виде процентов на капитал и долей его погашения. Таким образом, не особенно обременяя народное хозяйство, происходит погашение займа, давшего свой эффект в развитии народного и государственного хозяйства. Эта операция, помимо производственно-хозяйственного эффекта, может оказаться выгодной для государства и в другом отношении, если стоимость капитала—процентов на ссудный капитал—на внутреннем денежном рынке дороже, чем на внешних. В этом случае государство может получить еще и эту разницу в свою пользу.

Всякая кредитная операция, всякий заем, имеет в основе своей две взаимно и в то же время противоположно заинтересованные стороны: заимодавца-кредитора и заемщика-дебитора. В этом клубке взаимно и противоположно перекрещивающихся финансово-экономических интересов находят нередко свое отражение и различные политические интересы. Эти интересы нетрудно проследить, в особенности после периода войн и революций, когда свободный иностранный капитал стал открыто направляться только в те страны, где у него обнаружились или особые экономические, или особые политические и военные, или вообще империалистические интересы.

При заключении внешних займов заимодавец в целях охраны своих интересов выдвигает нередко, помимо ряда финансово-экономических, также и ряд политических условий, вокруг которых ведется торг и переторжка между дебитором и кредитором.

Агент национальной буржуазии—правительство страны, в которой был заключен заем, имеет, обыкновенно, наблюдение за точным исполнением условий договора о займе. Это наблюдение в большинстве случаев превращается, как это нетрудно установить из ряда исторических примеров, в попытки непосредственного влияния и вмешательства в так называемые «внутренние дела» и в попытки вовлечения страны-заемщицы в орбиту своей международной политики. При этом за всеми этими «деликатными попытками» на стороне кредитующего государства само собой стоит и политическая, и экономическая, а если нужно, и военная мощь государства, и формальное право, вытекающее из условий толкования договора, за ними стоят также и «общепринятые международные финансовые обычаи» и методы давления; на стороне же государства-заемщика находятся...— государственный долг, боязнь за свое финансовое положение и за свою кредитоспособность...

При заключении внутренних займов положение государства несколько иное. Кредиторы государства, в целях охраны своих финансово-экономических интересов, и здесь, правда, стараются принять ряд доступных им легальных и нелегальных мер и осуществить ряд доступных им финансовых комбинаций на внутреннем и на внешнем рынках денежных капиталов, чтобы тем самым добиться влияния на политику своей государственной власти. Послевоенный опыт многих стран, а также опыт и революции показал, что здесь, однако, в распоряжении государственной власти имеется много возможностей для защиты общегосударственных интересов от посягательства кучки финансовых дельцов или спекулянтов.

Несмотря на все эти отрицательные стороны, государственные кредитные операции имеют, однако, такое громадное положительное значение для развития производительных сил и народного хозяйства страны, что при известных условиях можно и должно пренебречь всеми этими отрицательными сторонами государственного кредита. При известных условиях выгоды государственного кредита покрывают все невыгодные его стороны и не только делают возможным и полезным его использование, но и настоятельно необходимым.

С точки зрения народного хозяйства и государства внутренние займы, конечно, выгоднее внешних, однако ограниченность рынка денежных капиталов внутри страны обязывает нередко обратиться к займам на внешних денежных рынках.

Обыкновенно государства комбинируют, сочетают и используют одновременно и внутренний и внешний государственный кредит. Но Союз Советских Социалистических Республик находится в этом отношении в особом положении. Выйдя из первой волны мировой социалистической Революции, СССР находится в окружении шакалов и стервятников мирового империализма, которые готовы в любую минуту растерзать на куски живое тело пролетарской страны. В то же время разобщенность мирового рынка в результате Версальского мира, расколовшего весь мир на победителей и побежденных, и общее состояние мирового рынка денежных капиталов после империалистической кровавой бойни, когда все, или почти все, страны Европы потонули в море бумажно-денежной инфляции, затруднившей не только внутренний хозяйственный оборот, но, в особенности, переливание свободных денежных капиталов из страны в страну,— исключают или во всяком случае делают пока сомнительной возможность заключения СССР внешних займов.

С другой стороны, поскольку иностранный капитал потерял всякие надежды на возможность вовлечения СССР в орбиту своей международной империалистической политики, поскольку он потерял и надежды на возможность влияния на наши «внутренние дела» и поскольку он, наконец, отдает себе ясный отчет в том, какое громадное значение имеет государственный кредит для увеличения политико-экономической мощи нашей страны внутри и за пределами ее,—он не спешит с оказанием ему кредита, с предоставлением ему займов.

Это общее положение прекрасно подтвердилось на английском примере. Англо-Советское соглашение 1924 г., как известно, предусматривало, между прочим, и представление гарантии английского правительства при заключении Советской Республикой займа в Англии. После смены так называемого Рабочего Правительства Англии консервативным, соглашение это превратилось, однако, в клочок бумаги и вопрос о гарантированном английским правительством советском займе отодвинулся тем самым в неизвестное будущее.

При таких условиях можно, конечно, надеяться на возможность заключения внешнего займа (вообще говоря, надеяться никому не возбраняется), но в области практического финансового строительства необходимо в настоящее время ориентироваться исключительно на внутренний государственный кредит.

Возможность организации такого рода кредита в СССР частью уже выявилась в проведенных внутренних кредитных операциях, частью их надо еще выявить, путем сложной комбинации подготовительных и разведывательных мер.

* * *

После аннулирования Октябрьской революцией государственного долга кое у кого может явиться вопрос, допустимы ли и вообще нужны ли СССР государственные займы.

Нами уже была сделана попытка указать, какое громадное значение для народного и государственного хозяйства имеют государственные кредитные операции. Здесь мы попытаемся мель-

ком рассмотреть этот вопрос с принципиальной и финансовой его сторон.

Советская власть аннулировала в Октябрьские дни государственный долг российской империи не потому, что она вообще против государственного кредита, а потому, что долг этот образовался из займов, заключенных царским и Временным Правительствами для империалистических и полицейских надобностей российской и вместе с ней и мировой буржуазии, а не в интересах развития народного хозяйства. Даже кадетская буржуазия и та не считала себя в 1906 г. ответственной за царский заем, размещенный в том году во Франции и спасший, по существу, заколебавшийся под ударами волн революции 1905 г. трон Романовых. Что уж говорить про рабочих и крестьян, их партию и их власть.

Совсем, совсем иные цели преследует государственный кредит Советского государства. Будучи поставлена в условия соревнования с буржуазной системой хозяйства и не получая ниоткуда прямой хозяйственной поддержки, Советская власть обязана использовать все средства, какие только имеются или могут иметься в ее распоряжении, Советская власть, в частности, обязана использовать и государственный кредит для восстановления государственного и народного хозяйства страны и для усиления темпа своего хозяйственного строительства, ибо на этот раз на этом фронте решаются все вопросы революции и все вопросы социализма.

К тому же, государственные займы могут экономически связать Советское государство с капиталистическими странами мира, могут создать там заинтересованные группы, которые, будучи заинтересованы в СССР, умерят агрессивность против него своего империалистического государства. Государственные займы могут таким образом до известной степени содействовать созданию элементов для более нормальных международных отношений с Советским государством и гарантировать ему на более продолжительный срок возможность мирного хозяйственного строительства, одним словом, содействовать продлению дарованной историей революции передышки.

Касаясь вопроса концессий, в речи своей от 27/IX—1920 г., Владимир Ильич говорил: «Пока мы не завоевали всего мира, пока мы остаемся с точки зрения экономической и военной слабее, чем остальной капиталистический мир, до тех пор надо держаться правила: надо уметь использовать противоречия и противоположности между империалистами. Если б мы этого правила не держались, мы давно, к удовольствию капиталистов, висели бы все на разных осинах» (Ленин, т. XVII, стр. 383).

Касаясь далее того же вопроса, Вл. Ил. говорил: «Пока остается капитализм и социализм, мы мирно жить не можем: либо тот, либо другой, в конце концов, победят; либо Советской Республике будут петь панихиды, либо по мировому капитализму. Это—отсрочка в войне. Капиталисты будут искать поводов, чтобы воевать. Если они примут предложение и пойдут на концессии, им будет труднее. С одной стороны, в случае войны мы будем иметь наилучшие условия; с другой—не пойдут на концессии те, кто хочет воевать. Существование концессий есть экономический и политический довод против войны. Те государства, которые могли бы с нами воевать, воевать не смогут, если возьмут концессии» (Ленин, т. XVII, стр. 408).

Те же доводы, не касаясь других, можно смело привести и в отношении государственных займов.

На основной вопрос, допустимы ли вообще государственные займы со стороны социалистического государства, мы имеем уже общий ответ в осуществляемой Советской властью новой экономической политике.

Переход Советской власти от продразверстки и политики военного коммунизма к новой экономической политике обозначал фактически перевод народного и государственного хозяйства страны с натуральных на товарные рельсы, т.-е. обозначал раскрепощение хозяйственного оборота и организацию товарно-рыночных отношений в стране.

Свобода товарообмена порождала в стране такие условия, при которых, на-ряду с оживлением хозяйственной жизни страны, вырастали нетрудовые группы населения, которые не принимали никакого участия в процессе производства, а посвящали всю свою деятельность процессу распределения, откуда и черпали средства не только для обеспечения своего существования, но и в фонд собственнического накопления. Таким образом, развиваясь и в городе, и в деревне, нэп порождал и тут и там новых буржуа, которые вырастали из данной системы хозяйственных отношений.

Однако нэп есть, по существу, глубокое обходное движение пролетарского государства, практически поставившего перед собой задачу строительства социализма. Применяя и используя лучший опыт, методы и формы капиталистического способа организации и ведения хозяйства, Советская власть стремится этим путем восстановить и далеко двинуть вперед развитие народного и государственного хозяйства СССР, при этом Советская власть отнюдь не закрывает глаз перед опасностями, таящимися в осуществлении новой экономической политики в стране с такой отсталой промышленностью, как у нас, в стране, тонущей в море мелко-собственнических крестьянских хозяйств.

Организация государственного кредита может, конечно, способствовать созданию и выделению в стране группы рантье, которая будет жить исключительно на свои нетрудовые доходы—на проценты, получаемые ею с ссуженного государству капитала. Эта возможность не вносит, конечно, ничего принципиально нового в принятую и проводимую Советской властью систему нэпа.

В результате широко проведенной, в период военного коммунизма и гражданской войны, системы экспроприации экспроприаторов и созданной этой системой экономической нивелировки населения, группа вновь народившихся рантье не может быть ни особенно многочисленной, ни экономически сильной, а потому она не может быть и опасной.

К тому же и сама система государственного кредита СССР организуется, как это видно будет ниже, на таких началах, которые должны создать ей базу среди самых широких слоев рабоче-крестьянского населения и тем еще более сократить все те опасности, которые так или иначе могли бы проистечь для нового, только-только складывающегося, еще неокрепшего социально-экономического строя первого в мире пролетарского государства.

Помимо того, налоговая система Советской Республики основана, в первую очередь, на прямом обложении и города и деревни, при чем, в основу ее так или иначе положены начала прогрес-

сивного подоходно-поимущественного обложения. Указанная система обложения, обеспечивая государству регулярное поступление дохода, дает в то же время государственной власти возможность осуществлять при ее помощи определенную социально-экономическую политику в интересах рабочего класса.

Определяя об'екты, подлежащие обложению, устанавливая и изменяя в необходимых случаях шкалу обложения, Советская власть имеет возможность так построить свою налоговую систему, чтобы она способствовала увеличению доли рабочего класса в национальном доходе и в то же время срезывала в пользу рабочего государства и высокие прибыли и часть нетрудовых доходов отдельных групп населения, главным образом, предпринимателей, торговцев, рантье и земледельцев, находящихся почему-либо в особо выгодных условиях землепользования и получающих поэтому высокую ренту.

Кроме того, сохранив в своих руках все достигнутые в Октябре командующие хозяйственные высоты: и национализированный кредит, и национализированные промышленность и транспорт, и монополию внешней торговли, строя вновь внутреннюю государственную торговлю и реорганизуя на совершенно новых началах кооперацию, — Советская власть оставила в своем распоряжении достаточно средств экономического воздействия на хозяйственный оборот страны и создала условия, при которых она может не только овладеть и в основном подчинить своему руководству все хозяйственные процессы в стране, но и создать условия контроля над процессом нэповского накопления в стране.

Таким образом государственные кредитные операции и с принципиальной и с практической точек зрения не вносят ничего нового в так называемую новую экономическую политику, наоборот, они вытекают из общей системы этой политики и являются одним из ее элементов, используемых в тех же целях восстановления и дальнейшего развития народного и государственного хозяйства.

Но вполне законно может еще явиться вопрос, нужны ли государственные кредитные операции Советской республике вообще и стоит ли итти на те жертвы и на тот риск, которые так или иначе все же связаны с их организацией и проведением.

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно рассмотреть, хотя бы в самых беглых чертах, состояние нашего государственного финансового хозяйства за последние 3 года.

В 1922—23 году наш государственный бюджет был сведен в сумме 1.332,8 милл. р., при чем бюджетный дефицит определился в сумме около 461,3 милл. руб. Путем эмиссии сознаков дефицит этот можно было покрыть лишь в сумме 374,2 милл., таким образом оставался непокрытый дефицит в сумме 87,1 милл. руб. В то же время, будучи сведен в сумме 1.332,8 милл. руб., государственный бюджет являлся, как известно, достаточно жестким и дальнейшее сжатие его расходов без значительного ущерба государственному хозяйству, обороне и управлению было невозможно. Все же, несмотря на такое жесткое сжатие бюджета и полное исчерпание эмиссии, в бюджете оставался непокрытый дефицит в сумме 87,1 милл. руб. При таких условиях нужно было найти какой-то дополнительный и при том чрезвычайный источник дохода для покрытия непокрытого остатка указанного дефицита. Этим источником, естественно, могли явиться только государственные кредитные операции.

Следующая таблица показывает, какую роль в фактическом исполнении доходной части государственного бюджета сыграли эмиссия и государственные кредитные операции:

Кварталы 1922—23 бюджетного года.	Сумма бюджетного дефицита.	Покрытие бюджетного дефицита.			
		Эмиссией совзнаков.	% ко всей сумме дефицита.	Государств. кредитные операции [1]).	% ко всей сумме дефицита.
	В миллионах червонных рублей.				
I	118,1	113,1	95,8	5,0	4,2
II	120,7	108,3	89,7	12,4	10,3
III	109,7	91,6	83,5	18,1	16,5
IV	112,8	61,2	54,2	51,6	45,8
Итого за год .	461,3	374,2	81,5	87,1	18,9

В 1923—24 году наш государственный бюджет был сведен в общей сумме 1.917,5 милл. рубл. с дефицитом в 375,2 милл. р. Ввиду почти полного исчерпания эмиссионных возможностей и ввиду проведения в середине бюджетного года реформы денежного обращения, дефицит этот можно было покрыть путем эмиссии совзнаков лишь в сумме 180,4 милл. руб. Таким образом и здесь определился непокрытый остаток дефицита по бюджету в сумме 195,8 милл. руб. Источником для покрытия и этой части дефицита опять-таки могли быть только государственные кредитные операции.

Следующие данные показывают роль эмиссии совзнаков и государственных кредитных операций в покрытии дефицита при фактическом исполнении бюджета (данные предварительной отчетности):

Кварталы 1923—24 г.	Сумма бюджетного дефицита.	ПОКРЫТО.					
		Кредитн. опер.		Эмиссией.		Доходом от выпуска звонк. монеты.	
	В милл. руб.		В %% ко всей сумме дефицита.	В милл. рубл.	В %% ко всей сумме дефицита.	В милл. рубл.	В %% ко всей сумме дефицита.
1-й квар.	110,9	65,4	59,0	45,5	41,0	—	—
2-й „	94,3	34,4	36,5	59,9	63,5	—	—
3-й „	98,5	53,2	54,0	45,3	46,0	--	—
4-й „	72,5	42,8	59,0	—	—	29,7	41,0
Итого за 1923—24 бюдж год	376,2	195,8	52,0	150,7	40,1	29,7	7,9

[1]) Без платежных обязательств центрокассы, обороты с которыми проходят вне бюджета.

Государственный бюджет на 1924—25 год сведен в сумме 2.478,5 милл. руб., с дефицитом 244 милл. руб. Реформа денежного обращения, давшая стране и народному хозяйству устойчивую валюту, лишила государственное казначейство возможности использовать эмиссию для надобностей покрытия бюджетного дефицита. Таким образом основным источником для этой цели в 1924—25 г. могли быть исключительно государственные кредитные операции.

Все эти данные показывают, вместе с тем, что, начиная с 4,2% в 1922—23 г. государственные кредитные операции, постепенно увеличиваясь, дали уже в 1923—1924 г. возможность покрыть больше половины бюджетного дефицита. Эти же данные говорят и о том, что и государственные кредитные операции, в известной мере, создали возможность отказа от эмиссии денег для надобностей государственного бюджета, что и они об'ективно подготовили условия для успешного проведения реформы денежного обращения, которая покончила и с экономическим хаосом и с финансовым развалом страны, которые достались Советской власти в наследство от эпохи империалистической и гражданской войны, интервенции и революции.

Государственные кредитные операции, кроме того, имели и имеют еще и до сих пор громадное значение для регулирования денежного обращения страны. Это значение было особенно велико в первый период, после проведения денежной реформы, когда свободные денежные средства потенциально могли бы быть, в случае каких-либо временных заминок или других случайных причин, выброшены на рынок, породить на нем денежную инфляцию и тем самым неблагоприятно отразиться на молодой и не окрепшей еще денежной системе страны. Таким образом государственные кредитные операции, помимо особого своего значения в деле покрытия бюджетного дефицита, имели и имеют громадное значение в деле подготовки и укрепления реформы денежного обращения.

Таким образом государственные кредитные операции являлись и являются не только допустимыми, но и настоятельно необходимыми для разрешения общих задач практического строительства социализма в нашей стране.

* * *

Руководясь состоянием рынка денежных капиталов и стоимостью ссудного капитала, всякое государство в нормальных условиях использовывает одновременно и внешний и внутренний государственный кредит. СССР, как мы видели, находится в этом отношении в исключительном положении. Это обстоятельство побуждает Советскую власть ориентировать все свои мероприятия и в области восстановления и в области проведения тех или иных государственных кредитных операций исключительно на существующие в стране внутренние возможности. Эти возможности зависят, главным образом, от степени доверия населения к существующему социально-политическому строю государства и от степени накопления свободных денежных капиталов в стране.

Доверие основных масс населения—рабочих и крестьян—к вышедшему из Октябрьской революции Советскому государственному строю было уже достаточно раз проверено и в период гражданской войны, и в годину страшного голода, и в условиях хозяйственного строительства, и в моменты самомалейших угроз Советской власти со стороны мировых империалистических хищников и, наконец, в периоды перевыборов советов и руководящих органов власти. Таким образом, в условиях советской действительности, вопрос о возможности внутренних государственных кредитных операций сводится исключительно к степени накопления свободных капиталов в стране.

И до империалистической войны в нашей стране не было в достаточном размере крупных и свободных денежных капиталов. Их, в особенности, нет теперь, после бурной эпохи войн и революций.

Проведение в широком масштабе внутри страны государственных кредитных операций возможно будет лишь в результате длительной работы по восстановлению народного и государственного хозяйства страны. В процессе этого восстановления и в процессе хозяйственного роста страны будет, конечно, улучшаться материальное положение широких масс населения, образовываться свободные на более или менее длительный срок сбережения, которые смогут быть мобилизованы посредством государственных кредитных операций для производительных надобностей государства.

В условиях нашего послевоенного революционного и хозяйственного роста, в нашей стране нет еще достаточно крупных свободных денежных капиталов, но в настоящее время в нашей стране могут быть и наверно есть уже, правда, в небольших еще размерах, свободные мелкие капиталы, которые являются или фондом сбережений отдельных групп или слоев населения, или фондом временно освободившихся из хозяйственного оборота резервных капиталов.

Поскольку, однако, дефицит по государственному бюджету, не мог быть изжит ни путем повышения налогового обложения, дошедшего в 1922—23 г. до предела, ни путем получения доходов от государственных имуществ и предприятий, бывших в то время убыточными, ни путем дальнейшего сокращения государственных расходов,—поскольку, с другой стороны, для покрытия бюджетного дефицита уже в 1922—23 г. нельзя было прибегать к увеличению бумажно-денежной эмиссии, разрушавшей и без того все основы товарного хозяйства,—постольку уже тогда необходимо было вплотную подойти к проблеме восстановления государственного кредита внутри страны.

До войны государственные кредитные операции в России были слабо развиты. Они, к тому же, проводились, главным образом, среди тех групп и классов населения, которые были заинтересованы в сохранении царского «правопорядка» в стране. Широкие массы населения, в особенности, рабоче-крестьянские массы населения, не оказывали буржуазно-крепостническому государству почти никакого кредита и не принимали почти никакого участия ни в какой государственной кредитной операции. Эти обстоятельства сами по себе создавали колоссальные трудности для Советской власти в области восстановления государственного кредита в стране, но эти трудности усугублялись еще для молодой власти тем, что за время революции и гражданской войны население отвыкло, во-первых, от государственных кредитных операций и, во-вторых, аннулирование всех заключенных царским и меньшевистским—буржуазно-эсеровским—правительством займов не могло не подорвать, в той или иной мере, доверия населения к

кредитным операциям государства вообще. Этим, однако, трудности не ограничивались,—они усугублялись еще и вследствие отсутствия у населения более или менее крупных свободных сбережений, и вследствие существования в стране падающей валюты. В этих условиях Советской власти поневоле приходилось и приходится выступать крайне осторожно в деле восстановления государственного кредита и проведения тех или иных государственных кредитных операций. Неудивительно поэтому, что все выпущенные до сих пор Советской властью государственные займы носят на себе следы первоначальных робких шагов и следы прощупывания денежного рынка страны по всем его направлениям.

Советская власть, как власть рабочих и крестьян, естественно, могла ориентироваться в деле восстановления государственного кредита только на доверие и поддержку этих двух классов населения.

Чтобы обезопасить в возможно большей степени государственные интересы от возможности давления со стороны кредиторов из враждебного Советской власти класса, последней по необходимости приходилось и приходится строить всю систему своей государственной кредитной политики на поддержке ее со стороны самых широких слоев рабоче-крестьянского населения страны. Наши государственные займы и были, главным образом, рассчитаны на эти, именно, слои населения. Только с их стороны Советская власть ожидала, могла получить и действительно получила необходимую поддержку на первых путях восстановления государственного кредита. Для проведения среди этих классов населения государственных кредитных операций, нужно было найти и использовать новые и при том такие формы государственных кредитных операций, которые были бы наиболее понятны и доступны этим, именно, массам населения.

Рабочие и крестьянские массы не знали до сих пор о государственных кредитных операциях, они не знали того, что свободные свои сбережения выгодно иной раз накапливать в гарантированных государством процентных бумагах, но даже, если б они это и знали, то они все равно не доверили бы их полицейскому или авантюристическому Временному Правительству,—они и в этом отношении не оказали бы ему никакого доверия. Вследствие этого ни у этих масс не было опыта в области государственного кредита, ни у государства не было опыта распространения государственных займов среди этих масс населения. Советской власти и здесь пришлось поднимать целину.

В силу этого, все проведенные до сих пор Советской властью государственные кредитные операции приходилось строить с таким расчетом, чтобы каждая из них падала, во-первых, на другие группы и слои населения и, во-вторых, имела отношение к другому хозяйственному кругу операций в стране. Иначе говоря, все эти операции поневоле должны были, на первых порах, иметь самый разнообразный и притом множественный характер.

Для приобщения широких масс крестьянского населения к государственным кредитным операциям и мобилизации их временно свободных и небольших сбережений, нужно было раньше всего сделать доступными для них все эти операции, т.-е. нужно было на первых порах выпускать все займы на небольшие суммы, в мелких купюрах, и на возможно более короткий срок. К тому же, нужно было, чтобы обычно принятые в государственных кредитных операциях выгоды представляли в данной обстановке исключительный интерес для широчайших масс населения, среди которых рассчитано размещение этих займов.

В этих целях, помимо обычных прямых выгод, как-то: процентов на капитал, помещенный в государственные процентные бумаги, возможности залога этих бумаг в банках и получения под них ссуд, возможности выигрыша, если заем выигрышный, возможности внесения их, вместо денег, которые в этом случае не приносили бы процентов на капитал—в обеспечение исполнения договоров по заказам и поставкам, или в обеспечение при пред'явлении гражданских исков или взятия кого-либо на поруки при пред'явлении уголовных обвинений; помимо котировки облигаций займов на фондовой бирже и возможности роста, при известных условиях, самой стоимости облигаций, наконец, помимо прямых выгод, при покупке облигаций в начале выпуска займа, когда последние продаются ниже своего номинала,—Советская власть предоставляла и предоставляет до сих пор своими займами особые еще выгоды, которых никак нельзя учесть, но которые все же очень и очень велики.

Выпуская займы в натуральной (хлебной и сахарной) или золотой (золотой выигрышный заем) валюте и реализуя их в обесценивающихся совзнаках, Советская власть, в период существования «военных» денег и отсутствия широко разветвленной сети кредитных учреждений и сберегательных касс, которые страховали бы падающую валюту от обесценения, тем самым давала возможность самым широким массам населения обеспечить свои трудовые сбережения от обесценения, давала им возможность избавлять себя, до известной степени, от платежа тяжелого эмиссионного налога.

Выгода эта, обусловливаясь чрезвычайной обстановкой времени, была, конечно, не из маленьких, хотя размеры ее очень трудно учесть. Население скоро раскусило, учло и оценило ее по достоинству.

Первые государственные кредитные операции, будучи выпущены в натуральной валюте (хлебной или сахарной), но реализованы в деньгах, являлись в то же время одним из элементов в деле подготовки реформы денежного обращения, так как подобной реализацией займов изымалась, во-первых, из населения некоторая часть денежных средств, уменьшалась, во-вторых, общая масса их в обращении, создавался, в-третьих, спрос на деньги, расширялась, в-четвертых, сфера их обращения в стране и, наконец, замедлялся темп их обесценения.

Помимо прямого своего назначения, натуральные займы облегчали еще разрешение громадной задачи времени, а именно, задачи по развитию в стране товарно-денежных отношений и ликвидации, главным образом, в деревне пережитков натурально-потребительских отношений периода «военного коммунизма». Как раз эти займы явились средством дальнейшей денатурализации крестьянского хозяйства, средством постепенного и безболезненного перевода крестьянского обложения с натуральных на денежные рельсы.

Натуральный налог—продналог, будучи для крестьянского хозяйства громадным облегчением в сравнении с продразверсткой, все же ложился тяжелым бременем на это хозяйство. Бремя это

обусловливалось тем, что крестьянское хозяйство, будучи обязано уплачивать государству известную долю своей сельско-хозяйственной продукции, в то же время вынуждено было производить целый ряд непроизводительных, как с точки зрения крестьянского хозяйства, так и с точки зрения государства, затрат, которые были связаны с доставкой, сдачей и приемом в казну налога в натуре.

Покупая облигацию займа на деньги, крестьянское хозяйство, помимо страховки своих денежных сбережений от обесценения, имело еще возможность уплатить налог облигацией займа и, таким образом, освободить себя от всех непроизводительных затрат, связанных со сдачей налога в натуре.

Как известно, необходимость уплаты продналога хлебом в натуре волей-неволей заставляла крестьянское хозяйство разводить те именно сельско-хозяйственные культуры, которые государство требовало у него в уплату налога, хотя культуры эти могли нередко оказаться невыгодными для данного хозяйства и по рыночным и по иным хозяйственным соображениям.

Путем покупки облигаций государственного хлебного займа крестьянское хозяйство получало об'ективную возможность свободного выбора в области производства у себя тех или иных сельско-хозяйственных продуктов, получало возможность освободить себя и страну от перепроизводства одних и недопроизводства других продуктов сельского хозяйства, могло приобресть известную маневренную способность в отношении рынка, могло, наконец, сломать душившие его узкие рамки натурального и потребительского хозяйства и сомкнуться с рынком, войти в сферу товарно-денежных, рыночных отношений, т.-е. могло подняться на более высокую хозяйственную ступень, отвечавшую его хозяйственным запросам, потребностям, видам и интересам.

Это отвечало не только интересам сельского хозяйства, но и общим интересам роста хозяйства страны и, в частности, интересам развертывания и восстановления обрабатывающих отраслей хозяйства страны.

Как чисто финансовая операция, первые государственные кредитные операции (хлебные займы) были рассчитаны на получение натурального налога до наступления срока его платежа, на получение его в момент наибольшего кассового напряжения государственного казначейства. Значение этих займов вышло, однако, далеко за пределы узко кредитных операций государства. Иначе и быть не могло, раз займы эти затрагивали самые насущные интересы крестьянского хозяйства. Поскольку операции эти развертывались по линии удовлетворения интересов этого хозяйства, они не могли не вызвать доверия к себе у самых широких слоев крестьянского населения, привыкшего, как известно, не принимать ничего на веру, а практически подсчитать все выгоды pro и contra.

Займы эти имели громадное, ничем не измеримое значение и в области денатурализации народного хозяйства, и в области строительства финансового хозяйства, и в области дальнейшего развертывания новой экономической политики (нэпа), а кроме всего этого при их помощи удалось возбудить доверие среди самых широких масс населения, главным образом, крестьянского населения, к кредитным операциям государства.

Чтобы по достоинству оценить успех первых кредитных операций Советской власти, нужно учесть общую обстановку, в которой эти операции приходилось проводить. Нэп только-только начал разворачиваться, страна только что вышла из гражданской войны и интервенции и ужасного голода 1921 г., в обращении были еще «военные» деньги, небольшие капиталы, имевшиеся в стране, устремились в область торговли, кредитные учреждения—банки—стали лишь создаваться, биржа существовала на нелегальном положении, население отвыкло от государственных кредитных операций, а те слои его, к которым Советская власть могла обратиться и на которые она могла рассчитывать, вовсе не знали этих операций. В таких условиях малейшее достижение в области государственного кредита нужно расценивать, как громадный успех в области строительства этого кредита.

Но факт остается фактом, что при помощи натуральных займов Советской власти удалось завоевать в деле строительства внутреннего государственного кредита и в доверии населения определенную финансово-хозяйственную и политическую позицию, которая облегчила дальнейшие проведения в стране государственных кредитных операций. Поэтому, воистину, кажутся жалкими все былые разговорчики о финансовом провале второго хлебного займа...

С конца 1921 г. государственное и народное хозяйство страны стало делать попытки перевода своего оборота на золотое, так называемое довоенное золотое исчисление, а с конца 1922 г. в хозяйственный оборот страны начали внедряться червонцы. С этого времени золотое исчисление и золотая валюта становятся мало-по-малу мерилом ценности и валютно-счетным средством в стране.

В целях усиления и закрепления в области денежного обращения и расчетов этих именно достижений, которые, как предпосылки, нужны были для будущей реформы денежного обращения, а также в целях обеспечения дальнейшего развития государственных кредитных операций,—Советская власть уже в 1923 г. приступила к выпуску внутренних займов в золотой валюте. Займы эти должны были как бы предуказывать пути дальнейшего финансового и денежного развития и пути дальнейшего строительства государственного кредита в стране.

(Продолжение следует).

И. Д. Марков.

К отчету английских трэд-юнионов.

Крупные конфликты английских рабочих с капиталом, постепенное изживание рабочими иллюзии о возможности осуществления «социальной гармонии между трудом и капиталом», попытки освободиться от засилия вождей-соглашателей,—все эти черты, характеризующие современное состояние английского трэд-юнионизма, нельзя рассматривать, как неожиданный поворот или как результат только послевоенной экономической и политической неразберихи, только как звено в цепи общеевропейских социальных сдвигов послевоенного периода.

С середины восьмидесятых годов и до 1911—1912 г.г. мирно развивался тот национальный классический английский трэд-юнионизм, который, казалось, вошел в плоть и кровь английского рабочего. Но уже в 1910—1911—1912 г.г. картина резко изменилась. Начинается неуклонный рост цен на товары, реальная заработная плата понижается. Стачки охватили всю страну, все отрасли промышленности поражали грандиозностью своего размаха. Правда, все это движение носило узко-экономический характер, но уже начинало понемногу падать безраздельное подчинение авторитету вождей, ревностных поборников идеи «мирного сотрудничества».

Традиционный «мирный» трэд-юнионизм начинает терять почву под ногами.

Опыт войны и эпохи послевоенной «стабилизации» капитализма, не могли, конечно, пройти бесследно в смысле политического развития английского рабочего. С окончанием войны начинается неуклонный рост безработицы, и к декабрю 1924 г. число только зарегистрированных безработных достигает 1.285.000 человек. Поднялась снова прерванная войной волна стачек, но она уже не укладывалась в рамки 1911—1912 г.г. Перед рабочими встала необходимость найти выход из тяжелого положения. Такого рода попыткой являлся факт кратковременного, но все же чрезвычайно знаменательного существования «рабочего правительства», попытка установления тесных экономических взаимоотношений с СССР. Еще при правительстве Макдональда вожди английских рабочих полагали, что нормальные отношения с СССР дадут возможность смягчить тяжелые экономические условия, порождающие безработицу. Результатом этого и явилось заключение англо-советского договора, подписанного Макдональдом и Раковским.

С другой стороны, победа консерваторов в Англии и всеобщий разгул реакции в Европе поставили перед английскими профсоюзами вопрос о защите рабочего движения против свирепствующей реакции в международном масштабе. Нарастало сознание необходимости единства международного профдвижения. Экономические, а также политические успехи СССР привлекали внимание рабочих всего мира. Необходимость иметь такого могучего союзника в борьбе с реакцией сделалась совершенно очевидной.

Вот эти два факта и были той причиной, которая толкнула английские трэд-юнионы на сближение с советскими профсоюзами.

Победа консервативной партии на выборах, наступление вслед за ней реакции, охлаждение англо-советских отношений уже не могли задержать растущие симпатии к советским профсоюзам, к СССР, и 7 ноября, воспользовавшись приглашением ВЦСПС, Генеральный Совет трэд-юнионов направил в СССР делегацию под председательством Перселя, для ознакомления на месте с положением в СССР, с хозяйственным строительством Союза, с бытом рабочих и пр.

Отчет делегации.

Отчет делегации, опубликованный ею после возвращения в Англию, достоин того, чтобы на нем подробно остановиться. Отчет подписан всеми членами делегации (Альбертом Перселем—председатель, Фредом Брамли—секретарь, Бен-Тиллетом—секретарь союза транспортных рабочих, Джоном Бромли — генеральный секретарь союза машинистов и кочегаров, Гельбертом Финдлей—председатель союза литейщиков и модельщиков, Джоном Тернером—представитель торговых служащих) и подробно освещает все отрасли советского и профессионального строительства СССР.

Неспособность понять русскую революцию до конца, боязнь солидаризироваться с ней полностью сказывается во всем отчете. Но не менее ярко сказывается и желание быть беспристрастными. В этом и заключается его ценность. Сама делегация так формулирует цель его опубликования: «Ложным освещением русской революции пользовались для создания «красного пугала», чтобы отвлечь английский народ от тех реформ, которые ему необходимы для собственного мира и благополучия. Ввиду этого конгресс трэд-юнионов считает необходимым сделать все от него зависящее, чтобы познакомить английского избирателя с действительным положением вещей в России. Цель этого отчета—дать возможность английскому избирателю, во-первых, понять, что русская революция не имеет связи с английской эволюцией и, во-вторых, что результаты революции выразились в создании нового могущественного государства, имеющего все предпосылки к дальнейшему процветанию». Этим вступлением начинает делегация свой отчет. Характерное вступление. С одной стороны, «ничего общего их революция с нами иметь не может», с другой стороны—признание достигнутых ею результатов.

Национальный вопрос.

Англия—страна колоний, и вполне понятно, что представители английских трэд-юнионов, об'единяющих большей частью рабочую аристократию, подкармливаемую за счет колониальной сверх-прибыли, заинтересовались в первую голову разрешением нами национального вопроса. Вот почему с этого и начинает свой отчет английская делегация.

«Одним из первых результатов революции было избавление национальных меньшинств от тех репрессий и гонений, которым они подвергались при царизме». Одним из самых интересных и, пожалуй, поучительных явлений для других государств с федеральной структурой является сочетание национализма и интернационализма, центральной власти и местной автономии, достигнутое союзной конституцией». Делегация искренно поражается отсутствием сепаратистских тенденций у отдельных республик. «Они спокойно платят налоги, принимают от Союза то, что Союз может им дать, не проявляют абсолютно никакого возмущения Москвой и не протестуют даже тогда, когда какая-нибудь часть их выделяется в самостоятельную единицу». И делегация задает вопрос: «Как

могут отдельные национальности, в первом увлечении свободой после долгих репрессий и руссификаций, с одной стороны, без всяких трений признавать союзный контроль, а, с другой стороны, добровольно давать полную автономию своим собственным меньшинствам». Ответа на этот вопрос делегация так и не дает, но виденное ею в СССР ясно доказывает возможность разрешения этой проблемы.

Советская власть и ее достижения.

«Мы надеемся, что этот отчет ясно докажет и навсегда опровергнет всю ложь, которую можно прочесть чуть ли не каждый день о том, что русские рабочие еще больше ограничены и пользуются еще меньшей свободой, чем наши. Русские рабочие составляют правящий класс России. Они пользуются всеми правами правящего класса».

Переходя дальше к Советской власти, как таковой, делегация констатирует, что «без сомнения власть поддерживают все промышленные рабочие, многие крестьяне и те промежуточные классы, которые по убеждению, или даже в силу обстоятельств, примкнули к движению». «Делегация не встретила никакого недовольства Советской властью среди рабочих и служащих, но много недовольства среди тех, кто не захотел или не смог примкнуть к новой системе». Делегация ни одним словом не выражает сожаления о них. Если она еще и не понимает, то, повидимому, чувствует, что горсточке никчемных плакальщиков о прошлом нечего делать в Советской Республике.

«Основной принцип системы—это создание такого государства и такого общества, которые будут наиболее благоприятными для большинства рабочих (как физического, так и умственного труда) и дадут одинаковые права всем мужчинам и женщинам».

Касаясь вопроса об образовании, искусстве, спорте, отдыхе, жилище, положении крестьянства, медицине, госаппарате в целом, она неизменно приходит к одному и тому же выводу, что все, что царская власть могла дать, она давала небольшой группе избранных, и что все, что Советская власть может дать, она дает трудящимся, и, что «чем богаче будет она становиться, тем больше будет давать». В то время, как всюду права трудящихся ограничиваются имущими, в России «эти ограничения налагаются самими рабочими на себя, для своего собственного дальнейшего процветания». «Такие ограничения являются в России договором между рабочими и их собственной властью, которой они доверили свое управление и свою промышленность, свои заводы и свои земли. Во всех других странах они являются результатом компромисса между классом правителей—буржуазией и натиском рабочих, до сих пор никогда не распоряжавшихся, а только бунтующих».

Посещая санатории, дома отдыха, клубы, детские дома, больницы, квартиры рабочих, «делегация на каждом шагу отмечает, что там, где раньше помещалось 2—3 человека с многочисленной, исключительно их обслуживающей прислугой, размещаются сотни детей, сотни рабочих получают здоровый отдых в хороших клубах. Реквизиция частных дач на курортах дала возможность подлечить в одно лето до 700.000 человек. Не безынтересны и некоторые статистические данные, помещенные в отчете о работе медицины до революции. Оказывается, что 85% медперсонала обслуживало 5% населения, в то время как 95% населения должны были довольствоваться тем обслуживанием, которое могли дать 15% медперсонала. Чистота улиц, домов, лечебных и пр. учреждений абсолютно удовлетворяет даже требовательных англичан. Оборудование больниц не уступает европейскому.

Посещение различнейших фабрик и заводов заставляет делегацию признать огромные достижения последних четырех лет. Техника улучшается и быстро нагоняет довоенную, в некоторых областях (добыча соли и др.) даже перегоняя ее. Заработная плата неуклонно повышается.

Все эти достижения тем более поразительны, что «в распоряжении Советского правительства было меньше средств, чем у любого из других, разоренных войной, народов».

Профсоюзы в СССР.

Государство управляется и поддерживается рабочими. Отсюда вытекает особое положение, занимаемое в СССР профсоюзами. «Будучи освобожденными от основной функции профсоюзов во всех других странах—от необходимости защищать рабочих от эксплоатации имущими, профсоюзы имеют возможность заняться воспитанием рабочих, как граждан и как правителей». «Главнейшей задачей профсоюзов в СССР является предоставление своим членам домов отдыха и больниц, воспитание и другие социальные функции, не входящие в круг задач британских профсоюзов. Установление минимума зарплаты, максимума рабочих часов и широкое рабочее законодательство дало возможность союзам вести работу помимо той, которая обычно ведется в странах, где профсоюзы имеют исключительно характер защитника». В капиталистических странах договоры между рабочими и предпринимателями «являются результатом конфликта между, с одной стороны, экономической властью—капиталом, с другой стороны — трудом. В России они являются соглашением между профсоюзом и государством о том, какая часть прибыли может быть распределена в виде дивиденда рабочим, а какая часть должна пойти в фонд, на оборудование и т. д.». «Хотя русские профсоюзы, как таковые, не являются больше частью Советского правительства, тем не менее было бы величайшей ошибкой предположить, что их положение в России не является более значительным и более влиятельным, чем в других странах. В России рабочие—владельцы и руководители промышленности, и, хотя они передали управление ее специальным лицам, они оставляют за собой контроль».

Пропаганда, проводимая Советской властью за повышение производительности труда, «не вызывает той оппозиции, которая возникла бы в странах, где промышленность все еще находится в руках частного капитала. Это происходит потому, что рабочие понимают, что всякая дополнительная прибыль, получаемая от увеличения продукции, вернется в их карманы, и что увеличение производительности труда не будет производиться за счет ухудшения условий их жизни». Представители профсоюзов принимают участие не только во всех комиссиях, контролирующих производство, но и во всех комиссиях Советского правительства. «Через профсоюзы все промышленное население втянуто в систему, управляющую жизнью большинства».

Просвещение.

Музеи и памятники искусства не только не разрушаются, но значительно обогащены национализацией богатейших частных коллекций.

Все школы и высшие учебные заведения как общеобразовательные, так и технические,—рабочим. Рабочие легко могут совершенствоваться в своей специальности или избирать другую. Библиотеки и учебные заведения в их полном распоряжении. В смысле жилища, образования и

различных привилегий в России рабочие получают больше и лучше, чем где бы то ни было, находит делегация. Во всех даже начальных школах из детей воспитываются борцы за новую жизнь. Огромное внимание уделяется развитию их классового самосознания. Пионеры вызывают их восхищение своим развитием, огромным влиянием, оказываемым ими на окружающих ребятишек. Вообще, подчеркивает делегация в своем отчете, «детям уделяется большое внимание и дети выглядят здоровыми и довольными».

Карательная политика Советской власти.

Касаясь пресловутого «красного террора», «что касается уверений прессы в том, что теперешний режим в России—это «сплошной террор», делегация считает нужным отметить, что этому не может поверить ни один честно и беспристрастно настроенный человек, путешествующий по Союзу и соприкасающийся с его гражданами». Правда, контр-революционные наступления Колчака, Юденича, Деникина вынудили создание чрезвычайной комиссии, обладающей всеми правами не только следственной, но и карающей власти. «Но как только кончилось активное наступление контр-революции, права применять высшую меру были лишены как чека, так и трибуналы». «ЧК же можно рассматривать только как организацию, к которой приходится прибегать всем государствам, независимо от их революционности или реакционности, когда правительственной власти угрожает гражданская или внешняя война. Единственная разница заключается в том, что реакция, такая как царизм, все больше и больше опирается на свою «охранку» и на своих казаков, в то время как революция (это показал опыт России) может демобилизовать подобные силы в тот момент, когда исчезает острая необходимость в них». Совершенно свободно обходя как уголовные, так и политические тюрьмы, беседуя с глазу на глаз с арестованными, вместо рассказа об ужасах и истязаниях, так подробно комментировавшихся в иностранной прессе, делегация делает следующее заявление: «Мы были очень рады увидеть, что заключенные в тех тюрьмах, которые когда-то были худшими тюрьмами во всей Европе, пользуются теперь необходимыми удобствами, с ними обращаются в высшей степени человечно, и они получают полную возможность по-иному начать свою жизнь». «Вся система тюремного режима и обращения с арестантами основана на новейших теориях криминалистической психологии. Введение человеческих условий существования в тюремную жизнь—одно из замечательнейших достижений. Преступник содержится в тюрьме не с целью наказания, но с целью воспитания из него полезного гражданина и работника». «Атмосфера теперешней русской тюрьмы напоминает скорее мастерскую с свободными рабочими, чем тюрьму». О политических заключенных делегация сообщает следующее: «Мы получили возможность свободно говорить с самыми опасными врагами теперешней власти; с лидерами социалистов - революционеров, осужденными на расстрел два года тому назад, с тех пор сидящими в Бутырках. Разговор с арестованными происходил в коридоре, в который выходят их камеры, в отсутствии каких бы то ни было представителей власти. Из этого разговора выяснилось, что арестованные не согласятся на освобождение, если им не будет обещана полная свобода действий. Технические условия их заключения не уступают условиям первоклассных английских тюрем». «При всех этих обстоятельствах делегация не сочла себя в праве брать столь серьезную ответственность, как хлопоты по освобождению столь непримиримых».

Пролетарский суд тоже вызывает их удивление: суд, отступающий от формальной буквы закона, чтобы принять во внимание ряд обстоятельств, «которые даже не вошли бы в рассмотрение других судов» (в Европе) и в результате «безусловная охрана личности и имущества при минимуме индивидуального страдания». Что касается беспристрастности суда, то существует общее положение, по которому чаша весов должна склоняться на сторону рабочих против имущих. Это об'ясняется обратным положением вещей во всем остальном мире.

Выводы.

Заканчивая главу о Советской власти, как таковой, делегация резюмирует свои впечатления следующим образом: «Советскую систему представительства и ее схему конституционного и частного права нельзя назвать недемократической (в широком смысле этого слова). Она во многих отношениях дает отдельным лицам гораздо более действительную и полную возможность участвовать в общественных делах, чем дают парламентские правительства. Но в некоторых отношениях это участие строго ограничено. Это об'ясняется тем, что до сих пор вся система находилась под строгим контролем своих организаторов при согласии огромного большинства выборщиков. Это согласие избирателей об'ясняется отчасти той энергией и той удачей, с которой лидеры вели страну через кризисы, а отчасти личной честностью пионеров революции».

«Конституция (СССР) предоставляет такие же, вероятно, даже бо́льшие, чем где бы то ни было, возможности для народного правительства, политического мира и социального прогресса».

Не террор, не угнетение всех небольшой кучкой захватчиков, и не медленное умирание страны, как старательно изображает Европа Советский Союз, а бо́льшие, чем где бы то ни было, возможности для социального прогресса. Подобные заявления делаются делегацией много раз на протяжении отчета. Если весьма печальны для царизма все сравнения, проводимые делегацией между новой и старой Россией, то не менее выгодны и для Европы часто проводимые делегацией сравнения «культурной» Европы с «полуазиатским» Союзом. Для резюме этих сравнений мы приводим слова самой делегации:

«Если в новой советской системе не совсем определились ее законодательные и исполнительные функции, и в некотором отношении они еще даже недоразвились, то некоторые из ее опытов могут служить примером для все еще хаотического руководства и контроля национальной экономикой в западных государствах».

«Делегация по вопросу о законе и порядке (в СССР) пришла к тому заключению, что общественный порядок (в СССР) значительно выше, чем во многих странах континента».

«В отношении народного здравия, жилищ и тюремной системы делегация пришла к тому заключению, что Советское правительство достигает замечательных результатов. Несмотря на то, что в этих областях Россия до революции была, вероятно, самой отсталой из европейских стран, тем не менее, во многих отношениях она уже достигла европейского уровня; при теперешнем темпе прогресса она в недалеком будущем сможет служить примером».

Крестьянский вопрос.

Но, может быть, это относится только к городу, к рабочим, к промышленности? Делегация подробно останавливается и на крестьянском вопросе вообще, и на сельском хозяйстве, и на отношении крестьянства

к Советской власти. И в этом вопросе опять наталкивается на сравнение с тем, что было до революции. «До революции положение крестьянства было ужасно. Они владели только одной третью земли, в большинстве плохой, а помещики держали их в положении полукрепостных. Кроме того, из земли, принадлежащей крестьянам, большой и все увеличивающийся процент был в руках кулаков, которые неуклонно доводили середняков до состояния бедняков, а бедняков до состояния батраков. До большевистской революции ничто не было сделано для того, чтобы действительно отдать землю крестьянам». «Но уже в 1919 г. 96% земли находилось в руках крестьян, а 4% в коммунальном владении». И тут же маленькое, но, вероятно, не совсем приятное для кое-кого из наших соседей, сравнение: «В Бессарабии также крупные владения аристократии были отняты у нее во время революции. Но с тех пор страна была оккупирована Румынией и большое количество мелкого и среднего крестьянства вынуждено было, под давлением налогов, продать как прежнюю, так и вновь приобретенную землю кулакам». Какова же дальнейшая политика Советской власти по отношению к крестьянству? Делегация дает следующий ответ: «Первыми шагами правительства (при переходе к мирному строительству) было принятие энергичных мер, чтобы побороть катастрофические последствия войны и голода. Эти мероприятия были доведены до максимума в 1922 г. Все же еще много осталось сделать для того, чтобы восстановить разрушенные районы. Тем не менее, сделано уже так много, что правительственная деятельность в области сельского хозяйства ежегодно меняет свой характер, переходя от помощи и восстановления к перестройке сельского хозяйства путем электрификации и технического просвещения (крестьянства)».

«Русское правительство делает в этом отношении все, что может».

«Бюджет текущего года ассигнует на финансирование сельского хозяйства 62 миллиона золотых рублей... прибавьте к этому 48 милл., истраченных на помощь (неурожайным районам), и вы увидите, что бо́льшая часть сельско-хозяйственных налогов снова размещается в сельском хозяйстве».

Делегация подробно останавливается и на смычке: «правительство не только позволяет, но и помогает крестьянству продавать свои продукты по возможно лучшим ценам и пользуется своим экономическим руководством промышленностью для того, чтобы крестьянин в обмен за свои продукты получал справедливый эквивалент в промышленных изделиях».

Приведенными здесь цитатами из отчета делегации как будто исчерпывается вопрос об экономическом взаимоотношении города и деревни. Но делегация не удовлетворяется этим. Она разбирает и их политические взаимоотношения и приводит ряд примеров как из эпохи военного коммунизма—эпохи агитации и пропаганды среди крестьянства, так и из эпохи нэпа — эпохи вовлечения крестьянства в советское строительство и воспитания его путем широкого привлечения к работе в местных и центральных советах. И экономически и политически государство стоит на страже интересов крестьянства, всемерно ему помогая и всемерно его развивая. «70% украинских крестьян,—пишет делегация,—приняло участие в последних выборах и поддержало советскую систему, поддерживая ее и теперь уплатой налогов, собираемых без затруднений; и хотя крестьяне—упорные индивидуалисты, но быстрая уплата налогов, интерес, проявляемый ими к политическим выборам, и поддержка, оказываемая им советскому правительству, указывают на то, что они довольны теперешним режимом». И дальше: «Число выбранных (в деревнях) женщин повысилось с 7% в прошлом году до 16%, в некоторых же случаях

достигало 25%. Процент избираемых коммунистов увеличился с 10 до 15%, а красноармейцев—с 1 до 4%.

Около половины прежних делегатов были переизбраны. Увеличилось число избираемых бедняков, а число середняков упало с 33 до 20%. Среди крестьянства не было недовольства общей системой выборов, хотя отдельные подробности и подвергались критике. Ясно, что целью теперешней системы является научить крестьян самоуправлению».

Защита революции.

Советская власть не забывает и о защите рабоче-крестьянского государства. И в этой области ее достижения поражают делегацию. «Мы были свидетелями маневров первой дисциплинированной, вооруженной и обученной армии, созданной и предназначаемой для защиты учреждений рабочего класса. Хорошо снаряженные, хорошо обученные солдаты, находящиеся в распоряжении офицеров, назначенных рабочими организациями. Мы не совсем уверены в том, как отнеслись бы к этой демонстрации те, кто входит в так называемые пацифистские организации Великобритании, как бы то ни было, это (армия)—абсолютная необходимость в Российской Республике. Власти и те, кто в России ответственен за социальную и экономическую жизнь, принимают все меры к тому, чтобы защитить теперешний социальный порядок против всех опасностей, включая контр-революцию и нападение на советскую страну извне». «Помимо технического обучения офицеров, большое внимание уделяется общему и политическому образованию нижних чинов». В этом отношении употребляются все усилия для того, чтобы красноармеец ясно понял, что он защитник прав и революционных завоеваний своих братьев—рабочих и крепость нации от внешних атак. Дисциплина строга во время службы, но вне службы высший и низший свободно смешиваются, все—на равных началах. Нет и следа той социальной грани, которая разделяет офицера от солдата, грани так старательно культивируемой в других европейских армиях». «Образование Красной армии—самое могущественное средство борьбы с неграмотностью и некультурностью русской деревни». «К солдатам не применяется никаких ограничений в смысле участия в политической и социальной жизни». «Призыв к их пролетарской солидарности вместо патриотических чувств оказывается действительнее в смысле военного энтузиазма и боеспособности. Делегации ясно, что солдат—не только гражданин, но временем отбывания им воинской повинности пользуются, чтобы развить в нем чувство гражданина, и дисциплина от этого не страдает».

И все это проводится, несмотря на то, что «расходы на Красную армию равняются приблизительно одной пятой расходов на бывшую царскую армию».

Закавказские республики.

Особую часть своего отчета делегация посвящает Закавказской Федерации.

Прежде всего она опровергает столь распространенные за границей слухи о насильственном перевороте на Закавказье и, в частности, в Грузии, о меньшевистском рае, о последовавшем большевистском терроре, насилии, зверствах.

«Армянские большевики, которых было уже значительное количество, свергнули националистическое меньшевистское правительство. Таким образом Армения, как и Азербайджан, стали советской рес-

публикой». Что касается Грузии, то делегация приводит разговор члена делегации Бромлей с одним из меньшевистских лидеров, до конца сражавшегося за свое правительство.

Меньшевик: «Борьба была так коротка, что было невозможно во-время получить подкрепление из Москвы».

Бромлей: «В таком случае не верно мнение, распространенное в Англии о том, что в Грузии было прочное правительство, царил порядок и все было незыблемо, когда явилась Красная армия и низвергла прочное правительство?

Меньшевик: «Я был в то время членом ЦК профсоюзов, и мы боролись со всеми рабочими, которые хотели стать большевиками. Меньшевики разогнали четыре союза, потому что они не хотели бороться с большевистскими лидерами. Меньшевики избегали собраний своих собственных профсоюзов потому, что они боялись большевистского влияния и власти в этих союзах. После этого часть рабочих ушла за границу и образовала отряд для борьбы с правительством. 5-й полк и 7-я рота перешли к большевикам. Началось восстание. Было образовано Советское правительство. Все это было сделано самими грузинами, без единого русского».

О том же, какое правительство сумело больше вовлечь весь грузинский народ в управление страной, достаточно ясно свидетельствует следующее сообщение делегации: «При меньшевистском правительстве среднее участие в выборах равнялось приблизительно двум третям избирателей. Теперь оно достигает трех четвертей», «и если бы выборы были простой комедией, то трудно понять, почему в них принимают такое активное участие». Касаясь пресловутого большевистского террора в Грузии, делегация напоминает, что одним из первых актов большевистского правительства было опубликование декрета, об'являющего легальными все партии, которые откажутся от вооруженной борьбы. Этого предложения не приняли меньшевики, продолжая из Парижа настраивать своих сторонников в пользу конспиративных организаций. «Убийство меньшевиками 18 заложников вывело из себя большевиков». Это вызвало террор, скоро прекращенный. Все слухи о терроре и репрессиях, доходившие до делегации, ею тщательно проверялись. Но ни разу ей не удалось при расследованиях натолкнуться на этот террор. Делегация пришла к тому выводу, что «нет оснований предполагать, чтобы страдали невинные». Ряд богатых в прежнее время туземцев и русских в Азербайджане благополучно и мирно работает в качестве специалистов. Что касается тюремного режима в Грузии, то «достаточно сказать, что все сенсационные слухи абсолютно не верны». «Во время меньшевиков в Грузии, большевистские члены профсоюзов были лишены права пользоваться домами отдыха, санаториями и т. д. Дома отдыха теперь широко открыты для меньшевистских членов профсоюзов, и во многих случаях терпимость, проявляемая к членам профсоюзов, бывшим раньше меньшевиками, привела к тому, что многие из них примкнули к большевистской партии».

Что сделала Советская власть на Закавказье?

В Баку—«старые конки заменены электрическими трамваями, соединяющими все части города с нефтяными источниками». «Благодаря национализации все проекты электрификации нефтяных промыслов и концентрации производства, о которых говорили в течение 15 лет, осуществлены». «Результатом этого была огромная экономия топлива (около 15.000 тонн) и рабочей силы». «Построено свыше 120 верст жел. дороги, соединяющей промыслы со складами и мастерскими». В Тифлисе «совершено чудо. Построена огромная плотина—«современная цивилизация обращает бурные воды в источник полезной энергии». «Тифлис превратится

в современный город, осветит окружающие деревни, будет иметь даровую энергию для своего производства». Эти и многие другие достижения наводят делегацию на мысль о том, как много можно достигнуть благодаря национализации. Централизация и электрификация проводятся по схеме, выработанной еще до войны, но не осуществленной из-за невозможности согласовать противоречивые интересы частных предпринимателей».

«Советское правительство не эксплоатирует выгодное предприятие (добыча нефти) за счет рабочих или подрывая будущие возможности промыслов. Наоборот, оно приняло программу прогрессивного улучшения квартирных условий рабочих и промышленного развития, которая должна быть покрыта увеличивающимся доходом».

И опять делегация не может удержаться от постоянных сравнений с тем, что было раньше. При царе «в лачугах люди разных национальностей жили в таких условиях, которые в нашей стране заставили бы привлечь владельца скота к ответственности за жестокость содержания его в подобных условиях». «В виде контраста этим условиям мы осмотрели новые дома, построенные на доход от нефти советским правительством для рабочих». Помимо этого много денег тратится на образование. «При меньшевиках в школах было всего 156.600 детей, с помощью профсоюзов их число увеличено теперь до 230.000. Число учителей в 1920 г. достигло 5.680, теперь—около 9.000. Число технических сил увеличено с 5 до 17, научных—с 9 до 13. Число студентов возросло с 2.814 до 4.738. Число публичных библиотек—с 38 до 57». «При царском режиме промышленность Грузии не представляла крупной величины и политика правительства вела не к развитию, а к затемнению народа—отсталым народом легче управлять политически. При меньшевиках с 1918 до 1921 г.г. та промышленность, которая существовала раньше, была сведена на-нет, но она значительно улучшилась за последние три года при советской власти». «Несмотря на последствия войны и постоянные смены правительств, продукция национализированной промышленности увеличилась на 35% по сравнению с 1922 г. «Жалованье рабочих на нефтяных промыслах увеличено на $54^1/_2$%. Увеличено жалованье и всех остальных рабочих и служащих».

Неудивительно, что рабочие Закавказья активно поддерживают Советскую власть. «Положение в Грузии в общем таково же, как в Азербайджане и Армении — большинство промышленных рабочих готовы отдать свою жизнь за теперешнее правительство, а немногочисленное меньшинство, остающееся в оппозиции, отнюдь не намерено отдать свою жизнь за то, чтобы его опрокинуть». «Нацменьшинства, угнетаемые при меньшевистских правительствах и пользующиеся теперь равными со всем населением правами, активно поддерживают Советскую власть». «Меньшевистский Комитет Грузии, ликвидирующий теперь партию, посылает специальную комиссию за границу к Жордания просить его отказаться от агитации против сотрудничества с Советской властью». Дальше делегация приводит выдержку из разговора Перселя с одним из меньшевиков.

Персель: «Когда Жордания был в последний раз избран представителем Грузии во Втором Интернационале? Когда Грузия последний раз платила членский взнос II Интернационалу? Кто уполномочил II Интернационал поднять вопрос о Грузии в Лиге Наций?»

Меньшевик: «Жордания никогда не был избран представителем меньшевистской партии во II Интернационал. В 1918 г. центральный комитет избрал четырех представителей—Церетели, Ахмедишвили, Чхенкели и Чхеидзе. После этого не было никаких выборов. Последний раз членские взносы были уплачены в 1920 г. Пока я был членом централь-

ного комитета, ничего не предпринималось, чтобы поднять вопрос о Грузии в Лиге Наций. Нелегальный центральный комитет просил Жордания поднять вопрос о Лиге Наций, но ни один человек здесь и ни один из членов президиума в Грузии никогда не разрешал подобного выступления. Вопрос даже никогда не обсуждался действительным центральным комитетом партии».

В связи со всем виденным делегация не может не выразить самого резкого возмущения теми многочисленными интервенциями, которые долго не давали возможности Советской власти приступить к мирному строительству. По поводу французского и английского хозяйничанья на Черном море она заявляет: «Больше половины судов было уничтожено, и Черное море было совершенно очищено от всяких торговых судов—вот образчик беспримерного в мировой истории разбоя». Если Грузия и встретила более или менее сочувственно турецко-германскую и франко-английскую оккупацию, то это об'яснялось только общей ненавистью к русским—в результате царской политики. Но политика англичан привела к не меньшей ненависти к ним, и не без горечи делегация заявляет: «В разговоре с меньшевиками пришлось услышать много тяжелых истин о роли всех британских партий по отношению к Грузии, доведших до катастрофы этого года» (восстание в Грузии). Об этом последнем восстании делегация говорит: «Оно было поддержано иностранными политическими партиями, враждебными новой России и связанными с русскими эмигрантами, а также финансовыми и торговыми организациями, заинтересованными в нефтяных богатствах этого района. Остается только удивляться тому, что при такой комбинации материальных сил в Советской Грузии дело не приняло более серьезного оборота».

Что касается пресловутого признания союзниками независимости Грузии, делегация сообщает: «Освободившись в конце 1919 г. от Деникина, Москва обратила внимание на Кавказ. Она прежде всего помирила Азербайджан с Арменией. Эти обе страны, а также Грузия получили тогда полную автономию, как самостоятельные государства. Это лишило англичан возможности играть на их национальных чувствах. Ведь союзники не дали Кавказу полного признания его независимости, так как они давали свои деньги на Деникина и на восстановление империи. Признание западных держав, данное в январе 1920 г., таким образом, отпадает». «Присоединение Закавказской Федерации к СССР лежит в интересах рабочих и крестьян Кавказа и всего мира. Их интересы требуют и того, чтобы Кавказ не стал опять ареной военных оккупаций и войн».

Выгодность экономического сотрудничества.

Делегация не может не видеть необходимости тесного сотрудничества с СССР. Колоссальные, еще очень мало разработанные, природные богатства заставляют ее десятки раз на протяжении отчета возвращаться к вопросу о том, как бесконечно много можно было бы сделать при условии получения иностранных кредитов. Несмотря на богатство почвы, во много раз превосходящее Европу, урожай равняется $1/3$ и даже меньше (с десятины) европейского. Уже увеличение его на $1/10$ дало бы дополнительных 500 миллионов руб. Интенсификация сельского хозяйства тормозится отсутствием средств. Часто достаточно было бы одного-двух тракторов, чтобы произвести экономическую революцию в деревне. Недостаток средств тормозит развитие железнодорожного и водного транспорта и наносит большой ущерб иностранной торговле. Благодаря иностранным кредитам легко было бы увеличить добычу соли на 75%. Увеличение продукции нефтяных промыслов также тормозится из-за отсутствия средств. На многих фабриках применяется ручной труд, там, где он мог бы быть заменен машинным. В табачном производстве лучшими машинами считаются английские. Они получили бы широкое распространение, если бы создались нормальные условия торговли с Англией. Это дало бы работу многим безработным английским инженерам. И беспрестанно мелькает одно и то же опасение: Англия опоздает, СССР перебросит свои коммерческие операции в другие страны, торговля с которыми сопряжена с меньшими формальными неудобствами. Особенно пугает ее заключаемый нами с Германией торговый договор. «Торговля, могущая иметь огромное значение для Великобритании, целиком зависит от ее политического отношения» (к СССР). «Она была бы наиболее выгодным помещением капитала для стран с избытком капиталов, но с недостатком жизненных припасов». «Капитал, помещенный в России, дал бы большую прибыль и дал бы западным странам достаточное количество жизненных припасов и топлива».

Вот то, что говорит делегация о Советской России, поскольку она только беспристрастно описывает то, что она видела.

Значительно хуже обстоит дело там, где она пытается об'яснить самую сущность Совласти, там, где она пытается понять и об'яснить идеологию и психологию созидателей новой жизни. Экономика толкает вождей английского профессионального движения к СССР и она заставляет их быть беспристрастными, но психология по существу мелких мещан-эволюционистов мешает ей действительно понять происходящее. В начале своего отчета делегация обещает посвятить его результатам, достигнутым русской революцией, а не философии русского коммунизма. И остается только пожалеть, что она не полностью исполняет свое обещание. Вдаваясь все же местами в эту самую философию, представители английских трэд-юнионов безнадежно путаются в понятиях «демократии», «личной свободы», «власти большинства или меньшинства», опровергая на одной странице своего отчета то, что они утверждают на другой. (Например, делегация утверждает, с одной стороны, что наша политическая система основана на захвате власти меньшинством, вывод, к которому она приходит, повидимому, на основании того, что у нас нет знаменитой «демократии», с другой же стороны, при изложении тех конкретных фактов, с которыми она сталкивалась в СССР, делегация утверждает, что у нас власть большинства и для большинства.) Еще безнадежнее дело обстоит там, где она старается об'яснить, что такое РКП. Если партия свободно допускает критику, то они не могут не приписать ей тех тенденций, которые были бы понятны, близки им самим: «вероятнее всего, что русский коммунизм пойдет на компромисс с установленными политическими системами, развивая двухпартийную систему и конституционную оппозицию». Для «русского коммунизма» они не видят других путей, кроме тех, которыми десятилетиями шли сами. Не приходится удивляться в дальнейшем и вероятному в будущем слиянию русского коммунизма с религией и прочим чудесам, предсказываемым делегацией. Пока же русский коммунизм не оправдывает еще блестящих предсказаний, делегация утешается тем, что «русская революция не имеет ничего общего с английской эволюцией» и «что социальная система теперешней России не может быть полностью применена в Англии. Русские люди больше приспособлены для массовой организации, они меньшие индивидуалисты, чем англичане».

Но, несмотря на все свои отрицательные стороны, отчет может сыграть и, очевидно, сыграет большую роль в развивающейся борьбе за единство мирового профессионального движения, за экономическое сближение Европы с СССР. Это—первое, вполне беспристрастное изложение того, что происходит в СССР. Для рабочих всех стран он явится ценнейшим документом.

М. Танин.

„Пан-Европа".

(Патентованное средство для склейки Европы).

Заатлантический гигант, быстро, как-то неожиданно окрепший и возмужавший, Новый Свет все настойчивее и грузнее наседает на одряхлевший Старый Свет, на расшатанную издерганную Европу.

20 миллиардов долларов займов и инвестиций, 60% мирового запаса золота, 55% мирового производства чугуна и стали, 41% мировой добычи угля, 71% добычи мировой нефти—вот те гири, которые американский империализм может бросить на чашу весов в его борьбе с Европой.

Германию опутал сетью Дауэс; за 110 миллионов долларов (участие Штатов в займе в 200 милл. долл. согласно плану Дауэса) американский капитал купил себе право контролировать германский бюджет, государственный банк, устойчивость валюты, железные дороги, налоговую систему,—словом, по своему усмотрению, распоряжаться в самых решающих областях политико-экономической жизни. За 100 миллионов моргановского займа американский империализм купил себе возможность оказывать давление на внутреннюю и внешнюю политику Франции; за уступки в урегулировании вопроса о военном займе (около 4 миллиардов долларов) он, по всей вероятности, и здесь добьется почти такого же контроля, как в Германии; это уже предусмотрено проектом Герли, этим «планом Дауэса» для Франции; за входную плату в 50 миллионов долларов американский империализм получает возможность вторгнуться в Италию; за меньшие суммы он занимает командные политические высоты в Польше, Венгрии и в некоторых окраинных странах. В менее грубых и менее явных формах он оказывает давление на Англию; здесь нажим называется американской «дружбой». Но эта «дружба» дорого, очень дорого обходится английскому империализму. Ради нее Англия первая из союзников приступила к уплате своего военного долга Штатам, закабалив себя взносами в 150—180 миллионов долларов на целых 65 лет; ради нее она на Вашингтонской конференции отказалась—вынуждена была отказаться—от первенства на море, порвала старый союз с Японией, сдала ряд важнейших дипломатических позиций на Дальнем и Ближнем Востоке, в Германии и др. европейских странах.

Капиталистическая Европа больно ощущает «филантропический» нажим Америки; заискивающе улыбаясь американскому империализму, она с сильной внутренней тревогой следит за его экспансией на европейском и азиатском континенте, на южноамериканском, где он распространяет свою власть под маской доктрины Монро и пан-американизма. И неудивительно, что европейская буржуазная мысль начинает выдвигать планы спасения Европы. Таким планом является «П а н - Е в р о п а».

Его пророком является известный австрийский «сиятельный» пацифист граф Р. Н. Куденгове-Калерги. Он создал в Вене т. н. пан-европейский союз, издающий свой периодический орган и литературу; он выступает со своим планом на разных пацифистских с'ездах; привлекает на свою сторону соответственно настроенных буржуазных политиков (Эррио, Пенлеве, Маркс, Массарик, Зейпель) и социал-демократов (Отто Бауэр, Поллебе и др.). Союз готовится в скором времени созвать широкий пан-европейский конгресс. С этим пан-европейским планом, который в нашей печати, кажется, не освещался, стоит подробнее ознакомиться: он без сомнения весьма симптоматичен для кризиса европейского капитализма и европейской буржуазной и мелко-буржуазной мысли: он также может и должен служить одним из исходных пунктов для коммунистической пропаганды в западных странах.

Обратимся к недавно вышедшей книге: R. N. Coudenhove-Kalergi «Pan-Furopa» (Wien, Pan-Furopa Verlag, 1924 г).

Раньше всего автор рисует картину р а с п а д а Е в р о п ы и нужно ему отдать справедливость—в смелых и в общем довольно верных штрихах:

«Европейская мировая гегемония навсегда обанкротилась. Когда-то Европы боялись; теперь ее жалеют... Вся в долгах, раздробленная, беспокойная, расслабленная, раздираемая национальной и социальной борьбой; тяжко пострадавшая в экономическом отношении и в смысле живой силы: в таком состоянии она идет от безутешного настоящего к неизвестному будущему.

«Как политическая категория Европа не существует. Та часть света, которая носит это название, представляет собой хаос народов и государств, пороховой погреб международных конфликтов, реторту будущих войн»...

И указывая на усовершенствования орудий истребления, в частности на удушливые газы, автор говорит:

«В будущей войне не будет разницы между фронтом и тылом. Всякий город в пределах достижения будет разрушен; всякий враг в пределах достижения будет убит... Т а к а я и с т р е б и т е л ь с к а я в о й н а б у д е т о з н а ч а т ь г и б е л ь Е в р о п ы».

На-ряду с этим надвигается у г р о з а с о с т о р о н ы А м е р и к и.

«Благосостояние Америки возрастает в то время, как благосостояние Европы падает... На мировых рынках европейская индустрия не будет в состоянии выдержать конкуренцию со стороны Америки, так как она (европейская индустрия) все более дорожает вследствие внутренних пошлин, насильно и бессмысленно отрывающих сырье от фабрик, руду от угольных шахт и аграрные районы от индустриальных».

И, указывая на т. н. «п а н - а м е р и к а н и з м», Куденгове-Калерги с тревогой говорит о том, что «в то время, как Европа остается раздробленной, на том берегу Атлантического океана организуется целая часть света».

Но автор видит другую опасность, в его глазах еще более грозную—о п а с н о с т ь с о с т о р о н ы М о с к в ы. И, об'ятый страхом перед большевистским Востоком, он роняет свои пацифистские одежды и предстает перед нами во всей своей наготе как мелкий буржуйчик, обыватель, который истерически вопиет о том, что большевиков нужно поставить вне закона.

Автор не верит в то, что барьер окраинных государств, Польши и Румынии может служить защитным валом против «российского нашествия по путям Аттилы и Чингис-хана».

«Начинаются гонки между Россией и Европой. Кто из них раньше оправится от разрухи, пока Европа еще имеет преимущество: ее производственный аппарат и железнодорожная сеть остались почти не поврежденными. Но за то Россия имеет преимущество политической и экономической целости, в то время как Европа разбита на две дюжины экономических районов. Удастся России путем нескольких хороших урожаев восстановить свое хозяйство, прежде чем Европа сплотится,—и судьба Европы предопределена».

Итак, Европа меж двух огней. С одной стороны, американская опасность, а с другой—русская. Что же ей остается делать?

И тут мы уже подходим к самому «пан-европейскому плану»:

«Европа должна—через столетие после Америки—провозгласить свою доктрину Монро: «Европа—для европейцев». Пройдя через стадии пан-европейского арбитражно-гарантийного договора и таможенного союза—пан-европейское движение выльется в форму Соединенных Штатов Европы, по образцу Соединенных Штатов Америки».

В эти Соединенные Штаты графа Куденгове-Калерги будут допущены все европейские государства за исключением большевистского СССР. Не будет там представлена и Англия, так как, занимая среднее положение между Европой и Америкой, обладая колониями вне Европы, она сама вряд ли захочет пойти туда.

Таков этот новый продукт пацифистской мысли, ее новая хартия, которая была провозглашена автором «Пан-Европы» на международном пацифистском конгрессе в Берлине. Этот описываемый Калерги кровавый хаос в Европе и надвигающийся на Европу новый еще более страшный кровавый ураган не могут не видеть и те буржуазные политики, которые еще сохранили остатки чувства зрения, как, напр., б. премьеры Ллойд-Джордж и Нитти.

«Статистический обзор нынешних европейских армий,—пишет Ллойд-Джордж [1]),—вызывает тревогу. Европа не учла урока войны. Она скорее сделала ложные выводы из этого несчастья... Европа теперь держит под ружьем больше людей, чем до войны... Народы копят взрывчатые вещества, усовершенствуют, увеличивают их силу; они также насыщают почву теми воспламеняющими страстями, которые и дадут взрыв. Несправедливость, обиды, заносчивость—все это растворенное духом мести носится над землей... Старый континент (Европа) бросает псам войны хлеб, которым он должен кормить своих детей. И наступит день, когда псы, взбесившись, бросятся на детей и разорвут их на куски».

Нитти идет дальше Ллойд-Джорджа в критике нынешнего положения вещей в Европе.

Автор Версальского мира и связанных с ним договоров называет свою книгу: F. Nitti—Das Friedlose Europa, Frankfurt a/M [2]).

«Распад Европы угрожает всем... Опять во всех речах звучит ненависть... Для некоторых стран, для некоторых общественных классов война еще является коммерческим делом... Нынешние договоры угрожают гибелью победителям и побежденным. Не мир они дали Европе, а состояние войны и насилия!.. И завтра они станут страшным обвинительным актом, который сегодняшними побежденными будет пред'явлен сегодняшним победителям».

Но какие же выводы он отсюда делает насчет роли Америки. Он как будто не видит действительных замыслов американского империализма в отношении Европы.

«Раньше всего,—говорит он,—я верю во влияние американской демократии. Америка весьма заинтересована в том, чтобы видеть пред собой богатую счастливую культурную Европу, которая, как и до 1914 г., управляет судьбами мира».

А в новой готовящейся к печати книге «La pace» («Мир»), отрывок из которой дан в «Neue Freie Presse» 24 мая с. г., он пишет:

«Америка, между тем, избрала наиболее логичную политику: она удалилась от Европы... Она пришла, чтобы побороть империализм, который угрожал всем. Но после войны сами победители стали на сторону национализма и империализма. Так зачем же Америке заниматься такой Европой? Она была бы заинтересована в этом, если бы Европа проводила политику мира и опять привела в порядок свою торговлю и обмен. Руководимая мудростью Америка, послужившая решающим фактором победы, не захотела для себя ни территориальных, ни финансовых компенсаций. Она хотела только одного—получить обратно деньги, одолженные ею союзникам».

Едва ли, конечно, можно предположить, что Нитти настолько наивен, что не понимает действительной роли Соединенных Штатов в Европе! Ведь эта роль была достаточно рельефно обрисована французской и итальянской националистической печатью, когда Америка стала нажимать в вопросе о долгах. Скорее всего, заискивая и лицемеря перед Америкой, он делает хорошую мину при плохой игре. Наконец, им так же, как и Ллойд-Джорджем, руководит желание заручиться помощью Америки против Франции. Но какова бы ни была тактика итальянского пацифиста по отношению к Америке, он так же, как и К.-Калерги, видит, что буржуазная Европа катится в пропасть. Его также пугает «большевистская опасность».

«Большевистская Россия,—говорит он испуганно,—все-таки была признана всеми или почти всеми странами, несмотря на то, что ее раньше так ругали и проклинали. Стоило ей только отказать в уступках,—и она, наконец, победила. И теперь Россия угрожающе продвигается в Азию и Монголию; продвигается также неожиданно в Китай... Оттолкнутая Европой она находит вновь более широкие пути... политика соглашения с Японией, выгодная для обеих стран, уже обрисовывается на горизонте». И насмерть запуганный зияющей пропастью распада Европы, с одной стороны, и грозно надвигающейся большевистской лавиной, с другой стороны—европейский обыватель Нитти вместе с Калерги задали роковой вопрос:

— Что будет завтра?

Такие же нотки мы слышим и в выступлении представителя страны, познавшей все прелести «оздоровления» путем впрыскивания американского капитала Австрии. На недавно состоявшемся с'езде католических студентов в Кельне, б. австрийский премьер Зейпель, указывая на процесс распада Европы, заявил:

[1]) David Lloid-George, Is it peac? Hodder and Stoughton, London.
[2]) Цитируем по авторизованному немецкому переводу.

задает секретарь государственного департамента Штатов (мининдел). Второй—питающийся идеями известного освободителя Южной Америки от испанского ига Голивара и ныне играющий жалкую роль—пытается осуществить неосуществимое—мирное сожительство волка—жадного империализма Штатов, с овечками малыми республиками Латинской Америки в особой пан-американской Лиге Наций, в которой Штаты не пользовались бы большими правами, чем, скажем, Урагвай или Парагвай. И когда Куденгове говорит о Вашингтонском пан-американском союзе и о пан-американских конференциях, как об образце международного сотрудничества, то не знаешь, чему это приписать—полнейшему невежеству или все тому же подобострастному заискивающему лицемерию по отношению к «богатому дядюшке», которое теперь так свойственно буржуазным и соглашательским политикам.

Чтобы не быть голословны, мы приведем пару выдержек из двух американских (северо-американских) авторов. В весьма содержательном и интересном обзоре в солидном американском журнала «Atlantik Monthly» (июль 1924 г.), С. Г. Инман, публицист, на месте изучивший положение в Латинской Америке, пишет о пан-американской конференции в Сант-Яго (Чили) в 1923 г., о последней из тех конференций, которые вызывают восторг наших пацифистов.

«В Сант-Яго Соед. Штаты заявили Латинской Америке, что мы (т.-е. Штаты) заинтересованы в торговых соглашениях, но мы не хотим иметь ничего общего с Американской Лигой Наций... что мы против реорганизации Пан-Американского Союза, добивающийся того, чтобы господство Соед. Штатов не выступало в нем так заметно».

Что же касается до терминологии Куденгове-Калерги—«мирной интервенции» Соед. Штатов в Центральной Америке, то об этом Инман говорит:

«В этих малых странах Юга, контролируемых нашими солдатами, банкирами и нефтяными королями, мы создаем свои Ирландии, Египты, Индии... Мы нагромождаем подозрения, ненависть, эксплоатацию и нарушение суверенности Ю. Америки».

А вот еще один документ: книга «The Monro-Doctrine—an obsolete Shiboleth». It. Bingham. London.

Отмечая тот факт, что в Вашингтоне отказали в мелкой ассигновке на пан-американский научный конгресс, автор, несколько раз путешествовавший по Латинской Америке, пишет, что этот факт служит лишним доказательством, что «наша (т.-е. Вашингтонская) политика—чисто-эгоистическая, осуществляемая только в наших интересах и не интересующаяся поощрением международного мира. Автор далее приводит мнение дипломата в Перу, который говорит: «чтобы спасти себя от империализма янки, латинско-американские демократии почти согласились бы на союз с Германией, или на помощь оружием со стороны Штатов».

И действительно Мексика, например, ищет поддержки у Японии против Соединенных Штатов; она оказывает широкое гостеприимство столь нетерпимым в Штатах японским эмигрантам и даже, по уверению А. Штейцмана, в Archiv für Politik und Geogeschichte, апрель с. г., имеет тайный договор с Японией, разрешающий последней высадку войск в Мексике в случае японско-американской войны.

Так обстоит дело с пан-Америкой, с пан-американским «самосознанием».

Едва ли более радужные перспективы и второй группы этих прожектируемых Соединенных Штатов Мира с об'единенной, умиротворенной пан-Европой. Вся Европа, по справедливому утверждению самого Куденгове-Калерги, представляет собой «пороховой погреб». Как же может вдруг случиться, что он превратится в рай земной? Неужели одни пацифистские проповеди вызовут такую метаморфозу?

А как представляет себе наш миротворец британскую группу? Кто, например, будет говорить в «мировом ареопаге» от имени 300-миллионного народа. На сей счет, на счет колоний мы у Куденгове-Калерги находим довольно-таки любопытные вещи. Оказывается, наш пацифист озабочен тем, чтобы за пан-Европой остались все африканские колонии и даже предлагает какой-то товарообмен, обмен колониальных народов с Англией? Это недурно для установления мира и справедливости на земле! Стоит ли в самом деле просвещенным пан-европейцам считаться с какими-то риффами, неграми, индусами и прочей цветной расовой мелюзгой!? Тут линия Куденгове вполне совпадает с линией его поклонников из рядов германской социал-демократии, которая, как известно, тоже усиленно хлопочет о том, чтобы мировые империалисты сжалились и уступили Германии захваченные у нее во время войны колонии: разве Германия менее цивилизована, разве она не обсуждает вопроса о вступлении в Лигу Наций, которая в числе прочих целей ставит себе цель «опеки» (так и сказано в уставе)—низших рас? И чем, наконец, германская секция II Интернационала хуже французской, спокойно содействующей эксплоатации «своих» марокканцев и их укрощению генералом Лиотэ?

Не стоит больше задерживаться на деталях планов рыцарей пан-Европы. Но сами эти планы все же заслуживают серьезного внимания, как барометр настроений известных слоев буржуазии, мелко-буржуазной интеллигенции и социал-соглашателей, которые видят пред собой безнадежный тупик настоящего, надвигающуюся ужаснейшую небывалую бойню в близком будущем, ищут выхода из положения в искусственных высасываемых из пальца пацифистских схемах. Их пугает хищный американский империализм, просовывающий свои цепкие щупальцы в Европу. Бороться с ним они боятся, не хотят, не умеют и не могут. И они с тревогой в душе, с живыми похвалами на устах кривляются и лицемерят перед ним, строят свои карточные домики—пан-Европа и проч. в смешной надежде, что они будут служить им крепостями против опасного врага с Дальнего Запада. Но не меньше их пугает Восток,—СССР, поднимающаяся Азия. И они загораживают свой карточный домик еще одной картой—это защита против вторжения «большевистских орд» в их пан-европейский уголок. Вот каковы те новые настроения в определенных кругах Европы, вызванные дегенерацией Европы, усилением Америки, с одной стороны, и СССР, с другой. Эти настроения, как мы видим, захватывают не только пацифистских политиков; через агентов буржуазии в рабочем классе, через социал-демократов они проникают и в рабочие ряды, где так сильна тоска по миру, по прекращению вечной грызни и вечных войн.

Нельзя проходить мимо этих новых настроений. Нужно сделать все эти жалкие пан-европейские планы исходным пунктом для борьбы за действительные Соединенные Штаты Европы. Книги, подобные «Пан-Европе» Калерги, «Европа без мира» Нитти, «Мир ли это?» Ллойд-Джорджа, не должны быть оставлены без внимания компартиями соответствующих стран. «Идеи» этих книг подкупают отсталые широкие слои пролетариата, интеллигенции и мелкой буржуазии, критикой послеверсальской Европы завоевывают их доверие для всяких лицемерных и иллюзорных миротворческих планов об'единения Европы и установления общеевропейского мира и братства при господстве капитализма». Нужно только уметь увязывать антимилитаристкую и вообще коммунистическую пропаганду с этими настроениями и выступлениями буржуазных пацифистов и их друзей из лагеря социал-демократии.

Капиталистическая Европа действительно распадается внутренними противоречиями. Европа действительно идет к новой войне, бесконечно более кровавой и разрушительной, чем война 1914—1918 г.г.

Европейские народы должны об'единиться; они должны создать Соединенные Штаты Европы. Но при капиталистическом строе — как бы ни изощрялся в пацифистских софизмах Ледебур — не только не возможна никакая «Пан-Европа», но не возможна хоть и самое скромное координирование экономической деятельности в интересах народов. Этому с неотразимой убедительностью учит тот европейский «порядок», который наводит отчаяние и уныние на самих буржуазных политиков. Соединенными и об'единенными в общеевропейском масштабе могут быть только советские социалистические штаты республики. Но такой союз европейских советских республик не может возникнуть в результате стихийной общеевропейской революции. Откладывать спасение Европы до такого момента, значит самому поддаться вредным иллюзиям. Экономическое и политическое развитие каждой страны протекает в своеобразных специфических условиях. Каждая страна имеет свои сроки для революции. И, раз упущенные, их трудно вернуть назад,—приходится в муках борьбы ждать их повторения. А потому Соединенные Штаты Европы могут возникнуть только в результате постепенного нарастания числа новых советских республик по мере созревания условий и их успешного использования революционным пролетариатом то в одной стране, то в другой. Но успешно использовать эти условия можно лишь в результате длительной и каждодневной революционной борьбы широких масс пролетариата, руководимых стальной революционной организацией, борющейся не на живот, а на смерть с целью насильственного разрушения капитализма и постепенного создания социалистического общества. Такая организация есть к о м м у н и с т и ч е с к а я п а р т и я. Только коммунистическая партия каждой страны в отдельности, приспособляя свою тактику к окружающим экономическим внутренне и внешне политическим условиям ведет борьбу за подготовку будущих Соединенных Штатов Европы, этим путем она подготовляет свержение собственной своей буржуазии. **В международном масштабе эту борьбу координирует, сплачивает и организует союз коммунистических партий—Коммунистический Интернационал.**

В этой формулировке, конечно, нет ничего нового. Но ее исходный пункт должен быть взят в указанных новых «пан-европейских» настроениях. Здесь в этой точке нужно увязывать пропаганду, и тогда она будет иметь успех у широких масс отсталых рабочих и крестьян, не желающих войны мелкой буржуазии, мелко-буржуазной интеллигенции.

Х а о с «с т а б и л и з о в а н н о й Е в р о п ы», я в с т в е н н а я у г р о з а в о й н ы, у г р о з ы з а к а б а л е н и я с о с т о р о н ы а м е р и к а н с к о г о к а п и т а л а, с о д н о й с т о р о н ы, к о л о с с а л ь н а я р о л ь СССР в б о р ь б е п р о т и в э т о й у г р о з ы — в с е э т и к а р д и н а л ь н ы е ф а к т о р ы н а ф о н е б е с п о м о щ н о г о б а р а х т а н и я р а з н ы х с п а с и т е л ь н ы х с х е м — в о т с и т у а ц и я, к о т о р а я м о ж е т и д о л ж н а б ы т ь с у с п е х о м и с п о л ь з о в а н а д л я п р о п а г а н д ы к о м м у н и з м а.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

П. Лапинский.

О двух Аяксах и о „революционном консерватизме".

(Ответ моим критикам).

С критикой моей небольшой брошюры «Новая фаза империализма и ее экономические источники» мне положительно повезло. Правда, брошюра дала повод к бесчисленным, подчас самым неожиданным и даже забавным недоразумениям, зато эти-то недоразумения не лишены некоторого более общего поучительного характера. В них, как в кривом зеркале, отражается рутина, косность, банальная неподвижность революционной мысли, повидимому, ставшая достоянием отдельных товарищей и могущая представить настоящую опасность для развития революционной идеологии.

Поэтому над этими своеобразными недоразумениями, быть может, стоит остановиться.

Сразу же должен оговориться, что по тону и содержанию в стороне стоит от других критических статей появившаяся в «Правде» за подписью М. Т. краткая критическая заметка. Но эта составленная в весьма осторожных тонах заметка ограничивается, главным образом, правильным по существу изложением мысли моей брошюры. Правда, уж и это одно отличает ее выгодно от критических упражнений других авторов: ведь другие-то «критики» изобразили совершенно фантастически содержание моей брошюры и притом до того, что если бы их изображение было верно, то автор брошюры был бы не только плохим марксистом и коммунистом—это бы еще ничего!—но, хуже того, просто недоразвитым суб'ектом...

Тов. М. Т. только вскользь намечает пару критических указаний, да и эти указания формулирует скорее в вопросительной форме. Автору заметки думается, что в одной своей части данная в брошюре «постановка вопроса не вполне совпадает с постановкой его на пленуме Коминтерна. Некоторые экономические положения т. Лапинского несколько расходятся с положениями т. Варги в его периодических обзорах».

Что касается последнего указания, то, не говоря о том, что т. Варга вряд ли и сам считает, что степень уклонения от экономической истины с совершенной точностью совпадает со степенью расхождения со всяким положением его периодических отчетов—такая канонизация этих, впрочем, весьма ценных отчетов меньше всего, мы не сомневаемся, отвечала бы вкусам т. Варги,—но, не говоря уже и об этом, отметим, что, наоборот, в своем последнем периодическом отчете т. Варга весьма близко подходит к развитой мною точке зрения. В самом начале своего отчета т. Варга констатирует, что основная мысль моей брошюры

(относительное преодоление расстройства механизма обмена и обращения при все яснее и острее выступающем кризисе производства и сбыта) «по сути верна».

Но в чем же,—по мнению автора заметки,—выражается неполное совпадение «одной части» данной мною постановки вопроса с постановкой его на недавнем пленуме Коминтерна? Автор заметки формулирует конечные выводы брошюры в следующих словах: «Он (автор брошюры) видит возможность революционных взрывов не вследствие загнивания капитализма на корню, а вследствие его перерастания в новую, так сказать, гиперимпериалистическую фазу, которая в условиях непрекращающейся активности пролетариата, роста пролетарского государства и самосознания восточных народов, неизбежно должна привести к столкновению двух миров». Согласно т. М. Т., можно было бы, стало быть, предполагать существование двух принципиально отличных прогнозов революции: из них один опирался бы на предположение (на гипотезу) «загнивания капитализма на корню», а другой—на, повидимому, противоположное предположение перерастания капитализма в новую фазу («так сказать, гиперимпериалистическую»).

Нам думается, что автор заметки тут специфически заострил и поэтому не вполне верно передал нашу мысль. В нашей брошюре не было и не могло быть столь резко выраженного противопоставления обеих «возможностей». Но нам кажется, что и по самому смыслу столь резкое разграничение и противопоставление революционных прогнозов, опирающихся в одном случае на факт загнивания капитализма на корню, а в другом—на факт дальнейшего развития капитализма в какую-то новую фазу (если только слово «фаза» не понимать педантически)—неверно, с марксистской и ленинской точки зрения.

Ибо что же в точности понимать под несколько литературным термином «загнивания капитализма на корню»? Доныне мы, как будто, привыкли относить этот термин, главным образом, к наблюдаемой после войны картине внешнего распада капиталистического хозяйства, расстройства простейших функций его механизма, механизма, прежде всего, денежно-кредитной системы. Катастрофа валют, трагический фарс беспримерного обесценения бумажных денег, полная атрофия кредита, к тому вдобавок такие явления войны во время мира, как оккупация Рура, явления сверх'естественной политической неурядицы: вот что бросалось прежде всего в глаза, свидетельствуя о чрезвычайной болезни капитализма и до некоторой степени освобождая от необходимости и потребности более точного, более конкретного анализа всего состояния послевоенного капитализма. Больной извивался в смертельных судорогах: чего же еще было его аускультировать и перкутировать. Было не до того: руки—напряженно вытянутые—ждали, чтобы нанести ему последний, смертельный удар.

Но эта картина ярких, всякому видных, режущих глаза симптомов до некоторой степени избаловала нас: за внешними симптомами, за расстройством некоторых простейших функций организма мы не замечали—не вполне замечали — самого источника и более глубоких проявлений более глубокой, но и, как опыт показал, более длительной болезни.

Между тем, следует сказать, что Маркс менее всего предусматривал как раз эти внешние формы и эти наружные симптомы распада, застарения капитализма, формы и симптомы, теснее всего связанные с фактом мировой войны, являющиеся ее непосредственнейшим результатом и последствием в хозяйственной области.

У Маркса той основной силой, которая непреодолимо приближает капиталистическую систему к ее естественному неизбежному концу и которая должна ее фатально столкнуть в преисподнюю истории—является ее собственная, неот'емлемая антагонистическая природа, находящая свое конечное, высшее выражение в основном, центральном противоречии капитализма: противоречии, выражающемся в том, что все условия и методы производства толкают капитализм «под угрозой гибели» и как к предпосылке «самосохранения» (как говорит Маркс) к непрекращающемуся расширению производственного аппарата и самого производства, тогда как пропорциональное соотношение отдельных отраслей производства и, прежде всего, потребительные возможности построенного на базе частной собственности общества кладут этой тенденции капитала неизбежный и—в форме кризисов—внезапно выступающий предел.

Развитие капитализма должно неизбежно обострять и углублять это радикальное несоответствие между фатально разбухающим производственным аппаратом и «все сужающейся базой, для которой работают эти огромнейшие производственные силы».

Хотя, конечно, это непрекращающееся противоречие является конечным источником неизбежных империалистических войн и конфликтов, но, по самому смыслу своему, оно и без внезапных военных вспышек продолжало бы развиваться и обостряться, приближая капитализм к катастрофе. И все же действия и последствия войны этим не устраняются. Наоборот! Несмотря на колоссальное, совершенно небывалое разрушение и истребление войною производственных средств, мировая война необычайно обострила это центральное динамическое противоречие капитализма у обоих его полюсов: она привела к весьма значительному увеличению производственного аппарата, в особенности в некоторых основных для современности отраслях производства [1],—с одной стороны, она же, с другой стороны, у другого полюса, привела к совершенно небывалому обнищанию громаднейших человеческих масс. Центральное, универсальнейшее внутреннее противоречие капитализма оказалось доведенным войною—в экономической и социальной области—до высшего напряжения, до пароксизма!

[1] Что не мешает тому, что абсолютно, если сравнить все в целом развитие производственных сил за последние 10 лет с предвоенной эпохой, то придется признать, что война в общем и целом скорее задержала, замедлила темп развития. Но она придала этому развитию односторонний характер (диспропорция между отдельными отраслями производства, о которой говорит Маркс, усилилась) и, с другой стороны, она колоссально сократила покупательную способность многомиллионных масс. В результате, основное, центральное противоречие капитализма получило большую силу напряжения, чем, если бы общие производственные силы и потребительские способности капиталистического общества развивались „нормально", в прежнем ускоренном довоенном темпе и без внесенных войной осложнений.

Мы видим, что некоторая «избалованность», развинченность, изнеженность нашего анализа, которые питались в нас долголетним наблюдением послевоенного распада, увлекли нас, быть может, несколько далеко от этих элементарных марксистских схем, которые, между тем оказываются весьма полезными, сугубо полезными для уяснения себе более глубоких, труднее устранимых пороков послевоенного капитализма, кроющих в себе притом неменьшие революционно-взрывчатые силы.

Мы видим, что «загнивание капитализма на корню» не должно необходимо находить свое бессменное проявление в распаде валют, атрофии кредита и т. п. И разве не напоминает «загнивания на корню» состояние, при котором значительнейшие участки производственного аппарата остаются бездеятельными и парализованными в течение беспримерных в истории, ибо длящихся целые годы и пятилетия, промежутков времени—из-за растущего несоответствия отдельных отраслей производства и принимающей чуть ли не хронический характер неспособности капитала выполнять свою вторую основную—рядом с расширением производства—историческую функцию: создавать себе соответствующий мировой рынок?

И разве достижение и на этом пути среди ожесточенной борьбы за рынки и обостряемых ею противоречий отдельных и временных успехов, успехов, могущих сложиться на целую новую «фазу» (если к этому обыденному слову не относиться мифологически)—противоречит представлениям Ленина о капитализме эпохи социальной революции? В полемике с подобными слишком статистическими по сути консервативными толкованиями ленинских конструкций тов. Сталин еще недавно напоминал в своем докладе активу московской организации РКП:

> «Неверно, что капитализм не может развиваться, что теория загнивания капитализма, выставленная Лениным в своем «Империализме», исключает будто бы развитие капитализма. Ленин вполне доказал в своей брошюре об «Империализме», что рост капитализма не отменяет, а предполагает и подготовляет рост прогрессивного загнивания капитализма».

Хотеть безусловно отрицать, игнорировать возможность дальнейшего развития, роста капитализма (т.-е. по существу, некоей новой «фазы», ибо капитализм никогда не восстанавливается, не «растет» в тождественных формах) было бы явлением революционной рутины, революционного консерватизма, который мог бы стать опасным не только в области теории, но и практики: ибо он мог бы иметь своим последствием игнорирование и тех новых, добавочных революционных факторов, новых источников активности мирового пролетариата, которые несет с собой всякий дальнейший «рост» капитализма в современных условиях.

Эти беглые замечания только ради того, чтобы показать, что рецензент «Правды» несколько специфически заострил мою (в брошюре только весьма бегло затронутую) мысль, и, видимо, и по существу слишком резко формулирует свое противоречие

наше время, единственным фактором расстройства рынка, затруднений сбыта?! Тов. Спектатор, сам того не сознавая, приближается здесь к наивным представлениям, в последнюю предвоенную эпоху особенно распространенным в С.-А. Соед. Штатах о финансово-кредитных затруднениях, как единственном источнике кризисов.

«Мы считаем, что стабильной бумажной валюты нет и быть не может. Но и с точки зрения т. Лапинского чрезвычайно странно говорить о стабилизации валюты и в то же время утверждать, что нет рынка для европейской промышленности»...

Буквально, протираешь глаза! Итак, паки и паки: достаточно, мол, стабилизовать валюту и от этого волшебства разверзнутся рынки... Больше для этого ничего не требуется. Итак, весь кризис современного капитализма есть чисто валютный кризис!.. Но ведь это же наивнейшее, отчасти же только деланно наивное, на самом деле вытекающее из вполне определенных интересов—представление тех буржуазных публицистических чревовещателей и с ними тех банковских кругов, которые от возвращения европейских валют в золотую Каноссу ожидали чуда воскрешения капитализма (а, по существу, прежде всего усугубления власти англо-американского капитала!)... Тов. Спектатор, как Мосье Журдэн у Мольера, и сам того не замечает, что говорит—прозой: прозой англо-американских романтиков дефляции, международных банкиров, «экспертов», резолюций конференций в Спа, Генуе и т. д., и т. п.

Моя маленькая брошюра, повидимому, имела несчастье появиться в свет в неподходящий момент: в момент, когда т. Спектатор высиживал какую-то теорию денег (за последние 10 лет теории денег стали множиться, как грибы, почему они часто и оказывались дешевле грибов), о чем можно судить по торжественному вводному заявлению т. Спектатора: мы, мол, считаем, что стабильной бумажной валюты нет и быть не может... (как и в другом месте: «мы считаем далее абсолютно неверной мысль, что в Америке имеется «золотая инфляция»...). Ну и на здоровье! Но мы-то ставили себе гораздо более скромную задачу: для нас пока что достаточно было констатировать некоторую относительную, частичную стабилизацию валют, приближающую их в некоторой степени к валютам довоенного времени. Почему «пока что достаточно»? Потому что и эта относительная частичная стабилизация (рядом с другими аналогичными явлениями) вносит нечто новое в интересующую нас картину капиталистической современности. Это «новое» обозначает собою некоторую весьма относительную, частичную стабилизацию отношений капиталистической Европы, хотя и далеко не означает полного восстановления рынков для капиталистического производства—вопреки предсказаниям международных банкиров, всесветных «экспертов» и тов. Спектатора [1]). Это «новое», быть может, недостаточно для того, чтобы попасть в возвышенное теоретическое поле зрения тов. Спектатора, но оно достаточно для того, чтобы быть отмеченным коммунистической политикой (оно и было отмечено последним пленумом исполкома Коминтерна).

Радикализм тов. Спектатора не допускает никаких зигзагов в развитии капитализма эпохи социальной революции: капитализм безостановочно, перманентно, однообразно-монотонно подыхает—да и только! Тов. Спектатор только от поры до времени безмятежно проверяет, продолжает ли это нудно подыхающее чудище выпускать из себя вороха обесцененных кредиток, да лихорадочно вооружаться (больше с него, так сказать, не требуется), и возвращается к своим теоретическим занятиям.

Ибо, не забудем, послевоенный капитализм, кроме фабрикации бумажек, страдает еще манией вооружений (других страданий, повидимому, в «концепции» тов. Спектатора у него не бывает), посему тов. Спектатор оповещает: «мы не разделяем мнение автора о «пацифистской эре», которой совершенно не было. Особенно странно говорить о ней теперь, когда идет снова волна вооружений. Впрочем, все время после войны... расходы на вооружение далеко превышали довоенные»... Как будто имеется наивный человек, который утверждал бы, что послевоенный «пацифизм» обозначал собою прекращение вооружений, а не просто навязанную всеобщим истощением и промышленным кризисом спорадическую тенденцию к кое-какому сглаживанию, замазыванию антагонизмов, к политике дырявых (и все же не лишенных некоторого преходящего политического значения) компромиссов...

До сих пор у нас было принято утверждать, что «эра демократического пацифизма» кончилась (в моей брошюре я попытался показать, на каких именно историко-географических перекрестках она кончается). Для тов. Спектатора ее и вовсе «не было»! Ну, конечно, тов. Спектатор и здесь всех «революционнее»...

Этих примеров теоретическо-политической мудрости, я думаю, достаточно. Всех не перечесть (кстати, откуда почтенный критик почерпнул убеждение, будто, согласно моим утверждениям, капитал уж и «приостанавливает свое наступление на 8-часовой рабочий день»? Нельзя ли с печатными текстами обходиться хоть чуточку поосторожнее и поприличнее, предоставляя подобные методы целиком фабрикантам «писем Зиновьева»?).

* * *

Но перейдем к тов. Бухарцеву. И он охотно выступает в облачении инквизитора, сокрушает в порошок неверных и тут же развивает, как и тов. Спектатор, «свой взгляд». Только «размеры статьи» не позволяют ему «дать детальный анализ современного положения мирового хозяйства», и поэтому он «вынужден перенести главное внимание на критику».

Эта критика начинается и кончается с двух «тонких» намеков. Первый—в самом заголовке статьи «О пафосе восстановления мирового хозяйства». Второй—в следующих словах скромного пост-скриптум (о, эта скромность!): «Настоящая статья была написана накануне расширенного пленума ИККИ. Нам представляется, что в настоящее время вопрос о «стабилизации» мирового хозяйства в значительной степени потерял свою остроту. Падение Эррио...

[1]) Задачей критикуемой брошюры и было точнее указать на более глубокие противоречия и затруднения капитализма, которых не затронул „стабилизационный" процесс; и все развитие с декабря месяца прошлого года с характеризующим его состоянием хозяйственной депрессии подтверждает проведенные в брошюре разграничения.

депрессия в целом ряде отраслей мирового хозяйства... понижение курсов германских займов... и целый ряд других симптомов иллюстрируют достаточно показательно высказанные нами выше положения. С другой стороны, пленум ИККИ сумел дать достойный отпор правым элементам, питающим свои корни иллюзиями «стабилизации» капитализма...».

Т.-е., иначе говоря, тов. Бухарцев «намекает» на то:

1) что автор критикуемой им брошюры есть «правый элемент, питающий свои корни иллюзиями о стабилизации капитализма»,

2) что автор этот страдает «пафосом восстановления капитализма»,

3) что он, тов. Бухарцев, с достойной быть отмеченной интуицией еще до пленума ИККИ совершил экзекуцию правых элементов в лице автора брошюры,

4) что, таким образом, между «взглядами» тов. Б. и взглядами руководителей Коминтерна имеется некая «предустановленная гармония» (по выражению старика Лейбница), что тождество взглядов здесь полное.

Последний пункт, по-моему, доказывает, что т. Бухарцев тоже «питает свои корни» некими «иллюзиями», хотя и другими, чем правые элементы. Мне думается, этого читателю и доказывать не приходится. Достаточно напомнить соответствующие речи и статьи товарищей Зиновьева и Сталина и принятые пленумом резолюции.

Но верны ли остальные три пункта? Верно ли, что критикуемая брошюра является ядовитым плодом «пафоса восстановления капитализма»?

Кстати сказать, сие крылатое словечко тов. Б. со свойственною ему скромной молчаливостью просто списал у меня—в брошюре оно применено к тем «идеологам» теперешней европейской социал-демократии, которые черпают весь свой «пафос» из факта частичного преодоления худших форм распада капиталистического хозяйства, приспособляя всю свою практику к раздуваемому и упрощаемому ими в «теории» процессу восстановления капитализма. Таким образом тов. Бухарцев бьет мне челом моим же добром, не без намека на мое сходство с идеологами с.-д. С каким основанием?

Послушаем самого критика:

«Тов. Лапинский не останавливается на «базе» послевоенного кризиса капитализма, а все свое внимание направляет исключительно (!) на явления, носящие характер производных функций, хотя, правда, «более всего, бросающиеся в глаза». Тов. Лапинский упускает из виду, что основной причиной современного кризиса является колоссальный рост во время войны производительных сил, главным образом, в сфере производства средств производства, при значительном падении покупательной способности широких масс населения».

Читатель, прочти или даже хотя бы «понюхай» мою брошюру или хотя бы только рецензию тов. М. Т. в «Правде», и ты убедишься, насколько серьезны и добросовестны боевые приемы нашего ретивого Аякса!

Фактически, конечно, утверждение тов. Б.—сплошной и грубый вымысел. Все содержание и, в частности, вся вторая глава моей брошюры посвящены именно тому, чтобы показать, что «основной причиной современного кризиса является колоссальный рост во время войны производительных сил, главным образом, в сфере производства средств производства». И сама-то эта формула—со все той же скромной молчаливостью—более или менее дословно списана со страниц моей брошюры. Так что даже и сказать нельзя, что слона-то тов. Б. не приметил!.. Нет, он только грациозным движением перевел его за свою перегородку и теперь стремится наводить страх на меня его добродушной и знакомой мордой... Но ведь научная формула не кошелек и не скотинка, которая, буде она очутится у кого-нибудь одного, то бывает основание думать, что она, стало быть, исчезла у когонибудь другого. Хватит, дорогой товарищ, этой не бог весть какой оригинальной мыслишки на нас обоих. Помилосердствуйте: чего уж пускать меня совсем голым по миру?

Я думаю, демонстрации этих «критических» приемов тов. Б. было бы, по существу, достаточно, но все же сделаем еще пару шагов вместе с ним, чтобы продемонстрировать «корни» этого чрезмерного усердия. Эти «корни» весьма схожи с «корнями», «питающими» нашего другого Аякса, тов. Спектатора, и в этом смысле их демонстрация не лишена, как уже было указано нами, некоторого об'ективно поучительного значения.

Ведь, конечно же, и тов. Б. не может существовать без инфляции. Мы читаем у него:

«Мы полагаем, что говорить о стабилизации европейских валют в настоящее время, когда мы имеем падение франка; когда понижаются валютные курсы нейтральных стран—Голландии и Швейцарии, которые котировались выше золотого паритета; когда происходит падение лиры, входящей в период сильных курсовых колебаний; когда проблема стабилизации валюты еще не разрешена даже в Чехо-Словакии, стране, первой вступившей на путь стабилизации валюты; когда в Австрии, где денежная реформа проводилась Лигой Наций, сам Генеральный Комиссар Лиги Наций вынужден признать, что дело валютной реформы не сделало никаких успехов... при всех этих обстоятельствах излишний оптимизм к стабилизации валют немного рискован».

Но, не говоря о том, что утверждения тов. Б. пестрят здесь от неточностей, не говоря о том, что наличность именно «излишнего оптимизма к стабилизации валют» еще нужно было бы доказать (и это было бы нелегким делом!), весь-то ведь вопрос в следующем: факт относительной, частичной, неполной стабилизации европейских валют (на-ряду с другими явлениями) он-то имеет сам по себе какое-нибудь с нашей точки зрения политическое значение? Обозначает ли он некоторый новый зигзаг, новый факт в развитии послевоенного капитализма, факт, который нам в наших расчетах приходится учесть (а, стало быть, и отметить),—конечно, не впадая в простецкие преувеличения, в смешную, недостойную панику и растерянность?

Но воображение и мысль т. Бухарцева и Спектатора (и, приходиться опасаться, не их одних только) вращаются среди одних абсолютов. Они знают и признают только две абсолютно непримиримые, полярно противоречивые вероятности: либо валюту,

катастрофически обесценивающуюся каждый день, либо валюту, прочность которой можно было бы сравнить только с прочностью их уверенности в себе, валюту, прочную, как гранит.

Но, уважаемые товарищи, вспомним слова старика Энгельса, что ответ на вопрос при помощи одних лишь категорических «да, да» или «нет, нет» есть ответ метафизиков, а не социалистов! Для нас, коммунистов, имеют ценность и факты относительные, частичные, факты в тенденции скрещивающиеся с другими. «Вся капиталистическая система производства и есть относительная система производства», — говорит Маркс. Кольми паче—в нашу эпоху упадочного капитализма, капитализма эпохи социальной революции, как это с особенной силой показано Лениным в его книжке об «Империализме»!

Ведь, если послушать вас, то наша тактика приобрела бы всю неподвижность и всю косность ваших представлений. Куда годится ваша революционная вера, если она вся питается брызгами Ниагары летящих беспрерывно в пропасть валют? И какое уродливо упрощенное представление о механизме капитализма вообще и капитализма в период его исторической дряхлости в частности!

Попутно, т. Б. приплетает тут, в качестве свидетеля против меня, и—Кейнса. Кейнс, видимо, беспредельно импонирует тов. Б. «Не кто иной, как Кейнс» предсказывает в одной из своих статей, что возвращение Англии к золотой валюте при помощи Америки не вернет ей прежней, довоенной роли руководящего члена в золотом валютном союзе, а зато грозит ее экономической жизни новыми потрясениями. Тов. Бухарцев, вы уже знаете очень много, но, как гетевский Фауст, вы, простите, знаете не все. Кейнса вы тут приплели ни к чему: Кейнс (в котором притом журналист в последнее время все чаще берет верх над ученым) в цитируемой статье (как и в ряде других) отражает полу-инфляционистские тенденции британских промышленников, далеко не вполне довольных столь ускоренным возвращением к золотой валюте, отвечающим, по их мнению, прежде всего интересам чисто банковского капитала (Кейнсу же приписывается авторство известного инфляционистского по тенденции меморандума «Федерации британских индустрий», составленного в 1923 г.). Поэтому принимать всякое слово этого темпераментного публициста за чистое золото, по меньшей мере, неосторожно. Но пусть и этот неожиданный присяжный свидетель т. Бухарцева прав на 100%, пусть фунт попадет в результате возвращения к золоту в усугубленную зависимость от доллара (кто в этом сомневается?), чем создается «некоторая неуверенность» (по выражению Кейнса) в прочности фунта—что же из этого? Разве автор брошюры утверждает, что фунт стерлингов останется на всю вечность непоколебимым, как скала, и разве американские банки—тоже имеющие кое-какое представление об этих делах—не сочли для себя возможным ради этого пусть и только относительного упрочения фунта пожертвовать кредитом в 300 миллионов «больших, круглых долларов», как выражается Мистер Беббит, герой новейшего американского романа Синклер Льюиса?

Так чего же, тов. Бухарцев, горячиться и хвататься за фалды Кейнса? Почему эта «солидность» фунта является—по вашему—одним из «китов» моей «концепции»? Может быть, это просто рыбешка, хотя отнюдь не из самых малых, и весь вопрос в том, чтобы и поймать ее в свой невод, и не вообразить ее «китом». Живая природа не состоит из одних китов, тов. Бухарцев, и даже мы с вами, как это может быть ни обидно для нашего самолюбия, тоже не «киты»...

Приблизительно такого же порядка (усугубленного всякой путаницей и недомыслием) все прочие возражения тов. Бухарцева против моей «концепции» (как ее величает т. Б.). Итак, насчет восстановления международного кредита: «проблема международного кредита,—полемически констатирует т. Бухарцев жирным шрифтом,—сводится, собственно говоря, к кредитированию американским монополистическим капиталом при временном техническом сотрудничестве с английскими банками европейского хозяйства». Не прочли ли вы случайно, т. Бухарцев, этой премудрости среди других литературных произведений—и в моей брошюре? Но вот это-то «кредитирование американским капиталом европейского хозяйства», не является ли оно некоторым новым фактом, свидетельствующим — рядом с другими—о некотором восстановлении (конечно, в новых, в специфических, сугубо антагонистических формах—неужто вы, тов. Бухарцев, так-таки первый и открыли пресловутую «дауэсизацию»?) «единства» капиталистического мира, фактом поэтому, не лишенным кое-какого политического значения и посему, напр., и отмеченным на недавнем пленуме Коминтерна?

Или еще: согласно т. Бухарцеву—«в корне неверно, что вопрос о рынках, эта альфа и омега послевоенного капитализма, никогда не сходил с порядка дня мирового хозяйства». И тут же тов. Бухарцев прямодушно добавляет: «проблема рынков в настоящее время еще более обостряется». Но в этом-то «еще более» вся суть! Это-то «еще более» (и почему «еще более») и было отмечено в моей брошюре, в которой и было указано, что настолько «еще более», что тут можно было бы, пожалуй, и говорить о переходе «количества в качество» и предполагать в связи с этим наступление новой полосы более ожесточенных и более действенных империалистических противоречий и конфликтов...

Все это, ух, как нудно-элементарно. И все же, как уже сказано было, не лишено некоторой поучительности. Ибо все эти мнимо-критические выпады обоих ученых критиков, быть может, обнаруживают наличность и в более широких кругах коммунистов некоторого нездорового настроения, которое можно было бы охарактеризовать формулой: или пан, или пропал. Или подавай ему пенистый душ валютной Ниагары, дай ему непрерывно наблюдать грубые, внешние судороги отмирающего капитализма, или же он тотчас впадет в растерянность, в панику! От этих настроений только один шаг до, казалось бы, самых неожиданных, правых, насквозь опортунистских уклонов.

Ведь тт. Бухарцев и Спектатор, поскольку они пытаются на минуту отвлечься от валютных водопадов и несколько обобщить «свой взгляд», по существу удовлетворяются— при всем их видимом «радикализме» (а уж кто их радикальнее!)— самыми бессодержательными, пошленькими, можно сказать, филистерскими фразами. Каково последнее слово мудрости тов. Спектатора: «Итак, мы еще не вышли из послевоенного кризиса. Капитализм стремится приобрести известную устойчивость, но решительного успеха в этом отношении он еще далеко не имеет»...

И т. Бухарцев: «**Органический кризис капиталистической системы после войны, характеризуемый отсутствием устойчивого равновесия, несмотря на некоторые временные улучшения, не изжит... Проблема современного капитализма есть проблема рынков. Покуда не найден ключ к этой проблеме, нельзя восстановить равновесия капитализма**».

Правильно, сто раз правильно! И это необходимо повторять и не к чему при этом давать понять, что автор брошюры о новой фазе империализма думает и утверждает другое....

Но достаточно ли это? Достаточно ли констатировать,— после стольких потуг—что современный капитализм «характеризуется отсутствием равновесия» и что «проблема современного капитализма есть проблема рынков» и т. д., и т. п.? Мы уж не говорим о том, что по существу правильные мысли получают здесь уродливо-плоскую форму, напоминающую утверждения чеховского героя о том, что человек холостой одно, а человек женатый—другое... Ведь под этими фразами подпишется и всякий мелкобуржуазный филистер, ведь о «неустойчивости» современного капитализма, о проблеме рынков в этой общей форме вещают каждодневно с неменьшим апломбом все буржуазные журналисты, все ораторствующие банкиры...

Нет, к окружающей нас капиталистической действительности необходимо подойти поближе, поконкретнее, необходимо—не только ради одиноких теоретических развлечений и наслаждений. Ведь для чего необходимо не бояться, не брезгать отметить и некоторые бесспорные тенденции к «стабилизации»? **Потому, что этот об'ективный процесс создает, без сомнения, некоторые новые настроения среди западноевропейских рабочих, создает, несомненно, опасность реформистских, оппортунистских иллюзий и увлечений**, с которыми приходится умело и с энергией бороться. Еще и потому, что этот процесс открывает и **новые источники активности рабочих масс**, которые необходимо использовать, стремясь направить их в революционное русло.

Параллельно необходимо улавливать, отмечать, развивать в систему **противоположные, антагонистические тенденции** современного, более чем когда бы то ни было исполненного, раздираемого, можно сказать, заживо внутренними противоречиями капитализма. Это, можно сказать, есть основа, исходный пункт всей марксистской, революционной мудрости. Но потому-то всего менее можно пробиваться здесь одними трафаретами, одной залежавшейся, затхлой, неподвижной мудростью, с точки зрения которой, можно подумать, с конца войны, с 1918—1919 г.г. в капиталистической действительности ничто не переменилось, не шелохнулось—и т. Бухарцеву с т. Спектатором предоставлена возможность спокойно наслаждаться привычным зрелищем, и жевать фразы («неустойчивое состояние», «проблема рынков» и т. п.), как семячки... Тут всего меньше можно делать сногсшибательные открытия, что в 1924 г. в С.-А. Соед. Штатах был промышленный кризис, который-де и явился «первопричиной» (!) всех изменений, происшедших в европейском хозяйстве... [1]).

---

[1]) Тов. Б. называет кризис в Соед. Штатах „крупнейшим событием" 1924 г. и даже сравнивает его с кризисом 1920 г. Это—чистейшее и, по своему размаху, забавное недоразумение. Конечно, никокого „кризиса" в С. Штатах

Моя брошюра, вызвавшая столь гомерический гнев наших Аяксов, и была скромной попыткой показать, какие более глубокие, более «органические» противоречия скрываются за теми более внешними и наиболее яркими явлениями расстройства, прежде всего денежно-кредитной системы. Конечно, эта брошюрка является не более, как маленьким, скромным эскизом. Автор брошюры стремился ухватиться за то, что ему казалось основным звеном цепи, основным—и вместе с тем охватывающим относительный максимум явлений (поскольку противоречие между ростом производственных возможностей и оскудением мирового рынка обнимает частично и вопрос о мировом аграрном кризисе, и вопрос о промышленном под'еме колоний).

«Здесь-то,—говорит Маркс,—капиталистический способ производства попадает в некое противоречие. Его **историческая миссия** заключается в **беспощадно двигаемом вперед в геометрической прогрессии, развитии производительности** человеческого труда. Этой своей миссии капиталистическая система становится неверной, лишь только она, как здесь, сдерживающе противопоставляет себя этому развитию. Она показывает этим только то, что она становится старчески слаба и все более и более переживает самое себя» («Капитал», нем. изд., т. III, ч. 1, стр. 245). Как бесконечно далеко мы ушли от этого «беспощадного» развития в «геометрической прогрессии»! Миллионы безработных в течение пятилетий, хроническое неиспользование уже существующего, разбухшего производственного аппарата, искусственное сужение мирового рынка, необходимость во что бы то ни стало раздвинуть его рамки!..

Частичное исчезновение покрова инфляции и других экономических и политических «сродных» явлений **обнажает** основные противоречия капитализма, доводимые—мы уже говорили—до максимума напряжения. Было бы смешно, было бы своего рода «экономизмом» хотеть все противоречия современного капиталистического мира сводить к этому одному фактору—кризису производства и сбыта. Ибо никогда еще различные вторичные факторы не играли столь относительно крупной, паразитно-«самостоятельной» роли, как в хаосе послевоенного капиталистического мира. Но вряд ли можно сомневаться, что указанный кризис (ощущаешь некоторое затруднение, называя его тем же термином, что и предвоенные кризисы) совместно с фактом относительной стабилизации механизма международного обмена, обостряя всеобщую сопершическую борьбу за рынки, кладет основы новых конфликтов и вместе с тем—**создает новые стимулы для активности масс**.

Не замечать первого значит и не замечать второго. Т.т. Бухарцев и Спектатор ничего не поняли.

в 1924 г. **не было** (а стало быть, он и не мог явиться „первопричиной" всех „изменений, происшедших в европейском хозяйстве")... Тов. Б. просто смешивает кризис с ставшими обычными колебаниями послевоенной американской кон'юнктуры. С 1921 г. эти колебания—иногда весьма солидные—повторяются чуть ли ни каждый год, но никогда еще не вырастали в настоящий „кризис", который можно было бы сравнить с кризисом 1920 г. Со времени столь поразившего т. Бухарцева ухудшения кон'юнктуры, **депрессия** уже опять успела уступить место новому „буму", а он в свою очередь, к концу зимы т. г. новой волне депрессии: словом, бухарцевские „первопричины" чередуются в совершенно легкомысленном темпе.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

История против Ленина.

(По поводу брошюры т. Ваганяна «О некоторых вопросах истории РКП»).

Новая брошюра т. Ваганяна в своих самых существенных чертах не отличается, пожалуй, ничем от других его литературных произведений на партийные темы. Понимание предмета непомерно мало, самонадеянности—через край. Таковы два качества, которыми характеризуется от начала до конца это новое откровение т. Ваганяна.

Брошюра предназначена для читателей «Большевика». Основная ее задача—ознакомить активные кадры нашей партии с положением дел внутри российской социал-демократии на рубеже XX столетия. По мнению тов. Ваганяна партия неправильно информирована относительно этого периода. Происходит это потому, что все историки партии совершенно неверно представляют себе внутрипартийные события того времени и роль в этих событиях отдельных лиц и групп. Исследования их пристрастны, необ'ективны и, в сущности говоря, особенной ценности не имеют.

Отсюда, кстати, начинается история разбираемой нами брошюры. История эта, собственно, самая обыкновенная. Тов. Ваганян написал большую книгу о Плеханове.

Тов. Бубнов [1]) вполне основательно, усмотрел в книге Ваганяна попытки ревизии роли Ленина в истории русского марксизма.

Равновесие тов. Ваганяна было нарушено. Он ответил тов. Бубнову брошюрой в 50 страниц.

Ненормальные роды дают ненормального ребенка. Последняя брошюра Ваганяна является продуктом взвинченного состояния и носит на себе следы превеликой взбудораженности.

Обильное количество комплиментов, которыми тов. Ваганян несдержанно-щедро награждает тов. Бубнова, мы оставляем в стороне. Отметим мимоходом, что они не лишены интереса и, так сказать, типичны для тов. Ваганяна: «скромность публициста,—справедливо говаривал Плеханов,—прямо пропорциональна его способностям».

Нескромность между тем обратно пропорциональна. На основании некоторых фактов мы вынуждены предполагать... Впрочем, пусть предполагает что-либо сам читатель.

Разберем принципиальные доводы нашего историка.

I. Ленин, легальный марксизм и Петр Струве.

Конец XIX и начало XX столетия—относительно небольшой отрывок времени, в истории развития нашей партии, тем не менее отмечается как крайне важный и в известной степени решающий период.

По своему об'ективному смыслу это был период подготовления большевизма, его роста и формирования.

В стране с варварскими политическими порядками, на базе гигантского под'ема капитализма вырастало, проходило через горнило боевых

[1]) См. его статью по этому поводу в „Большевике" № 1.

испытаний (стачек, забастовок и «беспорядков») мощное рабочее движение; складывалась, вставала на ноги родное детище рабочего движения—российская социал-демократия. Правда, эта последняя находилась,—по выражению Ленина,—еще в этапе разброда и шатаний. Но уже и на этом своем этапе социал-демократическое движение о б р е л о н е к о т о р ы е с п е ц и ф и ч е с к и е ч е р т ы. Д в е и з э т и х ч е р т и м е ю т г л у б о к о - п р и н ц и п и а л ь н о е з н а ч е н и е.

1) Фактом остается, что к э т о м у в р е м е н и с о ц и а л - д е м о к р а т и ч е с к о е д в и ж е н и е у с п е л о в ы д в и н у т ь н о в ы й с л о й п о л и т и ч е с к и х р у к о в о д и т е л е й нового своеобразного типа. Это были люди дела. Они сумели не только понять до конца революционную теорию Маркса, они успели окунуться в рабочее движение, успели получить опыт, навыки, политическое чутье. Борьба за идейную чистоту партийного движения с точки зрения этой группы представлялась безотлагательной, насущной задачей момента. В о г л а в е этой группы с т о я л не кто иной, как Л е н и н.

2) С другой стороны, с о ц и а л - д е м о к р а т и ч е с к о е д в и ж е н и е у с п е л о р а з о ч а р о в а т ь т у ч а с т ь «м а р к с и с т в у ю щ е й и н т е л л и г е н ц и и, к о т о р а я в и д е л а в п р о л е т а р и а т е в л у ч ш е м с л у ч а е ч е р н о р а б о ч е г о б у р ж у а з н о й р е в о л ю ц и и, наборщика, но никак не метранпажа истории. Эта часть интеллигенции—идейный поставщик ее Струве—увидела в социал-демократии организующее начало самостоятельного пролетарского движения, с четкими, своими классовыми задачами.

Историк, если он всерьез хочет понять весь переплет тогдашней партийной борьбы, должен постоянно иметь в виду эти две черты раннего социал-демократического движения, ибо для последующего развития нашей партии они имеют некое определяющее значение.

История большевизма открывается борьбой между революционным марксизмом и его буржуазными извращениями (легальным марксизмом). По своему содержанию эта борьба—суть борьба за выбор путей рабочего движения. Две категории марксистов представляли в этом случае две различные классовые линии. В борьбе против легального марксизма Ленину принадлежит особенная роль, роль не только застрельщика, но и руководителя борьбы.

Этого как раз не понимает тов. Ваганян. Позицию Ленина он извращает. Сознательно или бессознательно—об этом читатель узнает ниже.

Что Ленин первый дал систематическую критику струвизированного «марксизма», это тов. Ваганян, конечно, признает. Но признает для того, чтобы сразу же все забыть, забыть характер ленинской критики, забыть связь первого выступления Ленина против струвизма с его последующей позицией в этом вопросе. Признание Ваганяна имеет стратегический смысл. Не более. В свете дальнейших рассуждений Ваганяна оно иного смысла иметь и не могло. Подумать только: в об'емистой книге (500 страниц) Ваганян и так и этак трактует вопрос о легальном марксизме, наворачивает кучу соображений, а о первом артиллерийском обстреле струвизма, о статье Ленина—только несколько беглых замечаний. Вот, мол, В. И. Ленин первый подметил шатание Струве.

В чем видел Ленин социальную подоплеку струвизма, какие его стороны больше всего критиковал—об этом ни слова. Почему?

Потому, что тов. Ваганян поставил себе специальную задачу показать, что в борьбе с легальным марксизмом Плеханов занимал последовательную революционную позицию, между тем как Ленин обнаружил

неустойчивость, стоял как бы за примирение и только потом осознал правоту Плеханова.

Свою неустойчивость Ленин,—как полагает Ваганян,—обнаружил особенно ярко в момент организации газеты «Искра», когда встал вопрос о приглашении к работе Струве.

Вот что по этому случаю повествует т. Ваганян.

Сущность струвизма «Плеханову,—пишет он,—была хорошо известна задолго до того, как он выступил публично против Струве, и решение о необходимости провести точное размежевание с новым либерализмом созрела в нем еще в конце 90-х годов, о чем свидетельствует В. И. Ленин».

«Ленин и Потресов,—пишет дальше т. Ваганян,—полагали, что Струве «идет к нам». А что оказалось на деле? На деле Струве оказался человеком, уже «осознавшим» себя, чувствующим представителем определенного политического течения...» (см. книгу Ваганяна «О Плеханове»).

После надлежащего отпора со стороны тов. Бубнова, Ваганян пытается привлечь к делу записи Ленина, опубликованные в 1-м номере «Ленинского сборника».

Пере...бирая эти документы в брошюре «О некоторых вопросах в истории РКП», т. Ваганян по-прежнему утверждает, что «в споре об отношении к Струве прав был Плеханов, а не Ленин и Потресов».

«Конференция 29/XII [1]) была хорошим предметным уроком для Ленина, окончательно убедившегося в том, что Струве уже перешел ту грань, когда «цивилизованный критик» становится «дюжинным либералом».

«Для Ленина и Потресова Струве был бернштейнианцем, критиком (как, повидимому, и для Плеханова) до этого знаменитого заседания, где выяснилось, что он прошел и эту стадию, выяснение это привело к окончательному разрыву с ним».

«Правильна ли моя оценка положения дел и позиции Ленина? Прав ли я, утверждая, что Ленин на опыте («предметный урок»), пришел к такому взгляду на тактику «предприятия», что и Плеханов? Прав ли я, утверждая, что Ленин на опыте 3-х месяцев столкновений с Плехановым о Струве пришел к тому, что нельзя относиться снисходительно к Струве? Я полагаю, что я был безусловно прав» (стр. 14).

Итак: по Ваганяну Плеханов был непримирим по отношению к Струве, Ленин снисходителен, Плеханов брал курс на разрыв, Ленин—на соглашение, Плеханов был прав, Ленин неправ.

Попробуем посмотреть, что по этому поводу говорит история. Нам придется начать несколько издалека.

Припомним, прежде всего, следующие обстоятельства:

Задолго до того, как Струве определился в качестве ревизиониста, сначала бернштейнианца, потом просто либерала—Ленин квалифицировал литературные произведения Струве как пример, как образец извращения на буржуазный манер, теоретической системы Маркса [2]).

По мнению Ленина, автор «Критических заметок» (Струве) неправильно абстрактно и идеалистично подходит к критике народничества.

Сбивается «на точку зрения апологета капитализма». Чересчур старательно защищает «разумность», «прогрессивность» и «рациональность» либеральной политики.

---

[1]) Речь идет о конференции, на которой имелось в виду выработать условия совместной работы со Струве в газете «Искра».

[2]) Статью о книге Струве Ленин так прямо и называет: «Отражение марксизма в буржуазной литературе». См. т. II. Собр. соч.

Ревизирует Маркову теорию государства, подменяя ее донельзя плоскими, либеральными разговорами насчет того, что «государство прежде всего есть организация порядка».

Считает недостаточным чисто философское обоснование марксизма. Отказывается от материализма, по крайней мере говорит языком об'ективиста, а не материалиста.

Проповедует мальтузианство; наконец, игнорирует классовое противоречие и опускается, стало быть, до уровня самого обыкновенного либерала.

Фраза Струве «пойдем на выучку к капитализму» получает поэтому особый, императивный характер.

Мы привели далеко не полный перечень обвинений, выдвинутых Лениным против Струве. Но из этого для всякого, кто оказал способность к пониманию, совершенно очевидно, что Ленин раньше, чем кто-либо, в частности раньше, чем Плеханов, раскусил Струве и соответственным образом определил к нему свое отношение. Мало того: тактическая линия Ленина и по отношению к легальному марксизму в целом и по отношению к Струве персонально определилось точно так же задолго до зарождения «Искры». Таковы факты. Версия тов. Ваганяна о том, что Ленин будто бы считал Струве после 1895 г. чуть ли ни до конференции 29/XII—1900 г. и учеником Маркса и социал-демократом, эта версия, как видит читатель, разлетается в пух и прах.

Ленин знал Струве со всех сторон, в предметном уроке не нуждался и в возможность союза со Струве по сути дела не верил.

В записи «Как чуть не потухла Искра», касаясь поведения Плеханова, Ленин пишет: «Г. В. (Плеханов) старался в спорах представить это (дело со Струве. *В. К.*), как будто мы не хотим беспощадной войны со Струве, будто мы хотим все примирить и проч.».

Ленин таким образом категорически отвергает самый намек на то, что по отношению к Струве возможна менее решительная, более мягкая, примиренческая линия. Ленин за беспощадную войну. Он заявляет, что Плеханов старался представить его позицию заведомо ложно, заведомо не верно. Старался представить—так и написано. Тов. Ваганян спустя 25 лет пытается сделать то же, что в свое время делал Плеханов. У Плеханова был в этом тактический смысл, свой, конечно. Любопытно, каким тактическим смыслом прикрывается попытка Ваганяна?

О том, что со стороны Плеханова такое искажение позиции Ленина было особого рода тактикой, Ленин недвусмысленно говорит в той же записи. «Мы сами не без вины в его (Струве) эволюции: мы сами, и Г. В. (Плеханов) в том числе, не восстали тогда, когда надо было восстать (1895—1897 г.г.). Г. В. (Плеханов) абсолютно не хотел признать своей, хотя бы малейшей, вины, отделываясь явно негодными аргументами, отстраняющими, а не раз'ясняющими вопрос».

«Плеханов,—продолжает Ленин,—обманывает себя, утверждая, будто бы в 95-м году ему было приказано не стрелять в Струве. Плеханов не хотел стрелять—вот и все».

Не ясно ли, что слова Ленина «мы сами не без вины»—относятся целиком насчет Плеханова? Ленин намекает здесь на то, что Плеханов в 1895 году не только не выступил против Струве, но даже защищал его «Критические заметки» в своей книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

«Зачем обманывать себя, уверяя, что в 1897 году (когда Струве писал в «Новом Слове» о своей цели опровергнуть одно из основных

положений марксизма—о революционном характере рабочего движения В. К.) он, Г. В. (Плеханов) не выступал против...» (там же).

Редакция Ленинского сборника поступила совершенно правильно, когда в примечаниях к ленинской записи она сделала соответственное примечание насчет «непримиримости» Плеханова.

По Ленину против Струве надо бы восстать еще в 95-м году. И сам Ленин восстал. В статье «Экономическое содержание народничества» он достаточно определенно характеризует «марксизм» Струве. Плеханов раньше отказывался от борьбы со Струве. Теперь он переносит вину на остальных членов редакции, в том числе и на Ленина, желая показать, что он, Плеханов, в этом случае революционнее всех. Ленина законно поражала эта неискренность, эта дипломатичность Плеханова. Ленин называет поведение Плеханова тактикой, отстраняющей, а не раз'ясняющей вопрос».

А касательно Струве Ленин черным по белому пишет, что «с этим джентльменом каши не сваришь».

Переговоры со Струве Ленин расценивает, между прочим, как печальную ошибку, получившуюся от того, что Потресов, который явился инициатором переговоров, неправильно информировал членов редакции о позиции Струве.

«По первоначальной передаче дела Арсеньевым (Потресовым) В. понимал так, что бл. (Струве) идет к нам и хочет делать шаги с своей стороны—оказывалось как раз наоборот. Произошла эта странная ошибка оттого, вероятно, что Арсеньеву (Потресову) очень уже хотелось того, чем «манил» бл. (Струве), именно: политического материала, корреспонденции и т. д., а «чего хочется, тому верится», и Арсеньев (Потресов) верил в возможность того, чем манил бл. (Струве), хотел верить—в искренность близнеца (Струве) в возможность приличного (способ поведения) с ним» (Запись от 29 декабря 1900 г.).

Итак, что же получается: по Ленину попытка столковаться со Струве—есть странная ошибка Потресова, по Ваганяну—это ошибка Ленина. Тов. Ваганяну, повидимому, не дано понять, что позиция Ленина, представлялась иной, нежели позиция Потресова. Ваганян по-прежнему утверждает, что Ленин только после 29 декабря перестал верить в возможность договориться со Струве. 29 декабря Ленин получил предметный урок, так выражается наш смелый историк. Между тем по Ленину это был предметный урок для Потресова.

«Бл. (Струве) показал себя с совершенно новой стороны, показал себя «политиком» чистой воды, политиком в худшем смысле слова, политиканом, пройдохой, торгашем и нахалом»—этими энергичными словами подытоживает Ленин в специальной заметке совещания от 29-го декабря.

Излагать сейчас позицию Плеханова, какой она была на самом деле, мы, к сожалению, не имеем возможности. По интересующему вопросу читатель может найти кое-какие материалы в статье т. Бубнова и особенно в Ленинских сборниках. Сейчас одно дополненьице.

По вопросу об использовании в газете «Искра» материалов, приходящих в журнал «Современное Обозрение», редакция «Искры» при отсутствии Плеханова против Ленина поддержала Струве.

В письме от 30 января 1901 года Ленин, сообщая этот факт Плеханову, приглашает его поднять «знамя восстания» против решения редакции, которое, как полагает Ленин, чревато вредными последствиями.

Что же ответил на это Плеханов? В письме Аксельроду от 2 февраля 1901 года, он пишет: «Я прочитал письмо Петрова (Ленина) и Ваши три (два твоих и одно В. Засулич) и думаю, что надо согласиться на условия договора (стало быть как раз на то, против чего возражает Ленин. *В. К.*)—другого выхода теперь нет, а потом увидим».

В письме к Ленину Плеханов, кроме того, добавляет: «Разрыв теперь погубит нас».

Показывает ли это непримиримость Плеханова,—пусть судит читатель.

Непосредственное отношение к вопросу о легальном марксизме имеет вопрос о либерализме. Позицию Ленина в этом вопросе Ваганян, как ему полагается, запутал. Приходится начинать поэтому с выявления самых элементарных вещей.

Прежде, чем занять уготованное историей место вождей российского либерализма, Струве и иже с ним прошли через социал-демократию и «легальный марксизм». Это положение общеизвестно и в доказательствах, как будто не нуждается.

Сам «легальный марксизм» [1]) был российской формой катедер-социализма, извращения марксизма применительно к интересам буржуа.

Легальный марксизм мало-по-малу трансформировался в либерализм. Стрелять по либералам Ленин начал еще в 95-м году. Отнюдь не отказываясь от возможного союза с либералами, Ленин, тем не менее, ставил вопрос прямо: нужно отмежевать революционный марксизм от либерализма. Четкая пролетарская линия, прежде всего. Когда движение пролетариата встанет на ноги, когда будет обеспечена идейная чистота движения, тогда можно ставить вопрос о том, что «пролетариат всех зовет, всех приглашает». В статье «Наша ближайшая задача», напечатанной в третьем номере Ленинского сборника, Ленин выдвигает в качестве одной из задач социал-демократической организации «травлю отдельных представителей буржуазии» и разоблачение идейной немощи либерализма. Плеханов в этом вопросе занимал иную позицию. Мартов, заметивший, что по вопросу о либерализме имеются две линии: Ленинская и Плехановская—был прав.

Мы настоятельно рекомендуем читателю проштудировать материалы Ленинских сборников. Там можно найти весьма и весьма поучительные данные об отношении Плеханова к либерализму. Некоторые, из этих данных, кстати сказать, имеются в статье тов. Бубнова.

Ваганян не дал себе труд подумать над этими материалами. Не меньше десятка раз он подчеркивает, что «в своей книге делал заклю-

---

[1]) Мы употребляем выражение «легальный марксим» в его оппуртуническом смысле. Кстати, сказать тов. Ваганян и тут допускает ошибку. «В вопросе о легальном марксизме следует различать несколько этапов. С самого начала,—когда цензурные преграды были временно прорваны,—мы имеем перед собою, с одной стороны, марксистов, с другой—народников. В лагере марксистов были не только Плеханов и Ленин, но и Струве, Туган и др.. при чем в те дни (примерно в середине 90-х г.г.—1892—1896) внутри марксизма споры шли не между «легальным» и «нелегальным», а между «механическим» и диалектическим марксизмом» (стр. 6). Эта тирада Ваганяна не совсем точная.

Еще в середине девяностых годов среди, так называемых «легальных марксистов» — марксистов, которые, пользуясь прорывом царской цензуры, печатались в легальной прессе, были уже оппортунисты и революционеры. Лагерь марксистов не представлял собой единства—это во-первых. Во-вторых, куда относит тов. Ваганян выступление Ленина против Струве, к спорам между «механическим» и диалектическим марксизмом или к спорам между ревизионизмом и революционным марксизмом. Надеемся, здесь есть две большие разницы. Как, наконец, расценивает тов. Ваганян нижеследующее место из Ленина: «Ни для кого не тайна, что кратковременное процветание марксизма было вызвано союзом людей крайних с людьми весьма умеренными. В сущности, эти последние были буржуазными демократами и этот вывод напрашивался кое перед кем еще во времена целости союза »(Ленин, Собр. соч., т. V. стр. 128).

чения лишь на основе солидного количества фактов». Не видно этого. Те из фактов, которые Ваганян все-таки приводит, тонут в море его «философических» рассуждений.

По поводу резкой статьи Ленина против Струве в письме от 14-го июля 1901 года, Плеханов писал буквально следующее: «Не следует теперь ругать либерала вообще. Это нетактично, надо от плохого либерала апеллировать к хорошему, хотя бы существование такового и было для нас сомнительно». В этом и последующих рассуждениях Плеханова о либерализме не чувствуется четкой линии революционного социал-демократа. В некоторых местах имеет место замена принципиальной критики противников малоутешительной иронией в таком, примерно, тоне: «Надо говорить, по-моему,—пишет Плеханов...—свысока: «дескать, жаль, что автор (Струве) не понял еще того-то и того-то, но по всему видно, что он (Струве) человек неглупый; вероятно, со временем он подвинется вперед». Ленин ответил, что общий тон его разноса «не поддается уже коренной переделке». Повторяем, в вопросе о либерализме Ленин до конца остался революционным марксистом, для которого возможный союз с либералами не исключает ни на минуту систематической критики идейного существа либерализма вообще. Плеханов смотрел на дело не так. Мы в праве констатировать, что на II с'езде партии автор резолюции о либералах (Плеханов) выглядел иначе, чем выглядел он в 1901 году. В линии Ленина сохранялась не только логическая, но и историческая последовательность.

Позднее, в 1908 году, переиздавая свои статьи против Струве в сборнике «За 12 лет», Ленин еще раз подчеркивает, как необходима была резкость и непримиримость в борьбе с противниками революционной социал-демократии.

«Устарелая полемика со Струве (речь идет о статье «Экономическое содержание народничества») имеет значение поучительного образчика. Образчик этот показывает практически политическую ценность непримиримой теоретической полемики. За излишнюю склонность к такой полемике с экономистами и с бернштейнианцами, и с меньшевиками упреками революционных социал-демократов бесчисленное количество раз».

Мы лишены возможности понять, почему это тов. Ваганяну все представляется либо наоборот, либо, вообще говоря, никак не представляется. Не будем допытываться: иные толкователи для того и обретаются на свете божьем, чтобы истолковывать все наоборот.

II. Борьба с «экономизмом».

Ознакомимся сначала с «открытиями» тов. Ваганяна по вопросу об экономизме.

«Плеханов,—говорит Ваганян,—не мог выносить не только прямых примиренческих половинчатостей, но и простых упоминаний о возможной мягкости по отношению к экономистам, в то время, как Ленин и Потресов были настроены более мирно, во всяком случае не столь резко. Об'яснить это очень трудно. Плеханов вел борьбу уже четвертый год, ему был совершенно ясен оппортунизм экономистов, и чем меньше были шансы на возможность скорой организации партии революционной социал-демократии, способной отвергнуть решительно экономический оппортунизм, тем решительней и непримиримей были его отношения ко всяким, хотя и малым, хотя бы кажущимся уклонениям от ортодоксии, незначительным послаблениям ревизионистам всяких толков. Это было

неизбежно, это было разумно и необходимо» (Ваганян, Г. В. Плеханов, стр. 129).

Запомните читатель: Ваганян «очень не трудно» об'сняет, что Ленин (вопрос о Потресове мы оставляем в стороне) был настроен «мирно» по отношению к «экономистам». Позиция Плеханова была безупречна. Плеханов не терпел половинчатости потому, что он боролся с экономизмом четвертый год, между тем, как Ленин человек свежий, так сказать, «новичек», еще не имел, на этот счет, сколько-нибудь твердой линии.

В ответе тов. Бубнову, Ваганян эту последнюю мысль (о линии поведения Ленина) доводит «до степеней весьма известных».

«Не будучи знаком с содержанием Vademecum'а, он (Ленин) вероятно был не прочь придать некоторое значение фарисейским возмущениям экономистов, дошедших до него еще в России» (стр. 30). Ленин, выходит дело, не только был настроен по «мирному», но даже сочувствовал некоторым из экономистов; придавал некоторое значение,—как изящно выражается Ваганян,—фарисейским возмущением экономистов против резких Плехановских приемов борьбы.

Но вот Ленин попадает за границу. Сначала он придерживается старой «мирной» точки зрения. В драку с экономистами не лезет. Потом познает, что Плеханов поступает правильно, проповедуя решительную борьбу с экономизмом.

«Для того, чтобы... понять, мы должны обратиться к письму Ленина к Н. К. Крупской, относящемуся к концу сентября (1900 г.). Там Ленин рассказывает ей об экономизме, ни разу не намекая на «недопустимые якобы приемы», на борьбу, он там берет всего Плеханова, как он есть в «Vademecum'е, под свою защиту» (30).

В течение нескольких месяцев Ленин освобождается от своих старых «привезенных из России» «мирных» взглядов на «экономизм», меняет фронт и переходит на сторону Плеханова.

«Ленин,—умозаключает Ваганян,—на деле по первоисточникам, познакомившись с дискуссией, значительно эволюционировал в сторону Плехановского «бешеного» отношения к дискуссии и «дискуссирующим экономистам» (стр. 32).

Ваганян пишет с постоянными оговорками, но даже и в таком виде можно уловить основную нить его рассуждений.

Перечислив эти подробности, дополняющие «общую картину эволюции взглядов Ленина на обсуждаемый предмет» (стр. 31), Ваганян начинает разносить Бубнова.

В ожидании победоносного исхода, оставим тов. Ваганяна на поле брани. Рассмотрим факты.

Для характеристики взглядов Ленина «на обсуждаемый предмет» т. Бубнов ссылался на протест «17-ти» и на письмо Ленина к Якубовой.

По своему обыкновению тов. Ваганян не обратил внимания на эти документы, не то забыл их, не то вовсе не вспоминал. Повторять их нет надобности, тем более, имеются новые документы не менее, а еще более важные.

В 3-м номере «Ленинского Сборника» опубликованы письма и статьи Ильича из ссылки в «Рабочую Газету». Берем письмо Ленина к Редакторской группе, написанное им в 1899 году.

«Вы находите,—говорит Ленин в этом письме,—как мне пишут, что «старое течение» (группа «Освобождение Труда». *В. К.*) крепко и что в полемике против бернштейниады и ее русских отражений нет особенной нужды. Я считаю этот взгляд слишком оптимистическим. Публичное заявление Бернштейна о согласии с ним большинства русских социал-

демократов; раскол между «молодыми» русскими социал-демократами за границей и группой «Освобождение Труда», которая и является основательницей и представительницей и вернейшей хранительницей «старого течения»; потуги «Рабочей Москвы» (газета крайних экономистов *В. К.* сказать какое-то новое слово, восставать против «широких» политических задач возводить в апофеоз мелкие дела и кустарничество, пошло иронизировать над «революционными теориями»...; наконец, полный разброд легальной марксистской литературы и ярое стремление массы ее представителей ухватиться за модную «критику» бернштейниады—все это ясно показывает, по-моему, что восстановление «старого течения» и энергичное отстаивание его составляет прямо-таки злобу дня».

«Против «Рабочей Мысли» (слушайте, тов. Ваганян!) я думаю необходимо прямо поднять полемику, но для этого я просил бы достать мне №№ 1, 2, 6-й и после 7-го...».

Через некоторый промежуток времени после этого письма Ленин пишет статью «Попятное направление в русской социал-демократии», посвященное критическому разбору приложения к «Рабочей Мысли».

Из приведенных документов видно, что еще в ссылке Ленин считал необходимым резкую непримиримую борьбу против экономистов, еще в ссылке он начал эту борьбу. Нечего говорить о том, что «фарисейские возмущения экономистов» не имели для Ленина никакого значения.

А письма к Х—у? О чем свидетельствуют они? О том, в первую очередь, что у Ленина не было ни малейших сомнений в необходимости бороться с экономизмом.

Письмо к Крупской нужно рассматривать именно в связи с предшествующими статьями и письмами Ленина.

Тов. Ваганян говорит, что это письмо Ленина свидетельствует о перемене взгляда Ленина на экономизм. Оно свидетельствует, будто бы о том, что Ленин меняет фронт, начинает активно поддерживать Плеханова, «эволюционирует в сторону Плехановского «бешеного» отношения» к экономизму. На деле же Ленин не имел никакой другой точки зрения, кроме той, что в союзе с Плехановым, со «старым течением» нужно начать энергичное отстаивание принципов социал-демократии. В этом Ленин видел злобу дня еще в 1899 году, когда писал редакторской группе.

Надо констатировать, что тов. Ваганян помимо всего прочего ошибочно понимает «экономизм», просто как оттенок оппортунизма в рабочем движении.

Экономизм,—как справедливо говорит тов. Астров в своей брошюре об экономистах,—был либерализмом в рабочей блузе. Вот почему трудно, а для историка просто не простительно отделять, например, легальный марксизм от экономизма, какой-то китайской стеной, рассматривать и изучать эти течения, как нечто абсолютно самодовлеющее. Сам Ленин это понимал отлично.

«Начинающие борьбу,—писал он Якубовой,—в настоящее время отнюдь не разрушают единства. Единства уже нет, оно уже разрушено по всей линии. Русский марксизм и русская социал-демократия—рассыпанные храмины и прямая борьба против «критиков» бернштейнианцев и против «экономистов» (в ы   г л у б о к о   з а б л у ж д а е т е с ь,   е с л и   н е   в и д и т е,   ч т о   и   т е   и   д р у г и е   р о д н ы е   б р а т ь я) одно из необходимых условий восстановления единства» (Подчеркнуто нами. *В. К.*).

Такова действительная история борьбы с экономизмом. Не правда ли, как не похожа она на ту «историю», которой потчует нас тов. Ваганян в качестве плохого исследователя, зато находчивого «сочинителя».

III. О программных спорах.

Центральная теза тов. Ваганяна, как формулировал он ее в книге «Г. В. Плеханов» (стр. 362), гласит:

«Как всякое коллективное произведение, наша программа была результатом компромиссов. В занимаемом нас вопросе Плеханов представлял левое, наиболее резкое, так сказать, якобинское крыло, в то время, как все остальные члены редакции занимали позицию европейской ортодоксии, представляемой Каутским».

Из числа остальных «членов редакции» не исключается, разумеется, и Ленин. Он точно так же занимал позицию «европейской ортодоксии».

Если принять во внимание, что позиция Каутского и представляемая им ортодоксия были тогда уже далеко не ортодоксальными, о чем тов. Ваганян рассказывал немного раньше, то выводы Ваганяна станут вполне ясными.

«Во всей редакции,—таковы эти выводы,—Плеханов резче всего был против «каучуковой» политики Каутского» (стр. 355), в то время, как Ленин и остальные соредакторы «Искры» не только не понимали этой «каучуковой» политики, но даже разделяли точку зрения европейской ортодоксии, как ее представлял Каутский. Сказание становится любопытным. Чем дальше, тем больше.

Тов. Ваганян информирует затем, что «Эрфуртская программа Каутского была... примиренческой программой и совершенно естественно, почему Плеханов был не только противником такого примиренчества, но и противником того, чтобы хоть в какой-либо мере сгладить острые углы, «анти-демократические» моменты в своем проекте». Ну, а «Ленин и Мартов находились под сильнейшим влиянием Каутского» (стр. 354).

Отвечая Бубнову в последней брошюре, Ваганян развивает свою тезу. Нельзя не отметить, что делает это он крайне неудачно и сам не замечая того, нагромождает ряд противоречивых утверждений. Читателю трудно разобраться, подчас, что к чему. В общем, однако, Ваганян пытается защитить все ранее высказанные им положения.

На всякий случай, он вначале оговаривается, что Ленинское увлечение европейской ортодоксией им самим расценивается «не в качестве упрека и не в качестве аргумента против Ленина, ибо Каутский, как известно даже (!!) Бубнову, в то время был революционным социал-демократом. Я это отмечаю потому, что иначе никто не может понять целый ряд особенностей проекта (Ленинского. *В. К.*) 1896 года». Затем следует утверждение, что отличительной чертой этого Ленинского проекта является дословное подражание Эрфуртской программе (той самой, которую Ваганян вслед за Плехановым называет только что примиренческой).

Читатель заметил, очевидно, что Каутский, «каучуковый» политик, который не нравился Плеханову, теперь уже изображается революционным социал-демократом. Противоречие явное. Оно усугубляется тем еще, что ниже Ваганян сообщает: буквально «каучуковую природу Каутского, Плеханов прекрасно знал, он и пустил в обращение это крылатое слово, а Ленин знать не мог».

Остается невыясненным все-таки, кем же об'ективно был Каутский: революционным ли социал-демократом, или не более, как каучуковым политиком? Удивляться тут, впрочем, нечему. Ваганян нарочно создает некую тьму, некую неясность (есть, ведь, насчет мутной воды хорошая поговорка). Он продолжает «настроение (Ленина. *В. К.*) можно характеризовать как настоящее преклонение перед германским движением и

Эрфуртской программой», ну, конечно, на-ряду с отчетливым пониманием особенности России. В общем контексте последнее замечание звучит фальшиво.

Подчеркивая факт преклонения перед Эрфуртской программой, Ваганян считает, что Ленинский проект программы от 1896 года ценен и в других отношениях. Этот проект «замечательный документ для исследования вопросов об эволюции взглядов Ленина»... Не больше, не меньше.

Обратимся к программе 1896 года.

Совершенным вздором является мнение Ваганяна, будто этот проект программы, прямое подражание Эрфуртской, даже в формулировках. Предположение Ваганяна основано на одной выдержке, которую он приводит и которая походит на формулировки Эрфуртской программы постольку, поскольку выражает общие, присущие капитализму, экономические процессы.

В Ленинском проекте отчетливо, не в пример германской программе, формулирована задача завоевания власти рабочим классом [1]).

Дана характеристика особенностей России, в частности выпукло поставлена задача борьбы с самодержавием и крестьянская проблема. Ленин перечисляет ряд требований социал-демократической партии для крестьянства. Говоря о капитализме, Ленин имеет в виду, прежде всего, русский капитализм. В другой статье о проекте программы Ленин предостерегающе заявляет: как бы де незаконны ни были те или иные подражания европейским программам, «они ни в каком случае не должны вести к забвению особенностей России, которые должны найти полное выражение в особенностях нашей программы». Забегая вперед, укажем сейчас же, что эти особенности относятся, во-первых, к нашим политическим задачам и средствам борьбы и, во-вторых, к борьбе против всех остатков патриархального докапиталистического режима и к вызываемой этой борькой особой постановке крестьянского вопроса.

Короче говоря, в проекте 1896 года есть не мало того, что позднее Ленин высказал в своих замечаниях о Плехановском проекте программы, и нужно быть воистину Ваганяном, чтобы квалифицировать этот проект только как замечательный документ для исследования эволюции взглядов Ленина, либо как преклонение перед Эрфуртской программой.

Не поняв ранних программных работ Ленина, тов. Ваганян не понял его позиции в программных спорах 1902 года.

В замечаниях на второй проект программы Плеханова, Ленин писал: «Неприемлемым я считаю весь тип программы, именно: это не программа практически борющейся партии, а Prinzipienerklärung, это скорее программа для учащихся (особенно в самом главном отделе, посвященном характеристике капитализма) и при том для учащихся I курса на котором говорят о капитализме вообще, а еще не о русском капитализме» (Ленинский Сборник, № 2, стр. 65).

Есть ли в этом абзаце хоть капелька европейской ортодоксии? Не думает ли тов. Ваганян, что написать программу для учащихся первого курса, вместо программы боевой партии пролетариата, значит определиться в качестве левого крыла?

В своих замечаниях Ленин подробно разбирает вопрос об отношении к мелким производителям, дает четкие формулировки отдельных положений, вносит свои дополнения и поправки (многие из которых были приняты даже во 2-м проекте Плеханова) и касается кстати вопроса о диктатуре пролетариата.

---

[1]) См. Н. Ленин, «Подготовление большевизма». Изд. «Красная Новь», стр. 207.

«В проекте,—пишет он,—упущено указание на диктатуру пролетариата, бывшей первоначально».

«Признание необходимости диктатуры пролетариата самым тесным и неразрывным образом связано с положением коммунистического манифеста, что пролетариат один только есть действительно революционный класс».

Это замечание Ленина, Ваганян пытается обойти следующими рассуждениями: в первом, мол, проекте Плеханова указание о диктатуре пролетариата было, но после того, как Ленин указал на «крикливость» этого замечания, Плеханов выбросил его. Получается впечатление, что упущение сделано по вине Ленина. На самом деле этот факт свидетельствует о том, как недостаточно серьезно относился Плеханов к вопросу о диктатуре пролетариата, если вместо того, чтобы правильнее и лучше формулировать проблему, он опустил ее совершенно.

Подытоживая в особой заметке свои замечания о Плехановском проекте, Ленин отмечает четыре главных недостатка.

«1) Проект дает не программу пролетариата, борющегося против весьма реальных проявлений, весьма определенного капитализма, а программу экономического учебника, посвященного капитализму вообще.

2) В особенности непригодна программа для партии русского пролетариата, потому что эволюция русского капитализма, порождаемая русским капитализмом, противоречие и общественные бедствия почти совершенно обойдены, благодаря той же системе характеризовать капитализм вообще». Нужно об'явление войны р у с с к о м у капитализму, «русская программа не может быть в этом отношении одинаковой с европейскими» (сколько тут европейской ортодоксии, тов. Ваганян?).

3) Некоторым важнейшим пунктам придана в проекте такая неточная формулировка, которая неизбежно породит ряд самых опасных недоразумений и затруднит нам нашу теоретическую борьбу и пропаганду. Так, например, рост крупного производства ограничен одними «промышленными» предприятиями. Эволюция сельско-хозяйственного капитализма не то затенена, не то вовсе обойдена. Затем место «диктатуры пролетариата» заняла «революция, которую предстоит совершить пролетариату, поддержанному другими слоями населения, страдающего от капиталистической эксплоатации», и даже вместо классовой борьбы пролетариата поставлена «борьба трудящейся и эксплоатируемой массы».

4) Проект постоянно сбивается с программы в собственном смысле на комментарий. Этим она напоминает Эрфуртскую программу, которую (тов. Ваганян опять же насчет европейской ортодоксии!) «Энгельс совершенно справедливо и обвинял... в том, что она своей длиной, обстоятельностью и повторением и сбивается на комментарии».

К отзывам Ленина о проекте Плеханова редакцией Ленинского Сборника сделан ряд интереснейших примечаний, основанных на документах, между прочим, приложен и проект соглашения программной комиссии, написанный В. И. Засулич. Засулич, которую никак нельзя заподозрить в неуважительном отношении к Плеханову, пишет в пункте 3 соглашения: «в п р о т и в н о с т ь п р о е к т у Ж о р ж а (П л е х а н о в а) **с а м ы й п у н к т** о к л а с с о в о й б о р ь б е и с о ц и а л ь н о й р е в о л ю ц и и ф о р м у л и р у е т с я в д у х е п р о л е т а р с к о й к л а с с о в о й б о р ь б ы и д о б а в л я е т с я д и к т а т у р а п р о л е т а р и а т а» (подчеркнуто нами. *В. К.*). В противность Плеханову сделано это, к сведению Ваганяна, по предложению Ленина.

Можно было бы привести бесчисленное количество доказательств того, до какой степени нелепыми являются утверждения Ваганяна на

счет европеизма Ленина и социал-демократического, революционного якобинизма Плеханова. Но, думаем, сказанного достаточно.

Во избежание кривотолков, до которых, как всегда, охотники находятся, скажем о нашем отношении к Плеханову. Историческое значение Плеханова наша партия оценила давно. Плеханов был и остается отцом марксизма в России, его пламенным проповедником и оруженосцем. Попытки тов. Ваганяна «восстановить» якобы попранного Плеханова и под видом восстановления ревизовать исторический большевизм говорят о том, по меньшей мере, что нет у Ваганяна действительного, проникновенного уважения к Плеханову, ибо нет понимания его исторического значения, есть пустопорожнее воспевание и восхваление, в которых Плеханов не нуждается. Дешевка. Кому она нужна?

* * *

В заключение несколько общих замечаний.

Не подлежит сомнению, что ошибки тов. Ваганяна имеют свою принципиальную основу. Проревизовать историческую роль Ленина, развенчать Ленина—вот она—эта основа, альфа и омега новой «ваганяновской» «философии истории».

Тов. Ваганян может возмущаться сколько ему заблагорассудится. Голое возмущение не меняет об'ективного, крайне вредного, значения его литературных упражнений.

Ревизия нехорошее слово. Это верно. Слово «ревизионист»—прямо неприличное.

В памяти каждого из нас нарицательное «ревизионист» сопровождается, по большей части, собственными именами: Бернштейн, Струве или Туган, подобно тому, как со словом «ревизор» перед умственным взором суб'екта встает Гоголевский Хлестаков, собственной персоной.

Быть ревизионистом не каждому нравится. И когда тов. Ваганян возмущается, мы его понимаем. Нам ясны, скажем точнее, психологические пружины этого неуравновешенного состояния. Сочувствуем—раз понимаем. Можем утешить тов. Ваганяна, что «ревизия роли Ленина в истории русского марксизма», которую он предпринял, иная, своеобразная, с особыми задачами. Можем, опять же для утешения, заверить тов. Ваганяна в том, что его ревизия не удастся. Наконец, мы можем помочь тов. Ваганяну выяснить важнейшие черты и основные цели его исторических экскурсов, которые создали ему в партийной литературе столь печальную известность. Последнее нужно сделать, впрочем, главным образом, в интересах читателя.

В основном, большевизм, как система взглядов, сложился, несомненно, раньше, чем получил свое официальное начало на втором с'езде Р. С.-Д. Р. П.. Раскол на втором с'езде партии был по сути дела не чем иным, как качественным изменением в количественном ряде. Оказалось, что в составе единой социал-демократической партии имеется на-лицо две основные группы людей, которые по различному понимают партию, по различному расценивают ее роль, ее задачи. Одни из них—большевики—подходят к оценке организационных и политических задач партии в качестве пролетарских революционеров; другие—меньшевики—в качестве мелко-буржуазных интеллигентских попутчиков пролетариата.

Откуда взялись те и другие, какой суммой исторических обстоятельств были даны большевики и меньшевики, случайно ли, как, почему?

На все поставленные вопросы мы не получили бы ответа, если бы признали правильными выводы тов. Ваганяна, ибо по Ваганяну: Ленин в борьбе с легальным марксизмом, струвизмом и экономизмом занимал более умеренную позицию, чем Плеханов; Ленин заражен духом европейской ортодоксии, что Ваганяну особенно видно из проекта программы, написанного В. И. в 1896 году. Ленин был не прав в программных спорах.

Куда растет эта логика? А вот куда: ничего специфического, твердокаменного, непримиримого, что не с сегодняшнего дня мы привыкли считать особенностями большевизма, у Ленина в ту пору не было. Ликвидируется таким путем весь не только подготовительный этап в развитии большевистской партии, но и этап непосредственного роста и оформления идей большевизма, рвется логическая и историческая связь между периодом второго с'езда и периодом «Искры».

Вместо единого, цельного Ильича перед читателем две фигуры Ленина. Мы не говорим уже про то, что конец XIX столетия, для характеристики Ленина, основателя и вождя большевизма, исключительный и в высшей степени богатый период, исчезает неизвестно куда.

Разорвать и обкарнать историю большевизма—такова в общей формулировке идейно-политическая цель Ваганяна. Цель эта, конечно, маскируется и скрывается, правда, очень топорно и неумело.

Надо сказать, что в методологическом отношении работа Ваганяна—нечто патологическое. Ни малейшего намека на то, что называется марксистским историзмом.

Факты тов. Ваганян берет изолированно вне всякой их взаимной связи. Вместо того, чтобы поразмыслить над Ленинскими работами того периода, Ваганян старается доказать свою правоту парой выдержек из воспоминаний, которые сами еще нуждаются в тщательной исторической проверке.

Нити, которыми одна историческая полоса связывается с другой, остаются незамеченными. С другой стороны, нет минимальной способности, нет умения определить коэффициент того нового, оригинального, специфического, что отличает одну ступень исторического бытия от другой, 90-е годы, скажем, от эпохи «Искры» и т. д.

Историзм Ваганяна не марксистский, антибольшевистский, вредный историзм.

* * *

Конец брошюры классический.

Положение «генерала без армии» не смущает Ваганяна.

«В революционной литературе,—отпарирует он,—весьма не редки случаи, когда тот или иной публицист в тот или иной промежуток времени оказывается в состоянии «генерала без армии», но в галлерее революционеров мы знаем весьма мало случаев, когда литература, в особенности плохая, приносит публицисту и армию и генеральский чин» (Стр. 50).

Себя, как нетрудно заметить, тов. Ваганян уважает в достаточной степени.

Оказывается, что литература его не только революционная, но и лучшая. Оказывается, кроме того, что состояние генерала без армии—«временное» состояние. Ваганян верит даже в то, что его литература в конце концов обретет энное количество почитателей. Ну, что ж: чего хочешь, в то верится.

К прискорбию своему, мы не обрадуем тов. Ваганяна комплиментами. Сознаемся откровенно, что в будущее его ревизионистских откровений мы не верим. Верить, главное, не во что.

«Для невежды нет ничего лучше молчания. Но если бы он знал, что для него лучше, не был бы он невеждой». Этой изумительной сентенцией Саида Ширатского кончает тов. Ваганян.

Оспаривать этой престарелой мудрости у нас нет намерения.

Добавим от себя—поскольку поучение Ваганяна направлено против тов. Бубнова—что изругать противника всегда неизмеримо легче, чем показать силу своего собственного ума. Бывает даже наоборот: чем больше публицист ругает своих критиков, тем большие подозрения он вызывает на свой счет.

Нам вспоминается по этому поводу одно переданное Тургеневым «Житейское Правило».

«Если вы желаете хорошенько насолить и даже повредить противнику,—говорил мне один старый пройдоха,—то упрекайте его в том самом недостатке или пороке, который вы за собой чувствуете. Негодуйте... и упрекайте.

Во-первых, это заставит других думать, что у вас этого порока нет; во-вторых, негодование ваше может быть даже искренним... вы можете воспользоваться укорами собственной совести».

Есть основание утверждать, что тов. Ваганян верен этому правилу до конца.

Остается спросить, на кого рассчитывает т. Ваганян свою «реадовскую» тактику?

В. Колоколкин.

А. Е. Ходоров, М. П. Павлович. «Китай в борьбе за независимость». Стр. 194. Научная Ассоциация Востоковедения, Москва 1925 г.

«Вступительная часть предлагаемой вниманию читателей книги, говорится в предисловии, состоит из 4-х статей М. П. Павловича, охватывающих историю национально-революционного движения в Китае в период с 1908 по 1922 г.г.».

«Работа т. А. Е. Ходорова состоит из ряда очерков, набрасывающих контуры политического положения, складывавшегося в борьбе народных масс Китая за национальное раскрепощение страны. Работа эта охватывает период от боксерского восстания до наших дней»...

Таким образом гвоздем настоящей книги являются очерки А. Е. Ходорова, чем, вероятно, и об'ясняется то, что имя его, мало что говорящее широким кругам советских читателей, значится первым, в то время как имя М. П. Павловича, чьи труды хорошо известны, скромно отступает на второй план. Однако при чтении книги невольно бросается в глаза, что вступительная часть, написанная М. П. Павловичем и по мастерству письма, как и по своей содержательности, является без сомнения наиболее ценной. При всем нашем желании, мы не можем сказать того же о работе А. Е. Ходорова, хотя написана она с большими претензиями. Эта претенциозность сказывается не только в социологических потугах автора, о которых речь будет ниже, но и в самой манере письма.

«Советско-китайский договор был заключен в один из майских дней 1924 г.».

«Парламент почувствовал биение часов истории и предвидел момент своей преждевременной смерти».

«Гром победы раздавался уже на улице контр-революции».

«Юань-Ши-Кай быстрыми шагами взбирался по лестнице контр-революции к реставрации».

«Томиться в кровавых пеленках военной диктатуры под прикрытием президентства».

«Южное правительство, несущееся навстречу своей социальной базе, своему общественному классу... мелкой буржуазии».

«Юань-Ши-Кай —боец, привыкший к политическим бурям, взяткой, угрозой и посулами усадил обе палаты на французский образец—в одном зале и... приказал себя избрать президентом».

Разумеется, «honni soit qui mal y pense», однако было бы несравненно лучше для самого же автора воздержаться, хотя бы из уважения к Научной Ассоциации, от столь изящно-галантерейного стиля. Но не будем «придираться к мелочам», тем более, что претенциозность, а зачастую и неряшливость языка далеко не главный недостаток разбираемого нами труда, есть другие недостатки куда серьезнее, как-то: склонность автора к гиперболе, к переливанию из пустого в порожнее, неверное толкование общеизвестных фактов, а главное непростительные промахи в результате недостаточного знакомства с некоторыми основными вопросами китайской экономики. Чтобы не быть голословным, мы проиллюстрируем наши положения на первой же части: «Китай и иностранный капитал», состоящей из трех статей, насчитывающих в совокупности всего лишь двадцать две страницы (63—84 стр.). Уже на этих 22 страницах все вышеуказанные недостатки автора выступают довольно рельефно.

I. Склонность к гиперболе.

«Боксерское восстание, утверждает А. Е. Ходоров, было неожиданным событием для мировых капиталистов, развернувшим перед «культурным миром» всю мощь и силу сопротивляемости крестьянских масс Китая». Это сильно сказано, но это неверно. Боксерское восстание выявило озлобление китайских масс против иностранного империализма, но, вместе с тем, полное невежество, недостаточную организованность, а отсюда и слабую сопротивляемость повстанцев. Сам же автор двумя страницами ниже пишет: «Важно отметить, что к моменту, когда карательные экспедиции со всей жестокостью набрасывались на китайских крестьян (т.-е. к моменту, когда и должна была выявиться «вся мощь и сопротивляемость». *А. И.*), восстания боксеров уже не было. Восстание деградировалось, утеряв свой революционный характер и обслуживая интересы династии больше, чем интересы самих масс».

Далее. «Итоги захватнической политики мирового капитала, выявившиеся к концу XIX столетия, были таковы, что из 18 провинций, составляющих территорию собственно Китая, 13 провинций формально и фактически находились под контролем иностранцев, будучи переведены на положение колонии капиталистических государств».

Некоторые находят возможным утверждать, что говорить о Китае даже как о полуколонии, приходится лишь условно. Для А. Е. Ходорова, рубящего с плеча, уже накануне боксерского восстания, следовательно до знаменитого протокола 1901 года и задолго до 21 требования 13 китайских провинций, т.-е. более $^{2}/_{3}$ Собственного Китая были переведены на положение колоний, находились не только факти-

чески, но и формально под контролем иностранцев. Если только автор не вкладывает своего собственного содержания в выражение «формально и фактически», то и это заявление есть, скажем из вежливости, небольшая гипербола. Впрочем, весьма возможно, что подобное «гиперболическое сгущение красок» произведено А. Е. Ходоровым из «революционно-педагогических» соображений. Если это так, то довольно странно тут же, рядом читать столь прекраснодушное заявление, как: «Этот беспардонный, бесцеремонный раздел Китая вызвал в свое время протест Америки, находившей способы эксплоатации китайских масс европейскими капиталистами чрезвычайно жестокими». А. Е. Ходорову, пишущему о взаимоотношениях Китая с мировым империализмом, не мешало бы знать, про «протесты» Америки ничего общего с гуманитарными соображениями не имели. Но здесь, как и в нижеследующем примере, мы имеем дело уже не со склонностью к гиперболе: здесь другой недостаток автора, именно:

II. Неверное толкование общеизвестных фактов.

«Учтя, что слезоточивые речи о бедах и кризисе не спасут монархии от гибели в Китае, Юань-Ши-Кай заставляет династию отречься от трона с сохранением «пенсии и гарантии благоприятного отношения к императорскому дому». Всякий, кто знаком с биографией Юань-Ши-Кая, может указать автору, что меньше всего Юань-Ши-Кай думал о спасении Цинской монархии.

«С момента утверждения Юань-Ши-Кая в Пекине до наших дней мировая буржуазия активно вмешивается в политическую жизнь Китая. Дипломатический корпус в Пекине претендует на роль фактического правительства Северного Китая, той части Китая, экономика которой сильно отстает от экономики Среднего и Южного Китая». Так заявляет А. Е. Ходоров на стр. 81, совершенно не забыв, что на стр. 64 он, впадая, как мы видели выше, в другую крайность, писал будто уже к концу XIX ст. 13 провинций, т.-е. более $^2/_3$ Собственного Китая «формально и фактически находились под контролем иностранцев».

III. Переливание из пустого в порожнее.

Этим недостатком А. Е. Ходоров грешит на протяжении всего своего труда, но в разбираемой нами части он ухитрился согрешить даже в своем резюмэ:

«В борьбе, идущей за независимость Китая против мирового капитала в условиях и обстановке 1924 года, есть,—резюмирует Ходоров,—целый ряд новых элементов». Что же это за новые элементы? Их пять, из коих два первых следующие:

«1. Борьба против Китая есть борьба за сохранение мировым империализмом Китая, как своей колонии, т.-е. борьба за сохранение своего господства над сотнями миллионов трудовых крестьян».

«2. Борьба против трудовых масс Китая, стремящихся к свободе и независимости, есть попытка сосредоточения сил мирового капитала на Дальнем Востоке и является угрозой собирания империалистического кулака на Дальнем Востоке»...

Спрашивается, что здесь нового характерного, особенно что касается первого пункта, для условий и обстановки 1924 г.

Но все это пустяки в сравнении с изумительными открытиями, которые делает все на тех же 22 страницах А. Е. Ходоров и которые показывают:

IV. недостаточное знакомство автора с некоторыми основными вопросами китайской экономии.

Вот первое открытие:

«Крестьяне в Китае никакой собственности не имеют. Крестьянин в Китае — вечный арендатор дробного (парцельного) мелкого клочка земли, который он обрабатывает всеми силами своей семьи, включая и детей».

Правда, аграрный вопрос в Китае еще мало изучен, но все же это вряд ли дает автору «Опыта политико-экономического исследования Китая» право так обижать китайских крестьян. Как ни хромает статистика в Китае, все же кое-какие цифры касательно мелкого крестьянского землевладения в Китае имеются. А. Е. Ходорову, прежде чем оповещать мир о своем изумительном открытии, не мешало бы предварительно ознакомиться хотя бы с одним из томов статистических данных, опубликованных Китайским Министерством Земледелия и Торговли.

Второе открытие:

«Китай за последние несколько десятилетий переживает бурную эпоху развития капитализма в своей собственной стране. Еще с 90-х годов прошлого столетия Китай— речь идет о Срединном Китае долины реки Ян-цзы—идет по линии развития своих производительных сил. Феодальный, замкнутый, плановый уклад хозяйства постепенно разрушался. Нарождалось кустарно-ремесленное и мануфактурное хозяйство, требовавшее в своем дальнейшем развитии перехода к фабричному станку».

Проанализируйте внимательно этот отрывок и вы убедитесь, что по существу здесь не одно, а по меньшей мере два открытия, настолько разительных, что невольно задаешься вопросом, что собственно больше хромает у автора: знакомство с Китаем или же... с политграмотой. Действительно, нужно абсолютно игнорировать историю Китая, чтобы относить зарождение в нем кустарно-ремесленного хозяйства к 90-м годам XIX столетия, точно так же нужно иметь лишь весьма поверхностное знакомство с азбукой марксизма, чтобы так механически, не вникая в суть дела, жонглировать с терминами: бурное развитие капитализма, феодализм, кустарно-ремесленное хозяйство и т. д., вследствие чего и получаются такие курьезы, как совпадение эпохи зарождения кустарно-ремесленного хозяйства («Еще с 90-х годов прошлого столетия») с эпохой бурного развития капитализма («Китай за последние несколько десятилетий»...). Весьма, впрочем, возможно, что и в данном случае значительная доля вины падает на неряшливость языка, как и на неистребимую любовь автора к преувеличениям.

Все вышесказанное относится к первой части разбираемого нами труда. Вторая часть («Дальневосточная проблема», «Кит.-Вост. жел. дор.» и т. д.), нося главным образом компилятивный характер, особого интереса не представляет. Другое дело третья, последняя часть—она чрезвычайно любопытна, особенно глава: «Гражданская война в Китае», где автор пытается вскрыть классовую подоплеку китайской революции и «борьбы дуцзюнов». Посмотрим же как это ему удается.

«История знает случаи, справедливо отмечает А. Е. Ходоров, когда происходящие на поверхности политической жизни события являлись при всей своей видимой внешней разобщенности с первоисточником— отражением классовой борьбы, шедшей в самых глубинах «общества»,

Религиозные войны средневековья прикрывали собой классовое движение, борьбу буржуазии против феодальной аристократии».

Точно так же и в Китае. Борьба китайских дуцзюнов является отражением классовой борьбы: «Борьба военных губернаторов прикрывает собою более глубокие процессы классовой борьбы, заострившейся в период китайской революции 1911 г. и после нее». Поставь А. Е. Ходоров здесь точку, откажись от вхождения в детали, мало кто, особенно ввиду общего характера формулировки, стал бы возражать, ибо, как бы ни был своеобразен Китай, и он, разумеется, не менее стран Запада подчинен непреложному историческому закону борьбы классов. Но на беду автор вздумал пояснять и в результате напустил такого тумана, в котором сам же стал беспомощно плутать, доказывая совершенно обратное тому, что хотел доказать в начале. В самом деле, раз А. Е. Ходоров проводит аналогию между религиозными войнами средневековья «прикрывавшими борьбу буржуазии против феодальной аристократии» и борьбой дуцзюнов, он прежде всего должен ответить на вопрос: борьбу каких же классов отражает последняя? Однако все существенное, что можно выудить из рассматриваемой нами главы, сводится приблизительно к следующему:

«Борющиеся губернаторы, захватившие Китай, являются наследием эпохи китайской революции».

«Революция легко справилась с институтом богдыханов», но «Революция 1911 года не была тем вихрем, который ломает столетние дубы реакции.... Восторжествовала в об'ективных условиях Китая контр-революция в формах диктатуры».

Далее мы узнаем, что контр-революция, эта внеклассовая (!), что контр-революционная диктатура восторжествовала, несмотря на то, что для стремления к военной диктатуре нет, по выражению автора, «соответственного знака в общественно-экономических условиях Китая».

«Если буржуазия,—пишет А. Е. Ходоров,—третье сословие—интересы которой революция несла на своих знаменах, оказалась не в состоянии в то время взять власть в свои руки, то контр-революция в свою очередь никакого класса не имела».

«Установление дуцзюната Китая—по крайней мере северного и среднего Китая—сделалось возможным в условиях разрыва той тоненькой «исторической» нити, какая связывала монархию с экономикой страны. Наемные армии дуцзюнов, бандиты, в качестве метода управления, и борьба дуцзюнов между собой выражает стремление к военной диктатуре, стремление, для которого нет соответственного знака в общественно-экономических условиях Китая»...

Все это великолепно, но только какая же тут аналогия с религиозными войнами средневековья? Будем, однако, читать дальше:

«Контр-революция в Китае—не вернула к власти контр-революционного класса, помещичьего землевладения, успевшего разложиться в медленном процессе трехсотлетнего гниения династии маньчжуров». Итак, ко времени китайской революции помещичье землевладение успело, по словам А. Е. Ходорова, разложиться. Ну что же, разложилось, так разложилось. Странно только, что двумя страницами выше (см. 123 стр.) тот же самый А. Е. Ходоров пишет:

«Революция свалила династию, но не привела к власти нового класса. Она сняла последнего императора с трона, перенеся самый трон в исторический музей Пекина, но не вручила власти китайской буржуазии. Отношения между земельными собственниками и арендаторами-крестьянами не изменились. Революция 1911 года не была тем вихрем, который» и т. д.

Как видите, А. Е. Ходоров упорно держится за свое открытие согласно которому «крестьяне в Китае никакой собственности не имеют. Крестьянин в Китае—вечный арендатор дробного (парцельного) мелкого клочка земли». Но раз китайские крестьяне никакой собственности не имеют, то спрашивается, кто же эти «земельные собственники», если не помещики. А ежели земельные собственники помещики и ежели даже сама революция не могла изменить отношений между ними и арендаторами-крестьянами, то как же «увязать» это утверждение с заявлением, что помещичье землевладение успело разложиться в медленном процессе трехсотлетнего гниения династии маньчжуров. Или, быть может, под помещичьим землевладением автор подразумевает исключительно землевладение маньчжуров? Если да, то почему он не счел нужным, вернее—не рискнул, заявить об этом открыто, во всеуслышание?

Все эти, как и ранее отмеченные нами, перлы творчества А. Е. Ходорова разбросаны на пространстве каких-нибудь двадцати-тридцати страниц его труда, вероятно, не меньше жемчужин хранят и остальные сто тридцать, так что, если собрать их все воедино, то получится весьма внушительное ожерелье. Это, разумеется, еще не значит, что труд А. Е. Ходорова никуда не годится, ибо тогда он вряд ли бы смог появиться в издательстве Научной Ассоциации Востоковедения, но это значит, что он появился на свет слишком скоропалительно. Явление весьма прискорбное, ибо совсем еще недавно на нашего молодого китаеведа некоторыми возлагались весьма большие надежды. Так Вл. Виленский (Сибиряков) в списке, приложенном к «Современному Китаю» (Москва, «Пролетарий» 1925 г.), рекомендует читателям из новых изданий о Китае читать лишь труды Вл. Виленского (Сибирякова) и А. Е. Ходорова.

Более того, не далее, как в прошлом году профессор И. Бороздин в статье: «Изучение Востока в современной России», появившейся в сборнике: «Колониальный Восток», говоря о том, что «теперь и Западная Европа не сможет обойтись без русских работ по современному Востоку», указывал, между прочим, и на работы того же А. Е. Ходорова. Это обстоятельство, думаем мы, возлагает на последнего сугубую ответственность, всю серьезность которой он на этот раз упустил из виду. Будем, однако, надеяться, что ко второму изданию А. Е. Ходоров не пощадит своих усилий и заново основательно переработает свой труд, памятуя о том, что дело идет не только о престиже его самого, как китаеведа, но до известной степени и о престиже нашего заграничного экспорта.

А. Ивин.

Руководство деревенской агитпропработой.

Один мой друг из крестьян рассказывал, как в молодости, томимый жаждой знания, он пришел в восторг, узнав о существовании энциклопедического словаря. Здесь-то, думал он, можно узнать все, научиться всему. Эта наивная история вспомнилась мне, когда я просмотрел сборник «Агитация и пропаганда в деревне. Пособие для деревенских ячеек РКП и РЛКСМ, изб-читален, и шефских коллективов» (изд. «Прибой», Ленинград 1925, стр. 141, цена 40 к.).

Правда, это не энциклопедия, не справочник. Для этого здесь слишком мало фактов, цифр, точных определений и характеристик, слишком плоха, неполна, случайна библиография. Здесь обычные статьи с рассуждениями. Приложенные резолюции XIII с'езда партии дают повод думать, что цель сборника—служить комментарием к решениям этого с'езда. Но и такие комментарии есть там только, отчасти, в некоторых статьях. В общем 22 автора (перечисленные на особой красной бумажке), под редакцией А. Аболина, написали в 25 статьях обо всем понемножку и ни о чем толком, дали какую-то наскоро сготовленную, цитатами из Ленина приправленную окрошку для деревенского партийца, наивно думая удовлетворить таким образом его жажду просвещения в партийных вопросах.

Недостатки сборника—обычные для плохенькой энциклопедии. Тут и коротенькие определения общеизвестных вещей (напр., что такое индивидуальная агитация и что такое массовая), тут и пространные общие рассуждения, не дающие ничего конкретного, кое-какие цифры, ошибки (подчас грубые), путаница, то попытки «популярничать» (напр.: «Конечная цель работы советов—введение социалистического строя. Поэтому и наш Советский Союз называется Союзом Советских Социалистических Республик»), то типичная интеллигентщина, затруднительная для понимания деревенского читателя, и т. д.

Дадим характеристику содержания на отдельных, важнейших статьях. Вот статья первая: «Задачи партии в деревне и агитационно-пропагандистская работа» (Авторы статьи не указаны). Несколько хороших цитат из Ленина, которые испорчены очень плохой отсебятиной. Вот Ленин говорит о коммунизме, об уничтожении классовых делений и проч.: эту задачу «можно решить только организационной перестройкой всего общественного хозяйства, переходом от единичного, обособленного, мелкого товарного хозяйства к общественному крупному хозяйству... в громадных размерах улучшить всю земледельческую технику, преобразовать ее в корне» (Подчеркнуто мною). Место, откуда взяты цитаты, не указано: когда же мы научимся элементарной вежливости по отношению к читателю!). А вот отсебятина:

«Итак, наша цель—коммунизм. Но этой цели мы достигнем медленным путем, помогая крестьянину поднять и укрепить его хозяйство, создавая материальную (хозяйственную) основу для коммунизма» (Стр. 5. Подчеркнуто автором). Точка и дальше—новая глава.

Какая замечательная популяризация идей Ленина о коммунизме! Поднять и укрепить индивидуальное крестьянское хозяйство значит создать материальную базу для коммунизма! Слышал автор звон, да не знает, где он. Звонили-то о том, что под'ем сельского хозяйства необходим для развития промышленности, как основной базы социализма. У Ленина говорится о замене единоличного мелкого крестьянского хозяйства крупным общественным, о преобразовании в корне всей земледельческой техники. Можно—и нужно—говорить о многочисленных способах, какими совершается теперь в деревне эта замена и. это преобразование. Можно—и нужно—выяснять многосложную связь, какая существует между под'емом сельского хозяйства и возможностью социализации всего хозяйства в целом, и проч. Вместо всего этого, автор ставит знак равенства между укреплением единоличного крестьянского хозяйства и созданием материальной базы коммунизма. Точка. Новая глава.

Далее в особой главе, автор хочет доказать «рост значения и роли агитации и пропаганды» теперь, по сравнению с периодом гражданской войны. Путаный ход мысли автора приблизительно таков. Раньше приходилось об'яснять сравнительно простые вещи, да и об'яснять-то часто было некогда. Затем Ленин бросил лозунг: «не сметь командовать». Следовательно, умозаключает автор, «администрирование и приказ окончательно должны уступить место...—чему бы, вы думали?..—организации» (стр. 7). Да, ведь и Зиновьев сказал: «организация станет всеобщим лозунгом деревни» (там же). Но откуда же тут «рост значения и роли агитации и пропаганды»? А вот откуда: «... невозможна всякая организация вообще без правильно поставленной агитации и пропаганды» (стр. 8. Подчеркнуто везде автором).

Этакая околесица. Читатель мозги вывихнет, прежде чем разберется. И совсем не в том дело, чтобы доказать, в какой период революции агит-пропаганда имеет большее значение. Существенно важно выяснить, что в каждый период агит-пропаганда должна ставить себе особые цели и стремиться к ним особыми методами. Здесь гвоздь вопроса. Тем именно и страдает наша агит-пропаганда сейчас, что наши агитаторы и пропагандисты стремятся к новым целям старыми методами, от которых никак не могут отделаться. Об этом именно твердил Ленин еще с 1920 года. Вот наиболее характерное место из его речи на совещании политпросветов в ноябре 1920 года:

«Пропаганда старого типа рассказывает, дает примеры того, что такое коммунизм. Но эта старая пропаганда никуда не годна, так как нужно практически показать, как надо социализм строить. Вся пропаганда должна быть построена на политическом опыте хозяйственного строительства. Это наша главнейшая задача, и, если кто вздумал понимать это в старом смысле слова, тот оказался отсталым и не может вести работу пропаганды для массы крестьян и рабочих. Наша главная политика сейчас должна быть—экономическое строительство государства, чтобы собрать лишние пуды хлеба, чтобы дать лишние пуды угля, чтобы не было голодных,—вот какова наша политика. И на этом должна быть приложена вся агитация и вся пропаганда. Нужно, чтобы было поменьше фраз, так как фразами вы не удовлетворите трудящихся. Как только война даст нам возможность освободить центр тяжести от борьбы с буржуазией, от борьбы с Врангелем, с белогвардейцами, мы обратимся к политике экономики. И вот тут-то играет громадную роль агитация, пропаганда. Каждый агитатор должен быть государственным руководителем, руководителем всех крестьян и рабочих в деле экономического строительства»[1]).

Из этого места речи автор статьи в сборнике привел какие-то обрывки (без указания источника), а самого-то смысла ленинских слов совершенно не понял.

В той же статье брошена мысль о необходимости использовать для агитации и пропаганды наличные силы из беспартийного крестьянства и деревенской интеллигенции. Правильно, конечно. Но, как использовать эти силы, какую именно работу по агитации и пропаганде

[1]) См. том XVIII, ч. 2, стр. 184—185. Цитировано в моей книжке «Как строить новую жизнь в городе и деревне. Задача культурно-социалистического строительства, задачи шефства города над деревней, как и ставил и учил разрешать В. И. Ленин». (ГИЗ. 1925. Стр. 126. 45 к.). Здесь уделено значительное место методам агитпропаганды.

можно переложить на них,—этот существенный вопрос совершенно не разработан.

Берем другую статью, которая должна как бы дополнять первую и служить комментарием к XIII с'езду: «Постановка и методы агитационной работы».

В ней есть отдельная главка: «Какими способами (методами) ведется агитация в деревне?». Это та самая интересная главка в десяток строк, в которой деревенский коммунист просвещается насчет того, что агитация бывает индивидуальная и массовая, первая называется так потому, что «здесь агитатор имеет дело с одним-двумя собеседниками». Массовая— «собеседования, доклады и др.—одним словом способы, которыми сразу можно воздействовать на целое собрание» (стр. 48—49). В остальном статья дает подобные же элементарные указания. Ни одной свежей мысли, ни одного больного вопроса в постановке нашей агит-пропаганды, как будто их нет вовсе. Можно назвать разве лишь совет заменять в избирательных списках, выставляемых партийной организацией, одного кандидата другим (в случае отвода со стороны собрания), и еще мысль (совершенно неразработанную) об устройстве летучих митингов на базарах.

Статья о кооперации принадлежит, пожалуй, к наихудшим. Цитатка в несколько строк из Ленина, о том, что кооперировать население это все, что нам нужно. А затем отсебятинка такая:

«Основные задачи, разрешить которые должна кооперация, определяются тем, что в современной деревне, на-ряду со все разворачивающимся культурно-хозяйственным под'емом, растет и углубляется классовое расслоение.

«Потому задача партии в деревне сводится к тому, чтобы найти простой, легкий, доступный для крестьянства путь к поднятию и развитию своего хозяйства. Кооперация является самым прямым и самым верным путем к разрешению этой задачи» (стр. 59, подчеркнуто автором).

Прочтешь такое местечко и не знаешь, что здесь: простая ли путаница или сознательное протаскиванье через партийную печать чуждой партии точки зрения? (Мы не говорим уже о том, насколько непопулярны приведенные строки для деревенского читателя). С точки зрения мелкого буржуа задачи кооперации, действительно, определяются растущей опасностью быть столкнутым в ряды пролетариев, с одной стороны, и возможностью удержаться в качестве мелкого хозяина при сотрудничестве с другими мелкими хозяевами. Мелкий буржуа и его идеологи, действительно, ищут и отчасти находят в кооперации «простой, легкий, доступный для крестьянства путь к поднятию и развитию своего хозяйства». Но эта точка зрения чужда и неприемлема для пролетариата, для его партии. В советской стране при власти пролетариата, при социализированной промышленности задачи кооперации в деревне состоят в том, чтобы об'единить миллионы разрозненных единоличных хозяйств на сбыте, снабжении, производстве и втянуть их постепенно в систему общего социалистического хозяйства. Автор этой статьи (если отбросить предположение о сознательном проведении мелко-буржуазной точки зрения) тоже слышал звон, да не знает, где он. Да, Ленин писал, что «кооперировать в достаточной степени глубоко и широко русское население при господстве нэпа, есть все, что нам нужно»..., но непосредственно за этим совершенно непонятным, оборванным на запятой, отрывком следует: «потому, что мы теперь нашли ту степень соединения частного интереса,

частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов» (см. том XVIII, часть 2, стр. 139—140). Да, Ленин тоже искал и нашел «путь возможно более простой, легкий и доступный для крестьянина», но только путь не укрепления частно-собственнического мелкого хозяйства, а путь «перехода к новым порядкам», к социализму (см. там же, стр. 140).

Кооперация интересует крестьянина с точки зрения непосредственного улучшения его положения, как частного хозяина, и вовсе не интересует, как средство социализации сельского хозяйства. Наоборот, пролетариат кооперация вовсе не интересует, как средство улучшения положения мелких собственников, но весьма интересует, как средство социализации сельского хозяйства. Вся штука, однако, в том, что это противоречие, неразрешимое в капиталистическом государстве, в советском строе благополучно разрешается самим фактом наличия крупного промышленного производства, торговли, банков в руках пролетариата, а не буржуазии, так что кооперирующийся в своих частных интересах крестьянин силою вещей втягивается постепенно в общую систему социалистического хозяйства, а роль частного капитала постепенно сводится к нулю. Эти основные мысли Ленина о кооперации не только не об'яснены в статье, но прямо искажены и запутаны.

Об остальной части статьи не хочется и говорить. Сел.-хоз. кооперацию автор понимает почему-то только как производственную, совершенно не говоря ни слова о кооперировании в области сбыта, которое партия считает наиболее широким руслом, «столбовой дорогой» в деле кооперирования деревни. «Колхозы и совхозы у автора близко соприкасаются с сел.-хоз. кооперацией». О колхозном движении—ни звука. На злободневные вопросы кооперативного движения ни одного живого отклика.

Статья «Общества крестьянской взаимопомощи» написана так, как будто бы в жизни их не произошло недавно крупнейшей перемены, как будто бы перед крестпомами не поставлено новых, важнейших задач, значительно расширяющих круг их прежней деятельности и далеко еще не осуществленных на практике. Новое положение о крестпомах даже не названо рядом с единственной указанной брошюркой. Этим задачам уделено всего десятка полтора строк. Из множества больных вопросов движения упомянуто (в одной строке) только о торговом уклоне. О привлечении в новые крестпомы также середняков, о создании из них широкой общественной организации, которая об'единяла бы бедняцко-середняцкую массу против кулацкой верхушки—ни слова.

Заглавие статьи «Как использовать шефа» правильно формулирует необходимую для деревни тему по этому вопросу, но сама статья совершенно не отвечает своему заглавию. Это обычная статья о шефстве с теми же ошибками, которые были отмечены нами в сборнике по шефству. Вопреки циркуляру ЦК РКП (б) по шефству, автор статьи выступает против материальной помощи не только в области хозяйства, но даже и в области просвещения (последнее никем никогда не оспаривалось!): «Шеф не должен тратить свои средства на материальную помощь крестьянам (дарить с.-х. орудия, вкладывать средства в хозяйственные предприятия подшефа и т. п.). Ту же линию необходимо проводить и в организации и развитии различных культурно-просветительных учреждений деревни...» (стр. 108). Если бы шефы последовали этому совету, то они должны были бы начисто прекратить всякую работу: без материальных затрат невозможна никакая помощь деревне.

Когда же все-таки в изданиях ЦК РКП (б) по шефству будут правильно толковаться и развиваться директивы ЦК РКП (б) по шефству? [Список литературы по шефству очень неполон. Отсутствует—случайность?—указание на руководящий циркуляр ЦК РКП (б)].

Отличается в хорошую сторону статья «Агро- и лесо-пропаганда». Но она страдает определенным индивидуалистическим уклоном, как и статья на ту же тему в шефском сборнике ЦК РКП (б). Рычагами агро-пропаганды, автор признает в первую голову культурного крестьянина-передовика, сельскую интеллигенцию, членов Всеработземлеса, шефов. Опорными пунктами—вик, агрономический участок, избу-читальню. Колхозам, их членам, совхозам—явный бойкот. Вся агро-пропаганда, в постановке автора, должна быть направлена исключительно к под'ему частно-собственнического, индивидуального хозяйства силами отдельных хозяев, без какого бы то ни было намека на об'единение их и преимущественно путем поощрения и выставления в качестве примера лучших индивидуальных хозяев. Статья сделала бы честь любому буржуазно-демократическому спецу какой-нибудь американской республики, и упоминание в конце статьи о том, что «задача дня—... всю мощь агрикультурного процесса направить в сторону приближения крестьянского хозяйства к социалистическому» (стр. 101)—звучит так же странно и неубедительно, как заверение в социалистических стремлениях автора какого-нибудь спецовского доклада, от каждой строчки которого несет буржуазным духом.

Мы не можем разбирать всех статей сборника. Нельзя отрицать, что, при недостатке литературы, некоторую пользу сборник все же может принести. Но от издания под маркой Агитпропа ЦК РКП (б) можно бы и должно ожидать лучшего, значительно лучшего. Во всяком случае можно бы не печатать ученических статей на 2—.

Серьезно следовало бы поставить вопрос о надобности подобных сборников, с потугами на всестороннее руководство деревенской работой. Комментарии к решениям партийных с'ездов и конференций необходимы, но это должны быть именно комментарии, подробно, пункт за пунктом, раз'ясняющие принятые резолюции. И печататься они должны тотчас после с'езда, когда во всех парторганизациях идет проработка решений, а не перед новым с'ездом. Статьи по текущим вопросам агит-пропаганды тоже необходимы, но их должны давать периодические парторганы, в которых у нас недостатка нет. Разработка и популяризация более общих вопросов агит-пропаганды в ее разных видах и формах должна итти своим чередом—частью в тех же парторганах, частью в особых брошюрах. Очень нужна, наконец, и хорошая библиография, которая была бы своего рода триэром, отбирающим для деревни из груды издаваемой литературы, только высокосортный материал. Но совмещение всех этих задач в одном издании приводит лишь к такой малополезной затрате сил и средств, примером какой служит данный сборник.

В. Карпинский.

Г. Сафаров. Ленинизм как теория развития пролетарской революции. Изд. «Прибой». 1925 г. Стр. 40.

Совершенно бесспорна необходимость в такой популярной литературе, в которой бы рассматривались как различные вопросы ленинской теории, так и развивались бы отдельные ценнейшие замечания, неразработанные самим гениальным творцом ленинизма. В этом отношении брошюра Г. Сафарова сослужит известную службу. Но еще более

бесспорным является то, что дело подобной популяризации требует от авторов всесторонней продуманности и теоретической безукоризненности формулируемых ими положений. Поэтому не мешает остановиться на тех местах брошюры, где автором это обязательство нарушается.

Г. Сафаров говорит, что ленинизм в общей форме есть теория превращения низших форм классовой борьбы в высшие ее формы.

«Основных исторических ступеней революционных превращений в процессе классовой борьбы—по его словам—можно установить несколько: первая—превращение стихийности в сознательность, экономической борьбы в политическую на всех ступенях и этапах; это—то, что увязывает отношения между авангардом и массой революционных классов; вторая—превращение низших форм в высшие формы движения, оборонительной борьбы в революционно-наступательное движение; третья—превращение революционного движения полу-пролетарских и крестьянских слоев, а также национальных и колониальных движений, в международную революционную борьбу против диктатуры империализма под руководством пролетариата, т.-е. превращение промежуточных форм движения, промежуточных слоев (крестьянского, национального, колониального) в движение пролетарское, в конечном счете—в единый процесс международной социалистической революции; четвертая—превращение классовой борьбы в национальном масштабе в международную революционную борьбу за коммунизм, т.-е. ломка национальных рамок и переход на арену международной борьбы за коммунизм; пятая—превращение пролетариата в господствующий класс в форме установления диктатуры пролетариата; шестая—распространение пролетарской гегемонии на все отрасли общественной жизни, т.-е. охват пролетариатом задач управления, военной обороны, хозяйственного и культурного развития; седьмая—превращение капитализма в коммунизм путем развития хозяйственных условий пролетарской диктатуры (наша переходная экономика); восьмая—превращение классового общества в поголовно-организованный бесклассовый трудовой коллектив».

«Вот эти основные восемь э т а п о в (подчеркнуто нами. *Г. М.*),—заключает т. Сафаров,—являются характерными моментами революционного развития» (стр. 23).

Прежде всего, бросается в глаза искусственность сооруженной тов. Сафаровым схемы. Не видно точно определенного признака, по которому подбиралась цепочка. Количество составляющих ее звеньев можно как увеличить, так и уменьшить без нарушения целостности всего сооружения. Сам автор это чувствует: на стр. 10 он насчитывает уже только пять видов революционных превращений. Дальше. Тов. Сафаров называет перечисленные им моменты революционного развития «э т а п а м и» и «с т у п е н я м и». Едва ли с этим можно согласиться. Когда речь идет об этапах, предполагается смена одного этапа другим, чередование этапов в определенной последовательности. «Э т а п ы» тов. Сафарова этому условию не отвечают. Революционная действительность, процесс социалистической революции, совершающийся на наших глазах, в эту формулу не укладываются. В самом деле. Сопоставим третий «этап» схемы с пятым «этапом». Получается, что сначала происходит «превращение революционного движения полупролетарских и крестьянских слоев, а также национальных и колониальных движений в международную революционную борьбу против диктатуры империализма», а затем следует «превращение пролетариата в господствующий класс в форме установления диктатуры пролетариата». Мы видим, что в формуле не находит себе места неравномерность революционного развития. Формула

не об'ясняет того факта, что социализм уже строится в одной стране, когда в других странах еще только начинается превращение «национальных и колониальных движений в международную революционную борьбу». Пройденная глава социалистической революции показала нам иное «расположение» этапов, чем указано в формуле. Сначала была завоевана пролетарская диктатура в России, а потом уже под ее влиянием началась борьба угнетенных империализмом народов против его диктатуры.

То, что фигурирует у т. Сафарова в качестве этапов, правильнее было бы назвать типами революционных превращений. А действительная связь между этими типами существенно отличается от связи между ними в разбираемой схеме.

Присмотримся теперь ко второй «ступени» схемы: «превращение низших форм движения в высшие формы движения, оборонительной борьбы в революционно наступательное движение». Всегда ли оборонительная борьба есть низшая форма движения, и наоборот?

Вспомним эпоху Бреста. «Левые коммунисты», как известно, предлагали тогда «революционно-наступательное движение», ленинцы отстаивали «оборонительную борьбу». Не может быть никаких сомнений, кто представлял «высшие формы движения». Возьмем теперь поворот к нэпу. Несомненно, что введение новой экономической политики, по сравнению с сэповским периодом, было в известном смысле отступлением, т.-е. употребляя терминологию тов. Сафарова, переходом к оборонительной борьбе. Кто же в этот момент воплощал высшую форму движения «оборонцы» или сторонники наступления? Ответ ясен.

Обратимся, наконец, к третьей «ступени»: «превращение революционного движения полу-пролетарских и крестьянских слоев, а также национальных и колониальных движений в международную революционную борьбу против диктатуры империализма под руководством пролетариата, т.-е. превращение промежуточных форм движения промежуточных слоев (крестьянского, национального, колониального) в движение пролетарское (подчеркн. нами. *Г. М.*), в конечном счете—в единый процесс международной социалистической революции». Здесь явное смешение понятий. Вот, что говорит о характере национального движения в эпоху империализма тов. Сталин.

«Несомненная революционность громадного большинства национальных движений столь же относительна и своеобразна, сколь относительна и своеобразна возможная реакционность некоторых отдельных национальных движений. Революционный характер национального движения в обстановке империалистического гнета вовсе не предполагает обязательного наличия пролетарских элементов в движении, наличия революционной или республиканской программы движения, наличия демократической основы движения» (И. Сталин, О Ленине о ленинизме, Гиз., 1925, изд. второе, стр. 63).

Национально-революционное брожение в Индии занимает определенное место на весах международной социалистической революции. Еще больший удельный вес имеет движение китайского народа, восстающего против мирового империализма. Будучи революционными, «подпирая» мировую пролетарскую борьбу против капитала, оба эти движения сами по себе не являются пролетарскими. Конечно, при определенных условиях, при особом, благоприятном стечении обстоятельств революционно-демократическое движение может перерасти в социалистическое.

Основная особенность схемы тов. Сафарова—ее недиалектичность.

Еще одно замечание. На стр. 38 т. Сафаров утверждает, что «кооперация есть составная часть государственного капитализма. Именно, как

таковая, она служит подготовительной ступени (ступенью? *Г. М.*) к социализму». Как недавно напомнил тов. Бухарин, тов. Ленин в своей последней статье о кооперации высказал иное мнение: «При государственном капитализме предприятия кооперативные отличаются от государственно-капиталистических, как предприятия частные, во-первых, и коллективные, во-вторых. При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частно-капиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т.-е. рабочему классу».

Или ниже: «Теперь мы вправе сказать, что простой рост кооперации для нас тождественен (с указанным выше «небольшим» исключением) с ростом социализма...» (Ленин, О кооперации, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 143—144).

В заключение мы считаем необходимым отметить, что ряд вопросов поставлен автором интересно,—напр., вопрос о соотношении авангарда и масс в классовой борьбе.

Г. Марецкий.

От редакции: В № 9—10 «Большевика» была напечатана на стр. 52 и след. статья «Выборы фабзавкомов в Германии».

Статья ошибочно приписана тов. Рут Фишер, тогда как автором статьи является тов. Курт Фишер.

Кроме того, в рецензию т. Геласимовой о книге т. Томского «Принципы организационного строительства профсоюзов», напечатанную в том же №, вкрались две следующие опечатки:

1) на стр. 119, нужно читать вместо: «спорный момент о задачах профессионального движения»—«спорный момент о зачатках профессионального движения»;

2) на стр. 121 вместо: «заработной платой и рабочим делом» нужно читать: «заработной платой и рабочим днем».

Редакция: В. Астров, Н. Бухарин, Л. Каменев, А. Слепков, Е. Ярославский.

СОДЕРЖАНИЕ:

БОЛЬШЕВИ

№ 13—14 № 13

30 ИЮЛЯ

1 9 2 5
МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

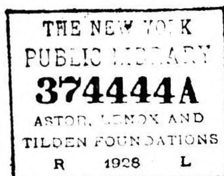
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 30 ИЮЛЯ 13—14

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1 9 2 5
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
ПРАВДА



Главлит № 40.701 Москва. Тираж 40.000

Типогр. изд-ва „Правда" и „Беднота", Яузский мост, Серебрянич. наб., д. 23а.

Вопросы проведения нашей политики в деревне.

В течение последнего года наша партия много внимания уделила тому, чтобы выработать такие формы союза с крестьянством, которые бы отвечали новой, достигнутой нами теперь ступени хозяйственного и политического под'ема. Эти формы должны были обеспечить все большее вовлечение крестьянской массы в наше советское и хозяйственное строительство и дать партии возможность использовать активность и самодеятельность миллионов для продвижения нашей страны к социализму. Развертывание в деревне советской демократии, «оживление советов», т.-е. максимальное вовлечение в их работу середняцкого и бедняцкого актива деревни, об'единение крестьянства в кооперацию, основывающуюся опять-таки на активности и самодеятельности масс—таковы те новые звенья рабоче-крестьянского блока, которые были выкованы партией в результате учета всех новых условий нашей внутренней и международной обстановки.

В связи с установлением этой общей линии в деревне, партией был поставлен вопрос и об изменении методов руководства крестьянством. Развертывание советской демократии в деревне в области советской и в области хозяйственной (кооперативной) работы **невозможно** при сохранении прежних методов руководства крестьянством, являющихся пережитком военного коммунизма. Нечего и думать о развитии самодеятельности, инициативы бедняцкой и середняцкой массы, пока остаются прежние формы администрирования, пока советская работа идет лишь на основе приказа, нажима, командования. Рабочий класс и наша партия не «ослабляют» руководства крестьянством. Наоборот, по мере нашего роста мы должны усиливать это руководство. Однако новая обстановка и новые задачи, стоящие перед партией и рабочим классом в деревне, требуют более гибких методов руководства. На место приказа выдвигается теперь больше элемент «**убеждения**», доказательства, примера, показа. Убедить крестьянскую массу в необходимости того или другого мероприятия и всей нашей политики в целом, доказать ей это,

добиться, чтобы она сама сознательно шла за нами и не только пассивно поддерживала, но сама активно осуществляла эти мероприятия,—в этом состоит сущность руководства в новых условиях.

Эти новые задачи нашей политики по отношению к крестьянству, ясно и четко сформулированные уже около года тому назад на октябрьском пленуме ЦК партии, были подтверждены и углублены последующими пленумами ЦК и XIV партконференцией. В течение нескольких месяцев партийными органами была проведена большая работа по раз'яснению новых принципов нашей политики в деревне и ознакомлению с ними как членов партии, так и беспартийных крестьян и рабочих. Партии пора теперь дать себе отчет в том, как практически осуществляются новые решения на низах, какие препятствия и затруднения встречаются в проведении этих решений, имеются ли отклонения от правильной линии, словом, учесть опыт первых шагов проведения нового курса в деревне для того, чтобы лучше, систематичнее, тверже проводить его в дальнейшем. Ибо новые решения не представляют чего-то случайного показного, скоропреходящего; они определяют линию партии «всерьез и надолго».

В этом отношении большое значение приобретает производимое членами ЦКК обследование низовой советской и партийной работы: это обследование, без сомнения, поможет партии в учете опыта первых шагов проведения нового курса и определении того, что в этом деле требует исправления и выпрямления.

Приходится прежде всего констатировать, на основе этого обследования, что на низах практическое осуществление новых решений партии лишь только начинается, и пока мы не можем еще похвалиться большими успехами в этом отношении. Лишь теперь только на местах—пока далеко не везде—от общих разговоров, общих лозунгов, агитационных кампаний начинают постепенно переходить к проведению на деле новых методов работы: выискивать конкретные меры оживления советов, организации работы советских комиссий и секций, выделения и привлечения к работе бедняцкого и середняцкого актива. Такая медлительность в переходе к новым приемам работы об'ясняется целым рядом обстоятельств. Нужно было время, чтобы низовые партийные и советские работники усвоили новые задачи и принципы работы. Старые навыки работы глубоко вкоренились; приходилось и приходится преодолевать инерцию, косность в этом отношении. Решения партии идут настолько вразрез с образовавшимся за эти годы «традициями» в деревенской работе, что некоторые работники рассматривали эти решения лишь как агитационный маневр и сомневались в том, что они имеют дело с «серьезной» политикой. Другим они казались настолько «смелыми», что они не решались первое время говорить о них и обсуждать их даже на партийных собраниях. Так секретарь одного из укомов на вопрос о том, где прорабатывались решения октябрьского пленума ЦК и какие давались в связи с этим указания деревенским работникам, ответил: «мы просто не решились ставить этот вопрос, так как он казался нам смелым даже после смягченного (!?) доклада представителя губкома». Вместе с тем необходимо время и для выработки конкретных, практических методов работы на новых началах, для того, чтобы практически осуществить втягивание крестьянского актива—не на-показ, а деловое втягивание—в советскую работу. Разумеется, что быстро, в два счета, организовать работу по новому нельзя: для этого требуется продолжительный, систематический и упорный труд. Положение дел на низах приходится поэтому сейчас оценивать не с точки зрения готовых результатов—а с точки зрения того, насколько серьезно, глубоко, систематически низовые парторганизации ведут работу в указанном партией направлении.

Некоторые моменты, которые задерживают проведение нового курса в деревне, требуют в настоящее время серьезного внимания со стороны наших партийных организаций. Прежде всего то обстоятельство, что до сих пор на местах вопросы новых методов руководства крестьянством, развертывания советской демократии и проч. все еще ставятся в общей форме, агитационно, теоретически. Еще и теперь в протоколах волостных (районных) советских с'ездов можно встретить такие постановления: «Слушали: советское строительство. Постановили: приветствовать Совласть в области очередного советского строительства». Такое постановление выносит с'езд, который прежде всего должен бы обсудить и решить вопрос, как практически осуществить это «очередное советское строительство» в пределах своей волости! Этой болезнью общих формулировок, общих лозунгов и положений страдает вся система наших организаций, часто начиная с губкома и кончая деревенской ячейкой. С этой болезнью нужно бороться! Теперь пора уже перейти от общих резолюций, постановлений, от общих лозунгов к практическому осуществлению новых решений партии, к конкретной разработке, как, какими мерами в местных условиях работы, лучше эту политику осуществлять, как подойти к крестьянину, как выделить и организовать крестьянский актив и проч. По этой линии должна строиться сейчас работа наших партийных организаций в деревне. Над этими вопросами должны работать деревенские комиссии и совещания губкомов и укомов. Они должны учитывать имеющийся опыт проведения новой политики—выделять из него то ценное, нужное, заслуживающее дальнейшего развития,

что было сделано местными организациями. Иначе мы не сдвинемся с места! Такое конкретное, практическое обсуждение вопросов работы в деревне необходимо именно теперь, чтобы подготовиться к осеннему оживлению этой работы и чтобы развернуть ее по новому, когда крестьянин вернется с полевых работ и сможет больше отдаваться общественным делам.

* * *

Необходимо отметить далее вопрос о руководстве низовым аппаратом—советским и партийным—в новых условиях работы.

Успех проведения нового курса партии в значительной, если не в решающей, степени определяется тем, насколько низовым работникам удастся справиться с новыми задачами работы, преодолеть старые навыки и «традиции» администрирования, найти практические пути развертывания советской демократии и проч. Вопрос о низовом аппарате, о его подборе, инструктировании его и руководстве им приобретает в этих условиях первостепенное значение. Уже достаточно много говорилось о том, сколько еще непонимания политики партии, а иногда и полного незнакомства с ней, сколько неумения подойти к осуществлению ее можно встретить на низах. Преодолеть это непонимание, помочь низовому работнику в проведении новых решений партии можно только деловой, практической постановкой руководства деревенскими организациями и инструктирования их. Между тем обследование ЦКК выявляет, что часто низовые организации не только не имеют непосредственного, практического руководства, но вообще не получают никаких указаний, как проводить работу по новому. В одной из центральных губерний РСФСР член ЦКК т. Караваев констатирует, напр., следующее: «За шесть месяцев волостная организация не была посещена ни одним членом укома. Ни одна ячейка не имела также письменных директив и указаний на способы и пути проведения основных задач партии по работе в деревне. Ячейками не были получены как резолюции октябрьского пленума ЦК по работе в деревне, так и указания на необходимость проработки решений губернского совещания по этому вопросу и последних пленумов укома. Точно так же секретари ячеек не вызывались за последние полгода на заседания укома для докладов о работе в новых условиях и получения указаний по проведению задач партии в деревне и выпрямления недочетов и ошибок в своей работе». И это в момент, когда партия производит труднейший и важнейший поворот в деревенской работе! Такая оторванность мест, отсутствие руководства, бюрократическая постановка работы представляют в новых условиях величайшую опасность и с такого рода явлениями необходимо бороться самым решительным образом.

Можно думать, однако, что в большинстве парторганизаций дело обстоит лучше. Но что является общим недостатком—это перевес бумажного, циркулярного руководства над живым, непосредственным, деловым. Между тем именно теперь, больше, чем когда бы то ни было, нужно усиление живого, непосредственного руководства местами. Циркулярно-бумажным способом, одними резолюциями и постановлениями, делать новую политику нельзя. Нужно на месте проверять, как проводятся новые решения партии, нужно, исходя из местных условий и особенностей, давать низовым работникам практические указания и советы, что исправить и как вести работу. Только таким путем мы сможем двинуть вперед дело осуществления нового курса партии в деревне. «Без систематического, постоянного, живого руководства со стороны укомов и уисполкомов (а последними—со стороны губкомов и губисполкомов) — улучшение советской работы пойдет слишком медленно»—делает вывод т. Магидов, обследующий деревенскую работу в Пензенской губ. В связи с этим необходимо поставить соответствующим образом работу инструкторского аппарата.

* * *

«Лицом к деревне»—это не есть лишь агитационный лозунг; это—лозунг, который определяет направление нашей политики. Вместе с тем он далеко не исчерпывается такими мероприятиями, как «оживление советов», укрепление деревенской кооперации и помощь крестьянскому хозяйству. «Лицом к деревне» означает в то же время необходимость улучшения тех частей нашего советского аппарата, которые обслуживают крестьянство. Об этом часто забывают. Сплошь и рядом, повторяя всякие хорошие слова насчет союза с крестьянством и необходимости внимания к крестьянским нуждам, допускают в то же время рядом—в земельных, финансовых и др. органах—такой бюрократизм, волокиту, расхлябанность, взяточничество, которые в корне подрывают доверие крестьянства к нашим словам. Чего стоят в глазах крестьянина эти общие разговоры, когда в органах, обслуживащих его самые непосредственные жизненные интересы, нет порядка, и он неделями и месяцами не может добиться толку; если в земельно-судебных комиссиях дела лежат годами; если они по несколько раз пересматриваются в результате некомпетентности, неумения

работников, поставленных там; если проведение какого-либо даже пустяшного дела, получение помощи, справки, указания невозможно в некоторых местах без дачи соответствующей «мзды»? «Лицом к деревне» это значит больше внимания земельному, финансовому и другим отделам, обслуживающим крестьянство или соприкасающимся в работе с самыми острыми его интересами; это значит, что необходимо улучшить состав работников этих отделов, посылать туда хороших работников, давать им возможность ознакомиться с делом и не перебрасывать без толку и без нужды на другую работу; это значит, что нужно следить за постановкой дела в этих учреждениях и не из «прекрасного далека» своих кабинетов, а присматриваясь на месте к работе и прислушиваясь, как отзываются о ней крестьяне; искоренять в этих учреждениях бюрократизм, волокиту, расхлябанность...

Тут необходимо остановиться на материальном положении низовых работников. Что это положение не блестяще — всем известно. Общие условия были таковы, что не давали нам возможности в полной мере обеспечить низового работника. Однако, что по теперешним временам совершенно недопустимо, с чем нужно бороться самыми решительными мерами—это до сих пор существующая в некоторых губерниях задолженность по зарплате низовым работникам. Зарплата иногда даже теперь задерживается на два-три месяца. Именно на почве этой задолженности произрастают всякие злоупотребления, взяточничество, «позаимствования» из кооперации и проч., что деморализует и разлагает советский аппарат. Первым элементарным условием какого бы то ни было улучшения низового советского аппарата является ликвидация задолженности по зарплате и своевременная выплата последней в дальнейшем. Это условие необходимо и возможно обеспечить в ближайшее время, в противном случае все наши разговоры об улучшении советского аппарата будут пустой болтовней.

* * *

У нас много говорится и пишется о недостатках низового аппарата, о безответственности, о бюрократизме, волоките, злоупотреблениях и проч. О том, что такие недостатки действительно существуют, свидетельствуют происходившие и происходящие судебные процессы. Обсуждаются разные меры борьбы с этими недостатками: улучшение состава работников, смена их, укрепление начал революционной законности. Нужно сказать однако, что основным наиболее действительным средством борьбы с безответственностью, головотяпством, злоупотреблениями является

развертывание в деревне начал советской демократии. По мере того, как советы все больше будут обрастать крестьянским активом, будут решать и обсуждать местные дела, а не только вопросы международного положения и Доброхима; по мере того, как будет устанавливаться общественный контроль рабочих, бедняцкого и середняцкого крестьянства над представителями власти,—будут постепенно выводиться и все эти недостатки, будет создана прочная основа для улучшения советского аппарата, превращения его в аппарат, который еще больше, чем теперь, будет «сливаться» на низах с активом середняков и бедноты.

Доказательством этого положения является та роль, которую играет в деле улучшения советского аппарата в деревне такой важный элемент советской демократии, как селькоровское движение. Здесь мы уже имеем действительный контроль низов, контроль масс над советским аппаратом. Корреспонденции селькоров являются сейчас лучшим зеркалом, отражающим настроения, нужды, сомнения деревни и работу наших советских органов. И именно теперь, в связи с переходом к новым методам работы в деревне и руководства крестьянством—роль селькоров становится еще значительнее: селькор бичует косность, старые навыки работы, но он отмечает и то новое, ценное, чего удалось достигнуть в деле осуществления советской демократии. Поэтому наши партийные организации должны больше прислушиваться к голосу селькоров и бороться со всякими попытками связать их по рукам, заставив ограничиваться лишь «вопросами поднятия сельского хозяйства».

Другим немаловажным орудием в борьбе за улучшение советского аппарата являются органы КК и РКИ. В настоящий момент вопросы проведения политики партии в деревне, учета опыта мест, выпрямления линии низовых организаций должны быть в центре внимания этих органов. Роль их, однако, ослабляется тем, что они еще мало связаны с массами; массы их не знают, и они еще мало (на местах) зарекомендовали себя в глазах крестьян. Основная задача, стоящая перед КК и РКИ, состоит в том, чтобы войти в связь с крестьянской массой, ближе к ней подойти и, опираясь на нее вести основную свою работу по искоренению бюрократизма, волокиты, головотяпства, по борьбе за честный, правильно и скоро работающий советский аппарат.

* * *

Новые решения партии отнюдь не означают «ослабления» руководства крестьянством. Наоборот, наша задача состояла и состоит в усилении этого руководства. Однако руководство

должно осуществляться при помощи иных, более гибких методов работы, дающих возможность все больше вовлекать крестьянскую массу в наше социалистическое строительство и все больше расширять и углублять влияние партии на эту массу.

Эти новые задачи пред'являют большие требования к нашим низовым парторганизациям. Нет сомнения, что необходимо усилить эти организации путем пополнения их работниками из города. Однако было бы ошибкой думать, будто это усиление можно провести, организовав одну-две мобилизационных кампании. Теперь необходимо ставить дело иначе: нужно систематически работать над подбором и отбором работников для деревни, выделяя туда выдержанных товарищей, могущих ориентироваться в деревенской обстановке, подойти к крестьянину, руководить им по новому. Только путем такого систематического отбора работников нам удастся действительно усилить низовые организации и помочь им подняться на уровень больших и сложных задач, стоящих перед ними.

Д. Марецкий.

Отто Бауэр и государственная власть.

(К русскому переводу книги Бауэра: „Австрийская революция 1918 г.“).

Госиздатом выпущена книга Бауэра: «Австрийская революция 1918 года» (XIV + 294 стр.). Эта книга, как пишет о ней в предисловии т. Ротштейн, представляет собой «талантливое отображение пошлости, трусливости и морального банкротства австрийской социал-демократии, одной из лучших выразительниц международного меньшевизма. По этой причине ее стоило перевести и стоит читать». Мы не собираемся здесь останавливаться на конкретном материале, привлеченном Бауэром в его новое произведение (впрочем, не совсем новое: оно было написано уже более двух лет тому назад); нас интересует больше своеобразный теоретический стержень работы Бауэра. Сам Бауэр полагает, что его книга может служить «вкладом» в «большую работу» по «развитию социализма XX столетия», и это потому, что Бауэр пытается развить совершенно новую, по его мнению, трактовку проблемы классов и государства. Мы увидим, впрочем, что «новая» теория Бауэра, представленная им в «Австрийской революции» (равно как и в некоторых других работах), теория интернациональная по своему значению, носит специфически австро-марксистский характер, более того, она имеет даже известный национально-австрийский отпечаток.

Дремлет в Австрии экономика, зевает ее парламент, не слышно шума больших социальных битв, ржавеют в ножнах политические мечи, и спит пока еще ленивым социал-демократическим сном австрийское рабочее движение. Понятно и то, что коммунизм в Австрии развивается относительно медленно, и то, что коммунистическая партия Австрии не стала еще массовой, на манер Германской или Чехо-Словацкой. Коммунизм теперь мировое явление. Но это не значит, что коммунизм рождается автоматически, что он сам собой, внезапным откровением нисходит в головы пролетариев любой отдельной страны или передается им путем слепого психологического подражания по схеме какого-нибудь профессора Тарда. Коммунизм вызывают на свет большие экономические потрясения, подземные социальные толчки, политические грозы. До чрезвычайности форсируют появление и развитие коммунизма хорошие уроки реакции или капитальная, бьющая в глаза измена «вождей». Период голода, период существования Советской Венгрии, период министерских портфелей в руках Реннера и Бауэра был периодом разлива коммунистических настроений в Австрии. Но отсутствие организационного кристаллизующего ядра для этих настроений, отсутствие компартии, послужило счастливым громо-

отводом для австрийских эс-деков, которые сохранили свои «исторические позиции», а последовавший затем период тихой стабилизации и «санирования» подтвердил право социал-демократии на дальнейшее существование. Впрочем, это свое историческое право на существование австрийская социал-демократия ознаменовала целой полосой систематического обмана и развращения рабочего движения как в сфере практически-политической, так и в сфере идейно-теоретической.

Переживаемая эпоха намечает, так сказать, особые типы социал-демократического предательства. Предательство это практикуется ныне либо в откровенном, цинически-оголенном злобствующем антикоммунистическом духе, либо же в рафинированном, невинно-безобидном, порой замаскированном виде, при чем суть дела в обоих случаях, конечно, одна и та же. Образцом, можно сказать, шедевром предательства первого рода является современная Германская социал-демократия, типичным образцом предательства второго рода может служить австрийский бауэровский меньшевизм.

При характеристике Австрийской социал-демократии по идеологической линии сразу же натыкаешься, конечно, на «маститую» фигуру Отто Бауэра. Если и для всего Второго Интернационала в целом Отто Бауэр, без сомнения, является звездой первой величины— в особенности на фоне старческого заката Карла Каутского, — то в рамках своей крошечной национальной цитадели фигура Бауэра склонна принимать прямо-таки библейские очертания. Бауэр— общепризнанный теоретический столп так называемой австромарксистской школы. В течение десятилетия набивавший себе руку по части теоретического жонглерства, создавший себе приятную репутацию искателя «собственных путей», всегда подстрекаемый щекотливой претензией «двигать марксизм» вперед—Бауэр бесспорно обладает достаточным талантом и фантазией для того, чтобы с налету, так сказать, создавать теоретические концепции, ради потребности текущего момента на-спех сооружать всякого рода «системы» и даже самые незначительные оппортунистические зигзаги своей партии санкционировать мановением жезла «исторической необходимости».

На первом плане в сомнительной сокровищнице «новинок» Отто Бауэра стоит, разумеется, его теория государства, иначе его теория «равновесия классовых сил». Зародыши этой теории, ее отдельные элементы можно прощупать уже в прежних произведениях Бауэра, например, в его «Bolschewismus und Sozialdemokratie», 1920 г. В завершенном, зрелом виде, в качестве связной концепции Бауэр представил свою теорию в упомянутой работе об «Австрийской революции».

«Новое» свое понимание государства Бауэр в деталях обосновал данными конкретной эволюции государственной власти в Австрии за послевоенный период. Однако то, что теоретическое детище Отто Бауэра выросло в таких относительно ничтожных территориальных и социально-государственных границах—Бауэру нисколько не помешало в дальнейшем размахнуться в планетарном масштабе и сделать свою теорию универсально-значимым научным построением, проливающим лучи яркого света как на мрачные дни Средневековья, так и на весь будущий период исторического приближения к социализму, равно как и на столь причудливый социально-политический переплет современности. В лаконической сжато-систематизированной форме существо своей теории, подкрепленной соответствующей аргументацией, Бауэр изложил в одной статье в венском «Der Kampf», направленной против профессора Кельзена, который выступил с полемикой против «учения» Бауэра.

Вот основные штрихи бауэровской теории государства.

Что такое государство, где лежит определяющий признак государственной власти?—спрашивает Бауэр. Ответ на вопрос дает общая марксистская формула: государство есть социально-классовый институт, государственная власть есть не что иное, как политический инструмент классового господства. Но политическое есть функция социального. Рождается дальнейший вопрос. Как возможно, при каких условиях мыслимо господство данного класса в государстве, наличность в его руках государственного аппарата? Это мыслимо, очевидно, тогда, когда данный класс настолько мощен, настолько созрел организационно, чтобы быть в состоянии подавлять все другие классы, держать их в подчинении,—при решающем, следовательно, перевесе социальной силы этого класса. Всегда ли, однако, наблюдается такое состояние социальной системы, при котором какому-либо из классов ее был бы гарантирован такой решающий перевес силы, такой определяющий социальный приоритет, который вручил бы ему заветные ключи от государственного механизма? Разумеется нет. Такой метафизической гарантии история дать не может. Иногда один класс господствует над другим, иногда же создается нейтральная историческая комбинация классовых сил, при которой ни одна из них не является доминирующей, и общество впадает в специфическое состояние «равновесия классовых сил (Gleichgewicht der Klassenkräfte). Какая участь постигает при таком «состоянии равновесия» государственную власть? В этом случае, отвечает Бауэр, мы получаем дилемму. Либо возможно, что произойдет ассимиляция государственной власти обоими соперничающими классами, другими словами, произойдет дележка госвласти между классами, каждый из которых получит как бы свою долю из государственного пирога. Либо же состояние равновесия классовых сил не приведет к такому мирному переделу госвласти между классами—тогда государство станет силой самостоятельной по отношению к классам: «состояние равновесия» превратит государственную власть в независимый институт, государственная машина приобретет самодовлеющее, надклассовое бытие и, как таковая, начнет царить в социальной среде. Конкретная историческая динамика государственной власти, полагает Бауэр, блистательно оправдывает его социологическую схему. В самом деле, разве не разыгрывается живой исторический процесс неуклонно «по Бауэру»? Возьмем, например, большую историческую эпоху формирования и развития буржуазии. В начале ее,—говорит Бауэр,—«государство было организацией господства только класса помещиков, в конце ее государство стало организацией господства буржуазии. Между феодальным и буржуазным государствами лежал период равновесия классовых сил, в котором оба класса или подпали под господство сделавшейся по отношению к ним обоим самостоятельной государственной власти (einer gegen beide verselbständigten Staatsgewalt), или же должны были разделить власть между собой». Абсолютная монархия на Европейском континенте

дает нам образец государства первого, надклассового типа: своим появлением и историческим пребыванием она обязана исключительно лишь наличию состояния равновесия классовых сил, так гениально просто раскрытому Отто Бауэром. Государство второго типа, когда был на-лицо случай разделения государственной власти, представлял собой порядок вещей, воцарившийся в Англии после «glorious revolution» 1688 года, когда возникло полюбовное сожительство между буржуазией и классом крупных земельных собственников. «Историческую проверку» в далеком прошлом Бауэр считает для своей теории на 100% выдержанной. Точно также он обеспечивает ей полный успех и на экзамене модернизированном, смело вводя ее на очную ставку с современностью. «Можем ли мы,— вопрошает Бауэр,—развитие государства в эпоху под'ема пролетариата представлять себе по аналогии с развитием его в эпоху под'ема буржуазии? Можем ли мы, следовательно, принять, что между капиталистическим классовым государством и государством, которое будет только организацией господства пролетариата, окажется переходный период равновесия классовых сил, в котором оба класса буржуазия и пролетариат или попадают в подчинение самостоятельной по отношению к ним государственной власти, или делят ее между собой?» Конечно, можем. Почему бы услужливой истории не повториться. Она действительно «повторяется» прямо-таки у нас на глазах.

Ибо отличительной чертой нынешней эпохи как раз и нужно считать бауэровское состояние равновесия классовых сил. Государственная власть поэтому в переживаемое время чаще всего либо «делится», либо конструируется в самостоятельную надклассовую касту. Примеров Бауэр видит так много, что при выборе их он испытывает настоящее затруднение. Государство, в котором власть «поделена» между рабочим классом и капиталистами—это раньше всего, разумеется, Австрия «коалиционного» периода [1]). Брантинговская Швеция и Макдональдовская Англия, это тоже, по Бауэру, государства, пребывающие в его очаровательном равновесии, и где потому «труд» и «капитал» сообща, на паритетных началах, ворочают рулем государственной власти. Классическим типом современного государства, также характеризующимся нейтральным состоянием равновесия классовых сил, но с совершенно другим государственным знаком, Бауэр считает фашизм в Италии. «Итальянский фашизм 1922 г.,—говорит Бауэр,—это повторение (Gegenstück) французского бонапартизма 1851 г. В обоих случаях авантюрист, опирающийся на банду вооруженных авантюристов, разогнал буржуазный парламент, чтобы опрокинуть политическое господство буржуазии и установить собственную диктатуру над всеми классами».

Итак, теория Бауэра, его учение о равновесии классовых сил, о надклассовом и двуклассовом государстве целиком подтверждается, по его мнению, эмпирически, живыми историческими иллюстрациями. Но, прокламируя свою теорию, отказывается ли Бауэр от старинного марксистского взгляда на государственную власть, как на орудие классового угнетения, как на политическое средство классового насилия? Оказывается нет. Он как небо от земли далек от такой ревизионистской мысли. Совсем напротив! Знаменитое положение «Коммунистического Манифеста» сохраняется Бауэром в своей прежней девственной чистоте. Одной из своих самых важных задач Бауэр считает предохранение тезиса Маркса от вульгарного опошления, от превращения его в «ходячее популярное представление». Как следует, по мнению Бауэра, подлинно научно интерпретировать классовую формулировку сущности государственной власти, данную Марксом и Энгельсом? Конечно, не как всеспасительную догму, годную в любом конкретном случае, но лишь как некий абстратно-теоретический предел. Маркс дает в «Ком. Ман.» только общую формулу государства, а потому, следовательно, и значимость этой формулы надо истолковывать лишь в обобщенном смысле, в смысле некоторой тенденции. Что же касается собственно теории Бауэра, то ее значение, по его личному признанию, сводится к тому, что она лишь заполняет общее положение Маркса адэкватной конкретно-исторической плотью. Формула Маркса, говорит Бауэр, это своего рода «общая теорема» (allgemeiner Lehrsatz) и, как таковая, лишь в отдаленной степени может служить приближением к сложности и пестроте и необычайному разнообразию элементов действительности. Поэтому на-ряду с общей теоремой необходимы теоремы вспомогательные, особые социологические леммы, которые перекинули бы железный мостик между реальностью и «общей теоремой», «индивидуализировали бы», «модифицировали бы» последнюю, применительно к данному конкретному социальному рисунку. Цитаты, которые по этому поводу Бауэр берет у философа Эрнста Маха, только подкрепляют в его глазах правильность такой интерпретации марксовой «теоремы», и в конце-концов он приходит к утешительному результату, одновременно обеспечивающему самое почетное положение его теории равновесия и вместе с тем сохраняющему и Карлу Марксу кое-какое место под луной.

Обращаясь к критической оценке «государственных» взглядов Бауэра на государство, с самого начала приходится констатировать, что они, конечно, ни в коей мере не могут похвастать качеством «новизны», как бы ни старался изобразить это сам их автор. Теория надклассового государства имеет настолько почтенный исторический возраст, что никакая софистическая эквилибристика не в силах ее сделать новой. Она так же стара, как сама **буржуазная** государственная наука вообще. Отнюдь не нова также и бауэровская затея сосватать буржуазную теорию государства с учением о классовой борьбе. Можно скорее считать своеобразной исторической закономерностью то обстоятельство, что параллельно процессу общего оппортунистического перерождения марксизма происходила, если употребить термин юриспруденции, рецепция буржуазных теорий государства в его среде. В своих больших исторических экскурсах, например, при социологической характеристике абсолютной монархии накануне Великой Французской Революции Каутский совершенно недвусмысленно становится на позицию надклассового государства. Что и нашего покойного Плеханова надклассовый змей не преминул смертельно ужалить, в этом может легко убедиться каждый, кто ознакомится с его воззрениями на государство хотя бы по его введению к «Истории

[1]) Период после Женевского договора Бауэр склонен обозначать как «реставрацию буржуазного господства», но уже теперь ему вновь грезится скорое приближение «равновесия классовых сил» в Австрии, когда можно будет опять «поделить» власть между «буржуазией» и «пролетариатом» и вместе с тем одним ударом как реализовать лишнюю эффектную иллюстрацию «теории государства», так и утешить понятную тоску по министерскому креслу.

русской общественной мысли». А в работах русских меньшевиков, посвященных революции 1905 г., столь же явственно слышится та же надклассовая мелодия. И не даром буржуазный проф. Кельзен, к чести которого выпало первое дезавуирование антимарксистского существа теории Бауэра—дальнейшее «развитие» Бауэром Маркса обозначает, как идейный поворот, на всех парах мчащий его «назад к Лассалю». Перед лицом обычной марксистской логики, концепция Бауэра моментально теряет малейшую тень правдоподобия. Не забираясь в пыльные исторические лабиринты XVII и XVIII веков, попробуем разобрать актуальную проблему государственной власти в нынешний переходный период. Теперь, уверяет, нас Бауэр, воцарилась картина классового равновесия, вследствие чего ни одному из классов невмоготу владеть монопольно государственной властью, а потому классы делят ее между собой. О каких классах тут идет речь? В основном, конечно, о буржуазии и рабочем классе. Ни буржуазия, стало быть, не владеет госаппаратом, ни пролетариат, но они владеют ей сообща. Современное государство, значит нельзя, по Бауэру, назвать капиталистическим, еще меньше его позволительно именовать пролетарским. Оно ни то и ни другое, и вместе с тем и то и другое. Единственным логическим выводом, который позволит нам выбраться из этого забавного псевдо-«диалектического» болота, будет тот, если мы об'явим современное государство «пролетарски-капиталистическим» или «буржуазно-пролетарским». Но словосочетание «капиталистически-пролетарское государство» настолько оригинально, что уже с чисто-фонетической точки зрения оно в состоянии прослыть за чудо. Даже сам злополучный автор новейшей теории «разделения власти» не в силах его произнести, выпуская измышленное им самим «буржуазно-пролетарское» государство под менее шокирующими ухо псевдонимами: либо под застарелым термином «народная республика», либо под более изящной кличкой «функциональная демократия». Подобная словесная маскировка, конечно, только усиливает комизм положения Бауэра, ибо, из его бедной теории устраняется даже марксистская терминология. Но разрешим себе быть посмелее Бауэра, возьмем его «буржуазно-пролетарское государство» и спросим, какие конкретные, какие осязательные ручательства—мы отмечаем здесь его мистически-неуловимое «состояние равновесия»,—Бауэр предлагает в качестве свидетельства того, что данное «буржуазно-пролетарское государство», действительно, является таковым. Указание на тот социальный момент, что в данном случае делят между собой власть оба класса: буржуазия и рабочий класс, нельзя, конечно, считать конкретным признаком. Ибо никогда класс буржуазии и класс пролетариев всем своим коллективным скопом «держать власть» не могли и никогда не смогут. Остается чисто политический критерий: у власти—партия буржуазии вместе с партией пролетариата, по крайней мере, вместе с партией, называющей себя пролетарской. Итак, коалиционное правительство, политический блок партии, именующей себя рабочей, с буржуазией, таковы остаются единственные верховные определяющие признаки, позволяющие аттестовать данное государство переходным, «буржуазно-пролетарским». Дело в сложной проблеме государства сводится, следовательно, не к социальным функциям государственной машины, а к ее внешней партийной вывеске. Опровергать дальше такую умо-

рительную «коалиционную» «модификацию» «общей теоремы» бедного Маркса совершенно излишне: и теоретическая глубина его и политическая тенденция сами говорят за себя. Не без ехидства выявил у этой теории как ее социологический эквивалент, так и «персональную» подпочву для нее у Бауэра проф. Кельзен. Посудите сами, заметил Кельзен, разве гоже для Отто Бауэра подходить к правительству, в котором он сам заседал в качестве министра с меркой Марксовой «общей теоремы» и считать себя действительным членом «исполнительного комитета по делам буржуазного класса»? Поистине «индивидуализирующая модификация», здесь по-человечески извинительна, а дряхлая гипотеза «народной республики» здесь тоже как нельзя более кстати. Основной ляпсус Бауэровской концепции очевиден. Политический туман застилает в ней подлинную расстановку социально-классовых сил, реальное экономическое ядро проблемы. Горе Бауэра в том, что плененный фетишизмом политических оболочек, он не в силах даже подойти по-марксистски к существу вопроса о государстве.

Какой марксистский критерий должен лежать в основе нашей оценки данной государственной системы? Конечно, критерий общественно-производственный. Господствующий тип производственных, в первую голову классовых, отношений и функциональная связь госаппарата с этими отношениями—вот что в действительности является конституирующим признаком. Данное государство — буржуазное потому, что государственная власть в нем служит орудием активной поддержки, укрепления и расширения капиталистических производственных отношений, особым гигантским надэкономическим (а порой срастающимся с экономикой) механизмом расширенного воспроизводства буржуазной системы в целом. Наоборот: данное государство—пролетарское, диктатура пролетариата, потому что правительственный аппарат в нем функционирует, как могучий рычаг революционной трансформации социально-экономических связей, как надэкономический инструмент расширенного воспроизводства социалистических производственных отношений. Под таким углом зрения Бауэровская гипотеза буржуазно-пролетарского государства — чистейшее противоречие: государство, несущее одновременно диаметрально-противоположные функции, государство, с одной стороны, активно воспроизводящее капитализм, а с другой—также активно воспроизводящее социализм,—такая потусторонняя «антиномия» явно нелепа, а, значит, химерой является Бауэровское переходное буржуазно-пролетарское государство. Бледный метод исторической аналогии, которым Бауэр пользуется для обоснования этой химеры, несостоятелен от начала до конца. Из того, что возможно было когда-то «переходное» буржуазно-помещичье государство, возможность существования буржуазно-пролетарского государства отнюдь еще не вытекает. Буржуазно-феодальная государственная организация была организацией насилия блока двух эксплоатирующих, экономически сожительствующих классов,—в этом состоял ее социально-исторический raison d'être (смысл существования). Но государству буржуазно-пролетарскому—такому волшебному «аппарату», который разом служил бы и богу и чорту, и как орудие эксплоатации эксплоатируемых, и как средство насилия над эксплоататорами во славу эксплоатируемых—такому чудодейственному «аппарату» нет места на нашей грешной земле. Это лишь праздная и бесцветная игра слов. По существу же выходит, что для

квалификации изобретенного им государства, как «переходного», у Бауэра ничего другого, кроме чисто внешне-политического, так сказать, чисто «министерского» признака нет.

Но что на одном политическом, оторванном от социально-классового базиса, моменте при анализе проблемы государства далеко не уедешь, за это ручаются головой элементарнейшие факты недавней интернациональной политической жизни. Ведь если о социальной природе государственной власти данной страны без всяких оговорок непосредственно умозаключать от партийного декорума правящего кабинета, то неизбежно придется признать, например, макдональдовскую Англию «пролетарским государством»: рабочая партия у власти, и сама персона Макдональда разве не является для этого «достаточным основанием»? Однако преподносить Англию в качестве образчика пролетарского государства—это чересчур зазорно даже для Отто Бауэра. И Бауэр пытается выпутаться из положения, вспоминая в порыве непоследовательности об определяющей роли социально-классового начала и бросая в примечании такую звучащую «по-марксистски» фразу: «нельзя смешивать социального состояния равновесия классовых сил с его политической формой выражения». В Англии эпохи Макдональда «политическая форма выражения» дана социалистическим правительством, тогда как социальную суть английского государства следует обозначать, как некоторое «равновесие сил», а поэтому макдональдовской Англии Бауэр милостиво разрешает довольствоваться ролью «переходного» пролетарски-буржуазного государства. Почему, однако, в макдональдовской Англии он усматривал «состояние равновесия»—читателю неизвестно, если не считать глухого намека на то, что «рабочим» министрам Великобритании, не располагавшим своим большинством в парламенте, приходилось считаться с требованиями либеральной и консервативной партий. Но так как «равновесие» между правящим кабинетом и партиями в парламенте может быть опять-таки только «политической формой выражения», но не самим «состоянием равновесия классовых сил», то последнее вновь улетучивается от нас, как лучезарный фантом. О социально-классовой природе английского государства судить нужно, в первую голову, по его социально-экономической физиономии и по решающим тенденциям его внутренней и иностранной политики. А так как недавние «рабочие» машинисты английского государства двигали его согласно славным традициям своих буржуазных предшественников по тем же самым империалистическим рельсам,—то «рабочая» государственная власть в Англии оставалась типично-капиталистической.

Таким образом мы воочию убедились, как печально обстоит дело с бауэровской теорией государства в том варианте ее, где трактуется переходная государственная организация, как система «разделения власти» между буржуазией и пролетариатом. Что касается другого «надклассового» варианта его теории, то за его исторической давностью подвергать его в тысячу первый раз критическому обстрелу мы считаем трудом крайне непроизводительным. Единственно, на чем интересно несколько остановиться, что носит на себе некоторый отпечаток свежести и теоретической «оригинальности»,—это социологическая трактовка современного фашизма, которую пытается развить Отто Бауэр. По мнению Бауэра, фашизм представляет собой простую реставрацию бонапартизма 1851 года и только. «Фашизм—это не диктатура буржуазии», думает Бауэр, но он—политическое господство особой диктаторской касты, при чем путь к такому господству расчищает опять-таки не что иное, как парализующее политическую мощь враждующих классов, томительное «состояние равновесия». Чудо надклассовой фашистской диктатуры рождается из такой своеобразнойй социально-классовой установки, при которой силы борющихся классов, по непреложным законам социальной алгебры Отто Бауэра, взаимно уничтожаются.

Что можно сказать по поводу Бауэровской теории фашизма—раньше всего по поводу отождествления фашизма с бонапартизмом? Разумеется, такое отождествление, как бы удобно и соблазнительно оно ни было, страдает непозволительным упрощенством. В самом деле, не нужно владеть даром большой теоретической прозорливости, чтобы между фашизмом и бонапартизмом 1851 г. узреть дистанцию огромного размера. Бонапартизм может быть составным элементом фашизма, и какой-нибудь политический выскочка стиля Наполеона Малого как нельзя более подходит в качестве венца фашистского творения. Но одним только бонапартизмом, но одним «гороховым шутом» во главе страны — исчерпать фашизм невозможно. Природа современного фашизма и социально и исторически слишком специфична, чтобы быть отмеченной по обветшалой рубрике бонапартизма. Напомним для начала, что фашизм вовсе не национально-итальянское явление. Марка «made in Italy (сделано в Италии)» не годится с тех пор, как фашизм перешагнул границы своей родины. И теперь черный призрак фашизма бродит повсюду. Масштаб фашизма теперь если не мировой, то, по крайней мере, всеевропейский. Даже в обетованную Австрию залетели уже первые ласточки фашизма. Фашизм вполне законное дитя послевоенной эпохи, настолько законное, что все особенности его начисто, без остатка разлагаются на особенности эпохи. Решающей чертой переживаемой эпохи является небывалое обострение процессов распада, деградации и кризисов, разъедающих империалистический капитализм во всех порах его бытия. Из этих процессов и вырастает фашизм, рождается из этих непрерывно сотрясающих капитализм кризисов, как феникс из пепла. Разве не ясно всякому, что фашизм является продуктом исторически неслыханного, ползучего и неугомонного кризиса парламентаризма? Хроническая импотенция современных парламентов действует, как призывный сигнал к фашистской диктатуре. Разве не ясно далее, что фашизм с другой стороны продукт единственного в своем роде раскола в мировом рабочем и социалистическом движении, который открылся с начала войны? Разве не является фашизм продуктом разложения и краха социал-демократии, разве по отношению к этому краху фашизм не служит постоянно «сопутствующим процессом»? А массовая и, следовательно, материальная сила фашизма разве не почерпается из того обстоятельства, что переживаемый период принес с собой величайшее дискредитирование социал-демократии в глазах масс? Только для Бауэра, в олимпийском «равновесии», свысока третирующего всякую разницу в историческом контексте, достаточно заявления, что фашизм—это бонапартизм... и баста. Ведь если при слабости французского пролетариата в 1851 г., при отсутствии массовых организаций, Наполеону во главе с десятком тысяч «алчущих сосисок» хулиганов можно было на спине ворчащего французского крестьянина в'ехать в королевский дворец, то совре-

менному фашистскому Бонапарту нужно нечто большее. Нужна измена социал-демократии, обрекающая на бессилие рабочий класс, нужна неподготовленность компартии, нужна самостоятельная **массовая** фашистская организация, нужен для этой цели временный классовый маскарад фашистской партии, нужно временное антикапиталистическое лицемерие и много других вещей, о которых никому не могло даже сниться в 1851 г. «**Фашизм** не есть диктатура буржуазии», берется утверждать Бауэр. В действительности, фашизм, конечно, диктатура буржуазии, самая модная форма буржуазной диктатуры. Нелепо было бы думать, что существует одна какая-то метафизически-непременная форма диктатуры буржуазии. Вариации, «модификации» тут мыслимы и неизбежны. Ведь сам Бауэр признался нам, что «политическая форма выражения» и «социальная» сущность не могут быть идентичными. Под ширмой ли Носке, под ширмой ли Муссолини, буржуазия одинаково успешно в состоянии отправлять все функции своей диктатуры. Буржуазия достаточно умна, чтобы не брезговать массовыми механизмами политического влияния. В XX веке, веке массовых организаций, нельзя сделать большого политического дела, не ведя «счета миллионами». И если история стала разрывать традиционные социал-демократические сети, если отсталый пролетарий или мелко-буржуазный попутчик уже в них не попадают, то буржуазный рыбак бросает их прочь и закидывает новые, на-спех сплетенные, фашистские сети. Лишь бы спастись от угрожающей лавины коммунизма, а каким путем, при помощи каких организаций массового растления удастся водрузить знамя буржуазной диктатуры—это принципиальной роли для капитализма играть не может! Поэтому, вопреки Бауэру, фашизм—это буржуазная диктатура, это специфическая историческая форма диктатуры буржуазии. Для Бауэра, полностью игнорирующего историческое своеобразие анализируемого явления, все то, исторически новое, что заложено в фашизме попросту не существует. Фашизм—это лишь бонапартизм! Больше ничего не хочет слышать, не хочет чувствовать запрятавшийся в своей тихой австрийской будке Отто Бауэр. Его глаза направлены в прошлое, для него фашизм—это бонапартизм, ему история показывает только свое a posteriori точно так же, как она когда-то показывала свое a posteriori тем глашатаям исторической школы права, которых с таким уничтожающим сарказмом бичевал Карл Маркс.

Над тезисом, в котором фашизм изображается, как надклассовый продукт состояния классового равновесия, сам Бауэр произносит смертный приговор неожиданным сопоставлением фашизма и большевизма. Вот, как выглядит этот перл Бауэровских построений:

«Большевизм в России,—вещает Бауэр,—бывший вначале диктатурой пролетариата, стал под давлением экономической необходимости кое-чем совершенно другим. Он теперь, **совершенно аналогично фашизму**, представляет собой диктатуру стоящей над классами правящей касты, которая в своей практике должна взаимно балансировать (ausbalancieren) классовые интересы рабочих, крестьян и нэпманов, новой буржуазии; устойчивость ее господства покоится на том, что ни один из этих трех классов не в состоянии отнять у нее власть, которая есть выражение равновесия сил между этими тремя классами».

Очень легко убедиться, что этот лживый и чудовищный тезис Бауэра прямым путем приводит его к теоретическому самоубийству. Согласимся на минуту, что утверждение Бауэра правильно. Будем апеллировать только к последовательности. Если и фашистская, и большевистская диктатура—надклассовая власть, покоящаяся на равновесии классовых сил, то одно из двух:

Или фашизм и большевизм социально—а это основное—тождественны, и между ними, следовательно, нет никакой разницы; но тогда предстанет, как непостижимая тайна, то, что в качестве элементарнейшей аксиомы известно самому захудалому буржуазному репортеру: то, что современная международная политика не знает антиподов больших, нежели фашизм и большевизм, то, что фашисты и коммунисты бьются смертным боем, то, что они режут друг друга ножами и т. п. Все эти великие тривиальности «текущего момента» неумолимо встанут перед Бауэром в форме сводящей с ума квадратуры круга и будут тщетно дожидаться своего разрешения. Теория Бауэра сохранит тогда свою целомудренную незыблемость, но ее печальным девизом станет: «тем хуже для фактов».

Или же фашизм и большевизм не одно и то же, между ними есть какое-то принципиальное социально-классовое различие. Но в таком случае, позволительно спросить, чем характеризуется это различие. Ответ ясен. Даже отвлекаясь от колоссальной разницы формально-политического свойства, совершенно отчетливо видно различие социальное. И большевизм и фашизм—бесспорная и беспощадная диктатура. Но **социально-классовый знаменатель**, лежащий под обеими формами диктатуры, диаметрально противоположен: большевизм—диктатура пролетариата, фашизм—диктатура буржуазии. Вот и все. Но с признанием этого теория Бауэра рушится, как карточный домик.

Таковы результаты нашей критики учения Бауэра о государстве. Мы убедились воочию, что марксизм для Бауэра теперь навеки «пропавшая грамота». И стоит ли нам после этого удивляться, что Бауэр в паническом трепете отшатывается от того подлинно марксистского учения о государстве и революции, которое дал нам тов. Ленин, что гениальную работу его о государстве он считает «вводящей в заблуждение брошюрой» [1]), что в доказательство он взывает к авторитету самого... Мартова. Быть «вульгарным» марксистом он не желает, он хочет быть только марксистом в лучшем социал-демократическом смысле этого слова. Суб'ективно он склонен полагать, что держит в руках верный компас для своего «государственного творчества»—испытанный марксистский метод: судорожно «цитирует» он еще Маркса и уверяет нас, что он потому лишь «по-марксистски» дальше «развивает» Маркса, что его «история» австрийской революции познала такие факты, каких не мог еще иметь Маркс». «История повторяется» на этот раз по схеме великого флорентинца. Путь в ревизионистский ад вымощен самыми благими марксистскими пожеланиями [2]).

[1]) Кстати сказать, она «ввела в заблуждение» не только проф. Кельзена, но и просвещенного венского приятеля Бауэра, Макса Адлера.

[2]) Последовательная сдача марксистских позиций Бауэром проявляется не только в его учении о государстве. Оппортунизм его проникает и по другим теоретическим каналам. Весьма показателен «пересмотр» им аграрного вопроса. Пишущему эти строки вспоминается один из докладов Бауэра, читанный им в Вене. В этом докладе, посвященном аграрной проблеме и аграрной политике

Всякая политическая теория ведет к соответствующей практически-тактической установке. Оппортунизму в сфере теории соответствует оппортунизм в сфере программно-тактической, вернее говоря, теория лишь поспевает за практикой. И Бауэр не составляет никакого исключения. Политическую программу действий для австрийского пролетариата Бауэр начертал в одной популярной брошюре, носящей незаслуженно боевое название «Борьба за власть» (Der Kampf um die Macht). В маленьких разделах с характерными заголовками: «демократия и вооруженная сила», «избирательная записка или гражданская война», Бауэр нагляднейшим образом стремится показать австрийскому пролетариату, что власть его не за горами. Рабочий класс Австрии придет к власти, конечно, не посредством вооруженного восстания, а мирным эволюционным путем последовательных избирательных побед. Проникнутый безграничной верой в чудеса парламентской алхимии, Бауэр доказывает свою мысль, так сказать, строго математически. Не откажем себе в удовольствии привести это место.

О чем говорит Бауэру избирательная арифметика последних лет. На выборах в австрийский парламент в 1923 г. эс-деки получили 1.300.000 голосов, партия христианских социалистов (господствующая в Австрии буржуазная партия)—1.500.000 голосов, остальные партии—400.000. «Буржуазные партии вместе получили на 600.000 голосов больше, чем мы. Если нам удастся вырвать у буржуазных партий 320.000 голосов и перетянуть их к себе, то мы будем располагать большинством в парламенте и править Австрией». Ничего, конечно, невозможного под луной нет. Только Бауэр делает хорошую мину при плохой игре. Как будто ему не известно, что в Австрии парламент «царствует, но не управляет». Как будто он не знает, что «правит» Австрией Лига Наций. Но что Как-будто он не знает, что «правит» Австрией Лига Наций. Но что делать, гипноз избирательной урны настолько держит его в плену, что он лишь беспрестанно повторяет: «цифры доказывают нам, что с помощью избирательной записки мы скоро получим большинство в республике и захватим власть» (там же, стр. 25). Все это буквально написано у Бауэра, у того самого Отто Бауэра, который до сих пор пользуется репутацией левого из левых вожаков II Интернационала. Только что представленный Бауэром «язык цифр» обусловливает и тот основной тактический лозунг, который он бросает своей партии. Раз не достает голосов, их надо добыть, а так как в Австрии пролетариата, чисто физически, численно

Бауэр делает ряд уступок ревизионизму. Обозревая ретроспективно нашумевшую когда-то теоретическую схватку между Каутским и Давидом, Бауэр не находит в ней победителя и истину усматривает где-то посередине. Ни крупному, ни мелкому землевладению нельзя присваивать, по мнению Бауэра, экономического превосходства: конкурентные шансы обеих экономических форм на мировом рынке равнозначны, а потому можно говорить лишь об их параллельном мирном экономическом сожительстве.

Кстати, Бауэр не мало позабавил тогда свою аудиторию следующим трюком «исторического материализма». Учение Маркса о концентрации капитализма в земледелии было отражением его эпохи и конструировано им на основе исторического анализа английского землевладения. Но повинными в крупном характере сельского хозяйства в Англии Бауэр в «последнем счете» делает... климат, несносные атлантические ветры и др. моменты, форсировавшие развитие крупного лугового хозяйства и вызвавшие таким путем досадную научную ошибку у Маркса. Как видим, даже английские ветры, дувшие сотни лет назад, оказываются в состоянии причинить «в последнем счете» оппортунистический сквозняк в голове Отто Бауэра.

больше взять неоткуда, то все силы партии следует мобилизовать на генеральную охоту за голосами «Mitläufer'ов» (попутчиков)— всевозможных служащих, чиновников, интеллигенции, мелких ремесленников и крестьянства (стр. 21—24).

Ничего сколько-нибудь нового в этих арифметических развлечениях Отто Бауэра, само собой понятно, нет: архаический постулат пифагорейцев: «мир есть число», давным-давно уже влился в идейный сосуд парламентарствующей социал-демократии. Но крайне любопытно и совершенно необычно еще в практике международной социал-демократической фальсификации то, что в качестве самого увесистого аргумента в пользу оппортунистической тактики Бауэр ухитрился сделать одну из кардинальнейших идей ленинизма, идею союза пролетариата с крестьянством. История мирового социал-предательства знала до сих пор лишь искажение марксизма,—«великий почин» Бауэра в том, что он открыл начало эпохи оппортунистического извращения ленинизма. Уже из известных даже в Советской России интересных статей в венской «Рабочей газете», написанных после смерти Владимира Ильича, явствует, какое сильное впечатление произвело на Бауэра учение о союзе пролетариата с крестьянством. В брошюре «Der Kampf um die Macht» Бауэр вновь возвращается к этому вопросу, делает ссылку на «Историю нашей партии» тов. Зиновьева, в которой последний называет мысль о рабоче-крестьянском блоке «оригинальным открытием Ленина», предлагает австрийским эс-декам привлекать крестьянские массы «к активному сотрудничеству с пролетариатом» (стр. 23), или, конкретнее говоря, к усиленному вывариванию крестьянских голов в избирательном котле австрийской социал-демократии. Такой карикатурой выглядит знаменитая ленинская «смычка» в самом свежем венском издании! Великий завет пламенного революционного борца наш оппортунистический маэстро с помощью пошлого софизма разменивает на фальшивую монету прогнившего парламентского кретинизма. Ленин учил не о том союзе с крестьянством, о котором приятно грезить трусливым лидерам Второго Интернационала. Ленин учил о революционном союзе пролетариев города с тружениками деревни, о союзе, направленном к захвату власти и к активному социалистическому строительству на другой день после социальной революции. Ленинская «смычка» — источник несокрушимой энергии, взрывающей на воздух все капиталистическое общество. Бауэровская «смычка»— это только источник парламентской немощи и злокачественная пилюля для мелко-буржуазного перерождения его партии.

Если, таким образом, на австрийский лад извращена одна из центральных идей большевизма, если усилиями Бауэра тов. Ленин превращен в безобидного парламентского погонщика мелко-буржуазных попутчиков, с законным правом можно ожидать, что и весь большевизм в целом, его идейно-политическая и историческая сущность станут жертвой какой-нибудь аналогичной теоретической фальсификации.

Действительно, о большевизме рабочие Австрии получают из уст социал-демократических пропагандистов весьма оригинальное представление. Так как отношение социал-демократических рабочих к российскому большевизму не только доброжелательное, но даже сплошь и рядом можно наблюдать среди них настоящий пиетет перед Советской Россией, то тактику откровенной лобовой атаки, тактику сплошного затравливания, которая с такой

нудной безвкусицей культивируется, например, немецким «Vorwärts'ом»—«левые» бонзы австрийского меньшевизма считают для себя неприемлемой. Их антикоммунистическая стратегия разработана несколько более замысловато. Открытой бомбардировке они предпочитают незаметный подкоп и политику тайных засад. Соответственно особенностям «своего» рабочего движения они формулируют «проблему» так, чтобы, не отрицая огульно большевизма, его фактически обезвредить. И пальма первенства в решении этой «проблемы» принадлежит, конечно, опять-таки Бауэру. Уже в 1920 г. он пустил в оборот социологическую схему, с тех пор ставшую обычной в арсенале антикоммунистических доводов венского социал-демократического пропагандиста. Детальному обоснованию этой схемы посвящена целая работа «Большевизм и социал-демократия», в которой после утомительных исторических изысканий, начиная с реформы в 1861 г., экономических корней большевизма, Бауэр приходит к следующему результату.

Да, большевизм, действительно, диктатура геройского пролетариата в России, да, ему следует воздать должную дань уважения и восхищения со стороны пролетариата Западной Европы. Но это не мешает большевизму иметь под собой совсем особую об'ективную социально-историческую пружину, делающую его непохожим на западно-европейский социализм, а его специфические методы решительно непригодными и бессмысленными для пролетариата европейских стран. Огромное море крестьянской стихии, в котором лавирует большевистская диктатура, относительная малочисленность российского пролетариата, отсутствие исторической школы демократического парламентаризма, культурная отсталость и политическая индиферентность широчайших масс населения, внедренная столетиями царистского произвола,—все это фатально и исторически неизбежно навязало большевизму его методы политического насилия и вылепило из него революционную антитезу царского режима. Рабочий класс Западной Европы, шедший другими историческими путями и находящийся в иных социально-политических комбинациях, для решения тех задач, которые ставит большевизм,—располагает и не может не располагать принципиально другими политическими средствами. Методам этим его обучала и учит сейчас европейская социал-демократия. Таким образом и большевистские волки могут быть сыты, и меньшевистские овцы целы. Между большевизмом и социал-демократией исторически предопределен, так сказать, территориальный компромисс, отдающий большевизму Восток, социал-демократии—Запад, а венским рабочим—Отто Бауэра. Платонический реверанс в сторону большевизма иногда может служить хорошую службу для подкрепления реального меньшевистского влияния в массах [1]).

[1]) Читатель помнит, конечно, что выше, сообразно своей новой теории государства, Бауэр давал большевизму иную трактовку, не стесняясь приравнивать его к фашизму. Об'ясняется это тем, что только что изложенную характеристику Бауэр давал в 1920 г., тогда как «теория равновесия» окончательно сформировалась в 1923—1924 г. г. Впрочем, не лишено интереса, что буквально в одно и то же время (в конце зимы прошлого года), когда в академическом «Кампф'е» в цитированной статье против Кельзена Бауэр отрицал за большевизмом свойство диктатуры пролетариата,—в популярной «Der Kampf um die Macht», в десятках тысяч экземпляров бесплатно распространяемой среди рабочих Австрии, Бауэр по-прежнему называет большевизм диктатурой пролетариата. «Двойная бухгалтерия» заурядного политиканского пошиба, повидимому, не совсем чужда Отто Бауэру.

Однако, младенцу должно быть ясно, что Бауэровский «исторический материализм» хромает в данном вопросе, по меньшей мере, на все четыре ноги. Поистине теперь нужно притворяться слепым, чтобы не видеть, что большевизм давненько уже перешагнул ту восточно-азиатскую черту оседлости, которую с такой предусмотрительной любезностью отвели ему венские теоретики.

Сам Отто Бауэр, когда ему при случае приходится касаться успехов коммунизма в отнюдь не «мужицкой» Германии, приходит лишь в сердито-поэтический экстаз, начинает издеваться над утопической «романтикой слева», великодушно прощает германской социал-демократии «ошибки», которые она, «быть может, совершила», и заявляет под конец, что он продолжает «верить» в ее «будущее». Все это хорошо, пусть будет так, хотя здесь «историческим материализмом» не пахнет, но куда же девалась несчастная «схема», спросит недоумевающий читатель. Ларчик открывается просто: «схема» предназначается лишь для внутреннего потребления, и ее роль в том, чтобы ловким маневром отвести притягательную силу Советской звезды в среде австрийских рабочих.

Можно было бы, конечно, пожелать более детального обзора и критики всех тех оппортунистических документов, которые вышли из-под пера Бауэра за время последних лет: для критического заострения нашего идейного марксистского оружия это могло бы принести не малую пользу. В этой статье мы не задавались целью развернутого критического низложения «бауэриады» по пунктам. Однако, после того, как мы воочию убедились в скандальной капитуляции главного теоретика австрийской социал-демократии по самым основным проблемам классов и государственной власти, мы с полной точностью можем судить о глубине той трясины, в которой безнадежно увяз современный австро-марксизм.

А. Рязанова.

К вопросу о женском труде[1]).

I.

Война внесла коренное изменение, втянув женщину во все отрасли труда, она показала, что созданное, отчасти в силу старых традиций, воспитания, разделение труда между мужчиной и женщиной не является необходимостью, не вызвано природными особенностями, т.-е. не зависит от соотношения физических сил женщины и мужчины.

Но в то же время надо признать, что создавшееся во время войны соотношение между мужским и женским трудом не является еще окончательно установившимся.

Возникает ряд вопросов: изменилось ли положение трудящейся женщины при наступлении «нормального» времени, при наступлении новой «передышки» для капиталистического общества? В каких новых отраслях промышленности укрепилась женская рабочая сила и в каких новых профессиях может работница найти приложение для своего труда?

Если в «нормальное» время «естественный» рост капитализма сопровождается ростом резервной армии труда, которой капитализм не в состоянии обеспечивать средства к существованию, то тем меньше возможности предоставить работу этой колоссальной армии трудящихся, созданной в такой короткий период времени.

Женская рабочая сила могла найти такое широкое применение во время войны только в силу того, что с отливом многочисленных рабочих в действующую армию освободилось много мест на фабриках и заводах, только в силу того, что открылись новые специально военные отрасли промышленности.

Во всех отчетах фабричной инспекции, как в Англии, так и в Германии, одинаково отмечается, что женщины в настоящее время в общем работают в тех же отраслях промышленности, в каких работали до войны. Все те методы, которые применялись во время войны для облегчения доступа неквалифицированной рабочей силы во все отрасли промышленности, за небольшими исключениями, отменяются. Предприниматели нашли, что все те приемы, которые они пускали в ход во время войны, когда вместо одного квалифицированного рабочего оставили группы работниц, для них невыгодны. И выталкивают работницу не только потому, что надо дать место мужчине, но еще и потому, что военный метод, приведший к сильному увеличению штатов, при нормальных условиях невыгоден, и организация производства начинает принимать новую форму. Ибо при сокращении производства предприниматель обыкновенно прежде всего отпускает менее искусных, менее квалифицированных рабочих, а при расширении работ он старается подобрать наиболее квалифицированную рабочую силу. Такая тактика не исключает, конечно, и того, что в иных случаях, в целях понижения заработной платы, предприниматели применяют как раз обратный метод и пользуются менее квалифицированной рабочей силой, чтобы сбить, таким образом, заработную плату высококвалифицированных рабочих, но во всех этих случаях положение женского труда неустойчиво.

[1]) В порядке постановки вопроса.

«Женщины вернулись в женские отрасли промышленности,— отмечает отчет английской фабричной инспекции за 1923 год,— и только небольшая часть работниц прибавилась в тех профессиях из мужских отраслей труда, в которых исследования довоенного времени установили их пригодность к данным профессиям»... В текстильной промышленности увеличилось число присучальщиц на бумагопрядильных фабриках... В металлической промышленности некоторая часть женщин работает на токарных и сверлильных станках... увеличилось число женщин на производстве мелких вещей: гвоздей, гаек, булавок, перьев и т. д. в тех районах, где раньше женский труд не применялся и т. д. [1]).

В Англии общее число рабочих и служащих по сравнению с довоенным временем, ввиду безработицы, сильно сократилось с 13.886.000 в июле 1914 г. до 11.750.450 к январю 1923 г. Если причитать и сельско-хозяйственных рабочих, которые не вошли в последнюю цифру, то и тогда численность рабочего класса уменьшилась более, чем на 1 мил. человек. Но в то время, как число мужчин уменьшилось на 2.068.000, количество женщин уменьшилось только на 67.580; разница была бы немногим меньше, если присчитать сельско-хозяйственных рабочих, среди которых женщины составляют незначительный процент.

Но в промышленности, исключая земледелие, транспорт, торговлю и служащих всякого рода, общее число рабочих уменьшилось с 8.481.000 до 8.380.071, при чем число женщин даже увеличилось с 2.179.000 до 2.231.600, т.-е. на 52.600.

Рассматривая участие женщин в разных отраслях промышленности, мы видим «продвижение» работниц во все отрасли труда, небольшое увеличение их числа сравнительно с довоенным временем в некоторых мужских отраслях промышленности, как металлообрабатывающей промышленности, в которой число женщин увеличилось на 27.000 (с 170.000 до 197.460), а число мужчин—на 401.600; в химической число работниц увеличилось на 25.400 (с 40.000 до 65.400), а число рабочих на 16.500 (с 159.000 до 175.500). В полиграфической и бумажной промышленности число мужчин уменьшилось на 64.200 (с 261.000 до 196.890), а число женщин—на 7.260 (с 148.000 до 140.740); в деревообделочной промышленности, при уменьшении числа рабочих на 76.000 (с 258.000 до 182.400), число работниц уменьшилось на 5.000 (с 44.000 до 39.000); в строительной промышленности число рабочих уменьшилось на 45.400 (с 920.000 до 874.590), а число женщин—на 380 (с 7.000 до 6.620); в горном деле количество женщин увеличилось с 7.000 до 10.730.

Мы видим, что из «мужских» отраслей промышленности женский труд все более укрепляется в одной только металлообрабатывающей промышленности, где число женщин хотя увеличилось только в незначительной степени, но где они составляют довольно компактную группу. Правда, и тут женщины пока-что играют

[1]) См. Rep. of Insp. of Fact. and workshops for the Jear 1923, p. 44—47.

сравнительно небольшую роль, не только в виду разделения труда между мужчиной и женщиной в этих отраслях производства, но и количественно по отношению ко всей массе рабочих.

В то же время заметна еще большая «стабилизация» женского труда в текстильной промышленности, в которой уменьшение общего числа рабочих (с 1.488.000 до 1.349.000) шло почти исключительно за счет мужского труда: численность мужчин понизилась с 625.000 до 525.560, т.-е. на 99.440, а число работниц—с 843.000 до 823.460, т.-е. меньше, чем на 20.000; кроме того, количество женщин возросло за счет мужского труда в пищевой промышленности и почти среди всех категорий служащих, где при уменьшении числа мужчин заметен рост женского труда.

В Германии, по данным больничных касс, к 1-му апреля 1925 г. из 12.965.312 человек обязательно застрахованных в 5.444 кассах, исключая безработных и неработоспособных больных, было 8.447.429 мужчин и 4.517.883 женщины.

Численность рабочих крупной промышленности с 6.141.583 в 1913 г. повысилась до 6.196.433 в 1922 г., т.-е. на 54.850 человек, а количество женщин за этот же период повысилось на 427.051 (с 1.592.138 до 2.019.189)[1]. Если принять численность мужчин и женщин в 1913 году за 100, то количество первых достигло всего 100,9%, а последних—126,8.

В отличие от Англии, в Германии замечается сильный рост женского труда в металлопромышленности, где число женщин увеличилось вдвое—с 173.806 в 1913 г. до 340.000 в 1922 г., но по отношению к общему числу рабочих, они играют несколько большую роль в металлообрабатывающей промышленности, в которой в 1913 году было 94.173 женщин и 585.934 мужчин, а 1922 г.—662.000 мужчин и 165.333 женщины. В машиностроительной промышленности число женщин увеличилось в два раза, но на 1.469.760 мужчин приходится всего 184.590 женщин. В 1913 году на 1.000 работающих приходилось 932 мужчин и 68 женщин в машиностроительных предприятиях и 862 мужчин и 138 женщин в металлообрабатывающей промышленности, а в 1922 г. соответственные цифры составляли 889 мужчин и 111 женщин в первой из этих отраслей и 199 женщин и 801 мужч. во второй.

В химической промышленности количество женщин повысилось с 29.730 до 53.360. В 1913 году на 1.000 работающих приходилось 836 мужчин и 164 женщины, а в 1922 г.—812 мужч. и 188 женщин.

В кожевенной промышленности число работниц повысилось с 24.158 до 45.010, т.-е. почти в два раза, при чем на 1.000 работающих в 1913 году было 199 женщин и 801 мужч., а в 1922 году женщины составляли 293 на тысячу.

В полиграфическом производстве численность женщин с 50.624 повысилась до 64.041, при чем в 1913 году на 1.000 работающих приходилось 749 мужчин и 251 женщина, а в 1922 г. женщин на тысячу приходится 332, а мужчин 678.

В текстильной промышленности число мужчин понизилось на 79.481 (с 436.532 в 1913 г. до 357.051 в 1922 г.), а число женщин повысилось с 520.769 до 573.359, т.-е. на 52.590 человек. До войны на

[1]) Данные относительно Германии собраны тов. Ангарским по неопубликованным материалам. См. „Рабочий класс в Германии в послевоенные годы". Изд. Мосполиграф. 1924 г.

тысячу рабочих текстильщиков приходилось 455 мужчин и 545 женщин, а в 1922 г. число женщин повысилось до 617, а количество мужчин понизилось до 383.

Хотя данные по Германии и Англии не являются еще точными показателями для «стабилизационного» периода, ибо в 1923 г. в Англии свирепствовала и сейчас еще продолжается сильная безработица, а 1922 год для Германии является годом дутого расцвета промышленности, связанного с низкой валютой, все же эти цифры дают нам точку опоры для выяснения интересующего нас вопроса.

Вся выходящая в Германии литература по вопросам женского труда считает, что участие женщин в «мужских» отраслях промышленности в качестве «квалифицированной» рабочей силы в общем было только временным явлением.

Характерной в этом отношении работой является книга д-ра Гильды Радомской «Frauenberufe» (Женские профессии). Она ставит себе задачей помочь женской молодежи в выборе профессии. И почти все рекомендуемые ею профессии являются «женскими профессиями», ибо, как говорит Радомская, «несмотря на всяческие технические и персональные препятствия, которые стояли на этом пути, значительному количеству женщин удалось занять квалифицированные должности как в тех отраслях промышленности, где они раньше работали в качестве вспомогательной рабочей силы, так и в тех, где женщина до войны не работала. Но в большинстве случаев это было только временным явлением; по окончании войны, женщинам отчасти добровольно, отчасти по принуждению, но пришлось оставить эти места[1]).

В России численность рабочих по всей промышленности понизилась в сравнении с 1913 годом с 2.700.000 до 1.711.900 в июле 1924 г., но во всех отраслях промышленности (исключение составляет только химическое производство и обработка животных продуктов), как показывает нижеследующая таблица, заметен рост женского труда по отношению к мужскому:

Табл. № 1.

	Наименование производств.	На сто рабочих приходилось женщин			
		на 1/I 1914 г.	на 1/I 1917 г.	на 1/I 1924 г.	на 1/VII 1924 г.
1	Обработка хлопка	56,6	70,4	59,0	58,3
2	„ шерсти	41,8	51,0	47,6	47,0
3	„ шелка	67,7	69,4	68,5	72,6
4	„ льна, пеньки и джута	54,6	65.5	58,6	58,9
5	Смешан. производства по обработке волокн. веществ	58,5	—	60,5	—
6	Производство бумаги и полиграф. производство	23,5	38,3	24,8	23,8
7	Механическая обработка дерева	0,1	19,0	14,9	14,9
8	Обработка металла	1,2	18,0	10,9	9,9
9	„ минеральн. веществ	18,3	—	24,5	?
10	„ животн. продукт.	17,4	—	16,0	?
11	„ пищевых и вкусовых веществ	21,9	36,6	22,9	24,6
12	Химическое производство	37,1	40,0	29,8	27,0

[1]) D-r. Hilde Radomski, Frauenberufe, Dünnhaupts Studien und Berufs Führer, Dessau 1923, стр. 18.

А согласно переписи городского населения 1923 г., «нет ни одного класса занятий в группе рабочих, где женщины не имели бы хотя бы единичных представителей, они встречаются даже в таких специфических мужских профессиях, как забойщики (19 женщин и 4.576 мужчин) или мясники (бойцы и резаки). Волна женщин, заполнявших все профессии во время войны, несколько отхлынула, но далеко не все вернулось в прежнее состояние, а в некоторых профессиях женщины, повидимому, даже прочно завоевали себе место, напр., в рядах трамвайных кондукторов»[1].

В этих городах насчитывалось 5.189 мужчин и 5.902 женщины—трамвайников. Из них было 1.424 мужч. и 2.473 женщин-кондукторов и 2.206 мужч. и 134 женщин-вагоновожатых.

И все же на 1.000 женщин-работниц приходится:

Табл. № 2.

	В Европейской части РСФСР	На Украине
Текстильщицы	346	22
Перемен. поден. раб.	231	551
Чернорабочие	114	155
Швеи	68	74
	759	802
Прочие занятия	241	198
	1.000	1.000

Таким образом, и у нас женщины в настоящее время в большинстве своем заняты в старых «женских» отраслях труда или же работают в новых отраслях в качестве чернорабочих и поденных рабочих: на Украине—706 человек, а в РСФСР—345 из 1.000 работниц составляют чернорабочие.

Посмотрим же, каково «качество» женского труда в тех отраслях, где женщина работает, как квалифицированная рабочая сила, и как велика доля квалифицированного женского труда в «завоеванных» ею новых отраслях промышленности.

Так же, как и в Англии, и у нас, в России, в размещении женской рабочей силы в женских отраслях труда произошло очень мало перемен. Несколько увеличилось число закройщиков у швейников, замечается некоторая передвижка в смысле увеличения количества ткачих за счет неквалифицированных работниц в текстильной отрасли промышленности. Попытка союза подготовить женщин-мастеров и подмастерьев в текстильной промышленности касается только единиц. А поскольку это при современных условиях

[1]) О. А. Квиткин, Население городов Европейской части РСФСР и Украины по главным занятиям по переписи 1923 г.,— Бюллетень Центр. Ст. Управл., № 86. 1924 г.

техники будет «жизненно», насколько женщина с этой работой справится—трудно сейчас судить. Во всяком случае, это только начало. В общем же и среди молодежи в фабрично-заводских текстильных школах с продолжительностью обучения в 3—4 года за 1923—1924 г.г. число девочек-подростков значительно меньше мальчиков (1.786 мальчиков и 1.215 девочек). А в московском текстильном институте, где обучается 130 студентов, всего 13 женщин.

В металлопромышленности, которая является одной из главных «завоеванных» женщиной во время войны отраслей труда, в 1913 году женщины составляли 4,7%, в 1917—18,0, в 1921 г.—17,8, а в 1924—11,8% общего числа рабочих. Согласно данным этого союза[1]), только 11,94% из 100 женщин являются собственно рабочими по металлу (из 100 мужчин—57,7%), а остальные работают в качестве чернорабочих—78,6% (мужчины—23,4%), в качестве подсобных рабочих—9,3% (мужчины—13,2%), в качестве учеников—0,75 (мужчины—5,7%).

Женщины встречаются во всех квалифицированных профессиях, но численность их и абсолютно, и по отношению к общему числу занятых рабочих в данных профессиях ничтожна: на 1.272 инструментальщиков-мужчин приходится только 1 женщина, на 1.072 механика—2 женщины, на 2.237 кочегаров—2 женщины, на 12.580 токарей—10 женщин, на 35.628 слесарей—149 женщин, на 4.179 кузнецов—16 женщин. Это все те профессии, в которые женщины начали вовлекаться с военного времени: «основная масса работниц по металлу занята на сравнительно несложных работах: станочницы и прессовщицы составляют больше половины всего числа работниц по металлу»[2]).

Среди принятых в 1924 году учеников в фабрично-заводские школы со сроком обучения от 3 до 5 лет, на 2.575 подростков-мальчиков было всего 202 девушки.

В полиграфическом производстве, за допущение в которое ведется такая упорная борьба со стороны женского пролетариата, женский труд за последнее время находит все большее и большее применение. У нас женщины в полиграфическом производстве (январь 1924 г.) составляют 23,4%. Но укрепилась ли женщина в квалифицированных профессиях этой отрасли промышленности?

Для разрешения этого вопроса интересно проследить участие женщин по главным профессиям этого производства. Данные, которые мы приводим, относятся к Москве и губернии, где женщины составляют 27,2% (январь 1925 г.) всех членов этого союза (28.758 человек).

Самую компактную группу (данные 1923 г.) женщины составляют в печатном отделении (993 женщ. и 2.529 мужчин или 28,2%), но зато в этом отделении женщины составляют 68,7% среди приемщиков (278 женщ. и 127 мужчин), 50,5% среди накладчиков (663 женщины и 651 мужч.), т.-е. на работах, которые не требуют ни физического напряжения, ни особой квалификации, и только 2,9% среди печатников на плоских машинах (35 женщин и 1.167 мужч.)

[1]) См. И. Гохман. Профессиональный состав ВСРМ в 1923 г. Москва 1924 г. В обследование вошло 233.364 чел.: 199.950 муж. и 33.414 женщ.; среди них чернорабочих мужчин было 50.240 т.-е. 23,4%, а женщин 21.415 т.-е. 78,6% всех женщин.

[2]) Там же, стр. 16.

и 5% среди печатников на американских машинах (9 женщин и 166 мужчин), среди печатников на ротационных машинах женщин совершенно нет.

Вторым отделением по абсолютному количеству женщин (774 женщины и 1.853 мужчины),—в процентном отношении значение женского труда здесь выше, чем в печатном отделении (29,5% против 28,2%),—является переплетная. Основную группу женщин тут составляют в брошюровочном отделении—47,7% общего числа рабочих (522 рабочих и 422 работницы), среди фальцовщиков женщины составляют 70,7%, среди мазальщиков—89% и только 9,8% среди переплетчиков (60 женщ. и 813 мужчин). В наборном отделении женщины составляют только 10,8% среди машинных и 7,3% среди ручных наборщиков и совершенно нет женщин среди метранпажей и верстальщиков, наиболее квалифицированной профессии, требующей длительного обучения, но женщины составляют 35,3% среди разборщиц и чистильщиц матриц. Единственная профессия из квалифицированных, в которой женщина составляет большинство, являются корректора и сводчики (51,8% женщин и 48,2% мужчин), но эта профессия относится уже скорее к профессиям так называемого интеллигентного труда.

В литографском отделении женщины составляют даже большинство (71,2% среди литографских приемщиков), но ни одна не работает на литографских машинах. В стереотипном отделении женщин совершенно нет, а в цинкографском они составляют единицы.

По мнению представителей союза, наборщицы представляют единственную квалифицированную категорию, которая пустила более прочные корни в данном производстве. «Остальные же—брошюровщицы, переплетчицы, печатницы, литографические и типографские—до настоящего времени своей специальностью в полном об'еме еще не овладели. В печатном отделении дальше приемщицы и накладчицы без приправки они не продвигаются. В переплетном хороших переплетчиц почти нет, работницы выполняют самую простую работу, которую раньше выполняли ученики, и даже в таком простом труде, как брошюровка, их работа ограничена фальцовкой».

Мы видим, что работница в большинстве своем не только работает в полуквалифицированных профессиях, но и те из них, которые числятся в квалифицированных профессиях, за небольшим исключением, все еще не являются «настоящими специалистами». И это явление, одинаковое во всех новых для женского труда отраслях промышленности, привело к тому, что, вместе с расширением нашей промышленности, с возвращением квалифицированных рабочих с деревень и фронта, многие работницы, которые раньше числились среди квалифицированных профессий, перешли в раз ряды полуквалифицированного и неквалифицированного труда.

Так, по данным ЦСУ [1]), в Ленинграде среди металлистов, число которых с 29.105 в 1920 г. повысилось до 36.838 в 1923 г. (численность женщин за этот период повысилась с 2.278 до 2.662), из 1.700 механиков в 1920 году было 69 женщин, а из 2.204 в 1923 г. только 24; количество женщин-слесарей с 51 за тот же период уменьшилось до 27, в то время, как общее число рабочих этой профессии увеличилось с 11.509 до 13.083 и т. д. В то же время количество неквалифицированных работниц повысилось с 1.160 до 1.791, при общем увеличении рабочих этой категории с 1.848 до 4.758.

[1]) См. „Бюллетень ЦСУ“ № 80, 1923 г.

Среди печатников число мужчин увеличилось с 3.050 в 1920 году до 3.962 в 1923 г., а число женщин уменьшилось с 2.924 до 1.985, при чем во всех профессиях заметно увеличение мужского труда и уменьшение женского: численность наборщиц уменьшилась с 369 до 219, печатниц—с 100 до 71, переплетчиц и брошюровщиц—с 211 до 92 и т. д.

В пищевкусовой промышленности «новыми отраслями» являются мукомольное дело—женщины составляют (1 января 1924 г.) 2,4% общего числа рабочих, боенско-холодильное—3,5% женщин и хлебопекарное—с 6,1% женщин. Во всех отраслях пищевкусовой промышленности, за исключением табачной, женщины, по данным союза, работают в качестве полуквалифицированной и неквалифицированной рабочей силы. Даже те единицы, которые работали в качестве «спецов» в военное время, перешли на работу низшей квалификации; из 394 пекарей среди булочников и кондитеров в 1920 г. в Ленинграде к 1923 г. осталось только 67 (число мужчин этих категорий увеличилось с 2.103 до 2.495).

В кожевенной промышленности Ленинграда число женщин уменьшилось среди заготовщиков и посадчиков с 741 в 1920 г. до 364 в 1923 г. и среди сапожников и башмачников с 248 до 78, в то же время число женщин среди других категорий кожевников увеличилось с 586 до 665.

Трудно, конечно, сказать, что все женщины, выбывшие из квалифицированных профессий, перешли на работу низшего разряда той же отрасли производства. Но эти цифры только показывают, что большинство работниц, выполнявших во время войны квалифицированную работу, своей специальностью вполне не овладели и не в состоянии были выдержать конкуренции более искусных рабочих. Потерпели в этом отношении и многие рабочие-мужчины, ставшие «квалифицированными» во время войны. «Та эфемерная «квалифицированность», которая была создана военным недостатком рабочих сил, должна исчезнуть,—писал еще в 1918 г. проф. В. И. Гриневецкий,—и многие рабочие, быстро попавшие в разряд квалифицированных, должны будут вернуться в первобытное состояние» [1]).

Ко всему этому прибавляются еще и современные условия быта. Поскольку быт современного поколения людей построен на индивидуальном хозяйстве, а вся предыдущая история экономического развития привела к тому, что в рамках семьи, в рамках домашнего хозяйства труд женщины более продуктивен, чем труд мужской; все профессиональные организации, если пред ними стоит вопрос о сокращении жены или мужа, работников одинаковой квалификации, почти всегда высказываются за сокращение жены.

Эти «экономические основания» приводят к тому, что не только государственные учреждения, но почти все профессиональные союзы во всех странах, некоторые «принципиально», другие идя по

[1]) Проф. В. И. Гриневецкий, Послевоенные перспективы русской промышленности. Москва 1919, стр. 156—157. Из явившихся для учета квалифицированных рабочих в Ленинграде (1925 г.) после проверки только у 5% была признана указанная нами квалификация. А из 263 явившихся на переквалификацию служащих только 5 выдержали экзамен и были зарегистрированы в качестве счетоводов, остальные оказались плохими конторщиками и простыми журналистами. „Труд“ № 134, 1925 г.

линии наименьшего сопротивления, производят сокращения за счет труда замужних женщин. Такие сокращения имели место и в Советской России, где союзы признают за женщиной право на самостоятельное, независимо от мужа или родителей, экономическое положение и защищают право женщины на труд. Здесь центральные органы профдвижения считают принципиально недопустимым проводить сокращение штатов за счет замужних, но часто придерживаются «нейтралитета» по этому вопросу, предоставляя «свободу действия» местам [1]).

Еще хуже обстоит дело в странах, где союзы рассматривают женский труд только, как неизбежное зло. Так, например, в одной из резолюций, принятых с'ездом профсоюзов в Ренне (в 1908 г.), французские рабочие единогласно приняли постановление, согласно которому право на труд признается только за «дочерьми и вдовами», вынужденными, таким образом, заботиться о своем пропитании». А вообще же, дополняет резолюция, «мы должны вести пропаганду во всех слоях общества, что мужчина должен кормить женщину». На этой точке зрения практически стали социал-демократические партии [2]) и все профсоюзные организации в Западной Европе Не только в согласительных комиссиях с предпринимателями, но и при сокращении государственных служащих, предпринятом в 1923—1924 г.г. во многих странах, они поддерживали правительства, которые путем указов и постановлений в первую очередь сокращали замужних женщин.

Согласно закона о сокращении штатов государственных служащих в Германии, все замужние женщины могут быть уволены с предупреждением за месяц. В результате этой работы были уволены 15,6% служащих. Из 2.955 замужних женщин, государственных чиновников, на службе осталось только 54 [3]).

В Голландии постановлением железнодорожной дирекции все замужние женщины, находящиеся на железнодорожной службе, должны были получить расчет.

II.

Ни в одном вопросе нет столько противоречий между теорией и практикой, а не редко в самой теории, как по вопросу о женском труде. Все социал-демократические партии, весь Второй Интернационал, «теоретически», согласно учению Маркса, признают прогрессивное значение женского труда. Но в то же самое время применение женского труда при капиталистических условиях производства разрушает семью, влияет на понижение заработной платы мужчин, увеличивает степень эксплоатации со стороны капиталистов. Рабочий, в особенности малосознательный, в первую очередь чувствует

[1]) См. „Снимать ли жен робочих?". Анкета газеты „Труд" и А. Р я з а н о в а: „Снимать ли жен рабочих?" „Труд" №№ 44 и 58, 1924 г.

[2]) Против этой тактики вынесла протест и конференция социал-демократок, которая „согласно обычаю" собралась пред с'ездом своей партии. Июнь 1924 г. „Конференция требует от партии, говорится в резолюции,—чтобы она и в теории и на практике помогла проводить в жизнь один из старых признанных ею принципов: „право женщины на труд".

[3]) В Берлинских народных школах было занято около 300 замужних учительниц и, как сообщает „Vossische Zeitung" от 2 декабря 1923 г., в эти дни было подана масса заявлений о разводе со стороны учительниц, которые, должно быть, надеялись таким образом сохранить за собою место.

эту сторону вопроса. Как убедить его в необходимости сохранения женского труда? Надо найти такую аргументацию, которая была бы ему понятна. Он готов согласиться, что, «являясь в настоящее время, при капиталистическом строе, злом, промышленный труд, открытый женщине, будет в новом обществе, когда рабочий день сократится и барыши предпринимателей исчезнут, благом для нее, так как он освобождает ее от экономической зависимости от мужчины и позволяет ей жить для себя самой, потому что она будет жить своим собственным трудом» [1]).

Но как быть в настоящее время? Партия ведь не может требовать запрещения женского труда? Наоборот, она считает, что только самостоятельный труд, независимое от мужа материальное положение может вернуть женщине «свободу располагать своим телом, вне которой есть только проституция, какова бы ни была законность отношений, в которые она вступает с другим полом».

И вот «для того, чтобы женщина не была в хозяйских руках средством оставить без хлеба рабочего, партия требует издания ряда норм, охраняющих женский труд. Пусть за равную работу будет и равная плата для рабочих, какого бы пола они ни были, и пусть немедленно прекратится со стороны хозяев спекуляция полом женщины. Получится одно из двух: или при новых условиях женщине не придется более продавать себя на фабрику в качестве живой машины, и тогда нужно будет прибавить заработную плату отцу семейства, чтобы сделать возможным воспроизведение рабочего класса, женский организм будет при этом спасен от фабричного уродования, а домашний очаг рабочего снова восстановится с возвращением жены мужу и матери ребенку, или же женщина будет продолжать работать на фабрике и вместо дефицита, который она создавала в рабочем бюджете, бросая без всякого возмездия свою домашнюю работу, она будет способствовать благосостоянию рабочей семьи, удваивая ее средства к жизни» [2]). (Курсив наш. *А. Р.*).

Такова аргументация одной из наиболее революционных партий Второго Интернационала, такова аргументация Гэда и Лафарга. Вместо того, чтобы распропагандировать мысль, что вовлечение женщин в производственную трудовую жизнь является таким же неизбежным следствием развития капитализма, каким является вовлечение бывших ремесленников и крестьян, что, хотим ли мы этого или не хотим, возврата к старым отношениям быть не может, как не может быть возврата к натуральному хозяйству и ремеслу, все с.-д. программы, признавая прогрессивное значение женского труда в капиталистической промышленности, стараются обойти вопрос о неизбежности превращения женщин в самостоятельную равноценную рабочую силу.

«Социал-демократия—читаем мы в одном из последних номеров покойного «Neue Zeit», научного органа германской социал-демократии,—всецело стала на точку зрения Маркса и Энгельса... Борьба должна быть направлена не против женского труда, а против гос-

[1]) Ж. Г э д и П. Л а ф а р г, Программа рабочей партии, ее основания и комментарий к ней перев. В. Величкиной, Пет. 1917, стр. 63.

[2]) Там же, стр. 63—64.

подства капитализма, против того, чтобы капиталисты пользовались женским трудом в целях ухудшения условий труда рабочего класса»... Указывая на энергичную борьбу Бебеля против взглядов, утверждающих, что сфера деятельности женщины должна быть ограничена рамками домашней жизни, автор говорит: «Социал-демократия стремится к уничтожению всяких препятствий, которые стоят на пути к полному равноправию женщины. Женщина сама должна выбрать путь, который она считает для себя наиболее подходящим. В ее собственных руках лежит способствование своим экономическим и политическим интересам; она должна выбрать тот путь, который, по ее мнению, наилучшим образом соответствует выполнению ею задач матери и воспитательницы детей. Было бы только посягательством на личную свободу женщины, если бы кто-нибудь вздумал регулировать вопрос этот извне»[1] (Курсив наш. *А. Р.*).

А если женщина «желает остаться домашней хозяйкой, может ли соц.-демократия выполнить ее желание? Будет ли это вмешательством «извне», если вся тактика соц.-демократии, если вся ее пропаганда по этому вопросу, будет поставлена таким образом, чтобы каждый рабочий, каждая работница поняли, что развитие женского труда является следствием социального развития, и потому в интересах всего рабочего класса найти тот путь, по которому наиболее безболезненно проведено было бы превращение «домашней хозяйки» в производительную рабочую силу. Ведь с.-д. партия не нарушала «личной свободы» ремесленника, когда указывала на неизбежность развития капитализма, и ни одна партия не спрашивала его—желает ли он превратиться в пролетария. Мы думаем, что он не более современной женщины-пролетарки стремился к такому превращению.

Вообще, все доводы, приводимые «в защиту» женского труда, основываются только на тех плюсах, которые приносят женщине самостоятельное, независимое положение. А рабочий класс в целом разве не заинтересован в изменении положения женщины, в превращении ее из человека подчиненного в экономическом, личном и политическом отношении в человека самостоятельного и независимого? Не примет ли тогда весь быт, вся жизнь рабочего класса, а с ним и всего общества, совершенно иные формы, резко отличные от семейных отношений, сложившихся при капиталистических условиях производства?

Таким же образом, как промышленный прогресс, говоря словами комментария французской соц.-дем. программы, «совершил экспроприацию ремесленников старого времени, лишив их орудий труда, сделавшихся бесполезными в их руках и превратившихся просто в материал для топлива (прялка, рубанок, ткацкий станок и т. д.)», он совершает экспроприацию женщины, выбивая из ее рук одну часть домашней работы за другой, заставляет ее пойти на фабрику в качестве наемной рабочей силы. Процесс этот совершается более болезненно ввиду выполнения женщиной функции материнства. Возврата к старому нет и дело рабочей партии, — а не жен- или муж.-отделов,—наметить те пути и выставлять и защищать те требования, которые партия считает наиболее целесообразными для решения вопроса. Чтобы победить, существующие предрассудки, косность быта, которые одинаково влияют на рабочих и работниц, нужна гигантская работа всей партии в целом, нужна строго выдержанная тактика без всяких кивков «направо» и «налево», как со стороны партии, так и со стороны руководимых ею профсоюзов.

[1] E. W. Neumann, Sozialdemokratie und Frauenerwerksarbeit,—„Neue Zeit“ № 4, 1923, стр. 120 и 121.

Если пред рабочими ставится такая дилемма, если указывается, что при капиталистических условиях производства повышение заработной платы может привести к восстановлению домашнего очага «возвращением жены мужу и матери ребенку», он естественно приходит к выводу, «что мужчина должен кормить женщину», и выставляет такое требование на своих с'ездах, встретившее, между прочим, протест со стороны Гэда, одного из авторов комментария к программе. Как далека эта аргументация от ясного, категорического языка Маркса. «Как бы ужасно и отвратительно ни казалось разрушение старых семейных отношений при капиталистической системе,—пишет Маркс,—тем не менее крупная промышленность, силой той положительной роли, какую она дает женщинам, несовершеннолетним и детям обоего пола в общественно-организованных процессах производства, вне домашней сферы, создает новое экономическое основание для высших форм семьи и отношений обоих полов... состав коллективного рабочего персонала из лиц обоего пола и самых различных возрастов, при соответственных обстоятельствах должен обратиться в источник человеческого развития—хотя его грубая капиталистическая форма, где рабочий служит для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, есть источник нравственной порчи и рабства»[1]).

Все эти факторы вместе создают то неустойчивое положение, которое по настоящее время занимает женщина в мире труда. Кроме того, что большинство женщин до сих пор заполняет ряды полуквалифицированных и чернорабочих, женщины даже квалифицированного труда, в виду условий быта, господствующих до сих пор рутины и традиции среди широких масс, а нередко и вождей, находятся, как мы видели, в худшем положении, чем мужчины. За ними до сих пор не признается право на самостоятельное, независимое экономическое положение. Женщина лишается работы не только, как менее подготовленная, менее квалифицированная рабочая сила, но и потому, что она женщина, жена имеющего заработок мужа.

III.

Насколько изменилось отношение к женщине работнице, в какой степени она укрепилась, как квалифицированная рабочая сила, лучше всего показывает практика Советской России.

Исследуя условия труда работницы в нашей республике, мы можем получить более точные данные по этому вопросу. В странах капиталистических применение женского труда в той или иной профессии может быть использовано еще ввиду его большей дешевизны, ввиду возможности путем применения женского труда понизить заработную плату рабочих. У нас, при одинаковой оплате мужской и женской рабочей силы, женский труд, по крайней мере, в государственной промышленности, не может служить фактором пони-

[1] Капитал, изд. 1898 г., стр. 429.

жения заработной платы. И что же? Многие хозяйственники считают, что при данном «качестве» женского труда он становится невыгодным и стремится к восстановлению «нормальных» довоенных соотношений между мужским и женским трудом. Между тем, до сих пор не было ни серьезных обследований, ни серьезного изучения вопроса, и мы думаем, что это «стремление» является настолько же обоснованным, как и противоположное требование, которое обычно выставляют у нас в Советских республиках, так называемые «представители от женщин»—о сохранении создавшейся во время революции пропорции.

И вот почему.

Самый высокий процент применения женского труда падает на 1916 и 1920—1921 г.г. Как известно, 1916 год является годом наибольшего напряжения военной промышленности, а 1920—1921 г.г.—последними годами гражданской войны, когда огромная часть наших фабрик не работала за отсутствием топлива и сырья; фабрики должны были остановиться, многие рабочие и работницы должны были заниматься работами, ничего общего с их профессиями не имеющими: чисткой и уборкой фабрик, фабричных дворов, общежитий, разгрузкой дров и т. д., и т. д.

Чтобы сохранить рабочих на фабриках, в особенности рабочих, не связанных с землей, являющихся «потомственными пролетариями», союзы, вместе с Советом Народного Хозяйства, выработали целые системы занятий, в число которых входили, кроме вышеуказанных работ, ликвидация неграмотности, занятия по повышению квалификации труда. Все эти работы оплачивались соответственно тарифной категории трудящихся. Такой договор, напр., был заключен в 1919 году между Союзом текстильщиков и ВСНХ.

Естественно, что работницы, связанные с семьей и квартирой, в большинстве оставались на фабрике. Таким образом, в центральных промышленных губерниях, в районе текстильной промышленности, работницы в 1916 и 1920 г.г. составляли даже большинство рабочего класса. В Московской губернии на 1 января 1914 года было 61,6% мужчин и 39,4% женщин, а в 1917 году женщины составляли 52%, а во Владимирской, где женщины еще до войны составляли 52,3%, процент работниц к 1 января 1917 года повысился до 64,9%. То же соотношение показывает и 1920 г. Даже в Ленинграде, в котором преобладает металлическая промышленность, процент женщин с 25,6% в 1913 году повысился до 42,9% в 1921 г.

Кроме того, в эпоху военного комунизма, когда распределение пайков и других материальных благ было связано с положением данного индивидиума в мире труда, многие женщины, числившиеся до того среди несамодеятельного населения, иждивенцев, домашних хозяек, перешли в ряды трудящихся. Так, в Москве до войны (в 1912 г.) на сто самодеятельных мужчин приходилось 52 женщины, а в 1920—97 и в 1923 г.—57. А в Ленинграде женщины составляли в 1920 г. большинство самодеятельного населения города: на сто трудящихся мужчин приходилось в 1920 году—120 женщин, а в 1923—всего 62.

Весьма вероятно, что часть женщин пострадала в связи с сокращением штатов. Но можно ли было сохранить создавшееся во время войны и революции соотношение между мужским и женским трудом? Конечно, нет. С переходом к новой экономической политике процент женщин начинает понижаться, хотя уменьшение процента

женщин в той или иной отрасли промышленности не всегда означает уменьшение их абсолютного числа. Ибо, как показывают данные, уменьшающийся процент женщин в некоторых отраслях промышленности сопровождается увеличением их абсолютного числа: увеличивается общее число рабочих, в том числе и женщин. Но среди вновь поступающих в производство рабочих, мужчины поступают в значительно большем количестве, чем женщины.

А в некоторых случаях, в так называемых женских отраслях промышленности, и в настоящее время заметен и абсолютный и относительный рост женского труда. Так, в Ленинграде работницы к 1 января 1924 года составляли 65% общего числа рабочих в текстильной промышленности и 69,6%—в табачной, а к 1 января 1925 г. соответственные цифры повысились до 67,1% и 73,2%. Общая численность рабочих за этот период повысилась с 14.388 до 35.530 в первой из этих отраслей и с 5.095 до 6.756 во второй. В производстве одежды при уменьшении общего количества рабочих с 3.435 до 3.103 процент работниц повысился с 68,1 до 70,6 [1]).

Естественно, что хозяйственники стремятся обеспечить доверенные им предприятия более работоспособной рабочей силой—это их право и обязанность. Но является ли необходимым восстановление довоенных соотношений? Разве женщины во всех отраслях промышленности и тем более во всех профессиях являются менее работоспособной рабочей силой? Разве исключение женщин из той или иной отрасли промышленности может служить показателем «оздоровления» этой отрасли? Война, как известно, вовлекла в промышленность не мало неприспособленных, не овладевших своей профессией, мужчин. С другой стороны, и в настоящее время, имеются не мало профессий, где женский труд не только не уступает мужскому, но где, по всем отзывам специалистов, его применение желательно и с точки зрения «здорового» развития народного хозяйства. И потому несколько странно звучит вывод о восстановлении качественного состава рабочей массы в промышленности, когда он делается только на основании сравнения изменений пропорции между мужским и женским трудом с довоенного по настоящее время. А между тем, такие выводы сплошь и рядом встречаются в экономической литературе. В большинстве отраслей промышленности процент мужчин немногим не достигает нормы 1914 года и в значительной степени превосходит нормы военного периода. «Таким образом,—читаем мы в «Экономическом Обозрении» [2]), тот урон, который нанесли военные мобилизации качественному составу рабочей массы, в настоящее время можно считать почти восстановленным».

А тов. Халатов идет еще дальше, считая, что женский труд вообще при настоящих условиях невыгоден. Но почему?

«Что же касается труда женщин-работниц,—говорит он,—то нужно не упускать из виду того существенного обстоятельства, что женщина у нас работает преимущественно, как чернорабочий, а потому, естественно, физически она значительно уступает чернорабочему-мужчине. В дореволюционное время промышленность, привлекая женщину к работе, значительно ниже оплачивала и ее труд, примерно, в размере 40—50% от заработка мужчин. В на-

[1]) См. „Положение труда в Ленинградской губ. в 1924 г. и в I-й четверти 1925 г.“.

[2]) Г. Полляк, Рабочая сила в промышленности,—„Экономич. Обозр.“, декабрь 1924 г.

стоящее время в оплате чернорабочей силы при повременной системе разницы обычно не делается, а потому привлечение женского труда в настоящих условиях его оплаты экономически перестает быть выгодным»[1]).

Правда, конечно, что капиталисты оплачивали женский труд ниже мужского, но разве это делалось только в зависимости от производительности труда? А не пользовались ли предприниматели меньшей сознательностью работниц, чтобы путем эксплоатации женской рабочей силы выколачивать больше прибавочной стоимости? И разве вся женская рабочая масса работает в качестве чернорабочих и притом тяжелого физического труда?

Кроме того, чернорабочие и у нас не получают одинаковую заработную плату во всех отраслях промышленности. Те категории чернорабочих, работа которых сопряжена с тяжелым физическим трудом, оплачиваются выше. И женщина работница, выполняя более легкую работу, обычно получает и меньшую заработную плату. Средний тарифный разряд чернорабочего мужчины в Ленинградской промышленности колеблется по отдельным союзам от 3,6 до 5,7, тогда как для чернорабочих женщин колебания в среднем разряде по отдельным союзам выражаются в 2,8—5,0[2]).

Мы далеки от мысли считать, что женский труд во всех отраслях промышленности и на всех работах равноценен мужскому, но мы считаем, что такое обобщение, заявляемое в противоположном отношении со стороны ответственных работников нашего хозяйственного строительства, не только не может привести к раз'яснению вопроса, но и приводит в конечном счете к ухудшению положения женщины-работницы. Ибо «невыгодную» рабочую силу никакой хозяйственник, хотя бы архи-красный директор, применять в своем предприятии не станет. Если капиталисты всюду и везде стараются использовать работниц, как наиболее дешевую рабочую силу, то нашей обязанностью является укрепление положения работницы, как равной полноценной рабочей силы.

И потому не менее вредным является другое течение, старающееся доказать, что женский труд может сейчас применяться во всех отраслях промышленности, и что экономическая самостоятельность женщины заключается, мол, в том, чтобы она была вовлечена во все профессии. «Вовлечение женщин во все профессии—единственный выход из этого положения. Безо всяких рассуждений,— говорил представитель ВЦСПС, покойный тов. Лутовинов, на совещании работников среди женщин в январе 1924 г.,—необходимо начать это дело теперь же без промедления».

Таким образом, сторонники этих взглядов стараются не только удержать женщин, уже работающих в тяжелых отраслях промышленности, что, конечно, лучше, чем выбрасывать их на улицу в качестве безработных, но стараются во что бы то ни стало заполнить фабзавуч и другие технические школы в этих отраслях соответственным количеством девочек.

Так, например, у горняков в школах с периодом обучения от 3-х до 4 лет было принято в 1923—24 году 519 мужчин и 92 женщины, «ЦК горняков стремится довести количество девушек в школах ученичества горной промышленности до 10%»[1]). Смогут ли эти женщины успешно работать в качестве квалифицированной рабочей силы в горном деле? И нужно ли союзу «стремиться» к этому? Нам думается, что женщинам нечего работать ни в шахтах, ни в рудниках, где труд не по силам женскому организму, а для беременных женщин становится невозможным. Не в этой области лежит путь к «женскому равноправию».

Трудно женщинам работать и в неоторых профессиях деревообделочной промышленности, которая у нас еще очень мало механизирована. Однако, и сюда стараются направить женщин без всякого предварительного обследования.

Нерационально направляется женская рабочая сила и в полиграфическом производстве.

Нельзя, конечно, из'ять всех женщин из тех отделений этого производства, где приходится работать со свинцом, ибо при современном состоянии нашей промышленности нет возможности предоставить всем работницам более здоровую работу. Но вполне прав Б. Б. Койранский, когда указывает на необходимость сознательного вмешательства профес. организации для регулирования этого вопроса, что особенно необходимо, когда дело идет о подростках. Ибо в этой отрасли имеется масса квалифицированных профессий, не связанных с работой со свинцом. «Они могут также с успехом применять свой труд в граверном деле, литографии, цинкографии и др., но в перечисленных отделениях требуется высокая квалификация»[2]). А мы ведь стремимся к повышению квалификации женского труда.

Направляя подростков на новые для женского труда работы, нужно это делать с большой осторожностью, ибо надо помнить, что мы не только хотим выдвинуть данных подростков, помочь им изучить определенную профессию, но что эти подростки являются пионерами в этом деле, и если такие «опыты» окажутся неуспешными, они не только испортят жизнь последним, что уже само по себе плохо, но повредят всему движению в этом направлении.

Однако такие случаи имеются уже и в настоящее время: девочки кончают школу, а затем им не дают работы по специальности, как непосильной для женщины. Так, в прениях по моему докладу (май 1925 г.) одна из слушательниц на курсах при ЦК для заведующих агит. и жен. отделами партийных комитетов указала, что окончившие школу лесничие-женщины получили места конторщиц, так как работу лесничего, по мнению хозяйственников, женщинам поручать нельзя.

Не менее вредна другая позиция, доказывающая, что производительность женского труда на «мужских» работах в новых для нее отраслях, как, напр., в металлической промышленности, не только равна мужскому, что, конечно, сплошь и рядом встречается, но что женский труд на этих работах более производителен, чем мужской. В доказательство часто цитируется заявление покойного тов. Лутовинова на том же совещании. «Мне приходилось быть на заводе «Айваз» установщиком,—рассказывал он,—у меня было 20 стан-

---

¹) А. Халатов, „К вопросу о производительности труда“, Гиз., 1925 г., стр. 45.

²) См. К. Яковлева. Дифференциация заработной платы в Ленинградской промышленности в 1924 г. цит. Сборник.

---

¹) Л. Рейнберг. К повышению квалификации женского труда,—„Вестник труда“, 1925 г., № 4, стр. 106.

²) Б. Б. Койранский, „Труд и здоровье рабочих типографии“, Москва 1925 г., стр. 27—28.

во внимание бытовые условия современной работницы. Если у работницы в среднем, как указывает Струмилин, остается только 6 ч. 44 мин. на сон (у рабочего—7 ч. 59 мин.) и 2 ч. 21 м. в сутки на отдых (у рабочего—3 ч. 27 мин.), то сколько же свободного времени у нее остается после ночной работы? Когда работница, утомленная после тяжелого ночного труда, приходит домой и дети уже бодрствуют, а муж собирается на работу, у нее очень мало остается времени, чтобы выспаться и отдохнуть. И она в большинстве случаев уходит на фабрику еще более утомленная, чем приходит с нее.

Мы не говорим уже о том, что для пролетарского государства наиболее ценным достоянием является сама живая рабочая сила, но строгое проведение нашего законодательства по страхованию и лечению заболевших уже заставляет более осторожно относиться к применению женской рабочей силы во вредных для женского организма отраслях промышленности и вредных для нее процессах труда, как явно невыгодного для государства дела.

И вполне прав тов. Каплун, указывая, «что ночной труд представляет уже сам по себе весьма серьезную профессиональную вредность». Наше законодательство, предоставляя право «Наркомтруду по соглашению с ВЦСПС разрешать производство ночных работ взрослым женщинам в тех отраслях производства, где это вызывается особой необходимостью», вполне обеспечивает материальные интересы работницы.

Всюду, где работницам угрожает расчет, всюду, где нет возможности перевести работниц на дневную работу, профсоюзы вместе с Наркомтрудом, а на местах отделы труда с соответственными союзами, дают разрешение на применение ночного женского труда [1]). А между тем отмена запрещения ночного труда для женщин может привести к использованию женского труда на ночных работах в таких отраслях и профессиях, где проведение такой меры не является необходимым. Ночной труд приводит не только к повышению заболеваемости работниц, но и к понижению производительности их труда в сравнении с мужчинами и, тем самым, к понижению их «ценности» как продавцов рабочей силы.

По данным одесского губернского статбюро процент больных среди мужчин на ночной работе повышается в сравнении с работающими днем с 11% до 15%, а у женщин—с 8% до 12%, таким образом, разница между заболеваемостью на дневных и ночных работах у работниц выше, чем у рабочих.

Еще большая разница замечается и в производительности труда. По исследованиям Вернона над рабочими мунициoнных заводов Англии относительная часовая производительность выражалась в следующих цифрах:

Табл. № 3.

	Относительная часовая производительность.	
	Дневная работа.	Ночная работа.
Мужчины	140	150—152
Женщины	134	133
Подростки	128	127

[1]) Так в Ленинграде разрешение на ночные работы были даны в 1923 г. 465 женщинам, а в 1924 г.—1.640.

Мы видим, что разница между производительностью труда мужчины и женщины при ночных работах значительно выше, чем при дневных. «Цифры, приведенные в этой таблице,—пишет К. Х. Кекчеев, у которого мы заимствовали эти данные,—указывают на то, что у мужчин иногда при ночной работе производительность бывает выше, чем днем; у женщин же и у подростков она всегда ниже» [1]).

И потому совершенно не обоснованно заявление, которое делает тов. А. Кац («Труд» № 48, 1925), что «ночная работа отражается на организме здоровой женщины (кроме беременных и кормящих матерей) в такой же степени, как и на организме мужчины, и, следовательно, огульное запрещение ночного труда женщин является пока для нас до известной степени «роскошью».

Так же неправильно и другое утверждение того же автора, что «мероприятия, полезные для женщин с точки зрения, так сказать, медицинской, являются одновременно далеко не полезными для них с точки зрения экономической». Мы видели, что и в экономическом отношении женщине при сдельной оплате труда ночная работа не выгодна, а при повременной оплате применение женского труда на ночных работах становится невыгодным предпринимателю, и она все равно вылетит из производства.

Борьба за уничтожение ночного труда для женщин ведется уже со времени Первого Интернационала, необходимость его запрещения признала и Вашингтонская конференция, и это одно из немногих постановлений этой конференции, которое более или менее проводится во всех промышленных странах. Как доказывает история английского фабричного законодательства, проведение мероприятий по охране женского труда приводит в конечном счете не к вытеснению женщин из производства, а к распространению данного законодательства и на мужчин, к изменению и оздоровлению методов производства. И в эту сторону надо направить внимание хозяйственников, а не кричать всюду, что и «мы сами с усами».

Что же касается вопроса о пересмотре списка вредных работ, о которых говорит т. Шмидт, то и здесь дело оказалось не так просто. Вместе с тем, по директивам VI с'езда профсоюзов мы приступили к пересмотру законов, запрещающих женский труд в отдельных производствах,—пишет тов. Маркус. Оказывается, что списка не существует, а имеются лишь отдельные пункты в отдельных обязательных постановлениях по охране труда, в которых оговорено запрещение женского труда. Но эти постановления охватывают такие отрасли труда, где женский труд никогда и не применялся и где он связан с «непоправимым вредом для здоровья»: работы, связанные с мышьяком, со свинцовыми красками, при выработке особо вредных кислот в химической промышленности; работы при доменных печах, в сталелитейных цехах и т. п. «К пересмотру и сужению этих запретительных постановлений Наркомтруд уже приступил, однако, учитывая ответственность этого дела, мы предпочли с ним не спешить, а запросить мнение работников мест, Центральных Комитетов Союзов и хозорганов, чтобы, таким образом,

[1]) К. Х. Кекчеев. Физиология труда, Гиз., стр. 184.

обеспечить наиболее вдумчивый пересмотр этого законодательства» (курсив наш. *А. Р.*).

Не лучше ли было бы с этого начать?

На-ряду с стремлением «направить» женскую рабочую силу во «все профессии» раздаются, правда, одиночные голоса, что тенденция развития современного общества приводит, мол, к перемещению центра тяжести женского труда из среды обрабатывающей промышленности в обслуживающие ее профессии, и мы должны поэтому помочь женщине перейти из категории работниц в ряды служащих. Такой вывод, конечно, глубоко ошибочен.

Вполне правильно указывая, что развитие машинной техники задерживает рост рабочих и в тоже время благоприятствует быстрому росту служащих[1]), т. Иванов делает неправильные выводы о тенденциях развития женского труда. Указанное выше положение относится ко всему общественному развитию, ко всему рабочему классу.

«При посещении фабрик,—описывал тов. Ногин свои впечатления по возвращении из Сев. Америки в 1924 году («Правда» 23 марта 1924 г.),—нас поражало почти полное отсутствие рабочих. На фабриках не видно людей среди машин. Когда вы справляетесь о количестве занятых в производстве рук, вас поражает небольшое число рабочих, которое вам называют. На фабрике в 40—50 тысяч веретен вы найдете не более 300—350 рабочих... Если вы входите в какую-либо ткацкую мастерскую, вас опять поражает отсутствие рабочих. Здесь вы можете видеть, как на автоматических ткацких станках один ткач работает сразу на 24—30 машинах. Одну ткацкую мы посетили в обеденное время и были свидетелями того, как одна половина рабочих, оставшаяся в это время при машинах (на фабрике освобождаются для обеда сначала одна половина, а затем другая половина рабочих), легко выполняя работу на 48—60 станках». Вместе с тем, вырастают аппараты, служащие для учета и распределения производимых продуктов, увеличиваются средства и пути сообщения. Согласно последней (1921 г.) переписи, в Англии около 8.000.000 человек заняты в профессиях, «обслуживающих» остальных 9.300.000 рабочих, занятых в добывающей и обрабатывающей промышленности, т.-е. чуть ли не на каждого рабочего приходится один служащий, включая почту, телеграф, транспорт и т. д.[2]).

В рядах же самого рабочего класса, как и среди служащих темп роста женского труда идет куда быстрее мужского и не верно, что число работниц уменьшается за счет роста числа служащих.

Все данные, которые мы привели, показывают, что численность работниц увеличивается во всех странах и что с каждым годом не только ширится число профессий, в которых применяется женский труд, но и в каждой профессии увеличивается число работниц. Так, в Соед. Штатах Сев. Америки за десятилетие с 1910 г. по 1920 г. количество профессий, в которых занято 1.000 и более работниц, повысилось с 203 до 232. Но надо отметить, что рост служащих среди женщин идет быстрее не только среди мужчин, но и среди работниц. Но причины этого явления можно об'яснить только исто-

[1]) В. Маркус, Женский труд в СССР в 1924 г.,—„Коммунистка", 1925 г. № 4, стр. 48.

[2]) Иосиф Иванов, А. Рязанова,—Женский Труд,—„Под Знаменем Марксизма" № 6—7, 1923 г.

[3]) The Manch. Guardian, Fbr. 26, 1925.

рическими и социальными условиями. Огромная часть женщин, которая направляется в категории служащих, являются выходцами из тех слоев населения, среди которых женщины до последних десятилетий не занимались самодеятельным трудом. Разложение средней и мелкой буржуазии, рост дороговизны и недостаточная оплата труда всякого рода государственных чиновников и лиц либеральных профессий, невозможность для значительной части женщин найти «обеспечение» в замужестве, рост общественной сознательности среди женской части населения—все эти факторы, обостренные войной, привели к тому, что и эти женщины «без профессии» вошли в ряды самодеятельного населения, заполнив ряды служащих всех категорий.

«Прошло то время,—пишет проф. Г. Ренар,—когда гордость родителей состояла в том, что они при регистрации брака своей дочери в мерии могли отмечать: «мадемуазель без профессии». В настоящее время родители сами толкают своих дочерей к самостоятельному заработку, и дочери сами не меньше своих родителей понимают, что обладание хорошо оплачиваемой профессией является лучшим средством найти мужа»[1]). Ибо современная семья не в состоянии жить больше на один заработок «главы семейства».

Вот откуда, главным образом, рекрутируются 635.207 школьных учительниц и 356.321 музыкантш и учительниц музыки в Сев. Америке и миллионы таких же учительниц, фельдшериц, клерков и т. п. служащих во всех странах.

У нас по переписи городского населения РСФСР в 1923 году было 350.425 служащих женщин (мужчин—784.048), в числе которых было 4.481 врачей (мужчин—9.882), 1.818—зубных врачей (мужчин—573), 52.541 школьных учительниц (мужчин — 21.284), 5.851 библиотекарш (мужчин—1.927), 7.230 телеграфисток (мужчин—13.272), 7.756 телефонисток (мужчин—1.136) и т. д. Из каких слоев населения рекрутировались эти категории работников? Каждому ясно, что рабочий класс и крестьянство в дореволюционной России не выдвигали своих дочерей на эти работы, многие из которых требуют длительной подготовки и обучения. А «динамика в общем показывает,—вполне правильно отмечает т. Иванов,—что в лице служащих мы имеем более позднее образование пролетарской массы, образование которого все больше срастается с рабочими и кристаллизуется с ними в один класс—пролетариат»[2]).

Вот почему и центр тяжести женской рабочей силы, в начале развития капитализма рекрутировавшейся почти исключительно из наиболее бедных классов населения, которые не могли дать дочерям никакой профессиональной подготовки, постепенно переносится и на другие области труда.

Ясное представление об изменении состава самодеятельного женского населения дает следующая таблица, относящаяся к Соединенным Штатам Сев. Америки, в которой из 100 самодеятельных женщин работало (см. табл. № 4 на 48 стр.).

Мы видим, что 40 лет тому назад в одной из наиболее промышленных стран почти половина (44.6% всего самодеятельного женского населения работала в качестве домовых служащих, 23.8%—

[1]) G. Renard (Prof. au College de France) Du travail feminin dans les classes moyennes,—„Rev. Econ. Intern.", vol. IV, № 1, 1924.

[2]) „Правда" 1/VI 1923 г.

Табл. № 4.

	1880 г.	1890 г.	1900 г.	1910 г.	1920 г.
Домашние служащие и личное услужение	44,6	42,6	39,4	31,3	25,6
Промышленность	23,8	26,3	24,6	22,5	22,6
Сельское хозяйство	22,5	17,3	18,4	22,4	12,7
Пути и средства сообщения и торговля	2,4	9,5	9,5	7,1	10,3
Общественная служба и свободные профес.	6,7	8,1	8,1	10,1	12,2
Клерки	—	—	—	7,3	16,6
	100	100	100	100	100

в промышленности. 22,5%—в сельском хозяйстве, а во всех других профессиях занято было только 9,1%. В настоящее время численность работниц, увеличиваясь абсолютно, укрепляясь в разных профессиях, остается в процентном отношении ко всему числу самодеятельных женщин почти неизменным, но постепенно уменьшается роль домовых служащих и сельско-хозяйственных работниц. В то же самое время нарастает другой слой трудящихся женщин, заполняющих ряды лиц свободных профессий и клерков, процент которых с 9% в 1880 г. повысился до 31,1% в 1920 г.

Но значит ли это, что «здесь назревает естественное разделение труда по принципу—от каждого по его способностям?—как указывал и тов. Иванов. Что «современная техника освобождает женщину от необходимости надрываться среди гигантских автоматических машин современной фабрики» и что наша задача—облегчить женщине проникновение в эту сферу, устранить положение, когда Голиаф в сажень ростом подписывает квитанции в почтовой конторе, а женщина работает грузчицей и чернорабочей» [1]).

Тов. Иванов, конечно, был прав, когда указывал, что надо помочь женщине выйти из того ненормального положения, которое она до сих пор занимает в современном обществе, и перевести ее из чернорабочих и грузчиц в другие, более подходящие, более посильные и, тем самым, более выгодные для нее профессии. Ибо, если верить библейскому преданию, слабый, но ловкий Давид побил сильного Голиафа: в борьбе, где требуется ловкость и искусство, очень редко побеждает грубая физическая сила. Но для этого нет никакой необходимости из'ять всех женщин из фабричного производства и перевести их в ряды служащих. Развитие машинной техники все более и более приводит к уничтожению тяжелого физического труда и современная промышленность сплошь и рядом пред'являет куда больше требований к умственному и интеллектуальному развитию рабочих и работниц, чем к их физической силе. Разница между теми

[1]) „Под Знаменем Марксизма" стр. 287.

профессиями, которые рекомендовал т. Иванов, и фабричной работой, становится все меньше.

Механическое прядение на сельфакторе с 900—1400 веретен при числе оборотов их от 5.000 до 12.000 в минуту требует иного напряжения внимания рабочего, чем ручная «самопрялка». Механическое ткачество при работе на 2 до 6 обыкновенных станках или на 8—20 автоматических станках дает в Англии и Соединенных Штатах на одного ткача в неделю выработку от 600 до 2.400 аршин ткани на первых и до 8.000 аршин—на вторых; очевидно, здесь требуется иное напряжение внимания, иной темп операций, чем на ручном ткацком станке.

«Оно требует значительного повышения качества труда в отношениях: 1) внимания и бдительности; 2) отчетливости и систематичности приемов работы. То мускульное напряжение, которое характеризовало производство на низших стадиях его механического развития, в некоторых отраслях сохраняется и даже форсируется теперь, но в общем все более и более заменяется нервным напряжением. Когда рабочий наблюдает за быстроходной машиной, когда он должен улавливать слухом, зрением или комбинированным ощущением недочеты ее работы, ориентироваться в их месте и причине и возможно быстро исправлять—труд физический все более и более приближается к умственному, и граница между ними сглаживается. В современной промышленной обстановке вопросом является, кто несет больше физического труда: машинист или электрик, наблюдающий за работой паровой турбины, или же конторский переписчик на машине, счетовод, чертежник и т. д. Между тем, нервное напряжение действует на физически здоровых, но интеллектуально неразвитых людей часто гораздо более утомляющие, чем тяжелый физический труд» [1]).

И потому самыми радикальными средствами в деле помощи женщине занять прочное положение в мире труда—является наряду с признанием за ней «права на труд» повышение ее общего и профессионального образования, повышение ее интеллектуального развития и более серьезное отношение к вопросу о выборе профессии. При равной заработной плате женщина может удержаться в промышленности в тех ее отраслях и профессиях, где ее труд по квалификации и производительности не уступает мужскому, или же в тех профессиях, где она в силу создавшихся условий, в силу ловкости и искусства «свойственных женским рукам», заняла монопольное положение.

Ибо какие бы меры ни принимали союзы, какие бы директивы ни давала наша партия в целях сохранения женского труда в промышленности, работающей на хозрасчете, может применяться только та рабочая сила, которая выгодна. Если считать, что деторождение является социальной функцией и сопряженные с ним расходы ложатся на государство и промышленность, то и при этих условиях в промышленности, в каждой из ее отраслей и профессий останутся только наиболее работоспособные, наиболее искусные, наиболее квалифицированные элементы рабочего класса.

---

[1]) Проф. Гриневецкий, цитир. работа, стр. 155

М. Альский.

Наша политика государственного кредита.

(Окончание).

Восстановление государственного кредита и проведение в широком масштабе государственных кредитных операций в стране затруднялось произведенным Октябрьской революцией аннулированием государственных долгов, экспроприацией путем национализации всех реальных капиталов буржуазии и обесценением в период военного коммунизма и широко использованной эмиссии совзнаков, всех денежных капиталов в стране. К тому же враждебные Советской власти классы и группы населения не желали ссудить Советской власти своих свободных денежных капиталов, зная, что средства эти будут обращены на производительные нужды социалистического строительства, которое все более и более усиливает Советскую власть и все более ослабляет буржуазию как внутри, так и вне страны.

Помимо этих чисто политических мотивов буржуазные слои населения страны не пошли на помещение своих свободных денежных капиталов в государственные кредитные операции и по причинам чисто экономического характера. Причины эти сводились, главным образом, к тому, что процент на ростовщический денежный капитал, при отсутствии достаточно широко разветвленной сети кредитных учреждений в стране, был в первый период нэповской весны значительно выше того процента, который могло платить и платило государство по займам, кроме того, в этот период нэповского ажиотажа, торговый капитал тоже приносил значительно большие выгоды, нежели государственные займы.

Вместе с тем, накопление новых капиталов происходило в этом лагере значительно быстрее, нежели в государственном хозяйстве. Это обстоятельство могло в будущем создать большие затруднения в области социалистического строительства хозяйства страны. Чтобы замедлить темп нэповского накопления в стране и чтобы использовать в общегосударственных и общехозяйственных интересах хоть бы часть вновь накапливаемых нэповской буржуазией средств, Советской власти пришлось прибегнуть к принудительному размещению некоторых государственных займов.

При всей нежелательности подобного способа реализации займов принудительное размещение их в условиях подготовлявшейся денежной реформы было, конечно, предпочтительнее эмиссии бумажных денег для надобностей государственного хозяйства.

Принудительным размещением займов удалось извлечь из населения в тысячах руб.:

КВАРТАЛЫ.	Размещено займов в принудительном порядке в тыс. руб	Общая стоимость денежной массы в тысяч. рубл.	Процентное отношение 1 к 2.
	1	2	3
На 3-й кварт. 1922—23 г.	6.183,8	174.102.2	3,6
„ 4-й „ „	6.637,0	188.849.0	3,5
„ 1-й „ 1923—24 г.	29.357,1	281.973,8	10,4
„ 2 й „ „	69.250,6	321.947,0	21,5
„ 3-й „ „	90 654,1	393.413,8	23.0
„ 4-й „ „	118.775,7	480 766,8	24.7
„ 1-й „ 1924—25 г.	144.766,1	622 670,5	23,2
„ 2-й „ „	173.682,4	742.648,7	23,4
„ 3-й „ „	191.418,6	765.713,4	25,0

Таким образом, на эту сумму удалось на время сократить и темп развертывания частного оборота, и темп накопления им капиталов, кроме того, на эту же сумму удалось сократить эмиссию необеспеченных бумажных денег и с этой стороны укрепить позиции борьбы с бумажно-денежной инфляцией в стране.

С точки зрения государственного строительства и общехозяйственных интересов страны не только можно, но и нужно было пренебречь частными интересами, в частности, можно было пренебречь собственническими интересами отдельных групп населения, сознательно или бессознательно—это все равно—не дававших своих сбережений государству и тем затруднявших его борьбу на фронте хозяйственного и финансового восстановления страны.

Основной задачей момента была в то время подготовка, а затем и проведение реформы денежного обращения, которая должна была обеспечить дальнейшее успешное развитие народного и государственного хозяйства страны. Лишь успех этой реформы мог обеспечить дальнейшее развертывание хозяйства страны, усилить процессы и первоначального социалистического накопления, и процессы частного накопления в стране,—а значит создать условия для проведения в будущем в более широком масштабе и государственных кредитных операций. При таких условиях можно было на время пренебречь отрицательными явлениями, которые сопутствуют, обыкновенно, принудительному размещению займов. Советская власть и пренебрегла ими, подчинив основной задаче времени—денежной реформе—все остальные задачи, в том числе и интересы будущих государственных кредитных операций.

Однако и при принудительном размещении займов государственные кредиторы, особенно из враждебного власти класса, могли бы при известных условиях воздействовать путем усиленного пред'явления или путем временных спекулятивных покупок в тот или другой благоприятный момент облигаций государственных займов, на еле-еле складывающийся в стране государственный кредит и фондовый рынок, в целях подрыва и этого кредита и вообще всей финансовой мощи государства. В силу этого

Советской власти волей-неволей пришлось из'ять из фондового оборота все принудительно размещенные среди имущих классов облигации займов, и кроме того, лишить их возможности залого-ссудных операций. Это достигалось наложением на каждую принудительно размещенную облигацию займа особых знаков отличия.

Впоследствии, когда государство и его социалистическое хозяйство значительно окрепнут и в организационном и в хозяйственном отношениях, конечно, можно будет пересмотреть вопрос о принудительном размещении государственных займов, в сторону частичного или полного отказа от этого способа их реализации [1]).

В несколько особом положении находится вопрос о принудительном размещении 8% золотого гарантийного займа. Такое размещение его еще долгое время будет не только целесообразно, но и настоятельно необходимо.

Заем этот рассчитан на мобилизацию резервных и запасных капиталов государственных торговых и промышленных предприятий. В наших условиях обязывать эти предприятия хранить свои длительно свободные средства—резервные и запасные капиталы—в государственных процентных бумагах крайне целесообразно и необходимо не столько по соображениям государственного кредита, сколько по соображениям сохранения постоянно в мобильном состоянии этих средств, в интересах самих же предприятий. Будучи из'яты из оборота данного предприятия и помещены в государственные гарантированные процентные бумаги, средства эти могут быть в любую минуту мобилизованы для надобностей предприятия, независимо от того, в каком положении находится рынок производимых данным предприятием товаров. Таким образом, принудительное размещение этого займа идет по особой линии, а именно, по линии обеспечения длительных интересов нормального развития государственной торговли и промышленности и вообще государственного хозяйства.

Таким образом, и формы государственных кредитных операций, и методы их проведения, наконец, вся политика внутреннего государственного кредита ставили перед собой, помимо узко-финансовых и кредитных задач, более широкие, которые не только полностью совпадали, но и полностью отвечали в каждый данный период интересам государственного и хозяйственного строительства страны.

* * *

Финансовое хозяйство должно всегда итти в уровень, а иной раз и опережать экономическое развитие страны. Правильная финансовая политика должна всегда ставить перед собой задачу отвечать соответствующими финансовыми мероприятиями на все изменения в области хозяйственных отношений в стране. Только такая финансовая политика будет отличаться активностью и творчеством, только такая финансовая политика может воздействовать на экономическое развитие страны в желательном направлении и в то же время являться отражением этого развития.

---

[1]) 21 февраля 1925 года СНК СССР признал необходимым прекратить на будущее время размещение государственных займов среди населения в обязательном порядке. С 1 марта 1925 года прекращено принудительное размещение Второго выигрышного займа. Таким образом, эти даты являются переломными в политике размещения займов среди населения СССР.

Начиная с 1922—23 г. финансовое хозяйство Советской Республики стало развиваться крайне ускоренным темпом в четырех главных направлениях: в направлении необычайно быстрого роста государственного бюджета и такого же роста местного финансового хозяйства, в направлении быстрого увеличения поступлений прямых и косвенных налогов и, наконец, в направлении изумительного роста денежного обращения в стране. Рост этот находится, конечно, в общей связи с политическим и экономическим развитием Союза ССР в течение последних нескольких лет.

20 мая 1925 г. минуло три года со времени издания первого декрета о первом государственном внутреннем займе — о выпуске первого хлебного займа. Три года, это—срок как будто совсем небольшой, однако, за эти три года в деле восстановления внутреннего государственного кредита, а также в деле приспособления этого кредита к быстро меняющимся условиям экономического развития Советской Республики,—уже сделано многое.

Современи выпуска первого государственного займа Советской властью проведены уже следующие государственные кредитные операции:

Наименование займа.	Время выпуска займа.	Срок погашения займа.	Сумма займа.	Реализовано облигаций на сумму.	Выручено в милл. р.
1. 1-й хлебный заем	20/V—1922 г.	К 15/III—1923 г.	10 мил. пуд.	10 м. п.	7,7
2. 1-й золотой выигрышный заем	31/X—1922 г.	С 1/XII—1928 г. по 1/XII—1933 г.	100 мил. руб.	[illegible]8,8 м. р.	86,6
3. 2-й хлебный заем	22/III—1923 г.	С 1/XI—1923 г. по 1/III—1924 г.	100 мил. пуд.	101,4 м. п.	
4. Платежн. обязательст. Центрокассы . .	Выпускаются ежемесячно, начиная с 1/III—1923 г.	Через 3 и 6 месяцев.	335,6 мил. р.	335,6 м. р.	317,7
5. Транспортные сертификаты .	26/VII—1923 г.	С1/III—1924 г. по 31/VIII—924 г.	24 м. р.	24 м. р.	24,0
6. Сахарн. заем .	15/XI—1923 г.	С 1/II по 30/IX—1924 г.	1 м. п.	1 м. п.	10,9
7. 8% золот. гарантийн. заем.	15/II—1924 г.	С 1/1—1926 г. по 1/III—1930 г.	100 м. р.	46,4 м. р.	45,4
8. 1-й крестьянский выигрышный заем . .	19/III—1924 г.	С 1/IV—1925 г. по 31/XII—1926 г.	50 м. р.	49,7 м. р.	42,3
9. 2-й золотой выигрышный заем	16/IV—1924 г.	С 15/III—1926 г. по 15/III—1933 г.	100 м. р.	67,6 м. р.	67,6
10. Новый выпуск крестьянского выигрышного займа	15/IV—1925 г.	С 1/IV—1926 г. по 31/XII—1926 г.	40,6 м. р.	В процессе реализации.	
11. Государственный краткосрочный 5% заем	23/II—1925 г.	С 1/IV—1926 г.	10 м. р.	10 м. р.	8,2

Таким образом, в течение трех лет Советской властью проведено в разное время, в разных условиях, в расчете на разные слои населения и на разный круг хозяйственных операций 11 внутренних государственных кредитных операций, на сумму 658,2 млн. рубл., из коих 294,2 млн. руб. остаются на 1 мая 1925 г. в качестве государственного долга.

Ясно, что, лишь опираясь на эти успешно проведенные операции, государство могло так легко отказаться от бумажно-денежной эмиссии для своих бюджетных надобностей, могло так успешно подготовить и провести реформу денежного обращения и в то же время проложить пути к восстановлению внутреннего государственного кредита.

Внутренний краткосрочный государственный хлебный заем или, как его принято называть, первый хлебный заем, был выпущен на 10 млн. пудов ржи, облигациями от 1 до 100 пудов, в период времени, следовавший непосредственно за голодным 1921 годом. Заем этот был выпущен в расчете на заинтересованность, с одной стороны, крестьянского, а, с другой стороны, городского населения, которое после кризиса голодного года, естественно, должно было стремиться застраховать себя в дальнейшем от голода. В условиях, когда крестьянское хозяйство за время падающей валюты и политики продразверстки превратилось в значительной степени в натуральное хозяйство, в условиях, когда заем этот был связан с продналогом и предоставлял крестьянскому населению ряд удобств и преимуществ, и в отношении его расчетов с государством по продналоговой его повинности, и в отношении перевода своего хозяйства с натуральных на товарно-денежные рельсы,—заем этот, естественно, должен был возбудить и он действительно возбудил интерес к себе со стороны рабоче-крестьянского населения страны.

Первый хлебный заем, будучи выпущен в ржаных единицах—пудах хлеба,—фактически реализовывался в обесценившихся совдензнаках и погашался или хлебом в натуре или в порядке приема казной облигаций займа в уплату или в счет взносов натурналога. Вследствие этого, непосредственные финансовые выгоды займа для казны несколько понижались, но поскольку в весенние и летние месяцы, т.-е. месяцы наибольшего сезонного сокращения в нашей стране товарооборота, извлекались из населения при помощи этого займа совдензнаки и поскольку, с другой стороны, этим путем представилось возможным сократить в эти наиболее трудные месяцы темп бумажно-денежной эмиссии,—заем этот имел громадное финансовое и хозяйственное значение как для страны, так и для государства.

Выгодность этого займа для населения и хозяйства обеспечивала возможность его реализации,—гарантировала успех этой первой Советской государственной кредитной операции. В условиях, когда население совершенно отвыкло за время революции от подобного рода операций государственного казначейства — это обстоятельство имело совершенно особое значение.

Декретом ВЦИК от 20 мая 1922 г. хлебный заем выпускался с 1 июня того же 1922 г., сроком погашения не позже 31 января 1923 г.[1]). Таким образом, заем этот был рассчитан на

[1]) Вследствие того, что значительное количество облигаций не было пред'явлено к погашению в срок, ВЦИК постановлением своим от 15 февраля 1923 г. продлил, в интересах мелких держателей облигаций, срок погашения займа до 15 марта того же года.

время не более 8 месяцев. Погашение займа фактически должно было начаться с 1 августа 1922 г., т.-е. через 2 месяца с момента его выпуска.

Первый хлебный заем был реализован в июле и августе на сумму 1.7 млн. руб., в сентябре на 0,8 м. р., а в октябре—на 3 м. р., в ноябре на 2 м. р. и в последующие месяцы по расчетам с контр-агентами 0,2 м. р., а всего на сумму 7,7 м. р.

Из сопоставления этих дат видно, что момент наиболее интенсивного распространения займа совпадал во времени со сроками поступления продналога. Это наводит на мысль, что облигации I хлебного займа приобретались, главным образом, в момент расчета с государством по продналогу, чтобы получить путем участия в реализации этого займа все те выгоды и все те преимущества, которые были связаны с этой кредитной операцией. Это подтверждается, между прочим, и тем, что I хлебный заем был почти полностью погашен путем взноса облигаций займа в уплату продналога. Таким образом, заем этот имел, как указано выше, не столько финансовое, сколько общехозяйственное и общегосударственное значение, но он в одно и то же время создавал перелом в отношении населения к кредитным операциям государства.

Второй по счету государственной кредитной операцией был—Первый государственный золотой выигрышный заем.

Успешное внедрение в течение 1923 г. в торгово-промышленный оборот страны червонца, наметившийся в связи с этим переход всего оборота на золотое исчисление и определившиеся контуры будущей денежной реформы дали возможность Советской власти воспользоваться золотой валютой для проведения второй государственной кредитной операции, рассчитанной на этот раз на мобилизацию отчасти уже имевшихся, а отчасти накапливавшихся денежных сбережений в городе.

Первый золотой выигрышный заем был, по существу, первым серьезным актом финансовой политики в области восстановления внутреннего государственного кредита и вместе с тем и первой крупной и долгосрочной кредитной операцией Советской власти. Заем этот был выпущен на сумму в 100 м. р. золотом, сроком на 10 лет из 6% годовых. Согласно декрета, реализация этого займа, оплата по нему процентов и погашение его должны были производиться в советской валюте по золотому курсу. Кроме того, ежегодно в течение первых пяти лет должны были производиться по два тиража выигрышей, а в течение последующих 3 лет по одному тиражу выигрышей. Погашение займа должно начаться с 1928 г. путем ежегодных тиражей погашения.

Первый выигрышный заем дал государственному казначейству возможность мобилизовать в течение 1923 и 1924 г.г. 98,8 м. р. номинальных. Из этой суммы в порядке добровольном было размещено облигаций на сумму 16,3 м. р., а в порядке принудительном—82,5 м. р.

Согласно декретов СТО от 4 сентября и от 9 октября 1923 года, частные лица, предприятия и организации одновременно с уплатой государственного подоходно-поимущественного налога и одновременно с выборкой патентов на право торговли и промыслов по промысловому налогу обязывались приобретать установленное специальной шкалой, применительно к разряду плательщиков налога, количество облигаций займа. Кроме того,

постановлением СНК от 18 сентября 1923 г. и 19 февраля 1924 г. подрядчики и поставщики обязывались принимать в счет причитающихся им по договорам платежей 15%, а комиссионеры 20% облигациями выигрышного займа. Таким образом, этими законодательными актами устанавливалось принудительное размещение этого займа.

7 сентября того же года постановлением СТО была установлена обязанность и для государственных, кооперативных и коммунальных предприятий приобретать известное количество облигаций выигрышного займа при выборке ими патентов по тому же промысловому налогу.

24 августа 1923 г. ВЦСПС, учитывая общефинансовое положение государства, обратился ко всем рабочим и служащим, членам профсоюзов, с воззванием о коллективной подписке на Первый выигрышный заем. В этом воззвании, между прочим, указывалось, что подписка эта должна производиться в пределах от 3 до 20%, в зависимости от суммы заработной платы каждого рабочего и служащего.

Никаких законодательных актов, обязывающих рабочих и служащих покупать облигации выигрышного займа, не было издано. Поскольку, однако, государственные, коммунальные и кооперативные предприятия стали получать из казны, в счет своих дотаций, облигации выигрышного займа из расчета, установленного ВЦСПС для добровольной и коллективной подписки, процента, постольку облигации эти стали выдаваться и этими предприятиями рабочим и служащим, в «добровольно-принудительном» порядке, который не мог, конечно, не привести к ряду нежелательных инцидентов... Размещенные, таким образом, облигации займа не были из'яты, подобно принудительно размещенным, из фондового и банкового оборота, наоборот, учреждения государственного банка развернули в широком масштабе залого-ссудные операции под облигации этого займа и, таким образом, создали условия, при которых каждый трудящийся мог легко, в случае нужды, заложить в банке свои облигации и в то же время участвовать в тираже выигрышей, приучаясь незаметно к операциям с облигациями займов.

Из всей суммы принудительно-размещенных облигаций Первого выигрышного займа—в 82,5 м. р.—среди трудящихся было размещено 49,5 м. р. Таким образом, в порядке государственного принуждения было размещено среди имущих групп населения 38 м. р. Если «добровольно-принудительная» покупка облигаций выигрышного займа со стороны рабочих и служащих являлась в условиях борьбы с бумажно-денежной эмиссией и подготовки денежной реформы еще одной необходимой жертвой революционного пролетариата в его борьбе за социализм, то 33 м. руб., извлеченных путем этого займа из нэповского накопления, плюс 67,6 м. р., полученных путем принудительного размещения Второго выигрышного займа, являются вкладом враждебного класса в дело строительства социализма,—вкладом, использованным против интересов этого враждебного класса, а в интересах революции.

Нынешние успехи финансового и хозяйственного строительства Советской власти вполне оправдали, с точки зрения общих интересов социалистического строительства, все эти чрезвычайные методы размещения займа,—они покрыли все минусы, неизбежно связанные с подобного рода реализацией государственных займов.

Первый хлебный заем, как известно, проложил дорогу и подготовил почву для других государственных кредитных операций, рассчитанных на деревню.

22 марта 1923 г. был выпущен 2-ой государственный хлебный заем на сумму в 30 милл. пуд. ржи. Второй, как и первый, хлебный заем был выпущен в ржаной валюте и имел податное обеспечение, т.-е. принимался в уплату реформированного продналога — единого сельско-хозяйственного налога. В отличие от 1-го хлебного займа, который был выпущен в совдензнаках по твердому, однажды установленному курсу, 2-ой хлебный заем был реализован в совдензнаках по подвижному курсу рубля, который менялся в зависимости от пояса распространения займа и сезонной цены хлеба. Этим путем государство в известной степени обеспечивало себя от того финансового ущерба, который оно потерпело бы при иной системе реализации займа.

Погашение займа должно было производиться по выбору самих держателей облигаций займа либо натурой, либо деньгами, либо путем уплаты единого сельско-хозяйственного налога. Этот заем так же, как и первый хлебный заем, давал возможность застраховать свои денежные сбережения от обесценения и использовать облигации займа в качестве зачетного свидетельства при расчетах с государством по основной крестьянской податной повинности—по единому сельско-хозяйственному налогу.

Первый хлебный заем был выпущен на сумму в 10 м. пуд. ржи, облигациями от 1 до 100 пуд. ржи, а Второй хлебный заем—на сумму в 30 м. п. ржи, облигациями от 1 до 10 п. ржи. Такое мелко-купюрное построение займа ясно было рассчитано на более широкие слои крестьянского населения. Успешная реализация этого займа побудила Советскую власть увеличить первоначально установленную сумму займа с 30 до 60 милл. пуд., а затем довести ее и до 100 милл. пуд. ржи.

Дооктябрьская Россия не обращалась со своими внутренними государственными кредитными операциями к деревне,—она, естественно, обращалась за кредитом к буржуазно-помещическим элементам страны, заинтересованным в укреплении представлявшего только их интересы государства. Рабоче-крестьянские сбережения улавливались ею при проведении внутренних государственных кредитных операций только попутно и то при помощи густо раскинутой сети государственных сберегательных касс. Вследствие этого, крестьянское население не имело в прошлом никакого опыта в деле государственного кредита и было совершенно незнакомо с этого рода операцией государства, поэтому у него, совершенно естественно, должно было быть известного рода недоверие к кредитным операциям государства, некоторая боязнь за сохранность своих сбережений в случае передачи их путем покупки облигаций государственных займов государству.

Незнакомство крестьянского населения с залого-ссудными операциями банков и с операциями фондовой биржи—с процентными бумагами, при незначительности крестьянских сбережений и, главное, при временном характере этих сбережений—должно было порождать у этого класса населения опасения, что помещение своих сбережений в государственные займы делает их неликвидными в нужный крестьянину момент, а несравненно более высокий, чем по государственным займам,—ростовщический процент

на ссудный капитал на крестьянском денежном рынке делает эти операции экономически для него невыгодными. Все это вместе взятое должно было до крайности затруднить приобщение деревни к государственным кредитным операциям. Эти трудности, казалось, были совершенно непреодолимы. Однако оба хлебных займа имели, как мы видели, громадный успех в стране и, в частности, в деревне. Успех этот, в известной мере, был, правда, обеспечен предшествующими годами голода, натуральной формой обложения деревни и, наконец, существованием в стране «военных денег»—совдензнаков, однако он обуславливался также и удачным выбором момента, условий и форм проведения этих кредитных операций. Как бы то ни было, именно эти займы и их успех проторили дорожку для дальнейших государственных кредитных операций в деревне.

2-ой хлебный заем окончательно закрепил перелом, происшедший у широких слоев крестьянского населения в отношении государственных кредитных операций и приобщил эти слои населения к кредитным операциям государства.

Даже если б эти займы и не дали бы государству тех финансовых результатов, на которые оно рассчитывало и которые оно получило, то и тогда следовало бы признать, что они были необходимы и целесообразны и по своим общехозяйственным и по своим общеполитическим результатам для государства. Именно, эти хлебные займы, в ряду других мер государства, дали, как мы видели в другом месте, возможность совершенно безболезненно совершить перевод деревни с натурально-потребительских на товарно-денежные отношения и найти в то же время в деревне группы держателей государственных процентных бумаг, возбудить у них доверие и интерес к государственным кредитным операциям и опереться на них при проведении там в дальнейшем кредитных операций. Все это, поскольку деревня по хозяйственной своей структуре менее подвижна, чем город, сулило и сулит государству возможность найти в дальнейшем в деревне более или менее постоянных и надежных держателей государственных процентных бумаг.

Согласно декрета СНК от 7 февраля 1923 г., начиная с 1 марта 1923 г., стали ежемесячно выпускаться краткосрочные обязательства Центрокассы НКФ. Выпуск их обуславливался необходимостью покрытия кассового дефицита государственного казначейства, который образовывался или мог образоваться вследствие несовпадения сроков поступления государственных доходов со временем производства крупных расходов по открытым, согласно сметам, кредитам. Обязательства эти должны были дать государственному казначейству средства для производства расчетов по открытым ведомствам, учреждениям и предприятиям кредитам, до момента поступления намеченных в бюджете государственных доходов.

Обязательства эти не могли выпускаться на сумму более, чем открыто кредитов по расходным расписаниям. Таким образом, краткосрочные обязательства Центрокассы обеспечивались, по существу, государственными доходами, которые должны были поступить в казну и которые предназначались, по сути дела, для покрытия предусмотренных государственным бюджетом расходов.

Выпуском обязательств Центрокассы преследовалась, главным образом, цель получить отсутствовавшие у государственного казначейства оборотные средства.

Выпуск краткосрочных обязательств Центрокассы НКФ производился в золотой валюте, сроком погашения через 3 месяца в совдензнаках по курсу дня оплаты. В случае непред'явления обязательств в срок к погашению, по ним начислялись 6% годовых. Этим создавались выгодные условия для застревания обязательств в обороте на более долгий, чем они были выпущены, срок,—это было, конечно, в интересах строительства государственного кредита.

Обязательства Центрокассы НКФ стали очень скоро привлекательным средством для помещения свободной денежной наличности учреждений и предприятий, они быстро вошли в оборот и завоевали себе, с его стороны, известное доверие. Рост этого доверия виден из следующей таблицы обращения обязательств:

Бюджетные кварталы.	Выпущено на сумму в м. р.	Погашено обязательств истекших сроков.	Осталось обязательств в обращении.
III кв. 1923 г.	3,3	—	3,3
IV " "	26,1	3.2	22,9
I кв. 1924 г.	57,1	19.0	38,1
II " "	110,6	43,3	67,3
III " "	173,7	88 0	85,7
IV " "	207,1	155,5	51 6
I кв. 1925 г.	260,5	211,8	48,7
II " "	288,0	234.9	53,1
На 1 мая 1925 г.	335,6	269,7	65,9

Операция с краткосрочными обязательствами Центрокассы НКФ успешно выполнила и успешно выполняет до сих пор свое основное назначение—дать государственному казначейству оборотные средства.

После проведения денежной реформы краткосрочные обязательства постановлением СНК СССР от 13 и 15 декабря 1924 г. из беспроцентных были превращены в процентные бумаги, и, кроме того, согласно постановлению того же СНК от 16 сентября 1924 г., на-ряду с 3-месячными стали выпускаться и 6-месячные обязательства.

Выпущенные на небольшие суммы транспортные сертификаты и сахарный заем повторяли в общем опыт или хлебных займов или краткосрочных обязательств Центрокассы НКФ. Эти кредитные операции были так же хорошо, как их предшественницы, приняты оборотом. Реализация транспортных сертификатов дала в течение 12 месяцев 24 м. р., при чем стоимость кредита для государства равна лишь 2,4% годовых, а реализация сахарного займа дала казне беспроцентный кредит на срок от 6½ до 11½ месяцев в сумме 10,9 м. р.

Рынок денежных капиталов в нашей стране всегда отличался незначительностью обращающихся на нем капиталов.

Более или менее свободных, крупных частных денежных капиталов или вовсе нет в нашей стране или, если они и имеются, то они находятся пока вне рынка, тезаврированные в те или иные ценности. С этим обстоятельством все время приходилось очень и очень считаться. Почти все государственные кредитные операции, за исключением разве краткосрочных обязательств Центрокассы НКФ, и строились поэтому в расчете или на мелкие

сбережения, или в расчете на временно свободные капиталы мелкого оборота, ищущие или временной страховки от обесценения или других каких-либо выгод и преимуществ.

Новая экономическая политика Советской власти дала мощный толчок для развития народного, а также государственного и кооперативного хозяйства СССР. Промышленные и торговые, транспортные и кредитные, сельско-хозяйственные и строительные, страховые и сберегательные и вообще все государственные предприятия и учреждения в стране стали накапливать у себя сначала оборотные, а потом и запасные и резервные капиталы. Все эти, довольно крупные в наших условиях, средства стали мало-по-малу вовлекаться в оборот и тем получать несоответствующее ни интересам государства, ни самому характеру этих капиталов, назначение, или стали помещаться в краткосрочные обязательства Центрокассы НКФ, которые хотя и являлись беспроцентной до момента наступления срока их оплаты государственной бумагой, но зато страховали в условиях падающей валюты эти средства от обесценения. После проведения денежной реформы, краткосрочные обязательства Центрокассы НКФ из беспроцентных были превращены в процентные бумаги, но обязательства Центрокассы НКФ, как краткосрочная кредитная операция, не давали уже государству всего того, что ему было нужно и на что оно могло рассчитывать в условиях накопления государственным хозяйством новых капиталов.

В целях создания и обеспечения устойчивости наших торгово-промышленных и иных организаций, а также в целях создания условий, при которых резервные и запасные капиталы наших государственных учреждений и предприятий были бы в достаточно ликвидном состоянии, т.-е. таком состоянии, которое дало бы возможность в любой момент обратить их по прямому назначению, наконец, в интересах развития государственного кредита,—нужно было провести такую кредитную операцию, которая, с одной стороны, мобилизовывала бы все эти средства в руки государства, а с другой—обеспечивала бы указанные выше интересы государственных хозяйственных организаций и учреждений.

Такой операцией мог бы, естественно, быть только облигационный заем.

15 февраля 1924 г., согласно декрета ЦИК и СНК Союза ССР, был выпущен десятью сериями по 10 м. р. каждая, облигациями в 100 и 1.000 р. золотом, 8% внутренний золотой заем, сроком на 6 лет. Погашение займа должно производиться в течение 4 лет, начиная с января 1926 г., путем ежегодных тиражей погашения на сумму 25 м. р. золотом.

7 марта того же 1924 г. декретом ЦИК и СНК Союза ССР было установлено, что все государственные учреждения и предприятия, имеющие, согласно своим уставам или положениям, резервные и запасные капиталы, обязаны помещать таковые, в размере не менее 60%, в государственные процентные бумаги. Постановлением же СТО от 14 мая 1924 г. устанавливалось, что все эти учреждения обязаны помещать 60% своих резервных и запасных капиталов в облигации 8% внутреннего золотого займа.

Ликвидность резервных и запасных капиталов, помещенных в облигации этого займа, обеспечивалась при этом специально установленной законом гарантией, что НКФ или организует в банках кредит под облигации 8% золотого займа, или выкупит эти облигации, как только интересы того или иного предприятия или учреждения потребуют мобилизации их капиталов, помещенных в эти облигации.

В соответствии с назначением этого займа и в соответствии с размерами капиталов, на которые он был рассчитан, облигации выпускались в достаточно удобной для их реализации купюре— в 100 и в 1.000 р. каждая. Приносимый ими доход был определен в 8% годовых, при выпускном курсе 96 за 100, что давало, в сущности, 9% годовых. Этим возбуждался особый интерес к этому именно займу.

В течение 1924 г. заем этот был реализован на сумму в 36,4 м. р. по номиналу, а в течение истекших четырех месяцев (январь—апрель) 1925 г.—на сумму 10 м. р. по номиналу. Всего, таким образом, реализовано пока облигаций этого займа на сумму в 46,4 м. р.

19 марта 1924 г. был выпущен 1-ый крестьянский выигрышный заем на сумму 50 м. р., купюрами в 1, 3 и 5 руб., сроком погашения с 1 апреля 1926 г. по 31 декабря 1926 г. Согласно условий займа, в течение этого времени должно быть произведено 8 тиражей выигрышей на общую сумму в 2 м. р., падающую на 177.280 выигрышей.

Крестьянский выигрышный заем был выпущен в период проведения реформы денежного обращения и отмены взимания в натуре единого сельско-хозяйственного налога в золотой валюте. Это обстоятельство лишало заем всех тех особых льгот и преимуществ, которые были связаны с натуральными хлебными займами.

Стремясь обеспечить дальнейшее развитие государственных кредитных операций в деревне и сохранить там завоеванное у крестьянских масс доверие к этого рода операциям государства, 1-му крестьянскому выигрышному займу нужно было присвоить такие выгоды и преимущества, которые обеспечивали бы Советской власти достижение поставленных себе в этом отношении целей. При выпуске 1-го крестьянского выигрышного займа Советской властью и был использован для этого опыт обоих хлебных и 1-го выигрышного займов.

1-ый крестьянский выигрышный заем, в расчете на привлечение сбережений крестьянского населения, выпускался, как и все прежние государственные займы, в мелких купюрах—в 1, 3 и 5 р. каждая. Кроме того, этому займу, как и прежним хлебным займам, придавалось налоговое обеспечение, т.-е. за крестьянским населением сохранялась возможность сдачи по нарицательной цене облигаций займа в уплату единого сельско-хозяйственного налога. Это обстоятельство дало государству возможность извлечь из крестьянского населения, путем этого займа, временно свободные у него средства и в то же время гарантировать ему возможность быстрой реализации помещенного в облигации займа капитала. Первое было важно тем, что приучало крестьянское население хранить свои свободные средства в государственных процентных бумагах,—этим облегчалось разрешение общей задачи создания базы для дальнейших государственных кредитных операций среди широких слоев крестьянского населения, и, кроме того, давало в руки государства еще одно средство для регулирования денежного обращения в стране, а второе было важно тем, что отвечало интересам крестьянского населения.

1-й крестьянский выигрышный заем был задуман, как длительная, т.-е. из года в год повторяющаяся, государственная кредитная операция, которая должна постепенно, по мере изменений условий крестьянского денежного рынка, превратиться из краткосрочной в долгосрочную. В целях создания условий для такого ее превращения заем этот предоставлял, вместо утерянных выгод, связанных с натуральным характером прежних крестьянских займов, новые выгоды, в виде выигрышей и процентов на капитал, вложенный в облигации займа. Эти выгоды займа должны были служить стимулом для удержания крестьянского населения от поспешной сдачи приобретенных им облигаций займа в уплату единого сельско-хозяйственного налога. Особой приманкой в этом отношении должны были служить выигрыши, в погоне за которыми часть облигаций займа должна была застревать в крестьянском обороте.

В отношении условий обращения, облигации крестьянского займа были поставлены в одинаковое со всеми другими государственными займами положение. Облигациям этого займа предоставлялось свободное хождение на рынке, они могли свободно продаваться и закладываться, они освобождались от налогов, кроме того, сделки с ними освобождались еще и от гербового сбора.

В условиях буржуазного окружения, Советская власть по необходимости должна строить свою политику в области восстановления государственного кредита на учете внутренних возможностей. В силу этого, приобщение к активному участию в государственных кредитных операциях 120-миллионной крестьянской массы населения представляет не только первостепенный финансовый, но и политический интерес.

Ссужая Советской власти свои сбережения на тот или иной срок, крестьянское население тем самым предоставляло государству определенный капитальный фонд, который оно могло использовать в интересах общегосударственного и общехозяйственного строительства, но, будучи в то же время заинтересовано в сохранности этих сбережений и в том, чтобы они были возвращены в срок, крестьянское население невидимыми финансовыми путями и нитями крепче связывается с своим рабоче-крестьянским государством, становится материально заинтересованным в его устойчивости, развитии, процветании и укреплении. Это не может, конечно, не отразиться на политическом положении государства как внутри страны, так и во вне—на международной политической арене.

Крестьянское население страны живо откликнулось на 1-ый и 2-ой хлебные займы и на 1-ый крестьянский выигрышный заем. В погашение продовольственного и единого сельско-хозяйственного налога поступило облигаций этих займов на сумму:

	Реализовано облигаций.	Поступило в уплату налога.	В %
1-й хлебный заем	10 м. п.— 7,7 м р.[1]	6,2 м. п.— 4,8 м. р.	62,0
2 й „	101,4 „ „—45,6 „ „[2]	80,5 „ „—36,2 „ „	79,4
1-й крестьян. выигрышн. заем	— 49,7 „ „	— 40,6 „ „	81,7
Итого	— 103,0 „ „	— 81,6 „ „	69,2

[1]) Коэффициент перевода принят в 77 коп. за пуд, исходя из фактических поступлений.

[2]) Коэффициент перевода принят в 45 коп. за пуд.

Таким образом, не считая даже той части крестьянского выигрышного займа, которая безусловно застряла в крестьянском обороте, через крестьянские руки прошло облигаций 3-х государственных займов, рассчитанных на крестьянское население, на сумму 81,6 милл. руб., или 69,2% к общей сумме этих займов.

Эти данные определяют уже размеры того доверия, которое возбуждено и растет у крестьянского населения от одной к другой государственной кредитной операции.

Новый поворот политики Советской власти в отношении деревни, а также намеченные в самое последнее время мероприятия по поднятию благосостояния крестьянского населения, безусловно отразятся и на крестьянском рынке денежных капиталов. Улучшение материального положения крестьянского населения и улучшение на крестьянском рынке денежных капиталов создаст, в свою очередь, лучшие условия для проведения в еще более широком масштабе государственной кредитной операции в деревне.

16 апреля 1924 г. был выпущен 2-ой золотой выигрышный заем на сумму 100 милл. руб., из 6% годовых, сроком погашения, начиная с 15 марта 1926 г. по 15 марта 1929 г.

15 апреля 1925 г. был разрешен 2-ой выпуск крестьянского выигрышного займа на сумму 40,6 милл. руб., из 5% годовых.

2-ой золотой выигрышный заем так же, как и 1-ый выигрышный заем, был, главным образом, реализован путем принудительного размещения среди имущих слоев и групп населения. Таким образом, было размещено облигаций этого займа на сумму 67,6 милл. руб., или 67,6% общей суммы займа.

Согласно декрета от 21 февраля 1925 г., начиная с 1 марта 1925 г., прекратилось принудительное размещение этого займа. С этого времени реализация государственных займов, рассчитанных на массового держателя, поставлена в нормальные условия добровольного размещения.

Оба эти займа не внесли ничего нового в область развития политики внутреннего государственного кредита, так как оба они являются, по существу, продолжением опыта ранее выпущенных одноименных государственных займов.

* * *

Аннулированный Октябрьской революцией государственный долг старой России составлял на 1 января 1916 г.:

	Долгосрочными займами.		Итого
	Внутренними в милл. руб.	Внешними в милл. руб.	в милл. руб.
Сумма долга	4.464	4.060	8.524
Уплачено %	162,4	166,6	329,0

Государственный долг Советской республики составляет на 1 мая 1925 г. в милл. руб.

	Долгосрочными займами.	Краткосрочн. займами.	Итого.
Сумма долга	218,3	75,9	294,2
Уплачено %	13,0	3,2	16,2

Не говоря уже о том, что государственный долг дооктябрьской России образовался, главным образом, за счет государственных займов, использованных для империалистических целей буржуазно-помещичьего государства, а государственный долг Советской республики, составляющий всего лишь около 3,4% общей суммы государственного долга дореволюционной России, образовался за счет займов для производительных нужд страны,—одних только процентов на капитал царская Россия ежегодно уплачивала в размере 329 милл. руб., из коих 166,6 милл. руб. вывозилось за границу. Таким образом, только одних процентов вывозилось за границу немногим более половины того, что составляет весь государственный долг Советской Республики.

Здесь находится ключ к разгадке бешенства мировой буржуазии в отношении Советской республики.

Эта маленькая справка показывает, какие богатые возможности могут быть, при известных условиях, у Советской власти в области строительства государственного кредита внутри страны, в то же время она показывает, что сколь ни велики наши достижения в этой области, они все же очень малы в сравнении с теми, которых достигло буржуазно-помещичье государство. В то же время эти данные говорят еще и о том, сколь много нужно еще сделать, чтобы мобилизовать в распоряжение рабоче-крестьянского государства такие громадные средства. Какой громадный эффект они дали бы в области развития производительных сил и строительства социализма в нашей стране, нетрудно себе представить, если и с небольшими сравнительно средствами, в 658,2 милл. рубл., мобилизованными Советским государством, Советская власть обернулась так, что избавила страну и от падающей валюты, и от эмиссии денег для надобностей покрытия бюджетного дефицита, и в то же время использовала их в интересах крестьянского и всего народного и государственного хозяйства страны. В этой области стоит потрудиться!

Международная буржуазия отказывает Советскому государству в кредите, но оно уже получило его, а в дальнейшем еще больше получит его внутри страны. Вопреки международной буржуазии, Советское государство строит, быть может, медленнее, чем этого хотелось бы, и построит социализм!

А. Слепков.

Об одном политическом вывихе.

(Ответ «злому гению» рабселькоровского движения, т. Вардину).

У всякого нового движения, у всякого нового общественного течения имеется свой злой гений. На роль такого злого гения в рабселькоровском движении покушался т. Вардин.

Как всякий «гений», т. Вардин претенциозен.

В предисловии к своей книжке «Пресса большевизма» [1]) он пишет следующее:

«Большинство тех вопросов печати, из-за которых мы совсем еще недавно спорили, получило свое разрешение, но жизнь выдвинула новые спорные вопросы печати, прежде всего и главным образом, в связи с рабкоровским движением. Мы твердо убеждены, что наша партия этот вопрос может решить только в указанном нами направлении».

Тов. Вардин указал направление. Может ли партия выбрать еще какое-нибудь иное?

Как известно, расчет тов. Вардина не оправдался. Партия стала на ту точку зрения, которую подвергал обстрелу именно т. Вардин.

Некоторые товарищи могут сказать, что, пожалуй, излишне преодолевать точку зрения, которая уже отвергнута ЦК нашей партии.

Нам кажется, что все же известный интерес и некоторый политический смысл критика неправильных положений о рабселькоровском движении, несомненно, представляет, ибо в практике, правда, совсем единичных организаций существует система взглядов, развиваемая т. Вардиным. Кроме того, бесспорный интерес представляет и позиция т. Вардина с обще-методологической точки зрения.

Любопытно проследить, *как* критики рабселькоровского движения мыслят, *как* они подходят к вопросу и какие общие, свойственные еще некоторым членам нашей партии способы разрешения больших политических вопросов проявляются в положениях, критических замечаниях и рассуждениях т. Вардина.

«Какова была обязанность тех, кто стал во главе рабселькоровского движения? Они должны были понять исторический смысл рабкоровского движения и сознательно развивать и оформлять те совершенно правильные начала, которые стихийно были в него заложены. Они сознательно должны были взять курс на то, чтобы вырабатывать из рабкоров журналистов, писателей, критиков...»

«На деле курс был взят совершенно противоположный. На деле всячески пытались сузить роль и значение рабкорства, ограничить рабкора одними лишь функциями информатора о мест-

[1]) И. Вардин, Пресса большевизма, изд. „Прибой", Ленинград 1925 г.

ных делах. Стремление перехода от рабкорства к рабжурству было взято в штыки. Оно было об'явлено делом не совсем подходящим».

В доказательство своих положений неосторожный т. Вардин цитирует следующее место из речи т. Бухарина на I Всесоюзном совещании рабкоров «Правда»:

«Этот процесс (перерастания рабкоров в рабжуров) в известной мере неизбежен и выражает культурный рост соответствующих прослоек рабочего класса. Рабкоры учатся, пишут все больше и больше; писательство начинает превращаться в их основную работу, а затем и в «базис» их экономического бытия. Тогда наступает разрыв с производством и данный товарищ перестает быть рабкором, что, конечно, не мешает ему весьма полезно работать на другом поприще».

«Что же отсюда следует? Отсюда, а равно из всего предыдущего, следует и характер работы рабкоров над самим собой. Они должны учиться не только и не столько специфическим журналистским наукам (стиль и т. д.), сколько изучать саму рабочую жизнь, учиться подмечать то, чего не подмечали раньше, забираться во все щели, пользоваться и методами опросов, и обходами и частными анкетами среди рабочих и т. д. Это гораздо более благодарная, так сказать, «истинно рабкоровская» задача. Мы отнюдь не хотим сказать, что рабкорам не следует заниматься литературной выучкой. Это необходимо. Но очень часто за этой задачей забывают более рабкоровское, более основное. Есть много кружков по изучению литературы. А много ли добровольных кружков по изучению рабочих жилищ, или столовых нарпита, или новых обрядов, или роли пивных; много ли рабкоровских кружков, интересующихся рабочими-изобретателями, или героями труда, или историей той или иной фабрики? Жидковато на этот счет. А такая работа дала бы во сто раз больше рабкорам, да и газетам тем самым принесла бы крупнейшую пользу».

Утверждение ясное, точное, определенное, не оставляющее места двусмысленностям. Но т. Вардин весьма искусен. Он может из всякой цитаты с «неумолимой логикой» сделать выводы, которые ему выгодны.

«Вывод из этой большой цитаты,—заключает т. Вардин,— один единственный: истинно-рабкоровская задача совсем не заключается в изучении журнализма, литературы и т. д. Этим много занимаются другие. Рабкор должен быть исключительно информатором о местных делах. Приобщение к журналистским наукам, чего доброго, может еще испортить хорошего рабкора»

На каких наивных читателей рассчитывает т. Вардин? Не угодно ли сравнить нижеследующее:

Тов. Бухарин находит, что	*Тов. Вардин заключает на основании этого положения:*
«этот процесс (перерастания в рабжура) в известной мере неизбежен и выражает культурный рост соответствующих прослоек рабочего класса».	«Рабкор должен быть, по Бухарину, исключительно информатором о местных делах».
Тов. Бухарин пишет:	*Тов. Вардин заключает:*
«Мы отнюдь не хотим сказать, что рабкорам не следует заниматься литературной выучкой. Это необходимо».	«Приобщение к журналистским наукам, по Бухарину, чего доброго, может еще испортить хорошего рабкора».

Ловкость рук замечательная. Но какая же здесь логика? И на какого читателя она рассчитана?

Рабкоровское движение должно и будет выделять новые писательские кадры из рабочих. Рабкоровское движение неизбежно становится колыбелью свежих литературных сил. Этого процесса партийные организации задерживать не могут, не должны и не будут. Но не в этом основная задача, основной смысл рабкоровского движения. Тов. Бухарин и оба всесоюзных совещания рабселькоров при «Правде», а в последнее время и ЦК нашей партии, подчеркнули, что основной задачей рабкоровской организации является ее роль массовой школы коммунизма. В этом новом движении важно именно то, что оно зачерпывает десятки и сотни тысяч из новых слоев рабочего класса; что, отправляясь от их повседневных интересов, запросов и стремлений, не пред'являя к ним каких-нибудь особенных, исключительных требований, оно приобщает к сознательной политической жизни, к участию в советском строительстве именно массы рабочих. В этом новом, удивительно интересном и важном движении замечательно то, что оно явилось новым приводным ремнем от партии к массам. Каждый чуть-чуть грамотный рабочий может стать рабкором; каждый рядовой пролетарий может написать в газету о недостатках в работе по строительству социализма; каждый скромный рабкор может своим пером указать тысячам читателей, что он считает необходимым предпринять для улучшения работы на его предприятии, на ряде предприятий в советской стране. В этом главная ценность и исключительное политическое значение рабкоровского движения.

В этом смысле рабкоровское движение можно сравнить с движением профсоюзов.

Профсоюзы об'единяют широкие массы беспартийных рабочих. Они занимают в различных сферах союзной работы, в разных совещаниях и комиссиях, в разных секциях и бюро при профсоюзах широкие массы членов своей организации. Эти работы в профсоюзах являются доступными для массы рядовых членов профсоюзов, на этих работах масса рабочих приобретает первичные навыки общественной работы. Именно поэтому Ильич назвал профсоюзы школой коммунизма. Но профсоюз не ставит своей задачей выработку из всех членов профсоюза юрисконсультов по охране труда, квалифицированных знатоков условий труда и т. д.

Такие, конечно, могут выработаться из единичных товарищей в процессе развертывания профсоюзной работы, такие выходят, но не выработка их является целью профсоюзной организации.

Профсоюзы были и являются массовой школой коммунизма, умеющей зацепить в свою работу рядового рабочего с его примитивными знаниями, небольшими общественными навыками и тем уровнем культурности, который для него характерен в настоящее время.

Тов. Вардин негодует, он обижен на принижение роли рабкоровской организации. Он с серьезной миной предлагает каждому рабкору сделаться рабжуром. В своей суетливости он не может понять, что его постановка вопроса узкая, не широко-политическая, хотя он пытается обучить партию в этом вопросе именно «широко-политическому взгляду» на рабкоровское движение. Он так и пишет, этот «скромный человек»!

Когда Ильич говорил о необходимости обучения, культурного воспитания широких масс рабочих, ликвидации безграмотности вообще и политической безграмотности в частности; о том, что наш рабочий, несущий от капитализма тяжелое наследие невежества, должен обучаться элементам буржуазной культуры,—в это время небольшая кучка оторванных от рабочего класса интеллигентов пыталась втиснуть массовое культурное движение, к которому призывал Ильич, в пролеткультовское «Прокрустово ложе».

Каждый рабочий — это носитель новой пролетарской классовой культуры; каждый рабочий—это потенциальный носитель новой, никогда не существовавшей прежде культуры, не имеющей ничего общего с культурой старой — с этим выступил Пролеткульт.

Мы знаем на деле, что получилось из этих теплиц пролетарской культуры. Они засохли, как бесплодная смоковница. Иначе и быть не могло.

Узость, кустарничество, по сути дела, боязнь настоящей культуры. Неумение переварить богатейшее наследство культурной работы человечества за предшествующий период,—все это было характерно для пролеткультовской позиции.

И когда т. Вардин теперь, перед лицом массового рабкоровского движения, долженствующего воспитать сотни тысяч рабочих, пыжится создать особую теорию о рабкоровской организации, как о школе рабжуров,—он подменяет, по сути дела, широкую политическую постановку вопроса кустарно-пролеткультовской.

* * *

Сторонники точки зрения ЦК указывали Вардиным, что их стремление превратить рабкоровские организации в самодовлеющие об'единения рабжуров, по сути дела, есть ставка на образование особого профсоюза. Мы отмечали, что в методах работы профсоюза и рабкоровской организации есть общее; но вместе с тем мы подчеркивали, что все же это не профсоюз, а особая, совершенно новая организация.

Тов. Вардин прежде боялся развернуть свою перспективу с достаточной последовательностью. Теперь он договаривает до конца:

«Слепков считает, что мы ведем дело к созданию «особой сети рабселькоровских профсоюзов, со своей обособленной системой клубов и организаций, со своим райбюро, облбюро, своим ЦК». Слепков не замечает, что система рабкоровских клубов и организаций фактически существует, что существует суррогат и райбюро, и губбюро, и областного бюро, что существует даже суррогат ЦК. Да, мы стоим за большее организационное оформление рабкоровского движения, ибо знаем, что чем будет реальней организация, тем легче ею руководить, чем рыхлей и бесформеннее организация, тем больше она подвержена всяким оппортунистическим влияниям, уклонам и шатаниям. Мы за территориальное об'единение, что, разумеется, отнюдь не означает, что мы хотим форсировать дело создания тех или иных центров. Нам важен вопрос не о сроке, а о принципе. Потребуется ли создание областных и центральных бюро рабкоров? Возможно, что да, но что тут ужасного? Существуют же у нас десятки добровольных, строго централизованных организаций: Добролет, Доброхим, Совет физкультуры, Об-во «Долой неграмотность», ВАПП, Лига времени и т. д., и т. п.? Почему рабкоровское движение погибнет, если оно несколько более оформится? Мы думаем, что хорошее дело от хорошей организации только выиграет».

Тов. Вардин просто декретирует, он не потрудился вдуматься в возражения сторонников ЦК.

Ему возражали, что образование особого профсоюза рабкоров (читай: рабжуров) связано с отрывом рабочих, пишущих в газету, от тех профсоюзов, в которых они состоят по специальности, как рабочие. Рассчитывая на то, что наш горе-критик может учитывать, соображать, анализировать, ему указывали на то, что такой отрыв от своих производственных союзов означает отрыв рабочего от жизни своего предприятия, побледнение красок его корреспонденций, иссякание живой энергии и практического, в высшей степени ценного, подхода к вопросам советского строительства. Ему указывали, что рабкор ценен нам особенно потому, что, состоя в своем союзе, являясь прежде всего рабочим, он живейшими нитями связан с той заводской организацией, с той системой рабочей общественности, в которой он появился, зародился и развивается, как рабкор. Это—первое возражение против создания особого профсоюза рабкоров.

Во-вторых, организация самодовлеющих профсоюзов рабкоров означает отрыв последних от газеты, этого живейшего органа, в котором рабкор складывается как рабкор, не как «просто информатор», а как рупор рабочих масс, как критик отживающего старого и зодчий нового. Речь идет здесь об отрыве от газеты, которая является органом воспитания широких масс рабочих, в работе пером расширяющих свой политический кругозор, повышающих свое развитие. Если с этой точки зрения превращение рабселькоровской организации в особый профсоюз является вредным,—то что же в нем положительного? Всякая ли организация вообще должна быть нами приветствуема? А если в этой организации нет практического положительного смысла, то должны ли мы, как предлагает нам «организованный» т. Вардин, непременно строить эту организацию. Чем на практике, в действительности характеризуются зародыши профессиональных союзов, эти внегазетные губбюро и т. п., за которые так усердно ратует тов. Вардин? Бюрократизмом прежде всего.

В многочисленных корреспонденциях рабкоров с мест сообщается: эти «суррогаты» профсоюза, все эти внегазетные райбюро, губбюро, облбюро засушивали рабкоровское движение. Это были не органы воспитания, а органы штемпелизма, цензуры, препятствия для развивающейся, дружественной партии самодеятельности рабкоровских масс. Здесь кромсали, резали, запрещали, накладывали вето, исключали, преследовали. Это был барьер для рабселькоровского движения; этот барьер при участии партии смяли, устранили—и правильно сделали. Но т. Вардин непреклонно стоит за организацию. Он всегда за организацию, за всякую организацию. Но не уместно ли здесь вспомнить вопрос, который Ильич ставил политикам с «дубовой логикой»: «что к чему»?

Трудно вы это понимаете, любезный...

Вардина, прямо-таки, забавляет, как товарищи, защищающие линию ЦК, не могут понять, что они наивны в своих утверждениях, положениях, позициях. Изволите ли видеть, они стоят за «организацию, в которой нет никаких признаков организации».

«Сущность этих уклонов (слушайте, слушайте: уклонов!) заключается в том, резюмирует наш замечательный критик, что рабкоровская организация лишается всех оснований, свойственных... всякой организации. Во-первых, рабкоры организуются не территориально, а вертикально вокруг данной газеты. Во-вторых, решения рабкоровской организации для членов этой организации не обязательны. В-третьих, никакой дисциплины в этой организации не существует. Такова организационная схема, принятая всесоюзным совещанием рабкоров».

Особенно мудро—это первое указание т. Вардина. Он, видите ли, за организацию территориальную, а всесоюзное совещание рабкоров требует для рабкоровского об'единения права экстерриториальности. Прямо восхитительно.

Когда мы говорим о необходимости организации рабкоровского об'единения при стенных газетах тех или иных предприятий,—а это об'единение является основным для всей системы рабкоровских организаций,—то т. Вардин находит, что мы, видите ли, против территориальной организации, как будто завод не может об'единять и не об'единяет рабочих по территориальному принципу.

Когда редакция губернской партийной газеты созывает при газете совещание рабкоров,—это нарушает принцип территориальности; когда эти собрания организуются отделом печати губкома партии,—принцип территориальности торжествует. Когда партийная редакция партийной газеты, пользуясь поддержкой и помощью партийных отделов печати, устраивает районные и губернские собрания своих рабкоров—здесь на-лицо все признаки нарушения территориального принципа; когда эти собрания рабкоров ряда газет созываются отделами печати—все в порядке. Право, эту экстерриториальность вы надумали, тов. Вардин.

Тов. Вардину, далее, трудно, представить, что рабкоровскому об'единению возможно воспитывать каждого рабкора только путем убеждения, морального воздействия, мягкими мерами, раз'яснениями. Он не может понять своеобразного характера, особого смысла рабкоровской организации, как об'единения товарищеского, воспитательного и притом совершенно нового типа.

«Только в христианских общинах первых веков можно было встретить такой мощный дух кротости и всепрощения».

Чудится нам, что именно организованный по вардинскому проекту рабкоровский союз очень смахивал бы на бюрократический монашеский орден.

«Никакой дисциплины не существует»,—с дрожью в голосе заявляет т. Вардин.

Существуют разные типы организаций, т. Вардин, и разного рода дисциплина.

Одно дело партийная организация. Здесь мы имеем дело с высоко-сознательными членами партии, имеющими большие права и обязанности, другое дело воспитательная организация, включающая довольно сырую массу рабкоров. Стоит ли здесь — в обстановке, когда рабкоров так часто преследуют, когда сплошь и рядом их запугивают, когда их перо еще не нашло твердости, когда они только нащупывают правильные пути в своей работе,—пугать их отлучением? Не лучше ли заняться их воспитанием?

* * *

В особое неистовство приходит т. Вардин, когда речь заходит о партийном руководстве. Он не считает лишним поучить здесь партию и заблуждающиеся ее руководящие органы. Ему уже приходилось однажды высказаться в литературе, что партия вступает на опасный путь, когда она доверяет дело организации рабкоров партийным газетам. Зачем поручать это дело газете, какой смысл создавать «средостение» между партией и рабкоровскими массами? Запомните: «средостение». Это излюбленное словечко тов. Вардина—пугало для слабонервных. «На рабкоровское движение,—пишет т. Вардин,—необходимо установить широкий политический взгляд... Вот почему перед ним необходимо ставить широкие культурные задачи и вот почему партия обязана взять это движение под свое непосредственное партийное руководство. Но Слепков ставит вопрос иначе: основную функцию политического руководства возьмет на себя газета, а частичную пропагандистскую роль будут выполнять партийные организации. Вот это и есть путь отрыва от партии рабкоровского движения, путь «независимости» этого движения».

Или несколько ниже:

«Превращать газету в организационный центр партия ни в коем случае не может. Обрастание некоторых наших редакций разного рода организациями — явление ненормальное».

Таков широкий политический взгляд т. Вардина.

Газета является в условиях диктатуры пролетариата мощным орудием политического воспитания широких масс, газета есть удобнейшее орудие партийного воздействия на массы. Вовлекая в газетную работу, подтягивая к сотрудничеству в газете все новые и новые слои трудящихся и, в первую очередь, рабочих, газета тем самым выполняет функцию одного из тех важнейших приводов от партии к массам, о необходимости и крупнейшем политическом значении которых в свое время говорил тов. Ленин. Тов. Вардин допускает только непосредственное партийное руководство рабкорами. Он считает недопустимым обрастание редакций разного рода организациями. «Явление ненормальное»—вещает он.

Здесь мы имеем дело с основным, программным тезисом тов. Вардина. Таким образом оформление культурной тяги рабочих масс при газетах, стремление их принять организованное участие в создании нового общественного уклада путем сотрудничества в газете т. Вардин считает явлением «ненормальным».

Можно же договориться до такой чуши! Правильным является только непосредственное партийное руководство рабкоровскими массами,—утверждает наш критик с «широким политическим взглядом». Но ведь, исходя из этой точки зрения, можно отрицать и необходимость такого мощного привода от партии к массам, каким являются советы. Советы—формально беспартийная организация, они в свою очередь обрастают какими-то там новыми организациями, именно они непосредственно захватывают массы в строительство социализма; с точки зрения тов. Вардина,

пожалуй, и советы—«средостение», ибо они стоят между партией и массами и «мешают» непосредственному партруководству. Или возьмите такое общественное явление, как школа. Школа, в конечном счете, руководится партией, но, конечно, она является формально беспартийным общегражданским учреждением государства. Но только круглый идиот станет утверждать, что обрастание школы в наших условиях различными культурными организациями, оформляющими тягу масс к просвещению, образованию, развитию,—можно считать ненормальным.

Повидимому, «ненормальность» характерна в данном случае не для типа взаимоотношений в советском обществе, не для общественного бытия, а для индивидуального сознания автора этого замечательного критического положения.

Абсурдность положения т. Вардина очевидна. Нельзя же, на самом деле, отсечь от газеты рабкоров, которые через участие в ней, на работе в ней воспитываются, получают определенное содержание и направление своей рабкоровской работы. Тов. Вардин склонен сделать маленькую уступку:

«Если бы Слепков сказал: политически-организационное воздействие на рабкоров должна осуществлять партийная организация, а пропагандистскую работу пусть попробуют вести редакции газет,—это еще можно было бы понять, по этому поводу можно было бы разговаривать, ибо это означало бы, что партия сохраняет за собою основную функцию политического руководства, поручая редакциям частичную, а именно, пропагандистскую функцию, да и то на определенных условиях и под особым контролем».

Здесь все поставлено с ног на голову. Разрешение большой политической задачи представляется т. Вардину в виде некоего фокуса-покуса. Почему бы, на самом деле, не превратить газеты в агитпропы, а разбор газетных заметок и воспитание рабочих на этом разборе поручить не газете, а партийному комитету? Поистине замечательно. Только опять-таки: «что к чему»?

Правда, тов. Вардин временами начинает чувствовать, что не все у него достаточно гладко. Ведь никто иной, как Ильич позволил себе смелость, не предугадывая грядущих возражений т. Вардина, говорить о газете, как об организаторе профессиональных революционеров. Тов. Ленин считал, что руководимая партией газета явится и действительно явилась прекрасным организатором партийных масс, газете доверялась в данном случае функция организации членов партии, а не токмо что беспартийных.

Тут уже нельзя не сконфузиться, и т. Вардин смущенно резюмирует свои рассуждения: «Вопрос не стоит так: об'единение рабкоров или вокруг газеты, или территориально. Вопрос ставится иначе: об'единенные вокруг своих газет рабкоры и селькоры одновременно, если хотите, дополнительно об'единяются территориально, чтобы установить тесную связь между разными отрядами рабкоров и партией».

Итак, товарищ Вардин разрешает газетам организовать рабкоров (то-то будет радость в редакциях газет!).

На минуту смягчившись, наш критик, однако, вновь ожесточается, остановившись на следующей цитате из постановлений всесоюзного совещания рабкоров по организационному вопросу:

«Связь парт'ячеек с руководящими органами низовых рабкоровских организаций (газета и редколлегия) совершенно нецелесообразно устанавливать путем обмена представительств, установления отчетности рабкоров и их организаций перед парт'ячейкой и ее бюро».

По поводу этой цитаты т. Вардин пишет:

«Здесь мы имеем не только независимость рабкоровской организации, здесь мы имеем попытку поставить газету и редакционную коллегию над партийной организацией, над партийной ячейкой. Организация рабкоров не обязана отчитываться перед ячейкой, а партийная ячейка обязана содействовать поднятию авторитета рабкоровской организации и отдельных рабкоров. Разве не ясно,—заявляет тов. Вардин,—что здесь уже рабкор, газетчик стоит над ячейкой, подминает ячейку под себя»?...

Самый сырой член партии, даже не прошедший школы политграмоты, поймет, что т. Вардин заблудился в трех соснах. На самом деле, разве кто-нибудь и когда-нибудь отрицал и отрицает, что партийный рабкор за свое поведение в редакции газеты, за свою линию в рабкоровском движении отвечает перед ячейкой полностью и целиком.

Именно через этих партийных рабкоров ячейка должна воздействовать на рабкоровские об'единения. Не казенным способом, не путем мелочной опеки, не путем обязательных отчетов представителей рабкоровской организации, а путем идейного воздействия партийных рабкоров на беспартийных.

Только об этом идет речь и только так здравомыслящий человек понимает цитированное т. Вардиным место.

Если партийная ячейка отказывается от методов казенного отношения к рабкоровской газете, если она вступает на единственно правильный путь идейного руководства рабкорами через тех членов партии, которые одновременно являются членами рабкоровской организации,—то это, по Вардину, является стремлением к независимости рабкоровской организации, попыткой поставить рабкора над ячейкой и т. д. и т. п.

В этих страхах т. Вардина проявляется его удивительное безверие в партию, силу партийной ячейки, ее моральный авторитет, и одновременно штемпелистская натура нашего критика, рассматривающего вопрос через бюрократические очки.

В большой трепет повергает т. Вардина то обстоятельство, что рабкор «отчитывается перед массами», докладывает им о результатах своей работы, рассказывает им о газете, о задачах ее и достижениях.

Можно ли подозревать, что чудится т. Вардину за этим предложением? Об этом трудно догадаться. Не угодно ли:

«Апелляция к массе через голову партии, связь с массами помимо партии,—только слепые могут не видеть, куда это растет, какая основная политическая, в высшей степени опасная, тенденция здесь кроется!»

Что же можно возражать по поводу таких явных нелепостей? И откуда у т. Вардина такая массобоязнь?

* * *

Очень характерно, что т. Вардин ставит вопрос о рабкоре совершенно изолированно, отдельно от вопроса о селькорах. Сель-

кор его не интересует, он вне поля его зрения. И это не случайно.

Коль скоро мы поставим вопрос о методах воспитания селькоров, о вовлечении их в советскую работу, об организации селькоров,—как мы сразу же получим наиболее выпуклые, яркие, бесспорные, кричащие возражения фактов, опыта против тех позиций, которые занимает т. Вардин.

Здесь опасность оказенивания движения, вред организационного прикрепления селькоровских об'единений к партийному аппарату,—все это совершенно очевидно.

Особенно понятно это становится в настоящей обстановке оживления советов, расширения и углубления советской демократии.

Специфические особенности переживаемого нами момента вообще недоступны пониманию т. Вардина. Правда, он пытается установить связь между решением частного вопроса о рабселькорах с общим вопросом об опасностях текущего политического момента. Так в своей заключительной части он пишет следующее:

«Ошибки в рабкоровском вопросе вытекают именно из того. что т. Слепков и его сторонники ошибаются в определении характера основных черт текущего политического момента, в определении соотношений классов в современной исторической обстановке. Тов. Слепков отмечает, что в нашей резолюции по вопросу о задачах литературы обнаруживается полнейшее пренебрежение к тому факту, что власть уже в руках рабочего класса, что на очереди переделка поколений, эпоха строительства, а не «жми-дави». В чем тут ошибка? В непонимании того, что хотя власть уже в руках рабочего класса, но всесторонняя борьба за сохранение власти продолжается; в непонимании того, что строительство нельзя противопоставлять «жми-дави», т.-е. борьбе, что переделка поколений, что строительство это есть тоже борьба, только в новых условиях и в новых формах, что эта борьба не только не исключает, но предполагает политику «жми-дави».

Это классически ясно.

Тов. Вардин за «жми-дави».

Он пытается сшельмовать, подменяя «жми-дави» борьбою.

Мы будто бы, отрицая возможность и целесообразность применения теперь методов «жми-дави», тем самым отрицаем вообще борьбу, в новых условиях и в новых формах.

Конечно, ни в какой мере мы этого отождествления «жми-дави» с борьбою не допускаем. «Жми-дави» есть пережиток военного коммунизма, «жми-дави» есть то старое, что хватает нас теперь за горло. «Жми-дави»—это отжившие традиции, которые мешают многим партийцам нащупать правильный путь работы в современных условиях.

«Мы развязали стихию частной собственности. На основе мелкого хозяйства растет капитал. При этих условиях, в особенности в период заминки в международном рабочем движении, колебания мелкой буржуазии, крестьянства, неизбежны, и тут пролетариат без политики «жми-дави», без осуществления своей полной диктатуры сохранить власть не сможет».

Других слов для нового периода, для новой эпохи тов. Вардин не нашел. Историческая полоса, в которую мы теперь вступили, это полоса массовой переделки крестьянского отсталого хозяйства, это полоса вовлечения крестьянской массы в советское строительство, это полоса оживления советской организации. Значения этого периода, его роли, его смысла т. Вардин не понял. Когда во время последних перевыборов в советы, в целом ряде мест наблюдались сильный абсентеизм крестьянства на выборах и явления политики «жми-дави» со стороны партийных деревенских организаций,—союзный ЦИК по инициативе и предложению руководящих партийных организаций предложил произвести новые перевыборы в тех местах, где эти ненормальности имели место.

А умный критик в это время торжествующе припирает нас к стенке. У нас-де вредный строй мыслей. Нам кажется, что «на очереди переделка поколений, эпоха строительства, и тут можно пойти на некоторое смягчение в политике, тут можно позволить себе роскошь некоторого ослабления диктатуры, тут можно несколько полиберальничать, поиграть с огранизациями общественного мнения и т. д., и т. п. Из этой коренной ошибки вытекает частичная ошибка о рабкоровском движении».

Так заключает т. Вардин.

Нам думается, что эта последняя цитата, в которой проявляется полное непонимание нового курса нашей партии, всех тех постановлений, которые приняла последняя партийная конференция, с надлежащей четкостью и выпуклостью дает понять откуда растут нелепости т. Вардина в вопросе о рабселькоровском движении. Партия должна усилить свою работу, вопрос о партийном руководстве встает теперь острее, чем когда бы то ни было, но это руководство партия будет проводить в тех формах и такими методами, которые диктуются особенностями политического момента.

Некоторые недочеты работы профорганизаций.

Пробудившаяся широкая активность рабочего класса (на базе под'ема промышленности и общей материальной обеспеченности) находит свои выходы в целом ряде общественно-политических организаций. Важнейшее место среди этих организаций занимают профессиональные союзы.

Как организация, понятная и близкая для самых отсталых рабочих слоев, профессиональные союзы в данный период, период все возрастающей активности рабочего класса, приобретают исключительно важное значение. Каждая деталь профессиональной работы сейчас интересует рабочего, и к работе профсоюза рабочий стремится подходить по-хозяйски, критически, требуя во всем ответа и отчета.

Профсоюзы сейчас именно то место, где теснее всего смыкается рабочий класс и партия. Ошибки и перебои в работе на этом участке больнее всего для рабочего класса и его партии.

Искажение партийной линии в руководстве профессиональными союзами делает работу профсоюзов, этого приводного ремня от партии к массам, неверной, неправильной. Неправильное руководство со стороны профсоюзов рабочими массами, малоавторитетность профсоюзов, отсутствие живой тесной связи между профсоюзами и рабочими может создать расщелину, размычку между партией и классом. Массы, не удовлетворенные работой профсоюзов, могут пройти мимо них и тем самым пройдут мимо партии.

Правильное партийное руководство должно обеспечить правильное руководство массами со стороны профсоюзов. Тем более, что общие условия работы профсоюзов сейчас безусловно благоприятны. Переход на добровольное членство и увеличивающееся число членов профсоюзов говорят за то, что профсоюзы являются действительными организациями рабочего класса. Этому способствует и значительное оживление в работе самих профессиональных союзов. Связь с низовыми органами окрепла. Установилась необходимая четкость в работе.

Однако, целый ряд данных говорит нам о том, что профсоюзы еще не в достаточной степени овладели рабочей массой.

Политическое руководство со стороны профсоюзов может быть только тогда уверенным и твердым, если для рабочих масс ясно вырисовывается роль своих профессиональных органов в повседневной жизни, в частности в руководстве неизбежными экономическими конфликтами. И именно в этом вопросе дело обстоит далеко не благополучно.

Количество учтенных экономических конфликтов, хотя и дает значительное снижение за 1924 г. по сравнению с 1923 г., все же захватило довольно большие кадры работающих.

Политическо-воспитательная ценность или вред экономических конфликтов определяются в значительной мере степенью участия и роли в них профорганизаций.

По данным, полученным из ВЦСПС, 46% конфликтов на государственных предприятиях, не являлись предметом обсуждения в руководящих профессиональных организациях.

Согласно этим данным общее количество конфликтов на государств. предприятиях в 1924 году значительно уменьшается по сравнению с 1923 годом (с 286 до 132), но процент конфликтов, бывших без ведома, санкции и вопреки решению союза, повышается с 96,5% в 1923 г. до 98,5% в 1924 г.

Эти цифры говорят за то, что если профсоюзы на частных предприятиях и являются руководителями в экономических конфликтах, то на государственных предприятиях дело стояло и стоит значительно хуже. Руководство экономическими конфликтами на государственных предприятиях проходило и проходит сейчас в большинстве случаев мимо профсоюзов.

Вот как об'ясняют роль завкома на Иваново-Вознесенской фабрике в имевшей место недавно (май 1925 г.) забастовке рабочие:

«Происшедшая на Ив.-Вознесенской ф-ке заворошка,—говорит рабочий с ф-ки «Зарядье»,—об'ясняется тем, что союз наш тащится в хвосте у треста.

Фабкомы от рабочих оттолкнулись и не прислушиваются к их голосу, например, устанавливают нормы, с рабочими их не обсуждают, вывешивают об'явление, и тем дело кончается, а когда рабочий пойдет в фабком и указывает на невозможность выполнения такой нормы, фабком отнекивается и ссылается на союз. Идешь в союз, обещают прислать представителя. Долго не приходит... Наконец, пришел и... шмыг первым делом к директору, а потом уже к рабочим. И если бы союзы почаще устраивали собрания, то такой волынки не было бы...».

Рабочий со Старо-Дмитровской ф-ки выступает:

«Товарищи, мы толкались, толкались во все союзные организации... Никто ничего не сделал, и мы создали с в о ю комиссию. Союз оторвался и не защищает интересы рабочих».

«В тех случаях, когда союзы пытаются урегулировать конфликт, это делается часто кабинетным порядком у директора без участия рабочих»,—говорит тот же рабочий. Не удивительно, что такие профорганизации почти никаким авторитетом не пользуются.

Нужно констатировать, что в важнейшем вопросе фабричного быта—о правильных, справедливых расценках работы—рабочие не всегда чувствуют профессиональные организации своими защитниками. Отсюда, совершенно неожиданно, выступают цеховые настроения: «идут,—сообщают с одного предприятия,—разговоры об организации ц е х о в ы х профсоюзов, которые должны играть роль защитников рабочего для правильной оценки его труда».

Рабочий Больш. Кох. М-ры (Ив.-Возн. губ.) заявляет, при поддержке всего собрания, что фабком не нужен, ибо он не работает; если фабком не примет надлежащих мер, то рабочие будут вынуждены создать свой комитет.

Каково же участие профсоюзов в экономических конфликтах в тех случаях, когда они уже происходят?

Категории охваченных эконом. конф. предприятий и учрежден.	Число конфл. со сведениями.	Из них улажены: Непосред. переговор. с наним.	Переговор. при участ. профсоюз.	Путем прим. разб.: В РКК.	В прим. камер. и т. суд.	В союз. организ.	Путем разб. в КК, отд. тр. нарсуда.	Прочими способами.	Стачечн. комитет.
1923 г.									
Государств. . . .	254	29	208	11	3	1	—	2	—
Прочие	117	3	97	1	5	6	4	1	—
Всего . . .	371	32	305	12	8	7	4	3	—
1924 г.									
Государств. . . .	128	16	104	5	—	2	1	—	—
Прочие	86[1]	6	67	—	1	1	8	—	[illegible]
Всего . . .	214	22	171	5	1	3	9	—	[illegible]

Приведенная таблица указывает с несомненностью, что профессиональные союзы принимают активное участие в улаживании конфликтов, хотя процент конфликтов, ликвидированных самими предпринимателями и рабочими, без участия профессиональных органов, довольно высок, свыше 11%—в 1923—1924 г.г.

Надо, впрочем, заметить, что участие профсоюзов в ликвидации конфликтов не означает еще, что именно они вели за собой массу. Имеются случаи, когда на некоторых фабриках в число прочих требований в конфликте было требование переизбрать завком.

На другом предприятии во время конфликта на собрании фабкому не давали говорить, и в числе прочих требований было требование переизбрать фабком.

Такие случаи, впрочем, не единичны.

Каковы же причины, порождающие отрыв рабочих масс от профсоюзов? Несомненно, во главу угла нужно поставить неправильности партийного руководства, выражающиеся в стремлении местных губернских и нижестоящих парторганов окоммунизировать до максимума профессиональные органы. Целый ряд парторганизаций считает положение дел блестящим, когда % беспартийных в профорганизациях неуклонно уменьшается за счет членов партии. Так, в Рязани в президиуме губпрофсовета беспартийных 0%, Гусевский завком окоммунизирован на 80—90%, что не мешало, в скобках сказать, произойти там экономическому конфликту, в котором не малая вина лежит на этом окоммунизи-

[1]) Число экономических конфликтов в графах «прочие» и «всего» за 1924 г. на единицу меньше суммы конфликтов по всем группам соответствующего горизонтального ряда, т. к. был общий конфликт у совработников и кожевников.

рованном завкоме. Впрочем, в большинстве организаций надо отметить безусловно правильный подход к вопросу о беспартийной части профорганов.

Не безынтересно показать общую картину состава, по партийности, завкомов и фабкомов («Вестник Труда» за февраль 1925 г.):

Тип комитетов.		Вид комитетов.	% членов РКП: Среди чл. комитета.	Среди освобожд. от др. работ.
Обслуживающие работников нескольких предприятий и учреждений.	Государственные	Фабзавком.	40,8	63,3
		Местком.	22,2	43,4
	Кооперативные	Ф.	33,3	60,0
		М.	26,1	38,1
	Частные	Ф.	29,2	70,0
		М.	10,7	28,6
	Смешанные	Ф.	36,3	59,8
		М.	23,9	41,2
	Итого . . .	Ф.	38,0	62,0
		М.	22,5	42,2
Обслуживающ. работников одного предприятия и учреждения.	Государственные	Ф.	48,6	69,7
		М.	24,1	45,6
	Кооперативные	Ф.	33,8	53,3
		М.	30,2	41,7
	Частные	Ф.	42,2	60,0
		М.	23,2	50,0
	Итого . . .	Ф.	48,0	69,0
		М.	24,6	45,4
	Всего . . .	Ф.	45,5	67,3
		М.	23,6	43,6
			% членов РЛКСМ	
Обслуживающ. работников нескольких предприятий и учреждений.	Государственные	Ф.	10,5	8,3
		М.	4,2	6,6
	Кооперативные	Ф.	—	20,0
		М.	15,2	—
	Частные	Ф.	12,5	14,3
		М.	16,5	14,3
	Смешанные	Ф.	7,6	3,3
		М.	6,5	5,2
Обслуживающ. работников одного предприятия и учреждения.	Государственные	Ф.	8,4	5,5
		М.	5,5	5,5
	Кооперативные	Ф.	8,8	6,7
		М.	3,0	2,8
	Частные	Ф.	4,8	—
		М.	1,4	—
	Итого . . .	Ф.	8,3	5,4
		М.	5,3	5,0
	Всего . . .	Ф.	8,5	5,7
		М.	5,4	5,6

Как видно из таблиц, процент коммунистов и комсомольцев в фабзавкомах (без месткомов) 54% (45,5 членов партии, 8,5 членов РЛКСМ). Таким образом, на беспартийных в завкомах приходится 46%. Этот процент значительно понижается среди проф-работников, освобожденных от другой работы: коммунистов+комсомольцев 67,3% + 5,7% = 73%, т.-е. беспартийных всего 27% [1]).

Очень характерна приводимая ниже таблица состава комитетов, составленная по перечисленным выше 19 губерниям.

Состав комитетов.	Фабкомы:	
	Членов комитета.	Освоб. от др. работ.
% рабочих	82,0	79,1
% женщин	11,8	5,7
% член. РКП	45,5	67,3
% „ РЛКСМ	8,5	5,7
Средн. партст. (в год)	3,7	4,3
„ профстаж	1,8	2,3

Эта таблица показывает довольно высокий процент рабочих, как освобожденных, так и не освобожденных, чрезвычайно низкий процент освобожденных женщин и комсомольцев.

Данные состава ряда губернских профорганов дают для беспартийных колебание от 20 до 45%, а в некоторых ГСПС они фактически сведены к нулю. Так, Ульяновский ГСПС—0,0%, Псковский—2,0%, Питерский дает в последние выборы довольно высокий процент—21%.

Как исходная точка, такое соотношение между партийными и беспартийными явилось бы более или менее приемлемым, если бы, во-первых, некоторые губорганизации не ставили себе цели понижать процент беспартийных и увеличивать процент коммунистов, а, во-вторых, беда заключается в том, что эти более или менее условно приемлемые данные не характеризуют действительного участия не только беспартийных членов пленума в работе профорганов, но даже коммунистов и комсомольцев. Как общее правило, наблюдается тенденция к «узурпации» прав пленумов со стороны рабочего аппарата, и таким образом действительность представительства беспартийных в профсоюзных организациях еще значительнее уменьшается.

Вот некоторые данные по одной губернской профорганизации, характерной по только что разрешенным конфликтам и по «авторитетности» там профорганов. Партийный состав фабкомов по союзу в рабочих аппаратах за 2-ю половину 1924 г.: коммунистов и комсомольцев 94,3%, следовательно, беспартийных только 5,7%. В первую же половину 1925 года процент беспартийных поднялся до 12,3%.

[1]) Эти данные касаются следующих 19-ти губерний: Тверская, Алтайская, Архангельская, Ярославская, Владимирская, Вологодская, Воронежская, Донская, Казанская, Костромская. Кустанайская, Калмыцкая, Минская, Новгородская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Ульяновская и Череповецкая.

Данные же по Гусевскому райкусту, Харькову, Ульяновску, Ленинграду, Твери, Астрахани, Брянску, Владимиру, Орлу, Вологде и Омску дают довольно пеструю картину участия беспартийных в фабзавкомах—от 10 до 60%.

Очень важными для дела связи между рабочей массой и профорганизацией, авторитета последней являются общие условия и обстановка самих выборов в профсоюзные организации.

Считается своего рода «шиком» провести своих кандидатов не персональным обсуждением, а обязательно «списком». В этом видят и твердость (?) линии, и великую (но совершенно излишнюю) осторожность. В действительности голосование сейчас списками—один большой сплошной вред.

Нередки случаи, когда кандидатура председателя или секретаря завкома обсуждается более или менее свободно только на бюро ячейки, уже на общем собрании ячейки кандидатуры бюро «не встречают возражений». Выборы председателя завкома проходят иногда до того «безболезненно», что не всякий член ячейки в состоянии вспомнить, давно ли сидит на председательском месте председатель завкома. Кстати сказать, вопрос о переизбираемости тоже довольно острый. Освежение руководящих работников идет довольно туго и совершенно прав рабочий-железнодорожник, выступавший на губконференции ж.-д. с указанием, что ребята засиживаются по 5—6 лет.

Утвержденные ячейкой кандидатуры в завком обычно очень легко проходят на общем собрании. Это об'ясняется двумя причинами, во-первых, в настоящее время почти на всех предприятиях имеется довольно компактная масса членов и кандидатов РКП. При общей пассивности всей массы, при голосовании, коммунистическая группа голосует более или менее дружно, и, во-вторых, авторитет партии в целом сейчас настолько высок, что беспартийная рабочая масса не всегда решается итти против официального предложения ячейки РКП. Хотя бывает и иначе. Вместо пассивного голосования, голосования списком, происходит деловая оценка всех кандидатов. Результаты бывают, обычно, в пользу партии в целом и против местной ячейки: рабочие выбирают «своих» коммунистов и проваливают коммунистов, выставленных ячейкой. Само собой понятно, что партийность предзавкома чрезвычайно важна, но это ни в коем случае не может оправдать тех парламентских и полупарламентских приемов, которыми пользуются ячейки для проведения своего кандидата. Нередки случаи, когда ячейки «штурмуют» беспартийного предзавкома и заставляют его снять свою кандидатуру. Или же переходят к саботажу уже выбранного беспартийного председателя низовой профячейки.

Сплошь и рядом рабочие не знают фамилии своего профуполномоченного, выбранного на общем собрании всего завода. Хотя до сих пор практикуется изживающееся назначение профуполномоченных, малоавторитетность цеховых профуполномоченных, а иногда и просто незнакомство с ними, является причиной того, что институт профуполномоченных, сравнительно, впрочем, недавно введенный, пока еще не оправдал себя, хотя значение его несомненно огромное.

Вовлекая беспартийных женщин и комсомольцев в фабзавкомы, нужно стремиться к тому, чтобы сила самого факта нахождения беспартийных в этих организациях была бы удвоена, утроена тем, что именно эти беспартийные являются доверенными лицами широкой рабочей массы. На практике же часто получается так, что даже о беспартийных кандидатах в завком рабочие узнают уже на самих собраниях.

В тесной связи с механикой выборов стоит и обстановка отчетности фабзавкомов перед рабочими.

Взаимозависимость механики выборов и обстановки отчетности очевидна. Казенные перевыборы рождают казенные отчеты, и, наоборот, казенные отчеты создают необходимость в формальных выборах. Такие «перевыборы» понижают сознание ответственности профработников перед широкими массами. Создается обстановка разложения органической работы. Руководители стремятся не к завоеванию авторитета среди рабочих, а направляют свои усилия на то, чтобы не портить личных отношений с руководителями парторганизаций, мол, «ячейка, или, вернее, бюро, не выдаст— свинья не с'ест»... и перевыборы обеспечены. На самих собраниях отчеты проходят вяло и утомительно. Рабочие только на общем собрании сталкиваются с цифрами, предварительное обсуждение отчета на более узких собраниях явление редкое. Собрания ограничиваются в таких случаях вопросами о целом ряде мелочей фабричного быта. Собрание успокаивают заверениями, голосуется заранее выработанная резолюция... и так до следующего собрания.

На-ряду с отчетностью вообще очень остро продолжает стоять вопрос о денежной отчетности.

Если принять во внимание частое использование профсоюзных средств иными организациями, то становится понятным, почему профсоюзы не всегда могут отчитаться без бухгалтерских манипуляций. Финансовый нажим со стороны агитпропов и местных советов является обыденным. Профсоюзные органы заставляют содержать дефицитные газеты, оплачивать командировки в деревни на перевыборы в совет, некоторые завкомы из союзных средств содержат секретарей ячеек и т. д., и т. п. Если к этому прибавить довольно большое количество растрат выборными или «полувыборными» профработниками, то нужно признать необходимость этому вопросу уделить особое внимание.

Два слова о кассах взаимопомощи. Касса взаимопомощи—один из важнейших очагов общественного развития рабочих масс. Своего рода протекторат профсоюзов над кассами взаимопомощи приводит на деле к полному обезличению кассы взаимопомощи. Растраты, плохо налаженная отчетность на основе плохой выборности деятелей касс создают ту же обстановку извращения парт. линии.

Большое значение имеет недостаточное внимание профорганов к втягиванию безработных в профсоюзную жизнь. Наблюдается отрыв от безработных.

Все эти отрицательные явления профсоюзной работы, помимо причин, выражающихся в дефектах органической работы профсоюзов (формализм, казенный подход к рабочим), в значительной степени вызываются неправильными взаимоотношениями между партией и фракциями профсоюзов.

Фракции завкома, фабкома часто не существуют даже формально. Рабочий аппарат недостаточно считается с мнением всего пленума, а тем паче с беспартийными членами пленума. И у беспартийных членов выборных органов зачастую создается впечатление, довольно обоснованное, о предрешенности всех вопросов. Это может относиться не только к беспартийным, но и к рядовым членам партии местных выборных профорганов. Важные и вообще деловые вопросы решаются ячейками непосредственно и в завкоме часто принимаются без всякого обсуждения. Предварительное обсуждение на фракциях завкома—явление редкое.

Мелочное вмешательство ячейки во все завкомовские дела обезличивает завком. Руководство, подлинное руководство со стороны ячеек имеется не всегда. Происходит как бы частичная замена профорганизаций парторганизацией.

Наблюдаются не менее вредные явления, но противоположного характера. Созданные фракции завкома, или даже вышестоящих профорганизаций, пытаются игнорировать ячейки и вообще парторганы и сносятся с вышестоящими фракциями профорганов. Например, губпрофсовет утверждает (!) протоколы фракций губотделов. Или же фракция обсуждает вопросы в ячейке, предварительно не обсудив их на пленуме, хотя характер вопросов позволяет их разрешать пленуму. Отдельные парторганизации отмечают отсутствие в работе фракций плановости и инициативы. Беспорядочность и случайность в работе явления не редкие.

Пленум фракции собирается два-три раза в год. Не удивительно, что парторганы, при довольно важных вопросах, не считаются и не спрашивают у фракции ее мнения. Работа фракции подчас носит узко-кустарный характер, в особенности в низовых организациях и очень часто не отвечает даже элементарным требованиям. Не редки случаи, когда руководители профорганизаций снимаются и назначаются без всякого ведома фракции профорганизаций. Дело тут, конечно, не только в недоговоренности с фракцией по поводу переброски профработника, хотя и это очень важно, но сам факт, что снятия выбранных законным собранием работников создают у широких масс впечатление о несерьезности выборов.

С мест поступают сведения, которые говорят не только о том, что игнорируются фракции, но что и решения профессиональных с'ездов и ВЦСПС некоторые парторганизации не считают для себя обязательными. «Так, губком одной из центральных губерний постановил недавно организовать в губернском городе упрофбюро и уотделение, не взирая на то, что всесоюзные с'езды профсоюзов категорически отвергли создание таких органов в губернских городах, где с этой работой справляются губпрофсоветы и губотделы.

Бывают случаи, когда уком назначает с'езд профсоюзов и утверждает состав упрофбюро, не согласовав этого вопроса ни с упрофбюро, ни с ГСПС, или заменяет упрофбюро уполномоченным ГСПС против воли последнего; когда губком обсуждает вопросы профсоюзного характера без вызова представителей ГСПС и т. п.

Ячейка одного завода обязала завком, прежде чем обсуждать план работы на фракции (!) завкома, утвердить его на собрании ячейки.

Кстати, бывают и неожиданности совершенно с другой стороны. У железнодорожников фракции профессиональных союзов заслушивают доклады о работе ячейки.

Такова пестрая картина местной партийной и профессиональной практики.

Непрерывный рост профсоюзов сигнализирует нам о возрастающем внимании рабочих к профсоюзам. Требования, пред'являемые рабочим классом к профсоюзам, усилились и стали строже, и прежний темп работы профсоюзов его уже удовлетворить не может.

Руководящие партийные и профессиональные организации уловили этот момент и успешно перестраивают свою работу. Но, на-ряду с этим, ряд организаций работает еще «по-старинке» и в таких случаях намечаются признаки отрыва выборных профорганизаций от широких масс.

Весь этот комплекс указанных нами дефектов страшно затрудняет руководство партии рабочим классом.

Совершенно очевидно, что труднейшая задача руководства многомиллионным крестьянством ни в какой степени не может быть разрешена без правильного руководства со стороны партии, в первую голову, рабочим классом через его профсоюзы.

Только теснейшая связь рабочего класса и партии может обеспечить вторую, более трудную задачу—руководства крестьянством. Партия эту задачу решит так, как учил тов. Ленин. На-ряду с более четким, крепким и гибким руководством партией через фракции, больше доверия к беспартийным широким рабочим массам, теснее связь, крепче ряды.

Б. Штейн.

Гарантийный договор.

(История и политика переговоров).

Переговоры о гарантийном договоре, имеющие место между Германией и союзниками—с одной стороны и союзниками между собой—с другой, невозможно рассматривать вне зависимости от всего комплекса вопросов, связанных с процессом медленной, но неуклонной ликвидации всей концепции Версальского мира. Эта ликвидация происходит в результате ряда причин, из которых едва ли не основными являются вмешательство Америки в европейские дела—с одной стороны и крушение финансового хозяйства Франции—с другой.

Взаимоотношения между этими двумя основными факторами международной политики последних двух лет и вопросом о гарантийном договоре будут ясны в результате исследования как истории, так и основных этапов этих переговоров, к изложению которых мы и считаем нужным перейти.

В чем же заключается самая идея гарантийного договора?

Следует иметь в виду наличность, по крайней мере, трех основных вариантов этой идеи.

Первоначальный французский проект имеет в виду гарантийный договор между Англией, Францией и Бельгией. Согласно французской точке зрения, этот договор должен гарантировать неприкосновенность франко-германской и германо-бельгийской границ, при чем гарантией их неприкосновенности является обязательство Англии выступить на стороне Франции в Бельгии в случае нарушения этих границ со стороны Германии. Именно подобного договора добивалась Франция как на самой Версальской конференции, так и на ряде других. Совершенно естественно, что подобный договор, налагающий на Англию тяжесть военного союза и связывающий ее таким образом определенной политикой, вызывал систематическое сопротивление с ее стороны. Договор в таком виде давал бы Франции (и соответственно Бельгии) мощного союзника в лице Англии на случай нападения со стороны Германии и в значительной мере развязывал бы как Франции, так и Бельгии руки. Между тем этот договор для Англии не представлял бы никаких специальных выгод, ибо, в случае нападения Германии на Францию или Бельгию, Англия могла бы присоединиться к этим странам и без такого договора, как это показали события 1914 г. Что же касается помощи Франции и Бельгии в отношении Англии, то совершенно невероятно представить себе в течение ближайшего периода Германию воюющей с Англией и не воюющей в то же время с Францией и Бельгией. Таким образом французский проект гарантийного договора, накладывая на Англию военно-политические обязательства,

Англии, как таковой, не давал ровно ничего. Английское правительство связывало этот проект гарантийного договора с вопросом о французских долгах Англии, видя в возможном согласии Франции платить свои долги известную компенсацию. Однако, по мере того, как финансовое положение Франции давало все меньше и меньше основания рассчитывать на возможность уплаты ее долгов, по мере этого у Англии падал интерес к французскому проекту гарантийного договора. Серьезным противником этого проекта являются также английские доминионы, чье влияние на внешнюю политику Англии, как известно, возрастает с каждым днем. Прямое указание на это отрицательное отношение доминионов к проекту англо-франко-бельгийского гарантийного договора можно найти в заявлении члена палаты общин Эдуарда Грига (либерала), сделанного им во время прений в парламенте 5 марта 1925 года. Григ доказывал, что Англия должна серьезно обсудить последние предложения Германии (о гарантийном договоре), которые, по всей вероятности, окажутся гораздо более приемлемыми для доминионов, чем первоначальный проект одностороннего договора без Германии. Точка зрения доминионов в отношении французского проекта представляется совершенно ясной, если принять во внимание, что доминионы высказываются решительно против всякой политики Англии, которая могла бы привести к новым обязательствам участвовать в том или ином европейском военном столкновении. В этом смысле их политика является выдержанно-пацифистской, поскольку речь не идет, конечно, о их собственных интересах. Есть указания на то, что в самом консервативном кабинете не существовало единства точки зрения по вопросу о первоначальном французском проекте и что в частности Чемберлен являлся сторонником англо-франко-бельгийского договора, между тем как Черчилль выступал сторонником гарантийного договора с участием Германии.

Таков первый вариант идеи гарантийного договора.

Второй вариант принадлежит Германии, при чем как предварительные переговоры, происходившие между Германией и Англией, так в особенности самая обстановка этих переговоров и роль, которую играл в ней английский посол в Берлине, лорд д'Абернон, говорят за то, что этот вариант является если не непосредственно внушенным Германии английским правительством, то во всяком случае безусловно с ним согласованным. Предложение, которое Германия сделала в конце января через английского посла д'Абернона, сводятся к двум пунктам. Германия прежде всего предложила гарантировать настоящий территориальный статус на Рейне, при чем эта гарантия заключалась бы, по ее мнению, в том, что заинтересованные государства связывают себя взаимно обязательствами сохранять неприкосновенность настоящего территориального статуса на Рейне, что они, сверх того, совокупно и индивидуально гарантируют выполнение этого обязательства, и, наконец, что они будут рассматривать действия, направленные против указанного обязательства, как касающиеся их совокупно и индивидуально. В том же самом смысле заключающие договор государства гарантируют в этом пакте выполнение обязательства демилитаризировать Рейнланд, которое Германия приняла по §§ 42 и 43 версальского договора.

Таким образом можно констатировать, что в германском проекте (германским мы его называем условно, ибо правильнее было бы его именовать английским или же в лучшем случае германо-английским) имеются три мысли. Первая из них заключается в обоюдных, двусторонних гарантиях статус кво на Рейне, для каковой гарантии и заключается договор между всеми заинтересованными государствами, в том числе и Германией. Вторая мысль, теснейшим образом связанная с первой, заключается в обязательстве демилитаризации Рейнской области и, следовательно, лишении Франции возможности использовывать эту область для целей военного давления на Германию, и, наконец, третья мысль касается всех прочих соседей Германии, иначе говоря, Польши и Чехо-Словакии. Что касается этого вопроса, то в первоначальном германском проекте, представляющем скорее неразработанный набросок будущего проекта, эта мысль выражена довольно глухо. Там сказано, что Германия готова заключить арбитражные договоры, предусматривающие дружественное разрешение юридических и политических конфликтов со всеми другими государствами. Таким образом в этом первоначальном проекте Германия резко отличает регулирование вопроса о западных границах от регулирования вопроса о восточных границах. В то время, как для первого она выдвигает проект гарантийного договора, для второго имеет место лишь проект арбитражных (третейских) договоров. Характерно отметить, что, говоря об этих арбитражных договорах, январский меморандум германского правительства ни одним словом не упоминает о Лиге Наций и о каком бы то ни было взаимоотношении между Лигой Наций и подобными арбитражными договорами. Это необходимо отметить в связи с тем, что уже через месяц в предложениях Германии вопрос об этих арбитражных договорах начинает сочетаться с Лигой Наций и ее статутом.

Январский меморандум Германии был обсужден английским правительством, и лишь после этого германские послы в Лондоне, Париже и Брюсселе выступили с официальными предложениями гарантийного пакта.

В готовом виде предложения германского правительства были переданы союзниками 4 марта, т.-е. за день до выступления Чемберлена в палате общин. В то время, как первый пункт этого предложения, касающийся западных границ, остался неизмененным по сравнению с первоначальным вариантом, второй пункт, касающийся восточных границ, приобрел несколько другую форму и принял следующий вид: Германия обязуется добиваться пересмотра своих восточных границ только мирными средствами, т.-е. лишь путем непосредственных переговоров с соответствующими странами или путем применения статьи 19 устава Лиги Наций (как известно, статья 19 статута Лиги Наций дает право общему собранию Лиги по своей инициативе пересматривать договоры и соглашения, заключенные членами Лиги и угрожающие сохранению мира).

Первый же ответ французского правительства на это предложение Германии дает основание для начала построения третьего варианта гарантийного договора, варианта, который является комбинацией из первого французского проекта, плюс новеллы, касающейся, во-первых, восточных границ Германии, а, во-вторых, вступления Германии в Лигу Наций.

Первоначальная точка зрения кабинета Эррио, сформулированная им непосредственно после передачи германским послом гарантийного предложения, заключалась в следующих трех пунктах:

1) заключение военного соглашения между Францией, Англией и Бельгией и при том совершенно независимо от гарантийного договора; 2) вхождение Германии в Лигу Наций с принятием всех вытекающих из этого шага обязательств; 3) коренное изменение точки зрения Германии относительно будущих соглашений с Польшей и Чехо-Словакией.

Мы проследим теперь, как развивались переговоры между Францией и Англией по этому вопросу, при чем отметим уже сейчас, что эти переговоры шли параллельно рассмотрению двух других вопросов: 1) вопросу об очищении Кельнской зоны и 2) вопросу о вступлении Германии в Лигу Наций.

Французская точка зрения по вопросу о гарантийном предложении полностью была сконструирована в трех нотах, которые были переданы великобританскому правительству в течение первой половины мая.

В этих трех нотах французское правительство изложило следующие требования:

1) Франция полностью поддерживает незыблемость основ версальского договора и недопустимость какой-либо ревизии его.

2) В целях укрепления своей безопасности, Франция добивается заключения гарантийного договора между Англией, Францией и Бельгией, договора, в котором Англия берет на себя гарантию франко-германской и германо-бельгийской границы, с обязательством выступить на стороне Франции и Бельгии в случае нарушения этой границы со стороны Германии.

3) Франция проявляет полную непримиримость по отношению к выполнению Германией обязательств по разоружению, возложенных на нее версальским договором.

4) Из факта предполагаемого вступления Германии в Лигу Наций, а равно возможного заключения гарантийного договора с ее участием Франция не делает выводов о необходимости предоставления Германии каких-либо уступок в смысле обязательств версальского договора.

5) Франция рассматривает проблему безопасности границ западных и восточных в качестве единого целого.

В течение периода март—июнь между Англией и Францией происходил оживленный обмен мнений по поводу трех вопросов: 1) Очищение Кельнской зоны и связанного с этим вопроса о невыполнении Германией ее обязательств о разоружении. 2) О вступлении Германии в Лигу Наций и условия этого вступления, и 3) О форме и содержании самого гарантийного договора. Что касается первого вопроса, то, согласившись к 10 января 1925 г. с точкой зрения французского кабинета, которая связывала очищение Кельнской зоны с выполнением Германией обязательств по разоружению и этим фактически откладывала на долгие времена самое очищение Кельнской зоны, Англия пыталась в продолжение всего указанного периода лишь смягчить те требования, которые Франция намеревалась предъявить к Германии по указанному вопросу. Эти усилия английское правительство проявляло в конференции послов, которая занималась выработкой текста общесоюзной ноты Германии по вопросу о разоружении. Английскому правительству действительно удалось значительно смягчить первоначальное содержание и тон французского меморандума, однако этот последний, будучи передан Германии 4 июня 1925 г., представляет собой, несомненно, победу французской точки зрения. Франция победила как по вопросу о связывании очищения Кельнской зоны с вопросами исполнения обязательств по разоружению, так равным образом и по вопросу о формулировке самих обязательств.

Что касается вопроса о вступлении в Лигу Наций, то, как известно, основными трудностями в этом вопросе были: вступит ли Германия в Лигу Наций до или после гарантийного договора— во-первых и условия вступления—во-вторых. Выше мы изложили точки зрения французского правительства на вопрос о времени вступления в Лигу Наций. Франция, безусловно, настаивала, чтобы Германия вступила в Лигу Наций до какого бы то ни было подписания гарантийного договора. Английское правительство первоначально, во всяком случае, считало возможным не ставить Германии условия вступления в Лигу Наций в качестве обязательного условия подписания гарантийного договора. Однако уже в конце мая в меморандуме, который был представлен Чемберленом английскому кабинету по поводу всего комплекса гарантийных вопросов, была высказана мысль, что Англия согласна, чтобы допущение Германии в Лигу Наций на равных основаниях с остальными государствами послужило предварительным условием предложенного гарантийного договора западно-европейских государств. Что касается условий вступления Германии в Лигу Наций, то по этому вопросу в течение всего указанного периода происходил обмен мнений между Германией—с одной стороны и Советом Лиги Наций—с другой. Так обстоял вопрос формально. По существу же обмен мнений происходил опять-таки между Францией и Англией. С самого начала переговоров об условиях вступления в Лигу Наций германское правительство выставило два таких условия. Первое из них заключалось в предоставлении Германии места в Совете Лиги Наций, а второе—в неприменении по отношению к Германии статьи 16 статута Лиги Наций. Первое условие Лигой Наций было сравнительно скоро принято, в каковом смысле и был редактирован ответ Совета Лиги Наций. Второе условие встретило сопротивление как Франции, так и Англии. Именно это второе условие—принятие на себя Германией обязательств участвовать в совместных действиях Лиги Наций, предпринятых по отношению к какому-либо государству—давало возможность Англии втягивания Германии в орбиту своей анти-советской политики, а Франции—возможность, в случае военного столкновения СССР с Польшей, пройти через германскую территорию для помощи Польше. Таким образом в этом вопросе в Лиге Наций между Англией и Францией был образован единый фронт. Первоначальная точка зрения германского правительства на проблему ст. 16 была выражена в явно категорической и отрицательной формулировке. Однако уже в своей речи, произнесенной в рейхстаге 18 мая, министр иностранных дел Штреземан по этому вопросу высказался несколько более сдержанно, заявив лишь, что «разоруженная Германия не может, подобно другим вооруженным государствам, принимать на себя какие бы то ни было военные обязательства». Это заявление звучит весьма неопределенно, особенно, если иметь в виду, что в последней ноте Лиги Наций от 13 марта по этому вопросу толкование ст. 16 дается весьма гибкое, позволяющее, во всяком случае, толковать обязательства, возлагаемые этой статьей на Германию, как обязательства невоенные и в то же время, само собой разумеется, привязывающие Германию. Само собой разумеет-

ся, что для Германии вступление в Лигу Наций, с распространением на нее ст. 16, будет означать серьезный политический шаг по отношению СССР. Вот почему германское правительство обнаруживает такую нерешительность. Таким образом между Англией и Францией по вопросу о вступлении Германии в Лигу Наций были в результате длительных переговоров согласованы следующие пункты: 1) Момент вступления. В этом пункте Англия приняла французскую точку зрения, отличающуюся в том, что Германия должна вступить в Лигу Наций до подписания гарантийного договора. 2) Одно из условий вступления Германии в Лигу Наций, а именно: предоставление ей места в Совете Лиги. Этот вопрос был решен положительно и можно предполагать, под давлением Англии, 3) Второе условие вступления Германии в Лигу Наций, а именно: распространение на нее ст. 16 устава Лиги. В этом вопросе, касающемся использования Германии в случае эвентуального конфликта с СССР, оба правительства проявили полное единодушие.

После всего изложенного остается рассмотреть еще одно и при том основное разногласие между Англией и Францией в вопросе гарантийного договора. Это разногласие касается восточных границ Германии. Точка зрения Франции по вопросу о восточных границах Германии была нами изложена выше. Франция прекрасно понимает, что угроза одному из ее союзников—Польше или Чехо-Словакии—означает угрозу всему версальскому договору и тем самым французской безопасности. Поэтому Франция добивается расширения гарантийного договора в этом направлении и старается доказать Англии, что и ее безопасность связана с Средней и Восточной Европой.

Английская точка зрения в этом вопросе все время была чрезвычайно последовательна. Начиная с первого заявления Чемберлена по поводу германского предложения, эта точка зрения все время отрицательна по отношению к расширению гарантийного договора и включению в него восточных границ Германии. В том же самом майском меморандуме Чемберлена, в котором выражено согласие на вступление Германии в Лигу Наций до подписания гарантийного договора, по поводу восточных границ высказана мысль, что Англия не позволит, чтобы ей были навязаны какие-либо военные обязательства в Восточной Европе путем связывания вопроса о гарантийном договоре с взаимоотношениями на Востоке. Правда, эта мысль была затем несколько смягчена заявлением, что, по мнению английского правительства, гарантийный договор не должен ослаблять силы статей версальского договора вообще и тех, которые касаются восточных и южных границ Германии, в особенности, однако, несмотря на это смягчение, основная мысль Англии в этом вопросе совершенно ясна. Оно не хочет брать на себя никаких обязательств по отношению к восточным границам Германии. Эта точка зрения является результирующей двух основных линий английской политики. Первая заключается в определенном и настойчивом нежелании английских доминионов брать на себя какие бы то ни было обязательства по поводу конфликтов, в исходе которых они не заинтересованы. Заявления, сделанные представителями доминионов после опубликования известия о соглашении между Англией и Францией по гарантийному вопросу, убеждают нас в том, что давление доминионов в этом вопросе было весьма серьезным. Второй линией является стремление Англии добиться известного увеличения могущества Германии за счет ослабления французских вассалов—Польши и Чехо-Словакии. Это было бы невозможно, если бы Англия приняла на себя гарантию восточных границ Германии. Все сказанное позволяло Англии видеть свою собственную границу на Рейне, но отнюдь не продвигать ее до Вислы.

К началу июня переговоры между Францией и Англией относительно гарантийного договора вступили в новую фазу. 10 июня английский премьер-министр Болдуин заявил в палате общин, что английское и французское правительства пришли к полному соглашению относительно оснований и принципов этого вопроса, причем все позволяет рассчитывать, что Бельгия и Италия присоединятся к этому соглашению. Самое соглашение было опубликовано агентством Гаваса в следующем виде: Согласно общему взгляду Франции и Англии, в случае, если на границу Рейнской области, установленную версальским договором, будет произведено нападение, Англия предоставит в распоряжение Франции и Бельгии все свои военные, морские и воздушные силы. Что касается восточных границ, то Англия вновь подчеркивает свою верность положениям и обязательствам, предусмотренным версальским договором. Польские и чехо-словацкие границы остаются под защитой пакта Лиги Наций, значимость которого Англия, поскольку он ее касается, признает и подтверждает. Англия предоставляет Франции полную свободу придать тем своим обязательствам, которые общи всем членам Лиги Наций, такую форму, которая более всего ей подходит в интересах ее союзников, но в рамках пакта Лиги Наций. В случае, если ее восточные союзники подвергнутся нападению в предусмотренной выше форме. Франция будет в праве использовать демилитаризованную зону Рейнской области в качестве плацдарма в целях помощи своим союзникам. Германия сможет быть допущена в Лигу Наций только в том случае, если гарантийный договор, вполне соответствующий вышеизложенным условиям, будет ею подписан.

В этом сообщении Гаваса (кроме которого не было до сих пор опубликовано никаких официальных документов), имеется целый ряд неясных мест, давших основание английской, французской и германской печати комментировать положение изложенного соообщения в явно противоречивых выражениях.

Попытаемся проанализировать это сообщение о соглашении, сопоставляя его со всем ходом гарантийных переговоров.

В части, касающейся западных границ Германии, соглашение Чемберлена—Бриана представляет собой, несомненно, победу французской точки зрения. Франция добилась, повидимому, военной гарантии своих и бельгийских границ со стороны Англии. Это именно то требование, которое Франция пред'являла Англии, начиная с версальского конгресса и которое Англия упорно не хотела давать Франции без особой компенсации. В настоящий момент Франция это требование может считать удовлетворенным. Мало того, самая форма соглашения указывает на победу Франции и в другом вопросе: гарантийный договор относительно западных границ Германии будет осуществлен в форме договора между Англией, Францией и Бельгией. Лишь после этого к этому договору присоединится Германия. Именно о таком плане говорит Болдуин в цитированном выше заявлении.

Наоборот, по вопросу о восточных границах можно считать установленной победу английской точки зрения. Никаких гарантий

в этом вопросе Англия не дала, ограничившись лишь подтверждением незыблемости версальского договора и пакта Лиги Наций. Недаром французская печать подчеркивает, что Англия отказалась принять на себя какие-либо особые обязательства по отношению к восточным границам Германии. Англия предоставила Франции, опять-таки в рамках пакта Лиги Наций, заключить особые договоры о восточных границах Германии. Эти договоры, как раз'ясняет английская печать, мыслятся в виде арбитражных договоров, которые Германия должна заключить с Польшей и Чехо-Словакией. Таким образом, по существу в этом вопросе соглашение Чемберлена — Бриана приняло первоначальный тезис германского предложения об арбитражных договорах по поводу восточных границ. Значительно сложнее вопрос в дальнейшем. Что происходит, если один из восточных союзников Франции окажется в войне с Германией? Прежде всего лишь в том случае, если эта война произойдет в результате отказа Германии от арбитража и нападений ее на Польшу (или Чехо-Словакию), то в этом случае Англия оказывает Франции помощь, однако лишь в рамках статута Лиги Наций, т.-е. ст. 10 устава, предусматривающей случаи нападения на одного из членов Лиги Наций. Таким образом это обязательство Англии ничего не прибавляет к ее обязательству в качестве обыкновенного члена Лиги Наций. В случае наступления описанного выше нападения Германии на Чехо-Словакию или Польшу (при условии отказа от арбитража), Франция, на основе соглашения Чемберлена—Бриана, получает право использовать демилитаризованную зону Рейнской области в качестве плацдарма для оказания помощи своему союзнику. Неясность эта коренится, главным образом, в вопросе о том, получает ли право Франция использовать демилитаризованную зону совершенно свободно или же опять-таки в рамках пакта Лиги Наций? По этому вопросу существует значительное расхождение мнений. Так, французская печать склонна толковать это право, как безусловное. Она сомневается лишь в том, как следует толковать понятие «нападающий» в этом вопросе, и считает, что этот вопрос придется разрешить Лиге Наций. Английская печать в этом вопросе проявляет известную сдержанность и уклоняется от высказывания определенной точки зрения. Наибольшую тревогу, само собой разумеется, в этом вопросе высказала германская печать. Первоначально она поняла указанный пункт соглашения Чемберлена — Бриана именно в том смысле, что Франция, как таковая, получает право провоза своих войск через Германию. По этому поводу германская печать заявляла, что предоставление права прохода через Германию отдельной державе вместо Лиги Наций чрезвычайно затруднило бы переговоры о гарантийном договоре, не оставляя почти никаких надежд на успех этих переговоров. Через несколько дней германская печать поспешила раз'яснить этот неясный пункт соглашения. Корреспондент «Фоссише Цейтунг» сооббщил из Женевы, что им получены личные заверения руководящих членов английской делегации, что Франция не получит права провоза своих войск через Рейнскую область, за исключением случаев, предусмотренных статутом Лиги Наций.

Совершенно очевидно, после всего сказанного, что вопрос продолжает оставаться неясным, между тем как толкование этого пункта имеет самое существенное значение. Если Франция получает право прибегнуть к санкциям только в рамках статута Лиги

Наций, то это означает, что она может провести войска не в качестве самостоятельного акта, а лишь с единогласного вотума Лиги Наций, т.-е., иными словами, лишь с согласия Англии. Принципиальная разница, таким образом, совершенно ясна.

На основе состоявшегося между Францией и Англией соглашения (которое, как мы видели выше, оставило много вопросов нерешенными), 16 июня французский посол в Берлине передал министру иностранных дел Германии ноту, являющуюся ответом на первоначальное германское предложение о гарантийном договоре. Хотя эта нота официально передана от имени французского правительства, однако целый ряд ее мест прямо указывает на то, что ответ является коллективным от имени всех союзников. Эта нота содержит в себе ряд положений, которые, по мнению авторов, должны составить основу будущего гарантийного договора.

Прежде всего, раздел I ноты устанавливает, что гарантийный договор не может быть осуществлен без того, чтобы Германия не вошла в Лигу Наций на условиях, изложенных в письме Совета Лиги Наций от 13 марта 1925 г. (об этих условиях см. выше). Таким образом вхождение Германии в Лигу Наций является непременным условием гарантийного договора.

Раздел II ноты устанавливает, что никакие гарантийные и связанные с ним иные договоры не могут заключать в себе какого бы то ни было изменения или пересмотра отдельных положений версальского договора, равным образом не могут приводить к тому, чтобы союзные державы отказались от каких-либо прав, вытекающих посредственно или непосредственно из мирного договора.

Раздел III анализирует сущность германских предложений и приходит к заключению, что французское правительство не видит ценности нового торжественного подтверждения обязательств, уже изложенных в версальском договоре.

Одновременно раздел III указывает на то, что Бельгия должна быть помещена в числе государств, непосредственно заинтересованных в рейнском пакте, о чем немецкое предложение умалчивает. Равным образом, нота подчеркивает, что гарантийный пакт, заключенный на основе немецких предложений, не может нарушить ни ст. ст. мирного договора, относящихся к оккупации рейнских территорий, ни исполнения тех постановлений, которые будут по этому поводу включены в рейнское соглашение.

Раздел IV говорит об арбитражных договорах, которые Германия (помимо гарантийного договора, касающегося Рейна) должна заключить с Францией и Бельгией. По мнению ноты, эти арбитражные (третейские) договоры должны представлять собою естественное продолжение «рейнского пакта». Само собою, продолжает нота, эти третейские договоры должны распространяться на все случаи конфликтов между Германией — с одной стороны и Францией и Бельгией—с другой, при чем эти договоры позволят применять насильственные меры только на основании либо мирного договора, либо рейнского пакта, либо, наконец, на основании гарантии, взятой на себя какой-либо из договаривающихся сторон. Эти два арбитражных договора должны быть, в свою очередь, гарантированы сообща всеми рейнскими державами (т.-е., иначе говоря, Англией, и в этом смысл указанного пункта) и каждой из них в отдельности. Если же какая-либо из договаривающихся сторон, не прибегая

к враждебным действиям, не будет, однако, исполнять своих обязательств, решение по этому поводу, а равно и все необходимые мероприятия должен будет принять Совет Лиги Наций. Таким образом в арбитражных договорах между Германией—с одной стороны и Францией и Бельгией—с другой, главным гарантом (страхующим) является Англия. Она же в последнем счете (ибо решение Совета Лиги Наций должны приниматься единогласно и, значит, без согласия Англии такого решения принять будет нельзя) является верховным третейским судьей.

Раздел V ноты требует, чтобы Германия заключила подобные же третейские договоры со всеми государствами, которые не будут участвовать в заключении рейнского пакта, но которые подписали версальский договор (иными словами, речь здесь идет и о восточных союзниках Франции—Чехо-Словакии и Польше). При этом нота заявляет, что «всякая держава, подписавшая версальский договор, равно как и предполагаемый рейнский пакт, если она этого захочет, может сделаться гарантом третейских договоров между Германией—с одной стороны и Польшей и Чехо-Словакией—с другой. Иными словами, Франция дает понять, что таким гарантом (и, следовательно, верховным третейским судьей) этих договоров будет она, ибо, как мы видели выше, Англия ни в коем случае не будет гарантировать восточных договоров Германии.

Раздел VI говорит, что все предположенные договоры ни в коем случае не могут отменять прав и обязанностей членов Лиги Наций, вытекающих из устава Лиги Наций.

Наконец, раздел VII предлагает, чтобы все договоры одновременно вошли в силу, и добавляет, что если Америка захочет принять участие в гарантии указанных договоров, то Франция с радостью примет такое предложение.

Такова сущность последней ноты по вопросу о гарантийном договоре. Подобно сообщению Гаваса, цитированному нами выше, и эта нота оставляет ряд неясностей в отношении отдельных частей будущего гарантийного договора. Неясности эти, затрагивающие, казалось бы, детали соглашения, в общем и целом образуют основное темное пятно, расположенное в месте стыка англо-французских противоречий.

После всего сказанного, нельзя не признать, что переговоры о гарантийном договоре весьма еще далеки от своего завершения не только в части, касающейся переговоров между союзниками и Германией, но и между самими союзниками. Соглашение между Англией и Францией, заключенное в Женеве, и французская нота от 16 июня, составленная на основе этого соглашения, не могут рассматриваться иначе, как известный этап в ходе переговоров. Этот этап не следует считать сколько-нибудь прочной базой для последующих переговоров, ибо постоянное изменение соотношения участвующих в переговорах сил имеет тенденцию менять самую базу. Достаточно вспомнить, что начавшееся в Китае национально-революционное движение вызвало во французской печати требование компенсаций на Рейне в пользу Франции за предоставление последней, Англии, свободы рук в Китае. Равным образом не приходится сомневаться в том, что Англия готова (и, несомненно, сделает это) использовать затруднения Франции в Марокко с тем, чтобы добиться более выгодных для себя условий гарантийного договора.

Рассмотрим вкратце движущие мотивы поведения отдельных участников гарантийных переговоров.

Побуждая Германию сделать предложение о гарантийном договоре и всячески оживляя активность германской политики, Англия добивалась, несомненно, разрыва, намечающегося все яснее и яснее стремления германской тяжелой промышленности к соглашению с Францией. Приманкой для германского капитала, по мнению английской политики, могла служить та свобода рук, которую английский проект гарантийного договора готов был предоставить Германии на Востоке по отношению к Чехо-Словакии и Польше. С другой стороны, не менее серьезной целью английской политики вовлечения Германии в гарантийные переговоры являлось и является желание оторвать ее от «восточной ориентации», разорвать линию рапалльской политики и сделать из Германии орудие против СССР. Наконец, третьим, столь же важным, мотивом английской политики было и остается желание ослабить Францию путем отрыва от нее Чехо-Словакии и Польши, границы которых, по смыслу английского проекта, лишаются каких бы то ни было серьезных гарантий.

Основным движущим мотивом в гарантийных переговорах со стороны Франции было и остается желание получить гарантию рейнской границы со стороны Англии. Этот мотив является доминирующим во французской политике. Осуществление его даст возможность французской буржуазии, погружающейся все больше и больше в болото неизбежного финансового кризиса, сократить до известной степени бремя военных расходов и этим самым попытаться достичь бюджетного равновесия. Однако это было бы возможно только в том случае, если восточные союзники Франции, Чехо-Словакия и Польша, будут также обеспечены в своих нынешних границах. Отсюда требование французской политики распространить гарантию, кроме западных границ Германии, и на восточные.

Основной движущей силой, толкающей германскую внешнюю политику на гарантийные переговоры, являются настойчивые требования со стороны германской промышленности. План Дауэса, влививший в германскую промышленность живительную кровь иностранных кредитов, уже приводит к неизбежному тупику. Противоречия в нем, заложенные и коренящиеся в противоположность интересов финансирующих Германию иностранных групп, заинтересованных, таким образом, в развитии германской промышленности и промышленников этих же стран, начинающих уже страдать от конкуренции германской промышленности,—сказываются с каждым днем все ярче и ярче. Германская промышленность видит выход из этого противоречия интересов в виде непосредственного соглашения между ею и промышленным капиталом Франции и Англии. Как известно, двукратные попытки германской промышленности договориться с французской не привели к положительным результатам. Такой исход об'ясняется, в свою очередь, противоречием между интересами французской и английской промышленности. Известно, что почти готовое соглашение между Германией и Францией по этому вопросу, по требованию Лондона, было сорвано Францией. Точно также не привели ни к каким результатам попытки сговориться между Германией и английской промышленностью.

Толкая германскую внешнюю политику на заключение гарантийного договора, германская промышленность считает, что этот га-

рантийный договор послужит основой для будущих промышленных соглашений.

За спиной государств, непосредственно ведущих переговоры о гарантийном договоре, стоит Америка, которую французская нота с радостью приветствовала бы в случае согласия «великой американской нации» принять участие в гарантийном акте. В настоящий момент Америка довольствуется более скромной ролью инспиратора гарантийных переговоров. Американскому капиталу необходим гарантийный договор, поскольку все же он является известным «инструментом мира», ибо ему в настоящий момент необходим мир в Европе.

Такова краткая история и основные линии гарантийных переговоров. Международной политике придется еще много времени посвятить этой теме.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

Спектатор.

„Стабилизация“ капитализма или шатание мысли.

(Критика антикритики т. Лапинского).

Вопрос о стабилизации капитализма вызвал оживленную дискуссию и справедливо считается основным вопросом текущей политики. Выступление тов. Лапинского по этому вопросу вызвало, по его собственным словам, бесчисленные недоразумения. Это совершенно верно. Это подтвердят все, кому приходилось за последние месяцы сталкиваться с партийными кругами. Но кто в этом виноват, что тов. Л. так «неверно» поняли, так неправильно, «даже забавно» толкуют? Конечно, не зеркало?.. Так по существу начиналась всякая ревизия марксизма. На «недоразумения» ссылались все те, кто начинал ревизию Маркса и кого т.т. Плеханов или Ленин припирали к стене...

И т. Лапинский борется против того, как отражается «в кривом зеркале рутина, косность, банальная неподвижность революционной мысли». Задача важная, что и говорить, если революционная мысль обладает свойствами рутины и косности. Наш «новатор» видит в этом настоящую опасность для развития революционной идеологии. Так говорил в свое время и Бернштейн, начавши борьбу против марксистской ортодоксии, но т. Л. идет дальше и делает открытие, которое «менее всего предусматривал Маркс». Конечно, Маркс очень многое не досмотрел (и это констатировали уже до Л.), но меньше всего он предвидел, по словам Лапинского, что война приведет к валютному и кредитному хаосу. Бедный Маркс! Бедные его ученики, считающие его гениальным пророком развития и смерти капитализма...

Итак, мы имеем тут новое «открытие», которого пишущий эти строки посмел не признать, за что набросился на него с такой свирепостью т. Л. Каюсь, я до сих пор продолжаю упорствовать в своем непризнании этого открытия и смею свое суждение иметь о характере современного кризиса и современного политического положения. Но прежде, чем сказать несколько слов по существу—мы собираемся здесь теперь сказать только несколько слов, откладывая до другого раза более подробный анализ современного положения вещей,—позволим себе остановиться на нескольких возражениях тов. Лапинского против нашей критики его брошюры.

Не дожидаясь появления в печати моего доклада, прочитанного 14 марта 1925 г. в Комм. Академии и, кстати сказать, не встретившего там никакого возражения, т. Л. выступает против рецензии его книжки, появившейся в четвертом номере «Планового хозяйства». В докладе мы подробнее остановились на тех же вопросах, о которых

говорит в своей брошюре т. Лапинский. Относительно этой рецензии Лапинский выражается, что она полна «искажений, недоразумений и недомыслий». Что касается «недоразумений и недомыслий», то мы не единственные виновные в этом. Но что мы исказили мысли Лапинского, он ничем не доказал. В одном месте только он пытается обвинить нас чуть ли не в фальсификации, сравнивая нашу полемику с изготовлением «писем Зиновьева». По какому поводу такой гнев? Тов. Лапинский спрашивает, откуда я взял, что, по его мнению, капитал приостанавливает свое наступление на 8-часовой рабочий день. Тов. Л. в раздражении не вчитался даже в то, что писал я. На стр. 302 цитируемого журнала я писал: «Мы не думаем, что капитал удовлетворяется уже существующим положением вещей и приостанавливает свое наступление на 8-часовой рабочий день (см. стр. 36)». Открываем страницу 36 в книжке тов. Лапинского, и что мы там читаем?

«В области социальной (подч. нами), после отражения первого напора революционных волн, капитализм уже в основном (подч. нами) может удовлетвориться консервативными задачами (подч. нами), кое-какое уже упорядочение основных винтов и приводных ремней капиталистической машины дает возможность приступить к «решению» настоящих, материальных проблем».

Пусть теперь судит читатель сам, кто искажает, кто фальсифицирует. Если капитализм в основном может удовлетвориться консервативными задачами в социальной области, и приступить к решению других каких-то настоящих материальных проблем, то не следует ли отсюда, что социальная борьба ослабевает, что наступление капитала на 8-часовой рабочий день—основная социальная проблема на Западе—ослабевает? Нет, т. Л., ваша книжка является не предвозвестником «новой фазы империализма», а в известном смысле «новой полосы сотрудничества классов»!

Итак, обвинение в искажении мысли автора мы возвращаем обратно. И это мы делаем с полным правом, указывая на следующее полемическое возражение т. Лапинского. Приводя то место из нашей рецензии, где мы говорим:

«Если бы было верно утверждение тов. Лапинского, что так называемые «функциональные нехватки капитализма» преодолены, что стабилизирована валюта европейских стран, то тем самым вопрос о внешнем рынке, который на самом деле стал сейчас же после войны, был бы в значительной мере решен, поскольку он вообще может быть решен при капитализме: этим самым создалась бы возможность развития хозяйства и в европейских странах и расширения потребления продуктов заокеанских стран».

Из этой цитаты Лапинский взял только слова о стабилизированной валюте, выпустив все существенное в ней, нами подчеркнутое, и, совершив такой фокус, он заявляет, что, по моему мнению, отсутствие прочной валюты является единственным фактором расстройства рынка, затруднений сбыта. Прежде всего, если бы я это утверждал, то я бы стал на ту точку зрения, на которой стоял Лапинский, когда он написал свою книжку. Ведь именно он утверждал, что «функциональные нехватки капитализма» мешали

постановке вопроса о рынке и что, только преодолев эти нехватки, можно приступить и к решению вопроса о рынке. Так ставил вопрос о рынке т. Лапинский; против этого я все время возражал, и теперь, не замечая того, что он сам себя опровергает, думая, что он возражает мне, он торжественно уличает меня в невежестве! Впрочем, дальнейшая цитата, которую приводит Лапинский, могла бы ему уяснить мою мысль, если бы он в пылу раздражения был бы вообще способен понять своего противника. Он цитирует следующее место из нашей рецензии:

«Мы считаем, что стабильной бумажной валюты нет и быть не может. Но с точки зрения Лапинского чрезвычайно странно говорить о стабилизации валюты и в то же время утверждать, что нет рынка для европейской промышленности». На этом он обрывает свою цитату. А дальше следует: «При отсутствии возможности сбыта, при не стабилизировавшемся хозяйстве—стабильная валюта?».

Итак, для нас стабильная валюта является выражением стабилизировавшегося хозяйства. Об этом скромно умалчивает тов. Л. Если это так, а нам кажется, что это именно так, то естественно, что при стабилизировавшемся хозяйстве вопрос о рынке становится относительно менее острым, чем при разваливающемся хозяйстве. И если верно было бы заявление т. Лапинского, что восстановлена валюта, восстановлен международный кредит, восстановлено единство мирового капиталистического целого и так дальше, то мы имели бы право думать, что европейское хозяйство и что вместе с этим основной вопрос современного кризиса приближается к своему решению. Тов. Лапинский вместо всего этого делает из сказанного следующее заключение: «Достаточно, мол, стабилизировать валюту и от этого волшебства развернутся рынки... больше для этого ничего не требуется». Как называть подобный прием полемики? Совершенно очевидно, что для меня стабильная валюта—выражение стабильного хозяйства вообще, которое является основанием развития рынка. Всякому далее ясно, что если я бы даже утверждал, что при отсутствии рынка нет стабильной валюты в такой вульгарной форме, как мне приписывает эту мысль т. Лапинский, то отсюда все же нельзя было сделать обратное заключение, что при стабилизации валюты создается рынок. Или т. Лапинский очень наивен в этом вопросе и думает, что мне неизвестно, как создается рынок в капиталистическом обществе, или он просто рассчитывал на то, что читатель не полюбопытствует ознакомиться с оригиналом рецензии, против которой он выступает.

Наивность тов. Л. доходит до того, что он, торжествуя, заявляет: «Итак, весь кризис современного капитализма есть чисто валютный кризис». После этого он пускается в длинную ламентацию насчет того, что это—представление буржуазных публицистов. Конечно, это чистейшая выдумка тов. Л. В этой рецензии, которая вызвала такой гнев тов. Л., было сказано:

«Правда, верно его (т. Л.) указание на то, что из войны главнейшие капиталистические страны вышли с производственным аппаратом, более широким, чем до войны. Верно и следствие, вытекающее отсюда, что производительная способность наталкивается на суженную покупательную способность населения. Отсюда и современный кризис. Но хозяйственный кризис именно тем и об'ясняется, что в настоящее время не происходит расширение

производственного аппарата, т.-е. постройка новых предприятий и т. д. Наблюдается теперь только использование старых предприятий с большим или меньшим процентом нагрузки, конечно, за немногими исключениями; последние, однако, не решают проблемы мирового рынка. Следовательно, мы имеем действительное перепроизводство в том смысле, что производственный аппарат превышает покупательную способность европейского и мирового населения, но отнюдь не имеем процесса расширяющегося производственного аппарата. Стадия расширения производственного аппарата означала бы стадию преодоления послевоенного кризиса, стадию повышающейся кон'юнктуры, когда борьба за рынок, как известно, ослабевает...».

Мы спрашиваем совершенно спокойно у читателя, можно ли отсюда делать тот вывод, что, по мнению Спектатора, кризис современного капитализма—чисто валютный кризис. Как квалифицировать подобное утверждение?

Мы переходим через многочисленные другие более мелкие, мягко выражаясь, «недоразумения» т. Л. Отметим только еще следующее: т. Л. утверждает, что, по моему мнению, капитализм беспрерывно падает и разрушается. Такое мнение нельзя было составить себе и по нашей рецензии, а в нашем докладе мы несколько раз подчеркнули ту мысль, что не утверждаем, «что мы переживаем после войны эпоху падения капитализма и так дальше, это было бы неверно». Ссылаясь на Ленина, я сказал, что «безвыходного положения» для капитализма вообще нет, что возможность выхода для капитализма дана. Нашу рецензию мы заканчиваем словами, что капитализм «еще не вышел из послевоенного кризиса. Он силится приобрести известную устойчивость, но решительного успеха в этом отношении еще далеко не имеет». Тов. Л. называет это наше заявление «пошлой филистерской фразой». Итак, с одной стороны, заявление о том, что попытки капитализма стабилизировать себя еще успеха не имели, является для т. Л. пошлостью, с другой стороны, он упрекает меня в том, что я будто бы того мнения, что капитализм беспрерывно сам отмирает и что нет никакой борьбы со стороны капитала за самосохранение. Впрочем, что наше это утверждение о том, что капитализм еще не выбрался из кризиса, было необходимо сделать, показывает не только сама брошюра Лапинского и вызванные ею «многочисленные недоразумения», но и известные течения в наших кругах, выражением которых явилась, например, статья в «Правде» тов. Литвинова. Нам кажется, что констатирование этого факта весьма и весьма важно. И дальше, наша попытка доказать, что «мы переживаем после войны эпоху наименьшей устойчивости положения, которую когда бы то ни было переживал капитализм», имеет огромное значение. Эту мысль мы старались доказать в своем докладе. Дальнейшему доказательству ее будет посвящена наша работа о послевоенном мировом хозяйстве. Для т. Лапинского это—снова филистерская пошлость. Для нас это—констатирование того факта, что никогда еще не было такой революционной эпохи, как теперь, после войны, когда капитализм не приобрел еще своей устойчивости и не в состоянии оказать такого сопротивления растущему революционному движению. Казалось бы совершенно очевидно, что вскрытие слабой стороны противника (неустойчивости занимаемой им позиции) и констатирование того факта, что занятая им в последние годы позиция все еще устойчива (хотя бы и в несколько меньшей степени), должно только укрепить в нас сознание необходимости более дружного напора сил против капитализма как раз в настоящее время. И нам кажется, что это может более содействовать уяснению революционного сознания и действия, чем «открытия» т. Л. и указание его на тот факт, что капитализму нужны рынки России и Китая, что из-за этих рынков возможна борьба и что «в системе взаимных отношений руководящих капиталистических держав пацифизм еще только обрел в Дауэсовской системе свой рабочий механизм и сохраняет свой верховный закон в англо-американском сотрудничестве». Нам кажется, что этот «пацифизм» и это «англо-американское сотрудничество»—перспективы далеко не революционного характера. Но, к счастью, они больше плод слишком смелых обобщений разных политиков, чем действительные факты. Когда мы выступили против т. Лапинского, хозяйственное положение капиталистических стран как-будто укреплялось; но уже тогда мы предсказали новый кризис уже в течение 1925 г., который теперь несомненен. Может быть, т. Л. будет отрицать и теперешний кризис, как он его отрицает для 1924 года? Очевидно, мы видим вещи различными глазами, и сокращение производства на 50 и больше процентов для некоторых «оптимистов» представляет только кон'юнктурное колебание; для нас наступающий кризис—лишнее подтверждение неустойчивости капитализма, как вся эта полемика—отражение с известной точки зрения той же неустойчивости, то поднимающейся, то опускающейся волны капиталистического развития...

P. S. Еще несколько слов по личному поводу:

Тов. Л. ошибается, предполагая, что я имею какую-то «свою» теорию денег. Нет, я держусь только одной теории — Маркса и, исходя от нее, я не считаю бумажную валюту стабильной, не могу разделить взгляда сторонников Рикардо, что стоимость золота зависит от его количества в стране («золотая инфляция»).

Что касается «петитной мудрости» в «Neue Zeit», то я на самом деле очень часто писал в этом центральном органе международного рабочего движения до войны, в котором участвовали все лучшие наши товарищи, и не только «петитом», но и «корпусом», и очень много печатался, гораздо больше, чем окончательно сразивший меня этим ироническим напоминанием т. Л. Но под «петитной мудростью» тов. Л., очевидно, понимает нашу критику буржуазных и социал-патриотических учений, критику, которая велась в этом журнале по большей части в форме рецензий новых книг. «Непомнящие родства» могут теперь высмеивать ту безусловно важную борьбу против буржуазных идеологий, которая велась на страницах этого журнала и, между прочим, и в рецензиях...

Дм. Бухарцев.

О „новой фазе“ и стабилизируемых „революционерах“.

О, эта скромность!

Мы вполне сочувствуем тов. Лапинскому, когда ему сейчас приходится защищать то, что он писал в декабре прошлого года. Мы уверены, что в апреле или мае 1925 года тов. Лапинский вряд ли решился бы обнародовать свой «скромный» труд о «Новой фазе империализма». Нельзя же в самом деле в декабре предугадать то, что будет в мае, особенно нам, простым смертным, или, как вполне резонно уверяет Лапинский, «в ущерб нашему самолюбию», не «китам». Кто мог знать, что, несмотря на «приведение в относительный порядок международного капиталистического механизма, оборота и обмена, упрочения валют» и прочего благоденствия, о котором жирным шрифтом пропечатано на тридцать второй странице книжки тов. Лапинского, хозяйство крупнейших капиталистических стран—мировое хозяйство—окажется снова в стадии сильнейшей депрессии.

Вообще механика мирового хозяйства—хитроумная штука. Как будто все стабилизуется, а глядь не успели еще набрать статьи с самыми розовыми надеждами на стабилизацию, как все полетело вверх тормашками, и приходится, как нашему бедному другу тов. И. Литвинову, выслушивать отеческие наставления тов. Варги (см. «Правда» от 23 июня) на тему о том, как не надо писать о мировом хозяйстве

Где тут в декабре предугадать, что будет в мае!

Тов. Лапинский защищается. Он, понятно, защищает не себя, не свою концепцию (слово, которое почему-то очень не нравится тов. Лапинскому). О, нет! Он защищает «революционную идеологию» от «рутины, косности, банальной неподвижности революционной мысли» и прочих смертных грехов.

Для этой цели мобилизовано все: цитаты Сталина; констатации Варги; «скромные» намеки на то, как тов. Спектатор, так и автор этих строк, выражаясь высоким штилем тов. Лапинского, «грациозно перевели» «слонов» тов. Л. за нашу перегородку; халат, туфли и приват-доцентская мудрость тов. Спектатора, воспоминания о его литературной деятельности и тому подобные аргументы, так сказать, ad hominem. Как видите аргументы, имеющие самую тесную связь с мировым хозяйством.

Вообще тов. Лапинский очень снисходительно относится к нам, «меньшой братии», и чувствуется, что только неусыпные заботы о чистоте «революционной идеологии» заставляют его взяться за перо и воздать должное еретикам, смевшим усомниться в святых истинах стабилизации.

Как это ни странно, но тов. Лапинскому не нравится наша скромность, и он чрезвычайно едко о ней отзывается, в скобках и даже с восклицательным знаком. Сам же тов. Лапинский скромен, аки дева младая: «Небольшая брошюра» (стр. 82), «маленькая брошюра (стр. 88), «скромная попытка показать...» (стр. 95), «конечно, эта брошюрка является не более, как маленьким скромным эскизом» (стр. 95),—и вообще-то «развитые в брошюре весьма бегло мысли» автор обещает еще развить на страницах «Большевика».

Действительно, какая несправедливость! Написал почтенный уважаемый товарищ «скромный труд», имеющий целью всего лишь на всего открыть «Новую (!) фазу (!) империализма» и восполнить пробелы недоглядевшего кой-чего старика Маркса, а в Москве какие-то «революционные консерваторы» «нагородили заросли искажений и недоразумений», пробираться через которые приходится, а главное «в о з м о ж н о б ы с т р е е», тов. Лапинскому.

Эта быстрота и натиск соответствующим обраозм и отразились на убедительности статьи тов. Лапинского.

Тов. Лапинский выпустил книжку «Новая фаза империализма и ее экономические источники», которая, как мы уже указывали в нашей статье-рецензии в восьмой книжке «Большевика», является основной работой в области обоснования пресловутой «стабилизации» мирового хозяйства.

Тов. Лапинский является отцом стабилизации, которая в различных вариациях «относительной», «временной» и т. д., стала почти каноном. Какой уважающий себя секретарь ячейки не показывает своей образованности, начиная свой доклад с канонической стабилизации. И в то же время, по какому вопросу у нас есть столько неясности и взаимного непонимания, как в этом «проклятом вопросе». И в значительной степени вина за это падает на тов. Лапинского, поставившего с самого начала проблему на голову, упрятав в укромный уголок ноги.

У нас вообще мало товарищей, работающих непосредственно над вопросами мировой экономики и ведущих изо дня в день слежку за всеми большими и мелкими событиями, происходящими в мировом хозяйстве. Совсем мало у нас этих товарищей, обладающих серьезной марксистской эрудицией, практическим жизненным опытом и умеющих обобщать отдельные факты и события.

Поэтому особая ответственность ложится на тов. Лапинского, Варгу и еще, может быть, двух-трех товарищей, занимающихся исключительно детальным анализом мировой экономики и политики.

Ни руководящая головка нашей партии, ни высший актив партии, не говоря уже о середняке и низах, не имеет ни времени, ни возможности штудировать динамику мирового хозяйства. Эта обязанность ложится на вас, тов. Лапинский, и других товарищей.

Вот почему особые требования следует пред'явить к вашим, даже «скромным», трудам.

К чему, собственно говоря, сводятся наши разногласия с тов. Лапинским? Речь идет не столько о «мифологической» «стабилизации», сколько об одном конкретном вопросе, выдвинутом т. Лапинским в его книге.

Это вопрос: н а к о п и л и с ь л и в м и р о в о м х о з я й с т в е к а к и е-л и б о с у щ е с т в е н н ы е ф а к т ы, п о з в о л я ю щ и е

говорить о «новой фазе» империализма, о ликвидации кризиса мирового хозяйства.

В нашей статье о «пафосе восстановления мирового хозяйства» мы пробовали доказать, что все доводы, приводимые тов. Лапинским, недостаточны для того, чтобы прокламировать новую фазу империализма.

Мы полагали и полагаем, что нельзя говорить о каком-либо серьезном переломе в мировом хозяйстве на основании нескольких разрозненных надстроечных аргументов.

Это—покушение с негодными средствами.

О такой методологии по другому поводу писал тов. Ленин в «Империализме».

> «Подменить вопрос о содержании борьбы и сделок между союзами капиталистов вопросом о форме борьбы и сделок (сегодня мирной, завтра — немирной, послезавтра—опять мирной), значит опускаться до роли софиста» [1].

Что же отвечает тов. Лапинский в опровержение наших противопоставлений?

Ему, видите ли, некогда, и он «возможно быстрее», «увы», с пером, а не с топором» (перл остроумия — об'ект для анализа Фрейда) занимается статистикой «оригинальных мыслишек», уворованных нами у почтеннейшего автора, и всякими «едкими» замечаниями насчет путаницы, вымыслов и недомыслия.

Дело не в том, уважаемый тов. Лапинский, имеются ли у вас те или иные факты, приводимые в нашей статье (эти «оригинальные мыслишки» имеются и в любой буржуазной газете), а в тех выводах, которые вы делаете из этих фактов и самой интерпретации этих фактов [2].

В нашей статье «О пафосе восстановления мирового хозяйства», мы указывали на переоценку сотрудничества английского и американского капитала. По этому вопросу тов. Лапинский не удостаивает нас ответом. Он проезжается лишь насчет тов. Спектатора по поводу его «революционности», заключающейся в том, что он отрицает «эру демократического пацифизма».

Между тем, вряд ли современное политическое положение можно охарактеризовать, как ликвидацию политического хаоса, и еще в меньшей степени считать одним из элементов «новой фазы империализма». Падение кабинета Эррио, болгарские события,

---

[1]) Говоря о «фазах» имеперализма, мы бы обратили внимание читателя на прекрасную статью тов. Д. Марецкого «На путях стабилизации» («Спутник Коммуниста» № 6/15). В этой статье тов. Марецкий делает попытку проанализировать, поскольку это можно в журнальной статье, тип империалистических противоречий, свойственных капитализму периода его «довоенного молодецкого процветания и роста» с послевоенным. Такое деление на фазы существенно отличается от «фаз» тов. Лапинского.

За время войны в капиталистическом обществе накопились такие количественные изменения, которые позволяют говорить о переходе количества в качество. В капитализме же послевоенном, т.-е. после-Версальском, новых качественных изменений нет. Во всяком случае тов. Лапинский не доказал их наличности.

[2]) Тов. Лапинский утверждает, что тов. Варга согласен с ним в оценке положения. Тов. Варга, может быть, и согласен с ним, что произошло «относительное преодоление расстройства механизма обращения», но вряд ли он согласен с наличностью «новой фазы империализма». В докладе о «стабили-

Марокко, Китай, Гинденбург, ряд мелких политических трансформаций, как, например, в Греции—вот краткий перечень тех событий, имевших место за тот небольший период, который отделяет нас от того момента, когда было зачато «откровение» тов. Лапинского.

Оккупация Рура—это, по Лапинскому, «явление сверх'естественной политической неурядицы», «война во время мира», характеризовавшее «старую фазу послевоенного капитализма». Ну-с, а Марокко и Китай, уважаемый товарищ, это по вашему «мир во время мира», нежные созвучия эоловых арф пацифизма?

Валюта и хозяйство.

Восстановление валюты целого ряда стран—вот один из основных доводов тов. Лапинского и иже с ним в пользу стабилизации мирового хозяйства.

Тут вопрос следует поставить в двух плоскостях:

1) Можно ли говорить о серьезном, длительном восстановлении валют в масштабе мирового хозяйства?

2) Какую роль играет восстанавливающаяся в отдельных странах валюта в деле хозяйственной стабилизации данной страны?

Мы не отрицаем того факта, что в ряде одних стран буржуазия сумела прекратить катастрофическое падение валюты, доведя ее, как, например, в Англии до золотого паритета или, прекратив дальнейшее падение, как, например, в Германии. Никто однако и не будет отрицать факта наличия падающей валюты в ряде других стран, как, например, во Франции. Важна, однако, не констатация самого факта. Важно выяснить, каким образом стабилизировалась валюта в этих странах, и это поможет нам ответить и на второй вопрос.

В своем ответе нам тов. Лапинский указывает, что относительная, частичная, неполная стабилизация европейских валют означает «новый факт в развитии послевоенного капитализма, который следует учесть».

Ну, что же, против этого мы не будем спорить. Все, что поддается учету, следует учесть, оставаясь, однако, марксистом-диалектиком.

зации капитализма», прочитанном т. Варгой в клубе Плановых Работников Госплана СССР он говорит:

«В заключение мы должны поставить себе следующий вопрос: являются ли указанные мною структурные видоизменения столь значительными по своему количеству, чтобы можно было признать, что они составляют также нечто новое качественно, новый период капитализма. Возьмем, например, образование монополий, составлявшее сущность перехода от капитализма к империализму. Я полагаю, что на этот вопрос еще слишком рано отвечать («Плановое хозяйство» № 6, стр. 168).

Разве это не то же, что писал Спектатор? И почему, тов. Лапинский, вы, столь свирепо атаковавший Спектатора чуть ли не с предложением подвергнуть его остракизму со страниц нашей прессы? («И вот эта-то, мы помним, столь скромная когда-то приват-доцентская буквоедская мудрость теперь кичится и вольничает (?! *Дм. Б.*) на страницах наших органов и т. д.», не указали заодно и тов. Варге его заблуждения. Получается немного неудобно, тов. Лапинский, что-то вроде путешествия слонов из одной перегородки в другую, столь остроумно вами подмеченную.

Однако, одно дело—учет, а другое превращение факта частичной стабилизации валют в краеугольный камень какой-то «новой фазы империализма».

Мы никак не можем, анализируя положение валют в масштабе мирового хозяйства, говорить о каком-либо переходе количества в качество.

Валюта ряда стран еще далеко не стабилизирована.

Французский и тесно связанный с ним бельгийский франк находятся в катастрофическом положении. Итальянская лира, несмотря на 50-миллионную (в долларах) морганизацию, далеко еще не стабилизована, и, по сообщению «Popolo d'Italia». Муссолини, констатируя крайне печальный денежный кризис, сваливает ответственность на «кучку бессовестных лиц». «Corrière d'Italia» об'ясняет падение лиры маневром союзников с целью заставить Италию принять условия оплаты военного долга. Как бы там ни об'яснялись причины—факт остается фактом, и мы видим, как медленно, но уверенно падает лира.

Возьмем к примеру соотношение лиры с долларом:

	В среднем			В среднем	
Ноябрь	1922 г.	23.07 долл.	Март	1925 г.	24,58 долл.
„	1923 г.	21,83 „	Апрель	1925 г.	24,39 „
I полов.	1924 г.	22,85 „	1 июня	1925 г.	25,24 „
II „	1924 г.	23,01 „	17 „	1925 г.	26,13 „
Январь	1925 г.	24,06 „	18 „	1925 г.	27,40 „
Февраль	1925 г.	24,34 „	(«Frankf. Zeitung» 21/VI—23»).		

Как видите, это еще далеко от стабилизации.

Да и вообще следует чрезвычайно осторожно подходить к современной стабилизации валют отдельных стран Зап. Европы, происшедшей не на основе внутреннего хозяйственного оздоровления, как это имело место в СССР, а, как мы это уже указывали в нашей статье, за счет иностранных кредитов.

Этот характер стабилизации отражается и на роли, которую играет «стабилизованная» валюта в деле оздоровления народного хозяйства каждой страны.

Самое характерное для современного экономического положения стран со стабилизованной валютой—это то, что стабилизация валюты не только не сопровождалась улучшением хозяйственного положения, но, наоборот, серьезным ухудшением. В Англии — колоссальный рост безработицы, в Германии—сильная промышленная депрессия.

Германская пресса обсуждает это положение и недоумевает, как, например, «Bergwerkszeitung» в своей передовице от 16 июня 1925 г.: зачем собственно нужна была вся эта валютная стабилизация, если результаты ее для германского народного хозяйства таковы, как в годы жесточайшей инфляции: «Операция,—пишет газета,—может удаться, а пациент умрет». («Die Operation wäre gelungen, der Patient aber tot»).

В этой же передовице приводится характерная цитата из Люксембургского «Handels und Gewerbeblatt».

«В первые годы после войны превалировали у нас в Германии профессиональные идеи (Gewerkschafts-Ideen) над хозяйством. В 1923 году во время занятия французами Рура был лозунг: превалирование политики над хозяйством. Наконец, в 1924 году мы имеем: превалирование валюты над хозяйством. Теперь, когда бы нам хотелось выдвинуть на первое место хозяйство, мы, к сожалению, видим, что так многое ставилось над хозяйством, что его за это время раздавили (man so viel auf und über die Wirtschaft gestellt hat, dass man sie inzwischen zerquetschte).

Подобное же противопоставление стабилизации валюты стабилизации хозяйства делается и в ряде заявлений видных промышленников. Положение ясно. Современная «стабилизация» валют, вскормленная американскими долларами, есть колосс на глиняных ногах. Эта стабилизация является результатом ряда хитросплетений, которые, улучшая валюту, ухудшают обще-экономическое положение страны, даже помимо того простого факта, что стабилизация валюты означает ухудшение конкурентоспособности на мировом рынке и, следовательно, уменьшение экспорта. Таким образом такая валютная стабилизация ни в коем случае не может обусловить какого-либо перелома в мировом хозяйстве.

Сумерки «плана Дауэса».

Наконец, последним козырем в защиту «новой фазы» является рост международного кредита, который, главным образом, сводится к «плану Дауэса». И по этому поводу тов. Лапинский не удостаивает нас серьезного ответа. В нашей статье мы указывали, что план Дауэса означает дальнейшее обострение противоречий мирового капитализма. Тов. Лапинский же, вместо опровержения этого положения, постулирует: что «кредитование американским капиталом европейского хозяйства» является фактом, свидетельствующим о восстановлении «единства» капиталистического мира, хотя, правда, в «новых сугубо антагонистических формах».

Что же собой представляет это новое фантасмагорическое, антагонистическое «единство капиталистического мира», понять довольно трудно.

Если тов. Лапинский под этим подразумевает обычное положение мирового хозяйства с обычными противоречиями, то почему это самое единство должно свидетельствовать о восстановлении мирового хозяйства. Если же план Дауэса, по мнению тов. Лапинского, восстанавливает единство мирового хозяйства, то это уже по одному тому неверно, что единство, т.-е. связи обмена мирового хозяйства, никогда не прерывались. Это очень обстоятельно и популярно об'яснял еще в 1917 году тов. Ленин тов. Сокольникову, критикуя его проект программы партии.

«Ни протекционизм,—писал тов. Ленин,—ни таможенная война обмена «не разрывают», а только временно видоизменяют или прерывают в одном месте, продолжая в другом. Обмен не разорван данной войной, он только затруднен в одних местах, передвинут в другие места, он остался, как мировая связь» (Н. Ленин, Собрание сочинений, т. XIV, ч. 2).

Так что же остается от плана Дауэса: приток иностраных, преимущественно американских кредитов.

Здесь мы, во-первых, сталкиваемся с фактом, что приток этих кредитов в 1925 году в значительной степени ослаб и, во-вторых, все эти кредиты вряд ли означают восстановление мирового хозяйства. Улучшение положения в отдельных странах отнюдь не означает стабилизации мирового хозяйства.

Мы считаем излишним возвращаться здесь к популяризации фактической подоплеки плана Дауэса, но ясно, что он ни в коем случае не определяет «новой фазы империализма». Если в начале появления на свет плана Дауэса кой у кого еще затаились опасения, что он поможет буржуазии выбраться из тупика послевоенного кризиса, то теперь эти опасения исчезают.

План Дауэса переживает свои сумерки.

Не только рабочий класс, не только буржуазия Германии, но и буржуазия стран инициаторов плана Дауэса бьют отбой.

Чрезвычайно показателен в этом отношении интернациональный с'езд торговых палат, имевший место недавно в Брюсселе. Этот с'езд, на котором отсутствовали немцы, но были бельгийцы, американцы и друг., прошел под знаком ревизии и разочарования в плане Дауэса. И, что особенно характерно, это разочарование сквозило, по сообщению «Deutsche Allgemeine Zeitung», и в речах мистера Буса, председателя американской торговой палаты. Таким же пессимизмом в отношении плана Дауэса охвачены и значительные круги германских и английских промышленников.

Крах Стиннеса в Германии и все увеличивающаяся безработица в Англии—это лишь первые цветочки плана Дауэса, этого существенного элемента «новой фазы империализма» тов. Лапинского.

«Перуне, выдыбай!»

Таковы основные элементы «новой фазы империализма» и такова их состоятельность. В своем ответе нам тов. Лапинский мило «скромничает», что он-де всего лишь на всего констатирует «относительную частичную стабилизацию», «которая вносит нечто новое в интересующую нас картину капиталистической современности», что и было отмечено последним Пленумом ИККИ. Мы в свой очередь преклоняемся перед «достойной быть отмеченной» интуицией тов. Лапинского, но все же позволяем себе усомниться в том, что Пленум ИККИ признал «новую фазу империализма». Если же вы, т. Лапинский, сознаетесь, что вы с «фазой» переборщили и что гора родила мышь в виде стабилизации «относительной», «частичной», «временной» и прочих оговорок, которые, собственно говоря, сводят на-нет самую стабилизацию; то заявите об этом прямо, без всяких экивоков, и нам не о чем будет спорить. А то заявления, что «фаза»—это не «фаза», а лишь «полоса», что не следует «фазу» понимать «мифологически», «педантически» и т. д., да и что «дело не в заголовке»,—лишь запутывают дело.

Понятно, что дело не в заголовке, а в содержании самой работы. Но на 7-й странице «Новой фазы империализма» черным по белому написано, и мы это приводили уже в нашей статье:

«Можно ли утверждать, что за последний год-два произошли или, по крайней мере, наметились некоторые основные перемены в положении послевоенного капитализма, перемены, которые можно зачислить в целую отдельную крупную экономическую категорию. По нашему мнению, без сомнения—да».

А нам представляется, что без сомнения—нет.

И дело вовсе не в том, что мы «хотим безусловно отрицать, игнорировать возможность дальнейшего развития роста капитализма».

Совершенно излишне нас убеждать в этом ссылками на Ленина и Сталина, так как мы и не собираемся игнорировать эти возможности. Мы лишь считаем, что покуда этих признаков «дальнейшего развития роста капитализма» в смысле ликвидации послевоенного кризиса еще нет. Капитализм зализывает свои послевоенные раны кое-где удачно, кое-где неудачно, и еще рано судить о том, пережил ли он фазу послевоенного кризиса и вступил ли в новую фазу своего развития.

«Не мир, но растущее беспокойство, растущее порабощение побежденных народов победившим капиталом—таков результат всех стараний мирового капитала внести какой-нибудь порядок в растущий мировой хаос. Капиталистическая пресса всего мира говорит теперь о политическом успокоении во всем мире, потому что немецкая буржуазия покорилась верховной воле союзников и потому что она для спасения своей власти отдала немецкий народ на с'едение шакалам парижской и лондонской биржи. Но, в то же время, эта биржевая пресса полна сообщений о все усиливающейся экономической разрухе Германии, о чрезвычайных налогах и т. д.».

Это цитировано из воззвания III конгресса Коминтерна, происходившего, как известно, в 1921 году. Что можно прибавить к этому воззванию нового, что говорило бы о «новой фазе»? Разве не происходит и сейчас с'едение германского народа шакалами не только указанных, но еще и нью-йоркской биржи?

Разве сейчас зарубежная экономическая пресса не полна сообщениями о тяжелом экономическом положении не только Германии, но и Англии, а отчасти, и Франции?

Мы позволим себе еще остановиться на одной «петитной мудрости» тов. Лапинского. Тов. Лапинский считает наше утверждение о том, что С.-А. С. Ш. переживали в первой половине 1924 года хозяйственный кризис, «забавным недоразумением».

Нам придется нарушить заповедь о почтении к старшим и упрекнуть тов. Лапинского в некоторой «легкости мыслей».

Понятно, если мы займемся софистикой на тему, когда куча песчинок становится горой, а депрессия—кризисом, то вряд ли это даст возможность нам договориться. Назвать состояние хозяйства С.-А. С. Ш. в 1924 году «обычным колебанием кон'юнктуры», когда 50% американских прядилен было вынуждено сократить свое производство, когда железная, стальная, медная и last but not least автомобильная индустрия были вынуждены сократить в весьма ощутимых размерах свое производство, когда уменьшилась подача электрической энергии и т. д., и т. п., в самом деле «забавно». «Обычное колебание кон'юнктуры», результатом которого явилась новая Гуверская политика товарной экспансии С.-А. С. Ш. на внешних рынках! «Обычное колебание кон'юнктуры», результатом которого явился план Дауэса!

Мы не считаем нужным останавливаться на целом ряде «возражений», тов. Лапинского, ибо там по сути нечего сказать. Ну, что, к примеру, можно сказать по поводу реплики тов. Лапинского по поводу проблемы рынков? Мы указывали в нашей статье, что проблема рынков есть основное препятствие на пути восстановления капитализма.

Что же отвечает т. Лапинский? «Это я, Петр Иванович, сказал первый—э». Это т. Лапинский открыл, что проблема рынков обостряется, при том еще так, что «количество переходит в качество и наступает полоса более ожесточенных империалистических противоречий». Очень приятно.

Так что ж, это и есть «перелом в мировом хозяйстве»? Об этом не стоило спорить.

Такого же порядка и другие реплики тов. Лапинского, вроде открытия н е о - экономизма и т. п.

Итак, резюмируем: во второй половине 1924 года в ряде отраслей мирового хозяйства и ряде стран появились некоторые признаки улучшения положения, вызванные в значительной степени притоком кредитов из Америки.

Это положение, однако, длилось недолго. Уже начало 1925 г. сигнализирует ухудшение положения, размеры которого определяются достаточно явственно к концу I-й и началу II-й четверти 1925 года.

Все это показывает, что вся концепция тов. Лапинского о «новой фазе», о каком-то переломе в мировом хозяйстве себя, ни теоретически, ни практически, не оправдала.

Кризис мирового хозяйства не изжит еще, несмотря на все теории «стабилизаторов» и заклинания буржуазных экономистов: «П е р у н е, в ы д ы б а й!».

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

И. Сталин. В о п р о с ы и о т в е т ы. Изд. Свердловского Ун-та. Стр. 48. 1925 г.

Брошюра представляет речь т. Сталина, построенную в форме ответов на актуальнейшие вопросы, поставленные перед партией «новым курсом в деревне», суть которого была сформулирована в решениях XIV партконференции.

Отличительными чертами брошюры, впрочем, характерными вообще для устных и письменных выступлений автора, являются: отчетливость формулировок, максимальная сжатость изложения при насыщенности содержания и, наконец, выпуклое выявление основной перспективы нашего строительства.

Проведение «нового курса» приковывает наше внимание к вопросу о взаимоотношении промышленности и сельского хозяйства, к вопросу о взаимоотношении пролетариата и крестьянства. А последний вопрос «составляет основной вопрос проблемы построения социалистического хозяйства».

Центральной, стержневой проблемой у т. Сталина является проблема построения социализма. В ней имеют свою логическую увязку, ею охватываются все остальные разбираемые им вопросы, как, например, вопрос об условиях укрепления смычки пролетариата и крестьянства в обстановке затяжной стабилизации капитализма, вопрос об опасностях нашего партийного перерождения, вопрос о разжигании классовой борьбы в деревне и т. д.

Построение социализма в одной стране без предварительной победы пролетариата в других странах возможно. Не воспроизводя блестяще развернутой аргументации этого положения, данной в речи активу Московской организации, т. Сталин рядом ссылок доказывает, какое огромное значение вопросу, как одному из важнейших в нашей практике, придавал т. Ленин.

Вопрос о возможности строительства социализма в нашей стране получил исключительное обострение к настоящему времени вследствие усиления борьбы между социалистическими и капиталистическими тенденциями нашего хозяйства и особенно вследствие временной стабилизации капитализма.

«В чем состоит важность этого вопроса с точки зрения партийной практики?»—спрашивает т. Сталин.

«В том, что он затрагивает вопрос о п е р с п е к т и в е нашего строительства, о задачах этого строительства. Нельзя строить по настоящему, не зная—во имя чего строишь. Нельзя двигаться ни на шаг, не зная направления движения. Вопрос о п е р с п е к т и в е есть важнейший вопрос нашей партии, привыкшей иметь перед собою ясную и определенную цель. Строим ли мы во имя социализма в расчете на победу социалистического строительства, или строим на-авось, в-слепую, для того, чтобы «в ожидании социалистической революции во всем мире» унавозить почву для буржуазной демократии,—в этом теперь один из основных вопросов. Нельзя работать и строить по настоящему, не имея ясного ответа на этот не менее ясный вопрос. Сотни и тысячи партийных работников, профессионалистов и кооператоров, хозяйственников и культурников, военных работников и комсомольцев обращаются к нам, спрашивают нас, спрашивают нашу партию—к чему вести дело, во имя чего строить?»

«Великое значение ленинизма в том, между прочим, и состоит, что он не признает строительства на-авось, в-слепую, что он не мыслит строительства без перспективы, что он дает на вопрос о перспективе нашей работы ясный и определенный ответ, заявляя, что мы имеем все данные для построения социалистического хозяйства в нашей стране, что мы можем и должны строить полное социалистическое общество» (стр. 44).

Итак, под углом зрения возможности построения социализма, в свете этой генеральной перспективы и ведет свой анализ т. Сталин.

Вот как ставит т. Сталин вопрос об укреплении смычки по линии административно-политической:

«Социализм есть переход от общества с диктатурой пролетариата к обществу безгосударственному». Этот переход может осуществиться через соответствующую переделку государственного аппарата. Оживление советов, насаждение советской демократии в городе и в деревне, приобщение лучших элементов рабочего класса и крестьянства к непосредственному управлению страной—весь этот ряд мероприятий и должен служить нашей цели.

Здесь т. Сталин возражает тем коммунистам, которые полагают, что государственный аппарат может быть исчерпан несколькими сотнями тысяч членов партии, которые иногда отождествляют партию с государством. Это совершенно неверно. «Советский государственный аппарат в глубоком смысле этого слова состоит из советов плюс миллионные организации всех и всяких беспартийных и партийных об'единений, соединяющих советы с глубочайшими «низами», сливающих государственный аппарат с миллионными массами и уничтожающих шаг за шагом всякое подобие барьера между государственным аппаратом и населением» (стр. 8).

Из предыдущего вытекает следующий вопрос: изменяется ли характер власти в стране вследствие расширения демократии для крестьянства. Тов. Сталин дает на это отрицательный ответ. Уступки крестьянству такого порядка ни в коей мере не ослабляют систему пролетарской диктатуры. Наоборот. Диктатура пролетариата от этого только укрепляется. Выигрывает в последнем счете пролетариат, следовательно, обеспечиваются наилучшие условия для социалистического строительства. «Руководство пролетариата в отношении крестьянства не только сохраняется благодаря расширению демократии, но приобретает еще новую силу, создавая атмосферу доверия вокруг пролетариата. А ведь это главное в диктатуре пролетариата, когда речь идет о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства в системе диктатуры».

Выступая против точки зрения, которая представляет диктатуру только как насилие, т. Сталин подчеркивает три стороны, которые могут дать цельное понятие диктатуры пролетариата. «Диктатура пролетариата есть: 1) неограниченное законом насилие в отношении помещиков и капиталистов, 2) руководство пролетариата в отношении крестьянства и 3) строительство социализма в отношении всего общества» (стр. 29).

Обратим теперь внимание на вопрос, выяснение которого имеет чрезвычайное значение для понимания сложнейшего переплета противоречий в обстановке социалистического строительства в нашей стране.

Это—вопрос об опасностях «нашего партийного перерождения в связи со стабилизацией капитализма, если эта стабилизация продержится долго».

Здесь имеются три основных реальных опасности:

Первая. «Опасность потери социалистической перспективы строительства нашей страны и связанное с этим ликвидаторство». Питается

эта опасность усилением буржуазного влияния на партию в условиях обостренной борьбы капиталистических и социалистических элементов внутри нашей экономики. На этой почве появляются два типа ликвидаторов. Ликвидаторы первого типа прикрываются меньшевистской, по существу, «теорией производительных сил». Ликвидаторы второго типа—левыми, якобы революционными фразами о мировой революции. Тов. Сталин обезоруживает обе группы ликвидаторов такой альтернативой: «Одно из двух: либо мы рассматриваем нашу страну как базу мировой революции, имеем, как говорит Ленин, все данные для построения полного социалистического общества, и тогда мы можем и должны строить такое общество в расчете на полную победу над капиталистическими элементами нашего хозяйства; либо мы базой мировой революции не считаем нашу страну, данных для построения социализма не имеем, построить социалистическое общество не можем, и тогда, в случае оттяжки победы социализма в других странах, должны мириться с тем, что капиталистические элементы нашего хозяйства возьмут верх, советская власть разложится, партия переродится» (стр. 12).

Вторая. «Опасность потери международной революционной перспективы и связанный с этим национализм». Неверие в международную победу пролетариата, неверие в освободительное движение колоний и полуколоний, непонимание того, что победа социализма в одной стране не может быть окончательной, без победы революции хотя бы в ряде стран—вот какие представления связаны со второй опасностью. Усиление буржуазного влияния на партию по линии внешней политики и давление на наше государство капиталистических государств, толкающих нас на путь национализма—вот откуда идет эта опасность. «Ясно,—говорит тов. Сталин,—что только на основе последовательного интернационализма, только на основе внешней политики Октябрьской революции может сохранить за собою первая победившая страна роль знаменосца мирового революционного движения, что путь наименьшего сопротивления и национализма во внешней политике означает путь изоляции и разложения первой победившей страны» (стр. 14).

Наконец, изменение классов, пред'являющих требования на новые методы руководства, рост и повышение удельного веса аппарата государственных и общественных организаций, втянувших в себя сотни тысяч новых людей, главным образом, беспартийных и усложнение и дифференцированность нынешней строительной работы, требующей повышения квалификации партийных работников, на достижение чего требуется известное время—вот почва для возникновения третьей опасности: «опасности падения партийного руководства и связанной с этим возможности превращения партии в придаток государственного аппарата».

Вскрыв характер и источники опасностей нашего партийного перерождения, т. Сталин особенно подчеркивает необходимость решительной борьбы партии против этих опасностей.

В заключение отметим еще один вопрос, постановка которого у т. Сталина вызывает большой интерес. «Возможно ли развитие крупной советской промышленности в условиях капиталистического окружения без кредитов извне». Да, возможно, отвечает т. Сталин, хотя трудности здесь будут велики. История дает образцы трех методов, по которым складывались мощные индустриальные государства. Первый метод «захват и ограбление колоний» (прим.: Англия). Второй метод «военный разгром и контрибуция, проводимые одной страной в отношении другой страны» (прим.: Германия в отношении Франции в 1871 г.). Третий метод: «кабальные концессии и кабальные займы, идущие от стран капиталистически развитых, в страну капиталистически отсталую» (прим.:

царская Россия). В истории отдельных государств наблюдались и сплетения этих методов (прим.: Соед. Шт. Сев. Америки).

Вполне ясно, что эти методы «заказаны» для индустриализации советского государства.

Какой же метод развития крупной промышленности без кредитов извне возможен и необходим для советского государства. Это метод, о котором говорит т. Ленин в статье «Лучше меньше, да лучше»: «Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценою величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной индустрии, для развития электрификации».

Действительно — снос перегородок, который произвела пролетарская революция, уничтожившая частную собственность на основные средства производства и средства обращения, «освободил» значительное количество «средств». И эти средства по мере овладения нами наукой организации во все большем размере будут реализоваться для восстановления и расширения основного капитала крупной промышленности советской страны. «Национализированная промышленность, национализированные транспорт и кредит, монополизированная внешняя торговля—все это,—говорит т. Сталин,—такие новые источники «добавочных капиталов», могущих быть использованными для развития нашей промышленности» (стр. 39).

Мы только бегло остановились на некоторых проблемах, разобранных т. Сталиным. Но и отсюда видно, какой «удельный вес» этих проблем. Уяснение их помогает не только п о н я т ь переломный характер нынешнего момента, но и научает, как д е й с т в о в а т ь в настоящих условиях. «Вопросы и ответы» дают не только анализ современного положения, но и намечают практику партии в теперешней обстановке. Поэтому ни один партиец не сможет обойтись без «Вопросов и ответов».

Г. Марецкий.

В. Чернышев. Б у к в а р ь п о л и т и ч е с к о й э к о н о м и и. Изд. «Прибой». Ленинград. Стр. 80.

Собственно говоря, «букварь» вовсе не букварь. Сам автор определяет его, как «теоретико-экономический словарь... для читателя, приступающего к изучению теории политической экономии»...

Слов нет—идея хорошая. И для начинающего читателя такая книжка, да еще удачно выполненная, явилась бы сущим кладом.

Но одно дело идея, другое—ее выполнение.

Начнем с построения этого «теоретико-экономического словаря». Внешне—как будто бы все и хорошо. В словаре имеется ряд основных терминов политической экономии, расположены они по алфавиту, каждый термин в меру авторского умения об'яснен (к а к об'яснен—это мы увидим дальше), одним словом, если книжка Чернышева и не букварь, то словарь, как словарь. Имеется одно только маленькое «но».

В былое время гимназисты первого класса занимали себя на скучных уроках такой игрой. Передает один (опытный) другому (неопытному) раскрытую книгу, пальцем в страницу ткнет и таинственным шопотом сообщает: смотри. А там написано «смотри стр. 17». Раскроет стр. 17, а там написано «см.—9», и начнет «неопытный» по всем страницам бегать, пока на одной из страниц не найдет вежливую ссылку на обложку, а на обложке красноречивую надпись «дурак». Мы извиняемся перед автором рецензируемой книжки, но должны признать,

что его метод построения словаря сильно напоминает нам шутки матерого (обязательно второкурсника) гимназиста.

Судите сами, читатель.

Представьте себе, что вы захотели узнать, что̀ такое «стоимость». Разворачиваете стр. 67, начинаете читать и узнаете, что в об'яснительном тексте автор предусмотрительно настаивал 22 «смотри» к 22 новым терминам, без которых стоимость, по Чернышеву, очевидно, понять нельзя. Представьте себе, что вы, читатель,—человек терпеливый и твердо решивший добраться до самых «корней». Нашли эти «22». Прочли. А по прочтении увидели, что эти «22» отсылают ещѐ к «79».

Дальнейших изысканий мы не производили, но едва ли можно сомневаться, что эти «79», в свою очередь, отошлют к новым терминам, пока вы не прочитаете весь словарь от начала до конца.

Впрочем, хорошо уже будет, если раздраженный мытарствами по 80 страницам и ничего не понявший читатель по-просту бросит «словарь» в корзину. Значительно хуже, если, набравшись терпения, он словарем пользоваться все-таки будет и об'яснениям Чернышева поверит.

Посмотрим, как об'ясняется «теоретико-экономическим словарем» ряд наиболее важных категорий политической экономии.

Начнем с об'яснения Чернышевым движения заработной платы и предложения рабочей силы. «При повышении заработной платы выше суммы (!) средств существования (выше прожиточного минимума) в течение длительного промежутка времени, рабочее население быстро (!) размножается, предложение труда увеличивается, и под давлением увеличения предложения рабочей силы заработная плата опускается к минимуму средств существования вследствие конкуренции между рабочими».

Если этот «закон» имеет отношение к марксизму, то только, так сказать, «косвенное». Маркс в высокой мере ядовито и зло высмеивал этот вульгарный закон, ставивший «движение капитала в зависимость от абсолютного движения численности населения вместо того, чтобы регулировать спрос и предложение труда расширением и сокращением капитала». «Прежде, чем вследствие повышения заработной платы могло бы наступить какое-нибудь положительное увеличение действительно работоспособного населения, при этих условиях несколько раз успел бы миновать первый срок, в течение которого необходимо провести промышленную кампанию и дать решительную битву» (К. I, стр. 629—630).

Пусть читатель судит, насколько соответствует об'яснение движения рабочей силы и заработной платы Чернышева Марксу!

Непосредственно перед этим следуют об'яснения Чернышева к «железному закону заработной платы». «Железный» закон—поучает Чернышев—теряет свое прежнее значение «особенно при законодательном установлении минимума заработной платы и коллективных договорах». «В Советской России, как государстве, проводящем планозое хозяйствование, «железный закон» теряет свой характер». И заключает: «Этот железный закон заработной платы, как его окрестил (!) Фердинанд Лассаль... характерен для капитализма, но не для планомерно организованного хозяйства», как будто в планомерно организованном хозяйстве вообще будет существовать заработная плата!

В об'яснении д е н е г Чернышев «количество потребных стране денег» выражает следующей формулой: $\frac{СТ}{ОБ}+К-С$, где СТ есть стои-

мость всех обращающихся товаров, ОБ—быстрота обращения денег, К—сумма денег, хранящихся в кассах, и С—суррогаты денег, т.-е. векселя, чеки, расчетные операции, заменяющие деньги». И здесь имеется существенное отличие от марксистского определения количества необходимых для обращения денег, исходящего из следующей формулы:

«При данной быстроте циркуляции средств обращения и платежа» общая сумма денег, находящихся в обращении, «равняется сумме подлежащих реализации товарных цен плюс сумма подлежащих погашению платежей, минус взаимно уравновешивающиеся платежи и, наконец, минус число оборотов, в которых одна и та же монета функционирует попеременно то как средство обращения, то как платежное средство» (К. I, стр. 108).

В высокой мере «своеобразно» об'яснение понятия «капитал». По Чернышеву, «капиталом обычно (!) называют часть имущества (!), отчужденного с целью получения прибыли или (!) предназначенного для !нового производства».

Если в первой части понятие капитала фетишизировано (вместо общественного отношения—имущество!), то вторая часть представляет сущую бессмыслицу. «Капитал—часть имущества (!), предназначенного для нового производства». По этой формуле понятие капитала не только фетишизируется, но и превращается в категорию, свойственную всем временам и народам. Ведь коммунистическое общество также будет вынуждено выделять «часть имущества (какая ясная терминология) для нового производства» (расширенного воспроизводства). И не злая ли в таком случае шутка утверждение, что коммунистическое общество обойдется без капитала? Впрочем, если допустить в коммунистическом обществе заработную плату, то почему не допустить и капитал?

Весьма неудачным надо признать об'яснение земельной ренты. Указав в связи с изложением существа абсолютной земельной ренты, что «чем более органическое строение земледельческого капитала приближается к среднему строению органического капитала в промышленности, тем земельная рента ниже», Чернышев не указывает влияния повышения органического состава капитала на дифференциальную ренту (дифференциальная рента тоже повышается) и тем самым создает общее неверное впечатление, что земельная рента (вообще вне зависимости от ее характера) с ростом органического состава капитала понижается. Анализу дифференциальной ренты Чернышев отводит непропорционально, по сравнению с абсолютной, мало места, хотя именно эта форма ренты характерна для капиталистического производства.

Явно невразумительно об'яснение кризисов.

Вот как об'ясняет их Чернышев (извиняемся за длинную цитату): «Взаимная конкуренция побуждает каждого отдельного капиталиста стремиться к наиболее дешевому производству, что достигается увеличением постоянного капитала. С другой стороны, относительное уменьшение вследствие этого переменного капитала, т.-е. рабочей силы, сужает рынок потребления производимых товаров. В результате (!) товары периодически переполняют рынки, образуется перепроизводство товаров, которые не находят себе сбыта ни по какой цене. Эти периоды и называются кризисами. Они, следовательно, вызываются анархией, т.-е. отсутствием планомерности в производстве и распределении при все сужающемся базисе (основа) потребителей по сравнению с постоянным капиталом».

Здесь Чернышев с головой выдает себя в абсолютном непонимании существа кризисов. Если в первой части (сужение рынка потребления вследствие роста постоянного капитала) Чернышев воссоздает теорию

народников и их теоретического (в этой части) предтечи Сисмонди, то во второй части (суживающийся базис потребителей по сравнению (!) с постоянным капиталом) Чернышев преподносит совершенно очевидную бессмыслицу. Разве рост постоянного капитала не есть рост производительного потребления?

Нам думается, что вместо того, чтобы давать либо неверные, либо совершенно путаные определения, было бы несравненно лучше для дела, если бы Чернышев пользовался готовыми формулами, даваемыми хотя бы самим Марксом или Лениным, или, наконец, блестяще ясными и точными определениями Н. И. Бухарина, в его работе против Р. Люксембург.

К своей работе «К характеристике экономического романтизма» (Сисмонди и отечественные сисмондисты) Ленин, критикуя вредную мелкобуржуазную точку зрения этих экономистов, писал: «Теоретическая политическая экономия, примкнув в своем дальнейшем развитии к классикам, установила с точностью именно то, что хотел отрицать Сисмонди, именно, что развитие капитализма вообще и фермерства в частности, не сокращает, а создает внутренний рынок» (Ленин, т. II, стр. 166). Это, конечно, в корне отлично от того, что говорит Чернышев. Наконец, Маркс дает на этот же вопрос совершенно ясный, не допускающий никаких сомнений, ответ: «Границы потребления раздвигаются (а не сужаются, как это думает Чернышев. *К. Р.*) напряжением самого процесса воспроизводства; с одной стороны, оно увеличивает потребление доходов рабочими и капиталистами, с другой стороны, напряжение процесса воспроизводства тождественно с напряжением производительного потребления» (Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 21). Таким образом, теория, по которой результатом кризиса является увеличение постоянного капитала — теория немарксистская.

Бухарин в своей работе дает классически ясную и сжатую формулировку существа «анархии» капиталистического производства и кризисов. Анархия производства и кризисы результат того, что «нет пропорции между отдельными отраслями производства и, вместе с тем, в том, что нет пропорции между размерами производства и размерами личного потребления».

Не менее «блестяще» определяет Чернышев и понятие империализма. «Империализм есть та стадия развития об'единенного в тресты капитализма, которая заставляет его, ввиду переполнения товарами и капиталами старых стран, усиленно стремиться к расширению и экономическому (!!!) завоеванию колоний!»

Это поистине нечто чудовищное!

Любой слушатель школы политграмоты, мы в этом не сомневаемся, не даст такого пренебрежительно-безграмотного определения империализма, какое дает «преподаватель 1-го МГУ». Неужели Чернышеву неизвестны работы такого «небезызвестного» последователя эпохи империализма, как Ленин? Неужели ему неизвестна такая работа, как «Империализм, как новейший этап капитализма»? Иного мы, к сожалению, предположить не можем, потому что каждый знакомый с этой работой не дал бы такого вопиюще безграмотного определения империализма.

Послушаем Ленина: «Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и за-

кончился раздел всей территории капиталистическими странами». И Ленин дает об'яснение тому, что означает «раздел мира»: «Раздел мира есть переход от колониальной политики, беспрепятственно расширяемой на неиспользованной ни одной капиталистической державой области, к колониальной политике монопольного обладания территорий земли, поделенной до конца» (курсив наш. *К. Р.*). Итак, империализм есть борьба международных трестов за монопольное обладание колониями (уже поделенных) и не экономическая, вернее не столько экономическая, сколько вооруженная борьба за рынки сбыта товаров, рынки сырья, рынки приложения капитала.

И когда Чернышев превращает эту борьбу в борьбу «экономическую», а потом заявляет, что, «с другой стороны, империализм в его наиболее наступательных (!) формах (!) создает трения (!!!) и (ах, это и!) между державами по поводу (!) эксплоатации их колоний, а поэтому всегда грозит военными осложнениями», то приходится только удивляться наивности автора «Букваря».

«Пикантно» об'яснение «теории воздержания». Указав, что эта теория основывает прибыль на воздержании капиталиста от потреблении благ», Чернышев меланхолически замечает: «теория эта, однако (!), ни мало не способствует (!) выяснению источника прохождения этой «награды».

Не правда ли недурно это «однако»!

Нам думается, что этой вульгарнейшей теории, которую только знает политическая экономия, теории, которая была сработана по рецепту и заданиям капиталистов, теории, в которой наиболее отчетливо сказалось прислужничество буржуазных ученых перед своими хозяевами, экономист-марксист мог сказать «несколько» больше и яснее, ибо она «способствует» об'яснению очень многого!

Приведем еще наиболее характерные определения отдельных слов по «теоретико-экономическому словарю» Чернышева:

«Аграрии—класс землевладельцев, заинтересованных в высоких ценах на с.-хоз. продукты и поэтому обычно (!) враждебный промышленной буржуазии».

Ну, а каковы отношения между аграрием, как землевладельцем, и работающим у него батраком? каковы взаимоотношения агрария и землевладельца, арендующего у него землю (за неимением ими, за нехваткой своей собственной)? или для Чернышева это не существенно? Едва ли, однако, «обычные» противоречия между аграриями и промышленной буржуазией более остры и социально более важны, чем не менее «обычные» противоречия между землевладельцами и земледельцами!

И, наконец, весьма интересен здесь же был бы анализ того социального переплета, особенно в наших «необычных» условиях времени, когда «обычно» враждовавшие между собой классы аграриев и капиталистов весьма «обычно» об'единяются против пролетариата, как городского, так и сельского, в целях совместного его удушения? Нам думается, что нашему рабочему читателю было бы особенно интересно получить на эти вопросы ответ.

«Профессиональные союзы—организации рабочего класса,—пишет Чернышев,—для защиты своих экономических интересов».

Не спутал ли Чернышев меньшевистско-тред-юнионистского определения задач профсоюзов с тем, которое давали большевики?

Еще в 1902 году («Что делать?») Ленин писал: «Профессиональные организации не только могут принести громадную пользу в деле развития и упрочения экономической борьбы, но и стать весьма важным пособником политической агитации и революционной организации». Пусть,—говорил Ленин,—в профсоюз входит каждый рабочий, думающий только об экономической борьбе с хозяином, пусть эти организации будут возможно более широкими. Потому что «чем шире эти организации, тем шире будет и наше влияние на них, влияние, оказываемое не только «стихийным» развитием экономической борьбы, но и прямым сознательным воздействием социалистических членов союза на товарищей».

Таким образом, и здесь получается не совсем так, как у Чернышева. Об'единить рабочих на основе экономической борьбы в профсоюзы, подвергнуть их, уже как членов профсоюза, «воздействию» социалистов, или, попросту говоря, развить среди них политическую пропаганду, превратив «стихийную» экономическую борьбу в сознательно революционную, использовав их, наконец, как пособников «политической агитации и революционной организации».

«Независимость» профсоюзов, ограничение их задач задачами экономическими—вот та линия, по которой меньшевики вели борьбу с большевиками. В наших же условиях (СССР), когда профсоюзы являются крупнейшими не только экономическими, но и политическими организациями, сыгравшими решающую роль именно в политической борьбе (гражданская война), осуществляющими ту «школу коммунизма», проходя через которую миллионы рабочих втягиваются в политическую жизнь страны, такое определение звучит, по меньшей мере, не серьезно.

Едва ли нужно увеличивать еще примерами ту кучу несуразностей, которая преподносится в качестве «теоретико-экономического словаря» читателю, «приступающему к изучению теории политической экономии».

Мы вынуждены были так подробно остановиться на этой, по сути дела вредной книженке только потому, что напечатана она в большом тираже с явно подкупающим заголовком и, безусловно, отвечает нужде на подобного рода пособия.

Своей рецензией мы и пытаемся предостеречь читателя от подобного рода «азбуки».

К. Розенталь.

М. Нахимсон (Спектатор). Валютные реформы на Западе. Гиз. 1925 г.

Одним из основных признаков, определяющих современный период «стабилизации» капитализма, является ликвидация «валютного хаоса» послевоенной эпохи. Упрочение валют в ряде стран Западной Европы, являясь показателем укрепления экономии этих стран, в то же время ведет к возможности дальнейшего под'ема народного хозяйства, так как этим создаются об'ективные предпосылки для эмиграции капиталов, оздоровлении промышленности, внешней торговли и восстановлении кредитных связей между отдельными государствами. Все это заставляет нас с сугубым вниманием относиться к проблемам денежного обращения на западе. Изучение этого вопроса дает чрезвычайно много для понимания положения современного мирового хозяйства. В этом отношении, работа т. Нахимсона, впервые пытающаяся дать обзор итогов валютных реформ в Западной Европе, следует всячески приветствовать.

Основной задачей, которую поставил себе автор, сводится к доказательству того положения, что говорить об окончательной стабилизации валют еще слишком рано. Проведенные в ряде статей реформы

еще далеко не закончены и наибольшие трудности удержания устойчивой валюты еще впереди.

Насколько автор справится со своей задачей, мы покажем в дальнейшем; следует, однако, оговорить, что уже предисловие к книге не очень располагает к тому, чтобы считать авторитетными выводы автора.

Тов. Нахимсон пишет:

«Многим кажется, что Европа стоит накануне введения золотого обращения, и не сегодня—завтра Англия перейдет к свободному обмену на золото, и вместе с Англией установят у себя свободное золотое обращение и остальные страны. Однако это не больше, как иллюзия...» (стр. 4).

По отношению к Англии эта «иллюзия» превратилась в реальный акт...

Приходится опасаться, что и другие выводы автора не оправдаются. Будем, однако, надеяться, что действительность окажется более милостивой к нашему автору, и обратимся к содержанию книги.

Вполне правильно автор посвящает первые две главы общему анализу денежного обращения и новейшим теориям денежного обращения.

В первой главе много новых интересных данных о стоимости войны, финансировании ее, о золотых запасах отдельных стран, денежном обращении до и после войны и т. д.

Говоря о регулировании валютных курсов воюющими государствами во время войны, автор, однако, допускает грубую ошибку, когда пишет: «Гораздо более существенное влияние на курс денег должно было оказать стремление к регулированию внешней торговли, и в этом отношении снова приходится констатировать, что Англия, страна свободной торговли, раньше других взялась за регулирование внешней торговли. Уже в начале 1916 г. она запретила ввоз автомобилей, музыкальных инструментов, крепких напитков и т. д., а к концу 1916 г.—ряда других предметов роскоши. То же самое сделала и Италия в 1917 г., между тем, как Россия только 14 февраля 1917 г. запретила ввоз предметов роскоши. Германия и Австро-Венгрия, не издав таких указов относительно торговли, пытались, однако, урегулировать внешнюю торговлю путем концентрации иностранной валюты» (стр. 18).

Между тем, как известно, Германия первая вступила на путь строжайшего регулирования внешней торговли. Уже в 1915 г. были изданы первые законы, затрудняющие ввоз ряда товаров, в 1916 г. запрещается ввоз предметов роскоши, и 16 января 1917 г. был издан закон о всеобщем запрещении ввоза товаров в Германию (цит. Grünfeld.— Die deutsche Aussenhandelskontrolle. Leipzig, 1922 г., стр. 13).

Теоретическая часть работы не дает ничего нового. Чрезвычайно ярко у автора подчеркнута социальная сущность господствующей теперь на Западе теории «номиналистов». В эпоху империализма, когда борьба из-за колоний ведется капиталом с помощью государственной власти, когда твердая и сильная власть нужна для борьбы против растущего рабочего движения, не могла не родиться теория, которая приписывает государственной власти и способность создания денег» (стр. 32).

В остальном критика номиналистов, количественной теории, Касселя и Кейне, не выходит из рамок общеизвестной марксистской критики.

Вообще теоретический анализ не относится в этой работе к сильным сторонам автора. Говоря о проектах валютных реформ в Германии, автор стремится доказать, что при параллельном бумажном обращении не происходит вытеснения неустойчивой валюты более устойчивой. Правда, критикуя проект реформы Марты Браун в Германии, которая пишет: «Обращение двух валют ведет к вытеснению худшей валюты лучшей», тов. Нахимсон подчеркивает: «до известной степени, это верно, но все же в России, напр., совзнак не вытеснил червонца из обращения, так как последний имел свой определенный круг хождения» (стр. 4).

Последнее замечание автора вообще основано на недоразумении: речь идет не о вытеснении лучшей валюты, каким был червонец, худшей, а наоборот. И это вытеснение действительно происходило у нас в течение всего 1923 г. Особенно великолепно следующее «доказательство автора»: «Если сопоставить движение курса совзнака и германской марки за 1923 г., то ясно станет, что говорить о том, будто обращение двух нот ускоряет падение курса бумажной ноты, нельзя, ибо в Германии не существовало двух нот, и, наоборот, бумажная марка была признана единственным легальным средством платежа и обращения, а все-таки темп ее падения был гораздо более быстр, чем темп обесценения совзнака» (стр. 45).

Такое доказательство совершенно никуда не годится: что выпуск червонца способствовал ускорению падения совзнака, это общеизвестно, а катастрофическое падение марки в Германии было вызвано общими условиями развития германского хозяйства в 1923 г. и которое было совершенно отлично от экономики нашего Союза.

Кроме того, автор глубоко ошибается, когда считает, что в Германии не было параллельного обращения. Известно, что летом и осенью 1923 г. в обороте начинают циркулировать в довольно больших размерах иностранная валюта, облигации золотого займа, а также деньги местных республик, отдельных областей и городов, которые отчасти выпускаются и в твердой валюте. Это безусловно имело значение для ускорения падения курса бумажной марки. Вполне правильно тов. Трахтенберг в выпущенном на-днях новейшем издании своей книги «Бумажные деньги», анализируя денежное обращение в Германии осенью 1923 г., пишет относительно роли, обращающей твердой валюты. «Таким образом сфера обращения банкнот Рейхсбанка все более и более суживалась и это не могло оставаться без влияния на темп падения ее ценности» (стр. 322 ук. соч.).

Но оставим теории в покое и перейдем к конкретным материалам. Автор последовательно останавливается на денежной реформе в Чехо-Словакии, Австрии, Германии, Прибалтийских государствах, Польше и Венгрии. Он дает интересную картину роли Лиги Наций в «оздоровлении» народного хозяйства в Австрии, Венгрии и Польше, оздоровлении, сводящем к активческому закабалению этих государств Антантой.

Товарищ Нахимсон не ограничивается только описанием проведения денежной реформы, а затрогивает и положение внешней торговли каждой страны, платежного баланса, сельского хозяйства и промышленности и т. д. Такая трактовка вопроса значительно облегчает понимание всех особенностей реформы и оживляет работу. Обилие цифрового материала, которому, однако, не всегда дается достаточно глубокий анализ, придает работе местами характер простого справочника. Ясной картины реформы, особенно в отношении Чехо-Словакии, Австрии и Венгрии, нет, выводы разбросаны, часто противоречат друг другу и не всегда убедительны.

Несколько примеров:

На стр. 65 автор, подводя итоги реформы Чехо-Словакии, пишет: «В самое последнее время (книга написана в течение 1924 г. *М. И.*) положение денежного рынка несколько улучшилось»... А двадцатью пятью строками ниже на той же странице буквально написано следующее: «В 1924 году положение ухудшается». Остается непонятным, ухудши-

лось или улучшилось в 1924 году финансовое положение в Чехо-Словакии. Говоря о положении финансов Австрии, автор указывает, что на 1925 г. бюджет составлен с дефицитом 0,3 милл. золотых крон. За первые семь месяцев 1924 года дефицит получился $4^1/_2$ милл. золотых крон, а предполагаемый дефицит на следующие пять месяцев 1924 года исчисляется в $16^1/_2$ милл. крон. Следовательно, в 1924 году дефицит государственного бюджета составил 21 милл. золотых крон, а в 1925 году предполагается, что дефицит будет равен 40,3 милл. крон. Из этого каждому должно быть ясно, что финансовое положение Австрии сильно ухудшилось. Автор, однако, после всего вышесказанного, неожиданно заявляет: «Финансовое положение Австрии укрепилось». Хорошее укрепление! Выводит он это, однако, из того, что она значительно повысила налоговое обложение. Чистый расход без переходящих статей составляет 494,8 милл. золотых крон, что означает на голову населения ($6^1/_2$ милл.) 76 крон, между тем, до войны обложение в Германии составляло всего 31 марку» (стр. 80).

В этом отрывке целый ряд неточностей: о каком расходе идет речь, и если это бюджетный расход, то это совершенно не значит, что он весь покрывается налогами с населения, поэтому сравнение с Германией совершенно неприменимо. К сведению автора можно сообщить, что, по новейшим данным (ст. тов. Менкеса, «Экономические проблемы в Австрии» в «Социал. хозяйстве», книга 2) налоговое обложение составляло в 1924 году на душу населения в Австрии 37,7 зол. крон (15,8 крон прямых налогов и 21,9 крон косвенных), таким образом это обложение почти равно обложению в Германии, если, конечно, цифра 31 марка у автора названа правильно (у Конрада, «Финансовая наука», немецк., изд. 1923 г., для 1913 г. названа цифра 49 марок, стр. 384). Вообще работа производит впечатление как будто богато собранный материал был обработан наспех. Только этим можно об'яснить целый ряд ляпсусов. Так, у автора всюду фигурируют деньги, как мера стоимости. Между тем, у Маркса, как известно, речь идет о мериле ценности. Перлом путаницы является и следующий отрывок, касающийся внешней торговли Венгрии. Превышение вывоза над ввозом хлебов, которое до войны было довольно значительно, за время и после войны совершенно сошло на-нет. В 1923 г. вывоз снова поднялся по сравнению с ввозом. В связи с этим и торговый баланс Венгрии сильно ухудшился. Ввоз превышает вывоз весьма значительно. Почему в связи с повышением вывоза по сравнению с ввозом торговый баланс ухудшился, совершенно непонятно и противоречит даже начаткам политической экономии. Если от текста обратиться к приведенной затем автором таблице, то можно усмотреть, что, начиная с 1920 г., ввоз все время выше вывоза, в 1923 году вывоз относительно возрос, но все же баланс был пассивен. В 1924 году снова наступило ухудшение. Таким образом только внимательно изучая таблицу и не читая вышеуказанный текст, можно получить правильное представление о внешней торговле Венгрии. Но ведь вообще текст создан для того, чтобы раз'яснять таблицы, а не их запутывать. Еще последнее замечание. В самом конце книги мы встречаем фразу: «что касается Франции и Германии, то здесь снова выдвигался вопрос о междусоюзнических долгах, который является решающим и для валютной проблемы» (стр. 55).

Спрашивается: какое значение имеет разрешение проблемы междусоюзнических долгов для валюты Германии, и не должно ли было бы в тексте вместо Германии стоять Англия? Мы не имеем возможности останавливаться на других небрежных фразах, вроде таких: «Разразившаяся мировая война сразу оборвала взаимные отношения между

всеми странами Европы...» (стр. 2) или «что добыча золота составляла за года 1909—10—13—14—222 миллиона унций чистого серебра» (примечание к стр. 25)... Но как же дело обстоит с основными выводами автора?

Автор почти каждый отдел кончает фразой, проникнутой скептицизмом к только что описанной им денежной реформе. Так о Венгрии он пишет: «По соглашению с английским банком, последний поддерживает курс крон на уровне английского фунта. Надолго ли?» (стр. 148). О Польше, говоря, что об'екты привлечения иностранного капитала, без которого невозможна дальнейшая стабилизация польской валюты, все уже разобраны, автор восклицает: «чем Польша будет в дальнейшем поддерживать свою валюту» (стр. 42), и, наконец, в заключении он утверждает:

«Словом, до действительной стабилизации валют на Западе еще далеко!» (155 стр.). Мы совершенно согласны с этим выводом автора, мы также считаем, что проблема стабилизации валют в мировом масштабе еще не решена.

Но автор слишком упрощенно подходит к разрешению этой проблемы: нельзя судить о перспективах развития денежного обращения по отдельным признакам, вроде ухудшения или улучшения торгового или платежного баланса, увеличения или уменьшения бюджетного дефицита или количества обращающихся бумажных денег или, наконец, роста или падения товарных цен. Судьба валют тесно связана с развитием народного хозяйства в целом. Только на основе всестороннего и глубокого анализа экономики страны может быть дан прогноз, и то приблизительный, судьбы ее валюты. Этого анализа автор почти не дал и вот почему, не все его выводы убедительны и часто должны приниматься просто на веру. Все же благодаря чрезвычайно добросовестному и богато собранному материалу книга принесет пользу желающему ознакомиться с новейшими факторами денежного обращения на Западе. Тем более, что идеологически работа вполне выдержана.

М. Иоэльсон.

Роберт Лифман. Картели и тресты. «Проблемы мирового хозяйства», под ред. проф. Фалькнера. Изд. «Эконом. Жизнь». Москва. 1925 г.

Книга Роберта Лифмана считается в иностранной экономической литературе одной из лучших работ, посвященных вопросу о формах концентрации промышленности. Центр тяжести ее лежит в описательном материале. Как теоретическое пособие для изучения проблемы трестирования и синдицирования она русскому читателю не принесет пользы. Зато книга содержит богатейший фактический материал, сравнительно исчерпывающую, главным образом, для германских условий, классификацию крупно-капиталистических об'единений, анализ действующих правовых норм по этому вопросу и т. д. Однако и в этом отношении работа имеет ряд существенных пробелов.

Книга вышла первыми изданиями задолго до войны, затем одно издание появилось во время войны, и, наконец, последние два издания были выпущены в 1922 и конце 1923 г. в моменты глубочайшего развала народного хозяйства Германии и наивысшего обострения классовых противоречий. При каждом новом издании, автор пересматривал свою работу, добавляя ее наиболее характерными чертами эпохи. В то же время автор не совсем заботился о том, чтобы создать известную цельность содержания, сохраняя отдельные выводы, не имеющие в

настоящее время уже никакого значения. Вследствие этого работа носит отпечаток трех периодов—резко отличающихся друг от друга. Вот почему встречается, например, такая фраза: «несомненно, то, что сравнительный застой во французской промышленности облегчает монополистические об'единения» (стр. 127). Это было написано давным давно, когда действительно французская промышленность была одной из самых отсталых в Западной Европе. Для настоящего времени эта характеристика французской промышленности совершенно не подходит и, конечно, должна была бы быть выброшена.

От «военного периода» у автора остались глубокие антипатии к странам, воевавшим против Германии. В то время, как автор, говоря о Германии, повсюду, как мы увидим, старается смягчить отрицательные стороны деятельности капиталистических об'единений, он не жалеет мрачных красок для описания американских и английских трестов. Здесь он даже готов сослаться на ненавистных ему социалистов. И так же, как во время войны буржуазия всех воюющих стран ругала своих социалистов—противников войны, но превозносила социалистов - антимилитаристов враждебных ей государств, так же по Лифману социалисты оказываются правы, но только—в Соединенных Штатах. Так он пишет: «социалисты правы, когда они говорят, что Америка вступила в мировую войну, прежде всего, из-за этих капиталистических тенденций» (стр. 154). И далее, описывая борьбу нефтяных трестов, он указывает: «во всяком случае необходимо признать, насколько тесно связаны в этих вопросах (борьба за нефть. *М. И.*) империализм и капитализм и, конечно, социализм в этом отношении прав, когда он борется с ним, как с главным основанием мировых войн» (стр. 210). Он подвергает даже сомнению американскую «демократию» и считает, что в Америке все можно купить за деньги. Совсем другие нотки слышатся у автора, когда он переходит к Германии.

Автор проникнут совершенно невиданной озлобленностью против рабочего класса, он считает, что рабочие организации в результате революции чрезвычайно усилились, и все их старания направлены к тому, чтобы добиться неслыханно высокой заработной платы, совершенно не заботясь об интересах нации в целом. В своих рассуждениях автор доходит до того, что стремится доказать, что в 1922 и 1923 г.г. доля заработной платы, в готовом продукте, была выше, чем до войны. И, не жалея слов для обсуждения непатриотического, эгоистического движения германских рабочих, он не забывает, однако, отпускать комплименты по адресу «разумных» вождей социал-демократии. Насмешкой звучит после всего того, что было написано о роли Стиннеса и других магнатов германской индустрии, в хозяйственной и политической жизни страны, следующее утверждение автора: «несомненно, сильная «демократизация» Германии за время войны, усиление влияния левых партий, включая и социал-демократию, все это оказывает противодействие эксплоатации германского народного хозяйства со стороны капиталистических монопольных образований» (стр. 197). Но оставим эти глубокомысленные рассуждения, они у нас никого не убедят. Отражение германской действительности эпохи инфляции нашло себе место также и в анализе влияния картелей на потребителей. Автор пишет: «фабриканты уже не ищут больше потребителей, но, наоборот, потребители вырывают друг у друга выброшенный на рынок товар» (стр. 91). Это, конечно, правильно для положения в 1922—23 г. в Германии, но на этом нельзя строить характеристику деятельности картелей в остальных странах, а также в настоящее время в Германии, где свирепствует жестокий кризис сбыта.

Вообще автор имеет почти исключительно, при анализе крупных капиталистических об'единений, в виду Германию. На остальных странах он останавливается только мельком. Этим и об'ясняется, что большую часть своей книги Р. Лифман посвящает картелям, форме об'единений, не получившей широкого развития вне Германии.

Переходя теперь к теоретическим положениям автора, нужно отметить, что они сводятся к тому выводу, что современный процесс концентрации ведет к сосредоточению в руках небольшой группы населения всех богатств страны, что грозит обострением классовых противоречий и вследствие этого может иметь катастрофические последствия для всего народного хозяйства.

Доктрину социализма автор отвергает. Он считает, что социализм, уничтожив возможность индивидуального стремления к прибыли и заменив его «распределительным принципом», вместе с этим уничтожит основной движущий фактор хозяйственного развития. В предисловии к русскому переводу дана правильная критика этого положения. Р. Лифман выдвигает свой проект реорганизации капитализма. В качестве мероприятий для борьбы с нежелательными последствиями современного процесса концентрации, автор предлагает ввести более строгую налоговую политику в целях справедливого распределения народного дохода; должно быть введено строгое наблюдение над деятельностью монополистических об'единений, и, наконец, как излюбленный вообще проект буржуазных реформаторов, у автора фигурирует необходимость широкого распространения акций среди рабочих.

Этими немногими мероприятиями автор думает спасти мир от классовых противоречий? Утопичность возможности проведения всех этих реформ в рамках капиталистического государства вряд ли требует доказательств.

Но характерно: автор сам не замечает, что в тексте он неоднократно констатирует безуспешность всяких попыток законодательными мерами остановить концентрацию капитала. Так, например, говоря о новейшем законодательстве Норвегии, он замечает: «Очень многое без сомнения останется на бумаге, как это было с американскими законами о трестах. Столь далеко идущий, почти всеоб'емлющий контроль над промышленностью возможен к тому же лишь в небольших странах. В Германии он был бы неосуществим. Здесь следует также обратить внимание на то, что и радикальные норвежские постановления ничего не достигают в смысле борьбы с финансовыми злоупотреблениями крупных предприятий» (стр. 231).

Таким образом законодательство против трестов и картелей бессильно в крупных капиталистических государствах и в частности ничего не может сделать в отношении финансовых об'единений (наиболее распространенных в настоящее время).

Предлагая распространение акций среди рабочих, автор, однако, пока не совсем в восторге от результатов этих мероприятий. Известно, что наибольшего распространения распределение акций имеет место у американского Стального треста. Описывая деятельность этого треста, Лифман замечает: «Для улучшения положения рабочих трест сделал очень мало. Правда, он хотел заинтересовать рабочих в предприятии предоставлением им акций, но заботы его о рабочих, как и в большинстве крупных предприятий Америки, ничтожны» (стр. 142). И далее выясняется, что большинству рабочих приходится работать 12 часов в день, при чем 7 дней в неделю. И после всего этого автор имеет смелость утверждать, что «частная заинтересованность в прибыли одушевляет также и рабочих» (стр. 260).

Наконец, автор несколько раз в тексте подчеркивает, что крупные капиталистические об'единения перекладывают налоги на мелкого торговца и на потребителя. Одним словом, три кита, на которых должна быть построена предлагаемая автором реформа, разбиваются им самим.

«Теоретические» претензии автора не умаляют, однако, основную ценность книги для русского читателя: познакомить его с сложной структурой организационных форм современного капитализма.

Русскому переводу все же нужно было бы предпослать более обстоятельную критическую статью. Предисловие проф. Фалькнера, хотя и дает критику некоторых положений Р. Лифмана, но не вскрывает классовой сущности его философии. Ведь Лифман является типичнейшим представителем буржуазной экономической мысли современной Германии, безоговорочным апологетом капиталистического строя. И если он позволяет себе легкую критику существующих условий, заигрывает с идеями социализма, допуская, что «основная идея социализма—уничтожение нетрудовых доходов—является вполне справедливой», то это обстоятельство об'ясняется только тем, что в 1920—1923 г.г., когда работа подвергалась коренной переделке, Германия быстро катилась к социалистической революции, буржуазия совершенно не была уверена в завтрашнем дне.

Характерно: в книге все время слышатся пессимистические нотки, и в заключение Р. Лифман пишет: «может быть, и необходимо, чтобы германский народ вступил на этот тернистый путь (социалистической революции. *М. И.*) для искупления всего человечества» (?) (стр. 261). Своей пропагандой «социальных реформ» Р. Лифман надеется отвлечь внимание всех недовольных от «вредных и пагубных» идей о возможности «притти к новому хозяйственному строю с помощью политической власти, а не путем... внутреннего духовного преобразования» (?!) (стр. 261).

Весь «прогрессивизм» и «об'ективизм» автора—это лишь тактический прием защиты капитализма более умным буржуазным ученым.

Только так мы должны подходить к теоретической стороне рецензируемой работы.

М. И.

Редакция: В. Астров, Н. Бухарин, Л. Каменев, А. Слепков, Е. Ярославский.

СОДЕРЖАНИЕ.

БОЛЬШЕВИК

№ 15 № 15

15 АВГУСТА

1925

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА"

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 15 АВГУСТА 15

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1 9 2 5
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 42671. Москва. Тираж 40.000.
Тип. Изд-ва „Правда“ и „Беднота“, Яузский мост, Серебрян. наб., д. № 23а.

Новый поход против СССР.

Многое говорит за то, что «передышка», которую Советские республики получили с конца 1920 года, когда был разбит последний ставленник контр-революции—ген. Врангель и была закончена русско-польская война, что эта «передышка» близка к концу и что рабочему классу Советского Союза предстоит новый период тяжелых испытаний. В центре международных событий стоит снова вопрос о создании единого фронта капиталистических стран и об организации нового похода против СССР. Этот вопрос обсуждается теперь на страницах капиталистической прессы, в парламентах и на секретных заседаниях правительственных кабинетов. Он является также предметом дипломатических переговоров. При помощи лжи и клеветы, страшных сказок о «большевистских агентах», рыскающих с бомбами и ядом в руках по всему свету, путем фабрикации и использования фальшивых документов, ведется соответствующая подготовка общественного мнения, и создается почва для враждебных выступлений против Советских Республик. Инициатива в этом деле принадлежит консервативному правительству «его величества короля» Англии.

Что же заставляет капиталистические страны от политики деловых соглашений с Советским Союзом переходить теперь к политике открытого наступления на него?

Два обстоятельства имеют, повидимому, решающее значение: это—внутренняя «стабилизация» СССР и рост его влияния на рабочий класс Запада и на колониальные народы.

Надежды буржуазии на то, что русский рабочий класс не справится с задачами хозяйственного восстановления страны, и что мирные условия разложат большевизм,—эти надежды потерпели жестокое крушение. Пятилетняя «передышка» была использована русскими рабочими превосходно: продукция промышленности и сельского хозяйства приближается к до-военному уровню, налажен железно-дорожный транспорт, достигнуто равновесие бюджета и осуществлена денежная реформа. Прекрасный урожай этого года, который в наиболее хлебородных областях, как, например, на Украине, превосходит средний урожай до-военных лет, дает уверенность, что в предстоящем 1925/26 хозяйственном году и в области промышленности, и в области сельского хозяйства будет достигнут до-военный уровень. Приэтом рост хозяйства

сопровождается усилением удельного веса социалистических элементов. Таким образом, русские рабочие доказали практически, что они не только в силах отстоять свою власть от покушений контр-революции, но что они способны поднять свою страну из бездны нищеты и разорения и вести ее к социализму. Все это не может не оказывать глубокого впечатления на пролетариат Западной Европы, свидетельством чему является отчет делегации английских трэд-юнионов и заявления франко-бельгийской, германской и шведской рабочих делегаций. Самым фактом своего существования, укреплением своего хозяйства и под'емом благосостояния населения, СССР, чем дальше, тем больше, «агитирует» за социализм и революцию, будит волю к борьбе в сердцах рабочих. Именно поэтому ненависть к Советскому Союзу начинает побеждать в головах капиталистов соображения о выгодах деловых сделок с ним; именно поэтому они начинают пускать в ход такие средства, которые—как, например, закрытие кредитов нашим хозяйственным органам—могут нанести удар восстанавливающемуся хозяйству СССР.

Вместе с тем по мере укрепления СССР растет и его влияние на колониальные народы, прежде всего на смежные с ним народы Азии. Для колониальных народов Советский Союз является живым доказательством того, что сила империализма не беспредельна, и что угнетенный народ может сбросить железное ярмо империалистического рабства. С другой стороны, национальная политика СССР, являющаяся таким ярким контрастом насилию империалистических стран, пробуждает чувства симпатии и дружбы угнетенных народов к первой пролетарской республике. И здесь самым фактом своего существования СССР воодушевляет и укрепляет колониальные народы в их борьбе с империализмом. Все эти моменты находят свое выражение в широко развертывающемся освободительном движении в Китае. Китайский народ, в течение десятилетий подвергавшийся самой беспощадной империалистической эксплуатации, пришел в движение и начинает борьбу за свое освобождение. Китайцев воодушевляет «русский пример», и они стремятся в своей борьбе против империализма использовать «русский опыт»; они, борясь против своих поработителей, считают в то же время СССР своим другом и союзником.

Но это движение в одной из величайших колоний, в которой заинтересованы все великие державы, колеблет самые устои империализма и, прежде всего, расшатывает фундамент Британской империи. Азиатские колонии являются основой колониального могущества Англии, а китайское движение грозит не только ее интересам в Китае, но и в Индии, Афганистане, Персии, так как китайские события—особенно в случае успеха—могут найти громкий резонанс и в этих колониях Англии. Именно поэтому

Англия выступает с самыми решительными мерами против освободительного движения в Китае. Именно поэтому она выступает одновременно и против Советского Союза, самый факт существования которого «возбуждает» колониальные народы к борьбе. Английский империализм не может «вынести» больше существования первой рабочей республики. Дело, конечно, не в «советских агентах»! Но разве может Англия, угнетающая Индию, Египет, Китай и десятки народов и племен Азии и Африки, разве может она терпеть существование рядом рабочего государства, основанного на добровольном союзе и равноправии национальностей? Из китайских событий, из освободительного движения угнетенного китайского народа, встречающего полное сочувствие со стороны рабочих всех стран и даже со стороны честных представителей буржуазии,—английский империализм извлек единственный урок: для того, чтобы спокойно эксплуатировать китайцев и предохранить их от дурного «русского примера»—необходимо покончить с СССР и посадить на цепь русских рабочих.

Факт существования Советского Союза подрывает могущество империализма; поэтому, империализм ставит снова в порядок дня вопрос об «устранении» этого факта.

* * *

О том, что отношения между Англией и СССР вступают в решительную фазу,—об этом твердит вся капиталистическая пресса. «Temps» от 13/VII—1925 г. прямо пишет, что «консерваторы толкают к разрыву (с Советским Союзом), и выступления лорда Биркенхеда показывают тот пыл, с которым они проводят эту политику». Действительно, заявления Биркенхеда, Хогга и Чемберлена об отношениях с Советским Союзом носили такой угрожающий характер, что Чичерин имел полное основание указать, что следующим шагом может явиться только об'явление войны.

Если до сих пор, однако, английские консерваторы не решились итти на открытый разрыв, то это об'ясняется весьма «уважительными» причинами. Прежде всего растущая хозяйственная депрессия в Англии заставляет английских предпринимателей держаться за связи с Советским Союзом, который размещает большие заказы в английской промышленности. Сюда присоединяется давление английского рабочего класса, который живо сочувствует СССР и ждет от укрепления хозяйственных связей с последним сокращения безработицы. Для того, чтобы вовлечь Англию в безумную авантюру против Советского Союза, Чемберлен должен при этих условиях «изобрести или сфабриковать» какой-либо экстраординарный повод, который бы подействовал соответственным образом на английское общественное мне-

ние. Повидимому, такого повода у Чемберлена еще нет. И, наконец, «lait but not least», тут имеется еще то обстоятельство, что поддержка в этом шаге со стороны других капиталистических стран, оказывается, еще недостаточно обеспечена. Именно эти обстоятельства об'ясняют, почему английское правительство не решилось произвести разрыва отношений в начале июля, когда он ожидался всеми. «Дэйли Геральд» от 10/VII вскрывает всю эту механику: «Выяснившийся ранее план относительно посылки коллективной ноты с требованием удаления из Москвы Коминтерна сорвался на отказе Италии участвовать в этом выступлении. Кроме того, Германия не желает примкнуть к выступлению против СССР, пока переговоры о гарантийном договоре не приведут к благоприятным для нее результатам. Чемберлен обратился на последней неделе (в начале июля) в Париж, но Бриан и другие члены французского правительства несочувственно отнеслись к перспективам новых дипломатических авантюр в Европе и на Дальнем Востоке в то время, как затруднения Франции в Марокко не устранены... «Это положение вещей, к которому еще присоединилось энергичное заявление Генсовета трэд-юнионов, недвусмысленно высказавшего свое враждебное отношение к разрыву сношений с СССР, заставило правительство временно отказаться от своего плана...» «Правительство видит, что оно не может действовать изолированно, но оно удвоит свои усилия, чтобы добиться сотрудничества других держав». Таким образом, нападение на СССР отложено из-за неподготовленности, но не отменено. Так коротко можно охарактеризовать положение.

* * *

Последняя фраза «Дэйли Геральд» о том, что консервативное правительство «удвоит свои усилия» для создания анти-большевистского блока, отнюдь не является пустым звуком. Целый ряд фактов и открытое обсуждение этого вопроса капиталистической прессой всех стран свидетельствуют, что английское правительство, действительно, систематически работает в этом направлении.

Что касается Франции, то, по достоверным сведениям, консервативное правительство обращалось к французскому со вполне определенными предложениями, а именно—принять участие в совместном выступлении против Советского Союза, при чем первым этапом этого выступления должен явиться разрыв дипломатических отношений с СССР и организация экономической блокады его, поддерживаемой окраинными государствами и операциями английского флота в Балтийском и Черном морях.

В качестве компенсации за участие в этом выступлении Франции обещается благоприятное для нее разрешение вопроса о долгах и поддержке в марокканском вопросе. Как сообщает корреспондент «Vossische Zeitung» от 8/VII (вечерний выпуск»), «выступления Пенлеве и Бриана (в сенате от 2/VII) в здешних (Парижских. Ред.) кругах рассматриваются весьма многими как доказательство того, что парижское правительство симпатизирует лондонскому плану создания единого фронта против Москвы».

Если, однако, французское правительство не решается выступать открыто в этом вопросе, то это об'ясняется отнюдь не недостатком «пыла» у Пенлеве, а лишь тем, что оно уже имеет на своих плечах марокканскую авантюру и боится увеличивать свои затруднения, которых у него достаточно, открытой борьбой с СССР.

Несмотря на это, французское правительство не отказалось от мысли участвовать в выступлении против СССР при условии соответствующей компенсации. Торг по этому поводу продолжается. Как сообщает «Дейли Геральд» от 7/VIII, вопрос о совместном выступлении против СССР будет обсуждаться на предстоящем в августе свидании Бриана с Чемберленом: «Для того, чтобы добиться согласия британского правительства на сохранение за Францией свободы выполнения своих открыто признанных и тайных обязательств по отношению к Польше, Франция готова оказать полную поддержку политике Чемберлена по отношению к СССР, причем Бриан даже готов использовать свое влияние в Варшаве, чтобы уговорить поляков вступить в антисоветский блок». Можно предполагать, что Бриану не придется тратить особенно много усилий для того, чтобы выполнить последнюю задачу.

Капиталистическая пресса раскрывает теперь точно так же совершенно цинично тот смысл, какой имеет торговля, идущая между Германией и союзниками по поводу гарантийного договора. Об этом говорится достаточно ясно и в опубликованном германской правой газетой «Дейтшер Шпигель» от 5/VIII меморандуме Чемберлена французскому правительству от 2/III 1925 г. Касаясь в этом меморандуме предложений Германии о гарантийном пакте, Чемберлен обращает внимание французского правительства на следующее: «Хотя политика советского правительства в настоящее время прежде всего направлена в сторону восточных и азиатских народов и хотя агрессивное движение против Восточной Европы, вследствие провала коммунистических идей в Германии, приостановилось, тем не менее представляется несомненным, что потерпевшие в мировой войне поражение народы Центральной Европы психологически готовятся к военному союзу с СССР, при

чем возможность германско-советского союза растет параллельно со стабилизацией внутреннего положения СССР. Вслед за опасностями коммунизма и интернационализма возникает реальная опасность Союза, о котором мечтают германские и русские националисты. С подписанием гарантийного договора Германия, связанная с державами этим договором, не может уже быть военным союзником советского союза, равно как и «будущей России». Далее Чемберлен указывает, что участие Германии в гарантийном пакте является лучшим средством для вовлечения Германии в Лигу Наций; «однако, это возможно только путем непосредственных франко-германских переговоров».

И здесь смысл переговоров заключается в том, чтобы втянуть Германию в анти-советский блок и обеспечить ее безоговорочную поддержку в случае открытия враждебных действий против СССР. Зная это, германское правительство стремится лишь не прогадать и продать свое вступление в Лигу Наций и подпись под гарантийным договором, что будет означать несомненное участие во враждебном против СССР союзе,—как можно дороже. Об этом открыто болтает стиннессовская «Deutsche Allgemeine Zeitung», точно так же, как социал-барматовский «Vorwärts».

Однако, наиболее показательны усилия Англии к созданию анти-большевистского блока в окраинных с СССР государствах. Здесь-же можно лучше всего видеть, как далеко идет английская политика в своем наступлении против СССР, и какими последствиями она грозит. О том, что Англия, опираясь на финансовую зависимость от нее этих государств, каждое из которых (Латвия, Польша, Финляндия, Эстония, Литва) должно английским банкам десятки миллионов фунтов стерлингов, стремится их превратить в орудие против СССР—теперь ни у кого нет сомнений. «Vossische Zeitung» от 10/VII указывает, что Англия стремится теперь провести свой план «опоясать Москву кольцом от Балтийского моря до Черного и дальше». «Окраинные государства были запрошены из Лондона, готовы ли они принять участие в широкозадуманном выступлении, направленном не против русского правительства, а против III Интернационала».

Можно не сомневаться, что фраза «не против русского правительства, а против III Интернационала» является просто словесным прикрытием, и что в действительности речь идет именно о выступлении против Советского Союза. Показательна теперь поездка министров инодел Эстонии и Латвии в Лондон, где, по достоверным сведениям, ими обсуждались с «Foreign Office» вопросы организации совместных действий против СССР.

Однако, Англия отнюдь не рассматривает окраинные государства лишь как орудие для политических выступлений. Они являются для нее прежде всего плацдармом для организации военных действий против Советского Союза. И на военную подготовку окраинных государств Англия уделяет чрезвычайно много внимания. Ее целью является здесь организация вооруженных сил окраинных государств, их перевооружение, организация стратегической подготовки войны на основе единого военного плана, рассчитанного на совместные военные действия этих государств против Советского Союза. В армиях прибалтийских стран вводится единое английское оружие, вводится организация и тактика английской армии. Английские инструктора и представители английского генерального штаба ведут соответствующую работу в этих армиях. Еще в конце прошлого года в Финляндии в течение нескольких месяцев работала комиссия генерала Корка над организацией финляндской армии и согласованием ее планов с планами соседних государств. Консерваторы—деловые люди; они не ограничиваются парламентскими декларациями, а вооружают и организуют армии для похода на Советский Союз.

Всю сущность намерений консерваторов подчеркивает передача Эстонией Англии островов Даго и Эзеля. Стратегическое положение этих островов таково, что оно дает возможность базирующемуся на них флоту командовать над выходом из Финского залива и над всем Балтийским морем. Англия стремится их получить затем, чтобы устроить на них базу для своего военного флота и получить в свои руки стратегический ключ в Балтийском море. Переговоры об уступке этих островов продолжались несколько месяцев и, по слухам, закончились теперь согласием Эстонии на английские предложения. Таким образом, Англия получает возможность приставить заряженный пистолет к самой груди Советского Союза.

Подобная же работа ведется и в Польше, которая должна явиться главным плацдармом для развертывания враждебных нам армий, и в Румынии. За последний год участились посещения также и этих стран представителями английской военной клики. Румынии предоставляются кредиты на вооружение; английская фирма Виккерс строит там оружейные заводы; английская военная миссия прилагает все усилия, чтобы в годичный срок привести румынскую армию в состояние боевой готовности для войны с СССР. Перед Польшей же снова выставляется приманка «исправления границ» за счет Советского Союза, т.-е. осуществления тех мечтаний великодержавного польского империализма о Великой Польше «от моря до моря», которые опрокинула в 1922 г. своим наступлением на Варшаву Красная Армия. Нужно ли говорить, что польско-румынские холопы с энтузиазмом идут навстречу планам своих хозяев?

Такая же политика против Советского Союза проводится английскими агентами и на Востоке—в Турции, Персии, Афганистане и Манчжурии. Достаточно сказать, что в последнее время англичане усиленно поддерживают оставшиеся в Манчжурии отряды колчаковских генералов и прежде всего отряды генерала Нечаева. Эти отряды снабжаются деньгами, оружием и обмундированием. Вместе с тем Англия большое внимание уделяет теперь реакционному генералу Чжан-Цзо-Лину, которого она хочет видеть диктатором Китая и которого толкает на борьбу с СССР. Теперь нет никакого сомнения, что во время последних наших конфликтов с Чжан-Цзо-Лином из-за Восточно-Китайской ж. д. Англия стояла за спиной этого генерала и побуждала его к захвату Восточно-Китайской дороги, которую она стремится превратить в орудие против нас.

Так систематически, шаг за шагом, в Прибалтике, в Польше, Румынии, Персии, Афганистане, в Манчжурии консервативное правительство Англии, в согласии с буржуазией других стран, подготовляет свой дьявольский план нового похода против Советского Союза, действуя путем то подкупа, то давления, то угроз, то обещаний. Оно не брезгает никем и ничем. Оно использует для своей цели, как социал-предателей из «Vorwärts»'а, кричащих об ужасах большевизма, так и кровавых генералов армии Колчака, давая им деньги на вооружение отрядов в Манчжурии; как «демократическое» правительство Эстонии и Латвии, так и деспота Манчжурии генерала Чжан-Цзо-Лина, толкая и вооружая его на борьбу с СССР. Рабочий класс должен быть готов разрушить эту сеть дьявольских махинаций, влекущих за собой новые кровавые столкновения между народами и угрожающих безопасности, спокойствию и мирному труду первой Рабочей Республики.

Г. Валецкий

Война, мир и II Интернационал.

В уставе «Социалистического Рабочего Интернационала», принятом на Гамбургском конгрессе 1923 г., в главе А, § 4 значится:

«Социалистический Рабочий Интернационал не только инструмент для задач в мирное время, но также необходимый инструмент во время каждой войны. При конфликтах между нациями Соц. Раб. Интернационал будет признан заинтересованными партиями за высшую инстанцию».

Введением этих фраз в устав—в самый устав! — господа из $2^1/_2$ Интернационала были горды в немалой степени; это была «победа» над знаменитой формулой Каутского в 1914 г. (Интернационал—инструмент для мировой обстановки, но он не инструмент для войны), это было приданое, которое они принесли. В своем докладе на пленуме конгресса Фридрих Адлер с особенной торжественностью подчеркнул неизмеримое значение приведенных фраз:

«Весь конгресс сойдется на том мнении, говорил он, что мы извлекли из войны тот опыт, что Соц. Раб. Интернационал является не только инструментом для мирного времени, но также необходимым инструментом во время войны (Шумное одобрение). Это означает прежде всего, что то, что мы пережили, уже никогда более не повторится (Шумные одобрения возобновляются)».

«Правда, добавил Адлер более робким голосом, не обо всем, что случилось, можно быть одинакового мнения, и проблему защиты отечества следует дальше обсуждать. Эта проблема при всем добром желании, не может быть немедленно решена. Но — инструмент для мира и войны выкован, он будет при конфликтах между нациями признан за высшую инстанцию».

Два года прошло со времени Гамбургских торжеств, началась война в Марокко. Типичный колониальный разбойничий набег. Со стороны Франции война ведется правительством, которое пользуется поддержкой французской социалистической партии вообще и особенно на предмет ведения войны.

Два раза со времени начала французско-марокканской войны собирался II Интернационал—инструмент для войны и мира— на заседания. В начале мая заседал Исполнительный Комитет Соц. Раб. Интернационала в Париже. В начале июля заседало Бюро в Лондоне. В Париже о Марокко не было сказано ни одного слова. Вероятно, по уважительным причинам. Во-первых, Абд-Эль-Керим напал на мирную Францию, а «проблема защиты отечества» при «всем добром желании» еще «не решена». Во-вторых, имеется в данном случае налицо «конфликт между нациями» в том смысле, как это понималось в Уставе Соц. Раб. Интернационала? Является ли атаман шайки Абд-Эль-Керим законным представителем нации? И в-третьих, ведь среди риффов нет принад-

лежащей к СРИ социал-демократической партии, для которой инструмент для войны и мира мог бы служить «высшей инстанцией».

На лондонском заседании (4 июля) война в Марокко появилась, все-таки, на повестке дня. Или вернее, как официально сообщается, «разбиралось положение в Марокко». Ренодель, вернейшая опора французского правительства, передал «различные мнения», которые имеются по этому вопросу в французской партии. Но Бюро не могло «занять позиции» по этому вопросу.

По уважительным причинам.

«По той причине»—гласит дословно официальное сообщение—«что испанской партии невозможно было прислать своего представителя на заседании Бюро».

Нашлось, однако, в Бюро меньшинство, которое не пожелало удовлетвориться этим изящным разрешением вопроса и сделало заявление следующего содержания:

«Вопрос принципиального отношения французской социалистической партии к войне в Марокко заключает в зародыше все проблемы, которые во время мировой войны раскололи все социалистические партии. Мы воздерживаемся в настоящий момент от обсуждения этого вопроса лишь потому, что мы питаем полное доверие к французской социалистической партии, что она сама найдет правильное решение этого вопроса».

Этот перл «оппозиционного» об'яснения имеет три подписи: Отто Бауэр (Австрия), Дан (русские меньшевики) и Чех (германская социал-демократия Чехо-Словакии).

Бауэр, который в 1919 г. как австрийский министр иностранных дел, содействовал подавлению венгерской революции и оказывал поддержку польской белой армии против Советской России снабжением ее оружием, а затем по приказу французов вылетел из коалиционного кабинета за тайные интриги с итальянским правительством для восстановления тройственного союза: Италия—Германия—Австрия; Дан, который в течение нескольких лет поддерживал всякую травлю против Советской России, но всегда стремился лишь к «мирной» интервенции, и Чех, германский националист, немецкое издание чешских национал-социалистов.

«Заявление» само по себе неоценимо. «В зародыше все проблемы мировой войны»—и «полное доверие» к французской социалистической партии. Очевидно, три героя хотели этим сказать, что они официальной позицией французской партии недовольны, но надеются на победу внутри партии полупацифистских течений, которые нашли в ней довольно большое распространение, хотя практически бессильны противодействовать активной поддержке войны со стороны вождей партии. О поддержке же все возрастающего количества социалистических рабочих, которые присоединяются к выступлениям коммунистов против войны, никто, конечно, не подумал.

Даже «Het-Volk», орган голландской социал-демократии, очень недоволен «позицией» лондонского Бюро, как большинства, так и меньшинства. Успехи ведущейся коммунистами борьбы против войны беспокоят наблюдателей из Амстердама. В особенности беспокоит их рабочий с'езд, состоявшийся в Париже 4 и 5 июля. «Почему социалисты предоставляют подобные демонстрации коммунистам, спросит рабочие. Для большинства будет, вероятно, безразлично, от кого исходит движение; они примут руководство коммунистов, потому что социалисты не принимают участия в движении.» («Net Volk» 10 июля 1925 г.)

Почему же «уступают» социалисты борьбу против войны коммунистам? Да просто, потому, что часть социалистических вождей, откровенные сторонники колониальной политики, ведет борьбу за «войну до победы», а другая часть, пацифисты различных оттенков, ведет борьбу за «войну до мира»; потому что все они «не хотят оставить угрожаемое отечество в минуту опасности».

В уставе «Социалистического Рабочего Интернационала» сказано, правда:

«Инструмент не только для мирного времени, но и во время войны».

Но испанский делегат отсутствует, все проблемы в зародыше, полное доверие...

Китай... На Лондонском заседании Бюро II Интернационала прениям о великих революционных событиях предшествовала «ликвидация» обращения Коммунистического Интернационала организовать совместные выступления для поддержки китайской революции. За этим Бюро перешло к «порядку дня». В особой резолюции устанавливается, что дело здесь в «маневре единого фронта», чтобы «обличить» и «уничтожить» социалистические партии.

Но их вожди не хотят быть ни обличенными, ни уничтоженными.

Относительно самой китайской революции (говорится скромно о «пробуждении рабочих масс Китая») принята резолюция, первая часть которой содержит платонический привет движению. Вся же вторая часть зато посвящена борьбе против китайского национализма, против «националистической расовой борьбы»; китайцам советуют бороться «как против европейско-американского империализма, так и против азиатского национализма».

Превосходным дополнением к этой резолюции, ярким комментарием к этому «привету» является краткое письмо, написанное близнецом Соц. Раб. Интернационала—Амстердамским Профсоюзным об'единением нашему Межрабпому. Приглашенное к совместной помощи борющимся китайским рабочим, Амстердамское Профсоюзное Об'единение отвечает в письме от 6 июня: «Президиум Международного Профсоюзного Об'единения разбирал вопрос о том, необходимо ли (!) и возможно ли оказать китайским рабочим материальную помощь. Решено было получить информации у представителей известных китайских рабочих об'единений, в каком размере помощь желательна и возможна (?)».

Итак, прежде всего нужно получить информации. Испанский—нет, не испанский, а китайский делегат отсутствует. Может быть, китайским рабочим материальная помощь совсем не желательна: может быть, всего у них вдоволь. Может быть, они так подпали под влияние «азиатского национализма», что они вовсе не желают принять помощь от европейцев. Кто их знает?

Империалистические правительства обильно снабжают своих агентов в Китае деньгами, оружием, военными судами. Соц. Раб. Интернационал и Амстердамский Профсоюзный Интернационал

предостерегают от «азиатского национализма» и собирают информации.

Воистину, Интернационал—это инструмент для мира и войны.

Большое внимание было уделено на Лондонском заседании Бюро, как раньше на заседаниях Исполнительного Комитета в Брюсселе (январь 1925 г.) и в Париже (май), вопросам гарантийного договора и Женевского протокола: в резолюции, принятой после жестокой схватки англичан с социалдемократами континента, значится, между прочим:

«Он (Соц. Раб. Инт.) рассматривает Женевский протокол, как выполнение и осуществление договора Лиги Наций и основ всеобщего арбитража, которые лишь одни могут дать народам безопасность и всему миру принести разоружение».

Но в виду того, что Женевский протокол, который «лишь один» и т. д., умер и похоронен, то его заменяют гарантийным договором с оговоркой, что от этого не произойдет «неправильного равновесия сил» («falsches Maechtegleichgewicht»).

И «практически», в виду того, что гарантийный договор так, как он понимается в Англии, направляет свое острие против Советского Союза, то все социал-демократы (а германские впереди всех), ведут бешеную травлю Советского Союза, использовывая для этого самым циничным образом каждый случай. Томас в Англии пользуется железнодорожной конференцией в тот момент, когда консервативное британское правительство угрожает Советскому Союзу разрывом сношений, чтобы делать ожесточенные нападки на последний. «Форвертс» требует от германского правительства разрыва сношений с Советским Союзом по поводу приговора над тремя фашистскими злоумышленниками в Москве.

Великолепную характеристику внешней политики германской социал-демократии дает ее центральный орган в передовой статье по поводу посылки новой германской ноты в Париж («Форвертс» от 19 июля):

«В Германии имеются только две внешнеполитические программы—коммунистическая и социал-демократическая. Коммунистическая не проповедует, по крайней мере, какой то абстрактной борьбы, как это делают националисты, а ищет разрешения вопроса в союзе Германии с сильной военной страной: Россией. Социал-демократическая ищет разрешения вопроса в союзе народов западных культур и высокого капиталистического развития».

Яснее нельзя выразиться. Коммунисты вместе с великой Рабоче-Крестьянской Республикой и со всеми порабощенными народами земного шара против империализма. Социал-демократы вместе с «высококапиталистически развитыми» империалистическими державами против... кого? Против Советского Союза, Китая, Марокко.

Несколько недель занимает Вандервельде пост министра иностранных дел бельгийского короля. В программе, которую он изложил в бельгийской палате, он сообщил, что будет оберегать «непрерывность бельгийской внешней политики» и продолжать линию своих предшественников.

Эти предшественники, между прочим, заняли вместе с Пуанкаре Рур. Сам Вандервельде заявил: «До тех пор, пока Германия не выполнит своих обязательств, мы останемся в Кельнской зоне. Все правительство по этому вопросу единодушно».

«Советский Союз, тут же заявляет Вандервельде, не будет признан», и это, несмотря на торжественные обещания, которые были даны бельгийским рабочим во время предвыборной кампании. «Советский Союз должен прежде всего полностью вознаградить бельгийских капиталистов, которые раньше были владельцами национализированных предприятий в России, а затем возвратить «независимость» Грузинской республике, которую Бельгия признала».

В остальном Вандервельде идет рука об руку с Англией (Китай) и Францией (Марокко).

На Гамбургском же конгрессе, два года тому назад, этот величайший из лицемеров и мошенников гремел с трибуны: «Против этого империалистического мира, который есть не что иное, как застывшее состояние войны, против этой войны в форме империалистического мира мы собираем ныне наши силы. История проклянет капитализм, потому что он периодически и неизменно ведет к войнам, к кровавым битвам».

М. Кантор.

О „друзьях" справа.

(*Кооперативное сменовеховство проф. Чаянова*).

I.

Сейчас еще нет вполне оформленной мелкобуржуазной теории советской кооперации. Но ряд признаков говорит за то, что такая теория, применительно к крестьянскому хозяйству, усилиями соответствующих экономистов-кооператоров уже создается и, таким образом, находится на пути к оформлению. Отвлеченно рассуждая, все это понятно и легко об'яснимо. Крестьянство приняло нашу новую экономическую политику и, в нынешней стадии равития своего хозяйства, покоющегося на единоличном принципе производства, естественно будет ее по своему идеологически отражать. С другой стороны, от дореволюционной эпохи у нас сохранился ряд теоретиков—выразителей единоличных принципов. Часть их благожелательно осознала сдвиги, происшедшие в общей экономике страны и в положении крестьянского хозяйства. Но основные прежние взгляды остались и у этой части. Теоретическую мысль сторонников указанного направления можно было бы считать идеологией советского крестьянства, если бы в недрах крестьянства не шли уже процессы выделения элементов более передовых, преимущественно молодых, коллективистски-настроенных, которым, собственно, и принадлежит, как затрашний день, так и право на идеологию.

Критику восхвалителей преимуществ мелкого крестьянского хозяйства мы всегда считали важнейшим делом. Но сейчас критика сугубо необходима, так как новые формы старой теории прикрываются советскими лозунгами, ссылками на всех марксистских «святых», а иногда сопровождаются даже частичным признанием своих прежних ошибок. На молодежь, особенно на крестьянскую молодежь, внешность изложения старых кооперативных теорий производит впечатление почти-что ленинизма. Здесь вопрос нашей идеологической борьбы стоит уже совсем остро, как вопрос борьбы за влияние.

Тем не менее, мы полагаем, что будет наиболее справедливо и наиболее полезно вести благожелательную (что, конечно, нисколько не исключает разоблачения чужих взглядов и противопоставления своих) критику, так как значительная часть кооперативных «сменоховцев» искренне пытается пройти вместе с нами современный участок исторического пути.

В данной статье об'ектом критики взяты работы профессора А. В. Чаянова. При чем считаем необходимым оговорить, что в нашу задачу не входит ни разбор всех положений, высказываемых Чаяновым по различным вопросам, ни оценка каждого из его произведений, как законченного целого. Нас интересуют в данном случае исключительно суждения автора о судьбах кре-

стьянской кооперации в ССР и те его взгляды на развитие нашей общей экономики, которые являются подосновой для суждений о кооперации. В результате критики мы желали бы выявить об'ективный политический смысл новых идей проф. Чаянова, который кажется нам наиболее характерным и интересным выразителем современной мелкобуржуазной теории кооперации.

Разбору идей Чаянова предпослана небольшая экскурсия в область заграничных и российских дореволюционных мелкобуржуазных теорий для товарищей читателей «Большевика», недостаточно знакомых с историей борьбы кооперативных мнений.

II.

Мелкобуржуазная теория крестьянской кооперации уже порядочно стара. Сущность ее была выражена еще в 1868 году немецким кооператором Гирке [1]) в следующих словах:

«Но существует сила, которая довольно внушительна, чтобы преградить путь такой опасности (исчезновению мелких и средних самостоятельных хозяйств к выгоде крупной капиталистической промышленности и обнищанию уже сделавшихся несамостоятельными), и она уже начала выполнять свою охранительную и творческую работу. Хозяйственная ассоциация является такой силой. Она и только она может защитить и защитит остающиеся до сего времени еще самостоятельными хозяйственные атомы от потери своей самостоятельности».

Таким образом, почти 60 лет тому назад немецкие мелкобуржуазные экономисты, вроде Гирке, захлебывались от удовольствия при мысли, что в лице кооперации народилась сила, способная «охранить» существование «атомов» в сельском хозяйстве. С того времени количество «атомов» во всех странах, в том числе и в Германии, значительно сократилось, но идеалистически настроенные кооператоры продолжали убеждать свою крестьянскую паству в спасительной миссии кооперации при капиталистическом строе.

Само собою разумеется, что о таких ужасных вещах, как, например, обобществление крестьянского труда и производства, кооператоры и слышать не хотели, потому что это было бы нарушением атомной самостоятельности, вторжением в священные права частной собственности и проч. Через полстолетия горького опыта капиталистической конкуренции германские кооператоры стали поговаривать о социализме (правда, с такими оговорками, которые уничтожали всякий смысл социалистического преобразования общества), но от основных своих воззрений на судьбу мелкого хозяйства, конечно, не отказались. Так, когда в 1912 году генеральный секретарь Германского Сельско-Хозяйственного Совета, проф. Даде, выступая на всегерманском с'езде с.-х. кооперации, «подчеркнул, что кооперация не имеет права устранять индивидуальный труд, который так много сделал в сельском хозяйстве; в особенности нельзя рекомендовать распространение кооперации на землю, т.-е. на самое сельско-хозяйственное производство...» [2]),—то добрые немецкие кооператоры качали послуш-

[1]) Гирке. «Германское кооперативное право»—цитировано по русскому переводу книги проф. Эдуарда Якоби «Хозяйственная теория кооперации», изд. 1919 года, стр. 8.

[2]) Там же, стр. 191.

ными головами, а их теоретик, проф. Якоб, поспешил сформулировать роившиеся мысли:

«Кооперация может в такой же мере служить индивидуализму, как и социализму. Например, многочисленные владельцы мелких сельско-хозяйственных и ремесленных предприятий, вынужденные об'единяться экономически в борьбе с капиталистическими предприятиями, совершенно не желают лишиться своей индивидуальной самостоятельности через создание кооперативов. Они передают общему кооперативному предприятию некоторую часть экономических функций своих независимых предприятий, только для того, чтобы эти их индивидуальные предприятия могли стать более сильными и жизнеспособными в своих остальных экономических функциях. Для них, как и для огромной массы членов потребительских обществ, кооперация не есть средство для **устранения** современного экономического строя, а лишь «средство для его **дополнения и улучшения**».

В горячей профессорской тираде заключен ряд ценных признаний и в то же время набросана в важнейших чертах программа мелкобуржуазной кооперации. На сей раз истина выражена без всяких ссылок на божественное происхождение кооперации, на ее биологические и всякие другие свойства. Дело оказывается проще. Мелкому собственнику, при капиталистическом строе, так же хочется итти в кооперацию, как грешнику лизать горячую сковороду, но, тем не менее, он вынужден туда итти в поисках сохранения своей хозяйственной самостоятельности. Входящие в кооперацию ремесленники и крестьяне ни в какой степени не намерены вкладывать свои средства производства и труд в общий котел, а предпочитают ограничиться передачей «общему кооперативному предприятию» только «некоторой части экономических функций своих независимых предприятий».

Особо гордо звучит выражение «независимых», примененное идеалистом кооператором по отношению к своей чтимой богине—Кооперации.

Следует признать, что мотивы вхождения членов и программа мелкобуржуазной кооперации изложены в цитате вполне правильно и реально. Несколько излишняя суетливость допущена профессором лишь в из'явлении от имени всей мелкобуржуазной кооперации и «огромной массы членов потребительских обществ» верноподданических чувств по отношению к капиталистическому строю.

Итак, суть набросанной программы заключается в устранении целей обобществления труда и производства; кооперация рассматривается лишь как средство укрепления мелкой частной собственности путем об'единения некоторых хозяйственных функций «независимых» частных предприятий.

Из иностранных теоретиков **реформистского** лагеря ограничимся ссылкой только на Давида [1]). Исходя из других предпосылок, Давид приходит к тем же выводам, что и кооператоры чисто буржуазного типа. Давид—решительный противник обобществления труда и производства в сельском хозяйстве. По его мнению, задача кооперации: «преобразование отсталого изолированного мелкого производства в рациональное организованное **мелкое** (Курсив мой. *М. К.*) производство. Мы должны видеть в

[1]) Э. Давид. Социализм и сельское хозяйство.

этом движении могучие зачатки процесса социализации в сельском хозяйстве».

Как видно из цитаты, важнейшее отличие Давида от Якоба заключается в том, что Якоб более последователен. Якоб тоже за сохранение мелкой собственности, но поэтому-то он и почитает своим долгом до конца «служить индивидуализму». Давид же пытается об'ять необ'ятное путем «социалистического» увековечения мелкого производства.

В русской дореволюционной литературе наиболее реальное отношение к кооперативным фактам можно встретить у С. Н. Прокоповича [1]). В его книге дана классификация кооперативных форм, на основании которой автор заключает, «что в основе каждой формы кооперативного об'единения лежит соответствующий ей способ производства. Эта зависимость кооперативных форм от экономических отношений приводит к тому, что с изменением хозяйственного строя меняются и кооперативные организация».

Слабости Прокоповича начинаются дальше. После такого диалектического введения можно было бы ожидать и дальнейшего развития темы в том смысле, что и самый капиталистический строй невечен и, следовательно, в кооперативных формах нужно и возможно какое-то дальнейшее изменение. Вместо этого в 1918 году Прокопович продолжает нас утешать, «что кооперация не может служить средством борьбы с надвигающимся капитализмом...»

Задача новейших форм кооперации лежит в совершенно другой плоскости: в борьбе против эксплуатации трудящихся представителями денежного, товарного и производительного капитала.

У Прокоповича имеется и намек на возможность другого социального строя, «при котором об'единенные в кооперативы кустари будут освобождены от какой бы то ни было эксплоатации». Затем, другой намек, менее определенный, содержится в предисловии ко 2-му изданию книги: «Кооперации пришлось (после революции. М. К.) принимать участие в таких процессах хозяйственной жизни и общественного строительства, которые в нормальное время не привлекают ни ее внимания, ни ее сил».

Но о том, изменились ли в результате новых процессов хозяйственной жизни задачи и сущность кооперации, автор не говорит ничего.

Более или менее членораздельно звучит только пессимистическое определение нашего времени как «тяжелого» («в это тяжелое время») в отличие от дореволюционного периода, который именуется «нормальным».

В итоге его позиция, по существу, мало чем отличается от взглядов заграничных мелкобуржуазных глашатаев кооперации.

Мы уже видели на примере проф. Якоба, что буржуазная теория кооперации великолепнейшим образом уживается с капиталистическим строем. Теории русских экономистов-кооператоров типа Прокоповича, несмотря на «марксистскую» видимость формулировок, клонят к тому же. Если Туган-Барановский [2]) приходит к умилительному выводу, что крестьянское хозяйство, при ка-

[1]) С. Н. Прокопович. Кооперативное движение в России. Его теория и практика. 2-е издание 1918 г., стр. 23/24.

[2]) Туган-Барановский. Социальные основы кооперации. 3-е изд. 1919 г., стр. 469.

питализме «только укрепляется, благодаря тому под'ему благосостояния, которое создается кооперацией», то какого еще рожна нужно крестьянскому читателю капиталистической страны?

Значение кооперации Туган-Барановский признает только «в сфере обмена, а также в сфере переработки крестьянских продуктов». Отсюда вывод, что «крестьянская кооперация отнюдь не имеет тенденции упразднять собственное хозяйство крестьянина, а, наоборот, укрепляет последнее и только преобразовывает его в том отношении, что отношения крестьянина с рынком утрачивают свой прежний индивидуалистический характер и заменяются кооперативной организацией».

Что же касается производства, то оно, конечно, остается индивидуальным. Социальный идеал ревнителей мелкой собственности выражен Туган-Барановским следующим образом: «благодаря кооперации, создается новый тип крестьянского хозяйства, в котором для индивидуального хозяйства остается только одна область —сельско-хозяйственного труда, все же остальные хозяйственные операции, купли, продажи, получения кредита и переработки сельско-хозяйственных продуктов,—исполняются не единоличными силами сельско-хозяйственного производителя, а коллективной силой организованных в кооперативы производителей».

Эти определения следует хорошо запомнить, так как новые песни, раздающиеся из лагеря мелкобуржуазных теоретиков кооперации, представляют вариации (в советском стиле) старого мотива.

III.

В трудах проф. А. Чаянова, напечатанных в наше советское время, нигде не дана в более или менее развитой форме теория крестьянской кооперации. Отдельные указания содержатся в Трудах Высшего Семинария с.-х. экономии при Тимирязевской Академии, вышедших в 1922 году под заглавием: «Оптимальные размеры сельско-хозяйственных предприятий» (предисловие и статья «Оптимальные размеры земледельческих хозяйств»), и в недавно вышедшей брошюре «Краткий курс кооперации» (изд. Коопер. Издат. 1925 г.).

Обеих указанных работ было бы недостаточно для уразумения проводимой теории, если бы не чисто теоретического свойства статья «Сельскохозяйственная кооперация, как форма организации с.-х. производства СССР», напечатанная в одном из последних номеров «Экономического Обозрения».

В относительно более старой (по времени) книге об «Оптимальных размерах» Чаянов в предисловии так формулирует сущность своих кооперативных идей:

«По нашему глубочайшему убеждению, идеальным аппаратом сельско-хозяйственного производства является совсем не крупная латифундия и не индивидуальное крестьянское хозяйство, а новый тип хозяйственной организации, в котором организационный план расщеплен на ряд звеньев, каждое из которых организовано в тех размерах, которые являются оптимальными для него. Говоря иначе, идеальным нам мыслится крестьянское семейное хозяйство (Курсив мой. *М. К.*), которое выделило из своего организационного плана все те его звенья, в которых крупная форма производства имеет несомненное преимущество над мелкой, и организовало их на разные степени крупности в кооперативы».

Сравните этот текст с приведенною нами цитатой из Тугана, и вы найдете не только ту мысль, но почти те же выражения, вплоть до определения «новый тип». И там говорится о сохранении мелкого производства путем отщепления и обобществления некоторых функций, и здесь. Разница только в том, что Чаяновым введен момент оптимума, которым он хочет как бы сказать: дайте крестьянину такую порцию технического и социального прогресса, которая не нарушала бы «идеальных» основ «семейного хозяйства».

Получился ли у автора в результате исчислений искомый оптимум и не обернулся ли этот оптимум против своего творца,—этого вопроса, как уже было сказано, мы касаться не будем. Для обрисовки социальных идеалов как-будто достаточно и приведенного. Эти идеалы совпадают с упованиями и чаяниями всех кооператоров буржуазного и мелкобуржуазного толка.

В брошюре «Краткий курс кооперации» автор не отказывается от своих взглядов. Он лишь формулирует их с гораздо большей осторожностью. Но и здесь, после рассуждений о значении техники в промышленности и о причинах отсталости сельского хозяйства, он спешит успокоить читателя:

«Для целого ряда отраслей его (крестьянского хозяйства—*М. К.*) крупная форма даст сразу непосредственную большую выгоду. При этом почти всегда оказывается возможным, не нарушая работы остальных частей хозяйства и не разрушая трудового семейного хозяйства, выделить отдельные работы и соединить их сообща с соседями в одно общее большое дело».

Под «одним общим большим делом», конечно, следует понимать кооперацию. Цитируемая фраза относится не только к Советской Республике, но и к капиталистическим странам, и выражает всеобщий закон развития крестьянского хозяйства.

Оказывается, что вне зависимости от общих политических и экономических условий, в которых обретается кооперация, достаточно крестьянину сообща с соседями «соединить» «отдельные работы», как все пойдет наилучшим мирным образом, «не нарушая», «не разрушая...», и трудовое семейное хозяйство, которое «мыслилось» автору в идеале, устоит как гранитная скала среди капиталистического хаоса.

Таким образом, брошюра, изданная в 1925 г., возвращает нас к кооперативным теориям доброго старого времени. «Социалистические» же моменты воззрений Чаянова сближают его полностью с Давидом:

«Сельско-хозяйственный кооператив является дополнением к самостоятельному крестьянскому хозяйству, обслуживает его, и без такого хозяйства не имеет смысла. В дальнейшем развитии кооперации она будет все в большей и большей мере переводить в русло общественного кооперативного хозяйства различные отрасли крестьянского хозяйства. Эти элементы общественного хозяйства и закладывают в крестьянском хозяйстве основные начала будущей социалистической организации земледелия».

Очевидно, автор чувствовал, что советский теоретический курс предполагает в «социалистической организации земледелия» нечто большее, чем только об'единение отдельных отраслей крестьянского хозяйства, поэтому им сделана сноска:

«К составу с.-х. кооперативов обычно причисляют и так называемые полные с.-х. кооперативы, т.-е. с.-х. коммуны, в кото-

рых индивидуальные хозяйства совершенно растворяются в общественном хозяйстве. Ввиду их важности им посвящается особая книга, и мы их вовсе не затрагиваем в своем очерке».

Как видит читатель, сноска является чистейшей отпиской. Автор должен был дать ответ на вопрос о возможности перерождения самой с.-х. кооперации в коллективные труд и производство.

От этого ответа автор уклонился и спрятался за ширмой «особой книги» о коммунах.

Впрочем, само по себе выделение колхозного вопроса из теоретического курса о кооперации как-будто подтверждает обрисованное нами отношение автора к судьбам социализма в земледелии. В советской практике вопрос о причислении колхозов, в том числе и коммун, к системе с.-х. кооперации был уже совершенно определенно решен к моменту издания брошюры. Однако, Чаянову это не мешает говорить, что «к составу с.-х. кооперативов обычно причисляют» (Курсив мой. *М. К.*)... и с.-х. коммуны.

Но если мы согласимся с Чаяновым в основном, т.-е. с тем его «глубочайшим убеждением», что «идеальным аппаратом сельскохозяйственного производства» является «крестьянское семейное хозяйство», тогда он готов, со своей стороны, пойти на все требования советской действительности. Он охотно признает, что «в условиях капиталистического общества, как это установил Ленин в своих письмах о кооперации, кооперативное движение крестьян было бессильно разрешить эти задачи, и только при переходе власти в руки трудящихся оно приобретает при поддержке государственной власти совершенно иное значение и делается основой нового общественного строя деревни».

Он идет еще дальше и красноречиво описывает, как «благодаря передаче всей хозяйственной работы в деревне кооперации, вся деревня в целом втягивается в русло планового хозяйства», а в заключение рисует уже «лучшее будущее», нечто почти похожее на социализм.

Но и здесь его не оставляет святая тревога за участь мелкого производства, и в разгаре чувств, говоря о торжестве начал «машинизации всюду», он не забывает прибавить: «где они могут выявить свои преимущества».

Словом, получается, как мы уже отмечали, некая смесь, которую сам Чаянов определяет словами: «развитие кооперации во многом совпадает (Курсив, конечно, мой. *М. К.*) с развитием социализма.

Таким образом, у Чаянова развитие кооперации и развитие социализма вещи неодинакового порядка, независимо от окружающих условий. У него нигде нет, а по существу его общей концепции и не может быть, такой постановки вопроса о кооперации, какую дал Ленин и какую проводим мы.

Для нас, после завоевания пролетарской власти, национализации земли и промышленности, кооперация становится одним из важнейших орудий осуществления социализма и, вместе с тем, в своих наиболее развитых формах, уже частицей, прообразом будущего социалистического общества.

Для Чаянова кооперация остается самодовлеющей формой, которая даже в наших благоприятных условиях развивается параллельно общему экономическому порядку, может совпадать и, следовательно, может и не совпадать.

Чаянов наилучшим образом понял и оценил большую общественную и хозяйственную роль, которую мы отводим кооперации в строительстве деревни. Он разделяет и наши мероприятия, вытекающие из такого отношения к кооперации. Этого вполне достаточно, чтобы дружно совместно работать сейчас на практической почве.

Но этого мало для завтрашнего дня, когда мы ближе подойдем к разрешению социалистических задач. Это недостаточно и для сегодняшнего дня в работах планового характера, предусматривающих формы и характер дальнейшего развития. Наконец, это совсем не годится для теории, которая должна дать правильную перспективу и ориентировку.

Чаянов, однако, не ограничивается только «Кратким курсом». Он хочет нас одарить и теорией большого калибра, доказать, как дважды два четыре, что развитие советской экономики прямехонько ведет в царство семейных хозяйственных добродетелей.

Зачатки теории содержатся уже в «Кратком курсе».

«Мелкие технически слабые хозяйства могут в сельском хозяйстве оказывать большое сопротивление своим крупным конкурентам, что совершенно невозможно в индустрии. Последние научные исследования (В. Ленина, П. Лященко и других экономистов) американского и русского земледелия показывают нам даже, что капитализм развивается в сельском хозяйстве главным образом (Курсив мой. *М. К.*) в форме эксплуатации мелкого производителя сельскохозяйственных продуктов всякого рода торговыми фирмами и предприятиями, оказывающими ему кредит под весьма высокие проценты. Крестьянин, сохраняющий на вид свою хозяйственную самостоятельность и независимость, на самом деле оказывается всецело во власти финансового и торгового капитала».

Под влиянием такой картины «у всякого организатора с.-х. производства... подчас могут опуститься руки», но на помощь ему услужливо приходит профессор Чаянов и раз'ясняет, что выход есть, что можно, «не нарушая» и «не разрушая», все устроить.

Подробнее эту теорию, освещенную ссылками на авторитет Ленина, Чаянов развил в уже упомянутой нами статье «Сельскохозяйственная кооперация, как форма организации с.-х. производства СССР». Просим у читателя извинения за еще пару цитат:

«Новейшие исследования развития капитализма в земледелии, в особенности же работы Ленина (об американском сельском хозяйстве) и отчасти Гельфердинга (о финансовом капитале), Лященко (о торговом капитализме в России) и других, указывают нам, что вовлечение сельского хозяйства в общую систему капитализма вовсе не должно обязательно происходить в форме создания крупнейших капиталистически организованных хозяйств, построенных на базе наемного труда...»

Далее идет та же мысль о кабальной зависимости от торгового капитала, которая выражена в предыдущей приведенной нами цитате из «Краткого курса».

Итак, Чаянова убедил ряд марксистских трудов, «в особенности же работы Ленина—об американском сельском хозяйстве».

Раскрываем соответствующую работу Ленина (Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Выпуск I. «Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки». Изд. 1918 г.) и читаем на стр. 103:

«Главный признак и показатель капитализма в земледелии — наемный труд».

Сличаем с соответствующим местом у Чаянова:

«Вовлечение сельского хозяйства в общую систему капитализма вовсе не должно обязательно (Курсив мой. *М. К.*) происходить в форме создания крупнейших капиталистически организованных хозяйств, построенных на базе наемного труда».

Как-будто не то. У Ленина «главный признак», а у Чаянова «вовсе не... обязательно».

Читаем дальше Ленина:

«Развитие наемного труда, как и рост употребления машин, мы видим во всех (Курсив Ленина. *М. К.*) районах страны, во всех отраслях сельского хозяйства».

Теперь позволительно спросить Чаянова, на каком основании им сделаны заведомо неправильные ссылки на Ленина.

Но... история с наемным трудом это лишь цветочки. Суть ссылок на Ленина заключается в том, чтобы притянуть авторитет Ленина к утверждениям о сохранности мелкого производства, т.-е. что капитализм в земледелии натыкается на такую стойкость мелкого производства, что он его, главным образом, только подчиняет себе, не будучи в состоянии вытеснить.

У Ленина мы находим и на этот счет совершенно определенное мнение, исключающее какие бы то ни было кривотолки:

«В общем и целом сравнение однородных данных за одно и то же время относительно промышленности и земледелия показывает нам при несравненно большей отсталости второго замечательную одинаковость (Курсив мой. *М. К.*) законов эволюции, вытеснения мелкого производства и тут, и там («Новые данные», стр. 104).

Мы можем назвать не менее трех-четырех работ Чаянова, в которых он, опираясь произвольнейшим образом на авторитет Ленина, утверждает, что капитализм в сельском хозяйстве развивается не столько путем «горизонтальной концентрации», т.-е. вытеснения мелкого производства крупным, сколько путем «вертикальной концентрации», т.-е. эксплуатации мелкого производства торговым и финансовым капиталом.

Конечно, никакой марксист не станет отрицать важности второго фактора — влияния торгового и финансового капитала. Но нужно иметь очень много смелости, чтобы приписывать Ленину и его последователям небылицы о второстепенном значении «горизонтальной концентрации», т.-е. о сохранении мелкого производства в условиях капитализма.

Вся книга Ленина «Новые данные» направлена именно против идей, подобных чаяновским. Единственное место, сужающее действие «горизонтальной концентрации», касается вопросов земельной площади. Так как противники марксистских взглядов на роль капитализма в земледелии приводили в доказательство стойкости мелкого производства только одни цифры о слабом увеличении земельной площади крупных хозяйств, то Ленин на основании анализа хозяйств показал, что

«капитализм растет не только путем ускорения развития крупных по площади хозяйств в экстенсивных районах, но и путем создания более крупных по размеру производства, более капиталистических хозяйств на более мелких участках земли в интенсивных районах».

Что же получается в итоге?

«В итоге концентрация производства в крупных хозяйствах на деле сильнее, вытеснение мелкого производства на деле идет дальше и глубже...»

Таким образом, если бы даже Чаянов пожелал свести свою «горизонтальную концентрацию» к чисто территориальной, то и тогда его ссылки на Ленина не приобрели бы достоверности.

Но вся беда в том, что Чаянова не устраивает только одна «территория». Ему нужно во что бы то ни стало показать, что крестьянская семья непоколебимо сидит на своей земле, не отлучаясь в батраки к крупному землевладельцу. Поэтому-то он и берет признак наемного труда. Но здесь как раз наш профессор и терпит наибольшее крушение.

Не легче Чаянову и от ссылок на Лященко, ибо и у того в конце-концов торжествует проклятая горизонтальная концентрация:

«Только после подчинения земледельческого хозяйства денежно-торговому капиталу и начинается более широкое развитие в нем капиталистических отношений, приводящее в конце к капитализации всего земледельческого производства» (П. И. Лященко. «Очерки аграрной эволюции России». Изд. 1924 г., стр. 71).

После раз'яснения и со стороны Лященко Чаянов остается совершенно одинок. Теперь, сколько бы он ни клялся, что сельское хозяйство это ничего больше, как

«использование человеком солнечной энергии, падающей на поверхность земли. Человек не может солнечные лучи, падающие на сто десятин, собрать на одну... Никакой концентрации в пространстве здесь, за исключением процессов первичной переработки с.-х. продуктов, провести невозможно» («Оптимальные размеры», стр. 8), —

никто уже не поверит. Во всяком случае, никто не примет всерьез его теоретическую дружбу с Лениным и подлинными марксистами.

А раз рушится версия о превалировании вертикальной концентрации, которой Чаянов сам не доказал, а обосновал больше ссылками на авторитеты, то падает, следовательно, и незыблемость мелкого производства, падает одновременно и кооперативная теория. Вопреки рассуждению, что «никакой концентрации..., за исключением первичной переработки с.-х. продуктов, провести невозможно», мы считаем совершенно неизбежной и концентрацию самого производства.

IV.

Проследим теперь далее за развитием кооперативных идей профессора Чаянова. Само собою разумеется, что кооперация у него построена на строгих началах вертикальной концентрации.

«Начинаясь обычно с об'единения мелких производителей в области заготовки средств производства земледелия, кооперация весьма скоро переходит к организации кооперативного сбыта..., на их базе слагается хорошо работающий и сильный кооперативный аппарат, и, что особенно важно, происходит в аналогии с развитием капитализма первоначальное накопление кооперативного капитала... Кооперировав сбыт и техническую переработку, с.-х. кооперация тем самым производит концентрацию и организацию с.-х. производства в новых и высших формах, заставляя мелкого производителя видоизменять организационный план своего хозяйства..., улучшить технику...»

«Однако, добившись этого успеха, кооперация неизбежно развивает достигнутый успех далее в сторону еще большего захвата производственных отраслей крестьянского хозяйства (машинные товарищества, случные пункты, контрольные и племенные союзы, совместная обработка, мелиорация и проч.).

Во всем сказанном нет пока решительно ничего, с чем нельзя было бы согласиться. Единственно, что может показаться, на первый взгляд, странным, но что, надеемся, нами уже достаточно расшифровано,—это громкие слова о... концентрации производства, относящиеся к... видоизменению организационного плана мелкого хозяйства, и не менее громкие слова о «еще большем захвате производственных отраслей крестьянского хозяйства..., касающиеся... машинных товариществ и случных пунктов.

Чаянов во что бы то ни стало хотел бы убедить нас, что в «видоизменении организационного плана» и в организации случного пункта заключена уже вся концентрация, социализация, коллективизация и проч. Но профессорское чутье подсказывает ему, что и этого, пожалуй, мало. Нужно дать о б щ у ю картину новой организации земледелия, и он ее рисует в следующих красках:

«При параллельном развитии электрификации, технических установок всякого рода, системы складочных и общественных помещений, сети усовершенствованных дорог и кооперативного кредита элементы общественного хозяйства количественно нарастают настолько, что вся система качественно перерождается из системы крестьянских хозяйств, кооперирующих некоторые отрасли своего хозяйства, в систему общественного кооперативного хозяйства, построенную на базе обобществления капитала и оставляющую техническое выполнение некоторых процессов в частных хозяйствах своих членов почти что на началах технического поручения.

При национализации земли и политическом господстве трудящихся масс эта система хозяйства, вводимая через союзы кооперативов и кооперативные центры в систему планового государственного хозяйства, может быть признаваемой тождественной социалистической организации земледелия».

Теперь мы можем быть уже вполне спокойны. Благодаря Чаянову крестьянское хозяйство в наших руках: все оно расщепилось на ряд отраслей, захваченных кооперацией, и сам крестьянин, неизвестно зачем, продолжает сидеть на земле, исполняя свои обязанности..., «почти-что на началах технического поручения».

Что-то вроде нового типа «агента для поручений».

Как видим, и здесь Чаянов сам попал в неловкое положение и крестьянина в такое же поставил, вследствие того, что не связал концов. Когда буржуазный теоретик кооперации или закоснелый в старых взглядах кооператор считает, что вся советская работа окончится торжеством индивидуального начала и крахом идей коллективизма, то они по-своему логичны, хотя и неправы. Но Чаянов уже оставил прежнюю позицию, признав, что только в советских условиях (завоевания власти, национализации) кооперация «приобретает при поддержке государственной власти совершенно иное значение и делается основой нового общественного строя». Отсюда логически вытекал тот вывод, что условия, вызвавшие изменение роли кооперации (поскольку эти условия остаются, в чем не сомневается и Чаянов), будут и в дальнейшем влиять на ход и на исход ее развития.

Но именно этого-то вывода Чаянов убоялся. Он задержался на ступени об'единения различных функций и не сделал шага в сторону признания неизбежности и необходимости укрупнения и реорганизации на общественных началах самого производства.

Отсюда двойственность: отрыв практики от целей, действительности от теории; в общем, отсутствие, так сказать, целевой установки.

Мы не сомневаемся в благожелательном отношении Чаянова к советским проблемам земледелия и кооперации. Остается предположить, что профессор Чаянов, верный своим методам статического и изолированного изучения предметов, подошел и к вопросам сельского хозяйства в н е з а в и с и м о с т и о т п р о и с х о д я щ и х в п о с л е д н е м п р о ц е с с о в, вне зависимости от общественных отношений, как внутри деревни, так и между деревней и городом.

В изображении Чаянова деревня предстает однородной массой, которая послушно движется по всем уготованным ступеням кооперации, только бы была «признана» незыблемость мелкого хозяйства и семейных начал. Ни в одной из его работ мы не встретили анализа вопросов классового расслоения деревни и влияния этих процессов на судьбы кооперации. Между тем, важнейшие формы кооперирования, например, производственного кооперирования, вырастают именно в результате расслоения и классовой борьбы.

Дальнейшее движение деревни по пути кооперации мы представляем себе как борьбу слоев, заинтересованных в общественно-хозяйственной самозащите, с частным капиталом, стремящимся их эксплуатировать и подчинить. В свете такого понимания становятся ясными, во-первых, сами по себе стимулы, побуждающие крестьянство к кооперированию, во-вторых, необходимость противопоставления крупного общественного производства появляющемуся крупному частному производству, и, в-третьих, нарастание общественно-кооперативных форм вплоть до образования законченной социалистической системы.

Чаянов обходит эти проблемы и фактически, об'ективно, наносит вред тому самому мелкому хозяину, которого намерен защищать.

П р о в о з г л а с и в с т а р ы й и з ж е в а н н ы й п р и н ц и п б у р ж у а з н о й к о о п е р а ц и и, т о л ь к о с л е г к а с о в е т и з о в а н н ы й Ч а я н о в ы м, м ы ш и р о к о о т к р ы л и б ы д в е р ь... к р у п н о м у х о з я й с т в у... к у л а к а.

Ирония судьбы такова, что распинавшиеся в любви к мелкому крестьянскому хозяйству, служили всегда фактически богачам, а сторонники марксистских теорий—концентрации—впервые в истории взялись серьезно за помощь мелкому хозяйству.

Но, может быть, Чаянов и, вместе с ним, другие кооператоры, разделяющие те же взгляды, еще не сделали всех шагов на пути к усвоению подлинных идей обобществления. Тогда лучше поспешить, чтобы полнее войти в новое строительство.

Если же перед нами только новый вид сменовеховства, на подобие сменовеховства политического, то участь его сторонников такая же бесславная.

И. Бялый.

К вопросу об эмиссионных возможностях[1]).

I.

О восстановительном процессе.

Необыкновенно быстрый рост является характерной чертой нашего хозяйства. Промышленность наша в 22—23 г. расширилась на 35%, в 23—24 г. на 30%, а в 24—25 г. предполагается ее расширить уже на 70%. Ничего подобного не испытывала она в прошлые годы. За целое пятилетие, с 1908 по 1913 г., произошло расширение только на 43%.

При рассмотрении источников этого роста нужно прежде всего отметить источник, находящийся за пределами промышленности. Мы имеем в виду государственный бюджет, который снабжал промышленность средствами фактически за счет крестьянского хозяйства.

Но только что показанной быстроты развития промышленность достигла не только путем использования сельского хозяйства. Вторым источником быстрого ее роста явились силы, находящиеся внутри ее самой.

В НЭП она вступила в значительно сокращенных, по сравнению с довоенным временем, размерах, что обусловило наличие весьма значительного количества бездействующего основного капитала, легко и без особых затрат могущего быть использованным при расширении производства.

Бездействующий основной капитал, способный участвовать в производстве, полностью не использован еще и поныне. По подсчетам Р. Гордона—он использован на 55%, по данным Дзержинского—на 65%.

Приблизительно так же обстоит дело и с оборотным капиталом. К началу НЭП'а промышленность оборотного капитала также имела в избыточном количестве. Правда, использовать его было несколько сложнее. В силу ненормальностей системы распределения в эпоху военного коммунизма, оборотный капитал, которым обладали наши промышленные предприятия, отличался неправильным строением, диспропорциональностью. Одним видом сырья тресты обладали в избыточном количестве, в то время, как другие они должны были прикупать. Кроме того, тресты обладали и таким сырьем, которое вообще в ближайшее время не могло им пригодиться, т.-е. таким, которое представляло собою неликвидные средства треста. Но все же, улучшая строение своих оборотных средств, постепенно реализуя неликвидные средства, тресты увеличивали размеры своих оборотных капиталов, что облегчало им задачу расширения производства.

[1]) Статья дискуссионная.

Условия гражданской войны, хозяйственная непригодность системы военного коммунизма создали такое положение, когда сплошь да рядом имелись налицо все элементы производства, но производства все-таки не было, так как составные части производства не были пущены в действие. Характерным для восстановительного процесса и является реализация тех производственных возможностей, которые в эпоху военного коммунизма не могли быть использованы. Этим отчасти и об'ясняется необыкновенная быстрота в росте нашего хозяйства. В то время, как обыкновенный рост производства может происходить лишь по мере создания новых элементов производства, переживавшийся нашей промышленностью рост происходил в сильной мере путем производственного сцепления уже имевшихся, но бездействовавших до сих пор старых запасов. Что касается спроса, то с его стороны промышленность в общем не встречала препятствий. Рост производства, как правило, даже отставал от спроса. Кризис осенью 23 года и некоторая заминка в сбыте в начале 24—25 г. не опровергают этого положения, так как они были вызваны временными причинами.

Этот быстрый рост спроса на изделия промышленности об'ясняется, конечно, не только тем, что расширяющаяся промышленность внутри себя самой создает спрос на свою продукцию. Решающую роль здесь играет оздоровление сельского хозяйства.

В сельском хозяйстве происходит тот же процесс, что и в промышленности. После ликвидации войны и военной экономики, рабочая сила возвратилась на пустующие земли, расчлененные элементы производства превратились в производительные силы.

Процесс сцепления раз'единенных производственных элементов в сельском хозяйстве сомкнулся с таким же процессом в промышленности, в результате чего и получился быстрый рост нашего хозяйства.

II.

Новое в нашем сельском хозяйстве.

До каких же пор будет происходить ускоренный темп развития? Можно ли считать, что ускоренный темп уступит место нормальному росту, как только будут использованы старые запасы?

Ответ на эти вопросы нужно искать в состоянии сельского хозяйства. Выше мы далеко не исчерпали того, что в нем происходит. В нем происходит нечто гораздо большее, чем одна только ликвидация военных разрушений.

Новые процессы, происходящие в нашей деревне, отображает следующая табличка, заимствованная нами у Н. П. Огановского:

	% валового дохода от зерновых продуктов.	От интенсивных и технических растений, садоводства и огородничества.	От скотоводства и птицеводства.
1922 г.	50,8	22,2	27,0
1923 „	45,2	25,7	29,1
1924 „	39,1	27,4	33,5

Мы видим здесь весьма сильный рост удельного веса интенсивных и по преимуществу товарных культур. В действительности же процесс товаризации значительно сильнее, чем процесс интенсификации, отображаемый этой таблицей, так как товарность таких культур, как кукуруза, ячмень, скрывается рубрикой зерновых культур.

Очень часто этот качественный рост сельского хозяйства об'ясняют одним только восстановительным процессом: во время войны производство товарных культур сократилось значительно больше, чем нетоварных, и поэтому теперь, когда восстанавливается нарушенное войной равновесие, товарные культуры растут более быстрым темпом. А из этого неизбежно следует, что процесс усиленной интенсификации сельского хозяйства является временным и прекратится как только будет восстановлено нарушенное войною равновесие.

Мы не отрицаем, что восстановительный процесс является одной из причин интенсификации сельского хозяйства. Однако, уже в настоящее время имеется целый ряд признаков того, что переживаемый нашим сельским хозяйством процесс интенсификации и товаризации, кроме этого, имеет еще гораздо более глубокие причины.

По данным П. И. Попова, площадь технических культур в 24 г. равна 108% площади технических культур 1916 года, в то время, как общая посевная площадь в 24 г. составляет только 88% посевной площади 16 года. Эти цифры, как нельзя лучше, говорят, что восстановительный процесс нельзя считать единственной причиной интенсификации сельского хозяйства. Если посевы технических культур перескочили уровень 1916 года в то время, как общая посевная площадь до него далеко еще не дошла, и если, несмотря на это, производство технических культур продолжает расти гораздо быстрее, чем производство зерновых, то совершенно ясно, что усиленная интенсификация сельского хозяйства не связана довоенным уровнем, что есть какая-то новая сила, толкающая вперед нашу деревню.

Нам думается, что отмеченные тенденции суть не что иное, как *первые плоды полного освобождения нашей деревни от феодальных отношений*.

Закованные феодализмом производственные возможности дореволюционной русской деревни использовывались далеко не полностью. Революция же открыла дорогу широчайшему использованию потенциальных сил сельского хозяйства, что и сказалось в усиленной интенсификации его.

Лучшей иллюстрацией того, как уничтожение феодализма развязывает производительные силы деревни, является быстрый рост скотоводства. По данным НКЗ, размеры скотоводства в 1924 году увеличились по сравнению с 23 г.: для крупного рогатого скота на 21%, овец на 39%, свиней на 90%. Рост скотоводства об'ясняется, главным образом, наличием широкой кормовой базы *в виде перешедших к крестьянам от помещиков лугов и пастбищ*, брошенных и залуженных пашен. Если обратить внимание на то, что наличие брошенных и залуженных пашен в значительной мере об'ясняется увеличением крестьянских наделов, явившимся следствием экспроприации помещиков, то станет бесспорным, что быстрый рост скотоводства, главным образом, об'ясняется ликвидацией феодальных отношений.

Может быть, несколько менее наглядно, но отнюдь не менее значительно, влияние этого факта и на другие области сельского хозяйства.

Процесс реализации новых сил только теперь начинается и несомненно долго еще будет стимулировать быстрый рост сельского хозяйства, а за ним и всего народного хозяйства. Когда ускоренный темп развития сменится нормальным ростом, в настоящее время нельзя даже предвидеть.

Несмотря на быстрый рост нашего хозяйства, реализация освобожденных от феодализма производительных сил до сих пор производилась все же недостаточно интенсивно.

Рост скотоводства, например, до сих пор не только не стимулировался, но даже тормозился. Препятствием к его развитию являлось то, что продукты скотоводства не находили сбыта. Так в истекшем году мясо во многих местах крестьяне продавали по 3 коп. за фунт. Непроданное кожсырье представляло собою нормальное явление. В общем так же обстояло дело и с другими продуктами сельского хозяйства. Приведем наиболее разительные примеры.

В 1923 году площадь *ячменя* возросла на 60%. В 1924 году предполагалось дальнейшее расширение на 20%, а вместо этого произошло сокращение (правда, незначительное) на 0,9%. Причиной этому являются скверные условия сбыта. Емкость внутреннего рынка в отношении ячменя совершенно недостаточна (до войны 60% производимого у нас ячменя сбывалось на внешнем рынке), экспорт же этого продукта также производился в незначительных размерах, хотя кон'юнктура на внешнем рынке благоприятна.

Посевы *кукурузы* в 24 г. сократились на 10% вместо ожидавшегося прироста на 20,5%, что также об'ясняется незначительным экспортом. Несмотря на хороший спрос и выгодные дела за границей, несмотря на полную возможность вывезти 25—30 милл. пудов, было вывезено только 8½ милл. пудов[1]).

Посевы *табака* в 1924 г. сократились на Кубани на 20%, по Сухуму на 40%, и валовой сбор табака с 900.000 п. в 1923 г. упал до 550.000 п. в 24 году. Это сокращение в значительной мере произошло вследствие того, что в 23 году заготовительные органы с большим опозданием получили кредиты. Не располагая средствами в нужный момент, они не смогли во время закупить всего произведенного табака, что вызвало падение цен и разорение крестьян-производителей. [2]).

Можно привести множество фактов из разнообразных отраслей нашего хозяйства, показывающих, какие громадные производственные возможности у нас еще не использованы, как много потенциальных сил ждут своей очереди.

Из причин, тормозящих экспорт, нужно прежде всего отметить слабое развитие сельско-хозяйственной индустрии. Многие продукты нельзя полностью скупать просто потому, что из-за неудовлетворительного состояния сельско-хозяйственной индустрии, они не могут быть превращены в годное для экспорта состояние. Точно так же действует плохое состояние транспорта,

---

[1]) „Народн. х-ство СССР за 1923/24 г." (Обзор кон'юнктурного совета Госплана), стр. 21.

[2]) С. Молчанов. „Соц. х-ство", кн. 1. 1925 г.

что в свою очередь упирается в недостаточное производство основного капитала.

Однако, кроме этих причин, не поддающихся быстрому устранению, есть еще причины, которые легко можно устранить. Мы имеем в виду недостаточно энергичную работу по экспорту, а также недостаточно полное кредитование сырьевых и экспортных заготовок.

Если экспорт мясных продуктов, масла, яиц и т. п. встречает препятствия со стороны транспорта и плохого состояния холодильного дела, то для экспорта таких продуктов, как ячмень, плодопродукты, железная руда, фанера и т. п., препятствие может встретиться только со стороны оборотных средств. В отношении этих продуктов имеются все условия, необходимые для включения их в общественное производство; нужны только деньги, чтобы привести в движение раз'единенные и бездействующие части его. Необходимые средства должны в виде кредита предоставить банки, которые в свою очередь должны их черпать из эмиссионного источника.

Одна из основных задач кредитной политики в настоящее время должна заключаться в том, чтобы следить за полным удовлетворением потребностей организаций, закупающих сырье, конечно, при условии, если это сырье может быть потреблено внутри страны или экспортировано.

Всякая урезка кредитов, необходимых этим органам, задерживает под'ем нашего хозяйства. Сокращение эмиссии, достигаемое таким путем, не может привести к желательным результатам, ибо, тормозя хозяйственное развитие, оно этим самым ослабляет валюту.

III.

Новые процессы в сельском хозяйстве и промышленности.

Устранение вышеуказанных недостатков облегчит развитие сельского хозяйства, усилит накопление в нем, улучшит положение крестьянства. Но совершенно очевидно, что усиление накопления в сельском хозяйстве не есть исключительно сельско-хозяйственное явление. Оно, несомненно, будет питать быстрое развертывание промышленности. Предположим, что недостатки кредитования устранены, и посмотрим, как интенсификация сельского хозяйства повлияет на промышленность.

Рост интенсивности и товарности сельского хозяйства влечет за собой увеличение покупательной способности сельского населения, что требует развертывания промышленности. Этот же процесс создает сырье для промышленности. Поскольку широко кредитуются заготовки сырья, постольку оно (сырье) превращается в оборотный капитал, потребный для расширения производства, без затраты собственных средств со стороны промышленных предприятий. Правильное кредитование сырьевых заготовок в наших условиях всегда способно дать промышленности дополнительные сырьевые средства в размере, достаточном для расширения производства.

Но проблема оборотного капитала облегчается еще наличием довольно значительных неликвидных оборотных средств, которые будут увеличивать размеры оборотного капитала по мере расширения производства.

Конечно, ошибочно было бы думать, что сразу можно достигнуть полной ликвидности всех оборотных средств. Наличие у наших промышленных предприятий неиспользуемых товаров, об'ясняется, конечно, не столько тем, что их не умеют использовать, сколько тем, что при данных размерах производства и при данном составе вырабатываемой продукции они не могут быть использованы. При расширении же производства сырьевой продукт, который до того находился в избыточном количестве, будет потребляться полностью, т.-е. целиком вступит в число действующих оборотных средств; при увеличении ассортимента производимых товаров многие сырьевые продукты, до того совершенно не пригодные для производства, также обратятся в действующие оборотные средства и т. п.

Таким образом, усиление товарности сельского хозяйства создает для промышленности новые сырьевые средства и этим способствует ее расширению; расширение же промышленности дает возможность более производительно использовать старые оборотные средства и этим удешевить продукцию. Широкое кредитование сырьевых заготовок, вызывая расширение производства, понижает цены товаров и, следовательно, повышает покупательную способность валюты. Эмиссия в данном случае способствует укреплению валюты.

До сих пор мы перспективы развертывания промышленности рассматривали под углом зрения оборотного капитала и спроса на ее продукцию. Между тем наиболее сложной проблемой является проблема основного капитала.

По вышеприведенным данным т. Дзержинского расширять производство за счет старого основного капитала мы сможем в течение одного года.

Однако, это еще не означает, что основным капиталом наша промышленность на год обеспечена. По отношению ко всей промышленности в целом у нас может существовать 35% неиспользованного основного капитала, а в отдельных отраслях и отдельных предприятиях весь старый запас может быть исчерпан, и расширение производства не сможет происходить без восстановления изношенных частей и без создания новых оборудований. Такое положение и характерно в настоящее время для нашей промышленности. Для ее дальнейшего расширения, на ряду с использованием старого, необходим новый основной капитал.

Таким образом, проблема основного капитала является наиболее трудной. Растущее производство будет встречать препятствия больше всего с этой стороны. Однако она отнюдь не является неразрешимой.

Каковы же источники средств, необходимых для расширения и реконструкции нашего производственного аппарата?

Прежде всего нужно отметить увеличение эффективности тех средств, которые выделяет для этой цели сама промышленность в виде амортизационных отчислений.

У нас все время большое количество средств тратилось на содержание «консервированных» предприятий и на недостаточно загруженные предприятия. В дальнейшем же, по мере того, как вместе с расширением производства, все годные предприятия будут загружаться, по мере того, как консервированные предприятия будут втягиваться в производственный процесс, а со-

вершенно негодные для этой цели продаваться на слом, по мере этого производственных затрат будет требовать только тот капитал, который сам участвует в создании ценности. Это дает возможность восстановлять основной капитал в гораздо большей степени, чем это делалось до сих пор.

Так как быстрая загрузка основного капитала стимулируется усиленной товаризацией сельского хозяйства, то эту последнюю (товаризацию) можно считать косвенной причиной усиления эффективности амортизационных отчислений.

Но благотворное влияние товаризации сельского хозяйства на разрешение проблемы основного капитала этим отнюдь не исчерпывается. Выше мы старались доказать, что, при правильном кредитовании с.-хоз. производства и энергичной экспортной политике, можно было бы значительно увеличить экспорт с.-х. культур и сократить импорт сырья. Это усилило бы приток к нам золота, которое могло бы быть использовано для оказания промышленности долгосрочного кредита на восстановление основного капитала. Другими словами, при достаточно полном кредитовании с.-х. производства можно было бы увеличить количество ввозимых из-за границы товаров и изменить в нашу пользу их состав: вместо сырья, которым подымающееся сельское хозяйство в большей, чем теперь, мере смогло бы обслужить промышленность, мы ввозили бы основной капитал, недостаточность которого является единственным препятствием быстрому поступательному движению, совершаемому нашим хозяйством.

Следует помнить, что правильным кредитованием сырьевых и хлебных заготовок мы считаем отнюдь не беспредельное кредитование, а лишь такое, которое будет соответствовать нашим внутренним потребностям и возможностям экспорта.

Экспортные же возможности, как мы выше указывали, ограничиваются не кон'юнктурой на внешнем рынке (кон'юнктура на внешнем рынке для наших товаров благоприятна), а причинами, находящимися внутри нашей страны, и, главным образом, низким состоянием сельско-хозяйственной индустрии. Следовательно, одной из основных задач экономической политики в настоящий момент является создание сельско-хозяйственной индустрии.

По мере того, как будет разрешаться эта задача, будут расширяться экспортные возможности, будет улучшаться платежный баланс, разрешаться проблема основного капитала, а вместе со всем этим усиливаться темп роста нашего хозяйства.

Резюмируем сказанное. Происходящее расширение нашего хозяйства нельзя об'яснить одним только использованием довоенных ресурсов. Кроме этого, оно имеет своим базисом использование тех производственных возможностей, которым не давали ходу феодальные отношения дореволюционной России.

Поступательные толчки наше хозяйство будет получать из сельского хозяйства, давно созревшие производительные силы которого еще только начинают развертываться. Вследствие этого стремительный рост хозяйства не связывается довоенным уровнем и будет происходить еще долго после того, как этот уровень будет превзойден.

Процесс товаризации и накопления в сельском хозяйстве и вызываемый им процесс расширения промышленности в настоящее время тормозится скверным состоянием рынка сбыта для сельско-хозяйственных культур.

При безусловно благоприятной для наших товаров кон'юнктуре на внешнем рынке, главным препятствием для их экспорта является низкое состояние сельско-хозяйственной индустрии, находящееся в теснейшей зависимости от недостаточного производства основного капитала. По мере устранения этого недостатка будет устраняться об'ективное препятствие реализации колоссальных производственных возможностей нашей страны, и усиливаться темп роста нашего хозяйства.

Но кроме об'ективного препятствия существовало до сих пор еще и суб'ективное, которое заключалось в недостаточно полном кредитовании реализации сельско-хозяйственных культур.

IV.

Об эмиссионных возможностях.

Изложенный выше взгляд на кредитование заготовок сырья ставит перед нами вопрос о так называемых эмиссионных возможностях.

Обширная литература по этому вопросу его далеко не исчерпала. Все литературные выступления на эту тему можно разбить на две противоположные группы, из которых одна доказывает наличие широких эмиссионных возможностей, в то время, как другая стоит на противоположной точке зрения. Но, несмотря на разные выводы, обе эти группы пользуются одним и тем же методом, который, на наш взгляд, годен для решения одной только части проблемы, но не всей проблемы в целом.

Они решают вопрос об эмиссионных возможностях, сравнивая отношение денежной массы к товарообороту у нас с довоенным отношением и внося разные поправки на счет происшедших в нашем хозяйстве изменений.

Поступая таким образом, они исходят из того бесспорного положения, что во избежание инфляции, необходимо сохранить соответствие между денежной массой и размерами товарооборота. Но при этом они упускают из виду разницу между казначейской эмиссией и банковской и подходят к проблеме эмиссионных возможностей с точки зрения казначейской эмиссии.

Фактически они исходят из того, что эмиссия приходит в товарооборот извне, застает определенно данные размеры его и, увеличивая денежную массу, меняет тем самым ее отношение к товарообороту. Пользуясь этим исходным пунктом, одна из спорящих сторон всевозможными вычислениями старается доказать, что отношение денежной массы к товарообороту у нас ниже, чем следует, и что поэтому эмиссионные возможности использованы не полностью; другая сторона находит это отношение нормальным и предостерегает от эмиссии.

Будучи пригодным для решения вопроса о размерах казначейских эмиссий, этот подход недостаточен, когда речь идет о банковской эмиссии.

В то время, как казначейская эмиссия, направляясь непосредственно в сферу обращения, усиливает денежную массу и уменьшает товарную, банковская эмиссия, наоборот, идет в конечном счете в производство и увеличивает спрос только потому, что

увеличивается производство. В то время, как казначейские эмиссии увеличивают потребительский спрос, банковские эмиссии увеличивают спрос производительный, т.-е. такой, который не уменьшает товарную массу, а, наоборот, увеличивает ее. Банковские эмиссии могут изменить размеры денежной массы, но не изменить ее отношения к товарообороту.

Вопрос о размерах банковских эмиссий нужно, следовательно, решать не с точки зрения одних только явлений обращения, а с точки зрения всего процесса производства, включающего в себя, как собственно производство, так и обращение.

В связи с этим не безынтересно будет привести мнение Л. Волина:

«Реальное расширение товарооборота в более или менее значительных размерах и на длительный период может быть результатом только органического процесса развития и оздоровления народного хозяйства, требующего продолжительного времени и постепенного накапливания реальных средств или вложения их со стороны». (Курсив наш) [1].

Волин был бы прав, если бы речь шла о нар. хозяйстве, переживающем обычный темп расширения. Там действительно крупная банковская эмиссия не может своевременно вызвать такое расширение производства, которое удовлетворило бы возросший спрос. Но подходить к нашему хозяйству с критерием нормального роста, значит заранее обречь себя на бесплодные выводы.

Выше мы старались доказать, что наше сельское хозяйство обладает материальными благами, которые при правильном кредитовании превратятся в элементы призводства (у нас в стране или через посредство экспорта, за границей), а в противном случае окажутся продуктами натурального крестьянского хозяйства, а то и вовсе прекратят переживать процесс воспроизводства, как это было с кукурузой, ячменем и др. Наша банковская эмиссия расширяет производство не тем, что заново создает его элементы, а тем, что изменяет функциональное бытие уже произведенных материальных благ, превращая их из продуктов натурального крестьянского хозяйства в составные части общественного производства.

Рассматривая банковскую эмиссию таким образом, мы подходим к ней с точки зрения производства, ибо гвоздем вопроса для нас является то, что эмиссия доставляет общественному производству необходимые составные части. Но вместе с этим мы, в противоположность Л. Волину, не исходим из обыкновенного капиталистического производства, а учитываем новые процессы, возникшие в связи с полной ликвидацией феодализма. К сожалению, защитники «эмиссионной позиции» не сделали эти новые процессы своим исходным пунктом, вследствие чего даже самый убедительный из них (Громан) не пошел дальше частичного разрешения проблемы.

После этих общих замечаний и для доказательства правильности их обратимся к рассмотрению конкретных процессов, которые могут быть вызваны банковской эмиссией.

[1]) „Экономич. Обозрение", № 1, январь 1925 г.

Правильное кредитование сырьевых заготовок увеличивает возможность реализации крестьянской продукции и этим самым усиливает покупательную способность крестьян. Совершенно очевидно, что на этой стадии нет даже и намека на инфляцию: банковская эмиссия идет на закупку ненаходившей до того времени сбыта крестьянской продукции. Но что произойдет дальше?

Купленная у крестьян при помощи банковской эмиссии продукция частью в виде сырья пойдет на расширение промышленности, частью будет вывезена за границу. Кроме того, произойдет смыкание новых процессов в сельском хозяйстве с новыми процессами в промышленности: увеличившаяся покупательная способность крестьянства усилит спрос на продукты расширившейся промышленности.

Для того, чтобы не произошло вздутия промышленных цен (что могло бы уменьшить покупательную способность валюты), нужно, чтобы промышленность расширилась соответственно усилению спроса на ее продукцию. Сможет ли промышленность расти в такой мере?

Со стороны сырья препятствий, конечно, не встретится, ибо процесс увеличения покупательной способности крестьянства есть одновременно процесс увеличения сырья у промышленности. Со стороны рабочей силы в наших условиях при безработице, перенаселении в сельском хозяйстве, при широком развитии и еще более широких перспективах кустарной промышленности—также не встретится затруднений.

Единственно трудной проблемой, как мы уже и говорили, является проблема основного капитала. Но и она не является неразрешимой. В этом году наша промышленность расширяется на 70%. Такое расширение достигается частично путем использования незагруженного основного капитала, частично путем импорта необходимых частей производственного аппарата. На будущий год первый источник сократится, но за то увеличится второй, особенно если энергичная экспортная политика и правильное кредитование изменят платежный баланс в указанном выше направлении. Если же все-таки состояние основного капитала не позволит довести промышленность до размеров, способных удовлетворить возросший спрос, то образовавшийся пробел будет восполнен кустарной промышленностью, которая как раз в этом году получает широкие возможности развития.

Таким образом, банковская эмиссия, если только она получит правильное направление, не только не создаст инфляции, но, наоборот, расширит производство, уменьшив расходы, снизит цены и, следовательно, укрепит валюту. Непонятным парадоксом это является только для того, кто отождествляет кредитную эмиссию с казначейской.

Мы рассмотрели шаг за шагом процессы, возникшие в связи с кредитованием реализации сельско-хозяйственной продукции и убедились, что правильно использованная банковская эмиссия отдаляет народное хозяйство от инфляции, а не приближает к ней. Но выше мы предполагали кредитование не только реализации сельско-хозяйственной продукции, но в некоторых случаях и производство ее. Рассмотрим, не вызовет ли инфляцию банковская эмиссия, использованная таким образом.

Нельзя отрицать, что рассмотренные выше случаи кредитования производства отличаются от кредитования заготовок уже произведенного сырья, прежде всего тем, что спрос они увеличивают немедленно, а производство расширяют только через год.[1]).

Здесь, конечно, кроется опасность инфляции.

Однако, процесс быстрого роста нашего хозяйства, таит в себе силы, которые легко смогут преодолеть только что указанную опасность инфляции.

Обращаясь к рассмотрению этих сил, нужно прежде всего отметить, что из средств, внедряемых через эмиссию в сельское хозяйство, только часть возвращается в промышленность в виде спроса на ее продукцию. Другая же часть остается в самом сельском хозяйстве. При наличии довольно широкого разделения труда в сельском хозяйстве, одна отрасль его пред'являет спрос на продукты другой отрасли. Вследствие этого спрос, пред'являемый сельским хозяйством на продукты промышленности, увеличивается в меньшей мере, чем кредитование сельского хозяйства.

Во-вторых, как совершенно точно установил В. Г. Громан, у нас происходит процесс замедления оборота монеты, каковой будет продолжаться и в дальнейшем.

На это положение обрушился Л. Волин, указывая, что замедление оборота денег было понятно на другой день после денежной реформы, но совершенно необ'яснимо теперь, когда прошло уже 1½ года после ее проведения; что теперь, с общим укреплением нашего хозяйства, обороты денег должны ускоряться, а не замедляться. Совершенно очевидно, что эти возражения не в состоянии поколебать положения В. Г. Громана.

За военные годы население обеднело на столько, что полностью прекратило сколько-нибудь крупные покупки, требующие накапливания денег. Покупались вещи безусловно необходимые, дешевые, главным образом, предметы питания. Вследствие этого ускорялось обращение денег. Улучшение же благосостояния населения, вызванное хозяйственным ростом страны, дало ему возможность возобновить более солидные покупки, требующие накапливания денег и, следовательно, приводящие к сокращению их оборота.

Так как благосостояние населения в настоящее время далеко еще не достигло нормального уровня, то процесс сокращения оборота денег отнюдь нельзя считать закончившимся. Это обстоятельство не нужно недооценивать. Оно означает, что спрос, вызываемый эмиссией, будет отставать от ее размеров.

Таким образом, если выше мы установили, что из эмиссионных средств, направляемых в сельское хозяйство, только часть пред'явит спрос на изделия промышленности, то теперь мы видим, что покупательная сила и этой части, под влиянием сокращения оборота денег, имеет тенденцию уменьшаться.

Третьим фактором, способным предохранить наше хозяйство от инфляции, является плановый характер его.

Соответствующие хозяйственные органы в известной мере заранее могут учесть предстоящее увеличение спроса и подготовить к нему промышленность. Тем более, что в наших условиях со стороны сырья особых препятствий не может встретиться.

---

[1]) Напоминаем, что мы отнюдь не считаем возможным долгосрочное кредитование производства за счет эмиссии.

Наконец, как мы уже указали, не малую роль в борьбе с товарным голодом в состоянии сыграть наша кустарная промышленность.

Принимая во внимание все только что изложенное, вряд ли можно утверждать, что сравнительно незначительное увеличение спроса, вызванное авансированием (весьма ограниченным) производителей сырья, приведет к инфляции.

Из всего сказанного видно, что мы так же, как и Громан, Киселев, Волин и все другие, считаем необходимым нормальное соответствие между денежной массой и товарооборотом. Но в противоположность им, мы не игнорируем активную роль банковской эмиссии, мы принимаем во внимание, что при наличии известных условий она становится фактором увеличения товарооборота. А условия, в которых находится наше хозяйство позволяют банковской эмиссии играть такую роль.

Наше хозяйство вступает в период реализации новых возможностей, вследствие чего сельское хозяйство с каждым годом будет предоставлять все большее и большее количество продуктов, которые потребуют для своей реализации, а отчасти и производства, новых банковских эмиссий.

Размеры новых эмиссий зависят от размеров той продукции, которую эмиссии могут втянуть в товарооборот. А так как, согласно вышеизложенного, продукция эта будет все больше и больше увеличиваться, то вместе с нею все больше и больше будут расширяться эмиссионные возможности.

В каждый данный момент, при данном состоянии товарооборота, денег может больше и не требоваться, но, несмотря на это, все же можно произвести новую эмиссию, если только она сможет втянуть в оборот новую товарную массу.

Имея такие широкие перспективы, наша банковская эмиссия должна считаться только с тем, чтобы в каждый данный момент не нарушить равновесия в народном хозяйстве, чтобы увеличению спроса, который она вызывает, соответствовало как по размерам, так и по быстроте, увеличение производства. Эта задача весьма сильно загрудняется недостатком основного капитала и ограниченными экспортными возможностями, однако, небольше, как затрудняется.

Вот как в самом общем виде по нашему следует разрешать проблему эмиссионных возможностей. Но это есть только общее решение вопроса, методология проблемы эмиссионных возможностей, которая отнюдь не решает вопроса о допустимости эмиссий в каждый данный момент.

М. Голендо.

Урожай 1925 года и перспективы его реализации.

Урожай и народное хозяйство.

Нечего доказывать, какое огромное значение имеет урожай в экономике нашей страны, в темпе развития народного хозяйства. СССР является до сих пор по преимуществу страной сельско-хозяйственной. Наш удельный экономический вес на мировом рынке определяется в первую очередь размерами нашего экспорта, т. е. количества с.-х. товаров, которые мы в состоянии ежегодно выбрасывать на мировой рынок. А размер нашего экспорта целиком зависит от размеров урожая.

От того, какое количество хлеба, льна, продуктов животноводства мы сумеем вывезти за границу, зависит в значительной мере и размер нашего импорта, т. е. ввоза. На данной ступени развития народного хозяйства импорт имеет большое значение. Мы вплотную подходим к полному использованию старого технического оборудования нашей промышленности. Дальнейший рост народного хозяйства требует расширения нашей промышленности, постройки целого ряда новых заводов, а также замены старого технического оборудования новым на уже существующих заводах. Все это оборудование и переоборудование нашей промышленности нам придется преимущественно вывозить из-за границы.

Не меньшее значение имеет урожай и для дальнейшего под'ема сельского хозяйства, особенно для развития животноводства. Если взять кривую роста нашего животноводства, то она сильно поднимается в момент урожая, а затем сильно падает в момент недородов и неурожая. Хороший урожай вольет больше ценностей в сельское хозяйство, увеличит накопление в нем, поднимет покупательную способность крестьянства, и тем самым расширит емкость внутреннего рынка для промышленности, вызовет ее более быстрый рост.

Если мы взглянем на кривую наших урожаев за последние 30—40 лет, то она представляется необычайно ломаной кривой. Колебания вверх и вниз от средней будут огромны. Через каждые три-пять лет, относительно благополучных по урожаю, следовал один-два года недородных или неурожайных. И те достижения, которые делало сел. хоз-во за несколько лет урожая, сводились на нет одним неурожайным годом. Примеры этого еще свежи в нашей памяти.

Та низкая техника, которой характеризуется наше сельское хозяйство и особенно полеводство, ставит урожай в полную зави-

симость от погоды. В странах, где сельское хозяйство стоит на высоком уровне техники, влияние погоды на урожай несравненно меньше: отклонение в ту или другую сторону в урожайные и неурожайные годы не превышает 20%, тогда как у нас эти колебания доходят до 70—80%.

Вот почему с таким напряженным вниманием вся страна следит изо-дня в день за теми сведениями, которые идут с полей в связи с той или иной погодой.

Сухая осень прошлого года и особенно резкие изменения погоды прошедшей зимы внушали серьезную тревогу за судьбу урожая. Предполагалась гибель озимых на огромной площади. Правительство предпринимало меры на случай возможного пересева; ассигновывались соответствующие суммы на заготовку яровых, готовили транспорт для перевозки их. Но еще первые сведения, которые приходили с полей ранней весной, рассеивали эту тревогу. Озимые, которые считались наверное погибшими, зеленели, оживали. В дальнейшем эти сведения целиком подтвердились; наши опасения рассеились. Гибель озимых не превышала обычного %, который бывает каждый год. Ранняя теплая весна с каждым днем вселяла бодрость и уверенность за судьбу урожая. Оценка видов на урожай каждое 15-е и 1-е повышалась.

К настоящему моменту урожай уже целиком определился, как выше среднего. Уже повсеместно идет или заканчивается уборка урожая, вот почему мы имеем возможность с большей или меньшей точностью определить размеры урожая 25 года.

Размер урожая зерновых хлебов.

Размер урожая зерновых хлебов зависит, с одной стороны, от размеров посевной площади, а с другой—от размеров сбора с единицы посевной площади. Начиная с 1922 г., мы наблюдали непрерывный рост посевных площадей; при чем темп этого роста непрерывно из года в год замедлялся. Если в 1923 г. прирост посевной площади составлял 18%, то в 1924 г. уже 6%, а в 1925 г.—только 4%. Посевная площадь главных яровых хлебов в 1924 г. составляла 69 милл. десятин, а в 1925 г.—72 милл. десятин.

Этот прирост посевных площадей за 1925 г. был неравномерен по всем районам. Возрастание выразилось:

	В %		В %
Потребляющая полоса . . .	2	Киргизия	11
Производящ. полоса и Крым	5	Сибирь и ДВО	13
Сев. Кавказ	7	Украина	1

Расширение посевных площадей произошло, главным образом, за счет производящих районов и окраин.

На 15-е июля виды на урожай Центр. Стат. Управлением оценивались в 3,4 балла, что составляет сбор на десятину около 57 пудов, против 41 пуда сбора прошлого года. При такой оценке

валовой сбор составит не меньше 4 миллиардов пудов (4,025 миллионов) [1]).

Эта оценка является далеко не точной, а приблизительной. Здесь возможны ошибки на сотню, а то и другую милл. пудов. Более точное определение размеров урожая мы будем иметь только в конце сентября, когда выявится фактический сбор с десятины. Однако, заранее можно сказать, что цифра в 4 миллиарда пудов исчислена осторожно. Ежедневно приходящие сведения со всего Союза о фактическом сборе урожая говорят о том, что мы скорее преуменьшили размер валового сбора зерновых хлебов, чем преувеличили его [2]).

Посмотрим, как распределяется этот общий сбор в 4 миллиарда по отдельным районам.

	В мил. пуд.	Процент ко всему сбору.	
Производящая полоса	1.305	32 5	72%
Украина	1.125	28,5	
Сев. Кавказ	465	11	
отребляющая полоса	490	12	
Сиби ь	360	9	
Киргизия	100	2,5	
ЗСФСР	95	2,3	
Туркестан	85	2,2	
Итого	4.025	100	

Мы видим, что 72% валового сбора по всему Союзу приходится на три основных района: производящую полосу, Украину и Сев. Кавказ. Увеличение валового сбора в этом году произошло, гл. образом, за счет увеличения сбора по этим трем районам. В 1924 г. они дали 1.800 милл., а в 1925 г. 2.895 милл. пуд., т.-е. на 1.095.000.000 больше, чем в прошлом году.

Товарная часть хлебной продукции.

Нас особенно должно интересовать, какое количество хлеба из общего валового сбора будет выброшено на рынок.

Рыночная часть хлебной продукции каждого года—величина переменная. Она зависит от размера урожая, потребности на обсеменение полей, размеров внутрихозяйственного потребления самого крестьянства и, наконец, рыночных цен. При высоких ценах на хлеб крестьянин сокращает внутрихозяйственное потребление хлеба и старается возможно больше его продать на рынке. Наоборот, когда цены низки и невыгодны крестьянину, он расходует хлеб на такие потребности, на которые в другое время и не вздумал бы. Так было в 1923 г. при обильном урожае кукурузы. Рыночные цены на нее стояли 5—10 коп. пуд. Прода-

[1]) Мы здесь, как и в дальнейшем, пользуемся данными ЦСУ по оценке урожая на 1/VII, внося соответствующие поправки на основании позднейших сведений. Экономико-стат. секция Госплана производит ежегодные подсчеты размера урожая методом балансового расчета. Подсчет этим методом дает превышение сбора урожая, примерно, на 12%, против исчисления ЦСУ. Урожай в 1925 г., по расчетам Стат.-эконом. секции, определится в 4.650.000.000 пудов. Однако, нас особенно интересующую товарную часть урожая, оба учреждения определяют, примерно, в одинаковых цифрах. Происходит это оттого, что Экон.-стат. секция Госплана берет более повышенные нормы внутрикрестьянского потребления.

[2]) Статья уже была набрана, когда были опубликованы оценки урожая ЦСУ на 1-е августа, определяющие цифру сбора в 4.200 милл. Таким образом, наши предположения оправдались.

вать за такую цену кукурузу не было никакого расчета, и гораздо выгоднее было употреблять ее на топку печей, что крестьяне и делали. Поэтому, при определении товарных излишков, мы при своем расчете заранее будем предполагать, что рыночные цены на хлеб в этом году будут для крестьянина более или менее приемлемыми.

Размер потребных семян на 1925/26 хоз. год определяется в 650 милл. пудов. Здесь учтено также возможное расширение посевной площади на 5%.

Норма потребления крестьянского хлеба на собственное питание и корм скоту устанавливается двумя ежегодными обследованиями питания населения. В урожайные годы норма питания населения, а особенно скота, несколько увеличивается; поэтому мы будем делать для предстоящего года некоторую надбавку на норму питания, установленную в предшествующие годы. Эти нормы по отдельным районам далеко неодинаковы. Они колеблются от 10 пуд. по б. Киргизской Республике до 25 пуд. на душу населения по Сев. Кавказу. В среднем же по всему Союзу потребность населения в питании и корме скоту на 1926 год взята в 21,3 пуд. на душу, что даст общую потребность в 2.300.000.000 пуд.

Во всякий урожайный год население откладывает некоторые запасы, которые являются страховкой на случай неурожая. Таких запасов будет отложено в 1926 г. не меньше 100 милл. пуд.

Таким образом, потребности сел. населения выразятся: 650 миллионов пудов семян+2 миллиарда 300 милл. пуд. питания++100 милл. пуд. запаса, а всего 3.050 милл. пудов. Отсюда товарные излишки определятся: 4025 милл.—3050 милл., что составит 975 миллионов или около 1 миллиарда. Сюда не входят мелкие внутрикрестьянские покупки и продажи, которые определяются не меньше, чем 500 миллион. пудов. Миллиард пудов—это те излишки, заготовителем и потребителем которых будет городской рынок.

Сопоставим валовой сбор и товарные излишки по отдельным главнейшим районам.

	% к общему валовому сбору по СССР.		% к товарным излишкам по СССР.	
Производящая полоса	32,5	72	23,5	85,5
Украина	28,5		41	
Сев. Кавказ	11		21	
Сибирь	9		10	
Киргизия	2,5		4,5	
Остальные районы	16,5		—	
Итого	100		100	

Основные излишки концентрируются в трех производящих районах, которые дают 85,5% товарных излишков всего Союза при валовом сборе в 72%. Наиболее товарным районом является Сев. Кавказ, где удельный вес товарных излишков почти вдвое (11% и 21%) превышает удельный вес этого района в вало-

вом сборе. Следующим районом по товарности идет Украина. Если относительная товарность Украины меньше Сев. Кавказа, то зато по абсолютным размерам товарных излишков она стоит на первом месте и дает 41% всех излишков Союза. И, наконец, производящая полоса, которая хотя и дает 23,5% всех излишков, но при ее валовом сборе в 32,5% товарность этого района значительно меньше предыдущих двух.

Наличие 85% всего товарного хлеба в районах, расположенных вблизи жел.-дор. линий и водных путей, дает уверенность, что их легко можно будет извлечь и перевезти, куда необходимо.

У кого находятся товарные излишки.

Основным производителем, а также поставщиком хлеба на рынок являются единоличные крестьянские хозяйства. Им принадлежит 98% всего валового сбора хлеба и 97% его товарной части. Остальная, ничтожная доля, приходится на совхозы и коллективные хозяйства.

Мы знаем, что отдельные крестьянские хозяйства экономически не равны между собой. Среди них есть беспосевные, которые никакого хлеба своего не имеют, и, значит, у них и никаких излишков не может быть. Есть малопосевные, у которых даже при полуголодной норме своего хлеба не хватает или едва-едва хватает. Наконец, есть многопосевные, у которых имеются излишки, поставляемые на рынок.

Посмотрим, каков будет хлебофуражный баланс в 1925/26 г. у отдельных групп крестьянских хозяйств.

Хлебофуражный зерновой баланс 1925/26 с. х. г. по группам посева по расчету на 1 душу в пудах [1]).

(По СССР, без КССР, ЗСФСР и Средней Азии).

Посевные группы.	Валовой сбор.	Чистый сбор.	Потребность (продовольствие, корм скота).	Избытки (+) и недостатки (—) за покрытием потребности.	
				В пудах на 1 душу.	В % к валовому сбору.
1. Без посева	—	—	17,5	— 17,5	—
2. С посевом до 1 дес.	9,5	7,9	18.1	— 10.2	— 107
3. „ от 1,1 до 2,0 д.	18,9	15,7	19,3	— 3,6	— 19
4. „ „ 2,1 „ 3,0 „	27,6	22,9	20.3	+ 2,6	+ 9
5. „ „ 3,1 „ 4,0 „	36,2	30,1	21,1	+ 9,0	+ 25
6. „ „ 4,1 „ 6,0 „	48,7	40.8	22,0	+ 18,8	+ 39
7. „ „ 6,1 „ 8,0 „	66,0	55,8	23,3	+ 32,5	+ 49
8. „ „ 8,1 „ 10,0 „	81,8	69,8	24,2	+ 45,6	+ 56
9. „ „ 10,1 „ 16,0 „	104,0	89,9	25,4	+ 64,5	+ 62
10. „ свыше 16,0 „	165,9	144,5	27,9	+ 116,6	+ 70
Итого в среднем	35,5	29,8	20,6	+ 9,2	+ 26

1) Расчет сделан на сельское, бюджетно-связанное население.

Из этой таблицы ясно видно, что обеспеченность хлебом различных слоев деревни будет далеко не одинакова.

Хозяйство, засевающее всех культур до 1-й десятины, имеет валовой сбор 9,5 пудов, а чистый—7,9 пуд. при средней потребности в 18,1 пуда. Дефицит—10,2 пуда на душу. Точно так же дефицитной является группа с посевом до 2 десятин.

Только группы с посевом от 2—3 десятин сводят свой хлебнофуражный баланс без дефицита, даже с некоторым, правда, весьма незначительным, излишком, в 2,6 пуда на душу.

Хозяйство с посевом от 3—4 десятин уже могут отчуждать излишков по 9 пудов на душу; с посевом от 4—6 десят. отчуждение уже больше 15 пуд. на душу. Это возрастание отчуждения все увеличивается и доходит в хозяйствах, сеющих свыше 16 десятин, до 116,6 пуд. на душу.

Процент отчуждения по отношения к валовому сбору также возрастает, доходя уже в группе сеющих с 6—8 десятин до 50%, а в группе, сеющей свыше 16 десят. до 70%.

Какой же удельный вес составляет каждая группа, как в общем валовом сборе, так и в рыночных излишках? Следующая таблица дает нам представление, кто является владельцем главной массы рыночного хлеба.

Вес отдельных посевных групп в общей массе населения и в производстве хлебов.

(По СССР без Туркест., ЗСФСР и КССР).

Группы по посеву.	Хозяйств.	Население.	Валовой сбор.	Избытки.	Недостатки.
Без посева	4.3	3	—	—	22
С посевом до 1 дес.	13,7	12	3	—	44
„ от 1,0 — 2,0 дес.	23,4	22	12	—	34
Итого	41,4	37	15	—	100
С посевом от 2,0 — 3 дес.	19,6	20	16	3	—
„ „ 3 — 4 „	13,2 } 46,6	14 } 49	15 } 52	11 } 39	—
„ „ 4 — 6 „	13,8	15	21	25	—
„ „ 6 — 8 „	5,8	7	12	19	—
„ „ 8 — 10 „	2,7 } 12,0	3 } 14	7 } 33	12 } 61	—
„ свыше 10 „	3,5	4	14	30	—
Итого	58,6	63	85	100	—
Всего	100	100	100	100	100

У нас 41,4% крестьянских дворов, составляющих 37% крестьянского населения с посевом до 2 десятин владеют только 15% валового сбора. Даже в этом году, при хорошем урожае, они не могут покрыть своей потребности в хлебе и вынуждены

покрывать свои недостатки покупкой хлеба у более зажиточных. Эти 41,6% пролетарских и полупролетарских слоев деревни и представляют собой тот внутренний крестьянский рынок, который поглощает до 500 миллионов пудов хлеба, не входящего в излишки, выбрасываемые на городской рынок.

Группы крестьянских хозяйств с посевом от 2—3 десятин, составляющие 19,6% дворов и 20% всего крестьянского населения, владеют 16% валового сбора, уже сводят концы с концами и даже дают незначительные излишки, составляющие 3%.

И только крестьянские хозяйства, с посевом от 3—6 десятин и выше, дают заметные излишки. При чем удельный вес их излишков все увеличивается, в то время как удельный вес населения этих групп уменьшается. Так группа, имеющая свыше 10 десятин, составляет всего лишь 3,5% дворов, 4% населения, владеет 14% валового сбора и 30% излишков.

Все крестьянские хозяйства мы можем разбить на три группы.

Первая группа—это беднота, у которой не только нет излишков, но и не хватает своего хлеба. Она составляет 41,6% дворов и 37% населения.

2-я группа—середняцких хозяйств—уже сводящая свой хлебофуражный баланс без дефицита и с некоторыми излишками. Такие хозяйства составляют 46,6% дворов и 49% населения. Им принадлежит 52% валового сбора и 39% излишков.

3-я группа—зажиточного крестьянства. Они составляют 12% дворов и 14% населения, им принадлежит 33% валового сбора и 61% излишков.

Итак, главная масса всех излишков—61% находится у небольшой группы зажиточного крестьянства, составляющего всего 12% дворов и 14% населения.

Хлебозаготовки 25/26 года.

Наличие на нашем рынке одного миллиарда пудов хлебных продуктов, потребует огромного напряжения государственного хлебозаготовительного аппарата. С 1917 г. мы не имели такого урожая и тем более не могли иметь таких излишков. В хлебозаготовительную кампанию 1923/24 г. мы заготовили около 300 миллионов пудов; столько же или немногим больше заготовили и в 24/25 году.

Для того, чтобы быть хозяевами на хлебном рынке, а главное, чтобы не допустить сильного падения цен, мы должны в предстоящую хлебозаготовительную кампанию заготовить почти в 3½ раза больше, чем в прошлые годы. Такое увеличение хлебозаготовок потребует огромного напряжения нашего государственного и кооперативного хлебозаготовительного аппарата.

Однако, при всем напряжении справиться с задачей заготовки одного миллиарда пудов только силами плановых хлебозаготовителей мы не сможем. К этой работе надо широко привлечь местные органы и частный капитал. Политика зажима, административного запрещения заготовок частному капиталу в этом году, не должна иметь места. Иначе мы стоим перед опасностью, что те громадные излишки, которые имеются у крестьянства и которые оно выбросит на рынок, не найдут достаточного спроса, и цены полетят вниз. Перед такой опасностью мы стоим, и это надо ясно осознать.

Увеличивающаяся роль частного хлебозаготовителя в урожайные годы нам не так опасна, как в неурожайные. В неурожайные годы частный хлебозаготовитель, сосредоточивая в своих руках большие излишки хлеба, может задерживать их и тем самым взвинчивать цены при недостатке хлеба для потребления внутри страны. В этом году опасности взвинчивания цен нет. Заготовленный частным капиталом хлеб будет реализован на внутреннем рынке, преимущественно в городах, и если он размещен здесь не будет, то в экспорт он может попасть только через руки наших государственных хлебозаготовителей.

Безусловно, подавляющее влияние на хлебном рынке, должно остаться за государственными и кооперативными хлебозаготовительными организациями. Частный капитал привлекается лишь в той мере, в какой наши хлебозаготовители не могут справиться. Исходя из этого, план хлебозаготовок может быть разверстан между основными хлебозаготовителями так:

Государственные и кооперативн. органы (плановые хлебозаготовители)	750	миллион.	пуд.
Местные органы	100	„	„
Частный капитал	100	„	„
Покупки населения непосредственно у крестьян на городском рынке	50	„	„
Итого	1	миллиард	пуд.

Удельный вес частного капитала при этой программе хлебозаготовок будет составлять всего лишь 10% в общих хлебозаготовках. Но если бы эти 10% не были извлечены с рынка, то они давили бы на цены, которые неизбежно падали бы вниз.

Политика хлебных цен.

Уже третий год как государство приступило к широким плановым хлебозаготовкам, и каждый раз вопросы хлебных цен особенно в начале хлебозаготовительной кампании стоят остро.

Мы представляем собою страну, где хозяйство строится на товарно-денежной основе, где существуют рынок, цены, прибыль, т.-е. все категории капиталистического хозяйства.

Но эти категории, стихийные законы капиталистического хозяйства у нас видоизменяются, модифицируются сознательным вмешательством государства. При чем степень этого воздействия, степень сознательного вмешательства государства, определяется степенью его экономического могущества, экономической организованностью. Мы сейчас настолько экономически сильны, что можем говорить о политике цен, т.-е. о сознательном воздействии государства на цены в ту или иную сторону.

Это воздействие на рынок, на цены применяется в высокоразвитых капиталистических странах. Там закон горизонтальной конкуренции, конкуренции предприятий данной отрасли между собой, почти исчезает.

Могущественные синдикаты диктуют цены рынку. Но если в высоко-развитом капиталистическом обществе законы цен, рынка, конкуренции получают ограничение в пределах одной отрасли, то в пределах разных отраслей они целиком действуют и проявляются еще с большей силой. Государство не может экономически регулировать все производство капиталистического общества данной страны. Оно не может примирить интересы одной

капиталистической группы с другой. Такие попытки делались в эпоху империалистической войны, но как только война кончилась, они потерпели крах, ибо несовместимы с природой капиталистического общества. Роль государства там сводится к ограждению интересов класса капиталистов от посягательства на эти интересы рабочего класса или буржуазии другой страны. Поэтому в буржуазном государстве вопросы регулирования цен не стоят перед ним, как специальная задача. Стихийные законы рынка, цен, целиком направляют и по своему регулируют все народное хозяйство в любой капиталистической стране.

У нас государство находится в руках класса, поставившего себе задачу построить организованное хозяйство и общество, в котором не было бы частной собственности на средства производства, в котором производство регулировали бы и направляли бы не стихийные законы рынка, а сознательное организованное руководство человека. На путях построения организованного социалистического хозяйства государство использует методы рынка, цен постольку, поскольку рынок является единственным условием, при котором могут развиваться еще многочисленные мелкие товарные хозяйства, единственной формой связи которых является тот же рынок. Но государство само является могущественным фактором этого рынка, как наиболее крупный владелец средств производства и товаров. Вот почему оно может сознательно воздействовать на цены, на рынок в сторону, которая максимально способствовала бы развитию производительных сил, устраняла бы все противоречия и тормозы, которые неизбежно создают слепые законы рынка. Но эти границы сознательного воздействия государства мы не должны преувеличивать.

При всех ограничениях и модификациях, которые получают у нас законы рынка, они тем не менее в вопросах цен играют в конечном счете решающую роль. Не только потому, что у нас на ряду с государственным организованным сектором народного хозяйства, есть 25 миллионов отдельных мелких товаропроизводителей, единственным условием производства и формой связи которых является рынок. Но и потому, что мы не представляем собой изолированного острова, экономически несвязанного с мировым рынком. Состояние этого рынка оказывает на наши цены огромное влияние. Это влияние сказывается на хлебе больше, чем на других товарах потому, что наш хлеб в урожайные годы представляет товар, который преимущественно идет на международный рынок.

Если на мировом рынке цена хлеба 1 р. 50 к., то мы не можем эту же цену платить нашему крестьянину. По этой цене мы должны купленный у него хлеб продать, оплатить все расходы и плюс к этому получить определенную прибыль. Равно не можем мы платить по 50 к. за пуд, если этот хлеб будем продавать по 1 р. 50 к. В этом случае мы задерживали бы процесс накопления в крестьянском хозяйстве, а, следовательно, и дальнейший темп его развития, суживали бы емкость рынка и ко всему этому вызывали бы политическое недовольство. Крестьянин знал бы, что хлеб, который мы купили у него за 50 к., продали за границей за 1 р. 50 к.

Вот почему при построении политики хлебных цен нельзя абстрагироваться от состояния цен на мировом рынке, как это

делают некоторые товарищи [1]). Они мотивируют тем, что если цены на мировом рынке будут стоять высокие, и мы при построении нашей политики цен будем ориентироваться на мировые цены, то крестьянство много будет получать за хлеб. У него будут происходить большие накопления. Тогда оно пред'явит такой спрос на промышленные товары, которого внутренним производством мы не сможем удовлетворить. Но в этом как раз и никакой беды нет. Не сможем удовлетворить потребность крестьянства в промышленных товарах внутренним производством, ввезем то, чего не хватит, из-за границы. Но задерживать из-за этого развитие сельского хозяйства, и не только сельского хозяйства, но и всего народного хозяйства, как это было в 1923 г. при низких ценах, было бы чистейшей нелепицей.

Правда, при политике хлебных цен мы не должны забывать, что высокие цены выгодны только тому, у кого есть излишки, а ими, как это мы установили выше, обладают только 63% крестьянства, в то время как остальные 37% покупают хлеб, а если мы отбросим группу хозяйств, балансирующих без излишков или с ничтожными излишками (3%), группу, составляющую 20% крестьянского населения, то фактически обладателями излишков будут только 43% крестьянства. Вот почему высокие цены бьют по карману не только рабочего, но и половину крестьянства.

Практически, однако, перед нами в предстоящем году будет стоять вопрос не как удержать рост цен, а как задержать их падение.

Исследование влияния урожая на хлебные цены за последние 30 лет говорят о том, что в урожайные годы, следующие за малоурожайными, наблюдается сильное падение цен, особенно в первые осенние месяцы [2]).

Уже приходящие сейчас сведения со всех концов Союза говорят о необычайной пестроте цен с определенной понижательной тенденцией. В некоторых уездах цена на рожь падает до 40—50 коп. против 2 рублей зимней цены. А ведь сейчас только заканчивается уборка, и новый урожай на рынок еще не выброшен. Это опасные симптомы, и мы должны их предупредить.

Понижение цен в этом году неизбежно должно быть. Те цены, которые стояли в прошлом году на мировом и особенно на внутреннем рынке, удержаться не смогут, так как урожай этого года значительно лучше прошлогоднего. Однако, это понижение не должно дойти до пределов, за которыми крестьянину невыгодно будет продавать хлеб. До этого допустить мы не должны. Этого требуют интересы 63% крестьянства, а также и интересы самого пролетариата. Прошлый год при слабом урожае и при высоких ценах на хлеб мы наблюдали невиданный рост нашего народного хозяйства и в первую очередь промышленности. Население освоило эти цены. Они вошли в бюджет рабочего и служащего, и особенно сильного понижения их допускать мы не должны. Вопрос цен—это вопрос темпа накопления и, наконец, развития как сельского хозяйства, так и промышлен-

[1]) См. статью Пестрякова. „Правда“ от 1/VIII с. г.

[2]) Смотри по этому вопросу работу Гухмана „Влияние урожая на хлебные цены“ в журн. „Плановое Хоз-во“, № 6 за 1925 г.

4

ности, это вопрос правильного взаимоотношения крестьянства с рабочим классом. Надо установить такие цены, которые максимально способствовали бы быстрейшему темпу роста обоих тесно связанных между собой отраслей народного хозяйства и наилучшему отношению двух не менее связанных между собой классов — рабочего и крестьянина.

Вся мудрость экономического руководства хоз. политикой в 1925/26 году и будет заключаться в том, чтобы это правильное соотношение цен соблюсти. За тот хлеб, который мы будем вывозить за границу, продавать в наших городах, крестьянин должен получить возможно большую долю. Баланс народного хозяйства за 1923/24 г. показывает, что из той цены, которую платил городской потребитель за хлеб, крестьянин получал только 60%, а остальные 40% падали на транспорт, торговые и прочие расходы. Это большой процент. Вот почему получается, что в то время, как мы закупаем у крестьянина хлеб по почти довоенной цене, рабочий за него платит вдвое дороже против того, что платил до войны. Это уменьшение накладных расходов тем более необходимо, что цены на мировом рынке упадут по сравнению с прошлым годом, и для того, чтобы нам конкурировать, надо будет дешевле продавать, а это удешевление в первую голову надо провести за счет накладных расходов. Это вполне возможно, так как размеры наших хлебозаготовительных операций максимально нагружают наш аппарат и тем самым дают возможность уменьшить его накладные расходы.

В первые месяцы, когда цены сильно падают, на рынок везет продавать из-за нужды свой хлеб бедняк, который зимой или весной вынужден будет покупать этот же хлеб, но только по более дорогой цене. Наша задача дать возможность ему удержать этот хлеб у себя. Для этого политика взыскания налога должна быть построена так, чтобы осенью с бедняка ничего не брать и тем самым уменьшить его и без того большую потребность в деньгах. Помимо этого, надо широко развить хлебозалоговые операции, для чего правительство ассигновало около 20 милл. рублей. Сельско-хозяйственная кооперация должна наблюдать, чтобы деньги под залог хлеба выдавались действительно только тому крестьянину, который продает свой хлеб из-за нужды.

Однако, удержать хлебные цены от падения без форсирования нашего экспорта мы не можем. Предварительный хлебофуражный баланс урожая 25—26 г. показывает, что из одного миллиарда пудов излишков, на потребление городов, корм городского скота и другие расходы пойдет не больше 450 милл. пудов, а 550 миллионов, да плюс около 100 милл. остатков у хлебозаготовителей от прошлого урожая—всего 650 милл. пуд. не найдут рынка сбыта внутри страны. Если переходящие остатки хлебозаготовителей увеличатся к будущему году до 200 милл. пудов, то и то нам надо не менее 450 милл. п. экспортировать.

Экспорт в таком размере потребует от нас огромного напряжения. Железные дороги должны перевезти этот хлеб в места ссыпки, там его надо считать, придать ему определенную кондицию. Все это мы должны сделать в первые осенние месяцы, с тем, чтобы выступить на мировом рынке раньше, чем может быть подвезен урожай Канады.

Мировой урожай и возможность реализации нашего экспорта.

После хорошего урожая 1923 г. прошлый год 1924 дал почти повсеместно значительный недобор по всем хлебам и в частности по пшенице. Особенно сильный недобор был в Канаде, которая собрала на 46% меньше, чем в 1923 г. В общем по всем странам мира урожай 1924 года был меньше урожая 1923 г. на 10—12%. В то время, как сбор уменьшился, потребление хлеба все увеличивалось, благодаря улучшению экономического положения целого ряда потребляющих стран. Еще летом прошлого 1924 года Сев.-Амер. Соед. Штаты, которые имели в противовес другим странам хороший урожай (сбор пшеницы на 14% выше 1923 г.), это обстоятельство учли. Департамент Земледелия, учитывая создавшуюся кон'юнктуру, значительно преуменьшил сведения о размерах предполагаемого урожая. Так, разница между оценкой на 1 июля и фактическим сбором выразилась по всем хлебам в 512 милл. бушелей (около 800 милл. пуд.). Все это сильно взвинтило цены. Так, с апреля по август 1924 г., цены на пшеницу возросли в два раза и на рожь в три раза. Сев.-Амер. Соед. Штаты были полными хозяевами хлебного рынка и держали неслыханно высокие цены до марта—апреля мес., т.-е. до появления хлеба южного полушария, а на рожь—до настоящего времени. Только в июле, в связи с видами на урожай, цены начинают несколько падать.

Каковы же перспективы урожая в главнейших странах в этом году? В настоящий момент более или менее точно учесть состояние урожая необычайно трудно. Во-первых, потому, что сбор хлебов в главнейших производящих странах производится несколько позже, чем у нас, а во-вторых, потому, что опыт предварительной оценки урожая прошлого года заставляет отнестись к ней с величайшей осторожностью.

Однако, предварительные суммарные сведения по странам Северного полушария уже есть. В Южном полушарии сейчас только заканчивается посев, и урожай будет выявлен только к январю, февралю месяцам.

Главнейшими странами-конкурентами нашего хлеба являются Соед. Штаты Америки и Канада; поэтому состояние урожая этих стран нас особенно должно интересовать.

Сравним предварительные данные Департамента Земледелия С.-А. С. Ш. об урожае настоящего года по оценке на 1 июля с окончательным сбором за 1924 и 23 г.г.

	Предполож. оценка на 1/VII 25 г.	Окончательный сбор.	
		В 1924 г.	В 1923 г.
	(В миллионах пудов).		
Пшеница . . .	1.122	1.439	1.293
Ячмень	275	247	261
Овес	1.137	1.356	1.141
Рожь	83	97	97
Итого . . .	2.617	3.139	2.792

Итак, по предварительной оценке урожай главных хлебов в Сев.-Амер. Соед.. Штатах ожидается—2.617 милл. пудов против 3.139 милл. п. прошлого года, т.-е. на 522 милл. меньше. Это уменьшение особенно сильно сказывается на сборе пшеницы, недобор которой по сравнению с прошлым годом выражается в 317 миллионов пудов.

Оценка урожая в Канаде на то же число дает следующие данные по сравнению с 1924 годом:

	Оценка урожая 1925 г.	Окончательн. результат урожая 1924 г.
	(В миллионах пудов).	
Пшеница . . .	602	432
Овес	413	362
Ячмень	114	115
Рожь	20	22
Итого . . .	1.149	931

Урожай Канады в этом году, наоборот, предвидится значительно лучший, чем в прошлом. Одна пшеница дает превышение сбора на 170 милл. пудов. Таким образом, уменьшившиеся экспортные возможности Сев.-Амер. Соед. Штатов частично могут быть пополнены за счет хорошего урожая Канады.

Урожай другой крупно-производящей страны—Индии—предвидится несколько хуже прошлогоднего, и недобор по одной пшенице выразится больше, чем в 100 милл. пудов. По всей Европе предвидится хороший урожай. Германия ожидает в этом году собрать больше, чем собрала в 1913 году, который считался рекордным за весь довоенный период. По некоторым сведениям, весь спрос ржи в стране будет удовлетворен внутренним производством. Та же картина хорошего урожая ожидается и в других странах Европы, где превышение сбора предвидится на 20—40% выше прошлогоднего.

Рискованно к настоящему моменту давать цифровое выражение мирового урожая. Однако, по главнейшим культурам, особенно важным для нашего экспорта, результаты уже можно приблизительно определить. Сбор пшеницы по всему Северному полушарию, без СССР, будет примерно на 120 миллионов пуд. больше, чем в 1924 г. Это увеличение приходится главным образом на долю Европы и Канады, при сильном уменьшении сбора Сев.-Амер. Соед. Штатов и отчасти Индии. Однако, несмотря на общее увеличение сбора, мировые запасы пшеницы в этом году будут значительно меньше, чем в прошлом году. Дело в том, что прошлый год были значительные переходящие остатки от урожая 1923 г., выразившиеся в общей сумме не меньше 200 милл. пудов. В то время, как в этом году мы имеем запасов не больше 15 милл. пудов. В результате общие запасы пшеницы в этом году будут меньше на 65—75 милл. пуд., чем в прошлом году. За последние годы происходило непрерывное расширение потребления пшеницы, которое еще недостигло довоенной нормы. В этом году мы должны ожидать также значительного расширения потребления, что расширит емкость мирового рынка еще на 150—200 милл. пуд. По этим подсчетам мы свободно можем разместить 250—300 милл. п. пшеницы на европейском рынке.

Несколько хуже обстоит дело с рожью. Сборы ее в этом году увеличились против прошлого года на 250—300 милл. пуд., правда, при почти полном отсутствии остатков от прошлого года. Только при значительном расширении потребления мы можем рассчитывать на крупный экспорт ржи, а это расширение неизбежно должно происходить, так как в прошлом году, благодаря отсутствию на мировом рынке экспорта СССР, рожь была в минимальном количестве. Гораздо лучше положение с ячменем, сбор которого почти не превышает прошлогодний, и рынок для которого полностью обеспечен.

В первый раз мы выходили на мировой рынок со своим хлебом в 1923/24 году, когда обеспечение мирового рынка хлебом после хорошего урожая 1923 года было значительно больше, нежели в этом году. Мы еще были неопытны, делали первые шаги и, тем не менее, наш хлеб на мировом рынке без большого труда вытеснял заокеанский хлеб. В этом году состояние мирового хлебного рынка складывается для нас значительно благоприятнее. Оно может еще измениться в худшую сторону, так как, повторяем, официальные данные Сев.-Амер. Соед. Штатов об их урожае, очень возможно, что преуменьшены. Так или иначе, те цены, которые стояли в прошлом году, не могут удержаться и пойдут на значительное понижение. Но по всем данным они будут выше цен 1923 года. Это заставляет нас максимально сократить накладные расходы, которые еще непомерно велики, с тем, чтобы удешевление хлеба, который пойдет на мировой рынок, происходило не за счет кармана крестьянина. Нам надо значительно повысить кондиции нашего зерна, которое может и должно быть не хуже, а лучше заграничного. Только при удешевлении цен и повышении качества нашего товара, мы сможем свободно разместить наши экспортные ресурсы на мировом рынке. И это мы должны сделать в первые осенние месяцы, пока на мировой рынок не выступила со своим хлебом Канада.

Увеличение количества экспорта увеличивает нагрузку хлебозаготовительного аппарата, а тем самым сокращает его накладные расходы. Это дает уверенность, что с этим теперь для нас наиболее важным препятствием в экспорте мы справимся.

Г. Сафаров.

Ленинизм как теория развития пролетарской революции.

(*Ответ тов. Марецкому*).

1. О чем спор.

В № 11—12 «Большевика» помещена рецензия тов. Марецкого о моей брошюре «Ленинизм как теория развития пролетарской революции» Главный грех брошюры, представляющей собою доклад в Толмачевском Институте, тов. Марецкий видит в «недиалектичности» выдвинутых там положений. Это обвинение заслуживает внимания.

Ленинизм есть новейший этап марксизма, новая ступень его развития в связи с развитием классовой борьбы. Поэтому, совершенно естественно, если мы попытались подойти к вопросу о том, что внес ленинизм нового в теорию и практику марксизма, с тем мерилом, с которым сам тов. Ленин подходил к марксизму вообще.—«Вся теория Маркса есть применение теории развития в ее наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием форме—к современному капитализму. Естественно, что для Маркса встал вопрос о применении этой теории и к предстоящему краху капитализма и к будущему развитию будущего коммунизма. На основании каких же данных можно ставить вопрос о будущем развитии будущего коммунизма? На основании того, что он происходит из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действия такой общественной силы, которая рождена капитализмом. У Маркса нет ни тени попыток сочинять утопии, по пустому гадать насчет того, чего нельзя знать. Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естество-испытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется» (Том XIV, часть 2, стр. 365—366).

Развитие марксизма применительно к потребностям эпохи перехода от капитализма к коммунизму Владимир Ильич неизменно ставил в зависимость от опыта массовой борьбы классов. В этой борьбе, в процессе ее происходит исторический отбор соответствующих форм борьбы и организации революционных классов, вырабатываются высшие формы революционного развития, совершается переход от низших ступеней к высшим. Критерий массовой революционной практики для Ильича—высшее мерило и в области революционной теории. В «Детской болезни левизны» Ильич писал: «История вообще, и

история революций в частности, всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, «хитрее», чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов. Это и понятно, ибо самые лучшие авангарды выражают сознание, волю, страсть и фантазию десятков тысяч, а революцию осуществляют, в моменты особого напряжения всех человеческих способностей, сознание, воля, страсть и фантазия десятков миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов» (Т. XVII, стр. 181).

Авангард прощупывает движение истории, об'ективный ход классовой борьбы, путем своей связи с массами, путем их организации, воспитания, путем руководства ими и в борьбе за это руководство. Узловой пункт пролетарской классовой борьбы, таким образом, составляет превращение «качества в количество» и «количества в качество»: усвоение массами, стихийно втягиваемыми в классовую борьбу, революционной тактики авангарда, стихийное осуществление ими революционных целей, с одной стороны, и расширение и углубление размаха классовой борьбы по мере расширения и углубления массовой базы движения,—с другой.

Не случайно Ильичевская брошюра «Что делать» почти буквально «сделала» историю нашей партии, и, вместе с тем, была и первым решающим приступом к подготовке революционной гегемонии пролетариата.

Ленинизм двинул вперед развитие марксизма потому, что, впервые в истории правильно увязав взаимоотношение масс и авангарда, он нашел конкретно-историческое очередное звено, за которое нужно было ухватиться, чтобы вытащить всю цепь пролетарской революции. Маркс дал общую теорию классовой борьбы пролетариата, вплоть до диктатуры пролетариата и перехода к коммунизму. Ленин дал конкретную теорию развития пролетарской революции. Эта конкретная теория развития могла возникнуть только тогда, когда материальные условия и исторический ход классовой борьбы уже подготовили основную предпосылку для последовательного завоевания пролетариатом революционной гегемонии,—форму организации революционного пролетарского авангарда. В эпоху Маркса и Энгельса пролетариат во всех революциях выступал лишь в качестве стихийно-революционной, но не сознательно-революционной силы. Поэтому он не мог добиться превращения демократических революций в Европе в начало пролетарского переворота, не мог вести за собой полупролетарские и мелкобуржуазные слои трудящихся, не мог прочно построить своей революционной диктатуры (Коммуна).

Превращение низших форм классовой борьбы в высшие, вплоть до диктатуры пролетариата, этот процесс развития пролетарской революции, есть следствие увязки основного взаимоотношения между авангардом и массами.

Мы очень польщены одобрительным заявлением тов. Марецкого, что «вопрос о соотношении авангарда и масс в классовой борьбе» поставлен нами «интересно». Очень жаль только, что тов. Марецкий не проявил достаточного «интереса» в том отношении, чтобы увидеть, что этот вопрос есть именно тот «определенный признак», по которому «подбирается» вся «цепочка» революционных переходов от низших к высшим ступеням классовой борьбы.

Процесс развития пролетарской революции есть, вместе с тем, процесс развития революционной гегемонии пролетарского авангарда. Пролетарская диктатура и процесс «обучения социализму» пролетариатом всех слоев трудящихся при диктатуре (см. рукопись Ильича «О диктатуре пролетариата» в III Ленинском Сборнике) есть решающий шаг на пути завоевания этой гегемонии, этого революционного руководства всей массой трудящихся.

2. Различие между высшими и низшими формами классовой борьбы.

Тов. Марецкий приводит конкретные примеры «недиалектичности» моей «схемы». Вторым этапом у меня указывается «превращение низших форм движения в высшие формы движения, оборонительной борьбы в революционно-наступательное движение». — «Всегда ли оборонительная борьба есть низшая форма движения, и наоборот? Вспомним эпоху Бреста. «Левые коммунисты», как известно, предлагали тогда «революционно-наступательное движение», ленинцы отстаивали «оборонительную борьбу». Не может быть никаких сомнений, кто представлял «высшие формы движения». Возьмем теперь поворот к нэпу. Несомненно, что введение новой экономической политики, по сравнению с сэповским периодом, было в известном смысле отступлением, т.-е. употребляя терминологию тов. Сафарова, переходом к оборонительной борьбе. Кто же в этот момент воплощал высшую форму движения: «оборонцы» или сторонники наступления? Ответ ясен».

Прежде всего, приходится признать, что победоносный вид моего рецензента, запечатленный в этом отрывке, явно говорит в пользу того, что наступательные формы борьбы не представляют «более высокую» ступень.

Однако, не будем смущаться этим видом и разберемся по существу.—Каюсь, что вместе с т. Бухариным в свое время состоял в «левых коммунистах». Тем не менее эта справка от метрического свидетельства не может служить основанием, чтобы заподозрить меня в пропаганде зловредных взглядов в лето от завоевания пролетарской диктатуры 8-е.

В самом деле, вся «соль» различия между высшими и низшими формами классовой борьбы заключается отнюдь не в повторении, что высшее есть высшее, а низшее есть низшее. Это только архивный П. Аксельрод всегда говорил: «Repetitio est mater studiorum». Надо полагать, не подлежит спору, что октябрьская всеобщая стачка 1905 года или декабрьское восстание в Москве были более высокими формами классовой борьбы, чем наше участие в 3-й и 4-й Думах. Об этом можно узнать в собрании сочинений Ильича в соответствующих томах. Даже более того. Чтобы не утруждать почтенного рецензента, обращаю его внимание на приведенную в моей брошюре цитату из Ильича: «Марксист не зарекается от подзаконной борьбы, от мирного парламентаризма, от планомерного подчинения рамкам исторической работы, определенным Бисмарками и Беннигсенами, Столыпиными и Милюковыми. Но марксист, используя всякую, даже реакционную почву для борьбы за революцию, не опускается до апофеоза реакции, не забывает о борьбе за наилучшую возможную почву деятельности». Поле сражения в войне между классами в каждый данный исторический момент

вовсе не похож на честный советский универмаг, где чего хочешь, того просишь. Выбор между формами классовой борьбы определяется реальным соотношением классовых сил. Несомненно, мы предпочли бы как «высшую» форму классовой борьбы, если бы, скажем, английские рабочие хорошими подзатыльниками, а не петициями начали бы «убеждать» Чемберленов. Но и «подзатыльники» требуют подготовки, и даже особенно требуют! Классовая борьба развивается не прямолинейно, а зигзагообразно. Тактику прямого ниспровержения врага приходится временно сменять или комбинировать с тактикой идейной и организационной подготовки масс к новой борьбе.

Во время Бреста нас, тогдашних «левых», Владимир Ильич как раз и обвинял за то, что за триумфальным шествием и победой пролетарской диктатуры внутри страны мы забыли о трудностях борьбы с международной властью империализма. Это грозило отрывом от масс. И тут опять мы приходим к узловому вопросу о взаимоотношении авангарда и масс: авангард вынужден отказываться от прямой атаки, если массы не поспевают за ним, если им нужен дополнительный опыт. Что же тов. Марецкий думает, что наступление на Варшаву в 1920 году не было попыткой революционного натиска на Версальский мир?

А как же дело обстоит с нэпом? «Мы рассчитывали, поднятые волной энтузиазма, разбудившие народный энтузиазм сначала общеполитический, потом военный, мы рассчитывали осуществить непосредственно на этом энтузиазме столь же великие (как и общеполитические, так и военные) экономические задачи... Потребовался ряд переходных ступеней» («К четырехлетней годовщине»).

Но можно ли обозначать переход от оборонительных форм классовой борьбы и организации к революционно-наступательным как исторический этап?

Вряд-ли после краха довоенного Второго Интернационала это может вызывать сомнения. II Интернационал погиб именно из-за этой ограниченности, и т. Ленин в «Детской болезни левизны» это особо подчеркивал. Переход к непосредственной революционной борьбе и к ее непосредственной подготовке есть главный признак начавшейся эпохи пролетарской революции.

3. «Благоприятные обстоятельства».

Но есть у меня еще одно «преступление»!—Третьей ступенью революционного развития является, на мой взгляд, «превращение революционного движения полу-пролетарских и крестьянских слоев, а также национальных и колониальных движений в международную революционную борьбу против диктатуры империализма под руководством пролетариата, т.-е. превращение промежуточных форм движения промежуточных слоев (крестьянского, национального, колониального) в движение пролетарское, в конечном счете,—в единый процесс международной социалистической «революции».

Тов. Марецкий на это отвечает: «здесь явное смешение понятий. Вот что говорит о характере национального движения в эпоху империализма тов. Сталин. «Несомненная революционность громадного большинства национальных движений столь же

относительна и своеобразна, сколь относительна и своеобразна реакционность некоторых национальных движений. Революционный характер национального движения в обстановке империалистического гнета вовсе не предполагает обязательного наличия пролетарских элементов в движении, наличия революционной или республиканской программы движения, наличия демократической основы движения» (И. Сталин. «О Ленине и ленинизме». ГИЗ, 1925, изд. второе, стр. 63). Национально-революционное движение в Индии занимает определенное место на весах (??) международной социалистической революции. Еще больший удельный (?) вес имеет движение китайского народа, восстающего против мирового империализма. Будучи революционными и «подпирая» мировую пролетарскую борьбу против капитала, оба эти движения сами по себе не являются пролетарскими. Конечно (!), при определенных условиях, при особом, благоприятном стечении обстоятельств революционно-демократическое движение может перерасти в социалистическое».

Так как тов. Марецкий «от греха подальше» загородился ссылкой на тов. Сталина, то надо, в первую очередь, разобрать что же говорит тов. Сталин. Не больше и не меньше того, что возможны и неизбежны революционные движения народов, еще не порвавших с патриархально-феодальными отношениями, условиями, идеологией; что для таких движений вовсе не обязательно существование хотя бы зародышей рабочего движения в среде этих народов; что революционность их определяется не в зависимости от их, так сказать, суб'ективной ограниченности (муллы, феодальные остатки и т. п.), но в силу об'ективного направления их борьбы—против империализма, ставшего преградой развития производительных сил человечества, источником их разрушения и гниения.

Против этого спорить абсолютно нельзя. Сохраняя большой налет прошлого, национальные движения неизбежно подвержены реакционным колебаниям.

Но ведь речь идет не об этом. Речь идет не о выдаче мандата на социалистическую зрелость от Коминтерна, скажем, риффским арабам!

Речь идет вот о чем: «Социалистическая революция в Европе не может быть ничем иным, как взрывом массовой борьбы всех и всяческих угнетенных и недовольных. Части мелкой буржуазии и отсталых рабочих неизбежно будут участвовать в ней—без такого участия невозможна массовая борьба, невозможна никакая революция—и столь же неизбежно будут вносить в движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки. Но об'ективно они будут нападать на капитал, и сознательный авангард революции, передовой пролетариат, выражая эту об'ективную истину разношерстной и разноголосой, пестрой и внешне-раздробленной массовой борьбы, сможет об'единить и направить ее, завоевать власть, захватить банки, экспроприировать ненавистные всем (хотя по разным причинам) тресты и осуществить другие диктаторские меры, дающие в сумме ниспровержение буржуазии и победу социализма, которая далеко не сразу «очистится» от мелкобуржуазных шлаков» (Том XIII, стр. 431).

Империализм обобщает, обостряет и углубляет все частичные противоречия капитализма. Он вызывает загнивание всего буржуазного строя, во всем мировом хозяйстве, загнивание великодержавного буржуазного господства во всех сферах влияния. Отсюда вытекает неизбежность превращения замкнутого в местных рамках революционного движения в ветвь мирового процесса социальной революции против мирового капитала, втягивания таких движений в общее революционное движение, отмечая условную революционность движений всех мелкобуржуазных слоев трудящихся. Только условия мирового кризиса капитализма ломают их мелкобуржуазную ограниченность и вливают их—через ряд переходных этапов—в движение, идущее под международным руководством рабочего класса, а это руководство служит гарантией их конечного превращения в движения социалистические, поскольку, в конечном счете, неизбежен их переход от сотрудничества с пролетариатом к слиянию с ним. Узбеки Хорезма, напр., ушли не очень далеко от «Китайских» социальных условий, и однако, «каким-то образом» произошло их вхождение в СССР?

Борьба 436 миллионов китайского народа при первом же серьезном натиске на империализм выдвинула гегемоном национально-революционной борьбы китайских рабочих, хотя их всего-на-всего около пары миллионов.

Тов. Марецкий божится диалектикой, а сам не в состоянии взять отдельные национально-колониальные и крестьянские движения в связи с мировой пролетарской революцией, не хочет взять эти внешне-раздробленные движения в перспективе их революционного развития.

Он милостиво «роняет»: конечно, «благоприятные обстоятельства» могут вызвать перерастание революционно-демократического движения в социалистическое.

Но разве вся тактика большевизма до Октября не была борьбой за создание, подготовку таких «благоприятных обстоятельств», которые бы проложили путь от крестьянской революции к революции пролетарской?

А о чем же мы спорим с троцкизмом?

4. Диалектика или „die erste Kolonne marschiert, die zweite Kolonne marschiert".

Наконец, «моя» «схема» грешит тем, что устанавливая этапы революционного развития, она переворачивает вверх ногами действительность. Что было раньше—«превращение национальных и колониальных движений в международную революционную борьбу» или же завоевание диктатуры пролетариата?

Общеизвестно, что до известной степени распад старой буржуазно-помещичьей России из-за национальных столкновений (Украина, Финляндия) облегчил и расчистил путь нашему Октябрю. Без правильной политики в национальном вопросе, без беспощадной борьбы против русского великодержавного гнета, без завоевания соответствующего доверия угнетенных еще до захвата власти, мы бы не смогли построить советское союзное «государство национальностей». В мировом масштабе сейчас на наших

глазах, еще до захвата власти пролетариатом передовых стран, колониальные движения все больше и больше становятся крупнейшим фактором международной социальной революции.

Но дело не в том. В силу зигзагообразного пути общественного развития, вследствие того, что это развитие—«развитие в противоречиях», различные этапы революционной борьбы перекрещиваются, переплетаются. Однако, это же наблюдается при всяком применении теории развития в природе и обществе вообще. Это необходимо связано с самой сущностью материального развития вообще, с присущей ему неравномерностью, перерывом постепенности, скачками и т. д.

Победа пролетариата в одной стране—отнюдь не Америка, открытая тов. Марецким. Мне самому специально приходилось еще в 1-м издании своих «Основ» разбирать этот вопрос. Если ему неясно как совместить восходящую линию следующих один за другим этапов революционного развития с неравномерным «вызреванием» этих различных этапов, пусть заглянет в Ильичевский ответ Суханову, в его «Странички из дневника».

Является ли кооперация частью советского государственного капитализма или нет, это совершенно особая тема в данной брошюре, лишь задетая мимоходом. Мой же ответ на коротенькую, но в высшей степени «назидательную» рецензию и так слишком затянулся.

Надеюсь, что редакция, поместившая рецензию, по существу извращающую выдвинутую мною постановку вопроса, не откажется напечатать и этот ответ.

Г. Марецкий.

О „ступенчатом ленинизме“ и о двукратном „полете“ со „ступенек“.

Отвечая т. Сафарову, я считаю необходимым высказать свое мнение по существу затрагиваемых вопросов. Я нашел некоторые положения т. Сафарова противоречащими диалектике. В ответ на это т. Сафаров возвращает мне этот упрек обратно: «Тов. Марецкий божится диалектикой, а сам не в состоянии взять отдельные национально-колониальные и крестьянские движения в связи с мировой пролетарской революцией, не хочет взять эти внешне-раздробленные движения в перспективе их революционного развития».

Таким образом, автор ответа проявляет склонность перенести свои грехи на меня. В своих критических замечаниях я счел нужным отметить три следующие момента: во-первых, я возражаю против утверждения т. Сафарова о том, что низшие формы движения совпадают с оборонительными методами борьбы пролетариата, а высшие формы с наступательными.

Это есть первый пункт критики.

Во-вторых, я указал на неправильность характеристики промежуточных форм движения промежуточных слоев (крестьянского, национального, колониального) как движения пролетарского.

В-третьих, т. Сафарову было указано на неправильность определения перечисляемых им моментов революционных превращений как ступеней и этапов. В своей контр-критике т. Сафаров уклонился от ответа по существу и тем самым обнаружил свое нежелание отказаться от неправильных положений, которые он выдвинул в брошюре.

Прежде всего вместо того, чтобы отказаться от совершенно недопустимого для марксиста-диалектика и практического политика отождествления высшей формы борьбы с наступательными методами борьбы, а низших форм с оборонительными, т. Сафаров, как это может увидеть читатель, сводит дело к нескольким частным примерам, в которых наступательная борьба действительно является более высшей формой, чем оборонительная. Там же, где на конкретных примерах я доказываю неверность утверждений т. Сафарова, он отвечает нарочито с таким туманом,

чтобы не было понятно ни мне, ни читателям. Приводя, к примеру, дискуссию по поводу Брестского мира, я писал: «Левые коммунисты, как известно, предлагали тогда «революционно-наступательное движение», ленинцы отстаивали «оборонительную борьбу». Не может быть никаких сомнений, кто представлял «высшие формы движения». А тов. Сафаров на прямое отчетливое и резкое критическое положение удивительно впопад отвечает: «Во время Бреста нас, тогдашних «левых», Владимир Ильич как раз и обвинял за то, что за триумфальным шествием и победой пролетарской диктатуры внутри страны мы забыли о трудностях борьбы с международной властью империализма. Это грозило отрывом от масс... Авангард вынужден отказываться от прямой атаки, если массы не поспевают за ним, если им нужен дополнительный опыт».

Все это правильно и, так сказать, невредно, но, все же, являлась ли в Брестские дни тактика наступления высшей формой борьбы, а ленинская тактика отступления низшей формой борьбы? Эта тема т. Сафарову не нравится. Но зачем тогда нужно было браться за ответ?

Далее я отметил, что и переход к НЭП'у был в известном смысле отступлением и, однако, факт этого отступления ни в коей мере не является переходом от высшей формы борьбы к низшей. Находчивый т. Сафаров по этому поводу приводит следующую цитату из статьи Ленина: «Мы рассчитывали, поднятые волной энтузиазма, разбудившие народный энтузиазм сначала общеполитический, а потом военный, мы рассчитывали осуществить непосредственно на этом энтузиазме столь же великие (как и общеполитические, так и военные) экономические задачи... Потребовался ряд переходных ступеней».

Ильич действительно писал неплохо, но как у вас, т. Сафаров, обстоит дело с низшими формами движения? Наш вождь и гениальный стратег учил нас умению отступать, когда это требовалось, но отнюдь, например, не считал, что рабочая оппозиция, возражавшая против введения новой экономической политики, представляла высшую форму движения, а ЦК партии и вся партия в целом—низшую форму движения.

Для нас является совершенно бесспорным, что отождествление наступательных форм борьбы с высшими формами, а оборонительных с низшими, грешит против диалектики.

Это положение исключает анализ конкретного сочетания условий в определенный исторический момент; оно исключает понимание диалектического характера борьбы, в которой отступление умелое, своевременное, хорошо проведенное, является для пролетариата в известных условиях новым шагом вперед.

Политически же новая теория т. Сафарова является бессознательной попыткой оправдать тактику путчизма и льет воду на мельницу левых штурмистов, позиция которых давно уже превзойдена большевистской партией.

Далее. Третьей ступенью революционных превращений в процессе классовой борьбы т. Сафаров полагает «превращение революционного движения полупролетарских и крестьянских слоев, а также национальных и колониальных движений, в международную революционную борьбу против диктатуры империализма под руководством пролетариата, т. е. превращение промежуточных

форм движения промежуточных слоев (крестьянского, национального, колониального) в движение пролетарское, в конечном счете—в единый процесс международной социалистической революции».

На это я указал, что здесь налицо явное смешение понятий, что несмотря на об'ективное включение колониальных движений в общий процесс социалистической революции, эти движения, тем не менее, не являются пролетарскими. Против упрощенной, неверной мысли Сафарова я выдвинул положение т. Сталина, строго отличающего суб'ективную сторону движения от ее об'ективного смысла.

Если взять этот вопрос в плоскости социальных характеристик, а именно так этот вопрос надо рассматривать, то без особой опасности погрешить против истины можно сказать, что здесь идет речь о соотношении пролетарского и крестьянского движения.

Что движение крестьянства против империализма, возглавляемое пролетариатом, является необычайно важным элементом в системе сил, борющихся против капитализма; что об'ективно революционное движение крестьянства вплетается в единый процесс социалистической революции,—это доказано теперь не только теоретически, но и самой практикой классовой борьбы.

Однако, только очень наивный политик и теоретик мог бы на этом основании заключить, что крестьянское движение превращается в движение пролетарское.

Апельсинной коркой, на которой поскользнулся т. Сафаров и здесь, является диалектика.

В том-то и заключается своеобразие положения, диалектический характер процесса классовой борьбы, что крестьянское мелкобуржуазное движение оказывается об'ективно на службе у движения пролетарского.

Т. Сафаров клянется, что он и не помышлял «о выдаче мандата на социалистическую зрелость от Коминтерна, скажем, рифским арабам».

Можно поверить, что суб'ективно, т. Сафаров подобного мандата марокканским повстанцам не дал бы. Но когда он пишет в своей схеме о превращении промежуточных форм движения, промежуточных слоев... в движение пролетарское, то отсюда вытекает именно то, что рифских арабов нельзя лишить «мандата на социалистическую зрелость».

Особенно возмущает т. Сафарова ссылка на пример с Китаем. «Борьба 436.000.000 китайского народа при первом же серьезном натиске на империализм выдвинула гегемоном национально-революционной борьбы китайских рабочих, хотя их всего-навсего около пары миллионов».

Прежде всего здесь слишком сильно сказано, что «борьба... **выдвинула** гегемоном китайских рабочих. Все, что мы знаем о Китае, дает нам право сказать, что борьба **выдвигает** гегемоном китайских рабочих. Но это, так сказать, замечание в скобках. Для нас сейчас важно другое. Нам важно отметить, что один факт гегемонии пролетариата в движении еще не дает основания для квалификации данного движения как пролетарского, социалистического. Следовательно, «китайское» возражение т. Сафарова остается холостым выстрелом.

Я отмечал одновременно, что «при определенных условиях, при особом благоприятном стечении обстоятельств революционно-демократическое движение может перерасти в социалистическое». Т. Сафаров усердно иронизирует над «благоприятными» обстоятельствами. Эта ирония, однако, очень мало понятна и очень мало трогает, ибо факты упрямая вещь. Благоприятные обстоятельства могут быть, могут и не быть.

Я позволю себе привести, так сказать, для «подкрепления» следующие слова тов. Зиновьева: «Эпоха социалистической революции не исключает, а предполагает широкие революционно-демократические движения, (наприм., крестьянства), при благоприятных условиях постепенно перерастающие из буржуазно-демократических движений в социалистические (Г. Зиновьев. «Эпоха войн и революций» —«Правда» от 28 июня 1925 г., № 145).

Я нашел, что «в формуле (т. Сафарова) не находит себе места неравномерность революционного развития. Она не об'ясняет того факта, что социализм уже строится в одной стране, когда в других странах еще только начинается превращение национальных и колониальных движений в международную революционную борьбу».

«Пройденная глава социалистической революции показала нам иное расположение этапов, чем указано в формуле. Сначала была завоевана пролетарская диктатура в России, а потом уже под ее влиянием началась борьба угнетенных империализмом народов против его диктатуры».

На это т. Сафаров отвечает следующим образом: «В мировом масштабе сейчас на наших глазах еще до захвата власти пролетариатом передовых стран, колониальные движения все больше и больше становятся крупнейшим фактором международной революции».

Но разве в об'яснение факта, что именно сейчас на наших глазах развертываются эти колониальные движения, т. Сафаров может отказаться от указания на пролетарскую диктатуру в России, как на первостепенный фактор этих движений?

По схеме т. Сафарова полагается сначала одно, потом другое, в действительности же дело происходит «совсем наоборот». Плоха же та схема, против которой кричит действительность.

Но схема—схемой, а у т. Сафарова в запасе имеется еще кое-что. «Победа пролетариата в одной стране—отнюдь не Америка, открытая т. Марецким. Мне самому специально приходилось еще в первом издании своих «Основ» разбирать этот вопрос».

Позволим себе заметить, что даже не изучавшим ленинизм по «Основам» т. Сафарова известно, что в первый раз еще в 1915 г. т. Ленин сформулировал теоретически возможность победы пролетариата в одной стране, а октябрьская революция превратила эту возможность в факт. То, что т. Сафаров берет у Ленина, не встречает с нашей стороны возражений. В данном случае утверждение т. Ленина сложилось у него, благодаря мастерскому умению пользоваться диалектическим методом. Его формула предугадала ход событий, а формула т. Сафарова противоречит основным историческим фактам.

А все дело в такой мелочи, как диалектика.

Наконец, я возражал против того, что перечисленные т. Сафаровым моменты революционного развития можно назвать «этапами» и «ступенями». «То, что фигурирует у т. Сафарова в качестве этапов, правильнее было бы назвать типами революционных превращений. А действительная связь между этими типами существенно отличается от связи между ними в разбираемой схеме.

В разборе предыдущих положений т. Сафарова я уже подчеркнул недиалектичность его построения. Обозревая его схему в целом, я опять-таки обнаруживаю этот специфический формально-логический подход к вопросу. В действительности все эти процессы превращений протекают сплошь и рядом одновременно, являясь различными сторонами одного и того же процесса, а у т. Сафарова это—этапы и ступени (в то время, как «этапы предполагают смену одного этапа другим, чередование этапов, в определенной последовательности»).

В восьми-этапной схеме т. Сафарова революционное развитие от «превращения стихийности в сознательность» до «превращения классового общества в поголовно-организованный «бесклассовый трудовой коллектив» представлено в виде лестницы, революционный процесс представлен в виде ступенчатого процесса. Так и только так можно было понять восьмиступенное сооружение т. Сафарова. Вместо диалектики у т. Сафарова действительно получилось «die erste Kolonne marschiert...» вплоть до «die achte Kolonne marschiert».

Нужно ли еще заключать, что «ступенчатый» ленинизм т. Сафарова имеет очень мало общего с действительным ленинизмом?

Ревизия Ленинской теории культурной революции.

(*По поводу статьи тов. Я. Яковлева в № 11—12 „Большевика“*).

За последнее время организованная пролетарская литература подверглась нескольким нападениям «теоретического» характера. Если раньше т.т. А. Воронский, Н. Осинский и др. преимущественно нападали на нас с тактической, политико-литературной стороны, то теперь начались нападения со стороны общепринципиальной, теоретической. Статья тов. В. Румия в 3-й книге «Воинствующего материалиста», статья В. Полонского в 4-й книге «Печати и Революции», наконец, статья Я. Яковлева—«О диалектике культурного развития и Вардинском переложении А. Богданова»—в № 11—12 «Большевика»,—вот звенья этого нового похода.

Статья тов. Яковлева сопровождается припиской редакции «Большевика»: «Соглашаясь в основном со статьей т. Яковлева, редакция оговаривает свое несогласие с отдельными положениями автора». Эта приписка легко поддается уточнению: в статье Яковлева приемлемы, верны, плодотворны мысли, заключающиеся в приводимых цитатах из Ленина, и, на оборот, неверны, неприемлемы, вредны мысли, которыми сам Яковлев сопровождает эти цитаты.

Основываясь на известной резолюции, принятой по докладу Вардина январской Всесоюзной Конференцией пролетписателей, тов. Яковлев, вслед за известным ортодоксальным ленинцем т. Румием, обвиняет тов. Вардина, и вообще напостовцев, в богдановщине! Выступая в защиту пролетарской культуры, напостовцы мол, тем самым солидаризируются с Богдановым.

Разумеется, нельзя никому запретить рассчитывать на невежество читателей, но эти расчеты вряд ли могут оправдаться в применении к читателям «Большевика». Строя свою теорию «пролетарской культуры», А. Богданов совершил т р и о с н о в н ы х о ш и б к и, д е л а ю щ и х е г о т е о р и ю а б с о л ю т н о н е п р и е м л е м о й д л я б о л ь ш е в и з м а. Первая ошибка—та, что Богданов считает, будто до создания развернутой пролетарской культуры немыслима пролетарская революция. Вторая ошибка—та, что Богданов не различает классовой пролетарской культуры и внеклассовой социалистической, что он ставит между этими двумя к а ч е с т в е н н о-р а з л и ч н ы м и культурами знак равенства. В своей статье «Социализм в настоящем» (1910 г.) Богданов формулирует «выработку социалистической пролетарской культуры», как «созидание новых и новых элементов социализма в самом пролетариате, в его внутренних отношениях, в его обыденных жизненных условиях» [1]). Третья ошибка—та, что Богданов считает возможной выработку пролетарской культуры чисто-лабораторным путем, в стороне и отдельно от общей борьбы рабочего класса. Эти три ошибки, во-первых, делают богдановскую теорию совершенно утопичной и, во-вторых, придают ей антиреволюционный характер [1]).

[1]) См. А. Богданов, «О пролетарской культуре», изд. «Книга», 1925 года, стр. 96.

Свойственна ли хоть одна из этих богдановских ошибок напостовцам и, в частности, резолюции Вардина? Было бы очень любопытно, если бы Яковлев обосновал положительный ответ на этот вопрос. Разумеется, он сделать этого н е м о ж е т. Вместо этого он пускается в такие рассуждения: «Вардин делает первый шаг по тому же пути неверия в творческие силы захватившего власть рабочего класса, когда декларирует несовместимость господства пролетариата с господством непролетарской идеологии. Если путь захвата власти в области культуры не приведет достаточно быстро к торжеству пролетарской культуры, то тем самым наступит предрекаемая Вардиным несовместимость господства пролетариата с господством непролетарской культуры... Отсюда, очевидно, принципиальное единство точек зрения Богданова и Вардина» (стр. 10). Итак, «принципиальное единство точек зрения Богданова и Вардина» сказывается в том, что Вардин провозглашает «несовместимость господства пролетариата с господством непролетарской идеологии». Открытие потрясающее! Значит, тов. Яковлев полагает, что диктатура пролетариата в нашей стране, как определенная историческая эпоха, и, допустим, господство анти-дарвиновской реакции в нашем естествознании могут совершенно мирно ужиться друг с другом? Значит, тов. Яковлев убежден, что диктатура пролетариата вполне допускает полное господство хотя бы немецкой «имманентной философии» в наших высших учебных заведениях? Значит, т. Яковлев уверен, что господство в нашей науке буржуазной политической экономии может быть вполне совместимо с политическим господством пролетариата? Все это очень интересно, но, во всяком случае, эта яковлевская теория «совместимости» несовместима с резолюцией августовской партконференции 1922 года об идеологическом фронте и со всей линией партии, направленной на вытеснение всех непролетарских идеологий. Несовместимость господства пролетариата с господством непролетарской идеологии — не богдановский тезис, а большевистская аксиома. И эта аксиома в устах Вардина означает лишь, что господство пролетариата требует систематической работы по вытеснению непролетарских идеологий, то-есть аксиома эта порождена н е п о к о л е б и м о й у в е р е н н о с т ь ю в т в о р ч е с к и х с и л а х р а б о ч е г о к л а с с а.

Сам Яковлев чувствует, что связать резолюцию Вардина с Богдановым—невыполнимая задача. И наш пламенный Цицерон, обличающий напостовского Катилину, сознается: «Разница лишь в том, что в конечном счете у Богданова дело сводилось к очевидной меньшевистской схеме ожидания для социалистической революции тех времен, когда весь пролетариат будет грамотнее, культурнее, сознательнее, и прочее, и тому подобное. У Вардина же, конечно, этой меньшевистской основы нет, но есть зато налицо некри-

[1]) Кстати, против упомянутой Яковлевым статьи Богданова «Законы социалистической совести» пока выступил т о л ь к о «богдановский» орган ВАПП'а «Октябрь» (см. статью И. Гроссман-Рощина в № 2—4 нашего журнала).

тическое, непродуманное восприятие богдановских идей» (Там же). Насколько основательны рассуждения о восприятии Варданым богдановских идей, мы уже говорили и еще будем говорить. Замечательно другое. Вся суть богдановщины—в меньшевистском отсрочивании революции. У Вардина «конечно, этой меньшевистской основы нет». Неправда ли, «пустяки—разница»? Богданов, по существу—меньшевик, у Вардина этого нет и в помине, но это—мелочи, все равно налицо—«принципиальное единство точек зрения Богданова и Вардина».

Далее Яковлев выдвигает новый аргумент в пользу такого «принципиального единства»: «Богданов видел в пролеткультовском движении одну из основных форм рабочего движения, действительные достижения в области которого являются одним из важнейших условий победы пролетариата. Вардин исходит из той же богдановской схемы, из той же оценки пролетарской культуры, превращая победу пролетарской культуры в основное условие сохранения пролетарской власти («без своей самостоятельной классовой культуры... пролетариат не сохранит гегемонии над крестьянством». (Там же). Ну, конечно, полная параллель! Но, дорогой тов. Яковлев, неужели так трудно заметить, что Богданов видит все спасение революции—в пролеткультах—замкнутых лабораториях, противопоставлявших себя рабочему государству и общему строительству пролетариата, Вардин же настаивает на усилении общего и разностороннего массового культурного строительства пролетариата. Это, как-будто,—не совсем одно и то же!

Наконец, последнее доказательство «богдановских» взглядов Вардина: «Понимание тов. Вардиным того, что именно на полях художественной литературы происходит один из последних решительных боев за власть между пролетариатом и буржуазией. Здесь имеется полное совпадение взглядов резолюции Первой Всесоюзной Конференции пролетарских писателей со взглядами А. А. Богданова, неоднократно со всей решительностью отвергнутыми партией и Лениным» (стр. 9). Очень трогательно! Богданов говорит, что без лабораторного создания пролеткультуры и пролетарского искусства нельзя начинать революцию. Вардин говорит, что литература—область, в которой буржуазия дает арьергардные бои победившему пролетариату. Чем не совпадение? По существу же вопрос совершенно ясен: выбитая из основных политических позиций буржуазия пытается сражаться с диктатором пролетариатом в областях, где политическая основа борьбы более завуалирована. Именно об этом говорил XI партс'езд, констатируя в резолюции о пропаганде и печати «стремление буржуазии через посредство литературы и культработы повлиять на трудящиеся массы».

Таким образом, рассуждения о богдановщине Вардина—художественные фантазии. К этой же области относится и следующая пламенная тирада: «Нужно иметь величайшую степень бесцеремонности для того, чтобы пытаться именем Ленина прикрыть пролетвапповские рассуждения о захвате власти пролетариатом в области искусства, о самостоятельной классовой культуре, как основном условии сохранения гегемонии пролетариата... И не меньшую степень бесцеремонности надо иметь, чтобы об'являть политическим ликвидаторством всякое отрицательное отношение

к пролетарской культуре, вопреки тому, что наиболее отрицательно к ней относился Владимир Ильич» (стр. 11).

Итак, наиболее отрицательно к пролетарской культуре относился Владимир Ильич. Запомним это! Провозгласив со смелостью, достойной лучшего применения, этот сомнительный «тезис», Яковлев далее обвиняет Вардина ни более, ни менее, как в выдвигании собственной теории культурной революции, теории, отличной от Ленинской: «Партии нужно знать, о какой культурной революции идет речь: о ленинской ли культурной революции, где миллионы строят социалистическое общество, или о вардинском захвате власти пролетариатом в области искусства, где несколько захолустных литераторов кричат громче всех, а довольно много талантливых пролетариев портятся в парниковых условиях пролеткультов, Ваппов и Маппов» (стр. 15). О нескольких литераторах и миллионах мы еще поговорим. Выдвинув это обвинение, тов. Яковлев начинает учить нас ленинскому подходу к культурной революции: «Ленин к вопросу о пролетарской культуре подходил всегда, как диалектик. И поэтому культурную революцию в условиях диктатуры пролетариата он сводил прежде всего к тому, чтобы господствующий класс, т.-е. рабочий класс, овладел буржуазной культурой... Овладеть буржуазной культурой в условиях советской власти на деле—все, что нужно для победы социализма» (стр. 12). За этой «интерпретацией» Ленина следуют иллюстрации: «Каждый рабочий или крестьянин-рабфаковец, который овладеет достижениями буржуазной науки, в области инженерного, архитектурного или медицинского искусства, а после применит их для строительства социалистического, а не буржуазного общества, каждый рабочий или крестьянин, который изученную им грамоту или хотя бы начатки естествознания приложит к делу общественной и культурной работы, к делу сознательного участия в строительстве советского государства, есть подлиннейший элемент новой пролетарской культуры» (стр. 14). Иллюстрация сама по себе совершенно правильна, но зато этого никак нельзя сказать об основном изложении взглядов Ленина. Итак, «овладеть буржуазной культурой в условиях советской власти—все, что нужно для победы социализма». Интересно, что это, якобы Ленинское, утверждение совпадает с утверждением тов. Румия: «Овладевать всем здоровым культурным наследством прошлого, овладевать не отдельными группами и кружками, а овладевать всем классом—это и означает преодолеть эту культуру» [1]). Поздравляем т. Яковлева с подлинно-ленинским союзником!

Как же ставил сам Ленин вопрос об овладении старой культурой? Обратимся к исторической речи Ленина о задачах союза молодежи, произнесенной 4 октября 1920 года. Сам Яковлев заявляет, что «по существу можно было бы ограничиться противопоставлением этой речи всем ухищрениям как Богданова, так и его последователей и опошлителей вроде Вардина» (стр. 19). Таким образом, решающее значение этой речи признано и нашим уважаемым оппонентом.

Ленин действительно подчеркивает важность овладения наследством: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только

[1]) См. «Воинствующий материалист», т. III, стр. 246.

переработкой ее можно строить пролетарскую культуру—без такого понимания нам этой задачи не разрешить. Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества» [1]). Читатель, без сомнения, заметил, что Ленин говорит здесь не только об усвоении старой культуры, но и о переработке последней. Ту же мысль подчеркивает он и в следующем абзаце: «Все эти пути и дорожки подводили, подводят и продолжают подводить к пролетарской культуре так же, как политическая экономия, переработанная Марксом, показала нам то, к чему должно притти человеческое общество, указала переход к классовой борьбе, к началу пролетарской революции» [2]). Ленин иллюстрирует эту мысль о необходимости переработки старой культуры примером Карла Маркса: «Все то, что было создано человеческим обществом, он переработал критически, ни одного пункта не оставив без внимания. Все то, что человеческою мыслью было создано, он переработал, подверг критике, проверив на рабочем движении, и сделал те выводы, которых ограниченные буржуазными рамками или связанные буржуазными предрассудками люди сделать не могли». [3]).

Мало того, не ограничившись этим, Ленин дал соответствующую оценку тем коммунистам, которые, подобно тов. Яковлеву, помнят о необходимости усвоения старой культуры, но забывают о необходимости ее переработки: «Нам не нужно зубрежки, но нам нужно развить и усовершенствовать память каждого обучающегося знанием основных фактов, ибо коммунизм превратится в пустоту, превратится в пустую вывеску, коммунист будет только простым хвастуном, если не будут переработаны в его сознании все полученные знания. Вы должны не только усвоить их, но усвоить так, чтобы отнестись к ним критически» [4]).

Да и как мог Владимир Ильич провозглашать пошлости, будто овладеть буржуазной культурой, это и есть все, что нужно, будто овладеть ею, это и значит преодолеть ее! Ведь Ленин более, чем кто бы то ни был, знал классовый характер культуры, ведь еще осенью 1913 года в статье «Национальная культура» Ленин утверждал: «В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная),—притом не в виде только «элементов», а в виде господствующей культуры. Поэтому «национальная культура» вообще есть культура помещиков, попов, буржуазии» [5]). И дальше Владимир Ильич делает еще более категорический вывод: «Ставя лозунг

[1]) См. собр. сочинений, т. XVII, стр. 317.
[2]) См. Ленин. «Революция и культура», стр. 103—104.
[3]) Собр. соч., т. XVII, стр. 317.
[4]) Там же, стр. 318
[5]) Собр. соч., т. XIX, стр. 45.

интернациональной культуры, демократизма и всемирного рабочего движения, мы из каждой национальной культуры берем только ее демократические и ее социалистические элементы, берем их только и безусловно в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму каждой нации [1]). Как хорошо, что Яковлев не писал еще тогда о культуре, а то мир оказался бы свидетелем потрясающей картины, как Яковлев обвиняет Ленина в богдановщине!

Только учитывая учение Ленина о классовом характере культуры, можно понять его изумительно глубокие замечания, сделанные в речи на XI партс'езде 27 марта 1922 года: «Экономической силы в руках пролетарского государства России совершенно достаточно для того, чтобы обеспечить переход к коммунизму. Чего же ей не хватает? Ясное дело, чего не хватает. Не хватает культурности тому слою коммунистов, который управляет. Но если взять Москву—4.700 ответственных коммунистов и,—взять эту бюрократическую махину, груду,—кто кого ведет? Я очень сомневаюсь, чтобы можно было сказать, что коммунисты ведут эту груду. Если правду говорить, то не они ведут, а их ведут. Тут произошло нечто подобное тому, что нам в детстве рассказывали по истории. Нас учили: бывает, что один народ завоюет другой народ, и тогда тот народ, который завоевал, бывает завоевателем, а тот, который завоеван, бывает побежденным. Это очень просто и всем понятно. Но что бывает с культурой этих народов? Тут не так просто. Если народ, который завоевал, культурней народа побежденного, то он навязывает ему свою культуру, а если наоборот, то бывает так, что побежденный свою культуру навязывает завоевателю. Не вышло ли нечто подобное в столице РСФСР и не получилось ли тут так, что 4.700 коммунистов (почти целая дивизия и все самые лучшие) не оказались ли подчиненными чужой культуре?» [2]). Вот где действительно выявлена вся «диалектика культурного развития»! Пролетариат—у власти, но ему не хватает культуры. Культура—у буржуазии. И культурная отсталость, и не-критическое отношение к буржуазной культуре могут привести к тому, что побежденные навяжут свою культуру победителям. Чтобы этого не случилось, необходимо энергично усваивать старую культуру, но усваивать критически, перерабатывая ее, не давая ей оседлать себя. Вот этого-то и не понимают Яковлевы.

Все эти основные мысли Ленина о строительстве пролетарской культуры путем переработки буржуазной находят себе яркое применение в замечаниях Ленина: «О значении воинствующего материализма», написанных 12-го марта 1922 года. Ленин отмечает, что необходимо критически относиться даже к современному естествознанию: «Из крутой ломки, которую переживает современное естествознание, родятся сплошь да рядом реакционные философские школы и школки, направления и направленьица» [3]). Отсюда вывод, что и современное естествознание пролетариат может брать, только перерабатывая его, согласовывая со своей классовой культурой: «Без солидного философского обоснования, никакие естественные науки, никакой материализм не может выдер-

[1]) Там же.
[2]) См. собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 43.
[3]) «Рев. и Культ.», стр. 127.

жать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естественник должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, т.-е. должен быть диалектическим материалистом» [1]). Мало этого, Ленин утверждает, что привлекать надо не представителей современного естествознания вообще, а именно воинствующих материалистов: «Наш безусловный долг привлекать к совместной работе всех сторонников последовательного и воинствующего материализма в борьбе с философской реакцией и с философскими предрассудками так называемого «образованного общества» [2]). Для Яковлева все эти важнейшие вопросы и задачи по-просту не существуют. Ведь по его мнению, овладеть буржуазной культурой—все, что нужно!

Ленинская постановка вопроса о культуре ясна: каждая культура носит классовый характер, в наше время все пути и дороги неизбежно ведут к пролетарской культуре, строить пролетарскую культуру можно только путем переработки старой культуры, незнание старой культуры и некритическое усвоение ее—одинаково губительны, одинаково ведут к подчинению чужой культуре.

Как же примирить с этими отчетливыми высказываниями великого учителя его неоднократные презрительные замечания об эмпиреях «пролетарской культуры» (заметим, что, делая эти презрительные замечания, Ленин всегда брал слова «пролетарская культура» в кавычки, тогда как в заявлениях положительного характера он совершенно серьезно употреблял эти термины без всяких кавычек). Дело в том, что в нашу эпоху успехи социалистического строительства непосредственно зависят от активного участия в нем миллионных широчайших масс населения, а для этого необходима высокая культурность последних. Между тем, страна у нас еще безграмотна. Поэтому никакие успехи в области более сложных идеологий не помогут нам, если мы не справимся с безграмотностью широчайших народных масс. И презрительные замечания по адресу мечтателей «пролетарской культуры» были направлены против увлекающихся и склонных к фантазерству товарищей, которые, из-за ослепительных перспектив развития пролетарской философии или пролетарского искусства, забывали о насущных задачах элементарного просвещения масс. Ленин вовсе не сводил проблемы культурной революции к ликвидации безграмотности, как это делает Яковлев. Грамотность — не пролетарская и не буржуазная культура, это — предпосылка всякой культуры. Ликвидация безграмотности есть только первый шаг культурной революции. Вот что говорил Ленин в речи на II с'езда политпросветов 17 октября 1922 года: «Пока у нас есть в стране такое явление, как безграмотность, о политическом просвещении слишком трудно говорить. Это не есть политическая задача, это есть условие, без которого о политике говорить нельзя». В той же речи Ленин утверждал: «Мало того: недостаточно безграмотность ликвидировать, но нужно еще строить советское хозяйство, а при этом на одной грамотности далеко не уедешь. Нам нужно громадное повышение культуры» [1]). Так же ставит вопрос Ленин и в своей исторической статье «О кооперации»: «Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)» [2]). Совершенно очевидно, что безграмотность фигурирует здесь лишь как серьезнейшее препятствие на путях культурной революции, а не как основной об'ект последней.

¹) Там же, стр. 128.
²) Там же, стр. 123.

Неужели все это не знакомо вам, уважаемый товарищ Яковлев? Такое предположение невероятно. А если так, вы совершили нечто несравненно худшее. В то время, как Вардин и др. напостовцы неоднократно подчеркивали ленинскую мысль о необходимости усвоения старой культуры, вы сознательно прячете вторую половину мысли Ленина о необходимости переработки этой культуры, вы замазываете ленинское учение о классовом характере культуры, вы целиком покрываете понятие культурной революции понятием ликвидации безграмотности. Это—не что иное, как ликвидаторская ревизия ленинской теории культурной революции. И никакими софизмами вам этой ревизии не прикрыть!

Характерно, что, излагая свои беседы с Лениным по данному вопросу, Яковлев проговорился: «Основную ленинскую мысль о необходимости взять всю буржуазную культуру, взять ее себе для того, чтобы победить окончательно,—мне пришлось почти в тех же словах слышать несколько раз от Владимира Ильича в октябре 1922 г., когда мы беседовали по поводу статьи Плетнева и выступления тов. Бухарина» (стр. 13). Итак, Ленин говорил с Яковлевым о необходимости взять себе буржуазную культуру для того, чтобы победить ее окончательно. Почему же во всей статье Яковлева нет даже намека на вторую половину Ленинской формулы?

Однако, перейдем к другим обвинениям, выдвинутым Яковлевым против Вардина и вообще напостовцев. По Вардину, оказывается, «пролетарская культура... сводится к данной кучке захудалых литераторов» (стр. 16). Позвольте, тов. Яковлев, как вообще культура, то-есть создание человеческих рук, может сводиться к кучке людей? Затем, где и когда напостовцы говорили такую нелепость, будто пролетарская культура сводится к пролетарским писателям. Все мы неоднократно указывали, что элементами пролетарской культуры являются и марксизм, и советское государство, и пролетарская литература и т. д. (см. хотя бы статью Г. Лелевича «Партийная политика в искусстве» в № 4 «На посту» за 1923 г.). Неужели нельзя обойтись без явных выдумок и столь же явных нелепостей? Уже этих замечаний достаточно, чтобы оценить по достоинству следующую «параллель», проведенную Яковлевым между взглядами Богданова и Вардина: «Чудесными методами единой организационной науки из школы на Капри и из Пролеткульта должна была родиться подлинная

¹) См. собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 385.
²) Там же, стр. 382.

пролетарская культура. По Вардину же это рождение всеспасающей пролетарской культуры, вне которой несть спасения для рабочего класса, вне которой невозможно сохранение рабочей гегемонии над крестьянством, происходит в его собственном закуточке, именуемом на этот раз «Всесоюзной Ассоциацией Пролетарских Писателей» (Там же).

Мы переходим к одному из основных рассуждений Яковлева: о десятках и миллионах. Яковлев декретирует: «Когда десятки литераторов пишут стихи (тут есть плохие и хорошие литераторы, больше плохих, чем хороших, больше рассуждающих о стихах, чем умеющих написать действительно понятное массам революционное стихотворение), они остаются литераторами и только литераторами, и каждого мы оцениваем по заслугам, а не по происхождению и не потому—принадлежит ли он к вапповцам или к какой-либо другой литературной группировке. Когда же миллионы людей в условиях советской власти берут буржуазную культуру, то это и есть рождение действительно пролетарской культуры» (стр. 15). Мы не станем спорить с Яковлевым по вопросу о том, какие стихи пишут вапповцы, потому что мы просто не признаем компетентности Яковлева в деле оценки стихов. Важен тут только вопрос о десятках и миллионах.

Яковлев развивал, между прочим, те же идеи в своих известных статьях 1922 года. Тогда же на них откликнулся в «Известиях» тов. А. В. Луначарский, который правильно писал: «Нельзя просто говорить тут о том, что пролетарий еще неграмотен и вшив. Все же не весь пролетариат вшив и неграмотен, и если борьба со вшами и неграмотностью есть задача важная, то нельзя забывать, что без университета невозможна и школа. Это верно относительно целого государства, это верно относительно класса. Хорош гусь был бы тот, кто сказал бы: «Марксу нечего было писать «Капитал». Трудная книга, редко какой пролетарий ее прочтет, а занялся бы он одной сплошной популяризацией». Пролетариат России класс довольно-таки расслоенный в отношении культурной подготовки, и рядом с элементарной работой он может и должен делать работу более квалифицированную. Это тоже тов. Яковлев упускает из виду. Входящая сейчас в моду культурная нивеллировка, равнение по вши, так сказать, приседания до букваря—представляют собою нечто болезненное и заслуживающее строгого осуждения. Часто такие ультра-демократы, презрительно косясь на дуб, ограничиваются любовью к желудям и не видят нелестного сравнения. Меньше всего это относится к тов. Яковлеву, столь преисполненному уважения к светилам науки. Но нельзя же, в самом деле, о целом классе, имевшем своих Марксов, имеющем своих Лениных и, сохраняя все должное расстояние, хотя бы своих Плехановых, говорить исключительно как об ученике подготовительного класса и отрицать за ним право на выработку, по крайней мере, своих критериев в области науки, по крайней мере своих собственных зачатков в выражении ему одному, этому классу, присущих эмоций» [1]). Далее А. В. Луначарский отмечает: «Авангард пролетариата может и должен заниматься высшими вопросами культуры, и заслонять ему весь мир вошью не годится. Конечно, главная часть его уйдет в массовую работу и в экономическое строительство, но не надо препятствовать отдельным даровитым в специальной области мышления или художественного творчества пролетариям проявлять себя и группироваться для этого. Этот пролетарский авангард, знакомясь с накопленными раньше культурными ценностями, окружен ядами и опасностями и должен быть бдителен» [1]).

[1]) См. «Идеализм и материализм», 1923, стр. 117.

Яковлев, разумеется, заявит, что эти замечания Луначарского противоречат Ленинским взглядам, и сошлется на то, что он, Яковлев, писал свои статьи с одобрения Ленина. А. В. Луначарский рассказал на многолюдном диспуте в Свердловском университете, в присутствии т.т. Варейкиса, Воронского, Полонского и др., что на другой день после появления его цитированной статьи Владимир Ильич специально позвонил ему и сказал, что он одобрил появление статей Яковлева для того, чтобы подчеркнуть важность элементарного просвещения, но что он, в то же время, вполне согласен с поправками, имеющимися в статье Луначарского.

Одна из особенностей «диалектики культурного развития» в том и заключается, что тесно переплетаются процесс элементарного просвещения масс и процесс разработки сложнейших идеологий авангардом.

Переходим к следующему обвинению Яковлева: «Столь отличное от ленинского отношение Всесоюзной Конференции пролетарских писателей к вопросам пролетарской культуры определяется в значительной мере различными исходными оценками существующего положения. Оценка настоящего положения в области культуры Вапповской конференцией стоит не на почве действительности, а на почве фантастической выдумки, чудовищной переоценки имеющихся достижений. Резолюция эта признает бесспорный факт существования пролетарской культуры и литературы в современном обществе!» (стр. 16). Не-Ленинский подход Вардина, его «переоценка действительных достижений» заключается, таким образом, в том, что он констатирует факт существования пролетарской культуры и литературы в современном обществе! О премудрый «диалектик», мы потому и констатируем этот бесспорный факт, что отнюдь не считаем строительство пролетарской культуры монополией нашей организации. Пролетарская культура родилась в тот момент, когда Маркс и Энгельс впервые сформулировали основные принципы **диалектического материализма, этой подлинной пролетарской науки.** Если же такая характеристика марксизма вас смутит, то мы напомним вам слова Ленина в статье «Заметки публициста» (1910 г.): «Мы знаем теперь только одну пролетарскую науку—марксизм» [2]). Далее в той же статье Ленин писал: «М. Горький безусловно крупнейший представитель пролетарского искусства, который много для него сделал и еще больше может сделать» [3]). Каждому ясно, что говорить о том, что Горький много сделал для пролетарского искусства, можно, лишь признавая факт существования последнего. Что же, Ленин

[1]) Там же, стр. 119.
[2]) См. V том Хрестом. Истпарта, стр. 299.
[3]) Там же, стр. 300.

тоже «чудовищно переоценивал имеющиеся достижения» и расходился сам с собой? Все дело в том, что Яковлев, как и Богданов, понимает строительство пролетарской культуры метафизически, как единовременное ее развертывание, ему совершенно чужда ленинская диалектическая постановка вопроса о длительном процессе строительства пролеткультуры.

Еще нелепее обвинение Яковлева в том, будто напостовцы совершают «подмену» гегемонии пролетариата «гегемонией пролетарской культуры» (стр. 18). Очаровательно! А мы-то бедные думали, будто Вардин говорил, что гегемония пролетариата неизбежно вызывает и гегемонию пролетарской культуры.

Стремясь обрушить на пролетарскую литературу возможно больше вымышленных обвинений и искаженных цитат, Яковлев изрекает: «Ленинский лозунг 1905 года, обращенный против тогдашних мудрящих литераторов, не желавших и не умевших провести партийной линии в литературе: «Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела...»,—обращается теперь против новых пролетвапповских сверхчеловеков, в какие бы пролетарские одежды они себя ни одевали» (стр. 19). Нет, все-таки всему должна быть граница! В то время, как ваши союзники, товарищ Яковлев, из «воронского» лагеря распинались в защиту нейтралитета партии в художественной литературе, мы, напостовцы, первые поставили вопрос о необходимости определенной партийной политики в искусстве. Статья Г. Лелевича, напр., в № 1 «На Посту» за 1923 год так и называлась: «Нам нужна партийная линия». А теперь вы—нашим же добром да нам же челом. Недурно! Возмутительнее всего здесь ссылка на статью Ленина «Партийная организация и партийная литература». Эта блестящая статья была направлена как раз против тогдашних Воронских и Яковлевых, фыркавших на классовую пролетарскую литературу и кричавших против «заушательства» и «заезжательства» по отношению к художникам. Ленин провозглашал в этой статье: «Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания. И мы, социалисты, разоблачаем это лицемерие, срываем фальшивые вывески,—не для того, чтобы получить неклассовую литературу и искусство (это будет возможно лишь в социалистическом внеклассовом обществе), а для того, чтобы лицемерно-свободной, а на деле связанной с буржуазией, литературе противопоставить действительно свободную, открыто связанную с пролетариатом литературу» [1]). И эту статью, это подлинное евангелие напостовцев, Яковлев пытается обратить против напостовцев! Нельзя же считать своих читателей такими идиотами.

Наконец, последняя декламация Яковлева: «Селькор и рабкор—журналисты постольку, поскольку они борются за интересы трудящихся масс пером. Также и в ленинской идее культурной революции общее повышение культурности ни на одну минуту не отрывается от задачи повышения участия рабочих и крестьян в строительстве советов. С этой точки зрения движение рабкоров и селькоров и является лучшим выражением ленинской культурной революции. И уже, во всяком случае, это движение наиболее чуждо выдумкам «пролетвапповских алхимиков» (стр. 19). Не приходится спорить, что селькор и рабкор—журналисты постольку, поскольку они борются за интересы трудящихся масс пером. Но также бесспорно (и это признал ЦК РКП в своей резолюции о политике партии в области художественной литературы), что именно рабселькоровское движение в значительной степени является источником, резервуаром, из которого пролетарская художественная литература будет черпать все новые и новые силы. И так же бесспорно, что эти литературно художественные силы, растущие из среды рабселькоров, будут направляться в русло организованной пролетарской литературы, а не в русло нэпмановских или даже попутнических литературных течений,—это неизбежно, сколько бы ни гадали астрологи, вроде Яковлева.

Выступление Яковлева не заслуживало бы никакого внимания, если бы оно совершилось не на страницах столь авторитетного органа и не сопровождалось бесконечными ссылками на Ленина. Не приходится сомневаться, впрочем, что даже место опубликования статьи и эти бесчисленные ссылки не обманут партийного общественного мнения. Резолюция ЦК о политике партии в области художественной литературы прекрасно, по-ленински, ставит вопрос о культурной революции, и этот авторитетный голос, во всяком случае, покрывает истерические выкрики Румиев и Яковлевых.

Редакция «На Посту».

---

[1]) Собр. соч. т. VII, ч. I, стр. 25.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

И. Степанов. От революции к революции. Сборник статей 1905—1915 г.г. Составлен под редакцией и с примечаниями Г. Бешкина. Госиздат. 1925 г., стр. 318, тираж 10.000.

Эта книга будет одним из ценнейших пособий по истории большевизма. Период первой революции, эпоха реакции, предвоенная и военная полоса—нашли отражение в ряде статей, из которых некоторые до сих пор не утратили свою свежесть, а большинство с точки зрения исторической исключительно любопытно.

Особенно полное отражение получила в статьях настоящего сборника революция 1905—7 г.г.

Совершенно естественно, что вопрос о социальной физиономии российского самодержавного государства перед революцией встретил особое внимание тов. Степанова.

Очень широкими и яркими мазками набросана статья «Из истории феодального класса».

Сделав в этой статье совершенно естественное ударение на паразитарном характере дворянства, автор, впрочем, рассматривает вопрос о социальной «психике» дворянства—как-то изолированно; роль идеологического фактора выпячена здесь чрезмерно без достаточного обоснования ее общественным бытием помещика. Некоторое «кокетничание» с великим философом, свойственное впрочем в определенный период писательства и еще более крупным теоретикам марксизма,—характерно для этой статьи т. Степанова. «Старый строй утратил свою идею. Но никакой режим не может существовать без идеи» (стр. 25).

Переходя к определению идеи дворянства, тов. Степанов утверждает: «Наследственно-потребительная психика делает дворянина органически неспособным к рациональному хозяйствованию. У него нет «уменья считать».

Едва ли стоило и стоит первопричину нерациональной постановки помещичьего хозяйства видеть в «неумении считать».

В этой статье, относящейся к 1905 году, не поставлены еще некоторые точки над и.

В очень хорошей статье «Классовая основа политических партий» автор ставит вопрос о помещике и его государстве уже в плоскость социально-экономического анализа. Мы считаем нелишним привести следующую цитату с блестящей диалектической характеристикой социального содержания российского царизма:

«Согласно довольно распространенному представлению, современное правительство есть «правительство дворян, крепостников-помещиков». Поскольку такими выражениями хотят определить личный состав, историческое происхождение современного правительства, они довольно точно обрисовывают положение. Но поскольку это определение правительства должно характеризовать направление деятельности старого государства, оно становится неверным, неточным; оно делает невозможным понимание классовой основы наших политических партий. Крепостническое государство безвозвратно погибло. 19 февраля 1861 года было констатированием этого факта. И характерно то обстоятельство, что обряд погребения совершало само правительство. Уже из этого видно, что даже для того времени определение нашего правительства как дворянско-крепостнического было бы неверно. Уже тогда носителями государственной власти были не чистые крепостники, а дворяне,

втянутые в капиталистический оборот, вынужденные считаться с требованиями буржуазного развития, в известной степени обуржуазившиеся помещики.

Иначе оно и быть не могло. Крепостническое сословие, встретившись с развивающимися капиталистическими методами присвоения, не могло не вкусить плодов от древа капитализма, а вкусив и признав их сладкими, оно постаралось сочетать крепостнические, феодальные способы эксплуатации с капиталистическими, буржуазными, и, таким образом, утратило первобытную крепостническую чистоту и невинность.

Точно так же крепостническое государство с развивающимися буржуазными отношениями, поставленное в мир капиталистических международных отношений, неизбежно должно было вести буржуазные элементы в свою деятельность. Таким образом, об'ективные условия, требовавшие несколько иного содержания от государственной деятельности, слагались от государственной деятельности, слагались одновременно с суб'ективными условиями такой перемены,—с преобразованиями в психике дворянского сословия, носителя государственной власти» (стр. 167).

Меньшевик Дан, в своем сборнике «Общественное движение в России в начале XX века» характеризовал самодержавное государство, как беспочвенное «надклассовое» образование, не имеющее социальных корней в современных классах российского общества. У Дана эта точка зрения выявлена необычайно выпукло.

С таким пониманием самодержавия у меньшевиков была связана концепция о возможности вовлечения в революционную борьбу всех классов общества. Наоборот, понимание капиталистической эволюции самодержавного государственного строя логически увязывалось с признанием нереволюционности российской буржуазии, уже начавшей увязываться в царистскую государственную систему и усиливать свое влияние на политику самодержавного государства. В статье «Классовая основа политических партий» т. Степанов дает ответ и на вопрос о том, что из себя представляют по своей социальной сущности партии октябристов и к.-д.

«В нашей литературе, как меньшевистской, так отчасти и большевистской, довольно распространено представление об октябризме, как об организации крупной буржуазии преимущественно промышленной. Такое представление удобно для меньшевизма с его воззрениями на к.-д. партию, как на демократическую партию. Раз буржуазия будет использована на построение Союза 17 октября, на постройку к.-д. партии не остается достаточного материала, ее приходится порождать от «демократической мелкой буржуазии...» (174 стр.).

Выступая, таким образом, против меньшевиков, тов. Степанов квалифицирует и октябристов, и к.-д., как партии буржуазные, но разных слоев буржуазии.

«Союз 17 октября — организация буржуазного периода первоначального накопления. Но ведь и «самодержавная бюрократия»—правительство периода первоначального накопления... Разница между ними лишь та, что в октябристе сильнее говорит капиталистическая дума, в «самодержавном же бюрократе»—феодальная дума. Один больше считается с капиталистическим настоящим, другой более подчиняется воспоминаниям феодального прошлого» (стр. 177).

В кадетской партии даже некоторые видные большевики в начале революции видели организацию радикальной интеллигенции, не усматривая ее классово-буржуазных корней. Тов. Степанов совершенно правильно разграничивает к.-д. партию от октябристов следующим образом:

«Конституционно-демократическая партия, это—политическое представительство «чистой» буржуазии, которая стремится отсечь от капиталистического способа производства докапиталистические придатки и надеется в «свободной конкуренции» вытеснить октябрьскую буржуазию» (181 стр.).

В ряде предшествующих статей автор возвращается к характеристике русской буржуазии и ее партиям, доказывая, что даже «чисто буржуазная» к.-д. партия является далеко не революционной.

В прекрасном ответе Плеханову (см. ст. «Издалека»), связывающему политику пролетарской партии с либеральной буржуазией, опираясь на опыт прежних революций и на мнения Маркса и Энгельса о роли буржуазии в революции с сильным пролетариатом,—тов. Степанов, обращаясь к особым условиям российской революции 1905 года, выясняет, насколько Плеханов не дооценивал роль пролетариата как гегемона революции и переоценивал революционные потенции российской буржуазии.

Особенное возмущение—выраженное по условиям внутрипартийных отношений довольно сдержанно—у автора возбуждает Плехановское «Не надо было начинать», сказанное по поводу московского вооруженного восстания в 1905 году.

В этюде «О свободе конкуренции» вскрываются экономические пружины буржуазного либерализма; в статье «Конфискация или выкуп» дается недурная критика кадетского проекта земельных преобразований и его нереволюционности (кадеты стояли за выкуп отчуждаемой земли, при чем размеры выкупа—по сути дела—должны были, согласно проекта, определять сами помещики).

Ликвидатору Череванину по заслугам достается в статье: «Самим бороться—или уповать на либеральных буржуа». Здесь дается критика меньшевистской позиции избирательного соглашения с кадетами.

Когда Плеханов стал обосновывать этот оппортунистический лозунг соглашения с кадетами, тов. Степанов выступил против него еще раз (См. «О новом повороте Плеханова»).

Здесь отказ Плеханова от революции выявлен уже с необходимой категоричностью.

«Левые и крайние левые партии должны выставить общую избирательную платформу, т.-е. в центре избирательной борьбы должны поставить такое требование, которое обще им всем, и это требование выражается Плехановым в двух словах: полновластная дума.

Плеханов уверяет, что эта формула, именно потому, что она общая формула, позволяет всем партиям сохранить всю полноту всех остальных своих политических и социальных требований. Пусть каждая партия разумеет под полновластной думой совершенно различные вещи. Название этих вещей для всех одинаково, и потому кадет с чистой совестью может голосовать за социал-демократа, а социал-демократ—за кадета» (стр. 126).

Из этих положений меньшевика Плеханова, большевик Степанов справедливо делает следующий вывод.

«Согласиться с Плехановым—это значит отправить на смарку весь тяжелый исторический опыт, вычеркнуть всю работу социал-демократии, вытравить из памяти пролетариата все, что он выстрадал на протяжении последних двух лет...» (стр. 127).

Вопросу о выборах в Думу и политике партии в отношении Думы посвящены следующие статьи сборника: «К вопросу о блоках и соглашениях», «Выборы депутатов в Москве», «Вторая Дума», «Либеральный обыватель и всеобщее избирательное право».

Тов. Степанов, как и вся большевистская партия в период первой российской революции стоял на точке зрения бойкота 1-й Государственной Думы. Это нашло некоторое неизбежное отражение и в соответствующих статьях автора.

В этой области необходимо внести некоторый корректив.

В «Детской болезни левизны» тов. Ленин писал по этому поводу:

«Ошибкой, хотя и небольшой, легко поправимой, был уже бойкот большевиками «Думы» в 1906 году». В примечании к этому положению тов. Ленин пишет:

«К политике и партиям применимо—с соответственными изменениями—то, что относится к отдельным людям. Умен не тот, кто не делает ошибок. Таких людей нет и быть не может. Умен тот, кто делает ошибки не очень существенные, и кто умеет легко и быстро исправлять их».

Некоторые товарищи полагают, что вышеприведенное замечание было продиктовано нашему вождю тактическими соображениями. Это, конечно, неверно[1]). Большевики держали в 1906 году курс на углубление и расширение революции; но этому курсу отнюдь не противоречило участие в выборах в 1 Госуд. Думу.

В этот период вполне целесообразно было сочетать нелегальные методы революционной работы с легальными; можно было подготовлять вооруженное восстание, имея одновременно своих представителей в Государственной Думе.

Следует только жалеть о том, что большевики не имели в первой думе достаточно сильных, ярких своих представителей.

Трудовики тяготели к социал-демократии, и если бы места закавказских меньшевиков в Думе были заняты большевиками, то революционная смычка пролетариата с крестьянством была бы более прочной, чем она была на самом деле.

Чрезвычайно характерно, что коммунистическая партия даже после захвата власти сочла возможным и целесообразным разрешить открытие Учредительного Собрания.

В этот исторический день представители революционного пролетариата потребовали от эсеровского большинства Учредилки признания октябрьских завоеваний; эсеры отказались их признать, и это дало нам в руки сильное оружие против эсеров и Учредилки в агитационной работе среди крестьянства... Так наша партия даже в условиях уже совершившегося захвата власти использовала «парламентские возможности». Участвуя в первой Думе, мы получили бы лишь новую легальную возможность революционных выступлений; участие было бы плюсом для революции, а не минусом.

В полосу между первой революцией и войной тов. Степанов написал статьи: «Капитал и газеты», где выясняются физиономия и роль буржуазных газет, «Сергей Андреевич Муромцев», блестящий политический некролог, и «Товарищества мелкобуржуазных производителей», экономический этюд с критикой кооперативного утопизма. К непосредственно предвоенному периоду относится хорошая пропагандистская статья теоретико-экономического характера «Империализм».

В обстановке сильного оживления революционного рабочего движения в России, автор выступил с обобщающей статьей: «Экономика и политика в рабочем движении», в ряд положений которой, впрочем, история последнего периода требует внести существенные поправки.

---

[1]) Автор рецензии должен сознаться, что в своей книге „Классовые противоречия в I Госдуме“, написанной в 1922 г., он сам в этом вопросе стоял на неверной точке зрения.

Социал-патриотизм Плеханова встречает со стороны автора обличение в статье «О единстве и «единстве».

Последняя статья сборника подвергает разбору вопрос «О парламентском бюро» в Государственной Думе.

Таким образом, основные моменты классовой борьбы в России, нашли надлежащее отражение и большевистское преломление в статьях тов. Степанова. В силу этого необходимо настоятельно рекомендовать этот сборник вниманию изучающих историю большевизма.

А. Слепков.

„Антимарксизм“ [1]).

Проф. А. Мизес, как теоретик фашизма.

Венский профессор Людвиг Мизес очень сердитый и очень не любит Маркса и марксистов. Между нами говоря, совершенно напрасно, ибо, если бы не марксизм, то нашему профессору, ничем себя в науке не проявившему, пришлось бы побираться по свету. Сокрушение марксизма занятие хлебное.

«Наука т.-н. марксистов — заявляет Мизес — только схоластика». С величайшим пренебрежением Мизес говорит о «мужчинах и женщинах, занимающихся этим делом». Они толкут воду в ступе, живут только канонизированными догмами Маркса, их писания имеют значение лишь, поскольку способствуют политической карьере их авторов, их «наука» преследует только партийные цели, весь спор о ревизионизме, о диктатуре не научный, а чисто-политический спор.

Так сердито отзывается Мизес о марксистах. Но несколько дальше Мизес попадает в неприятное положение. Оказывается, что корифеи немецкой буржуазной науки, историческая школа в политической экономии и т.-н. катедер-социалисты, многое заимствовали у Маркса. Их ругать Мизес не решается. С прискорбием душевным он цитирует слова профессора Шмоллера, что школа сторонников Адама Смита превратилась в «одностороннее классовое учение» и что «социализму нельзя отказать в праве на существование, нельзя также оспаривать некоторые благие результаты его». С неменьшим прискорбием Мизес цитирует также слова Энгельса, что теория процента профессора Лексиса лишь передает другими словами теорию Маркса.

Зато весь гнев Мизеса обрушивается на учеников Шмоллера, на целое поколение в немецкой буржуазной науке. Он не называет имен. «Это поколение не слушало в университетах лекций по теории политической экономии; оно знало классиков только по имени, знало о них только, что они преодолены Шмоллером. Лишь очень немногие из них имели когда-либо в руках Риккардо или Милля, а тем паче читали их. Но Маркса и Энгельса они читали, должны были читать; к этому их вынуждала необходимость пререкаться с все усиливающейся социал-демократией. Они писали книги для опровержения Маркса..., они отвергали самые крайне политические требования Маркса и Энгельса..., но переняли в смягченной форме их теории.. Для этого поколения Маркс был самым выдающимся теоретиком в политической экономии».

Долго еще фыркает сердитый профессор. И, наконец, находит утешение в том, что нынешнее поколение, «ученики учеников» (Шмоллера),

---

[1]) Antimarxismus. Von Prof. Ludwig Mises. „Weltwissenschaftliches Archiv“ 1925.

отказались от Маркса. Речь идет, конечно, о буржуазной науке. Создалось новое течение, антимарксизм, о котором с восторгом и повествует Мизес. Австрийская школа, Бем-Бавек и др., показала, «как ничтожна и неважна роль Маркса в истории политической экономии». От себя Мизес утверждает еще, что «то немногое, которое может считаться правильным в учении Маркса об обществе, несравненно глубже схвачено Тэном и Боклем; а учение об отмирании государства «вообще не представляет никакого интереса для науки» (!). Моська лает на слона. Мизес, пока не называет представителей этой школы «антимарксизма». Но надо читать между строк: профессор по скромности себя не называет.

Какую лепту внесла эта новая школа в науку? Что дает Мизес? Он проповедует «утилитарную социологию» и заявляет, что «тот успех, который имело в Германии учение Маркса об обществе, об'ясняется тем, что утилитарная социология 18-го века была отклонена немецкой наукой». Недурно, не правда ли? Впрочем, Мизес, надо отдать ему справедливость, вкладывает свой собственный смысл (или бессмыслицу) в эту допотопную «утилитарную социологию». Смысл этот — гармония интересов. Общество построено на разделении труда, а поэтому в нем не может быть противоположных интересов. Это общее место, к тому же неверное, ошибочное. Мизес, для пущей важности, облекает его в гегелертерскую абракадабру: «утилитарная социология исходит, отказываясь от всякой метафизики, из того опытного факта, что всему живому присуща воля к утверждению жизни и увеличению жизненных энергий». Это ли не метафизика? Тут же ссылка на Ад. Смита, что даже слабости человека «не без своей пользы», сравнение Смита с Кантом, и все это для откровения, что частная собственность лежит в интересах всех членов общества. Попутно такое ребяческое невежество, как утверждение, что, «чем более растет разделение труда, тем реже становятся внешние войны и внутренние (гражданская война, революция). А торговые войны капитализма? А вся история капитализма?

А вот еще перл. Почему борьба должна вестись только между классами, а не внутри классов? Мизес уверен, что имеет здесь козырь против Маркса. Раз нет борьбы внутри класса, то ее не может быть и вне класса. «Не возможно найти такой принцип ассоциации, который действует только внутри данной коллективной группы, но не вне ее». Конечно, это совершеннейший абсурд. Рабочий класс связывают вполне определенные, конкретные интересы, а не какой-то туманный принцип ассоциации. «Логически продуманная до конца борьба классов является не учением об обществе, а теорией необщительности, т.-е. борьбы каждого против всех». Этот шедевр Мизес берет у Пауля Барта (Die Philosophie der Geschichte als Soziologie, 3 Aufl, 1922). Так вот кто духовные сподвижники Мизеса по «антимарксизму»! Один другого стоит. Этот Пауль Барт имеет вполне заслуженную известность нудной, безнадежной посредственности. И еще одного «ученого» того же калибра и пошиба цитирует наш сердитый профессор: Отмара Шпанна (Der wahre Staat, 2 Aufl. 1923; Klasse und Staat, Handwörterbuch des Staats, 1923). Этот Шпанн является уже совсем откровенным «учеными» от фашизма, духовным лидером «национального социализма». Он одного поля ягода с неучем Гитлером и филологом-историком Освальдом Шпенглером [1]). Шпанн, одно существование которого является красноречивым доказательством классового характера не только самого обще-

---

[1]) **Автор кн. „Закаты Европы“, являющийся в политике от'явленным черносотенцем и убежденным фашистом.**

ства, но и науки, заявляет, что Маркс не дал научного определения и разграничения понятия класса, что понятие «классовый интерес», «классовое положение», «классовая борьба», «классовая идеология» неточны и неопределенны. Мизес добавляет, что 3-й том «Капитала» прерывает как раз на том месте, которое должно было трактовать о классах. Тем не менее, как с горестью замечает Мизес, «понятие класса стало краеугольным камнем современной германской социологии». «Зависимость от Маркса является особым отличительным признаком германской науки об обществе. Правда, марксизм оставил следы также в социологическом мышлении Франции, Англии, Соед. Штатов, Скандинавских государств и Голландии». Так сетует Мизес. Очевидно, дела «антимарксизма» обстоят не блестяще. Духовный жандарм буржуазии, Мизес за неимением аргументов, просто-на-просто аппелирует к интересам буржуазии. Тоже наглядное «опровержение» учения Маркса о классах.

Но «антимарксизм» оспаривает «не социализм, а только марксизм». И Мизес после своей «сокрушительной» критики дает и положительную часть. Она озаглавлена у него: «Национальный (антимарксистский) социализм». Итак, старые знакомые: «национальный социализм», «национально-социальное» течение тех же Гитлеров, и т. п. Все это Мизесом об'единяется под знаком фашистского движения.

Здесь мы имеем перед собой, так сказать, первую теоретическую попытку обоснования немецкого фашизма. Пока что, она представляет у Мизеса больше смесь путаницы курьезов и противоречий, но лиха беда начало. Мы сейчас увидим, что противоречия, в которые запутывается Мизес, не только забавны, но в известном смысле также симптоматичны и характерны.

Немецкие «этатисты» (государственники) — так почему-то Мизесу угодно называть представителей немецкой науки об обществе, попавших в плен к Марксу — «видят в современном империализме стран Антанты то же самое, что марксисты: порождение капиталистического стремления к экспансии». Это, очевидно, не нравится Мизесу. Однако, только в том смысле, что он первичным фактором считает национальную ненависть. Мизес, теоретик фашизма, возводит национальную ненависть в перл творения. Вот его «теория»: «Марксистский социализм возвещает: борьба классов, но не борьба народов, долой империалистическую войну! Но возвещая это, он в мыслях прибавляет: но всегда (!) гражданская война, революция. Национальный же социализм возвещает: единение народа, классовый мир; но при этом прибавляет к мыслям: война внешнему врагу». Итак, гром победы раздавайся...

Однако, в это гелертерски симметричное построение мировая война пробила брешь. Мизес в одно и то же время проповедует фельдфебельскую, Гинденбургскую психологию и желал бы использовать уроки поражения. «До сих пор, говорит он, германская наука и практика возвещали исключительно принцип силы и борьбы. Применение этого принципа на деле изолировало германский народ во всем мире и повело к нашему поражению в великой войне». И хочется, и колется. И вот Мизес признает, что «насильственное решение национальной проблемы менее всего может удовлетворить германский народ». Мизес, однако, считает, что один принцип самоопределения народов не может помочь там, где немцы живут в перемежку с другими народами и являются меньшинством (среди датчан, литовцев, поляков, чехов, мадьяр, кроатов, словенцев, итальянцев и французов). Приходится искать союзников и коалиций. И вот Мизес приходит к совершенно неожиданному и сногсшибательному для фашиста заключению: «Германский антимарксизм и русский сверхмарксизм не очень далеки от политики взаимного соглашения и союза».

«Только одного союзника Германия может найти в таком положении, а именно Россию, которая встречает со стороны поляков, литовцев и мадьяр, а в некотором смысле также и чехов, такую же вражду, как Германия, и нигде не приходит в непосредственное столкновение с германскими интересами». Мизес заверяет, что «большевистская Россия, точно так же как царская, знает для решения национальной проблемы только политику силы». Этот абсурд и клевета не является оригинальным измышлением Мизеса, сказки про наш «красный империализм» процветают в буржуазной Европе; но как совмести Мизес в таком случае союз с Россией с только-что провозглашенным им отказ от насильственной политики, это остается его секретом. Забавно также следующее: попытки связать германский «антимарксистский национализм», сиречь фашизм, с итальянским антимарксистским национализмом, т.-е. фашизмом, и с шовинизмом «пробуждающихся мадьяр» не целесообразны, по мнению Мизеса, так как национальные интересы немцев приходят в конфликт с итальянскими в Южном Тироле и с мадьярскими в Западной Венгрии.

Мизес имеет и здесь, в национальном вопросе, свой «теоретический» козырь против Маркса. Это — вопрос об эмиграции. Для немцев он считает его весьма существенным и возмущается, что во всей довоенной германской литературе нет сочинения, трактующего об ограничениях и запретах иммиграции. «Ничто так не характеризует марксистское запустение литературы по общественным вопросам». Мизес ссылается также на конгресс II Интернационала в Штуттгарте в 1907 г., где по вопросу о допущении иммиграции цветных рабочих принята была компромиссная резолюция, при чем представитель Австралии заявил, что большинство тамошней рабочей партии является противником этой иммиграции и т. д. Мизес распространяется на ту тему, что профсоюзы в Соед. Штатах ведут «классовую борьбу» не против своих предпринимателей, а против европейских рабочих и негров. При этом он умышленно закрывает глаза на то, что это профсоюзы желтые, гомперсистские, антимарксистские, что Коминтерн и Профинтерн ставят во главу угла именно интернациональную солидарность рабочих всех народностей и всех рас и придают особо важное значение именно народам Востока. Мизес представляет дело так, будто весь социальный вопрос коренится ныне в возможности свободной эмиграции, а у себя дома, на его немецкой родине все обстоит благополучно в этом отношении. На самом же деле у него эмиграция служит только каналом для проведения экономических интересов германской буржуазии, хотя он и облекает ее в одежды «национального социализма». Маркс неопровержимо показал зависимость законов роста населения от экономического строя; перенаселение Германии, заставляющее ее стремиться в колонии и пр., есть чисто-капиталистическое перенаселение, результат капиталистической эксплуатации, и фразы Мизеса должны лишь скрыть реальную подоплеку: больное ущемление империалистских интересов германской буржуазии исходом мировой войны. Итак, «национальный социализм» Мизеса, его социализм без марксизма, лишь маска для прикрытия классовых интересов буржуазии. Здесь тоже «антимарксизм» является лишним подтверждением марксизма. Кстати, куда девалась здесь хваленая «утилитарная социология» Мизеса, его теоретическая тяжелая артиллерия? Его «гармония интересов», оказывается, существует только в национальном масштабе, между предпринимателями и рабочими одной нации, но в интернациональном масштабе даже рабочие идут против рабочих — так, по крайней мере, утверждает Мизес на основании практики желтых союзов Гомперса, его «рабочей аристократии», плода империализма.

Так или иначе, Мизес уверяет, что «насильственное разрешение национальной проблемы теперь еще менее целесообразно, чем в Германии Вильгельма». Фашист в роли миротворца, это ли не зрелище для богов? Но ларчик просто открывается, Мизес сам вскрывает свои карты. В Чехии—говорит он—немецкому меньшинству приходится бороться за демократию и свободу от вмешательства государства в экономическую жизнь; точно так же в других государствах, где немцы в меньшинстве. Как же, откровенно признается он,—совместить это с насильственной политикой в самой Германии!

Мизес находит также недостатки в новейшем «антимарксизме», довольно анемичном и тщедушном. Представители антимарксизма—говорит он—довольствуются тем, что критикуют политические выводы марксизма, но оставляют в силе социологическую доктрину марксизма. Кто эти представители? Мизес опять-таки называет только Шпанна. Да простится нам вульгарный каламбур: вся шпана немецких фашистов нашла своего «теоретика» только в этом одном Шпанне. Этот Шпанн, видите ли, нападает на марксизм, как на «чуждый немецкому духу продукт индивидуализма Запада» (Между прочим, с каких это пор Германия стала Востоком?). Мизес находит, что эти нападки и отождествление марксизма с либерализмом и индивидуализмом вытекают только из политических соображений, а именно из вражды Шпанна к либерализму. «Не годится, говорит Мизес, на том основании, что борешься против либерализма и социал-демократии, создавать внутреннюю связь между ними». Мы оставляем здесь в стороне то, что Мизес, в свою очередь, отождествляет социал-демократию с марксизмом и еще не убедился в полной безвредности социал-демократии. Но очень характерно это стремление Мизеса примирить демократию (либерализм) с фашизмом. Мы отчасти наблюдали и наблюдаем тот же процесс в Италии. Как чисто буржуазное движение, фишизм, нуждается в либерализме: скорпионы для рабочих, а либерализм для буржуазии, поскольку она не отказывается от него для протекционизма и интернационализма государства.

Мизес и Вернер Зомбарт—два воинствующих Аякса «антимарксизма». Но Мизес не доволен Зомбартом. Он считает, что Зомбарт, «первый познакомивший германскую науку с Марксом», все еще находится в плену у последнего. Очень поучительно, что Мизес говорит о тайных симпатиях Зомбарта, которые надо читать у него между строк. Оказывается, что Зомбарт мечтает о средневековье и аграрном государстве. Он враг современного индустриализма, враг «железных дорог и фабрик, доменных печей и машин, телеграфных проводов и мотоциклеток, граммофонов и аэропланов, кинематографов и силовых станций, литой стали и анилиновых красок». Мизес приводит эту цитату из Зомбарта, как перечень того, в чем социалистическая критика «еще ни разу не обвинила капитализма». Зомбарту литая сталь и анилиновые краски, повидимому, не угодили... Замечательно, что «для Шпанна, вождя националистического антимарксизма, социальным идеалом тоже является возвращение к средневековью». Это признание Мизеса весьма любопытно. Дела в его лагере обстоят совсем печально; «теоретики» немецкого фашизма, очевидно, просто-на-просто не совсем здоровые люди. И Мизес упрекает Зомбарта в «болезненной слабости нервов», в неумении сохранить свое душевное равновесие и среди граммофонов и аэропланов. А ведь Зомбарты и Шпанны именно налегают на тевтонскую силу и крепость; Мизес бьет их в самую точку. Он бьет их со стороны их же фельдфебельской психологии указанием на то, что без доменных печей и аэропланов Германия окажется бессильной перед внешним врагом. Зомбарт мечтает о «допролетарской утопистике» с ее «буколическим» характером; Мизес

отвечает ему, что буколическое аграрное государство в наше время должно распроститься с мечтой о господстве. Так или иначе, в консерватизме Зомбарта и Шпанна сказывается ретроградный идеал прусского помещика-зубра. Мизес вносит «поправку» от лица буржуазии с ее империалистскими тенденциями.

Мизес попрекает своего соратника Зомбарта, что в его двухтомной книге в тысячу страниц («Пролетарский социализм»), 10-м издании его брошюры от 1896 г., слинявшей с тех пор из Павла в Савла, «не дается даже определения понятия социализм». Спор за социализм Зомбарт понимает не только как спор за «экономическую технику», а чуть ли не как спор за бога или сатану. Социализм, по Зомбарту, желает, чтобы источник всего зла в мире, «деньги снова были брошены в Рейн, как кольцо Нибелунгов». Эти жалкие фразы, могущие импонировать разве студенту-фашисту, вызывают со стороны Мизеса горькие упреки, что Зомбарт выступает не вообще против социализма, а только против пролетарского социализма, против марксизма. Но ведь сам-то Мизес тоже сторонник «национального социализма»... Противоречий и путаницы здесь не оберешься. А еще несколько далее Мизес находит у Зомбарта признание, что социализм соответствует именно интересам пролетариата. Борьба против «пролетарского социализма» оказывается гиблым делом, а сам Зомбарт бессознательным марксистом. Это утверждает Мизес как хранитель антимарксистской чистоты нравов. В самом деле: Зомбарт требует преодоления классовой борьбы этикой и религией, но в таком случае—заявляет Мизес—значит, Зомбарт признает классовую борьбу существующей... В результате Зомбарту приходится аппелировать к богу, но уже скорее исповедь, чем наука (не Ercenntnis, а Bekenntnis), и убедительной силы не имеет. Так Мизес развенчивает Зомбарта, чтобы сохранить за одним собой лавры действительного «антимарксиста» и теоретика фашизма.

Ф. Капелюш.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

К оценке китайских событий.

(По поводу рецензии А. Ивина).

Появление каждой новой книги автора этих строк о Китае неизбежно вызывает «ругательную» критику А. Ивина. Так было в отношении первой книги «Мировой империализм и Китай». Можно было предсказать ж е л ч н у ю брань того же критика и в отношении второй книги: «Китай в борьбе за независимость», несмотря на то, что книга вызвала одобрительные отзывы «Правды», «Известий ЦИК'а», «Книгоноши», «Зари Востока», и несмотря даже на то, что большинство очерков, помещенных в книге «Китай в борьбе за неезависимость», появилось в течение 1922—24 г. на столбцах «Нового Востока» и «Международной Жизни» и «своевременно» не вызвали «благородного» гнева А. Ивина, И сейчас нетрудно предсказать, что на вновь выходящие работы: «Китай в борьбе с мировым империализмом» и «Народное хозяйство Китая» появятся «лютые», «уничтожающие» заметки.

Все недоброкачественные приемы этого критика можно было бы попросту оставить незамеченными, если бы не попытка А. Ивина извратить смысл крупнейших исторических событий, бросающих свет и на нынешнюю революционную эпоху и борьбу народных масс в Китае.

1) А. Ивин возражает против характеристики Китая, как колонии капиталистических государств и в частности возражает против нашего утверждения, что еще накануне боксерского восстания из 18 провинций Собственно—Китая 13 находились под контролем иностранцев. Напомним критику, что 90-е годы были эпохой раздела Китая и завоевания его «путем банка и железной дороги». В этот период было осуществлено деление Китая на «сферы влияния». Борьба капиталистических государств против Китая накануне боксерского восстания привела к тому, что все приморские провинции Китая—Гуан-дун, Фу-цзянь, Джэ-цзян, Цзян-су, Шань-дун и Чжи-ли—были втянуты в товарооборот с капиталистическим хозяйством на условиях колониальной эксплуатации Китая. Напомним также «ученому» критику, что долина Ян-цзы-цзян, т.-е. провинции—Ань-хуэй, Ху-бэй, Цзян-си, Ху-нань, Сы-чуань—была об'явлена районом «специальных прав» Англии в награду за расправу над Тайпинским восстанием. Та же Англия распространяет свое влияние из Бирмы и вообще из Индии на провинцию Юнь-нань, а капиталистическая Франция—на южную часть провинции Юнь-нань и на провинцию Гуанси. Итого—13 провинций. Накануне боксерского восстания были еще мало задеты иностранным капиталом провинции Северо-Западного Китая по преимуществу. Имели ли мы право на основании бесспорных исторических

фактов, известных каждому китайскому школьнику, утверждать, что более $^{2}/_{3}$ собственно—Китая были переведены на положение колоний? Да, имели, если к тому же вспомнить, что взаимоотношения между Китаем и мировым империализмом развиваются в условиях пассивного баланса Китая, расхищения его сырьевых богатств и разорения его производительных сил.

В чем «гипербола» из вежливости? Не в том ли, что А. Ивин «преуменьшает» не в интересах об'ективного положения вещей эксплуататорскую роль капиталистических государств?

2) Никакого противоречия нет между нашим утверждением о том, что $^{2}/_{3}$ Китая были об'явлены «сферами влияния» иностранного капитала до боксерского восстания, и нашим же заявлением о том, что после боксерского восстания «дипломатический корпус в Пекине претендует на роль фактического правительства Северного Китая». Самое боксерское восстание явилось стихийным протестом широких масс против грабежа Китая. Самое боксерское восстание подтверждает наш анализ взаимоотношений Китая с капиталистическими государствами накануне восстания.

Империализм шел от «победы» к «победе». Если до боксерского восстания он—под прикрытием разбойничьих договоров — диктовал свою волю н а р о д н о м у х о з я й с т в у Китая, то после расправы над восставшими крестьянами он к своим привилегиям присоединил вмешательство в п о л и т и ч е с к у ю жизнь Китая, в дела пекинского правительства. Кто же из нас «неверно толкует общеизвестные факты»: тот ли, кто в учете фактов берет процесс в его диалектическом развитии или тот, кто, как наш «ученый» критик, не только беспомощен в диалектике, но и незнаком с «общеизвестными фактами»?

3) Мы утверждали, что в условиях и обстановке 1924 г. в Китае выявились новые элементы, выражавшиеся в стремлении мирового империализма сохранить свое господство над сотнями миллионов крестьян и в угрозе собрать империалистический кулак на Дальнем Востоке. Это наше утверждение, на котором мы со всей решительностью настаиваем и сейчас, оспорено А. Ивиным. Ругательный критик тем самым отрицает попытку мирового империализма усилить свою интервенцию в Китае. Эта попытка была с отчетливой рельефностью выявлена мировыми хищниками именно в 1924 году и была отбита благодаря протесту широких масс—в первую очередь рабоче-крестьянских масс СССР, организовавшихся под лозунгом «Руки прочь от Китая».

«Ученый» критик, опровергая наше утверждение об «условиях и обстановке 1924 года», отрицает также, что центр тяжести мировой политики перенесен с берегов Атлантического на берега Тихого океана. Мы предоставляем А. Ивину полную возможность делать свои «оценки» вопреки упрямой логике фактов, но вынуждены констатировать, что «ученый» критик берет на себя неблагодарную задачу защитить мировой капитализм от «несправедливых» нападок, ибо только этот вывод можно сделать из отрицания А. Ивиным «условий и обстановки 1924 года».

4) А. Ивин попадает в особо-трудное положение, когда говорит об экономике Китая. В этой области у «ученого» критика не хватает ни знаний, ни метода распознания явлений. Мы утверждаем, что крестьянство в Китае не имеет своей земли, а является арендатором клочков земли. Это положение также относится к категории общеизвестных фактов. Работы доктора Франке, Евгения Симона, даже «Китайские Ежегодники» удостоверяют это обстоятельство с бесспорной наглядностью. Крестьянство в Китае безземельно. Против этого возражает А. Ивин. На каком же «ти-

туле» сидит на земле крестьянство в Китае? Каковы же были основные причины крестьянских восстаний, как не стремление создания земельного фонда в пользу крестьян? Статистические данные Китайского Министерства Земледелия и Торговли, на которые столь неосторожно ссылается беспомощный экономист А. Ивин, удостоверяют, что размеры аренды земли китайской семьей, состоящей в среднем из 5,5 душ, колеблются в пределах от 3 до 12 му (один му равен одной шестой англ. акра). И в этом случае А. Ивин защищает реакционную мысль, тем самым оспаривая возможность «подтягивания» резервов китайского крестьянства к китайскому пролетариату, ставшему лидером национально-революционного движения в Китае.

5) Совсем уж жалки «исследования» А. Ивина в области городского хозяйства. Наше утверждение о том, что в 90-х годах «нарождалось кустарно-ремесленное и мануфактурное хозяйство, требовавшее в своем дальнейшем развитии перехода к фабричному станку», А. Ивин подверг «уничтожающей» критике. А. Ивин разоблачил свою «идеалистическую» школу, антимарксистскую по самой своей сущности. Для А. Ивина—кустарь в обстановке замкнутого родового хозяйства и кустарь в эпоху нарождающегося капитализма — однозначащие величины. Невежество А. Ивина в вопросах экономики сказывается прежде всего в том, что он не видит проблемы рынка, являющегося условием развития капитализма. В нашем Союзе Республик каждый ученик школы 2-й ступени знает, что дифференциация крестьянского хозяйства ведет к созданию рыночных отношений. На первых этапах этого динамического процесса решающую роль играет кустарь, удобряющий почву для мануфактурной эпохи и машинного производства. Вот о каком «кустарно-ремесленном и мануфактурном хозяйстве» говорили мы, характеризуя эпоху 90-х годов. Развитие рыночных отношений предопределило развитие производительных сил в Китае, неизбежно приведших к Китайской революции 1911 года. Для А. Ивина—процесс развития необязателен. Мещанская «идеология» берет явления в застывших формах. А. Ивину вполне уместно было бы говорить о знакомстве с азбукой марксизма прежде всего в отношении себя самого. Врачу, исцелися сам. Если бы А. Ивин владел марксистским методом, он избежал бы тех «теоретических» шатаний, колебаний и ошибок, какими полон его «анализ» экономики Китая.

6) Говоря о гражданской войне в Китае, мы утверждали, что китайская революция не привела нового общественного класса к власти в Китае. Мы имели в виду, что революция 1911 года не вручила власти молодой китайской буржуазии. Это положение, совершенно очевидное, также было оспорено А. Ивиным, хотя этому утверждению «ученый» критик не противопоставил своего. Мы также утверждали, что контр революция не имела класса в Китае. Содержание гражданской войны составляет борьба социальных групп, военщины и бюрократии, некогда окружавших трон, ведущих ныне борьбу между собой за власть—в стремлении к единоличной диктатуре—пока не вырастет тот общественный класс, на который история возложила задачу освобождения Китая. Что же «опровергает» А. Ивин? Какую концепцию он выдвигает? Мы тщетно искали ответа на эти вопросы. Их нет. А. Ивин сам чувствует всю фальшь своих «нападок», когда он вспоминает о маньчжурском землевладении в Китае, ликвидированном революцией 1911 г., оставившей нетронутым и земельные отношения китайских крестьян к китайским собственникам.

А. Ивину трудно разобраться в причинах китайских событий. Он—весь во власти газетного описания событий. А. Ивину не дается анализ событий, ибо для этого необходимо владеть оружием марксизма. А. Ивину

чужда экономика, как база социально-политических явлений. «Ученому» критику надлежит еще предварительно изучить историю Китая. Тогда бы он, быть может, натолкнулся на эдикт эпохи «отречения» династии Маньчжуров, которым отмиравшая династия назначала Юань Шикая своим преемником. Тогда бы он, быть может, действительно изучил биографию Юань Шикая, который, несмотря на периоды «опалы» и «немилости» спас в эпоху «ста дней реформ» династию и вдовствующую Цзы-си в 1898 г. от «реформатора» Гуан-Сюй'я.

Китай переживает слишком серьезные и большие события, чтобы можно было бесцеремонно обращаться с фактами его революционной истории и экономики.

А. Е. Ходоров.

ОТ РЕДАКЦИИ. В № 9—10 журнала по недосмотру редакции выпало следующее примечание к статье тов. Богушевского.

Соглашаясь с первой частью т. Богушевского, где автор проводит теоретически правильную разграничительную линию между сельско-хозяйственным капиталистом и деревенским кулаком, редакция коренным образом не согласна со второй частью статьи, где автор отрицает наличие кулацких элементов в деревне и условий для их роста.

Редакция: В. Астров, Н. Бухарин, Л. Каменев, А. Слепков, Е. Ярославский.

СОДЕРЖАНИЕ:

БОЛЬШЕВИК

№ 16 № 16

1 СЕНТЯБРЯ

1 9 2 5

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

СОДЕРЖАНИЕ:

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

БОЛЬШЕВИК

№ 16 № 16

1 СЕНТЯБРЯ

1925

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Просим читателя исправить след. важнейшие опечатки:

Стр. 75-я, 3 абзац сверху (2-я строка) напечатано:.. статью „Капитализм в с[ельском] хозяйстве“ (о книге К[аутск]ого и о статье г. Б[улгако]ва),— следует читать: ...статью „Капитализм в с[ельском] хозяйстве (о книге К[аутск]ого и о статье г. Б[улгако]ва)“...

Стр. 78-я, примеч. 8-е стоит:... „напечатана в „Научном Обозрении“, № 1, за 1894...—следует: ...напечатана в „Научном Обозрении“ № 1 за 1899 г.

Стр. 80-я, примеч. 14-е—напечатано:... Bernstein, E. Die „Voraussetzungen... и т. д.—следует:... Bernstein, E. „Die Voraussetzungen... и т. д.

Стр.	Строка.		Напечатано:	Следует:
87	14—15	снизу	„может быть включено в мировоззрение“	„может соответствовать мировоззрению“
87	4	„	„и эмпиризма“	„и «ползучего эмпиризма»“
88	1	„	„отражение формы“	„отражение форм“
89	2	сверху	„законы природы“	„законы бытия“
90	25	„	„(= марксизм)“	„(= марксизма)“
90	11	снизу	„связь“	„связи“
96	22	сверху	„сознательно - иманетным“	„сознательно -имманентной“
96	примечание		„Сборник «Диалектический материализм и механистическое естествознание»“	„Сборник «Механистическое естествознание и диалектический материализм»“

1 9 2 5

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

«ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 1 СЕНТЯБРЯ 16

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1 9 2 5
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 44106. Тираж 40.000 экз.
Типография из-ва «Правда» и «Беднота», Москва, Серебрянич. наб., д. 23/а.

Г. Зиновьев.

Ленинизм и диалектика[1]).

В 1912 г. вышла в 4-х томах переписка Маркса с Энгельсом, обнимающая почти целых 40 лет. Эта переписка основателей коммунизма позволила Ленину особенно близко заглянуть в идейную лабораторию марксизма. Нам живо вспоминается, с какой «жадностью» набросился Ленин на детальнейшее изучение этих 4 томов переписки, посвященной самым разнообразнейшим вопросам теории и практики марксизма. Ленин не только сам изучил каждую строчку этих 4-х томов, но и побудил к этому всех т.т., живших тогда вместе с ним (это было в Кракове).

В неоконченной статье, написанной Лениным в 1913 г. или в начале 1914 г. (см. дополн. том соч. В. И. Ленина) Ленин подвел итог этой необ'ятной, глубоко содержательной переписке творцов научного социализма в следующих словах:

«Если попытаться одним словом определить, так сказать, фокус всей переписки, тот центральный пункт, к которому сходится вся сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет д и а л е к т и к а. Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с оснований ее, к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса—вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот что они вносят наиболее существенного и наиболее нового, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли».

В значительной мере то же самое можно было бы сказать о работе самого Ленина.

«У Маркса нет и капельки утопизма в том смысле, чтобы он сочинил, сфантазировал «новое» общество. Нет, он изучает, как естественно-исторический процесс, р о ж д е н и е нового общества из старого, п е р е х о д н у ю ф о р м у о т в т о р о г о к п е р в о м у. (Курсив наш. *Г. З.*). Он берет практический опыт массового пролетарского движения и старается извлечь из него практический урок. Он «учится» у коммуны, как все великие революционные мыслители не боялись учиться у опыта великих движений угнетенного класса [2]).

---

[1]) Настоящая статья представляет собою последнюю главу из выходящей на-днях книги «Ленинизм. Коренные вопросы ленинизма».

[2]) Л е н и н. Собр. соч., том XIV, ч. 2, стр. 335, «Государство и революция».

Разве эту ленинскую характеристику Маркса мы не могли бы с полным правом применить к самому Ленину и ленинизму?

Ленин умел быть активнейшим, страстным, «бешеным» (любимое словечко Ленина) участником событий и в то же время умел тут же, как бы отходя в сторонку, совершенно об'ективно наблюдать, оценивать и обобщать эти же события с философским спокойствием, с критерием марксистской диалектики, с об'ективностью естествоиспытателя. Ленин умел с величайшей страстностью драться за ту или иную, казалось бы, частность или деталь, и в то же время он, как никто, обозревал весь путь в целом, по каким-то неуловимым, ему одному ведомым, симптомам улавливал пульс грядущих событий, ясно видел окончание того или другого этапа в общественном развитии и наступление нового этапа в такой момент, когда события были еще «теплыми», незавершенными. Как опытный химик, производя хорошо известный ему анализ, умеет наблюдать все изменения в реторте, заранее зная окончательный результат, так Ленин умел наблюдать происходящие в общественной жизни и революционной борьбе «перерастания» (одно из самых любимых словечек Ленина) и в то же время почти всегда безошибочно предугадывать окончательный исход данной полосы развития в данной обстановке времени и места.

«Вся теория Маркса —писал Ленин—есть применение теории развития, ее наиболее последовательных, полных, продуманных и богатых содержанием форм к современному капитализму. Естественно, что для Маркса стал вопрос о применении этой теории и к предстоящему краху капитализма и к будущему развитию будущего коммунизма.

«На основании каких же данных можно ставить вопрос о будущем развитии будущего коммунизма?

«На основании того, что он происходит из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действия такой общественной силы, которая рождена капитализмом.

«У Маркса нет и тени попытки сочинять утопию, по пустому гадать насчет того, что знать нельзя. Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется» [1].

Или в другом месте:

«Основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического мировоззрения... На каждой ступени

[1]) Собр. соч., том XIV, ч. 2, стр. 365–366.

развития, в каждый момент тактика пролетариата должна учитывать... об'ективно неизбежную диалектику человеческой истории» [1]).

Вникая в каждое слово этих характеристик Маркса, данных Лениным, мы, ученики Ленина, имеем полное право сказать: de te fabula narratur—о тебе сказка сия сказывается, к тебе, к твоему учению (т.-е. к ленинизму) эта характеристика могла бы быть применена с полным основанием.

Во всех своих важнейших работах, во многих неопубликованных заметках, в свое время писанных только для «себя», Ленин десятки раз возвращается к вопросу о диалектике. Чем глубже и пристальнее мы можем теперь заглянуть в идейную лабораторию ленинизма—в том числе в неопубликованные еще работы и записки Ленина,—тем яснее становится, какой громадный интерес Ленин всегда проявлял к диалектике.

* * *

Уже в «Что такое друзья народа» мы встречаем следующее определение:

«...Диалектическим методом—в противоположность метафизическому—Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим об'ективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития... Поэтому Маркс заботился об одном: показать точным научным исследованием необходимость данных порядков общественных отношений, констатируя со всей возможной полнотой те факты, которые служат для него исходными и опорными пунктами. Для этой цели совершенно достаточно, если он, доказывая необходимость настоящего строя, доказывает вместе с тем и необходимость другого строя, который неизбежно должен вырасти из предыдущего,—все равно, верят ли люди в это или не верят, сознают ли они это или не сознают. Маркс рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, подчиняющийся законам, не только не зависящим от воли, сознания и намерения людей, а, напротив, определяющим их волю, сознание и намерения».

Чисто философские определения диалектики у Ленина необычайно глубоки и вместе с тем просты—они «свежи», они

[1]) В. И. Ленин. «Маркс, Энгельс, марксизм», изд. Института Ленина, 1925 г., стр. 29—31.

«пахнут» землей, жизнью, революцией. В нашу задачу, разумеется, не входит привести здесь все, что Ленин писал о диалектике. Но кое-что мы приведем.

«Диалектика есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) тождественными противоположности,—при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга,—почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую [1]).

«Sie (вещи) sind, aber die Wahrheit dieses Seins ist ihr Ende» [2]).

«Остроумно и умно. Понятия, обычно кажущиеся мертвыми, Гегель анализирует и показывает, что в них есть движение. Конечный? значит, двигающийся к концу! Нечто?—Значит не то, что другое. Бытие вообще?—значит такая неопределенность, что бытие=небытию. Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей,—вот в чем суть. Эта гибкость, примененная суб'ективно=эклектике и софистике. Гибкость, примененная об'ективно, т.-е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира» [3]).

«Диалектика Маркса, будучи последним словом научно-эволюционного метода, запрещает именно изолированное, т.-е. однобокое и уродливо-искаженное рассмотрение предмета [4]).

«Марксова диалектика требует конкретного анализа каждой особой исторической ситуации[5]).

«Наше учение—говорил Энгельс про себя и про своего знаменитого друга —не догма, а руководство для действия». В этом классическом положении с замечательной силой и выразительностью подчеркнута та сторона марксизма, которая сплошь и рядом упускается из виду. А упуская ее из виду, мы делаем марксизм односторонним, уродливым, мертвым, мы вынимаем из него его душу живу, мы подрываем его коренные теоретические основания—диалектику, учение о всестороннем и полном противоречии в историческом развитии; мы подрываем его связи с определенными практическими задачами эпохи, которые могут меняться при каждом новом повороте истории» [6]).

---

[1]) В. И. Ленин. Из «Конспекта «науки логики» Гегеля». Журн. «Под знаменем марксизма», № 1-2, январь—февраль 1925 г. Москва, стр. 22.

[2]) „Они суть, но истина этого бытия есть их конец".

[3]) Там же, стр. 23.

[4]) Собр. соч., том XIII, стр. 160.

[5]) Собр. соч., том XIII, стр. 160.

[6]) Собр. соч., том XI, ч. 2, стр. 138. «О некоторых особенностях исторического развития марксизма».

«Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть суть (одна из «сущностей», одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики»...

«Всякое общее есть частичка (или сторона, или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д., и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д.» [1]).

Там же находим следующую замечательную оценку Марксова «Капитала»:

«У Маркса в «Капитале» сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся отношение буржуазного товарного общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) все противоречия (resp. зародыши всех противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост и движение) этих противоречий и этого общества, в Σ[2]) его основных частей, от его начала до его конца» [3]).

Как это сказано просто и гениально глубоко!

* * *

Пока дело идет о чисто философских проблемах, Плеханов понимает диалектику не хуже Ленина. Как просветитель, как писатель, как пропагандист, как популяризатор философских взглядов Маркса, Плеханов силен. Академическое изложение диалектического метода Плеханов дает нам блестящее. Но свести все эти вопросы с академического неба на грешную землю, применить диалектику к революционной борьбе, к движению масс, к общественному развитию, к освободительной борьбе рабочего класса—в этой области Плеханов оказался совершенно бессилен. А Ленин именно в этой области выступил настоящим гигантом.

Мы сумели «протащить» социализм в повседневную жизнь,—сказал в одной из своих речей Ленин. То же самое Ленин мог бы сказать о диалектике—ленинизм сумел «протащить» диалектику в повседневную жизнь, в повседневную борьбу масс.

Особенно гениальное применение диалектика, в руках Ленина, нашла себе в области выработки теории и тактики пролетарской революции.

---

[1]) См. отрывок Ленина «К вопросу о диалектике», напечат. в журнале «Под знаменем марксизма» № 5-6, 1925 г., стр. 14-15.

[2]) Греческая буква «сигма», употребляемая в математике для обозначения суммы.

[3]) Там же, стр. 15.

«Куда растет» данное явление или данная группа явлений—эта постановка вопроса крайне характерна для ленинизма. Важно не только то, что представляет собой данный факт или данная группа фактов в данный момент; важно прежде всего знать, куда растут эти явления.

Слово «перерастание» одно из самых употребительных и глубоких в словаре ленинизма.

Перерастание капитализма, основанного на свободной конкуренции, в монополистический капитализм; перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую; перерастание социализма в коммунизм; перерастание империалистской войны в гражданскую; перерастание всеобщей стачки в вооруженное восстание; перерастание оппортунизма в социал-шовинизм. Или, с другой стороны—возьмите «Медленное перерастание крепостнических—помещичьих хозяйств в юнкерски-буржуазные хозяйства» [1])—одна из возможностей «прусского» типа развития крестьянской России, которую допускал Ленин после 1905 года. Или «исторический перелом от буржуазной к пролетарской демократии». «Перерастание». «вползание» или ломка первой, рождение второй» [2]). И так далее и тому подобное. Каждая из этих формул полна глубочайшего содержания, каждая из них—образец применения революционной диалектики.

Перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую есть одна из важнейших проблем ленинизма. То, что сказано в этой области Лениным, освещает, как могучим прожектором, исторический путь великой освободительной борьбы пролетариата. Учение Ленина, именно в этой области, бросило особенно богатый сноп особенно ярких лучей на труднейшие, до сих пор неосвещенные проблемы мирового освободительного движения. Без того, чтобы понять отношение ленинизма к диалектике, совершенно невозможно понять такие важнейшие главы учения ленинизма, как глава о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую.

«Революции—писал Ленин—никогда не рождаются готовыми, не выходят из головы Юпитера, не вспыхивают сразу. Им предшествует всегда процесс брожений, кризисов, движений, возмущений, начала революции, при чем это начало не всегда развивается до конца (напр., если слаб революционный класс) [3]).

Однако, глубоко ошибся бы тот, кто на основании сказанного о ленинском подходе к «перерастанию», стал бы сводить

[1]) Собр. соч., т. IX, стр. 597—598.

[2]) Ленинский сборник, т. III, стр. 516.

[3]) Неоконченная ст. «Оппортунизм и крах II Интернационала» (дополнительный том).

всю диалектику Ленина к эволюционизму. Диалектика подразумевает такое «развитие», в котором количество путем скачка может превратиться в качество; такое развитие, когда медленно накопившиеся молекулярные «количественные» изменения дают «внезапно» полное «качественное» превращение.

«Перерастание» капитализма в социализм никогда не мыслилось Лениным «эволюционистски», как это свойственно ревизионистам, критикам Маркса. «Скачок», в виде вооруженного восстания, революции, наоборот, не только подразумевался, но и предуказывался, был предметом наибольшего внимания и подготовки. Диалектика Ленина революционна.

* * *

В первых спорах о характере русской революции, еще до генеральной репетиции 1905 года, Ленин и Плеханов одинаково защищали ту мысль, что первая революция в России будет буржуазной революцией. В спорах против народников и анархистов Плеханов и Ленин в те времена стояли по одну сторону баррикады. Пока дело шло только об этом, Плеханов был силен. Он превосходно фехтовал против народнических предрассудков, с величайшим литературным блеском он защищал марксистский тезис о неизбежном буржуазном характере первой русской революции.

Но когда русский рабочий класс стал переходить из приготовительного класса в первый, когда надо было конкретизировать тактику российского пролетариата в предстоящей буржуазной революции, Плеханов сперва оказался просто беспомощным, как ребенок, а потом скатился к позиции либеральной буржуазии. Когда в конкретной исторической обстановке возник вопрос о том, какая же именно буржуазная революция предстоит в России, какую роль сыграет в ней крестьянство, каково будет соотношение между победой буржуазно-демократической революции и началом революции социалистической, какие звенья протянутся между рабочим классом крестьянской России и промышленным пролетариатом капиталистической Европы; когда конкретно возник вопрос о руководящей роли пролетариата в крестьянской стране,—тогда во весь рост поднялся именно Ленин, который один только сумел указать дорогу российскому и мировому пролетариату.

«На этой экономической основе революция в России неизбежно является, разумеется, буржуазной революцией. Это положение марксизма совершенно непреоборимо. Его никогда нельзя забывать. Его всегда необходимо применять ко всем экономическим и политическим вопросам русской революции.

«Но его надо уметь применять. Конкретный анализ положений и интересов различных классов должен служить для определе-

ния точного значения этой истины в ее применении к тому или иному вопросу. Обратный же способ рассуждения, нередко встречающийся у социал-демократов правого крыла с Плехановым во главе их, т.-е. стремление искать ответа на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции, есть опошление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом...» [1]).

Еще ярче, еще богаче содержанием стала революционная диалектика ленинизма в эпоху первой всемирной империалистической войны, когда на очередь исторического дня с особенной повелительностью стали международные проблемы. Совершенно новые, небывало сложные и трудные проблемы Ленин осветил с непревзойденным мастерством. Как глина «слушается» искусного скульптора, так сложнейшие проблемы революционного развития «слушались» искусных рук революционного диалектика Ленина.

Что может быть яснее и глубже, и содержательнее, и диалектичнее следующего небольшого отрывка, писанного по свежим следам первых великих потрясений империалистической войны в 1915 году.

«Социалистическая революция в Европе не может быть ничем иным, как взрывом массовой борьбы всех и всяческих угнетенных и недовольных. Части мелкой буржуазии и отсталых рабочих неизбежно будут участвовать в ней—без такого участия невозможна массовая борьба, невозможна никакая революция—и столь же неизбежно будут вносить в движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки. Но об'ективно они будут нападать на капитал, и сознательный авангард революции, передовой пролетариат, выражая эту об'ективную истину разношерстной и разноголосой, пестрой и внешне-раздробленной массовой борьбы, сможет об'единить и направить ее, завоевать власть, захватить банки, экспроприировать ненавистные всем (хотя по разным причинам!) тресты и осуществить другие диктаторские меры, дающие в сумме ниспровержение буржуазии и победу социализма, которая далеко не сразу «очистится» от мелко-буржуазных шлаков» [2]).

Учение Ленина о том, что победа мировой революции складывается из движения: 1) пролетариата, 2) крестьянства и 3) угнетенных народов—в частности его учение о роли колоний и полуколоний в освободительном движении,—становится теперь достоянием широчайших народных масс.

После событий лета 1925 года в Китае теория ленинизма в этой своей части особенно наглядно облекается плотью и кровью.

[1]) Собр. соч., т. III, стр. 10.

[2]) Ленин. «Итоги дискуссии о самоопределении». Собр. соч., т. XIII стр. 431.

В известном смысле можно сказать, что китайские события 1925 г. являются триумфом ленинизма. Но какая гениальная прозорливость нужна была, чтобы уже в 1915 году—за 10 лет до китайских событий—так ясно, так просто и трезво, так гениально конкретно изобразить предстоящий ход социалистической революции в Европе и Азии, как это сделано в приведенном только-что отрывке.

«Политика, писал Ленин, более похожа на алгебру, чем на арифметику, и еще более на высшую математику, чем на низшую. В действительности все старые формы социалистического движения наполнились новым содержанием; перед цифрами появился теперь новый знак «минус», а наши мудрецы упрямо продолжали и продолжают уверять себя и других, что минус 3 больше минус 2» [1]).

В сфере этой «высшей математики» Ленин чувствовал себя, как дома. Еще в споре с меньшевиками по поводу революции 1905 года Ленин писал:

«Чтобы оценить революцию действительно по-марксистски, с точки зрения диалектического материализма, надо оценить ее, как борьбу живых общественных сил, поставленных в такие-то об'ективные условия, действующих так-то и применяющих с большим или меньшим успехом такие-то формы борьбы. На почве такого анализа и, разумеется, лишь на этой почве, вполне уместна, мало того, необходима для марксиста и оценка тактической стороны борьбы, технических вопросов ее» [2]).

И вот правильная оценка борьбы этих живых общественных сил и позволила ленинизму совершить то великое, что он совершил.

Правильное применение «высшей математики» (т.-е. революционной диалектики) к учету развития живых общественных сил, в частности, помогло ленинизму дать такую верную оценку крестьянства, как «живого диалектического противоречия» (см. «Аграрная программа русской социал-демократии»), так мастерски развить идею перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

«Демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и последовательностью, с какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной демократии в пролетарскую, из государства (особая сила для подавления определенного класса) в нечто такое, что уже не есть собственно государство» [3]).

Мы уже видели, что не только для меньшевиков, но, увы, также для некоторых коммунистов ленинский взгляд на соот-

[1]) «Детская болезнь левизны». Собр. соч., т. XVII, стр. 187—188.

[2]) «К оценке русской революции». Собр. соч., т. XI, ч. 1, стр. 77.

[3]) «Государство и революция». Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 330.

ношение буржуазно-демократической и социалистической революции до сих пор остается книгой за семью печатями.

В предыдущих главах мы видели, что первоисточником злоключений тех, кто еще недавно выступал со смешной претензией идейно «перевооружить» большевизм, является именно непонимание этой важнейшей стороны ленинизма.

«Первая (буржуазно-демократическая революция) перерастает во вторую (социалистическую революцию); вторая мимоходом решает вопросы первой, вторая закрепляет дело первой. Борьба и только борьба решает, насколько удается второй перерасти в первую. Советский строй есть именно одно из наглядных подтверждений или проявлений этого перерастания одной революции в другую» [1]).

Как много бесплодных попыток «ревизовать» ленинизм было бы с'экономлено, если бы охотники до ревизий вдумались в эти слова Ленина!

* * *

Слова о «звене», за которое нобходимо ухватиться, чтобы удержать всю цепь, стали ныне широким достоянием мыслящих рабочих. Эти слова также являются образцом применения революционной диалектики.

«Настоящий интерес эпохи больших скачков состоит в том, что обилие обломков старого, накопляемых иногда быстрее, чем количество зародышей (не всегда сразу видных) нового, требует уменья выделить самое существенное в линии или цепи развития. Бывают исторические моменты, когда для успеха революции всего важнее накопить побольше обломков, т.-е. взорвать побольше старых учреждений; бывают моменты, когда взорвано достаточно, и на очередь становится «прозаическая» (для мелкобуржуазного революционера «скучная») работа расчистки почвы от обломков; бывают моменты, когда заботливый уход за зародышами нового, растущими из-под обломков на плохо еще очищенной от щебня почве, всего важнее.

«Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунизма вообще. Надо уметь найти в каждый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену, при чем порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты, не так глупы, как в обыкновенной, кузнецом сделанной цепи» [2]).

Столь же глубоки следующие слова из «Великого почина».

[1]) Собр. соч., том XVIII, ч. 1, стр. 365—366.

[2]) Из доклада «Очередные задачи Сов. власти». Собр. соч., т. XV, стр. 222—223.

«Когда новое только-что родилось, старое всегда остается в течение некоторого времени сильнее его, это всегда бывает так и в природе, и в общественной жизни. Издевательство над слабостью ростков нового, дешевенький интеллигентский скептицизм и тому подобное—все это, в сущности, приемы классовой борьбы буржуазии против пролетариата, защита капитализма против социализма. Мы должны тщательно изучать ростки нового, внимательнейшим образом относиться к ним, всячески помогать их росту и ухаживать за этими слабыми ростками. Неизбежно, что некоторые из них погибнут. Нельзя ручаться, что именно «коммунистические субботники» (Ленин о них писал тогда) сыграют особо важную роль. Не в этом дело. Дело в поддержке всех и всяческих ростков нового, из которых жизнь отберет самые жизнеспособные. Если японский ученый, чтобы помочь людям победить сифилис, имел терпение испробовать 605 препаратов, пока он выработал 606-й, удовлетворяющий известным требованиям препарат, то у тех, которые хотят решить задачу более трудную—победить капитализм, должно хватить настойчивости испробовать сотни тысяч приемов, способов и средств борьбы для выработки наиболее выгодных из них» [1]).

Умение видеть явления со всех их сторон; умение выделить основную тенденцию из всей массы фактов; умение в сложнейшем переплете найти главное; умение с неслыханной силой концентрироваться на главном, избегая в то же время какой бы то ни было однобокости; умение «разлагать» сложнейшие явления на их составные части; умение невооруженным взглядом видеть молекулярную работу всех противоборствующих сил; умение угадывать зарождающуюся новую ситуацию уже in statu nascendi (в момент ее зарождения)—вот какова суть ленинской диалектики.

«Действительная жизнь, действительная история включает в себя эти различные тенденции, подобно тому, как жизнь и развитие в природе включает в себя и медленную эволюцию, и быстрые скачки, перерывы постепенности» [2]).

Среди самых острых политических споров текущего дня, в самой страстной актуально-политической полемике, Ленин умеет «вдруг» отвлечься в сторону самых общих вопросов диалектики.

В разгаре полемики против меньшевиков по организационным вопросам, в насыщенной текущими политическими злобами дня брошюре «Шаг вперед, два шага назад» Ленин «вдруг» удаляется в область диалектики.

«Нельзя ничего понять в нашей борьбе, если не изучить конкретно обстановку каждого сражения; изучив это, мы ясно

[1]) «Великий почин». Собр. соч., т. XVI, стр. 253—254.

[2]) Собр. соч., том XI, ч. 2, стр. 135—136.

увидим, что развитие действительно идет диалектическим путем. Путем противоречий меньшинство становится большинством, большинство—меньшинством; каждая сторона переходит от обороны к нападению и от нападения к обороне; исходный пункт идейной борьбы «отрицается»..., затем начинается «отрицание отрицания»... Случайная ошибка по § 1 (Устава партии) выросла в систему оппортунистических взглядов по организационному вопросу. Связь этого явления с основным делением нашей партии на революционное и оппортунистическое крыло выступает перед всеми все более и облее наглядно. Одним словом, не только овес растет по Гегелю, но и русские социал-демократы воюют между собой тоже по Гегелю» [1].

И чтобы попасть Плеханову [2]) не в бровь, а в глаз—Плеханову, который всегда кичился своим умением применять диалектику, но который запутался в сетях оппортунизма, как только дело дошло до крупнейших проблем русской революции,—Ленин там же пишет:

«Великую гегелевскую диалектику, которую перенял, поставив ее на ноги, марксизм, никогда не следует смешивать с вульгарным приемом оправдания зигзагов политических деятелей, перемётывающихся с революционного на оппортунистическое крыло партии, с вульгарной манерой смешивать в кучу отдельные заявления, отдельные моменты развития разных стадий единого процесса. Истинная диалектика не оправдывает личные ошибки, а изучает неизбежные повороты, доказывая их неизбежность на основании детальнейшего изучения развития во всей его конкретности. Основное положение диалектики: абстрактной истины нет, истина всегда конкретна... И еще не следует смешивать эту великую гегелевскую диалектику с той пошлой житейской мудростью, которая выражается итальянской поговоркой: mettere la coda dove non va il capo (просунуть хвост, где голова не лезет) [3]).

Или взять другой пример: в начале 1918 г. Ленин пишет тезисы о роспуске учредительного собрания. Тема, казалось бы, далеко не философская. Политическая атмосфера накалена до последней степени. На улице идет стрельба. И вот в разгаре актуально-политической аргументации, Ленин «вдруг» сворачивает к диалектике, и вы читаете изумительные по ясности и глубине общие замечания о диалектическом превращении буржуазно-демократической революции в социалистическую и т. п.

---

[1]) Собр. соч., т. V, стр. 479—480.

[2]) Ср. предисловие Ленина ко 2-му изданию «Развития капитализма». Здесь Ленин подробнее анализирует ошибочность плехановского метода.

[3]) Собр. соч., т. V, стр. 480.

Или в жаркой дискуссии «О роли и задачах профсоюзов» Ленин с актуально-боевых тем «вдруг» сворачивает на диалектику, и мы получаем несколько классических страниц, прекрасных, неувядаемых, ясных, как сам Ленин, на тему о диалектическом методе. Вспомним замечательные по глубине и ясности страницы о «стакане». Политика ленинизма строится на научных основаниях. Каждая экскурсия Ленина в область диалектики, в область естествознания и т. п. всегда обогащает политическую линию ленинизма, делает ее глубже по содержанию, шире, разностороннее.

Вспоминаются резолюции по «текущему моменту», которые писались Лениным (и Большевистским Центром под руководством Ленина), начиная с 1905 г. до 1917 г. Какие это были, в сущности говоря, образцы и шедевры революционной диалектики! Давая всесторонний анализ текущего момента, ленинизм на деле тут же улавливал общие контуры грядущего момента [1]).

Меньшевизм любил подсмеиваться над этой «страстью» большевиков к «текущему моменту». Оппортунизм на то и оппортунизм, чтобы жить «со дня на день», чтобы чуждаться «фантазий», чтобы чураться больших революционных перспектив. А ленинизм на то и ленинизм, чтобы из сложного комплекса явлений сегодняшнего дня уметь выбрать главное, уметь уяснить себе и другим, куда идет развитие, «куда растет» сегодняшняя ситуация, каким грядущим моментом сменится текущий момент.

Угловатость, упростительство, вульгаризаторство,—враги, с которыми Ленин не перестает воевать. И особенно беспощаден он к ним, когда они появляются в среде большевиков, когда упростительство преподносится под видом ленинизма.

«Прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость» [2]) Ленин бичует и в чисто философской области. Тем более Ленин беспощаден к ним, когда дело идет о живой политике, о проблемах, связанных с борьбой масс.

«Превращение отдельного в общее, случайного в необходимое, переходы, переливы (курсив наш. *Г. З.*), взаимную связь противоположностей»—вот что учит распознавать Ле-

---

[1]) Кроме образцов 1905—1914 г.г., мы могли бы привести образцы 1917 г. Достаточно напомнить тезисы 4 апреля 1917 г. и «Задачи пролетариата в нашей революции» (проект платформы пролетарской партии) от 10 апреля 1917 г. А брошюра «Детская болезнь левизны»—разве не является она образцом применения диалектики к вопросам тактики, притом применительно к самой разнообразной обстановке в различных странах?

[2]) См. фрагмент Ленина «К вопросу о диалектике», «Под знаменем марксизма» № 5—6, 1925 г., стр. 18.

нин [1]. И ничто так не чуждо ленинизму, как угловатость, «деревянность», которая «мертва, бедна, суха» [2].

«История вообще, история революции в частности, всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, «хитрее», чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов» [3].

Перефразируя эти слова Ленина, мы могли бы сказать, что и ленинизм богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, «хитрее», чем думают даже иные из тех, кто, причисляя себя к сторонникам ленинизма, увы, далеко не понимает того, что Ленин называл «переходами, переливами».

Именно потому, что ленинизм так богат содержанием, так всесторонен, диалектичен, велик,—он овладеет, раньше или позже, всем миром. Задача жизни всех нас, учеников Ленина, всей нашей партии, всего Коминтерна—сделать все возможное, чтобы это произошло раньше.

---

[1]) Там же, стр. 16.
[2]) Там же, стр. 15.
[3]) Собр. соч., том XVII, стр. 181.

Л. Кауфман.

Производительность труда и заработная плата в промышленности.

Истекший 1923—24 год отмечен стремительным под'емом промышленности. Значительное против предшествовавшего года увеличение общей суммы валовой продукции сопровождалось количественным ростом рабочей силы и дальнейшим под'емом производительности труда. Сопоставление основных показателей за ряд лет—с момента новой экономической политики и начавшегося вслед за этим оздоровления промышленности—дает достаточно наглядную картину восстановительного процесса.

1921—22 год—второй год новой экономической политики и 1-й год промышленного под'ема. Промышленность делает резкий скачок вверх. Сумма валовой выработки с 17,5% довоенной в 1920—21 г. возрастает до 26,5% в 1921—22 г., дав за год прирост в 51,5%. Рост этот протекал в условиях сокращения рабочих—на 19% в среднем за год—и обусловливался значительным приростом производительности в первую голову. И в самом деле: выработка на одного рабочего в год с 31,5% довоенной в 1920—21 г. поднялась до 55,5% в 1921—22 г., т.-е. прирост производительности за год дал 81%.

Следующий 1922—23 г. вызвал дальнейший рост валовой выработки и продукции на одного рабочего, при параллельном росте числа рабочих (на 17%). Однако, прирост продукции на одного рабочего за год оказался более замедленным, чем в предшествующем году, дав всего лишь 12% увеличения (62,1% выработки 1913 г.); общая же сумма валовой продукции, благодаря увеличению количества рабочих, дала более значительный процент годового прироста—на 30,5% (34,7% продукции 1913 г.).

1923—24 г. сопровождался приростом рабочей силы за год на 10%, увеличением валовой продукции на 32% и выработки на одного рабочего в среднем за год на 18,2%, что по отношению к 1913 г. составляет: 63,5%—численность рабочих, 45,7%—валовая продукция, 72,3% выработка на одного рабочего. При сопоставлении же с 1920—21 г., принятым за 100, увеличение на 109,1%—численность, 239,7%—валовая продукция и 261,6%—выработка на одного рабочего.

Таким образом, динамика промышленного производства показывает из года в год интенсивный рост, при чем последний 1923—24 хозяйственный год, как указывалось выше, прошел под знаком дальнейшего крупного под'ема и продукции и производительности.

И совершенно бесспорно, что, если в общей сумме факторов, способствовавших повышению производительности в 1923—24 г., рост интенсивности, трудонапряженности рабочего занимал зна-

чительное место, то все же, в основном, повышение продуктивности труда следует отнести, главным образом, за счет многочисленных факторов организационно-технического порядка и, в первую очередь, за счет широко проведенной дальнейшей концентрации производства, позволившей сосредоточить работу промышленности на наиболее производительных и экономически наиболее рентабельных предприятиях. К числу этих факторов относится также увеличение нагрузки предприятий, устранение многочисленных недочетов и перебоев, отрицательно отражавшихся на работе промышленности, вызывавших простой и понижавших производительность труда. Сюда же следует отнести, в частности обеспечение промышленности сырьем, значительно улучшившееся по сравнению с предшествующим годом, улучшение качества сырья и ряд технических мероприятий, произведенных в 1924 г. и оказавших влияние на рост производства еще в истекшем 1923—24 г.

Сама по себе проблема концентрации производства заслуживает того, чтобы на ней остановиться особо. Здесь же необходимо отметить лишь, что она представляет собой одно из проявлений планового начала в руководстве народно-хозяйственной жизнью страны и отражает особенность хозяйственной структуры советских республик, структуры, позволяющей построить стройную, рациональную и экономную с народно-хозяйственной точки зрения сеть производственных организмов. Помещаемая ниже таблица чрезвычайно наглядно характеризует этот происходящий в плановом порядке процесс концентрации производств по однородной группе предприятий [1]).

Время, к котор. относятся данные.	Среднее число действующ. завед.	Среднее списочн. число рабочих.	Средняя стоимость выраб. на 1 завед. в довоен. рубл.
I квартал 1922/23 г.	2.441	413	114.112
II „ „	2.470	441	119.328
III „ „	2.362	460	122.287
IV „ „	2.152	505	133.632
I „ 1923/24 г.	2.291	517	148.073
II „ „	2.261	524	163.275
III „ „	2.119	556	174.237
IV „ „	1.974	641	203.805

В 1-м квартале 1922—23 г., т.-е. до концентрации, на 1 рабочего приходилось в среднем 277 довоенных рублей выработки, в последнем же квартале 1923—24 г.—319 руб., т.-е. благодаря сосредоточению производства в предприятиях с лучшим оборудованием и более высокой техникой и из'ятию из производства предприятий технически и экономически нерентабельных до-

[1]) См. сборник «Промышленность в СССР в 1924 г.», стр. XLIX.

стигнуто увеличение нагрузки и рост выработки на одного рабочего по довоенным ценам на 15%. Фактором, способствовавшим под'ему производительности, явилось также качественное улучшение рабочего состава, подбор квалифицированной рабочей силы и увеличение ее за счет неквалифицированных рабочих, в частности же—относительно более высокий прирост мужской рабочей силы по сравнению с женской (в среднем за год увеличение рабочих на 11,7%, работниц на 1,6%).

Нижепомещаемая таблица дает возможность проследить по кварталам рост продукции по довоенным ценам на одного рабо-

Динамика годовой продукции и заработная плата одного рабочего в 1922—23 и 1923—24 г.г. [1]).

Время, к которому относятся данные.	Продукция 1 рабочего по довоен. ценам.		Зарплата 1 рабочего в бюдж. руб.		% зарплаты к продукции.	В %% к 1913 г.
	В руб.	В %% к 1913 г.	Абс.	В %% к 1913 г.		
1913 г.	541	100	72,8	100	13,5	100
Всего 1913 г. . .	2.163	100	291	100	13,5	100
1922—23 г.						
I квартал	341	63	30,0	41	8,8	65,1
II „	330	61	36,6	50	11,1	88,2
III „	321	59.3	36,4	50	11,3	83,7
IV „	322	59,5	37,4	51	11,6	85,9
За весь год .	1.314	60,7	140,4	48	10,7	79,2
1923—24 г.						
I квартал	361	67	42,7	59	11,8	87,4
II „	377	69,5	47,8	66	12,7	94,1
III „	380	70,8	47,9	66	12,6	93,3
IV „	396	73,2	53,7	74	13,6	100,7
За весь год .	1.514	70	192,1	66	12,7	94,1

чего за годы 1922—23 и 1923—24 (абсолютно и в процентах в отношении 1913 г., принятого за 100). Она свидетельствует о систематическом повышении кривой производительности. Параллельно приведены данные о заработной плате за тот же период. 1923—24 г. был годом снижении промышленных цен, сжатия «ножниц», в результате предшествовавших ему непомерного роста цен на продукцию промышленности и кризиса сбыта. Организованными мероприятиями советской власти и партии и твердой

[1]) Эта и все последующие таблицы, где нет особых указаний,—по данным Статбюро Госплана.

политикой цен кризис 1922—23 г. и первых месяцев 1923—24 г. был преодолен. Цены на продукты массового потребления были приведены в соответствие с покупательной способностью крестьянства, благодаря чему промышленной продукции обеспечен был сбыт и созданы условия для дальнейшего развертывания производства. Проблема сжатия цен, как длительное мероприятие, неизбежно упиралась, однако, в проблему себестоимости и необходимость понижения издержек производства, а, следовательно, и в вопрос о доле заработной платы в продукции. Однако, в течение всего 1923—24 г. наблюдался дальнейший рост заработной платы: и номинальной — в червонном исчислении, и реальной — в бюджетных рублях,—сопровождавшийся, правда, ростом валовой продукции и приростом выработки на одного рабочего, но в темпе, значительно более замедленном. В силу этого и доля заработной платы в стоимости продукции продолжала возрастать, приблизившись в IV квартале 1923—24 г. к норме 1913 г. (13,6% от стоимости продукции в 23—24 г. и 13,5% в 1913 г.).

II.

Ограничившись этой общей характеристикой промышленного развития за истекшие годы, перейдем непосредственно к рассмотрению данных о продукции, заработной плате и производительности за текущий хозяйственный год.

Сравнительные данные о всей продукции крупной промышленности за 1-е полугодие 1924—25 г. и за соответственный период 1923—24 г. в довоенных ценах показывают следующее:

Динамика продукции крупной промышленности СССР за 1924—25 г.[1]

№№ по порядку.	Месяцы и кварталы.	Среднее месячное число рабочих. В тысячах. 23/24	24/25	В 24/25 г. в % к соотв. месяцу предыдущ. года.	Продукция в довоенных ценах. Абсолютно в милл. руб. 23/24	24/25	В % к октябрю соответ. года. 23/24	24/25	В 24/25 г. в % к соотв. месяцу предыдущ. года.
		1	2	3	4	5	6	7	8
	За месяц.								
1	Октябрь	1.162	1.321	113,7	120 8	175,6	100,0	100,0	145,4
2	Ноябрь	1.193	1 341	112,4	115,4	166,6	95,5	94,9	141,4
3	Декабрь	1 196	1.345	112,5	113,8	183,6	94,2	104,6	161,3
4	Январь	1.192	1.355	113,7	119,0	191.1	98,5	108,8	160 5
5	Февраль	1 191	1.372	115,2	126,1	196,7	104,4	112,0	156,0
6	Март	1.190	1.393	117,1	123,3	201,0)	102,1	114,4	163 0
7	Апрель	1.178	1.398	118,7	120,6	(201,0)	99,8	114,4	166,7
	За квартал.								
	I. Октябрь—декабрь	1.184	1.336	112,8	350,0	525.8	100,0	100,0	150.2
	II. Январь—март	1.191	1.373	115,3	368,4	588,8	105,3	112,0	159,8
	За полугодие.								
	Октябрь—март	1.187	1.354	114,1	718,4	1.114,6	—	—	155,2

[1]) Данные охватывают лишь крупную промышленность, учитываемую статистикой ВСНХ (до 75—80% всей цензовой промышленности).

Динамика промышленного производства за первую половину 1924—25 г. показывает систематическое возрастание, при чем темп этого возрастания, как по валовой продукции, так и по выработке на 1 рабочего (см. ниже), значительно более высокий, чем за тот же период 1923—24 г., и свидетельствует о дальнейшем под'еме производительности за истекшее полугодие. В самом деле. Численный состав рабочей силы дает прирост по сравнению с 1-м полугодием 1923—24 г. в среднем 14%. Между тем сумма валовой продукции, исчисленной по довоенным ценам, показывает увеличение на 55,2%, т.-е. темп роста более интенсивный, чем за первое полугодие 1923—24 г., давшее увеличение по сравнению с 1922—23 г. валовой продукции на 25%; рабочей силы— на 13,5%.

Следует отметить, однако, что промышленная кон'юнктура первых месяцев 1923—24 г., в отличие от 1924—25 г., еще отражала заминку в сбыте, вызванную расхождением цен на промышленные и сельско-хозяйственные изделия, а это, в свою очередь, отражалось на интенсивности под'ема промышленности. Вся же остальная часть 1923—24 г. и первая половина 1924—25 г. протекали в условиях систематического понижения цен на промышленную продукцию и повышения индекса сельско-хозяйственных товаров. Если в октябре 1923 г. индекс промышленных изделий составлял 252,5 (общий индекс=100), то, постепенно понижаясь из месяца в месяц, в сентябре 1924 г. он равен был 199,6, т.-е. стоимость промышленных товаров понизилась за год на 21%. Отношение промышленного индекса к сельско-хозяйственному за тот же год, благодаря параллельному росту цен на сельско-хозяйственную продукцию, показывает значительно более резкое понижение: в октябре 1923 г.—2,89, в сентябре 24 г.—1,42, т.-е. стоимость промышленной продукции в отношении сельско-хозяйственных товаров показывает на исходе 1923—24 хозяйственного года понижение больше, чем на 50%. Движение индекса в течение 1924—25 г. обнаруживает дальнейшее понижение уровня промышленных цен и рост сельско-хозяйственных. Это явствует из следующей таблицы:

Индекс цен на сельско-хозяйственные и промышленные товары за первое полугодие 1924—25 г.

(Индекс Госплана).

Время, к которому относятся данные.	Общий индекс = 100. Индекс сел.-хоз. товаров.	Индекс промышл. товаров.	Отношение промышл. индекса к сел.-хозяйств. («ножницы»).
1. Октябрь 1924 г.	135,9	198,4	146
2. Ноябрь "	140,4	196,2	140
3. Декабрь "	150,0	191,7	130
4. Январь 1925 г.	156 6	193,1	123
5. Февраль "	169.0	191,4	113
6. Март "	186,3	190,4	102
7. Апрель "	201,2	190,8	95

С точки зрения политики цен мы наблюдаем, таким образом, в течение истекшего периода 1924—25 г. дальнейшее системати-

ческое и неуклонное проведение основной директивы XIII Парт. С'езда, отмечавшей необходимость в дальнейшем:

«в гораздо большей степени согласовывать политику цен с главнейшим крестьянским рынком и темп развития промышленности согласовывать строже, чем до сих пор, с общим ходом расширения емкости крестьянского рынка».

Истекшее полугодие отмечено, как результат политики цен и роста покупательной способности крестьянства, благоприятными условиями для реализации промышленных изделий и дальнейшим значительным под'емом промышленного производства. Этот под'ем дает разную степень интенсивности для различных отраслей промышленности: по выплавке чугуна и мартена и по прокату металла—наибольшую, значительно меньшую—по текстилю и понижение—по топливу. Металлообрабатывающая промышленность в прошлые годы шла в хвосте восстановительного процесса. В 1923—24 г. ее продукция выросла вдвое против предшествующего года. Первое полугодие текущего года свидетельствует о продолжающемся усиленном росте. Текстильная промышленность возрождалась за истекшие годы с наибольшей быстротой. Ее развитие происходило в условиях непрерывно возраставшего спроса на продукты широкого потребления. Однако, темп этого развития из года в год ослабевает, упираясь в пределы, которые ставит техническое состояние производства, его оборудования. 23—24 г. дал в среднем по текстилю прирост против 1922—23 г. на 31,3%, в текущем же году—заметное ослабление роста. Что касается топлива, то уменьшение добычи его об'ясняется наличием значительных запасов в результате перепроизводства топлива в прошлом году. Производство этих отраслей в текущем году характеризуется данными приведенными на стр. 23.

Обнаруживая по отдельным отраслям, как это видно из таблицы, различную интенсивность роста, промышленность в целом дала за первое полугодие 1924—25 г. увеличение валовой продукции на 54,7%, о чем сообщалось выше.

III.

Перейдем к анализу производительности труда. Мерилом таковой, наиболее верно отражающим действительную продуктивность труда и ее колебания, могли бы служить данные чистой продукции, т.-е. валовой выработки за вычетом перенесенной на товар ценности как потребленного в производстве сырья, топлива и прочих вспомогательных материалов, так и амортизируемой части оборудования. В этом случае мы имели бы наиболее верное отражение действительно созданной в данном производстве ценности, а, следовательно, и наиболее верную динамику производительности. Однако, обычным методом измерения производительности является валовая выработка на 1 рабочего. На дефекты этого метода неоднократно указывалось в печати [1]). Все же, при отсутствии

[1]) По этому поводу: С. Г. Струмилин, «Производительность труда в 1922—23 г.», в сборн. «Политика и практика зар. платы». За последнее время—В. А. Базаров, «Производительность труда фабр. и зав. рабочих», «Народное хозяйство СССР за 1923—24 год».

Производство главнейших отраслей Союзной промышленности в 1924—25 г.

Месяцы	Топливо				Металл						Текстильные изделия					
	Камен. уголь.		Нефть.		Чугун.		Мартен.		Прокатка.		Хлопч.-бум. изделия.		Льняная пряжа.		Шерстяная пряжа.	
	В милл. пуд.	В %% к 23/24 г.	В милл. пуд.	В %% к 23/24 г.	В милл. пуд.	В %% к 23/24 г.	В милл. пуд.	В %% к 23/24 г.	В милл. пуд.	В %% к 23/24 г.	В тысяч. пуд.	В %% к 23/24 г.	В тысяч. пуд.	В %% к 23/24 г.	В тысяч. пуд.	В %% к 23/24 г.
1. Октябрь	91,3	125,9	35,4	126,0	4,2	160,2	7,5	147,9	5,2	130,6	848,0	174,7	258,4	115,4	141,6	140,4
2. Ноябрь	76,0	100,7	33,9	121,4	4,3	147,8	7,0	136,0	5,0	149,3	726,5	161,0	214,1	108,8	124,3	122,9
3. Декабрь	80,4	110,8	31,5	106,1	5,0	175,1	7,9	170,0	5,5	180,7	817,5	189,1	227,6	126,7	139,0	143,3
4. Январь	78,4	104,6	31,6	105,0	5,2	178,4	8,5	190,4	5,8	214,7	850,9	174,8	244,4	127,4	140,0	141,0
5. Февраль	82,3	107,4	30,8	111,3	5,1	175,8	8,0	181,6	6,1	200,1	871,6	167,2	249,7	115,6	140,8	130,8
6. Март	83,0	112,2	35,0	119,2	6,2	179,8	9,2	187,6	6,2	187,4	898,9	181,7	253,7	131,2	140,2	147,1
За полугодие	491,4	110,2	198,2	114,7	30,0	170,0	48,1	168,6	33,8	175,0	5.013,4	174,6	1.447,9	120,5	825,9	137,3

иных показателей («индекс производительности труда», предлагаемый тов. Струмилиным и более чутко отражающий действительную динамику производительности, мы здесь, в виду его некоторой сложности, опускаем), мы воспользуемся данными валовой выработки на 1 рабочего, дающими в общем достаточно полное представление о производительности и ее динамике.

В нижеследующей таблице дана средняя выработка 1 рабочего за 1 день работы по кварталам и полугодиям за 1922—23, 1923—24 и первую половину 1924—25 г.

Средняя выработка на 1 человеко-день в 1922—23, 1923—24 и за 1-ю половину 1924—25 г. [1]).

Кварталы.	Выработка в довоенных ценах.			В %% к 1-му кварталу 22/23 г.
	По добывающей.	По обрабатывающей.	По всей промышленности.	
1 квартал 22/23 г.	1.31	3 72	3.29	100
2 " "	1.43	3 97	3.48	105,8
3 " "	1 35	4 05	3.52	106,9
4 " "	1.37	4.22	3.61	109,7
1 квартал 23/24 г.	1.78	4.15	3.71	112,8
2 " "	1.89	4.35	3.92	119,1
3 " "	1.79	4.78	4.25	129,2
4 " "	1.91	4.92	4.37	135,9
1 квартал 24/25 г.	—	—	5.30	161,1
2 " "	—	—	6.10	185,1
1-е полугодие 22/23 г.	1.37	3.84	3.39	100
2-е " "	1.36	4.14	3.56	105,0
1-е " 23/24 г.	1.84	4.25	3.81	112,5
2-е " "	1.85	4.84	4.32	127,4
1-е " 24/25 г.	—	—	5.70	168,5

Эти цифры убеждают нас в том, что истекшее полугодие в смысле индивидуальной производительности рабочих шагнуло значительно дальше и 1922—23 и 1923—24 г.г. По отношению к 1-му полугодию 1922—23 года прирост в среднем за 6 месяцев—68,5%. Если же присмотреться к темпу роста из полугодия в полугодие, то тогда наибольшее возрастание за прошлый период дает 2-я половина 1923—24 г.—на 14% по сравнению с первой, и дальнейший значительный под'ем производительности показывает 1-я половина наст. года—на 32,5% по сравнению с предшествующим полугодием.

На факторы, обусловившие рост валовой продукции и выработки на 1 рабочего в 1924—25 г., мы указывали выше. Крупные достижения в деле под'ема производительности—налицо. С этой стороны кампанию по поднятию производительности труда, охва-

[1]) Данные эти опубликованы в ежегоднике ВСНХ „Промышленность СССР в 1924 г.", в статье Л. Б. Кафенгауза, стр. XXXIII.

тывающую как мероприятия организационно-административного и технического порядка, так и проблему повышения интенсивности труда на предприятиях, кампанию эту можно считать успешной, давшей крупные положительные результаты.

Несколько иную динамику дают показатели движения заработной платы. Поквартальные данные реальной дневной зарплаты за ряд лет говорят о ее почти безостановочном возрастании. В течение 1923—24 г. заработная плата от квартала к кварталу возрастала: 1-й квартал—на 12%; 2-й—на 9%; 3-й—почти стационарен; 4-й—на 6%. Однако, при продолжавшемся, в общем, дальнейшем росте темп этого роста заметно замедлился. 1924—25 год показывает в 1-м квартале рост на 4%, во 2-м—стационарность. 1-я половина 1923—24 г. по сравнению с первой половиной 1922—23 г. отмечает увеличение на 32%; тот же период 1924—25 г. по сравнению с 1923—24 г.—17%. Общее движение реальной заработной платы за истекшие $2^1/_2$ года характеризуют следующие поквартальные данные:

Реальная заработная плата рабочих крупной промышленности за 1922—23, 1923—24 и 1924—25 г.г. [1]).

Кварталы.	Зарплата месячная в усл. моск. руб.	Зарплата дневная.	
		В условн. моск. коп.	В %%.
1922—23 г.			
1-й квартал	13,57	59,6	100
2-й "	16,54	72,9	122,3
3-й "	16,46	76,5	128,5
4-й "	16,95	74,9	125,5
1923—24 г.			
1-й квартал	19,33	83,7	140,5
2-й "	20,39	91,0	152,8
3-й "	20,42	92,9	155,7
4-й "	22,87	98,3	165
1924—25 г.			
1-й квартал	24,01	102,8	172,5
2-й "	23,10	103,0	173,0
1-е полугодие 22/23 г.	15,06	66,3	100
2-е " 22/23 "	16,70	75,7	114
1-е полугодие 23/24 г.	19,86	87,4	132
2-е " 23/24 "	21,65	95,6	144
1-е полугодие 24/25 г.	23,56	102,9	155

Замедление роста реальной заработной платы на исходе 1923—24 и в течение первого полугодия текущего года вызвано не-

[1]) Данные Ц. Б. Статистики Труда; охватывают крупную промышленность с числом рабочих 250 чел. и выше.

которым задержанием ее на достигнутом уровне, вследствие того, что в предшествующий период интенсивность под'ема зарплаты обгоняла темп роста производительности. Следствием этого неравномерного под'ема было увеличение доли зарплаты в себестоимости и удорожание производства, в свою очередь отражавшееся на цене товара. Динамика роста зарплаты и производительности по полугодиям такова:

	Выработка 1 раб. в %%	Зарплата в %%
1-е полугодие 22/23 г.	100	100
2-е „ 22/23 „	105	114
1-е полугодие 23/24 г.	112,5	132
2-е „ 23/24 „	127,4	144
1-е полугодие 24/25 г.	168,5	155

Таким образом, лишь последнее полугодие знаменует собой известный перелом, выражающийся в некотором преобладании прироста производительности над ростом зарплаты. В результате об'единенных усилий партии, профсоюзов и хозяйственных органов—с одной стороны, и благодаря общей благоприятной промышленной кон'юнктуре—с другой, диспропорция в заработной плате и производительности была преодолена и достигнуто равновесие обоих этих факторов, являющееся предпосылкой здорового развития промышленного производства и условием равномерного под'ема и производительности и зарплаты—в дальнейшем.

О том, как возрастала в 1924—25 г. производительность и оплата труда по месяцам, позволяют судить следующие данные:

Динамика выработки и заработной платы на 1 человеко-день за первое полугодие 1924—25 г.

Время, к которому относятся данные.	Валовая продукция в рублях.		Зарплата в коп.		Валовая продукция в %% к октябрю.		Заработная плата в %% к октябрю.	
	По довоен. ценам.	В червон. рублях.	В условн. моск. коп.	В червон. коп.	По довоен. ценам.	В червон. рублях.	В условн. моск. коп.	В червон. коп.
1. Октябрь	6.02	10.11	102,4	169,2	100,0	100	100,0	100,0
2. Ноябрь	6.50	10.64	104,5	175,8	108,0	105,2	102,0	103,7
8. Декабрь	6.81	11.11	101,4	170,9	113,1	109,9	99,0	101,0
4. Январь	7.11	11.53	102,9	175,2	118,1	114,0	100,5	103,5
5. Февраль	7.49	11.90	103,2	180,8	124,4	117,7	101,0	107,0
6. Март	7.68	12.12	102,9	186,1	127,6	119,9	100,5	110,0
7. Апрель	7.87	12.31	102,6	187,5	130,7	121,8	100,0	110,1

Выработка на 1 рабочего показывает прогрессивное возрастание как в довоенных ценах, так и в червонных рублях. Апрель этого года дает против октября увеличение на 30,7%, по довоенным ценам, и несколько ниже—на 21,8%—в червонном выражении, вследствие снижения цен на промышленные товары.

Заработная плата—реальная—пребывает, в общем, на том же уровне, что и в начале года, иначе говоря—стационарна. Небольшое повышение наблюдается в номинальной заработной плате (в черв. исчислении)—на 10,1% против октября, соответствующее некоторому повышению бюджетного индекса [1]).

Выше было указано, что достигнутое равновесие создало условия для дальнейшего равномерного под'ема заработной платы. И сейчас практика движения зарплаты во втором полугодии текущего года убеждает нас в том, что по ряду основных отраслей, давших наиболее значительный под'ем производительности, происходит постепенное дальнейшее повышение заработной платы. Это, в первую голову, касается текстильщиков, горнорабочих и металлистов. Перезаключение коллективных договоров, начатое в июле, дает по этим отраслям увеличение заработной платы, благодаря повышению тарифной сетки, закреплению норм выработки, а где была систематическая недовыработка не по вине рабочих—снижению этих норм, пересмотру расценок по сдельным работам и т. д. В общем, во втором полугодии можно ожидать прирост заработной платы текстилей, горнорабочих и металлистов в среднем на 10—15% против первого полугодия, и тогда это составит примерно, в червонных рублях:

	1-е полугодие в среднем за месяц.	2-е полугодие в среднем за месяц (ориентировочно).
По текстильной промышленности . . .	34,4	38
„ металлической „ . . .	45,8	51
„ горной „ . . .	35	41

В среднем же по основной промышленности за весь 1924—25 г., варьируясь, конечно, по отдельным отраслям, месячная заработная плата составит, таким образом, с учетом повышения 2-го полугодия, примерно 41—42 черв. руб., что дает увеличение против 1923—24 г. на 17—19% и составит около 92—93% заработной платы 1913 г.

Что касается производительности рабочих, то основная, наиболее крупная промышленность, при том же темпе роста во 2-м полугодии, что и в 1-м, даст увеличение выработки на 1 рабочего в среднем за год около 40% против 1923—24 г. [2]).

---

1) Стоимость бюджетного набора по СССР: в октябре 24 г. 15 р. 06 к., в марте 25 г. — 16 р. 23 к., — повышение за полгода на 8%, в связи с ростом цен на входящие в состав бюджетного набора продукты сельского хозяйства.

2) В этом случае динамика производительности труда в %% к 1912 г. по главнейшим отраслям представится в следующем виде (исчисления В. А. Базарова):

	1923/24 г.	1924/25 г.
Хлопчато-бумажн. промышлен.	58	70
Шерстяная промышлен.	70	82
Льняная „	71	90
Чугун	32	49
Мартен	45	76
Прокатка металлов	38	62
Каменный уголь	63	80
Нефть	54	53

По численному составу та же основная промышленность показывает во 2-м полугодии увеличение против 1-го около 20% и в среднем за весь 1924—25 г., по сравнению с 1923—24 г.,— также процентов около 20.

На основании всего вышесказанного можно сделать следующие заключения:

Расширение производства происходило и происходит поныне за счет использования наличных производительных сил. В отдельных отраслях это использование достигает уже предела, за которым неизбежно встает во всем об'еме задача повышения технической базы, переустройства, как основное условие успешного роста в обстановке расширяющейся емкости рынка и растущих потребностей как в области широкого массового потребления, так и потребления производственного.

Выше мы имели возможность обстоятельно рассмотреть динамику промышленного производства. Эти данные в достаточной мере показательны. Они свидетельствуют о неустанном под'еме и производительности рабочих и всего производства в целом. Но они же с несомненностью убеждают и в том, что темп этого под'ема из года в год ослабевает. Это с особенной остротой сказывается в отраслях, производящих продукты массового потребления. Возрождение этих отраслей началось с переходом к нэпу и протекало все эти годы с наибольшей интенсивностью. Сейчас они стоят перед полным использованием и своего оборудования, и наличной квалифицированной рабочей силы. Производство этих отраслей, в силу возрастающего спроса, нередко уже теперь оказывается недостаточным и удовлетворить потребностей страны не может. Такова отрасль текстильная, и в особенности—хлопчато-бумажное производство. Так же обстоит дело и в бумажной, и в крахмально-паточной, и в ряде других отраслей.

В иных условиях находится индустрия, обслуживающая производственные потребности, в первую голову—потребности самой же промышленности. Таковы металлургическая, металлообрабатывающая, электротехническая и химическая (основная) отрасли. Возрождение их началось позднее легкой промышленности. Восстановительный процесс затронул их во вторую очередь. И сейчас тяжелая промышленность переживает полосу оживленного под'ема, превосходящего по темпу под'ем остальных отраслей легкой промышленности.

Но развитие отраслей, изготовляющих орудия и средства производства, теснейшим образом связано с темпом развертывания легкой промышленности. А между тем именно здесь, как это и отмечают утвержденные Цугпромом тезисы к ориентировочному плану на 1925 г.,

> «...рост промышленности по подавляющему большинству отраслей упирается в состояние основного капитала—технического оборудования» [1]).

Острота, с которой стоит сейчас вопрос технического переоборудования, определяется, помимо увеличения количества продукции, также и актуальнейшей в данный момент задачей **удешевления себестоимости производства и ка**-

[1]) Тезисы к ориентировочному производственному и финансовому плану на 1925 г., утвержденные Правлением Цугпрома. См. «Эконом. Жизнь» № 178.

чественным улучшением продукта. Некоторые достижения во всех этих областях, благодаря концентрации производства, загрузке, ряду технических и организационных улучшений, успехам в области рационализации и стандартизации,—сделаны уже в текущем году. Предстоящий хозяйственный год, как это отмечается и упомянутыми выше тезисами, намечает прирост продукции в ценах 1924—25 г. на 47,9% при одновременном снижении себестоимости и улучшении качества продукции. Это будет сопровождаться дополнительным использованием наличного оборудования (на 17%), ростом рабочей силы (на 13,3%), увеличением выработки на 1 рабочего (на 18,4%).

Выше мы установили прирост выработки на 1-го рабочего в среднем по всей промышленности за первое полугодие 1924—25 года на 32,5%; в среднем за год исчисляется примерно столько же. Следовательно, и 1925—26 г. даст значительное снижение темпа роста производительности рабочего.

Неотложность мероприятий по расширению производства путем его переоборудования явствует отсюда сама собой. В вопрос производительности упирается и задача массового производства, и удешевление себестоимости. Доля заработной платы в цене продукта составляет и в настоящем году, несмотря на значительный рост производительности рабочего и относительно замедленный рост зарплаты, высокий процент. В 1913 г. издержки на зарплату составляли 15,3% от стоимости продукта.

В 1924—25 г. доля ее в стоимости продукции 1-го рабочего по месяцам такова:

Октябрь	24 г.	16,7 %
Ноябрь	„ „	16,5 „
Декабрь	„ „	15,4 „
Январь	25 „	15,2 „
Февраль	„ „	15,2 „
Март	„ „	15,4 „
Апрель	„ „	15,2 „

С начислениями же на заработную плату (соц. страхование, культнужды и т. д.) она и в этом году будет выше довоенной нормы.

Понижение издержек на рабочую силу, а следовательно, и удешевление производства, возможно лишь в результате повышения производительной силы труда, а это последнее—снова и снова—переносит вопрос в плоскость коренных мероприятий по техническому переустройству всего производственного аппарата.

Сюда же со всей актуальностью примыкает и задача воспроизводства квалифицированной рабочей силы, подготовки новых кадров «красного угля», так как ни нынешний масштаб подготовки новых рабочих кадров, ни ввоз квалифицированных рабочих из-за границы потребностей развертывающейся промышленности в рабочей силе удовлетворить не смогут и вопроса в корне не разрешат.

В. Богушевский.

К вопросу об относительном аграрном перенаселении.

Целый ряд недавних решений партии, относящихся к вопросам нашей политики в деревне (см. прения и резолюции XIV партконференции), и экономические мероприятия, утвержденные III С'ездом Советов СССР, имеющие целью укрепление крестьянского хозяйства, исходят, как известно, из признания наличия у нас относительного аграрного перенаселения, притом в значительных и угрожающих даже размерах. Налоговые льготы кустарям и необходимость особого внимания к развитию промысловой кооперации мотивировались, как известно, именно наличием аграрного перенаселения. То же следует сказать и об облегчении правил найма сельско-хозяйственных рабочих.

Казалось бы, следовательно, вопрос достаточно ясен и никаких принципиальных разногласий вызвать не может. Тем не менее, мы можем отметить в литературе ряд выступлений, которые либо вовсе не желают признавать наличия аграрного перенаселения, либо, признавая его с целой массой оговорок, считают этот факт чуть ли не спасительным для нас.

Если бы вопрос этот имел только отвлеченно-теоретический интерес, то можно было бы еще промолчать, но дело-то в том, что вопрос слишком тесно связан с экономической политикой партии и совласти по отношению к деревне, что в зависимости от того или иного решения этого вопроса, эта экономическая политика принимает то или другое взаимно-противоположные направления. При этом изменение направления может оказаться настолько важным, настолько решающим, что, вместо оборота лицом к деревне, мы можем оказаться к ней спиной.

Вот почему мы считаем необходимым отметить появление статьи т. Хрящевой в майском номере «Экономического Обозрения» и ст. т. П. Попова, помещенной в дискуссионном порядке в № 9—10 «Большевика», и постараться вскрыть ошибки в их рассуждениях об относительном аграрном перенаселении.

Начнем со статьи т. Хрящевой.

Тов. Хрящева начинает с перечня тех об'ективных условий, которые нужно иметь в виду при постановке вопроса о перенаселении. Это: 1) происшедшее 8 лет тому назад перераспределение земель пропорционально населению; 2) факт производственной неосвоенности земель, поступивших в пользование крестьян в период 1918—1921 г.г.; 3) недостаточное развитие нашей крупной промышленности и, следовательно, недостаточную емкость промышленного рынка по отношению к запасу рабочих рук в деревне в период нэпа; 4) продолжающийся под'ем сельского

хозяйства, выражающийся в ежегодном увеличении его производства и его рессурсов».

«Все это,—заключает т. Хрящева,—такие условия, которые отнюдь не говорят об аграрной перенаселенности».

Прежде всего бросается в глаза третье условие—неспособность промышленности поглотить «запас рабочих рук в деревне». Каким образом тов. Хрящева может считать это условие мешающим говорить об аграрном перенаселении? А что означает ее «запас рабочих рук в деревне», так и остающийся, очевидно, запасом, коль скоро промышленность не может его проглотить? Или, наконец, что же понимает т. Хрящева под аграрной перенаселенностью, если она считает, что медленное развитие городской промышленности, а значит и медленный отлив рабочей силы деревни в город, уменьшает аграрное перенаселение?

Прежде чем ответить на эти недоумения, обратимся, однако, к другим «об'ективным условиям»:

Первое, конечно, не подлежит спору, но вот второе—факт неосвоенности земель—требует некоторого комментария, умаляющего, смеем думать, его силу. На самом деле. Говоря об аграрной перенаселенности в настоящее время, мы прежде всего вспоминаем район Центрально-Промышленный, или шире — значительную часть потребляющей полосы. И как раз в этом районе ни в коем случае нельзя отметить неосвоенности земель: посевная площадь в потребляющей полосе, как известно, довольно значительно превысила уже довоенную посевную площадь. Почти то же относится и к Украине, несмотря на то, что там крестьяне получили значительно большую, чем в РСФСР дополнительную прирезку земли, т. е. «освоить», значит, было труднее.

Если мы обратимся теперь к четвертому условию т. Хрящевой—ежегодное увеличение производства сельского хозяйства и его рессурсов,—то, признавая относительное значение этого условия для постепенного сокращения аграрного перенаселения, мы ни в коем случае не можем считать, что рост сельского хозяйства уже привел к его уничтожению, что увеличение рессурсов сельского хозяйства уже «не позволяет говорить о перенаселении». Тов. Хрящева тут забегает слишком сильно вперед, и уж совершенно неубедительной становится ее аргументация, когда она прибегает к сравнению с 1920—21 годами:

«Период 1920—21 годов... давал гораздо больше поводов говорить о перенаселении деревни. В тот период и промысловая деятельность населения была ничтожной, и все же относительное перенаселение деревни не имело места (так ли? *В. Б.*), и никто его не замечал». (Что же, однако, было: не имело оно места, или имело, но не замечали его? *В. Б.*).

Никто не будет спорить против того, что рост сельского хозяйства должен со временем постепенно привести к уничтожению перенаселения, но, что он уже сейчас привел к этому—неверно!

Дальнейшее изложение т. Хрящевой не оставляет уже сомнений в том, что под аграрным перенаселением она понимает не что иное, нежели то, что под этим термином обычно разумеется. Повидимому, по ее мнению, аграрное перенаселение это совокупность тех крестьянских хозяйств, которые выселяются из деревни, которые заняты промыслами, в частности—отхожими.

Скрытого аграрного перенаселения она совершенно не хочет знать, в то время, как оно именно и составляет гвоздь вопроса: те рабочие силы деревни, которые не находят себе применения в деревне, которым вместе с тем некуда выселиться и не для чего выселяться, так как нет надежды найти работу, которые с радостью пошли бы в отход, да некуда наняться!

Тов. Хрящева сама себя бьет, когда старательно доказывает, как мало выселяющихся из деревни хозяйств, и не замечает, что просто обходит основную проблему, заявляя, что «...число работников, занятых отхожими промыслами, остается неизменным и может измениться в зависимости от кон'юнктуры в промышленности и сельском хозяйстве, а поэтому-де, нечего об этом и говорить.

В том-то и дело, что кон'юнктура, т.-е. прежде всего—количество рабочих, которое промышленность и сельское хозяйство ежегодно могут поглотить, имеет прямое и непосредственное отношение к вопросу об аграрном перенаселении. Лучше не говорить о перенаселении совсем, если заранее решиться отвлечься от кон'юнктуры.

Еще более бьет себя тов. Хрящева таблицей, приводимой ею на стр. 16 и показывающей, что рост работников в деревне почти достиг цифры 1922 года в то время, как число уходящих из деревни работников (отхожих) еще на 8% ниже 1922 года. Во-первых, мы в праве спросить, почему это именно 1922 год берется т. Хрящевой за исходный; не считает ли она этот год годом блестящей кон'юнктуры или годом недостатка рабочей силы в деревне? Во-вторых, как не понять, что эти 8% как раз и свидетельствуют, что людям деться некуда, что, по-ученому, в деревне аграрное перенаселение, а по-простому, по-мужицкому, они—собак гоняют и птичек ловят.

Последним козырем т. Хрящевой являются данные, говорящие о том, что число десятин посева, приходящихся на одного своего работника, растет с 1920 года к 1924 году с 1,3 дес. до 1,7 в потребляющем районе, с 2 до 3,6 дес. в производящем (не пострадавшем от неурожая) и с 4,4 до 4,5 дес.—в пострадавшем от неурожая районе. Не говоря уже о незначительности роста, обусловленного, повидимому, полностью или главным образом возвращением к нормальным довоенным площадям посева, самый факт роста может свидетельствовать лишь о том, что дальнейшее увеличение аграрного перенаселения приостановилось, что, может быть, идет процесс его уменьшения, но ни в коем случае из этого факта нельзя заключить, что аграрного перенаселения нет.

Вывод, к которому приходит на основании своих ошибочных суждений т. Хрящева—следующий (стр. 17):

«Непрерывно растущее сельско-хозяйственное производство *при данной технике* его (курсив мой. *В. Б.*) способно еще ряд лет удерживать население на месте, на земле; в отливе нуждаются лишь пролетаризованные слои, которые получаются не в порядке прямого аграрного перенаселения, а в порядке экономической дифференциации. Слои пролетарского крестьянства малочисленны (40% безлошадных! *В. Б.*) и при известном отношении к новым формам земледелия (общественным, кооперативным) могут найти почву приложения своих сил также в земледелии».

Таким образом, все обстоит благополучно, беспокоиться нечего. Если и есть пролетаризованные крестьяне, то в с.-х. коммуне они найдут себе спасение. Даже земледельческая техника может оставаться прежней, и об интенсификации сельского хозяйства говорить совершенно не обязательно. Население удержится на земле все равно.

Весь вопрос, однако, заключается, по нашему мнению, в том, чтобы выяснить, что это значит: «сельское хозяйство способно удерживать население на земле». При крепостном праве крестьянство, например, тоже удерживалось на земле. Большая разница, удерживается ли крестьянство на земле потому, что она прокармливает его, или потому, что деваться некуда. Мы охотно согласимся с т. Хрящевой, если она имеет в виду, что в настоящий момент громадные массы крестьянства постольку удерживаются на земле, поскольку у них другого выхода нет. Но это-то как раз и есть картина относительного перенаселения, чего, впрочем, не хочет знать т. Хрящева, с величавым спокойствием замечающая несколькими строками выше:

«Что касается излишка труда в отдельных группах хозяйств, то таковой, конечно, имеется, как имелся он всегда. В этом случае делу поможет лишь развитие промышленности».

Итак, очевидно, излишек труда в отдельных группах хозяйств это не резервная армия, не аграрное перенаселение. Впрочем, тов. Хрящева, пожалуй могла бы оказаться правой, если бы избыток труда в одних группах (в отдельных, как она осторожно выражается) покрывался недостатком труда в других. Но ведь она сама же в июньском номере «Экономического Обозрения» и в статье о наемном труде в сельском хозяйстве констатирует крайне незначительное развитие этого труда.

С другой стороны, отметим тут же, тов. Хрящева, как видно из ее вывода, принципиально стоит на той точке зрения, что ни интенсификация сельского хозяйства, ни его техническое переустройство не сыграют никакой роли: «поможет лишь развитие промышленности».

Заметив это, перейдем к статье т. Попова.

Тов. Попов начинает свою статью с критики взглядов буржуазных экономистов-профессоров Бруцкуса и Лубны-Герцыка. Один из них говорит, что земельный переворот (октябрьский) ничего не дал крестьянству, что для решения вопроса об аграрном перенаселении необходимо создание условий, благоприятствующих мобилизации земли (мечты о повторении столыпинской политики), и восстановление частной земельной собственности. Другой «развивает чисто мальтузианские взгляды и разрешение аграрного кризиса видит в применении непосредственных мер организации рождаемости со стороны самого населения».

В своей критике этих буржуазных ученых тов. Попов, конечно, совершенно прав, поскольку он возражает против утверждения о том, что Октябрьская революция ничего не дала крестьянству и против выдвигаемых ими методов изжития аграрного перенаселения. Кроме того, тов. Попов прекрасно знает, что следует разуметь под аграрным перенаселением и в ошибки тов. Хрящевой поэтому не впадает. Он прямо как бы против тов. Хрящевой доказывает, что «перенаселение надо измерять не площадью земли на одну душу, а суммой *всех* ресурсов, которые

население получает от всех видов заработка—и от земледелия, и промыслов».

Тем не менее, поставив в конце статьи вопрос, имеем ли мы какие-либо данные тревожиться, что в настоящее время в какой-либо степени (sic) существует опасность перенаселения, тов. Попов для отрицательного ответа на этот вопрос прибегает исключительно к цифрам роста населения по различным районам СССР, показывающим, что до сих пор в большинстве районов население не достигло цифры 1914 года, и заключает:

«Таким образом, современное состояние численности сельского населения не вызывает и не может вызывать тревог, даже если исходить из абсолютного количества населения; если же прибавить сюда то, что получилось в результате социальной революции, то-есть, что население всех районов получило до 40 миллионов всей помещичьей земли, в том числе до 10 миллионов посевной площади, которая находилась раньше в исключительной эксплоатации частно-владельческих хозяйств, что население не выплачивает 300—350 милл. руб. золотом ежегодно (арендной платы. *В. Б.*), то острота земельных отношений в центре и некоторых районах Украины, и отчасти черноземной промышленной области, снята с очереди на ближайшее время».

Тов. Попов совершенно правильно отмечает благоприятные моменты, но едва ли он вправе упустить совершенно из виду те, которые действуют, и действуют решающим образом, в противоположном направлении. Сошлемся на самого же т. Попова, который в брошюре «Сельское хозяйство союза республик»[1]) дает следующие цифры:

В 1913 г. доходы с внеземледельческих промыслов достигли	1.800	милл.	руб.	зол.
В том числе поступило от города и промышленности	700	»	»	»
В 1922—23 г. общая промысловость равнялась	600	»	»	»
В том числе оплачиваемая городом и промышленностью	220	»	»	»

«Таким образом, в общем в три раза сократился доход от промыслов...» или иначе: недобор выразился в сумме 1.200 м. р. зол.

Вот эта-то цифра и является на наш взгляд действительно решающей и в корне подсекающей оптимизм т. Попова, выразившийся в приведенной выше цитате.

Мы пройдем мимо той невероятной теоретической путаницы в которую впадает тов. Попов в связи со своими рассуждениями о пользе того обстоятельства, что город не успевает поглощать освободившиеся рабочие руки деревни, принуждая их тем самым оставаться в сельском хозяйстве (стр. 87; ср. соответствующие рассуждения т. Хрящевой), и обратимся к наиболее важному пункту т. Попова, требующему самого решительного отпора.

Страхуя себя от законных обвинений, тов. Попов на ряду с высказанным в приведенной цитате определенным отрицанием аграрного перенаселения делает ряд оговорок, в которых уже аграрное перенаселение не отрицается, но зато трактуется как чуть ли не благо для развития производительных сил страны. Ведь так просто «доказать» это. Достаточно привести цитату из

[1]) Попов, «Сельское хозяйство союза республик». Библиотека «Экономической Жизни» 1924 г. Стр. 40.

Маркса о том, что «избыточное население... составляет необходимую принадлежность капиталистического хозяйства, без которой оно не могло бы ни существовать, ни развиваться» и заявить, что в условиях советского строя избыточное население играет ту же роль для государственного капитализма. Для еще большей убедительности можно привести еще обширную цитату из Ленина, в которой говорится о том, что без наличия резервной армии не могли бы быть построены железные дороги, развиться промышленность (особенно строительная), земледелие наших окраин и т. д. и т. п.

Но, тов. Попов, все это слишком общеизвестно, чтобы нуждаться в доказательствах при помощи столь тяжелой артиллерии. Любой совпартшколец давно знает все это.

Весь вопрос в степени, и эту сторону дела вы сами признаете, повидимому, когда говорите, что «в известной степени сгущенность населения в определенных районах должна быть, чтобы развивалась промышленность» и т. д. Весь вопрос, значит, в том, не слишком ли высока степень сгущенности у нас сейчас, нет ли в этом какой-либо опасности.

Здесь прежде всего мы должны подчеркнуть недопустимость того механического перенесения капиталистической идеологии и методов капиталистического хозяйствования на советскую систему, которое допускает тов. Попов. Мы не можем рассматривать «мужика», избыточное население деревни только как «средство», необходимое возрождающейся и развивающейся промышленности, потому что такой взгляд не только вреден, но и явно неверен в его применении к нашему хозяйственному порядку.

Избыточное население деревни, выбрасывавшее на рынок труда дешевые рабочие руки, облегчавшее капиталисту борьбу за общее понижение заработной платы, было тем злом капиталистического хозяйства, которое мы, конечно, ни в коей мере не можем оправдывать в советской системе хозяйства.

По мнению т. Попова, выше нами приведенному, опасности нет решительно никакой, пугаться нечего. Мы считаем, однако, такое спокойствие необоснованным и, пожалуй, слишком напоминающим спокойствие или равнодушие к страданиям десятков тысяч голодавших рабочих, проявленное однажды английским парламентом, запретившим эмиграцию оставшимся без работы рабочим на том основании, что неоткуда капиталистам будет взять рабочие руки в тот момент, когда начнется период под'ема и расширения промышленности.

Мы считаем, что это «спокойствие» не только идет в разрез с общепринятой партийной линией, но и создает величайшую угрозу для дела союза рабочих и крестьян. Этот взгляд рассматривает крестьянство как какое-то топливо для промышленности. Это—взгляд, имеющий несомненное родство с взглядом на крестьянство как на «колонию», нашедшим себе уже достаточно авторитетную оценку.

Смешно было бы отрицать значение наличия кадров свободных рабочих рук для развития промышленности. Никто этого и не отрицает. Но нельзя становиться на точку зрения наиболее хищного капитализма.

Приведем только одну справку, которая может дать некоторое представление о той степени сгущенности, о которой только и следует, как мы видели, говорить.

Тов. Попов замечает (стр. 94): «В остальных районах, особенно в Поволжьи, Юго-Востоке, то-есть там, где не было избыточности населения и до войны, также нет места никаким тревогам...»

Возьмем для примера Сталинградскую губернию. В журнале «На новых путях» № 6 приведены в статье т. Соловьева основные результаты разработки данных обложения по сельско-хозяйственному налогу. Автор делит все хозяйства на пять групп.

В первой группе—беспосевные—автор в 20.000 хозяйств, относимых к этой группе, насчитывает 25.000 работников, о которых говорит, что ни наемные работы в сельском хозяйстве, ни внеземледельческие заработки не поглощают этой рабочей силы целиком. Во второй группе (с посевом до 4-х десятин) из 220.034 ч. в рабочем возрасте—169.470 чел. являются избыточными рабочими. В третьей группе (4—10 десятин) наличный избыток рабочих рук автор определяет в 140.692 чел. при общем числе едоков в рабочем возрасте в 202.300.

Надо заметить, что всем этим трем группам хозяйств не хватает средств на поддержание своего хозяйства.

Даже в четвертой группе (от 10 до 25 десятин) автор насчитывает до 30.000 человек избыточной рабочей силы (при 61.354 едоках в рабочем возрасте). И лишь в пятой группе с посевом более 25 десятин наблюдается недостаток своей рабочей силы в среднем в 59,7 рабочих дней на 1 хозяйство, который, по мнению автора, все же может быть покрыт своими силами (2—3 подростка 12—17 лет, которые в семье из 7 человек, очевидно, найдутся, могут дать 78 рабочих денщин).

Далее автор приводит следующую таблицу о степени использования в хозяйстве наличной рабочей силы:

Группы.	Число едоков в рабоч. возрасте.	Число наличн. денщин в хозяйстве (по 78 д. на 1 работн.).	Число потребн. денщин.	Избыток (+) или недостаток (—) наличн. денщин в хозяйстве.
I. Беспосевн.	1,3	—	—	—
II. С посевом до 4-х дес. . .	1,9	148	28	+80
III. » » » 4—10 » . .	2,4	187	47	+75
IV. » » » 10—25 » . .	3,1	240	118	+54
V. » » » св. 25 » . .	3,4	265	325	—22

Конечно, эти данные не отвечают на вопрос об использовании рабочей силы вне земледелия, но при общем отмеченном выше упадке внеземледельческих промыслов, при сравнительно медленном отвлечении рабочей силы в города [1]), картина степени перенаселенности оказывается чрезвычайно внушительной.

Здесь, кстати сказать, уместно вспомнить «излишек труда в отдельных группах», о котором так невозмутимо говорит тов. Хрящева.

[1]) Тов. Андреев в докладе у железнодорожников давал цифру 400 тыс. новых рабочих, вовлеченных в промышленность за этот год. Однако, не все 400 тысяч пришли из деревни.

Тот подход к вопросу о перенаселении, который отмечен нами в статье т. Попова, находится в прямом противоречии с основным заветом, данным нам Лениным: «начать надо с крестьянина». Это—основная директива. О том же противоречии этой, данной Лениным директиве говорит и то, что и тов. Хрящева, и т. Попов, первая—совершенно второй—более осторожно, менее определенно—не придают значения интенсификации сельского хозяйства, как наиболее действительному средству изжития относительного аграрного перенаселения. Тов. Хрящева, как мы видели, просто заявляет, что только развитие промышленности может уничтожить избыток свободной рабочей силы в деревне; тов. Попов говорит об этом более туманно. Вот его общий вывод, в котором об интенсификации сельского хозяйства даже не упоминается, но зато налицо «страховка» в виде «других отраслей народного хозяйства». По мнению т. Попова, меры к устранению опасности перенаселения должны итти: «...только в порядке развития промышленности, в порядке развития торговли, в порядке развития других отраслей народного хозяйства, на основе государственного капитализма, в порядке проведения мероприятий по перенаселению, колонизации, мелиорации, сочетающейся с планом развития госпромышленности, т.-е. в порядке проведения мер, имеющих целью развитие производительных сил».

Формула почти что безупречная и чрезвычайно гибкая, но все-таки крестьянское хозяйство отодвинуто слишком сильно на задворки.

Для того, чтобы скрытая неправильная точка зрения тов. Попова выступила вполне ясно, мы приведем параллельно следующую выдержку из резолюции XIV партконференции о кооперации.

«Несмотря на быстрое развитие производительных сил города, а также деревни, оно, однако, оказалось недостаточным для использования всего избыточного населения деревни (Вниманию тов. Хрящевой. *В. Б.*). Поэтому необходимо найти производительное применение для значительных масс рабочих рук, имеющихся в деревне. Это может быть достигнуто интенсификацией сельского хозяйства, дальнейшим ростом промышленности, развитием кустарных и отхожих промыслов, облегчением условий применения наемного труда в сельском хозяйстве и краткосрочной арендой земли, а также организацией переселения и широкой производственной помощью маломощным крестьянским хозяйствам».

Мы не будем комментировать эту выдержку, каждое слово которой бьет и т. Хрящеву, и т. Попова. Отметим только, что интенсификация сельского хозяйства поставлена здесь, как видит читатель, на первое место.

И естественно! Интенсификацию сельского хозяйства мы безусловно должны признать главным путем изживания перенаселения. Это важно не только потому, что обеспечивает верное направление политики партии по отношению к деревне и сохранение союза пролетариата с крестьянством («начать надо с крестьянства»), но и потому, что в самом деле только таким путем и можно достигнуть достаточно быстрых реальных результатов.

В сравнительно недавнем прошлом мы имеем аналогичный до известной степени пример. Столыпинская политика, как известно, угрожала созданием тяжелого относительного перенаселе-

ния, которое должно было выразиться в ухудшении положения неквалифицированных (преимущественно) рабочих в городе и сельско-хозяйственных рабочих в деревне. Ведь промышленность за время с 1909 по 1913 год (находившаяся, как и сейчас, в периоде большого под'ема) сумела поглотить лишь 500 тысяч рабочих (правда, только в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции); переселение, охватившее с 1906 по 1914 год 500 т. домохозяев также не могло играть слишком большой роли, так как за то же время обратный поток переселенцев дошел до 500 тысяч человек (процент возвращавшихся обратно в годы 1909—10—11 составлял соответственно — 13,3; 36,3 и, наконец, 64,3 [1]). Между тем одно только число продавших свои наделы крестьянских хозяйств за время с 1910 г. до начала войны составляет более миллиона, не менее 2—2½ миллионов работников. Сюда надо прибавить естественный ежегодный прирост населения и заметить, что далеко не все переселявшиеся (не более ⅔ их) продавали свои наделы.

И, однако, опасения не оправдались. Наоборот, заработная плата, начиная с 1910 года, стала подниматься с 236 рублей в 1909 до 264 руб. в 1913 году, и особенно быстро именно в производствах, применяющих наименее квалифицированную рабочую силу. Например, в производстве вкусовых и пищевых продуктов она росла следующим образом: 1909 г.—149 руб., 1912 г.—156 р., 1913 г.—169 руб.

Заработная плата сельско-хозяйственных рабочих точно так же значительно возросла с 1909 по 1913 год, что видно из следующей таблицы [2]):

Районы.	Годы 1909	1910	1911	1912	1913	Общий прирост в %%.
	в копейках.					
50 губ. Европ. России .	87	91	86	99	112	28,7
Центр. землед.	77	87	83	96	93	20,8
Средневолжье	79	78	63	78	102	29,3
Новороссийский	122	133	116	128	138	13,1
Юго-Западный	63	65	72	83	87	38,1
Украина	92	92	102	112	123	33,1

Минимальный рост, таким образом, составлял за этот период 13,1% (в районе наиболее высокой и без того заработной платы), а максимальный—38,1%. За это же время средний товарный индекс возрос менее, чем на 10%.

Куда же, спрашивается, девались избыточные рабочие силы?

Развитие сельского хозяйства, громадный рост применения сельско-хозяйственных машин [3]), введение трудоемких культур, развитие скотоводства—и все это в сочетании с параллельным

---

[1]) Ежегодник Центр. Статист. К—а 1914 г., стр. 29. Эти цифры, как и последующие цитированы у Тюмневой «От революции к революции». Изд «Прибой» 1925 г., стр. 200—229.

[2]) Таблица составлена Тюменем на основании данных, приводимых В. Милютиным: «Сельско-хозяйственные рабочие и война», стр. 8—59.

[3]) По мнению тов. Хрящевой, рост применения с.-х машин обычно сопровождается ростом перенаселения. Легко было бы показать, что в действительности это совершенно не так. Дело обстоит как раз наоборот. Конкретная действительность много сложнее абстрактной теории.

ростом сбытовой, снабженческой, промысловой и кредитной кооперации, могучим образом содействовавшей развитию товарности крестьянского хозяйства,—вот тот путь, который привел даже при гнусном царском режиме к сравнительно благополучному, хотя и медленному изживанию грандиозного кризиса, вызванного столыпинской аграрной политикой.

Нет никакого сомнения—и в этом прав тов. Попов,—что кризис перенаселения будет изжит нами помимо всяких неэкономических или филантропических мероприятий, что он уже изживается даже, под влиянием ряда благоприятствующих этому обстоятельств (под'ем промышленности занимает среди них, конечно, одно из важнейших мест), но сложить руки и дожидаться у моря погоды—было бы политикой совершенно легкомысленной.

Необходимо сознательное форсирование интенсификации сельского хозяйства, облегчение условий применения наемного труда и развитие кустарной промышленности, на ряду, конечно, с той программой, которая указана в приведенной нами выдержке из статьи т. Попова.

Это и будет выполнение решений XIV партконференции.

Е. Косьмин.

К вопросу об обороноспособности СССР.

В характере организации всякой армии лежат прежде всего те социально-политические, экономические и культурные отношения, которые в совокупности своей образуют государственный и общественный строй данной страны. Армия это зеркало последней. И именно из этой предпосылки исходят программные решения нашей партии в области военного строительства, предусматривающие в качестве конечной цели превращение Красной Армии «во всенародную социалистическую милицию».

Но это превращение совершится в полной мере «лишь в связи с уничтожением классов», т.-е. на основе роста и укрепления социалистических отношений внутри страны как в области экономики, так и культуры. «Нынешнему же переходному периоду,— говорит IX С'езд РКП,—который может иметь длительный характер, должна соответствовать такая организация вооруженных сил, при которой трудящиеся получают необходимую военную подготовку с наименьшим отвлечением их от производительного труда. Такой системой может явиться только построенная на территориальных началах Красная рабоче-крестьянская милиция».

Надо, впрочем, отметить, что черты территориальности и милиционности лежат на всей истории нашей Красной Армии. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить тот факт, что первые ее отряды и батальоны чаще всего формировались по инициативе местных советов и профсоюзов непосредственно из рабочих данного завода и фабрики и беднейших крестьян данного села и волости. Однако, только с 1923 г. они получили широкое применение в лице созданных в тот момент первых территориальных дивизий. До этого времени милиционно-территориальная система организации Красной Армии, предусмотренная указанными решениями партии, не могла быть практически широко осуществлена в силу требований, выдвигавшихся гражданской войной и последовавшей затем демобилизацией армии.

Следовательно, рассматривая наши нынешние милиционно-территориальные формирования, составляющие, по общему признанию, основу строительства вооруженных сил страны, с точки зрения осуществления конечной цели, т.-е. создания «всенародной социалистической милиции», необходимо сказать, что в этом смысле они представляют известный переходный этап, предварительное условие, которое в момент созревания отмеченных

выше социалистических отношений в стране позволит безболезненно и без значительной ломки перевести всю Красную Армию на чисто милиционно-социалистическую систему организации.

Но для партии и государства милиционно-территориальные формирования представляют не только тот интерес, что они соответствуют осуществлению этой еще довольно отдаленной конечной цели. Если бы только эта причина лежала в основе мероприятий по переводу значительнейшей части Красной Армии на милиционно-территориальную систему, то делу сегодняшнего укрепления обороноспособности нашей страны, а тем самым и диктатуры пролетариата в ней, был бы нанесен легкомысленный, необдуманный, чреватый крупными отрицательными последствиями удар. Нынешняя милиционно-территориальная система как раз важна и ценна тем, что она больше всего и лучше всего соответствует требованиям, выдвигаемым положением страны, находящейся под постоянной угрозой внешнего вооруженного нападения на нее со стороны окружающих буржуазных государств.

Способствуют ли милиционно-территориальные части сохранению этого «непременного условия» должной высоты обороноспособности Союза, а также «сохраняют ли они в своей организации все черты диктатуры рабочего класса»—вот вопросы, выяснение которых позволит нам определить степень целесообразности применения милиционно-территориальной системы.

Успешное ведение современной войны требует наличия двух условий: 1) высокоразвитой в стране военной техники, 2) миллионных военно-подготовленных масс населения.

Первое условие целиком определяется ростом промышленности и степенью развития производительных сил страны. Второе—системой организации военного обучения и подготовки трудящихся, в данных пределах средств, отпускаемых государством на эту цель (размер военного бюджета).

Учет опыта последних войн дает нам следующую характеристику влияния их на численный состав воюющих армий:

1) в войнах Наполеона участвовало—600 тыс. солдат;
2) во франко-прусской войне 1871 г. участвовало—1.500 т. с;
3) в русско-японской войне участвовало 2 милл. солдат;
4) в последней империал. войне участвовало 65 милл. сол.

Нет никаких оснований полагать, что наступающая война потребует меньшего количества солдат. Наоборот. Такое утверждение находится в полном противоречии как со всем опытом прошлого, так и с учетом тех мероприятий по подготовке к войне, которые проводятся в настоящее время во всех капиталистических государствах мира.

Достаточно указать, что ни одно государство не ограничивается содержанием одной только официально существующей армии. Значительные государственные и общественные средства затрачиваются на содержание и развитие различных военно-спортивных организаций среди самого населения.

Поэтому, помимо необходимости высокой военной технической подготовки, внимание нашего Союза должно быть сосредоточено на вопросах военной подготовки возможно большего количества военнообязанных, создающих необходимый мобилизационный запас для развертывания и комплектования армии в военное время. Если же учесть, что количество призывного молодняка в нашей

стране ежегодно дает 800—900 тысяч годных для военной службы людей, то мы увидим, что подготовка и создание необходимого мобилизационного запаса через систему кадровой армии потребует доведения ее численности до 2 миллионов человек при 2-годичном сроке службы и до 1 миллиона человек при одногодичном. Нынешняя же численность Красной Армии (около 600 тыс.) этой задачи не разрешает. Излишне, однако, доказывать всю гибельность содержания 2-миллионной армии для народного хозяйства страны. Выход из подобного тупика может быть найден только на пути введения милиционно-территориальной системы. Встающий в связи с этим вопрос об обеспечении наших границ от неожиданного нападения и о прикрытии их в первые дни войны для мобилизации и развертывания главных сил решается сохранением небольшого количества кадровых дивизий, доведенных в своей численности до 60—70% военного времени.

Но преимущества милиционно-территориальной системы, как наиболее экономной и целесообразной с точки зрения подготовки и создания всего возможного в стране запаса, не ограничиваются только сказанным. Ее существенным достоинством является создание организационных и иных предпосылок, обеспечивающих военизацию всего трудового населения, привитие ему и культивирование известных навыков военного дела, развитие соответствующей психологии. Возможность достижения положительных результатов в этой области вполне реальна, поскольку территориальные части находятся в постоянном соприкосновении с населением, поддерживают через переменный состав и междусборную работу постоянную связь с ним и, наконец, живут и работают в течение значительного периода времени среди самого населения.

I. Военно-учебная и политическая характеристика территориальных частей.

Военная и военно-политическая подготовка переменного состава терриотриальных частей укладывается в 8 месяцев, разбиваемых в свою очередь на 5 лет. По истечении указанного срока территориальные части должны выпустить в запас вполне подготовленных со стороны требований современного боя солдат и политически воспитанных и развитых граждан. При общей малокультурности населения это, конечно, задача трудная, но тем не менее выполнимая. В самом деле, если принять во внимание, во-первых, то, что помимо 8 месяцев обучения на сборах переменники, в той или другой форме, привлекаются и будут привлекаться к военно-политическому обучению и воспитанию в периоды между сборами, во-вторых, что в кадровых частях время для тактического обучения красноармейцев, за вычетом затрачиваемого на самообслуживание времени, составляет немногим больше одного года, то легко убедиться в том, что нет никаких оснований предполагать, что территориальные части будут менее боеспособны, чем кадровые.

Подтверждение последнему мы находим уже и в той оценке результатов обучения в территориальных частях, которую дает целый ряд авторитетных военных работников, непосредственно руководящих этим делом.

Особенно же благоприятных и положительных отзывов удостаивается молодняк 1902 года, не служивший в кадровых частях и получающий военное обучение только через территориальные. Эти отзывы с убедительностью доказывают несомненную жизнеспособность милиционно-территориальной системы.

Конечно, как и во всяком деле, в системе военного и военно-политического обучения и воспитания переменников есть свои недочеты и недостатки. Но они вытекают не из ее непригодности в целом, а из временного несовершенства ее практической детали. По мере их устранения задача боевой подготовки территориальных частей будет осуществлена полностью и целиком.

К числу таких недочетов относятся прежде всего вопросы, касающиеся работы с переменным составом между сборами. Военно-политическое обучение переменников и допризывников в этот период должно быть организовано таким образом, чтобы обеспечить постоянное воздействие на них со стороны кадрового командно-политического состава, служить естественным продолжением работы, проводимой на самих сборах, способствовать воспитанию в переменнике дисциплинированности, чувства сплоченности и принадлежности к своей части и к Красной Армии.

Основными формами работы между сборами являются военные уголки и кружки военных знаний, организуемые при клубах (рабочих и комсомольских), при каждой сельской и волостной избе-читальне; стрелковые тиры и военные городки со стрелковыми кружками при военно-учебных пунктах и военных уголках.

Встает важный вопрос, кто должен проводить эту работу. Охватить ее силами одного кадра территориальных частей абсолютно невозможно, ибо последний в течение 10—11 месяцев в году занят: обучением допризывников (3 месяца), обучением новобранцев (3 месяца), проведением общих сборов (1—2 месяца) и обучением красноармейцев кадра.

Участие кадрового командно-политического состава при его выездах в районы комплектования для проведения допризывной подготовки, или путем специального, периодического командирования для этой работы, а также для наблюдения и руководства деятельностью местных организаций, партийцев командиров и политработников, на срок до 1 месяца, может быть плодотворным только лишь в том случае, если они найдут полную поддержку и содействие местных партийных, политико-просветительных и профессиональных организаций. На последние должны быть целиком возложены задачи: ликвидации неграмотности среди переменников и допризывников, оборудования и снабжения всеми необходимыми силами, средствами, материалами и пособиями военных уголков, кружков военных знаний, тиров и т. д.

Практическое совершенствование территориальной системы в настоящее время упирается именно в эти вопросы. Работа между сборами, не являясь основным средством военного и военно-политического обучения и воспитания переменников, является вместе с тем основным условием, обеспечивающим создание боеспособных территориальных частей. Практическое совершенствование территориальной системы должно составить заботу всех местных партийных и советских органов.

Крайне существенным с точки зрения уяснения политических итогов работы территориальных частей является вопрос:

будут ли они политически надежны в момент мобилизации для ведения войны.

Здесь прежде всего нужно отметить, что общая явка переменников на сборы, как правило, достигает 100%, что при комплектовании территориальных частей по штатам военного времени является высоким уровнем. Неявка одного или двух процентов несомненно должна быть отнесена за счет: недостаточно налаженного учета военно-обязанных, плохого и несвоевременного оповещения переменников о сроках явки и других уважительных причин. Можно даже сказать, что такой высокий процент явки призываемых, притом уже отслуживших в массе своей срок действительной военной службы и участвовавших в гражданской войне, мы имеем впервые за все время существования Красной Армии. Для характеристики отношения военнообязанного населения к призывам на сборы показательно также и отсутствие применения в сколько-нибудь значительной мере принудительных способов собирания, массовой отдачи под суд и дезертирства в прямом смысле этого слова.

Некоторое недовольство отрывом от мирного труда и тяготами, связанными с территориальными сборами, проявлялось среди переменного состава старших возрастов (1899—1900). Наглядным отображением этой усталости и недовольства являлись: самовольные отлучки в предпраздничные дни во время сборов, меньшая, чем среди молодых возрастов, дисциплинированность, недостаточно высокая заинтересованность своим военным обучением.

Совершенно иную картину дает другая часть переменников, молодежь призыва 1902 г. Среди них наблюдается значительный интерес к военной учебе и к вопросам военной подготовки страны. Эта часть переменников поддается значительно легче военно-политическому влиянию и воздействию, чем старшие возраста. Среди них на высоком уровне стоит и дисциплина. В дальнейшем, по мере ежегодного ухода старших возрастов в запас и зачисления в переменный состав молодых, прошедших допризывную подготовку,—территориальные части будут включать в себя военнообязанных, которым несвойственны характеризованные выше отрицательные моменты.

Следующей группой переменного состава, характеризующей политическую крепость территориальных частей, является младший командный переменный состав. Эта часть переменников является наиболее важной с точки зрения укрепления боевой мощи территориальных частей. «Младший комсостав, говорит тов. Фрунзе, образует ту основу, на которой зиждется все дело дисциплинирования, боевой спайки и боевой подготовки части»[1]). Интересы качественной подготовки переменного командного состава, внесения устойчивости в его личный состав, установления и закрепления тесной связи между ним и кадром территориальных частей, а также организации и проведения военной работы между сборами требуют подготовки его через территориально-комплектуемые полковые школы младшего командного состава.

Программа подготовки младшего командного состава через систему территориально комплектуемых полковых школ должна заключаться в подготовке вполне политически развитых, надежных и военно-политически образованных, командиров, обеспечивающих правильное политическое влияние на переменников-красноармейцев между сборами и политическую надежность территориальной части в момент мобилизации.

[1]) М. Фрунзе, «На новых путях», изд—во «Военный Вестник», стр. 95.

Отсюда можно сделать следующий вывод: при нынешнем соотношении возрастных контингентов переменников-красноармейцев территориальных частей политическая надежность последних так же велика и устойчива, как и политическая надежность тех частей, которые формировались бы из тех же возрастов в момент мобилизации. Большей политической опасности они не представляют. Дальнейшее омоложение переменного красноармейского состава, на ряду с усовершенствованием всей территориальной системы и общим ростом благоприятных условий, определяющих крепость Советской государственной системы и вызывающих рост симпатий и доверия к ней со стороны крестьянства, дают основание полагать, что территориальные части в момент мобилизации не создадут никаких особых, свойственных только им, политических осложнений и будут вполне морально, политически и военно, боеспособны.

II. Отношение населения к терсистеме.

Можно установить два основных периода в существовании территориальной системы, в течение которых отношение населения к ней выявлялось по разному.

Первый период—осень 1923 г., когда военное ведомство приступило к проведению первых сборов территориальных частей. Этот момент, как известно, совпал с наличием напряженной политической атмосферы, вызванной революционными событиями в Германии. Отношение населения, в особенности крестьянства, характеризуется в этот период наличием известного недоверия к терсистеме. Привлечение больших масс переменников на учебные сборы воспринимается, как прикрытая мобилизация для ведения войны. Созданию такого настроения способствовало, во-первых, то, что агитационная кампания о территориальной системе и о явке на сборы неизменно увязывалась с вопросом оказания нами военной помощи революционной Германии, во-вторых, зачисление в переменный состав и привлечение на сборы, главным образом, старых возрастов военнообязанных, уже отслуживших свой срок в рядах Красной Армии. Конкретно эти настроения выражались: в том, что на всех собраниях проводимых по селам, крестьяне и переменники задавали, главным образом, такие вопросы, как: «почему нам прямо не скажут, что нужно опять воевать», «зачем обманом мобилизуете» и т. п. Эти настроения выражались также и в проводах переменников на пункты сборов их семьями и даже целыми силами, при чем многие провожавшие поселялись возле пунктов до самого окончания сборов, ожидая момента отправки на фронт.

Второй период—период непосредственно после окончания учебных сборов 1923 г. Настроение недоверия к территориальной системе, как таковой, сменилось положительным отношением к ней. На опыте сборов 1923 г. население убедилось, что зачисление в терчасти сопровождается кратковременным отрывом от мирного труда. Все последующие сборы, как в смысле явки переменников, так и отношения их к военной учебе, пока-

зали, что территориальная система воспринята трудящимися, и, в первую очередь, крестьянством, как положительное мероприятие партии и власти, облегчающее тяготы военной службы.

Но в этой общей положительной оценке территориальной системы со стороны населения есть ряд моментов, указывающих на неправильное понимание им ее основного назначения. Так один из Пуокров следующим образом формулирует отношение крестьян-переменников к территориальной системе: «Терармейцы стремятся использовать учебные и воспитательные стороны самих сборов в своих узко-практических, хозяйственных интересах». Проявившиеся с особой силой на прошлогодних сборах, так называемые «крестьянские настроения», являются не только результатом общего роста политической активности деревни, но и следствием привившегося среди крестьянства взгляда на территориальные формирования, как на организации, где и через которые они могут проявлять свою политическую активность. Военно-учебное назначение сборов в глазах переменников-крестьян подменяется сознанием полезности их с чисто культурнической и хозяйственной стороны. Наиболее яркое свое выражение эта тенденция получает: 1) в увлечении на сборах политзанятиями и соответствующими видами внешкольной работы; 2) в попытках перенести организационные формы об'единения переменников на сборах в деревню в междусборный период. Последнее выражалось в стремлении организовать общества переменников с правом защиты интересов своих членов и в использовании для этой же цели таких военно-учебных и воспитательных организаций, как военные уголки и проч. Следует отметить, что указанными настроениями заражены, главным образом, старшие возрасты переменников, уже отслужившие свой срок в кадровых частях. Молодые возрасты такими настроениями заражены в очень слабой степени. Среди них преобладает интерес к военной учебе, как таковой.

Несомненно, что отмеченные выше взгляды на территориальную систему в основном выражал и тогдашнее состояние деревни, характеризуемое несовершенством работы советского и партийного аппарата и поисками на этой почве со стороны политически активной части деревни найти соответствующие формы общественной самодеятельности. Однако, необходимо подчеркнуть, что указанные выше отрицательные явления, т.-е. взгляд на терсистему, как на скрытую мобилизацию, стремление использовать армию исключительно в культурно-политических целях (крестьянские настроения), отнюдь не были характерны только для терчастей. В кадровых частях наблюдались те же или аналогичные явления.

В качестве отрицательных для отдельных групп населения моментов, связанных с территориальной системой, необходимо отметить следующие:

1. Вторичное привлечение к отбыванию военной службы военнообязанных, уже прошедших ее в кадровых частях. Это относится к старшим возрастам, зачисление которых в переменный состав было вызвано необходимостью опереться в первое время создания территориальных частей на подготовленные в военном отношении контингенты. Со стороны этих групп замечается естественное недовольство вторичным отрывом их от своего хозяйства.

2. Отсутствие материального обеспечения бедняцких и батрацких масс деревенской молодежи, привлекаемой к обязательной допризывной подготовке. Эта часть населения деревни выражает недовольство терсистемой и стремится попасть в кадровые части, хотя и со сроком службы в 2 года, но обеспечивающей красноармейцев на весь период учебы. Особенно массовая тяга в этом отношении наблюдается в голодающих районах.

3. Неустановленность твердых сроков сборов и местами неудачный выбор времени для их проведения. Эти отрицательные моменты ведут, во-первых, к тому, что связывают свободу передвижения переменника, особенно в районах, где крестьянство занимается отхожими промыслами, во-вторых, к отрыву от сельско-хозяйственных работ в самый разгар последних. И в том, и в другом случае налицо недовольство.

4. Несоблюдение различными организациями и учреждениями льгот, предоставленных переменникам рабочим и служащим. Так, целый ряд политорганов отмечает, что «городские переменники крайне неохотно являлись на сборы, боясь своим уходом вызвать отрицательное к себе отношение со стороны руководящих работников учреждений и предприятий» или «за уход на сборы переменники сокращаются со службы под тем или иным предлогом».

Следовательно, можно сказать, что население, относясь в массе своей в основном к территориальной системе положительно, под влиянием отдельных недочетов, связанных с временным несовершенством ее отдельных деталей и с недостаточно правильным усвоением ее назначения в своих отдельных группах, склонно к недооценке ее главнейших преимуществ. При дальнейшем улучшении работы в территориальных частях и эти недочеты будут изжиты, что еще больше укрепит в общем уже и сейчас положительное отношение населения к терсистеме.

III. Содействие политическому и культурному росту деревни.

Постановление XIII с'езда партии о том, что «расширение милиционного строительства открывает новые пути для работы партии в деревне и укрепления в ней советского влияния» и что «территориальные формирования, включающие в свой состав исключительно маломощные и середняцкие слои деревни, могут и должны стать одним из основных пунктов об'единения и просвещения этих последних», уже находит свое практическое выражение.

Так в районах, охваченных территориальными формированиями, мы имеем: обогащение сельских местностей значительным количеством квалифицированных партийно-политических и культурных сил в лице кадрового политического и командного состава последних. Они принимают непосредственное и активное участие во всей общественной жизни деревни. Вот, например, как характеризует влияние этой деятельности Воронежский Securityполитпросвет: «За весь период работы командно-политического состава (около 3-х месяцев) по Воронежскому уезду следует отметить особый под'ем и оживление политпросветработы вообще... Работа многих изб-читален поднялась настолько интенсивно, что возникает мысль, что раньше эти избы-читальни существовали просто на бумаге... Сделано докладов на собраниях граждан

до 50, вечеров и концертов 25, спектаклей 40, выпущено 12 стенгазет».

Воздействие территориальных частей на настроение переменников характеризует следующий отзыв секретаря Тульского Губкома РКП:

«Хочу сказать несколько слов о нашей территориальной дивизии. В сентябре месяце я был там во время сборов. Настроение красноармейцев было отвратительное. После месяца упорной работы партийная организация в корне изменила настроение красноармейцев. В результате получается то, что красноармеец-переменник в деревне является самым лучшим агитатором за Советскую власть».

Нижегородский Губком также отмечает факт крупных достижений в проведении терсборов 1924 г.: «Подводя итоги проведенных в настоящем году терсборов, необходимо отметить несомненные успехи по сравнению с прошлогодним сбором. Активность красноармейской массы в учебе была достаточно высока. Итог усвоения военных знаний—15 хорошо и 60 удовлетворительно. Таким образом, в военном отношении, призванный состав терармейцев элементарно подготовлен к обороне страны».

Наконец, активное участие преобладающей части переменников-красноармейцев во всей местной общественно-советской жизни. Целый ряд характеристик как политорганов, так и местных партийных организаций указывает, что переменники представляют из себя наиболее активную, политически-сознательную и культурную часть деревни. В их лице создаются благоприятные для партии условия образования в деревне крестьянского актива.

Территориальные части обладают целым рядом других благопрятных для политической и культурной работы в деревне возможностей, вытекающих, в первую очередь, из самих сборов (возможность учета настроения деревни, возможность ее правильного ознакомления с мероприятиями местных руководящих органов, возможность инструктирования и подготовки более развитых красноармейцев в той или другой области работы в деревне и т. д.). Но и сказанного достаточно, чтобы уяснить все значение территориальных частей для политического и культурного роста деревни.

IV. Руководство пролетариата и партии.

Обеспечение руководства пролетариата и партии в работе милиционно-территориальных формирований обусловливается, с одной стороны, социально-экономическими условиями районов комплектования, степенью правильного разрешения и своевременного удовлетворения материально-бытовых запросов и нужд населения, и, с другой—рядом организационных мероприятий со стороны партии и органов советской власти. К этим последним относятся: социальный отбор переменного состава терформирований; подбор руководящего командного и партийно-политического состава; насыщение коммунистами и комсомольцами терчастей и теруправлений; поднятие работоспособности партийных организаций; участие и ответственность местных организаций в вопросах обеспечения условий нормальной работы милиционно-территориальных формирований.

Социальный состав территориальных дивизий в крестьянских районах—90% крестьян и 10%—рабочих; в промышленных—процент рабочих достигает 25—30.

Укомплектование милиционно-территориальных формирований партийцами и комсомольцами дает следующую картину: общий процент насыщенности членами партии, кандидатами и комсомольцами в кадре колеблется от 12 до 19. Процент насыщенности членами партии и комсомольцами резко меняется во время сборов, достигая в основном лишь 8.

Всего среди кадра терформирований имеется свыше 6.000 членов партии и около 3.000 кандидатов. Комсомольцев, не состоящих членами РКП, свыше 8.000. Первичных партийных организаций, т.-е. ротных ячеек, в кадре насчитывается около 600. В период сборов количество ротных ячеек достигает 1.200 с общим количеством членов и кандидатов партии кадрового и переменного состава до 14.000. Среди партийцев: вступивших в партию до октября—3,5%, с Октябрьской революции по 20 г.—39,4%, с 1920 по 21 включительно—43,3%.

Из числа партийного командного состава мы имеем рабочих—35,9%, крестьян—54%, прочих—10,1%. Из числа красноармейцев—членов партии—рабочих—56,3%, крестьян—35%.

Работоспособность и устойчивость партийных организаций в значительной мере ослабляется тем, что переменный политический состав не является в нужном количестве на сборы. Так по некоторым территориальным формированиям неявка политсостава достигает 15—35%. Основных причин этому две:

Первая из них та, что переменный политсостав перебрасывается местными организациями из одного района в другой без согласования этих перебросок с соответствующими политорганами и без замены перебрасываемых другими партийцами. Текучесть переменного политсостава и рядовых бойцов членов партии достигает иногда 40 и больше процентов.

Вторая—систематическое освобождение ряда партийцев от участия на сборах в связи с их занятостью партийной, советской и общественной работой.

В общем же парторганизации территориальных частей, несмотря на эти крайне серьезные недочеты в части укомплектования их нужным количеством партийцев, несомненно до сих пор справлялись со своими основными задачами.

Состояние командного состава по партийности дает следующую картину: из общего числа командного состава членов РКП числится 26,4%. По отдельным категориям процент партийности колеблется: старшего комсостава—25,7%, среднего—41,9%, младшего—10,3%. Процент же командного партийного состава в кадровых частях равняется 26,1%. А отдельные категории дают следующие колебания: старшего—26,5%, среднего—38,4%, младшего—13,8%.

Таким образом, соотношение основных социальных и политических групп, определяющих степень обеспечения руководства пролетариата и партии, в территориальных частях не ниже, чем в кадровых.

Главным же моментом, определяющим установление постоянного систематического партийного воздействия и влияния на переменный состав, является соответственно поставленная работа среди него в периоды между сборами.

Как уже отмечено выше, успешное развитие ее непосредственно связывается с вопросом привлечения к ее проведению местных партийных, советских и профессиональных организаций, которые полностью в эту работу еще не вовлечены. Необходимо поэтому скорейшее оформление в законодательном порядке организации советов содействия при Губисполкомах, создание которых решено III С'ездом Советов. Систематическое воздействие советов содействия на все организации и учреждения и их контроль за своевременным проведением необходимых мероприятий по укреплению милиционно-территориальной системы, в частности, работу между сборами, будет во многом способствовать наиболее полному партийно-политическому охвату переменников.

Для наиболее полного обеспечения руководства партии в работе милиционно-территориальных частей необходимо: закрепить определенный процент насыщенности терчастей партийцами, как во время сборов, так и между ними; запретить за определенный до сбора срок всякие переброски переменного политсостава из района комплектования; добиться полной явки на сборы переменного партийного состава; разработать и осуществить ряд мероприятий по усилению политической подготовки кадрового и переменного политсостава; обеспечить укомплектование полковых школ младшего командного состава не менее. чем на 65—70% из членов РКП, комсомольцев и рабочих.

Таким образом, опыт трехгодичного существования милиционно-территориальной системы говорит о том, что последняя целиком и полностью соответствует как тем требованиям, которые пред'являются характером современной войны, так и партийным решениям по этому вопросу. Оснований для ее пересмотра нет никаких. Оценка территориальной системы, данная прошлогодним Пленумом РВС СССР и сводящаяся к тому, что «терсистема в соединении с существующими кадровыми частями безусловно в состоянии гарантировать создание боеспособных частей и обеспечение обороноспособности Союза»—данными последующего опыта вполне подтверждается. Необходимо лишь, чтобы эта оценка была подтверждена всей партией.

П. Китайгородский.

Французские колонии в огне восстаний.

В ряду колониальных империй Франция стоит на втором месте. Ее колонии занимают площадь в 10.241.510 кв. километров с населением в 55,571.184 чел. Эти колонии, рассеянные по Северной и Центральной Африке, Азии, Австралии, Южной Америке и т. д., доставляют Франции от 10 до 12 процентов всего французского импорта и поглощают от 10 до 13% французского экспорта [1]).

Жемчужиной французских колоний является Северная Африка. Эта последняя с 12-миллионным населением почти в 8 раз больше своей метрополии. Но не менее важное значение для французского капитала имеет Сирия. Как Северная Африка, так и Сирия расположены в бассейне Средиземного моря, за гегемонию над которым состязаются Англия, Франция, Италия и целый ряд карликовых империалистических «держав» средиземного побережья. И вот на двух полюсах этого бассейна мы замечаем грандиозные по своему размаху, по упорству сопротивления, небывалые для французских колоний восстания, свидетельствующие о наступлении «начала конца» французского хозяйничанья в этих колониях Средиземного моря.

Горцы Сирии, по примеру горцев Марокко, взялись за оружие, чтоб изгнать ненавистных французских колонизаторов из пределов своей страны. Победоносный Рифф, организационно и политически руководящий восстанием марокканских скотоводов и земледельцев, зажег огнем энтузиазма и сирийских горцев.

Если риффы сумели испортить кровь французскому проконсолу в Марокко генералу Лиотэ, то почему же не могут друзы (горное племя Сирии) точно так же поступить с другим французским проконсулом, генералом Саррайлем? И, действительно, в конце июля и в начале августа восставшие горцы изгнали французские отряды, нанесли им тяжелые потери и захватили огромные военные трофеи; вскоре они обступили главный город Джебель-Друза, Суэйду, и взяли его с боя. Восстание до настоящего времени (22 августа) успешно продолжается.

Каковы же «движущие силы» этого восстания? Чтоб точнее уяснить себе характер этих событий, нам придется хотя бы вкратце остановиться как на истории захвата французами Сирии, так и на экономическом и социально-политическом положении этой страны.

---

[1]) См. Albert Sarraut. La mise en valeur de colonies françaises.

Проникновение французского капитала в Сирию.

Французский торговый капитал утвердился в Сирии еще со времени крестового похода Готфрида Бульонского. В особенности сильно было влияние этого капитала в западной Сирии, в области Ливана, центра сирийской шелковой промышленности.

В конце XIX века французский финансовый капитал приступает к постройке железнодорожных линий, долженствующих соединять главные города и порты Сирии (Еще с глубокой древности порты Сирии служили конечными пунктами великих караванных путей, ведущих в глубины Персии, Индии, Средней Азии и даже Китая). Французы первые провели желдорогу Алеппо—Дамаск—Триполи и Бейрут в общем на протяжении 760 миль (В настоящее время общая сеть сирийских желдорог—1.660 километров).

Лишь впоследствии Германия выбила инициативу из рук Франции и проведением Багдадской ж. д. стала серьезно угрожать французскому капиталу в Сирии.

Почти все шелко-ткацкие фабрики Сирии находились уже перед империалистической войной в руках французов. После войны Лион стал усиленно расширять шелковую культуру в Сирии.

Об этом красноречиво свидетельствует следующая табличка:

В 1920 г. было собрано	800.000	килограм.	коконов.
„ 1922 г. „ „	1.900.000	„	„
„ 1923 г. „ „	2.000.000	„	„
„ 1924 г. „ „	2.500 000	„	„

Одно только «Акционерное общество развития богатств Сирии» вложило в течение 1924 г. 380 миллионов франков в разные сирийские предприятия [1]). В виду важного значения Сирии, как транзитно-торгового пункта, французский банковский капитал еще до войны развил тут широкую деятельность. Знаменитый «Banque de Paris et des Pays—Bas», имеющий крупные филиалы в Марокко, основал «Сирийский банк», которому принадлежит значительная часть акций, вложенных в сирийскую промышленность и железнодорожное строительство.

Как же Франция политически овладела Сирией? Нас завело бы слишком далеко, если б мы вздумали подробно останавливаться на истории захвата Сирии французами. Напомним только некоторые детали этого захвата.

В 1916 г. состоялось известное соглашение Сайкс-Пико, на основании которого Франция, должна была получить Сирию и Моссул, а вся прочая Аравия (Палестина, Месопотамия и Аравийский полуостров) должна была перейти к Англии. В 1919 г. после победы над Турцией англичане, пользуясь временной оккупацией Сирии английскими войсками, посадили на сирийский престол «короля» Фейсала, сына знаменитого эмира Геджаса Гусейна, ставленника Англии. Однако, в 1920 г. в Сан-Ремо англичане уступили Сирию французам взамен отказа последних от своих прав на Моссул, обещав Франции 25% будущей добычи нефти.

[1]) См. «Revue économique internationale» за июль 1925 г.

Тем временем французский генерал Гуро, матерой колониальный рубака, сподвижник марокканского проконсула Лиотэ, явился с 60-тысячным отрядом французских войск в Сирию и в двух—трех сражениях прогнал Фейсала из Дамаска. Англичане посадили свою креатуру Фейсала на Иракский трон. При помощи второго сына Гусейна—Абдуллаха, которого они посадили на престол в качестве правителя Транс-Иордании, англичане не переставали и до сих пор не перестают вести беспрерывный подкоп против французов в Сирии.

24 июля 1922 г. Совет Лиги Наций выработал проект мандата, предоставленного Франции на Сирию [1]). Окончательно этот мандат вошел в силу в 1923 г. Но еще задолго до вступления мандата в силу ген. Гуро успел покорить Сирию огнем и мечом, подавив там с жестокостью варвара национально-революционное движение. Своими карательными экспедициями, бомбардировками непокорных деревень из аэропланов он временно навел «порядок» в стране, отданной на поток и разграбление этому сатрапу.

Установив кладбищенский покой в этой цветущей стране, французский империализм приступил к политическому устройству Сирии.

Всего жителей в Сирии насчитывается около $2^1/_2$ миллионов чел., населяющих площадь в 60.000 кв. миль. И вот эту ничтожно малую территорию французы умудрились разделить на 5 «автономных» государств: Алеппо, Дамаск, область Алавитов, Великий Ливан и горную область друзов. Это искусственное раздробление страны на столько карликовых «государств» имело целью установить национально-религиозную чересполосицу и помешать возникновению общеарабского движения, которое могло бы быть направлено против Франции. Такова «национальная» политика французских колонизаторов! Все эти государства наделены «представительными собраниями» с совещательными функциями. В каждом «автономном» государстве находится французский губернатор и французский комиссар, а всеми этими государствами правит верховный комиссар, фактический хозяин страны...

С тех пор, как французы упрочились в Сирии, осадное положение со всеми сопутствующими ему аксессуарами—военно-полевые суды, запрещение организации политических партий, строжайшая цензура, тюрьма, высылки и пр., и пр.—свили себе там прочное гнездо.

Таковы плоды французской «цивилизации», осчастливившей Сирию своим мандатом!..

Социальный строй Сирии.

Основную группу сирийского населения составляет крестьянство (70%). В Сирии преобладает крупное землевладение (60% всей земли принадлежит крупным помещикам), а крестьяне явля-

[1]) Срок этого мандата истекает 29 сентября 1926 года. По окончании этого срока Франция должна выработать «органический статут» для Сирии. В силу этого «статута» сирийцам предоставляется право самоопределения, и французские войска эвакуируют «мандатированную» страну. Само собою разумеется, французское правительство и не думает эвакуировать Сирию.

ются большей частью арендаторами, которые должны уплачивать от 1/6 до 1/2 урожая. Одна треть крестьянства (приблизительно) ведет собственное хозяйство на государственной земле.

На ряду с арабами—сирийцами, занимающимися земледелием, мы встречаем и значительные кадры бедуинов-кочевников. В одном только «государстве» Дамаске насчитывается около 15.000 палаток. Вообще народонаселение Сирии отличается огромной пестротой своего этнического и религиозно-культурного состава.

Что касается городского населения, то оно значительно дифференцировано. Правда, крупной промышленности здесь не имеется. (В Сирии, между прочим, отсутствуют угольные и железные минералы). За исключением более или менее крупных шелково-ткацких фабрик (в Дамаске занято около 20—25 тысяч работниц на этих фабриках) вся остальная промышленность носит, главным образом, ремесленно-кустарный характер.

Сирийская буржуазия начинает постепенно вовлекаться в промышленный круговорот. Но до сих пор она еще крайне рахитична и притом чрезмерно страдает от существовавшего до последнего времени режима капитуляций, ставившего иностранный капитал в более привилегированное положение, нежели туземную буржуазию. Картинка, типичная для всего Востока!

Французы выкачали из Сирии ее золотой запас в 15 миллионов турецких лир, увеличили таможенные пошлины на все товары, но зато сохранены пониженные ставки за французскими товарами. Все это не может, конечно, содействовать росту туземного капитала. Последний сильно зависит от иностранного, преимущественно, французского капитала. Это кладет печать на национально-революционное движение, которое не имеет ясной отчетливой формы и еще весьма слабо. Политические партии страдают половинчатостью, соглашательством и пресмыкательством перед французской шпагой.

Положение рабочих, которых насчитывается во всей Сирии около 50.000, чрезвычайно тяжелое. Они лишены права коалиций, еще не организованы. Профдвижение находится в утробном состоянии. За малейшую попытку протеста рабочих расстреливают. Так, например, недавно в двадцатых числах июля была расстреляна рабочая манифестация в Бейруте, оставившая на улице 6 убитых и 23 раненых...

Еще до войны из Сирии эмигрировала в значительном количестве рабочая молодежь, главным образом, в Америку. Насколько велико число эмигрантов, можно судить по тому, что ежегодно их родные получают из Америки около 40 миллионов франков.

Сильным революционным фактором в Сирии является крестьянство. Это оно все время питает повстанческое движение. Несмотря на беспощадную расправу французских оккупантов с повстанцами, несмотря на жестокий террор, сжигание целых деревень, обложение их тяжелыми поборами, крестьянство все же время от времени подымается с новой силой против угнетателей. И восстание горного племени друзов, земледельческого и скотоводческого, является наглядным доказательством революционной живучести сирийского крестьянства.

Восстание Джебель-Друза.

«Автономное государство» Джебель-Друз в районе горного массива Хурана насчитывает всего 50.000 друзов. Последние представляют собою древнюю еретическую магометанскую секту, живущую еще в условиях феодально-натурального хозяйства. Друзы издавна считались настоящими горцами, закаленными в борьбе за свою политико-религиозную независимость, которую они в значительной степени сумели сохранить даже под турецким владычеством. В 1848 и в особенности в 1860 г. друзы ворвались в Дамаск и учинили резню христиан-маринитов, что дало повод для вмешательства великим державам, в особенности, Франции, считавшей себя традиционной «покровительницей» маринитов, образующих особую сиро-католическую церковь, имеющую свой устав и литургию. Франция использовала, нападение друзов на «христианский» Дамаск и оккупировала Ливан. По настоянию держав Порта предоставила Ливану широкую автономию. Население Ливана было освобождено от воинской повинности и от целого ряда обременительных податей. Управление Ливана было поручено губернатору-христианину, сносившемуся непосредственно с Константинополем.

Со вступлением французов в Сирию по окончании империалистической войны в качестве «мандаторов», они всячески старались использовать маринитов против друзов. Последние были об'ектом преследований и жестоких репрессий со стороны французов. Французские колонизаторы, несмотря на торжественное заявление сохранить за друзами их вольности, отвоеванные последними у турецких султанов, самым грубым образом нарушили свои обещания. Особенно отличился предшественник генерала Саррайля, палач Вейган, организовавший массовую резню населения друзов.

С приходом к власти левого блока во Франции генерал Вейган был отозван и заменен генералом Саррайлем, нынешним проконсулом Сирии. Сей представитель «левого блока», франк-масон и радикал-социалист, по приезде в Сирию об'явил политическую «весну». Он отменил осадное положение и полевые суды, выпустил из тюрьмы 40 политических заключенных, разрешил выход газет левого националистического направления. Но—увы—эта «весна», как в свое время «весна» Святополка-Мирского в России, быстро промчалась. Под «либеральной» тогой нового верховного комиссара оказалась старая знакомая сирийцам шпага генералов Гуро—Вейгана.

Генерал Саррайль показал, что и он, как его предшественники, не намерен всерьез предоставить сирийцам свободу. На требование левых партий об'единить страну и созвать учредительное собрание он ответил полным отказом.

Он об'единил в январе 1925 г. «государства» Алеппо и Дамаск, наскоро октроировал избирательный закон для «Совещательного Собрания», напоминающего пресловутую «куцую» Булыгинскую Думу. На самих выборах его агенты действовали вовсю, прибегая к подкупам и угрозам, так что вся оппозиция в Дамаске оказалась забаллотированной, и прошли лишь сторонники франкофильской ориентации.

Выборы происходили по религиозным куриям, и вдобавок двухстепенные. В день выборов в Бейруте и Дамаске толпа

напала на избирательные участки, но была разогнана французскими войсками. Одним словом, этот франк-масон устроил комедию выборов почище какого-нибудь солдафона Гуро или Вейгана. В «Представительное Собрание» прошли исключительно креатуры французского капитала.

Рабочих он быстро успокоил с помощью свинца. Появившаяся было в Бейруте газета «Инсаниет» (человечество), орган революционного пролетарского авангарда, через несколько выпусков была закрыта. Аресты, шпионаж, террор цензуры свирепствуют как никогда.

Карательные экспедиции им были направлены во все концы страны для подавления начавшегося повстанческого движения. Но тут-то шпага Саррайля зазубрилась. Сорганизовавшиеся друзы под начальством своего шейха Аль-Атраша дали отпор карательному отряду, быстро приступили к осаде «столицы» Джебель-Друза, Суэйды, и взяли ее приступом. В руки друзов попала огромная военная добыча—танки, пушки и боевые припасы.

Непосредственным поводом к восстанию друзов послужили следующие происшествия. В Джебель-Друз был назначен губернатором полковник Карбайэ, жестоко обращавшийся с населением. Последнее отправило делегацию к ген. Саррайлю, но он ее не принял и распорядился арестовать членов делегации. В то же самое время, по случаю мусульманского праздника «Курбам-Байрам», в Суэйде происходила религиозная манифестация. Французы приняли ее за политическую демонстрацию и подвергли ее обстрелу. Это окончательно переполнило чашу терпения друзов, и они все, как один, поднялись против своих поработителей. (Подробнее об этом см. «Egyption Gazette» от 10 августа).

Весьма возможно, что английские агенты оказали друзам в начале известную помощь. Англичане точат зубы на хребет Хуран, в котором имеются залежи нефти. И французская, и ангорская пресса указывает на интриги соседей Сирии—«короля» Ирака, Фейсала, и брата его, «короля» Транс-Иордании, Абдулы. Что эти агенты Великобритании действуют с благоволения своего патрона можно видеть из того, как английская пресса смаковала потери, понесенные французскими войсками, умышленно преувеличивая число убитых и раненых французских солдат.

Количество восставших друзов оценивается в 15 тысяч человек. Они требуют полной независимости, об'явления амнистии и эвакуации французских войск из территории Джебель-Друза.

Восстание Джебель-Друза напоминает собою восстание Риффа. И те, и другие представляют собою горные племена. И тех, и других очень трудно покорить вследствие безводной и гористой местности этих районов. Как Рифф, так и Джебель-Друз становится во главе восставших. При дальнейшем успешном сопротивлении Джебель-Друз может стать центром восстания всей Сирии, несмотря на сепаратистские лозунги повстанцев[1]). За друзами могут последовать и другие племена. Это вовсе не исключено. Очень может статься, что в скором времени вся Сирия запылает огнем восстания.

---

[1]) По последним сведениям вождь восставших Ал-Атраш потребовал полной эвакуации Сирии.

Правда, наиболее развитая в торговом отношении Западная Сирия боится восстания и готова сговориться с французским капиталом. Однако, при удачном сопротивлении друзов и дальнейшем распространении восстания, и «передовой» Ливан не останется в стороне и, во всяком случае, постарается использовать восстание в целях нажима на французские власти, дабы сделать их более уступчивыми.

Восстание Джебель-Друза сигнализует «начало конца» французского господства в Сирии. Даже если генералу франкмасону и удастся затопить Джебель-Друз в крови, используя существующие племенные антагонизмы, ему, как и его предшественникам, не удастся, однако, полностью ликвидировать причины, порождающие недовольство сирийцев. Французский империализм чувствует себя в Сирии точно так же, как и в Марокко, как бы на вулкане. Национально-революционное движение в Марокко и в Сирии не идет на убыль, а с каждым годом, с каждым месяцем растет и ширится.

А. Слепков.

Заметки читателя о литературных теоретиках.

Центральный комитет партии подвел первоначальные итоги дискуссии о политике партии в области художественной литературы.

Кто посерьезнее,—продумал вопрос, учел свои ошибки и увлечения, допущенные во время дискуссии.

Кто легкомысленнее и развязнее, своих ошибок не признал, а стал выдавать белое за черное: может быть, дескать, не заметят.

Редакция «На Посту»—выступила на страницах «Большевика» со статьей, носящей громкое название: «Ревизия ленинской теории культурной революции».

В этой статье доказывается, что знамя напостовцев реет над Ц. К. партии и что теории напостовцев являются образцом ортодоксальности и развитием ленинских положений.

Противники напостовцев, между прочим, указывали последним, что им очень не хватает осознания необходимости для пролетарских писателей—учиться и не зазнаваться. Напостовцы уверяли, что все это элементарно, общеизвестно, и удивлялись, что такие мотивы выпираются в дискуссии.

Статья редакции «На посту»—документ весьма любопытный. Степень теоретической грамотности и политической рассудительности, обнаруживающаяся у авторов этого документа, такова, что «учиться и не зазнаваться!» явно становится необходимейшим лозунгом в области литературного воспитания.

Статья написана теоретиками пролетарской литературы.

Само собой разумеется, что мы не имеем никаких оснований и претензий причислять себя к лику литературных «теоретиков». Но теоретическая несостоятельность напостовских миссионеров настолько очевидна, что даже нас, не занимающихся специально вопросами литературы, потянуло на них указать.

Статья направлена против тов. Яковлева. О позиции последнего скажем несколько позже. Сейчас же остановимся на концепции товарищей напостовцев.

Тов. Ленин счел нужным отметить на полях статьи тов. Плетнева, что понятие «идеология» отнюдь не шире понятия «культура». Дело обстоит как раз наоборот.

Товарищи из «На посту», повидимому, решили, что все сие от схоластики, учиться не пожелали и вообще к терминологии склонности не проявили. Культура, идеология, искусство, литература—что к чему?—Аллах ведает. У напостовцев в их статье разграничения этих понятий нет. Они берут в каждом случае такой термин, какой подвертывается под руку.

Их прямо смешит положение тов. Яковлева об отрицательном отношении Владимира Ильича к «пролетарской культуре».

Но что вы понимаете под «пролетарской культурой», товарищи «напостовцы»?

Включаете вы или не включаете в это понятие величайший по своей важности материальный остов культуры, ее технический базис? Должны включить. Но свое культурное строительство пролетариат начинает с буржуазным техническим наследством; техническая база капитализма, вырванная пролетарием от буржуа, является базой строительства социализма для захватившего власть пролетариата.

Капиталистическая техника (в широком смысле этого слова) должна быть присвоена и усвоена пролетариатом. Это же касается и ряда других элементов культуры, в частности, различных наук, особенно, конечно, точных наук.

Таким образом, в культурах буржуазного и социалистического обществ имеются весьма значительные и исключительно важные секторы, принципиально общие, принципиально одинаковые, могущие быть вынесенными за скобки, хотя в первом случае хозяином культуры является буржуазия, а во втором—пролетариат. Это вполне понятно, если учесть, что задача борьбы с природой, культурного обуздания ее—стоит и перед буржуазным, и перед социалистическим обществами. Именно поэтому целесообразнее говорить о культурах соответственных способов производства: о культуре буржуазного общества (буржуазная) и культуре социалистического общества (социалистическая).

Именно поэтому Ильич так редко и неохотно пользовался термином «пролетарская культура» (ставил эти слова в ковычки, как справедливо отмечает редакция «На посту»), предпочитая говорить о культуре социалистической.

Но если даже мы пользуемся этим термином, то надо сказать определенно, вкладываем ли мы в это понятие такое содержание, как идеолог пролеткультизма Богданов, или нет.

Богданов, например, полагает, что существует пролетарская и буржуазная математика, что дважды два не четыре, что даже точные науки у пролетариата имеют принципиально иную

классовую методологию, чем у буржуазии. Совершенно ясно, что из этой теоретической позиции вполне логично вытекает недостаточно внимательное отношение к задаче «обучения» у буржуазии, и, вместо широкого культурного воспитания, намечается путь тепличного «пролеткультизма». Что думают на этот счет товарищи напостовцы?

Тысячу раз прав тов. Яковлев, когда он разоблачает напостовцев за непонимание положительных элементов буржуазного культурного наследства.

Но нам кажется, что он недостаточно дифференцировал культуру общества социалистического. В последней своей статье он очень много говорит о заимствовании пролетариатом буржуазной культуры. Но о простом ли заимствовании идет речь?

Каким путем складывается культура социалистического общества?

Во-первых, путем простого заимствования некоторых элементов буржуазной культуры.

Во-вторых, путем переработки ряда элементов этой культуры.

В-третьих, путем создания впервые и из нового материала новых культурных ценностей, которых не могла создать буржуазия.

В своем ответе тов. Яковлеву редакция «На посту» уверяет, что именно она-то и заботится особенно усердно о «переработке».

Но можно ли всерьез поверить этому утверждению, если тем же пером пишется:

«Итак, «принципиальное единство точек зрения Богданова и Вардина» сказывается в том, что Вардин провозглашает «несовместимость господства пролетариата с господством непролетарской идеологии». Открытие потрясающее! Значит, тов. Яковлев полагает, что диктатура пролетариата в нашей стране, как определенная историческая эпоха, и, допустим, господство анти-дарвиновской реакции в нашем естествознании могут совершенно мирно ужиться друг с другом? Значит, тов. Яковлев, убежден, что диктатура пролетариата вполне допускает полное господство хотя бы немецкой «имманентной философии» в наших высших учебных заведениях? Значит, тов. Яковлев уверен, что господство в нашей науке буржуазной политической экономии может быть вполне совместимо с политическим господством пролетариата»»

Редакция «На посту» твердо «полагает, убеждена, уверена, в «несовместимости господства пролетариата с господством непролетарской идеологии».

Вот где образец вредного фразерства!

В нашей стране более четырех пятых населения составляет мелкобуржуазное крестьянство. Господствовала ли до сих пор и господствует ли сейчас в широких массах этого крестьянства «пролетарская идеология»?

Не нужно быть литературным теоретиком, чтобы ответить: нет. А, ведь, диктатура-то пролетариата существует и крепнет!

Думаем, что это мало смутит «теоретиков», ибо не для них ли выдвинут замечательный лозунг: «главное—не стесняйся»...?

В напостовских прописях сказано, что господство пролетариата несовместимо с «имманентной философией», «буржуазной политической экономией» в высших учебных заведениях. Спору нет, диктатура пролетариата и буржуазная политическая экономия в вузах—кричащее противоречие. А все-таки ряд труднейших лет борьбы с вооруженной контр-революцией протекал в условиях, когда командные идеологические высоты в вузах занимала буржуазная профессура. Ибо жизнь протекает не по напостовским прописям, ибо культурная революция—противоречивый процесс.

Одной из крупнейших политических задач, стоящих перед нами в текущий момент, является ликвидация неграмотности.

Научить читать и писать десятки миллионов—вот что требуется разрешить, вот что необходимо до зарезу.

Массовая безграмотность—это так же далеко от социалистической культуры, как далеко от социализма экономически-отсталое полу-натуральное крестьянское хозяйство.

Передовой культурный капиталист обучал рабочего грамоте, потому что этого требовали его интересы. В грамотности нет ничего специфически—социалистического. Это, впрочем, признает и редакция «На посту», утверждая, что «грамотность—предпосылка всякой культуры». Не предпосылка, а необходимый элемент—сказали бы мы.

Перед нами—серая деревня, неграмотная, отсталая, страдающая от недостатка элементарных культурных знаний, навыков, характерных для развитого буржуазного общества.

Надо помочь деревне прежде всего заимствовать из буржуазного наследства все, что необходимо для массовой «культурной революции», о которой говорят напостовцы, нескромно записавшие в свои прописи этот пламенно-практический лозунг Ильича рядом с мертвыми, постными, нежизненными «афоризмами», вроде «несовместимости господства пролетариата с господством непролетарской идеологии».

Дискуссия недостаточно научила напостовцев, им еще надлежит со всей серьезностью осознать, что буржуазная литература должна быть использована, положительные достижения ее усвоены, сделать из этого практические выводы. Глубоко прав тов. Яковлев, противопоставляющий формалистике напостовцев—

«диалектику культурного развития». И все так же формально неподвижны напостовцы, когда они до сих пор не понимают своих ошибок; все так же смешны их потуги доказать, что именно их точка зрения есть точка зрения ленинская.

* * *

Но, если позиция напостовцев ни с точки зрения теоретической, ни со стороны политической не внушает нам симпатии и даже, наоборот, требует отрицательного отношения, преодоления ее, то в ней есть одно бесспорно правильное, ценное: напостовцы призывают к всемерной поддержке начинающим пролетарским писателям, они ставят во главу угла своей работы, своей деятельности оформление и культивирование творчества подрастающих поколений, художников рабочего класса. Правда, методы их воспитания нельзя признать совершенными, правда, они, в известном смысле, склонны даже развращать это новое поколение (в этом отношении их надо урезывать, с ними надо бороться), но сама по себе ставка на пролетарских писателей, работа над обеспечением условий для развития пролетарских писателей, их инициатива в организации этого дела является бесспорно положительной.

Наоборот, неправильной является позиция т. Троцкого, утверждающего, что «древо пролетарской литературы» совсем не вырастет. Его речь на совещании при ЦК партии, посвященном политике партии в художественной литературе, замечательно ярка, сильна, убедительна в части критической. В этой части сказанное тов. Троцким есть лучшее из сказанного на эту тему. Но его положительные утверждения, его собственная позиция, его перспективы являются глубоко неправильными и политически ошибочными.

«Основной чертой переходного периода, взятого в международном масштабе»—утверждает т. Троцкий—«является напряженная классовая борьба. Те 20—50 лет, о которых мы говорим, являются прежде всего периодом гражданской войны, а гражданская война, подготовляющая величайшую культуру будущего, крайне неблагоприятна для сегодняшней культуры. Давно сказано: когда звенит оружие, молчат музы».

«После зигзагов и потрясений гражданской войны только и начнется настоящее строительство культуры, а, следовательно, и создание новой литературы, но это уже будет культура социалистическая, построенная целиком на постоянном общении художника и культурно выросших масс, связанных узами солидарности». Здесь несколько неправильных положений.

Во-первых, неправильно, что в период гражданской войны и ожесточенных классовых боев лира молчит. Напостовцы правы, когда они в этой связи указывают на кадры рабочих писателей, которые еще перед захватом власти пролетариатом на страницах полулегальных и нелегальных рабочих газет не всегда в совершенно художественной форме, но все же в форме, бесспорно приближающейся к художественной, выражали чувства, настроения и стремления рабочего класса. Лира рабочего поэта не молчит и в период ожесточенных классовых боев, хотя и здесь речь идет о передовиках, а не о массе. После захвата власти пролетариатом развиваются и укрепляются все пополняющиеся шеренги рабочих писателей, начинается бесспорное повышение квалификации художников пролетариата, создаются возможности для литературно-художественного воспитания его.

Недоучет перспектив пролетарской литературы после захвата власти рабочим классом, тенденций расцвета, расширения и углубления пролетарского творчества в области искусства является второй ошибкой т. Троцкого.

Наконец, в тесной связи с этими ошибками стоит его утверждение о том, что в перспективе перед нами вырисовывается искусство социалистическое, а не пролетарское. Это противопоставление неправильно, оно страдает, как и положения напостовцев, недиалектичностью. Тов. Троцкий полагает, что мы уже стоим на пороге социалистической культуры, что в области искусства мы вступаем на путь оформления и художественного воплощения общечеловеческих, а не классовых мотивов. Едва ли кто будет возражать, что конечным продуктом художественного творчества в обществе, исходящего в своем развитии от диктатуры пролетариата, является искусство социалистическое, что по мере врастания в социализм, классовые мотивы будут вытеснены общечеловеческими. Но как это будет происходить? Кто и как будет перевоспитывать общество? Какими методами, какой политикой?

В области экономической и политической перед нами вплотную стала грандиозная задача переделки широких слоев крестьянства.

Однако, каковы условия этого перевоспитания крестьянства? Растворяется ли пролетариат в крестьянской массе, отступает ли он или падает ниц перед «идиотизмом деревенской жизни», вступает ли он в этой области на путь «хвостистского» приспособления?—Отнюдь нет. Ни в какой мере нет. Меньше всего он может достигнуть положительных результатов в работе над перевоспитанием крестьянства методами хвостизма. Тов. Ленин в своих замечаниях о программе Р. С. Д. Р. П. с исключительной настойчивостью подчеркивал, что необходимо *прежде отмежеваться, а потом союзничать*. На всем протяжении борьбы за массы трудящихся партия пролетариата, подчеркивая необходимость овладения массами и борясь с левым фразерством

и массобоязнью, вместе с тем не переставала и в теории, и в практике бороться с хвостизмом.

Каким образом большевистская партия революционизировала крестьянство, его передовых представителей?—Она выступала всегда, неизменно, последовательно с открытым революционным забралом, не сходила с позиции революционного пролетариата, имеющего перед собою величайшую историческую задачу свержения капитализма и установления диктатуры пролетариата для перехода к социализму.

Когда в политической схватке большевики боролись за влияние на крестьянство, они своими последовательными, действительно революционными лозунгами, своей классовой пролетарской решительностью, своим размахом, остротою своих лозунгов, точками над и, силою своего напора,—умели преодолевать колебания, нерешительность, непоследовательность мелкобуржуазных настроений: политика взятия на буксир пролетарской партии широких масс трудящихся—вот что характерно для политики нашей партии. Не хвостизм, не растворение в мелкобуржуазном окружении, а вождение массами, последовательная критика с точки зрения пролетариата, преодоление колебаний,—вот большевистские традиции в области политики.

То же самое, конечно, следует сказать и о художественном творчестве пролетариата. Мы ставим перед собой задачу создания социалистической культуры, в частности социалистического искусства. Но это искусство может быть создано только путем борьбы величайшего напряжения, самой широкой, инициативной воспитательной работой, борьбой с влиянием буржуазии, преодолением мелкобуржуазных колебаний в области идеологии, критикою, долженствующей уничтожить эти колебания. В этой области, так же как и в политике, надо раньше отмежеваться, чтобы союзничать. Этот процесс отмежевания имел место в истекший исторический период. Этот процесс будет иметь место еще в ближайшем будущем. Можно сказать, что мы лишь постольку будем иметь успехи на пути к бесклассовому обществу, поскольку в переходный период переделки, перевоспитания трудящихся масс, последовательно и неуклонно будем, и в теории, и в практике развертывать классовые потенции пролетариата. Переработка предполагает идейно-классовое воздействие со стороны рабочего класса.

Однако, обстановка после захвата власти, после ее укрепления, по совершенно справедливому утверждению т. Бухарина, значительно разнится от обстановки до диктатуры пролетариата. Как и прежде, мы не можем быть и не будем «хвостистами» ни в какой области общественного движения и строительства социализма, но преодоление мелкобуржуазных колебаний, завоевание союзников, перевод широких, непролетарских слоев трудящихся на наши позиции в наши дни протекает в иных условиях, чем те, которые имелись до захвата власти.

Наше руководство, наша гегемония в области художественного творчества должны перейти на рельсы более товарищеского, более мягкого, более педагогического воздействия на крестьянских и на других мелкобуржуазных попутчиков. Не политика «жми-дави», а последовательная, систематическая критика, товарищеская работа по подтягиванию к нашим позициям, к нашим взглядам, нашим стремлениям и нашим идеалам, тяготеющих к нам элементов из непролетарской части советского общества. С этой точки зрения, воистину громадное значение приобретает правильная постановка литературной критики, являющейся величайшей важности орудием воспитательной работы пролетариата в области художественного творчества. Музы пролетариата уже не молчат; когда вновь зазвенит оружие,—они не смогут и не будут молчать так, как молчали на самых первых младенческих ступенях рабочего движения.

От редакции.

Последняя внутрипартийная дискуссия о троцкизме породила «богатую» политическую литературу в стане врагов пролетарской революции.

Особенное усердие проявили меньшевики, наплодившие тысячи сплетен, изощряющиеся в клеветнических измышлениях, изображающие высоко-принципиальную дискуссию в виде мелкой склоки и борьбы личных самолюбий.

Конечно, другого подхода ожидать от меньшевиков невозможно.

Потерявши последние связи с рабочими массами, будучи раздавлены на поле широкой политической борьбы,—они сознательно смешивают политическую борьбу со склокой, а анализ исторических явлений—со сплетней.

На этот же путь вступают все ренегаты пролетарской революции, обиженные, ущемленные, выброшенные из рядов партии борющегося пролетариата и перешедшие в ряды контр-революционеров.

Типичным в этом отношении является американский журналист Истмен, выпустивший недавно в свет клеветническую брошюру «После смерти Ленина».

Исключенный из партии, он подготавливает книгу, в которой читателю преподносится пышный букет гнуснейших сплетен и клеветнических поклепов на ленинскую коммунистическую партию.

Истмен видит в партийной массе стадо запуганных, безличных, обманываемых людей, над которыми проделываются всевозможные манипуляции «узурпаторами», «чиновничьей кликой», вождями партии, якобы скрывающими от масс заветы Ленина. Остается только прибавить, что сочинение Истмена, как и следовало ожидать, использовано капиталистической прессой всего мира, что за это «сочинение» ухватились также все исключенные из Коминтерна антибольшевистские элементы, перебежчики и т. д. в особенности группа Монатта-Росмера-Суварина, издавшая книжку Истмена на французском языке и сделавшая Истмена постоянным сотрудником своего журнала.

Эти обычные для контр-революционеров измышления Истмен старается прикрыть именем тов. Троцкого и отчасти тов. Крупской.

В помещенных ниже статьях т.т. Троцкого и Н. К. Крупской дается надлежащая оценка этому гнуснейшему документу шарлатана от контр-революции г. Истмена.

Л. Троцкий.

По поводу книги Истмена „После смерти Ленина“.

Вскоре по возвращении из Сухума в Москву я из телеграфного запроса тов. Джаксона, редактора «Рабочего Воскресника» в Лондоне, узнал о выходе в свет книжки Истмена «После смерти Ленина», которая используется буржуазной печатью для атак на нашу партию и советскую власть. Хотя ответ мой тов. Джаксону был в свое время напечатан в газетах, я считаю все же целесообразным воспроизвести из него здесь первую часть: «Книга Истмена, о которой вы сообщаете, мне неизвестна. Буржуазные газеты, цитирующие книгу, до меня не дошли. Разумеется, я заранее и категорически отвергаю какие бы то ни было комментарии, направленные против Российской Коммунистической Партии». В дальнейшей части телеграммы я отвел нелепые инсинуации насчет моего будто бы поворота к буржуазной демократии и свободе торговли. После того я получил названную выше книжку Истмена («После смерти Ленина») от секретаря Британской Коммунистической Партии тов. Инкпина, который прислал мне письмо, аналогичное телеграмме тов. Джаксона. Я не собирался ни читать, ни тем более реагировать на книжку Истмена, считая, что достаточно моей телеграммы тов. Джаксону, которая тем временем успела уже появиться в английской и вообще иностранной печати. Однако, ближайшие товарищи по партийной работе, успевшие ознакомиться с книжкой, высказались в том смысле, что, в виду заключающихся в книжке ссылок на беседы со мною, мое молчание может оказать косвенную поддержку книжке, полностью направленной против нашей партии. Это побудило меня более внимательно отнестись к книжке Истмена и прежде всего внимательно ознакомиться с ней. Исходя из известных эпизодов нашей внутрипартийной жизни, из дискуссии по поводу методов партийной демократии, государственного регулирования хозяйства и пр., Истмен делает такие выводы, которые полностью и целиком направлены против нашей партии и способны, если брать их на веру, дискредитировать партию и советскую власть.

Мы остановимся прежде всего на одном моменте, имеющем не историческое только, а живейшее и актуальнейшее значение: дело идет о Красной армии. Истмен рисует дело так, как будто бы со сменой личного руководства армия распалась на части, лишилась боеспособности и пр. Откуда Истмен черпает свою не-

лепую информацию, совершенно неизвестно. Но абсурдность его утверждения бьет в глаза. Во всяком случае мы не рекомендовали бы империалистическим правительствам строить свои расчеты на откровениях Истмена. Этот последний, к слову сказать, как будто бы и не замечает того, что своей характеристикой Красной армии он с другого конца питает насквозь гнилую меньшевистскую легенду о бонапартизме, преторианстве и пр., ибо ясно, что армия, способная «распадаться на части» в связи с переменой личного руководства, была бы не коммунистической, не пролетарской, а бонапартистской и преторианской.

Автор цитирует на протяжении своей книжки большое число документов и приводит много эпизодов, нередко из вторых, третьих и четвертых рук. Явно ошибочных и ложных сообщений встречается в этой небольшой книжке не мало. Мы остановимся только на важнейших.

В нескольких местах книжки Истмен говорит о том, что ЦК «скрыл» от партии ряд исключительно важных документов, написанных Лениным в последний период его жизни (дело касается писем по национальному вопросу, так называемого «завещания» и пр.); это нельзя назвать иначе, как клеветой на ЦК нашей партии. Из слов Истмена можно сделать тот вывод, будто Владимир Ильич предназначал эти письма, имевшие характер внутри-организационных советов, для печати. На самом деле это совершенно не верно. Владимир Ильич со времени своей болезни не раз обращался к руководящим учреждениям партии и ее с'езду с предложениями, письмами и пр. Все эти письма и предложения, само собою разумеется, всегда доставлялись по назначению, доводились до сведения делегатов XII и XIII с'ездов партии и всегда, разумеется, оказывали надлежащее влияние на решения партии, и если не все эти письма напечатаны, то потому, что они не предназначались их автором для печати. Никакого «завещания» Владимир Ильич не оставлял, и самый характер его отношения к партии, как и характер самой партии, исключали возможность такого «завещания». Под видом «завещания» в эмигрантской и иностранной буржуазной и меньшевистской печати упоминается обычно (в искаженном до неузнаваемости виде) одно из писем Владимира Ильича, заключавшее в себе советы организационного порядка. XIII с'езд партии внимательнейшим образом отнесся и к этому письму, как ко всем другим, и сделал из него выводы применительно к условиям и обстоятельствам момента. Всякие разговоры о сокрытом или нарушенном «завещании» представляют собою злостный вымысел и целиком направлены против фактической воли Владимира Ильича и интересов созданной им партии.

Не менее ложным является утверждение Истмена, будто ЦК хотел замолчать (т.-е. не напечатать) статью Ленина о Рабкрине. Разногласие, возникшее по этому поводу в ЦК, если здесь вообще можно говорить о «разногласии», имело совершенно второстепенное значение, касаясь лишь вопроса о том, сопровождать ли опубликование статьи Ленина заявлением ЦК относительно того, что нет никаких оснований опасаться раскола; но и этот вопрос был единогласно разрешен в том же заседании, при чем все наличные члены Политбюро и Оргбюро ЦК подписали обращение к партийным организациям, в котором говорится:

«Не вдаваясь в этом чисто информационном письме в обсуждение возможных исторических опасностей, вопрос о которых вполне своевременно поднят тов. Лениным в его статье, члены Политбюро и Оргбюро, во избежание возможных недоразумений, считают необходимым с полным единодушием заявить, что во внутренней работе ЦК совершенно нет таких обстоятельств, которые давали бы какие бы то ни было основания для опасения «раскола». Под этим документом не только имеется, в ряду десяти других, моя подпись, но и самый текст его был написан мною (27 января 1923 года).

Так как под этим письмом, выражавшим единодушное отношение ЦК к предложению Ленина о Рабкрине, имеется и подпись тов. Куйбышева, то тем самым попутно опровергается и другое ложное утверждение Истмена, будто во главе Рабкрина был поставлен тов. Куйбышев, как «противник» организационного плана Ленина.

Ложными и основанными на фантастических слухах являются утверждения Истмена насчет того, будто ЦК конфисковал или задерживал так или иначе мои брошюры или статьи в 1923 или 1924 году или в какое-либо другое время.

Явно неправильным является также и утверждение Истмена, будто Владимир Ильич предлагал мне занять пост председателя Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Обороны. Я об этом впервые узнаю из брошюры Истмена.

При более внимательном чтении брошюры можно было бы указать, несомненно, ряд других неправильностей, ошибок и искажений. Но вряд ли в этом есть нужда. Пользуясь информацией Истмена и цитируя его суждения, буржуазная и особенно меньшевистская пресса всячески выдвигает «близость» его ко мне, как автора моей биографии, его «дружбу» со мной, явно пытаясь таким косвенным путем придать его выводам вес, какого они не имеют и иметь не могут сами по себе. Приходится поэтому и на этом остановиться. Характер моих действительных отношений к Истмену, пожалуй, лучше всего виден из делового письма, написанного мною в тот период, когда о книжке его «После смерти Ленина» не было еще и речи.

Во время моего пребывания в Сухуме я получил из Москвы от одного из товарищей, прикосновенного к изданию моих книг, рукопись Истмена под заглавием «Лев Троцкий, портрет юности». В препроводительном письме моего сотрудника сообщалось, что рукопись, присланная автором в Госиздат для русского издания, производит своим сантиментальным тоном странное и для нас непривычное впечатление. Я ответил на это в письме от 3-го апреля 1925 года:

«Даже и не знакомясь с рукописью Истмена, я целиком и полностью согласен с вами, что было бы совершенно неуместно печатать ее. Несмотря на вашу любезную присылку, читать рукопись не могу, нет аппетита. Охотно верю, что она и по существу неаппетитна, особенно на наш русско-коммунистический вкус. Истмен очень долго и настойчиво убеждал меня в том, что американцев очень трудно заинтересовать коммунизмом, но можно заинтересовать коммунистами. Его доводы были не лишены убедительности. Это и побудило меня оказать ему помощь очень, впрочем, ограниченную: пределы ее

указаны в моем письме к нему[1]). О том, что он собирается выпускать эту книгу в России, я не знал, иначе своевременно, вероятно, посоветовал бы Госиздату не печатать ее. Воспрепятствовать Истмену издать эту книгу за границей я никак не могу. Он «свободный» писатель, жил в России, собирал материалы, в настоящее время находится во Франции, если не в Америке. Просить его, чтобы он не печатал этой книги в виде личной мне услуги?—но для этого я недостаточно близок с ним. Да вообще вряд ли это было бы уместно».

Речь здесь идет, повторяю, о совершенно невинной книжке, касающейся моей юности (до 1902 года), но тон моего письма не оставляет места сомнению насчет того, что мои отношения к Истмену ничем не отличались от моих отношений ко многим другим коммунистам или «сочувствующим» иностранцам, которые обращались ко мне за помощью в деле ознакомления с Октябрьской революцией, нашей партией и советским государством,—не более того.

С пошлой самоуверенностью Истмен иронизирует над моим «донкихотским» отношением к ближайшим товарищам по Центральному Комитету, о которых я, по его словам, отзывался дружественно в момент «ожесточенной дискуссии». Истмен, повидимому, считает себя призванным исправить мою «ошибку» и характеризует руководящий состав нашей партии такими чертами, которые нельзя квалифицировать иначе, как клевета.

Мы видели выше, на каком гнилом фундаменте Истмен пытается возвести свое здание. Он использует отдельные моменты внутрипартийной дискуссии, чтобы с вопиющим нарушением смысла фактов и всех пропорций очернить нашу партию и подорвать к ней доверие. Мне кажется, однако, что сколько-нибудь серьезному и вдумчивому читателю нет даже надобности проверять ссылки Истмена и его «документы»,—это к тому же не всем доступно,—но достаточно просто спросить себя: если бы злостная оценка руководящего состава нашей партии, даваемая Истменом, была хоть частично верна,—каким же образом эта партия прошла через долгие годы подпольной борьбы, совершила величайшую революцию, ведет за собой многомиллионные массы, помогает формированию революционных партий в других странах? Ни один честный рабочий не поверит картине, даваемой Истменом. Она заключает в себе свое внутреннее опровержение. Каковы намерения Истмена—все равно. Книжка его может сослужить службу только злейшим врагам коммунизма и революции, являясь, таким образом, по об'ективному своему смыслу контр-революционным орудием.

1 июля 1925 года

---

[1]) 22-го мая 1923 года я ответил на повторную просьбу Истмена следующими словами: «В направлении добросовестной информации я постараюсь вам оказать содействие, но я не могу согласиться читать вашу рукопись, ибо это сделало бы меня как бы ответственным не только за фактическую сторону, но и за характеристики и оценки. Совершенно очевидно, что это невозможно. Я готов нести ответственность, да и то ограниченную, за те фактические сообщения, которые я дам по вашему требованию. За все остальное ответственность придется нести вам одному». Дальше 1902 года эта работа не пошла.

Н. Крупская.

В редакцию газеты „Sunday Worker".

Уважаемые товарищи!

«Рабочая партия» Англии издала книжку некоего Макса Истмена «С тех пор, как Ленин умер». Эта книжка трактует о положении дел в Р. К. П. (б).

Так как в книжке имеются ссылки на меня, и г. Истмен делает попытку изобразить меня ярой противницей ЦК, безрезультатно пытающейся протестовать против его действий, я вынуждена выступить перед английскими рабочими, читающими книжки Истмена, с выяснением дела.

Я понимаю интерес английских рабочих к Российской Коммунистической Партии (б), на которую история возложила чрезвычайно ответственную и трудную задачу—строить коммунизм в отсталой в экономическом отношении стране в эпоху временной стабилизации капитализма в передовых в экономическом отношении странах.

Но книжка Истмена представляет собой не освещение работы партии, а набор всяких обывательских сплетен, собранных автором во время его пребывания в России. Автор ухитрился не заметить ничего из того, что происходит сейчас на самом деле в России, не заметить громадных хозяйственных успехов, культурного пробуждения широких масс, громадной работы по подведению реальной базы под лозунги Октября. Зато каждая сплетня всесторонне обсуждается автором, смакуется, пропускается сквозь призму его анархо-обывательских взглядов, в корне чуждых духу пролетарской идеологии.

Когда Ленин умер, сотни тысяч рабочих вступили в партию, чтобы довести дело Ленина до конца. Весь рабочий класс тесно сплотился около своей партии, около ЦК. По фабрикам и заводам беспартийная рабочая масса на открытых собраниях обсуждала каждую кандидатуру в члены партии, решала, достоин ли записывающийся в партию носить звание члена партии. Никогда нигде рабочий класс не выражал в такой наглядной форме доверия своей партии. Заветное желание Ленина, чтобы партия не только по своей идеологии, но и по своему составу стала рабочей—осуществилось. Возрос удельный вес партии, удельный вес ЦК.

Самое чудовищное в книжке Истмена это то, что он не понял значения «ленинского призыва» и продолжает толковать об отрыве партии от масс. Приток сотен тысяч рабочих от станка в партию, по мнению М. Истмена, принес только вред партии, так как при данных условиях усиливал позицию «партийной бюрократии». По его мнению, рабочие—пешки, не понимающие ничего, готовые итти за любым вождем, соль земли — интеллигенция. Повидимому,

М. Истмену совершенно чужда классовая точка зрения. Мы, большевики, иначе расцениваем рабочих и считаем, что при всяких условиях, чем больше рабочих в партии, тем лучше. Рабочие знали, что ЦК состоит из товарищей, которые долгие годы шли вместе с Лениным, обсуждали с ним каждый шаг, вместе с ним строили партию и для которых дело Ленина было и остается их собственным, кровным делом. Ради этого дела они сидели в тюрьмах, в ссылке, в эмиграции. Рабочие массы лучше знают своих вождей, чем проезжие литераторы, чуждые партии, вроде Истмена. И они солидаризировались с ЦК в сотнях обращений рабочих организаций, ибо они знают, что ЦК нашей партии является продолжателем дела Ленина и исполнителем его заветов.

Перед лицом доверия, которое выявил своей партии и ее ЦК в трудную минуту рабочий класс, старые большевики вдвойне почувствовали всю ответственность, ложащуюся на них после смерти Ленина. Все почувствовали себя как-то еще больше сплоченными, готовыми до конца довести его дело.

Под влиянием такого настроения я и написала тогда личное письмо Троцкому, которого в это время не было в Москве. Это письмо, однако, никоим образом не может быть истолковано так, как истолковывает его М. Истмен. Владимир Ильич считал тов. Троцкого талантливым работником, преданным делу революции, делу рабочего класса, могущим быть очень полезным для партии. Так оценивал В. И. Троцкого в первые дни встречи в 1902 г., так оценивал он его и в самое последнее время. Такая оценка налагает ответственность. О ней я и думала, когда писала т. Троцкому. Писано письмо было не М. Истмену, а Троцкому. Троцкий не мог, конечно, вывести из него того заключения, что В. И. считал его своим заместителем или думал, что тов. Троцкий наиболее правильно понимает его взгляды. Ничего подобного я не могла писать. Точно так же я не писала, что В. И. всегда во всем был солидарен с тов. Троцким. Всякий член РКП (б) знает, что до 1917 года Троцкий не был большевиком, что у партии и у В. И. были с ним расхождения часто по самым коренным вопросам, что В. И. не раз резко высказывался против Троцкого, что и после того, как Троцкий вошел в ряды партии, у В. И. были с ним расхождения. Тов. Троцкий теперь знает в точности, как к нему относился Ленин при встрече в 1902 г., из письма Ленина о нем к Плеханову, помещенного в III Ленинском сборнике, и о том, как Ленин относился к нему в последнее время, из писем Ленина к партс'езду. Кстати, М. Истмен рассказывает об этих письмах (называя их «завещанием») всякие небылицы. М. Истмен совершенно не понимает духа нашей партии. Для М. Истмена партийный с'езд—с'езд партийных бюрократов. Для нас, большевиков, с'езд—высшая партийная инстанция, перед которой каждый член партии должен высказываться с полной откровенностью, не взирая ни на какие лица. Так смотрел на партс'езды Ленин. Решениям партс'ездов он придавал совершенно исключительное значение, особенно волновался перед ними, особенно тщательно готовился к ним. Его речи на с'ездах всегда отличались особенной содержательностью, обдуманностью. Свои письма о внутрипартийных отношениях («завещание») он писал тоже для партийного с'езда. Знал, что партия поймет мотивы, которые продиктовали это письмо. Такое письмо могло быть обращено лишь к тем, относительно которых не было сомнения, что для них интересы дела выше всего. Письмо содержало, между прочим, характеристики нескольких наиболее ответственных партийных товарищей. Никакого недоверия к этим товарищам, с которыми В. И. связывали долгие годы совместной работы, в письмах нет. Напротив, в письмах есть не мало лестного по их адресу. Об этом Истмен забывает сказать. Письма имели целью помочь остающимся товарищам направить работу по правильному руслу—поэтому на ряду с достоинствами отмечались и те недостатки этих товарищей, в том числе и Троцкого, которые необходимо учесть, чтобы наилучшим образом организовать работу партийного руководящего коллектива. Все члены с'езда ознакомились, как того хотел В. И., с письмами. Их неправильно называть «завещанием», так как завещание Ленина в подлинном смысле этого слова неизмеримо шире—оно заключается в последних статьях В. И. и касается основных вопросов партийной и советской работы. Это статьи «О кооперации», «О Рабкрине», «Страничка из дневника» (о просвещении), о нашей революции. В связи с ранее сказанным по этому поводу они освещают на долгое время путь, по которому надо итти. Все они опубликованы. Но М. Истмэн не поинтересовался ими.

Враги РКП (б) стараются использовать «завещание» в целях дискредитирования теперешних руководителей партии, в целях дискредитирования самой партии. Усердно хлопочет об этом и М. Истмен, который прямо клевещет на ЦК, крича, будто завещание было скрыто, старается разжечь нездоровое любопытство, извращая истинный смысл письма.

Наконец, о части книги, касающейся Троцкого. Мне кажется, глубоко оскорбительной для Троцкого вся манера воспевания его Истменом. Возьмем, хотя бы такое место: ...«Троцкий гордый человек и он сознает свои достоинства так, как сознают его горделивые люди»... Я не буду распутывать того клубка лжи, который свил М. Истмен около вопроса о разногласиях с Троцким. Это сделают другие. Скажу только, что острота выступлений против Троцкого вызвана была переживаемым моментом. После смерти Ленина партия почувствовала особую важность идейной сплоченности и потому все дело приняло такую острую форму. Лично я не была согласна с позицией Троцкого во время предшествовавшей дискуссии. Дважды выступала по этому вопросу (в районе и на пленуме ЦК).

Не согласна я и с точкой зрения Троцкого, развитой им в «Уроках Октября». Писала подробно об этом в «Правде». В вопросах, обсуждавшихся в связи с «Уроками Октября», я согласна с точкой зрения ЦК. Таким образом и тут Истмен искажает истину, как во всем остальном.

7 июля 1925 года.

В. И. Ленин.

Письмо Потресову*).

Очень рад я был, А. Н., Вашему письму от 27/III, прервавшему наконец Ваше долгое и упорное молчание. Вопросов для разговора действительно накопилось масса, а поговорить подробнее, на темы литературного преимущественно свойства, здесь не удается. А теперь еще журнал [1]): без разговоров с коллегами чувствуешь себя слишком оторванным для писания. Здесь же один Юлий [2]) принимает все это вполне близко и активно к сердцу, но с ним проклятые „большие расстояния" мешают беседовать достаточно подробно.

Начну с того, что меня теперь наиболее интересует и волнует, со статей Булгакова в 1—2 и 3 книжке „Начала" [3]). Прочитав Ваш отзыв о нем, я несказанно обрадовался, что встретил сочувствие в самом существенном,—тем более обрадовался, что со стороны редакции, видимо, не очень-то доводится рассчитывать на сочувствие... Если на Вас статья Б[улгако]ва произвела „отталкивающее" впечатление и „жалкое", то меня она привела прямо-таки в исступление. До сих пор, сколько я ни читал и перечитывал Б[улгако]ва, я решительно не могу понять, как мог он написать такую сплошь вздорную и до невозможности неприличную по тону статью и как редакция сочла возможным не оградить себя хоть единым замечанием от солидарности с таким „разносом" Каутского. Я так же, как и Вы, „уверен, что публика совершенно (именно!) сбита с толку и недоумевает". Да и как же ей не недоумевать, в самом деле, когда ей об'является—от лица „современной науки" (№ 3, с. 34[3а]) ,ч[то] у К[аутск]ого все неверно, произвольно, социальное чудо, „одинаково мало настоящей агрономии и настоящей экономии" (№ 1—2) и пр., при чем К[аутск]ий не излагается, а прямо извращается, а собственных воззрений Б[улгако]ва, как сколько-н[и]б[у]д[ь] связной системы, совершенно не видно. Будь у человека сколько-н[и]б[у]дь чувства партийности, сознание ответственности перед всеми Genossen [4]) и перед всей их программой и практической деятельностью,—он бы не решился так наезднически „наскакивать" (по верному Вашему выражению), ничего сам не давая, а лишь обещая... ученый труд об „Остэльбии"!! Он чувствует себя, очевидно, свободным от всяких товарищеских обязанностей и ответственности, „свободным" и индивидуальным представителем профессорской науки. Я не забываю, конечно, что при российских условиях нельзя требовать от журнала допущения одних Genossen [4]) и

*) Письма Ленина Потресову написаны из села Шуши, где В. И. отбывал ссылку. Относятся к периоду 98—99 г. Данное письмо помечено 27/IV 1899 г. Письмо предоставлено редакции и подготовлено к печати Институтом Ленина.

исключения остальных,—но ведь такой журнал, как „Нач[ало]" все же не альманах, допускающий марксизм собственно из моды (à la „М[ир] Божий", „Н[аучное] Об[озрение"] и пр. [5]), а орган направления, поэтому для такого журнала обязательно бы налагать нек[ото]рую узду на ученых наездников и на всех „посторонних" вообще. Только тем и об'ясняется громадный успех „Н[ового] Слова", [6]) ч[то] редакция вела его именно как орган направления, а не как альманах.

Я прочитал книгу К[аутск]ого еще до появления статьи Б[улгако]ва [3]) и не нашел у последнего ни одного сколько н[и]б[у]д[ь] осмысленного возражения против К[аутского], а извращений мыслей и тезисов К[аутск]ого—массу. Напр[имер], что за вздор утверждения Б[улгако]ва, будто К[аутск]ий смешивает технику и экономику, будто он доказывает „гибель земледелия" (№ 3, с. 31 К[аутск]ий прямо говорит обратное: С. 289[6а]), будто он отрицает за земледелием тенденцию развития (№ 3, с. 34) и т. п.!

Я уже написал и недели 2 тому назад отправил в редакцию первую статью „Капитализм в с[ельском] хозяйстве" (о книге К[аутск]ого и о статье г. Б[улгако]ва) и теперь берусь за вторую по поводу окончания статьи Б[улгако]ва [7]). Сильно побаиваюсь, что ПБ[Струве] отвергнет ее, ссылаясь либо на большой об'ем (она выходит больше статьи Б[улгако]ва, п[отому] ч[то] мне надо во 1-х, мотивированно опровергать такие голословные и небрежно брошенные вердикты, к[ак], напр[имер], заявление, ч[то] Маркс ошибался, уча об уменьшении отношения $\frac{v}{c}$ в земледелии; во 2-х, п[отому] ч[то] необходимо излагать К[аутск]ого), либо на нежелательность полемики (я, конечно, не употребил в статье ни одного ругательного выражения в роде тех, какие есть выше и вообще постарался о том, чтобы личного против Б[улгако]ва ничего не было. Вообще тон нисколько не резче, чем в статье моей против Т[уган] Б[арановского] о теории рынков [8]). Очень рад бы был слышать Ваше мнение, когда Вы прочтете книгу К[аутск]ого и дочитаете Б[улгако]ва: что именно находите вы у Б[улгако]ва „верным?" и полагаете ли Вы, чтобы возможно было оставить статью Б[улгако]ва в журнале без ответа?

Вообще вся эта „новая критическая струя" в марксизме, которой увлекаются Струве и Булгаков (ПБ[Струве] наверное за Б[улгако]ва), мне кажется крайне подозрительной: громкие фразы о „критике" против „догмы" и пр.—и ровно никаких положительных результатов критики [9]). Впрочем, для составления статьи à la Булгаковская требовалась кроме „критицизма" и симпатий к профессорской „современной науке" еще бестактность до nec plus ultra [10]).

На статью Струве о рынках [11]) я послал ему ответ. Сестра [А. И. Елизарова] пишет мне, что ответ этот будет помещен в „Н[аучном] Об[озрении]" и что там же П. Б. [Струве] собирается ответить. Я не могу согласиться с Вами, ч[то] „центр тяжести вопроса заключается в конкретной невозможности абстрактно мыслимого положения" и главное мое возражение П. Б. [Струве] состоит именно в том, ч[то] он смешивает абстрактно-теоретические и конкретно-исторические вопросы.

„Конкретно невозможна“ не только представленная Марксом реализация, но и представленная им поземельная рента и представленная им средняя прибыль и равенство заработной платы, стоимости рабочей силы и мн. др. Но невозможность осуществления в чистом виде вовсе не есть возражение[11a]). Противоречия между своими утверждениями в „Этюдах“ и в „Н[аучном] Об[озрении]“ я никак не могу усмотреть, а равно и „буржуазного апостолизма“, которым так напугал читателей Струве[12]). Что особенно мне не понравилось в его статье, это неуместное припутывание крит[ической] ф[илосо]фии и замечания в роде того, что Марксово учение о стоимости и прибыли „бесспорно страдает противоречивостью“. Ведь П. Б. прекрасно знает, ч[то] это спорно,—к чему же сеять туман в голове публики, не получающей пока ни от одного из представителей „новой критической струи“ систематического доказательства этой противоречивости и исправления ее?

А выходка Б[улгако]ва (№ 3, с. 34, прим.) против теории Zusammenbruch'a! [13])—без всякого упоминания о Бернштейне и с безапелляционностью „ученого“ декрета! О выходе новой книги Бернштейна я знаю, и выписал ее, но вряд ли вышлют [14]). Из статьи о ней в „Frankfurter Zeitung“ [15]) и в „Жизни“ [16]) (недурной журнал! Беллетристика прямо хороша и даже лучше всех!) я вполне убедился в том, ч[то] я понимал отрывочные статьи Бернштейна неверно и что он заврался действительно до невозможности, до того, что его приходится именно begraben [17]), к[ак выразился автор „Beiträge zur Gesch[ichte] des Mat[erialismus]“ [18]), в открытом письме к Каутскому. Новые для меня возражения Бернштейна против материалистического понимания истории *) и пр. (по „Жизни“) поражают своей слабостью. Если П. Б. [Струве] такой горячий защитник Бернштейна, что чуть не „ругается“ из-за него, то это очень и очень печально, ибо его „теория“ против Zusammenbruch'a [13])—непомерно узкая для З[ападной] Европы—и вовсе негодна и опасна для России. Знаете ли Вы, ч[то] ее уже утилизируют наши „молодые“ (ультра-экономисты), которые в одном издании так изложили Штутгартские прения, что у них Бернштейн, Пеус и др. явились защитниками „экономики, а не политики“. Что думает П. Б. о подобных „союзниках“? Если под успехами ультра-экономистов Вы разумеете выход Волгина и его ближайших товарищей, то я знаю об нем; меня это крайне тяжело поразило, и я теперь недоумеваю, как там обстоит дело, и чем чревато будущее. Страшно вредно, по моему, что этот спор с ультра-экономистами не попал вполне и целиком в печать: это было бы единственное серьезное средство для выяснения дела и установления известных точных принципиальных положений. А то теперь хаос полный! [20]).

Книжка моя вышла, и я просил послать ее Вам (сам еще не получил). Слышал, что P. S. в предисловии опоздал, попал в предварительную цензуру и „пострадал“, кажется. Буду ждать с интересом Ваших замечаний [21]).

Карелина книжку выписал и прочел раньше, чем получил от Вас. Понравилась мне она очень; чертовски досадно, ч[то] ее обкарнали. Не напишите ли об ней рецензию? [22]).

Один знакомый прислал мне и „Журнальные заметки“ А. П. (о „наследстве“ и „наследниках“ [23]). Интересно: в продолжении предполагалась ли дальнейшая полемика со мной или нет? Статья А. П. мне чрезвычайно понравилась; от вырезки ее номер сильно потерял. Разногласия между нами я, признаться, не вижу: Вы берете иной вопрос—не о том, как относятся ученики к русскому демократизму вообще, отказываются ли они от него (я исключительно об этом писал), а о том, каковы были отношения между разного вида демократами в доброе старое время. Я интересовался только той ошибкой Мих[айлов]ского, будто мы отказываемся от демократизма вообще,—а Вы берете—другую его ошибку, „смазывание“ существенно важных различий в „наследстве“. Видел примечание Маслова в № 3 „Научного Обозрения“ [24]), направленное против меня, но оно меня признаться, не заинтересовало. Да кстати: вырезка статьи А. П. подтвердила мое мнение, что брать наследодателя более яркого, чем Скалдин[24a]), „неудобно“ (печальное подтверждение!!). Вообще же, по моему, тон журнала—„предсмертный“. Ежели так, то конец и смерть лишь вопрос времени. Ведь это просто спекуляция на Rathlosigkeit [25]) и волокиту в том ведомстве, которое и т. д. Можно бы и попридержать язык за зубами без вреда и не без пользы для дела. Право, сравнительно с современным тоном наши „Материалы“ [26]) могли бы быть образцом „умеренности“ и „солидности“...

Жму руку В. У. Пишите почаще, коли не лень, а то мне совсем не от кого узнавать журнальные новости.

Посылаю зак[азной] банд[еролью] „Histor[ische] Berecht[igung]“ [27]). Не думайте, пожалуйста, ч[то] я неаккуратен в возвращении книг: Вы ведь не писали о сроке, и я не отказывал поэтому товарищам в просьбе дать на прочтение. Очень благодарен буду за конец Карелина.

Не имеете ли каких немецких отзывов о Каутском?

Я читал только в „Fr[an]kf[urter] Z[ei]t[un]g“—сердито и пусто à la Булгаков [28]). Книги журнала в общем и целом мне очень нравятся. Редактируются они прекрасно. Читали ли книгу Гвоздева и что думаете об ней? [29]).

*) Кстати. Помните, как один наш общий знакомый в „прекрасном далеке“ зло высмеивал и разносил в пух и прах меня за то, что я назвал материалистическое) понимание истории—„методом“? А вот оказывается, и Каутский повинен в столь же тяжком грехе, употребляя то же слово: „метод“ („Жизнь“, янв., II, стр. 53). Имеете ли вести об этом знакомом? Лучше ли его здоровье? Есть ли надежда, что он будет писать? [19]).

Примечания к письму т. Ленина.

1. Речь идет о журнале «Начало». Появившийся в начале 1899 г., этот орган легального марксизма, редакторами которого фактически были Струве, П. Б. и Туган-Барановский, просуществовал всего лишь до июня того же 1899 г., когда был прикрыт цензурой. За это время успело выйти всего 4 книжки журнала. В нем сотрудничал Ленин, поместив ряд рецензий и одну статью—главу из «Развития капитализма в России».

2. Юлий—Мартов, Ю. О., тогда отбывавший ссылку в Туруханске.

3. Имеются в виду статьи Булгакова «К вопросу о капиталистической

эволюции земледелия» («Начало» 1899 г., №№ 1—2, 3), написанные по поводу книги Каутского, К. «Agrarfrage» (Аграрный вопрос).

3а. Это и следующие указания №№ и страниц означают №№ и страницы журнала «Начало».

4. Товарищами.

5. Журналы того времени, где наряду с авторами различных направлений печатались и марксисты.

6. Журнал «Новое Слово» был первым боевым легальным марксистским органом. Всего успело выйти в 1897 г. восемь книжек. В том же году журнал был запрещен цензурой. В нем принимал участие и Ленин, поместив, между прочим, свои статьи «К характеристике экономического романтизма».

6а. Здесь Лениным указана стр. по I-му нем. изд. Соответствующее место по русскому изданию 1899 г. находится на стр. 340.

7. Данная фраза письма дает возможность установить время написания этих статей: оно падает на апрель—май 1899 г. Посланные в «Начало» эти статьи не успели появиться в нем, в виду его прекращения в июне 1899 г., и с опозданием на несколько месяцев были напечатаны в журнале «Жизнь», №№ 1 и 2 за 1900 г. (они помещены в IX т. собр. соч., изд. 1-е).

8. «Заметка к вопросу о теории рынков», написана в конце 1898 г. и напечатана в «Научном Обозрении», № 1, за 1894 г. Помещена во II т. собр. соч., I изд.

9. Ленин имеет в виду вполне определившийся уклон представителей легального марксизма, в особенности Булгакова и Струве, к критической философии Канта.

10. До крайней степени, до предела.

11. Имеется в виду статья Струве, П. «К вопросу о рынках при капиталистическом производстве (По поводу книги Булгакова и статьи Ильина)», помещенная в «Научном Обозрении» за 1899 г. № 1. Вл. Ильич ответил на нее статьей: «Еще раз к вопросу о теории реализации», написанной, как выясняется из данного письма, не позже апреля 1899 г.; напечатана же она была лишь в августовской книжке того же журнала. Помещена во II томе собр. соч., I изд.

11а. Ленин имеет в виду одно из положений статьи Струве, так формулированное в выводах самим автором:

«Самодовлеющего, окончательно развитого капиталистического общества существовать не может, и даже более того, такое общество непредставимо, так как в нем прибавочная ценность перестанет капитализироваться или, другими словами, расширенное воспроизводство будет невозможно. Стационарное, т.-е. основанное на простом воспроизводстве капиталистическое общество, противоречит идее капитализма, движущим началом которого служит не непосредственное потребление, а самовозрастание капитала. Представление о самодовлеющем капиталистическом обществе (или системе), и схематическое изображение по Марксу реализации продукта в этой системе для понимания реального процесса развития капитала не дает ничего сверх того, что дается элементарной истиной: продукты в процессе реализации или общественного обмена веществ всегда обмениваются на продукты. При выяснении исторических вопросов развития капитализма представление о самодовлеющем капиталистическом обществе оказывается не только бесплодным, но и прямо сбивающим с толку, поскольку оно абстрактную и нереальную схему ставит на место сложного реального процесса». («Научн. Обозр.», № 1, 1899 г., стр. 63).

12. Ленин имеет в виду следующие места из статьи Струве:

«...Констатирую лишь, что совершенно справедливое рассуждение Ильина с весьма выразительными цитатами из Маркса... совершенно выбрасывает за борт ту теорию реализации, столь красноречивым и энергичным защитником которой в прочих случаях является сам Ильин». («Н. О.» I, 1899 г., стр. 52).

«...Булгаков (а также Ильин) апологетически-буржуазную теорию Сэя-Рикардо приписали Марксу...» (Там же, стр. 52).

«Туган-Барановский, Булгаков и Ильин излагают буржуазно-апологетическую теорию... (Там же, стр. 57).

В своей ответной статье «Еще раз к вопросу о теории реализации» Ленин следующим образом возражает Струве:

«Струве говорит, что я приписал Марксу апологетически-буржуазную теорию Сэя-Рикардо (52),—теорию гармонии между производством и потреблением (51),—теорию, стоявшую в кричащем противоречии с учением Маркса об эволюции и конечном исчезновении капитализма (51—2); что поэтому мое «совершенно справедливое рассуждение» о том, что Маркс и во II и в III томе подчеркивал присущее капитализму противоречие между безграничным расширением производства и ограниченным потреблением народных масс, «совершенно выбрасывает за борт ту теорию реализации,... защитником которой в прочих случаях» являюсь я.

И это утверждение Струве точно так же неверно и точно так же основано на вышеуказанном недоразумении, в которое он впал.

Откуда взял Струве, что я понимаю под теорией реализации не анализ процесса воспроизводства и обращения всего общественного капитала, а теорию, говорящую лишь, что продукты обмениваются на продукты, теорию, учащую о гармонии между производством и потреблением? Струве не мог бы показать разбором моих статей, что я понимал теорию реализации во втором смысле, ибо я прямо и определенно говорил, что понимаю теорию реализации именно в первом смысле. В статье: «К характеристике экономического романтизма», в том параграфе, который посвящен выяснению ошибки Смита и Сисмонди, говорится: «Вопрос именно в том, как происходит реализация, то-есть возмещение частей общественного продукта. Поэтому исходным пунктом в рассуждении об общественном капитале и доходе—или, что то же, о реализации продукта в капиталистическом обществе—должно быть

разделение... средств производства и предметов потребления» (Этюды, 17). «Вопрос о реализации в том и состоит, чтобы анализировать возмещение всех частей общественного продукта по стоимости и по материальной форме» (Ib., 26). Не повторяет ли Струве то же самое, говоря — как будто бы против меня—что интересующая нас теория «показывает механизм реализации..., поскольку такая реализация осуществляется» («Н. Об.», 62)? Противоречу ли я той теории реализации, которую я защищаю, когда я говорю, что реализация происходит «лишь среди затруднений, среди постоянных колебаний, которые становятся все сильнее по мере роста капитализма, среди бешеной конкуренции и пр.» (Этюды, 27)?—когда я говорю, что народническая теория, «не только показывает непонимание реализации, но еще содержит в себе к тому же, крайне поверхностное понимание противоречий, свойственных этой реализации» (26—27)?—когда я говорю, что реализация продукта, происходящая не столько на счет предметов потребления, сколько за счет средств производства, «есть, конечно, противоречие, но именно такое противоречие, которое имеет место в действительности, которое вытекает из самой сущности капитализма» (24), которое «вполне соответствует исторической миссии капитализма и его специфической социальной структуре: первая» (т.-е. миссия) «состоит именно в развитии производительных сил общества (производство для производства); вторая» (т.-е. социальная структура капитализма) «исключает утилизацию их массой населения» (20)? («Н. О.» 1899 г., № 8, стр. 1571). Перепечатано во II т. собр. соч., I изд.

13. Социалистической революции.

14. Речь идет о книге: **Bernstein, E., Die «Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemocratie»** (Бернштейн, Э. «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии»), вышедший первым изданием в Берлине в январе 1899 г.

15. «Франкфуртская газета». Не имея возможности следить за рабочим движением Германии по с.-д. органам, не допускавшимся в Россию, Вл. Ильич должен был довольствоваться материалами о нем, даваемыми названной большой буржуазно-демократической газетой, которую он, видимо, выписывал.

16. «Жизнь»—журнал того времени, печатавший марксистов. В его отделе беллетристики печатались Горький, Гусев-Оренбургский, Вересаев, Чириков. За период январь—апрель 1899 г. там были, между прочим, помещены: «О чорте», «Кирилка» и «Фома Гордеев»—Горького; «Конец Андрея Ивановича»—Вересаева и «Чужестранцы»—Чирикова. Здесь печатались и легальные марксисты, печатался и Ленин. Из западных марксистов печатались, между прочим, К. Каутский и Э. Бернштейн. Статья из «Жизни», о которой идет речь, принадлежит С. Штейнбергу. Она под названием: «Новая книга об историческом материализме» помещена в мартовском номере журнала за 1899 г. («Жизнь», т. III, 1899 г., март, стр. 358—371). Что касается статей самого Бернштейна, то с ними В. И. мог познакомиться из немецкой «Neue Zeit».

17. «Похоронить», «угробить». Это выражение: «мы должны похоронить Бернштейна» употребил Плеханов, Г. В. в своем «Открытом письме» Каутскому, опубликованном в «Sächsische Arbeiter Zeitung» («Саксонская рабочая газета») за 1898 г., № 253—255, под заглавием: «За что нам его благодарить?» (Соч. Плеханова, т. XI). На это письмо и ссылается Ленин, получив сведения о нем, очевидно, из той же «Франкфуртской Газеты».

18. «Очерки по истории материализма». Автор «Очерков»—Плеханов, не назван по фамилии, видимо, по цензурным соображениям.

19. К кому относятся эти слова, установить трудно. Быть может, к Плеханову, а, может быть, к Аксельроду. Ссылка Ленина относится к статье К. Каутского «Материалистическое понимание и психологический фактор», в переводе помещенной в «Жизни» за 1899 г., кн. II (январь). Перепечатана в сборнике «Исторический материализм», под ред. Семковского.

20. Место это относится к расколу в заграничном «Союзе русских социал-демократов» и имеет в виду отказ Плеханова («Волгин»), и всей группы «Освобождение Труда» от редактирования изданий Союза. Это имело место в ноябре 1898 г. на с'езде Союза.

21. Речь идет о книге Ленина (В. Ильина): «Развитие капитализма в России». «P. S. в предисловии»—две страницы, приписанные Лениным к предисловию этой книги и посвященные сжатому изложению и заявлению о солидаризации со взглядами, развитыми Каутским в его «Аграрном вопросе». Этот post-scriptum был, видимо, написан и послан в печать Лениным уже после сдачи в печать всей книги. Насколько он пострадал от цензуры—в виду отсутствия рукописи—судить невозможно.

22. Н. Карелин. «Жан-Жак Руссо». Опыт характеристики его общественных идей. Изд. Струве. Автором книги была В. И. Засулич. Рецензия на нее была написана М. Туган-Барановским («Начало», май 1899 г.).

23. «Журнальные заметки» А. П.—статья А. Н. Потресова, носившая подзаголовок: «О наследстве и наследниках», напечатанная в апрельской книжке «Начала», но вырезанная из нее цензурой. Видимо, вырезанные страницы были пересланы Ленину. Статья Потресова соприкасалась по содержанию со статьей Ленина «Отказываемся ли мы от наследства?» (см. II том собр. сочинений). Полемики с Лениным она не содержала,—в ней имеется лишь упоминание о статье Ленина: «Вл. Ильин в своей недавно вышедшей весьма интересной и ценной книжке «Экономические этюды и статьи» одну из статей посвятил вышеназванному вопросу, а именно—статью «От какого наследства мы отказываемся?». Во многом соглашаясь с ее автором, мы считаем полезным подойти к той же теме, так сказать, с другого конца и наметить—только наметить—некоторые вопросы, могущие, по нашему мнению, пролить свет на состояние нашей современной журналистики» (Цитировано по «Этюдам о русской интеллигенции», изд. 1906 г., стр. 76),—но, не-

сомненно, была вызвана разногласиями автора с Лениным, получившими отражение в предшествующем письме. (См. IV Ленинский сборник).

24. Статья П. Маслова: «Идеализация народного хозяйства» в № 3 «Научного Обозрения» за 1899 г. Примечание гласило: «Представительство интересов производителей, как таковых, унаследовали идеологи бесхозяйственного производителя, развивши основные идеи Чернышевского и давши им научное обоснование. Поэтому никак нельзя согласиться с Влад. Ильиным («Экономические этюды и статьи»), который идеологию бесхозяйных считает «наследством» от либералов просветителей 60-х годов. От буржуазных «просветителей» получили и могли получить наследство буржуазные же «просветители». Может быть, это и большая честь, —числиться наследником достойных всякого почтения просветителей,—но что же делать, когда общим между буржуазными и небуржуазными просветителями является только то, что те и другие—прогрессисты и смотрят в одну сторону—на запад?!» («Н. О.» 1899, III, 632 стр.).

24а. Скалдин—псевдоним Р. Еленева, к 90-м гг. перекинувшегося из лагеря либералов в лагерь крайней реакции и являвшегося членом главного цензурного комитета.

25. Беспомощность.

26. «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития»—сброник статей Ленина, Плеханова, Струве, Потресова, П. Скворцова и др., вышедший в мае 1895 г., но уничтоженный цензурой. В. И. Ленин поместил здесь под псевдонимом К. Тулин свою статью «Экономическое содержание народничества и критика его в книге Струве» (см. II том собр. соч.).

27. Т.-е. книжку журнала «Neue Zeit» со статьей П. Аксельрода, изданной потом по-русски под названием «Взаимное отношение либеральной и социалистической демократии».

28. На манер Булгакова.

29. Р. Гвоздев (Циммерман). «Кулачество—ростовщичество. Его общественно-экономическое значение». Изд. Гарина, СПБ. 1898 г. Ленин дал отзыв на эту книгу в журнале «Начало», № 3, март 1899 г. Перепечатана в I томе собр. сочинений 1-го изд.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

П. Сапожников.

Новая победа диалектического материализма.

I.

Философия, т.-е. методология марксизма может праздновать нынче свою новую, очередную победу: опубликованы заметки и наброски Энгельса о диалектике природы [1]). Поистине величайшей заслугой тов. Рязанова и института Маркса и Энгельса перед памятью одного из основоположников марксизма, перед делом пролетарской борьбы и перед наукой является отыскание, разработка и издание указанных фрагментов Энгельса.

Перед памятью последнего—потому, что чрезвычайно важные для мировоззрения марксизма рукописи Энгельса о диалектике и естествознании еще долго, вероятно, оставались бы в пыли архивов немецкой социал-демократии (Э. Бернштейн, будучи ярым врагом диалектического метода, в течение более 30 лет, видимо, замалчивал эти рукописи), если бы знание, зоркий глаз и настойчивость тов. Рязанова не извлекли их на свет и если бы институт, как научная организация, не взялся бы за их издание.

Перед делом пролетарской борьбы—потому, что эти наброски Энгельса, как нельзя лучше, способствуют обоснованию и верному пониманию метода и мировоззрения диалектического материализма—теоретического оружия пролетариата в борьбе за ниспровержение старого мира, с его основания до самых высших идеологических надстроек.

Перед наукой—ибо в целом ряде огромных областей научного знания, особенно в естествознании, еще нет понимания и сознательно-продуманного пользования единственно научной, стройной и последовательной методологией—методологией (философией) диалектического материализма. Стихийно—как это отметил в свое время В. И. Ленин—естествознание идет зигзагами, с провалами, шатаясь, но неизбежно идет «к единственно верному методу и единственно верной философии естествознания»—к философии диалектического материализма. Однако, оно еще не восприяло, не усвоило, не поняло эту философию, как свою живую «душу», как стержень, как фунда-

---

[1]) См. „Архив К. Маркса и Ф. Энгельса“ под ред. Д. Рязанова, книга вторая. ГИЗ. 1925 г., стр. 504 + XXXII. Цена 6 руб., тираж 5.000 экз.
Весь второй том «Архива» посвящен «Диалектике природы» Ф. Энгельса. Ей предпослано прекрасное предисловие Д. Рязанова, рисующее историю заметок Энгельса о диалектике и естествознании. Кроме того, опубликованная работа снабжена хорошо выполненным научным аппаратом: списком цитат, приведенных у Энгельса, указателем цитируемых им произведений и имен. В конце тома приложена составленная т. Э. Цобель и П. Гайду, очень ценная библиография иностранной литературы о Марксе, Энгельсе и марксизме, вышедшей с начала войны 1914 г. по настоящее время.

мент своих исследований. Методология диалектического материализма не вошла еще в плоть и кровь теории современного научного естествознания, и это весьма вредит глубине, верности и силе ее выводов. Опубликованные работы Энгельса, несомненно, окажут большую помощь воспитанию научного естествознания в духе диалектического материализма. В особенности они будут полезны тем передовым естественникам, которые связали себя с пролетарской борьбой, со строительством нового мира и которые искренно стремятся понять философию марксизма. Надо думать, что «Диалектика природы» Энгельса, ценная именно своей методологической стороной, поможет этим нашим естественникам отделаться от остатков того одностороннего, метафизического, «ползучего» эмпиризма, который еще до сих пор тяготеет, как призрак, над естественными науками, то и дело увлекая их в сторону реакции, мешая даже нашим естественникам окончательно перейти на путь сознательного диалектического мышления.

Но когда в начале статьи мы писали, что энгельсовская «Диалектика природы» является новой победой философии марксизма, мы имели в виду не только указанные выше стороны вопроса. Мы подразумевали то особое боевое значение, которое сейчас приобретает эта работа для нас, революционных марксистов-ленинцев.

Наблюдающийся в настоящее время процесс проникновения марксистской методологии в новые области знания, рост интереса к этой методологии, в частности среди естественников (особенно молодых) сопровождается—как и все в жизни—диалектическим противоречием. Мы говорим не о внешнем противодействии со стороны прямых врагов марксизма—идеализма, поповщины, методологического черносотенства, á la Бердяев; мы говорим о том имманентном, внутреннем противоречии, которое неизбежно, в силу некоторой инерции самого явления, сопровождает процесс продвижения марксистской методологии в «новые земли». Если брать, напр., естествознание, то тот односторонний эмпиризм, который был неизбежен на первых порах развития наук о природе и который затем внедрился в сердцевину их, стал, так сказать, их «душой» (прекрасно, однако, уживаясь с самыми метафизическими учениями и даже с мистицизмом), этот эмпиризм мстит за себя, когда материалистическая диалектика пытается вытеснить его с позиций и овладеть естествознанием. Мертвый дух одностороннего эмпиризма хватает живое. Естественники, поколениями впитывавшие в плоть и кровь свою презрение к философии и в эмансипированном от теории эмпиризме видевшие единственный «метод» познания, эти естественники теперь, даже при всем своем добром желании, не могут сразу освободиться от одностороннего эмпиризма и перейти сознательно, последовательно, целиком на точку зрения диалектического материализма, восприняв его философию, как общий метод естественно-научного познания. Мало того, процесс перехода их на методологические позиции диалектического материализма—процесс долгий и трудный—неизбежно сопровождается и своеобразной теоретической болезнью роста: обломки одностороннего эмпиризма в их мышлении оказывают (чаще всего, вероятно, это протекает бессознательно) противодействие проникновению в глубины сознания диалектического метода и, что важнее всего, восстают против теории диалектического материализма.

Внимательное, терпеливое изучение методологии марксизма в ее логической структуре и историческом развитии могло бы, конечно, оказать существенную помощь при усвоении естественниками точки зрения диалектического материализма. Но в том то и дело, что упомянутая выше болезнь роста—своеобразное сопротивление, оказываемое философии марксизма со стороны отжившего духа «ползучего» эмпиризма,—нередко вызывает у естественников-марксистов (или становящихся на почву марксизма) отказ заниматься «философским хламом»: историей философии вообще, изучением исторических и логических корней философии марксизма в частности. Особенно этот отказ относится к диалектике, которая при этом зачисляется по ведомству схоластики (заслуживающей, конечно, всяческого порицания) и т. д. Но, таким образом, проявляя себя, умирающий дух эмпирической беспринципности, у многих естественников-марксистов (благодаря тому, что философское мышление не очень-то давно стало их «новой землей», или даже вовсе еще ею не является), вместе с тем через этих же естественников оказывает отрицательное влияние и на область марксистской философии. Некоторые из наших товарищей, занимающихся вообще теорией марксизма, склонны очень доверчиво относиться к перерождению мышления современного естествознания и естественников на диалектическо-материалистический лад. Видя первые шаги в направлении этого перерождения, они слишком поспешно бросают марксисткую методологию в некритический союз с естествознанием, больше того—чуть не ставят знак тождества между первой и выводами последнего. В результате такие товарищи не только не ведут естественников за философией марксизма, не только не поднимают естествознание до уровня нашей методологии (единственно верной, единственно научной, единственно революционной методологии в настоящее время), но, напротив, сами подчиняются остаткам до-марксистского естественно-научного мышления, сами плетутся в хвосте у пережитков и предрассудков одностороннего естественно-научного эмпиризма, договариваясь, вслед за некоторыми естественниками, а иногда и прежде их, даже до упразднения в марксизме науки философии и уж во всяком случае до презрения к диалектической «схоластике», абстрактной теории и т. д. Развивая такой своеобразный «хвостизм» в методологических вопросах, товарищи эти, очевидно, совершенно забывают, так сказать, философское завещание Ильича в № 3 журнала «Под Знаменем Марксизма».

Говоря о союзе воинствующего диалектического материализма с представителями современного естествознания, Ленин, однако, подчеркивает, что «без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естественник,—продолжает Ленин,—должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, т.-е. должен быть диалектическим материалистом». Чтобы достигнуть этой цели, нужно «организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения... Опираясь на то, как применял Маркс материаличтически понятую диалектику Гегеля, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон, печатать в журнале отрывки из главных сочинений Гегеля, истолковывать их материалистически» и т. п. Далее Ленин пишет: «Группа редакторов и сотрудников журнала «Под Знаменем Марксизма» должна быть, на мой взгляд, своего рода «обществом материалистических друзей гегелевской диалектики». Современные естествоиспытатели найдут (если сумеют искать и если мы научимся помогать им) в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд отве-

тов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании... Без того, чтобы такую задачу себе поставить и систематически ее выполнять, материализм не может быть воинствующим. Он останется, употребляя щедринское выражение, не столько сражающим, сколько сраженным. Без этого крупные естествоиспытатели так же часто, как до сих пор, будут беспомощны в своих философских выводах и обобщениях, ибо естествознание прогрессирует так быстро, переживает период такой глубокой революционной ломки во всех областях, что без философских выводов естествознанию не обойтись ни в коем случае»[1]) (курсив в отрывке везде наш. П. С.).

Так писал Ленин, как бы предвидя те болезни роста естествознания, о которых мы упоминали выше. Но наши естественники в своем большинстве и кое-кто из товарищей, занимающихся теорией марксизма, тем не менее мало обращали внимания на необходимость философских прививок современному естествознанию, и сами поддавались поэтому инертной тяге его прежних навыков мышления. В результате мы имели со стороны таких товарищей ряд выступлений, направленных то против отдельных сторон методологии марксизма, то против философии диалектического материализма в целом, особенно против ее станового хребта—диалектического метода. Нужно ли говорить, что при этом Гегель третировался, как устарелый хлам, а попытки разрабатывать и материалистически изучать диалектику назывались бесплодным схоластическим занятием.

Все это не только вредило росту и воспитанию естественников в духе диалектического материализма, но, в той или иной мере, грозило ликвидацией философии, сиречь методологии, марксизма.

Совершенно очевидно, что революционные марксисты-ленинцы, которые не поддавались влиянию указанных выше противоречий, должны были со всей беспощадностью и резкостью критики выступить против попыток ликвидации философии, отрицания необходимости изучения диалектики и т. д. Ибо только борясь за философию марксизма, за материалистическую диалектику, только разоблачая ошибки и вредность упразднительства и упростительства философии при применении ее к естествознанию, можно вести естественников за методологией Маркса—Энгельса—Ленина, поднимать их до последней, учить их проникаться ее духом и уметь сознательно применять наш метод, как основу всякого познания. Само собой разумеется, что и для воспитания широких кадров партии и класса в духе марксистской методологии, такая борьба была крайне необходима.

Завязался, конечно, жаркий бой и в печати и в устных дискуссиях. В этой борьбе противоположный—«естественно-научный»—лагерь обычно аргументировал против той точки зрения, которая защищалась «философами», ссылкой на слова Энгельса о «конце» «самостоятельной» философии. Правда, на это защитниками философии марксизма совершенно резонно указывалось, что слова Энгельса относятся к «философским системам», независимым от науки, а отнюдь не к философии, понимаемой как методология, как диалектическая логика наук.

Так или иначе, старик Энгельс был введен в бой, при чем противники философии стремились представить его своим шефом. Насколько они имели на это право, насколько этим мог бы быть доволен сам Энгельс, мы увидим ниже. Но Энгельс—этот кипучий боец и в теории и в практике пролетарского дела—мог во всяком случае радоваться—его мысли были на клинке в самой острой теоретической схватке.

---

[1]) «Под Знаменем Марксизма» 1922 г., № 3, стр. 9—11.

Уже это показывает, насколько идеи Энгельса свежи и насколько важны они для вопросов нашей сегодняшней теории. Выход же «Диалектики природы» Энгельса сейчас особенно, как нельзя более кстати. Ибо работа эта исчерпывающе отчетливо отвечает как раз на центральные проблемы, сражения. Она является, естественно, решающим ударом в борьбе, ударом, который—как мы сейчас увидим—целиком доставляет победу лагерю сторонников философии диалектического материализма.

Перейдем теперь к рассмотрению данной работы Энгельса в связи с вопросами, выдвинутыми в упомянутой выше борьбе.

II.

Центральными вопросами борьбы являлись: вопрос о возможности бытия марксистской философии и о ее задачах, вопрос об отношениях между философией и естествознанием и, наконец, вопрос о характере и природе естествознания, которое может быть включено в мировоззрение диалектического материализма.

Именно эти вопросы, как мы уже указали, и являются основными вопросами, которые разрабатывает Энгельс в своих, к сожалению, неоконченных набросках и фрагментах о диалектике природы. Точка зрения на философию, развиваемая сторонниками естественно-научного «блока», сводилась к замене философии, как самостоятельной науки, «последними и наиболее общими выводами современного знания». По сути дела это означало отказ от единого методологического мышления, упразднение философии как «логики» наук и переход на дорожку позитивизма и эмпиризма [1]). Особенно нападкам и упразднению подвергся основной пункт философии марксизма—диалектический метод.

Посмотрим, однако, какой ответ на вопрос о философии диалектического материализма дает нам «Диалектика природы» Энгельса.

---

[1]) Конечно, ни о какой философии, независимой от наук, речь ни для кого из другого стана не шла; не защищал в нем также никто философию, как натурфилософскую систему. Это все полемические фантазии—ни больше, ни меньше. А вот если вскрыть суть, приведенной выше, достаточно противоречивой цитаты, то и выходит: упразднение не только схоластической и проч., но и марксистской философии. Сказать—«последние выводы современной науки»—это ведь значит поставит знак равенства, тождества между, напр., материализмом Маркса—Энгельса—Ленина и современной естественно-научной (электронной) теорией материи и т. д.; завтра ей на смену придет другая теория—принимай ее вместо прежней, как единственно верную. Или, вместо нашего философского учения о суб'екте-об'екте, о психическом и физическом—поставить учения Павлова, Бехтерева, Фрейда и т. д.? Ведь их выводы—последние и наиболее общие выводы современной науки в данной области. Или еще, к примеру,—головокружительными выводами Эйнштейновского релятивизма заменить учение марксистской философии об условности и относительности всяких граней в природе и обществе. Отождествлять последние выводы наук с методологией марксизма, это значит упразднять марксистскую методологию. Рассуждать так—это по существу значит отказаться от всякой методологии, от всякой философии и скатиться в конце-концов к голому позитивизму и эмпиризму. Чем по существу, в самом деле, отличается вышеприведенная точка зрения от той, которая высказана уже явным упразднителем философии—Боричевским: «наука сама себе философия». Ничем, ровно ничем. Правда от Боричевского, надо сказать, в лагере «естественно-научном» открещиваются. Открещиваются потому, что он уж очень обнаженно и рельефно высказывает то, что другие скрывают от себя и от других под различными фиговыми листочками. Но надо же ведь додумывать до конца свои мысли, товарищи!

«Над всем нашим теоретическим мышлением,—пишет Энгельс,—господствует с абсолютной силой тот факт, что наше суб'ективное мышление и об'ективный мир подчинены между собой одним и тем же законам, и что поэтому оба они не могут противоречить друг другу в своих конечных результатах, а должны согласоваться между собой. Факт этот является бессознательной и безусловной предпосылкой нашего теоретического мышления». Без этого не были бы возможны ни теория, ни практика, ни их единство. «Материализм XVIII столетия,—продолжает Энгельс,—будучи по существу метафизического характера, исследовал эту предпосылку только с точки зрения ее содержания (курсив здесь наш. П. С.). Он ограничился доказательством того, что содержание всякого мышления и знания должно происходить из чувственного опыта, и восстановил старое положение: nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu [1]). Только современная идеалистическая, но вместе с тем и диалектическая философия,—подчеркивает Энгельс,—в особенности Гегель, исследовали эту предпосылку также с точки зрения формы (курсив здесь Энгельса. П. С.). Несмотря на бесчисленные произвольные и фантастические построения этой философии, несмотря на идеалистическую, на голову поставленную, форму ее конечного результата—единства мышления и бытия, нельзя отрицать того, что она доказала на множестве примеров, взятых из самых разнообразных отраслей знания, аналогию между процессами мышления и процессами в области природы и истории, и обратно, и господство одинаковых законов для всех этих процессов» [2]).

Значит, заслугой немецкой идеалистической философии, особенно гегелевской, Энгельс считает ее взгляд, что и в мышлении и в бытии господствует единая общая закономерность, единые законы движения, которые до нее рассматривались оторванными друг от друга. Но классическая немецкая философия (Гегель в частности) облекла это открытие в идеалистические хламиды и тем перевернула вопрос на голову: вместо того, чтобы отыскивать реальную диалектику бытия и ею об'яснять и обосновывать диалектику мышления, она в самом мышлении искала основы диалектики бытия. Между тем основанием всего является «об'ективная диалектика», царящая в природе и в обществе, «а так называемая суб'ективная диалектика, диалектическое мышление есть только отражение господствующего во всей природе движения путем противоположностей, которые и обусловливают жизнь природы своими постоянными противоречиями и своим конечным переходом друг в друга, либо в высшие формы» [3]). Но раз это было понято и обосновано Марксом и Энгельсом, то гегелевская диалектика была «снята», т.-е. превзойдена и сохранена в переработанном на материалистическом основании виде. Отныне диалектические законы не должны строиться на идеалистическом основании, из головы, ибо это будет извращением не только диалектики бытия, но и диалектики мышления. Диалектические законы мышления должны лишь отражать диалектическую закономерность бытия.

Но если мы твердо примем за отправной пункт, что «диалектика головы—только отражение формы движения реального мира: как природы, так и истории» [1]), то мы можем тогда «правильно познать» самые общие законы мышления и законы природы в их единстве, согласованности и нужном, реальном соотношении. Оформление этих законов в понятиях, в категориях теоретического мышления и будет—поскольку закономерность эта понята верно, а это проверяется практикой—являться «аналогом» и, значит, методом об'яснения» происходящих во всей реальной жизни процессов движения и развития» [2]). Если практика доказывает его общую верность, т.-е. аналогичность, основным законам движения и изменения реального бытия, если мы убеждены в этом, то мы должны тогда пропитать им свое мышление, сделать его стержнем всякого познания, каждой науки, любого эмпирического исследования. Такой общий метод познания должен проникать все науки, увязывать их вместе в единое целостное мировоззрение, должен служить предпосылкой всякого знания, всякого действия, должен помогать критически осмысливать, усвоять и развивать результаты теории и практики.

«Мы все согласны с тем,—писал Энгельс,—что в любой научной области—безразлично в естествознании или истории—надо исходить из данных фактов» [3]). Но ведь нужно уметь эти факты извлекать, увязывать, критически обобщать. «Результаты, в которых обобщаются данные опыта, суть понятия; искусство же оперировать понятиями не врождено и не заключается в обыденном здравом смысле, но требует действительного мышления» [4]). Далее. Раз исследование переходит в теоретическую область, то «здесь методы эмпиризма оказываются бессильными, здесь может оказать помощь только теоретическое мышление» [5]). Затем,—поскольку необходимо об'единение отдельных взглядов, в одно гармоничное целое, без которого,—пишет Энгельс,—в наше время не сделает шага вперед даже самый беззаботный по части теории эмпирик, нам приходится очень часто оперировать с не вполне известными величинами, и логика, последовательность мысли должны были всегда заполнять такие неизбежные провалы познания» [6]).

Словом, для науки, если она не желает застрять на степени простого собирания и поверхностного описания фактов, если она хочет к самым фактам подходить осмысленно и уметь их теоретически обобщать, развивать и т. д., необходимо методологическое мышление. Единый метод мышления, представляющий собою лишь аналог, теоретическое оформление наиболее общих законов и ритма бытия, взятого, говоря языком Гегеля, «в становлении», и должен составлять такой стержень, живой осмысливающий «дух» всякого опыта, любого знания. Иначе говоря, опытное знание должно быть методологически осмыслено и развито.

Философия и была всегда не чем иным, как выражением, попытками оформления этого теоретического мышления. Еще греческие философы, как указывал Энгельс, верно подошли к проблеме формулировки общих законов движения, стоя, конечно, на высоте современного им опытного знания. Но неразвитость тогдашнего опытного знания не дала им пойти в области философии дальше гениальных догадок. Мало того, эта неразвитость толкнула их на неверный путь натурфилософских выдумок.

---

[1]) Ничего нет в разуме, чего не было бы в чувствах. Положение это, как известно, высказано впервые еще Аристотелем.

[2]) «Архив», кн. II, стр. 135. «Примечание к Анти-Дюрингу».

Обращаем на это место особое внимание тех, кто отрицает необходимость для марксистов изучать гегелевскую диалектику. Это место из Энгельса говорит прямо против них.

[3]) «Архив», т. II, стр. 61, «Диалектика и естествознание».

[1]) «Архив», т. II, стр. 5, «Диалектика и естествознание».

[2]) «Архив», т. II, стр. 127, «Старое предисловие к «Анти-Дюрингу».

[3]) «Архив», т. II, стр. 131, «Старое предисловие к «Анти-Дюрингу».

[4]) «Архив», т. II, стр. 375, «Диалектика в современном естествознании».

[5]) «Архив», т. II, стр. 125, «Старое предисловие к «Анти-Дюрингу».

[6]) «Архив», т. II, стр. 173, «Старое введение к диалектике природы».

хотя и в самых этих выдумках греки дали, правда, в наивной форме, зерна истины.

Именно недостаток вообще эмпирического знания с одной стороны и ряд других (в том числе и социальных) условий заставили философское мышление и в новых веках или блуждать в лабиринтах натурфилософских систем, или одеваться в идеалистическую оболочку, как сказал Маркс, становиться «на голову». Однако и в идеалистических хламидах философия скрывала нередко чрезвычайно ценные достижения. Примером тому—гегелевская философия, развившая диалектический метод, хотя и на неверном основании. И только накопление огромного богатства опытного знания с одной стороны, высокое развитие теоретической мысли в лице немецкой классической философии, особенно Гегеля, с другой, и, наконец, развитие пролетарского движения—с третьей стороны, дали возможность Марксу и Энгельсу синтезировать весь социальный и теоретический опыт прошлого (отвергнув при этом идеалистическую и схоластическую шелуху его и взяв его «рациональное основание») и развить *опирающуюся* на все достижения науки и вместе с тем служащую им всем *основой*, *осью*, методом,—философию, именно философию диалектического материализма.

Этот метод материалистической диалектики и есть,—подчеркивает Энгельс,—«единственный пригодный на высшей ступени развития (т.-е. на ступени современного знания. П. С.) метод мышления»[1]), он есть неизбежный, нужный для марксизма философский подход к проблемам всякой теории и всякой практики. Учение о нем и есть философия диалектического материализма (=марксизм). Кто этого не понимает, тот ничего не понимает в марксизме.

Совершенно очевидно, что философия марксизма отнюдь не тождественна с «последними и наиболее общими выводами современной науки». Не тождественна и не будет тождественна (хотя и должна быть согласуема с ними, критически их проверяя) именно потому, что т. н. «*современная*» наука *всегда* будет в своих последних и общих выводах нуждаться в *теоретической* проверке и увязке законов различных областей жизни и мышления, в осмысливании их в свете *единого* метода всех наук, [2]) всегда будет требовать единой предпосылки, единого теоретического основания всякого познания. Философия марксизма должна быть таким основанием именно потому, что она сама есть концентрированная *теоретическая* формулировка всего прошлого опыта человеческой истории, заполняющая вместе с тем неизбежные *пробелы* познания, ибо диалектика развития знания такова, что мы всегда познаем все глубже и шире связь и отношения мира и никогда их не познаем до конца. Поэтому у наук будут всегда разрывы и провалы, устранять которые, увязывая все знание воедино, должно *теоретическое* мышление — философия в ее единственно верной, современной форме — в форме методологии диалектического материализма. Именно так понимал Энгельс философию марксизма, ее значение и ее место среди других наук.

Но теоретическое мышление является прирожденным только в виде способности. Чтобы эта способность превратилась в философское, методологическое мышление, надо ее развить. Как же?—спросит читатель. И Энгельс на это дает точный и исчерпывающий ответ: через изучение

---

[1]) «Архив», т. II, стр. 61, «Диалектика и естествознание».

[2]) Нужно ли подчеркивать, что такой общий метод познания (т.-е. философия) должен быть на уровне современного эмпирического и проч. знания, ибо это будет обогащать его, укреплять, подтверждать и вместе с тем неизбежно видоизменять в отдельных его сторонах и деталях.

философии, не только в ее современной форме, но и на всех этапах ее исторического следования. «Никакого иного средства и пути,—подчеркивает Энгельс,—для разработки теоретического мышления до сих пор не существует». Изучайте философию марксизма в ее историческом становлении. Ибо ведь философия, которую развивал Маркс и Энгельс, а затем Ленин, не появилась как deus ex machina, как волшебник: она, как и всякая наука, имеет свою историю, она,—говорит Энгельс,—«есть историческая наука, наука об историческом развитии человеческого мышления» [1]).

Поэтому, чтобы понять и усвоить *нашу* философию, надо изучать не только ее как данную, но и изучать ее историю, т.-е. историю философии. Конечно, это изучение истории философии должно протекать в связи с историей других наук, в связи со всеми данными *современного* научного знания и оцениваться с точки зрения диалектического материализма. Но такое изучение необходимо. Особенно Энгельс подчеркивает *необходимость* изучать Гегеля и даже греческую философию.

Нам думается, что все выше развитое показывает, насколько неправы те наши марксисты и естественники, которые, поддавшись влиянию современного стихийного естественно-научного материализма, стали говорить о вреде философствования, о совпадении философии с последними выводами наук, издевались над изучением диалектики в ее историческом развитии и презрительно кивали головой в сторону занятия Гегелем. Надо прямо сказать: сторонникам философии диалектического материализма, как общей методологии наук, взятой в ее историческом развитии, выход энгельсовской «Диалектики природы» доставил истинную победу.

Впрочем, мы не сомневаемся, что даже эту работу Энгельса «противники» философии попытаются приспособить для защиты своих позиций. Вряд ли, однако, они будут в данной операции дружить с истиной!

III.

Решение второго вопроса о взаимоотношении философии и естествознания, собственно, целиком определяется разобранным выше решением первого вопроса—о необходимости и задачах философии. Однако, так как этот вопрос вызывает сейчас сугубый интерес и так как он составлял центральную проблему в вышеупомянутой дискуссии, то мы остановимся на нем особо, тем более, что в книге Энгельса ему отведено много места, а ответы на него представляют огромный интерес и имеют практически-боевое значение.

Посмотрим же, как отвечали на него товарищи из так называемого естественно-научного лагеря и как отвечал на него Энгельс.

В сборнике «Механистическое естествознание и диалектический материализм», посвященном дискуссии на эту тему в заседании Государственного Тимирязевского Института 8 февраля 1925 г., *редакция* сборника прямо говорит, что одной частью марксизма является исторический материализм, другой же частью—механистическое (современное) естествознание [2]). Что это значит? Если отбросить некое, имеющееся здесь робкое и стыдливое замалчивание сути, то получится, что диалектический материализм (=марксизм), как мировоззрение, состоит из двух

---

[1]) «Архив», т. II, стр. 125, «Старое предисловие к «Анти-Дюрингу».

[2]) «Механистическое естествознание и диалектический материализм». Дискуссионный сборник, стр. 28. Государственный Тимирязевский Институт Издательство «Северный Печатник» Вологда, 1925 г.

частей (вот уж действительно «механистическая» постановочка вопроса) — исторического материализма и современного механистического» естествознания. Философии же марксизма, тем более диалектике, при таком решении вопроса в составе мировоззрения места не находится. Очевидно, что она растворяется в «последних выводах естествознания» и т. д. Недаром один из редакторов этого сборника в другом месте прямо заявил, что «материалистическое миропонимание неизбежно должно быть физическим», ибо физика-де «наиболее точная наука». Другой же товарищ, солидарный с ним, подчеркнул, что «научно-положительную часть» диалектическому материализму сообщают физика и химия (строение материи, свойства ее, переходы состояния) и что (слушайте, слушайте!) для диалектического материализма гибелен спор о философии, как таковой [1]).

Значит, философии места нет, ее заменяет механистическое естествознание, заявляющее, что оно, мол, может и без философии, пожалуй, обойтись. Но то, что здесь выражено туманно и не без видимого смущения, то у более решительного, ретивого и последовательного товарища—небезызвестного Боричевского—сказано более откровенно: «современное механистическое естествознание должно всемерно освободить себя от всякой «философии», которая (особенно это относится к диалектике) «совершенно не нужна ни положительной науке, ни научному материализму». Здесь уже отчетливо налицо реакционнейший позитивизм. Конечно, первая точка зрения отличается от второй, но между ними, однако, протягиваются родственные нити, ибо первая, так или иначе, вопрос о философии (особенно о диалектике) и ее роли для естественно-научного мышления определенно замазывает и искажает в угоду все тем же... обломкам дряхлого, одностороннего эмпиризма и позитивизма [2]).

Точка зрения Энгельса на вопрос о взаимоотношении философии марксизма (учения о диалектике в частности) и естествознания в корне противоположна точке зрения редакции сборничка.

Его замечания бьют наших эмансипаторов естествознания от философии не в бровь, а прямо в глаз. «Естествоиспытатели воображают, что они освобождаются от философии, когда игнорируют или бранят ее. Но так как они без мышления не могут двинуться ни на шаг, для мышления же необходимы логические определения, а эти определения (слушайте, слушайте!! П. С.) они неосторожно заимствуют либо из ходячего теоретического достояния так называемых образованных людей, над которыми господствуют остатки давно прошедших философских систем, либо из крох обязательных университетских курсов по философии (что приводит не только к отрывочности взглядов, но и к мешанине из воззрений людей, принадлежащих к самым различным и по большей части самым скверным школам), либо из некритического и несистематического чтения всякого рода философских произведений,— то в итоге они все-таки оказываются в плену у философии, но, к сожалению, по большей части самой скверной; и вот люди, особенно усердно бранящие философию, становятся рабами самых скверных вульгаризированных остатков самых скверных философских систем» [1]).

---

[1]) См. указанный сборник, стр. 59 и 69.

[2]) Впрочем, такое замазывание философии, диалектики в частности, мы можем наблюдать и у других товарищей, не принимавших, правда, непосредственного участия в данной дискуссии, но стоящих на позициях, родственных взглядам редакции сборничка. Они замалчивают философию, умаляют значение современной диалектики, третируют ее предшественников. Примером таких товарищей может служить хотя бы т. Семковский. См. его предисловие и послесловие к кн. «Этюды по философии марксизма», затем рецензии в Харьковской газ. «Коммунист» и др. работы.

Читая эти строки Энгельса, мы должны сказать редакции сборника: «de te fabula narratur»—о тебе это рассказывается.

Ниже мы покажем, как попадает на дорожку неверной теории цитированный выше редактор сборника. Теперь же посмотрим на Боричевского. Отказавшись от всякой философии и обругав Гегеля и Плеханова, он тут же обнаруживает, что находится в плену у отсталой, отжившей философии, ибо он не только превозносит паче меры французский материализм XVIII века, но и вульгарный материализм Молешота, Фохта, Бюхнера, тот самый, на который справедливо обрушивались Маркс, Энгельс и Ленин.

Следовательно, тот, кто так или иначе эмансипируется от истинной философии, попадает в об'ятия ложной, отжившей, реакционной. Ибо без философии (верной или неверной) научное мышление вообще невозможно. «Как бы ни упирались естествоиспытатели, но ими управляют философы (курсив наш П. С.). Вопрос лишь о том, желают ли они, чтобы ими управлял какой-нибудь скверный модный философ, или же они желают руководствоваться разновидностью теоретического мышления, основывающейся на знакомстве с историей мышления и его завоеваний. Физика берегись метафизики! Это совершенно верно, но в другом смысле» [2]). Именно в том, что естествознание должно избегать не философии вообще, а дурной, метафизической философии.

Особенно часто приходится теперь встречать в различных формах нападки на диалектику со стороны тех, кто увлекается естественно-научным позитивизмом. Но «презрение к диалектике,—подчеркивает Энгельс,—не остается безнаказанным». Такое пренебрежение знаменует «неверное мышление» и, будучи доведено «до конца», «приводит неизбежно, по давно известному диалектическому закону, к противоречию со своим исходным пунктом» [3]), именно делает этих людей жертвой предрассудков и самых диких воззрений.

Чтобы физика могла избежать дурной философии, естествознание должно взять себе в руководители единственно верную философию—учение о материалистической диалектике. Естествознание должно поставить себе задачу пропитаться насквозь духом этой методологии, сделать ее осью своих опытов и исследований. Путь к этому для естествознания лежит через изучение философии марксизма и ее исторических корней, т.-е. изучение не только материализма и диалектики Маркса и Энгельса, но и основных этапов всей до-марксовской философии.

Энгельс прямо рекомендует естественникам (!) — изучение истории философии [4]). «Именно тем, что естествознание усвоит себе результаты, достигнутые развитием философии в течение двух с половиной тысяч лет, оно, с одной стороны, освободится от всякой обособленной, вне и над ним стоящей натурфилософии, а с другой стороны— также и от своего собственного, унаследованного от английского эмпиризма ограниченного метода мышления» [5]).

Среди этапов развития философии до Маркса, Энгельс больше всего обращает внимание естественников на...греческую философию и Гегеля!!

---

[1]) «Архив», т. II, стр. 37, «Диалектика и естествознание».

[2]) «Архив», т. II, стр. 191, «Заметки».

[3]) «Архив», т. II, стр. 121, «Естествознание в мире духов».

[4]) См. «Архив», т. II, стр. 125, «Старое предисловие к «Анти-Дюрингу».

[5]) «Архив», т. II, стр. 375, «Диалектика в современном естествознании».

«Если теоретизирующие естествоиспытатели захотят познакомиться основательнее с диалектической философией в ее исторически данных формах», то среди этих прежних форм «особенно плодотворными для современного естествознания могут стать две. Первая—это греческая философия... Второй же формой является классическая немецкая философия от Канта до Гегеля» [1]), особенно рекомендует Энгельс, конечно, изучение Гегеля.

Мы представляем себе, какое впечатление произведут эти слова Энгельса на тех, позитивистски настроенных товарищей-естественников и неестественников, которые так любят издеваться над изучением Гегеля. Но что делать—Энгельс явно не на их стороне.

Чтобы естественники не очень-то удивлялись рекомендации обратиться для развития у них теоретического мышления к истории философии, к Гегелю, к грекам, Энгельс подчеркивает, что даже прежняя философия, несмотря на всю свою метафизичность, идеализм и проч. именно благодаря силе теоретического мышления оказывалась нередко в своих общих выводах впереди современного ей и даже позднейшего естествознания, предвосхищая его достижения.

Энгельс ссылается на воззрения об атомах Левкиппа, Эпикура, Демокрита, на открытия Декарта в области математики, на его формулировку закона сохранения энергии и неуничтожимости движения—формулировку, которая опередила естествознание на двести лет; он указывает затем на «Лейбница—основателя математики бесконечного, перед которым индуктивный осел Ньютон является плагиатором и вредителем», на Канта, открывшего космогоническую теорию до Лапласа, Окена—«первого выдвинувшего в Германии теорию развития», наконец, на Гегеля,—который своим синтезом и рациональной группировкой естествознания сделал большее дело, чем все материалистические болваны, вместе взятые» (и который, напр., в вопросе о вещи в себе является «гораздо более решительным материалистом, чем современные естествоиспытатели») [2]). Подчеркнув, что именно Гегель развил обширную энциклопедию диалектики (хотя и из совершенно ложной исходной точки), которой естествознание должно учиться, Энгельс иронически добавляет: теперь, «может быть, станет возможным заговорить перед естествоиспытателями еще раз о Гегеле, не вызывая у господина Дюринга (мы чуть было не назвали другие имена! П. С.) пляски святого Витта, в которой он так неподражаемо забавен». Тем же, которые не перестают злословить по поводу нелепых априорных спекуляций немецкой натурфилософии», можно было бы порекомендовать чтение произведений физиков эмпирической немецкой школы, современных работам натурфилософов или даже более поздних» [3]). Тогда бы эти товарищи убедились, как отстали тогдашние естественники от их современников философов.

Указанные выше примеры из истории знания еще больше заставляют Энгельса настоятельно требовать от естественников изучения истории философии.

Но и сама диалектическая философия не должна чваниться перед естествознанием и держаться от него вдалеке. Ведя его за собой, она должна именно поэтому сама изучать естественные науки, обогащаясь их результатами. Без этого философия не сможет управлять естествознанием.

---

[1]) «Архив», т. II, стр. 129—131, «Старое предисловие к «Анти-Дюрингу».
[2]) «Архив», т. II, стр. 7, 13, 21, 127, 161, 231, 255 и др.
[3]) «Архив», т. II, стр. 131, «Старое предисловие к «Анти-Дюрингу».

Но вопрос о взаимоотношении философии и естествознания имеет еще и другую сторону. Это проблема о пределах естественно-научных законов, понятий и методов.

Мы бы, собственно, не останавливались вообще здесь на этом достаточно выясненном вопросе, если бы естественники во главе с зачинателем той драки, о которой все время шла речь, не подняли его вновь. В полном соответствии с их тенденцией подменить философию диалектического материализма — учение о материалистической диалектике—последними выводами наук, естествознания особенно, они выставили следующее положение: об'яснение человеческого хозяйства и самого человека принципом сохранения энергии, сведение «теоретически, в конечном счете, социальных явлений к количественному физико-химическо-биологическому анализу», «подведение» под «социологию», «количественно-диалектико-механистического фундамента» [1]).

Этих выводов (о стиле их выражений и их путанности мы уж не говорим!), конечно, надо было ожидать, зная отправные точки авторов. Но, да простят мне эти товарищи, такая затея будет почище павловских мечтаний: об'яснить и даже перестроить все общество методами условных рефлексов. Мало того—и Енчмен с его 15-ю анализаторами бледнеет перед подобной постановкой вопроса.

Но, шутки в сторону. Если эта затея у товарищей серьезна, а не представляет просто, так сказать, результат полемического увлечения, то она тогда, несомненно, вредна и должна встретить самый решительный отпор. Мало того, что она хочет потопить в общих естественных законах качественное своеобразие и специфичность законов общественной жизни, она хочет еще обосновать (!?) социологию биологией, растворить методологию исторического материализма в методологии пресловутого «механистического» естествознания, вдобавок еще эмансипированного от диалектической философии. На все это давно дан исчерпывающий ответ в марксистской литературе. Поэтому из «Диалектики природы» Энгельса мы приведем только одну справку: говоря о попытках борьбой за существование об'яснить общественную жизнь Энгельс подчеркивает: «совершенное ребячество подводить все многообразие исторического развития и усложнения жизни под одностороннюю и тощую формулу борьбы за существование. Это значит ничего не сказать или и того меньше» [2]).

Формула,—«сохранение энергии» и попытки свести общественные явления к количественному физико-химическому анализу вряд ли толще (если не тощее) осмеянных Энгельсом выше поползновений распространительно толковать формулу борьбы за существование.

IV.

Мы переходим теперь к последнему интересующему нас здесь вопросу—к вопросу о том, каким должно быть естествознание, если оно хочет отвечать духу материалистической диалектики.

На этот вопрос наши естественники и их «теоретический» вождь дают следующий ответ: оно должно быть «механистическим». Если это значит, что оно должно быть материалистическим, что из него должен быть изгнан витализм, то тут, конечно, спорить не о чем—это бесспорно.

---

[1]) Указанный выше сборник «Механистическое естествознание и диалектический материализм», стр. 15, 63, 64.
[2]) «Архив», т. II, стр. 63, «Диалектика и естествознание».

Но это половина ответа. Важно установить, какой материализм должен лежать в основе естествознания, увязанного в мировоззрение диалектического материализма—механический или диалектический.

Частичка «сти», которую ввели в слово «механический», только затуманивает, замазывает вопрос. А вопрос стоит так: стало ли современное естествознание по существу своему сознательно (а не стихийно!) диалектическим, восприяло ли оно диалектический метод в плоть и кровь свою, сделало ли оно его стержнем своего мышления, научилось ли оно применять правильно, полноценно все богатство диалектических категорий (о подтверждении которых в опыте говорят сами же естественники)?

И тут нечего себя и других обманывать—это ведь только мешает делу: современное естествознание еще не оплодотворилось пониманием и сознательным пользованием диалектического метода. Стихийно, естественники все больше начинают давать подтверждение диалектической точке зрения, но сознательно они (даже близкие к нам) все еще чураются диалектики, все еще не впитали ее в себя. Редакция цитировавшегося нами сборничка прямо возражает против попыток построить взамен «механистического» естествознания диалектическое, называя их схоластическими и непродуманными. По существу же это есть сопротивление старой эмпирической стихийщины стремлению диалектики стать сознательно-имманентным мышлению естествоиспытателей. Чем иным является, напр., утверждение, что материалистическо-диалектический метод уже конкретизировался в области наук о природе в современном «механистическом» естествознании? [1]) Если метод материалистической диалектики в области наук об обществе конкретизировался, как историко-материалистический метод, то это ведь является продуктом сознательной, планомерной грандиозной перестройки Марксом—Энгельсом и их учениками общественных дисциплин. А разве естествознание подвергалось такой планомерной сознательной проверке и развитию с точки зрения материалистической диалектики? Конечно, нет! Одна попытка (неудачная и по существу неверная, ибо была построена на идеалистическом базисе) оплодотворить естествознание диалектическим методом предпринималась Гегелем. В набросках и фрагментах Энгельса о диалектике природы мы имеем вторую такую попытку (уже с точки зрения материалистической диалектики), к сожалению, только начатую, намеченную, но не проведенную, не законченную даже вчерне. И пока больше мы ничего не имеем. Стихийно естествознание растет в сторону диалектического материализма, давая порой гениальные достижения, но ведь оно еще не доросло, еще не стало сознательно диалектическим, еще не развернуло в этом направлении конкретизации метода материалистической диалектики. Зачем же, поддавшись стихийщине, обманывать себя и других?

Прав был один товарищ, когда он подчеркнул, что подменять этот вопрос вопросом о смычке с естествознанием, стихийно растущим в сторону диалектики, нельзя. Тут нужно не простое механическое соединение разнородных еще величин. И спор у нас идет не просто о словах, спор идет по существу: вести ли современное естествознание за собой, поднимая его до уровня нашей философии, воспитывая его в духе сознательной перестройки на основе метода материалистической диалектики, или самим снижаться до стихийщины, плестись в хвосте у слепого еще, в отношении диалектической философии, естествознания?

[1]) Сборник «Диалектический материализм и механистическое естествознание», стр. 16.

Если отказаться от первого решения и принять второе, тогда у нас у самих неизбежно будут провалы вроде того, что мы будем, по существу, опускаться на чисто количественную точку зрения, не уметь пользоваться единством качественно-количественного анализа, не знать качественных границ различных явлений.

Немудрено, что мы придем (как выше и видели) к нелепейшему и вреднейшему выводу о подведении количественного физико-химическо-биологического фундамента под об'яснение социальных явлений. Что это все, как не преклонение перед механическим, именно, естествознанием?

«Диалектика природы» Энгельса являет нам образец попытки (неоконченной даже вчерне вследствие своей грандиозности) иного, единственно верного с нашей общей точки зрения решения вопроса. Задача всех этих набросков Энгельса о диалектике в естествознании—сделать попытку перевода естествознания на рельсы сознательно-диалектического мышления, попытку построения диалектического естествознания. Именно поэтому Энгельс говорил о необходимости для естествознания управляться диалектическо-материалистической философией, именно для этой задачи Энгельс требовал от естественников изучения истории философии; наконец, ради этого Энгельс разрабатывал сам с точки зрения сознательной диалектики отдельные проблемы естествознания, одну за другой.

Даже для профана в естествознании видно, какое колоссальное значение именно для методологии естественно-научного мышления, переходящего на рельсы диалектические, имеет его работа о двух мерах движения, об основных формах движения и др.

Естественно, что Энгельс со всей резкостью обрушивался на механическое естествознание и на чисто-количественный метод, царящий в нем. «По моему мнению,—писал Энгельс,—безусловное сведение даже химических процессов к чисто механическим сужает неподобающим образом поле химии. И, однако, оно стало столь модным, что, напр., у Геккеля слова «механический» и «монистический» постоянно повторяются как равнозначащие и что, по его мнению, «современная физиология» дает в своей области место только физическим, химическим или в широком смысле слова механическим силам». Но, продолжает Энгельс,—«механика—в более широком или узком смысле слова—знает только количество»... Говорят о количественном сведении явлений в физике и химии. «Можно охотно согласиться, что современная наука движется в этом направлении, но это вовсе не доказывает, что это направление единственно-правильное, что идя этим путем, мы исчерпаем до конца физику и химию. Всякое движение заключает в себе механическое движение и перемещение больших или мельчайших частиц материи; познать эти механические движения является первой задачей науки, однако лишь первой. Само же это механическое движение вовсе не исчерпывает движения вообще. Движение вовсе не есть простое перемещение, простое изменение места, в надмеханических областях оно является также и изменением качества. Мышление есть тоже движение» [1]), но совершенно очевидно, что «механизм в применении к жизни беспомощная категория». «Мы несомненно «сведем» когда-нибудь экспериментальным образом мышление к молекулярным движениям в мозгу; но исчерпывается ли этим сущность мышления?» [2]). «Открытие, что теплота представляет собой молекулярное движение, составило эпоху

[1]) «Архив», т. II, стр. 143—145, «Примечания к «Анти-Дюрингу».
[2]) «Архив», т. II, стр. 29, «Диалектика и естествознание».

в науке. Но если, я не имею ничего другого сказать о теплоте, кроме того, что она представляет собою известное перемещение молекул, то лучше мне замолчать». То же относится к химии. «Между тем механическая концепция сводится именно к этому; она об'ясняет всякие изменения из изменений места, все качественные различия из количественных и не замечает, что отношение между качеством и количеством взаимно, что качество так же переходит в количество, как количество в качество, что здесь имеется взаимодействие [1]). «Вся путаница происходит от смешения качества и количества. Негели [2]), стоя на господствующей механической точке зрения, считает об'ясненными все качественные явления лишь тогда, когда они могут быть сведены к количественным различиям. Для него качество и количество являются абсолютно различными категориями. Метафизика» [3]). «Только незнакомство естествоиспытателей с иной философией, кроме той вульгарной философии, которая процветает ныне в немецких университетах, позволяет им оперировать, таким образом, выражениями вроде «механический», при чем они не отдают себе отчета и даже не догадываются, какие из этого вытекают последствия» [4]). «Как доказал уже Гегель (Enz. I, стр. 199), это воззрение, эта «односторонняя математическая точка зрения», согласно которой материя определима только количественным образом, является «именно точкой зрения» французского материализма XVIII столетия. Она является даже возвратом к Пифагору, который рассматривал число, количественную определенность, как сущность вещей» [5]).

Вопрос идет не о том, чтобы перевести все в число. «Применение математики» ограничено: «в механике твердых тел абсолютное, в механике газов приближенное, в механике жидкостей уже труднее; в физике в виде попыток и относительно, в химии простые уравнения... в биологии=0» [6]). Вопрос идет о том, чтобы уметь находить, как совершается переход одной формы материи и движения в другую, что нового происходит при этом и чем отличается одна форма движения и бытия от другой. Словом, уметь находить в природе и тождество и различия внутри тождеств.

Конечно, естествознание со времени Энгельса далеко шагнуло вперед и некоторые его естественно-научные воззрения устарели. Но суть его методологической точки зрения, его стремление сделать естествознание сознательно-диалектичным, его борьба против философского безглавья в области наук о природе, его критика анти-диалектических позиций механическо-количественно-математического метода, до сих пор имеют настолько актуальное значение, точно Энгельс писал это вчера и сегодня.

Мы видим, что и вопрос о том, какое естествознание может вполне, целиком соответствовать мировоззрению диалектического материализма, решается Энгельсом отнюдь не в духе сторонников точки зрения, высказанной в сборнике «Механистическое естествознание и диалектический материализм». Совсем даже напротив!

Читателю, конечно, ясно теперь какое огромное значение имеет в наших условиях выход энгельсовской «Диалектики природы». Он означает сейчас подлинно новую победу диалектического материализма. Он является поэтому истинным праздником на улице марксистской философии.

Эта книжка, богатство которой мы не исчерпали и в малой мере, будет служить знаменем в борьбе за ортодоксальную чистоту марксистско-ленинских философских позиций нашей партии, на ней будут расти и воспитываться поколения; она окажется ценнейшим оружием перевоспитания стихийно к нам идущих естественников в духе сознательного усвоения диалектического материализма.

[1]) «Архив», т. II, стр. 143—145, «Примечания к «Анти-Дюрингу».
[2]) Один из тогдашних естественников, с которым Энгельс полемизировал.
[3]) «Архив», т. II, стр. 149, «Примечания к «Анти-Дюрингу».
[4]) Там же, стр. 145.
[5]) «Архив», т. II, стр. 147, «Примечания к «Анти-Дюрингу».
[6]) «Архив», т. II, стр. 201, «Заметки».

ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО. Ежемесячный журнал под редакцией Л. Б. Каменева и Г. М. Кржижановского, издание Госплана, №№ 1—7 за 1925 г.

Допущение рынка и рыночных отношений, этих категорий капиталистического хозяйства, не только не устраняет необходимость плана, а, наоборот, всячески усиливает эту необходимость. Это неоднократно, подчеркивал Ленин и особенно ярко выразил в письме Г. М. Кржижановскому по поводу его книги «Хозяйственные проблемы РСФСР», где трактовались плановые вопросы уже после новой экономической политики. Прочитавши конспект этой книги, Ленин дал такие указания: «Почти в каждую главу можно (и должно, по-моему) добавить страницу, другую о том, что новая экономическая политика не меняет единого государственного плана, не выходит из его рамок, а меняет подход к его осуществлению» [1]). И действительно, если бы мы отказались от планового руководства, то при рыночных условиях наше хозяйство неизбежно катилось бы к капитализму. Но мы поставили задачу, и у нас есть все условия для того, чтобы построить социалистическое хозяйство. Нужно только сознательное воздействие государства на рынок, на стихийные процессы, совершающиеся в народном хозяйстве на базе этого рынка. Мы это можем делать: в наших руках находятся мощные экономические рычаги, благодаря которым само государство является крупнейшим суб'ектом рынка. Такое сознательное воздействие на рынок мы можем оказывать только на основе плана, на основе предвидения всех процессов, совершающихся в народном хозяйстве, и заранее намеченной системой экономических мероприятий направлять и руководить этими процессами. Намечать хозяйственный план—это намечать пути, которыми мы будем итти к социализму.

Вот почему вопросы плана имеют для нас огромное значение. Но плановая работа в условиях рынка и распыленного хозяйства представляет необычайную трудность. Мелко-буржуазная стихия, имеющая корни в нашей отсталой экономике, напирает и всячески старается тянуть в сторону капитализма. Стихийное стремление подхватывают буржуазные и мелко-буржуазные теоретики и дают ему «научное» обоснование. Этой стихийной бессознательности и сознательной стихийности буржуазной и мелко-буржуазной мысли должна противостоять наша ясная классовая линия, направляющая нас в сторону социализма, а не в хайло капитализма.

Эту задачу борьбы «с идейной бесхребетностью, экономическим ликвидаторством и буржуазно-реставрационными и мелко-буржуазными уклонами в экономике» поставил журнал «Плановое Хозяйство», издаваемый Госпланом.

Редакция его, приступая к продолжению издания журнала в 1925 г., «ставит своей целью издание ежемесячного политико-экономического

[1]) Г. М. Кржижановский, «Товарооборот и плановая работа 1924 г.», с. 17.

органа, который не только с достаточной яркостью и полнотой отражал бы текущую социально-экономическую жизнь страны, но журнала, который был бы руководящим и направляющим эту жизнь в обстановке борьбы планового социалистического плана со стихией рынка».

Неправильное понимание и извращение задач плана мы имеем не только со стороны людей, не стоящих прямо на платформе классовой борьбы и необходимости построения социалистического хозяйства, но и среди людей, находящихся в рядах нашей партии. Поэтому журнал, «стоя на позиции, закрепленной в решениях наших партс'ездов, ставит своей задачей бороться как против недооценки планового начала в нашем народном хозяйстве, так и против бюрократических извращений идей планирования».

Мы уже в течение пяти лет существования рыночных условий боролись за построение планового хозяйства, достигли в этом значительных результатов, и в наших руках накопился огромный практический опыт. Поэтому «освещение хозяйственной жизни страны и обобщение опыта местных и центральных экономических органов с марксистско-большевистской точки зрения» тоже является одной из задач журнала.

Журнал предназначается не только для узких кругов квалифицированных экономистов, «но и для всего партийного и советского актива, борющегося на передовых позициях нашего хозяйственного фронта».

Таковы задачи, которые ставит себе журнал в обращении от редакции в № 1 за 1925 г. Эти задачи охватывают все вопросы строительства социалистического хозяйства. К настоящему моменту уже вышло 7 номеров за 1925 г., и мы можем дать оценку, насколько журнал выполнил поставленные им задачи.

Программа каждого номера журнала состоит из 6 отделов: 1. Экономика и экономическая политика. 2. Экономика и техника. 3. За советским рубежом. 4. По районам. 5. Критика и библиография. 6. Хроника и информация.

Наиболее богато представлен, как и следует ожидать, отдел экономики и экономической политики, занимающий не меньше $^1/_3$ журнала.

Из этого отдела останавливают на себе внимание статьи Г. М. Кржижановского: «Плановые вопросы» (Журн. № 1), «Перспективы электрификации» (Журн. № 2), «К теории и практике планового хозяйства» (Журн. № 3). Все они имеют между собою тесную связь и освещают один и тот же вопрос теории и практики планового хозяйства как в капиталистическом обществе, так и в СССР.

В этих статьях тов. Кржижановский обращает внимание на необходимость работы теоретической мысли в области плана. Мы сейчас вступили в полосу хозяйственного под'ема. Наше хозяйство, политическая и партийная работа приняли такие размеры, что нам приходится уметь считать «миллионами» и обращаться «к поколениям». «Отсюда необходимость целого ряда специальных теоретических работ. Одной из важнейших отраслей этих необходимых теоретических экскурсов будет область планового хозяйства» (Журн. № 3, стр. 9).

Вопросы плана и планового хозяйства поставлены не только в нашем хозяйстве, но ставились и ставятся и в капиталистическом. «Чрезвычайно характерно, — говорит тов. Кржижановский, — что попытки перехода к плановому хозяйству совпадают с резким нарушением соотношения борющихся сил». Уже во время войны в момент обострения экономической и социальной борьбы мы имели попытку ввести плановое начало в капиталистическое хозяйство. Эта попытка потерпела крах как только кончилась война. Момент обострения хозяйственного и социального кризисов после войны, особенно в Германии, опять возродил в ней идею построения планового хозяйства. Появилась обширная литература, посвященная вопросу построения планового хозяйства капиталистического общества. В статьях тов. Кржижановского, особенно в журнале № 3, мы находим подробный обзор этой литературы. Характерно отметить, что в годы «бури и натиска», когда буржуазное хозяйство расползалось, мы находим в рядах защитников планового начала в народном хозяйстве виднейших практиков и организаторов капиталистического хозяйства, как: Ратенау, державшего в руках бразды правления мирового треста Всеобщей Электрической Компании, а после министра иностранных дел; министра государственного хозяйства Висселя, инженера Гартена. Однако, кроме общих фраз и разговоров, дело планирования капиталистического хозяйства, как мы знаем, дальше не двинулось.

Еще в больший тупик приходит техническая мысль. Цитируя целый ряд крупнейших представителей технической мысли, пишущих на страницах реакционных журналов о необходимости обобществления народного хозяйства, тов. Кржижановский говорит: «Нам кажется, что более красноречивой защиты неизбежности национализации промышленности, с точки зрения рационализации всего ее технического аппарата и всей народно-хозяйственной экономики, нечего искать. И такие строки мы читаем во всемирно известном, но политически крайне реакционно настроенном органе германских электротехников. Это ли не тупик экономической политики современной Германии?» — спрашивает тов. Кржижановский.

Но социалистическое общество родится из капиталистического, и оно перенимает то техническое наследие, которое оставляет ему капитализм. Здесь тов. Кржижановский обращает внимание на мысли Маркса, брошенные им в примечании к Готской программе, где «Маркс рисует социалистическое строительство, как процесс последовательных трансформаций той экономики, которую мы получаем в наследство от капиталистического строя. Маркс подчеркивает, что эта экономика будет долго еще носить на себе «материнские пятна» предшествующего строя. Он предвидел, что на значительный период не придется освободиться от института заработной платы и всего аппарата денежного хозяйства. Отказываясь от глубокой детализации будущего социалистического строя, Маркс тем не менее находит необходимым отметить, что одной из первых забот этого общества будет создание таких страховых фондов, которые обеспечивали бы воспроизводство» (Журнал № 1, стр. 29).

Практика нашего хозяйства целиком подтвердила прогноз Маркса, мы сохраняем институт заработной платы, уже в самом начале революции мы вынуждены образовать специальные страховые и семенные фонды. «Однако операция образования всякого рода страховых фондов и самые операции страховки являются, по сути дела, лишь звеньями единого кредитно-банковского аппарата» (стр. 30). Отсюда огромная роль, которую придает тов. Кржижановский банкам в нашем хозяйственном строе.

Но в основу построения планового хозяйства мы должны положить энергетику. Тов. Кржижановский подробно останавливается на доказательстве этого положения, приводя целый ряд примеров из современного хозяйства капиталистических стран. Вот почему пролетарское хозяйство уже с первых дней существования его в основу построения плана положило принцип энергетики в известном плане электрификации.

В статье «Перспектива электрификации» (Журнал № 2) тов. Кржижановский дает чрезвычайно интересную историческую справку по поводу возникновения плана электрификации. Оказывается, не только мысль создать план электрификации, но и первая программа этого плана была дана Владимиром Ильичем Лениным.

Статьи тов. Кржижановского дают оценку роли плана электрификации и ссылкой на целый ряд фактов из развития послевоенного капиталистического хозяйства подтверждают правильный принцип, положенный в основу построения плана народного хозяйства, принцип энергетического подхода. Они дают ответ на вопросы плановой работы сегодняшнего дня и условия, в которых протекает эта работа.

Статья тов. Каменева (в журнале № 1) дает итог тех достижений, которые мы имели в области планирования народного хозяйства, а И. Т. Смилга в том же номере на основе итогов и опыта работы предшествующих лет дает перспективу и задачи плановой работы на 1925 г. Уже из анализа темпа развития нашего хозяйства за 1925 г. было ясно, что мы в 1925/26 г. заканчиваем так называемый «восстановительный период» в развитии нашего хозяйства, за которым последует процесс реконструкции или нового строительства на новой технической основе. Эти задания по подготовке нового строительства уже были отмечены в ст. И. Т. Смилги в начале 1925 г. Но развернутую программу этих работ мы имеем в содержательной статье Г. М. Кржижановского «К пересмотру плана электрификации» (Журн. № 7).

Давая обзор нашего хозяйственного развития и опыта, который мы приобрели за последние 5 лет, тов. Кржижановский делает вывод, что мы вступили в такую полосу, когда хозяйственный план, данный в плане электрификации, подлежит пересмотру. Основные положения, выдвинутые планом электрификации, в основе остаются верными, поэтому «перед нами работа не новых изысканий в точном смысле этого слова, а перед нами работа уточнения». Однако задачи, которые ставятся при пересмотре хозяйственного плана, вносят столько новых моментов, что это будет по существу коренной пересмотр плана электрификации, принятого VIII С'ездом.

Исключительный интерес представляют статьи С. Г. Струмилина «К проблеме капиталов СССР» (Журнал №№ 2 и 4).

Тов. Струмилин поставил своей задачей исследовать темп накопления капиталов в промышленности почти за 30 лет: с 1885 по 1913 г. Эти исследования показали, что среднее ежегодное накопление капиталов в промышленности в вещной форме составляет 7,2% в год. Насколько быстр этот темп? Тов. Струмилин приводит сравнение с американским темпом накопления примерно за тот же период (1899—1914), где средний годовой темп накопления составлял 6,5%. Таким образом, неоднократно приводившиеся данные о сверх'американском росте нашей промышленности по росту ее продукции теперь подтверждаются исследованиями тов. Струмилина «о росте капиталов».

Правильно замечает тов. Струмилин, что далеко не вся извлекаемая прибавочная ценность капитализировалась. Если ежегодная прибыль была 16,2%, то капитализации ее подвергалось только 7,2%. «Как видим,—замечает тов. Струмилин, — даже без прилива капиталов из-за границы русская промышленность могла бы умножить свои промышленные фонды не на 7,2%, а даже по полуторной или вдвое более высокой норме». В фонд промышленного накопления из каждой сотни руб. заработной платы поступало только 23 рубля. Из этого исследования тов. Струмилин делает практические выводы, что и у нас норма накопления должна быть не меньше.

Однако, норму прибавочной ценности мы можем брать с рабочего несравненно меньшую, так как у нас нет непроизводительных расходов буржуазии. Установлением этой нормы мы должны сознательно регулировать темп социалистического накопления. Тов. Струмилин предлагает устанавливать эту норму в виде прибыли, не на общую сумму издержек производства и не на основной капитал, а на зарплату.

Мотивирует это тов. Струмилин тем, что в капиталистическом обществе тенденция к равенству нормы прибыли «поставлена лишь как наиболее общая тенденция, т.-е. весьма несовершенно». И совершенно нерационально стремиться достичь ее в наших хозяйственных условиях, когда капитал обобществлен, и мы имеем другие формы переброски его «помимо стихийно выявляющихся цен и соответствующих им норм прибыли».

«Другое дело,—говорит тов. Струмилин,—тенденция к выравниванию уровня зарплаты рабочих равной квалификации и соответствующих норм прибавочной ценности. Выявить эту тенденцию, обнажив ее от всех фетишистических оболочек уже в процессе планового подхода— это не только технически приемлемая, но и принципиально благодарная позиция» (Журнал № 2, стр. 65).

И дальше: «Каждый рабочий имеет право и должен отчетливо знать, какую долю своей продукции он сберегает по воле своего класса для усиления производственных фондов республики труда, а если он будет знать, что тягота этого самоограничения ложится и распределяется равномерно на всех его товарищей по труду, то тем сознательнее и радостнее будет участвовать в общей работе и общем стремлении к социалистическому будущему». (Стр. 63).

Соглашаясь с тов. Струмилиным, что это принципиально благодарная позиция, мы решительно с ним не согласны в возможности ее практического применения в данных условиях. Если даже предположить, что мы установим равномерную заработную плату для рабочих одинаковой квалификации во всех отраслях промышленности, то это будет далеко не одинаковое участие этих рабочих в социалистическом накоплении, ибо производительность, интенсивность труда в различных отраслях не одинакова. Но это поравнение заработной платы для рабочих одной и той же квалификации в разных отраслях мы практически провести не можем, так как это устраняло бы момент производительности труда, рентабельности этой отрасли и, наконец, важности ее в данный момент. А учесть все эти факторы мы можем только через рыночные цены, которые и диктуют определенный размер заработной платы в каждой отрасли.

В следующей статье (Журнал № 4) тов. Струмилин прослеживает накопление или вернее растрачивание основного капитала в нашей промышленности за годы войны и революции до конца 1923 г. Из анализа движения промышленных фондов и получаемых прибылей за 1922—23 г. тов. Струмилин приходит к выводу, что наша промышленность уже вступила в полосу нормального погашения своих основных фондов. Прибыль, полученная промышленностью, исчисляется в 111 миллионов рублей, однако, если учесть 360 миллионов руб., списанные с промышленной прибыли НКФ'ином через повышение оценки основного капитала, то общая сумма прибыли выразится в 471 миллион, из коих 360 миллионов рублей, списанные НКФ'ином, тов. Струмилин относит за счет высоты кон'юнктурных цен эпохи «ножниц» и 111 миллионов рублей за счет прибавочной ценности, извлекаемой из рабочего класса, что составит 41% по отношению к сумме заработной платы.

К сожалению, тов. Струмилин не приводит метода своего расчета, почему он все 360 миллионов рублей относит за счет высоты кон'юнктурных цен и только 111 миллионов рублей за счет прибавочной ценности, создаваемой рабочим классом. Без этого расчета цифры тов. Струмилина теряют свою ценность. Если принять безоговорочно все расчеты тов. Струмилина, то можно с ним согласиться, что «жаловаться на особо низкую рентабельность советской промышленности пока нет никаких оснований».

Не меньший интерес представляют статьи Струмилина «Наши эмиссионные возможности» (Журнал № 5) и «Бюджет времени рабочего в 1923—24 г.» (Журнал № 7).

Статьи В. Г. Громана «О некоторых закономерностях, обнаруживаемых в народном хозяйстве» (Журнал №№ 1 и 2), являются попыткой создать теорию так называемого «восстановительного процесса», сущность которой Громан ярче всего формулировал в другой статье: «Восстановительный процесс (если отвлечься от социально-политических форм и моментов реконструкции) заключается в тенденции к восстановлению довоенных размеров пропорции и экономических связей (курсив наш) между отдельными элементами народного хозяйства» (Журнал № 7, стр. 104).

Разберем экономическое и политическое содержание этой формулировки. Прежде всего термин «восстановительный процесс» сам по себе неудачен. Это уже было отмечено А. Мендельсоном («Правда» № 64 за 1925 г.). Если мы употребляем этот термин, то вкладываем в него понятие, что приводим в действие, восстанавливаем работу на старых фабриках и заводах, оставленных нам в наследство от старого строя и бездействующих за время революции. Но уже в это время, не перестраиваясь технически, они начинают работать в новых экономических и социальных условиях.

Отдельные предприятия, принадлежавшие десяткам и сотням владельцев, как бакинские нефтяные промыслы, донецкие угольные копи, об'единены в один хозяйственный организм, который имеет совершенно иные экономические связи не только внутри себя, но и с другими отраслями хозяйства. Таким образом, здесь можно говорить о восстановлении и восстановительном процессе, но только в том смысле, что мы взяли старые здания и старые машины и восстановили на них прекратившееся производство. Но это восстановленное производство уже не то, что было прежде. Здесь мы имеем другой тип экономической связи как между отдельными предприятиями, так и между целыми отраслями народного хозяйства, и совершенно другие производственные отношения людей.

И нельзя рассматривать просто восстановление производства вне экономических связей между отраслями производства и вне новых производственных отношений. Громан же, как видите, отвлекается от этого главного. Отвлекшись от этого, он идет дальше и усматривает в этом восстановлении старые пропорции и экономические связи.

Насчет старых пропорций тут прежде всего никаких особых законов нет. Поскольку мы оперируем со старыми производительными силами как всего народного хозяйства, так и его отдельных отраслей, то здесь и законов не нужно открывать, чтобы понять, что если мы привели в действие старое техническое оборудование и засеяли старые посевные площади, то получится некоторое похожее отношение как количественное, так и ценностное между продукцией сельского хозяйства и промышленности, что Громан называет «восстановлением довоенных пропорций». И то это будет верно грубо. Если же мы возьмем

отдельные отрасли промышленности или сельского хозяйства, то такое категорическое утверждение восстановления между ними довоенных пропорций будет еще больше неверным.

Еще в большей мере тенденция к восстановлению довоенных экономических связей между отдельными отраслями будет неверной. Изменилась экономическая структура всей промышленности, а отчасти и сельского хозяйства (возьмем хотя бы кооперирование крестьянства), и утверждение, что между ними устанавливается довоенная форма связи, надо признать безусловно реакционным.

До сих пор против этой реставрационной теории никто на страницах журнала не выступил. Только И. Г. Смилга в Журнале № 6 вскользь коснулся идеологии восстановительного процесса: «Все попытки создать нечто вроде теории восстановительного процесса оказались неудачными. Слишком короток хозяйственный период и слишком велики изменения всей экономической структуры (курсив наш) Союза, чтобы можно было уже сейчас создать удовлетворительную теорию. Теория восстановительного процесса будет создана тогда, когда сам восстановительный процесс будет принадлежать истории» (стр. 9—10).

По-нашему, к тому времени и сама теория будет принадлежахь истории. Но поскольку сегодня ее пытаются все-таки создать, надо не просто констатировать, что эти «попытки неудачны», а вскрыть их социальное значение.

Богато представлен в журнале обзор кон'юнктуры народного хозяйства, а также обзор отдельных отраслей народного хозяйства. Отметим по промышленности статьи Гинзбурга «Об очередных задач нашей промышленной политики» (Журнал № 5), Гордона «Состояние капитала нашей промышленности в 1923—24 г. и перспективы на 1925—26 г.» (Журнал № 3), Александрова «Новая фаза в развитии металлургии в связи с реконструкцией» (Журнал № 4), статьи по транспорту: Рудзутака «Очередные задачи транспорта» (Журнал № 5), Янушевского «Перспективы транспорта на 15 лет» (Журнал № 3) и другие; статьи по вопросам производительности труда Халатова, Гухмана и др.

Значительно слабее представлен отдел сельского хозяйства. Кроме статей Огановского «Сельское хозяйство и его экспортные рессурсы» (Журнал № 2) и «Результаты аграрной революции и современное расслоение деревни» (Журнал № 5) и статьи Гурова «О землеустройстве» (там же), больше ничего почти нет. Статьи Н. П. Огановского, особенно «О результатах аграрной революции» и т. д., ничего ценного не представляют. Автор взял данные налоговых списков за 1924—25 г. и по этим данным дает расслоение деревни. Данными НКФ'ина, собираемыми с фискальными целями, вообще можно пользоваться чрезвычайно осторожно. Огановский эти цифровые данные еще расположил в такой комбинации, что у него получилось по некоторым районам, как правильно отмечает редакция журнала, «чуть ли не 50% кулаков» (см. Журнал № 5, стр. 55).

В журнале «Плановое Хозяйство», больше чем где бы то ни было, должен быть освещен вопрос об экономическом воздействии государства в плановом порядке на крестьянское хозяйство или вернее на различные социальные слои этого хозяйства с целью организации и вовлечения в общее русло социалистического строительства. Этому вопросу журнал как раз не посвятил ни одной статьи.

Нет в журнале и данных о выполнении наших планов по различным отраслям народного хозяйства. Госплан проделывает огромную работу по составлению как перспективных планов, так и ежегодных

операционных по всем отраслям хозяйства. Насколько они жизнью оправдываются, делаем ли мы ошибки, и где эти ошибки—все это должно найти свое отражение в журнале, издаваемом Госпланом. В свое время Ленин писал, что для того, чтобы увязать план с практической жизнью, «надо, чтобы наши экономисты, статистики и литераторы детально изучали выполнение наших планов, наши ошибки в этом практическом деле и способы исправления этих ошибок» [1]). В специальном письме по этому вопросу к Г. М. Кржижановскому Ленин писал: «Предлагаю обсудить такой план (считаю его архиважным): обязать несколько членов общеплановой комиссии систематически представлять отчеты и статьи о выполнении разными ведомствами (и по разным губерниям, уездам, кустам и предприятиям и т. д.) текущих хозяйственных планов и о сравнении этого выполнения за разные годы и для печатания в «Экономической Жизни» [2]).

Отчет о выполнении плана мы имеем только один в статье проф. Макарова (Журнал № 6) по сельскому хозяйству, а они должны даваться по всем отраслям народного хозяйства.

Из других отделов журнала обращает на себя особое внимание отдел экономики и техники. В № 1 журнала помещена чрезвычайно содержательная статья С. А. Кукеля, представляющая обзор мировой конференции по энергетике, состоявшейся в Лондоне в 1924 г., на которой присутствовали делегаты СССР. В том же номере помещен доклад проф. Рамзина на той же конференции об энергетических рессурсах СССР. Эта статья представляет собою капитальнейшее и единственное исследование о наших энергетических богатствах. Целый ряд статей в последующих номерах журнала посвящен вопросам достижений техники за границей и у нас. Из них отметим статью В. И. Золотарева «Электрификация—база будущего» (Журнал № 3).

В отделе «За Советским рубежом» мы имеем обширные обзоры мирового хозяйства в целом и по отдельным странам. Из статей, помещенных в выпущенных 7 номерах, отметим статьи Фалькнера «Экономические основы плана Дауэса» (Журнал № 1), «Рост народного имущества в Соединенных Штатах» (Журнал №№ 4 и 5); статьи товарищей Варги и Троцкого «О стабилизации капитализма» (Журнал № 6), тов. Спектатора «Государственная организация хозяйства во время войны» (Журнал № 3) и ряд других.

Отдел «По районам» дает районные обзоры народного хозяйства, а также освещает целый ряд крупных строительств (постройка Волго-Донского канала, защита Ленинграда от наводнения и т. д.).

Хорошо поставлен отдел «Критики и Библиографии».

И, наконец, последний отдел—«Хроника и информация», освещающий, главным образом, работу президиума Госплана и его многочисленных секций. Иногда почему-то в этот отдел попадают и специальные исследования, как, например, в № 7 статья С. Г. Струмилина «К учету народного богатства СССР» и статья Агибалова «Опыт исчисления товарооборота СССР в 1923—24 г.». Мы обращаем внимание читателя на помещаемые в этом отделе каждого номера «Бюллетени динамики народного хозяйства СССР» под редакцией С. Г. Струмилина и «Бюллетени динамики мирового хозяйства» под редакцией С. А. Фалькнера. Эти бюллетени, дающие цифровой материал по всем отраслям народного хозяйства с диаграммами, представляют богатейший, всегда свежий и суммированный источник сведений о всех динамических процессах союзного и мирового хозяйства.

[1]) В. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 86.
[2]) Г. М. Кржижановский, «Товарообмен и плановая работа», с. 7.

Журнал привлек к сотрудничеству лучшие экономические и технические силы нашего Союза, а также ряд экономистов крупнейших стран.

Таков облик «Планового Хозяйства», как он выявился в вышедших семи номерах. Мы, конечно, дали обзор очень незначительной части всего того богатого и содержательного материала, который помещен в вышедших номерах журнала. Однако, этого достаточно, чтобы сделать вывод, что «Плановое Хозяйство» является лучшим экономическим журналом нашего Союза.

На какого читателя он рассчитан? Задача, поставленная редакцией, чтобы журнал предназначался «не только для квалифицированных экономистов, но и для всего партийного и советского актива, борющегося на передовых позициях хозяйственного фронта»—не достигнута.

Конечно, здесь дело в понимании, где кончаются эти «передовые позиции». Если они кончаются пределами ВСНХ, НКВнуторга и им подобных, тогда да, журнал борцов этих передовых позиций удовлетворит. Но мы думаем, что понятие этих передовых позиций должно быть значительно расширено, во-первых, а, во-вторых, вопросами плана или вопросами строительства социалистического хозяйства интересуются не только борцы «передовых позиций», но и глубокого тыла.

Идею плана и планового хозяйства, нашу работу и наши достижения в этой области мы должны распространять среди сотен, тысяч и миллионов. Намечать план—это значит намечать конкретно путь строительства социалистического хозяйства. В этом строительстве участвуют миллионы, и они должны иметь ясное представление о конкретных путях этого строительства.

Не даром Владимир Ильич так настаивал на широчайшем распространении плана электрификации. По его предложению VIII С'езд принял постановление о преподавании этого плана в школах; по его настоянию, т. Степанов засел писать популярную книгу об электрификации, которую Ленин снабдил известным предисловием. Мы и десятой доли не делаем того, что нужно для распространения сведений о плановой работе в настоящий момент.

Может ли выполнить эту задачу журнал «Плановое Хозяйство». Безусловно нет. И по своему об'ему и по содержанию он предназначен для квалифицированного экономиста, и если партийный советский актив, хотя бы «борющийся на передовых позициях», не имеет теоретической подготовки, журнал будет для него труден.

Надо ли поэтому изменять характер журнала? Ни в коем случае. Журнал должен остаться в том же виде, как он есть, тем же органом теоретической и практической плановой мысли.

Для освещения вопросов плана среди широких масс участвующих не только на хозяйственном фронте, но и во всех областях социалистического строительства, надо создать второй—популярный журнал.

У нас сейчас существуют два журнала, однородных по своему характеру: «Плановое Хозяйство» и «Социалистическое Хозяйство». Их можно с большим успехом об'единить в один журнал, а второй создать популярный.

Надеемся, что Госплан возьмется за это дело и выполнит его.

А пока мы горячо рекомендуем вниманию партийного, советского и хозяйственного актива прекрасный журнал «Плановое Хозяйство».

М. Голендо.

О „ХОЗЯЙСТВЕННОЙ“ ДЕМОКРАТИИ.

„Так это и бывало: в лучшем случае получалась немецкая свобода, профессорская свобода, и не успеешь оглянуться, как на верхушке этого просвещенного гражданского творения снова сидели король и церковь, дворянство, денежные тузы и военные“.

Вальтер Ратенау, „Новое государство“.

Идея политической демократии в результате проверки ее на опыте войны и революции оказалась окончательно дискредитированной в глазах пролетариата. Идея надклассовой демократии становится все более и более недействительным оружием в руках буржуазии, и на смену ей выплывает новая идея, более тонкая, которую буржуазия думает использовать в целях притупления классовой борьбы—идея «хозяйственной демократии».

Эпоха «военного хозяйства», особенно в Германии и Англии, послужила как бы гигантским экспериментом, оправдывавшим право «хозяйственной демократии» на существование. «Бургфриден», гражданский мир был той духовной средой, которая, казалось, способствовала претворению этой идеи в жизнь.

Когда правительство Гогенцоллерна издавало в марте 1915 г. закон о регулировании трудового посредничества, оно декларировало известные элементы «хозяйственной демократии». Закон гласил, что организованное в каждом городе «бюро труда» составляется в равных частях из представителей рабочих и предпринимателей на основе пропорциональных выборов. В функции этого бюро входило, кроме трудового посредничества, также рассмотрение и утверждение тарифных договоров [1].

Необходимо особенно остановиться на законе «об отечественной вспомогательной службе», принятом 5 декабря 1916 г. § 11 этого закона предписывал организовать во всех предприятиях, работающих на оборону, с числом рабочих не менее 50—«постоянные рабочие комитеты». § 12 определял таким образом функции этих комитетов: «На рабочих комитетах лежит обязанность содействовать доброму согласию среди самих рабочих предприятия, равно и между рабочими и работодателями. Они должны доводить до сведения предпринимателя обо всех пожеланиях и жалобах рабочих, которые касаются устройства предприятия, заработной платы и прочих условий работы предприятия и его благоустройства».

Таким образом первые шаги в области законодательного проведения принципов «хозяйственной демократии» принадлежат правительству Гогенцоллерна. Стремление сделать рабочих ответственными за деятельность предприятия, работающего на оборону, стремление сделать их классово-безопасными руководило в те поры германским правительством.

Правительство встречало сильную поддержку со стороны социал-демократии и профсоюзов. Именно это обстоятельство обеспечило ему, по крайней мере на первых порах, успех. Как свидетельствует в своей книжке оппозиционно настроенный работник немецкого союза металлистов, выдвинутый затем революцией на высокие посты Рихар Мюллер [1]), проект закона об отечественной вспомогательной службе «был 8, 13 и 18 ноября согласован с представителями генеральной комиссии».

[1]) Arthur Dix. «Kriegswirtschaft und Wirtschaftskrieg».

Тронутый столь приличным поведением профсоюзов и социал-демократии министр военного снабжения, генерал Гренер, мог с полным основанием заявить в прусском ландтаге следующее: «Я смею думать, что мы и впоследствии встретимся, питая полнейшее доверие друг к другу, и что, когда через месяц после заключения мира указанный закон потеряет свою силу, мы пожмем друг другу руки и сможем сказать друг другу: мы поступили очень разумно».

Солидному генералу отвечал захлебываясь от восторга социал-демократ Гирш, заявивший, что «работа профсоюзов по проведению закона занесена в книгу истории золотыми письменами» [2]).

Интересно привести еще один документ, свидетельствующий о том, что именно реформистские профсоюзы сеяли среди пролетариата иллюзии «хозяйственной демократии». Генеральная комиссия профсоюзов писала 25 ноября 1915 г. союзу германских работодателей следующее: «За последнее время хозяйственное положение в значительной степени улучшилось. Многочисленные предприятия снова открыты, и производство возобновилось... Это благоприятное развитие в значительной степени обязано разумному об'единению организаций работодателей и рабочих для совместной работы. В разнообразных отраслях ремесел и промышленности представители работодателей и рабочих об'единились для совместной работы с целью устранения затруднений, грозивших открытию предприятий и возобновлению производства» [3]). Далее, Генеральная Комиссия восхваляет, как образцовый пример, «трудовое содружество работодателей и рабочих строительной промышленности» и просит германский союз работодателей побудить входящие в его состав организации предпринимателей поступать так же, как и предприниматели строительной промышленности.

Аналогичные явления имели место и в Англии. Вожди тред-юнионов действовали таким же образом, как и их немецкие коллеги. Очень ярко выразил реформистскую идеологию тред-юнионов в эпоху минувшей войны председатель Бирмингэмского конгресса, состоявшегося в 1916 г., Гарри Гослинг, заявивший, что «промышленная демократия является единственным средством социального мира» [4]).

Так говорил лидер английских рабочих. А что говорила буржуазия?

Устами своего тогдашнего кумира—Ллойд-Джорджа—она взывала к «гражданскому чувству» рабочих. В своей речи, сказанной в палате общин в 1915 г., он говорил: «Мы подходим к опасности остановки работ через стачки и локауты. Я бы хотел, чтобы эти орудия борьбы были уничтожены во всех отраслях промышленности в течение войны, и я не отчаиваюсь получить согласие тех, которые обычно возражают против обязательного третейского суда при нормальных условиях жизни. Рабочие и хозяева, которые участвуют в изготовлении снарядов и военного оборудования, уже дали свое согласие... Попробуем же, по мере возможности, договориться: руководители тред-юнионов идут с нами рука об руку [5]).

[1]) Рих. Мюллер, «Мировая война и Германская революция».
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) М. Беер, «История социализма в Англии», т. II.
[5]) Всер. земск. и городские союзы. „Изв. гл. комитета по снабж. армии“, № 2—3, 1915 г.

Приводимые выдержки имеют целью показать, что идея «хозяйственной демократии» усиленно пропагандировалась именно буржуазией во время прошлой войны.

Смешанные комитеты в уголовной промышленности, так называемые суды по вооружению—в Англии, рабочие комитеты, ориентация профсоюзов при проведении закона о вспомогательной отечественной службе—в Германии и пр. и пр. ясно говорят за то, что идея «хозяйственной демократии», идея хозяйственного содружества рабочих и предпринимателей не осталась пустым звуком, а была использована буржуазией, как средство для притупления классовой борьбы и подчинения пролетариата.

В годы войны идея «хозяйственной демократии» была окрашена в специфический цвет шовинизма, и под прикрытием ее буржуазия низвела пролетариат до крепостничества.

Идея «хозяйственной демократии» была враждебна идее рабочего контроля, и их никак нельзя смешивать.

В последовавшие за войной годы революции, ознаменовавшиеся резким обострением классовой борьбы, идея «хозяйственной демократии», по крайней мере в Германии, казалась окончательно похороненной. Вместо лозунга содружества пролетариата и буржуазии выдвигались лозунги классовой борьбы, захвата власти и т. п.

В Англии обостренность классовой борьбы за последние годы не достигла той степени, как в Германии. Это обстоятельство, как и известная идеологическая консервативность английского пролетариата, а также влияние французского синдикализма, обусловили тот факт, что реформистские иллюзии «хозяйственной демократии» стали играть известную роль в головах тред-юнионистских вождей. Мы говорим о так называемом «гильдейском социализме».

В Германии, теперь, в период «стабилизации», идея «хозяйственной демократии» снова появляется на свет божий с тем, чтобы сыграть свою служебную для буржуазии роль. Идеологов «хозяйственной демократии» немецкая буржуазия нашла в лице двух виднейших профессоров экономистов: проф. Лифмана и проф. Беккерата.

Надо сказать, что идеологическая атмосфера Германии характеризуется вообще бешеным наступлением на пролетариат. Столь крупный экономист, как Вернер Зомбарт, читал в декабре прошлого года в «Союзе социальной политики» доклад о классовой борьбе, пропитанный идеей гармонии интересов между пролетариатом и буржуазией. По Зомбарту тем цементом, который должен спаять пролетариат с буржуазией, является вера в бога [1]). Проф. Мизес специально занялся марксистоедством, взывая к национальному сознанию для борьбы с классовым [2]).

По стопам Мизеса шествует профессор Отмар Шпанн, воспевая доблести и добродетели и капитала [3]).

А также буржуазные знатоки промышленности, как Лифман и Беккерат, фактически проповедуют идею «хозяйственной демократии», т.-е. классового мира на заводе, на фабрике.

По мнению профессора Беккерата, довоенные отношения между работодателями и рабочими складывались следующим образом: «Дух авторитета, с одной стороны, и порядка, с другой, а также боязнь влияния дисциплинированных рабочих масс сказывались... во враждебных отношениях между государством, рабочими и работодателями. Особенно заметно это было в тяжелой индустрии. Предприниматель представлялся рабочим как полноправный хозяин, который отвергал участие рабочих в руководстве делами предприятия и даже отвергал паритетное регулирование зарплаты и условий труда. На стороне предпринимателей видно было большое умение в управлении предприятиями, а на стороне рабочих были видны относительная пассивность и отсутствие интереса к общим индустриально-хозяйственным вопросам и к специальным вопросам собственного предприятия, поскольку эти вопросы непосредственно не затрагивали условий труда; эта пассивность обусловливалась политическим радикализмом и поддерживалась некоторыми партийными вождями» [1]).

[1]) „Weltwirtschaftliches Archiw“, 1925, вып. I.
[2]) Там же.
[3]) Othmar Spann, «Die Überwindung des Marxismus».

Таким образом, были виноваты и рабочие и предприниматели. Первые слишком поддавались влиянию «политического радикализма», а вторые были чересчур об'яты духом «авторитета и порядка».

Отношения государства к рабочему, по мнению проф. Беккерата, также не отличались добропорядочностью: «Рабочий должен был благодаря заботе о его благосостоянии становиться скорей об'ектом и машиной, чем суб'ектом и соучастником государственной политики».

Но так долго продолжаться не могло, т. к. «хозяйственная демократия» заложена в самом развитии крупной индустрии и, вероятно, появилась бы в Германии раньше или позже и без войны», хотя сам профессор признает, что родилась она во время войны.

Но далеко еще «нерешенный вопрос, возьмет ли верх сознание общности интересов рабочих и предпринимателей в индустриальном предприятии над старыми авторитетными понятиями и над партийными и классово-политическими антагонизмами, и неизвестно (вот именно—неизвестно! *Д. В.*), удастся ли установить необходимую индустриальную дисциплину на основе доверчивых отношений между руководителями и руководимыми, вместо старых отношений подчинения.

Но что же нужно сделать, чтобы достигнуть, наконец, гармонии интересов? Работодателям и рабочим надо соответственным образом «воспитаться». Но особенно следует поработать над своим воспитанием рабочим. «Особенно важной будет позабытая задача политических и хозяйственных организаций рабочих об'яснить своим членам, что демократия и свобода в политической и хозяйственной жизни не есть замена подчинения своеволием и отсутствием дисциплины, и что вместо подчинения приказаниям должна быть ответственность перед самой работой, установленной предприятием, индустрией, народом. Без высочайшей самодисциплины и без гражданского сознания всех не может быть ни политической, ни хозяйственной демократии». Вот вам и программа воспитания рабочего класса!

Идея «хозяйственной демократии» должна быть осуществлена, т. к. «народ и государство будут расти в политическом и хозяйственном отношениях лишь тогда, когда по существу необходимое хозяйственное противоречие между предпринимателями и рабочими будет регулироваться чувством совместной ответственности перед народом и государством, чувством общей заинтересованности в росте индустрии и чувством бдительности перед внешним врагом». Программа проф. Беккерата рассчитана на долгий срок, т. к. социализма профессор не жаждет, и даже наоборот. «Капиталистическое хозяйство,—по его мнению,—само по себе

[1]) «Kräfte, Ziele und Gestaltungen in der deutschen Industriewirtschaft» von Dr. Herbert von Beckerath, 1924 г.

никоим образом не «анархично», но его порядок настолько потрясен войной и долголетним нарушением мировых хозяйственных связей и денежного обращения, что он (т.-е. порядок. *Д. В.*) восстанавливается с трудом».

Но нужно ли капиталистам следовать вашим рецептам, г-н профессор? Нужно, т. к. «рабочие переживают теперь время разочарования», и со стороны предпринимателей было бы крайне неумно, если бы они жали рабочих, тем более, что этот нажим не совсем безопасен.

А опасность таится вот где: «...если у рабочих будет развиваться сознание зависимости и эксплоатации их, то растет опасность, что при каком-либо поводе последует вспышка гнева,... которая разрушит искусное здание индустриального хозяйства».

Здесь-то и кроется истинная причина профессорской мудрости. Профессор боится нежелательных «вспышек» и проповедует именно поэтому «хозяйственную демократию».

Как же мыслит проф. Беккерат осуществление этой идеи?

Заключение колдоговоров с профсоюзами—вот и все. А в остальном «хозяйственная демократия» сводится к дисциплине и к уменьшению зарплаты, ибо «возможности народного хозяйства ограничены».

Другой экономист, проф. Лифман, не отличается откровенностью своего коллеги, хотя мыслит таким же образом.

В своей работе «Картели и тресты» [1]) он пишет: «Рабочих до самого последнего времени обучали ложной экономической теории, что будто бы стремление к прибыли проявляется только со стороны предпринимателей и что их «прибыль» покоится на эксплоатации рабочих, у которых предприниматели удерживают производимую ими прибавочную стоимость». В своем труде «Основы учения о народном хозяйстве» Лифман подвергает критике учение о противоположности интересов пролетариата и буржуазии. По его мнению, действенно противоположны интересы не рабочих и капиталистов, а производителей и потребителей. Рабочие же и капиталисты прежде всего—производители. Поэтому их интересы вполне примиримы. В этих насквозь неверных взглядах проф. Лифмана кроется «теоретическое» обоснование «промышленной демократии».

В своей работе «Картели и тресты» Лифман пишет: «В рамках данного исследования уместно лишь заметить, что сдвиги как хозяйственной, так и политической мощи обеих сторон (т.-е. рабочих и капиталистов. *Д. В.*) показывают, что они не могут обойтись одна без другой. Поэтому уже очень скоро оставили мысль о полном уничтожении частных предпринимателей почти во всех областях хозяйственной жизни, а пришли к признанию желательности общих организаций, т.-е. необходимости большего привлечения рабочих к хозяйственной, а не только технической стороне предпринимательской деятельности. Участие это проявляется по большей части внутри отдельных предприятий, в производствах, в виде производственных советов, где на переднем плане для рабочих стоит техническая сторона, изменение их внешних условий работы. Желательно, однако, привлечение представителей от рабочих также и к обсуждению хозяйственных вопросов, которые возникают уже в союзах, за пределами отдельных производств. Я всегда требовал нечто подобное в отношении картельных комиссий (Kartell-komissionen). Вполне возможно, конечно, представить себе рабочий совет в самом картеле, или делегацию представителей от рабочих, которые принимали бы участие в обсуждении с совещательным голосом. Можно надеяться, что когда германская хозяйственная жизнь примет опять более спокойный характер,

[1]) Р. Лифман, „Картели и тресты". Изд. «Экон. Жизнь», 1925.

слишком обостренные теперь противоречия между рабочими и работодателями примут также более мягкие формы. И этому должны способствовать именно новые организации, которые имеют целью большее привлечение рабочих к управлению предприятиями».

Как видно, профессор Лифман понимает «хозяйственную демократию» шире, чем проф. Беккерат. Лифман считает нужным привлечь рабочих к обсуждению вопросов, стоящих за пределами данного завода. Рабочие, по его мнению, должны заседать в картельных комиссиях, профсоюзы должны работать в содружестве с союзами капиталистов и т. д.

И Лифман и Беккерат обобщили с точки зрения буржуазии опыт предпринимателей за годы войны и революции. И тот и другой отображают настроения наиболее дальновидных слоев буржуазии.

Иллюзия «хозяйственной демократии» чрезвычайно опасна для рабочего класса. Она создает атмосферу известного, правда, временного содружества отдельных групп рабочих с предпринимателями. Она заслоняет основные задачи пролетариата, как класса, заменяя их заводским патриотизмом. Наконец, эта идея является прямым орудием борьбы с рабочим классом, так как диктует понижение зарплаты якобы в интересах промышленности и всего народного хозяйства.

* * *

Выше вкратце отмечалось, что реформистские профсоюзы и социал-демократия скатываются фактически к лозунгу хозяйственной, промышленной демократии. Теоретический орган немецкой социал-демократии, «Die Gesellschaft» призывает профсоюзных бюрократов готовиться к хозяйственной деятельности, при чем не оговаривает, в каких же условиях будет протекать «хозработа» этих вождей: в условиях ли господства буржуазии или господства пролетариата. Как-будто осуществление идеи «хозяйственной демократии» возможно в рамках господства буржуазии [1]).

Но если «Die Gesellschaft» сознательно затушевывает условия, в которых будет протекать хозработа профсоюзных бюрократов, то руководящий орган ревизионизма «Socialistische Monatshefte» [2]) ставит точки над и. В августовском номере этого журнала напечатан ряд статей, посвященных проблеме «хозяйственной демократии». Один из «теоретиков» ревизионизма, Пауль Кампфмейер в передовице, приуроченной к конгрессу реформистских профсоюзов Германии, открывшемуся 31 августа трактует о том, что профсоюзам необходимо заняться повышением производительности труда. Он ссылается на пример союза деревообделочников, которые думают «все производство построить демократически» и хлопочут об организации на сей предмет паритетных органов из представителей рабочих и предпринимателей. «Этого повышения производительности труда пыталось достигнуть путем применения мер насилия так называемое Советское правительство в России». В Германии повышение производительности труда будет—по мнению Кампфмейера—проводиться без всяких мер насилия, если, понятно, не считать черных списков, арестов и избиений. Не менее видный «теоретик» Макс Шиппель проповедует ту же хозяйственную демократию, при чем говорит, что рабочим нечего становиться в революционную позу, а надо практически работать в области восстановления хозяйства Германии, ибо, по выражению Щедрина, «маленькая вобла лучше большого та-

[1]) „Die Gesellschaft", Oktober 1924 г., статья „Wirtschaftpolitischer Ausbau der Gewerkschaften".

[2]) «Socialistische Monatshefte», August 1925 г.

ракана». Он доходит до такого цинизма, что выступает апологетом пресловутых договоров (Mikumverträge) между немецкой и французской тяжелой индустрией, которые ничего хорошего германским рабочим не сулят.

Юлиус Калиский занимается глубокомысленными рассуждениями, что рядом с «форменно-механической демократией» должна существовать хозяйственная демократия, должны быть созданы демократические органы управления промышленностью. И такую «двухпалатную систему» рабочие, по мнению автора, должны приветствовать, ибо «социализация означает работу на службе и под контролем нации», а так как в составе нации есть и капиталисты, то почему бы г-ну Юлиусу Калискому, и иже с ними, не послужить верою и правдой капиталистам?

Мы остановимся на одном течении в социалистической мысли, которое теперь не видит всех опасностей иллюзий «хозяйственной демократии», а, наоборот, апеллирует к этой идее. Мы обратимся к так называемому гильдейскому социализму, который имеет довольно много сторонников в Англии. Рассмотрение этого учения в интересующей нас области покажет, что гильдейский социализм есть разновидность реформизма и что он так же, как реформизм, пропагандируя идею «хозяйственной демократии» в условиях капиталистического строя, затуманивает классовое сознание пролетариата.

В своей книге «Самоуправление в индустрии»[1]) виднейший теоретик гильдейского социализма, Коль, представляется с виду весьма радикальным писателем. Он пишет: «Демократическое управление фабриками занятыми в них рабочими было бы явственным признаком переворота в индустрии. Но таким путем система наемного труда не была бы еще разрушенной. Предприниматель мог бы предоставить управление фабрикой своим рабочим... Капиталист мог бы оплачивать (вот именно! *Д. В.*) профсоюзы, так же, как он оплачивает своего директора и, несмотря на это, он мог бы остаться капиталистом... они (т.-е. рабочие. *Д. В.*) тем самым не достигли бы ни упразднения системы наемного труда, ни социализации».

Здесь вопрос поставлен совершенно верно. Демократия на фабрике в условиях капиталистического строя ни в малейшей мере не угрожает капиталисту. Но выводы из этого верного положения делаются неверные. Мы читаем, что «сторонники гильдейского социализма уже часто указывали, как должна разрешаться эта задача (т.-е. задача переустройства индустрии на социалистических началах. *Д. В.*). Она должна разрешиться путем усиления роли профорганизаций в предприятиях, путем все усиливающейся связи между ними и путем постепенного перехода к профсоюзам прав капиталистов назначать административных лиц в предприятии. Стремление все сильнее проникнуть в капиталистическую автократию предприятий, фабрик и горных предприятий давно уже занимало первое место в программе гильдейцев».

Сие «первое место» не отличается ясностью. Как же это вы, значит, будете потихоньку проникать в святое святых капиталиста, а он вам без боя сдастся?

Ведь сам Коль весьма революционно заявляет, что «от рабочих нельзя ожидать, чтобы они приняли ответственность за дальнейшее руководство предприятием при неизменном существовании системы наемного труда. В борьбе с капитализмом рабочие наступают, и их целью является полное уничтожение капитализма».

---

[1]) Мы пользуемся немецким изданием 1921 г.

По мнению Коля, «Совместный контроль (рабочих и предпринимателей. *Д. В.*) в собственном смысле этого слова не осуществим».

Значит совместный контроль невозможен; ответственности на себя рабочие в деле руководства предприятием не возьмут никакой, а между тем капиталист, сложа ручки, будет смотреть, как рабочие «постепенно» забирают его предприятие. Как-то неправдоподобно выходит! Между тем Коль, очевидно, именно так думает.

Он предлагает читателю сравнить борьбу рабочего класса с борьбой Индии против Великобритании. Разве индусы на том основании, что они угнетены англичанами, отказываются от участия в правительственных органах? Нет, они все больше и больше завладевают ими. Так же следует поступать и рабочим. «Я думаю,—пишет Коль,—что в развитии индустриального самоуправления должна быть аналогичная стадия, когда рабочие пройдут через этап совместного с капиталистами контроля, прежде чем достигнуть самостоятельного контроля над промышленностью».

Страницей же раньше Коль писал, что «совместно» никак не выйдет. А самое забавное, что рабочие при этом должны будут остаться от капиталистов «независимыми».

Капиталист будет постепенно лишен «своей доминирующей роли в руководстве производственным процессом, и благодаря атрофии двух важнейших функций капиталиста (руководства и контроля. *Д. В.*) изменится соотношение сил, и система наемного труда будет ослаблена».

Далее Коль подробно развивает практический план постепенного завладения индустрией, на котором мы останавливаться не будем.

Мы видим, что гильдейцы являются сторонниками «хозяйственной демократии», и с этой стороны учение гильдейцев реакционно.

Иллюзии «хозяйственной демократии» становятся тем опаснее, что передовые идеологи буржуазии не прочь будут сомкнуться, да и фактически «смыкаются» в этом вопросе с реформистами.

Идея «хозяйственной демократии» становится все более и более модной. Она входит необходимой частью в ученье так назыв. конструктивных социалистов, или, по просту говоря, реформистов; идея «хозяйственной демократии» занимает известное место в писаниях буржуазных экономистов, связываясь всегда с антимарксизмом.

Идея «хозяйственной демократии» в условиях капитализма глубоко враждебна пролетариату и служит оружием борьбы для буржуазии и ее агентов с рабочим революционным движением.

Требование совместного с капиталистом ведения дел на предприятии не может стать программным требованием пролетариата, какой бы революционной фразой это ни прикрывалось. Приведенными в эпиграфе словами одного из умнейших буржуа XX века можно будет подвести итог практике «хозяйственной демократии», если эта практика вообще когда-либо будет иметь место.

СОДЕРЖАНИЕ:

БОЛЬШЕВИК

№ 17—18

№ 17—18

30 СЕНТЯБРЯ

1925

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

СОДЕРЖАНИЕ:

БОЛЬШЕВИК

№ 17—18 № 17—18

30 СЕНТЯБРЯ

1 9 2 5

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА"

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 30 СЕНТЯБРЯ 17—18

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1 9 2 5
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 46197. Москва. Тираж 40.000.
Тип. Изд ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрян. наб., д. № 23а.

Итоги пленума ЦК партии.

Только что закончившийся пленум ЦК происходил на пороге нового хозяйственного года. В связи с этим работа пленума приобретает особое значение.

Правда, перспективы этого года еще не развернулись с достаточной определенностью. Но основной факт—хороший урожай зерновых и технических культур, сулящий значительное продвижение вперед всему нашему хозяйству,—не подлежит теперь никакому сомнению. Несмотря на происходящие заминки в ходе хлебозаготовок, несмотря на несвойственное обычно этому периоду движение цен на хлебопродукты, что в значительной степени обусловлено состоянием погоды, острым недостатком промтоваров и отсутствием в этом году налогового нажима,—несмотря на все эти явления, у нас нет оснований отказываться от тех расчетов на предстоящий год, которые нашли свое выражение в контрольных цифрах Госплана. Остаются в силе и экономические мероприятия, намеченные Госпланом в связи с контрольными цифрами.

Однако, мы не можем еще утверждать, что контрольные цифры Госплана оправдаются на все сто процентов. Будет ли это так, придется ли вносить коррективы в сторону увеличения или уменьшения этих цифр, сказать определенно еще нельзя. Окончательно предпосылки наших расчетов на предстоящий год выяснятся, вероятно, к декабрю, к моменту партс'езда. Именно поэтому пленум ЦК не решился связывать партию какой-либо окончательной оценкой хозяйственной обстановки, решив предоставить это партс'езду и оставив на ближайший период в силе ту ориентировку, которая нашла свое выражение в контрольных цифрах.

Что касается ближайших задач, то общим мнением выступавших на пленуме товарищей было признание необходимости большего регулирования хлебозаготовительной кампании, борьбы с конкуренцией между хлебозаготовителями, приведения политики хлебозаготовок в соответствие с выясняющейся на ближайшие месяц—два обстановкой. В выступлениях на пленуме подчеркнута, как одна из важнейших задач на предстоящий период, необходимость развертывания промышленности. Только путем увеличения промышленной продукции мы сможем изжить остроту товарного

голода и стимулировать предложение хлеба со стороны крестьянства. Точно также подчеркнута особо ответственная роль, выпадающая на кооперацию. Кооперация в условиях теперешнего бестоварья, на основе генеральных договоров с промышленностью, должна явиться основным каналом для проведения промтоваров в деревню и притом по ценам, доступным для крестьянина и свободным от спекулятивных накидок, практикуемых частным капиталом при наблюдающемся соотношении спроса и предложения.

По мере нашего хозяйственного под'ема с каждым годом все большее значение приобретат внешняя торговля. От развития внешней торговли зависит в возрастающей степени как дальнейший под'ем сельского хозяйства, часть излишков которого может быть размещена лишь на заграничных рынках, так и развертывание промышленности, которая нуждается в импорте оборудования, сырья и вспомогательных материалов. В предстоящем году обороты по внешней торговле дадут, в результате хорошего урожая, особенно большой скачек вверх. Заслушав доклад ЦКК об организации внешней торговли, пленум признал, что монополия внешней торговли полностью оправдала себя и в дальнейшем должна оставаться одним из основных устоев советского государства. Вместе с тем пленум нашел необходимым, в связи с ростом и усложнением задач в области внешней торговли, придать больше гибкости и специализации аппарату, осуществляющему внешнюю торговлю, и установить более тесную связь между ним и внутренними хозяйственными организациями.

С ростом нашей промышленности и увеличением количества рабочих все более усиливается значение профсоюзов. Пленум ЦК отметил бесспорное укрепление профсоюзов, выражающееся как в росте числа членов, так и в развертывании ряда отраслей массовой работы (клубы, кассы взаимопомощи, физкультура и проч.), а также в улучшении профсоюзного аппарата. Однако, он констатировал, что теперь, с повышением культурного и экономического уровня масс, острее чем когда-либо, дают себя чувствовать не везде и не до конца изжитые в профсоюзах бюрократизм, «административный» и «хозяйственный» уклоны в их работе и, как следствие этого, недостаточно глубокая и всесторонняя связь профсоюзов с массами. Между тем, именно теперь, когда активность масс растет не только в городе, но и в деревне, когда мы ставим своей задачей развертывание советской демократии, профсоюзы должны вплотную подойти к осуществлению основного своего лозунга: «ближе к массам», стать действительными органами рабочей демократии. Методам командования, администрирования, непосредственного вмешательства парторганизаций в текущую работу профсоюзов (вопросы об условиях труда, зарплате, коллективных договорах) необходимо об'явить решительную борьбу. Партийное руководство профсоюзной работой надо сделать более гибким. Профсоюзы должны больше внимания уделять выполнению своей главной задачи: защите экономических интересов рабочей массы и работе над поднятием ее культурного уровня. Профсоюзы должны приложить больше усилий для развития активности и самодеятельности масс. Они должны сделать все для того, чтобы каждый беспартийный работник видел в профсоюзе свою организацию, ему подотчетную и им контролируемую. Только при этих условиях профсоюзы смогут выполнить свою роль «школы коммунизма». Таковы те задачи, которые ЦК партии ставит теперь в области профсоюзной работы.

Одним из важнейших вопросов для нашей партии является вопрос о повышении жизненного уровня рабочего класса. Естественно, что пленум ЦК, собравшийся в момент, когда мы можем предвидеть в ближайший период новое значительное продвижение вперед нашего хозяйства, остановился и на этом вопросе. Пленум признал, что увеличение продукции промышленности и сельского хозяйства дает возможность сделать дальнейший шаг в повышении заработной платы, разумеется, в меру наших хозяйственных возможностей и в соответствии с ростом производительности труда. Партия должна уделить особое внимание улучшению положения рабочих на транспорте, в тяжелой индустрии и в других отраслях, где зарплата находится на особенно низком уровне.

У нас почти не бывает партийных совещаний, пленумов и с'ездов, где бы не стоял, в той или другой форме, вопрос об отношении к крестьянству. Этим вопросом был занят и только что закончившийся пленум ЦК. Происходившая несколько месяцев назад XIV партконференция всесторонне рассмотрела вопрос о нашей политике в деревне в новых условиях, созданных нашим хозяйственным под'емом и укреплением социалистического ядра нашего хозяйства. XIV партконференция приняла ряд решений, обеспечивающих рост крестьянского хозяйства, укрепление союза пролетариата с середняком и намечающих меры по поддержке и организации деревенской бедноты. Улучшение отношений между пролетариатом и крестьянством, рост доверия крестьян к советской власти и нашей партии, сплочение вокруг партии лучших элементов бедноты и середняков—все это свидетельствует о правильности линии, взятой XIV партконференцией, все это подтверждает, что партия стоит на верном пути и что она должна проводить эту линию и впредь.

Хороший урожай этого года, увеличение рессурсов в руках пролетарского государства, а на ряду с этим—рост дифференциации в деревне, отчасти в связи с хорошим урожаем, побудили ЦК сделать теперь ряд дальнейших практических шагов для проведения намеченной партией линии по отношению к бедноте. Именно в этом смысл принятой ЦК резолюции по докладу тов. Молотова. Ни в коей мере не упуская из виду основной своей задачи—укрепления союза пролетариата со средним крестьянством—партия намечает сейчас ряд практических мер для проведения решений XIII с'езда относительно обеспечения для бедноты фактической возможности участия в кооперации и решений XIV парткоференции о поддержке хозяйства бедноты путем предоставления ей доступного и дешевого кредита. С другой стороны, повышение активности всех слоев крестьянства, развертывание в деревне советской демократии побуждают партию уделить больше внимания укреплению общественной организации бедноты в кооперации, на выборах в сельсоветы, в комитетах взаимопомощи и проч. Росту активности кулаков, их попыткам создать единый фронт с середняками наши партийные организации должны противопоставить укрепление организаций бедноты и создание бедняцко-середняцкого блока против кулаков.

И вопрос о профсоюзах и вопрос об организации деревенской бедноты,—все это звенья в цепи развертывания советской демократии. Но одним из основных условий осуществления советской демократии является укрепление демократии внутрипартийной. Нельзя бороться с бюрократизмом, практикой нажима, командования и проч. в советах и профсоюзах, если бюрократические извращения не изжиты в партийной организации, которая руководит работой профсоюзов и советов. Именно поэтому пленум ЦК решил обратиться с особым обращением ко всем партийным организациям, призывая их строить всю свою работу на основе установленных партией начал внутрипартийной демократии. В духе этих принципов партийной демократии и ленинского идейного единства партии должна быть проведена и подготовка к предстоящему в декабре XIV партс'езду. Ему должна предшествовать тщательная проработка парторганизациями всех стоящих на нем вопросов и проведение выборов таким способом, который бы обеспечил на с'езде наиболее точное и полное отражение мнений и настроений всей партии в целом.

А. Троцкий.

Зазорно ли большевику заниматься философией?

I.

Всякая серьезная политическая партия имеет перед собою три задачи. Первая из них сводится к тому, чтобы склонить на свою сторону сначала класс, представляемый ею, а затем и широкие народные массы, показать и доказать им правильность своей программы и верность намечаемых путей осуществления ее. Вторая задача заключается в том, чтобы, опираясь на сочувствие широких народных масс, и в первую голову своего класса, выступить в нужный момент на завоевание политической власти и захватить эту власть в свои руки. А за этой задачей непосредственно встает, как завершение двух первых, задача фактического осуществления той политической программы, под знаменем которой партия сбирала и вела на штурм народные массы. По другому выражаясь,—это задача организации управления страной, задача создания и упрочения нового общественного уклада в стране, признавшей данную партию выразительницей своих чаяний и надежд[1]).

Разумеется, нельзя представлять себе дело таким образом, что в жизни так оно и идет по этой схеме; сегодня мы убеждаем, ни мало не заботясь о восстании и управлении, завтра поднимаем восстание и успокаиваемся насчет убеждения, а после завтра приступаем к управлению, выбросив вон из головы всяческую заботу о первых двух задачах. Конечно, жизнь уж не столь большая поклонница теоретических схем и выкладок, чтоб выполнять их, как по нотам, не отступая ни на шаг. Само собой разумеется, что в жизни все три перечисленные выше задачи партии отнюдь не являются чем-то совершенно независимым и обособленным друг от друга: в жизни-то всегда бывает так, что каждая из них, так сказать, набегает одна на другую, вклинивается одна в другую, оставаясь всего лишь особым моментом, звеном единого процесса. Но в следовании этих звеньев есть известный порядок, при чем каждое из них, выступая, выдвигает на первый план свои особенности, делает именно их злобой дня, затемняя все остальное. Нарушить этот порядок следования, не посчитаться с особенностями каждого звена этой цепи не может никакая партия, не подвергаясь опасности своего собственного краха. Это столь понятная вещь, что в особых доказательствах она едва ли нуждается. Кому, скажем, не понятно, что большевики должны были сначала Россию «убедить», затем они ее должны были «отвоевать», а теперь перед ними

[1]) Ср. Н. Ленин, «Очередные задачи советской власти», Собр. сочин. Т. XV, стр. 195.

задача — Россией «управлять». Весьма нетрудно сделать промашку в отношении определения момента, когда необходимость «убедить» переходит в настоятельнейшую необходимость «отвоевать»—для этого определения нужен, как свидетельствует история, незаурядный ум, знание и опыт,—но очень трудно не понять, что прежде чем управлять, нужно спихнуть тех, кто это осуществлял раньше. Точно так же нетрудно освоиться с мыслью, что, раз большевики спихнули прежних управителей, то задача именно управления страной и должна быть определяющей их деятельность. Она должна давать основной тон всей работе.

Но если нетрудно сообразить, что именно задача управления является для нас коренной задачей момента, то не так просто усвоить себе особенности этой задачи, как таковой. Одно можно сказать, что задача управления—а управлять надо по-новому, по-иному, чем управляли раньше, управлять, не имея перед глазами образцов такого управления,—задача строительства, созидания по-преимуществу. В этом величайшее значение и исторический смысл теперешнего этапа развития русского большевизма. Теперь большевик, этот вчерашний гений бунта и разрушения, покорный велениям всесильной диалектики жизни, становится гением общественного строительства.

Вот почему и трудно в наши дни указать, какую бы то ни было область общественного строительства, куда бы большевик не приложил своих рук. На каком только поприще не подвизается он теперь, какой только работы не ведет он? Теперь для него нет общественно-ценного дела, которое могло бы остаться вне поля его внимания, теперь он все старается прибрать к своим рукам, стремясь повсюду закрепиться на «командных высотах». И это положение сохраняет полную силу как в отношении к тому, что именуют практикой, так и в отношении к тому, за чем закреплено название «теории». И эта область человеческой деятельности, область теории, отнюдь не является для большевика местом исторической свалки, предоставленной в распоряжение отживающих старьевщиков; наоборот, сюда все больше и больше направляется его внимание и здесь все реже и реже попадаются теперь такие участки, где не маячила бы фигура большевика.

Но среди этих участков теории есть один, переступить межу которого не скоро решается большевик, мучась сознанием, да нужно ли переступать-то ее? А не зазорно ли большевику быть на этом участке? Не является ли пропащим делом для строительства та работа, что ведется здесь? Или, по меньшей мере, не есть ли это пустая трата времени и сил, столь нужных по соседству? И не сказать, чтоб этот участок представлял собою мало изведанный уголок теоретической мысли,—наоборот, едва ли не всякий, кто не слишком поражен недугом Обломова, считает себя вполне надежным проводником по его захолустьям. И нельзя сказать, чтоб это был участок утонченной экзотики, где диковинными вещами занимаются не менее диковинные люди. Наоборот, всякий, даже самый заправский, обыватель скажет, что здесь занимаются самыми обыкновенными вещами, занимаются тем, великим знатоком чего всякий считает себя от рождения,—скажет, как только прочитает на межевом столбе: «философия». Почему же эта самая, можно сказать, популярная представительница царства человеческой мысли приводит в замешательство людей далеко не из робкого десятка? Почему кругом на всякие лады —от визгливого фальцета до солидного баса—раздается: «Большевик, бойся философии!» Почему сыплются эти предупреждения?

Прежде чем переходить к изучению причин этого явления, необходимо будет ознакомиться с некоторыми из таких предупреждений относительно философии, чтобы выяснить, к чему сводится их суть. С этой целью я, не залезая далеко в историю, остановлюсь на двух попытках сделать такие предостережения большевикам, имевших место совсем недавно, на нашей памяти. Одна из них—первая по времени—принадлежит тов. Минину, вторая, следовавшая за ней, должна быть записана за тов. Степановым.

Собственно, я не совсем прав, называя выступление тов. Минина против философии простым «предупреждением». Разумеется, это нечто больше, чем только предупреждение. Ему уж очень не нравилась «наша (читай: «большевиков». *А. Тр.*) возня с какой-то философией марксизма». Его философия—тоже «никакой философии»,—«философия не наше (большевистское. *А. Тр.*) дело»,—потому у нее «буржуазная стихия», и вообще это—«опора буржуазии». Очень недовольный таким положением вещей, он, будучи окончательно выведен из равновесия тем обстоятельством, что Плеханов и Ленин «трубят об этой самой философии», решил, чтоб зло пресечь, покончить с философией раз и навсегда, спустив ее в пучину морскую. В анналах истории после этого стало значиться, что в лето 1922 апреля 26 дня, в 2 ч. 25 мин. пополуночи тов. Мининым «без остатка вышвырнута за борт философия»[1]). Очевидно, падение было столь значительно, что воды океана выступили из берегов и заняли часть прилегающей к нашему герою суши и—будем надеяться на время—окружили его мокрой, если так позволительно выразиться, стихией. Тем и закончился ратный подвиг нового Минина, спасавшего «мозговые форты» большевиков от «газовой атаки философией».

Что это выступление носило некую, так сказать, милитаристскую форму, это нужно отнести за счет духа времени: ведь мы тогда в лучшем случае только что кончали с периодом военного коммунизма, мудрено ли после этого, что и поход против философии велся по-военному. Но суть этого выступления ничем не отличалась от выступлений, имевших место раньше, точно так же, как и выступления, последовавшие за мининским, ни капельки не изменили этой сути. Философия—гиблое дело, дело не наше, чужое, а в лучшем случае дело свихнувшихся, не вполне нормальных большевиков. Для философии нет места в работе большевика, ему зазорно делать ее своим делом; нельзя быть большевиком и в то же время специалистом философии: философия—погибель для большевика,—вот в чем смысл мининского состязания с философией.

Такой же смысл получило и выступление тов. Степанова, имеющее больше оснований считаться именно предупреждением относительно философии, особенно в его первоначальной форме.

---

[1]) Любопытствующему подробностями сего подвига надлежит заглянуть в „Под Знаменем Марксизма“ за 1922 г.

Здесь нет особой бутафории, ни «мозговых фортов» ни философских газовых атак, но и здесь для философии не находится места, и здесь философия лишается права на существование. Философия—это пустопорожнее место и, разумеется, при такой оказии не мудрено «удивиться», когда видишь как на этом пустопорожнем месте толкутся люди, делая лишенное всякого смысла и оправдания дело.

Философии нет, это только разговоры вся эта философия самая; на самом деле то, что называется философией материализма «философским материализмом»—это не более, как современное естествознание, или метод этого естествознания, или, наконец, выводы того же самого естествознания. Тов. Степанов так и пишет: «Философский материализм... по существу совпадает с современным естествознанием, с его последними выводами» [1]). Или еще: «Философский материализм, или, употребляя более ясное и прямое выражение,... современное естествознание»..., «материалистическая философия для него (марксиста, большевика. *А. Тр.*)—последние и наиболее общие выводы современной науки» [2]).

В другом месте говорится несколько иначе: «Выяснение общих соотношений между философским материализмом и историческим материализмом, или, что то же самое, между методами современных наук о природе (современного естествознания) и методами современных наук об обществе (современного обществознания, каковым его сделали работы Маркса—Энгельса)—вот основная задача нашей работы» [3]).

Словом, так или иначе—будет ли философия современным естествознанием или она станет «окончательными» выводами из него, или, наконец, она будет методом естествознания,—все равно самой философии, как таковой, нет места. Ее нет, она фикция или, по меньшей мере, синяя птица, увлекаться которой извинительно малым ребятам, но никак не взрослым людям, членам серьезной политической партии.

Но все же почему это так? Почему нужны эти предупреждения и собственно в чем их сила? Ведь известно, дыму без огня не бывает, так где же тот очаг, что напустил не мало дыму вокруг вопроса о философии в системе материалистического мировоззрения? На чем же основаны все эти страхи и неприязнь к философии?

II.

Говорят, что все в нашем мире обусловлено, все имеет свою, хоть малюсенькую, причину. Само собой разумеется, что и интересующее нас в данный момент явление не составляет исключения, и причина, порождающая его, может быть при желании найдена. Да, собственно, здесь и поисков долгих производить нет надобности: причина страхов перед философией и неприязни к ней давно отгадана. На нее указывал Плеханов, например.

---

[1]) Предисловие к книге Гортера, изд. 1924 г., стр. 5.

[2]) Там же, „Послесловие", стр 151—152. То же—см „Исторический материализм и современное естествознание", стр. 56—57. Ср. также стр. 23.

[3]) „Исторический материализм и современное естествознание". М. 1924 стр. 60.

В одном из номеров своего «Дневника Социал-Демократа» (за 1910 г., если мне не изменяет память) он жаловался на то, что у нас среди марксистов очень трудно встретить людей, которые изучали бы философию так, как следует, т.-е. путем работы над философами-материалистами. У нас, писал он, с жаром набрасываются на какую-нибудь финтифлюшистую новинку любого буржуазного философа и со спокойной совестью заставляют лежать на пыльных книжных складах Энгельса. И это, как нельзя более, верно. У нас над философской литературой систематически не работают, и буде, ежели такая работа и поведется, то этому начнут удивляться даже солидные люди, начнут весьма недвусмысленно толковать о малость рехнувшихся людях, начнут делать открытия новых сортов мандарин, выращиваемых в Москве. Но вместе с тем у нас почтут за вполне нормальное, когда люди будут глотать одну за другой без всякого разбора модные новинки философского базара. Разумеется, в результате этого, наши модницы и прекрасного и иного пола, наглотавшись этих случайно попадающихся им новинок, начинают испытывать некое «метафизическое смятение», на манер Анатоля Франса, впадавшего, по его словам, в этакое состояние после не совсем скромных ужинов. Для остроумного эпикурейца наших дней мир казался в такие минуты «жалкой иллюзией». Конечно, ничем иным не может представиться он и нашим гурманам, падким до философских новшеств. Как выкарабкивался из столь неприятного положения остроумный Франс, мне не известно, но для выхода из пренеприятной истории нашим сородичам ничего не остается иного, как самое философию об'явить «жалкой иллюзией» да взывать вслед за Ньютоном к физике: «Физика, спаси нас от метафизики!»

Конечно, нет ничего плохого в том, что люди отказываются от неправильных философских теорий, раскланиваются с ними не совсем почтительно, точно так же, как нет ничего зазорного и в том, что выражается уважение к естествознанию. Но то не гоже, что при этом не удерживаются от новых ошибок, бросаясь из огня в полымя. Разумеется, весьма похвально отказаться от идеалистических бредней и назвать их собственным именем, но нельзя модные формы идеализма отождествлять с современным материализмом и, ополчаясь против первого, переходить на истребительную войну против второго. Понятно, нужно ценить естествознание и считаться с ним, но нельзя верить на слово естественнику и возводить его в сан апостола, владеющего ключами от рая истины. Вот почему нашим товарищам, оказывающимся в столь неудопереносимом состоянии, как философское несварение, можно посочувствовать по человечеству—как известно, некоторая мрачность духа неизбежна при расстройстве одного из наших органов—но поддаваться их несколько ненавистническому настроению ни в какой мере не позволительно.

Но позвольте, возражает мне получивший предупреждение, а позволительно ли забывать тот факт, что ведь не кто иной, как Энгельс, не страдавший указанным выше недугом, сделал то же самое: ведь это он стащил философию в покойницкую... Да, такой факт, как случай с Энгельсом, забывать не следует,—отвечаю я, а поэтому и перейдем к его рассмотрению.

III.

Известно, что в силу установившегося разделения труда между Марксом и Энгельсом, первый сосредоточил все свое внимание на разработке вопросов политической экономии, правда, не забывая естествознания и философии до самых последних своих дней, второй, хотя и шел нога в ногу в области экономических вопросов с своим гениальным другом, все же больше работал в области философии и естествознания. Поэтому при разборе вопроса о месте, роли и значении философии в коммунистическом мировоззрении, конечно, невозможно обойтись без разбора взглядов Энгельса по данному вопросу. А с другой стороны, для известных условий, как, скажем, для данной статьи, в силу тех же обстоятельств, разбором именно взглядов Энгельса и можно ограничиться. Тем более, что с выходом в свет II книги рязановского «Архива», мы располагаем исчерпывающим материалом для решения круга вопросов, связанных с философией.

Итак, засядем за Энгельса. С именем последнего обычно связываются все разговоры о «похоронах» философии, об ее конце, об изгнании ее из Эдема коммунистического мировоззрения. И это делается отнюдь не без видимого основания: не кто иной, как Энгельс, говорил о «покойной ныне (70-е годы. *А. Тр.*) философии», именно он заявлял, что «вместе с Гегелем оканчивается и философия», и он же указывал, что учение, одним из авторов и борцов коего он являлся, наносит «смертельный удар философии» в последней области, где она дольше всего задержалась. Словом, как будто налицо все данные, чтобы записать Энгельса в чин могильщика философии. Но не станем торопиться в своих выводах: торопливость вовсе не принадлежит к тем качествам, которые уж очень желательны для работы. Запасемся терпением и выслушаем еще Энгельса: всякий может рассчитывать, что, кроме выигрыша, ничего другого он от этого не получит, ибо лишний час общения с таким могучим умом, как Энгельс, не может не сказаться самым благоприятным образом. Вот что еще находим у него.

Он наблюдает, как по Германии разливается волна так называемого вульгарного материализма: он знает цену представителям этого последнего, он не ждет от них ничего особо путного: теория—герой, но не из их романа, и он не прочь бы пройти мимо них, оставить их в покое. Тем более, что они «все же занимались не плохим, хотя и скромным делом, делом распространения среди немцев ф и л о с о ф и и (подчеркнуто мною. *А. Тр.*) атеизма и т. д.»[1]). И все-таки он не может пройти молча мимо них, ему приходится обратить на них свое внимание, и сделать это его вынуждает, между прочим, их, Бюхнера, Молешотта и К°, «б р а н ь п о а д р е с у ф и л о с о ф и и» (подчеркнуто мною. *А. Тр.*), которая (философия, а не брань) в глазах Энгельса, несмотря ни на что, является гордостью Германии[2]).

Итак, дело распространения философии при всей своей скромности отнюдь не является плохим делом. А брань по адресу философии не может быть не встречена отпором,—так

[1]) «А р х и в К. М а р к с а и Ф. Э н г е л ь с а», по ред. Д. Рязанова, ГИЗ. Кн. II, стр 5.

[2]) Там же, стр. 5.

думает Энгельс. При оценке этого, немаловажного для нас в данный момент, факта не нужно упускать из виду, что высказывания Энгельса о философии, приведенные мною несколько раньше, и высказывания, приведенные только что, относятся по времени к одному и тому же периоду. Это не мешает отметить, дабы исключить возможность кривотолков, что-де Энгельс одного периода говорил одно, а в другой период другое.

Однако, вернемся снова к нашему автору и выслушаем его еще. Он занят естествоиспытателями. Он высокого мнения о них, как представителях их специальных дисциплин, но он знает их беспомощность в области теоретического мышления. А это большой недостаток, с его точки зрения: подняться до подлинной науки невозможно без теоретического мышления, здесь «ползучий эмпиризм» будет недостаточен [1]). Благодаря ему, этому недостатку естественников по части теоретического мышления, последние скатываются к мистицизму, поповщине и прочей чертовщине. Благодаря ему же естественники замедляют темп развития своей науки, добровольно подставляют свою спину под толчки, идущие оттуда, где на теорию смотрят иначе [2]). И Энгельс с отеческой наставительностью рекомендует естествоиспытателям быть менее беззаботными по части теории, воспитывая в себе способность к теоретическому мышлению. Предусмотрительно он рекомендует им и средство для этого: естественники, по его мнению, должны засесть за изучение и с т о р и и ф и л о с о ф и и, особливо налегая на греков да на Гегеля.

Как видит читатель, Энгельс не только не изумляется факту изучения истории философии, как это делают иные ныне, но считает это делом ценным и необходимым. И это отнюдь не обмолвка у Энгельса: для него теоретическое мышление всегда было связано с философией, степень развития первого всегда определялась им высотой достижений второй. Так, упадок классической немецкой философии в среде интеллигенции знаменовал для него и иссякание в ее среде «великого теоретического интереса», «духа ни перед чем не останавливающегося теоретического исследования». А с другой стороны, с его точки зрения рабочий класс Германии, куда переселился этот «дух ни перед чем не останавливающегося теоретического исследования», в силу этого же и благодаря этому, стал законным «наследником классической немецкой философии»[3]). Отсюда с неизбежностью следует, что вся та высокая оценка, которую Энгельс давал теории, должна быть отнесена и на счет философии. Да и как может быть иначе, когда для него та область, которую он называет теорией, есть та самая область, что раньше именовалась философией![4]).

[1]) Ср: „нация, желающая стоять на высоте науки, не может обойтись без теоретического мышления"... „Архив", II, 127 стр.

[2]) Ср. очень выразительные замечания Энгельса насчет взаимоотношения философов и естественников на стр. 7, 21, 37, 191, и др. „Архива" К ним я еще вернусь в свое время.

[3]) Ср. Э н г е л ь с, «Людвиг Фейербах», стр. 355—356, VIII т. Собр. сочин. Плеханова.

[4]) Ср... „в области теории, в области того, что называлось до сих пор ф и л о с о ф и е й" (разрядка моя. *А. Тр.*). „Архив", II, стр. 125.

И опять здесь всеоб'ясняющее и трудно об'яснимое время не при чем: все это Энгельс говорил одновременно с тем, как произносил свои суровые приговоры философии.

Но тогда встает вопрос, как же понять Энгельса в данном случае? Когда же он прав, тогда ли, когда отпевает философию и отказывает ей в праве на место в живой жизни, или тогда, когда он воспевает ее жизненность и отводит далеко не последнее место, если не на пиру, то во всяком случае в бою жизни? Ответ на этот вопрос может быть лишь один: прав он и в том и в другом случае, ибо для него есть философия и философия. Он знает философию, одряхлевшую старушонку, для которой остается последний единственно разумный шаг —шаг на кладбище истории, и знает другую философию, полную сил и огня молодицу, уверенно отвешивающую свои далеко не из легких удары недругам. Конечно, для первой нет места в жизни, и игра с ней не стоит свеч. Заниматься ею можно только в том смысле, в каком занимался Энгельс, когда со всем присущим ему знанием дела и тактом проводил отцветшую красавицу в место успокоения. Дважды такие дела не делаются: известно, что с кладбища его обитатели не возвращаются, да к тому же трудно было бы и Энгельса повторить. А вот что касается до другой философии, то тут и вопрос совсем другой. Но можно ли говорить об этой другой философии? Прав ли я, так толкуя энгельсово отношение к философии?

Памятуя, что для большевика верить на слово—качество запретное, да и не чувствуя вовсе надобности в таком для себя одолжении, я возвращусь сызнова к самому Энгельсу и попытаюсь у него извлечь «документики» в свое оправдание.

IV.

Вопрос, до которого я по мере своих сил старался довести читателя, вопрос об отношении Энгельса к философии, есть прежде всего вопрос о так называемом «снятии» («отмене» то ж) философии в марксизме. Самое обычное дело услышать, особенно в тех кругах, где чтут, а также и там, где честят философию, что марксизм «снял» (или «отменил») философию. В тех кругах, где философию честят изрядно, это немецкое «снятие» переводится по-русски несколько, так сказать, вольным переводом: смысл приобретается в роде того, что «сняли голову», «угробили». Не чувствуя за собою нужных сил для филологической критики этого перевода, я позволю себе оспаривать его со стороны смысла энгельсова предприятия, в целях чего и начну дело с изложения истории этого самого предприятия.

Известно, что Энгельс дважды разбирал этот вопрос: один раз в конце 70-х г.г. в своем «Анти-Дюринге», второй раз в конце 80-х г.г. в своем «Людвиге Фейербахе» [1]). Первый раз это было в связи с философией Евгения Дюринга, второй раз в связи с философией Гегеля. Хотя я взял на себя обязательство изложить историю дела, но должен сейчас же отступить от традиций исторических и начать не с начала, как это бывает

[1]) Меня не нужно понимать так, что за исключением этих двух раз Энгельс никогда раньше не подходил и никогда позже не возвращался к этой теме. Смысл моего утверждения сводится лишь к тому, что эти два выступления наиболее ярки и характерны.

в историях, а с конца, т.-е. я начну не от Дюринга, а от Гегеля.

Сделать так целесообразнее в том отношении, что возражения Энгельса против системы Гегеля приложимы к любой системе, тогда как оценка дюринговой системы определяется некоторыми, исключительно ей присущими, особенностями и не может быть распространена на другие системы.

Философия Гегеля, о которой ведет речь Энгельс в своем «Людвиге Фейербахе», принадлежит к так называемой старой философии. Отличительной чертой этой старой философии—«философии в старом смысле слова», как выражается Энгельс,—является ее уверенность, будто она владеет знанием буквально всего, что есть в мире, что она может всему дать об'яснение, будто она в состоянии замирить все противоречия жизни и в состоянии связать всю пеструю смесь явлений мира в единую цепь, где все расположится в строго определенном порядке—так, как располагаются мысли в системе целостного рассуждения. Будучи уверена, что она располагает путями познания, неведомыми для науки, эта философия брала себе на откуп истину, даруя ее человечеству в виде своих систем. Эти системы, по ее мнению, должны были быть чем-то вроде кодекса жизни, без справки с которым жизнь не могла ступить и шагу. Законодательница жизни, она, естественно, претендовала на царственную порфиру и скипетр повелителя, она пыталась быть царицей в вольной республике человеческой мысли, она хотела быть наукой наук. Она не знала границ своей власти, она все подчиняла себе и была бессильна навести порядок в царстве своих собственных систем: здесь шли перманентные перевороты.

Но трагедия этого противоречия была для того времени трагедией человеческой мысли. Разбуженная жаждой истины, жаждой знания, мысль еще не знала, что последнее приходит только через действие, дается только практикой, и забираясь в высь своих чарующих красотою форм, абстракций, она забывала захватывать с собой орудие этой практики—руки, благодаря чему кладка теории не цементировалась опытом, и возводимое здание истины рушилось при первой передряге, правда, оставляя в груде развалин нужные кирпичи для будущего строительства. Не терпящая противоречий мысль искала спасения от них в философской системе, созданной исключительно из материалов ее производства, но тем самым лишь воспроизводила противоречие, расширив его сферу: если раньше она имела дело с противоречиями отдельных явлений, то в системе она получала противоречие, раздирающее само целое. Бессильная покончить с ним своими собственными силами, мысль, исчерпав все возможности, должна была сдаться на волю победителя, признав противоречие основным фактом самой жизни. Но сделав этот шаг, она не могла остановиться только на нем; она должна была признать и ненужность самой философской системы. Если до этого последняя была выражением титанических усилий мысли решить задачу, невозможность которой еще не была ясна, то теперь, после того, как невозможность этой задачи была доказана, философская система была бы не чем иным, как выражением провинциальной заскорузлости самой мысли. Если до сих пор в этих системах была необхо-

димость, а постольку и разумность, то теперь разум от них улетел далеко-далеко.

С этой философией-системой, всеоб'емлющей, всепроникающей, все противоречия примиряющей, и покончил Энгельс, а правильнее сказать—диалектический материализм. Эту, стоящую над прочими науками философию и отменял он. Последней вспышкой ее блеска и величия была система Гегеля, вот почему Гегель и является для Энгельса рубежом, где останавливается история этой философии, «философии в старом смысле слова». В этом смысле он и говорит: «С Гегелем вообще заканчивается философия, с одной стороны—потому, что его система (разрядка моя. *А. Тр.*) представляет собою величественный итог всего предыдущего развития, а с другой—потому, что он сам, хотя и бессознательно, указывает нам путь, ведущий из лабиринта систем (разрядка моя. *А. Тр.*) к действительному и положительному познанию мира» [1]). Продолжать после Гегеля путь старой философии невозможно: нить Ариадны, найденная, но не использованная великим идеалистом, ведет совсем в другую сторону.

И, на самом деле, то, что начиналось за этим рубежом, было уже иным: действительным, разумным продолжением того пути, последним этапом которого является Гегель, была уже философия в новом смысле слова, философия-наука; а то, что сделали неразумные продолжатели этой старой философии, было близко ей лишь в том смысле и в той степени, как близок базарный лубок к созданию подлинного искусства.

Получив эту нить, выводящую из «лабиринта систем», признав, что противоречие основной факт жизни, мы, естественно, не будем адресоваться к философии с требованием устранить это противоречие. Но раз мы поняли, что «требовать от философии разрешения всех противоречий значит требовать, чтобы один философ сделал такое дело, какое в состоянии выполнить только все человечество в его поступательном развитии, раз мы поняли это, философии в старом смысле слова (разрядка моя. *А. Тр.*) приходит конец» [2]). Итак, опять речь идет о старой философии, философии систем.

Но надобность систем отпадает и с другого конца; как ни скромны успехи науки, но постепенно накапливаемое ею знание начинает обеспечивать возможность обходиться без помощи философии при установлении связи явлений, при выработке общей картины мира. И если раньше при выработке подобного «изображения природы как целого» еще была нужда в так называемой «философии природы», которая «заменяла еще неизвестную тогда действительную связь явлений идеальной, фантастической связью и замещала недостающие факты вымыслами»... то теперь, когда все это изучено, когда место фантастики заступили реальные факты, само собой разумеется, философия природы «погребена навеки». Для оправдания ее существования оснований никаких нет, возвращение к ней не только излишне, но и было бы движением вспять [3]).

---

[1]) Энгельс, «Людвиг Фейербах». Цитирую по VIII т. с. соч. Плеханова, стр. 320.
[2]) Там же, стр. 320.
[3]) Там же, стр. 344.

Но ведь роль «философии природы» в области явлений общественных выполняли другие представительницы старой философии—философия права, философия истории и т. д. Их обязанность тоже сводилась к тому, чтобы пополнять провалы действительного знания измышлениями философов. Стало быть, здесь в отношении старой философии стояла та же задача, что и в области природы: здесь также нужно было «устранить вымышленную искусственную связь явлений посредством указания их истинной связи» [1]). И когда на сцене появились исторические взгляды Маркса—Энгельса, тогда пробил смертный час старой философии и в области истории, где она отсиживалась до этого момента.

Освободив, таким образом, философию от хлопот с историей, Маркс и Энгельс тем самым сделали то, чего не суждено было сделать Фейербаху: они «перешагнули за пределы философии, выдававшей себя за некую науку, парящую надо всеми отраслями знания и связывающую их воедино» [2]) (разрядка моя. *А. Тр.*). Сделав этот шаг, они очутились в области философии-науки, существование которой возможно постольку, поскольку на ее долю остается область исследования, не имеющая других претендентов, иначе говоря, поскольку за ней остается самостоятельный об'ект исследования. Этот смысл и заключен в словах Энгельса: «За философией, изгнанной из природы и истории, остается, поскольку остается (если исключить природу и историю. *А. Тр.*) лишь область чистой мысли: учение о законах процесса мышления, логики и диалектики» [3]).

Таков итог «снятия» философии, как он дан в «Людвиге Фейербахе»: «философия в старом смысле слова», философия всеоб'емлющих и всеоб'ясняющих систем сделана достоянием истории, ее место в жизни заняла философия, как одна из специальных наук.

Теперь перейду к разбору того же вопроса, в той постановке, какую он получил в Анти-Дюринге.

И здесь речь идет о той же философии систем, с той только разницей, что здесь часто имеются в виду не системы исполинов мысли, системы, представляющие собою «величественный итог» всего предшествующего развития, а системки пигмеев, корчащих из себя великанов, системки—представительницы упадка и разложения старой философии. Этим и определяется различие тона критики, но суть ее остается той же самой. Критика заострена именно в пункте критики системы, и по вполне понятным причинам: оправдания существования философии систем больше уже нет, она заслуживает лишь насмешки.

История здесь, как и везде, проделывает ехидное повторение: если в философии классиков мы имеем трагедию человеческой мысли, то с философией Дюрингов мы вступаем в область комического. Чтобы убедиться в этом, достаточно прислушаться к характеристике этой философии, даваемой самим ее творцом. Эта философия, по словам ее автора—Дюринга, «не признает

---

[1]) Ср. Энгельс. «Л. Ф.», по Плеханову т. VIII, стр. 344—345.
[2]) Там же, стр. 340.
[3]) Там же, стр. 355.

никакого видимого лишь горизонта, но развертывает в своем могучем революционизирующем движении все земли и все небеса внешней и внутренней природы». Она—«нечто абсолютно фундаментальное», «система конечных истин в последней инстанции», «ясная и до последних корней проникающая теория»[1]). И этот «системотворящий» Дюринг со своей до последних корней проникающей философией вовсе не представлял единичного явления тогдашней Германии. Наоборот, утверждает Энгельс: «с некоторых пор системы космогонии и вообще философии природы, политики, экономики и т. д. растут в Германии, как грибы после дождя. Самый ничтожный фактор философии, даже студент вырабатывает целую «систему»[2]). И понимая опасность, а вместе и легкость, сбиться на это философское бездорожье, забрести в тупик философского развития, Энгельс своей критикой направляет мысль, так сказать, по большаку философии, указывая, в каком направлении пошел этот большак дальше от того рубежа, где кончается «философия в старом смысле слова».

И здесь, в «Анти-Дюринге», Энгельсом приводятся те же возражения, что он впоследствии приводил в связи с критикой философии Гегеля, с которыми я уже успел ознакомить читателя. И вывод, к которому он приходит здесь, он повторит в своем «Людвиге Фейербахе». Этот вывод здесь—в «Анти-Дюринге»—как и там—в «Людвиге Фейербахе»—гласит, что человеческая мысль, обретая в философии Гегеля Ариаднину нить диалектики, вместе с этим теряет всякую нужду в философии типа гегелевской. Она «не нуждается больше ни в какой, стоящей над прочими науками (подчеркнул я. *А. Тр.*) философии: от всей прежней философии остается тогда, в качестве самостоятельной науки, (разрядка моя. *А. Тр.*) только учение о мышлении и его законах—формальная логика и диалектика. Все прочее входит в состав положительной науки о природе и истории[3]).

Таким образом, ответ на вопрос о «снятии» философии в коммунистическом мировоззрении —в мировоззрении современного материализма то-ж—будет звучать, если его давать по Энгельсу, несколько иначе, чем он звучит в русском переводе некоторых большевиков. У философии снята, оказывается, не голова, а не идущая к стилю нашего времени корона; философии не отказано в праве находиться среди составных частей коммунистического мировоззрения, а отказано в праве замещать собою это мировоззрение; философия совсем не лишена значения в жизни, но урезана в своей притязательности на исключительное значение в ней. Одним словом, философия переделана, преобразована в соответствии с духом нового этапа человеческой истории,—а это и выражается гегелевским понятием «снятия» («отмены»), если последнее брать применительно к явлениям истории. Философия—царица наук, философия—наука наук умерла,—и нет силы, которая смогла бы вернуть ей жизненность. «Не цвести цветам поздней осенью», а солнце жизни теперь светит не ей. Незнающее жалости время вынесло ей свой приговор, и только там, где уже не слышат хода этого времени, где оно уже давно остановилось: на задворках истории, среди отживающих классов нашего общества возможно появление безжизненных, жалких последышей этой философии. Философия нашего времени, наша философия—одна из наук, и вопрос о ее возможности, значении и т. д. решается вопросом о наличии самостоятельного об'екта этой науки, об'екта, не совпадающего с об'ектом какой-либо другой области познания. Есть такой об'ект—существует и наука, занятая им; нет его—не будет и науки: науки о пустушках не бывает. Велико в жизни значение об'екта данной науки—почтенна и роль последней; ничтожно оно—не завидна и ее судьба.

[1]) Привожу по Энгельсу, русск. изд. «Моск. Рабочего», 1923 г. стр. 38—39.
[2]) См. Энгельс, «Анти-Дюринг», изд. «Моск. Раб.», 1923 г., стр. 14.
[3]) Там же, стр. 34.

Стало быть, ответ на частный вопрос нашей темы, отчасти отвечает и на вопрос всей заметки. Ежели философия—наука, и—далеко не беспредметная, то уж во всяком случае на особое невнимание большевика она рассчитывать не может. Она, во всяком случае, одна из многих соискательниц внимания сего разборчивого мужа. Зазорного в том, что большевик ее именно сделает своей избранницей, ровно столько, сколько зазорно ему будет и в том случае, когда он окажет предпочтение какой-нибудь из ее соседок. Почему, в самом деле, правомерно чувствовать склонность к целому ряду исторических наук, и обходить философию, когда она одна из этих исторических наук, как выражается Энгельс? Почему достоин внимания большевика об'ект любой науки, но не заслуживает его предмет философии? Не является ли такое предубеждение к философии выражением своеобразного дальтонизма?

Таким образом, возникает необходимость остановиться на самом предмете философии, как науки, чтобы выяснить степень его ценности для того строительства, которым сейчас по уши занят большевик. Ведь то обстоятельство, что философия может встать в ряд всех прочих наук, еще не говорит за то, что она не стоит на самом последнем месте, куда может не спешить большевик или вовсе не заглядывать, чтобы не растрачивать силы на пустяки.

Я был бы не прочь перейти немедленно к рассмотрению этого вопроса, но я держусь более лестного мнения о достоинствах предмета философии, чем о силе своей убедительности. Вот почему я, будучи не очень склонен мерить читательское терпение на поповский аршин, все же позволю себе привлечь союзника по этому вопросу. Это тем более необходимо, что свое мнение приходится противопоставлять мнению очень распространенному, поддерживаемому авторитетами, требующими, разумеется, и критики авторитетной.

Исходя из этих соображений, я не считаю для себя возможным двигаться дальше, не изложив мнения Ленина по этому вопросу.

(Продолжение следует).

К. Розенталь.

Об одной умной теории и неумном критике[1]).

(По поводу статьи тов. Борилина „Ленин и проблема империализма“ [2]).

Проблема империализма в настоящих условиях имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение. И поэтому совершенно понятно, что разработке этой проблемы марксистская политическая экономия уделяла и уделяет особенное внимание.

Однако, исследование империализма представляет, по сравнению с исследованием «чистого» капитализма, особые специфические трудности, в силу своеобразия самой исследуемой эпохи. Законы «чистого» капитализма подвергаются здесь существенным изменениям «некоторые, основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность... обнаружились черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу». «Свободный рынок все более отходит в область прошлого...». Производится «приблизительный учет всем источникам сырых материалов», которые и «захватываются в одни руки гигантскими монополистическими союзами. Производится приблизительный учет размеров рынка, которые и «делят» между собой по договорному соглашению эти союзы». Монополизируются обученные рабочие силы; захватываются пути и средства сообщения»... «Производство становится общественным», хотя «присвоение остается частным»; «распределение этих (готовых. *К. Р.*) продуктов совершается по одному плану...»; происходит «смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями»[3]). Национально ограниченные монополистические союзы капиталистов переходят к образованию международных картелей. Короче говоря, здесь «прекращается не только частное производство, но и отсутствие планомерности»[4]) (Энгельс).

С другой стороны, рост монополий не только не устранил конкуренции, но «существует над ней и рядом с ней, порождая этим

---

1) От редакции: Тов. Борилин в своей статье утверждает, будто теория «государственно-капиталистических трестов» т. Бухарина есть нечто в высшей степени антиленинское. Здесь весьма нелишне—и для выяснения истины и для курьёза одновременно отметить вот что. Тов Борилин, повидимому, не знает что впервые этот термин «государственно капиталистический трест» и соответствующая теория были введены в литературный оборот в статье т. Бухарина, появившейся в нелегальном журнале большевиков «Коммунист». Статья эта („Мировое хозяйство и империализм“) прошла редакцию Ленина, целиком эту статью одобрившего. Более того, в рукописи статьи тов. Бухарина был термин «общественно-капиталистические тресты», который по предложению Ленина, был заменен термином «государственно капиталистические тресты»

Таким образом, Ленин, по тов. Борилину, имеет самый явный антиленинский уклон. Удивляемся только, как редакция «Под Знаменем Марксизма» обнаруживает такое отсутствие марксистского чутья, что сделала себя ответственной за явно несообразные утверждения «критика».

2) «Под Знаменем Марксизма», № 5—6, 1925 г.

3) Н. Ленин, «Империализм, как новейший этап капитализма».

4) Цит. по статье тов. Борилина, стр. 111.

ряд особенно острых и крупных противоречий». Быстрый рост техники промышленности и не поспевающий за ней рост техники в сельском хозяйстве, «противоречия... между гигантскими «операциями» (и гигантскими прибылями) финансового капитала и «честной» торговлей на вольном рынке, между картелями и трестами, с одной стороны, и некартелированной промышленностью, с другой» [1]), наконец, обостреннейшая борьба между отдельными национальными монополистическими союзами за рынки сбыта и сырья, борьба за распределение прибыли **внутри** однородных международных монополистических союзов и за распределение прибыли **между** разнородными монополистическими союзами, приводит к крупнейшим и обостреннейшим конфликтам не только экономическим, но и военным, и «те противоречия, которые были заложены в самом существе капитализма и в начале его развития находились лишь в эмбриональном состоянии..., в империалистическую эпоху достигают кричащих размеров» [2]).

Правильная и теоретически осмысленная постановка проблемы империализма возможна только в том случае, если оба эти момента (превращение капитализма в свою собственную противоположность—переход от конкуренции к монополии, от анархии к известной «планомерности» **как тенденции**, с одной стороны, обострение экономических противоречий—с другой) будут приняты в одинаковой мере при анализе этого «новейшего этапа капитализма». Взятые каждый из этих моментов порознь, не сумеют дать действительной характеристики империализма, и если первый неизбежно приведет к вульгарной апологетике, то второй, взятый изолированно от специфических условий, свойственных империализму, не может дать ничего, кроме общих мест и плоских, бессодержательных, ничего не об'ясняющих истин.

В опубликованном в № 5—6 «Большевика» отрывке «К вопросу о диалектике» Ленин писал: «Познание человека не есть прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию, которая, если за деревьями не видеть леса, ведет тогда в болото, в поповщину», т.-е. лишает познание какой бы то ни было действительной познавательной ценности.

В отношении исследования империализма пример такого «одностороннего превращения» познания из кривой линии в прямую дает тов. Борилин. И совершенно естественно, конечно, что превращение «кусочка» (хотя и существеннейшего и важнейшего) в прямую линию привело его к глубоко-ошибочным взглядам и определениям империализма, в корне отличным от ленинских.

Начав с упрека, что хотя некоторые из экономистов-коммунистов и знают, «что по Ленину империализм есть монополистический капитализм», тем не менее, «не знают теоретического понимания монополии, даваемого Лениным и служащего источником всех остальных теоретических положений об империализме»[3]), тов. Борилин своей статьей, как бы публично и демонстрирует это непонимание.

---

1) Н. Ленин, «Империализм..» и т. д.

2) Н. Бухарин, «Мировое хозяйство и империализм». «Прибой», 1923 г., стр. 110.

3) Борилин, стр. 113.

Исходя из слов Ленина, направленных против Каутского, что «теоретическая критика империализма у Каутского потому и не имеет ничего общего с марксизмом, потому и годится только как подход к проповеди мира и единства с оппортунистами и социал-шовинистами, что эта критика обходит и затушевывает как раз самые глубокие и коренные противоречия империализма; противоречие между монополиями и существующей рядом с ними свободной конкуренцией, между гигантскими операциями финансового капитала и «честной» торговлей на вольном рынке; между картелями и трестами, с одной стороны, и некартелированной промышленностью—с другой и т. д.»[1],—тов. Борилин берет этот «отрывок» кривой познания империализма и сводит его к прямой **своего**, борилинского познания и определения существа империализма. Тов. Борилин так прямо и пишет: «По **Ленину империализм есть глубокая внутренняя, безысходная борьба, порождающая неисчислимое количество других противоречий между монополией и свободной конкуренцией**». Утверждение, что это определение империализма принадлежит Ленину, мы оставляем на совести тов. Борилина, но здесь нас интересуют те теоретические «пути и дороженьки», которые привели тов. Борилина к такому, мягко выражаясь, одностороннему пониманию империализма.

Тов. Борилин борется против «государственно-капиталистических трестов», а так как «государственно капиталистические тресты» есть не что иное, как тенденция дальнейшего развития монополий, то тов. Борилин, взявшийся за авторитетное раз'яснение «теоретического понимания монополий, даваемого Лениным», решил эти самые монополии вообще игнорировать и из своего анализа проблемы империализма исключить. «Увлеченный» одной стороной империализма—противоречиями между монополиями и свободной конкуренцией, между картелированной и некартелированной промышленностью—тов. Борилин проглядел такой «пустячок», как гигантский рост монополистических союзов, как **борьбу между одной картелированной промышленностью и другой за распределение прибыли, борьбу между национальными монополистическими союзами за рынки сбыта** и сырья, борьбу, которая ведется то экономическими, то военными средствами одного «государственно-капиталистического треста» с другим, когда «**борется не свободная торговля с протекционизмом, с колониальной зависимостью, а борется один империализм против другого, одна монополия против другой, один финансовый капитал против другого**»[2]).

У Ленина этот момент, момент противоречий между монополистическими союзами капиталистов за раздел и передел мира, ожесточенной между ними борьбы за рынки сырья и сбыта составляет основное и важнейшее место в его характеристике империализма, а т. Борилин умудрился этой стороне империализма уделить из двадцати девяти страниц текста убористого шрифта... пять строк! И эти несколько строк приведены в качестве обвинительного материала» против... «теории государственно капиталистического треста», как будто эта теория утверждает отсутствие конкуренции и борьбу **внутри и между** отдельными «государственно-капиталистическими трестами»! «Ошибочное (в теории «государственно-капиталистических трестов». *К. Р.*) определяется тем,—пишет т. Борилин,—что в жизни рядом с монополиями продолжает существовать свободная конкуренция, что монополистические группы продолжают вести, ведут между собой ожесточенную борьбу на рынке, что наряду с «общностью» интересов монополистических групп внутри государства, между ними есть глубокие противоречия интересов...» (стр. 122).

В капиталистическом обществе идет борьба не только одного монополистического союза с другим, не только одного империализма с другим, но и борьба монополии с свободной конкуренцией. Но эта борьба неизменно ведет к торжеству монополий, к вытеснению свободной конкуренции и вместе с тем к еще более ожесточенной борьбе монополистических союзов между собой.

И если мы подобно тов. Борилину, проглядим эту вторую сторону империализма—борьбу между собой монополистических союзов, то мы не сумеем понять и новых форм «конкуренции», когда политика «дешевых цен» сменяется высокими ценами на внутреннем рынке для облегчения конкурентной борьбы на мировом рынке, когда случаи «понижения цен» служат не условием существования картеля, а стремлением окончательного удушения «диких», т. е. тех, кто не хочет подчиняться монополии, воле трестовых дельцов. «Перед нами,—пишет Ленин,—уже не конкуренционная борьба мелких и крупных, технически отсталых и технически передовых предприятий. Перед нами удушение монополистами тех, кто не подчиняется монополии, ее гнету, ее произволу»[1]).

Таким образом, вытеснение конкуренции монополией идет все ускоряющимся темпом.

Победа монополий на внутреннем рынке, его (рынка) полное подчинение воле монополий настолько очевидны, что едва ли требуют новых доказательств.

Одним из проявлений этой победы монополий и является паразитизм и загнивание капитализма. Победа монополистического начала и есть начало конца капитализма, потому что как раз здесь, между прочим, и проявляется тот конфликт между ростом производительных сил и производственных отношений, который **в конечном счете** должен взорвать всю капиталистическую систему.

Тов. Борилин, конечно, отнюдь не хочет возражать против роста монополий, против роста их значения в системе капиталистического хозяйства, он возражает **только** против «государственно-капиталистических трестов». Монополия-де одно, а «государственно-капиталистический трест»—это уже совсем, совсем другое, не имеющее ничего общего ни с марксизмом, ни с ленинизмом.

Но «государственно-капиталистический трест»—это **в пределе** органически сросшаяся военно-политическая и хозяйственная организация буржуазии. Чем дальше, тем все более непосредственно зависима становится военно-политическая организация—государство—от союзов капиталистов. И смены правительств, их деятельность, решается в кабинетах финансовых магнатов, дик-

[1]) Н. **Ленин**, «Империализм, как новейший этап капитализма», стр. 114.
[2]) Там же, стр. 111.

[1]) Н. **Ленин**, «Империализм...» и т. д., стр. 17.

тующих свою волю правительствам, всему капиталистическому миру.

Чрезвычайно интересно отметить, как в тяжелые для капитализма «минуты» капитализм вплотную подходит к осуществлению идеи «государственно-капиталистического треста». Организованный 5 августа 1914 года исключительно по инициативе германской частной промышленности, «военный комитет германской промышленности ставил себе в области хозяйственной мобилизации следующие задачи:

Планомерное сотрудничество всех существующих промышленных организаций для полного привлечения и целесообразного использования всех национальных хозяйственных сил не только для целей военной обороны страны, но и для обеспечения на время войны внутренних потребностей.

Обеспечить систематическое распределение и предоставление рабочих и служащих как промышленности, так и сельскому хозяйству.

Поддержка и предоставление заказов пострадавшим от войны отраслям промышленности теми отраслями, которые заняты выше обычного; содействие передаче заказов на отдельные части производства и т. п.

Организовать возможно быстрое размещение государственных заказов (ведомств военного, почтового, железнодорожного и т. п.).

Постоянное информирование промышленности о выпущенных во время войны законах, распоряжениях и об'явлениях властей и участие в обсуждении вопросов управления и правил, вытекающих из условий военного времени»[1]).

Организованные по предложению Ратенау при военном министерстве, в виду необходимости наиболее рационального использования имеющегося в наличии сырья—военно-сырьевые комитеты, первоначально только предполагавшиеся как самоуправляющиеся организации, были в скором же времени лишены этого права.

«Были введены комиссары военного министерства, которые имели право «вето» по всем решениям находящихся под их наблюдением обществ. Военно-сырьевые комитеты из чисто самоуправляющихся организаций все более превращались в облеченные в частно-правовую форму органы государственного управления сырьем».

К участию в военном комитете был привлечен и сельско-хозяйственный совет, «имевший задачу осуществлять посредничество между потребностями сельского хозяйства и военно-промышленным комитетом или об'единениями отдельных отраслей промышленности и сообщать заинтересованным сторонам все необходимые сведения».

Наконец, «военный комитет образовал при себе ряд организаций, в частности по вопросам права, транспорта и внешней торговли».

Самое любопытное здесь, пожалуй, что имелась попытка существующее положение распространить не только на военное время, но и на мирное время.

[1]) Arthur Dix, «Kriegswirtschaft und Wirtschaftskrieg».

Дикс пишет:

«Совместная деятельность руководящих организаций немецкой промышленности в военном комитете пошла на пользу в деле постоянного об'единения промышленности. Уже в конце декабря 1914 года в статье об учреждении и задачах военного комитета я писал относительно этого об'единения немецкой промышленности: «естественно возникает мысль, что это положение должно быть сохранено и после войны, что в дальнейшем, в мирное время, наряду с сельско-хозяйственным советом, с'ездами торговли и ремесленных палат, должен существовать в качестве органа, представляющего всю немецкую промышленность, немецкий промышленный совет».

И «действительно в дальнейшем, 25 октября 1916 года, в совместном заседании центрального об'единения немецких промышленников и союза промышленников состоялось образование такого промышленного совета».

В области внешней торговли осуществлялось положение, в основном напоминающее нашу монополию внешней торговли. Включенное в ведомство войны, этого высшего органа «для об'единения всех военно-хозяйственных организаций», отделение по ввозу и вывозу имело задачей:

«обеспечить военно-хозяйственные интересы Германии, т.-е. не только воспрепятствовать вывозу мало-мальски важных военных материалов, но и использовать последние возможности получить их из-за границы. Несмотря на общий недостаток сил и на то, что весь уголь был нужен для собственной военной промышленности, приходилось в интересах этой последней вывозить некоторое количество каменного угля в соседние нейтральные страны, чтобы получить благодаря этому необходимейшее сырье, а также, чтобы помешать тому, чтобы экономическое давление на них наших противников не повело к более тяжким результатам».

Здесь, на примере военного хозяйства Германии тов. Борилин может воочию убедиться, как вопрос о «государственно-капиталистическом тресте» властно становится в порядок дня, пытаясь сдержать и задержать начинающийся крах всей капиталистической системы в целом.

Так как, по заявлению самого т. Борилина, теория «государственно-капиталистического треста» «наиболее полно выражена у тов. Бухарина», то мы и позволим себе сослаться на работы т. Бухарина, чтобы показать насколько «добросовестен» тов. Борилин в своем утверждении, что т. Бухарин за деревьями не видит леса, за «государственно- капиталистическим трестом»—борьбы и роста экономических противоречий.

Но прежде всего остановимся на самом понятии «государственно-капиталистического треста». Возражая Розе Люксембург, тов. Бухарин характеризует «государственно-капиталистический трест» следующим образом: «Представим себе... коллективно-капиталистический строй (государственный капитализм), где капиталистический класс об'единен в единый трест и где, следовательно, перед нами организованное, но в то же время антагонистическое с точки зрения классов хозяйство...», где «дан как спрос со стороны каждой отрасли производства по отношению к другой, так и потребительский спрос и со стороны капиталистов и рабо-

чих», где нет «анархии производства», а есть рациональный с точки зрения капитала план» [1]), где важнейшим противоречием является противоречие между общественным производством и частным присвоением.

Что же такого рода «государственно-капиталистический трест» есть реальность, эмпирически данное общество? Конечно, нет. И тов. Бухарин, вероятно, в предвидении того, что найдутся такие критики, которые поймут «государственно-капиталистический трест», как эмпирически данное общество, специально оговаривает, что: «грамотный читатель все время помнит, что у нас абстрактные «идеальные» типы общественных структур, а не эмпирически данные общества». Но тов. Борилин даже с этой оговоркой не хочет «принять» «государственно-капиталистический трест». «Для чего нужен в экономической науке такой «идеальный» тип «организованного, но антагонистического общества?»—негодующе восклицает наш «критик от струвизма». «Какую познавательную ценность он имеет для нас? Подобная «абстракция» имела бы смысл только в том случае, если бы она соответствовала основной тенденции в современном капиталистическом обществе». И тов. Борилин возмущенно спрашивает, как будто не замечая приведенной выше оговорки т. Бухарина: «Где в мире существует «государственный капитализм», подобный «государственному капитализму тов. Бухарина?» «В каком «государственно-капиталистическом» обществе заранее дан спрос производственный и спрос потребительский?» «Подобного «государственно-капиталистического» строя нигде, ни в одной стране не существовало». Вот здесь то и сказалось то неприятное обстоятельство, что тов. Борилин, как чорт ладана, боится монополий с их тенденцией превратить капитализм в свою собственную противоположность, когда прекращается и «частное производство» и «отсутствие планомерности».

Есть такая тенденция в капиталистическом обществе или нет? Учет и захват рынков сырья, распределение готовых продуктов по плану, как об этом говорит Ленин, есть проявление этой тенденции или нет? Можем мы игнорировать, обходить в своем исследовании империализма эту тенденцию? Конечно, нет, потому что тогда мы не поймем своеобразия этой эпохи, потому что тогда определение империализма сведется к ряду ничего не говорящих и ничего не об'ясняющих фраз, вроде того, что «мировая анархия капитализма (империализма. *К. Р.*) есть не что иное, как сгущенная, концентрированная анархия глубоких основ капитализма» [2]).

То-есть капитализму свойственна анархия «вообще», так себе «слабенькая», «разведенная», а империализму «сгущенная», «концентрированная». Об'ясняет это что-нибудь в своеобразии «новейшего этапа капитализма»? Ровным счетом ничего. Отрицать наличие в капитализме тенденции к превращению в «собственную противоположенность», к установлению известной «планомерности»—значит воевать не только против «государственно-капиталистических трестов», но и против и Ленина и Энгельса, против здравого смысла, потому что именно это соединение противоре-

[1]) Н. Бухарин, «Империализм и накопление капитала», стр. 83.
[2]) Борилин, стр. 125.

чащих друг другу «начал»—конкуренции и монополии—и существенно для империализма». У Ленина оба эти «начала» нашли свое отражение в его теории империализма, а у тов. Борилина одно из них выпало совсем.

И гвоздь вопроса о «государственно-капиталистическом тресте» заключается не в наличии совершенно очевидной тенденции (превращения анархического общества в плановое), потому что «рассуждая абстрактно и теоретически, такой трест вполне мыслим, так как, вообще говоря, не существует экономического предела для процесса картелирования» [1]), а в том, может ли найти и найдет ли эта тенденция свое завершение в рамках капиталистического общества или нет.

У тов. Борилина возникает вопрос: нужна ли вообще такого рода абстракция или нет; имеет ли какую-либо познавательную ценность абстракция, не отображающая конкретной, реальной действительности? Но едва ли кто-либо из марксистов согласится с такой постановкой вопроса. Ведь если стать на точку зрения т. Борилина, то можно было бы сказать: какую познавательную ценность имеет теория, утверждающая возможность существования капитализма без внешних рынков? Где в мире существует такое капиталистическое государство, которое бы не ввозило и не вывозило товара? В каком капиталистическом обществе существуют только капиталисты и рабочие? Подобного капитализма ни в одной стране никогда не существовало. И тов. Борилин преспокойно выбросил бы в мусорную корзину «Капитал», как не имеющий, с его точки зрения, никакой познавательной ценности. В самом деле, какое значение имеет тенденция капиталистического общества превратиться, так сказать, в пределе в «чистый» капитализм, если все капиталистическое общество взлетит на воздух значительно раньше, чем хотя бы в одной стране реальный капитализм приблизится к «чистому».

Признать познавательную ценность только за теми абстракциями, которые отображают реальную действительность—это значит совершенно не понимать ни смысла, ни значения абстракции, лишить нашу деятельность, нашу мыслительную способность активности свести ее к чистому созерцанию, пассивному отображению реально протекающих процессов, без всякой надежды изменить их.

Любопытно сопоставить в этом вопросе мнение тов. Борилина, говорящего от имени Ленина, с тем, что говорит сам Ленин. В письме к Потресову («Большевик» № 16 за 1925 г.) Ленин пишет: «Я не могу согласиться с вами, что «центр тяжести вопроса заключается в конкретной невозможности абстрактно мыслимого положения» и главное мое возражение П. Б. Струве состоит именно в том, что он смешивает абстрактно-теоретические и конкретно-исторические вопросы. «Конкретно невозможна» не только представленная Марксом реализация, но и представленная им средняя прибыль и равенство заработной платы, стоимости рабочей силы и многое другое. Но невозможность осуществления в чистом виде вовсе не есть возражение» (курсив наш. *К. Р.*).

Если здесь и напрашиваются кое-какие аналогии, то отнюдь не лестные для тов. Борилина!

[1]) Н. Бухарин, «Мировое хозяйство и империализм», стр. 85.

Нам было бы чрезвычайно интересно знать, к какого рода абстракциям свел бы тов. Борилин указания Владимира Ильича об «идеально возможных соотношениях и взаимозависимости» буржуазной и крестьянской революции. Мы не можем отказать в удовольствии тов. Борилину, чтобы не привести примера удивительнейшей и своеобразнейшей абстракции, допускаемой т. Лениным в этом отрывке.

«Всякая крестьянская революция,—пишет Ленин,—направленная против средневековья при капиталистическом характере всего общественного хозяйства, есть буржуазная революция. Но не всякая буржуазная революция есть крестьянская революция. Если бы в стране с земледелием, организованным вполне капиталистически, капиталисты-земледельцы при помощи наемных рабочих совершили аграрную революцию, уничтожив, к примеру, скажем, частную собственность на землю, то это была бы буржуазная революция, но вовсе не крестьянская революция. Если бы в стране, аграрный строй которой настолько сросся уже с капиталистическим хозяйством вообще, что уничтожить этот строй было бы невозможно без уничтожения капитализма, произошла революция, ставящая, скажем, у власти промышленную буржуазию на место самодержавной бюрократии, то это была бы буржуазная революция, но вовсе не крестьянская революция. Другими словами: возможна буржуазная страна без крестьянства, и возможна буржуазная революция в стране с значительным крестьянским населением, и, однако, такая революция, которая отнюдь не является крестьянской революцией, т.-е. такая, которая не революционизирует специально касающихся крестьянства поземельных отношений и не выдвигает крестьянства в числе сколько-нибудь активных общественных сил, творящих революцию.

Следовательно, общее марксистское понятие «буржуазная революция» содержит известные положения, обязательно применимые ко всякой крестьянской революции в стране развивающегося капитализма, но это общее понятие ровно ничего еще не говорит о том, должна ли (в смысле об'ективной необходимости) буржуазная революция данной страны стать крестьянской революцией, чтобы одержать полную победу, или не должна»[1]).

Революция, произведенная земледельцами при помощи наемных рабочих за уничтожение частной собственности! Куда отнесете, тов. Борилин, подобного рода абстракции? К тем, которые не имеют познавательной ценности?

И если бы тов. Борилину не изменило мужество, то он должен был бы сказать прямо и откровенно: «Несогласен с Лениным», а не прикрываться трусливо Лениным, выступая против Ленина.

Тов. Борилин, очевидно, не понимает, что теория есть такой «ключ» к познанию действительности, которым нужно уметь оперировать», что «абстрактные положения теории помогают подойти к самым конкретным проблемам, если только люди, применяющие эти абстрактные теоремы, понимают, что от их непосредственной эмпирической действительности ведет ряд логических ступеней, перескочить через которые ни в коем случае нельзя»[2]).

---

[1]) Н. Ленин, Собрание сочинений, т. IX, стр. 538.
[2]) Н. Бухарин, «Империализм и накопление капитала», стр. 100—101.

«Основная тенденция капитализма,—пишет тов. Борилин,— это все большее обострение экономических противоречий».

В такой общей формулировке это, конечно, в такой же мере верно, как и бессодержательно, потому что игнорируется, что сам процесс обострения экономических противоречий целиком связан с процессом картелирования, ростом монополистических союзов капиталистов.

Вот что пишет тов. Бухарин: «Конкретный процесс экономического развития пойдет через обостренную борьбу государственно-капиталистических трестов и отсталых экономических образований», борьбу «государственно-капиталистических трестов» между собой. И «абстрактная экономическая возможность отнюдь не означает ее реальной вероятности»[1]). «Но, может быть, эпоха «ультра-империализма» есть все же реальная возможность, которая совершается путем централизованного процесса? Шаг за шагом будут поедать государственно-капиталистические тресты друг друга, пока победно не воцарится держава, победившая всех. Эта возможность была бы для нас мыслима, если бы мы механизировали весь общественный процесс и сносили бы со счета силы, враждебные политике империализма»[2]). И то обстоятельство, что «мировой капитализм будет итти по направлению к всеобщему государственно-капиталистическому тресту», еще не говорит за то, что это превращение капитализма в свою собственную противоположность совершится в его же собственных рамках.

Гарантирует ли картель, международный монополистический союз отсутствие борьбы и противоречий не только между ними и другими монополистическими союзами, но и внутри самих себя? «Всякий, знакомый с историей борьбы картелей даже в рамках одной страны, знает, как часто при изменившейся ситуации, скажем, изменившейся экономической кон'юнктуре, ряд соглашений лопался, как мыльный пузырь»[3]). Еще более сложно обстоит дело с международными монополистическими союзами. «Условием для образования более или менее прочного соглашения является приблизительное равенство позиций на мировом рынке», равенство не только чисто экономическое, но и экономически-политическое. И «при учете условий борьбы на мировом рынке государственно-капиталистические тресты считаются не только с чисто экономическими, но и с экономически-политическими условиями этой борьбы. Поэтому, даже если имеются приблизительно одинаковые хозяйственные структуры, но значительное различие военных сил государственно-капиталистических трестов, то более сильному из них выгодно продолжать борьбу, чем итти на соглашение или фузию»[4]). Если же эти соображения о равенстве рассматривать «не только статически, но, главным образом, динамически», то будет совершенно понятно, что наличие монополий отнюдь не избавляет от величайших потрясений в случае изменения сил договаривающихся капиталистических групп. Не говоря уже о том, что этому процессу интернационализации государственно-капиталистического треста «противостоит другая еще

---

[1]) Н. Бухарин. „Мировое хозяйство и империализм", стр. 86.
[2]) Там же, стр. 91.
[3]) Там же, стр. 90.
[4]) Там же, стр. 86—87.

более сильная тенденция к национализации капитала и замыканию в государственные границы»[1]).

Таким образом, раздел мира между монополистическими союзами отнюдь не гарантирует от борьбы за передел при изменении сил борющихся и договаривающихся сторон. Это же говорит и Ленин: «Раздел мира между двумя сильными трестами, конечно, не исключает передела, если отношение силы вследствие неравномерности развития, войн, крахов и т. п. изменяется»[2]). Невозможно допустить, «при условии сохранения капитализма, чтобы такие союзы были не кратковременны»[3]). «Наступила неизбежно эра монопольного обладания колониями, а, следовательно, и обостренной борьбы за раздел и передел мира»[4]) (курсив наш. *К. Р.*). «Его (Каутского. *К. Р.*) концепция предполагает затушевывание гигантских противоречий, которые раздирают современное общество, и постольку является концепцией реформистской... Для последовательного марксиста все капиталистическое развитие есть не что иное, как процесс постоянного расширенного воспроизводства противоречий капитализма». «Свое действительное разрешение эти противоречия находят уже в иной производственной структуре общественного организма: в общественной, планомерной, социалистической организации хозяйства»[5]). Границей же служит «определенная степень напряженности капиталистических противоречий»[6]).

Рост организованности в национально-капиталистических рамках приводит к расширению этих противоречий в международном масштабе. И здесь борьба принимает новые формы, отличные от форм борьбы внутри национально-капиталистических государств, от форм борьбы «молодого» капитализма. И конкурентная борьба в эпоху империализма отличается от форм борьбы раннего капитализма. «Перед нами,—пишет Ленин, — уже не конкуренционная борьба мелких и крупных, технически отсталых и технически новых предприятий. Перед нами удушение монополистами тех, кто не подчиняется монополии, ее гнету, ее произволу»[7]). «Отношения господства и связанного с ним насилия—вот что типично для «новейшей фазы в развитии капитализма».

Таким образом, к отсутствию планомерности, к кризисам приводит как раз сама тенденция к планомерности. И если, с одной стороны привилегированное положение, в котором оказывается наиболее картелированная так наз. тяжелая индустрия, особенно уголь и железо, приводит в остальных отраслях промышленности «к еще более острому отсутствию планомерности», то, с другой стороны, в связи с тем, что «чем выше развитие капитализма, тем сильнее чувствуется недостаток сырья... тем отчаяннее борьба за приобретение колоний», раздел мира между монополистическими союзами приводит к переходу «от колониальной политики, беспрепятственно расширяемой на незахваченные ни одной капиталистической

1) Там же, стр. 88.
2) Н. Ленин, «Империализм...» и т. д., стр. 64.
3) Там же, стр. 115.
4) Там же, стр. 120.
5) Н. Бухарин, «Мировое хозяйство и империализм», стр. 91.
6) Н. Бухарин, «Империализм и накопление капитала», стр. 129.
7) Н. Ленин, стр. 17.

державой области, к колониальной политике монопольного обладания территорией земли, поделенной до конца»[1]) (курсив наш. *К. Р.*).

И если мы отбросим, обойдем эту последнюю сторону империализма (борьбу одного монополистического союза с другим), то мы придем как раз к тем поверхностным, односторонним и потому глубоко ошибочным определениям империализма, которые дает т. Борилин. «Империализм,—пишет он в одном месте,—это монополистическое господство групп капиталистов над огромными колониальными и полуколониальными областями», а в другом—«господство кучки «передовых» финансово-капиталистических государств над миллионами колониальных рабов». Таким образом получилось курьезнейшее зрелище: выступая против теории «государственно-капиталистических трестов», тов. Борилин в определении империализма скатился к его каутскиански-розитским определениям. И здесь к тов. Борилину целиком и полностью приложимы слова т. Бухарина, направленные против Розы Люксембург: «Из этого определения следует, что борьба за уже ставшие капиталистическими области не есть империализм, что «вопиет к небу», и с этой точки зрения занятие Рура французами не есть империализм, поскольку «господство кучки «передовых» финансово-капиталистических государств» осуществлялось не «над миллионами колониальных рабов», а над высокоразвитым капиталистическим образованием, — господство одного империализма над другим».

И совершенно понятно, что безысходно запугавшись в характеристике империализма, тов. Борилин оказывается вынужденным противоречить самому себе и отказываться на одной странице от того, что признал несколькими страницами ранее. Так, например, на стр. 113 он пишет: «процесс развития монополий не только не прекратился в военный и послевоенный период, но приобрел еще более мощный темп. Монополия капиталистических союзов распространяется через границы государств и морские (!) океаны» (это, вероятно, в отличие от океанов речных и т. п.), а на стр. 123 он, позабыв, что писал десятью страницами раньше, ломается над тов. Бухариным: если бы де «перспектива, которую имеет в виду и сам т. Бухарин, «была бы» вероятна, то «капиталистический строй имел бы много шансов выпрямиться» и «капиталистический способ производства получил бы возможность некоторого дальнейшего (после мировой войны. *К. Р.*) развития, и притом в высшей, более централизованной форме, чем до сих пор». Что же тов. Борилин иронизирует, потому что не согласен с этим? Но ведь он сам выражал свое согласие, правда, не на 123, а на 113 странице, с тем, что «процесс развития монополий не только не прекратился в военный и послевоенный период, но приобрел еще более мощный темп!»

Тов. Борилин безусловно прав, когда решительно возражает против представления, что «социализм приходит внезапно, неизвестно откуда, словно «Венера из головы Юпитера». Хотя до сих пор, как известно, считалось, что из головы Юпитера родилась не Венера, а Минерва. Но зато рождение теории империализма т. Борилина можно уподобить именно рождению «Венеры из головы Юпитера».

1) Н. Ленин, стр. 84.

Г. Ломов.

Меньшевистские иллюзии и действительность.

(Растет ли национальный доход Европы?).

Основным моментом теоретического обоснования меньшевизма является тезис о том, что Россия еще не дозрела до социалистической революции, что она является одной из самых отсталых аграрных стран, почему опыт социалистического строительства в ней неизбежно обречен на неудачу и на деле окажется жалким блефом.

Один из крупнейших экономистов меньшевизма Д. Далин в своей работе «После войн и революций» не щадит красок для доказательств неудач в России в области экономического строительства. «Экономическая политика коммунистической власти,—пишет он,—представляет собой ряд сплошных неудач, изредка прерываемых случайными, крохотными успехами» (стр. 68). «Чрез кризисы и под'емы проходит красной нитью основная тенденция: регресс является законом коммунистического хозяйства в России. Это первая основная черта этого «способа производства».

По мысли меньшевиков и Далина провал экономической политики большевиков обоснован отсталым характером промышленности и аграрно-крестьянским характером нашей страны. Социализм с неизбежностью неумолимого экономического закона склоняет голову пред мелко-буржуазными устремлениями многомиллионного крестьянского прибоя, который все больше и больше захватывает небольшие островки или, вернее, обломки, оставшиеся от утопического, но зато героического периода русской революции—военного коммунизма.

Русские меньшевики не одиноки в отстаивании этого тезиса. Один из столпов II Интернационала Карл Каутский в «Социалистическом Вестнике» (№№ 15, 16 от 18 авг. 1925 г.) так определяет позицию, которую должны отстаивать меньшевики. «Весь марксизм означает для русского социализма и пролетариев пока большую сдержанность, самоограничение на задачах классовой борьбы внутри капитализма и отказ от немедленного его преодоления».

«Экономический регресс» г-на Далина, «самоограничение» и отказ от немедленного преодоления капитализма г. Каутского—все это явления одного и того же порядка. Меньшевики полагают, что «покуда капитализм способен провоцировать тысячи изобретений, применять их на практике, усовершенствовать про-

изводство, расширять общественные производительные силы—час его еще не пробил» (Далин, стр. 189—190). «Главным препятствием является не капитализм а мелко-крестьянские хозяйства»,—пишет Д. Далин (стр. 190). Не преодоление капитализма является задачей дня, по мысли меньшевиков, а осторожная крестьянская политика—вот альфа и омега их премудрости. Да и пробил ли час капитализма и в других, более передовых капиталистических странах?—задают себе вопрос Каутские, Далины, Макдональды и другие деятели современного социализма. По этому поводу поучительны рассуждения г. Далина о Германии. Как известно, надежды Маркса, Энгельса, Бебеля, Либкнехта в своей практической политике в первую очередь останавливались на идущей семимильными шагами по пути к промышленному прогрессу Германии с ее все растущей армией социал-демократических организованных рабочих масс. Верны ли их надежды? Не ошибались ли они? Созрела ли Германия хотя бы теперь для социалистического переворота, имеются ли там налицо экономические предпосылки для этого? Далин безжалостен к основоположникам марксизма и социализма. Он пишет: «В течение 70-ти лет лучшие представители социализма ошибались со дня на день, ожидая пришествия социализма, не ошибаются ли и современные представители в своих перспективах. Ведь ошибки сделались правилом; так не действует ли это правило и сейчас?» (стр. 185). И дальше он добавляет: «Слишком уж много раз хоронили капитализм, а как в известной поговорке—«кого заживо похоронили, тому долго жить суждено» (стр. 189). Далин анализирует данные переписи 1907 г. в Германии для того, чтобы определить числовое отношение групп промышленности, которые, по его мнению, созрели для социализации и тех, которые до этого еще не дозрели. Выводы, к которым пришел Далин не утешительны ни для большевиков, ни для дела социализма. Оказывается «только 10% населения в 1907 г. приходилось на сферу социализма», т.-е. тех отраслей, которые уже дозрели до социализма, в количественном отношении эти отрасли промышленности насчитывают 3 милл. населения. Далин прекрасно понимает, что Германия—страна передовой европейской индустрии и что вывод о Германии есть вместе с тем и вывод для всей остальной Европы. Так он и пишет: «Европа созревает для социализма, но далеко еще не созрела».

Этому об'ективному экономическому положению, соответствуют, как думает Далин, и суб'ективные предпосылки. «Огромное большинство,—пишет он,—несмотря на те или иные убеждения и взгляды, боязливо отступает пред вопросом социализации» (стр. 206). «Оно не только отказывается вступить в последний решительный бой, но не проявляет энергии даже там, где речь идет о частичных успехах обобществления хозяйства (стр. 207). Между тем это сознание должно быть аксиомой накануне успешной социальной революции». Когда же, спрашивается, по мысли меньшевиков будут налицо условия для социалистического переворота? Далин берет Великую Французскую Революцию и так определяет момент, когда она наступила. Налицо были не только все элементы капитализма, «но капиталистический способ производства был уже вполне развит накануне буржуазной революции» (стр. 211)...

И далее... «революция произошла не потому, что надо было приступить к развитию капитализма... (это поистине великолепно!!), а потому, что капитализм был уже развит внутри старого общества». Таким образом, капитализм развивался уже в пределах феодального строя, и когда феодальные одежды стали ему слишком тесны, он их разрывает, но «он не рождается в эпоху революции, а лишь достигает в ней совершеннолетия». Меньшевик совершенно также мыслит и наступление социалистического переворота. «Ближайшая эпоха,—пишет Далин,—одно-два поколения, а может и больше (курсив мой. *Л.*), будет периодом медленного, но несомненного роста и расширения коллективного хозяйства. Мы стоим лишь в самом начале этого развития» (стр. 215) и т. д., и т. д. Вот отсюда-то и вытекает, как образно определяет Каутский, тактика меньшевиков в русской революции: «для русского социализма (читай—меньшевиков) марксизм означает большую сдержанность, самоограничение на задачах классовой борьбы внутри капитализма и отказ от немедленного его преодоления». Основной смысл теоретического обоснования крепости капитализма господ меньшевиков сводится к тому, что капитализм при данной экономической и политической ситуации обеспечивает в наиболее полной степени развитие производительных сил мира, дает возможность безостановочного технического прогресса и роста народного дохода в то время, как социализм неизбежно означает «экономический регресс», падение производительных сил. Недаром Карл Маркс в своем классическом предисловии к политической экономии писал: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем развились все производительные силы, которым она дает простор, и более высокие производственные отношения никогда не заменяют старых отношений раньше, чем в недрах старого общества не разовьются материальные предпосылки для их осуществления».

Но верно ли, что капитализм за последние десятилетия, увеличивая производительные силы общества, увеличивал размер национального дохода и не сковывал технический прогресс и т. д. Казалось бы достаточно вспомнить те колоссальные кровопускания, свидетелем которых было наше поколение, мировую войну с ее 10 миллионами убитых, расходами на войну по Эерсу в 361.000.000.000 золотых рублей, по Богардту в 347 миллиардов, 100 миллионов золотых рублей, при увеличении государственных долгов с 84 миллиардов руб. в 1913 году до 743 миллиардов в 1921 году, — вспомнить бесконечные колониальные войны, которые с этого времени ведутся повсюду, те восстания и те движения, которые мы имеем в Китае, Индии, во всех восточных колониях и т. д., чтобы быть осторожнее в выводах о безостановочном прогрессе. Тем не менее, все эти факты не производят достаточного впечатления на меньшевиков и западно-европейских социалистов из II Интернационала, которые до сих пор а-приори считают верной известную формулировку Джона Стюарта Милля относительно роста народного хозяйства. В первой главе IV книги своих «Принципов политической экономии» он говорит: «Каковы бы ни были те изменения, которым должна подвергнуться экономическая жизнь общества, один момент этой жизни находится в состоянии прогресса, о котором не может быть спора. В руководящих странах мира и во всех других, поскольку они входят в сферу влияния этих передовых стран, существует по крайней мере одно прогрессивное движение, нарастающее с незначительными перерывами из года в год и из поколения в поколение; именно, прогресс в богатстве, поступательное движение так назыв. материального благосостояния. Все нации, которые мы привыкли называть цивилизованными, увеличивают постепенно свое производство и население: и нет никаких оснований сомневаться в том, что не только эти нации будут в течение известного времени продолжать так развиваться, но что и большинство других наций мира, включая и некоторые еще не возникшие, примут одна за другою участие в этом движении... Из черт, характеризующих прогрессивное экономическое развитие цивилизованных наций, прежде всего останавливает на себе внимание, благодаря своей тесной связи с явлениями производства, непрерывный и, насколько можно предвидеть, неограниченный рост власти человека над природой. Наше знание свойств и законов физических явлений не обнаруживает никаких признаков приближения к своему пределу: оно развивается быстрее и одновременно в большем числе направлений, чем в какое-либо прошлое время... Прогресс в физических науках и искусствах, соединенный с большей обеспеченностью собственности и большей свободой в пользовании ею, которые являются бросающимися в глаза особенностями в жизни цивилизованных наций, вместе с более широким и более успешным применением акционерного начала, делают возможным бесконечный рост капитала и производства и всегда сопровождающий его рост населения» [1]).

II Интернационал уверен в том, что экономический прогресс неизменен и для данного времени, что продолжается расширенное воспроизводство капитала в полном об'еме, что растет величина национального дохода. Одно время казалось, что война нарушила это идиллическое представление о ходе экономического прогресса и поставила на очередь вопрос о более пристальном изучении вопроса как о росте производительных сил мира, так и о росте народного благосостояния. В настоящее время меньшевики, однако, скоро стали это забывать. Тем знаменательнее вышедшая работа г. С. Н. Прокоповича о росте народного богатства, напечатанная в «Русском Экономическом Сборнике» (№ 1, февраль 1925 г. Прага). Прокопович является одним из «белых», высланных из пределов советской страны. Трудно заподозрить его в симпатиях к нам—к советскому строительству и к социализму, и поэтому его выводы приобретают особый интерес и значение. Он подвергает анализу работы крупнейших экономистов Германии, Англии, Франции и Америки о росте национального и душевого дохода. В основу анализа положены работы: Мелгола, Гиффена, Кипена, Гельфериха, Боули, Стампе, Зедберга, Кинга и целого ряда других авторов. Сведя воедино данные этих работ, после приведения их к наибольшему единообразию и после критической проверки и исправлений ряда данных и цифр, Прокопович дает следующую таблицу величины народного дохода на душу населения в золотых рублях по основным странам мира [2]):

[1]) J. S. Mill, «Principles of Political Economy», изд. 1920 г., стр. 696 и 699.
[2]) Прокопович, стр. 43.

Года.	Великобритания.	Франция.	Германия.	Соед Шт. Сев. Амер.	Европ. Россия.
1878—80	189,1	161,0	104,1	224,8	—
1890	—	—	—	341,6	—
1894—96	298,9	267,6	206,1	—	—
1900	—	—	—	420,5	67,2
1903	307,4	236,7	—	—	—
1910—11	—	225,4	—	475,3	—
1913	303,7	—	204,3	511,1	78,7

Рост народного дохода находится в некотором соотношении с ростом населения, поэтому ниже приводятся данные о движении населения в интересующих нас странах перед войною. Прирост населения составлял в процентах:

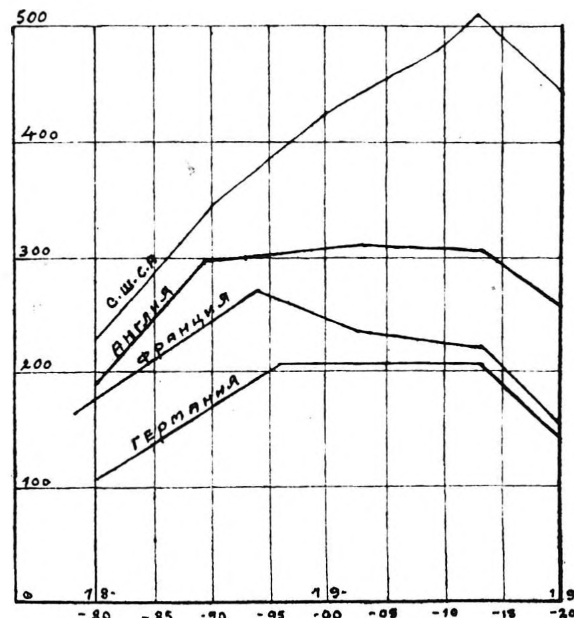
	1891—1900 г.г.	1901—1910 г.г.
В Соединен. Королевстве	9,9	9,1
„ Франции	1,4	1,6
„ Германии	13,8	15,2
„ Соединен. Штатах Сев. Амер.	20,7	21,0
„ Европ. России	—	14,4

Из этих таблиц сам собою напрашивается вывод, что уже до войны доход на душу населения, а следовательно и национальный доход в европейских странах перестал расти. Во Франции, в которой прирост населения до войны составлял ничтожный процент, народный доход на душу населения начал падать безостановочно, начиная с 900 годов. Этот процесс обнаруживает полную закономерность. В Англии и Германии при значительном росте населения, рост производительных сил до последних лет был достаточен для того, чтобы поддерживать жизненный уровень на прежней высоте. Однако, начиная с 1903 г. в Великобритании и с 900 годов в Германии обнаруживается тенденция к падению народного дохода на душу населения. Наконец, в Соединенных Штатах Сев. Америки и в России при громадном росте населения обнаруживается неуклонный рост народного дохода на душу населения. Особенно резко идет увеличение национального дохода в передовой капиталистической Американской Республике. Таково было положение к моменту начала войны. Совершенно естественно, что война могла только обострить процесс падения величины народного дохода во Франции, Германии и Англии. Уже тот факт, что война выбила 10 милл. молодых жизней, из которых на Европу падает около 9 милл. человек, увеличила страшно мировую задолженность, произвела колоссальные разрушения на территориях воюющих держав и проч., и проч., неизбежно должен был повести к колоссальному падению национального дохода. Подробно исследуя все факторы, приводящие к обострению этой тенденции и произведя соответствующие поправки, Прокопович приходит к

следующим выводам о величине народного дохода в золотых рублях в 1920 году (стр. 51).

Года.	Великобритания.	Франция.	Германия.	Соедин. Шт. Сев. Ам.	Россия.
1911	—	225,4	—	—	—
1913	303,7	—	204,3	511,1	78,7
1920	252,6	148,4	131,2	441,1	30,0

Таким образом, сокращение народного дохода на душу населения Западной Европы вследствие мировой войны выражается в Англии, примерно, на 17%, во Франции на 34% и в Германии на 36%. Происходит колоссальное падение производительных сил, которое с особенной наглядностью отмечается в следующей диаграмме.



То положение, которое когда-то было установлено классиками политической экономии о непрерывном экономическом прогрессе и росте национального дохода, оказалось неверным для настоящего времени. Далин, который неудачно открыл закон экономического регресса для СССР, закон, опровергнутый нашим экономическим строительством, просмотрел процесс падения национального дохода, который неуклонно наблюдается за последнее время в Западной Европе.

Если присмотреться к этим данным, то окажется, что процесс падения народного дохода сопровождался перегруппировкой величины дохода внутри каждой страны между различными классами населения. Особенно пострадали три слоя: класс индустриальных и деревенских рабочих, мелкое крестьянство и мелкие собственники и рантьеры, и «промежуточные» слои. Этот процесс обнищания пролетарских и средних слоев населения не означает того, что величина дохода правящих классов, капиталистов и аграриев, пала. Наоборот, война и послевоенный период сопровождался колоссальным перемещением ценностей, именно, в руки этих правящих групп. В это время создавались новые крупнейшие концерны, синдикаты и тресты. Однако, обнищание широких масс населения рабочих и крестьян становится очевидным фактом, и величина народного благосостояния в целом падает, еще более подчеркивая непропорциональное увеличение богатства в руках правящих классов. При таких условиях вряд ли здравомыслящий человек может согласиться с выводами Далина о том, что в этом подлунном мире все обстоит неизменно хорошо. Очевидно мы имеем дело с определенным загниванием капитализма, с экономическим регрессом, а не с хваленым бесконечно быстрым ростом производительных сил. Хорош рост производительных сил, когда основные отрасли европейской торговли далеко еще не достигли цифр 1913 года, когда весь овропейский товарооборот по вычислениям экономистов составляет 82% от довоенного, когда Англия, год от года сокращая свой экспорт, испытывает хроническую безработицу, когда каждый 10-й из англичан является безработным, когда Германия от краха эпохи инфляции идет к крахам Стиннеса и др. периода дефляции!

Плохо обстоит дело у меньшевиков и с суб'ективными предпосылками. Как ни старается II Интернационал запихать сознание своих партий в рамки каутскианства и меньшевизма, мы имеем несомненный и колоссальный прорыв не только в росте симпатий к Коммунистическому Интернационалу, но и в факте бесконечной важности—в полевении английского рабочего движения и усвоении последним тактики внепарламентского действия, тактики насилия и тактики единого пролетарского фронта. Теоретическая мысль меньшевизма со старческой жадностью цепляется за уходящее прошлое капитализма. Мы слышим жалкое бормотание Каутского о «воздержании», видим размахивание картонным мечом—тоже «реальной политики»! —Далина, который начал с того, что скинул с исторических счетов «утопистов»—Маркса, Энгельса, Бебеля, Либкнехта—и вытащил на сцену обветшалые доспехи Бернштейна с его «врастанием социализма в капитализм.

Былые «вожди» в испуге и растерянности тянут пролетариат назад в стоячее болото капитализма и своей схоластики. Но пролетарии жаждут ветра революции, а не затхлого воздуха разлагающейся капиталистической Европы.

Работа Прокоповича против его воли бьет по голове меньшевизм и служит делу революции.

Э. Гольденберг.

Социал-демократические размышления о мировом хозяйстве и мировой политике.

Небезызвестный российский меньшевик, Вл. Войтинский, отдыхающий сейчас в Германии от ратных и иных трудов, посвятил свои эмигрантские досуги статистическим и экономическим изысканиям на миро-хозяйственные темы. Как плод этих изысканий, в сентябрьской книжке, издаваемой Гильфердингом «Die Gesellschaft» появилась его большая статья «Новое мировое хозяйство—новая мировая политика». Полная удивительных откровений, статья эта «взыскана» самым лестным вниманием социал-демократической прессы и, видимо, призвана служить экономическим обоснованием политики и тактики II Интернационала.

Приложив свое ухо к земле, и прислушавшись к тому, что там делается, г. Войтинский приходит к грустному выводу, что «сердце мирового хозяйства не бьется более в Европе». Но для того, чтобы уразуметь истинное значение этого факта, по мнению Войтинского,

> «надо исключить все побочные моменты, которые его усложняют и затемняют. Таковы проблемы междусоюзнических долгов, превращения Европы из кредитора Америки в ее должника и т. д. Закономерно и органически развивающиеся законы скрещиваются с результатами более или менее случайных комбинаций дипломатической и финансовой игры».

В разряд затемняющих и усложняющих «побочных моментов» попадают, таким образом, наиболее глубокие и длительные экономические последствия империалистической войны. Только в социал-демократические очки может показаться, что превращение Европы из кредитора Америки в ее должника есть лишь результат «более или менее случайных комбинаций дипломатической и финансовой игры». Отсюда один шаг до того, чтобы и самую войну об'явить лишь «случайной комбинацией».

Г. Войтинский в сущности делает этот шаг. В его исследовании причин перемещения «сердца мирового хозяйства» империалистическая война отсутствует. Огромное расточение производительных сил, которое она означала, всеобщее обнищание и хозяйственный упадок, который она за собой повлекла, оказываются не при чем. Дело не в этих «побочных моментах». Главное в изображении социал-демократического апологета—это технический прогресс капитализма.

> «Связь этих сдвигов с изменением энергетических основ мирового хозяйства очевидна. Европейское хозяйство опиралось на разрушенный теперь фундамент каменного угля, в

то время как хозяйство Америки органически связано с моторными силами нефти и белого угля... В Америке находится центр нефтяной промышленности мира, здесь процветают все связанные с нефтью отрасли промышленности, здесь больше всего и успешнее всего проведена электрификация водной энергии. Уже это одно должно было вызвать территориальное перемещение центра тяжести мирового хозяйства и **помимо войны**» (курсив наш. *Э. Г.*).

Нефть и белый уголь вытесняют каменный уголь, и **поэтому** американский капитализм оттесняет европейский. Вздорность такого рода «построений» видна, между прочим, и из того, что с таким же успехом и с такой же, если не большей видимостью убедительности, можно утверждать и обратное. Господствующее положение Америки еще легче «выводить» из угольной энергетики, нежели из энергетики нефтяной. Общая сумма запасов каменного угля на земном шаре определяется в 7.338 миллиардов тонн. По главным центрам они располагаются следующим образом:

Соединенные Штаты Сев. Америки	около 4.000	млр. тонн.
Канада	„ 1.250	„ „
Китай	„ 1.000	„ „
Западная Европа	„ 750	„ „
Россия	„ 500	„ „

Огромное превосходство Америки над Европой станет еще яснее, если учесть к тому же расположение угольных запасов и легкость их разработки. И здесь все преимущества были на стороне Америки. В год на одного углекопа добыча в тоннах равнялась [1]):

	Англия	Германия	Соединен. Штаты.
1886—1890 г.г.	310	272	400
1903—1910 „	275	249	596

Производительность резко падает в Европе и быстро растет в Америке. В то же время запасы угля в одних только Соединенных Штатах почти в пять раз превышают запасы Западной Европы. Где основания утверждать, что «господство пара и угля должно было означать господство Европы над миром»? Напротив, с точки зрения того географического материализма, в который так наивно, сам того не замечая, впадает наш «марксист» из «Die Gesellschaft», как раз господство угля должно было принести с собою господство Америки. Но как на зло г. Войтинскому век пара и угля был веком европейской гегемонии.

Не лучше для него обстоит дело и с нефтью. По данным проф. Рамзина, мировые запасы нефти распределены по земному шару следующим образом:

В %% к мировому запасу:

СССР	37,4	Китай	2,4
Южн. Америка	16,0	Япония	2,1
С.-А. Соединенные Штаты	12,0	Румыния, Польша и пр. Европа	2,0
Передн. Азия	10,1	Канада	1,7
Мексика	7,8	Брит. Индия	1,7
Ост.-Индия	5,2	Африка	1,6
		Всего	100 (7.696 миллионов тон)

[1]) Эти цифры мы заимствуем из статьи тов. И. А. Иванова «Мировое хозяйство, как производственный организм». См. «Вестник Соц. Академии» за 1923 год, книга VI.

Соединенные Штаты на 3-м месте и владеют лишь 12% мирового запаса; их нефтяная позиция, таким образом, несравненно слабее их угольной позиции. Почему смена угля нефтью должна означать переход гегемонии к С. Штатам Северной Америки, становится окончательно непонятным. Необходимо добавить, что наиболее обследованная, с точки зрения богатства нефтью, часть земного шара—это Соединенные Штаты; и, следовательно, открытия новых ее местонахождений, ожидать которых мы имеем все основания, будут лишь **уменьшать** долю Соединенных Штатов в мировом запасе.

Переход мирового хозяйства на новую энергетическую основу, огромный рост количества и значения динамомашин и моторов внутреннего сгорания, сам по себе, следовательно, вовсе не означает неизбежности забивания Европы Америкой. **Если бы** европейский капитализм был так же силен, как и до войны, **если бы** он, как до войны, оставался хозяином на мировом рынке капиталов, то прикарманив колоссальные нефтяные ресурсы колониального и полуколониального мира, он оказался бы **богаче** Соединенных Штатов. **Если бы** в России не произошла социалистическая революция, то овладев одной только русской нефтью, европейский капитал мог бы **господствовать** на мировом нефтяном рынке. **Дело не в том, что дизель и электричество вытесняют паровую машину, а в том, что загнивающий европейский капитализм, расшатанный и истощенный войной, перестал быть тем хозяином мира, каким был до войны** [1]).

Таким образом, утверждение г. Войтинского, что «изменение энергетических основ мирового хозяйства» уже само по себе должно было вызвать перемещение центра его тяжести «**помимо войны**» — **фактически** неверно, неверно с любой точки зрения, представляет собою типичный апологетический вздор, попытку замазать роль войны и загнивание капитализма, свести весь процесс к **натуральным** факторам, находящимся вне власти людей, независимым от общественных отношений и общественного строя.

Выступая адвокатом европейской буржуазии, наш социал-демократический экономист не может, однако, ограничиться заявлением, что Европе конец, хотя бы даже и такой, в котором буржуазия совершенно неповинна. Адвокату европейской буржуазии необходимо показать, что европейский капитал еще живуч, что у него еще есть возможности дальнейшего развития. Нефтяная иеремиада г. Войтинского поэтому быстро сменяется более игривыми и идиллическими мелодиями. Конечно, американский капитализм сильнее европейского, но мир велик, и в нем хватит, в конце-концов, места для обоих.

> «Мировое хозяйство,—утешает г. Войтинский,—способно еще к дальнейшему расширению, хотя, конечно, его рамки не могут расширяться при помощи до сих пор применявшихся

[1]) Мы не говорим уже о том, что вытеснение твердого топлива жидким отнюдь еще не означает вытеснения угля нефтью. Напротив. Опыты Бергиуса, как и ряд других, открывают перед углем совершенно новую перспективу стать основным источником **жидкого** топлива.

методов [1]). Оно может быть расширено настолько, что в его границах арена действия будет достаточно велика и для Европы и для Америки. Задача удержания положения Европы в мировом хозяйстве, поэтому не включает в себя необходимости борьбы с Америкой. Речь может итти лишь о разделе сфер влияния и о хозяйственном сотрудничестве обоих континентов».

В этой тираде нашего воспрянувшего духом Иеремии необходимо раньше всего отметить одно чрезвычайно ценное признание. Хотя в начале и говорится о том, что «до сих пор применявшиеся методы расширения мирового хозяйства (подразумевается колониальный разбой), теперь непригодны», в конце мы находим аппетитное упоминание о «разграничении сфер влияния» между европейским и американским империализмом. Иными словами, несмотря на свой пацифистский кретинизм г. Войтинский неожиданно обнаруживает и крупицу здравого смысла. Г. Войтинский пробалтывается, что без «сфер влияния», т.-е. без грабежа колоний и полуколоний, без дальнейшего колониального разбоя, европейскому капитализму все же не выжить. Наш пацифист забывает лишь о том, что растущий и поднимающийся колониальный мир, «великий резерв угнетенного человечества» не позволяет больше делить и кромсать себя. Золотые дни Аранхуэца, когда империалистические колоссы могли делить между собою «сферы влияния», считаясь, лишь, со своими аппетитами и их бронированным обоснованием, безвозвратно прошли.

Предположим, однако, что при помощи II Интернационала международной буржуазии удастся преодолеть сопротивление колониальных революций. Неужели, однако, г. Войтинский *всерьез* думает, что «разделение сфер влияния» обойдется без вооруженной борьбы, без новой империалистической бойни, что Япония, Англия и Соединенные Штаты полюбовно поделят между собою Китай и не передерутся между собой при этом, что вопросы моссульской и южно-персидской нефти будут решаться простым большинством голосов в Лиге Наций? Поистине наивность, переходящая в цинизм!

В этом вопросе г. Войтинский, впрочем, не оригинален. И когда он говорит о «мирном разделе сфер влияния» и хозяйствен-

[1]) В той же сентябрьской книжке „*Die Gesellschaft*", в которой была помещена статья Войтинского, напечатана статья английского «социалиста» Бекстона, того самого, который был на Марсельском конгрессе II Интернационала докладчиком по вопросам международной политики. Статья посвящена колониальному вопросу. Мы приведем из нее одну выдержку.

«Какова должна быть наша непосредственная политика (в колониальном вопросе)? Должны ли мы требовать, чтобы более слабые народы были предоставлены самим себе, чтобы связанные с ними теперь государства увели свои силы из ныне оккупированных областей и предоставили рассеяному среди туземцев белому населению самому о себе заботиться? Следовательно, вернуть то, что было некогда насильственно взято и отказатся от всех договорных прав правомерно или неправомерно приобретенных. Некоторые социалисты склоняются к этому взгляду... Но мы потенциальные властители (potentielle Herrscher), мы ответственны не только за прошедшее, но и за настоящее и будущее. Если после всего, что произошло белые правительства отойдут в сторону, если они предоставят туземное население своей собственной судьбе после того, как они так глубоко изменили условия его жизни, то его положение от этого, несомненно, ухудшится. *Не может быть, следовательно, и речи о том, чтобы туземцев тропических стран с их неисчислимыми богатствами предоставить самим себе*».

Думаем, что этот замечательный документ в комментариях не нуждается.

ном сотрудничестве», то невольно вспоминается знаменитая и много раз битая теория ультра-империализма впавшего в детство идеологического вождя II Интернационала, К. Каутского. Ее существо, как известно, тоже сводилось к предреканию полюбовного соглашения империалистических держав относительно «раздела сфер влияния». Тов. Ленин дал исчерпывающую критику этого нелепого построения:

«Возьмем Индию, Индо-Китай и Китай. Известно, что эти три колониальные и полуколониальные страны с населением в 6—7 сот миллионов душ подвергаются эксплуатации финансового капитала нескольких империалистических держав: Англии, Франции, Японии, Соединенных Штатов и т. д. Допустим, что эти империалистские страны составят союзы одних против других с целью отстоять или расширить свои владения, интересы и «сферы влияния» в названных азиатских государствах. Это будут «интер-империалистические». Допустим, что *все* империалистские державы составят союз для «мирного» раздела названных азиатских стран — это будет «интернационально-об'единенный финансовый капитал». Фактические примеры такого союза имеются в истории XX века, например, в отношениях держав к Китаю. Спрашивается, мыслимо ли предположить, при условии сохранения капитализма (а именно такое условие предполагает Каутский), чтобы такие союзы были *не* кратковременны? Чтобы они исключали трения, конфликты и борьбу во всяческих и всех возможных формах?

Достаточно, ясно поставить вопрос, чтобы на него нельзя было дать иного ответа, кроме отрицательного. Ибо при капитализме немыслимо иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет *силы* участников дележа, силы общеэкономической, финансовой, военной и т. д. А сила изменяется неодинаково у этих участников дележа, ибо *равномерного* развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран, при капитализме быть не может» [1]).

«Ультра-империалистическая» пошлятина Каутского еще пошлее и еще больше искажает действительность в том виде, в каком ее подносит г. Войтинский *теперь*, когда противоречия капиталистических интересов заострены так, как никогда раньше. Производственный аппарат тяжелой индустрии в важнейших странах работает с нагрузкой в лучшем случае не превышающей 70—75%%. Не лучше обстоит дело и в текстильной промышленности. Англия переработала в 1924 г. лишь 65% того количества хлопка, какое было переработано в 1913 г., а весь остальной европейский континент — 67%. А 1925 год принес с собой дальнейшее ухудшение. И здесь, значит, мы имеем огромную недогрузку основного капитала. Европейская капиталистическая промышленность задыхается от отсутствия рынков; недаром ее общий кризис усугубляется и усложняется необычайно резким и затяжным, специфическим кризисом экспортных индустрий. Проблема рынков стоит в настоящий момент перед европейским — да и перед американским — капитализмом острее, чем когда бы то ни было.

[1]) Н. Ленин, «Империализм, как новейший этап капитализма», Собр. соч., т. XIII, стр. 328-329.

А значит меньше, чем когда бы то ни было может итти речь о мирном ее разрешении.

Не менее безнадежны перспективы «мирного сожительства» и «хозяйственной кооперации», если от товарного рынка перейти к рынку капиталов. Вытеснение Англии с этого рынка Америкой и темп этого вытеснения общеизвестны. Причина этого вытеснения не только в том, что в Америке денег больше, но и в том, что в Америке деньги дешевле. Чтобы оценить все значение этого факта, необходимо помнить, что миродержавная роль английской буржуазии опиралась на английский экспорт капиталов. Чем был для английской буржуазии экспорт капиталов видно из того, что из всех ценных бумаг, находившихся в 1912 г. в ее руках, только 44% приходилось на английские и 54% на иностранные [1]). Чистый доход от заграничных капиталов Англии составлял по данным «Economist'a» 210 милл. фунтов стерлингов. В 1924 году он снизился до 185 миллионов фунтов. Если при этом учесть рост цен и обесценение фунта, то мы получим сокращение заграничных доходов на 40, приблизительно, процентов. Этот процесс продолжается и в 1925 году. Квартальная средняя английских заграничных эмиссий в 1924 году составляла 31,2 миллиона фунтов, за первую половину 1925 года—почти в два раза меньше—около 17 миллионов фунтов [2]). В то же время пассив торгового баланса возрос в 1924 году, в довоенных ценах более, чем на 25% сравнительно с 1913 годом и продолжает неудержимо расти и в 1925 г. Ползущая вниз кривая заграничных доходов и ползущая вверх кривая пассива торгового баланса образуют своеобразные «ножницы», дальнейший раствор которых означает не что иное, как банкротство английского капитализма.

Таковы факты. Нужно быть, однако, социал-демократом и сотрудником «Die Gesellschaft», чтобы думать, что английская буржуазия будет взирать на эти факты с пацифистским благодушием и будет лепетать о мирном сотрудничестве и «хозяйственной кооераицы», когда экономическое соотношение сил складывается против нее, влечет ее к банкротству. Достаточно бросить взор на карту колоний, на карту великих морских путей, над которыми господствует Англия, чтобы понять, что гниющий и разлагающийся английский капитализм все-же еще слишком силен, чтоб сдаться без борьбы, без вооруженной борьбы за свое место под солнцем. И Сидней Джессен, автор книги «О мировых интересах английской нефтяной промышленности», говоря об особой важности персидской нефти недаром подчеркивает, что «Персия относится к таким точкам земного шара, которые наиболее далеко отстоят от Соединенных Штатов, что в соответствующем случае явилось бы важным военным преимуществом».

Замазывание того факта, что дальнейшее существование капитализма необходимо означает новые войны, одурачивание масс разговорами о мирном, бескровном развитии капитализма—а к этим разговорам на добрую половину свелся, между прочим, и марсельский конгресс—составляет одно из величайших преступлений II Интернационала, предательство в своем роде не менее похабное, чем то, которое было им совершено в 1914 году.

---

[1]) Для Франции соответственные цифры дадут 63 и 37 (См. «Статистический справочник» Вольфа и Мебуса, стр. 278).

[2]) «Economist» 21/VIII.

Успокоив читателя тем, что в драке между европейским и американским капитализмом нет никакой необходимости, и все отлично устроится с помощью полюбовного раздела «сфер влияния», г. Войтинский снова припадает ухом к земле, снова прислушивается к тому, что там делается и снова вспоминает, что Европа оскудела, что она беднее и слабее Америки. Он вторично задается вопросом, что привело ее в такое состояние. И, успев забыть о том ответе, который он дал в начале статьи, он продолжает так, как будто никаких изменений «в энергетических основах мирового хозяйства»,—изменений, в которых наш «марксист» из «Die Gesellschaft», как мы видели, усматривал еще несколькими страницами выше исключительную причину всех и всяческих сдвигов—как будто никаких таких изменений вовсе и не произошло. На один и тот же вопрос г. Войтинский дает два ответа, ничего общего друг с другом не имеющих. Но в этой нелогичности есть своя логика, логика апологета, чернильного кули буржуазии. Когда надо доказать, что капитализм и война вовсе не повинны в хозяйственном развале, тогда на сцену выступает нефть. Теперь же г. Войтинскому надо экономически обосновать буржуазный пацифизм II Интернационала. Тут нефть уже не нужна, тут он о нефти сразу забывает, и на сцену выступает совершенно новая аргументация. Послушаем его:

> «Что же привело Европу в ее нынешнее положение? Была ли то война? Отчасти и война. Но не она вызвала кризис; она его лишь ускорила и заострила. Был ли то капитализм? Частично, конечно, и капитализм. Но, ведь, капитализм существует и в цветущей, развивающейся по восходящей линии Америке».

На этой тираде стоит остановиться. Война здесь берется сама по себе, а капитализм сам по себе. Как будто война не была следствием капитализма. Что же касается капитализма, то и он об'ясняет кризис лишь «отчасти», потому что, ведь, и в Америке капитализм, между тем, она «цветет».

Аргумент «от Америки» поистине замечателен. У г. Войтинского, который был все же некогда не чужд марксизму, вдруг совершенно отшибло память о том, что существуют различные стадии капиталистического развития, которые очень друг на друга не похожи и которые располагаются не только во времени, но и в пространстве. Современный английский капитализм так же не похож на английский капитализм 60-х годов, как и на современный индийский капитализм. Европейский капитализм заканчивает в настоящее время свой последний, империалистический цикл, за которым следует социалистическая революция, между тем как Соединенные Штаты в него только вступают (хотя вступают поистине семимильными шагами) [1]).

---

[1]) О темпе «империализации» американского капитализма дает некоторое представление выдержка из речи товарища г. Войтинского по II Интернационалу, американца Хилквита, произнесенной им на марсельском конгрессе: «Новое выражение доктрины Монроэ гласит уже: не Америка для американцев, но Америка для Соединенных Штатов. На американском континенте имеется двадцать независимых республик, помимо Соединенных Штатов. Часть из них находится под официальным финансовым контролем Соединенных Штатов. В шести республиках капиталистические вложения опираются на военную силу.

И в той мере, в какой капитализм Соединенных Штатов уже вступил в империалистическую фазу своего развития, в нем начинают проявляться симптомы загнивания, замедления роста производительных сил. В интереснейшей работе проф. Фалькнера «Рост народного имущества и дохода Соединенных Штатов» мы читаем:

«Рассматривая выведенные в таблице № 10 показатели роста американского производства, мы видим, что за 20-летний период (с 1899 по 1919 г.г.) последнее увеличивается почти вдвое, с 64,5 в 1899 г. до 112,5 в 1919 г. Но если разделить этот период пополам, то мы убедимся в огромном замедлении темпа этого роста: в то время как первое десятилетие с 1899 г. по 1909 год продукция возрастает с 64,5 до 95,0%, т.-е. почти на 47%, за второе десятилетие с 1909 г. по 1919 год она увеличивается с 95,0% до 112%, т.-е. лишь на 18%, или почти в три раза медленнее. В этом разительном расхождении темпа продукции Соединенных Штатов и проявляется влияние мировой войны»[1]).

Империалистическая фаза и вытекающая из нее война, таким образом, принесли с собою резкое замедление роста производства Соединенных Штатов. Еще отчетливее это видно в другом месте той же работы проф. Фалькнера, где он весьма основательно расправляется с мифом о том, что империалистическая война «обогатила» Америку. После сопоставления целого ряда статистических показателей проф. Фалькнер говорит:

«Мы приходим к чрезвычайно существенному и многозначительному выводу, что народное богатство Соединенных Штатов в результате войны, при расчете на душу населения оказалось в лучшем случае стабилизованным... Ходячее в Европе представление об огромном обогащении Америки за время войны является, таким образом, фикцией. Война, да еще война такого напряжения, как война 1914—1918 г.г., обогатить не могла»[2]).

«Цветение» американского капитализма, таким образом, оказывается весьма относительным. Лихорадочная смена кон'юнктур, частые кризисы (1920—21, 1924 г.г.) и затяжные депрессии послевоенного периода, во всяком случае не дают никаких оснований скакать и играть по поводу его полнокровия. Хотя, разумеется, в американском капитализме только еще начинается тот процесс, заключительная судорога которого уже сводит европейский капитализм.

. . . В 1912 г. солдаты Соединенных Штатов высадились в республике Никарагуа. В 1915 г. американские солдаты ворвались в негрскую республику Гаити. В 1916 г та же участь постигла республику Сан Доминго. То же, примерно, произошло в Гондурасе". Достаточно общеизвестна мексиканская политика Соединенных Штатов. Последние годы Соединенные Штаты проявляют огромную империалистическую активность на Дальнем Востоке. И, наконец, само собой разумеется, что участие Соединенных Штатов в войне 1914 г. тоже является не чем иным, как выражением того, что и они уже вступили в империалистическую стадию своего развития.

[1]) «Плановое хозяйство» № 5, стр. 187.

[2]) «Плановое хозяйство», № 4, стр. 222.

Аргумент г. Войтинского «от Америки» является чудовищной передержкой. Но передержка здесь ему понадобилась за тем же, что и передержка с нефтью в начале статьи.

Расчистив путь и «доказав», что ни война, ни капитализм в кризисе европейского хозяйства не повинны, он, наконец, разрешается от бремени и сообщает миру о своем великом открытии:

«Главное, основное различие между обеими частями света заключается в политическом и хозяйственном единстве Америки... Несчастье Европы в наследии ее тысячелетней истории, которая ее раз'единила и раздробила».

И открыв эту Америку, наш Колумб тотчас же извлекает политическое поучение:

«В предстоящей борьбе за сохранение своего места в мировом хозяйстве Европа должна раньше всего устранить источник своей слабости: свою хозяйственную балканизованность».

Итак, не нефть, не война, не капитализм — причины современного кризиса Европы; все дело оказывается в ее хозяйственной балканизованности. Дозволительно, однако, осведомиться у социал-демократического Колумба: почему несмотря на балканизованность европейский капитализм рос до войны, а не сгнил с первого момента своего появления, когда его балканизованность была не меньше, чем теперь? И во-вторых, не является ли эта балканизованность, в свою очередь, результатом не только «тысячелетней истории», но и капиталистической конкуренции, капиталистической борьбы?

Замечательна, в самом деле, манера г. Войтинского искать об'яснение кризису где угодно и в чем угодно, только не в капитализме, его стремление ценою любой передержки выгородить и оправдать буржуазию. Если и на этот раз «балканизацию» Европы он «выводит» не из капитализма, а из «тысячелетней» истории, то это не случайность и не обмолвка. Это ему нужно для того, чтобы показать, что преодоление этой балканизации отнюдь не предполагает преодоления капитализма, что оно возможно и в рамках капиталистического строя.

«Без европейского таможенного союза, — вещает г. Войтинский, — экономическое восстановление Европы невозможно».

А так как в этом деле больше всего заинтересованы страны, наиболее страдающие от кризиса, то

«инициатива создания «Соединенных Штатов Европы» должна исходить от Англии и Германии».

Болдуин и Лютер, Чемберлен и Штреземан, дружно взявшись за руки, приступают к созданию Соединенных Штатов Европы. Злейший враг социал-демократов не мог бы приписать им большую пошлость и большую нелепость.

Выше мы уже привели выдержку из «Империализма» тов. Ленина, которая вполне исчерпывает вопрос об «интер-империалистических» об'единениях. Мы можем поэтому теперь ограничиться лишь одним замечанием: быть может духовное око г. Войтинского прозревает в хороводе «Соединенных Штатов Европы» не Болдуина, Кайо и Лютера, а скажем Мак-Дональда, Блюма и Отто Брауна. Дело от этого, однако, ничуть не меняется. Правительства Мак-Дональда и Блюма, будут такими же империа-

листскими правительствами, как и правительства Болдуина и Пэнлеве. За это говорит не только опыт «рабочего» правительства в Англии и знаменитое послание «рабочего» премьера в Индию. За это говорит и признание г. Войтинского насчет необходимости «расширения мирового хозяйства» и «раздела сфер влияния». Еще красноречивее об этом говорит приведенная нами выше в примечании выдержка из статьи Бэкстона. Об'единение социал-демократических правительств будет, следовательно, таким же «интер-империалистским об'единением», как и об'единение ныне правящих консервативных зубров. И так же, как и последнее, невозможно.

Постараемся конкретизировать вопрос. Можно ли сколько-нибудь серьезно говорить о Соединенных Штатах Европы, пока существует план Дауэса? Необходимо помнить, что план Дауэса—это не локально-германское явление. Под режимом дауэсизации находятся помимо Германии и Австрия и Венгрия. К дауэсизации неудержимо катится и Польша. Вполне очевидно, что до тех пор пока в Европе существуют отношения победителей и побежденных, пока существует режим систематического выколачивания одним государством из других контрибуций и процентов, до тех пор дальше какой-нибудь карикатуры, вроде Лиги Наций, дело об'единения Европы не может пойти.

А откажется ли правительство Мак-Дональда от плана Дауэса? Конечно, нет, раз Мак-Дональд был одним из активнейших участников его принятия и проведения, стоял, можно сказать, над его купелью. Мак-Дональд и Эррио в женевском протоколе, который теперь выставляется как евангилие внешней политики II Интернационала—не посмели, даже заикнуться о ликвидации плана Дауэса. Где уж, куда уж!

Дальше, думает ли г. Войтинский, что Мак-Дональд захочет или сможет поделиться с остальными «штатами» Европы, хотябы моссульской нефтью? Захочет ли он и сможет поделиться с другими «штатами» Гибралтаром, Суэцким каналом, Сингапурской военно-морской базой? Достаточно поставить эти вопросы, чтоб стала очевидной невозможность другого ответа, кроме отрицательного.

Г. Войтинский и сам чувствует, что у него это не совсем гладко выходит. Он настолько проницателен, что даже предвидит некоторые возражения. У него так и сказано:

> «Мы предвидим некоторые возражения. Нам могут сказать, что национальная раздробленность не является единственным противоречием во внутреннем строении современной Европы. Существуют дальнейшие, глубже идущие социальные противоречия. Лишь устранение этих противоречий, лишь осуществление социалистического хозяйства, может положить конец национальной ненависти. Поэтому и теперь, как и раньше, лозунгом пролетариата следовало бы остаться социализму».

Таковы возражения, которые «предвидит» г. Войтинский. Возражения, как видим, довольно веские, хотя на формулировке их лежит яркая печать социал-демократической пошлости. Что же отвечает г. Войтинский?

Он ссылается раньше всего на свою статью в августовской книжке «Die Gesellschaft» «О тенденциях количественного развития пролетариата». В этой статье он огорошивает мир необыкновенным открытием: оказывается, что фабрично-заводский пролетариат образует в настоящее время меньшинство населения земного шара, и, судя по темпу его количественного роста, большинством станет еще не скоро. Взболтав это открытие на дрожжах «теоретического» анализа, он извлекает из него следующее поучение:

> «Попытка связать тактику изолированной борьбы рабочих (фактически только индустриальных рабочих) с идеей социальной революции, неизбежно приводит к следующей дилемме: либо ждать пока индустриальный пролетариат станет большинством, либо при определенных условиях действовать не будучи большинством. В первом случае социализм будет отодвинут в туманную даль, во втором—мы попадаем на скользкую дорогу, ведущую к идеологии переворота, производимого меньшинством и поддерживаемого диктатурой крови и железа».

Положение, действительно, тяжелое. Сказать, что социализм подлежит отодвижению в туманные дали нельзя, потому что это значило бы разоблачить себя перед рабочими, но с другой стороны—перспектива таких вещей, как переворот и диктатура, для социал-демократа во всяком случае неприемлема.

> «Выход из этой дилеммы,—поучает дальше г. Войтинский,—надо искать во внимательном исследовании процессов развития современного капитализма».

Плодом этого внимательного исследования и явилась разобранная статья «Новое мировое хозяйство—новая мировая политика», напечатанная месяцем позже в сентябрьской книжке «Die Gesellschaft».

Что у нас получилось? Августовская статья кончается установлением «дилеммы», выход из которой должна была дать сентябрьская. Сентябрьская статья, в свою очередь, упирается в возражения, для ответа на которые нас отсылают к августовской.

Простим, однако, г. Войтинскому это неуклюжее отсылание от Понтия к Пилату. Посмотрим, как выглядит окончательный синтез результатов, добытых обоими статьями:

> «Социалистический пролетариат не составляет еще большинства внутри существующего общества. Но он станет большинством постольку, поскольку ему удастся присоединить к себе своих социальных соседей—промежуточные слои, т.-е. поскольку его классовый пароль станет паролем широких народных масс, паролем и таких слоев, которые по своему положению к рабочему классу не принадлежат».

Как это ни странно, г. Войтинский здесь высказывает абсолютно верную мысль. Конечно, для того, чтобы иметь большинство пролетариат должен заключить союз с примыкающими к нему полупролетарскими и промежуточными слоями. Но самый факт заключения такого союза вовсе еще не означает, что этот союз будет революционным, что он приближает к социализму. Так, союз английского пролетариата с некоторыми элементами мелко-буржуазной интеллигенции, организационным оформлением которого является Английская Рабочая Партия, является пре-

пятствием на пути к социализму. Союз наиболее отсталой, отравленной религиозным дурманом части германского пролетариата с известными слоями мелкой (а частью и крупной) буржуазии, организационным выражением которого является католическая партия центра, также является фактором, отнюдь, не революционным. Точно так же и проповедь союза пролетариата с его «социальными соседями» может быть революционной и контрреволюционной, в зависимости от того, для чего этот союз провозглашается. Если для борьбы с капитализмом, для социалистической революции—тогда этот союз, конечно, революционен. Но само собой разумеется, что союз, предлагаемый г. Войтинским, имеет совсем другие цели.

«Из всего сказанного,—говорит он,—вытекает необходимость постепенного продвижения, шаг за шагом к социалистической цели. В данных исторических условиях преодоление балканизованности Европы и основание Европейских Соединенных Штатов представляется ближайшим этапом».

Значит, не союз для преодоления балканизации и войн революцией, а напротив, союз с гегемонией мелко-буржуазного пацифизма, который является одним из главных «мирных» инструментов империалистской буржуазии; это значит отказ от революции и одурачивание рабочих масс бесконечно-пошлой и нелепой утопией «Европейских Соединенных Штатов» при капитализме. Таков конечный вывод г. Войтинского.

Об'ективно работа г. Войтинского, как и работа бесчисленного количества ему подобных чернильных кули II Интернационала, является не чем иным, как попыткой буржуазно-пацифистского «переключения» революционной энергии масс, замазывания грозной опасности новой империалистической бойни, попыткой примирить как пролетариат, так и его «социальных соседей» с дальнейшим существованием капитализма. Голыми словами, однако, классы не убеждаются и не разубеждаются: классы учатся на фактах. Первый такого рода факт уже налицо: марокканская война. Ближайшее будущее принесет с собою новые факты, в свете которых международный пролетариат со всею ясностью увидит чего стоят декламации о мире при капитализме героев II Интернационала.

Факты послужат главным орудием революционного просвещения рабочего класса, просвещения, которое выразится, между прочим, и в том, что он прогонит социал-демократическую клику, а вместе с нею и ту свору писак, к которой принадлежит и г. Войтинский.

Ф. Сулковский.

Не „терминологическая“, а просто путаница.

I.

В №№ 9—10 «Большевика» помещена статья Богушевского под широковещательным названием: «О деревенском кулаке или о роли традиции в терминологии». Эта статья приходит после беглого разбора к выводу, что «кулак, как определенный экономический тип, доживает последние дни», что кулак «это—не общественный слой, даже не группа, даже не кучка—это вымирающие уже единицы». И как вывод, т. Богушевский устанавливает: «только терминологической инерцией, с позволения сказать, можно об'яснить выпячивание в ряде статей значения в нашей деревне фигуры кулака», ибо «кулака в самом деле в деревне почти не существует уже и сейчас».

Вот так штука! Оказывается, кулак—просто недоразумение. Его нет, и мы лишь зря болтаем, когда о нем пишем резолюции и статьи. Основная линия партии за все время революции (как равно до нее) определенно учитывала наличие кулаков. Когда в настоящем году был взят курс на усиление работы в деревне в связи с лозунгом «лицом к деревне», то одним из основных вопросов, вставшим перед партийными организациями и перед Центральным Комитетом был вопрос о кулачестве. «Вопрос о кулачестве,—говорит Молотов,—имеет в настоящее время большое значение» («Об очередных задачах работы в деревне»). Об этом же говорят и решения XIV партконференции.

И вдруг вопрос о кулачестве—иллюзия, чуть ли не карточный домик, нами зря выдуманный.

Тов. Богушевский грубо ошибается. Постараемся это доказать.

II.

«Само собой разумеется,—пишет тов. Богушевский,—что в условиях военного коммунизма не могло существовать ни кулацкого, ни вообще капиталистически-предпринимательского хозяйства». Это положение будет совершенно верным, если мы возьмем его, как теоретическое положение: действительно, сплошной военный коммунизм исключает кулацкое хозяйство. Но подобное теоретическое положение является теоретизированием в худшем смысле этого слова, когда мы его применяем к нашей действительности 1917—1921 г.г. Во-первых, целые годы

ряд крупнейших районов был во власти белых (Украина, Сибирь); там в это время, конечно, военным коммунизмом и не пахло. Там были и поддерживали белых не бывшие, а настоящие кулаки. Во-вторых, крестьянские восстания, охватывавшие крупнейшие территории Украины, ряд районов Сибири, Тамбовской губ., были определенно кулацкими не только потому, что кулаки были вожди в этой борьбе против Сов. власти, но и потому, что в восставших районах, как правило, воскресал и возрождался кулацкий тип хозяйства. В-третьих, при безграничных пространствах РСФСР, несомненно, были и не в белых, и не в восставших местах районы с определенными кулаками, не бывшими, как на это напирает Богушевский, но настоящими. С точки зрения диалектики, которой придерживаются марксисты, совершенно недопустима та абсолютизация, которой т. Богушевский одаряет эпоху военного коммунизма. Жизнь есть жизнь, но не нагромождение абсолютных схем.

Поэтому Богушевский совершенно неправ, когда утверждает, что «если мы говорили об особом отношении к среднему крестьянству, противопоставляя его отношению к кулаку, то речь, таким образом, могла итти только о бывшем кулаке». Как видно из сказанного выше, речь шла о настоящем живом кулаке; звание кулака не было экономическим анахронизмом, а упиралось как раз в деревенскую экономику. То, что кулаков стало меньше и их роль сузилась весьма сильно, не означает их перехода в «небытие».

Но тов. Богушевский не останавливается только на том, что якобы кулак стал экономическим анохронизмом, но утверждает, что разгром контр-революции (к концу 1920 г.) привел к тому, что контр-революционные поползновения «совершенно перестали находить какой бы то ни было отклик в сколько-нибудь широких общественных кругах, а в особенности в деревне». «Поэтому,—дальше развивает свою мысль т. Богушевский, — одно это поставило под знак вопроса и политический смысл «звания» кулака еще до наступления новой экономической политики».

Поистине удивительные рассуждения.

Прежде всего замечательно, что контр-революционные поползновения особенно потеряли почву в деревне. Что же, рабочий класс был в то время правее крестьянства? Значит, крестьянство было в то время основной опорой Советской власти? Стоит поставить пред собою эти вопросы и вспомнить это тяжелое для Советской Республики время—и станет совершенно ясным, что контр-революционные поползновения не имели почвы под собою именно в рабочих крупных районах и в фабрично-заводских центрах (Москва, Ленинград, Иваново-Вознесенск), крестьянство же, наоборот, далеко не обнаруживало того политического спокойствия, которое так категорически утверждает тов. Богушевский. Вспомним Кронштадтский мятеж, Антоновское восстание в Тамбовской губернии, полосу восстаний в Сибири, Украинские бродячие банды—и мы увидим, что крестьянство в целом ряде случаев, руководимое кулаками, политически было против Сов. власти. Касаясь Кронштадтского мятежа—по существу крестьянского мятежа—Ленин писал: «Тут проявилась стихия мелкобуржуазная, демократическая с лозунгами свободной торговли и всегда направленная против диктатуры пролетариата». (Н. Ленин, Собрание сочинений, т. XVIII, ч. 1).

В знаменитой брошюре «О продналоге» т. Ленин замечает: «Политическая обстановка к весне 1921 г. сложилась так, что немедленные самые решительные, самые экстренные меры для улучшения положения крестьянства и под'ема его производительных сил стали неотложно необходимы». Именно политическое настроение крестьянства весной 1921 г. поставило ребром вопрос о переходе к новой экономической политике. А это настроение в ряде случаев было таково, что крестьянская, мелкобуржуазная стихия, руководимая кулацкими и эсеровскими (это часто одно и то же) элементами, шла на свержение Советской власти (тот же Кронштадт); а это разве не контр-революционное поползновение?

К тому же т. Богушевский путается в трех соснах—и путается основательно. Лишним доказательством этого служит то обстоятельство, что дальше (на стр. 60) Богушевский утверждает, что «замена продразверстки продналогом, допущение свободы торговли и прочее, без сомнения, примирили с советской властью значительную часть тех крестьян, которые все еще были настроены контр-революционно». Как это вяжется с приведенным выше утверждением об отсутствии какого-либо отклика контр-революционных поползновений в деревне? Ведь одно другое исключает,—это ясно для каждого грамотного человека.

Попытки т. Богушевского доказать политическое и экономическое «небытие» кулака в 1920 г. в период после разгрома контр-революции и до новой экономической политики—являются совершенно несостоятельными. Противоречие эпохи военного коммунизма заключалось в том, что военный коммунизм оказался не в состоянии увязать фабрично-заводскую и крестьянскую экономику и установить между ними подлинную смычку, обеспечивающую удовлетворение потребностей широких масс трудового крестьянства. А отсюда, как частный случай, вытекает вывод, что военный коммунизм не был в состоянии ликвидировать экономически и политически кулака. Гони природу в дверь—она летит в окно. И как мы ни истребляли экономически и политически кулаков, они в первых рядах сражались против нас и организовывали против Сов. власти более широкие крестьянские круги. Для упрочения нашего союза с крестьянством, рабочему классу надо было перейти на новые позиции, которые бы усиливали его влияние в деревне и позволяли ему в большей степени, чем до сих пор, связаться с трудовым крестьянством, изолируя от него кулака. Этим тактическим маневром, подводящим прочную базу под союз города и деревни и явилась новая экономическая политика.

III.

Переходя к периоду новой экономической политики и к современности, т. Богушевский заявляет о необходимости перенести вопрос «на чисто экономическую почву». Против этого возражать не приходится. Но это свое для марксиста вполне понятное заявление тов. Богушевский сопровождает двумя замечаниями, заслуживающими больше удивления, чем внима-

ния: 1) «Разгром контр-революции и введение нэпа, если, может быть, и не совсем, то во всяком случае почти совсем уничтожили тип политического кулака» (курсив наш. *Ф. С.*).

Совершенно неясно почему без основания т. Богушевский придает ему благочестивый советский облик. Затем трудно понять т. Богушевского, почему это он так упорно отделяет, выражаясь его словами, «политического» кулака от «экономического»; самое противопоставление является странным, а в данном случае непонятным. Самое большее, о чем можно говорить, это «не об уничтожении типа политического кулака», а об изменении политических настроений кулачества. Настроение кулака сейчас, оставаясь попрежнему антисоветским, все же иное, чем до годов нэпа, особенно в области тактической: до нэпа кулак пытался нас удушить восстаниями, а сейчас использует легальные возможности: борьба за советы и т. д.

2) Сам чувствуя недостаточность своего об'яснения, т. Богушевский поясняет: «Мы не хотим сказать, что в деревне одни только советские настроения, но мы вправе утверждать, что настроения деревни стали более однородными в том смысле, что индивидуальные антисоветские настроения (почти исключительно партийно-эсеровские (??), во-первых, остаются чисто индивидуальными, а, во-вторых, не находят себе обычно об'яснения ни в нынешнем, ни в прежнем социально-экономическом положении суб'екта (более всего, об'ясняясь, как сказано, партийной принадлежностью)» (курсив наш. *Ф. С.*).

Это дальнейшее пояснение чрезвычайно хромает. Верно, что настроение деревни стало более однородным, чем в годы перед нэпом, но почему антисоветские настроения — «почти исключительно партийно-эсеровские»? Это делает слишком много чести эсерам, в то же время не соответствует действительности: эсерство не покрывает собою антисоветских настроений.

Затем, как же это так «антисоветские настроения не находят себе обычно об'яснения ни в нынешнем, ни в прежнем социально-экономическом положении суб'екта, об'ясняясь более всего партийной принадлежностью»? А партийная принадлежность из воздуха приклеивается к мужику? С каких это пор состояние в партии не связано с социально-экономической физиономией членов? Ведь по Богушевскому получается, что: а) антисоветские настроения случайны; б) антисоветское настроение кулака не об'ясняется его экономическим положением; в) партийная принадлежность приобретает самодовлеющее значение, хотя на самом деле именно она является производным фактором, и сама нуждается в об'яснении.

Совершенно очевидно, что т. Богушевский грубо ошибается: политическое настроение крестьянства опирается и соответствует его экономике; противником советской власти, в первую очередь и главным образом, являются именно кулаки, независимо от их партийности. А сама партийность (эсеровская) является уже следствием (далеко не обязательным) недовольства политикой Советской власти, т.-е. результатом антисоветских настроений. Как известно, недовольство Соввластью ведет не только к эсерству, но и к анархизму и монархизму.

IV.

Наконец, т. Богушевский переходит к определению того, кого можно назвать кулаком. Тов. Богушевский отказывается «отыскать в старой литературе определения этого экономического типа» и целиком свое об'яснение кулака базирует на статьях т.т. А. Смирнова и М. Калинина. Как известно, и т. Смирнов и т. Калинин заостряли вопрос в определении кулачества не на моменте эксплоатации, а на ее особенных формах: ростовщичестве и кабале. По Калинину получается, что под кулачеством следует понимать «закабаление окружающего населения такими условиями работ или такими хозяйственными сделками, которые бы являлись для одной стороны убыточнее средних сделок в этом роде». По Калинину, примером кулацкой сделки следует считать случай, когда «крестьянин нанимает работника и за уплату вперед заработной платы понижает ее ниже средней в данной местности» (цитата у Богушевского). Те же самые соображения развивает и т. Смирнов. К ним безоговорочно присоединяется и т. Богушевский, подчеркивающий, что кулак—это не всякий сельско-хозяйственный капиталист, а обладающий особыми чертами (кабала и ростовщичество).

Мы полагаем, что совершенно неверным является это построение.

Совершенно неправильно в качестве мерила брать среднюю плату в данной местности. С каких это пор у марксистов водоразделом экономических определений является размер заработной платы. Вы представьте себе мужика, который летом платит работникам среднюю для данной местности зарплату; по определению тов. Калинина, он не кулак; но, если он зимой зарплату понижает, он превращается в кулака. Представим себе еще местность, где средняя зарплата в силу ряда условий является буквально нищенской, но мужик вынужден наниматься в работники, ибо массовая безработица, неурожай его на это толкают. Сельско-хозяйственный предприниматель эксплоатирует его во всю, но раз он не понижает средней зарплаты (и без того мизерной) он не является кулаком. Если мы этот пример с зарплатой перенесем в промышленность, то у нас получится: капиталист, платящий ниже средней ставки—эксплоататор, платящий выше не может быть зачислен по эксплоататорскому ведомству, а между тем мы все превосходно понимаем, что независимо от того, сколько платит фабрикант рабочему—больше или меньше—он настоящий капиталист, буржуа, ибо для нас основное не в размере зарплаты, а в самом факте эксплоатации, являющемся результатом капиталистических производственных отношений.

Тов. Богушевский не любит ссылок на старую литературу. Постараемся порыться в новой уже советской литературе. В «Ответе на запрос крестьянина» (Н. Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 29) мы читаем следующее определение т. Ленина: «Кулаки—богатые крестьяне, которые угнетают чужой труд, либо нанимая работников, либо давая деньги в рост и тому подобное». Коротко и ясно. Тов. Ленин не проводит разницы между мужиками в зависимости от того, какую зарплату они выплачивают своим работникам, а подчеркивает момент угнетения, т.-е. эксплоатации чужого труда.

Эта эксплоатация идет по двум путям: а) найма; б) ростовщичества. Таким образом, мужик, ведущий свое хозяйство наемными руками—настоящий кулак. Несомненно, что в условиях Советского Союза ведение хозяйства наемным трудом далеко от широкого распространения, но дело не в том, насколько широко распространен этот способ хозяйствования, а имеется он или нет. На этот вопрос ответ может быть только положительным. Наивным втиранием самим себе очков было бы, если бы мы утверждали, что у нас нет хозяйств, ведущихся наемным трудом. Само собой разумеется, что хозяйство, лишь на время пользующееся наемными руками, кулацким названо быть не может. Эксплоатация рабочей силы должна быть основой ведения хозяйства; лишь в этом случае мы можем назвать последнее кулацким. Как семья состоящая из мужа, жены, работающих на службе, и 3 детей не может быть причислена к эксплоататорской на том только основании, что она имеет прислугу, так и крестьянское хозяйство в основном живущее своим трудом не имеет кулацкого характера.

Возникает вопрос: можно ли сказать, как это утверждает и тов. Богушевский, «что кулак—сельско-хозяйственный капиталист, обладающий особыми чертами»? Если говорить о кулаках, как об особенной категории сельско-хозяйственного капитализма, то это было безусловно правильным в дореволюционное время, когда существовало помещичье землевладение. Но теперь помещичье землевладение весьма прочно отсутствует; и сейчас (если не считать сельско-хозяйственных концессионеров, роль которых не может быть значительной) единственными монопольными представителями сельско-хозяйственных капиталистов в СССР являются кулаки. К тому же особенные черты, как их понимает Богушевский (кабала, ростовщичество), не являются, как разобрано выше, исчерпывающими понятие кулака. Потому мы вправе установить, что для переживаемого нами этапа диктатуры пролетариата понятия: «сельско-хозяйственный капиталист» и «кулак» взаимно покрывают друг друга.

Основная ошибка т. Богушевского, а равно т.т. Калинина и Смирнова, заключается в том, что они деревенское кулачество связывают исключительно с торгово-ростовщическим капиталом. Совершенно верно, что торгово-ростовщический капитал исторически предшествует образованию промышленного капитала и логически является необходимым условием этого образования (Н. Ленин, Собр. сочинений, т. III, стр. 138, «Развитие капитализма в России»),—это же по аналогии относится и к сельскому хозяйству, где капитал «не исчерпывается кабалой и ростовщичеством, но обращается также и на производство». Но, как говорит Ленин, «нанимает ли крестьянин рабочих для расширения производства, торгует ли он землей или бакалейными товарами, торгует ли он коноплей, сеном, скотом и пр., или деньгами (ростовщик) он представляет из себя один экономический тип, операции его сводятся в основном к одному и тому же экономическому отношению» (там же, стр. 139), т.-е. к присвоению прибавочной стоимости.

Таким образом, нельзя противопоставлять, как различные в основе категории, крестьянина-ростовщика-торговца и крестьянина-производственника, живущего эксплоатацией наемного труда: оба представляют одну экономическую категорию—кулака.

V.

Сузив и извратив, таким образом, понятие кулака, т. Богушевский идет дальше семимильными шагами. По его мнению, развитие типа кулака невозможно и сейчас, при сравнительной слабости кооперации, тем более т. Богушевский считает невозможным это развитие в дальнейшем, когда внушительно окрепнет кооперация. По Богушевскому, кулаки—просто вымирающие единицы.

Даже, если мы примем исходную точку т. Богушевского о ростовщической базе кулачества, то для подобных «розовых» рассуждений и утверждений имеется весьма мало оснований. Еще меньше будет этих оснований, если мы к исследованию кулаческого типа подойдем без розовых очков. Посмотрим, что нам говорят цифры:

По данным Ц. С. У. к лету 1923 г. 6,2% крестьянских дворов относится к зажиточным и 1,8% к богатым (безусловные кулаки). К 1925 г. можно предполагать, что % кулаков доходит до 2—2,2. По подсчетам Ю. Ларина («Советская деревня», стр. 85—86), число хозяйств, нанимающих рабочих, колеблется в пределах от 400.000 до 600.000.

У Хрящевой мы находим следующие цифры, касающиеся ряда не пострадавших от голода губерний: хозяйства с посевами от 6—10 десятин составляли в 1920 г. 2,7%, а в 1924 г.—5,5%; с посевами 10—16 дес. в 1920 г.—0,7%, а в 1924 г.—0,7% («Большевик» №№ 5—6 за 1925 г.). Приведенная там же сводка дает нам для 1924 г. процент крупнопосевщиков от 6 дес.—9,5%, свыше 10—2,5%.

Эти цифры можно значительно умножить («Экономическое обозрение», «Плановое хозяйство», «На аграрном фронте», статьи Хрящевой, издания ЦК РКП и т. д.). Но и их достаточно для того, чтобы установить существующий процесс расслоения деревни и развитие и укрепление ее кулацкой верхушки. В современной деревне имеется почва для развития кулачества. В каких размерах—это вопрос другой. Поэтому существование кулака это—непререкаемый факт, который находит себе полное подтверждение в нашей политике. Последние перевыборы Советов это показали с удивительной отчетливостью. Не только в издавна кулацких местах, как Кубань, но и в таких рабочих районах, как промышленные округа Урала и губернии Центральной России, мы чувствовали политическое сопротивление (большее или меньшее в разных местах) кулацких элементов, бравших не своим количеством, но своим качеством (экономическая зависимость от них части середняков и бедняков, активность и организованность). Развитие кооперации в деревне, помимо прочих препятствий, наталкивается также на резкое противодействие кулачества.

Но не только существование кулаков несомненно, безусловным фактом является рост кулачества. Экономика современной деревни создает условия, которые способствуют развитию буржуазной верхушки.

Резолюция XIV партконференции констатирует, что «начавшееся с нэпом расслоение деревни найдет свое выражение в ближайшем будущем в дальнейшем увеличении и усилении на известное время новой крестьян-

ской буржуазии, вырастающей из зажиточных слоев крестьянства»... Наряду с этим конференция высказывается за «недопущение в правление обществ явно кулацких элементов». Наша партия не боится констатировать того, что есть, и прямо признает существование кулачества и усиление его на известное время: факты—упрямая вещь.

Позиция же т. Богушевского попросту смазывает существование кулачества. Какие там кулаки,—восклицает т. Богушевский,—были да почти вышли, а сейчас они доканчивают свое разложение и исчезновение.

Чувствуя под ногами непрочную почву, т. Богушевский ссылается, в качестве последней соломинки, на то, что «большим вопросом для крестьян является вопрос о том, «кого из граждан данного селения следует причислить к кулакам». Затруднения, конечно, в этом бывают, ибо точную, отчетливую границу между кулаком и зажиточным крестьянином провести трудно. Но значительная часть этих затруднений вытекает из того, что понятие кулака толковалось часто слишком распространительно и захватывало крупную категорию «хозяйственных» и «крепких» середняков. Конечно, этот аргумент т. Богушевского ничуть не доказывает отсутствие кулака. В конце т. Богушевский все же делает «одну оговорочку». Оказывается, есть «элементы, напоминающие кулачество», как-то: «особо невыгодные для одной стороны сделки» и «элементы ростовщичества». Оказывается, что хотя это—кулацкие элементы, но это еще не кулачество, ибо мы не можем утверждать «наличия тенденции к обособлению какого-либо слоя или группы в крестьянстве, монополизирующих проистекающие из этого (?!) особые выгоды». Утверждение далеко неясное и неверное. Тенденция к обособлению, т.-е. к выделению, именно имеется.

Наивно указание т. Богушевского, что «божеские» проценты берет каждое крестьянское хозяйство, настолько хотя бы зажиточное, что ему есть что одолжить». Значит «божеские» проценты берет только определенная, имущая категория крестьянства. Ведь бедняк не сможет ничего одолжить, ибо ему нечего одалживать. Поэтому «божеские» проценты доказывают обратное тому, на что ссылается наш автор.

Совсем нелепо звучит рассуждение, что при аренде «в накладе иной раз остается именно исправное, более или менее зажиточное крестьянство, так как сплошь и рядом в аренду сдают сейчас крестьяне-полупролетарии, осевшие в промышленности, а арендуют более или менее крепкие крестьяне. Кто кого тут эксплоатирует, разобрать нелегко». Зажиточный крестьянин, арендующий землю соседа, ушедшего на фабрику, по Богушевскому, оказывается чуть ли не эксплоатируемым существом! Мужика, ушедшего из-за невозможности свести концы с концами в город на фабрику, т. Богушевский готов зачислить в эксплоататоры!

Это—все же слишком! Всякому увлечению есть предел.

VI.

Статья т. Богушевского является, независимо от суб'ективных взглядов автора, попыткой легализовать кулака, отрицая его существование и вводя его тем самым в состав полноправных

советских граждан. Она дает неверную перспективу происходящему в деревне процессу расслоения и излишне оптимистически расценивает классовые отношения в деревне.

Классовая борьба в деревне приобретает у Богушевского прямо-таки идиллический характер. Давая совершенно неверный анализ классовым отношениям в современной деревне и делая из этого «розовые» выводы об отсутствии кулака, т. Богушевский вступает в явное противоречие с позицией партии по этому вопросу.

Партия на основании об'ективного изучения деревенских отношений пришла к выводу, что классовое расслоение в деревне, выделение крепнущей и активной буржуазной верхушки, выдвигает перед нами исторической важности задачу—борьбу за середняка. Борьба за середняка происходит между городской буржуазией и деревенским кулачеством с одной стороны, и рабочим классом, руководимым партией,—с другой стороны.

Эта борьба происходит в своеобразных условиях, когда для усиления нашей промышленности, для увеличения рядов пролетариата для укрепления социалистического участка борьбы мы вынуждены развязывать новую экономическую политику в деревне, приводящую не только к укреплению наших позиций у бедняка и середняка (сельско-хозяйственный кредит, кооперация), но и к росту деревенской буржуазии, к росту кулачества, к росту на известное время капиталистических элементов.

В этом и заключается суровая диалектика переживаемого нами момента.

Соотношение сил социализма и капитализма в системе нашего народного хозяйства, как показывают нам годы нэпа, складывается из года в год в сторону советского государства, т.-е. социализма.

Но этот наш социалистический успех не должен мешать нам пристально следить за успехами капитализма в первую очередь в деревне. Опасность здесь далеко не преодолена. В деревне нам предстоит очень тяжелая, кропотливая работа, борьба. И лишь в итоге этой борьбы мы сможем сказать, что уже победил социализм. Поэтому мы проявляем такое внимание к деревне, поэтому мы ее так пристально пытаемся изучить.

По Богушевскому же, деревня является наиболее спокойным участком нашего союза, где тишь, гладь, да божья благодать. Отсутствие кулака, отсутствие предпосылок для укрепления этого нашего злейшего и опаснейшего врага влечет за собой, как вывод, ослабление нашего внимания деревне, «почивание на лаврах». А именно это особенно опасно. Поэтому статья т. Богушевского не только неверная, но и вредная статья.

И. Архинчеев.

На путях культурной революции.

(В порядке постановки вопроса).

I.

Речь идет о постановке широкой просветительной работы среди культурно-отсталых народов СССР,—среди киргизов, калмыков, башкир, бурят и др.,—которые диалектикой всемирной истории и победным ходом пролетарской революции в России поставлены ныне пред проблемой: «к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»[1]).

Эта исторически данная проблема определяет собою в основном все своеобразие дальнейшего развития отсталых народов Советского Союза и определяет его как путь «культурной революции»[2]). Ибо серьезное социалистическое строительство среди этих народов, т.-е. в обстановке почти полного отсутствия развитой промышленной техники, капиталистической выучки пролетариата, чудовищной безграмотности, господства самых диких идеологических, психологических и религиозных воззрений, предрассудков и привычек,—мыслимо только на основе большого культурного сдвига, переворота. Без такого культурного переворота—выражаясь по Энгельсу—«революции сверху», 1917 г. нельзя будет дополнить «движением снизу», которое в капиталистически развитых странах обеспечивается наличием вышколенного капитализмом, классово-организованного и держащего в своих руках весь стальной костяк страны—пролетариата.

Формула—«к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»—означает процесс насаждения современной развитой общественно-производственной техники и принципов коллективистической культуры на девственной почве. Но для того, чтобы такая в огромной степени искусственная («сверху вниз») и, разумеется, планово-организованная посадка успешно могла приняться на этой почве, необходимо предварительно пройтись по ней культурным трактором,—разорвать по крайней мере ее верхний слой—перевернуть дерно. В этом именно смысле и идет речь о предварительной «культурной революции».

1) «...с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития—к коммунизму, минуя капиталлистическую стадию развития». (Н. Ленин, Собр. соч. том. XIX, стр. 226).

2) «Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов) и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, пред лицом которой мы все-таки теперь стоим». (Н. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 134—135).

II.

Обратимся теперь к конкретным фактам, характеризующим современный культурный уровень отсталых народов СССР.

В своих «Страничках из дневника» тов. Ленин приводит следующую таблицу грамотности населения России за 1897 и 1920 годы:

	Грамотных на 1000 душ населения					
	Муж. пола		Женск. пола		Всего	
	1897 г.	1920 г.	1897 г.	1920 г.	1897 г.	1920 г.
1. Европейск. Россия	326	422	136	225	229	330
2. Северный Кавказ	241	357	56	215	150	281
3. Сибирь (Западная)	170	307	46	134	108	218
Всего . .	318	409	131	244	223	319

Таким образом, население России в указанных в таблице пределах грамотно на 32%, т.-е. меньше, чем на 1/3. «Это служит,—говорит тов. Ленин,—грозным предостережением и упреком по адресу тех, кто витает в эмпиреях «пролетарской культуры». Это показывает, сколько еще настоятельной черновой работы предстоит нам сделать, чтобы достигнуть уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы. Это показывает далее, какая уйма работы предстоит нам теперь для того, чтобы на почве наших пролетарских завоеваний достигнуть действительно сколько-нибудь культурного уровня»[1]).

Но даже эти 32% для многих народов СССР являются сейчас—в 1925 г.—идеальной цифрой.

Так, напр., по Бурято-Монгольской ССР процент грамотности понижается до 14,3%, а по самой крупной из автономных ССР—Киргизской до 2,5%[2]).

Таким образом, русские при всей своей, выражаясь по тов. Ленину, «полуазиатской безкультурности» в 13½ раз грамотнее киргиз—коренного населения нашей самой крупной АССР. Факт чудовищный.

Этот факт, как и вообще интересы первоначального народного образования не могли не найти своего отражения и в нашем государственном бюджете.

Ассигнования по ведомствам Наркомпроса на 1924—1925 г.г. по данным государственной росписи (в тысячах рублей) дают следующую картину:

1) Н. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 105.

2) См. Статистический сборник «Народное Хозяйство СССР в цифрах» год 2-й, стр. 49.

РСФСР в целом	70.638 руб.	25 проц. всего госбюджета	
Наркомпрос РСФСР	63.128 „	— „ „ „	
„ Баш. АССР	808 „	33,3 „ „ „	
„ Бур.-Мон. АССР	154 „	23,2 „ „ „	
„ Дагест. „	188 „	17,1 „ „ „	
„ Карельск. „	— „	— „ „ „	
„ Киргизск. „	1.959 „	42,8 „ „ „	
„ Крым. „	528 „	— „ „ „	
„ Немец. „	252 „	31,1 „ „ „	
„ Татарск. „	1.078 „	36,7 „ „ „	
„ Турк. „	2.294 „	34,0 „ „ „	
„ Якут. „	249 „	35,9 „ „ „	

Таково положение вещей в абсолютных цифрах. Но для большей конкретности приведем эти цифры в относительных показаниях с одним общим знаменателем; посмотрим, что приходится на одну душу населения по более типическим республикам. В качестве последних возьмем РСФСР в 82.463.000 душ населения [1]) с 32% грамотности [2]), ТатАССР в 2.925.100 душ населения с 18,9% грамотности, Бур.-Мон. АССР в 450.700 душ населения с 14,3% грамотности и Кир. АССР в 5.970.800 душ населения с 2,5% грамотности. По этим частям РСФСР мы получаем следующие цифры ассигнования по госбюджету на одну душу населения:

РСФСР	0,71 руб.	
Татарск. АССР	0,40 „	(наибольшая грамотность)
Бур.-Мон. „	0,34 „	(средняя грамотность)
Кирг. „	0,33 „	(наименьшая грамотность)

Цифры чрезвычайно характерные. Они прежде всего констатируют тот факт, что чем безграмотнее республика, тем она в меньшей доле обеспечивается за счет государственного бюджета. Выходит, что называется, шиворот навыворот; обратная прогрессия. При чем эта обратная прогрессия возрастет в геометрической степени, если принять в расчет еще местный бюджет. В местном бюджете цифра РСФСР будет еще в гораздо большей степени благоприятна. Это вне всякого сомнения, ибо промышленные и городские центры РСФСР со своими платными городскими школами, школами фабзавуча; с многочисленными видами профессионально-технического, клубного, театрального, художественного, музыкального и проч. и проч. образования; с периодическими и непериодическими самоокупающимися партийными, советскими, профессиональными, кооперативными и другими издательствами и т. д. и т. д.—ассигновывают колоссальные суммы сверх государственного бюджета. А у татар, у бурят и у киргиз нет собственных городов и промышленных центров. Если у них и есть кое-какие городишки, то в них собственно татарского, собственно бурятского, собственно киргизского населения, что называется, кот наплакал. Мы сейчас, к сожалению, не располагаем проверенными данными местных и городских бюджетов, но насколько интенсивна культурная жизнь в городских и фабрично-заводских центрах—нетрудно себе представить хотя-бы по таким показателям, как, например, цифры распределения изданных в РСФСР книг. Вот три совершенно убедительные цифры:

В 1923 г. распределено книг:

по Москве	5.040 названий
„ Ленинграду	2.293 „
„ проч. местностям	3.477 „ [1])

Одна Москва поглощает книжной литературы почти в $1^1/_2$ раза больше, чем все «прочие местности» вместе взятые, за исключением лишь Ленинграда. Один Ленинград поглощает этой литературы только в $1^1/_2$ раза меньше, чем все «прочие местности» вместе взятые (разумеется, без Москвы). После этого уже совсем нетрудно себе представить, что может пасть на долю, например, великорусской или татарской деревни, не говоря уже о бурятском или киргизском кочевнике, который даже и папиросы не научился завертывать из своих национальных газет и листовок.

Все это в конце-концов говорит о том, что тов. Ленин был тысячу раз прав, говоря, что «у нас делается еще слишком мало, безмерно мало для того, чтобы передвинуть весь наш государственный бюджет в сторону удовлетворения в первую голову **потребности** первоначального образования» [2]) и в особенности—прибавим к этому от себя,—этих потребностей у наиболее, чудовищно культурно отсталых народов СССР.

III.

Так обстоит дело, так сказать, с чисто количественной стороны. Но посмотрим, каково положение вещей со стороны качественной; насколько рационально, с каким полезным результатом используются среди отсталых народов нашего Союза те жалкие гроши, которые, как мы только что видели, ассигновываются по нашему государственному бюджету.

С этим вопросом мы обратимся к самой важнейшей арене культурно-просветительной работы в народных массах—к народной школе наших отсталых национальных окраин.

Приступая к разбору постановки широкой соцвосовской работы в особых условиях наших отсталых национальных окраин, необходимо строго придерживаться положения, что «безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в **определенные** исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране ... учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи» [3]).

---

[1]) Без автономных республик, но со включением всех автономных областей. Цифры населения везде взяты по состоянию их на 1 января с. г. (см. названный «Статистический сборник», стр. 10—16).

[2]) По Великороссии 33,4% грам.; по автон. областям с общим количеством населения в 4.294.600 душ—10,5% средней грамотности. Таким образом, общий и средний % грамотности РСФСР (без авт. республик)—32,—как раз та самая цифра, которая, как мы указывали выш

[1]) См. тот же «Статистический сборник», стр. 79.

[2]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 106.

[3]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 94.

Что означает это безусловное требование марксизма в применении к нашему вопросу?

Прежде всего оно означает, что мы должны вопрос наш рассматривать и разрешать в эпоху переходную от буржуазно-капиталистической к пролетарско-социалистической культуре и в условиях диктатуры пролетариата, т. е. ответить на вопрос, какие общие проблемы и методы разрешения этих проблем выдвигает данная историческая эпоха. Но на этот вопрос мы уже ответили в начале настоящего реферата, говоря о ленинской формуле, «к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития» и о «культурной революции». Поэтому нам сейчас остается лишь остановиться на «конкретных особенностях» культурно отсталых народов нашего Союза с точки зрения интересующего нас вопроса—школьного вопроса.

Важнейшее основное, что необходимо отметить с самого начала—это то, что в огромной своей массе эти народы не только не доразвились до буржуазно-капиталистической машинно-промышленной культуры, но они даже стоят за порогом мелко-буржуазной оседло-земледельческой экономики. Эти народы в основной своей массе еще пребывают в стадии примитивного кочевого и полукочевого скотоводческого быта.

По данным ЦСУ по тем национально-автономным образованиям, которые мы приводим как типические, на 100 душ населения (за 1924 г.) приходится:

Бурят.-Мон. АССР	158 голов скота	
Киргизск. „	125 „ „	
Калмыцк. Авт. Обл.	114 „ „	в то время
как всего только	51[1]) „ „	в среднем

приходится по губерниям Тульской, Рязанской, Пензенской, Орловской, Тамбовской, Курской и Воронежской—центрально-земледельческой Великороссии. Эти данные говорят о господстве экстенсивного скотоводства у данных народов. Об этом весьма убедительно свидетельствует % сенокосных и выгонных угодий к общей площади удобной земли. Вот соответствующие данные Центр. Стат. Управл.

В Западном Крае	сенокосов	20,7 %	выгонов	2,2 %
„ Центр.-Земл. Крае	„	6,8 „	„	2,7 „
„ Калмыц. Авт. Обл.	„	2,6 „	„	87,9 „
„ Киргизской АССР	„	к сожалению, сведений нет		
„ Бур.-Мон.	„ „	т о ж е [2])		

Из этих данных следует, что наши скотоводческие народы сено почти не косят, а скот свой содержат почти исключительно на «подножном» корму, ибо у них сенокоса почти не оказывается, но зато у них огромные площади выгонных (пастбищных) угодий; значит, у них кочевое, или, в лучшем случае, полукочевое экстенсивное скотоводство — «табуны калмыцких коней пасутся вольны и не хранимы».

С точки зрения интересующего нас вопроса выдающейся особенностью в жизни отстало-скотоводческих народов является

---

1) См. тот же «Статистический Сборник», стр. 203, 205, 207 и 209.
2) См. тот же «Статистический Сборник», стр. 132—137.

характер их расселения. Экстенсивное скотоводство, в основе которого лежит принцип количества, а не качества, разбрасывает, распыляет население в пространстве. Для того, чтобы содержать свои многочисленные стада на дико растущем подножном корму, скотоводу нужны обширные пастбища и усадебные выгоны. Это обстоятельство исключает всякую возможность образования у скотоводов крупных и компактных поселений. Скотоводческий улус (поселок) обычно состоит из 4—7 дворов, расположенных друг от друга (благодаря своим обширным скотным дворам и усадебным выгонам) на весьма и весьма почтительном расстоянии. А расстояния между улусами простираются на 3—7, нередко и еще больше верст. Но этого мало. Улусы эти не всегда обитаемы. Они делятся на две категории: «зимники» и «летники». Первые расположены в местах сенокошений и хлебных полей. В них скотоводы живут только в течение зимы—в период зимней кормежки скота. С наступлением весны, с появлением свежего подножного корма на летних пастбищах скотоводы вместе с своими стадами из «зимников» перекочевывают в «летники», где они остаются до осени, до окончания уборки сена и хлеба. Таким образом, скотоводы расселены не только чрезмерно разбросанно, но и текуче, при чем дело обстоит так при так называемом полукочевом скотоводстве. Что же касается вполне кочевого скотоводства, то оно почти совершенно не знает улусов с неподвижными строениями. При нем население постоянно кочует в поисках все новых и новых пастбищ для своих стад; кочует вместе со всем своим скарбом, в том числе и с жилищами—передвижными войлочными кибитками или юртами; кочует во все времена года.

IV.

Теперь посмотрим, как влияет на школьное дело эта своеобразная обстановка экстенсивно-скотоводческого быта.

Прежде всего она начальную народную школу обрекает на примитивно-кустарный тип. Обыкновенная сельская школа на 40—50 учащихся при одном учителе в условиях скотоводческого расселения совершенно невозможна. Чтобы укомплектовать такую школу до нормальной ее нагрузки, потребовался бы район с радиусом в 15—20 верст. Другими словами, для того, чтобы посещать такую школу, торчащую в улусе из 4—7 кибиток, огромному большинству учеников, пришлось бы каждый день приезжать за 15—20 верст, что, конечно, технически и физически невозможно. Поэтому средний «нормальный» контингент учащихся бурятской, киргизской, калмыцкой начальной школы 13—17 человек детей. Но и такая кустарная школа при полном комплекте должна обслуживать целую группу улусов, расположенных от 3 до 10 верст от школы, так что школьники из более отдаленных улусов могут регулярно посещать школу, лишь имея в своем исключительном пользовании верховую лошаденку. И лишь дети ближайших улусов приходят на уроки пешком с дневным запасом продовольствия,—да при том только дети достаточно хорошего питания и достаточно хорошо одетые и обутые. А дети бедняков и батраков или вовсе не в состоянии посещать школу, или если кто и посещает, то так нерегулярно, что рано или поздно все равно исключается из школы.

После окончания уроков школа запустевает до следующих уроков. Учащиеся поодиночке и подвое кто верхом, кто пешком распыляются по окрестности школы. Внеурочное время они абсолютно вне поля зрения и организующего влияния школьного учителя. И вообще, вследствие своей распыленности на огромном пространстве, дети скотоводов не поддаются организации в коллективы, почему различные формы детского и юношеского движения, столь успешно ныне развивающиеся в городах, промышленных и земледельческих районах, не прививаются в условиях скотоводческих стран.

Само собою разумеется, что для такой миниатюрной школы нет почти никакого смысла строить специальное здание. Поэтому она, как общее и ненарушаемое правило, ютится в избушке жилого типа, арендуемой у какого-нибудь богатого скотовода и построенной по самой примитивной улусной конструкции: темной, грязной, душной. Вообще трудно себе представить что-нибудь более антисанитарное, чем такая улусная школа. И неудивительно, что врачи европейской медицины единодушно констатируют факт исключительно большой заболеваемости и смертности школьных детей и большой процент туберкулезно-больных народных учителей у скотоводов. И недаром даже в народной массе утвердилось мнение, усиленно поддерживаемое служителями культа—муллами и ламами—о вредности школы вообще.

Таково общее положение школьного дела в особых об'ективных условиях экстенсивно-скотоводческого быта.

Конкретизируя это положение, не трудно притти к следующим основным выводам:

1. Экстенсивно-скотоводческая экономика, обусловливающая чрезмерную распыленность и текучесть населения, стоит в непримиримом противоречии прежде всего с современной школьной техникой; так в ее об'ективных условиях невозможна школа технически, санитарно и педагогически рациональная и соответствующих размеров. Между тем современная передовая советская школа, основывающаяся на так называемом активно-действенном трудовом методе воспитания и обучения, может правильно функционировать только на базисе сложного технического оборудования: лабораторий, мастерских, опытно-показательных полей и т. п.

2. Экстенсивно-скотоводческая экономика стоит также в резком противоречии к основной цели современной советской педагогики, задаче воспитания гражданина и деятеля социалистического общества; к выработке и развитию в детях приемов и навыков организованно-коллективных действий и творческой активности, ибо эта задача, согласно научным принципам марксистской педагогики, разрешается на началах организованно-коллективной самодеятельной трудовой активности детей. Для этого служат как различные формы организации детского и юношеского движения, так и специфические школьно-ученические самодеятельные коллективы, которые возможны лишь в более или менее крупных и компактных населенных пунктах и, наоборот, совершенно немыслимы в условиях чрезмерной разбросанности и подвижности скотоводческого населения.

3. Об'ективные условия экстенсивно-скотоводческого быта обрекают улусного школьного учителя на медленный, но тем более верный культурный регресс. Оторванный многими десятками, а иногда и сотнями верст от всего культурного мира и лишенный не только развитой современной школьной техники, но даже самого элементарного орудия своего труда, который, кстати, протекает в убийственных для человеческого организма условиях,—школьный учитель не только не в состоянии реализовать в жизни хотя бы самые необходимые принципы советской научно-социалистической педагогики, но даже он не в состоянии поднять свою собственную профессиональную квалификацию до уровня понимания этих принципов. Одинокий, нищий, погруженный в мрак народного невежества и предрассудков и, как общее правило, больной—он в конце-концов сам нивелируется под уровень окружающей его материально-моральной среды. Судьба его больше, чем печальна.

4. Присущая кочевому или полукочевому скотоводству разбросанность и распыленность населения извращает классовую линию в области школьного дела—этой единственной формы массового образования у скотоводов: народные школы отсталых скотоводческих национальностей об'ективно недоступны детям батраков и бедняков. Слабосильные от рождения, полуголодные, одетые в жалкие рубища и пешие, дети улусной бедноты физически не в состоянии преодолевать огромные расстояния от их конур до школы. Получается вопиющий парадокс: народные школы советского государства недоступны для детей бедноты и наемного батрачества—этих единственных социальных опор советской власти у наших отсталых, докапиталистической культуры народов; и эти дети стихийной силой вещей обрекаются на участь социальных отбросов.

Таким образом, экстенсивно-скотоводческая экономика, распыляя скотоводческое население наших отсталых национальных окраин по ширям огромного и дикого пространства, при существующем положении школьного дела в этих окраинах стоит в непримиримом противоречии как с общими принципами и методами советской научно-марксистской педагогики и обусловленной ею современной школьной техники, так и с самой классовой линией школьно-просветительной политики первого в мире государства пролетарской диктатуры.

Из этого, по нашему мнению, совершенно непререкаемого вывода следует, что существующая сейчас и обусловливаемая скотоводческой экономикой наших отсталых народов школа-примитив—ныне ступень уже перешагнутая самой жизнью, в частности, особым призванием новой трудовой школы, школы коммунизма. И наши культурно-отсталые народы, волею судеб идущие к коммунизму путями «культурной революции» и «минуя капиталистическую стадию развития», сейчас поставлены пред повелительной необходимостью приступить к коренной реформе своей народной школы первоначального образования.

V.

Эта реформа должна разрешить три основные и общие задачи:

Во-первых, школу первоначального народного образования сделать не только совершенно, но и преимущественно доступной для детей беднейших слоев населения. Задача огромного политического значения.

Во-вторых, организовать школьную детвору в **самодеятельные** коллективы на почве интересов школьной и внешколь-

ной жизни детей, являющихся главным фактором активно-действенного коммунистического воспитания.

В-третьих, как говорил тов. Ленин, «поставить народного учителя на высоту, без которой и речи быть не может ни о какой культуре»; это—забота «над его (народного учителя) духовным под'емом и над его всесторонней подготовкой к его действительно высокому званию» [1].

Первая и вторая из указанных задач в условиях экстенсивно-скотоводческого быта отсталых народов СССР могут быть разрешены лишь организацией при начальных школах обширных и образцово поставленных интернатов. Только интернат может помочь детям бедных родителей, особенно детям батраков, регулярно посещать начальную школу; только собранные в образцово оборудованный интернат эти дети могут быть сорганизованы в самодеятельные коллективы; наконец, только он может позволить перейти к крупным с современной техникой школам. В этом последнем смысле интернат поможет разрешить и третью задачу—улучшить материальное и моральное положение народного учителя. Ибо только в школах крупного масштаба народный учитель будет поставлен в условия современной школьной техники и педагогики. Для надлежащей подготовки народного учителя, для того, чтобы «поставить народного учителя на высоту», соответствующую его действительно высокому званию,—для этого необходимо перейти к так называемой предметной системе преподавания в школе, т.-е. к узкой и, следовательно, углубленной специализации народных учителей по отдельным свободно избранным ими научным дисциплинам. Реализация предметной системы преподавания в школах первоначального образования, являющаяся заветной, но—увы, до сих пор и заповедной мечтой народного учителя, возможна лишь в школе крупного масштаба, в школе, в которой будут сотрудничать одновременно 5—6 преподавателей, образующих вместе школьный педагогический совет. Кстати, последний, развивая и обобщая педагогический опыт своих членов, приобретет особенно выдающееся значение в переходный от буржуазно-идеалистической к научно-марксистской педагогике период. Достаточно будет одного марксистски подготовленного члена такого школьного педагогического совета, чтобы обеспечить нужный тон во всей жизни школы.

Таким образом, вопрос об образцовом интернате по существу есть альфа и омега предстоящей реформы начальной школы культурно-отсталых народов СССР. «Без разрешения вопроса об общежитиях,—как совершенно правильно заявляет в своем официальном отчете второму всебурятскому С'езду Советов Наркомпрос Бур.-Мон. АССР,—не разрешить и вопроса школьного образования» [2].

Из изложенного уже достаточно явственно вырисовывается общий контур новой школы. Из того, что она должна функционировать при 5—6 одновременных постоянных штатных преподавателях, следует, что эта школа должна одновременно вмещать 125—150 человек учащихся. Радиус района, обслуживаемого такой школой, при описанной выше редкости скотоводческого населения

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XVIII. ч. 2, стр. 106 и 107.

[2]) См. сборник «Бур.-Мон. АССР. Очерки и отчеты за 1923—24 г.» стр. 273. Изд. Госплана Б.-М. АССР, г. Верхнеудинск, 1925 г.

будет настолько огромен, что минимум 75—80% учащихся не будут в состоянии посещать школу из дома и будут нуждаться в школьном интернате. Поэтому последний должен быть по своему об'ему достаточен, приблизительно для ста человек детей. Наконец, для того, чтобы такой обширный интернат поставить действительно на образцовую ногу, необходимо организовать при нем опытно-показательную школьную с.-х. ферму с подсобными кузнечно-слесарно-столярными мастерскими, на которой школьники-интерны будут заниматься производительными трудовыми процессами. Кстати, эта школьная ферма наряду со своим опытно-показательным значением должна сыграть большую роль и в школьной экономике. В этом смысле она должна стать главной и даже исключительной поставщицей продуктов продовольствия для пансионеров школьного интерната.

Таким образом, в своих важнейших основных чертах пореформенная советская трудовая школа первой ступени у бурят, калмыков, киргиз и других скотоводческих народов нашего союза будет представлять из себя соединение трех элементов: школы, интерната и фермы. Поэтому предстоящую школьную реформу у названных народов следует представлять как переход от примитива к высокому образцу.

VI.

Целесообразность, как и своевременность этой реформы, не подлежит никакому сомнению. Но, однако, столь же несомненно, что эта реформа может быть осуществлена только ценою огромных материальных жертв, при сильнейшем напряжении местных финансов и при мощной поддержке общесоюзного государственного бюджета. Так что практическое осуществление этой реформы в полном ее об'еме следует представлять как процесс длительный, рассчитанный на ряд лет, например, на десятилетие. Но тем повелительнее необходимость как можно скорее приступить к этой реформе на деле. В этих целях необходимо воспользоваться плодами небывалого урожая нынешнего года и развернуть первую сеть новых школ.

На первых этапах реформы новые школы должны быть ориентированы исключительно на детей беднейших слоев. Первая сеть новых образцовых школ должна быть сетью своего рода привилегированных батрацких лицеев [1]).

При приступлении к этой реформе надо строго придерживаться принципа «лучше меньше, да лучше». Надо начать хотя бы с того, что построить один такой образцовый батрацкий лицей на уезд (при уездном центре), но зато построить по последнему слову школьной техники, педагогики и гигиены—построить так, чтобы эта школа стала гордостью народа и пролетарского государства. Эта школа в своем развернутом виде должна из себя представлять целый школьный городок-сад: вокруг громадного школьного здания [2]) должны быть в строго-плановом порядке

[1]) Несомненно, что эти школы из года в год будут расширяться дополнительными классами школы второй ступени и с течением времени превратятся в особые батрацкие политехникумы с агрикультурным уклоном.

[2]) В плане самого школьного здания должен быть предусмотрен просторный рекреационный зал, который одновременно должен служить помещением для обще-ученических собраний, публичных лекций и докладов, театраль-

расположены—здание интерната, дома под квартиры служебного школьного персонала, надворные постройки, служебные и жилые постройки школьной с.-х. фермы и т. д., и т. п.

Эта школа будет иметь огромное политическое значение. Она будет своего рода фабрикой, вываривающей в своем котле сырой батрацкий материал в классово-сознательных пролетариев. Советское государство должно искусственно сфабриковать классово-сознательных пролетариев там, где об этом не успел позаботиться капитализм. Сфабриковав таких пролетариев и влив их в свой партийный и государственный организм, советская власть народы докапиталистической культуры поведет, как говорил тов. Ленин, «к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития». Ибо глубокий смысл этой формулы ленинизма заключается в конце-концов именно в том, что отсталые народы в силу диалектического движения всемирной истории перешедшие на советский строй, опирающиеся на могущественнейшее государство пролетарской диктатуры и не имеющие у себя дома об'ективных материальных предпосылок для строительства социализма,—должны начать это строительство с создания суб'ективных культурных предпосылок. Как политической революции предшествует революция идеологическая, а политическая революция в свою очередь предшествует революции экономической,—так к об'ективно-материальным предпосылкам к социализму необходимо предполагаются прежде всего суб'ективно-культурные предпосылки—так называемый суб'ективный фактор социалистической революции: партия коммунистического пролетариата, а за отсутствием последнего партия революционно-социалистических элементов данного общества.

Но из кого, из какого конкретно-человеческого материала мы должны выпестовать настоящую революционную и подлинно-большевистскую партию среди народов докапиталистической культуры, т.-е. там, где нет не только организованного классово-сознательного пролетариата, но где даже нет развитых товарных отношений; где преобладает до сих пор натуральная или, в лучшем случае, полунатуральная форма хозяйства, покоющаяся по существу на авторитарно-родовом социальном строе? В самом деле, какова фактически социальная структура наших экстенсивно-скотоводческих народов?

В основных своих чертах эта структура сохранила авторитарно-родовой общественный строй.

На вершине этого строя—фамильно-родовая знать. Слой не только эксплоататорский, но и правящий; правящий на основании личного фамильного авторитета, опирающегося на традиционное «обычное право». Слой безусловно реакционный, во время гражданской войны питавший контр-революцию. К нему примыкают элементы реакционно-теократического духовенства—муллы и ламы.

В середине этого строя—свободные скотоводы, разбитые, как указывалось выше, на многочисленные мельчайшие улусы, по

ных представлений, музыкальных концертов, школьных детских вечеров, а также помещением школьного краеведческого музея. Между прочим последний, изучая школьный район (в данном случае уезд), являющийся в буквальном смысле слова terra incognita (неизвестной землей), должен выполнить и, несомненно, выполнит чрезвычайно важную и актуально-практического значения научно-культурную работу, оставаясь одновременно ценнейшим учебно-наглядным пособием при прохождении предметов: краеведения, естествознания, родной истории по школьной программе.

существу представляющие из себя разросшуюся семью и об'единяющиеся в родовые, а затем племенные союзы с родовыми и племенными заправилами во главе. Последние представляют из себя агентуру высшей фамильно-родовой знати. Слой, политически и идеологически находящийся под сильнейшим влиянием своей реакционной социальной верхушки и во время гражданской войны занимавший «благожелательный» для последней нейтралитет; слой консервативный.

В подвальном этаже этого строя—беднота и батрачество. Самый многочисленный и самый отсталый слой; слой, находящийся не только в безысходной нужде и экономической зависимости, но фактически—и в личном порабощении от верхних социальных этажей. Он в массе своей политически безличен. Его социально-классовое сознание парализовано не только его угнетенным безличным положением, но и еще больше—авторитарно-родовой и возникающей из нее религиозной идеологией, по которой знатный и богатый—носитель народной мудрости, народного сознания, а забитая [1]) беднота—его рабы по призванию. После революции [2]) в глазах и в сознании этого слоя выросла революционная интеллигенция. В лице последней он стал видеть восходящую и превосходящую национальную фамильно-родовую знать силу, которой он постепенно начинает сознательно симпатизировать. В острые периоды гражданской войны этот слой выделил из себя отряды преданных революции бойцов, которые не раз сражались с оружием в руках с своей доморощенной национальной контр-революцией. Наиболее передовые, сознательные, «тертые», «бывалые» элементы из этих отрядов впоследствии вошли в партию, образуя ее батрацкие элементы, из которых затем выработались выдающиеся и наиболее устойчивые партийные и советские работники.

Поэтому на поставленный выше наш вопрос мы отвечаем: настоящая революционно-коммунистическая, подлинно-большевистская партия среди культурно-отсталых народов СССР должна выпестоваться именно только из этого батрацкого материала; именно только из этого человеческого материала мы должны выработать (именно выработать) суб'ективный фактор социалистической революции и к достижению этой именно цели должен быть направлен в первую голову центр тяжести всей нашей культурно-просветительной работы среди отсталых народов нашего Советского Союза. Без этого немыслимо прежде всего нормальное развитие партийных организаций, немыслимо даже искоренение тех внутрипартийных трений и склок, кои за последнее время

[1]) Забитая в буквальном смысле слова: «В детстве меня били все,—пишет в своей интересной автобиографии бывший батрак, ныне видный калмыцкий партийный работник тов. Амур-Самон,—все, кому только было не лень, так же били моего отца. И били нас так, что я никогда этого не забуду: били больно, унизительно, издевательски. Мой отец все свое зло вымещал только на моей бедной и всегда больной матери. Мое детское сердце разрывалось от злобы, обиды и несправедливости». (См. книгу Амур-Самон «Мудрешкин сын». Изд. «Прибой», 1925 г.).

[2]) До революции этот авторитарно-родовой строй знал социальные расслоения только по вертикальной плоскости—борьбу рода с родом, племени с племенем, порождаемую антагонизмом между знатно-фамильными группировками, их конкуренцией за сферу и масштаб влияния, почему отдельные моменты внутренней истории наших отсталых народов носят названия, происходящие от фамилии знатных типов. Расслоения по горизонтальной плоскости он совсем не знал. В этом, собственно, и заключается существо авторитарно-родового строя.

у наших отсталых национальностей стали явлениями почти бытового и хронического порядка, сигнализирующими, что батрацкая пехота нашей партийной армии долженствующая, как мы видели, образовать настоящий пролетарский костяк последней, превратить ее в подлинно-большевистскую партию у наших отсталых национальностей, — эта батрацкая пехота отстает и уже отстала.

И вот, исходя, из учета этого основного и несомненного факта, мы говорим о том исключительном политическом значении, которое приобретут образцовые школы-интернаты для детей батраков, как единственные формы организации и просвещения армии национального батрачества, ныне неуловимо распыленного, потому не поддающегося не только профессионально-классовой организации, но и даже простому статистическому учету.

Эти школы есть то «очередное звено», за которое необходимо ухватиться со всей силой, чтобы удержать и овладеть всей цепью, которую мы называем «культурной революцией». В ближайшее время эти школы в ходе естественного своего развития, как мы говорили выше, должны превратиться в средние батрацкие лицеи-политехникумы, которые будут пачками выбрасывать классово-сознательных и достаточно научно подготовленных организаторов во все отрасли партийной, административной, культурной и хозяйственной работы; которые будут работать со всей преданностью, со всей энергией, со всем присущим пролетарию революционным энтузиазмом и без которых не может быть и речи о той «культурной революции», при помощи которой отсталые народы нашего великого союза должны притти «к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития».

VII.

Выше мы приводили цифры грамотности народов России. Мы видели, что эти цифры в отношении многих наших скотоводческих народов являются показателями не степени грамотности, а, вернее, степени безграмотности, степени варварства. Так, если мы говорим, что 91% башкир, 96% калмыков, 97,5% киргиз, 98% кабардинцев, 99% балкарцев абсолютно безграмотно, то речь идет не о степени культурности, а о глубокой дикости этих народов. Но если наряду с этими «варварскими» цифрами устанавливаем, что наиболее культурные, наиболее богатые из этих народов по своим государственным бюджетам расходуют не свыше 40 коп. на душу населения, то здесь, несомненно, мы имеем дело с фактом вопиющей диспропорции и с таким темпом культурного прогресса этих народов, при котором всякие разговоры о культурной революции могут звучать лишь юмористически.

Эти цифры говорят о полной беспомощности, о полной несостоятельности этих народов выбиться собственными силами на широкий и светлый путь социалистической культуры. Они говорят о том, что весь жизненный сок этих народов был выжат железным прессом колониально-полицейского режима царизма, — режима союза пристава, попа и спирта; что пролетарская революция эти народы застала в состоянии, когда их жизненный уровень был низведен ниже так называемого физиологически необходимого

минимума, когда эти народы начали вырождаться и вымирать, что уже установлено статистически; и что без мощной поддержки со стороны населения бывшей метрополии (куда в свое время и были выкачаны богатства отсталых колониально- и национально-угнетаемых народов) эти народы не смогут итти в ногу с революционным пролетариатом СССР [1]).

Говоря о темпе культурного под'ема наших отсталых национальностей, еще находящихся на ступенях примитивно-кочевой экономики, следует сказать, что в самых условиях их хозяйственного быта мы находим залог к тому, что темп этот при достаточных финансовых возможностях превзойдет всякие ожидания. Ибо теорией марксизма установлено, что интеллект (разум) номада (кочевника) развит [2]). У кочевника-скотовода борьба за непосредственное существование не составляет всепоглащающего момента в его жизни. Он беспечно кочует за своими стадами в поисках «подножного» корма. Его многочисленные стада для него являются почти бесплатным даром природы; эти стада живут и размножаются почти без всяких трудовых усилий со стороны их хозяев. У кочевника-скотовода всегда огромный досуг, который дает ему возможность изощряться в области отвлеченно-рассудочных упражнений. Во всяком случае интеллект скотовода-номада не ниже, а скорее выше [3]) интеллекта крепостного или закабаленного кулацко-ростовщической системой эксплоатации крестьянина-земледельца. Мы говорим «скорее выше», ибо является несомненным то, что так называемого необходимого рабочего времени у крепостного или закабаленного крестьянина неизмеримо больше, чем необходимого рабочего времени у скотовода-кочевника; ибо, чем меньше рабочее время, необходимое для поддержания и воспроизводства жизни производителя, тем больше должен быть избыток его трудовой энергии, идущей на ту или другую форму интеллектуального совершенствования по пути борьбы за лучшую жизнь; к сожалению, номад находил ее до сих пор только в небесах.

---

1) Что дело обстоит именно так, об этом свидетельствует с непререкаемостью точного математического вывода сопоставление следующих четырех цифр: например, Кир. АССР, тратя — как мы выше указывали — на дело нар. обр. 33 коп. на душу своего населения, оказывается, расходует 42,8% всего своего госбюджета. А весь СССР в целом (значит, включая и Кир. АССР) тратит по нар. обр. 82 коп. на душу населения. Но эта относительно очень крупная цифра составляет лишь только 24,9%. общесоюзного госбюджета. Отсюда конкретный вывод: общесоюзный госбюджет почти в $4^1/_2$ раза благоприятнее общекиргизского. Цифра, которая может порадовать любого меньшевика, полагающего, что киргизу социализма не видать, как своих ушей.

2) К. Каутский в своем «Размножение и развитие в природе и в обществе» утверждает категорически, что «наибольшего развития в борьбе за существование достигает интеллект народных масс в эпоху номадной жизни на суше и на море». (Госизд., 1919 г., стр. 93).

3) Правильность этого в конечном итоге чисто теоретического положения подтверждается с полной несомненностью фактами эмпирического порядка. Так по единодушному свидетельству просвещенных и компетентных наблюдателей, — ученых этнографов, педагогов, врачей, миссионеров, — дети кочевников недюжинно преуспевают в науках и особенно в отвлеченных науках: математика, общая теория естествознания, политическая экономия и т. п. обычно их любимые предметы. Вообще наличие общего интереса самых широких слоев скотоводческого населения к науке и знанию ныне общеизвестно. Этот интерес настолько силен, что даже, например, введение впервые воинской повинности это население встречает с огромным и неподдельным энтузиазмом, видя в этой повинности один из путей к культуре и знанию.

VIII.

В заключение и резюмируя изложенное выше, мы приходим к следующим общим выводам:

1. Победоносная пролетарская революция в России, установившая диктатуру пролетариата, целый ряд народов бывшей Российской империи, находившихся на различных ступенях докапиталистической культуры, поставила пред исторической необходимостью: притти «к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития».

2. Разрешение этой своеобразной исторической проблемы мыслимо только путями «культурной революции»,—путем поднятия на небывалую высоту культурного уровня народных масс вообще, в частности,—поднятия в первую голову сознания прогрессивных элементов этих масс—батраков—до уровня сознания революционного социалистически мыслящего пролетариата.

3. Но неоспоримые статистические данные о современном состоянии народного образования и существующая система первоначального школьного образования у культурно-отсталых народов СССР вопиют о том, что до сих пор не принято сколько-нибудь серьезных мер по пути указанной «культурной революции» и что это не может продолжаться дальше.

4. Дело—за финансами и в конечном итоге—за общесоюзным бюджетом, который, воспользовавшись небывалым урожаем нынешнего года, может и должен с ближайшего своего квартала открыть эпоху действительной «культурной революции» среди отсталых народов СССР.

«Надо»,—говорил великий учитель нашей эпохи и народов еще в 1923 г. [1]), — «чтобы при ближайшем просмотре нашего квартального бюджета мы взялись за дело практически... Не надо скаредничать с увеличением выдачи хлеба учителям в такой год, как нынешний...»

---

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 105—106.

Н. Манойлов.

К вопросу о здоровье партактива.

(Данные обследования одесской организации).

Ряд статей, посвященных в последнее время вопросу о заболеваемости партактива указывает, что партия к вопросу борьбы с выбыванием из ее рядов членов партии относится с глубоким вниманием и серьезностью. Вопрос этот еще более расширяется тем, что, с точки зрения населения нашей республики, в партию вошла вся наиболее передовая часть рабочего класса, все наиболее сознательное, наиболее ценное в наших рядах. И как для партии, так и для всего рабочего класса далеко не безразлично, кто и как скоро выпадет из активной работы, кто даст новое поколение, каково оно будет, какая ждет нас смена. Нужно считать твердо установленным научным фактом, что та или другая группа населения передает по наследству потомству свои способности и дарования. Разработанных статистических данных о рождаемости среди членов партии нет, приходится поэтому ссылаться для освещения вопроса на другие статистические данные. Общие выводы по этому вопросу, сделанные проф. Кольцовым, мало утешительны. По статистическим данным, приведенным для Гессена проф. Грубером видно, как резко уменьшается деторождаемость в зависимости от профессии. Для 1912 года Ленц дал следующее число детей на семью:

у высших чиновников, лиц свободной профессии	2,0
„ служащих с техническим и коммерческим образованием	2,5
„ низших служащих с профессиональной подготовкой	2,9
„ фабричных рабочих	4,1
„ сельско-хоз. рабочих и поденщиков	5,2

Коммунар имеет не одну профессию и не может быть строго отнесен ни к одной из указанных выше групп, так как он всегда, кроме основной работы на предприятии, выполняет напряженную общественную работу. В своем лице он об'единяет и работника физического труда и умственного. Для сохранения какой-нибудь группы населения, по Груберу, необходимо иметь на семью 3,75 рождаемости или 3,1 для выживших детей к 15 годам. Мы видим, как резко падает рождаемость в зависимости от профессии. Переход крестьянина в число фабричных рабочих уже резко сказывается на рождаемости, а этот переход наиболее одаренных людей из крестьянства в города в ряды фабричных рабочих, а оттуда наиболее ценных в ряды нашей партии происходит беспрерывно и все ускоряющимся темпом. Половая анкета, проведенная среди слушателей Свердловского университета, а также личные наблюдения показывают, что с сохранением этой группы населения, наиболее ценной для ра-

бочего государства, дело обстоит далеко не благополучно. Кроме этого зла, зла еще недостаточно осознанного, но имеющего чрезвычайно важное значение, остаться без хорошей смены, нам грозит еще большая опасность, ибо всевозможные болезненные формы, главным образом туберкулез и нервное переутомление, резко уменьшают рождаемость. Непомерная перегруженность в работе, разнообразие выполняемой работы, неумение использовать отпуск, хроническое переутомление, плохие условия труда (накуренные комнаты, теснота в них) и что нам еще кажется необходимым подчеркнуть, это—небрежное отношение к лечению подчас серьезного заболевания, эту опасность еще больше обостряют.

Заболеваемость среди партийцев значительно превышает таковую у беспартийных рабочих. Широкое распространение болезней еще больше подкашивает возможность вообще иметь детей или детей здоровых. Д-р Зейдман в работе «Хронические туберкулезные интоксикации» показала, что приблизительно 80% детей больных туберкулезом, происходили от наследственно отягощенных семейств. Главный бич личного состава партии это—туберкулез и нервные заболевания, а также связанные с ними явления: расстройство питания, болезни сердца и все это на фоне хронического переутомления.

Более частая заболеваемость туберкулезом особенно замечается начиная с 20-летнего возраста и в общем об'ясняется пред'явлением к ним более повышенных требований. Такими факторами, говорит Клемперер, являются упадок питания, горе и заботы, умственное и физическое переутомление, алкоголизм и сифилис.

Кроме напряженной работы, отвлекающей от лечения, огромный процент заболевших туберкулезом партийцев, проявляет специфические особенности туберкулезной интоксикации—приятное возбужденное настроение. Туберкулезный больной редко сознает опасность своей болезни. В остальных случаях партиец, неся непомерное количество нагрузок (иногда до 10 и даже до 15 обязанностей), не имеет возможности после подчас тяжелой физической работы поесть, и хотя бы один час отдохнуть, бросается в кипучий водоворот общественной жизни предприятия, подстегиваемый усталыми нервными клетками, усталость которых выражается в перевозбуждаемости, забывая о своей болезни,—ему некогда лечиться. Тем же грехом страдают и пионерские и комсомольские организации, где наблюдается та же непомерная нагруженность. Уже у среднего рядового партийца, нет почти личной жизни, кроме общественной. Неврастения, травматический невроз, явления обычные для членов партии. Вследствие своей большой нагруженности, он и болеет в значительно большем проценте, чем рядовой рабочий, имея тот же заработок, как и его беспартийный товарищ. Интересна смертность от туберкулеза, в зависимости от получаемого жалованья. По старой гамбургской статистике, смертность от туберкулеза на 10.000 жителей в семьях с заработком:

от 900 до 1.200 марок	65.7
с доходом от 1.200 до 2.000 марок	55,9
„ „ „ 2.000 „ 3.500 „	36,3
„ „ „ 3.500 „ 5.000 „	22.8
„ „ „ 5.000 „ 10.000 „	18,3
„ „ „ 10.000 „ 25.000 „	17,2

Чтобы не показаться голословным в своем утверждении, что коммунар болеет в большем проценте, чем рядовой рабочий, нами приводятся цифры, полученные в результате обследования в 1924 г. в одесском батальоне части особого назначения (ЧОН) коммунаров, прошедших через медицинскую комиссию, а также данные Ремонтной Комиссии за тот же год, любезно предоставленные мне т.т. работающими в Оргинстре Одесского Губкома. Эти цифры я сравню с материалами, полученными д-ром Левантином, по обследованию рабочих, работающих в одесских предприятиях. Спешу оговориться, что эти цифры не совсем сравнимы. Д-р Левантин, отмечал даже легкие случаи заболевания, тогда как, по положению, подлежащие освобождению по болезни из ЧОН'а, а только последние и отмечены в моей статистике, представляют больных серьезными заболеваниями. Для иллюстрации укажу, что только активный туберкулез с упадком питания освобождал из ЧОН'а, такие же требования пред'являлись к болезням сердца, нервной системы и проч. Так что приводимые цифры заболеваемости являются преуменьшенными. Необходимо отметить еще также факт, когда товарищи упорно утверждали, что они здоровы и при осмотре оказывались опасно больными; а таких неуловленных больных, я считаю, имеется достаточный процент. Поэтому, чрезвычайно сомнительными являются данные анкет, в которых член партии отмечает сам свою болезнь. Необходим поголовный осмотр.

Статистические данные о заболеваемости среди партактива, полученные Ремонтной Комиссией, этим недостатком не страдают, так как каждый подвергался всестороннему обследованию.

Надо подчеркнуть один чрезвычайно отрадный факт, что венерические заболевания, представляются по моим наблюдениям, буквально, единичными. Об'ясняется это тем, что, как известно, при напряженной умственной работе, резко падает и половое влечение. (Перн, Репрев и др.), т. к. внутренняя секреция половых желез идет на поддержку работы мозга и мышц. Это может быть иллюстрировано следующей сводной таблицей проф. Кольцова о рождаемости, на каждый брак, у группы лиц, живущих интенсивной умственной работой.

Для 450 знаменитых французов (Бертильон)	1,3
„ 1000 браков американских ученых (Кетль)	1,5
„ английской интеллигенции	1,5
„ немецких ученых (Муни)	1,8
„ ленинград. ученых, зарегистрир. в ЦКУБУ (Филипченко)	1,78

Перейду теперь к данным о заболеваемости среди коммунаров одесской организации. Обследование состояния здоровья 147 человек (145 мужчин и 2 женщины) ответственных работников одесской организации дало следующие результаты (обследование 8—12 мая 1924 г.): больных 142 чел., здоровых 5, т.-е. больных 96,6%, здоровых 3,4%.

Больных одной болезнью	65 челов.	45,8 проц.
„ 2-мя „	56 „	39,4 „
„ 3-мя „	16 „	11,3 „
„ 4-мя „	5 „	3,5 „

По болезням они распределяются:

Туберкулез 62 челов. . . . . 44 проц.
Болезни сердца 24 челов. . . . . 16,9 „
Эмфизема 2 челов. . . . . 1,4 „
Горла и уха 3 челов. . . . . 2,1 „
Катарр носа 2 челов. . . . . 1,4 „
Артериосклероз 5 челов. . . . . 3,5 „
Заболевание плевры 4 челов. . . . . 2,8 „
Малокровие 11 челов. . . . . 7,7 „
Колиты (запоры) 15 челов. . . . . 10,6 „
Желудочн. заболеван. 7 челов. . . . . 4,6 „
Истеро-неврастения 3 челов. . . . . 2,1 „
Заболев. перифер. нерв. сист. 3 челов . . . . . 2,1 „
Травматический невроз 2 челов. . . . . 1,4 „
Неврастения 78 челов. . . . . 55 „
Эпилепсия 1 челов. . . . . 0,7 „
Заболеваемость костей 6 челов. . . . . 4,2 „
Сифилис нервной системы 1 челов. . . . . 0,7 „
Спинная сухотка 1 челов. . . . . 0,7 „
Женские болезни 2 челов. . . . . 100,0 „

Если мы всмотримся в эту таблицу, то нас поражает огромный процент заболеваемости туберкулезом—44% и болезнями нервной системы: неврастения—55%, травматический невроз—1,4%, истеро-неврастения—2,1%, перифер. нервн. система—2,1%, эпилепсия—0,7%,—всего 61,3%. К болезням, связанным непосредственно с состоянием нервной системы надо отнести колиты—10,6%, желудочные заболевания—4,6%,—всего 15,2%. Таким образом, болезни нервной системы и связанные с нею составляют 76,5% всех болезней. Таким образом, от перенагрузки нервной системы и вытекает главная, доминирующая картина заболеваний. В эту группу входит заболеваемость среди старых ответственных членов партии, находящихся на руководящей работе. Другая группа коммунаров, прошедшая через медицинскую комиссию, представленная в количестве 3.870 человек, по роду заболеваемости распадается:

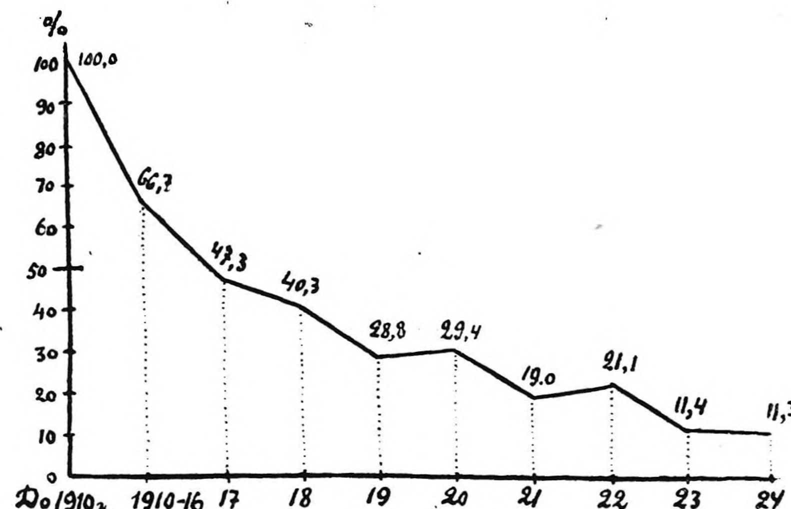
Туберкулез . . . . 35,4 проц.
Болезни сердца . . . . 20,2 „
Заболеваемость органов брюшн. полости . . 5,4 „
Расстройство питания. . . . . 5,7 „
Увечье . . . . 15,8 „
Травматический невроз . . . . 4,8 „
Эпилепсия . . . . 1,2 „
Заболевание периф. нервн. системы . . . . . 2,7 „

Опускаем таблицы заболеваемости среди рабочих и коммунаров в более расширенном виде. Используем данные д-ра Левантина, обследовавшего 5570 рабочих одесских предприятий. Для удобства сравнения составим таблицу, где сверху обозначена заболеваемость рабочих, а снизу—коммунаров:

	Туберкулез	Болезни сердца	Болезни брюш. пол.	Общие расстройст. пит.	Увечье.
Рабочие . . .	10,4%	10,4%	5,3%	22,2%	10,1%
Коммунары . .	35,4%	20,2%	5,4%	5,7%	15,8%

Из этой таблицы видно, что процент заболеваемости среди коммунаров значительно превосходит таковой у рабочих. 3/4 всех увечий коммунаров—последствия фронтовых ранений. Еще раз напомним, что эти цифры заболеваемости для коммунаров являются преуменьшенными.

Очень интересная кривая получается, если мы разобьем коммунаров по партстажу. На горизонтали отложены года вступления в партию, а на вертикали—% заболеваемости.



Среди поступивших в партию до 1910 г. 100% заболеваемости. Далее, мы видим, как кривая падает вниз, доходя к поступлению в партию в 1924 г. до 11,3%.

Из приведенных мною данных видно, что % заболеваемости среди членов партии сравнительно с рабочими очень высок, и чем больше партстаж, тем процент выше. Главные заболевания это нервные и туберкулез. Если нервное заболевание является моментом уменьшающим работоспособность партийца и дающим предрасполагающие моменты нервным заболеваниям у детей, то туберкулез является более грозным злом.

К началу XX столетия 15% всех смертей было от туберкулеза. По статистике Негели и Бурхардта заболеваемость в последние годы равна 93% у всех вскрытых трупов. После 30 лет на вскрытии почти нет человека, кто бы не был заражен туберкулезом. Меньший процент болеет клинической формой и еще меньший умирает. Но по всем данным у коммунаров туберкулезный процесс протекает в значительно более тяжелой форме, чем у рядового рабочего. Клиническая картина более резко выражена и болезнь носит более злокачественный характер. Все нарушения гигиены отражаются очень ярко на заболеваемости коммунара, подготовляя почву для большей ранимости организма. Большое значение имеет также относитель-

ная необеспеченность членов партии. Из своего жалованья он должен произвести отчисление в ячейку, профсоюз, выделить средства для удовлетворения своих культурных нужд: покупка книг, клуб, театр, кино и т. п. Эти деньги он отрызает от своего питания и одежды. Разность в получаемом содержании влияет как фактор, повышающий заболеваемость (Клемперер).

В заключение я еще раз хочу остановиться на затронутом в начале статьи вопросе. Болезнь партийца не только его болезнь, но и болезнь его потомства. Опасность угрожает, в смысле исчезновения из актива Рабоче-Крестьянской Республики детей тех, кто по законам наследственности должен передать свои качества революционного бойца. Проф. Кольцов пишет:

«Нельзя безнаказанно вычерпывать наиболее культурные наследственные задатки из населения... Политические деятели и политические партии должны проникнуться тем убеждением, что, если они желают строить прочно, а не только для одного или двух ближайших поколений, то они должны заботиться о том, чтобы и в последующих поколениях те генотипные элементы, которые им представляются наиболее ценными, были представлены достаточно полно. Соответствующая расценка групп населения может быть произведена только политическими партиями и государственной властью».

Выводы.

1) Партийцы одесской организации болеют в значительно большем проценте, чем рабочие на тех же предприятиях.

2) Болезненные формы, наиболее часто встречаемые—туберкулез и болезни нервной системы и связанные с последними заболевания.

3) Партиец перегружен работой, не лечится своевременно.

4) Эта болезненность угрожает здоровью детей членов партии.

5) Необходимо взяться за изучение вопроса о рождаемости и о состоянии здоровья детей партийцев.

6) Назрела острая нужда подвергнуть поголовному медицинскому осмотру членов партии, не доверяясь анкетному опросу.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Н. БУХАРИН. Международная буржуазия и Карл Каутский, ее апостол. (Ответ К. Каутскому). Изд. газ. «Правда», 1925 г., стр. 105.

Новая работа т. Бухарина подвергает уничтожающей критике «принципиальную» позицию бывшего теоретика марксизма и бывшего революционера, Каутского. Эта работа не простой «ответ Каутскому», как указывает в подзаголовке автор. Почтенный вождь II Интернационала только утрется после такого ответа: его социал-демократическую шкуру не пробьешь никакими аргументами. Он найдет тысячу и одну оговорку, сотню писем и «достоверных источников», которые покажут ему, что права его социал-демократическая мудрость. Поэтому не для него говорит т. Бухарин. Работа его «предназначена в первую очередь для тех иностранных пролетариев, которые еще не нашли в себе решимости порвать с такими вождями, как Каутский. Но, касаясь ряда основных вопросов нашей текущей жизни и давая им общетеоретическое освещение она может оказаться (и действительно оказывается. *К. М.*) небесполезной и для широких кругов рабочих нашего Союза» (стр. 5). Этим последним она покажет «всю глубину падения теоретического вождя II Интернационала». А сверх того даст ряд ответов на волнующие их вопросы.

Бухарин шаг за шагом преследует Каутского и не только опровергает все его измышления—этого мало!—он буквально уничтожает его, не давая бедному немощному старцу «ни отдыха, ни срока». Бухарин показывает, что позиция Каутского, как она выразилась в брошюре «Интернационал и Советская Россия», лжива с начала до конца. Лжива тогда, когда Каутский, позабывая элементарную необходимость классовой оценки каждого государства (Советского Союза в том числе) приравнивает нас абсолютизму Романовых. С его, аутского, точки зрения разница лишь в том, что «новые деспоты были когда-то нашими товарищами» (стр. 16). «Апологетическое фокусничество Каутского (здесь) столь неловко, столь грубо, столь неумно, что даже г. Федор Дан, вершитель судеб меньшевистской партии, должен был ополчиться на (этот) тезис» (стр. 18).

Лжива позиция Каутского и тогда, когда он вопиет о непрекращающемся и даже все растущем терроре и о постоянных восстаниях против советской власти. «Всякий, знакомый с фактами,... знает, что теперь говорить о «восстаниях» может только человек, не имеющий никакого соприкосновения с реальной жизнью нашей страны. Никогда пролетариат не имел такого доверия к нашей партии, как сейчас. Никогда крестьянство в своей массе не было так «советски» настроено, как в настоящее время. Никогда советская власть не была так внутренне прочна, как в данный момент. И никогда не было так мало репрессивных воздействий, как в текущий период нашей жизни» (стр. 31—32). И совершенно ясно и недвусмысленно показывает тов. Бухарин, насколько блещет Каутский отсутствием элементарного марксистского смысла и чутья, когда он противопоставляет партию пролетариату и пролетариат партии. «Факты говорят, что это (партийное. *К. М.*) влияние все растет (стр. 40). 250.000 ленинского призыва, 1.500.000 комсомольцев, столько же пионеров, 6 миллионов членов профсоюзов, полтораста тысяч рабселькоров и т. д., и т. д.—«строят они новое общество, шаг за шагом вытесняя старые формы: в политике, в экономике, в культуре, в быту» (стр. 43). «Но что знает об этом Карл Каутский, ренегат социализма?»..;

С «крахом коммунизма» дело обстоит также не по Каутскому. «Неверно, что мы ушли и уходим все дальше от социализма (как это утверждает Каутский. *К. М.*). Верно как раз противоположное утверждение» (62). Притом все это у т. Бухарина не является одними голыми рассуждениями, а подтверждено анализом (не Каутскианским, а доподлинным) многочисленных цифр (стр. 64—72). Крах-то действительно происходит, но не с коммунизмом, а с г. Каутским.

Несчастье преследует его до конца. Если читаешь брошюру Каутского, то может сперва показаться, что он отнюдь не проповедует вооруженной интервенции, что он, правда, критикует советский режим, даже побуждает капиталистов к установлению с нами торговых связей. Однако, острый анализ Бухарина показывает, что дело обстоит как раз наоборот. Карл Каутский находится на службе иностранных капиталистов и внутренней контр-революции (гл. гл. IX и X).

Если у него и попадаются изредка мысли, могущие, правда, с громадной натяжкой!—быть истолкованными в нашу пользу, то все это только слова, только средство подделаться под господствующее настроение масс. На деле же «Каутский говорит международной буржуазии: «Воспользуйтесь китайской революцией и втяните Россию в войну. А тогда мы, социал-демократы, ударим изнутри» (стр. 90. Курсив Бухарина). Именно об этом говорит он, в миллионный раз пережевывая скучный миф о нашем поджигательстве на Востоке, рассказывая сказки о нашей слабости и т. д., и т. п. Вполне прав поэтому Бухарин, когда он подчеркивает: «Пора, наконец, перестать, хотя бы условно, рассматривать социал-демократических вождей, как революционеров. Ибо перед нами законченные типы мещанских контр-революционеров, охранителей существующего строя» (стр. 87. Курсив автора). Как небо от земли далек революционный марксизм от «филистерско-бутербродно-постельной позиции» Каутского.

Брошюра «Интернационал и Советская Россия», все положения и выводы которой Бухарин разбил в пух и прах, интересна и важна для нас не только потому, что она сигнализирует какое-то движение социал-демократической воды и готовящуюся интервенцию, она важна еще тем, что показывает, до каких абсолютно немарксистских и контр-революционных выводов докатываются те, кто забывает некоторые элементарные, казалось бы, истины. «Диктатура партии над пролетариатом», неизбежный рост противоречий между социалистической промышленностью и мелкотоварным хозяйством крестьянина и пр.—все это «аргументы» г. Каутского, все это неот'емлемо входит в его теоретический арсенал, арсенал махрового контр-революционера. Мы не ведем сейчас дискуссий, партия целиком едина, но партийный молодняк должен на этом наглядном примере поучиться, до чего может довести забвение основных положений марксизма и искажение советско-партийной действительности. С тем большим интересом читается поэтому IV глава брошюры Бухарина «Пролетариат, государство, партия». Здесь читатель находит не только ссылку на фактическое состояние (рост партийной общественности, что было упомянуто выше), но и теоретическую аргументацию.

С точки зрения теоретической неослабное внимание и интерес возбуждает в особенности глава VIII, говорящая о «процессе социалистического строительства в целом и его противоречиях». Здесь в краткой, но блестящей по ясности формулировок форме обрисован общий процесс развития нашего Союза к социализму. При этом Бухарин отнюдь не забывает, а напротив, подчеркивает неизбежную противоречивость этого развития. Вероятно, Каутиский, прочитав брошюру Бухарина, начнет

вопить, что раз мы сами признаем колоссальные трудности и противоречия, существующие даже внутри пролетариата, то дело советской власти совсем каюк. Не будем ли мы тогда облагодетельствованы еще одним ученейшим исследованием? Однако, «пролетарская диктатура есть условие для эволюционного преодоления всех этих противоречий. Противоречия капиталистического общества постоянно воспроизводятся на расширенной основе, пока это общество не лопается в треске и грохоте революционного пожара. Противоречия нашего общества, общества пролетарской диктатуры, воспроизводятся на суживающейся основе и в конечном счете погаснут в системе «всестороннего коммунизма». Тот, кто из наличия этих противоречий делает вывод о «крахе коммунизма»—жалкий трус, с кочаном капусты вместо головы. Таковы меньшевики вместе с Каутскими» (стр. 86. Курсив автора).

Брошюра т. Бухарина не нуждается ни в наших рекомендациях, тем более похвалах. Своим фактическим материалом, сведенным воедино, она уничтожает Каутского так же, как и теоретическим анализом его лживой, немарксистской позиции, и страстным языком настоящего революционера, не нуждающегося в лайковых перчатках филистера.

Можно было бы указать на некоторые, чисто словесные недочеты имеющиеся в брошюре. Тов. Бухарин говорит, например, «мы еще не слыхали, чтобы понятие класса строилось на рассуждениях» о грубости взамен «ясных и об'ективных социально-экономических критериев» (стр. 21). Тут упускается из виду теория господства - подчинения того самого Богданова, о котором т. Бухарин упоминает страницей ниже (22).

Но в общем контексте эти недочеты, конечно, не имеют существенного значения и легко поправимы.

К. Милонов.

А. М. ГИНЗБУРГ. Экономия промышленности. Ч. I. Москва, 1925 г. Госиздат, стр. VIII+328.

Экономия промышленности, как и экономия сельского хозяйства, торговли и др., принадлежит к, так называемым, прикладным и сравнительно молодым экономическим дисциплинам. По об'екту изучения буржуазные экономии отдельных отраслей, несмотря на весьма различное толкование экономистами предмета и метода этих наук, представляют лишь научное выражение деловой практики буржуа в различных областях хозяйства.

Но совершенно иное значение приобрела конкретная экономия в условиях строительства пролетариатом собственного хозяйства.

Обширный материал, «который накопляется жизнью ежедневно, ежечасно», и потребности расширяющегося строительства хозяйства, ставят перед марксистской экономической теорией задачу изучения частных явлений хозяйственной жизни, в том числе—специфических явлений промышленности.

«Экономия промышленности» А. М. Гинзбурга потому имеет интерес, что написана она марксистом и «представляет собой попытку дать систематическое изложение экономии промышленности, какой она должна быть в качестве научной дисциплины» (стр. VII. Курсив наш. *Н. С.*).

Как решил эту задачу Гинзбург? В этих целях рассмотрим прежде всего его общее суждение об экономии промышленности и об ее взаимоотношениях с другими экономическими науками.

«Экономия промышленности,—говорит тов. Гинзбург,—изучает свой предмет на базе общих законов, установленных политической экономией, и в этом смысле есть часть и продолжение политической экономии» (стр. 4), или, иными словами, она «в своей теоретической основе является частью и продолжением политической экономии» (стр. VII. Курсив наш. *Н. С.*).

Рассматривая, таким образом, законы политической экономии в качестве общих методологических предпосылок экономии промышленности, тов. Гинзбург устанавливает между этими науками, примерно, такое же соотношение, какое существует между историческим материализмом и политической экономией. Но почему в таком случае экономия промышленности является «частью и продолжением политической экономии»? Содержание анализа известного ряда экономических явлений, составляющих логическое целое, превращает экономию промышленности в самостоятельную научную дисциплину. И общая методологическая связь с политической экономией еще не дает нам право и возможность экономию промышленности рассматривать как часть политической экономии. Формулировка взаимоотношений экономии промышленности и политической экономии, даваемая тов. Гинзбургом, безусловно, неверна, но не является у него случайной, а лишь неизбежным результатом неверной постановки вопроса вообще.

Какого рода явлениями экономического порядка занимается экономия промышленности? А. Гинзбург по этому поводу говорит следующее: «Экономические явления можно изучать двояко: в специальной связи с отдельной отраслью народного хозяйства и в общей связи со всей народно-хозяйственной деятельностью в целом. Иными словами, есть общие законы экономической деятельности, проявляющиеся во всех отраслях народного хозяйства, и есть специальные законы, находящие свое применение только в одной какой-либо отрасли народного хозяйства. Изучением первых занимается политическая экономия, изучением вторых—экономия промышленности сельского хозяйства, торговли, транспорта» (стр. 2. Курсив наш. *Н. С.*).

Для того, чтобы вскрыть истинное содержание приведенных выше рассуждений, на первый взгляд как-будто бесспорных, необходимо выяснить, что же понимает тов Гинзбург под специальными законами данной отрасли. Если взять две отрасли хозяйства, то различие между ними,—пишет он,—«прежде всего технико-производственного характера. Но различная организация трудового процесса вызывает крупные различия социального порядка» (стр. 3).

Но, приближаясь в известной степени, к определению круга проблем, подлежащих изучению экономии промышленности, тов. Гинзбург совершенно неожиданно и в полном противоречии со сказанным ранее, пишет что экономия промышленности должна, прежде всего, интересоваться вопросом: «как зарождаются, развиваются и исчезают капиталистические отношения в промышленности» (стр. 3. Курсив наш. *Н. С.*).

Но ведь зарождение, развитие и исчезновение капиталистических отношений в промышленности составляют как раз содержание категорий политической экономии, т.-е., выражаясь попросту, суть общие законы капиталистического хозяйства и ни в какой мере не могут быть специальными законами или специфическими особенностями одной только промышленности. Подметив, таким образом, специальные законы общими, тов. Гинзбург тем самым, с одной стороны, потерял об'ект изучения экономии промышленности и, следовательно, пришел к отрицанию самой науки. А, с другой стороны, это же обстоятельство неизбежно привело его к утверждению экономии промышленности как части и продолжения политической экономии, поскольку она благодаря этому должна заниматься повторением некоторых положений политической экономии.

Рассмотрим другой ряд рассуждений тов. Гинзбурга в его поисках экономии промышленности, как самостоятельной науки. «Политическая экономия,—говорит он,—абстрактная наука». «Ее преобладающий метод—чистая дедукция» (стр. 5), в то время, как «экономия промышленности—конкретная, описательная, прикладная наука» (стр. 6. Курсив наш. *Н. С.*). Но напрасно мы стали бы искать хоть сколько-нибудь выдержанного применения тов. Гинзбургом этого взгляда на экономию промышленности, как науку конкретную, описательную и т. д. Уже на следующей странице он отрицает сказанное им ранее: «Метод экономии промышленности,—пишет он,—тот же (!), что и метод политической экономии,—координированная дедукция и индукция» (стр. 7). Опровергая на каждой последующей странице сказанное им прежде, тов. Гинзбург, как мы видим, не имеет собственного определения ни предмета, ни метода экономии промышленности.

Чувствуя этот «недостаток» своих определений, тов. Гинзбург дает такого рода «пояснение» своего собственного «метода». «Для теоретического анализа основной сущности капиталистического строя,—говорит он,—примененный Марксом метод был очень хорош (!) Но для познания той реальной жизненной обстановки, которая нас окружает и среди которой мы ведем повседневную борьбу, этого метода недостаточно» (! Стр. 5. Курсив наш. *Н. С.*). Нужно иметь большую смелость, чтобы после столь легковесных, сколь и недостаточно грамотных и противоречивых суждений о методе экономии промышленности, заявлять о недостаточности марксова метода. Но тов. Гинзбург не ограничивается этим, по его мнению, при об'яснении текущей действительности нам необходимо «беспрерывно перетряхивать теорию» (! Стр. 6. Курсив наш. *Н. С.*). Тов. Гинзбург большой шутник! Жаль только, что подобной «легкости в мыслях», соответствуют и «теоретические» построения т. Гинзбурга.

Впрочем в этом и, к сожалению, только в этом вопросе тов. Гинзбург последователен: «перетряхивание» теории он совершает на самом деле.

Такого рода «перетряхивание» производит тов. Гинзбург в первую голову над самой политической экономией. Политическая экономия, пишет А. Гинзбург, «дает нам общую теорию капиталистического (или (вы только обратите внимание на это «или» ! *Н. С.*) вообще экономического) порядка», что «она стремится «обозреть всю панораму исторической борьбы человека за существование» (стр. 5. Курсив наш. *Н. С.*).

Среди марксистов существуют две точки зрения на предмет и метод политической экономии. И мы были свидетелями в прошлом году ожесточенных боев между сторонниками этих различных точек зрения, но мы, и это мы должны признать с полной откровенностью, встречаем впервые такого экономиста, который совместил в себе эти, взаимно друг друга исключающие, точки зрения.

Что же касается зачисления политической экономии в разряд теории «вообще экономического порядка», то нужно признать, что такой взгляд вне пределов марксизма, но совершенно в духе пустейших абстракций à la П. Маслов[1].

К сожалению, здесь невозможно достаточно крепкими словами назвать это обильное совмещение в одном «умственном аппарате» трех, столь разных точек зрения на политическую экономию, как науку!

Мы вполне соглашаемся с тов. Гинзбургом, что «задача образованного экономиста—отдавать себе ясный отчет» в экономических вопросах и «быстро ориентироваться во взаимной связи отдельных дисциплин» (стр. 8). Однако, этими качествами, как мы видели, тов Гинзбург не отличается.

Не лучше обстоит дело и с «классификацией» экономических дисциплин. «Экономия промышленности,—говорит тов. Гинзбург,—и теоретическая экономия входят в состав науки об общественном хозяйстве (!). Последняя включает в себе еще ряд других дисциплин: экономическую географию, экономическую политику, экономическую историю, науку о финансах, экономию сельского хозяйства, торговли, транспорта и т. д.». (Стр. 7. Курсв наш. *Н. С.*): То обстоятельство, что экономия промышленности составляет часть «единой экономической науки об общественном хозяйстве»—выражение, которое тов. Гинзбург совершенно некритически взял из обычного словоупотребления—ничего не говорит нам о взаимной связи экономии промышленности с другими экономическими науками. Здесь только вкратце укажем, что экономия промышленности в качестве самостоятельной научной дисциплины не должна быть механическим собранием отдельных глав других экономических наук; она должна в необходимой мере использовать данные других наук, систематизируя свой научный материал для своих целей в одно логическое целое. Поэтому экономия промышленности не должна как правило заниматься простым изложением некоторых основных положений политической экономии, а формулировать конкретные закономерные связи между элементами промышленности; тогда действительно, как правильно указал тов. Гинзбург, но не выполнил, «абстрактные законы политической экономии загорятся перед нами тысячью разноцветных эмпирических законов, сотканных экономией отдельных отраслей» (стр. 6).

Не должна экономия промышленности также специально заниматься историей хозяйства данной страны (глава VI—X), политикой промышленности, что мы находим в книге Гинзбурга.

Общие рассуждения А. Гинзбурга показали нам, таким образом, что он не сумел найти тех проблем и того метода, которые разграничили бы экономию промышленности от других экономических наук. И причиной этого является просто на просто незнакомство автора книги с основными вопросами методологии политической экономии.

И это-то отсутствие единой точки зрения на экономию промышленности как на науку, заставляет тов. Гинзбурга плыть по широкому фарватеру разного рода экономических явлений, давать разного рода сведения, которые сами по себе могут быть полезны, но в которых мы не найдем внутреннего логического единства и стройности.

В экономии промышленности А. Гинзбург устанавливает четыре раздела: 1) промышленность и место ее в системе народного хозяйства, 2) организационные формы промышленности, 3) работы промышленного предприятия и 4) взаимоотношения отдельных отраслей промышленности. Первые два раздела составляют содержание настоящей книги.

[1] См., например, его «Проблемы продукции». Изд. «Книга», 1923 г. «Мировая социальная проблема». Чита, 1921 г. и др.

Во втором разделе (стр. 60—321)—организационные формы промышленности—рассматривается группа явлений, весьма неоднородная по своему экономическому содержанию. Организационная точка зрения тов. Гинзбурга имеет формально-юридический характер, благодаря чему, с одной стороны, затушевывается различная экономическая природа рассматриваемых явлений, а, с другой—устраняются из анализа явления, имеющие весьма существенное значение для марксистской экономии промышленности. Из постановки вопросов, даваемой т. Гинзбургом, например, не вытекает органически разная сущность капиталистической и советской промышленности. Плановое начало советской промышленности—одно из основных ее особенностей—принадлежит к качественно отличному разряду явлений, чем процессы концентрации и централизации и организационная сторона разного рода промышленных об'единений; но мы напрасно искали бы анализа планового начала у т. Гинзбурга,—он у него блистательно отсутствует.

Между тем анализ планового начала промышленности совершенно новая задача, для буржуазной науки в данной связи не существующая, но которая составляет специфическую особенность марксистской экономии промышленности.

Экономия промышленности в качестве научной дисциплины, и при том прикладной, должна быть наукой о законах экономически целесообразной расстановки людей и материальных элементов как в отдельном предприятии и заведении, так и во всей промышленности в целом. Существуют известные закономерные связи между элементами производства и отдельными частями промышленности, обусловливающие наибольший экономический эффект. Формулировкой этих закономерных связей и должна заниматься экономия промышленности.

А. Гинзбург сделал попытку подойти к уяснению некоторого единого принципа классификации экономических явлений, подлежащих изучению экономии промышленности. Однако, постановка самого вопроса чрезвычайно неудачна и, к счастью, не нашла применения в его экономии промышленности.

Рассматривая динамику экономического развития, А. Гинзбург устанавливает «основной закон», определяющий хозяйственную деятельность человека. «Каков этот закон?»—спрашивает тов. Гинзбург. «Это,—говорит он,—принцип (заметьте! *Н. С.*) сохранения энергии, принцип экономии труда. Каковы бы ни были формы хозяйства, каково бы ни было состояние производительных сил и производственных отношений, человек всегда и везде должен обеспечить получение максимальных результатов при минимальных затратах, т.-е. наиболее полное удовлетворение потребностей при наименьших затратах труда. Это абстрактный принцип, одинаково приложимый ко всем эпохам и ко всем ступеням экономического развития, получает различную конкретную формулировку в применении к разным эпохам и разным способам организации производственных отношений...» В капиталистическом обществе, с точки зрения господствующего класса, наиболее экономным будет тот труд, который при наименьших издержках производства даст наибольшую прибавочную стоимость» (стр. 71).

Совершенно бесспорно, что в результате исторического развития производительных сил меньшая затрата труда дает больше материальных благ, но этот результат нельзя возводить в самый закон, определяющий хозяйственную деятельность человека, т.-е. нельзя производительные силы заменять результатами их развития. Универсальный прин-

цип экономии труда А. Гинзбурга стихийность исторической жизни превращает в планомерный процесс; рационализируя его, он тем самым дает телеологическую постановку этого вопроса. Историческая экономическая деятельность человека гораздо сложнее и самое развитие производительных сил часто совершенно устраняет «принцип экономии труда». Социально-экономическая организация капиталистического хозяйства, в особенности на его монополистической стадии развития, приводит к совершенно обратным результатам. В эпоху империалистических войн и революций происходит огромная растрата общественного труда и поэтому чудовищным является утверждение, что экономическая деятельность человека определяется абстрактным, абсолютным принципом экономии труда.

Но если бы А. Гинзбург не универсализировал этот принцип экономии труда, а применил его в более узких рамках—для классификации экономических явлений, и, исходя из него, попытался формулировать законы экономии труда на данной стадии развития, то тем самым он бы действительно дал экономию промышленности в качестве научной дисциплины, которая коренным образом отличалась бы от его экономии промышленности.

А. Гинзбург хотел дать марксистский анализ частных явлений хозяйственной жизни — анализ специфических явлений промышленности. Такая задача вполне своевременна и диктуется самим «ходом вещей». Однако, «экономия промышленности» А. Гинзбурга как по общей постановке вопроса, так и по систематизации научного материала не представляет «систематического изложения экономии промышленности»; этой задачи Гинзбург не решил.

Конкретно-описательный материал книги следует использовать, но необходимо сугубо критически отнестись к теоретическим рассуждениям автора.

Н. Саргин.

Л. Є. ВУЛЬФ. Экономический империализм в Азии и Африке. Изд. «Книга». Стр. 97.

Есть книги, появление которых на нашем книжном рынке вызывает некоторое недоумение: зачем, для кого и какие цели преследовало издательство, выпуская их в свет?

Такие вопросы были бы вполне уместны и по отношению к рецензируемой книге, если бы она (как сама работа Вульфа, так и вступительная статья Г. Наумова: «От империализма к сверх-империализму») не имела некоего, так сказать «сокровенного» смысла.

Рекомендуя Вульфа, Г. Наумов пишет о нем следующее: «Автор—не революционный социалист», а «самый обыкновенный радикал и *спокойный исследователь*»; наконец, даже «не приверженец исторического материализма», но все это только усугубляет интерес к его книге, поскольку несмотря на неправильный подход он «*совершенно правильно вскрывает сущность экономического империализма*».

О Г. Наумове мы поговорим несколько позже, пока же остановимся на «совершенно правильной» теории империализма Вульфа.

Мы заранее извиняемся перед читателем за некоторое обилие выдержек, которые мы будем вынуждены привести из книги этого «беспристрастного» и «спокойного исследователя», но автор настолько занятен, что лучше всего заставить его говорить собственными словами.

«История человечества,—пишет Вульф во введении,—в течение последних 2500 лет определялась, главным образом, человеком, его верованиями и желаниями». «Если христианству не удалось создать христианский мир, то это было результатом того, что желания и верования одних людей одержали победу над желаниями и верованиями других». С другой стороны, «феодализм был лишь следствием процессов, происходивших в умах десятков господ и тысяч крепостных» и т. д. и т. п., вплоть до того, что «война была вызвана не кайзером или каким-либо другим «военным преступником», а миллионами мужчин и женщин, которые читали немецкие, французские и английские газеты...».

Философия истории Вульфа, может вызвать у читателя только улыбку. Философия истории при помощи г-на Вульфа поставлена на голову. Г-н Вульф, очевидно, большой шутник! Если крепостник-помещик засекал до смерти своих крепостных, ссылал их в Сибирь, обменивал на борзых собак, то это было, утверждает Вульф, только «следствием процессов, происходивших в *умах*» помещика и его крепостного! С неменьшей находчивостью нашел он и виновников войны в лице мужчин и женщин «читающих газеты»!

Читатель, конечно, уже предвидит, как такой «легкий в мыслях» «исследователь» будет «правильно вскрывать сущность экономического (!) империализма».

«Три рода верований и убеждений,—продолжает г-н Вульф,—*моральные, сентиментальные и стратегические*—воздействуют на человеческую мысль и на империалистические идеалы. Они влияли на политику империализма, но они не были основной причиной его появления». «Движущая сила современного империализма—экономического характера и вытекает из экономических убеждений».

Но напрасно стал бы читатель искать об'яснения, какие же именно «экономические убеждения» привели к империализму. Всеми своими последующими раз'яснениями Вульф старается доказать, что именно экономически-то империализм *невыгоден* и что по сути дела империализм одно сплошное заблуждение людей, «читающих газеты».

Как известно, империализм связан с борьбой за колонии, как рынки сбыта и сырья, рынки вложения капиталов. Однако, у Вульфа колониальная политика приобретает характер естественного движения и передвижения народов, свойственного всем временам и народам, такого же естественного движения, как морские отливы и приливы.

Впрочем, пусть говорит сам Вульф.

«В настоящее время вся Северная Америка и большая часть Южной—европеизированы; каждый квадратный фут африканского материка, за сомнительным исключением Абиссинии и Либерии, разделен и подчинен европейскому контролю»... «Огромные азиатские территории завоеваны или поделены между европейскими государствами, а все острова Тихого океана являются или владениями или колониями европейских держав», «перед нами мировое движение, которое можно характеризовать, как европеизацию мира».

Почему же происходит эта европеизация, чем об'ясняется этот раздел мира?

Легко и непринужденно повествует об этом г-н Вульф: «Это старое явление человеческой истории. На земной поверхности *всегда* двигались *подобно приливам и отливам*, племена, расы и народы; колонизация Америки, Южной Африки и Австралии представляет из себя *новейший пример такого движения*».

И все.

Но позвольте, скажет читатель, ведь сам г-н Вульф несколько раньше, но выставлял все-таки положение, что империализм—результат «экономических убеждений», каким же образом это «убеждение» согласуется с «законом» «приливов и отливов»?

Ах, как вы наивны, читатель!

Ведь, г-н Вульф об'ясняет, что, например, «чувство и сентиментальность всегда играли известную роль в империализме». Наконец, «нередко первой стадией захвата той или другой территории является авантюра романтического искателя приключений или сентиментального солдата». Нельзя же забывать, что «моральные идеи (вроде «сентиментального престижа», «оскорбления, нанесенного знамени», как об этом говорит дальше автор) до некоторой степени проникли в доктрину и политику империализма».

Правда, все это говорит скорее за то, что г-н Вульф сторонник не «экономического», как он себя рекомендует, империализма, а «сентиментально-морального», но ведь и сам он доказывает, что экономические «убеждения», коими и был вызван, например, империализм, могут быть ошибочны, хотя бы и разделялись «уважаемым и влиятельным г-ном Чемберленом»...

«Идеи империалистов, насчет великого значения африканских колониальных владений,—пишет г-н Вульф,—как источника богатства, являются сплошной иллюзией». Экономическая ложь империализма нигде не обнаруживается с большей ясностью, чем в империалистических доктринах насчет важного значения имперских владений, как источников сырья для промышленности». «Если бы англичане, французы и немцы были действительно разумно рассуждающими людьми,—каковыми они себя считают без всяких на то оснований,—то они увидели бы, что экономический империализм, проводимый в Африке государствами, принес им много зла и очень мало добра». «Европейским государствам азиатские и африканские владения приносили не выгоды, а убытки».

Естественным был бы, конечно, вопрос: откуда же взялось «экономическое убеждение» «в необходимости экономического империализма», если экономически это не только не выгодно, а убыточно?

И на это у хитрого Вульфа есть один ответ: виноваты «мужчины и женщины, которые читали немецкие, французские и английские газеты и верили в то, во что эти газеты рекомендовали им верить, и желали того, что эти газеты, рекомендовали им желать».

Но чем же об'яснить странное поведение этих газет, рекомендующих своим читателям «экономический империализм»? Прямо на этот вопрос г-н Вульф не отвечает, но дает в руки читателю в некотором роде путеводную нить, которая, по мысли автора, должна дать ответ и на этот вопрос.

«Политика государств диктуется правительствами, а правительства составляются из государственных людей и политиков», а эти государственные мужи «единогласно утверждали, что главные мотивы их политики были экономические».

Но позвольте, ведь империализм, уверял нас г-н Вульф,—экономически не выгоден, как же эти «уважаемые и влиятельные» идеологи и вдхоновители империализма вовлекали представляемые ими страны в такие экономически невыгодные предприятия, как захват колоний и т. п.?

Ответа и на этот вопрос г-н Вульф не дает, но уже по изложенному выше, мы можем догадаться, что и здесь виноваты газеты, которые читают г.г. политики, и что их заблуждения и их ошибки надо отнести за счет все тех же газет, распространяющих вредные и ошибочные мысли, по части выгодности пресловутого «экономического империализма».

Ничего большего рекомендуемый Г. Наумовым «исследователь» Вульф, «правильно вскрывающий сущность экономического империализма» не дает, да и при своем «сентиментальном-морально-авантюрном» подходе к исследованию экономических явлений дать не может. И неизвестно, к чему приклеенный ярлычек «экономический», г-ну Вульфу в об'яснении империализма не помог и сущность империализма г-н Вульф так и не понял.

Г-н Вульф находит, однако, что нельзя уж совсем бесповортно осуждать империализм. Нельзя, конечно, отрицать, что у империализма были свои нехорошие черты, что, например, «раздел Африки оказал самое пагубное влиние на европейские международные отношения в период 1880—1914 г.г.».

Но «спокойный исследователь, который ищет величия своей родины; и лишь хочет соблюсти в международных отношениях мораль и справедливость», должен быть справедлив и в оценке благодетельной роли империализма.

«Европейское владычество,—пишет г-н Вульф,—обычно приносило с собой такой род законности и порядка, который не существовал раньше в Африке». И автор добросовестно расшифровывает, какие же «законность и порядок» принесли с собой европейские цивилизаторы. «Главные характерные черты европейской экономической системы это, во-первых, частная собственность на землю, или орудия производства и, во-вторых, разделение населения на экономические классы, т.-е. на классы землевладельцев, собственников капитала и лиц, не имеющих ни земли, ни капитала и работающих за заработную плату».

Едва ли после этого, после ограбления туземного населения и превращения его в рабов, можно отвергать историческую христианскую миссию европейцев, ее цивилизаторскую роль. После этого становится совершенно понятным утверждение г-на Вульфа, что «если христианству не удалось создать христианский мир», то этому помешали грубые и дикие туземцы колоний, противопоставившие верованиям и желаниям истинных христиан, свои нехристианские верования и желания.

Особенно добродетелен был империализм в Китае. Здесь «был путь скорее сотрудничества, чем эксплоатации: европейцы и их государства могли использовать свои знания и свое могущество, чтобы помочь китайцам приспособиться к политико-экономической системе Европы и затем получить свою справедливую долю в том богатстве, которое могла создать европейская система».

Любезность европейцев не знала границ! До появления европейцев, положение в Китае было таково, что «более честный торговец оказывался в наименее выгодном положении». И вот под руководством Роберта Харта была реорганизована таможенная служба и выделен исполнительный аппарат «из шести англичан, двух американцев, двух французов и одного немца». Предупредительные европейцы, чтобы не утруждать неприятной работой китайцев, не включили в состав исполнительного аппарата ни одного китайца. Не нужно, конечно, и говорить, что европейцы заботились только о Китае, только о благе китайского народа. Сам г-н Вульф свидетельствует об этом: «европейские таможенные чиновники считали своей обязанностью образовать для китайского правительства такой служебный аппарат, который охранял бы законные интересы и права китайского народа». «В настоящее время никто не будет отрицать, что сотрудничество Востока и Запада в таможенной администрации принесло пользу и Китаю и Европе».

И, конечно, только черной неблагодарностью китайцев можно об'яснить их отвращение к урокам, преподаваемым великодушными европейцами, только непониманием своих интересов—ту ненависть и злобу, которую они питают к своим учителям. Как не может понять этот многомиллионный народ, что стэк и расстрелы, применяемые г.г. европейцами, только необходимое условие для превращения Китая в добропорядочное государство, и если ими несколько злоупотребляют, то в интересах и на благо самого же китайского народа.

Мы были бы крайне поражены, если бы этот «ценный» труд г.г. европейцы не перевели на китайский язык и не обязали к преподаванию в школах начального образования.

Однако, европейцы не удержались на «добром» и «хорошем» империализме и задачу просвещения, обучения христианской морали и организации на европейский манер таможенного дела, подменили грубой и хищнической эксплоатацией.

В Африке, «в результате этого создалось такое положение, при котором население могло спастись от голодной смерти только работая для концессионеров на условиях этих последних»; «экономические последствия (хозяйничания европейцев. *К. Р.*) для Китая оказались до последней степени пагубными». «Результаты политики экономического империализма, проводимого Великобританией и другими империалистическими державами, не внушают нам,—повествует г-н Вульф,—чувства удовлетворения».

Дело совершенно очевидное: в системе империализма надо кое-что изменить, кое-что подправить и пустить в действие в исправленном г-ном Вульфом виде.

«Защитники империализма и капитализма скажут, что, кроме этой системы, никакая другая невозможна». Г-н Вульф с этим не согласен. Он нашел такой капитализм и такую систему империализма, при которой и капиталистам, и рабочим, и колониальным рабам, и их европейским владыкам было бы одинаково хорошо. «Если бы они (защитники империализма. *К. Р.*) изменили свой взгляд на капитализм и экономический империализм, то система мандатов могла бы начать новую эру во взаимоотношениях между Африкой и Азией, с одной стороны, и европейской цивилизацией с другой». «Державы и народы Европы могут перейти к совершенно противоположной системе, которую они формально и весьма торжественно обязались ввести несколько времени тому назад. Мы имеем в виду договор об образовании Лиги Наций...».

Все дело только в «честном» проведении начал, на которых построена Лига Наций—и ни в чем ином. Но это, конечно, не означает, что европейские державы могут сложить с себя «ответственность» за судьбу Азии и Африки. «Европейцы д о л ж н ы оказать им помощь», тем более, что, например, «африканцы, вероятно, (!) не в состоянии взять на себя полное управление своими странами», а «китайцы способны управлять сами» только «при условии, если европейцы будут ч е с т н о оказывать им административную и техническую помощь». И «если бы мандатная система, ч е с т н о применялась в более прогрессивных странах, вроде Китая и Сирии, не было бы никакой нужды передавать над ними мандаты определенному государству».

Вот и все из того, что преподносится нам издательством «Книга» и рекомендуется Г. Наумовым в качестве «вскрытия сущности экономического империализма»!

Едва ли нужно говорить, что в этой апологетике ч е с т н о г о капитализма и ч е с т н о г о империализма, д о б р о й Лиги Наций и «уважаемого и почтенного» г-на Чемберлена нет ни на йоту ни марксистского анализа, ни элементарной исследовательской добропорядочности, ни грана понимания действительной сущности империализма, ни всего что могло бы оправдать перевод и издание этой балаганной, шутовской работы г-на Вульфа.

Нечего и говорить, что в своем утверждении «невыгодности», «убыточности» колониальных владений, автор показывает не только непонимание того, о чем он с таким апломбом пишет, но и свою безграмотность вообще, незнание элементарнейших явлений современной капиталистической действительности.

Мы позволим себе привести только пару цифр о роли и значении английских колоний в жизни метрополии для того, чтобы просто показать с т е п е н ь недобросовестности автора.

Ввоз и вывоз Соединенного Королевства в 1900 г.

	Иностран. государства.	Британские колонии.
Ввоз	413.434.000 фун. стер.	109.641.000 фун. стер.
Вывоз	196.757.000 „ „	94.435.000 „ „

Доля главных стран во внешней торговле Индии (в %%).

	Довоен. средн.	Средн. во время войны.	1921—1922.
		В в о з.	
Британская империя . .	69,7	65,4	66,6
Иностран. государства .	30,3	34,6	33,4

Эти цифры, надеемся, будут служить показателем знания г-ном Вульфом предмета, о котором он столь пространно пишет в своем «исследовании», рекомендуемом Г. Наумовым.

Едва ли на наш книжный рынок выбрасывалось что-либо более омерзительное и не только чуждое, но явно враждебное нам в оценке и анализе (если это можно назвать анализом) империализма.

Но едва ли не более возмутительно предисловие-статья Г. Наумова «От империализма к сверх-империализму».

С г-на Вульфа, так сказать, «взятки гладки». Самый обыкновенный и рядовой, несколько пацифистски настроенный буржуа, напуганный войной и еще более обеспокоенный разгорающимся революционным движением в колониальных странах, он хочет только одного: ч е с т н о г о мира и спокойствия, которые гарантировали бы ему приятный послеобеденный сон и ничем не нарушаемое получение дивиденда.

С беспокойством следит он за тем, что война не принесла желанного мира и спокойствия и после долгих поисков находит причину в «дурном» империализме европейских держав, «н е ч е с т н о» проводящих принципы Лиги Наций. Он не видит, он не понимает, что дело не в параграфах Устава Лиги Наций, а в самом существе капитализма, что дело не в насилиях, чинимых отдельными капиталистами в колониальных владениях, а во всей капиталистической системе в целом, порождающей на определенной ступени развития империализм и что единственный выход, единственное разрешение этих кричащих противоречий, которые теперь видны даже ему—буржуа—в окончательной замене старой, уже изжившей себя системы—новой, построенной на совершенно иных началах, на началах, при которых он «мирный» «добрый» буржуа, уже не будет получать своих процентов.

Этот выход—революция, но этого выхода буржуа, конечно, принять не может и ищет разрешения своих сомнений в «ч е с т н о» испол-

няемых параграфах Лиги Наций, не понимая даже того, что сама Лига Наций только ширма для обделывания грязных дел империалистов.

Повторяем, от г-на Вульфа ничего другого и требовать нельзя, но совсем иного отношения мы можем и должны требовать от Г. Наумова, претендующего на имя марксиста и употребляющего такие страшные слова как «интернационал» и даже «революция»!

Мы не будем вдаваться в подробную критику теории сверх-империализма, отличительные формы которой Г. Наумов находит в «мировом масштабе», как будто империализм довоенный не носил мирового характера, и старой меньшевистско-гильфердинговской формулы «экономической кооперации», в лице Лиги Наций, крупнейших империалистических держав-победительниц, давно уже получившей должную оценку со стороны революционных марксистов.

Г. Наумов не согласен с г-ном Вульфом, он даже критикует его, но послушайте только, читатель, что это за критика и что противопоставляет Г. Наумов Вульфу.

«Вульф,—пишет Г. Наумов,—недостаточно (!) ясно сознает, что идеальное применение системы мандатов, как и политика, основанная на отказе от эксплоатации колониальных народов, возможны только при условии радикального разрыва с идеями (!) империализма. Лига Наций должна при этом перестать быть орудием империализма и превратиться в братский союз равноправных народов, в мировые сединенные штаты братских республик. А это означает отречение Лиги от себя самой, иначе полный революционный переворот в... современных международных отношениях».

И, наконец, как заключительный аккорд.

«Возможен ли такой переворот, возможна ли ликвидация империалистической системы при сохранении общих основ капитализма?»

«Это старый спор в социалистической (!) среде, которого мы здесь касаться не будем (!!!). Одно только несомненно для всех: борьба против мирового сверх-империализма может итти только по линии укрепления рабочего Интернационала».

Со своей стороны мы можем также утверждать, что «одно несомненно»,—эта цитата может принадлежать только и исключительно меньшевику.

В этой цитате меньшевизм выдержан в кристально-чистом виде и совершенно недвусмысленной форме.

Ложь, что среди марксистов идет «старый спор» о возможности ликвидации империализма на капиталистической основе. Здесь среди марксистов спора нет. Спор идет между марксистами и теми, кто изменил марксизму, кто изменил революции и перешел на службу г.г. капиталистам—меньшевиками, Каутскими, Вандервельде, Тома и всеми, иже с ними.

Ложь, что отказ от «эксплоатации колониальных народов» возможен при условии разрыва с «идеями империализма». Идеи империализма—это идеи современного капитализма, и не разрыв с «идеями», а разрыв, борьба и победа над самой капиталистической системой может избавить от эксплоатации колониальные народы. Это основное, непременное и единственное условие избавления от эксплоатации, и всякая попытка затушевать, замазать этот факт, свести его к борьбе с «идеями»—есть измена и предательство революции и рабочего дела.

Ложь, что Лига Наций может превратиться в «братский союз равноправных народов, в мировые соединенные штаты братских республик» при перевороте «в современных международных (!) отношениях». До тех пор, пока капиталистический способ производства является господствующим способом производства, пока средства производства, государственный аппарат и армия будут находиться в руках капиталистов, Лига Наций останется союзом грабителей и разбойников с большой дороги, и всякие разговоры о «братском союзе»—гнусный обман ренегатов и изменников революции, наемных лакеев буржуазии и капиталистов.

Не революционный переворот в «международных отношениях», а социальная, пролетарская, коммунистическая революция—вот единственный путь к подлинному, истинному братскому союзу народов,—и чистейшей воды меньшевизмом являются измышления г-на Г. Наумова.

Ложь, что борьба против империализма «может итти только по линии укрепления рабочего Интернационала». Укрепление Интернационала—только средство для завоевания политической власти пролетариата, ибо только революция, только захват власти пролетариатом избавит мир от капитализма и империализма, и задача Интернационала помочь пролетариату в деле завоевания политической власти.

Попытка свести борьбу с империализмом только к укреплению Интернационала—это попытка отвлечь пролетариат от непосредственных, стоящих перед ним боевых задач перед революцией, захватом власти, попытка отсрочить гибель империализма и связанную с нею гибель его апостолов и защитников.

Мы уже не останавливаемся на «странной» терминологии г-на Г. Наумова с его «рабочим» Интернационалом. В связи с общим контекстом всей статьи г-на Наумова мы этот маневр можем рассматривать только, как нежелание выдать себя с головой, порекомендовав пролетариату в борьбе с империализмом пойти по линии «укрепления Второго Интернационала».

Нельзя не признаться, что подобного рода литературные упражнения мы встречаем впервые.

К. Розенталь.

Письма в редакцию.

О ТРЮКАХ ТОВ. КАРПИНСКОГО,

или как не надо писать рецензий.

Товарищ Карпинский в № 11—12 «Большевика» поставил себе задачей обвинить Агитпроп ЦК РКП в издании «плохенькой энциклопедии» для деревни. В конце рецензии «энциклопедия» уже превращается в «комментарии к решениям партийных с'ездов и конференций», которые следует издавать «не перед новым с'ездом».

Такими определениями сборника статей «Агитация и пропаганда в деревне» преднамеренно искажается в представлении читателя, не знакомого с рецензируемым сборником, его характер. Стоит только перечислить оглавление статей сборника, чтобы установить, что это не энциклопедия и не комментарии к решениям с'ездов. Вот полное оглавление: 1) задачи партии в деревне и агитационно-пропагандистская работа; 2) агитпропработа в плане работ волкомов и деревенских ячеек; 3) общие собрания деревенских ячеек; 4) политшкола-передвижка; 5) самообразование деревенских коммунистов; 6) работа среди женщин в деревне; 7) политпросветработа деревенской ячейки РЛКСМ; 8) пионер-отряд в деревне; 9) постановка и методы агитационной работы; 10) как подготовить деревенского агитатора; 11) сельские советы; 12) коопера-

ция; 13) общества крестьянской взаимопомощи; 14) народное просвещение в деревне; 15) учитель и его общественная работа в деревне; 16) волостной политико-просветительный комитет; 17) изба-читальня; 18) ликвидация неграмотности и малограмотности в деревне; 19) санитарное просвещение в деревне; 20) как работать с газетой в деревне; 21) милиционная система и работа в терчастях; 22) агро-и лесо-пропаганда в деревне; 23) антирелигиозная пропаганда в деревне; 24) как использовать шефа в деревне; 25) что читать о Ленине и ленинизме деревенскому коммунисту.

Как-будто ясно, что не только по заглавному листу и предисловию, но и по самому характеру сборника это пособие для деревенского агитпропорганизатора и избача. Составлялось оно и проверялось совместно со многими местными работниками.

Дата издания сборника указана. Февраль месяц. Почему тов. Карпинский убеждает читателей «Большевика», что сборник издан «перед новым партийным с'ездом»? Как-будто для рецензента обязательно читать, если не всю книгу, то хотя бы предисловие так же, как и оглавление...

Нашему рецензенту хочется обвинить нас и в политической малограмотности.

Для этого применяется ряд трюков.

Трюк первый. До сих пор мы не знали, что запятая, поставленная между двумя придаточными предложениями, заменяет слово «значит». Осмеливаемся и впредь думать, что это не так. Судите сами. В статье написано, что коммунизм «мы достигнем медленным путем, помогая крестьянину поднять и укрепить его хозяйство, создавая материальную (хозяйственную) основу для коммунизма». Тов. Карпинский эту фразу «излагает» следующим образом: «Поднять и укрепить индивидуальное крестьянское хозяйство значит создать материальную базу для коммунизма». Почему—«значит»? Почему же тов. Карпинский запнулся о запятую, уверяя, что данная запятая не простая запятая, а слово «значит»? Это можно об'яснить лишь чрезмерным желанием тов. Карпинского доказать, что в Агитпропе ЦК РКП(б) работники не понимают Ленина и путаются в азбучных истинах, известных слушателю сокращенной школы политграмоты. Для этого изобретено таинственное превращение запятой в «значит». Нескладно получается: несоответствие с процитированным самим тов. Карпинским местом из Ленина явное. Ну, что ж? Зачем смущаться? Ведь можно еще раз выругать за якобы непонимание автором статьи цитируемых им же мест из Ленина.

Трюк второй: По вопросу о растущей роли агитации и пропаганды в настоящую полосу работы нашей партии в деревне. Для нас это бесспорно. Партийная конференция постановила мобилизовать не менее 3.000 не просто работников, а пропагандистов для деревни. Чрезвычайно большое внимание к вопросам агитации и пропаганды в деревне уделил Октябрьский пленум ЦК. Никогда еще партия так широко не ставила партийно-воспитательной работы в деревне, как это решено авторитетными органами партии сделать в предстоящем учебном году. Тов. Карпинский же досадливо отмахивается—«совсем не в этом дело». По нашему, отмахнуться от важнейших решений партии не годится.

В изложении тов. Карпинского связь агитации и пропаганды с организацией действительно околесица. Но здесь применен старый, уже надоевший трюк поверхностных рецензентов: выдернуть из разных мест несколько фраз вне всякой связи со всем изложением и об'явить, что это околесица, чепуха и т. д. и т. д.

Восстановим первоначальный текст:

«Не сметь командовать крестьянином»,—так определил уже несколько лет тому назад тов. Ленин тактическую линию партии по отношению к крестьянству.

Администрирование и приказ окончательно должны уступить место организации.

Рост политической активности крестьянина—верный признак, что и само крестьянство понимает значение и необходимость организации. Скоро «организация станет всеобщим лозунгом деревни». (Зиновьев).

«Наша партия должна быть во главе организации. Всякая другая политическая сила, кроме РКП, разумеется, попытается использовать любую крестьянскую организацию для срыва смычки между рабочими и крестьянами, для противопоставления крестьян пролетариату, т.-е. для буржуазных целей, одинаково враждебных интересам не только рабочего класса, но и правильно понятым интересам крестьянской массы» (Зиновьев).

Стать общественно-политическим центром всей деревенской жизни—эта задача стоит во весь рост перед каждой деревенской ячейкой партии.

Это невозможно, как невозможна всякая организация вообще, без правильно поставленной агитации и пропаганды. Уметь крестьянина убедить, уметь крестьянину об'яснить, почему точка зрения коммунистов правильная, и что она совпадает с интересами крестьянина-бедняка и середняка—без этого нельзя организовать крестьянство под руководством партии.

Пропагандист и агитатор должны знать деревенскую жизнь, знать точку зрения партии по основным вопросам, касающимся крестьянства, уметь эту точку зрения защищать и отстоять перед крестьянством.

Лишь те пропагандисты и агитаторы, которые могут дать ответ на животрепещущие вопросы, которыми живет деревня, могут быть, по Ленину, руководителями крестьянства.

Эта задача, сейчас более сложная и трудная, чем в прежние годы, требует значительного напряжения сил наших деревенских парторганизаций и большей помощи им со стороны городских организаций.

Из этого текста тов. Карпинский выдернул ряд отрывков фраз, необходимых ему для вящего посрамления рецензируемой книги, и от своей же проделки пришел в ужас, об'являя: «Этакая околесица. Читатель мозги вывихнет». Не вывихнет, если тов. Карпинский не будет заниматься передергиванием.

Трюк третий. Тов. Карпинский пишет, что «существенно важно выяснить, что в каждый период агитпропаганда должна ставить особые цели и стремиться к ним особыми методами». Правильно. Трюк заключается в фигуре умолчания. Умолчал тов. Карпинский о том, что именно этому посвящено больше половины вводной статьи. Ломится человек в открытые двери и кричит: «Не понимаете, что двери нужно открывать!»

Трюк четвертый. Трюк намеков. «Место, откуда взяты цитаты, не указано», второй раз «без указания источника» пишет тов. Карпинский. Создается впечатление, как будто кто-то забыл указать, что приведенные мысли—цитаты из Ленина. А на самом деле после каждой цитаты указано, кому она принадлежит. Правда, не указана страница и том сочинений Ленина, откуда цитата взята. Карпинский забывает, что книжка составлялась для деревни и читателя, не имеющего под рукою полного собрания сочинений Ленина. Поэтому, писать о нарушении

ция; 13) общества крестьянской взаимопомощи; 14) народное просвещение в деревне; 15) учитель и его общественная работа в деревне; 16) волостной политико-просветительный комитет; 17) изба-читальня; 18) ликвидация неграмотности и малограмотности в деревне; 19) санитарное просвещение в деревне; 20) как работать с газетой в деревне; 21) милиционная система и работа в терчастях; 22) агро-и лесо-пропаганда в деревне; 23) антирелигиозная пропаганда в деревне; 24) как использовать шефа в деревне; 25) что читать о Ленине и ленинизме деревенскому коммунисту.

Как-будто ясно, что не только по заглавному листу и предисловию, но и по самому характеру сборника это пособие для деревенского агитпропорганизатора и избача. Составлялось оно и проверялось совместно со многими местными работниками.

Дата издания сборника указана. Февраль месяц. Почему тов. Карпинский убеждает читателей «Большевика», что сборник издан «перед новым партийным с'ездом»? Как-будто для рецензента обязательно читать, если не всю книгу, то хотя бы предисловие так же, как и оглавление...

Нашему рецензенту хочется обвинить нас и в политической малограмотности.

Для этого применяется ряд трюков.

Трюк первый. До сих пор мы не знали, что запятая, поставленная между двумя придаточными предложениями, заменяет слово «значит». Осмеливаемся и впредь думать, что это не так. Судите сами. В статье написано, что коммунизм «мы достигнем медленным путем, помогая крестьянину поднять и укрепить его хозяйство, создавая материальную (хозяйственную) основу для коммунизма». Тов. Карпинский эту фразу «излагает» следующим образом: «Поднять и укрепить индивидуальное крестьянское хозяйство значит создать материальную базу для коммунизма». Почему—«значит»? Почему же тов. Карпинский запнулся о запятую, уверяя, что данная запятая не простая запятая, а слово «значит»? Это можно об'яснить лишь чрезмерным желанием тов. Карпинского доказать, что в Агитпропе ЦК РКП(б) работники не понимают Ленина и путаются в азбучных истинах, известных слушателю сокращенной школы политграмоты. Для этого изобретено таинственное превращение запятой в «значит». Нескладно получается: несоответствие с процитированным самим тов. Карпинским местом из Ленина явное. Ну, что ж? Зачем смущаться? Ведь можно еще раз выругать за якобы непонимание автором статьи цитируемых им же мест из Ленина.

Трюк второй: По вопросу о растущей роли агитации и пропаганды в настоящую полосу работы нашей партии в деревне. Для нас это бесспорно. Партийная конференция постановила мобилизовать не менее 3.000 не просто работников, а пропагандистов для деревни. Чрезвычайно большое внимание к вопросам агитации и пропаганды в деревне уделил Октябрьский пленум ЦК. Никогда еще партия так широко не ставила партийно-воспитательной работы в деревне, как это решено авторитетными органами партии сделать в предстоящем учебном году. Тов. Карпинский же досадливо отмахивается—«совсем не в этом дело». По нашему, отмахнуться от важнейших решений партии не годится.

В изложении тов. Карпинского связь агитации и пропаганды с организацией действительно околесица. Но здесь применен старый, уже надоевший трюк поверхностных рецензентов: выдернуть из разных мест несколько фраз вне всякой связи со всем изложением и об'явить, что это околесица, чепуха и т. д. и т. д.

Восстановим первоначальный текст:

«Не сметь командовать крестьянином»,—так определил уже несколько лет тому назад тов. Ленин тактическую линию партии по отношению к крестьянству.

Администрирование и приказ окончательно должны уступить место организации.

Рост политической активности крестьянина—верный признак, что и само крестьянство понимает значение и необходимость организации. Скоро «организация станет всеобщим лозунгом деревни». (Зиновьев).

«Наша партия должна быть во главе организации. Всякая другая политическая сила, кроме РКП, разумеется, попытается использовать любую крестьянскую организацию для срыва смычки между рабочими и крестьянами, для противопоставления крестьян пролетариату, т. е. для буржуазных целей, одинаково враждебных интересам не только рабочего класса, но и правильно понятым интересам крестьянской массы» (Зиновьев).

Стать общественно-политическим центром всей деревенской жизни—эта задача стоит во весь рост перед каждой деревенской ячейкой партии.

Это невозможно, как невозможна всякая организация вообще, без правильно поставленной агитации и пропаганды. Уметь крестьянина убедить, уметь крестьянину об'яснить, почему точка зрения коммунистов правильная, и что она совпадает с интересами крестьянина-бедняка и середняка—без этого нельзя организовать крестьянство под руководством партии.

Пропагандист и агитатор должны знать деревенскую жизнь, знать точку зрения партии по основным вопросам, касающимся крестьянства, уметь эту точку зрения защищать и отстоять перед крестьянством.

Лишь те пропагандисты и агитаторы, которые могут дать ответ на животрепещущие вопросы, которыми живет деревня, могут быть, по Ленину, руководителями крестьянства.

Эта задача, сейчас более сложная и трудная, чем в прежние годы, требует значительного напряжения сил наших деревенских парторганизаций и большей помощи им со стороны городских организаций.

Из этого текста тов. Карпинский выдернул ряд отрывков фраз, необходимых ему для вящего посрамления рецензируемой книги, и от своей же проделки пришел в ужас, об'являя: «Этакая околесица. Читатель мозги вывихнет». Не вывихнет, если тов. Карпинский не будет заниматься передергиванием.

Трюк третий. Тов. Карпинский пишет, что «существенно важно выяснить, что в каждый период агитпропаганда должна ставить особые цели и стремиться к ним особыми методами». Правильно. Трюк заключается в фигуре умолчания. Умолчал тов. Карпинский о том, что именно этому посвящено больше половины вводной статьи. Ломится человек в открытые двери и кричит: «Не понимаете, что двери нужно открывать!»

Трюк четвертый. Трюк намеков. «Место, откуда взяты цитаты, не указано», второй раз «без указания источника» пишет тов. Карпинский. Создается впечатление, как будто кто-то забыл указать, что приведенные мысли—цитаты из Ленина. А на самом деле после каждой цитаты указано, кому она принадлежит. Правда, не указана страница и том сочинений Ленина, откуда цитата взята. Карпинский забывает, что книжка составлялась для деревни и читателя, не имеющего под рукою полного собрания сочинений Ленина. Поэтому, писать о нарушении

«элементарной вежливости по отношению к читателю», значит писать гиперболами.

Трюк пятый. Трюк высокомерного невнимания. Карпинский пишет, что в вводной статье брошена мысль о необходимости использовать для агитации и пропаганды наличные силы из беспартийного крестьянства и деревенской интеллигенции, но не разработан вопрос, как использовать. Если тов. Карпинский потрудился бы прочесть всю рецензируемую им книгу, то разработку этого вопроса он нашел бы в ряде других статей. Об использовании учителя он нашел бы и специальную статью «Учитель и общественная работа в деревне».

Трюк шестой. Карпинский выдернул две фразы из статьи «Кооперация» и вдался в философию о пагубности протаскивания мелкобуржуазной точки зрения в партийной печати. С гораздо большим правом я мог бы выдернуть из рецензии тов. Карпинского хотя бы такую фразу: «пролетариат кооперация вовсе (?!) не интересует, как средство улучшения положения мелких собственников, но весьма интересует, как средство социализации сельского хозяйства» и заявить, что Карпинский и теперь, после XIV партконференции не выясняет себе задач пролетариата по отношению к крестьянству в конкретной обстановке 1925 года.

Трюк седьмой. Опять фигура умолчания. «О привлечении в новые крестkомы также середняков... ни слова», убеждает Карпинский. А в статье о кресткомах написано черным по белому: «имея основной своей задачей помощь бедняцко-середняцким слоям деревни».

Еще два обвинения нам со стороны тов. Карпинского:

1) В статье «Как использовать шефа» автор статьи выступил против материальной помощи со стороны шефа, пишет тов. Карпинский. Так ли это? Приведем из той же статьи несколько строк о том, в чем практически может выразиться помощь шефа в работе.

«Возьмем, для примера, внутрипартийное просвещение: при организации школы по программе школы-передвижки шеф может дать руководителя школы, при помощи шефа может быть проведено лучшее снабжение школы литературой и пособиями. Такую же помощь шеф может оказать и при организации комсомольского кружка.

С помощью шефа необходимо наладить выписку газет и журналов, при чем от использования средств шефа нужно переходить к выписке газет самими крестьянами. Пользуясь силами шефа, можно лучше наладить массовую политическую работу в крестьянстве: хорошо поставить проведение больших политических кампаний, беспартийных конференций и т. д. Большую помощь шеф может оказать в постановке работы в избе-читальне: при его помощи местные работники смогут развернуть гораздо лучше и шире работу кружков и уголков: сельско-хозяйственного кружка, уголка Ленина, стенной газеты, кружка селькоров и т. д. Шеф может дать совет и продвинуть дело в приобретении кино-передвижки, волшебного фонаря, граммофона и т. д.

Шеф ведет работу по укреплению местных партийных, комсомольских и советских организаций. Своими советами, часто своей инициативой и личным участием, он помогает организовать новые общественные организации: новые ячейки Комсомола, новые пионерские отряды, ячейки таких добровольных обществ, как например, «Долой Неграмотность» и т. д.

Особенно внимание должно быть обращено шефом на организационно-хозяйственную помощь деревне, т. е.: на тот круг вопросов, которые ближе всего интересуют крестьянина, затрагивают его интересы. Здесь шеф должен сосредоточить свою работу вокруг крестпомов, кооперативов, артелей, кредитных товариществ и т. д., добиваясь вовлечения возможно большего количества бедноты и середняков в крестпомы и в кооперацию, всячески помогая правильно поставить их работу и т. д. (подчеркнуто везде мною. *А. А.*).

Согласен, что формулировки не исчерпывающие. Но это далеко не то, о чем пишет Карпинский: «Если бы шефы последовали этому совету, то они должны были бы начисто прекратить всякую работу: без материальных затрат невозможна никакая помощь деревне». При этом необходимо помнить, что заглавие и содержание статьи о том, как необходимо использовать шефов, а не о том, что должны делать шефы. Рекомендовать же деревенским организациям начинать использование шефов с требования материальной помощи от шефа было бы нецелесообразно.

2) В книге мы рекомендовали считать опорными пунктами агропропаганды главным образом вик'и, агроучастки, избы-читальни, с.-хоз. кружки при них. Это правильно. Колхозы и совхозы, при их теперешнем состоянии, к сожалению, еще не являются рычагами массовой агропропаганды. Конечно, имеются исключения. Там, где колхозы, совхозы образцово поставлены, необходимо их использовать в качестве рычагов агропропаганды.

Конечно, сборник имеет свои недочеты и ошибки. Об этом заявлено и в предисловии сборника. Рады мы каждому деловому указанию. Но, к сожалению, таковых чрезвычайно мало в весьма обширной рецензии Карпинского.

Против критических приемов тов. Карпинского нужно бороться. Передержки, жонглирование недопустимы в серьезной статье.

После всей рецензии тов. Карпинского совершенно непонятен его же вывод, что «некоторую пользу сборник все же может принести». Отзывы с мест подтверждают, что некоторую пользу сборник действительно принес. В этом оправдание его издания.

Теперь после апрельского пленума ЦК и XIV партийной конференции, после учета зимнего и весеннего опыта работы нашей партии в деревне, разумеется, сборник кое в чем устарел и нуждается в серьезной переработке.

А. Аболин.

О КРЮЧКОТВОРСТВЕ ТОВ. АБОЛИНА.

Читатель, вероятно, помнит басню Крылова об обезьяне, которая, вопреки общему мнению, упорно утверждала, что ее детище краше всех на свете. Не знаю, имел ли баснописец в виду некоторых авторов, которые упорно не желают видеть недостатков своих литературных произведений. Но что такие авторы (и редакторы) существуют в настоящее время, тому порукой вышенапечатанный ответ на мою рецензию. Живи дедушка Крылов на сто лет позднее, наверное, героиня его басни занимала бы какое-нибудь «ответственное положение» и кричала бы о «ниспровержении основ» по поводу малейшего критического отношения к ее детищу.

Подумать только: я «поставил себе задачей обвинить агитпроп ЦК РКП» (!), я досадливо отмахиваюсь от постановлений октябрьского пленума ЦК (!!), я знать не хочу решений партийной конференции (!!!). В МКК этого злонамеренного рецензента! В ЦКК эту редакцию «Большевика», напечатавшую столь злопыхательную статейку!

А по какому, собственно, случаю шум? Некоторые сотрудники агитпропа разрешились от бремени литературным недоноском, в защиту которого, при всем старании, нельзя сказать ничего, кроме сердитых фраз и кроме публичного признания, что родители и сами еще в муках творчества чувствовали, что ребенок-то выйдет неказист...

Положительно, почтенный редактор сборника, кроме литературной импотенции, страдает еще явным отсутствием чувства смешного. Однако, это вовсе не обязывает нас предполагать отсутствие того же чувства у читателей «Большевика». Поэтому мы совершенно спокойно пройдем мимо истерических выпадов Аболина с его выдуманными «трюками». Мы займемся по существу лишь двумя-тремя вопросами, которые моя рецензия ставит и от которых Аболин хочет увильнуть.

Первый вопрос: нужны ли подобные сборники (хотя бы и более удачные)? Я выразил в этом самое сильное сомнение. Такие сборники неизбежно будут представлять собою малополезную окрошку из запоздалых [1]) комментариев к решениям с'ездов, из потерявших ценность статей по текущим вопросам, из плохо разработанных популяризаций общих задач агитпропаганды и организации в деревне и из случайной библиографии. Между тем для каждой из этих задач у нас есть достаточное число специальных изданий. Против этих доводов т. Аболин находит только такое возражение: «Как-будто ясно, что... это—пособие для деревенского агитпроорганизатора и избача». Да, это—«пособие», конечно. Но очень плохое пособие, т. Аболин, и по необходимости плохое,—вот чего вы не хотите понять. В ваших 24 статьях на 115 страничках затронуты сотни вопросов, сказано обо всем понемножку, кое-как, и ни о чем толком, как следует. Надо отбросить, как ложную, самую идею дать деревенскому работнику «универсальное» руководство по всем вопросам. Это значило бы только поощрять бестолковое верхоглядство, всезнайство. Работа в деревне давно уже требует специализации и уже создает специалистов. Пора посерьезному отнестись к каждой области деревенской работы и дать по каждой из них хорошее, написанное лучшими знатоками руководство.

Второй вопрос: о коммунизме и кооперации. Впрочем, сначала... о запятой, за которую Аболин хватается, как утопающий за соломинку. В сборнике приведена (и у меня в рецензии повторена) цитата из Ленина, где он говорит о коммунизме, о «переходе от единичного, обособленного, мелкого товарного хозяйства к общественному крупному хозяйству», о том, что «ускорить такой переход можно только такой помощью крестьянину, которая бы давала ему возможность в громадных размерах улучшить всю земледельческую технику, преобразовать ее в корне». Непосредственно за этой цитатой в сборнике напечатана курсивом такая аболинская отсебятина: «Итак, наша цель—коммунизм. Но этой цели мы достигнем медленным путем, помогая крестьянину поднять и укрепить его хозяйство, создавая материальную (хозяйственную) основу для коммунизма» (стр. 5). В своем возражении т. Аболин благополучно выпускает первую фразу со словом «итак» и привязывается к запятой во второй фразе. Чтобы разобраться, мы вынуждены сделать маленькую экскурсию в область грамматики. Как известно, придаточное предложение, сокращенное через деепричастие и отделенное от главного запятой, может быть понимаемо в чисто-временной, случайной связи с главным предложением или же в более глубокой, внутренней связи. Пример первой связи: «глубокомысленно ковыряя в носу, редактор просматривает рукопись». Пример второй связи: «страдая ложным самолюбием, автор упорствует в своих заблуждениях». В какой же связи следует понимать аболинские три предложения: главное—«мы идем к коммунизму», придаточное первое—«мы помогаем крестьянину укрепить его хозяйство», придаточное второе—«мы создаем материальную базу для коммунизма»? Согласитесь, что это, по меньшей мере, совершенно неясно, и так популяризировать идеи Ленина для деревни ни в коем случае недопустимо. Аболин своим возражением хочет, повидимому, сказать, что между его предложениями нет никакой внутренней связи (с чем его в таком случае и поздравляем). Но ведь критикуемая фраза не стоит особо, она представляет прямое заключение или пересказ только что приведенной цитаты из Ленина, а в этой цитате Ленин ставит в прямую связь путь к коммунизму с помощью крестьянину. Только Ленин-то говорит о такой помощи крестьянину, которая в корне преобразовывает земледельческую технику и способствует переходу от единичного мелкого хозяйства к крупному общественному (что и разрешает диалектически противоречие между помощью частно-собственническому хозяйству и путем к коммунизму). Аболин же бухает в одну кучу путь к коммунизму, помощь укреплению частного хозяйства и создание базы для коммунизма, запутывая тем самым один из сложнейших и важнейших вопросов современности. Нет, почтеннейший редактор, соломинка, то бишь запятая, вас здесь не спасет.

Что дело тут не в знаках препинания, а кое в чем посерьезней, показывает никуда негодная, путаная, вредная статья о кооперации и реплика Аболина на мое замечание о ней. Вот основное положение этой статьи: «Задача партии в деревне сводится к тому, чтобы найти простой, легкий, доступный для крестьянства путь к поднятию и развитию своего хозяйства. Кооперация является самым прямым и самым верным путем к разрешению этой задачи» (подчеркнуто автором, стр. 59). Аболин, видимо, хочет сказать, что это просто неудачная фраза, которую «выдернули» из превосходного, должно быть, текста. Это неверно. Та же мысль повторяется в статье, и вся статья состоит лишь из развития все того же положения (доказательств выгодности кооперации для частного мелкого производителя). Лишь в самом конце приводится ничем не связанная с предыдущим изложением и ничем не доказываемая цитатка из Ленина о том, что «простой рост кооперации для нас тождественен с ростом социализма». Я утверждал и утверждаю, что лежащая в основе статьи точка зрения представляет собою точно выраженный мелкобуржуазный взгляд на кооперацию. Ленин рассматривал кооперацию, как наиболее простой, легкий, доступный для крестьянина путь к социализму, а не как средство к укреплению частно-собственнического хозяйства (каковым она является с точки зрения мелкого буржуа). Разница между этими двумя взглядами настолько глубока, что она неизбежно должна сказываться и сказывается во всем отношении к кооперации, во всей кооперативной агитпропаганде, во всех связанных с кооперацией вопросах, вплоть до самых мелких практических. Что же возражает мне Аболин? Он берет из моей рецензии отдельную фразу ставит к ней два грозных знака препинания и обещает доказать, что я не понимаю задач пролетариата по отношению к крестьянству. Ну, что ж, попробуйте, дорогой товарищ, это сделать! Попробуйте развить и защитить изложенную в сборнике точку зрения на кооперацию. Мы посмотрим, что из этого выйдет.

[1]) XIII с'езд партии был в мае 1924 г., предисловие к сборнику подписано 17 февраля 1925 г., вышел из печати сборник еще позднее, а попал к читателю как раз через... год после с'езда.

Третий вопрос: об агитпропаганде. В начале специальной главы «Рост значения и роли агитации и пропаганды» автор говорит, что раньше агитпропаганда имела меньше значения, приходилось больше командовать. Дальнейший ход мысли читатель может проследить сам по услужливо «восстановленному» тов. Аболиным «первоначальному тексту». Оказывается, место приказа должна занять организация, которая скоро станет «всеобщим лозунгом деревни». Поистине, шел автор в дверь, а попал в другую. Ведь доказать-то нужно было растущее значение агитпропаганды, а не организации! Автор сам чувствует, что попал не туда и пятится назад: организация невозможна без агитпропаганды. А раз так, то (должен за автора умозаключить уже сам читатель), очевидно, с ростом организации должно расти и значение агитпропаганды. Скажите же, читатель, разве я не был прав, назвав такой способ изложения «околесицей» и высказав пожелание, что лучше бы в статье об агитпропаганде об'яснить как следует ее особые цели и ее особые методы в данное время (ибо больше всего у нас грешат употреблением старых методов для новых целей в новых условиях)?

Перейдем к существу вопроса: прав ли автор в своих «историко-философских» рассуждениях о сравнительно увеличивающемся значении агитпропаганды? По нашему мнению, неправ. Наоборот, значение агитпропаганды сравнительно уменьшается, если судить по единственно об'ективному критерию: распределению партийных сил по разным отраслям работы. До октябрьской революции почти все силы партии уходили на агитпропаганду. В период гражданской войны весьма значительная часть партийных сил отвлекается на организационную, административную и военную работу. В настоящий мирный период еще бо́льшая часть сил партии отходит на организационное, хозяйственное, культурно-социалистическое строительство. И чем больше будет шириться и углубляться это последнее, тем больше партийных сил оно потребует. Это вполне естественно, неизбежно. Растет сравнительно—и должно расти—значение коммунистического дела (а не слова). Если бы было иначе, если бы был прав аболинский автор, то это значило бы, что мы просто вертим языком, не двигаясь с места.

Возражение тов. Аболина будто я «отмахиваюсь» от решения партии о посылке в деревню 3.000 «не просто работников, а пропагандистов», подсказано ему лишь желанием «уязвить». Неужели же Аболин не понимает, что эта посылка 3.000 означает лишь перераспределение агитпропагандных сил? И неужели надо еще об'яснять ему, что сравнительное уменьшение значения агитпропаганды нисколько не исключает абсолютного роста агитпропагандных сил и задач партии?

Я не стану утруждать читателя распутыванием других вопросов, запутанных аболинским крючкотворством. Не народился еще такой автор, который был бы доволен отрицательным о нем отзывом критики. И нет, разумеется, в сборнике таких статей, из которых нельзя было бы привести отдельных правильных мыслей. Есть даже статьи, ни плохие, ни хорошие, против содержания которых я ничего не могу возразить. Этим и об'ясняется «совершенно непонятный» (для т. Аболина) мой вывод о некоторой пользе сборника. На всех статьях я никак не мог останавливаться, а лишь на важнейших. И, к сожалению, никак я не мог похвалить сборник, который в общем и целом представляет ученическую работу на 2—.

В. Карпинский.

В редакцию поступили для отзыва следующие книги.

«Ленгиз».

1905 год. Литературно-исторический сборник, сост. П. Арский. Ленинград, 1925 г., стр. 218, ц. 1 р., тир. 15.000.

Борьба за партию. Сборник по Ленину, вып. I. Ленинград, 1925 г., стр. 291, ц. 1 р. 30 к., тир. 10.000,

Аржекаев, Е.—Коммунистический строй. Сборник из главнейших произведений классиков марксизма. Ленинград, 1925 г., стр. 314, ц. 1 р. 25 к., тир. 20.000.

Пятый всемирный конгресс Коминтерна. Стенографический отчет, часть II. Ленинград, 1925 г., стр. 308, ц. 2 р. 50 к., тир. 4.000.

Зиновьев, Г.—Ленинизм. Ленинград, 1925 г., стр. 396, ц. 1 р. 20 к., тир. 50.000.

Каменев, Л.—Статьи и речи, т. I. Ленинград, 1925 г., стр. 319, ц. 1 р. 40 к., тир. 15.000.

Талес, К.—Коммуна 1871 года. Ленинград, 1925 г., стр. 161, ц. 75 к., тир. 15.000.

Анишев, Ан.—Очерки истории гражданской войны 1917—1920 г.г. Ленинград, 1925 г., стр. 284, ц. 2 р., тир. 7.000.

Религиозный туман. Сборн. худож. материалов, сост. Глаголева, Н. Ленинград, 1925 г., стр. 253, ц. 1 р. 20 к., тир. 10.000.

«Госиздат».

Хрестоматия для марксистских кружков, совпартшкол, школ для взрослых и для самообразования по общественным наукам. Первая ступень, выпуск I. Москва, 1925 г., стр. 419, ц. 2 р., тир. 30.000.

Ленинский призыв РКП (б). Сборник. Москва, 1925 г., стр. 206, ц. 90 к., тир. 15.000.

Демьян Бедный и др.—Крестьянский корреспондент, его роль, его работа. Москва, 1925 г., стр. 189, ц. 1 р. 25 к., тир. 10.000.

Лозовский, А. Англо-советская конференция профессион. союзов. Москва, 1925 г., стр. 109, ц. 50 к., тир. 10.000.

Опечатка.

	Напечатано:	Следует:
На стр. 48, в строке 16.	„Это будут «интер-империалистические»"	„Это будут «интер-империалистические» союзы".

Редакция: В. Астров, Н. Бухарин, Л. Каменев, А. Слепков, Е. Ярославский.

СОДЕРЖАНИЕ.

БОЛЬШЕВИК

№ 19—20 № 19—20

30 ОКТЯБРЯ

1 9 2 8

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

СОДЕРЖАНИЕ.

БОЛЬШЕВИК

№ 19—20

№ 19—20

30 ОКТЯБРЯ

1925

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 30 ОКТЯБРЯ 19—20

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1 9 2 5

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

«П Р А В Д А»

Главлит № 48099. Тираж 40000 экз.

Типография из-ва «Правда» и «Беднота», Москва, Серебрянич. наб., д. 23а

Гарантийный пакт и СССР.

В анналы истории капиталистической Европы вписывается новая глава—Локарнское соглашение.

На бурные волны капиталистического моря вылито несколько бочек масла, в виде гарантийных и арбитражных договоров, долженствующих сгладить существующие противоречия и дать миру мир.

Надолго ли?

Уже стало трюизмом утверждение, что чем больше в лагере капиталистов кричат об установлении мира и равновесия, тем больше и очевиднее опасности новых конфликтов.

О вечном мире кричали во время Версаля, обезоруживая, лишая огромных территорий и колоний первостепенную мировую державу—Германию. Но перед странами-победительницами тотчас же выросли новые проблемы: Версальский мир показал свою несостоятельность. Франция трепетала при мысли о германском реванше, Англия не могла помириться с необычайно усилившейся военной мощью Франции, уничтожение германского и русского рынков потрясли до основания мировую экономику. Оказалось, что Версальский мир никого не удовлетворяет, несет зародыши новых войн.

Какие изменения внес в это положение гарантийный пакт? Прежде всего Германия добровольно признала установленные Версалем границы, тем самым как бы отказавшись от идеи реванша.

Если при заключении Версальского мира Германия вынуждена была без всяких обсуждений подписывать все, что ей преподносилось победителями, то при обсуждении Локарнских соглашений она выступала равноправным членом капиталистической «семьи». Вот почему ее добровольное признание «справедливости» Версальских миротворцев расценивается, как отказ от реванша. Вот почему говорят о наступлении «новой эры».

Но французские националистические газеты уже говорят о том, что Германия добилась права требовать пересмотра версальского договора и возможности подготовить военный реванш. Каким образом может случиться, что в одно и то же время празднуется победа над идеей реванша, и эта же идея выдвигается как результат Локарно?

Локарнское соглашение предусматривает вхождение Германии на равных правах с остальными державами в Лигу Наций. Англия выступает уже не в качестве союзника и гаранта Франции против возможной агрессии Германии, а подчеркивает двухсторонность своих гарантий. Если Франция получает обеспечение от притязаний Германии на Эльзас и Лотарингию, то и Германия обеспечена против повторения событий, подобных Рурской оккупации.

Локарнское соглашение касается только западных границ Германии (почему и называется Рейнским пактом). Восточные вопросы (в частности, вопрос о восточных границах Германии) остались в стороне и могут быть переданы на усмотрение Лиги Наций и третейских трибуналов.

Германии дано несколько вольное толкование § 16 Устава Лиги Наций в том смысле, что страны, члены Лиги Наций, обязаны принимать активное участие в санкциях Лиги против государства, признанного нарушителем мира, «в той мере, в какой это допускает их военное положение и учитывая их географическое положение».

Уже сам факт вхождения Германии на равных правах с остальными державами в Лигу Наций как будто открывает перед ней возможность постановки вопроса о пересмотре Версальского договора. Статья 19 статута Лиги Наций говорит о том, что «собрание может от времени до времени приступить к новому рассмотрению договоров, сделавшихся неприменимыми, а также международных положений, сохранение которых могло бы подвергнуть опасности всеобщий мир».

Допустив даже незыблемость status quo западных границ, Германия получает возможность надеяться на компенсирование потери Эльзаса и Лотарингии за счет своих восточных соседей. Последней судебной инстанцией для разрешения могущих возникнуть восточных конфликтов, согласно арбитражных договоров, является Лига Наций, в Совет которой входит Германия.

Что заставило союзников ввести Германию в «семью» империалистических держав? Кто является инициатором «пакта» и кому он выгоден?

История международных отношений за последние годы дает яркую картину систематически проводимой Англией политики перегруппировки сил в Европе, политики начавшейся с момента отказа Соединенных Штатов, а вслед за ними и Англии, от ратификации временного оборонительного союза между ними и Францией. Вслед за этим—систематический саботаж Англией всех стремлений Франции закрепить и углубить свои Версальские достижения. Достаточно напомнить пассивное отношение Англии к Рурской оккупации, отказ от ратификации женевского протокола, план Дауэса, связывающий Францию по рукам и ногам и совершенно лишивший ее возможности самостоятельного нажима на Германию, снятие с Германии, по инициативе Англии, обязательства предоставлять странам-победительницам право безусловного наибольшего благоприятствования, наконец, инициатива, проявленная Англией в смысле давления на Францию для прекращения рурской оккупации и т. д. и т. д.

Потребовалось почти шесть лет, чтобы полностью выявить те тенденции, которые намечались еще в 1919 г. почти сразу после победы союзников над Германией. Завершением этих тенденций является гарантийный пакт, долженствующий создать такое «равновесие» сил в Европе, при котором ни одна страна не могла бы претендовать на роль гегемона на континенте.

Внутреннее и колониальное положение Англии, определяющие основные линии ее политики, складываются из следующих моментов: промышленной депрессии, кризиса рынков сбыта, растущей безработицы, растущей активности рабочего класса, тяготения английских доминионов к Соединенным Штатам, волны национально-освободительного движения в колониях и полуколониях, все большей зависимости Англии от Соединенных Штатов.

Внешняя торговля Англии ухудшается с каждым годом.

В 1922 г.	импорт	превысил	экспорт	на	179,9	мил. фун. ст.
„ 1923 „	„	„	„	„	210,4	„ „ „
„ 1924 „	„	„	„	„	344,3	„ „ „
„ 1925 „	„	„	„	„	400,0	„ „ „

Кризис рынков сбыта грозит в недалеком будущем глубочайшими не только экономическими, но и политическими затруднениями. Число безработных достигает в июле 1925 г. 1.368.000 человек, по сравнению с 1.049.000 в июле 1924 г. На почве безработицы и ухудшения условий труда с каждым днем растет активность английских рабочих масс. Достаточно яркий пример этого—массовое резкое полевение английского профессионального движения.

Вместе с тем, экономические узы, связывавшие Англию и ее доминионы слабеют с каждым годом. Канада совершенно откровенно тяготеет к Соединенным Штатам. Капитал Соединенных Штатов, вложенный в канадскую промышленность, достигает 2.425 миллион. долларов, против 420 милл. дол. в 1915 г.; английский капитал равен лишь 1.922 милл. дол. против 1.860 в 1915 г. В 1908—1910 г.г. Канада заключала 75,5% своих займов в Англии и лишь 9% в Соед. Штатах. В 1914—22 на долю Англии приходится 2%, на долю Соединенных Штатов 33%. Декларация канадского премьера Макензи Кинга (еще в 1924): «Либо дипломатическое равноправие Канады с Англией в пределах Британской Империи, либо присоединение ее к Соединенным Штатам»—является, таким образом, политическим завершением глубоких экономических процессов. Переход к золотой валюте и стремление, во чтобы то ни стало, удержать курс фунта

на паритете с долларом привели к катастрофическому уменьшению вывоза английского капитала.

Если количество инвестированного за границей английского капитала в 1913 г. принять за 100, то

в 1923 г. было инвестировано	. . . .	64,4
„ 1924 „ „ „	. . . .	40,7
„ 1925 „ „ „	. . . .	9,0

Такое положение вещей является угрозой не только влиянию Англии в доминионах (между прочим, характерно, что последний заем Австралии покрыт на $^3/_4$ С. Ш. и только на $^1/_4$ Англией), но и ее мировому господству. Отсюда для Англии два выхода: во-первых, сотрудничество с американским капиталом, бороться с которым она уже не в силах. Во-вторых, перенесение центра тяжести своей политики, больше, чем когда бы то ни было раньше, на восток, удержание в своих руках богатых восточных рынков.

Первая задача, хоть и ценой больших жертв и уступок, но все же осуществлена. За время с февраля 1923 г. (т.-е. с момента подписания англо-американского соглашения о долгах), Англия уплатила Соединенным Штатам до 90 миллионов долларов, тогда как ни одна страна еще даже не приступила к сколько-нибудь серьезному урегулированию своих долгов. Англия, отступая от своей традиции, в силу которой ее флот должен быть равен двум крупнейшим флотам других стран, вместе взятым, признала равенство своего флота с флотом С. Ш. Покупая этими уступками сотрудничество американского капитала, она выступает почти формальным агентом С. Ш. в Европе.

Что касается английского устремления на восток, то здесь на его пути вырастают такие мощные преграды (достижение полной независимости Афганистаном, национально-прогрессивные правительства Персии и Турции, национально-освободительное движение в Египте и Китае и т. д. и т. п.), которые требуют от нее концентрации всех сил и всего внимания на востоке, полной свободы рук и обеспеченности в Европе. Отсюда и основные принципы английской политики в Европе: равновесие сил, «замирение» наиболее острых конфликтов, могущих привести к открытым столкновениям, несвязывание своей судьбы с судьбой какой-либо другой европейской державы, могущей втянуть Англию в один из постоянно возникающих европейских конфликтов, превращение Германии в орудие проведения ее политики на континенте. Под этим углом зрения проводится вся английская политика.

Империалистическая война разорила сильнейшего военного и промышленного конкурента Англии—Германию. Версальский договор закрепил это разорение. Но сразу же выросла другая опасность—чрезмерное усиление Франции.

Военная мощь Франции, система окружения Германии путем континентальных союзов с ее восточными соседями (Польша, Малая Антанта), давали ей возможность не только претендовать на роль гегемона на континенте, но и создавали постоянную опасность новых военных авантюр на подобие рурской оккупации. Гарантийный пакт должен был, по мысли Англии, обезвредить Францию. Согласно статьи третьей гарантийного соглашения Франция (как и Германия) обязуется разрешать все спорные вопросы через Лигу Наций, т.-е. Англия фактически получает права арбитра при всех возникающих между Францией и Германией спорных вопросах.

Выше мы уже указали, как систематично и упорно Англия проводила в течение шести лет политику ликвидации тех чрезмерных выгод, которые, по ее мнению, получила Франция в эпоху Версаля. Не менее систематична и упорна была Англия и в эпоху предшествовавших Локарно переговоров о гарантийном пакте. Все усилия Франции сводились к попытке сохранить в силе свои континентальные союзы. Англия не только категорически отказалась гарантировать восточные границы, но и заставила Францию отказаться от права немедленно по возникновении польско-германского конфликта вступить в демилитаризированную Рейнскую зону, на помощь Польше. Англия заставила Францию свести свои права защитника Польши в рамки Лиги Наций, подчиняя, таким образом, Францию ее длинным процедурам и наполовину обесценивая французские континентальные союзы.

Конечно, английская политика в Европе не может допустить и противоположного явления, чрезмерного усиления Германии. Но последняя так надежно связана планом Дауэса, так безусловно вынуждена будет играть роль верного слуги Англии в Лиге Наций, чтобы не остаться окончательно изолированной, что этот вопрос, по крайней мере на ближайшее время, теряет всю свою остроту. Гарантийный пакт усиливает влияние Англии в Лиге Наций, т. к. она сможет противопоставить вышеуказанного проводника своего влияния — Германию, французским вассалам: Польше, Чехо-Словацкой республике, Румынии и др., он лишает Францию возможности проведения самостоятельных санкций, ослабляет значение ее континентальных союзов. Англия выдвигает себя в роли постоянного арбитра и вершителя судеб европейских народов, оставляя за собой полную свободу действий. Она открывает себе возможность выдвинуть в ближайшем будущем вопрос о разоружении Франции, поскольку с момента гарантии германо-французской границы, последняя лишается формального повода для содержания крупной армии.

Неудивительно, что при таких условиях, политика заключения гарантийного пакта, проводившаяся консервативным правительством, встретила полное сочувствие и поддержку со стороны всех английских буржуазных партий.

Ллойд-Джорджевская критика предварительных переговоров сводилась исключительно к требованию устранения возможности сепаратных и независимых выступлений Франции, к требованию того, чтобы обязательный арбитраж был распространен на все конфликты, могущие возникнуть на основании Версальского договора, и чтобы у Франции, таким образом, раз и навсегда было отнято право применения санкций иначе, как на основании постановления Лиги Наций.

По существу критика Ллойд-Джорджа сводилась к укреплению позиции английского правительства, к облегчению ему возможности нажима на Францию. Даже Макдональд, еще в начале июня заявлявший, что «вся рабочая партия будет против соглашения, которое является не началом всеобщего соглашения для поддержания мира, но только началом индивидуальных пактов, союзов и гарантий», уже две недели спустя, во время прений в палате общин, свел свою критику к трем условиям: «Во-первых, нельзя допустить, чтобы какое-нибудь одно государство занимало в Европе господствующее положение. Во-вторых, необходимо признать пагубность принципа союзов и, в-третьих, нужно признать, что никогда трудолюбивый и необычайно бережливый (германский) народ, располагающий деловыми и научными умами и величайшими экономическими возможностями, что никогда народ, обладающий этими богатствами, не может быть надолго удержан в угнетенном положении».

Эти три условия Макдональда—недопущение гегемонии какой-либо одной державы на континенте, отказ от заключения связывающих Англию союзов и политика всестороннего восстановления Германии, совпадают с правительственной линией не меньше, чем условия Ллойд-Джорджа.

Уже одно это единодушие различных английских политических деятелей с достаточной очевидностью указывает на то, что заключением гарантийного пакта Англия проводит в жизнь одну из основных задач своей международной политики.

Задача заключается в обеспечении такой перегруппировки сил в Европе, которая дала бы Англии максимальную свободу действий в колониях и полуколониях, позволила бы ей усиленной деятельностью на востоке восстановить шаткое внутреннее равновесие. Трудно думать, чтобы английские консерваторы сами верили тому, что источником всех колониальных затруднений является «большевистская пропаганда» и «деятельность Коминтерна». Но одно неоспоримо. Сам факт существования и необычайного экономического и политического роста первой в мире республики трудящихся, сам факт существования могущественной страны, не стремящейся никого порабощать, но, наоборот, полностью проводящей у себя лозунг освобождения всех угнетаемых,—является величайшим революционным фактором, величайшим стимулом для освободительного движения среди порабощенных восточных народов. Вместе с тем, по своему географическому положению, еще и царская Россия рождала всегда серьезнейшие опасения у Великобритании. Ее границы с Индией, Китаем, Афганистаном, Персией никогда не давали покоя царице морей и царице колоний. Октябрьская революция уничтожила опасность империалистического единоборства России с Англией в этих странах, но одновременно, породила новую, несравненно более серьезную. Если активности царского правительства Англия могла противопоставить свою активность, то против самого факта существования Союза Советских Социалистических Республик Англия бессильна. Если не удались открытые интервенции, то не ослабло желание нарушить процесс восстановления хозяйства СССР путем изоляции ее рынков, финансовой, кредитной блокадой и т. п., и в этом смысле гарантийный пакт можно рассматривать только, как новую угрозу. Отрыв Германии от СССР путем включения ее в «семью» империалистических народов, путем подчинения ее внешней политики через Лигу Наций интересам и задачам враждебной нам Англии, гарантия рейнских границ, но намеки на возможность компенсации на востоке,—средства, избранные Англией и заставляющие не только нас, но и об'ективно настроенную буржуазную прессу усматривать в гарантийном пакте—новую антисоветскую группировку, логикой вещей, могущую втянуть в орбиту своей антисоветской деятельности и Германию. Таким образом, гарантийный пакт, по мысли Англии, должен не только служить орудием проведения ее европейской политики, орудием, посредством которого она ослабит Францию и окончательно свяжет Германию, но и проводником ее восточных задач: создания новых угроз Союзу Советских Социалистических Республик. А разоруженная, обремененная непосильными платежами странам-победительницам, лишенная колоний, лишенная железно-угольного бассейна Эльзаса и Лотарингии на Западе, богатейшей части Силезии на востоке, искусственно разделенная теперешним польским коридором, замкнутая в тесное кольцо между враждебной и вооруженной до зубов Францией с одной стороны, ее вассалами—с другой, изнемогающая от кредитных затруднений, вызвавших банкротство ряда солидных фирм,—Германия не могла устоять перед тем искушением которым для нее являлось обещание кредитов, гарантия от повторения французских авантюр, хоть и смутные, но все-же намеки на возможность компенсации на востоке (за счет Польши, может быть, Литвы), отдаленная надежда на смягчение оккупа-

ционного режима на получение каких-нибудь колоний, на получение права на вооружение.

Германские торгово-промышленные круги не могут не учитывать то значение, которое имеет для Германии растущий рынок СССР, не могут не учитывать и всех тех последствий, к которым может привести почти безоговорочное принятие статьи 16 статута Лиги Наций, не могут не понимать и того, что ориентация на запад превратит Германию в полного вассала Англии. Но требования момента оказались сильнее дальновидных расчетов. Интересам группы аграриев и тяжелой промышленности еще раз приносится жертва. Германия решила вступить на путь эквилибристики и компромиссов между западом и востоком, на путь, чреватый всяческими осложнениями. Советско-германский торговый договор является доказательством стремления Германии не порывать своей связи с СССР. Сумеет ли доброе желание побороть логику вещей—это покажет ближайшее будущее.

Для Франции гарантийный пакт является серьезным поражением.

До войны Франция была страной финансового, ростовщического капитала. 75% своего капитала она вывозила за границу, главным образом в виде займов. Война коренным образом изменила французскую экономику. Французский империализм уже за время войны поглотил значительную часть капиталов. Послевоенный империализм окончательно превратил ее из страны-кредитора, в страну, отягченную огромными долгами, с постоянно-дефицитным бюджетом и катастрофически-падающим франком. Курс франка равнялся:

в январе	1923 г.	34,20%	своего	паритета.
" "	1924 "	21,66%	"	"
" "	1925 "	27,90%	"	"

Некоторое улучшение курса франка к началу 1925 г. целиком аннулируется дальнейшим сильным обесцениванием. Бюджет текущего финансового года будет сбалансирован с дефицитом не меньше, чем в 3 миллиарда франков. Знаменитая реформа Кайо увеличила количество бумажных денег в обороте на 6 миллиардов франков, которые подлежат уплате в долларах, по курсу дня франка. К концу этого года приходит срок уплаты краткосрочных обязательств почти на 22 миллиарда. Для уплаты, хотя бы части этих обязательств французскому правительству, придется опять прибегнуть к сильнейшей инфляции, доконав тем самым франк. Начинает падать доверие к находящимся в обращении, на сумму до 60 миллиардов, «бонам национальной защиты». Пред'явление держателями этих бон к уплате равнозначаще полному финансовому банкротству. Если ко всему этому

прибавить то, что 15 миллиардов французских франков находятся в руках иностранцев и могут быть в любую минуту выброшены на рынок, плюс четыре миллиарда долларов долгу Соединенным Штатам и почти столько же Англии, то финансовое банкротство Франции станет очевидно всякому. Необходимость для Франции во что бы то ни стало добиться от С. Ш. дальнейшей отсрочки с уплатой процентов, необходимость добиться понижения процентной нормы, необходимость нового иностранного займа, которого Франции, кроме Соединенных Штатов, получить негде, все это обеспечивало с самого начала переговоров о гарантийном пакте достаточную уступчивость с ее стороны. А давление оказывалось довольно беззастенчивое. Американский посол Хаутон просто напросто заявил Бриану, что С. Ш. вложили слишком много денег в европейские и, в частности, в германские предприятия, чтобы теперь допустить какие бы то ни было попытки задержать завершение начатого ими дела. Нажим был настолько ясен, что даже «Тан» откровенно сознается: «Каждый раз, когда речь идет о том, чтобы добиться от нас принципиальных уступок для того, чтобы сделать возможным соглашение с Германией, можно с полной уверенностью ожидать, что вопрос о долгах выдвинется на первый план международных переговоров». И Франция шаг за шагом, сдавала свои позиции. Если вначале она соглашалась на гарантийный пакт только при условии военного соглашения между нею, Англией и Бельгией, стоящего вне зависимости от гарантийного пакта и ему предшествовавшего, то несколько позже она довольствовалась уже только заявлениями о том, что всякие попытки Германии «даже с моральной или психологической точки зрения» поставить под сомнение территориальный статус кво центральной или восточной Европы, вызовут с ее стороны немедленный разрыв переговоров и что она требует, чтобы при выработке нового положения о демилитаризованной зоне Рейнской области за ней было оставлено право перевода войск в случае осложнений на востоке (война с Польшей), то, как мы знаем, при заключении Локарнской конференции, она и в этих вопросах пошла на значительные компромиссы. Конечно, локарнское соглашение еще далеко не полная капитуляция Франции, оно не изменило общей тенденции французской экономики. По версальскому миру к ней присоединены богатые железом Эльзас и Лотарингия. Из страны, экспортирующей капитал и импортирующей предметы промышленного производства, она превратилась в страну промышленного экспорта. В области металлургии, машиностроения, углепромышленности, текстильной промышленности, она выступает крупной силой на международном рынке. Советский союз является экспортером сырьевых продуктов, необходимых Франции, и рынком сбыта и промышленных изделий.

В 1913 г. Франция, как экспортная для нас страна, стояла на 4-м месте после Германии, Англии и Голландии. После того, как Франция перестроила свою экономику на базе промышленности, ее экспорт может значительно развиться даже по сравнению с довоенным временем. Ввоз же к нам в форме промышленных изделий может целиком покрыть сумму ввозимых прежде капиталов. Имея богатейшие территории в отношении металлургических предприятий, Франция добывает у себя только 37 миллионов тонн Франция до сих пор ввозила, главным образом лионов тонн. Кроме германского угля, недостающие ей 30 миллионов тонн Франция до сих пор ввозила, главным образом, из Англии, что значительно отражалось на ее счетном балансе. Ввоз угля через порты Черного моря—актуальнейшая необходимость для французской промышленности.

Гарантийный пакт приводит к изоляции Франции на Западе. Тем самым Англия усиливает действия экономических факторов, толкает Францию в наши об'ятия. Франция была и, несмотря на гарантийный пакт, остается сильнейшим соперником Англии на континенте. Для борьбы с ней Франция больше, чем когда бы то ни было раньше, вынуждена будет укреплять свою базу на востоке. Для этого Франции нужен, прежде всего, мир на востоке, улучшение советско-польских отношений. И здесь интересы Франции идут в разрез с политикой Лондона. Несомненно, что даже Лондон не может желать в данный момент открытых столкновений на востоке. Но вся его политика направлена к подготовке почвы для такого столкновения в тот момент, когда это ему окажется удобным. И в этом смысле чрезвычайно показателен был тот характер политической дружественной демонстрации, который придали приезду тов. Чичерина в Варшаву не только польские правительственные, но и самые широкие общественные круги. Финансовое и экономическое положение Польши таково, что она не может сколько-нибудь серьезно думать о конфликтах со своими ближайшими соседями. Не только в Польше, но и в Чехо-Словакии с момента заключения гарантийного пакта замечается значительный сдвиг в сторону сближения с СССР. Несколько особое положение в связи с гарантийным пактом занимают Соединенные Штаты.

Выше мы уже говорили о том, что Англия сумела купить сотрудничество американского капитала. Одновременно, интересы английской и американской политики в Европе во многом совпадают. Если Англии нужен «мир» в Европе, то не меньше заинтересованы в нем Соединенные Штаты. Политика замыкания в рамки собственного рынка, доктрина Монроэ, уже давно потерпела полное фиаско. Почти астрономическая цифра европейских долгов Соед. Шт. (около 21 миллиарда долларов)—связывает их с континентом неразрывными узами. Мир в Европе—основной залог ее платежеспособности. Проведение плана Дауэса, тесно

связавшего Соединенные Штаты с германским рынком, постоянные опасения новых европейских авантюр, вызываемые чрезмерной военной мощью Франции—все это заставило Соединенные Штаты, если и не так открыто, как при проведении плана Дауэса, то все же весьма недвусмысленно в вопросе гарантийного пакта встать на сторону Англии.

Мы уже знаем о том, как энергично в этом смысле нажимали Соединенные Штаты на Францию, представляющую своей огромной армией постоянную угрозу европейскому «миру». Но все-же далеко не во всем и далеко не полностью совпадают интересы С. Ш. и Англии.

Огромную роль в этом отношении прежде всего играют некоторые «особенности» американского империализма. В то время, как значительно более слабая в финансовом отношении Англия стремится к открытому не только экономическому, но и политическому захвату, Америка предпочитает метод «мирного проникновения». Ее финансовая мощность исключает для нее сколько-нибудь серьезную конкуренцию других стран. Кредиты, займы, проникновение в промышленность—вот методы американского империализма.

Американский империализм увереннее в себе, а капитализм значительно устойчивее английского. Отсюда и «меньшая напуганность Соединенных Штатов красной опасностью», сравнительная с английской об'ективность американской прессы в вопросах, касающихся СССР. Вместе с тем, наша торговля с С. Ш. чрезвычайно быстро развивается.

В тысячах рубл. по ценам 1913 г. она выражается в следующих цифрах:

	1921	1922	1923	1924	1925 I полуг. в современ. ценах.
Ввоз из С.Ш. в СССР.	49.002	151.264	44.258	48.866	107.044
Вывоз из СССР в С.Ш.	—	2	797	6.159	13.788

И если англо-американские капиталы действовали в трогательном единодушии при проведении плана Дауэса, при заключении гарантийного пакта, поскольку он направлен на ослабление Франции и на завершение, по отношению к Германии того, что начато планом Дауэса, то отнюдь нельзя быть уверенным, что заострение гарантийного пакта в сторону СССР встретит поддержку С. Штатов.

Таким образом, гарантийный пакт построен на почве не менее шаткой, чем Версальский договор. Нет двух капиталистических стран, интересы которых бы полностью совпадали. Капиталистическая Европа переживает ту фазу своего развития, когда о более или менее продолжительной стабилизации ее экономических и политических взаимоотношений уже не может быть и речи.

А. Троцкий.

Зазорно ли большевику заниматься философией?

(Окончание, см. „Большевик" № 17-18.)

V.

По правде говоря, Ленина не привыкли считать философским писателем. Он и сам отводил себе скромную роль в этой области, роль «рядового». Во времена не столь отдаленные его теоретические способности вообще расценивали так, как, примерно, расценивается способность тульского самовара, отражать тонкую красоту изваяния Афродиты. Причины появления таких мнений могли быть разные, но что до философии касаемо, то здесь такой причиной являлся один из многих предрассудков, связанных с этой последней. Этот предрассудок еще во времена достаточно отдаленные был отмечен Чернышевским. Относительно философии, говорил он, рассуждают так: «Философии я не понимаю, данный автор мне понятен, стало быть, то, что написано им, не принадлежит к философии». А то невдомек, продолжает Чернышевский, что «сама-то по себе философия и не бог весть какая непонятная наука». У Ленина язык существовал для того, чтобы его понимали, а не для того, чтоб относительно него промашку давали. Поэтому и его философские высказывания просты и понятны всем; поэтому-то они и браковались авгурами увертливо-дипломатической философии.

А между тем, Ленин принадлежал к числу тех, кто знал философию, понимал и ценил ее. То обстоятельство, что большевик занимается философией, у него не вызывало недоумения, наоборот, он считал работу над философией условием, без выполнения которого большевиком-коммунистом быть нельзя [1]). Конечно, сейчас у нас это утверждение относительно компетентности Ленина в вопросах философии не вызовет спора [2]): но тем не менее еще и посейчас распространено мнение, будто философское наследство его исчерпывается книгой «Материализм и эмпириокритицизм». Однако, с этим нельзя согласиться, ибо у Ленина нет ни одной вещи, где бы он не выступал в качестве

[1]) Ср. его примечание, сделанное в брошюре „Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте, об ошибках Троцкого" и т. д, в связи с привлечением к известному спору о профсоюзах философии Гегеля. Здесь он писал „...нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы не изучить,—именно изучить—все, написанное Плехановым по философии"... (курсив атора. *А. Тр.*).

[2]) Сейчас у нас времена совсем иные. От мнений, не лестных для Ленина, отказались сами авторы их (если только в этом опять нет „тонкой" философии), а люди более непосредственные открывают ленинизм даже в медицине.

сторонника определенной философской школы, нет ни одного выступления, которое не было бы им философски обосновано. С самого начала и до конца своей деятельности Ленин не упускал из виду философии, зная, что пренебрежение к ней, беззаботность по части философии, чреваты серьезными последствиями. Как и во всем, Ленин и в этом отношении был подлинным продолжателем Маркса и Энгельса. Вот почему решать вопрос о судьбе философии в системе коммунистического мировоззрения [1]) в наши дни без Ленина и вне Ленина невозможно. Итак, обратимся к Ленину.

Первое, на что натыкается у Ленина читатель, это на отрицательное отношение к философии. «С точки зрения Маркса и Энгельса,—читаю у него,—философия не имеет никакого права на отдельное самостоятельное существование, и ее материал распадается между разными отраслями положительной науки» [2]). Сказано достаточно ясно: у философии нет самостоятельного предмета,—он «распадается» между другими науками, — и поэтому философии, как самостоятельной науки, и быть не может. И такой приговор выносится как раз с точки зрения Маркса и Энгельса. Мое дело—использовать Ленина против нападок на философию—оказалось бы безнадежным, если бы к суждениям о философии последний никогда после этого не возвращался. Но поскольку такие высказывания существуют, постольку можно утверждать, что процитированное выше мнение характерно для Ленина лишь в определенный период, но отнюдь не характеризует его вообще.

Мне представляется, что со временем, когда будет известна нам биография Ленина, можно будет дать и об'яснение этому обстоятельству, а сейчас, не пуская в ход голых догадок, остановлю внимание читателя на следующем факте. Цитата, приведенная мною, относится к 1894 г.; следующие высказывания о философии, — разумеется, речь может итти только в пределах опубликованного материала, — относится к 1899—900 г.г. В них уже слышны новые мотивы: здесь уже говорится о «философском содержании марксизма», о том, что у марксизма есть «область философии» [3]).

Пятилетие, отделяющее друг от друга эти высказывания, об'ясняет нам их различие. За этот период вышел целый ряд работ Плеханова, где им трактуются философские темы: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», вышла в 1895 г.; его же немецкие «Очерки по истории материализма» появились в 1896 г. С 1898 г. стали появляться его статьи против социал-демократических неокантианцев—Бернштейна, Конрада Шмидта. В конце 90-х г.г. начинают выползать на сцену и русские «критики»,—Струве, Булгаков и К° с своей излюбленной мыслью об оплодотворении марксизма «критической философией». Все это, разумеется, не могло не привести к тому, что вопросы философии встали далеко не на последнее место. Зная хотя чуточку Ленина, можно было бы наперед утверждать, что

[1]) Употребляя выражение „система коммунистического мировоззрения", я имею в виду этим лишь отметить, что мировоззрение коммуниста не представляет собою отдельных мнений и высказываний, а некоторое единство.

[2]) См. Н. Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 80.

[3]) См. Собр. сочин., т. II, стр. 486 (примечание), том III, стр. 523; не безынтересно в этом отношении также примечание на 48 стр. IX тома.

он не останется пассивным наблюдателем борьбы двух «философских партий» в лагере марксизма, не останется «беспартийным»,—а это значит, что он будет сам работать над вопросами, ставшими яблоком раздора. И есть подтверждения этой догадки, так сказать, опытного характера,—достаточно сослаться на воспоминания тов. Крупской, Н. К., относящиеся к этому периоду, и на воспоминания т. Ленгника.

Тов. Крупская в своих воспоминаниях о периоде сибирской ссылки пишет: «По вечерам Владимир Ильич обычно (подчеркнуто мною. *А. Тр.*) читал или книжки по философии—Гегеля, Канта, французских материалистов, а когда очень устанет — Пушкина, Лермонтова, Некрасова» [1]).

Таким образом, за указанное пятилетие Лениным проделана большая работа над своим философским образованием. И после этих систематических занятий философией Ленин уже не возвращается к точке зрения 1894 г.,—она для него лишь пройденный и превзойденный этап развития. Теперь он держится иного взгляда. В 1899 г. ему уже не дает покоя «критическая философия» Струве и К°. Струве, Булгаков и др. из этой компании пока для него еще «Genossen» (товарищи) [2]), или, во всяком случае, нечто очень близкое к этому, но ему не нравится пущенная ими «критическая струя», и он, правда, очень осторожно начинает вести борьбу с этой струей,—он начинает отмежевываться от «критического» пути в философии, предпочитая путь идущий не через Канта, а через материалистов XVIII века и идеалиста Гегеля. А возвращение к Канту рассматривается им как отказ от «некоторых более или менее существенных сторон учения Маркса». Наоборот, путь через материалистов и Гегеля, путь «ортодоксов» плодотворен. «Критики» больше предпочитают разглагольствовать о «будущей критике» и ровно ничего не сделали для развития марксизма, тогда как ортодоксы сделали многое «для этого развития». И теперь, в 1900 г., к числу этих «более или менее существенных сторон учения Маркса», утерянных критиками, уже принадлежит и философия, точно так же, как и среди областей, в которых развивали марксизм «ортодоксы», лежит и область философии [3]).

После этого, «область философии» уже не выходила из круга интересов Ленина. «Меня особенно занимает в настоящее время,—пишет он в 1900 г.,—вопрос о современном эклектическом направлении в философии (подчеркнуто мною. *А. Тр.*) и в политической экономии, и я не теряю еще надежды представить со временем систематический разбор этого направления» [4]). Эта уже позиция совсем не та, что в 1894 г.: интересоваться настолько пустышкой невозможно. А интерес этот не ослабевает, наоборот, растет.

Правда, Ленин не выступает в печати по вопросам философии, но на это есть свои причины, о которых он рассказывает в своих знаменитых письмах к Максиму Горькому. Вот они эти причины: во-первых, еще в 1908 г. он не считает себя «компетентным в этих вопросах», во-вторых, «философией заниматься

[1]) См. „О Ленине". Сборник воспоминаний под ред. Каменева. Гос. Изд Ленинград. 1925 г., стр. 25.

[2]) См. опубликованное в № 16 „Большевика" письмо Ленина Потресову.

[3]) См. вышеупомянутое место на стр. 523 т. III собр. соч.

[4]) См. Собр. сочин., т. III, стр. 524.

в горячке революции приходилось мало». Но следил за философией он, как и всегда, в эти годы внимательно. К моменту спада революционной волны на сцену выступает все больше и больше философия Богданова. В 1906 г.,—рассказывает Горькому Ленин,—Богданов «презентовал» третий выпуск своего «Эмпириомонизма». «Засел внимательно за нее (подаренную книгу). Прочитав, озлился и взбесился необычайно». (Несколько выше Ленин рассказывает Горькому, что в 1904 г. они с Богдановым «заключили... молчаливый и молчаливо устраняющий философию, как нейтральную область, блок»...) «Я написал ему тогда,—продолжает он свой рассказ,—об'яснение в любви», письмецо по философии в размере 3-х тетрадей». Собирался даже издать это «письмецо по философии», но по скромности воздержался, хотя после и жалел. Наконец, в 1908 г. вышли «Очерки по философии марксизма», где фигурировал тот же Богданов и его единомышленники: «с каждой статьей прямо бесновался от негодования»—так передает он о впечатлении, произведенном на него книгой. И тут уж решает выступать печатно. «Некую драку по вопросу о философии» между большевиками (Богданов и его друзья тогда были в числе большевиков), он теперь считает неизбежной. Этой драке он придает столь серьезное значение, что ради подготовки к ней манкирует своими обязанностями руководителя газеты. «Газету я забросил из-за своего философского запоя», жалуется он в тех же письмах Горькому. «Беспризорный он («Пролетарий»—орган большевиков. *А. Тр.*). Я еще никогда так не неглижировал своей газетой: читаю по целым дням распроклятых махистов» [1]).

В чем же причина того, что вождь большевиков способен ради философии забросить работу руководства партией?

Едва ли могут быть сомнения, что ради беспредметной, конченной философии, философии-пустышки, никому и ни для чего не нужной, Ленин этого не сделал бы. «Я всегда руковожусь соображениями практической пользы»,—говорил он про себя,—так зачем бы ему лезть в эту философскую драку, ежели сама философия не стоит и ломаного гроша. Почему вообще Ленин «трубил», как выразился упоминавшийся выше Минин, если бы эта философия не нужна была большевикам?

В том-то и дело, что с точки зрения Ленина философия нужна большевику,—в этом причина такой внимательности его к философским вопросам. Он знал, что философия является критикой оружия, а это очень нужная вещь для дела критики оружием. Это и сказал он, когда покончив со своею скромностью, решил выступить в печати по вопросам философии, выступить «по-своему», «по-просту», в качестве «рядового марксиста в философии». Но прежде всего вслушаемся, что сказал он по вопросу о «снятии» философии.

Для тех, кто не дружен с философией, или для тех, с кем философия не дружна, представляется, что марксизм покончил с философией, как с ненужным хламом. Для Ленина это дело рисуется несколько иначе: «Гениальность Маркса и Энгельса,—писал он в 1908 г.,—состоит как раз в том, что в течение очень долгого периода, почти полустолетия, они развивали материа-

[1]) См. письма Ленина к М. Горькому, особенно письма 5, 7, 8, 9 и 10 по «Ленинскому Сборнику», I, особенно стр. 91—101.

лизм, двигали вперед одно основное направление в философии»... [1]). Кой-кому даже из авторитетных большевиков представляется, что Маркс и Энгельс в гроб вогнали философию и осиновый кол на всякий случай вбили, чтобы, ненароком, не поднялась, а по большевику-Ленину выходит, что Маркс и Энгельс—выразители подлинного дальнейшего развития, прогресса философии. Правда, в этом отношении наши товарищи не одиноки: ни в одном учебнике философии не найдешь указания, что дальнейшее движение философии пошло через Маркса и Энгельса; но, что взять с авторов этих учебников, когда они своею ролью в обществе обречены, «быть и оставаться круглыми невеждами относительно действительного (разрядка Ленина. *А. Тр.*) прогресса в философии в XIX в., быть и оставаться философскими обскурантами»... [2]). По Ленину, разумеется, выходит иначе: для него именно Маркс и Энгельс двигали философию, обратив внимание на «серьезное теоретическое развитие материализма, на применение его к истории, т.-е. на достраивание здания материалистической философии доверху [3]). (Разрядка автора. *А. Тр.*).

Итак, вот ответ Ленина на интересующий нас вопрос о «снятии» («отмене») философии в марксизме. Не конец философии здесь находит Ленин, а ее подлинное развитие: марксизм как раз и «двинул философию вперед» [4]), занявшись «достраиванием философии материализма доверху» [5]).

VI.

Мне кажется, что нисколько не погрешу против пристойности вполне скромного человека, если буду думать, что моя попытка заступиться за философию не будет рассматриваться, как попытка повторить чудо воскрешения Лазаря: мне думается, я в праве считать доказанным, что панихиды по философии служили и служат наши товарищи совсем напрасно, что похоронный перезвон они затевали и затевают, воистину, не заглянув предварительно в святцы. Исходя из такого предположения, я и позволю себе перейти к вопросу о предмете философии.

Нужно прямо сказать, что вопрос о предмете философии принадлежит к разряду вопросов наиболее каверзных из всех, что ведомы человеческой мысли. Кто не считает себя знатоком ее предмета? Разве «глубокомыслие», достаточное для того, чтобы не быть понимаемым, не достаточно для того, чтобы получить право именоваться философом? А разве такое «глубокомыслие» столь мало распространное качество, чтоб нельзя было знатоков предмета философии считать на легионы? А с другой стороны, разве не каждый из тех философов, чье философство не совпадает с только что упоминавшимся маловразумительным глубокомыслием, все снова и снова мучится над вопросом о предмете своей страсти? Разве каждый из них не бьется прежде всего над вопросом о предмете своих занятий? Разве вопрос о том, чем занимается, какой предмет изучает философ, не принадлежит к числу тех, единообразного ответа на которые не сыщешь?

---

1) См. «Материализм и эмпириокритицизм», Собр. сочин., т. X, стр. 284.
2) Там же, стр. 157.
3) Там же, стр. 202, а также 278—279.
4) См. Н. Ленин, т. XII, ч. 2, стр. 59.
5) См. Н. Ленин, т. X, стр. 278—279.

Чтоб убедиться в этом, достаточно будет всякому принять на себя труд подсчитать количество существующих определений философии,—всякий очень быстро сообразит, что эта задача, по меньшей мере, не из легких, ибо почти у каждого философа имеется свое определение философии, обязательно отличающееся от прочих определений. Правда, трудность своего собственного определения известна в большей или меньшей степени каждой науке [1]), но во всяком случае в области других специальных наук только в качестве исключения мыслимо то, что в философии практикуется почти что, как общее правило,—именно, известный произвол в определении сферы своей компетенции, довольно беспардонное залезание в чужие владения, достаточно нескромное заграбастывание в свои руки чужого добра. Дайте себе труд заглянуть в обычные учебники философии, так называемые «Введения в философию» (только не забывайте, что среди них, за исключением, кажется, одного, нет принадлежащих перу материалистов)—и вы обязательно столкнетесь там с вопросами, что разрешаются в физической или химической лаборатории; найдете вы там и вопросы из ведомства биологии и уж обязательно наткнетесь на вопросы, которыми занимается педагог, филолог, историк культуры и т. д. и т. д. Философ-идеалист занимается всем и вся.

Само собой разумеется, что столь вольное обращение с чужим добром, такие, так сказать, кукушечьи нравы господ философов встречаются весьма неодобрительно: известно, что мораль «на чужой каравай рот не разевай» пользуется в мире людей бо́льшим почетом, чем у пернатых, и поэтому нашим бездомным кукушечкам-философам не удается пристраиваться к чужим гнездышкам, — всюду требуют пред'явить «купчую крепость», а оной, конечно, всякий раз в кармане не оказывается. Да и сами философы, будучи во всем прочем усердными поклонниками священного права собственности, чувствуют неудобство своих претензий, чувствуют противоречивость своего положения.

На их несчастье, противоречие это не из тех, что движут, ведут вперед. Поэтому все старания таких философов оправдать правомерность и целесообразность своих притязаний па об'екты других наук ссылкой на особенность путей философского изучения терпят крах, не подвигают дела ни на шаг. Утверждение, будто науки изучают действительность так, а философия иначе, будто у науки путь познания один, а у философии совсем другой, было в известном смысле основательно и разумно у далеких предков наших незадачливых захватчиков: оно имело смысл и значение только тогда, когда наука не была еще наукой в подлинном смысле этого слова, когда метод создающий науку, был известен и разрабатывался только в философии. Тогда это утверждение было правдой жизни,—но тогда и наука-то укладывалась в рамках философии, тогда в обязанность вне философии стоящей науки входило повторять зады философии, подтверждая ее. Но теперь эта правда опрокинута, перевернута жизнью, утверждение различия методов науки и философии перестало быть правдой. А перестало быть правдой оно с тех пор,

---

1) Известны случаи, когда профессора так называемых точных наук определение своего предмета давали в следующем, примерно, виде: „я профессор такой-то, то, что буду читать, именуется наукой такой-то".

как наука стала,—или, из осторожности, можно сказать не «стала», а «становится»—наукой в подлинном смысле этого слова, с тех пор, как наука дошла и начала овладевать тем методом, что раньше был достоянием только философии. Но подняв до себя науку, философия тем самым сама встала в ряды наук, обрекая себя этим разделять с ними во всем их судьбу.

Вот почему утверждение эпигонов старой философии, будто они и поныне владеют особыми путями познания, ныне бессмысленно: в самом деле, разве много смысла в утверждении, что эта особенность путей сводится к такому различию направлений: наука-де идет к истине, а философия исходит из истины; или еще: наука-де подчиняет природу, философия же симпатизирует ей, ученый относится к природе по-господски, философ—по-товарищески. Едва ли подлежит сомнению, что эгакие «истины» пригодны лишь для личного пользования и что считаться с ними вряд ли будет и тот, кто не очень склонен чтить священную собственность.

Поэтому и я позволяю себе думать, что, пускаясь в поиски собственного гнездышка философии, я не буду обвинен в подпадении под влияние окружающей нас мелкособственнической стихии. Надеюсь избежать и другого упрека, обычного в этом случае, упрека в излишней самоуверенности, переоценки собственных сил и т. д.: я отнюдь не собираюсь открывать Америку,—я собираюсь всего лишь изложить точку зрения школы, признание принадлежности к которой для меня было бы великой честью. Даже и здесь я не беру задачи во всей ее широте, а ограничиваю себя рамками изложения лишь одного из виднейших представителей школы—Энгельса, правда, не отказываясь обращаться за проверкой своего изложения к Ленину.

VII.

При разборе вопроса о «снятии» философии в марксизме я уже не раз цитировал энгельсовы определения философии—«самостоятельной науки», в которых содержатся указания на ее предмет, на об'ект, изучаемый ею, именно как особой самостоятельной наукой. Что же остается, по мнению Энгельса, на долю нашей науки? Что может считаться ее исключительным достоянием? На что она может вполне рассчитывать, не рискуя наткнуться на встречные претензии со стороны других наук?

Во всех приводившихся мною выдержках из Энгельса последним проводится такая мысль: на долю философии не «в старом смысле этого слова», на долю философии-науки остается человеческое мышление, «область чистой мысли», область теоретической мысли. Учение о мышлении и его законах—это и есть философия в новом понимании этого слова. В этом смысле философия сохраняет все свое значение не только теперь, когда естествознание и история только с т а н о в я т с я сознательно-диалектическими, но сохранит и тогда, когда диалектика пробьет стену предубеждений «ползучего эмпиризма» в храмах науки, когда естествознание и история с т а н у т сознательно-диалектическими. Именно с этого момента, утверждает Энгельс, станет совершенно

излишним всякого рода «философский хлам», но ни на йоту не потеряет своего значения «чистое учение о мышлении»[1].

В этом смысле философия и предстает перед нами, как формальная логика и диалектика, в этом смысле философия и является одной из исторических наук.

Многим может показаться, да и на самом деле кажется, что наличие такого предмета у философии не делает ее положение слаще. По весьма распространенному мнению, такое достояние ни больше, ни меньше, как мертвый капитал,—пустить его в оборот невозможно, а, стало быть, хлопоты с ним не имеют ровнешенько никакого смысла. Дело представляется так, что философия давным-давно исчерпала свой предмет, движения в ней нет и быть не может: сколько ни бейся, сколько ни хлопочи, а все равно дальше греков не уедешь. Как ни хитрит, как ни изощряется философ, но есть у него предел, давно отмеренный ему—это греческая философия, из нее он выпрыгнуть не может, и вся философия после греческих любомудров есть ни больше, ни меньше, как повторение задов этого любомудрия старого грека.

Что и говорить, бывали греки весьма велемудры, как у нас в старину говорили, но все же из века в век повторять их—дело мало остроумное и едва ли нужное. Разумеется, что порода философов давно бы перевелась, если бы дело обстояло так и в действительности. Но в том-то и вся загвоздка, что в действительности оно выглядит совсем иначе.

Слов нет, многим представляется, будто мышление так же, как и черепная коробка, хранящая орган этого мышления, имеет строго определенные размеры, характеризуемые какой-то средней своего рода антропометрических измерений; здесь, полагают, возможны отклонения в пределах от максимума до минимума этого размера, но дальнейшее увеличение этого размера исключено. Поэтому и представляется, что задача философии окончательно решается, раз эти размеры будут вымерены, границы мышления установлены.

Но смотреть на мышление так, это значит—рассматривать его, как божественный подарок, тогда как оно в действительности является продуктом исторического развития, продуктом человеческой истории. Мышление человека от начала и до конца исторично, исторично в том смысле, что является порождением истории; у него нет границ, или вернее, у него те же границы, что и у истории: оно началось там и тогда, где и когда началась человеческая история, оно имеет свою границу там, где оборвется нисходящая ветвь кривой этой истории.

Так обстоит дело в действительности. И так думал диалектик-Энгельс, умевший разбираться в этой действительности. «Теоретическое мышление каждой эпохи,—писал он,—...это—исторический продукт, принимающий в различные времена очень различные формы и получающий поэтому очень различное содержание. Следовательно, наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть историческая наука, наука об историческом развитии человеческого мышления»[2].

---

[1]) Ср.: „Лишь когда естествознание и история впитают в себя диалектику, лишь тогда весь философский хлам—з а и с к л ю ч е н и е м ч и с т о г о у ч е н и я о м ы ш л е н и и (подчеркнуто мною—*А. Тр.*) станет излишним, растворится в положительной науке". „А р х и в", II. 191.

[2]) См. „А р х и в", II, стр. 125.

Метафизик, чей рассудок является узником своих собственных окаменевших понятий, едва ли согласится с этим, ибо переход за границы его вне времени стоящих понятий для него не мыслим. Но жизнь смеется над ограниченностью метафизической рассудочности, заставляя нас каждым шагом нашей деятельности, каждым нашим действием разбивать скорлупки логических форм и прорываться в живую, не знающую неподвижных граней действительность. В действии человек все снова и снова прорывает границы своего мышления, все снова и снова отодвигает их.

Такое влияние действия на мышление Энгельс подчеркивает в следующих словах: «Естествоиспытатели и философы до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление (подчеркнуто мною. *А. Тр.*); они знают, с одной стороны, только природу, а, с другой, только мысль. Но существеннейшей и первой основой челобеческого мышления является как раз изменение природы человеком (подчеркнуто Энгельсом. *А. Тр.*), а не одна природа, как таковая, и разум человека развивался пропорционально тому, как он научился изменять природу...» [1]). (подчеркнул я. *А. Тр.*).

Это установление связи между человеческим действием и мышлением является одной из характернейших особенностей учения Маркса и Энгельса, и тот, кто проглядит его, тот решительно ничего не поймет в философии диалектического материализма.

Чтоб выяснить значение этой мысли для нашей философии, достаточно напомнить, что ведь как раз за неуменье овладеть ею Маркс упрекал старый материализм, причисляя сюда и материализм Фейербаха. Главным недостатком этого старого материализма в глазах Маркса—само собой понятно, что это является и точкой зрения Энгельса—являлось именно это неумение схватить действенную сторону человеческого существа [2]). Эту действенную сторону развивал идеализм, но развивал—и не мог развивать иначе—уродливо. Правильную же оценку значения действия, практики мог дать и дал только диалектический материализм, плюсами идеалистической философии уничтоживший минусы метафизического материализма.

До тех пор, покуда существовал разрыв между мышлением и действием, не мог быть не только решен, но и правильно поставлен вопрос об их взаимоотношении; до тех пор мефистофельская насмешка над бессилием мысли сохраняла свою силу: кустик теории, действительно, должен был быть серым, ибо до него не доходили питающие соки живой жизни: сосуды, проводящие эти соки, были разорваны как раз там, где начинался этот куст. Совсем по-другому он выглядит с тех пор, как диалектический материализм установил, что «люди, развивающие свое материальное производство и свои материальные сношения изменяют в этой своей деятельности также свое мышление (подчеркнул я. *А. Тр.*) и продукты своего мышления»... [3]). Этим самым был положен конец разобщенному существованию

[1]) См. „Архив“. II, стр. 25.

[2]) Ср. знаменитые тезисы Маркса о Фейербахе.

[3]) Маркс и Энгельс, „О Людвиге Фейербахе“, „Архив“, I, стр. 216.

мышления и действия, теории и практики, с этого момента было установлено их единство. С этого момента теория перестала выделяться серым пятном на фоне вечно юной жизни.

Итак, на поверку выходит, что предмет философии отнюдь не является тем, чего может хватить на работу лишь одного—двух поколений философов, и бояться философской безработицы ровно никаких оснований не имеется, точно так же всякого рода прогнозы, смысл которых сводится к тому, что философия дышит на ладан, оказываются совершенно необоснованными: до тех пор, покуда будет продолжаться человеческая история, до тех пор не будет исчерпан и об'ект изучения философии.

Стало быть, выясняется, что философия во всех отношениях наука, как наука, и ее предмет, отнюдь не располагая богатствами всей деятельности, обладает достоинствами своего рода, не мало не уступающими достоинствам других. Этих достоинств может не ценить тот или иной человек, он может оказаться глух и слеп к ним, но отрицать их наличие—это значило бы отнести свой собственный из'ян за счет предмета. Вот почему удивление иных, выражаемое порой в весьма крепких словечках, удивление по поводу того, что большевик засаживается за изучение философии, не имеет под собой никакого разумного основания. Вот почему, стало быть, нет никакого зазора, в том, что большевик не устоит перед прелестями философии и отдаст ей предпочтение перед ее соседками.

VIII.

Однако, мы не поняли бы и половины содержания мысли о единстве мышления и действия, теории и практики, если бы остановились на голом признании факта влияния человеческой практики на мышление, на зависимость последнего от первой. Вместе с этим мы не смогли бы быть уверенными, что философия не может быть, по крайней мере, отодвинута на задний план творческой работы большевика, что она не может быть, по меньшей мере временно, передоверена им кому-нибудь другому. Все значение идеи единства мышления и действия, единства теории и практики, а вместе с этим и величайшее значение философии для большевика—выясняется только в том случае, если не будет упущена из виду не только зависимость мысли от действия, но и определяемость действия мыслью. «Критика оружием», действие прорывает для мысли грань настоящего и открывает перед нею необ'ятные дали будущего—это истина; но истина также и то, что эта «критика оружием» возможна лишь при наличии орудия самой критики, т.-е. мысли. Действие, практика движет мысль, но мысль, теория руководит действием. «Наша теория не догма, а руководство к действию»,—писал Энгельс, а Ленин в непонимании этого видел «величайшую ошибку, величайшее преступление таких марксистов, как К. Каутский, Отто Бауер и т. п.»... [1]); к числу этих последних он причислял и наших меньшевиков, которые от понимания этой мысли так же далеки, как и их европейские собратья [2]). Для самого же Ленина, а также и для тех, кто встает под его знамя, на котором написано: «Мы

[1]) Н. Ленин, Собр. сочин., т. XVII, стр. 159.

[2]) См., напр.: Н. Ленин, Собр. сочин. т. XI, ч. I, стр. 245.

хотим перестроить мир»,—теория есть «прежде всего и больше всего руководство к действию» (подчеркнуто Лениным)[1]).

Теперь, если читатель вспомнит, какие сопоставления делал Энгельс относительно теории и философии, ему станет понятным, что пренебрегать философией безнаказанно невозможно, что передавать ее в чужие руки столь же разумно, сколь целесообразно было бы, скажем, передать командование Красной Армией в руки белых генералов.

В самом деле, дайте себе на минуту труд задуматься над вопросом, где бралась уверенность большевиков в правильности их тактической линии. В чем черпали они эту уверенность? Если вы не встанете на точку зрения дурашливой, если так можно выразиться, философии истории, вся мудрость которой сводится к поговорке «дуракам везет»,—вы вынуждены будете ответить, что большевики свою уверенность в правильности предпринимаемых ими действий почерпали как раз в своей теории. И вы не ошибетесь, если скажете так: именно теория и служила большевикам тем оселком, на котором они пытали доброкачественность линии своего политического поведения, своей тактики. «Для нас,—говорил Ленин,—теория есть обоснование предпринимаемых действий для уверенности в них»... [2]).

А чтобы вплотную подвести читателя к интересующему нас вопросу, я позволю себе привести еще одно место из Ленина. В одной из статей, относящихся к 1909 г., в статье, написанной по поводу выступления думской с.-д. фракции по вопросу о синодской смете, Ленин разбирает вопрос об отношении марксистов к религии и, отвечая на этот частный вопрос нашей тактики, попутно разрешает вопрос во всем его об'еме. Он говорит так: «Для людей, неряшливо относящихся к марксизму, для людей, не умеющих или не желающих думать, эта история (т.-е. история выступлений Маркса и Энгельса по вопросу об отношении к религии. *А. Тр.*) есть комок бессмысленных противоречий и шатаний марксизма... Но кто сколько-нибудь способен серьезно отнестись к марксизму, вдуматься в его философские основы и в опыт международной социал-демократии, тот легко увидит, что тактика марксизма по отношению к религии глубоко последовательна... что то, что дилетанты или невежды считают шатаниями, есть прямой и неизбежный вывод из диалектического материализма»... ...«политическая линия марксизма и в этом вопросе неразрывно связана с его философскими основами» [3]). (Подчеркнуто мною. *А. Тр.*).

Как видит читатель, в этих словах Ленин ясно указывает, что тактика последовательных марксистов большевиков есть «прямой и неизбежный вывод» из их философии, что линия политического поведения большевизма «неразрывно» связана с основами его философии. Эту линию политического поведения, тактику, надлежащим образом поймет только тот, кто уразумеет ее именно как «прямой и неизбежный вывод» из соответствующей ей философии, кто сумеет вывести ее из этой философии. Для того же, кто не в состоянии понять такого единства философии и тактики большевизма, для того последняя всегда будет представлять собою «комок бессмысленных противоречий и шатаний».

[1]) См. Ленинский сборник, II, стр. 353.
[2]) Н. Ленин, Собр. сочин., т. XV, стр. 49.
[3]) Н. Ленин, Собр. сочин., т. XI, ч. I, стр. 252—253.

В философии лежит ключ к пониманию тактики партии, и вредное дело для партии проделывают те, кто направляют ищущих этот ключ в сторону от философии. Вот почему Ленин и учил большевиков, что усвоить экономическую и историческую теорию Маркса, не выяснив ее основы, т.-е. философии, значит не сделать еще и половины дела [1]).

Оно и понятно—ведь большевик не может стоять на точке зрения старого материализма, для него дело не кончается одним об'яснением, хотя бы и правильным, для него главное в правильном действии. А раз это так, то, стало быть, нельзя позабывать руководство к этому действию, каковым и является наша философия. Поэтому только спятивший с ума может рекомендовать партии забросить философскую работу. Она не может пойти на это, не рискуя измельчанием, опошлением своей тактики. Она не может согласиться на это, не рискуя своим собственным теоретическим перерождением, разрывом со своим прошлым, подпадением под чужое влияние в области теории. Она, партия, не может этого сделать, если хочет оставаться кормчим революции. Она не пойдет и не может пойти на это, если не хочет порвать с Русским Октябрем: на будущее философия не мыслима вне этого величайшего в истории опыта «критики оружием»; но опыт этот был проделан в русских условиях, по-русски, даже, может быть, слишком по-русски, и перевести его на язык философских обобщений можно пока лишь опираясь на лексикон русского языка.

Вот почему всяческие ратоборства с философией и у нас в партии кончаются так неожиданно для ее изничтожителей: ни целиком, ни по частям за борт жизни выбросить ее они оказываются не в состоянии. Философия упорствует и продолжает стоять там, где ей полагается: на капитанском мостике.

[1]) Н. Ленин, Собр. сочин., т. X, стр. 279.

Д. Марецкий.

Ревизия ленинизма „слева".

I. „Советская деревня" тов. Ларина.

Учение о пролетарско-крестьянском союзе является самой характерной, самой оригинальной чертой ленинизма. Это учение— неоценимое оружие в идейном арсенале нашей партии. Опираясь на него наша партия могла, возглавляя пролетариат, увлечь за собой широчайшие слои крестьянства и добиться октябрьской победы; опираясь на него она воздвигла и укрепила огромнейшее пролетарское государство, которое вот уж восемь лет как высится гранитной твердыней на нашей планете; опираясь на него мы начали строить—и не без успеха—социализм в нашей стране; опираясь на него мы сумели выявить крупнейшие шансы для перспектив мировой революции и соответственно наладить тактику наших международных боевых организаций. Правильному пониманию соотношений между рабочим классом и крестьянством в самой различной обстановке, в самых различных сочетаниях— напр., до, во время и после захвата власти пролетариатом—вот чему учит ленинизм и знания чего он требует от ленинской партии.

С другой стороны, трактовка именно этого вопроса, вопроса о взаимоотношении пролетариата и крестьянства в каждый данный момент, требует величайшей теоретической и политической бдительности и грозит неисчислимыми осложнениями в случае неправильности его разрешения. Отношение пролетариата к крестьянству—основная ось нашей партийной политики: тем страшнее самая незначительная трещина на этой оси. Малейший промах, ничтожная ошибка, самый крохотный упрощенский «заскок» здесь мстят за себя жестоко. Ведь не случайностью, а непреложной закономерностью является то, что понимание роли крестьянства служило демаркационной линией, отделявшей ленинизм как от меньшевистского лагеря, так и от всяких искажений и «уклонов» внутри самой большевистской партии.

Отношение к крестьянству было узловым пунктом теоретического боя между большевиками и меньшевиками в период революции 1905—1907 г.г.; как в вопросе о характере этой революции, так и о ее движущих силах. Отношение к крестьянству отделяло от ленинизма Троцкого и «перманентников». На недооценке крестьянства споткнулись «левые коммунисты» в период Бреста. «Забвение» роли крестьянства слепило цеховой слепотой представителей «рабочей оппозиции» в период введения нэпа и служило основой для «критических» нападок на партию за ее «перекрестьянивание», за ее якобы «мелкобуржуазные» тенденции. Отношение к крестьянству было и основной сутью споров между сторонниками ЦК и оппозицией во время дискуссии 1923—24 г.

Нечего и говорить, что всякая небрежность в трактовке основного вопроса ленинизма сугубо опасна для пролетарской партии, стоящей у власти. В этом случае дело пахнет провалом самой пролетарской диктатуры; ибо, поскольку поражен центральный нерв ленинской политики, партии ждать спасения неоткуда.

Сейчас мы в полосе хозяйственного под'ема. Мы подступаем к вершинам так наз. «восстановительного процесса». Интенсивно расширяется наша социалистическая промышленность, все более полнокровной экономически становится деревня, укрепляется наш торговый, банковский и кооперативный аппарат. Крестьянский вопрос встает перед нами в новой обстановке, в обстановке роста. Экономический рост деревни протекает в противоречивых формах. Деревня дифференцируется, расслаивается на отдельные социальные части. Все заметнее выделяется кулачество—вновь выплывает вопрос о борьбе и о формах борьбы с ним. Расширяются кадры деревенской бедноты—рождается вопрос о реальной экономической помощи ей и о политической организации ее. Обстановка роста и процессы расслоения не только не уничтожают, но ставят острее проблему связи пролетариата с середняком. Требуют своего выяснения и перспективы самого процесса дифференциации и ее об'ективные границы, а также вопрос: должна ли партия держать свой курс на форсирование, на усиление дифференциации, или она, наоборот, должна взять курс на «преодоление» дифференциации? В последнем случае возникают вопросы о рациональных экономических методах такого «преодоления», о наших командных высотах в деревне, о формах воздействия пролетарской диктатуры на стихийные процессы в деревне, о нашей политике цен и кредита и т. п.

Попытку дать решение всех этих проблем представляет собой книга тов. Ларина «Советская деревня» (изд. «Экономическая Жизнь», М. 1925), в которой в центре внимания стоит жгучая тема о «расслоении». На сборнике статей тов. Ларина настоятельно необходимо остановиться потому, что идеи, в нем развиваемые, в их совокупности представляют собой ни более, ни менее как фактическую ревизию взглядов Ленина на перспективы рабоче-крестьянского союза совершенно независимо от того, входила или не входила такая ревизия в намерения самого автора сборника. В нижеследующем изложении мы попробуем подвергнуть критическому рассмотрению основные положения тов. Ларина.

Социальное строение «советской деревни».

Для того, чтобы дать правильный прогноз дальнейшего хода экономического и социально-политического развития нашей деревни, необходимо предварительно выявить ее социально-классовую физиономию в настоящем. Надо знать деревню такой, как она есть, надо ясно представить себе уже достигнутый уровень расслоения, надо отдать себе хотя бы самый элементарный отчет в тех реальных, фактических пропорциях, в которых разбита на составные социальные части современная деревня. Но для того, чтобы набросать верную фактически картину расслоения, мы обязаны вооружиться совершенно определенным методом исследования, располагать вполне надежным критерием для характеристики процессов расслоения.

Какой же критерий в данном случае является абсолютно надежным? Ясное дело, что таковым с марксистской точки зрения может быть только критерий общественно-производственный. Господствующая форма связи между участниками отдельного крестьянского и между различными крестьянскими хозяйствами—вот что должно быть масштабом, измерителем социально-классовой поверхности нашей деревни. Наличность или отсутствие отношений экономической зависимости одних людей или хозяйств над другими,—вот что исследователь должен уловить прежде всего. С этой точки зрения можно наметить три основные, три, так сказать, чистые экономические категории в деревне; крестьяне, ведущие свое хозяйство капиталистически, прибегающие к покупке рабочей силы, воспроизводящие его на основе эксплоатации чужого труда; крестьяне середняки—хозяйство которых воспроизводится как простое товарное хозяйство; наконец, крестьяне пролетаризованные, которые уже не являются самостоятельными товаропроизводителями, но основной источник существования которых сводится к отчуждению рабочей силы на сторону. Таковы три основные социально-экономические категории деревни. Ясно, разумеется, что эти типы в их чистом, предельном виде встречаются далеко не всегда. Действительная деревня насчитывает между тиэми типами ряд промежуточных ступеней, целое множество типов переходных. Поэтому исследователю конкретного социального переплета нашей деревни приходится вопрос ставить так: к какому из перечисленных трех чистых типов тяготеет данное крестьянское хозяйство, в какой из них она обнаруживает тенденцию превратиться, и уже в зависимости от разрешения последнего вопроса производить разбивку крестьянских хозяйств на социально-экономические группы. Сложность анализа деревенской экономики усугубляется еще и тем, что нам приходится иметь дело с самыми различными формами социальных связей, самыми различными формами эксплоатации, при чем сплошь и рядом эти формы склонны затемнять, маскировать реальные экономические отношения. К эксплоатации наемного труда, как такового, может присоединяться или заменять ее эксплоатация торгово-скупщеская, кабально-ростовщическая и пр.; отношения аренды могут ставить на голову действительные связи: кажется иногда, что безлошадный «нанимает» многолошадного и его «эксплоатирует» и т. п.

Каковы бы ни были, однако, различные формы социальных связей в деревне, суть их в условиях товарного хозяйства всегда имеет тенденцию свестись к одному из трех указанных типов. Общественно-производственный критерий должен быть положен поэтому и в основу самой распространенной разбивки крестьянства на группы—на кулачество, на середнячество и на бедноту. Кулачество—эксплоататорская верхушка деревни. Середняки—представители «простого товарного хозяйства» в деревне. Если середняки лишь изредка, лишь случайно прибегают к наемному труду, но в основном сохраняют свое бытие как «простые» товаропроизводители, они остаются середняками. Если же середняк начинает прибегать к наемному труду в целях эксплоатации систематически, он уже превращается в зажиточного, а в дальнейшем может превратиться и в кулака. Беднота экономически представляет собой крестьянство, превращающееся в батрачество. Бедняк может иметь собственное хозяйство, но его бытие

как самостоятельного товаропроизводителя прекращается, он экономически зависит от кулака или от «крепкого» хозяйства.

Нас, быть может, упрекнут за то, что мы напрасно расточаем время и место на такого рода «азы» марксизма, что все нами только что сказанное является вещью само собой разумеющейся. Тем не менее мы должны напомнить эти «азы», ибо забвение их чревато целым рядом теоретических и политических злоключений. Мы вскоре это покажем на примере тов. Ларина. А пока остановимся на вопросе о так называемых «показателях» расслоения. Статистика, к сожалению, не позволяет судить о картине расслоения непосредственно: отношения эксплоатации, наемного труда и пр. в деревне, в особенности в их переходных и зачаточных формах, весьма и весьма редко фиксируются в статистических сводках. Поэтому обычно приходится оперировать косвенными показателями расслоения и от них уже с известной приближенностью заключать о фактическом уровне дифференциации.

Экономическое превосходство одних хозяйств над другими материально выражается обычно в бо́льшем инвентаре, живом и мертвом, в бо́льшей посевной площади, большем количестве и лучшем качестве производимых продуктов и т. д. Особо выдающаяся роль лошади в крестьянском хозяйстве нашего технического уровня делает «лошадность» обычно наиболее надежным показателем социальной дифференциации. Совершенно необходимо, однако, подчеркнуть, что правильное применение показателей обеспечено только при том условии, если будет соблюден так называемый порайонный принцип. Ибо в различных районах одна и та же абсолютная величина измеренного в показателях материального богатства может относиться к хозяйствам не одной и той же, но совершенно различной социальной силы. Один и тот же абсолютный размер инвентаря может в одних районах служить материально-вещественной базой кулацких хозяйств, в других районах—середняцких и т. п. Ясно поэтому, насколько обязательным для исследователя социальных отношений нашей деревни является неуклонительное соблюдение порайонного принципа. «Отвлечение» от особенностей данного с.-х. района было бы непоправимым ляпсусом, и такого рода метод «больших чисел» был бы источником «больших» заблуждений.

После нашего несколько пространного, но, как убедимся из дальнейшего, вполне необходимого методологического вступления обратимся к подходу к вопросу о расслоении, применяемому тов. Лариным. Предоставим слово самому тов. Ларину:

«Если взять,—пишет т. Ларин,—Великороссию (точнее РСФСР без азиатской части), то крестьянские дворы могут быть по основному признаку, посеву, разбиты на пять основных групп:

1. Полупролетарские — вовсе не имеющие посева или имеющие его менее одной десятины на хозяйство. Соответствует первым двум продналоговым разрядам, т.-е. имеющим менее полудесятины пахотно-сенокосной площади на душу.

2. Маломощные—имеющие более одной, но менее двух десятин посева на хозяйство. Соответ-

ствует третьему и четвертому продналоговым разрядам, т.-е. имеющим более полудесятины и менее одной десятины пахотно-сенокосной площади на душу.

Первую (полупролетарскую) и вторую (маломощную) группы обычно об'единяют в один слой бедняцких хозяйств (почти сплошь не имеющих своего рабочего скота и находящихся в кабальной зависимости от зажиточной верхушки деревни).

3. Середняки—имеющие не менее двух, но не более четырех десятин посева на хозяйство. Соответствует пятому и шестому продналоговым разрядам, т.-е. имеющим более одной, но менее двух десятин пахотно-сенокосной земли на душу.

4. Зажиточные—имеющие более четырех, но не свыше восьми десятин на хозяйство. Соответствует седьмому и восьмому продналоговым разрядам, т.-е. имеющим более двух, но менее трех десятин пахотно-сенокосной площади на душу.

5. Кулаки, имеющие более восьми десятин посева на хозяйство. Соответствует девятому продналоговому разряду, т.-е. имеющим более трех десятин пахотно-сенокосной земли на душу».

(Ларин, «Советская Деревня», стр. 172—173, подчеркнуто нами. *Д. М.*).

Тов. Ларин заявляет сам, что «основным признаком» разбивки крестьянства на социально-экономические группы он считает размер посевной площади. От величины посева данного хозяйства он непосредственно умозаключает о его социально-экономической физиономии. Если в хозяйстве «менее двух десятин посева», то тем самым оно—бедняцкое. Если в хозяйстве «не менее двух», но «не более четырех» десятин, то оно—«середняцкое»; если выше, то оно «зажиточное» или «кулацкое» и т. п. Метод т. Ларина донельзя прост, категоричен, ясен и удобен. Но тем не менее он абсолютно никуда не годен.

Во-первых «посевной» признак тов. Ларина не «социален», а, так сказать, «материален»: материальную характеристику хозяйства (размер пашни) тов. Ларин превращает в его социальную характеристику (деление крестьянства на социальные группы).

Во-вторых, посевной признак тов. Ларина вовсе не «основной», вовсе не решающий показатель социальной мощности хозяйства, но только один из второстепенных показателей, которым можно оперировать лишь с рядом оговорок, с соблюдением порайонного принципа, с дальнейшим привлечением к анализу других показателей и т. д.

Наконец, в-третьих,—и это самое главное—«метод» разбивки тов. Ларина может привести к совершенно произвольным обобщениям и представляет собой, в основе своей, не что иное, как своеобразную тавтологию. В самом деле, почему, собственно говоря, тов. Ларин относит к середняцким хозяйства, имеющие не более 4 десятин посева? Почему он берет верхней границей середнячества четыре десятины посева, а не три десятины, а не пять, а не шесть десятин? Никаких осязательных доводов в пользу именно своей группировки т. Ларин не приводит и привести не в состоянии. Поэтому ларинский анализ расслоения—дитя чистейшего произвола.

Принимая различные размеры пашни для определения хозяйства данного социального типа, можно составить произвольное число схем, подобных ларинской. Если за нижнюю границу кулачества принять восемь десятин посева на хозяйство, можно получить одно число кулаков, если взять шесть десятин, то кулаков будет гораздо больше, если взять десять десятин, то их будет гораздо меньше. То же самое с бедняками, зажиточными и середняками. Пользуясь ларинским методом, можно наплодить своим воображением какое угодно количество бедняков, середняков и кулаков, можно «окулачить» нашу деревню до бесчувствия и можно самым беспардонным образом ее «осереднячить». И в том и в другом случае, однако, познавательная ценность ларинского «метода» обнаружит себя как нулевая.

Товарищу Ларину «желательно» было нарисовать преувеличенную картину расслоения в деревне; поэтому он произвел именно такую разбивку хозяйств по посеву, которая и дала ему «желаемый» результат. Таким путем т. Ларин пришел к выводу, что у нас уже в 1923—24 году было «маломощных больше, чем середняков» (стр. 144, мы не должны забывать, что по Ларину маломощные составляют только часть всей бедняцкой массы, так что вся сумма бедняцких хозяйств еще более превосходит сумму хозяйств середняцких); таким путем т. Ларин дошел до истины, что еще в 1922—23 г. верхушечная часть дворов Курской губ., например, составляла целых 33,3% всех дворов (стр. 181), что «не менее 30% посева» сосредоточено в советской деревне «в руках горсти зажиточных и кулацких дворов» (стр. 181); таким путем т. Ларин добрался даже до сенсационного откровения, что «зажиточная часть деревни у нас в первые годы нэпа расширила свое землепользование, на более выгодных условиях, чем при помещиках» (стр. 186); что середняков уже в 1923 году осталось у нас всего лишь 38,9% всего крестьянства (стр. 176) и т. д.

Если мы теперь захотим от только что приведенных данных обратиться к более точной картине, какую, по Ларину, должна являть собой наша деревня в настоящем, мы должны иметь в виду два следующих обстоятельства.

Первое. Тов. Ларин предупреждает нас, что «в жизни экономическая роль зажиточно-кулацкой верхушки еще больше, чем представляется по оффициальным цифрам» (стр. 182). Тов. Ларин специально оговаривает, что «те немногие оффициальные данные, какие все же имеются и приведены нами выше... надо рассматривать как показатель низшего предела фактически происходящего в деревне расслоения» (стр. 184). Иными словами, «советская деревня» выглядит еще более дифференцированной, чем это иллюстрируют даже ларинские данные, кулаков и бедноты в ней гораздо больше, и, наоборот, гораздо незначительнее середняцкое ядро.

Второе. Данные т. Ларина захватывают, самое позднее, период 1923—24 г. С тех пор процесс дифференциации не замедлился, но усилился, а хороший урожай этого года не мог не послужить подхлестывающим моментом для дифференциации. Следовательно к настоящему времени деревня должна выгля-

деть еще более дифференцированной, с еще бо́льшим преобладанием крайних полюсов, с еще меньшим экономическим весом середнячества [1]).

Уже ларинский анализ расслоения раскрывает перед нами поистине печальную, мрачную судьбу советского середняка. Середняк повсюду исчезает, «средние группы тают... везде» (стр. 183); из года в год, из месяца в месяц середняцкий массив нашей деревни все уменьшается; середняк—мнению Ленина наперекор—фактически перестает быть «центральной фигурой» нашего земледелия.

Мы вправе ожидать, что незавидная «фактическая» роль середняка в нашей деревне, уготованная своеобразным анализом тов. Ларина, соответственно скажется на последующих рассуждениях тов. Ларина; мы вправе ожидать, что и в теоретических положениях т. Ларина, и в намечаемых им перспективах, и в рекомендуемой им системе экономико-политических мер,—середняк все более и более будет снижаться к роли в углу стоящего статиста.

Обратимся теперь к ларинскому пониманию существа рабоче-крестьянского союза. Посмотрим, в какой мере ларинская трактовка совпадает с ортодоксальной ленинской. В книге Ларина есть место, где он подробно развивает формулу так называемого рабоче-бедняцкого блока. Раскрывая эту формулу мы можем получить вполне отчетливое представление о том, так сказать, теоретическом венце, которым украшена вся пирамида ларинской «крестьянской» концепции. «Рабоче-бедняцкий блок,—пишет тов. Ларин, —... мыслится нами как основной стержень нашей деревенской политики»,—и тут же оговаривает, что этот блок «не должен противополагаться середняку, а должен отвоевывать его (надлежащим поведением) от влияния верхушки и привязывать к себе» (стр. 42—43, курсив Ларина). Мы скоро увидим, какова реальная ценность ларинской оговорки насчет середняка, а также узнаем, какое «поведение» по отношению к середняку тов. Ларин считает «надлежащим», а пока займемся формулой тов. Ларина, как таковой.

«Мы имеем,—говорит тов. Ларин,—лестницу из трех ступеней. Во-первых, в основе всего лежит диктатура пролетариата во всей стране».

«Во-вторых, в деревне эта диктатура, согласно нашей партийной программе, должна проводиться путем организации рабоче-бедняцкого блока, т.-е. тесного союза рабочих батраков и маломощных крестьян (значительная часть которых к тому же социально близка рабочим, сама являясь полупролетарской, отпуская членов своих семей на временные или постоянные заработки вне своего семейства)...».

В-третьих, рабоче-крестьянский блок в деревне вступает в союз с середняком... (стр. 44, подчеркнуто т. Лариным).

---

[1]) Любопытно отметить в данной связи, что прославившийся своей неудачной попыткой проследить влияние урожая на социальные отношения в деревне т. Голендо (статья о «Политике цен» в «Большевике», № 15) применил, так же, как и Ларин, метод определения хозяйств по посевным площадям и так же невероятно сгустил краски насчет дифференциации. У Голендо «получилось», что подавляющая масса хлеба сосредоточена в руках зажиточно-кулацкой верхушки. Ларинский, «низший предел расслоения», определяемый по посевным площадям и Голендовские кулацко-зажиточные хлебные гиганты—социальные продукты одной и той же «левой» паники.

На первый взгляд кажется, что у Ларина все в порядке, что никакого отступления от ленинизма нет. Разве Ленин где-нибудь высказывался против реализации рабоче-бедняцкого блока, разве Ленин когда-нибудь выступал против союза рабочих и беднейших крестьян с середняком? Наоборот, он всегда выступал за это. Кажется, что у тов. Ларина все идет «по Ленину». Кажется, что тов. Ларин в полном согласии с Лениным выступает ревностным поборником интересов середнячества, что он решительный сторонник ленинского «союза» с ним.

И тем не менее все это только «кажется». Надо только суметь отделить словесную шелуху ларинских рассуждений от подлинного ядра его теоретического подхода. Было бы, разумеется, младенческой наивностью ждать от тов. Ларина, что он где-либо прямо скажет, что он против середняка, против соблюдения его интересов, против налаживания с ним «союза». Если бы дело обстояло так просто, то не стоило бы заниматься доказательством антиленинского «ревизионизма» тов. Ларина. В том-то и секрет, что «уклоны» на практике выступают, как правило, не в их обнаженном, но старательно завуалированном, затушеванном виде. Но тем опаснее, тем соблазнительнее уклоны, что они деликатно преподносятся обычно при полном «соблюдении аппарансов».

Первое, что наводит на сомнения в приведенной цитате из книги Ларина, это его утверждение, будто учение о «рабоче-бедняцком блоке» является «основным стержнем» в ленинском подходе к деревенской политике. Совершенно бесспорно, и было бы пустой банальностью это «аргументировать», что Ленин стоял за блок пролетариата с деревенской беднотой. Но совершенно неверно считать «рабоче-бедняцкий блок» «основным стержнем» ленинской деревенской политики. «Основной стержень» тов. Ларина стирает в ленинизме как раз то, что для ленинизма является самым специфическим. Не ленинизм, но старая социал-демократическая традиция усматривала в отношении рабочего класса к беднейшему крестьянству «основной стержень» политики в деревне. Трактовку вопроса о бедноте—Лениным—трактовку, разумеется, тоже своеобразную—надо брать в сочетании с ленинской трактовкой середняка. Если же мы «забудем» о середняке, то мы ничего не поймем в ленинской деревенской политике и получим самое превратное представление об ее «основном стержне». Не кто иной, как меньшевики и «перманентники» с суеверным полупрезрением, полуиспугом относились к мелкому буржуа, середняку и ограничивались лишь «Эрфутскими» разговорами о «пролетариате и полупролетариате» деревни. Наоборот, именно Ленин поставил середняка на подобающее место в политике пролетарской партии.

Но ведь и Ларин высказывается за «союз с середняком»? Ведь у Ларина «рабоче-бедняцкий блок» не изолирован, но «вступает в союз с середняком». И все же ленинский «союз с середняком» и ларинский «союз с середняком» две ягоды не одного и того же, но совершенно различного поля. Гвоздь вопроса заключается в самом характере пролетарского союза с середняком. Лариным этот союз мыслится в форме «нейтрализации» середняка (Ларин, Стр. 44). При этом т. Ларин пытается подкрепить свою точку зрения, точку зрения «нейтрализации», ссылкой на авторитет т. Ленина. Между тем, именно тов. Ленин дал раз навсегда вполне опреде-

ленное указание на «недостаточность» формулы нейтрализации в новой обстановке. Во весь гигантский рост Ленин поставил задачу не «нейтрализации» середняцкого крестьянства, но задачу «прочного союза» с ним. И если т. Ларин, несмотря на это, упорно продолжает цепляться за обветшалую формулу нейтрализации, то политически это не что иное не означает, как скат к социал-демократической старинке. Как т. Ларин будет «нейтрализовывать» среднее крестьянство, осуществлять с ним «союз» и что из этого получится, мы увидим ниже.

В своей известной речи на VIII с'езде РКП Ленин в следующих слогах охарактеризовал историческую роль у нас середняка: «... По мере того, как мы приближаемся к задачам коммунистического строительства, центральное внимание наше должно сосредоточиться в известной мере как раз на среднем крестьянстве...». (Ленин, Собр. Соч. т. XVI, стр. 146, подчеркнуто нами). Находим ли мы что-либо подобное у тов. Ларина? Не только не находим, но все существо ларинского «учения» диаметрально противоположно намечаемой тов. Лениным перспективе в только что приведенной цитате.

По Ленину, по мере нашего роста, нашего укрепления, нашего приближения «к задачам коммунистического строительства», роль середняка должна прогрессивно возрастать, середняк в известной мере все больше и чаще должен ставиться в «центре внимания».

По Ларину, наоборот, по мере нашего под'ема, приближения к задачам коммунистического строительства роль середняка должна прогрессивно убывать, середняк должен «таять» в процессе дифференциации и соответственно выходить из «центра нашего внимания».

До чего доходит это прогрессирующее «сужение» роли середняка у тов. Ларина можно судить из одного его носящего программный характер, положения. На стр. 176—177 мы читаем:

«... чтобы из рук у нас не уплыла постепенно политическая и экономическая власть в деревне, надо практически иметь в виду два пункта:

Во-первых, стихийному при нэпе росту зажиточно-кулацкого производства противопоставить сознательную производственную политику государства, направленную к производственному под'ему на общественных началах близких нам элементов деревни («коллективизация бедняцких хозяйств»).

Во-вторых, тщательно изучать фактический характер тех или иных принимаемых ради смычки с деревней мер для установления, кому они идут на пользу, верхушке или низам, и для такого направления нашей кредитной политики, политики хлебных цен, налоговой политики в деревне и т. д., чтобы они служили смычке с бедным большинством, а не зажиточным меньшинством деревни.

Вот правильное в нынешних условиях направление для господствующего пролетариата, чтобы держать крепко деревенский тыл, чтобы не дать бедное большинство деревни политически использовать зажиточному меньшинству (а с ним вместе буржуазии), чтобы вести под'ем сельского хозяйства не дорогой кулацкой, а дорогой общественно-кооперативной его перестройки».

Здесь в этом «программном» положении т. Ларина середняк вовсе улетучивается, как самостоятельная категория: имеются лишь «низы» и «верхушка», «бедное боольшинство» и «зажиточное меньшинстго». Рабоче-бедняцкий блок здесь заменяет собой рабоче-крестьянский блок.

Ларинский анализ «советской деревни», упрощенный метод этого анализа (по «посевным площадям»), его итоги (быстрое вне всякой меры «растаивание» середняка), теоретическая реставрация старой социал-демократической «нейтрализации»—фактического подмена рабоче-крестьянского блока рабоче-бедняцким—самое неумеренное искажение фактических пропорций, тенденциозное «обессереднячение» деревни—все это должно иметь своим неотвратимым последствием неизбежность потери правильной политической перспективы.

II. Перспективы советской деревни и политика нашей партии.

1. Роль кооперации и колхозов в изображении тов. Ларина.

Неправильный анализ фактических соотношений логически влечет за собой ошибочный прогноз. Зная особенности ларинского «фактического» анализа нашей деревни, мы уже заранее можем заключить о фальши ларинских политических перспектив. Чрезвычайно ярко искажение перспектив тов. Лариным сказывается в его трактовке соотносительной роли с.-х. кооперации и сельско-хозяйственных коллективов.

На что, на какие экономические организации деревни должен ориентироваться по преимуществу тов. Ларин, на кого он должен ставить свою генеральную ставку, на что он должен держать курс? Какой путь к социализму в деревне тов. Ларин считает основным, более широким, более массовым—через с.-х. кооперацию или через с.-х. коллективы—и в каком сочетании принимает он эти оба пути к социализму? [1]).

На войне,—говорит т. Ларин,—прав тот, за кем идут большие батальоны. Главными, бо́льшими батальонами деревни т. Ларин считает широкие кадры деревенской бедноты. Уже сравнительно давно тов. Ларин насчитывал в «советской деревне» бедняцких «батальонов» больше, чем середняцких. С тех пор экономический под'ем и сопровождающее его расслоение должны были привести к еще большей консолидации бедняцких «батальонов» и дальнейшему повсеместному «таянию» «батальонов» середняцких. С другой стороны, сравнивая с.-х. кооперацию и колхозы, можно заметить, что, если к первой экономически тяготеют по преимуществу крестьяне-середняки, то вторые, в подавляющей своей массе, являются экономическими организациями бедноты. Раз в «советской деревне» тов. Ларина беднота в абсолютном большинстве, раз она качественно ближе к пролетариату, и раз колхозы являются именно бедняцкими организациями, у тов. Ларина не остается и тени колебаний при «выборе» между колхозами и с.-х. кооперацией. Его генеральная ставка—ставка на колхозы.

---

[1]) С.-х. коллективы нужно, строго говоря, включить в общую систему с.-х. кооперации. В виду специфической роли коллективов у Ларина, их приходится, однако, разно выделить из всей системы.

Ряд выдержек из «Советской Деревни» дадут нам возможность судить об аргументации тов. Ларина в пользу его ставки на колхозы.

«*Торговой* смычке с середняком, обеспечивающей политически наш *тыл*, должна соответствовать смычка с *бедняком*, превращающая его об'единенное хозяйство в школу массового *социалистических* навыков» (стр. 126, подчеркнуто Лариным).

«Мысли о «торговой смычке» с середняком и зажиточным слишком оттесняли на задний план память о «производственной смычке» с бедняком, которая уже теперь должна служить *существеннейшим* элементом социалистической перестройки деревни (наряду с будущим значением совхозов и грядущей электрификацией). Когда-то в старой России заезжий немец, барон Гакстгаузен, «открыл» русскую общину. Недавно первые годы нэпа настолько заслонили от общественного собрания громадные процессы коллективизации беднядкого хозяйства, что, пожалуй, гость из какой-либо заграничной коммунистической партии мог бы не без эффекта «открыть» наличность у нас миллионной «коллективизации» (стр. 133, подчеркнуто нами).

«... Деятельно развивая все формы кооперирования, *мы должны в то же самое время главное внимание обратить на деловое насаждение производственных коллективов* (*колхозов*), как на одну из основных задач работников на местах и в центре» (стр. 144, подчеркнуто нами. *Д. М.*).

«Между тем, возможен риск, что палка будет перегибаться и в другую сторону, т.-е., в сторону организации только *вспомогательных* видов кооперации (сбытовой, кредитной), а *основная*, производственная, будет отодвинута на задний план» (стр. 142, подчеркнуто нами. *Д. М.*).

В приведенных цитатах «лево»-колхозская ориентация т. Ларина отчеканена им самим с исчерпывающей ясностью. Кооперативная «смычка»—«торговая»; смычка через колхозы — «производственная». Поэтому тов. Ларин ориентируется на колхозы. Середняцкая кооперация, по т. Ларину, обеспечивает—и то лишь «политически»—наш «тыл», колхозы же—наши основные высоты в деревне. Поэтому тов. Ларин 99% своих симпатий устремляет именно на колхозы. Середняцкая кооперация, по т. Ларину, носит лишь «вспомогательный» характер, в то время, как колхозы—«существеннейший элемент» социалистического переустройства деревни. Поэтому-то т. Ларин «главное внимание» уделяет именно колхозам и чуть ли не претендует стать действительно «бароном Гакстгаузеном» нашей партии, «открывающим» коллективизацию [1]).

Нет нужды, однако, раз'яснять здесь, что ларинская ставка на колхозы, как на основной рычаг социалистической трансфор-

[1]) Курьезно, но тов. Ларин, повидимому, не замечает, что его аналогия «открытия» колхозов с «открытием» русской общины бароном Гакстгаузеном всем своим ироническим жалом направлена против него самого. Неужели тов. Ларин «забыл» про печальную историческую судьбу гакстгаузеновского «открытия»?

мации нашей деревни, противоречит и взглядам тов. Ленина и всей политике нашей партии и фактическому положению вещей в деревне. Из того, что необходимо всемерно оказывать материальную помощь бедноте, из того, что пролетарское государство и пролетарская партия должны и будут всячески ставить беднядкие коллективы на ноги, вовсе не вытекает необходимость ларинского сведения с.-х. кооперации к скромной роли «вспомогательного» вида. Именно «основным», а не «вспомогательным» видом, именно «существеннейшим» [1]) рычагом социалистического преобразования деревни является в ленинском плане сельскохозяйственная кооперация. И если т. Ларин свысока смотрит, на «вспомогательный» лад, третирует с.-х. кооперацию, то это у него лишь логически увязывается с общей недооценкой середняка. Раз «тает», как некая Снегурочка, ленинский середняк, то незавидной, конечно, у т. Ларина должна выйти судьба середняцкой с.-х. кооперации. Последняя мановением ларинского «легкого» жезла должна влачить лишь подсобное «вспомогательное» существование.

Плодом чистейшего недомыслия является утверждение т. Ларина, будто кооперативная смычка с середняком носит лишь «торговый» характер, в противоположность «производственной смычке» через коллективы. Сводить роль с.-х. кооперации к ее чисто коммерческой стороне значит предавать сожжению все учение Ленина—через кооперацию внедрение социализма в деревню. Не «тыл» наш обеспечивает в деревне с.-х. кооперацию, но она открывает широкие возможности социалистической переделки деревни с ее середняцкого фасада.

Логической основой ларинского предпочтения «смычки производственной» смычке «торговой» служит вульгарно-«марксистское» предпочтение «производственного» момента моменту «обращения». Если кооперирование идет по «производственной» линии, то на него именно надо ориентироваться, за него надо ухватиться для того, чтобы по социалистическому руслу потащить за собой деревню. Кооперирование же сферы «обращения», как сферы «производной», должно, мол, представлять собой лишь «производную» вспомогательную задачу. Начинать надо, по Ларину, с «основного», «главного», с «производственного», начинать надо с колхозов. Колхозы—вот архимедова точка для социалистической реорганизации советской деревни.

От процесса обращения к процессу производства, через посредство механизма рынка, через кооперирование обращения в дальнейшем к кооперированию и социалистической организации сельско хозяйственного производства—этой своеобразной диалектики грандиозного кооперативного плана т. Ленина—тов. Ларин не понял. Ему осталась чуждой вся основная идея знаменитой ленинской работы о кооперации. Он не заметил главной магистрали, по которой, по Ленину, должна двинуться к социализму деревня.

[1]) „Существеннейшим"—в определенном смысле. С. х. кооперация для нас „существеннее" колхозов не потому, что она „выше" колхозов социально-экономически, организационно-технически и пр.—наоборот в последнем смысле колхоз гораздо „ближе к социализму"—но потому, что путь к социализму через с.-х. кооперацию более „массовый", нежели специфический путь колхозов, не в меру облюбованный тов. Лариным.

На ряду с колхозами тов. Ларин «существеннейшими элементами социалистической перестройки деревни» считает только разве «будущее значение совхозов» и «грядущую электрификацию». А с.-х. кооперация—то, что в ленинской перспективе фигурирует действительно, как «существеннейший элемент» в деле перевода деревни на рельсы социализма? О ней тов. Ларин думает меньше всего [1]). Она ведь аппарат чисто-«торговой смычки», она ведь гнездится всего лишь в презренной сфере обращения.

Известны замечательные рассуждения тов. Ленина об «основном звене», за которое должен уметь ухватываться настоящий политик. Сам т. Ленин, как несравненный гений-политик, владел в совершенстве этой тайной «основного звена» всей цепи. И весьма характерно, что т. Ленин не раз находил это основное звено именно в процессе обращения. Вспомним хотя бы его ударение на необходимость свободного оборота, его лозунг: «надо учиться торговать». В учении о кооперации тов. Ленин опять-таки показал, как через кооперирование *рыночной* сферы крестьянского хозяйства можно перейти к его производственному кооперированию.

Тов. Лариным действительное соотношение между кооперацией и колхозом поставлено на голову. И если последствием его анализа расслоения мы имели невероятную «пропажу» центральной фигуры советской деревни, пропажу середняка, то последствием его «лево»-колхозного заскока мы имеем столь же невероятную и столь же фатальную потерю ленинской кооперативной перспективы.

2. Политические перспективы «советской деревни». Так называемая «третья революция».

Если, по Ларину, экономическим гегемоном «советской деревни» является зажиточно-кулацкая верхушка, то она, по его мнению, проявляет не без успеха и тенденцию стать *политическим* гегемоном деревни. Раз, по ларинским таблицам, экономический вес кулака огромен, раз «в жизни» этот вес еще больше, чем можно судить по «таблицам»—то, по всем правилам марксистской алгебры «экономика» должна отразиться на «политике» и вытолкнуть на политическую авансцену в деревне кулака.

Политическое преобладание деревенских верхов должно, по Ларину, сказаться тем сильнее, что прошел целый «этап» (1921—1923 г.) в развитии «рабоче-крестьянских отношений», когда у нас в деревне господствовал «фактический курс на середняка и зажиточного» (*Ларин*, стр. 9, подчеркнуто нами).

И стихийно растущая экономическая сила кулачества, и якобы проводимый в течение целого исторического периода «фактический курс» партии «на зажиточного»—оба момента должны были чрезвычайно обострить проблему власти в деревне. И, действительно, анализируя положение в органах нашей деревенской власти—в особенности в сельсоветах—т. Ларин приходит к выводу самому безотрадному.

[1]) Тов. Ларин, правда, кое-где говорит и о том, что к коллективизации производства «через кооперирование» пойдет и середняк. Но тов. Ларин ни за что не соглашается признать «вспомогательную» с.-х. кооперацию «существеннейшим элементом» социалистической переделки деревни, хотя бы только «на ряду» с колхозами и совхозами.

«На выборы и обычные сходы,—говорит т. Ларин,—являются более *активные* в отстаивании своих интересов, более сознательно относящиеся к этим интересам и более *подготовленные* к их защите—грамотные, привыкшие в старое время к такого рода деятельности и т. п. Всем этим условиям удовлетворяют *прежде всего элементы зажиточные и даже кулацкие*» (стр. 13, последняя фраза подчеркнута нами. *Д. М.*).

«...*Точные массовые данные НКВД по всей РСФСР показывают, что советскую избирательную конституцию в деревне в этом отношении* (в отношении права выборов. *Д. М.*) *топчут ногами*» (стр. 16—17).

Сплошь и рядом в расположенных в разных частях страны губерниях середняцко-бедняцкого союза на выборах не было, а «было засилие зажиточной верхушки или *середняцко-верхушечное соглашение*».

«Подобная же, хотя несколько ослабленная картина наблюдается и по волисполкомам» (стр. 15) [1]).

Для того, чтобы исправить, ввести в нормальное русло, охарактеризованное положение дел в деревенских органах власти; для того, чтобы вновь взять в свои руки в значительной мере, по Ларину, перехваченные верхушкой политические вожжи в деревне, т. Ларин рекомендует нам принятие самых срочных, самых решительных мер. Тов. Ларин бросает боевой клич борьбы в деревню, он зовет к настоящему «антикулацкому *походу*», пространно поучает он т.т. Рыкова и Калинина, как этот «поход» надо вести, и об'являет внесение в деревню «политического раскола» одной из самых основных задач нашей партии в настоящее время.

Чтобы «оживить Советы, *надо* в деревню, *в дополнение* к существующему там экономическому *расслоению* (между кулачеством с одной стороны, и рядовым и низовым крестьянством с другой) внести еще и *активно-организуемый политический раскол* (стр. 54, подчеркнуто нами).

Юридические формулы «за крестьянскую самодеятельность», формулы: «лицом к деревне» и т. п. у нас на практике с неизбежностью превращаются и не могут не превращаться—в усиление борьбы с буржуазно-кулацким влиянием и значением в деревне.

Иначе и не может быть. Ибо в чем выражается прежде всего развитие самодеятельности при наличности классового расслоения в развивающей свою самодеятельность среде. *Ясно, что в усилении взаимной классовой борьбы*» (стр. 24, подчеркнуто нами. *Д. М.*).

Политическим курсом нашей партии в деревне тов. Ларин считает *форсирование классовой борьбы*. Наша партия,

[1]) Что на самом деле картина власти на местах у нас выглядит вовсе уж не столь по-Ларински мрачно, показывают кое-какие проскальзывающие даже у самого Ларина данные. Например, «впрочем и сейчас видные выборные должности в деревне занимаются преимущественно бывшими красноармейцами. Так, по 12 губерниям, данные о которых сведены т. Белобородовым, на выборах конца 1924 г. прошло среди председателей волисполкомов 72% бывших красноармейцев, (три четверти), а среди председателей сельсоветов—более половины. Едва ли такими «массовыми данными» можно иллюстрировать ларинское «засилие» зажиточной верхушки.

по его мнению, должна ориентироваться на «усиление взаимной классовой борьбы» активно организовывать «политический раскол» в деревне. Происходящую в деревне экономическую дифференциацию, тов. Ларин предлагает «дополнить» разжиганием политических страстей.

Тов. Ларину нельзя отказать в известной последовательности. Его лозунг разжигания классовой борьбы в деревне логически упирается в «забвение» середняка. Действительно, поскольку в «советской деревне» середняк отнесен на задний план, поскольку безжалостным тараном дифференциации середняк все более превращается в величину, которой можно пренебрегать, постольку понятен и постольку правилен курс на усиление классовой борьбы. Если «советская деревня» Ларина упрощенно трактуется всего лишь, как некий двуликий Янус (бедняцкое большинство и зажиточное меньшинство), то ничего нет естественнее, чем дать энергичную «смазь вселенскую» по «зажиточному» лику Януса и таким путем создать одноликую деревню, состоящую лишь из «бедняцкого большинства».

Между тем реальная наличность—несмотря на дифференциацию—в деревне огромного середняцкого массива делает решительно негодным ларинский курс на разжигание политических страстей в деревне. Лозунгом «активной организации раскола» можно середняка от партии отшибить и толкнуть его в об'ятия кулака, вопреки совершенно обратным намерениям тов. Ларина. Работа над политической организацией деревни, над политической организацией бедноты, в особенности над обязательным политическим приобщением к бедноте середняка, должна вестись гораздо сложнее.

Точка зрения партии по вопросу о форсировании классовой борьбы совершенно аналогична ее точка зрения по вопросу о дифференциации.

Происходит процесс дифференциации со всеми сопровождающими его последствиями. Дифференциация стихийно укрепляет кулачество и другим своим концом больно ударяет по деревенской бедноте. Партия, не в пример тов. Богушевскому, «отрицающему» дифференциацию, трезво учитывает процесс дифференциации. Партия не относится к этому процессу пассивно, но она активно воздействует на этот процесс. Она подымает, укрепляет бедняцкие хозяйства, принимает всевозможные меры помощи бедноте, организует ее, поскольку это возможно, в коллективы. Она помогает экономической борьбе бедняцких и середняцких хозяйств против кулачества. Но не закрывая глаз на процессы расслоения, партия не ставить свою *ставку* на дальнейшее *обострение* дифференциации. Наоборот она держит курс на *преодоление* дифференциации, и принимаемые ею меры экономической помощи бедноте и середнячеству действуют в направлении *противоположном* стихии дифференциации.

Процесс дифференциации кристаллизует и оформляет социально-политические группировки в деревне. Классовая и политическая борьба в деревне неминуемо обостряется. Кулачество то здесь, то там организуется политически. Партия должна политически организовывать бедноту и всячески отрывать середняка от влияния кулацкой верхушки. Но из неизбежности обострения классовой борьбы, из того, что партия должна политически возглавлять середняцко-бедняцкий фронт, из того, что партия должна не допускать политического прорыва кулацкой верхушки, вовсе не следует, что партия обязана, по Ларину, неизбежное обострение классовой борьбы «*дополнять*» еще большим *форсированием* классовой борьбы и брать на себя функции деревенского «раскола». Политически ведя за собой бедноту и середняка, усиливая сопротивляемость этих слоев проискам кулачества, партия вовсе не ориентируется на усиление классовой борьбы в деревне. Тем более, что перспектива, которая открывается перед нами, предстоящее «преодоление» дифференциации не только не повлечет за собой разжигание классовой борьбы, но наоборот приведет к ее смягчению.

Ларинская «экономика советской деревни» плюс ее «политика» своим неизбежным результатом должна иметь проповедь так называемой «третьей революции». Разбивка деревни на «бедные низы» и «зажиточные верхи», необ'ятность перспектив бедняцкой коллективизации, рядом с принижением роли с.-х. кооперации, активное привнесение в деревню политического «раскола» и курс на разогревание, на усиление классовой борьбы должны неминуемо—хочет или не хочет этого тов. Ларин—поставить его на очную ставку с третьей революцией в деревне. Правда, прямо за третью революцию тов. Ларин не высказывается, трескотнею пулеметов и зрелищем «Варфоломеевской ночи» в деревне он никого пугать не собирается: постольку неправильно, конечно, приписывать тов. Ларину «третью революцию», как открыто прокламируемый им лозунг. На стр. 193 своей книги тов. Ларин говорит даже наоборот о «ненужности аграрной революции». Тем не менее «третья революция» неотвязчивым призраком повсюду бегает за тов. Лариным. И этот призрак до тех пор будет преследовать тов. Ларина, пока он не перестанет упорствовать в своих «левых» перескоках за ленинизм. Довольно прозрачные намеки на «третью революцию» можно найти впрочем и в «Советской деревне». Так на стр. 118, мы находим такое место:

«...*В свое время придет конец и неприкосновенности кулацких хозяйств*, и накопленный в них скот и инвентарь послужит материальной основой колхоза соответствующей группы батраков» (подчеркнуто нами. *Д. М.*).

Что это значит: «в свое время придет конец неприкосновенности кулацких хозяйств?» Какого рода «прикосновенность» к кулацким хозяйствам проектирует тов. Ларин на «свое время?» «Прикосновения» эти не могут быть платоническими, так как, по Ларину, в результате их кулацкое хозяйство должно превратиться в «колхоз соответствующей группы батраков». Быть может здесь идет речь, однако, не о революционных «прикосновениях», но об *экономическом вытеснении* кулачества, о том, что кулак под экономическим давлением вынужден будет ликвидировать свое самостоятельное хозяйство? Ничего подобного. Вытеснение кулачества через экономическую борьбу с ним вовсе не надо относить на какое-то заветное ларинское «свое время». «Прикосновения» к кулацким хозяйствам в процессе хозяйственной борьбы, равно как и «прикосновения» к ним налоговых ножниц,—все это мыслится и должно мыслиться нами, как дело текущего дня, как хронический процесс, а вовсе не дело, которое можно «начать» лишь «в свое время». Ясно, стало быть, что ларинские «прикосновения» суть «прикосновения» совершенно экстраординарного порядка, «прикосновения», которое могут осуществиться лишь под заревом новой революции. Акт очередной «экспроприации экспроприаторов» в деревне, «третья ре-

волюция» во плоти и крови—таково неотвратимое заключение из всех ларинских посылок[1]).

Третья революция ничего плохого собой не представляла бы, если бы в нашей деревне не было середняков. Но раз в нашей деревне середняк центральное лицо, третья революция не только «не нужна», но она привела бы нас к гибели, ибо она в два счета оттолкнула бы от нас середняка, чем был бы нанесен смертельный удар всему рабоче-крестьянскому союзу, основе бытия Советского Государства. Так посмеялась бы над Лариным недооценка середняка в «политике».

3. «Советская деревня» и политика хлебных цен.

В условиях нэпа «обмен веществ» между городом и деревней осуществляется через рынок: рынок—обращение товаров—является основной формой связи между обоими. Чрезвычайно важным, поэтому, можно даже сказать решающим, является вопрос о соблюдении определенной «пропорциональности» в этом «обмене веществ», вопрос об «эквивалентности» этого обмена, говоря практически, вопрос о ценах. Для пролетарского государства вопрос о политике цен выступает, в известном смысле, как центральный вопрос, ибо в политике цен, как в призме, отражаются материальные основы взаимоотношений пролетариата и крестьянства. Особую роль во всей системе политики цен играет и должна играть наша политика хлебных цен. Вопрос о хлебных ценах для основной массы нашего крестьянства является сугубо жизненным. От уровня хлебных цен, от их динамики, от регулирующего воздействия государства на хлебные цены в известной, и притом весьма значительной, мере зависят судьбы нашей деревни, темп развития в ней производительных сил, рост материального благосостояния крестьянства. Поэтому, выступая на хлебном рынке главным контрагентом крестьянского хозяйства, выступая главным скупщиком крестьянского хлеба, будучи монопольным экспортером хлеба за границу, пролетарское государство никогда не должно терять из виду интересов крестьянского хозяйства, должно ориентироваться на «справедливую» цену на хлеб.

Как же решает вопрос о хлебных ценах тов. Ларин? Товарищ Ларин предупреждает нас, правда, что он «не касается... специально политики цен с точки зрения производственных и классовых интересов пролетарского государства» (стр. 190). Но тем не менее общую канву для политики хлебных цен тов. Ларин намечает в достаточной мере определенно.

Наперекор «обычному» мнению, тов. Ларин изощряется пространно над доказательством того парадокса, что вообще в крестьянском хозяйстве роль хлеба относительно не важна. При

[1]) Исключительную важность всякого рода «прикосновений» к кулацким хозяйствам тов. Ларин подчеривает в следующей прямо поразительно звучащей фразе «Сейчас для поднятия тяжелой индустрии и низших слоёв деревни крупные дополнительные средства можно извлечь только путем захвата верхушки» (подчеркнуто нами. *Д. М.*). Для поднятия тяжелой индустрии крупные средства можно «только» (как замечательно выглядит это «только»!) путем «захвата» верхушки! Низшие слои деревне также не могут без захвата «верхушки» двинуться с места! Каким экономическим Самсоном должен быть наш кулак, чтобы оправдать все претензии к нему тов. Ларина?

этом он считает, что определенно заинтересованной в повышении хлебных цен может быть разве только зажиточная верхушка.

«Но если брать не зажиточную и кулацкую группы, вместе составляющие лишь одну десятую всех крестьянских дворов, а остальные 90% деревни, то роль хлеба во всей сумме крестьянских продаж должна быть признана второстепенной» (стр. 218).

«Небольшой фактический проигрыш даже от сравнительно заметного отставания хлебных цен от довоенных в деле расширения сельского хозяйства в целом не имеет решающего значения и в общем покрывается совокупностью других выгод. Серьезнее чувствителен он преимущественно для много продающего хлеба верхнего кулацкого слоя, затрудняя ему дальше раскидывать свои сети и требуя от него движения в сторону большего перехода к незерновым культурам» (стр. 218).

Мы не будем приводить других мест из «Советской деревни», в которых тов. Ларин старается убедить своих читателей в «незначительности» роли хлеба для середняцких хозяйств и «серьезности» ее лишь для кулацких, где он пытается доказывать, что от понижения хлебных цен теряют только зажиточно-кулацкие элементы деревни. Уже приведенные цитаты красноречиво говорят за себя. К категории «серьезных» производителей хлеба тов. Ларин относит лишь «десять процентов» верхушечных дворов, а для «остальных девяноста процентов деревни» значение продажи хлеба, и соответственно понижения цен, лишь «второстепенно» и проводит всего лишь к «небольшому», легко окупаемому «фактическому проигрышу».

Товарищ Ларин не дал своим читателям прямого раз'яснения: на какую политику хлебных цен предлагает он держать курс: на политику снижения или на политику повышения их. Нет ничего проще, однако, раз'яснить существо ларинской ориентации в области цен. Тов. Ларин должен высказаться за политику снижения цен. Иначе его положение безвыходно.

В самом деле. Предположим, что тов. Ларин выступил бы за политику повышения цен. В этом случае он попал бы в самый щекотливый тупик. Об'являть, что в повышении цен на хлеб на деле заинтересованы лишь кулаки и зажиточные, что это повышение цен реально безразлично для середняцко-бедняцкой массы деревни, и одновременно ратовать за повышение хлебных цен—разве это не означало бы фактический курс на укрепление кулацких хозяйств, издевательство над беднотой и середняком? И разве не означало бы это, с другой стороны, непримиримую ссору тов. Ларина с самим собой: «левый» курс и сознательное потворство кулаку? Конечно, положение Ларина в этом случае было бы просто диким. Тов. Ларин не может высказываться за политику повышения хлебных цен. Наше предположение, следовательно, отпадает.

Но и ларинская ставка на понижение хлебных цен выглядит немногим лучше. Она последовательна для тов. Ларина, она логически припаяна к его общей концепции, она, может быть, необычайно «лева», но она нанесла бы, в случае ее принятия партией, самый непоправимый вред нашей деревне. Делать курс на снижение хлебных цен основным стержнем нашей политики цен в деревне — значит итти на полный разрыв с середняком. Быть может, в ларинской «советской деревне», в такой деревне, где

середняк только и занимается тем, что «тает», сошла бы безнаказанной политика снижения цен. Но в реальной советской деревне, в которой основная масса хлеба сосредоточена именно в руках середняков—что бы там Ларин и иные ни говорили—в такой настоящей СССР-овской деревне, политика снижения хлебных цен только разорвала бы великие узы, связывающие рабочий класс с крестьянством, отшатнула бы от нас прочь середняцкое крестьянство и толкнуло бы последнее на такого рода антибедняцкий блок с кулаком, от которого бы ни тов. Ларину, ни всей нашей партии не поздоровилось [1]).

Мы помним, что т. Ларин высказывался за «нейтрализацию» среднего крестьянства. Теперь по ларинской политике хлебных цен мы убеждаемся воочию, что представляет собой ларинская «нейтрализация» в ее конкретной оболочке. Ларинская «нейтрализация» середняка есть фактический **нажим** на него, разорительная для него политика хлебных цен. Покорно поблагодарит тов. Ларина середняк за такую «нейтрализацию» [2]).

4. Социальные пружины ларинского уклона.

Мы довольно подробно ознакомились с «левой» идеологией тов. Ларина. Взгляды, развиваемые тов. Лариным в «Советской деревне», представляют не только систематическое искажение учение Ленина, но совершенно недвусмысленную его ревизию, протаскиваемую под флагом усиления помощи бедноте. В довольно стройной, логически законченной форме перед нами продефилировала ревизия взглядов Ленина на середняка, на кооперацию, на колхозы, на дифференциацию, на классовую борьбу в деревне, на политику хлебных цен, на весь ленинский план социалистического переделывания деревни, на все существо ленинской трактовки рабоче-крестьянских отношений.

Не нужно думать, что своеобразный «левый» ревизионизм есть индивидуальный грех, есть личная беда тов. Ларина. В действительности приходится наблюдать, к сожалению, что ларинские идеи кое-где «носятся в воздухе», кое-кого заражают, там и сям проникают в нашу партийную среду, засоряют мозги отдельных товарищей. Ведь не спроста на опасности «левого» уклона обращено внимание в недавней резолюции Центрального Комитета нашей партии о помощи деревенской бедноте. Ларинская идеология имеет под собой определенную социальную подпочву. Какова эта подпочва, в чем состоит подоплека ларинских настроений?

---

[1]) Во избежание возможных придирок и недоразумений предупреждаем, что в тексте шла речь не о том или ином частном случае повышения или понижения хлебных цен, но о целой программе политики хлебных цен на годы. В зависимости от колебаний конъюнктуры можно и нужно производить всевозможные «маневры цен» на хлебном рынке, повышать или понижать их. В тексте вопрос стоял так: должно или не должно пролетарское государство обеспечивать экономически приемлемую цену основной массе своих хлебных контрагентов? По Ларину, игнорирующему середняка, **не должно**, ибо эти основные контрагенты, по его мнению, кулаки и зажиточные.

[2]) Небезынтересно сравнить политику хлебных цен тов. Ларина с «политикой цен» знакомого уже нам тов. **Голендо**. Тов Голендо, утверждая, что главная масса товарного хлеба (61%) находится в руках зажиточно-кулацкой верхушки—то же самое утверждает, как мы знаем и тов. Ларин—не высказывался, однако, за снижение хлебных цен, но наоборот, всячески предостерегал против снижения. Таким путем, тов. Голендо, сам того, вероятно, не подозревая, шел на поклон к кулаку.

Можно считать своего рода правилом что «уклоны» в нашей партии находят себе известное распространение в поворотные периоды нашей политики. Почти каждый крупный поворот нашей политики в конечном счете определяется тем или иным соотношением внутри пролетарско-крестьянского союза. Поэтому именно недооценка этих изменяющихся соотношений внутри «союза» порождает всевозможные уклоны.

В период «открытия нэпа», например, наша партия столкнулась с так называемой «рабочей оппозицией». Непонимание необходимости введения «свободного оборота» в стране из-за изменившихся соотношений между пролетариатом и крестьянством—после окончания гражданской войны — породило панику перед нэпом, мелкобуржуазный испугу представителей рабочей оппозиции. Экономические затруднения, осенний кризис 1923 г., болезненная агония бумажной валюты породили мелкобуржуазный испуг у троцкистской оппозиции, в своей «тоске по плану» и страхе перед «бурным ростом частного капитала» забывшей про крестьянство.

Не так давно мы пришли к расширению возможностей применения наемного труда в деревне и к легализации аренды. С другой стороны все больше стала давать себя чувствовать дифференциация; отпочкование кулачества и расширение бедняцких кадров деревни. Затруднения с беднотой, противоречия экономического роста в деревне кое у кого из теряющих перспективу не могут не преломиться в форме ларинского испуга, не могут не выразиться в нервной суматохе перед дифференциацией. Тут, бия в свои «левые» литавры, тов. Ларин может кое-кого увлечь за собой. Ведь он обещает нам не прежде-господствовавший «фактический курс на середняка и зажиточного», но «реки молочные, берега кисельные» бедноте, ведь он провозглашает церемониальный марш колхозов прямо к социализму, ведь он привлекает бедноту грядущим «захватом» деревенской верхушки, ведь он мечет молнии новой революции на небосклоне деревни.

Тов. Ларин «уклонялся» и раньше, и раньше он был завзятым «левым» колхозником. Но именно теперь ларинский уклон всего опаснее. Ларинский овощ более всего «зрел» для нынешнего времени, в обстановке новых сдвигов в деревне, в обстановке растущего расслоения. Тов. Ларин замечает в одном месте своей книги, что «соловья баснями не кормят». Тов. Ларин хочет этим сказать, что помощь бедноте должна быть вполне реальной, а не сводиться к дешевым словесным декларациям. Совершенно верно, помощь бедноте должна быть реальной. Совершенно верно и то, что переживаемая обстановка (дифференциация, явное и скрытое аграрное перенаселение) обостряет вопрос о помощи бедноте. Совершенно недопустимы, сугубо вредны попытки отмахнуться от оказания помощи бедноте благочестивым «отрицанием» процессов расслоения в нашей деревне, как это сделал тов. Богушевский. Но также совершенно недопустимо и столь же опасно решать вопрос о помощи бедноте по-ларински. Нельзя кормить бедняцкого «соловья баснями», а между тем программа помощи бедноте, провозглашаемая самим т. Лариным, есть не что иное, как «басня» самого злокачественного свойства. Ибо разве не басня, разве не демагогический посул представляет собой ларинское обещание исцелить все недуги деревни «захватом верхушки»? Разве это реальная помощь

беднотe, разве не демагогический посул ларинские чудеса скоропалительной «коллективизации»? Разве это реальная помощь бедноте, разве не демагогический посул ларинская ставка на третью революцию? И разве разрыв единства бедноты и середнячества, неминуемый при осуществлении ларинской программы, разве фактический нажим на середняка (ларинская полит. ка цен), мог бы хотя в самой ничтожной мере принести пользу деревенской бедноте? Демагогический посул повсюду у Ларина заменяет действительную помощь бедноте. Горькими, очень горькими пришлись бы бедноте те каштаны, которые ей предлагает вытаскивать из пламени новой революции тов. Ларин. Ни с точки зрения сохранения «прочного союза» с середняком, ни с точки зрения интересов самой деревенской бедноты, ни с точки зрения интересов пролетарского государства в целом и всей партии—категорически не приемлема расшитая самыми соблазнительными «левыми» узорами идеология т. Ларина. Партия останется чуждой мелкобуржуазной панике тов. Ларина. Она бедноте будет помогать реально, середняка не забудет и ленинскую перспективу сохранит.

М. Лифшиц.

Нынешний сельхозналог.

Политическое значение и роль нашего сельско-хозяйственного налога огромны, пожалуй, превосходят его фискальное значение.

В самом деле, нынешний налог, уже вместе с частью, идущей в волостной бюджет, понижен до 240 милл. руб., государственный же бюджет в истекшем хозяйственном году уже превысил 2,5 миллиарда руб., а на будущий год спроектирован в 3,5 миллиарда рублей.

Политическая роль сельхозналога.

Размер сельхозналога, система его во все годы революции отражали очередные задачи партии по отношению к крестьянству—и изменялась система налога так, чтобы эти задачи партии разрешались наиболее полно.

Когда на очереди вставал вопрос о необходимости внесения поправок, уточнений в наши взаимоотношения с деревней, то в числе мероприятий, имеющих содействовать разрешению этого вопроса, одно из первых мест занимал сельхозналог.

Говорить подробно об истории нашей налоговой политики в деревне—это значит повторять основные положения политики партии по отношению к деревне, это значит в большей своей части повторять моменты из истории, которая достаточно известна. Поэтому мы считаем достаточным напомнить только следующие случаи постановки в порядок дня вопроса о взаимоотношениях города с деревней, а, следовательно, и об изменениях нашей налоговой политики.

Первые годы революции—раскулачивание деревни, комбеды, продразверстка.

1921 г. (X С'езд Партии) — коренное изменение нашей экономической политики, коренное изменение и налоговой политики: замена продразверстки налогом.

1923 г. (XII С'езд Партии)—первые результаты новой экономической политики, рост товарности крестьянского хозяйства, рост денежности в деревне и, как следствие всего этого, коренные изменения нашей налоговой политики.

1924 г.—происходящие процессы в деревне, дальнейший рост денежности, укрепление народного хозяйства, твердый рубль—требовали дальнейших коренных изменений налоговой системы, ликвидации элементов натуральщины в сельхозналоге, з а м е н ы н а т у р а л ь н о г о н а л о г а д е н е ж н ы м.

Наконец—весна 1925 года. Изменения, вернее, уточнения наших взаимоотношений с крестьянством, в смысле наибольшего внимания к деревне, под общим руководящим лозунгом «лицом к деревне». Необходимость более активного содействия наиболее быстрому развитию сельского хозяйства, необходимость уточне-

ния наших отношений к каждой категории крестьянства, в связи с происходящим процессом дифференциации крестьянского хозяйства—потребовали изменений в действовавшем сельхозналоге.

Какими же должны были быть эти изменения?

Совершенно очевидно, что сельхозналог надо было перестроить так, чтобы он содействовал разрешению очередных и основных задач партии в деревне.

К чему, вкратце, эти задачи сводятся?

1) Содействие развитию производительных сил деревни, 2) вовлечение крестьянства в советское строительство, 3) действительная помощь бедноте и 4) укрепление твердой законности в деревне.

В сущности говоря, чтобы налог наилучшим образом содействовал разрешению всех этих задач, следовало бы его коренным образом реформировать.

Но, когда весною нынешнего года, ставился вопрос о системе налога, выявился целый ряд соображений против коренной реформы системы обложения деревни: решено было ограничиться внесением некоторых существенных изменений в прошлогоднюю систему налога. Эти изменения и должны были содействовать разрешению всех основных задач партии в деревне, о которых мы говорили выше.

Какие были внесены изменения в действовавшую систему, и разрешению каких задач эти изменения должны были содействовать?

Развитию производительных сил деревни должно было содействовать значительное понижение тяжести налога, изменение системы обложения арендованных земель, понижение тяжести налога, падающего на скот и перестройка прогрессии обложения в сторону понижения тяжести налога не только для бедноты, но и для высших групп крестьянских хозяйств в тех случаях, когда тяжесть налога мешала дальнейшему развитию этих хозяйств.

Вовлечению крестьянства в советское строительство в первую очередь должна была содействовать система волостных налоговых комиссий. Большинство состава этих комиссий—чисто крестьянское. Организацией этих комиссий проведение налога поручалось, в сущности говоря, самому крестьянству через эти волостные комиссии.

Автоматическое отчисление 41,5% налога в волостной бюджет безусловно оживит работу местных советов, а следовательно, привлечет внимание крестьянства.

Действительная помощь бедноте оказана как увеличением количества хозяйств от налога вовсе освобождаемых, так и построенной прогрессией обложения, наиболее благоприятствующей маломощной части крестьянства.

Укреплению законности в деревне, искоренению злоупотреблений и произвола должны будут содействовать некоторое упрощение системы налога, ясность в правах и обязанностях налогоплательщиков, сужение прав мест в отношении применения всяких мер наказания, уничтожение административных мер наказаний.

Мы перечисляем только главнейшие изменения, внесенные в прошлогодний закон.

Внесен еще целый ряд и других изменений и исправлений, которые также должны содействовать разрешению перечисленных выше задач партии.

Система нынешнего налога.

К чему сводится система ныне действующего сельхозналога?

Наш сельхозналог, по существу своему, является налогом, главным образом, подоходным.

В каждом крестьянском хозяйстве облагается земля (пашня или посев), сенокосы, крупный рогатый и рабочий скот.

Все остальные источники крестьянских доходов к обложению не привлекаются.

Сенокосы и облагаемый скот, по установленным для каждой губернии нормам, пересчитываются в десятины земли. Эти десятины земли мы условно называем налоговыми единицами.

Например, закон установил, что в Рязанской губ. десятина заливного луга пересчитывается в 0,9 дес. земли, или в 0,9 налоговой единицы, корова—в 0,6 налог. единицы и лошадь—в 0,7 налог. единицы. Таким образом, в каждом крестьянском хозяйстве все облагаемое сельхозналогом приводится в одно количество налоговых единиц.

Ставки налога устанавливаются на одну налоговую единицу, в зависимости от общего количества этих налоговых единиц на одного едока в хозяйстве.

Чем больше налоговых единиц на едока в хозяйстве, тем выше ставка налога на налоговую единицу.

Для каждой губернии и округа установлена отдельная таблица ставок, по образцу помещаемой здесь таблицы по Рязанской губернии.

Ставки единого сельско-хозяйственного налога на одну десятину земли и скота в пересчете на землю в Рязанской губ.

Таблица № 17.

Разряды по обложению.	По первой ставке облагается первая половина десятины на едока.		По второй ставке облагается излишек сверх $1/2$ дес. до 1 дес. на едока.		По третьей ставке облагается излишек сверх одной десятины на едока.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
I	—	30	1	25	2	35
II	—	35	1	40	2	65
III	—	40	1	55	2	90
IV	—	45	1	70	3	25
V	—	50	1	90	3	60
VI	—	55	2	10	3	95
VII	—	60	2	30	4	35
VIII	—	65	2	55	4	80
IX	—	75	2	80	5	30

Как видно из этой таблицы, установлены три ставки налога с десятины, или налоговой единицы:

Первая, наиболее низкая ставка налога — для наименьшего количества облагаемых единиц на едока.

Вторая, средняя ставка налога — для излишка облагаемых единиц на едока, после обложенного количества первой ставкой.

Третья, наиболее высокая—для количества облагаемых единиц сверх обложенных первой и второй ставками.

Кроме того, установлено девять разрядов по обложению, в зависимости от доходности в том или ином районе налоговой единицы (земли или скота). Пятый разряд является средним для губернии и по нему определяется сумма налога с губернии. Так как доходность облагаемой единицы может быть разная в различных районах губернии, то губисполкому предоставляется право устанавливать для отдельных уездов, волостей, и даже сел, и другие из этих 9-ти разрядов, но с тем, чтобы общая сумма налога, исчисленная по губернии по 5-му разряду, не понизилась. Т.-е. для одного уезда или волости может быть установлен, скажем, 7-й разр., а для другого 3-й. На таких же основаниях губисполкому предоставлено право изменять для отдельных районов губернии и установленные нормы пересчета сенокосов и скота в налоговые единицы. И при этом губисполком должен следить за тем, чтобы общее количество налоговых единиц, которое исчислено по губернии по нормам пересчета, установленным самим законом, не понизилось.

О том, чем руководствовались, устанавливая те или другие ставки налога, какова реальная тяжесть этих ставок и вообще налога, скажем ниже.

Пример исчисления налога.

Разрешим себе коротеньким примером пояснить, как исчисляется налог с хозяйства в той же Рязанской губ. по напечатанной таблице ставок.

Хозяйство расположено в Зарайском уезде и состоит из 5 душ. Числится за этим хозяйством 4 десятины пашни, 2 десятины сенокоса, 1 корова и 1 лошадь.

Пользуясь своим правом, учитывая местные условия, а также урожай и цены нынешнего года, Губисполком установил, что Зарайский уезд облагается не по 5 среднегубернскому, а по 3 разряду и нормы пересчета сенокоса и скота в налоговые единицы он также изменил: десятину сенокоса до 0,5 налог. един., корову—0,7, а лошадь—0,8 налог. един.

Всех облагаемых единиц в хозяйстве будет:

пашни		4	дес., или налогов. един.
сенокоса—2 д.	по 0,5 д. =	1	„ „ „ „
корова —1	по 0,7 д. =	0,7	„ „ „ „
лошадь —1	по 0,8 д. =	0,8	„ „ „ „

а всего в хозяйстве 6,5 налоговых единиц

и на каждого едока в хозяйстве приходится 6,5 : 5 = 1,3 дес. или налоговых единиц.

Сколько же будет причитаться налога с этого хозяйства?

Обратимся в напечатанной таблице ставок к 3 разряду, по которому Зарайский уезд будет облагаться. Там сказано, что: первой ставкой будет облагаться первая половина десятины на едока. Таким образом, в приведенном нами хозяйстве по первой ставке будет обложено 5 едоков×0,5=2,5 дес. или налоговых единиц по 40 к. с налоговой единицы (III разр.), а всего 1 рубль.

По второй ставке облагается излишек сверх 0,5 дес. до 1 дес. на едока, т.-е. тоже по 0,5 дес. или налог. един. на едока, а всего 5 едоков×0,5=2,5 по 1 р. 55 коп. с налоговой единицы—3 р. 87 к.

По третьей ставке облагается излишек сверх обложенного по первой и второй ставкам. По этим ставкам обложено 2,5+2,5, а всего 5 налоговых единиц, из 6,5 имеющихся в хозяйстве. Значит по 3 ставке облагается 6,5—5=1,5 налог. един. по 2 р. 90 к., а всего 4 р. 35 коп.

В итоге с хозяйства причитается налогу: 1 р. +3 р. 87 к. +4 р. 35 к.=9 р. 22 коп.

Так исчисляется налог с каждого крестьянского хозяйства.

Нормы, по которым пересчитывается в налоговые единицы сенокос и скот в той или иной волости, Губисполком устанавливает в начале июня и широко это публикует. Таким образом, уже в начале июня крестьянство может исчислить налог, причитающийся с каждого двора.

По налогу установлены всякого рода льготы и скидки, которые делятся на 2 категории: льготы крестьянской бедноте, красноармейцам, комитетам крестьянской взаимопомощи и другим группам и организациям и 2 категория—поощрительного характера: переходящим к более культурным методам ведения крестьянского хозяйства.

От поступающего налога определенный процент отчисляется в волостной бюджет. В среднем по Союзу в волостной бюджет отчисляется 41,5% всего налога (100 млн. руб. из 240 млн.). Для разных губерний и волостей установлен разный процент отчисления. Есть волости, которые получают в свой бюджет полностью весь поступающий налог. Крестьянство сдает налог в свой Волисполком, при чем ту часть налога, которая отчисляется в волостной бюджет, Волисполком получает себе сейчас же, при поступлении налога.

Сдается налог в твердо установленные сроки, которые заносятся в окладные листы налогоплательщиков. Изменять сроки во всю кампанию нельзя.

Вот, в сущности говоря, к чему сводится нынешняя система сельхозналога.

Как изменялась тяжесть налога за последние годы?

К началу налогового года, весной нынешнего года, рост народного хозяйства выявился совершенно отчетливо. Отчетливо выявилась и тенденция дальнейшего роста народного хозяйства, и государственного бюджета, в том числе, за счет доходности тех отраслей народного хозяйства, которые в первые годы революции дохода не приносили, или приносили очень мало.

Как мы сказали выше, одной из главнейших задач партии является способствовать наибольшему развитию сельского хозяйства, развитию производительных сил деревни. А так как

разрешению этой задачи способствует понижение налога, то и решено было понизить его. Это понижение тем легче могло быть произведено, потому что вследствие роста остальных доходных статей государственного бюджета, можно было роль сельхозналога в общегосударственном бюджете значительно понизить. Но в бюджете отдельных крестьянских хозяйств налог и нынешнего года занимает довольно крупное место.

Наш сельхозналог, даже пониженный до 240 млн. руб., все же в среднем составляет на каждое платящее налог хозяйство, примерно—15 руб.[1]).

Всякое исчисление тяжести налога, по отношению к общему товарному фонду сельского хозяйства, к общей покупательной способности сельского хозяйства, вообще ко всяким средним, вряд ли убедительно. Различия мощности отдельных категорий крестьянских хозяйств чрезвычайно велики. Поэтому эта средняя сумма налога, или средняя тяжесть налога, исчисленная по Союзу, мало показательна.

Все же мы приведем несколько цифр о тяжести налога по отношению к покупательной способности крестьянства:

в 1922—23 г. покупат. способн. кр-ва была исчислена в 1.072 млн. черв. руб.[2])
„ 1923—24 „ „ „ „ „ „ „ 1 618 „ „ „
„ 1924—25 „ „ „ „ „ „ „ 1.971 „ „ „
„ 1925—26 „ „ „ „ „ „ „ 2.590 „ „ „ [3])

По отношению к покупательной способности крестьянского хозяйства из'ятие сельхозналогом составляет:

Годы.	Покупат. способн. сельск. населения в млн. руб.	Рост в %%.	Сумма налога с крестьянства в млн. руб.	То же с эмиссион. налогом.	% из'ятия с.-х. налога.	
					Без эмис. налога.	С эмис. налогом.
1922—23 год	1.072	100	235	265	21,9	24,7
1923—24 „	1.618	150,9	272	332	16,8	20,5
1924—25 „	1.971	183,9	335	335	17,0	17,0
1925—26 „	2.590	241	240	240	10,8	10,8

---

1) Всех хозяйств, в круглых цифрах, 22 млн. Примерно 6 млн. хозяйств от налога освобождаются. Таким образом, платящих налог будет 1[illegible] млн.

2) П. И. Попов. «Итоги хозяйственного года и сельско-хоз. баланс».

3) В нашем распоряжении были только контрольные цифры Госплана. В виду того, что методы исчисления Госплана не совпадают с методом исчисления за предыдущие годы, мы сделали так: товарную часть (без внутрикрестьянского оборота) Госплан исчислил в 3.516,5 млн. черв. руб., или в 131,4% по отношению к 1924—25 г. Мы взяли 131,4% от 1.971 млн. руб. (покупат. способ. в 1924—25 г.) что и составляет 2.590 млн. руб. Предупреждаем, однако, о спорности такого расчета.

Здесь мы замечаем, что процент из'ятия из года в год падает. По отношению к нынешнему году этот процент из'ятия особенно понижен и вследствие значительного понижения самого налога, и вследствие значительного роста сельского хозяйства. Тем не менее, он все же довольно значителен, а по отношению к отдельным категориям крестьянских хозяйств размер из'ятия довольно высок.

Чтобы говорить о тяжести налога, повидимому, в первую очередь нам необходимо говорить о доходности сельского хозяйства. Чтобы ясен был размер понижения налога нынешнего года, приводим следующую табличку доходности сельского хозяйства и размера налога за последние годы.

Отношение сельхозналога к доходности сельского хозяйства [1]).

Годы.	Валов. дох. с.-хоз. хозяйства в млн. руб.	Рост в %%.	Условный чист. доход сел. хоз. в млн. руб.	Рост в %%.	Сумма налога на крестьянство.	Рост в %%.	Сумма налога на крест. с эмиссион. налогом.	% из'ятия дох. Валовой		Усл.-чистый.	
								Без эмис.	С эмис.	Без эмис.	С эмис.
1922—23 г.	5.563	100	4.021	100	235	100	265	4,2	4,8	5,8	6,6
1923—24 г.	8.652	155,5	6.228	154,9	272	115,7	332	3,1	3,8	4,4	5,3
1924—25 г.	9.128	164,1	6.698	166,6	335	142,6	335	3,7	3,7	5,0	5,0
1925—26 г.	14.257	256	10.408	258	240	101,2	240	1,6	1.6	2,3	2,3

При построении нынешнего налога условно чистый доход сельского хозяйства по Союзу был принят в 6 млрд. руб. По отношению к этому доходу исчисленная сумма налога в 280 млн. руб., т.-е. сумма налога, для которой строились таблицы ставок для каждой губернии, составляет 4,6%, а сумма налога, имеющая фактически поступить (240 млн. р.),—только 4%.

Сумма налога по Союзу исчислена по всему количеству об'ектов обложения, числящихся по Союзу и по таблицам ставок, установленным для каждой губернии. Поэтому, всякого рода льготы и скидки предоставляются уже за счет исчисленного налога. Это значит, что, если исчислено 280 милл. руб., то после освобождения от налога бедноты, после предоставления всех предусмотренных льгот и скидок, сумма налога, имеющая реально поступить—значительно понизится. Фактически с исчисленных в нынешнем году, примерно, 280 милл. р. реально и должно поступить только 235—240 милл. руб.

---

1) За первые года три—по исчислениям Кон'юнктурного Института НКФ, а за 1925—26 г.— Отдела Сельхозналога НКФ СССР. Эти расчеты требуют безусловного пересчета.

Прогрессия нынешнего налога.

Таблицы ставок для губернии, в соответствии с основными задачами партии по отношению к крестьянству, строились так, чтобы общее понижение налога коснулось не только бедноты, но и других, более мощных групп крестьянских хозяйств. Мы предупреждаем, при определении «более мощных», «менее мощных» крестьянских хозяйств мы исходим из одного условного положения, которое, разумеется, не всегда гарантирует правильность определения, но все же дает наиболее вероятное доказательство принадлежности этого хозяйства к той или иной категории хозяйств по мощности. Как мы уже говорили, сельхозналог исчисляется по количеству только двух об'ектов: по количеству земли и крупного скота (рогатого и рабочего), приходящихся на едока в хозяйстве. Вероятно, найдется целый ряд крестьянских хозяйств, для которых эти признаки не определяют мощности хозяйства. Найдутся хозяйства, которые, имея наименьшее количество земли и скота на едока, благодаря наличию дохода от других источников, не учитываемых сельхозналогом. (скажем, от второстепенных отраслей сельского хозяйства или от неземледельческих заработков), являются более мощными, чем хозяйства, более обеспеченные теми об'ектами обложения, которые учитываются налогом. Все же можно сказать, что для громаднейшего большинства хозяйств, обеспеченность хозяйства основными об'ектами обложения на едока служит достаточным показателем мощности хозяйства.

Как же строились таблицы ставок? Какова прогрессия нынешнего налога, степень и система понижения тяжести нынешнего налога в сравнении с прошлым годом?

Чтобы не загромождать статью, мы приведем расчеты только по нескольким губерниям из различных районов.

Архангельская губерния.

Колич. облаг. един. на едока.	Сумма налога на едока.		% понижения.	Тяжесть нал. на облаг. един.		Доход на едока		% из'ятия дохода.	
	1924—25 г.	1925—26 г.		1924—25 г.	1925—26 г.	1924—25 г. при 78 р. 71 к. дох. на обл. един.	1925—26 г. при 88 р. 64 к. дох. на обл. един.	1924—25 г.	1925—26 г.
0,25	0.39	0,22	43,6	1,56	0,88	19,67	22,16	1,98	0,99
0,50	1,63	1,18	27,7	3,26	2,36	39.36	44,32	4,14	2,66
0,75	2,87	2.13	25,8	3,82	2,84	59,03	66.48	4,86	3,20
1.00	4,12	3,26	20,9	4,12	3,26	78,71	88,64	5,23	3,68
1,25	5,36	4.39	18,1	4,28	3,51	98,39	110,80	5,45	3.96
1,50	6,60	5,51	16,5	4,40	3,67	118,07	132,96	5.59	4,14
2,00	9,09	7,75	14,7	4,54	3,88	157,42	177,28	5,77	4,37
2,50	11,57	10,00	13,6	4,62	4,00	196,78	221,60	5,88	4,51
3,00	14,06	12,25	12,9	4.69	4,08	236,13	265,92	5,95	4,61
3,50	16,54	14,50	12,3	4,73	4,14	275,49	310,24	6,00	4,67

Как в этой, так и в следующей таблице, мы берем 10 групп, по количеству облагаемых единиц на едока. Первые 9 из этих 10

групп совпадают с теми группами по земле (главному об'екту обложения), которые принимались в течение последних четырех налоговых лет. Возможно, что внутри этих 10 групп могут быть некоторые другие группы, но они серьезного значения не имеют. Вряд ли требуется более дробная группировка, чем в одну четверть налоговой единицы на едока, или даже в половину единицы. Отчасти это подтверждает разбивка всех крестьянских хозяйств по этим 9 группам в %% [1]).

№№	Количество облагаем. един. на едока до:	Колич. этих хозяйств в %% к общ. колич. хозяйств по Союзу.
I	0,25	4,17
II	0,50	9,55
III	0,75	16,56
IV	1,00	19,06
V	1.25	29,13
VI	1,50	12.46
VII	2,00	4 96
VIII	2,50	2,03
IX	3,00 и выше	2,08

В табличке по Архангельской губ. (и по другим) мы даем, во-первых, сумму налога на едока в прошлом году и в нынешнем и процент понижения. Как видим, понижение по группам дает совершенно правильный ряд понижающегося процента от низших к высшим группам. Особенно значительно понижение для первой, наиболее маломощной группы. Затем, чтобы дать процент из'ятия налогом дохода, мы даем тяжесть налога на облагаемую единицу в прошлом году и в нынешнем, доход на едока в прошлом году и в нынешнем по каждой группе и процент из'ятия.

Рязанская губерния.

Колич. облагаем. един. на едока.	Сумма налога на едока.		% понижения.	Тяжесть нал. на облаг един.		Доход на едока.		% из'ятия дохода.	
	1924—25 г.	1925—26 г.		1924—25 г.	1925—26 г.	1924—25 г. при 40 р. 37 к. на облаг. един.	1925—26 г. при 44 р. 19 к. на облаг. един.	1924—25 г.	1925—26 г.
0,50	0,54	0,25	53,7	1,08	0,50	20.18	22,09	2,68	1,13
0,75	1,45	0,72	50,3	1,93	0,96	30,28	33.14	4,79	2,17
1,00	2,36	1,20	49,2	2,36	1,20	40,37	44,19	5,85	2,72
1,25	3,27	2,10	35,8	2,62	1,68	50,46	55,24	6,48	3,80
1,50	4,18	3,00	28.2	2,79	2,00	60,55	66 29	6,90	4,53
2,00	6,88	4,80	30,2	3,44	2,40	80,74	88,38	8,52	5,43
2,50	9,58	6,60	31,1	3,83	2,64	100,93	110,48	9,49	5,97
3,00	12.28	8,40	38,7	4,09	2,80	121,11	132,57	10.14	6,34
3,50	14,98	10,20	31,9	4,28	2,91	141,30	154,67	10,60	6,59

[1]) «Сельск. хоз. СССР по сельхозналоговым сводкам». Изд. НКФ СССР.

Здесь мы обращаем внимание на следующее: в высших группах процент понижения несколько выше, чем в средних, т.-е. нарушение общего принципа, который проводится почти повсюду. Об'ясняется это тем, что нормы, т.-е. количества налоговых единиц на едока, которые облагались в прошлом году по первой, второй и третьей ставкам, не совпадают с нынешними. В прошлом году по первой, самой низкой ставке, облагалась первая половина десятины на едока. Она совпадает с нынешним годом. По второй же, средней ставке, в прошлом году облагались излишки сверх половины десятины до 1,5 дес., т.-е. по 1 десятине на едока. В нынешнем году по второй, средней ставке, облагаются излишки сверх пол. десятины до 1 десятины на едока, т.-е. по 0,5 дес. По третьей, высшей ставке, в прошлом году облагался излишек сверх полутора дес. на едока, а в нынешнем году—излишек сверх одной десятины.

Таким образом, в целом ряде хозяйств количество налоговых единиц, облагавшихся в прошлом году по третьей ставке, в нынешнем году облагается по второй ставке. Этим самым те крестьянские хозяйства, в которых наибольшее количество налоговых единиц приходилось на третью ставку (наиболее крупные хозяйства), получают в нынешнем году наибольшее понижение налога.

Воронежская губерния.

Колич. облагаем. един. на едока.	Сумма налога на едока. 1924—25 г.	Сумма налога на едока. 1925—26 г.	% понижения.	Тяжесть нал. на облаг. един. 1924—25 г.	Тяжесть нал. на облаг. един. 1925—26 г.	Доход на едока. 1924—25 г. при 24 р. 29 к. дох. на облаг. един.	Доход на едока. 1925—26 г. при 25 р. 74 к. дох. на облаг. един.	% из'ятия дохода. 1924—25 г.	% из'ятия дохода. 1925—26 г.
0,25	0,17	0,08	52,9	0,68	0,32	6,08	6,44	2,79	1,21
0,50	0,34	0,15	55,9	0,68	0,32	12,15	12,87	2,79	1,23
0,75	0,95	0,42	55,8	1,27	0,56	18,22	19,31	5,21	2,17
1,00	1,56	0,70	55,1	1,56	0,70	24,30	25,75	6,41	2,71
1,50	2,78	1,26	54,7	1,85	0,84	36,45	38,62	7,62	3,26
2,00	4,54	2,56	41,4	2,27	1,33	48,59	51,49	9,34	5,16
2,50	6,29	4,06	35,5	2,51	1,62	60,74	64,36	10,35	6,30
3,00	8,04	5,46	32,1	2,68	1,82	72,89	77,23	11,03	7,06
3,50	9,79	6,86	29,9	2,80	1,96	85,04	90,10	11,51	7,61

Табличку по Воронежской губ. мы помещаем как характерную для всех губерний центрально-земледельческого района.

Терский округ.

Колич. облагаем. един. на едока.	Сумма налога на едока. 1924—25 г.	Сумма налога на едока. 1925—26 г.	% понижения.	Тяжесть нал. на облаг. един. 1924—25 г.	Тяжесть нал. на облаг. един. 1925—26 г.	Доход на едока. 1924—25 г. при 54 р. 27 к. на облаг. един.	Доход на едока. 1925—26 г. при 55 р. 54 к. на облаг. един.	% из'ятия дохода. 1924—25 г.	% из'ятия дохода. 1925—26 г.
0,25	0,20	0,15	25,0	0,80	0,60	13,57	13,88	1,47	1,08
0,50	0,40	0,30	25,0	0,80	0,60	27,14	27,77	1,47	1,08
0,75	0,95	0,72	24,2	1,27	0,96	40,70	41,65	2,33	1,73
1,00	1,50	1,15	23,3	1,50	1,15	54,27	55,54	2,76	2,07
1,20	2,05	1,57	23,4	1,64	1,26	67,84	69,43	3,02	2,26
1,50	2,60	2,00	23,1	1,73	1,33	8[illegible],40	83,31	3,19	2,40
2,00	4,65	4,15	10,8	2,33	2,08	108,54	111,08	4,28	3,74
2,50	5,70	6,30	6,0	2,68	2,52	135,67	138,85	4,94	4,57
3,00	8,75	8,45	3,4	2,92	2,82	162,81	166,62	5,37	5,07
3,50	10,80	10,60	1,9	3,09	3,03	189,95	194,39	5,60	4,45

Эту табличку мы помещаем, как показательную для всех районов, пострадавших от неурожая в прошлом году. По многим из этих губерний мы наблюдаем, при понижении налога в нынешнем году против прошлого года для низших групп—в высших группах это понижение доходит до единичных процентов, а по многим губерниям (Самарская, Саратовская, губ. Казакстана) в высших группах налог нынешнего года на едока выше прошлого года. Оно и понятно: если в прошлом году хозяйство, вследствие неурожая, платило очень мало, или было от налога вовсе освобождено, то нельзя же и в нынешнем году, при хорошем урожае, также освободить его от налога.

Таким образом, при среднем общесоюзном проценте из'ятия налогом в 4% условно чистого дохода, по отдельным группам крестьянских хозяйств этот процент из'ятия колеблется от $1^1/_2$% до 9—10%. При чем по губерниям процент из'ятия не везде совпадает. Чем об'ясняется пестрота процента из'ятия между губерниями? В первую очередь—средним губернским доходом на облагаемую единицу и на едока. Чем выше доход на едока, тем выше процент из'ятия.

Еще о тяжести нынешнего налога.

В истекшем году было взыскано по налогу 335 млн. руб. В нынешнем году к поступлению намечено 235—240 милл. рублей. Понижение на 95—100 млн. руб. Если исходить из суммы налога, исчисленной в прошлом году в 470 млн. руб. и в нынешнем 280 млн. руб., то понижение будет в 40%. При построении нынешнего налога для каждой губернии ориентировочно исчислялась тяжесть налога на хозяйство, едока и облагаемую единицу, сопоставлялась эта тяжесть с прошлым годом и выводился процент понижения. По этим предварительным исчислениям тяжесть налога на едока и хозяйство по Союзу понижалась на 41,11% и на 40,15%, а на облагаемую единицу на 36,14%. Ныне мы уже имеем результаты исчисления налога по громадней-

Сравнительная тяжесть обложения сельско-хозяйственным налогом (налог к пред'явлению) крестьянского населения в 1924—25 г. и в 1925 26 г. (в рублях)

Районы.	На хозяйство.			На едока.			На облагаемую единицу.		
	1924—25 г.	1925—26 г.	% изменен.	1924—25 г.	1925—26 г.	% изменен.	1924—25 г.	1925—26 г.	% изменен.
Крайний Север	11,49	7,68	— 33,16	2,30	1,53	— 33,48	3,58	2,66	— 25,70
Северный	16,14	10,66	— 33,95	3,23	2,17	— 32,82	3,33	2,29	— 31,23
Сев.-Западный	16,22	11,12	— 31,44	3,18	2,22	— 30,19	3,25	2,30	— 29,23
Западный	24,56	14,28	— 41,86	4,51	2,66	— 41,02	3,67	2,35	— 35,97
Моск. Промышл.	23,02	13,43	— 41,66	4,43	2,62	— 40,86	4,24	2,67	— 37,03
Центр.-Земл.	19,43	8,15	— 58,15	3,63	1,55	— 57,30	2,50	1,17	— 53,20
Волж.-Камский	16,49	9,87	— 40,15	3,20	1,94	— 39,37	1,89	1,22	— 35,45
Уральская обл.	21,44	14,59	— 31,95	4,47	3,06	— 31,54	4,42	2,35	— 46,83 *)
Башкирская АССР	14,14	12,43	— 12,09	2,84	2,52	— 11,27	1,65	2,49	+ 50,91
Волжский	12,60	7,86	— 37,62	2,48	1,55	— 37,50	1,67	1,41	— 15,57 *)
Низов. Волги	7,60	5,65	— 25,66	1,58	1,18	— 25,32	0,89	0,94	+ 5,62 *)
Юго-Восток	34,13	23,64	— 30,74	6,59	4,62	— 29,89	4,93	3,38	— 31,44 *)
Крымская АССР	56,84	31,96	— 43,77	12,47	7,10	— 43,06	6,83	4,45	— 34,85
Киргизская АССР	11,32	9,48	— 16,25	2,28	1,92	— 15,79	3,63	2,47	— 31,96 *)
Сибирь	23,70	14,36	— 39,41	4,46	2,68	— 39,91	4,66	3,41	— 26,82 *)
Бур.-Монг. АССР	27,21	10,87	— 60,05	5,95	2,31	— 61,18	5,89	3,45	— 41,43 *)
Якутская АССР	Сведений		нет.	Сведений		нет.	Сведений		нет.
Дальне-Вост. обл.	31,73	15,34	— 51,65	5,60	2,64	— 52,86	5,24	3,04	— 41,88 *)
Уз. ССР.	14,86	10,81	— 27,26	—	—	—	10,91	8,42	— 22,82 *)
Турк. ССР	32,82	19,84	— 39,55	—	—	—	12,68	8,75	— 30,99 *)
Белорусская ССР	21,46	12,96	— 39,61	3,93	2,39	— 39,19	3,50	2,21	— 36,86
Закавказск. ФСР	18,07	9,24	— 48,87	3,78	1,93	— 48,94	4,00	2,09	— 47,75 *)
Украинская ССР	23,48	14,57	— 37,95	5,06	3,11	— 38,54	3,24	2,29	— 31,24 *)

*) Звездочками отмечены те районы и республики, в которых мы даем тяжесть налога и размер понижения по ориентировочным данным. Мы по отношению к этим районам вынуждены были сделать так потому, что по каждому из этих районов есть одна—две губернии, которые еще сводок не прислали. Поэтому мы районных итогов вывести не можем.

шему большинству губерний и округов Союза. Считая эти данные важными, мы здесь ограничимся только районными данными, касающимися понижения налога на хозяйство, на едока и на облагаемую единицу (см. табл. на предыд. стр.).

Первое, на что мы обращаем внимание, это на то, что процент понижения тяжести налога на хозяйство и на едока почти совпадает. Это об'ясняется тем, что людской состав крестьянских семей за год мало изменился.

Второе. Мы получаем довольно значительную пестроту в размере понижения по районам. Еще большую пестроту мы получаем по отдельным губерниям внутри районов. Об'ясняется это в первую очередь тем, что мы даем здесь сопоставления с прошлым годом. В очень многих случаях понижение, или повышение размера понижения по отношению к прошлому году, об'ясняется необходимостью внести исправления в прошлогоднюю тяжесть налога.

Третье. При установлении размеров нынешнего налога, мы исходили из другой доходности, исчисленной совершенно самостоятельно по другим методам. Если бы мы брали размер из'ятия в нынешнем году по отношению к доходу нынешнего года без сопоставления с прошлым годом, возможно такой пестроты мы бы и не получили. Затем, экспертным путем приходилось вносить целый ряд исправлений, в связи с общим состоянием сельского хозяйства в отдельных губерниях и учитывать, в какой степени та или другая губерния оправилась от неурожаев прошлых лет.

При всех наших сопоставлениях тяжести нынешнего налога с прошлогодним, необходимо иметь в виду следующие обстоятельства: при построении нынешнего налога, для каждой губернии было принято пониженное против прошлого года количество облагаемых единиц—и вот почему. Нормы пересчета скота в пашню, в сравнении с прошлым годом понижены по Союзу примерно на 34%. В прошлом году голова облагаемого скота, в среднем по Союзу, пересчитывалась или приравнивалась к 0,76 дес. земли. В нынешнем году примерно—к 0,5. При построении нового налога мы исходили из учтенных в прошлом году об'ектов обложения, но количественно они, вследствие понижения норм пересчета, понизились. По Союзу в прошлом году было учтено 146 млн. облагаемых единиц. При построении налога нынешнего года, было принято 128 млн. единиц. При этом также не учитывалось то, что вследствие общего роста сельского хозяйства, количество облагаемых единиц вероятно повысится.

По многим губерниям и округам Союза нет еще результатов учета об'ектов обложения в нынешнем году. Но по тем губерниям и районам, которые уже прислали сводки учтенных об'ектов обложения видно, что мы имеем повсюду повышение числа об'ектов обложения.

Место нам не позволяет расширять и углублять разбор нынешней системы обложения. Ограничимся сказанным, тем более, что на будущий год, согласно постановлению XIV Партконференции, предстоит нынешнюю систему налога, в той или иной степени, изменить.

Сколько когда должно поступить налога.

Остановимся только вкратце на прохождении нынешней налоговой кампании. Как мы уже сказали, исходя из необходимости внесения наибольшей твердости и ясности в хозяйственные расчеты крестьянского хозяйства, законом были установлены твердые сроки поступления налога, которые менять нельзя в течение всего налогового года. В прошлом году в этой области не все было благополучно.

Налог по Республикам должен поступить в следующие сроки и следующими суммами (в миллионах).

	На 1/XI	На 1/I	На 1 IV—V	Всего.
РСФСР	39	46,8	70,2	156,0
УССР	24,7	15,475	21,7	61,9
БССР	1,1	3,2	2,9	7,2
ЗСФСР	1,5	2,1	2,4	6,0
ТуркССР	0,4	0,5	0,1	1,0
УзССР	2,3	3,9	1,6	7,8
Всего по Союзу	69,0	72,0	98,9	239,9

Следует запомнить, что это—весь налог, т.-е. включая и те 41,5%, которые отчисляются в волостной бюджет и остаются в волости.

С понижением роли сельхозналога в бюджете нет особой нужны в частой и дорого стоющей отчетности. Поэтому установлена 2-недельная отчетность. Таким образом, данные о поступлении налога на 1/XI будут числа 15 ноября. Принимая во внимание общее понижение налога при повышении доходности сельского хозяйства, нет оснований сомневаться в успешном поступлении налога.

Следует ли изменять нынешнюю систему налога.

Следует ли полагать, что после внесения в нынешнем году всех изменений в старую систему устранены все недостатки этой системы? Точнее, следует ли считать нынешнюю систему обложения деревни совершенной?

Безусловно нет.

Когда разрабатывалась нынешняя система обложения деревни, учитывались все недостатки, но учитывались и все затруднения, связанные с коренной реформой обложения деревни.

Как мы уже говорили, внесением некоторых изменений в старую систему преследовалась цель елико возможно уменьшить, ослабить те недостатки, которые были в прошлогодней системе

и в то же время указывалось на необходимость значительной реформы системы обложения деревни. Об этом исчерпывающе сказали и XIV партийная конференция и III С'езд Советов.

Происходящие в деревне процессы, необходимость наиболее действительной помощи крестьянской бедноте, необходимость некоторого уравнения системы обложения города и деревни—требуют реформы системы обложения. И XIV партконференция поручила этим вопросом заняться.

Мы познакомили товарищей с нынешним сельхозналогом, а в следующей статье скажем, каким, по нашему мнению, должен быть сельхозналог.

Л. Кауфман.

Перспективы роста и задача воспроизводства рабочей силы.

I.

Наступивший 1925—26 хозяйственный год знаменует собой завершение первого—восстановительного—периода промышленного производства и начало второго периода—реорганизации, реконструкции, расширенного воспроизводства на более высокой, более совершенной технической базе.

Понятием «восстановительный» мы пользуемся здесь условно, имея в виду максимальное производственно-техническое использование наличных производительных сил и, в первую очередь, наличного основного капитала промышленности.

В нашем распоряжении имеется сейчас огромной ценности материал. Это—«Контрольные цифры» на 1925—26 г. Госплана, задача которых «дать на предстоящий год основные контуры важнейших народно-хозяйственных элементов, установить их взаимную связь и обрисовать то состояние народно-хозяйственного целого, которое, по всей вероятности, будет достигнуто в грядущем (1925—26) году». Расчеты Госплана, отраженные в контрольных цифрах, были, в общем и целом, одобрены закончившимся на днях пленумом ЦК партии и являются, таким образом, авторитетной ориентировкой в хозяйственной перспективе.

Намеченное Госпланом дальнейшее развертывание производства в 1925—26 г. видно из приводимых ниже цифр валовой продукции, выработки на 1 раб. и численности рабочих по основной, наиболее крупной промышленности, охватываемой производственными планами ВСНХ.

Годы.	Валовая продукция (в милл. руб.).		Продукция на 1 раб. (в руб.).		Численность
	По довоен. ценам.	По соврем. цен. в черв руб.	По довоен. ценам.	По соврем. цен. в черв. руб.	(в тыс. чел.).
1923—24	1.134	2.446	1.186	2.558	956
24—25	1.857	3.538	1.658	3.158	1.121
25—26	2.742	4.752	1.906	3.306	1.437

В этом случае динамика роста промышленности предстанет в следующем виде:

Годы.	Валовая продукц. (по довоен. цен.).		Продукц. на 1 раб (по довоен. цен.).		Численность.	
	В проц. к 1913 г.	В проц. к предш. г.	В проц. к 1913 г.	В проц. к предш. г.	В проц. к 1913 г.	В проц. к предш. г.
1923—24	36,7	—	61,2	—	60,1	—
24—25	60,2	163,7	85,5	139,8	70,5	117,3
25—26	88,9	147,7	98,4	115,1	90,3	128,2

Следовательно, при увеличении числа рабочих в текущем году в среднем за год на 28,2%, дальнейшем повышении производительности на 15,1%, сумма валовой продукции возрастет на 47,7% против 1924—25 г. (2.742 т. против 1.857 т.) и составит 88,9% продукции 1913 г.

Отсюда явствует также, что если в 1924—25 г. рост производства, который по темпу выше исчисленного для 1925—26 г. (63,7% против 47,7%) происходил, в преобладающей степени, за счет роста индивидуальной производительности рабочих (на 39,8% при относительно более низком увеличении числа рабочих: на 17,3%), то в 1925—26 г. положение резко меняется и одним из основных факторов дальнейшего роста выработки является численный рост пролетариата при значительно более низком темпе повышения производительности.

В ряду причин, обусловливающих убывающий темп прироста производительности, помимо естественного приближения к пределу использования и наличного оборудования и наличной рабочей силы, значительное место принадлежит также и тому факту, что в текущем году в производство вовлекается большее число промышленных предприятий, находившихся в положении консервации, предприятий технически слабее оборудованных, нередко полукустарных, и с эксплоатационной стороны, следовательно, менее рентабельных. Производственный эффект этих предприятий ниже, производительность рабочих здесь слабее. А это не могло не сказаться на показателях средней выработки 1 рабочего по всей промышленности.

Необходимо отметить однако, что, как это указывается Перспективным Планом ВСНХ на 1925—26 г. [1]), большинство намеченных к дополнительному пуску предприятий, относятся к числу пищевых.

Что касается всей основной тяжелой и ряда отраслей легкой промышленности, то здесь, как это явствует из дальнейшего, вопрос стоит в плоскости капитальных затрат: на переоборудование, расширение путем новых сооружений и установок и на постройку новых фабрик и заводов. Мы ознакомились выше с данными о росте всей основной промышленности в целом. Нижеследующие данные

[1]) „Перспективы промышленности на 1925—26 операционный год“

характеризуют рост продукции в 1925—26 г. по главнейшим отраслям (планируемым ВСНХ) (абсолютно и в %% к 1913 г.) [1]).

Отрасли промышленности.	Валовая продукц.		Продукция на 1 раб.		Численность.	
	В милл. р. по дов. цен.	В проц. к 1913 г.	В руб. по дов. цен.	В проц. к 1913 г.	В тыс. чел.	В проц. к 1913 г.
1. Каменноугольн.	126,0	78,9	751	87,2	167,7	90,5
2. Нефтедобывающ. .	238,0	84,8	6.887	108,9	34,7	78,3
3. Металлическая . .	885,0	89.8	1.673	100,0	528,8	89,9
4. Электротехнич. .	109,1	337,0	4.487	105,4	24,3	319,9
5. Хлопчато-бумажн.	981,7	92,1	2.148	96,8	457,1	95,1
6. Резиновая	58,8	83,3	3.625	74,0	16,2	112,6
7. Сахарная	209,8	62,9	1.846	85,6	113,7	73,4
8. Табачно-махороч.	103,6	86,5	5.380	108,6	19,3	79,6

В среднем же, по важнейшим отраслям промышленности, 1925—26 г. в %% к 1913 г. составит, как отмечалось выше, по валовой продукции 88,9%; по выработке на 1 раб.—98,4%; по числу рабочих—90,3%. Расчеты ВСНХ, дающие несколько иную динамику роста по отраслям, показывают, в общем и целом, то же, т.-е. что «по большинству отраслей промышленности мы достигнем в 1925—26 г. от 80—100 и выше процентов довоенного уровня».

Однако, этот намеченный для 1925—26 г. об'ем производства имеет своим пределом не насыщение рынка, емкость коего, наоборот, растет и с точки зрения производственных потребностей и с точки зрения широкого потребительского спроса. Предел — и это в первую очередь относится к индустрии, обслуживающей производственные потребности самой же промышленности—ставит состояние основного капитала, точнее—**техническая мощность наличного оборудования**. С этой стороны крайне показательны сообщаемые ВСНХ, в качестве предварительного и ориентировочного материала, «данные об использовании основного капитала и неиспользованном резерве технической мощности оборудования». Из этих данных видно, что по ряду основных отраслей (по металлургии, машиностроению, нефтяной, лесной, огнеупорной, стекольной и цементной промышленности) об'ем производства 1925—26 г. почти целиком покрывает техническую мощность всего наличного оборудования, включая сюда и тот коэффициент роста мощности предприятий, который получится в результате предпринимаемых в 1925—26 г. капитальных работ по переоборудованию и дальнейшему развертыванию производства [1]).

[1]) Цифры эти сейчас подвергаются в Госплане некоторому уточнению, в частности—по металлической промышленности. Сумма продукции в силу этого несколько понизится. Однако, понижение это будет, очевидно, в пределах 2 или 3% по всей крупной промышленности, что основных расчетов существенно не меняет.

Некоторый резерв «неиспользованной мощности» дадут предприятия легкой промышленности, но здесь расширение производства тормозится не состоянием оборудования, хотя возможности расширения и здесь ограничены, а, в первую очередь, «недостатком сырья внутреннего происхождения и ограниченными возможностями импорта сырья из-за границы».

Освещение этого последнего вопроса выходит за пределы настоящей статьи.

Сейчас задача наша, определив темп роста основной промышленности в 1925—26 г., выявить непосредственно связанную с этим **потребность промышленности в рабочей силе**.

Вышеприведенные показатели дают, следовательно, картину продолжающегося промышленного под'ема, констатируя в то же время ослабление, по мере приближения к пределу использования основного капитала, темпа этого под'ема от 1924—25 года к 1925—26 году. Об этом свидетельствуют данные валовой продукции. В этом убеждает нас также и понижающийся, относительно, темп увеличения производительности рабочих в 1925—26 г. по сравнению с ростом выработки рабочих в 1924—25 г.

Иначе—с численным составом фабрично-заводских рабочих. Здесь (за некоторыми исключениями, о которых речь ниже) мы наблюдаем и абсолютный и относительный (против 1924—25 г.) рост как по отдельным крупнейшим отраслям, так и по всей основной промышленности в целом. Это наиболее наглядно иллюстрируется следующей таблицей динамики промышленного роста за последние два операционные года:

Отрасли промышленности.	Валовая продукц.		Продукция на 1 раб.		Численность.	
	1924—25 г. в проц. к 1923—24 г.	1925—26 г. в проц. к 1924—25 г.	1924—25 г. в проц. к 1923—24 г.	1925—26 г. в проц. к 1924—25 г.	1924—25 г. в проц. к 1923—24 г.	1925—26 г. в проц. к 1924—25 г.
1. Каменноугольн.	100,2	143,8	125,3	124,1	80,0	116,0
2. Нефтедобывающ. .	112,0	118,2	111,4	122,7	100,8	96,7
3. Металлическая . .	192,2	162,6	153,0	111,2	125,1	146,2
4. Электротехнич. .	163,9	173,0	136,8	121,1	119,9	142,8
5. Хлопчато-бумажн	185,4	141,5	130,6	115,1	142,0	123,1
6. Резиновая	242,8	166,6	161,1	140,2	139,1	118,9
7. Сахарная	174,9	154,7	160,2	141,2	96,5	117,2
8. Табачно-махороч.	142,8	115,3	133,8	109,8	106,7	105,0

[1]) „На капитальн. затраты в 1925—26 г. намечено 835 милл. руб., из них 200 милл. на постройку новых заводов". См. „Перспективы промышленности" ВСНХ.

Особняком—по темпу роста валовой продукции.— стоят отрасли: электротехническая, каменноугольная и нефтедобывающая.

Электростроительство в течение последних двух лет идет мощными шагами вперед. Это—одно из крупнейших наших хозяйственных достижений. В прошлом году электропромышленность увеличила свое производство на 63% против 1923—24 г.; в нынешнем году, благодаря дальнейшим крупным затратам на достройку электростанций, расширение существующих и на новые сооружения, продукция электропромышленности возрастает за год на 73%, превышая уровень 1913 г. почти в 3½ раза (32,4 милл. р. в 1913 г.; 109,1 милл. р. в 1925—26 г.).

Каменный уголь против прошлого года, когда прироста добычи не было, дает новое значительное увеличение, обусловливающееся общим промышленным ростом и повышением потребности в топливе; то же относится и к нефти.

По остальным же отраслям кривая под'ема обнаруживает по ряду отраслей, в первую очередь по текстилю, довольно основательное замедление темпа.

Производительность рабочих в равной степени дает убывающий темп под'ема. Некоторое дальнейшее повышение все же имеет место, главным образом, за счет более полной нагрузки предприятий и проводимых технических улучшений.

Что же касается численного состава рабочей силы, то прирост ее в 1925—26 г. по большинству отраслей выше прироста 1924—25 г. Некоторое относительное замедление прироста отмечается по текстилю при, в общем, все же значительном увеличении рабочего состава (на 23%) и из остальных—по резиновой и табачной отраслям. И лишь по нефти—стационарность рабочей силы с некоторой даже тенденцией к понижению.

В среднем же по важнейшим отраслям промышленности в 1925—26 г., как это отмечалось нами выше, число рабочих возрастет, по сравнению с 1924—25 г., на 28,2%. В абсолютных цифрах это составит 1.437 т. чел., что в отношении 1913 года, составляет 90,3%.

II.

Таким образом, промышленность стоит в текущем году перед задачей вовлечения в производство новых значительных кадров пролетариата. Выше речь шла о «важнейших отраслях». В этих отраслях прирост рабочей силы в среднем за год, по расчетам Госплана, составит 317.000 человек. Для всей же цензовой промышленности прирост рабочей силы даст цифру близкую к 400.000 чел. (1.900 т. в 1924—25 г.; 2.300 т. в 1925—26 г.). Из этой массы, однако, около 70% всего прироста по цензовой промышленности падает на текстиль и металл. Далее следуют каменноугольная, стекольная, электротехническая и сахарная отрасли, дающие около 15% всего прироста рабочей силы по цензовой промышленности. Абсолютно это составит:

По металлическ. промышленности	167,6 т. раб.
„ хлопчато бумажной	85,5 „
„ каменноугольн.	23,1 „
„ стекольной	12,0 „
„ электротехн.	7,0 „
„ сахарной	20,7 „

Таковы общие цифры. Но непосредственно интересующая нас проблема—это степень потребности промышленности в обученной рабочей силе, в квалифицированных рабочих, так как от наличия (или недостатка) в стране квалифицированных и полуквалифицированных кадров зависит в значительной степени самый ход промышленного производства. В настоящем году мы сталкиваемся впервые, за годы под'ема, с положением, когда, несмотря на наличие значительной резервной армии безработных, по ряду отраслей промышленности будет наблюдаться острый недостаток в специалистах-рабочих. Отсюда—внимание, какое уделяется сейчас этому вопросу партией и руководящими советскими органами. Отсюда и та сеть мероприятий, которая намечена в текущем году и о которой речь будет ниже. Какова же потребность в рабочей силе в 1925—26 г.—отдельно в квалифицированной и в полуквалифицированной?

Отделом Статистики Труда Наркомтруда проделана обстоятельная работа по определению потребности в текущем году в рабочей силе по производствам и квалификациям [1]). Данные—несколько отличны от исчислений Госплана. Для всей цензовой промышленности Статистика Труда дает прирост в 433,4 т. рабочих. По основной промышленности [2]) — прирост в 298,9 тыс. чел. Но динамика роста, в общем, соответствует той, какая намечена Госпланом в «Контрольных цифрах». По этим данным представляется возможным установить, хотя бы ориентировочно, степень потребности промышленности в рабочих разных квалификаций. Потребность устанавливалась с учетом, во-первых, прироста, вызываемого расширением производства, во-вторых, — естественной убыли рабочей силы и необходимости ее пополнения. Картина в общем такова:

Категории рабочих.	По всей цензовой промышленности			По основной пром-сти, учитываемой ЦОС'ом ВСНХ.		
	Прирост в тыс.	Убыль в тыс.	Потребность в тысяч.	Прирост в тыс.	Убыль в тыс.	Потребность в тысяч.
Квалифицир. рабоч.	184,3	40,1	224,4	127,0	30,7	157,7
Полуквалиф. „	117,0	25,6	142,6	80,7	19,5	100,2
Неквалифиц. „	132,1	28,9	161,0	91,2	22,1	113,3
По всей промышл.	433,4	94,6	528,0	298,9	72,3	371,2

Эти ориентировочные данные свидетельствуют, таким образом, что в нынешнем году потребность в квалифицированной рабочей силе, с учетом убыли—по инвалидности, смертности и т. д.— составит, примерно, половину всей потребности. Иначе говоря,

[1]) О методе исчисления см. работу В. Зайцева, „План воспроизводства рабочей силы в промышленности СССР“.

[2]) По кругу предприятий, учитываемых ЦОС'ом ВСНХ.

промышленный рост текущего года пред'являет спрос на обученную рабочую силу в размерах, далеко превосходящих тот масштаб подготовки квалифицированных рабочих, какой существовал до сего времени.

В самом деле, некоторые шаги в области производственного обучения были предприняты лишь с началом промышленного под'ема, т.-е. с 1922—23 г. Годы войны и революции, предшествовавшие нэпу, новых кадров обученных рабочих не дали. Больше того—эти годы не могли не произвести жестоких опустошений в наличной квалифицированной рабочей силе. Между тем, самый темп подготовки молодежи в течение последних лет был таков, что он далеко не покрывал образовавшегося, в результате 10-летней убыли, провала. Все это, при наличии, с другой стороны, стремительного под'ема промышленности, приближения ее к довоенным нормам продукции и, следовательно, роста потребности в квалифицированных рабочих,—неизбежно должно было поставить промышленность—раньше или позже—перед фактом отсутствия необходимых резервов. Таково положение, создавшееся в нынешнем году, положение, со всей остротой и актуальностью выдвигающее необходимость принятия ряда практических мер к тому, чтобы дело производственной учебы, поелику возможно, форсировать. Это же отмечается и Госпланом в его основных выводах по контрольным цифрам:

«Ожидаемый при предположенном темпе развития промышленности недостаток квалифицированной рабочей силы в некоторых отраслях ставит на очередь проблему подготовки квалифицированной рабочей силы, для чего должна быть соответствующими органами разработана система необходимых мероприятий».

С потребностью в квалифицированных рабочих по всей промышленности мы ознакомились выше. По крупнейшим отраслям эта потребность распределяется следующим образом (данные Статистики Труда):

Отрасли.	Квалифиц. раб.	Полуквалифиц. раб	Некналифиц. раб.	Общая потребн.
1. Текстильная	52,5	43,0	31,8	127,3
2. Металлическая . . .	46,9	13,2	34,3	94,4
3. Каменноугольная . .	9,9	4,7	6,3	20,9
4. Химическая	3,6	2,2	2,4	8,2
5. Силикатная	11,8	6,8	10,9	29,5
6. Бумажная	0,9	1,7	1,3	3,9
7. Деревообделочная .	1,7	3,4	8,4	13,5
8. Пищевкусовая . . .	6,9	6,6	7,1	20,6

Отсюда видно, что основной спрос на квалифицированную и полуквалифицированную рабочую силу пред'являют отрасли текстильная и металлическая. В значительно меньшей степени—остальные.

Спрос этот охватывает большое число профессий по каждой из этих отраслей. Удовлетворить эту потребность в квалифицированных и полуквалифицированных рабочих соответствующих профессией является для данного момента важнейшей задачей.

III.

Путей к тому, чтобы обслужить промышленность потребными кадрами, два: это, во-первых, отбор путем экспертизы рабочих потребных квалификаций и профессий из числа безработных и, во-вторых, форсированное обучение молодняка и переобучение безработных же.

На 1 июля с. г. число безработных, зарегистрированных на биржах труда, исчислялось, примерно, в 1.100—1.200 т. чел. Из этого числа на долю индустриальных рабочих (не считая строительных) приходилось около 21%, служащих (работников умственного труда)—23%, чернорабочих—36%. Распределение безработных по этим категориям в июле по сравнению с январем этого года показывает тенденцию к уменьшению на рынке труда безработных индустриальных профессий и, наоборот, рост, за счет нового притока из деревень, числа чернорабочих. На 1 июля на биржах состояло, таким образом, рабочих индустриального труда около 240.000. Однако, профессиональный состав этих безработных далеко не всегда соответствует потребному контингенту. Возможность использования безработных для нужд промышленности определяется, по исчислениям Статистики Труда, в следующих размерах:

Отрасли.	Квалифиц. раб. в тыс.	Полуквалифицир. раб. в тыс.	Неквалифицир. раб. в тыс.	Всего в тыс.
Текстильная пром.				
а) Потребность	58,6	43,9	32,5	130,0
б) Использован. безработн	8,8	5,6	32,5	46,9
в) Нужно подготовить . .	44,8	38,3	—	83,1
Металлическ. пром				
а) Потребность	75,7	21,3	55,5	152,5
б) Использован. безработн.	34,2	4,7	55,5	94,4
в) Нужно подготовить . .	41,5	16,6	—	58,1
По всей промышлен.				
а) Потребность	224,4	142,6	161,0	528,0
б) Использов. безработн	71,5	22,0	161,0	254,5
в) Нужно подготовить .	152,9	120,6	—	273,5

Таковы суммарные цифры использования безработных—цифры в значительной мере ориентировочные. Определить фактическую квалификацию и состав безработных по профессиям составляет практическую задачу Биржи Труда в настоящий момент. Осуществить это возможно, первым делом, путем соответствующей

экспертизы безработных. Во всяком случае с выделением в промышленность некоторых обученных контингентов, остается солидный пробел в 250—270 т. квалифицированных и полуквалифицированных рабочих, который может и должен быть восполнен организованными и неотложными мероприятиями по всем линиям производственного обучения и переобучения.

По вопросу о том, насколько этот недостаток в квалифицированной рабочей силе отразится, главным образом, на крупной промышленности, представляет интерес разработанный особой комиссией в Госплане план удовлетворения потребностей основной индустрии в рабочей силе в 1925—26 г. за счет, с одной стороны, вовлечения в производство наличных кадров квалифицированных безработных, с другой—обучения и переподготовки. Схема, разработанная комиссией такова:

Источники рабочей силы.	Рабочая сила (в тыс. человек).		
	Квалифиц.	Полуквалифицир.	Всего.
Потребность для предприят. ВСНХ	157	100	257
Может быть из'ято с Бирж Труда	60	20	80
Необходимо подготовить	97	80	177
Будет подготовлено.			
1. В школах фабзавуча	20	—	20
2. На курсах повышен. квалифик. при завод.	30	—	30
3. На курсах повышен. типа	8	—	8
4. Бригадное ученичество	4	—	4
5. Индивидуальное обучен.	5	80	85
6. На курсах ЦИТ	10	—	10
7. „ „ Главпрофобра	10	—	10
Итого	87	80	167
8. Покрываются передвижкой по предприятиям ВСНХ	10	—	10

Таким образом, предусмотрены все наличные источники подготовки рабочей силы и те рамки, в пределах которых может быть расширено и ускорено обучение еще в текущем хозяйственном году.

В общую сеть мероприятий входит, в частности, и переобучение безработных [1]).

Однако, совершенно бесспорно, что, даже при максимуме нажима в этом направлении в текущем году, осуществить полностью план снабжения промышленности вполне квалифицированной рабочей силой вряд ли удастся.

[1]) Для этой цели выделены особые суммы из средств, отпущенных по госбюджету в 1925—26 г. на борьбу с безработицей.

Среди потребных профессий имеются такие, которые требуют ряда лет предварительной подготовки. Часть их даст фабзавуч, бригадное и индивидуальное ученичество. Остальной же кадр будет, очевидно, подготовлен в большей или меньшей степени путем ускоренного обучения (на соответствующих курсах повышенного типа, курсах ЦИТ'а, Главпрофобра), или же путем краткосрочного ученичества (на предприятиях). И, в качестве крайней меры, существует возможность ввоза некоторого количества рабочей силы из-за границы.

Таким путем будет, повидимому, преодолен назревающий кризис в квалифицированной рабочей силе в текущем году.

Но именно опыт текущего года настоятельнейшим образом выдвигает на очередь проблему воспроизводства квалифицированной рабочей силы во всем об'еме. Дальнейшее развертывание промышленности, теснейшим образом связанное, по мере завершения т. н. «восстановительного» процесса, с технической реконструкцией производства, с механизацией и электрификацией, пред'явит спрос на новые кадры квалифицированных рабочих и техников. Учесть это, и учесть именно теперь, необходимо.

Разработка в плановом порядке соответственных в этой области практических мероприятий—задача бесспорно актуальнейшая. Глубоко неправы те, кто склонен преуменьшать остроту вопроса ссылками на то, «как было». Так, например, инж. И. Л. Зейдель (в статье, напечатанной в «Эконом. Жизни») [1]) готов вообще, очевидно, считать массовую подготовку квалифицированных рабочих делом ненужным, ибо «опыт 1914—15 годов наглядно показал, что расширение производства вполне возможно в процессе самой работы без предварительной массовой подготовки рабочей силы путем специального обучения». От такой точки зрения, отдающей своеобразным «хвостизмом» в вопросе, требующем, наоборот, усиленнейшего внимания и вдумчивого планового подхода,—необходимо, естественно, решительным образом отмежеваться. От того, по каким рельсам и каким темпом будет двинуто в дальнейшем дело подготовки квалифицированных резервов рабочей силы, зависит в значительной степени темп развертывания и самой промышленности.

---

[1]) „Экономическая Жизнь", 4/IX с. г. № 201.

Беннет.

После Скарборо и Ливерпуля.

Буржуазная печать расценивает Ливерпульский с'езд рабочей партии, как торжество «конституционализма». Подавляющим большинством с'езд высказался за программу «реформы и реконструкции», а исключением коммунистов из состава рабочей партии он как бы подчеркнул свою верность конституции. Эта «конституционная победа» развязала руки английским фашистам, мечтающим о кровавом походе против революционных элементов английского рабочего движения. Министр внутренних дел правительства Болдуина, г-н Гикс, которому лавры Муссолини не дают спать, сразу же умозаключил, что именно теперь своевременно ввести драконовские законы, которые сделали бы невозможной пропаганду революционных идей, а Макдональд—герой Ливерпуля—возомнил себя Наполеоном всемирного похода против Коминтерна.

Конституционализм Ливерпульского с'езда выразился не только в программе, но также в том, что лидер партии получил всю полноту власти. Английская общественная жизнь построена на своеобразном сочетании формальной демократии с фактической автократией. Нигде, как в Англии, лидер партии не располагает такой безграничной властью. А английское рабочее движение в течение десятилетий всемерно старалось воспринять от господствующих классов все условности лжедемократии, именуемой конституционализмом. В последние месяцы казалось, что власть Макдональда шатается. Но в Ливерпуле он опять заполучил бразды правления в свои руки. Старый профсоюзный деятель Годж назвал последний с'езд с'ездом Макдональда. По меткому замечанию «Таймса», Макдональд и его сподвижники были настолько хозяевами положения, что проведя в первый же день с'езда все свои резолюции могли спокойно вернуться к своим обычным занятиям.

История повторяется. Год назад Макдональду удалось на Лондонском с'езде рабочей партии провести ряд резолюций против коммунистов. В роли премьер-министра он вечером явился в парламент с сообщением господствующим партиям, что «правительство его величества» сделает все возможное для преодоления коммунизма в Англии. Он твердо надеялся, что его победа в королевском зале, где происходил с'езд рабочей партии, будет должным образом оценена и вознаграждена в Вестминстере. Алчущие боги реакции охотно приняли принесенную жертву, но при этом правильно рассудили, что именно после с'езда рабочей партии еще безопаснее, а потому желательнее, скинуть правительство Макдональда.

Просчитался в своих расчетах Макдональд и в этом году. Капиталистическая пресса очень горячо похвалила его за ста-

рания в Ливерпуле, поздравила с достигнутыми результатами и решила, что достигнутые Макдональдом результаты можно направить против рабочего движения в целом. И 5 октября, т.-е. через два дня после с'езда, Макдональду пришлось горько жаловаться на страницах «Таймса» на правительство, которое поощрением фашизма сводит на-нет его «победу над революцией».

Тем временем крупные рабочие организации столицы уже высказались против Ливерпульских решений, а «Дейли Геральд»—официальный орган рабочей партии и конгресса профсоюзов, редактируемый человеком, получившим выучку в желто-реакционной «Ежедневной Почте» («Daily Mail»),—усомнившись в прочности Макдональдовской победы, начал бить отбой.

Накануне Ливерпуля Макдональд высмеивал тех, кто подсчитывает цыплят весной. Он всемерно старался доказать, что не следует преувеличивать смысл и значение профсоюзного с'езда в Скарборо. Ливерпуль оправдал его предсказание. Но вряд ли будут правы те, кто вздумает расценивать Ливерпуль, как отказ рабочего движения от тех позиций, которые оно заняло на 57 с'езде профессиональных союзов.

Колоссальное расстояние отделяет резолюции, принятые в Ливерпуле, от резолюций, принятых в Скарборо. Эти с'езды показали всю мозаичность и пестроту английского рабочего движения, путающегося в сетях традиций далекого прошлого и переживающего кризис искания новых путей. Истории угодно было, чтобы на расстоянии одного месяца два с'езда рабочего движения показали нам в с ю гамму настроений и течений, борющихся внутри рабочего движения.

Базой обоих с'ездов являются профсоюзы. Последний профсоюзный конгресс представлял 4.343.000 организованных рабочих. На последнем с'езде рабочей партии было представлено 3.275.000 рабочих, из коих 3.240.000 приходится за счет профсоюзов, а около 35.000—за счет социалистических организаций, входящих в состав рабочей партии. Разница между числом рабочих, представленных на обоих с'ездах, обусловлена, главным образом, тем, что некоторые союзы, примыкающие к конгрессу профсоюзов, не входят в состав рабочей партии. К тому же многие профсоюзы в целях экономии вносят в кассу рабочей партии членские взносы за меньшее количество рабочих, чем они показывают при выборах на с'езды профсоюзов. Надо еще отметить, что те рабочие, которые отказываются от политического взноса, естественно, не могут быть представлены на с'ездах рабочей партии. Из сказанного ясно, что вряд ли можно допустить, чтобы эти две организации—конгресс профсоюзов и с'езд рабочей партии—представляли различные слои рабочего класса. Было бы также ошибкой полагать, что социалистические организации оказывают заметное влияние на программу и на практику рабочей партии. Чтобы постичь причину правого направления Ливерпуля и левых устремлений Скарборо, необходимо обратиться к взаимоотношениям между профсоюзами и рабочей партией.

Конгресс профсоюзов.

Конгресс профсоюзов является одной из старейших организаций в истории английского рабочего движения, в прошлом году праздновавшего столетие своего л е г а л ь н о г о существования.

С первого момента своего возникновения английские профсоюзы делали серьезные усилия в направлении создания общегосударственного центра профсоюзного движения. Первая половина прошлого века полна таких попыток, которые, однако, существенных результатов не дали. Центры возникали и распадались. Лишь в пору существования I Интернационала—в 1868 г.—рабочему движению удалось создать институт ежегодных конгрессов, который существует и поныне.

Эти конгрессы оказались, однако, бессильными в деле действенного об'единения и сплочения английского рабочего движения. И несмотря на периодические созывы конгрессов, профсоюзное движение во вторую половину прошлого века, чем дальше, тем более, распылялось. Конгресс функционировал без исполнительного органа. Его «парламентский комитет» занимался преимущественно политическим представительством интересов профсоюзов, не дерзая посягать на автономию отдельных профессиональных союзов. Лишь в 1920 г. «парламентский комитет» был реорганизован в «генеральный совет», хотя и с весьма ограниченными полномочиями. Что же касается профсоюзов, то необходимо отметить, что невзирая на колоссальную работу, проделанную в последние десятилетия в направлении замены цеховых организаций производственными союзами, конгресс еще поныне представляет около 1200 различных национальных организаций. И хотя в наиболее важных областях промышленности отдельные цеховые организации об'единились в союзы, более или менее приближающиеся к типу индустриальных союзов, до сих пор внутри об'единенных союзов продолжается борьба различных частей, помнящих прежнее время своего самостоятельного существования, и до сих пор рядом с крупными попрежнему существует масса мелких союзов. И конгрессу профсоюзов приходится поэтому уделять много времени и внимания конфликтам, возникающим внутри профессионального движения.

Правящие классы делали все от них зависящее, чтобы держать профсоюзное движение в распыленном состоянии, пользуясь для этой цели и «конституцией». До 1917 г. закон разрешал об'единение союзов между собой лишь в том случае, если в каждом из об'единяющихся союзов большинство в $^2/_3$ членов союзов высказывалось за об'единение. Если вспомнить, что редко удается в больших союзах добиться участия в голосовании такого большого количества членов, то ясно станет, что этот закон делал об'единение союзов почти невозможным. Новый закон об об'единении союзов был проведен в 1917 г. Но и этот закон требует: а) участия в голосовании 50% членов и б) квалифицированного большинства в пользу об'единения в 20%. Закон, таким образом, еще поныне стоит на страже интересов предпринимателей, сопротивляющихся об'единению профсоюзов, помогая одновременно чиновникам малых союзов, которые рассматривают переход к производственным союзам, как прямое посягательство на их интересы.

Конгрессы профсоюзов, естественно, отражают и выражают тягу рабочих к сплочению и к единству, но профсоюзная бюрократия приняла все меры к тому, чтобы оградить конгрессы от чрезмерного влияния масс. «Новейшая» конституция, по которой конгресс работает, была принята... в 1894 году. Душой этой конституции был реакционный деятель профсоюзного движения Джеймс Модсли. Конституция составлена таким образом, чтобы обеспечить чиновничеству максимальное влияние на работу с'езда. Ни конгресс, ни его исполнительный орган не могут иметь прямого контакта с местными организациями, они сносятся исключительно через центральные комитеты отдельных профсоюзов. Для полного ограждения конгресса от всяких «посторонних» влияний, конституция 1894 г. предусмотрела исключение из конгресса городских советов профессиональных союзов.

Невзирая, однако, на все эти предупредительные меры, последние конгрессы профсоюзов проявляют явную тягу влево. Уже 56 конгресс в Гулле вызвал тревогу среди тех, кто привык смотреть на профсоюзную бюрократию, как на опору капитализма. В речи председателя слышались новые ноты. А с'езд в целом за свое теплое отношение к советской делегации был прозван «обществом любителей советов».

Извилистыми путями идет развитие английского рабочего движения. Конец войны был отмечен огромным революционным под'емом. Массы валом валили в профсоюзы. Росли и развивались как союзы, входившие в состав конгресса, так и союзы, оставашиеся вне общего профсоюзного об'единения. Возникали новые союзы. В 1920 г. число рабочих, организованных в профсоюзы, выражалось цифрой в 8.493.000, а на конгрессе было представлено 6.505.000. Но господствующие классы ловко маневрировали, опираясь на реакционную верхушку рабочей партии и профсоюзов. «Черная пятница» является концом революционного под'ема и началом капиталистического наступления. Сейчас же после «черной пятницы» число организованных в профсоюзы рабочих пало до 6.793.000, хотя на конгрессе профсоюзов еще были представлены 6.418.000 (1921 г.). В 1922 году число организованных рабочих падает до 5.580.000 с представительством на конгрессе в 5.129.000. И падение продолжается вплоть до 1923 года, когда на с'езде в Плимуте были представлены уже только 4.369.000.

С'езды в Гулле и в Скарборо.

На с'езде в Плимуте профсоюзная бюрократия занималась преимущественно склочными конфликтами между различными мелкими союзами, находящимися в постоянной борьбе между собою. Этот с'езд переполнил чашу терпения активных работников профсоюзного движения, которые громко завопили о том, что им нужны не прачешные для стирки грязного белья, а с'езды, для сплочения рабочих в борьбе против наступающего капитала. В промежутке между Плимутским и Гулльским конгрессами кристализуется левая группа профсоюзных чиновников, опирающихся на широкие слои рабочего класса. И перед самым Гулльским конгрессом состоялась первая конференция меньшинства, поставившего своей задачей решительную перемену профсоюзной тактики.

Два практических предложения были поставлены на обсуждение с'езда в Гулле: 1) о расширении полномочий Генерального Совета и 2) о переходе к реорганизации профсоюзов на производственных началах. В рабочей массе было сильное стремление создать «генеральный штаб» профсоюзов, который мог бы с успе-

хом бороться против сложных и искусных маневров предпринимателей. Резолюция о расширении прав Генерального Совета была составлена в очень скромных выражениях. Согласно этой резолюции Генеральному Совету предоставляется право вмешаться в конфликт лишь после того, как соответствующий союз исчерпал все свои средства. В случае своего вмешательства Генеральный Совет обязан обеспечить рабочим данного производства моральную и материальную поддержку всего профсоюзного движения. Настроение было крайне напряженное. Адвокаты автономии союзов не смели выступить. Но вот поднялся один старичок и отчетливо спросил, дает ли эта резолюция право Генеральному Совету посягнуть на фонды отдельных союзов. Председатель конгресса Персель молчал. Молчание длилось довольно долго. Наконец, Гикс—официальный докладчик предложения—твердо ответил: «Нет». Чиновники облегченно вздохнули и предложение прошло.

Сложнее было дело с резолюцией о производственных союзах. Согласно предложенной резолюции Генеральному Совету поручалось подготовить две схемы: 1) проект организации рабочих по производствам и 2) проект, обеспечивающий единство без слияния существующих союзов. Но даже в этой компромиссной форме, которая получилась в результате об'единения четырех резолюций и ряда поправок, она вызвала бурю протеста. Резолюция была принята большинством 2.503.000 против 1.428.000.

Этот же с'езд провалил предложение о предоставлении права представительства городским советам профсоюзов. Во время дискуссии по этому поводу один из делегатов возмущенно заявил: «Позвольте, ведь этот вопрос мы раз обсудили и приняли решение на нашем с'езде в... 1894 г.». Глядя на участников конгресса, которые горячо поддержали эту историческую справку, я невольно вспоминал меткую шутку Бернарда Шоу, что в Англии легче свергнуть правительство, чем сменить чиновников союза. Бессменные чиновники союза также позаботились о том, чтобы не допустить обсуждения предложения об организации фабрично-заводских комитетов.

Все же Гулльский с'езд знаменует собою новую страницу в истории английского профсоюзного движения. Левый уклон сказался не только в упомянутых двух резолюциях, но также в позиции, занятой по вопросу о профсоюзном единстве. Правда, с'езд провалил резолюцию меньшинства о созыве всемирного конгресса профсоюзов для создания единого боевого интернационала. Но он занял отчетливую позицию по вопросу о сближении с советскими союзами, что дало возможность Генеральному Совету играть активную роль в деле борьбы против Амстердама.

В сравнении с Гулльским конгрессом последний с'езд в Скарборо представляет собою дальнейший шаг вперед. Но на этом с'езде уж необходимо остановиться несколько подробнее.

Для правильного понимания работ последнего конгресса должно помнить, что он приступил к своей работе после того, как профсоюзам удалось отразить атаку на заработную плату горняков. В противовес «черной пятнице» 1921 г. день 31 июля 1925 г. был назван «красной пятницей». И эта «красная пятница» окрасила красным цветом большую часть работ с'езда в Скарборо.

Начать с того, что президентская речь—пародия на тронную речь—председателя конгрессов Свейльса была менее расплывчата, чем прошлогодняя речь Перселя. Свейльс отчетливо говорил о линии классовой борьбы, атакуя «добрых друзей», которые в былые годы проповедывали социализм, а теперь пытаются спасти капиталистическую систему при помощи господствующих классов. Отчетливые фразы о классовой борьбе встречались бурными аплодисментами.

Вместе с тем, умная либеральная газета «Манчестер Гардиан» поспешила заверить своих читателей, что не следует придавать слишком большого значения «московским фразам». Влияние Москвы,—утверждала эта газета,—сказывается только в области фраз, но не отражается на действиях мудрых и опытных деятелей английского профсоюзного движения. В первые дни казалось, что оценка манчестерской либеральной газеты соответствует действительности.

Накануне с'езда в Скарборо пресса предсказывала, что профсоюзы сделают попытку эмансипироваться от лидеров рабочей партии. В отчете Генерального Совета был намек на возможность такой попытки. Рабочая партия и конгресс профсоюзов имеют общее помещение и ряд общих отделов, ведающих прессой, научными исследованиями, иностранными делами и т. д. Кроме того, существует «национальный совместный совет», который составляется из представителей исполкома рабочей партии, парламентской фракции и конгресса профсоюзов. В пору июльского кризиса в угольной промышленности руководители профсоюзов намеренно держались вдали от «политиков», опасаясь, что дело может легко перейти в руки совместного совета, в котором Макдональд, располагая обеспеченным большинством в $^{2}/_{3}$ голосов, навяжет горнякам гнилой компромисс. Отчет Генерального Совета не упоминает об этом совместном совете. Он только высказывается за создание самостоятельных отделов при Генеральном Совете и за приобретение отдельного помещения. Правые, однако, знали и понимали, что Генеральный Совет делает первую робкую попытку освободиться из-под власти Макдональдовской клики. Они сразу перешли в атаку. У Генерального Совета не хватило мужества принять вызов. И первый бой закончился победой правых.

Еще большую робость проявил Генеральный Совет при обсуждении вопроса о расширении его полномочий. Правые апеллировали к традициям и предрассудкам автономии отдельных союзов. Меньшинство отчетливо выступило за властный полномочный центр. Но сам Генеральный Совет хранил сугубое молчание. В этой обстановке трудно было, конечно, отразить атаку правых. В тот момент могло казаться, что речь Свейльса является только словесной уступкой растущим левым течениям.

Дальнейшая работа с'езда показала, однако, что в самом сердце профсоюзного движения произошли глубокие сдвиги влево. В Гулле трудно было добиться обсуждения вопроса о фабрично-заводских комитетах. В Скарборо же фабричные комитеты признаны «необходимым оружием в борьбе» большинством 2.138.000 голосов против 1.787.000 голосов. В Гулле резолюция о всеоб'емлющем интернационале была провалена, а в Скарборо не менее отчетливая резолюция была принята единодушно. Докладчиками в защиту этой резолюции были видные работники меньшинства.

Эльсбури и Дейвис, при чем первый подчеркнул, что англо-русский совещательный орган должен быть реорганизован в англо-русский комитет единства, и предупредил с'езд, что Интернационал без Профинтерна обречен на неудачу. По вопросу об империализме резолюция, высказывающаяся за право на самоопределение вплоть до отделения, была принята 3.802.000, а против голосовало только 79.000 голосов. А год назад Генеральный Совет, учитывая резкое настроение против рабочего правительства, ограничился следующим замечанием: «Не наше дело... распространяться о законодательстве рабочего правительства».

Скачок колоссальный! Но он слабо мирится с целым рядом других действий того же с'езда. Мы уже упомянули позицию с'езда по вопросу о полномочиях Генерального Совета, а также по вопросу об отношениях к рабочей партии. К сказанному прибавим, что 57 с'езд профсоюзов остался верен конституции господина Модсли и отверг представительство городских советов профсоюзов. При выборах нового Генерального Совета он также забыл обо всех изменениях, происшедших в толще рабочих масс. Новый Генеральный Совет оказался более правым по своему составу, а председательское кресло отдано консерватору Пью, который сменил левого Свейльса. При выборах руководствовались традициями и своеобразной очередью, существующей с... 1868 года.

Понять эти внутренние противоречия будет нетрудно, если мы вспомним, что решающую роль на с'ездах попрежнему играет профсоюзное чиновничество. Внутри этого чиновничества произошла серьезная передвижка. Апостолами консерватизма были две группы чиновников: первая и самая многочисленная группа, ведавшая всякими видами страхования, и вторая, менее многочисленная, но более влиятельная группа индустриальных дипломатов—заседателей разных согласительных и арбитражных комиссий. В последние годы кассы целого ряда союзов опустели. Хранители опустевших несгораемых шкафов, естественно, потеряли свое обаяние. Что же касается индустриальных дипломатов, то развал британского капитализма нанес им непоправимый удар. Они возвращались либо с пустыми руками, либо с потерями для рабочих. Влияние и моральный авторитет защитников активной профсоюзной политики возросли за счет авторитета консервативной части профсоюзной бюрократии. В этом секрет поразительного роста движения меньшинства. На конференции меньшинства, предшествовавшей Гулльскому с'езду, было представлено менее 300.000 рабочих; на конференции же, предшествовавшей конгрессу в Скарборо, было представлено более 700.000 рабочих!

Меньшинство на с'езде в Скарборо было достаточно сильно, чтобы провести ряд своих резолюций. Но оно еще было слишком слабо, чтобы перенять руководство профсоюзным движением и вступить в бой с тяжелым балластом предрассудков и условностей, которые сковывают профсоюзы по рукам и ногам. Правые лидеры были в жалком меньшинстве. Они даже не посмели выступить с развернутой программой. Но они были достаточно искусны, чтобы не дать оформиться новым устремлениям. Инерция прошлого была их главной опорой. Левые же явно колебались. В результате мы имеем левые резолюции и правый Генеральный Совет.

Ливерпульский реванш.

Все же левые, естественно, приободрились после того, как настроение масс так резко проявилось в работах последнего с'езда. Правые приуныли. Капиталистическая пресса забила тревогу. Началась подготовка Ливерпульского реванша, который превзошел лучшие надежды реакционеров. Еще 27 сентября Персель, Кук и Бромлей предсказывали, что Ливерпуль последует по стопам Скарборо. Более трезвые политики указывали на стройную и хорошо налаженную машину рабочей партии и призывали левые элементы подготовиться к серьезному бою. Но вряд ли даже сам Макдональд рассчитывал на такой яркий успех.

Для понимания Ливерпульского похода против красных, нам придется сделать маленькую историческую экскурсию.

Рабочая партия формально существует с 1900 года. Конгресс профсоюзов принял в 1899 году резолюцию об организации «Комитета рабочего представительства» 546 голосами против 434 голосов. На основании этой резолюции в 1900 году была созвана специальная конференция, от которой ныне существующая рабочая партия и ведет свое исчисление.

Борьба за самостоятельное рабочее представительство велась в Англии в течение долгих десятилетий. Первая попытка организации специальной лиги для проведения рабочих кандидатов в парламент относится примерно к тому же времени, когда был создан конгресс профсоюзов. Но эта попытка, как и последующие, особого успеха не имела. Либерализм пользовался большими симпатиями среди рабочих масс, а руководители либеральной партии зорко и неусыпно следили за тем, чтобы рабочие не организовались в самостоятельную политическую партию. Когда Кир Гарди выставил свою кандидатуру независимо от либералов (это было в 1888 г.), последние предложили ему 300 фунтов в год и обеспеченное место в парламенте, лишь бы он отказался от независимости. Кир Гарди отверг взятку, а либералы очень легко его провалили. Взятка, стало быть, имела своей целью не допустить прецедента независимого представительства рабочих. Решение конгресса 1899 г. следует поэтому расценивать, как первое серьезное поражение либеральной партии.

Социалисты безусловно играли огромную роль в деле популяризации идеи самостоятельного рабочего представительства. Их можно смело назвать крестными отцами рабочей партии. Но они далеко не были в большинстве на том первом с'езде, на котором комитет рабочего представительства—предшественник рабочей партии—был организован. На этом с'езде было течение в пользу того, чтобы новую партию назвать либеральной партией. Сторонники этого течения утверждали, что старая либеральная партия изменила традициям либерализма, и поэтому нужна новая, подлинная либеральная партия. Идея классовой борьбы была резко отвергнута.

Три года спустя—в 1903 г.—молодая организация высказалась против социализма и классовой борьбы, обязав своих кандидатов выступать как трудовых, а не как социалистических кандидатов. С 1904 г. молодая организация выговорила себе полную самостоятельность от конгресса профсоюзов, начав самостоятельное существование, как политическая организация рабочего класса. До 1906 г. организация ограничилась скромным званием

«комитета представительства», но после того, как она в 1906 г. провела 29 членов в парламент, получив 323.195 голосов, она приняла нынешнее свое название Рабочей Партии.

Базой рабочей партии оставались профсоюзы. Медленно и постепенно из состава профсоюзов, а также из состава социалистических организаций, выработался новый кадр политических чиновников рабочего движения. Но ни партия, ни политические чиновники не играли большой роли вплоть до 1918 г., когда рабочая партия провела 57 членов в парламент, собрав 2.244.945 голосов. С этого момента начинается головокружительный рост партии, которая быстро вытесняет и отодвигает на задний план старую либеральную партию, приобретая все больше влияния и веса как в рабочем движении, так и в стране. В 1922 г. партия провела 142 члена парламента, собрав 4.236.733 голоса, в 1923 г. она провела 191 члена парламента, собрав 4.348.379 голосов и, наконец, в 1924 г., после кратковременного существования первого правительства рабочей партии, она проводит 151 члена парламента, собрав 5.487.620 голосов. Из этих цифр явствует, что за шесть лет партия более чем удвоила количество своих голосов и, примерно, утроила количество своих членов в парламенте.

За этот короткий период—с 1918 по 1925 г.—в жизни партии произошла и другая перемена. До 1918 г. рабочая партия представляла из себя федерацию профсоюзов и социалистических организаций. В 1918 г. партия приняла новую конституцию, душой которой был Сидней Вебб. Согласно этой конституции, рядом с федеративными местными организациями возникают и так называемые индивидуальные секции, куда входят лица, не принадлежащие ни к профсоюзам, ни к социалистическим организациям. Сидней Вебб и его сподвижники изображали из себя победников социализма среди зажиточных классов. В действительности же они более занимались пропагандой идей либерализма среди рабочих масс. В 1918 г. они открыли двери рабочей партии для проводников либерализма. Новая конституция в обстановке политического роста рабочей партии имела своим последствием приток либеральных, консервативных и всяких других карьеристов и авантюристов в ряды рабочей партии, которая открывала им дорогу к почестям и политическому влиянию.

В 1918 г. рабочая партия выставила 361 кандидата, а в 1924 году она уже боролась в 514 избирательных округах. Выбор кандидатов очень часто зависит от богатства последнего, и местным рабочим организациям слишком бедным, чтобы нести огромные расходы избирательной кампании, приходилось либо выбирать кандидатов богатых профсоюзов, могущих оплатить избирательные расходы, либо же людей, лично располагающих средствами и берущих на себя все расходы, связанные с выборами. Таким образом, рабочая партия за последние 7 лет все более и более наполняется представителями господствующих классов, которые, естественно, помогают правому крылу в его борьбе против кристаллизации рабочего движения. К сказанному надо прибавить, что профсоюзы не всегда намечают в парламентские кандидаты своих лучших людей. Не редки случаи, когда профсоюз, желая избавиться от надоевшего ему бессменного чиновника, отправляет его в парламент. Растущая парламентская фракция, играющая огромную роль в жизни рабочей партии—подчас большую, чем исполком рабочей партии—в очень слабой степени отражает сдвиги в настроениях рабочих масс.

Перейдем теперь к Ливерпулю.

Макдональд и его соратники усердно потрудились, чтобы тщательно подготовить с'езд. Они разработали программу, которую они назвали «согласованной политикой национальной реконструкции и реформы». Не возлагая особых надежд на профсоюзы и на местные организации, они в эту программу включили предложения по всем вопросам внешней и внутренней политики. Искушенные в деле укомплектования с'ездов и проведения резолюций, они уверенно ждали утверждения своей программы Ливерпульским с'ездом. Последние дни профсоюзного с'езда несколько смутили лидеров рабочей партии. Капиталистическая пресса упорно раз'ясняла Макдональду, что некоторые резолюции Скарборо, в частности резолюции об империализме и о проекте Дауэса, являются для него звонкими пощечинами. Макдональд подготовился к бою.

Трудно сказать, чем кончился бы Ливерпульский бой, если бы правительство не пришло на помощь Макдональду. Мы уже отметили, что с'езд в Скарборо происходил под знаком «красной пятницы». Но с'езду в Ливерпуле предшествовала мрачная суббота, когда Болдуин, невзирая на ясное соглашение 31 июля, дал санкцию на сокращение заработной платы горняков. Болдуинское «раз'яснение» июльского соглашения ударило не только по горнякам, но до известной степени развенчало весь профсоюзный конгресс, который не без гордости рассматривал соглашение 31 июля, как свою победу.

Колоссальное значение Болдуинского раз'яснения станет ясным, если мы, забегая несколько вперед, обратимся к специальному с'езду горняков, который открылся 9 октября с. г. Весь год горняки готовились к бою. Это боевое настроение выдвинуло на первый план Кука и Смита, отодвинув на задний план реакционеров, вроде Ричардса и Спенсера. Под знаком этого боевого настроения прошли также выборы в парламент левого кандидата Перселя. Сейчас же после Болдуинского раз'яснения горняки в виде протеста отказались от участия в королевской комиссии, назначенной для исследования положения горной промышленности. Казалось бы, что специальный с'езд горняков должен был всемерно поддержать эту скромнейшую форму протеста против предательского посягательства на заработную плату горняков. Но этого не случилось. Конференция приняла резолюцию, гласящую: «В интересах проведения в жизнь июльского соглашения исполком союза уполномочивается участвовать в работах комиссии по обследованию положения дел в угольной промышленности». Еще характернее то, что на с'езде не было единодушия в протесте против Болдуинского раз'яснения. Меньшинство в 235.000 голосовало против протеста, а за протест было подано 574.000 голосов.

Мрачная суббота—26 сентября—окрылила реакционеров, ослабив левые элементы рабочего движения. К началу боя, таким образом, шансы Макдональда сильн[illegible] увеличились. Его довод, что «провал коммунистических пред[illegible]жений будет источником силы на следующих выборах и даст п[illegible]чи сотни тысяч голосов», приобрел особую силу в обстановке [illegible]ражения горняков. Рабочая партия и конгресс профсоюзов [illegible]ляются как бы соперничающими организациями. Поражение[illegible]дной усиливает тягу к

другой. События 26 сентября—раз'яснение Болдуина—как бы показало бессилие профсоюзов. Политические «борцы»—избирательные агенты—поражения не знавшие, высоко подняли голову. Профсоюзные делегации покорно и послушно выполняли волю Макдональда в надежде, что он сумеет сорганизовать новое рабочее правительство, которое будет опираться на большинство населения.

Первый бой в Ливерпуле произошел по вопросам об исключении коммунистов. Уже во время этого боя выяснилось, что коммунистическая партия имеет меньше влияния внутри с'езда партии, чем меньшинство на с'езде профсоюзов. Политические чиновники заключили союз с реакционными чиновниками, потерпевшими поражение в Скарборо, и, опираясь на вертикальное деление с'езда по профсоюзам и социалистическим организациям, сумели нанести сокрушительный удар коммунистической оппозиции. За резолюцию голосовало 2.087.000, против—321.000.

Резолюция эта предусматривает только исключение коммунистов из индивидуальных секций, которыми господа Макдональды и Веббы так дорожат. Дело в том, что до сих пор эти индивидуальные секции не оправдали надежд автора конституции 1818 г. Коммунисты играют в них активную роль. Рабочие больше прислушиваются к их голосам, чем к голосам наследников Болдуина и Керзона [1]). В отношении коммунистов—членов профсоюзов—исполком ограничился резолюцией, рекомендующей не выбирать их на с'езды и конференции рабочей партии. За эту резолюцию было подано 2.692.000 голосов, а против 480.000 голосов.

Дальнейшая работа с'езда показала, что за коммунистами идет более или менее сплоченное меньшинство, насчитывающее от 300 до 500 тысяч. Но мы не знаем, какое количество рабочих представляли делегаты различных профсоюзов, которые остались в меньшинстве внутри своих делегаций. Согласно традиции «за» и «против», голосуют секретари делегаций в соответствии с решением большинства внутри делегаций. По всем видимостям, в Ливерпуле реакционные секретари пользовались особым влиянием, и они помогли Макдональду провести его программу «реформы и реконструкции».

Вряд ли стоит подробно останавливаться на этой программе. Она мало чем отличается от обычных произведений социал-реформаторов. Каждая часть программы начинается похвалой по адресу «рабочего» правительства Макдональда, а вся программа в целом еле скрашена расплывчатыми социалистическими фразами. Памятуя лавочника, играющего большую роль во время выборов, авторы программы поясняют ему, что они свой «социализм» будут проводить «парламентскими средствами» и «постепенно», а разумеют они под социализмом соответствующее вознаграждение работников физического и умственного труда.

Компартия в Ливерпуле, в отличие от правых в Скарборо, выступила с развернутой программой классовой борьбы за социализм. Эта программа получила предварительную санкцию большого количества местных организаций. Макдональду поэтому пришлось отстаивать каждый пункт своей программы против коммунистических поправок. Эти поправки его очень злили. Он утверждал, что они не выражают воли местных организаций и

[1]) Сын Болдуина и дочь Керзона состоят членами раб. партии.

что они сфабрикованы Центральным Комитетом компартии. Представители компартии, однако, могли гордо ответить, что их резолюции были поддержаны местными организациями в то время, как Макдональдовская программа реконструкции никакого отклика в низах не встретила. Макдональд пытался заверить с'езд, что он с глубоким презрением относится к той поддержке, которую коммунисты получают на «уличных митингах». Но ведь ясно, что судьба как Скарборо, так и Ливерпуля в конечном счете зависит от «улицы», которая одна может разрешить конфликт между реформизмом и идеей революционной борьбы в английском рабочем движении.

Рабочая улица.

К этой улице мы теперь и обратимся. Скажем еще только, что даже в Ливерпуле макдональдовцам пришлось делать некоторые уступки «улице», и резолюции о проекте Дауэса и об империализме плохо согласуются с той общей линией социал-империализма, которая была столь отчетливо выявлена на прошлогоднем с'езде рабочей партии. Влиянием «улицы» необходимо также об'яснить тот факт, что за резолюцию в пользу поддержки коммунистической газеты «Воскресный Рабочий» было подано 1.143.000 голосов.

Что же представляет из себя современная рабочая улица Англии? Начиная с 1921 г. она все отчетливее чувствует результаты распада английского капитализма. Она кишит безработными, число коих возрастает. Избирательные победы сопровождаются экономическими поражениями. Грань между квалифицированными рабочими и обыкновенными пролетариями стирается. Рабочая улица по инерции продолжает еще следовать за своими испытанными лидерами. Лишенная боевых традиций, она все время колеблется между профсоюзами и рабочей партией, возлагая свои надежды то на «прямое действие», разумея под этим забастовку, то на избирательную урну. Но она вместе с тем инстинктивно чувствует, что в новых условиях нужны новые люди и новые пути.

Конгресс в Скарборо ее не удовлетворил. Он не дал ей нового аппарата борьбы против капиталистического наступления. Ливерпульский с'езд фактически укрепил наступление, развязав языки и руки откровенных фашистов. Доводы коммунистов, подкрепленные действиями фашистов, произведут и уже производят большее впечатление на рабочую улицу, чем они произвели в стенах большого зала Ливерпульского с'езда.

А резолюции с'езда? Компартия назавтра после с'езда выступила с заявлением, что резолюции Ливерпуля в жизнь не будут проведены. Мы уже упомянули о реакционном с'езде профсоюзов в 1894 г. Этот с'езд прошел под знаком решительной беспощадной борьбы против «политиков». А пять лет спустя те же профсоюзы фактически высказались за организацию самостоятельной рабочей партии. В истории английского движения есть и более разительный случай. В 1889 г. с'езд профсоюзов провел буквально все резолюции профсоюзной аристократии. А через год вождь этой аристократии должен был подать в отставку в связи с тем, что забастовка портовых рабочих произвела серьезный сдвиг в профсоюзном движении.

Мы привели примеры, относящиеся к далекому прошлому. Теперь жизнь идет более быстрым темпом. В Плимуте вряд ли можно было предсказать, что через год с'езд профсоюзов поставит вопрос о расширении полномочий Генерального Совета и об установлении боевого контакта с советскими профсоюзами. В Гулле вряд ли можно было предсказать, что через год с'езд примет ленинскую формулу об империализме, отвергнет проект Дауэса и признает необходимость организации фабрично-заводских комитетов.

Верно, что грандиозные перемены последних двух лет мало сказались на физиономии рабочей партии. Есть пессимисты, которые полагают, что рабочая партия постепенно вырождается в социал-демократическую партию европейского пошиба. Это вряд ли так. Базой рабочей партии остаются профсоюзы. Лорды и лордессы, которые вошли в рабочую партию, руководимые, согласно раз'яснения Макдональда, божьим разумом, бессильны оказать влияние даже на индивидуальные секции местных рабочих организаций. Кристаллизация левых устремлений профсоюзных масс, естественно, приведет к тому, что дирижерская палочка выпадет из рук блока реакционных профсоюзных чиновников и либеральных политиков.

До Ливерпуля и на самом Ливерпуле высказывались опасения, что рабочая партия превращается в либеральную партию. Политика Макдональда, а равно резолюции Ливерпуля как бы подтверждают мысль о том, что либерализм в Англии не умер, а что он только перевоплотился. Еще в 1911 году историк политического движения английских рабочих, А. Гемфри, пришел к выводу, что рабочая партия становится крылом либеральной партии.

Мы позволим не согласиться с этим диагнозом. Мы прекрасно понимаем, что бывшие либералы, вроде Макдональда и Гендерсона, не пойдут с рабочими по пути классовой борьбы. Но Макдональды и Гендерсоны без профсоюзов представляют собою жалкую кучку социалистов на словах и либералов на деле. Судьбу рабочей партии решат не они, а профсоюзы, которые двигаются влево под ударами молота капиталистического наступления. С точки же зрения развития идей внутри профсоюзного движения, Гулль и Скарборо являются гарантией того, что либерализм в профсоюзном движении, чем дальше, тем больше, уступает место идеям революционной классовой борьбы.

Г. Яковин.

Итоги Гейдельбергского с'езда германской социал-демократии.

(Организация, тактика и программа социал-демократии после года «стабилизации» капитализма).

I. Об'ективное положение и состояние с.-д. организации.

Успехи, одержанные социал-демократией на ряде выборов последнего года, внушили социал-домекратам (особенно левого крыла) надежды, а многим нашим товарищам опасение, что вместе с «оздоровлением» капитализма оздоровляется и социал-демократия, ее развитие становится все более похожим на развитие довоенное. Это развитие социал-демократии в довоенное время характеризовалось, как известно, двумя основными чертами: 1) систематическим ростом организации и числа получаемых на выборах голосов почти что из года в год и, 2) решительной оппозиционной тактикой социал-демократии в парламентах. Какое значение для нашей партии, особенно для ликвидаторских настроений в нашей партии (и во всем Коминтерне), может иметь подтверждение или опровержение этого утверждения, — само собой разумеется: ведь выставил же еще в 1921 г. один из тогдашних виднейших руководителей нашей партии (в борьбе против ликвидаторства!) тезис, что если капитализм стабилизуется, то будет почва только для социал-демократии довоенного типа, и исчезнет надобность в коммунистической партии!

Чтобы ответить на вопрос, возвращается ли социал-демократия к довоенному состоянию, недостаточно, конечно, исходить только из числа полученных голосов на ряде выборов, проведенных в течение короткого промежутка в несколько месяцев: последнее может быть результатом благоприятно сложившейся предвыборной обстановки и ошибок, сделанных в этот момент противниками. Надо посмотреть, 1) действительно ли избирательные успехи сопровождались соответственным ростом социал-демократической организации и 2) действительно ли социал-демократия намерена и способна перейти к довоенной тактике решительной парламентской оппозиции. Ответ на оба эти вопроса дал только что закончившийся с'езд партии в Гейдельберге.

Отчет, представленный с'езду, указывает на уменьшение числа членов за последний год на 95.583 (с 940.078 к 1 апреля 1924 года до 844.495 к 31 марта 1925 года). Если взять только движение числа членов партии мужчин (так как движение числа женщин обнаруживает меньшую закономерность), то убыло «за первый год стабилизации» 122.259 человек, прибыло новых членов партии 21.108. При этом прибыль новых членов партии была не повсеместна, а замечалась только в семи

из общего числа в 32 округа. Если из этих семи округов выбросить четыре округа, где прибытие новых членов партии было незначительно по величине (во всех четырех 2.406 человек на общее число в 76 тысяч), то заметный прирост имеется только в трех округах, где наша партия была до прошлого года особенно сильна, и где она в результате своих ошибок потерпела особенно значительный уроп в течение истекшего года. Эти округа — Берлин, Бреславль и Рурский бассейн.

Это уменьшение числа членов партии имеет для социал-демократии тем более угрожающий характер, что оно является продолжением давно начавшегося процесса. Если взять цифры за ряд лет, то получается следующая картина:

К началу войны членов партии	1.086.000 чел.	
Во время войны число это резко падает до	243.000 „	(в 1917 г.)
После революции число это снова поднимается до	1.012.000 „	(январь 1919 г.)
И далее повышается ко времени об'единения с правой частью независимой социал-демократии до	1.380.000 „	(октябрь 1922 г.)
За время инфляции идет систематический резкий процесс падения числа членов партии и к концу инфляции социал-демократия имеет	940.078 „	(1 апреля 1924 г).
После принятия плана Дауэса	899.093 „	(1 июля 1924 г).
Далее процесс этот продолжается и к 31 марта 1925 г. партия достигает последней имеющейся цифры в	844.485 „	(31 марта 1925 г.)

При этом надо иметь в виду отмечавшийся многими ораторами на с'езде в Гейдельберге факт, что партия все больше «стареет» по своему возрастному составу, благодаря отсутствию достаточного притока молодых членов партии. В социал-демократии нет статистики возрастов; предложение о введение ее, внесенное гамбургской и бременской организациями, было отвергнуто с'ездом по предложению президиума партии. Но выступавший по этому вопросу бременский делегат заявил, что в Бремене был произведен опыт такого подсчета и оказалось, что членов партии в возрасте 20—30 лет незначительный процент.

Тот факт, что процесс уменьшения числа членов с.-д. партии не приостановился с концом инфляции, бьет в лицо теории редактора «Форвертса» Штампфера, что КПГ есть «инфляционный концерн», который с концом инфляции должен развалиться, как писал он в статье по поводу последнего письма Коминтерна, и что с восстановлением нормального денежного обращения, восстанавливается «нормальное» капиталистическое хозяйство и развитие социал-демократии становится «нормальным». Нет, поэтому, ничего удивительного в том, что отчет президиума партии пытается это явление об'яснить то тем, что «еще» не исчезли последствия инфляции, то тем, что стабилизация валюты не дала ожидавшегося хозяйственного под'ема!

Но к этому процессу, начавшемуся уже во время инфляции, прибавляется за год стабилизации потеря с.-д. партией значительнейшей части своего политического влияния на государственный аппарат, что составляло ее силу: она потеряла за этот год пост президента, вышиблена из центрального правительства, а также из провинциальных правительств Баварии, Вюртемберга, Тюрингии, обоих Мекленбургов, Брауншвейга,

Ольденбурга, Вальдека и Бремена. Путем отказа от восстановления каких-либо программных требований и сведения своего фактического влияния до нуля она сумела еще только сохранить два министерских поста в Пруссии, четыре в Саксонии и по два или по одному в ряде других мелких «государств».

Но потеря с.-д. партией влияния на государственный аппарат, иначе говоря, то, что она попала в оппозицию и стала снова казаться рабочим массам партией, ведущей классовую борьбу и защищающей интересы рабочих, усилило ее влияние в рабочих массах. Это нашло свое выражение на президентских выборах в добавлении у нее 1.800.000 голосов, почти целиком отвлеченных от кандидата компартии. Вопрос о том, останутся ли эти попутчики с с.-д. или снова в ближайшее же время вернутся к нам, сводится,—помимо вопроса о тактике нашей партии, что я здесь оставляю в стороне,—к вопросу о том, удастся ли левой части с.-д. повернуть тактику партии в сторону классовой борьбы, которую левые с.-д. понимают в смысле решительной парламентской оппозиции, кое-когда прибегающей к внепарламентскому содействию в виде референдума, демонстрации и пр. Гейдельбергский с'езд дал и на этот вопрос определенный и решительно отрицательный ответ. Чтобы убедиться в этом, следует рассмотреть борьбу внутрипартийных течений на с'езде по вопросам провинциальной, общегосударственной (внутренней), внешней политики и программы партии.

II. Внутрипартийные течения и «саксонский конфликт».

Слияние правой части независимых с социал-демократией в октябре 1922 г. называлось «об'единением», и рабочие независимцы действительно думали, что им удастся изнутри с.-д. партии «революционизировать» ее тактику, повернуть ее от политики коалиции с буржуазией, во что бы то ни стало, в сторону оппозиции. В то время, как до об'единения с независимыми, Герлицкий партийный с'езд социал-демократии высказался 290 против 67 голосов за вступление с.-д. в большую коалицию со стиннесовской народной партией, в ноябре 1922 г., после вступления независимых, большая коалиция была отклонена 80 против 48 голосов. Когда же после свержения правительства Куно в августе 1923 г. стихийной стачкой германского пролетариата, с.-д. вступила в правительство большой коалиции Штреземана-Гильфердинга, правительство, которое организовало в октябре 1923 г. карательную экспедицию для разгрома законным путем организованного социалистически-коммунистического правительства Саксонии, то это не могло не вызвать особенного недовольства в Саксонии, являвшейся раньше цитаделью независимой с.-д. партии и имеющей давнишнюю левую социал-демократическую традицию.

Чтобы прикрыть фиговым листком законность произведенного нарушения конституции, стоившего саксонскому пролетариату 50 убитых, 150 раненых и бесчисленного количества избитых, контр-революции требовалось создание в Саксонском ландтаге законного правительства. Но в Саксонии с ее абсолютным большинством пролетарского населения, где уже до войны социал-демократия получала 60% голосов, и на этот раз не было

буржуазного большинства. Из 96 депутатов ландтага 40 принадлежало с.-д., 10 коммунистам и только 46 принадлежало буружазным партиям. Тогда правое большинство с.-д. фракции ландтага образовало с.-д. правительство, которое они очень скоро заменили коалицией с демократами, а затем большой коалицией, т.-е. со включением партии католического центра с стиннесовской народной партией, которые в Саксонии являются особо реакционными и открыто монархическими партиями. Так как правые знали, что большинство организаций против этого, то они вступили в большую коалицию за 2 дня до открытия областного партийного с'езда, созванного для решения этого вопроса. Собравшийся 6 января 1924 г. с'езд вынес фракции резолюции недоверия, потребовал немедленной отставки с.-д. министров. Так как последние поддерживались президиумом всегерманской партии, который дал правому большинству фракции в 23 депутата директиву, во что бы то ни стало при всяких условиях оставаться в правительстве, то они и не думали выполнить постановления областной партийной организации. Тогда организация потребовала от 23 депутатов сложения мандатов; так как они и этого не выполнили, то они были исключены из партии. Это привело к расколу соц.-дем. фракции саксонского ландтага на большинство в 23 депутата и меньшинство в 17 депутатов. Вслед за тем исключенные из партии «23» попытались организовывать в Дрездене самостоятельные собрания, что было началом создания параллельной организации. Так как «23» пользовались поддержкой центрального президиума партии против областной организации, то борьба организации против «23» принимала в отдельных случаях форму борьбы саксонской партийной организации, насчитывающей $^1/_6$ часть всех членов партии (больше 130 тысяч), против центрального президиума партии. Во время барматовского скандала саксонские с.-д. газеты (из общего числа двенадцати—11 принадлежат левым) резко нападали на замешанных в скандале вождей партии—Вельса, Гейльмана, Буэра и др. Вместе с саксонцами на президиум партии и на общую партийную линию нападали и другие левые организации: в первую очередь радикально настроенная франкфуртская организация и отчасти тюрингенская, бременская и берлинская.

Обсуждение саксонского вопроса на с'езде, поэтому, могло иметь и более общее политическое значение, если бы левые сумели и решились поставить вопрос принципиально и политически: за коалицию с буржуазией или против нее. Так именно ставил вопрос докладчик правых: «Да, мы нарушили парт-дисциплину,—говорил он,—но мы проводили линию партии. Интересы партии, правильно понятые, выше партийной дисциплины». Докладчик же левых Липинский (самый правый из левых) увернулся от этой постановки вопроса, вдавшись в перечисление тех реакционных мер и вредных для рабочего класса и самой с.-д. партии шагов (увольнение с.-д. чиновников, и пр.), которые проводило за время своего существования коалиционное правительство, хотя правые и президиум партии на это еще раньше коротко отвечали: надо при всех условиях оставаться в правительстве.

Если, тем не менее, левые при возмущении большинства с'езда решились голосовать против предложенного им с'ездом примирительного компромисса и мотивировать это в специальной резко составленной декларации, то об'ясняется это двумя обстоятельствами: 1) что предложенный им «компромисс» означал полное оправдание, восстановление в правах «23» и содержал выражение последним доверия с'езда и 2) что давление на этих, большею частью трусливых «левых» вождей со стороны рабочих с.-д. в Саксонии настолько велико, что они не могли решиться вернуться домой и сказать, что они голосовали за такой «компромисс». Левым вождям нужно было оставить себе возможность говорить пославшим их рабочим: «Мы боролись за наши взгляды на с'езде до последней возможности, не наша вина, если большинство с'езда было против нас. Нам оставалось подчиниться партийной дисциплине».

Но недовольство коалиционной политикой партии, как и решимость вождей эту линию продолжать во что бы то ни стало, обнаружились еще больше в прениях по общей внутренней политике партии.

III. Внутренняя политика партии.

В социал-демократии существует стародавний обычай (который, кстати сказать, нам полезно было бы перенять), что местные организации принимают и вносят предложения к парт-с'езду, которые публикуются до с'езда и потом обсуждаются на нем. Среди двухсот других предложений на Гейдельбергский с'езд были внесены, партийными организациями рабочих районов Билефельда, Цвикау, Франкфурта на Майне, Гейнгаузена, Ремшейда и др., предложения, требовавшие разрыва с буржуазными партиями и возвращения к «традиционной» тактике классовой борьбы. Наиболее решительно было сформулировано предложение франкфуртской организации, все предложения которой, а также выступления ораторов, отличались о с о б ы м радикализмом. В том же смысле, хотя и значительно смягченное в своих выводах, было составлено предложение, внесенное группой саксонских делегатов во главе с одним видным «левым», Зайдевицем, обоснованное бывшим коммунистом Паулем Леви. Эта резолюция по требованию левых потом была подвергнута поименному голосованию. В ней указывается на то, что развитие последних месяцев доказало, что все буржуазные партии стремятся провести стабилизацию капитализма за счет рабочего класса, и далее выставляется требование, чтобы фракция рейхстага «во всей предстоящей борьбе защищала бы интересы рабочего класса, не считаясь с буржуазными партиями и с такой остротой, чтобы пролетарские сторонники этих партий увидели в социал-демократах своих представителей».

Обосновывая это предложение, П. Леви указывал на то, что, по его мнению, основным вопросом политической жизни Германии является отсутствие буржуазной левой, как во Франции. Поэтому,—говорит Леви,—социал-демократии выпадает историческая роль быть в оппозиции. Но кроме того, социал-демократия будучи в оппозиции не должна забывать, что ее задачи не ограничиваются буржуазно-демократическими рамками, что она (с.-д.) имеет социалистические цели. Соц.-дем. должна поэтому вести себя в оппозиции не так, как теперь, когда она стремится к мелким победам и достижениям и чувствует себя обязанной заботиться об успехе политики буржуазии, а она должна иметь

в виду конечную цель самостоятельного завоевания политической власти.

Другие ораторы левой говорили резче по форме, но делали еще более жалкие и трусливые политические выводы. «Задача нашей партии,—говорил франкфуртский делегат Леб,—бороться в первую очередь под красным классовым знаменем, а не под черно-красно-золотым национальным знаменем республики. Капитализм стабилизуется на плечах рабочего класса: партия должна бороться за то, чтобы тяжести стабилизации свалить на капиталистов и т. д.». А вывод: «Если вы,—заканчивает он, обращаясь к президиуму партии,—с нами не согласны, если считаете нашу организацию хронически больной, так приезжайте к нам в Франкфурт и поспорьте с нами»...

Особенно резко оппозиция выражает свое недовольство тактикой партии на вторых президентских выборах, когда партия призывала голосовать за кандидата центра Маркса (к сведению тех товарищей, которые думают, что и наша партия должна была голосовать за Маркса, чтобы предупредить выбор Гинденбурга). «Никто из товарищей,—говорит председатель берлинской организации Кинстлер,—не мог понять, как могла наша партия капитулировать перед центром, который показал себя столь реакционным во всех вопросах политики... Вы вчера со смехом констатировали,—продолжает он,—что попытка образования правительства с коммунистами потерпела неудачу, так сознайтесь же, что и многократные попытки коалирования с центром тоже провалились...».

«Наше счастье,—говорит видный лейпцигский делегат Либман,—что Маркс, за которого мы звали голосовать не прошел. Было бы еще хуже если бы проведенные при помощи центра реакционные законы о пошлинах, налогах и пр. были бы проведены при президенте того же центра, выбранном с нашей помощью...».

Эти попытки левой оппозиции укрепить оппозиционную линию и побудить ее отказаться от коалиции с буржуазией, немедленно получили резкий отпор со стороны официальных представителей партийной линии при сочувственном одобрении большинства с'езда. Призывы левых вернуться к классовой борьбе вызывали у них только иронические замечания. «Этих страшных верблюдов классовой борьбы я знаю уже 40 лет, меня ими не удивишь,—говорил Шейдеман после того, как он завоевал себе внимание с'езда указаниями на монархические порядки в рейхсвере и на классовый характер теперешней германской юстиции,—будучи в правительстве, мы как раз ведем классовую борьбу самым резким образом (!). Вернуться назад к довоенной агитационной тактике мы не можем. Наше отношение к государству стало совсем иное. Мы должны входить в правительство каждый раз, когда возможно выработать с буржуазными партиями приемлемую для нас программу минимальных требований...» и т. д. Ему вторил председатель партии (в социал-демократической партии 3 председателя: Вельс, Герм. Мюллер и Криспин) Герман Мюллер (из Франкена): «Я еще на Герлицком партийном с'езде (1921 г.) говорил, что нам не надо употреблять слова классовая борьба, потому что, когда зайдет речь о классовой борьбе, то коммунисты окажутся лучшими «классовыми борцами». Наша задача вести рабочую политику от случая к случаю. Почему,—риторически спрашивал он,—в королевской Дании, Швеции или Бельгии социалисты оказались призванными к власти до того, как они получили большинство в парламенте, а мы в республиканской Германии не можем рассчитывать быть в ближайшее время у власти?» «Будучи в оппозиции, мы должны вести себя с таким же сознанием ответственности, как и будучи министрами»,—говорил официальный докладчик фракции рейхстага Кейль.

Поименное голосование указанной выше резолюции Зендевица, Леви и других дало в результате 284—против, 85—за. За голосовали представители Саксонии, Тюрингии, Франкфурта, Бремена и части Берлина.

Приблизительно это соотношение голосов выяснилось еще накануне при голосовании резолюции на первый взгляд чисто организационного характера, на политическое значение которой, однако, указал ряд делегатов.

Президиум партии внес поправку к уставу, которой ему предоставляется право облагать местные организации особым обложением для покрытия дефицита центральных предприятий. Речь идет о том, чтобы сделать центральный орган «Форвертс» независимым от идеологического влияния берлинской организации, для чего его надо сделать материально независимым. Поименное голосование по этому вопросу дало 272—за, 74—против. Голосовавшие против составлялись из тех же лиц, которые голосовали за указанную выше резолюцию. По всем другим вопросам (франкфуртской резолюции недоверия большинству членов президиума партии, резолюции в связи с барматовским скандалом, перевыборы нового президиума и пр., и пр.) большинство голосовало сплочено за предложения президиума; необходимые изменения, перемены и пр. производились как бы по команде. Не так сплоченно, но все же довольно дружно голосовало меньшинство по ряду вопросов. Вполне капитулировало оно, однако, помимо голосования об одобрении деятельности президиума, еще по русскому вопросу и свелось к ничтожному меньшинству в шесть человек при голосовании вопроса о программе.

IV. Внешняя политика и русский вопрос.

Уже при открытии с'езда Вельс сделал резкое заявление, содержавшее угрозу репрессиями по адресу соц.-дем. делегатов, ездивших в Советский Союз и делающих благоприятные для последнего отчеты. Докладчик президиума дважды повторил это. Никто из ораторов оппозиции не решился в этой плоскости задеть этот вопрос. Только по докладу Криспина о работах Марсельского конгресса II Интернационала и внешней политике вопрос о России был поднят, и к обсуждению его свелись все прения с'езда по этому пункту порядка дня.

Докладчик Криспин (третий председатель партии, б. независимый)—бездарная личность, употребляемая социал-демократией для торжественной пацифистской болтовни и для рассказывания об «ужасах», виденных им в России во время своего посещения в 1920 году!—долго и скучно рассказывал совершенно не слушавшему его залу об успехах и достижениях Интернационала, чтобы под конец начать патетически говорить о терроре в России.

К этому его докладу была еще накануне внесена резолюция левых делегатов: Леба и др., которая указывала на опасность войны, содержащуюся в германской политике, переходящей от восточной ориентации к западной, благодаря чему Германия втягивается в кольцо, создаваемое Англией вокруг России.

Далее резолюция требовала сохранения «свободных рук» для мирной политики на востоке, а также борьбы против «аннексионистских намерений России», и вместе с тем устранения препятствий для заключения торгового договора с Россией. Несмотря на трусливый и половинчатый характер этой резолюции, она вызвала переполох у заправил с'езда. Германом Мюллером была спешно составлена контр-резолюция, в которой: 1) ни слова не говорилось о гарантийном договоре и о России, 2) не было даже ясного пункта об одобрении постановлений Марсельского конгресса по этим вопросам, где как известно был заключен компромисс, не совсем желательный немцам и 3) содержалось только одобрение вступления Германии в Лигу Наций «в соответствии с постановлением Марсельского конгресса», указывалось какие блага ее ждут от этого, и чем будет Лига Наций в будущем!

В прениях выступила Тони Зендер с горячей критикой деятельности Интернационала, избегающего поставить важнейшие политические вопросы (об участии в правительстве и пр.) из боязни, что в них не окажется единодушия. Она предупреждала против иллюзий насчет мирного характера Лиги Наций, но не сделала никаких политических выводов из этого. После нее выступил тот же много выступавший левый франкфуртский делегат Леб. Боясь произнести хотя бы одно слово, которое могло бы быть истолковано, как слово сочувствующего Сов. России человека, он, главным образом, бил на то, что, во-первых, социал-демократы против ввязывания в войну с Россией, во-вторых, в России много дешевого хлеба для вывоза за границу, который нужен немецким рабочим и «который большевизмом не заражен». «Если же вы не верите,—говорил он,—что Россия имеет хлеб для экспорта, посмотрите, сколько русского хлеба сейчас продается на Мангеймской (это в 20 минутах езды от Гейдельберга), Франкфуртской и Берлинской биржах». «Хлебный» аргумент произвел на с'езд довольно заметное впечатление. Тогда руководящая клика решилась на ловкий маневр. На трибуну выступил Брейтшейд, специальный оратор, ловкий дипломат, умеющий лгать, производя на слушателей впечатление вполне искреннего человека. В то время как оратор оппозиции не смел сказать ни одного слова, похожего на сочувствие Сов. России, Брейтшейд с большим пафосом заявил, что «мы считаем своим лозунг Интернационала «Руки прочь от Советской России», несмотря на наши разногласия с русскими и немецкими коммунистами». Завоевав себе этим самым внимание, как друг России, он перешел к доказательству того, почему союз с Россией для Германии неприемлем и почему Германия не может заключить сейчас с Россией торгового договора по вине России же.

Первое, по мнению Брейтшейда, нецелесообразно для Германии потому, что это вязало бы Германию в войну с Англией из-за «сетей, которые Россия плетет на востоке, в Индии и Китае, из якобы пролетарских, а, по нашему мнению, других соображений». По поводу же торгового договора он говорит: «Мы против такого договора с Россией, который бы исключил нас от торговли с другими азиатскими странами, благодаря требованию России не предоставлять никакой другой азиатской стране права наибольшего благоприятствования». Смысл его речи, помимо отвлечения внимания с'езда от резолюции, сочувственной Советской России, был тот, что Брейтшейд как бы говорил: «Россию мы еще готовы оставить в покое, но *пусть она нам и всем империалистическим государствам не чинит препятствий в эксплоатации азиатских народов*».

В таком же духе говорил и Герман Мюллер, с тою только разницей, что он врал еще более нагло и ссылался, между прочим, на свою давнишнюю миролюбивую политику, когда он в 1919 г. в качестве мин. ин. дел. Германии отверг предложение Ллойд-Джорджа принять участие в походе на Россию. Мюллер только «забыл» упомянуть, как много у его правительства было тогда хлопот у себя дома по борьбе с большевизмом и что для борьбы против Сов. России руки его правительства были чересчур коротки.

После этих маневров председатель Вельс сделал предложение о голосовании резолюции Мюллера первой. Так как она ничего в себе не содержала, кроме общепринятых в соц.-демокр. фраз о Лиге Наций, то она была принята единогласно, после чего Вельс об'явил, что принятием резолюции Мюллера все прочие резолюции по этому вопросу «исчерпаны».

V. Партийная программа.

Кроме указанных трех тактических вопросов, предметом обсуждения с'езда была еще новая партийная программа. За время войны и революции социал-демократия *фактически* сошла с почвы Эрфуртской программы, все же построенной на идее классовой борьбы и на перспективе обострения классовых противоречий. Соответственно этой изменившейся политике социал-демократия приняла в 1921 году на Герлицком партийном с'езде программу, составленную Фр. Штампфером, программу не только ревизионистскую, но, по сути дела, демократическую только, а вовсе не социалистическую. Оба основных пугала ревизионизма—классовая борьба и обострение классовых противоречий, как и связанное с этим материалистическое понимание истории—были старательно и бесследно вычеркнуты. После этого случились 2 факта, которые создали для социал-демократии надобность в новой программе: 1) социал-демократия об'единилась с независимыми, больше тяготевшими к марксистской терминологии и оппозиционной политике, 2) социал-демократия была после октября 1923 г. и принятия плана Дауэса вытолкнута из правительства. Считаясь с этими фактами Каутский с Гильфердингом состряпали проект программы, который должен был удовлетворить разные партийные направления и открывать дверцу для возможно продолжительного периода вынужденного пребывания в оппозиции. Сделано это было тем путем, что от Эрфуртской программы была взята теоретическая часть, в которой экономический анализ развития капитализма подправлен в ревизионистском духе (рост средних слоев, ослабление формулировки относительно концентрационных тенденций и пр.) и к ней присоединена пацифистско-демократическая часть Эрфутской программы. Как правильно указал Леви в прениях по программе новый проект от-

ступает от Эрфуртской программы в сторону ревизионизма по следующим пунктам: 1) в ней нет совершенно идеи обостряющихся классовых противоречий и классовой борьбы; избегнуто совершенно упоминание слова классовая борьба. В абзаце, где говорится о средствах для достижения своей цели, обычное в немецком языке слово «Kampf»—борьба, заменено словом «Ringeu»—домогательство. 2) Нигде не указан классовый буржуазный характер теперешнего государства. Возражая Леви по этому вопросу, Гильфердинг назвал демократическую республику «абсолютной формой государства», не заслуживающей названия буржуазного государства, так как, по мнению Гильфердинга, демократическая республика есть форма государства, общая и для социализма и для капитализма в последней его стадии. 3) Процесс перехода к социализму изображен эволюционистски и фаталистически, т.-е. в той форме, что постепенно увеличивающаяся концентрация капитала, шедшая и во время войны, и во время инфляции, продолжающаяся и во время стабилизации, постепенно сама по себе приведет к переходу средств производства в общую собственность. 4) За исключением вопроса о Лиге Наций, туманно упомянуто об интернациональной солидарности пролетариата и при этом указаны обязанности партии в отношении своего отечества. Таковы отступления от Эрфуртской программы. Но то, чего не указал П. Леви и чего, он, как ренегат коммунизма, указать не мог—это то, что в программе совершенно обойдена молчанием новая важнейшая проблема, выдвинутая эпохой империализма, именно: колониальная проблема.

В своем докладе Гильфердинг прямо указал, что эпоха финансового капитала вызывает стремление империалистических государств к подчинению себе колониальных народов и что это вызывает у последних освободительные национально-революционные стремления. Эти стремления,—добавляет Гильфердинг,—сами по себе прогрессивны, но они грозят опасностями новых войн и составляют угрозу «европейской цивилизации». Гильфердинг выдвигает идею Соединенных Штатов Европы, идею, империалистический смысл которой раз'яснил в достаточной мере Ленин еще в 1915 г. Гильфердинг опровергает мнение, будто бы идея Соединенных Штатов Европы направлена против Америки, Англии «или даже России». Замечательно, что Гильфердинг в полном соответствии с тем, что говорил накануне Брейтшейд о внешней политике Германии, не находит даже нужным опровергнуть это в отношении колониальных народов. В программе это обходится полным молчанием. «Форвертс» смягчает это империалистическое место речи Гильфердинга, где он говорит об угрожающей европейской цивилизации опасности от пробуждающихся к революции и свободе народов востока и о вытекающих отсюда для Европы задач, и передает его так: «Пробуждение лишенных истории наций должно поощряться посредством разумной политики европейских государств, которые отвергают угнетение других наций и колониальных народов, а также разрушение их культуры и их прав...».

В практическо-политической части интересна еще уступка ревизионизму в вопросе о религии. В новой программе религия об'является частным делом каждого, в том числе и членов партии, при чем партия не берет на себя пропаганды против религии. Это имеет значение в связи с усилением в партии и профсоюзах проповеди «христианского социализма».

Выводы.

Надежды левых социал-демократов и опасения кое-кого из коммунистов за то, что социал-демократия может вернуться к довоенной оппозиционной тактике, разрушены этим первым с'ездом за время перехода с.-д. в оппозицию. Партия закрепила себя организационно, тактически и программно как «государственная» партия, как партия порядка и капиталистического восстановления. Даже будучи в оппозиции, вожди партии считают нужным вести себя с сознанием «ответственности» за внешнюю и внутреннюю политику буржуазии.

Вместе с тем успехи стабилизации настолько очевидно для самих с.-д. непрочны, наступление капиталистической реакции настолько сильно, что радикализация рабочего класса, его пробуждение от теперешнего кладбищенского покоя к массовым действиям совершенно неизбежны. Эта радикализация может принять только формы массовой классовой борьбы вне рамок парламента и в обход демократических форм, вопреки Гильфердингу, утверждавшему обратное. Стать руководителем этой внепарламентской классовой борьбы соц.-дем. ни в каком случае не сможет: ведь с'езд отверг даже все требования референдума (больше десяти районов внесли на с'езд это требование) по вопросу о рабочем дне, пошлинах, налогах и пр., потому что они выходят уже за рамки обычной парламентской рутины!

Н. Ангарский.

Н. Ленин в истолковании „воинствующего“ материалиста.

«...Есть речи,—значенье...»

Сопоставляя отношение Ленина (Н. Тулина) и Плеханова (Бельтова) к нашумевшим в свое время «Критическим Заметкам» П. Струве, я писал [1]), что Плеханов проявил слишком большую уступчивость и мягкость по отношению к Струве, что он «не разглядел его насквозь буржуазной точки зрения по вопросу об экономической политике государства».

Не претендуя на оригинальность своего заключения, я сослался, между прочим, на П. Орловского, который пришел к тем же выводам в своей брошюре «К истории марксизма в России».

Этот, в сущности говоря, вполне установленный взгляд, пытался оспорить т. Ваганян [2]). Все, что можно сказать для защиты позиции Плеханова в этом вопросе, т. Ваганян сказал, но самая защита его до такой степени безнадежна, что доводы нашего «воинствующего материалиста» еще более убедили меня в правильности установленной точки зрения по данному вопросу, т.-е. в слишком большой уступчивости, мягкости и неопределенности позиции Плеханова по отношению к Струве в 1894 г.

Тов. Ваганян, пытаясь дать новое об'яснение фактам, приходит к выводу, что иначе Плеханов и не мог поступить и что его отношение к Струве было единственно правильным.

Разберемся в об'яснениях тов. Ваганяна.

«Одно то, что Ангарский,—пишет тов. Ваганян,—без всякого анализа сравнивает Ленина и Плеханова и их позиции в вопросе, который разрешался при весьма определенных конкретных условиях, которые у этих двух людей были коренным образом различны,—одно это должно навести читателя на размышления насчет сомнительности подобных сопоставлений» (Воин. Мат.», кн. IV, стр. 81).

«Даже царская охранка,—говорит Ваганян,—характеризуя общественную обстановку жизни Плеханова, свидетельствовала о том, что в рядах марксистов полное разложение». Затем убийственная немая вражда, которая окружала «Группу» под влиянием роста народничества, постоянные склоки и борьба различных групп среди марксистов. «Удручающая атмосфера эмигрантской борьбы вокруг мелочей должна была... создать угнетенное состояние... Было ли известно Плеханову то, что происходило

---

[1]) «Легальный марксизм», стр. 69.

[2]) В. Ваганян, «К вопросу об отношении революционного марксизма к т. н. «легальному марксизму». «Воинствующий Материалист», кн. IV.

в стране после голода? Вероятно, урывками отдельные факты были известны, общая картина роста влияния марксизма в широких кругах интеллигенции, вероятно, была ему известна. Но, во-первых, «общая картина», во-вторых, само это обстоятельство должно было лишь усилить и усугубить трагическое положение Плеханова...» «Как ни был Плеханов твердо уверен в победе марксизма, как ни настойчивы были его утверждения, что голод неминуемо должен привести к под'ему широкого рабочего движения, но все-таки продолжавшееся после голода внешнее затишье в рабочем движении, рост либерально-народнической и народническо-либеральной «общественности» также должны были много способствовать упрочению такого настроения... Ко всему этому следует прибавить еще отчаянную нужду в деньгах, которая буквально душила всякое предприятие, которая в значительной мере определяла во многих случаях размер революционных выступлений» (стр. 88—89).

Да, настроение у Плеханова в эти годы было не из радостных, но напрасно т. Ваганян валит в одну кучу факты различного порядка. Эмигрантские склоки, оторванность от живой русской действительности, затишье в рабочем движении, невозможность легального выступления против народничества — все это, конечно, не могло не создать у Плеханова угнетенного настроения, но рост либерального движения, вряд ли мог такое настроение усилить. Это совсем не вяжется с той оценкой либерального движения, которому и Аксельрод и Плеханов придавали уже в эти годы столь существенное значение, связывая с ним вопрос о гегемонии пролетариата. Б. Николаевский, редактор «переписки» Плеханова с Аксельродом, свидетельствует, что в этот период, т.-е. в 1893—94 г.г., Аксельрод «работал над оформлением той социологической концепции, которая несколько позднее легла в основу его тактического плана, развитого в брошюрах «Историческое положение... либеральной и социальной демократии» и др. Николаевский сообщает, что эти свои взгляды Аксельрод развивал Плеханову еще в 1893 г. во время Цюрихского Социалистического Конгресса; не даром же Плеханов всегда аттестовал Аксельрода, как «лучшего тактика».

Вот что этот «лучший» тактик писал в первой половине 90-х годов, будучи так же, как и Плеханов, не осведомлен о росте рабочего движения: «В России, где пролетариат сам стоит еще в массе своей на слишком низкой ступени культурного развития, чтобы быть в состоянии в тисках абсолютизма возвыситься до роли сознательной революционной силы без прямой или косвенной помощи со стороны буржуазии, такая тактика, имеющая историческое оправдание на Западе, у нас была бы утопичной и реакционной... Она ослабила бы непосредственное практическое значение этого движения и препятствовала бы установлению умственного взаимодействия образованных классов и народных масс. Между тем, такое воздействие... имеет в современной России огромное прогрессивное значение, так как самый бледный либерализм любого интеллигента все же гораздо выше некультурного мировоззрения этих масс» (курсив мой. *Н. А.*).

Что же удивительного в том, что Аксельрод даже Милюкова и Лаппо-Данилевского в эти годы считает за марксистов, а Плеханов называет их «своими». Выступать при таких усло-

виях против Струве, и к тому же, надо полагать, прекрасно аттестованного Потресовым, как «несомненного» с.-демократа, Плеханов не считал возможным, тем более, что Струве в то время не только возглавлял анти-народническую кампанию, но и являлся одним из лидеров начинавшегося общественного движения [1]), с которым (движением) Аксельрод и Плеханов связывали идею гегемонии пролетариата. Таким образом, об'яснять замалчивание Плехановым псевдомарксистских мыслей Струве только одним желанием сохранить единство антинароднического фронта—значит слишком упрощать дело. Будучи оторван от русской общественной жизни и революционного движения, Плеханов не дооценил всей важности образования «единого фронта» социал-демократов, который мог быть укреплен не только критикой народничества, но и критикой всякого извращения марксизма.

И если в 1893—95 годах Аксельрод «работал» над очередной «концепцией», «формулой прогресса» русской революции и рекомендовал тактику хождения во все слои общества, тактику «взаимодействия» пролетариата и либеральной буржуазии, то уж ни в коем случае он не мог оправдать ленинской тактики борьбы на два фронта: и против народничества, и против буржуазной демократии, выразителем коей уже в то время был Струве.

Именно поэтому Аксельрод и Плеханов упрекали в 1895 г. Ленина за его резкое выступление против Струве, ибо в самом этом выступлении, независимо от вопроса об единстве антинароднического фронта, деятели «Группы Освобождения Труда» не могли не заметить совсем иную тактику, отличную от «концепции» Аксельрода. Отсюда становится понятным и тот упрек, который был сделан в 1895 году Ленину Аксельродом и Плехановым: «Вы поворачиваетесь к либералам спиной, а мы лицом». Вот за что упрекали Ленина деятели «Группы Осв. Труда», а не за то, что он единство марксистского фронта нарушил. За тактику, т. Ваганян, недовольны были Лениным Аксельрод и Плеханов, за «утопичную и реакционную тактику изолирования пролетариата».

Я не знаю, была ли в то время известна Аксельроду и Плеханову нелегальная книга Ленина «Друзья Народа». Думаю, что нет. А ведь именно в этой книге, независимо от «концепции» Аксельрода, Ленин выдвинул вопрос о гегемонии пролетариата в русской революции, выдвинул не в форме лабораторной «концепции» Аксельрода, а в виде живого революционного дела.

«Когда передовые представители его (рабочего класса),—писал Ленин в начале 1894 года,—усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации... тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов (курсив мой. *Н. А.*) свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции».

[1]) П. Струве был автором гектографированного открытого письма от «общества» к Николаю II от 19 янв. 1895 г.

Ленин прекрасно понимал, что абсолютизму будет нанесен роковой удар пролетариатом, который поднимется во главе всей демократии, но тактика Ленина была прямо противоположна тактике Аксельрода—Плеханова.

В то время, как Аксельрод и Плеханов полагали, что гегемония может быть достигнута уступками, соглашательством, подталкиванием либералов влево, поддержкой Петрункевича против Стаховича,—Ленин защищал необходимость беспощадной критики либералов, разоблачения их половинчатости, нерешительности, постоянной склонности к предательству интересов революции за тепленькое местечко и казенное жалованье. Вот почему неотложной важности задачей деятельности социал-демократов в первой половине 90-х годов Ленин считал работу исключительно среди рабочих, работу организации пропаганды и политической агитации, в то время, как Аксельрод и Плеханов, конечно, не отрицая всего этого, выдвигали еще особую задачу об'единения, организации, привлечения либералов, которая на практике неизбежно должна была выразиться, и впоследствии действительно выразилась, в чистейший оппортунизм и меньшевизм.

«Сумасшедшая дичь!» («Великий русский язык!». *Н. А.*) восклицает наш шумливый материалист по поводу моего утверждения, что «две тактики» соц.-дем. наметились у нас еще в первой половине 90-х годов. Советуем нашему критику вдуматься в следующие слова Ленина в предисловии к сборнику «За 12 лет»:

«Следует обратить внимание читателей,—писал Ленин,—на последние страницы этой книги (т.-е. статьи против Струве в Маркс. Сборнике 1895 г. *Н. А.*), где подчеркиваются положительные в глазах марксиста черты и формы народничества, как революционно-демократического течения в стране, переживающей канун буржуазной революции. Это—теоретическая формулировка тех самых положений, «которые 12—13 лет спустя получили практически-политическое выражение в левом блоке на выборах во 2 Думу и в «лево-блокистской тактике». Та часть меньшевиков, которая боролась против идеи о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства и отстаивала абсолютную недопустимость левого блока, изменила в этом отношении очень старой и очень важной традиции революционной социал-демократии...». Это предисловие полностью подтверждает правильность моего взгляда о том, что «две тактики» среди русских социал-демократов определенно наметились еще в 90-х годах.

Уже в «Друзьях Народа» Ленин определенно высказался за необходимость для соц.-дем. поддержать демократические требования народничества, т.-е. партии мелкой буржуазии, представляющей интересы крестьянства.

«Ангарский,—пишет Ваганян,—недоволен, что Плеханов не высказал специальных суждений о струвизме и Струве в своей статье, приложенной к «Монистическому взгляду»... дело не в том, доволен ли Ангарский или нет, а в самом факте, что ни в приложении к «Монистическому взгляду», ни в статье «Несколько слов нашим противникам» (кстати, эта статья подписана не Кузнецовым, как заявляет В-н, а псевдонимом Утис),

Плеханов не только не отметил псевдомарксистских взглядов Струве, но своей чрезвычайной уступчивостью и дипломатией только повредил делу.

Наивно было предполагать, что народническая критика не обратит внимания на то, как защищает Плеханов Струве. Обойти молчанием развязное заявление Струве, что «ортодоксией он не заражен» и что «философское обоснование марксизма еще не дано»—было не только невозможно, но и просто вредно. Правда, Плеханов пытался отгородиться от Струве в статье «Несколько слов нашим противникам», но как? «Напрасно г. Н—он,—пишет Плеханов,—так решительно называет эту книгу (книгу Струве. *Н. А.*), никуда не годной. В споре с Н—ом г. П. Струве очень и очень постоит за себя». Отсюда можно сделать вывод, что Плеханов только одну часть книги считает «годной»—ту, которая посвящена критике народничества, «и не годной»—где излагается теория марксизма. Но можно ли проводить столь искусственное разграничение? Ведь Струве критиковал народничество с точки зрения марксиста и, критикуя, противопоставлял народничеству «прогрессивную», «разумную» тактику либерального буржуа—как же это можно было, похваливая Струве за критику народничества, обойти молчанием его практическую политику? Как можно было умолчать, что «точка зрения» Струве есть вульгарное извращение марксизма. Плеханов не только не отмежевался от Струве, но он очень неосторожно взял его под свое покровительство в таких вопросах первостепенной важности, как вопрос о границах возможного государственного вмешательства в экономическую жизнь.

Дементьев в своей известной книге «Фабрика, что она берет у населения и что она ему дает», констатируя быстрый рост капиталистического производства, говорит, что дальнейшее его движение может быть и остановлено, для чего стоит только вспомнить положение: «gouverner—c'est prévoir».

Этот вывод Дементьева,—говорит Бельтов,—«русские ученики Маркса подвергают своему анализу и находят, что остановить в этом случае ничего не возможно», и что Дементьев заблуждается так же, как и другие народники. Далее Бельтов указывает Н—ону на книгу Струве, в которой есть «очень дельное рассуждение о границах возможного в настоящее время государственного вмешательства в экономическую жизнь России».

Этим указанием на «очень дельное рассуждение» Струве, о таком «значении государства» Плеханов как бы солидаризуется со Струве по столь важнейшему вопросу. Как можно было умолчать о тех выводах, которые делает Струве из об'ективной ограниченности государственного вмешательства в экономическую жизнь? Как можно было пройти мимо рассуждений о «прогрессивной», «разумной», «рациональной», буржуазной политике государства по сравнению с утопической политикой народничества? Что значат одни голые рассуждения Струве о границах государственного вмешательства, без его практических выводов из теории? Ведь о них, об этих выводах, прежде всего и шел спор с народниками. Всякий, кто помнит эти интересные годы, знает, сколько недоразумений породили эти рассуждения Струве и его единомышленников. Нередко можно было встретить таких неофитов учения Маркса, которые оправдывали «прогрессивную» политику государства (забывая о конкретном монархическом государстве) о покровительстве русскому грюндерству и крепкому мужичку.

На это и обратил внимание Ленин в своей известной статье против Струве. «Никогда,—писал Ленин,—не было в России недостатка в людях, всю душу полагавших на создание теорий и программ, выражающих интересы нашей буржуазии, выражающих все эти «долженствования» сильного и крупного капитала раздавить маленький капитал и разрушить его примитивные и патриархальные формы эксплоатации».

«Предоставьте мертвым погребать своих мертвецов»,—замечает Ленин по поводу рассуждения Струве о «разумности» либеральной, т.-е. буржуазной политики по сравнению с народнической, по поводу рассуждения о прогрессивности политики создания крепкого крестьянства. Замечательно, что на согласие Струве с этой либерально-буржуазной политикой государства Ленин указал еще на заре русского марксизма, а 15 лет спустя тот же Струве, совместно с Гучковым и Столыпиным, «из кожи лезли, чтобы совокупиться и породить бисмарковскую Россию», т.-е. Россию крепких хозяйственных мужичков. (Из письма Ленина к т. И. Теодоровичу).

Посмотрим теперь, что говорит т. Ваганян о выступлении Ленина против Струве в 90-х годах.

«Что представлял собою,—спрашивает Ваганян,—реферат Ленина, который был резче статьи?—и отвечает: это был итог (курсив мой. *Н. А.*) борьбы против абстрактности и догматизма одних и механичности, недиалектичности, нереволюционности других, которую Ленин вел в течение целого года...» «Это было одним из этапов его борьбы с тем кружковым академизмом и догматизмом, которым болели почти все марксистские кружки как столицы, так и провинции». Итак, по мнению Ваганяна, и реферат и замечательная статья Ленина явились не более, как обычным очередным делом, одним из «этапов борьбы» с академическими кружками, не более как «итогом» борьбы против абстрактности и догматизма.

Так опошляет тов. Ваганян исключительное по своему значению выступление Ленина против Струве в период апогея славы лидера легального марксизма. Плеханов, видите ли, не вращался в атмосфере «академических» марксистских кружков, поэтому он и не выступил против Струве, а Ленин вел с ними дискуссию в течение целого года, а затем подытожил эту дискуссию сначала в реферате, а затем и в статье. Так все просто и пошло.

А чтобы эта пошлость имела хотя какую-нибудь видимость обоснования, чтобы доказать, что кружок Струве-Потресова был самым ярким проявлением академизма и что Ленин выступил только против одного из многих и лишь наиболее ярого кружка, т. Ваганян приводит свидетельство Мартова, которое,—увы!—ни в коей мере не укрепляет его безнадежную позицию.

Наблюдения Мартова,—говорит Ваганян,—интересны прежде всего тем, что указывают, что кружок Струве-Потресова был самым ярким проявлением академизма и механического марксизма. Читайте, т. Ваганян, свидетельство Мартова внимательно и не вкладывайте в это свидетельство чуждого ему содержания. Мартов ни слова не говорит об академизме и механичности рассуждений Струве—нет, Мартов со свойственной ему наблюдатель-

ностью обратил внимание прежде всего на то, как вел себя на этом реферате «умудренный» не по летам будущий ренегат. Мартов тогда уже подметил у Струве «отказ интеллигента от революционной активности».

Если еще принять во внимание, что Ленин впервые встретился со Струве поздней осенью 1894 г. и читал свой реферат по поводу вышедших в конце августа «Критических Заметок», то попытка Ваганяна об'яснить выступление Ленина против Струве простым желанием подвести итог дискуссии окажется просто попыткой с негодными средствами.

Если бы наш шумливый, «воинствующий» материалист имел хотя некоторую склонность к изучению сочинений Ленина, то он, может быть, понял бы все историческое значение выступления Ленина против Струве, он понял бы, быть может, что не «подведение итогов» дискуссии с академическим кружком марксистов имел в виду Ленин, выступая против Струве, а необходимость немедленного и решительного отпора тем, кто, прикрываясь теорией Маркса, приветствует либерально-буржуазную политику государства, т.-е. царского правительства, на деле; он понял бы тогда, что выступление против Струве настоятельно диктовалось необходимостью об'единения всех революционных марксистов; он понял бы, если бы внимательно перечитал статью против Струве и сопоставил ее с «Друзьями Народа», что необходимо было дать отпор огульному со стороны «легального» марксиста отрицанию всей народнической программы в целом и необходимости выделить из нее ее демократическую часть, которую социал-демократы должны всемерно поддержать, развить и дополнить. Он, наконец, понял бы тогда, что смысл выступления Ленина против Струве в 1895 г. заключался в необходимости отгородиться от Струве, как ненадежного марксиста.

Если бы т. Ваганян, рассуждая о периоде раннего марксизма в России, периоде, связанном с первыми выступлениями Ленина, отнесся к этим замечательным годам с тем исключительным вниманием, которого они заслуживают,—он понял бы тогда громадное значение выступления Ленина против Струве—выступления, которое вместе с «Друзьями Народа» тогда уже предопределило всю дальнейшую тактику ленинизма.

Отношение Плеханова к Струве, замалчивание его псевдомарксистских взглядов, как было показано выше, вполне соответствовало той оценке момента, которую выдвигали Аксельрод и Плеханов, и той тактике по отношению к либералам, которую они рекомендовали русским марксистам. Именно поэтому я и оспаривал, и в своей книге, и в статье в «Известиях», правильность утверждения Плеханова, будто сам же Ленин в 1895 г. «приказывал» ему «не стрелять» в Струве. Я оспаривал это утверждение Плеханова, как потому, что оно вообще не вяжется с его отношением к Струве, так и потому, что мы имеем подлинное свидетельство Ленина по этому вопросу, да еще в таком документе, как записка «Как чуть не потухла «Искра».

«Наши заявления,—читаем в записи Ленина,—что мы обязаны быть, елико возможно, снисходительны к Струве, ибо мы сами не без вины в его эволюции: мы сами, и Г. В. Плеханов в том числе, не восстали тогда, когда надо было восстать (1895—1897 г.г.). Г. В. Плеханов абсолютно не хотел признать своей, хотя бы малейшей вины, отделываясь явно негодными аргументами, отстраняющими, а не раз'ясняющими вопрос. В товарищеской беседе между будущими соредакторами эта дипломатичность поражает крайне неприятно: зачем обманывать себя, говоря, что в 1895 г. ему Г. Плеханову, будто бы было «приказано» «не стрелять» в Струве, а он привык делать, что приказано (похоже на то!)».

Итак Плеханов утверждает, что в 1895 г. ему было «приказано» «не стрелять» в Струве. Ленин называет это «самообманом» и говорит, что Плеханов так же не восстал в 1895 г. против Струве, как и другие революционные марксисты. Т. Ваганян поддерживает версию Плеханова, и вопреки прямому свидетельству Ленина, да еще такому, как запись в дневнике, заявляет, что «у Плеханова речь идет о «приказе» в 1895 г.» т.-е. о приказе Ленина, и что «Ленин мог советовать Плеханову не выступать против Струве» и что это «вероятнее всего», ибо как раз перед тем, как уезжать за границу, наметились некоторые возможности сближения».

Признаюсь, я испытывал просто стыд, выписывая эти строки нашего критика, ибо «есть речи,—значенье...» В самом деле, Ленин свидетельствует, что заявление Плеханова о том, что ему (Плеханову. *Н. А.*) «приказано было в 1895 г. «не стрелять» в Струве»—дипломатия, самообман; говорит, что «мы сами и Г. Плеханов, в том числе, не восстали тогда, когда надо было восстать», а Ваганян не верит этому прямому, ясному свидетельству Ленина и заявляет, что «Ленин мог (курсив мой. *Н. А.*) советовать Плеханову «не стрелять» в Струве, ибо в то время начиналось уже сближение с легальными марксистами. Более того, из записи Ленина видно, что Плеханов, говоря о «приказе» «не стрелять» в Струве, имел в виду не одно лицо, а будущих редакторов «Искры», а Ваганян, либо по небрежности, либо заведомо, извращает смысл заявления Плеханова и говорит, что у Плеханова речь идет о приказе Ленина. Это извращение и смысла и текста записей Ленина необходимо ему для того, чтобы, во-первых, установить, что Плеханов говорил о приказе Ленина, а не группы лиц, и во-вторых, чтобы доказать возможность и полную вероятность такого приказа со стороны Ленина. Предоставляем судить читателю, как сказываются такого рода приемы доказательств.

В своей брошюре я выставил предположение, что если и был приказ «не стрелять» в Струве, то не в 1895 г., а в 1894 г. и исходить он мог от Потресова. Свои предположения я основываю на следующих датах; в августе—сентябре 1894 г. Потресов, договариваясь с Плехановым в Лондоне об издании «Монистического взгляда», конечно, мог советовать Плеханову «не стрелять» в Струве. Это более чем вероятно, особенно, если принять во внимание, что Потресов в то время был ближайшим единомышленником Струве и что осенью, уже после выступления Ленина с рефератом о книге Струве, на котором присутствовал вернувшийся из Лондона Потресов, наметилась возможность соглашения с легальными марксистами, возникла мысль об издании марксистских сборников. В редакцию сборников от легальных марксистов входили Струве, Потресов, Классон; от кружка революционных марксистов Ленин, Старков и Радченко. Так как всю переписку с Плехановым по делам издательства вел Потресов, то не исключена возможность, что в

конце 1894 г. или в начале 1895 г., когда созрела уже мысль об издании сборников и редакция собирала статьи для него, Потресов, обращаясь к Плеханову за статьей, просил «не стрелять» в Струве. Я говорю «не исключена возможность», ибо в данном случае вопрос о том, писал ли что-либо по этому поводу Потресов Плеханову, может разрешить только сам Потресов, так как в архиве Плеханова писем Потресова за это время не имеется. Что же касается Ленина, то он в эти годы в переписке с Плехановым не состоял, а потому и приказывать ему «не стрелять» в Струве не мог.

Заявление Плеханова, что ему было «приказано» «не стрелять» в Струве совсем не вяжется с теми мотивами, которые приводит Ваганян в оправдание тактики Плеханова. Получается такая цепь противоречий: 1) Плеханов в 1894—95 г.г. считает выступление против Струве, по мнению Ваганяна, бестактным и недопустимым, а потому и не выступает; 2) Плеханов в 1895 г. «рвется в бой» против Струве, но Ленин «дает советы» и «приказывает» «не стрелять»; 3) при личном свидании с Лениным в 1895 г. в Женеве, Плеханов упрекает Ленина за то же, за что и Аксельрод—за неправильную тактику по отношению к либералам, а непосредственно—за статью против Струве.

Но в своих попытках во что бы то ни стало доказать, что Ленин действительно «приказывал» «не стрелять» в Струве, т. Ваганян сначала приводит общеизвестные факты о «полевении» Струве, а потом делает и вывод и том, что при таких условиях Ленин мог-де «уговаривать» Плеханова не выступать против Струве. Нечего сказать, хорошая система доказательств.

От «исследователя» сочинений Плеханова мы в праве потребовать бо́льшего, мы в праве потребовать доказательств того, что Плеханов в 1895 г. настаивал на выступлении против Струве, но таких доказательств тов. Ваганян, конечно, не приведет.

Цитируя слова Ленина из записки «Как чуть не погухла «Искра» («мы сами не без вины...»), Ваганян снова заявляет, что «Ленин несомненно (!) (курсив мой. *Н. А*) имеет в виду свои советы 1895 г.». Наконец-таки, т. Ваганян договорился до того, что он обставлял всякими оговорками и предположениями.

Посмотрим же, какой действительный смысл имеют слова Ленина о том, что «мы сами не без вины в его (Струве. *Н. А.*) «эволюции» и что «мы сами, и Плеханов в том числе, не восстали тогда, когда надо было восстать» (1895—1897 г.г.).

Это записано было под свежим впечатлением переговоров со Струве в 1900 году, переговоров, которые по признанию Ленина имели «историческое» в его жизни значение, а собрание 29/XII подводило итог целой «если не эпохе, то стезе жизни...». «Струве,—читаем в записке Ленина,—показал себя с совершенно новой стороны, показал себя «политиком» чистой воды, политиком в худшем смысле слова, политиканом, пройдохой, торгашем и нахалом».

В то же время споры с Плехановым по вопросу об издательском проекте Струве так обострились, что угрожали самому плану издания «Искры».

Неприятность увеличивалась еще тем,—говорит Ленин в записи от 29/XII,—что по первоначальной передаче дела Потресовым выходило, что «Струве идет к нам и хочет делать шаги с своей стороны: оказалось как раз наоборот. Произошла эта

странная ошибка от того, вероятно, что Потресову очень уж хотелось того, чем «манил» Струве, именно политического материала..., а «чего хочется, тому верится», и Потресов верил в возможность, чем манил Струве...».

Итак, с одной стороны, «странная ошибка» Потресова, обострение отношений с Плехановым, который представлял дело так, что Ленин и Потресов хотят «все примирить», и, наконец, угроза возможности осуществления плана издания «Искры»—все это вместе взятое не могло не вызвать у Ленина горечи и раздражения, что и вылилось в словах: «... мы сами не без вины в его эволюции: мы сами, и Г. В. Плеханов в том числе, не восстали тогда, когда нужно было восстать» (1895—97 г.г.).

О каком «восстании», о какой «нашей вине» говорит он?

Несомненно, Ленин имеет здесь в виду временный союз со Струве и другими легальными марксистами зимой 1894—95 год. В сгущенной атмосфере переговоров со Струве в 1900 г., переговоров, которые закончились полнейшим разрывом с ним, Ленин пожалел, что Плеханов и он сам не восстали в 1895 г. против Струве, а пошли на «временный союз» с ним.

Два года спустя (в 1902 г.) в «Что делать?» Ленин, возвращаясь к вопросу о союзе с легальными марксистами, спрашивает... «не падает ли наибольшая ответственность за последующую «смуту» именно на революционных социал-демократов», которые «вошли в этот союз с будущими «критиками»?—и отвечает: «Бояться временных союзов, хотя бы и с ненадежными людьми, может только тот, кто сам на себя не надеется... А соединение с легальными марксистами было своего рода первым действительно политическим союзом русской социал-демократии. Благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгарном виде). Притом союз был заключен не без всяких условий». Доказательство: сожженный в 1895 г. цензурой «Марксистский сборник»... Если литературное соглашение с легальными марксистами можно сравнить с политическим союзом, то эту книгу можно сравнить с политическим договором».

В своей брошюре я, останавливаясь на словах Ленина о том, что мы «сами не без вины», ибо «не восстали тогда, когда надо было восстать», указывал, что Ленин в данном случае не совсем прав: «восстание» им же самим было поднято и даже в весьма резкой форме; в результате этого «восстания» Струве и Потресов до такой степени двинулись влево, что получилась возможность заключения временного союза с ними.

Вот на что намекал Ленин в 1900 г., говоря о «восстании» против Струве, а не на какие-то мифические «советы», которые, как говорит Ваганян, Ленин, «несомненно», давал в 1895 г. Плеханову.

Вообще пора оставить легенду о том, что в 1895 г. Ленин «приказывал» Плеханову «не стрелять» в Струве. Во-первых, Плеханов, как удостоверяет сам же т. Ваганян, не считал возможным в 1895 г. выступать против Струве, а во-вторых, выстрел по Струве был произведен Лениным столь внушительный (статья в марксистском сборнике), что и Струве и Потресов сильно двинулись влево и получилась возможность заключить временный союз с легальными марксистами. Об этом союзе Плеханов не-

сомненно был осведомлен Потресовым, который фактически ведал изданием марксистского сборника. Посылая в этот сборник статью «Несколько строк нашим противникам», Плеханов едва лишь коснулся «наших союзников», как будто бы «союз» налагал на революционных марксистов обет замалчивания явно немарксистских взглядов Струве. Так обстояло дело в 1895 г. Посмотрим теперь, как об'ясняет т. Ваганян молчание Плеханова в 1897 г., когда он сотрудничал в редактируемом Струве журнале «Новое Слово»?

«В стране «молодые» охвачены экономическими тенденциями, за границей, молодые устраивают, во главе с Прокоповичем и Кусковой, фронду против группы... и тут же как раз вслед затем бернштейнианство». Ко всему этому,—говорит т. Ваганян,—надо прибавить, что Струве считал еще себя членом партии и «держал (!) единственный марксистский журнал». «Хотя услуга нам при нужде дорога»,—хотелось бы сказать т. Ваганяну,—но все же за нее «не всяк умеет взяться». В самом деле, в стране и за границей зачинаются «экономизм» и бернштейнианство, П. Струве и Булгаков в «Новом Слове» извращают Энгельса, а Плеханов, главнейший сотрудник журнала, упорно молчит. В письме Ленина к Потресову от 27/VI—1899 г. из Шушенского читаем: «Не понимаю только одного, как мог Каменский оставить без ответа статьи Струве и Булгакова в «Новом Слове» против Энгельса. Не об'ясните ли вы мне этого?» Я не знаю, как это об'яснил Потресов, но не думаю, чтобы его удовлетворило... об'яснение т. Ваганяна. В своих статьях 1897 г. Струве так далеко шагнул вправо, стал высказывать столь ревизионистские мысли, что недоумение Ленина о причинах молчания Плеханова было вполне естественно. Ленин считал большой политической ошибкой то обстоятельство, что Плеханов «не стрелял» по Струве и потому спрашивал Потресова, находившегося в близких отношениях с Плехановым: «не об'ясните ли вы мне этого», т.-е. удивлявшего Ленина молчания Плеханова по поводу явно немарксистских статей Струве.

Посмотрим теперь, как доказывает тов. Ваганян «значительную перемену» в отношениях Ленина к либерализму после свидания с Плехановым и Аксельродом в 1895 г.

Для доказательства такой «перемены» т. Ваганян ссылается на отношение Ленина к протесту «самарцев» по поводу позиции, занятой Струве и Туганом в вопросе о хлебных ценах, дебатировавшемся в 1897 г. в Вольно-Экономическом Обществе.

Сущность спора Струве и Тугана с московскими профессорами, как известно, сводилась к вопросу: какие цены, высокие или низкие, выгоднее для русского сельского хозяйства и как они отражаются на крестьянском хозяйстве?

Московские профессора защищали народническую точку зрения о том, что у нас еще существует натуральное, а не денежное хозяйство, что вопрос о ценах существенной роли не играет, что крестьянам выгоднее низкие цены, так как они весной снова покупают проданный осенью хлеб, и, наконец, что высокие цены выгодны только аграриям.

Туган и Струве, наоборот, доказывали, что низкие цены на хлеб означают регресс и сельско-хозяйственной техники и всего нашего народного хозяйства, что переход к высшим формам хозяйства выгоден не только отдельным группам населения, но и всей народной массе, на которую ложится вся тяжесть современной экономической и общественной отсталости России.

«Тот факт,—говорил Струве,—что низкие цены способствуют переходу от денежной аренды к натуральной (испольной, отработочной)... красноречиво говорит о том, что низкие цены—решительный тормоз экономического, а тем самым культурного и общественного развития страны».

Конечно, в выступлениях Струве и Тугана революционный марксист, не забывший еще «Критических заметок», не мог не насторожиться и не почувствовать некоторой опасности стать орудием защиты интересов имущих классов, но пугаться самого факта выступления легальных марксистов независимо от характера этого выступления, пугаться поддержать правильное, марксистское выступление против народничества—это значит явно грешить против тактики марксизма. «Бояться временных союзов, хотя бы и с ненадежными людьми,—говорил Ленин, — может только тот, кто сам на себя не надеется, и ни одна политическая партия без таких союзов не могла бы существовать». Надо помнить, что выступление Струве и Тугана против московских профессоров в Вольно-Экономическом Обществе по времени совпадает с переговорами о покупке «Нового Слова», когда никаких сколько-нибудь серьезных оснований разорвать союз с легальными марксистами не было.

Не потому Ленин в письме к товарищам решительно стал на защиту позиции Струве и Тугана, что 2 года тому назад усвоил «концепцию» Аксельрода и признал необходимым «обернуться к либералам лицом», как это легкомысленно утверждает т. Ваганян, а потому, что позиция Струве и Тугана была правильна, протест же самарцев, и в частности Маслова, совершенно несостоятелен.

Никаких перемен по отношению к Струве и другим легальным марксистам со стороны Ленина с 1895 по 1897 г. не было.

Союз и единство марксистского фронта соблюдались.

Если бы т. Ваганян знаком был с произведениями Ленина, он легко усмотрел бы в его выступлении против самарцев лишь подтверждение тех взглядов по аграрному вопросу, которые Ленин высказывал и в «Друзьях Народа» и в статье против Струве.

«Социал-демократы,—писал Ленин,—всегда поддержат требование устранения... остатков средневековых отношений, обусловливающих экономический и политический застой. То же следует сказать и о малоземелье. Я уже много останавливался выше на доказательстве буржуазного характера воплей о нем. Несомненно, однако, что, например, крестьянская реформа отрезками земель прямо ограбила крестьян в пользу помещиков, сослужив службу этой громадной реакционной силе и непосредственно (отхватыванием крестьянской земли) и косвенно (искусным отмежеванием наделов), и социал-демократы будут самым энергичным образом настаивать на немедленном возвращении крестьянам отнятой от них земли, на полной экспроприации помещичьего землевладения,—этого оплота крепостнических учреждений и традиций» («Друзья Народа», стр. 161).

Основная мысль Ленина, высказанная еще в начале 1894 года, заключалась в том, что остатки и пережитки крепост-

ничества в деревне являются сильнейшим тормозом свободному развитию классовой борьбы.

Эта же мысль выражена и в статье «Экономическое содержание народничества».

И, наконец, почти в тех же самых выражениях Ленин высказывается по этому важнейшему вопросу в письме к товарищам из Шушенского (не с дороги ли в Шушенское? *Н. А.*), нападая на Маслова и защищая Струве. В пересланной им (Лениным. *Н. А.*) копии своего ответа Маслову,—говорит Мартов,—и в письме к нам по тому же вопросу он обоими ногами становился на почву Струве-Тугановской постановки задачи, решая ее в том смысле, что высокие цены, убивая кабальные отношения в деревне, подготовляют условия для революции (Мартов, «Записки», стр. 329). Интересно отметить, что к этому времени относится первая попытка отчетливой формулировки Лениным т.-н. аграрной программы с.-д., предпосылкой которой являлась необходимость борьбы с остатками крепостничества в деревне.

Если бы т. Ваганян проследил историю развития взглядов Ленина по аграрному вопросу, начиная с 1894 г. и до II с'езда, когда наиболее отчетливо была формулирована Лениным принципиальная точка зрения марксизма в аграрной части партийной программы,—он, быть может, не опустился бы до неприличия утверждать, что Ленин потому-де высказался в 1897 г. за Струве и Тугана, что они в споре с московскими профессорами защищали «либеральную, буржуазную позицию», поддерживать которую Ленин после свидания в 1895 г. с Аксельродом и Плехановым считал политически необходимым.

На диспуте в Вольно-Экономич. Обществе Струве и Туган защищали против народников необходимость борьбы против кабальных отношений в деревне, защищали экономический прогресс и необходимость развития производительных сил. Этот же взгляд защищали Струве и Туган и в 1894—95 годах, эти взгляды всегда поддерживали революционные марксисты в совместных выступлениях против народничества. Ленин всегда считал легальных марксистов буржуазными демократами и тем не менее союз с ними считал желательным и полезным в интересах единого фронта против народничества.

Никакой «перемены» в отношении Ленина к легальным марксистам вообще и Струве в частности в 1897 г. не произошло и рассматривать письмо Ленина к товарищам по поводу протеста самарцев, как новый поворот в тактике по отношению к либералам,—значит не понимать ни этой тактики, ни тактики ленинизма вообще. Моя статья слишком разрослась, но я далеко не исчерпал еще всех «ошибок» нашего «воинствующего» материалиста. «Ошибки» т. Ваганяна так очевидны, так разительны, что у читателя, естественно, может возникнуть вопрос: да стоило ли вообще опровергать такого рода «ошибки»? На это я должен ответить: «есть речи,—значение...».

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ. Промышленность СССР, ее достижения и задачи. Изд. ЦУП ВСНХ СССР. Москва, 1925 г. Стр. 87+18 дгр.

Эта книжка, как указывает редакция в предисловии, «воспроизводит доклад председателя ВСНХ на III С'езде Советов: «О промышленности СССР», пополненный данными тех материалов, которые были выпущены отдельной брошюрой к С'езду, и которые полностью не могли быть использованы в докладе».

Основные задачи, стоявшие перед промышленностью во время III С'езда Советов и анализируемые тов. Дзержинским в его книжке,—сохраняют свой жизненный интерес и в настоящее время; некоторые из них выступают даже в более ярком свете на фоне достижений после-с'ездовского развития.

«Сверхамериканский» темп развития промышленности, в особенности за предпоследний год «восстановительного» периода, должен, согласно «контрольным цифрам», привести нас в 1925—26 хозяйственном году к довоенным нормам. В связи с этим проблемы развития промышленности, как накопление, его темп и источники, реконструкция производительных сил и качество продукции,—становятся чрезвычайно жгучими вопросами общеэкономической и промышленной политики. Решение же этих общих задач упирается в вопрос о поднятии производительности труда, снижении цен, «ножницах», импорте-экспорте, кредитовании промышленности и т. д.

Довоенный уровень нашего хозяйства и промышленности не может для нас быть ни предельным, ни «достаточным, ибо, с одной стороны, потребности за эти годы в стране развились гораздо выше, чем они были до войны, а, с другой стороны, нам необходимо изжить все те жесточайшие и величайшие лишения и опустошения, которые наш Союз пережил за годы империалистической и гражданской войн» (стр. 12). Да и нельзя построить социализм на довоенном уровне хозяйства. Для нас довоенный уровень является лишь тем стартом, от которого движение к социализму начинается на основе действительного развития производительных сил.

В общем народно-хозяйственном развитии промышленность, как производитель «основного капитала», является отправным звеном движения, «ведущим началом». Поэтому «советская национализированная промышленность является основным орудием восстановления всего народного хозяйства СССР в целом и, прежде всего, сельского хозяйства, как основного в СССР».

Наиболее прогрессивная часть производительных сил данного народно-хозяйственного целого обычно представлена в промышленности, которая в условиях нашего советского хозяйства является его социалистическим участком. Только развитие крупной социалистической промышленности «может освободить всех трудящихся, как от опасности капитализма и империализма, так и от стихийных сил природы, поднять до небывалой высоты производительные силы сельского хозяйства»

путем его интенсификации и индустриализации и тем самым «создать условия для быстрого роста культурного и жизненного уровня рабочих и крестьян».

Кроме того, «только развитие промышленности может укрепить и усилить союз рабочих и крестьян—эту базу советской власти—и обезопасить государство от внешней опасности» (стр. 7).

Но не только развитие промышленности, сам темп этого развития имеет первостепенное значение для всего народного хозяйства, так как отставание промышленности от других отраслей задерживает их рост, что мы и наблюдаем в настоящее время по отношению к нашему хозяйству в целом. И, конечно, развитие промышленности, в общем, должно итти в соответствии с ростом всего народного хозяйства.

Однако, откуда наша промышленность может черпать средства для своего накопления, и чем обусловливается его темп?

Общий темп народно-хозяйственного развития обусловливается разностью между совокупностью вновь произведенных материальных благ и потребностями простого воспроизводства.

Наша промышленность средства для своего развития может черпать прежде всего в самой промышленности—поднятием производительности труда и увеличением рентабельности своих предприятий, а также использованием части оборотных капиталов некоторых отраслей, части резервных и амортизационных капиталов.

Относительно более быстрый, чем всего хозяйства, темп развития промышленности в настоящее время, должен иметь место и на ближайший период, так как только в этом случае развивающаяся промышленность сможет удовлетворить растущие потребности других отраслей. В этих целях необходима и целесообразна переброска части общего накопления в народном хозяйстве в промышленность в порядке ли бюджетного ассигнования или банковского кредитования.

Темп накопления в значительной степени обусловливается также социально-экономической природой хозяйства. В этом отношении мы имеем громадные преимущества перед капиталистическим хозяйством: часть прибавочной стоимости, проедаемую буржуазией, мы можем использовать в целях накопления; кроме того, плановое начало нашего хозяйства дает громадную экономию средств, которые в капиталистическом хозяйстве идут на расплату за «несовершенство» его экономической организации.

«Возникает вопрос,—говорит тов. Дзержинский,—откуда же черпать средства для того, чтобы основной капитал не только восстанавливать, но и расширять? Некоторые товарищи перед этим становятся в тупик. Я думаю те, кто не осознал еще всей мощи и всех возможностей, которые таит в себя наш Союз рабочих и крестьян, единение всех наций, входящих в Союз ССР» (стр. 55—56). Конечно, «заграничный кредит быстрее развернул бы нашу хозяйственную жизнь», но и без него наша промышленность имеет огромные возможности развития.

После нэпа отдельные отрасли народного хозяйства восстанавливаются неравномерно. В этом «восстановительном» процессе мы уже имеем тенденции изменений в довоенных количественных нормах соотношений разных отраслей, которые получат свое дальнейшее развитие в реконструктивном процессе народного хозяйства.

Реконструкция хозяйства, прежде всего, выразится в увеличении удельного веса промышленности в общей системе народного хозяйства. Это подтверждают не только общие соображения, но и необходимость развития таких отраслей, как сельскохозяйственного машиностроения, электропромышленности и др., которые до войны находились в зачаточном состоянии.

И в самой промышленности должны измениться довоенные количественные нормы соотношений разных отраслей. Общие тенденции народно-хозяйственного развития показывают, что такие отрасли, как металлопромышленность, электропромышленность, сельско-хозяйственная и др. будут иметь более значительное развитие. Особое развитие должна иметь сельско-хозяйственная промышленность, т. к. она «больше всего касается нашего сельского хозяйства и служит красноречивейшим показателем его культурности и в то же время имеет громадное значение для всей промышленности» (стр. 29).

Сельско-хозяйственная промышленность в С.-А. С. Ш. по своему удельному весу в отношении других отраслей занимает первое место. Некоторые общие черты хозяйственного развития С.-А. С. Ш. и советского хозяйства показывают нам, какие огромные задачи стоят перед этой отраслью. Хотя до войны эта отрасль у нас занимала также первое место, но все же, ее размеры, в сравнении с ее колоссальными возможностями в нашей крестьянской стране, крайне незначительны.

Третьим элементом реконструкции является географическое размещение промышленности. Ф. Э. Дзержинский указывает, что «особый интерес многих товарищей-хозяйственников возбуждает вопрос о постройке новых фабрик и заводов. Они боятся, что новое строительство будет возводиться по старому трафарету в местах существующих предприятий, создание которых очень часто находилось в остром противоречии с основными условиями районирования промышленности: близостью сырья, рабочей силы, пролегания путей сообщения и т. д.

Они советуют,—говорит он далее,—строить новые заводы ближе к сырью. Указания эти правильны, но вовсе не исчерпывают всего вопроса, разрешение которого требует полного учета всех элементов: дешевых путей сообщения, водных путей, дешевой энергии, как топливной, так и электрической, климатических условий и т. д.

Для определения новых мест и районов постройки заводов должна быть проделана величайшая, огромнейшая работа» (стр. 57).

Однако, «нельзя не согласиться с теми, кто говорит, что в городах и крупных центрах новых заводов строить не следует. Строительство должно быть организовано вне городов, создавая тем самым базу для новых промышленных центров. Мы должны в первую очередь строить эти заводы в национальных республиках, именно в отсталых национальных республиках, где вся политика царского режима направлялась к тому, чтобы выжать все соки, не поднимать культурного уровня данной нации, делать ее отставшей, не давать ей промышленности и не давать ей возможности иметь свой пролетариат» (стр. 58).

Техническая реконструкция отдельного предприятия и заведения в настоящее время состоит в использовании новейших технических достижений и методов производства. В основном она выражается в перестройке промышленности на новой энергетической базе, в электрификации и организации ее (промышленности) по системе массового производства. «Система эта возможна лишь при специализации заводов и при проведении стандартизации и нормализации как изделий в целом, так и деталей. Систематически проводимая стандартизация может дать сотни миллионов и даже миллиарды экономии» (стр. 75), так как плановое начало дает возможность использовать технические достижения целесообразнейшим образом и в масштабе всей промышленности.

В деле технической реконструкции наших фабрик и заводов, весьма устаревших в сравнении с достижениями капиталистической техники,

необходимо проделать громадную работу. Но и применение новейших технических достижений капиталистического хозяйства в нашей промышленности должно быть лишь началом той технической революции, которую произведет социализм, создав свою технику, отличную от техники капиталистического хозяйства.

Развитие крупной государственной промышленности, реконструкция ее вещных элементов будет протекать наряду с процессом обобществления производительных сил, устранением противоречий между городом и деревней, созданием новых отношений между людьми в трудовом процессе. Такие отсталые формы промышленности, как мелкая, кустарная и частно-капиталистическая, должны будут уступить свое место развивающейся социалистической промышленности.

Но в настоящее время наша государственная промышленность не может удовлетворить возросшей потребности других отраслей хозяйства; выразителем этого является переживаемый нами товарный голод. Поэтому, а также в целях ускорения накопления в стране и его использования в интересах социалистической промышленности, мы должны допустить и содействовать развитию кустарной промышленности и использовать частный капитал.

«Мы до сих пор,—говорит тов. Дзержинский,—развивая, восстанавливая и приводя в порядок нашу государственную промышленность, не обращали достаточного внимания на огромный резерв, который мы имеем для удовлетворения потребностей страны в кустарной промышленности. Только за последние полгода этот вопрос был поставлен на очередь правительством, частично разрешен и разрешается дальше».

Очень часто «крупную промышленность мы рассматривали, как находящуюся—в наших условиях—в противоречии с кустарной и мелкой промышленностью.

Эта точка зрения неправильна, ибо политически и социально многомиллионная распыленная армия кустарей по существу является пролетарской армией. В старое время кустарь был об'ектом эксплоатации, да и сейчас, поскольку мы не уделяем ему достаточного внимания, он является об'ектом эксплоатации скупщиков. Кустари явятся пополнением новых кадров квалифицированных промышленных рабочих, и районы, которые занимаются той или другой отраслью кустарной промышленности, смогут явиться базой для постройки соответствующих новых фабрик и заводов, где механические силы заменят труд человека» (стр. 37).

Основным условием успешного нашего развития «является, однако, плановое хозяйство... Элементами нашего государственного плана в настоящее время являются не столько цифровые выкладки и календарные сроки, в которых мы можем еще тысячи раз ошибаться, сколько установление линии хозяйственной политики в наших условиях и в данное время» (стр. 82). Плановое регулирование в условиях многомиллионного крестьянского хозяйства и общей неустойчивости хозяйственного развития встречает огромные трудности. В настоящее время мы стоим лишь «у начала планового хозяйства».

Книжка тов. Дзержинского отличается содержательным экономическим анализом удачно сгруппированного статистического материала из области нашего хозяйства, и это обстоятельство выделяет ее из обширной экономической литературы о народном хозяйстве. Эта небольшая книжка явится ценным пособием по истории советского хозяйства, в особенности нашей промышленности, начиная с 1921 г. до последнего времени.

Н. Саргин.

МЕЛАНХОЛИЧЕСКИЕ ОТКРОВЕНИЯ ВЕЙДЕМЮЛЛЕРА ИЛИ БОРЬБА ЗА „КАЧЕСТВО ПРОДУКЦИИ" В ГОСИЗДАТЕ.

В одном из номеров «Правды» т. Г. Мороз указывал, что на складе Госиздата лежит большое количество изданных уже брошюр, но задержанных выпуском в продажу в виду их порнографического содержания.

Читателю повезло, что «недремлющее око» редакторов Госиздата, после напечатания брошюр случайно обратило свое внимание на содержание книжек и задержало их на складе. Однако не всегда бывают такие «удачные» результаты. Чаще книжка все же проскакивает на рынок и преподносится читателю со столь авторитетной маркой Госиздата.

Перед нами лежит книжка К. Вейдемюллера «Иностранный капитал и СССР. Государственное издательство. 1925, стр. 63, тираж 7000 экземпляров.

Известно ведь, какой интерес проявляет теперь наш широкий читатель, наша учащаяся молодежь к вопросам мировой экономики и ее теоретической и описательной постановке. Все растущая роль СССР в мировом хозяйстве, связь существующая между перспективами импорта иностранных капиталов в СССР и темпом развития нашего социалистического строительства вызывает особенный, вполне справедливый, интерес нашего читателя к трудам, посвященным связи СССР с мировым хозяйством, вопросам заграничных займов, концессионным вопросам и т. д. Удовлетворить эти запросы читателя, повидимому, и намеревался ГИЗ, выпуская книжку Вейдемюллера.

Однако, даже поверхностное ознакомление с этой книжкой показывает, что выпуск ее может быть об'яснен либо невежеством, либо преступной невнимательностью редакторов ГИЗ'а.

Мы попытаемся познакомить читателя с теми теоретическими и практическими «откровениями», которые содержит в себе книжка Вейдемюллера. Автор стремится, поставив теоретически проблему экспорта капитала, дать ее конкретное осуществление в отдельных странах и на основе этого наметить перспективы притока в СССР иностранных капиталов.

«Существует ли на мировом рынке капитала предложение, соответствующее спросу, могут ли на нем появиться массы капитала, способные утолить потребность СССР? Если есть, то откуда исходят они и где их нужно искать Союзу?» (стр. 14).

Задача, как видите, не маленькая!

Надо отметить, что у нас до сих пор еще нет ни одного специального труда, посвященного проблемам экспорта капитала. Имеются лишь отдельные главы у Ленина, Бухарина, Гильфердинга, Розы Люксембург. Поэтому с особенным интересом мы подошли к теоретической части труда К. Вейдемюллера.

Первая глава книжки носит сугубо-ученый заголовок «накопление капитала и степень его поглощения в национальном хозяйстве».

Мы не можем себе отказать в удовольствии ознакомить читателя с теми «теоретическими перлами», которыми изобилует эта глава.

Во-первых, что такое капитал? Вейдемюллер дает «исчерпывающее» об'яснение:

> «Та почва, на которой развивается современная хозяйственная жизнь, тот базис, на котором возникают ее разнообразнейшие формы, та основная предпосылка—наконец, которой в значительной сте-

пени определяется не только направление, но и самый темп ее развития—носит на языке современной экономии собирательное название капитал».

«Недаром,—глубокомысленно добавляет Вейдемюллер,—крупнейший из живших до сих пор экономистов, глубокий исследователь и основатель школы научного социализма—этим именем назвал свой крупнейший научный труд».

Вот и не мешало бы вам, достопочтенный автор, заглянуть в этот самый «крупнейший научный труд» вместо того, чтобы самому изобретать новейшие «определения» капитала.

Однако, Вейдемюллер на этом не успокаивается, он продолжает делать новые откровения:

> «Если старая политическая экономия выработала деление капитала на «основной» и «оборотный», если социалистическое учение Маркса построено на строгом разделении форм капитала «постоянного» и «переменного», то современная хозяйственная жизнь, в зависимости от обусловленного хозяйственными потребностями назначения, различает капитал «производственный» и «финансовый», промышленный, «земледельческий» и «торговый», капитал «национальный» (народный) и интернациональный (международный, мировой)».

В огороде бузина, а в Киеве дядька. Вейдемюллер, конечно, старается быть правоверным марксистом и не признает «никаких капиталов», кроме «постоянного» и «переменного». И тут с ним на стр. 20—21 получается довольно неприятный конфуз.

Он дает, по обыкновению, свое «оригинальное» определение «постоянного» капитала.

Выясняется, что «затраты на увеличение постоянного капитала» есть «те затраты, которыми характеризуется состояние производственного аппарата и в которых выражается отношение предпринимателя к источнику своего благополучия. Сюда входят затраты на новые машины и аппараты, здания и т. д.».

Мало того, что Вейдемюллер повторяет зады вульгарной политэкономии об отношениях между людьми и вещами, он делает новаторские «откровения».

Спасибо Вейдемюллеру, а то мы, невежды и не знали, что у Маркса (по Вейдемюллеру) называется постоянным капиталом.

Приходится откинуть все нагромождения Вейдемюллера и предположить, что то, что он называет постоянным капиталом, есть основной, ибо несколькими строчками ниже, п о с т о я н н ы й капитал (о, чудо!) и з н а ш и в а е т с я.

Дальше следуют «размышления» о труде и капитале.

> «В труде олицетворяется динамика хозяйства, тогда как капитал, сам по себе (!? *Дм. Б.*) вне живого человеческого труда (!? *Дм. Б.*) представляет собою его статику.
>
> Труд—это молот, а капитал—наковальня общественного хозяйственного процесса, это та «живая» и «мертвая» вода, при помощи которых седой кудесник—история—выковывает материальную структуру, материальные формы человеческой жизни. Естественно (!? *Дм. Б.*), что то или иное соотношение между этими двумя основными элементами определяет собою степень экономического развития данной страны» (стр. 4).
>
> «Преобладание одного из элементов (труда и капитала. *Дм. Б.*) создает относительный недостаток другого; недостаток одного—излишек другого. Слишком много капитала означает слишком мало труда, слишком много труда—слишком мало капитала».

Приводя в одном месте, таблицу внешней торговли Германии до войны, Вейдемюллер пишет: «Эта таблица—одна из тех, какие способны меланхолически подействовать на любого немецкого патриота».

Теоретические же «откровения» Вейдемюллера «одни из тех», какие способны привести в бешенство мало-мальски грамотного рабфаковца.

Обратимся теперь к «теории» Вейдемюллера в области проблемы экспорта капитала.

> «Накопляющийся в избытке капитал, не поглощаемый производством родной страны, ищет применения в других странах точно так же, как его ищет накопившаяся рабочая энергия, не находящая себе приложения в месте накопления» (стр. 5).

Вот философия экспорта капитала, как ее понимает Вейдемюллер.

Вейдемюллер и в данном случае не только не заглянул в «крупнейший научный труд» Маркса, но оказался ретроградом и в отношении даже Адама Смита.

Уже Адам Смит, несмотря, на ряд своих ошибок в анализе миграции капитала указывал причину, влекущую капитал за границу. В своем «Богатстве народов» он говорит о «более высоком уровне прибыли, получаемой в новых странах, вследствие их неудовлетворенной потребности в капитале».

«Марксисту» Вейдемюллеру следовало бы знать, что в III томе «Капитала» Маркс достаточно ясно формулирует причины экспорта капитала за границу: «Если капитал посылается за границу, то это происходит не потому, что он абсолютно не мог быть помещенным в дело внутри страны. Это происходит потому, что за границей он может быть помещен при более высокой н о р м е п р и б ы л и».

Анализируя причины экспорта капитала, Вейдемюллер даже словцом не обмолвился о н о р м е п р и б ы л и. Повидимому, норму прибыли Вейдемюллер, как и «основной» капитал, относит к вышедшим в тираж понятиям «старой политической экономии».

Другой столь же грубой ошибкой Вейдемюллера является параллель, проводимая между движением капитала и движением рабочей силы, «не находящих себе приложения в месте накопления». Между тем, движение капитала и движение рабочей силы являются двумя противоположными сторонами отношений капиталистического общества.

В то время, как миграция капитала обусловливается нормой прибыли, миграция рабочей силы обусловливается нормой заработной платы.

Это уже достаточно давно, чтобы успеть с этим ознакомиться, об'яснил Н. И. Бухарин в своей книге «Мировое хозяйство и империализм». Он там пишет:

> «Движению р а б о ч е й с и л ы, как одного полюса капиталистических отношений соответствует д в и ж е н и е к а п и т а л а, как другого их полюса. Подобно тому, как в первом случае процесс движения регулируется законом выравнивания нормы заработной платы, во втором, происходит интернациональное выравнивание нормы прибыли».

Всего этого не приметил Вейдемюллер, поглощенный задачей, во что бы то ни стало открыть свою собственную «теорию».

Повидимому, «шедевром» этой теории он считает свой «анализ» того, какие страны вывозят и какие страны ввозят капитал.

По Вейдемюллеру «потребность в вывозе капитала составляет отличительную особенность стран промышленных, а во ввозе капитала нуждаются, как раз страны земледельческие». Это лишний раз доказывает, как далек Вейдемюллер от марксистского понимания причин экспорта капитала.

Характерно уже то, что в приведенной нами выше цитате из его книжки, приводя различные «капиталы», он опускает понятие «монополистического» капитала (финансовый капитал у Вейдемюллера, повидимому, означает банковский, ибо он противопоставляется производственному).

А, между тем, тут-то собака и зарыта. В условиях, характеризующих эпоху монополистического капитала, и таятся причины экспорта капитала, как имманентного закона этой стадии капитализма.

У Вейдемюллера же фигурирует какое-то расплывчатое понятие «промышленной» страны, затирающее действительный смысл экспорта капитала.

Гильфердинг в «Финансовом Капитале» дает ясное представление о движущих силах экспорта капитала.

> «Условие экспорта капитала—различие норм прибыли; экспорт капитала—средство уравнения национальных норм прибыли. Уровень прибыли зависит от органического состава капитала, значит, от уровня капиталистического развития. Чем выше он, тем ниже общая норма прибыли. Это общие условия, определяющие высоту прибыли; они имеют меньшее значение здесь, где речь идет о товарах мирового рынка, цена которых определяется наиболее совершенными методами производства; к этим общим условиям присоединяются еще специальные.
>
> Что касается уровня процента, то в странах, с относительно низким капиталистическим развитием и недостаточной кредитной и банковской организацией, он много выше, чем в развитых капиталистических государствах, к этому еще присоединяется то обстоятельство, что в первых странах в проценте обыкновенно содержатся и части заработной платы и предпринимательской прибыли.
>
> Высокий процент служит непосредственной приманкой для экспорта ссудного капитала. Предпринимательская прибыль здесь выше, потому что рабочая сила чрезвычайно дешевая, а ее относительно низкое качество уравновешивается чрезмерной продолжительностью рабочего времени. Выше предпринимательская прибыль и потому, что земельная рента низкая или номинальная, так как остается еще много свободной земли—свободной или с самого начала или вследствие насильственной экспроприации туземцев—и издержки производства удешевляются низкой ценой земли».

Такова в общих чертах теоретическая часть книжки Вейдемюллера. Мы не можем остановиться на всех, выражаясь мягко, ошибках, которые имеются чуть ли не на каждой странице книжки.

Мы остановимся лишь еще на одном вопросе.

Вейдемюллер пишет:

> «Застывая в денежной форме, капитал начинает обесцениваться. Не спасает его и «золотая форма», ибо и золото, накопляясь во все больших массах, падает в цене. Капитал начинает поедать сам себя, скопившиеся горы золота давят на всю хозяйственную жизнь, в которой обнаруживаются все более и более заметные недостатки. Одним из них является все растущая безвыходная безработица» (стр. 51) и ниже:
>
> «В сущности, экономически современные государства делятся на два типа: на государства с высокой валютой, которые могут покупать, но не могут вывозить и должны вследствие этого сокращать свое производство. К ним принадлежит, кроме Соединенных Штатов, также Англия, в которой вследствие этого точно так же развивается безработица, как она развивается в Америке» (стр. 52).

Вейдемюллер ухитряется здесь на протяжении нескольких строчек понаделать столько ошибок, что в них не разберешься и на нескольких страницах:

1) Вейдемюллер повторяет избитые трафареты о, так называемой, «золотой инфляции, наивно смешивая накопление капитала с накоплением золота, равно как и вывоз капитала—с вывозом золота.

2) Неправильно, что безработица является следствием избытка капитала. Это значит поставить вещи на голову.

3) Неправильно у Вейдемюллера, равно как у Кейнса, с которым у него трогательное единодушие, что безработица является следствием высокой валюты.

Причины английской безработицы (между прочим, откуда взялась американская безработица?) имеют куда более глубокие, хорошо известные причины, лежащие вне сферы денежного обращения.

Невелика ценность и описательной части книжки Вейдемюллера. Данные, приводимые там, весьма устарели. Какую ценность для анализа возможности вывоза капитала из Германии имеют сведения о банковских депозитах за 1921 год?

В Англии сведения об английском капитале в национальной промышленности и за границей доведены до 1922 г. Задолженность Франции доведена до 1923 г. Эмиссия иностранных ценностей на рынках Нью-Йорка и Лондона доведены до 1 половины 1922 г. А между тем, по всем этим вопросам в иностранных и даже русских журналах имеются свежие, исчерпывающие сведения.

В н и м а т е л ь н о с т ь р е д а к т о р о в Г о с и з д а т а е щ е и л л ю с т р и р у е т с я и тем, что в 1925 году в ы п у с к а е т с я к н и ж к а, п о с в я щ е н н а я э к с п о р т у к а п и т а л а, и в э т о й к н и г е н и е д и н ы м с л о в е ч к о м н е у п о м и н а е т с я о п л а н е Д а у э с а.

План Дауэса, новейшая форма экспорта капитала, имеющая самый непосредственный теоретический и практический интерес для СССР, не получает отображения в книжке, носящей довольно громкое название «иностранный капитал и СССР».

Мы не можем остановиться на анализе хотя бы и этих устарелых данных, потому что точное указание источников не относится к числу недостатков Вейдемюллера.

Для того, чтобы дать представление читателю о методе и стиле Вейдемюллеровского анализа, приведем несколько наиболее характерных мест.

Оказывается, что секрет успеха британской финансовой политики во время войны об'ясняется тем, что британское правительство «сумело повысить налоги, в особенности подоходный, и добиться (!?) того, что главная часть налогов уплачивается не беднейшими классами населения, а обладателями крупного капитала, банковского и промышленного». Самое интересное в этом то, что Вейдемюллер называет это средство «старым, как мир» (стр. 42). Хорошо было жить на свете английским рабочим!

> «Уступая бездушной экономической необходимости, далекая от идеалов и 14 пунктов Вильсона, промышленность американская щедро дарила тех, кто «дерзко нарушил европейский мир», и тех, кто сражался «во имя прогресса и справедливости» (стр. 42).
>
> «Итак, Соединенные Штаты заняли совершенно доминирующее положение среди государств, вывозящих капитал. Произошло это с чрезвычайной быстротой. Однако, обстоятельство это (какое обстоятельство: быстрота или доминирующее положение? *Дм. Б.*) В такой степени было обусловлено создавшимися явлениями мирового

хозяйства, так властно диктовалось железными экономическими законами, что, происшедшая перемена могла бы быть сравнена только с социальной революцией».

Почему «только» с социальной революцией, а не с японским землетрясением или извержением Везувия?

Почетное место в «экономическом анализе» Вейдемюллера играют, выражаясь языком Канта, трансцендентальные силы.

> «Уступая вначале велениям рока (курсив наш. *Дм. Б.*), Соединенные Штаты мало-по-малу освоились со своим положением (с необходимостью вывоза капитала. *Дм. Б.*) и стали проводить навязанную им судьбой (курсив наш. *Дм. Б.*) политику с полным сознанием и исключительным умением» (стр. 56).

«Судьбе» (курсив наш. *Дм. Б.*), однако, было угодно резко прервать ход экономического развития Германии вообще, и роль ее вывозного капитала в частности».

Однако, хватит. Мы полагаем, что и приведенного достаточно, чтобы показать, чем питает Госиздат нашего читателя. Книжка, представляющая собой статьи, печатавшиеся в свое время в сменовеховском «Накануне», о чем из понятной скромности умалчивают и автор и Госиздат, с полным отсутствием какого бы то ни было теоретического стержня, с устаревшими данными, распространяется по СССР в 7.000 экземпляров.

И это называется борьбой за качество продукции.

Дм. Бухарцев.

КАРЛ ДИЛЬ И КАРЛ КАУТСКИЙ.

> **«...Каждый делал свои замечания и, улыбаясь, предлагал какую-нибудь новоизобретенную системочку, гипотезочку или иного, подобного недоносочка собственной своей головки».**
>
> **Гейне.**

Эти же слова можно было бы с полным основанием отнести к проф. Карлу Дилю, выпустившему в свет в конце 1924 года вторым, значительно расширенным изданием свою книгу «Диктатура пролетариата и советская система»[1]). Правда, есть маленькая разница: гиттенгенские ночные колпаки, над схоластической мудростью которых смеялся Гейне, предлагали читателю своих недоносочков, улыбаясь, между тем, как профессор Карл Диль выбрасывает в свет свое творение, злобствуя. Это понятно: в обстановке ожесточенной классовой борьбы наука вынуждена выйти из тиши кабинетов на широкую арену общественной борьбы.

Профессора, академики, ученые спускаются с заоблачных высот «чистой науки» и становятся в ряды борющейся с пролетариатом буржуазии, активно творя ее идеологию. Буржуазия остроумно делит между своими агентами участки фронта своей борьбы с пролетариатом: «Каждому по способностям!» И если полицейский творит свое дело с дубинкой и маузером в руках, то буржуазный профессор делает по сути то же самое дело, но только более тонким оружием—пером, с одной стороны, подводя «научный фундамент» под действия буржуазии, засоряя, с другой, мозги пролетариата теориями его либерально-оппортунистических вождей.

---

[1]) Karl Diehl, „Die Diktatur des Proletariats und das Rätesystem", Zweite Auflage. Jena 1924 г.

В ряду буржуазных рыцарей пера профессор Карл Диль занимает не последнее место. Профессор, тем более опасен, что отлично умеет манипулировать цитатами из Маркса и Энгельса и пускать пыль в глаза наивным читателям,—все дело в ловкости рук.

Хотя читатель, знакомый с книжкой сего ученого мужа «Социализм, анархизм и коммунизм», в свое время переведенной на русский язык, мог уже тогда достаточно убедиться, что Карл Диль, несмотря на свое начетничество, не понял толком ни анархизма, ни социализма, ни коммунизма.

У читателя мог бы возникнуть вопрос: стоит ли тратить время на разоблачение заведомо неверных, классово-враждебных нам взглядов почтенного профессора? Нам думается, что с книжкой К. Диля стоит познакомиться по следующим основаниям: «К. Диль является одним из многих немецких профессоров, ведущих атаку на марксизм; одним из явно выраженных идеологов буржуазии, а, с другой стороны, буржуазный профессор в своей аргументации против диктатуры пролетариата выступает в таком единодушии с Каутским, располагает столь сходной с последним аргументацией, что было бы не безынтересно провести кое-какие параллели между высокоученым мужем буржуазной идеологии и не менее высокоученым вождем II Интернационала. Буржуа и социал-демократ ратуют вкупе против революционного пролетариата. Хотя это, правда, и не ново, но все же продолжает оставаться поучительным.

К. Диль выступает на арене политической борьбы не впервые. В 1923 г. он выпустил в свет книжку «Интенсивность труда и 8-часовой рабочий день», где доказывал, что интенсивность труда, не находится ни в какой зависимости от продолжительности рабочего времени и серьезно уверял, читателя, что необходимость 8-часового рабочего дня никак не может быть обоснована научно. Если вспомнить только, что это откровение почтенного профессора появилось в 1923 г., в год ожесточенной борьбы пролетариата с буржуазией, то для читателя будет совершенно ясно, что в важнейшем вопросе борьбы между пролетариатом и буржуазией наш профессор недвусмысленно стал на сторону последней.

Приемы борьбы с марксизмом, применяемые его врагами, удивительно шаблонны. Противники марксизма надергивают цитаты из Маркса и Энгельса, разбавляют их своим глубокомыслием и в результате приходят к предрешенному заранее заключению: марксисты-де Маркса не поняли, Маркс совсем не был таким страшным революционером; правда, в молодости Маркс грешил чрезмерной пылкостью темперамента, но в зрелых годах он сам отказался от увлечений поры юности. Так рассуждал Эдуард Бернштейн, так рассуждает Зомбарт, так рассуждает К. Диль.

По мнению К. Диля, хотя «Ленин, Троцкий, Бухарин охотно себя считают марксистами», хотя «известного совпадения взглядов нельзя отрицать», но «весь способ проведения социальной революции, советская система, моментальная полная социализация, террористическая тактика, все это находится в полном противоречии с идеями марксизма». Если это так (а, по авторитетному мнению профессора, это именно так), то ясно, что «большевистская революция проведена не по марксистскому, а по бланкистскому образцу». Подобная оценка большевиков, как бланкистов, отнюдь не оригинальна. Почтенный профессор попросту повторяет давно уже сказанное меньшевиками, а затем неустанно повторяемое Каутским.

Но, как бы то ни было—революция совершилась. Правда, революция протекала не по рекомендуемым К. Дилем и К. Каутским рецептам. Но К. Диль, очевидно, никогда не поймет всей совокупности причин, вы-

звавших революцию, так как революция представляется профессору чем-то случайным, привнесенным извне. По его мнению, «те препятствия в нормальной жизни, которые имели место во время войны и революции, были привнесены извне и не имеют ничего общего с самой структурой народного хозяйства».

Вот поистине замечательно глубокое понимание общественных процессов! Войну и революцию злые люди выдумали. Капитализм не повинен ни в войнах, ни в революциях. Очевидно, поэтому профессор занялся травлей злых людей, навязавших миру такие неприятности, как революция, глядя на которую, выражаясь словами Гейне, «нельзя не благодарить бога, что спокойно лежишь в постели, пьешь хороший кофе, и голова еще крепко сидит на плечах».

После такого глубокого социологического анализа профессор берет быка за рога и начинает научно «крыть» коммунистов и советы.

Большевики—люди опасные. «Вместо суверенитета народа в смысле Руссо, большевики поставили суверенитет пролетариата». «Характерно для диктатуры пролетариата, что только лица, принадлежащие к одному «классу, к рабочему классу, в широком большевистском смысле (!), должны обладать активным и пассивным избирательным правом». Хитрые люди эти большевики: даже рабочий класс понимается ими в каком-то особенном большевистском смысле.

Остановимся немного на этой характеристике диктатуры пролетариата.

Проф. Диль много цитирует Ленина, Троцкого, Бухарина. Но почему-то он не цитирует такой фразы из книжки Ленина «Ренегат Каутский»: «Надо заметить, что вопрос о лишении эксплоататоров избирательного права есть *чисто русский* (курсив Ленина) вопрос, но не вопрос о диктатуре пролетариата вообще». Между тем, по-вашему, почтенный профессор, выходит, что лишение избирательных прав буржуазии есть необходимый аттрибут большевистски понимаемой диктатуры пролетариата. Большевики думают не совсем так, как вам кажется. Думают же они на сей счет вот как: «Но было бы ошибкой заранее ручаться, что грядущие пролетарские революции в Европе непременно дадут, все или большинство, ограничение избирательного права для буржуазии. Это может быть и так. После войны и после опыта русской революции это, вероятно, будет так, но это *не обязательно* для осуществления диктатуры, это не составляет *необходимого* признака логического понятия диктатуры, это не входит *необходимым* условием в историческое и классовое понятие диктатуры» (курсив Ленина) [1]).

Значит, вы, господин профессор, цитируете то, что вам хочется, а совсем не то, что нужно для получения правильного представления о теоретических взглядах большевиков. То, что, по-вашему, характерно для большевистски понимаемой диктатуры пролетариата, то с точки зрения большевиков совсем не характерно.

Столь же честно поступает и К. Каутский. Посмотрите его книжку «Пролетарская революция и ее программа», или «Диктатура пролетариата» и там увидите, как безбожно путает Каутский, как ловко он цитирует Ленина, не вспоминая даже о выше приведенных цитатах, которые показали бы ему, что вопрос о рамках избирательного права есть с точки зрения Ленина, вопрос не принципа, но революционной целесообразности. Понятно, если буржуазия, следуя рецептам Каутского,

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., том XV, стр. 469.

будет всегда, пользуясь его же выражением, «добровольно уступать» [1]) пролетариату, то отчего же ей и не дать избирательных прав? Но, где же это вы, почтенный, встречали такую милую буржуазию, не у себя ли в Германии?

К. Диль насчет демократии придерживается тех же взглядов, что и Каутский. Профессор пишет: «Когда русская революция добилась всеобщего избирательного права и когда Учредительное Собрание дало пролетариату возможность политического действия, тогда уже не было нужды в насильственном перевороте». Совсем по Каутскому сказано! Как будто сговаривались!

Если проф. Диль (и Каутский также) так «добросовестно» обращается с цитатами из Ленина, то, может быть, с Марксом профессор будет вежливее? Прежде, чем ответить на этот вопрос, посмотрим, как К. Диль излагает Маркса:

«Отношение Маркса к проблеме социальной революции следующее: Маркс не был революционным социалистом в том смысле, что он думал, будто путем насильственного разрушения старых порядков, путем насилия над имущими, может быть построен новый общественный порядок в соответствии с интересами пролетариата. Вот это его существенно отличает от французского социалиста Огюста Бланки». А разница между марксизмом и бланкизмом по К. Дилю, вот в чем: «Бланкистское воззрение находится в полном противоречии с материалистической философией истории, которая означает вполне эволюционное понимание всех общественных событий». Правда, в молодости Маркс грешил революционностью, но в зрелых годах своей жизни он, наконец, понял, «что в странах с строго проведенной демократической конституцией, цели пролетариата могут быть достигнуты и без революции, а строго законными путями». Здесь опять слышна та же старая песня. Ее пел тот же Каутский в своих пасквилях, направленных против революционного русского пролетариата. И Каутский говорит теми же словами, что буржуа Диль: «Германская конституция, рожденная революцией, несмотря на свои недостатки, представляет социалистическому пролетариату достаточно возможности мирного завоевания политической власти» [2]). Не правда ли, какое трогательное единодушие.

Не станем опровергать мнение Карлов Каутского и Диля. Каждый, даже не обучавшийся на рабфаке, знает, что эти взгляды ничего общего с марксизмом не имеют. Но наша задача уже: мы показываем только, что социал-демократ Каутский стоит на точке зрения буржуа Диля. При чем совпадение сие не случайно, ибо поистине Каутский, по выражению тов. Бухарина, является апостолом буржуазии.

Теперь посмотрим, как К. Диль цитирует Маркса. Он приводит следующие цитаты из написанного Марксом и Энгельсом предисловия к немецкому изданию (1872 г.) «Коммунистического Манифеста»: «Как ни сильно изменились условия в течение последнего двадцатипятилетия, но развитые в этом «Манифесте» общие положения в целом сохранили все свое значение и по настоящее время. Некоторые же частности нуждались бы в поправке. Практическое применение этих общих положений, как гласит сам «Манифест», должно всегда и везде находиться в зависимости от исторически сложившихся обстоятельств. Поэтому, не нужно придавать исключительного значения предлагаемым в конце второй главы революционным мерам. Это место следовало бы в настоящее

[1]) „Пролет. Революция", изд. „Волга", стр. 105.
[2]) „Пролетарская Революция", стр. 110.

время изменить во многих отношениях. В виду громадного развития крупной промышленности в последнее двадцатилетие и связанных с ним успехов партийной организации рабочего класса, в виду практического опыта, во-первых, февральской революции и еще более Парижской Коммуны, где в первый раз политическая власть находилась в продолжение 2-х месяцев в руках пролетариата, упомянутая практическая программа местами устарела».

Проф. Диль из этой цитаты делает следующий вывод: «В более новой марксистской литературе партийные товарищи предостерегаются от путчей, потому что неизбежные репрессии приносят много вреда, между тем, как можно добиться куда успешнее тех своих целей, путем постепенного достижения политической власти». Подобного рода вывод из приведенной только что цитаты основан просто-на-просто на, выражаясь мягко, не совсем добросовестном цитировании. Если уже профессор Диль взялся цитировать Маркса, то ему следовало бы продолжить выдержку, чтобы мысль Маркса была доведена до конца, чтобы не получилось ложного представления у читателя. Мы продолжим цитату за Диля: «именно Парижская Коммуна доказала, что рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной, и воспользоваться ею для своих собственных целей». (См. «Гражданская война во Франции». Отчет генерального Совета Международного т-ва рабочих— стр. 19 немецкого издания, где это развито подробнее).

Если бы проф. Диль последовал совету Маркса и взглянул в указанную его работу, то он убедился бы, что вывод Маркса отнюдь не сводится к необходимости «постепенного достижения политической власти», но, наоборот, к необходимости революционного разрушения буржуазной государственной машины и что ошибка коммунаров, по мнению Маркса, заключалась именно в том, что они надеялись «просто овладеть готовой государственной машиной», а не направили своих усилий на разрушение этой самой буржуазной государственной машины. Не правда ли, исключительно добросовестно цитирует Маркса почтенный профессор.

Латинская поговорка говорит, что «книги имеют свою судьбу», «свою судьбу» имеют также и цитаты из книг. Приведенная выше цитата из «Коммунистического Манифеста» была в свое время использована Бернштейном в качестве несомненного доказательства, что сам Маркс признавал устарелость революционной программы «Ком. Манифеста».

Карл Каутский, тогда еще революционер, предприняв обстоятельную критику ревизионизма, доказал Бернштейну полную несостоятельность такого утверждения. А что говорит Каутский т е п е р ь по поводу тех выводов, которые были сделаны Марксом из опыта Парижской Коммуны? Оказывается, что Маркс понимает диктатуру пролетариата «в каком-то переносном смысле», которая, конечно, не имеет ничего общего с большевистским пониманием диктатуры. Также, и по мнению К. Диля, большевистское понимание диктатуры отличается от марксистского, ибо «Маркс, поскольку он вообще говорил о диктатуре пролетариата, не понимает ее в большевистском смысле и никоим образом не противопоставляет ее политическим основам демократии». Совсем по Каутскому, не правда ли?

По мнению Каутского, «то, что 50 лет тому назад было разумно и революционно, стало в настоящее время не только не разумно, но и реакционно». Времена переменились: революционером оказался выживший из ума старичок, между тем, как основоположники научного социализма записаны по ведомству реакции. Времена переменились. Теперь уже Каутский перестал полемизировать с Бернштейном и по случаю 75-летнего юбилея последнего, разразился в Гильфердинговском журнале «Die Gesellschaft» [1]) статей, в которой превозносил не только доблести самого патриарха ренегатов марксизма, но и достоинство его «милой супруги», неизменно поддерживавшей своего мужа, как и полагается всякой добропорядочной жене, во всех его начинаниях.

Зачем понадобилось Каутскому так извращать учение Маркса? Тов. Бухарин дает абсолютно правильный ответ на этот вопрос: «ему нужно максимально напакостить пролетарскому режиму. Поэтому он старается изо всех сил: небо снова как будто покрывается тучами и нужно еще раз основательно выслужиться перед буржуазией. Разве вы, читатель, не знаете, что это называется «Weg zur Macht» («путь к власти»)?..».

Вот еще один пример добросовестного цитирования. К. Диль приводит следующие цитаты из предисловия Энгельса к работе Маркса «Борьба классов во Франции»: «Ирония всемирной истории все ставит на голову. Мы «революционеры», «разрушители», мы несравненно более преуспеваем, пользуясь легальными средствами, чем при нелегальных средствах, направленных к перевороту». Вот этой цитатой Диль иллюстрирует отрицательное отношение Энгельса к революционным методам борьбы пролетариата. Но продолжим цитату: «Партия порядка, как они себя именуют, погибает от ими самими созданного легального положения... Между тем как мы от этой законности приобретаем крепкие мускулы и румяные щеки и выглядим, как вечная жизнь. Но так как мы не столь безумны, чтобы в угоду этим партиям заманить себя в уличную борьбу, то им, наконец, ничего другого не остается, как уничтожить эту самую роковую для них законность» [2]). Что говорит Энгельс в этой цитате? Во-первых, что социал-демократия успешно использовывает всеобщее избирательное право. Во-вторых, что самой буржуазии из-за боязней успехов рабочего движения ничего не остается, как «уничтожить эту самую роковую для них законность». Вот если бы вы, почтенный профессор, доказали, что буржуазия не имеет ничего против демократии, если бы вы доказали, что буржуазная демократия в современных условиях не является просто фиговым листком, покрывающим неограниченное господство, т.-е. диктатуру буржуазии, тогда бы вы могли удивляться, почему пролетариат, находясь в таких райских условиях, стремится к насильственным переворотам. Но ведь в том-то и вся соль, что буржуазия боится действительной легальности рабочего движения, ведя борьбу с ним самыми неконституционными, самыми антидемократическими методами. Ведь буржуазия у ж е у н и ч т о ж и л а «эту самую роковую для них законность». А если это так, то хотя бы поэтому может ли пролетариат в т а к и х условиях отказаться от своего права на революцию, тем более, что «право на революцию является вообще единственным, действительно «историческим» правом, на котором основаны все без исключения современные государства» [3]). Вам бы, почтенный профессор, следовало бы не только приводить отдельные цитаты, но и постараться вдуматься в них. Тогда бы вы, вероятно, не пришли к такому совершенно ложному выводу, что «диктатура в марксовом смысле будет только выражением того факта, что буржуазия утеряла свое господство, но никак не средством для ниспровержения буржуазии насильственным методом».

Изложив с грехом пополам взгляд большевиков на диктатуру пролетариата, профессор заявляет: «подобный полурелигиозный бред ничего общего с марксизмом не имеет».

---

[1]) См. „Die Gesellschaft", № 1 за 1925 г.
[2]) Сочинения том III, стр. 23.
[3]) Там же.

«Спор большевиков с Плехановым и группой «Единство» был спором против марксизма».

Профессор здесь выступает перед нами защитником истинного марксизма от революционного «бреда». Но не характерно ли, что одновременно К. Диль выступает и защитником российских меньшевиков? Какая трогательная компания: российский меньшевики, К. Каутский, К. Диль! Вся эта честная компания рьяно защищает Маркса, выступая блюстителем марксистской чистоты и невинности. И это обстоятельство не случайно. Революционный марксизм все более и более овладевает рабочей массой, поэтому буржуазия и ее агентура имеет больше шансов на успех, прикрываясь марксистской фразеологией, нежели выступая против марксизма с открытым забралом. Но тем опаснее подобного рода идеологи буржуазии для рабочего движения. Прикрываясь до нельзя извращенным марксизмом, эти идеологи буржуазии ведут яростную атаку на революционный пролетариат России.

Проф. Диль в своей критике большевиков начинает, как подобает всякому профессору, с «теории», об'являя большевиков немарксистами, а затем переходит к оценке большевистской практики—нэпа—выступая защитником... русских рабочих! Скажем заранее почтенному профессору: русский пролетариат в вашей защите не нуждается. Берите-ка лучше под свою защиту своего коллегу Каутского, ибо легче защищать родное дело, чем чужое.

Как и следовало ожидать, по мнению профессора, «...вся большевистская политика в основном потерпела фиаско». «Диктатура пролетариата кончилась, тем, что коллегиальное господство рабочих заменилось господством отдельных диктаторов над рабочими».

Значит, было время, когда рабочие действительно осуществляли в России свою диктатуру? Проведем и здесь маленькую параллель с Каутским. В своей книге «Диктатура пролетариата», которой была дана столь блестящая отповедь Лениным, Каутский утверждал, что большевики с самого октябрьского переворота господствовали над пролетариатом. Теперь же он признает, что в 20 году «бельшевистский режим в России имел за собой еще большие массы рабочих и крестьян с их энтузиазмом» [1]).

Кутский и Диль изображают дело так, будто раньше-де рабочие поддерживали большевиков, а теперь нет. Зачем это им нужно? Это нужно им лишь затем, чтобы как-нибудь покрепче обосновать свою антибольшевистскую позицию. По совести говоря, и Каутский, и Диль сами не веряг убедительности своего аргумента. Ведь сам Каутский выступал против большевистского террора. Но знаете ли вы, почтенные господа, когда этот террор применялся? Террор этот применялся тогда, когда существовало еще «коллегиальное господство рабочих», тогда, когда еще, по признанию Каутского, за большевиками шли рабочие массы. Ну и вояки! Даже концов с концами связать не умеют.

Изменения в народном хозяйстве России, с введением нэпа, по мнению Диля, настолько существенны, что «их можно сравнить с тем переворотом, которому большевики подвергнули предшествующий хозяйственный строй».

Хитрые большевики, по мнению профессора, отказываются от методов военного коммунизма с «удивительной откровенностью».

А теперь посмотрите, как безбожно врет почтенный профессор.

«Раньше промышленностью управляли рабочие, а теперь действительные ответственность и руководство остаются у предпринимателя. Контролирующие государственные инстанции могут играть роль только декорации». Да неужели вы, профессор, не знаете, что все сколько-нибудь крупные предприятия находятся в руках рабочих? Неужели вы не знаете, что наши госорганы, управляющие промышленностью, и рисующиеся вашему расстроенному воображению, только «декорациями» причинили не мало неприятностей, ну хотя бы немецким капиталистам, когда те домогались концессии на Чиатурский марганец? Неприятные «декорации», очень неприятные. И никак их не заменишь другими, более удобными.

[1]) Н. Бухарин, «Международ. буржуазия и К. Каутский, ее апостол.». Стр. 29.

Вот еще номер профессорского вранья: «Основное значение реформы состоит в том, что крестьяне теперь снова могут переходить к индивидуальной собственности и что этот переход облегчен». Интересно узнать, где профессор вычитал, что у нас существует индивидуальная собственность на землю? Врете, почтенный, здорово врете.

Не станем приводить цитаты, иллюстрирующие, сколь неверно понял проф. К. Диль сущность нэпа. И так ведь ясно, что профессор врет, и мы утверждаем, что в р е т с о з н а т е л ь н о. Не могло же случиться, что профессору неоткуда почерпнуть данные об истином положении вещей в России. Но если вы, профессор, не удосужились подыскать сколько-нибудь добросовестный материал о положении вещей в Советской России, то вам следовало бы вспомнить поговорку: «не всякому слуху верь». А если бы вы последовали этому совету, то наверно не стали бы верить всяким росказням, будто большевики собираются снова вернуться «к первой большевистской эре». Поверьте, уважаемый: никто не собирается, потому что нет причин собираться.

В нашей заметке мы провели параллель между буржуа и социал-демократами. На взглядах Каутского мы намеренно останавливались вскользь, ибо они и так известны нашему читателю. Вывод из сего сопоставления следующий: социал-демократ Каутский мыслит по буржуазному, а буржуа проф. Диль по социал-демократически. И это не случайно. Наше время вообще характеризуется своеобразным сращиванием социал-демократической и буржуазной идеологии. Но не так-то долго ждать, когда пролетариат применит к г.г. Дилям и Каутским, пользуясь выражением Диля: «лечение лошадиными дозами», от которого будем надеяться, в конечном счете, ни тем, ни другим не поздоровится.

Дм. Вержбловский.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. Л. Каменев. А. Слепков. Е. Ярославский.

СОДЕРЖАНИЕ:

В редакцию поступили для отзыва следующие книги:

Изд. «Прибой».

Флеер, М.—Хрестоматия по истории Октябрьской революции. Ленинград, 1925 г., стр. 281, ц. 1 р. 20 к.

Карпов, Н.—Аграрная политика Столыпина. Ленинград, 1925, стр. 235, ц. 1 р. 80 к., тир. 5.000.

Дубровский, С.—Столыпинская реформа. Ленинград, 1925 г., стр. 295, ц. 2 р., тир. 4.000.

Сафаров, Г.—Коммунистическая партия при диктатуре пролетариата. Ленинград, 1925, стр. 85, ц. 35 к., тир. 10.000.

Вавилов, И.—Иностранные капиталы в России. Ленинград, 1925, стр. 125, ц. 70 к., тир. 6.000.

Арнот, П.—Империализм и нефть. Ленинград, 1925, стр. 85, ц. 50 к., тир. 10.000.

Быстрянский, В.—Ленин как материалист-диалектик. Ленинград, 1925, стр. 294, ц. 1 р., тир. 10.000.

Виленский (Сибиряков), В.—Японский империализм. Ленинград, 1925, стр. 134, ц. 75 к.

Империалистическая война, ее причины и следствия. Сборник статей под редакцией К. Шелавина. Ленинград, 1925, стр. 140, ц. 50 к., тир. 10.000.

Адам Смит.—Исследование о богатстве народов. Сокращенный перевод под ред. проф. П. Лященко. Ленинград, 1925, стр. 217, тир. 5.000.

Изд. «Новая Деревня».

«Крестьянский Интернационал», орган Международного Крестьянского Совета №№ 6—7, 8—9.

Изд. «Пролетарий».

Семенов, В.—Очерки по истории экономического учения марксизма. Стр. 230, ц. 1 р. 15 к.

Хоррабин, Дж.—Экономическая география мира. Стр. 150, цена 60 коп.

Соболев, М.—Экономическая политика капиталистических стран. Стр. 418, ц. 2 р. 20 к.

Изд. «Ленгиз».

Борьба за партию. Сборник по Ленину. Вып. II и III. Ленинград, 1925 г., стр. 375+136, ц. 1 р. 65 к.+60 к.

Талес, К.—Коммуна 1871 г. Ленинград, 1925 г., стр. 161, ц. 75 к.

Куделли, П.—Народовольцы на перепутье. Дело Лахтинской типографии. Ленинград, 1925 г., стр. 165, ц. 1 р. 20 к.

Павлович (Вельтман), М.—Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего. Ленинград, 1925 г., стр. 256.

Изд. «Книга».

Лебушер.—Гильдейский социализм. Ленинград, 1923 г., стр. 67, цена 60 коп.

Андреев, Н.—К вопросу о понимании закономерности в истории. 1925 г., стр. 103, ц. 75 к.

Гармс, Бернгард, проф.—Кризис мирового хозяйства. 1923, стр. 99, ц. 40 коп.

Кабо, Р. и Рубин, И.—Народное хозяйство в очерках и картинах, т. II. Ленинград, 1925 г., стр. 760, ц. 4 р. 75 к.

ЛЬШЕВИК

№ 21—22

№ 21—22

30 НОЯБРЯ

1925

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

Изд. «Ленгиз».

Борьба за партию. Сборник по Ленину. Вып. II и III. Ленинград, 1925 г., стр. 375+136, ц. 1 р. 65 к.+60 к.

Талес, К.—Коммуна 1871 г. Ленинград, 1925 г., стр. 161, ц. 75 к.

Куделли, П.—Народовольцы на перепутье. Дело Лахтинской типографии. Ленинград, 1925 г., стр. 165, ц. 1 р. 20 к.

Павлович (Вельтман), М.—Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего. Ленинград, 1925 г., стр. 256.

Изд. «Книга».

Лебушер.—Гильдейский социализм. Ленинград, 1923 г., стр. 67, цена 60 коп.

Андреев, Н.—К вопросу о понимании закономерности в истории. 1925 г., стр. 103, ц. 75 к.

Гармс, Бернгард, проф.—Кризис мирового хозяйства. 1923, стр. 99, ц. 40 коп.

Кабо, Р. и Рубин, И.—Народное хозяйство в очерках и картинах, т. II. Ленинград, 1925 г., стр. 760, ц. 4 р. 75 к.

ЛЬШЕВИК

№ 21—22

№ 21—22

30 НОЯБРЯ

1925

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

СОДЕРЖАНИЕ:

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 30 НОЯБРЯ 21—22

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1 9 2 5
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«П Р А В Д А»

Главлит № 49600. Москва. Тираж 40.000 экз.
Тип. Изд-ва „Правда“ и „Беднота“, Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23а.

Профсоюзы в полосе хозяйственного роста.

Профсоюзы—школа коммунизма. Это, конечно, не значит, что школа имеет своей основной задачей обучение коммунистов; это означает, что она воспитывает и культивирует в широких слоях пролетариата коммунистические навыки: что путем постоянного и все более активного участия в профсоюзной работе массы пролетариата будут привыкать к сознательному участию в строительстве социализма. Здесь беспартийный рабочий должен получить первичные навыки к общественной работе; здесь он приучается к организации; здесь он дисциплинируется как член классово-пролетарского об'единения; через профсоюзы облегчается и будет облегчаться его продвижение к участию в государственной работе.

В условиях диктатуры пролетариата профсоюзы, обнимающие девять десятых всего рабочего состава Союза Республик, имеют громадные возможности для выполнения этих воспитательных функций.

Несомненно, что только социалистический переворот, только утверждение рабочей государственности обеспечивает столь громадное значение профсоюзов, разрешающих великую историческую задачу.

Однако, имея весьма определенные задачи на весь период диктатуры пролетариата, являясь школой коммунизма все время борьбы рабочего класса за укрепление социализма, профсоюзы, сообразно изменению экономической и политической обстановки, в каждый данный, конкретный момент делают в практической работе ударение на тех задачах, которые выдвигаются и обостряются условиями переживаемого «переходного периода в переходном периоде». Профсоюзы под руководством партии исходят при выработке своей линии политического поведения из своеобразия данного момента.

Четырнадцатый с'езд партии имеет в повестке своего дня проблемы профдвижения. Он даст разрешение этим проблемам под углом оценки текущего момента, оценки настоящего положения Советского Союза и тенденций его развития.

Основное в этой оценке заключается в характеристике переживаемой полосы, как полосы *хозяйственного роста*, и прежде всего *роста и укрепления предприятий* «*последовательно-социалистического типа*», как называл тов. Ленин советские государственные промышленные предприятия.

Вместе с ростом советской государственной промышленности быстрыми шагами идет преодоление процессов деклассирования пролетариата, характерных для полосы хозяйственной разрухи.

Пролетариат растет количественно, укрепляется качественно. Промышленные центры восстанавливаются на новой основе, в условиях государственной власти рабочего класса.

Совершенно естественен в этих условиях и рост профсоюзов, прежде всего рост количественный. Количество рабочих, об'единенных профсоюзами, возросло от 1 апреля 1924 г. к 1 апреля 1925 г. с 5.822.700 до 6.950.400 человек.

Вне всякого сомнения, в области профдвижения наблюдаются и некоторые улучшения *качественного* порядка.

Крупнейшим достижением этого порядка являются удешевление, упорядочение и приближение к массам аппарата профсоюзов, некоторые успехи в области выдвижения рядовых членов союза на организационную работу, частичное продвижение в деле демократизации внутрисоюзных отношений.

Но наряду с явлениями положительного характера в профсоюзной жизни имеют место и явления, которые не могут не остановить на себе тревожного внимания нашей партии.

Во-первых, *относительный* рост количества рабочих, об'единенных в профсоюзы, отстает от его *абсолютного* роста (На 1/VII 1924 г.—89,6%; на 1/X 1924 г.—90,3%; на 1/I 1925 г.—90,1% и на 1/IV 1925 г.—89,3%).

Во-вторых, весенняя волна конфликтов на госпредприятиях обнаружила оторванность многих профорганизаций от рабочих масс; подавляющее большинство конфликтов *прошло* мимо профсоюзных органов, которые сплошь и рядом не обнаруживали критического чутья и очень часто без достаточных оснований поддерживали излишне «нажимистых» хозяйственников.

В-третьих, ряд данных свидетельствует о неизжитом бюрократизме, в полном соответствии с которым находится факт усиления растрат и преступлений по должности со стороны некоторых работников профсоюзного аппарата.

В-четвертых, нельзя отрицать и проявлений слабой дисциплинированности членов союза, что особенно понятно в связи с притоком в союз новых членов—полукрестьян, не прошедших предварительно дисциплинирующей школы промышленного советского предприятия.

Наконец, следует отметить и тот факт, что многие рабочие еще не смотрят на профсоюз, как на школу коммунизма, что они выражают неудовлетворение его работой, что запросы к профсоюзам *увеличиваются* вместе с *ростом политической активности* рабочих масс, которая, в свою очередь, стоит в несомненной связи с *хозяйственными достижениями* в области промышленного строительства и с *улучшением экономического положения рабочих*.

Последнее обстоятельство играет особо важную, исключительно крупную политическую роль. Рабочий почувствовал улучшение своего экономического положения; вместе с тем условия хозяйственного под'ема питают в нем стремление к дальнейшему увеличению зарплаты и общему улучшению условий труда.

Именно поэтому рабочий относится особенно отрицательно к имеющему кое-где место «хозяйственному» уклону профсоюзов.

Улучшение экономического положения обусловливает и рост тяги рабочих к культурному совершенствованию. Но, вместе с тем, следует отметить, что рабочий, например, стремится дать своему сыну не просто «образование», а образование, способное помочь ему улучшить *материальное* положение; он стремится повысить его производственную квалификацию. Рабочий имеет теперь возможность немного отдохнуть, разумно поразвлечься; он поэтому нуждается в хорошей постановке клубной профсоюзной работы: но эта *хорошая* работа исключает сплошную митинговщину и скуку, которые зачастую царят в союзных клубах.

Таким образом, *содержание* профсоюзной работы приходит у нас, частично, в известном ограничительном смысле, в *противоречие с запросами* рабочих масс. Было бы нелепостью утверждать, что практическим выводом из данного положения может быть некритическая поддержка всех экономических требований различных групп рабочих, прекращение или ослабление работы по *общему* образованию рабочих, уничтожение агитационно-пропагандистских моментов в клубно-профсоюзной работе.

Но не делая таких абсурдных выводов, мы должны понять, что мимо отмеченного выше стремления рабочих повысить свой материальный уровень и культурность—пройти нельзя.

Профсоюзы должны взять на буксир эти стремления, преодолевая крайности и поддерживая здоровое; так, участие рабочих в производстве, тарифные вопросы, вопросы экономического быта должны ставиться на собраниях союза чаще и обсуждаться возбуждают большой интерес. К этому интересу следует отнесвсесторонне. Доклады директора, мастера, завкома уже теперь тися положительно. Несомненно, очень важным и своевремен-

ным явится усиление внимания профсоюзов к вопросам технического образования рабочих, повышения их квалификации.

В настоящих условиях хозяйственного под'ема нельзя ограничиваться поднятием только политической квалификации рабочего; надо серьезно заняться проблемой повышения его производственной квалификации. В этой связи союзам надо помогать развитию фабрично-заводского ученичества, постановке школ, курсов и лекций техническо-производственного характера. Эту задачу повышения производственной квалификации нужно разрешить не только в отношении занятых в производстве рабочих, но и безработных, которым повышение квалификации поможет найти себе работу в производстве. Однако, исключительное внимание к производственной квалификации и технической учебе не должно повлечь за собой ослабления политического воспитания рабочих, воспитания их в ленинском духе.

В последнее время рыцари «Социалистического Вестника» стараются доказать, что в нашем советском хозяйстве совершенно отсутствуют элементы социалистического порядка; они пытаются изобразить дело так, что наши госпредприятия «последовательно-социалистического типа» являются типичными капиталистическими предприятиями, что Советское государство эксплоатирует рабочих, что из последних выколачивается типичная капиталистическая прибавочная ценность и т. д. и т. п.

При обсуждении хозяйственных вопросов профсоюзы обязаны внедрить в сознание рабочих ленинские представления по этому кругу вопросов.

Мы можем и должны помочь рабочему осознать принципиальную разницу между государственными предприятиями «последовательно-социалистического» типа и предприятиями капиталистическими. Повышение производственной дисциплины должно итти нога в ногу с повышением политической сознательности рабочего, воспитанием в последнем «хозяйского» отношения к обобществленной промышленности: рабочий должен почувствовать, что он хозяин советского промышленного производства.

Таковы основные задачи, стоящие перед профсоюзами в индустриальных районах. Другой ряд задач, который следует поставить в текущий момент с надлежащей остротой, относится к работе профсоюзов в деревне. Здесь главное и основное должно пойти по линии усиления и оживления профсоюзов, обнимающих членов союза—работников деревни; здесь речь идет, с одной стороны, об активном вовлечении в союз батраков и вообще сельско-хозяйственного пролетариата; с другой стороны,

о действительном использовании в союзной работе работников просвещения, агрономии, медицины и т. д.

Организованный в профсоюзы пролетариат будет усиливать свое влияние на деревню, между прочим, через те ответвления союзов, которые выдвигаются форпостами в деревне. Сейчас это фронт первостепенной важности. Необходимо как следует осознать, что овладеть растущей политической активностью деревни трудно без соответствующего усиления организованности и активности пролетариата. С этой точки зрения «оживление» профсоюзов приобретает особо важное политическое значение.

Но это «оживление» немыслимо без развертывания внутрисоюзной демократии. Усиление внутрисоюзной демократии значительно повысит активность профсоюзных организаций; обеспечит и растущее воздействие последних на госаппарат в смысле преодоления бюрократических его извращений. Партия, усиливая свое руководство профсоюзами, примет все меры к оживлению их работы.

Вопрос о профсоюзной работе в наших условиях не может не быть важнейшим вопросом в повестке дня четырнадцатого партийного с'езда.

П. Коломойцев.

Кооперация — путь крестьянства к социализму.

I.

Основными рельсами перехода распыленного крестьянского товарного производства к социалистической системе хозяйства в нашей стране является, во-первых, кооперация, и, во-вторых— государственный капитализм. Это не совсем одно и то же. Каждый из них—кооперация и госкапитализм—будет действовать разными методами и в разной социальной среде, но цель их едина. Их также об'единяет то обстоятельство, что движение к конечной цели—к социализму, им обоим гарантирует одно и то же условие в области политического управления: диктатура пролетариата. Хотя с течением времени «острота» классового господства пролетариата, в особенности в зависимости от благоприятствующей ей международной обстановки, и может «смягчиться», приобрести менее ощутимые отдельными лицами формы, тем не менее сама природа диктатуры требует все новых и новых побед для своей поддержки и укрепления. Но эти новые победы пойдут едва ли не преимущественно по линии побед хозяйственных, по линии нового и нового экономического укрепления. «Притупление» диктатуры началось бы с того времени, когда экономическая политика правительства и развитие производительных сил страны либо разошлись, либо совпав фактически, означали бы рост могущества буржуазии и ослабление силы пролетариата.

В целях достижения прочной и окончательной победы рабочего класса необходимо, чтобы сумма мероприятий его правительства, проводимых за определенный период его деятельности, давала бы хотя бы несколько больше в пользу социализма, чем против него. Особенно это важно в такой стране, где крестьянство составляет громадную часть населения, и где, поэтому, росту социалистических элементов, как неотделимая тень, сопутствует под'ем капиталистических форм хозяйства. Попытки отделить эту «тень» от социалистического прогресса и ее уничтожить могут дать лишь новые издания военного коммунизма. Социализм нашего времени есть то, чего не знало до сих пор человечество. Его можно и должно построить лишь на базе совершенной машинной техники, на условиях приложения науки ко всем отраслям производства. То, что знает и чем владеет современное человечество, уже вполне достаточно для уничтожения нужды, нищеты, экономического неравенства и эксплоатации на всем земном шаре. Этих научных, технических и организационных знаний вполне хватит для того, чтобы в течение двух-трех поколений от прежней истории и быта не осталось бы камня на камне, и чтобы уже выросло новое бесклассовое свободное и экономически обеспеченное

население нашей планеты. Но чего не хватает человечеству, так это—знаний того, как это практически сделать, какими путями и мерами можно обеспечить этот наибыстрейший переход, совершить «прыжок из царства необходимости в царство свободы». Русская Октябрьская революция войдет в мировую историю как тот ряд внутренне связанных событий, которые показали впервые на деле, как это совершается, как преодолеваются, затем, вновь возникающие препятствия и как, наконец, капитализм переходит в социализм.

Последнее является едва ли не самым трудным делом, ибо задачу такой постановки не мыслили до сих пор даже гиганты пролетарско-революционной идеологии. А между тем только так и стоит вопрос: как растущие, параллельно социалистической системе, элементы капитализма будут этой системой преодолены и поглощены уже без необходимости совершать новую революцию, нести новые колоссальные «издержки» нового социального переворота.

Ленин и в этом вопросе успел оставить нам те мысли и положения, которые должны стать основой практического разрешения данной, исключительной по важности, проблемы. Поскольку, вместе с тем, основным началом, основной почвой для выращивания капитализма является у нас крестьянство, постольку, значит, решение этой проблемы является одновременно и социалистическим решением крестьянского вопроса в том виде, как он стал перед нами на другой день после политического упрочения диктатуры пролетариата.

Ломать капитализм и строить социализм—это не только наука, которую надо узнать, это еще и искусство, которому надо учиться, это, наконец, такая задача, для разрешения которой нужна и воля и смелость. Только сочетание всех этих свойств в одном лице дает совершенный тип деятеля пролетарской революции. Гораздо спокойнее, легче и безопаснее быть «социалистом» типа Каутского или Макдональда, которые ждут, что социалистический строй придет в результате, с одной стороны, «демократии», а с другой—«ошибок» капиталистических политиков. Но у них ведь и социализм сам, в конце концов, превращается в мифический библейский рай, о котором их коллеги, попы всех церквей, вспоминают лишь во время своих праздничных проповедей.

Как «ломать» капитализм, в общем, мы уже знаем. Но как строить социализм, мы учимся лишь теперь. Однако, как теперь, так и раньше для революционных марксистов ясна была вся утопичность задачи притти к социализму и коммунизму через кооперацию при государственном господстве эксплоататорских классов. Не говоря уже о том, что опыт многих сотен кооперативных производственных предприятий, возникавших и распадавшихся в капиталистических странах в течение многих десятилетий, убедительно свидетельствует о бесплодности борьбы таким способом с капиталистическим хозяйством, само понятие социалистического хозяйства, как оно рисуется современному индустриальному пролетариату, требует совершенно иных политических, экономических и организационных предпосылок для победы обобществленного хозяйства над частным, чем те, которые имеют место при опытах «кооперативного социализма».

В отличие от капитализма, который зарождался и рос в порах и щелях феодальной хозяйственной системы, как хозяйство

отдельных лиц, как индивидуально ведущиеся предприятия, чтобы затем, на определенной стадии своего роста раскачать и свергнуть общими усилиями всех капиталистических классов мешающую ему социально-политическую систему, ставшую его оковами, социализм может возникнуть лишь, как коллективная хозяйственная система, как комплекс многочисленных и разнообразных экономических институтов: производственные тресты, транспорты, банки, профсоюзы и т. д., связанных между собой волею единой организации, представляющей собою партию революционного класса. Вместе с тем и все политические институты, как армия, суд, законодательные и др. учреждения—также должны находиться под гегемонией той же партии. Лишь такое совмещение делает проблему реорганизации всего общества проблемой реально осуществимой. Иначе слово разойдется с делом, подобно тому, как это случилось с одним из столпов социал-демократического Интернационала в отношении немецкой Австрии [1]).

Отсюда приходится сделать вывод о перспективах современной кооперации, существующей в странах буржуазно-капиталистических. Вся она, и в частности сугубо интересующая нас кооперация крестьянская, никогда и нигде не станет методом построения социализма, если в данной стране не будет действовать диктатура пролетариата. Можно, правда, теоретически представить себе такой случай с Данией, страной, где более половины взрослого населения считается кооперированным, когда маленькая буржуазная Дания, под влиянием социалистического режима в Германии и Англии, в двух странах, с которыми экономически она теснее всего связана и при наличии капиталистического влияния других стран, так сказать «добровольно» перешла бы к обобществлению всего кооперативного хозяйства, а правящая буржуазия сначала бы «разделила» власть с датскими сельско-хозяйственными рабочими, а затем и полностью ее им уступила бы. Но такой «случай» возможен не на заре пролетарской революции в Европе, а скорее в стадии ее победного шествия по главнейшим странам старого Света.

В этом отношении чрезвычайно характерны те споры, которые разгорелись на международном социалистическом конгрессе в Копенгагене в 1910 году. Ленин, участвовавший в работах его кооперативной комиссии, отметил уже тогда две основные точки зрения по вопросу о значении и природе кооперации при капитализме: одна точка зрения—пролетарской классовой борьбы, признающая кооперативные организации, как подсобные для ведения этой борьбы, другая «мелкобуржуазная, затемняющая вопрос о роли кооперативов в классовой борьбе пролетариата, раздвигающая значение кооперативов за пределы этой борьбы (т.-е. смешивающая пролетарские и хозяйские взгляды на кооперативы), определяющая цели кооперативов такими общими фразами, которые приемлемы и для буржуазного реформатора, этого идеолога прогрессивных хозяев и хозяйчиков» [2]).

В результате борьбы этих мнений и резолюция конгресса получилась «отражающая сбивчивость мысли, не дающая всего, что могла и должна была дать резолюция конгресса социалистических партий» [1]).

Кооперативные организации могут породить и действительно порождают иллюзию, что социальный вопрос нашего времени может быть решен без классовой борьбы и экспроприации буржуазии. В этом предостерегающем смысле Ленин и внес проект резолюции, который в комиссии конгресса был отвергнут. Стремясь подчеркнуть роль кооперации, как метода хозяйственного строительства после экспроприации капиталистов, Ленин вместе с Гедом сформулировал поправку о том, что кооперативы «помогают в известной степени подготовлять функционирование производства и обмена после экспроприации класса капиталистов», но и эта поправка была провалена оппортунистами.

Тот факт, что кооперация в капиталистическом государстве не встречает сопротивления со стороны командующих классов, характеризует как раз безвредность ее принципов для капиталистической системы. Надо сказать даже больше: есть ряд стран, где кооперация, по существу, является особой формой капитализма, как, например, в Дании, прославленной оппортунистами, козыряющими ею, как идеальной страной с.-х. товариществ. На самом деле Дания представляет собою в целом не что иное, как организованное капиталистическое сельское хозяйство в целях снабжения мясными и молочными продуктами индустриального населения Англии. Вся Дания представляет не больше, как пригородное село, снабжающее городской желудок продуктами высокоинтенсивного сельского хозяйства [2]). Характерно также, что в такой стране, как Германия, кооперативными об'единениями крестьянства руководят представители крупных аграриев и банковского капитала. А в Северной Америке правительство трестовиков и банкиров совершенно серьезно озабочено оказанием финансовой государственной помощи фермерским кооперативным об'единениям.

Что все это значит? Это значит, что в мощном капиталистическом государстве кооперация, в частности, крестьянская кооперация целиком подчинена капиталистическому способу производства и обращения и что она, являясь своеобразным об'единением мелких (а иногда и средних, как в Дании, Германии, Финляндии) капиталистов, ведет их по стопам крупного капитала, ведет их по дороге капиталистического развития. Повторяя свои прежние мысли о кооперации в системе капиталистического хозяйства, Ленин в своей предсмертной статье «О кооперации» писал: «Несомненно, что кооперация в обстановке капиталистического государства является коллективным капиталистическим учреждением». (Подчеркнуто мною. *П. К.*). И дальше: «При частном капитализме предприятия кооперативные отличаются от предприятий капиталистических, как предприятия коллективные от предприятий частных» (единоличных) [3]). Все выкрутасы «кооперативных социалистов», все их теоретические домогательства представить дело иначе—должны вызвать со стороны

[1]) См. Отто Бауэр, «История Австрийской революции».
[2]) Н. Ленин, Собр. соч., Т. XI ч. I, стр. 100.

[1]) Там же, та же стр.
[2]) См. о Дании статью Ленина: «Идеальная страна с точки зрения противников марксизма в аграрном вопросе», т. IX, стр. 164.
[3]) Т. XVIII, ч. 2, стр. 133—144.

марксиста только одно: насмешку, так как эти люди не понимают основного, коренного значения политической борьбы «рабочего класса за свержение господства эксплоататоров» [1]). Вот почему в мечтах «старых кооператоров» так много фантастичности, романтизма, даже пошлости. Крестьянская кооперация, а она только нас и интересует, как торговая, так и кредитная, всюду и везде является реакцией против торгового и ростовщического капитала, формой частного коллективизирования процессов обращения, в которых действующим лицом является мелкий товаропроизводитель-крестьянин.

II.

Кооперация в ее разнообразных формах не есть обобществление в том смысле, какое вкладывает в это понятие научный социализм. Если при обобществлении достоянием общества являются не только средства производства, но также плановое их применение в интересах общества и обобществленная принадлежность продукта труда, то при кооперации, даже так глубоко идущей, как «производственная сельско-хозяйственная кооперация», дело сводится к коллективизации в интересах определенной группы населения переработки или обработки того или другого вида сельско-хозяйственной продукции. Основные, коренные процессы крестьянского производственного труда кооперация, как общее правило, не затрагивает. Только отдельные опыты небольших групп кое-где в капиталистических странах подтверждали основную идею обобществленного сельского хозяйства, что такая форма производства, в общем, продуктивнее индивидуальной и в ней самой, даже взятой изолированно, не заключено каких-нибудь серьезных внутренних противоречий. То же подтверждает особенно ярко и наглядно практика многочисленных советских колхозов. Тем не менее в условиях товарно-денежного хозяйства крестьянство в борьбе с торговым и ростовщическим капиталом, в погоне за укреплением своих позиций, как участника процессов обращения, поскольку оно начало работать на рынок и с течением времени втягивается в рыночный оборот все глубже и глубже,—такое крестьянство ищет и тех форм и методов оборота, которые помогли бы ему, с одной стороны, возможно больше сделать рыночным, товарным свое хозяйство, а с другой—установить полную эквивалентность обмена своей продукции на товары городского производства. То и другое в лучшей степени дают ему разнообразные виды кооперации.

Повторяем, крестьянская кооперация есть в настоящее время преимущественно, если не исключительно кооперация процессов обращения, а не производства. Если кое-где и имеет место кооперативная переработка продуктов крестьянского хозяйства, то, во-первых, она занимает сравнительно небольшое место в общей кооперативной деятельности, а, во-вторых, всегда носит подсобный и вспомогательный характер, а не характер главного об'екта кооперирования.

Кооперирование процессов обращения (продажи, покупки, кредита) ставит беспомощное перед лицом крупного капитала крестьянское хозяйство в относительно устойчивое положение, так как сообщает ему по линии кооперированных процессов свойства крупного хозяйства. В кооперации при буржуазном режиме крестьянство умудряется сочетать мелкое, карликовое производство с централизованными и укрепленными формами обмена и кредита. Иными словами, такая система в известной мере позволяет распыленным товаропроизводителям стать крупными купцами, оставаясь мелкими промышленниками. Совершенно иной, принципиально отличный характер и смысл получает кооперация в условиях режима пролетарской диктатуры. Крестьянское хозяйство, как хозяйство мелко-буржуазное, технически и экономически наиболее слабое по сравнению с другими, выдвинутыми новой историей способами производства (частный капитализм, социализм), поневоле идет за тем из них, какой окажется доминирующим в данной стране. Самостоятельного пути, особой специфически своей эволюции оно не имеет и иметь не может. Поэтому, коль скоро коренные «ведущие» силы экономической жизни страны окажутся в руках пролетариата и коль скоро доминирующим способом производства станет социалистический, процессы коллективизации крестьянского хозяйства должны будут либо вступить в острый конфликт с этим доминирующим способом производства, либо ему подчиниться и пойти по руслу, в конечном счете сливающемуся с потоком социалистического производства.

Вполне понятно и естественно, что и социалистический режим должен начать свою работу в области обобществления крестьянского хозяйства с процессов обращения. Разница, повторяем, отчетливая и принципиальная, с капиталистическими тенденциями будет в дальнейшем заключаться в том, что в то время, как капитализм и его правительства во всем мире начинают и кончают кооперированием крестьян в процессе обращения, социалистическая власть берет это кооперирование лишь как исходные позиции, от которых крестьянство с помощью и под руководством рабочего класса, уже практически знающего, что такое коллективное производство, двинется по пути кооперирования все более и более глубоких, почвенных, коренных производственных процессов крестьянского труда. На этом пути крестьянство и перестанет быть крестьянством, эволюционно превратившись в часть социалистического бесклассового общества, ведущего сельское хозяйство по принципу разделения труда. Мы сейчас не касаемся, как, какими мерами и способами будет совершаться этот грандиознейший процесс перерождения большей части человечества, во-первых, потому, что это должно составить особую и притом немалую тему, а, во-вторых, потому, что это уже повторяется на территории нынешних советских республик ежедневно и ежечасно, и страницы советской прессы отражают это циклопическое дело в достаточной мере ярко и полно. Нам важно лишь установить, что диктатура пролетариата есть та историческая обстановка, которая только и образует вышеуказанный основной процесс. Современное естествознание установило, что химические явления и процессы получают иные, иногда диаметрально противоположные, характер и направление, когда протекают при резко отличном, по сравнению с обычным, воздушном давлении. Такую же картину «перемены характера» экономических процессов мы имеем при наличии исключительного «атмосферного давления» пролетарской диктатуры.

[1]) Там же.

Ленин точно и недвусмысленно отметил это коренное обстоятельство. «В самом деле,—писал он,—власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д. (т.-е. то, что мы выше назвали «атмосферой» пролетарской диктатуры. *П. К.*),—разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества. Это еще не построение социалистического общества (подчеркнуто мною. *П. К.*), но это все необходимое и достаточное для этого построения» [1]).

Экономическую основу диктатуры пролетариата составляет обобществленная крупная промышленность. Это подлинная база социалистической власти, имеющей своей задачей перевоплотить все народное хозяйство из индивидуального и конкурирующего в общественное и плановое. Без наличия социалистической, т.-е. обобществленной промышленности, хотя бы в ее главнейших отраслях эту задачу осуществить невозможно. Иными словами, не будет социалистического режима в случае, если только политическая власть будет принадлежать рабочему классу, а основные узлы хозяйственной жизни страны, командные высоты экономики (заводы и фабрики, паровой транспорт, банки, собственность на землю и т. п.) останутся в руках буржуазии, как не будет его и в том случае, если при национализации некоторых отраслей промышленности (например, в Англии—угольных копей, железных дорог, земли и т. д.) политическая власть останется в руках капиталистов. Опыт мировой войны с ее «временной национализацией» ряда важнейших отраслей промышленности, с ее «государственным капитализмом» при сохранении за буржуазией всей полноты политической власти, показал, что и такое положение вещей отнюдь не означает социалистического переворота. Можно себе представить, что в той же Англии, которая из всех крупнейших капиталистических государств все более и более залезает в хозяйственный тупик, само буржуазное правительство пойдет на замаскированную или даже открытую форму огосударствления такой важнейшей отрасли производства, как угледобыча, в целях концентрации технического руководства шахтами, в целях выравнивания производительности труда и издержек управления по наилучше поставленным предприятиям, в целях планового производства и сбыта угля. В таком случае нынешние шахтовладельцы образуют гигантское акционерное общество с участием буржуазного государства, где прибыль прежних владельцев будет гарантирована этим последним в виде твердой ренты. Никому из марксистов не придет в голову назвать такой порядок капиталистической эксплоатации социалистическим хозяйством. Но такой порядок ведения дел с небывалой четкостью и яркостью подчеркнет паразитический характер шахтовладельцев и тем обострит борьбу за социализм в небывалой степени. Только одновременное овладение рабочим классом государственной властью и основными отраслями производства создаст социалистический режим. Поэтому и все теории об эволюционном врастании социализма в капитализм есть теории беспочвенные, реакционные и вредные. В советских республиках пролетариат владеет государственной властью и управляет промышленностью. Поэтому у нас промышленность социалистическая, хотя ей и не чужды формы развитого капитализма.

1) Т. XVIII, ч. 2, стр. 140.

III.

Громадную ошибку делают те из коммунистов, которые именуют систему нашего государственного хозяйства государственным капитализмом. Здесь не только преподносится невероятная теоретическая путаница, так как сваливается в кучу государственный социализм и советский государственный капитализм, теорию о каковом впервые развил Ленин, но и наносится делу пролетариата большой политический ущерб. Меньшевики за границей все время твердят, что в Советском Союзе никакого социализма нет, что есть национализация отдельных отраслей промышленности, ее, так сказать, переход в государственную казну, при чем государство, «казна», является тем предпринимателем, которое капиталистически эксплоатирует рабочий класс. Таким образом, получается не аналогия, а тождество с любым буржуазным государством, которое по тем или иным причинам вводит огосударствление предприятий или создает их за счет казны. На подобной «теории» наши «демократические социалисты» пытаются нажить себе за границей политический капиталец, и никому из сторонников пролетарской диктатуры нет и не может быть резона, хотя бы и бессознательно помогать им в этом «святом деле».

Итак режим социалистического хозяйства, социалистической промышленности может и должен обеспечить переход мелко-буржуазного хозяйства в социалистическое. Вопросы о важнейших этапах этого перехода, о его методах, ошибках и трудностях и составляют предмет самого тщательного изучения нашей современной теоретической мысли.

В частности, в отношении кооперации крестьянского хозяйства советская власть, как государственный орган диктатуры пролетариата, должна вести политику перехода от кооперирования процессов обращения к кооперированию процессов производства. Это и будет пролетарско-социалистической политикой, проводимой в сфере мелко-буржуазного хозяйства. Но как осуществлять—вопрос иной. Здесь, во-первых, необходимо учесть, что процессы коллективизации производства могут кое-где итти (и уже идут) параллельно и одновременно с процессом коллективизации обращения. В этом случае задача имеет как бы перевернутый вид: необходимо добиться того, чтобы коллективизированное производство не оторвалось от коллективизированного обращения, иначе оно рано или поздно распадется, и затем, чтобы коллективизация труда закреплялась его машинизацией, иначе возможен распад коллективного безмашинного производства под влиянием тех или иных причин на индивидуальные хозяйства.

Во-вторых, коллективизация обращения должна вести за собой расширение товарности кооперированных хозяйств и внедрение в них машин и орудий, их технизацию, иначе она грозит

консервировать прежние способы производства и тем изолировать мелко-буржуазное хозяйство от влияния хозяйства социалистического.

В-третьих, самой коллективизации обращения легче всего подвергаются те крестьянские хозяйства, которые имеют некоторый товарный характер, которым есть, что «обращать» на рынке. Отсюда трудности по кооперированию хозяйств натурального или почти натурального типа, которым «нет смысла» состоять в кооперации. Разрешение трудностей подобного рода и должно составить важный вопрос нашей практической политики.

Наконец, в-четвертых, надо найти реальные пути и средства, дающие возможность переходить от кооперации, охватывающей только обращение, к кооперации, охватывающей и производство и обращение. Вопрос о том, как углубить и расширить коллективизацию процессов обращения до коллективизации процессов производства и составляет основное и труднейшее дело партии пролетариата в советских странах. Именно так и надо понимать Ленина, когда он писал: «В нэпе мы сделали уступку крестьянину, как торговцу, принципу частной торговли; именно из этого вытекает (обратно тому, что думают) гигантское значение кооперации. В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэпа есть все, что нам нужно» [1]).

Еще ранее в статье о продовольственном налоге он же писал: «Переход от кооперации мелких хозяйчиков к социализму есть переход от мелкого производства к крупному, т.-е. переход более сложный, но зато способный охватить, в случае успеха, более широкие массы населения, способный вырвать более глубокие и более живучие корни старых, до-социалистических, даже до-капиталистических отношений, наиболее упорных в смысле сопротивления всякой «новизне»... Политика кооперативная, в случае успеха, даст нам под'ем мелкого хозяйства и облегчение его перехода в неопределенный срок к крупному производству на началах добровольного об'единения» [2]).

Кооперирование при социалистической диктатуре пролетариата есть путь к социализму подавляющего большинства крестьянства, но не всего. Этим путем пойдут крестьяне-середняки, значительная часть бедняцких дворов и небольшая часть зажиточных. Те бедняки, хозяйство которых будет регрессировать, либо отставать от общесреднего темпа развития, предпочтут стать рабочими, либо в государственной промышленности, либо в сельском хозяйстве. В обоих случаях они тем самым превратятся в социалистические элементы советского общества, так как они станут работниками обобществленного производства.

Но не решенным остается вопрос о путях эволюции крестьянской буржуазии и даже тех крупных крестьянских хозяйств, которые хотя и не опираются на наемную силу, но значительно вырастают в экономическом отношении за рамки среднего крестьянского производства.

Прежде всего необходимо указать, что нынешние формы крестьянской кооперации отнюдь не гарантируют обязательный

---

[1]) Т. XVIII, ч. 2, стр. 139. Подчеркнуто мною. *П. К.*

[2]) Т. XVIII, ч. 2, стр. 220.

переход всего кооперированного сельско-хозяйственного населения к коллективизации производства, к социализму. Дело в том, что кооперирование процессов обмена и кредита в условиях развитого товарно-денежного хозяйства даже при режиме пролетарской диктатуры может привести и, несомненно, приведет целый ряд крестьянских дворов к капиталистическому способу производства, к капиталистическому приложению накопленных в рыночном обороте средств. В этом случае кооперация окажется теми помочами, на которых подтянутся эти отдельные хозяйства к капитализму. Такое явление и такой «итог» в крестьянском кооперативном движении буржуазных стран, как известно, считается нормальным и естественным, к нему все стремятся и кооперативные руководители считают его, в конце концов, наиболее желательным, хотя он и доступен только единицам. Но для буржуазной кооперации и нет других перспектив. Не то, как мы знаем, у кооперации советской. Вот почему на известной полосе развития, в течение неопределенного срока наша советская крестьянская кооперация будет иметь два лица: социалистическое, глядящее вперед, и капиталистическое, направленное назад. Одно будет искать дорогу от индивидуального и анархического производства к коллективному и плановому, другое будет выбирать тропинки от индивидуального трудового хозяйства к капиталистическому, основанному на наемном труде и эксплоатации.

IV.

Камнями для построения общественного хозяйства на обновленной земле уже и ныне служат советские колхозы, артели, сельско-хозяйственные производственные товарищества и коммуны. Поскольку они выбираются из вязкой, или, наоборот, сыпучей почвы необеспеченности инвентарем, архаической системы полеводства, отсутствия машин и агрикультуры (а это дело не только создавшихся коллективов, но и всего советского государства), постольку они будут переходить на твердый грунт коллективного механизированного производства. Роль машин в деле об'единения и планового направления сельско-хозяйственного труда громадна. Машины есть одновременно и та основа, которая создает материальную возможность утвердить превосходство крупного предприятия над мелким, и тот цемент, который чем дальше, тем крепче скрепляет участников колхоза вокруг общего производства. Вот почему при наших социальных условиях трактор более всего может быть орудием кооперирования труда, так как он вызывает при своем приложении к крестьянскому хозяйству ряд ассоциаций, приводящих к одной главной ассоциации—коллективному производству.

Те коллективные хозяйства крестьян, которые уже возникли и окрепли на советской территории, представляют собою в атмосфере диктатуры пролетариата бесспорные зерна социалистического сельского хозяйства. Что отличает такие коллективы, где кооперирован труд производителей и где средства производства принадлежат коллективу, от государственного социалистического хозяйства советских республик? Прежде всего, и главным образом, здесь имеется количественное различие, так как производственный сельско-хозяйственный коллектив есть предприятие сравнительно небольшой группы и вследствие этого здесь

доминируют групповые интересы, интересы данного коллектива, легко могущие разойтись с интересами всего общества. Поэтому, пока существует еще несомненное действие закона стоимости, пока налицо рынок и товарно-денежное хозяйство, пока вследствие этого воспроизводится земельная рента (при национализированной земле—дифференциальная), пока преобладающим типом в сельско-хозяйственном производстве будут еще единоличные хозяйства, пока существует возможность накопления и капиталистическое приложение накопленных ценностей,—до тех пор отдельные сельско-хозяйственные коллективы будут лишь частицами, островками будущего общественного сельского хозяйства.

На известной ступени развития они будут об'единяться между собой, сливаясь в целые континенты общественного хозяйства, в основе которого лежит план и учет обще-экономического развития. Одновременно с этим отпадут и прежние отличия коллективов от социалистического, т.-е. общественного хозяйства, и история продемонстрирует еще один гигантский случай перехода количества в качество.

Тем не менее и их «тень», капиталистические крестьянские хозяйства, хозяйства «советских фермеров», также будут без всякого сомнения расти и в количестве, и в об'еме. Процесс экономической дифференциации не так-то скоро будет парализован экономически же силами советского государства. При этом фермерское крупно-крестьянское, с применением капитала и наемного труда, хозяйство будет расти и через кооперацию и помимо нее своим путем.

Кооперация, вообще говоря, усиливает и укрепляет хозяйства относительно слабые. Хозяйства сильные, как общее правило, в ней не нуждаются и даже более того: чувствуют в ее системе себя стесненными. Отсюда обычный факт—«внекооперативного» развития, крупных, особо крепких крестьянских дворов. Они смотрят на кооперативы с пренебрежением, держа курс на непосредственную связь с оптовым оборотом и банками; у подобных хозяйств поэтому будет и судьба отличная от судьбы хозяйств кооперированных.

Тов. А. П. Смирнов держится иного взгляда, когда он пишет в одном месте: «Мы должны стремиться направить избыточный капитал крепкого трудового хозяйства в русло производственной сельско-хозяйственной кооперации всех типов; в переживаемый нами переходный период такое направление даст возможность увязать эти капиталы со всей системой регулируемого советской властью производства и сбыта и будет служить укреплению коллективистических начал в нашем хозяйственном строительстве».

На деле это осуществить не удастся и, если бы советская власть поставила перед собой задачу регулировать крестьянский капитализм через производственную сельско-хозяйственную кооперацию «всех типов», получилась бы задача, подобная квадратуре круга. Это иллюзия, что методами кооперирования можно непосредственно и в ближайшее время «всосать» крестьянский капитализм в социалистическую хозяйственную систему. Крестьянин-буржуа, в общем, в кооперацию хозяйственную не пойдет, а если и пойдет, то либо, чтобы использовать ее, как орудие для укрепления своих капиталистических позиций, и в этом случае попытается подчинить ее себе, либо для целей временных и случайных. Скорее всего он поищет формы капиталистического общества или товарищества, в котором сравнительно небольшое число *предпринимателей*, мелких или средних *капиталистов* смогли бы с максимальным хозяйственным (и капиталистическим) эффектом использовать сумму своих рессурсов.

Конечно, это не означает, что двери сельско-хозяйственной кооперации должны быть закрыты для подобного вида крестьян. Это лишь означает, что когда крестьянская верхушка входит в кооперативные организации, последние должны быть на-чеку и впуская подобных гостей, должны поставить своей целью использование *их* средств для общего кооперативного дела, ибо нэп предполагает бешеную борьбу. Буржуазное крестьянское хозяйство, как и хозяйство всего частного капитала, будет втянуто в созданное после революции социалистическое хозяйство, как общее правило, не кооперацией и не новой революцией, а *методами государственного капитализма*. Это необходимо точно установить, так как «никогда не заходишь так далеко, как в том случае, когда не знаешь, куда идешь». Это надо выставить против меньшевизма, согласно которому «не умирание производительных сил, а их рост наносит сокрушительные удары большевистской диктатуре».

доминируют групповые интересы, интересы данного коллектива, легко могущие разойтись с интересами всего общества. Поэтому, пока существует еще несомненное действие закона стоимости, пока налицо рынок и товарно-денежное хозяйство, пока вследствие этого воспроизводится земельная рента (при национализированной земле—дифференциальная), пока преобладающим типом в сельско-хозяйственном производстве будут еще единоличные хозяйства, пока существует возможность накопления и капиталистическое приложение накопленных ценностей,—до тех пор отдельные сельско-хозяйственные коллективы будут лишь частицами, островками будущего общественного сельского хозяйства.

На известной ступени развития они будут об'единяться между собой, сливаясь в целые континенты общественного хозяйства, в основе которого лежит план и учет обще-экономического развития. Одновременно с этим отпадут и прежние отличия коллективов от социалистического, т.-е. общественного хозяйства, и история продемонстрирует еще один гигантский случай перехода количества в качество.

Тем не менее и их «тень», капиталистические крестьянские хозяйства, хозяйства «советских фермеров», также будут без всякого сомнения расти и в количестве, и в об'еме. Процесс экономической дифференциации не так-то скоро будет парализован экономически же силами советского государства. При этом фермерское крупно-крестьянское, с применением капитала и наемного труда, хозяйство будет расти и через кооперацию и помимо нее своим путем.

Кооперация, вообще говоря, усиливает и укрепляет хозяйства относительно слабые. Хозяйства сильные, как общее правило, в ней не нуждаются и даже более того: чувствуют в ее системе себя стесненными. Отсюда обычный факт—«внекооперативного» развития крупных, особо крепких крестьянских дворов. Они смотрят на кооперативы с пренебрежением, держа курс на непосредственную связь с оптовым оборотом и банками; у подобных хозяйств, поэтому будет и судьба отличная от судьбы хозяйств кооперированных.

Тов. А. П. Смирнов держится иного взгляда, когда он пишет в одном месте: «Мы должны стремиться направить избыточный капитал крепкого трудового хозяйства в русло производственной сельско-хозяйственной кооперации всех типов; в переживаемый нами переходный период такое направление даст возможность увязать эти капиталы со всей системой регулируемого советской властью производства и сбыта и будет служить укреплению коллективистических начал в нашем хозяйственном строительстве».

На деле это осуществить не удастся и, если бы советская власть поставила перед собой задачу регулировать крестьянский капитализм через производственную сельско-хозяйственную кооперацию «всех типов», получилась бы задача, подобная квадратуре круга. Это иллюзия, что методами кооперирования можно непосредственно и в ближайшее время «всосать» крестьянский капитализм в социалистическую хозяйственную систему. Крестьянин-буржуа, в общем, в кооперацию хозяйственную не пойдет, а если и пойдет, то либо, чтобы использовать ее, как орудие для укрепления своих капиталистических позиций, и в этом случае попытается подчинить ее себе, либо для целей временных и случайных. Скорее всего он поищет формы капиталистического общества или товарищества, в котором сравнительно небольшое число *предпринимателей*, *мелких или средних капиталистов* смогли бы с максимальным хозяйственным (и капиталистическим) эффектом использовать сумму своих рессурсов.

Конечно, это не означает, что двери сельско-хозяйственной кооперации должны быть закрыты для подобного вида крестьян. Это лишь означает, что когда крестьянская верхушка входит в кооперативные организации, последние должны быть на-чеку и впуская подобных гостей, должны поставить своей целью использование *их* средств для общего кооперативного дела, ибо нэп предполагает бешеную борьбу. Буржуазное крестьянское хозяйство, как и хозяйство всего частного капитала, будет втянуто в созданное после революции социалистическое хозяйство, как общее правило, не кооперацией и не новой революцией, а *методами государственного капитализма*. Это необходимо точно установить, так как «никогда не заходишь так далеко, как в том случае, когда не знаешь, куда идешь». Это надо выставить против меньшевизма, согласно которому «не умирание производительных сил, а их рост наносит сокрушительные удары большевистской диктатуре».

А. Гулоян.

О проблеме так называемых „эмиссионных возможностей“.

> **Как не вспомнить тут добряка Догберри, который поучаетночного сторожа Сиколя, что счастливая наружность есть дар обстоятельств, а искусство читать и писать дается самой природой.**
>
> К. Маркс, «Капитал».

За последнее время в экономической периодической печати происходят довольно оживленные и продолжительные дебаты вокруг проблемы т. н. «эмиссионных возможностей». Весь вопрос сводится к тому, насколько совокупность об'ективных условий нашей экономики в настоящее время дает возможность усилить темп денежной эмиссии, увеличить количество выпускаемых в обращение денег до размеров, удовлетворяющих полностью потребности развивающейся промышленности и сельского хозяйства в средствах, и насколько такое расширение эмиссии содержит в себе опасность инфляции. Наибольшее усердие в дискуссии выявляет та точка зрения, которая доказывает, что для усиления денежной эмиссии в советском народном хозяйстве существуют об'ективные, вполне для этого благоприятные предпосылки, и что усиление эмиссии не только не вызовет инфляции и затруднений в народном хозяйстве, а наоборот, является необходимым условием для дальнейшего его развития. В защиту этой точки зрения выступает вся ее тяжелая артиллерия в лице Громана, Струмилина, Базарова и Киселева, которые выкладывая бесконечные вычисления и огромные таблицы, стараются всячески доказать, что расширение денежной эмиссии вполне соответствует «статистическим и динамическим коэффициентам», вытекает из т. н. «эмпирических закономерностей восстановительного процесса», рекомендуют НКФ быть благоразумным, отбросить старые предрассудки об инфляции и не стесняться в широком исиспользовании печатного станка.

Вопрос, безусловно сложный, и его правильное разрешение встречает довольно большие затруднения; нет поэтому ничего удивительного, что в споре вокруг него выявляется не мало путаницы и недоразумений. В этом отношении вполне прав В. Базаров, который в своей статье, посвященной защите точки зрения необходимости расширения денежной эмиссии, пишет: «Нигде концепция восстановительного процесса не породила такого обильного скопления недоразумений и предрассудков, как там, где она связывается так или иначе с денежным обращением» [1]). И это «обильное скопление недоразумений и предрассудков» получило свое удивительно наглядное проявление в напечатанной в «Большевике» дискуссионной статье т. Бялого, посвященной как раз защите точки зрения необходимости расширения денежной эмиссии [1]).

[1]) Е. Базаров, «О „восстановительных процессах“ вообще и „эмиссионных возможностях“ в частности». («Эконом. Обозрение», 1925 г. Январь).

Тов. Бялый находит, что обоснование Громаном, Базаровым и другими концепции расширения эмиссии является недостаточным, поэтому он хочет дать свое, более глубокое обоснование, или, как он сам выражается, «методологию проблемы эмиссионных возможностей».

На самом деле он только повторяет, при чем в гораздо худшей и искаженной форме, аргументацию указанных авторов; поэтому целесообразнее для разбора этих аргументов обратиться к первоисточникам, а потом вернуться к «собственной методологии» тов. Бялого.

При прочих равных условиях соотношение между общей суммой товарных цен и количеством обращающихся денег является той базой, исходя из которой можно судить (конечно, приблизительно) о состоянии денежного обращения и наметить его перспективы на ближайшее время. Каково это соотношение у нас в настоящее время? По данным самого Громана денежная масса в 1923—24 г. по сравнению с предшествующим годом выросла на 69%, при росте продукции на 10%; в 1924—25 г., денежная масса выросла на 92%, между тем как продукция выросла всего на 14% [2]). Цифры ясно показывают, насколько быстрее растет количество обращающихся денег по сравнению с суммой роста продукции в нашем хозяйстве. Казалось бы, что был бы весьма логичным и не вызвал бы никаких сомнений вывод, что такое соотношение этих двух величин чревато опасностями инфляции и что к дальнейшему эмитированию денег надо подходить очень осторожно.

Однако, ход мыслей Громана идет в противоположную сторону. Возведя на ступень «эмпирического закона» это соотношение, Громан приходит к совершенно обратному выводу—к сохранению в дальнейшем этого соотношения. «Исследуя взаимоотношения товарной и денежной массы,—говорит он,—мы приходим к определенному эмпирическому закону, по которому рост денежной массы идет быстрее роста товарной массы. Мы не видим причин, которые могли бы изменить наблюдающуюся до сих пор эмпирическую закономерность и полагаем, что не считаться с нею значило бы задерживать темп восстановления нашего хозяйства» [3]). Отсюда Громан делает тот практический вывод, что не надо стесняться расширением денежной эмиссии, ибо такое расширение, соответствуя восстановительным процессам и удовлетворяя нуждам возрождающегося хозяйства, не несет в себе угрозу инфляции, если даже эмитирование денег произойдет в порядке не только краткосрочного, но и долгосрочного кредитования [4]).

Опасность инфляции по Громану исключена тем, что увеличение количества денег в обращении компенсируется замедлением скорости обращения денег. «Следовательно, скорость оборота

[1]) См. «Большевик» № 15 за 1925 год.
[2]) См. статью т. Громана в журнале «Плановое хозяйство» № 7 за 1925 г. („Контрольные цифры к народно-хоз. плану на 1925—26 г.“).
[3]) Громан, „О некот. закономерностях, эмпир. обнаруж. в наш. нар. хоз.“ («Плановое хозяйство» № 2 за 1925 г.).
[4]) См., например, его указ. статью в 7-ом номере «Планового Хозяйства».

денег, в которой выражается и оздоровление товарооборота, т.-е. возможность накоплять средства для массовых закупок и платежей, рост благосостояния населения, позволяющий также накоплять определенные средства для производства крупных хозяйственных закупок,—будет замедляться» [1]). Ту же самую мысль защищает Базаров, который в упомянутой статье пишет, что «процесс отложения новых денег в виде оборотных кассовых средств 30 милл. хозяйств Советского Союза и есть главная составная часть того явления, которое называется, и совершенно правильно называется, замедлением скорости оборота денег» [2]).

Таким образом, схема Громана-Базарова не отрицает, что у нас денежная масса растет значительно быстрее, чем товарная масса, но вытекающий отсюда неизбежный вывод об опасности инфляции она отводит, целиком опираясь на то положение, что в нашем хозяйстве существует тенденция к замедлению скорости обращения денег.

Верно ли это положение?

Тезаврирование новых денег в виде «оборотных кассовых средств» является исходным пунктом этого положения: сколько больше накопление, столько меньше, если употреблять выражение Базарова, «количество общественных актов—меновых сделок, приходящихся в среднем на общественную денежную единицу», т.-е. столько медленнее оборот денег. Подсчитать такого рода накопление нет никакой возможности. На чем же основывается утверждение Громана-Базарова об увеличении оборотных кассовых средств у населения? Только на том, что составляя звено в цепи хозяйственного развития, оно также, как остальные части народно-хозяйственной жизни, должно проходить те же стадии восстановительных процессов, границы и размеры которых даны довоенными соотношениями. Этим самым утверждение об увеличении накопления получает априорный характер и приводит к совершенно ложным результатам. Между тем правильное освещение этого вопроса может дать только учет конкретных условий в данное время и тех социально-экономических изменений, которые вызваны в нашем народном хозяйстве Октябрьской революцией.

Ошибочно было бы полагать, что накопление у населения началось у нас с очень низкого уровня. Накопление это в довоенное время происходило в значительной мере отложением золотых денег, которые и сохранились после революции. Пробел в накоплении, вызванный фактическим аннулированием царских кредитных билетов и обесценением советских знаков, почти целиком был восполнен после денежной реформы; значительная часть того огромного количества твердых денег, которые были выпущены непосредственно после денежной реформы, пошли на пополнение нормальных отложений у населения. Это общеизвестный факт и его нельзя отрицать. Сейчас мы вступили на нормальный уровень в этой области, так что в предстоящие годы в каналы накопления уйдет количество денег, соразмерное количеству их, выбрасываемому из накопления в каналы непосредственного обслуживания товарного оборота.

---

[1]) Громан, указ. ст., «Планов. Хоз.» № 2.
[2]) См. упомянутую ст. Базарова.

Если к этому мы прибавим, что благодаря Октябрьской революции потребности у населения, особенно крестьянства, расширились, что последнее не будет делать продолжительно лежащие сбережения для уплаты тяженных налогов, долгов, уничтоженных Октябрьской революцией и т. д., то ясно станет, насколько неверным является утверждение о наличии у нас тенденции к увеличению «оборотных кассовых средств» у населения.

Если, таким образом, в настоящих конкретных условиях мы имеем уравновешение в суммах денег, идущих в накопление и выходящих оттуда в каналы непосредственного обращения, то, очевидно, что смягчение отрицательного влияния увеличения количества выпускаемых денег на стабильность валюты замедлением оборота денег отпадает, и всякое расширение эмиссии будет увеличивать количество противостоящих товарной массе денег, т.-е. грозит инфляцией. Тов. Громан утешает себя тем, что раз до сих пор при таком огромном перевесе роста денежной массы над ростом товарной массы не поколебалась твердость валюты, то ясно, что обесценение денег в дальнейшем менее вероятно. Но жизнь развивается не по голым схемам, а по суровым законам диалектики. Тут весьма уместно было бы напомнить о примере «последнего калача», который можно найти в «Теории исторического материализма» тов. Бухарина. Этот пример указывает на ту диалектическую истину, что качественное изменение данного явления выявляется только тогда, когда количественные изменения в старой форме доходят до известной точки.

В области денежного обращения не находимся ли мы близко от той точки, где количество переходит в качество?

Другая важная ошибка «концепции» Громана-Базарова заключается в том, что последние, доказывая замедление скорости обращения денег, отвлекаются от самого товарного оборота. Суждения их опять протекают по определенной схеме. Вот количество выпускаемых денег, вот увеличивающееся накопление у населения,—и вывод готов—замедление скорости обращения денег. И при этом ни слова о том, какой период переживает наше хозяйство, период ли под'ема, когда товарный оборот расширяется и ускоряется, или период упадка, депрессии, когда товарное обращение замедляется. Всякому известна та простая истина, что обращение денег представляет собою не что иное, как другое выражение обращения товаров. «Поскольку в движении денег отражается движение полных метаморфоз товаров и соединение этих метаморфоз, то одна и та же монета реализует цены различных товаров и совершает, таким образом, большее или меньшее количество оборотов» [1]). Если это так, если обращение денег является только «отражением» обращения товаров, то очевидно, что разрешение вопроса о скорости обращения денег сейчас у нас сводится к разрешению вопроса о том, что мы имеем в товарном обороте, ускорение или замедление обращения товаров. Тут двух мнений не может быть. Мы имеем бурный под'ем нашего хозяйства, сопровождаемый неизбежно ускорением товарного оборота, «отражением» которого по необходимости должно являться ускорение денежного обращения.

Следовательно, конкретная обстановка нашего развивающегося хозяйства говорит за то, что скорость обращения денег

---

[1]) К. Маркс, „К критике Пол. Эк.“, стр. 107.

не замедляется, а наоборот. Такая явная неувязка в указанной концепции сводит на нет все умелые построения авторов.

Эти теоретические соображения находят свое подтверждение в конкретных цифровых данных. По подсчетам С. Киселева. оборот денежной массы в 1924—25 г. составлял 40 раз в течение года, между тем как в 1895 г. этот оборот выразился цифрой 15. «Мы можем, — заключает Киселев, — сделать отсюда вывод об относительном ускорении (или вернее напряженности работы) денежной массы в 1924—25 г. по сравнению с 1895 г., при прочих равных условиях, в 2,7 раза (40 : 15)» [1].

Правильно отмечая увеличение скорости обращения денег, Киселев, однако, делает тот же вывод, какой делают Громан-Базаров, вывод о необходимости расширения денежной эмиссии. Обоснование этого вывода, однако, имеет совершенно другой характер. Вследствие недостаточного количества находящихся в обращении денег усиление скорости обращения денег, или, как Киселев называет это, напряжение работы денег — является помехой для нормального развития народного хозяйства, и всякая заминка в денежном обращении, о ужас! может привести даже к кризисам. «Ясно,—говорит он,—что при подобной напряженности всякая заминка и задержка денег вне оборота (например, деревней для платежа сельско-хоз. налога) способна вызвать общее безденежье и торгово-промышленный и финансовый кризис» [2]. И вот, чтобы не осуществиться этим ужасам, необходимо усилить работу печатного станка.

Невероятная путаница в этих рассуждениях Киселева видна без лишних слов, поэтому на них подробно останавливаться не следует. Ведь в любом популярном учебнике по политической экономии написано, что увеличение количества денег и скорость их обращения действует в том же направлении и что даже при устойчивом бумажно-денежном обращении, при отсутствии размена банкнот на золото, движение этих двух величин в том же направлении будет иметь своим неизбежным результатом обесценение денег. Неужели для того, чтобы доказать во что бы то ни стало необходимость усиления денежной эмиссии, нужно было прибегнуть к извращению элементарных понятий экономической науки?

Разбор суждений Громана, Базарова и Киселева раскрыл довольно любопытное зрелище. Все они страстные защитники точки зрения расширения денежной эмиссии и стараются доказать ее правоту всякими научно-достойными средствами. Но при этом они исходят из совершенно противоположных, исключающих друг друга, посылок. Вся аргументация Громана-Базарова упирается на положение замедления скорости денежного обращения, между тем как аргументация С. Киселева имеет своей основой совершенно противоположное утверждение—усиление скорости обращения денег. Кто прав, чьи доводы более убедительны, пусть судит сам читатель. Но ясно одно: если верность доказуемой концепции обосновывается двумя совершенно противоположными, исключающими друг друга положениями, то это свидетельствует только о том, что эта концепция не имеет под собой абсолютно никакой реальной почвы.

[1] См. ст. С. Киселева „Денежное обращение и эмиссионные возможности" («Плановое хоз.» № 1 за 1925 г.).

[2] Там же.

Третья важная ошибка Громана, Базарова и Киселева заключается в том, что в своих теоретических построениях и практических выводах они совершенно не обращают внимания на структурные особенности советской экономики. Ведя анализ по определенным схемам, исходя из различных коэффициентов, довоенных соотношений и т. п., они упускают из виду те весьма важные, имеющие принципиально решающее значение изменения в социально-экономической структуре России, которые явились результатом Октябрьской революции.

Наглядный, ничем не прикрываемый схематизм в анализе денежного обращения можно иллюстрировать следующей цитатой: «Если мы сравним данные 1913 г. с соответствующими показателями за октябрь 1924 г., то мы будем уже иметь для промышленной продукции коэффициент 61% довоенной нормы, для грузооборота около 64%, по сбору главнейших хлебов около 85% и для денежного обращения всего 20%» [1]. Отсюда вывод—непропорциональность восстановительных процессов, напряженность денежного обращения и необходимость усиления выпуска денег.

Мы уже видели, к каким печальным результатам приводит такой способ экономического анализа. Между тем, если подойти к вопросу о денежном обращении, принимая во внимание структурные особенности и социалистические элементы в нашей экономике, то окажется, что отставание роста денежной массы в восстановительных процессах не есть явление ненормальное, препятствующее поступательному ходу нашего под'ема, а явление вполне закономерное, обусловленное своеобразными особенностями нашего, движущегося к социализму, общества.

Каковы те новые элементы в экономике советского союза, под влиянием которых рост обращающейся денежной массы отстает от роста остальных частей народного хозяйства?

Денежное обращение в товарно-капиталистическом обществе, как и в Советском Союзе, есть необходимое явление. Но с точки зрения самовозрастания ценности (в капиталистическом обществе) или увеличения материальных благ (в нашем союзе) деньги и связанные с ним расходы представляют собою «непроизводительные расходы—faux frais общества» (Маркс). Так как мы двигаемся к социализму, то соответственно этому мы постепенно освобождаемся от этих непроизводительных расходов капиталистического общества, что выражается в сравнительном сокращении находящейся в обращении денежной массы. По подсчетам Громана [2]) в 1913 г. в обращении было 2.331 милл. руб., что составляло 11,8% продукции того же года (19.677 милл. руб.). В 1924—25 же году в обращении было около 496 милл. руб. (довоенных), что составляет всего 3,55% продукции (14.150 м. руб. по довоенным ценам).

Как видно из приведенных цифр, товарный оборот в Советском Союзе обслуживается, сравнительно с довоенным временем, совершенно незначительным количеством денег. Причину этого нужно искать не в непропорциональности наших восстановительных процессов, что неизбежно приведет к совершенно

[1] Киселев, указ. статья.

[2] См. «Плановое хозяйство», № 7 за 1925 год.

ложным выводам, а в тех изменениях в народном хозяйстве, которые явились результатом Октябрьской революции.

Ближайшими причинами сокращения денежной массы в обороте, вызванными особенностями нашей хозяйственной структуры, являются: 1) уничтожение многих мелких предприятий и об'единение ряда предприятий в более крупные единицы имело своим естественным результатом сокращение их потребностей в деньгах. 2) В довоенной России требовалось дополнительное количество денег для обслуживания купли-продажи земли и городского недвижимого имущества, стоимость которых выражалась в многих миллиардах рублей. Вследствие национализации земли и городских строений у нас потребность в этом дополнительном количестве денег, необходимых для обслуживания их купли-продажи, отпала. 3) В довоенное время требовалось также довольно большое количество денег для обслуживания обращения разного рода ценных бумаг, стоимость которых равнялась приблизительно 11 миллиардам рублей. В настоящее время в Советском Союзе количество и общая сумма ценности этих бумаг представляет такую незначительную величину, что более или менее заметных требований на дополнительное количество денег пред'являть не может. 4) Благодаря концентрации производства и тем взаимоотношениям, которые существуют между государственными производственными об'единениями и синдикатами, все больше и больше расширяется круг безденежных оборотов. По исчислениям т. Струмилина безденежный оборот между трестами в 1925—26 г. составит 720 милл. довоенных рублей.

Вот те ближайшие причины, которые обусловливают сокращение денежной массы и медленность темпа ее роста в общих восстановительных процессах народного хозяйства. Игнорирование этих причин, составляющих неот'емлемую часть движущегося к социализму советского хозяйства, приводит как раз к таким неверным выводам и ошибочным построениям, разбор которых мы дали выше.

Переходим к «собственным методологическим» аргументациям тов. Бялого.

Как мы уже упомянули, т. Бялый не совсем удовлетворен разрешением проблемы эмиссионных возможностей Громаном, Базаровым и другими. По мнению его, «обширная литература по этому вопросу еще далеко не исчерпана».

И вот тов. Бялый хочет исчерпать этот вопрос окончательно и бесповоротно.

Этот смелый подвиг его кончается, однако, тем, что после длинных рассуждений находит подтверждение точки зрения расширения денежной эмиссии в повторении, при чем в повторении неполном и искаженном, уже разобранных нами суждений.

Но чтобы быть справедливыми по отношению к т. Бялому, надо сознаться, что тов. Бялый приводит «собственных» два, по его мнению, весьма важных аргумента, которыми он хочет пополнить Громана и Базарова и покончить раз навсегда с проблемой «эмиссионных возможностей». Этими аргументами мы и займемся.

Первый аргумент тов. Бялого. Острие своей «методологии» т. Бялый направляет, главным образом, против возможности инфляционной опасности. Возможность инфляции в результате усиления эмиссии—пустяки, ибо, видите ли, не только противники Громана, но и Громан и его единомышленники не понимают одну очень важную вещь (как вы думаете, читатель, какую?)... разницу между казначейской и банковской эмиссией. «Они упускают из виду разницу между казначейской эмиссией и банковской и подходят к проблеме эмиссионных возможностей с точки зрения казначейской эмиссии».

Открывая эту важную штуку, тов. Бялый благополучно разрешает задачу и победоносно заявляет: «Таким образом, банковская эмиссия, если только она получит правильное направление, не только не создаст инфляции, но наоборот, снизит цены и, следовательно, укрепит валюту. Непонятным парадоксом это является только для того, кто отождествляет кредитную эмиссию с казначейской».

Легко, быстро и бесповоротно. Но как же Громан, Базаров в своей кропотливой работе над букашками такого слона не заметили.

Но обратимся к тому, как т. Бялый мотивирует такой действительно «непонятный парадокс». Заранее извиняемся за длинные, может быть, ненужные выписки; но надо быть точным.

Итак, т. Бялый об'ясняет свой «непонятный парадокс»... «Банковская эмиссия, наоборот, идет в конечном счете в производство и увеличивает спрос только потому, что увеличивается производство. В то время, как казначейские эмиссии увеличивают потребительский спрос, банковские эмиссии увеличивают спрос производительный, т.-е. такой, который не уменьшает товарную массу, а наоборот, увеличивает ее. Банковские эмиссии могут изменить размеры денежной массы, но не изменить ее отношения к товарообороту».

Тут что ни слово, то недоразумение.

Прежде всего, откуда взял т. Бялый, что у нас в Советской России казначейские билеты пред'являют только потребительский спрос, а банкноты—производительный. А если, т. Бялый, наши производственные органы получают в порядке бюджетного ассигнования казначейские билеты и потребляют их на производственные цели, какой спрос, по вашему, они пред'являют, производительный или потребительский? А если, например, Центросоюз, учитывая векселя в Госбанке получит червонцы, купит на эти червонцы мануфактуру и обувь для продажи населению, что это, по вашему и по вашей терминологии, потребительское или производительное применение червонца? Что значит, наконец, то, что «банкноты идут в конечном счете в производство». (Замечательнее всего это «в конечном счете»). Значит, по вашему, выданные купцам в порядке учета торговых векселей банкноты, которые обслуживая известные товарные обороты, возвращаются обратно в банк по истечении срока векселей, не являются банкнотами? Очевидно, что такую безнадежную путаницу, такое беззастенчивое изнасилование элементарных правил элементарных учебников политической экономии и непонимание особенностей нашего червонного обращения можно об'яснить не чем иным, как только страстной любовью т. Бялого к парадоксам.

Далее. Всей этой нагроможденной бессмыслицей т. Бялый хочет сказать, что если расширение эмиссии происходит за счет выпуска банкнот-червонцев, то никакого обесценения денег не может произойти. Тов. Бялый слыхал где-то и хорошо запомнил.

что есть какая-то разница между государственными неразменными бумажными деньгами и банкнотами и что вообще банкноты по сравнению с бумажными деньгами не подвергаются обесценению. И вот он хочет применить этакое свое знание к нашим казначейским билетам и червонцам. Но надо сказать, что если результат этакого применения своих политико-экономических знаний приводит его только к «непонятным парадоксам», то это только потому, что т. Бялый совсем не знает о банкнотах и бумажных деньгах даже того, что знает любой слушатель совпартшколы. Иначе он не мог бы говорить такие вещи, что банкнота идет только в производство, что она не может обесцениваться и т. д.

Дело не в производстве т. Бялый, а дело в способе выпуска банкнот и в том механизме, действие которого обеспечивает автоматическое выталкивание из каналов обращения в эмиссионный банк того количества банкнот, которое в данный момент для обслуживания товарного оборота оказывается излишним. Регулятором же этого механизма является размен банкнот на золото. Если нет размена на золото, то банкноты могут, при неосторожной политике и чрезмерном выпуске так же легко и быстро обесцениваться, как неразменные бумажные деньги. Не будет излишне привести одну цитату из Маркса: «Учение об идеальном денежном мериле получает новое значение в спорном вопросе о разменности или неразменности банковых билетов. Если бумага получает свое определение от золота или серебра, то разменность билета, т.-е. способность обмениваться на золото или серебро остается экономическим законом, независимо от того, что гласит юридический закон. Например, прусский бумажный таллер, по закону не подлежащий размену, оказался бы тотчас обесцененным, если бы в обыкновенном обращении стоил меньше серебряного таллера, т.-е., если бы на практике не мог размениваться» [1]). В другом месте Маркс с иронией замечает, что «неразменные бумажные деньги имеют только то преимущество перед разменными (т.-е. банкнотами), что могут быть вдвойне обесценены» [2]).

Действие этого «экономического закона», согласно которому стоимость банкнот должна равняться стоимости представляемого ими золота или серебра в обращении, в странах с золотой валютой регулируется свободным разменом на металлы. В Советской России нет свободного размена на золото. Проявление «экономического закона» регулируется сложными сознательными мероприятиями пролетарского государства, направленными к тому, чтобы в обращении не было лишнего количества денег, чтобы не дать стихийным силам товарно-денежного обращения осуществить этот экономический закон путем обесценения денег. Приведем слова т. Струмилина, взятые как раз из его статьи, посвященные защите критикуемой нами точки зрения. «И валюта наша базируется на ином основании, и наш общий хозяйственный строй совсем иной. Вместо разменного золотого фонда мы базируем устойчивость нашей валюты на таких своеобразных основаниях, как монополия внешней торговли и регулируемый в плановом порядке торговый баланс, национализация промышленности

[1]) **Маркс, „К критике Полит. Эконом“., стр. 91.**
[2]) **Там же, стр. 169.**

и регулируемые цены всей государственной продукции, национализация банков и регулирование банковской эмиссии в порядке кредитных планов» [1]). Если это так, то решение проблемы эмиссионных возможностей надо строить на анализе этих элементов в их взаимодействии, а не на гнилых парадоксах и выдуманных банкнотах и бумажных деньгах.

Второй аргумент т. Бялова. Расширение эмиссии денег не только не приведет к инфляции, но наоборот, укрепит нашу валюту, если оно совершится в порядке кредитования сел.-хоз. производства (отчасти) и реализации сел.-хоз. продукции. И вот т. Бялый дает нам яркую картину благополучия. Благодаря такому порядку выпуска денег, промышленность обеспечивается сырьем и расширяется, увеличивается платежеспособность сельского населения, пред'явленный которым повышенный спрос удовлетворяется расширяющейся промышленностью; итак, все идет как по маслу.

Приятная картина, но она рассеивается, как мираж, перед лицом тех конкретных условий и хозяйственных процессов, которые совершаются в настоящее время в народном хозяйстве. Сейчас мы переживаем неудовлетворение возросших потребностей населения, главным образом, крестьянства, выражением которого является то, что получило название «товарного голода». По подсчетам Наркомвнуторга непокрытие крестьянского спроса в промышленных товарах, в предстоящем хозяйственном году выразится в сумме 246 милл. р. [2]). Правительственные высшие хозяйственные органы прибегают ко всем возможным мероприятиям, чтобы бороться против ажиотажа и повышения цен на промтовары, чтобы плановым распределением обеспечить минимальным количеством промтоваров хоть те районы, где происходят хлебные заготовки. Наши хозорганы вот сколько времени бьются над изысканием средств и возможных путей для расширения промышленности, осложнявшейся еще больше проблемой основного капитала, не останавливаясь даже перед ввозом предметов широкого потребления, чтобы хоть немного смягчить товарный голод. Где т. Бялый, ваше гармоничное расширение промышленности, пропорционально возросшим потребностям? Прямо можно удивляться ненаходчивости наших хозяйственных органов; чего напрасно тратить энергию и марать бумагу, когда есть такой легкий способ решения всех вопросов, выдуманный т. Бялым—побольше печатать червонцев, побольше двинуть их в деревню, и расширение промышленности произойдет само по себе.

А что случилось бы по вашему, т. Бялый, если бы хозорганы слушались вашего совета? Вам известно, что превышение спроса над предложением приводит к повышению цен на товары, что у нас сейчас замечается в розничной торговле и против чего должны бороться наши планирующие органы. При таких условиях необходимо придерживаться величайшей осторожности с эмитированием денег, чтобы сохранить покупательную силу валюты на стабильном уровне. Расширение эмиссии еще больше усилит спрос на промтовары, под влиянием чего произойдет повышение товарных цен, т.-е. понижение покупательной способности червонца, т.-е. инфляция.

[1]) **Струмилин, „Наши эмиссионные возможности“. (Ст. в «План. Хоз.». № 5 за 1925 г.).**
[2]) **См. «Эконом. Жизнь» № 199. („Проблема товароснабжения в 1925—26 г.“).**

Так и второй аргумент т. Бялого говорит в пользу инфляции, т.-е. противоположно тому, что он хотел нам доказать. Но тов. Бялый не унимается. Его чудотворная «методология» способна легко и быстро разрешить всякие противоречия. Еще в январе с. г. С. Киселев, обосновывая необходимость расширения денежной эмиссии, писал, что «наиболее целесообразным явилось бы использование эмиссии в первую очередь по пути хлебных, мясных и сырьевых заготовок и оживление тем самым низового спроса» [1]). Но Киселев, как осторожный писатель, благоразумно не затрагивал вопроса о том, в состоянии ли будет промышленность удовлетворить этот возросший низовой спрос. Но для т. Бялого такого рода затруднений не существует. Он может очень легко и просто решить вопрос. Послушайте: «Соответствующие хозяйственные органы в известной мере заранее могут учесть предстоящее увеличение спроса и подготовить к нему промышленность, тем более, что в наших условиях со стороны сырья особых препятствий не может встретиться».

Но в настоящее время эти хозяйственные органы не предвидят, а стоят перед фактом неудовлетворения промышленностью пред'явленного к ней возросшего спроса. Почему, если это так легко и просто, почему эти органы, несмотря на все старания, не могут расширить производство до уровня полного удовлетворения потребностей. Ведь вопрос стоит очень конкретно: какова должна быть наша эмиссионная политика в предстоящий один—два года при конкретно сложившихся хозяйственных условиях? Подход к разрешению вопроса с таким запасом неосведомленности или сознательного умалчивания о происходящих экономических процессах, очевидно, может дать только т. Бялый. Такое сознательное умалчивание или неосведомленность ярче выявляется в последних строках приведенной цитаты, где он говорит, что расширение промышленности не встретит препятствий со стороны сырья.

Обратимся к фактам. В одной из своих книг ВСНХ, анализируя состояние промышленности в истекшем году и намечая перспективы на этот хоз. год, пишет: «В других отраслях пришлось ограничить размеры расширения производства ниже рыночного спроса, вследствие недостатка сырья и ограниченных возможностей его импорта» [2]). Соответствует этот вывод фактам действительности? Целиком. По той же книжке (которую усиленно рекомендуем вниманию т. Бялого) видно, что вследствие недостатка производства некоторых важных сел.-хозяйственных сырьевых продуктов отрасли промышленности, зависящие от этих видов сырья, вынуждены были и вынуждены будут в предстоящем году удовлетворить значительную часть своих потребностей импортом этих сырьевых продуктов из-за границы. Так, например, в 1924 г. хлопчатобумажная промышленность, имея потребность в хлопке в 10.560 тыс. пудов, вынуждена была покрыть недостающий в сборе союзного хлопка недостаток ввозом 4.485 тыс. пуд. иностранного хлопка, что составляет 42,5% общей потребности. Несмотря на расширение хлопководства в 1925—1926 г., удовлетворение потребностей этой промышленности будет

[1]) См. его упомян. статью.
[2]) «Перспективы промышленности на 1925—26 операционный год», изд. ВСНХ, 1925 г., стр. 28.

достигнуто ввозом 6.745 тыс. пуд., что составит 36,7% общей ее потребности. Еще больший недостаток сырья чувствуется в шерстяной промышленности. В 1924—25 г. было ввезено тонкой шерсти 440 тыс. пуд., что составляло 65,3% потребностей промышленности; в 1925—26 г., по намеченному плану, 62,9% ее потребностей в тонкой шерсти будут покрываться импортом иностранного сырья. То же самое мы имеем в кожевенной промышленности, где 7% (в 1923—24 г.) и 8,6% (в 1924—25 г.) потребностей этой промышленности в крупных кожах было покрыто ввозом заграничных кож [1]).

Намечая пути развития промышленности в 1925—26 г., ВСНХ говорит: «Значительная часть отраслей промышленности, производящих предметы личного потребления, также не смогут удовлетворить требований рынка, но уже по другой причине: имея некоторый неиспользованный резерв оборудования, они не могут расширить производство вследствие недостатка сырья внутреннего происхождения и ограниченных возможностей импорта сырья из-за границы» [2]).

Так обстоит дело в действительности, а т. Бялый своей «методологией» дает нам совершенно противоположную, ни на чем не основанную картину. Неудивительно поэтому, что близкое рассмотрение вопросов, затронутых т. Бялым, и в том разрезе, в котором рассматривает их он, приводит неизбежно к тому выводу, что усиление денежной эмиссии не усилит твердость нашей валюты, что хотел доказать т. Бялый, а наоборот, чревато опасностями инфляции и ослабления ее стабильности.

Правильное разрешение проблемы «эмиссионных возможностей» достижимо только через внимательное изучение нашей своеобразной хозяйственной структуры и учет многообразия и сложного сочетания тех стихийных и сознательных факторов, посредством которых советские хозяйственные органы регулируют «экономический закон» денежного обращения. Только идя по этому пути можно учесть реальные процессы в народном хозяйстве, влияние их на состояние товарного обращения и потребности его в денежных знаках. Исходя из этого только можно наметить реальные возможности эмиссии, формы ее осуществления, не забывая ни на минуту, что первейшей заботой во всех мероприятиях по этому направлению должно быть сохранение твердости нашей валюты во что бы то ни стало. Применение же в анализе вопросов денежного обращения и эмиссионных возможностей «непонятных парадоксов» и негодной «методологии» может быть характеризовано не иначе, как невольное покушение на ненарушимый принцип сохранения твердости валюты и усиление идеологии инфляции.

---

[1]) См. указанную книжку, раздел „Сырьевые проблемы в 1925—26 г.“
[2]) Там же, стр. 37.

Н. Мамченко.

Пути развития торговой сети.

1. Роль торговой сети в развертывании и планировании хозяйства.

Едва ли нужно говорить о значении торговой сети в развертывании нашего хозяйства со времени перехода его к рыночным отношениям. Важнейшим условием роста промышленного и сельско-хозяйственного производства в условиях новой экономической политики является рост товарооборота, вовлечение в него отсталых полунатуральных хозяйств, а это возможно при наличии высоко-разветвленной торговой сети и высоко-качественного торгового аппарата.

Но обеспечение возможно-полного и дешевого обмена товарами между их производителями не есть исчерпывающая задача наших торговых аппаратов, поскольку наше хозяйство является хозяйством, идущим к социализму в крестьянской стране.

Торговый оборот, рынок—это то поле, на котором встречаются крупное, организованное государственное хозяйство с миллионами распыленных, неорганизованных частных, главным образом крестьянских, хозяйств.

Развитие этих миллионов частных хозяйств может быть направлено по желательному для пролетарского государства руслу в значительной мере путем косвенного воздействия на него и через торговлю, рынок.

Ряд «командных высот» обеспечивает пролетарскому государству реальную возможность такого воздействия: крупная промышленность, транспорт, банки, монополия внешней торговли.

Обычно в этом перечне не упоминается торговый аппарат, хотя, по сути дела, торговая сеть имеет глубокой важности «командное» значение.

Конечно, распределение является моментом, в последнем счете, подчиненным производству, и успехи борьбы за социализм определяются улучшением производства, электрификацией, тракторизацией и т. д. Но было бы ошибкой, исходя из этого недооценивать на практике громадного значения организации обмена, рынка в условиях нынешнего дня, на существующем уже уровне хозяйства.

Вся практика последних лет только подтверждает то обстоятельство, что для успешного регулирования частно-хозяйственных элементов государству недостаточно быть крупнейшим производителем товаров и потребителем с.-х. сырья, ему нужно еще иметь за собой определяющую силу в торговле в виде торговой сети, подчиненной в решающей части обще-хозяйственным интересам.

2. Эволюция торговой сети.

При стихийно развертывавшемся в первые годы нэпа товарообороте так же стихийно строилась торговая сеть, главным образом за счет частного торгового капитала.

Частная торговля, имея первое время буквально гроши, при большой гибкости и изворотливости, быстро закрепилась на стыке экономических связей города с деревней и в условиях падающей валюты и неустойчивости рынка имела все возможности для быстрого, солидного накопления.

Падающая валюта была тем питательным «бульоном», в котором развитию частного торгового капитала обеспечивался особенный успех.

Страхуя свои капиталы в товарах, валюте (а затем и в червонцах), перестраховывая их еще накидками на цену товара «на падающую валюту», торговец не только перекладывал все невыгоды совзнака на потребителя, но добавлял еще новый налог на него.

А быстрота оборота товаров и денег, свойственная совзначным временам, позволяла частному капиталу увеличивать свои обороты в большей пропорции, чем произведенные накопления. В результате вплоть до начала 1924 года частный капитал в торговле обгонял в своем росте государство и кооперацию.

Денежная реформа обеспечила успех «концентрированному» наступлению на частный торговый капитал, которое мы и повели в начале 1924 года; она не только лишила «частника» основного его «козыря», но и дала необходимые средства для вложения в государственную и кооперативную торговлю.

На основе общего под'ема хозяйства и оздоровления денежной системы государственная и кооперативная торговля начали захватывать новые позиции не только за счет непрерывного роста товарооборота, но и за счет оттеснения частной торговли.

Этот процесс иллюстрируется данными об удельном весе государственной, кооперативной и частной торговли во всем посредническом обороте (т.-е. происходящем через торговые аппараты, а не непосредственно между производителями) за 1923—24 и 1924—25 годы, опубликованными в «Контрольных цифрах» Госплана.

Категория посредников.	1-е полугод. 1923—24 г.	2-е полугод. 1923—24 г.	1-е полугод. 1924—25 г.	2-е полугод. 1924—25 г.
	В процентах.			
Государственные	26,6	34,4	38,7	40,1
Кооперативные	23,1	31,6	33,5	34,9
Частные	50,3	34,0	27,8	25,0
Всего	100	100	100	100

При этом падение удельного веса частного торгового капитала происходило более за счет оптового, чем розничного оборота.

Так в оборотах московской товарной биржи частный торговый капитал имел в первом полугодии 1923—24 года 21,2%, во втором полугодии—11,1% и в первом полугодии 1924—25 года—только 6,6%. По провинциальным товарным биржам соответственные цифры—19,3%, 12,0% и 8,7%.

В конце 1924 года нажим на частный капитал был не только ослаблен, но и поставлен вопрос об облегчении условий работы частного капитала в торговле вследствие невозможности обслужить потребности товарного оборота имеющимися кооперативными и государственными аппаратами и капиталами.

Несмотря на это роль частного капитала падала и в дальнейшем как в оптовом, так и в розничном обороте. Этот весьма показательный факт говорит о том, что первый этап борьбы за торговую сеть окончился победой социалистических элементов хозяйства над капиталистическими.

Государство, совместно с кооперацией, прочно закрепили за собой преобладающую роль в торговле не на основе административного зажима, а на базе окрепнувшего хозяйства и оздоровленной денежной системы. И вопрос о том, в какой доле можно и нужно допускать частный капитал в торговлю теперь есть вопрос средств, которые мы можем вложить в торговлю для замены частника. И дальнейшее вытеснение частного торгового капитала уже не является теперь вопросом решающей борьбы, ибо существенных экономических преимуществ частный капитал перед кооперативным в общем не имеет.

Последнее, впрочем, не исключает, конечно, того, что частный лавочник гибче, изворотливее, опытнее кооператора.

3. Две системы советских торговых аппаратов.

Первые годы новой экономической политики государственная и кооперативная сеть строилась так же стихийно, бесплановo, как и сам развертывавшийся товарооборот. Каждый трест по-своему решал вопросы сбыта и по-своему строил торговый аппарат, вплоть до организации розничной торговли отдельными трестами. Однако, параллельно с ростом относительной роли государственной и кооперативной торговли происходил и качественный отбор и улучшение наших торговых аппаратов.

Ныне, когда мы имеем возможность поставить на очередь дня вопросы плановой рационализации торговой сети, мы уже имеем в практике откристаллизовавшиеся и нащупанные две системы советских торговых аппаратов, которые, друг друга дополняя, должны в перспективе охватить весь товарный оборот. Это потребительская кооперация и синдикаты.

Система потребительской кооперации, возрождавшаяся с начала новой экономической политики почти на пустом месте, в весьма трудных условиях падающей валюты, а затем систематического снижения цен, теперь стала уже весьма мощным товаропроводящим аппаратом, пропустившим только через свою розничную сеть в 1924—25 году товаров на $2^1/_4$ миллиарда рублей и предполагающим в 1925—26 году довести эту цифру до $3^1/_2$ миллиардов.

Система потребительской кооперации показала себя так же, как экономически рентабельный торговый аппарат, торгующий в целом дешевле частного торговца и обеспечивающий государству возможность реального снижения цен даже в весьма неблагоприятные моменты, как это было, например, при проведении денежной реформы.

Кроме того, из всех типов торговой сети кооперация является наиболее деревенской торговлей: 85% потребительских обществ, не менее 65% лавок и около 40% своей розничной продажи она имеет непосредственно в деревне.

Потребительская кооперация об'единяет 30% городского населения и 20% крестьянских дворов. Мы не имеем пока точного представления о социальной физиономии деревенских кооперативов. Но то исследование, которое на основании материалов выборочной переписи 1924 года проделано т. Гриценко («Союз Потребителей», № 9 за 1925 год) говорит о том, что хотя зажиточные слои кооперированы сильнее, чем бедняцкие, основную массу членов сельских обществ составляет середняк, которому и принадлежит руководство.

При всем том система потребительской кооперации, находящаяся еще в процессе эволюции, весьма часто (и правильно) аттестуется никуда не годной с точки зрения того, что желательно и уже возможно. Это говорит за то, что система еще таит в себе громадные потенциальные возможности.

Наконец, кооперативная система, представляющая из себя такой «торговый» аппарат, который содержит элементы отрицания самой торговли и перехода к социалистическому распределению, в своем развитии должна охватить всю низовую розничную торговлю. Этот аппарат для такой роли не только теоретически открыт, но и в практике уже оправдан.

Отсюда, конечно, не следует и глубоко ошибочным было бы одно предположение немедленного упразднения всякой государственной розницы, потому что это только курс, и курс длительного развития, но курс, которого необходимо держаться в меру экономических и организационных возможностей.

С другой стороны, сами синдикаты реализуют весьма значительную долю промышленной продукции, при чем эта доля систематически возрастает. Так, текстильный синдикат в первом полугодии 1923—24 года реализовал 24,4% всей продукции трестов, во втором уже—44,5%; в первом полугодии 1924—25 года—47,9%, а по предположениям на 1925—26 год реализация трестами своей продукции через синдикат дойдет до 90%.

Такой же процесс нарастания доли продукции, реализуемой через синдикаты, мы имеем и в других отраслях промышленности.

По 13 отраслям синдицированной промышленности в среднем в первом полугодии 1923—24 года было реализовано через синдикаты 25,5% всей продукции, во втором—29,9% и в первом полугодии 1924—25 года—31%.

Реализация трестовской продукции через синдикат имеет с обще-хозяйственной точки зрения два преимущества: 1) уменьшает в общем накладные расходы и количество звеньев, проходимых товаром на пути к потребителю; 2) дает реальную возможность

государственного планирования сбыта товаров по районам, контрагентам, известным условиям и пр., чего весьма трудно достигнуть при иных условиях.

Конечно, при покупке кооперативом непосредственно у треста накладные расходы должны быть меньше, чем при синдикатской реализации. Но в действительности, на практике по многим причинам такой порядок реализации не может найти широкого и преимущественного распространения. Хорошо притертые друг к другу синдикатская и кооперативная системы есть наиболее прямой и дешевый путь товара от производителя к потребителю, ибо при правильной организации дела сам товар в этом случае в большинстве пойдет именно от треста к кооперативу, а синдикат и кооперативный союз будут иметь дела с документами, заказами и расчетами.

Однако, синдикатская система в своем прямолинейном завершении имела бы и отрицательные последствия. Не потому, конечно, что синдикат может в какой-либо мере стать, как в капиталистических странах, организацией промышленности против потребителя; этого не может быть в наших условиях при твердом государственном регулировании цен и производственных планов. Но полное освобождение трестов от коммерческой, сбытовой деятельности, особенно к тому времени, когда рынок будет достаточно насыщаться товарами, могло бы привести к недостаточному охвату рынка и неполному использованию его емкости.

Поэтому в условиях сегодняшнего дня нельзя ставить вопроса о полном охвате синдикатской торговой системой сбыта промышленной продукции. Но охват этот растет и будет расти постепенно в меру экономической целесообразности, ибо направление здесь правильное и совпадает с общим направлением нашего хозяйственного развития по пути к социализму.

Некоторые отрасли, особо слабо синдицирующиеся по примитивно-«хозрасчетным» мотивам, следует подгонять, не форсируя через меру общего хода процесса.

Комбинация кооперативной и синдикатской систем — вот нащупанный в практике курс, которого и следует держаться в плановой рационализации торговой сети.

4. Задачи рационализации торговой сети.

Вопросов рационализации торговой сети в целом, увязки отдельных ее частей друг с другом, плановой перекройки нельзя было ставить на первом этапе борьбы за торговую сеть.

В обстановке первоначальной перестройки на хозрасчет в борьбе с частным капиталом за решающие позиции в торговле нужно было во всей полноте без планового зажима использовать все возможности захвата торговых позиций выходящими на хозрасчет госпредприятиями.

Но построить рациональную систему торговли в небывало новых условиях из головы было, конечно, нельзя. Нужен был опыт. И вот только теперь настал тот период, когда постановка на очередь вопросов систематической плановой рационализации товаропроводящей сети стала и необходима и реально возможна, хотя до сих пор мы живем в условиях недостатка товаропроводящей сети, который терпим при нехватке товаров, но который будет тормозом в хозяйственном росте при насыщении рынка.

Это обстоятельство несколько ограничивает размах рационализации, исключает излишнюю прямолинейность, торопливость, но не снимает самой задачи и даже наоборот подтверждает ее. (Если сети не хватает, то надо ее более толково построить, чтобы при тех же средствах получить больший эффект).

Основные дефекты торговой сети с точки зрения рациональности ее построения, известны каждому из простого обывательского опыта: 1) неравномерное распределение сети между центром и окраинами и между городом и деревней, 2) отсутствие толкового разделения труда между отдельными предприятиями, если смотреть на них как на части единого целого.

Если взять для примера организацию сбыта текстиля так, как она была до последнего времени, то увидим следующее:

Текстильный синдикат имел 102 торговых пункта, об'единяемые им тресты—481 торговый пункт, затем все бесчисленные торги торгуют тем же текстилем и, наконец, вся система потребительской кооперации торгует и, конечно, не может не торговать им.

При этом тресты сплошь и рядом имеют свои отделения под боком у отделения синдиката, синдикат очень часто открывает отделение рядом с крупным и мощным кооперативным союзом, а между всеми ими ютятся всяческие «торги». В результате недогрузка отдельных предприятий, бессмысленная хозяйственно перепродажа товара, высокие накладные расходы, увязки излишних капиталов и проч.

Что из этого получается в «районном» разрезе (т.-е. в какомлибо районе по всем товарам, а не наоборот), рассказано в «Кооперативном Пути» (25 августа 1925 г.) о Самаре.

В Самаре имелось 44 государственных торговых предприятия, из них 15 чисто-оптовых, остальные оптово-розничные.

В этом числе 7 отделений синдикатов, 17 отделений трестов, 10 отделений центральных и инорайонных торгов, остальные местные предприятия.

Как они ведут торговлю?

С частными лицами госорганы торгуют на 7—14%. Розница в среднем составляет 15%. Остальное продается кооперации, причем от ряда отделений товар не поступает прямо кооперации, а идет к ней через перепродажу других госорганов. Так, отделения синдикатов продают кооперации непосредственно лишь 27%, а остальные 50—65% продаются госорганам, которые в значительной части перепродают его кооперации сплошь и рядом тут же в Самаре.

В итоге штат в 1.980 человек, обходящийся в 3,4% к обороту, т.-е. в 200.000 рублей в месяц...

Это явление, конечно, не специфически самарское, а всеобщее.

Поле для упорядочения дела огромное, и результаты должны быть немалые как в смысле сокращения накладных расходов, так и в смысле освобождения занятых в обороте капиталов. Места для разумного приложения этих капиталов очень много, особенно

при тех «торговых пустынях», которые мы имеем в некоторых районах.

По данным экспедиционного обследования торговой сети Наркомвнуторгом в 1923—24 году в районах Европейской России в среднем на города падает 207 торговых единиц на 10.000 душ населения, а на сельские местности—11,4 единиц, да и из этого числа только меньшая половина относится к стационарной торговле, а остальное—к розничной и рыночной. По данным о выборке патентов в первом полугодии 1924—25 г. только $^1/_4$ часть всех предприятий находится в сельских местностях. В отдельных местностях мы имеем полное отсутствие торговой сети. В среднем одна кооперативная лавка в сельских местностях обслуживает площадь в 627 квадр. километров, а в отдельных районах (Туркестан) эта цифра доходит до 7.200 кв. километров.

Экономические последствия этого явления очевидны: 1) неохват рынка в целом ряде районов, отсутствие стимула к росту товарности хозяйства.

2) Предоставление тысяч населенных пунктов полному произволу частника-лавочника, громадные накидки на товары в этих местах.

Отсюда задача возможного перераспределения существующей торговой сети и системы экономических мероприятий, направленных к поощрению развертывания торговой сети в местах ее недостатка.

5. Пути рационализации торговой сети.

Нерациональное с обще-хозяйственной точки зрения построение и размещение торговой сети возникло не вследствие злой воли или узко ведомственного кругозора руководителей организации.

Каждый отдельный момент этой нерациональности имеет известные хозяйственные и экономические корни, не всегда преодолимые, не сразу преодолимые и не легко преодолимые (например, собственная розница трестов—необходимы оборотные средства, слабая торговая сеть в Туркестане —некультурность, недостаток средств, слабая кооперированность и т. д.).

Вооружившись только благими намерениями ничего рационализировать нельзя.

Необходимо: 1) тщательное изучение каждого отдельного вопроса и на основе его выявление необходимых мероприятий; 2) отыскание экономических рычагов, посредством которых можно добиться осуществления этих мероприятий.

Налог, кредит, финансирование, тариф—вот эти рычаги, которыми надо учиться пользоваться в этих целях.

Мы еще не умеем действовать ими гибко, применяясь к отдельным районам, организациям и пр.

Между тем, ясно, что для районов, насыщенных торговой сетью достаточно, следовало бы налог увеличить, а для районов не насыщенных—наоборот.

Так же и со всеми прочими экономическими рычагами.

Совершенно ясно, что вопросы рационализации торговой сети не могут быть разрешенными без постановки их в центре, «с головы» так же, как ясно и то, что центр без участия местных работников, их опыта и инициативы не сможет успешно эту задачу решать.

М. Танин.

„Дауэсизация“ Франции.

(Провал франко-американских переговоров).

«Традиции дружбы» и действительность.

Вначале все как будто шло великолепно. Лишь только Жозеф Кайо, «финансовый гений» Франции, ступил на землю «традиционного друга» французского народа—Америки, он заявил нью-йоркским журналистам, а через них явившемуся для встречи представителю американской комиссии по долгам Винстону: «Я и мои коллеги—люди доброй воли, и мы с большим удовольствием встретим тех людей доброй воли, которые составляют американскую комиссию по долгам». Потом были торжественные встречи, банкеты в Белом Доме и обмен любезностями между министрами обоих стран—Кайо и Меллоном.

А когда открылись формальные переговоры (24 сентября), Кайо произнес, как сообщает «Тан», «весьма сердечную» речь, в которой заявил: «Мы не забываем, и никто во Франции не может забыть, чем мы обязаны Америке за ее великолепное сотрудничество, позволившее нам довести войну до победоносного конца. Мы также не забудем—и мы уверены, никто по этой стороне Атлантического океана не забывает—об узах дружбы между нашими странами в конце XVIII столетия». Под этими ауспициями, заключил Кайо, можно будет достигнуть соглашения, «достойного обоих великих народов и способствующего мировой экономической стабилизации». И хотя Меллон в своей ответной речи сразу заявил, что «народ-кредитор обязан требовать урегулирования долгов», он не преминул поблагодарить Францию за помощь Соединенным Штатам в период их борьбы за независимость и обещал при пред'явлении требований «принять во внимание затруднительное положение Франции». Это последнее заявление с большим удовольствием и большими надеждами было подчеркнуто французской прессой.

Затем последовали систематические заседания американских и французских представителей. Несмотря на их конфиденциальный характер, вся иностранная печать была полна сообщений из «достоверных источников» о положении переговоров. 2 октября все газеты сообщали, что в подкомисии якобы уже достигнуто соглашение на основе рассрочки французского долга (4.025 милл. долларов) на 62 года с ежегодными взносами, в среднем, по 100 миллионов долларов. Но это оказалось уткой, и на следующий день те же газеты уже сообщали факт, как он есть, что переговоры по существу кончились провалом. Первоначальные же сведения о благополучном исходе переговоров были основаны на недоразумении: французские предложения были приняты за согласованные предложения обеих делегаций. Маленькая ошибочка... К тому же, все дело якобы испор-

тили пронырливые журналисты, которые разболтали содержание конфиденциальных уступок Америки; а это вывело из себя президента Кулиджа, который по причинам внутренне-политического характера (опасения оппозиции в сенате) прервал переговоры по основному вопросу.

Но все эти «раз'яснения» иностранной печати, конечно, не выдерживают критики. Факт провала переговоров остается фактом, и лишь для того, чтобы сгладить его, американцы предложили временное соглашение на 5 лет о способе покрытия текущих процентов. Кайо ответил, что он не уполномочен подписать такого соглашения и обещал предложить его своему правительству. С этим он и уехал в Париж.

Итак, взывание к славным традициям франко-американской дружбы в конце XVIII столетия, совместное посещение французскими и американскими делегатами в Вашингтоне могилы «неизвестного воина», павшего в совместной борьбе Америки и Франции на полях Европы за «демократию», освобождение угнетенных народов, самоопределение и все прочее—все это не помогло. Даже гениальный лоб Кайо не мог прошибить стены американского «шейлокизма», как теперь отзывается французская националистическая печать о бывшем «доблестном союзнике» Франции. И теперь по той и другой стороне Атлантического океана мы уже слышим такие комплименты: с одной стороны, сенатор Бора на завтраке в честь Вирта, б. канцлера, вчерашнего врага Соед. Штатов—Германии, выражает удовлетворение по поводу краха переговоров с вчерашним союзником—Францией, и говорит, что последняя «употребляла американские доллары на то, чтобы посылать сенегальцев в Рур, заниматься военными авантюрами в Марокко и Сирии и вооружать Польшу и Чехо-Словакию». А с другой стороны, мы в связи с неудачей миссии Кайо находим во французской печати такие комплименты по адресу Америки, как «Шейлок—дядя Сэм», «американская жадность», «империализм американского золота» и т. д.

К ходу переговоров в Вашингтоне мы еще вернемся. Займемся раньше вопросом о сущности проблемы задолженности Франции по отношению к Америке. Проблема эта имеет крупное международное значение и изучение ее постепенного развития дает богатейший материал для уяснения хода наступления американского империализма не только на Францию, но и на всю Европу, с одной стороны, и кризиса французского империализма—с другой. Ясно, что все это не может не иметь большого значения для судеб нашего Советского Союза.

Зарождение франко-американского антагонизма.

Когда американский империализм после некоторого периода колебания решил разбить своего конкурента—Германию и стал на сторону Антанты, продажная американская печать и весь «идеологический» аппарат американского капитала стали воспевать «прекрасную Францию», Францию Лафайэта, борца за американскую независимость, Францию—«традиционного верного друга Америки».

Так было в начале мировой войны. Но как только кончилась война, картина сразу переменилась. Мемуары бывшего статс-секретаря при Вильсоне — Лансинга («The Peace Negotiations», «мирные переговоры»), равно как и мемуары Бекера, шефа бюро печати при Вильсоне на мирной конференции, свидетельствуют, что американско-французский антагонизм наметился уже во время этих переговоров. И это вполне естественно. Тогда уже обнаружилось, что победоносный французский империализм намерен занять место разбитого германского. Это вовсе не входило в расчеты Америки, и Вильсон пытался умерить французские аппетиты. Но вся его роль на конференции с точки зрения американского империализма была весьма жалкой: несмотря на огромную роль Америки в последний период войны, он не смог обеспечить ей «заслуженной» доли при дележе добычи, и в конце-концов в основных вопросах уступил французской дипломатии, которая, очень удачно спекулируя на idée fixe Вильсона—Лиге Наций, вырывала у него одну уступку за другой. В этих уступках Вильсон зашел так далеко, что в день подписания Версальского договора (28 июня 1919 года) он также подписал гарантийный договор, по существу—обязанность охранять французские завоевания на случай реванша со стороны Германии.

Но американский сенат вместе с Версальским договором отверг и гарантийный договор (19 ноября 1919 г.). Это был первый серьезный удар по американско-французской дружбе. Им поспешила воспользоваться английская дипломатия, чтобы и со своей стороны отказаться от гарантийного договора с Францией. В дальнейшем отношения между Соед. Штатами и Францией все ухудшаются. В 1921 году на Америку обрушивается жестокий экономический кризис. Сумма экспорта в 1921—22 фискальном году резко падает до 3,8 миллиардов долларов, против 6,5 миллиардов долларов годом раньше. Американский капитал, в то время еще не освободившийся окончательно от об'ективно-изжитой политики «блестящей изоляции», начинает убеждаться, что одной из важнейших причин кризиса является падение покупательной способности Европы, а оно, в свою очередь, в значительной степени обусловлено дезорганизаторской политикой французского империализма. Отсюда дальнейшее ухудшение американско-французских отношений.

Это особенно рельефно проявилось во время Вашингтонской конференции по сокращению вооружений (12 ноября 1921 г.—6 февраля 1922 г.), когда Франция резко выступила против американско-английских предложений о способах так называемого «разоружения». Франция, главным образом, настаивала на полной свободе в области усиления своего подводного флота, направленного против Англии. Но Америка, за значительные уступки со стороны Англии, поддерживала протесты последней против французских планов, тем более, что сама Америка была заинтересована в том, чтобы осадить чересчур зарвавшуюся Францию. В результате создалось такое положение, что французские дипломаты в Вашингтоне стали поддерживать японскую делегацию против наметившегося в то время американско-английского блока. А это, естественно, еще более обострило антифранцузские настроения в Соед. Штатах.

Вопрос о долгах стал более актуальным. В печати все чаще стали раздаваться голоса протеста против неисправного должника, который, уклоняясь от уплаты долга, не только находит средства на усиленное вооружение, но и осмеливается

стать поперек дороги кредитору—Америке. 7 февраля 1922 г. американские законодательные органы проводят закон о создании особой комиссии для консолидации иностранных долгов. Этим дается новое предостережение должникам—Франции и Англии.

Америка против Франции в репарационном вопросе.

Немного позже американский капитал в лице Моргана на конференции банкиров в Париже (23 мая—10 июня 1922 г.) заявляет Франции, что «в Соед. Штатах и Великобритании капиталисты не обнаруживают тяготения к предоставлению Германии займа, который рассчитан на разрешение репарационной проблемы» (из резолюций конференции). В то же время печать сообщала, что Морган согласился бы участвовать в займе, но только под условием, что Франция даст обязательство не захватывать германской территории и не подрывать таким образом платежеспособности Германии. В том же духе высказывается Юз в своей речи в Нью-Гейвене 29 декабря 1922 года, посвященной лондонской конференции. Он высказывается за передачу вопроса о репарациях международной экспертной комиссии и против удушения Германии.

Но все эти выступления со стороны Америки не были сделаны в достаточно решительной форме. Американская дипломатия все еще была вынуждена платить дань традициям политики «блестящей изоляции», чтобы сторонники последней не обвиняли государственный департамент в вовлечении Соед. Штатов в «грязные дела» Старого Света.

Колебания Америки ободряли французских империалистов. 11 января 1923 года Франция вторгается в Рур. Германия взывает к помощи Америки. Официальная Америка остается пассивной. Но в дальнейшем настроения в Штатах против оккупации Рура и французского нажима на Германию все усиливаются.

Эти настроения питаются следующими экономическими причинами: 1923 год проходит в Соед. Штатах под знаком обострения кризиса сбыта сельского хозяйства (при значительном промышленном под'еме). Стоимость урожая этого года составляла 8,3 миллиарда долларов, против 7,4 миллиарда долларов в 1922 г. и 5,6 миллиардов долларов в 1921 году. Между тем сбыть излишки сельско-хозяйственной продукции было настолько трудно, что число банкротств фермеров стало быстро расти, достигнув цифры в 15% из общего числа всех банкротств, против 4% до войны. Кризис привел к тому, что в 15 земледельческих штатах 8% всех фермеров-собственников лишились вследствие банкротства своих насиженных ферм. Кроме того, 15% фермеров прекратили платежи по своей задолженности, но вследствие уступок со стороны кредиторов остались на местах. Тяга фермеров в город приняла настолько угрожающие размеры, что президент Кулидж в своей речи (в феврале 1924 года) предупреждает, что «недовольство фермеров может вылиться в революционные формы». И правительство вынуждено все пристальнее обращать свои взоры в сторону Европы, как рынка сбыта для американской сельско-хозяйственной продукции.

В ту же сторону толкали американскую дипломатию и заботы о необходимости обеспечить сбыт продуктов все расширяющейся промышленности, тем более, что к середине 1923 года (так же, как и к середине 1924 г.) произошли серьезные заминки в процессе производства, которые многим казались предвестниками надвигающегося кризиса.

Довольно значительным рынком сбыта для американской продукции является Германия. Американский экспорт в Германию за последние годы составлял:

1922 г.	350,5	миллионов долларов.
1923 „	293,1	„ „
1924 „	378,3	„ „

При чем этот экспорт значительно превышал германский импорт (последний выражается в следующих цифрах: 1922—95,6 миллионов долларов; 1923—142,9 милл. долларов; 1924—146,8 милл. долларов). Прибавим к тому же, что после войны, еще до плана Дауэса немало американских капиталов было вложено в германские предприятия. Все это усиливало заинтересованность американского капитала в судьбах Германии.

Но германский рынок лишь органическая часть европейского. А последний играет крупную роль в американской внешней торговле. Американский экспорт в Европу за последние годы по сравнению с довоенным 1913 г. составлял в миллионах долларов:

1913 год	1.479	(59)[1]
1919 „	4.645	(64)
1920 „	4.864	(60)
1921 „	3.408	(52)
1922 „	2.067	(55)
1923 „	2.035	(51)
1924 „	2.202	(51)

Итак, примерно, половина американского экспорта идет в Европу. Может ли после этого могущественный американский империализм позволить французскому произволом и террором, ударами в сердце этого рынка — Германию — дезорганизовать и разрушать его? Конечно, нет. Может ли американский империализм призвать к порядку французский империализм, пораженный манией величия? Конечно, да. И вот, после того, как французский франк стал стремительно падать, не выдержав бремени затрат на непосильные вооружения, после того, как французский империализм вынужден был заискивающе протянуть руку Моргану, американское правительство вновь выдвигает предложение о международной комиссии экспертов для решения репарационного вопроса. И Франция—напомним, что это было еще при Пуанкаре-Война—вынуждена была согласиться с этим предложением.

14 января 1924 года, т.-е. как раз через год после оккупации Рура, в Париже начала работать комиссия экспертов под председательством американского банкира Дауэса, — «политишина» с неособенно чистой репутацией (дело обанкротившегося Лоримера в Чикаго); 19 апреля Дауэс передает репарационной комиссии свой знаменитый план, который, по его уверению, должен повести к «длительному и окончательному миру».

[1] В скобках процентное отношение американ. экспорта в Европу к общему экспорту Соедин. Штатов.

15 мая Пуанкаре, тот самый Пуанкаре, который до того времени так решительно отклонял все попытки Англии привлечь Америку к решению репарационного вопроса, извещает Макдональда, что он согласен эвакуировать Рур на основе плана Дауэса. 16 июля созывается в Лондоне междусоюзная конференция с участием Германии для окончательного принятия плана Дауэса. Американский посол в Лондоне Келлог присутствует только, как «наблюдатель». Американский министр иностранных дел Юз, министр финансов Меллон в сопровождении виднейших финансистов к этому времени «частным образом» прибывают в Лондон. 16 августа Франция наряду с остальными союзными государствами подписывает соглашение о проведении в жизнь плана Дауэса.

Что означает этот план, ныне уже реальный фактор, с точки зрения франко-американских отношений?

Франция оказалась вынужденной согласиться на эвакуацию Рура. Она обязалась вопросы о том, исполняет ли Германия Версальский договор,—вопросы столь богатые возможностями бесконечного шантажирования Германии,—передать на разрешение Америки (формально решает репарационная комиссия, к работам которой в таких случаях привлекается представитель Америки; по существу же это сводится к решению Америки). Другими словами, французский империализм лишается свободы действий в наиболее жизненной для него области—в своей политике по отношению к Германии. С другой стороны, американский генеральный агент по репарациям, в руках которого концентрируются германские репарационные взносы и который может по своему усмотрению выпускать их из Германии или задерживать (положение плана Дауэса о трансфертном комитете)—этот самый представитель американского капитала в Европе контролирует не только финансовую жизнь Германии, но и косвенно—Франции, зависимой от германских платежей.

Но это только начало постепенной «дауэсизации» Франции. До плана Дауэса Америка по-настоящему еще не нажимала на другой рычаг, которым можно привести в движение еще более тяжеловесные средства давления на Францию—мы говорим о долгах. После дауэсизации Германии этот нажим, естественно, должен был усилиться. Этого требовало «умиротворение Европы», как его понимает американский империализм.

«Политический» долг—неудачное изобретение.

Толчком, вызвавшим усиление американских требований, послужил следующий факт: в конце истекшего года французское министерство иностранных дел опубликовало финансовый меморандум, согласно которому Франция должна Америке по основному военному долгу 2.933 миллиона долларов, плюс 650 миллионов долларов процентами—итого 3.583 миллиона долларов. (В переговорах между Кайо и Меллоном в Вашингтоне вся сумма военного долга, плюс долг в 407 милл. долларов за остатки американского военного инвентаря, определена в 4 миллиарда 25 млн. долларов). Но о военном долге Америке французский министр финансов Клементель в бюджете даже не счел нужным упомянуть на том основании, что он относится к категории не «коммерческих», а «политических» долгов. Из меморандума к бюджету мы узнаем, что означает сия «политика».

«Мы не можем,—говорится там,—рассматривать возможность принятия на себя бремени ежегодных платежей (Америке и Англии)... пока мы не выполнили работ по восстановлению разрушенных областей и пока платежи, следуемые нам согласно мирному договору, еще не создали для нас необходимых рессурсов». И далее в меморандуме весьма напыщенно говорится о «великих воспоминаниях», об'единяющих Францию и Америку, о Лафайэте, Ришамбо и т. д.

К чему сводится «краткий смысл сей длинной речи» и вся «политика» отнесения долга к «высшей» категории «политических» долгов ясно было: Франция намерена была платить великими воспоминаниями, но не деньгами. Так это и было понято в Вашингтоне. И американские политические круги не замедлили решительным образом реагировать на подозрительные маневры Франции. 29 декабря сенатор Рид произнес в сенате резкую речь против Франции, в которой между прочим заявил:

«В 1917 и 1918 г.г., когда Америка принимала участие в войне, мы заняли у своего народа и немедленно передали Франции большую сумму денег... Мы заняли эти деньги, давая свое поручительство под французскими облигациями. И, давая свои деньги Франции, наш народ получал американское обязательство, которое мы должны уважать... Но Франция не уплатила ни одного пенни по военному займу. Наше же правительство, выпустившее боны, чтобы реализировать эти деньги для Франции, аккуратно выплачивало проценты по ним, и эти проценты к 15 ноября 1924 г. составили 796.711.537 долларов. Другими словами, за эти шесть лет мы забрали у наших налогоплательщиков 800 млн. долларов, чтобы платить проценты вместо французских налогоплательщиков!»

И, указывая на французскую бюджетную смету, не упоминающую даже о долге Америке, сенатор Рид прибавил: «Я считаю, что сенат не может прекратить своей сессии, пока против этого не раздастся голос протеста». И в заключение он напомнил Франции, что «непризнание долга, сделанного во время последней войны, окажется роковым для ее займов в «ближайшую войну», к которой она готовится.

Не мало горьких слов пришлось французской дипломатии выслушать и от сенатора Бора, ныне председателя американской сенатской комиссии по иностранным делам; в своей речи в сенате 22 января с. г. Бора категорически требовал от Франции уплаты долгов на определенных льготных условиях и в малоделикатных выражениях расписал истинные причины, побудившие Францию помочь американским колониям в их борьбе с Англией за независимость, а также цели Франции в мировой войне. Когда же сенатор демократ Брюс, выступая в защиту Франции, призвал в свидетели тень Лафайэта, Бора раздраженно воскликнул:

«Хвала Лафайэту! Но ведь французское правительство пыталось арестовать его, когда он уезжал (в Америку)... И, нако-

нец, в моем распоряжении имеется документ о том, что мы ему заплатили за его услуги и наградили крупным участком земли».

Эта речь была ответом на нашумевшее выступление б. министра в кабинете Пуанкаре, депутата Луи Марена, в палате депутатов 21 января. Марен, тыкая пальцами в кровоточащие военные раны Франции, воскликнул:

«1.425.000 убитых, 300.000 умерших от ран, 4.000.000 раненых... 800.000 девушек, лишенных возможности создать домашний очаг... Если по американскому обычаю расценивать рабочую силу каждого человека на деньги, то Соед. Штаты должны нам миллиарды! Наше самоуважение не потерпит, чтобы финансовое превосходство стало орудием политического давления».

Любопытная полемика между союзниками, проливавшими кровь за общее дело: «торжество справедливости и демократии в мире...».

После вашингтонских переговоров.

В таком положении был вопрос о долгах при кабинете Эррио. Явившийся ему на смену кабинет Пенлеве сейчас же был поставлен перед необходимостью взяться за этот проклятый вопрос, переходивший в наследство от одного правительства к другому. Наученный горьким опытом Клемантеля, Кайо взял другой курс: Франция, дескать, и не помышляет о том, чтобы не «уважать своих обязательств», но погашать свой долг она может только в пределах «разумной» платежеспособности. Французская платежеспособность же находится в органической связи с репарационными взносами Германии, согласно плану Дауэса.

Такая постановка вопроса не могла удовлетворить Соед. Штаты. Но все же торг начался. Вначале происходили неформальные переговоры через послов в Париже и в Вашингтоте. Наконец, Кайо, во главе французской делегации, лично отправляется в путешествие к заморскому Шейлоку. Начинаются формальные переговоры, о судьбе которых вкратце уже указывалось выше. Но хотя эти переговоры дали, как говорит «Тан», лишь «обманчивый финал», стоит остановиться на их важнейших моментах, т. к. они, без сомнения, будут служить исходными пунктами для дальнейших переговоров. Кроме того, сопоставление последних предложений с той и другой стороны лучше всего иллюстрирует сущность франко-американского спора.

Последнее французское предложение, зафиксированное в официальном сообщении американской делегации накануне разрыва, сводится к следующему:

Франция платит ежегодно в течение первых 5 лет по 40 миллионов долларов, в следующие 7 лет—по 100 миллионов, а затем в течение 56 лет—по 100 млн. дол. Таким образом, платежи растягиваются на целых 68 лет и исходят из расчета меньше 1% по основному долгу. Но помимо того, во французском предложении делаются такие оговорки насчет приостановки платежей в случаях угрожающего положения франка и т. д., которые, согласно заявлению американской делегации, придают платежам весьма проблематичный характер. К тому же, если бы считать проценты по той норме, по которой платит само американское правительство держателям «Облигаций Свободы» (т.-е. за те деньги, которые оно одолжило у своих граждан, чтобы отдать их взаймы Франции),—если считать по такой норме, то французский план платежей соответствовал бы долгу всего лишь в 1.750 миллионов дол. против 4.025 млн. дол. На это Америка не соглашается, и, со своей стороны, предлагает проект платежей, соответствующий сумме долга, уменьшенной до 2.800 млн. дол. Но в виду того, что при таком значительном расхождении французской и американской точек зрения соглашение оказывалось невозможным, американская делегация выдвинула следующую временную сделку:

«Франция обязуется независимо от прочих условий уплачивать 40 миллионов дол. в год, предложенные во французском меморандуме, как представляющие платежеспособность Франции в течение ближайших 5 лет. Эта сумма будет рассматриваться, как все процентные деньги (intérêt intégral) по долгу в течение этого периода. К концу этого пятилетнего периода оба правительства должны снова собраться, чтобы *исследовать* (examiner) *платежеспособность Франции* (курсив наш. *М. Т.*) к тому времени и определить сумму, которую она должна будет платить согласно новым условиям, которые будут зафиксированы в тот момент».

В своем ответе на это последнее предложение—как уже упоминалось выше—Кайо подчеркивает, что американская делегация исходит из критерия платежеспособности Франции и заявляет, что не имея полномочий подписывать такие непредвиденные в Париже условия, он их предложит своему правительству. И назавтра же Кайо пустился в обратный путь. Вот и вся история вашингтонских переговоров. «Энформасион» (орган французских финансовых кругов) характеризует этот финал словами: «Ни соглашение, ни разрыв». Но так как американское предложение еще должно быть одобрено конгрессом,—а в этом нельзя быть уверенным,—а французское правительство его еще не приняло, то конец вашингтонских переговоров по существу является разрывом.

Что же означает этот разрыв, каковы дальнейшие перспективы франко-американских отношений и их возможные последствия в международном масштабе?

Раньше всего—*вопрос о долгах продолжает висеть как Дамоклов меч над головой Франции* даже в том случае, если последняя примет американские предложения, на первый взгляд как будто отодвигающие решение вопроса на 5 лет. И именно потому, что это первое впечатление обманчиво, значительная часть французской печати высказывается за отклонение американских предложений. Так, например, орган правящего левого блока «Котидьен» (4 октября) пишет: «Есть ли уверенность в том, что молчание продолжится 5 лет? Платеж по закупкам военного инвентаря — платеж в восемь миллиардов франков, если вам угодно — приходится уже в 1929 г. Где же уверенность в том, что вопрос не станет в порядок дня в этот срок или даже раньше?» И газета решительно высказывается за отклонение плана Меллона. Мнение противников этого плана суммирует б. министр финансов в кабинете Клемансо, Клоц, в националистической «Эклер». Соображения Клоца сводятся к следующему:

1) Принимая американский проект временного соглашения, Франция тем самым отказывается от разделения долга на часть

«политическую» и «коммерческую». 2) Это соглашение не только не улучшит, но ухудшит положение франка в виду неопределенности положения с долгом. 3) В соглашении ничего не говорится о методах трансфера (перевода) этих 4 миллиардов франков (200 милл. дол.) в течение 5 лет. 4) Принятие соглашения с Америкой осложнит вопрос о французском долге Англии.

Щупальцы даузсизации.

Но французскую печать не столько раздражают эти конкретные требования Америки, как та упорная тенденция к даузсизации Франции, которая определенно проглядывает в политике Вашингтона в вопросе о долгах. И в самом деле, как это ни парадоксально, Америка мало нуждается во французских платежах. Европейские и другие страны должны Соед. Штатам (включая и американские инвестиции за границей) поистине умопомрачительную сумму в 21 миллиард долларов, или за вычетом не-американских капиталов в Соед. Штатах—17 млд. дол. Платить они могут либо золотом, либо товарами. Что касается первого, то Соед. Штаты уже проглотили около 60% ($4^1/_2$ млд. дол.) всего мирового золотого запаса, и остающееся вне Америки золото составляет лишь около $^1/_4$ задолженности других стран по отношению к ней. Дальнейшее перекачивание золота в Соед. Штаты, задыхающиеся от «золотого полнокровия», им скорее вредно, чем полезно. Другая альтернатива—наплыв товаров в Соед. Штаты—последним также нежелательна. Вот почему такой видный финансист, как например, Бернард Барух, высказывается против нажима на Францию.

Если нажим все же производится, то это об'ясняется внутренними и внешними политическими соображениями. Республиканская партия пришла к власти с обещанием взыскания долгов с союзников с целью облегчения положения налогоплательщика, и она не может, боится обмануть избирателя. Что же касается внешней политики, то не нужно лучшего способа давления на Францию и др. должников, как постоянное размахивание в воздухе их долговыми обязательствами. Ведь не следует упускать из виду, что вожделения американского империализма, скрывающиеся за планом Дауэса, имеют своим об'ектом не только Германию, но и всю Европу. А следующим за германским звеном в цепи дауэсизации в силу репарационного и других вопросов, естественно, является Франция.

И действительно, вылазки американского империализма в этом направлении уже предпринимаются. Не подлежит сомнению, что «план Герли» или «план Дауэса для Франции», о котором как-то глухо говорилось в телеграфных сообщениях из Вашингтона и Парижа прошлой осенью, имеет под собой серьезные основания. Из американской печати мы узнаем, что Эдуард Герли—член американской правительственной комиссии по консолидации долгов (Funding Commission) и что он в «неофициальном порядке» был командирован в Париж, где вел «частные» переговоры с представителями французского правительства и деловых кругов. В результате этих переговоров и сложился

«план Герли». Согласно этому плану весь французский долг должен быть погашен в течение 67 лет, при чем Франции предоставляется мораторий на 5 лет. После этого срока Франция начинает платить по 100 миллионов долларов в год. При этом, в целях удержания финансового равновесия Франции, в Америку уходит лишь половина этой суммы. Другая половина будет американским правительством через посредство особого смешанного франко-американского общества вложена во французские промышленные предприятия. План далее предусматривает создание трансфертного комитета для регулирования перевода платежей с таким расчетом, чтобы не вызывать падение франка; во главе этого комитета стоит американец, «функции которого аналогичны функциям генерального агента по репарациям в Германии»—словом поистине «план Дауэса для Франции», план подчинения Франции контролю Уоллстрит, план создания новой широкой политико-экономической базы американского империализма в сердце Европы.

О тех же настроениях в Вашингтоне свидетельствует статья б. американского посла в Лондоне, а ныне также влиятельного политика, Гарвея, появившаяся в официозном «Вашингтон Пост» (28 дек. 1924 г.).

«Франция,—писал он зло,—хочет отыграться на Америке против Англии, заявляя каждой из них, что она не может заключить соглашение с одной, так как, увы, ей пришлось бы платить другой—прямо ужасное, невозможное положение!»... И далее Гарвей ставит точку над и: «Что другого остается делать Франции помимо того, что наверно, сделало бы всякое коммерческое предприятие в ее положении? Конечно, созвать совещание ее обоих кредиторов, дать им свободный доступ ко всей информации относительно ее дебета и кредита, ресурсов и возможностей и добиваться справедливого соглашения»...

Мы подчеркнули эти слова о «свободном доступе ко всей информации», так как они по существу равносильны требованию известного контроля над французскими финансами. Но еще более откровенен сам пресловутый спец по «восстановлению» европейских стран—Дауэс. Выступая в конце февраля в клубе банкиров, в Чикаго, он прямо заявил: «Я надеюсь, мы скоро будем иметь комитет Дауэса (для Франции), чтобы исследовать, сколько Франция может платить».

Правда, Дауэс в этой же речи намекнул, что Соед. Штаты согласятся аннулировать часть долга, но важен тот факт, что вице-президент Соедин. Штатов открыто говорит о «плане Дауэса» для Франции, с вытекающим отсюда финансовым контролем над Францией. И для того, чтобы придать вес этим домогательствам, в конгресс была внесена резолюция о воспрепятствовании заключению займов в Соединенных Штатах тем государствам, которые не выполняют своих обязательств.

А за выступлением Дауэса последовала нашумевшая речь американскоого посла в Лондоне Гоутона (4 мая с. г. в «обществе пилигримов»). Расписывая «великодушную помощь» Америки Европе, Гоутон подчеркнул:

«Мы, однако, не забыли, что есть граница, которую мы не должны переступать... Помощь Америки может быть получена только в том случае, если американский народ будет убежден,

что времена разрушительной политики прошли (намек на рурскую политику Франции. *М. Т.*) и наступили времена мирной реконструкции. Американский народ задает вопрос: наступили ли, наконец, эти времена, но на этот вопрос он пока не может дать ответа. Ответ должен исходить от народов Европы... Если этот ответ будет гласить «мир», вы можете быть уверены, что Америка будет помогать Европе во всей полноте своего великодушия. Если же этот ответ будет продолжать носить спутанный и сомнительный характер, тогда я опасаюсь, что и нынешняя помощь неизбежно прекратится».

И чем больше американский дипломат подчеркивал, что он не имеет в виду определенного государства, а говорит «вообще», тем яснее становилось, что выступление направлено против Франции. Так это и было понято всей иностранной печатью. Националистические французские газеты прямо завыли от обиды и возмущались тем, что Америка, цинично указывая на свой золотой мешок, говорит Франции: «Если будешь вести себя так, как это нужно мне, ты кое-что получишь; если же не будешь слушаться, то тебе не только ничего не перепадет, но без всякого снисхождения будут пред'явлены твои векселя».

Это нарастающее раздражение французских империалистов-неудачников против победоносного империализма «доблестного союзника» дало еще более яркую вспышку в связи с неудачей вашингтонских переговоров.

Вот несколько характерных откликов, комментирующих, главным образом, попытку дауэсизации Франции «американским Шейлоком».

Националистическая газета «Суар» цитирует слова американского министра труда Дэвиса, что американские рабочие имеют в своих зубах больше золота, чем европейские рабочие в сберегательных кассах (в Америке золотые зубы весьма «модны» даже в рабочих кругах. *М. Т.*). Зачем же,—возмущается «Суар»,—требовать от Франции то небольшое количество золота, которое у нее осталось.

«Эклер» пишет:

«Соед. Штаты стремятся к тому, чтобы установить свою опеку над Францией и сделать ее вассалом. Империализм Соед. Штатов—самый худший, так как это империализм золота».

Орган реакционных «высших» кругов «Голуа»:

«Мы отвергаем политическое, финансовое и экономическое порабощение» (со стороны Америки).

Орган того же направления «Фигаро»:

«Они (Соед. Штаты) хотят поработить нас. Без малейшего колебания или размышления, мы отвечаем: нет!»

Орган левого блока «Эр Нувель»:

«Дальновидные люди... скажут французской делегации: «Хорошо сделали» (что не соглашались с американскими предложениями)».

Другой орган левого блока «Эвр»:

«Дядя Сэм считает себя хозяином всего мира. Права, которые он себе берет в смысле вмешательства в дела других народов... свидетельствуют с каждым днем все яснее и яснее, что он решил овладеть Средней Европой».

Отметим еще комментарии лакеев левого блока—соглашателей. Мосье Жуо, который вместе с «Амстердамом» все время благословлял и продолжает молиться на нового мессию—Дауэса, вдруг набрался храбрости и разоблачает американское «великодушие».

«Во время дебатов в Вашингтоне,—признается мосье Жуо,—мы (!) соблюдали величайшую осторожность». Как добрый патриот Жуо, видите ли, не хотел помешать миссии Кайо. Но раз эта миссия гениального финансиста Франции все равно провалилась, то заговорила и Валаамова ослица: заговорил мосье Леон Жуо:

«Американцы ошибаются, если представляют себе возможной бесконечную эксплоатацию одной страны другой... Одно не подлежит сомнению: никогда наш рабочий класс не позволит, чтобы чрезмерные платежи, которые с него требуют, давили на его уровень благосостояния, на его свободу действий и экономическую независимость» («Ле Пепль» 3 окт.).

Если оставить без внимания рассуждение об экономической независимости рабочего класса при капитализме, все это звучит как будто совсем хорошо. Но всерьез принимать эти протесты желтого лидера французских профсоюзов, конечно, не приходится. Если дело дойдет до дауэсизации Франции, то он с такой же готовностью из'явит покорность хозяину своего хозяина—американскому капиталу, как и Грасман, Вельс, Криспин и К° в Германии.

Таковы настроения, вызываемые во Франции домогательствами Америки. (Мы здесь не говорим об отношении французской компартии—она указывала на опасность наступления американского капитала на трудящиеся массы еще тогда, когда Жуо и К° «соблюдали величайшую осторожность», чтобы не компрометировать великого финансового реформатора, вся хитрая механика которого сводится к освобождению буржуазии от налогов и переложению их тяжести на плечи рабочего класса).

Но что может противопоставить французская буржуазия американскому империализму, кроме «благородного возмущения» «изменой» б. союзника? Ведь еще Эррио вынужден был признать в своей речи в палате депутатов (в феврале с. г.), что «в наше время, когда экономика так тяжело давит на политику, охватывает ее и сжимает, государство-должник больше не является независимым государством». В свою очередь проблема долгов, проблема франка настолько давит на всю экономику Франции, что удовлетворительное состояние промышленности и сельского хозяйства не могут спасти положения. Угрожающая неустойчивость франка, скатившегося приблизительно до $^1/_5$ паритета, начинает перевешивать все выгоды от оживления экспорта, вследствие конкурентной способности низкой валюты по отношению к высокой. А ведь—как выразился докладчик финансовой комиссии, Беранже—le franc c'est la France (франк—это Франция). А как же спасти франк внутренними силами? Для этого имеются только такие средства: с одной стороны, сокращение расходов на вооружение, марокканскую и сирийскую авантюру; с другой, увеличение доходов путем увеличения налогов на тех, которые могут платить. Но на это левый блок так же мало способен, как и национальный блок. Следовательно, остается один путь—уре-

гулирование вопроса о долге Америке с целью получения новых кредитов—путь в Каноссу—в Вашингтон, на поклон к Дауэсу.

Вот почему приходится полагать, что независимо от судьбы последнего проекта временного соглашения, Франции не удастся ускользнуть от «дауэсизации», в той или иной форме. И чем больше она, с целью уменьшения долга, будет настаивать на том, чтобы с нее брали лишь в меру ее платежеспособности, тем больше она—помимо воли—будет выдвигать вопрос об американском контроле над ее финансами. Ибо платежеспособность—вещь относительная, и янки не так легковерны, чтобы поверить на слово Кайо. Они могут потребовать—как писал Гарвей в официозном «Вашингтон Пост»—«свободного доступа ко всей информации относительно французского дебета и кредита, ресурсов и возможностей»—короче говоря, финансового контроля в той или иной форме. И оказывать сопротивление этим домогательствам американского капитала Франция вряд ли будет в состоянии. Ведь срыв вашингтонских переговоров сразу вызвал на мировых биржах новое падение франка (в Нью-Йорке 2 октября до 464,75 дол. за 10.000 фр., против 1.930 фр. паритета), а официозный совет из Белого Дома американским капиталистам—не давать новых займов государствам, не консолидировавшим свои долги Штатам, по всей вероятности, вызовет дальнейшее понижение столь «низко павшей» французской валюты, обремененной внешним долгом в 35.964.000.000 золот. фр.

Таким образом, раньше или позже Франции придется подчиниться требованиям Америки. И если даже дауэсизация Франции не выльется в такие грубые формы контроля, как в Германии, то ограничение свободы движения Франции в международной политике неизбежно.

Такая тенденция уже наметилась в Локарно. Мы не имеем и вряд ли скоро будем иметь конкретные сведения о роли Америки по отношению к Франции в Локарно. Но не подлежит никакому сомнению, что Франция уступила не столько нажиму из Лондона, сколько нажиму из Вашингтона, точнее говоря—из Уоллстрит в Нью-Йорке; локарнский гарантийный договор является политической надстройкой над планом Дауэса, принятым в Лондоне, и за кулисами Америка, хоть не представленная на конференции, действовала в Локарно в том же духе, что и в Лондоне. Недаром же из Вашингтона сообщают, что «в правительственных кругах удовлетворены результатами конференции в Локарно, которые оцениваются, как крупный шаг по пути к ограничению вооружений и установлению нормального экономического положения». Мы здесь не будем заниматься интерпретацией того, что означает «ограничение вооружений» и «нормальное» экономическое положение в дауэсовском толковании; укажем только, что если результаты Локарно пришлись по вкусу американской дипломатии, то она вряд ли оставалась в стороне при их подготовке в смысле нажима на Францию (а также на Германию).

Эта финансово-политическая интервенция Соед. Штатов во Франции не может не оказывать огромного влияния на всю международную политику. Она раньше всего означает кризис французского империализма. Того французского империализма, который еще так недавно в своем стремительном шествии ворвался в Рур и мечтал о гегемонии в Европе, теперь уже нет. Под напором географически-далекого, но политически-близкого могущественного американского империализма он уступает одну позицию за другой. В то же время база американского империализма в Европе значительно расширяется. Соед. Штаты как бы становятся европейской державой. А в связи с этим намечаются весьма сложные противоречивые перспективы. Взять, например, кардинальный вопрос международной политики—англо-американские отношения (англо-американский блок или антагонизм, если ставить вопрос грубо). С одной стороны, мы видим, что в отношении Франции Америка как будто идет заодно с Англией, но, с другой стороны, не подлежит сомнению, что с расширением американской базы в Европе расширяется и площадь трений между Америкой и Англией, и может даже наступить момент, когда Америке в противоположность нынешней политике окажется выгодным поддерживать Францию против Англии.

Другой вопрос—какое отношение имеет к нам, к СССР, описанный нами процесс внедрения американского влияния во Франции? Здесь опять-таки противоречия: с одной стороны, в отношениях Франции к нам может прибавиться враждебный фактор; с другой стороны, под отрицательным влиянием экономического нажима со стороны «дружественной» Америки, Франция острее почувствует необходимость в расширении хозяйственных связей и вообще сближении с СССР. И как раз в этом стремлении некоторые французские капиталисты на подобие германских могут увлечь за собою заинтересованных американцев.

Невозможно предвидеть, какую равнодействующую дадут все эти действующие в различных направлениях политические линии. Но важно четко уяснить себе крупнейший факт международного значения—капитуляцию французского империализма перед американским—и внимательно следить за указанными возможными последствиями этого факта, последствиями непосредственно задевающими судьбы нашего Советского Союза.

Л. Ольгин.

Задачи советского строительства в национальных областях и республиках.

I.

Общие условия советского строительства в национальных областях и республиках наиболее четко были формулированы в резолюции X с'езда по национальному вопросу. «Если исключить Украину, Белоруссию, часть Азербейджана, Армению, прошедшие в той или иной степени период промышленного капитализма, то остается около 30 миллионов, по преимуществу, тюркского населения (Туркестан, большая часть Азербейджана, Дагестан, горцы, татары и др.), не успевших пройти капиталистическое развитие, не имеющих или почти не имеющих своего промышленного пролетариата, сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт (Киргизия, Башкирия, Северный Кавказ) или не вполне еще ушедших дальше полупатриархального, полуфеодального быта» (Крым и др.).

В этих условиях в национальных республиках и областях сохраняют влияние на советский аппарат, особенно низовой, патриархально-родовые и мелкобуржуазные верхушки. Влияние последних очень часто не находит должного отпора в виду крайнего недостатка в национальных районах подготовленных, грамотных работников, действительно связанных с трудящимися коренного населения и свободных от пережитков патриархально-родовой идеологии. Участие широких слоев трудового населения в работе советских органов в национальных республиках и областях чрезвычайно слабое. Механический нажим, администрирование, как методы работы советских органов, процветают весьма широко, даже по сравнению с отсталыми великорусскими районами. Особенно плохо работает низовой советский аппарат. В Узбекстане, Бурято-Монгольской республике многие сельсоветы со дня выборов ни разу не собираются. В Казакстане предвик, а еще чаще начмилиции во многих районах хозяева волости: их единоличные распоряжения—закон.

В других местах советский аппарат засорен антисоветским элементом.

В Узбекстане, в районах б. Бухарской республики не мало советов с составом наполовину из бывших аксакалов при эмире. В ряде восточных нацреспублик сохранился также институт мирабов (водораспределителей). На должностях мирабов находятся лица из кулацкой среды. Они не подотчетны сельсовету, а в некоторых местах заменяют совет. Отсюда очередной важнейшей задачей советского строительства в национальных республиках

является оживление работы низовых советов. Советы должны быть преобразованы в органы, действительно связанные с трудящимися массами, в действительно коллективно-работающие организации, свободные от влияния на них феодальных и родовых элементов. В этих целях прежде всего необходимо установление систематического, вдумчивого, живого руководства низовыми советами со стороны вышестоящих соворганов. До самого последнего времени это руководство почти отсутствовало. В Семипалатинской губ. (Казакстан), например, за пять лет из губисполкома никто не выезжал на места для инструктирования низовых советов. Вместе с тем следует стремиться к установлению подлинной выборности соворганов в нацрайонах, в особенности низовых. Бесконечные переброски и перемещения выборных работников должны быть прекращены. Факты, когда в волости за год сменяется около 20 предвиков (Балыхгинская волость Узбекстана), разумеется, не могут создать благоприятных условий для оживления работы низовых советов.

II.

Оживление работы советов в нацрайонах не может быть достигнуто без широкого развертывания работы по подготовке и воспитанию кадра работников из трудящихся коренного населения. Эта работа на местах протекала по двум линиям: посредством организации краткосрочных курсов и через институт практикантов. Курсы за отсутствием средств были развернуты в нацреспубликах недостаточно широко. Слабый состав курсантов по партийной принадлежности и по признаку связи курсантов с деревней, слабое партийное руководство курсами наблюдалось почти всюду.

Отмечалось также недостаточное руководство со стороны парторганизаций работой практикантов в различных учреждениях.

Опыт данной работы следует подытожить и взять курс на расширение сети школ как специально создаваемых для подготовки и переподготовки практических работников из националов, так и постоянно существующих.

Одновременно необходимо стремиться к систематическому выдвижению на руководящую работу в советские органы партийных и беспартийных националов-крестьян, батраков, рабочих. До сих пор в этой области большинство парторганизаций ограничивалось разработкой широких планов выдвижений. В Якутской республике, в Актюбинской губ. (Казакстан) в высших соворганах нет ни одного крестьянина от сохи. Выдвиженцы должны быть окружены особым вниманием парторганизаций: следует всемерно помогать им в их практической работе, создать необходимую товарищескую обстановку для них, устранять бюрократическое отношение к ним и т. п.

III.

Одной из основных задач советской работы в национальных республиках и областях является коренизация совааппарата, т. е. укомплектование госаппарата работниками из коренного населения данного района и перевод делопроизводства в учреждениях на местные языки. Эта задача была впервые выдвинута X с'ездом партии, затем еще более остро поставлена XII с'ездом.

Каковы достижения, в проведении этих решений в жизнь к настоящему времени? Приведем некоторые данные о национальном составе аппаратов центральных органов нацреспублик: в Туркменистане националов в республиканских органах 10%, в Казакстане—8,3%, что составляет увеличение за последний год на 4,7%, в Якутской республике—16%,—увеличение на 3%, в Белоруссии—42,6%. Более удовлетворителен национальный состав выборных центральных органов Туркменистана, где туркмены составляют 69% членов ЦИК'а, Башкирской республики с 50,5 башкир, Белоруссии с 42,7% белоруссов (в 1924 г. было 35,6%), и Карелии—40% националов.

Если взять губернские и окружные органы, то картина представляется следующая: в органах Семипалатинской губ. казаков—6,5%, в Актюбинской—8,9%, в Киргизской области—10% киргиз, в Белоруссии националов—52,6%, в Азербейджане — 94,5%, в Армении—91,8%. Во всех учреждениях Адыгейско-Черкесской области—националов 15%, в Вотской области—17%.

Национальный состав технического аппарата госорганов во многих республиках и областях неудовлетворителен.

При проведении работы по вовлечению националов в соворганы имелись и некоторые недочеты: формально-механический подход к задаче вовлечения националов в совaппарат, без надлежащей проверки и подготовки выдвигаемых работников, недостаточное участие в этой работе низовых партийных и профессиональных организаций и отсутствие содействия со стороны руководителей многих учреждений, как самому выдвижению, так и выдвигаемым работникам.

Наибольшие успехи в деле перевода делопроизводства на языки коренного населения имеются в Закавказьи, где даже большая часть центральных учреждений ведет делопроизводство на местных языках. В Азербейджане успеху этой работы способствовала реформа местной письменности: перевод ее с арабского на латинский шрифт. На Украине значительные достижения в области украинизации делопризводства имеются на Полтавщине и весьма слабые в промышленных округах. В средне-азиатских нацреспубликах в волостях и уездах (округах) делопроизводство повсюду поставлено на родном языке, в центральных органах практикуется параллельное делопроизводство. В ряде областей, напр., в Калмыцкой, Ойратской, Сев. Кавказа перевод делопроизводства до сих пор был невозможен, в виду того что письменность соответствующих национальностей только устанавливалась.

Характерно, что в Белоруссии и Украине среди ответственных работников националов имеется значительное число, не владеющих родным языком. В центральных учреждениях Белоруссии таких националов—10%, в окружных—55%. В Киеве проверка работников по 13 учреждениям выявила 13% украинцев, не знающих своего языка.

Дальнейшая работа по коренизации госаппарата должна протекать на основе устранения отмеченных недостатков.

IV.

Последний Всесоюзный С'езд Советов обратил внимание при обсуждении вопросов советского строительства, на вопросы вовлечения в национальных республиках и областях национальных

меньшинств в советские органы. Приводим некоторые цифры о привлечении нацменьшинств в советы.

Наименование областей или республик.	% населения. нацменьшинств.	% вовлечения раб. нецменьшинств в качестве:			
		Членов с/советов.	Пред. с/советов.	Членов вик'ов	Пред. вик'ов.
Вотская	5	3,3	2,4	2	3,8
Калмыцкая	3	3	—	—	—
Чувашская.	7,1	4,3	2,7	4	11,4
Крым	30	32,8	13,4	—	—
Татреспублика.	14,1	12,2	13,4	2	8,8

Приведенные данные показывают, что нацменьшинства втянуты в низовые соворганы недостаточно. В дальнейшем необходимо более полное привлечение нацменьшинств к работе советов, обеспечивая их интересы при проведении землеустройства, районирования и т. д.

Одною из групп нацменьшинств, находящейся в особом положении, являются русские казаки в национальных районах. Совработа среди них поставлена чрезвычайно слабо. Хуже всего с вовлечением казачества в совстроительство обстоит дело в Кара-Калпакской области. Район с несколькими тысячами уральских казаков по Аму-Дарье совершенно не советизирован. Трения между казаками и националами особенно остры в Чеченской области. В дальнейшем необходимо усиление внимания со стороны парторганизаций к вопросам работы среди казачества и более решительное проведение в жизнь директивы ЦК РКП по казачьему вопросу.

V.

Характерной чертой советского аппарата в национальных республиках и областях являются массовые злоупотребления в нем, борьба с которыми затрудняется крайнею культурной отсталостью населения и сохранившимися пережитками феодального и патриархально-родового строя. В Казакстане, в Узбекстане (в районах Бухары) во многих местах низовой совaппарат захвачен бывшими царскими и эмирскими чиновниками, пролезшими в секретари сельских и волостных советов. Они обирают декхан, как им вздумается. В Узбекстане должность предвика часто рассматривается, как место личного обогащения. В Актюбинской губ. за злоупотребления властью находятся из ответственных работников под судом 2 председателя уик'а, заввнуторгом, член и председатель губсуда. Общее состояние органов юстиции в нацреспубликах оставляет желать много лучшего. Сеть судов незначительна и отсюда у нарсудей постоянная залежь дел. Коренизация судебного аппарата и судопроизводства подвигается медленным темпом. По 12 автономным областям РСФСР в составе

губсудов—37,5% националов, прокуратуры—32%, нарследователей—26%.

Как пережиток патриархально-родового быта, в Средней Азии и Северном Кавказе сохранились шариатские суды, а в Казакстане аксакальские. Эти суды выносят всегда решение под влиянием баев (кулаков), мулл. Часто их постановления носят крайне недопустимый характер: напр., об уплате куна (вознаграждение, которое платит убийца родственнику убитого) и пр. В последнее время, за исключением областей быв. Бухары, где почти не было нарсудей, шариатские суды изживаются. Население обращается к ним все реже и реже. В Дагестане, напр., шариатские суды почти совсем развалились. Тем не менее парторганизациям следует усилить внимание к их работе, стремясь к постепенной их ликвидации путем замены нарсудами. Необходимо отметить, что задача усиления борьбы с преступностью и злоупотреблениями со стороны работников совучреждений в национальных республиках и областях должна стать одной из наиболее актуальнейших задач. Состав прокуратуры и других органов юстиции необходимо укрепить лучшими работниками. Вовлекая в состав нарзаседателей трудящихся националов, следует добиться приближения суда к коренным массам населения.

VI.

X с'езд партии указал в решениях по национальному вопросу на необходимость «сплачивания и об'единения трудящихся восточных окраин для окончательной ликвидации патриархально-родовых отношений». Эта трудная задача не привлекла еще достаточного внимания национальных парторганизаций. Между тем пережитки родового быта проявляются на местах нередко в весьма резких формах. В Чеченской области за 1924—1925 г. было зарегистрировано 32 вооруженных столкновения родовых групп. В Казакстане в связи с родовой враждой не прекращается барамта (угон скота одной родовой группы у другой). В районах с искусственным орошением (Туркменистан) основной причиной родовой вражды служат вопросы водопользования, в Казакстане и Сев. Кавказе—вопросы о пастбищах и земельных участках, пригодных для пашни. Земельный и водный вопрос является также вопросом, вокруг которого происходят национальные трения. Отсюда видно, какое громадное значение имеет задача урегулирования земельных отношений в большинстве нацреспублик. Необходимо усилить работу по землеустройству в национальных районах, производя его под углом обеспечения интересов групп населения всех национальностей и учета противоречий земледельческого и скотоводческого хозяйств. При проведении землеустройства в кочевых районах расширить помощь оседающим на землю кочевникам-скотоводам.

На почве родовой вражды происходят столкновения и во время перевыборов в советы, когда экономически крепкие родовые группы, в частности ханские, стремятся заполнить советы и исполкомы исключительно своими представителями. Целью захвата совета, является стремление использовать соваппарат, как орудие дальнейшей родовой борьбы путем перенесения, например, налогового бремени на плечи враждебной родовой группы. Разумеется, парторганизации должны принимать меры к ослаблению родовой борьбы, добиваясь чтобы в состав советов вошли представители трудящихся всех родовых групп, в том числе и слабых. Вместе с тем перед парторганизациями стоит задача перестроения низовых административных единиц в кочевых районах. Аулы до сих пор были построены по родовому признаку и об'единяли мелкие родственные группы, разбросанные на большом пространстве и хозяйственно между собой очень слабо связанные. Должен быть взят курс на организацию аулов по территориальному и экономическому признакам. Одновременно нужно принять меры к созданию очагов оседлости на местах призимовочных стоянок. путем постройки в данных местностях зданий школ, больниц, аулсоветов и пр.

Патриархально-родовой и феодальный быт целиком связан с религией. Отсюда значительное влияние духовенства в восточных окраинах на советское строительство. Имеются случаи и прямого захвата низовых соворганов духовенством. Даже в Татреспублике во время последних перевыборов в ряде сел (Ахметовское и др.) вошли в сельсоветы сыновья мулл. В Башкирии, Калмыцкой области, Казакстане налоги за мулл, лам и бакшей вносит население, при чем сельсовет выступает часто в роли сборщика. Особенно вредное влияние на население и советы оказывает движение типа дервишей—пшанство, шейхизм. Шейхизм можно характеризовать, как развертывающуюся феодальную систему, группирующую вокруг себя мюридов, которые представляют военную силу шейха и создают для него материальное благополучие, наделяя его лучшим скотом, продуктами и пр. Против шейхизма и пшанства необходимо вести, соблюдая известную осторожность, агитационную работу, используя для этой цели прогрессивно настроенные элементы духовенства и лойяльной интеллигенции. Учитывая, как трудно преодолимо влияние патриархально-родовых и феодальных отношений, парторганизациям Востока следует усилить работу по всестороннему выявлению и изучению сохранившихся пережитков до-капиталистического быта и их воздействия на советское строительство, в целях разработки практических мероприятий, постепенно изживающих это воздействие.

VII.

Задачи, стоящие перед парторганизациями нацреспублик и областей в области советского строительства, сложны, и проведение их в жизнь потребует значительного напряжения внимания и сил партии. Некоторым затруднением при расширении советской работы является также дефицитность бюджета большинства нацреспублик и областей. Это затруднение может быть преодолено лишь при курсе на упрощение и сокращение госаппарата. Советский аппарат, в особенности в центрах национальных районов, разбух. Всюду — коллегии наркоматов, всяческие секретариаты, управления делами и пр. Госаппарат должен быть сжат и удешевлен. Вместе с тем необходимо принять ряд мер к укреплению волбюджета, подводя под него реальную материальную базу, ибо от состояния волбюджета во многом зависит успех оживления низовых советов.

Парторганизации на местах должны вплотную подойти ко всем вопросам советского строительства. Это особенно относится к низовым организациям. В Ойратской области обследование, про-

изведенное несколько месяцев тому назад, показало, что из 31 ячейки только одна ячейка удовлетворительно руководит советом. Наладить правильное партийное руководство советами, на основе последних директив ЦК необходимо во что бы то ни стало. Вместе с тем должна быть поставлена задача оказания содействия нацреспубликам и областям в их работе. В этих целях следует усилить работу президиума Совета Национальностей СССР и Отдела Национальностей ВЦИК, в частности путем укрепления их аппаратов работниками.

Директива XIV партконференции «об обращении особого внимания на задачи оживления советов на окраинах—в национальных республиках и областях» должна быть выполнена силами всей партии.

Г. Татулов.

Опыт изучения быта партийцев.

(*Итоги одной анкеты*).

I.

Партийной комиссией одной из дивизий было проведено анкетное обследование некоторых важнейших сторон быта членов дивизионной парторганизации. Несмотря на неполноту вопросника, на некоторую невнимательность к контрольным вопросам составителей анкеты, последняя все же дает ценный материал для суждения не только о конкретных признаках бытового поведения партийцев, но и о более общем моменте—борьбы и переплетения. в сложных, иногда резко противоречивых формах, элементов нового и старого в современном.

Конечно, статистический подход к изучению быта не может дать исчерпывающих результатов—качественная квалификация быта будет достигнута лишь совместными усилиями разных методов—в том числе статистического, беллетристического, может быть, даже экспериментального и т. д. Кроме того, статистическое изучение, так сказать, «экстенсивно» пытающееся охватить сразу различные стороны быта, всегда должно быть дополняемо внимательным анализом каждой отдельной стороны такого многогранного явления, как быт. Понятно, что такого рода серьезная работа выполнима лишь коллективным трудом ряда научных учреждений и лиц. Маленькая анкета, предлагаемая вниманию читателя, не претендует ни на что больше, как показать характерные кусочки современного быта партийцев, быта, тесно связанного с бытом и беспартийных, имеющего с последним, как много общего, так и, гораздо больше, отличного.

При всех недостатках, наверняка имеющихся в обработке анкеты, она все же подтверждает, что «общественное бытие определяет сознание». Для подрастающей марксистской психологии, идущей от характеристики социальных мотивов поведения к пониманию поведения индивидуального, анкета служит показателем того, что изучение сложного современного быта может поставить громадный материал, могущий дать подтверждение ряду основных тезисов марксистской науки о поведении человека.

II.

Анкета должна была дать представление о следующих моментах жизни партийцев:

1. об их здоровье,
2. » » семейном быте,
3. » » половом быте,
4. » » культурной жизни и запросах,
5. » » партийно-бытовой жизни.

Всего в обследовании приняли участие 203 члена партии и 101 кандидат, итого—304 человека.

По стажу обследованные распределяются:

До Октябрьской революции	1
1917 г.	8
1918—19 г.	67
1920—22 г.	87
1923—25 г.	37
Не указано стажа	3
Кандидатов (1923, 24, 25 г.)	101
Итого	304

По социальному положению.

Категория.	Члены.	Кандидаты.	Всего.	В процентах.
Рабочих	85	52	137	45,1
Крестьян	88	38	126	41,4
Служащих	30	10	40	13,2
Не выяснено	—	1	—	0,3
Итого	203	101	304	100

Таким образом, налицо относительное большинство пролетарского состава: процентный коэффициент рабочих больше такового остальных.

По возрасту:

До 20 лет	2 чел.	или	0,7 %
От 21 до 30 л.	270 »	»	88,5 »
» 31 » 40 л.	18 »	»	6,2 »
Не указано возр.	14 »	»	4,6 »
Итого	304 чел.	или	100 »

По семейному положению:

Одиночек	132 чел.	или	43,4 %
Семья до 3-х чел.	148 »	»	48,6 »
Свыше 3-х чел.	24 »	»	8 »
Итого	304 чел.	или	100 »

По образованию:

Малограмотных	19 чел.	или	6,2 %
С низшим образ.	237 »	»	78 »
Со средним »	48 »	»	15,8 »
Итого	304 чел.	или	100 »

По должности:

Красноармейцев	67 чел.	или	22 %
Комсостава	124 »	»	40,8 »
Партполитпросвет. работников	61 »	»	20,1 »
Адмхозсостава	8 »	»	2,6 »
Не определили себя	44 »	»	14,5 »
Итого	304 чел.	или	100 »

Здоровье.

Обращает внимание большая заболеваемость среди партийцев: из 304 чел. 119 больны, абсолютно здоровых 141 чел., 34 чел. жалуются на переутомление или «среднее здоровье». Какова ценность последнего, видно, хотя бы из заявления одного из этой категории: «Как будто бы здоров, но трясутся руки,—остаток неврастении, не чувствую запахов». Рабочий иваново-вознесенец, член партии с 1920 г., заявляет: «Чувствую себя жизнерадостным, но врачебная комиссия нашла малокровие и что-то с легкими». Суб'ективно пролетарская воля не хочет считаться с большими мелочами, зародышами сложных заболеваний, но об'ективно эти зародыши имеются у большинства партийцев, являя собой грозную картину. Необходимо отметить, что характер заболеваний партийцев почти **исключительно** обусловлен историческими и общественными причинами. Наблюдаются следующие заболевания: прежде всего неврастения, затем следуют легочные болезни, параллельно на втором месте малярия, далее малокровие, затем желудочные заболевания и проч. Нетрудно понять причины неврастении среди тех, кто в стаже пребывания в армии указывает несколько лет империалистической войны и всю гражданскую войну. «Старики издергались, устали, перегрузка, постоянная нервная напряженность, характеризующие работу партийцев и по сие время, ведут к дезорганизации нервной системы. Те же тяжелые условия гражданской войны обусловливают легочные заболевания. Малярия об'ясняется климатическими особенностями Закавказья. Малокровье и желудочные заболевания происходят от недоедания, грубой пищи до-нэповских времен.

Семья.

С точки зрения учета элементов нового быта и изучения борьбы нового быта со старым данные о семейном быте партийцев представляют громадный интерес.

Жены. На ком женятся наши партийцы? Из 165 женатых крестьянок-жен имеют 87 ч., работниц—43, служащих—29, прочих—6.

Социальное положение жен.

	Крестьянки.	Работницы.	Служащ.	Проч.
Рабочие	29	27	14	1
Крестьяне . . .	48	9	11	3
Служащие	10	7	4	2

Рабочие уделяют почти одинаковую симпатию и крестьянкам, и работницам, но жены-крестьянки у наших рабочих говорят о тесной бытовой связи рабочих с крестьянством.

Общеобразовательный уровень жен. Интересны данные относительно общеобразовательного уровня:

Жены.

	Ниже по общеобр. уровню.	Выше.	Одинаковы.
	%	%	%
У мужей-крестьян	82,7	3,4	13,9
» » рабочих	64,2	12,0	23,8
» » служащих . . .	35,5	35,5	29,0

У рабочих больше одинаковых по развитию жен, чем у крестьян. Ясно, одинаковые условия труда и культурно-политического развития для рабочих и работниц одинаково обусловливают общее развитие; ниже стоящих жен нужно отнести к числу крестьянок. Характерно и возрастание для рабочих числа более мужей развитых и активных жен. Наибольший процент выше мужей стоящих по развитию жен, падает на служащих. Это об'ясняется тем, что не мало наших военных служащих и интеллигентов произошло из крестьянства и в общеобразовательном отношении имеет слабую подготовку, тогда как горожанки, на которых они женятся, нередко имеют среднее и подчас высшее образование. Необходимо отметить, что упоминая о высоком общеобразовательном уровне жен, служащие-партийцы в то же время в большинстве случаев добавляют: «Но в отношении политического развития гораздо ниже».

Как женились. Любопытно, насколько изжиты старые формы общественного освящения брака в церкви. Для рабочих процент браков, совершенных гражданским путем, равняется 77,2%, для крестьян—44,4%. В числе других форм брака указывается церковный, затем церковный и гражданский, и «без брака», т.-е. сожительство без юридического оформления. В число церковных браков входят, как совершенные до вступления в партию, так и происшедшие при состоянии в партии (это исключительно относится к крестьянам). Церковных браков среди крестьян вдвое больше, чем среди рабочих. Наоборот, «безбрачных» сожительств среди рабочих вдвое больше, чем среди крестьян. Категория «и церковного и гражданского» брака включает в себя браки двух видов, когда сперва венчались в церкви, а затем через долгий промежуток времени регистрировались в ЗАГС'е, и другой вид, когда регистрируются вначале в ЗАГС'е, а затем сейчас же после этого в церкви. Если в первом случае можно констатировать уступку жены мужу, то во втором—определенно уступка жене со стороны мужа, что наиболее характерно для деревни, где за женой стоит крепкое «общественное мнение».

Втягивание жен и семей в общественную работу. Как идет втягивание жен и женщин—членов семьи—в общественную работу? Всего втянутых женщин—членов семей—23,1%; только 2,1% не хотят участвовать в общественных организациях, в женработе и т. д., 12,6% интересуются, но пока не вступают, боясь своей неподготовленности, отчасти не установив еще твердого убеждения в необходимости женорганизации. Остальным не втянутым женщинам мешает ряд об'ективных причин: консервативно настроенные семьи, скверное материальное положение, неграмотность. Эти причины, в особенности последние две, подтверждают правильность того мнения, что новый быт будет усиливаться все больше лишь по мере развития и роста социалистического накопления.

Новая обрядность. Большинство жен согласно с новой бытовой обрядностью—из 164 таких 129, не согласно из того же числа 164 только 5, 20 чел. не могут определить за что они, и, или так и заявляют, или же одинаково выполняют и старые, и новые обряды. Несомненно, для многих (в особенности крестьянок) такое любопытное для нашей эпохи совместительство традиционных привычек с требованиями раскрывающегося сознания очень характерно. Интересны мотивы колебания жен в оценке новых обрядов: «Жена не знает, так как в деревне никаких новых обрядов не было». Один пишет: «Если и не согласна, во всяком случае особенно не возражает, так как она перерождается», другой: «Еще не согласна, так как не совсем поняла новый быт жизни». 10 человек тоже против, но против не только нового быта, но и обрядностей вообще. Это, главным образом, жены рабочих или сами партийки. Про одну из них муж пишет: «Как партийная, считает излишним, но не прочь применить (новый быт) среди беспартийных, как антирелигиозную пропаганду».

Религиозность. Насколько еще велика религиозность жен? Мы видим, что религиозных 27,1% жен рабочих, 42,7%—крестьян и 25%—служащих. Таким образом, наибольшая религиозность характеризует жен крестьян. Интересно сопоставить религиозность жен по различному стажу мужа—наибольший процент религиозных жен дают кандидаты партии; это свидетельствует о том, что еще не закалившись сами, кандидаты не в состоянии сильно влиять на жен. Большинство об'ясняет причины религиозности крепко укоренившимися традициями: «в семье в церковь ходят, потому что все суседи ходят», «не религиозна, но суеверна», «нельзя сказать, что совсем не религиозна, все же есть некоторые проявления в желании праздновать Пасху и другие праздники». Есть указания, что материальная зависимость крестьянки от семьи, родных часто является тормозом к открытому признанию своего безбожья—об этом свидетельствуют такие, на-

пример, ответы: «жена на всякие церковные процедуры смотрит как на глупость, но из-за получаемой от родных помощи верит». На этой почве развивается в крестьянской семье глухая, скрытая, идеологическая борьба отцов и матерей, с одной стороны, и детей—с другой. Родители хотят гарантировать детей еще не заразившихся сомнением в религии от уже безбожников: вот член партии, женатый на коммунистке тоже сообщает: «Мать религиозна, она обучает и дочерей, но в силу того, что мы оба были и есть партейцы, то сшибаем их с материнской дороги». Если сравнительно безболезненно протекает эта борьба в городской обстановке, то в деревне она захватывает все существо стариков, они страстно и горячо отстаивают веру, и борьба с сыном-коммунистом кончается иногда полным разрывом; член партии с 1920 г., крестьянин, сообщает: «Семья религиозная, родители порвали связь и заклеймили проклятием».

Налицо и отголоски нашей антирелигиозной пропаганды—крестьянское сознание по своему толкует наши доказательства и положения, и в меру своего общественного опыта принимает больше или меньше из наших учений, комбинируя иногда принятое в чисто личную религиозную концепцию. Один пишет: «Жена религиозна, но в святых и попов не верит, а считает, что мир создан не природой, а кем-то, от какого-то существа, называемого богом». Эта женщина, очевидно, переживает ту же стадию перехода от религиозности к атеизму, которая наблюдается и у интеллигентных мещан («живая» церковь и протоиерей Введенский!). Наряду с этим типом религиозности наблюдается и другой тоже переходный—«верует в святых, но в боге сомневается». Это уже звучит более реалистично и приближается к типу «веры во внешность», но отличается и кое-чем новым, именно ограничением веры, не безусловным принятием догм.

Из тех, кто значится в ответах неверующими, конечно, многих нужно взять под сомнение. Так, можно ли считать атеисткой женщину, про которую муж пишет: «После 3—4 месяцев совместной жизни стала безбожницей, но твердых убеждений не имеет». Последняя оговорка заставляет подозревать, что хотя эта жена и заявляет себя неверующей, но не вся религиозность в ней уничтожена. Правильно, что «традиции прошлых поколений, как кошмар тяготеют над умами живущих», и далеко не прав один партиец, который судя, возможно, по своей жене, тешит себя мыслью, что «религия для жен комполитсостава является устарелой сказкой».

Удовлетворенность семейным положением. Как сказывается современность, в особенности партийность, на «семейном счастье», на удовлетворенности своей семьей и ее бытом, своим семейным положением? 36,6% мужей и семейных неудовлетворено своей «семейностью». Если это и не катастрофический коэффициент, то, во всяком случае, заслуживающий изучения. Большой процент неудовлетворенных падает на партийцев с 1918—1919 г.г. Разница между женами, неподвигавшимися в своем развитии и мужьями росшими партийно, дает себя знать. Наибольшую неудовлетворенность показывают кандидаты—вероятно, наша молодежь не умеет наладить свою брачную жизнь. Жизненные факты—женитьба очертя голову, и затем необеспеченность, или различие взглядов, неудачный выбор «подруги» подтверждают наше предположение.

Интересно проследить данные о неудовлетворенности по социальным категориям.

Категория.	Неудовлетворенность в %
Рабочие	34,4
Крестьяне	37,5
Служащие	30,9

Вот вопль служащего партийца: «Жена не отрешилась от мещанских предрассудков и идеологии, вследствие чего приходится вести борьбу, чтобы не залезть в трясину, борьба идет успешно, но отнимает много времени». И нервов, а значит и здоровья, и спокойствия, нужного для работы, можно добавить. Как будто бы рабочие, судя по статистике, больше всего нашли «гармонии в семье». Но если взять мотивы их неудовлетворенности, то увидим, что у них те же жалобы на различие мировоззрений, что и у прочих партийцев. Рабочие пишут: «Жена хорошая хозяйка, но не товарищ. Иногда хочется обсудить коекакие важные вопросы нашей партии или политики, приходится итти к товарищам». Другой рабочий (1918 г.) пишет: «Жена неподходящая, не вертится в колесе все для общества, до сих пор любит тряпки и побрякушки». Очевидно, в данном случае момент классово-экономического различия в происхождении мужей отступает на задний план перед мощным об'единяющим их началом коммунистического мировоззрения.

Причины неудовлетворенности 24,7% неудовлетворенных своим семейным положением указывают как на причину этого, различие во взглядах, 52,1%—различие во взглядах плюс плохое материальное положение. Таким образом, об'единив обе группы, получаем 76,8% неудовлетворенных в силу несходства характеров и взглядов. Целая трагедия. Она говорит о том, что если темп высвобожденья женщины из цепких лап мещанства будет расти медленно, наши партийцы будут еще надолго обречены на неустройство семейной жизни, на неразрешение «половой проблемы». Вполне закономерно из этой большой неудовлетворенности, из этого состояния очень «неустойчивого равновесия» вытекают резко-отрицательные оценки семьи вообще: так, один из партийцев (стажа гражданской войны) заявляет: «Семью не люблю, считаю ее обузой для коммуниста, считаю, что семья в жизни коммуниста может играть роль только в отрицательном смысле».

Разводы. Отсюда разводы. Правда, они не представлены какимнибудь громадным числом и составляют 10,8% всех женатых. Но и это говорящая цифра. По социальным категориям процентные соотношения располагаются следующим образом:

Категория.	Разводы в % к женатым.
Рабочие	12,6
Крестьяне	19,6
Служащие	34,7

Большинство причин развода в том же несходстве характеров, дальше следуют «измены» («наставляют рога»), политические разногласия, искание выгод от партийности мужа. Есть случаи развода по добровольному согласию обоих сторон.

Половой быт.

Как удовлетворяются половые потребности. Условия армейского быта создают, как известно, затруднения для нормального, легкого удовлетворения холостяками или нуждающимися в половом общении женатыми военными своих половых потребностей. Тем больший интерес имеет то, каким путем разрешают военные коммунисты этот острый бытовой вопрос. Имеем следующие формы этого разрешения «полового вопроса»: общение с проститутками, постоянная связь, воздержание, поллюции, «как придется» или «случайно» (к этой категории относятся и те, которые указывают на удовлетворенность потребностей «чужими женами»). Характерно, что многие из последней категории, написав «случайно», спешат оговориться, «но только не с проститутками», или «по обоюдному согласию с любимыми женщинами». Общаются с проститутками всего 6,3%. Имеют постоянную половую связь с определенным лицом 5,5%. 3,2% имеют поллюции; некоторые из последних пишут «удовлетворяю половые потребности поллюциями». Понятно, поллюция есть лишь фикция удовлетворения половой потребности. Второе место по величине процентного коэффициента занимают воздерживающиеся, которые пишут, что они «никак» не удовлетворяют половых потребностей. Их 35%. Воздерживающиеся неодинаково относятся к своему воздержанию. Правда, общее для всех них то, что воздержание их не добровольное, а только вынужденное—или из-за отсутствия подходящего об'екта, связанного с трудностями военной обстановки, или из-за большой нагрузки. И в то время, как часть жалуется, что «страдают» или «приходится мириться с положением», или, что «живет аскетом», пожалуй, большая часть переживает то же, что этот партиец, который сообщает: «Некогда думать о половой потребности. Беспрерывная работа и отчасти спорт убивают, пожалуй, всю половую энергию». Эта категория вербуется из наиболее занятых сложной нервно-мозговой деятельностью политработников и части комсостава и как бы иллюстрирует известное положение Зигмунда Фрейда о переключении энергии из половой сферы в сферу высоких, умственно-общественных интересов («сублимация»).

Таким образом, можно заключить, что даже в тяжелых условиях военной обстановки общение с проститутками занимает наименьшее место. Нам кажется, есть все основания видеть в этом большую тормозяще-сдерживающую силу партийности на человека, партийной коллективности над личностью. Интересно сравнить эти данные с данными для беспартийных. Вероятно, последние данные показывали бы большую «свободу» в разрешении полового вопроса, так как воспитывающе-сдерживающее влияние коллектива играет в поведении беспартийного гораздо меньшую роль.

Онанизм. Им занимается на 304 чел. всего состава парторганизации лишь 17 чел., из которых только двое занимаются систематически, остальные 15—указывают: «редко» или «случайно». Таким образом, процент онанистов к холостякам составляет 14,2%, а ко всей организации 5,5%. Это не отвечает существующему мнению о большой распространенности онанизма в армии. Партийцы, со стажем до 1920 г., не дают ни одного случая онанизма, как народ, в большинстве случаев, женатый. Больше онанистов среди молодежи.

К онанизму существует резко отрицательное отношение—один заявляет, что «не занимается этой чепухой», другой с негодованием пишет, что он «идиотом быть не хочет».

Почему не женятся. Жениться холостякам-партийцам мешают такие обстоятельства: материальная необеспеченность, служба в армии, различие взглядов и отсутствие соответствующей по мировоззрению женщины; кроме того, есть категория холостяков, считающих, что и без женитьбы жить можно. По всей вероятности, они комплектуются из того круга лиц, которые выше указывали на удовлетворение половых потребностей «случайно», «по любви» с «знакомыми женщинами». Причины неженитьбы располагаются по следующему ряду: материальная стесненность и необеспеченность—49%, служба—16,5%, не хотят жениться—15%, различие взглядов—12%, прочие причины—7,5%.

По социальным горизонталям такая картина:

В процентах.

Категории.	Матер. полож.	Служба.	Различие взглядов.	Прочие причины.	Не хотят.	Всего.
Рабочие	50	12,1	6,1	7,6	24,2	100
Крестьяне	39,1	28,2	15,2	11	6,5	100
Служащие	66,6	4,8	23,8	—	4,8	100

У служащих наибольшие потребности, которые они не удовлетворяют и холостыми, тем более они боятся, что на семью их заработка не хватит. Но хотя и в различных пропорциях все же для всех трех категорий основным препятствием к женитьбе являются материальные затруднения. Служба является вторым главным препятствием для крестьян, которые составляют главный кадр младшего комсостава и кр-цев. Рабочие и служащие, которые в большинстве случаев представляют политработников и стабилизировались в армии, службу важным препятствием к женитьбе не считают. И для рабочих и для служащих, служба занимает третье место в ряду препятствий к женитьбе. Различие взглядов является наиболее важным тормозом для служащих, затем для крестьян. Несомненно, тут тоже следует констатировать определенное влияние партийности. Пролетарская идеология, являющаяся идеологией нашей партии, у рабочих, часто женящихся на работницах, не встречает препятствий со стороны

последних. 5,1% нужно отнести к мало-сознательным пролетаркам или непролетаркам. Как видим, различие взглядов занимает для рабочих последнее место в ряду препятствий к женитьбе. Более резко чувствуют разницу между своим коммунистическим мироотношением и мелко-буржуазным, по преимуществу, мироотношением об'ектов любви или внимания, служащие и крестьяне. Для служащих коэффициент этой графы занимает второе место в ряду препятствий к женитьбе. Не хотят жениться, прежде всего, рабочие. Тут сказывается большая легкость удовлетворения половых потребностей в заводской и городской обстановке, отсутствие того экономического стимула к женитьбе, как к фактору укрепления хозяйства, который характеризует, например, крестьян. Наименьшее желание пребывать в холостом состоянии обнаруживают служащие, возможно, что тут не обошлось без влияния характерной для мелко-буржуазных традиций склонности к семейности.

Венерические болезни. Венерическими болезнями болело 9,2% всей организации. Наибольший процент приходится на партийцев 1920—22 г.г. Очевидно, половая энергия, уходившая до мирного периода на военно-революционную работу, «сублимировавшаяся» в высшие виды, сразу разрядилась, дав исход накопившемуся, но тормозившемуся до того времени, порыву. Служащие дают наибольший процент болевших венерическими болезнями, дальше идут рабочие, последнее место занимают крестьяне. Тут сказывается об'единяющая рабочих и служащих городская среда и городская этика.

Больные венерическими болезнями сейчас составляют всего 2,3% парторганизации.

Пьянство.

Из 304 человек пьет часто и систематически 16 чел. (5,3%), редко или немного 148 ч. (48,6%) и вовсе не пьют 53,9% всего состава парторганизации. Конечно, только первую группу — 5,3%—можно принять за пьяниц и считать их представителями пьянства. В целом же имеем распространенность не пьянства, а так сказать «выпивания».

Причины выпивания. Каковы же те причины, которые мешают 100% трезвенности? 50% пьющих не указывают причин. Эта категория вернее не просто замалчивает вопрос, но отвечает своеобразно: «хочется просто», «пью безо всяких причин». Все это, нам кажется, можно отнести к тем, кто привык в известный момент реагировать на определенные впечатления или собственное внутреннее состояние вином или водкою, к выработавшим, как говорят, определенный, «выпивательский» условный рефлекс. Конечно, и в других случаях, выпивка является тем же выработанным условным рефлексом, но разницу можно видеть в том, что если в других случаях раздражители для условного рефлекса (причины «питья») строго осознаны и как-то однозначно определены, то в первом случае раздражители-причины хотя также выработаны и установлены, но еще недостаточно осознаны.

На втором месте стоят те, кто считает выпивание вина или водки «полезным», для возбуждения аппетита или поднятия энергии после усталости. Они составляют 23% пьющих. На третьем месте—пьющие по эмоционально-суб'ективным причинам—«пью в часы дурацкого настроения», «пью, чтобы поднять настроение», «причины—собачье настроение», «пью от скуки». Такого рода состояние имеет опять-таки общественное об'яснение. Одиночество, слабый темп культурной жизни, характерный для некоторых гарнизонов, питают указанные настроения и средством забыться, является вино. Эти мотивы подтверждает один из отвечающих в более четкой, чем прочие формулировке: «Пью за неимением возможности удовлетворить духовные потребности». Иногда к этим условиям плохого настроения присоединяются профессиональные—по службе: «Пью, так как плохое отношение к комсоставу у высшего командования». Это единственный случай и его можно принимать, если не как курьез, то во всяком случае, как слишком редкую причину пьянства. Не мало прямых указаний на «обстановку». В категорию прочих причин, занимающих последнее место (10%), входят малярики, пьющие вино в лечебных целях, такие, кто пьет лишь «в торжественной обстановке», «при получке».

Меры против пьянства. Большинство признает пьянство общественным злом; нашелся один, высказавший оригинальный, но не по существу взгляд на пьянство. Он пишет: «Пьянство не считаю преступлением и считаю меры борьбы с пьянством бесполезными. Лучше рассматривать преступления, содеянные в нетрезвом виде, как преступления, а не как пьянство». Тут некоторая логическая путаница. Пьянство обычно рассматривается, как известный общественно-органический порок, с точки зрения общественной гигиены; преступления, содеянные в пьяном виде, конечно, не рассматриваются по существу своему, но обстоятельство опьянения тесно связано с характером преступления и усугубляет его. Поэтому, бытовое осуждение пьянства правильно.

В ряду мер, рекомендуемых для борьбы с пьянством, указываются в первую очередь предупредительные меры: пропаганда и раз'яснение вреда пьянства, улучшение материального положения, повышение количества и качества развлечений. Вдумчиво и содержательно формулировал основные методы борьбы с пьянством в указанном духе один из партийцев рабочих: «Улучшение материальной и духовной жизни, разрешение брачного и полового вопросов, в таком смысле, чтобы оно давало творчество, а не калечило жизнь, товарищеские советы и осторожный подход к вопросу, неослабное наблюдение и борьба с пьянством, но не грубые меры». За принятие таких культурно-предупредительных мер 35,9%. 28% не знает, как следовало бы искоренить пьянство. 23% предлагает уничтожить выделку водки или передачу продажи ее только в кооперативы. С особенным негодованием многие предлагают закрыть «Конкордию»—один из гарнизонных «духанов», очевидно не мало поработавший над облегчением карманов партийцев. 8,9% рекомендуют строгие меры, главным образом, по партийной линии. Это «реалисты», проникнутые сомнением ко всяким «идейным внушениям» на пьяниц. Они предлагают «действительные меры». Конечно, порядочная доля правды за теми из них, кто полагает необходимым комбинировать строгие меры с метами предупреждения.

Культурная жизнь.

Самообразование. Занимается самообразованием 48%. Не занимается 30,3%. Занимается не регулярно, не систематически—21,7%. Об'единив две последние группы имеем 52%. Относительный перевес над занимающимися. О характере препятствий к регулярным занятиям самообразованием можно судить из таких заявлений обследованных: «занимаюсь с перебоями, ибо детишки кричат, уставшая жена просит понянчить», «тормозы: нагрузка, неумение самоорганизовываться, переживаемый квартирный кризис». Не занимающиеся самообразованием вовсе, преимущественно, те, кто еще нуждается в упрочении своей азбучной грамотности. Какие вопросы интересуют занимающихся самообразованием? Здесь идут прежде всего вопросы политические и обще-образовательные: политическая экономия, история партии, марксизм и ленинизм—темы наичаще встречающиеся. Далее следуют военные вопросы. Так, видно, предшествующая и настоящая военная учеба оставляют меньше пробелов, чем политическое и общее развитие, настоятельно требующие пополнения.

Газеты и журналы. По ответам, газеты читают все. 71,4% читают газеты систематически: 28,6% читает случайно, возможно, что вторая группа в действительности больше, т. к. иногда пишут, что они выписывают газеты, но читают ли они, неизвестно. Нужно отметить, что молодые партийцы и кандидаты составляют большее число читающих случайно, и еще не выработавших в себе постоянной потребности в газете.

63,2% показывают, что читают две газеты—одну центральную и одну местную. Характер их разный для разных читателей. Больше политически подготовленные читают «Правду» и местную общую гражданскую газету, меньше—читают более популярные центральную и военную газету. Что касается чтения журналов, последние представлены преимущественно в своих легких изданиях: «Прожектор», «Огонек», «Красная Нива» и т. п. Выбор такого ассортимента отражает, кроме прочих причин, большую нагрузку военного коммуниста-середняка, которому после тяжелой работы в самых различных отраслях и организациях хочется «чего-нибудь легкого». Некоторым по роду работы необходимо следить за специальными изданиями и такие следят за «Военным Вестником» (больше комсостав), «Народным Учителем» (школьные работники) и проч. и проч. «Большевик» читают всего 7 человек, преимущественно из ответственных политработников. Более специальные марксистские журналы, вроде «Под Знаменем Марксизма», «Вестник Коммунистической Академии» и проч. не названы вовсе.

Развлечения. С развлечениями, как видно, не все обстоит благополучно. 67,1% посещают клубы, театры и кино «редко» и «случайно». Только четверть организации—25%—посещает систематически, а 7,9% вовсе не пользуются никакими развлечениями. Чем об'ясняют партийцы редкое пользование культурными удовольствиями? Главным образом отсутствием времени и средств. Но есть немалая группа таких, кого не удовлетворяет содержание наличных развлечений, кто хотел бы более серьезной и свежей пищи; в особенности на окраинах «театр не удовлетворяет, картины все известны», как жалуется один. Из разных очагов развлечений больше всего посещаются клуб и кино. Это не трудно

понять, поскольку каждая крупная часть имеет свой клуб, а нередко в клубе и собственную кино-установку.

Культурные запросы. Как велики культурные запросы у наших военных партийцев, каковы они и какие меры предлагаются к их удовлетворению? Если подавляющее большинство, уже вкусившее от древа познания, характеризуется неудержимым рвением к учебе, к обогащению новыми культурными ценностями, к удовлетворению все полней раскрывающихся, все возрастающих духовных потребностей, то характерным штришком для культурной среды Красной Армии является маленькая группа—в 5,2% всей обследованной парторганизации. Это—«удовлетворенные» культурно. Они получили у нас в Красной Армии то, чего раньше до прихода в нее не имели вовсе. Здесь они ликвидировали свою азбучную неграмотность, начали сознавать свое классовое положение и нередко здесь же вступили в РКП, здесь они получили первую культурную пищу—и они говорят: «По моей развитости хватает всего, пока для меня хватит и этого, что я вижу». Конечно, эта группа неустойчива, завтра у нее вырастут культурные потребности, захочется большего. К этой группе примыкают, отчасти, девственные еще в смысле культурности 12,5%, заявляющих: «мало культ. запросов», «мало культурный», «некультурный». Это молодые коммунисты, и, главным образом, представители деревни. Они еще не дали себе как следует отчета в тех культурных интересах, какие у них уже есть, но самый факт их партийности служит наглядным опровержением их полной «некультурности». Пусть они пока еще некультурны, в общем смысле, т. к. они как раз те россияне, о которых говорил Владимир Ильич, но политическая культурность, которую удостоверяет их принадлежность к РКП—залог ликвидации их малограмотности и некультурности.

На первом месте стоит стремление учиться. На рабфак, в средние, высшие учебные заведения, в ВПШ, в технические школы, в Военно-учебные заведения—«учиться, учиться, учиться»—вот буквально так, троекратно и многократно, пестрит этим требованием, просьбой, страстным желанием эта графа анкеты. Дальше идут те, кто предлагает прежде всего меры к удовлетворению культурных запросов, не указывая на характер последних. Должно быть они хотят быть «реалистами». Они предлагают разгрузку, улучшение материального положения, перевод из менее культурных местностей в культурные центры. На третьем месте стоят вплотную примыкающие к первой категории, рвущихся к учебе, желающие урегулировать самообразование. Посылки в школы они не требуют или потому, что уже были в них, или потому, что сознают необходимость пребывания в армии, но они тоже говорят о разгрузке, о снабжении библиотек нужной литературой. Если эти 17,4% самообразующихся прибавить к тем, кто хочет школьной учебы, получим 52,4%. Но уже есть основания присовокупить к этой цифре и те 21,7%, которые не называют прямо желания учебы, но косвенно свидетельствуют об этом и тогда 74,1% тех, кто не удовлетворяется достигнутой культурностью, кто стремится вперед. Плюс сюда еще 8,2% тех, кто указывает прежде всего на улучшение развлечений, на освежение их и повышение их содержательности. 82,3%—эта сумма законно об'единяет все различные требования на повышение качества культурной «товарной массы». Эта сумма говорит о гро-

мадных творческих возможностях для пролетарской культуры, строимой под руководством нашей партии.

На первом месте по тяге к учебе стоят рабочие. На первом месте по самообразованию и по требованию лучших развлечений—служащие. Понятно, служащие, воспитавшие в себе уже и раньше самостоятельно и под влиянием среды порядочно культурных потребностей, ставших инстинктами, пред'являют более широкие общекультурные требования.

Партия и партиец.

Парторганизация и личная жизнь партийца. На вопрос о вмешательстве парторганизации в личную жизнь члена партии 286 чел. заявляют, что они вмешательства не чувствовали. Только один жалуется на вмешательство. Один считает, что отчасти вмешательство было. 15 чел., отмечая отсутствие вмешательства, говорят об этом не как о положительном, но наоборот, как об отрицательном явлении. «Надо бы иногда одернуть, указать, посоветовать, а этого нет». Другой отмечает с благодарностью вмешательство: «вмешивание парторганизации в мою личную жизнь дает толчок быть действительным коммунистом».

С кем дружат. Почти половина (49,7%) имеют друзей среди партийцев. Имеет и среди партийных и среди беспартийных 34,9%. Дружат только с беспартийными 3,3%. 12,1% не имеют друзей. Интересно проследить какова общительность и с кем дружат по социальным категориям:

В процентах.

Категории.	Только с партийн.	С партийными и беспартийн.	Только с беспарт.	Нет друзей	Всего.
Рабочие	47,4	39,4	3,0	10,2	100
Крестьяне	48,8	35,8	3,3	12,1	100
Служащие	67,5	17,5	—	15,0	100

Наиболее нормальная дружба и с партийными и с беспартийными, говорящая о хорошей связи с беспартийной массой, у партийцев-рабочих. Наименее общительны и не имеют вовсе никаких друзей—служащие. Опять-таки наибольшая общительность характеризует рабочих. Большой процент имеющих друзей среди партийцев, говорят о том заметном обстоятельстве, что наша партия в отличие от западных социалистических и даже отчасти коммунистических партий, в быту, в практических мелочах поведения, в отдельных взглядах и оценках, на почве единства которых обычно происходит дружба, имеет настолько сильно выраженное свое лицо, строгую, последовательно классовую, пролетарскую установку, что многие партийцы, очень даже крепко связанные с беспартийными, живущие их жизнью и прекрасно понимающие беспартийных трудящихся, все же друзей, т.-е. наиболее подходящих к себе по складу поведения и мировоззрения людей, находят лишь среди партийцев. Интересно было бы для параллели обследовать, с кем «дружат» члены западных социалистических партий. Чем об'яснить, что служащие показывают обращающую на себя внимание самую малую цифру по дружбе и с партийными, и с беспартийными? Нам кажется, что об'яснение дает то обстоятельство, что если рабочие и крестьяне, находясь в партии, только очищают свою обычную психологию от посторонних примесей мелко-буржуазности и только больше осмысливают и углубляют свое трудовое мироотношение, служащие переживают другое. Вступая в партию, которая представляет противоположную мелко-буржуазности идеологию, служащий старается уйти от обычной для него идеологической среды, наоборот, поглубже войти в пролетарскую среду партии. Правда, нередко это сопровождается недостаточной связью с беспартийной рабочей и крестьянской массой, чего не должно бы быть. Нашелся «чудак»—кандидат из крестьян—пред'явивший и такой взгляд: «все люди мои товарищи, все близкие и нет у меня далеких, пока не поднимают надо мной руки». В семье не без урода и случаи проникновения в партию представителей христиански-индивидуалистических воззрений могут быть. Но, если этот крестьянин не перевоспитается, он окажется вне партии. Такие кисло-сладкие взгляды к большевизму не имеют никакого касательства.

Связь с нэпманами и чуждыми. 4 человека связаны с таким элементом. Как эти четверо характеризуют свою связь: «имею, когда езжу в командировку, хожу туда, обедаю и ругаюсь», сообщает один. Другой связан с дочерью бывш. помещика, «наблюдает и убеждается в ее ограниченности», третий имеет родственников мелких спекулянтов, которые «сами посещают», а порвать, видно, не решается. Весьма вероятно, что на деле, имеющих связь с чуждыми больше, чем четыре, на то мы и живем в мелкобуржуазном окружении. Но общее отношение к связи с нэпманами и чуждыми прекрасно выражено в ярких заявлениях: «эти духовные отщепенцы человечества, отталкивающе действуют на меня», «не имел и не буду иметь никакой связи с такой тварью, если партия заставит, тогда по необходимости может, что буду иметь». Эти заявления говорят, что мы, действительно, «остались такими, какими были в ночь на 25 Октября» и сейчас, и всегда будем такими до окончательной победы.

———

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

В. Ваганян.

История не против Ленина, а против неграмотных людей.

I.

Об Ангарском.

Ангарский заслуживает того, чтобы я в своем ответе сказал ему несколько горьких слов, и ежели тем не менее я этого не делаю и обхожу молчанием его выпады, лично против меня направленные, его намеки и туманные «речения», то только потому, что нет положительно никаких оснований полагать, что его намеки ему в чем-либо помогут.

У него твердая репутация.

Никто ее не поколеблет.

Ничто ее не обновит.

Итак, оставим его эпиграф, его междустрочные кивки и прямо обратимся к его аргументам. При чем из всех аргументов мы выберем лишь некоторые, представляющие интерес для нас.

Ангарский написал книгу о «Легальном марксизме», я разобрал эту книжку в «Воинствующем Материалисте». В своей заметке я оспаривал утверждение Ангарского, будто бы «две тактики» в с.-д. выразились в двух разных отношениях Ленина и Плеханова к Струве в 1895 г. Я оспаривал утверждение, будто зачатки «двух тактик» следует искать в расхождении Ленина и Плеханова, я доказывал, что таких расхождений и не было в принципиальных вопросах между Лениным и Плехановым.

Что отвечает мне на это Ангарский? Он прежде всего старательнейшим образом приравнивает Плеханова с Аксельродом. Зачем это ему надо? Затем, чтобы, не найдя у Плеханова никаких аргументов и никакого разногласия с Лениным, иметь возможность подменить его Аксельродом, у которого совершенно естественно должно было быть расхождение с Лениным, так как Аксельрод, вопреки словам Ангарского, существенно расходился и с Плехановым.

Мы не можем не обратить внимание читателя «Большевика» на то, как Ангарский доказывает свой основной тезис.

«Б. Николаевский, редактор «переписки» Плеханова с Аксельродом, свидетельствует, что в этот период, т.-е. в 1893—1894 г.г., Аксельрод «работал над оформлением той социологической концепции, которая несколько позднее легла в основу его тактического плана, развитого в брошюрах «Историческое положение... либеральной и социальной демократии» и др. Николаевский сообщает, что эти свои взгляды Аксельрод развивал Плеханову еще в 1893 г. во время Цюрихского Социалистического Конгресса; не даром же Плеханов всегда аттестовал Аксельрода, как «лучшего тактика». Вот что этот «лучший» тактик писал в первой половине 90-х годов»... [1]). Что писал Аксельрод, нас здесь мало занимает, хотя я не могу не отметить ради беспристрастия, что Ангарский даже Аксельрода цитирует очень небрежно, отчего его позиция перестает быть понятной. Но повторяю, Аксельрод теперь не интересен. Важно то, что Ангарский свои выводы делает на основании указаний Б. Николаевского. Последний меньшевик. Он всеми ему доступными методами доказывает, что 1) идея гегемонии пролетариата есть изобретение Аксельрода, 2) что Плеханов и Аксельрод были во всем совершенно согласны,—отсюда вывод, который сам собой напрашивается, гласит, что Ленин, а следовательно, и весь большевизм, есть уклонение от марксизма и что к меньшевизму перешло непосредственно наследство двадцати слишком лет развития марксизма в России.

Стоит ли мне здесь доказывать, сколь вздорна эта попытка. Я в своей книге в специальной главе попытался доказать, что идея гегемонии пролетариата есть излюбленная идея Плеханова с самого 1883 года. Аксельродовская попытка тем и характерна, что она показала, сколь недостаточно понимает ученик мысли и воззрения учителя, и одновременно, что между учителем и учеником за внешней видимой солидарностью существует разногласие.

Великое несчастие тов. Ангарского в том и заключается, что он верит Б. Николаевскому (если бы он внимательно прочел № 15—16 «Соц. Вест.», он бы заметил, что там эта тенденция проводится почти всеми участниками, за исключением двух, о которых я скажу ниже), будто Плеханов и Аксельрод это одно и то же.

Не одно и то же!

Редактор переписки Плеханова и Аксельрода прекрасно знает это. С самых первых шагов они оба выражали два существенно заметных оттенка в русском марксизме. Аксельрод неизменно тянул вправо, Аксельрод был постоянно соглашателем. Аксельрод был меньшевиком по нутру, он был оппортунистом по природе. Здесь не место подробно обосновывать это, но вспомните только отношения Аксельрода к еврейскому вопросу (1882—83 г.), к Лаврову и народникам (1887 — 89 г.), к голоду (1891 г.) и вызванному им движению и перспективам, о давлении его на Плеханова (лозунги «Всеросс. раззор.» составлены под давл. Аксельрода и Засулич), вспомните его позицию по отношению к Дрейфусиаде (1898 г.), где он защищал Жореса и его тактику, а Плеханов—Геда, вспомните его и Засулич отношение к экономизму (1898—99 г.г.), его отношение к борьбе Плеханова с Бернштейном (1898—99 г.г.), его отношение к Бунду, наконец! Все это не случайно, все это этапы, по которым развивался Аксельрод-оппортунист, Аксельрод — будущий вождь меньшевизма, будущий идеолог соглашательства.

[1]) „Большевик", № 19—20, стр. 97

А Плеханов? Я не принадлежу к числу тех, которые ослеплены внешним блеском лиц и событий. Я прекрасно знаю, в чем слабость Плеханова. Но по части последовательно-революционных воззрений он вплоть до эпохи старой «Искры» представлял ортодоксию в ее самом чистом и непреклонном виде. В этот промежуток времени у него бывали и уклонения и ошибки, но они бывали обусловлены совсем иными причинами и с оппортунизмом ничего общего не имели.

По тем же самым вопросам, по которым Аксельрод занимал позицию оппортуниста, Плеханов неизменно оказывался решительным революционером. Если лозунги «Всер. разор.»—в значительной мере результат «коллективной» работы, то «Письма о голоде»—выражение его воззрений в вопросе об экономизме—чуть не доводят дело до разрыва с давнишними своими друзьями. Прочесть нужно только эти трагические страницы переписки Плеханова с Аксельродом.

Повторяю, мне на этих вопросах здесь немыслимо долго задерживаться, о них я буду иметь случай высказаться. Я считаю совершенно неоспоримым, что меньшевистские басни насчет единомыслия Плеханова с Аксельродом—пустая болтовня. Две тактики в РСДРП и следует искать между Плехановым и Аксельродом.

Но вернемся к Ангарскому. Он поверил Б. Николаевскому и отсюда все его злоключения. Но как же быть с тем, что Плеханов считал Аксельрода «лучшим тактиком»? Во-первых, быть «лучшим тактиком» еще не значит быть ортодоксом, во-вторых, все это пишется в личных письмах к Аксельроду, в-третьих, не всегда задача историка сводится к тому, чтобы слепо верить историческим деятелям на слово.

Если верить Энгельсу, то Бернштейн до 1895 г.—не плохой ортодокс, но при свете последовавших событий многие из «ошибок» «дорогого Эдди» приобретают иной смысл и иное значение. Непосредственный деятель истории способен замечать процессы лишь на известной ступени их количественного накопления. И тут закон диалектики обязателен.

То же—с Аксельродом.

Ангарский пишет, что Аксельрод и Плеханов «связывали идею гегемонии пролетариата с либеральным движением». Насчет Аксельрода это утверждение имеет некоторое основание, но насчет Плеханова—это чистейшие пустяки, вздор!

Плеханов уже в 1883 г. прекрасно понимал, что вопрос о гегемонии есть вопрос о праве руководства: кто будет руководить освободительным движением, рабочий класс или либералы. Если Ангарский не совсем растерял под влиянием Николаевского все и вся, он должен вспомнить, что и необходимость рабочим иметь свою самостоятельную политическую партию Плеханов выводит из этого понимания задач гегемонии.

Плеханов, не далее, как через два-три года вслед за тем, выясняя себе эту концепцию, приходит к формуле, которую можно считать совершенно отчетливой и, пожалуй, окончательно ясной. «Называя социал-демократию «партией рабочей по преимуществу», я хочу только сказать, что наша революционная интеллигенция должна итти с рабочими, а наше крестьянство должно итти за ними. При такой постановке вопроса, наша социал-демократическая партия может сохранить свой рабочий характер, вовсе не впадая во вредную исключительность» [1]). Насколько это похоже на то, будто Плеханов связывает гегемонию пролетариата с либеральным движением, пусть судит читатель.

Итак, две тактики в Р. С.-Д. Р. П. следует искать не там, где их ищет Ангарский.

Каковы же были отношения между Плехановым и Лениным? Не личные, а идейные отношения между ними. Во всех своих работах, посвященных этому вопросу, я пытался доказать, что Ленин не только просто учился у Плеханова марксизму, а явился прямым преемником плехановской линии, и в дальнейшем развитии, следовательно, большевизм представлял собой логическое продолжение плехановской тактики, в то время как аксельродовская тактика неминуемо должна была привести правое крыло российской с.-д. к меньшевизму.

С этой точки зрения крайне интересны две статьи в юбилейном номере «Соц. Вестн.», посвященном 70-летию Аксельрода (№ 14—15). Я говорю о статье Каутского и Б. Н—ского (!!). Оба подчеркивают, что всех ближе к «современным социал-демократическим воззрениям» был в группе Аксельрод. И они правы. Не кто иной, как Каутский, в самый разгар борьбы с Бернштейном обкарнывал Плеханова и об'яснялся в любви с Бернштейном. В этом деле его неизменно поддерживал Аксельрод. Каутский имеет большое основание причислять Плеханова к тем русским «варварам», которые своей революционной непримиримостью были белыми воронами во II Интернационале!

После этих замечаний ясно, что мы с Ангарским не можем вести нормальную дискуссию. Он по наивности полагает, что меньшевистская концепция направлена к возвеличению нашего учителя, а потому всячески ее культивирует. На самом же деле как совершенно очевидно читателю, «об'яснения» Б. Николаевского целиком направлены против Ленина.

После этих нескольких предварительных слов, мне остается лишь подать несколько реплик, скорее имеющих целью помочь Ангарскому разобраться в вопросе, чем защитить мои воззрения, так как для документальной дискуссии у меня не хватит места, а просто препираться с Ангарским—не охота.

«Я не знаю, была ли в то время известна Аксельроду и Плеханову нелегальная книга Ленина «Друзья Народа»? Думаю, что нет. (Напрасно! *В. В.*) А ведь именно в этой книге, независимо от «концепции» Аксельрода (но в полном согласии с Плехановым! *В. В.*), Ленин выдвинул вопрос о гегемонии пролетариата в русской революции, выдвинул не в форме лабораторной «концепции» Аксельрода, а в виде живого революционного дела»,—пишет Ангарский [2]). В 1895 г. Плеханов имел в руках гектографированные тетради «Друзей Народа»,—об этом свидетельствует т. А. Воден, который был тогда близок с Плехановым. Формула «Друзей Народа» не только не противоречила «формуле» Плеханова, а явилась ее прекрасной конкретизацией. Ленин, разумеется, писал свою книгу «независимо от Аксельрода», но далеко не «независимо» от Плеханова, в том смысле, что в «Друзьях народа» Ленин развивал—и блестяще развивал, особенно,

---

[1]) Г. В. Плеханов. Сочин., т. II. стр. 363.
[2]) „Большевик", № 19—20 за 1925 г., стр. 98.

если иметь в виду его чрезвычайно юный возраст,—воззрения революционного марксизма под сильнейшим влиянием Плеханова.

Нет в «Друзьях народа» ни единого пункта расхождения с Плехановым!

Ангарский находит, что тактика Ленина и Плеханова—Аксельрода «прямо противоположны»! Для того, чтобы иметь возможность доказать это дикое положение, он прибегает к извращению позиции как Плеханова, так и Ленина. «В то время, как Аксельрод и Плеханов (Sic! *В. В.*) полагали, что гегемония может быть достигнута уступками, соглашательством, подталкиванием либералов влево (когда? Где? *В. В.*), поддержкой Петрункевича против Стаховича, Ленин защищал необходимость беспощадной критики либералов, разоблачения их половинчатости, нерешительности, постоянной склонности к предательству интересов революции за тепленькое местечко и казенное жалование. Вот почему неотложной важности задачей деятельности социал-демократов в первой половине 90-х годов Ленин считал работу исключительно (!! *В. В.*), среди рабочих, работу организации пропаганды и политической агитации, в то время, как Аксельрод и Плеханов, конечно, не отрицая всего этого (!! *В. В.*), выдвигали еще особую задачу об'единения, организации, привлечения либералов, которая на практике неизбежно должна была выразиться и впоследствии действительно выразилась в чистейший оппортунизм и меньшевизм» [1]. Все это сплошные пустяки. Если даже с колоссальной натяжкой предположить, что из слов Аксельрода можно сделать приведенный вывод, то по отношению к Плеханову все, что сказано о его понимании гегемонии, является чистейшей выдумкой и прямым наговором. Нужно совершенно не уважать своих читателей, чтобы говорить такую чушь. Что касается до Ленина, то и тут Ангарский думает, что упрочивая точку зрения его, он превращает Ленина в ужасного революционера. На самом же деле он просто извращает Ленина. Ленин никогда не был сторонником «исключительной» тактики, ибо такая тактика достойна самого дикого сектанта, с другой стороны Плеханов никогда не брал на себя задачу организовать либералов. Все это карикатура, а не история!

Я рассматриваю статью Ленина против Струве, как «итог» той колоссальной работы, которую Ленин проделал в России, борясь против «абстрактного и механического» марксизма, господствовавших в те дни почти во всех марксистских кружках. Ангарский оскорблен: «Так опошляет тов. Ваганян исключительное по своему значению выступление Ленина против Струве в период апогея славы (!? *В. В.*) лидера легального марксизма. Плеханов, видите ли, не вращался в сфере «академических» марксистских кружков, поэтому он и не выступил против Струве, а Ленин вел с ним дискуссию в течение целого года, а затем подытожил эту дискуссию сначала в реферате, а затем в статье. Так все просто и пошло» [2]. Я прямо поражен этой дикой выходкой моего оппонента!

---

[1]) Там же. стр. 99.
[2]) Там же.

Почему итог—пошлость, никто не поймет. Да и имеется ли хоть одно произведение у Ленина, которое не было бы итогом напряженной работы партии, коллектива, итогом его борьбы с разного сорта оппортунизмом и т. д.? Да неужели я должен нанизывать всякие подлинно пошлые дифирамбы о трудах Ленина, ничего не дающие, обычно, читателю и свидетельствующие лишь об имманентной пошлости того, кто их может терпеть?

Об отношении Ленина и Плеханова к Струве повторяться не стану. Ангарский не говорит ничего свеженького, повторяет свою книгу, а мне не охота самого себя повторять. Когда будут свежие аргументы—тогда поспорим.

Его толкование Ленинских записей столь курьезно, что, вероятно, доставило не мало веселых минут читателям, ослаблять их впечатление я не стану, тем более, что ниже я вынужден сказать несколько слов на этот счет в связи с критикой положений т. Колоколкина.

О самарском протесте следовало бы сказать два слова. Но, во-первых, у меня уже нет места, а, во-вторых, об этом в другой связи и в другой статье я постараюсь рассеять все недоумения Ангарского.

II.

О Колоколкине.

Перейдем к Колоколкину.

Бывают такие дискуссии, которые по существу бесплодны, но они становятся прямо преступным занятием, когда в спор ввязываются люди неграмотные, весь пафос коих имеет весьма далекое от науки происхождение.

Спор продолжать в таких случаях имеет интерес и важность не с научной, а, так сказать, с политической стороны. Нужно вести жесточайшую войну против того растления нравов, которое с некоторых пор принимает у нас размеры настоящего бедствия, серьезной болезни.

Во имя этой политической и литературной крайне важной задачи я только и прошу мне снисхождения у читателей за мое столь преступное времяпровождение.

Так, значит, к делу.

Начнем с начала.

Мой оппонент начинает свои возражения с философии истории, при чем, читатель, знакомый с предметом дискуссии, вероятно, уже по одному этому догадывается, каков будет план действия нашего героя: когда спор идет из-за исторических деталей—одного или двух лет, лучший метод отвлечь внимание читателя, это создание философских панорам.

Хотя его «философия» истории такова, что не в состоянии даже прикрыть умственное убожество и неграмотность его, тем не менее на ней останавливаться не след. Я не избегаю обсуждений и дискуссий о панорамах, но дискуссии о них можно вести только с людьми, которые хоть что-либо знают, а не с Колоколкиными.

Мы поговорим о том, что и как он мне возражает. «Этого как раз не понимает тов. Ваганян. Позицию Ленина он извращает. Сознательно или бессознательно—об этом читатель узнает

ниже» [1]). Что именно я «не понимаю»? Оказывается, мне «не дано понимать», что «в борьбе против легального марксизма Ленину принадлежит особенная роль, роль не только застрельщика, но и руководителя борьбы». Я не только этого не «понимаю», но и «извращаю», при чем извращаю с намерением. Для обыкновенных людей такая логика была бы несколько странной; но для героев, особенно столь беззастенчивых, такие ли пустяки сходят с рук?

Вот он припоминает, что в моей книге и в той брошюре, которую он взялся изничтожить, имеется много указаний, характеризующих Ленина именно, как застрельщика в борьбе со струвизмом, но, вспомнив, он поступает как истый герой: «Что Ленин первый дал систематическую картину струвизированного марксизма, то тов. Ваганян, конечно, признает (конечно! *В. В.*). Но признает для того, чтобы сразу же забыть (?? *В. В.*)...» Признание Ваганяна имеет стратегический смысл. Не более. В свете дальнейших рассуждений Ваганяна оно иного смысла иметь и не могло. Подумать только: в об'емистой книге (500 страниц) (посвященной Плеханову!! *В. В.*) Ваганян и так и этак трактует вопрос о легальном марксизме, (Колоколкин думает, что моя книга в 500 стр. занимается «трактовкой и так и этак», вопроса о легальном марксизме. Позволительно спросить, видел ли он мою книгу? *В. В.*), наворачивает кучу соображений, а о первом артиллерийском обстреле струвизма (экий солдатский стиль! Прямо герой! *В. В.*), о статье Ленина — только несколько беглых замечаний. Вот, мол, В. И. Ленин первый подметил шатание Струве» [2]). Каков же тот «стратегический смысл», который делает меня неспособным услышать голос истины? Очень простой: оказывается, я поставил себе задачей доказать, что в борьбе с легальным марксизмом «Плеханов занимал последовательную революционную позицию, между тем как Ленин обнаружил неустойчивость, стоял как бы за примирение и только потом осознал правоту Плеханова» [3]). Заступитесь за меня, читатель, перед этим героем, у которого столь буйное влечение к неправде. Неправда, ни в одной своей статье, ни в какой своей книге ничего подобного тому, что приписывает мне этот рыцарь, нет и быть не может.

Спор идет между мной и моими достопочтенными оппонентами, за честь которых теперь с таким беззаветным героизмом вступился наш рыцарь,—вокруг следующего моего утверждения, которое я не только не считаю ошибочным, но полагаю диким всякое оспаривание его.

Я утверждаю в своей книге и в брошюре, что «между Лениным и Плехановым были разногласия по вопросу о том, следует ли предстоящее «предприятие» сделать строго направленческим или можно внятуть в дело и таких безусловно полезных людей, как Струве. Ленин, Потресов и, повидимому, Аксельрод и Засулич стояли за приглашение, Плеханов—ультимативно против (моя брошюра, стр. 8). На чем основано мое утверждение? На свидетельстве самого Ленина («Как чуть не потухла «Искра»), при чем я призываю Ленина в свидетели еще в своей книге.

[1]) «Большевик» № 11—12 за 1925 г., стр. 97.
[2]) Там же, стр. 97.
[3]) Там же, стр. 97—98.

Записи Ленина подробнейшим образом там разобраны, все выводы сделаны на основании этих записей. Но книга моя писана для грамотных людей, а наш малограмотный герой не утруждает себя заглянуть в эту работу мою, по поводу коей он должен говорить, и заявляет с места в карьер: «После надлежащего отпора со стороны тов. Бубнова, Ваганян пытается привлечь к делу записи Ленина, опубликованные в 1 номере «Ленинского сборника» [1]). Вы еще раз говорите неправду, мой злосчастный герой, бубновская «атака» нисколько не могла повлиять на мою аргументацию и на мои выводы, ибо они были немного грамотнее того дополнительного «кавалерийского наскока», который предпринят вами.

Нанизывая одну на другой такой ряд лживых утверждений, якобы из моих работ, разумеется, герой ведет расчет на легкомыслие и доверчивость читателей «Большевика». На самом деле, как выше было отмечено уже, предметом нашего спора является не вопрос об отношении к Струве вообще, к струвизму, не вопрос о «легальном марксизме» вообще, а о конкретном столкновении по конкретному вопросу, имевшему место в период августа-октября 1900 г. При чем и в этом столкновении вопрос стоял не о принципах, а о том, какой тактики по отношению к сотрудничеству Струве должна держаться будущая «Искра».

Повторять цитаты из Ленина я не буду: скучно, никакими цитатами такие стены все равно не прошибешь. Я только напомню в двух словах суть спора, чтобы читатель мог по достоинству оценить прием моего «оппонента». Он следующим образом меня резюмирует: «Итак: по Ваганяну, Плеханов был непримирим по отношению к Струве, Ленин снисходителен, Плеханов брал курс на разрыв, Ленин—на соглашение, Плеханов был прав, Ленин неправ» [2]). Выходит, будто я заставляю Ленина сделаться струвистом, а после такого ...я лучше воздержусь от квалификации деяний моего оппонента,—разве трудно победоносно доказать «обратное»?

«Для всякого, кто оказал способность к пониманию, совершенно очевидно, что Ленин раньше, чем кто-либо, в частности раньше чем Плеханов, раскусил Струве (стиль-то, стиль-то—божественный! Герой, да и только!! *В. В.*) и соответственным образом определил к нему свое отношение. Мало того: тактическая линия Ленина и по отношению к легальному марксизму в целом, и по отношению к Струве персонально, определилась точно так же задолго до зарождения «Искры». Таковы факты. Версия тов. Ваганяна о том, что Ленин будто бы считал Струве после 1895 г., чуть ли не до конференции 29/XII—1900 г., и учеником Маркса и социал-демократом, эта версия, как видит читатель (?? *В. В.*), разлетается в пух и прах» [3]). Да, читатель видит, как мой безумный герой глотает шпаги и выкидывает дешевые китайские фокусы на глазах у всей честной публики. «Ленин знал Струве со всех сторон, в предметном уроке не нуждался и в возможность союза со Струве по сути дела не верил» [4]). Вы гадаете, мой злосчастный герой, и гадаете без всякой на то нужды, у Ленина имеется масса материалов для

[1]) Там же, стр. 98.
[2]) Там же, стр. 98.
[3]) Там же, стр. 99.
[4]) Там же, стр. 99.

того, чтобы установить в какой мере и в каких пределах он мыслил «возможность союза», как вы говорите. Но наш герой вздумал отрицать исторически несомненные факты. Считал ли Ленин Струве учеником Маркса и в какой мере—это не трудно установить по литературным источникам, но что Ленин не мог Струве не считать с.-д.—это совершенно понятно (см. «Воспоминания» Крупской). Да, помилуйте, как же не считать с.-д. делегата на Международный Конгресс *от российской* с.-д. (Лондон, 1896 г.). Как было не считать с.-д. *автора манифеста I с'езда* РСДРП?

Когда наш подозрительный герой прочитал заметки Ленина, а он прочитал, повидимому, лишь после того, как дошел до этого пункта, он в ужасе заметил, что там Ленин не согласен поддерживать его геройские подвиги, и прибег к *фальсификации текста ленинских заметок*. Посмотрите как он цитирует Ленина:

„О том, что со стороны Плеханова такое искажение позиции Ленина было особого рода тактикой, Ленин недвусмысленно говорит в той же записи: „Мы сами не без вины в его (Струве) эволюции: мы сами, и Г. В. (Плеханов) в том числе, не восстали тогда, когда надо было восстать (1895—1897 г.). Г. В. (Плеханов) абсолютно не хотел признать своей, хотя бы малейшей вины, отделываясь явно негодными аргументами, отстраняющими, а не раз'ясняющими вопрос". „Плеханов,—продолжает Ленин,—обманывает себя, утверждая, будто бы в 95-м году ему было приказано не стрелять в Струве. *Плеханов не хотел стрелять—вот и все*" (Подчеркнуто мною.—*В. В.*) Так цитирует Ленина наш герой, вкладывая в его уста свои измышления.

Подлинный же текст Ленина гласит:

„Наши заявления, что мы обязаны быть *елико возможно* снисходительны к Струве, ибо мы не без вины в его эволюции: мы сами и Г. В. (*Плеханов*) в *том числе* не восстали тогда, когда надо было восстать (1895, 1897). Г. В. Плеханов абсолютно не хотел признать своей хотя бы малейшей вины, отделываясь лишь негодными аргументами, *отстраняющими*, а не раз'ясняющими вопрос"... „Зачем было обманывать себя, говоря, что в 1895 г. ему (Г. В. Плеханову) будто бы было „приказано" (!!) „не стрелять" (в Струве), а он привык делать, что приказано (похоже на то)". („Ленинский сборник" кн. 1, стр. 34).

Таким образом, фальсифицируя Ленина, наш подложный герой пишет: «Не ясно ли, что слова Ленина «мы сами не без вины» относятся целиком насчет Плеханова? Ленин намекает здесь на то, что Плеханов в 1895 г. не только не выступил против Струве, но даже защищал его «Критические заметки» в своей книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» [1]). Какое открытие, Колоколкин! «Книга, на которой воспитывалось целое поколение русских марксистов»,—как характеризует «Мон. взгляд» Ленин,—эта книга является защитой струвизма! Какое ослепительное открытие!

Но все-таки, почему «целиком насчет Плеханова»? *Мы*—местоимение, первое лицо множественного числа, и предполагается, что в числе этого множества находится и говорящий—

[1]) Там же, стр. 99.

таков элементарный грамматический смысл этого местоимения. Исторический же смысл еще яснее. Разве трудно это видеть из записи Ленина?

Я утверждал в своей книге, и в своей брошюре, что 29/XII—1900 г. Ленин окончательно оставил мысль о привлечении Струве к газете. Начав с того, что «мы обязаны быть *елико возможно* снисходительны к Струве» (VIII—1900 г.) (вот оказывается, где главный враг Ленина скрывается! *В. В.*) он пришел к убеждению, что «с этим джентльменом каши не сваришь» (29/XII—1900 г.).

Вопрос для историка заключается в том, чтобы об'яснить, откуда такая разница в отношениях одного и того же человека к известному явлению (к участию Струве в газете), если дано, что *принципиальное* отношение—*непримиримая вражда*—Ленина к струвизму, начатая с 1895 г. ни на иоту не колебалась, не ослабла.

Такой вопрос для какого-нибудь Колоколкина, конечно, не существует, ибо для него история—*это панорама*. Но ни один серьезный историк мимо этого вопроса не пройдет и полагаю никто иного решения, чем выдвинуто у меня в книге, не выдвинет. Во всяком случае, мои критики—мой герой в том числе—строили свои «теории» на... фальсификациях Ленина или на недобросовестном обращении с историческими документами, нагромождая друг на друга цитаты из документов разных эпох и *разных* периодов.

Послушайте нашего печального героя, что только он наворачивает в состоянии меланхолии: «Переговоры со Струве Ленин расценивал, между прочим, как печальную ошибку, получившуюся от того, что Потресов, который являлся инициатором переговоров, неправильно информировал членов редакции о позиции Струве» [1]). Потресов, несомненно, ошибался. Особого ума не нужно, чтобы это понять, ибо сам Ленин о том повествует. Но некоторую долю ума нужно иметь, чтобы не пропустить следующее изумительно характерное и многоговорящее признание Ленина: «Мне хотелось бы записать свои впечатления от сегодняшней беседы с «близнецом». Это было знаменательное и «*историческое* в своем роде собрание, по крайней мере, *историческое в моей жизни, подводящее итог целой, если не эпохе, то стезе жизни* и определяющее надолго поведение и жизненный путь» [2]) (подчеркнуто мною. *В. В.*). Начав с того, что Ленин «между прочим» считал переговоры ошибкой Потресова, наш герой печальных дел через несколько строк цитируемой им записи Ленина (на этот раз тоже не безупречно, но полагаю, по невежеству, а не по злому умыслу) [3]) уже всю вину сваливает на Потресова и желает увернуться от ответа.

[1]) Там же, стр. 100.

[2]) Ленинский сборник кн. I, стр. 72.

[3]) Он цитирует запись Ленина весьма произвольно. Так напр., у Ленина написано: «По первоначальной передаче дела Арс. (Потресовым) я понимал так».., а у нашего героя оказывается понимал не «я», т. е. Ленин, а некто «В».

Цитируя далее запись, он опускает латинские слова modus vivendi и, так как он, подобно блаженной памяти Акакию Акакиевичу, не мог переделать падежи, получилось весьма пикантно: «Хотел верить (Потресов) в возможность приличного (способ поведения) с ним». И без моего об'яснения читатель понимает, что здесь если опущен латинский оборот, то его русский перевод будет

«Итак, что же получается: по Ленину попытка столковаться со Струве—есть странная ошибка Потресова, по Ваганяну это—ошибка Ленина (обратите внимание, только Ленина! *В. В.*). Тов. Ваганяну, повидимому, не дано понять (знакомо! *В. В.*). что позиция Ленина представлялась (кому? *В. В.*) иной, нежели позиция Потресова. Ваганян попрежнему утверждает, что Ленин только после 29 декабря перестал верить в возможность договориться со Струве. 29 декабря Ленин получил предметный урок, так выражается наш смелый историк. Между тем по Ленину это был предметный урок для Потресова» [1]). Разумеется, Потресов известный оппортунист и на него сваливать все можно, но ведь есть же и предел какой-нибудь.

Попытку столковаться со Струве в принципе, вряд ли можно считать ошибкой, и я вопроса так не ставлю. И Плеханов относился отрицательно не вообще, и не безотносительно, а считал ошибкой заводить какие-либо разговоры о совместном сотрудничестве ранее, чем не проведено размежевание. Дело не в Ленине и Потресове. Вся молодая часть будущей редакции «Искры» приехала из России, уже имея на этот счет решение (может город Псков что-либо напомнит моему забывшему все азы герою?), а за границей была поддержана Засулич и отчасти Аксельродом.

В процессе переговоров, особенно после 29/XII Ленин окончательно и резко стал против сотрудничества. Предметный урок получил отнюдь не Потресов, ибо он, ничему не научившись, продолжал свою линию за сотрудничество. Думая, что сваливает вину на Потресова, мой герой фактически хочет оказать большую честь ему.

Если исключить без меры расточительные ссылки и заимствования из рецензии Бубнова (наш герой умудряется даже цитировать меня по рецензии Бубнова), то приведенными «мыслями» исчерпывается весь первый параграф героического «рейда» ищущего славы, а может быть чего-нибудь более существенного, чем слава, Колоколкина.

А ведь таких параграфов целых три!

После списывания всех аргументов Бубнова и всех цитат из моей книги, тоже по рецензии Бубнова, наш печальный рыцарь дает некоторые свои перлы. На бубновских аргументах не задерживаемся. Приведем лишь два образца самобытного «творчества», чтобы читатель изумился способностями Колоколкина.

По своему излюбленному методу, приписав мне мысль, будто я доказываю, что Ленин не имел «твердой линии» по отношению к экономистам, «устойчивых взглядов» на экономизм, наш новый Дон-Базилио занимается опровержением этих ересей, и как!

Ссылаясь на недавно опубликованные статьи Ленина о «Раб. Мысли», а также на великого авторитета для нашего героя—Астрова, Дон-Базилио пишет: «Из приведенных документов видно,

не дословный, ибо здесь Ленин употребляет латинскую поговорку в переносном смысле: установить modus vivendi — следовало бы перевести «установить взаимные отношения», следовательно Ленинский текст, Акакий Акакиевич, следовало передать: «... в возможность приличного взаимоотношения с ним» Читатель согласится, что это неряшливо до безобразия, и что оно не случайно.

[1]) «Большевик», стр. 100.

что еще в ссылке Ленин считал необходимым резкую непримиримую борьбу против экономистов, еще в ссылке он начал эту борьбу. Нечего говорить о том, что «фарисейские возмущения экономистов» не имели для Ленина никакого значения» [1]). Никакого значения? Посмотрим—прав ли хитрый монах. Послушаем на этот счет Ленина: «От времени до времени бывали и маленькие «трения» в виде пылких реплик Г. В. (Плеханова) на всякое замечаньице, способное хоть немного охладить или утишить разожженные (расколом) страсти» [2]). Какие это «замечаньица» приводили в такую ярость Плеханова? Вот одно из таких «замечаньиц»: «К «союзникам» он проявлял ненависть, доходившую до неприличия. Самые отдаленные намеки на то, что и он впал в крайность (напр., мой (т.-е. Ленина) намек на опубликование частных писем и на неосторожность этого приема) приводили Г. В. (Плеханова) прямо в отчаянное возбуждение и заметное раздражение» [3]). Что же это за «намек», каков смысл этого намека? Колоколкин не знает, так как он невежда, да и зачем героям знать такие тонкости? Но мы люди простые и знаем, что когда вышел «Vade mecum», где Плеханов опубликовал наряду с credo также и ряд писем (Прокоповича, Капельзона и др.) в эмиграции «союзники» подняли бешеный шум (я в брошюре назвал это «фарисейским»), обвиняя членов группы, в частности Плеханова, в неприличных и недостойных методах борьбы. Означенная брошюра и дневники Плеханова так взбудоражили эмиграцию, что целые группы «союзников» и даже бундовцев и эсеров выносили резолюции протеста, некоторые сторонники Плеханова и те были чрезвычайно смущены.

Откликом этих настроений, несомненно, были «замечаньица» Ленина. Эти упреки бесследно исчезли спустя всего месяц. Тому прекрасное доказательство письмо к т. Крупской. Но Дон-Базилио не хочет бросить свою привычку клеветать. Он на основании моей этой ссылки на письмо Ленина к Крупской, пишет: «Тов. Ваганян говорит, что это письмо Ленина свидетельствует о перемене взгляда Ленина на экономизм. Оно свидетельствует, будто бы о том, что Ленин меняет фронт, начинает активно поддерживать Плеханова, «эволюционирует в сторону плехановского «бешеного отношения» к экономизму» [4]).

Разве перестать придавать значение фарисейским крикам эмигрантских склочников означает «менять взгляд на экономизм»? Разве это означает «менять фронт»?

Разве это называется честная дискуссия?

Что не понял в вопросе о «программных спорах» Колоколкин?

Я путем сопоставления ряда цитат из проекта Ленина 1896 и 1900 г.г. показал в своей книге, что Ленин в вопросе о формулировке конечных целей движения пролетариата

[1]) Там же, стр. 104.
[2]) Ленинский сборник, кн. I, стр. 33.
[3]) Ленинский сборник, стр. 34.
[4]) «Большевик», стр. 104.

(речь идет только об этом вопросе) находился под влиянием немецкой ортодоксии, представителем которой был тогда Каутский.

Бубнов, как известно, вз'ерепенился: помилуйте, чтобы Ленин когда-нибудь был под влиянием такого социал-патриота, шовиниста, предателя и т. д. и т. д. Никогда!

В своей брошюре я об'яснил Бубнову, что это ничего не значит, что нынешний предатель Каутский имел некогда молодость, когда он принадлежал к революционному крылу соц.-демократии и что находиться под влиянием его тогда не только не было позором, но было очень и очень полезно.

По поводу этого последнего утверждения бунтует уже патентованная безграмотность. Он приводит маленькую цитату, но долгий пересказ моего утверждения, а мы уже знаем, как он пересказывает—и пишет: «Читатель заметил, очевидно (!! *В. В.*), что Каутский, «каучуковый» политик, который не нравился Плеханову, теперь уже изображается революционным социал-демократом. Противоречие явное». «Остается невыясненным все-таки,—пишет далее Дон-Базилио,—кем же об'ективно (!! *В. В.*) был Каутский: революционным ли социал-демократом, или не более, как каучуковым политиком. Удивляться тут, впрочем, нечему. Ваганян нарочно создает такую тьму, такую неясность» [1]). Ума-то, ума-то палата! Ну как не заметить было такое вопиющее противоречие? Но все же, какое тут противоречие? Кто из нас мутит воду?

Из переписки Плеханова с Каутским (некоторые отрывки приведены в моей брошюре), совершенно ясно, как сложились их отношения. И Каутский и Плеханов принадлежат к революционному крылу с.-д., но Плеханов стоит за самую непримиримую войну с оппортунизмом, а Каутский чинит ему в этом помехи, смягчает его; Плеханов не доволен Каутским, он желает пустить по его адресу несколько критических замечаний, он уже к 1900 г., на Парижском конгрессе определенно формулировал, в чем из'ян политики Каутского: она «каучуковая».

Все «трения» между Плехановым и Каутским ограничились перепиской, если не считать «Открытого письма», которое так и осталось единичным выступлением и то в провинциальной газете:

«Кто же был об'ективно Каутский»—любопытствует мой, с позволения сказать, оппонент. Если я скажу, что об'ективно Каутский уже тогда был в ряде вопросов центристом—разве это что-нибудь решает? Об'ективное значение его политики устанавливать теперь, ретроспективно, большого мастерства не требует, но вот тогда Каутский для людей той эпохи был, несомненно, теоретическим вождем и одним из главарей революционного крыла германской с.-д. И как таковой оказывал на Ленина сильнейшее влияние.

Так кто же из нас мутит воду?

Я утверждаю, что, находясь в вопросе об отношении к формулировке конечных целей под влиянием немецкой программы, Ленин отчетливо понимал особенности России и сообразно с этим строил свою программу. Мой оппонент находит, что «в общем контексте» это звучит «фальшиво». Почему? В каком контексте?

[1]) Там же, стр. 105—106.

Разве нельзя строить свою программу «сообразно с особенностями» и при этом формулировать один параграф в духе Эрфуртской программы?

Я пишу, что программа 1896 г. замечательный документ для исследования вопроса об эволюции взглядов Ленина. Мой оппонент вопиет: и «только!», и видя, что у меня большего не сказано, ехидно замечает «ни больше, ни меньше». А что еще больше этого можно сказать о проекте, который не только не был принят никакой организацией, но и был известен только весьма ограниченному кругу лиц?

«В проекте 1896 года есть не мало того, что позднее Ленин высказывал в своих замечаниях о плехановском проекте программы» [1]). Бесподобно! Ослепительно! Но что такое косноязычная фраза моего оппонента, если не определение места этого проекта в эволюции взглядов Ленина.

Что мне делать, как мне быть с моим противником.

Лучше кончим с ним историческую дискуссию.

Перейдем к современности.

Если мой несчастный оппонент был совершенно бос по истории, то по современности он на все копыта подкован. Он знает хорошо, где раки зимуют.

В чем следует искать «принципиальную основу» моих «ошибок»? Колоколкин был бы никуда негодным «героем наших дней», если бы не знал хорошо, какая мелодия сейчас в ходу. Он отвечает, сообразуясь с моментом, на этот вопрос «Проревизировать историческую роль Ленина, развенчать Ленина — вот она — эта основа, альфа и омега новой «ваганяновской» философии истории» [2]). С чего бы казалось? Какой мне интерес придерживаться такого «принципа»? И как я могу «развенчать Ленина»? «Очень просто, очень просто»—петушком кричит под самым ухом читателя Колоколкин, стоит только доказать, что «Ленин в борьбе с легальным марксизмом, струвизмом и экономизмом занимал более умеренную позицию, чем Плеханов, Ленин заражен духом европейской ортодоксии» и что «Ленин был не прав в программных спорах» [3]). Доказать это—не означает «развенчать Ленина», а всего на всего—обнаружить свою безграмотность. Но кто же в этом повинен? Полагается, по Колоколкину, чтобы все это доказывал я. Но в том-то и дело, что Дон-Базилио по обыкновению клевещет.

1) Бесстыдная клевета, будто по-моему «Ленин занимал более умеренную позицию» и т. д. Я утверждаю, что Ленин приехал за границу с твердым намерением привлечь к сотрудничеству в будущей газете Струве. Плеханов был категорически против этого, далее я утверждаю, что Ленин в процессе переговоров сам отказался от этой идеи, при чем критическим моментом явилось совещание 29/XII—1900 г. По вопросу об экономизме, я доказываю, что, оставаясь самым ярым приниципиальным противником экономизма, Ленин приехал с намерением собрать «рассыпанную храмину с.-д.», но побыв месяц-другой за

[1]) Там же, стр. 106.
[2]) Там же, стр. 108.
[3]) Там же, стр. 109.

границей, наблюдая и знакомясь на месте с склокой, он так же стал относиться к экономистам «бешено», как Плеханов.

2) Пустейшая выдумка, будто я обвиняю Ленина в том. что «он заражен духом европейской ортодоксии» и т. д. Я таких глупостей не говорю, потому что это дикая, бессодержательная галиматья. Если под европейской ортодоксией понимать ортодоксально-марксистское крыло соц.-дем. конца XIX и начала XX в.в., то и Ленин и Плеханов в одинаковой мере были им не только заражены, но и полны: откуда же могли они черпать ортодоксию, как не из Европы? При чем Ленин преимущественно был под влиянием немецкого, а Плеханов—преимущественно французского ортодоксального марксизма. Я констатировал лишь факт, что в формулировке конечных целей движения пролетариата Ленин придерживался формул Эрфуртской программы, а Плеханов—Лафарга.

3) Сплошная ложь, будто по-моему «Ленин был неправ в программных спорах». Программных споров в целом я не касался—у меня не было исчерпывающего материала, они появились после того, как моя книга вышла в свет. Программные споры не исчерпывались спорами вокруг вопроса о формуле конечных целей. Что касается до последнего вопроса, то я утверждаю, что Ленин под влиянием Плеханова меняет свою формулу, составленную под влиянием Эрфуртской программы и становится на точку зрения плехановской якобинской формулы.

Таким образом Колоколкин плетет ложь и самым вызывающим образом, так сказать, на глазах у читателя. Неужели же спроста? Ни чуть не бывало. С расчетцем!

«Куда растет эта логика (логика лжи и клеветы, разумеется. *В. В.*)? А вот куда, ничего специфического, твердокаменного, непримиримого, что не с сегодняшнего дня мы привыкли считать (подчеркнуто мною. *В. В.*) особенностями большевизма, у Ленина в ту пору не было. Ликвидируется таким путем весь не только подготовительный этап в развитии большевистской партии, но и этап непосредственного роста и оформления идей большевизма, рвется логическая и историческая связь между периодом второго с'езда и периодом «Искра» [1]). «Мы привыкли считать»! Так зачем же прикрываетесь! Покажитесь! Мы тогда увидим, привыкли ли вы считать и давно ли вы привыкли, или эта привычка у вас, мой лживый противник, появилась с весьма недавних пор. Вся моя книга написана с целью доказать, что все революционное, созданное ортодоксальным крылом с.-д. в России, целиком было унаследовано Лениным и включено в ту систему идей, которая после 2-го с'езда носит название большевизма. Она устанавливает генезис многих идей Ленина, а Дон-Базилио вчера еще может вставший одной ногой на землю большевистскую бросает бездоказательно обвинения в «ликвидаторстве»: ваш расчетец, хитрый монах!

«Вместо единого цельного Ильича перед читателем две фигуры Ленина»... «Разорвать и обкарнать историю большевизма (курсив мой. *В. В.*) такова в общей формулировке идейно-политическая цель Ваганяна» [2]).

---

[1]) Там же, стр. 109.
[2]) Там же, стр. 109.

«Идейно-политическая» цель моя оказывается «разорвать и обкарнать историю большевизма». Эта диверсия, столь неожиданная, могла бы вызвать только ироническую улыбку у любого читателя, если бы она была высказана годика два тому назад. Но теперь даже эта глупость высказана с тонко высчитанным расчетом. Но, воистину, где тонко, там и рвется. Наш монах хорошо изучил несложную мелодию наших дней, но он не доучился другому искусству—разбирать с кем и как ее следует петь.

Я никогда не делаю тайны из моих идейно-политических целей. Они весьма ясны. Мой лживый противник говорит намеками, я рублю с плеча.

Я хочу знать Ленина таким, каким он был на самом деле: великим и простым, гениальным и вечно развивающимся и растущим и поэтому я так страстно и с таким упорством борюсь со всякими безграмотными малярами, которые хотят намалевать великого Ленина под свой микроскопический образ и ни на что неподобное подобие.

. . . .

Вот и все.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Новая книга о русском капитализме.

ФИНН-ЕНОТАЕВСКИЙ, „Капитализм в России (1890—1917 г.)“.

История народного хозяйства России в XX веке вообще, а история русского промышленного капитализма за тот же период в частности и в особенности, еще до сих пор ждут своего изучения. Правда, мы имеем довольно многочисленный ряд обзоров отдельных отраслей нашей экономики, как в форме журнальных статей, так и в форме самостоятельных, иногда очень ценных, работ. Но все они или носят слишком беглый, схематический характер или ограничиваются лишь одной, какой-либо, узкой областью народного хозяйства. Общие же сводные исследования эволюции русского капитализма в целом обрываются как раз на грани между настоящим и прошлым столетием. Так «Русская Фабрика» Туган-Барановского хронологически заканчивается рассмотрением промышленного под'ема конца 90-х годов. Да, если бы почтенный профессор и попытался впоследствии, уже превратившись в присяжного апологета капитализма, продолжать свою работу (в форме предполагавшегося II тома «Русской Фабрики»), то от него едва ли можно было бы ожидать чего-нибудь с нашей точки зрения положительного. Точно так же и т. Ленин, давший гениальный анализ русской экономики в своем «Развитие Капитализма», не смог, к сожалению для науки, показать, как осуществлялись на протяжении XX века вскрытые им тенденции развития.

Указанные обстоятельства заставляют с особенным вниманием отнестись к недавно вышедшей книге Финн-Енотаевского: «Капитализм в России», представляющей собой заново переработанный и значительно дополненный прежний труд того же автора: «Современное хозяйство России». Вместе с тем, те же самые соображения требуют тщательной проверки выставленных в настоящей работе положений, ибо возможные здесь ошибки и теоритического и практического порядка способны, при отсутствии признанных марксистски-ленинских исследований, привести к опасным последствиям, будучи восприняты, как бесспорные истины, нашей учащейся молодежью.

I.

В предисловии к своей работе Финн-Енотаевский заявляет, что появление его книги в первом издании 1911 года встретило радушный прием со стороны Ленина и его ближайших сотрудников—«Разногласий нет»,—якобы, сказал автору Ленин летом 1911 года, «Но.—мужественно признается Финн-Енотаевский,—все же они были». Взгляд автора на грядущую революцию, как на доведение до конца начал, выдвинутых революцией 1905 года (т.-е. начал буржуазной революции. *В. Б.*), какую бы политическую форму она ни приняла,—конечно, если социалисти-

ческая революция на Западе не изменит мировой атмосферы,—оставался в силе [1]).

Из дальнейшего изложения, однако, следует, что в настоящее время автор (то-бишь, сам Ф.-Е.) уже целиком солидаризируется с ленинской, большевистской оценкой хозяйственного развития России, с оценкой, видящей в Октябрьской революции логическое разрешение накопившихся противоречий нашего экономического строя. Если так понимать общий покаянный тон предисловия, то в разбираемой работе Финна, доведенной к тому же вплоть до 1917 года, указанные разногласия должны быть устранены полностью. Так ли обстоит дело в действительности? Для ответа на поставленный вопрос рассмотрим основные узловые положения автора. К таким положениям, по нашему мнению, относятся: 1) регрессивный процесс в сельском хозяйстве, 2) общий характер развития нашей промышленности и 3) роль финансового капитала в России. Разберем все три вопроса в порядке последовательности.

II.

По мнению Финна, в общем виде правильному, основная экономическая причина революции 1905 года кроется в противоречии между развитием сельского хозяйства и промышленности, если в последней наблюдается некоторое продвижение вперед, то в области сельского хозяйства, по мнению Финна, имеют место **только** регрессивные процессы. Какие же фактические основания предпосылает Финн подобному заключению? В качестве таковых Финн приводит данные о росте посевных площадей и количества скота, согласно которым оказывается, что при увеличении сельского населения с 1870 по 1900 г.г. на 56,9%, земельная площадь крестьянских хозяйств возросла за тот же период на 20,5%, количество же скота всего на 9,5%. Убедительность этих данных весьма относительна. Финн должен бы знать, что прогресс в сельском хозяйстве происходит не только и не столько за счет экстенсивного расширения земледелия, сколько за счет его интенсификации, более тщательной обработки земли, лучшего удобрения ее, распространения технических и сырьевых культур и т. д. Забывать об этом—значит игнорировать элементарные основы сел.-хоз. экономии.

Но если даже обратиться к данным об общем производстве хлебов в русском сельском хозяйстве, его изменении на протяжении 16 лет, с середины 80-х годов до кануна революции 1905 года, и посмотреть, свидетельствуют ли они о регрессивном процессе в земледелии,—то выводы из них едва ли могут понравиться Финну. Сопоставим для этого цифры валового сбора хлебов по 50 губ. Европейской России в 1886 и 1903 г.г. (годы примерно одинаковые по урожайности) [2]).

В миллионах пудов.

Годы	Пшеница	Рожь	Овес	Ячмень	Всего
1886	250,9	964,6	532,2	166,3	1.917,0
1903	755,2	1.245,6	576,3	385,0	2.962,1
Прирост	+202,0%	+29,1%	+7,6%	+131,5%	+54,6%

[1]) Этот факт, сам по себе, внушает серьезные сомнения. Неужели Ленин, столь бдительный ко всяким теоретическим заблуждениям в рядах российской социал-демократии, начиная с философии и теории культуры и кончая аграрным вопросом, не заметил имеющихся у него с Финном разногласий, которые признает даже этот последний? Вполне возможно, однако, что Ильич не считал нужным подчеркивать свои расхождения с Финном, поскольку центр тяжести фракционной борьбы того времени лежал в борьбе против ликвидаторов.

[2]) Рост с.-х. продукции не может быть сведен к увеличению помещичьих запашек, ибо помещичье хозяйство в целом являлось у нас мало способным к развитию.

Как видим, увеличение за какие-нибудь полтора десятка лет весьма значительное; особенно по рыночным культурам: по пшенице (в 3 раза) и по ячменю (в 2,3 раза). Наше сельское хозяйство, следовательно, не только развивалось, но развивалось, приспосабливаясь к требованиям рынка, втягиваясь в систему товарно-денежных отношений [1]). О росте товарности дают нам представления данные о перевозках 6-ти главных хлебных грузов, согласно которым в 1885—88 г.г. по жел.-дор. и водным путям было перевезено 26,8% всего сбора этих хлебов, а через десять лет 1895—98 г.г.—уже 30,4% [2]). Итак прогрессивный процесс в нашем земледелии несомненен. Он был бы еще более заметен, если бы Ф.-Е. не ограничился только 50-ю губ. Европейской России, где несколько замедленный темп развития обусловливается конкуренцией хлебородных окраин Сибири и Сев. Кавказа. Под влиянием этой конкуренции зерновое хозяйство центральных районов частично вытеснялось интенсивными культурами. Явление типичное для каждого капиталистически-развивающегося народного хозяйства.

Ф.-Е. методологически неправильно берет только огульные цифры о всем крестьянском хозяйстве и на основании этих цифр делает выводы о преобладании в нем регрессивных тенденций. Подобный метод явно ошибочен, так как наряду с явлениями упадка, мы сталкиваемся с непрерывной дифференциацией крестьянства, отслаиванием деревенской верхушки, превращением ее в своего рода капиталистических фермеров. Забвение этого факта наряду с особенно усиленным подчеркиванием сохранившихся в сельской экономике законов до-капиталистического периода создает впечатление, что Финн вообще недооценивает роль капиталистических тенденций в нашем сельском хозяйстве.

На самом же деле капитализм хотя и медленно, но все же неуклонно, внедрялся в с.-х. производство, усиливая товарность крестьянских хозяйств, улучшая отчасти обработку земли и укрепляя экономическую мощь зажиточной части деревни; именно благодаря этому обстоятельству, хозяйственное развитие все сильней и сильней сталкивалось с пережитками крепостнической системы, с помещичьим землевладением, стоящим на пути экономического прогресса и все более и более настоятельно требовало решительной реорганизации общественного строя.

Прежде чем перейти к критическому рассмотрению взглядов Финна на эволюцию промышленного капитализма, необходимо остановиться на его оценке влияния урожаев на динамику народного хозяйства. По нашему мнению, Ф.-Е. определенно преувеличивает значение урожаев для циклических колебаний русской промышленности. Нельзя, конечно, согласиться с Туган-Барановским, отрицающим за «Господином Урожаем» всякое влияние на хозяйственную кон'юнктуру, но не следует, в то же время, впадать в противоположную крайность, как это делает Финн. Он, например, считает, что кризис 1900—02 г.г. носил особенно резкий и затяжной характер вследствие неурожаев 1897—98 г.г. На это нужно возразить, что: 1) 1898 год был, в общем и целом, урожайным годом за исключением отдельных районов, но такие исключения при необ'ятных размерах земельной площади России почти всегда неизбежны, и 2) неурожай 1897 г. при высоко урожайных 1899 и 1900 г.г. едва ли смог через 3 года оказать столь значительное влияние на остроту промышленного кризиса.

Кроме того, Ф.-Е., повидимому, вообще весьма неопределенно представляет себе, как могут резкие недороды отразиться на развитии народного хозяйства. В отдельных местах его работы мы встречаем по этому поводу взаимно исключающие друг друга замечания. Так, рассматривая наше денежное обращение, поскольку колебания его обусловливались изменениями хозяйственной кон'юнктуры, он в одних местах пишет, что высокие урожаи требовали выпуска добавочной массы средств обращения, а в других ссылается на под'ем хлебных цен, как на фактор, действующий в том же направлении. Но, как известно, высокие хлебные цены—неизменный спутник неурожаев, и, следовательно, при каждом недороде потребность в деньгах для реализации урожая не меньшая, а иногда и большая, чем в годы нормальных и хороших урожаев. Принимая во внимание указанную эволюцию цен на продукты сел.-хоз-ва, трудно вообще сказать, сокращается ли деревенский рынок при каждом падении валового сбора или нет. Весьма частые ссылки Финна на милость «Господина Урожая» еще нуждаются, таким образом, в соответствующем теоретическом обосновании; в его же работе мы такого обоснования не находим совершенно. Благодаря этому постоянные апелляции Ф.-Е. к колебаниям с.-х. производства отчасти напоминают чисто народнические ламентации по данному вопросу (см. Николай—он: «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства»).

[1]) Вычислено по статистическим сборникам М-ва путей сообщения. Выпуски: 36, 79, 139.

III.

Не все обстоит гладко у нашего почтенного автора и в оценке развития промышленного капитализма в России. Правда, в вышедшем первом томе подробно рассматривается состояние нашей фабр.-зав. индустрии только за период под'ема конца 90-х годов и кризиса 1900—02 г.г. Дальнейшая же эволюция промышленности затрагивается лишь бегло, попутно с изучением движения денежного капитала, детальному ее анализу автор посвящает II том своей работы. Но для нас достаточно и того, что дается в отдельных беглых замечаниях, разбросанных по всему первому тому, поскольку основная точка зрения автора выявляется в них вполне отчетливо.

Прежде всего, Ф.-Е. отрицает всякое своеобразие в развитии русского промышленного капитализма. Между индустриальной эволюцией России и стран Западной Европы, по его мнению, нет никакого существенного различия: и там и здесь промышленность, обслуживающая широкое потребление, вырастала из кустарно-ремесленного производства, эволюционируя через «домашнюю» систему к капиталистической фабрике. Что же касается тяжелой индустрии, то, согласно утверждениям автора, она и в передовых европейских государствах возникала сразу в виде крупных предприятий, независимо от эволюции ремесленного производства.

Выставленное положение внушает весьма серьезные сомнения, поскольку даже в нашей текстильной промышленности мы не можем проследить, в сколько-нибудь широких размерах, непосредственную преемственность (техническую и организационную) от кустарных светелок к крупнейшим предприятиям с тысячами рабочих и десятками тысяч веретен. Туган-Барановский в «Русской Фабрике» достаточно убедительно показал, какую роль в насаждении у нас текстильной промышленности сыграли различные иностранные конторы, вроде знаменитой конторы Кнопа, переносившие к нам из-за границы и масштаб производства и новейшую технику. «Нет церкви без попа, нет фабрики без Кнопа»—эта, несколько безграмотная, поговорка, тем не менее, весьма правильно характеризует действительное положение вещей.

С другой стороны, неверна и ссылка Финна на то, что тяжелая индустрия в Западной Европе, так же, как и в России, возникла сразу в виде

крупных предприятий. Даже в такой типичной отрасли тяжелой индустрии, как металлургия, мы наблюдаем на Западе длительный процесс развития от полукустарных доменных печей, с соответствующей организацией предприятия, к современным гигантским домнам, выплавливающим ежедневно десятки и сотни тысяч пудов металла, тогда как у нас металлургическая промышленность, хотя бы того же Юга, сразу выросла, как грандиозный производственный механизм, там, где прежде, всего каких-нибудь 15—20 лет тому назад, доменным газом и не пахло.

Все сказанное в то же время логически вытекает уже из одного того факта, что ф.-з. производство в России питалось преимущественно иностранным капиталом приходившим к нам, понятно, во всеоружии новейшей техники, которая резко контрастировала с общим хозяйственным укладом страны.

Вместе с тем, только это обстоятельство может об'яснить, каким образом в стране, где сельское хозяйство совершает лишь первые шаги по пути капиталистического развития, мог образоваться передовой, дисциплинированный, сплоченный индустриальный пролетариат, способный на фоне общей отсталости осуществить рабоче-социалистическую диктатуру, да притом еще в капиталистическом окружении.

Итак, некоторые разногласия Ф.-Е. с ленинизмом—уже налицо.

Перейдем теперь к вопросу о темпе развития нашей промышленности. Финн утверждает, что ф.-з. производство в России росло чрезвычайно медленно. Не говоря уже о депрессии 1900—08 г.г., даже в последующий период промышленный под'ем был, по его мнению, крайне слабый.

«Производительный капитал и в пятилетие до войны двигался черепашьим шагом, и это, несмотря на ряд урожаев, на сравнительно благоприятные условия их реализации, на увеличенные казенные заказы и на приток иностранного капитала» [1].

Одновременно Финн об'являет сказкой американский рост нашей промышленности.

С такой точкой зрения ни в коем случае нельзя согласиться, так как наша индустрия, в явном противоречии с Ф.-Е., обнаружила в действительности накануне войны крайне интенсивный рост. Приведем лишь следующие цифры [2]):

	Выплавка чугуна	Добыча камен. угля	
1908 г. . . .	171 м. пуд.	1.590 милл. п.	(В 1900 г. 965 милл. п. по Европ. России).
1913 г. . . .	282 » »	2.180 » »	
Прирост . .	+70%	+37%	

Из данных цифр, относящихся к важнейшим отраслям производства, видно, что предвоенный под'ем нашей промышленности не уступал по темпу передовым капиталистическим государствам. Что же касается легкой индустрии, в частности текстильной, то незначительное ее расширение за годы под'ема (переработка хлопка возросла всего с 21,2 до 24,7 милл. пуд.) об'ясняется с одной стороны тем, что обрабатывающая промышленность еще не была целиком втянута в общехозяйственный под'ем, а с другой—более равномерным развитием легкой индустрии, вообще не обнаруживающей таких резких скачков, как металлургия. Кроме того, текстильная промышленность и в период депрессии непрерывно

1) Финн-Енотаевский, «Капитализм в России», стран. 306.
2) Л. Кафенгауз, „Под'ем или кризис". «Соврем. Мир». № 4 1914 год.

расширялась. Переработка хлопка за этот период увеличилась довольно заметно (с 16,1 милл. пуд. в 1900 г., до 21,2 милл. пуд. в 1908 г.) и с начала столетия по 1913 год дала общий прирост больше, чем на 50%.

Рост всей русской промышленности в целом наиболее ярко иллюстрируется данными, приводимыми Струмилиным в его недавней работе, посвященной динамике капиталов в России. По исчислениям Струмилина ежегодный прирост капиталов в промышленности составлял у нас до войны в среднем за 1885—1913 г.г. 7,2%, против 6,5% в Соединенных Штатах [1]).

Сверхамериканский темп оказывается, таким образом, вовсе не легендой. Во всяком случае, русская промышленность двигалась в довоенный период далеко не черепашьим шагом.

А вот мысль нашего уважаемого автора, действительно, с быстротой черепахи движется от меньшевизма к ленинизму. Все его рассуждения, помимо своей фактической необоснованности, донельзя напоминают бесконечно нудные разглагольствования меньшевиков о том, что Россия, мол, страна отсталая, промышленность в ней неразвитая, пролетариат ничтожен, а вот, вы, большевики, собираетесь, вопреки Марксу и всему символу веры марксизма, строить в ней рабочую диктатуру и насаждать социализм.

IV.

Логическим завершением всех ошибок нашего новообращенного почти-ленинца, является его критика теории финансового капитала.

В данном вопросе Ф.-Е. утверждает: 1) что никакого слияния промышленного капитала с банковским, никакого захвата финансовым капиталом главенства над промышленностью не происходит даже в Западной Европе и 2) он оспаривает факт перерастания нашего капитализма накануне войны в капитализм финансовый. Остановимся на обоих моментах.

Прежде всего почтенный Финн, яростно обрушивающийся на Гильфердинга, просто не понял природу финансового капитала. По его мнению, характерной чертой современной стадии развития капитализма является не главенство, а лишь некоторая независимость денежного капитала от капитала промышленного, тогда как в предшествующий период последний целиком управлял первым и доминировал над ним. Однако, суть дела не столько в том, кто осуществляет гегемонию: промышленность или банки, сколько в самом сращивании обоих видов капитала, являющемся неизбежным следствием широкого распространения акционерной формы предприятия [2]). Как раз этого-то сращивания и

1) «Плановое хозяйство». № 2, 1925 г.
2) Весьма пикантно, между прочим, звучит ссылка Финна на беседу с Каутским, которую он имел в 1922 году. В этой беседе Каутский, как передает Ф.-Е., сам сознался в ошибке, допущенной им и Гильфердингом в оценке финансового капитала, а именно: в чрезмерном преувеличении роли банков, из которого вытекла упрощенная концепция пролетарской революции, заключающаяся в том, что пролетариату достаточно будет захватить и национализировать только крупнейшие банки, чтобы весь производственный механизм современной индустрии оказался в его руках.

Каутский в данном случае прав. Пролетарская революция не происходит так безболезненно, она переживает на самом деле ряд серьезных трудностей в процессе экспроприации буржуазии. На ошибку Гильфердинга в этом направлении указал уже Бухарин в «Экономике переходного периода». Но когда двое говорят одно и то же—это далеко не одно и то же. Каутский, отрекаясь от своей прежней теории олигархического управления всей промышленности ничтожной финансовой кликой, руководствуется стремлением найти оправдание сво-

связанного с ним нового типа монополистического капитализма Ф.-Е. и не замечает, толкуя лишь о внешних формах засилия банков и биржи в хозяйственной жизни и благородно возмущаясь подобным явлением.

На протяжении больше, чем ста страниц, посвященных движению денежного капитализма, Ф.-Е. неизменно видит во всех случаях оживления акционерного учредительства и расширения банковских операций одну лишь спекуляцию. В частности, только спекуляцию он видит и в преобладании ссудных операций наших банков над учетными, тогда как в действительности этот факт свидетельствует о внедрении кредитных учреждений в промышленность и является типичной формой деятельности финансового капитала на той стадии, которой достигла промышленность в настоящее время.

* * *

Перейдем далее непосредственно к роли финансового капитала в России.

Здесь обнаруживается еще более неправильное представление Ф.-Е. о сущности монополистического капитализма. Полемизируя с Покровским, он возмущенно замечает:

«М. Покровский хватает через край даже с точки зрения ошибочной теории Гильфердинга, когда утверждает, что капитализм в России перед революцией переходил в высшую фазу.

Это в России-то, бедной капиталами «промышленный капитализм начинал переходить в финансовый», т.-е. экспортирующий избыточный капитал!»

В приведенной цитате меньшевистские напевы о нашей отсталости переплетаются с совершенно превратным пониманием современной фазы развития капиталистического производства.

Прежде всего, наличие экспорта капиталов вовсе не обязательно для определения данной экономической системы, как системы финансового капитализма. Необходимо лишь тесное сращивание банков с промышленностью и одновременное создание монополистических союзов предпринимателей. На эти два признака, особенно на последний, указывал Ильич, как на наиболее существенные элементы новейшего этапа капитализма. Они же имелись в России вне всякого сомнения. Согласно последним исследованиям в данной области, в частности согласно работе Ванага, под контролем и в распоряжении банков находилось у нас 81,3% металлургической промышленности, 75,0% каменноугольной, 85,9% нефтяной и т. д. Хорошо известно также и значение монополистических об'единений в нашей индустрии. Укажем хотя бы на синдикат «Продомета», в руках которого сосредоточивалось в среднем 70—80% всего сбыта сортового и листового железа, балок, швеллеров, бандажей и других продуктов железоделательной промышленности, на Продвагон, распоряжающийся более, чем 90% вагоностроения и т .д. [1]).

Элементы финансового капитала таким образом налицо.

Относительная же отсталость России, по сравнению с передовыми зап.-европейскими странами, нисколько не исключает существование в ней

его новейшего откровения, т.-н. «хозяйственной демократии». Мы же, нисколько не умаляя олигархического характера современного монополистического капитализма, независимо от того, преобладают ли в нем банки или предпринимательские союзы (Стинес, сам управляя банками благодаря индустриальной мощи своего концерна, ни в малейшей степени не переставал быть севременным феодалом), указываем лишь на неизбежный временный распад организационных форм новейшего капитализма в процессе социалистического переустройства общества.

[1]) Л. Кафенгауз. «Синдикаты в русской железной промышленности»

финансового капитала. Обладая высокой степенью концентрации, с чем, несмотря на ряд оговорок, все же соглашается Ф.-Е., пользуясь усовершенствованной техникой, русская промышленность являлась крайне подходящей почвой для развития именно монополистически-финансового капитализма в его высших формах. Кроме того, финансовый капитал тем и характерен, что он опутывает своими нитями все страны, независимо от того, на какой стадии хозяйственного развития они находятся. В этом положении заключается «гвоздь» ленинской теории империализма, в нем об'яснение всемирного и социалистического значения нашей Октябрьской Революции, как революции в первую голову антиимпериалистической.

Кто этого не понимает, тот неизбежно сваливается в оппортунистически-меньшевистское болото, обитатели которого изо всей мочи вопиют о безумстве большевиков, пытающихся в России, в «отсталой-то России», вне установленного, якобы, Марксом и пророками его, порядка начать мировую революцию.

* * *

Итак, подводя итоги всему изложенному, следует признать, что в разрешении коренных проблем, в вопросах: 1) о регрессивном процессе в сельском хозяйстве, 2) о характере развития нашей промышленности и 3) о значении финансового капитала, Ф.-Е. не совсем по-ленински, мягко выражаясь, трактует хозяйственную эволюцию России. Неизбежность Октябрьской Революции, как логического завершения всего предшествующего экономического развития, из изложения Финна вовсе не вытекает. Разногласия между ним и подлинно революционным марксизмом, несмотря на все покаянные заявления, следовательно, еще не изжиты. Если в первом вопросе эти разногласия носят некоторый только количественный характер, то в двух остальных, особенно в последнем, количество переходит в качество и меньшевистский ветхий Адам дает о себе знать.

Помимо отмеченных коренных ошибок Финна-Енотаевского, в его работе имеются еще некоторые отдельные неточности и фактически необоснованные утверждения, так, например, недооценивается денежная реформа Витте, неправильно освещается характер денежного обращения в первые годы войны, не совсем точно об'ясняется оживление промышленности в военный период и т. д.; но на них мы, за недостатком места, останавливаться не будем.

Необходимо, однако, отметить и положительную сторону работы Ф.-Е. Кроме богатого фактического материала, мы в ней находим весьма интересный и в целом теоретически выдержанный анализ нашего денежного обращения, финансовой и бюджетной политики царизма и пр. Что же касается вводных глав, посвященных теории рынка и кризисов, то они, более или менее правильно освещая марксистскую точку зрения по этим вопросам, после блестящего анализа проблемы воспроизводства, проделанного Бухариным, не дают ничего особенно ценного.

В. Богданов.

Письмо в редакцию.

От редакции журнала „Под Знаменем Марксизма“.

В связи с примечанием редакции „Большевика“ к статье тов. К. Розенталя „Об одной умной теории и неумном критике“ в № 17—18 за 1925 г. (по поводу статьи тов. В. Борилина в „Под Знаменем Марксизма“, № 5—6 за текущий год), редакция журнала „Под Знаменем Марксизма“ считает необходимым отметить, что она не согласна с некоторыми положениями тов. Борилина и, в частности, с его положениями о государственно-капиталистических трестах.

Статья нашла себе место в общем отделе, конечно, не потому, что она заключает эти неверные положения, а потому, что основная часть ее посвящена критике Гильфердинга, Шиппеля и других врагов революционного марксизма.

Редакция:
В. Астров.
Н. Бухарин.
Л. Каменев.
А. Слепков.
Е. Ярославский.

БОЛЬШЕВИК

№ 23—24

№ 23—24

30 ДЕКАБРЯ

1925

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

Письмо в редакцию.

От редакции журнала „Под Знаменем Марксизма“.

В связи с примечанием редакции „Большевика“ к статье тов. К. Розенталя „Об одной умной теории и неумном критике“ в № 17—18 за 1925 г. (по поводу статьи тов. В. Борилина в „Под Знаменем Марксизма“, № 5—6 за текущий год), редакция журнала „Под Знаменем Марксизма“ считает необходимым отметить, что она не согласна с некоторыми положениями тов. Борилина и, в частности, с его положениями о государственно-капиталистических трестах.

Статья нашла себе место в общем отделе, конечно, не потому, что она заключает эти неверные положения, а потому, что основная часть ее посвящена критике Гильфердинга, Шиппеля и других врагов революционного марксизма.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. Л. Каменев. А. Слепков. Е. Ярославский.

БОЛЬШЕВИК

№ 23—24

№ 23—24

30 ДЕКАБРЯ

1925

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 30 ДЕКАБРЯ 23—24

ПОЛИТИКО ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1 9 2 5
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 50206. Тираж 40000 экз.
Типография изд-ва «Правда» и «Беднота», Москва, Серебрянич. наб., д. 23а.

К XIV С'езду РКП (б).

На исходе 1925 года собрался XIV с'езд РКП (б). Верховному органу нашей партии, ленинскому авангарду победоносного пролетариата СССР, предстоит разрешить целый ряд ответственнейших жгучих вопросов. С'езд отметит все наши достижения, с'езд внимательно и хладнокровно учтет все трудности и преграды, встающие на нашем историческом пути, с'езд твердой рукой набросает стоящие перед нами перспективы, с'езд определит основные линии нашей политики на ближайший год, с'езд вручит всей нашей партии, всем нашим организациям ясные ленинские директивы дальнейшей работы, борьбы и строительства. Следуя этим директивам, партия поведет за собой к новым достижениям и новым победам все ширящиеся, все крепнущие массы рабочего класса. Возглавляя рабочий класс, хранящий прочный союз с основной массой нашего крестьянства, мы будем строить социализм в нашей стране.

Оглядывая пройденный между XIII и XIV с'ездами путь, мы уверенно, не надевая розовых очков, трезво взвешивая все факты, можем сказать, что пройденная нами полоса была полосой энергичного роста. Рост этот четко обозначился во всех областях общественной жизни нашего Союза. Мы укрепили власть наших Советов в городе и деревне. Мы повысили мощь нашего Союза на международно-политической арене, неизмеримо выросли симпатии к нам со стороны колониальных и полуколониальных народов. «Мировые» капиталистические державы все больше и больше вынуждены считаться с не по дням, а по часам крепнущим пролетарским государством. Мы подтянули к почти довоенному уровню нашу государственную социалистическую промышленность. Мы вернули в города, в мастерские к станкам, к молоту и горну ушедшие в деревню массы рабочих, мы вновь собрали на фабриках и заводах огромную армию промышленных рабочих. Не дремали производительные силы и в деревне, сельское хозяйство все время шло вверх, оно быстро оправлялось от ран, нанесенных ему империалистической и гражданской войной.

Под'ем нашей экономики города и деревни, нашей культурной жизни вовсе не шел «стихийно», вопреки нашей воле, по-

мимо нас, как силятся это утверждать наши враги. Мы с честью руководили процессом роста, мы со всей силой направляли его в желаемое нам русло, мы обуздывали враждебную нам стихию, мы с ней боролись, ее преодолевали. Серьезные успехи в этом отношении были достигнуты потому, что вся наша партия шла все время вперед железными сомкнутыми рядами под руководством ленинского ЦК. Центральный Комитет нашей партии вел неуклонно всю нашу партию под знаменем ленинизма, давая решительный большевистский отпор всяким сомнениям и колебаниям, царившим в ее рядах. Блестяще провел он вторую, литературную дискуссию с троцкизмом. Центральный Комитет неизменно указывал партии на опасности, на трудности, на противоречия. Он учил нашу партию смело глядеть в лицо опасностям, учил преодолевать их, а не дрожать перед ними, перед трудностями. Он учил миллионную массу ленинцев выдержке, гибкости, большевистской дисциплине.

Болезни роста у нас существуют. На них ставят свою нынешнюю ставку те, кто ненавидит рабочую республику, на них строит свои расчеты международная буржуазия, о них каркает белогвардейское воронье. Но ленинская партия не есть партия слабонервных. Вся она в целом и ее Центральный Комитет останутся чуждыми всякому комхныканью.

Опасности существуют. Наш путь долог и тернист. Кое-кто готов дрогнуть. Кое-кто готов забить тревогу. Кое-кого может захватить уныние, настроения ликвидаторства. А такие настроения в переживаемой обстановке роста имеют под собой об'ективную подпочву.

Нетрудно понять, как раждаются такие настроения паники и пессимизма. Логика этих настроений, примерно, такова.

Рост городской индустрии бесспорно происходит. Наша промышленность идет в гору. Но какова социальная природа этой госпромышленности? Разве нет в ней черт наемного труда и эксплоатации? Разве можно безоговорочно принять ее «последовательно-социалистический» характер? Разве нельзя ее в целом или те или иные ее элементы или стороны подвести под рубрику капитализма или «госкапитализма». Разве не очевидно, как еще отстает от роста потребностей уровень заработной платы? Разве несмотря на рост не воспроизводятся отношения неравенства? Разве не колет глаз «промышленная резервная армия», так туго рассасывающаяся, несмотря на рост? Весь пучек этих и других вопросов кое у кого рождает испуг перед действительностью и «сомнения» в будущем, влечет за собой безверие в социалистические перспективы.

Развертываются производительные силы деревни. Но эти производительные силы не суть производительные силы вообще. Они неминуемо облекаются в определенную социально-классовую плоть и кровь. Хозяйственный рост стихийно расслаивает деревню, стихийно дифференцирует советское крестьянство, экономически крепит верхушку, расширяет круг бедняцко-маломощных хозяйств. Стихия роста не может не лить воду на мельницу аграрного капитализма. Враждебные нам социальные элементы оформляются и укрепляются в деревне и, беря курс на разрыв рабоче-крестьянского союза, ведут подкоп под здание пролетарской диктатуры. Таким образом, рассуждают маловеры, если «сомнительны», если не «крепки» социалистические перспективы нашего города, то совсем уж безнадежны социалистические перспективы деревни.

И над нашим экономическим ростом в целом разве не ставят роковой знак вопроса? Разве шагает вперед наше хозяйство всюду равномерно, разве легко спланировать, координировать все элементы нашей экономики так, чтобы было обеспечено плавное поступательное движение всегда и повсюду? Разве мы гарантированы от больших просчетов в плане? И разве эти плановые просчеты не идут на пользу соревнующим с нами «частникам», спекулянтам, кулакам капитализма? И чем полнокровнее будет становиться наша хозяйственная жизнь, тем труднее будет налаживать плановое руководство хозяйством огромной страны, тем опаснее будут просчеты, тем больше будет выигрывать частно-хозяйственная, собственническая, буржуазная стихия.

И если наша экономика в целом, если все хозяйство СССР шествует под счастливой звездой роста, то вправе ли мы самообольщаться? Мы растем, мы движемся, но как? Не на «дрожжах» ли нэпа? Не по рельсам ли новой экономической политики? А разве новая экономическая политика не «отступление»? Мы растем, все время отступая, сдавая одну за другой наши социалистические позиции кулаку и частному капиталу. Наш рост оставляет за собой гигантскую черную тень. Производительные силы стихийно растут, но не за нас, а против нас. И чем быстрее будут расти производительные силы, тем больше грозных туч будет сгущаться на нашем горизонте, тем труднее для нас будет «маневрировать», «отступать», вести классовую борьбу.

И, сможет ли последовательно развиваться логика ликвидаторского безверия—«продержаться» до лучших времен, до тех времен, когда можно будет не по-нэповски, а по настоящему строить социализм в нашей стране? В одной стране, да притом еще отсталой, строить социализм невозможно, действительное социалистическое строительство начнется на другой день после мировой социалистической революции.

Где ахиллесова пята таких настроений и таких прогнозов?

Отдельные, скептически настроенные товарищи (таковые, к сожалению, существуют: Сафаров, Саркис и др.) забывают о двух

вещах, о двух взаимных между собой моментах. Они забывают о том, чему учил партию Ленин, об исторической миссии нашей госпромышленности и о крупнейшей роли нашей с.-х. кооперации. Рост социалистической госпромышленности в городе и рост социалистической кооперации в деревне—таковы два решающих шага для нас: на ту и на другую ставят наша партия и наш пролетариат свою ставку. Социалистическая промышленность будет расти и все больше вести в сторону социализма все хозяйство в целом, включая и хозяйство деревни. А кооперация—как это гениально предуказал Ленин—должна стать могучим рычагом коренной трансформации, социалистического преобразования всего хозяйственного уклада советской деревни. По кооперативному руслу наша партия и пролетариат поведут за собой деревню не шаткими аргументами административного принуждения, но властными аргументами экономического интереса. Социалистический пароход (городская индустрия), стоящий у нас под парами, потащит за собой деревенскую баржу по кооперативному фарватеру в далекое плавание. Лишь бы рулевой (наша партия) был бы на-чеку, лишь бы он знал все «рифы и тайные мели».

Ясно теперь, почему накануне с'езда и на самом с'езде подняты большие принципиальные теоретические и политические вопросы. Ясно, почему наша партия зубами отстаивает и будет отстаивать социалистическое (безусловно, без «но», безоговорочно) существо нашей промышленности. Ясно, почему она отстаивает и будет отстаивать учение Ленина о кооперации. Ведь речь идет об основном, о главном, о возможности победы социализма в нашей стране. Здесь нельзя затушевывать перспектив, здесь нетерпима какая бы то ни было неопределенность, здесь нужна полная отчетливость, полная ясность занятых партией позиций.

XIV с'езд партии примет определенные решения. Всякие попытки—от кого бы они ни исходили—исказить, нарушить или ревизовать эти решения партия будет рассматривать, как ревизию ленинизма, и с такими попытками беспощадно бороться.

Горячий привет лучшим большевикам Союза Советских Социалистических Республик, собравшимся на очередной партийный с'езд! Пусть крепнут ленинские ряды! Пусть будет нерушимым железное единство нашей партии! Пусть будет твердой большевистская рука!

Привет Ленинскому Центральному Комитету партии!

Испытанному стражу завоеваний революции, активным строителям социализма, ученикам Ленина—XIV с'езду партии наш пламенный привет!

Э. Гольденберг.

О строительстве социализма в „одной стране“.

Трудности роста никогда не давали себя чувствовать с такою силой, как сейчас. Противоречия, заложенные в нашей экономике, растут и на первых порах не могут не расти вместе с ростом нашего хозяйства. Хороший урожай привел к некоторому усилению крестьянского расслоения и к дальнейшему оперению и укреплению кулака. В то же время наша промышленность оказалась не в состоянии справиться с колоссально возросшими потребностями крестьянского рынка, а это привело к товарному голоду. Товарный голод в свою очередь не мог не вызвать общего ослабления наших позиций на рынке, создал возможность усиления спекуляции, обнажил ряд участков, куда устремился частный капитал и т. д. Еще более значительные последствия имело то, что крайне скупое предложение промышленных товаров вызвало соответственную реакцию со стороны крестьянства. Как известно, товарный голод является одной из главных причин того, что крестьянство повезло продавать хлеб в количествах гораздо меньших, чем мы предполагали и могли предполагать, исходя из размеров урожая. Отсюда рост хлебных цен, сокращение хлебозаготовок, резкое ухудшение экспортных, а, значит, и импортных возможностей, так как при отсутствии значительных заграничных кредитов, об'ем импорта самым непосредственным образом связан с об'емом экспорта. Между тем, от размеров ввоза заграничного оборудования и сырья, в значительной мере, зависит и темп развертывания нашей промышленности, обновление и расширение ее основного капитала и т. д., и т. д. Просчет в области хлебозаготовок рикошетом ударил по всему хозяйственному фронту и создал необходимость в пересмотре хозяйственного плана в целом.

Вообще говоря, этот просчет меньше всего является «ударом грома в ясном небе». Было бы чистейшей маниловщиной предполагать, что социализм будет охватывать и организовывать хозяйство нашей страны без отдельных просчетов, без частичных, порой значительных, поражений. Но эти поражения и эти просчеты, помимо того значения, которое они имеют непосредственно в хозяйственной сфере, служат питательной почвой для скептицизма в отношении социалистического характера нашего строительства в целом.

Социалистические и плановые элементы нашей экономики потерпели частичную неудачу в рыночной борьбе с мелкобуржуазной стихией. Перед лицом этого факта, вообще говоря, воз-

вещах, о двух взаимных между собой моментах. Они забывают о том, чему учил партию Ленин, об исторической миссии нашей госпромышленности и о крупнейшей роли нашей с.-х. кооперации. Рост социалистической госпромышленности в городе и рост социалистической кооперации в деревне—таковы два решающих шага для нас: на ту и на другую ставят наша партия и наш пролетариат свою ставку. Социалистическая промышленность будет расти и все больше вести в сторону социализма все хозяйство в целом, включая и хозяйство деревни. А кооперация—как это гениально предуказал Ленин—должна стать могучим рычагом коренной трансформации, социалистического преобразования всего хозяйственного уклада советской деревни. По кооперативному руслу наша партия и пролетариат поведут за собой деревню не шаткими аргументами административного принуждения, но властными аргументами экономического интереса. Социалистический пароход (городская индустрия), стоящий у нас под парами, потащит за собой деревенскую баржу по кооперативному фарватеру в далекое плавание. Лишь бы рулевой (наша партия) был бы на-чеку, лишь бы он знал все «рифы и тайные мели».

Ясно теперь, почему накануне с'езда и на самом с'езде подняты большие принципиальные теоретические и политические вопросы. Ясно, почему наша партия зубами отстаивает и будет отстаивать социалистическое (безусловно, без «но», безоговорочно) существо нашей промышленности. Ясно, почему она отстаивает и будет отстаивать учение Ленина о кооперации. Ведь речь идет об основном, о главном, о возможности победы социализма в нашей стране. Здесь нельзя затушевывать перспектив, здесь нетерпима какая бы то ни было неопределенность, здесь нужна полная отчетливость, полная ясность занятых партией позиций.

XIV с'езд партии примет определенные решения. Всякие попытки—от кого бы они ни исходили—исказить, нарушить или ревизовать эти решения партия будет рассматривать, как ревизию ленинизма, и с такими попытками беспощадно бороться.

Горячий привет лучшим большевикам Союза Советских Социалистических Республик, собравшимся на очередной партийный с'езд! Пусть крепнут ленинские ряды! Пусть будет нерушимым железное единство нашей партии! Пусть будет твердой большевистская рука!

Привет Ленинскому Центральному Комитету партии!

Испытанному стражу завоеваний революции, активным строителям социализма, ученикам Ленина XIV с'езду партии наш пламенный привет!

Э. Гольденберг.

О строительстве социализма в „одной стране".

Трудности роста никогда не давали себя чувствовать с такою силой, как сейчас. Противоречия, заложенные в нашей экономике, растут и на первых порах не могут не расти вместе с ростом нашего хозяйства. Хороший урожай привел к некоторому усилению крестьянского расслоения и к дальнейшему оперению и укреплению кулака. В то же время наша промышленность оказалась не в состоянии справиться с колоссально возросшими потребностями крестьянского рынка, а это привело к товарному голоду. Товарный голод в свою очередь не мог не вызвать общего ослабления наших позиций на рынке, создал возможность усиления спекуляции, обнажил ряд участков, куда устремился частный капитал и т. д. Еще более значительные последствия имело то, что крайне скупое предложение промышленных товаров вызвало соответственную реакцию со стороны крестьянства. Как известно, товарный голод является одной из главных причин того, что крестьянство повезло продавать хлеб в количествах гораздо меньших, чем мы предполагали и могли предполагать, исходя из размеров урожая. Отсюда рост хлебных цен, сокращение хлебозаготовок, резкое ухудшение экспортных, а, значит, и импортных возможностей, так как при отсутствии значительных заграничных кредитов, об'ем импорта самым непосредственным образом связан с об'емом экспорта. Между тем, от размеров ввоза заграничного оборудования и сырья, в значительной мере, зависит и темп развертывания нашей промышленности, обновление и расширение ее основного капитала и т. д., и т. д. Просчет в области хлебозаготовок рикошетом ударил по всему хозяйственному фронту и создал необходимость в пересмотре хозяйственного плана в целом.

Вообще говоря, этот просчет меньше всего является «ударом грома в ясном небе». Было бы чистейшей маниловщиной предполагать, что социализм будет охватывать и организовывать хозяйство нашей страны без отдельных просчетов, без частичных, порой значительных, поражений. Но эти поражения и эти просчеты, помимо того значения, которое они имеют непосредственно в хозяйственной сфере, служат питательной почвой для скептицизма в отношении социалистического характера нашего строительства в целом.

Социалистические и плановые элементы нашей экономики потерпели частичную неудачу в рыночной борьбе с мелкобуржуазной стихией. Перед лицом этого факта, вообще говоря, воз-

можно два заключения: *либо* можно заключить о необходимости дальнейшего укрепления и развития социалистических элементов нашего хозяйства, сосредоточить на этом внимание партии и пролетариата, с еще большей энергией и решительностью поставить перед собой задачу социалистического переустройства крестьянского хозяйства, его включение в систему социалистического хозяйства; *либо* об'явить эту задачу неразрешимой и утопичной и отодвинуть до тех пор, пока пролетариат не победит в мировом или по крайней мере, всеевропейском масштабе. Принятие первого вывода означает, что мы ставим перед собой задачу социалистического преодоления того противоречия, которое существует между социалистическими и мелкобуржуазными элементами нашего хозяйства, уже теперь в пределах «одной страны». С его точки зрения именно в этом преодолении и заключается основное положительное содержание новой экономической политики, одна из основных задач текущего периода революции. Второй вывод есть по существу не что иное, как *отказ* от преодоления этого противоречия. Когда сторонников того взгляда, что строительство в одной стране возможно и не только возможно, но уже имеется налицо,—когда их упрекают в том, что они не видят противоречий, заложенных в нашей экономике, то это чистейшие пустяки, замазывание вопроса, увиливание от прямого ответа на него. Противоречия есть, но вопрос в том, какие практические выводы из этого факта сделать. Вопрос в том, считаем ли мы необходимым и возможным эти противоречия осилить, или возводим их в принцип; строим мы свою политику, исходя из того, что мы будем постепенно овладевать мелкобуржуазной стихией через посредство социалистического переустройства крестьянского хозяйства, или строим ее, исходя из того, что эта задача нам не по силам, из того, что в деревне мы целиком и полностью остаемся на почве буржуазных отношений и буржуазной экономики. Вопрос в том, можем ли мы строить социализм в стране с преобладающим крестьянским населением, или это преобладание крестьянского населения обрекает нас на то, чтобы топтаться на месте и при помощи политических маневров «продержаться» до наступления решающих боев на Западе.

Отрицание возможности строительства социализма в «одной стране» обосновывается с двух концов. С одной стороны, отрицается социалистический характер нашей национализированной крупной промышленности или, если не отрицается прямо, то обставляется таким количеством оговорок и оговорочек, которые в своей сумме, по существу, означают не что иное, как отрицание. С другой стороны, делается упор только в *буржуазный* характер развития нашей деревни. Наша промышленность об'является не социалистической, а госкапиталистической. Вполне очевидно, что если в деревне мы имеем только буржуазно-кулацкое развитие, а в городе государственный капитализм, если и самые наши командные высоты расцениваются, как элементы не социализма, а госкапитализма, то рождение социализма в таких условиях должно представляться чудом не меньшим, чем скажем непорочное зачатие.

Начнем с промышленности. Мнение Ленина на этот счет выражено с ясностью, не допускающей абсолютно никаких сомнений. В статье о кооперации, которая является его политическим

завещанием, он говорит о наших национализированных крупных фабриках и заводах, как о «предприятиях последовательно-социалистического типа» [1]). В целом ряде статей, написанных и произнесенных во время нэпа, начиная с брошюры «О продналоге», он перечисляет *пять* элементов нашего народного хозяйства. Пятым элементом у него является *социализм*.

Социалистическим элементом Ленин считал в первую очередь национализированную крупную промышленность. Это знает всякий, читавший Ленина.

Когда же теперь социалистичность наших фабрик и заводов пытаются, если не открыто оспорить, то, во всяком случае, опорочить указаниями на то, что в нашей промышленности низкая заработная плата, ссылками на премиальную систему, на аккордные работы и т. п.,—то это все равно, как если бы на том основании, что пролетарская диктатура у нас страдает бюрократическими извращениями, стали бы отрицать самую пролетарскую диктатуру. Элементарно и азбучно, что когда мы говорим о социализме и капитализме, то мы имеем в виду раньше всего определенные типы производственных отношений. Капитализм это такой тип производственных отношений, при котором буржуазия в принадлежащих ей фабриках и заводах эксплоатирует пролетариат. *Это* классовое отношение нами уничтожено. Наши фабрики и заводы в руках рабочего класса. Классового отношения эксплоатации в нашей национализированной промышленности нет. Поэтому, несмотря на хотя и растущую, но абсолютно еще низкую заработную плату, несмотря на премиальную систему и аккордные работы, наши фабрики—социалистические фабрики. Кто этого не понимает, тот вообще ничего не понимает ни в капитализме, ни в социализме.

Но, может быть, наша крупная промышленность, будучи социалистической по типу производственных отношений, страдает еще капиталистическими отрыжками? Ведь, несомненно, что и низкая заработная плата, и премиальная система, и многое другое—это отрыжки капитализма. Может быть, социалистический тип производственных отношений *плюс* капиталистические отрыжки это и есть государственный капитализм? Тем более, что в этой связи можно уже указывать не только на низкую зарплату и премиальную систему, но и на то обстоятельство, что наша промышленность, работающая на рынок, организована по принципу хозрасчета, оскверняет себя пользованием такой антисоциалистической вещью, как червонец, и т. д., и т. п.?

Такого рода рассуждение представляет собой пустую и нелепую игру словами. Ведь гвоздь вопроса в том и заключается, что социалистическая промышленность, *несмотря* на то, что страдает капиталистическими отрыжками и работает на вольный рынок, все же остается социалистической, между тем, как государственный капитализм *несмотря* на то, что он государственный, *несмотря* на то, что государство рабочее, не перестает быть капитализмом. В докладе на XI с'езде партии т. Ленин говорил, что «государственный капитализм это—тот *капитализм*, который мы сумеем ограничить, пределы которого мы сумеем установить». Как известно, одним из видов государственного капитализма являются концессии. Концессионные предприя-

[1]) Том XVIII, ч. 2, стр. 133.

тия, связанные с нами, от нас зависят, ставятся нами в рамки. Тем не менее это капиталистические предприятия, так как иностранные капиталисты извлекают из них прибавочную ценность. По Ленину, следовательно, государственный капитализм это капитализм, нами ограничиваемый, нами контролируемый, но все же капитализм. И когда после такого определения госкапитализма пытаются пристегнуть к нему нашу крупную промышленность, то это все, что угодно, но не ленинизм.

Но, может быть, если нельзя назвать госкапитализмом нашу крупную промышленность, то все же это определение верно по отношению к нашей хозяйственной системе в целом? И на этот счет Ленин высказывался с совершенно исчерпывающей ясностью. В нашем народном хозяйстве он различал пять элементов: 1) патриархальное хозяйство, 2) мелкое товарное производство, 3) частный хозяйственный капитализм, 4) госкапитализм, 5) социализм. Государственный капитализм у него фигурирует, как один из пяти элементов нашей хозяйственной системы. Что «по Ленину» всю систему в целом нельзя называть госкапитализмом, так же очевидно, как и то, что часть меньше целого.

Выше мы видели, что под государственным капитализмом Ленин подразумевал регулируемый рабочим государством капитализм. Что означает с этой точки зрения определение нашей экономики, как госкапитализма? Одно из двух: либо наша крупная промышленность—транспорт и т. д., которые в динамическом рассмотрении являются стержнями народного хозяйства — рассматривается, как нечто, для него настолько несущественное, что при определении целого от них можно «абстрагироваться» потому, что ведь крупная промышленность не есть госкапитализм. Абсурдность такого определения очевидна. Либо по штату госкапитализма зачисляется и крупная промышленность. И тогда второе определение вполне стоит первого.

* * *

Таким образом, попытка обосновать невозможность строительства социализма в одной стране с «городского конца» оказывается мертворожденной. Крупная промышленность есть социалистическая промышленность, и ее рост есть рост социалистического, а не госкапиталистического элемента нашего хозяйства. Это реальный факт, который невозможно растворить в фразах, о том, что все наше хозяйство есть не что иное, как госкапитализм. Подойдем теперь к вопросу с «деревенского» конца. Если отбросить всякую полемическую шелуху, то вопрос сводится к следующему: является ли буржуазный путь развития крестьянского сельского хозяйства единственно возможным путем? На этот кардинальнейший вопрос пролетарской революции Ленин дал совершенно исчерпывающий ответ. Одно из основных положений ленинизма заключается в том, что там, где пролетариат победил, там, где в его руках находится государственная власть, промышленность, банки и т. д.—там буржуазное развитие не есть единственно возможное; там возможен — и с точки зрения революции необходим—кооперативно-социалистический путь. Не случайно и в высшей степени характерно, что в доказательство

невозможности социалистического переустройства деревни «в одной стране» всегда ссылаются на цитаты из Ленина, в которых он доказывает невозможность другого развития деревни, кроме буржуазного, при господстве капитализма. Вот на эту «мелочь», на то, что в «Развитии капитализма» и в ряде других, до революции написанных, работ Ленин пишет о деревне, развивающейся под политическим и экономическим гнетом буржуазного города—на эту «мелочь» с мужеством, поистине достойным лучшей участи, закрывают глаза наши неумеренные поклонники госкапитализма.

В статье «О нашей революции» (по поводу записок Н. Суханова) Ленин издевается над «рабской подражательностью прошлому». «Слов нет,—пишет он,—учебник, написанный по Каутскому, был вещью для своего времени очень полезной, но пора уже отказаться от мысли, будто этот учебник предусмотрел все формы развития дальнейшей мировой истории. Тех, кто думает так, своевременно было бы об'явить просто дураками».

Ленин, который, как никто другой, умел доказывать неизбежность капиталистической эволюции в деревне при капитализме, в то же время ясно видел и настойчиво подчеркивал возможность его кооперативно-социалистической эволюции при диктатуре пролетариата, при политическом и экономическом руководстве социалистического города. И не только голую возможность, но и реальный путь ее осуществления. Этим путем, этой «столбовой дорогой» социализма в деревне является кооперация. Статью Ленина о кооперации у нас знают все. «Рост кооперации,— говорит он в ней,—для нас тождественен (с указанным выше «небольшим» исключением) с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм».

Кооперативный план Ленина принят нашей партией. Но осуществим ли этот план до мировой победы революции, не утопичен ли он в приложении к «одной стране»? Кулак в деревне есть, и этот кулак растет. Будет ли в состоянии бедняцко-середняцкая кооперация хозяйственно обогнать кулака, хозяйственно его побить?

Сможет ли кооперация экономически поднять, укрепить широчайшие слои мелких и мельчайших крестьян? Бесспорно, что для кооперации эта задача окажется разрешимой лишь при экономической поддержке рабочего государства, его промышленности, его банков и т. д. Но будет ли эта экономическая поддержка достаточной? Хватит ли средств, поскольку речь идет об «одной стране», да еще такой отсталой, как Россия?

В известном смысле в этом гвоздь вопроса, но гвоздь очень не новый. Здесь мы в сущности возвращаемся к тому спору, который велся в прошлом году между товарищами Бухариным и Преображенским относительно «основного закона» социалистического накопления. Тогдашняя полемика между т.т. Бухариным и Преображенским имела чрезвычайно крупное значение, потому что она теоретически «завершала» дискуссию 1923 года. В статьях т. Бухарина, написанных в связи с этой полемикой, дано экономическое обоснование того нового курса в деревне, который был провозглашен XIV партконференцией.

Как известно, существо спора между Бухариным и Преображенским сводилось к следующему: т. Преображенский утвер

ждал, что социалистическое накопление в городе и крестьянское накопление в деревне суть процессы антагонистические. Социалистическое поэтому возможно лишь за счет крестьянского хозяйства. И отсюда вывод, что «основной закон» социалистического накопления заключается в эксплоатации деревни, в перекачке средств—через налоги, высокие цены и т. п.— в город, в промышленность.

Опровергая эту точку зрения, т. Бухарин писал: «Тот, кто рассматривает проблему воспроизводства и соотношения между госпромышленностью и сельским хозяйством исключительно с точки зрения борьбы за высокие цены, то-есть за дележ данного национального дохода, тот—это заранее можно сказать—никогда не сможет решить проблемы, ибо он не может даже правильно ее поставить. Поскольку так ставят вопрос коммунисты, мы имеем налицо, в лучшем случае, пережитки военного коммунизма потребительски-распределительную точку зрения (дележ данного, уже произведенного и полная беззаботность насчет будущего процесса воспроизводства), либо в худшем случае своеобразный трэд-юнионизм, цеховщину, которая блюдет узкие и непосредственные интересы рабочего класса и предает интересы общие, т.-е. коммунизм.

Приглядимся к этой точке зрения. В чем же ее основная ошибка? В том, что она не видит целого, она не видит всего народного хозяйства, и поэтому не понимает взаимозависимости и взаимной обусловленности его частей. Другими словами, она не видит динамики хозяйства и наблюдает лишь за его статикой. Если бы задача исчерпывалась однократным дележом между крестьянами и рабочими раз навсегда данного прибавочного продукта, то «истинно-рабочая» политика состояла бы в том, чтобы получить максимальную долю из этого дохода. Но тогда не было бы ни вопроса о воспроизводстве, ни вопроса о движении к коммунизму, ни вопроса о блоке рабочих и крестьян»[1]).

Жизнь подтвердила правильность точки зрения т. Бухарина целиком и полностью. Мы вышли из кризиса 1923 года через снижение цен; на базе снижающихся цен, снижаемого налога, на базе твердой валюты, принесшей ликвидацию эмиссионного налога на деревню, мы достигли исключительно быстрого темпа развертывания промышленности. Это говорит о том, что социалистическое накопление в городе и накопление в деревне в известном смысле суть процессы, взаимно друг друга питающие.

Во избежание недоразумений мы спешим тут же оговориться, что мы не имеем здесь в виду кулацкое накопление, которое в конечном счете неизбежно становится в конфликт с социалистическим накоплением и со всякими вообще социалистическими формами хозяйства. Задача, именно, в том и заключается, чтобы этого «конечного счета» избежать, чтобы создать возможность кооперативного накопления для бедняцкого и середняцкого крестьянства, направить развитие производительных сил в кооперативно-социалистическое русло. Возможно ли это «в одной стране»? Хватит ли на это нашей экономической силы, хватит ли у нас на это средств?

---

[1]) Н. Бухарин, «Некоторые вопросы эконом. политики». М. 1925 г., стр 6.

Само собой разумеется, что если сознательно или бессознательно стоять на точке зрения т. Преображенского и рассматривать социалистическое накопление в промышленности и кооперативное накопление в деревне, как процессы антагонистические, если считать, что материальная поддержка кооперации может быть оказана лишь за счет урезывания рессурсов нашей промышленности, то, принимая во внимание, общую ограниченность этих рессурсов, принимая во внимание, что обновление основного капитала промышленности означает растущий с ее стороны спрос на капитал, отсутствие крупных иностранных займов, и т. д., и т. п.,—принимая все это во внимание, пессимизм по отношению к возможностям кооперативно-социалистического развития сельского хозяйства «в одной стране» можно было бы признать более или менее обоснованным. Но это лишь в том случае, если рассматривать положение только статически, если представлять себе, что дана раз навсегда определенная сумма, которую мы должны поделить между промышленностью и крестьянской кооперацией, при чем, чем больше дадим первой, тем меньше останется второй, и наоборот. Но ведь на самом-то деле, в динамике, картина получается совершенно обратная. Промышленное накопление и кооперативное накопление суть взаимно сообщающиеся, взаимно друг друга питающие процессы, хотя, конечно, промышленность является ведущим началом. И если нет, и не может быть пессимизма относительно роста нашей промышленности, то нет и не может быть пессимизма и относительно роста поддержки с ее стороны бедняцко-середняцкой кооперации. Если есть возможность развития социалистической промышленности «в одной стране», значит есть и «в одной стране» возможность социалистического переустройства сельского хозяйства. Реализация этой возможности в стране с преобладающим крестьянским населением может показаться утопией лишь людям, считающим, что учебник по Каутскому предусмотрел все возможные формы развития мировой истории и мнение о которых тов. Ленина мы выше привели. Действительно, утопична обратная точка зрения. Утопия думать, что, оставаясь в деревне на почве только буржуазных отношений, защищая середняка и бедняка только как мелких товаро-производителей, не перестраивая их хозяйства на кооперативно-социалистический лад, не включая их в систему социалистического хозяйства, мы сможем укреплять политический союз пролетариата и крестьянства. Если так смотреть на дело, то, конечно, мы не строим социализм, потому что однобокое строительство социализма, строительство его только в городе вещь явно невозможная; потому что, говоря словами т. Ленина, наша задача в том, чтобы «сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством, и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно вся масса будет двигаться вместе с нами». Если считать эту задачу не разрешимой «в одной стране», тогда мы, конечно, не социализм строим, а топчемся на месте в ожидании решающих боев на Западе. Но такая точка зрения ничего общего с ленинизмом не имеет.

В. Богданов.

К характеристике современного меньшевизма.

I.

«Нео-нэп» и нео-иллюзии.

В момент перехода к «старому» нэпу меньшевики торжественно благовестили о своей победе, о принятии коммунистической партией таких методов экономической политики, которые уже давно выдвигались именно ими—меньшевиками. Некий Югов в статье «За что проголосовала жизнь» [1]), хвастается, что еще в начале 1919 года ЦК Р.С.-Д.Р.П. выработал программу, сводящуюся к требованиям свободы товарооборота и развязывания частно-предпринимательской инициативы, и что большевики в 1921 году осуществили как раз эту самую меньшевистскую программу». «Это было первое отступление на наши позиции»,—победоносно изрекает тоном глубочайшей мудрости Югов.

«Но отступление еще не было достаточным. В интересах действительного сохранения за государством хотя основных позиций общественного хозяйства призывали мы к самоограничению. Мы убеждали сделать выводы из провозглашенного нэпа—поощрить здоровую частную инициативу, денационализировать значительную часть предприятий, создать правовые условия для частной предприимчивости... Прошло четыре года нэпа... и... неумолимая история произвела к 1925 году новую проверку нашего спора. Вновь осудила коммунистов. Лучшее доказательство—новое отступление в области экономики.

Уже не раз, всегда неискренно, всегда несвоевременно, коммунисты отступали на позиции, нами отстаиваемые. Это бывало и в крупном и в малом. Идейные банкроты, они повторяют наши зады и в тактике по отношению к русскому крестьянину, и в вопросах продналога, свободы торговли, пределов национализации, кооперации и т. д., и т. д.»—и в заключение буквально мессианистский пафос: «Как ни мучительна борьба, которую ведет наша партия, но за будущее нашего спора социал-демократия спокойна. История проголосует за нас. Диктаторы упорствуют, хотя приходит последний 12-й час.

Они упорствуют. Не будет ли поздно?»

Итак, вся наша экономическая политика есть не что иное, как ряд последовательных отступлений. Как тут не ликовать,

[1]) «Социалистический Вестник» № 10. 1925 год.

не звонить на весь мир о скором пришествии царства господня! Меньшевистские сердца переполняются трепетной радостью, ведь еще одно мгновение, еще ничтожное движение секундной стрелки истории и наступит, наконец, долгожданное торжество свободы, демократии и прочих приятных вещей.

Недаром же, по сведениям «Соц. Вестника», «Каменев и Дзержинский разрабатывают декрет о массовой денационализации промышленности».

Разберемся, однако, во всей приведенной аргументации. В 1921 году наша партия действительно провела частично те мероприятия, о которых кое-что говорили и наши политические противники. Совершенно правильно! Но что же отсюда следует? Ровно ничего!

Великовозрастному меньшевистскому младенцу, вероятно, абсолютно ничего не известно о существовании на свете некой диалектики, которая «по Гегелю» говорит, что истина конкретна, т.-е. что отдельные мероприятия, губительные в одних условиях, становятся вполне разумными в других. Свобода торговли в начале 1919 года была бы чистейшим самоубийством, ибо она означала создание базы внутренней контр-революции. Отказ от продразверстки в разгар гражданской войны привел бы одновременно к полному подрыву снабжения армии, он обрекал бы пролетарское население крупных промышленных центров на форменное вымирание, и меньшевики в этот момент, проповедуя свободу торговли, могли повредить делу революции больше, чем открытые враги: белогвардейские генералы и польские паны. Они тем самым полностью заслужили клеймо пособников контр-революции, агентов мирового империализма.

Правда, Советское правительство с «опозданием» на два года признало все-таки столь любезную меньшевикам свободу торговли, но в этих двух годах, все значение громадной пропасти, отделяющей гениальную дальновидность Ильича от косноязычного пророчества меньшевистских кликуш. То, что было невозможным два года назад, оказалось вполне возможным и целесообразным с окончанием гражданской войны.

Вместе с тем, мы вышли победителями из этой гражданской войны, несмотря на все предсказания меньшевиков, именно благодаря системе военного коммунизма, опираясь на продразверстку, жестоко подавляя спекулянтов и мешечников. И это новое доказательство нашей правоты, правильности нашей экономической политики.

Все сказанное понятно у нас в Советской России любому комсомольцу и оказывается недоступным пониманию людей, хвастающих знанием «Капитала» и щеголяющих своей марксистской ученостью. Социальная слепота мешает им это увидеть и понять.

Пойдем теперь дальше. Меньшевики заявляют, что мы только и делаем, что отступаем и сдаем частному капиталу одну позицию за другой.

Но отступающая и только отступающая армия неизбежно должна разложиться, утерять свою боеспособность, уступить поле сражения войскам противника, то-бишь, иным социально-классовым группировкам.

На самом же деле, ничего похожего мы не видели. Ведь, сами меньшевики принуждены признать наличие за последние

3—4 года интенсивного обще-хозяйственного и промышленного под'ема, и этот под'ем, как бы ни изворачивались теперь меньшевистские борзописцы, имел место вопреки их кликушестким предсказаниям. В 1921 году меньшевики говорили, что нэп будет благодетелен только для частно-капиталистического хозяйства; для госпромышленности же, управляемой бюрократическим аппаратом, он принесет окончательный крах, если большевики не сделают дальнейших уступок, если они не денационализируют большую часть фабрик и заводов. История пошла по совершенно иному пути. В условиях новой экономической политики больше всего выиграли в действительности не частнокапиталистические элементы в нашей экономике, а как раз государственное хозяйство.

Кто же оказался правым, господа меньшевики, и кто очутился не в особенно удобной (впрочем для резонерской болтовни весьма удобной) и почтенной позе—задом к истории? Имейте смелость откровенно и прямо ответить на этот вопрос! Аналогичная обстановка складывается и в настоящее время. Посмотрим, в чем подлинная сущность «новейшей» экономической политики, свидетельствует ли она о паническом отступлении пролетарской диктатуры?

Конечно, нет!

Содержание современной политики по отношению к крестьянству, развитие нэпа в деревне, определяется всей совокупностью факторов, действующих в период пролетарской революции вообще. Основоположники марксизма и все марксистские теоретики неоднократно указывали на то, что пролетариат вовсе не собирается экспроприировать крестьянство и перевести развитие всего сельского хозяйства в целом сразу в социалистическое русло. И если так, если крестьянство, как слой мелкобуржуазных производителей, сохраняется долгое время после победы пролетарской революции, то отсюда логически вытекает необходимость предоставления ему возможности нормально вести свое хозяйство, расширять и увеличивать производство на тех основаниях, которые отвечают социальной природе крестьянства, т.-е. на началах товарного (в потенции капиталистического) хозяйства. Все это настолько ясно, что не должно возбуждать никаких сомнений. Политика медленного экономического внедрения социализма в сельскую экономику—неизбежная перспектива развития пролетарской революции не только в России, но и в других пролетарских государствах Западной Европы, и никакого принципиального отказа от идейной непогрешимости коммунизма в данном случае не заключается.

Вполне понятно, что в России вопрос о тенденциях развития сельского хозяйства приобретает сугубо важное значение в связи с удельным весом крестьянского производства во всей экономике страны. Но различие здесь не в самом характере пролетарской политики в деревне: она и в передовых экономически развитых странах и в отсталой России сводится к одному и тому же, к экономическому, а не административному вовлечению деревни в рамки обобществленного хозяйства. Суть вопроса—в количественном соотношении государственного и частного хозяйства, в способности первого направлять и использовать в своих целях развитие второго, и здесь российский пролетариат оказывается конечно, в несколько отличных условиях от пролетариата европейского. Значительная слабость и неналаженность крупного промышленного производства в тот момент, когда оно вышло из гражданской войны и хозяйственной разрухи первых лет революции, выдвигали на первый план опасность поглощения частнокапиталистической стихией командных высот пролетарской диктатуры. Именно эта опасность, опасность усиления и укрепления капитализма на базе сельского хозяйства, при наличии разрушенной и бездействующей промышленности заставила нас поставить рогатки и препоны свободному процветанию частной инициативы в деревне. Но подобные рогатки должны были быть сняты, как только государственное организованное хозяйство окрепло настолько, чтобы не бояться открытого соревнования капиталистических и социалистических начал в масштабе всей экономики страны. Вот почему мы твердо и уверенно заявляем и можем повторить еще много раз, не обращая внимание на иронические насмешки меньшевистских писак, что дальнейшее развязывание товарооборота, «новейшая» экономическая политика—признак нашей силы, а не нашей слабости.

Больше того—это не только признак, но и новый источник нашей силы, нашего быстрейшего продвижения к социализму.

Вся эпоха нэпа чрезвычайно убедительно демонстрирует нам своеобразный характер «экономической диктатуры» пролетарского государства, которое не только борется с частным капиталом, но и использует его в своих целях, в целях усиления антикапиталистических начал в нашей экономике.

Возьмем для примера первые $1\frac{1}{2}$—2 года нэпа. Принужденная перейти к работе на рынок, наша промышленность в этот период была лишена совершенно своей собственной товаропроводящей сети. Выходящий из производства товар сразу исчезал из сферы государственного хозяйства, довести его до непосредственного потребителя, до деревни, ни наша кооперация, ни госрозница не была в состоянии. И необходимо признать, что в этот момент частный капитал сыграл огромную роль и не только отрицательную: он налаживал товаропроводящую сеть, он восстанавливал порванные связи между городом и деревней и создавал тем самым необходимые предпосылки для дальнейшего развертывания промышленного производства. Кроме того, развитие нашей собственной торговой сети значительно облегчилось именно благодаря тому, что мы шли уже по проложенному ранее пути. Наконец, деятельность частного капитала приносила пользу государству и тем, что увеличивала существенно его доходы. Срезая излишки прибылей, снимая в форме налогов, сборов и прочего, сливки с доходов торгового капитала, мы обращали эти средства на новое усиление экономической мощи государственного хозяйства, на дальнейшее финансирование промышленности, транспорта и т. д.

Итак, не только бороться с капиталом, не только вытеснять капиталистические элементы, но и использовать их в социалистическом строительстве—в этой тактике ключ к разрешению того мнимого противоречия, которое усматривают в нашей политике меньшевики: «зачем мол вы допускаете частное капиталистическое хозяйство, если ставите себе задачу положить его в дальнейшем на обе лопатки». Убогость мысли меньшевистских провидцев не дает им возможности понять диалектический

характер развития пролетарской революции, но тем хуже для них самих и для тех, кто определяет их политическую линию. Кого история хочет наказать, у того она, как известно, отнимает разум.

Основываясь на длительном опыте социалистического строительства и на уроках, преподанных нам историей, мы и теперь можем оставаться спокойными за дальнейшие пути развития революции. Мы имеем все основания полагать, что, опираясь на 62% обобществленного хозяйства, мы направим эволюцию деревни в конечном итоге по тому пути, который угоден нам, а не капиталу и его меньшевистским подголоскам.

«Пробил двенадцатый час большевистской диктатуры!»

Старые песни, господа! Мы их слышим уже больше восьми лет и смеем вас уверить, что вы все равно не дождетесь наступления желанного для вас утра капиталистической реставрации [1]).

II.

Госпромышленность и парниковое разведение цветов.

Русские меньшевики очень смущены бесцеремонным и откровенно-клеветническим выступлением своего дорогого учителя, у ног которого они все сидели (елейное выражение О. Бауэра), Каутского, выпустившего новую книгу, направленную против СССР. Каутский, как известно, старается доказать европейским рабочим, что в Советской России продолжается непрерывный экономический кризис, растет нищета, все более и более обездоливается рабочий класс—словом, повторяет (за исключением, может быть, пресловутой «национализации женщин», за которую приходилось краснеть в свое время тем же меньшевистским информаторам) старые песни о грядущей гибели России, одичании ее народных масс и прочие старческие глупости.

Меньшевики понимают, что старыми методами надувать рабочих теперь уже невозможно. Можно врать, но не следует завираться—иначе европейский пролетариат, хорошо видящий хозяйственный под'ем СССР и непрерывное улучшение положения нашего рабочего класса, перестанет окончательно доверять меньшевистским россказням. И вот на страницах «Соц. Вестника» выступает Дан с критическими возражениями против книжки Каутского. Вслед за ним меньшевистский «спец» по вопросам экономики, Далин, также спешит поправить некоторые благоглупости «теоретика международной социал-демократии». Далин пишет:

---

[1]) Весьма любопытно противопоставить победным кликам меньшевиков трезвую оценку нашей экономики буржуазной прессой Западной Европы. Комментируя новый курс по отношению к крестьянству, солидная немецкая газета «Industri und Handelszeitung» от 26/IV 25 г. пишет: «Мы убеждены, что не следует рассчитывать в ближайшее время на основную перемену их принципиального направления (т.-е. направления нашей экономической политики. *В. Б.*). Все отрасли русской общественной жизни слишком срослись с коммунистическим мировоззрением и пониманием жизни для того, чтобы можно было оценивать мелкие отклонения коммунистической магнитной иглы, как длительный разрыв с основными тенденциями и принципами».

«С тех пор, как Каутский обмолвился в своей последней брошюре неудачной фразой (только ли одной фразой? *В. Б.*) о развивающемся экономическом кризисе в России, в лагере советской печати царит необычайное ликование...

«Но еще потешней, чем эти оффициальные восторги, еще комичней, что вся заграничная правая русская печать... никак не может переварить и никак не может освоиться с тем фактом, что в России действительно происходит экономическое оживление, что народу живется сейчас значительно лучше, чем три—четыре года назад, и период развала, распада, разложения и катастроф, пришел к концу. Нет более строгих «экономических материалистов». И поэтому смятение и растерянность не знают конца» [1]).

Однако, по мнению Далина, подобное уныние не должно иметь места. Он утешает растерявшуюся и деморализованную эмиграцию тем, что «устойчивость политического режима зависит вовсе не целиком от степени экономического выздоравливания» и что «как ни опасны сейчас для большевизма экономические катастрофы, самый тяжелый кризис готовит ему не хозяйственный распад, а хозяйственное оздоровление».

Откуда же придет этот кризис большевизма? По гениальной прозорливости Далина он вытекает из самого характера нашего хозяйственного под'ема. «Есть одно принципиальное различие,—пишет он,—между тем, как происходит возрождение хозяйства после войны во всей Западной Европе, с одной стороны, и в России—с другой... В Западной Европе промышленность возрождалась и восстанавливалась своими собственными силами, из своих собственных средств. Совершенно иначе обстоит дело в России.

Несмотря на то, что по данным Советской статистики, промышленность у нас совсем близко подходит к довоенному уровню, она была и остается дефицитной... нынешняя система государственного «коммунистического» хозяйства представляет картину грандиозной убыточности, которая выразится в сотнях миллионов золотых рублей в год. «Бурный рост» индустрии—за счет посторонних средств. В этом основное различие между возрождением хозяйства на Западе и у нас».

Каковы источники этих посторонних средств? Их Далин насчитывает целых 9. Здесь и дотации из местного бюджета и недоимки по неуплаченным налогам и т. д., и т. п. В общем, в целых 6 пунктах, для пущей важности под разными рубриками, фигурирует один и тот же источник, а именно государственная казна. Кроме того, Далин указывает на уровень цен на продукты промышленности и сельского хозяйства, являющийся якобы новым средством взимания с населения подати на содержание государственного хозяйства.

Однако, у него все же не хватает смелости утверждать, что одним из источников нашего промышленного под'ема является эксплоатация рабочего класса.

Но скромно умалчивая об эксплоатации русского рабочего, Далин также лицемерно обходит молчанием и то обстоятельство,

---

[1]) «Социалистический Вестник» № 17/18, 1925 г., статья Далина «Под'ем, урожай и политический кризис».

что Европейская промышленность поднималась, главным образом, за счет нещадной эксплоатации своего пролетариата.

Возьмем для примера, Германию, страну, пострадавшую гораздо меньше, чем Россия. Согласно отчета АДГБ (всеобщего об'единения свободных профсоюзов Германии) в одном только 1924 году имели место 33.855 конфликтов с 18,4 миллионами участников—это, значит, что каждый германский рабочий бастовал в течение года в среднем полтора раза. Такой невиданный размах статечного движения сам по себе, независимо от «лживой информации» коммунистической печати, красноречиво свидетельствует о сильнейшем нажиме капитала на рабочий класс.

Сокрушаясь за будущее России, которая неизбежно, по их мнению, в самом непродолжительном времени придет к торжеству капитализма, они не стесняются открыто выступать бардами и песнопевцами капитализма Европейского. Что же на самом деле подразумевает Далин под восстановлением европейской промышленности своими средствами. Если он молчит об эксплоатации пролетариата, если он отрицает значение американских кредитов, то остается только один источник накопления—предпринимательская прибыль. Таким образом, европейские капиталисты (какие они благородные и самоотверженные!) отказываются, по Далину, от удовлетворения своих «скромных» потребностей в целях скорейшего восстановления промышленности и налаживания производства. Ну, как после всего этого не назвать меньшевиков лакеями буржуазии?

Вернемся, однако, к Советской государственной промышленности. Действительно ли она настолько дефицитна, как это изображает Далин, действительно ли на поддержание ее государству приходится тратить много сотен миллионов рублей ежегодно? Все это, конечно, чистейшие выдумки, лишенные всякого основания!

Прежде всего наша промышленность, вопреки уверениям меньшевистских «экономистов», уже давно вышла из стадии проедания основного капитала. Приведем в доказательство этого следующие факты:

Амортизационные отчисления до войны по подсчетам Струмилина составляли ежегодно в среднем 178 м. рублей. Для настоящего времени они равняются в 1923/4 году 130 м. р., для 24/5 г. около 160 м. р. и для 1925/6 г. по предварительным расчетам 190 м. р. Одновременно промышленная прибыль за те же годы составляет 99 милл., 220 милл. и 350 милл. рубл. против довоенных 435 милл. рублей (в среднем за 1910—13 г.) [1]).

Итак и в первом и во втором случае мы имели цифры, приближающиеся или даже превышающие цифры 1913 года. Правда, необходимо учесть разницу в курсе рубля, но не следует в то же время забывать, что нагрузка наших предприятий в 1924/5 году и особенно в 1923/4 г.г. значительно отставала от довоенной, следовательно, приведенные данные об амортизационных отчислениях и прибылях должны оцениваться относительно еще выше, чем данные о тех же прибылях и амортизационных отчислениях до войны.

[1]) Цифры 1913 года учитывают к тому же несколько более широкий круг предприятий, чем современные данные. К сожалению, более точных и сравнимых данных мы не имеем.

Правда, развертывание производства; пускание в ход новых фабрик и заводов, требующих предварительного капитального ремонта, поглощает весь излишек доходов промышленности и вызывает необходимость в дополнительных ассигнованиях из госбюджета и банковского кредита, но Далин, пользуясь определенно шуллерским приемом, пытается смешать в данном случае два совершенно различных вопроса: рентабельность действующих предприятий и способность промышленности своими средствами расширять дальше производство.

Мы уже видели, что изображение Далиным процесса восстановления европейской промышленности является даже с точки зрения меньшевистской этики, совершенно неприличной апологией капитализма, и, как бы Далин ни распинался во славу европейской буржуазии, мы можем констатировать, что даже незначительно разрушенная германская промышленность смогла залечить раны, нанесенные войной и рурской оккупацией только благодаря щедрости дяди Сама. Но в таком случае, еще меньше можно требовать от советской промышленности восстановления одними только собственными силами, без помощи государства. Нельзя забывать, что мы получили в наследство от царизма все отрицательные черты его экономической системы, в частности крайнюю финансовую слабость промышленности. Не приводя сейчас полностью проделанных нами подсчетов, укажем лишь на то, что из всей ежегодной эмиссии промышленных ценных бумаг (550—600 м. р.), едва ли больше одной трети приходилось на собственное накопление в промышленности (150—200 м. р.) наибольшую же часть новых капитальных фондов промышленность черпала извне: с одной стороны,—из некапиталистических сфер экономики (накопления помещичьего класса, торговли, крестьянства, отчасти рабочих и служащих), и, с другой стороны, из-за границы в форме иностранных займов, выпуска акций на заграничные биржи и т. д. Достаточно напомнить хотя бы одно то, что оба последних промышленных под'ема в России (конца 90-х годов и 1908—13 г.г.) были вызваны притоком средств с внешнего рынка. В первом случае имел место непосредственный прилив иностранных капиталов, сохраняющих полностью свой «национальный суверенитет», во-втором, те же иностранные капиталы получались нашим народным хозяйством косвенно, как своего рода эквивалент, за возрастающий хлебный экспорт, который благодаря высоким мировым ценам на хлеб был чрезвычайно рентабелен и обогащал страну новыми ценностями.

Итак, экономическая мудрость господина Далина оказывается той же самой фикцией по отношению к нашей промышленности, как и по отношению к промышленности западно-европейских стран. Место, сколько-нибудь добросовестной оценки в писаниях высокомудрого меньшевистского Эдипа, занимает самое беззастенчивое воспевание мощного гения капитализма, во-первых, и самая злостная клевета на революционный пролетариат, впервые в истории берущейся за дело радикальной перестройки современного экономического строя, — во-вторых.

* * *

Помимо фактической вздорности всех обобщений Далина, эти обобщения сами по себе не выдерживают никакой критики и со стороны своей внутренней логичности. Далин за-

дается вопросом: **капиталистической или социалистической является советская промышленность?** И отвечает:

«Если говорить точно, нельзя отнести нынешнее государственное хозяйство в России ни к той, ни к другой категории. Это парниковое разведение цветов, это оранжерейное хозяйство, это, если хотите,—лабораторный опыт, или же, наконец, предмет роскоши. Это стоит дорого, но в какую категорию хозяйств прикажете записать громадные парки английских лордов, оранжереи и сады американских миллиардеров, драгоценные постройки индусских князей?»

Рассуждение Далина, как мы видели, блещут своей красочностью и образностью, что же касается убедительности, то таковая также блещет своим отсутствием. «Советская промышленность есть предмет роскоши... парниковое разведение цветов». Но позвольте, откуда же берутся средства для содержания такой громадной оранжереи, ведь и английским лордам и индусским князьям удовлетворение их прихоти входит в копейку. Сколько же должно стоить содержание целой отрасли народного хозяйства, плохо или хорошо, но обслуживающей 150-миллионное население страны? (Напомним, что у нас на долю обобществленного, то-бишь, «оранжерейного», хозяйства приходится 62% всех капитальных рессурсов). Далин указывает на госбюджет. Но, ведь, госбюджет сам базируется на национальных доходах, следовательно, излишнее роскошество возможно только за счет национальной экономики в целом. Далин так и рассуждает. Он выдвигает нашу политику цен и нашу налоговую политику, как средства перераспределения, в пользу государственного хозяйства всего народно-хозяйственного накопления. Однако, чрезмерное расточительство приводит, как известно, по отношению к отдельному предприятию к полнейшему банкротству; по отношению к целому народному хозяйству оно должно выразиться в его захирении, в упадке и разрушении производственных сил и т. д. Мы же, наоборот, наблюдаем интенсивный рост и оздоровление всей экономики страны. То самое сельское хозяйство, на которое, по Далину, падает в наибольшей степени тяжелое бремя финансирования «коммунистических экспериментов», должно было бы пострадать особенно сильно; в действительности же, оно переживает невиданный под'ем и оказывается в состоянии пред'явить такой спрос на средства производства, что наличных запасов вместе с импортом не хватает на покрытие даже половины имеющихся заявок. Речь при этом, идет, конечно, не об абсолютной потребности крестьянства, а о вполне реальном платежеспособном спросе.

Что касается частного капитала, то и здесь государство не может иметь значительных доходов, ибо в экономике страны частный капитал играет весьма небольшую, и чем дальше, тем все меньшую, роль. Кроме того, по мнению Далина и присных его, капитал чувствует себя в условиях Советской диктатуры очень хорошо.

Если мы поставим далее вопрос в тенденции, в его развитии, то тогда обнаружатся уже совершенно непонятные, с меньшевистской точки зрения, явления, форменные чудеса. Источники для роскошного образа жизни в виде присвоения частно-хозяйственных доходов за последние годы относительно сокращаются: снижаются цены на промтовары, растут хлебные цены («ножницы» составляли на 1/X—23 г. 3,10, на 1/X—24 г.—1,46, и на 1/X—25 г.—уже только 1,25), уменьшается с.-х. налог (с 340 милл. руб. в 24 г. до 240 милл. р. в 25 г.). Казалось бы, при наличии всех этих факторов геспромышленность неизбежно должна была бы чахнуть, превращаться в совершенно безжизненное образование; она же, напротив, из года в год растет все быстрей и быстрей. Темп восстановительного процесса не только не угасает, но, наоборот, непрерывно ускоряется.

Нет, господин Далин, несмотря на свой солидный стаж политического надувательства, несмотря на долголетнюю школу партийной казуистики, вы, как видно, не научились все-таки сводить концы с концами в своей аргументации! И если факты реальной действительности, наличие мощного под'ема в промышленности, растущей необычным даже для восстановительного процесса темпом (осенью 1921 года промышленное производство достигало примерно 18—20% довоенного уровня, октябрь 1925 года дает уже 90% довоенной выработки—за **четыре года увеличение в 4½ раза!**) заставляют нас признать возрождение нашего народного хозяйства, оживление всей экономической жизни, то, как вы ни вертитесь, на какие софистические рассуждения ни пускайтесь, чтобы очернить пролетарскую диктатуру—эта диктатура показала, что она является мощным орудием хозяйственного под'ема, притом под'ема на совершенно иных социально-экономических принципах, на совершенно иной классовой базе.

Этот факт свидетельствует о наличии громадных залежей творческой энергии, коренящихся в рабочем классе даже такой отсталой страны, как Россия, и он признак не грядущей гибели советской системы, а дальнейшего, все большего ее укрепления и усиления.

III.

Куда мы растем?

Итак, советское хозяйство неуклонно поднимается, при чем обобществленная его часть растет и укрепляется быстрей, чем неорганизованная, мелкособственническая. С признанием этого несомненного факта падает первое утверждение меньшевиков о росте и под'еме капитализма за счет увядания и упадка социалистических форм. Вторым существенным моментом, является здоровый рост государственной промышленности, который свидетельствует о жизненности и плодотворности плановых методов ведения хозяйства. Вместе с этим обнаруживается вздорность обвинений нашей промышленности в том, что она процветает исключительно за счет государственной казны.

При наличии этих фактов меньшевикам остается единственный выход: им остается только об'явить, что само обобществленное хозяйство наше, есть хозяйство капиталистическое. Отсюда разговоры о нашем отказе от ленинского определения советской системы, как системы госкапитализма, отсюда дальнейшие прогнозы насчет грядущего перерождения и т. д.

Прежде всего, необходимо отметить, что меньшевики совершенно напрасно пытаются использовать в своих целях не кого иного, как... Ленина. В нашей печати уже неоднократно доказывалось, что Ильич под государственным капитализмом понимал вовсе не наши промышленные предприятия, а концессии, аренду, и пр. Что же касается сути вопроса, то здесь, в первую очередь, следует указать на вопиющую разноголосицу в самом стане меньшевистских мосек. С одной стороны, госпромышленность об'является не капиталистической и не социалистической, а... оранжерейной; с другой стороны, когда этот продукт оранжерейного творчества обнаруживает глубокие экономические корни и показывает свою способность к бурному росту, тогда оказывается, что причина этого роста кроется в капиталистическом характере самого советского хозяйства.

Будьте, однако, последовательны, господа меньшевики! Нельзя же, в самом деле, ругать бюрократизм, нежизненность, негодность советского хозяйственного аппарата, требовать призвания варягов, массовой денационализации, отказа от коммунистических экспериментов и т. д., как единственного средства вдохнуть «живую жизнь» в наше крупное ф.-з. производство, а затем с гордым видом заявлять, что именно этот негодный советский аппарат, есть воплощение капиталистических форм хозяйства. Если последнее правильно, то зачем же нужна денационализация, зачем же нужно сдавать частному капиталу командные высоты, зачем отказываться от проводимой в настоящее время экономической политики, ведь, чисто капиталистическое хозяйство, по разумению меньшевиков, уже теперь идентично с нашим государственным хозяйством.

Меньшевики скажут (они это и говорят, чтобы избежать явного, всякому младенцу видного, противоречия), что советская экономика—капиталистическая в тенденции, что она в дальнейшем сможет развиваться только в той мере, в какой «комдиктатура» будет пядь за пядью отступать от своих первоначальных принципов.

«Национализированная промышленность все больше и больше превращается в типичное казенное капиталистическое предприятие, с которым пролетарий связан только, как «рабочие руки», как получатель заработной платы» («Соц. Вестник», № 10. Передовая) и в другом месте: «Для таких отсталых стран, как Россия, нет сейчас других путей для быстрого развития производительных сил и восстановления мощи рабочего класса (??), как пути капиталистические». («Соц. Вестник», № 14. Статья Дана «Пролетариат и демократия в России»).

Но в таком случае возникает новое противоречие. Если советское хозяйство до сих пор не было капиталистическим по своей сущности, если оно не управлялось разумно капиталистическим методом, то почему же оно оказалось все-таки вполне жизнеспособным? Словом, мы возвращаемся к уже разобранной нами меньшевистской аргументации.

Из всего подобного нагромождения непримиримых противоречий, меньшевики могут выбраться только одним путем, а именно признанием того, что наша госпромышленность уже сейчас является чисто капиталистической и что весь предыдущий период хозяйственного под'ема носил целиком капиталистический характер. Этого

меньшевики, конечно, не могут признать, ибо их функции об'ективной агентуры капитала не позволяют им примириться с разумностью нашего современного хозяйственного строя (а он, несомненно, должен быть по меньшевистской логике вполне разумным, если покоится на частно-капиталистических основаниях) и они платонически утешают себя тем, что Советы сами проводят идеально-капиталистическую политику. Однако, теоретический и практический интерес, связанный с данной проблемой, настолько велик и в наших собственных рядах, что мы все же считаем необходимым остановиться на нем несколько подробней.

Большой материал для решения настоящего вопроса, опубликованный к XIV партс'езду, уже заключает в себе важнейшие аргументы за признание последовательно-социалистической сущности нашей госпромышленности. Наиболее существенным из всех приведенных соображений, нам кажется то, что капитализм, хотя бы с приставкой «гос», неизбежно предполагает наличие классовых отношений, наличие класса капиталистов, как определенного суб'екта хозяйства. Действительно, что это за капитализм, когда нет капиталистов, когда и эксплоататором и эксплоатируемым является один и тот же класс, когда руководящая всей экономической политикой партия—партия коммунистов—насчитывает в своем составе почти 60% рабочих, из которых $^2/_3$ и сейчас работают у станка.

Вместе с тем наш «капитализм» включает в себя почти все элементы чисто-социалистического хозяйства. Здесь мы имеем и обобществление средств производства в руках государства и планомерное руководство промышленностью (наши планы за последние годы все более и более приближаются к реальным цифрам выработки), транспортом, кредитом; наконец, хозяином государственных предприятий является сам пролетариат. Это последнее обстоятельство радикально отличает нашу экономическую систему от идеально-мыслимого, но никогда не существовавшего в полном об'еме, госкапитализма в рамках политического господства буржуазии.

Для полного завершения социализма нам не хватит только одного—это планового распределения продуктов производства, уничтожения рынка и товарного хозяйства, но всякому, марксистски-грамотному человеку должно быть понятно, что для этого необходим долгий переходный период постепенного обобществления мелко-собственнического крестьянского хозяйства, вовлечение его целиком в русло социалистической экономики. Тем более странно было бы слышать от меньшевиков упреки с этой стороны, ибо их собственный идеологический вождь — Каутский, договорился не так давно до того, что и при развернутом социализме неизбежно сохранение денег и свободного товарообмена..., гарантирующего, якобы, потребителю максимальное удовлетворение его личных потребностей.

Однако, и эта товарно-денежная стихия, служащая оболочкой нашего обобществленного хозяйства, постепенно обуздывается, подчиняется организованному плановому воздействию государства. Прежде всего, она почти совершенно вытесняется из внутреннего оборота между государственными промышленными предприятиями; цены на важнейшие средства производства: уголь, нефть, металл и пр. устанавливаются не рынком, а нашими высшими хозяйственными органами. Наконец, самое существенное и прин-

ципиально решающее обстоятельство: цена рабочей силы, т.-е. уровень заработной платы определяется в современных условиях не свободной игрой спроса и предложения, а совершенно иным способом: зарплата у нас до последнего времени росла одновременно с увеличением безработицы—факт ни в коей мере не согласующийся с капиталистическими якобы методами нашего хозяйства. Таким образом, внутри-производственные отношения между «предпринимателем» и рабочим не имеют у нас ничего общего с производственными отношениями капитализма.

Добавим к сказанному, что и взаимоотношения между госпромышленностью и неорганизованной частью нашей экономики уже теперь в значительной степени определяется сознательной политикой наших плановых учреждений (политика цен на предметы широкого потребления, регулирование внутренней торговли, хлебозаготовительные планы и т. д.). Совокупность всех перечисленных моментов дает нам полные основания сделать вывод о социалистическом, а не капиталистическом характере нашего обобществленного хозяйства.

Конечно, для осуществления социализма в развернутом виде необходимо не только обобществить всю экономику страны, нужно еще радикально переработать на базе коллективистических отношений и социальную психологию широких масс. Маркс по этому поводу писал: «Как для массового порождения коммунистического сознания, так и для самого дела (строительства социализма. *В. Б.*), необходимо массовое изменение людей, которое возможно только в практическом движении, в революции; следовательно, революция необходима не только потому, что нельзя никаким иным способом свергнуть господствующий класс, но и потому, что свергающий класс может только в революции очиститься от всей грязи старого общества и стать способным создать новое общество»[1]). На этот же процесс указывал и Ленин, когда говорил о необходимости выработки новой сознательной, пролетарской трудовой дисциплины, которая заменит собой дисциплину кнута и голода.

Таким образом, для успешного завершения социалистического строительства нужны решительные сдвиги в области явлений и факторов идеологического порядка, необходимо обрастание социалистической в основном экономики социалистической же надстройкой, вытекающей из коллективно-товарищеской психологии рабочего класса.

Как же у нас обстоит дело на этот счет? Молекулярность, постепенность и неприметность всех такого рода идеологических процессов способствует тому, что они не бросаются нам в глаза. Поэтому, весьма любопытно привести на этот счет мнение такого беспристрастного наблюдателя со стороны, как видный английский экономист Кейнс. Кейнс, как известно, откровенный сторонник капиталистического способа производства, у него хватает смелости, в противоположность социал-соглашателям, прямо заявить, что революция застанет его на стороне того класса, к которому он принадлежит, т.-е. на стороне буржуазии. В то же время Кейнс оказывается настолько смелым, чтобы открыто принимать и соглашаться с теми новыми социальными явлениями, какие он видел в стране, управляемой пролетариатом в Советской России.

1) «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», книга I, стр. 226—7. Курсив наш. *В. Б.*

В своей статье, помещенной в английском журнале «Нейшен энд Атенеум», Кейнс пишет:

«В настоящее время при советской системе нет прямого запрещения покупать и продавать с прибылью. Политика власти состоит не в запрещении этих профессий, а в том, чтобы сделать их непрочными и позорными. Частный торговец является своего рода изгоем, без привилегий или защиты, как средневековый еврей. Частная торговля является выходом для тех, кого влечет туда всемогущий инстинкт, но отнюдь не естественным или приятным занятием для нормального человека.

Последствием всех этих социальных перемен будет, я думаю, подлинное изменение отношения к деньгам, при чем оно будет еще явственней, когда подрастет новое поколение, не видавшее ничего другого». (Курсив наш. *В. Б.*).

Голос Кейнса далеко не одинок. Вот выдержка из статьи немецкого экономиста Эккардта, в которой автор, печалясь о судьбах германской торговли с СССР, пишет:

«Все революционное русское право должно подвергнуться радикальной перестройке прежде, чем иностранцы смогут себя хорошо и уверенно чувствовать в России. Но на подобную перемену невозможно рассчитывать потому, что Советский Союз покоится именно на основах этого особенного, своеобразного и внутренне мощного пролетарского сознания» (курсив наш. *В. Б.*). (Bergwerkszeitung от 10/III 1925 года).

В приведенных выдержках заключается наиболее ценное для нас признание (признание сознательных противников социализма!) громадной работы, проделанной нашей революцией по основательной переработке человеческого материала, по созданию новой социальной психологии широких народных масс. И этот факт с неоспоримой убедительностью свидетельствует о том, что мы растем именно к социализму, что мы уже на много продвинулись вперед по пути строительства нового общества. В свете подобных признаний, как убоги, как отвратительны, косноязычные рассуждения «рабоче-любивых» меньшевиков! В противоположность ученым буржуа Западной Европы, у них не хватает гражданского мужества, политической смелости, не хватает, наконец, простой честности, чтобы согласиться с тем, насколько глубоки корни пролетарской диктатуры в Советской России, насколько сильны в ней новые ростки нового социалистического общества, и это понятно, ибо с признанием всего сказанного нужно итти дальше, нужно откровенно сознаться в своем историческом банкротстве, на что меньшевики, конечно, не способны.

А. Айхенвальд.

Теория недооценки середняка.

(Госкапитализм и кооперация).

Корни вопроса о роли середняка и о партийной политике в деревне уходят в более общий вопрос: является ли государственный капитализм основным элементом нашего хозяйственного уклада; будет ли всякая несоциалистическая клеточка нашего хозяйственного тела на своем пути к социализму обязательно проходить через этап государственного капитализма; обязательно ли весь основной деревенский фон советской экономики должен в условиях нашего воздействия иметь тенденцию к госкапитализму и только через него—к социализму.

Попытаемся выяснить сущность этого вопроса и его связь с подходом к социалистической переделке середняка.

Возможны два основных варианта обоснования того, что основным стержнем «нэповской России» являются государственно-капиталистические отношения. Первый, более наивный, очевидно, неленинский, состоит в прямолинейном признании всей нашей крупной промышленности государственно-капиталистической. При этом из пяти ленинских укладов: 1) патриархальное, т.-е. в значительной степени натуральное крестьянское хозяйство, 2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян, из тех, кто продает хлеб), 3) частно-хозяйственный капитализм, 4) государственный капитализм, 5) социализм»—таинственно пропадает высший, пятый, социалистический уклад: его поглощает (не пугайтесь: только в фантазии некоторых плохих экономистов) пасть государственного капитализма. Оказывается, что все технически развитые, крупные культурные предприятия являются государственно-капиталистическими, и что, следовательно, попросту фактически, уже сейчас руководство всей пятиэтажной пирамидой находится в руках госкапитализма: к нему стремятся все отсталые формы, он окрашивает в свой цвет все хозяйство и задает тон основным экономическим процессам.

Этот «наивный» вариант госкапиталистических философов достаточно разоблачен в предс'ездовских статьях и речах. Поэтому прямо обратимся к второму, на наш взгляд, более «серьезному» варианту. В основном этот вариант сводится к следующему.

Не в том дело, что в нашем хозяйстве господствуют предприятия госкапиталистического типа; не в том дело, что госпромышленность является государственно-капиталистической промышленностью. В этом пункте можно и уступить под энергичной теоретико-политической атакой и великодушно согласиться с Лениным, признав, что государственный сектор нашего хозяйства (промышленность, транспорт, банки) состоит из «предприятий последовательно-социалистического типа». Однако, если взять наше хозяйство в целом, то каково же самое главное

соотношение различных экономических форм внутри него? Мы имеем «двуначалие»:

1) Из преобладающего мелкого товарного земледелия, кустарничества, ремесла с неудержимой силой растет капитализм. Этот неизбежно вновь растущий капитализм смыкается со своей верхушкой—уже существующим слоем частных капиталистов. Такова всеобщая тенденция развития всякой не-социалистической клеточки. Таково первое, капиталистическое начало нашего хозяйства.

2) Этому неизбежному капиталистическому развитию противостоит социалистическое государство со всей тяжелой артиллерией своих «командных высот». Эти социалистические элементы ограничивают (вернее, борются за ограничение) стихийно растущий капитализм; они стремятся подчинить его целям социалистического накопления; они стремятся поставить его в известные рамки, направить по социалистическому руслу, сделать своим агентом в деле подтягивания к социализму отсталых хозяйственных форм. Таково второе основное начало в нашей экономике—начало государственное, социалистическое. Соотношение этих двух начал дает самую существенную черту как всего состояния нашего хозяйства, так в особенности всего его развития. А поскольку именно такое соотношение (т.-е. направление растущего капитализма в государственное русло) Ленин и называл государственным капитализмом, постольку весь наш нэповский строй и может быть охарактеризован, как строй государственного капитализма. Поэтому в основном все наше продвижение к социализму есть нечто иное, как развертывание государственного капитализма. Центральной задачей является умело «оседлать» капиталистического коня, падеть на него государственную узду и на нем в'ехать во врата социализма. При этом кооперация окажется не маловажным средством ограничения капиталистического развития, его государственного регулирования или,—извиняюсь за неуклюжесть выражения,—его огосударствления.

Но, конечно, с этой точки зрения она есть один из способов огосударствления, или один из видов государственного капитализма—и больше ничего. Государственный капитализм покрывает собой всякий способ продвижения к социализму, и кооперация включается в него. Таковы основные положения второго варианта.

Попробуем разобраться, в чем состоит их антиленинская суть. А так как сторонники разбираемых взглядов обставляют их более или менее детально подобранными и более или менее неудачно понятыми и истолкованными цитатами из Ленина, попробуем установить то место в деле социального строительства, которое отводил Ленин подчинению государством капиталистических ростков нашего хозяйства.

О капиталистическом развитии мелкого хозяйства Ленин в «Продналоге» пишет следующее: «Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере, как стихийный продукт мелкого производства и обмена, и постольку мы должны использовать капитализм (в особенности направляя его в русло государственного капитализма) как посредствующее звено между мелким производством и социализмом; как

средство, путь, прием, способ повышения производительных сил». И в другом месте: «Весь вопрос—как теоретический, так и практический,—состоит в том, чтобы найти правильные способы того, как именно следует направить неизбежное (до известной степени и на известный срок) развитие капитализма в русло государственного капитализма, какими условиями обставить это, как обеспечить превращение в недалеком будущем государственного капитализма в социализм». (Подчеркнуто всюду нами. *А. А.*).

Мысль совершенно ясна: в наших условиях мелкое производство и обмен будут выделять капиталистические элементы. «В известной мере», «до известной степени» и «на известный срок» это неизбежно. Постольку, поскольку это выделение неизбежно будет происходить, наша задача по отношению к нему состоит не в запрещении всякого развития частного капитализма, но в том, чтобы направить капиталистическую воду на социалистическую мельницу—в первую голову использовать этот рост капитализма для под'ема производительных сил, а затем превратить этот распыленный, анархичный, мелкий частный капитализм в нами укрупняемый и нами организуемый (через торговлю, кооперацию, кредит и т. д.) культурный, государственный капитализм. Следовательно, по отношению ко всем капиталистическим элементам нашего хозяйства (поскольку они в известной степени неизбежно будут выделяться) генеральной линией социалистической переделки является государственное регулирование, т.-е. превращение в государственный капитализм.

Сфера государственного капитализма, как дорога к социализму, охватывает область капиталистических элементов и капиталистических процессов нашего хозяйства. Тут, в переходе от «мелкобуржуазного капитализма», от частного российско-азиатского капитализма к социализму, дорогой является государственный капитализм; ибо «тут и к государственному крупному капитализму и к социализму ведет одна и та же дорога, ведет путь через одну и ту же промежуточную станцию». (Ленин, там же).

Является ли, следовательно, по Ленину, государственный капитализм путем к социализму? Конечно, да. Но есть ли это весь путь к социализму? Есть ли это одна единственная, всеобщая дорога?

Если бы у нас все не-социалистические элементы были капиталистическими, то тогда и государственный капитализм был бы всеобщим путем к социализму. Но только экономические слепцы (вольные и невольные) или экономические дети до-пионерского возраста не знают и не видят того, что ясно и твердо установил Ленин: того, что центральной хозяйственной фигурой нашего земледелия является середняк. Конечно, сейчас все перед ним расшаркиваются, все де-юре признают его центральную роль, но не все понимают как нужно и можно подвести основную середняцкую массу крестьянства к социализму.

Середняк основной вид «простого товарного хозяйства» в экономике Сов. Союза. Он—вторая ступенька ленинской схемы. К нему приближаются (или будут приближаться) основные массы патриархально-натуральной части нашего сельского хозяйства (т.-е. первой «ступеньки»). Так как же? Является ли госкапитализм непременной и обязательной промежуточной станцией на основном пути середняка к социализму? И вот на этот решающий вопрос нужно дать категорически отрицательный ответ.

Откуда следует, что для подтягивания середняка на социалистическую, пятую ступеньку ему обязательно нужно добросовестно и педантично пройти сначала через частно-капиталистический уклад, потом через государственный капитализм и, наконец, только в качестве госкапиталистического «элемента» получить высочайшее разрешение приобщиться к социалистическому лику? Откуда следует, что неизбежно весь середняцкий слой в целом должен в советских условиях «разложиться», быть «размытым», разделиться на кулаков и бедняков? Другими словами, откуда следует, что вся деревня в нэповских условиях обязательно должна развиваться только на капиталистический лад и потом через госкапитализм подходить к социализму?

Мы не знаем, откуда это следует, разве что из некритического перенесения законов развития деревни при капитализме в условия советского строя; разве что из упущения результатов 8-летней победоносной революции.

Мы знаем во всяком случае, что нигде Ленин не говорил о неизбежности развития всей деревни в целом по капиталистическому руслу; мы знаем, что из Ленина этого не следует: что из Ленина следует прямо противоположное: возможность направить основное развитие хозяйства середняка по принципиально другой некапиталистической (и поэтому не госкапиталистической), кооперативной дороге.

«Кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэпа есть все, что нам нужно, потому, что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов. В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого государства со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., разве это не все что нужно, для того, чтобы из кооперации, одной только кооперации... разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества?»

В этих буквально двух фразах, внешне неотточенных и не закругленных, дана вся сущность дела. Кооперация потому имеет колоссальное значение, что она добивается, чтобы частный, торговый интерес крестьянина «питал» не капитализм, а социализм. Она строит социализм на основе личного, частного интереса; она направляет этот частный, торговый, собственнический интерес в социалистическое, а не капиталистическое русло. Поэтому для перехода к социализму нам нужно «только» поголовное кооперирование крестьянства; поэтому «кооперация в наших условиях сплошь и рядом совершенно совпадает с социализмом». Поэтому возможно и необходимо противопоставить капиталистическому развитию деревни (неизбежному, как мы видели только «в известной мере») другую линию, другой путь развития. Госкапиталистическая дорога к социализму деревни равносильна признанию необходимости капиталистической перестройки

нашей деревни (в том числе «размыванию» середняка) и только последующего направления деревенского капитализма по социалистическому руслу. Все развитие деревни сводится тут к одной, основной, капиталистической эволюции. Мы эту эволюцию только ограничиваем и поворачиваем на социалистические рельсы—(главным образом через кооперацию, служащую здесь видом государственного капитализма).

Кооперативная дорога деревни к социализму равносильна обходу неизбежности капиталистического развития для всей деревни, предупреждению этого развития; тут кооперация является непосредственным соединением социалистической (5-й) и товарно-крестьянской (2-й) ступенек; тут она является формой непосредственно-социалистического развития середняцкого хозяйства. Тут налицо два противоположных пути развития деревни: кулацко-капиталистический и кооперативный. Поскольку неизбежно будет происходить первое развитие, поскольку в деревне будет создаваться капитализм, постольку на сцену должен выступать государственный капитализм, как подход к социализму; и поскольку кооперация будет средством организации, ограничения и использования кулаков (напр., частично кредитная кооперация), постольку она будет являться одной из форм государственного капитализма. Но поскольку кооперация будет предвосхищать капиталистическое развитие и отводить частно-собственнические стремления крестьянина в социалистическое русло, поскольку она будет суживать размеры капиталистического развития в деревне, более того, поскольку она будет экономически уничтожать капитализм—постольку она будет «совершенно совпадать с социализмом». Как видно, наш путь к социалистической переделке отсталых хозяйственных элементов является комбинированным путем: от кулака к социализму дорога может лежать через госкапитализм (и тут кооперация может быть частью госкапитализма); от середняка к социализму дорога лежит через кооперацию, как социалистическое об'единение мелких товаропроизводителей. От городского капиталиста (нэпмана) дорога к социализму—через государственный капитализм; от трудового кустаря-середняка дорога к социализму—через кооперацию и т. д.

Весь Ленинский путь к социализму нельзя загнать и включить в рамки государственного капитализма. В наш период основным подходом к социалистической переделке деревни является строительство социалистической кооперации.

Теперь мы можем подвести итог.

Центральной ошибкой второго варианта неумеренной философии госкапитализма является недооценка возможности социалистического развития; эта ошибка состоит в неправильном возведении неизбежного в известной мере роста капитализма во всеобщую тенденцию всей мелкотоварной экономики Сов. Союза; эта ошибка состоит в выпадении роли кооперации, как «столбовой дороги» продвижения середняка к социализму.

В связи с этой центральной ошибкой стоит об'явление нэпа сплошным отступлением.

Конечно, нэп в 1921 г. был отступлением: мы отдавали известную долю хозяйственной территории капиталистам. Мы отказывались от попытки непосредственного перехода к социализму. Но нэп, взятый в целом, взятый не как момент, а как эпоха, является не отступлением, а переходом пролетарской революции на высшую ступень, на ступень действительной социалистической перестройки нашего хозяйства. И как раз кооперация в основном является таким способом строительства социализма, который обходит промежуточные капиталистические ступени. Поэтому кооперация есть наступательное движение социалистического уклада.

Таким образом, переоценка госкапитализма является теоретическим корнем недооценки середняка и кооперативного подхода к социализму. Таким образом, оба варианта госкапиталистической философии являются в одинаковой мере вариантами непонимания ленинизма, непонимания ленинского пути движения к социализму. Партия вырвет эти теоретические корни недооценки середняка; партия отвергает эту неленинскую теорию.

Черный.

Регулирование, рост и социальный состав партии.

Все партии, в том числе и коммунистические партии капиталистических стран, ставят своей важнейшей задачей вербовку возможно большего числа членов в свои ряды, увеличение своего состава, дающее возможность расширить связи с массами, увеличить влияние среди них. И, пожалуй, наша партия является единственной партией в Коммунистическом Интернационале, своеобразное положение которой заставляет ее вести особую, отличную от других компартий, политику вербовки, роста и регулирования состава партии. Наша партия уже является руководящей в стране партией, пользующейся безграничной поддержкой масс и ходом событий получившей монополию влияния на массы, руководства ими. В этих условиях партия располагает почти неограниченными возможностями роста. И эти возможности она могла бы реализовать в любое время. Но задача партии состоит в том, чтобы количественный рост ее шел в соответствии с возможностями сохранения и улучшения ее качества, как авангарда рабочего класса, как действительного вождя рабочих и крестьянских масс. Этими мотивами определяются и условия вступления в партию тех или иных более или менее близких к партии социальных элементов и особые методы регулирования процессов роста и социального состава партии.

Решительные изменения наша партия пережила в начале 1924 года, когда в течение нескольких месяцев она включила в свой состав до 200.000 пролетариев, серьезно изменивших соотношение социальных групп внутри партии. Усвоенный со времени ленинских дней курс на рост партии продолжался и после XIII с'езда. И XIV Всесоюзная партийная конференция, подтвердившая этот рост к апрелю 1925 года, дала ряд указаний. Она указала «что необходимо пополнить деревенские партийные организации за счет лучших, революционно-устойчивых и политически подготовленных тружеников деревни и батраков, бедняков и наиболее близкой к партии части середняков», и, в качестве обобщающей директивы по вопросу о политике регулирования роста партии, выдвинула следующее требование: «В вопросе о дальнейшем росте партии необходимо руководствоваться задачей охранения партии, как действительного коммунистического авангарда пролетариата, и потому в настоящих условиях обращать больше внимание на улучшение качественного состава партии, пред'являя соответствующие требования ко всем вновь вступающим членам партии».

Приближается XIV с'езд. Партии нужно подвести итоги своей работы в этой области, нужно знать какие явления и процессы произошли в ее составе за период с XIII с'езда. Что мы имеем в этой области?

Дать точные цифровые итоги к настоящему времени невозможно, т. к. партийная статистика их пока не имеет.

Но более или менее приблизительно общую цифру состава партии к ноябрю месяцу 1925 г. дать можно. К июлю 1924 г. партия насчитывала в своих рядах 647.261 члена и кандидата партии. За год, т.-е. к июлю 1925 г., учитывая пополнение и убыль, партия выросла на 264.530 чел. (на 40,9%) и насчитывала в своих рядах 911.791 чел., из них до 55% членов партии. Процент женщин с 10 (в июле 1924 г.) возрос к июлю 1925 г. до 11,8, в результате принятия в партию за год 44.062 женщин.

Если учесть темп роста партии за период с июля по сентябрь 1925 г. (44.854) и прибавить количество коммунистов, находящихся в Красной армии и флоте и на заграничной работе, то на ноябрь 1925 г. получится цифра, доходящая, примерно, до 1.050.000 чел. Таким образом, не впадая ни в какие преувеличения, можно смело утверждать, что наша партия по своей численности уже перевалила за миллион членов и кандидатов.

Но анализируя явления, связанные с ростом партии, нельзя ограничиться одними данными общего численного увеличения состава партии. Необходимо рассмотреть изменения в отдельных социальных группах внутри партии, проявившуюся тягу в партию, соотношение в партии ее членского и кандидатского состава. И вот здесь мы оказываемся связанными несовершенствами и неполнотой данных нашей партийной статистики. Поэтому при разборе отдельных моментов вопроса мы принуждены пользоваться данными только на 1 июля и в некоторых случаях на 1 сентября 1925 г.

Прежде всего остановимся на вопросе о тяге в партию, в известной мере характеризующей отношение к партии различных слоев трудящихся, и о том, в какой мере эта тяга нашла себе удовлетворение, т.-е. как шел прием в партию.

За первую половину 1925 г. по 73,4% (т.-е. приблизительно 3/4) всего количества ячеек нашей партии было подано 342.420 заявлений о приеме в партию, из них:

от рабочих около	50%
» служащих	25 »
» крестьян	22 »
» батраков	3 »

Эти цифры говорят о том, что тяга со стороны рабочих в партию продолжает держаться на относительно высоком уровне, несмотря на то, что активная масса рабочих уже раньше широкой волной вошла в партию. Это значит, что отставшие в политическом развитии рабочие энергично подтягиваются к нашей партии. Весьма велик процент служащих, стремящихся в партию. В противоположность этим двум цифрам, касающимся, главным образом, городского населения, цифры, характеризующие **тягу в партию крестьян и батраков, являются формальными и безусловно не отражают действительной их тяги. Дей-**

ствительная тяга крестьян и батраков в партию бесспорно гораздо сильнее, об этом свидетельствует целый ряд других данных, но она сплошь и рядом не может получить формального выражения в подаче заявлений с рекомендациями.

Если принять, что тяга в партию была также и в остальной четверти непредставивших сведений ячеек, то получится, что за первую половину текущего года в партию подано около 430.000 заявлений, а принято 188.888 чел., что составляет приблизительно $^2/_5$ общего числа подавших. Большая половина подавших, таким образом, не получила удовлетворения. Это указывает на достаточно большую осторожность партийных организаций, проявленную ими к делу приема в партию.

Эту мысль подтверждает и тот факт, что среди принятых очевидное преобладание рабочих. Это видно из данных о процентном соотношении социальных групп:

рабочих	62,4%
крестьян и батраков	22,5 »
служащих и прочих	15,1 »

Последние две цифры обнаруживают недостаточно строгий и недостаточно критический отбор из служащих и слишком жесткий подход при приеме крестьян и батраков, проявленные партийными организациями.

Заканчивая сравнение тяги в партию с приемом в определенный указанный отрезок времени, переходим к характеристике всего состава принятых в партию с XIII с'езда. С июля 1924 г. по сентябрь 1925 г. в партию принято 354.132 кандидата, распределяющихся по социальному положению следующим образом:

рабочих	61,4%
крестьян и батраков	24,3 »
служащих и прочих	14,3 »

Если сравнить это с данными о принятых за год с 1 июня 1924 г. по 1 июля 1925 г. (к этому времени среди принятых, рабочие составляли 63,1%, крестьяне—22,4%, служащие — 14,5%), то мы увидим, что естественно возросший прием крестьян в партию шел за счет неестественного сокращения процента рабочих и сохранения на одном уровне процента служащих. За два месяца (июль, август) определился перелом в сторону большего приема крестьян: за оба месяца среди принятых они составляли 40%, в то время, как за предыдущие месяцы процент крестьян среди принимаемых колебался между 17 и 28. Это желательное и правильное возрастание приема крестьян сопровождается нежелательными и неправильными явлениями: сокращением процента рабочих и сохранением на одном уровне процента служащих при все усиливающемся росте процента последних по месяцам:

март	12,6%
май—июнь	18,4 »
июль	18,3 »
август	19,0 »

Выделив из состава вступивших в партию тех рабочих, которые заняты физических трудом, и крестьян, которые работают в своем хозяйстве, получим: первых—54,6%, вторых—13,8%. Эти цифры в свете последних директив партии обнаруживают недостаточность работы партийных организаций по отбору в партию рабочих от станка и крестьян от плуга. Ибо принятие этих рабочих в общем составе рабочих, занятых физическим трудом, и рабочих от станка во всей партии произвело изменение за первую половину 1925 г. очень небольшое. Об этом говорит следующая таблица:

ДАТЫ	Работников физическ. труда.	В том числе работников от станка.
На 1 января 1925 г.	40,8	37,2
» 1 июля 1925 г.	42,0	37,5

Несколько лучше обстоит дело с возрастанием процента крестьян от плуга в партии. В составе деревенских ячеек они составляют по данным статистики:

на 1 января 1925 г.	38,4%
» 1 июля 1925 »	54,0 »

Бесспорно увеличение значительно, но все же оно для данной категории коммунистов, имея в виду, что в деревне находится только около 22% всего состава партии, что партия обратила особенное внимание на связь с бедняцко-середняцкой массой крестьянства, когда партия дает директивы о приеме в деревне этого преимущественного слоя деревни, должно быть признано и является еще недостаточным.

Таким образом, общие выводы получаются следующие:

1) Рост партии сопровождается, хотя и незначительным, но принципиально недопустимым снижением процента рабочих в партии. В группе рабочих рабочие от станка составляют маловозросшую величину. Следовательно, хотя количество рабочих в партии возросло и социальный состав ее улучшился, все же партийные организации недостаточно твердо помнят и исполняют директиву XIII с'езда и XIV конференции партии о том, чтобы «в нашей партии было не меньше 50% рабочих, непосредственно занятых в производстве».

2) Политика партийных организаций, в отношении приема служащих почти не изменилась, или изменилась после XIII с'езда и XIV конференции ничтожно мало, несмотря на твердые и категорические директивы последних о тщательной проверке по существу вступающих в партию служащих.

* * *

Анализируя отдельные стороны роста партии, мы касались, в частности, вопроса о приеме крестьян и рассматривали вопрос под углом социального положения их независимо от того, где эти крестьяне вступали в партию в городе или в деревне. А этот момент имеет существенное значение. Ибо вопрос о дере-

венских организациях, о росте партии в деревне есть важнейший не только организационный, но и политический вопрос, преобретающий в настоящий период особую остроту. К детальному рассмотрению его мы и переходим.

Поворот политики партии в деревне создал в известной части сельских ячеек кризис, нашедший свое выражение в разнообразных формах: потеря общей ориентировки, отказ от руководства, пассивное сопротивление на деле политике партии. Все это не могло не сказаться на составе партийных организаций в деревне.

Политика «закрытых дверей», которая велась до последних указаний и директив ЦК, привела на протяжении двух лет к абсолютному сокращению (на 1924 г.) и относительному понижению (на 1925 г.) численности деревенских коммунистов, что наглядно вытекает из следующей таблицы [1]):

ДАТЫ.	Число членов РКП в дерев. ячейках.			Число кандидатов в дерев. ячейках.			Всего коммунист. в дерев. ячейках.		
	Абсолютное.	В % к числен. на 1923 г., принятой за 100.	В % к общему числу чл. РКП по СССР.	Абсолютное.	В % к числен. на 1923 г., принятой за 100	В % к общему числу кандидат. по СССР.	Абсолютное.	В % к числен. на 1923 г., принятой за 100	В % к общему числу коммун. по СССР.
К началу 1923 г.	105.304	100,0	31,0	44.359	100,0	51,0	149.663	100,0	35,1
1 января 1924 »	96.552	91,7	29,4	40.444	91,2	34,4	136.996	91,5	30,7
1 » 1925 »	92.160	87,5	23,0	62.571	141,1	18,4	154.731	103,4	20,9

Это же полностью относится к сети деревенских ячеек, которая непрерывно с 1923 г. по начало 1925 г. сокращалась как внутри себя, так и по отношению к общему числу ячеек партии. Вот таблица [2]):

ДАТЫ.	Абсолютное число.	В % к численности на 1923 г., принятой за 100.	% отношен. к общему числу ячеек по СССР.
К началу 1923 г. . . .	14.852	100,0	58,7
На 1 января 1924 г. . .	14.630	98,5	56,9
» 1 » 1925 » . .	13.879	93,4	51,6

Уже из этих данных можно сделать вывод, что до 1925 г. в политике регулирования роста деревенских ячеек перелома не наступило. Какие же итоги в смысле состава партии в деревне мы имеем к последнему времени?

[1]) «Партия в цифровом освещении». 1925 г., стр. 27.
[2]) Там же, стр. 26.

Изменения за полтора года рисует следующая таблица:

ДАТЫ.	Членов.	Кандидат.	Всего коммунистов
На 1 января 1924 г.	96.552	40.444	136.996
» 1 июля 1925 »	108.057	94.448	202.505
Увеличение за полтора года . . .	11.505 12%	54.004 133,5%	65.509 47,8%

Таким образом, партийные организации в деревне за полтора года на 1 июля 1925 г. выросли на 65.509 чел., т.-е. на 47,8%. А вся партия за этот период увеличилась на 51,7%. Эти цифры говорят о том, что рост партии в деревне за весь этот период все-таки несколько отставал от общего роста партии. Но если взять подобные данные только за первое полугодие текущего года, то увидим, что произошло увеличение числа коммунистов в деревне на 47.774, т.-е. на 30,9% (членов на 17%, кандидатов на 50,7%) по отношению к составу на 1 января 1925 года в то время, как общий рост партии за этот период выразился в 23%. Если взять последние имеющиеся данные на 1 сентября 1925 г. (а к этому времени партия в деревне насчитывала 224.411 коммунистов), то увидим, что увеличение по отношению к началу 1925 г. выражается в цифре 69.480 чел., т.-е. на 44,9%. Процент роста повышается, таким образом, за два месяца с 30,9 до 44,9. Следовательно, в этот промежуток уже наметился перелом в деле регулирования приема в партию. Отсюда и распределение коммунистов между городом и деревней претерпело изменения. Соотношение, совершенно естественно, всегда было в пользу города. Но если к началу 1923 года деревенские коммунисты составляли 35,1% всей партии, а к началу 1924 года—30,7%, то после ленинского призыва и приема в течение всего 1924 года, преимущественно рабочих, процент их понизился к январю 1925 г. до 20,9%. Это было предельной цифрой падения. Прием за первую половину текущего года повысил процент деревенских коммунистов в партии до 22,2% на июль 1925 г. и до 24,1% на 1 сентября 1925 г. Не подлежит сомнению, что к настоящему моменту (на ноябрь) он еще более поднялся и будет еще некоторое время подниматься, благодаря усилившемуся за последние месяцы темпу приема в партию крестьян.

С другой стороны, чрезвычайно интересным является вопрос о количестве крестьян по социальному положению в партии и распределению их между деревней и городом. Пользуясь статистическими данными, добытыми путем исчислений, и, возможно, не гарантирующими полной достоверности, но дающими некоторую ориентировку, мы получим такую картину: на 1 июля 1925 года крестьян в партии было 202.505 чел., т.-е. 22,2% всего состава партии; из них крестьян в деревне—139.525 чел.—15,2% всей партии или 68,9% состава всех деревенских коммунистов, и крестьян в городе—62.980 чел.—7% всей партии

или 31,1% всех крестьян-коммунистов. Эти цифры и сами по себе представляют большой интерес, но они еще показывают, что большая часть крестьян-коммунистов находится в деревне и что эта часть, если сравнить с данными к началу января текущего года, имеет тенденцию к росту.

Чрезвычайно важным, в некотором отношении решающим, является вопрос о том, куда, за счет каких слоев растет партия в деревне.

Ответ на этот вопрос и представление о том, каков состав принятых в партию за первую половину 1925 г. (ибо на это время падает главная часть принятых 47.774) и как он повлиял на соотношение социальных групп в деревенских партийных организациях, дают следующие цифры, характеризующие изменения с 1 января по 1 июля 1925 года:

Всего коммунистов в деревенских ячейках.

К 1/I—25 г.	154.731
„ 1/VII—25 г.	202.505
Рост за 6 мес.	+47.774
в %%	30,9

В том числе состояло:

		Членов.	Кандид.	Всего.
Батраков.	К 1/I—25 г.	1.290	2.415	3.705
	» 1/VII—25 г.	3.134	6.989	10.123
	Рост за 6 м.	+1.844	+4.574	+6.418
	в %%	142,9	189,4	173,2
Крестьян «от сохи».	К 1/I—25 г.	30.913	28.529	59.442
	„ 1/VII 25 г.	41.258	43.301	84.559
	Рост за 6 м.	+10.345	+14.772	+25.117
	в %%	33,5	51,8	42,3
Служ. гос., общ., адм. учреж. и пр.	К 1/I—25 г.	59.957	31.584	91.584
	„ 1/VII—25 г.	63.665	44.158	107.823
	Рост за 6 м.	+ 3.708	+12.531	+16.239
	в %%	6,2	39,6	17,7

Следующая таблица дает точное представление о составе принятых за полугодие 1925 года в деревне:

Крестьян, занятых в своем хозяйстве	25.117—52,6%
Батраков	6.418—13,4 „
Служащих и прочих (раб. сов., парт., проф., кооп. и пр.)	16.239—34,0 „

Отсюда видно, что преобладающей группой в деревенских организациях были и остаются служащие, несмотря на то, что

за первое полугодие 1925 г. их дальнейший рост в процентном отношении значительно отставал от роста в партии батраков и крестьян от сохи. Это преобладание служащих и обусловливало недавнюю неудовлетворительную оценку партией состава сельских организаций. Процент принимаемых в партию крестьян, занятых в своем хозяйстве, во всей партии за два месяца с 1 июля по 1 сентября поднялся с 12,5% до 13,8%. Но, разумеется, это еще далеко недостаточное количество земледельцев-крестьян в партии.

Сравнение данных партийной статистики, характеризующих распределение деревенских коммунистов по занятиям на 1 января и 1 июля 1925 г., представляет следующую картину:

На 1 января 1925 г. в деревне было всего 154.731 коммунист, из них:

	Членов.	Канд.	Всего коммун.
Крестьян от сохи	33,5%	45,6%	38,1%
Работников сов., кооп. и др. органов	65,2 »	50,6 »	59,6 »
Батраков и с.-х. рабочих	1,3 »	3,8 »	2,3 »

На 1 июля 1925 г. было 202.505 коммунистов, из них:

	Членов.	Канд.	Всего коммун.
Крестьян от сохи	50,8%	57,3%	54%
Из них:			
а) исключ. занятых в своем хоз.	38,1 »	45,8 »	41,8 »
б) совмещ. веден. своего с. х. с плат. общ. работой	12,7 »	11,7 »	12,2 »
Работ. сов., кооп. и др. органов	38,6 »	24,9 »	32,3 »
Кустарей и ремесленников	0,9 »	1,2 »	1,0 »
Прочих	6,8 »	9,0 »	7,8 »

Бесспорно, что и эти, уже значительно дифференцированные цифры не отражают точно действительной картины. Так, процент крестьян, занятых исключительно в своем хозяйстве, на деле несколько ниже указанных 41,8%. Соответственно процент служащих и общественных работников деревни на деле выше 45%. Поэтому, хотя мы и не располагаем данными к ноябрю месяцу можно утверждать, что изменения и передвижки в составе деревенских организаций проходят несколько замедленным темпом. Конечно, и требовать от партийных организаций радикальной передвижки в такой относительно короткий срок, как один год, нельзя.

Лицо партийных организаций в деревне может и изменяется в указанном партией направлении с определенной закономерностью. Будет правильно, если этот процесс в течение ближайших месяцев будет развиваться усвоенным в настоящий момент темпом.

Но темп приема в партию хоть и находится в связи, но еще не отражает точно тяги в партию в деревне и, с другой стороны, недостаточно ясно характеризует методы регулирования приема.

В течение первого полугодия 1925 г. поданные в деревенские ячейки заявления о приеме в партию распределяются таким образом:

От фаб.-зав. рабочих	От проч. рабочих	От батраков	От крестьян от сохи	От раб. сов. парт., кооп. и др. орган.
4,4%	4,8%	8,6%	62,7%	19,5%

Среди принятых же, как указано выше, крестьяне составляют 52%, служащие—34,6%, батраки—13,4%.

Эти цифры, хотя они и не отражают действительной тяги в партию в деревне, ибо желающих вступить в партию неизмеримо больше чем тех, кто фактически подал заявления, т.-е. смог добыть рекомендации, выполнить трудные в условиях деревни формальности; эти цифры все же говорят о том, что в то время, как к крестьянам применяется довольно жесткий подход, и значительная часть их получает отказ, служащие принимаются недостаточно критически. Составляя среди подавших заявления пятую часть, они среди принятых составляют более чем треть.

Неправильность такой «политики» партийных организаций особенно режет глаза фактами, имеющими массовый характер, когда, как в Новгородской губернии, прием служащих в течение 8 мес. идет почти на одном уровне с крестьянами (по социальному положению первых—25,5%, вторых—28,7%; а по занятиям крестьян 18%, служащих 31,2%), а перевод служащих на много обгоняет перевод крестьян (по занятиям: первых переведено в члены 161 человек, вторых—20 чел.), или, как в Астраханской губ., за 7 мес. переведено в члены партии 27 крестьян и 228 служащих, или, как в крестьянской Гомельской губ. за 8 мес. переведено из 1.518 чел. 16 крестьян, или, как в Акмолинской губ. из 810 чел., принятых за 6 мес., крестьян—46 чел., а служащих—479 чел. В иных организациях, особенно крестьянских районов, неправильно соотношение между коммунистами в городе и в деревне. Так, напр., в Донском округе из 12.217 коммунистов в деревне находятся только 12% (9,6% членов и 15,4% кандидатов)[1] в то время, как по всей партии—в два раза больше. Можно бы привести огромное число фактов подобного рода.

При подобной легкости подхода к служащим трудно понять такой сугубо жесткий подход к крестьянам и батракам, какой в частности наблюдался, например, на Украине и в Сибири.

[1]) «Отчет Донского окружного комитета РКП». 1/Х 1924—1/Х 1925 г., изд. 1925 г. Приложение, табл. 3.

Вот таблица по Украине[1]):

	Всего.	Батраков.	Крестьян от сохи.	Служащ. и проч.
Подано заявлений	38.608	1.659	7.742	7.021
В %%	100	4,3	20,1	18,2
Принято в кандидаты	13.755	65	578	2.465
В %%	100	0,5	4,2	17,1
Переведено в члены	9.062	9	180	2.512
В %%	100	0,1	1,9	25,0

Вот данные по Сибири[2]) за 4 мес. 1925 года:

	Всего.	Батраков.	Кр-н, раб. в своем. хозяйстве.	Прочих категор.
Подано заявлений о приеме	13.330	768	4.420	3.378
В %%	100	5,8	33,1	25,3
Принято в кандид. РКП	4.056	58	740	1.489
В %%	100	1,4	18,2	36,8
Переведено из кандидатов в члены	3.897	6	421	1.060
В %%	100	0,2	10,8	27,2

Судя по этим данным, даже не знакомясь более подробно с составом подавших заявления, можно признать, что отсеивание такого огромного процента крестьян, как на Украине, и батраков, как на Украине и в Сибири, является «регулированием», граничащим с недостаточным усвоением указаний партии.

Как обстоит дело с вовлечением женщин в партию в деревне? Рост женской части партии за период с января 1924 г. по 1 сентября 1925 г. выразился в 108,6%, давши повышение процента женщин в партии с 8,6 до 12,4. Этот сильный рост всей партии за счет женщин—в деревне был несколько слабее. На 1 января 1925 г. в деревне было 6.311 коммунисток, а через полгода 11.787, т.-е. рост на 86,8%. Но все же улучшение в этой области бесспорное, хотя, конечно, еще далеко не достаточное.

Что касается перевода в члены из кандидатов, то перечисленные отдельные факты находят свое подтверждение целиком и в общих данных по всей партии: в то время, как за полугодие

[1]) «Известия ЦК КП (б) Украины», 1925 г. № 9, стр. 10.
[2]) «Известия Сибирского Краев. Комитета РКП». 1925 г., № 4—5, стр. 58.

1925 г. переведено в партию 99.864, что составляет увеличение членов на 24,9%, в деревне перевод захватил 15.897 кандидатов, т.-е. дал увеличение на 17,2%. Среди переведенных в деревне крестьяне «от сохи» составляют ¼, а батраки, примерно, $^1/_{30}$. На отдельных фактах мы видели, в какой мере это касается собственно крестьян. Явно, что перевод в деревне слишком слаб, особенно в отношении крестьян, и это имеет место при наличии таких фактов, когда в деревне имеются кандидаты с 1917 г., десятки кандидатов—с 1918 г., и уже тысячи—с 1920 г. Нужно больше внимания партийных организаций к этому вопросу и больше твердости при регулировании перевода различных социальных групп, в особенности из категории служащих.

* * *

Характеризуя рост партии в деревне и состав принятых в партию по отдельным признакам, мы попутно давали некоторую организационную оценку происходящих в деревенских организациях процессов роста. Но, разумеется, такая оценка явно недостаточна и несколько поверхностна. Серьезная характеристика этих процессов, роли в них партийных организаций и действительная организационная оценка идущих в партию пополнений в деревне предполагает большую детализацию и конкретизацию и требует глубокого изучения и полного выявления партийными организациями не только «статистического лица» партии в деревне, но и ее политического, социального, бытового нутра.

Каков характер потенциальных опасностей, связанных с ростом партии за счет крестьянства? Эти опасности могут возникнуть по двум основным линиям: во-первых, по линии взаимоотношений деревенских коммунистов с городскими, т.-е. в направлении отражения имеющихся об'ективных противоречий между городом и деревней; во-вторых, по линии размежевания деревенских коммунистов по классовому признаку, т.-е. в направлении отражения процессов классовой дифференциации деревни. Серьезность этих опасностей не подлежит оспариванию. А об'ективная возможность их подтверждается проявлением в некоторых партийных организациях ряда неоформленных симптомов, обозначающих период брожения, бессознательного первоначального оформления.

Означает ли констатирование этих основных опасностей, указание на них, что нужно застопорить работу по вовлечению в партию близких нам слоев крестьянства? Ни в какой степени. Такой вывод был бы абсурдом, ибо он противоречил бы задачам партии, основанным на современном состоянии деревни и перспективах ее развития и вытекающим из необходимости улучшения руководства нашей партии в деревне и усиления связей ее с основной массой крестьянства. Не может партия считать обеспеченным свое руководство в деревне, если в среднем на одного коммуниста там приходится несколько сот, а в некоторых районах и тысяч беспартийных, а одна деревенская ячейка в среднем приходится на 20—25 селений (на 1 сентября 1925 г. ячеек в деревне стало 15.549).

Было бы крайне полезно для дела регулирования роста партии, если бы партийные организации время от времени специально всесторонне изучали тот или иной слой трудящихся, из которого партия черпает пополнение в свои ряды, чтобы быть в состоянии дать возможно точную, об'ективную общую характеристику его с политической, социально-классовой, бытовой, экономической, культурной и пр. сторон. Между тем, одна и та же социальная группировка, положим, батрак центральной России, существенно отличается от северо-кавказского батрака, и оба они отличаются от национального батрака, как по роли в общественной жизни, так и по своим особенностям.

Не менее важно изучение самого состава принятых. Здесь мы стоим перед трудно преодолимым сейчас препятствием, т. к. глубокого изучения принятых в партию партийные организации еще не провели. Необходимость же и обязательность такого изучения, очевидна. И некоторые организации, осознав это, ставят перед собою эту задачу. Так, Кубанский окружком[1]) говорит о необходимости «поставить во всех организациях более полный и тщательный учет имеющейся тяги в партию в станице и ознакомление с составом вновь принимаемых крестьян и казаков (от сохи)».

Некоторые организации, подведя предварительные итоги приема, дают составу принятых малоудовлетворительную оценку: «В организации все больше вливается сырой, еще недостаточно партийно-обработанный элемент»[2])—говорит Крымский ОК. «Рост, конечно, удовлетворительный, как будто бы 66 чел. это все же хорошо для 17 ячеек, но если посмотрим на состав—состав неудовлетворительный»—говорил секретарь одного из райкомов Кубани. Свердловский окружком провел более серьезную и глубокую работу по обследованию кандидатского состава крестьян, вступивших в 1925 г., и в постановлении, подводящем итоги этой работе, говорит[3]):

„1) Констатировать, что подавляющее большинство кандидатского состава крестьян занимается сельским хозяйством.

2) Констатировать, что кандидатский состав вступивших в 1925 г. принадлежит в большей своей части бедняцкому элементу. Приблизительно $^1/_3$ принадлежит к середнякам, а остальная, незначительная часть, падает на более экономически крепких крестьян.

3) Констатировать техническую отсталость в применении культурных приемов в обработке земли в хозяйствах кандидатов, что ставит их на один уровень с отсталым крестьянством.

4) Отметить, что абсолютное большинство, помимо занятия сельским хозяйством, имеет внеземледельский заработок.

5) Отметить, что кандидатский состав крестьян со стороны технической грамотности почти целиком грамотен. Одновременно с этим констатировать слабость общего их развития.

6) Наряду со слабостью общего их развития отметить: проявляющийся большой интерес к чтению газет и книг.

7) В части общего политического развития, констатировать несомненную их отсталость, в особенности по усвоению задач партии в деревне и решений XIV конференции.

8) Наряду с этим отметить также, что кандидатский состав крестьян чрезвычайно слабо втянут в общественную работу на местах.

9) В части отношения к парт. обязанностям и дисциплине констатировать слабость партдисциплины и формальное отношение к выполнению партобязанностей в ряде случаев со стороны кандидатов.

10) Отметить, что довольно крупная часть кандидатского состава не пользуется авторитетом среди крестьян".

---

[1]) „Материалы 2-го совещания"... стр. 43.

[2]) „Отчет Крымского Обл. Комитета РКП (б) к XI Обл. парт. конференции", стр. 23.

[3]) „Протокол Бюро Свердлов. Окружкома РКП (б)" от 10/IX 1925 г., № 38, § 3. Цитируем, сохраняя стиль (Ч.).

Это уже более серьезные итоги, дающие ряд конкретных уроков. Наряду с чертами, хорошо характеризующими новых коммунистов (п. 2, 6 и частью 5), бьет в сознание убийственная оценка: не пользуется авторитетом среди населения, не понимает задач и политики партии в деревне, формально относится к парт. обязанностям. Это, либо сводит на-нет проделанную по вовлечению в партию работу, либо, что вернее, предполагает громадное напряжение всей организации по перевоспитанию этих кандидатов, приобщению их к партии, ее идеологии и задачам. Вообще же, касаясь имущественной стороны состава идущих в партию крестьян, можно сказать, что процент середняков, пришедших в Свердловскую организацию, является почти типичным для парторганизаций, с тенденцией к понижению его в некоторых районах. Повсеместно организациями делаются выводы, что, хотя тяга в партию в общем велика, середняк «не торопится в партию». Вот перечень мотивов, затрудняющих доступ в партию крестьян в их изложении:

Крестьянин 30 лет говорит: «Крестьяне не вступают в партию потому, что некоторые боятся: вступишь в партию—партия и будет таскать то на партсобрание, то еще куда, а в хозяйстве некогда работать».

Крестьянин 60 лет говорит: «Мне кажется, что в партию вступают те, которые хотят получить место, как в комнезамы, получить бесплатно кое-что».

Крестьянин 45 лет заявляет: «Меня удивляет, что как ни посмотришь, все новые и новые коммунисты. Почему это так? Вот вступи, угонят куда-нибудь!»

Крестьянин 45 лет: «Я полагаю, что виною нужно положить ком'ячейку, что она работу вела все закрыто, и крестьянин не знал, что обсуждает ячейка».

Но кроме этих, есть еще и другие мотивы, приводимые крестьянами же:

Крестьянин 65 лет: «Крестьянин не вступает в партию, помоему, потому, что если нужно быть коммунистом, то надо научиться изучить программу, устав и знать цели и задачи партии и быть твердым».

Крестьянин 40 лет откровенно говорит: «Крестьянин не знает, какой порядок и как вступить в партию, что нужно сделать для того, чтобы вступить в партию».

Интересна характеристика тяги в партию, данная одним секретарем парторганизации Винницкого округа: «К нам селянин настоящий боится итти, он чувствует себя в чужой среде, мы еще чиновники».

Все сказанное подчеркивает необходимость уделить этому вопросу еще большее внимание парторганизаций, чем до сих пор. Это не значит, понятно, что усиление внимания означает усиление механического нажима в сторону большего количественного эффекта по приему крестьян, хотя бы и от сохи. Напротив, необходимо постоянно иметь в виду опасности, связанные с ростом партии, и работу вести методами активного вовлечения в партию тех, кто нужен партии, а не только тех, кто сам идет в партию («самотек»), и индивидуального отбора лучших из лучших среди тех слоев деревни, к связи с которыми партия стремится. Только при этом условии состав деревенских организаций способен будет отвечать требованиям и потребностям нашей партии, особенно в такой ответственный момент, как переживаемый нами теперь.

* * *

Здоровый рост партии делает нашу партию все более массовой пролетарской партией, связанной с преобладающей массой населения—крестьянством.

Общий вывод из отмеченных результатов роста сводится к тому, что в некоторых, особенно бурно выросших организациях темп роста партии следовало бы чуть-чуть замедлить. Это отнюдь, конечно, не означает, что нужно закрывать прием в партию вообще. Это значит, что нужно серьезно изменить методы регулирования роста партии и работы по приему в партию в сторону предварительной подготовки желающих и ценных людей для партии и партийного воспитания наших новых соратников.

Остающаяся и на будущее время задача вовлечения крестьян в партию предполагает продолжение и, может быть, даже усиление работы по приему рабочих от станка, имеющее целью выполнение директивы XIII с'езда о 50% их в партии. В этой работе, между прочим, важно не упускать из виду необходимость расширения работы среди квалифицированных рабочих, еще недостаточно охваченных партией, а также постановки на очередь работы среди новых рабочих, пришедших недавно из деревни на фабрики и заводы. Основным углом зрения, под которым должна протекать эта работа, должно быть стремление вовлечь в ряды партии наиболее влиятельных на заводе и фабрике, выдержанных и стойких пролетариев.

Эти выводы в отношении приема в партию рабочих с очевидностью вытекают из всего анализа роста партии, произведенного нами на основе цифровых и иных данных, характеризующих конкретные процессы, переживаемые партией. В этих условиях заниматься выдумыванием новых задач, коренным образом отличающихся от задач, поставленных XIII с'ездом и XIV конференцией и вытекающих только из не плохих, но насквозь абстрактных схем и планов, пытаться совершенно изменить линию партии в этой области—занятие не только бесплодное, но и вредное. В самом деле. Мы имеем весьма красочное, в этом смысле, выступление некоторых ленинградских товарищей: Саркиса и Гладнева в «Ленинградской Правде».

Нельзя пройти мимо этих выступлений, являющихся, так сказать, «голосами с мест» и переносящих вопрос в плоскость дискуссии.

Остановимся на статье тов. Саркиса «Об организации большинства промышленного пролетариата в рядах РКП (б.)» [1]).

Доказывая теоретическую возможность в условиях диктатуры пролетариата организации большинства, а затем и всего рабочего класса внутри партии, автор выдвигает перед партией две задачи:

«Партия должна в дальнейшей своей работе по регулированию роста и социального состава организации стремиться к тому,

[1]) «Ленингр. Правда», № 277, от 3/XII—25 г

чтобы в ближайшие годы организовать 50—60% всех промышленных рабочих в рядах РКП (б.)».

И вторая:

«Наша партия должна ставить перед собой задачу вовлечения промышленных и сельских рабочих в партию с тем, чтобы в ближайшие годы довести процент рабочих в партии до 90% ее общего состава».

Потеоретизировав на протяжении нескольких больших газетных столбцов на тему о возможности организации большинства промышленного пролетариата в рядах партии, тов. Саркис едва прикоснулся к вопросу о том, насколько это необходимо и целесообразно в данный период, при чем эту необходимость он, повидимому, нашел в соображении о «роли партии при диктатуре пролетариата в стране с преобладающим крестьянским населением, с бурно растущим хозяйством, поднимающейся активностью и тягой масс к организации»[1]). Вопрос же о целесообразности этой меры его совершенно не интересует. А напрасно. Напрасно потому, что им же самим наивно процитированы слова Ленина, разом опрокидывающие все рассуждения и умозаключения и выводы т. Саркиса.

«Партия—сознательный, передовой слой класса, его авангард; сила этого авангарда раз в десять, в сто раз более велика, чем его численность».

Странно, почему т. Саркис не понял значения и назначения этих слов. Он стремится к численному расширению партии—авангарда класса. Между тем, сила, влияние, руководящая роль авангарда—это именно основное назначение авангарда—определяется, как известно, не столько его численностью, величиной по отношению к целому, сколько его организованностью, сплоченностью, подбором в нем не случайных рабочих, а именно передовых, «авангардных» элементов, стоящих на точке зрения интересов целого класса, на почве идеологии класса, партии.

Во всей статье тов. Саркиса отсутствует ленинское, большевистское понимание партии, как авангарда класса. И взамен этого нашего понимания, всеми предложениями и выводами преподносится такое толкование партии, которое об'ективно совпадает (как правильно сказано по этому вопросу в статье «Орабочивание нашей партии» в «Правде»)[2]) с «широкой рабочей партией, в духе меньшевика Аксельрода, или же реформистской партией макдональдовского типа». Нельзя же забывать неоднородность рабочего класса, особенно в нашей стране «с бурно-растущим хозяйством», переживающей процесс собирания рабочего класса, выкачивания из деревни новой крестьянской рабочей силы, приносящей на фабрику и завод отсталость, анархичность, неорганизованность нашей деревни. Этим новым рабочим еще долгонько надо будет проходить классовую школу (в профсоюзах и др. рабочих организациях). Опасения эти касаются не только новых рабочих, а и большей части тех, кто имеет некоторый рабочий стаж. Среди них есть также разнообразные прослойки, из которых каждая политически, организационно, культурно находится на различном расстоянии от партии.

[1]) «Ленингр. Правда», № 277.
[2]) «Правда» № 278, от 5 декабря 1925 г.

Какая особенная необходимость в том, чтобы «в переживаемый исторический период», почти все или все рабочие прослойки были в партии, какие за это добавочные аргументы, сверх того, что наша партия—рабочая партия и что необходимо и желательно, чтобы в ней было побольше рабочих? Почему этот вопрос становится актуальным? Что изменилось с тех пор, как XIV конференция выносила свои решения по организационно-партийным вопросам, из-за чего стоило бы (по требованию т. Саркиса) производить радикальный пересмотр ее постановлений в этой области? Или необходимо укрепить ослабевшее пролетарское руководство партии, или повысить понижающийся процент рабочих в партии? Может быть, обнаружились какие-нибудь угрозы сохранению руководства партии рабочим классом? Или появились какие-нибудь новые, особые опасности для руководящей роли пролетариата по отношению к крестьянству? Тов. Саркис не поделился своими соображениями на этот счет. Мы сами не знаем особенных изменений в обстановке, которые вынуждали бы к такой постановке вопроса.

Но если бы все эти «ужасы и страхи» на самом деле имели место, разве предложение т. Саркиса может быть взято в качестве рецепта, средства, метода борьбы?..

Тов. Саркис витает в эмпиреях, теоретизирует, играет абстрактными величинами («большинство», «почти все», «все»), не видя, не зная конкретного состава партии в данный момент, его качественного уровня, не зная или не желая знать, что даже среди уж вошедших в партию рабочих довольно много, очень невысоких качественно элементов, требующих еще огромной работы над их воспитанием, как членов партии! Тов. Саркис слишком переоценивает подготовленность партии к переработке и воспитанию новых, идущих в партию людей, в то время как партия еще не смогла как следует серьезно перевоспитать тех, кто уже вовлечен в партию, в том числе и рабочих. Работа в этом направлении идет гораздо медленнее и мало успешнее, чем хотелось бы не только тов. Саркису.

Непонятно, какая основная мысль, цель руководила, какая необходимость толкала тов. Саркиса, когда он выдвигал свои предложения. То ли идея укрепления рабочего ядра в партии? Но неужели он столь азбучно-неграмотен, неужели он не понимает, что такое «укрепление» об'ективно приведет к разжижению рабочего состава партии, к тому, что хребет партии будет сломан. Поистине, медвежья услуга!

То ли мысль о необходимости найти выход «поднимающейся активности» и «тяге масс к организации»? Но разве у нас мало рабочих общественных организаций, не говоря о профсоюзах, где бы рабочий находил выход, проявление своей активности? И с каких это пор партия стала местом, куда направляют поднимающуюся, как будто избыточную активность и дают удовлетворение тяге к организации? Мало убедительный довод. Поистине, усердие превыше разума...

Но на т. Саркиса не действует большинство этих, приведенных в «Правде», доводов. Он остается с идеей, до которой «своим умом дошел». В «письме в редакцию» «Правды»[1]) он настаивает:

[1]) «Правда» № 281 от 9 декабря 1925 г.

«Ведь каждому же ясно, что в этом третьем своем предложении я выставляю лозунг: до XV партс'езда в деле вовлечения рабочих в наши ряды взять курс на то, чтобы в социальном составе нашей партии было 90 проц. рабочих от станка, а 10 проц. прочих, т.-е. я предлагаю сделать так, чтобы скажем (для примера) из 1.000.000 членов и кандидатов партии 900.000 были бы рабочие, а 100.000—прочие. Можно спорить с тем, можем ли мы из 2.500.000 рабочих СССР взять до XV партс'езда столько, чтобы проц. рабочих от станка в социальном составе партии составлял 90 проц. по отношению ко всему составу партии. С таким предложением, повторяю, спорить можно»...

Не спорить, а смеяться нужно над таким абстрактным, оторванным от жизни, от наличного состава партии, смехотворным предложением.

Что вытекает из предложения т. Саркиса? С е й ч а с у нас в партии уже миллион членов и кандидатов: рабочих до 60%, крестьян до 25%, остальные служащие. Тов. Саркис командует: выгнать из партии 250.000 крестьян и 170.000 «прочих»! «У к о м п л е к т о в а т ь» ее девятью сотнями тысяч промышленных пролетариев о т «с т а н к а»! Ну, и оставить там сотню тысяч... остальных-прочих (бывших рабочих, крестьян, интеллигентов, кустарей, батраков)... Это буквально команда: ибо все это предлагалось проделать за один год, до XV с'езда.

Что это означает, если отнестись к этому серьезно? Это означает «р е в о л ю ц и ю» в партии, это означает такую с у м а с ш е д ш у ю в с т р я с к у (очевидно, методами чисток и партийных недель?) партии, какой не знала история ни одной партии и которая угрожала бы неисчислимыми бедами для нашей партии и нашей революции.

Тов. Саркис играет в очень опасную игру. «Любитель оперировать процентами», как он правильно и метко назван «Правдой», не думает даже над тем, к какому политическому и организационному эффекту могло бы привести его жонглирование процентами.

И диву даешься, не поймешь, чего больше в этих предложениях и рассуждениях, во всей этой постановке вопроса: увлечения дешевым рабочелюбием, недомыслия или демагогии.

Ведь, никакого сомнения не может быть в том, что осуществить д а ж е скромную задачу, д а ж е «на ближайшие годы» вряд ли удастся, ибо мы находимся на линии восходящего развития промышленности, а, следовательно, непрерывного роста численности рабочего класса, за которым не может и не должен поспевать рост численности партии, ибо тогда партия должна была бы «глотать», втягивать рабочих в свои ряды такими порциями, которые привели бы только к качественному понижению рабочего состава, а, следовательно, и всей партии. Ибо хотя тов. Саркис в конце своей статьи и пролепетал нечто мало вразумительное о к а ч е с т в е, «двухстороннем» характере выдвинутой им задачи, но это сделано больше... для приличия, так как всякий понимает, что максимальный количественный рост партии не совместим с внимательным высоким качественным отбором в нее. И с другой стороны, из кого же собственно выбирать, когда половина, почти все или все рабочие д о л ж н ы итти в партию. Именно д о л ж н ы потому, что проекты тов. Саркиса не считаются с данными, характеризующими конкретную тягу рабочих

в партию, степень и размеры их добровольного стремления войти в партию. При чем тут добровольное желание и стремление? Саркису море по колена!

Итак, даже та правильная, обще-партийная мысль о большем вовлечении в партию рабочих, которую привел в статье т. Саркис, благодаря абстрактно-формально-«логическому» развитию ее, приведена к абсурду. Ибо разве не нелепейшим абсурдом является тот бесспорный факт, что тов. Саркис в своей сугубой революционности совсем забыл о деревне, о необходимости укрепления связи партии с крестьянством, и, следовательно, вовлечения лучшей части крестьянства в партию. Вот уже подлинно недооценка крестьянства!

Заканчивая разбор этого выступления, мы считаем его отнюдь не случайной, личной ошибкой тов. Саркиса. Это выступление имеет социальные и иные корни в ленинградской организации. Это видно, как по выступлениям на XXII губ. партконференции, так и в ее резолюции по этому вопросу, если понимать ее так, как толкует т. Саркис, будто она предрешает вопрос о всей партии, а не только ленинградской организации. В резолюции сказано: «Нашим лозунгом должно быть, добиться того, чтобы в течение ближайшего года в организации было 80—90% ее состава—рабочие от станка». Однако, мы вопреки тов. Саркису полагаем, что такую директиву конференция принимала не для всей партии (ибо в резолюции по докладу ЦК сказано об этом совсем иное), а для своей организации.

Тем не менее, независимо от этого, мы считаем, что между этой ошибкой и бедняцкой ориентацией в крестьянском вопросе, проявившейся в ряде выступлений на ленинградской конференции, существует, несомненно, об'ективная связь.

Когда т. Угланов выступил в «Правде» (от 29 ноября 1925 г.) против подобных увлечений и подобных предложений, т. Гладнев ответил ему в «Ленинградской Правде» передовой статьей под названием: «Орабочение партии — залог внутрипартийной демократии», чрезвычайно упрощающей проблему, не сумевшей связать эти два вопроса и предусмотреть важнейшие стороны проблемы. В статье тов. Угланов обвиняется в н а р о ч и т о й м а с с о б о я з н и. Массобоязнь—крылатое словечко, пущенное весьма кстати во время Ленинских дней. Но нужно же уметь употреблять это слово, а не механически повторять его, не бросаться им всуе, когда знаешь, что партия выросла до миллиона, выросла на 50%, когда заботы о партии должны итти уже по линии установления ее границ, оформления партийных организаций, предохранения партийных организаций от опасности растворения их в беспартийной среде. В этих условиях с полным основанием речь может итти не о массобоязни, а о п о д ы г р ы в а н и и к о е-к о г о к м а с с а м. Поэтому нужно, отбросив жупелы, сказать: не массобоязнь это, а—л е г ч е н а п о в о р о т а х, товарищи!

Работа, в смысле изучения и подведения известных итогов росту партии и направлению роста, будет проведена и уже проводится, как мы видели, в связи с происходящими партийными конференциями. Необходимо, чтобы партийные организации изучали и учитывали свой опыт в свете общепартийных итогов.

Мы считаем крайне важным и полезным, если этим вопросом специально займутся и ячейки, как первые инстанции в деле приема в партию, от правильной политики и работы которых

зависит очень многое. Пусть ячейки под руководством парткомов, на фоне общих изменений, происшедших в партии, проверят свою работу, учтут ее итоги и связь этих итогов с губернскими, а также общепартийными итогами. В связи с этим, они должны будут и смогут лучше и конкретнее усвоить существо относящихся сюда уже данных партией директив, а также тех решений, которые будут приняты предстоящим XIV с'ездом партии. Это сильно поможет партии точнее и тверже выполнять директивы своих высших органов.

Несомненно, что этот вопрос будет занимать внимание XIV с'езда партии. С'езд не может пройти мимо того факта, что партия переросла такой серьезный рубеж, как миллион членов и кандидатов, и он должен будет дать ряд основных указаний о политике в этом вопросе, тем более, что вопрос приобретает еще добавочное, усугубленное значение в связи с тем, что вся, в том числе и эта, работа партийных организаций должна протекать в условиях развернутого осуществления внутрипартийной демократии. А это бесспорно открывает возможность новых опасностей. Не подлежит сомнению, что методы внутрипартийной демократии должны быть учтены и должны оказать влияние на характер работы по регулированию роста партии.

XIV с'езд даст руководящие указания по этим вопросам, учитывая конкретные итоги проделанной партией работы, нынешний хозяйственный и политический под'ем страны, а также факт некоторой консолидации рабочего класса.

Бесспорно, с'езд отвергнет ошибочные предложения вроде разобранных нами оторванных от действительности плодов оригинальничанья и бесплодного прожектерства, помноженных на демагогию.

Вл. Ч.

По поводу проекта нового устава партии.

Действующий ныне устав партии был принят Всероссийской Конференцией нашей партии в августе 1922 г. и утвержден Центральным Комитетом. Мысль о внесении в него дополнений и изменений—о некотором пересмотре его—явилась в результате целого ряда постановлений с'ездов партии, происходивших после 1922 года, вынесших по тем или иным моментам устава решения, не совпадающие с формой или существом положений устава и фактически отменивших те или иные пункты устава партии. С другой стороны, эта мысль явилась результатом изменений, происшедших в условиях и обстановке работы нашей партии и всей страны, которые привели в частности к перестраиванию структуры партии. Эти изменения не были, разумеется, нарушением устава. Они были мерами, санкционированными высшими органами партии и имеющими целью применение в данный отрезок времени тех или иных условий и форм, отвечающих изменяющейся обстановке. Это было возможно потому, что устав партии есть система организационных правил, условий, форм, определяющих работу и действия, права и обязанности, как отдельного члена и кандидата партии, так и организаций и органов партии. Тем более это было возможно, что еще X с'езд партии установил, что «форма организации и методы работы всецело определяются особенностями данной конкретной исторической обстановки и теми задачами, которые из этой обстановки непосредственно вытекают» [1].

Конечно, устав партии есть документ громадной важности, в нем фиксируются основные положения, определяющие организационную и социальную структуру партии. Изменения в него вносятся и должны вноситься соответствующими органами партии только в крайних случаях, так сказать, «под давлением жизни».

Каков характер этих, уже внесенных и намеченных изменений?

В какой мере и в каком направлении эти изменения и дополнения изменяют существо устава, те руководящие принципы, на основе которых он построен? Из прошлого нашей партии (II с'езд) мы знаем, что иная формулировка одного пункта изменяет весь дух устава, а, следовательно, и партии, оформлению которой служит устав, во всяком случае может спо-

---

[1]) X С'езд РКП. Статистический отчет, стр. 33.

собствовать изменению социальной физиономии и сущности партии. Разумеется, этого не следует понимать в том смысле, будто от формулировки, как таковой, непосредственно зависит изменение характера партии и проч., и т. п. Такое толкование было бы идеалистическим толкованием, несовместимым с марксистским, большевистским пониманием социальных явлений, в частности партии. Сказанное следует понимать в том смысле, что за той или иной формулировкой могут стоять те или иные существующие или только потенциальные, политические и социальные тенденции, при чем принятие той или иной формулировки может означать победу тех или иных тенденций. а, следовательно, и сил, являющихся носителями этих тенденций. И далее: восторжествовавшая формулировка становится легальной, юридической оболочкой, под покровом и в рамках которой развиваются и оформляются выдвинувшие ее тенденции. Само собой понятно, что перенести сказанное на нашу партию, допустить, что та или иная формулировка, хотя бы и основных пунктов устава изменяет характер и сущность большевистской партии, имеющей славную историю и крепкие особенные традиции, значит явно преувеличивать значение и роль формулировок. Но отсюда не следует, что нужно преуменьшать их значение. Не надо забывать, что подобные эволюционные явления совершаются не в один-два года, они сказываются, дают себя знать в десятилетия, как бы незаметно претерпевая количественные изменения, вслед за которыми наступают и качественные превращения.

Все это не лишне вспомнить и сказать в связи с пересмотром устава нашей партии. Наши враги, потерпев неудачу на всех «фронтах» борьбы с нами, в качестве одной из надежд еще сохраняют надежду на «трансформацию», перерождение нашей партии, потерю большевизмом основных боевых его особенностей, что привело бы нас к политической демобилизации и к исторической капитуляции перед капитализмом. К категории подобного рода вожделений относится и недавнее повторное выступление проф. Устрялова.

Повторяем, уставные изменения, отражающие определенные тенденции, не ведут непосредственно к перерождению партии, но они могут сопровождать этот медленно и постепенно протекающий процесс и могут сигнализировать эту опасность. Есть ли такая опасность перед нашей партией?

Мы намеренно связывали вопрос о пересмотре устава с вопросом об указанных опасностях, ибо существуют не только надежды врагов на «термидорианство» (перерождение) нашей партии, но и обвинения партии в термидорианстве со стороны некоторых членов партии. Поэтому, мы считаем не бесполезным на минуту взглянуть на вопрос о пересмотре устава под углом этого обвинения и проверить, находит ли отражение это обвинение в тех изменениях, которые вносятся в устав. А ответ на этот вопрос является ответом и на вопрос о существе вносимых в устав изменений.

Рассмотрение поправок, разработанных Оргр[...]спредом ЦК и принятых Политбюро ЦК, показывает, что поправки эти не только не изменяют, но даже не касаются существа устава и организационных принципов, на которых построена наша партия. Так, исторический первый пункт устава остается неприкосновенным; также неприкосновенными в принципиальной части остаются и пункты, характеризующие организационное строение партии. Ни в какой части не пересматриваются права и обязанности члена и кандидата партии, а также раздел «о партийной дисциплине». Функции определенных партийных органов остаются в основном не измененными.

Уже по одному этому можно судить о полной неосновательности охарактеризованных выше возможных опасений. Изменения и дополнения в уставе—в главном—идут по линии оформления тех изменений, которые фактически уже произведены решениями С'ездов, ЦК или являются результатом изменений, происшедших в стране (областное районирование и др.).

Поскольку выявилась необходимость обновления целого ряда пунктов устава, оказалось необходимым изменить и самый текст устава, — естественно, что эти изменения и дополнения, даже и предрешенные теми или иными органами партии (С'ездами, ЦК, Конференциями), необходимо не механически перенести в устав, а рассмотреть по существу, проверить, насколько целесообразными и отвечающими нынешней обстановке они являются, не следует ли и их подвергнуть критической оценке и изменениям. Это и привело к пересмотру устава почти во всех его частях.

Какие же части и каким, в основном, изменениям подвергаются? Прежде всего, изменения, и довольно существенные, касаются I раздела в той части, где устанавливается порядок и условия приема в члены партии. Сохраняя прежнее разделение на три категории всех желающих вступить в партию по основным социальным признакам, новый проект вносит серьезное изменение в пункт, определяющий условия приема в партию рабочих и крестьян, т.-е. первых 2-х категорий. Известно, что в старом уставе были одинаковые условия приема в партию как для первой, так и для второй категории, т.-е. как для рабочих, так и крестьян (рекомендация 3-х членов с 3-летним стажем). XII, а затем XIII С'езд и дальше XIV партийная конференция внесли в эти условия целый ряд изменений, которые соответствовали задачам и политике партии в области регулирования ее роста и социального состава. Последние 1½ года в этом отношении характеризуются громадным ростом партии, в связи с общим хозяйственным восстановлением и консолидацией рабочего класса. И поэтому условия приема в партию по решению XIII С'езда применялись для этих двух категорий гораздо более облегченные, чем они определены в уставе. Совершенно бесспорно, что социальная близость к партии рабочих и крестьян далеко неодинакова, и естественно, что условия приема в партию обоих социальных групп должны быть также неодинаковы. Мало того, внутри рабочего класса существует целый ряд прослоек, каждая из которых находится в той или иной, но не одинаковой социальной близости к партии. Основными слоями внутри рабочего класса являются промышленные и непромышленные рабочие. Психология рабочего, занятого физическим трудом, но не на крупном промышленном предприятии (где условия коллективного, организованного труда воспитывают во всех участниках производства классовое сознание и классовую солидарность), а в мелких кустарных предприятиях

или учреждениях, совершенно естественно отличается от психологии промышленного рабочего. Этим признаком более, чем каким-либо другим, определяется отношение того или другого к нашей партии. Можно было бы найти и другие признаки, по которым происходят размежевания внутри рабочего класса на отдельные прослойки. Здесь имеется целый ряд ступеней, граней, едва заметных переходов, которые тем не менее серьезно отличают данную группу рабочих по классовой сознательности, уровню политической подготовки, степени культурности, навыкам организации и проч., и понятно, что они находятся на разном расстоянии от партии. Естественно, что разными должны быть и условия приема тех и других в партию; при чем лучшим, наиболее об'ективным признаком разграничения является именно этот: промышленный рабочий—непромышленный рабочий. Несмотря на наличие других признаков (напр., производственный стаж, давность ухода из деревни и пр.), в интересах установления правильных «справедливых» условий приема в партию разных групп рабочих, мы считаем совершенно достаточным и безусловно необходимым разграничение рабочих по условиям приема в партию на две группы, из которых для первой (промышленной) необходимо установить обязательным условием приема в партию представление двух рекомендаций членов партии с одногодичным партийным стажем, а для второй группы—представления двух рекомендаций членов партии с двухгодичным стажем. Установление таких условий предполагает и обеспечивает более легкий доступ в партию и энергичный рост ее за счет промышленных рабочих, прошедших известную школу классовой выучки и организованности. Но, с другой стороны, создание второй группы — для непромышленных рабочих обеспечивает возможность более легкого вступления последних в ряды партии, чем это было до сих пор, когда нередко этих рабочих относили к категориям служащих.

В связи с необходимостью улучшения наших партийных организаций в деревне условия вступления в партию крестьян также значительно облегчены: они представляют три рекомендации членов партии с двухгодичным партстажем. При чем, для вступления комсомольцев в партию в проекте устава рекомендация комсомольского комитета приравнивается к одной рекомендации члена партии.

Эти изменения, которые отражают политику и задачи партии в области регулирования ее роста и социального состава, отвечающие состоянию политической активности масс, имеют серьезное значение, тем более, что они получат силу постановлений С'езда партии, как твердое уставное положение.

Далее изменения касаются продолжительности кандидатского стажа для различных категорий, при чем здесь опять-таки вводится ряд облегчений в смысле сокращения кандидатского стажа. Кроме того, уточнен порядок исключения из партии, уточнены права и обязанности кандидатов в смысле участия их на партийных собраниях.

Некоторые изменения внесены в главу «Об организационном строении партии», и они об'ясняются исключительно изменениями, происшедшими в СССР в связи с оформлением Союзных Республик, и происшедшим в ряде районов областным районированием (Сев. Кавказ, Урал, Украина, Сибирь, Дальний Восток). Этим же об'ясняются изменения, выражающиеся в выделении новых глав: «Об областных (краевых) организациях» и «Об окружных организациях», ибо на месте прежних губерний, уездов и волостей теперь созданы области (края), округа, районы. Естественно, что структура партии, поскольку партия построена по территориальному признаку, изменяется в результате изменения административного деления. При этом характерно и важно, что проект ориентируется на приравнение в правах окружных организаций к губернским. Это обеспечивает больше прав, повышение ответственности и условия для углубления работы во вновь созданных округах, районах, и т. д.

Далее, некоторые изменения идут по линии расширения сроков, между которыми созываются партийные конференции,— губернские и областные, окружные и волостные. Если раньше в уставе срок созыва губернских и областных партийных конференций был определен «один раз в 6 месяцев», то теперь проект выдвигает предложение о созыве «не реже одного раза в год».

Тот же срок относится и к округам. Что же касается волостных организаций, то здесь конференции созываются по новому проекту не реже одного раза в 3 месяца, при чем волостной (районный) комитет избирается волостным (или районным) «партийным собранием или конференцией на 6 месяцев». Перечисленные формулировки являются более гибкими и оставляющими возможность более частого созыва конференций. Противоречит ли такое изменение сроков принципам внутрипартийной демократии? Выдерживает ли критику с деловой точки зрения? Бесспорно, что усложнившиеся условия работы и необходимость максимального углубления ее, отвергают частые изменения состава руководящих органов, ибо теперь на 9 году Октябрьской революции скольженье по поверхности—а оно неизбежно при кратких сроках —никого удовлетворить не может и отпадает. Поэтому необходимо создать условия, дающие возможность углубленной и более продолжительной работы выборных органов. А для этого необходимо удлинить сроки. Принципы же демократии здесь ни в коей мере не затрагиваются, ибо центр тяжести демократии не в сроках, а в самом характере постановки выборности.

Важнейшим, почти совершенно новым разделом является раздел о контрольных комиссиях, в особенности о Центральной Контрольной Комиссии. Конечно, ничего особенно нового в этой главе нет, ибо решение об изменении структуры состава, расширении функций ЦКК и местных Контрольных Комиссий, было принято после 1922 года на XII С'езде партии, и естественно, что в старом уставе основные положения ЦКК и местных КК не были формулированы. Теперь их необходимо зафиксировать.

Также новой является глава «О парторганизации в Красной армии». В ней даны основные указания о структуре партийной организации в армии и флоте, взаимоотношениях их с партийными организациями и в известных пределах учтен 7—8-летний опыт работы партии в военной среде.

Затем некоторым изменениям подверглась глава «О фракциях во внепартийных организациях», при чем внесено уточнение в порядке отзыва или включения нового члена в состав фракции; эти меры должны проводиться «применительно к уста-

ву и положению о внепартийном органе, при котором работает фракция».

Кроме того, внесено исправление в прежний 65-й пункт устава, ставший ныне 97, который сводится к тому, что во фракции обсуждаются вопросы, «имеющие принципиальное значение, а также те вопросы, по которым необходимо согласованное выступление коммунистов». В этой главе проекта вводится новый существенный пункт, воспрещающий непосредственные сношения по фракционной линии, — когда фракции вышестоящего непартийного органа сносятся с фракциями нижестоящих органов, что наблюдается в последнее время, как в кооперативных, так и в профессиональных организациях. Всякий, сколько-нибудь организационно грамотный член партии понимает значение подобного пункта, устраняющего возможную опасность замены общепартийного руководства фракционным руководством и недопускающего нарушения правильных организационных взаимоотношений между низшими и высшими партийными органами, между партийными и внепартийными органами и правильных форм связи между ними. Устав разрастается и по количеству пунктов на 1/3. В прежнем уставе было 66 пунктов, в проекте — 99.

Вот, если не все, то основные изменения, намеченные проектом устава партии. Главная и большая часть этих изменений и дополнений была разработана Орграспредом ЦК еще к XIV партконференции. Теперь, будучи несколько переработаны и еще раз исправлены по существу, изменения и дополнения к уставу партии вносятся на рассмотрение XIV партийного с'езда.

Принятие устава с'ездом партии—высшим ее органом—имеет то особое значение, что до следующего с'езда партии никакой орган партии не в состоянии будет отменить или изменить тех или иных его пунктов. Это еще более подтверждает мысль о том, что в устав необходимо вносить только такие, действительно основные, действительно проверенные, не нуждающиеся в скором пересмотре положения, потребность в изменении которых может назревать только в длительные сроки.

Партия, обсудив ранее в отдельных организациях прежний проект и ознакомившись теперь с последней редакцией проекта, опубликованного в партийной печати, сможет с теми или иными коррективами принять устав, который будет отвечать потребностям и условиям работы данного исторического периода, и этим самым внесет больше ясности в понимание членами партии отдельных моментов партийной работы, а также основных принципов строения партии. Это поможет лучшему усвоению партийной массой особенностей нашей партии, отличающих ее от других политических, в том числе и рабочих социал-демократических, партий, и поможет укреплению в сознании партийной массы большевистских принципов строения партии и большевистского понимания роли и значения партии, гарантирующих партию в значительной степени от опасностей всякого рода трансформации, перерождения, «термидорианства».

Л. Вишеров.

К вопросу о введении всеобщего начального обучения.

(План введения всеобщего обучения в РСФСР и его значение).

Систему учебных учреждений, которую Советская Россия получила в наследство от старого режима оказалось очень трудно приспособить к нуждам рабоче-крестьянской страны. Отдельные категории и типы этих учебных учреждений не находились ни в какой связи с производством и корнями своими уходили вглубь схоластического средневековья.

Система народного образования, которая нам нужна должна явиться неот'емлемой частью нашего общего социалистического строительства. Мы должны иметь школу единую в целях, единую, классовую, пролетарскую школу, которая должна явиться идеологическим тараном господствующего класса, пролетариата, по отношению к иным классовым группировкам. Организовать такую школу—это трудная задача, разрешение которой в первую очередь связано с введением всеобщего начального обучения.

На другой день после октябрьского переворота тов. Ленин говорил о необходимости «сломить неграмотность в России». Владимир Ильич не связывал, конечно, необходимость «сломить неграмотность России» с понятием «ликвидация неграмотности». Слова Ленина о борьбе с неграмотностью надо понимать, как необходимость борьбы за осуществление всеобщей грамотности населения, а эта задача без введения всеобщего обязательного обучения безусловно невыполнима.

Понимание, что строительство новой жизни без привлечения к этому делу широких масс рабоче-крестьянского населения невозможно, заставило Ленина согласиться на образование комиссии по ликвидации неграмотности (ВЧК л. б.). Но именно сознание паллиативности этой меры заставило его в октябре 1921 г. произнести следующие, полные горести слова на Втором Всероссийском С'езде политпросветов: «...то обстоятельство,—говорил Ленин,—что пришлось создать чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности, доказывает,—что мы люди (как бы это выразиться помягче?), вроде того, как бы полудикие, потому что в стране, где не полудикие люди, там стыдно было бы создавать чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности, там в школах ликвидируется безграмотность. Там есть школы сносные и в них учат. Чему? Учат грамотности—первым делом».

В первые моменты существования рабоче-крестьянской власти, когда у нас не было еще меры вещей в оценке тех трудностей, которые нам предстояло преодолеть, и когда эти трудности еще не были усугублены жестоким экономическим разорением страны в результате гражданской войны,—не было ничего удивительного в стремлениях и надеждах Наркомпроса ввести всеобщее обучение в кратчайший срок. Жестокая борьба с врагами рабочих и крестьян истощила все хозяйственные рессурсы страны, что лишило строительство массовой школы ее экономической базы. Только с началом экономического возрождения СССР мы получили реальную возможность поставить на практические рельсы работу по введению всеобщего обучения. То обстоятельство, что уже 24 августа 1923 года был опубликован декрет ВЦИК и СНК РСФСР о введении всеобщего обучения в десятилетний срок, проведение которого в жизнь связано с миллиардными затратами показывает, что партия и соввласть и в вопросе по искоренению темноты народной остается верной заветам Ильича.

Ленин сказал, что «массовая школа должна явиться проводником идейного организационного и воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения способного окончательно установить коммунизм». Если мы вдумаемся в эти слова нашего учителя, то мы поймем, какое поистине грандиозное значение имеет плановое развертывание школьной сети в общей цепи опорных пунктов, образующих командные высоты пролетарского могущества. Если все вышеприведенное более или менее достаточно для уяснения себе социально-политического значения введения всеобщего обучения, то понимание его экономической целесообразности требует специального анализа. Для этого нам надо будет выяснить, с какими трудностями связано это дело и уложить в систему те мероприятия, которые советская власть намеревается предпринять для преодоления этих трудностей.

В результате работ Комиссии Госплана, проверившей все расчеты Центр. Сетевой Ком., общая сумма расхода, необходимая для введения всеобщего обучения, определилась в следующем размере:

1) на содержание комплектов	1.182.249,1	т. р.
2) „ школ. строит. дело (на 10 лет)	257.520,1	„ „ [1]
3) „ подготовку преп. состава	129.640,8	„ „
Всего на десятилетие	1.569.410,0	тыс. р.

Таковы были первоначальные подсчеты стоимости задания на территории РСФСР без Автономных Республик.

Госплан предложил НКПросу разработать перспективный план финансирования этого начинания с распределением расходов между государственными и местными бюджетами [2]).

9-го февраля сего года Комиссия по народному образованию Госплана заслушала доклад Наркопроса о перспективном десятилетнем финансовом плане введения всеобщего начального обучения в РСФСР.

[1]) Первоначальный план строительства был рассчитан на 20 лет.
[2]) Предложение это было подтверждено СНК 29/VIII 1924 г.

В виду того, что при обсуждении этого вопроса выяснилась необходимость дополнительно проработать и уточнить расчет отдельных расходных статей, связанных с введением всеобщего обучения, решено было для этой цели образовать специальную комиссию, которая проанализировала все расчеты, сделанные в 1924 г. и, учтя новые данные по бюджету 1924—1925 г., внесла в план целый ряд изменений и дополнений.

Перейдем к вопросу о плане.

Проблема введения начального образования в РСФСР может быть изучена достаточно ясно лишь с выявлением следующих основных ее элементов:

1) количества детского школьного населения (8 — 11 лет), подлежащего обслуживанию школами I ступени;

2) порядка развертывания школьной сети в пределах десятилетия;

3) материальных норм стоимости одного школьного комплекта (40 учеников с 1 учителем) и размера необходимых затрат в течение каждого года десятилетия;

4) кадра необходимых учителей;
5) размера школьного строительства и
6) финансового плана реформы.

Основываясь на этом мы перейдем к характеристике каждого из указанных элементов в отдельности.

Начнем с вопроса о количестве школьного детского населения.

На основе данных переписи 1920 г. и поправочного коэффициента на смертность установлено было, что детское население РСФСР (без автономных республик), составлявшее в 1924 г. 8.236 тыс. душ, будет постепенно падать и к 1928 г. достигнет всего лишь 5.752 тыс.

В виду того, что новых обоснованных данных о количестве детей школьного возраста не имеется, цифры, принятые в расчетах НКПроса, были оставлены без изменения со внесением поправок на территории автон. Республик. При подсчетах детских контингентов на второе пятилетие было принято предположение, что рост рождаемости и уменьшение детской смертности, в 1922, 1923 и последующих годах будет итти тем же темпом, как шло уменьшение рождаемости в период гражданской войны. Хотя это предположение и вызывает в настоящее время некоторые сомнения, но до получения общих результатов общей переписи 1926 года оно не может, и не должно, быть отброшено при расчетах. Могущая же оказаться вследствие этого ошибка будет в сторону некоторого уменьшения количества детей, т.-е. в сторону возможности снижения запроектированных по плану ассигнований (см. таблицу № 1).

По вопросу о школьных комплектах была подтверждена правильность исчисления минимальной стоимости школьного комплекта в 800 рублей. Но для 1924—25 года в расчеты была внесена средняя фактическая стоимость его (комплекта) в 520 рублей. Было признано, что ежегодное увеличение ассигнования на 40 рубл. с доведением его до цифры (800 рублей) к 1931—1932 году обеспечит нормальный рост улучшения в постановке

школьного дела, так как параллельно с ростом ассигнований необходимо учесть рост покупательной способности рубля.

Самое скромное оборудование одной вновь открываемой школы на 40 учеников по существующим ценам должно стоить 300 руб.

В связи с тем, что все расчеты по плану имеют исходной точкой фактический отпуск средств по бюджетам 1924—25 г., расходы по подготовке педагогического персонала, принятые по плану, разработанному в прошлом году, были заново пересмотрены. Этот пересмотр дает цифру стоимости развертывания сети техникумов:

в РСФСР	127.359.052 р.
» Авт. Респ.	20.839.566 »
педкурс. в РСФСР	18.650.320 »
в Авт. Респ.	3.371.079 »
общая цифра расхода на 10 лет для всей территории РСФСР, включая автономные республики	170.220.017 »

Уточнить расчеты по школьному строительству до получения с мест планов развертывания сети школ и планов постройки школ по губерниям составляет задачу почти неразрешимую. Возможно уточнение цифр, принятых в прошлом году, а главное учет имеющейся кубатуры школьных зданий, распределение строительства по районам РСФСР дает возможность несколько ближе подойти к определению расходов на эту цель. Нормальным было признано 5 кв. арш. на ученика; в настоящее время имеется на каждого ученика 3 кв. арш. Строительство рассчитано, во-первых, на пополнение дефицита и, во-вторых, на размещение новых комплектов по плану. Стоимость школьных зданий, исходя из существующих цен, определена Стройсекцией Госплана в 85 р. за куб. саж. В дальнейшем было признано возможным презумировать ежегодное понижение цен на строительство с тем, что к 1930—31 году стоимость куба будет доведена до 60 руб., т.-е. до довоенной нормы. Общая цифра по строительству выразится в сумме—299.918.589 руб.

Проверив, таким образом, все слагаемые финансового плана, мы приходим к погодным цифрам расходов по проведению всеобщего обучения, указанным в табл. № 1 (см. табл. № 1).

Определив потребность в средствах, Комиссия поставила себе задачей выявить те рессурсы, как по местным бюджетам, так и по госбюджету, которые могут быть мобилизованы на эту цель.

В основу перспективного финансового плана по осуществлению всеобщего обучения на основании анализа 1924—25 года были положены следующие предпосылки:

1) Расходы на дело народного образования как по государственному, так и по местному бюджету, в течение 1925—34 г.г. будут возрастать ежегодно соответственно общему нарастанию бюджета, при чем это ежегодное нарастание принимается в 10% в среднем.

2) 80% ежегодного прироста ассигнований на народное образование по местному бюджету должно расходоваться на начальное образование.

3) Для первого пятилетия стабилизуется 14%-й прирост от 1924—1925 года на дело начального образования по госбюджету;

Таблица № 1.

Расчет расходов по введению всеобщего обучения по РСФСР, со включением автономных областей и республик.

(Без Московской и Ленинградской губ.)

Годы	Число детей школьн. возраста от 8—11 лет по данным Ц. С. У.	% обучаемости.	Содержание комплектов.			Оборудован. нов. комплект			В миллионах рублей			
			Число комплектов (в тысяч.)	Стоимость одного комплекта (в руб.)	Стоимость всех компл. (в мил. руб.)	Число новых компл. (в тысяч.)	Стоимость одного ком. (в руб.)	Стоимость всех компл. (мил. руб.)	Общая сумма расход. на содерж. и оборудование комплектов.	На подготовку пед. персонала.	На школьное строительство.	Общая сумма необходимых расходов на нач. обучение.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1924—25	9.251.186	50	115,5	520	60,1	—	—	—	60,1	5,2	—	65,3
1925—26	8.247.179	57	117,6	560	65,8	2,0	300	0,6	66,4	11,2	9,5	87,1
1926—27	7.759.207	62	120,3	600	72,2	2,7	—	0,8	73,0	13,3	18,1	104,4
1927—28	6.930.954	72	124,8	640	79,8	4,5	—	1,4	81,2	11,0	22,2	117,4
1928—29	6.508.493	82	133,4	680	90,7	8,6	—	2,6	93,3	16,1	25,7	135,1
1929—30	6.508.793	89	144,8	720	104,3	11,4	—	3,4	107,7	18,9	28,0	154,6
1930—31	6.930.964	95	164,6	760	125,1	19,8	—	5,9	131,0	20,9	33,4	185,3
1931—32	7.759.207	98	190,1	800	152,1	25,5	—	7,7	159,8	23,1	45,5	228,4
1932—33	8.251.186	99	204,2	—	163,4	14,1	—	4,2	167,6	26,1	52,1	245,8
1933—34	9.251.186	100	231,3	—	185,0	27,1	—	8,1	193,1	21,4	59,4	273,9
	—	—	1.546,6	—	1.098,5	115,7	—	34,7	1.133,2	170,2	293,9	1.597,3

в последующие годы второго пятилетия на эту цель обращаются 60% от прироста госбюджета по Наркомпросу.

Построенный на указанных основаниях перспективный десятилетний финансовый план введения всеобщего обучения представляется в следующем виде (см. табл. № 2).

Расходы на народное образование по местному бюджету равняются 2.027,9 милл. рубл., из которых на начальное образование приходится 1.104,0 милл. рубл. По государственному же бюджету итоги этих расходов за 10 лет определяются в 1.465,6 милл. рубл., в том числе на начальное обучение 313 милл. рубл.

Общая сумма расходов на начальное обучение достигает за 10 лет:

по местному бюджету	1.104,0 милл. р.
„ государственному бюджету	313,0 милл. р.
Всего	1.417,0 милл. р.

Этот план не ставит большого и спорного вопроса о возможности в ближайшие годы произвести передвижку средств внутри сметы Наркомпроса в сторону начальной школы. В данном случае, было учтено то тяжелое положение, в котором сейчас надохятся ВУЗ'ы, и средняя школа, которые также требуют увеличения ассигнований.

Разница между потребными расходами и финансовыми рессурсами, составляя, примерно, 12% общей суммы (расход в 1.597 милл. руб. и рессурсы в 1.417 милл. р.) в ориентировочном плане, подсчитанном на десять лет, не может иметь решающего значения. Вариант рессурсов, презумирующий 10% роста бюджета для первого пятилетия, несомненно, является весьма умеренным. Рессурсы же бюджетов второго пятилетия, поскольку расходная часть подсчетов этого периода является весьма грубо ориентировочной,—не могут быть признаны недостаточными.

Детальный учет всех расходных статей перспективного плана, с одной стороны, и осторожный подсчет бюджетных рессурсов ближайших лет, с другой — приводят к убеждению, что план Наркомпроса о введении всеобщего школьного обучения в десятилетний срок с точки зрения финансовых возможностей страны не вызывает сомнений.

Принятый Совнаркомом и утвержденный Президиумом ВЦИК законопроект о введении всеобщего обучения признает необходимым выполнить эту задачу в более короткий, чем 10 лет, срок. Есть все основания полагать, что к 1930—31 г. мы с этим делом справимся.

План введения всеобщего обучения был утвержден Совнаркомом РСФСР, и в десятилетний срок нам надлежит провести его в жизнь. Мы выяснили, что проведение школьной реформы связано с преодолением целого ряда трудностей и что она требует громадных финансовых затрат. О соц.-политическом значении введения всеобщего обучения мы говорили выше. Но и в этом вопросе, как и во всех других, экономика сохраняет примат над политикой. В какой же мере и как скоро окупятся вызываемые реформой затраты соответствующим под'емом продуктивности труда и национального дохода республики? Какова увязка плана развития школьной сети с общими перспективами нашего народного хозяйства и растущими потребностями страны в воспроизводстве квалифицированной рабочей силы? Одним словом, каково в основе экономическое значение этой реформы?

Таблица № 2.

Перспективный десятилетний финансовый план по введению всеобщего обучения по РСФСР.

Со включением автономных республик и областей (без Московской и Ленинградской губерний). [1]

ГОДЫ	Расходы на народное образование по местному бюджету (без госсубвенции).			Расходы по народному образованию по государственному бюджету.			Общая сумма расходов на народное образование по государственному и местному бюджетам.		
	Всего расходов на народное образование в миллион. руб.	В том числе на народное образование включая первые 4 группы 7 и 9-летних школ. Сумма (в мил. руб.)	% к сумме расходов на наробразование.	Всего расходов на народное образование, включая субвенц. фонд.	В том числе на начальное образование. Сумма (в м. р.)	% к сумме расход. на начальное образован.	Всего расходов (в мил. руб.)	В том числе на начальное обучение. Сумма (в мил. руб.)	% к общей сумме расходов на народное образован.
1924—25	127,3	50,0	39,3	92,0	13,0	14,1	219,3	63,0	28,7
1925—26	140,0	60,2	43,0	101,2	14,3	14,1	241,2	74,5	30,9
1926—27	154,0	71,4	45,4	111,3	15,7	14,1	265,3	87,1	32,7
1927—28	169,4	83,7	49,4	122,4	17,3	14,1	291,8	101,0	34,6
1928—29	185,3	97,2	52,2	134,6	19,0	14,1	320,9	116,2	36,2
1929—30	204,9	112,1	54,7	148,1	27,1	18,3	263,0	139,2	39,1
1930—31	225,4	128,5	57,0	162,9	36,0	22,1	388,3	164,5	42,3
1931—32	247,9	146,5	59,1	179,2	45,0	25,0	427,1	192,3	45,0
1932—33	272,7	166,3	61,0	197,1	56,5	28,7	469,8	222,8	47,4
1933—34	300,0	188,1	62,7	216,8	68,3	31,5	516,8	256,4	49,6
	2.027,9	1.104,0	54,4	1.465,6	313,0	21,1	3.493,5	1.417,0	38,7

[1]) Комиссия Госплана нашла, что с точки зрения финансовых и технических возможностей вопрос о всеобщем обучении в отношении Ленинградской и Московской губ. должен быть рассмотрен особо.

Вся сумма результатов производительности народного труда в конечном счете зависит от исполнителя-человека, от качества рабочего, который и является главной пружиной всякого производства. Вопрос об интенсивности, о производительности труда давно уж выдвинут наукой на первый план. Уже Джон Стюарт Милль констатировал тот любопытный факт, что крепостной, в то время, русский труд, в сущности, был очень дорог сравнительно, например, с английским. «Два миддильсекских косца,—говорит он в своей «Политической экономии»,—накашивают в один день столько же травы, сколько получается от труда лишь шестерых русских крепостных, почему, несмотря на дороговизну жизненных припасов в Англии и дешевизну в России, косьба сена английскому хозяину обходится гораздо дешевле, чем русскому». Тот факт, что производительность труда американского рабочего гораздо выше производительности труда рабочего английского, является одной из главных причин все растущего могущества хозяйства Соединенных Штатов.

Спрашивается: в чем же заключается столь важное свойство производительности труда, и от чего оно зависит? Первое условие, от которого зависит производительность труда рабочего, — это физическая сила последнего. Второе условие заключается в искусстве рабочего, которое, в свою очередь, зависит от его умственного развития, определяемого при всех прочих равных условиях, главным образом, степенью его образования. Всякая физическая работа, хотя бы самая простейшая, как пилка и колка дров требует большего или меньшего умственного труда и соображения, чтобы проделываться успешно. И если был прав в свое время проф. Маршалл, указав, что «Современные изобретения в сфере механизмов имеют тенденцию постепенно устранять нужду в специальной ловкости рук рабочего, выдвигая на первый план его общую рассудительность и сообразительность», то сейчас для того, чтобы воспользоваться всеми плодами технического гения для реконструкции всего нашего хозяйства на социалистической основе необходимо, чтобы прогрессу техники соответствовал прогресс знаний. Чтобы выяснить в связи с этим, какое значение для квалификации рабочего имеет начальная школа, мы позволим себе привести следующие строки из работы тов. С. Г. Струмилина «о хозяйственном значении народного образования».

«Четырехлетняя начальная школа,—пишет т. Струмилин,—за каждый год обучения в ней повышает в среднем ставку рабочего на 33 руб. в год, а пожизненный его заработок за 37 л., примерно, на 1.220 рублей. Конечно, необходимо учесть, что средний возраст поступления детей в начальную школу около 9 лет, кончают они эту школу, стало-быть, лет 13, а поступают на работу по закону только по достижении 16 лет. Это означает, что хозяйственный эффект начальной школы начинает сказываться на работе лишь через три—четыре года после ее окончания. Но и с учетом всех этих обстоятельств затраты и хозяйственный эффект, связанные с намеченной реформой, представляются в следующем виде (см. табл. № 3).

Если принять за счет реформы,—говорит далее т. Струмилин,—и все расходы по содержанию уже существующей сети школ, то все же весь этот расход окупился бы повышением доходности трудящихся масс республики уже в течение одного поко-

Таблица № 3.

Эффективность всеобщего обучения по 10-летнему плану.

(По РСФСР без Туркестана и автономных республик) [1].

Год реформы.	Числодетей от 8 до 12 л. в милл. душ.	Затраты, связанные с реформой в милл. руб.	Хозяйствен. эффект этих затрат в милл. руб.	
			Общий за 37 лет [2]).	За данный год.
1	8,24	104,8	4.940	—
2	7,33	121,5	5.165	—
3	6,64	129,3	5.540	—
4	6,14	140,4	5.980	—
5	5,75	152,8	6.520	45,6
6	5,75	155,5	6.760	125,4
7	6,13	168,5	7.250	236,6
8	6,63	186,6	7.980	385,2
9	7,33	215,7	8.960	544,8
10	8,23	248,1	10.170	714,4
		1.622,2	69.265	2.053,0

ления с превышением расхода в 43 раза, а весь национальный доход, считая чистую продукцию труда этих масс, возрос бы на сумму еще раза в два более значительную. Капитальные расходы, связанные с реформой покрылись бы при этом полностью еще до ее завершения, а затем в течение следующих трех десятилетий мы уже без всяких затрат продолжали бы получать на круг свыше 2 миллиардов в год добавочного дохода, что составило бы на затраченный капитал не менее 125 процентов годовых!

Такова рентабельность всеобщего обучения».

Мы нарочно привели столь длинную выдержку из работы тов. С. Г. Струмилина, ибо его мнение в этом вопросе, как одного из крупнейших экономистов нашего союза является наиболее убедительным.

Важность народного образования для дела хозяйственного строительства республики Советов, для строительства социализма должно определить отношение каждого партийца, каждого профессионалиста, каждого преданного рабоче-крестьянскому делу человека ко всякому усилию, направленному на искоренение темноты народной. Каждый солдат 3-го фронта, каждый просвещенец, каждый сельский учитель может быть уверен, что его труд послужит одним из тех многих миллионов кирпичей, из коих, в более или менее близком будущем, будет воздвигнуто величественное здание нового мира. Чтобы выполнить завет нашего учителя и из России нэповской сделать Россию социалистическую, нам надо из России темной сделать Россию просвещенную, ибо через школьные двери лежит путь к социализму.

---

[1]) Расхождение указанных в этой таблице расходов с теми цифрами, которые были указаны в вышеприведенном плане, об'ясняется тем обстоятельством, что здесь расчеты произведены для РСФСР без автономных республик, отчего показательность этой таблички ни в какой мере не теряет своего значения.

[2]) Это, примерно, весь рабочий век пролетария.

И. Д. Марков.

Положение в Польше.

Под шум и барабанный бой Локарнских соглашений медленно, но верно разлагается детище Версаля, буржуазная Польша. Почти покинутая своим «покровителем» Францией, раздираемая внутренними неурядицами, современная капиталистическая Польша зашла в тупик, из которого трудно найти выход. Как в калейдоскопе сменяются министерства, от махровых реакционеров до пепеэсовцев. Но ни солдатский сапог Пилсудского, ни демократический фрак Войцеховского не могут вывести Польшу на путь «нормального» капиталистического развития. Всякие попытки сгладить противоречия, существующие и в экономике и в политике, терпят неудачу. Пресловутая финансовая «стабилизация» оказалась весьма недолговечной.

Злотый опять катастрофически падает. До ноября он держался на уровне 6,00 злотых за доллар, 13 ноября — 6,50 злотых, а на 2 декабря — 12 злотых. Хроническое падение злотого об'ясняется рядом причин. С каждым месяцем тает валютный фонд польского банка. Обеспечение золотом, иностранной валютой и девизами составляло (в тыс. злотых):

На 1 апреля 1925 г.	. . .	376.013
» 1 июля »	. . .	240.014
» 10 августа »	. . .	193.600

(К этому надо прибавить, что в марте запасы банка были увеличены на 53 млн. злотых, благодаря займу С. Ш. С. А.). Не желая и дальше уменьшать процент покрытия билетов польского банка, польское правительство стало усиленно выпускать билоны и разменные знаки. Разменных знаков в настоящий момент выпущено больше, чем 100% государственных банковых билетов. За первую половину 1925 г. количество непокрытых мелких денежных знаков увеличилось с 123,6 до 207,6 млн. злотых.

Убыль обеспечения надо прежде всего отнести за счет пассивности торгового баланса. Излишек ввоза приходилось покрывать иностранной валютой. Польское правительство стало перед необходимостью, во что бы то ни стало, прекратить утечку твердой валюты за границу. Выдача иностранной валюты польским купцам, импортерам была прекращена. В результате, последние расплачивались злотым, и за границей скопилось большое количество польской валюты, начавшей катастрофически падать. Пришлось, чтобы хоть немного удержать падение зло-

того, усиленно скупать его за границей. Одновременно, повышается спрос на иностранную валюту внутри страны. Если спрос на инвалюту на Варшавской бирже в 1924 г. принять за 100, то в январе 1925 г. он составлял 123, а в июне — 245.

Дальнейшими причинами падения злотого является таможенная война с Германией и др. Финансовое положение Польши отягчается еще огромными так называемыми административными расходами, составляющими до 92,36% всего государственного расхода (из них на содержание армии идет 35%, на полицию—10,28%, в то время, как министерство труда и соц. обеспечения поглощает 1% всех расходов, земельные реформы 2,73% и т. д.).

Наконец, по последнему отчету верхней палаты государственного контроля, переданному сейму, растраты всех министерств составляют почти четверть польского государственного бюджета (министерство железных дорог растратило за год 200 млн. злотых, военное министерство—50 млн. и т. д.).

В результате валютной катастрофы положение польских банков невероятно тяжелое. На каждый банк приходится в среднем около 66 тыс. руб. капитала. Если к этому прибавить, что 5/6 всех вкладов являются бессрочными вкладами и могут быть в любой момент затребованы обратно, а банки еще в июле имели наготове наличными не больше 7½% суммы вкладов, то их положение не нуждается в дальнейших комментариях. Крахи крупнейших банков стали обычным явлением. Обанкротились Виленский поземельный банк, Варшавский соединенный торгово-промышленный банк, Польский коммерческий (в Познани), банк христианских купцов и промышленников в Лодзи, ряд галицийских банков и мн. др. Остальные банки находятся накануне краха.

От окончательной финансовой катастрофы Польшу могли спасти только крупные иностранные займы.

По отчету польского министерства финансов, польский долг на 1 января 1925 г. составляет:

Внутренний долг	. . . .	127.739.062 злотых.
Внешний »	. . . .	1.599.301.516 »
Всего	. . .	1.727.040.578 злотых.

В цифру внутреннего долга не входят авансы польского банка, достигающие 20.770.969 злотых. Ни экономическое, ни политическое положение Польши не создавали достаточных гарантий для предоставления ей крупных займов. Напрасно польский сейм принял предложенный Соед. Штатами способ расплаты за свой долг, напрасно рассматривал Польский сейм различные законопроекты о льготах иностранному капиталу, все это чрезвычайно мало способствовало поднятию доверия к Польше, поднятию ее кредитоспособности.

Не очень помогла и распродажа страны, об'явленная правительством Грабского: оно вело переговоры о займах под обеспечение табачной монополии, спиртной монополии, соглашалось вести переговоры о сдаче иностранному капиталу железных дорог и о продаже иностранцам государственного эмиссионного банка. Не помогли и поездки в Америку, в Лондон, в Вену

представителей польских банков. Даже знаменитый заем, предоставленный Польше американским банком Диллона, на деле далеко не оправдал возлагаемых на него надежд. Вместо обещанных 50 млн. долларов, Польша получила всего 22 млн. долларов, выдав обязательств на... 28 млн. дол. Диллон получил 6 млн. долларов комиссионных, не считая огромных процентов. Выплату остальной суммы Диллон ставит в зависимость от дополнительных гарантий, точнее, в зависимость от предоставления ему спичечной монополии.

При таких условиях поездка Скшинского в С. Ш. была последней ставкой. Надо отдать должное Скшинскому, он сделал все, что зависело от него: он распинался о «священных принципах демократии», носительницами которых является «великая Заатлантическая республика» и Польша, он не пожалел слов для описания огромной работы, проделанной польским правительством для восстановления финансового, промышленного и сельско-хозяйственного положения страны, он не поленился даже войти в соглашение с еврейскими буржуазными кругами, представленными в сейме, чтобы доказать еврейским банкирам Соед. Штатов истинную «демократичность» польской республики. Но оказалось, что факты сильнее слов. Падение злотого произвело на американские финансовые круги гораздо большее впечатление, чем «польская демократичность». Скшинский вернулся ни с чем. Погасла последняя надежда на получение займов, финансовый кризис увлек за собой еще одно польское правительство. Кабинет Грабского вынужден был выйти в отставку. Финансовый кризис грозной, неотвратимой тучей навис над Польшей.

Но финансовый крах повлек за собой и крах промышленный. Для борьбы с падением злотого польский банк поднял учетную ставку до 12%, а по ссудам до 14%. Крахи банков и острые кредитные затруднения вызвали банкротство крупнейших торгово-промышленных фирм. Необходимость, во что бы то ни стало установить активный баланс—толкнула Польшу на путь протекционизма. Начиная с 1922 г. вывоз катастрофически падал: в 1922 г. экспортно-импортный баланс был сведен с дефицитом в 202,5 млн. злотых, в 1923 г. экспорт хотя и превышал импорт, но на незначительную сумму в 33,4 млн. злотых, в 1924 г. дефицит составлял 54,4 млн. злотых, а в 1925 г.—417,3 млн. злотых. Искусственное установление курса польской валюты на ее официальном уровне приводило к высоким ценам в Польше и вызывало усиленный ввоз товаров из стран с более дешевой валютой (интересно отметить, что дефицит вызывался в значительной мере ввозом предметов роскоши); с целью установить активный торговый баланс польское правительство запретило перевод за границу без специального разрешения министра финансов сумм свыше 100 злотых, встало на путь протекционизма. Пошлины на ряд товаров, в том числе на муку, крупу, рыбу, икру, и пр. увеличены до 100%. Введена пошлина и на железную руду, ввозившуюся до сих пор беспошлинно. Правда, этим путем Польше удалось в сентябре этого года установить активный торговый баланс, но цифры экспорта и импорта достаточно красноречиво говорят о том, за счет чего он установлен: если экспорт увеличился на какие-нибудь 6 млн., то импорт, составлявший в мае 193 млн. злотых, упал в июле до 173 млн. злотых, а в сентябре до 72 млн. злотых. Одновременно Польша лишилась своего основного рынка сбыта—германского, поглощавшего до 42% ее экспорта. Дело в том, что 15 июня 1925 г. окончился срок свободного ввоза в Германию угля, чугуна, железа и др. товаров Верхней Силезии. Польше пришлось теперь вести переговоры с Германией, не как с побежденным врагом, а как с равной стороной. Она стремилась прежде всего сохранить за собой право беспошлинного ввоза в Германию 500.000 тонн угля ежемесячно. Германия в этом требовании отказала и в июне закрыла границы для польского угля. В ответ на это Польша запретила ввоз важнейших товаров германского экспорта. Кроме того, в виду высоких пошлин на ряд товаров, составляющих предмет польского экспорта, торговля между Польшей и Германией почти совсем прекратилась. При этом важно отметить тот факт, что если герм. вывоз в Польшу составляет 6,6% общего вывоза Германии, то ввоз из Германии составляет 34,2% всего польского ввоза, а вывоз из Польши в Германию—42,4% всего польского вывоза. Стремясь обеспечить себе сбыт угля в Чехо-Словакии, Австрии и др. странах, Польша, в обмен на установление твердого количества ввоза ее угля в Чехо-Словакию и на некоторые транспортные привилегии для своего угля, дала Чехо-Словакии льготы по 80 пунктам своего таможенного тарифа, в то время, как Чехо-Словакия пошла на уступки только по 20 пунктам.

Все это вместе взятое лишает Польшу возможности установить активный торговый баланс за счет экспорта, заставляет ее, как мы уже указали выше, итти по линии сокращения импорта.

Средняя месячная продукция польской промышленности падает из года в год. В тысячах тонн она составляла:

	1913 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Каменный уголь	3.394	3.008	2.685	2.100
Нефть	92,8	67,4	64,2	64,3
Железная руда	38,6	38,3	20,5	12,2
Чугун	87,9	43,4	28,0	25,0
Сталь	135,6	94,3	56,2	76,3

Цифры за 1925 г. даны за июль. С тех пор положение промышленности резко ухудшилось. Протекционная система не может помочь польской промышленности. Вряд ли соседние с Польшей государства и даже Франция допустят длительное закрытие польского рынка для своих товаров. Нажим в этом отношении на Польшу неизбежен, и вряд ли она будет в состоянии сколько-нибудь серьезно ему противиться. Опыт таможенной войны с Германией достаточно ярко показывает, что наибольший ущерб от такой борьбы понесет сама Польша. Да и причины польского промышленного кризиса слишком глубоки, чтобы польская промышленность могла быть восстановлена проведением половинчатых мер. Прежде всего, как мы уже говорили выше, они

лежат в глубоком финансовом кризисе. Кроме того, об'единение трех частей Польши в один хозяйственный организм дало резкую встряску создавшейся раньше экономической связи между различными частями Польши и их бывшими метрополиями. Польской промышленности пришлось перестраиваться на новой базе, применяться к новым условиям, к новым требованиям. Такая встряска не могла, конечно, пройти безнаказанно.

Огромную, если не главную роль играет также отрыв польской промышленности от нашего рынка. Достаточно сказать, что до войны Польша экспортировала в Россию или транзитом через Россию на Дальний и Средний Восток промышленных изделий на сумму до 525 млн. рублей, в то время как ее экспорт во все другие страны достигал $1^1/_2$ млн. руб. Вся горнопромышленная и металлургическая индустрия работала нашим сырьем и на наш рынок, хлопчатобумажная промышленность экспортировала в Россию $70^0/_0$ всей своей продукции, шерстяная промышленность—$75^0/_0$ и т. д. $^5/_6$ всего экспорта Польши в Россию составляли промышленные изделия и только $^1/_6$ состояла из сырья и пищевых продуктов. Россия же экспортировала в Польшу только $^1/_3$ промышленных изделий, $^2/_3$ состояли из сырья, хлеба, скота и пр. Эти цифры достаточно наглядно показывают, насколько русский рынок выгоден Польше. С присоединением к Польше Верхней Силезии и металлообрабатывающая промышленность настолько возросла, что она могла бы снабжать нас самыми различными изделиями, от полуфабрикатов до машин включительно. Между тем, до настоящего времени в силу ряда политических причин товарооборот между Польшей и СССР выражается в весьма скромных цифах.

Лишившись, таким образом, русского, а затем и германского рынка, польская промышленность находится в почти безвыходном положении. Конкурировать с высоко развитыми капиталистическими странами, также страдающими перепроизводством, она, конечно, не может. Если к этому прибавить кредитные и валютные затруднения, то становится ясным, что положение польской промышленности не многим лучше, чем положение польских финансов.

Промышленный кризис вызывает, конечно, страшный рост безработицы. В июле 1924 г. количество зарегистрированных безработных равнялось 149.097 человек.

В июле	1925 г.	174.997 чел.
» августе	»	184.910 »
» сентябре	»	195.040 »
» октябре	»	203.560 »

В настоящий момент, согласно данным Главного Статистического Управления Польши, количество безработных перевалило за $213^1/_2$ тыс. чел.

Из всего количества безработных только 83.881 человек пользуются субсидиями, при чем рабочий, имеющий 4 чел. семьи, получает $40^0/_0$ своего последнего заработка. Таким образом, рабочий получает в день 1 зл. 20 гр., в то время как официальный прожиточный минимум (конечно, очень низкий) составлял еще

в июле 6,75 зл. По данным больничной кассы в 1925 г. при прожиточном минимуме почти в 200 зл. в месяц.

$47,7^0/_0$	служащих	зарабатывает	меньше 100 злот.
$36,3^0/_0$	»	»	от 100 до 200 злот.
$11,4^0/_0$	»	»	» 200 » 300 »
$4,6^0/_0$	»	»	свыше 300 злот.

Положение рабочих еще отягчается колоссальным гнетом налогов: прямые налоги дали лишь $71,8^0/_0$ премированных (имущественный налог—59,9%, подоходный налог—52,1% и т. д.) в то время, как косвенных налогов собрано на 50% больше, чем было предусмотрено. Само собою разумеется, что при такой политике вся тяжесть налогов ложится на рабочих.

Общее число всех рабочих организованных в классовые союзы составляло на 31/XII—23 г.—377.775 чел., на 31/XII—24 г.—249.636 чел., в течение 1924 г. убыло 33,9% всех членов. В 1924 г. правительством был «временно» введен 10-часовой рабочий день (до 1/I—25 г.). Потом это «временное» положение было продлено еще на 6 месяцев, но еще и в настоящее время 8-час. рабочий день восстановлен только для 15% рабочих. Наступление промышленников на рабочих продолжается. Орган союза промышленников требует введения 12-часового рабочего дня. В результате растет волна забастовок, с одной стороны, локаутов, с другой. Эндеки ведут усиленную агитацию за увеличение рабочего дня. В этом вопросе капиталистическая Польша стоит накануне крупных событий.

Немного радостей сулит Польше и вопрос о нацменьшинствах. Для характеристики этой стороны польской государственности достаточно привести слово Ллойд-Джорджа (25/III—25 г.) во время прений в английском парламенте по поводу женевского протокола: «Реальная опасность для мира Европы заключается в том, что из 24 млн. польского населения, 9 млн. поставлено под власть Польши силою оружия, вопреки протестам Лиги Наций и Верховного Союзного Совета». И дальше: «Эльзас-Лотарингия вызвала войну в Европе. Но у Польши есть пять Эльзас-Лотарингий: это—Восточная Галиция, Белоруссия, Вильно, Данцигский коридор и Силезия. Теперь же Польша хочет получить еще шестую — Данциг». Конечно, цифры Ллойд-Джорджа сильно преуменьшены, потому что, по статистическим данным, 51% населения составляют нацменьшинства. Территории, населенные иноплеменниками, составляют добрую половину польского государства. Здесь не приходится особенно распространяться о том, каково экономическое, политическое и социальное положение этих нацменьшинств. Гонения на национальные школы, культуру, язык, религию, система террора, аресты, истязания и пр.,—все эти вопросы из жизни польских нацменьшинств достаточно освещались не только нашей, но даже и иностранной прессой. 51% своего населения (белоруссам, украинцам, немцам, евреям) польская государственность сумела достаточно ярко и наглядно показать все прелести «демократии».

Катастрофическое состояние польских финансов, очень тяжелое положение промышленности, безработица, вопрос о нацменьшинствах,—все это ставит пред правящими кругами Польши не-

разрешимые проблемы. И без того запутанное положение запутывается еще больше тем, что Польша изобилует бесчисленным количеством различных политических партий и группировок, представленных в польском сейме. Ни одна из этих партий или группировок не имеет в сейме абсолютного большинства, а следовательно всякое правительство должно опираться на несколько различных партий и фракций, выражая собой разноречивые интересы. В польском сейме имеется 444 депутата. Самой крупной партией являются народовые демократы, представленные в сейме 99 депут., затем идут:

Группа Дубановича (крупные аграрии) . .	28 деп.
Христианские демократы	43 »
Пяст (кулацкая партия)	64 »
Народно-работы (ВПР)	18 »
Вызвол.	49 »
ППС.	41 »

Остальные места принадлежат евреям, украинцам, белоруссам, коммунистам и другим. Такой пестрый состав сейма указывает на различные групповые интересы, не дает возможности составить более или менее однородный кабинет. И, действительно, на всем протяжении существования Ржечи Посполитой почти не существовало парламентского кабинета, и приходилось довольствоваться «деловыми» или коалиционными кабинетами, которые сменялись как в калейдоскопе. Несомненно, народные демократы, представляющие интересы крупной буржуазии, пользуются преобладающим влиянием в сейме и во всех правительствах с момента ухода с политической сцены маршала Пилсудского. Но все же, если надвигающаяся финансовая и промышленная катастрофа вышибла из седла «деловое» правительство Грабского, то на смену ему пришло опять коалиционное правительство Скшинского.

Достаточно ясную характеристику нового правительства дает в своей премьерской докларации сам Скшинский: «Я имею честь, — начал свою речь премьер, — явиться в сейм с правительством, самое построение которого является уже его программой. Если программа правительства заключается в его построении, то я не могу в сегодняшней своей речи ее излагать подробно. Я не считаю программой одни лишь обещания. Я не понимаю ее, как слова, предназначенные для успокоения или для создания необоснованных надежд. Программа есть действие...»

Что же это за правительство, само построение которого есть уже программа? Прежде всего, это коалиция от эндеков до пеэсовцев. Скшинский прав. Незачем эндекам, выражающим интересы крупного капитала, и эсдекам, выступающим в роли «защитников» пролетариата, подписываться под одной и той же программой, хотя мы, как и Скшинский, не сомневаемся в том, что и те и другие найдут общий язык там, где дело коснется «действий». Таким образом, кабинет, об'единенный не какой-нибудь политической программой, а стремящийся помирить партии включением в свой состав отдельных лидеров, должен будет, прежде всего, предоставить полную свободу этим лидерам. К чему может привести такой кабинет, достаточно наглядно

показали предыдущие кабинеты, при которых неизвестно куда уплывала четверть польского государственного бюджета. Но и во всем остальном нынешний кабинет является повторением кабинета Грабского. Достаточные доказательства дал этому и сам Скшинский в своей премьерской декларации. В вопросе о валюте «правительство сохранит то, что было достигнуто предшествующими усилиями». «Необходимость сохранения активного баланса заставляет отказаться от принципа свободной торговли и перейти на путь протекционизма», а о том, как сохраняется активность баланса, мы уже говорили выше. В отношении заграничных займов, правительство поддерживает лишь законопроект, уполномочивающий его заключать государственные займы, т.-е., другими словами, проект особых полномочий Грабского. По вопросу социального законодательства правительство обещает не отказываться от предыдущих «достижений». О нацменьшинствах: Скшинский надеется, «что тот дух, которым были оживлены беседы бывшего премьера Грабского с президиумом еврейской фракции, будет жизненным и достигнет намеченной цели». На вопрос украинцев и белоруссов о том, слышал ли премьер об их существовании, Скшинский ничего не ответил.

Итак, в то время, когда капиталистическая Польша переживает тяжелейший кризис, ее буржуазия выдвигает правительство, не имеющее программы и слово в слово повторяющее то, что уже было сказано его предшественниками.

Если политическое положение внутри страны являет собой безотрадную картину, то и внешнее положение Польши не лучше. В Локарно у Польши отнято то, что придавало известную устойчивость ее внутреннему положению и позволяло спокойно работать отечественному капиталу: уверенность в прочности государственных границ. До Локарнской конференции Польша опиралась на французские штыки, полагая, что при всяких покушениях на ее границы, она получит помощь Франции. Локарнская конференция, не касаясь военного союза Франции с Польшей, усилила международный вес самого опасного врага Польши — Германии. Одновременно сильно ослаблена реальная помощь, которую может оказать Франция своим восточным союзникам. Франции не дано права вступать в демилитаризованную зону на случай польско-германского конфликта, и центр тяжести от военного союза с Францией переносится на Лигу Наций. Правда, Польша состоит членом Лиги, но, как известно, преобладающее влияние в Лиге имеет Англия, и влияние это еще значительно усилится с вступлением Германии.

Англия не может в своей политике опираться на Германию и Польшу одновременно. Англия заинтересована в усилении Германии в противовес Франции. Усиление же Германии, вероятнее всего, пойдет за счет нынешних польских владений: Данцигского коридора и Верхней Силезии. Правда, Польша, вероятно, получит некоторую компенсацию, но компенсация эта может быть ей предоставлена только за счет Литвы или СССР и, прежде всего, означает новую войну на востоке Европы. Внутреннее положение Польши достаточно красноречиво говорит о том, может ли позволить себе Польша в настоящее время роскошь, какого-либо вооруженного конфликта. Но оно же лишает Польшу возможности выработать твердую и четкую линию внешней политики. Уверяя нас в наступлении новой эры в со-

ветско-польских отношениях, уверяя нас в своей неизменной дружественности, премьер Скшинский в своей премьерской декларации весьма недвусмысленно раскланивается в сторону господина Чемберлена. Скшинский выражает радость в том, что во время своего пребывания в Лондоне он будет иметь возможность беседовать об европейских проблемах с таким государственным деятелем, как Чемберлен. «Его (Чемберлена) ясная и твердая позиция по отношению к нам укрепляет веру, что мирные стремления будут и впредь осуществляться в том же направлении в атмосфере взаимного доверия».

И в вопросах международной политики новое правительство расписалось в своей несостоятельности: оно попрежнему намерено итти на поводу, если не у Франции, то у Англии.

Итак, капиталистическая Польша окончательно погрязла в неразрешимых проблемах фонансового и промышленного кризиса, назревающих социальных конфликтов, все увеличивающегося брожения среди нацменьшинств, составляющих 51% ее населения. Не менее безнадежно и международное положение Польши. Само собой разумеется, что не кабинет Скшинского может вывести Польшу из создавшегося тупика. Польша стоит накануне крупнейших политических передряг. Для капиталистической Польши нет выхода, польская буржуазия расписалась в своем политическом банкротстве, выход теперь может подсказать только польский пролетариат.

Н. Ангарский.

Заключительное слово о тов. Ваганяне.

Я думаю, что можно подвести некоторые итоги дискуссии. Я утверждал, что «две тактики в истории российской социалдемократии наметились еще в 90-х годах и приводил тому целый ряд доказательств. Ни одного из этих доказательств т. Ваганян не опровергнул и теперь пытается перенести спор совсем в другую плоскость, пытается уличить меня в том, что я, не найдя никаких разногласий у Плеханова с Лениным, пытаюсь «приравнять» Плеханова к Аксельроду, который (Аксельрод) «существенно расходился с Плехановым».

Оставим пока вопрос о «существенных расхождениях» Плеханова с Аксельродом и постараемся резюмировать сущность дискуссии.

Я утверждал, что разногласия между Лениным и Плехановым в первой русской революции по вопросу об отношении к либеральной буржуазии и крестьянству имеют свою давность, и что источники этих разногласий наметились еще в 90-х годах. Конечно, мы не имеем прямого свидетельства расхождений между Лениным и Плехановым в 90-х годах в виде, например, открытой полемики между ними; если бы такая полемика имела место, нечего было бы теперь, спустя 30 лет, вести по этому поводу дискуссию. Задача историка в том и заключается, чтобы путем изучения печатного материала, писем, сопоставлений, косвенных доказательств и т. д. восстановить и уяснить круг идей изучаемого писателя. Обратимся к таким материалам.

При свидании Ленина с Аксельродом в 1895 г. за границей, последний, по поводу статьи Ленина о Струве в марксистском сборнике заметил: «Вы отожествляете наши отношения к либералам с отношениями социалистов к либералам на Западе», тогда как «в данный исторический момент ближайшие интересы пролетариата в России совпадают с основными интересами других прогрессивных элементов общества».—«Знаете,—ответил улыбаясь Ленин,—Плеханов сделал по поводу моих статей совершенно такие же замечания. Он образно выразил свою мысль: «Вы,—говорит,—поворачиваетесь к либералам спиной, а мы—лицом» (Переписка Плеханова и Аксельрода, т. I, стр. 270. М. 1925 г.).

О чем свидетельствует этот разговор Ленина с Аксельродом?

Прежде всего о том, что у Ленина в статье против Струве написанной в 1895 г. имелись существенные разногласия и с Аксельродом, и с Плехановым по вопросу об отношении к либералам; разногласия эти заключались в том, что Ленин не переоценивал значения либералов, а Плеханов и Аксельрод—считали их большой общественной силой. В этом все дело. По вопросу

об отношении к либералам и «оппозиции» у Плеханова и Аксельрода было полное единомыслие.

Имея такое существенное свидетельство Аксельрода, всякий исследователь вопроса неизбежно должен обратиться к изучению литературных источников. Я подробно разобрал эти источники и в своем ответе тов. А. Елизаровой в № 91 «Известий» за 1925 г. и в статье против тов. Ваганяна в № 19—20 «Большевика». Я пришел к выводу, что и в статье против Струве («Экономическое содержание народничества и критика его в книге П. Струве»), и в книге «Что такое «Друзья Народа», Ленин выдвигал совсем иную тактику, иную ориентацию, чем Аксельрод и Плеханов. Критикуя утопичность народнической теории, он выделял из нее революционно-демократическую часть и считал необходимым всемерно поддержать народников именно в этой части их программы. Рассматривая народничество, как идеологию мелкой буржуазии и, главным образом, крестьянства, Ленин, как бы предрешал уже вопрос о «демократической диктатуре пролетариата и крестьянства». Разногласие было, действительно, существенно: Ленин ориентируется на революционную демократию, крестьянство, как раз в то время, когда Аксельрод и Плеханов считают необходимым «обернуться к либералам лицом» и вопрос о гегемонии пролетариата связывают с движением либералов. И хотя два года спустя (в 1897 г.) Ленин и выпускает с предисловием Аксельрода брошюру «Задачи русских социал-демократов», но в ней он лишь развивает, но отнюдь не отказывается от основных мыслей, изложенных в двух вышеназванных работах 94 и 95 г.г.

В подтверждение правильности своей точки зрения я сослался между прочим на свидетельство Ленина в предисловии к сборнику «За 12 лет» (СПБ. 1908 г.). В этом предисловии Ленин говорит, что в своей статье против Струве, напечатанной в 1895 г. дана «теоретическая формулировка тех самых положений, которые 12—13 лет спустя получили практически-политическое выражение... в «лево-блокистской тактике». Та часть меньшевиков, которая боролась на выборах во 2-й Думе против этой тактики, против идеи о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства «изменила в этом отношении очень старой и очень важной традиции революционных соц.-демократов».

Что возразил на это тов. Ваганян? «Ровно ничего, ибо вопрос, до очевидности ясен». Две тактики, несомненно, наметились еще в 90-х годах, но свое полное выражение получили лишь в первой русской революции. Говорить после всего этого, что никаких расхождений между Лениным и Плехановым в 90-х годах не было, может лишь тот, для которого полемика есть все, и который не дорожит научной истиной.

Ваганян не только замалчивает непосредственное свидетельство Ленина, но он проходит мимо и свидетельства Плеханова, который тоже подтверждает, что разногласия в тактике между ним и Лениным в 90-х годах, по отношению к либералам, действительно, существовали (Расхождение между Тулиным и Бельтовым. Письмо Мартова к Ленину 20-го марта 1902 г. «Ленинский Сборник», т. III, стр. 408).

Столь же безнадежна позиция тов. Ваганяна и по вопросу об отношении Плеханова к Струве и в частности по вопросу о

том, что Ленин, якобы, удерживал Плеханова от «стрельбы» по Струве. Что мог возразить тов. Ваганян против подлинного свидетельства самого Ленина в письме к Потресову от 27/VI 1899 г. (письмо это будет напечатано в IV «Ленинском Сборнике»). Ровно ничего. Таким образом, можно считать окончательно установленным тот факт, что Ленин не только не удерживал Плеханова от выступления в 1897 г. против Струве, но даже считал молчание Плеханова политической ошибкой. Точно так же совершенно не доказано, что Ленин в 1895 г. «приказывал» Плеханову не «стрелять» в Струве, и остается в силе мое предположение в том, что такие советы мог давать Плеханову лишь Потресов, находившийся в то время в переписке с Плехановым.

Что касается позиции Ленина, занятой им в конфликте между легальными марксистами и «самарцами», то в этом отношении ничего более не остается, как удовлетвориться обещанием тов. Ваганяна «рассеять все мои недоумения в другой статье и в другой связи». Нет, тов. Ваганян, и в этом отношении ваше положение безнадежно. Ведь, вы черным по белому так и написали, что потому-де Ленин в споре о хлебных ценах стал на сторону Струве-Тугана, что они эти «легальные» марксисты «защищали... явно либеральную, буржуазную позицию», а «беседы с Плехановым и Аксельродом значительно смягчили отношение Ленина к либералам».

Я думаю, что после этого раз'яснения позиции Ленина в споре с «самарцами» было бы уместнее совсем притихнуть, ибо тут уже никакие новые раз'яснения не помогут и никакие отступления не спасут. Кстати: в своей книге я высказал предположение о том, что автором письма в редакцию в № 56 «Самарского Вестника», за 1897 г., за подписью С. Т. А. был Ленин. Предположение это я основывал, главным образом, на анализе общих взглядов Ленина и сопоставлении этих взглядов с письмом к Мартову и другим.

В настоящее время может считаться установленным, что письмо это принадлежит действительно Ленину и войдет в первый том нового собрания сочинений. В письме этом Ленин со всей ясностью об'ясняет, почему именно точка зрения «легальных» марксистов в теоретическом вопросе о влиянии хлебных цен на все стороны нашего народного хозяйства правильна, а протест «самарцев» несостоятелен.

Таковы итоги дискуссии. На этом можно было бы и покончить, но тов. Ваганян в безнадежных попытках отстоять свою, весьма шаткую позицию, выдвинул новый вопрос... Он говорит, что, не найдя у Плеханова никаких разногласий с Лениным, я тщательно «подмениваю» Плеханова Аксельродом, который существенно расходился с Плехановым.

Что и говорить,—преступление тяжкое. Шутка ли сказать—«подменить» «мудрую» тактику Плеханова оппортунистической тактикой Аксельрода. Но каюсь, когда я перечитывал статьи Плеханова и Аксельрода начала 90-х годов,—с трудом различал, где кончается Аксельрод и начинается Плеханов. Конечно, разногласия у Плеханова с Аксельродом возникали нередко, как возникали они и с другими членами группы «Освобождения Труда». Но не в этом дело, важно то, что в основном линия Плеханова и Аксельрода была едина.

В вопросе о гегемонии пролетариата в грядущей революции и отношении к либералам Плеханов и Аксельрод были вполне солидарны («повернулись к либералам лицом»).

В качестве одного из косвенных доказательств, имеющих для истории немаловажное значение, я привел свидетельство Б. Николаевского из «переписки Плеханова с Аксельродом» о том, что еще в 1893 г. Аксельрод во время Цюрихского Конгресса развивал Плеханову свою «концепцию» о гегемонии пролетариата в предстоящей революции в России. Вместо того, чтобы учесть, оценить это свидетельство Николаевского, записанное со слов Аксельрода, вместо того, чтобы критически сопоставить это свидетельство со взглядами самого Плеханова по этому важнейшему вопросу начала 90-х годов,—Ваганян просто отмахивается от факта и заявляет: Николаевский—меньшевик, а потому доверия не заслуживает; «он, всеми ему доступными методами, доказывает, что идея гегемонии пролетариата—есть изобретение Аксельрода», а отсюда, мол, само-собой уж напрашивается вывод, «что Ленин, а, следовательно, и весь большевизм, есть уклонение от марксизма, и что к меньшевизму перешло непосредственное наследство двадцати слишком лет развития марксизма в России».

Огорчение тов. Ваганяна усиливается еще тем, что он, ведь, «в своей книге в специальной главе пытается доказать, что «идея гегемонии пролетариата есть «излюбленная идея Плеханова с самого 1883 года».

Действительно, положение тяжелое: такое, можно сказать, невнимание к исследователю и его «монографии».

Человек доказывает, что взгляды Плеханова по вопросу о крестьянстве вошли целиком в большевистское построение, послужили «основой большевистского учения», а меньшевики из «Соц. Вестника» считают Плеханова «своим» и не отличают от Аксельрода.

Есть от чего в отчаяние притти.

Но все-таки приходить в уныние по поводу произведенной меньшевиками «экспроприации» Плеханова не следует. Меньшевики берут Плеханова **целиком**, так же, как и Аксельрода. Тактика Плеханова—меньшевистская тактика. Нас же Плеханов всего более интересует как теоретик революционного марксизма.

Ни меньшевики, никто другой, не отрицали того общеизвестного факта, что именно Плеханов первый выразил и обосновал ставшую давно уже бесспорной мысль о гегемонии пролетариата в русской революции. Разногласия начинаются там, когда возникает вопрос о тех общественных классах, руководство которыми составляет историческую миссию пролетариата, как гегемона движения. Именно по этому вопросу и наметились две линии, «две тактики» в русской соц. демократии еще в 90-х гг., а вовсе не по вопросу о гегемонии, как таковой. Аксельрод и Плеханов были вполне солидарны в том, что пролетариат в лице своего авангарда соц.-демократической партии должен ориентироваться на либеральную буржуазию, представляющую собой об'ективно прогрессивную силу,—Ленин же, уже в «Друзьях Народа», а затем и в статье против Струве выдвигает идею борьбы пролетариата во главе революционной демократии. Вот в чем вся суть вопроса. Именно по этому вопросу, т.-е. по вопросу о том, с кем итти пролетариату, какие классы поддерживать и возникли разногласия с особой силой между двумя частями партии в 1905 году.

Ваганян советует мне внимательно прочесть № 15—16 «Соц. Вестника», в котором меньшевики проводят знак равенства между Аксельродом и Плехановым. Я думаю, что ничего нового «Соц. Вестник» по этому, давно решенному вопросу, сказать не может, а решен этот вопрос именно в том смысле, что в вопросах тактики между Плехановым и Аксельродом, начиная с 90-х годов и до 1905 года включительно, никаких, сколько-нибудь существенных разногласий не было. Для доказательства этого общеизвестного положения вовсе нет необходимости обращаться к «Соц. Вестнику»—все это можно почерпнуть из «монографии» тов. Ваганяна, который не мало потрудился для подбора соответствующих цитат из Плеханова.

Приведем наиболее характерные из них.

«Уже теперь,—говорит Плеханов,—при всем разнообразии революционных взглядов, ясно, что только два направления могут у нас рассчитывать на будущее: либеральное и социал-демократическое. Все остальные программы представляют собою лишь эклектическую смесь этих двух направлений и поэтому осуждены на исчезновение» [1]).

Такое утверждение даже тов. Ваганяна приводит в некоторое смущение, и он замечает, что «гораздо скорее либералы пережили свою оппозиционность, чем исчезла со сцены... партия соц.-революционеров (Ваганян, стр. 209).

«Опираясь на народ и преимущественно на рабочее население крупных центров, читаем там же у Плеханова, либеральные члены общества приобрели бы огромную силу; без поддержки же рабочего населения они—все равно, что несколько нулей без единицы».

Это может вызвать недоумение,—замечает тов. Ваганян: «Либералы без рабочих—ничто, а революция при оппозиции либералов становится «грозной силой». Однако, раз'яснение Ваганяна о том, что мысль эта равносильна тому, что только под руководством рабочего класса русское общество способно свергнуть самодержавие никуда не годится. Такое толкование лишь затемняет, а не раз'ясняет дело. Основная мысль о том, что «общество» борется с самодержавием, а рабочий класс это «общество» поддерживает,—остается; никакими «раз'яснениями» эту мысль не вытравишь. У наших либералов, скорбит Плеханов, даже нет помышления о распространении своих политических взглядов в народе, а между тем «буржуазия, наверное, сыграет роль уже во многих отношениях похожую на роль западной буржуазии. Рабочий же класс прямо не в состоянии будет найти иной роли, чем та, которую этот класс имел на Западе...» (Плеханов, т. III, стр. 238).

Ленин в 1894 г. говорил о пролетариате, который свалит абсолютизм, поднявшись во главе всех демократических элементов,—Плеханов в 1890 г. полагал, что борьбу с самодержавием поведет либеральная буржуазия, которая при «поддержке «рабочего населения» приобретает огромную силу».

---

[1]) Плеханов, Сочинения т. III, стр. 236. (Ваганян, стр. 209).

Никакой иной общественной силы на поверхности нашей жизни Плеханов не видел. Это и значит «повернуться к либералам лицом». Это и значит недооценивать крестьянство, как движущую силу нашей революции. Стоит ли говорить, что в этом отношении Плеханов целиком разделял взгляды Аксельрода.

Видимо, и сам Ваганян смущен Плехановским анализом сил революции. Вот, что он говорит по этому поводу на стр. 235 своей книги о Плеханове:

«Но если либеральная буржуазия занимала такое большое место в политических расчетах Плеханова, то крестьянство, наоборот, им не было дооценено. Во всяком случае, из всех общественных классов, которыми рабочему классу надлежало руководить и над которыми рабочий класс должен был быть гегемоном, крестьянство занимало в его расчетах незаслуженно малое место».

Весьма приятное признание; но далее Ваганян обнаруживает, уже, «влечение—род недуга». «Однако,—говорит он,—было бы большой ошибкой на этом основании утверждать, что компартия в огромном наследстве, которое она получила от Плеханова, не имела ничего по вопросу о крестьянстве... Мы от Плеханова получили много чрезвычайно ценных мыслей и суждений, которые в последующем ходе революции вошли целиком в наше большевистское построение, послужили основой нашего большевистского учения» (Ваганян, стр. 235).

Это открытие т. Ваганяна столь неожиданно, что об'яснить его можно лишь обилием того литературного наследства, которое взвалил на свои неокрепшие плечи наш почтенный «исследователь» Плеханова. По человечеству это можно, конечно, понять: «Всякая человеческая голова,—говорит Кузьма Прутков,— подобна желудку, одна переваривает входящую в оную пищу, а другая от нее засоряется».

Г. Сафаров.

Сердитая критика.

Тов. Марецкий написал довольно залихватский ответ на мой ответ в «Большевике». Но этого мало. Тов. Слепков в другой рецензии на другую мою брошюру в «Правде» популяризирует «основные положения» тов. Марецкого для более широких групп советского населения. Это свидетельствует не только о пользе дружбы, но и о выгодах персональной унии. Во французской палате депутатов очень часто принимается вместе с лозунгом доверия министерству постановление: оную речь расклеить для сведения всего населения республики. Хотя тов. Марецкий и не французский премьер, однако, обхождение с произведениями его пера,—по крайней мере у т. Слепкова,—в высшей степени министерское.

А теперь обратимся к существу дела.

Пункт критики № 1.

«Во-первых, я возражаю против утверждения г. Сафарова о том, что низшие формы движения совпадают с оборонительными методами борьбы пролетариата, а высшие формы с наступательными. Это есть первый пункт критики».

«...Вместо того, чтобы отказаться от совершенно недопустимого для марксиста-диалектика и практического политика отождествления высших форм борьбы с наступательными лозунгами борьбы, а низших форм с оборонительными, т. Сафаров, как это может увидеть читатель, сводит дело к нескольким частным примерам, в которых наступательная борьба действительно является более высшей формой, чем оборонительная».

Читатель видит, что т. Марецкого нельзя упрекнуть в излишней скромности в обращении с фактами.

В рецензии Марецкого, как нетрудно убедиться, заглянув в № 11—12 «Большевика», именно частные примеры были приведены в опровержение моего взгляда: Брест и нэп. Почему же право ссылаться на конкретный опыт революционного развития принадлежит только тов. Марецкому, а «прочим» полагается лишь отвечать «слушаюсь» и незамедлительно раскаиваться в пожарном темпе после первой же сердитой рецензии?!

«Частные примеры» так обидели тов. Марецкого потому, что он ничего возразить против убедительности этих примеров не мог, ибо основное деление низших и высших форм движения было сформулировано тов. Лениным. Я его привел в своей бро-

шире. Как раз этот переход от оборонительных форм борьбы к наступательным был и остается важнейшим и решающим для рабочего движения, переходным от низших форм движения к высшим.

В «Двух тактиках» Ильич писал: «Великие вопросы политической свободы и классовой борьбы решает, в последнем счете, только сила, и мы должны заботиться о подготовке, организации этой силы и об активном, не только оборонительном, но и наступательном употреблении ее. Долгая эпоха политической реакции, царящей в Европе почти беспрерывно со времен Парижской Коммуны, слишком сроднила нас с мыслью о действии только «снизу», слишком приучила нас наблюдать борьбу только оборонительную. Мы вступили теперь, несомненно, в новую эпоху; начался период политических потрясений и революций. В такой период, какой переживается Россией, не позволительно ограничиваться старым шаблоном. Надо пропагандировать идею о действии сверху, надо готовиться к самым энергичным наступательным действиям, надо изучать условия и формы таких действий».

Читатель должен войти в наше положение,—мы не можем ловить за руку наших оппонентов каждую секунду, тем более, когда иные из них пару слов о гениальности Ильича считают достаточным основанием для амикошонского обхождения с его идейным наследием.

Ильич уже в 1905 г. выдвинул основное деление оборонительных форм борьбы и наступательных,—это, соответственно, или подготовка организации рабочих для конечной борьбы за пролетарскую диктатуру и социализм, или же переход к непосредственной борьбе за власть, к захвату власти, к сочетанию действия снизу с действием сверху.

Превращение низших форм борьбы в высшие в смысле превращения оборонительно-подготовительной борьбы против буржуазии в борьбу наступательную было исторической гранью, разделившей II и III Интернационалы.

В «Государстве и Революции» Ильич особо подчеркивал главную особенность оппортунизма: «Оппортунизм не доводит признания классовой борьбы как раз до самого главного, до периода перехода от капитализма к коммунизму, до периода свержения буржуазии и полного уничтожения ее» [1].

Имели ли мы право выставлять на этом основании положение о том, что важнейшей исторической ступенью и формой революционного развития является переход от подготовительных форм борьбы к прямой борьбе за власть с буржуазией?

Напрасно тов. Марецкий застращивает нас развязной словесностью. Мы—стреляные воробьи и не считаем своей обязанностью бросаться в бегство от первого мановения «комученого» пера.

Опять «частные примеры»: Брест и нэп.

Однако, как обстоит дело со связью между высшими и наступательными, низшими и оборонительными формами борьбы после захвата власти пролетариатом?

На это дал ответ Ильич в своей замечательной работе «О значении золота теперь и после полной победы социализма».

[1] Курсив Вл. Ильича.

«Восстановим крупную промышленность и наладим непосредственный продуктообмен ее с мелким крестьянским земледелием, помогая его обобществлению. Для восстановления крупной промышленности возьмем с крестьян в долг известное количество продовольствия и сырья посредством разверстки. Вот какой план (или метод, систему) проводили мы свыше трех лет до весны 1921 года. Это был революционный (наш курсив) подход к задаче в смысле прямой и полной ломки старого для замены его новым общественно-экономическим укладом. С весны 1921 г. мы на место этого подхода, плана, метода, системы действий ставим (еще не «поставили», а все еще только «ставим» и не вполне это осознали) совершенно иной, типа реформистского (наш курсив): не ломать (курсив Вл. Ильича) старого общественно-экономического уклада, торговли, мелкого хозяйства, мелкого предпринимательства, капитализма, а оживлять (курсив Вл. Ильича) торговлю, мелкое предпринимательство, капитализм, осторожно и постепенно овладевая ими, или получая возможность подвергать их государственному регулированию лишь в меру (курсив Вл. Ильича) их оживления. Совершенно иной подход к задаче. По сравнению с прежним, революционным, это—подход реформистский (революция есть такое преобразование, которое ломает старое в самом основном и коренном (курсив наш), а не переделывает осторожно, медленно, постепенно, стараясь ломать как можно меньше).

Спрашивается: если, испытав революционные приемы, вы признали их неудачу и перешли к реформистским, то не доказывает ли это, что вы вообще революцию об'являете ошибкой? Не доказывает ли это, что не надо было вообще с революции начинать, а надо было начать с реформ и ограничиться реформами?

Такой вывод делают меньшевики и им подобные. Но этот вывод есть либо софизм и простое мошенничество со стороны тех, кто прошел в политике «огонь, воду и медные трубы», либо ребячество со стороны тех, кто «не прошел» настоящего искуса. Для настоящего революционера самой большой опасностью,—может быть, даже единственной опасностью,—является преувеличение революционности, забвение граней и условий успешного применения революционных приемов (курсив наш). Настоящие революционеры на этом больше всего ломали себе шею, когда начинали писать «революцию» с большой буквы, возводить «революцию» в нечто почти божественное, терять голову, терять способность самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять, в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь действовать по-революционному и в какой момент, при каких обстоятельствах и в какой области действия надо уметь перейти к действию реформистскому».

Тов. Ленин в совершенно ясной и бесспорной форме поставил вопрос о взаимоотношении наступательных и оборонительных, высших и низших форм борьбы. После решающего перехода от оборонительной борьбы против буржуазии к борьбе наступательной, после захвата власти пролетариатом возможно частичное возвращение к низшим формам борьбы и организации, поскольку обстоятельства вынуждают нас к отступлению.

А тов. Марецкий победоносно вопрошает: если нэп не «выше» военного коммунизма, то значит вы, имя рек, за «рабочую оппозицию»?

Ах, тов. Марецкий, зачем так «пугать» людей. Все эти бумажные драконы вы бы могли приберечь для детей младшего возраста, да и то неорганизованных: пионеры—народ более решительный и менее трусливого десятка.

Революционные методы всегда выше реформистских, но их не всегда можно применять. В этом и состоит суть диалектики.

Наш же почтенный оппонент представляет диалектику так, что у него всегда сегодняшний день «выше» вчерашнего. Никаких зигзагов! Одно сплошное равнение—«все вверх и выше»! «Оптимизм»—почти равный старомодной вере в «вечный и неизменный прогресс человечества»...

Почти что Гегель, одетый в мундир коллежского регистратора (ибо «все действительное разумно»)!

«Рабочая оппозиция», а раньше «левые коммунисты» потому и путали, что не понимали, что временно нужно помириться на меньшем размахе работы, только на подготовке к наступлению, только на использовании передышки.

Они забыли, что переход к новому наступлению на капитализм, к новым победам над ним должен быть подготовлен, что он не делается по «щучьему велению, по моему хотению», а обусловлен соотношением классовых сил. Или, может быть, тов. Марецкий просветит нас насчет того, что Парижская Коммуна была более низкой ступенью пролетарской классовой борьбы, чем выборы в германский рейхстаг в 1912 г.?

Не боясь прослыть сторонниками Прудона или Бланки, мы все же решаемся утверждать именно подобную ересь.

Отвечая «левым коммунистам», Владимир Ильич раз'яснял:

«Всякое ли «сопротивление» германскому империализму помогает германской революции? Кто захочет немного подумать или хотя бы припомнить историю революционного движения в России, легко увидит, что только целесообразное (курсив Вл. Ильича) сопротивление реакции служит революции. Мы знаем и видели за полвека революционного движения в России массу примеров нецелесообразного сопротивления реакции. Мы, марксисты, гордились всегда тем, что строгим учетом массовых сил и классовых взаимоотношений определяли нецелесообразность той или иной формы борьбы. Мы говорили: не всегда целесообразно восстание, без известных массовых предпосылок оно есть авантюра; очень часто мы осуждаем, как нецелесообразные и вредные с точки зрения революции, самые героические формы индивидуального сопротивления. В 1907 г. мы, на основании горького опыта, отвергли, как нецелесообразное, сопротивление участию в 3-й Думе и т. д., и т. п.

Чтобы помогать немецкой революции, надо либо ограничиться пропагандой, агитацией, братаньем, пока нет сил для твердого, серьезного решительного удара в открытом военном или повстанческом столкновении, или итти на это столкновение, зная (курсив Вл. Ильича), что не поможешь этим».

Брестский мир был необходимым спуском вниз Октябрьской революции, отступлением. Ноябрьская революция в Германии подняла нас снова на более высокую ступень в смысле нашего влияния на ход международной революции, в смысле перехода к новому наступлению на мировой капитал. Мы сумели отсидеться в окопах до наступления решающих событий.

А тов. Марецкий, путаясь в трех соснах, обвиняет меня в «бессознательной попытке оправдать тактику путчизма». Это поистине какое-то парикмахерское обращение с историей классовой борьбы: все в ней оказывается приглаженным волосок к волоску; классовая борьба шагает со ступеньки на ступеньку так же исправно, неуклонно и без отказа, как усердный канцелярист по лестнице чиновничьей иерархии.

Тов. Марецкий слыхал, что в истории бывают зигзаги, а на зигзагах уклоны и, не задумываясь, подменил диалектику... неуклонным шествием истории. Не будет зигзагов от высшего к низшему, не будет и «уклонов»!

Пункт критики № 2.

«Третьей ступенью революционных превращений в процессе классовой борьбы т. Сафаров полагает «превращение революционного движения полупролетарских и крестьянских слоев, а также национальных и колониальных движений, в международную революционную борьбу против диктатуры империализма под руководством пролетариата, т.-е. превращение промежуточных форм движения промежуточных слоев (крестьянского, национального, колониального) в движение пролетарское, в конечном счете—в единый процесс международной социалистической революции». На это я указал, что здесь налицо явное смешение понятий, что несмотря на об'ективное включение колониальных движений в общий процесс социалистической революции, эти движения, тем не менее, не являются пролетарскими. Против упрощенной, неверной мысли т. Сафарова я выдвинул положение т. Сталина, строго отличающего суб'ективную сторону движения от ее об'ективного смысла.

Если взять этот вопрос в плоскости социальных характеристик, а именно так этот вопрос надо рассматривать, то без особой опасности погрешить против истины можно сказать, что здесь идет речь о соотношении пролетарского и крестьянского движения.

Что движение крестьянства против империализма, возглавляемое пролетариатом, является необычайно важным элементом в системе сил, борющихся против капитализма; что обективно революционное движение вплетается в единый процесс социалистической революции,—это доказано теперь не только теоретически, но и самой практикой классовой борьбы.

Однако, только очень наивный политик и теоретик мог бы на этом основании заключить, что крестьянское движение превращается в пролетарское.

Апельсинной коркой, на которой поскользнулся т. Сафаров и здесь является диалектика».

Мы уже видели, что диалектика у тов. Марецкого имеет странный вид журнала входящих и исходящих.

Но интересно вот что.

Я не знаю, почему я должен быть именинником и на Антона и на Онуфрия.

Посудите. Когда я указываю, что кооперация является составной частью государственного капитализма, на меня обруши-

ваются за «ересь», очевидно, полагая, что через кооперацию крестьянство прямо и непосредственно врастает в социализм. Когда же я говорю об историческом процессе превращения крестьянских движений в пролетарские, меня казнят за явное сочувствие народничеству, хотя я и не воскрешаю почтенную русскую общину, как это делает тов. Варейкис, стараясь «ускорить» темп социалистического развития в нашей стране [1]).

Тут, очевидно, по неисповедимым причинам имеет силу завет христианской морали, и рука, писавшая рецензию в № 11—12 «Большевика», не знает, что делает рука из № 15.

Как может крестьянская революция перерастать в пролетарскую—об этом можно найти достаточно указаний в произведениях т. Ленина. Об этом было достаточно много сказано и во время последних двух «перманентных» дискуссий с тов. Троцким. Об'ективному содержанию этого процесса перерастания или превращения соответствует и известная суб'ективная форма. Степень проникновения пролетарского руководства в движение крестьянских масс, степень перерождения этих масс в революционной борьбе и в революционном строительстве определяет и степень суб'ективного их сближения с пролетарским движением. Как гегемония пролетариата в революционном движении может подвести—через ряд промежуточных ступеней—к пролетарской революции, это показано и доказано опытом нашей революции.

У товарища же Марецкого получается, таким образом, что об'ективно происходит сближение крестьянской революционной борьбы с борьбой пролетарской, подчинение первой второй, наконец, поглощение движения промежуточных слоев пролетарской борьбой за социализм, суб'ективно же все остается по старому, и крестьянская голова где-то болтается на отлете, не подвергаясь никакому развитию.

Но как же тогда об'яснить такое обстоятельство, что до Октября, а отчасти и после, крестьянами руководили представители мелкобуржуазной эсеровщины, а с победой Октября политическое руководство ими стало все больше и больше сосредоточиваться в руках пролетарской партии большевиков?

Не может быть полного превращения крестьянских и полупролетарских движений в пролетарское движение к коммунизму до полного уничтожения классов. Это—азбука. Но знание одной этой азбуки еще не дает основания... для жонглирования несуществующими «апельсинами».

Тов. Марецкий ссылкой на тов. Зиновьева хочет доказать, что только при благоприятных условиях происходит перерастание буржуазно-демократических движений в социалистические.

Это опять-таки образец его фокус-покусов с диалектикой. Без революционного вмешательства пролетариата в ход человеческой истории вообще был бы невозможен переход к социализму. «Благоприятные условия» создаются не господом богом и даже не статическим управлением, а революционной подготовкой их, борьбой за них. В России крестьянская революция

[1]) И. Варейкис. „Возможна ли победа социлизма в одной стране" Изд. „Молодая Гвардия".

превратилась в пролетарскую потому, что большевизм ясно наметил перед собой эту историческую возможность и неустанно боролся за ее осуществление, используя для этого об'ективную обстановку.

Герцен был прав:

«Много дренажа требуют наши черноземы ...

* * *

«По схеме т. Сафарова полагается сначала одно, потом другое, в действительности же дело происходит «совсем наоборот». Плоха же та схема, против которой кричит действительность».

Совсем напрасно мой уважаемый оппонент принимает свою собственную крикливость за «крик действительности».

От факта развития колониально-революционных движений еще до победы пролетариата в ряде решающих стран он пытается отговориться ссылкой на значение СССР как международного революционного фактора.

Это значение бесспорно. Но еще в 1916 году тов. Ленин указывал, что «социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и целый ряд демократических и революционных, в том числе и национально-освободительных движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях» (Т. XIII. Стр. 369—370).

Гегемония пролетариата по отношению к промежуточным формам движения промежуточных слоев служит предварительным условием завоевания пролетарской диктатуры, эта же гегемония есть первая ступень превращения этих промежуточных движений в высшую, пролетарскую форму борьбы.

Тов. Марецкий, не возразив ни словом на мое указание о неизбежном сплетении и перекрещении низших и высших ступеней движения, продолжает возмущаться искусственностью «схемы», не учитывающей неравномерность развития. Он не может себе представить переход от низшей ступени к высшей в виде диалектического развития противоположных моментов, переплетения старого с новым и т. д.

И по этому случаю он сваливает все с больной головы да на здоровую. Ему нужен готовенький шиболет, который бы совершенно избавлял от необходимости пораздумать над сложностью и конкретным своеобразием революционного развития.

С канареечной легкостью он порхает... по этапам революционного развития и обижается, когда ему указывают, что его легкость несколько противоречит его довольно тяжеловесной претенциозности.

Это, разумеется, не мешает его друзьям почти канонизировать его почтенные «идеи».

Г. Марецкий.

„Углубление“ или „угробление“ ленинизма.

Второй ответ т. Сафарова на нашу рецензию отличается от первого тем, что в нем больше цитат, больше «негодующих характеристик», больше «сарказму» и всего больше визгливости. Но от этого второй ответ т. Сафарова не становится ни на вершок убедительнее.

В своем возражении тов. Сафарову мы указали, что он покидает почву марксизма и ленинизма, когда отождествляет высшие формы борьбы с методами наступления, а низшие формы борьбы с методами обороны. Мы отметили также, что опровержение этого положения т. Сафаровым несостоятельно; несколько частных примеров, в которых наступательная борьба действительно является более высшей формой, чем оборонительная, ни в коей степени не могут выручить т. Сафарова.

Возражая нам, что мы тоже пользуемся примерами, Сафаров тотчас же спешит принять добродетельную позу шекспировской Корделии и восклицает: «Почему же право ссылаться на конкретный опыт революционного развития принадлежит только тов. Марецкому, а «прочим» полагается лишь отвечать «слушаюсь» и незамедлительно раскаиваться в пожарном темпе после первой же сердитой рецензии?!»

«Прочие», как это мы сейчас увидим, горячатся несколько преждевременно.

Тов. Сафаров не понимает (мы готовы признать, что он только делает вид, что не понимает), почему наши «ссылки на конкретный опыт революционного развития» опровергают его тезис, а почему его «ссылки» на тот же опыт бьют мимо цели. Охотно поясним т. Сафарову, «почему» такая несправедливость царит на белом свете.

Тов. Сафаров выставляет положение, буквальный смысл которого состоит в том, что наступление есть всегда высшая форма борьбы, а отступление есть всегда низшая форма борьбы. Тов. Сафарову напоминают некоторые вещи, которые показывают, что наступление не всегда есть высшая форма борьбы, следовательно, доказывают неверность выставленного им категорического положения. Тов. Сафаров не теряется и приводит примеры, говорящие за то, что иногда наступление представляет высшую форму борьбы, т.-е. тов. Сафаров подтверждает неправильность своего собственного положения.

Тов. Сафаров, весьма возможно, и после такого об'яснения вздумает прикидываться «непонимающим». Тогда нам придется взять совсем простой пример, в котором поистине легко разберется любой «пионер».

Если бы, скажем, т. Сафаров выставил «тезис», в котором стал бы отождествлять всех блондинов с дураками, а всех брюнетов с умниками, то он был бы сугубо неправ, сколько бы ни «ссылался» на «конкретный опыт», когда те или иные брюнеты действительно оказывались умниками. Достаточно привести хоть один случай, в котором брюнет оказался бы дураком, чтобы подобного рода «конструкция» т. Сафарова рухнула до основания.

Точно так же нам вполне достаточно было привести хоть один пример, в котором «наступательная форма борьбы» не была «высшей», чтобы весь пресловутый—не ленинский, а махрово-сафаровский—«закон тождества» высших форм борьбы с наступательными, оказался высосанным из пальца. К сведению т. Сафарова добавим, что примеров, звучащих оплеухой его «закону тождества», примеров, в которых «наступательные» методы сафаровско-суворовского «натиска» являются сугубо никудышными и в последней степени «низшими» формами борьбы,—очень и очень много.

Если же после всего сказанного т. Сафаров «всё-таки» будет «вертеться» на своем и «диалектически» твердить, что наступательные и высшие формы—одно и то же, и никаких гвоздей!—и это выдавать за последнюю мудрость ленинизма, то мы ничего не поделаем с т. Сафаровым. Употребляя его собственный красивый термин, мы можем лишь сказать, что на всякое «амикошонское» чихание на здравый смысл не наздравствуешься.

Тов. Сафаров называет целый отдел своей статьи «Опять частные примеры: Брест и нэп». У нас вспыхнула надежда. Видно решился человек дать ответ, который мы напрасно искали в прошлой его статье. Наконец-то мы узнаем от тов. Сафарова, какую же форму борьбы партия применяла во время Бреста и при переходе к нэпу.

Но маститый автор «Основ» опять (опять!) остался верен себе. Он походил вокруг да около. Рассказал о некоторых очень полезных вещах, а спорный вопрос оставил без ответа.

Совершенно очевидно, что подобную форму полемики тов. Сафаров считает «наступательной» и потому ее предпочитает, но позволительно усомниться, чтобы эту «форму» т. Сафарова можно было квалифицировать, как «высшую».

Тов. Сафаров просветил нас насчет того, что, «Рабочая оппозиция», а раньше «левые коммунисты» потому и путали, что не понимали, что временно нужно примириться на меньшем размахе работы, только на подготовке к наступлению, только на использовании передышки.

«Они забыли, что переход к новому наступлению на капитализм, к новым победам над ним должен быть подготовлен, что он не делается по «щучьему велению, по моему хотению» и обусловлен соотношением классовых сил».

И дальше: «Брестский мир был необходимым спуском вниз Октябрьской революции, отступлением». Вот и все. Больше ничего не соблаговолил нам поведать т. Сафаров.

Зато т. Сафаров осчастливил мир таким изобретением в области диалектики.

«Революционные методы,—пишет он,—всегда выше реформистских, но их не всегда можно применять».

Если «революционные методы» нельзя применить в данный момент, то они никуда не годны именно для данного момента и вовсе не высшие, а тов. Сафаров твердит свое «всегда выше».

Тов. Ленин не раз нарекал тех, которые пытались нецелесообразно применить революционные, наступательные методы, авантюристами.

Тов. Ленин специальную книжку написал против сторонников теории «всегда выше».

Тов. Ленин подчеркивал: «Для настоящего революционера самой большой,—может быть, даже единственной опасностью,—является преувеличение революционности, забвение граней и условий успешного применения революционных приемов. Настоящие революционеры на этом больше всего ломали себе шею, когда начинали писать «революцию» с большой буквы, возводить революцию в нечто почти божественное, терять голову, терять способность самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо действовать по-революционному и в какой момент, при каких обстоятельствах и в какой области действия надо уметь перейти к действию реформистскому. Настоящие революционеры погибнут (в смысле не внешнего поражения, а внутреннего провала их дела) лишь в том случае—но погибнут наверняка в том случае,—если потеряют трезвость и вздумают, будто «великая, победоносная «мировая» революция обязательно все и всякие задачи при всяких обстоятельствах во всех областях действия может и должна решать по-революционному» (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 411).

Тов. Сафаров тоже привел только что цитированное место, но продумать замечание Ленина о «гранях и условиях успешного применения революционных приемов не удосужился. Иначе он не написал бы, что «революционные методы всегда выше».

Возьмем опять пример с Брестом. Как известно, т. Ленин еще в январе 1918 г. настаивал на подписании мира с германским империализмом. Благодаря напору левых, попытка т. Ленина была сорвана. Еще пару месяцев революционные методы «находились в действии». Ровно два месяца революция «терпела» от «левой» тактики. И только в марте т. Ленину при поддержке громадного большинства в нашей партии удалось провести заключение мира. Заключение мира было отступлением. Но это отступление, несомненно, было высшей формой борьбы, поскольку оно при данных условиях было единственным путем, который укреплял силы революции, обеспечивая в дальнейшем возможность вновь перейти в наступление. Тогда как двухмесячная «революционно-наступательная» работа левых явилась замечательным образчиком низших форм борьбы.

Вернемся к нэпу. Введение нэпа означало, что партия переходит к реформистской тактике. Теперь мы уже убедились достаточно, что строить социалистическую экономику мы будем реформистскими методами. Коминтерн в своих постановлениях отметил, что в других странах пролетариату после завоевания власти придется проходить полосу хозяйственного строительства, аналогичную нашему нэпу.

Таким образом, «нэповская», реформистская тактика есть основная дорога к социализму, поскольку пролетариату приходится втягивать в социалистическое строительство миллионы распыленных крестьянских хозяйств.

Здесь появляется на сцену т. Сафаров и с попугайским упорством изрекает: нэп есть низшая форма борьбы. «Революционные методы всегда выше».

Мы обращаем внимание нашего знатока «доктрины ленинизма» на следующие слова т. Ленина, которые не допускают никаких кривотолков относительно того, считал ли т. Ленин нэп высшей формой борьбы. В августе 1921 г. т. Ленин писал: «После периода невиданных еще миром достижений в области пролетарского творчества военного, административного, общеполитического наступил не случайно, а неизбежно, не по вине лиц или партий, а в силу об'ективных причин, период гораздо более медленного нарастания новых сил. В хозяйственной работе неизбежно строительство более трудное, более медленное, более постепенное; это вытекает из существа этой работы по сравнению с военной, административной, общеполитической. Это вытекает из ее особой трудности и более глубокой, если можно так выразиться, почвенности. Поэтому с величайшей, тройной осторожностью постараемся определить свои задачи на этом новом, высшем этапе борьбы (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 358, подчеркнуто нами. *Г. М.*).

Наверно, и т. Сафаров догадается теперь, какую форму борьбы т. Ленин видел в переходе к нэпу.

Ну, как же, тов. Сафаров? Согласны вы с т. Лениным или нет? Правильно или неправильно определял т. Ленин переход к нэпу, как переход к «высшему этапу борьбы?» И найдете ли вы в себе достаточно мужества, чтобы честно сознаться в путчистском опошлении ленинизма? Боимся, что нет. Боимся, что вместо прямого ответа на вопрос, вы, даже будучи по вашей собственной скромной аттестации зело «стреляным воробьем», предпочтете тихохонько улизнуть в кусты.

Вывод, который мы сделали в прошлый раз, остается непоколебимым. Отождествление наступательных форм борьбы с высшими формами, а оборонительных с низшими—ничего общего с ленинской диалектикой не имеет. «Это положение исключает анализ конкретного сочетания условий в определенный исторический момент, оно исключает понимание диалектического характера борьбы, в которой отступление умелое, своевременное, хорошо проведенное, является для пролетариата в известных условиях новым шагом вперед».

Политический же смысл теории тов. Сафарова состоит в том, что он протягивает руку ультра-левым. Его новая теория есть модернизированное, ухудшенное издание «теории наступления», которую осудил третий конгресс Коминтерна.

Следующим вопросом, в котором тов. Сафаров вновь напоролся на скандальный конфликт с диалектикой, был вопрос о характеристике промежуточных форм движения промежуточных слоев (крестьянского, национального, колониального). Тов. Сафаров «превратил» движения промежуточных слоев—крестьянские и полупролетарские—в движения пролетарские.

Мы по поводу этого говорили: «Несмотря на об'ективное включение колониальных движений в общий процесс социалистической революции, эти движения тем не менее не являются пролетарскими... что нужно строго отмечать суб'ективную сторону движений от их об'ективного смысла.

Если взять этот вопрос в плоскости социальных характеристик, а именно, так этот вопрос надо рассматривать, то без особой опасности погрешить против истины можно сказать, что здесь идет речь о соотношении пролетарского движения и крестьянского движения.

Что движение крестьянства против империализма, возглавляемое пролетариатом, является необычайно важным элементом в системе сил, борющихся против капитализма, что об'ективно революционное движение крестьянства вплетается в единый процесс социалистической революции,—это доказано теперь не только теоретически, но и самой практикой классовой борьбы.

Однако, только очень и очень наивный политик и теоретик мог бы на этом основании заключить, что крестьянское движение превращается в движение пролетарское.

В своем новом ответе тов. Сафаров паки и паки настаивает на необходимости верить в его столь же чудесное, сколько и чудовищное, «пресуществление» движения крестьянства в движение пролетариата.

Поведав читателю свою горькую обиду в том, что его «казнят» за явное сочувствие народничеству, тов. Сафаров продолжает: «у тов. Марецкого получается таким образом, что об'ективно происходит сближение крестьянской борьбы с пролетарской... суб'ективно же все остается по-старому, и крестьянская голова где-то болтается на отлете, не подвергаясь никакому развитию».

Что тов. Сафаров действительно соскользнул с ленинских рельс на народнические—это несомненно, и за это он должен пенять на себя самого. Слишком вольное обращение с диалектикой мстит за себя жестоко. Что же касается цитированного замечания т. Сафарова насчет крестьянской «головы» «на отлете», то вопреки очевидному намерению т. Сафарова, в нем «ехидства» гораздо меньше, чем убожества перспектив. В «голове» т. Сафарова умещаются лишь две возможности: либо «крестьянская голова» должна болтаться где-то на «отлете» и «не подвергаться никаким изменениям», либо «крестьянская голова» должна превращаться в голову пролетарскую. Третьего—«голова» т. Сафарова не допускает ни под каким видом. Между тем оба каррикатурных члена каррикатурной сафаровской дилеммы (либо крестьянское движение превращается в пролетарское, либо крестьянская голова замирает на отлете) противоречат как жизни, так и учению Ленина. Тов. Ленин видел другую, совсем не сафаровскую перспективу. Тов. Ленин писал: «Пока пролетариат передовых стран свергает буржуазию и отражает ее контр-революционные попытки—неразвитые и угнетенные народы не ждут, не перестают жить, не исчезают. Если они пользуются даже таким, сравнительно с социальной революцией, совсем маленьким кризисом, кризисом империалистической буржуазии, как война 1915—16 г.г. для восстаний (колонии, Ирландия) то не подлежит сомнению, что великим кризисом гражданской войны в передовых странах они воспользуются тем более для восстаний.

Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и целый ряд демократических и революционных, в том числе и национально-освободительных движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях. (Ленин, т. XIII, стр. 370. Подчеркнуто нами. *Г. М.*).

Всякий заметит «маленькую разницу» между тем, что есть у Ленина и тем, что изобретает Сафаров.

По Ленину социальная революция мыслится «не иначе, как эпоха, в которой соединяется гражданская война пролетариата с демократическими и революционными движениями... отсталых и угнетенных наций».

По Сафарову социальная революция мыслится «иначе»: она мыслится им как превращение движений отсталых, промежуточных, крестьянских слоев в движение пролетарское.

Лениным процесс социальной революции берется во всей его многогранности, учитывается вся сложность и пестрота соединения пролетарского движения с демократическими революциями.

Сафаровым вместо этого социальная революция изображается как балаганный трюк прямехонького превращения движения крестьянства в движение пролетариата.

Самое замечательное однако то,—и это можно приписать разве только совершенно невероятной беспардонной «смелости» нашего «стреляного воробья»—то, что т. Сафаров приведенное место из Ленина читает и «цитирует» сам в качестве подкрепления для своей теории «превращения». Увы, приходится признать, что степень понимания ленинизма т. Сафаровым обратно пропорциональна количеству, приводимых им из Ленина цитат. И по ленинским цитатам т. Сафаров не «порхает» даже «с канареечной легкостью»: в лучшем случае он «порхает» по ним с унылой грацией гиппопотама.

Весьма характерно, что та же самая народническая струйка дает о себе знать и в определении т. Сафаровым ленинизма, как идеологии. У т. Сафарова черным по белому написано в его «капитальном труде»: «Ленинизм есть истинная (!) идеология (!!) бесчисленных миллионов трудящихся масс, пришедших в движение под руководством революционного пролетарского авангарда». (Г. Сафаров. Основы Ленинизма. 4-е изд., стр. 229).

Стоит ли опровергать такое диковинное определение ленинизма? Известно ли т. Сафарову, к примеру скажем, что наш крестьянин-середняк был и остается «центральной фигурой в нашем земледелии»? Известно ли т. Сафарову, что «миллионы середняков» пришли в движение под руководством пролетарского авангарда»? И осмелится ли т. Сафаров утверждать, что «истинной идеологией» нашего середняка был и является ленинизм? Или, может быть, т. Сафаров, полагает, что если ленинская партия бросает лозунги, приемлемые и подхватываемые крестьянством, то это и будет означать, что наше крестьянство проникнуто ленинизмом, как его «истинной идеологией»?

Все эти и масса аналогичных неудобных вопросов, неминуемо встают перед т. Сафаровым, как результат определения им ленинской идеологии. А ведь все это естественный плод легкомысленных «превращений» крестьянских движений в пролетарские.

Тов. Сафаров делает жест самого непосредственного изумления, когда ему указывают, с одной стороны, на народнические нотки в его писаниях, а с другой стороны, обращают внимание на умолчание им о роли кооперации в строительстве и борьбе за социализм в деревне. Как это он, бедный Сафаров, оказался именинником и на Антона, и на Онуфрия: то пересолил по части социализма в деревне (крестьянское движение превращается в пролетарское, ленинизм—идеология крестьянства), то не доглядел социалистических перспектив в деревне (не понял роли кооперации).

Действительно, т. Сафаров и впрямь именинник и на Антона, и на Онуфрия. Едва ли кто-нибудь станет выдавать т. Сафарову свидетельство о теоретической выдержанности и принципиальности. Порода эклектиков еще не исчезла под луной и тов. Сафаров, к сожалению, верный кандидат, если уже не действительный экземпляр этой породы. Его «самостоятельные» теоретические рассуждения и отклонения от Ленина, на которые мы обратили внимание, в сумме составляют эклектическое рагу из путчистских «заскоков», формально-логического упрощенства и кое-каких народнических пошлостей.

На мое повторное указание на недопустимость квалифицировать перечисленные им моменты революционного развития как ступени, наш постоянно наступающий маэстро не находит, что возразить. Он становится нем, как рыба, и тут же бросает нам обратно упрек в непонимании «сложности и конкретного своеобразия революционного развития».

Насколько тов. Сафаров действительно «своеобразен» в своих поучительных открытиях по части ленинизма, можно судить по следующему варианту сафаровской схемы. На стр. 40 своей брошюры «Ленинизм, как теория развития пролетарской революции» он изрекает:

«Последовательные этапы революционных переходов (подчеркнуто нами. *Г. М.*), революционных преобразований массового движения следующие: 1) превращение стихийности в сознательность; 2) превращение мирных организационных форм движения в революционно-наступательные; 3) превращение движения промежуточных слоев—крестьянских и полупролетарских—в движения пролетарские; 4) превращение пролетариата в господствующий класс в форме установления власти советов; 5) превращение пролетариата в господствующий класс в области управления, в области военного дела, в области культурного руководства; 6) превращение пролетариата в господствующий класс в хозяйственной области; поиски и создание тех командных высот, которые необходимы для того, чтобы осуществлять пролетарскую диктатуру в мелко-крестьянской стране и в той обстановке, которая создана международным империализмом после Версальского мира; 7) превращение революции отдельной страны в международную революцию и международную диктатуру пролетариата; 8) превращение общества, разделенного на классы, в поголовно организованную трудовую коммуну».

«Последовательные этапы революционных преобразований...» Прямо-таки дивишься сверх-обязательной любезности нашего «разносителя», выдумавшего такую «самоубийственную» формулировку.

Разве мы не правы, что процессы, перечисленные тов. Сафаровым, сплошь да рядом протекают одновременно, являясь различными сторонами одного и того же процесса, а не этапами и ступенями?

Разве восьмиэтажное сооружение тов. Сафарова имеет хотя бы самое отдаленное отношение к ленинизму?

Разве наш горе-строитель не учиняет грубейшее насилие над диалектикой?

* * *

Плохо и досадно, конечно, совершать ошибки и промахи в таком ответственном деле, как «основы ленинизма». Но в тысячу раз хуже эти ошибки замазывать и на них настаивать.

А между тем, тов. Сафаров обнаружил тенденцию настаивать на своих теоретических ошибках в самой «высшей», самой «наступательной» форме.

Вместо того, чтобы разобраться в своих промахах и получше поучиться у Ленина, тов. Сафаров занялся комчванским «разносом» рецензента, пустился в «язвительный» пляс на его счет, стал прищелкивать по-клоунски зубами по поводу «личной дружбы», «унии», проницательно гадать на тему: кто к кому ходит пить чай и т. п. высокой материи, едва ли к «основам ленинизма», имеющей логическое отношение.

Вот до какой «последней» черты довело тов. Сафарова стремление, повидимому, «стихийное», «углубить» ленинизм и желание свои «углубительные» потуги защитить во что бы то ни стало.

Введение [1].

Статья «В лакейской» задумана и начата Владимиром Ильичем в июле 1919 года, по получении им упоминаемых в статье меньшевистско-эсеровских изданий и резолюций IX совета партии с.-р., состоявшегося 18—21 июня 1919 г. Статья осталась незаконченной, но сохранившийся при ней план и набросок конца дают представление о намеченных Владимиром Ильичем размерах ее и приблизительном содержании ненаписанных глав.

Вся статья должна была состоять из семи глав, из которых написаны только две, озаглавленные в плане «Лакеи» и «Гражданская война». Часть вопросов, затронутых в остальных главах, а также в главе о гражданской войне, развиты Владимиром Ильичем в его статьях «О задачах III Интернационала» (14 июля 1919 г.) и «Как буржуазия использует ренегатов» (30 сентября 1919 г.—см. Собр. соч., т. XVI). Конец статьи, набросок которого мы даем в приложении, направлен, главным образом, против решений IX Совета партии социалистов-революционеров.

Статья пойдет в одном из ближайших «Ленинских Сборников».

---

[1]) Статья т. Ленина с введением и примечаниями Института Ленина предоставлена редакции Институтом.

В лакейской.

(Незаконченная статья).

Товарищи привезли с юга несколько меньшевистских, эсеровских и т. п. изданий, позволяющих бросить взгляд на «идейную жизнь» по ту сторону баррикады, в т о м лагере. Харьковская «Мысль» Базарова и Мартова, «Грядущий День» Мякотина и Пешехонова, Бунакова и Вишняка, Потресова и Гроссмана, «Южное Дело», «Об'единение» Балабанова и Ст. Ивановича, Мякотина и Пешехонова—таковы имена этих изданий и некоторых из выдающихся их сотрудников.

Даже немногие, разрозненные номера названных изданий дают такой цельный и сильный аромат, что сразу чувствуешь себя как в лакейской. Образованные интеллигенты, мнящие и называющие себя социалистами, насквозь пропитанные буржуазными предрассудками и лакействующие перед буржуазией,—такова, в сущности, вся эта писательская компания. Оттенков среди этой публики очень много, но они никакого серьезного значения, с политической точки зрения, не имеют, ибо сводятся к тому, насколько лицемерно или искренно, грубо или тонко, аляповато или искусно исполняют они свои лакейские обязанности по отношению к буржуазии.

I.

Лакею полагается по должности фрачный костюм, цивилизованная внешность и соответственные манеры, белые перчатки. Лакею разрешается известное народолюбие: с одной стороны, это неизбежно, ибо среда, поставляющая лакеев, должна быть сильно нуждающейся; с другой стороны, это даже выгодно для барина, ибо дает возможность ему «упражнять» свою благотворительность—в первую голову, разумеется, по отношению к «послушным» представителям тех слоев, из которых берутся прислуга, приказчики, рабочие. Чем умнее и образованнее те классы, которые держат лакеев, тем систематичнее и обдуманнее проводят они свою политику, используя лакеев для того, чтобы шпионить среди трудящихся, чтобы раз'единить их уступками известной их части, чтобы укрепить свое положение, заинтересовать «услу-

жающего» в увеличении богатства барина, в надежде получить подачку и прочее и тому подобное.

Народолюбие разрешается лакею, конечно, лишь в очень скромной мере и под обязательным условием выражения чувств покорности и послушания наряду с готовностью «утешать» трудящихся и эксплуатируемых. В скобках сказать, Фейербах очень метко ответил тем, кто защищает религию, как источник «утешения» для людей, что утешать раба есть занятие выгодное для рабовладельца, а настоящий сторонник рабов учит их возмущению, восстанию, свержению ига, а вовсе не «утешает» их. Лакей прикрашивает, прихорашивает фальшивые цветы, служащие для «утешения» наемных рабов в том, что они скованы цепями наемного рабства. Сторонник освобождения людей от наемного рабства срывает с цепей фальшивые, украшающие их цветы, чтобы рабы научились сознательнее и сильнее ненавидеть свои цепи, скорее сбросили их и протянули руку за живыми цветами.

Свойственная лакейскому положению необходимость соединять очень умеренную дозу народолюбия с очень высокой дозой послушания и отстаивания интересов барина неизбежно порождает характерное для лакея, как социального типа, лицемерие. Дело тут именно в социальном типе, а не в свойствах отдельных лиц. Лакей может быть честнейшим человеком, образцовым членом своей семьи, превосходным гражданином, но он неминуемо осужден на то, чтобы лицемерить, поскольку основной чертой его профессии является соединение интересов барина, которому он «обязался» служить «верой и правдой», с интересами той среды, из которой рекрутируется прислуга. И поэтому, если рассматривать вопрос с точки зрения политика, т.-е. с точки зрения миллионов людей и отношений между миллионами, то нельзя не притти к выводу, что главные свойства лакея, как социального типа, суть лицемерие и трусость. Именно эти свойства воспитывает лакейская профессия. Именно эти свойства являются самыми существенными, с точки зрения наемных рабов и всей массы трудящихся в любом капиталистическом обществе.

II.

Образованные интеллигенты, называющие себя меньшевиками, социал-демократами, социалистами-революционерами и т. п., хотят учить народ политике. Поэтому они не могли не затронуть и коренного вопроса всей переживаемой нами эпохи, превращения империалистской войны в войну гражданскую. Посмотрите, как они об этом вопросе рассуждают.

В «Об'единении» г. П. Юшкевич посвящает целую статью «Революции и гражданской войне». К какого рода литературе—с позволения сказать, литературе—относится эта статья, видно будет хотя бы из двух следующих рассуждений автора:

... „Ставя себе целью революцию, преследующую интересы большинства и осуществляемую этим большинством, социализм не имеет оснований (!!) обращаться к методам (!!!) гражданской войны, на которые бывают фатально обречены захватывающие власть меньшинства"... „И наиболее передовой класс современного общества, когда он созреет для полного понимания своей всемирно-освободительной миссии и связанных с нею задач, должен будет откинуть ее (гражданскую войну) вместе с прочим наследием исторического варварства"...

Неправда ли, перл?

Русская буржуазия, тотчас же после большевистского переворота, стала искать соглашения и заключать соглашения с буржуазией иностранной против рабочих и трудящихся своей страны. Поддерживали буржуазию меньшевики и эсеры. Так было в Финляндии в начале 1918 года. Так было и на севере России и на юге в начале 1918 г., когда и кадеты, и меньшевики, и эсеры в союзе с немцами душили большевиков. Тоже в Грузии. Немцы давали деньги и оружие Краснову. Потом буржуазия Антанты подкупала чехо-словаков, Деникина, высаживала войска на Мурмане, в Архангельске, в Сибири, в Баку, в Асхабаде.

Международная буржуазия, сначала германская, потом англо-французская (неоднократно и обе вместе) пошла войной на победивший в России пролетариат. И является человек, называющий себя социалистом, который, переходя на сторону буржуазии, советует рабочим «откинуть» «методы гражданской войны»! Разве это не Иудушка Головлев самой новейшей капиталистической формации?

Мне, может быть, скажут, что Юшкевич просто рядовой чернильный кули буржуазии, что для каких-либо партий он вовсе не характерен, и они за него не отвечают. Но это было бы неверно. Во 1-х, состав сотрудников и все направление «Об'единения» показывает нам типичность именно такого лакейства для всей меньшевистски-эсеровской братии. А, во-вторых, возьмите Л. Мартова. Сей суб'ект—самый видный (и едва ли не самый «левый») меньшевик, притом же почтеннейший член бернского Интернационала, солидарный с идейным его вождем, К. Каутским.

Посмотрите на рассуждения Мартова. Он пишет в апрельской, 1919 года, книжке «Мысли» про «мировой большевизм». Он знает литературу большевизма и о большевизме досконально. И этот писатель о гражданской войне пишет вот как:

... „В первые же недели войны мне приходилось писать о том, что вызванный ею кризис рабочего движения есть прежде всего „моральный кризис", кризис утраты взаимного доверия различными частями пролетариата и веры пролетарских масс в старые морально-политические ценности. Я не представлял себе еще тогда возможности, что эта утрата взаимного доверия, это уничтожение идейных скреп, которые в течение последних десятилетий связывали между собой не только реформистов и революционеров, но в известные моменты об'единяли и социалистов

с анархистами, и тех и других с либеральными и христианскими рабочими,—что это уничтожение приведет к **гражданской войне** среди пролетариев"...

Курсив принадлежит господину Мартову. Он сам подчеркивает, что дает здесь оценку именно гражданской войны. Может быть даже, он подчеркивает свое полнейшее согласие с Каутским, который во всяком случае именно так рассуждает о гражданской войне.

А в этом рассуждении столько самой утонченной подлости, такая бездна лжи и обмана рабочих, такое низкое предательство их интересов, такое лицемерие и ренегатство по отношению к социализму, что диву даешься, сколько лакейства накопили десятилетия «игры» с оппортунизмом в Каутских и Мартовых!

Во 1-х, когда Каутский и Мартов фарисейски проливают слезы по поводу «гражданской войны **среди пролетариев**», то этим пытаются прикрыть свой переход на сторону буржуазии. Ибо на деле гражданская война идет между пролетариатом и буржуазией. Никогда не бывало в истории и не может быть в классовом обществе гражданской войны эксплуатируемой массы с эксплуататорским меньшинством без того, чтобы часть эксплуатируемых шла за эксплуататорами, вместе с ними, против своих братьев. Всякий грамотный человек признает, что француз, который бы во время восстания крестьян в Вандее за монархию и за помещиков, стал оплакивать «гражданскую войну **среди крестьян**», был бы отвратительным по своему лицемерию лакеем монархии. Такие же лакеи капиталистов господа Каутские и Мартовы.

Международная буржуазия, всемирно могущественная, душит победивших рабочих одной страны за свержение капитала, ведя за собой часть обманутых, неосведомленных, забитых рабочих, а мерзавцы Каутские и Мартовы проливают слезы по поводу «гражданской войны среди пролетариев». Этим суб'ектам приходится прибегать к этому омерзительному лицемерию, ибо нельзя же признаться открыто в том, что они в гражданской войне пролетариата с буржуазией оказались на стороне буржуазии!

Во 2-х, Мартов, как и Каутский, как и весь Бернский Интернационал, превосходно знают, что они пользовались среди рабочих сочувствием как социалисты, ибо проповедывали необходимость революции пролетариата. В 1902 г. Каутский писал о возможной связи революции с войной и о том, что грядущая революция пролетариата будет, вероятно, больше совпадать с гражданской войной, чем предыдущие. В 1912 г. в Базельском манифесте весь II Интернационал торжественно заявляет, что грядущая война связана с грядущей пролетарской революцией. А когда эта война разразилась, «революционеры» II Интернационала оказались лакеями буржуазии!

Большевики в ноябре 1914 года заявили, что империалистская война несет с собой превращение в гражданскую войну. Это оказалось правдой. Это теперь факт в мировом масштабе. Говоря о «мировом большевизме», Мартов вынужден признать этот факт. Но вместо того, чтобы честно признаться в своем полном идейном крахе, в провале взглядов всех тех, кто с пренебрежительной гримасой мещанина отвергал мысль о превращении войны империалистской в войну гражданскую, вместо этого Мартов лицемерит и «кивает» на «пролетарские массы», что они-де «утратили веру в старые морально-политические ценности»!!

Ренегаты сваливают свое ренегатство на массы. Массы сочувствуют большевикам, вступая повсюду на путь революции. В этом, оказывается, вина масс, по «теории» людей, которые всю жизнь распинались в верности революции, чтобы оказаться в лагере буржуазии против пролетариата, когда революция пришла.

В 3-х, две разные теории перед войной насчет внутренней борьбы в социализме были следующие. Каутский и Мартов, а равно большинство оппортунистов, видели в реформистах и революционерах два законных оттенка, необходимых крыла одного движения одного класса. Разрыв этих оттенков осуждался. Их сближение и слияние в каждый серьезный момент пролетарской классовой борьбы признавалось неизбежным. В близорукости обвиняли сторонников раскола.

Другой взгляд, большевистский, в реформистах видел проводников буржуазного влияния на пролетариат, союз с ними допускал как временное зло в обстановке заведомо не революционной, разрыв и раскол с ними считал неизбежным при всяком серьезном обострении борьбы, а тем более при начале революции.

Кто оказался прав?

Большевики.

Во всем мире война принесла раскол рабочего движения, переход социал-патриотов к буржуазии. После России всего нагляднее показала это передовая капиталистическая страна, Германия. И теперь защищать «идейные скрепы» реформистов и революционеров, это значит поддерживать тех палачей из рабочих, вроде Носке и Шейдемана, которые помогали буржуазии убивать Р. Люксембург и Карла Либкнехта, убивать тысячи рабочих за революционную борьбу их против буржуазии.

Набросок конца статьи.

Конец статьи «В лакейской» надо бы, приблизительно, изложить так:

a) Претензия Мартова встать «выше» обоих крайностей: буржуазии и пролетариата, обоих диктатур.

b) Суть этой претензии = мелкобуржуазность.

1848 жалки и смешны (1793 велики)
1918 отвратительны, омерзительны [1]).

c)) Резолюции IX Совета партии социалистов-революционеров 18—21. VI. 1919 [2])
idem

выше обоих крайностей, против обоих диктатур etc. а на деле?

d) Отношение к гражданской войне? Как и у Мартова: тупик, безысходность, мириться на всеобщем избирательном праве. (=лакеи буржуазии)

e) «обмен», «индустрия»
(за капитализм)

f) «развитие в направлении социализма—через демократию» (=реформизм).

ff) **Крестьяне и рабочие.**

g) Реформизм против начавшейся революции=лакеи буржуазии.

h) За бернский Интернационал. (Опять реформистские лозунги)

i) «свобода» против диктатуры

k) мелкие буржуа, реакционеры, колеблющиеся

l) делающие (Либеры, Алексинские, Авксентьевы etc.) и болтающие (Мартов, Чернов etc.)

m) ΣΣ = **реакционные мелкие буржуа.**

План статьи „В лакейской".

«В лакейской». 1) Литература с юга.—2) Лакеи при крайнем обострении борьбы.—3) Лакейский фрак.—4) Лакейское лицемерие. — 5) Лакейская трусость.—6) «Гражданская война». — 7). Формы ее.—8) Гражданская война и жестокость etc.—9) «Гражданская война среди пролетариата». — 10) 1793 versus 1919 [3]).— 11) Поражение первой революции. — 12) Мировой большевизм и советы.—13) II и III Интернационал.—14) (α) Реформы и революция, (β) реформисты и революционеры.—15) Питерский заговор VI. 1919 (ad § 7). — 16) Labor lieutenants of the capitalist class [4]) (ad 2—5) = Бернский Интернационал. — 17) «Анархо-бланкизм» = § 14 β. — 18) «Одна реакционная масса». — 19) Рабочие и крестьяне. — 20) «Потребительская» точка зрения. — 21) «Солдатчина» (ad § 7). — 22) Лакейское понятие «свободы печати»+ + «парламентаризм». — 23) Мх 1848 и **1914—9.** — 24) Грузинские социал-демократы и союз с Антантой. — 25) Оттенки от Мартова до Потресова.

Введение.

I.

I. Лакеи **2 — 5**

II. Гражданская война **6 — 9** — **«Выше крайностей» Мартов**

III. **20 — 21 — 22**
их доводы
+ 19

IV. Отношение к Антанте.
(Базель)
+ **24.**

V. Уроки. 23
16 25
17
13 + 14 + 17 + 18

VI. Питерский заговор **15**

VII.

22
10.11.12

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Ср.: „О продовольственном налоге". «В 1789 году мелкие буржуа могли еще быть великими революционерами; в 1848 году они были смешны и жалки; в 1917—1921 годах они—отвратительные пособники реакции, прямые лакеи ее, по их действительной роли, все равно, зовут ли их Черновыми и Мартовыми или Каутскими, Макдональдами и так далее и тому подобное». (Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 230).

2) О IX совете партии социалистов-революционеров см. примеч. 230 к XVI тому собр. соч. В. И. Ленина (стр. 532). Дальнейшие пункты представляют собой замечания к резолюциям, принятым IX советом партии с.-р.

3) Versus — по отношению к . Владимир Ильич имеет в виду здесь в корне изменившуюся роль мелкой буржуазии (см. выше, прим. 1).

4) Labor lieutenants of the capitalist class—„рабочие-офицеры на службе у класса капиталистов", агенты буржуазии в рабочем движении.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

П. ЗАЛУЦКИЙ. Звеновые организаторы и их задачи. 23 стр. Ленинград. Изд. «Прибой». 1925 г. Тираж 6.000.

Тов. Залуцкий в своей брошюре: «Звеновые организаторы и их задачи», сделал попытку обосновать и, так сказать, политически доказать, во-первых, необходимость для партии института звеновых организаторов и, во-вторых, установить основные задачи этого института.

Рост партии поставил целый ряд новых организационно-воспитательных задач, и среди них не последнее место занимает воспитание в духе ленинизма низового партийного актива. С этой точки зрения, всякую попытку, в той или иной мере способствующую разрешению этой большой, сугубо важной задачи, несомненно, должно приветствовать.

Однако, столь же очевидно, что партия со всей категоричностью должна осуждать малейшие поползновения, вольные и невольные, с чьей бы со стороны они ни шли, под какими бы флагами они ни делались, к извращению ленинизма. Наша партия должна решительно отметать всяческие попытки неправильного освещения ее насущнейших политических задач.

К сожалению, брошюра т. Залуцкого страдает в этом отношении существенными недостатками.

Тов. Залуцкий, вполне справедливо пытается «вывести» конкретные задачи звеновых организаторов из общеполитических задач, стоящих теперь перед партией. Но беда т. Залуцкого состоит в том, что он общие задачи партии истолковывает неправильно и местами их извращает. Совершенно ясно поэтому, что ничего путного предложить звеновым организаторам он не может.

Первое, что сразу же бросается в глаза—это в корне неверное об'яснение т. Залуцким социального существа нашей госпромышленности.

«Одним из более ощутительных выражений этой формы рабочего движения за производство социализма (?) являются производственные рабочие совещания»... Этим мы преследуем не только задачу хозяйственную, производственную и экономическую, но и большой важности задачу социально-политическую, а именно: мы здесь преследуем задачу постепенного превращения вольно-наемного рабочего в коллективного (по-своему производственно-кооперированного) не собственника, а хозяина (?) предприятия и промышленности (очевидно, здесь пропущен предлог—«в»), т.-е. делаем только первые шаги к подходу превращения современного переходного предприятия «социалистического типа», но работающего еще на началах «государственного капитализма» в подлинно социалистическое предприятие.

«Без этого нет и не может быть социализма. Мы имеем сейчас в основном то, что В. И. Ленин назвал государственным капитализмом» (подчеркнуто всюду нами. *В. М.*).

Обратимся к трактовке социального существа советской государственной промышленности, которую преподносит звеновым организаторам т. Залуцкий.

Путаница, имеющая место в брошюре т. Залуцкого, находит отправную точку в неправильном, в корне противоречащем взглядам т. Ленина

определении нашей госпромышленности, как промышленности государственно-капиталистической.

Правда, т. Залуцкий вынужден вспомнить о ленинском определении госпредприятий, как предприятий «социалистического типа», но он спешит «тут же подправить Ленина», определяя нашу государственную промышленность «государственным капитализмом» (стр. 7).

В доказательство своего злополучного «тезиса» т. Залуцкий приводит только один аргумент. Наша «государственная промышленность» работает еще на капиталистических началах»! (Там же).

Но вся беда этого аргумента в том, что и он ничего не доказывает, потому что по своему существу он не верен.

Неправда, что наша госпромышленность «работает на капиталистических началах». Чудовищным извращением фактов является утверждение, будто начала, на которых покоится работа наших госпредприятий, есть начала капиталистические.

Что должно означать и что фактически означает цитированное нами выше положение т. Залуцкого?

Это положение означает, что основой нашей госпромышленности, является эксплоатация рабочего класса.

Но тов. Залуцкий не сможет этого доказать, ибо не будет же он в доказательство приводить рассуждения меньшевиков из «Социалистического Вестника».

Если бы мы вслед за тов. Залуцким признали нашу промышленность госкапиталистической, а не социалистической, мы вынуждены были бы признать диктатуру пролетариата—выражающей интересы капиталистов, а рабочий класс—наемными рабочими, эксплоатируемыми этим государством.

Но, к счастью, нас избавляет от таких признаний два обстоятельства.

Во-первых, мы твердо помним, что пролетариат осуществляет в советских республиках свою классовую диктатуру, что эта диктатура покоится в первую голову на том, что пролетариат удерживает и укрепляет в своих руках основную экономическую командную высоту,—крупную промышленность, что он, следовательно, является ее коллективным собственником и хозяином и организатором.

Во-вторых, не кто иной, как тов. Ленин, определил нашу госпромышленность как промышленность не госкапиталистическую, а социалистическую.

Эти два соображения удерживают нас на позициях ленинизма.

Нам, правда, могут сказать, что пролетариат еще плохо хозяйствует, что его руководство аппаратом промышленности гибко, что вследствие этого наша промышленность не работает так, как нужно, что во имя укрепления смычки между рабочим классом и крестьянством необходимо это руководство уточнять, хозяйствование пролетариата постоянно улучшать.

Если бы только это утверждал т. Залуцкий, все было бы верно.

Но тов. Залуцкий говорит другие речи. Он безнадежно запутался в центральном вопросе о классовой сущности госпромышленности.

В непосредственной связи с ложным анализом социального существа нашей госпромышленности стоит и его предложение о материальной заинтересованности рабочих в производстве: «Этот вопрос также выдвигает задачу еще больше заинтересовать рабочие массы предприятия в производственных успехах последнего не только морально, но и материально» (стр. 8).

Необходимо на эти темы говорить конкретнее. Не имеется ли здесь в виду та ф о р м а материальной заинтересованности, которую справедливо осудила Московская Конференция нашей партии в своей резолюции по докладу ЦК?

Напутав в вопросе об отношении рабочего класса к промышленности, тов. Залуцкий продолжает путаницу и в рассуждениях об отношении рабочего класса к его государству.

Послушаем, что говорит об этом тов. Залуцкий.

«Нашей задачей является непрерывная работа над поднятием классового сознания рабочего класса, что он все более и более вырастал, как класс политически управляющий страной и о р г а н и з о в а н н ы й в с а м о м с е б е в р у к о в о д я щ у ю с и л у, чтобы он все сильней вел на своем пролетарски-революционном поводу государственный аппарат» (стр. 12). (Подчеркнуто нами. *В. М.*).

«Рабочий класс должен быть организован» в самом себе «и в этой организованности должен постоянно противопоставляться даже хорошему госаппарату, как силе стоящей вне его»! Вот это называется «договориться».

Можно ли, и должно ли критиковать наш госаппарат?

Каждый ленинец скажет, что эта критика есть прямая обязанность пролетарской партии; но можно ли п р о т и в о п о с т а в л я т ь государственный аппарат рабочему классу? Опять-таки каждый ленинец скажет, что такое п р о т и в о п о с т а в л е н и е—н е л е п о с т ь. А между тем, тов. Залуцкий п р о т и в о п о с т а в л я е т госмашину рабочему классу. Иначе, к сожалению, нельзя понять мудрых рассуждений т. Залуцкого об организованности пролетариата «в самом себе».

Для укрепления своей теоретической позиции тов. Залуцкий сравнивает наш госаппарат с германской социал-демократией, сделавшейся оплотом буржуазии.

В подкрепление своей по существу анархо-синдикалистской теории т. Залуцкий «махнул» так далеко, что вывел его отражением даже крупно-капиталистических тенденций!

«Государственный аппарат,—пишет т. Залуцкий,—это—фокус, в котором преломляются всевозможные классовые тенденции различных современных общественных групп нашей страны». «Государственный аппарат—э т о т а п р и з м а, ч е р е з к о т о р у ю п р е л о м л я ю т с я п р о л е т а р с к и е, м е л к о-б у р ж у а з н ы е и д а ж е б у р ж у а з н о-к а п и т а л и с т и ч е с к и е с т р е м л е н и я» (стр. 10).

Но ставя вопрос только так, видя в государственном аппарате т о л ь к о п р и з м у, в которой преломляются различные классовые тенденции, тов. Залуцкий совсем не ставит правильно вопроса о социальном существе этого госаппарата. В виду этого неизбежно складывается впечатление, что он считает наш госаппарат орудием всех классов нашего общества. А раз это так, то пролетариат действительно должен организоваться изнутри себя «в самом себе» (какими способами, тов. Залуцкий?) в силу, способную противостоять чужеродному ему государственному аппарату.

Не нужно доказывать, что в ошибках т. Залуцкого есть своя логика. Но эта логика, не логика марксиста.

Право, лучше было бы, если бы тов. Залуцкий не задавался бы целью теоретически ориентировать нашу партию, ибо это, по сути дела, есть покушение на ее дезориентирование.

В. Матусевич.

В. НЕВСКИЙ. История РКП(б). К р а т к и й о ч е р к. Стр. 462.

Лежащая перед нами книга—«Краткий учебник», представляющий «элементарное изложение нашей истории и предназначенный для учащихся» и обращена к «молодой аудитории, для которой часто даже события вчерашнего дня являются далеким историческим прошлым».

Книга открывается «Введением», цель которого дать самое общее представление об условиях экономического и социально-политического развития России до 80-х годов XIX века. На странице 8-й мы наталкиваемся на такое об'яснение эволюции помещичьего хозяйства: «Уже в конце XVIII века, когда русский помещик стал отправлять свой хлеб за границу, ему выгодно было усовершенствовать свое хозяйство, делать большие запашки и, таким образом, все больше и больше стеснять крестьян. Крестьянин, стесненный в земле, искал выхода в отхожем промысле, а помещик... охотно отпускал крестьянина на оброк, предпочитая иметь деньги, чем раба крепостного... Правда, в первой четверти XIX века, когда мировой кризис затронул и Россию, понизившиеся цены на хлеб приостановили отпуск крестьян на оброк: при низких ценах на хлеб... помещик предпочитал опять пользоваться дешевой рабочей силой барщинного крестьянина...».

Не вдаваясь в излишние подробности, отметим, что для тов. Невского оставалась совершенно скрытой разница,—кстати сказать, определившая внутренне-противоречивый характер реформы,—между двумя типами помещичьего хозяйства: барщинным и оброчным. Но даже эволюция барщинного хозяйства об'яснена тов. Невским неправильно и это приводит его, в дальнейшем, к ряду неверных выводов о причинах восстания декабристов и о характере борьбы внутри дворянства вокруг крепостного права.

К чему, в действительности, привел рост хлебных цен в конце XVIII века? Стоит только подумать над этим вопросом, чтобы понять всю «странность» утверждения тов. Невского, об усилении крестьянского отхода на промыслы. Тов. Невский усиленно рекомендует своим читателям исторические работы т. Покровского. Посмотрим же, что говорит последний: «К концу XVIII века «избыточное население», от которого за сорок лет раньше помещик не знал как избавиться, становится необходимо нужно в самом имении,—и помещик начинает находить, что у него не только нет «лишних» людей, а даже едва хватает тех, которые есть». (Русская история, том III, стр. 110).

Не усиленный отход на промыслы, а интенсификация барщины, а кое-где, как наиболее законченное выражение этой тенденции, даже плантационное хозяйство — таковы следствия роста хлебных цен в конце XVIII века.

Еще более непонятно второе утверждение автора о том, что в первой четверти XIX века цены на хлеб пали, и помещик «предпочитал опять пользоваться дешевой рабочей силой барщинного крестьянина». Но тогда чем же об'яснить целую полосу тайных дворянских обществ, закончившуюся восстанием декабристов? Тов. Невский вынужден об'яснить это сознанием, что «развивающаяся промышленность и торговля требовали применения вольно-наемного труда». Но куда в таком случае исчезло это «сознание», во второй четверти XIX века, когда наша промышленность особенно бурно и лихорадочно развивалась? Тов. Невский отвечает и на этот вопрос: если крепостное право так долго удержалось, то это потому, «что крупные помещики, обладая огромными количествами земли, до известной поры могли еще жить и крепостным трудом»... Мы согласны, что это об'яснение популярно и легко

может быть усвоено, но, к сожалению, оно не соответствует действительности.

Суть же в том, что и восстание декабристов и последовавший за ним 35-летний антракт до реформы вызывались глубокими экономическими причинами, коренившимися не только в условиях общекапиталистического развития России, но и, главным образом, в условиях самого помещичьего хозяйства. Первые десятилетия XIX века ознаменовались бурным ростом хлебных цен, а не их падением. Политическим эквивалентом той революции, какую этот рост производил в помещичьем хозяйстве, и явилось восстание декабристов. И точно также аграрный кризис с 20-х по 40-е годы сделал снова всех помещиков крепостниками. А новый под'ем хлебных цен с середины 40-х годов, выводивший помещичье хозяйство из тупика, заставил недавних крепостников вспомнить о декабристах.

Первые бои, которые пришлось вести марксизму на русской почве, были боями с эпигонами народничества. Ожесточенная схватка теоретических взглядов и идей отражала собою глубинные процессы межевания и дифференциации классов. Но наряду с решительным разоблачением реакционности квази-социалистических утопий народничества, революционный марксизм, в лице Ленина, четко вскрывал и другую сторону двуликого Януса—мелкой буржуазии: ее прогрессивный характер, поскольку она борется за общедемократические требования. Ставя вопрос о том, «как следует отнестись рабочему классу к мелкой буржуазии и ее программам», Ленин отвечал: «Эти две стороны мелко-буржуазной программы следует строго различать и, отрицая какой бы то ни было социалистический характер этих теорий, борясь против их реакционной стороны, не следует забывать об их демократической части» (Том I, стр. 199—200).

Уже в этих словах, конечно, в зародышевой форме, дан ключ к ленинскому, глубоко диалектическому пониманию народничества. «Ошибка некоторых марксистов (речь идет о меньшевиках) состоит в том, что, критикуя теорию народников, просматривают ее исторически-реальное и исторически-правомерное содержание в борьбе с крепостничеством. Критикуют, и справедливо критикуют «трудовое начало» и «уравнительность», как отсталый, реакционный, мелко-буржуазный социализм, и забывают, что эти теории выражают *передовой революционный мелко-буржуазный демократизм*, что эти теории служат знаменем решительной борьбы против старой, крепостнической России» (том IX, стр. 458. Курсив наш).

Это та же мысль, что и в 1894 году, только более отчеканенная на основе опыта первой революции.

К сожалению, именно эту, сугубо важную сторону вопроса совершенно не освещает тов. Невский, излагая борьбу марксизма с народничеством. Такая работа, как «Друзья народа» Ленина, в этой связи, им только упоминается (стр. 82).

Вообще мелко-буржуазной демократии в книге т. Невского решительно не повезло. Никакой сколько-нибудь четкой социально-политической характеристики партии эсеров в ней не найти. Отсутствует и анализ трудовических фракций в Гос. Думах.

Слишком поверхностно и недостаточно освещен автором и вопрос о «полицейском социализме». В частности, совершенно не отмечена связь между идеями экономизма и «идеологией» зубатовских организаций.

Перейдем к рассмотрению того, как освещает тов. Невский революцию 1905 года. «В промышленном кризисе начала столетия и в

кризисе 1904 года, особенно ухудшившем положение народных масс, в этом снижении заработной платы до уровня девяностых годов, а иногда еще ниже, в этом обнищании народа и нужно видеть ближайшие причины взрыва 1905 года» (стр. 239). И далее еще более общие и отдаленные причины революции: «несоответствие базиса с надстройкой: развивающиеся производительные силы упирались в узкие рамки феодально-крепостнического самодержавия».

Приходится констатировать, что анализ *ближайших причин* революции далеко не полон, не полон потому, что среди «ближайших причин революции» имелась и такая, не последняя по важности, как крестьянская аграрная революция «...Гвоздь русской революции—аграрный (земельный) вопрос». (Ленин. Том VIII, стр. 53).

Рассказав о событиях 1902—1903 г.г., тов. Невский заключает: «Экономические стачки, студенческие демонстрации, политические демонстрации рабочих, террористические акты и, наконец, всеобщие политические забастовки на юге России—все это говорило о том, что Россия живет накануне революции» (стр. 236). Все это абсолютно верно. Но ведь в эти же года происходили и крестьянские восстания, не на шутку пугавшие правительство. Почти ничего не узнаем мы у тов. Невского о мощном крестьянском движении 1905—1906 г.

Невнимание к крестьянскому движению приводит тов. Невского в дальнейшем к следующему ошибочному положению. Рассказывая, совершенно верно, о разногласиях между меньшевиками и большевиками по вопросу о движущих силах революции, тов. Невский неожиданно заявляет: «В то время, как большевики видели две главные революционные силы революции—пролетариат и беднейшие слои крестьянства, меньшевики полагали, что пролетариат и крестьянство без буржуазии революции не совершат» (стр. 268). Это положение способно сбить с толку читателей, так как путает два принципиально различных вопроса о тактике пролетариата в эпоху буржуазно-демократической и в эпоху социалистической революции. «*Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии*»—такова классическая, тактическая формула большевизма в революции 1905—07 г.г.» (Н. Ленин, собр. соч., т. VI, стр. 371). В непоминании этого, кстати сказать, Ленин видел коренную ошибку меньшевизма.

Совершенно невыясненным остается у тов. Невского и столь интересный вопрос, как вопрос о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Это тем более непонятно, что, освещая революцию 1917 года и указывая на разногласия по этому вопросу между Лениным и Каменевым, тов. Невский считает возможным ограничиться следующим заявлением: «Ленин подробно остановился на этих разногласиях в своих «Письмах о тактике», к которым мы и отсылаем (?) читателей» (стр. 419).

Не останавливаясь на ряде других вопросов, возникающих в связи с книгой тов. Невского, отметим лишь наиболее бросающиеся фактические неточности.

На стр. 16 тов. Невский следующим образом излагает взгляды Бакунина: «Крестьянин носил в себе три основные свойства коммунизма:

веру, что земля ничья, принадлежит всем; ненависть к царю и ко всякой власти и атеизм (крестьянин не верит, а только формально исполняет обрядовую сторону религии)». Как известно, Бакунин различал три положительные и три отрицательные особенности русского идеализма. Положительные: земля принадлежит народу; право на пользование ею принадлежит не лицу, а общине; общинное самоуправление и, вследствие того, решительно враждебное отношение к государству. Отрицательные черты, с которыми следует бороться: патриархальность; поглощение лица миром; вера в царя. «Можно было бы прибавить, в виде четвертой черты... христианскую веру, но... у нас в России этот вопрос далеко не представляет той важности, какую он представляет в Западной Европе». (Цит. по Плеханову, том II, стр. 135). Как видит читатель, это не совсем совпадает с тем, что говорит тов. Невский.

На стр. 332 читаем: «Вторая общероссийская конференция собралась по вопросу об участии в избирательной думской кампании... Большевики разделились, и часть из них была против участия в выборах, стояла за бойкот (Богданов, Каменев). Ленин и большинство большевиков высказывались против бойкота. Чтобы не разрывать большевистского фронта на общероссийской конференции, большевики явились с единой тактической линией». Чтобы не тратить время на излишние комментарии, предоставим слово участнику конференции, тогдашнему руководителю бойкотистского течения в нашей партии, тов. Каменеву: «На июльской (1907 г.) конференции... Ленин один голосовал за участие (в выборах), в то время как все остальные делегаты-большевики голосовали против участия». («Между двумя революциями», стр. 229).

Читатель помнит, что тов. Невский рассматривает свою книгу как «учебник». С этой точки зрения ее несомненным недостатком является преобладание описательной стороны над аналитической.

Отдельные места в книге подчас выходят из рамок «учебника», делая ее интересной и для более «квалифицированного» читателя. К таким местам следует отнести, в первую голову, проработанные на основе недавно опубликованных материалов, вопросы об отношении «Искры» к Струве, о выработке программы партии и ценные описания работы и жизни провинциальных организаций партии в различные периоды ее истории.

Методически верным и целесообразным следует признать подход автора к построению книги: история партии увязана с историей рабочего движения, последняя излагается в связи с основными фактами экономического развития.

В общем, несмотря на указанные недостатки, можно только приветствовать появление в свет книги тов. Невского. На фоне почти полного отсутствия подобной литературы, она является значительным и ценным достижением. Если к этому прибавить, что книга, несомненно, станет одним из основных пособий в нашей партийной учебе, станет понятным, какое большое и нужное дело сделано ее автором. Изложение истории партии, в настоящей книге, являющейся первой частью, доведено до кануна Октября.

Эм. Газ.

Редакция: **В. Астров. Н. Бухарин. Л. Каменев. А. Слепков. Е. Ярославский.**

Указатель статей, напечатанных в „Большевике" за 1924—1925 г.г.

I. Статьи и заметки т. В. И. Ленина.

II. О Ленине и ленинизме.

Троцкизм.

III. Вопросы внутрипартийной политики.

IV. Экономическая политика диктатуры пролетариата и советское строительство.

Партийная политика в деревне.

Рабоче-крестьянский блок.

Вопросы промышленности, торговли и финансов.

Расслоение деревни.

Советское строительство и др.

Экономика переходного периода.

V. Вопросы литературной политики.

Астров, В.—О «скептицизме», «критике» и собачьей старости. (О ежемесячнике «Октябрь Мысли», № 3—4). (1924 г., № 5—6, стр. 63).
Ревизия ленинской теории культурной революции. (По поводу статьи тов. Яковлева в № 11—12 «Большевика»). От редакции «На посту». (1925 г., № 15, стр. 66).
Слепков, А.—Об одном политическом вывихе. (Ответ «злому гению» рабселькоровского движения т. Вардину). (1925 г., № 13—14, стр. 65).
Его же.—Заметки читателя о литературных теоретиках. (1925 г., № 16, № 16, стр. 58).
Яковлев, Я.—О диалектике культурного развития и Вардинском переложении А. Богданова. (1925 г., № 11—12, стр. 9).

VI. Международное положение.

(Международная политика и экономика).

Американец.—Нефтяной скандал в Америке. (1924 г., № 2, стр. 54).
Беннет.—После Скарборо и Ливерпуля. (1925 г., № 19—20, стр. 72).
Брандт, Э.—Экономический кризис в Польше. (1924 г., № 2, стр. 61).
Бухарин, Н.—Противоречия современного капитализма. (1924 г. № 10, стр. 7).
Бухарцев, Дм. — Сотрудничество и противоречия англо-американского капитализма в плане Дауэса. (1925 г., № 1 (17), стр. 78).
Его же.—О «пафосе» восстановления мирового хозяйства. (1925 г., № 8, стр. 95).
Его же.—О «новой фазе» и стабилизуемых «революционерах». (1925 г., № 13—14, стр. 102).
Валецкий, Г.—Война, мир и II Интернационал. (1925 г., № 15, стр. 11).
Войтинский, Г.—Сун-Ят-Сен и освободительное движение в Китае. (1925 г., № 5—6, стр. 44).
Его же.—Углубление классовых противоречий в Японии и борьба с абсолютизмом. (1925 г., № 7, стр. 54).
Его же.—Интервенция в Китае. (1924 г., № 12—13, стр. 49).
Гарантийный пакт и СССР. Передовая. (1925 г., № 19—20, стр. 3).
Десятилетие мировой войны. (1924 г., № 9, стр. 3).
Иоффе, А.—Советско-Британские договоры. (1924 г., № 14, стр. 68).
Лапинский, П.—О двух Аяксах и о «революцйонном консерватизме». (1925 г., № 11—12, стр. 82).
Левин, Макс.—Новый курс германской компартии. (1924 г., № 1, стр. 104).
Марков, И. Д.—Положение в Польше. (1925 г., № 23—24, стр. 68).
Мировая политика. (1924 г., № 7—8, стр. 82, № 9, стр. 90).
М. Т.—Брешь в англо-американском блоке. (1925 г., № 3—4, стр. 98).
Новый поход против СССР. Передовая. (1925 г., № 15, стр. 3).
Петров, Н.—Возврат к аграрному протекционизму. (1924 г., № 12—13, стр. 61).
Проект экспертов. (1924 г., № 7—8, стр. 101).
Реммеле.—Итоги с'езда германской коммунистической партии. (1924 г., № 5—6, стр. 124).
Рой, М. Н.—Индия и английское рабочее правительство. (1924 г., № 2, стр. 47).

Рубинштейн, М.—Колонизация Европы, американским капитализмом. (1924 г., № 12—13, стр. 28).
Семич, М.—К национальному вопросу в Юго-Славии. (1925 г., № 13—14, стр. 97).
Спектатор.—Стабилизация капитализма или шатание мысли. (Критика антикритики т. Лапинского). (1925 г., № 13—14, стр. 97).
Сталин, И.—К международному положению. (1924 г., № 11, стр. 8).
Его же.—К национальному вопросу в Юго-Славии. (1925 г., № 7, стр. 20).
Его же.—Еще раз к национальному вопросу. (1925 г., № 11—12, стр. 23).
Стецкий, А.—«Оздоровление» Германии. (1924 г., № 2, стр. 56).
Его же.—Экономические пружины американского «наступления». (1924 г., № 15—16, стр. 84).
Тальгеймер, А.—Заметки о Форде. (1924 г., № 11, стр. 34).
Танин, М.—Советский союз и буржуазные государства. (1924 г., № 1, стр. 81).
Его же.—Международная политика. (1924 г., № 2, стр. 6).
Его же.—«Пан-Европа». (1925 г., № 11—12, стр. 72).
Его же.—«Дауэсизация» Франции? (1925 г., № 21—22, стр. 39).
Тимов, С.—Финансовый кризис и национально-освободительная и классовая борьба в Румынии. (1924 г., № 12—13, стр. 55).
Его же. — МССР, бессарабская проблема и румынская буржуазия. (1924 г., № 14, стр. 78).
Его же.—Противоречия империализма и национальный вопрос на Балканах. (1925 г., № 5—6, стр. 53).
Его же.—Под знаком войны. (1925 г., № 9—10, стр. 65).
Т. К.—Советский союз и буржуазные государства. (1924 г., № 2, стр. 77).
Трен, Альбер.—Выборы во французский парламент и революционные перспективы. (1924 г., № 5—6, стр. 112).
Федоров, Р.—Провал Макдональда. (1924 г., № 14, стр. 58).
Его же.—К событиям в Египте. (1924 г., № 15—16, стр. 97).
Фрейлих, П.—Политические партии в Германии и выборы в рейхстаг. (1924 г., № 5—6, стр. 102).
Штейн, Б.—Гарантийный договор. (История и политика переговоров). (1925 г., № 13—14, стр. 85).
Его же.—Наступление англо-американского капитала. (1924 г., № 12—13, стр. 38).

VII. Международное рев. движение.

(Коминтерн, Профинтерн, Профсоюзы, борьба в колониях).

Войтинский.—Партия Гоминдан и китайская революция. (1924 г., № 1, стр. 119).
Зеликман.—Рабочее движение в капиталистических странах. (1924 г., № 1, стр. 128).
Зиновьев, Г.—К итогам конгресса Коминтерна. Передовая. (1924 г., № 7—8, стр. 3).
Китайгородский, П. — Французские колонии в огне восстаний. (1925 г., № 16, стр. 51).
К сессии расширенного Исполкома Коминтерна. (1925 г., № 5—6, стр. 3).
Лозовский, А. — Международное рабочее движение и III конгресс Профинтерна. (1924 г., № 5—6, стр. 26).

VIII. Критика оппортунизма.

IX. О белой эмиграции.

X. Красная армия.

XI. Философия.

XII. История.

XIII. Письма в редакцию.

Критика и библиография.

СОДЕРЖАНИЕ: